ДБ 30
Б-14.
-2- БТФ

ЗА 250 ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

2522
ДС
30 Укр
Б14

ИСТОРІЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА

за 250 лѣтъ его существованія

(съ 1655-го по 1905-й годъ).

Историческая монографія

Проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.

Съ приложеніемъ Альбома, плановъ и рисунковъ.

Проверено
1953 г.

Изданіе Харьковскаго Городского Общественнаго Управленія.

Томъ второй.

(XIX-й и начало XX-го вѣка).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., соб. д., № 6.
1912.

2522
Д6
30
Б14
III. С.9.1

ИСТОРІЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА

за 250 лѣтъ его существованія

(съ 1655-го по 1905-й годъ).

Историческая монографія

Проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.

Съ приложеніемъ Альбома плановъ и рисунковъ.

Проверено
1935 г.
10289

Изданіе Харьковскаго Городского Общественнаго Управленія.

Томъ второй.

(XIX-й и начало XX-го вѣка).

ПРОВЕРЕНО 1939 г.
1501/3

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., соб. д., № 6.
1912.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
703826

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава 1-я. **Топографія и постепенный ростъ территоріи г. Харькова.** Харьковъ въ началѣ XIX в. Внутреннее его расположеніе. Харьковъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ. Харьковъ въ половинѣ XIX в. Ростъ территоріи города и измѣненія во внутреннемъ расположеніи его во вторую половину XIX вѣка . . . . . 1—30

Глава 2-я. **Градостроительство.** Казенныя и частныя постройки въ началѣ XIX в. Градостроительство 20-хъ и 30-хъ годовъ. Положеніе объ устройствѣ губернскаго города Харькова. Казенное и частное строительство сороковыхъ годовъ. Мѣропріятія Кокошкина. Характеристика жилищъ харьковцевъ первой половины XIX в. Усиленіе строительной дѣятельности въ 60-е годы. Строительство 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ. Харьковское домовладѣніе въ 90-хъ годахъ 31—78

Глава 3-я. **Географическія, климатическія и гигіенически-санитарныя условія жизни Харькова.** Географическое положеніе Харькова. Его климатъ. Времена года. Весеннія наводненія. Лѣто, осень. Господствующіе вѣтры. Бури. Землетрясенія. Почва. Растительность. Болѣзненность и смертность харьковцевъ въ началѣ XIX в. и ихъ причины. Санитарное состояніе города въ 20-хъ и 30-хъ годахъ. Холерныя эпидеміи 30-хъ годовъ. Господствовавшія болѣзни въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Санитарное состояніе Харькова въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, болѣзненность и смертность населенія. Значеніе водопровода. Болѣзненность и смертность въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Задачи ближайшаго будущаго . . . . . 79—113

Глава 4-я. **Составъ и движеніе населенія.** Статистика населенія въ XIX в. Естественный приростъ и иммиграція. Рождаемость и смертность. Внѣбрачная рождаемость. Мужчины и женщины. Дѣти. Густота населенія. Распредѣленіе населенія по городу. Этнографическій составъ населенія: малороссы, великороссы, поляки, евреи, караимы, нѣмцы, французы, представители восточныхъ народовъ. Распредѣленіе населенія по занятіямъ. Сословное дѣленіе населенія: крестьяне, мѣщане, цеховые, купечество и его выдающіеся представители, почетные граждане, дворяне, военные, духовенство. Ближайшія перспективы . . . . . 114—180

Глава 5-я. **Харьковъ, какъ административный центръ.** Административное значеніе Харькова. Губернаторы и генералъ-губернаторы: Артаковъ, Бахтинъ, Муратовъ, Грибовскій, Каховскій, Трубецкой, Левашовъ, Строгановъ, Шереметевъ, Устимовичъ, кн. Долгоруковъ, Мухановъ, Кокошкинъ, Траскинъ, Остенъ-Сакенъ, Лужинъ, Ахматовъ, гр. Сиверсъ, Дурново, Крапоткинъ, Лорисъ-Меликовъ, Валь, Дондуковъ-Корсаковъ, Грессеръ, Святополкъ-Мирскій, Калачовъ, Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, Петровъ, Тобизенъ, кн. Оболенскій, Гербель, Старынкевичъ. Губернаторская канцелярія. Губернское правленіе. Другія учрежденія. Вице-губернаторы. Губернскій прокуроръ и жандармерія. Казенная палата. Палата государственныхъ имуществъ. Акцизное управленіе. Контрольная палата. Дореформенный и пореформенный судъ. Учебный округъ. Военное управленіе. Желѣзнодорожное управленіе. Управленіе почтъ и телеграфовъ. Фабричная инспекція. Отдѣленіе Государственнаго Банка . . . . . 181—250

Глава 6-я. **Городское самоуправленіе.** Судьба жалованной грамоты 1785 г. Городское общество. Выборы. Отношеніе къ должностямъ по выбору. Поправки къ грамотѣ 1785 г. Коммиссіи и комитеты. Магистратъ и дума. Зависимость думы отъ администраціи. Голова и гласные. Думское дѣлопроизводство. Думская канцелярія. Личный составъ и дѣятельность думы въ дореформенный періодъ. Городовое Положеніе 1870 г. Личный составъ и дѣятельность думы съ 1871 по 1892 г.г. Городовое Положеніе 1892 г. Личный составъ и дѣятельность думы при этомъ Положеніи. Городская управа и дума. Думскія коммиссіи. Учрежденія, связанныя съ думой. Канцелярія управы. Агенты городскаго самоуправленія. Ближайшія перспективы . . . 251—336

Стран.

Глава 7-я. **Городское хозяйство.** Доходы города въ первыя десятилѣтія XIX в. Расходы. Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова 1835 г. Городское хозяйство въ періодъ дѣйствія Положенія 1835 г. Реформа 1870 г. Городское хозяйство пореформеннаго періода. Доходы отъ городскихъ земель, городскія сооруженія, городскія предпріятія (банкъ, водопроводъ, конка, городской ломбардъ, адресный столъ, ночлежный домъ, скотобойня, электрическое освѣщеніе), налогъ на домовладѣніе, обложеніе торговли и промысловъ, мелкіе налоги, „пособіе изъ постороннихъ источниковъ". Расходы на городское управленіе, полицію, воинскій постой, благоустройство, содержаніе недвижимыхъ имуществъ, пособія казнѣ, медицина, общественное призрѣніе, просвѣщеніе. Городскіе займы . . . . . 337—423

Глава 8-я. **Городское благоустройство и полиція.** Харьковскія улицы въ началѣ XIX в. Борьба съ грязью. Загроможденіе улицъ. Бродячія собаки. Освѣщеніе улицъ. Мосты и плотины. Пожары и борьба съ ними. Мѣры центральнаго провительства по благоустройству городовъ. Первые опыты замощенія Харькова камнемъ. Планы Долгорукова. Комитетъ по устройству и украшенію Харькова. Труды Кокошкина: осушеніе города, набережныя, мосты, уличныя работы, противопожарныя мѣры. Замощеніе города въ 60-хъ годахъ. Университетская горка. Газовое освѣщеніе. Недостатки водоснабженія. Замощенія города въ пореформенный періодъ. Очистка нечистотъ. Поливка улицъ. Городскія насажденія. Мосты. Рѣки. Извозчики и конка. Освѣщеніе. Водопроводъ. Пожары и борьба съ ними. Полицейское дѣленіе Харькова въ нач. XIX в. Харьковскіе городничіе и полиція. Учрежденіе полиціймейстерской должности. Устройство полиціи въ теченіе XIX в. Харьковскіе полиціймейстеры и полицейскіе чины. Медицинская помощь въ Харьковѣ въ первую половину XIX в. Медицинское Общество. Александровская больница. Николаевская больница. Дѣтскія больницы. Городскія амбулаторіи. Университетскія клиники. Больница Краснаго Креста и др. Частныя лечебницы. Врачи и аптеки. Почта, телеграфъ и телефонъ 424—487

Глава 9-я. **Ярмарочная торговля.** Общій характеръ ярмарочной торговли г. Харькова въ XIX ст. Ярмарки начала XIX ст., по описанію Зябловскаго; цифры ярмарочныхъ оборотовъ 1815 года. Циклъ ярмарочной торговли. Значеніе тарифа 1822 года. Оборотъ харьковскихъ ярмарокъ 1836 г. Главные пункты привоза. Обороты харьковскихъ ярмарокъ съ 1844 по 1855 годъ. Бытовыя данныя о харьковскихъ ярмаркахъ, по воспоминаніямъ Рейнгарда и Пашкова. Обороты ярмарочной торговли въ 4-й четверти XIX ст. и въ 1904 г. Сравненіе харьковскихъ ярмарокъ 1-й и 2-й половины XIX вѣка . . . . . 488—514

Глава 10-я. **Постоянная торговля.** Свидѣтельства разныхъ источниковъ о расширеніи постоянной харьковской торговли въ 1-й половинѣ XIX в. Причины развитія ея. Постоянная торговля г. Харькова на рубежѣ дореформенной и новой Россіи (въ 1856 г.). Главнѣйшій факторъ, способствовавшій чрезвычайному подъему торговаго значенія г. Харькова во 2-й половинѣ XIX ст. (постройка желѣзныхъ дорогъ). Статистическія данныя о торговыхъ заведеніяхъ г. Харькова за 1904 годъ . . . . . 515—530

Глава 11-я. **Промышленность и ремесла.** Земледѣльческая промышленность харьковскаго населенія. Состояніе заводской промышленности и ремеслъ въ Харьковѣ въ началѣ XIX ст. Статистика харьковскихъ фабрикъ и заводовъ въ 1837 г. Промышленность г. Харькова въ концѣ 30-хъ годовъ, по воспоминаніямъ Рейнгарда. Промышленное состояніе г. Харькова въ 1856 г. Заботы о коннозаводствѣ. Статистика фабрикъ и заводовъ въ 1876 г. Статистика промышленныхъ заведеній г. Харькова въ 1904 году . . . . . 531—555

Глава 12-я. **Кредитныя учрежденія.** Организація кредита въ 1-й половинѣ XIX ст. Кредитныя учрежденія, возникшія во 2-й половинѣ XIX в.: Харьковскій Земельный Банкъ, Торговый Банкъ, Взаимное Страховое отъ огня Общество, Общество взаимнаго кредита приказчиковъ, Городской Купеческій Банкъ, 1-е 2-е Общество взаимнаго кредита, Ссудосберегательное товарищество, Контора Государственнаго Банка . . . . . 556—572

Глава 13-я. **Университетъ.** Тѣсная связь университета съ г. Харьковомъ. Пожертвованія харьковскаго населенія для учрежденія университета въ Харьковѣ. Благотворное вліяніе различныхъ сторонъ дѣятельности университета на г. Харьковъ въ первую эпоху университетской жизни (съ 1804 по 1835 годъ), вліяніе его во 2-й періодъ (съ 1835 по 1863 годъ), въ 3-й (съ 1863 по 1884 годъ) и 4-й (съ 1884 по 1905 годъ) . . . . . 573—590

Глава 14-я. **Ветеринарный и Технологическій Институтъ.** Проекты Ветеринарнаго отдѣленія при университетѣ проф. Пильгера и проф. Экебляда. Практическая Ветеринарная школа при университетѣ. Учрежденіе отдѣльнаго Ветеринарнаго училища въ Харьковѣ въ 1850 году. Состояніе Ветеринарнаго училища въ первые 22 года его существованія. Преобразованіе его въ 1873 г. въ Ветеринарный Институтъ. Дальнѣйшая судьба и положеніе Института. Открытіе въ 1885 г. въ Харьковѣ Технологическаго Института. Дальнѣйшее развитіе Института . . 591—606

Стран.

Глава 15-я. **Наука.** Представители богословской науки въ Харьковѣ, научные работники по исторіи философіи, русскаго языка и словесности, по славяновѣдѣнію, по всеобщей исторіи, классической филологіи, сравнительному языкознанію, исторіи всеобщей литературы, исторіи искусствъ, русской исторіи; по римскому, гражданскому, финансовому, уголовному праву, по исторіи русскаго права, по государственному, международному, полицейскому праву, политической экономіи и статистикѣ, исторіи философіи права; по чистой математикѣ, астрономіи, физикѣ, химіи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, геологіи, агрономіи, географіи, по анатоміи, физіологіи, медицинской химіи, общей патологіи, фармакологіи, оперативной хирургіи, частной патологіи и терапіи, врачебной діагностикѣ, терапевтической и хирургической клиникѣ, акушерству и дѣтскимъ болѣзнямъ, нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, накожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ, глазнымъ, по судебной медицинѣ, гигіенѣ, гистологіи, патологической анатоміи, ветеринаріи. Научные дѣятели внѣуниверситетской среды . . . . . 607—624

Глава 16-я. **Ученыя общества, лабораторіи, музеи, коллекціи.** Общество наукъ при университетѣ. Филотехническое Общество В. Н. Каразина. Ученыя Общества при университетѣ: естествоиспытателей, физико-химическихъ наукъ, научной медицины и гигіены, математическое Общество, историко филологическое, юридическое. Общества внѣ университетскія—медицинское, сельскохозяйственное, отдѣленіе русскаго техническаго Общества, южнорусское Общество технологовъ; харьковскій губернскій статистическій комитетъ, изданія харьковскаго губернскаго земства и городскаго управленія. Университетская библіотека, музей изящныхъ искусствъ и древностей, нумизматическій кабинетъ, историческій архивъ, этнографическій музей. юридическій кабинетъ; кабинеты и лабораторіи физико-математическаго и медицинскаго факультета. 625—651

Глава 17-я. **Статистика училищъ и среднія мужскія школы.** Любовь къ образованію у харьковцевъ. Статистика училищъ и учащихся въ Харьковѣ въ XIX в. по отношенію къ числу жителей. Главное народное училище. Губернская (нынѣ 1-я) гимназія—ея судьба и внутреннее состояніе по запискамъ современниковъ, 2-я харьковская гимназія, 3-я гимназія, 4-я гимназія. Харьковскій коллегіумъ и преобразованіе его въ Духовную семинарію. Реальное училище, Коммерческое училище. . . . . 652—698

Глава 18-я. **Среднее женское образованіе.** Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Женская школа для дочерей дворянъ и купцовъ. Епархіальное училище. 1-я женская гимназія. Вознесенская женская гимназія. Женская гимназія Е. Н. Драшковской и Д. Д. Оболенской . . . . . 699—718

Глава 19-я. **Низшее образованіе.** Общій ходъ низшаго образованія въ Россіи. Домашнее обученіе и пансіоны въ Харьковѣ въ началѣ XIX ст. Харьковское уѣздное училище и школа взаимнаго обученія. Школа евангелическо-лютеранскаго общества. Школа при дѣтскомъ пріютѣ. Школа глухонѣмыхъ, стенографическіе курсы. Прогимназія г-жи Черняковской. Желѣзнодорожное училище. Торговая школа. Городскія приходскія училища. Школы Харьковскаго Общества грамотности. Церковно-приходскія школы. Школа акцизнаго вѣдомства. Городское ремесленное училище. Воскресныя школы . . . . . 719—746

Глава 20-я. **Просвѣтительныя учрежденія—внѣшкольное образованіе; статистика грамотности.** Отдѣленіе Библейскаго общества. Книжные магазины и библіотеки. Харьковская общественная библіотека. Харьковское Общество грамотности и его учрежденія—читальни-библіотеки, коммиссія народныхъ чтеній, народный домъ, школьно-педагогическій комитетъ, справочно педагогическій кабинетъ, издательскій комитетъ. Просвѣтительныя учрежденія при виномъ складѣ акцизнаго вѣдомства. Статистика грамотности въ Харьковѣ . . . . . 747—779

Глава 21-я. **Исторія харьковской журналистики.** Первая харьковская газета (Еженедѣльникъ). Вторая харьковская газета (Харьковскія извѣстія). Журналъ „Украинскій домоводъ“. Украинскій Вѣстникъ. Харьковскій журналистъ Н. Ф. Вернетъ. Газета „Харьковскія Губ. Вѣдомости“, „Харьковъ“, „Южный Край“, „Харьковскій Листокъ“, журналъ „Міръ“; спеціальные журналы; харьковскія типографіи, иногородніе періодическія изданія, получавшіяся въ Харьковѣ . . . . . 780—791

Глава 22-я. **Изящная словесность и ея представители.** Оды и диѳирамбы харьковскаго коллегіума и духовнаго училища. Харьковскій сатирикъ А. Н. Нахимовъ. В. Г. Масловичъ, П. И. Вейнбергъ, А. К. Склабовскій, Е. М. Карнѣевъ, Л. Кричевская, П. П. Гулакъ-Артемовскій, Г. Ѳ. Квитка, Н. И. Костомаровъ, А. Л. Метлинскій, С. Писаревскій, А. А. Корсунъ, Я. И. Щеголевъ, М. Л. Кропивницкій. Украинскій альманахъ, Утренняя звѣзда, Снипъ, Молодыкъ . 792—816

Глава 23-я. **Исторія театра.** Драматическія представленія въ Харьковѣ при разныхъ антрепренерахъ (Штейнѣ, Шредерѣ, Калиновскомъ, Млотковскомъ, Дюковѣ) Малороссійскій театръ въ Харьковѣ. Русская и Итальянская опера. Балетъ. Русская опера въ 70-хъ годахъ . 817—834

Стран.

Глава 24-я. **Искусство.** Роль университета въ дѣлѣ насажденія искусства въ г. Харьковѣ. Школа рисованія М. Д. Раевской. Городская школа рисованія и живописи. Университетскій музей изящныхъ искусствъ. Городской промышленно-художественный музей. Харьковскіе художники. Музыка и пѣніе; музыкальное училище. Архитектура и ваяніе . . . . . 835—858

Глава 25-я. **Церковь и духовенство.** Ростъ города и умноженіе храмовъ. Старѣйшіе храмы: монастырь, соборъ, Благовѣщенская, Воскресенская, Троицкая, Рождественская, Николаевская, Михайловская, Вознесенская, Дмитріевская, Мироносицкая и Каплуновская церкви. Домовыя церкви. Мѣстныя особенности богослуженія. Чтеніе и пѣніе. Крестные ходы. Проповѣдь. Духовенство. Наслѣдственность мѣстъ. Выдающіеся представители духовенства: Прокоповичъ, Фотіевъ, Могилевскій, Антоновскій, Гнѣдичъ, Кустовъ, Малиновскій, Зиминъ, Лебедевъ, Добротворскій, Павловъ, Лащенко, Ильяшевъ, Иларіоновъ и др. Харьковскіе архіереи: Христофоръ, Аполлосъ, Павелъ, Виталій, Иннокентій Александровъ, Мелетій, Смарагдъ, Иннокентій Борисовъ, Елпидифоръ, Филаретъ, Макарій, Нектарій, Савва, Іустинъ, Амвросій, Флавіанъ, Арсеній. Викарные епископы . . . . . 859—900

Глава 26-я. **Общественная благотворительность.** Приходская благотворительность. Приказъ общественнаго призрѣнія. Городская благотворительность. Общество благотворенія. Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. Нѣмецкій благотворительный комитетъ. „Благотворительные подвиги“ 30-хъ годовъ. Дѣтскій пріютъ. Благотворительное Общество. Шестидесятые годы. Пріютъ малолѣтнихъ преступниковъ. Общество пособія недостаточнымъ студентамъ Харьковскаго университета. Общество взаимопомощи. Общество призрѣнія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ. Красный Крестъ и другія благотворительныя учрежденія конца семидесятыхъ годовъ. Восьмидесятые годы. Городскія богадѣльни. Благотворительныя учрежденія мѣщанскаго общества. Дворянское Общество вспомоществованія. Ясли. Училище слѣпыхъ. Столовая для недостаточныхъ студентовъ. Общество взаимопомощи. Благотворительныя учрежденія у нѣмцевъ и у католиковъ. Благотворительныя учрежденія послѣдняго десятилѣтія. Итоги и пожеланія . . . . 901—931

Глава 27-я. **Бытъ и нравы харьковскаго общества.** Замкнутость сословій. Нравы дворянства, чиновничества, военныхъ, педагоговъ; умственное состояніе харьковскаго общества; взяточничество; сатиры на мѣстное общество; бытъ купечества, духовенства; иностранная колонія въ Харьковѣ, ея нравы; бытъ и нравы мѣщанъ, цеховыхъ, крестьянъ; дешевизна жизни; пища и напитки; постройки; ярмарочная жизнь; базары; общественныя гулянья; празднества по случаю проѣзда Высочайшихъ особъ; проводы сановника . . . . . 932—965

Глава 28-я. **Отзывы о Харьковѣ современниковъ.** Отзывы о Харьковѣ кн. Долгорукова, Сумарокова, Мельгунова, Дельвига, Гевскаго, Сбитнева, Милютина, Баранта, акад. Коля, М. П. Погодина, В. Г. Бѣлинскаго, И. С. Аксакова, барона Гакстгаузена, В. Пашкова . . . 965—973

Глава I-я.

Топографія и постепенный ростъ территоріи г. Харькова.

Въ началѣ XIX столѣтія размѣры Харькова, игравшаго уже нѣсколько десятилѣтій роль центра обширнаго края, были совсѣмъ не велики. По планамъ Харькова, дошедшимъ до насъ отъ того времени, размѣры города мало чѣмъ разнились отъ тѣхъ, какіе обозначены на планахъ Екатерининскаго времени. Изъ „Календаря на лѣто Господне 1809“ мы узнаемъ, что пространство, занятое городомъ, съ запада, отъ подошвы Холодной горы, и до крайней улицы на восточной сторонѣ р. Харькова не превышало 1710 саж., а отъ сѣвера къ югу городъ простирался на 1140 саж. [1]). Подъ городъ и окружавшія его слободы было отведено 485 дес. 1338 кв. саж., но въ дѣйствительности далеко не вся эта площадь была заселена [2]). Нынѣшнія Гончаровка (Довгалевка) и Панасовка были еще отдѣльными самостоятельными слободами, отдѣлявшимися отъ города обширными левадами и пустырями. Ивановка съ хуторами, принадлежавшими Дунину, Островскому и Павловой, тоже не имѣла къ городу отношенія. Нынѣшней Клочковской и Песокъ не было, а существовалъ хуторъ Клочки, принадлежавшій Щербининой и Квиткамъ. Москалевка представляла на планѣ пустое мѣсто. По разсказу Топчіева, тамъ, гдѣ рѣка Харьковъ соединяется съ Лопанью, начинались тогда сыпучіе пески, пересѣкаемые озерами, поросшими по берегамъ своимъ крупнымъ луговымъ лѣсомъ до самой Основы. На лѣвомъ берегу р. Харькова, саженъ за сто до сліянія его съ Лопанью, стоялъ шинокъ помѣщика Квитки подъ названіемъ „Лубьянка“, въ которомъ была уже свободная продажа горячаго вина. Зародышъ Москалевки обнаруживается только къ концу перваго десятилѣтія XIX в. По полицейскимъ свѣдѣніямъ за 1809 г., здѣсь было въ это время всего 13 домовъ [3]). Нынѣшняя громадная площадь большого базара была только Дунинской левадой, поросшей лѣсомъ и изобиловавшей болотами. Съ сѣверной стороны городъ простирался не далѣе Мироносицкой церкви, которая стояла уже внѣ города и была кладбищенской, а къ югу поселенія шли не дальше, какъ на одинъ кварталъ отъ Воскресенской церкви. Южнѣе начинались сыпучіе незаселенные пески и частыя, поросшія луговымъ лѣсомъ озера, съ окружавшими ихъ сѣнокосами [4]). На востокѣ городъ оканчивался нынѣшними Скобелевскою и Вознесенскою площадями съ церквами Михайловскою и Вознесенскою, а за ними начиналась уже подгородная слобода Немышлянская съ хуторами Сабурова, Хлопова, Шишкина, Гриченковой, Горленскаго и Яновскаго. Лѣвый берегъ р. Харькова, гдѣ расположена теперь Нетечинская улица и прилегающіе къ ней переулки, былъ ничѣмъ не застроенъ. Обитаемыя мѣста здѣсь не шли восточнѣе нынѣшняго Престольнаго переулка [5]).

Съ западной стороны попасть въ городъ можно было только черезъ Холодную гору. Но это была убійственная дорога. Описывая Холодную гору въ 50-хъ годахъ, когда спускъ съ нея былъ уже болѣе или менѣе приведенъ въ порядокъ, свящ. Дм. Федоровскій восклицаетъ: „Страшно смотрѣть на эту дорогу осенью и весною, когда она растворяется отъ продолжительныхъ дождей! Кто изъ проѣзжающихъ въ это время черезъ Холодную гору не болѣлъ сердцемъ, смотря на несчастныхъ извозчиковъ, когда они, плавая въ грязи по колѣна, взбирались на гору, погоняя животныхъ, желая хотя какъ нибудь выбраться на гору! И нерѣдко бѣдныя животныя, несмотря на помощь, съ трудомъ могли дѣлать только нѣсколько шаговъ. Въ это несчастное время постоянно ломались самыя крѣпкія телѣги, особенно съ гру-

[1]) Харьк. Календ. 1886 г., отд. IX, стр. 164.
[2]) Описаніе Слободско-Украинской губерніи 1802 г. Харьковъ, 1889 г. стр. 24.
[3]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. 1809 г. № 1732.
[4]) Архивъ Харьк. гор. Думы. Журналы 1810 г.
[5]) Рукописн. отдѣл. И. Публичной библіотеки. IV отд. F. № 265.

зомъ, падали отъ утомленія лучшія лошади, и бѣдные хозяева заливались слезами, смотря на такое горе. Съ тяжелымъ грузомъ въ это время ѣхать рѣшительно невозможно, объѣхать же грязь—тоже. Зимою, особенно во время безснѣжья и гололедицы, спуститься въ городъ или подняться на гору нѣтъ никакой возможности, въ противномъ случаѣ вамъ постоянно грозитъ опасность сломать голову. Ужасно было смотрѣть на извозчиковъ, ѣдущихъ на Крещенскую ярмарку съ грузомъ, не смотря на всю ихъ исправность въ отношеніи ковки лошадей и экипажей, на привычное искусство при подобнаго рода спускахъ; часто случалось мнѣ видѣть, какъ бѣдныя лошади, не имѣя опоры въ землѣ, отъ сильнаго напора тяжести, кубаремъ скатывались съ вершины горы внизъ, гонимыя грузомъ, и не рѣдко убивались до смерти о каменистую землю. Очень часто и самые извозчики подвергались подобной участи“ [1]). Такою была Холодная гора въ началѣ 50-хъ годовъ XIX в., въ то время, когда спускъ съ нея былъ уже значительно исправленъ. Не лучше, а очевидно, далеко хуже обстояло дѣло въ началѣ XIX в., когда въ этомъ направленіи не предпринималось ничего, кромѣ извѣстныхъ намъ „каналовъ“ и мостка, устроенныхъ ко времени посѣщенія Харькова Екатериной II.

Холодная гора была лишена растительности. Только сѣверная часть ея, извѣстная подъ именемъ Лысой горы, на спускѣ, гдѣ теперь кладбище, была покрыта крупнымъ лѣсомъ, доходившимъ до Панасовки и примыкавшимъ къ лугамъ праваго берега р. Лопани. Нынѣшнее кладбище сплошь было заросшимъ орѣшникомъ, дикими грушами, яблонями, березами и служило мѣстомъ прогулокъ горожанъ. Дикія групи и кислицы шли на квасъ, а деревья на топливо [2]).

Спускъ съ Холодной горы, крайне какъ мы видѣли, неудобный, представлялъ для пріѣзжаго развѣ то преимущество, что съ него открывался прекрасный видъ на городъ, производившій сильное впечатлѣніе, единогласно отмѣчаемое всѣми, кому случалось въѣзжать въ Харьковъ съ западной стороны города.

У подошвы Холодной горы, тамъ, гдѣ теперь привокзальная площадь, Александровская улица, скверъ и зданіе третьей части, шла болотистая мѣстность, отведенная въ началѣ XIX в. подъ шелковичную плантацію. Къ сѣверу отъ плантаціи находился мыльный заводъ, принадлежавшій, кажется, купцу Мухину, а еще сѣвернѣе шла подгородная слобода Афанасовка. Тамъ, гдѣ теперь пересыльная тюрьма,—рядъ полуразрушенныхъ крестовъ и могилъ: это остатки отъ упраздненнаго въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. Дмитріевскаго кладбища, перенесеннаго уже къ подошвѣ Холодной горы. По правую сторону Екатеринославской дороги (она же Кіевская и Полтавская), ниже Холодной горы, тянулись кирпичные заводы, а дальше, выходя на самую дорогу,—пригородная слобода Довгалевка или Гончаровка. Передъ самымъ городомъ стояли два каменныхъ „обелиска“, выстроенныхъ въ оны дни для встрѣчи Семирамиды Сѣвера. Здѣсь была застава, а дальше начинался уже городъ [3]). Общее впечатлѣніе, какое производилъ тогдашній Харьковъ на посторонняго, нельзя назвать благопріятнымъ. „Улицы въ немъ—писалъ П. Сумароковъ—неправильныя, немощеныя, грязныя; хорошихъ домовъ, исключая 2—3, не находится, а построенія сдѣланы или изъ мазанокъ, или изъ брусьевъ, и оный ни мало на великороссійскій городъ не походитъ... Городскія мельницы съ навозными плотинами производятъ не малую въ водахъ порчу, къ чему еще болѣе способствуетъ растущая на берегахъ высокая трава аеръ, которая впускаетъ острые свои соки въ рѣчныя струи и зловоннымъ потомъ согнитіемъ заражаетъ воздухъ. Соображая сіе, кажется, надлежитъ полагать оное причиною часто случающихся здѣсь скотскихъ падежей“ [4]). Первое, что бросалось въ глаза при въѣздѣ въ городъ, была деревянная Дмитріевская церковь, стоявшая не по улицѣ, какъ теперь, а нѣсколько дальше, въ глубинѣ церковнаго двора. Въ 1804 г. эта церковь сгорѣла, а потомъ ее замѣнили каменною. Отъ Дмитріевской церкви начиналась Екатеринославская улица, именовавшаяся на оффиціальномъ языкѣ того времени „перспективою“. Окружена она была простенькими небольшими домиками и въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположены скверики съ аллеями каштановъ, перерѣзывалась озеромъ, черезъ которое устроенъ былъ мостокъ и гать. Шалости озера, вообще склоннаго къ издѣвательству надъ доморощенными инженерами-строителями, были явленіемъ не рѣдкимъ, а потому

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1853 г., № 23.

[2]) Тамъ же 1852 г. № 33.

[3]) Архивъ Город. Думы. Passim.

[4]) П. Сумароковъ. Досуги крымскаго судіи. Т. I, стр. 45.

и мостокъ, и гать приходилось строить и починять довольно таки часто. А шалости были для озера легки потому, что оно отнюдь не было однимъ водоемъ въ полѣ. Екатеринославское озеро было только однимъ изъ цѣпи озеръ, которыми въ то время изобиловала залопанская сторона. Главнымъ резервуаромъ было, повидимому, озеро у подошвы Лысой горы, питавшееся потоками снѣговой и дождевой воды, ливнями съ горы. Отсюда шелъ протокъ на Довгалевку, гдѣ было другое озеро, такъ-же очень обширное и такъ-же обязанное своимъ многоводіемъ Холодной горѣ. Дальше протокъ направлялся на сѣверъ, пересѣкалъ нынѣшнюю Жандармскую площадь и Конторскую улицу и въ кварталѣ между Дмитріевской ул. и Ярославскимъ переулкомъ образовывалъ новое озеро, изъ котораго выходилъ новый протокъ, соединявшій его съ озеромъ на Екатеринославской „перспективѣ“. Озеро было окружено обывательскими дворами, такъ что благодаря ему здѣсь образовывалась какъ бы небольшая площадь. Озеро составляло предметъ особеннаго вниманія харьковскихъ градоправителей, заботившихся о его сокращеніи и обсадкѣ деревьями взамѣнъ лозняка и камышей, которыми окружила его мать-природа. Лучшимъ зданіемъ Екатеринославской „перспективы“ была каменная казенная аптека съ лабораторіей и чей то частный домъ, тоже каменный. По правому берегу р. Харькова шла Рождественская (нынѣшняя Конторская) улица. До проложенія Екатеринославской этою улицею приходилось проѣзжать всякому, кто попадалъ въ городъ со стороны Холодной горы. При въѣздѣ въ нее возлѣ пустыря, отдѣлявшаго городъ отъ Довгалевки, надъ рѣкой, были расположены въ деревянныхъ домахъ заведенія приказа общественнаго призрѣнія съ обширной сѣнокосной левадой. Улица была разрегулирована по плану только до пересѣченія съ Ярославской, остальная же часть ея оставалась въ первобытномъ видѣ. По плану съ Рождественской къ рѣкѣ должны были вести три переулка, въ дѣйствительности же ихъ было пять, и всѣ они отличались крайнею узкостью. Тамъ, гдѣ Харьковъ и Лопань сливаются въ одну рѣку, шелъ съ Рождественской улицы переулокъ, ведшій къ торговымъ баням, расположеннымъ на берегу. На площади около Рождественской церкви, стоявшей, кстати сказать, въ то время отдѣльно отъ своей колокольни, съ западной стороны находился каменный домъ, въ которомъ помѣщался прикалъ общественнаго призрѣнія, съ восточной — одинъ изъ домовъ аптеки того же приказа, а съ южной каменный частный домъ, принадлежавшій, кажется, Тончіеву. Послѣднимъ каменнымъ домомъ на Рождественской по лѣвую ея сторону, если идти къ рѣкѣ, былъ каменный домъ приказа общественнаго призрѣнія, занятый въ настоящее время службами Южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Конторскаго моста не существовало.

Нынѣшняя Благовѣщенская, разрегулированная по плану только до пересѣченія съ Дмитріевской, вся сплошь была застроена деревянными домами за исключеніемъ углового дома съ лѣвой стороны улицы у пересѣченія ея Дмитріевскою. Коцарская была расположена по плану только до пересѣченія съ Дмитріевской. На Чеботарской, какъ особенность, нынѣ не существующую, отмѣчаемъ небольшую площадь въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается Большая-Панасовская улица. Происхожденіемъ своимъ площадь обязана была озеру, вѣрнѣе никогда не высыхавшей здѣсь лужѣ, образуемой весеннею и дождевою водою, стремившеюся сюда съ Лысой горы и окрестной, болѣе возвышенной мѣстности. Чеботарская, какъ и сосѣдняя съ нею Большая-Панасовская, была совсѣмъ не разрегулирована и въ конечной своей части значительно уклонялась вправо отъ нынѣшняго ея направленія. По направленію Большой-Панасовской и тогда шла улица, доходившая до Лопани и перерѣзываемая двумя переулками, выходившими съ одной стороны къ Лопани, а съ другой — къ пустырю, которымъ и заканчивался въ этомъ мѣстѣ городъ. На Благовѣщенской площади стояла каменная церковь, только въ наши дни замѣненная новымъ, болѣе обширнымъ храмомъ. Площадь нынѣшняго Благовѣщенскаго базара представляла въ то время обширный островъ, образуемый двумя протоками Лопани, расходившимися у нынѣшняго Бурсацкаго моста и вновь соединявшимися въ одно русло у нынѣшняго Рѣзниковскаго переулка. Площадь между Благовѣщенской церковью и Бурсацкимъ мостомъ, гдѣ теперь Суздальскій рядъ и деревянныя лавки горговцевъ готовымъ платьемъ и обувью, на планѣ 1802 г. показана занятой обывательскими дворами.

Залопанская часть соединялась съ центромъ города такъ называемымъ „Каменнымъ“ мостомъ. Дѣйствительно каменнымъ мостъ былъ очень не долго и очень давно, еще въ Чертковскія времена. Къ началу XIX ст. отъ каменнаго сооруженія уцѣлѣло только очень не многое, части кое какихъ сводовъ, такъ что каменнымъ онъ могъ называться больше по памяти, чѣмъ по матеріалу. Мостъ былъ не широкъ, всего

въ 4 саж., но зато длиннѣе нынѣшняго—въ 34 саж.: рѣка Лопань въ тѣ годы разливалась въ этомъ мѣстѣ гораздо шире, чѣмъ теперь.

Переѣхавъ мостъ, кстати сказать, иногда съ большимъ трудомъ, такъ какъ повреждался онъ послѣ каждаго половодья, а чинился очень неисправно, пріѣзжій попадалъ на базарную площадь. На нынѣшней Сергіевской площади, ниже Университетской горки, по тогдашнему вала, разбросаны были мелочныя лавки, помѣщавшіяся въ „коморахъ", балаганахъ и шалашахъ, а противъ нихъ, по берегу Лопани, тянулись деревянныя харчевни. Здѣсь было вѣчное „багно", невылазная грязь въ перемѣшку съ навозомъ и соломой отъ останавливающихся подводъ деревенскихъ обывателей, пріѣзжавшихъ въ городъ „базарувати". Базарная площадь была гораздо шире нынѣшней Сергіевской, потому что все пространство, занятое теперь Сергіевскимъ и Московскимъ рядами, было незастроено. Въ концѣ нынѣшняго Сергіевскаго ряда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь оптовая торговля Морозова, планъ 1802 г. отмѣчаетъ квадратное зданіе, назначеніе котораго не извѣстно. Другое такое же зданіе, но меньшихъ размѣровъ, видимъ на мѣстѣ нынѣшней Большой Московской гостинницы. Это былъ участокъ, принадлежавшій наслѣдникамъ Пашкова, харьковскаго губернатора Екатерининскаго времени, а затѣмъ перешедшій въ собственность Павловыхъ. За усадьбой Пашкова, тамъ, гдѣ теперь начинается Клочковская, была совершенно незастроенная мѣстность, ибо здѣсь на лѣвомъ берегу Лопани ни одного двора еще не существовало.

Подъ Университетской горкой, по тогдашнему—валомъ, на мѣстѣ нынѣшняго Шубнаго ряда, стояла „каменная галлерея", построенная еще въ Екатерининскія времена. Здѣсь велся мелочной торгъ. Торговали, впрочемъ, и горячимъ виномъ. Въ 1805 г. это непрочное сооруженіе обрушилось до основанія, причемъ уничтожено было 12 лавокъ. Въ виду ветхости остальныхъ, губернаторъ приказалъ разрушить и ихъ.

Центръ базара сосредоточивался, однако, не на Сергіевской, а на нынѣшней Торговой, по тогдашнему Народной площади. На проѣздѣ, соединяющемъ Сергіевскую площадь съ Торговой, высилась большая круглая каменная башня, уцѣлѣвшая отъ тѣхъ временъ, когда Харьковъ былъ еще крѣпостью. Въ началѣ XIX в. грозное сооруженіе совершенно уже утратило свой военный характеръ: въ верхнемъ этажѣ башни помѣщалась цирюльня, а въ нижнемъ—харчевня и лавки купца Алаторцева. Торговая площадь была гораздо больше нынѣшней, потому что не былъ еще застроенъ кварталъ, занятый теперь „Grand Hôtel'емъ", такъ что западной своей стороной площадь упиралась непосредственно въ рѣку. Украшеніемъ площади являлся уцѣлѣвшій и по днесь „каменный столбъ" съ двуглавымъ орломъ. Для тогдашнихъ харьковцевъ съ „каменнымъ столбомъ" связывались, впрочемъ, впечатлѣнія далеко не пріятныя. Въ базарные дни отсюда слышались дикіе вопли и стоны: то шла „торговая казнь", били кнутомъ, сѣкли розгами, вырѣзывали ноздри... Вдоль площади, ниже старыхъ укрѣпленій, тянулись торговые ряды. Здѣсь шла главнымъ образомъ торговля желѣзомъ въ лавкахъ Алаторцева, Тамбовцева, Долгополова, Кувшинникова и др. Ряды шли вдоль всей площади, затѣмъ поворачивали, какъ и теперь, къ сѣверу и оканчивались возлѣ нынѣшняго магазина г. Северина. Судя по плану 1802 г., всѣ они были каменные. Каменными же, повидимому, были дома и ряды на противоположной сторонѣ Народной площади, гдѣ теперь аптека Ланина, городской банкъ и Сундучный рядъ.

Къ центру города вели трое „въѣзжихъ воротъ", остатки старыхъ крѣпостныхъ сооруженій. Одни находились въ томъ мѣстѣ Университетской улицы, гдѣ теперь мѣщанская управа и бывшее зданіе терапевтической клиники, занятое теперь квартирами университетскихъ чиновниковъ. Другія находились въ нынѣшнемъ Шляпномъ переулкѣ, гдѣ магазинъ Северина и городской домъ. Гдѣ находились третьи, не знаемъ. На планѣ 1802 г. ихъ не видно, но о нихъ упоминается въ „подлинныхъ приговорахъ" Думы за этотъ же годъ. Въѣзда къ центру города черезъ Горяиновскій переулокъ въ то время еще не было, ибо и самого переулка не существовало. Это было усадебное мѣсто, принадлежащее помѣщикамъ Анадольскимъ, потомкамъ грека Юрія Анадольскаго, о которомъ намъ приходилось вспоминать въ первой части этой книги. Отъ Анадольскихъ усадьба эта перешла потомъ покупкой къ купчихѣ Горяиновой [1]), давшей свое имя и переулку, проложенному по ея землѣ. Отъ укрѣпленій, окружавшихъ городской центръ, уцѣлѣли кое гдѣ только полуразрушенные остатки. Тыны и валы, окружавшіе его съ южной и восточной сторонъ, съ каждымъ годомъ разрушались и обсыпались. Подъ крѣпостными тынами ютились теперь торговыя заведенія.

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г.

Лучшимъ зданіемъ городского центра былъ губернаторскій дворецъ, выстроенный еще Щербининымъ. Главный корпусъ зданія уцѣлѣлъ почти въ неприкосновенности и до нынѣшняго времени. Выше и ниже „дворца“ шли одноэтажные деревянные флигеля. Нижній флигель, гдѣ теперь этнографическій музей, образовывалъ „глаголь“, одна часть котораго шла по улицѣ, другая заворачивала къ западу. Между этимъ флигелемъ и расположенными ниже его торговыми рядами былъ свободный проѣздъ на городской валъ, нынѣшнюю горку. Другой, верхній флигель, гдѣ теперь аудиторіи, представлялъ такой же „глаголь“, западная часть котораго не шла, впрочемъ, дальше зданія присутственныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ теперь химическая лабораторія, шла каменная ограда. На валъ усадьба „дворца“ выходила только оградой, у сѣвернаго и южнаго концовъ которой стояли круглыя башенки. Напротивъ дворца, тамъ, гдѣ теперь квартира университетскаго экзекутора, стоялъ домъ вице-губернатора. Между нимъ и лежавшими пониже его торговыми рядами былъ свободный проѣздъ. Огромнаго дома, гдѣ теперь квартиры университетскихъ служащихъ, совсѣмъ не существовало. Тамъ, гдѣ теперь университетская библіотека, стоялъ домъ полиціи, а гдѣ канцелярія попечителя учебнаго округа,—губернское правленіе и магистратъ. Передъ соборомъ, отдѣльно отъ него, высилась каменная колокольня, вокругъ которой, равно какъ и вокругъ самого собора, шли мелкія лавченки и шалаши, доставлявшія церкви „не скудный“ доходъ. Такія же лавченки и шалаши ютились и по соборной площади передъ огромнымъ недостроеннымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Зданіе это, начатое постройкой еще въ Екатерининское время, долго стояло недоконченнымъ, прикрытое лубомъ, который, впрочемъ, нисколько не защищалъ его отъ сырости и дождей. Окончательно достроены присутственныя мѣста были только въ 1805 г. Гостинный дворъ помѣщался тамъ же, гдѣ и теперь, только въ то время былъ онъ въ одинъ этажъ. Торговали здѣсь главнымъ образомъ „панскими“ товарами, но здѣсь же помѣщался и трактиръ. Вокругъ гостинаго двора ютились шалаши и подташки, въ которыхъ сосредоточивалась ярмарочная торговля. „Ташовались“ въ это время не только пріѣзжіе, но и мѣстные купцы, имѣвшіе свои постоянныя лавки въ томъ же гостинномъ дворѣ: таковъ былъ обычай. Дальше по Монастырскому переулку, на мѣстѣ нынѣшняго Суздальскаго ряда, стояли сооруженія бывшей банковой конторы, доставшіяся послѣ упраздненія банка купцу Карпову. Здѣсь же находились и старыя деревянныя зданія присутственныхъ мѣстъ, купленныя въ 1805 г., послѣ перехода присутственныхъ мѣстъ въ новый корпусъ, частными лицами. На планѣ 1802 г. деревянныя зданія присутственныхъ мѣстъ указаны возлѣ нынѣшняго Суздальскаго ряда Пащенко-Трянкина. Здѣсь помѣщались въ первые годы XIX ст. палаты уголовная и гражданская и уѣздный судъ. Тамъ, гдѣ теперь пожарный дворъ второй части, была каменная денежная кладовая. Лѣвая сторона верхней части Университетской улицы (если идти отъ собора) начиналась каменными рядами, принадлежавшими Карпову. По Университетской улицѣ они тянулись до монастырской „въѣздной каменной брамы“ (воротъ), а по Купеческому спуску доходили до нынѣшняго желѣзнаго моста. Усадьба монастыря занимала тоже пространство, что и теперь. Входили въ нее черезъ „каменную браму“, надъ которой помѣщалась коллегіумская библіотека. Монастырская церковь была въ то время каѳедральнымъ соборомъ. Рядомъ съ нею стоялъ деревянный небольшой архіерейскій домъ, а нѣсколько дальше—каменное зданіе коллегіума. Сзади коллегіума, по направленію къ Бурсацкому спуску, шли деревянныя службы архіерейскаго дома. Три деревянныхъ зданія, кромѣ того, выходили фасадомъ на Университетскую улицу, и одно каменное находилось внутри монастырскаго двора. Тамъ, гдѣ теперь духовное училище, помѣщалась „бурса“ (коллегіумское общежитіе), размѣры которой были, впрочемъ, много поменьше нынѣшнихъ.

При выходѣ изъ центра города, въ нынѣшнемъ Шляпномъ переулкѣ, ютилась масса мелкихъ лавченокъ и навѣсомъ съ желѣзомъ, свѣчами, саломъ и всякимъ „дрибязкомъ“. Здѣсь у полуразрушеннаго тына старой крѣпости и „въѣзжихъ воротъ“ шла оживленная торговля чернымъ товаромъ.

За „въѣзжими воротами“ простиралась обширная Никольская площадь, служившая зимою, въ неярмарочное время, излюбленнымъ мѣстомъ катанія городскихъ обывателей, а въ ярмарочное—превращавшаяся въ пунктъ оживленной торговой жизни и вся застраивавшаяся деревянными, на скорую руку сколоченными, лавками и балаганами. По обѣимъ сторонамъ площади, до самой Никольской церкви, располагались лавки и погреба, въ которыхъ шла постоянная торговля. На мѣстѣ нынѣшняго обширнаго храма стояла памятная еще многимъ харьковцамъ старинная Николаевская церковь, а отдѣльно отъ

ния, на площади,—колокольня. Возлѣ церкви помѣщались городскіе „терезы“ (вѣсы), составлявшіе замѣтную статью дохода въ бѣдномъ городскомъ бюджетѣ того времени. Около церкви же находился и „братскій“ домъ, отдававшійся въ аренду на ярмарочное время. Въ ярмарку напр. 1804 г. тутъ жили торговцы-евреи [1]). На площади же находился и городской колодецъ подъ навѣсомъ на каменныхъ столбахъ, вырытый, судя по думскимъ журналамъ, въ 1803 г. До 1805 г. обыватели брали воду изъ него непосредственно „цебрами“, но въ 1805 г., прельстившись примѣромъ часового мастера, иностранца Ренека (Рейнике?), устроившаго у себя во дворѣ колодецъ съ насосомъ, харьковцы и сами пожелали имѣть насосъ въ своемъ городскомъ колодцѣ. Колодецъ съ насосомъ и навѣсомъ былъ своего рода украшеніемъ площади. Здѣсь же, не далеко отъ колодца, стоялъ балаганъ, носившій громкое названіе театра. Принадлежалъ онъ надв. совѣти. Шредеру. Въ 1808 г. онъ былъ уничтоженъ, потому что Шредеръ, какъ это видно изъ сообщенія губернатора Бахтина думѣ, предположилъ устроить для продолженія театральныхъ зрѣлищъ зимою теплый балаганъ [2]). Изъ домовъ видныхъ харьковскихъ обывателей, выходившихъ на площадь, отмѣчаемъ дома наслѣдниковъ протоіерея Шванскаго, купца Тамбовцева, нотаріуса Мины Купинникова, Мухина (гдѣ Астраханская гостиница). Нѣсколько домовъ было каменныхъ: Мухина, небольшой домъ дворянскаго собранія и слѣдующій за нимъ чей то частный домъ да два каменныхъ дома въ восточной части площади.

Что такое представляли собою нынѣшняя Театральная площадь и Сумская улица, объ этомъ узнаемъ изъ воспоминаній Успенскаго (сына проф. Г. П. Успенскаго), у котораго былъ домъ на Театральной, противъ острога. „Этотъ пунктъ—разсказываетъ Успенскій—былъ краемъ города съ сѣвера, хотя на этой же безлюдной площади уныло стояли придавленный временемъ деревянный домъ губернатора Бахтина. Острогъ былъ обнесенъ заостренными стоячими бревнами и чернымъ пугаломъ глядѣлъ въ наши окна... За острогомъ тотчасъ начинались ямы бывшихъ кирпичныхъ сараевъ и ужасныя ямы острожныхъ нечистотъ; за ними печально лежало оставленное лютеранское кладбище съ сосѣднею русскою церковью Женъ Мироносицъ и разстилалась безконечная пустошь... Остробревенчатый заборъ съ унылымъ крикомъ часовыхъ и бряканьемъ кандаловъ, деревянный, огромный, нелѣпѣйшаго вида театръ со всегдашнимъ опасеніемъ пожара въ немъ—все это наводило тоску и страхъ“ [3]). Если такой непрезентабельной была эта мѣстность во второе десятилѣтіе XIX в., къ которому и относятся воспоминанія Успенскаго, то въ первые годы столѣтія она была еще неказистѣе. Обстроена она была еще меньше. Такъ напр. театра (на мѣстѣ нынѣшняго дѣтскаго пріюта) и совсѣмъ не существовало. Къ описанію, сдѣланному Успенскимъ, можно добавить только немногое. Домъ губернатора Бахтина принадлежалъ не Бахтину, а городу, который купилъ этотъ домъ въ оны дни у Мордвинова. Бахтинъ переселился сюда только послѣ занятія губернаторскаго дома университетомъ. Впрочемъ и раньше Бахтина здѣсь жили губернаторы, напр. Зильбергарнишъ [4]). Это тотъ самый домъ, на мѣстѣ котораго теперь зданіе первой женской гимназіи. Позади острога, описаннаго Успенскимъ, стояли двѣ каменныя круглыя башни, въ которыхъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. помѣщались сумасшедшій и смирительный дома. Здѣсь же, на Театральной, были и казенные соляные магазины (примѣрно тамъ, гдѣ теперь домъ Рубинштейна) и каменный провіантскій магазинъ, уцѣлѣвшій и до днесь. По Сумской шелъ рядъ амбаровъ, въ которыхъ производилась торговля сѣномъ и дегтемъ [5]). Противъ Мироносицкой церкви стояли кирпичные сараи, принадлежавшіе приказу общественнаго призрѣнія. За церковью находился венерическій лазаретъ, а вся нынѣшняя Мироносицкая площадь съ прилегающими къ ней, нынѣ застроенными, кварталами была кладбищемъ. Кладбище было упразднено въ 1803 г., но въ дѣйствительности хоронили покойниковъ здѣсь еще очень долго. Мѣстность, прилегающая къ кладбищу, теперешнія Пушкинская, Чернышевская и др., оставалась незаселенной. Здѣсь было то самое лютеранское кладбище, о которомъ упоминаетъ Успенскій. Первыя поселенія здѣсь явились не раньше 1806 г., когда было постановлено думой отвести здѣсь мѣсто для десяти иностранцевъ, призванныхъ въ Харьковъ послѣ открытія въ немъ университета [6]).

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подлин. пригов. 1804 г.
[2]) Тамъ-же. Подл. пригов. 1808 г.
[3]) Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. унив. Т. I, стр. 843—844.
[4]) Архивъ Городск. Думы. Подл. пригов. 1802 г.
[5]) Тамъ-же. Вход. 1809 г.
[6]) Тамъ-же. Подл. пригов. 1805 г.

По восточному спуску возвышенности, занимаемой центромъ города, до рѣки, а затѣмъ до Михайловской площади и далѣе по Немышлянской слободѣ до выѣзда изъ города шла Московская дорога, нынѣшнія Московская и Старо-Московская улицы. Нижняя часть Московской, ниже теперешняго Петровскаго переулка, отличалась болотистостью. Въ кварталѣ между Московской, Слесарнымъ пер. и Николаевской улицей лежало озеро; другое озеро находилось въ кварталѣ между Московской, Петровскимъ переулкомъ и Рыбной, третье—въ самомъ концѣ нынѣшней Рыбной, съ правой ея стороны, почти у рѣки, гдѣ теперь магазины Иванова и Фадѣичева. Наконецъ, въ той же прибрежной мѣстности, на Мѣщанской, лежало четвертое озеро, жалкіе остатки котораго и до сихъ поръ сохранились въ саду „Баварія“.

Тогдашняя Московская красотою зданій отнюдь не отличалась. Изъ примѣчательныхъ сооруженій здѣсь отмѣчаемъ „братскій домъ“ Успенскаго собора на углу Московской и Николаевской площади, гдѣ теперь высится громадный многоэтажный и многодоходный домъ. Это была простая одноэтажная хата, не многимъ побольше обыкновенныхъ жилыхъ хатъ. На правой сторонѣ улицы (если идти къ мосту) стоялъ городской домъ, купленный когда то у Чайковскаго. Огромная усадьба, выходившая на Московскую, Петровскій переулокъ и Николаевскую улицу, гдѣ теперь дома университета и общественной библіотеки, принадлежала главному народному училищу. Впослѣдствіи здѣсь были помѣщены гимназія и уѣздное училище. Угловой домъ этой усадьбы, выходящей на Московскую, гдѣ долго помѣщался оптическій магазинъ г. Эдельберга, и до нашихъ дней сохранилъ названіе „дома старой гимназіи“.

Рыбная или, какъ ее тогда называли, Сѣнная были еще пониже Московской. Лучшимъ ея зданіемъ была каменная Троицкая церковь, но и она не имѣла надлежащаго вида, ибо была окружена со всѣхъ сторонъ обывательскими домами. На Кузнечной, какъ и теперь, расположены были кузницы. На Мѣщанской въ верхней ея части съ лѣвой стороны было нѣсколько частныхъ каменныхъ домовъ, а въ концѣ улицы, возлѣ рѣки, тамъ, гдѣ теперь заводъ, шли кузницы. По берегу рѣки, между Мѣщанской и Черноглазовской, тамъ, гдѣ теперь Малый театръ, стояла деревянная пивоварня. Весь правый берегъ рѣки Харькова между нынѣшними Харьковскимъ и Кузнечнымъ мостами былъ мѣстностью болотистой. Здѣсь вода, застаивавшаяся въ обывательскихъ дворахъ, „производила великій смрадъ, вредный для жизни“, отъ котораго и по улицамъ невозможно ѣздить [1]). Тамъ, гдѣ теперь номерныя бани Карытина и военный складъ, рѣка Харьковъ образовывала длинную косу, расширявшуюся къ нынѣшнему Кузнечному мосту и съуживавшуюся къ Харьковскому, гдѣ коса соединялась съ материкомъ. Нынѣшній Кузнечный переулокъ былъ въ то время русломъ протока рѣки Харькова, впослѣдствіи обмелѣвшимъ.

Черезъ Харьковъ перекинутъ былъ мостъ длиною въ 61 и шириною въ 6 саж. По описанію г. Устинова, онъ былъ каменный и выстроенъ въ 1785 г. Документы говорятъ другое: они говорятъ, что каменнымъ его только предполагали сдѣлать, но такъ и не сдѣлали, повидимому, въ виду неудачи, постигшей каменный Лопанскій мостъ. Другимъ средствомъ сообщенія города съ захарьковской частью служила такъ называемая Барабашевская гребля, расположенная тамъ, гдѣ теперь Кузнечный мостъ. Возлѣ гребли была мельница. Здѣсь Харьковъ разливался очень широко и образовывалъ два острова, изъ нихъ одинъ, по которому проходила гребля, былъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Не мѣшаетъ кстати упомянуть, что на рѣкѣ Харьковѣ въ то время было цѣлыхъ четыре гребли: одна за городомъ, въ мѣстности, гдѣ теперь мельница Молдавскаго,—Сомовская гребля, другая - Барабашевская, третья—Буксгевденъ (Нетечинскій мостъ), четвертая—Квиткинская, тоже за городомъ.

За Харьковскимъ мостомъ съ правой стороны, гдѣ теперь зданіе первой гимназіи, помѣщался казенный почтовый дворъ. Каменное зданіе „почтамта“ выходило на набережную, а на нынѣшнюю Старо-Московскую выходилъ деревянный домъ, принадлежавшій тому же „почтамту“. Прямо по „Московской дорогѣ“ шелъ дегтярный рядъ, а налѣво отъ моста, по нынѣшней Дворянской набережной, помѣщались торговыя бани [2]). На Дворянской улицѣ, тамъ, гдѣ теперь дѣтская больница, находился домъ, принадлежавшій городу. Изъ частныхъ домовъ этой мѣстности особенно былъ въ то время извѣстенъ домъ священника Вознесенской церкви о. Василія Фотіева, содержавшаго пансіонъ. Впослѣдствіи, когда въ Харьковѣ открылось Общество благотворенія, первый пріютъ для него нашелся въ домѣ Фотіева. Домъ Фо-

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. прагов. 1808 г.

[2]) Тамъ-же. Подл. прат. 1802 г.

тіева, по указанію Н. Ю. Квитки, находился противъ домъ помѣщика Задонскаго, т. е. нынѣшнихъ бань Гладкова, тамъ, гдѣ теперь вторая женская гимназія и домъ г. Власовскаго. Фотіевъ жилъ уже при концѣ города. Далѣе тянулась обширная площадь, на двухъ концахъ которой стояли деревянная Вознесенская и каменная Михайловская церкви. Тамъ, гдѣ теперь часовня Хорошевскаго монастыря, стояли каменные „обелиски“, которыми обозначался конецъ города. Площадь была много длиннѣе нынѣшней, такъ какъ доходила до самой рѣки: усадьбъ между нынѣшнимъ Вознесенскимъ скверомъ и рѣкой въ то время еще не существовало.

За площадью начиналась уже слобода Захарьковская или Немышлянская, по которой проходили „дороги“ Московская (Старо-Московская), Зміевская и Таганрогская (Петинская). Эта безводная въ настоящее время часть города перерѣзывалась въ то время какимъ то протокомъ, черезъ который велъ мостъ. Здѣсь же лежало и обширное Попово озеро, безпоконвшее обывателей своимъ зловоніемъ. Остатки озера и теперь сохранились. Захарьковская или Немышлянская слобода была самой обширной изъ подгородныхъ слободъ. По свѣдѣніямъ 1809 г. здѣсь было 545 домовъ. Тянулась она до нынѣшней Конной площади, которая въ то время была еще просто выгономъ и нынѣшняго своего названія не имѣла. Въ томъ мѣстѣ выгона, гдѣ теперь Конный базаръ, стояли кирпичные заводы. Другіе кирпичные заводы расположены были по нынѣшней Молочной, тамъ, гдѣ она пересѣкаетъ Петинскую (по тогдашнему Таганрогскую). По Зміевской, тамъ, гдѣ теперь Водопьяновскія казармы, стоялъ частный каменный домъ съ обширнымъ садомъ, а сама Зміевская доходила только до того пункта, гдѣ она теперь поворачиваетъ къ востоку. Заиковка существовала, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Здѣсь въ то время было всего 97 домовъ [1]).

Южная часть города, за рѣкой Харьковомъ (Занетечинская сторона) была почти совсѣмъ не заселена. Населеніе сосредоточивалось главнымъ образомъ около Воскресенской церкви. Площадь около церкви была очень слабо обстроена. На планѣ 1802 г. мы видимъ здѣсь только одинъ каменный домъ, примѣрно тамъ, гдѣ теперь единовѣрческая церковь. На Нетечинской набережной помѣщались мясные ряды и салотопни, а нѣсколько южнѣе—бойни. За Воскресенской церковью поселенія шли не далѣе, какъ на одинъ кварталъ: къ югу—до пересѣченія Грековской съ Ващенковскимъ переулкомъ, къ западу—до болота, образуемаго старымъ протокомъ рѣки Харькова, лежащаго между Воскресенской улицей и Москалевской, а къ востоку—до Престольнаго переулка. Нетечинской, нынѣ соединяющей Воскресенскій приходъ съ Михайловскимъ, совсѣмъ еще не существовало. Здѣсь и на прилегавшей къ этой мѣстности левадѣ шелъ, образуя рядъ озеръ и болотъ, протокъ, составлявшій старое русло Харькова. Протокъ начинался отъ рѣки нѣсколько выше нынѣшняго Подольскаго моста, проходилъ черезъ нынѣшнюю Нетечинскую, затѣмъ по Сѣдельниковскому переулку, далѣе поворачивалъ на западъ, проходилъ черезъ озера на Гордѣенковой левадѣ подъ нынѣшними Водопьяновскими казармами, черезъ Нетечинскій бульваръ и довольно широкимъ русломъ вливался въ рѣку Харьковъ какъ разъ у мѣста слiянія его съ Лопанью. Остаткомъ этого русла и теперь остался жалкій и зловонный протокъ, впадающій въ рѣку ниже нынѣшняго Коннаго моста. Вся эта мѣстность носила названіе Занетечи и соединялась съ центромъ города плотиной, принадлежавшей полковницѣ Буксгевденъ. Плотина была очень ветхой и являлась не рѣдко причиной несчастныхъ случаевъ съ проѣзжающими. Въ виду этого уже съ 1802 г. Дума стала дѣлать предположенія о покупкѣ плотины и замѣнѣ ея прочнымъ мостомъ. Плотина лежала нѣсколько ниже нынѣшняго моста. По другую ея сторону, тамъ, гдѣ теперь гостинница „Рига“, были торговыя бани. Пройдя затѣмъ еще нѣсколько домовъ, прохожій попадалъ къ Каменному столбу, на Народную площадь.

Какъ назывались въ то время улицы, о которыхъ мы только что вели рѣчь? Повидимому, никакихъ устойчивыхъ названій имъ въ то время не было. Даже въ крѣпостныхъ актахъ, документахъ оффиціальныхъ, объ улицахъ не было помину. Мѣсто, въ которомъ расположена данная усадьба, называлось либо по приходу, либо по другимъ признакамъ (мѣсто въ крѣпости, на Подолѣ, въ такой то слободѣ, или просто смежно съ такимъ то и такимъ то), но не по улицамъ. Прочно установившихся названій улицъ не было. Были только „дороги“: та, что вела въ Екатеринославъ, называлась Екатеринославскою или

[1]) Архивъ Губ. Правл. 1809 г. № 1732.

Новороссійскою, или иначе Полтавскою, въ Москву—Московскою, въ Змієвъ—Змієвскою, въ Деркачи—Деркачевскою и т. п. Для тѣхъ же улицъ, которыя не были дорогами, опредѣленныхъ названій не было. Первую попытку закрѣпить за улицами тѣ или другія названія видимъ со стороны губернатора Бахтина. Въ декабрѣ 1804 г. онъ писалъ городской думѣ: „Усмотрѣвъ, что большая часть улицъ въ г. Харьковѣ неизвѣстна жителямъ онаго по наименованіямъ, имъ даннымъ, а различаются только по какимъ нибудь примѣтамъ или домамъ обывателей, имѣющихъ въ нихъ жительство, призналъ я нужнымъ и до благоустройства относящимся, чтобы точныя названія улицъ извѣстны были какъ жителямъ, такъ и пріѣзжающимъ. Вслѣдствіе чего препровождая въ оную думу выписку, представленную мнѣ по приказанію моему здѣшнимъ г. губернскимъ землемѣромъ, описанныхъ улицъ съ показаніемъ положенія ихъ и гдѣ должны быть поставлены столбы, на коихъ бы означены были названія для улицъ, предлагаю думѣ сдѣлать примѣрную смѣту, во что должны обойтись поминутые столбы, кои должны быть съ желѣзными листами, выкрашенными приличною краскою и вышиною отъ земли 2 арш. съ четвертью“ [1]). Слѣдуетъ добавить, что большая часть улицъ была совсѣмъ не разрегулирована по плану, несмотря на то, что этимъ занимались харьковскіе градоправители еще со времени Щербинина.

Городъ испещренъ былъ садами не только на окраинахъ, но и внутри и въ лѣтнее время издали представлялъ, по отзыву современниковъ, „рѣдкую картину“. На Грековской былъ огромный садъ Черкасова; къ нему примыкали сады другихъ обывателей, шедшіе почти до р. Харькова, гдѣ теперь Нетечинская улица. По берегу р. Харькова, гдѣ теперь фабрика Ильина, тянулись сплошные сады обывателей, а нѣсколько южнѣе садъ помѣщика Квитки. На нынѣшней Клочковской—садъ кн. Кантемира, возлѣ нынѣшней Каплуновской церкви—садъ Куликовскаго. При впаденіи р. Немышли въ Харьковъ, находился садъ Горленскаго [2]).

Чтобы покончить съ описаніемъ расположенія города въ первое десятилѣтіе XIX в., слѣдуетъ упомянуть о заставахъ, расположенныхъ при въѣздахъ въ городъ. Дѣло въ томъ, что въ городѣ винная торговля была на откупу, а въ ближайшихъ къ городу селахъ вино продавалось вольною цѣною. Въ пѣсахъ Квитки есть упоминаніе о томъ, какъ харьковцы ходили изъ города „на вільну“. И вотъ, чтобы предупредить проносъ и провозъ въ городъ „вільної“, подрывавшей доходы откупщиковъ, на въѣздахъ въ городъ установлены были заставы, при проходѣ черезъ которыя обыватели подвергались обыску со стороны откупныхъ кордонщиковъ. По указу губернскаго правленія отъ 10 сентября 1804 г. такихъ заставъ установлено было десять. Въ 1807 г., въ силу сенатскаго указа, губернаторъ Бахтинъ велѣлъ перекопать „ненужные“ въѣзды въ городъ, а на остальныхъ поставить десятскихъ, для которыхъ сдѣлать будки. Судя по числу будокъ, нужно заключить, что такихъ заставъ было 14. У И. А. Устинова заставъ показано 15. Первая находилась близъ Холодной горы на Екатеринославской дорогѣ, вторая—Крамаренковская, третья—на Бѣлгородской улицѣ, четвертая—на Песковской, пятая—на Ковригиной, шестая—возлѣ новаго кладбища, седьмая—возлѣ стараго кладбища, восьмая—возлѣ Лысой горы, девятая—на Гончаровкѣ, десятая—близъ сада Квитки подъ Холодной горой, одиннадцатая—на Основѣ, двѣнадцатая—на Афанасовкѣ, тринадцатая—на Младзирской заставѣ, четырнадцатая—на Драгомировской заставѣ и пятнадцатая—по Сумской дорогѣ [3]). Такъ какъ, несмотря на караульщиковъ, обыватели, не желавшіе подвергаться осмотру, умудрялись, разогнавъ лошадей, проскакивать мимо десятскихъ, то въ 1807 г. было рѣшено устроить на заставахъ рогатки, поднимавшіяся только послѣ того, когда пріѣзжій будетъ обысканъ [4]).

Таковы были размѣры и расположеніе Харькова въ первое десятилѣтіе XIX в. Въ слѣдующее десятилѣтіе большихъ успѣховъ въ ростѣ города не замѣтно. По „вѣрному наблюденію“ мѣстнаго начальства, сдѣланному въ 1817 г., въ теченіе нѣсколькихъ предъидущихъ лѣтъ населеніе Харькова увеличилось по крайней мѣрѣ $^1/_{30}$ частью. Насколько вѣрнымъ можно назвать это наблюденіе, судить не беремся. Знаемъ только, что по оффиціальному подчету за 8 лѣтъ (съ 1809—1817 г.) населеніе (мужского пола) увеличилось на 631 чел., а по вычисленіямъ Карамзина даже нѣсколько уменьшилось, новыхъ же домовъ прибавилось всего только 17 [5]). Отъ 1817 г. мы имѣемъ „планъ губернскаго города Харькова съ

[1]) Архивъ Гор. Думы. Подл. приг. 1804 г.
[2]) Военно-учен. арх. Главн. Штаба. Отд. 9. № 1027.
[3]) Харьк. Календ. 1886 г. Отд. IX, стр. 87.
[4]) Арх. Гор. Думы. Вход. Думы. 1807 г.
[5]) Военно-учен. арх. Главн. Штаба. Отд. V, шкафъ 37 № 475.

показаніемъ, какъ онъ нынѣ въ натурѣ существуетъ, что въ оном остается безъ уничтоженія и что предполагается устроить вновь". Планъ составлялся, какъ видно изъ подписи, губернскимъ землемѣромъ Мочульскимъ, а копировалъ его сумской уѣздный землемѣръ Масловъ. Къ сожалѣнію, планъ Мочульскаго не даетъ возможности сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе о ростѣ города, такъ какъ онъ совершенно игнорируетъ пригородныя слободы, а онѣ то именно и могли рости. На планѣ Мочульскаго обозначены только тѣ части слободъ, которыя были „прикосновенны къ городской чертѣ". Это даетъ намъ возможность судить о расширеніи слободъ только въ одну сторону—по направленію къ городской чертѣ. И вотъ мы видимъ, что въ эту именно сторону пригородныя слободы нѣсколько расширяются. Панасовка отдѣляется отъ Чеботарской уже только небольшою площадью, а Довгалевка (Гончаровка) совсѣмъ сливается съ Рождественской (Конторской).

О восточной сторонѣ города, такъ наз. Захарьковской или Немышлянской слободѣ планъ Мочульскаго не даетъ никакихъ свѣдѣній, но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что и эта часть города, сравнительно съ первыми годами XIX ст., успѣла расшириться и полюднѣть. За Конной площадью было кладбище для Михайловскаго и Вознесенскаго приходовъ. Въ этой же мѣстности были кирпичные заводы и хлѣбные магазины. Сама Конная площадь утратила до нѣкоторой степени свой прежній характеръ. Съ 1816 г. сюда по распоряженію губернатора была переведена конная ярмарка, бывшая прежде на Михайловской площади. Временное превращеніе въ ярмарочную площадь не мѣшало, впрочемъ, Конной исполнять свое прежнее назначеніе. Она все еще оставалась выгономъ, поросшимъ травою и служившимъ пастбищемъ для обывательскаго скота [1]).

Въ самомъ городѣ, сравнительно съ первыми годами XIX в., перемѣнъ произошло не много. Дмитріевскаго кладбища, ни возлѣ церкви, ни подъ Холодной горой, уже не существовало. Съ 1810 г. оно было перенесено на Лысую гору, гдѣ и теперь [2]). Не существовало и „обелисковъ" при въѣздѣ въ городъ. Они обветшали и въ 1813 г. были уничтожены по распоряженію губернатора Бахтина. Ворота здѣсь, впрочемъ, остались; это и была застава [3]). По нынѣшнимъ Тюремной и Жандармской площадямъ тянулся небольшой валъ и ровъ, остатки старыхъ харьковскихъ укрѣпленій. Благодаря этому выѣздъ изъ города былъ возможенъ не по всѣмъ выходившимъ на западъ улицамъ, а только по Екатеринославской, Рождественской (Конторской) и Большой Панасовской.

Екатеринославская, при въѣздѣ на которую стояла уже каменная Дмитріевская церковь, нѣсколько пообсохла. Мостокъ черезъ озеро еще существовалъ, по прежнему видимъ озера въ кварталѣ между Ярославской и Дмитріевской улицами и на Гончаровкѣ, но протоковъ, соединявшихъ эти три озера, на планѣ Мочульскаго уже не видно. Благовѣщенская, Рождественская, Коцарская, Чеботарская и Большая Панасовская сохранили тотъ же видъ, какой имѣли и въ началѣ столѣтія. Разница только въ томъ, что на Благовѣщенской появились каменные дома, и въ этомъ отношеніи она даже превзошла Екатеринославскую: на Екатеринославской былъ по прежнему только одинъ частный каменный домъ, а на Благовѣщенской ихъ было цѣлыхъ четыре. На Рождественской больницы приказа общественнаго призрѣнія уже не существовало; она была переведена на Сабурову дачу, а вся усадьба перешла въ собственность города. Здѣсь былъ венерическій лазаретъ, переведенный съ Сумской, и „шпиталь". Благовѣщенская площадь не измѣнилась, но за то мѣстность нынѣшняго большого базара была уже не островомъ, какъ въ началѣ столѣтія, а только полуостровомъ: одинъ изъ рукавовъ Лопани успѣлъ уже обмелѣть въ той своей части, которая прилегала къ Большой Панасовкѣ. Характеръ этой мѣстности остался, впрочемъ, прежній: на планѣ Мочульскаго здѣсь показана мелкая лѣсная поросль, а надписи на планѣ свидѣтельствуютъ, что здѣсь было болото, болото и еще болото.

Возлѣ Лопанскаго моста рѣка образовывала рядъ острововъ: по правую сторону моста, если идти въ городъ, на планѣ Мочульскаго указанъ одинъ островъ, а по лѣвую отъ моста до усадьбы Пашкова—цѣлыхъ семь. За усадьбой Пашкова, ниже монастыря, шло почти сплошное болото. Мѣстность была по прежнему не застроена. Клочковская начиналась только за Бурсацкимъ спускомъ. По правому берегу

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1839 г. сентября 12.
[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1852 г. № 33.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1812 и 1816.

Лопани, гдѣ теперь Лопанскій переулокъ и зданіе второй гимназіи, была усадьба помѣщика Хорвата, купленная въ 1819 г. университетомъ.

На базарѣ перемѣнъ почти никакихъ не произошло, если не считать замѣны разрушенной въ 1805 г. „каменной галлереи“ болѣе прочными каменными лавками, выстроенными въ 1814 г. На Народной площади, иначе называвшейся Лобной, противъ желѣзныхъ рядовъ располагались многочисленные столики мѣнялъ. Въ центрѣ города перемѣна состояла въ томъ, что недостроенныя присутственныя мѣста были наконецъ достроены, и сюда переведены всѣ губернскія учрежденія, а старыя деревянныя зданія проданы на сносъ. Бывшій губернаторскій „дворецъ“ достался университету, но перестроекъ въ немъ еще никакихъ не дѣлалось, такъ какъ самъ университетъ смотрѣлъ на свое пребываніе во „дворцѣ“, какъ на временное.

Въ сѣверной части города разница противъ первыхъ годовъ столѣтія заключалась въ томъ, что стали заводиться поселенія къ сѣверу отъ острога и провіантскаго магазина, на мѣстѣ нынѣшнихъ Кокошкинской и Чернышевской улицъ. Шли они, впрочемъ, не далеко; начинались отъ переулка, что по за киркой, и выходили на Мироносицкое кладбище или, иначе, Хлѣбную площадь. Такъ называло по крайней мѣрѣ эту мѣстность начальство, желавшее эксплоатировать упраздненное кладбище для торговли хлѣбомъ. Университетскій садъ уже былъ заведенъ. Оставленный впустѣ домъ венерической больницы за Мироносицкой церковью пришелъ въ совершенную ветхость и былъ предназначенъ начальствомъ къ упраздненію. Эта въ то время отдаленная окраина города имѣла, впрочемъ, не малое значеніе для мѣстныхъ любителей музыки: здѣсь жилъ единственный въ то время въ Харьковѣ фортепіанный мастеръ Энке, отъ котораго въ нѣкоторомъ родѣ зависѣлъ весь харьковскій beau monde. Здѣсь же возникъ въ эти же годы и одинъ изъ первыхъ зародышей харьковской мануфактурной промышленности: въ 1818 г. зміевскому помѣщику графу Девіеру дано разрѣшеніе завести въ Мироносицкомъ приходѣ, въ домѣ казеннаго обывателя Редчова, фабрику для дѣланія изъ россійской шерсти разныхъ суконъ, баекъ, казимировъ, фланелей и пр. Долго ли просуществовала эта фабрика, и много ли она надѣлала суконъ,— не знаемъ [1]).

Нынѣшняя Пушкинская была разбита по плану только въ незначительной части, а Черноглазовская, Садово-Куликовская, Садовая, Подгорная, Дѣвичья, Бѣлгородская, не говоря уже о такихъ переулкахъ, какъ Мардвиновскій и Харинскій, оставались въ совершенно первобытномъ видѣ. Въ концѣ Пушкинской, за чертою городскихъ поселеній, стояла новая Каплуновская церковь съ прилегающимъ къ ней кладбищемъ. На Московской, Никольской, Кузнечной и Сѣнной (Рыбной) никакихъ перемѣнъ не произошло. Послѣдняя вмѣстѣ съ прилегающими къ ней переулками и на планѣ 1817 г. показана въ первобытномъ, не разрегулированномъ видѣ. На р. Харьковѣ, возлѣ Харьковскаго моста, планъ 1817 г. отмѣчаетъ рядъ острововъ, не указанныхъ въ планѣ 1802 г. Ниже моста рѣка образовывала большой островъ, возлѣ Барабашевской гребли было два большихъ острова, третій, самый большой, былъ тамъ, гдѣ теперь Подольскій мостъ. Южная, занетечинская часть города по прежнему соединялась съ центромъ греблею, несмотря на всѣ неудобства и даже небезопасность такого способа сообщенія. Въ 1813 г. сорокъ два обывателя подали было въ думу прошеніе о замѣнѣ гребли мостомъ, который и сама дума находила нужнымъ для „пожарнаго случая“, но дальше разговоровъ дѣло не пошло [2]). Вообще эта часть города была въ забросѣ. Узенькія, извилистыя, страшно неправильныя, крайне бѣдно обставленныя улицы, тянувшіяся на югъ немного далѣе Ващенковскаго переулка, на востокъ—далеко не доходившія до Михайловской церкви (Нетечинская была только въ зародышѣ), а на западъ—до стараго протока р. Харькова,— такова была эта мѣстность въ тѣ годы. Что касается Москаленки, то выросла ли она сколько нибудь сравнительно съ 1809 г., когда мы имѣли первыя свѣдѣнія о ней,—сказать не можемъ, ибо на планѣ 1817 г. тамъ, гдѣ полагалось бы быть Москалевкѣ, показано пустое мѣсто.

Что представлялъ собою Харьковъ въ двадцатыхъ годахъ,—объ этомъ даетъ намъ понятіе планъ Харькова, Высочайше утвержденный 23 марта 1822 г., а затѣмъ рядъ указаній, встрѣчающихся въ документахъ того времени. Къ сожалѣнію, планъ 1822 г. имѣетъ въ виду только городъ, совершенно игнорируя слободы за Харьковомъ и за Лопанью. А между тѣмъ въ дѣйствительности эти слободы перестали

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1818 г.

[2]) Тамъ-же. Журн. 1813 г.

уже быть чѣмъ то отдѣльнымъ отъ города. Житель Захарьковской слободы или Панасовки подчинялся тѣмъ же органамъ власти, пользовался тѣми же „городскими правами“, что и житель центра. Разница между городомъ и слободами заключалась въ томъ, что въ городѣ жили большею частью „люди средняго рода“, а въ слободахъ—крестьяне. И въ топографическомъ смыслѣ городъ и слободы составляли единое цѣлое. Панасовка, прежде отдѣлявшаяся отъ города довольно обширнымъ пустыремъ, теперь сливается съ городомъ и становится какъ бы прямымъ продолженіемъ Чеботарской улицы. Довгалевка сливается съ Рождественской. Прежній хуторъ Пески превращается въ Песковскую (Клочковскую) улицу. Ивановка по прежнему остается отдѣльнымъ поселеніемъ. Въ восточной части города Захарьковская слобода и прежде могла считаться отдѣльнымъ поселеніемъ только по недоразумѣнію. А между тѣмъ планъ 1822 г. совершенно игнорируетъ и Панасовку, и Гончаровку, и Захарьковскую слободу съ Заиковкой, и это обстоятельство лишаетъ насъ точныхъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько успѣлъ расшириться городъ въ его западной и восточной частяхъ. Можно думать, что благодаря переносу на Конную площадь конной ярмарки, эта часть города заселилась гуще, чѣмъ прежде. Что касается южной и сѣверной частей города, то о послѣдовавшихъ здѣсь измѣненіяхъ можно составить по плану очень опредѣленное мнѣніе. Изъ плана видно, что въ занетечинской части города область поселеній отодвинулась къ югу. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ расширеніе этой части къ востоку и западу. Къ западу заселяется вся мѣстность до начала нынѣшней Марьинской улицы, что на Москалевкѣ, къ востоку—появляется цѣлая новая улица, Нетечинская, соединяющая Воскресенскій приходъ съ Михайловскимъ. Сѣверная часть города значительно разрослась. Съ лѣвой стороны Сумской находимъ уже вполнѣ благоустроенный университетскій садъ: въ нижней его части, какъ и теперь, былъ ботаническій садъ, а верхняя была открыта для гулянья публики [1]). Нѣмецкая доходила уже до Каплуновской церкви, при которой было обширное кладбище. Каплуновская церковь стояла уже на концѣ города. Кварталъ между Нѣмецкой и Сумскою улицами также обозначенъ на планѣ какъ заселенный. Въ дѣйствительности этого, повидимому, не было. Изъ одного журнала городской думы за 1827 г. видно напр., что „улица отъ хлѣбнаго магазина вверхъ“ была только въ проектѣ. Мѣстность эта была занята кладбищемъ иностранцевъ, которыхъ и продолжали здѣсь хоронить по старому, несмотря на то, что кладбище было предназначено подъ улицу [2]). Клочковская тоже уже; какъ мы упомянули, существовала. Поселенія здѣсь были, впрочемъ, только до нижней части университетскаго сада, а далѣе тянулась только дорога по пустынямъ пескамъ къ Ивановкѣ.

Таковыя были внѣшнія очертанія города. Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли внутри его. Начнемъ по прежнему съ западной части. Холодная гора оставалась по прежнему не заселенной. Здѣсь, на землѣ, принадлежавшей харьковскимъ войсковымъ обывателямъ, было еврейское кладбище, существовавшее, впрочемъ, уже издавна [3]). Подъ горой помѣщался базаръ, обслуживавшій районъ Панасовки и Гончаровки [4]). Впрочемъ утвердиться здѣсь прочно базару не удалось по независящимъ, такъ сказать, обстоятельствамъ. Пустырь передъ городомъ, гдѣ въ старые годы было Дмитріевское кладбище, превратился въ площадь—Арестантскую. Здѣсь на планѣ 1822 г. намѣченъ къ постройкѣ острогъ, который въ двадцатыхъ годахъ и былъ здѣсь выстроенъ. Южная часть пустыря тоже называлась площадью—Жандармской, потому что здѣсь, на мѣстѣ нынѣшней таможни, были въ то время жандармскія конюшни [5]). Екатеринославская не измѣнила своей физіономіи, и разница между тѣмъ, чѣмъ она была и чѣмъ стала, заключалась, только въ томъ, что она пообстроилась. Улицы Шевская, Дмитріевская и Ярославская въ 1821 г. были только что выпланированы. На Благовѣщенской, гдѣ теперь Александровская больница, помѣщался дѣвичій институтъ, устроенный Обществомъ благотворенія. На Рождественской, въ домахъ, гдѣ нѣкогда была больница приказа общественнаго призрѣнія, помѣщались классы военно-сиротскаго отдѣленія. Классы, впрочемъ, не имѣли прочной осѣдлости. Въ началѣ ихъ возникновенія (1813 г.) для нихъ была отведена бывшая больница, затѣмъ ихъ перевели въ городской Мордвиновскій домъ (на Рымарской) и въ дома Минстера и Щелкова. Планъ 1822 г. застаетъ часть клас-

[1]) Военно-учен. архивъ Главн. Штаба, отд. V. наказъ 73, № 475.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1827 г. марта 3.
[3]) Тамъ же Журн. 1826 г.
[4]) Тамъ же Журналы 1824 г.
[5]) Арх. Гор. Думы Журн. 1821 г.

совъ на Рождественской, а часть въ домѣ Мордвинова. Здѣсь же, на Рождественской, помѣщалась и городская богадѣльня. Въ 1823 г. домъ, занятый богадѣльней, обветшалъ и грозилъ обрушиться въ рѣку, такъ что въ концѣ концовъ его пришлось сломать [1]). Мѣсто будущаго Благовѣщенскаго базара и „Клочки", по разсказу Ф. О. Рейнгардта, продолжали оставаться „сплошными болотами, поросшими камышами, по коимъ съ трудомъ въ сухое время года можно было добраться до рѣки". Постройки на углу Лопанской набережной и Лопанскаго переулка принадлежали университету. Здѣсь помѣщались хирургическія клиника и анатомическій театръ, а дальше, противъ Благовѣщенской церкви, гдѣ теперь вторая гимназія, былъ извѣстный въ Харьковѣ пансіонъ А. И. Нагель. Здѣсь же, около церкви, велась торговля зеленью, овощами и фруктами. Это было какъ бы отдѣленіе базара, сосредоточивавшагося на нынѣшнихъ Сергіевской и Торговой площадяхъ, перехватывая даже и за Нетечу, въ южную часть города. По плану 1822 г. здѣсь на берегу рѣки помѣщались рѣзницы. Гребля на мѣстѣ Нетечинскаго моста осталась въ томъ же видѣ, что и раньше. Здѣсь же, на берегу Нетечи, помѣщались и лавки для торговли солью, выстроенныя по распоряженію губернатора въ 1820 г. [2]). На базарѣ подъ Университетской горкой на планѣ 1822 г. намѣчены къ постройкѣ каменныя лавки для продажи съѣстныхъ припасовъ и мелочныхъ товаровъ (на мѣстѣ нынѣшняго Сергіевскаго ряда), а дальше—рыбныя лавки. Предположенія эти не осуществились. На базарѣ, впрочемъ, явились новые ряды, но уже благодаря частной инициативѣ. Въ 1824 г. выходившая на базаръ усадьба наслѣдниковъ Пашкова была куплена купчихой Павловой, которая и поспѣшила эксплоатировать выгоды положенія доставшагося ей дворового участка. На ея землѣ были выстроены рыбныя лавки, а затѣмъ на ея же землѣ, тамъ, гдѣ теперь Московскій рядъ, была выстроена „шопа", иначе обжорный рядъ [3]). Возлѣ Лопанскаго моста росли разныя „нефруктовыя" деревья, преимущественно вербы. Во вторую половину двадцатыхъ годовъ они уже „усхли", а потому и были срублены по распоряженію начальства въ 1827 г. [4]).

Въ центрѣ города, старой крѣпости, въ теченіе двадцатыхъ годовъ произошли большія перемѣны. Губернаторскій и вице-губернаторскій дома, полиція и магистратъ, словомъ, обѣ половины Университетской улицы отъ Торговой и до Соборной площади окончательно перешли въ собственность университета. На университетской усадьбѣ былъ выстроенъ въ 20-хъ годахъ рядъ новыхъ корпусовъ. Кромѣ стараго губернаторскаго „дворца", подвергшагося только небольшимъ поправкамъ, были вновь выстроены: каменный двухъ-этажный домъ для педагогическаго института, каменный двухъ-этажный домъ для казенно-коштныхъ студентовъ, корпусъ для церкви, залъ торжественныхъ собраній и библіотека, трехъ-этажный корпусъ для квартиръ директора педагогическаго института, инспектора и университетскихъ служителей. Произведены, кромѣ того, надстройки надъ зданіемъ, раньше занимавшимся полиціей. Со стороны Университетской горки устроена каменная ограда съ „галлереей".

Горка, или по тогдашнему бульваръ, въ то время не была городскимъ достояніемъ. Она принадлежала университету и входила въ составъ университетской усадьбы. Была она окружена чугунной рѣшеткой, начинавшейся отъ угла нынѣшней химической лабораторіи, шедшей затѣмъ по кряжу горки, на всемъ ея протяженіи до двери нынѣшняго трактира „Шишки", тогда не существовавшаго, и заворачивавшей затѣмъ по горному кряжу горки. На сѣверной сторонѣ рѣшетки были ворота и маленькая калитка для пѣшеходовъ, которая открывалась днемъ и закрывалась вечеромъ. У воротъ будка для часового. Другой проходъ былъ въ рѣшеткѣ съ западной стороны и велъ къ деревянной лѣстницѣ, которая зигзагами спускалась внизъ, имѣя на своемъ протяженіи двѣ или три площадки съ сидѣньемъ. Начало лѣстницы было на полъ-пути ближе къ сѣверу, нежели теперь. Полутемная лѣсенка находилась подъ крышей деревянныхъ базарныхъ построекъ, занимавшихъ весь склонъ горки. Университетскій дворъ не былъ изолированъ отъ горки, какъ теперь. Изъ него сюда велъ два выхода черезъ арки, устроенныя посрединѣ стѣны нынѣшняго зданія типографіи. Послѣднее въ то время не составляло одного корпуса, какъ теперь, а два зданія, между которыми и были арки. Зимою на горкѣ устраивались студентами ледяныя горы для катанья. Сюда, во времена попечительства Головкина, приглашался иногда для катанья и харьковскій beau monde. Чугун-

---

[1]) Арх. Гор. Думы Журн. 1821 г.
[2]) Арх. Гор. Думы Журн. 1820 г.
[3]) Арх. Гор. Думы Журн. 1826 г.
[4]) Тамъ же Журн. 1827 г.

ныя ворота и рѣшетки исчезли съ горки только послѣ пожара базара въ 1835 г., когда они были разломаны для проѣзда пожарной команды, но и послѣ этого горка долго еще принадлежала къ составу университетской усадьбы [1]). На Соборной площади было тоже не безъ перемѣнъ. Старая соборная колокольня, помнившая еще пожаръ 1733 г., была уже разобрана. Вмѣсто нея, въ одной связи съ соборомъ, строилась теперь новая, обѣщавшая стать самымъ высокимъ зданіемъ въ Харьковѣ. Послѣдовала перемѣна и въ Гостинномъ ряду: изъ одноэтажнаго онъ превратился въ двухъ-этажный. Планъ 1822 г. застаетъ его наканунѣ перестройки. Въ монастырскомъ дворѣ, вмѣсто скромныхъ деревянныхъ келій, въ которыхъ жили преосвященный Христофоръ и его преемники, въ двадцатыхъ годахъ строится роскошный каменный домъ. На мѣстѣ, гдѣ когда то былъ пороховой погребъ, возводится каменный корпусъ для городскихъ присутственныхъ мѣстъ и для полиціи (нынѣшнее управленіе полиціймейстера). Скромная по размѣрамъ старая бурса превращается въ огромный каменный корпусъ. Къ существовавшимъ ранѣе улицамъ въ центрѣ прибавляется еще одна — Горяиновскій переулокъ съ воротами со стороны Торговой площади, пробитый по усадебному мѣсту купчихи Горяиновой [2]).

Николаевская площадь тоже преобразилась. Въ двадцатыхъ годахъ здѣсь былъ устроенъ на мѣстѣ нынѣшняго сквера городской бульваръ, являвшійся въ первые годы своего существованія излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ харьковскаго beau monde'a. На Театральной площади, на мѣстѣ нынѣшняго дѣтскаго пріюта, стоялъ театръ, невзрачный по виду, но по артистическимъ силамъ, здѣсь выступавшимъ, считавшійся лучшимъ изъ провинціальныхъ. На мѣстѣ упраздненнаго острога, перенесеннаго на Арестантскую площадь, въ концѣ двадцатыхъ годовъ начинаетъ строиться зданіе лютеранской кирхи, которое долго потомъ считалось однимъ изъ лучшихъ архитектурныхъ сооруженій Харькова. На Сумской, на мѣстѣ, занятомъ теперь институтомъ благородныхъ дѣвицъ, начинается съ 1825 г. постройка огромнаго зданія, предназначеннаго для кадетскаго корпуса. Въ городскомъ домѣ на Рымарской помѣщались классы военно-сиротскаго отдѣленія, отчего и прилегающій къ нему переулокъ получилъ наименованіе Классическаго, удержавшееся и по днесь [3]).

Лѣвый берегъ р. Харькова у нынѣшняго Дмитріевскаго моста, до тѣхъ поръ совершенно пустынный, застраивается теперь кузнями. Лѣвый берегъ Харькова по нынѣшней Бѣлгородской на планѣ 1822 г. показанъ покрытымъ сплошною древесною растительностью и не заселеннымъ. На право отъ Харьковскаго моста по тому же лѣвому берегу, на мѣстѣ нынѣшняго военнаго склада, видимъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ пивоваренный заводъ купца Мухина [4]). На Старо-Московской, противъ нынѣшней часовни, по старому находимъ заставу съ шлагбаумами и желѣзными цѣпями.

Перейдемъ теперь къ тридцатымъ годамъ. Мы знаемъ, что въ это время составлены были два плана Харькова; одинъ губернскимъ архитекторомъ Денисенковымъ, который производилъ и измѣреніе города, другой—землемѣромъ Чернышевымъ. Первый былъ составленъ по Высочайшему повелѣнію, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ, съ показаніемъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ зданій и съ расписаніемъ названія улицъ. О второмъ планѣ мы знаемъ, что съемка города производилась Чернышевымъ въ 1838 г., но каковъ былъ этотъ планъ,—не извѣстно. Къ сожалѣнію, ни того, ни другого плана отыскать намъ не удалось, такъ что о топографіи Харькова въ тридцатые годы мы можемъ судить только на основаніи архивныхъ данныхъ, главнымъ образомъ отрывочныхъ и неполныхъ указаній документовъ городской думы. Что же сообщаютъ они намъ о ростѣ тогдашняго Харькова?

Прежде всего они даютъ намъ основанія отмѣтить значительный ростъ города по направленію къ западу. До сихъ поръ ни Холодная, ни Лысая гора не привлекали къ себѣ поселенцевъ: здѣсь были только кладбища еврейское и русское. Съ тридцатыхъ годовъ Холодная гора въ ея восточной части, по скату къ городу, начинаетъ заселяться. Сюда явилось не мало выходцевъ изъ города, бѣдняковъ, продавшихъ свои отцовскія и дѣдовскія усадьбы за невозможностью поддерживать ихъ въ томъ порядкѣ, какого желало начальство, ставшее какъ разъ около этого времени особенно требовательнымъ въ отношеніи частнаго домостроительства и городскаго благоустройства. Ветхія хатенки подъ соломенною крышей, въ

---

[1]) Статистич.-Листокъ. 1882 г., стр. 184—185.

[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1821 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ-же. Журн. 1826 г.

видахъ благообразія города, безпощадно обрекались на сломку. Замѣнить старую хату пристойнымъ жилищемъ не у всякаго хватало возможности. Обывателю оставалось одно: продать хату съ усадьбой тому, кто побогаче, и уйти на Холодную гору, гдѣ онъ могъ жить, какъ хотѣлъ и былъ въ состояніи. И уходили. Прежде всѣхъ здѣсь появились государственные крестьяне—владѣльцы сломанныхъ хатъ. За ними двинулись и мѣщане, цеховые, отставные солдаты, разночинцы. Одни уходили изъ города, другіе приходили въ городъ изъ разныхъ мѣстъ Харьковской и другихъ губерній, но не будучи въ состояніи осѣсть въ самомъ городѣ, селились на Холодной горѣ, селились, какъ кто хотѣлъ и могъ, иные даже въ землянкахъ и въ сооруженіяхъ, напоминавшихъ сакли горныхъ ауловъ Кавказа [1]). Въ этомъ отношеніи новоселамъ была полная воля: Холодная гора въ составъ города не входила. Зато окончательно вошла въ составъ города Гончаровка, хотя по прежнему продолжала почему то именоваться слободой: свободнѣе сравнительно съ городомъ жилось здѣсь развѣ потому, что начальство меньше обращало на гончаровцевъ вниманія. И Гончаровка продолжала застраиваться и заселяться.

Большіе успѣхи дѣлаетъ и Москалевка, ставшая къ этому времени уже довольно значительнымъ поселкомъ. Москалевка заселеніемъ обязана купцамъ Карповымъ: Ѳедоту, Сергѣю и сыновьямъ послѣдняго. Въ началѣ XIX вѣка мѣстность, гдѣ теперь улицы Марьинская, Владимірская, Сирохинская, Екатерининская и др., представляла песчаную пустошь, принадлежавшую Карпову. Уже на старости лѣтъ Карповъ распорядился своею землею такъ: онъ отдавалъ ее для застройки отставнымъ солдатамъ (преимущественно больнымъ, раненымъ и увѣчнымъ), бытъ которыхъ въ то время былъ не обезпеченъ. Отсюда и названіе—Москалевка, отъ слова „москаль“. Тоже было и при наслѣдникѣ Карпова—Сергѣѣ и его внукахъ, М. С. и Ф. С. Карповыхъ. Этотъ послѣдній продавалъ участки земли „москалямъ“ въ разсрочку: дворовый участокъ, на которомъ кто нибудь устроился, переходилъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ его полную собственность при условіи взноса опредѣленной суммы [2]). Впослѣдствіи примѣру Карповыхъ послѣдовалъ и владѣлецъ Основы—Квитка, которому принадлежали обширные пустыри южной части Москалевки. Онъ тоже пустилъ въ продажу участки своей земли, преслѣдуя при этомъ, впрочемъ, не благотворительныя, а чисто коммерческія цѣли.

Заселяется, впрочемъ, не одна Москалевка. но и вся вобще южная часть города. Здѣсь разными лицами пріобрѣтаются у Квитокъ усадебные участки. Сюда переходятъ вытѣсняемые начальствомъ изъ города мясники и владѣльцы салотопенъ. Одно время, въ 1833 г., Квитка предлагалъ было городу продажу своей земли en masse, но дума отказалась, находя, что и безъ того покупаютъ, кому нужно [3]).

О заселеніи восточной части города документовъ мы имѣемъ не много. Знаемъ, что въ это время уже существовала такъ назыв. Чугуевка, заселенная выходцами изъ военнаго населенія. Знаемъ, что значительно сократились и размѣры прежняго выгона—Конной площади, такъ какъ харьковскіе войсковые обыватели и пришлые крестьяне, какъ видно изъ документовъ позднѣйшаго времени, самовольно и безъ разрѣшенія начальства позастроили выгонъ своими усадьбами, а когда губернское начальство обратило на этотъ непорядокъ свое вниманіе, съ совершившимся фактомъ пришлось волей-неволей примириться. Несомнѣнно, что сильное развитіе торговли шерстью на Троицкой ярмаркѣ не могло не повести за собою уплотненія населенія въ той части города, которая примыкала къ мѣсту торжища—Конной площади: должны же были здѣсь возникнуть и постоялые дворы, и склады для привозимой шерсти. И мы знаемъ, что напр. Михайловская улица представляла въ то время почти сплошной постоялый дворъ, благодаря чему и стала столь легкою жертвою пламени въ пожаръ 1833 г.

Заглянемъ теперь въ самый городъ. Передъ въѣздомъ на Екатеринославскую, на Жандармской площади, кромѣ прежнихъ конюшенъ, находимъ еще и жандармскій манежъ, выстроенный именно въ эти годы. На Екатеринославской лучшимъ украшеніемъ улицы являются дома извѣстнаго въ то время богача-откупщика Кузина; здѣсь же мы видимъ и аптеку Фидлера, перешедшую потомъ къ Егорьевымъ, одну изъ старѣйшихъ въ Харьковѣ вольныхъ аптекъ, появившуюся здѣсь съ 1829 г. На Рождественской находилась откупная контора Кузина, давшая впослѣдствіи названіе и самой улицѣ. Нынѣшній Кузинскій пере-

---

[1]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г. № 186.

[3]) Архивъ Гор. Думы. Журн. 1833 г., октября 16.

улокъ, выходящій на Екатеринославскую, именовался въ то время Аптекарскимъ, каковое наименованіе получилъ, вѣроятно, отъ аптеки приказа общественнаго призрѣнія, долгое время здѣсь помѣщавшейся. Залопанская часть съ центромъ соединялась по прежнему только однимъ Лопанскимъ мостомъ. Лопань въ это время была уже далеко не такой полноводной рѣкой, какъ въ началѣ столѣтія: засоренная „купиромъ", она „пришла въ порчь и безобразіе". Базаръ въ первую половину тридцатыхъ годовъ продолжалъ еще оставаться на своемъ старомъ мѣстѣ—подъ Университетской горкой и умножаться новыми торговыми сооруженіями. Неудобства такого мѣстоположенія базара давно уже чувствовались, а тутъ еще кстати на помощь подошелъ пожаръ 7 января 1835 г., превратившій деревянныя сооруженія въ кучи головешекъ, а отъ каменныхъ остались однѣ стѣны. Въ это время городомъ былъ купленъ у г-жи Рейнике участокъ ея земли за Лопанью, такъ назыв. Дунинская левада. Сюда то и былъ перенесенъ базаръ съ Сергіевской площади. Сперва здѣсь появились деревянныя лавчонки, а къ 1840 г. выстроенъ былъ и каменный, такъ называемый Кузинскій рядъ. Всего подъ базаръ было отведено 118 кв. саж., изъ остальной пріобрѣтенной городомъ земли 5 дес. было отведено подъ огороды внутренней стражи, одна десятина поступила въ распоряженіе жандармовъ и 1/2 дес. отвели для этапной команды. Остальныя 23 дес. были „луки", отдававшіяся подъ сѣнокосъ и приносившія нѣкоторый доходъ въ городскую кассу. Послѣднія остатки базарныхъ сооруженій подъ горкою были уничтожены въ 1837 г. Площадь очистилась и приняла болѣе благообразный видъ. Къ тому же она и расширилась, такъ какъ часть земли, занятой постройками Павловой, перешла къ городу по судебному приговору, а другую городъ пріобрѣлъ у нея покупкою. Такимъ образомъ вся эта площадь стала собственностью города. На Университетской горкѣ, въ той ея части, на которую выходитъ зданіе присутственныхъ мѣстъ, выстроена была каменная главная гауптвахта. На торговой площади къ концу тридцатыхъ годовъ выстроился громадный каменный домъ Павловыхъ, гдѣ теперь „Grand Hôtel". Въ 1840 г. была рѣшена и судьба знаменитой „круглой каменной башни", безобразнаго сооруженія, стоявшаго какъ разъ на проѣздѣ съ Сергіевской на Торговую площадь. Здѣсь въ это время помѣщался „Круглый трактиръ", принадлежавшій Кузиной. Зданіе мѣшало свободному проѣзду, безобразило площадь и противорѣчило плану. Въ 1840 г. Кузина по взаимному уговору уступила свой „Круглый трактиръ" купчихѣ Иринѣ Павловой, а послѣдняя отдала его городу подъ условіемъ уступки городской земли для устройства открытой галлереи вокругъ ея новаго дома. Новый хозяинъ старинной башни, помнившей еще времена Миниха, не пожалѣлъ историческаго сооруженія. Башня была сломана, и между Торговой и Сергіевской площадями установился свободный проѣздъ [1]). На лѣвомъ берегу Лопани, возлѣ теперешняго Бурсацкаго моста, располагались кузни Муратова. Возлѣ бурсы былъ колодецъ, а надъ нимъ „каплица". На Клочковской, поближе къ рѣкѣ, видимъ каменныя торговыя бани. Нетечинскаго моста въ началѣ тридцатыхъ годовъ еще не находимъ: здѣсь былъ просто перевозъ, какихъ въ то время на харьковскихъ рѣкахъ было нѣсколько. Слѣдуетъ отмѣтить, что обыкновенно возлѣ перевозовъ помѣщались и балаганы для продажи откупной водки. Къ концу тридцатыхъ годовъ въ Харьковѣ было уже три моста и одна плотина, полагать нужно, третій мостъ и былъ Нетечинскій. Нетечинская набережная у мясныхъ лавокъ постепенно подмывалась полой водой, берегъ здѣсь сдѣлался на столько обрывистъ, что для безопасности прохожихъ по берегу были устроены перила. На Нетечинской улицѣ старое русло Харькова, уже сильно обмелѣвшее и пересохшее, все таки еще давало о себѣ знать: ради его здѣсь приходилось содержать небольшой мостъ противъ нынѣшняго Сѣдельниковскаго переулка. Возлѣ мостика, ведущаго на Москалевку, помѣщались кузни Сапрыкина, отчего и мостъ долгое время носилъ названіе Сапрыкинскаго. На противоположномъ берегу, въ нынѣшнемъ Ванномъ переулкѣ, были бани. Въ сѣверной части города распланированы улицы Подгорная и Садовая. Усадьба благотворительнаго общества принадлежала тогда помѣщику Куликовскому, давшему свое имя улицамъ Куликовской и Садово-Куликовской. Нынѣшній Театральный переулокъ былъ въ то время просто „провальемъ". Кирха и костелъ уже существовали. Въ городскомъ домѣ на Рымарской (Лимарской) помѣщался пансіонъ Бирихъ. Бывшее Мироносицкое кладбище превратилось наконецъ въ площадь, хотя надмогильные кресты и уцѣлѣли здѣсь во множествѣ. Здѣсь въ базарные дни продавали хлѣбъ. Мѣстность сѣвернѣе Мироносицкой церкви было просто полемъ, принадлежавшимъ помѣщикамъ Лосевымъ и Яйцевой. Въ 1834 г. и 1837 г. земли эти были скуплены купцомъ Котляровымъ.

[1]) Архивъ Гор. Думы. Журналъ 1840 г., мая 7.

Каплуновское кладбище было уже упразднено, и для кладбища отведенъ за городомъ въ той же сѣверной части обширный участокъ земли, нынѣшнее городское кладбище. Къ восточной части города, за р. Харьковомъ, думскіе документы того времени упоминаютъ о какомъ то новомъ городскомъ бульварѣ. Полагать нужно, это на мѣстѣ нынѣшняго Вознесенскаго сквера, ибо другого мѣста для него не было. Михайловская или, какъ тогда называли, Сѣнная площадь была отведена подъ „плацъ-парадное мѣсто", окруженное перилами. На Святую здѣсь уже устраивались гулянья,— обычай, державшійся въ Харьковѣ еще въ девяностыхъ годахъ. Въ домѣ Фотіева помѣщалось ланкастерское училище, иначе школа взаимнаго обученія: это теперешнее 1-ое городское приходское училище. Рѣка Харьковъ представляла еще для населенія опаснаго врага, съ которымъ нужно было серьезно бороться. Она ежегодно подмывала и разрушала полой водой свой правый берегъ, такъ что набережная постепенно сокращалась. Въ 1833 г., по донесенію полиціймейстера, набережная противъ Никольской улицы уменьшилась съ 10 до 4 саж. Приходилось укрѣплять берегъ, иначе черезъ 2—3 года рѣка грозила захватить уже и усадьбы прибрежныхъ жителей.

Что касается улицъ, то онѣ и теперь все еще не имѣли прочно установившихся названій. И въ тридцатыхъ годахъ мы встрѣчаемъ распоряженія о прибивкѣ къ домамъ таблицъ съ точнымъ наименованіемъ улицъ.

Для пятидесятыхъ годовъ мы имѣемъ два плана: одинъ—великолѣпный планшетный, съ обозначеніемъ названія улицъ и площадей, фамилій владѣльцевъ усадебныхъ мѣстъ, мѣры усадебныхъ участковъ, съ указаніемъ, сколько земли находится подъ дворами, садами, огородами, пустырями и т. п. На планъ нанесенъ не только городъ, но и принадлежавшая ему выгонная земля. Составленъ онъ въ 1852—1853 г.г. топографами Сумароковымъ, Константиновымъ и бр. Богомольцами. Другой планъ, миніатюрнаго размѣра, приложенъ къ любопытной книгѣ А. Питры: „Specimen topographiae medicae Charcoviensis", изданной въ 1854 г. Описанію же Харькова посвящено и нѣсколько страницъ въ самой книгѣ.

По измѣренію, произведенному въ 1853 г., городъ заключалъ въ себѣ 3885713 кв. саж Въ длину, отъ востока къ западу, онъ простирался на 2720 саж., въ ширину же, отъ сѣвера къ югу— на 1430 саж. Начинался онъ на западѣ арестантскою ротою. Семинарія была уже за городомъ. Южнѣе ея на планѣ Питры показанъ „pagus" Новоселовка, бывшая въ то время только въ зародышѣ. На востокѣ городъ доходилъ не дальше Коннаго кладбища, нынѣ упраздненнаго. На сѣверѣ городъ оканчивался Мироносицкой и Каплуновской церквами. Журавлевка была еще отдѣльной отъ города деревней, и городскія поселенія не много шли въ эту сторону дальше Бѣлгородской криницы. На югѣ городскія поселенія доходили почти до рѣки Харькова, но заселена эта мѣстность была крайне слабо.

Перейдемъ теперь къ внутреннему расположенію города. Начнемъ съ Лысой горы. Крайнія городскія поселенія здѣсь начинались отъ дачи государственныхъ крестьянъ г. Харькова, въ которую они врѣзывались тупымъ клиномъ. Въѣздъ въ городъ здѣсь возможенъ былъ двумя улицами безъ названія, сходившимися затѣмъ въ Гіевскую улицу. Значительная часть Лысой горы была занята кладбищемъ. Сѣверные склоны горы были не застроены. Поселенія здѣсь начинались только въ мѣстности Гвоздиковской улицы. Между Гвоздиковской и Куриловскимъ переулкомъ шелъ обширный пустырь. Вообще пустырей здѣсь было не мало. Изъ 46 десятинъ, занятыхъ подъ сѣверо-западную эту окраину города, болѣе 7 приходилась на долю пустырей. Значительная часть пустырей шла подъ пашню. Лысогорское кладбище, занимавшее около 10 дес., съ запада было окружено мелкимъ лѣсомъ. Фруктовыхъ садовъ здѣсь было не много, попадались только крохотные „садки" въ нѣсколько саженей при хатахъ. Подъ садами на всю Лысую гору было занято что то около 2 дес., да десятинъ 9 было подъ огородами. Это была область деревянныхъ хатъ. Единственной каменной постройкой была церковь на кладбищѣ. Улицы были по большей части безъ названія. Домохозяева—въ громадномъ большинствѣ государственные крестьяне, изрѣдка—мѣщане или отставные солдаты. Къ югу и востоку отъ кладбища шла Кладбищенская улица, которою и открывался въѣздъ въ городъ съ южной части Лысой горы. Съ средней части горы спуститься можно было по Гіевской улицѣ на Чеботарскую и по Гвоздиковской на Кузинскую, а съ сѣверной—по Андреевской, а потомъ Гвоздиковской улицамъ на ту же Кузинскую. Правая сторона Кузинской представляла почти сплошной пустырь, а съ лѣвой тянулась обширная усадьба извѣстной харьковской богачки, вдовы коммерціи совѣтника Кузина. Здѣсь былъ прекрасный каменный домъ, фруктовый садъ, занимавшій болѣе 3 дес., огородъ въ 4 дес. и около 5 дес. сѣнокосу. Всего подъ Кузинскую усадьбу приходилось болѣе 14 дес. На Холодной горѣ городъ начинался отъ арестантской роты. Къ югу отъ нея шла большая дорога на Екатеринославъ

ИСТОР. ГІЕВСКАЯ

(нынѣшняя Семинарская улица); съ правой стороны дороги расположено было нововыстроенное зданіе семинаріи съ участкомъ земли мѣрою болѣе 10 дес., часть которой была занята садомъ, а южнѣе семинаріи былъ поселокъ Новоселовка, что то около 40 хатокъ, принадлежавшихъ крестьянамъ, цеховымъ и отставнымъ солдатамъ. Отъ семинаріи внизъ къ рѣкѣ шелъ Карповскій садъ, занимавшій болѣе 21 дес. Крупный участокъ, также занятый фруктовымъ садомъ мѣрою больше 7 дес., принадлежалъ Карповымъ и на Сѣриковской улицѣ (параллельно Екатеринославской дорогѣ), отчего и сама улица получила впослѣдствіи названіе Карповской. Рядомъ съ Карповымъ по той же Сѣриковской улицѣ была усадьба губ. секретаря Филиппова съ садомъ, занимавшимъ болѣе 2 дес., такъ что вся эта мѣстность представляла, можно сказать, сплошной фруктовый садъ.

Отъ арестантской роты начиналась Екатеринославская улица, шедшая по склону горы, съ переулками съ одной стороны Адоевскимъ, Рудаковскимъ, Кнышевскимъ, Капустянскимъ и Усовской улицей, а съ другой—Арестантскимъ, Холодными, Кульбицкимъ, Рудаковскимъ и Скрипницкимъ. За ними до самаго Лысогорскаго кладбища шелъ ничѣмъ не заселенный пустырь, тянувшійся по всему склону Холодной и Лысой горъ и по долинѣ у ихъ подошвы до Чеботарской улицы. Пустырь занималъ огромное пространство, ограничивавшееся съ сѣвера Чеботарской улицей, съ запада—Кладбищенской, съ востока—Тюремной площадью и Тюремнымъ переулкомъ. Одна „Заводская пустошь“ купца Верховскаго занимала болѣе 32 дес. Архіерейскому дому принадлежало болѣе 21 дес. Изъ „пустоши“ Верховскаго болѣе 10 дес. было занято фруктовымъ садомъ, а изъ Архіерейской левады десятинъ 11 эксплоатировалось подъ огороды. Рядомъ съ Архіерейской левадой лежало городское пустопорожнее мѣсто мѣрою болѣе 11 дес. Такимъ образомъ, послѣ спуска съ Холодной горы только правая сторона Екатеринославской представлялась заселенною, а лѣвая до самой Тюремной площади представляла сплошной пустырь, изобиловавшій болотами. Впрочемъ, и въ той части Екатеринославской, которая располагалась по спуску съ Холодной горы, и въ той, которая шла по долинѣ между нынѣшнимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и таможней, населеніе было крайне рѣдкое, жившее въ небольшихъ, невзрачной наружности, домахъ и хатахъ. Все это—крестьяне, цеховые, отставные солдаты и мѣщане. Высшія сословія тутъ еще не селились. Внѣшній видъ улицы ничѣмъ не напоминалъ, что вы въ большомъ губернскомъ городѣ, центрѣ торговой жизни обширнаго края, въ „украинскихъ Аѳинахъ“. На Тюремную площадь выходили одни заборы, а поближе къ Екатеринославской—два, три невзрачныхъ деревянныхъ дома. На площади, кромѣ тюремнаго замка да двухъ кузенъ, другихъ сооруженій не было. На Жандармской, тамъ, гдѣ теперь таможня, было каменное зданіе жандармскихъ казармъ. Настоящій городъ, городъ богатыхъ купцовъ и крупныхъ помѣщиковъ-дворянъ, начинался только отъ Дмитріевской церкви. Здѣсь уже шли сплошь каменные дома, принадлежавшіе по большей части людямъ, игравшимъ крупную роль въ мѣстной жизни: генеральшѣ Ромашевой, статск. совѣтн. Калениченко, маіору Серебрякову, статск. совѣтн. Нарановичу, шт. кап. Лейбину, вдовѣ коммерціи совѣтника Кузиной, тит. сов. Хлопову, Бухариной, генер. Дятлевой, подполк. Петровской, женѣ протоіерея Гапонова, протоіерею Поморцеву, г. с. Сукачеву, купцу Семейкину, я. с. Суханову, Нѣмченкову, Перекрестовой и др. Цѣлый кварталъ между Екатеринославской, Конторской, Рождественской пл. и рѣкою Лопанью принадлежалъ надв. сов. Масловичу. Существовали уже и нынѣшніе скверики по обѣ стороны Екатеринославской, при чемъ тамъ, гдѣ теперь фонтанъ, было круглое озеро, по которому плавала пара лебедей.

О Конторской, удерживавшей еще свое прежнее названіе (Рождественская) и вообще мало измѣнившей свой прежній видъ, мы говорить не будемъ. Перейдемъ прямо къ тѣмъ улицамъ Залопанской части, которыя шли сѣвернѣе Екатеринославской. Если къ этой мѣстности мы отнесемся съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ центру, то потому, что ею мы до сихъ поръ мало интересовались. Начнемъ съ Панасовки. Большая-Панасовская до Ивановки далеко не доходила. При въѣздѣ въ городъ съ Ивановской дороги на Большую Панасовскую съ лѣвой стороны обращали на себя вниманія усадьбы купцовъ Щелкова (болѣе 2 дес.), Киткевича, Курносова и штабсъ-ротмистра Квитки. Кварталъ между Большой и Малой Панасовскими и Чеботарской также заключалъ въ себѣ много участковъ, измѣрявшихся сотнями саженей, а то и цѣлыми десятинами. Крупными владѣльцами здѣсь были наслѣдники купца Киткевича, коллеж. сов. Ильинскій, статская совѣтница Ковалевская (англійскій садъ) и купецъ Скрынникъ. Для богатыхъ купцовъ и вообще горожанъ, не имѣвшихъ возможности уѣзжать на лѣто „къ себѣ въ де-

ревню", эти обширныя усадьбы съ садами и левадами играли роль дачъ. Сейчасъ же за дворовыми мѣстами жителей Большой Панасовской и Чеботарской начиналась городская левада, тянувшаяся до самой рѣки. Часть ея была подъ огородомъ гарнизоннаго батальона, часть отдавалась подъ сѣнокосъ. Всего здѣсь было свободной земли около 22 дес. Попадались незастроенные участки и на самой Чеботарской даже послѣ пересѣченія ея Дмитріевской и Большой Панасовской. На лѣвой напр. сторонѣ ея простиралась площадь земли, принадлежавшая обществу государственныхъ крестьянъ. Часть ея была подъ садомъ, а другая подъ сѣнокосомъ. На Коцарской улицѣ изъ крупныхъ домовладѣльцевъ отмѣтимъ надв. сов. Филонова, которому принадлежалъ участокъ мѣрою болѣе 1 дес. У Филонова былъ хорошій англійскій садъ. Кварталъ между Коцарской, Благовѣщенской и Дмитріевской почти весь принадлежалъ поручику Абазѣ. Здѣсь былъ у него каменный домъ и англійскій садъ мѣрою больше, чѣмъ въ 2 дес. Часть этого сада составляетъ теперешнее „Тиволи". Затѣмъ такой же крупный участокъ, тоже болѣе 2 дес., принадлежалъ наслѣдникамъ чиновника Любарскаго. И у Любарскихъ былъ садъ, но уже поменьше; въ ихъ усадьбѣ былъ и прудъ,—остатокъ естественныхъ озеръ, какими когда то изобиловала эта мѣстность. Vis á vis Абазы, по другую сторону Благовѣщенской находилось обширное (болѣе десятины) усадебное мѣсто съ англійскимъ садомъ и большимъ каменнымъ домомъ. До 40-хъ годовъ оно принадлежало институту благородныхъ дѣвицъ, а потомъ перешло въ собственность города и было отдано подъ казармы гарнизона внутренней стражи. Благовѣщенская и прилегавшія къ ней части Дмитріевской и Ярославской улицъ можно было въ то время назвать Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ Харькова. Мѣщанъ и цеховыхъ, а тѣмъ паче крестьянъ здѣсь и близко не было, купеческіе дома попадались лишь въ видѣ исключенія. Домовладѣльцами здѣсь были такія лица, какъ Абаза, Любарскій, Хорватъ, Хрущовъ, Канивальскій, Нагель, Сомовъ, Алфераки, Политковскій.

На Благовѣщенскомъ базарѣ лучшимъ зданіемъ былъ каменный Кузинскій рядъ. Параллельно ему съ восточной стороны тянулся рядъ деревянныхъ лавокъ. Такія же лавки тремя короткими параллельными рядами шли и къ сѣверу отъ Кузинскаго ряда.

Изъ улицъ и площадей Залопанской части города замощенными были только Екатеринославская, Благовѣщенская, Ярославскій, Рождественскій и Мало-Лопанскій переулки и часть Благовѣщенской площади. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ тѣ годы мостили такъ, что замащивалась не вся улица, а только узкая полоса ея посрединѣ; справа и слѣва мостовой шла грунтовая дорога.

Черезъ р. Лопань въ среднюю часть города можно было попасть или черезъ Большой Лопанскій, или черезъ Купеческій мостъ.

Площадь стараго базара подъ горкой называлась теперь Сергіевской площадью въ честь генералъ-губернатора С. А. Кокошкина, именемъ котораго названъ и построенный на этой площади каменный Сергіевскій торговый рядъ. Не смотря на свое центральное положеніе, площадь въ значительной своей части была не замощенной. Замощенъ былъ только проѣздъ отъ Лопанскаго моста на Торговую площадь да часть площади возлѣ Сергіевскаго ряда. Пространство между Сергіевскимъ рядомъ и нынѣшнимъ спускомъ съ Университетской горки, тамъ, гдѣ теперь устроенъ городской музей, было ничѣмъ не застроено. Vis à vis Сергіевскому ряду тянулись два корпуса лавокъ.

Центръ города мало чѣмъ разнился отъ нынѣшняго. Не существовало только громаднаго дома Пащенка-Тряпкина по Купеческому спуску и Клочковской. Участокъ, на которомъ онъ теперь стоитъ, принадлежалъ пот. поч. гр. Карпову. Переулки около собора назывались одинъ Клиницкимъ, а другой—Соборнымъ. Монастырскій пер. назывался Ярмарочнымъ. Все дворовое мѣсто, доставшееся теперь городу отъ Пащенка-Тряпкина, принадлежало Карпову. Усадьба на Николаевской площади, гдѣ теперь дума, принадлежала Кузиной. Все громадное пространство Торговой и Николаевской площадей было не засажено и не замощено; замощенъ былъ только узкій проѣздъ по лѣвую сторону площади. Московская была застроена далеко не вплотную. Въ нижней ея части попадались еще деревянные дома. Петровскій переулокъ именовался Классическимъ. Здѣсь большая часть квартала (болѣе 1 дес.) между Московской, Николаевской, Классическимъ и Слесарнымъ переулками принадлежала университету. Рыбная и прилегающіе къ ней переулки уже были застроены каменными домами. Здѣсь было почти исключительно купеческое домовладѣніе. Гораздо плоше была обстроена Кузнечная. Здѣсь попадались еще и деревянные дома. На Нетечинскомъ базарѣ тянулся по Университетской рядъ деревянныхъ лавокъ. Берегъ р. Харькова между Харьковскимъ и Куз-

нечнымъ мостомъ принадлежалъ купцу Смирнову. Здѣсь было каретное заведеніе. Участокъ надъ рѣкой, гдѣ теперь бани Корытина, принадлежалъ купцу Кузнецову. Здѣсь, какъ и теперь, были бани, при нихъ большой фруктовый садъ.

По Клочковской поселенія тянулись уже до Бондаревскаго переулка. Ивановская улица справа была заселена до Набережной улицы, а слѣва—почти до рѣки. Въ дальней части Клочковской, за университетскимъ садомъ, каменный былъ только домъ Павловскаго, да и вообще каменныхъ домовъ по Клочковской было не много. Изъ крупныхъ домовладѣльцевъ этой улицы отмѣтимъ ст. сов. Сокальскую, которой принадлежало болѣе десятины земли съ каменнымъ домомъ и англійскимъ садомъ (впослѣдствіи пансіонъ Филипсъ). Вся ближайшая къ городу часть Клочковской, на которую выходитъ садъ архіерейскаго дома, была ничѣмъ не застроена. Сумская съ правой стороны доходила до Мироносицкой церкви, а слѣва до ветеринарнаго института. На Рымарской городская усадьба, гдѣ теперь женская гимназія, была ничѣмъ не застроена. Домъ коммерческаго клуба принадлежалъ богачу Кожевникову. Параллельно Сумской шла Малая Сумская [1]) (нынѣшняя Кокошкинская) и Чернышевская, обѣ доходили только до Мироносицкой площади, потому что сѣвернѣе поселеній не было. Шла, правда, Старокладбищенская улица посреди пустырей, принадлежавшихъ купцу Котлярову, но здѣсь два—три дома были только въ началѣ ея. На Мироносицкую площадь выходили только каменные дома Сердюкова. Нѣмецкая начиналась отъ Николаевской церкви и справа была заселена до Каплуновской церкви, при которой было упраздненное еще въ 1828 г. кладбище на 4 дес., а сѣвернѣе шли огороды купца Бисерова, а за ними 2—3 крестьянскихъ хаты. По лѣвой сторонѣ улицы сплошныя поселенія кончались усадьбой поручика Мяснова, какъ разъ противъ Каплуновской церкви. Къ усадьбѣ было около 2 дес. земли съ большимъ садомъ. Сѣвернѣе усадьбы Мяснова шли пустыри, а потомъ поселокъ въ нѣсколько хатъ, стоявшихъ уже совсѣмъ внѣ обитаемой мѣстности. Садово-Куликовская и нынѣшняя Губернаторская были почти не заселены. На Садово-Куликовской было два каменныхъ дома (Осипова и Герцеванова), а на Губернаторской каменныхъ построекъ и совсѣмъ не было. На обширномъ участкѣ (болѣе 5 дес.), благотворительнаго общества стоялъ только одинъ каменный домъ надъ обрывомъ. Кварталъ между Губернаторской и Черноглазовской также былъ почти не заселенъ. Здѣсь были усадьбы Прожанской (4 съ лишнимъ десятины, изъ нихъ болѣе 3 подъ садомъ) и Артемовскаго (болѣе десятины). Садовая тоже была не изъ населенныхъ. По лѣвой сторонѣ ея тянулся садъ, принадлежавшій женѣ д. с. с. Лонгиновой, домъ которой выходилъ на Нѣмецкую [2]). Усадьба Лонгиновой занимала болѣе десятины. На другой сторонѣ Садовой крупный участокъ принадлежалъ Д. И. Носачеву, извѣстному въ свое время въ Харьковѣ педагогу. По Куликовской обширный участокъ (болѣе 3 дес.), принадлежалъ купцу Лукину. На сторонѣ, выходящей на набережную, здѣсь находился мыловаренный заводъ, большой фруктовый садъ и прудъ въ 230 саж. Часть этой усадьбы занята теперь садомъ „Баварія“. Отъ Карповской криницы шла Бѣлгородская улица. Лѣвая сторона ея по-надъ горою была ничѣмъ не застроена. Здѣсь были глиницы. На правую сторону выходили одни заборы. Это были усадьбы-дачи. Ближе къ городу—Витковскаго (болѣе 2 дес.), потомъ Лерцера (болѣе десятины), Кузиной (больше 4 дес.). Вся эта мѣстность представляла собою сплошной садъ: изъ 7 дес. 2210 кв. саж., садами было занято 7 д. 1317 саж. За дачами была Сомовская гребля съ мельницей, а дальше, по правую и по лѣвую сторону дороги, тянулись чистенькія деревенскія хатки. Это и была Журавлевка, населенная почти исключительно казенными крестьянами, среди которыхъ встрѣчаемъ и нѣкоего Журавля, жившаго въ концѣ Журавлевки. Очень вѣроятно, что одинъ изъ предковъ этого Журавля далъ свое имя и всему поселенію. Мѣстность была пустынная: ни лѣса, ни деревьевъ. Журавлевка привлекала въ то время харьковцевъ только купаньемъ да нѣмецкимъ трактиромъ, усердно посѣщавшимся въ лѣтніе вечера. Освѣженные купаньемъ въ глубокой рѣкѣ, горожане наслаждались здѣсь въ саду чаепитіемъ и игрою въ кегли, а въ самомъ трактирчикѣ—биліардомъ и питіями [3]).

Въ Захарьковскую часть города можно было пробраться черезъ мосты Харьковскій, Мѣщанскій (противъ Мѣщанской ул.) и Кузнечный (бывшая гребля). За Харьковскимъ мостомъ шла все таже Московская улица, тянувшаяся до Конной площади и оканчивавшаяся здѣсь заставой съ обычнымъ шлагбаумомъ. До пересѣченія

[1]) Иначе Шерстобойная.

[2]) Нынѣшняя гимназія Д. Д. Оболенской.

[3]) Москвитянинъ 1852 г. № 20, стр. 150—160.

съ Михайловской и Вознесенской площадями была она обстроена еще каменными домами, а дальше вся лѣвая сторона ея состояла изъ деревянныхъ домовъ, да и на правой каменныхъ было очень не много. Между Старо-Московской и Енинской существуетъ и теперь пустырь. Въ тѣ времена подъ этимъ пустыремъ было больше десятины городской земли. Лежащее на немъ озеро Поповo, обдѣланное Кокошкинымъ, называлось бассейномъ, а весь прилегавшій къ нему пустырь на планѣ названъ городскимъ садомъ. Очень можетъ быть, что въ то время и существовало предположеніе устроить здѣсь садъ, но осуществлено оно не было, такъ что пустырь и по днесь остался пустыремъ. Противъ пустыря на Московской на планѣ показанъ мостикъ, существовавшій и потомъ довольно долго и уничтоженный только послѣ замощенія улицы. Влѣво отъ Московской шла Дворянская. Виднымъ домовладѣльцемъ здѣсь былъ полковникъ Веселовскій, а рядомъ съ его усадьбой шла усадьба, принадлежавшая городу, гдѣ долго жили губернаторы. И у Веселовскаго, и у города въ усадьбахъ были сады. Тамъ, гдѣ теперь домъ Власовскаго, была ничѣмъ не застроенная усадьба генерала Задонскаго мѣрою больше десятины, а рядомъ съ нимъ, гдѣ теперь вторая женская гимназія,—усадьба колл. асс. Фотіева. За Фотіевымъ на Вознесенскую площадь выходила усадьба (болѣе десятины) подполковницы Бахметьевой (гдѣ въ семидесятыхъ годахъ квартировали губернаторы), а рядомъ помѣщалась контора государственнаго коммерческаго банка (теперь казначейство). Вознесенская церковь была еще деревянная. Изъ лучшихъ домовъ, выходившихъ на площадь, упомянемъ дома генерала Задонскаго съ обширной усадьбой и англійскимъ садомъ и зданіе почтовой конторы. Франковская улица, называвшаяся тогда Бахметьевской, выходила на берегъ р. Харькова, гдѣ стоялъ заводъ купца Рыжова съ башней для выдѣлыванія дроби (теперь мельница Молдавскаго). Къ заводу прилегала громадная усадьба въ 8 съ лишнимъ десятинъ, принадлежавшая Рыжову же. Домъ Рыжова выходилъ на Примѣровскую улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она встрѣчается со Старо-Московской. За заводомъ Рыжова шелъ обширный пустырь до рѣки, черезъ которую противъ Сомовской улицы была Сомова гребля. По Монастырской улицѣ самый крупный участокъ принадлежалъ купцу Кононенку (болѣе 2 дес.), у котораго здѣсь былъ и каменный домъ, единственный на всю длинную улицу. На Сомовской крупные участки (больше десятины въ каждомъ) принадлежали купцамъ Расторгуеву и Ханайченку. Сомовской и кончались городскія поселенія. Дальше шли дачи хутора Моренкова (по Немышлѣ) и хутора Черняковскаго.

Концемъ сплошнымъ городскимъ поселеніямъ съ востока былъ на Конной площади. Площадь представляла почти ничѣмъ не застроенный громадный выгонъ, пустынный и пыльный, оживлявшійся только во время Троицкой ярмарки. На южной сторонѣ ея, тамъ, гдѣ теперь обширный Конный базаръ, тянулись два ряда деревянныхъ лавокъ, на сѣверной—каменная церковь, на планѣ именуемая Троицкой (нынѣшняя Святодуховская). Тамъ, гдѣ теперь заводъ Гельферихъ, былъ конскій бѣгъ. Украшеніемъ площади былъ домъ акціонерной компаніи. За нимъ тянулся широкій, ничѣмъ незастроенный пустырь, а потомъ рядъ постоялыхъ дворовъ, мостъ черезъ Немышлю и далѣе къ сѣверу дорога на Москву. Съ правой стороны этой дороги было нѣсколько хатъ, принадлежащихъ Мурмыламъ и Лазькамъ, еще дальше заводская конюшня, а за ней больница приказа общественнаго призрѣнія. По лѣвую сторону Московской дороги шла дача Немышлянская. Дача была раздѣлена на крупные участки, одинъ изъ которыхъ принадлежалъ маіору Семирацкому, очевидно, и давшему названіе одной изъ проложенныхъ здѣсь впослѣдствіи улицъ. Если на лѣвой сторонѣ Конной площади были все таки кое какія поселенія, какъ шерстяная компанія и постоялые дворы, то на правой уже ничего не было. Здѣсь шла канава, за которой былъ пустырь, а южнѣе его шла такъ наз. Чугуевка—сплошные огороды, среди которыхъ стояло нѣсколько хатъ, и тянулась незастроенная Мало-Чугуевская улица. Прямо къ востоку отъ Конной площади шла дорога на Чугуевъ. По лѣвую сторону ея былъ хуторъ Немышлянскій, принадлежавшій помѣщику Корсикову, а справа нѣсколько крестьянскихъ хатъ. Этими хатами и оканчивался городъ.

Кромѣ Московской на Конную площадь выходили еще: Енинская, ломанная улица, обставленная жалкими домишками; Конная, на которой уже тогда было нѣсколько каменныхъ домовъ; Молочная, въ началѣ, поближе къ Конной, обстроенная съ лѣвой стороны приличными домами, а дальше хатами, а съ правой—заборами, за которыми прятались обывательскіе огороды безъ хатъ и какихъ либо признаковъ человѣческаго жилья, и Михайловская, почти вся застроенная деревянными домами. Михайловская улица соединялась съ Конной ул. Разгульнымъ переулкомъ (нынѣ Михайловскимъ), застроеннымъ очень мало. Сама Михайловская площадь дѣлилась на двѣ части. Мѣстность, прилегающая къ церкви, называлась

собственно Михайловской площадью, а та, гдѣ теперь судебныя учрежденія и скверъ, была плацъ-парадным мѣстомъ. На плацъ-парадное мѣсто выходили каменные дома Водопьянова, въ которыхъ помѣщались казармы. На другой сторонѣ площади было, какъ и теперь, зданіе 1-й полицейской части.

Перейдемъ теперь въ юго-восточную часть города, въ Михайловскій приходъ. Здѣсь главными улицами: были Нѣтечинская (Милліонная), Зміевская, Петинская, Молочная и Заиковская. На Нетечинской было уже 2—3 каменныхъ дома. Послѣ спуска съ пригорка, въ мѣстности нынѣшняго Сѣдельниковскаго переулка, былъ небольшой мостъ, дававшій возможность сообщенія по этой улицѣ во время половодій и сильныхъ дождей. Тамъ, гдѣ теперь заводъ Костина и Подольскій мостъ, рѣка Харьковъ образовывала большой островъ мѣрой больше десятины. Это былъ такъ наз. Васильевскій островъ, принадлежавшій двумъ владѣльцамъ—колл. рег. Авксентьеву и колл. сов. Распопову. У обоихъ были хорошіе сады, въ которыхъ по разсказамъ старожиловъ, устраивались публичныя гулянья съ освѣщеніемъ и музыкой, а въ рѣкѣ было очень сносное купанье. На Петинской, тонувшей въ морѣ грязи, самымъ достопримѣчательнымъ сооруженіемъ былъ домъ вдовы колл. сов. Петина (нынѣ курсы для рабочихъ). Противъ дома Петина лежала громадная лужа, пересыхавшая только въ сильные жары. Остальные дома на Петинской были просто деревянныя хаты, да и тѣ съ правой стороны улицы далеко не доходили до нынѣшней новопроложенной Царицынской улицы. Дальше шли огороды безъ построекъ. Послѣ пересѣченія съ Молочной Петинская тянулась до Коннаго кладбища, но только съ одной лѣвой стороны. Съ правой шли пахотныя земли, а дальше выгонъ, изрѣдка перерѣзанный огородами. Петинская соединялась съ Михайловской тремя переулками, изъ которыхъ одинъ носилъ названіе, ясно указывавшее на не совсѣмъ приличную профессію его обитательницъ. На Зміевской, съ лѣвой ея стороны, заслуживаютъ упоминанія каменный домъ жены колл. асс. Фесенко, небольшой каменный домъ губ. секретарши Сухомлиновой и три каменныхъ дома въ усадьбѣ стат. сов. Якимова, занимавшей болѣе 6 дес., изъ которыхъ болѣе 4 было подъ садомъ (теперь казачьи казармы). Vis à vis Якимову, на противоположной сторонѣ улицы, было каретное заведеніе и большой каменный домъ купца Водопьянова. Заселена была Зміевская только до пересѣченія съ Молочной. Правда, улица тянулась и дальше, но по сторонамъ ея были не жилыя зданія, а пустые участки, на которыхъ стояло всего три хаты. Это былъ ужъ конецъ города. Молочная [1]), какъ мы уже упоминали, была обстроена только вблизи Конной площади, остальная часть ея была пустынной. По лѣвой сторонѣ ея тянулись огороды купца Келеберды, что то около 3 дес. Молочная вела на Заиковку. Это была песчаная, плохо обстроенная и лишенная растительности окраина, заселенная почти исключительно крестьянами и носившая совсѣмъ деревенскій характеръ. Большая Заиковская отъ Молочной и до Грековской была заселена очень слабо и часто прерывалась песчаными, ничѣмъ не занятыми пустырями. Еще хуже были заселены такія улицы, какъ Георгіевская, Основянская, Александровская, Казарменная и Лелюшинъ переулокъ. Обширное пространство мѣрою болѣе 3 дес. между Александровской улицей и Казарменнымъ переулкомъ было занято казармами гарнизоннаго батальона. Это былъ рядъ небольшихъ деревянныхъ домовъ. Теперь большая часть этого пространства занята Александро-Невской церковью, мужской и женской школами и прилегающею къ нимъ площадью. Южная часть Заиковки, теперь изрѣзанная множествомъ улицъ и переулковъ, въ то время представляла всего нѣсколько крупныхъ цѣльныхъ кварталовъ, принадлежавшихъ зажиточнымъ крестьянамъ-хлѣборобамъ. Заиковскія поселенія оканчивались на востокѣ такъ наз. Поповымъ протокомъ, въ мѣстности нынѣшняго Павловскаго переулка.

Южная часть города соединялась съ центромъ по прежнему, только однимъ Нетечинскимъ мостомъ. Воскресенская площадь представляла какую то клоаку грязи и нечистотъ, и вся вообще эта мѣстность пользовалась репутаціей самой нездоровой во всемъ городѣ. На площадь выходило всего два каменныхъ дома. Воскресенская улица, носящая теперь скорѣе купеческій характеръ, въ то время изобиловала домовладѣльцами чиновниками. Западная половина Воскресенской съ лѣвой стороны была заселена только до нынѣшней Екатерининской улицы. Дальше начинались болота, образуемыя старымъ протокомъ р. Харькова. По Грековской сплошныя поселенія тянулись немного дальше Ващенковскаго переулка и заканчивались какъ разъ тамъ, гдѣ по плану 1822 г. показана городская черта. Дальше была заселена

[1]) Названіе получила, очевидно, по крестьянамъ Молочнымъ, которымъ здѣсь принадлежало нѣсколько дворовъ.

очень слабо только лѣвая сторона улицы (если идти отъ города), а правая представляла незастроенное пространство болѣе 15 дес., принадлежавшее купцу Цыгареву. Въ части его, прилегавшей къ протоку Нетечѣ, былъ большой фруктовый садъ, больше чѣмъ въ 5 дес. остальное пространство было занято сѣнокосомъ тамъ, гдѣ косить позволяли протоки и болота, образуемые старымъ русломъ. Болѣе населенной была Грековская въ южной своей части, послѣ пересѣченія съ Заиковской. Кварталъ между Грековской на западѣ, Ващенковскимъ переулкомъ на сѣверѣ, Заиковской улицей на югѣ и Сѣдельниковскимъ пер. и Зміевской ул. на востокѣ заключалъ въ себѣ пространство болѣе 70 дес., изъ котораго только 6 дес. было занято подъ усадьбы, 4 дес. садами, 13 дес. огородами, а все остальное пространство, около 37 дес. шло подъ левады, перерѣзанныя болотами и протоками. Крупные участки принадлежали здѣсь купцу Келебердѣ (болѣе 9 дес.), крестьянамъ Фролову и Лелюку, чиновницѣ Анисимовой, купцамъ Ващенку и Тупицыну, крестьянамъ Исаенку, Пономаренкамъ, провизору Гаузу, мѣщанамъ Сѣдельниковымъ, купцу Водопьянову (болѣе 11 дес.), прекрасный домъ котораго съ англійскимъ и фруктовымъ садомъ выходилъ на Зміевскую (нынѣ казармы).

Протокомъ стараго Харькова южная часть города дѣлится на двѣ части—восточную и западную, именуемую Москалевкой. На Москалевку изъ города въ то время попасть можно было только черезъ Нетечинскій мостъ, отсюда приходилось поворачивать вправо и пробираться по грязной и неудобной набережной р. Харькова, представлявшей собою настоящее багно тамъ, гдѣ были мясные ряды. Отсюда черезъ мостикъ на протокѣ попадали на Марьинскую улицу съ переулками Столярнымъ и Дроздовскимъ, доходившую, какъ и теперь до Васильевской, а дальше начинались пустопорожнія мѣста: ни фабрики Ильина, ни Дмитріевскаго моста еще не существовало. Отъ Васильевскаго переулка и до самой рѣки тянулось ничѣмъ не застроенное пространство. На Марьинской съ правой ея стороны были уже нѣсколько каменныхъ домовъ, было по одному каменному дому даже на переулкахъ Столярномъ и Дроздовскомъ. Зато Большая Москалевская совсѣмъ не признавала камня. На всю эту громадную улицу было всего три каменныхъ сооруженія: домъ на углу Марьинской и Москалевской съ лѣвой ея стороны, литейно-мѣдный заводъ, теперь принадлежащій г-жѣ Ремизовой, и, наконецъ, еще одинъ домъ въ самомъ почти концѣ улицы. Съ лѣвой стороны улицы непрерывныя поселенія тянулись до пересѣченія съ Заиковской, далѣе къ югу шло 9 хатокъ, затѣмъ слѣдовалъ пустырь, а за нимъ еще два усадебныхъ мѣста. Дальше нынѣшней Валеріановской, въ то время еще не существовавшей, никакихъ поселеній уже не было. Все обширное пространство, между Заиковской, Москалевской и Основянской, на которомъ теперь улицы Батуринская, Квиткинская, Валеріановская, Миргородская, Кіевская, Полтавская и Цыгаревскій пер., представляло песчаную пустыню „Аравію“, принадлежавшую помѣщику Квиткѣ. Вся юго-западная часть Основянской улицы послѣ пересѣченія ея Грековской шла по совершенно пустынной песчаной мѣстности. Это была не улица, а вѣрнѣе дорога. Заиковская улица отъ пересѣченія ея Грековской и до Большой Москалевской была заселена очень скудно. Усадебныя мѣста здѣсь прерывались огромными пустырями.

Съ правой стороны Большой Москалевской поселенія непрерывно тянулись до нынѣшней Единовѣрческой. Дальше шелъ пустырь, на которомъ теперь стоитъ Преображенская церковь, а за нимъ еще 11 хатокъ. Съ этой стороны Большая Москалевская не доходила даже до встрѣчи съ Заиковской. Дальше къ югу и западу шла уже земля Квитки. Все пространство, гдѣ теперь улицы Сирохинская, Моичная, Тихоновская, Степной и Колодяжный пер., Гостинная, Владимірская ул. (тогда она только намѣчалась), Приходьковскій пер., Колодяжная, Степная, Газовая, Котляровская и Валеріановская, представляло собой совершенно не заселенную мѣстность. Нынѣшняя Единовѣрческая называлась Карташевской. Здѣсь было единовѣрческое, а рядомъ православное кладбище. Вся прилегающая къ рѣкѣ мѣстность (пустошь Садовая, пустошь Медяникова и др.) изобиловали озерами. Здѣсь были мойки. Васильевская улица, Романовскій пер. и Екатерининская ул. являлись границами Москалевки съ сѣверо-западной ея стороны. Вся Москалевка была населена преимущественно разночинческимъ элементомъ городского населенія: отставными солдатами, иногда мелкими чиновниками, мѣщанами и крестьянами. Нужно вообще замѣтить, что тогдашняя Москалевка, какъ и Заиковка, мало походили еще на городскія поселенія: улицы были не распланированы, шли крайне неправильно, прерывались частыми пустырями. На Москалевкѣ большая часть ихъ только еще намѣчалась.

Чтобы покончить съ Харьковомъ половины XIX в., намъ остается еще упомянуть о названіяхъ нѣкоторыхъ улицъ, отличавшихся отъ нынѣшнихъ. Повидимому, въ этомъ отношеніи и населенію, и на-

чальству была предоставлена полная воля: называли, какъ хотѣли. Нынѣшняя Кокошкинская напр. на планѣ 1852—1853 г. названа Малой Сумской, а на планѣ, приложенномъ къ книгѣ Питры, она именуется Шерстобойной, Старо-Московская называется Московской, но иногда Захарьковской, Благовѣщенская—то Благовѣщенской, то Старо-Институтской и т. п. Изъ улицъ, которыхъ мы не узнали бы теперь подъ ихъ старыми названіями, слѣдуетъ упомянуть о Шванской (нынѣшній Инструментальный пер.), Лопатинской (такъ называлась часть Кузнечной отъ пересѣченія ея Подольскою до Нетечинскаго моста), Набережной (нынѣшній Соляниковскій переулокъ), Мясницкой (нынѣшній Ващенковскій пер.), Дегтярной ул. (Торговый пер.), Банной ул. (Конный пер.), Вознесенской улицѣ (Вознесенскій пер.), Немышлянской улицѣ (Вознесенская ул.), Воскресенской улицѣ (нынѣшняя Грековская), Бахметьевской улицѣ (нынѣшней Франковской ул.).

Мы не станемъ останавливаться подробно надъ топографіей города въ послѣднее пятидесятилѣтіе его жизни. Внутреннее расположеніе центральнаго его ядра осталось безъ измѣненія, но зато росли окраины. Надъ ростомъ города въ ширь и въ длину и надъ постепеннымъ возникновеніемъ поселеній тамъ, гдѣ раньше не было человѣческаго жилья, мы и остановимъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе. Попутно отмѣтимъ заселеніе пустырей и въ самомъ городѣ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Харьковъ простирался въ длину отъ запада къ востоку почти по 5½ верстъ, а въ ширину отъ сѣвера къ югу—нѣсколько болѣе 2½ верстъ. Черезъ десять лѣтъ, къ 1862 г., длина Харькова была уже около 6 верстъ, а ширина—болѣе 3 [1]). Это, конечно, и понятно, если принять во вниманіе, что только за пять лѣтъ (съ 1856 по 1860 г. включительно), было выстроено 600 новыхъ домовъ. Улицъ въ это время насчитывалось 132, главныхъ площадей 9. На планѣ 1866 г., изданномъ Харьковскимъ статистическимъ комитетомъ, этого роста, впрочемъ, почти не видно. Замѣтно нѣкоторое увеличеніе поселеній на Лысой горѣ, но эта мѣстность въ то время и въ черту города не входила. Здѣсь видимъ улицы: Кладбищенскую, Гіевскую, Гвоздиковскую, Куриловскую, Андреевскую, а ниже Кузинскую. По прежнему пустовали Заводская пустошь и Архіерейская левада, хотя по послѣдней и было уже проложено полотно новостроившейся желѣзной дороги. Въ 50-хъ годахъ лѣвая сторона Екатеринославской послѣ спуска съ горы была ничѣмъ не застроена до самой Тюремной площади. Теперь сплошныя поселенія начинаются уже отъ нынѣшней Александровской улицы, а на Тюремной площади мы видимъ зданіе 3-й части, построенное въ послѣдніе годы генералъ-губернаторства Кокошкина. Все пространство между Тюремной площадью и Александровской улицей мы видимъ уже разбитымъ на правильныя кварталы, хотя, какъ извѣстно, фактическое заселеніе этой мѣстности началось значительно позже. Чеботарская въ ея ближайшей къ городу части, отъ базара до начала Большой-Панасовской, называлась въ то время Скрынниковской. На Клочковской уже были поселенія въ той части, которая находится ниже монастыря, да и вообще эта улица была уже заселена, хотя и слабо, до мѣстности, гдѣ теперь Пантелимоновская церковь. Сумская по прежнему не шла дальше Мироносицкой церкви и ветеринарнаго училища, а Нѣмецкая—Каплуновской церкви. И православное, и лютеранское кладбища были далеко за городомъ. На югѣ Москалевка значительно расширилась, при чемъ ея западная часть представляла уже рядъ правильно разбитыхъ улицъ, до рѣки, впрочемъ, далеко не доходившихъ. Здѣсь уже была Преображенская церковь. Къ югу Москалевка не шла дальше нынѣшней Заиковской улицы. Лѣвая сторона Большой-Москалевской по прежнему была застроена слабо. Въ Воскресенскомъ приходѣ новыхъ поселеній не прибавилось. По Заиковской поселенія существовали только отъ Молочной до Грековской, и то съ одной только южной стороны. Въ восточной части города перемѣнъ не видимъ.

Въ семидесятые годы наблюдается дальнѣйшее расширеніе города во всѣ стороны. Уже на планѣ, изданномъ секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета Подвысоцкимъ въ 1871 г., замѣтно значительное разростаніе окраинъ. Еще больше замѣтно оно на планѣ землемѣра Первухина, составленномъ въ половинѣ 70-хъ годовъ. На Холодной горѣ прибавляется два новыхъ квартала за арестантскою ротою; выстраивается церковь; заселяется мѣстность около семинаріи, при чемъ прежняя Екатеринославская дорога превращается уже въ Холодногорскую улицу; безформенная Новоселовка расширяется и превращается въ рядъ правильно заселенныхъ кварталовъ. Архіерейская левада изрѣзывается желѣзнодо-

[1]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.

рожными путями и обстраивается желѣзнодорожными сооруженіями. Въ восточной части городъ далеко перешагнулъ свои старыя границы. На Петинской кладбище оказалось уже въ чертѣ городскихъ поселеній, такъ что къ началу восьмидесятыхъ годовъ его пришлось и совсѣмъ закрыть. Появились новыя. раньше неизвѣстныя Тарасовская улица, Кремлевскій, Власовскій и Мурмыловскій переулки. Дача Корсакова по Чугуевской дорогѣ хотя и является по прежнему послѣднимъ жилымъ дворомъ, но и дальше ея мѣстность не совсѣмъ безлюдна: лѣтомъ здѣсь устраивался военный лагерь, а дальше былъ ипподромъ, мѣсто для испытанія рысистыхъ и верховыхъ лошадей. Появились поселенія и за Сабуровой дачей, да и сама дача вошла уже въ черту города. Бывшая Московская дорога превратилась въ Конюшенную улицу, а на пустырѣ, прилегающемъ къ Немышлѣ, появилась новая улица—Семирадская. Заиковка облюднѣла настолько, что для нея потребовалась особая церковь, которая и начала строиться въ концѣ 70-хъ годахъ. На сѣверѣ Сумская протянулась уже до Ветеринарной улицы, да и сѣвернѣе были кое-какія поселенія: военный лазаретъ, дома Александрова. Джунковскаго и др. Между Сумской и Нѣмецкой образовался рядъ улицъ и переулковъ: Ново-Мало-Сумская (Мироносицкая), Ветеринарная, Сорокинскій и Кладбищенскій (Касперовскій) переулки. Чернышевская улица протянулась теперь какъ разъ до пересѣченія съ Ветеринарной. Кладбищенская, правда, мало заселенная, доходила уже до самаго кладбища. И сѣверная часть Сумской, и только что перечисленныя нами улицы возникли на землѣ купца Котлярова. Принадлежавшій ему участокъ былъ распланированъ подъ заселеніе еще Кокошкинымъ въ 1854 г., при чемъ часть этого участка была занята подъ Университетскій садъ и ветеринарное училище. Возникшій затѣмъ процессъ изъ за этой земли былъ рѣшенъ только въ началѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ чего и началось усиленное заселеніе этой мѣстности [1]). Нѣмецкая за Каплуновской церковью была почти пустынна. Здѣсь, на такъ наз. Дурноляповкѣ, крайнимъ пунктомъ городскихъ поселеній. стоявшимъ отдѣльно и очень далеко отъ остальныхъ, былъ домъ Гейнгардта. Для технологическаго института былъ уже отстроенъ рядъ корпусовъ, но такъ какъ институтъ еще не открывался, то и окружающая его мѣстность не привлекала къ себѣ населенія. Въ 1875 г. возникъ было проектъ распланированія прилежащей къ институту мѣстности, но такъ и остался въ области проектовъ. Клочковская дальше Басовскаго переулка не шла. Нижняя часть Мордвиновскаго переулка и прилегающая къ нему левада была извѣстна въ то время подъ именемъ „Чертова гнѣзда“. Это былъ пріютъ босяковъ и вообще того сомнительнаго элемента населенія, который въ Харьковѣ именуется „раклами“. Въ южной части города Воскресенскій приходъ съ его пустырями остался въ прежнемъ видѣ, а на Москалевкѣ поселенія дошли уже до Котляровскаго переулка, за которымъ начиналась земля Квитки.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ можно судить по плану 1887 г., городъ отъ запада къ востоку простирался уже больше чѣмъ на 7 верстъ, а отъ сѣвера къ югу больше чѣмъ на 5. На Холодной горѣ за часовней появился рядъ новыхъ улицъ: Полтавская, Валковская, Обуховская, Верхняя-Токовская и просто Токовская. Появился рядъ новыхъ улицъ по Лысой горѣ и къ сѣверу, по линіи желѣзной дороги на Курскъ, при чемъ съ лѣвой стороны желѣзнодорожнаго полотна заселенныя мѣста протянулись дальше химическаго завода. Вся пустошь, отдѣлявшая холодногорскія поселенія отъ лысогорскихъ, была уже застроена за исключеніемъ сравнительно не большого участка, принадлежавшаго барону Унгернъ-Штенбергъ. На востокѣ Петинская улица далеко не доходила до Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища, которое въ это время было устроено въ замѣнъ упраздненнаго Коннаго. Заселена, впрочемъ, Петинская улица въ этой новой своей части съ лѣвой стороны только до такъ наз. Крайней улицы, а съ правой, тамъ, гдѣ теперь Балашовская дорога и паровозостроительный заводъ, представляла сплошной пустырь: это былъ городской выгонъ и частныя владѣнія—Абашева, Гордѣенка и др. Между Петинской и Тарасовской образовался рядъ новыхъ кварталовъ. Появились Пороховая улица, переулки Воронежскій, Пензенскій, Тамбовскій и др. Расширилась область городскихъ поселеній и около Сабуровой дачи. Здѣсь купецъ Бѣленькій сталъ распродавать на отдѣльныя усадьбы принадлежавшій ему участокъ земли, по которому была проведена и улица [2]). На Сумской за ветеринарнымъ институтомъ жилыхъ домовъ почти не было, если не считать необитаемаго тогда дома студенческаго общежитія, выстроеннаго И. Г. Харитоненко, военнаго лазарета и немногихъ частныхъ домовъ. Мѣстность между городскимъ кладбищемъ и

[1]) Журн. Гор. Думы. 1872 г. втор. полугод. стр. 41—42.

[2]) Журн. Гор. Думы. 1883 г.

Сумской была совсѣмъ не заселена: не было еще ни тонущей въ грязи Бассейной, ни пресловутой Каразинской. На Нѣмецкой съ лѣвой стороны жилыя постройки заканчивались усадьбой епархіальнаго женскаго училища, за которымъ шла стѣна городского кладбища, а съ правой—жалкими хатенками, крайняя изъ которыхъ приходилась vis a vis усадьбѣ епархіальнаго училища. Далѣе тянулся пустырь, по которому приходилось добираться до Нѣмецкаго кладбища. Сѣвернѣе его было магометанское кладбище. На юго-востокѣ отъ Нѣмецкой, среди пустыря, пріютилось иновѣрческое кладбище. Въ сѣверо-восточномъ направленіи шла вся застроенная съ правой стороны дачами, а съ лѣвой кое-гдѣ плохими домишками Бѣлгородская улица, переходившая затѣмъ въ Журавлевскую. Здѣсь, на Журавлевкѣ заселенная мѣстность простиралась не дальше, какъ на два квартала отъ Журавлевской церкви. На югѣ самой длинной улицей была Большая Москалевская, упиравшаяся въ р. Харьковъ, за которымъ уже шла Основа. Городъ, впрочемъ, до самой рѣки не доходилъ: крайнимъ пунктомъ былъ кафельный заводъ Петрова. По Зміевской улицѣ городъ доходилъ до такъ наз. Урала, южнѣе котораго, по дорогѣ въ Зміевъ, расположены были бойни.

Окраины города, иногда даже очень близкія къ центру, все еще изобиловали пустырями, болотами, садами, левадами и вообще незаселеннымъ пространствомъ. Въ сѣверной части города незастроеннымъ былъ громадный участокъ принадлежащей университету земли отъ ветеринарнаго института и до военнаго лазарета, не заселена была и мѣстность между епархіальнымъ училищемъ и городскимъ кладбищемъ и Сумской. Къ сѣверу отъ Ветеринарной начала застраиваться такъ наз. Ново-Чернышевская улица. Пустовала и вся обширная мѣстность между Большою Панасовскою и Ивановкой, не заняты была жильемъ и значительная часть такъ наз. Архіерейской левады, отдѣлявшей Ивановку отъ полотна желѣзной дороги и Лысой горы, уже въ то время населенной густо. Въ южной, занетечинской части города незаселеннымъ по причинѣ болотистости, былъ довольно обширный участокъ сзади единовѣрческой церкви. Между западнымъ концомъ Воскресенской улицей и Москалевкой мѣстность была наполнена болотами и необитаема. Равнымъ образомъ необитаема была и вся мѣстность по старому руслу р. Харькова, между Грековской, Москалевской и Заиковской. Часть этой мѣстности, гдѣ теперь Рыбасовская и Галушкинская улицы, была пустыремъ, а между Грековской и Заиковской лежалъ такъ наз. Галушкинскій садъ. Незаселеннымъ было и громадное пространство между Ващенковскимъ переулкомъ, Милліонной (Нетечинская улица), Грековской и Заиковской улицами. Земля эта принадлежала Сѣдельникову и Вразолю, перерѣзывалась протоками и болотами и благодаря солончаковой почвѣ мало годилась даже подъ покосъ. Это была такъ назыв. Гордѣенковская левада. Заиковская улица была населена крайне слабо и во многихъ мѣстахъ прерывалась пустырями. Южнѣе Заиковской, въ мѣстности; извѣстной подъ именемъ Аравіи, гдѣ теперь Миргородская, Полтавская и иныя улицы, поселеній совсѣмъ не было. Мѣстность эта принадлежала А. В. Квиткѣ, который и продавалъ ее отдѣльными участками подъ заселеніе. Въ 1883 г. Квитка предложилъ городу планъ разбивки Аравіи на улицы и переулки. Планъ былъ принятъ, а затѣмъ началась и продажа участковъ желающимъ [1]). Весь лѣвый берегъ Харькова, прилегающій къ Москалевкѣ, не былъ заселенъ. Здѣсь были мойки, а при нихъ обширные, не занятые постройками участки, принадлежавшіе Чикину, Петренку, Потапову, Бирюкову. Весь лѣвый берегъ р. Харькова между Конторскимъ мостомъ и газовымъ заводомъ былъ мѣстностью совершенно пустынною, кое гдѣ перерѣзанной болотами.

Не мало пустырей было и въ восточной части города. Между Старо-Московской и Ваинской лежала такъ наз. Попова левада съ озеромъ. По Конной площади вся лѣвая сторона отъ дома шерстяной компаніи и почти до Немышлянскаго мостка, ведущаго на Конюшенную, была совсѣмъ не заселена. Только за нѣсколько шаговъ до этого моста путникъ натыкался на пару постоялыхъ дворовъ, мрачныхъ и всегда безлюдныхъ. За складами Клеменова и впередъ, и направо простирался пустырь, на которомъ единственнымъ жилымъ зданіемъ была Клеменовская школа. Пустыремъ оставалось и бывшее Конное кладбище, тянувшееся отъ Конной площади до Петинской улицы. По Петинской вся лѣвая сторона ея почти до Петинскаго переулка, представляла пустырь, шедшій до Тарасовской, потомъ до Конной площади и въ чистое поле. Стоило пройти еще нѣсколько шаговъ по Петинской отъ Петинскаго переулка, чтобы снова наткнуться на пустырь, простиравшійся до самой Корсиковской.

---

[1]) Журн. Гор. Думы. 1883 г. стр. 601—602.

И въ городѣ, и на окраинахъ сохранялось еще не мало садовъ. По обѣ стороны линіи желѣзной дороги на Холодной горѣ и подъ нею шелъ Карповскій садъ. По Курской линіи расположенъ былъ обширный Кузинскій садъ. Вся лѣвая сторона Чеботарской (если идти въ городъ) была покрыта садами. Большое пространство между Вольной и Малой Гончаровскими также было занято садами. На Благовѣщенской нынѣшній „Тиволи“ былъ еще больше садомъ, чѣмъ увеселительнымъ заведеніемъ. Возлѣ вокзала уже былъ нынѣшній скверъ, были и давніе скверики по Екатеринославской. Въ центральной части видимъ скверы Николаевскій и Театральный, а въ сѣверной и сѣверо-восточной сады: духовнаго училища, институтскій, коммерческаго клуба, университетскій, благотворительнаго общества, епархіальнаго училища и много частныхъ большихъ садовъ по Садово-Куликовской и Нѣмецкой улицамъ. Въ восточной части города огромный садъ принадлежалъ Рыжову. За Сомовской улицей шелъ очень большой садъ, принадлежавшій къ дачѣ Сбитнева. По Зміевской до нынѣшней Царицынской тянулся Корсиковскій садъ. По Конюшенной и Корсиковской улицамъ тянулись сады, принадлежавшіе земской больницѣ и частнымъ лицамъ. Въ южной части города большой садъ примыкалъ къ заводу Костина. По Грековской шелъ такъ наз. Галушкинскій садъ; большой садъ примыкалъ также къ табачной фабрикѣ Ильина въ концѣ Маріинской улицы.

Вторая половина восьмидесятыхъ и девяностые годы отличаются еще большей интенсивностью строительной дѣятельности на окраинахъ, чѣмъ предшествовавшія десятилѣтія. Громадное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло соединеніе окраинъ съ центромъ удобными и дешевыми путями сообщенія—конно-желѣзной дорогой. Благодаря близости конки городской пустырь по Московскому шоссе, т. е. одна изъ самыхъ здоровыхъ и удобныхъ окраинъ города, привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе обезпеченныхъ горожанъ и быстро застраивается прекрасными каменными домами, являющимися послѣднимъ словомъ мѣстной строительной техники. Мелкіе капиталисты, не смѣющіе мечтать объ аристократической части города, устремляются на Москалевку и заселяютъ южную часть Большой-Москалевской и такъ называемую „Аравію“, безплодные песчаные пустыри, на которомъ возникаютъ Миргородская, Кіевская, Полтавская, Батуринская и др. улицы, окруженныя скромными деревянными, обложенными кирпичомъ, а то и каменными домами незатѣйливой архитектуры. Оживляется и Конная площадь, а въ особенности прилегающіе къ ней съ востока улицы и переулки. Густѣетъ населеніе и на Холодной горѣ, не смотря на то, что для него выгоды конки оказались гораздо менѣе ощутительны, чѣмъ для другихъ окраинцевъ. Были и другія обстоятельства, способствовавшія заселенію окраинъ. Въ восточной части города прошла Балашовская желѣзная дорога, возникъ вокзалъ, мастерскія, а затѣмъ и громадный паровозостроительный заводъ, привлекшіе къ себѣ тысячи рабочаго люда, для котораго понадобились жилища. И вотъ безплодный конецъ Петинской, представлявшій еще въ началѣ 90-хъ годовъ рядъ пустырей, на которыхъ кое-гдѣ маячили хаты подъ соломенной крышей, заселяется, образуетъ рядъ правильно разбитыхъ улицъ и переулковъ и застраивается деревянными, а часто и каменными двухъ-этажными домами. Новая дорога оказала свое вліяніе и на западную часть города, такъ какъ ея пассажирскій вокзалъ былъ устроенъ въ одномъ мѣстѣ съ вокзаломъ Севастопольской и Николаевской дорогъ. Въ 1885 г. въ Харьковѣ открывается технологическій институтъ, и тотчасъ же за этимъ получаютъ особую, раньше совершенно невѣроятную цѣнность пустопорожніе участки прилегающей къ нему земли. Заселяется Каплуновская площадь и прилегающая къ ней мѣстность, прокладываются новыя улицы, возникаютъ большіе каменные дома на такихъ новыхъ улицахъ, какъ Технологическая (Бисеровская), Максимильяновская (на участкѣ земли Раупаха) и др.; застраиваются по Нѣмецкой такъ назыв. „новыя мѣста“; становится наиболѣе благоустроенною та городская окраина, которая еще въ началѣ 80-хъ годовъ пугала ночью прохожихъ своимъ пустыннымъ видомъ и подозрительнымъ населеніемъ. Результатъ открытія института сказывается не только на горѣ вверху, но и подъ горой внизу. До сихъ поръ лѣвая сторона Бѣгородской улицы была почти совсѣмъ не заселена. Подъ горой были сплошныя глинища, а на горѣ одиноко торчалъ домъ благотворительнаго общества. Теперь глинища превращаются въ дворовыя мѣста, а подъ горою возникаетъ рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ находитъ себѣ квартиру неприхотливое студенчество. Застройкѣ конца Нѣмецкой, заселенной теперь до самаго Нѣмецкаго кладбища, въ особенности содѣйствуетъ открытіе коммерческаго училища, превратившее эту пустынную окраину въ одинъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ уголковъ Харькова.

Ростъ города окажется особенно замѣтнымъ, если мы для сравненія будемъ брать не близкія, а болѣе отдаленныя другъ отъ друга даты. Если напримѣръ сравнить планъ Харькова 1852—1853 г.г. съ

планомъ 1892 г., то окажется, что за сорокъ лѣтъ площадь заселенной земли подъ городомъ прибавилась болѣе, чѣмъ на 600 дес.: въ 1852—1853 г.г. подъ заселеніемъ города было 1683,9 дес., а въ 1892 г. болѣе 2300. Говоримъ болѣе, потому что это пространство было внутри городской черты, проектированной городской плановой коммиссіей въ 1886 г., а между тѣмъ въ дѣйствительности и за проектированной чертой или тѣ же городскія поселенія: за городской, напримѣръ, чертой лежали значительныя части Ивановки, Холодной и Лысой горы и Новоселовка.

За сорокъ лѣтъ, съ 1852 по 1892 г., въ первой части прибавилось болѣе 70 новыхъ строительныхъ кварталовъ съ 1042 дворовыми мѣстами. Во второй части—53 новыхъ квартала съ 538 дворами въ нихъ, а въ третьей 79 новыхъ кварталовъ съ 1317 новыми дворами.

Не останавливаясь надъ внутреннимъ расположеніемъ города, съ тѣхъ поръ мало въ чемъ измѣнившемся, не можемъ, однако, не отмѣтить одного обстоятельства, имѣющаго свое значеніе при изученіи старой и новой топографіи Харькова: переименованія очень многихъ улицъ, послѣдовавшаго въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ. Такъ въ захарьковской части Михайловская площадь превратилась въ Скобелевскую, Бахметьевскій переулокъ—въ Франковскую улицу, Ново-Веселый переулокъ—въ Царицынскую улицу. Разгульный пер.—въ Михайловскій, Савельевскій—въ Никитинскій. Тоже было и въ другихъ частяхъ города. Карташевская стала называться Единовѣрческой, Цыганскій пер.—Торговымъ, Конный—Баннымъ, Купеческій—Пащенко-Тряпкина, Ново-Мало-Сумская—Мироносицкой, Мало-Сумская—Кокошкинской, Нѣмецкая—Пушкинской, Мало-Нѣмецкая—Донецъ-Захаржевской, Чириковскій пер.—Рымарской ул., Сомовскій—Ветеринарной, Касперовскій—Мироносицкимъ, Кладбищенская—Епархіальной, Джунковская—Костомаровской, Бисеровская—Технологической, нижняя часть Садово-Куликовской—Губернаторской, Мало-Андреевская—Сковородинской, Гвоздиковская 2-я—Щербининской, Сѣриковская—Карповской и др. Особенно богатъ былъ переименованіями 1894 г., когда городской думой въ одно засѣданіе былъ переименованъ цѣлый рядъ улицъ и переулковъ.

Въ началѣ XX вѣка, наканунѣ 250-лѣтія его существованія, мы видимъ Харьковъ растянувшимся отъ сѣвера къ югу на 2700 саж., а отъ запада къ востоку на 3650 саж.

На сѣверѣ, по Сумской, сплошныя городскія поселенія простираются до бараковъ, за которыми начинается городской паркъ, доходящій почти до Сокольниковъ. Такъ какъ городской паркъ предназначенъ для горожанъ, то и его, очевидно, нужно считать принадлежащимъ къ территоріи города. Съ увѣренностью можно сказать, что въ очень не далекомъ будущемъ сюда, къ парку, придвинутся и городскія поселенія. Для частнаго домовладѣнія очень подходящей оказывается здѣсь мѣстность по правой сторонѣ дороги въ Сокольники. На планахъ 1896 и 1903 гг. все пространство между Сумской и городскимъ кладбищемъ представляется уже застроеннымъ. Здѣсь протягиваются Епархіальная, Чернышевская, Мироносицкая, перерѣзанныя Госпитальной, Костомаровской, Каразинской, Бассейной (еще въ 1893—1894 г.г. здѣсь были дворовыя мѣста Даниловича, Шмиткова и Макаровыхъ). Почему именно эту окраину избрали харьковцы для того, чтобы почтить названіями улицъ славныя имена Каразина и Костомарова,—понять трудно, особенно если вспомнить, что ни тотъ, ни другой къ этой, въ то время загородной мѣстности ровно никакого касательства не имѣли да и имѣть не могли, потому что въ ихъ время здѣсь былъ не городъ, а поле. По Нѣмецкой, теперь переименованной въ Пушкинскую, поселенія тянулись до епархіальнаго училища съ одной стороны и до Нѣмецкаго кладбища—съ другой. Между технологическимъ институтомъ и Нѣмецкимъ кладбищемъ остается незастроеннымъ только спускъ съ горы, подъ которой расположена Журавлевка.

По Клочковской крайнимъ пунктомъ городскихъ поселеній стала Деркачевская улица, хотя, впрочемъ, отдѣльныя домовладѣнія встрѣчались и дальше къ сѣверу, по Деркачевской дорогѣ, до такъ назыв. Саржана Яра. Не заселеннымъ по прежнему осталось обширное пространство между дорогой на Деркачи и Сумской улицей,—земля, принадлежащая университету. Но и здѣсь, поближе къ Сумской, образовался уже цѣлый клиническій городокъ—рядъ прекрасно оборудованныхъ клиникъ, переведенныхъ сюда изъ старыхъ университетскихъ зданій. Здѣсь же находился и домъ студенческаго общежитія, въ то время только что выстроенный.

На Ивановкѣ, окончательно слившейся теперь съ городомъ, хотя и числившейся въ предѣлахъ Харьковскаго уѣзда, поселенія доходятъ почти до элеватора, такъ что до этого пункта Курская линія

желѣзной дороги проходитъ, можно сказать, по самому городу, а не около его. Между Ивановкой и городомъ незаселенной оставалась только такъ назыв. Церковная левада, довольно большой участокъ земли между Ващенковской и Большой Панасовской улицами и р. Лопанью. Но и здѣсь проектированы уже и улицы, и переулки. Остановка только за желающими селиться. Относительная близость къ главному базару обѣщаетъ, что и эта мѣстность не будетъ долго пустовать.

Южная часть города—Москалевка окончательно слилась съ Основой, прибрежная часть которой получила характеръ города и по постройкамъ, и по составу населенія. На мѣстѣ, гдѣ еще недавно росъ вѣковой основянскій боръ, теперь вырубленный, возникла цѣлая улица домовъ. Для застройки новоселамъ открылась обширная площадь отъ основянской церкви до самаго полотна желѣзной дороги. Еще не такъ давно южная часть города въ предѣлахъ Воскресенскаго и Преображенскаго приходовъ изобиловала пустырями и левадами. Теперь левады исчезаютъ. По засыпаннымъ болотнымъ пустырямъ проводятся улицы и строятся каменные дома. Грековская соединяется теперь съ Москалевской черезъ посредство Екатерининской, Галушкинской и Рыбасовской улицъ. Вдоль русла стараго Харькова тянется такъ наз. Нетечинскій бульваръ, одна изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей Харькова. Заиковская обстраивается вплотную съ обѣихъ сторонъ. О старой „Аравіи“ вспоминаютъ только старожилы, ибо вся она разбита теперь на рядъ правильныхъ кварталовъ и застроена. На кварталы разбита и бывшая Гордѣенковская левада. Здѣсь мы видимъ улицы Зеленую, Гордѣенковскую и Сѣдельниковскую, хотя, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что заселеніе этой мѣстности подвигается впередъ не очень быстро. Съ южной стороны Заиковки поселенія не идутъ далѣе Павловской улицы, за нею начинается городская Павловская дача, къ востоку отъ которой, по дорогѣ въ Зміевъ, лежатъ городскія скотобойни. Верещаковка по прежнему за чертой городскихъ поселеній, представляя собою какъ бы отдѣльный поселокъ, хотя и очень близкій къ городу, но съ нимъ вплотную не связанный

По Журавлевской улицѣ, окончательно принявшей городской видъ, область городскихъ поселеній протянулась далеко за Петро-Павловскую церковь, хотя нужно сказать, что въ этой части попадались по улицѣ еще и не застроенныя пространства, годныя подъ поселеніе. Заселенію этой окраины мѣшаетъ покамѣстъ отсутствіе удобныхъ путей сообщенія съ центромъ города. По прежнему пустѣ лежала и обширная долина между рр. Харьковомъ и Немышлей, по прежнему распахиваемая то подъ хлѣбъ, то подъ огороды и бахчи. Правда, это уже территорія не города, а уѣзда, но можно предсказать, что не далеко то время, когда и она отойдетъ подъ городъ. Признаки этого замѣтны и теперь, если обратить вниманіе на начавшееся заселеніе мѣстности отъ дачи Рашке къ Семирадской улицѣ. По Конюшенной улицѣ городъ продвинулся впередъ не много: по прежнему городскія поселенія идутъ не много дальше Сабуровой дачи. Зато Корсиковская не только протянулась до линіи Балашовской дороги, но перехватила и за линію. По этой улицѣ городскія поселенія доходятъ теперь до новой Николаевской больницы и Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища. Обширная Конная площадь нѣсколько съузилась благодаря постройкѣ Народнаго дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оживилась, такъ какъ обѣ ея стороны застроились жилыми домами. На планахъ 1896 и 1903 г. не застроеннымъ показанъ только пустырь между домомъ шерстяной компаніи и больницей „Женская Помощь“. Нѣкогда изобиловавшая пустырями правая сторона площади (если идти отъ города), на которой одиноко стояла Клеменовская школа, теперь заселилась вплотную. Громадный садъ Рыжовыхъ на Старо-Московской улицѣ разбитъ на кварталы и застроенъ. Здѣсь явился рядъ новыхъ улицъ, какъ Юрьевская и др. По Кремлевской улицѣ поселенія идутъ почти до линіи Балашовской дороги, но какъ эти улицы, такъ и примыкающіе къ ней переулки заселены еще слабо. Гораздо лучше обстроена Петинская улица, перехватывающая теперь за линію Балашовской желѣзной дороги и доходящая до самаго Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища. Правая сторона ея (если идти отъ города), соединяющаяся теперь со Зміевской посредствомъ новопроложенной Царицынской улицы (по бывшему Корсиковскому саду), заселена уже вплотную, и только на лѣвой имѣется еще нѣсколько незаселенныхъ участковъ, но застройка ихъ—дѣло ближайшаго будущаго. Совершенно незастроенными представляются на планѣ 1903 г. Колчигинская, Уральская и Державинская улицы съ примыкающими къ нимъ переулками, но и здѣсь въ настоящее время замѣчается усиленная строительная дѣятельность, особенно со времени проведенія электрическаго трамвая. Судя по тому, чѣмъ была эта мѣстность десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и тому, чѣмъ она стала теперь, можно съ увѣренностью предсказать этой восточной окраинѣ города

быстрый ростъ и развитіе. При удобныхъ и дешевыхъ средствахъ сообщенія ея заселеніе совершится, можетъ быть, быстрѣе, чѣмъ заселеніе мѣстности вблизи вокзала Южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ противоположность восточной окраинѣ города, на западной окраинѣ—Холодной горѣ колонизація идетъ не столько вширь, сколько вглубь. На западъ, сравнительно съ восьмидесятыми годами, Харьковъ продвинулся мало, но зато занятую раньше территорію населеніе заняло вплотную. О пустыряхъ, которыми когда то изобиловала эта мѣстность, теперь нѣтъ и помину: застроено все не меньше, чѣмъ и въ самомъ городѣ. Единственный незастроенный участокъ—Холодногорское кладбище, очутившееся теперь уже совсѣмъ среди городскихъ поселеній. Очевидно, очень не далеко то время, когда и его должна постигнуть таже судьба, какая когда то постигла кладбища Мироносицкое, Каплуновское, Михайловское и Москалевское старообрядческое. Къ сѣверу отъ Лысой горы образовался какъ бы особый городокъ, отдѣленный отъ Харькова линіей желѣзной дороги. Главныя здѣсь улицы: Черниговская, Черкасская, Кузинская, Андреевская, перерѣзанныя переулками Заводскимъ и Черкасскимъ и Дудниковской и Куриловской улицами. По Лысой горѣ крайнія западныя поселенія идутъ по улицамъ Залютинской и Валковской. По Всѣхсвятской они простираются далеко за еврейское кладбище. На югѣ западной окраины города Новоселовка и Малая Основа тоже готовятся превратиться въ особый городокъ. Благодаря тому, что крайнія поселенія Основы продвинулись теперь уже къ линіи желѣзной дороги, дорога, шедшая прежде по чистому полю, оказалась теперь проходящею по городу. При оцѣнкѣ успѣховъ заселенія западной окраины города не слѣдуетъ забывать, что не дальше, какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, здѣсь, кромѣ двухъ-трехъ кирпичныхъ заводовъ, не было ни одного человѣческаго жилья; что Холодная гора сама по себѣ представляетъ существенныя неудобства для заселенія, и что городомъ до сихъ поръ ничего не сдѣлано для соединенія холодногорцевъ съ центромъ дешевыми средствами сообщенія. Трамвай—насущная и вопіющая потребность Холодной горы, съ которой связана ея дальнѣйшая будущность.

Если сравнить размѣры нынѣшняго Харькова съ тѣми, какіе указаны въ „Календарѣ на лѣто Господне 1809 г.“, то окажется, что за это время онъ раздвинулся отъ запада къ востоку больше чѣмъ вдвое, а отъ сѣвера къ югу—гораздо больше чѣмъ вдвое. Пустырей въ городѣ почти нѣтъ. Центръ насыщенъ, и населеніе, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, стремится отъ него къ периферіямъ. Расширеніе города идетъ быстро, но все же не настолько, насколько это вызывается потребностями населенія. Жилищный вопросъ, заставляющій населеніе бѣжать отъ дорогого центра къ дешевымъ окраинамъ, съ каждымъ годомъ даетъ себя знать острѣе и острѣе. Болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ ростѣ территоріи Харькова можно ожидать только тогда, когда всѣ городскія окраины будутъ связаны съ центромъ и между собою удобными и дешевыми путями сообщенія. Отъ нихъ главнымъ образомъ и зависитъ теперь дальнѣйшее расширеніе города и вдоль, и вширь.

Глава 2-я.

Градостроительство.

Въ началѣ XIX ст. Харьковъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ обстроенъ гораздо плоше большинства русскихъ губернскихъ городовъ. Каменныя зданія можно было по пальцамъ перечесть. Въ центрѣ города: соборъ, монастырь, коллегіумъ съ сиротопитательнымъ домомъ, двухъ-этажный губернаторскій домъ съ флигелями, вице-губернаторскій домъ деревянный, обложенный кирпичемъ, недоконченный каменный корпусъ присутственныхъ мѣстъ, гостинный дворъ, губернское правленіе, городская полиція, дворянскій домъ, главное народное училище, хлѣбный магазинъ, Николаевская, Троицкая и Мироносицкая церкви. За Лоханью: Благовѣщенская и Рождественская каменныя церкви и Дмитріевская деревянная, приказъ общественнаго призрѣнія съ больницею, аптекой и лабораторіей. За Харьковомъ: каменный домъ для губернскаго почтъ-амта, каменныя Михайловская и Воскресенская церкви и деревянная Вознесенская. Кромѣ этихъ „публичныхъ зданій", было нѣсколько партикулярныхъ каменныхъ домовъ, вообще же въ городѣ „строеніе было простое и весьма малое число домовъ, имѣвшихъ порядочные фасады" [1]. За рѣдкимъ исключеніемъ, частные дома были очень не велики, такъ какъ строились только для удовлетворенія скромныхъ требованій самого домовладѣльца и его семьи. Несмотря на то, что въ 1786 г., при утвержденіи плана Харькова, было повелѣно на деревянныхъ строеніяхъ крыши крыть тесомъ и гонтою, а дранью, хворостомъ и соломою не допускать, въ 1803 г. оказалось въ самомъ городѣ домовъ подъ соломенною крышею 540. Это только въ городѣ, а въ примыкавшихъ къ нему слободахъ—Захарьковской, Заиковкѣ, Довгалевкѣ, Панасовкѣ—всѣ дома были подъ соломой [2]. Большихъ домовъ было очень не много. При отводѣ въ городѣ квартиръ генералитету и важнымъ пріѣзжимъ чиновникамъ часто не оказывалось подходящихъ помѣщеній, что, между прочимъ, и было причиной, побудившею начальство заставить городъ обзавестись собственными „постойными домами". Церкви тоже не отличались величественнымъ видомъ: на иныхъ крыши ветхія, колокольни деревянныя, низкія и почернѣвшія, ограды полусгнившія.

„Дней Александровыхъ прекрасное начало" ознаменовалось для Харькова однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ его исторіи—учрежденіемъ въ немъ университета, сразу превратившимъ его изъ степного губернскаго городка въ культурный центръ для всей полуденной Россіи. Само собою понятно, что такое событіе не могло не отразиться и на мѣстномъ казенномъ градостроительствѣ. Но отразилось оно не сразу. Пока что, университетъ былъ кое-какъ помѣщенъ въ губернаторскомъ „дворцѣ", и новыхъ построекъ для него не потребовалось. Съ учрежденіемъ университета главное народное училище превратилось въ гимназію, а малое—въ уѣздное. И вотъ для уѣзднаго училища и оказалось необходимымъ новое зданіе. Съ нимъ, впрочемъ, не спѣшили. Судя по думскимъ документамъ, каменный домъ для училища началъ строиться въ 1806 г., а оконченъ былъ только въ 1815 [3]. Но учрежденіе университета, какъ ни какъ, не могло сразу же не оказать вліянія на частное домостроительство. Съ открытіемъ университета въ Харьковъ явилось нѣсколько сотъ новыхъ жителей: профессоровъ, университетскихъ чиновниковъ, студентовъ и разныхъ мастеровыхъ съ семьями. Для размѣщенія этого новаго населенія приходилось либо расширять старые дома, либо строить новые. И новые дѣйствительно строились. Такъ напр. ремесленники, выписанные изъ за границы, строятъ себѣ дома въ Мироносицкомъ приходѣ, по Нѣмецкой и прилегающимъ къ ней

---

[1]) Описаніе Слободско-Украинск. губ. 1802 г., стр. 20—21.

[2]) Архивъ Год. Думы. Подл. приговъ. 1803 г.

[3]) Арх. Гор. Думы. Подл. прик. 1806 г. Журн. 1815 г.

улицамъ. Полагать нужно, обзавелись собственной осѣдлостью не одни нѣмцы, но и многіе другіе изъ тѣхъ, кого университетъ сдѣлалъ постоянными жителями Харькова.

Съ постройками для университета рѣшено было обождать, но совсѣмъ не было возможности ждать съ другими казенными учрежденіями. Для нихъ въ Харьковѣ совсѣмъ не было помѣщеній. Еще губернское правленіе кое-какъ мѣстилось въ каменномъ домѣ противъ собора, что же касается разныхъ палатъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ, то ихъ прежнія временныя помѣщенія къ началу XIX в. стали совсѣмъ не годны. Построенныя еще при Румянцевѣ деревянныя зданія присутственныхъ мѣстъ настолько обветшали, что въ дождливую погоду чиновникамъ нельзя было ни заниматься, ни сохранять бумагъ отъ дождевой течи, не говоря уже объ архивѣ, гдѣ старыя дѣла буквально гнили [1]). Поневолѣ приходилось подумать о новомъ помѣщеніи для присутственныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что передъ глазами былъ огромный недостроенный каменный корпусъ для губернскихъ казенныхъ учрежденій, начатый постройкой еще передъ турецкой войной и съ тѣхъ поръ заброшенный и запущенный. Въ 1804 г. губернаторъ Бахтинъ испросилъ разрѣшеніе на достройку зданія. Было отпущено изъ казны 55972 р., и началась работа. Къ двумъ уже выведеннымъ раньше этажамъ были прибавлены антресоли для помѣщенія архива. Постройку вела хозяйственнымъ способомъ коммиссія, состоявшая изъ землемѣра Драгомира, соляного пристава Романова и строителя—купца Мухина. Къ осени 1805 г. зданіе было уже готово. Освященіе его состоялось 15 октября. Въ новоустроенномъ корпусѣ помѣщены почти всѣ тогдашнія присутственныя мѣста: губернское правленіе, палаты: казенная, уголовная и гражданская, приказъ общественнаго призрѣнія, совѣстный, уѣздный и земскій суды. Магистратъ, дума, полиція, словесный и сиротскій суды и врачебная управа были помѣщены въ старомъ каменномъ зданіи, занимавшемся прежде губернскимъ правленіемъ. Старыя деревянныя зданія присутственныхъ мѣстъ были проданы на сломъ, а вскорѣ затѣмъ и самое мѣсто, занимавшееся ими, перешло въ частныя руки [2]).

Одновременно съ губернскимъ начальствомъ проявило позывъ къ строительной дѣятельности и городское общество, рѣшившее выстроить домъ для общественныхъ собраній. Мѣстомъ для предположенной постройки избрана нынѣшняя Театральная площадь, гдѣ до 1802 г. находились двѣ каменныя башни, занимавшіяся домомъ сумасшедшихъ и смирительнымъ. Проектъ этотъ, впрочемъ, такъ и остался проектомъ [3]). Городской домъ не былъ выстроенъ, но строиться городу въ эти годы все таки пришлось. Къ этому принудила его стихія. 9 іюня 1805 г., въ пятомъ часу по полудни, „внезапно сдѣлалась жестокая, какая только можетъ быть, буря съ дождемъ. Сія буря опрокинула каменныхъ лавокъ 12 изъ числа находящихся въ нижней части города близъ рѣки Лопани“. Опрокинутыя лавки принадлежали городу и приносили ему доходъ. Чтобы не терпѣть убытка, приходилось ихъ замѣнить новыми, тѣмъ болѣе, что и уцѣлѣвшія лавки въ томъ же ряду были признаны негодными и по распоряженію губернатора сломаны. Въ 1807 г. дума постановила выстроить вмѣсто разрушеннаго новый каменный рядъ, планъ для котораго былъ составленъ архитекторомъ Ярославскимъ. Всѣхъ лавокъ предположено выстроить 27 да двѣ харчевни, но въ виду недостатка денегъ въ городской кассѣ, пришлось ограничиться только 13 лавками, на что ассигновано 8182 р. 40 к. Постройка затянулась по случаю недостатка денегъ и необходимости испрашивать на всякій расходъ согласіе начальства. Къ тому же оказалась необходимость и въ дополнительныхъ ассигнованіяхъ, такъ что къ 1812 г. первоначальная смѣта возросла до 9975 р. Лавки были окончены только въ 1814 г. [4])

Гораздо болѣе успѣховъ обнаруживалось въ области храмозиждительства. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и здѣсь не обошлось безъ вліянія стихій. Въ 1804 г. отъ незатушеннаго огарка восковой свѣчи загорѣлась старая Дмитріевская церковь. Огонь быстро распространился по деревянному зданію, и въ концѣ концовъ на его мѣстѣ осталось одно пепелище. Поневолѣ приходилось строить новую церковь. На сей разъ прихожане рѣшили выстроить уже не деревянную, а каменную. Основана она въ 1805 г., а освящена въ 1808 г. Устройствомъ своимъ Дмитріевская церковь много обязана своему ктитору Григ. Топчіеву, крупному жертвователю на созиданіе храма. Портретъ Топчіева, по разсказу преосв. Фи-

[1]) Арх. Губ. Правл. 1803 года № 2.
[2]) Арх. Губ. Правл. Реестры губерп. 1805 г.
[3]) Арх. Гор. Думы. Подя. прик. 1804 г.
[4]) Арх. Гор. Думы. Дѣло о постройкѣ городск. лавокъ и Журналы 1814 г.

ларета, долго потомъ стоялъ въ церкви [1])—отголоскомъ стариннаго малорусскаго обычая, находившаго нужнымъ увѣковѣчивать такимъ образомъ память „фундаторовъ“. На первыхъ порахъ въ новой церкви не было даже своего иконостаса, такъ что пришлось взять старый изъ Основянской церкви. Церковная ограда только по улицѣ была изъ частокола, съ трехъ другихъ сторонъ былъ простой плетень изъ хвороста. Вскорѣ послѣ освященія Дмитріевской церкви пришлось совершать освященіе и другой новой церкви—Каплуновской. До 1803 г. кладбище для сѣверной части города было при Мироносицкой церкви. Въ виду приближенія городского поселенія къ кладбищу рѣшено было его закрыть, церковь обратить въ приходскую, а для кладбища отвесть участокъ земли подальше. Такимъ, въ то время далекимъ отъ жилья, участкомъ оказалось то мѣсто, гдѣ теперь Каплуновская церковь. Здѣсь въ 1804 г. было устроено кладбище, а въ 1807 г. заложена церковь въ честь Каплуновской иконы Божіей Матери, оконченная постройкой и освященная въ 1810 г. Въ то же время Мироносицкая церковь, ставшая приходскою, была значительно расширена стараніемъ купца Ив. Тараканова; при церкви устроены придѣлы во имя Женъ Мироносицъ и св. Николая, а главный престолъ освященъ во славу Воздвиженія Честнаго Креста [2]).

Ремонтировались и старыя церкви. Отремонтированы были Покровскій кафедральный соборъ (въ монастырѣ) и Успенскій градскій, при чемъ была исправлена и соборная ограда, у которой каменные столпы главныхъ воротъ грозили паденіемъ. На Михайловской церкви ветхая гонтовая крыша была замѣнена желѣзной, деревянная колокольня и деревянная ограда—каменными. Благовѣщенская церковь замѣнила гонтовую крышу желѣзной, вмѣсто деревянной колокольни была выстроена каменная. Каменная колокольня воздвигнута была и у Рождественской церкви. Строить ее начали еще въ послѣдніе годы XVIII в., но освятили только въ 1801 г. Въ колокольнѣ была устроена и первая въ Харьковѣ теплая церковь въ честь Срѣтенія Господня. Отремонтирована была и сама Рождественская церковь. Первые годы XIX в. застали ее въ самомъ печальномъ видѣ. Гонтовая крыша сгнила и мѣстами упала, обнажая каменные своды, поросшіе отъ мокроты травою; отъ сильной течи штукатурка внутри и снаружи осыпалась, кирпичный полъ въ церкви изобиловалъ выбоинами. За ремонтъ храма прихожане принялись только благодаря энергичнымъ мѣрамъ преосвященнаго Христофора, сперва оштрафовавшаго рождественскаго протоіерея Зимовского за нерадѣніе о церкви, а затѣмъ и совсѣмъ закрывшаго церковь и вынесшаго изъ нея антиминсъ. Прихожане принялись наконецъ за ремонтъ. Ссылаясь на недостатокъ средствъ, они вновь хотѣли покрыть церковь гонтомъ, тогда преосвященный приказалъ выдать имъ въ заемъ 2000 руб. изъ соборныхъ денегъ. Церковь была покрыта желѣзомъ, главы вызолочены, а каменный полъ замѣненъ чугуннымъ [3]).

У Вознесенской церкви выстроена колокольня. Церковь была деревянная, такую же предположено было выстроить и колокольню, но когда прихожане обратились за разрѣшеніемъ къ губернатору, оказалось, что деревянныхъ церквей, согласно недавнему указу, въ городахъ строить нельзя. Пришлось обратиться въ Петербургъ, и только оттуда пришло нужное прихожанамъ разрѣшеніе [4]).

Что касается частнаго домостроительства въ первое десятилѣтіе XIX в., то о немъ мы располагаемъ только ограниченными свѣдѣніями. П. Сумароковъ, посѣтившій Харьковъ въ самомъ началѣ столѣтія, писалъ, что въ немъ „хорошихъ домовъ, исключая 2—3, не находится, а построенія сдѣланы или изъ мазанокъ, или изъ брусьевъ“ [5]). По разсказу С. И. Топчіева, въ Харьковѣ въ то время „едва-ли было и десять каменныхъ строеній, исключая церквей. Торговля была тогда еще незначительная, строевой лѣсъ дешевъ, кирпича мало выдѣлывалось, почему строили дома деревянные, одноэтажные, единственно для собственнаго помѣщенія; лучшіе были покрыты гонтомъ, дранью. Дворы были просторные и почти при каждомъ садъ фруктовыхъ деревьевъ; промежутки между строеніями были загорожены досками только у богатыхъ людей, а у прочихъ—частоколомъ, плетнемъ. Уже за мою память большая часть церквей перекрыта желѣзомъ; до того же времени крыши на нихъ были гонтовыя“.

По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1809 г. въ городѣ числилось 1265 домовъ, въ Захарьковской пригородной слободѣ 545, на Заиковкѣ—97, на Москалевкѣ—13, Довгалевкѣ—189, Панасовкѣ—90 и на Ива-

[1]) Филаретъ II, стр. 36, Харьк. Сборн. Вып. 7, стр. 221—222.
[2]) Филаретъ II, стр. 32.
[3]) Харьк. Сборн. Вып. 7, стр. 218—220.
[4]) Арх. Губ. Правл. Простр. реестръ губерн. 1805 г.
[5]) Досуги Крымскаго судіи. Т. 1, стр. 48—49.

новкѣ—106, всего 2305 [1]). По сравненію съ тѣми цифрами, какія мы имѣемъ для послѣднихъ годовъ XVIII в., въ частномъ домостроительствѣ замѣтенъ такимъ образомъ нѣкоторый успѣхъ. Лучшими домами были дома подполковницы Буксгевденъ, фонъ-Минстера (предсѣдателя уголовной палаты), наслѣдниковъ губернатора Пашкова и Познанскаго (уѣздный предводитель дворянства). Думать такъ нужно потому, что именно въ нихъ отводились обыкновенно квартиры для важныхъ сановниковъ и генераловъ, почему либо попадавшихъ въ Харьковъ.

Второе десятилѣтіе XIX в. также не отличалось большимъ развитіемъ казеннаго и общественнаго строительства. Самымъ крупнымъ общественнымъ сооруженіемъ того времени былъ домъ дворянскаго собранія. Постройка его началась въ 1815 г. подъ руководствомъ извѣстнаго въ свое время архитектора, профессора Васильева. Ему принадлежалъ и планъ зданія. Работы велись подъ главнымъ наблюденіемъ губернскаго предводителя А. Ф. Квитки. Окончательно оконченъ и меблированъ былъ дворянскій домъ въ 1820 г. Постройка его обошлась въ 128978 руб. 8 коп. ассиги. Средства были получены частью изъ суммъ земскихъ повинностей, частью путемъ пожертвованій отдѣльныхъ дворянъ, изъ которыхъ наибольшую сумму (10000) пожертвовалъ город. секретарь Д. Ф. Сердюковъ. Въ годъ окончанія постройки дворянство уже принимало въ своемъ домѣ Императора Александра Павловича. Въ неприкосновенномъ видѣ зданіе дворянскаго собранія просуществовало до 1870 г., когда было уничтожено пожаромъ 20 мая [2]).

Обзавелась прочными и удобными помѣщеніями и больница приказа общественнаго призрѣнія, ютившаяся до сихъ поръ въ полуразрушенныхъ деревянныхъ домахъ на Конторской улицѣ. Заведенія приказа были переведены за городъ, на Сабурову дачу. Здѣсь была помѣщена больница на 25 кроватей, венерическій лазаретъ на 30 человѣкъ, отдѣленіе для сумасшедшихъ на 20 мѣстъ, и сиронитательный домъ на 18 чел. Всѣ строенія, кромѣ богадѣльни, были каменныя и „какъ наружностію, такъ и мѣстоположеніемъ совершенно соотвѣтствовали своему назначенію“. Дворовое мѣсто на Конторской, гдѣ раньше помѣщалась больница, было продано городу.

Выстроено было помѣщеніе и для военнаго лазарета. Мѣсто для него было выбрано тоже за городомъ, на Заиковкѣ. Здѣсь въ двухмѣсячный срокъ было выстроено 12 деревянныхъ корпусовъ, въ которыхъ могло помѣститься до 150 больныхъ [3]). Другихъ крупныхъ общественныхъ сооруженій мы въ это время не видимъ. Даже и въ области храмозиждительства, гдѣ обыкновенно наиболѣе проявлялось строительное усердіе набожныхъ харьковцевъ, нѣтъ фактовъ, заслуживающихъ быть отмѣченными, кромѣ ремонта Николаевской церкви и постройки нѣсколькихъ каменныхъ лавокъ вокругъ ограды „градскаго“ собора [4]).

Что касается частныхъ домовъ, то число ихъ увеличивается: въ 1809 г. ихъ было 2305, а въ 1817—2322 [5]). Относится ли эта послѣдняя цифра только къ городу и соединеннымъ съ нимъ слободамъ, или же подъ нею разумѣются и такія отдаленныя отъ города поселенія, какъ Ивановка, сказать не можемъ. Изъ частныхъ домовъ, отличавшихся размѣрами и архитектурой, можно отмѣтить дома предсѣдателя уголовной палаты фонъ-Минстера, помѣщика Хорватъ, графини Подгоричани, Зарудной, купца Тамбовцева, городоваго секретаря Сердюкова [6]), купца Ламакина. Въ послѣднемъ, благодаря его обширности и нахожденію въ центрѣ города (на Торговой площади), два раза отводилась квартира для Императора Александра Павловича во время посѣщенія имъ Харькова въ 1816 и 1820 г.г. [7]). Въ области частнаго домостроительства этого времени замѣчается стремленіе свести постройки къ опредѣленнымъ, разъ установленнымъ типамъ. Въ 1810 г. въ Харьковѣ были получены изъ министерства внутреннихъ дѣлъ Высочайше утвержденные фасады для частныхъ домовъ, и предписано не иначе давать разрѣшенія на постройку, какъ по выборѣ домовладѣльцемъ одного изъ конфирмованныхъ фасадовъ [8]). Городъ начинаетъ застраиваться домами „губернской архитектуры“. Въ 1818 г. послѣдовало распоряженіе, внесшее

[1]) Арх. Губ. Права. 1809 г. № 32.
[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1870 г. № 70.
[3]) Военно-учен. архивъ Главн. Штаба. Отд. V, № 475.
[4]) Харьковск. Сборникъ. Вып. 7, стр. 220—221.
[5]) Военно-учен. архивъ Главн. Штаба. Отд. V, № 475.
[6]) Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. унив. II, стр. 381, 383.
[7]) Филаретъ II, 74—75.
[8]) Арх. Гор. Думы. Проток. 1810 г.

ограниченіе и въ область цвѣтовыхъ вкусовъ обывателей: частные дома приказано было красить только красками Высочайше апробованныхъ цвѣтовъ [1]). Удобствами дома харьковцевъ не отличались, какъ и изяществомъ архитектуры. Въ развитіи у харьковцевъ вкуса по части архитектуры и удобствъ сыгралъ не малую роль извѣстный въ свое время профессоръ архитектуры Васильевъ. Ему, между прочимъ, обязаны харьковцы постройкой перваго дома съ центральнымъ отопленіемъ. Въ 1818 г. Васильевъ выстроилъ „теплый домъ безъ печей". „Въ нижнемъ этажѣ была кухня съ единственной печью, за нею помѣщалась баня, нагрѣваемая продолженіемъ печи, на которой были сложены кирпичи и камни, какъ пріемники и проводники тепла, проходившаго во весь домъ черезъ полъ" [2]). Харьковцы долго любовались диковиннымъ домомъ, но печи строили все таки по прежнему. Васильевъ былъ строителемъ почти всѣхъ видныхъ харьковскихъ сооруженій того времени, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Большинство барскихъ домовъ и даже кое-какіе купеческіе построены по его планамъ.

Если второе десятилѣтіе XIX в. не отличалось развитіемъ казенной строительной дѣятельности, то за то оно было богато планами и предположеніями по сей части. Съ назначеніемъ въ Харьковъ губернаторомъ Муратова возникаетъ цѣлый рядъ проектовъ о застройкѣ города новыми казенными и общественными сооруженіями. До насъ дошло сдѣланное Муратовымъ по требованію петербургскаго начальства описаніе Харькова въ 1817 г. И вотъ мы видимъ въ немъ цѣлый рядъ предположеній о новыхъ постройкахъ. Здѣсь мы находимъ предположеніе о распространеніи университетскихъ зданій и о постройкѣ приличныхъ домовъ для губернатора и вице-губернатора, квартировавшихъ въ то время въ ветхихъ и скудныхъ домахъ, принадлежавшихъ городу. Дѣлались указанія и на необходимость перестройки гостиннаго ряда. „Гостинный дворъ—писалъ Муратовъ—хотя и каменный, но не видной архитектуры и по причинѣ ежегодно возрастающей торговли требуетъ распространенія надстройкой верхняго этажа и даже перемѣщеніемъ въ другое мѣсто" [3]). Представляя въ томъ же 1817 г. планъ г. Харькова, Муратовъ указывалъ на необходимость цѣлаго ряда новыхъ построекъ. Необходимы были, по его мнѣнію: каменныя лавки для съѣстныхъ припасовъ и молочныхъ издѣлій, рыбные ряды, зданіе для мѣръ и вѣсовъ, новое зданіе для помѣщенія острога (его Муратовъ хотѣлъ выстроить возлѣ Мироносицкой церкви), каменная съѣзжая (предположенная на углу Старо-Московской и Вознесенской площади). Нѣкоторыя старыя зданія Муратовъ предполагалъ совсѣмъ уничтожить. Къ уничтоженію предназначались: острогъ, каменная ветхая башня на проѣздѣ между нынѣшними Сергіевской и Торговой площадями, деревянныя лавки противъ нынѣшняго Шубнаго ряда, кузницы, ветхіе соляные магазины, ветхія каменныя караульни, построенныя еще въ Екатерининскія времена, и городская больница [4]).

Предположенія стали осуществляться въ двадцатыхъ годахъ и притомъ въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ ожидалъ Муратовъ. Это было время особеннаго оживленія казеннаго и общественнаго строительства. Благодаря новымъ постройкамъ возникшимъ главнымъ образомъ въ центрѣ города, центръ этотъ измѣнился теперь почти до неузнаваемости. Постройки шли въ университетѣ, въ соборѣ, въ гостинномъ дворѣ, въ монастырѣ, въ думѣ.

Начнемъ съ университета. Какъ извѣстно, университету при его учрежденіи былъ отданъ во временное пользованіе каменный двухъ-этажный генералъ-губернаторскій домъ съ двумя одноэтажными флигелями, а напротивъ—деревянный, обложенный кирпичемъ домъ, гдѣ жилъ вице-губернаторъ, каменный домикъ, бывшая кухня вице-губернатора, и, кромѣ того, обложенный кирпичемъ деревянный домикъ въ томъ же дворѣ. На углу противъ собора, гдѣ теперь университетская библіотека, архивъ и попечительская канцелярія, находились постройки, не состоявшія въ распоряженіи университета—двухъ-этажный небольшой домъ, въ которомъ помѣщались городская дума, магистратъ и врачебная управа, и одноэтажный каменный домикъ, занимаемый полиціей. Конечно, въ такомъ ограниченномъ помѣщеніи университетъ могъ ютиться только съ большимъ трудомъ, особенно если принять во вниманіе, что кромѣ университета и его учрежденій здѣсь же находились квартиры для ректора, адъюнктовъ и казенно-коштныхъ студентовъ. Но помѣщеніе это считалось временнымъ: университетъ располагалъ въ ближайшемъ будущемъ построиться въ концѣ нынѣшней Сумской на принадлежащей ему землѣ. Здѣсь предполагалось устроить цѣлый

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1818 г.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г., № 47.
[3]) Военно-учен. архивъ Главн. Штаба. Отд. V, № 175.
[4]) Тамъ-же Отд. 9, № 1030.

„ученый городокъ“, гдѣ всѣ университетскія учрежденія могли бы размѣститься на просторѣ, безъ тѣхъ чувствительныхъ неудобствъ, съ которыми было сопряжено пребываніе ихъ на маленькомъ участкѣ въ центрѣ города, подлѣ базара съ его кабаками и лавками, въ близкомъ сосѣдствѣ съ площадью, на которой производились экзекуціи. Планамъ этимъ не суждено было, однако, осуществиться. Помѣшалъ этому тотъ экономическій кризисъ, который обнаружился у насъ въ Россіи въ пору наполеоновскихъ войнъ и давалъ себя знать еще очень долго по изгнаніи галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Въ 1816 г. попечитель округа графъ С. О. Потоцкій, донося министру народнаго просвѣщенія о невозможныхъ условіяхъ, въ какія ставила университетъ тѣснота его временнаго помѣщенія, объяснялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что у университета нѣтъ никакой возможности, въ виду крайняго вздорожанія цѣнъ на строительные матеріалы, разсчитывать на постройку новаго зданія на принадлежащемъ ему мѣстѣ: капиталъ университета равнялся 800 тыс. руб., а постройка, по подсчету Потоцкаго, обошлась бы въ 2 милліона; къ тому же и мѣсто это не могло бы быть вполнѣ удобно какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ, по его отдаленности отъ города. Потоцкій предлагалъ совсѣмъ оставить мысль о постройкѣ „ученаго городка“, а вмѣсто этого просилъ о предоставленіи университету его временнаго помѣщенія и о разрѣшеніи пріобрѣсть покупкой сосѣднія казенныя зданія—либо домъ присутственныхъ мѣстъ, окончательно отстроенный въ 1805 г., либо полицейскій домъ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь устроить новыя, необходимыя для университета зданія.

Мнѣніе Потоцкаго было въ Петербургѣ одобрено и, послѣ переговоровъ съ губернскимъ начальствомъ и министерствомъ полиціи, было принято окончательно. Постановленіемъ комитета министровъ было рѣшено: 1) генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома передать въ собственность университета безъ всякаго платежа; 2) дома, занимаемые думой и полиціей, отдать университету съ тѣмъ, чтобы онъ на собственныя средства выстроилъ для нихъ особый домъ, причемъ было обѣщано, что издержанная на это сумма будетъ возвращена университету въ теченіе 5 лѣтъ, если позволятъ средства государственнаго казначейства. Университету теперь оставалось только приступить къ постройкамъ. 8 января 1819 г. былъ Высочайше утвержденъ проектъ построекъ, выработанный попечителемъ З. Я. Карнѣевымъ и совѣтомъ, планы, фасады и смѣты. Стоимость построекъ исчислена въ 523282 р. Во главѣ строительной коммиссіи поставленъ былъ ректоръ. Въ тоже время, въ виду тѣсноты доставшагося университету мѣста, было разрѣшено прикупить для него за 30 тыс. р. дворовое мѣсто у помѣщицы Хорватъ за Лопанью (уголъ Лопанской набережной и Лопанскаго переулка, часть его занята теперь дворомъ 2-ой гимназіи); сюда предполагалось перевести клиники, анатомическій театръ и другія учрежденія медицинскаго факультета.

Постройки производились въ теченіи 1820—1823 г.г. Главный корпусъ, т. е. бывшій генералъ-губернаторскій домъ, подлежалъ только поправкамъ, но около и противъ него были отстроены новыя каменныя зданія: каменный двухъ-этажный домъ для педагогическаго института, каменный двухъ-этажный корпусъ для казеннокоштныхъ студентовъ и службъ при нихъ, корпусъ для церкви, зала торжественныхъ собраній и библіотеки, трехъ-этажный корпусъ для квартиръ директора педагогическаго института, инспектора и университетскихъ солдатъ со службами. Произведены были, кромѣ того, надстройки къ зданію, занимавшемуся раньше полиціей, поставлена каменная ограда съ галлереей, выходившей на университетскій бульваръ (горку). Университетскія зданія представляли собою шесть корпусовъ, изъ которыхъ четыре были въ два этажа, одинъ въ три и одинъ—одноэтажный. Затѣмъ въ видѣ службъ было три одноэтажныхъ флигеля. Произведены были затѣмъ постройки и въ университетскомъ саду: здѣсь кромѣ теплицъ и оранжерей былъ въ 1824 г. построенъ небольшой двухъ-этажный домъ, затѣмъ въ томъ же саду былъ выстроенъ домъ для типографіи, которая, однако, сюда переведена не была. Строилъ университетскія зданія архитекторъ Васильевъ [1]).

Рядомъ съ университетомъ, въ соборѣ, тоже кипѣла строительная работа. Началась постройка самаго высокаго изъ харьковскихъ сооруженій—соборной колокольни. Мысль объ этомъ возникла еще въ 1819 г. по иниціативѣ протоіерея Прокоповича, обратившаго вниманіе прихожанъ на безобразный видъ старой соборной колокольни, стоявшей отдѣльно отъ собора и занимавшей значительную часть пространства, предназначеннаго по плану подъ площадь. Колокольня эта, выстроенная еще въ XVII ст. и пошаженная

[1]) Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. унив. т. 2, стр. 377—411.

пожаромъ 1733 г., отъ котораго сгорѣлъ первый каменный соборъ, своею древнею архитектурою совершенно не соотвѣтствовала зданію соборнаго храма, къ тому же была уже значительно повреждена въ верхнемъ своемъ этажѣ и дала много трещинъ, грозившихъ опасностью не только самому зданію, но и людямъ. По предложенію Прокоповича прихожане рѣшили сломать старую колокольню и вмѣсто ея построить новую каменную же, самой лучшей архитектуры, съ тѣмъ, чтобы въ ней была устроена теплая церковь во имя св. Александра Невскаго, въ память царствованія Императора Александра I и русскихъ побѣдъ 1812—1814 г.г. Въ апрѣлѣ того же 1819 г. старая колокольня была уже разобрана, а снятые съ нея колокола перенесены подъ деревянный навѣсъ внутри церковной ограды. Составленіе плана и фасада для новой колокольни было поручено профессору архитектуры Харьковскаго университета Е. А. Васильеву, подъ руководствомъ котораго производились и работы по постройкѣ. Васильеву и принадлежитъ основная идея плана этого сооруженія, одного изъ самыхъ высокихъ въ Россіи. Имъ Васильевъ воздвигъ себѣ въ Харьковѣ монументальный памятникъ, свидѣтельствующій о его выдающемся архитектурномъ талантѣ.

Планъ Васильева, послѣ долговременныхъ мытарствъ по харьковскимъ и петербургскимъ канцеляріямъ, началъ осуществляться только въ 1821 г. 2 іюня 1821 г. состоялось освященіе мѣста, предназначеннаго подъ колокольню, а на другой день началась и кладка кирпича. Дѣло пошло успѣшно, но уже на слѣдующій годъ остановилось за недостачей денегъ. Въ 1823 г. деньги были добыты путемъ займа, работа вновь закипѣла, но черезъ два года ее пришлось снова пріостановить, на этотъ разъ на цѣлыхъ пять лѣтъ. Причина—опять тоже безденежье и упадокъ энергіи у иниціатора дѣла, протоіерея Прокоповича. Возобновились работы по постройкѣ уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи, а окончательно выстроена колокольня была только въ сороковыхъ годахъ. Исторія этихъ работъ вкратцѣ такова: работы возобновились въ 1831 г. для того, чтобы вновь пріостановиться въ 1833 г. На сей разъ причиной остановки, кромѣ безденежья, явилась еще и смерть архитектора Васильева. Къ работамъ вновь приступили только въ 1837 г. Техническій надзоръ за ними былъ порученъ университетскому архитектору Тону, которому и суждено было довести дѣло до конца. Въ 1840 г. колокольня вчернѣ была уже окончена. Въ 1841 г. на ней водруженъ крестъ, а въ слѣдующемъ произведены штукатурныя работы. Совершенно окончена была колокольня только въ 1844 г. Въ 1847 г. по распоряженію Синода на фронтонѣ ея была сдѣлана надпись: „Богу Спасителю за избавленіе отечества отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ“. Въ общемъ устройство этого монументальнаго памятника обошлось около 100 т. р., считая на серебро. На постройку его употреблено 3½ милліона кирпича и до 4000 пуд. связнаго желѣза. Высота колокольни вмѣстѣ съ куполомъ и крестомъ достигаетъ 42 саж. Колокольней своей харьковцы такимъ образомъ въ правѣ гордиться, ибо она—одно изъ самыхъ высокихъ зданій въ Россіи.

Еще ранѣе окончанія колокольни, въ 1833 г., во второмъ этажѣ ея была устроена теплая церковь о двухъ престолахъ, въ которой и совершались богослуженія зимою, такъ какъ нижній этажъ храма былъ холодный [1]).

Въ двадцатыхъ же годахъ произведены крупныя постройки и въ монастырѣ. Еще въ 1818 г. преосвященнымъ Павломъ было возбуждено ходатайство объ ассигнованіи ему кредита почти въ 300 т. р. для перестройки архіерейскаго дома и зданія коллегіума. До тѣхъ поръ харьковскіе архіереи жили въ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Кредитъ, просимый Павловымъ, былъ отпущенъ въ 1820 г., хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ. На 203872 р., отпущенные Синодомъ, преосвященный Павелъ выстроилъ роскошныя палаты, оставшіяся по внѣшности почти въ неизмѣненномъ видѣ до нашихъ дней. Кромѣ квартиры епископа сюда была переведена и духовная консисторія. Для коллегіума преосвященный Павелъ выстроилъ новый обширный корпусъ по Бурсацкому спуску и устроилъ въ немъ домовую церковь во имя апостола Іоанна Богослова [2]). Постройка зданія окончена въ 1825 г. На ряду съ университетомъ и архіерейскимъ домомъ это было одно изъ выдающихся въ Харьковѣ сооруженій. Еще въ пятидесятыхъ годахъ Питра отмѣчалъ его, какъ „insigne“ [3]).

Одновременно съ работами въ монастырѣ, шли работы и vis à vis его: строилось зданіе для помѣщенія городскихъ присутственныхъ мѣстъ. До двадцатыхъ годовъ эти учрежденія помѣщались возлѣ

[1]) Историко-стат. описаніе Харьк. Успенскаго собора, стр. 11—29.

[2]) Тамъ-же, стр. 88.

[3]) Pitra. Specimen topographiae medicae Charcoviensis, p. 77.

собора, гдѣ теперь канцелярія попечителя учебнаго округа, историческій архивъ и университетская библіотека. Теперь, когда окончательно было рѣшено оставить университетъ въ его временномъ помѣщеніи, городскія присутственныя мѣста были отданы университету, какъ и сосѣдніе съ ними дома губернатора и вице-губернатора. Думу, городскую полицію и магистратъ перевели въ домъ, нанятый у отставного кадета Ив. Каратаса. Домъ былъ старый, крыши текли, печи не грѣли, въ холодную или дождливую погоду заниматься здѣсь не было никакой возможности. Это обстоятельство и ускорило вопросъ о постройкѣ зданія для городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Выбранъ для него былъ участокъ, гдѣ теперь управленіе полиціймейстера, и здѣсь сооруженъ каменный корпусъ, по тому времени очень обширный. Постройкой его руководила особая коммиссія. Зданіе было окончательно готово въ 1823 г. Въ 1824 г. здѣсь уже помѣщались: полиція, городская дума, залъ для собраній городского общества, магистратъ и квартирная коммиссія [1]).

Не обошлись безъ новыхъ построекъ и губернскія присутственныя мѣста. Здѣсь, впрочемъ, строительная дѣятельность проявилась очень слабо. Въ 1827 г. при казенной кладовой у присутственныхъ мѣстъ была выстроена каменная гауптвахта. Строилъ ее купеческій сынъ Добрынинъ, а обошлась она всего въ 1900 руб. [2]).

Перестроился и гостинный дворъ. Вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ 1820 г., когда по распоряженію губернатора въ думу были вызваны владѣльцы лавокъ для трактаціи о перестройкѣ ихъ по новому фасаду, а въ 1823 г. началась и самая перестройка. Одноэтажный гостинный дворъ превратился въ двухъ-этажный: внизу были лавки, а на верху—склады товаровъ [3]). Перестраивались и другія лавки. Былъ приведенъ въ лучшій видъ такъ называемый стекляный рядъ. Здѣсь по губернаторскому требованію крыши перекрываются желѣзомъ. Дабы побудить хозяевъ лавокъ къ исполненію своего приказанія, губернаторъ не останавливался иногда и передъ чрезвычайными мѣрами. Такъ, чтобы сломить упорство обывателя Цилипенко, не хотѣвшаго замѣнять гонты желѣзомъ, Муратовъ приказалъ думѣ перекрыть его лавку на городской счетъ и принять ее въ свое распоряженіе до тѣхъ поръ, пока полученными отъ нея доходами не покроются расходы по перестройкѣ [4]). Въ Рыбномъ ряду выстроены новыя лавки вмѣсто обветшалыхъ. Возлѣ р. Нетечи по предложенію губернатора устраиваются деревянныя лавки для продажи соли. Въ 1821 г. перестраивается пришедшій въ ветхость городской домъ, купленный когда то у Солнцева. Въ 1824 г. возбуждается вопросъ объ устройствѣ каменныхъ лавокъ противъ р. Лопани, на базарѣ. Здѣсь были безобразныя деревянныя лавки, которыя были сломаны по распоряженію губеднатора. Думѣ предложено было, если она не въ силахъ сама справиться съ постройкой, продать мѣсто частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы они немедленно приступили къ постройкѣ каменныхъ лавокъ по данному фасаду. Денегъ у думы не оказалось, а продавать городскую землю она не хотѣла. Рѣшено было ожидать арендаторовъ, которые согласились бы выстроить лавки съ ежегодной уплатой въ городскую кассу за пользованіе ими. Благодаря этому, вопросъ о лавкахъ пришлось отложить на неопредѣленное время. Городъ не торопился, но зато торопились другіе. Въ 1825 г. по линіи ограды архіерейскаго дома отъ гостиннаго двора до бурсы стали строиться лавки, числомъ 40 номеровъ. Обстоятельство это сильно встревожило думу, такъ какъ въ немъ она усмотрѣла подрывъ не только интересамъ города, владѣвшаго собственными лавками, но и всего мѣстнаго купечества. Опираясь на „дополнительное положеніе объ устройствѣ гильдій и торговли прочихъ состояній“, дума обратилась къ казенной палатѣ съ просьбой „о воспрещеніи, черезъ кого слѣдуетъ, постройки означенныхъ лавокъ учинить благоразсмотрѣніе“ [5]). Чѣмъ окончилось дѣло—не знаемъ, но доходами со своихъ лавокъ архіерейскій домъ и теперь пользуется. На Николаевской площади вмѣсто старой деревянной колокольни въ 1825—1828 г.г. была выстроена новая, уже каменная, съ подвалами и лавками въ нижнемъ этажѣ. Лавка оказалась и въ каменной церковной оградѣ, въ это время выстроенной.

Застраивались новыми сооруженіями не только центръ, но и окраины. Въ 1820 г. начались сборы къ постройкѣ новаго острога. Мѣсто для этого было выбрано не возлѣ Мироносицкой церкви, какъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1821, 1823 и 1827 г.г.
[2]) Тамъ же. Журналы 1828 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1820 и 1823 г.г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1820, 1823 г.г.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1825 г. стр. 347.

предполагалось раньше, а на западномъ концѣ города, за Дмитріевскою церковью. Мѣсто это было болотистое и ни къ какой эксплоатаціи не годное, тѣмъ не менѣе, когда возникъ вопросъ о постройкѣ здѣсь острога, на него заявилъ притязаніе к. а. Любицкій. На чемъ покончила казна съ этимъ претендентомъ, не знаемъ, знаемъ только, что къ концу 1822 г. острогъ былъ уже выстроенъ, а въ 1823 г. сюда переведены и арестанты изъ стараго зданія на Театральной площади [1]).

Мѣсто, оставшееся послѣ уничтоженія стараго острога, пустымъ оставалось не долго. Въ 1827 г. здѣсь начата была постройка лютеранской кирхи. Дѣло объ этомъ возникло, впрочемъ, еще съ 1823 г. До тѣхъ поръ богослуженія совершались для харьковскихъ лютеранъ въ одной изъ залъ университета. Въ 1823 г. представители харьковской лютеранской общины коллеж. сов. Антонъ Майеръ, пасторъ Іоаннъ Амвросій Розенштраухъ, тит. сов. Ѳедоръ Ольденборгеръ, тит. сов. Самуилъ Питра, Адольфъ Бартенсъ, Августъ Бетхеръ, Иванъ Лось и Готфридъ Гильдебрандтъ подали губернатору Муратову прошеніе объ уступкѣ имъ участка казенной земли по Сумской улицѣ для постройки церкви и школы. Дѣло передано было министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него—министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій—адмиралу Шишкову, который не нашелъ препятствій къ удовлетворенію просьбы, но потребовалъ, чтобы лютеранское общество собрало по крайней мѣрѣ половину необходимой на постройку суммы, и тогда остальная половина можетъ быть покрыта подпиской между другими лютеранскими общинами. Въ 1825 г. старшина церковнаго совѣта общины Адольфъ Роберти и члены Генрихъ Ведде, Готфридъ Гильдебрандтъ, Самуилъ Питра и Фридрихъ Грубе подали Муратову новое прошеніе, въ которомъ указывали, что у нихъ въ теченіи 3 лѣтъ не было пастора, не происходило богослуженій и за духовными нуждами имъ приходилось обращаться въ другія губерніи; что зала, отведенная имъ для богослуженія въ университетѣ, недостаточна для помѣщенія всѣхъ прихожанъ, среди которыхъ бываетъ много пріѣзжихъ изъ другихъ губерній—въ одномъ напр. 1825 г. пріобщалось 300 чел.—къ тому же лютеране есть и среди студентовъ университета (12 чел.), и въ институтѣ (4 чел.); и въ полкахъ. Просители заявляли, что они уже собрали 13974 р., и просили дозволить имъ постройку церкви, а съ устройствомъ пасторатора и школы обождать, разрѣшить подписку и ходатайствовать о пособіи у казны. Въ 1826 г. община, основываясь на отзывахъ свѣдущихъ лицъ, признавшихъ мѣсто по Сумской неудобнымъ для постройки, просила отдать ей мѣсто, на которомъ прежде стоялъ острогъ. Это былъ участокъ, находившійся въ самомъ безобразномъ видѣ, весь изрытый ямами отъ старыхъ острожныхъ ретирадъ. По просьбѣ общины инженеръ-капитанъ Окинчицъ составилъ смѣту, по которой постройка кирхи должна была обойтись въ 34856 р. 80 к. 6 ноября 1826 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку и утверждены планъ и фасадъ. Остановка была только за городомъ, медлившимъ съ выдачею общинѣ акта на владѣніе уступленнымъ ему мѣстомъ. Въ 1827 г. формальности были наконецъ покончены, и постройка началась [2]). 12 мая въ день Вознесенія, состоялась торжественная закладка кирхи, а къ осени 1827 г. строеніе уже было доведено подъ крышу. Дѣло подвигалось впередъ благодаря крупнымъ пожертвованіямъ. Такъ въ декабрѣ 1827 г. Высочайше пожаловано было на постройку 1200 р., въ томъ же году въ пользу строительной кассы поступило наслѣдство послѣ покойной Анны Геннебергъ (1422 р.), саратовскіе нѣмецкіе колонисты прислали 1008 р., Московская евангелическая консисторія дала около 3000 р. и т. п. Къ веснѣ 1830 г. постройка была уже совершенно готова, и 15 мая, въ день Вознесенія, состоялось освященіе кирхи, отпразднованное съ особенной торжественностью. Вся постройка обошлась въ 37833 р., но и послѣ освященія для полнаго окончанія дѣла потребовалось еще 2359 р. [3]). Кирха явилась однимъ изъ красивѣйшихъ по тому времени городскихъ сооруженій, составлявшимъ предметъ гордости не однихъ харьковскихъ нѣмцевъ.

Еще болѣе крупное по размѣрамъ сооруженіе явилось на сѣверной окраинѣ, при выѣздѣ изъ города. Въ 1825 г. началась постройка зданія для кадетскаго корпуса на мѣстѣ, занимаемомъ теперь институтомъ благородныхъ дѣвицъ. Постройка эта была увѣнчаніемъ давнихъ чаяній и просьбъ харьковскаго дворянства, съ самаго начала столѣтія мечтавшаго объ открытіи въ Харьковѣ кадетскаго

---

[1]) Тамъ же. Журн. 1820, 1822 и 1823 г.г.

[2]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1823—1826 гг. № 209.

[3]) Prof. A. Döllen. Kurze Geschichte der evangelisch.-lutherischen Kirche und Gemeinde zu Charkow, S. 2—20.

корпуса. Часть мѣста, отведеннаго подъ корпусъ, принадлежала подпоручицѣ Мейнерцовой, которой въ обмѣнъ было отдано мѣсто по Сумской, занимавшееся до тѣхъ поръ соляным магазином, перенесеннымъ къ театру. Подъ корпусъ, кромѣ того, была отведена безплатно часть университетскаго сада—3829½ кв. саж. [1]). Для постройки корпуса въ Харьковѣ былъ организованъ особый совѣтъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства изъ двухъ членовъ по выбору дворянъ. Устроены были спеціально для корпуса особые кирпичные заводы. При постройкахъ была опредѣлена цѣлая рота артиллеристовъ. Въ 1828 г. зданія вчернѣ было уже закончено [2]). Кадетскій корпусъ, какъ извѣстно, открытъ въ Харьковѣ не былъ, и выстроенное для него зданіе передано впослѣдствіи институту благородныхъ дѣвицъ.

Въ двадцатые годы строительная дѣятельность въ Харьковѣ достигаетъ особеннаго, никогда прежде не проявлявшагося въ такой мѣрѣ, напряженія. Строится казна, городское общество, частныя лица. Возрастаетъ спросъ на строительный матеріалъ, получаетъ чрезвычайно важное значеніе вопросъ о качествѣ этого матеріала. Этотъ послѣдній вопросъ интересуетъ не однихъ строителей, но и само городское самоуправленіе. Въ 1824 г. городская дума вошла къ губернатору съ представленіемъ о томъ, что въ городѣ производятся значительныя каменныя постройки, а между тѣмъ на мѣстныхъ кирпичныхъ заводахъ изготовляется кирпичъ очень не прочный и плохо обожженный. Въ виду этого дума предлагала обязать владѣльцевъ заводовъ выдѣлывать кирпичъ по единообразной мѣрѣ (въ длину 6, въ ширину 3, а въ толщину 1½ вершка) и установить освидѣтельствованіе выдѣлываемаго на заводахъ кирпича до его поступленія въ продажу [3]). Такъ какъ предложеніе это имѣло въ виду интересы не казеннаго и общественнаго, а частнаго строительства (для казенныхъ сооруженій устраивались временные казенные кирпичные заводы), то отсюда и нужно заключить, что частное строительство отличалось въ эти годы особеннымъ оживленіемъ. Въ особенности много строилось каменныхъ да и деревянныхъ лавокъ. Въ 1822 г. дума ссылалась на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ замѣтнаго убавленія городскихъ доходовъ. При частныхъ домахъ строились каменныя лавки, куда и переходило купечество изъ деревянныхъ городскихъ „коморъ“, а на базарѣ, на землѣ, принадлежавшей нѣкогда губернатору Пашкову, губернская секретарша Павлова выстроила каменный рыбный рядъ въ 15 лавокъ. Предпріятіе это оказалось для Павловой тѣмъ болѣе выгоднымъ, что само начальство способствовало переходу въ ея лавки торговцевъ изъ другихъ мѣстъ. Такъ въ 1830 г. полиція по указу губернскаго правленія перегоняла сюда купцовъ, Рыбникова, Сѣрикова и Фокина изъ занимаемыхъ ими лавокъ мѣщанина Безпалаго [4]). Другимъ зданіемъ, выстроеннымъ на землѣ Павловой, была такъ наз. „шопа“, приносившая ея владѣлицѣ не малый доходъ. Здѣсь же, на базарѣ, но уже на городской землѣ, къ концу двадцатыхъ годовъ возникъ и крытый толкучій рынокъ. Зданіе это было выстроено купцами Акимовымъ и Савченко, которые за право пользоваться доходами съ него обязаны были ежегодно уплачивать городу опредѣленный взносъ. Крытый толкучій рынокъ—это огромное деревянное зданіе въ три этажа. Въ первомъ этажѣ помѣщалось 23 лавки и 55 столиковъ, во второмъ—31 лавка и 22 торговыхъ мѣста „на рогожкахъ“, въ третьемъ—22 лавки и, кромѣ того, двѣ комнаты, въ которыхъ помѣщался шинокъ. Другой шинокъ, болѣе обширный, въ 4 комнаты, находился во второмъ этажѣ. Толкучій рынокъ сталъ жертвою пожара въ 1837 г., а въ 1838 г. были разрушены и уцѣлѣвшіе отъ пожара остатки его [5]).

Строились горожанами и новые дома. Но въ области домостроительства обыватели Харькова, если вѣрить думѣ, наталкивались на обстоятельство, расхолаживавшее ихъ строительный пылъ. Обстоятельствомъ этимъ была постойная повинность. Дума писала въ 1824 г. губернатору: „многіе изъ гражданъ, бывъ значительными капиталистами или имѣя другіе способы къ устройству жилищъ своихъ какъ для пользы своей, такъ и для украшенія города, не рѣшаются никакъ къ тому приступить по той причинѣ, что всякій выстроенный въ хорошемъ видѣ домъ или другое какое либо приличное строеніе, бывъ еще даже не окончено, занимается тотчасъ же воинскимъ и другимъ по назначенію начальства постоемъ“. Этимъ

---

[1]) Арх. попеч. Харьк. уч. окр. 1838 г. № 3224.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1825, 1826 и 1828 гг.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1824 г., кн. 2, стр. 169.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1830 г. марта 28.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1832, 1838 и 1839 гг.

дума и объясняла то обстоятельство, что „нѣкоторые дома, вовсе ужъ обветшалые или требующіе перестройки, остаются въ прежнемъ положеніи по нерѣшимости хозяина, опасающагося стѣсненія отъ постоя“ [1]).

Частные дома были въ огромномъ большинствѣ деревянные. Обстоятельный перечень частныхъ каменныхъ домовъ мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ добросовѣстнаго Ф. О. Рейнгардта, относящихся къ концу двадцатыхъ и тридцатымъ годамъ. Оказывается, что въ это время на всю длинную Старо-Московскую приходилось всего 2 каменныхъ дома: одинъ у заставы угловой, а другой возлѣ Харьковскаго моста (домъ Яворскаго, гдѣ аптека). За мостомъ на набережной—двухъ-этажный домъ сапожника Гальбауэра, На Московской угловой домъ „Варвары“ (гдѣ долго потомъ помѣщалась гостинница „Вѣна“, а теперь меблированныя комнаты), „Елисаветки“ (гдѣ аптекарскій магазинъ Щавинскаго), домъ Тарасова, домъ губернской гимназіи, домъ, гдѣ аптека Коха, и двухъ-этажный домъ Грановскаго на углу къ площади. Остальные дома—деревянные, крытые тесомъ, а нѣкоторые соломой. На Слесарномъ переулкѣ Рейнгардтъ отмѣчаетъ два каменныхъ дома, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ преподавателю музыки въ университетѣ и владѣльцу перваго въ Харьковѣ музыкальнаго магазина Витковскому. На Рыбной съ лѣвой стороны два каменныхъ дома—Мясоѣдовой и Савельева съ постоялыми дворами и за Троицкой церковью—домъ мѣщанина Морозова. На правой сторонѣ домъ Ценина, гдѣ помѣщался знаменитый трактиръ Шарыкина. Остальные дома—хаты, крытыя соломой, такъ же, какъ по Мѣщанской, Николаевской и Бѣлгородской улицамъ. По Садово-Куликовской—домъ Куликовскаго („кубическая каменная постройка“), гдѣ теперь благотворительное общество. На Нѣмецкой—домъ Зарудnаго (теперь синагога), по Инструментальному переулку—дома купцовъ Животовскаго и Верховскаго. На Театральной площади, тамъ, гдѣ теперь дѣтскій пріютъ, стоялъ театръ, довольно помѣстительный, деревянный, между столбами плетенный и обмазанный глиной. На той же Театральной площади—одноэтажный домъ полиціймейстера Лаврова. На Сумской: дома маіора Данейковича, Куликова, Кузина, Короле. На Мироносицкой площади—домъ Сердюкова, а на Нѣмецкой—проф. Венедиктова. На Рымарской: по правую сторону отъ полиціи домъ Урюпина, а въ концѣ улицы—домъ Тараканова. Нынѣшній коммерческій клубъ принадлежалъ откупщику Кожевникову (выстроенъ въ 1829 г.). На Николаевской площади, кромѣ домовъ дворянскаго собранія и полиціи, Рейнгардтъ отмѣчаетъ одноэтажный домъ купца Мухина („Астраханская гостинница“), Щелкова и Мотузкова (знаменитая въ свое время гостинница). На Клочковской былъ только одинъ каменный домъ—противъ Университетскаго сада, гдѣ не такъ еще давно помѣщался пансіонъ г-жи Филипсъ. На Торговой площади домъ Ламакина (теперь купеческій банкъ), гдѣ останавливались даже Высочайшія особы, и затѣмъ—купца Павлова, возлѣ каменнаго столба. На Екатеринославской съ лѣвой стороны—одноэтажные дома Познанскаго и Коровина, а съ правой—домъ Решитько, домъ, гдѣ теперь кондитерская Фишера, и домъ Фидлера (гдѣ аптека Егорьева). За исключеніемъ немногихъ порядочныхъ деревянныхъ домовъ, вся Екатеринославская улица по обѣ стороны была застроена хатами подъ соломенными крышами. На Рождественскомъ переулкѣ противъ церкви—два небольшихъ каменныхъ дома, принадлежавшихъ аптекарю Фидлеру. На набережной Лопани—домъ съ мезониномъ проф. Громова, а противъ Благовѣщенской церкви—пансіонъ Нагель (теперь вторая гимназія). На углу Благовѣщенской и Дмитріевской—домъ фонъ-Минстера [2]).

Перейдемъ теперь къ тридцатымъ годамъ. Здѣсь мы должны отмѣтить нѣсколько фактовъ изъ области храмозиждительства. Новыхъ церквей въ эти годы не строили, но за то ремонтировали и расширяли старыя. Въ 1833 г. къ Николаевской церкви пристроенъ придѣлъ въ честь пророка Иліи, освященный въ 1835 г., а въ верхнемъ этажѣ устроены два теплые престола. Къ 1837 г. капитально перестроена Мироносицкая церковь, при чемъ крупныя пожертвованія были сдѣланы купцомъ Киткеничемъ, купчихой Тамбовцевой, помѣщицей Безпалчевой, надв.-сов. Крамаренковымъ и церковнымъ старостой Чекановымъ. Въ 1836—1839 г.г. расширена Благовѣщенская церковь пристройкой двухъ придѣловъ, устроенныхъ стараніемъ старосты, купца Скрынникова [3]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ выстроенъ былъ и католическій костелъ. До двадцатыхъ годовъ католики, какъ и лютеране, пользовались для своихъ духовныхъ нуждъ услугами наѣзжаго духовенства, совер-

[1]) Тамъ-же. Журн. 1824 г.

[2]) Харьковск. Сборникъ Вып. I, стр. 2—7.

[3]) Филаретъ II, стр. (10, 30, 32 и 31.

шавшаго богослуженія въ частныхъ домахъ. Потомъ католики и лютеране нашли для своихъ богослуженій пріютъ въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ. Устройство кирхи лютеранами побудило и католиковъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ 1829 г. въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ректора университета Дудровича было постановлено пріискать постояннаго священника и избрать церковный совѣтъ изъ 12 лицъ для сбора денежныхъ средствъ, необходимыхъ для постройки церкви и содержанія священника [1]). Первымъ священникомъ католической общины былъ ксендзъ Гемиліанъ Чаплинскій, монахъ-францисканецъ. Съ прибытіемъ его въ Харьковъ пошелъ быстрѣе и сборъ пожертвованій на устройство костела. Мѣсто для него было куплено за кирхою у г-жи Робушъ. Церковь была выстроена каменная, но не видной архитектуры, скорѣе напоминавшая собою частный домъ, нежели храмъ. Истрачено было на постройку ея 22360 р. Церковь была одноэтажная, второй этажъ былъ только надъ восточною частью зданія. Здѣсь помѣщалась квартира въ три комнаты для священника. Освящена католическая церковь во имя Rosarii beatae Matris Virginis 1-го октября 1832 г. [2]).

Производились постройки и во дворѣ лютеранской кирхи. Здѣсь въ это время были выстроены пасторатъ и школа, на что казною выдана субсидія въ размѣрѣ 20 тыс. руб. [3]).

Въ области казеннаго строительства послѣ оживленія двадцатыхъ годовъ замѣчается нѣкоторый роздыхъ, но все же кое что строится.

Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ на нынѣшней Скобелевской (по тогдашнему Сѣнной) площади выстроенъ каменный домъ съ каланчой для помѣщенія съѣзжей второй части. Раньше здѣсь помѣщалась сборная казенныхъ обывателей, но усадьба принадлежала городу. На постройку зданія ассигновано 34 тыс. руб. Въ 1837 г. домъ былъ уже готовъ, но при немъ не было помѣщенія для пожарной команды. Въ 1838 г. Высочайше разрѣшено было отпустить еще 12 тыс. руб. для устройства конюшенъ и сараевъ при съѣзжей. Въ тридцатыхъ же годахъ была выстроена и главная гауптвахта для внутренняго гарнизоннаго батальона. По Высочайшей резолюціи мѣсто для нея было выбрано на Университетской горкѣ между присутственными мѣстами и находившимися подъ горкой каменными лавками Павловой. На этомъ мѣстѣ стояла уже небольшая каменная гауптвахта при казенной кладовой, выстроенная въ двадцатыхъ годахъ. Ее велѣно было за ненадобностью передать въ распоряженіе подрядчика Елекина, взявшаго за постройку гауптвахты 13478 руб. [4]). Слѣдуетъ замѣтить, что и съѣзжая 2-й части, и гауптвахта причислены нами къ казеннымъ строеніямъ потому, что строились по требованію казны и состояли въ ея распоряженіи, деньги же на эти сооруженія отпускалъ городъ.

Велись строительныя работы и въ учебныхъ заведеніяхъ: институтѣ благородныхъ дѣвицъ, уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи. Въ 1834 г. домъ уѣзднаго училища, находившійся рядомъ съ гимназіей, пришелъ въ такую ветхость, что его пришлось закрыть. Попечитель училища Рейнике предлагалъ выстроить для училища небольшой каменный домъ въ одинъ этажъ въ томъ же гимназическомъ дворѣ, обѣщая доставить кирпичъ для зданія на свой счетъ. Предложеніе это было отклонено, такъ какъ учебному начальству хотѣлось выстроить такое зданіе, въ которомъ могло бы помѣщаться не только уѣздное, но и ланкастерское училище. Въ концѣ концовъ рѣшено было и совсѣмъ изгнать уѣздное училище изъ гимназическаго двора. Въ распоряженіе училища было отдано университетское мѣсто по Лопанскому переулку, гдѣ прежде помѣщались учрежденія медицинскаго факультета. Домъ былъ отремонтированъ заново, но вскорѣ оказалось, что деньги были выброшены зря. Въ 1838 г. весенняя вода подмыла фундаментъ училища, и, по мнѣнію архитектора Тона, такіе случаи должны были, по мѣстоположенію дома, повторяться не рѣдко [5]). Что касается гимназіи, то и она обзавелась новымъ помѣщеніемъ. Для нея былъ выстроенъ отличный домъ изъ брусьевъ, обмурованный кирпичомъ [6]).

Въ тридцатыхъ годахъ возникъ было, но не осуществился проектъ устройства въ Харьковѣ каменныхъ домовъ для губернатора и вице-губернатора. Съ занятіемъ губернаторскаго дома университетомъ

---

[1]) Арх. канц. попеч. Харьк. учебн. окр. № 86.
[2]) Харьковск. Сборникъ. Вып. I, стр. 260—261.
[3]) Архивъ Гор. Думы. Журналы 1833 и 1836 г.г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1838 г.
[5]) Арх. канц. попеч. Харьк. учебн. окр. № 159.
[6]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1859 г. № 43.

харьковскіе губернаторы помѣщались въ частныхъ домахъ, большею частью въ городскомъ деревянномъ домѣ, гдѣ теперь первая женская гимназія. Въ то время домъ этотъ назывался домомъ Мордвинова, а чаще Бахтинскимъ мѣстомъ, по имени губернатора Бахтина, который здѣсь первый изъ губернаторовъ поселился послѣ отдачи казеннаго губернаторскаго дома подъ университетъ. Когда въ 1833 г. въ Харьковъ были присланы Высочайше утвержденные планы и фасады для присутственныхъ мѣстъ, острогоръ и губернаторскихъ домовъ, строительная коммиссія рѣшила пріобрѣсти для губернатора Бахтинское мѣсто, а для вице-губернатора—мѣсто бывшей почтовой конторы на углу Сѣнной площади и Московской улицы (гдѣ нынѣ 1-я мужская гимназія). Такъ какъ оба мѣста принадлежали городу, то отъ городской думы были затребованы свѣдѣнія о стоимости того и другого мѣста съ постройками. Пока шла переписка, губернаторъ Трубецкой, жившій въ первое время послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ въ одномъ изъ университетскихъ корпусовъ, перебрался въ тотъ самый домъ Мордвинова, о пріобрѣтеніи котораго для губернаторовъ хлопотала строительная коммиссія. Трубецкой нашелъ необходимымъ прибавить въ домѣ нѣсколько новыхъ комнатъ и службы, что и было исполнено городомъ, истратившимъ на это болѣе 10 тыс. руб. [1]). Эту временную свою квартиру Трубецкой, согласно проекту коммиссіи, и предложилъ пріобрѣсти въ казну съ тѣмъ, чтобы вмѣсто деревяннаго устроить здѣсь большой, со всѣми удобствами, каменный домъ для постояннаго жительства губернаторовъ.

Въ 1836 г. Трубецкой писалъ главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями графу Толю: „Со времени отдачи для занятія Харьковскимъ университетомъ устроеннаго здѣсь обширнаго и со всѣми выгодами дома для помѣщенія губернатора, гг. губернаторы, предмѣстники мои, по неимѣнію удобныхъ частныхъ домовъ всегда помѣщались въ городскомъ деревянномъ домѣ, выстроенномъ весьма съ давнихъ временъ, который при всѣхъ поддержкахъ пришелъ наконецъ въ обветшалость до такой степени, что, не взирая на всѣ необходимыя пристройки и поправки, нѣтъ рѣшительно болѣе физической возможности оставаться на жительствѣ въ упомянутомъ домѣ, въ особенности при моемъ большомъ семействѣ, состоящемъ изъ малолѣтнихъ дѣтей, а болѣе всего во время зимы, ибо, при всѣхъ предпринятыхъ мною защитахъ, стѣны, будучи весьма ветхи, промерзаютъ и при сильныхъ вѣтрахъ сквозь оныя продуваетъ, черезъ что здоровье семейства моего и мое собственное подвергается опасности. Сверхъ того, самое расположеніе онаго дома не имѣетъ тѣхъ необходимыхъ выгодъ, каковыя сопряжены съ званіемъ начальника губерніи, я же вынужденъ былъ поселиться въ немъ собственно по той единственной причинѣ, что по всему городу не могъ пріискать ни одного частнаго дома со всѣми для того удобствами и выгодами, а потому прежде того вынужденъ былъ нѣсколько разъ перемѣнять квартиры, ибо здѣшніе жители строятъ домы большею частью какъ бы номерные для выгодъ своихъ отъ пріѣзжающихъ на ярмарки коммерческихъ людей". Въ виду этого Трубецкой просилъ пріобрѣсти Мордвиновскій домъ въ казну и на мѣсто его выстроить новый. Впрочемъ онъ скоро передумалъ, передумалъ потому, что ему отвѣтили изъ Петербурга, что тамъ не признается возможнымъ приступить къ немедленной постройкѣ въ Харьковѣ новаго дома для губернатора, и что во всякомъ случаѣ, если бы постройка была и начата, то производство работъ потребуетъ 2 или 3 годичнаго срока. Трубецкой рѣшилъ поэтому купить частные дома у Витковской и Сорокина, по Московской улицѣ. Витковская запросила за домъ 100 т. р., а Сорокинъ 20 т. р. На перестройки и новыя постройки въ этихъ домахъ составлена смѣта въ 28876 р. 59 к., такъ что въ общемъ помѣщеніе губернатора должно было обойтись въ 148876 р. 59¼ к. Однако и на сей разъ Трубецкой передумалъ. Согласно указанію строительной коммиссіи, онъ отрапортовалъ въ Петербургъ, что выбранные имъ раньше дома Витковской и Сорокина не годятся: нижній этажъ сырой, лѣтомъ зловредный воздухъ, подъѣздъ къ дому затруднителенъ. Трубецкой остановился на домѣ полковницы Штретеръ, урожденной Зарудной. „Сей домъ обращаетъ на себя вниманіе по превосходному мѣстоположенію своему, стоя на высотѣ, господствующей надъ всѣмъ городомъ, въ самомъ центрѣ онаго, и имѣетъ при томъ обширный дворъ съ садомъ, большой флигель, удобный для помѣщенія канцеляріи, и прочія готовыя уже службы и тѣмъ только различествуетъ отъ Витковской дому, что, будучи самъ по себѣ весьма малъ и неномѣстителенъ, необходимо учинить надъ онымъ надстройку цѣлаго этажа и нѣкоторыя пристройки". За домъ Штретеръ просила 50 т. р., но въ общемъ съ пристройкой онъ долженъ былъ обойтись въ 217453 р. 11½ к. Такъ какъ деньги на постройку

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1835 г. августа 3.

губернаторскаго дома не были внесены въ смѣту 1836 г., то Трубецкой предлагалъ взять ихъ изъ земскихъ повинностей. Для личныхъ объясненій Трубецкой послалъ къ Толю поручика Петровскаго, строившаго въ Харьковѣ мостовыя. О поддержкѣ просилъ онъ и тогдашняго Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генералъ-губернатора графа Левашова и министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ Петербурга отвѣтили, что и на 1837 г. средствъ нѣтъ. Трубецкой вновь обратился къ Толю съ тою же просьбой, ссылаясь на отзывъ корпуса инженеровъ генералъ маіора Сакера, признавшаго занимаемый Трубецкимъ домъ вовсе негоднымъ для дальнѣйшаго помѣщенія губернатора. Обращался Трубецкой съ просьбой о поддержкѣ и къ какому то „Морицу Гуговичу“ и „Александру Яковлевичу“. Трубецкому, можетъ быть, и удалось бы достигнуть желаемаго, но въ дѣло вмѣшался генералъ-губернаторъ Строгановъ, потребовавшій къ себѣ для просмотра дѣлопроизводство по покупкѣ дома, а затѣмъ донесшій министру внутреннихъ дѣлъ, что остатки земскихъ повинностей предшествовавшихъ трехлѣтій положено зачислить въ сумму, слѣдующую къ сбору на будущее трехлѣтіе, и что покупка за 50 т. р. дома полковницы Шретеръ, который по составленному на передѣлки проекту весь почти долженъ быть сломанъ, едва ли для казны не будетъ обременительна. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ нужнымъ отмѣнить покупку. Трубецкому отвѣтили, что денегъ на постройку не будетъ отпущено не только въ нынѣшнемъ (1837 г.), но едва ли даже и въ 1839 г. Харьковскимъ губернаторамъ пришлось по прежнему ютиться на частныхъ квартирахъ [1]). Такъ продолжалось до восьмидесятыхъ годовъ.

О частномъ домостроительствѣ въ тридцатыхъ годахъ мы располагаемъ свѣдѣніями, относящимися къ началу и концу десятилѣтія. По „Обозрѣнію городовъ“, изданному въ 1833 г., въ Харьковѣ числилось всего 2856 домовъ, изъ нихъ каменныхъ 166, т. е. менѣе 6%, а деревянныхъ 2690 [2]), т. е. болѣе 94%. Для конца тридцатыхъ годовъ данныя находимъ въ „Статистическихъ таблицахъ о состояніи городовъ Россійской имперіи“, изданныхъ въ 1840 г. и въ „Обозрѣніи города Харькова“ Н. Милютина (въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ за 1838 г.). Показанія „Таблицъ“ совершенно совпадаютъ съ данными, приведенными у Милютина, такъ что можно думать, что свѣдѣнія для „Таблицъ“ собирались не позже 1838 г. Сравнительно съ 1833 г. число домовъ въ Харьковѣ успѣло за это время значительно возрасти: всѣхъ домовъ было 3339, изъ нихъ каменныхъ 253 или 1/13. Наибольшее число каменныхъ домовъ, пропорціонально съ деревянными, принадлежало казнѣ, церковнымъ и другимъ обществамъ, именно: 19 каменныхъ и 13 деревянныхъ. У частныхъ лицъ пропорція эта—говоритъ Милютинъ—весьма не одинакова и составляла: у купцовъ—1 : 4,10, у духовныхъ—1 : 4,38, у дворянъ—1 : 11,61, у мѣщанъ и цеховыхъ—1 : 43,76, у крестьянъ 1 : 391 [3]).

Кромѣ „Таблицъ“, „Обозрѣнія“ и статьи Милютина, у насъ есть и еще одно показаніе о частномъ строительствѣ въ Харьковѣ тридцатыхъ годовъ. Это статьи Г. Ѳ. Квитки „о Харьковѣ и городахъ Харьковской губерніи“. По свѣдѣніямъ Квитки, всѣхъ частныхъ домовъ въ Харьковѣ было 3195. И этой цифрѣ нужно придавать вѣру, такъ какъ она, очевидно, взята авторомъ изъ свѣдѣній оцѣночнаго комитета, потому что рядомъ съ нею Квитка приводитъ и цифру оцѣнки. Всѣ частные каменные и деревянные дома были оцѣнены комитетомъ въ 11.203.490 р.

Изъ частныхъ домовъ лучшими считались: домъ купца Ламакина (послѣ Безходарнаго), Кожевникова (послѣ Сливицкаго, а теперь коммерческаго клуба) и Ольденборгера. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ возникъ и еще одинъ выдающійся по размѣрамъ и красотѣ частный домъ, остающійся и до нынѣ примѣчательнѣйшимъ изъ харьковскихъ сооруженій—домъ купца Павлова на Торговой площади, гдѣ теперь „Grand-Hotel“ [4]).

Обогащался, какъ показываютъ документальныя данныя, Харьковъ и торгово-промышленными заведеніями, но относящіяся къ этому вопросу данныя оффиціальной статистики вызываютъ сильное сомнѣніе въ ихъ правильности. Такъ по „Обозрѣнію“ въ началѣ 30-хъ годовъ въ Харьковѣ было 30 фабрикъ и заводовъ, 540 лавокъ, 12 трактировъ и 75 питейныхъ домовъ; по „Таблицамъ“, относящимся къ концу 30-хъ годовъ, фабрика считалась только одна, лавокъ 276, трактировъ 24, а питейныхъ домокъ 56.

---

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1833—1837 гг. № 190.

[2]) Обозрѣніе городовъ, стр. 42.

[3]) Статистич. таблицы о состояніи городовъ Россійской имперіи, стр. 52, и Журн. Министерства Внутр. Дѣлъ. Ч. 28 (1838 г.), стр. 207.

[4]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1859 г. № 43.

Если повѣрить этимъ цифрамъ, то придется заключить, что тридцатые годы были для Харькова временемъ сильнаго упадка торгово-промышленной жизни, между тѣмъ какъ было совсѣмъ наоборотъ. Преувеличеніе въ цифрѣ населенія, замѣчаемое въ „Обозрѣніи", заставляетъ насъ подозрѣвать, что и остальныя цифры здѣсь сильно преувеличены. О постройкѣ новыхъ лавокъ какъ городомъ, такъ и частными лицами свидѣтельствуетъ рядъ данныхъ. Такъ въ 1830 г. Дума постановила перестроить деревянныя лавки на Лопанскомъ базарѣ, „показывающая по ветхости своей большое безобразіе городу". Строились лавки, впрочемъ, не городомъ, а отдѣльными лицами, которымъ представлялось право пользоваться выстроенными ими лавками въ теченіе 10 лѣтъ съ ежегодной уплатой опредѣленной суммы въ пользу города [1]). Въ 1832 г. дума нашла необходимымъ выстроить новыя лавки въ старомъ Рыбномъ ряду на мѣсто прежнихъ, сломанныхъ за обветшалостью. Новыя лавки рѣшено выстроить уже на средства города.

Въ тридцатыхъ годахъ городъ пріобрѣлъ у Рейнике такъ назыв. Дунинскую леваду, на которую и рѣшено было перевести базаръ, помѣщавшійся до тѣхъ поръ у Лопанскаго моста, подъ горкой. Въ 1835 г. купеческое общество постановило выстроить на новоприобрѣтенной землѣ 70 каменныхъ лавокъ и два флигеля для харчевни и трактира, обжорнаго ряда и толкучаго рынка. Планъ былъ надлежащимъ образомъ утвержденъ [2]), мѣста подъ застройку отданы желающимъ, но лавки не строились. Весною 1837 г. строительный комитетъ предложилъ думѣ понудить купечество приступить немедленно къ постройкѣ, а самой думѣ предложилъ начать постройку обжорнаго ряда и толкучаго рынка, такъ какъ по приговору купеческаго общества эти послѣднія сооруженія должны быть произведены на средства города [3]). Послѣ перваго предложенія послѣдовало другое, а потомъ третье, но безъ результата. Когда комитетъ распорядился сломать старый толкучій рынокъ, выстроенный Акимовымъ и Савченко въ 1828 г., то оказалось, что торговцевъ изъ него перевести некуда [4]). У города не было денегъ, а купцы не обнаруживали охоты строиться на новомъ, не привычномъ мѣстѣ. Тогда на помощь начальству, желавшему скорѣйшаго перехода торговли на новое мѣсто, пришла жена коммерціи совѣтника Екатерина Кузина. Она предложила выстроить на свой счетъ 43 номера каменныхъ лавокъ. Для нея это предпріятіе было очень выгодное, да и начальствомъ ея предложеніе было принято съ радостью [5]). Такъ возникъ на базарѣ Кузинскій рядъ, существующій и по днесь. Въ 1840 г. сюда были уже переведены торговцы, помѣщавшіеся до тѣхъ поръ въ деревянныхъ лавкахъ на Благовѣщенской площади [6]). Понастроили лавокъ и церкви. При постройкѣ колокольни Успенскаго собора въ первомъ этажѣ устроены были лавки, игравшіе роль контрфорсовъ для зданія. Кромѣ того, были лавки и вокругъ соборной ограды. У Николаевской церкви тоже были свои лавки. Въ 1834 г. появились лавки и возлѣ Троицкой церкви. Въ это время вокругъ церкви строилась каменная ограда. Пользуясь этимъ случаемъ, причтъ рѣшилъ кстати выстроить и лавки на углу Сѣнной (Рыбной) и Троицкой улицъ, на что и получилъ согласіе какъ со стороны строительнаго комитета, такъ и городской думы [7]).

Изъ сказаннаго видно, что число лавокъ въ тридцатыхъ годахъ пріумножилось весьма замѣтно, и что данныя тогдашней оффиціальной статистики, указывающія на уменьшеніе въ это время числа торговыхъ заведеній, врядъ ли могутъ быть признаны правильными.

Конецъ тридцатыхъ и сороковые годы въ исторіи Харькова должны быть отмѣчены, какъ періодъ усиленныхъ заботъ правительства объ обстройкѣ и благоустройствѣ города. Въ 1837 г. вышло „Положеніе объ устройствѣ губернскаго города Харькова", сыгравшее крупную роль въ исторіи мѣстнаго градостроительства. Положеніе 2 января 1837 г. ставило строительную дѣятельность горожанъ подъ надзоръ комитета объ устройствѣ г. Харькова, а для побужденія харьковцевъ къ этой дѣятельности предлагало особыя понудительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрительныя мѣры. Производство новыхъ построекъ зависѣло отъ разрѣшенія комитета, который наблюдалъ, чтобы фасады на украшенія наружныхъ видовъ строеній

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1830 г. марта 22 и мая 13.
[2]) Тамъ-же. Журн. 1835 г. стр. 15.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1837 г., апрѣля 6.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1837 г., іюля 15.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1837 г., октября 4.
[6]) Тамъ же. Журн. 1840 г., февраля 16, апрѣля 2 и 23.
[7]) Тамъ-же. Журн. 1834.

были сообразны общимъ Высочайше утвержденнымъ планамъ, и чтобы зданія были красивы, прочны, а украшенія ихъ немногосложны. Внутреннее расположеніе обывательскихъ домовъ тоже въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ комитета. На Московской и Екатерининославской совсѣмъ было запрещено устройство деревянныхъ домовъ, на другихъ большихъ улицахъ разрѣшалось строить деревянные дома, но непремѣнно на каменномъ фундаментѣ, а на малыхъ улицахъ—деревянные дома „на деревянныхъ стульяхъ“. Выборъ одного изъ Высочайше одобренныхъ фасадовъ тоже не совсѣмъ зависѣлъ отъ обывателя. На большихъ улицахъ допускались только фасады 1-го номера, на меньшихъ—2-го, а въ закрытыхъ переулкахъ—3-го. Безъ разрѣшенія комитета обыватель не смѣлъ починять и старой постройки; въ томъ случаѣ, если она комитетомъ найдена ветхой или построенной не по утвержденнымъ планамъ, ее чинить не разрѣшалось. Ветхія строенія комитетъ имѣлъ право назначать къ сломкѣ. Сломкѣ подлежали и жилища, построенныя безъ позволенія правительства „въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, какъ-то на буграхъ, горахъ и площадяхъ“. По требованію комитета владѣльцы такихъ жилищъ обязаны были въ теченіе пяти лѣтъ избрать другія, удобныя мѣста для возведенія приличныхъ домовъ. Для того, чтобы обыватели могли это сдѣлать, комитетъ имѣлъ право назначать тѣмъ, кто въ этомъ нуждался, пособіе изъ особаго, имѣшагося въ его распоряженіи капитала. Пособіе назначалось заимообразно, но если пособія просили такіе обыватели, которые по бѣдности своей не въ состояніи уплатить долга, а между тѣмъ сами эти обыватели „по хорошему и честному поведенію заслуживали вспомоществованія“, то комитетъ испрашивалъ въ такихъ случаяхъ Высочайшее соизволеніе на выдачу безвозвратной ссуды. Пособіе комитета обывателямъ выражалось либо въ отпускѣ матеріала изъ находившагося въ вѣдѣніи комитета „матеріальнаго магазина“, либо въ выдачѣ въ кредитъ денежной суммы, либо въ назначеніи казенныхъ рабочихъ изъ арестантовъ. Въ случаѣ полученія хозяиномъ пособія его роль по постройкѣ дома сводилось, можно сказать, къ нулю. Онъ обязанъ былъ доставить причитающіеся на его долю матеріалы или деньги, а затѣмъ постройка всецѣло переходила въ руки комитета, а хозяину предоставлялось только право „находиться при постройкѣ, наблюдать и смотрѣть за прочностію работы и за употребленіемъ матеріаловъ“, обязываясь доносить комитету, если усмотритъ какіе-либо недостатки, либо упущенія въ работѣ, но заявленія эти можно было дѣлать только во время производства работъ, а не послѣ. „По окончаніи постройки каждаго дома, при пріемѣ онаго хозяиномъ, онъ обязанъ по уваженію, что самъ имѣлъ право наблюдать за прочнымъ построеніемъ онаго, засвидѣтельствовать на оригинальномъ планѣ и смѣтѣ, что таковымъ домомъ совершенно доволенъ“. За построенный комитетомъ домъ хозяинъ обязывался выплачивать въ казну: за домъ, стоившій не дороже 2 тыс. р.—въ двѣнадцатилѣтній срокъ, а за домъ стоившій дороже—въ двадцатишестилѣтній срокъ. До уплаты долга домъ находился подъ запрещеніемъ и состоялъ подъ наблюденіемъ полиціи. Если хозяинъ оказывался неаккуратнымъ плательщикомъ, домъ брался въ распоряженіе полиціи и отдавался въ наймы подъ постой, а если нанять не будетъ,—продавался съ публичныхъ торговъ. Денежная ссуда выдавалась въ размѣрѣ не свыше 5 тыс. руб. одному хозяину подъ залогъ жилыхъ домовъ и лавокъ, крестьянъ, земли и вещей въ видѣ серебра, золота и брилліантовъ. Кто не могъ представить залога или поручителей да и самъ не надеженъ, тому комитетъ строилъ домъ изъ казенныхъ матеріаловъ, отводилъ въ этомъ домѣ необходимое помѣщеніе для хозяина, а остальную часть дома отдавалъ подъ наемъ черезъ полицію. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока долгъ казнѣ не будетъ погашенъ окончательно. Комитету предоставлялось право наблюдать за тѣмъ, чтобы отведенныя горожанамъ подъ застройку мѣста дѣйствительно застраивались. Кто не выстроитъ на отведенномъ ему участкѣ каменнаго дома въ теченіи 5 лѣтъ, а деревяннаго въ 3, у того участокъ отбирался и передавался другому. Комитетъ обязанъ былъ также обращать вниманіе на тѣ улицы, которыя мало застроены, и заботиться о застройкѣ ихъ [1]).

Нельзя сказать, чтобы такая регламентація была для населенія не стѣснительной, тѣмъ не менѣе населеніе, если вѣрить Г. Ѳ. Квиткѣ, признало комитетъ „благодѣтельнымъ учрежденіемъ“ и не замедлило воспользоваться его помощью. По словамъ Квитки, комитетъ „далъ способы жителямъ строиться съ выгодою“. Уже въ первый же годъ существованія „благодѣтельнаго учрежденія“ (1837) „начато нѣсколько частныхъ огромныхъ домовъ“ [2]).

[1]) Положеніе объ устройствѣ губернскаго города Харькова.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г., № 4.

Слѣдуетъ ли вѣрить свидѣтельству Квитки? Намъ думается, что къ нему во всякомъ случаѣ надлежитъ отнестись съ большою осторожностью. Не слѣдуетъ забывать, что „благодѣтельное учрежденіе“ возникло только въ 1837, а похвальное слово ему было напечатано въ самомъ началѣ 1838 г., т. е. тогда, когда комитетъ далеко еще не былъ въ состояніи обнаружить какого либо вліянія на мѣстное градостроительство. Ссылка на постройку „нѣсколькихъ домовъ“, ссылка, такъ сказать, на неопровержимые факты, тоже думается намъ, не много стоитъ. Достаточно вспомнить, что комитетъ не имѣлъ права выдавать одному хозяину ссуды свыше 5 т. р., на которую и въ тѣ времена не только „огромнаго“, но и средней величины дома построить было нельзя, чтобы понять, что неопровержимые факты, приводимые Квиткой, никакого касательства къ комитету не имѣютъ. Если въ это именно время Павловъ строилъ свой огромный домъ, то совсѣмъ не потому, что получилъ пятитысячную ссуду изъ „благодѣтельнаго учрежденія“, а потому, что самъ былъ очень богатъ и въ ссудѣ не нуждался. Да и что значила бы ссуда, если одна забивка свай въ почву подъ Павловскимъ домомъ и укладка фундамента стоила далеко больше 5 тыс.? Квитка, думается намъ, похвалилъ „благодѣтельное учрежденіе“, такъ сказать, авансомъ только потому, что ждалъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей въ будущемъ.

Значеніе „Положенія“ 2 января 1837 г. вполнѣ выяснилось въ сороковыхъ годахъ. И оказалось, что для дѣла городского благоустройства „благодѣтельное учрежденіе“ принесло несомнѣнную пользу, но для бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія явилось причиной разоренія, горя и слезъ. О безвозвратной ссудѣ, требовавшей, помимо особливаго благоволенія мѣстнаго начальства, еще Высочайшаго соизволенія, бѣдному домовладѣльцу нечего было и думать. Брилліантовъ или золотыхъ вещей, подъ залогъ которыхъ выдавалась ссуда изъ „благодѣтельнаго учрежденія“, у него тоже не было. Исполнить поэтому требованія начальства о замѣнѣ своей хатенки пристойнымъ жилищемъ онъ никакъ не могъ. А требованія теперь стали особенно рѣшительными и не допускающими возраженій, ибо Положеніе 1837 г. въ этомъ отношеніи развязало мѣстному начальству руки. И начальство широко пользовалось своимъ правомъ. Уже при Долгоруковѣ для побужденія обывателей къ постройкамъ примѣнялось простое, но вѣрное средство: снималась крыша у ветхаго дома, и не давалось разрѣшенія на ея замѣну новою. Приходилось или власть въ руки строительнаго комитета и полиціи и изъ хозяина превратиться въ дворника при собственной усадьбѣ, безъ надежды когда либо расквитаться за выстроенный домъ, или продать, за что придется, родное пепелище тому, кто въ состояніи выполнить предначертанія начальства, и бѣжать изъ города куда нибудь на Холодную или на Лысую гору, подальше отъ „благодѣтельнаго учрежденія“. И бѣжали. Бѣглецами и заселялись городскія окраины, на которыя не распространялось дѣйствіе Положенія 1837 г. Ломка крышъ была широко распространенною мѣрою, а какъ смотрѣло на это населеніе,—видно изъ того, что дума давала владѣльцамъ разломанныхъ полиціей домовъ такія же льготы по уплатѣ налоговъ, какъ и погорѣльцамъ [1]). И Харьковъ украшался домами съ фасадами перваго, второго и третьяго номеровъ съ немногосложными украшеніями.

Перейдемъ къ общественнымъ сооруженіямъ, возникшимъ въ сороковые годы. Это было время усиленнаго храмозиждительства, вызваннаго съ одной стороны ростомъ города, съ другой—развитіемъ благосостоянія мѣстнаго купечества, щедраго жертвователя на дѣло церковнаго строенія и благолѣпія. Строятся новыя церкви, ремонтируются и украшаются старыя. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ на Холодногорскомъ кладбищѣ построена церковь Всѣхсвятская. Кладбище существовало здѣсь уже давно, съ самаго начала XIX в. Первымъ попечителемъ его были купецъ Д. Т. Скрынникъ, а затѣмъ его сынъ А. Д. Скрынникъ. Начало постройкѣ церкви здѣсь было положено въ 1841 г. Выстроилъ ее почти исключительно на свои средства мѣстный богачъ, коммерціи совѣтникъ Кузьма Никитичъ Кузинъ. Кромѣ Кузина, жертвовали много и попечители кладбища, купцы Скрынникъ и Базилевскій. Церковь окончена въ 1844 г. Это былъ храмъ четырехпрестольный: главный алтарь въ честь всѣхъ святыхъ, а остальные—св. муч. Андрея Стратилата, Ахтырской Божіей Матери и великомученика Никиты. Кромѣ главной церкви, неподалеку отъ нея выстроенъ небольшой храмъ-памятникъ съ алтаремъ въ честь св. Косьмы и Даміана. Здѣсь погребенъ былъ самъ строитель Кузьма Кузинъ и другіе члены его фамиліи [2]).

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г. іюля 27.

[2]) Краткія свѣдѣнія о Холодногорскомъ кладбищѣ, доставленныя причтомъ Всѣхсвятской церкви и Харьк. Губ. Вѣдом. 1852 г. № 53.

Возникла церковь и на другомъ кладбищѣ, такъ называемомъ городскомъ, у сѣверной окраины города. Здѣсь въ 1845 г. заложена Успѣновенская церковь. Строилась она очень долго и окончена была только въ 1857 г. „Церковь—разсказываетъ Ф. О. Рейнгардтъ—воздвигнута неудачно, такъ какъ по окончаніи ея сводка купола обрушилась, чуть не раздавивъ выходившихъ изъ церкви людей“ [1]).

Въ 1846 г. положено основаніе Свято-Духовской церкви, что на Конной площади. Завѣдываніе постройкой возложено на строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ поручика Римскаго-Корсакова, сборъ пожертвованій для будущаго храма порученъ священнику Вознесенской церкви Насѣдкину. 6-го іюня 1848 г. преосвященнымъ Елпидифоторомъ совершена закладка церкви. Храмъ былъ предположенъ каменный о трехъ престолахъ: въ честь Преображенія Господня, Сошествія Св. Духа и св. Василія Великаго. Церковь строилась въ теченіе 6 лѣтъ. При этомъ произошли и измѣненія въ распредѣленіи престоловъ. Главный престолъ устроенъ былъ не въ честь Преображенія, а въ честь Св. Духа. Престолъ въ честь Василія Великаго удержался согласно первоначальному предположенію; посвященъ онъ былъ памяти Василія Великаго, потому что это имя носилъ главный жертвователь, предсѣдатель строительнаго комитета Римскій-Корсаковъ. Престола въ честь Преображенія Господня совсѣмъ не было устроено; его замѣнили престоломъ во имя св. Адріана и Наталіи (эти имена носили крупный жертвователь, мѣщанинъ Коневко и его жена, устроившіе этотъ придѣлъ на свои средства). Освящена Свято-Духовская церковь 12 декабря 1854 г. преосвященнымъ Филаретомъ [2]).

Расширяются и старыя церкви. Въ 1841 г., по иниціативѣ церковнаго старосты, крестьянина Пономаренка, начата была капитальная перестройка Воскресенской церкви. По плану, составленному мѣстнымъ архитекторомъ Подъяковымъ, предположено было сломать всю церковь кромѣ однихъ среднихъ контрфорсовъ съ куполами и малой части алтарныхъ стѣнъ, раздвинуть наружныя стѣны и устроить новую колокольню. Перестройка продолжалась около 6 лѣтъ. Храмъ оказался значительно расширеннымъ и, можно сказать, какъ бы вновь выстроеннымъ, потому что безъ передѣлки остался только куполъ [4]). Въ 1841 г. возобновлена Каплуновская церковь, переименована въ Рождество-Богородичную и сдѣлана приходскою. Въ 1842 г. къ Дмитріевской церкви пристроена колокольня и два придѣла [3]).

Въ сороковыхъ годахъ въ Харьковѣ впервые появились часовни, въ Малороссіи вообще очень рѣдкія. Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ устроена на Холодной горѣ часовня для встрѣчи Озерянской иконы Божіей Матери, въ виду установленныхъ въ это время ежегодныхъ переносовъ этой иконы изъ Харькова въ Куряжъ и обратно. Часовня была выстроена на землѣ, принадлежавшей Покровскому монастырю. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ населенія на Холодной горѣ, часовня превратилась въ церковь [5]). Въ 40-е годы устроена и другая часовня—на Вознесенской площади, принадлежащая Хорошевскому монастырю [6]).

На ряду съ церквами слѣдуетъ упомянуть и о другихъ постройкахъ духовнаго вѣдомства, произведенныхъ въ эти годы. Крупнѣйшими изъ нихъ были: церковный домъ, принадлежащій собору, и зданіе духовной семинаріи на Холодной горѣ.

Церковный домъ на углу Московской улицы и Николаевской площади возникъ на мѣстѣ стараго „братскаго двора“, упоминаемаго въ соборныхъ документахъ XVIII в. До 1837 г. здѣсь существовалъ деревянный домъ, отстроенный еще въ Щербининскія времена. Домъ обветшалъ и былъ сломанъ, а на его мѣстѣ возведенъ балаганъ съ лавками. Когда въ 1844 г. балаганъ былъ сломанъ по приказанію губернатора Муханова, соборный причтъ рѣшилъ устроить на этомъ мѣстѣ каменный двухъ-этажный домъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы нижній этажъ отдавать подъ торговыя помѣщенія, а въ верхнемъ—устроить квартиры для соборнаго причта. Впослѣдствіи этотъ планъ былъ измѣненъ: рѣшено вмѣсто дома въ два этажа выстроить трехъ-этажный, съ подвалами, такъ что все зданіе оказалось въ дѣйствительности

---

[1]) Харьк. Сборникъ Вып. I, стр. 3.
[2]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ протоіереемъ П. Тимофеевымъ.
[3]) Свящ. І. Горлинъ. Харьковск. Воскресенск. церковь, стр. 11—14.
[4]) Церковь св. великомуч. Димитрія въ Харьковѣ, стр. 6.
[5]) Свѣдѣнія объ Озерянской церкви, доставленныя свящ. Вас. Пономаревымъ.
[6]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1845 г.

четырехъ-этажнымъ. Несмотря на внушительные размѣры, обошлось оно собору не дорого: нѣсколько больше 20 т. р. Постройка продолжалась съ 1845 по 1849 г. включительно [1]). Производились кое какія постройки и въ монастырѣ. Здѣсь выстроили каменный корпусъ для службъ архіерейскаго дома [2]).

Въ сороковыхъ годахъ строилась и духовная семинарія. Подъ усадьбу семинаріи былъ отведенъ обширный участокъ земли на Холодной горѣ. Постройка главнаго корпуса началась въ 1843 г. О размѣрахъ его можно судить уже потому, что на строительныя работы была ассигнована огромная, по тому времени, сумма—128665 р. с. Закончились работы по постройкѣ семинаріи въ 1851 г. Сооруженія, по описанію Питры, было splendidum et magnificum. Къ главному зданію присоединялись четыре меньшихъ корпуса, достаточно удобные, съ свѣтлыми и просторными комнатами. Въ главномъ зданіи помѣщались квартиры семинарскаго начальства и семинарское общежитіе, семинарская домовая церковь, библіотека и домовая больница, въ остальныхъ двухъ корпусахъ жили семинарскіе преподаватели. Выстроить отдѣльное зданіе для семинаріи, помѣщавшейся до тѣхъ поръ совмѣстно съ духовнымъ училищемъ, на Бурсацкомъ спускѣ, заставили какъ неудобства стараго зданія, такъ и возрастаніе числа учащихся [3]).

Другимъ крупнымъ казеннымъ сооруженіемъ, расположеннымъ по сосѣдству съ семинаріей на той же Холодной горѣ, было зданіе арестантской роты, законченное постройкой въ 1847 г. [4]) Арестантская рота, семинарія, Всѣхсвятская церковь и часовня и были первыми каменными сооруженіями на этой, въ то время мало обитаемой окраинѣ города.

Изъ общественныхъ сооруженій въ самомъ городѣ заслуживаетъ прежде всего упоминанія зданіе театра. Старый харьковскій театръ, такъ наз. Сердюковскій (по имени строителя), представлялъ собою безобразный деревянный балаганъ, стоявшій тамъ, гдѣ теперь зданіе дѣтскаго пріюта. Вопросъ о замѣнѣ его новымъ возникъ еще въ тридцатыхъ годахъ. Въ 1834 г. содержатель театра Штейнъ обратился къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи ему выстроить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый театръ, новое каменное зданіе. Просьба Штейна была передана въ Думу, которая оцѣнила мѣсто и нашла, что оно можетъ быть отдано подъ застройку каменнымъ зданіемъ при условіи ежегоднаго платежа въ пользу города по 50 коп. ассигн. за квадратную сажень [5]). Что помѣшало Штейну начать постройку—не знаемъ. Знаемъ только, что дальнѣйшее движеніе вопросъ о постройкѣ театра получилъ уже при преемникѣ Штейна—Млотковскомъ. Въ 1839 г. Млотковскій обратился къ генералъ-губернатору Строганову съ просьбой объ отдачѣ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе для постройки театра городской земли мѣрою въ 180 кв. саж. между Сумскою улицей и такъ наз. Бахтинскимъ домомъ (1-я женская гимназія). Представленный Млотковскимъ проектъ каменнаго двухъ-этажнаго зданія для театра былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ 27 мая 1839 г., послѣ чего городскому обществу было предложено либо отдать просимое Млотковскимъ мѣсто съ ежегоднымъ платежомъ въ пользу города, либо самому устроить театръ на городской счетъ, для чего потребуется около 60 тыс. руб. [6]). 18 августа 1839 г. харьковское купеческое общество, обсудивъ предложеніе начальства, изъявило согласіе на постройку Млотковскимъ каменнаго театра подъ условіемъ ежегодной уплаты городу 200 р. за занятую театромъ землю, но на уступку этого мѣста въ полную собственность Млотковскаго согласія не дало. Въ 1840 г. Млотковскій просилъ объ уступкѣ ему еще части городской земли для постройки разныхъ службъ при театрѣ. Дума въ послѣдней просьбѣ Млотковскому отказала. Млотковскій обратился къ генералъ-губернатору. Вновь было собрано купечество, и на этотъ разъ было рѣшено уступить Млотковскому свободный участокъ городской земли до линіи Рымарской улицы съ тѣмъ условіемъ, что все это мѣсто отдается въ полную собственность Млотковскаго и его наслѣдникамъ, или кому отъ него будетъ продано законнымъ актомъ, но не иначе, какъ въ цѣляхъ постояннаго существованія зданія для театра, а если бы Млотковскій или его наслѣдники, или кому оно можетъ быть продано, пожелали продать это зданіе, а городъ призналъ бы выгоднымъ пріобрѣсти его, то въ такомъ случаѣ оно должно быть уступлено преимущественно городу [7]). Въ 1840 г. Млотковскій началъ

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1845 г. № 39 и Историко-статистич. описаніе Харьк. Успенск. собора, стр. 272—274.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1844 г. № 28.
[3]) Pitra. Specimen, p. 77. Рукопись Гапонова. Харьк. Губ. Вѣд. 1842. № 39 г.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1847 г. марта 13.
[5]) Архивъ Гор. Думы. Журн. 1836 г. стр. 1513.
[6]) Тамъ же. Журн. 1839 г.
[7]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г. февраля 28 и октября 16.

возводить зданіе театра, а въ 1843 г. театръ былъ уже готовъ. Старый театръ былъ обреченъ на сломку „по своему безобразію и крайней ветхости [1])“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, было за 20 р. продано городомъ дѣтскому пріюту, а въ 1851 г. здѣсь уже высилось новоотстроенное зданіе пріюта.

Изъ другихъ казенныхъ и общественныхъ сооруженій, выстроенныхъ въ сороковые годы, слѣдуетъ отмѣтить жандармскія казармы— зданіе нынѣшней таможни. Постройка его въ 1842 г. была отдана купцу Котлярову за 12990 руб. [2]).

Городъ по прежнему строилъ лавки. Такъ, въ 1845 г. перестроены были деревянныя лавки на Нетечинскомъ базарѣ [3]). Умножилось число лавокъ и на Благовѣщенскомъ базарѣ. Развитію строительной дѣятельности города главнымъ препятствіемъ являлся постоянный недостатокъ средствъ, благодаря чему не могли осуществиться предпріятія даже несомнѣнно выгодныя. Къ числу такихъ предпріятій относилось и предположенное въ сороковыхъ годахъ устройство у Лопанскаго моста каменныхъ лавокъ и отдѣленія присутственныхъ мѣстъ. Мысль о такомъ сооруженіи подана была мѣстнымъ начальствомъ. Расходы на него требовались не малые. Довольно уже того, что на постройку одного только отдѣленія присутственныхъ мѣстъ было предположено истратить 148 тыс. руб. ассигнаціями. Въ виду недостатка денегъ въ городской кассѣ, купцамъ предложили, не желаетъ ли кто нибудь изъ нихъ произвесть постройку на свой счетъ. Купечество къ начальственному предложенію отнеслось равнодушно, и дѣло дальше проекта не пошло [4]).

Къ половинѣ сороковыхъ годовъ результаты всей предыдущей строительной дѣятельности выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

Домовъ деревянныхъ	3762.
„ каменныхъ	544.
Церквей каменныхъ	17.
Деревянныхъ	2.
Лавокъ	403.
Трактировъ	24.
Питейныхъ домовъ	59.
Фабрикъ и заводовъ	53.

Если мы сравнимъ эти цифры съ цифрами 1837 г., когда „благодѣтельное учрежденіе“ еще не начинало функціонировать, то окажется, что за десять лѣтъ 1837—1846 г.г. число каменныхъ домовъ въ городѣ возросло больше, чѣмъ вдвое: въ 1837 г. ихъ было 253, а въ 1841 г.г.—544. Новыхъ деревянныхъ домовъ возникло около 700: въ 1837 г. ихъ было 3086, а въ 1846 г.—3712. Начальственныя мѣропріятія не остались, такимъ образомъ, безъ крупныхъ результатовъ.

Частная строительная дѣятельность продолжала строго регламентироваться какъ правилами 1837 г., такъ и послѣдовавшими къ нимъ добавленіями. Въ 1842 г. послѣдовало распоряженіе о непремѣнномъ представленіи въ комитетъ объ устройствѣ г. Харькова плановъ на дворовые участки, на которыхъ обыватели собирались строиться. Безъ этого постройки не разрѣшались. Въ томъ же году видимъ подтвержденіе запрещенія производить постройки самовольно, безъ разрѣшенія комитета, что иногда харьковцами дѣлалось по старой слобожанской привычкѣ. Запрещались, кромѣ того, и всякія отступленія отъ утвержденныхъ комитетомъ фасадовъ, подъ угрозою сломки такихъ сооруженій мѣрами полиціи. Въ томъ же году харьковцамъ объявлено Высочайше одобренное распоряженіе генералъ-губернатора, чтобы при постройкѣ двухъ-этажныхъ домовъ по крайней мѣрѣ одна лѣстница строилась каменная [5]).

Изъ городскихъ зданій замѣчательнѣйшими были: университетъ, коллегіумъ, архіерейскій домъ, присутственныя мѣста, институтъ благородныхъ дѣвицъ, градская полиція, гостинный дворъ и пакгаузы для храненія шерсти, поступавшей въ Харьковскую акціонерную компанію. Было также не мало

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1843 г. февраля 22 и марта 8.

[2]) Тамъ-же. Журн. 1842 г. іюня 18.

[3]) Тамъ же. Журналы 1845 г.

[4]) Тамъ-же. Журн. 1843 г. февраля 22 и марта 8.

[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1842 г. №№ 18, 32, 41.

выдающихся частныхъ домовъ на Московской, Екатеринославской и другихъ улицахъ. Зданія, занимаемыя войсковыми частями, ни красотою, ни прочностью не отличались. Для помѣщенія мѣстныхъ войскъ имѣлось 14 флигелей, всѣ деревянные и всѣ были болѣе или менѣе ветхіе и сырые. Загородныхъ дачъ было очень немного, да и тѣ, какія были, устроены были очень недавно. Харьковцы въ огромномъ большинствѣ не чувствовали еще надобности бѣжать лѣтнею порою in's Grüne. Сравнительно съ цифрою населенія домовъ было даже больше, чѣмъ нужно: среднимъ счетомъ на 1 домъ приходилось 5 постоянныхъ и около 10 постоянныхъ и временныхъ жителей города. Весьма многіе помѣщики имѣли здѣсь свои дома, которые занимались только во время пребыванія ихъ въ городѣ, а въ прочее время пустовали [1]).

Конецъ сороковыхъ и первая половина пятидесятыхъ годовъ было временемъ генералъ-губернаторства Кокошкина. При немъ строительная дѣятельность въ Харьковѣ, отличавшаяся до тѣхъ поръ относительно скромными размѣрами, пріобрѣла какой-то лихорадочный характеръ. Генералъ-губернаторъ, стремившійся создать изъ Харькова вполнѣ благоустроенный городъ, не останавливался ни передъ расходами, ни передъ затрудненіями, какія испытывало населеніе при осуществленіи его плановъ. Постройки и перестройки производились въ это время какъ казною и городомъ, такъ и частными лицами. При Кокошкинѣ были разрушены (1850 г.) старыя присутственныя мѣста, помнившія еще Екатерининское время. Зданіе, не смотря на долголѣтнее пребываніе безъ крыши, было еще довольно крѣпкимъ, но крайне неудобнымъ: во всю его длину, между двухъ рядовъ комнатъ, проходилъ темный корридоръ, освѣщавшійся шкаликами съ конопляннымъ масломъ, тусклыми, распространявшими копоть и вонь. Кокошкинъ сломалъ все зданіе и на мѣсто его выстроилъ новое трехъ-этажное, красотою стиля отнюдь не блещущее, но отличающееся зато монументальнымъ видомъ, какъ, впрочемъ, и всѣ вообще казенныя сооруженія Николаевскаго времени. На постройку его была истрачена крупная, но отнюдь не чрезмѣрная сумма. По предварительной смѣтѣ каменная кладка должна была обойтись всего 90 тыс. руб. Генералъ-губернаторъ строительныя работы умѣлъ вести экономно для казны. Результатомъ этого было то, что подрядчикъ Лукинъ и его товарищъ, строившіе присутственныя мѣста, оказались не въ состояніи окончить работу за первоначальную цѣну, обанкротились и попали въ тюрьму. Корпусъ оконченъ постройкою въ 1854 г. Монументальное зданіе оказалось, впрочемъ, не прочнымъ: оно не прослужило и 50 лѣтъ. Теперь оно ожидаетъ сломки или капитальнаго ремонта.

Не избѣжалъ перестроекъ и ближайшій сосѣдъ присутственныхъ мѣстъ—университетъ, попечителемъ котораго былъ генералъ-губернаторъ. Выстроены новыя аудиторіи, а старыя поновлены внутри и снаружи, перестроена университетская церковь, „исправлена“ университетская библіотека, выстроена каменная казарма для университетскихъ служителей и фельдшеровъ. Устроены башенные часы надъ зданіемъ университетской церкви [2]). Ограду съ галлереей, выходившую на Университетскую горку, Кокошкинъ замѣнилъ глухою каменною стѣною съ фальшивыми окнами малярнаго производства. Эти фальшивыя окна на западъ долгое время оставались осѣлкомъ, о который оттачивалось остроуміе мѣстныхъ бонмотистовъ. Ниже университета, подъ горкой, по иниціативѣ Кокошкина былъ построенъ на городскія средства огромный каменный корпусъ; это такъ называемый Сергіевскій рядъ, получившій свое имя по имени генералъ-губернатора. Въ концѣ Сумской улицы Кокошкинъ выстроилъ въ 1851—1855 г.большое каменное зданіе для ветеринарнаго училища, которое въ это время было отдѣлено отъ университета въ самостоятельное учебное заведеніе, а впослѣдствіи преобразовано въ ветеринарный институтъ. Это было одно изъ крупнѣйшихъ сооруженій тогдашняго Харькова: на одну только каменную кладку его первоначальная смѣта была составлена въ суммѣ 70799 руб. [3]). Кокошкину же принадлежитъ и устройство ограды съ двумя воротами у университетскаго сада, уцѣлѣвшими и до днесь. При Кокошкинѣ и не безъ его участія выстроилось и зданіе дѣтскаго пріюта на мѣстѣ стараго театра. Въ концѣ Екатеринославской, на площади, Кокошкинымъ было устроено каменное зданіе для 3-ей полицейской части. Строителемъ его былъ сумской помѣщикъ Алферовъ, такъ же, какъ и Лукинъ, понесшій при постройкѣ крупные убытки.

Сказалась строительная дѣятельность генералъ-губернатора и въ далекой отъ административнаго центра захарьковской части. Здѣсь въ 1852 г. произведена была капитальная перестройка и расширеніе

[1]) Мочульскій, стр. 196, 198.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1852 г. № 15.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1851 г. № 12.

каменнаго зданія почтовой конторы, на что испрошенъ былъ кредитъ въ суммѣ около 11 тыс. руб. [1]), Кокошкину же былъ обязанъ своимъ устройствомъ и Конный базаръ, гдѣ въ 1852 г. были выстроены деревянныя лавки [2]).

Не приминулъ Кокошкинъ выказать заботливость и о помѣщеніи воинскихъ чиновъ. Для казармы гарнизоннаго батальона воздвигнутъ былъ новый домъ, обошедшійся въ 109 тыс. руб. Не говоримъ уже о мелкихъ постройкахъ и перестройкахъ въ родѣ какой нибудь харчевой галлереи и лавокъ на Нетечинскомъ базарѣ, обошедшихся, однако, болѣе 13 тыс. руб., лавокъ и сараевъ ремесленной управы, ремонта тюремнаго замка, исправленія каменныхъ обгорѣвшихъ лавокъ на старомъ базарѣ подъ горкой, постройки каменнаго флигеля при богоугодныхъ заведеніяхъ и т. п. [3]).

Строительная дѣятельность генералъ-губернатора находила себѣ препону только въ медлительности дѣлопроизводства: пройдя черезъ мѣстныя инстанціи, дѣло о постройкѣ какихъ нибудь деревянныхъ лавокъ, вся цѣна которымъ 2½ тыс. руб., направлялось въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отсюда въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій; здѣсь проектъ критиковался и передѣлывался, посылался опять въ Харьковъ для „соображеній“ и т. д. Пустыя дѣла тянулись годами. Такъ, дѣло о постройкѣ деревянныхъ лавокъ на Рыбной, начатое въ 1849 г., окончилось только въ 1855 г. Зато, когда начиналась постройка, Кокошкинъ набрасывался на нее съ какою то особенной жадностью, самолично наблюдалъ за работами, провѣрялъ соотвѣтствіе матеріаловъ смѣтѣ, заставлялъ подрядчиковъ перестраивать, сажалъ подъ арестъ наблюдавшаго за постройкой архитектора [4]). Строительная энергія генералъ-губернатора оказывала вліяніе даже на не подлежавшую его вѣдѣнію область церковнаго строительства. По его настоянію была сломана колокольня Николаевской церкви, стоявшая посреди площади и мѣшавшая проѣзду. Колокола пришлось перенести на самую церковь, для чего оказалось необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя надстройки, измѣнившія передній фасадъ храма.

Кокошкинъ ломалъ и перестраивалъ не только казенные, но и частные дома. Какъ извѣстно, по Положенію объ устройствѣ г. Харькова въ распоряженіе строительнаго комитета отпущенъ былъ значительный кредитъ для выдачи ссудъ домовладѣльцамъ, не имѣвшимъ возможности строиться на свои средства. Это развязывало генералъ-губернатору руки и давало ему возможность заставлять строиться и тѣхъ, кто къ этому не имѣлъ ни малѣйшей охоты. Рано утромъ объѣзжалъ Кокошкинъ городъ, останавливался передъ ветхими или почему либо не нравившимися ему домами и заносилъ ихъ въ свою книжку, а черезъ нѣсколько времени домохозяинъ получалъ отъ полиціи извѣщеніе, что его домъ назначенъ къ сломкѣ и замѣнѣ новымъ. На обреченномъ сломкѣ домѣ крупными цифрами надписывался срокъ, когда онъ долженъ быть уничтоженъ, и тогда никакія уже средства не могли спасти его. Передъ просьбами и мольбами жителей Кокошкинъ оставался непреклоннымъ. И жители ломали и строились, проклиная не въ мѣру ретиваго градоначальника. „Мѣра эта—разсказываетъ Рейнгардтъ—особенно для бѣдныхъ жителей, была крайне стѣснительна, такъ какъ по сломкѣ имъ некуда было дѣваться, а средствъ для постройки вновь не было, кредита также; только впослѣдствіи таковой былъ устроенъ при строительномъ отдѣленіи“. Если хозяинъ не внималъ напоминаніямъ полиціи, его домъ безъ церемоніи ломали. „Домъ мѣщанина Галеки—разсказываетъ Рейнгардтъ,—назначенный въ сломку, послѣ неоднократныхъ напоминаній объ исполненіи предписанія, въ отсутствіи хозяина, по предписанію С. А. Кокошкина сломанъ полицейскими“.

Избавиться отъ выполненія генералъ-губернаторской воли нельзя было даже при помощи и тѣхъ средствъ, коими русскій человѣкъ привыкъ отвращать надвигающуюся на него бѣду: не помогала даже взятка полиціи, потому что Кокошкинъ, не полагаясь на полицію, самъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его приказы исполнялись, и строго взыскивалъ съ полиціи за потачку обывателямъ. У Рейнгардта записанъ слѣдующій анекдотъ-разсказъ, подтверждаемый въ воспоминаніяхъ В. П. Карпова и другихъ мѣстныхъ старожиловъ. Однажды, при въѣздѣ на Холодную гору, видитъ Кокошкинъ несломанной хату, которой назначенный для

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1852 г. № 24.

[2]) Тамъ-же Вѣд. 1851 г. № 50.

[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1847 г. № 21, 26, 1850 г. № 23. 1852 г. № 14.

[4]) Арх. Губ. Вѣд. Практ. Дѣло о постройкѣ харчевой галлереи 1854—1856 г.г. Дѣло о постройкѣ службъ во дворѣ купеч. и мѣщанск. общ. 1851—1855 г.г., дѣло о постройкѣ казармъ 1850—1856 г. г. Дѣло о постройкѣ лавокъ на Рыбной улицѣ 1841—1855 г.г.

сломки срокъ уже минулъ. Сергѣй Александровичъ останавливается и требуетъ къ себѣ владѣльца. Выходитъ съ низкимъ поклономъ женщина, хозяйка дома.

— Отчего у тебя до сихъ поръ домъ не сломанъ? Срокъ, для этого назначенный, давно минулъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, говоритъ она въ отвѣтъ: я бѣдная вдова съ малыми дѣтьми. Куда же я дѣнусь? Да и самъ фатальный мнѣ позволилъ жить.

— А сколько ты ему за это заплатила?

— Да ни сколько. Какіе у меня гроши! Дала ему пидсвинка, и, спасибо ему, позволилъ жить.

Возвратясь домой, Кокошкинъ посылаетъ жандарма за квартальнымъ. Является.

— Какъ ты смѣлъ отмѣнить мое приказаніе и отъ себя разрѣшить такой то не поломать дома?

— Виноватъ, ваше превосходительство, она бѣдная вдова съ дѣтьми, и ей негдѣ жить, отвѣчаетъ трепещущій квартальный.

— А подсвинка взялъ у бѣдной вдовы?

— Виноватъ, ваше превосходительство.

— То то, что виноватъ! Ну, отвези же сейчасъ обратно этого подсвинка и не смѣй въ другой разъ своевольно распоряжаться. Ну, ступай!

Жандарму приказалъ онъ отправиться съ квартальнымъ на его квартиру и наблюдать за немедленнымъ исполненіемъ даннаго ему приказанія. Жандармъ не дозволилъ квартальному положить подсвинка въ мѣшокъ, а взвалилъ его на дрожки, и квартальный. въ сопровожденіи жандарма, провезъ подсвинка посреди дня по улицамъ Харькова, по всей Екатеринославской улицѣ, мимо дома, бывшаго Сомова, гдѣ жилъ генералъ-губернаторъ, на потѣху почтеннѣйшей публики. на мѣстѣ его родины [1]).

По неизданнымъ воспоминаніямъ Е. С. Гордѣенко, принудительное домостроительство давало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ достаточныхъ или власть имущихъ горожанъ надъ бѣднотою. Захудалый мѣщанинъ, обязанный по приказу начальства замѣнить свою хату каменнымъ домомъ, не рѣдко кончалъ тѣмъ, что сбывалъ свое батьковское добро за безцѣнокъ и изъ хозяина превращался въ наймита. Кто могъ, строился, кто немогъ, передавалъ свое право другому, могущему. И Харьковъ застраивался и благоукрашался.

О размѣрахъ частной строительной дѣятельности времени Кокошкина можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ губернскаго строительнаго комитета:

Въ 1849	г.	выстроено	домовъ	камен.	15,	дер.	на	кам.	фунд.	4,	дерев. 32.
„ 1850	„	„	„	„	20	„	„	„	„	9	„ 45
„ 1851	„	„	„	„	19	„	„	„	„	7	„ 40
„ 1852	„	„	„	„	12	„	„	„	„	6	„ 41
„ 1853	„	„	„	„	17	„	„	„	„	4	„ 38
„ 1854	„	„	„	„	19	„	„	„	„	1	„ 38
„ 1855	„	„	„	„	14	„	„	„	„	7	„ 28 [illegible]

Въ оффиціальномъ отчетѣ о состояніи губерніи за 1852 г. [2]) въ Харьковѣ показано:

Казенныхъ каменныхъ домовъ	64,	деревянныхъ	13.
Частныхъ каменныхъ	„ 616	„	3866.
Торговыхъ лавокъ	438		
Монастырь	1		
Церквей	21		
Провіантскій магазинъ	1		

По свѣдѣніямъ Питры, въ 1853 г. въ Харьковѣ было 676 каменныхъ и 4076 деревянныхъ домовъ [3]), а по „Статистическимъ таблицамъ Россійская Имперія“ за 1856 г. [illegible] [4]).

[1]) Харьк. Сборн. Вып. I, стр. 158.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.

[3]) Тамъ-же 1853 г. № 28.

[4]) Pitra. Specimen topographiae medicae Charkoviensis p. 73.

нымъ, конечно, ранѣе этого года, всѣхъ домовъ показано 4770, лавокъ 1373, а церквей 30 (конечно, включая сюда и домовыя).

Къ концу генералъ-губернаторства Кокошкина, въ 1855 г., по подсчету Гапонова, въ Харьковѣ числилось всего 4781 домъ, изъ нихъ каменныхъ 756, а деревянныхъ 4025. Казнѣ принадлежало 33 каменныхъ дома и 6 деревянныхъ, церквамъ—8 каменныхъ и 2 деревянныхъ, монастырю—6 каменныхъ и одинъ деревянный, общественныхъ домовъ каменныхъ было 19, а деревянныхъ 14, наконецъ, частнымъ лицамъ принадлежало 690 каменныхъ домовъ, 4002 деревянныхъ. Изъ частныхъ домовъ, заслуживавшихъ вниманія, Гапоновъ отмѣчаетъ: два дома Кузиныхъ на Екатеринославской ул., Афераки—на Старой Институтской, Павлова—на Павловской площади и его же на Рыбной ул., Радина, Рыжовой, Грановскихъ и Чистякова—на Московской улицѣ и И. А. Сливицкаго—на Сумской [1].

Что такое представляли въ то время частные дома по внѣшнему виду и по внутреннему расположенію,—объ этомъ подробно разсказываетъ А. Питра въ своемъ „Specimen topographiae medicae Charkoviensis“.

Каменные дома строились большею частью въ два этажа, очень рѣдки были дома трехъ и четырехъ-этажные. Строились они изъ краснаго кирпича. Такъ какъ домовъ ежегодно строилось много, то кирпичъ не всегда попадался хорошо обожженный, и потому стѣны выходили сырыми, что, конечно, дурно отражалось на здоровьѣ обитателей такихъ домовъ. Стѣны обмазывались глиной, а потомъ бѣлились, внутреннія стѣны иногда оклеивались обоями. Крыша на такихъ домахъ обыкновенно желѣзная. Окружность и размѣры комнатъ различны: тѣ, что выходятъ на фронтонъ, большею частью просторны, свѣтлы и высоки, а тѣ, что расположены на противоположной сторонѣ дома, почти всегда тѣснѣе. Въ этихъ послѣднихъ и жили обыкновенно хозяева съ явнымъ вредомъ для своего здоровья: по причинѣ тѣсноты воздухъ въ нихъ испорченный вслѣдствіе дыханія людского и запаха отъ дворовыхъ нечистотъ, не всегда удаляемыхъ. Лучшія комнаты, предназначенныя для пріема гостей, для домашняго обихода оказывались почти безполезными. Въ зимнее время дома отапливались такъ называемыми голландскими печами въ 10 футовъ высотою, въ 6 футовъ шириною, внутренность которыхъ изъ кирпича, а облицевка—кафельная. Такія печи хотя очень скоро нагрѣвали комнаты и долго удерживали тепло, но обладали и большими недостатками: истребляли много дровъ, занимали большое пространство, не рѣдко по небрежности при топкѣ давали угаръ. Въ нѣкоторыхъ домахъ печи были устроены по способу Амосова: нагрѣтый въ одномъ пріемникѣ воздухъ онѣ черезъ желѣзныя трубы разносили по всѣмъ комнатамъ. Такія печи не имѣли недостатковъ голландскихъ печей, тѣмъ не менѣе онѣ производили большую сухость воздуха въ комнатахъ, для здоровья также неблагопріятную. Въ послѣднее, наконецъ, время—разсказываетъ Питра—во многихъ каменныхъ домахъ печи устраиваются по способу Унтеръ-Марка и Шамаева, наименѣе вредныя для здоровья. Камины и желѣзныя печи въ домахъ были очень рѣдки и устраивались не для отопленія комнатъ, а для очищенія воздуха, особенно же для уничтоженія сырости стѣнъ. Лѣстницы въ домахъ, выстроенныхъ въ послѣдніе годы, большею частью каменныя, широкія, съ низкими ступеньками, а въ домахъ раньше выстроенныхъ—узкія, неудобныя и по большей части деревянныя. Въ нижнемъ этажѣ большихъ каменныхъ домовъ рѣдко устраивались комнаты, удобныя для жилья. По большей части здѣсь помѣщались кухни, кладовыя для съѣстныхъ припасовъ, чуланы и т. п. Кухни, въ которыхъ большею частью и прислуга жила, рѣдко бывали просторны, свѣтлы и сухи, въ большинствѣ случаевъ онѣ тѣсны, сыры и темны. Если къ этому прибавить перемѣны въ температурѣ, которая то превышается до 25 градусовъ, то падаетъ до 12, какъ обыкновенно бываетъ въ кухняхъ съ плитою, то не покажется удивительнымъ, что повара, слуги и кухонныя служанки страдали различными и упорными болѣзнями.

Въ каменныхъ домахъ, построенныхъ на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, фундаментъ прочный, глубокій, помѣщенія нижнихъ этажей съ высокими печами, сухія, свѣтлыя. Въ домахъ на низменныхъ мѣстахъ нижніе этажи были не глубоки и сыры, не рѣдко наполнялись водою. Въ послѣднее, впрочемъ, время—повѣствуетъ Питра—это неудобство мало по малу устраняется благодаря заботамъ генералъ-губернатора Кокошкина: онъ приказалъ устроить во многихъ мѣстахъ каналы, которые избавили много домовъ отъ подтопленія. Что касается кладовыхъ, амбаровъ и отхожихъ мѣстъ, то они рѣдко строились при домахъ, большею же частью устраивались, какъ и конюшни, во дворахъ, не рѣдко изъ кирпича, но чаще деревянные. При всѣхъ каменныхъ домахъ дворы были достаточно помѣстительные, въ длину среднимъ сче-

[1]) Рукопись Гапонова.

томъ 140, а въ ширину 105 англ. футовъ, на болѣе, впрочемъ, людныхъ улицахъ, какъ Московская, Сумская, въ длину только 42 фута, а въ ширину 35. Почти всѣ дворы, благодаря бдительности начальства за общественной безопасностью, содержались въ опрятности за исключеніемъ тѣхъ, которые расположены на низменныхъ мѣстахъ и потому часто оказывались сырыми и грязными.

Деревянные дома были двоякаго рода: или совсѣмъ деревянные, или такіе, у которыхъ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный. Всѣ деревянные дома въ одинъ этажъ, малы и не высоки, большею частью фасадъ въ пять оконъ, утверждаются на столбахъ, возвышающихся надъ землею на 4 фута, окружаются внизу деревомъ или кирпичомъ, такъ назыв. въ простонародьи приьбою, обмазываются глиною и бѣлятся внутри и снаружи мѣломъ. Крыши на такихъ домахъ кроются деревянными, прочно сбитыми шелевками. Дома, у которыхъ нижній этажъ каменный, отличаются и величиной, и внѣшнимъ видомъ; крыши у нихъ большею частью желѣзныя. Печи во всѣхъ деревянныхъ домахъ голландскія, къ которымъ не рѣдко пристраивается длинная и низкая печь не только для обогрѣванія комнатъ, но и для удовольствія людей незанятыхъ или зябкихъ (рѣчь, очевидно, идетъ о лежанкѣ). Кухни въ деревянныхъ домахъ съ каменнымъ нижнимъ этажемъ такія же, какъ и въ каменныхъ домахъ, и изобилуютъ тѣми же неудобствами. Въ домахъ деревянныхъ кухни либо вмѣстѣ съ жилыми помѣщеніями, либо отдѣльно, рядомъ съ кладовыми, ледниками и другими дворовыми постройками. Такія кухни большею частью сухи и свѣтлы и болѣе благопріятны для здоровья, чѣмъ кухни въ нижнихъ этажахъ каменныхъ домовъ. Дворы при деревянныхъ домахъ гораздо обширнѣе, чѣмъ при каменныхъ, потому что первые расположены въ болѣе отдаленныхъ частяхъ города, а вторые—въ болѣе людныхъ. Отхожія мѣста по большей части дурно устроены и за исключеніемъ нѣкоторыхъ каменныхъ домовъ, гдѣ они помѣщаются внутри, обыкновенно строятся далеко отъ домовъ, на задворкахъ, а иногда и на открытыхъ мѣстахъ, изъ шелевокъ, сколоченныхъ на живую нитку.

Хаты въ Харьковѣ были въ наиболѣе отдаленныхъ его частяхъ и въ пригородахъ. Жило въ немъ только простонародье. Хаты, разсказываетъ Питра, строятся изъ тонкаго дерева, пластинъ или даже кольевъ, обмазанныхъ глиной, на деревянныхъ подпоркахъ высотою отъ земли въ $2^1/_2$ фута, окружаются внизу пластинами и обкладываются землей. Стѣны внутри и извнѣ обмазываются глиной и бѣлятся. Полъ обыкновенно дѣлается изъ смѣси глины и земли. Обмазка избы и потолка, къ чести жителей нужно прибавить, обновляется передъ праздничными днями, а у иныхъ—даже еженедѣльно. Крыши на хатахъ соломенныя, обмазанныя глиной, чтобы не слишкомъ быстро воспламенялись при пожарѣ. Хата состоитъ изъ двухъ половинъ: въ одной, гдѣ печь для варки пищи, живетъ хозяинъ съ семьею, другая, безъ печи—замѣняетъ амбаръ для съѣстныхъ припасовъ. Обѣ половины раздѣляются между собой сѣнями. Печи въ такихъ домахъ большею частью широкія, строятся изъ кирпича, надъ ними очагъ, поддерживающій теплоту въ хатѣ. Дымъ изъ печей выходитъ черезъ трубы, устроенныя изъ хвороста, обмазаннаго глиной (бовдуръ). Надъ крышей онѣ возвышаются на 2 фута. Нижняя часть трубъ соединяется съ печью въ сѣняхъ. Безъ сомнѣнія, длинныя трубы и обмазка соломенныхъ крышъ глиной много способствуютъ защитѣ хатъ отъ пожаровъ, однако есть и другія причины, вызывающія это несчастье. Къ нимъ нужно отнести долговременное накопленіе въ трубахъ легковоспламеняющейся сажи въ чрезмѣрномъ количествѣ и смытіе дождями глины съ соломенныхъ крышъ, вслѣдствіе чего высохшая солома легко воспламеняется. Для устраненія этой опасности въ послѣднее время дымовыя трубы въ хатахъ строятся изъ кирпичей. Кромѣ того, благодаря усиленному надзору полицейскихъ властей, соломенныя крыши часто обновляются, трубы чистятся, отчего въ послѣдніе годы пожары стали гораздо рѣже. Генералъ-губернаторомъ С. А. Кокошкинымъ приказано, кромѣ того, на соломенныхъ и шелевочныхъ крышахъ всѣхъ деревянныхъ домовъ ставить подлѣ самыхъ трубъ деревянные ушаты, наполненные водой, и помела, при помощи которыхъ легко утушиваются искры, падающія на крыши при пожарахъ; кромѣ того, приказано придѣлывать къ крышамъ деревянные навѣсы, на которыхъ могли бы свободно помѣщаться пожарные, и постоянно имѣть приставленныя къ домамъ лѣстницы, чтобы въ случаѣ надобности не терять ни минуты. Устройство хатъ не сложно. Жилыя помѣщенія, благодаря особенному устройству печей, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и кухнями, и достойно удивленія, что тѣ самыя помѣщенія, въ которыхъ готовятъ пищу, моютъ бѣлье и сами хозяева живутъ, большею частью отличаются чистотой и опрятностью. Погреба, которые, впрочемъ, въ хатахъ рѣдки, устраиваются въ землѣ, четырехсторонніе, покрываются пластинами, оставляя небольшой входъ.

Безъ этой предосторожности не только дѣти, но и взрослые попадаютъ въ нихъ и ломаютъ себѣ члены Къ хатамъ часто пристраиваются сараи изъ хвороста, обмазанные глиной и крытые соломой. Устраиваются они обыкновенно плохо и многаго не стоятъ. Животныя, хотя и привычны къ холоду, въ такихъ сараяхъ зимою не рѣдко погибаютъ. Дворы возлѣ хатъ большею частью чисты и опрятны, обгорожены частоколомъ съ соломенной покрышкой (загати) [1]).

Въ первую половину XIX в. харьковцевъ заставляло строиться начальство, во вторую они уже строятся сами, строятся съ большимъ рвеніемъ, потому что домовладѣніе стало въ Харьковѣ дѣломъ выгоднымъ.

Частное строительство особенно усилилось въ Харьковѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ г. „Харьковъ - писалъ корреспондентъ „Основы“ въ 1862 г.—обуяла какая то манія строиться; ее нельзя приписать обилію денегъ: и нашъ городъ не избѣжалъ безденежья, а скорѣе развившейся у насъ въ послѣдніе годы страсти къ наживѣ и аферамъ. Постройки производятъ большею частью въ долгъ, подъ залогъ тѣхъ же мѣстъ и будущихъ домовъ. Нѣтъ ни одной улицы и переулка, гдѣ бы не было огороженнаго по улицѣ мѣста, не возводилась постройка, и не лежали кучи кирпича и мусора. У насъ всѣ постройки выводятъ изъ кирпича, потому что лѣсъ гораздо дороже. Такъ какъ всѣ они строятся для наживы, то, отдѣлавши на скоро внутри, домохозяева стараются отдать въ наемъ желающимъ домъ сырой, не высохшій, не заботясь о наружной его отдѣлкѣ; множество домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы (почти всѣ), стоятъ красные, неоштукатуренные, черезъ что обнаженный кирпичъ впитываетъ въ себя наружную сырость и распространяетъ ее по всему зданію“ [2]).

О размѣрахъ этой „маніи строительства“ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, взятымъ изъ дѣлъ строительнаго комитета. Въ 1856 г. въ Харьковѣ выстроено 25 каменныхъ домовъ, 14 деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ и 21 деревянныхъ. Въ 1857 г. первыхъ выстроено 20, вторыхъ 10 и третьихъ 57. Съ 1858 г. число каменныхъ домовъ сильно возрастаетъ: въ этомъ году ихъ выстроено уже 49, деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ 24 и деревянныхъ 89; въ 1859 г. первыхъ выстроено 56, вторыхъ 28 и третьихъ 78; въ 1860 г. первыхъ 58, вторыхъ 36 и третьихъ 36 [3]).

По свѣдѣніямъ Харьковскаго статистическаго комитета отъ 1862 г., въ Харьковѣ въ это время числилось всего 5180 домовъ, при чемъ по частямъ города они распредѣлялись такъ: въ 1-й части 1457 дворовъ, на нихъ 229 каменныхъ и 2017 деревянныхъ домовъ; во второй части 845 дворовъ съ 514 каменными и 885 деревянныхъ домами; въ третьей части дворовъ 1314, домовъ каменныхъ 205, деревянныхъ—1328 [4]). Подсчитывая эти цифры, получимъ для всего города каменныхъ домовъ 948, а деревянныхъ 4230. Сложивъ обѣ цифры, получимъ 5178, т. е. не ту цифру, какая указана комитетомъ. Въ комитетскомъ подсчетѣ, очевидно, есть какая то ошибка, исправить которую очень трудно, тѣмъ болѣе, что другія имѣющіяся у насъ объ этомъ данныя не совпадаютъ съ показаніями комитета. Такъ въ „Описаніи“ Харькова, помѣщенномъ въ № 1 „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1862 г. и составленномъ по даннымъ по крайней мѣрѣ 1861 г., общее число харьковскихъ домовъ выражено цифрой 5179, близко подходящей къ подсчету комитета, но зато каменныхъ домовъ показано уже 982, т. е. больше, чѣмъ было ихъ въ маѣ 1862 г., если комитетъ считалъ вѣрно. По свѣдѣніямъ автора „Описанія“, изъ 982 каменныхъ домовъ казнѣ и общественнымъ учрежденіямъ принадлежало 65. Изъ 4197 деревянныхъ домовъ казенныхъ и общественныхъ считалось 28. Лавокъ въ это время въ Харьковѣ было городскихъ 93 и частныхъ 1682 [5]). Лучшими зданіями въ городѣ считались: монастырь, домъ Пащенка-Тряпкина, присутственныя мѣста, соборъ, университетъ, гостинный дворъ и дворянское собраніе, на Сумской—домъ Шатовой и Данилькевичъ, институтъ и ветеринарное училище, на Московской—дома Чистякова и Радина, на Рыбной—Андреева и Павловыхъ, на Екатеринославской—Кузиныхъ и Алферова, на Павловской пл.—домъ Павловыхъ; въ Захарьковской части—1-я гимназія, почтовая контора, контора коммерческаго банка и домъ шерстянной компаніи съ

---

[1]) Pitra. Specimen topographiae, p. 81—86.
[2]) Основа., 1862 г., май, стр. 27—28.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.
[4]) Протоколъ собр. Харьк. стат. комит. 14 мая 1862 г.
[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.

обширными пакгаузами; въ Залопанской части—духовная семинарія, арестантская рота, управленіе 3-й части и домъ Алфераки, замѣчательный внутренней отдѣлкою. Помѣщенія для Харьковскаго батальона внутренней стражи въ 1-й и въ 3-й частяхъ не отличались ни наружнымъ видомъ, ни внутреннимъ удобствомъ, но зато жандармскія казармы (тамъ, гдѣ теперь таможня) считались хорошими. На окраинахъ города по прежнему было очень много крестьянскихъ хатъ, выстроенныхъ совсѣмъ по деревенски. Церквей въ Харьковѣ, считая съ домовыми, было въ это время 31, изъ нихъ приходскихъ 13 (одна единовѣрческая), кладбищенскихъ 3, домовыхъ 13 (въ архіерейскомъ домѣ, въ благотворительномъ обществѣ, дѣтскомъ пріютѣ, богоугодномъ заведеніи, въ университетѣ, 1-й и 2-й гимназіяхъ, въ институтѣ, духовномъ училищѣ, семинаріи, ветеринарномъ училищѣ, тюремномъ замкѣ, въ арестантской ротѣ), иновѣрческихъ 2 (католическая и лютеранская) [1]. По свѣдѣніямъ того же комитета, относящимся къ 1864 г., къ 10 октября этого года въ Харьковѣ было каменныхъ зданій 1186, а деревянныхъ 5065 [2].

Для второй половины 60-хъ годовъ точныя цифры о числѣ построекъ въ городѣ даетъ однодневная перепись 13 марта 1866 г., произведенная губернскимъ статистическимъ комитетомъ. По даннымъ этой переписи, дворовыхъ мѣстъ въ это время въ Харьковѣ было 4515, а всѣхъ вообще домовъ насчитывалось 6646, при чемъ каменныхъ было 1459, деревянныхъ 5021, имѣющихъ одинъ этажъ каменный, а другой деревянный 101 и, наконецъ, деревянныхъ, обложенныхъ кирпичемъ, 65. Наибольшее число дворовыхъ мѣстъ и домовъ приходилось на первую полицейскую часть, наиболѣе обширную и по обнимаемому ею пространству. Въ ней насчитывалось въ это время 2003 дворовыхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ въ 3-ей части ихъ было 1546, а во второй только 966. На первую же часть приходилось и наибольшее число домовъ: здѣсь ихъ было 2787, между тѣмъ какъ во второй 1703, а въ третей 2156. Каменныхъ домовъ въ первой части было 436, во второй 666, а въ третьей 357; деревянныхъ въ первой части 2296, во второй 979, въ третьей 1746; домовъ, имѣющихъ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный—въ 1-ой части 29, во 2-ой—39, въ 3-ей—33; домовъ деревянныхъ, обложенныхъ кирпичемъ, въ 1-ой части—26, во 2-ой—19 и въ 3-ей—20. Наиболѣе застроенной была вторая часть. Не смотря на маломѣрность дворовыхъ мѣстъ, здѣсь на каждый дворъ въ среднемъ приходилось по 1,76 домовъ, между тѣмъ какъ въ 1-ой и 3-ей частяхъ только по 1,39 [3].

Въ 1869 г. въ Харьковѣ было казенныхъ 67 каменныхъ и 24 деревянныхъ дома, а частныхъ 1533 каменныхъ и 5381 деревянныхъ. Лавокъ считалось 1189 и иныхъ разныхъ строеній 8 [4].

Изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что въ шестидесятые годы частная строительная дѣятельность въ Харьковѣ достигла такого напряженія, какого никогда не бывало раньше. Харьковцы строились теперь уже не по начальственному приказу, какъ было въ предыдущія десятилѣтія, а proprio motu,—строились потому, что домовладѣніе въ Харьковѣ стало дѣломъ выгоднымъ. Коренное измѣненіе условій русской жизни, послѣдовавшее за объявленіемъ „воли“, не могло не отразиться на жизни города, привлекая въ него новые и новые кадры временныхъ и постоянныхъ поселенцевъ. Проведеніе желѣзной дороги еще болѣе усилило коммерческое значеніе Харькова, и это выразилось устройствомъ новыхъ торгово-промышленныхъ заведеній и жилищъ для помѣщенія прибывшаго торговаго люда. Учрежденіе судебной палаты сдѣлало Харьковъ судебнымъ центромъ для обширнаго края. Такое же значеніе имѣло и учрежденіе въ Харьковѣ военнаго окружного управленія. И для жрецовъ Ѳемиды, и для офицеровъ окружныхъ управленій, осѣвшихъ на постоянное жительство въ Харьковѣ, потребовались помѣщенія, равно какъ потребовались они и для временныхъ гостей города, пріѣзжавшихъ сюда по тяжебнымъ и служебнымъ дѣламъ. И харьковцы начали строиться. Къ тому же и предпріимчивость обывателей по сей части перестала сталкиваться съ прежними затрудненіями. Прежде для того, чтобы выстроиться безъ денегъ, нужно было впасть въ руки „благодѣтельнаго учрежденія“, дававшаго ґрошевой кредитъ и за это отдававшаго домовладѣльца въ полное распоряженіе полицейскихъ властей. Теперь явился легкій и доступный банковый кредитъ. Деньги нужны были только для покупки дворового участка; пріобрѣвъ, его закладывали, строились, перезакладывали. Однимъ

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.
[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1865 г. № 47.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 80.
[4]) Харьк. Календ. 1870 г., стр. 109.

это удавалось, другіе разорялись, но на смѣну имъ шли новые. Измѣнилась и самая физіономія домовъ. Прежде строились барскіе и купеческіе особняки „для себя“ и для домочадцевъ, дохода отнюдь не приносившіе. Теперь начинаютъ строиться дома подъ квартиры, но пока что, новый типъ дома еще не выработался, въ разсчетъ принимались еще привычки прежней, дореформенной жизни, и квартиры оказывались по большей части лишенными самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни и устроенными крайне неудачно. Такъ, впрочемъ, было въ центрѣ, а на окраинахъ по прежнему продолжали выростать скромные одноэтажные домики, разсчитанные только на собственную семью домовладѣльца, но и здѣсь кредитъ акціонерныхъ банковъ игралъ не меньшую роль, чѣмъ въ постройкѣ домовъ, разсчитанныхъ на доходъ отъ ихъ найма.

Перейдемъ теперь къ общественнымъ и казеннымъ постройкамъ этого времени. Новыхъ казенныхъ построекъ мы въ это время не видимъ. Даже для новыхъ судебныхъ учрежденій—судебной палаты и окружнаго суда не найдено было необходимымъ дѣлать новыхъ сооруженій, а рѣшено только ограничиться внутренней передѣлкой зданія присутственныхъ мѣстъ [1]). Строительная дѣятельность города была направлена главнымъ образомъ на устройство лавокъ на базарахъ. Такъ на Нетечинскомъ базарѣ былъ устроенъ корпусъ деревянныхъ лавокъ для продажи мелочныхъ товаровъ; перестроенъ по новому плану Благовѣщенскій базаръ, на которомъ безобразно смѣшанная торговля распредѣлена въ новые корпуса; питейнымъ заведеніямъ, ручной торговлѣ указаны особыя отдѣленія; для продавцовъ хлѣба и зелени устроены навѣсы и подъ ними столы, устроена харчевая галлерея съ лавочками вокругъ нея [2]).

Въ концѣ 60-хъ годовъ выстроенъ корпусъ городскихъ лавокъ ниже Университетской горки, параллельно Сергіевскому ряду—такъ называемый Московскій рядъ. По контракту, заключенному 21 октября 1866 г., дума сдала дѣло частнымъ предпринимателямъ. Подъ постройку ряда была отведена земля по берегу Лопани между Купеческимъ и Лопанскимъ мостами, на которой предприниматели обязались въ теченіе двухъ лѣтъ устроить по утвержденному начальствомъ плану корпусъ каменныхъ лавокъ въ 26 номеровъ. По окончаніи этой постройки (2 года) предпринимателямъ предоставлено право пользоваться лавками въ теченіе 24 лѣтъ съ платой за каждый № по 24 р. въ годъ. Страховать и ремонтировать рядъ обязаны были сами предприниматели. Послѣ 24 лѣтъ лавки переходятъ въ собственность города, послѣ чего предприниматели пользуются лавками еще 6 лѣтъ съ платой не свыше 300 р. за номеръ [3]).

Въ шестидесятые годы городу пришлось серьезно подумать о женскомъ образованіи. До сихъ поръ единственнымъ общественнымъ учебнымъ заведеніемъ для дѣвушекъ, дававшимъ среднее образованіе, былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, доступный только для дворянъ и немногихъ купцовъ. Кромѣ того, существовало нѣсколько частныхъ женскихъ пансіоновъ, также далеко не всѣмъ доступныхъ. Къ 1860 г. городское общество постановило открыть трехклассное женское училище, въ которомъ могли бы получать образованіе и дѣвушки средняго достатка. Это такъ называемое Маріинское училище, преобразованное впослѣдствіи въ гимназію. Помѣщалось оно сперва въ частномъ домѣ. Для его постояннаго помѣщенія городомъ было уступлено такъ называемое Бахтинское мѣсто, городской домъ на Рымарской, когда то, въ XVIII еще столѣтіи, пріобрѣтенный у Мордвинова и долго служившій потомъ то квартирой для губернаторовъ, то казармами. Здѣсь то и былъ выстроенъ двухъ-этажный каменный домъ для Маріинскаго училища, оконченный въ 1869 г.

Одновременно съ женской гимназіей возникло и другое просвѣтительное учрежденіе. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ былъ выстроенъ двухъ-этажный каменный домъ возлѣ Мироносицкой церкви, занимавшійся до послѣдняго времени уѣзднымъ, а теперь городскимъ училищемъ. Мѣсто это, на которомъ въ оны дни стоялъ венерическій лазаретъ, принадлежало городу. Въ 1865 г. купецъ 2-й гильдіи Костюринъ (бывшій городской голова) предложилъ городу выстроить здѣсь на свои средства домъ для 1-го городского приходского училища (возникшая еще въ 30-хъ годахъ такъ называемая лан-

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 77.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 6.
[3]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1880 г., стр. 756—758.

кастерская школа взаимнаго обученія). Предложеніе было принято, и Костюринъ исполнилъ свое обѣщаніе. Это было первое въ Харьковѣ просвѣтительное учрежденіе, возникшее на средства одного частнаго лица [1]).

Въ 1869 г. (10 мая) началась постройка газоваго завода на лѣвомъ берегу Харькова, на Москалевкѣ. Зданіе, отнюдь не отличавшееся красотой архитектуры, было выстроено очень быстро. Уже въ 1871 г. заводъ былъ вполнѣ готовъ и началъ функціонировать [2]).

Конецъ шестидесятыхъ годовъ ознаменовался проведеніемъ черезъ Харьковъ желѣзной дороги и устройствомъ вокзала. Мѣсто для вокзала и другихъ желѣзнодорожныхъ сооруженій было выбрано за городомъ, на такъ назыв. Архіерейской левадѣ. Каменное зданіе вокзала, отличавшееся своеобразною красотою, но скоро оказавшееся тѣснымъ, было окончено постройкой въ 1869 г. Кромѣ вокзала, былъ возведенъ рядъ другихъ построекъ: деревянный, въ русскомъ стилѣ, домъ для управляющаго дорогой, домъ начальника хозяйственной части, затѣмъ (въ семидесятыхъ уже годахъ) зданіе для желѣзнодорожнаго училища, депо, мастерскихъ и т. п. На пустынной левадѣ выросъ такимъ образомъ цѣлый желѣзнодорожный городокъ, къ которому вскорѣ затѣмъ сталъ чувствовать притяженіе и самъ городъ. Какъ вездѣ это бываетъ, такъ и у насъ по близу возникшей на загородномъ пустырѣ желѣзнодорожной станціи стали возникать обывательскіе дома и, конечно, трактирныя заведенія. Городъ выслалъ отъ себя колонистовъ на Александровскую улицу, на Большую и Малую Панасовки и вообще на всю прилегающую къ желѣзной дорогѣ мѣстность, которая передъ тѣмъ считалась по своей болотистости совершенно для поселенія не годной и никого къ себѣ не привлекала.

Изъ общественныхъ сооруженій 60-хъ годовъ слѣдуетъ отмѣтить неудавшееся зданіе биржи. Разговоры объ устройствѣ биржи начались еще съ конца 50-хъ годовъ, а въ 1867 г. отъ словъ перешли и къ дѣлу. По частной подпискѣ было собрано 20 т. р., городской банкъ рѣшилъ отчислить изъ своихъ прибылей 60 т. р., сверхъ того городское общество постановило позаимствовать 15 т. р. изъ городскихъ суммъ Золочева. Составилась такимъ образомъ сумма до 100 т. р. Приступили къ устройству роскошнаго зданія; но мѣсто для него выбрали на болотистой почвѣ, по берегу Лопани противъ Шубнаго ряда. Оказалось, необходима забивка свай. Забивали, забивали, забили нѣсколько тысячъ свай, а вмѣстѣ съ ними и нѣсколько тысячъ рублей. Разочли, что при такомъ способѣ веденія постройки дѣло пахнетъ уже не 100 тыс., а по крайней мѣрѣ 250, и рѣшили бросить. Три года стояли вырытые рвы съ торчащими изъ нихъ сваями; прилегающая къ нимъ площадь заросла бурьяномъ и сдѣлалась стокомъ для всевозможныхъ нечистотъ. Доходу, который когда то получался отъ отдачи ея подъ ярмарочные балаганы, теперь пришлось сказать прощай. Только новая реформированная дума рѣшила наконецъ ликвидировать вопросъ. Рвы и сваи были засыпаны, и площадь приведена въ порядокъ [3]).

Въ области храмозиждительства начало шестидесятыхъ годовъ ознаменовалось освященіемъ новой Троицкой церкви (24 сентября 1861 г.), начатой постройкой еще въ 1857 г. Старая Троицкая церковь, просуществовавшая столѣтіе, была еще прочна, но не могла уже вмѣщать въ себѣ увеличившееся населеніе прихода. Къ тому же съ теченіемъ времени церковь очутилась какъ бы въ котловинѣ: прилегающія къ ней улицы, главнымъ образомъ Рыбная, стали подниматься отъ мощенія, а площадь, занимаемая церковью, начала какъ бы понижаться. Въ концѣ концовъ входъ въ Троицкую церковь сталъ напоминать собою входъ къ катакомбу. Въ зимнія оттепели и раннею весною въ эту катакомбу стремилась вся вода съ улицы. Въ 1854 г. былъ составленъ планъ на постройку новой церкви длиною въ 60 аршинъ, шириною 36 арш. Дѣлу помѣшала Крымская война, а когда она окончилась, прихожанка Троицкой церкви Першина (по первому мужу Андреева) предложила для временнаго помѣщенія церкви верхній этажъ своего огромнаго дома (теперь Волжско-Камскаго банка). Сюда и была перенесена вся утварь Троицкой церкви, а самая церковь была сломана. 7 іюля 1857 г. заложена новая церковь, выстроенная вчернѣ въ двухгодичный срокъ. Въ 1860 г. произведены штукатурныя и иконостасныя работы, а въ 1861 г. освященъ главный престолъ. Кромѣ главнаго престола устроены

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1865 г. № 81.
[2]) Тамъ-же. 1869 г. № 65.
[3]) Тамъ-же. 1871 г. № 120 и 172.

придѣлы—Рождества Пресвятой Богородицы (южный) и Алексія, человѣка Божія (сѣверный, освященный въ 1862 г.).

Троицкая церковь была уже готова, когда начались работы по постройкѣ Вознесенской церкви. Въ 1856 г. вмѣсто старой, уже обветшавшей, деревянной церкви разрѣшено было выстроить новую, каменную. Въ 1863 г. былъ заложенъ каменный храмъ о трехъ престолахъ, а къ 1866 г. церковь была уже почти готова. Строили, однако, не прочно. Въ ночь съ 20 на 21 мая жители прилегающей къ церкви мѣстности были разбужены страшнымъ грохотомъ. Оказалось, что своды новаго храма не выдержали тяжести куполовъ и обрушились. Пріостановленная постройка возобновилась въ 1869, а окончательно церковь выстроена была уже въ семидесятыхъ годахъ. Гораздо прочнѣе построили церковь на Москалевкѣ. Къ шестидесятымъ годамъ эта окраина, прежде причислявшаяся къ сосѣднему Воскресенскому приходу, настолько облюднѣла, что потребовала для себя особой церкви и оказалась въ состояніи собрать необходимыя средства для ея постройки. На помощь прихожанамъ пришли богатые жертвователи: Ф. С. Карповъ, безвозмездно уступившій подъ церковь принадлежавшій ему участокъ земли, табачный фабрикантъ Ильинъ, принявшій денежное участіе въ постройкѣ, купецъ Рыжовъ, жертвовавшій и на построеніе, и на благолѣпіе храма. Церковь была выстроена каменная, обширная, о трехъ престолахъ: главный—Преображенія, южный—Тихона Задонскаго и сѣверный—обрѣтенія главы св. Іоанна Крестителя. Церковь заложена въ 1866 г., а окончена въ 1869 г.

Усиленный притокъ населенія въ Харьковъ въ шестидесятыхъ годахъ, продолжавшійся затѣмъ и въ семидесятыхъ, имѣлъ своимъ результатомъ заселеніе окраинъ и уплотненіе населенія въ мѣстностяхъ, уже раньше заселенныхъ. Съ ростомъ населенія росла потребность въ удовлетвореніи его религіозныхъ запросовъ, требовалась постройка новыхъ церквей. Въ семидесятые годы такихъ новыхъ церквей возникло три. На Холодной горѣ бывшая часовня обращена въ церковь. Въ ней въ 1874 г. былъ устроенъ на средства Покровскаго монастыря престолъ въ честь Озерянской иконы Божіей Матери. Церковь была безприходною, богослуженія въ ней совершались только по воскресеньямъ и праздникамъ очереднымъ іеромонахомъ, присылавшимся изъ монастыря. Обзавелась своею церковью и другая окраина Харькова—Журавлевка. Въ 1872 г. здѣсь заложена Петропавловская церковь. На постройку ея употребленъ капиталъ въ 25 тыс. руб., завѣщанный купцомъ В. И. Болотовымъ на первую имѣющую строиться въ Харьковѣ церковь. Въ 1876 г. освященъ главный престолъ церкви, а еще раньше, въ 1875 г.,—южный придѣльный престолъ въ честь св. Василія Блаженнаго (по имени жертвователя).

Начали строить церковь и Заиковцы. До сихъ поръ Заиковка входила въ составъ частью Михайловскаго, частью Воскресенскаго приходовъ. Съ увеличеніемъ здѣсь населенія возникла мысль и объ устройствѣ собственной церкви. Въ 1878 г. на мѣстѣ, когда то занимавшемся военнымъ госпиталемъ, а потомъ казармами батальона внутренней стражи, была заложена церковь въ честь св. Александра Невскаго, въ память славныхъ дѣяній царствованія Александра II. Окончена и освящена Заиковская церковь въ 1881 г. Выстроенъ былъ довольно вмѣстительный храмъ о трехъ престолахъ: главный—Александра Невскаго, южный—Покрова Пресв. Богородицы и сѣверный—Іакова, брата Господня.

Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть и объ основянской каменной церкви, заложенной въ семидесятые же годы. Правда, въ то время Основа была еще селомъ, отдѣльнымъ отъ города, но въ настоящее время она совершенно слилась съ городомъ и представляетъ какъ бы продолженіе его, да и заселена въ значительной степени выходцами изъ Харькова. Первая церковь на Основѣ была выстроена въ 1713 г. во имя Іоанна Предтечи. Въ 1752 г. вдовою полковника Ив. Гр. Квитки она перенесена на новое мѣсто, рядомъ съ панской усадьбой; въ 1782 г., послѣ пожара старой церкви, выстроена новая деревянная, просуществовавшая до 80-хъ годовъ XIX в. Въ 1876 г. рядомъ съ деревянной стали строить новую каменную церковь, существующую и теперь. Деревянная церковь существовала еще нѣсколько лѣтъ послѣ устройства каменной.

Изъ общественныхъ сооруженій семидесятыхъ годовъ крупнѣйшими были: громадное, въ нѣсколько корпусовъ, зданіе технологическаго института и реальное училище.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи института въ Харьковѣ состоялось 25 декабря 1870 г. Стоимость сооруженія предположена въ 2 милліона рубл. съ лишкомъ. На эти деньги имѣлось въ виду возвести семь корпусовъ: пять подъ аудиторіи, лабораторіи и мастерскія, одинъ – подъ квартиры служащихъ

и одинъ—для газоваго завода. Постройку думали закончить въ пять лѣтъ, такъ чтобы институтъ могъ быть открытъ въ 1877 г. Подъ институтъ городъ отвелъ 10 дес. земли между Каплуновской церковью, Нѣмецкимъ кладбищемъ и склономъ къ Журавлевкѣ. Кромѣ того, городомъ же было пожертвовано для постройки зданія 40 тыс. руб. Постройка началась въ половинѣ 70-хъ годовъ. Къ началу 1877 г. были выстроены физико-механическая и химическая лабораторіи, механическая мастерская и газовый заводъ. Можетъ быть, удалось бы докончить и остальное, но тутъ подоспѣла русско-турецкая война, потребовавшая денегъ на военные расходы, и постройку пришлось пріостановить [1]). Готовыя зданія, устроенныя въ тяжеломъ фабричномъ стилѣ, но по послѣднему слову строительнаго искусства и вполнѣ приспособленныя къ потребностямъ храма технической науки, долго стояли пустыми. Одинъ изъ корпусовъ, впрочемъ, нѣкоторое время былъ занятъ подъ университетскія аудиторіи. Открытъ институтъ былъ только въ 1885 г.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи института въ Харьковѣ вызвало необходимость открытія здѣсь реальнаго училища,—подготовительной школы для поступающихъ въ институтъ. Къ тому же идея реальнаго образованія и сама по себѣ была очень сильна въ тогдашнемъ обществѣ. Училище открылось въ 1873 г. Вначалѣ оно было помѣщено въ наемномъ домѣ на углу Конной улицы и Разгульнаго (теперь Михайловскаго) переулка, гдѣ теперь домъ уѣзднаго земства. Зданіе для училища первоначально предположено было выстроить тамъ, гдѣ теперь 2-я женская гимназія. Мѣсто это въ то время принадлежало Фотіевымъ, у которыхъ оно и было куплено городомъ. Оказалось, однако, что реальному училищу здѣсь будетъ тѣсно. Возникло было предположеніе выстроить училище на Михайловской площади, но гласные побоялись потерять для бѣднаго воздухомъ города тотъ громадный резервуаръ чистаго воздуха, какой представляла собою эта площадь. Въ концѣ концовъ рѣшили строить на Вознесенской площади. На постройку губернскимъ и уѣзднымъ земствомъ было отпущено 80 тыс. руб., городъ съ своей стороны, кромѣ безплатнаго отвода мѣста, ассигновалъ на постройку болѣе 30 тыс. руб. Постройка начата въ 1875 г., а въ 1877 г. зданіе было уже совсѣмъ готово [2]).

Строительная дѣятельность города направлена была главнымъ образомъ на устройство новыхъ лавокъ и перестройку старыхъ. Въ 1872 г. думой была избрана коммиссія для изысканія способовъ къ увеличенію городскихъ доходовъ. Коммиссія, между прочими предположеніями, высказала мнѣніе, что хорошо было бы воспользоваться выгодностью въ торговомъ отношеніи Сергіевской площади и построить на ней торговыя помѣщенія въ формѣ лавокъ или магазиновъ. Вслѣдствіе этого былъ составленъ планъ и смѣта на устройство двухъ-этажнаго корпуса лавокъ, съ которыми предположено было соединить и старыя городскія лавки, такъ называемый Сергіевскій рядъ, выстроенный еще при Кокошкинѣ, при чемъ и Сергіевскій рядъ перестроить по плану и фасаду новыхъ лавокъ. Ходъ въ верхній этажъ новаго корпуса предположено сдѣлать либо съ Университетской горки, либо съ бетонной лѣстницы, ведущей на горку. На расходы по постройкѣ думою сдѣланъ заемъ въ купеческомъ банкѣ въ суммѣ 72 тыс. руб. съ липшимъ. Началась постройка. Зданіе скоро было выведено, но тутъ начались разныя недоразумѣнія: оказалась необходимость преодолѣвать кое какія техническія затрудненія, не предусмотрѣнныя раньше, мѣнялись отдѣльныя части плана, требовались дополнительныя работы [3]). Не сходились мнѣнія и въ вопросѣ объ эксплоатаціи новаго зданія. Одни предлагали воспользоваться верхнимъ этажомъ для помѣщенія городскихъ учрежденій, другіе—сдать подъ торговыя помѣщенія. Въ 1875 г. зданіе было уже готово. Обошлось оно городу болѣе 68 тыс. руб., если не считать тѣхъ крупныхъ процентовъ (7%), какіе городъ уплачивалъ банку по займу денегъ на постройку зданія. Въ концѣ 1875 г. верхній этажъ Ново-Сергіевскаго ряда (такъ былъ названъ новый корпусъ) былъ уже сданъ въ наемъ купцу Бутову подъ гостинницу съ платою 7 тыс. руб. въ годъ [4]).

Пришлось строиться и харьковскому дворянству. Въ 1870 г. отъ пожара пострадала вся правая часть зданія дворянскаго собранія, гдѣ помѣщался дворянскій клубъ, да и въ лѣвой, занимаемой заломъ собранія, потолокъ оказался прогорѣвшимъ. Пришлось приступить къ реставраціи, и черезъ годъ зданіе собранія было возстановлено въ прежнемъ видѣ.

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1877 г. № 211.

[2]) Харьк. Календ. на 1876 г., стр. 150 –155 и Харьк. Губ. Вѣдом. 1877 г. № 211.

[3]) Харьк. Календарь на 1876 г, стр. 135—140.

[4]) Харьк. Календарь на 1877 г., стр. 192—193.

Въ 1874 г. былъ выстроенъ оперный, по тогдашнему „лирическій“ театръ. Оперные спектакли, если не считать тѣхъ оперъ, какія время отъ времени давались на драматической сценѣ, впервые были организованы въ Харьковѣ оперной труппой подъ дирекціей Бергера. Опера, такъ называемый Малый театръ, помѣщалась сначала въ домѣ, гдѣ „Grand-Hôtel“. Такъ продолжалось до 1874 г., когда наконецъ появился настоящій оперный театръ. Это было огромное деревянное зданіе, выстроенное въ нѣсколько мѣсяцевъ, на Екатеринославской улицѣ, тамъ, гдѣ теперь каменный домъ гостинницы „Россія“. Деревянный храмъ харьковской Мельпомены импонировалъ туземцамъ своимъ внѣшнимъ видомъ и обширностью, а внутри выглядѣлъ даже лучше стараго Дюковскаго театра. Первый спектакль въ новомъ зданіи оперы былъ данъ 26 декабря 1874 г. [1]).

Въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ вновь поставленъ былъ на очередь забытый было вопросъ объ устройствѣ биржи. Послѣ неудачной попытки, сдѣланной въ шестидесятыхъ годахъ, вопросъ о биржѣ былъ отложенъ въ долгій ящикъ. Фактически въ Харьковѣ существовало биржевое общество, собиралась и биржа, да только не въ зданіи, а на открытомъ воздухѣ. На углу Николаевской и Торговой площадей существовала такъ называемая Московская гостинница. Въ ней, а больше на площади возлѣ нея и шли переговоры, заключались сдѣлки. Сюда стекались не только коммиссіонеры и маклера, но и представители крупнаго капитала. Въ 1879 г. Харьковское биржевое общество надумало наконецъ обзавестись приличнымъ помѣщеніемъ. Оно обратилось въ городскую думу съ ходатайствомъ уступить ему на 10 лѣтъ мѣсто на углу Николаевской и Торговой площадей для постройки биржевого зала въ видѣ павильона. Дума постановила отвести просимое мѣсто на 15 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы зданіе непремѣнно было каменнымъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ здѣсь и былъ выстроенъ биржевой залъ, одно изъ небольшихъ, но очень красивыхъ по внѣшности городскихъ сооруженій [2]).

На сѣверной окраинѣ города въ концѣ семидесятыхъ годовъ начало строиться громадное каменное зданіе, предназначенное его строителемъ для студенческаго общежитія. Невзрачное по внѣшности, казарменнаго типа, зданіе бросалось въ глаза своими размѣрами: 95 аршинъ въ длину, 23—въ ширину, трехъ-этажное, съ подваломъ, оно было разсчитано для помѣщенія 150 человѣкъ Зданіе закончено было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Выстроилъ его на свои средства извѣстный на югѣ сахарозаводчикъ и богачъ И. Г. Харитоненко [3]). Цѣли, для которой оно предназначалось, ему послужить не пришлось, но за то жертвователю оно принесло чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Теперь это зданіе занимается аудиторіями и кабинетами медицинскаго факультета. Не далеко отъ Харитоненковскаго дома, уже совсѣмъ въ чистомъ полѣ, въ тѣже семидесятые годы возникло и еще одно учрежденіе: въ 1877 г. были выстроены такъ наз. лазаретные бараки для военныхъ чиновъ на 250 больныхъ.

О ростѣ частнаго домостроительства въ теченіе семидесятыхъ годовъ свидѣтельствуетъ подсчетъ 1879 г., по которому въ Харьковѣ насчитано 9811 домовъ. Если сравнить съ цифрою 1869 г. (7005), то окажется, что за это десятилѣтіе въ Харьковѣ выстроилось 2800 новыхъ домовъ. Изъ 9811 домовъ, бывшихъ въ 1879 г., 3636 было каменныхъ и 6175 деревянныхъ [4]). Крупныхъ домовладѣльцевъ, собственность которыхъ, согласно Городовому Положенію 1871 г., относилась къ первому разряду, въ Харьковѣ въ это время было 97. Крупнѣйшимъ изъ крупныхъ былъ потомств. почетн. гражд. В. И. Пащенко-Тряпкинъ. Ему принадлежало до 20 громадныхъ каменныхъ зданій въ самомъ центрѣ города, занимавшихъ два участка: одинъ—кварталъ между управленіемъ полиціймейстера и Монастырскимъ переулкомъ площадью въ 2860 кв. саж., другой—по Университетской улицѣ, Купеческому спуску и Клочковской улицѣ площадью въ 3040 саж. Дома Пащенка-Тряпкина уже въ семидесятыхъ годахъ, кромѣ торговыхъ помѣщеній, заключали въ себѣ многочисленное населеніе: при переписи 1879 г. въ нихъ постояннаго населенія оказалось 580 чел., при чемъ много такъ назыв. ярмарочныхъ квартиръ стояло пустыми. Изъ принадлежавшихъ Пащенку-Тряпкину домовъ отмѣчаемъ четырехъ-этажный домъ на Николаевской площади, рядомъ съ управленіемъ полиціймейстера, двухъ-этажный домъ Астраханской гостинницы,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1874 г., № 272.
[2]) Журналы Харьк. Гор. Думы. 1874 г., стр. 80—82.
[3]) Устиновъ. Путеводитель по Харькову, стр. 204.
[4]) Харьк. Календ. 1894 г., стр. 461.

Суздальскій пассажъ, большой пассажъ, трехъ-этажный домъ, выходящій на Университетскую улицу и Купеческій спускъ, четырехъ-этажный каменный домъ, извѣстный подъ именемъ Еврейскаго торговаго ряда, трехъ-этажный домъ по Купеческому спуску и Клочковской и такой же трехъ-этажный домъ по Клочковской. Пріобрѣтеніе домовъ и дворовыхъ мѣстъ въ центрѣ города начато Пащенко-Тряпкинымъ еще съ половины пятидесятыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ домовъ, какъ напр. пріобрѣтенные отъ Карпова, остались въ прежнемъ видѣ, другіе выстроены вновь или перестроены. Кромѣ домовъ въ центрѣ, Пащенку-Тряпкину принадлежали дома и фабрики и въ другихъ частяхъ города.

Въ восьмидесятыхъ годахъ харьковцы продолжали усердно строиться. Если довѣрять мѣстной строительной статистикѣ, то нужно характеризовать эти годы, какъ періодъ общаго перехода отъ дерева къ камню: прежде деревянныхъ домовъ строилось несравненно больше, чѣмъ каменныхъ; теперь на оборотъ—при постройкѣ новыхъ домовъ замѣчается усиленное тяготѣніе къ кирпичу, при чемъ и прежніе деревянные дома перестраиваются на каменные. Вотъ небольшая таблица о числѣ городскихъ построекъ въ близкіе другъ къ другу годы—1880 и 1884 [1]).

	1880 г.		1884 г.	
	Кам.	Дер.	Кам.	Дер.
Казенныхъ жилыхъ домовъ	45	—	57	—
Церковныхъ и монастырскихъ	26	3	34	—
Общественныхъ	39	18	46	19
Частныхъ	2307	5230	2894	5186
Магазиновъ казенныхъ	2	—	1	—
„ монастырскихъ и церковн.	15	4	3	—
„ общественныхъ	158	105	180	102
„ частныхъ	268	539	97	5
Лавокъ церковныхъ и монаст.	19	4	17	
„ общественныхъ	139	33	46	29
„ частныхъ	617	238	810	292
Театровъ	1	1	1	1

Насколько правдоподобны эти цифры, рѣшить не можемъ, но сомнѣваться въ ихъ точности имѣемъ полное основаніе. Если довѣрять одинаково какъ имъ, такъ и показанію Устинова, относящемуся къ 1879 г., то придется признать, что въ восьмидесятыхъ годахъ число домовъ въ Харьковѣ уменьшилось сравнительно съ концомъ семидесятыхъ, чего въ дѣйствительности быть не могло. Очевидно, одно изъ этихъ показаній должно быть признано не вѣрнымъ. Нельзя не отнестись также съ полнымъ сомнѣніемъ и къ отмѣчаемымъ таблицею рѣзкимъ колебаніямъ въ цифрахъ, относящихся къ монастырскимъ, церковнымъ и частнымъ магазинамъ и къ общественнымъ лавкамъ. Куда въ самомъ дѣлѣ могло сгинуть въ пятилѣтній срокъ 700 частныхъ магазиновъ и цѣлая сотня общественныхъ лавокъ? Если даже допустить, что магазины могли обращаться въ лавки и обратно, то и въ такомъ случаѣ окажется, что въ 1884 г. такихъ частныхъ торговыхъ помѣщеній (магазиновъ или лавокъ) было на 458 меньше, чѣмъ въ 1880 г. Тоже видимъ и относительно церковныхъ и монастырскихъ лавокъ и магазиновъ: въ 1880 г. ихъ было 42, а въ 1884 г. всего только 20.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Харьковѣ появилась конно-желѣзная дорога. Это обстоятельство имѣло громадное вліяніе на судьбу харьковскаго домовладѣнія и домостроительства. Благодаря дешевымъ путямъ сообщенія на окраины устремилась масса неосѣдлаго населенія въ поискахъ за дешевыми квартирами. Домовладѣніе здѣсь стало выгоднымъ. Въ результатѣ множество новыхъ построекъ, разсчитанныхъ на квартирантовъ.

[1]) Харьковск. Календ. 1882 г., стр. 94 и 1886 г., стр. 73.

Усердно строились обывательскіе дома, но не забывались и общественныя сооруженія. Въ восьмидесятыхъ годахъ Клочковская и Пески населились уже настолько, что явилась нужда въ особомъ приходскомъ храмѣ для этой мѣстности. Въ 1885 г. здѣсь была построена Пантелеймоновская церковь. Во главѣ дѣла стояли крупные мѣстные домовладѣльцы—К. Н. Захарьевъ, Н. А. Жевержеевъ, В. Ф. Федоровъ, В. И. Богдановъ-Гайдуковъ и И. С. Соболевъ. Членомъ строительнаго комитета состоялъ и первый священникъ Пантелеймоновской церкви о. В. Ветуховъ. Церковь сооружена каменная, съ трехъярусной колокольней, о трехъ престолахъ: св. Пантелеймона, Ахтырской иконы Божіей Матери и Іоанна Воина [1]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ начата постройкой и одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ харьковскихъ церквей—Николаевская. Старый каменный храмъ, одинъ изъ немногихъ историческихъ памятниковъ Харькова, былъ еще крѣпокъ и проченъ, а къ тому же и вполнѣ вмѣстителенъ для своихъ прихожанъ: Николаевскій приходъ не великъ да и заселенъ сильно евреями, такъ что для прихожанъ церковь была вполнѣ достаточна по размѣрамъ. Но такое ужъ тогда было время, что храмозиждительство было въ модѣ вообще, а въ Харьковской епархіи въ особенности, ибо ею правилъ преосвященный Амвросій, ставившій себѣ въ особую заслугу возобновленіе такъ называемыхъ запечатанныхъ церквей и устройство новыхъ. И вотъ подъ вліяніемъ такого теченія прихожане Николаевской церкви сочли необходимымъ уничтожить свой старинный храмъ и замѣнить его новымъ въ модномъ тогда византійскомъ стилѣ. Составленіе плана и фасада поручено было архитектору Нѣмкину, предложившему проектъ зданія въ стилѣ древне-византійской базилики. Проектъ былъ принятъ. Въ 1886 г. на Николаевской площади была выстроена временная деревянная церковь, а рядомъ началась разломка стараго храма. Въ 1887 г. на мѣстѣ древняго сооруженія остались только груды мусору. 8 сентября 1887 г. была торжественно заложена новая церковь, строившаяся въ теченіе девяти лѣтъ и оконченная только въ 1896 г. Примѣръ николаевскихъ прихожанъ вызвалъ соревнованіе и у благовѣщенскихъ. Здѣсь тоже рѣшили выстроить вмѣсто старой церкви новую, еще побольше Николаевской. Какъ извѣстно, восьмидесятые годы были временемъ подъема того настроенія, которое на оффиціальномъ языкѣ именовалось религіозно-патріотическими чувствами. Проявлялись такія чувства и въ Харьковѣ. Въ области церковнаго строительства выраженіемъ ихъ явились двѣ часовни: одна—на Сергіевской площади, построенная на средства купеческаго и мѣщанскаго обществъ [2]) въ „русскомъ“ стилѣ, а другая—возлѣ вокзальнаго сквера. Обѣ посвящены памяти Императора Александра II. Къ часовнѣ на Сергіевской площади былъ установленъ особый крестный ходъ. Не были забыты и немолитвенныя учрежденія духовнаго вѣдомства. Старое зданіе консисторіи было перестроено и получило красивый фасадъ. Перестроены и монастырскіе дома. Безобразное зданіе старой „бурсы“ было капитально перестроено по проектамъ архитекторовъ Толкунова и Покровскаго (1885 г.).

Въ 1885 г. въ Харьковѣ открылся наконецъ технологическій институтъ, и это обстоятельство вызвало рядъ крупныхъ строительныхъ работъ на территоріи института. Приходилось строить новые корпуса, не выстроенные раньше согласно первоначальному плану, возникли и новыя постройки, въ первоначальномъ планѣ не предполагавшіяся. Въ концѣ концовъ на институтской усадьбѣ выросъ цѣлый ученый городокъ со множествомъ капитальныхъ зданій, внѣшнею архитектурой отнюдь не блещущихъ, а пожалуй, и отталкивающихъ отъ себя своимъ фабрично-заводскимъ видомъ, но зато по внутреннему своему устройству вполнѣ отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ по части гигіены и удобствъ. Одновременно съ постройками въ технологическомъ институтѣ велись строительныя работы и еще для двухъ просвѣтительныхъ учрежденій: второй женской гимназіи и ремесленнаго училища. Вторая женская гимназія со времени своего возникновенія помѣщалась въ частномъ домѣ (домъ Миклашевской, противъ Михайловской церкви, гдѣ теперь психіатрическая лѣчебница Платонова). Для постройки для нея собственнаго дома городъ рѣшилъ воспользоваться дворовымъ участкомъ на Вознесенской площади, купленнымъ въ семидесятыхъ годахъ у Фотіевыхъ. Участокъ, признанный недостаточнымъ для реальнаго училища, оказался какъ разъ пригоднымъ для жейской гимназіи. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ началась постройка, а въ 1885 г. гимназія располагала уже собственнымъ большимъ и прекраснымъ домомъ, выходившимъ одной стороной своего фасада на Вознесенскую площадь, а другой—на Вознесенскій переулокъ [3]).

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ свящ. Ветуховымъ.
[2]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1882 г., стр. 960 и 969.
[3]) Журн. Харьк. Думы. 1885 г., стр. 153.

Ремесленное училище также выстроено на средства города. Постановленіе объ учрежденіи его состоялось въ 1880 г., въ память двадцатипятилѣтія царствованія Александра II. Для училища было куплено за 24 т. р. усадебное мѣсто Петиныхъ по Петинской улицѣ. Здѣсь въ это время былъ двухъ-этажный каменный домъ, занятый военною казармою, и небольшой деревянный флигелекъ. При усадьбѣ былъ большой фруктовый садъ. Въ 1885 г. работы по ремонту были закончены, и въ январѣ 1886 г. училище было уже открыто [1]), а затѣмъ начата постройка новаго корпуса, такъ какъ старое зданіе для помѣщенія училища оказалось тѣснымъ. Ремонтъ и новая постройка обошлись городу болѣе 60 т. р.

Производились постройки и университетомъ. Въ 1884 г. И. Г. Харитоненко пожертвовалъ университету выстроенный имъ трехъ-этажный домъ въ концѣ Сумской, предназначавшійся имъ раньше для студенческаго общежитія. Университетъ перевелъ сюда большую часть учрежденій медицинскаго факультета, а въ 1886 г. приступлено было и къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для анатомическаго театра, на что казною было отпущено до 84 т. р.

Въ восьмидесятыхъ годахъ городъ обзавелся наконецъ собственнымъ домомъ для помѣщенія городской управы и засѣданій думы. Вопросъ о постройкѣ городского дома возникъ еще въ 1874 г. Предполагалось приспособить для этого домъ, купленный городомъ у купца Аристархова. Это было большое трехъ-этажное зданіе, стоявшее тамъ же на Николаевской площади, гдѣ теперь и городской домъ. Здѣсь въ это время помѣщалась университетская акушерская клиника, а городская управа нанимала себѣ квартиру въ домѣ Пащенка-Тряпкина. Въ 1880 г. дума постановила наконецъ перенести городскія учрежденія въ городской домъ, произведя въ немъ предварительно капитальный ремонтъ, который и предположено начать весною 1881 г. [2]). Вопросъ, однако, не былъ еще рѣшенъ окончательно. Къ нему многократно возвращались въ засѣданіяхъ думы 1881, 1883, 1884 и 1885 г.г. Вмѣсто ремонта рѣшена была новая постройка, и въ 1881 г. старый домъ былъ сломанъ. Затѣмъ видимъ цѣлый рядъ думскихъ засѣданій, посвященныхъ выработкѣ плана. Возникали вопросы: строить ли думу, или „ратушу“ съ заломъ для общегородскихъ собраній; имѣетъ ли городъ юридическое право разрушить прилегающія къ городскому дому лавки, пожертвованныя городу подъ опредѣленнымъ условіемъ; ломать ли старый флигель или оставить; мраморную или чугунную лѣстницу нужно строить въ новомъ зданіи и пр. и пр.; нѣкоторые гласные высказывались въ томъ смыслѣ, что городу домъ и совсѣмъ не нуженъ, а для помѣщенія управы онъ можетъ воспользоваться верхнимъ этажемъ Сергіевскаго ряда. На постройку ассигновано было болѣе 186 т. р. Предсѣдателемъ строительной коммиссіи былъ сперва Бразоль, а потомъ К. И. Велитченко. При немъ дѣло по постройкѣ наладилось, планъ, первоначально составленный гласнымъ Горловымъ (фасадъ архитектора Михаловскаго), былъ наконецъ одобренъ, и работы начались. Въ концѣ концовъ городъ получилъ громадное зданіе, оборудованное всѣмъ необходимымъ, съ фасадомъ на Николаевскую площадь, съ большимъ флигелемъ во дворѣ. 28 апрѣля 1885 г. дума праздновала столѣтіе жалованной городамъ грамоты уже въ новомъ домѣ, который былъ освященъ въ этотъ день [3]).

Изъ другихъ сооруженій общественнаго значенія, возникшихъ въ восьмидесятые годы, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ зданіе четвертой пожарной части на Москалевкѣ. Потребность въ немъ ощущалась уже давно, такъ какъ трехъ старыхъ пожарныхъ частей, устроенныхъ еще въ Николаевскія времена, оказывалось совсѣмъ недостаточно для разросшагося города. На постройку четвертой пожарной части городомъ было ассигновано 47 т. р. Земля на песчаной „Аравіи“ куплена у Квитки. На помощь городу пришло общество взаимнаго страхованія, давшее на полезное дѣло 25 тыс. руб. Въ 1887 г. зданіе четвертой пожарной части было уже готово. Въ эти же годы возникли зданія для службъ конно-желѣзной дороги на Конной площади, рядъ каменныхъ лавокъ на Университетской улицѣ (на Рыбномъ базарѣ) и др. [4]). Справедливость требуетъ отмѣтить, что добрыми людьми не былъ забытъ и бездомовный городской пролетаріатъ, лѣтомъ находившій себѣ ночлегъ на чистомъ воздухѣ, а зимою кутившійся въ частныхъ „ночлежкахъ“, зловонныхъ и отвратительныхъ. Для ночлежниковъ на средства, пожертвованныя Тихоновымъ, былъ

---

[1]) Журн. Харьк. Думы, стр. 156 и 172. Проектъ устава Харьковскаго ремесленнаго училища и отчетъ училища за 1886 г.
[2]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1880 г., стр. 455.
[3]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1885 г., стр. 222. 224.
[4]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1886 г., стр. 220.

выстроенъ на базарной левадѣ городской ночлежный пріютъ, начавшій функціонировать съ 1890 г. [1]). Зданіе довольно солидныхъ размѣровъ, но нечего и говорить, что для такого большого города, какъ Харьковъ, его одного не достаточно.

Въ девяностыхъ годахъ и въ первые годы XX в. въ Харьковѣ возникло множество новыхъ сооруженій общественнаго значенія, заслуживающихъ вниманія какъ по размѣрамъ, такъ и по архитектурѣ. Въ самомъ центрѣ, въ старой крѣпости, построекъ произведено не много. Въ монастырѣ рядомъ со старой Покровской выстроена новая церковь—Озерянская, большая, но отнюдь не красивая ни по внѣшности, ни по внутреннему расположенію и убранству, къ тому же и архитектурой своей рѣзко дисгармонирующая съ рядомъ стоящими сооруженіями. Возникла она по мысли преосвященнаго Амвросія и выстроена въ его вкусѣ—въ стилѣ сѣверныхъ великорусскихъ церквей. Озерянская церковь освящена 21 ноября 1896 г. Обошлась она болѣе 196 т. р., собранныхъ почти исключительно путемъ пожертвованій, при чемъ отъ одного только духовенства Харьковской епархіи къ владыкѣ поступило пожертвованій болѣе 100 т. руб. Подъ новымъ храмомъ была устроена и церковь-усыпальница, куда изъ старой усыпальницы былъ перенесенъ прахъ чтимаго харьковцами преосвященнаго Мелетія. Въ новой усыпальницѣ нашелъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія и самъ строитель храма, преосвященный Амвросій. Главный престолъ въ монастырской Озерянской церкви въ честь Озерянской иконы Божіей Матери, а боковые—во имя св. Димитрія Солунскаго и Іоанна Богослова. Престолъ въ усыпальницѣ — въ честь Трехъ Святителей. Строителемъ церкви былъ архитекторъ Нѣмкинъ.

Къ концу девяностыхъ годовъ открылась возможность строительныхъ работъ и въ старомъ зданіи университета, давно уже настоятельно требовавшемъ расширенія и капитальнаго ремонта. Къ этому наконецъ времени университетъ обзавелся новыми зданіями для клиникъ, выстроенными въ концѣ Сумской улицы, куда клиники и были переведены. Опроставшимися послѣ нихъ помѣщеніями университетъ и не замедлилъ воспользоваться. Одно изъ нихъ, послѣ капитальнаго ремонта и надстройки, было отдано подъ канцелярію попечителя учебнаго округа. Другое, гдѣ прежде помѣщалась хирургическая клиника, было почти все вновь отстроено и получило новый, красивый фасадъ. Здѣсь помѣщенъ былъ давно уже нуждавшійся въ помѣщеніи историческій архивъ и учрежденія историко-филологическаго факультета. Въ одной связи съ зданіемъ архива былъ возведенъ новый двухъ-этажный домъ для университетской библіотеки, подъ который отошла часть университетскаго двора и помѣщенія старой библіотеки. Возникновеніемъ своимъ эти необходимыя для университета сооруженія обязаны М. М. Алексѣенко, тогдашнему ректору, съумѣвшему путемъ строгой экономіи скопить изъ спеціальныхъ средствъ университета крупныя суммы, необходимыя для постройки: изъ казенныхъ средствъ университетъ для этого не получилъ ни копейки. Дальнѣйшей строительной дѣятельности университета, необходимость которой столь рѣзко бросается въ глаза, положило предѣлъ отсутствіе необходимыхъ средствъ. Темныя, тѣсныя, и холодныя аудиторіи, обветшавшее и мѣстами давшее трещины зданіе стараго книгохранилища, холодный и неудобный залъ торжественныхъ собраній, по нуждѣ играющій роль аудиторіи,—все это давно отслужило свое время и нуждается въ замѣнѣ чѣмъ нибудь другимъ, болѣе прочнымъ и удобнымъ. Пока что, старый университетъ все еще кое какъ держится, за то другое, болѣе молодое зданіе центра —присутственныя мѣста, выстроенныя Кокошкинымъ, подверглось запустѣнію. Несмотря на то, что со времени его постройки прошло не больше 50 лѣтъ, зданіе дало настолько серьезныя трещины, что дальнѣйшее пребываніе въ немъ стало не безопаснымъ. Судебныя учрежденія ушли изъ него въ свой новоотстроенный корпусъ, губернское правленіе, казенная палата и казначейство выбрались въ наемныя квартиры. Въ 1902 г. купецъ Сумской предложилъ было казнѣ продать ему старое зданіе для приспособленія его подъ торговыя помѣщенія или гостинницу. Въ виду ходатайства городской думы передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о неудобствѣ перехода зданія въ частныя руки, сдѣлка не состоялась. Въ концѣ концовъ пустовавшее зданіе отдано подъ казарму. Здѣсь же пріютилась и редакція мѣстной оффиціальной газеты съ ея типографіею.

Внизу, на Торговой площади выстроено новое трехъ-этажное зданіе для городского купеческаго банка, выходящее фасадомъ на Плетневскій пер. Постройка начата въ 1903 г., а окончена въ 1905 г.

---

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1890 г., стр. 398.

На углу Университетской улицы и Торговой пл. перестроенъ домъ мѣщанскаго общества, а на мѣстѣ безобразнаго стараго зданія, въ которомъ помѣщались посудныя лавки, возникло трехъ-этажное сооруженіе, фасадъ котораго, выходящій на площадь,—весь стекляный. Это не такъ красиво, но, несомнѣно, оригинально. На Сергіевской площади перестроенъ послѣ пожара 1890 г. Старо-Сергіевскій рядъ. На мѣстѣ пожарища было воздвигнуто по плану архитектора Шпигеля огромное каменное зданіе въ два этажа съ подваломъ и помѣщеніемъ подъ крышей. Обошлось оно городу въ 173 т. р. Новое зданіе, по желанію торговцевъ, стало именоваться Николаевскимъ рядомъ. На берегу Лопани возникъ рядъ красивыхъ каменныхъ павильоновъ-магазиновъ, въ которыхъ теперь сосредоточена торговля фруктами. Планъ для нихъ составленъ въ 1896 г. А. Н. Бекетовымъ, а постройка произведена въ 1898 г. На Николаевской площади, кромѣ новой Николаевской церкви, оконченной, какъ мы уже говорили, въ 1896 г., появились два монументальныхъ, можно сказать, сооруженія: Земельный, а рядомъ съ нимъ Торговый банкъ. Съ переходомъ въ новыя помѣщенія оба учрежденія постигъ крахъ, отъ котораго Земельный банкъ кое-какъ уцѣлѣлъ, а Торговый и совсѣмъ лопнулъ, и его великолѣпный домъ перешелъ въ чужія руки. Изъ частныхъ домовъ Николаевской площади нельзя не отмѣтить прекраснаго зданія, въ которомъ помѣщается магазинъ Пономарева и Рыжова, большого дома, гдѣ магазинъ Бормана, и дома Васильева.

Сумская почти вся перестроилась. Старый драматическій театръ, уцѣлѣвшій почти безъ измѣненія со времени своего строителя Дюкова, былъ расширенъ и ремонтированъ почти заново. Тамъ, гдѣ еще недавно стоялъ плохонькій одноэтажный трактирчикъ „Русское Хлѣбосольство“, возникло монументальное зданіе государственнаго банка, обращающее на себя вниманіе своею грандіозностью и размѣрами. Это—одно изъ крупнѣйшихъ казенныхъ сооруженій въ Харьковѣ. Окончено постройкой оно было въ 1900 г. Горнопромышленники воздвигли цѣлый дворецъ для своихъ съѣздовъ и постоянныхъ учрежденій. Мироносицкая церковь капитально перестроилась (1893 г.) и, по сравненію съ прежнимъ, сильно выиграла въ помѣстительности, что, конечно, имѣетъ важное значеніе въ виду расширенія ея прихода. На углу Сумской и Ветеринарной сооруженъ прекрасный домъ губернскаго земства. На университетской землѣ возникъ цѣлый клиническій городокъ съ постройками, отвѣчающими всѣмъ требованіямъ современной больничной гигіены. Необходимость въ новыхъ клиникахъ университетомъ чувствовалась уже давно. Много разъ возбуждались соотвѣтствующія ходатайства, на которыя неизмѣнно слѣдовалъ отказъ. Въ 1888 г. случилась катастрофа съ царскимъ поѣздомъ у Борокъ. Императоръ Александръ III посѣтилъ раненыхъ въ университетской хирургической клиникѣ и лично убѣдился, какъ мало отвѣчаютъ помѣщенія клиникъ ихъ назначенію. Въ 1890 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отпускѣ Харьковскому университету 400 тыс. р. на постройку новыхъ клиникъ, а въ 1891 г. приступили къ постройкѣ. Въ самомъ началѣ XX в. здѣсь же, на университетской землѣ, выстроенъ прекрасный домъ и для студенческаго общежитія, упраздненнаго въ 1907 г. По Сумской, въ той ея части, которая еще въ восьмидесятыхъ годахъ представляла собою „дикое поле“, выросъ рядъ дорогихъ каменныхъ домовъ, въ большинствѣ прекрасно оборудованныхъ и отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ своему жилищу культурнымъ человѣкомъ. Постройки въ этой части города стали возникать главнымъ образомъ съ 1894 г., когда городская дума постановила распродавать принадлежащую здѣсь городу землю на отдѣльные участки. Теперь это одна изъ самыхъ дорогихъ по квартирнымъ цѣнамъ мѣстностей Харькова. Изъ общественныхъ сооруженій этого сѣвернаго конца Сумской слѣдуетъ упомянуть домъ училища слѣпыхъ, выстроенный на землѣ, отведенный городомъ въ 1889 г.

Застроились и сосѣднія улицы. На Кокошкинской явилось новое зданіе католическаго костела. Старый костелъ, по внѣшнему виду напоминавшій не церковь, а простой частный домъ, давно уже сталъ невмѣстительнымъ для возрастающаго числа харьковскихъ католиковъ. Въ 1887 г. (23 августа) состоялась наконецъ закладка новой церкви во имя Успенія Божіей Матери. Новая церковь выстроена теперь уже въ видѣ настоящаго храма, съ колокольней, довольно помѣстительная. Въ декабрѣ 1891 г. церковь была уже готова, а 26 іюля 1892 г. храмъ и алтарь торжественно освящены Могилевскимъ католическимъ епископомъ Сымономъ, нарочно пріѣзжавшимъ ради этого въ Харьковъ. У лютеранъ кирха осталась въ прежнемъ видѣ, но зато они сильно расширили зданіе женской Вознесенской гимназіи—такъ стало съ 1885 г. называться прежнее нѣмецкое женское училище. Въ концѣ Пушкинской выросло огром-

ное зданіе коммерческаго училища. Учрежденіе этого училища диктовалось самою жизнью торговаго города. 28 октября 1888 г., купеческое общество постановило, въ память спасенія Царской Семьи, открыть среднеобразовательное учебное заведеніе съ курсами коммерческихъ наукъ преимущественно для дѣтей мѣстнаго купечества. Путемъ пожертвованій самихъ же купцовъ былъ собранъ необходимый капиталъ, а затѣмъ обратились и къ городскому самоуправленію съ просьбой о пожертвованіи участка земли для постройки училища. Дума постановила отвести для этого участокъ въ концѣ Сумской, за домомъ Харитоненка. Отъ этого купеческое общество съ благодарностью отказалось, а выбрало для училища мѣсто въ концѣ Нѣмецкой. Строилъ его архитекторъ А. Н. Бекетовъ. Въ 1890 г. зданіе было уже готово. Это одно изъ крупныхъ общественныхъ сооруженій въ Харьковѣ: въ немъ помѣщаются классы училища, пансіонъ для учащихся и домовая церковь. Заселеніе „Дурноляповки“ расширило предѣлы Каплуновскаго прихода, да и самъ приходъ изъ бѣднаго, какимъ онъ считался еще въ восьмидесятыхъ годахъ, сталъ богатымъ, ибо селились теперь въ этой мѣстности люди съ хорошими средствами. Явилась возможность вмѣсто старой и маленькой Каплуновской церкви выстроить новую и большую. Съ 1895 г. рядомъ со старою церковью стала строиться новая, отстроенная теперь уже вчернѣ, но и до сихъ поръ еще не доведенная до окончанія. На Театральной площади перестроено и поднято на цѣлый этажъ зданіе дѣтскаго пріюта. На Губернаторской выстроенъ бросающійся въ глаза своими размѣрами домъ Александровскаго пріюта, произведены новыя постройки въ благотворительномъ обществѣ, а по новопроложенной улицѣ по спуску съ горы возникъ рядъ прекрасныхъ домовъ частныхъ лицъ. На Рымарской значительно расширено зданіе коммерческаго клуба, при которомъ устроенъ постоянный театръ. Здѣсь въ девяностыхъ годахъ нашла себѣ пріютъ возродившаяся харьковская опера.

На Московской выдающихся сооруженій въ эти годы не произведено, если не считать соборнаго дома на углу Московской и Николаевской площади. Старый соборный домъ, просуществовавшій около шести десятковъ лѣтъ, потребовалъ капитальной перестройки, къ тому же и внѣшній видъ его среди построекъ новѣйшаго времени былъ далеко не казистымъ. Въ 1900 г. началась перестройка стараго зданія, послѣ которой домъ принялъ его нынѣшній видъ. На Петровскомъ переулкѣ выстроено по плану академика А. Н. Бекетова красивое и помѣстительное зданіе для общественной библіотеки. Общественная библіотека, существующая въ Харьковѣ съ 1886 г., первыя 14 лѣтъ ютилась въ наемныхъ квартирахъ, сперва въ домѣ купеческаго банка, потомъ въ флигелѣ городского дома и, наконецъ, въ домѣ Темпинскихъ на Московской улицѣ. Обзавестись собственнымъ домомъ ей удалось только благодаря поддержкѣ общества, правительства, давшаго ей крупную субсидію на постройку, и города, поддерживавшаго ее ежегодными пособіями. Мѣсто для постройки зданія было выбрано сперва по Бурсацкому спуску, потомъ остановились на старомъ зданіи провіантскаго магазина и, наконецъ, на дворовомъ мѣстѣ, принадлежавшемъ университету. На бывшей университетской усадьбѣ и выстроено зданіе библіотеки, этотъ прекрасный памятникъ общественной иниціативы въ сферѣ просвѣщенія. Зданіе обошлось свыше 100 т. р. Книгохранилище въ немъ желѣзное, устроенное по образцу книгохранилища Страсбургскаго университета. На Рыбной улицѣ, вмѣсто такъ называемыхъ Еремѣевскихъ лавокъ, представлявшихъ собою деревянные полуразрушенные сараи, былъ выстроенъ двухъ-этажный красивый каменный корпусъ для лавокъ, обошедшійся городу въ 39 т. р. На Подольскомъ переулкѣ въ 1891 г. была заложена, а въ 1893 г. окончена караимская синагога, помѣщавшаяся до тѣхъ поръ въ домѣ Измайловыхъ. Возлѣ Кузнечнаго моста выстроено зданіе городской электрической станціи. Зданіе первой мужской гимназіи значительно расширено прикупкой сосѣдняго дома наслѣдниковъ Ефремова. На Скобелевской площади выросъ громадный дворецъ юстиціи,—зданіе судебныхъ установленій. Со времени своего учрежденія судебная палата, окружной судъ и нотаріальный архивъ помѣщались въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, а съѣздъ мировыхъ судей и камеры слѣдователей—въ наемныхъ квартирахъ. Уже съ 1873 г., со времени учрежденія 2-го департамента палаты, тѣснота помѣщенія сдѣлалась чрезвычайно ощутительной. Въ концѣ 90-хъ годовъ, кромѣ того, стали замѣчаться различные дефекты въ самомъ зданіи, какъ напр. трещины въ стѣнахъ. Помѣщеніе архивовъ было признано городовымъ врачемъ невозможнымъ въ санитарномъ отношеніи. Въ 1894 г. предстоящее увеличеніе судебной палаты новымъ департаментомъ, а окружного суда—двумя новыми отдѣленіями рѣшительно выдвинуло вопросъ о помѣщеніи для судебныхъ учрежденій. Сперва хотѣли было воспользоваться корпусомъ присутственныхъ мѣстъ, занявъ его весь подъ судебныя установленія, но ремонтъ стараго зданія

требовалъ единовременнаго расхода въ 200 т. р. да, кромѣ того, пришлось бы ежегодно уплачивать не менѣе 40 т. р. на наемъ помѣщеній для административныхъ учрежденій. Въ виду этого признано было болѣе цѣлесообразнымъ построить новое зданіе, въ которомъ можно было бы помѣстить всѣ судебныя учрежденія. Приблизительный расходъ на эту постройку былъ опредѣленъ въ 500 т. р. Мѣсто для зданія было предложено думою на Вознесенской площади, и только послѣ длинныхъ переговоровъ городъ съ большою неохотою отвелъ для него 2500 кв. саж. на Скобелевской площади, которою очень дорожилъ, какъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ резервуаровъ воздуха для небогатаго воздухомъ города. Планъ для зданія составленъ былъ академикомъ архитектуры А. Н. Бекетовымъ. Во главѣ строительной коммиссіи, образованной изъ представителей судебнаго вѣдомства, губернатора, городского головы и трехъ архитекторовъ, сталъ старшій предсѣдатель судебной палаты М. В. Красовскій, а послѣ перевода его въ Петербургъ—новый предсѣдатель А. А. Чернявскій. Постройка зданія начата весною 1899 г., а къ веснѣ 1902 г. окончена уже настолько, что въ него могли перейти два департамента судебной палаты и нѣкоторыя отдѣленія окружнаго суда. Къ осени 1902 г. всѣ судебныя учрежденія окончательно разстались съ старымъ зданіемъ. Насколько этотъ переѣздъ былъ необходимъ, видно изъ того, что весной 1902 г. даже присяжные засѣдатели заявили протестъ, считая, что судъ не въ правѣ приглашать ихъ въ засѣданія, когда стѣны грозятъ паденіемъ. Новое зданіе, выходящее своимъ переднимъ фасадомъ въ сторону реальнаго училища,—самое обширное изъ казенныхъ сооруженій въ Харьковѣ. Общая площадь его, считая со всѣми внутренними и наружными стѣнами,—до 1570 кв. саж. Въ немъ три этажа и подвальное помѣщеніе. Комнатъ въ немъ 107. На постройку зданія израсходовано казной 592,983 р. 40 к., да на меблировку и оборудованіе 59,509 р. 55 коп., а всего 652,555 р. 95 коп. [1]). На Старо-Московской выстроены на городской счетъ новыя казармы съ церковью для Тамбовскаго полка. Постройка обошлась около 90 т. руб. На Конной площади перестроена и значительно расширена Свято-Духовская церковь (начало работъ 28 іюля 1902 г.), получившая теперь и гораздо болѣе красивую внѣшность. За церковью, на небольшомъ разстояніи отъ нея, возникло зданіе Народнаго дома, устроенное обществомъ грамотности съ поддержкой изъ средствъ попечительства о народной трезвости. Съ своей стороны и городъ пришелъ на помощь хорошему учрежденію безвозмездной уступкой земли подъ постройку (1897 г.). Народный домъ открылся въ 1902 г. и скоро пріобрѣлъ громадную популярность среди низшихъ слоевъ населенія, нашедшаго здѣсь и средства просвѣщенія, и источникъ разумныхъ развлеченій. Нѣсколько дальше, но въ томъ же концѣ Конной площади, выстроена на средства, пожертвованныя г. Гельферихомъ, прекрасная женская больница,—„Женская Помощь“. Раньше Народнаго дома и „Женской помощи“ на другомъ концѣ Конной площади, возлѣ базара, возникло другое учрежденіе, имѣющее серьезное общественное значеніе—домъ трудолюбія для безработныхъ. Иниціатива этого учрежденія принадлежитъ кружку частныхъ лицъ съ казачьимъ полковникомъ Шпицбергомъ во главѣ. Городъ пришелъ на помощь хорошему дѣлу, пожертвовавъ для него нововыстроенный городской домъ, предназначавшійся для второго ночлежнаго пріюта. На Петинской въ усадьбѣ ремесленнаго городской домъ, предназначавшійся для второго ночлежнаго пріюта. На Петинской въ усадьбѣ ремесленнаго училища, выстроенъ прекрасный домъ курсовъ для рабочихъ. Особенно замѣтно обстроился конецъ Петинской,—мѣстность, еще въ началѣ 90-хъ годовъ представлявшая пустынный выгонъ, по которому кое гдѣ разбросаны были крестьянскія хаты. Съ проведеніемъ Балашовской дороги здѣсь выстроена ея товарная станція съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, а за линіей дороги возникъ громадный паровозостроительный заводъ, основанный бельгійской акціонерной компаніей. Это было время усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, и компанія въ правѣ была разсчитывать, что заводъ безъ работы не останется. Благодаря проведенію дороги и устройству завода вся прилегавшая къ нимъ часть Петинской стала быстро заселяться. Явился рядъ деревянныхъ и даже большихъ каменныхъ домовъ. На новомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ выстроена церковь, обошедшаяся городу въ 34 тыс. руб. Здѣсь же были выстроены каменные дома для духовенства, сторожей и кладбищенской конторы. Церковь освящена 11 мая 1897 г. Вскорѣ затѣмъ, не подалеку отъ нея, на Корсиковской улицѣ, выстроено громадное зданіе для городской Николаевской больницы, постройка которой оказалась необходимой въ виду переполненія старой Александровской городской больницы и невозможности ея дальнѣйшаго расширенія.

Въ южной, занетечинской части новыхъ сооруженій, имѣющихъ общественное значеніе, построено не много. Четвертая гимназія (преобразованная изъ прогимназіи) обзавелась собственнымъ домомъ на

[1]) А. А. Левенстимъ. Харьковскій судебный округъ, стр. 155—158.

Марьинской улицѣ, а рядомъ съ нимъ выстроенъ помѣстительный и красивый домъ для торговой школы. На Единовѣрческой улицѣ, на мѣстѣ упраздненнаго единовѣрческаго кладбища, харьковскіе старообрядцы стали строить церковь, которою имѣлось въ виду замѣнить старую Троицкую единовѣрческую церковь, что на Воскресенской площади. Постройка вчернѣ уже готова, но на дальнѣйшее не хватило средствъ, и въ концѣ концовъ недоконченное зданіе поступило въ распоряженіе причта москалевской Преображенской церкви. Заселеніе „Аравіи“ и южной части Заиковской улицы вызвало необходимость особой церкви и для этой мѣстности. Въ самое послѣднее время здѣсь и начала строиться новая церковь, по Заиковской улицѣ, на участкѣ земли, пожертвованномъ г. Гольдбергомъ. Изъ другихъ сооруженій, имѣющихъ общественное значеніе, слѣдуетъ упомянуть о громадномъ домѣ по Ващенковскому переулку, построенномъ частнымъ лицомъ для казармъ Старобѣльскаго полка.

Въ залопанской части города самымъ крупнымъ изъ общественныхъ сооруженій девяностыхъ годовъ была Благовѣщенская церковь. Мысль о постройкѣ новаго храма возникла въ средѣ богатыхъ купцовъ, прихожанъ Благовѣщенской церкви, можетъ быть, подъ вліяніемъ примѣра, даннаго Николаевскимъ приходомъ. По крайней мѣрѣ уже въ 1887 г. церковный староста Ѳ. И. Ширяевъ вмѣстѣ съ К. П. Уткинымъ, Н. И. Галицкимъ, А. Я. Жмудскимъ и настоятелемъ церкви протоіереемъ А. Ильяшевымъ обратились къ преосвященному Амвросію за благословеніемъ на сооруженіе новаго храма, а 22 ноября того же 1887 г. состоялось собраніе прихожанъ, принявшее постановленіе о сооруженіи церкви и избравшее строительный комитетъ. Тутъ же была устроена и подписка, сразу же давшая 34 т. р. Пожертвованія были крупныя. Благовѣщенскій приходъ—торговый, крупныхъ купцовъ здѣсь много. Ширяевъ и Ламѣховъ дали по 5 т. р., Уткинъ, Хлѣниковъ, Соколовъ, Жмудскій—по 3 т. р., Безчетвертновъ и Галицкій—по 2 т. Вихревъ и Сергѣевъ по тысячѣ. Самая малая цифра пожертвованій на собраніи 22 ноября была не ниже 50 р. Болѣе крупные жертвователи вмѣстѣ съ приходскимъ духовенствомъ были выбраны и въ составъ строительнаго комитета. Въ строители комитетъ выбралъ профессора архитектуры М. И. Ловцова, который составилъ и планъ будущаго храма. 2 октября 1888 г. состоялась торжественная закладка новой церкви, а въ 1901 г. произошло освященія новаго храма. Свящ. І. Филевскій въ своей брошюрѣ, посвященной новой Благовѣщенской церкви, признаетъ этотъ храмъ „монументальнымъ сооруженіемъ, культурно-историческимъ памятникомъ самобытнаго русскаго религіознаго искусства“. Дѣйствительно ли въ новой Благовѣщенской церкви проявилась *самобытность* русскаго искусства,—вопросъ спорный, но зато безспорно, что новый храмъ—сооруженіе монументальное. Одного кирпича положено на него около 7 милліоновъ, устройство фундамента сдѣлано на цементѣ, а подошва церкви—на цементированномъ бетонѣ. Размѣръ зданія: лицевой фасадъ 16 саж., длина 33⅔ саж., вышина колокольни съ крестомъ—37½ саж. Вмѣстимость церкви разсчитана на 4 т. молящихся. Всѣ расходы по сооруженію церкви и внутреннему устройству достигаютъ суммы около 400 т. р., поступившихъ путемъ пожертвованій главнымъ образомъ со стороны купечества не только харьковскаго, но и иногороднаго, особенно московскаго. „Это—говоритъ о. Филевскій—искони русская культурно-историческая черта“. „Церковь—цитируемъ слова о. Филевскаго—выстроена въ ново-византійскомъ стилѣ. Со стороны внѣшняго вида она производитъ прекрасное впечатлѣніе своею грандіозностью и художественностію всего зданія. Въ общемъ зданіе стремится къ цѣльному и стройному развитію одной художественно архитектурной идеи, идеи ново-византійскаго храма. Это не случайное собраніе разрозненныхъ частей, а осмысленная архитектурная обработка православнаго ново-византійскаго храма“ [1]. Въ видахъ безпристрастія считаемъ, однакожъ, необходимымъ на ряду съ восторженнымъ отзывомъ о. Филевскаго привесть отзывъ и художника В. П. Карпова, который, отдавая должное произведенію г. Ловцова, находилъ, что онъ „въ русско-византійскій стиль храма съ рѣзкою смѣлостью влилъ струю готическаго стиля и особенно остановился на деталяхъ этого стиля при постройкѣ колокольни храма. Этимъ пріемомъ онъ, къ сожалѣнію, достигъ того, что колокольня совсѣмъ не вяжется съ храмомъ и противорѣчитъ русско-византійскимъ линіямъ всѣхъ другихъ его деталей“ [2].

Другимъ храмомъ въ залопанской части, если не новымъ, то заново перестроеннымъ въ девяностые годы, была Дмитріевская церковь. Расширеніемъ своимъ и ремонтомъ церковь обязана главнымъ обра-

[1] Свящ. І. Филевскій. Благовѣщенская церковь въ Харьковѣ Х. 1901.

[2] Новыя зданія въ Харьковѣ. Южн. Край 1898 г. № 6076.

зомъ энергіи своего настоятеля о. І. Чижевскаго и щедрымъ пожертвованіямъ прихожанъ и посторонних благотворителей. Такъ церковный староста Г. В. Бочаровъ далъ 6 т. р. Г. С. Сѣриковъ 525 р., А. В. Кошлаковъ—300 р., Е. А. Муравьевъ—310 р. и пр. Работы по реставраціи церкви съ колокольней, часовней и оградой поручены были тому же архитектору Ловцову, который строилъ и Благовѣщенскую церковь. Начались онѣ въ августѣ 1888 г., окончены въ началѣ 1896 г. Перестройка обошлась свыше 80 т. р. Въ результатѣ—церковь, могшая до перестройки вмѣстить въ себѣ не болѣе 800 чел., въ настоящее время вмѣщаетъ свыше 2100. Внѣшность храма, выстроеннаго въ томъ же русско-византійскомъ стилѣ въ пропорціональной связи съ готическимъ, производитъ—говоритъ В. П. Карповъ—очень пріятное впечатлѣніе своею красотою и граціозными линіями, подборомъ орнаментики, куполами яйцевидной формы и шпилеобразными башенками по бокамъ. Колокольня храма вся ажурная, украшенная тонкими колонками. Порталъ, служащій входомъ въ храмъ, и, наконецъ, громадной величины окна, дающія обиліе свѣта внутри храма, все это такъ изящно и величественно въ одно и тоже время. Колокольня увѣнчана зеркальнымъ крестомъ, съ вызолоченнымъ сіяніемъ, особенно эффектнымъ при восходѣ и заходѣ солнца и въ лунныя ночи [1]).

Третьимъ храмомъ въ залопанской части, возникшимъ въ девяностые годы, была Озерянская церковь на Холодной горѣ. Старая церковь, передѣланная изъ часовни еще въ 1874 г., въ 1890 г. обращена въ приходскую, а въ 1892 г. начата постройкой новая церковь на землѣ, пожертвованной крестьянами Харьковской волости, гдѣ раньше находился общественный амбаръ. Средства для постройки собирались главнымъ образомъ свящ. В. Пономаревымъ среди московскаго купечества; давали, конечно, и харьковцы. Постройка обошлась въ 150 т. р. и окончена была въ 1901 г. Новая церковь трехпрестольная: главный престолъ въ честь Озерянской иконы Божіей Матери, остальные два—св. князя Владиміра и Амвросія Медіоланскаго [2]).

Послѣ церквей крупнѣйшимъ сооруженіемъ общественнаго значенія, возникшимъ въ эти годы за Лопанью, былъ соединенный пассажирскій вокзалъ Харьково-Севастопольской, Николаевской и Балашовской желѣзныхъ дорогъ. Харьковскій вокзалъ, выстроенный еще при открытіи дороги, давно уже сдѣлался непомѣстительнымъ и требовалъ расширенія. Когда къ двумъ прежнимъ дорогамъ прибавилась еще и Балашовская, Харьковъ превратился въ одинъ изъ важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ узловъ. При открытіи новой дороги харьковцы просили, чтобы ея пассажирскій вокзалъ былъ тамъ же, гдѣ и вокзалъ южныхъ дорогъ. Просьба эта была уважена. Въ виду необходимости крупной перестройки стараго вокзала, Балашовскій вокзалъ (деревянный), пока что, устроили на Основѣ, а въ концѣ девяностыхъ годовъ начались перестройки и въ старомъ вокзалѣ. Зданіе было значительно расширено: къ старому вокзалу съ южной его стороны пристроенъ былъ цѣлый корпусъ, а затѣмъ началась перестройка и стараго зданія. Работы велись по плану архитектора Загоскина. Новое зданіе вышло очень удачнымъ: оно безусловно красиво и снаружи, и внутри и на столько обширно, что въ настоящее время Харьковскій вокзалъ является однимъ изъ самыхъ крупныхъ сооруженій этого рода въ Россіи. Изъ другихъ, менѣе видныхъ сооруженій общественнаго значенія, появившихся въ залопанской части города въ этотъ послѣдній періодъ его жизни, слѣдуетъ отмѣтить большое, хотя и не отличающееся внѣшней красотою зданіе сложнаго Пушкинскаго училища (постройка 1899—1901 гг.).

Частное домостроительство въ девяностые годы также отличалось кипучею дѣятельностью. Вызванное спросомъ на жилища со стороны растущаго населенія, оно энергично поддерживалось банковскимъ кредитомъ, открывавшимся безъ особаго затрудненія передъ каждымъ, кто только располагалъ небольшимъ капиталомъ для начала дѣла. Нѣкоторыя стѣсненія въ области банковаго кредита стали чувствоваться уже только въ самые послѣдніе годы.

О томъ, что представляло собою частное харьковское домовладѣніе въ началѣ 90-хъ годовъ, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, добытыя путемъ обстоятельнаго обслѣдованія, произведеннаго въ это время съ оцѣночными цѣлями извѣстнымъ статистикомъ А. А. Русовымъ. Подробныя данныя о числѣ застроенныхъ дворовъ, зданій, помѣщеній и квартиръ въ 1893 г. могутъ быть, на основаніи этого обслѣдованія, представлены въ слѣдующей таблицѣ.

[1]) Церковь св. Димитрія въ Харьковѣ, стр. 15—17.

[2]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ свящ. В. Пономаревымъ.

Участки	Застроен. дворовъ	Зданій		Помѣщеній		Квартиръ	
		Всего	Отапливаемыхъ	Всего	Комнатъ въ нихъ	Всего	Комнатъ въ нихъ
Первый	1314	4434	2324	4210	14799	4001	13420
Второй	1673	4913	2715	5966	16137	5762	15769
Третій	834	2778	1559	3094	16661	2767	14790
Четвертый	454	1694	946	2303	11333	1961	8810
Пятый	1383	3228	2056	4251	10632	4108	10090
Шестой	882	2847	1657	3197	13971	2985	12620
Въ III ч. за чертою оцѣнки	540	987	615	1035	1872	1012	1814
Въ предм. I ч.	126	528	166	200	354	200	354
„ „ II ч.	224	780	267	327	579	327	579
„ „ III ч.	1304	3135	1528	2614	3960	2614	3960
Всего	8734	25324	13832	27197	90298	25737	82206

Подъ предмѣстьями въ приведенной таблицѣ разумѣются: въ I-ой части нѣкоторые хутора п. с. Верещаковка, сливающаяся съ городомъ около Павловской городской дачи, во II-ой части поселокъ Павловка и строенія у бараковъ, а въ III-ей части—часть с. Ивановки, Котляровка, часть Новоселовки и Малая Основа; другая часть с. Ивановки и Новоселовки, Рубановка, а также значительная часть Холодной и Лысой горы, хотя и не вошли въ районъ, подлежавшій оцѣнкѣ, въ таблицѣ все же не забыты и показаны по 5-му и 6-му участкамъ.

Для характеристики харьковскаго домовладѣнія перепись 1892 г. дала и другія свѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, послѣднія относятся только къ домовладѣніямъ въ предѣлахъ городской черты, заключавшей въ себѣ, какъ видно изъ приведенной таблицы, 7080 застроенныхъ дворовыхъ мѣстъ. Таковы свѣдѣнія о числѣ зданій (жилыхъ и не жилыхъ) по матеріалу постройки и болѣе подробныя данныя собственно о жилыхъ зданіяхъ [1]).

Участки	Зданій (построекъ)			Въ томъ числѣ	
	Каменныхъ	Деревянныхъ	Смѣшанныхъ	Отапливаемыхъ	Жилыхъ зданій съ земляными полами
Первый	769	3108	557	2324	806
Второй	641	3725	547	2715	806
Третій	1020	1438	320	1559	335
Четвертый	522	869	303	946	151
Пятый	300	2575	353	2056	820
Шестой	656	1800	391	1657	392
Холодная гора	10	960	17	615	412
Итого	3918	14475	2488	11872	3792

Подъ жилыми зданіями съ земляными полами слѣдуетъ, конечно, разумѣть хаты. Ихъ въ это время въ Харьковѣ, оказывается, было еще очень не мало, почти столько же, сколько и каменныхъ зданій. Относительно наибольшее число хатъ было въ районѣ Холодной горы, а затѣмъ въ пятомъ участкѣ. Довольно много еще было такихъ примитивныхъ жилищъ въ мѣстности за Конной площадью, а затѣмъ и на крайнихъ границахъ Заиковки, гдѣ обыватели крестьяне еще кое въ чемъ сохраняли деревенскій укладъ жизни. Главнымъ строительнымъ матеріаломъ, какъ видно изъ цифръ, было все еще дерево. Каменныхъ построекъ въ городѣ было меньше 20%. Даже въ такихъ сравнительно богатыхъ участкахъ, какъ третій и четвертый, деревянныя постройки преобладали надъ каменными.

[1]) Харьк. Календ. 1894 г., стр. 459—469.

Свѣдѣнія о харьковскомъ градостроительствѣ для дальнѣйшаго времени намъ приходится черпать изъ мѣстныхъ календарей [1]), выходившихъ подъ ближайшимъ смотрѣніемъ губернскаго статистическаго комитета. На основаніи ихъ данныя о харьковскомъ строительствѣ девяностыхъ годовъ могутъ быть кратко представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Годы	Жилыхъ домовъ								Не жилыхъ домовъ																					
	Казен.		Церковн. и мон.		Обществ.		Частн.		Магазины для склада тов.								Лавокъ								Театровъ		Полицейскихъ будокъ		Цирковъ	
									Казен.		Церк. и мон.		Обществен.		Частн.		Казен.		Церк. и мон.		Обществен.		Частн.							
	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.	к.	д.
1892	46	—	46	7	60	7	3771	5458	3	—	—	—	33	—	260	9	—	—	17	—	62	42	653	511	-	—	—	—	—	—
1893	50	5	45	5	49	6	3184	5595	3	—	—	—	33	—	91	12	—	—	17	—	42	25	665	481	3	2	—	—	—	1
1894	57	7	45	10	53	10	3490	5473	5	—	3	—	36	—	89	16	—	—	17	—	42	16	605	469	3	2	—	1	—	2
1895	77	19	41	14	69	10	3184	6121	7	1	2	—	29	—	97	50	—	—	7	1	242	245	431	272	2	3	—	1	—	2
1896	32	20	42	14	77	12	3205	6952	6	—	2	1	38	1	964	33	—	—	7	—	157	25	460	810	2	3	—	1		2
1897	76	20	42	14	103	11	3500	6660	7	—	2	—	39	—	185	41	—	—	14	—	178	27	469	831	2	3	-	3	—	2
1898	77	21	44	14	105	11	3611	6612	7	-	2	—	39	—	192	46	10	6	10	—	160	11	513	830	1	3	—	3	—	2
1899	76	21	30	40	118	7	3745	6727	7	—	2	—	44	—	198	47	18	6	9	—	1	—	1225	562	2	2	—	3	—	2
1900	77	21	45	40	121	8	4192	6906	5	3	2	—	44	3	—	—	20	7	15	—	167	—	1457	851	3	2	—	—	—	2
1901	77	21	45	15	118	5	5134	7465	5	3	2	—	35	—	370	255	28	11	19	—	168	-	1459	936	2	1	—	—	-	1

Приводя эти данныя, считаемъ нужнымъ замѣтить, что онѣ вызываютъ въ насъ сильное сомнѣніе. Трудно довѣрять статистикѣ, у которой цифры порхаютъ съ поразительной развязностью. Въ 1895 г. казенные статистики насчитали въ Харьковѣ 242 общественныхъ каменныхъ и 245 деревянныхъ лавокъ, а въ слѣдующемъ году изъ каменныхъ лавокъ куда то улетѣло 85, а изъ деревянныхъ даже 220. Въ 1897 г. каменныя и деревянныя лавки вновь возвратились въ Харьковъ и даже умножились въ числѣ, а въ 1898 г. общественныя лавки окончательно куда то сгинули: деревянныхъ совсѣмъ не оказалось, а изъ каменныхъ всего на всего осталась одна. У губернскихъ статистиковъ улетали и невѣдомо куда скрывались даже казенные каменные дома. Такъ, въ 1895 г. ихъ было 77, а въ слѣдующемъ стало только 32. Въ 1897 г. казенные дома, впрочемъ, вновь оказались на своихъ мѣстахъ, за исключеніемъ только одного, который невѣдомо куда запропастился. Если такъ легкомысленно вели себя казенныя и общественныя сооруженія, то о частныхъ и говорить нечего. Въ 1895 г. напр. въ Харьковѣ было всего на всего 97 частныхъ магазиновъ для склада товаровъ, а въ 1896 г. ихъ образовалось уже 964; впрочемъ не на долго, ибо уже въ слѣдующемъ году громадное большинство ихъ пропало, а осталось только 185. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что такіе сюрпризы постигали не одинъ только Харьковъ. Въ заштатномъ напр. Краснокутскѣ, гдѣ въ 1894—1896 гг. губернскіе статистики отъискали 260 частныхъ магазиновъ для склада товаровъ, въ 1901 г. осталось только 9 магазиновъ, да и то возбуждавшихъ сомнѣніе.

Изъ приведенныхъ цифръ, чтобы ни говорить о ихъ достовѣрности, видно, что большинство построекъ въ Харьковѣ все таки деревянныхъ. Дерево является главнымъ строительнымъ матеріаломъ на окраинахъ, хотя и здѣсь много каменныхъ домовъ. Центральная часть города—уже совсѣмъ каменная. Въ 1896 г. городской думой, примѣнительно къ существовавшему уже положенію дѣла, былъ составленъ указатель кварталовъ, въ которыхъ допускались исключительно каменныя постройки. Черта, въ предѣлахъ которой право гражданства было признано исключительно за камнемъ, начиналась отъ Конторской улицы и шла по правой сторонѣ Гончаровскаго бульвара, по Жандармской площади и Тюремной улицы до Чеботарской; затѣмъ правою стороною Чеботарской улицы, по надъ Суздальскимъ рядомъ, съ сѣверной и

[1]) Харьковск. Календ. 1895 г. (стр. 113), 1896 г. (стр. 128), 1897 г. (стр. 122), 1898 г. (стр. 125), 1899 г. (стр. 309), 1900 г. (стр. 145), 1901 г. (стр. 70), 1902 г. (стр. 93), 1903 г. (стр. 116—117).

восточной стороны ряда, черезъ Купеческій мостъ, лѣвою стороною Клочковской улицы, Классическаго переулка, Рымарской улицы и Чириковскаго переулка, Сумской улицы до Ветеринарной, лѣвою же стороною Ветеринарной улицы и правой ея частью по лицевой сторонѣ, затѣмъ по Нѣмецкой улицѣ, внизъ по Черноглазовской до Вознесенскаго моста, черезъ мостъ по лѣвой сторонѣ Вознесенскаго пер., по сѣверной и восточной сторонамъ Вознесенской пл. до Старо-Московской улицы, по Михайловской площади восточною, южною и частью западной стороны, минуя Михайловскую церковь, на Кузнечный мостъ, оттуда по лѣвой сторонѣ Кузнечной до Университетской, оттуда правою стороною Рыбной площади до Баннаго переулка, по лѣвой сторонѣ послѣдняго и Газетнаго переулка, по набережной р. Лопани до Конторскаго моста и лѣвою стороною Конторской улицы до начальнаго пункта у Гончаровскаго бульвара [1]). Указанная черта обнимаетъ такимъ образомъ все то пространство, которое было отведено подъ городъ по плану, Высочайше утвержденному въ 1822 г. Въ дѣйствительности область сплошныхъ каменныхъ построекъ была, конечно, много шире. Конецъ Сумской отъ Ветеринарной улицы, на которомъ допущены деревянныя постройки, въ дѣйствительности весь застроенъ каменными зданіями. Тоже нужно сказать о сѣверной части Пушкинской, о Максимильяновской, Технологической, Садово-Куликовской, Губернаторской и многихъ иныхъ, лежавшихъ за указанною чертою.

И размѣры, и цѣнность частныхъ сооруженій въ Харьковѣ находятся въ связи съ ихъ мѣстоположеніемъ. Въ центрѣ преобладаютъ крупныя постройки, дорогіе многоэтажные и многодоходные дома, подальше отъ центра размѣры и стоимость домовъ уменьшаются. Вообще можно сказать, что до сихъ поръ Харьковъ растетъ больше въ ширину, чѣмъ въ высоту. Даже въ центрѣ преобладаютъ двухъ-этажные дома, трехъ—а тѣмъ болѣе четырехъ-этажные попадаются только изрѣдка. Въ послѣднее, впрочемъ, время многоэтажные дома стали строиться чаще. При переписи недвижимыхъ имуществъ Харькова въ 1892 году выяснилось, что въ оцѣночномъ смыслѣ Харьковъ могъ быть подраздѣленъ на три полосы, почти соотвѣтствующія историческому наростанію застроенной площади города, а каждая полоса еще на мѣстности, которыхъ оцѣночная коммиссія нашла возможнымъ установить всего восемь. Къ первой полосѣ отнесенъ торговый центръ города, гдѣ находятся соборъ, университетъ и присутственныя мѣста, т. е. то пространство, которое составляло *городъ* въ первой половинѣ XVIII в.; вторая полоса, состоящая изъ четырехъ мѣстностей, окружаетъ центръ и простирается до границы города, Высочайше утвержденной въ 1822 г., только въ восточной части города мѣстность у Коннаго базара, болѣе цѣнная, находится за чертою 1822 г.; наконецъ къ третьей полосѣ отнесены болѣе удаленныя отъ центра три оцѣночныя мѣстности и окраины города. Въ первыхъ мѣстностяхъ встрѣчались имущества въ нѣсколько сотъ и тысячъ кубическихъ саженей содержанія и съ наемною платою за комнату выше 100 и 200 р., а за кубическую сажень болѣе 10 р. въ годъ; въ болѣе отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ преобладали болѣе низкія платы, какъ это видно изъ слѣдующихъ среднихъ цифръ.

НАЕМНАЯ ПЛАТА ЗА ГОДЪ.

За 1 комнату (отапливаемую).		За 1 куб. саж. отапливаем. помѣщ.
Въ 1-й мѣстности	262 р.	14 р.
„ 2-й „	112 „	11,3 „
„ 3-й „	72 „	10,8 „
„ 4-й „	58 „	9,3 „
„ 5-й „	43 „	9,1 „
„ 6-й „	34,5 „	8,2 „
„ 7-й „	25 „	6,8 „
„ 8-й „	19,2 „	4,7 „

Общую цѣнность имуществъ домовладѣльцевъ Харькова коммиссія 1892 г. рекомендовала опредѣлить въ 23107010 р., а чистый доходъ съ нихъ въ 2310701 р., т. е. тысячъ на 300 выше противъ существовавшей оцѣнки [2]). Городская оцѣнка, въ общемъ чрезвычайно милостивая къ домовладѣльцамъ, далеко не выражаетъ дѣйствительной стоимости имуществъ; болѣе точное опредѣленіе ея нужно искать въ страховыхъ обществахъ, въ которыхъ харьковскіе домовладѣльцы страхуютъ свое достояніе. Разница между

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы. 1896 г., стр. 166—167.

[2]) Харьк. Календ. 1894 г., стр. 463—464.

городской и страховой оцѣнкой настолько велика, что напр. домъ, застрахованный отъ пожара въ суммѣ 2500 или 3000 р., по городской оцѣнкѣ оказывается стоящимъ всего 300 р. Преувеличено низкая оцѣнка городомъ домовладѣльческихъ имуществъ настолько общеизвѣстна, что напр. при исчисленіи наслѣдственныхъ пошлинъ съ безмездно переходящихъ имуществъ совсѣмъ не принимается въ разсчетъ судебными учрежденіями, устанавливающими свои исчисленія на данныхъ страховой оцѣнки.

Какъ бы то ни было, за полтора десятка лѣтъ, прошедшихъ со времени обслѣдованія А. А. Русова, собранныя имъ данныя имѣютъ уже только чисто историческій интересъ. Измѣнилась общая стоимость имуществъ, потому что въ городѣ понастроилась масса новыхъ домовъ, а на мѣстѣ мелкихъ домовладѣній возникли крупныя. Измѣнилось и распредѣленіе оцѣнки построекъ по мѣстностямъ, потому что появились новыя условія, вызвавшія возвышеніе стоимости имуществъ и усиленіе строительной дѣятельности въ мѣстностяхъ, до тѣхъ поръ слабо населенныхъ и плохо обстроенныхъ. Появились напр. новые многотысячные дома въ концѣ Сумской и Пушкинской, застроился конецъ Петинской, поднялась, съ устройствомъ новаго зданія для судебныхъ установленій, доходность домовъ въ захарьковской части города и т. п. и т. п.

Въ матеріалахъ переписи имуществъ 1892 г. есть данныя, по которымъ можно судить и о бытовой обстановкѣ харьковскихъ домовладѣній. Они относятся не ко всѣмъ, а только къ 7080 дворамъ. Вотъ напр. какія свѣдѣнія были собраны о числѣ дворовъ замощенныхъ цѣликомъ и частью, дворовъ съ садами, а затѣмъ дворовъ съ загрязненными площадями вслѣдствіе помѣщенія въ нихъ боенъ, скотныхъ стойлъ, ассенизаторскихъ обозовъ и заѣзжихъ дворовъ; интересны также свѣдѣнія о числѣ дворовъ, спускавшихъ нечистоты въ рѣки посредствомъ сплавныхъ трубъ.

Участки	Дворовъ съ садами	Замощенныхъ вполнѣ	Замощенныхъ частью	Со сплавными трубами	Съ бойнами	Съ заѣзжими и ассениз. дворами	Со стойлами и скотскими дворами
Первый	352	16	18	13	8	37	10
Второй	113	16	20	11	16	8	10
Третій	259	71	56	19	11	4	5
Четвертый	54	54	26	30	2	5	5
Пятый	556	10	7	4	3	3	1
Шестой	286	36	33	18	1	—	2
Холодная гора . . .	151	—	—	—	2	1	1
Итого . .	1771	205	160	95	43	58	37

Въ отношеніи содержанія отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ харьковскія домовладѣнія въ 1892 г. тоже являли видъ очень непрезентабельный. Снабженіе дворовъ водою производилось разными способами: одни хозяева имѣли свои собственные колодцы, другіе пользовались водопроводомъ изъ крановъ, устроенныхъ въ самомъ дворѣ или даже проведенныхъ въ комнаты, третьи, наконецъ,—и такихъ огромное большинство,—добывали себѣ воду изъ уличныхъ водоразборныхъ будокъ. Обыкновенно обязанность носки воды возлагается на прислугу, рѣже—пользуются услугами водовозовъ. Изъ 7080 обслѣдованныхъ дворовъ только въ 1384 водопроводные краны были проведены въ комнаты, въ 654 они были на дворѣ, въ 1195 дворахъ были свои колодцы, обычно дающіе воду негодную для варки пищи, а остальные 3847 дворовъ пользовались услугами уличныхъ водоразборныхъ будокъ. Наибольшими удобствами по части водоснабженія пользовались обыватели 3-го участка: тамъ на 834 двора приходилось 561 такихъ, въ которыхъ вода проведена въ самыя комнаты, 246 имѣли водопроводные краны на дворѣ, да кромѣ того было 60 дворовъ, имѣвшихъ собственные колодцы. Холодногорцы ни дворовыхъ, ни тѣмъ паче комнат-

ныхъ водопроводныхъ кранов совсѣмъ не признавали, а во второмъ участкѣ (Москалевка и Заиковка) изъ 1673 домовладѣльцевъ водопроводные краны въ дворахъ имѣли только 27 хозяевъ, а въ комнатахъ—25.

Перепись 1892 г. дала рядъ цѣнныхъ свѣдѣній и о числѣ жилыхъ квартиръ въ городѣ, ихъ кубическомъ содержаніи и числѣ комнатъ въ нихъ по тремъ частямъ города и его предмѣстьямъ. Вотъ эти свѣдѣнія.

Части	Жилыхъ квартиръ	Комнатъ въ нихъ	Кубическихъ саженей
Первая	9763	29189	127775
Вторая	4728	23600	138119
Третья	1012	1814	5832
Предмѣстья	3141	4893	?
Итого . .	25737	82206	—

Каковы санитарно-гигіеническія условія жилыхъ квартиръ,—объ этомъ до нѣкоторой степени можно судить по числу комнатъ, находящихся въ подвальныхъ этажахъ домовъ. Такія комнаты составляютъ или цѣлыя квартиры, или часть квартиръ, расположенныхъ, кромѣ того, въ первомъ или во второмъ этажѣ; въ послѣднемъ случаѣ въ подвалахъ помѣщается большею частью прислуга.

Собранныя по этому вопросу данныя могутъ быть сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ.

Участки	Всѣхъ квартиръ	Квартиры въ подвалахъ			Квартиры съ комнатами въ подвалахъ		
		Квартиръ	Комнатъ	Куб. саж.	Квартиръ	Комнатъ	Куб. саж.
Первый	4001	230	454	1789	158	363	2205
Второй	5762	358	684	2353	144	260	1306
Третій	2767	181	484	2424	339	481	2813
Четвертый	1961	138	330	1365	173	246	1449
Пятый	4108	295	543	1734	93	131	604
Шестой	2985	378	858	3229	319	500	3246
На Холодной горѣ . .	1012	13	16	47	2	4	22
Итого . .	22596	1593	3369	12941	1228	1985	11641

Такимъ образомъ изъ 82 съ лишнимъ тысячъ комнатъ, причитавшихся въ то время на городъ, почти 3½ тыс. помѣщались въ подвальныхъ этажахъ. Наибольшее число обитаемыхъ подваловъ было въ шестомъ участкѣ; въ наилучшемъ положеніи была Холодная гора, гдѣ было наибольше простыхъ хатъ на земляныхъ полахъ, но за то наименьше квартиръ въ подвалахъ.

Объ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для прислуги, о ваннахъ и теплыхъ клозетахъ въ громадномъ большинствѣ квартиръ не могло быть и рѣчи. Обыкновенно кухня служила и мѣстомъ жительства для прислуги; квартиры съ теплыми клозетами встрѣчались очень рѣдко, а квартиры съ ваннами были только счастливымъ исключеніемъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ цифры, собранныя при обслѣдованіи 1892 г. [1]).

Участки	Квартиръ (жилыхъ помѣщеній)			
	Съ жилыми кухнями	Со спеціальн. кухнями.	Съ клозетами	Съ ваннами.
Первый	3434	71	123	29
Второй	5162	48	55	19
Третій	2109	169	365	134
Четвертый	1695	85	240	58
Пятый	3974	43	51	19
Шестой	2575	138	275	62
На Холодной горѣ . .	989	—	—	—
Итого . .	20238	554	1109	321

[1]) Харьк. Календ. 1894 г., стр. 466—469.

Данныя 1892 г. свидѣтельствуютъ такимъ образомъ о весьма неудовлетворительныхъ условіяхъ жизни въ харьковскихъ домахъ, въ громадномъ большинствѣ лишенныхъ необходимыхъ для культурнаго обывателя удобствъ.

Въ этомъ отношеніи—писалъ въ 1898 г. В. П. Карповъ - „мы отстали далеко не только отъ городовъ европейскихъ, но даже и отъ такихъ городовъ, какъ Кіевъ, Одесса и др. Мы еще весьма богаты цѣлыми сотнями такихъ домовъ, которые строились и вновь строятся только для того, чтобы на затраченный капиталъ пріобрѣтать достаточный процентъ дохода, совершенно забывая или игнорируя насущныя потребности и удобства квартиранта. Среди насъ есть еще не мало домовладѣльцевъ, которые не признаютъ своею обязанностью не только ремонтировать квартиру, но даже передѣлать печь, не дающую никакого тепла. У насъ въ настоящее время есть еще большое количество домовъ, которые какъ бы умышленно построены противъ общепринятыхъ законовъ общежитія, гигіены и медицины. Есть не мало лѣстницъ съ кругымъ подъемомъ, деревянныхъ, безъ перилъ и построенныхъ внутри дома. Эти безобразныя лѣстницы, не безопасныя и въ обыкновенные дни жизни, прямо ужасны въ дни пожара. Есть не мало домовъ, въ которыхъ квартиры второго этажа, имѣютъ по одной и по двѣ комнаты безъ оконъ. Большинство домовъ въ нашемъ городѣ сыры и холодны. Дворы грязны и не освѣщены въ осеннія и зимнія ночи. Помѣщеній для необходимыхъ нуждъ или нѣтъ, или же они такъ безобразны, такъ опасны для здоровья и, наконецъ, такъ далеко отнесены отъ квартиръ на задній дворъ, что нужно быть круглымъ невѣждой въ искусствѣ зодчества и грубымъ эгоистомъ, чтобы рѣшиться построить такое жилье для человѣка и брать за него деньги. Окна у большинства домовъ малы, низки и весьма плохо прилажены столяромъ-самоучкой. Высота комнатъ, а также величина ихъ крайне ограничены. Двери не рѣдко такъ узки, что піанино или рояль никакъ нельзя въ нихъ пронести. При этомъ сдѣланы окна и двери изъ сырого и тонкаго лѣса, прикрѣплены скобянымъ товаромъ самаго дешеваго достоинства и потому непрочны и шатки до того, что едва выдерживаютъ одну—двѣ зимы послѣ постройки“ [1]). Все сказанное Карповымъ безусловно можетъ быть примѣнено и теперь къ старымъ домамъ города и къ тѣмъ мелкимъ новымъ домовладѣніямъ, которыя возникаютъ на удаленныхъ окраинахъ. Что касается новыхъ большихъ домовъ, то при постройкѣ ихъ уже обращается вниманіе и на необходимыя удобства, и на архитектуру. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ въ Харьковѣ возникло довольно много громадныхъ частныхъ домовъ съ центральнымъ отопленіемъ, водопроводомъ, клозетами и ваннами при квартирахъ и даже съ электрическимъ освѣщеніемъ. Такія квартиры, однакоже, доступны только людямъ съ большими средствами. Въ аристократическихъ частяхъ города, какъ напр. на Сумской, квартира въ четыре комнаты съ центральнымъ отопленіемъ, ванной и необходимыми удобствами стоитъ 1200—1500 р. Въ такихъ даже отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ, какъ Грековская или Нетечинская, подобная же, только меньшая по размѣрамъ квартира стоитъ не менѣе 700 р. въ годъ. Въ деревянныхъ домишкахъ окраинъ, въ которыхъ ютится городская бѣднота, квартира изъ комнаты и кухни, обыкновенно сырая и угарная, обходится не меньше 96—120 р. въ годъ, не считая, конечно, отопленія. Цѣны на квартиры растутъ годъ отъ году.

Дороговизна квартиръ приводитъ къ тому, что часть населенія, привязанная къ Харькову своими занятіями, принуждена селиться не въ городѣ, а гдѣ нибудь по близу его. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ чиновничья бѣднота искала себѣ пріюта гдѣ нибудь въ Григоровкѣ, откуда и совершала ежедневныя прогулки per pedes apostolorum къ присутственнымъ мѣстамъ. Въ послѣднее время не мало лицъ, привязанныхъ работою къ Харькову, выселилось въ Люботинъ, Мерефу и другія, примыкающія къ желѣзной дорогѣ поселенія, откуда и наѣзжаютъ въ Харьковъ на время занятій. Активныхъ мѣръ борьбы съ домовладѣльцами квартиранты, пока что, не придумали. Строительныхъ обществъ дешевыхъ квартиръ въ городѣ еще нѣтъ. Но зато начинаютъ уже возникать поселковыя товарищества, первое основаніе которымъ было положено желѣзнодорожными служащими. Въ складчину пріобрѣтается земля за городомъ, проводятся улицы, водопроводъ, устраивается освѣщеніе. Причитающаяся съ каждаго сумма выплачивается въ разсрочку. На пріобрѣтенномъ участкѣ каждый строится, какъ и когда хочетъ. Поселки устраиваются обычно по линіи желѣзной дороги, благодаря чему сообщеніе съ городомъ обезпечено. Условія жизни въ такихъ поселкахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднѣе, чѣмъ въ городѣ: гигіеническія условія много

[1]) Южн. Край 1898 г. № 6077.

лучше, городскихъ налоговъ и городскихъ повинностей нѣтъ, благоустройства во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ на городскихъ окраинахъ, о которыхъ городъ заботится очень мало, и земля, и постройка жилища обходится дешевле, и наконецъ, сообщеніе поселковъ съ городомъ много удобнѣе и дешевле, нежели сообщеніе съ городомъ многихъ окраинъ, возможное только при помощи „ваньковъ", которыхъ къ тому же на окраинахъ и не имѣется. Въ виду всего этого загороднымъ поселкамъ можно предсказать прочную будущность и широкое развитіе. Разумѣется, усматривать въ этомъ, что нибудь угрожающее харьковскому домовладѣнію еще нельзя, ибо на поселки, пока что, отливаетъ только незначительная часть населенія. Рѣчь о серьезной угрозѣ домовладѣльческимъ аппетитамъ можетъ быть только тогда, когда въ самомъ городѣ народятся, найдутъ кредитъ и окрѣпнутъ строительныя товарищества. Вопросъ о нихъ выдвинутъ на очередь современными условіями городской жизни.

Глава 3-я.

Географическія, климатическія и гигіеническо-санитарныя условія жизни Харькова.

Географическое положеніе Харькова разными учеными опредѣлялось различно. Въ „Berliner astronomisches Jahrbuch“ 1789 г. широта Харькова обозначена 49° 59′ 20″, а долгота 53° 55′. Академикъ Вишневскій, во время экспедиціи 1806—1815 г., опредѣлилъ харьковскую широту въ 49° 59′ 27″, а долготу—53° 56′ 45″, Отто Струве—широту 50° 0′ 9,7″, а долготу 53° 53′ 31,27″, Шидловскій и Федорченко (мѣстные астрономы) обозначили харьковскую широту 50° 0′ 10,2″. Генералъ Вронченко во время произведенной имъ съ 1848 по 1859 г. обширной тріангуляціи Новороссійскаго края вычислялъ широту для Харькова въ 50° 0′ 8,74″, а долготу 53° 53′ 31,06″, генералъ Шубертъ опредѣлилъ широту 50° 0′ 9,95″, а долготу 53′ 31,17″ [1]), Лапшинымъ широта Харькова опредѣляется 50° 8′ 10.2″. а долгота восточная отъ Гринвича 2° 24′ 54,69″. Послѣднее, по времени, опредѣленіе географическаго положенія Харькова находимъ въ книгѣ покойнаго проф. Менделѣева „Къ познанію Россіи“. По Менделѣеву, сѣверная широта Харькова 50° 0′, а долгота отъ Пулкова 5° 54′ [2]).

Средняя годичная температура Харькова, по наблюденіямъ проф. Лапшина, равняется 5, 3 R., средняя температура самаго теплаго мѣсяца 16°, 55, холоднаго—6°, 91, зимы—5°, 09, весны 5,09, лѣта 15° 32, осени 5° 57. Слабое уклоненіе отъ этихъ среднихъ нормъ представляетъ Холодная гора, мѣстность съ болѣе низкой температурой, нежели прочія части города, такъ что Холодной она названа, можно сказать, не даромъ. Холодная гора по своему высокому положенію и недостатку нужной защиты постоянно почти поднѣржена порывы вѣтровъ, которые болѣе или менѣе охлаждаютъ ея температуру. Особенно же этотъ холодъ бываетъ ощутителенъ зимою и осенью не только для временныхъ посѣтителей горы, но и для ея постоянныхъ жителей. Когда въ городѣ стоитъ удушливый жаръ, то на Холодной горѣ чувствуешь пріятную прохладу, но когда вообще въ воздухѣ бываетъ сыро, холодно и притомъ дуетъ вѣтеръ, то на Холодной горѣ васъ постоянно проницаетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, который всегда грозитъ простудою. Наблюденія показали, что температура Холодной горы такъ относится къ городской, какъ 3 къ 5. Сама по себѣ неудобная для жизни, Холодная гора улучшаетъ условія жизни въ Харьковѣ, ибо защищаетъ его съ западной стороны отъ порывовъ сѣверозападныхъ вѣтровъ [3]).

Самый теплый мѣсяцъ въ Харьковѣ іюль. Въ иные годы термометръ, по наблюденіямъ проф. Лапшина, показывалъ въ тѣни 27°,28 5° и 29° 1; температуру на солнцѣ можно считать 6°, 7° выше, слѣдовательно въ Харьковѣ теплота воздуха доходитъ иногда въ іюлѣ до 35° и 36°. Лѣтомъ 1839 г. ртуть въ термометрѣ, выставленномъ на солнце, въ короткое время дошла до крайней точки давленія въ 40°. Наибольшій холодъ достигалъ—25° (въ февралѣ 1841 г.) и—26° (въ декабрѣ 1848 г.).

Климатъ Харькова—континентальный и неравномѣрный. Значительная разница между температурой лѣта и зимы, большіе холода, хотя и не частые (потому и очень вредные), производятъ то, что многіе деревья и плоды, свойственные широтѣ 50°, не могутъ переносить этихъ рѣзкихъ переходовъ и произрастаютъ съ успѣхомъ на открытомъ воздухѣ, какъ напр. волошскій орѣхъ и виноградъ. Въ Кіевѣ же, лежащемъ подъ одною широтою съ Харьковомъ, волошскій орѣхъ хорошо сохраняется, а виноградъ успѣваетъ созрѣвать.

---

[1]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1859 г. № 13.
[2]) Менделѣевъ. Къ познанію Россіи, стр. 153.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1853 № 23.

Перемѣнчивость климата Харькова, говоритъ проф. Лапшинъ, всего больше видна по нашимъ зимамъ. Зима у насъ вообще непостоянная. О непостоянствѣ этого времени года можно судить по измѣняемости температуры, частымъ оттепелямъ, несвоевременнымъ туманамъ, неравномѣрному ежегодному количеству снѣга и по различной продолжительности этого времени года. Какъ капризна бываетъ температура,—можно судить хотя бы по тому, что въ декабрѣ мѣсяцѣ бываетъ 7°, 5 тепла и 26° холоду, въ январѣ 3° тепла и 23° холоду, въ февралѣ 7°, 2 тепла и 24°, 6 холоду. По разсказамъ старожиловъ, въ Харьковѣ бывали такіе теплые рождественскіе праздники, что „дѣвушки играли въ горѣлки на зеленой травѣ въ однихъ платьяхъ“. Проф. Морозовъ разсказываетъ, что въ 1821 г. зима началась только послѣ Крещенія, до того же времени глубочайшая грязь успѣла высохнуть, трава въ полѣ выросла такъ, что скотъ былъ на подножномъ кормѣ, и мошки носились въ воздухѣ столбами. Зимою 1866—1867 г. также было тепло на Рождество и на Новый годъ, и мѣстами скотъ также находился на подножномъ кормѣ. Въ январѣ 1867 г., какъ видно изъ метеорологическихъ наблюденій университетской обсерваторіи, въ 2 ч. дня термометръ показывалъ +3,2°, 2-го—даже +8,4°, а 4-го +6,2°. Въ декабрѣ не было и 10 холодныхъ дней, а въ январѣ ихъ было только 8 [1]). Оттепели очень часты. Бываютъ годы, какъ напр. 1843 г., когда число оттепелей доходитъ до 44. Туманы, обычная принадлежность осени и ранней весны, въ Харьковѣ чаще зимою, чѣмъ осенью. Такъ въ 1842 г. тумановъ было зимою 16, а осенью 12, въ 1843—17 и 12, въ 1846 г.—11 и 6, въ 1847 г.—11 и 5. Харьковскія зимы вообще малоснѣжны. При продолжительныхъ холодахъ малоснѣжность зимъ дурно отражается и на растительномъ царствѣ, и на здоровьи населенія. Количество выпадающаго снѣга крайне не равномѣрно. Такъ, въ 1848 г. выпало снѣгу почти въ четыре раза меньше, нежели въ предыдущемъ 1847 г. Продолжительная, постоянная и многоснѣжная зима—явленіе очень рѣдкое, а потому такія зимы, какъ зима 1839 г., когда въ Харьковѣ сильною метелью были занесены нижніе этажи домовъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней по дорогамъ не было проѣзда, или зима 1853—1854 г.г., надолго сохраняются въ памяти населенія. Изъ суровыхъ и многоснѣжныхъ зимъ послѣднихъ десятилѣтій слѣдуетъ отмѣтить зиму 1871 г., когда, благодаря метелямъ, Харьковъ на время оказался совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ остального міра. Многоснѣжностью, метелями и заносами отличались и зимы 1879, 1880, 1887 и 1888 гг. Среднее число дней, когда температура бываетъ ниже нуля, 95. Рѣки бываютъ покрыты льдомъ 121—122 дня. Среднее время замерзанія рѣкъ—16 ноября. Снѣгъ выпадаетъ и устанавливается санная дорога обыкновенно около 6 декабря. Не рѣдко начинается этотъ періодъ зимняго времени большими метелями. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ 1839 г., когда намело такіе сугробы снѣгу, что въ городѣ занесло нижніе этажи домовъ, а по дорогамъ нѣсколько дней не было проѣзда; поселяне должны были пробивать крыши и вылѣзать сквозь трубы, чтобы выйти на Божій свѣтъ.

Переходнымъ мѣсяцемъ отъ зимы къ веснѣ въ Харьковѣ является мартъ, въ теченіе котораго 15 дней приходится такихъ, когда температура ниже 0. Бываютъ дни, когда температура поднимается выше 10°, 11° и даже 17° (1869 г.), а бываютъ и такіе, когда она опускается до—13° и даже—17° (1847 г. и 1858 г.). Снѣгу въ мартѣ выпадаетъ почти вдвое больше, чѣмъ въ январѣ. Пески, окружающіе Харьковъ съ сѣверной стороны, играютъ весьма важную роль въ томъ отношеніи, что въ Харьковѣ и его окрестностяхъ снѣгъ пропадаетъ почти двумя недѣлями ранѣе, нежели въ сосѣдней Курской губерніи. Время вскрытія рѣкъ—половина апрѣля, но случаются вскрытія даже въ февралѣ и притомъ безъ послѣдовательнаго замерзанія. Наводненія при вскрытіяхъ иногда очень значительны [2]). Какъ ни ничтожны харьковскія рѣки, но бывали годы, когда и ихъ весенніе разливы представляли нѣчто очень грозное. Въ весенній напр. разливъ 1805 г. (съ 6 на 7 апрѣля) вода подняла мостъ на р. Харьковѣ, отмыла значительную часть берега возлѣ богоугодныхъ заведеній, такъ что явилось опасеніе даже за цѣлость больницы и сумасшедшаго дома; подмыла дома у двухъ обывателей и грозила совсѣмъ унести ихъ, если бы ихъ во время не сломали, поуносила сараи, сѣно и т. п. [3]). Но бывали въ Харьковѣ, можно сказать, и цѣлыя наводненія. Одно изъ большихъ наводненій было въ февралѣ 1853 г. Зима была въ тотъ годъ безснѣжная, но съ первыхъ чиселъ февраля начались частые и обильные дожди, вода

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. №№ 3 и 12.

[2]) Вѣстн. И. Русск. Геогр. Общ. 1855 г. Кн. 4 стр. 141—149.

[3]) Арх. Губ. Пр. Простр. реестръ Канц. Губ. 1805 г.

въ рѣкахъ стала возвышаться, чему въ особенности содѣйствовали сильный вѣтеръ и проливные дожди 8 и 9 февраля, такъ что къ половинѣ седьмого утра 9 числа вода достигла уровня самыхъ высокихъ весеннихъ водъ и потомъ въ теченіи цѣлаго дня не переставала подниматься, наконецъ, дошла до 7 аршинъ сверхъ обыкновеннаго или 2 аршинъ выше весенняго уровня рѣкъ. Быстрымъ стремленіемъ воды принесло съ верхнихъ частей рѣкъ огромное количество твердаго зимняго льда, вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ, обломковъ разрушенныхъ наводненіемъ плотинъ, мельницъ и др. построекъ, которыя всею своею силою и тяжестью напирли на городскіе мосты и загромоздили набережныя, цѣлыя улицы и дворы по низменнымъ прибрежнымъ частямъ города. На р. Лопани разломало и унесло съ малаго Купеческаго моста перила и настилку; въ большомъ Лопанскомъ мосту сбило льдомъ три переднія арки и сломало шесть свай; на р. Харьковѣ наводненіе вынесло большую часть плотины наслѣдниковъ Кузиныхъ, сорвало всю верхнюю часть малаго объѣзднаго моста и все это вмѣстѣ съ принесенными съ верхнихъ частей обломками и огромною массою льду набило подъ большой Харьковскій мостъ, только что построенный. Мостъ держался бодро, но вода устремилась внизъ и вырыла въ руслѣ рѣки значительное углубленіе. Сваи осѣли, другія были разбиты, и мостъ принялъ такое наклонное положеніе, что ѣзда по немъ оказалась невозможной. Только что устроенный мостъ пришлось разобрать. Нетечинскій мостъ оказался счастливѣе: у него разрушены три ледорѣза, сломана одна свая и нѣсколько свай осѣло, повреждена часть перилъ и пѣшеходовъ, но самъ мостъ оказался годнымъ для переѣзда и въ теченіе наводненія служилъ единственнымъ путемъ сообщенія между первой и второй частями города. По большому Лопанскому мосту сообщеніе совсѣмъ не прерывалось; черезъ р. Харьковъ не было свободнаго переѣзда съ утра 9 февраля до 5 часовъ дня 11-го числа. 9 февраля приказанія начальства развозились только верховыми.

11 февраля рѣка вступила въ берега, а 18 спала до лѣтняго уровня, и тогда обнаружилось, что на р. Лопани часть каменной одежды, а мѣстами и земляная насыпь размыты водою, перила спусковъ лѣваго берега испорчены; на р. Харьковъ шпунтовая линія набережной праваго берега подмыта на 85 саж. и частью унесена водою, а земляная насыпь значительно повреждена. Стоявшая у Харьковскаго моста полицейская будка сорвана съ каменнаго фундамента и унесена водою. Унесены также водою 12 фонарей и 8 столбовъ.

Убытки города отъ наводненія простирались примѣрно до 11 тыс. руб. Гораздо больше потерпѣли частные владѣльцы. Было затоплено 346 дворовъ, изъ которыхъ жителямъ 78 приходилось спасаться на чердакахъ и крышахъ домовъ. Полиція перевозила ихъ въ другія, болѣе возвышенныя части города. Одна изба была совершенно размыта, въ другой льдомъ пробита стѣна, подъ однимъ домомъ каменный подвалъ совершенно разрушенъ, такъ что домъ осѣлъ. Во всѣхъ затопленныхъ домахъ печи разрушены, унесены водою части набережныхъ, заборовъ, плетни и т. п.; въ амбарахъ и погребахъ испорчено значительное количество хлѣба, овса, сѣна, соли (у одного торговца болѣе 1000 пуд.), овчинъ, лѣса и пр. Значительные убытки потерпѣли заводы: 5 салотопенныхъ, три медоваренныхъ, свѣчной, водочный и экипажныя мастерскія. На Залопанскомъ базарѣ унесло водою лавочку, а въ другихъ лавкахъ истреблено товаровъ, преимущественно первыхъ жизненныхъ потребностей, на 11230 р. На р. Харьковѣ разрушены двѣ мельничныя плотины частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ причинено убытку на 11250 р.,—всего же жителями Харькова понесено потери на 106236 р. [1]).

Наводненіе 3 марта 1859 г. было тоже очень значительнымъ. Въ первой части города вода заняла пространство, отъ Рыжовскаго завода (теперь мельница Молдавскаго) по протяженію лѣваго берега Харькова и Нетечи до предмѣстья Москалевки, залила Дворянскую улицу и большую часть Нетечинской, подтопила мясные ряды, постоялые дворы и шерстомойные заводы, черезъ леваду Карталова соединилась съ озеромъ, находящимся выше Нетечинской улицы, и отъ острова „Доброй Надежды“ (большая часть котораго была покрыта водою) прошла черезъ Нетечинскую улицу до левады Водопьянова. Во второй части была залита водою Кузинская дача, называемая Сомовою греблею, сады наслѣдниковъ Витковскаго, Лерцера и дворы Лукина до половины, а также часть Мѣщанской и Николаевской улицъ, часть Московской и Рыбной до дома Чистякова, вся набережная до соединенія Нетечи съ Лопанью, Кузнечная улица до дома Клейменова, Рудаковскій переулокъ до дома Рудакова, Университетская до

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1853 г. № 11.

дома Тихонова, вся Рыбная площадь, Цыганская ул. и Конный переулокъ до дома Павлова и по Клочковской улицѣ всѣ задніе дворы. Въ 3-й части была покрыта водою задняя часть Благовѣщенской площади и находящаяся на ней часть лавокъ, мясные ряды, Благовѣщенская улица до зданія 2-ой гимназіи, часть Мало-Панасовской улицы и левады Лаптевой, Мало-Гончаровская ул. до Карповской криницы. Уровень воды по сравненію съ 1853 г. была ниже на аршинъ [1]).

Слѣдующимъ крупнымъ наводненіемъ было наводненіе 13 марта 1877 г. Зима въ этотъ годъ была не изъ снѣжныхъ, и количество выпавшихъ въ теченіе ея атмосферныхъ осадковъ значительно уступало предшествующимъ и послѣдующимъ зимамъ, но зато она отличалась особенно сильными морозами, и ледъ на харьковскихъ рѣчкахъ достигалъ значительной толщины. Наводненіе постигло городъ 13 марта, когда высшій уровень воды у Харьковскаго моста достигалъ 13,6 фута, т. е. на 1,6 фута ниже уровня 1853 г.

Черезъ 6 лѣтъ, въ 1883 г., харьковцамъ вновь пришлось терпѣть отъ наводненія, но на сей разъ оно было меньше, чѣмъ предъидущее. Наивысшаго уровня достигло оно съ 17 на 18 марта, когда на нѣкоторыхъ улицахъ, какъ напримѣръ Грековская и Воскресенская, вода мѣстами поднималась на 2 арш. выше уровня улицъ.

Въ 1889 г., т. е. опять таки черезъ 6 лѣтъ, городъ вновь пострадалъ отъ наводненія, на сей разъ уже въ два пріема. Началось оно 15 марта, и къ 2 ч. дня уровень воды у Харьковскаго моста достигалъ уже 13,6 фута. Всѣ поемные мосты въ городѣ были затоплены. Напоръ льда былъ настолько силенъ, что явилось серьезное опасеніе за участь Харьковскаго моста, вслѣдствіе чего движеніе экипажей и конки здѣсь было пріостановлено и возобновлено только 20 марта. Дмитріевскому мосту также угрожала серьезная опасность; около него было снесено три водорѣза. Особенно сильно пострадала Захарьковская часть города, гдѣ всѣ подвальные этажи были залиты, и газовые фонари, вслѣдствіе порчи трубъ, не горѣли два дня. Къ 20 вода спала, но 23 и 24 пошли дожди, и рѣки, уже очистившіяся отъ льда, вновь выступили изъ береговъ. На сей разъ, однако, благодаря отсутствію льда, наводненіе не достигло такой высоты, какъ за нѣсколько дней раньше, тѣмъ не менѣе поемные мосты вновь очутились подъ водой, а нѣкоторые изъ нихъ при этомъ и значительно пострадали.

Громаднымъ по размѣрамъ и убыткамъ для города было послѣднее большое наводненіе, въ мартѣ 1893 г. Зима въ этотъ годъ была снѣжная и морозная. Теплые дни стали выдаваться съ 17 февраля. Вода на рѣкахъ, по обычаю загроможденныхъ свезеннымъ съ городскихъ улицъ снѣгомъ и навозомъ, прибывала незамѣтно, не внушая особенныхъ опасеній прибрежному населенію. Но съ утра 6 марта вода стала быстро прибывать, и къ полудню снесло уже кладки и поемные мосты Кузнечный, Цыганскій, Купеческій и Бурсацкій. Къ вечеру рѣка выступила изъ береговъ и быстро распространилась по низменнымъ частямъ города. Проливной дождь съ громомъ и молніей, выпавшій въ 8-омъ часу вечера, сразу придалъ разливу грозный характеръ, и къ ночи всѣ низменныя части города были уже затоплены. Въ это время вода достигала у Харьковскаго моста 14 футовъ и безостановочно прибывала до 5 часовъ утра. Уровень воды у Харьковскаго моста достигъ 15,2 ф. Затопленной оказалась почти пятая часть площади города (528 дес. изъ 2514,8 дес.). Наиболѣе пострадала отъ наводненія Захарьковская часть: площадь разлива, мѣстами доходившаго до 5 съ лишнимъ аршинъ высоты, была здѣсь особенно велика, къ тому же и затопленная мѣстность—одна изъ наиболѣе населенныхъ. Что перенесли въ это время здѣсь жители,—объ этомъ свидѣтельствуютъ отвѣты ихъ регистраторамъ послѣ наводненія. Беремъ на выдержку нѣсколько отвѣтовъ.

Сомовская улица, № 39. „Наводненіе застало врасплохъ; хозяева были въ водѣ съ 10 до 2 ч. ночи, пока на отчаянные крики не прибыли на помощь солдаты изъ казармъ“. Сомовская, № 41. „Все разорено; ночью на 7 марта спасались на чердаки, куда могли добраться, лишь пробравъ потолокъ. Жена домовладѣльца пыталась выплыть въ окно, но мужъ удержалъ. Спасли солдаты“. Рыжовская набережная № 10. „Квартирантъ просидѣлъ на чердакѣ съ семействомъ трое сутокъ“. Михайловская набережная, № 9. „Наводненіе захватило врасплохъ; 12 человѣкъ были вытащены черезъ потолокъ“. По Нетечинской улицѣ и Ващенковскому переулку „нѣкоторые жители просидѣли на чердакахъ нѣсколько сутокъ, испытывали холодъ и оставались безъ горячей пищи, такъ какъ печи были разрушены. Рабочее населеніе, портные,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. прибавл. № 19.

сапожники, столяры, штукатуры и пр., вслѣдствіе наводненія, на нѣсколько недѣль остались безъ работы, такъ какъ заказы прекратились. Мастеровой людъ вообще лишился одежды и инструментовъ. Положеніе безотрадное". Во второй и третьей частяхъ хотя Лопанью залита была и меньшая площадь, и уровень воды былъ ниже, попадались, однако, мѣста, гдѣ вода доходила до 6 аршинъ высоты. Здѣсь повторялись тѣ же сцены, что и въ Захарьковской части. На Бурсацкой ул., № 7 „спасшіеся на чердакъ сутки ничего не ѣли, такъ какъ къ дому невозможно было подступить". На Ивановскомъ переулкѣ „отъ пребыванія въ водѣ съ 3 часовъ ночи до 9 утра многіе жители простудились и заболѣли". На Фроловскомъ пер. „много больныхъ, простудившихся во время наводненія". На Большой-Панасовкѣ „квартиранты, народъ большею частью бѣдный, потеряли все свое имущество; большинство заболѣло". На Клочковской № 7 „больная жена отъ испуга и простуды во время наводненія умерла" и т. п. и т. п.

Наводненіемъ—разсказываетъ Н. В. Петровъ—было залито 719 дворовъ и на трехъ базарахъ 1 контора, 3 трактира, 388 лавокъ и 202 рундука. Всѣхъ зданій залито 2572, квартиръ 1727. Жителей, захваченныхъ наводненіемъ, зарегистрировано было 9755 чел. Въ большинствѣ залитыхъ домовъ совершенно испорчены полы, печи и окна, а въ 9 дворахъ по Основянской, Грековской и Нетечинской улицамъ и по переулкамъ Сидѣльниковскому и Бужинскому снесены даже крыши съ построекъ. Движимость обывателей въ домахъ, залитыхъ водою, конечно, уцѣлѣть не могла. Въ пригороднее село Основу и хуторъ Верешаковку наводненіемъ нанесло много вещей, товаровъ и особенно деревянныхъ брусковъ, досокъ, ящиковъ и т. п. Попадались сундуки, наполненные бѣльемъ, обувью и платьемъ, боченки съ керосиномъ, масломъ и т. п. Не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Такъ на Большой-Панасовкѣ захлебнулась старуха, бросившаяся спасать свой сундукъ. Было очень много случаевъ спасенія отъ вѣрной гибели. Въ одномъ мѣстѣ еле-еле спасли двухъ рабочихъ, унесенныхъ на лодкѣ сильнымъ теченіемъ внизъ. Въ другомъ домохозяинъ спасъ рабочаго, повисшаго у забора его сада. Количество жертвъ наводненія было бы, несомнѣнно, гораздо больше, если бы не своевременная помощь. Уже ночью съ 6 на 7 марта были назначены лодки, которыя и вывозили обывателей изъ затопленныхъ домовъ. Не малую роль въ дѣлѣ спасенія и питанія застигнутаго наводненіемъ населенія сыгралъ въ это время Оренбургскій казачій полкъ во главѣ съ его полковникомъ Е. В. Шпицбергъ, самоотверженно жертвовавшимъ своимъ здоровьемъ и средствами для спасенія погибающихъ.

Убытки отъ наводненія были громадны. Домовладѣльцамъ наводненіе, по подсчету Н. В. Петрова, обошлось въ 602404 р., базарные торговцы потерпѣли на 66151 р., городское управленіе на 32213 р., Общество конно-желѣзныхъ дорогъ—15 тыс. руб., Общество газосвѣщенія—2500 руб., подрядчикъ по керосиновому освѣщенію 735 руб., итого больше 719004 руб. А между тѣмъ въ сумму эту не вошли убытки, понесенные квартирантами, у которыхъ наводненіе испортило и уничтожило домашній скарбъ. По обслѣдованію А. А. Русова, и размѣры бѣдствія, и убытки, имъ причиненные, были еще больше. Всего, по его подсчету, было залито въ городѣ 946 дворовъ и на базарахъ Благовѣщенскомъ, Фруктовомъ и Рыбномъ 337 лавокъ, 78 рундуковъ и 63 базарныхъ стола. Всѣхъ зданій было залито 2918, изъ нихъ 1289 отапливаемыхъ, т. е. 11,5—9,4% всѣхъ зданій города. (При переписи недвижимыхъ имуществъ города въ 1892 г. хозяевами было показано 472 зданія, обыкновенно заливаемыхъ при разливѣ харьковскихъ рѣкъ). Жилыхъ квартиръ отъ наводненія пострадало 2861, въ томъ числѣ 1726 семейныхъ; въ этихъ квартирахъ жителей было 9755 и комнатъ жилыхъ 1540. По этажамъ отъ наводненія пострадали 367 подваловъ, 237 подвальныхъ этажей съ жильемъ и 486 первыхъ этажей. При этомъ повреждены были печи у 581 домовладѣльца, стѣны—у 556, полы—у 487, и окна—у 228; въ 9 дворахъ снесены крыши съ построекъ, а на базарахъ уничтожены 3 лавки и 4 рундука. Размѣръ убытковъ отъ наводненія, по показаніямъ, даннымъ домовладѣльцами при переписи, опредѣлился въ 294900 руб. по недвижимому имуществу и въ 377.350 руб. по движимому, всего—въ 672.280 р.; сверхъ того, потеря на базарахъ опредѣлилась въ 7288 руб. по недвижимому имуществу и въ 66675 р.—по движимому. Такимъ образомъ общая сумма потерь хозяевами вначалѣ опредѣлена была въ 746210 руб.; но впослѣдствіи, когда пришлось исправлять поврежденія и подсчитывать тѣ убытки, какіе понесли хозяева отъ оставленія квартиръ нанимателями, общую сумму убытковъ считали до милліона рублей и болѣе [1]).

[1]) Харьк. Календарь 1894 г., стр. 465.

8 марта вода начала спадать, а 9 вошла въ берега. Но еще много времени прошло, пока городская жизнь вошла въ свою нормальную колею [1]).

Интенсивность харьковскихъ наводненій проф. Лашинъ въ свое время объяснялъ малоснѣжностью зимъ: когда зима бываетъ малоснѣжна, а тепло открывается слишкомъ рано, вода вскрывшихся рѣкъ не впитывается еще не оттаявшей землей, а идетъ верхомъ. Полагать нужно, кромѣ этой естественной причины, играло въ данномъ случаѣ нѣкоторую роль и запруженіе рѣкъ въ старомъ Харьковѣ плотинами, изъ которыхъ Основянская прекратила свое существованіе только въ самое послѣднее время. Съ мѣстными рѣчками харьковцамъ приходится, впрочемъ, считаться только въ періоды половодій. Въ прочее время и Харьковъ, и Лопань отличаются маловодьемъ, а протокъ Харькова, идущій по южной части города, лѣтомъ и совсѣмъ пересыхаетъ, превращаясь въ рядъ зловонныхъ болотъ. Харьковъ имѣетъ нѣсколько болѣе быстрое теченіе, нежели Лопань. Обѣ рѣки имѣютъ, проходя черезъ городъ, илистое дно, обѣ одинаково зацвѣтаютъ лѣтомъ зеленой порослью, обѣ даютъ воду негодную для питья.

Вскрытіемъ рѣкъ открывается харьковская весна. Температура быстро возвышается, часто доходитъ до 17° и 18°, а даже до 23° (1848 г.) и 25°, какъ это было, по словамъ проф. Морозова въ 1857 г. [2]). Бываютъ, впрочемъ, годы, когда въ апрѣлѣ холода доходятъ до—10°. Апрѣль—время развитія растительности. Цвѣтеніе деревьевъ начинается иногда въ концѣ апрѣля. Въ маѣ—весна въ полной красѣ. Средняя температура харьковскаго мая 10°,67, maximum 23°,7 и даже 25°,30 (1869 г.). Но и благодатный май не всегда обходится безъ утреннихъ заморозковъ, иногда очень значительныхъ. Такъ въ 1848 г. майскіе утренніе заморозки доходили до—4°, а въ 1851 г.—даже до—8°. По наблюденіямъ проф. Морозова, въ харьковскихъ майскихъ морозахъ наблюдается извѣстная періодичность: повторяются они черезъ 7 лѣтъ. Бывали въ маѣ случаи рецидива и настоящей зимы съ „завирюхами“. Въ 1841 г. въ маѣ было 4 метели, въ 1842 г.—1, въ 1846 г.—2.

Лѣто въ Харьковѣ жаркое. Въ іюнѣ „солнце достигаетъ наибольшей высоты; лѣтнія жары входятъ въ полную силу, и солнечные лучи весьма не рѣдко палятъ еще неотцвѣтшія розы и другіе нѣжные цвѣты; почва высыхаетъ и скудно увлажняется мимолетными дождиками; въ удушливой атмосферѣ человѣкъ чувствуетъ томленіе не только днемъ, но и ночью,—томленіе, которое отнимаетъ тѣлесную силу, ослабляетъ всякую умственную дѣятельность, лишаетъ даже возможности спокойно отдохнуть, укрѣпиться сномъ; замѣчается общая слабость. Графъ Я. О. Ламбертъ, два раза переѣзжавшій черезъ экваторъ, разсказывалъ въ бытность свою въ Харьковѣ въ 1848 г., что при такой же температурѣ 28° и 29° въ тѣни онъ не чувствовалъ подъ экваторомъ подобнаго жара, который тамъ умѣрялся вліяніемъ океана, у насъ же усиливался отъ продолжительнаго бездождія. Оставляя по неволѣ всякія работы въ сторонѣ, человѣкъ часто проводитъ весь день въ изнеможеніи, а ночью томится безсонницей. Болѣе или менѣе состоятельные жители спѣшатъ удалиться на дачи, неимѣющіе же къ тому возможности ждутъ, какъ облегченія, вечера, чтобы подышать менѣе раскаленнымъ воздухомъ въ Университетскомъ саду; но прохлада является только поздно вечеромъ“. Такъ описывалъ харьковскій іюнь проф. Морозовъ въ 1867 г. Іюль, самый жаркій мѣсяцъ въ году, не рѣдко съ грозами. И лѣто въ Харьковѣ, какъ и зима, очень капризно: въ іюнѣ температура понижается иной разъ до+3°, а въ іюлѣ до+5°. Въ августѣ пониженіе температуры до+2½°, (въ 1869 г. даже до 0,3), сопровождаемое холоднымъ вѣтромъ и дождемъ, производитъ чрезвычайно непріятное и даже вредное вліяніе на организмъ, привыкшій къ лѣтнему теплу. Съ первыхъ чиселъ сентября возстановляется опять теплая и хорошая погода, которая служитъ началомъ постоянной и обыкновенно погожей осени.

Средняя температура сентября 16°,61. Зачастую бываетъ 20° тепла, не рѣдко и болѣе того. Напримѣръ въ 1841 г. доходило до 25°, а въ 1848 и 1862 г.г. даже до 26°,5. Бывали, впрочемъ, годы, когда и въ сентябрѣ температура падала ниже 0°. Такъ въ 1841 г. она падала даже до—3°. Средняя температура харьковскаго октября 5°,8, наибольшая+19,8 (1863 г.). Снѣгъ въ октябрѣ падаетъ рѣдко. За то ноябрь—самый непріятный мѣсяцъ въ году: сырой, туманный, грязный, съ холодными и пронзительными вѣтрами, слякотью и грязью. Средняя температура ноября въ Харьковѣ—0,31°, наибольшая 12°,5, наименьшая—10° и даже—15,7° (1862 г.).

[1]) Петровъ. Весенніе разливы рѣкъ въ г. Харьковѣ.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 48.

Оставался ли харьковскій климатъ неизмѣннымъ въ теченіе всего XIX в., или же онъ подвергался перемѣнамъ? Еще въ 60-хъ годахъ харьковскіе старожилы почти въ одинъ голосъ утверждали, что съ 30-хъ годовъ климатъ нашъ совсѣмъ перепортился, и съ этимъ утвержденіемъ профессоръ Морозовъ признавалъ необходимымъ считаться серьезно. Сравнивая метеорологическія наблюденія за періоды 1841—1848 г. и 1849—1864, Морозовъ пришелъ къ выводу, что во второмъ періодѣ замѣчается сравнительно съ первымъ увеличеніе температуры лѣтомъ и уменьшеніе ея зимою: лѣтніе мѣсяца стали теплѣе, а зимніе холоднѣе. Это заставило Морозова поставить для будущихъ наблюденій вопросъ: не находится ли нашъ климатъ на пути постепеннаго ухудшенія? [1]).

По наблюденіямъ проф. Лапшина (1844—1848 г.г.), господствующіе въ Харьковѣ вѣтры—сѣверо-западные и восточные. Сѣверо-западные—холодные. Они дуютъ съ той возвышенности, идущей вдоль праваго берега Лопани къ сѣверо-западу, которую харьковцы удачно окрестили именемъ Холодной горы. Восточные вѣтры, такъ называемые суховіи, сухіе; зимою при нихъ сильные морозы, а лѣтомъ—удушливый жаръ и засуха. Въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго числа лѣтъ произошло, однако же, измѣненіе въ направленіи вѣтровъ. По наблюденіямъ проф. Морозова, въ 1851, 1852, 1854, 1859, 1862, 1863 и 1864 г.г. самое частое направленіе вѣтра было западное, потомъ восточное, а въ 1866—1867 г.г. западный, юго-западный и восточный вѣтры преобладали надъ прочими. Восточные вѣтры господствуютъ въ Харьковѣ зимою, весною и осенью, лѣтомъ же преобладаютъ западные и сѣверо-западные, наименѣе частые вѣтры—сѣверные и южные.

Изъ метеорологическихъ таблицъ, приводимыхъ проф. Лапшинымъ, видно, что ясныхъ дней въ теченіе года въ Харьковѣ 120—122. Если присовокупить къ нимъ и не совсѣмъ безоблачные (такіе, когда то облачно, то ясно), составится почти полгода. Харьковъ слишкомъ полгода наслаждается хорошей погодой. Зимою приходится на половину ясныхъ дней, на половину пасмурныхъ и облачныхъ, весною число ясныхъ дней превышаетъ, лѣтомъ это отношеніе выходитъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, осенью—такое же отношеніе на оборотъ. Изъ тѣхъ же таблицъ видно, что среднее число бурныхъ дней въ Харьковѣ 2 на годъ. Обыкновенное послѣдствіе такихъ бурь—срыванье крышъ съ домовъ и опрокидываніе заборовъ. Изъ особенно выдающихся бурь отмѣтимъ бурю 2 ноября 1854 г., замѣчательную „сильнымъ порывистымъ вѣтромъ, который свистѣлъ и гудѣлъ необыкновеннымъ образомъ, страшно напирая на крыши, ставни и заборы“ [3]).

Бури нерѣдко сопровождаются грозами и градомъ. Старожилы долго помнили необычайную для Харькова грозу 17 іюля 1836 г., когда градомъ въ одномъ только университетѣ было выбито стеколъ на сумму 5000 руб. ассиг. [4]) Другая, тоже сильная гроза, бывшая 1 мая 1851 г., подробно описана проф. Лапшинымъ. „Къ 5 час. вечера облака слились въ сплошную массу, распространивъ по всему небу желто-пепельный цвѣтъ; минутъ черезъ 20 подулъ вѣтеръ, пошелъ дождь рѣдкій, но крупный, сверкнула молнія, раздался отдаленный гулъ грома, ударилъ въ окна мелкій градъ. Между тѣмъ небо страшнымъ образомъ измѣнило свой видъ, особенно на юго-восточной сторонѣ, зеленѣло, какъ человѣкъ передъ сильнымъ лихорадочнымъ пароксизмомъ. Такое состояніе продолжалось не долго. Молнія вдругъ озарила весь небосклонъ, и какъ бы по данному ею знаку, грянулъ сильный громъ, хлынулъ дождь, какъ изъ ведра, посыпался градъ крупнѣе прежняго. Въ одно мгновеніе образовались ручьи во всю ширину улицъ, земля покрылась градомъ, какъ снѣгомъ. Относительно дождя любопытны слѣдующія подробности: въ одно время буря стихла, и тогда можно было видѣть, что облачная масса падаетъ на землю длинными и частыми прядями. Отъ крупнаго дождя и града мутная вода въ лужахъ подскакивала вверхъ на четверть и болѣе, образуя нѣчто похожее на гвозди, вбиваемые изъ подъ воды. Въ 6 часовъ вѣтеръ сдѣлался порывистымъ и усилился; на сѣверо-западной сторонѣ небо сконцо разрѣшившіяся дождемъ и градомъ массы облаковъ; онѣ образовали густую тучу, которая, какъ бы едва держась за небо широкимъ основаніемъ, спускалась мрачнымъ конусомъ низко къ землѣ и двигались то въ ту, то въ другую сторону. Мимо этой тучи, еще ниже ея, неслись дымчатыя, разорванныя облака; она втягивала ихъ въ себя и, клубясь, представляла явленіе густого пожарнаго дыма, что многіе и принимали за признаки большого пожара. Но это явленіе

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 10.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 10.
[3]) Вѣстн. И. Русск. Геогр. Общ. 1855 г. Кн. IV, стр. 141—166.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 № 18.

представляло совершенное подобіе водяныхъ смерчей, грозящихъ обыкновенно страшною бурею, что дѣйствительно и послѣдовало съ такимъ внезапнымъ и сильнымъ разрядомъ крупнаго дождя и града, что невольный страхъ отвлекъ вниманіе отъ наблюденія, сдѣлавшагося уже и невозможнымъ извнѣ. Градъ ударилъ въ стекла и продолжалъ около 20 минутъ бить ихъ съ такимъ трескомъ и шумомъ, какъ бы стрѣляли камнями изъ сотенъ оружій. Вѣтеръ ломалъ и сокрушалъ, что можно, молнія заливала небо огненнымъ свѣтомъ, и громъ не умолкалъ. Этотъ періодъ грозы былъ самый насильственный и страшный. Градъ въ это время былъ величиною въ большой волошскій орѣхъ. По безконечному его множеству не обращали уже и вниманія на него, а дивились градинамъ въ куриное яйцо, изъ которыхъ иныя влетали въ комнаты. Во многихъ домахъ пробило крыши, съ нѣкоторыхъ даже снесло ихъ. Сады, огороды, парники потерпѣли страшное опустошеніе: цвѣты, какъ ножомъ, срѣзало; деревья посѣкло и побило. Въ саду С. В. Абазы вырвало съ корнемъ и повалило двѣ громадныя осины, изъ которыхъ одна толщиною $4^3/_4$, а длиною 35 арш., другая—въ объемѣ $3^1/_2$ арш. и нѣсколькими аршинами короче первой. Проливной дождь набило въ комнаты, гдѣ онъ и разливался потоками. Низменныя мѣста залило и затопило. На нѣкоторыхъ улицахъ, а особенно на покатыхъ мѣстахъ, вымыло мостовую и прорыло глубокія ямы и канавы. Р. Лопань, въ которой вода была спущена для очистки дна, такъ наполнилась отъ дождя, что и въ обыкновенное время едва бываетъ въ ней столько воды. По рѣкамъ Харькову и Лопани несло доски и разныя принадлежности разрушившихся построекъ, не устоявшихъ противъ бури. Разбушевавшаяся погода успокоилась только къ 9 час. вечера". По словамъ оффиціальнаго донесенія, вода въ городѣ шла по улицамъ рѣкой. На Семинарской горѣ (Бурсацкій спускъ), Московской и Сумской улицахъ были разрушены тратуары и мостовыя и прорыты овраги; на Семинарской горѣ сдѣлался оврагъ въ $1^1/_2$ саж. глубиною. Снесено нѣсколько мостиковъ, и унесены плоты на моечныхъ заведеніяхъ. Вѣтромъ сорвало нѣсколько кусковъ желѣза съ крышъ на зданіяхъ университетской библіотеки, женскаго института, арестантской роты и на нѣкоторыхъ частныхъ строеніяхъ. На кирпичномъ заводѣ Рѣшитька убитъ градомъ человѣкъ. Всѣ зданія въ городѣ съ двухъ сторонъ остались безъ стеколъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что градомъ разбито стеколъ: въ церквахъ 12295, въ казенныхъ и общественныхъ помѣщеніяхъ 10533, въ частныхъ домахъ и заведеніяхъ 60349, въ городскихъ фонаряхъ 659, всего 83836 на 21 т. р. Всей потери отъ поврежденія во время грозы понесено на 25000 р. [1]).

17 сентября 1868 г. въ половинѣ седьмого вечера надъ Харьковомъ разразился страшный ураганъ. За часъ до его начала на сѣверо-западѣ появились густыя массы облаковъ, потомъ началась молнія съ раскатами грома. Въ $6^1/_2$ час. начались порывы вѣтра, и деревья зашумѣли тѣмъ особеннымъ шумомъ, который бываетъ слышенъ только передъ сильною грозою. Черезъ нѣсколько минутъ порывы вѣтра замѣтно усилились; съ крышъ начали падать камешки, неизвѣстно какимъ образомъ туда занесенные. Оконныя рамы захлопали, и къ шуму вѣтра съ громомъ присоединились рѣзкіе звуки разбиваемыхъ вѣтромъ стеколъ. Не прошло и четверти часа съ того момента, какъ начались первые порывы вѣтра,—онъ уже яростно шумѣлъ въ полномъ величіи въ непрерывномъ гулѣ громовыхъ раскатовъ. Въ атмосферѣ наступилъ какой то ужасный хаосъ... Дома дрожали, стекла трескались отъ напора воздуха, гудѣли листы желѣза, сорванные съ крышъ, стучали кирпичи изъ разрушившихся дымовыхъ трубъ... Люди, захваченные на улицахъ, бѣжали съ плачемъ и стономъ... Никакое описаніе не будетъ въ состояніи изобразить хаоса, произведеннаго ураганомъ въ Харьковѣ и надъ Харьковомъ. Явленіе продолжалось минутъ 10. не болѣе; ураганъ смѣнился сильнымъ вѣтромъ, который постепенно ослабѣвалъ, а въ 9-мъ часу небо уже было безоблачнымъ, какъ и передъ бурей, освѣщаемое только луною да отчасти заревомъ пожара". Такъ описано явленіе наблюдавшимъ его профессоромъ Ю. И. Морозовымъ.

Послѣ урагана городъ повсюду представлялъ картины разрушенія—„точно Наполеонъ прошелъ". Крыши оказались сорванными во многихъ мѣстахъ; на иныхъ улицахъ не оказалось ни одного дома не тронутымъ. Съ нѣкоторыхъ домовъ крыши сорваны вмѣстѣ со стропилами и перенесены черезъ улицу. Разсказывали, что крыша, сорванная съ одного дома, поставлена на мезонинъ другого. Летавшіе по улицамъ желѣзные листы и стропила надѣлали много бѣдъ. Въ одномъ домѣ стропило, прилетѣвшее неиз-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1851 г. № 19, 18.

вѣстно откуда, пробило крышу и потолокъ и остановилось только на полу, въ комнатѣ. Удары урагана были и страшны, и внезапны: такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ снесъ желѣзную крышу съ стропилами съ сарая, въ которомъ хранилось сѣно, а это сѣно осталось не разбросаннымъ. Были и удары снизу вверхъ, но крайней мѣрѣ такъ заставляютъ думать случаи перенесенія крышъ съ низкихъ зданій черезъ высокія. На соборной колокольнѣ крестъ погнутъ, и унесенъ циферблатъ съ часовъ. На кладбищенской церкви погнуты три креста, а вокругъ церкви опрокинуты многіе надгробные памятники; крестъ съ колокольни Воскресенской церкви унесенъ совсѣмъ. Листы съ крыши присутственныхъ мѣстъ занесены на университетскій дворъ. Пострадавшіе отъ урагана домовладѣльцы разыскивали части своихъ домовъ по чужимъ дворамъ. Большой Лопанскій мостъ сильно разрушенъ, при чемъ сорванными бревнами и досками убито двѣ женщины. Убытковъ, какъ тогда говорили, городъ понесъ отъ урагана до 100 т. руб. [1]).

Бывалъ въ Харьковѣ потопъ, но бывалъ и „трусъ“. Первый извѣстный „трусъ“, по преданію старожиловъ, былъ въ 1815 г. Подробностей о немъ мы не знаемъ никакихъ. Другой случай имѣло мѣсто въ 1838 г. Землетрясеніе произошло 11 января въ 9 час. 25 мин. вечера. Направленіе мчавшейся силы, произведшей потрясеніе, было отъ юго-востока къ сѣверо-западу; продолжалось около 30 секундъ; степень напряженія вообще была незначительна, выключая Московскую улицу, на которой каменныя большія зданія болѣе чувствовали сотрясенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ города. Проф. Калениченко, наблюдавшій это явленіе, склоненъ былъ объяснять неравномѣрность степени сотрясенія свойствами почвы: гдѣ болѣе плотное образованіе земли, смѣшанной съ желѣзной рудой, тамъ, по его словамъ, оно было ощутительнѣе. Нельзя сказать, чтобы Московская, гдѣ сильнѣе всего чувствовалось сотрясеніе, отличалась „болѣе плотнымъ образованіемъ земли“, но зато можно смѣло предположить обильное присутствіе здѣсь болотнаго желѣза. Атмосфера во время сотрясенія была безоблачна и воздухъ совершенно чистъ. Термометръ показывалъ 20 градусовъ мороза. Несчастныхъ послѣдствій землетрясеніе 11 января 1838 г. не имѣло. Только въ штукатуркѣ нѣкоторыхъ домовъ оказались трещины. „Внутри домовъ всѣ мебели были сильно потрясены, люстры приведены въ колебаніе, а раскрытыя двери и ставни въ движеніе; въ нѣкоторыхъ домахъ остановились часы. Въ минуту сотрясенія былъ слышенъ крикъ домашнихъ птицъ и лай испуганныхъ собакъ“ [2]).

Кромѣ двухъ приведенныхъ нами случаевъ „труса“, мы имѣемъ неизвѣстно откуда взятое г. Гусевымъ указаніе на землетрясенія 1829, 1836 и 1876 г.г. [3]). Были ли такія землетрясенія въ дѣйствительности,—подлежитъ сильному сомнѣнію. Думается, что проф. Калениченко, описавшій землетрясеніе 1838 г. и отмѣтившій предшествовавшій ему случай въ 1815 г., не могъ бы обойти молчаніемъ землетрясеній 1829 и въ особенности 1836 г., о которыхъ долженъ бы былъ помнить и онъ самъ, и его современники.

Землетрясенія было своего рода unicum. Зато гораздо чаще бывали сѣверныя сіянія. Укажемъ напр. на сѣверныя сіянія 6 октября 1848 г. (описано Т. Селивановымъ), 31 іюля 1860, 1 мая 1869 [4]) и др.

Харьковъ расположенъ на трехъ возвышенностяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой ложбинами, по которымъ текутъ рѣки Харьковъ и Лопань. Возвышенность 1-й части—юго-восточное плоскогоріе составляетъ отлогій скатъ обширнаго волнообразнаго, съ глубокими впадинами плоскогорія, имѣющаго паденіе къ Харькову и окаймленнаго съ одной стороны р. Донцомъ и его притоками, а съ другой—р. Харьковомъ. Геогностическое строеніе этой мѣстности, говоритъ проф. Морозовъ, слѣдующее: верхній слой—черноземъ и мѣстами глина, за нею песокъ довольно значительной глубины. Въ этой мѣстности вода находится на довольно значительной глубинѣ 30 и 40 арш. отъ поверхности. Глубина воды служитъ причиною, почему эта земля остается необработанною, безъ посѣвовъ. Но и здѣсь есть мѣстности, гдѣ вода проявляется близко къ поверхности почвы. Въ Харьковѣ это плоскогоріе уже обращается въ низменное, въ долину, а у р. Харькова встрѣчаются болота и масса родниковъ, ручьевъ и мочевинъ: это именно и суть тѣ мѣста, гдѣ водоносный песчаный слой выступаетъ на поверхность со всѣми своими водными жилами. Выступленіемъ на поверхность водоносныхъ слоевъ объясняется происхожденіе источниковъ р. Немышли. Почвенныя воды въ Харьковѣ, не выступившія на поверхность, но весьма близкія къ ней,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 105, 106.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 5.
[3]) Гусевъ. Историко-справочный путеводитель и пр., стр. 14.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1848 № 40, 1860 г. № 80, 1869 г. № 51.

находятся по всей возвышенности за Конною площадью. Но этимъ дѣйствіе почвенной воды не ограничивается: она выступаетъ на огромной низменной песчаной площади вокругъ всей Верещаковки. Эта же вода въ такомъ же большомъ количествѣ сочится на берегу рр. Харькова и Лопани, образуя множество озеръ, уровень воды которыхъ стоитъ значительно выше водъ Лопани и Харькова. Къ озерамъ проф. Морозовъ причислялъ и Нетечь. Песчаныя городскія мѣстности—Заиковка, Москалевка и ближайшія къ рѣкѣ Харькову составляютъ часть открытаго водоноснаго слоя, который лежитъ подъ верхними слоями плоскогорія и сообщается съ водоноснымъ песчанымъ слоемъ Донецкаго бассейна. Но тѣмъ не менѣе нельзя отвергать и того обстоятельства, что харьковскія песчаныя мѣстности во время дождей насыщаются падающею водою, хотя принимаютъ ее въ незначительномъ количествѣ вслѣдствіе правильно устроенныхъ въ послѣднее время водостоковъ и замощенія улицъ и домовъ камнемъ. Придти къ тому убѣжденію, что Харькову болѣе грозитъ вода чуждая, пришедшая издалека, чѣмъ мѣстная дождевая и снѣговая, заставляетъ существованіе такихъ мѣстъ въ высокихъ частяхъ города, какъ напр. Попово озеро между Старо-Московской и Енинской улицами, почти на высотѣ 3 сажень надъ уровнемъ воды въ р. Харьковѣ; несмотря на такую высоту, вода этого озера все таки стоитъ ниже горизонта почвенныхъ водъ. Понятно, что этотъ высокій уровень почвенной воды болѣе всего вліяетъ на сырость стѣнъ и наполненіе нижнихъ подвальныхъ этажей водою. Подземныя воды, говоритъ далѣе проф. Морозовъ, имѣютъ связь на далекомъ пространствѣ и производятъ большія или меньшія наводненія, смотря по тому, преграждается ли имъ путь или нѣтъ. Въ Харьковѣ наводненія должны быть постоянны вслѣдствіе того, что фундаментами и подвальными этажами преграждены соотвѣтственные стоки подземныхъ водъ. Подземныя наводненія, вызывающія заливаніе и сырость погребовъ и подваловъ, проявляются часто, но въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ. Мы, впрочемъ, знаемъ случай, когда подземное наводненіе захватило очень большое пространство и обнаружилось одновременно въ разныхъ частяхъ Харькова. Это было лѣтомъ 1881 г., когда обнаружился необыкновенный притокъ воды въ погреба и подвалы на Рыбной, Екатеринославской, Клочковской, Рождественской и другихъ улицахъ во многихъ домахъ тамъ, гдѣ прежде ея никогда не было. Хозяева домовъ, по словамъ Е. С. Гордѣенко, поставлены были въ необходимость отливать воду каждодневно по нѣскольку сотъ ведеръ. Домовладѣльцы Екатеринославской улицы жаловались, что всѣ принимаемыя ими мѣры, соединенныя съ большими затратами, оказались безсильными, и вода, выкачиваемая ежедневно насосами и ведрами, все таки не уменьшалась. Бѣдствіе приняло такіе широкіе размѣры, что стало предметомъ широкаго общественнаго вниманія и научнаго обслѣдованія, какое и совершено было, по просьбѣ городской думы, проф. Леваковскимъ и Морозовымъ [1]).

Вторая часть г. Харькова, ограниченная теченіемъ рѣкъ Харькова и Лопани, составляетъ южную возвышенность. Верхній слой—глинисто-черноземный, слѣдующій—глина, затѣмъ—глинистый камень песчаникъ, далѣе слѣдуетъ песокъ. Мѣстами же песокъ лежитъ сверху, а камень песчаникъ подъ нимъ. Чѣмъ дальше отъ Харькова, тѣмъ почва становится болѣе песчаною, въ особенности вблизи рѣкъ. Эта возвышенность со своими лѣсами и слабымъ грунтомъ несомнѣнно воспринимаетъ атмосферную воду въ большомъ количествѣ и проводитъ таковую въ нижніе водоносные слои. Рѣка Лопань у с. Дергачей образуетъ обширные луга и болота, покрытые почти цѣлое лѣто водою. Все это говоритъ за возможность насыщенія нижнихъ слоевъ подпочвы водою въ огромномъ количествѣ. И дѣйствительно по скатамъ возвышенностей вблизи Харькова истекаетъ масса воды въ видѣ родниковъ. Такіе родники извѣстны въ с. Алексѣевкѣ, Павловкѣ, въ самомъ же городѣ родники выходятъ наружу на Бурсацкомъ переулкѣ. Почвенная вода въ этой части города стоитъ тѣмъ выше горизонта водъ въ рѣкахъ Харьковѣ и Лопани, чѣмъ дальше отъ нихъ, въ ближайшихъ же къ нимъ мѣстахъ находится почти на одномъ уровнѣ съ водами этихъ рѣкъ.

Западная Холодногорская возвышенность 3-ей части Харькова расположена между теченіями рѣкъ Лопани и Удъ. Большая часть этой возвышенности состоитъ изъ сыпучаго песка, покрытаго во многихъ мѣстахъ сосновыми и березовыми рощами, къ сѣверу же, вдоль теченія р. Лопани, возвышенность образуетъ живописную крутую гору, покрытую лѣсами съ сплошнымъ глинистымъ грунтомъ. На значительной глубинѣ этого слоя лежитъ песчаный и мѣстами каменистый слой, состоящій изъ глини-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1881 г. № 223.

стаго камня песчаника. Обзоръ праваго, возвышеннаго берега р. Лопани показываетъ, что, начиная отъ Ивановки до Карповской криницы, эта гора испускаетъ массу воды, по качеству не уступающей Карповской и, по всей вѣроятности, вытекающей изъ одного общаго съ нею подземнаго резервуара, быть можетъ, изъ того, который питаетъ и куряжскіе ключи [1]).

Климатическія и почвенныя условія Харькова въ общемъ довольно благопріятны для произрастанія всѣхъ тѣхъ родовъ растительности, какіе свойственны этой полосѣ Россіи. Изъ занимаемой Харьковомъ территоріи только песчаная Москалевка и Заиковка не отличаются удобствами для разведенія плодовыхъ садовъ и огородовъ, но и на Москалевкѣ мѣстности, близко прилегающія къ берегу Харькова, оказываются вполнѣ способными къ садовой и огородной культурѣ. Удаленная отъ рѣкъ Заиковка находится по сей части въ несравненно худшихъ условіяхъ; разведеніе садовъ здѣсь часто возможно только при помощи искусственнаго образованія слоя чернозема, достаточно толстаго, чтобы въ немъ могли пустить корни древесныя посадки. Неблагопріятными для садовой и огородной культуры условіями отличается и пространство между Ващенковскимъ переулкомъ и Заиковкой, нынѣ разбитое на кварталлы и застраиваемое. Мало благопріятна для растительности и Холодная гора. Здѣсь грунтъ земли глинистый, а верхній слой, образовавшійся отъ растительнаго перегноя,—черноземъ толщиной до $1^1/_2$ аршина, мѣстами, впрочемъ, не толще одного, двухъ вершковъ. Почва плодородная, но производительность земли находится въ самой тѣсной зависимости отъ благопріятныхъ условій весны и лѣта. Когда они бываютъ влажны, все ввѣренное землѣ вознаграждается съ избыткомъ, а когда нѣтъ дождей весною, дуютъ вѣтры лѣтомъ, наступаютъ притомъ продолжительныя засухи, глина, испаряя послѣднюю влагу, по необходимости твердѣетъ, и продолжительный зной превращаетъ ее въ камень, растенія замираютъ и погибаютъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ здѣсь не безъ успѣха разводятся вишни, сливы, яблони, груши, изъ хлѣбныхъ растеній—овесъ, пшеница, ячмень, а изъ огородныхъ—арбузы, дыни, огурцы [2]). Но и Москалевка, и Заиковка, и Холодная гора—все это сравнительно молодыя части города, выросшія и развившіяся за послѣднія три четверти вѣка. Что же касается стараго Харькова, то онъ, можно сказать, изобиловалъ растительностью. Въ началѣ XIX ст. Харьковъ купался въ садахъ. Даже въ пятидесятыхъ годахъ, по словамъ Гормеса, домашніе сады существовали въ Харьковѣ почти у каждаго домохозяина. Въ нихъ были преимущественно туземныя, а часто и иноземныя растенія. Они располагались отдѣльно и группами, въ куртинахъ и рабаткахъ, нѣкоторыя сохранялись отъ суровыхъ зимъ закрытіями (соломою и др.).

Больше всего садовъ было въ Залопанской части города. Въ садахъ разводились слѣдующія породы деревьевъ: ель, сосна, можжевельникъ, дикая малина, обліепиха, каштанъ, кленъ ясенолистный, волошскій орѣхъ, рябина, абрикосы, шелковица, акація бѣлоцвѣтная, (псевдоакація), акація желтоцвѣтная, уксусное дерево, бобовникъ (гледичія), тополь итальянская и бальзамическая, березы, липа, дубъ, осина, ясени, черемуха и пр. Улицы обсаживались пирамидальными тополями. Изъ кустарниковъ: виноградъ, сирень простая, китайская и персидская, бульденежъ, персикъ дикій, таволга разная, корхорусъ японскій, ракитникъ. Въ харьковскихъ садахъ встрѣчались: тамариндъ Галлика, акація пузырная, жимолость татарская, козій листъ, чубучникъ или жасминъ воздушный, дикій виноградъ, розы центифольныя, красныя и бѣлыя, бузина черноягодная, боярышникъ или глодъ, калина. Цвѣты многолѣтніе и однолѣтніе: касатики (ирисъ), тюльпаны, гіацинты, нарциссы, крокусы, пеоній, флоксы, орликъ, наперстковица, колокольчики, лупины, мальвы, лиліи, гемерокаллисы, шпажники, шпорникъ или живокость, гвоздики, стократики, фіалки, горицвѣтъ, георгины, чудоцвѣтъ, мыльнянка, астры, барвинокъ, петунія, резеда, василекъ, бальзамины, левкои, парижская красавица, чернушка, сухоцвѣтъ, безсмертники, перечникъ, макъ, бархатки, настурціи, маіорики и пр. Изъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ: яблони, груши, сливы, вишни, барбарисъ, крыжовникъ, смородина, малина. Въ болѣе отдаленныхъ частяхъ города жители имѣли и спеціально фруктовые сады, гдѣ росли яблоки опортъ, антоновка, кальвиль, ранетъ, крымка, кармазинка, арабское, наливное, виное и др.; грушевыя деревья—безсѣменка, добрый крестьянинъ, швейцарская, Марія Луиза, маслобѣлое и др.; сливы: простые черносливы, опошнянскія бѣлыя, венгерка, дамасская, ренклодъ; вишни: простыя, владимирскія,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1881 г. № 229.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1853. № 23.

майскія, испанскія, и др.; крыжовникъ, смородина, малина, барбарисъ, клубника—все это разныхъ сортовъ. Большою извѣстностью пользовались благоустроенные сады—Лонгинова, Артемовскаго, Прожанскаго, Венедиктова, Мясоѣдова, Сердюкова, Гвоздикова, Савченка, Филипьева, наслѣдниковъ Витковскаго, Карпова, Кузиной, Цыгарева, Кузнецова (бывшій кн. Черетелева), Безходарной, Кононенка, Расторгуева, Рыжова, Мотузковой и Кнепфера. Виноградъ былъ разведенъ и приносилъ плоды въ садахъ Сливицкаго, Рейпольскаго, Ковалевскаго, Алфераки и почетной гражданки Безходарной. Это были ранніе породы винограда, приносившія плоды въ послѣднихъ числахъ сентября—маринлонъ, гатифъ, шасла, пино, мускатъ ружъ и т. п. Абрикосы давали плоды въ садахъ купца Карпова, цеховаго Дорошенка и свящ. Мерхелева. Самый большой и главный садъ въ Харьковѣ—университетскій. Верхняя часть его была засажена преимущественно дикорастущими деревьями и кустарниками въ видѣ отдѣльныхъ рощъ съ промежуточными дерновыми площадями и дорогами. Отъ главныхъ воротъ большая аллея вела къ деревянной во вкусѣ китайскомъ бесѣдкѣ. Садъ всегда былъ открытъ для гуляній. Въ саду не было воды, исключая одного колодца близъ оранжерей. Въ 1855 г. генералъ-губернаторъ Кокошкинъ велѣлъ расчистить оврагъ, тянущійся черезъ весь садъ до оранжерей, и превратить его на протяженіи 100 саж. въ прудъ съ плотиною и водоспускною трубою. Но изъ этого ничего не вышло: собиравшаяся въ немъ дождевая вода обыкновенно уходила въ землю, и прудъ высыхалъ; весною же, во время сильнаго половодья, вода все таки уходила изъ пруда, прорывая плотину, затопляя внизу посадки и засоряя ихъ; если же иногда вода и собиралась въ прудѣ, то застаивалась и портилась въ немъ—и опять таки скоро исчезала. Такимъ образомъ, благодаря этой затѣѣ, сухой оврагъ, покрытый прежде чистою зеленою травою, съ дорожками и древесными рощицами, превратился въ сухой глинистый ровъ, заростающій сорными травами. Нижняя, совершенно отдѣльная часть сада была засажена растеніями въ систематическомъ порядкѣ—медицинскими, хозяйственными и т. п., и служила для практическихъ занятій студентовъ по ботаникѣ. Въ оранжереяхъ, здѣсь устроенныхъ, и отчасти на открытомъ воздухѣ во всемъ саду была экзотическая флора: клубничное дерево (arbutus), лавры, сафора японская, юкка алоелистная, танеусъ канадскій, гортензія древесная дубоволистная, магнолія, дерево драконовой крови, резиновое дерево, бигнонія жасминоцвѣтная, акаціи новоголландскія, аралія трилистная, перецъ дубоволистный, гранатное дерево, камеліи, ацалій, альпійскія розы, каролинія инсигнисъ, сосна канарская, кринтомерія японская, араукарія бразильская, кипарисъ плакучій, финиковая пальма, африканскія вѣерныя пальмы, кокосовая, банань, бамбукъ, канчанъ, имбирь, кактусы, алоэ, папоротники и мхи, водяной кувшинчикъ и масса вьющихся растеній и мн. др. Въ одной части ботаническаго сада въ грунтѣ на открытомъ воздухѣ воспитывалось также множество иноземныхъ растеній: Веймутова сосна, жизненное дерево, акаціи, плакучій ясень, абрикосы, ива плакучая, липа американская, кленъ ясенолистный, дубъ красильный, американскій орѣхъ, фисташка, можжевельникъ козачій, черешня турецкая, кизилъ и мн. др. Въ отдѣльныхъ плантаціяхъ находились отличныя породы фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ—яблони, груши, сливы, крыжовникъ и т. п., а также виноградъ изабелла, венгерскій синій, мускатный, всего до 1000 кустовъ.

Съ большою любовью занимались харьковцы и комнатнымъ цвѣтоводствомъ. Въ каждомъ почти домѣ—дворянскомъ, купеческомъ, даже мѣщанскомъ и крестьянскомъ красовались на окнахъ въ горшкахъ растенія. Это преимущественно многолѣтнія. Самыя обыкновенныя пеларгоніи, гераніи, фуксіи, плющъ, крапивка (лантола), кипарисникъ (сантолила), свинцовый корень (клумбою)—въ самыхъ простыхъ видахъ ихъ. Въ домахъ высшаго сословія кромѣ лучшихъ видовъ упомянутыхъ растеній встрѣчались еще: олеандры, китайскія, бенгальскія, индійскія и т. п. розы, деревца—лимонныя, лавровыя, миртовыя и настоящія кипарисовыя; алоэ, кактусы, эуфорбіи, бегоніи, восковой плющъ, гортензіи, волкамеріи, розмарины. Въ пятидесятыхъ годахъ стали входить въ моду рододендроны, азаліи, эрики, каллистемоны, финиковыя, рожковыя, абутилоны, гостиціи, новоголландскія акаціи, кассіи, мимозы, пеоніи древесныя, дафнэ, питтоспорумъ, жизненное дерево (туйя) и др.; попадался и жасминъ (особенно азорскій), но вездѣ тощій, болѣзненный. Лѣтомъ до поздней осени на окнахъ въ горшкахъ красовались однолѣтнія и многолѣтнія: дейціи, гесперіи, глоксиніи, алименесы, лиліи японскія, туберозы, геліотропы, лаквіоли, левкои, резеды, фіалки, мимулюсы, вербены, кальцеоляріи, цинераріи, петуніи, стократики, бальзамины, гвоздики, георгины, астры индійскія, пенстемоны, габротамнусы, маіоранъ, базиликъ, примулы китайскія, аврикулы, канны, агапантусы, амариллисы и др. Въ нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ домахъ были и висящія

растенія въ горшкахъ или красивыхъ фигурныхъ корзинахъ изъ глины, глазированныхъ снаружи яркою краскою [1]).

И комнатное цвѣтоводство, и любительское садоводство, конечно, могли процвѣтать въ то время, когда харьковцамъ жилось просторнѣе. По мѣрѣ застройки города сокращалось число частныхъ садовъ, а условія квартирной жизни мало благопріятствовали комнатному цвѣтоводству. Изъ перечисленныхъ нами частныхъ садовъ, бывшихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, сохранились только очень немногіе, да и то въ сильно урѣзанномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе приходится все таки сказать, что и до сихъ поръ садовъ, правда, не большихъ, въ Харьковѣ еще не мало. По подсчету 1892 г.. изъ 7080 харьковскихъ домовладѣній сады были при 1771. Истребленіе частныхъ садовъ могло бы, можетъ быть, причинить существенный ущербъ здоровью горожанъ, если бы оно не возмѣщалось посадками, производимыми городскимъ управленіемъ на свободныхъ пространствахъ площадей и улицъ. Въ этомъ отношеніи городомъ сдѣлано очень много.

Qualis terra, talis valetudo. Довольно мягкій, но и довольно капризный климатъ, обиліе растительности, плохія рѣки, близкость подпочвенныхъ водъ и расположеніе значительной части города на болотистыхъ низинахъ—таковы естественныя условія Харькова, такова его terra. Отсюда ясно, что онъ не принадлежитъ къ поселеніямъ благопріятнымъ для жизни и здоровья. Какъ въ XVIII, такъ и въ XIX столѣтіи онъ служилъ очагомъ для развитія разныхъ болѣзней. Здоровье его населенія далеко не отличалось устойчивостью. Процентъ смертности всегда былъ большой. Разумѣется, чѣмъ меньше заботились объ улучшеніи санитарныхъ условій, тѣмъ сильнѣе была заболѣваемость и смертность. А условія эти бывали прямо таки ужасны.

Въ 1815 г. „частыя болѣзни членовъ университета и великая потеря оныхъ чрезъ господствующія въ семъ городѣ жестокія горячки и лихорадки нервнаго рода“ принудили медицинскій факультетъ Харьковскаго университета „вникнуть во всѣ обстоятельства, заключающія въ себѣ причины столь значительной смертельности, похитившей въ теченіи 7 лѣтъ столько человѣкъ, людей здоровыхъ, средняго возраста и большею частью иностранцевъ“. Факультетъ обратился къ наблюденіямъ практиковавшихъ въ Харьковѣ врачей, которыя показали, что „причины сего факта дѣйствуютъ и на тѣхъ, кои, изъ другихъ городовъ Россіи пріѣжая, здѣсь жить остаются, да и самые коренные жители сего города за мѣстопребываніе свое платятъ жестокую дань, какъ то видно изъ списковъ родившихся и умирающихъ въ семъ городѣ. Въ 1810 году изъ числа жителей, коихъ состояло 12915, родилось обоего пола 781 душа, а умерло 799, въ 1811 г. родилось 820, а умерло 849“. Обратилъ факультетъ вниманіе и на самихъ жителей и особенно низшаго состоянія людей, и нашелъ, что „блѣдный цвѣтъ лица, изнеможенное тѣло, воспаленные глаза или и совершенная слѣпота суть постоянные ихъ признаки“.

Въ чемъ же причины такого состоянія здоровья населенія? Объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ указаній факультета на санитарное состояніе города. „Городъ Харьковъ—писалъ факультетъ—раздѣляется на три главныя части, изъ которыхъ одна расположена на довольно возвышенномъ мѣстѣ, прочія же занимаютъ по обѣ стороны онаго возвышенія пространныя болотистыя низменности, по коимъ текутъ протоки Лопань и Харьковъ, рѣками здѣсь именуемые и соединяющіеся въ одинъ протокъ въ самомъ городѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ настоящаго положенія университета. Хотя и самая болотистость оныхъ двухъ низменныхъ частей города можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье населяющихъ оныя двѣ части, но дѣйствіе сіей причины не было бы столь сильно безъ соучастія другихъ причинъ, зависящихъ отъ худого содержанія города. Причины сіи суть: 1) настоящій образъ содержанія рѣкъ, 2) содержаніе и умноженіе болотъ и 3) безпрестанно увеличивающееся засореніе издавна сильно упавоженнаго города. Обѣ вышеозначенныя рѣки, будучи маловодны, загачены навозными плотинами частью ниже, а частью выше города и даже въ самомъ городѣ на тотъ конецъ, дабы поставленныя на плотинахъ мельницы могли всегда имѣть воду для мельничной потребы. Симъ способомъ обращены сія рѣчки въ совершенные пруды со стоячею водою, которая въ сухое и бездождное время, лѣтомъ, за маловодіемъ недостаточна будучи и для мельницъ, гніетъ только и выпаряется. Одна же изъ сихъ рѣкъ, Лопанью называемая, при своемъ съ Харьковомъ соединеніи, теряетъ всякое теченіе, что происходитъ вѣроятно отъ возвышеннаго тутъ чрезъ наносную землю дна, такъ что Лопань, кромѣ выпаренія, инаго пути не имѣетъ, а отъ сего самаго, особливо около соединенія ея съ Харьковомъ, въ лѣтнія ночи воздухъ толико обремененъ бываетъ мефи-

[1]) Х. Г. В. 1859, № 28 и 30.

тическимъ газомъ, что съ трудомъ продолжать путь можно. Таковымъ воздухомъ питается большая часть города, а близь лежащими жителями употребляется и самая вода для питья и пищи".

„Второе зло составляютъ многочисленныя болота, изъ коихъ одни можно назвать временными, а другія—всегдашними. Первыя составляетъ мелководная рѣка Лопань, во всякое дождливое время, а особенно весною и осенью выходящая изъ береговъ и покрывающая всю равнину. Здѣсь время отъ времени производится несмѣтное множество болотъ. Вторыя или всегдашнія болота, даже совершенныя озера, находятся въ самомъ городѣ въ великомъ количествѣ, кои, имѣя, по видимому, свои ключи, никогда почти до суха не выпариваются и тѣмъ составляютъ вѣчный магазинъ мефитическихъ испареній. Въ сихъ болотахъ водится невѣроятное множество лягушекъ, черепахъ и бездна разныхъ насѣкомыхъ. Нѣкоторыя изъ сихъ (болотъ) лежатъ между садовъ и огородовъ, другія находятся даже по дорогамъ, и можно утвердительно сказать, что нѣтъ въ нижнихъ частяхъ города и его предмѣстьяхъ ни одной улицы, которая бы не имѣла собственнаго болота, гдѣ водились бы тѣже самыя животныя, ежели бы городъ былъ малолюднѣе, и они не были бы покрыты навозомъ. Прикрытіе сіе или засыпка здѣсь производится слѣдующимъ образомъ: кладутъ сперва фашинникъ, а сей засыпаютъ навозомъ, пескомъ, землею или золою изъ мыльнаго завода. Сія вещества въ сухое время составляютъ тягостную и не безвредную для глазъ пыль, а въ мокрое—сильную грязь и неудобную ѣзду, отъ чего происходитъ, что мы имѣемъ въ лѣтнее время или сильную пыль, или непроходимую грязь. Симъ образомъ болота по улицамъ прикрыты, правда, но отнюдь не высушены, поелику съ великою вѣроятностью можно сказать, что всѣ сія болота имѣютъ свои ключи, коихъ воды подъ фашинникомъ вѣчно гніютъ и способствуютъ къ безпрестанному умноженію мефитическихъ испареній. Вѣроятно, что всѣхъ сихъ болотъ ключи могли бы дать чистые пруды, хорошіе колодцы или родники и доставили бы городу обильную и здоровую воду вмѣсто гнилой рѣчной или той колодезной, преизобилующей соленитными (сѣрнистыми) частицами, которую мы теперь принуждены употреблять".

„Третій источникъ зловредности состоитъ въ томъ, что городъ, издавна уже унавоженный, безпрестанно болѣе унаваживается. Городъ Харьковъ, по торговлѣ своей, принадлежитъ къ важнѣйшимъ коммерческимъ россійскимъ городамъ. Онъ имѣетъ четыре знатныя въ году ярмарки, на которыя съѣзжаются всякаго рода люди и купечество съ различнымъ товаромъ изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ; сверхъ того каждую недѣлю бываетъ два торга. Все сіе происходитъ внутри самаго города; съѣздъ съ возами и лошадьми бываетъ такъ многочисленъ, что съ трудностью можно пѣшкомъ пробраться. Возы и лошади во всѣ сія времена стоятъ по площадямъ и улицамъ, а отъ сего не только всѣ улицы, но и площади такъ унавожены, что отъ несносной пыли въ сухое время съ великою трудностью по нимъ ходить можно, а въ мокрое, по причинѣ невѣроятной грязи, проходить нѣтъ никакой возможности. Весьма часто грязь сія до такой степени увеличивается, что и въ экипажахъ ѣздить бываетъ невозможно, а что сіе дѣйствительно не рѣдко бываетъ, то доказываютъ опредѣленія совѣта о прекращеніи лекцій, которое обыкновенно не прежде бываетъ, какъ когда всѣ уже изъ силъ выбьются. Грязь сія происходитъ отъ великаго количества повсюду въ городѣ находящагося навоза, который со дня на день увеличивается, не будучи никуда свозимъ, да со многихъ улицъ, хотя бы и захотѣли, по причинѣ фашинника, коимъ онѣ выстланы и возвышены, и свозить невозможно. Судя по безпрестанно увеличивающейся грязи и трудности въ городѣ ходить и ѣздить, можно утвердительно сказать, что скоро придетъ время, въ которое по сей самой причинѣ городъ Харьковъ купечествомъ будетъ наконецъ брошенъ. Къ навозу, на улицахъ и площадяхъ находящемуся, должно еще прибавить накопившійся на постоялыхъ дворахъ и составляющій такую грязь, что онъ тамъ и въ самыя лѣтнія жары не вовсе высыхаетъ и во время здѣшней зимы насквозь не промерзаетъ. Словомъ, городъ Харьковъ можно назвать фабрикой, на которой производится навозъ Къ сему навозу нельзя при обстоятельномъ описаніи города не прибавить того навоза, который происходитъ отъ несмѣтнаго множества свиней и собакъ, наполняющихъ дворы и улицы сего города. Навозъ сей, перемѣшиваясь во всѣ времена года, издаетъ пренесносный запахъ, отчего происходитъ то, что всякій идущій по улицѣ, а особливо во время грязи, долженъ закрывать носъ, ротъ и самые даже глаза. Сему не мало споспѣшествуетъ и то, что еще никто не видѣлъ, чтобы нечистота нужнаго мѣста кѣмъ либо вывозима была вонъ изъ города. Итакъ весь навозъ отъ существованія Харькова въ немъ остается. Еще способствуетъ къ порчѣ воздуха въ городѣ и то, что заводы находятся внутри города: мыловарни и самыя бани близь самаго города".

„Кто же можетъ усомниться по семъ, что всѣ сіи роды навозовъ, находясь въ безпрестанномъ вымѣшиваніи и броженіи, не производятъ и не производятъ почти безпрерывно великое количество мефитическаго воздуха, растворяющагося въ атмосферѣ, которою здѣшнимъ жителямъ дышать должно день и ночь; что сіе преизобилованіе въ атмосферѣ вредотворныхъ гасовъ, дѣйствуя на весь организмъ, пріуготовляетъ и располагаетъ оный къ самымъ жестокимъ нервическимъ болѣзнямъ, которыя по временамъ дѣйствительно появляются и свирѣпствуютъ. Горе намъ было бы, еслибы вѣтры и бури не приходили по временамъ разгонять ядомъ наполненную атмосферу. Нельзя, однако, не сознать, что она медленнѣе и съ меньшею силою дѣйствуетъ на людей, свободно живущихъ и на воздухѣ, каковъ бы онъ ни былъ, тѣлесно упражняющихся, нежели на людей запертыхъ въ комнатахъ, ведущихъ сидячую жизнь при постоянномъ умственномъ напряженіи. Сіи послѣдніе, смотря по возрасту, по силамъ, по темпераменту и образу жизни, ранѣе или позднѣе не избѣгнутъ того, чтобы не сдѣлаться жертвою столь многихъ обстоятельствъ, угрожающихъ ихъ жизни. Всѣ пріѣзжающіе сюда жить и учиться примѣтно и скоро теряютъ привезенный съ собою цвѣтъ лица, которое покрывается, можно сказать, харьковскою бѣлизною, означающею не маловажную перемѣну въ цѣломъ организмѣ, а сей знакъ тѣмъ печальнѣе, что, предвѣщая остающемуся здѣсь для занятій науками столь опасную будущность, лишаетъ его всякой живости и бодрости“ [1]).

Таковы были санитарныя условія въ Харьковѣ, когда онъ находился подъ управленіемъ такого просвѣщеннаго и заботливаго о городскомъ благоустройствѣ губернатора, какъ Бахтинъ. Раньше было еще хуже. Такъ въ 1803 г. врачебная управа указывала на странный и вредный обычай: на харьковскихъ кладбищахъ были общія большія ямы, въ которыя клалось по нѣсколько гробовъ, но не разомъ, а такъ, что положа въ общую яму гробъ, дожидаютъ, пока принесенъ будетъ другой и третій, сколько въ ту яму можетъ помѣститься; благодаря этому гробы лежали въ ямѣ иногда нѣсколько дней не зарытые въ землю. Вслѣдствіе этого воздухъ сильно заражался, и мимо кладбища не было возможности пройти. Особенно страдало отъ этого ближайшее къ кладбищамъ населеніе, а въ вѣтряную погоду зловоніе распространялось даже въ предѣлахъ города. Такія общія могилы дѣлались преимущественно на зимнее время, потому что рыть отдѣльныя могилы для каждаго покойника было трудно. Съ наступленіемъ весны жители вынимали своихъ покойниковъ изъ общихъ ямъ и хоронили уже въ отдѣльныхъ могилахъ [2]).

Неблагопріятными санитарными условіями объясняется въ значительной степени и та большая смертность, какая наблюдалась въ описываемое время. По подсчету В. Н. Каразина,

въ 1808 г.	при населеніи	12792	умерло	654,	т. е.	5,11%.
„ 1809 „	„ „	12983	„	655	„	5,04%.
„ 1810 „	„ „	12915	„	799	„	6,18%.
„ 1811 „	„ „	13036	„	849	„	6,57%.
„ 1812 „	„ „	12973	„	988	„	7,60%.
„ 1813 „	„ „	12757	„	907	„	7,10%.
„ 1814 „	„ „	12592	„	832	„	6,60%.
„ 1815 „	„ „	12662	„	700	„	5,52%.
„ 1816 „	„ „	12781	„	605	„	4,73%.
„ 1817 „	„ „	12892	„	581	„	4,50%.

Средній процентъ смертности составлялъ такимъ образомъ 5,88. Огромная смертность и инфекціонныя заболѣванія побудили профессоровъ Харьковскаго университета сдѣлать постановленіе о переводѣ университета изъ Харькова въ другое какое либо мѣсто.

Не въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ жили харьковцы и въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Дѣло дошло до того, что непечитель округа Перовскій, ссылаясь на невозможныя санитарно-гигіеническія условія г. Харькова возбудилъ ходатайство о переводѣ Харьковскаго университета въ Новгородъ Сѣверскъ [3]).

Городъ по прежнему содержался грязно. Правда, время отъ времени губернское начальство обращало на эту часть свое вниманіе и слало полиціи предписаніе объ очисткѣ города, но толку отъ этого

[1]) Статистич. Листокъ 1883 г. № 5 стр. 81—83.

[2]) Арх. Гор. Думы. Подл. приг. 1803 г. апрѣля 20.

[3]) Д. И. Багалѣя „Опытъ Исторіи Харьк. универ.“, т. 2-й, стр. 400—403.

не получалось никакого. Обыватели совершенно не понимали значенія чистки и всякихъ вообще санитарныхъ мѣропріятій, въ которыхъ видѣли только ненужное стѣсненіе, а полиція, стоявшая по уровню развитія не выше населенія и тоже скептически относившаяся къ вопросу о значеніи чистоты, заботилась не столько объ исполненіи приказа, сколько о тѣхъ выгодахъ, какія изъ него можно извлечь. Къ тому же и само начальство не очень то безпокоилось объ исполненіи своего предписанія. Только такой безпокойный губернаторъ, какъ Грибовскій, относился къ дѣлу построже. Въ одномъ изъ своихъ предписаній онъ даже погрозилъ полиціи, что въ случаѣ неисполненія его требованія онъ прикажетъ очистить городъ на счетъ полицейскихъ чиновниковъ. Но и это не помогло. Въ 1829 г. врачебная управа сообщала губернскому правленію, что не смотря на многократныя представленія ея, повторяемыя едва ли не ежегодно, на берега харьковскихъ рѣкъ и на самыя рѣки въ зимнее время свозится навозъ и всякій соръ, который и образуетъ здѣсь цѣлыя кучи. Управа доказывала губернскому начальству, что отъ этого не только портится вода и дѣлается къ употребленію неспособною, но засоряются и самыя рѣки. На сей разъ губернское правленіе рѣшилось привести угрозу Грибовскаго въ исполненіе и приказало очистить рѣки на счетъ частныхъ приставовъ и квартальныхъ, виновныхъ въ небрежности. Полиціймейстеру было объявлено, что если и впредь рѣки будутъ содержаться грязно, то очистка ихъ будетъ отнесена уже на его, полиціймейстера, счетъ [1]).

О санитарномъ состояніи города въ 1830 г. даетъ понятіе одно изъ „предложеній“ прокурора Жадовскаго губернскому правленію. Вотъ какъ изображаетъ Жадовскій тогдашній Харьковъ, какъ разъ въ это время страдавшій отъ „пагубной холеры“:

„Улицы и торговыя площади никогда не подметаются, и нечистоты и соръ, скопляющіеся на первыхъ отъ проѣзда, а на вторыхъ отъ базарныхъ дней, остаются, на нихъ и тутъ-же изгниваютъ. На оныхъ во весь день бродятъ коровы и свиньи или, лучше сказать пасутся тутъ. Во многихъ мѣстахъ на улицѣ находятся застойныя рытвины, кои при малѣйшемъ дождѣ наполняются водою и грязью и дѣлаютъ проѣздъ затруднительнымъ, ибо стока воды и грязи не дано. Таковая нечистота, произведя сырость и распространяя гнилость въ воздухѣ, дѣлаетъ оный вреднымъ для обитателей. На дворахъ домовъ надлежащей чистоты не соблюдается, ибо все выбрасываемое изъ кухонь и конюшенъ не вывозится, а изгнивая въ стѣсненномъ пространствѣ оныхъ, производитъ удушающій смрадъ. Корпусъ, занимаемый присутственными мѣстами, оставленъ совершенно безъ всякаго надзора, и нечистоты не только около онаго, но даже и внутри, въ корридорахъ и сѣняхъ, распространяютъ такой смрадъ, что можно назвать его заразительнымъ; дворики-же, находящіеся внутри онаго, такъ засорены, что не только взойти на нихъ, но и пройти мимо нельзя безъ отвращенія и задушенія. Здѣсь не только пренебрежна чистота, пристойная каждому мѣсту, но забыто и приличіе, въ каковомъ должны содержаться присутственныя мѣста. Рѣки, едва текущія, коихъ вода, бывъ удержана мельничною плотиною, въ самомъ городѣ устроенною, отъ того портится и цвѣтетъ, не охраняются, какъ слѣдуетъ, отъ засоренія, ибо по теченію оныхъ въ городѣ допускается мытье выдѣлываемыхъ кожъ и прочихъ окрашиваемыхъ фабричныхъ произведеній, позволяется свозить въ оныя всякій соръ и сбрасывать грязь съ мостковъ, а зимою на льду рѣкъ располагается торговая площадь, оная портитъ воду и дѣлаетъ ее для употребленія отвратительною и вредною. Сверхъ сего, на рѣкахъ для мытья бѣлья прачкамъ не устроено плотиковъ или моекъ, и сіи несчастныя, не смотря на время года и погоду, для отправленія своего дѣла вынуждены по колѣна стоять въ водѣ иногда долѣе трехъ часовъ. Вотъ источникъ простудъ, лихорадокъ и горячекъ, часто здѣсь бывающихъ и приписываемыхъ вліянію нездороваго воздуха и мѣстоположенія. Не устроено за городомъ бойни, въ коей-бы торговцы мясомъ могли производить приготовленіе онаго, а мясники рогатый скотъ бьютъ на дворахъ своихъ, мелкій-же въ самомъ мясномъ ряду, не очищая и не свозя никогда ни съ дворовъ, ни отъ лавокъ нечистоту и изверженіе, отъ чего распространяющееся по городу зловоніе совершенно заражаетъ атмосферу и причиняетъ вредъ здоровью и смертность“.

Въ томъ-же 1830 г. уѣздный стряпчій, лично осмотрѣвъ бойни и салотопни, далъ о нихъ слѣдующій отзывъ въ донесеніи прокурору Жадовскому: „заведенія, гдѣ бьютъ скотъ, устроены совершенно внутри жилищъ; кровь, истекающая изъ скота, равно и требуха, находившаяся во внутренности живот-

[1]) Арх. Гор. Думы. Входящ. реестръ за первую полов. 1829.

наго, не отвозятся въ отдаленныя мѣста, а бросается все то на мѣстѣ, отъ чего самаго грязи многое скопленіе, особливо же въ лѣтнее время, приходитъ въ такую гнилость, что свѣжій человѣкъ никакъ не можетъ сносить онаго, и вблизи живущіе около сихъ заведеній обыватели могутъ терпѣть черезъ неопрятность и приведеніе всего того въ гнилость даже и самыя болѣзни". Скотъ убивался безъ освидѣтельствованія его лѣкаремъ и полиціей, такъ что доброкачественность продаваемаго мяса подлежала сильному сомнѣнію. На салотопленныхъ заводахъ „кости изъ бурть или котловъ, не вывозя оныхъ въ отдаленное мѣсто, бросаются въ самомъ кругу жительства въ значительномъ количествѣ, отъ которыхъ происходитъ во время лѣтнее нестерпимый запахъ" [1]).

Таковы были факты. И губернскій прокуроръ не ограничился простымъ констатированіемъ ихъ, а выступилъ и съ предложеніемъ ряда мѣръ къ улучшенію безобразнаго состоянія города. Жадовскій находилъ нужнымъ:

„1. Строжайше предписать градской полиціи, чтобъ она, воспользовавшись наступающими морозами, дѣятельно понудила хозяевъ очистить ихъ дворы и всякую нечистоту на улицахъ и около лавокъ, въ особенности-же мясныхъ, употребя тщательный надзоръ за точнымъ сего исполненіемъ, равно и поддержаніемъ того на будущее время.

2. Торговыя площади содержать въ должной чистотѣ и для того подметать оныя послѣ всякаго базарнаго дня и соръ сей вывозить за городъ въ пристойное мѣсто.

3. Въ лѣтнее время улицы подметать хоть разъ въ недѣлю, а зимою наблюдать за заравниваніемъ выбоинъ и раскатовъ.

4. Имѣть строгій присмотръ, чтобъ не засоряли рѣкъ ни лѣтомъ чрезъ допущеніе мытья въ оныхъ выдѣлываемыхъ кожъ и разныхъ окрашиваемыхъ фабричныхъ произведеній, ни зимою чрезъ дозволеніе вывозить на ледъ всякій соръ и нечистоту; равно воспретить торговой площади помѣщаться на льду рѣкъ, ибо ледъ, задерживаемый мельничною плотиною, не проходитъ ниже по теченію, а изгниваетъ на мѣстѣ, отъ чего и скопляющаяся на ономъ нечистота большею частію осѣдаетъ на дно и портитъ свойства воды, которая до того уже повреждена, что по величайшей только крайности можно употреблять ее въ питье и на кухнѣ. Для удобнѣйшаго-же сохраненія воды отъ засоренія и порчи, причиняющихъ величайшій вредъ жителямъ, по нуждѣ пользующимся оною, я полагаю необходимымъ содержать воду не въ столь большомъ возвышеніи, отъ каковаго подтопляются всѣ близъ лежащіе домы, заливаются дворы, погреба и подвалы, и вовсе уничтожить мельничную плотину, а замѣнить оную холостою, составленною изъ шлюзовъ, посредствомъ коихъ можно-бы было спускать и ледъ, и воду, когда-то признается нужнымъ для освѣженія оной. Предметомъ устройства таковой плотины должно имѣть единственно удержаніе воды, потребной къ наполненію прудовъ для мытья, и оное-же должно служить средствомъ, недопускающимъ застаиваться и портиться водѣ.

5. Всѣ фабричныя заведенія, ничтожныя по существу своему, находящіяся въ самомъ городѣ вверху теченія, вывесть за городъ, дабы они издѣлья свои могли мыть ниже города, или имѣть за симъ бдительный надзоръ".

Жадовскій рекомендовалъ предписать городской думѣ:

„1. Чтобъ она немедленно на протяженіи рѣкъ Харькова и Лопани въ пристойныхъ мѣстахъ устроила до 10-ти и болѣе плотиковъ или моекъ для мытья бѣлья и содержала бы оные въ должной исправности. Конечно, всякій хозяинъ дома и живущій семейнымъ образомъ охотно согласится платить съ дому или привозимаго воза бѣлья опредѣленную плату за таковое удобство, лишь-бы прачки не стояли по нѣсколько часовъ по колѣна въ водѣ, ибо потеря ихъ здоровья и лѣченіе не только по чувству человѣколюбія, но и по разсчету стоятъ гораздо дороже и составляютъ неоплатное разстройство въ домашнемъ обиходѣ. Да если-бы по большому числу бѣдныхъ обывателей и не вознаграждался сей ничтожный расходъ, долженствующій быть отнесенъ на счетъ городского дохода, то и это не болѣе бы значило, какъ что каждый воспользовался своимъ, ибо городскіе доходы составляются изъ сборовъ съ тѣхъ же обывателей, кои будутъ пользоваться симъ устройствомъ, и цѣль собиранія доходовъ есть—доставленіе необходимыхъ удобствъ и выгодъ жизни, каковыхъ каждый частно не могъ-бы имѣть.

---

[1]) Арх. Гор. Пр. Дѣло о незак. закупкѣ скота, торговлѣ мясомъ и саловарении 1830 г.

2. Чтобы градская дума отвела или пріобрѣла покупкою мѣсто за городомъ и близъ рѣки, на коемъ удобно-бы было устроить бойню для скота. Постройкою-же оной распорядилась-бы по соображенію, то есть: найдетъ-ли выгоднымъ и удобнымъ построить отъ города съ тѣмъ, чтобъ торгующіе мясомъ могли у нея нанимать оную погодно за условную плату, или почтетъ за лучшее предоставить постройку обществу торгующихъ мясомъ или частно одному кому-либо, со взиманіемъ платы только по цѣнности земли, занимаемой симъ строеніемъ, или инымъ какимъ образомъ.

3. Чтобъ дума и полиція обще занялись выравненіемъ площадей и улицъ, пригласивъ къ тому и хозяевъ домовъ, ибо работы сіи должны быть произведены индѣ на счетъ общей городской суммы, а въ другихъ мѣстахъ отъ самихъ обывателей. Устройство стоковъ воды и грязи совершенно необходимо, потому что многіе домы какъ-бы затоплены застойными на улицахъ лужами, препятствующими и проѣзду. По сему случаю весьма полезно-бы было воспользоваться настоящимъ оскудѣніемъ въ продовольствіи сельскихъ обывателей, коихъ недостатокъ сей подвигнетъ на дѣятельность, и они готовы будутъ заняться сею работою за умѣренную цѣну для поддержанія существованія своего, а городу съ выгодою исправить повинность необходимѣйшую, отъ упущенія коей терпитъ каждый. Прекраснѣйшій случай сохраненія обоюдной пользы и удобства.

Съ наступленіемъ весны надобно немедленно приступить къ сему, дабы до открытія полевыхъ работъ и въ промежуткахъ между оными могло все сіе сдѣлаться. Заготовленіемъ фашиннику и песку, кои суть единственные къ сему средства и матеріалы по мѣстному отношенію, можно заняться и теперь, къ чему охотно приступятъ помѣщики, обязанные нынѣ кормить своихъ крестьянъ собственнымъ иждивеніемъ, и волости, одолжающіяся обществомъ отвѣтствовать за исправность возврата ссуды.

Губернскому правленію, имѣющему въ распоряженіи своемъ сумму, отпускаемую ежегодно на поправленіе казенныхъ зданій и поддержаніе оныхъ, надлежитъ распорядиться очищеніемъ около и внутри корпуса присутственныхъ мѣстъ, вставленіемъ стеколъ и содержаніемъ въ пристойномъ видѣ подъѣздовъ, сѣней и корридоровъ, что и должно быть поручено экзекутору онаго, съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ и впредь имѣлъ за приличнымъ порядкомъ бдительный надзоръ и заподрядилъ-бы людей, кои-бы ежедневно или еженедѣльно вывозили нечистоту, а подметаніе можетъ отправлять сторожами присутственныхъ мѣстъ, кои въ семъ отношеніи должны быть всѣ ему подвѣдомы.

Употребивъ стараніе и должное вниманіе на всѣ вышеупомянутые мною предметы, относящіеся къ узаконенному порядку и чистотѣ, я надѣюсь, что городъ будетъ огражденъ отъ опасности заразы, распространяющейся въ воздухѣ и чрезъ питье испорченной воды; эпидемическія болѣзни, лишась средствъ, поддерживающихъ оныя, прекратятся, и мѣстоположеніе Харькова избавится отъ нареканія, недомостроительностію ему навлеченнаго, а проѣзжающіе не будутъ тонуть въ грязи на городскихъ улицахъ".

Проекты Жадовскаго успѣха не имѣли, потому что губернское начальство усмотрѣло въ его предложеніи вмѣшательство не въ свое дѣло и нареканіе на мѣстную администрацію. Проекты прокурора были вообще признаны „поверхностнымъ обозрѣніемъ". Что касается плотины, о которой писалъ Жадовскій, то губернское правленіе нашло, что въ этомъ отношеніи сдѣлано все, что можно сдѣлать: распоряженіе объ отвращеній застоя воды въ рѣкахъ сдѣлано еще въ 1827 г., ну, а нарушать права частной собственности оно не въ правѣ. Указанія на загрязненіе рѣкъ соромъ губернское правленіе признало недостовѣрнымъ, „ибо городская полиція обязана не дозволять сіе, но отвращать". Устройство плотиковъ для прачекъ найдено было не нужнымъ, ибо губернское правленіе „никакъ не могло согласиться, чтобы, какъ мнитъ г. губернскій прокуроръ, простуды, лихорадки. горячки возникали отъ той именно причины, что моется бѣлье не на плотикахъ: работа мытья въ рукахъ людей класса низшаго, привыкшаго съ самаго младенчества при сильныхъ трудахъ своихъ сносить одинаково стужу и зной... а если бы (чего Боже сохрани) устроеніе мыть бѣлье порождало болѣзни, то онѣ были бы неизбѣжны болѣе всего въ селеніяхъ, гдѣ осторожности принимаются не какими особыми распоряженіями, но единымъ натуральнымъ чувствомъ охраненія себя". О бойняхъ губернаторъ отозвался, что онъ сдѣлалъ о нихъ распоряженіе въ давнемъ уже времени, которое и приводится въ исполненіе, что же касается чистоты присутственныхъ мѣстъ, то и объ этомъ въ свое время составленъ журналъ губернскаго правленія, который и посланъ на просмотръ прокурору. Въ концѣ концовъ по разсмотрѣнію губернскаго правленія оказалось, что „всѣ части устройства города для доставленія обитателямъ онаго возможныхъ выгодъ, чистоты и

опрятности для вида и охраненія здравія жителей всегда были во вниманіи полицейскаго управленія подъ личнымъ наблюденіемъ г. гражданскаго губернатора, отъ котораго и все распоряженіе объ ономъ зависитъ". Предложеніе Жадовскаго было признано не только безполезнымъ для дѣла, но и неуважительнымъ по отношенію къ „первому въ губерніи мѣсту", ибо прокуроръ обратился въ правленіе съ „предложеніемъ" — форма, „которая подходитъ больше къ бумагамъ отъ лица начальствующаго". Жадовскій написалъ пространный и прекрасный рапортъ министру юстиціи, въ которомъ детально, умно и зло разобралъ возраженія губернскаго начальства, но толку изъ этого не вышло, и самъ Жадовскій вскорѣ былъ переведенъ изъ Харькова [1]). Столь же безрезультатнымъ оказалось и представленіе университета объ улучшеніи нѣкоторыхъ санитарныхъ условій г. Харькова, отправленное министру народнаго просвѣщенія въ 1827 году; отвѣтъ на него былъ полученъ только въ 1835 г. [2]). Что прокуроръ и университетскій совѣтъ не преувеличивали санитарныхъ безобразій Харькова, видно и изъ документовъ, исходившихъ отъ самой же администраціи. Въ томъ же 1830 г. Харьковскій полиціймейстеръ доносилъ губернатору: „въ первой части г. Харькова, въ занетечинскомъ кварталѣ, торгующіе мяснымъ товаромъ разнаго званія жители при домахъ своихъ имѣютъ бойни и саловарни, и нечистоты въ ихъ заведеніяхъ и заводахъ умножается ежедневно болѣе; смрадъ въ лѣтніе вечера, особенно при южномъ вѣтрѣ, ощутителенъ и въ центрѣ города, отъ коего разстояніе самыхъ дальнѣйшихъ саловаренъ и боенъ не болѣе 450 саж. по прямому направленію" [3]). Назначена была для осмотра боенъ коммиссія съ представителемъ отъ городской думы, которая нашла, что всѣ саловарни и бойни, въ занетечинскомъ кварталѣ состоящія, по заведеніямъ своимъ наносятъ въ воздухѣ ощутительное зловоніе, а въ дворахъ отвратительную нечистоту, и что дальнѣйшее на тѣхъ мѣстахъ существованіе оныхъ сколько вредно относительно здоровья обывателей г. Харькова, столько и не прилично по устройству оныхъ внутри городской черты. И администрація, и дума находили необходимымъ вывести саловарни и бойни изъ города. Намѣчены были для этого четыре пункта, но ни на одномъ изъ нихъ не остановились, такъ какъ мѣста эти принадлежали либо казнѣ, либо частнымъ лицамъ, а собственнаго выгона у города не было [4]). Во второй части города воздухъ заражали рѣзаники, а въ третьей „кушниры", занимавшіеся выдѣлкою кожъ. Выдѣлка кожъ производилась кушнирами въ ихъ собственныхъ домахъ, среди домовъ другихъ городскихъ обывателей. Кушниры занимались своимъ дѣдомъ безпрепятственно по примѣру отцовъ и дѣдовъ. Въ 30-хъ годахъ на своеобразный запахъ, царившій надъ всею этою частью города, обратило наконецъ вниманіе начальство. Кушнирей стали тѣснить, а въ 1833 г. полиція обязала ихъ подпискою совершенно прекратить свое дѣло, или же вывести свои заведенія за предѣлы города. Кушниры подали прошеніе губернатору, въ которомъ ходатайствовали о надѣленіи ихъ за городомъ землею для устройства ихъ заведеній и о пріостановкѣ до тѣхъ поръ запрещенія производить промыселъ. Но земли у города не оказалось. Дума, гдѣ обсуждался этотъ вопросъ, порѣшила на томъ, что кушниры, буде желаютъ продолжать свое дѣло, сами могутъ отыскать мѣста, удобныя для устройства ихъ заведеній [5]).

При такомъ отношеніи къ вопросамъ общественной гигіены трудно допустить, чтобы „народное здравіе" въ Харьковѣ того времени стояло на должной высотѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ цифръ ни о смертности харьковцевъ въ тѣ годы, ни тѣмъ паче о ихъ заболѣваемости. Знаемъ только, что, когда въ Харьковѣ появилась азіатская холера, она нашла здѣсь для себя обильную жатву. Особенно многочисленны были ея жертвы въ мѣстностяхъ, отличавшихся наихудшими санитарными условіями, какъ напр. въ Занетечинской части, на Цыганской улицѣ и др. И замѣчательно, что даже въ это время мѣстное начальство объ улучшеніи санитарныхъ условій города почти не думало. Всю свою задачу оно видѣло въ томъ, чтобы лечить заболѣвшихъ и изолировать зараженные пункты. Докторъ М. В. Томашевскій, обслѣдовавшій метрическія книги православныхъ церквей Харькова за 1830 г., констатируетъ, что первыя холерныя заболѣванія проявились въ городѣ уже 23 іюля. Въ іюлѣ, по свѣдѣніямъ Томашевскаго, отъ холеры умерло три человѣка, а въ августѣ—41, но мѣры борьбы противъ эпидеміи, какъ видно

[1]) Арх. Губ. Правленія. Дѣло о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по части полицейской въ г. Харьковѣ 1830 года.
[2]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. ун-та, т. 2, стр. 387—388.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1850 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1831 г.
[5]) Арх. Хар. Губ. Правл. Дѣло объ отводѣ городомъ мѣста для выдѣлки кожъ. 1833 г. № 3266.

изъ находившихся въ нашемъ распоряженіи оффиціальныхъ документовъ, стали приниматься только около половины сентября. Городской думѣ было приказано приготовить подъ холерную больницу домъ, раньше занимавшійся богадѣльней, вычистить его, выкрасить, заготовить дрова и свѣчи, доставить кровати и все необходимое для больницы. Губернаторъ созвалъ чрезвычайное собраніе изъ членовъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, правленія университета, профессоровъ медицинскаго факультета, инспектора врачебной управы и другихъ чиновниковъ. Рѣшено было подвергать эвакуированныхъ изъ холерныхъ домовъ жителей 14-дневной „обсерваціи“ съ обливаньемъ растворомъ хлористой извести, а холерные дома очищать по карантиннымъ правиламъ. Пишу обывателямъ, попавшимъ въ „обсервацію“, обязана была доставлять дума: Для борьбы съ холерой былъ учрежденъ особый губернскій комитетъ. Заботы объ общественной гигіенѣ ограничились только предписаніемъ думѣ немедленно осушить въ городѣ мѣста, на которыхъ застаивается и загниваетъ вода, и очистить всякія нечистоты. Судя по трудности задачи и по примѣрамъ прежняго отношенія думы къ этому дѣлу, нужно полагать, что по сей части было сдѣлано очень немногое, но дальнѣйшихъ настояній начальства въ этомъ вопросѣ не видимъ. Принятыя мѣры, однако, не помогали. Въ сентябрѣ холера успѣла уложить въ гробъ 64 жителя православнаго исповѣданія да не щадила, вѣроятно, и иновѣрцевъ. Въ октябрѣ болѣзнь приняла прямо угрожающіе размѣры. Вмѣсто одной холерной больницы явились двѣ, а потомъ три, по одной въ каждой полицейской части. Кромѣ врачей при больницахъ находились и студенты-медики, получавшіе за это особое вознагражденіе. Прислуга бралась изъ „военно-служителей“. Прикомандированы были врачи и къ полицейскимъ частямъ. Такъ ко второй части были прикомандированы проф. Рейпольскій и лекарь Артемовскій-Гулакъ, къ третьей—Яковъ Гриневъ и институтскій врачъ Юнкертъ.

Для продовольствія населенія, сильно въ этомъ стѣсненнаго, функціонировала попечительная коммиссія, которая и продовольствовала бѣдныхъ безплатно, а достаточныхъ, но не имѣвшихъ въ наличности денегъ,—въ кредитъ. У Бѣлгородской заставы былъ устроенъ кордонъ, а въ зданіи бывшаго военнаго госпиталя—карантинная обсерваціонная застава. Въ половинѣ октября, когда эпидемія достигла своего наивысшаго развитія, городъ былъ оцѣпленъ и изолированъ отъ окружающихъ мѣстностей. Такъ какъ привозъ съѣстныхъ припасовъ въ Харьковъ сталъ невозможенъ, то на заставахъ въ четырехъ мѣстахъ были устроены временные базары: за Бѣлгородской заставой, на Конной площади, за Университетскимъ садомъ, на Холодной горѣ и на Основѣ. Заставы охранялись военными караулами, къ которымъ были прикомандированы чиновники разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Такъ какъ нуждающихся въ услугахъ базара выпускать за цѣпь было нельзя изъ опасенія, чтобы они не убѣжали изъ зараженнаго города и не разнесли заразу по другимъ мѣстамъ, опредѣлены были отъ каждаго квартала особые коммиссіонеры, которые и обязаны были покупать для жителей своихъ кварталовъ все нужное. На помощь къ нимъ велѣно было выбрать человѣкъ десять „расторопныхъ мѣщанъ“. Деньги, которыми расплачивались коммиссіонеры и „расторопные мѣщане“ съ продавцами, предварительно окуривались и обмывались. Въ коммиссіонеры купцы и мѣщане шли неохотно, но находились и такіе, которые бросались на это съ особеннымъ рвеніемъ. Нѣкоторые изъ нихъ умудрялись тайкомъ покупать за заставами цѣлые транспорты разныхъ продуктовъ для того, чтобы потомъ продавать ихъ въ городѣ дорогою цѣною.

Настроеніе населенія было удрученное. „Народъ—разсказываетъ Ф. О. Рейнгардтъ—пріунылъ. Распространился слухъ объ отравленіи колодцевъ неблагонамѣренными людьми и о погребеніи живыхъ людей по предписанію врачей и въ особенности проф. Брандейса. Чернь охотно повѣрила этимъ сказкамъ, ловила подозрѣваемыхъ отравителей, представляла ихъ шумною толпою властямъ при увѣреніи, что представляемый что-то (конечно, ядъ) наливалъ или сыпалъ въ воду, но большею частью сама расправлялась съ ними по свойски. Предполагаемаго главнаго виновника бѣдствія, проф. Брандейса, директора клиники, прозваннаго Брудесомъ-клиникомъ, особенно возненавидѣли, и однажды, при возвращеніи его изъ клиники за Лопань, толпа окружила его на мосту со злымъ намѣреніемъ и, разъяренная, кричала: „бить его, клиника, да въ воду!“ Насилу при помощи полиціи удалось вырвать его у толпы, посадить въ дрожки и отправить домой. Буйство росло, и полиція потеряла власть надъ освирѣпѣвшимъ народомъ“ [1]).

---

[1]) Харьковск. Сборникъ 1887 г. стр. 260.

Октябрь былъ самымъ страшнымъ мѣсяцемъ для харьковцевъ: въ теченіе его умеръ отъ холеры 251 житель православнаго исповѣданія. Въ ноябрѣ холера пріутихла. Число ея жертвъ не превышало 2 человѣкъ. Оцѣпленіе продолжалось до 20 ноября, когда наконецъ было снято, и городъ объявленъ благополучнымъ, а въ декабрѣ купечество уже ходатайствовало о разрѣшеніи Крещенской ярмарки.

Ф. О. Рейнгардтъ, воспоминанія котораго о холерномъ годѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ документальнымъ даннымъ, передаетъ, будто бы въ 1830 г. отъ холеры погибло болѣе 1000 чел. По свѣдѣніямъ Томашевскаго, въ теченіе холерной эпидеміи 1830 г. всего умерло 361 человѣкъ, а по подсчету протоіерея Чижевскаго, сдѣланному на основаніи тѣхъ же метрическихъ книгъ,—427. Чья цифра вѣрнѣе,—судить не беремся. Что касается числа заболѣваній, то о немъ мы не можемъ судить даже приблизительно. Изъ рапорта Курисовской больницы (т. е. больницы, помѣщавшейся въ домѣ генерала Куриса) видно, что за 40 дней ея существованія въ нее было доставлено 144 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло 73, а умерло 71. Если допустить такое соотношеніе умершихъ и выздоровѣвшихъ и для всего Харькова, то нужно будетъ заключить, что въ это время холерою переболѣло по крайней мѣрѣ около 700 человѣкъ и что умирало въ больницахъ 50% заболѣвшихъ.

Какъ передъ холерою, такъ и во время ея объ общественной гигіенѣ заботились очень мало. Умершихъ отъ холеры хоронили на тѣхъ же кладбищахъ, что и прочихъ покойниковъ, и хоронили очень небрежно. Весною 1831 г. на могилахъ холерныхъ подѣлались большія впадины, отчего сквозь насыпанную землю могли, какъ доносилъ полиціймейстеръ, проникать вредныя испаренія, способныя заражать воздухъ. Такія могилы велѣно было засыпать известью и забить землею.

Въ слѣдующемъ 1831 г. холера появилась снова, но уже въ гораздо болѣе слабой степени. Первыя заявленія о появленіи въ 3-ей части города болѣзни, похожей на холеру, стали поступать только въ іюнѣ. Была устроена больница на 50 кроватей, но дальнѣйшихъ мѣръ принимать не пришлось, такъ какъ въ теченіе всего періода эпидеміи отъ холеры умерло только 55 человѣкъ (по Чижевскому—75). Прекратились заболѣванія въ сентябрѣ.

Еще болѣе слабой была холера 1833 г. Посѣтила она Харьковъ въ іюлѣ и августѣ и за это время свела въ могилу 14 человѣкъ [1]).

Работы по благоустройству Харькова, начавшіяся съ тридцатыхъ годовъ, производство засыпей на низкихъ и болотистыхъ мѣстахъ и осушеніе этихъ мѣстъ посредствомъ каналовъ, а также уменьшеніе сплошной массы лѣсовъ, окружавшихъ городъ съ юга и съ сѣверо-запада, нѣсколько содѣйствововали улучшенію гигіеническихъ условій жизни населенія, но все же весьма недостаточно. Сырость почвы на низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ не изсякала по недостаточному осушенію ихъ, а навозныя растительныя вещества, по прежнему примѣнявшіяся къ засыпкѣ низменныхъ мѣстъ, поддерживали развитіе вредныхъ испареній. И въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ, какъ и въ тридцатыхъ, слышимъ тѣ же жалобы на запруженіе рѣкъ плотинами и на порчу въ нихъ воды. Лѣтомъ вода, по разсказу Питры, покрывалась грязными налетами. Вслѣдствіе задержанія воды плотинами на низкихъ мѣстахъ образовывались болота, которыя лѣтомъ, вслѣдствіе гніенія органическихъ веществъ, издавали запахъ, вредный для здоровья. По прежнему харьковцы зимою вывозили на рѣки всякій соръ, трупы павшихъ животныхъ, экскременты. Все это по проходѣ весеннихъ водъ попадало на низменныя мѣста и лѣтомъ заражало воздухъ. О мытьѣ кожъ въ рѣкахъ, какъ было въ тридцатые годы, Питра не упоминаетъ, но зато очень жалуется на мытье въ рѣкахъ шерсти, производившееся на мѣстныхъ мойкахъ [2]).

Удивительно-ли, что жители сильно страдали болѣзнями миазматическаго происхожденія? Замѣна деревянныхъ домовъ каменными не улучшила, а только ухудшила состояніе здоровья тѣхъ низшихъ классовъ городского населенія, на долю которыхъ достались помѣщенія въ подвальныхъ этажахъ этихъ роскошныхъ домовъ, сырыхъ даже въ возвышенныхъ частяхъ города. „Люди", помѣщавшіеся въ подвалахъ, болѣли особенно часто и сильно.

Въ 1842, 1843, 1846, 1847 и въ 1850 г.г., по свидѣтельству врачебнаго инспектора Горбанева, лихорадки въ Харьковѣ проявлялись въ ежедневномъ типѣ съ такою жестокостью, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Арх. Губ. Правл. Дѣло о холерѣ 1830 г. Такое же дѣло въ думскомъ архивѣ. Журн. Харьк. Гор. Думы 1831 г іюля 11. Статистич. Листокъ 1885 г., стр. 30.

[2]) Pitra. Specimen. Passim.

быстро наступало развитіе водянки, иногда-же приступы оканчивались апоплексической смертью; а въ 1843, кромѣ того, проявлялись лихорадки въ ежедневномъ типѣ удвоенный; а также и оканчивавшіяся каталепсіею. Замѣчательно, что въ эти годы лихорадки свирѣпствовали или весною, послѣ предшествовавшей ненастной дождливой зимы, или осенью послѣ знойнаго лѣта, и что въ эти же годы, за исключеніемъ 1850 г., бывали частые тифы, отличавшіеся особенной жестокостью. Въ 1849 г., которому предшествовало весьма знойное лѣто 1848 г., тифъ былъ господствующею болѣзнью въ продолженіе всего года, особенно осенью и весною [1]).

Въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ отмѣчаетъ въ своей, уже неоднократно цитированной нами, монографіи Питра, господствующая роль среди болѣзней принадлежала лихорадкамъ, простымъ и осложненнымъ. Харьковскія лихорадки, бывшія въ низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ эндемическою болѣзнью, не щадили ни пола, ни возраста; они болѣли даже грудные младенцы. Болѣзнь, какъ оно и слѣдуетъ, чаще поститала простонародье, нежели культурное общество. Только зимою лихорадка стихала, а въ январѣ встрѣчалась даже рѣдко. Изъ всѣхъ лихорадокъ особенно привилась въ Харьковѣ перемежающаяся лихорадка, свившая себѣ гнѣздо въ низменныхъ и болотистыхъ частяхъ города. Не было ни одного времени года, ни одного мѣсяца, когда бы эта болѣзнь не проявлялась въ Харьковѣ. Всѣ предпринимавшіяся тогда мѣропріятія по оздоровленію города не могли измѣнить ни силы, ни распространенности этой болѣзни, ибо Харьковъ, самъ въ значительной части расположенный на болотистой почвѣ, съ востока и въ особенности съ запада и юга былъ окруженъ тоже болотами, неизсякаемымъ источникомъ перемежающихся лихорадокъ. Лихорадками въ то время харьковцы не только болѣли, но и умирали отъ нихъ. О распространенности лихорадокъ свидѣтельствуютъ цифры за десятилѣтіе 1843—1852 г., взятыя Питрой изъ свѣдѣній больницы богоугодныхъ заведеній.

Вотъ что мы изъ нихъ узнаемъ:

Годы	Число больн.	Смертн. случаи
1843	775	5
1844	651	2
1845	670	2
1846	661	2
1847	754	3
1848	809	1
1849	824	7
1850	860	22
1851	836	14
1852	722	1

Не слѣдуетъ забывать, что эти цифры далеко не исчерпываютъ всего числа лихорадочныхъ заболѣваній въ городѣ. Тотъ-же Питра добавляетъ къ нимъ цифры больныхъ, лечившихся отъ лихорадки въ университетской клиникѣ. Оказывается, что такихъ больныхъ было въ 1849 г. 56, въ 1850—39 чел., въ 1851—83, въ 1852—109, въ 1853—110. Къ этому нужно прибавить больныхъ, не обращавшихся къ врачебной помощи, а лечившихся „домашними средствами“. При недоступности тогдашней медицины для простого народа и недовѣріи его къ ней, число такихъ больныхъ должно было быть очень значительнымъ.

Тифъ былъ также обычной болѣзнью въ Харьковѣ. Захватывалъ онъ обывателей въ родѣ эпидеміи, особенно къ концу осени. Страшная и распространенная эта болѣзнь держалась въ теченіе всей зимы и даже усиливалась, когда сѣверные вѣтры, на время уступивъ мѣсто южнымъ, вновь возвращались. Тифъ нападалъ на людей всѣхъ положеній и возрастовъ, даже на восьмилѣтнихъ дѣтей. Мужчины болѣли имъ чаще, чѣмъ женщины и дѣти, бѣдные—чаще, чѣмъ богатые. Тифъ ежегодно опустошалъ городъ, пригороды и сосѣднія села. Къ началу 50-хъ годовъ онъ, впрочемъ, сталъ менѣе смертоносенъ, что Питра объяснялъ улучшеніемъ гигіеническихъ условій жизни города, достигнутыхъ полицейскими мѣропріятіями

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 27.

генералъ-губернатора Кокошкина. Вотъ таблица о числѣ тифозныхъ больныхъ на Сабуровой дачѣ за 1843—1852 г.г.

Годы	Число больн.	Число смертей	Годы	Число больн.	Число смертей
1843	60	11	1848	86	29
1844	43	7	1849	85	28
1845	56	11	1850	111	25
1846	123	13	1851	51	10
1847	62	17	1852	31	4

Острыя сыпныя болѣзни—корь, rubeola, скарлатина и оспа проявлялись въ Харьковѣ ежегодно, большею частью къ концу зимы, въ февралѣ. Чаще всего ими болѣли въ пору таянія снѣговъ и разлива рѣкъ, въ апрѣлѣ заболѣванія уменьшались, а то и совсѣмъ прекращались. Болѣзни эти поражали не только дѣтей, но и юношей и даже стариковъ. Корь въ весеннее время была чѣмъ то въ родѣ эпидеміи и иногда имѣла летальный исходъ. Rubeola и скарлатина поражали по большей части дѣтей отъ 4 до 15 лѣтъ и часто были смертоносны. Жаба была рѣдкостью. Что касается оспы, то хотя оспопрививаніе и примѣнялось, тѣмъ не менѣе больные ею бывали ежегодно, даже изъ числа тѣхъ, кому была сдѣлана прививка.

Діаррея, дизентерія, холера и другія гастрическія заболѣванія проявлялись постоянно, въ особенности лѣтомъ. Въ іюнѣ главную роль играла діаррея, въ іюлѣ, по мѣрѣ усиленія жаровъ, болѣзнь усиливалась (въ это же время проявлялась спорадическая холера, въ особенности среди крестьянъ), а къ концу періода жаровъ появлялась дизентерія. Болѣзни эти, зависѣвшія отъ употребленія въ пищу незрѣлыхъ фруктовъ и плодовъ, были, такъ сказать, мужицкими. Средніе и высшіе классы отъ нихъ почти не страдали. Особенно болѣли желудочными разстройствами дѣти. Какъ часто гастрическія страданія приводили къ летальному исходу, видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы	Число больн.	Число умершихъ	Годы	Число больн.	Число умершихъ
1843	49	7	1848	40	4
1844	55	7	1849	52	18
1845	12	4	1850	81	21
1846	58	11	1851	81	31
1847	91	39	1852	19	9

Воспаленія различныхъ органовъ обыкновенно наблюдались въ Харьковѣ зимою, съ наступленіемъ холодовъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Въ это время проявлялись воспаленія легкихъ, бронхъ, почекъ, кишекъ. Воспаленія глазъ наичаще встрѣчались въ сентябрѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ. Вообще глазныя заболѣванія были въ городѣ довольно часты.

Туберкулезъ въ Харьковѣ, по наблюденію Питры, встрѣчался не часто. Это утвержденіе, впрочемъ, противорѣчило общепринятому мнѣнію, признававшему туберкулезъ болѣзнью въ Харьковѣ довольно распространенной. Питра находилъ, что такое мнѣніе сложилось благодаря частымъ заболѣваніямъ бронхитомъ, который признавался за туберкулезъ. Различныя болѣзни сердца, по наблюденію того же Питры, встрѣчались преимущественно у купцовъ и учащейся молодежи. Ревматизмъ былъ болѣзнью очень частой, особенно у жителей низменныхъ частей города. Сифилисъ, по разсказу Питры, въ первую половину XIX столѣтія былъ гораздо распространеннѣе, чѣмъ позже. Среди простонародья имъ бывали заражены цѣлыя семейства, даже грудныя дѣти. Впослѣдствіи, со введеніемъ врачебнаго освидѣтельствованія проституткъ и леченія сифилитиковъ въ губернской больницѣ, болѣзнь сильно сократилась въ своихъ размѣрахъ, но искоренить ее совершенно не удавалось, такъ какъ каждый наплывъ на ярмарки сопровож-

дался новыми зараженіями. О распространенности болѣзни даютъ понятіе слѣдующія цифры больныхъ Сабуровой дачи:

1843 г.—232	1846 г.—275	1849 г.—223	1852 г.—192
1844 г.— 275	1847 г.—319	1850 г.—347	—
1845 г.—251	1848 г.—259	1851 г.—276	—

Женскія болѣзни встрѣчались очень часто, что же касается дѣтей, то среди нихъ особенно часто находили свои жертвы перемежающіяся лихорадки, острыя воспаленія, діаррея и скрофулезъ.

Таковы были эндемическія болѣзни 40—50-хъ годовъ, что же касается эпидемическихъ, то изъ нихъ на первомъ планѣ нужно поставить холеру, наѣдшую, какъ и въ первое свое посѣщеніе Харькова, очень благопріятную почву для своего развитія въ мѣстныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ описываемое нами время холера появлялась пять разъ: въ 1847, 1848, 1853, 1855 и 1858 г.г.

Въ 1847 г. началась она въ іюлѣ и продолжалась по сентябрь. Занесена она была въ Харьковъ однимъ пріѣзжимъ, который отъ нея же и умеръ. Вслѣдъ за тѣмъ начались заболѣванія въ разныхъ частяхъ города, не только на низменныхъ и болотистыхъ, но и на возвышенныхъ, съ тою только разницею, что на низменныхъ болѣзнь свирѣпствовала сильнѣе. Ни полъ, ни возрастъ, ни комплекція или темпераментъ—ничто не могло противиться ужасной эпидеміи. Особенно поражала она простонародье. Нерѣдко отъ нея вымирали цѣлыя семейства. По окончаніи своей опустошительной жатвы въ городѣ эпидемія перешла въ деревни. Въ слѣдующемъ 1848 г. холера возобновилась къ концу іюля и свирѣпствовала до ноября. Число жертвъ, унесенныхъ ею, было болѣе чѣмъ вдвое больше противъ предыдущаго года. Въ 1853 г. харьковцамъ опять пришлось познакомиться съ азіатской холерой. Впрочемъ на сей разъ опустошенія, произведенныя ею, были далеко не такъ ужасны, какъ раньше. Появленіе эпидеміи совпало съ періодомъ продолжительныхъ дождей, начавшихся съ 22 іюля и продолжавшихся до первыхъ чиселъ сентября. Холера свирѣпствовала только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обычно свили себѣ гнѣздо тифы и лихорадки, въ возвышенныхъ мѣстахъ она почти не проявлялась, такъ что многія части города, открытыя для свободнаго движенія воздуха, оказались отъ нея совсѣмъ избавленными. Вотъ цифры, относящіяся къ холернымъ заболѣваніямъ 1847, 1848, 1853, 1855 и 1858 г.г. [1])

Годы	Число больн.	СМЕРТНЫЕ СЛУЧАИ			
	По счету Питры	По счету Питры	По счету Томашевскаго	По счету Чижевскаго	
1847	2869	842	494		494
1848	6232	1734	1110		1279
1853	701	234	286		297
1855	—	—	878		871
1858	—	—	1		—

Благоустройство города, о которомъ заботились мѣстные генералъ-губернаторы, въ особенности Кокошкинъ, оказало все таки свое вліяніе на улучшеніе санитарныхъ условій. „Укрѣпленіе береговъ рѣкъ, улучшеніе въ нихъ воды посредствомъ періодическаго спуска воды на Основѣ, устройство набережныхъ, мостовыхъ, тротуаровъ, проведеніе каналовъ въ низменныхъ мѣстахъ, возвышеніе лощинъ насыпями, очищеніе площадей, наблюденіе за содержаніемъ ихъ и улицъ въ чистотѣ имѣли послѣдствіемъ значительное осушеніе низменныхъ и прибрежныхъ мѣстъ, уменьшеніе грязи въ городѣ осенью и весною и улучшеніе качества воздуха. Перемѣщеніе Суздальскаго гостиннаго ряда изъ прежняго помѣщенія его

[1]) Свѣдѣнія о числѣ больныхъ въ 1847, 1848 и 1853 г.г. приводимъ по книгѣ Питры. Число смертныхъ случаевъ показываемъ по Питрѣ (для 1847, 1848 и 1853 г.г.), подсчитывавшему число умершихъ безъ различія вѣроисповѣданія, и по Томашевскому и Чижевскому, приводящимъ цифры умершихъ только православнаго вѣроисповѣданія (Статистич. Листокъ 1885 г. стр. 30).

около Успенскаго собора, на небольшомъ пространствѣ въ срединѣ города, стѣсненнаго многими постройками, а также воспрещеніе имѣть постоялые дворы для содержанія извощиковъ въ многолюдной густо заселенной средней части города, устраненіе скопленія народа въ этой части города во время ярмарокъ,— не мало способствовали къ уменьшенію какъ порчи воздуха въ ней, такъ и опасности отъ распространенія пожаровъ. Такимъ образомъ устройство города въ означенномъ отношеніи, весьма много измѣнившее невыгодныя условія мѣстности его для здоровья жителей, принесло значительную пользу въ гигіеническомъ отношеніи“ [1]). Таковъ отзывъ о результатахъ административнаго рвенія генералъ-губернаторовъ и полиціи, сдѣланный врачебнымъ инспекторомъ Горбаневымъ, котораго нельзя, какъ Питеру, заподозрить въ стремленіи къ captatio benevolentiae, ибо Горбаневъ высказывалъ свое мнѣніе 12 лѣтъ спустя послѣ уничтоженія генералъ-губернаторства. Полагать нужно, въ рукахъ у Горбанева были цифры, свидѣтельствовавшія о вліяніи харьковскаго благоустройства на пониженіе заболѣваемости. Мы, къ сожалѣнію, такими цифрами не располагаемъ, а имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о смертности Харькова за это время не даютъ какъ будто бы основаній приписывать этому благоустройству большое значеніе для жизни и здоровья горожанъ. Изъ статистическихъ таблицъ И. П. Сокальскаго мы видимъ, что въ 1854 г. въ Харьковѣ на 100 жителей приходилось 5,27 умершихъ, въ 1855 г.—8,59, въ 1856 г.—6,39, въ 1857 г.—5,53, въ 1858 г.—4,69, въ 1859 г.—4,06. Средній процентъ смертности за шестилѣтіе 1854—1859 г.—5,75 [2]). Если сравнить эту цифру съ цифрой 5,88, выведенной нами для періода 1808—1817 гг., то увидимъ, что всѣ многочисленныя заботы начальства и жертвы жителей для дѣла благоустройства отразились на харьковской смертности очень слабо.

Полицейскими мѣрами можно было нѣсколько осушить и замостить городъ, но онѣ не въ состояніи оказались снабдить харьковцевъ здоровою водою, улучшить мѣстныя рѣки. Не въ силахъ онѣ были серьезно противодѣйствовать и неряшливости населенія, не придававшаго большого значенія чистотѣ города.

И въ шестидесятыхъ годахъ рѣки продолжали оставаться больнымъ мѣстомъ харьковскаго благоустройства и источникомъ болѣзней. Перехваченныя выше и ниже города навозными плотинами, онѣ по прежнему „имѣли круглый годъ дурную стоячую воду, которая лѣтомъ такъ портилась, что становилась вредною и для людей, и для домашнихъ животныхъ“. Вообще Харьковъ, по свидѣтельству автора его „Описанія“ 1862 г., „болѣе всего нуждался въ водѣ. Два городскихъ родника, криницы Карповская и Бѣлгородская, для городскихъ потребностей оказывались недостаточными, а для многихъ за дальностью разстоянія и совсѣмъ недоступными, такъ что послѣдніе должны были довольствоваться плохою колодезною водою“ [3]). Химическое изслѣдованіе воды харьковскихъ рѣкъ, сдѣланное проф. Борисякомъ въ 1864 г., привело его къ заключенію, что „рѣки харьковскія, перерѣзанныя плотинами, заваленныя нечистотами разнаго рода, отравляющими воду, портятъ и самый воздухъ своими испареніями, смѣшанными съ гнилыми, смрадными частицами“ [4]): Въ рѣки попадали нечистоты отъ заведеній, находившихся на берегахъ ихъ какъ въ самомъ городѣ; такъ и въ предмѣстьяхъ, изъ бань, мыловаренъ, моекъ и пр., а также навозъ, сбрасываемый зимою на ледъ, уличная грязь и разныя смрадныя нечистоты, не рѣдко сваливаемыя украдкой ночью. А между тѣмъ, при недостаткѣ хорошей воды, этою „навозной настойкой“ нерѣдко приходилось пользоваться и жителямъ, особенно въ такихъ далекихъ отъ криницъ частяхъ города, какъ Захарьковская или Занетечинская [5]). Прибрежныя мѣстности по прежнему отличались обиліемъ болотныхъ испареній, крайне неблагопріятно вліявшихъ на здоровье жителей такихъ мѣстностей. Особенно рѣзко сказалось это во время холеры 1866 г. Въ январѣ и февралѣ холера преимущественно развивалась въ Занетечинской части; это былъ исходный пунктъ, изъ котораго распространялась она въ другія части города, и наибольшее число заболѣвавшихъ холерою изъ общаго числа холерныхъ больныхъ во все время существованія холеры въ Харьковѣ относится на долю этой части города; въ іюлѣ и августѣ 1866 г. холера наиболѣе свирѣпствовала на „Пескахъ“, расположенныхъ на низменной мѣстности по теченію Лопани. Осушеніе города, прокладка мостовыхъ и т. п. мѣры способствовали, конечно, оздоровленію города, но

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 27.
[2]) Статистич. Листокъ 1884 г. стр. 18.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.
[4]) Борисякъ. О чистотѣ воды въ харьковскихъ рѣкахъ.
[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 № 27.

на встрѣчу этому безусловно отрадному фактору шелъ другой факторъ, значительно умалявшій вліяніе перваго: увеличивалась густота населенія, особенно въ средней части города. Порча воздуха была особенно ощутительна въ жилыхъ помѣщеніяхъ, недостаточно провѣтриваемыхъ, особенно расположенныхъ на низкихъ мѣстахъ, закрытыхъ съ разныхъ сторонъ многими постройками, въ улицахъ тѣсно заселенныхъ и недостаточно широкихъ, въ дворахъ дурно очищаемыхъ отъ нечистотъ и въ другихъ мѣстахъ скопленія навоза и разныхъ нечистотъ. Воздухъ здѣсь „отвратителенъ по зловонію, которое при гніеніи нечистотъ не прекращается съ самаго открытія весны и до наступленія морозовъ". „Вообще чистый хорошій воздухъ во время весны и лѣта составлялъ въ г. Харьковѣ предметъ роскоши, доступный только для имѣющихъ средства пользоваться имъ въ садахъ и на дачахъ". О санитарномъ состояніи своихъ дворовъ и жилищъ харьковцы совсѣмъ не заботились. Въ 1866 г. по распоряженію губернатора чиновники особыхъ порученій Нельговскій и Савичъ вмѣстѣ съ городовыми врачами Гакеномъ и Ганомъ производили осмотръ постоялыхъ дворовъ, дворовыхъ мѣстъ и ремесленныхъ заведеній. Въ большинствѣ постоялыхъ домовъ въ первой части города обнаружены скопленія навоза, отсутствіе помойныхъ ямъ и откожихъ мѣстъ. Ремесленныя заведенія въ первой и третьей частяхъ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи. Наименѣе гигіенично содержалась Заиковка. Здѣсь въ кожевенномъ заводѣ Нѣмченка рабочіе спали въ сырыхъ помѣщеніяхъ, а постели устраивались на доскахъ, положенныхъ на дубильныя кади, наполненныя жидкостями для дубленія кожъ. У заиковскихъ мясниковъ убой скота производился въ нихъ же дворахъ. Для стока крови дѣлались небольшія ямы, гдѣ кровь, оставаясь продолжительное время, подвергалась разложенію и заражала воздухъ. Въ частныхъ домахъ и въ первой, и въ третьей части коммиссія обнаружила дурное содержаніе отхожихъ мѣстъ. Только у немногихъ домовладѣльцевъ эта часть была въ порядкѣ. Въ центрѣ города—во второй части постоялые дворы всѣ содержались чрезвычайно грязно, въ нихъ лежали кучи навоза, помойныхъ ямъ не имѣлось, ретирадныя мѣста содержались нечисто. Изъ осмотрѣнныхъ дворовыхъ мѣстъ въ центрѣ четырнадцать оказались содержащимися грязно, заваленными навозомъ, безъ помойныхъ ямъ, нечистоты вытекали у иныхъ прямо на улицу или къ сосѣдямъ. Даже при театрѣ не имѣлось отхожихъ мѣстъ, вслѣдствіе чего на прилегающей къ нему улицѣ пахло очень дурно. Въ мастерскихъ помѣщенія оказались крайне тѣсны, содержались не гигіенично, ученики по нѣскольку недѣль ходили въ одной и той же рубахѣ, постелей не для всѣхъ хватало, питаніе плохое. Коммиссія констатировала такіе порядки по одной только второй части въ тридцати мастерскихъ [1]).

Въ разныхъ частяхъ города по прежнему скоплялись огромныя массы нечистотъ, съ наступленіемъ весенняго времени подвергавшихся разложенію. Такими скопленіями отличался Благовѣщенскій базаръ, Залопанская левада, лѣвый берегъ Нетечи, правый берегъ Харькова у завода Рыжова. Очагами заразы являлись мѣста убоя скота, при чемъ, вопреки запретамъ начальства, не рѣдко случалось, что скотъ били и не на скотобойняхъ, а въ дворахъ у мясниковъ на Заиковкѣ. Не мало всякихъ органическихъ остатковъ скоплялось въ мѣстахъ выдѣлки овчинъ, обработки кишечныхъ струнъ и производства гребней, въ Занетечинской части города. Весеннее солнце вліяло на разложеніе органическихъ веществъ и въ такъ называемыхъ водоемахъ, изъ которыхъ постоянный былъ на Нетечинской левадѣ, а временные, но очень упорно державшіеся—на Чеботарской улицѣ, на Нетечинскомъ базарѣ, на пескахъ противъ дома Павловскаго и въ другихъ мѣстахъ [2]).

Болѣли харьковцы въ это время не мало. По свѣдѣніямъ врачебной управы, въ 1863 г. за врачебной помощью обращались до 10000 больныхъ, въ 1864 г.—17163, въ 1865 г.—21703, въ 1866 г.—19346. Цифры эти, по мнѣнію врачебнаго инспектора, еще не вполнѣ выражали болѣзненность въ Харьковѣ, такъ какъ весьма вѣроятно, это не всѣ изъ заболѣвавшихъ, особенно изъ простого народа, обращались за пособіемъ къ врачамъ или въ лечебныя заведенія, а притомъ и свѣдѣнія изъ частной практики врачей о числѣ заболѣвающихъ не представляли надлежащей точности по причинамъ, иногда отъ врачей не зависѣвшимъ. Сопоставляя эти, далеко не точныя цифры больныхъ съ цифрой 105298, представлявшей все постоянное и временное населеніе города (постояннаго населенія, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, было 60798 чел. да на ярмарки пріѣзжало 44500 чел.), увидимъ, что въ Харьковѣ въ то время

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 17.

[2]) Тамъ же. № 28.

1 больной приходился на 6 здоровыхъ [1]). Господствующими болѣзнями были по прежнему перемежающіяся лихорадки и тифозныя горячки. „Хотя болѣзнямъ этимъ подвергались преимущественно лица изъ простого народа отъ вліянія холода и сырости, особенно въ сырыхъ жильяхъ при стѣсненномъ положеніи въ нихъ людей, какъ напр. въ мастерскихъ заведеніяхъ разнаго рода, тѣмъ не менѣе однакожъ болѣзни эти замѣчались не рѣдко и у лицъ, пользующихся благопріятными условіями для удобствъ жизни“ [2]).

О господствовавшихъ въ Харьковѣ въ эти годы болѣзняхъ, свившихъ здѣсь себѣ постоянное гнѣздо (не эпидемическихъ), даетъ понятіе слѣдующая табличка, составленная нами по подсчетамъ д-ра Леонтовича для харьковскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства [3]).

Названіе болѣзней	На 100 заболѣвшихъ и умершихъ		На 100 заболѣвшихъ умерло
	Заболѣло	Умерло	
Тифы	17	20	9,8
Сифилисъ	12,1	0,7	—
Перемежн. лихорадки	7,8	—	—
Ревматизмъ	6,4	0,32	0,4
Послабляющія горячки . . .	5,1	—	—
Острые катарры дыхат. путей .	3,9	0,5	1
Бугорчатка и легочн. чахотка .	3.8	21,5	46,4
Воспаленія грудн. органовъ .	2,8	8,1	24,5
Воспаленія глазъ	2	—	—
Angina	1,25	—	—
Поносы	1,7	0,83	4

Несмотря на большую заболѣваемость, смертность населенія города въ шестидесятыхъ годахъ, по сравненію съ предъидущимъ десятилѣтіемъ, сильно уменьшилась. Въ пятидесятыхъ годахъ процентъ смертности, какъ мы видѣли, выражался цифрою 5,75. Въ первую половину шестидесятыхъ годовъ онъ упалъ до 4,89, а въ вторую—даже до 4,44 [4]). Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ шестидесятые годы Харьковъ не разъ былъ посѣщаемъ холерой. Въ 1865—1866 гг. отъ нея погибло 475 человѣкъ, въ 1867 г.—1, а въ 1868—6 [5]). Пониженіе процента смертности, думается намъ, зависѣло въ данномъ случаѣ не столько отъ улучшенія гигіеническихъ условій городской жизни, происходившаго очень медленно и туго, сколько отъ повышенія уровня развитія самого населенія, успѣвшаго уже

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 27.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1868 г. № 28.
[3]) Медико-топогр. сборникъ. Т. 2. стр. 364, 369, 374, 377, 393, 399, 401, 403, 412, 413, 415, 417.
[4]) Статистич. Листокъ 1884 г., стр. 18.
[5]) Статистич. Листокъ 1885 г., стр. 31.

усвоить себѣ болѣе сознательное отношеніе къ своему здоровью, а главное—отъ расширенія средствъ медицинской помощи. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе должно было имѣть устройство городской Александровской больницы для чернорабочихъ и прислуги, т. е. какъ разъ для того самаго класса городского населенія, который до сихъ поръ былъ почти лишенъ врачебной помощи. На ряду съ Александровской больницей крупную роль въ уменьшеніи смертности городского населенія слѣдуетъ приписать и возникшей въ шестидесятыхъ годахъ лечебницѣ Медицинскаго общества, дававшей нуждавшемуся населенію медицинскую помощь за минимальную плату, а то и даромъ. Не могло, конечно, не отразиться на уменьшеніи смертности и увеличеніе числа практикующихъ въ городѣ врачей. Вообще можно сказать, что съ шестидесятыхъ годовъ больницы, врачи и аптеки стали существовать не для однихъ „господъ", какъ было раньше. И результаты отъ этого получились благопріятные. Процентъ смертности, можетъ быть, былъ бы еще ниже, если бы были приняты мѣры противъ дѣтской смертности. А она, по прежнему, была огромна. Если подсчитать приводимыя Леонтовичемъ цифры дѣтской смертности за время 1861—1869 гг., то окажется, что за эти девять лѣтъ смерть похитила у Харьковцевъ 12134 дѣтей до пятилѣтняго возраста. По вычисленію Леонтовича, въ это время на 100 умершихъ приходилось 53 дѣтей до пятилѣтняго возраста. Оказывается, такимъ образомъ, большая половина смертныхъ случаевъ должна быть отнесена на долю дѣтей. На 1000 дѣтей до пятилѣтняго возраста умирало 202 [1]). А между тѣмъ въ это же время изъ 1000 мужчинъ въ возрастѣ 20—40 лѣтъ умерло не больше 23,4.

Въ семидесятыхъ годахъ гигіеническія условія мало измѣнились къ лучшему. Хорошую питьевую воду по прежнему приходилось добывать издалека, изъ Карповской и Бѣлгородской криницъ, такъ что бѣднѣйшее населеніе такихъ частей города, какъ Захарьковская или Занетечинская, принуждено было пополнять недостатокъ воды рѣчною водою, къ употребленію негодной и вредной. На опрятность и чистоту обращалось вниманія больше прежняго, но все таки не достаточно. По свидѣтельству мѣстныхъ „Губерніи. Вѣд." того времени, многіе улицы и переулки въ сырые и дождливые дни издавали такое зловоніе, что, проходя по нимъ, обыватели инстинктивно зажимали носъ и удерживали дыханіе. Во многихъ дворахъ амміаковыя, еле огороженныя лужи исполняли обязанность клозетовъ, при чемъ зачастую такія сооруженія строились у самыхъ уличныхъ воротъ и заборовъ. Къ этому нужно прибавить зловоніе, происходившее отъ испаренія полустоячихъ, заплѣснѣлыхъ городскихъ рѣчекъ [2]). Дно этихъ злополучныхъ рѣкъ было обильно завалено навозомъ: зимою на льду останавливались цѣлые обозы, а во время половодья скопившійся на льду навозъ поступалъ въ рѣки. Различныя промышленныя заведенія и нечистоты изъ дворовъ прибрежныхъ обывателей еще больше портили и заражали рѣчную воду. Въ 1878 г. врачемъ Томашевскимъ былъ произведенъ санитарный осмотръ харьковскихъ рѣчекъ. Вода Харькова по окисляемости оказалась почти вдвое чище воды Лопани. Дно обѣихъ рѣкъ въ городѣ илистое, а за городомъ песчаное. Образчикъ ила, взятый со дна рѣки у Лопанскаго моста, былъ чернаго цвѣта, зловонный и содержалъ зеленыя водоросли. Объ рѣки издавали непріятный запахъ, а на Лопани замѣтны были пузыри отъ развитія болотнаго газа. Помимо природнаго недостатка рѣкъ, важную роль играло ихъ загрязненіе городскими нечистотами. Вода р. Харькова сильно портилась благодаря шубнымъ заведеніямъ на Журавлевкѣ, пивнымъ заводамъ Кнапа и Корытина, пивному складу Гришенка, заводу Борткевича и банямъ Задонскаго, изъ которыхъ грязные помои поступали непосредственно въ рѣку. Цѣлый рядъ домовладѣльцевъ спускалъ въ рѣку нечистоты изъ своихъ дворовъ, въ рѣку же пли и нечистоты съ базаровъ. Злокачественнѣе всѣхъ оказывалось загрязненіе рѣки фекальными нечистотами, во множествѣ скоплявшимися по берегамъ рѣкъ, а иногда и прямо поступавшими сюда изъ отхожихъ мѣстъ. Еще больше загрязнялась Лопань. Чего только въ нее не попадало. Были и отбросы изъ мыловареннаго завода, и фекальныя нечистоты съ базарной набережной, представлявшей открытое ретирадное мѣсто, и нечистоты изъ базарныхъ гостиницъ, и помои изъ 2-й харьковской гимназіи, и банные помои, и отбросы водочныхъ заводовъ. Не говоримъ уже о томъ, что цѣлый рядъ домовладѣльцевъ спускалъ въ рѣку помои изъ дворовъ и нечистоты изъ ретирадныхъ мѣстъ. Не въ лучшемъ видѣ была рѣка и послѣ слiянія своего съ Харьковомъ, у Москалевки, Основы и Заиковки: въ нее поступали амміач-

---

[1]) Медико-топографич. Сборникъ. Т. 2, стр. 248, 249, 261.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. № 140.

ныя жидкости съ газоваго завода, съ моекъ, съ сыромятнаго и красильнаго заводовъ и пр. и пр. Моекъ въ городѣ было восемь. По вычисленію Томашевскаго, отъ мойки шерсти въ рѣку ежегодно поступало отъ 112 до 172 т. пуд. разныхъ нечистотъ въ видѣ кожнаго сала, составныхъ частей пота, частей помета и другого рода грязи, соединенной съ шерстью. Соды, употребляемой при мытьѣ шерсти, поступало въ рѣку отъ 410 до 442 пуд., поташу—отъ 133 до 300 пуд., зеленой глины отъ 20 до 25 тыс. возовъ. Нетеча, представлявшая собою не рѣку, а, вѣрнѣе, рядъ болотъ, отличалась всѣми свойствами болотъ. Воды Нетечи, дурнокачественныя уже по самому свойству своему, кромѣ того нарочно загрязнялись окрестными жителями, которые, желая отдѣлаться отъ сосѣдства болота, усердно заваливали Нетечу навозомъ и всяческими ненужными отбросами [1]).

Дворы содержались грязно. Въ выгребныхъ ямахъ домовъ въ большомъ количествѣ скоплялись нечистоты и распространяли зловоніе и міазмы, „болѣзнетворныя причины многихъ бѣдствій“. При очисткѣ этихъ ямъ простѣйшимъ способомъ, безъ дезинфекціи, зловоніе еще больше увеличивалось и распространялось по всему пути слѣдованія нечистотъ до мѣста склада, расположеннаго на возвышенности, въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки, выше города по ея теченію (по лѣвую сторону отъ шоссе на Сокольники). Нечистоты эти весеннею или сильною дождевою водою смывались въ рѣку, разносились по улицамъ города или черезъ почву просачивались въ колодези, которыми пользовались городскіе жители [2]). Только въ 1877 г. рѣшено было наконецъ перевести свалочный пунктъ въ другое, болѣе безопасное въ санитарномъ отношеніи мѣсто—по Зміевской дорогѣ, туда, гдѣ онъ находится и нынѣ [3]).

Населеніе возрастало, каменные барскіе и купеческіе дома, строившіеся когда то для нуждъ домохозяина и дворни, пошли теперь подъ квартиры, при чемъ сырые и нездоровые подвалы достались на долю городской бѣдноты, расплачивавшейся за дешевую квартиру не только рублями, но и здоровьемъ. Еще въ худшихъ санитарныхъ условіяхъ жилъ бездомовный пролетаріатъ: „раклы“, пьяницы, нищіе, больные и увѣчные, поденщики и бродячія проститутки, день проводившіе на улицахъ и базарахъ, а ночью ютившіеся въ „ночлежкахъ“, сырыхъ, холодныхъ, темныхъ, зловонныхъ и отвратительныхъ. Въ 1878 г. врачъ Томашевскій изслѣдовалъ 20 такихъ „ночлежекъ“. Не останавливаясь надъ ихъ описаніемъ, отмѣтимъ только, что бывали и такіе пріюты, гдѣ на одного жильца приходилось объема 1,19 куб. метровъ [4]).

По сравненію съ шестидесятыми годами процентъ смертности городского населенія въ этотъ періодъ понижается довольно значительно: въ первую половину 60-хъ годовъ онъ равнялся 4,89, во вторую—4,44; теперь онъ падаетъ до 3,78 (въ первую половину 70-хъ годовъ) и даже до 3,66 (во вторую половину). И это не смотря на то, что въ эти годы городъ три раза былъ посѣщаемъ такою страшной эпидеміей, какъ холера, бывшая здѣсь въ 1870, 1871 и 1872 г.г. Въ 1870 г. холера началась въ концѣ августа и продолжалась по 2 декабря. Осеннее и зимнее время не благопріятствовало ея развитію, а потому и число ея жертвъ было не велико—всего 17 человѣкъ. За то въ слѣдующемъ году холера началась съ половины іюня и продолжалась по октябрь. Умершихъ отъ нея было 849 чел., а по счету о. Чижевскаго—даже 906. Сильнѣе всего эпидемія свирѣпствовала въ августѣ, когда отъ нея погибло 710 человѣкъ. И на сей разъ первые случаи заболѣваній проявились въ той же Занетечинской части и вообще мѣстности, прилегающей къ р. Нетечѣ. Изъ за Лопани, со Старо-Московской и Московской, съ Панасовки, Москалевки и Песокъ больные стали появляться только со второй половины іюля, а возвышенныя части города были затронуты эпидеміей, и то въ видѣ единичныхъ случаевъ, только въ августѣ, въ разгаръ болѣзни. Большинство больныхъ дали крестьяне и мѣщане не харьковскіе, а пришлые [5]). Въ 1872 г. холера появилась въ маѣ и держалась по конецъ октября, но на сей разъ была уже не такъ страшна: умерло отъ нея 63 человѣка [6]).

---

[1]) Томашевскій. Санитарный осмотръ рѣки г. Харькова 1878 и его-же Санитарный осмотръ шерстомойныхъ заведеній въ чертѣ г. Харькова 1878 г. (Оттиски изъ „Харьк. Губ. Вѣд.“).

[2]) Харьк. Календ. 1876 г., стр. 104.

[3]) Харьк. Календ. 1878 г., стр. 207.

[4]) Томашевскій. Санитарный осмотръ ночлежныхъ пріютовъ г. Харькова 1878 г. (Оттискъ изъ „Харьк. Губ. Вѣд.“).

[5]) Прилож. къ Протоколамъ Харьк. Медиц. Общ. 1885 г. Вып. 3, стр. 20—27.

[6]) Статистич. Листокъ 1885 г, стр. 31.

По прежнему находилъ въ Харьковѣ удобный пунктъ для постояннаго пребыванія и тифъ, похитившій въ эти годы не мало жертвъ. Отчетъ о состояніи губерніи за 1873 г., когда съ особенною силою свирѣпствовалъ тифъ, свидѣтельствуетъ, что третья часть всѣхъ больныхъ въ губерніи и половина смертныхъ случаевъ отъ тифа приходились на долю Харькова [1]). Въ томъ же 1873 г. д-ръ Деревянко въ теченіе трехъ мѣсяцевъ велъ статистику болѣзненности населенія города, пользуясь отчетами больницъ и врачей. Изъ свѣдѣній, такимъ образомъ собранныхъ, оказывается, что въ сентябрѣ 1873 года всѣхъ больныхъ, обращавшихся за врачебной помощью, было въ Харьковѣ 1216 (713 мужчинъ и 503 женщины), изъ нихъ больше всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ. Наибольшее число больныхъ приходилось на долю ревматиковъ, затѣмъ идутъ страдающіе перемежающейся лихорадкой, ангиной, сифилисомъ, бронхитомъ, тифомъ, катаррами желудка и кишекъ, плевритомъ и чахоткой. Въ октябрѣ всѣхъ больныхъ было 1258 (731 м. и 527 ж.). На сей разъ главное мѣсто принадлежало бронхиту, а за нимъ въ порядкѣ распространенности идутъ: ангина, ревматизмъ, перемежающаяся лихорадка, сифилисъ, катарры живота и кишечника, плевритъ, скарлатина, экзема и тифы. Въ ноябрѣ болѣзненность понижается: больныхъ констатировано было только 938 (600 м. и 334 ж.). Больше всего наблюдалось случаевъ ревматизма, а затѣмъ бронхита, сифилиса, катарровъ брюшныхъ и кишечныхъ, ангины, лихорадокъ, тифовъ, скарлатины, чахотки и плеврита [2]). Къ сожалѣнію, прекрасное начинаніе д-ра Деревянко не имѣло продолженія, и вопросъ о врачебно-санитарной статистикѣ для Харькова остается и по днесь открытымъ.

Дѣтская смертность по прежнему была громадная. По подсчету д-ра В. А. Франковскаго, представленному городской думѣ въ 1872 г., въ Харьковѣ изъ 2539 (среднимъ счетомъ) ежегодно рождавшихся дѣтей вымирало, до достиженія пятилѣтняго возраста, 56,8%. Процентъ смертности дѣтей до десятилѣтняго возраста въ зажиточныхъ семействахъ составлялъ 12%, а въ бѣдныхъ семействахъ превосходилъ 62% [3]). Кромѣ обычныхъ дѣтскихъ болѣзней, въ концѣ семидесятыхъ годовъ множество дѣтей погибало отъ появившагося тогда дифтерита, не щадившаго, впрочемъ, и взрослыхъ. Смертность отъ дифтерита въ Харьковѣ, какъ и вообще въ губерніи, была громадной: по свѣдѣніямъ врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, изъ 1000 заболѣвавшихъ дифтеритомъ въ 1878 г. умирало 300, въ 1879 г.—350, въ 1880 г.—393 [4]).

Семидесятые годы, если не ознаменовались существеннымъ улучшеніемъ санитарныхъ условій жизни города, должны быть, однако, отмѣчены, какъ время пробужденія въ самомъ населеніи заботы объ улучшеніи этихъ условій. Санитарные вопросы городской жизни усиленно дебатируются въ мѣстномъ медицинскомъ мірѣ, городъ обзаводится собственнымъ санитарнымъ врачомъ, начинаются осмотры базаровъ, ночлежекъ, постоялыхъ дворовъ и частныхъ домовладѣній, примѣняется дезинфекція квартиръ заразныхъ больныхъ и т. п.

Восьмидесятые годы ознаменовались крупнымъ улучшеніемъ санитарно-гигіеническихъ условій жизни Харькова благодаря проведенію водопровода. Прекратилось пользованье водою отъ водовозовъ, бочки которыхъ не всегда могли похвалиться должною чистотою; прекратилось и домашнее храненіе воды, не всегда проходившее безвредно для здоровья пьющихъ. Сократилось почти до minimum'а и пользованіе водою изъ колодцевъ, удержавшееся только на далекихъ окраинахъ. Рѣчная вода, раньше шедшая для мойки половъ и стирки бѣлья, теперь почти совершенно вышла изъ употребленія. Шагъ впередъ, разумѣется, былъ сдѣланъ большой. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и средства врачебной помощи. Уже одна дѣтская больница, начавшая функціонировать въ это время, оказала громадное вліяніе на пониженіе дѣтской смертности, бывшей еще столь значительной въ предъидущее десятилѣтіе. Въ городѣ, при всѣхъ его прежнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, оказалось все таки меньше условій для болѣзненности и больше шансовъ на спасеніе въ случаѣ заболѣванія. Это подтверждается и статистикой смертности того времени. Въ трехлѣтіе 1880—1882 гг. она съ 3,66%, какою была во вторую половину семидесятыхъ годовъ, падаетъ до 3,10%, а въ пятилѣтіе 1885—1889 гг.—даже до 2,06%.

[1]) Харьк. Календ. на 1876 г., стр. 103—104.
[2]) Прикож. къ протоколамъ Харьк. Медиц. Общ. 1873 г. Вып. 3, стр. 14—21. 1874 г. Вып. 1, стр. 8—18.
[3]) Харьк. Календ. 1874 г., стр. 75.
[4]) Тамъ же. 1897 г., стр. 89.

Въ восьмидесятыхъ годахъ харьковцы сильно страдали отъ брюшного тифа. По даннымъ Александровской больницы можетъ быть составлена слѣдующая таблица для тифозныхъ заболѣваній и процента смертности отъ нихъ въ эти годы:

Годы	Число больн.	% смертности
1880	95	10,25
1881	128	15,62
1882	185	13,0
1883	160	8,75
1884	71	5,63
1885	111	9
1886	85	12,94
1887	101	13,86
1888	89	7,6
1889 (по 1 октября)	284	—

Обыкновенно въ зимнее время тифъ проявлялся слабо, въ маѣ и іюнѣ число заболѣваній было наименьшимъ, но зато въ іюлѣ увеличивалось, а въ августѣ и сентябрѣ, а то и въ октябрѣ доходило до maximum'а.

Въ 1889 г. заболѣванія брюшнымъ тифомъ настолько усилились, что приняли характеръ уже настоящей эпидеміи. По свѣдѣніямъ особой коммиссіи, выбранной Медицинскимъ обществомъ, съ іюля по 20 октября въ городѣ наблюдалось 585 случаевъ брюшного тифа. Наибольшее число заболѣваній было во 2-мъ полицейскомъ участкѣ, въ особенности по Большой Москалевской и Нетечинской улицамъ. Въ 4-мъ участкѣ наибольшее число заболѣваній дала Клочковская, въ 1-мъ Старо-Московская, въ 5-мъ Екатеринославская, а въ 6-мъ Холодногорская. Коммиссія нашла, что одною изъ главныхъ причинъ эндемическаго существованія брюшного тифа въ Харьковѣ является сильное загрязненіе почвы. Это загрязненіе обусловлено крайне плохимъ устройствомъ отхожихъ мѣстъ и выгребныхъ ямъ, не цементированныхъ, свободно пропускающихъ содержимое свое въ почву, а затѣмъ плохою ассенизаціею [1]).

Относительно прочихъ болѣзней харьковцевъ въ восьмидесятые годы наши свѣдѣнія отрывочны и не полны. По свѣдѣніямъ санитарнаго врача Томашевскаго, въ Харьковѣ въ 1882 г. умерло всего 4273 чел., изъ нихъ отъ дифтерита 224, крупа 17, скарлатины 188, кори 247, коклюша 39, оспы 34, катарра желудка и кишекъ 52, поносовъ 144, сухотки 93, чахотки 349, старости 311. Такимъ образомъ, если не самой распространенной, то самой губительной изъ болѣзней оказывалась въ Харьковѣ чахотка, а за ней шли: корь, дифтеритъ, скарлатина, поносы. По свѣдѣніямъ мѣстной оффиціальной газеты [2]), въ 1883 г. умерло въ Харьковѣ 4037, а въ 1884 г.—3246, при чемъ господствующими болѣзнями были:

	1883 г.	1884 г.
Чахотка	387 больн.	353 больн.
Оспа	249 „	146 „
Дифтеритъ	142 „	116 „
Тифы	123 „	62 „
Скарлатина	92 „	41 „
Коклюшъ	61 „	21 „
Корь	25 „	22 „

[1]) Труды Харьк. Медиц. Общ. 1890 г., вып. 1, стр. 120—157.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1886 г. № 46.

Цифры эти не сходятся, однако, съ показаніями д-ра Томашевскаго. Такъ, напр., по его свѣдѣніямъ, дифтеритомъ въ 1883 г. болѣло 372, а тифомъ въ одну только весеннюю эпидемію 1883 г.—120.

Любопытныя, хотя все таки не полныя свѣдѣнія далъ о харьковской болѣзненности и смертности д-ръ Томашевскій для того же 1883 г. Оказывается, что въ этомъ году въ одной Александровской больницѣ стаціонарныхъ больныхъ было 3431, изъ коихъ умерло 338; амбулаторныхъ больныхъ въ той же больницѣ было 12351. Значительный процентъ среди больныхъ Александровской больницы принадлежалъ венерикамъ: ихъ въ это время было 1407. Дѣтей въ дѣтской больницѣ было 825, изъ коихъ умерло 140. Гораздо больше было амбулаторныхъ—4066 [1]). По свѣдѣніямъ врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія за 1886 г., въ этомъ году въ шести харьковскихъ больницахъ перебывало на излеченіи 7658 больныхъ, изъ которыхъ умерло 591. Гораздо вѣрнѣе можно судить о болѣзненности населенія по числу выпущенныхъ изъ аптекъ рецептовъ, а ихъ въ 1886 г. выпущено 196262, что при 172343 жителяхъ, насчитывавшихся въ то время въ Харьковѣ, дастъ болѣе чѣмъ по 1 рецепту на каждаго жителя. Наибольшее число больныхъ приходилось на перемежающіяся лихорадки (4613, изъ нихъ умеръ 1); весьма солидную цифру составляли венерики (2947); затѣмъ по прежнему среди дѣтскаго населенія города много было дифтеритныхъ больныхъ (713, изъ нихъ умерло 25); стыдно сказать, но болѣли харьковцы и оспой (92 больныхъ, изъ нихъ 2 умершихъ), не смотря на столѣтіе со времени примѣненія у насъ великаго открытія Дженнера. Оспенныхъ больныхъ, впрочемъ, мы находимъ въ Харьковѣ и раньше, и позже: въ 1887 г. ихъ насчитывалось 223, а умерло отъ оспы 18 чел. Дифтеритъ, уменьшившійся было въ 1887 и 1888 гг. (487 и 422 больныхъ), опять усилился въ 1889 г., когда имъ переболѣло 723 чел., изъ которыхъ умерло 99. Число больныхъ, пользовавшихся въ мѣстныхъ больницахъ, постепенно возрастало: въ 1887 г. ихъ было 7456, въ 1888 г.—8292, въ 1889 г.—9163 [2]). Само собою понятно, что такое возрастаніе числа лечащихся не служитъ еще доказательствомъ усиленія заболѣваемости: оно можетъ быть и результатомъ большей привычки населенія къ больничной помощи.

Послѣ устройства водопровода никакихъ радикальныхъ мѣръ для улучшенія санитарнаго состоянія города въ Харьковѣ не предпринималось. Населеніе между тѣмъ росло, скученность его увеличивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и загрязненіе почвы. Правда, одновременно съ наплывомъ населенія наблюдается и его стремленіе отъ центра къ окраинамъ, гдѣ возникаютъ новые кварталы, но нужно сказать, что эти новые кварталы, за исключеніемъ сѣверной части города, Холодной горы да еще отчасти Москалевки, возникаютъ на мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ и вообще обильныхъ близкою къ поверхности подпочвенною водою. Переулки между Грековской и Москалевской, проведенные по засыпаннымъ болотамъ, Нетечинскій бульваръ, улицы, разбитыя по бывшей Гордѣенковой левадѣ, Мороховецкая улица и многія другія—все это мѣстности чрезвычайно неблагопріятныя для здоровья. Сдѣлано было кое что только въ области надзора за доброкачественностью питанія горожанъ. Въ этомъ отношеніи особенно большое значеніе имѣло устройство городскихъ скотобоенъ, гарантировавшее харьковцамъ здоровые мясные продукты. Но скотобойни повели вмѣстѣ съ тѣмъ къ вздорожанію мяса, вслѣдствіе чего бѣднѣйшая часть населенія стала питаться скуднѣе, чѣмъ раньше, а непомѣрное вздорожаніе мяса въ послѣдніе годы сдѣлало его чуть ли не предметомъ роскоши, доступнымъ для недостаточныхъ слоевъ населенія только въ исключительныхъ случаяхъ. Увеличились вмѣстѣ съ тѣмъ и средства врачебной помощи. Тѣмъ не менѣе этотъ плюсъ не только не въ состояніи превысить, но даже и покрыть тотъ минусъ, какой даютъ неблагопріятныя санитарныя условія города. Если бы можно было принять за показатель степени болѣзненности количество больныхъ, лечащихся въ больницахъ (мы говорили ужъ, что возрастаніе лечащихся можетъ свидѣтельствовать не объ усиленіи болѣзненности, а объ усиленіи привычки къ врачебной помощи), то, сравнивая въ этомъ отношеніи восьмидесятые годы съ девяностыми, нужно было бы придти къ заключенію, что болѣзненность харьковцевъ въ девяностые годы значительно выше, чѣмъ въ восьмидесятые. Вѣрнѣе, можетъ быть, опредѣляется болѣзненность населенія числомъ рецептовъ, выполненныхъ аптеками. Вотъ цифры за разсматриваемый нами періодъ какъ относительно паціентовъ, лечившихся и умершихъ въ больницахъ, такъ и рецептовъ, доставленныхъ въ аптеки.

---

[1]) Краткій отчетъ о дѣятельности Харьк. общ. управл. по народн. здравію за 1883 г. Passim.

[2]) По свѣдѣніямъ врачебн. отд. губ. правл. въ мѣстныхъ календаряхъ 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.

Годы	Число больныхъ въ больницахъ	Изъ нихъ умерло	Рецептовъ
1892	12850	895	213519
1893	11873	830	230807
1894	12334	831	247933
1895	12850	899	274996
1896	13305	881	?
1898	13678	955	277116
1900	14349	959	?
1901	17587	1053	354525
1902	7602	745	183379

Итакъ наивысшая цифра для пацiентовъ больницъ въ девяностые годы 13678, а въ первые годы новаго столѣтiя и того больше, между тѣмъ какъ въ восьмидесятыхъ годахъ число такихъ больныхъ не превышало 9163. Присматриваясь къ цифрамъ выполненныхъ рецептовъ, замѣчаемъ, что онѣ годъ отъ году возрастаютъ (не говоримъ, конечно, о счастливомъ 1902 г., когда почему то и рецептовъ писалось вдвое меньше, чѣмъ прежде, и больницы почти пустовали), что какъ будто бы также не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнiя объ удовлетворительномъ состоянiи здоровья харьковцевъ. во всякомъ случаѣ вызываетъ сильное на сей счетъ сомнѣнiе. Но если относительно болѣзненности у насъ могутъ быть еще кое какiя сомнѣнiя, то относительно смертности цифры даютъ отвѣтъ, не допускающiй двухъ толкованiй. Процентъ смертности, упавшiй было во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ до 2,06, въ пятилѣтiе 1892—1896 г.г. вновь поднимается до 2,08, а въ шестилѣтiе 1897—1902 г.г.—даже до 2,48. Признакъ тревожный, заставляющiй задумываться. Цифры эти какъ бы напоминаютъ, что если въ дѣлѣ оздоровленiя города мы не будемъ идти впередъ, то неизбѣжно придемъ назадъ.

О главныхъ болѣзняхъ, которыми страдали харьковцы въ девяностые годы и первые годы новаго столѣтiя, можетъ дать приблизительно вѣрное понятiе слѣдующая табличка, составленная на основанiи отчетовъ врачебнаго отдѣленiя губернскаго правленiя.

Годы	Дифтеритъ		Тифъ		Оспа		Венера		Малярiя		Холера		Скорбутъ		Перемеж. лихорадка
	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	Болѣло	Умер.	
1892	811	—	2011	77	2438	33	3540	—	2190	—	188	78	—	—	—
1893	556	48	7835	38	153	11	4259	—	1899	—	52	7	10	1	—
1894	866	92	379	14	81	4	4352	—	2272	4	—	—	—	—	—
1895	842	80	811	46	72	4	3839	—	2011	—	—	—	—	—	—
1896	805	36	1479	78	90	1	3981	—	2873	31	—	—	—	—	—
1898	543	24	229	25	?	—	3137	—	—	—	—	—	—	—	—
1900	672	21	1024	67	—	—	5230	—	4739	1	—	—	—	—	—
1901	482	14	1900	86	205	24	8202	—	4104	1	—	—	—	—	—
1902	721	89	—	—	—	—	2539	—	—	—	—	—	—	—	2500

Изъ эпидемическихъ заболѣванiй этого перiода слѣдуетъ отмѣтить пятнистый тифъ и холеру 1892 г. Какъ извѣстно, 1891 г. былъ годъ голодный, при чемъ Харьковская губернiя принадлежала къ числу мѣстностей сильно пострадавшихъ отъ неурожая. Неблагопрiятныя вліянiя повысившихся на хлѣбъ цѣнъ рѣзко отразились на Харьковѣ развитiемъ многочисленныхъ тифозныхъ заболѣванiй къ концу лѣта этого года. Въ сентябрѣ тифъ уже представлялся въ видѣ значительно развитой эпидемiи. Въ началѣ ея преобладала форма брюшного тифа, а затѣмъ главнымъ образомъ свирѣпствовалъ тифъ пятнистый, который продолжался всю зиму 1891—1892 г.г. Эпидемiя прекратилась только съ наступленiемъ теплаго времени (въ маѣ).

Не успѣла пройти одна бѣда, какъ налетѣла другая. Въ Закаспiйской области появилась холера, прорвалась черезъ препоны, поставленныя ей на Каспiйскомъ морѣ, и проникла въ Астрахань и Закав-

казье. Стало яснымъ, что Харькову, соединяющему желѣзнодорожными путями югъ Россіи съ ея сѣверомъ, не избѣжать посѣщенія злой гостьи. Начались приготовленія къ встрѣчѣ эпидеміи и борьбѣ съ нею. При городской управѣ созванъ былъ санитарный комитетъ, намѣтившій рядъ необходимыхъ мѣръ. На борьбу съ холерой городъ ассигновалъ 20 т. р. Вся борьба съ эпидеміей сосредоточилась въ комитетѣ общественнаго здравія, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Городъ подвергся генеральной чисткѣ „въ размѣрахъ доселѣ не бывалыхъ“: старыя выгребныя ямы были выпорожнены, залежавшійся мусоръ и навозъ удалены, склады костей и тряпья переведены изъ центральныхъ частей города на окраины, улицы и площади очищены. Чистота въ городѣ поддерживалась во все время эпидеміи съ необычною энергіею. Покойниковъ запрещено было переносить по городу въ открытыхъ гробахъ; установленъ надзоръ за городскимъ водопроводомъ, чтобы въ его резервуары не было какимъ нибудь путемъ занесено заразы; къ управленію Курско-Харьковской желѣзной дороги обратились съ просьбой не ввозить больныхъ въ городъ; устроена спеціальная холерная больница на Заиковкѣ, а потомъ и возлѣ Основы; устроило возлѣ Основы бараки и губернское земство; городъ раздѣленъ на шесть врачебныхъ участковъ; во главѣ которыхъ стояли врачи, а рядомъ съ врачами, помогая имъ въ сферѣ санитарнаго надзора, стояли участковые попечители; при нѣкоторыхъ аптекахъ учреждены ночныя дежурства врачей; установленъ осмотръ пріѣзжающихъ въ поѣздахъ чернорабочихъ; заведены кареты для перевозки холерныхъ больныхъ; выпущены брошюры о холерѣ и мѣрахъ борьбы съ нею. Обращено было вниманіе и на питаніе бѣднаго люда: въ городѣ производилась раздача обѣдовъ по удешевленной цѣнѣ изъ столовой благотворительнаго общества, устроена была безплатная чайная на Клочковской, а на вокзалѣ проѣзжимъ чернорабочимъ безплатно раздавался кулешъ. Первое холерное заболѣваніе обнаружилось 10 іюля. Больного привезла Курско-Харьково-Азовская дорога, почему то не нашедшая возможности исполнить обращенную къ ней просьбу объ изоляціи своихъ больныхъ и о неприсылкѣ ихъ въ городъ. За первымъ больнымъ пошли другіе. Всего за время эпидеміи дорога привезла въ городскія больницы 107 больныхъ. Мѣстныхъ заболѣваній было всего 66. Заболѣванія продолжались отъ 16 іюля по 26 сентября. Первыми начали болѣть лица, прибывшія изъ холерныхъ мѣстностей въ Харьковъ, повидимому, въ добромъ здоровьи, но немедленно по прибытіи заболѣвшія холерой. Изъ 173 больныхъ умерло 82. Продолжалась холера по 15 сентября [1]). На слѣдующій годъ холера также появилась, но въ слабой степени.

Тифы, въ особенности брюшной, все время не переставали находить себѣ жертвы среди обывателей Харькова. Кромѣ эпидеміи пятнистаго тифа въ 1892 г., сильнымъ развитіемъ тифозныхъ заболѣваній отличались 1896, 1900 и 1901 г.г., когда тифъ укладывалъ въ постель уже не сотни харьковцевъ, а полторы и даже почти двѣ тысячи, какъ было въ 1901 г.

Приведенныя нами таблицы грѣшатъ не преувеличеніемъ, а скорѣе пріуменьшеніемъ цифръ, свидѣтельствующихъ о харьковской болѣзненности, уже потому, что въ распоряженіи врачебнаго отдѣленія не всегда имѣются свѣдѣнія о частной врачебной практикѣ, а статистика отпуска изъ аптекъ не полна, ибо сюда вошли только лекарства, отпускаемыя по рецептамъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности не меньше, а, можетъ быть, и больше отпускается безъ рецептовъ. Какъ бы то ни было, изъ таблицъ ясно, что въ Харьковѣ преобладающимъ является болотный характеръ заболѣваній. Брюшной тифъ безъисходно существуетъ въ городѣ, то обостряясь, то затихая, но никогда не прекращаясь совершенно. Малярія, эта типичная для Харькова болѣзнь, ежегодно приковываетъ къ постели уже не сотни, а тысячи харьковцевъ. Благодаря ей, временно отрывается отъ работы отъ 2 до 4 т. рабочихъ рукъ и даже больше. Перемежающіяся лихорадки тоже являются эндемическою болѣзнью Харькова. Причина этого лежитъ въ болотистой, съ близкою подпочвенною водою мѣстности, составляющей значительную часть площади, занимаемой городомъ. Благопріятное вліяніе на развитіе всякаго рода болѣзней оказываютъ и бытовыя условія городской жизни. Харьковъ представляетъ желѣзнодорожный, промышленный и фабричный центръ съ большимъ количествомъ мастеровыхъ и чернорабочихъ, которые населяютъ значительныя части города (Лысая и Холодная гора, Новоселовка, Панасовка, Пески, Москалевка, Заиковка и Уралъ). Если къ этому прибавить массу бездомныхъ и нищихъ, собирающихся въ городѣ для заработка и населяющихъ многочи-

[1]) Труды Харьк. Медиц. Общ. 1892 г., вып. 4, стр. 1—32.

сленные ночлежные пріюты и тѣсныя квартиры, обитатели которыхъ живутъ скученно и грязно, а питаются плохо, то станетъ понятнымъ, что Харьковъ—удобный очагъ для всякаго рода эпидемій. Загрязненныя рѣки только ухудшаютъ санитарныя условія города. Водопроводъ не обслуживаетъ всего населенія (его, напримѣръ, совсѣмъ лишена обширная Ивановка[1]), и жители окраинъ по прежнему пользуются водою изъ колодцевъ. Городъ чрезвычайно загрязненъ, почва его глубоко пропитана всякими нечистотами. Очистка города происходитъ неудовлетворительно; старая система выгребныхъ ямъ и вывозныхъ бочекъ, разъѣзжающихъ по городу даже днемъ, не только омерзительна, но и безусловно вредна. Вслѣдствіе дороговизны очистки дворы домовладѣльцевъ рѣдко оказываются въ должномъ порядкѣ. Дома, какъ мы уже имѣли случай упоминать, въ огромномъ большинствѣ устроены не гигіенично, квартиры, особенно предназначенныя для городской бѣдноты, сырыя и нездоровыя. Городъ вообще содержится недостаточно чисто, и врядъ-ли кто нибудь станетъ утверждать, что харьковская пыль не служитъ во многихъ случаяхъ источникомъ зараженія. Еще въ 1889 г. коммиссія, избранная Харьковскимъ Медицинскимъ обществомъ, признала, что *единственнымъ радикальнымъ средствомъ для оздоровленія города является канализація* [1]). Факты и цифры изъ жизни города за послѣднія полтора десятилѣтія много и много разъ успѣли подтвердить правильность этого вывода. Канализація—могущественное средство къ оздоровленію занимаемой городомъ мѣстности. Борьба съ неблагопріятными санитарными условіями путемъ канализаціи города и возможна, и нужна, и—будемъ надѣяться—начнется скоро. Возможна, при добромъ желаніи, и удачная борьба со многими бытовыми условіями, вызывающими излишнюю болѣзненность и смертность. Не такъ уже, напримѣръ, трудно путемъ обязательныхъ постановленій прекратить превращеніе сырыхъ и нездоровыхъ подваловъ въ жилыя квартиры. Можно и должно установить надзоръ и за гигіеническимъ содержаніемъ не только обывательскихъ дворовъ, но и жилищъ. Можно, можетъ быть, и не ожидая общегосударственныхъ мѣропріятій, сдѣлать кое какіе шаги и для борьбы съ страшнымъ бичомъ городского населенія—сифилисомъ, годъ отъ году растущимъ и угрожающимъ населенію вырожденіемъ. Какъ бы ни неблагопріятны были естественныя и бытовыя условія жизни города, не нужно забывать, что удачная борьба съ ними возможна. Было бы только ясное пониманіе, что передъ общимъ врагомъ, не падящимъ ни сытаго рентьера-домовладѣльца, ни голоднаго „ракла“ изъ ночлежки, различіе классовыхъ интересовъ должно отойти на задній планъ.

---

[1]) Труды Харьк. Медиц. Общ. 1890 г. Вып. 1, стр. 132.

Глава 4-я.

Составъ и движеніе населенія.

XIX вѣкъ застаетъ Харьковъ, почти полсотни лѣтъ пробывшій центральнымъ пунктомъ обширной губерніи и издавна славный своею торговлею, городомъ незначительнымъ по численности населенія. Авторъ „Описанія Слободско-Украинской губерніи", относящагося къ самому началу XIX в., опредѣляетъ населеніе Харькова въ 5373 души мужского пола. Оказывается, что въ это время по численности населенія Харьковъ немногимъ превосходилъ Сумы (4925 д.) и Лебединъ (5136 д.), но зато уступалъ даже Валкамъ (5392 д.), не говоря уже о объ Ахтыркѣ (6309 д.) [1]. Если даже допустить, что женское населеніе города равнялось мужскому, то общую цифру населенія Харькова въ началѣ XIX нужно будетъ принять около 10 тыс. человѣкъ.

Въ послѣдующіе годы, ближайшіе къ началу столѣтія, прироста населенія почти не видно. Вотъ цифры, собранныя В. Н. Каразинымъ:

1808 г.	12772	обоего пола
1809 „	12983 [2]	„ „
1810 „	12915 [3]	„ „
1811 „	13036	„ „
1812 „	12973	„ „
1813 „	12757	„ „
1814 „	12592	„ „
1815 „	12662	„ „
1816 „	12781	„ „
1817 „	12892 [4]	„ „

Статистическія работы, подобныя той, какую продѣлалъ Каразинъ, были въ тѣ времена рѣдкою случайностью, а казенная статистика интересовалась только „ревизскими душами", которыя и сосчитывались въ годы ревизіи. Поэтому и наши свѣдѣнія о численности населенія Харькова для первыхъ десятилѣтій XIX в. по необходимости будутъ отличаться неполнотою. Даемъ, что можемъ.

Для двадцатыхъ годовъ свѣдѣнія о населенности Харькова даетъ оффиціальное „Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Россійской Имперіи по 1825 г.", вышедшее въ 1829 г. „Изображеніе" опредѣляетъ населеніе Харькова цифрами 11069 для мужского пола и 6355—для женскаго [5]. Въ этихъ цифрахъ возбуждаетъ сомнѣніе только слишкомъ уже сильное превалированіе мужскаго населенія надъ женскимъ (64% на 36%). Въ Харьковѣ женское населеніе всегда было меньше мужского, но разница между ними обыкновенно не больше 5%, maximum 15%, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ она достигаетъ 18%. Что касается общей цифры населенія, опредѣляемой „Изображеніемъ" въ 17424, то она достаточно правдопо-

---

[1]) Харьк. Сборникъ, вып. 3, отд. II, стр. 92, 97, 100, 101, 104.

[2]) По полицейскимъ свѣдѣніямъ за этотъ годъ въ Харьковѣ числилось 7175 м. п. (Арх. Губ. Правл. 1809 г. № 32).

[3]) Эта же цифра указана и въ докладѣ медицинскаго факультета Харьк. универс. совѣту (Статистич. Листокъ. 1883 г., стр. 81).

[4]) Въ описаніи Харькова, представленномъ въ Петербургъ губернаторомъ Муратовымъ, мужское населеніе города показано болѣе 8 т., но если подсчитать, руководясь тѣмъ же описаніемъ, цифры для отдѣльныхъ сословій, то окажется только 7806 чел. (Военно-учен. Архивъ Главн. Штаба. Отд. V № 475).

[5]) Статист. изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имп., стр. 84.

добна какъ по сравненію съ цифрою 1817 г., такъ и съ цифрою, приводимою Ф. О. Рейнгардтомъ, который передаетъ, что въ 1826 г., когда онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, населеніе города опредѣлялось цифрою 15 т. [1]).

Для начала тридцатыхъ годовъ мы имѣемъ два указанія: одно находимъ у преосвященнаго Филарета, опредѣляющаго православное населеніе Харькова въ 1830 г. цифрою 15142 для обоего пола; другое, но совершенно сомнительное, даетъ оффиціальное „Обозрѣніе городовъ", вышедшее въ свѣтъ въ 1833 г. По даннымъ „Обозрѣнія", въ Харьковѣ было 16954 жителя мужского пола и 15892—женскаго [2]). Здѣсь мы не замѣчаемъ такой рѣзкой разницы между численностью мужского и женскаго населенія, какъ въ „Изображеніи". тѣмъ не менѣе цифры эти заставляютъ все таки сомнѣваться въ ихъ вѣрности. Если мы вспомнимъ, что по „Изображенію", будь оно основано даже на данныхъ начала двадцатыхъ годовъ, населеніе Харькова только немногимъ превышало 17 тыс., то почти удвоеніе его въ теченіе одного десятилѣтія не можетъ не возбудить подозрѣній. Причинъ для такого страннаго явленія не оказывается ни внутреннихъ—естественный приростъ не могъ измѣниться, — ни внѣшнихъ, ибо не было никакихъ обстоятельствъ, вызывающихъ особенно сильный наплывъ въ городъ пришлыхъ элементовъ. Еще болѣе сомнительными окажутся цифры „Обозрѣнія", если сравнить ихъ съ позднѣйшими данными. А изъ этихъ данныхъ видно, что къ концу тридцатыхъ годовъ населеніе Харькова только немногимъ превышало 23½ тыс. Въ теченіе тридцатыхъ годовъ, если повѣрить „Обозрѣнію", населеніе Харькова должно было почему то уменьшиться на цѣлыхъ 9 тыс., т. е. болѣе, чѣмъ на треть. А между тѣмъ въ теченіе этого періода въ Харьковѣ не было ни труса, ни губительства, ни огня, ни меча. Была, правда, холера, но жертвы ея насчитывались только четырьмя сотнями съ лишкомъ, а никакъ не тысячами. Данныя о естественномъ приростѣ населенія за вторую половину тридцатыхъ годовъ показываютъ, что въ теченіе пятилѣтія 1836—1840 г.г. однимъ только этимъ путемъ населеніе города увеличилось болѣе, чѣмъ на 1400 чел. Мѣстная торговля и промышленность не падали, а развивались. Значеніе города, какъ административнаго центра, съ послѣдовавшимъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ превращеніемъ Харькова въ резиденцію генералъ-губернаторовъ трехъ губерній, усилилось. Не было такимъ образомъ и причинъ, содѣйствующихъ отливу пришлаго населенія. А если такъ, если къ концу тридцатыхъ годовъ населеніе города безъ основательныхъ причинъ оказалось меньшимъ, нежели въ началѣ ихъ, то очевидно, что цифры, относящіяся къ началу 30-хъ годовъ, нужно признать несомнѣнно преувеличенными. Еще болѣе укрѣпляютъ насъ въ мысли о невѣрности цифръ „Обозрѣнія" данныя, приводимыя въ воспоминаніяхъ Ф. О. Рейнгардта, повѣствователя добросовѣстнаго и точнаго. Онъ разсказываетъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ, таблица, висѣвшая у заставы на Старо-Московской улицѣ, опредѣляла населеніе города въ 20 тыс. душъ обоего пола, а въ 1837 на той же таблицѣ значилось 23147 душъ [3]). Послѣдняя цифра близко подходитъ къ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, опубликованнымъ въ 1840 г. Если послѣдняя цифра, показанная Рейнгардтомъ, вѣрна, то нѣтъ основаній сомнѣваться и въ приблизительной вѣрности первой. 20 тыс. Рейнгардта кажутся намъ поэтому правдоподобнѣе 33 съ лишнимъ тысячъ оффиціальнаго „Обозрѣнія".

О населенности Харькова въ концѣ тридцатыхъ годовъ мы имѣли три указанія: одно—того же Рейнгардта, опредѣляющаго населеніе Харькова въ 1837 г. цифрою 23147 для обоего пола; цифра эта совершенно тождественна съ цифрою, приводимою И. Милютинымъ въ его „Краткомъ обозрѣніи г. Харькова", при чемъ цифра мужского населенія опредѣляется имъ въ 13280, а женскаго—9867 [4]); третье указаніе находимъ въ оффиціальныхъ „Статистическихъ таблицахъ городовъ Россійской имперіи", изданныхъ въ 1840 г., для которыхъ свѣдѣнія, несомнѣнно, должны были собираться ранѣе этого года. По „Таблицамъ" въ Харьковѣ числилось 23612 душъ, изъ нихъ мужского пола 14099, а женскаго—9513 [5]).

Для статистики населенія въ сороковыхъ годахъ мы располагаемъ свѣдѣніями, собранными капитаномъ генеральнаго штаба Мочульскимъ. Свѣдѣнія его о населенности Харькова основаны на данныхъ 1846 г. Общая цифра населенія города по Мочульскому—41276, при чемъ на долю мужского населенія приходится 21535, а на долю женскаго—19741. Этими цифрами выражается не только постоянное насе-

[1]) Харьковск. Сборникъ. Вып. I, стр. 1.
[2]) Обозрѣніе городовъ, стр. 42.
[3]) Харьк. Сборн. Вып. I, стр. 1.
[4]) Журн. мин. внутр. дѣлъ. Т. 28 (1838 г.), стр. 209.
[5]) Статист. таблицы о городахъ Росс. имп., стр. 51—52.

лніе Харькова, но и временное, пребывавшее въ Харьковѣ случайно. Такихъ временныхъ жителей въ Харьковѣ было 10131 мужчина и 7423 женщины. Общая цифра постояннаго населенія—23721, изъ нихъ 11403 м. п. и 12318 жен. [1]).

Съ пятидесятыхъ годовъ мы располагаемъ подробнымъ цифровымъ матеріаломъ, который можетъ быть представленъ въ слѣдующей таблицѣ [2]):

Годы	М. п.	Ж. п.	Всего
1854	16838	16208	33046
1855	19080	17368	36448
1856	18332	15718	34050 [3])
1857	19080	17368	36448
1858	24340	20816	45155 [4])
1859	24807	21826	46633
1860	29304	28335	57639 [5])
1861	25842	24459	50301
1862	25867	23071	48938 [6])
1863	28013	24003	52016 [7])
1864	28504	26499	55003 [8])

[1]) Военно-статистич. Обозрѣн. Росс. имп. Т. XII. ч. I, стр. 197 и въ приложеніи таблица 3.

[2]) Въ основаніе таблицы за время съ 1854 по 1882 г. кладемъ цифры, собранныя покойнымъ проф. П. И. Сокальскимъ (Статистическій Листокъ 1881 г. стр. 18– 19), провѣривъ ихъ, по возможности, по первоисточникамъ и отмѣчая разницу въ показаніяхъ Сокальскаго и другихъ. Остальныя цифры заимствуемъ изъ губернаторскихъ отчетовъ, печатавшихся въ мѣстныхъ календаряхъ, изъ переписи 1897 г. и свѣдѣній городской управы.

[3]) Кованько, напечатавшій свое „Описаніе Харьковской губерніи“ въ 1857 г., исчисляетъ мужское населеніе Харькова примѣрно въ 22 т. д., а женское—въ 20 т. (Кованько. Описаніе, топографіи, стр. 7). Гапоновъ въ „Историко-статистическомъ Обозрѣніи г. Харькова“. предназначенномъ для Великаго Князя Константина Николаевича, на основаніи подсчета 1856 г., принимаетъ тѣ же цифры, какія проставлены нами въ таблицѣ, но при этомъ замѣчаетъ: „Это, впрочемъ, одно коренное, записанное въ городскіе акты, населеніе, всѣхъ же съ проживающими въ Харьковѣ, но приписанными къ другимъ городамъ и уѣздамъ, какъ то съ учащимися въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщиками и дворовыми при нихъ людьми, иногородними купцами, мѣщанами и наиболѣе простымъ рабочимъ классомъ, можно во всякое время года положить среднимъ числомъ не менѣе 60 т. душъ, но к этя цифры измѣняются во время ярмарокъ, такъ что въ Успенскую населеніе Харькова возрастаетъ до 70 т., а въ Крещенскую до 75—80 тыс. душъ“. (Рукопись Гапонова, л.л. 10—11). Въ „Статистическихъ таблицахъ Россійской Имперіи за 1856 г.“, изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1858 г., населеніе Харькова показано въ 30600 душъ (14882 м. п. и 15718 ж. п.),—цифры весьма сомнительныя, особенно если обратить вниманіе на перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ, чего въ Харьковѣ ни раньше, ни позже никогда не бывало.

[4]) По оффиціальному подсчету 1858 г. въ Харьковѣ числилось 46633 д. (24807 м. п. и 21826 ж. п.). (Городскія поселенія въ Россійской Имперіи. Спб. 1865. т. V, ч. I, стр. 330).

[5]) Памятная книжка Харьковской губерніи. Х. 1862 г., стр. 7 и 65.

[6]) Въ протоколѣ засѣданія Харьковскаго статистическаго комитета 14 мая 1862 г. общая цифра населенія города показана въ 50301 чел. (25842 м. и 24459 ж.).

[7]) Памятная книжка Харьковской губерніи на 1865 г., стр. 144.

[8]) Памятная книжка Харьковской губ. на 1866 г., стр. 128. Значительно разнятся отъ этихъ цифръ цифры, приведенныя въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“. По даннымъ „Списковъ“, въ 1864 г. въ Харьковѣ было 60798 д. (32436 м. п. и 28362 ж. п.), т. е. на 5795 душъ больше противъ цифры Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Отчего произошла такая разница? Намъ думается, что составители „Списковъ“, хотя и заявляли, что руководствуются свѣдѣніями 1864 г., въ дѣйствительности пользовались и матеріаломъ болѣе поздняго времени. Для Харькова они, полагаемъ нужно, воспользовались данными однодневной переписи 13 марта 1866 г., ибо ею добыты какъ разъ тѣ цифры, какія показаны въ „Спискахъ“. (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Харьковская губернія, стр. 1).

Годы	М. п.	Ж. п.	Всего
1865	32436	28362	60798 [1])
1866	32120	27853	59973
1867	32111	27857	59968 [2])
1868	32607	27631	60238 [3])
1869	33496	28368	61864 [4])
1870	—	—	81028
1871	—	—	82562 [5])
1872	—	—	82133 [6])
1873	—	—	82535
1874	—	—	82535
1875	46486	39968	86454 [7])
1876	46102	37405	83507
1877	46102	37405	83507
1878	46117	37438	83555
1879	55463	46586	102049
1880	59718	54980	114698 [8])
1881	67548	60897	128445 [9])
1882	68316	64823	133139 [10])
1883	—	—	—
1884	—	—	—
1885	—	—	171416
1886	90352	81991	172343
1887	96792	87105	184897 [11])
1888	98844	89625	188469 [12])

---

[1]) Данныя однодневной переписи 13 марта 1866 г., произведенной въ „глухое время", когда въ Харьковѣ не было пришлыхъ рабочихъ и посѣтителей ярмарокъ. (Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 47, 1867 г. № 23 и Харьк. Календарь на 1875 г. стр. 378.

[2]) Харьковскій Календарь на 1869 г. Статистическія свѣдѣнія, стр. 10.

[3]) Харьковскій Календарь на 1870 г., стр. 107.

[4]) Харьковскій Календарь на 1871 г., стр. 187.

[5]) Харьковскій Календарь на 1873 г., стр. 416.

[6]) Цифры однодневной переписи 25 марта 1873 г., произведенной опять таки въ глухое время, когда не было ни ярмарковыхъ, ни пришлыхъ рабочихъ (Харьковскій Календарь на 1875 г., стр. 378 и 381).

[7]) Харьковскій Календарь на 1878 г., стр. 147.

[8]) Харьковскій Календарь на 1882 г., стр. 78.

[9]) Харьковскій Календарь на 1883 г., стр. 86.

[10]) Харьковскій Календарь на 1884 г., стр. 136.

[11]) Харьковскій Календарь на 1889 г., стр. 237.

[12]) Харьковскій Календарь на 1890 г., стр. 185.

Годы	М. п.	Ж. п.	Всего
1889	101691	93011	194702 [1]
1890	—	—	—
1891	—	—	—
1892	107060	90150	197210 [2]
1893	106111	90089	196200 [3]
1894	106037	89963	196000 [4]
1895	107627	92373	200000 [5]
1896	100027	84973	185000 [6]
1897	92182	81807	173089 [7]
1898	97138	77862	174990 [8]
1899	106268	89214	195482 [9]
1900	106951	90454	197405 [10]
1901	107171	91066	198237 [11]
1902	110788	94501	205289 [12]
1903	—	—	—
1904	104690	99285	203975 [13]

Сравненіе цифръ, говорящихъ о численности населенія Харькова въ началѣ XIX и въ началѣ XX в., показываетъ, что въ теченіе 100 лѣтъ населеніе города увеличилось почти въ двадцать разъ, т. е. на 2000%. Процентъ огромный, ни въ коемъ случаѣ не могущій быть объясненнымъ естественнымъ приростомъ населенія. Какъ скроменъ былъ этотъ естественный приростъ, показываютъ цифры.

По свѣдѣніямъ В. Н. Каразина, въ Харьковѣ

въ 1808 г. родилось 755, умерло 654, приростъ + 101
„ 1809 „ „ 816, „ 655, „ + 161

---

[1]) Харьковскій Календарь на 1891 г., стр. 211—213.
[2]) Харьковскій Календарь на 1894 г., стр. 229.
[3]) Харьковскій Календарь на 1895 г., стр. 102.
[4]) Харьковскій Календарь на 1896 г., стр. 107.
[5]) Харьковскій Календарь на 1897 г., стр. 113.
[6]) Харьковскій Календарь на 1898 г., стр. 115.
[7]) Цифры всероссійской переписи 1897 г. (Первая всеобщая перепись. XLVI, стр. 1). Слѣдуетъ замѣтить, что эти цифры не совпадаютъ съ цифрами, собранными обычнымъ оффиціальнымъ путемъ. По мѣстнымъ свѣдѣніямъ за тотъ же 1897 г., въ Харьковѣ числилось всего 174990 жителей, изъ нихъ мужчинъ 97138 чел., а женщинъ 77862 (Харьковскій Календарь на 1899 г., стр. 303).
[8]) Харьковскій Календарь на 1900 г., стр. 129.
[9]) Харьковскій Календарь на 1901 г., стр. 55.
[10]) Харьковскій Календарь на 1902 г., стр. 79.
[11]) Харьковскій Календарь на 1903 г., стр. 95.
[12]) Харьковскій Календарь на 1904 г., стр. 333.
[13]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета. Въ 1905 г., по свѣдѣніямъ городской управы—195286 душъ обоего пола. Свѣдѣнія эти собирались при выборахъ въ первую Государственную Думу.

въ 1810 г.	родилось	781,	умерло	799,	приростъ	—	18
„ 1811 „	„	820,	„	849,	„	—	29
„ 1812 „	„	871,	„	988,	„	—	117
„ 1813 „	„	821,	„	907,	„	—	86
„ 1814 „	„	812,	„	832,	„	+	20
„ 1815 „	„	899,	„	700,	„	+	199
„ 1816 „	„	995,	„	605,	„	+	390
„ 1817 „	„	1008,	„	581,	„	+	427.

Итого въ 10 лѣтъ естественный приростъ 1848 г. Въ дѣйствительности приростъ населенія оказался гораздо меньше. Если мы сравнимъ цифры населенія 1808 и 1817 г., то увидимъ, что въ 1817 г. въ Харьковѣ было всего только на 100 чел. больше, чѣмъ въ 1808 г. Это значитъ, что въ эти годы населеніе не только не увеличивалось на счетъ пришлыхъ элементовъ, но и теряло нѣчто изъ своей собственной среды. Ушли же куда-то тѣ 948 чел., которые родились въ Харьковѣ, но которыхъ не оказалось на лицо при подсчетѣ въ 1817 г. Выводъ изъ сказаннаго можно сдѣлать только тотъ, что въ эти первые годы XIX в. Харьковъ не притягивалъ къ себѣ чужое населеніе, а еще терялъ свое. Только временно, въ періоды ярмарокъ, Харьковъ переполнялся временнымъ пришлымъ населеніемъ, достигавшимъ, если вѣрить оффиціальнымъ показаніямъ, 10 тыс. чел. въ Троицкую ярмарку, 15 т.—въ Покровскую, 35 тыс.—въ Успенскую и 40 тыс.—въ Крещенскую [1]).

Совсѣмъ иное замѣчаемъ въ дальнѣйшей жизни города. Уже въ 20-хъ годахъ его постоянное населеніе замѣтно возростаетъ, въ тридцатыхъ оно становится уже вдвое больше, чѣмъ было въ первое десятилѣтіе XIX в., а въ сороковыхъ—вчетверо. Населеніе увеличивается не столько путемъ естественнаго прироста, сколько на счетъ пришлыхъ элементовъ. „Стеченіе жителей въ Харьковѣ—писалъ въ 1838 г. Н. Милютинъ—происходитъ отъ двухъ причинъ: университетъ дѣлаетъ сей городъ средоточіемъ высшаго сословія Малороссіи, чему способствуетъ также и пребываніе генералъ-губернатора; торговля и промышленность привлекаютъ туда всѣ прочія сословія и даютъ жизнь всему городу“ [2]).

Какую незначительную роль игралъ естественный приростъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ цифры второй половины тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ.

По свѣдѣніямъ Мочульскаго, въ	1836 г.,	въ Харьковѣ родилось	1438,	умерло	1130,	приростъ	+308
„	1837 „	„ „	1314	„	1085	„	+229
„	1838 „	„ „	1531	„	1139	„	+392
„	1839 „	„ „	1578	„	1627	„	+ 49
„	1840 „	„ „	1487	„	1654	„	+167
„	1841 „	„ „	1701	„	1872	„	+171
„	1842 „	„ „	1664	„	2071	„	+407
„	1843 „	„ „	1797	„	1601	„	+196
„	1844 „	„ „	1830	„	1166	„	+664
„	1845 „	„ „	1976	„	1564	„	+412
„	1846 „	„ „	1955	„	1595	„	+360 [3])

Итого въ теченіи 11 лѣтъ естественный приростъ выразился цифрою 1780. Если бы населеніе возрастало только путемъ естественнаго прироста, въ Харьковѣ должно было бы быть въ 1846 г. нѣсколько болѣе 25 тыс. душъ, въ дѣйствительности же было болѣе 41 тыс. Излишекъ объясняется присутствіемъ въ городѣ массы пришлаго населенія. Такихъ пришлыхъ обывателей въ Харьковѣ, по свѣдѣніямъ Мочульскаго, было болѣе 17 тыс. душъ.

Такую же крупную разницу между естественнымъ и дѣйствительнымъ приростомъ населенія видимъ мы въ Харьковѣ и во вторую половину XIX вѣка.

---

[1]) Военно-ученый архивъ Главн. Штаба. Отд. V, № 476

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. Ч. 28 (1838 г.), стр. 213—214.

[3]) Мочульскій, стр. 197—198.

Въ 1858 г. родилось	2375,	умерло	2129,	приростъ	+246
„ 1859 „ „	2353	„	1893	„	+360
„ 1860 „ „	2831	„	2401	„	+430
„ 1861 „ „	2346	„	2114	„	+232
„ 1862 „ „	2462	„	1988	„	+474
„ 1863 „ „	2646	„	2251	„	+ 95
„ 1864 „ „	2630	„	2356	„	+274
„ 1865 „ „	2614	„	2624	„	— 10

Итого за восемь лѣтъ естественный приростъ далъ Харькову 2101 чел., а въ дѣйствительности населеніе города возросло за это время на 14165 душъ (46633 въ 1858 г. и 60798 въ 1866 г.). Около 14 тыс. нужно отнести на иммиграцію извнѣ.

Такое же ничтожное значеніе естественнаго прироста замѣчаемъ и въ восьмидесятые годы.

Въ 1885 г. родилось	4783,	умерло	3828,	естеств. прир.	+ 755
„ 1886 „ „	5037	„	3595	„ „	+1442
„ 1887 „ „	4908	„	3784	„ „	+1124
„ 1888 „ „	5055	„	3751	„ „	+1304
„ 1889 „ „	5144	„	4328	„ „	+ 816.

Итого естественный приростъ въ пять лѣтъ 5641, а дѣйствительный 23236 (171416 въ 1885 и 194652 въ 1889 г.). Этотъ приростъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ иммиграціи извнѣ. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ почти половина населенія Харькова принадлежала не къ кореннымъ жителямъ, а къ пришельцамъ. При однодневной переписи 25 марта 1873 г. оказалось, что изъ 66569 жителей Харькова, о которыхъ имѣлись подробныя свѣдѣнія, изъ Харьковской губерніи происходило 39603 человѣка, остальные же 26906—уроженцы другихъ губерній, т. е. иногубернскихъ было 45% всего населенія. Процентъ чрезвычайно большой. Значительный контингентъ жителей, происходившихъ не изъ Харьковской губерніи, но водворившихся въ Харьковѣ или временно въ немъ проживавшихъ, давала въ то время Курская губернія. Въ моментъ переписи курянъ было въ Харьковѣ 7641, затѣмъ изъ Орловской губерніи было 1956 чел., изъ Полтавской 1653, изъ Калужской 1281, изъ Московской 1190, изъ Екатеринославской 1187, изъ Воронежской 754, изъ Кіевской 734, изъ Тульской 512, изъ Черниговской 491, изъ Могилевской 431. Выходцы изъ остальныхъ губерній представлены въ переписи болѣе скромными цифрами. Иностранцевъ различныхъ народностей и государствъ было 1396 [1]).

Еще большее значеніе получаетъ пришлый элементъ населенія къ концу XIX ст. При переписи 1897 г. уроженцевъ Харькова и Харьковскаго уѣзда въ Харьковѣ оказалось только нѣсколько болѣе $^1/_3$ наличнаго населенія (31240 м. и 35264 ж.), остальные по мѣсту рожденія не принадлежали Харькову, а такихъ набиралось болѣе 100 тыс. чел. Изъ этого числа на долю уроженцевъ другихъ уѣздовъ Харьковской губерніи приходилось нѣсколько болѣе 32 тыс. (16738 м. и 15886 ж.), а $73^1/_2$ тыс. были уроженцами чужихъ губерній (43440 м. и 30130 ж.). Наибольшее число населенія поставляла для Харькова Курская губернія: перепись застала въ Харьковѣ болѣе 23 тыс. курянъ. За Курской идетъ Орловская губернія, давшая Харькову болѣе 6 тыс. жителей, затѣмъ Полтавская (около 5 тыс.), Кіевская (около $4^1/_2$ тыс.), Екатеринославская (около $2^1/_2$ тыс.), Московская (около 2 тыс.), Калужская (менѣе 2 тыс.), Подольская (около $1^1/_2$ тыс.). Изъ Привислинскихъ губерній больше всѣхъ дала Кѣлецкая губернія, прислав шая въ Харьковъ около $1^1/_2$ тыс. своихъ уроженцевъ. Кавказъ далъ около 1000 чел. Уроженцевъ иностранныхъ государствъ въ Харьковѣ было около 1200 чел., изъ нихъ больше всего было выходцевъ изъ Турціи (251 м. и 24 ж.), Австро-Венгрія дала около 200 чел., Германія—нѣсколько меньше.

Разношерстное по своему составу, населеніе Харькова въ XIX в. вообще, а въ послѣднія десятилѣтія въ особенности не отличалось усидчивостью. Для многихъ Харьковъ является только временною квартирою, на которой они проживаютъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и дней. Составъ населенія мѣнялся и мѣняется по сезонамъ и даже по времени дня. „Населеніе города—говоритъ П. И. Сокольскій—находится въ постоянномъ общеніи съ жителями пригородныхъ селеній. Городъ переполняется въ базарные дни мас-

[1]) Харьков. Календарь 1875 г., стр. 378—179.

сою народа изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ, откуда привозятся припасы и другіе предметы для сбыта. Около полудня вся эта масса исчезаетъ, чтобы вновь появиться къ слѣдующему дню. До восхода солнца поднимаются ежедневно женщины за 5, 9, 12 верстъ отъ города, чтобы доставить горожанамъ молоко къ утреннему чаю. Приходятъ и уходятъ онѣ пѣшкомъ съ кошевкою для молока, съ коромысломъ черезъ плечо. Въ концѣ весны молодицы изъ окрестныхъ мѣстъ разносятъ по городу землянику, собранную съ большими усиліями (съ согнутою спиною во время сбора). Ею не смѣютъ лакомиться ни онѣ сами, ни ихъ дѣти: право это признается только за горожанами. Въ свою очередь всѣ подгородныя слободы, ближнія и дальнія, наполняются лѣтомъ дачниками. Городъ, видимо, пустѣетъ, чтобы дать просторъ каменщику, плотнику, штукатуру, стекольщику и т. д. воздвигать и украшать новыя зданія. Густой покровъ ѣдкой пыли стоитъ надъ городомъ, гдѣ остаются преимущественно аборигены, не признающіе „гигіены“, безъ которой, по ихъ словамъ, доживали до глубокой старости ихъ отцы и дѣды.

„Харьковъ служитъ, кромѣ того, центромъ притяженія и для болѣе широкаго раіона. Четыре раза въ годъ переполняется онъ ярмарочнымъ людомъ и прѣдставителями извозняго промысла, оставляющими его по окончаніи ярмарочныхъ оборотовъ. Съ апрѣля, т. е. съ открытіемъ строительныхъ и ремонтныхъ работъ, дѣйствія кирпичныхъ заводовъ, моекъ и т. д., стягивается въ городъ масса рабочихъ разнаго рода обоихъ половъ. Въ октябрѣ, послѣ Покрова, вся эта масса расходится обратно по домамъ, въ свою сторону.

„Для учащейся молодежи обоихъ половъ настаетъ лѣтнее вакаціонное время, которымъ молодое населеніе пользуется для выѣзда изъ города, для отдыха, возстановленія силъ или кондицій, но къ осени снова возвращается обратно. Приливъ и отливъ населенія съ девятымъ валомъ (во время Троицкой ярмарки) происходитъ въ Харьковѣ постоянно, въ теченіе всего года. Этотъ приливъ и отливъ измѣняютъ не только число, но и составъ населенія въ разное время. Подъ вліяніемъ нескончаемыхъ колебаній прилива и отлива, неподвижные аборигены, создавшіе когда то городъ съ цѣлью безмятежнаго прозябанія, вытѣсняются отовсюду. Городъ остается безъ преданій. Онъ обращается въ караванъ-сарай на торной дорогѣ, въ мѣсто для нотаріальныхъ сдѣлокъ, для врачебной помощи въ колоссальныхъ размѣрахъ для всякаго сброда—для отысканія правосудія (если срокъ давности не истекъ) при помощи новыхъ, ничѣмъ не запятнанныхъ людей, свободныхъ отъ пороковъ дѣльцовъ стараго времени, для всякаго рода спекуляцій въ сферѣ матеріальной наживы, въ области мысли и искусства и т. д. и т. д. И чужіе люди показываютъ уже себя на никѣмъ не занятыхъ подмосткахъ, чтобы подогрѣть уваженіе современниковъ къ мало извѣстнымъ для нихъ именамъ позабытыхъ дѣятелей другого времени, или съ археологическою цѣлью воскрешать старинныя преданія, непонятныя для новыхъ колоновъ. Даже на университетѣ, остающемся по прежнему единственнымъ узломъ идеальныхъ и продолжительныхъ связей цѣлаго ряда поколѣній съ городомъ, отразились общія черты городской обстановки—подвижность, тѣснота и давка. Населеніе, для котораго самый Харьковъ былъ бы дорогъ, постоянно рѣдѣетъ. Въ составѣ городской думы не преобладаютъ уже аборигены“... [1]).

Все это было писано еще въ восьмидесятыхъ годахъ, но не потеряло своего значенія и для послѣдующаго времени: та же подвижность населенія, то же вытѣсненіе аборигеновъ пришельцами, тѣ же смѣны въ приливѣ и отливѣ населенія. Только ярмарки нѣсколько утратили свое значеніе въ смыслѣ возбудителей прилива, но за то развилась постоянная оптовая торговля, поддерживающая тяготѣніе къ Харькову торговаго и промышленнаго люда не періодами, а въ теченіе всего года.

Обратимся теперь къ цифрамъ рождаемости и смертности населенія Харькова. Къ сожалѣнію, данныхъ для всего изучаемаго нами періода въ нашемъ распоряженіи не имѣется. У насъ есть опредѣленный рядъ цифръ для первыхъ годовъ XIX в.; для двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы располагаемъ только кое какими цифрами для отдѣльныхъ годовъ, не дающими, въ виду ихъ случайности, правъ для общихъ выводовъ; зато со второй половины XIX в. свѣдѣнія наши становятся въ достаточной степени подробными и точными. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ процентъ рождаемости и смертности населенія города можетъ быть представленъ въ слѣдующей таблицѣ. [2]).

[1]) Статистическій Листокъ 1884, стр. 15—16.

[2]) °/₀ рождаемости и смертности для 1808—1817 г.г. вычисленъ по таблицамъ Карамзина, для 1854—1882 г.г.—по таблицамъ И. П. Сокальскаго, а для послѣдующаго времени—по даннымъ, приводимымъ въ мѣстныхъ календаряхъ.

Г О Д Ы	Процентъ рождаемости	Процентъ смертности
1808—1812	6,16	6,02
1813—1817	7,04	5,69
1854—1859	6,72	5,27
1860—1864	4,89	4,40
1865—1869	4,44	4,63
1870—1874	4,09	3,78
1875—2879	4,24	3,66
1880—1882	3,47	3,10
1885—1889	2,61 [1])	2,06
1892—1896	2,68	2,08
1897—1902	3,72	2,48

Изъ приведенной таблицы видно, что по сравненію съ первыми годами XIX столѣтія и даже со второй половиной 50-хъ годовъ рождаемость въ Харьковѣ значительно понизилась. Во вторую половину 80-хъ годовъ процентъ рождаемости доходитъ до своего minimum'а (2,61), а въ два слѣдующія десятилѣтія нѣсколько возрастаетъ, но все же далеко не достигаетъ цифръ, указанныхъ для первой половины XIX в. Общая причина пониженія рождаемости, конечно, понятна: условія жизни въ большихъ городахъ вообще не способствуютъ плодовитости, особенно въ чисто городскихъ слояхъ населенія. И въ Харьковѣ % рождаемости, можетъ быть, былъ бы теперь еще ниже существующаго, если бы городское населеніе не пополнялось постоянно притокомъ свѣжихъ, жизнеспособныхъ элементовъ, вносимыхъ въ него деревней. Можетъ быть, этимъ именно свѣжимъ элементамъ обязанъ своимъ повышеніемъ и процентъ рождаемости, наблюдаемый нами въ 90-хъ годахъ XIX ст.

Изъ свѣдѣній о числѣ рожденій за разные годы видно, что въ Харьковѣ мальчиковъ всегда рождалось больше, чѣмъ дѣвочекъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ длинный рядъ цифръ, приведенныхъ въ таблицахъ проф. Сокальскаго [2]). Вотъ кое какія средніе изъ этихъ цифръ.

Въ	1854—1859	г.г.	ежегодно	рождалось	среднимъ	счетомъ	1225	м. и	1129 д.
„	1860—1864	„	„	„	„	„	1328	„ „	1256 „
„	1865—1769	„	„	„	„	„	1373	„ „	1322 „
„	1870—1874	„	„	„	„	„	1632	„ „	1567 „
„	1875—1879	„	„	„	„	„	1938	„ „	1868 „
„	1880—1882	„	„	„	„	„	2245	„ „	2093 „
„	1885—1889	„	„	„	„	„	2585	„ „	2559 „

[1]) По Бобрицкому 2,74. Бобрицкій. Рождаемость, брачность и смертность харьковскаго населенія, стр. 3.
[2]) Статистическій Листокъ 1884 г., стр. 18—19.

Процентъ рождаемости, какъ мы уже отмѣтили, понижается, но нужно сказать, что понижается и брачность населенія. Вотъ цифры:

Въ	1854—1859	г.	1	бракъ	на	102	жителя обоего пола.
„	1860—1864	„	„	„	„	88	„ „
„	1865—1869	„	„	„	„	106	„ „
„	1870—1874	„	„	„	„	126	„ „
„	1875—1879	„	„	„	„	135	„ „
„	1880—1882	„	„	„	„	214	„ „
„	1885—1889	„	„	„	„	175 [1]).	„ „

Уменьшеніе брачности должно бы компенсироваться учащеніемъ внѣбрачныхъ отношеній. Такъ оно и есть, вѣроятно, въ дѣйствительности, но доказать это цифрами внѣбрачныхъ рожденій нѣтъ возможности. Вотъ что говорятъ эти цифры.

Годы	Число родившихся	Изъ нихъ внѣбрачныхъ	% внѣбрачныхъ
1854—1859	14122	2630	18,6
1860—1864	12921	1743	13,5
1865—1869	13472	1045	7,7
1870—1874	15994	1733	10,8
1875—1879	19028	2328	12.2
1880—1882	13015	1405	10.7
1886—1889	17180	2307	13,7

Оказывается такимъ образомъ, что по сравненію со второю половиною пятидесятыхъ годовъ и первой половиной шестидесятыхъ процентъ внѣбрачной рождаемости въ Харьковѣ понизился. Отсюда слѣдовало бы заключить, что и харьковскіе нравы въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ стали строже, чѣмъ были въ пятидесятыхъ. Врядъ-ли это, однако, такъ въ дѣйствительности. Не вѣрнѣе ли будетъ искать причину пониженія процента внѣбрачной рождаемости не въ усиленіи строгости нравовъ, а въ широкомъ развитіи проституціи съ одной стороны и въ большемъ распространеніи пресервативныхъ и абортивныхъ средствъ—съ другой?

Что касается смертности, то въ первыя десятилѣтія XIX в. она была непомѣрно большой. Съ шестидесятыхъ годовъ начинается пониженіе; до minimum'а процентъ смертности опускается во вторую половину 80-хъ годовъ, а затѣмъ поднимается, правда, незначительно. Объясненія причинъ пониженія смертности слѣдуетъ, конечно, искать въ улучшеніи благоустройства города и его санитарныхъ условій и въ развитіи средствъ медицинской помощи, почти неизвѣстной бѣднѣйшимъ классамъ населенія въ дореформенный періодъ. Но въ то же время не слѣдуетъ забывать, что пониженіе смертности можетъ быть не безъ основанія приписано и постоянному приливу въ Харьковъ пришлыхъ элементовъ, людей обыкновенно въ цвѣтущемъ возрастѣ, наиболѣе устойчивыхъ противъ вредныхъ вліяній естественныхъ и бытовыхъ условій городской жизни.

Къ сожалѣнію, харьковская статистика первой половины XIX в. не отличалась должною полнотою. Обыкновенно она давала только цифры населенія по полямъ и сословіямъ, совершенно игнорируя другіе, крайне интересные и важные вопросы. Болѣе обстоятельныя статистическія обслѣдованія Харькова мы мѣемъ только со второй половины XIX в. Ихъ, однако, не много. Это главнымъ образомъ однодневныя переписи: 13 марта 1866 г., 25 марта 1873 г., 29 апрѣля 1879 г. и, наконецъ, всероссійская перепись 1897 года.

Однодневная перепись 1866 г. отмѣчаетъ значительное превалированіе въ Харьковѣ мужского населенія надъ женскимъ: на 100 мужчинъ приходилось 87,44 женщ. Въ 1868 г., по заключенію мѣстнаго статистическаго комитета, на 100 мужчинъ женщинъ приходилось 84. Просматривая приведенную нами таблицу численности населенія Харькова за разные годы, легко убѣдиться, что явленіе это было не временнымъ и случайнымъ, а постояннымъ: не только въ 1866 г., но и всегда мужчинъ въ Харьковѣ было

[1]) По Бобрицкому. О. с., стр. 12.

больше, чѣмъ женщинъ. Изъ общаго числа городского населенія 9,66% приходилось на долю младенцевъ менѣе пяти лѣтъ. Среди этой группы населенія дѣвочекъ оказывалось больше, чѣмъ мальчиковъ (10,01:9,35). Подрастающее поколѣніе въ возрастѣ отъ 5 до 20 лѣтъ составляло 30,15% всего населенія, причемъ превалирующую роль въ этой группѣ игралъ уже не женскій полъ, а мужской (25,51:30,72). Взрослаго населенія въ возрастѣ 20—60 лѣтъ въ Харьковѣ было 55,11% всего населенія, причемъ опять таки перевѣсъ былъ на сторонѣ мужчинъ (55,23:54,93). Стариковъ въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ и выше приходилось 5,06%, при чемъ старухъ оказывалось значительно больше, чѣмъ стариковъ (5,50:4,68). На 100 взрослыхъ мужчинъ приходилось женатыхъ 53,99, холостыхъ 41,09, а вдовцовъ 4,91. На 100 взрослыхъ женщинъ (отъ 16 лѣтъ) замужнихъ приходилось 52,34, не замужнихъ 28,16 и вдовъ 19,48. Особенную склонность къ брачной жизни обнаруживало населеніе 1-ой части, а наименьшую—2-ой. По подсчету статистическаго комитета за 1865 г., въ Харьковѣ въ это время 1 рожденіе приходилось на 23 человѣка, но столько же и смертей. Въ 1868 г. одно рожденіе приходилось на 23 жителя, а одинъ покойникъ—на 24—25 жителей. Наибольшее количество умершихъ въ 1865 г. приходилось на долю дѣтей до пятилѣтняго возраста: дѣтская смертность составляла 54,11% всей смертности въ городѣ. Что касается браковъ, то на каждыя 100 душъ обоего пола ихъ приходилось 1,06. Внѣбрачныхъ рожденій было сравнительно немного: на 7 законнорожденныхъ младенцевъ приходился 1 незаконнорожденный. Для уясненія значенія этой цифры нужно принять во вниманіе, что въ то время для городовъ Харьковской губерніи отношеніе между внѣбрачными и брачными рожденіями было, какъ 1:13. О сравненіи Харькова въ этомъ отношеніи съ такими высоконравственными городами, какъ напримѣръ Бѣлополье, гдѣ одно незаконное рожденіе приходилось на 52 законныхъ, не могло быть и рѣчи [1]).

О густотѣ населенія въ различныхъ частяхъ города перепись 1866 г. даетъ слѣдующія свѣдѣнія. Наибольшее число населенія приходилось на первую часть, самую обширную и по занимаемому ею пространству (захарьковская и запетечинская части города): здѣсь жило 11995 мужч. и 10810 женщ.; во второй части мужчинъ 11180, женщинъ 9229; въ третьей части мужского населенія числилось 9261, а женскаго 8323 [2]). Вообще въ городѣ на 1 дворъ приходилось жителей 13,46, а на одинъ домъ 9,14, причемъ во второй части населеніе было гораздо гуще, чѣмъ въ остальныхъ: на одинъ дворъ здѣсь приходилось 11,57 жителей м. п. и 9,55 ж. п., а на одинъ домъ 6,56 м. п. и 5,41 ж. п., между тѣмъ какъ въ первой части на 1 дворъ приходилось 5,98 м. п. и 5,39 ж. п., а на 1 домъ 4,30 м. п. и 3,87 ж., въ третьей части на 1 дворъ 5,99 м. и 5,38 ж., на одинъ домъ 4,29 м. п. и 3,38 ж. п.

О густотѣ населенія въ разныхъ частяхъ города даетъ намъ понятіе и перепись 1879 г. Въ первой полицейской части, площадь которой измѣрялась 2028369 квадр. саж., было 2539 дворовъ. Средняя величина дворового участка 980 к. саж. Жителей здѣсь насчитывалось 36178 чел., распредѣленныхъ въ 5966 квартирахъ, при чемъ среднее число жильцовъ въ квартирѣ было 6 чел. Изъ соотношенія пространства и населенія видно, что густота населенія здѣсь можетъ быть опредѣлена: на 1000 кв. саж. 14,5 чел. Вторая полицейская часть заключала въ себѣ площадь въ 122758 кв. саж., на которой было расположено 1203 двора, каждый среднею мѣрою въ 1020 кв. саж. Квартиръ здѣсь было 3489, а жителей 27382, среднее число жильцовъ въ квартирѣ 7,8 чел. Здѣсь на 1000 кв. саж. приходилось 28 жителей. Третья часть обнимала площадь въ 1587149 кв. саж., на которой было 2165 дворовъ, среднею мѣрою въ 733 кв. саж. каждый. Населенія въ этой части насчитывалось 27553 чел., квартиръ было 4673, среднее количество жильцовъ въ квартирѣ 5,8 чел. На 1000 кв. саж. пространства приходилось 17 жителей. Такимъ образомъ наиболѣе густо заселенной должна считаться вторая полицейская часть. Не слѣдуетъ при этомъ, однако, забывать, что въ приведенномъ разсчетѣ не приняты во вниманіе цифры переписи, собранныя по такъ называемымъ „спеціальнымъ отдѣламъ“—отъ казенныхъ учрежденій. По „спеціальнымъ отдѣламъ“ насчитывалось 111 дворовъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ города, съ 868 квартирами и населеніемъ въ 10162 чел. Если прибавить эти цифры къ раньше указаннымъ, то для всего города получатся такія цифры: пространство—5304348 кв. саж., дворовъ 6018, средняя площадь двора 881 кв. саж., жителей 101175, квартиръ 14996, среднее число жильцовъ на квартиру 6,7, густота населенія—19 человѣкъ на 1000 кв. саж.

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1870 г. №№ 73, 74, 85.

[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1866 г. № 47.

Таковы средніе цифры. По мѣстностямъ замѣтны сильныя отступленія отъ нихъ какъ въ сторону увеличенія, такъ и въ сторону уменьшенія. Такъ самые малые дворики (178 кв. саж. въ каждомъ) были на Лысой горѣ. Тамъ жили бѣдные владѣльцы-собственники въ глиняныхъ хатахъ, крытыхъ соломою. Гораздо уже большіе дворы были въ 4-омъ околодкѣ второго участка—на Москалевкѣ, гдѣ еще наблюдался деревенскій порядокъ жизни, который сохранялся также и на „Пескахъ". Здѣсь средняя величина двора—менѣе 500 кв. саж. Московская, Николаевская, часть Рыбной, Мѣщанская, Петровскій и Слесарный переулки тоже не отличались большими дворами. Величина дворовыхъ мѣстъ здѣсь не достигала 600 кв. саж., на каждаго жителя приходилось отъ 12,5 до 15,6 кв. саж., а если принять во вниманіе, что дома здѣсь двухъэтажные и трехъэтажные, то окажется, что на одного жителя здѣсь приходилось не больше 6—7 саж. Если сравнить съ Лысой горой, гдѣ на каждаго жителя приходилось по 25,2 кв. саж., то окажется, что лысогорская бѣднота жила въ то время въ несравненно лучшихъ условіяхъ чистоты воздуха, чѣмъ обезпеченное населеніе центра.

Среднимъ числомъ въ одну квартиру приходилось 6,7 жильцовъ. Наименьше жильцовъ въ квартирѣ было на Лысой горѣ, наибольше (10,3)—въ центральной части, расположенной вокругъ Троицкой церкви. Очень густо было также населеніе въ кварталахъ между улицами: Рыбной, Кузнечной, Подольской, Московской, Костюринскимъ пер. и Николаевской площадью. Изъ 36 околодковъ, на которые дѣлился тогдашній Харьковъ, въ 17 населеніе было скучено болѣе противъ средняго для всего города, а изъ шести полицейскихъ участковъ оно было болѣе значительно въ третьемъ и четвертомъ. Maximum скученности наблюдался въ помѣщеніяхъ воинскихъ командъ, закрытыхъ учебныхъ и лѣчебныхъ заведеніяхъ, въ монастырѣ и на вокзалѣ [1]).

Перепись 1897 г., какъ и предъидущія статистическія обслѣдованія, констатируетъ превалированіе мужского населенія надъ женскимъ: на 92182 мужчины приходилось 81807 женщинъ. Дѣтей моложе года было болѣе 4000, при чемъ мальчиковъ нѣсколько болѣе, чѣмъ дѣвочекъ. Дѣтей въ возрастѣ отъ одного года до десяти лѣтъ насчитывалось болѣе 26 тыс., при чемъ въ этой группѣ численный перевѣсъ оказывался уже на сторонѣ дѣвочекъ. Отъ десяти до двадцатилѣтняго возраста было болѣе 34 тыс., при чемъ и въ этой группѣ женская молодежь численностью преобладала надъ мужскою. Людей въ возрастѣ между 20 и тридцатью годами было болѣе 44 тыс. Въ этой, самой большой по численности, возрастной группѣ мужское населеніе рѣшительно преобладаетъ надъ женскимъ (на 10 т. съ лишкомъ). Оно и понятно: въ этомъ именно цвѣтущемъ и работоспособномъ возрастѣ является въ Харьковъ громадная масса пришлаго, ищущаго заработка, народа, среди котораго мужчинъ всегда гораздо больше, чѣмъ женщинъ. Населенія въ возрастѣ 30—40 лѣтъ уже гораздо меньше: всего нѣсколько больше 25 тыс., при чемъ и въ этой группѣ преобладаютъ мужчины, но далеко не въ такой степени, какъ въ предъидущей (всего на 3 т.). Въ возрастѣ 40—50 лѣтъ харьковцевъ насчитывалось немногимъ больше 17 т. при очень небольшомъ преобладаніи мужчинъ надъ женщинами. Людей въ возрастѣ 50—60 лѣтъ было нѣсколько болѣе 11 т. Въ этой возрастной группѣ женщины сильно берутъ верхъ надъ мужчинами (больше чѣмъ на 3 т.). Шестидесятилѣтнихъ стариковъ и старухъ было около $6^1/_2$ т. И въ этой группѣ старухи преобладали. Семидесятилѣтнихъ насчитывалось только $2^1/_2$ тыс., опять таки съ преобладаніемъ старухъ. Не упоминаемъ о болѣе старшихъ возрастныхъ группахъ по ихъ ничтожной численности, отмѣтимъ только, что встрѣчались переписчикамъ и столѣтніе старики: въ возрастѣ отъ 100 до 109 лѣтъ перепись отмѣчаетъ 4 мужчинъ и одну женщину. Изъ сказаннаго видно, что по возрастному составу своего населенія Харьковъ долженъ быть характеризованъ, какъ городъ съ преобладаніемъ молодежи, подростковъ и дѣтей. Преобладаніемъ молодежи обусловливалось и семейное положеніе большинства населенія. При первомъ взглядѣ на цифры статистическихъ таблицъ приходится придти къ выводу, что Харьковъ конца девяностыхъ годовъ—городъ холостяковъ и незамужнихъ. И въ самомъ дѣлѣ изъ 92 съ лишнимъ тысячъ мужского населенія 53 тыс. приходилось на долю холостяковъ, а изъ 81 съ лишнимъ тысячъ женщинъ—42 тыс. на незамужнихъ. Но не слѣдуетъ забывать, что изъ этихъ 53 тыс. холостыхъ мужчинъ около 33 тыс. приходилось на долю лицъ, не достигшихъ 20-лѣтняго возраста, а изъ 42 тыс. незамужнихъ—болѣе 26 тыс. въ возрастѣ до 16 лѣтъ. Преобладающій брачный возрастъ для мужчинъ въ Харьковѣ—между 30 и 40 годами, а для женщинъ—между 20 и 30. Нѣсколько рѣже встрѣчались женатые мужчины въ возрастѣ

[1]) Харьк. Вѣд. 1879 г. № 154.

20—29 лѣтъ, а браки въ возрастѣ до 20 лѣтъ встрѣчались только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Вдовцовъ въ Харьковѣ сравнительно немного (2410), но зато вдовъ почти въ пять разъ больше, что, конечно, и понятно, ибо жениться легче, чѣмъ выйти замужъ. Разведенныхъ было всего 73, а разводокъ 156.

Къ сожалѣнію, мы совсѣмъ не располагаемъ данными для сужденія о степени густоты населенія по частямъ города ни въ девяностые годы, ни въ послѣдующее время: ни переписчики 1897 года, ни мѣстные статистики этимъ почему то не интересовались. Правда, на основаніи цифръ, собранныхъ въ 1892 г. г. Русовымъ, можно сдѣлать нѣсколько выводовъ, но выводы эти не имѣютъ существеннаго значенія. Зная напр., что дворовъ въ 1892 г. въ городѣ и предмѣстьяхъ было 8734, а жителей 197210, можно сказать, что на 1 дворъ въ Харьковѣ въ это время приходилось среднимъ счетомъ 22—23 обитателя. Зная, что квартиръ было 25737, выводимъ, что на каждую квартиру приходилось среднимъ счетомъ по 7 съ лишнимъ жильцовъ. Комнатъ во всѣхъ квартирахъ было 82206, значитъ на каждую комнату приходилось больше двухъ жильцовъ. Гораздо интереснѣе былъ бы выводъ о числѣ кубическихъ саженей воздуха, приходящихся на долю одного квартиранта, но, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи наши свѣдѣнія не полны. Мы имѣемъ цифры измѣщенія квартиръ только для трехъ городскихъ частей, но совсѣмъ ничего не знаемъ о предмѣстьяхъ. Выводъ можетъ быть поэтому только гадательный. Если мы допустимъ, что квартиры въ предмѣстьяхъ такихъ же размѣровъ, какъ въ первой части, т. е. нѣсколько больше 4 куб. саж. на комнату, то получимъ, что измѣщеніе всѣхъ харьковскихъ домовъ не больше 300 тыс. куб. саж., и что такимъ образомъ на одного жильца не приходится и 2 куб. саж. воздуха. О средней густотѣ населенія Харькова мы имѣемъ еще нѣкоторыя, не знаемъ на чемъ основанныя, указанія въ „Путеводителѣ“ А. Н. Гусева. По его словамъ, средняя густота населенія въ 1886 г. на 1 кв. версту, равнялась 7070 чел., а въ 1901 г.—5428. Кажущееся уменьшеніе густоты населенія произошло, говоритъ г. Гусевъ, вслѣдствіе значительнаго увеличенія территоріи города. Въ среднемъ приходилось въ 1886 г. на одного жителя 35,3 кв. саж. городской территоріи, а въ 1901 г.—44,5 кв. саж. городской территоріи и около, 1,5 кв. саж. площади улицъ [1]).

Какъ же распредѣлялось населеніе по городу въ разные періоды его жизни за истекшее столѣтіе?

Еще и до сихъ поръ отдѣльныя части города отличаются другъ отъ друга по характеру своего населенія. Заиковка преизбыточествуетъ мясниками и гусятницами; Москалевка—излюбленный пріютъ мелкаго чиновничества, съ гордостію носящаго фуражки съ кокардою; „Новыя мѣста“ и конецъ Сумской—царство высшей буржуазіи города—профессоровъ, архитекторовъ, крупныхъ адвокатовъ и высоко-приличныхъ коммерсантовъ; Холодная гора изобилуетъ булочницами и бублейницами, а Мѣщанская, Николаевская и Нетечинская—евреями. Еще больше сказывалась такая разница въ старомъ Харьковѣ,—Харьковѣ Александровскаго и Николаевскаго времени. Въ началѣ XIX в. городское, т. е. торговое и промышленное населеніе жило только на небольшомъ сравнительно пространствѣ, составлявшемъ собственно городъ. Но и здѣсь оно группировалось такъ, что люди одинаковой профессіи или положенія жили въ близкомъ сосѣдствѣ. Коцарская улица была мѣстомъ жительства коцарокъ, ткавшихъ знаменитыя когда то харьковскія „коци“. На Чеботарской жили сапожники, на Рымарской—„лимари“, на Нѣмецкой и Чернышевской—нѣмцы и вообще иностранцы. Московская принадлежала главнымъ образомъ содержателямъ постоялыхъ дворовъ. Мясники обитали по преимуществу въ южной и юго-восточной части города (и до сихъ поръ здѣсь удержались названія Старо и Мало-Мясницкой улицъ). Купечество имѣло дома преимущественно въ торговомъ центрѣ—по Торговой и Николаевской площадямъ и по прилегающимъ къ нимъ улицамъ. „Кушниры“ еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ жили въ залопанской части города, гдѣ помѣщались и ихъ промышленныя заведенія. Захарьковская слобода была дѣйствительно слободою. Главная масса здѣшняго населенія—войсковые обыватели, переименованные впослѣдствіи въ государственныхъ крестьянъ. Занятіе населенія этой части города почти исключительно земледѣліе или чумачество. Это былъ центръ харьковскаго крестьянства. Здѣсь же находилось и его сословное управленіе—волость, помѣщавшаяся сперва тамъ, гдѣ теперь домъ первой полицейской части, а потомъ на углу Старо-Московской и Скобелевской площади. Перестройка быта и характера этой мѣстности началась со времени превращенія бывшаго крестьянскаго общественнаго выгона въ Конную площадь, пунктъ торжища шерстью, полу-

[1]) Гусевъ. Историко-статистическій путеводитель, стр. 35.

чившаго, можно сказать, всероссійское значеніе. Тогда для обывателей прилегающихъ къ площади улицъ дворничество оказалось гораздо выгоднѣе земледѣлія и извоза, и въ результатѣ—возникновеніе цѣлаго ряда постоялыхъ дворовъ и складовъ шерсти по Конной и Михайловской улицамъ. Дальнѣйшія условія жизни города вызвали переходъ крестьянскихъ усадебъ въ руки настоящихъ горожанъ и превращеніе деревенскихъ хатъ въ пристойные городскіе дома. Впрочемъ и до сихъ поръ здѣсь удержалось еще нѣсколько домовладѣльцевъ, носящихъ старинныя харьковскія крестьянскія фамиліи—Леусы, Молочные, Покозіи и др.

Еще меньше была похожа на городъ удаленная отъ Харькова Заиковка. Здѣсь тоже было почти исключительно мужицкое царство. Какъ слабы были связи Заиковки съ городомъ,—на это указываютъ уже особенности выговора заиковцевъ,—особенности, по которымъ напр. заиковскихъ женщинъ, еще двадцать лѣтъ тому назадъ, можно было узнать сразу. Первые нарушили деревенскую идиллію Заиковки мясники и торговки живностью, которыхъ уже во второе десятилѣтіе XIX в. начальство стало энергично вытѣснять изъ города. Мясники и гусятницы и были долгое время единственною буржуазіею Заиковки, осѣвшею здѣсь въ довольно значительномъ числѣ, но такъ какъ эта буржуазія по своему этнографическому типу да и по занятіямъ, не заключающимъ въ себѣ ничего специфически городского, немного отличалась отъ коренного населенія, то и дисгармоніи большой здѣсь не выходило. Городской пролетаріатъ сталъ здѣсь селиться гораздо позже, уже во вторую половину XIX в. На Заиковкѣ искали себѣ пріюта ремесленники достаточно богатые, чтобы обзавестись собственной не мудрящей хатой, въ которой они и производили свое ремесло. Это были люди, обезпеченные только кровомъ, а пищу давалъ имъ сбытъ ихъ работы на базарахъ. Таково было положеніе хозяевъ, а еще хуже было положеніе ихъ квартирантовъ, такихъ же ремесленниковъ, какъ и хозяева. Особенно много было здѣсь въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ сапожниковъ. Условія жизни двухъ послѣднихъ десятилѣтій значительно измѣнили характеръ населенія Заиковки. но и до сихъ поръ интеллигентные слои городского населенія здѣсь, можно сказать, отсутствуютъ.

Основа, и до сихъ поръ оффиціально не вошедшая въ составъ города, хотя органически съ нимъ сливающаяся, въ дореформенный періодъ была далеко отстоящимъ отъ города владѣльческимъ селомъ, принадлежавшимъ Квиткамъ. Не смотря на близость города, основяне слабо испытывали его вліяніе: владѣльцамъ нужны были не промышленники, а хлѣборобы. Сообщеніе между городомъ и Основой поддерживалось только тѣмъ, что основяне пріѣзжали въ Харьковъ „базаруватн", а горожане, вѣрнѣе низшій слой городского населенія, ходили по праздникамъ на Основу изъ за „вільної", ради возможности пить дешевую „горілку", потому что на Основѣ откупа не было, и водка продавалась далеко дешевле, чѣмъ въ Харьковѣ. Городской элементъ начинаетъ проникать на Основу только послѣ „волн". Основа становится любимымъ мѣстомъ пикниковъ и кашеваренія для горожанъ въ лѣтнюю пору. Здѣсь въ бору заводится рестораиъ, по вечерамъ играетъ музыка, устраивается иллюминація. Весною и лѣтомъ къ Основѣ направляются цѣлыя флотиліи на лодкахъ. Въ семидесятыхъ годахъ нѣкій предприниматель устроилъ было даже крохотный пароходъ „Марусю", совершавшую рейсы между Дмитріевскимъ мостомъ и Основой. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ харьковцы начинаютъ перебираться на Основу и на постоянное жительство. Особенно усилилась эта эмиграція съ тѣхъ поръ, какъ владѣльцы Основы стали распродавать по кускамъ свой вѣковой боръ, на мѣстѣ котораго вскорѣ появились цѣлыя улицы, обстроенныя деревянными, крытыми желѣзомъ домиками. Эти городскіе выходцы и разрѣдили основной земледѣльческій элементъ населенія Основы. Старые деревенскіе устои жизни Основы, державшіеся на земледѣліи, стали распатываться, и въ наши дни Основа переживаетъ переходной моментъ, когда старый строй жизни не успѣлъ еще окончательно исчезнуть, а новый укрѣпиться. Чѣмъ кончится борьба между городомъ и деревней на Основѣ—предвидѣть не трудно. Уже и теперь лучшая часть селенія, ближайшая къ церкви, стала городомъ, а деревня ушла далеко къ югу, въ пески, среди которыхъ и коротаютъ свой вѣкъ основянскіе хлѣборобы, оставшіеся вѣрными завѣтамъ предковъ.

Совершенно особый міръ, не походившій на прочія окраины Харькова, представляла собою старая Москалевка. Хозяиномъ положенія здѣсь былъ „москаль", отставной солдатъ, безземельный, снискивавшій себѣ пропитаніе большею частью службою у отца-благодѣтеля и властелина сихъ мѣстъ, Ѳедота Дороѳеевича Карпова. Карпову принадлежала вся обширная сѣверная часть этой песчаной пустоши. Здѣсь онъ, а потомъ его сынъ и селили бездомовныхъ отставныхъ, отводя имъ подъ выплатку въ разсрочку

небольшіе дворовые участки. Все это, въ огромномъ большинствѣ, была карповская челядь, работавшая у него на фабрикѣ, въ лавкахъ и дворахъ. Карповы держались старинки. Самъ Ѳедотъ Дорооеевичъ придерживался „старой вѣры“ и былъ ея покровителемъ въ Харьковѣ. „Старой вѣрой“ попахивало и на Москалевкѣ. Здѣсь, на землѣ Карпова, было и по днесь уцѣлѣвшее старообрядческое кладбище. „Москали“ и ихъ потомство и составили ядро населенія нынѣшней Москалевки. По сравненію съ другими окраинцами—войсковыми обывателями Захарьковской стороны и даже „кріпаками“ - основянами это былъ уже настоящій пролетаріатъ, обезпеченный только кровомъ, да и то въ томъ случаѣ, если долгъ за дворовое мѣсто уплаченъ ужс хозяину сполна. Чтобы добыть насущный кусокъ хлѣба, нужно было либо служить, либо торговать какою нибудь мелочью „на солдатскихъ правахъ“.

Съ превращеніемъ Харькова въ центръ обширной торговли шерстью, берега р. Харькова по всему протяженію Москалевки покрылись шерстомойнями. Москалевцамъ открылось новое поприще для заработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ населеніе Москалевки внесенъ былъ свѣжій, не солдатскій и не великорусскій элементъ. Съ наступленіемъ весны къ москалевскимъ мойкамъ изъ всѣхъ ближайшихъ къ Харькову деревень тянулись сотни хохлушекъ-„дівчатъ“. Цѣлое лѣто оставались онѣ на мойкахъ, „заробляя на ручники“ и оглашая всю Москалевку своими пѣснями, такъ не похожими на солдатскія. Иныя тутъ же находили и свою „долю“ и оставались навсегда.

Москалевка слишкомъ соблазнительно близко расположена отъ центра города, чтобы долго оставаться обособленнымъ міркомъ. Какъ только въ центрѣ стало потѣснѣе, такъ горожанинъ и обратилъ свое вниманіе на близкую къ центру Москалевку. Къ тому же окраинное положеніе Москалевки имѣло тѣ преимущества, что давало возможность устройства промышленныхъ заведеній, не допускаемыхъ въ центрѣ. И вотъ на берегу Нетечи появляются кузни Саприкина, а другія кузни—на берегу Харькова, гдѣ теперь Дмитріевскій мостъ. На самой Москалевкѣ, въ ея нынѣшней средней части, а тогда на окраинѣ выстраивается чугунолитейный заводъ, перешедшій потомъ къ Бельке и Ремизовой. Въ концѣ Маріинской воздвигается громадная табачная фабрика Ильина. Поближе къ Основѣ строится алебастровый заводъ. Привлекаетъ Москалевка и тѣхъ, кто нуждался въ дешевыхъ жилищахъ. Сюда стремится мелкій промышленный людъ и раскупаетъ подъ дворы песчаные участки сперва у Карповыхъ, потомъ у Квитки. Сюда же устремляется и мелкій чиновникъ въ поискахъ дешевой квартиры, и мелкій торговецъ и промышленникъ. Прежній однородный составъ населенія растворился въ массѣ пришельцевъ и потерялъ свою типичную физіономію.

Пролетаріями, подобно москалевцамъ, были и первые насельники Холодной горы, находившіеся, нужно сказать, еще въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ „москали“, нашедшіе себѣ покровителя въ лицѣ Карпова. Холодная гора стала заселяться въ 30-хъ годахъ. Сюда стали эмигрировать изъ города тѣ обыватели, которымъ городскіе порядки были не въ моготу. Сюда шли изъ Харькова, такъ сказать, „на слободу“ войсковые обыватели, продавшіе свои предковскіе дворы въ городѣ за неимѣніемъ средствъ поддерживать ихъ въ требуемомъ начальствомъ порядкѣ и исправности, цеховые, отставные солдаты, разночинцы, попавшіе сюда изъ разныхъ мѣстъ и селившіеся здѣсь по случаю дешевизны устройства жилища. А жилища—простыя хаты, крытыя соломой, а то и просто—землянки, особенно въ оврагѣ между Лысой горой и кладбищемъ. Ихъ постройка, самая мѣстность, внутреннее расположеніе напоминали тогдашнимъ харьковцамъ нѣчто о сакляхъ горцевъ, разбросанныхъ въ ущельяхъ Кавказа. Кромѣ хозяевъ, въ хатахъ и землянкахъ жили и квартиранты, привлекаемые сюда дешевизной квартиръ: по разсказу о. Д. Федоровскаго, за порядочную комнату, не рѣдко съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, здѣсь еще въ 50-хъ годахъ брали отъ 5 до 20 руб. въ годъ. Квартиранты бывали поэтому почти въ каждомъ домѣ; это по большей части мастеровщина. Впрочемъ и сами хозяева почти безъ исключенія были ремесленники или промышленники, по преимуществу сапожники, башмачники, горшечники, бондари, свитники и другіе мастеровые. Земледѣліемъ никто не занимался. Почти въ каждомъ дворѣ, по словамъ хорошо знавшаго Холодную гору священ. Д. Федоровскаго, можно было найти сапожника или башмачника, особенно около кладбища. „Вся забота этихъ жителей горы ограничивалась только тѣмъ, чтобы, приготовивъ вещь, продать скорѣе съ барышомъ и на это купить хлѣба. Поэтому холодногорцы, трудясь въ продолженіе недѣли, съ радостью ожидаютъ воскресенья или праздника, чтобы въ это время отдохнуть, побывать на базарѣ, а вечеромъ навѣстить и утѣшительныя мѣста. Въ базарные дни этотъ торгующій народъ въ церкви почти

не бываетъ, исключая неспособныхъ къ труду. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны хозяйки-перекупки, промышляющія разными разностями. Въ каждомъ домѣ принято здѣсь почти за правило, что хозяинъ самъ для себя трудится, а хозяйка—для себя отдѣльно, первый—какъ представитель сапожниковъ, а вторая—какъ представительница торговокъ разнымъ съѣстнымъ. Здѣсь также много занимаются приготовленіемъ ковровъ; покраска пряжи, самая пряжа—все это достояніе одинѣхъ женщинъ. Хозяйскія дочки, дѣвушки съ 12 лѣтъ и до выхода замужъ, съ открытіемъ моекъ всѣ отправляются туда на заработки, возвращаясь на ночь домой. Здѣсь то онѣ получаютъ своего рода, по ихъ понятіямъ, образованіе, не безъ порчи для нравственности. Вообще холодногорцы склонны къ пѣснямъ, особенно молодежь. Этими то пѣснями до поздна оглашаются улицы, особенно въ свободное отъ работъ время. Здѣсь пока еще (писано въ началѣ 50-хъ годовъ) наслаждаются деревенской свободою. Лѣтомъ холодногорцы живутъ еще почти безъ горя; большая часть изъ нихъ переселяются цѣлыми семействами на базары, въ шалаши, для закупки и продажи яблокъ, грушъ, сливъ, огурцовъ, арбузовъ, дынь, луку и пр.; но зимою, особенно въ суровое время, эти жители много терпятъ нужды въ отопленіи, освѣщеніи и самой пищѣ. Многіе изъ нихъ по нуждѣ выкапываютъ корни въ лѣсахъ и тѣмъ согрѣваютъ себя. Особенно жалко на нихъ смотрѣть въ осеннее ненастное время, когда они, плавая по колѣни въ грязи, въ плохой одеждѣ, идутъ на рынокъ за пищею (хотя по бѣдности не въ силахъ сдѣлать заготовленія провизіи даже на 3 дня). Это-то самое обстоятельство имѣетъ самое невыгодное вліяніе и на ихъ здоровье. Здѣсь обыкновенна простуда, и лихорадка почти въ каждомъ домѣ. Въ нравственномъ отношеніи холодногорцы не всѣ одинаковы. Многіе изъ нихъ отличаются набожностію, благочестіемъ, любятъ церковное чтеніе и пѣніе, но большая часть составляютъ массу народа грубаго, неуважительнаго, способнаго къ обману и не всегда трезваго. Въ послѣднемъ отношеніи непріятно смотрѣть на нихъ въ праздники и воскресные дни, во время ихъ разгула. Возвращаясь съ вольницы, едва-едва тащутся домой, обыкновенно съ разгульной пѣсней, а чаще съ бранью и даже дракой". Въ этнографическомъ отношеніи преобладающее населеніе этой мѣстности было малорусское [1]).

Съ проведеніемъ желѣзной дороги въ составъ населенія Холодной горы проникаетъ новый элементъ—кондуктора, поѣздная прислуга, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и т. п. Холодная гора оказалась для нихъ очень подходящей какъ потому, что была близко къ мѣсту ихъ службы, такъ и потому, что квартиры здѣсь были дешевле. Со временемъ желѣзнодорожники, занимавшіе болѣе „доходныя" должности, начинаютъ осѣдать здѣсь и на постоянное жительство Появляется новый типъ домовладѣльцевъ изъ „оберовъ". За ними двинулось на гору мелкое чиновничество, а потомъ и болѣе солидная буржуазія. Старое населеніе подверглось разрѣженію, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали исчезать и старые нравы. Теперь о нихъ только кое-когда напоминаютъ буйства холодногорской молодежи, дѣлающей подчасъ эту часть города небезопасной для прохожихъ.

Журавлевка, долгое время составлявшая отдѣльную отъ города деревню, населена была исключительно войсковыми обывателями, переименованными впослѣдствіи въ государственныхъ крестьянъ. Можно думать, что при подсчетахъ городского населенія въ первыя десятилѣтія XIX в. журавлевцы и совсѣмъ къ горожанамъ не причислялись. До 1850 г. Журавлевка состояла въ вѣдѣніи земскаго суда и только съ 1850 г. перешла въ завѣдываніе городской полиціи. Не смотря на смежность съ торговымъ городомъ, населеніе Журавлевки долго сохраняло чисто земледѣльческій характеръ. Земледѣліе и огородничество, продукты котораго продавались на городскихъ базарахъ, были исконными занятіями журавлевцевъ. Заработывали они и на молокѣ и молочныхъ продуктахъ, ибо держали коровъ, пасшихся на прилегавшемъ къ Журавлевкѣ выгонѣ (отъ Каплуновской церкви до Помѣрокъ и по всему склону горы). Когда въ 50-хъ годахъ земля эта отошла къ городу, журавлевцы потерпѣли крупную утрату, ибо для ихъ „пятой череды" не оказалось пастбища, отданнаго городской думой въ аренду подъ бахчи, и только послѣ вмѣшательства администраціи имъ предоставлена была, уже за деньги, часть городского выгона [2]). Вообще переходъ „на городское положеніе" сильно повліялъ и на экономическое положеніе и образъ жизни населенія, и на его составъ.

Однимъ изъ первыхъ горожанъ, внесшихъ нѣчто совсѣмъ новое въ старый деревенскій укладъ жизни Журавлевки, былъ нѣкій предпріимчивый нѣмецъ, устроившій здѣсь въ концѣ пятидесятыхъ годовъ купальни

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24.

[2]) Арх. Гор. Думы Журн. 1860 г. мая 11.

и загородный ресторанчикъ. Лѣтомъ сюда наѣзжали многочисленные посѣтители, купались въ чистыхъ тогда еще струяхъ Харькова, гуляли въ садикѣ при ресторанѣ, пили чай, играли въ биліардъ и кегли, а то подкрѣплялись и питіями изъ буфета. Потомъ на Журавлевкѣ, по теченію рѣки, гдѣ было побольше растительности, стали покупать себѣ дворовые участки и другіе горожане, устраивавшіе здѣсь дачи для лѣтняго пребыванія, а иные селились и на всегда. Процессъ проникновенія горожанъ на Журавлевку продолжается и по днесь. Городъ овладѣлъ уже лѣвымъ берегомъ р. Харькова, но остатки деревни и теперь еще уцѣлѣли. Кое какія хатки подъ соломенною крышей и теперь еще держатся подъ горою и на подъемѣ горы. Въ процессѣ побѣдоноснаго шествія города на Журавлевку крупнѣйшую роль сыграло открытіе вблизи Журавлевки технологическаго института.

Ивановка также представляла совершенно отдѣльное отъ города поселеніе, жившее сельскою крестьянскою жизнью. Во время генеральнаго межеванія, при Екатеринѣ, Ивановка называлась еще хуторомъ Ивановскимъ. Въ дачѣ хутора считалось 165 дес. земли, состоявшей во владѣніи помѣщицы Н. П. Дуниной и харьковскихъ войсковыхъ обывателей. Въ началѣ XIX в. это уже слобода, отстоявшая отъ города на разстояніи $1^1/_2$ в. Здѣсь была деревянная церковь, а на р. Лопани мучная мельница Дуниной. Жители—войсковые обыватели, по ревизіи приписанные къ Харькову, были довольно зажиточны, „упражнялись въ хлѣбопашествѣ“ и въ разныхъ промыслахъ, торговали рогатымъ скотомъ и нанимались подъ свозъ хлѣба, соли и купеческихъ товаровъ [1]). Хлѣборобами и чумаками продолжали оставаться ивановцы и во всю первую половину XIX в. Ивановка стала пріобщаться къ городу только со времени проведенія желѣзной дороги. Первыми пришельцами изъ города были здѣсь рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Городскіе рабочіе и до сихъ поръ составляютъ главный контингентъ населенія Ивановки. Устройство здѣсь сахарнаго завода и элеватора и выселеніе сюда значительнаго числа лицъ, связанныхъ службою съ городомъ, совершенно измѣнили деревенскій характеръ Ивановки и превратили ее въ городское предмѣстье.

Обратимся теперь къ этнографическому составу населенія.

Не смотря на долговременное сожитіе съ великороссами, Харьковъ въ началѣ XIX столѣтія является еще малорусскимъ городомъ, населеніе котораго въ главной своей массѣ сохранило и языкъ, и одежду, и обычаи своихъ предковъ малороссовъ. Виды Харькова начала прошлаго вѣка явно отразили на себѣ этнографическій характеръ его населенія. Баба возлѣ старой соборной колокольни, облаченная въ старосвѣтскій „халатъ“; „парубокъ“, сидящій у берега Лопани, вблизи Рождественской церкви; крестьянинъ, перегоняющій черезъ Нетечинскую греблю возъ съ сѣномъ,—тѣ именно типы, какіе обычно встрѣчались тогда на харьковскихъ улицахъ. Можно думать, что русскій языкъ былъ господствующимъ только въ центрѣ города. Еще при Квитчѣ „на Гончарівці“ былъ цѣлый этнографическій міръ, нетронутый россійской культурой. Малорусскій типъ удерживался и на Панасовкѣ, и за Харьковомъ, не говоря уже о такихъ сравнительно далекихъ отъ центра окраинахъ, какъ Заиковка, Журавлевка и Ивановка. Изъ окраинъ только на Москалевкѣ, заселенной отставными солдатами, преобладала великорусская рѣчь.

Преобладаніе малорусскаго этнографическаго типа не могло, однако, удержаться долго. Уже въ 1818 г. губернаторъ Муратовъ, характеризуя нравственность населенія ввѣренной ему губерніи, писалъ, что харьковцы „значительно разнятся отъ малороссіянъ, во первыхъ, потому, что были подчинены одному правительству, а во вторыхъ, потому что въ Харьковѣ издавна поселились многіе великороссіяне: большое число чиновниковъ изъ великороссіянъ начали здѣсь жить, даже пріобрѣли помѣстья. Наконецъ, Харьковъ отъ послѣднихъ временъ Петра Великаго и почти до половины царствованія Екатерины Великой былъ мѣстопребываніемъ главнокомандующихъ войсками въ полуденномъ краѣ, пока наконецъ большее расширеніе предѣловъ имперіи не отодвинуло главной квартиры прежде въ Полтаву, а потомъ въ Кременчугъ и Елисаветградъ. Такимъ образомъ здѣшній народъ и самое дворянство болѣе нарусѣли, ежели можно такъ выразиться“ [2]). Помимо указанныхъ условій, „нарусѣніе“, а затѣмъ и обрусѣніе Харькова вызывалось и самымъ его географическимъ положеніемъ, дѣлавшимъ изъ него центръ для торговыхъ сношеній русскаго сѣвера съ югомъ. Постоянныя сношенія съ великорусскимъ купечествомъ, изъ котораго

---

[1]) Военно-учен. Архивъ Главн. Штаба. Отд. V № 471.

[2]) Тамъ же. № 476 и Арх. Гор. Думы. Журн. 1850 г. Декабрь.

образовалось главнымъ образомъ и харьковское купечество; постоянный наплывъ въ городъ разнаго рода промышленниковъ изъ великорусскихъ губерній; сосредоточеніе въ городѣ учебныхъ заведеній, вырабатывавшихъ изъ своихъ питомцевъ представителей всероссійскаго культурнаго типа; постоянное общеніе съ квартирантами-„москалями“ не могли пройти даромъ. Малороссъ —плохой промышленникъ, а торговать онъ предпочитаетъ тѣмъ, что у него подъ рукою. А подъ рукою всегда были главнымъ образомъ продукты сельскаго хозяйства. Конкуррировать съ великороссомъ въ промыслахъ и торгахъ, требующихъ особенной оборотливости, онъ былъ не въ состояніи, а такой именно оборотливости требовали условія харьковскаго рынка: для торговли бакалеей, колоніальными и „панскими“ товарами нужны были сношенія съ фабрикантами и заграничными фирмами, умѣнье пользоваться кредитомъ, постоянныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, а ко всему этому у малоросса не было воспитано привычки условіями его предъидущей жизни. Удивительно-ли, что въ области промышленности и торговли онъ, коренной житель Харькова, уступалъ наѣзжему великороссу? И юркій промышленникъ и торговецъ великороссъ не только постепенно ассимилировалъ туземца, но и занималъ его мѣсто въ городѣ, постепенно оттѣсняя хозяина къ окраинамъ. Старый слобожанинъ не былъ привыченъ къ городской жизни, да у него, земледѣльца и мелкаго торговца „дрибязкомъ“, и средствъ не было для того, чтобы содержать свой домъ въ пристойномъ для города видѣ. А между тѣмъ законъ предписывалъ начальству „очищать города отъ всего имъ несвойственнаго“. Деревенская хата съ загатью и клуней была, конечно, губернскому городу не свойственна, и энергичное начальство старалось по слову закона очищать его отъ подобныхъ сооруженій, а благодушные градоправители хотя и терпѣли, но во всякомъ случаѣ косились. Но когда въ тридцатыхъ годахъ изъ Петербурга пришло генеральное предписаніе озаботиться благоустройствомъ ввѣренныхъ городовъ, и благодушные правители стали поступать такъ же, какъ и энергичные. Не будучи въ силахъ удержаться въ центрѣ, туземцы стремились къ окраинамъ. Заселялась Холодная гора, густѣли Панасовка и Гончаровка, обсѣвались хатками песчаныя и болотистыя мѣстности южной, Занетечинской части города. Здѣсь еще удерживались кое-какія особенности малорусскаго типа, и звучала еще малорусская рѣчь, правда, сильно испорченная. Но и сюда за туземцами гналась всероссійская культура, настигала и покоряла.

Взаимодѣйствіе великорусской и малорусской этнографическихъ стихій уже къ концу Николаевскаго царствованія выработало изъ харьковца особый типъ, что то среднее между малороссомъ и великороссомъ, „перевертня“.

„Населеніе Харькова—писалъ въ 1856 г. Гапоновъ—составляетъ смѣсь русскаго и малороссійскаго племенъ. Дворяне и чиновники на половину изъ того и другого племени; купцы почти всѣ русскіе и притомъ старшіе въ семействахъ или сами, или не далѣе, какъ ихъ отцы, выселились сюда изъ губерній великороссійскихъ, преимущественно Калужской, Тульской и Московской; половина мѣщанъ русскіе и изъ однихъ съ купцами губерній; напротивъ, изъ цеховыхъ и крестьянъ $^4/_5$ малороссіяне. Посему если принять населеніе въ цѣломъ составѣ и обратить вниманіе на нравы, обычаи и преимущественно языкъ харьковцевъ, то окажется, что ни одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, ни русскій, ни малороссійскій, не есть здѣсь отличительный, господствующій, а въ отношеніи языка представится та еще особенность, что, какъ нарѣчіе здѣшнихъ малороссіянъ не есть настоящее этого племени, такъ не можетъ быть названо чистымъ, правильнымъ нарѣчіе здѣшнихъ русскихъ“.

Особенно быстро пошло обрусѣніе Харькова со второй половины XIX в.

„Воля“, проведеніе желѣзной дороги, усиленіе торговопромышленнаго значенія Харькова вызвали громадный наплывъ въ городъ пришлаго населенія, главнымъ образомъ изъ великорусскихъ губерній. Ближайшимъ результатомъ устройства вокзала за Лопанью было вытѣсненіе съ Холодной и Лысой горы и изъ Гончаровки туземцевъ-малороссовъ и замѣна ихъ „оберами“, контролерами и другими агентами желѣзной дороги, въ тѣ времена какъ то особенно легко составлявшими капиталецъ, необходимый для пріобрѣтенія осѣдлости. Новая желѣзная дорога—Балашовская, прошедшая по той далекой восточной окраинѣ Харькова, которая еще въ 90-хъ годахъ жила почти деревенскою жизнью, и послѣдовавшее затѣмъ устройство громаднаго паровозостроительнаго завода въ короткій срокъ вытѣснили изъ этихъ мѣстъ хатки и клуни, а вмѣстѣ съ ними и послѣдніе остатки малорусской рѣчи. Еще раньше руссификаціи подверглась Журавлевка, куда уже въ шестидесятыхъ годахъ устремились культурные харьковцы на дачи, а потомъ и на постоянное жительство. Той же участи подверглась и Основа, гдѣ уже въ 90-хъ годахъ

образовалось цѣлое поселеніе культурныхъ и подкультуренныхъ харьковцевъ, привлекаемыхъ возможностью за дешево пріобрѣсти осѣдлость на мѣстѣ бывшаго Основянскаго бора. Совершившееся въ послѣднее время продленіе конно-желѣзной дороги до Основянской плотины и устройство вмѣсто этой плотины надежнаго моста прочно связали Основу съ городомъ и сдѣлали изъ нея удобный пунктъ для поселенія мелкаго служащаго люда. Малороссы и на Основѣ, можно сказать, уже исчезаютъ, на той самой Основѣ, которая научила Квитку той прекрасной народной малорусской рѣчи, которая и до сихъ поръ остается образцомъ для современныхъ малорусскихъ писателей. Обрусѣли и Новоселовка съ Малой Основой благодаря наплыву культурныхъ пришельцевъ, не имѣвшихъ возможности поселиться въ самомъ городѣ. Громадную роль въ обрусѣніи Харькова сыграла и школа, въ которую съ шестидесятыхъ годовъ низшіе слои городского населенія повалили толпами. Дѣтишки входили въ народную школу украинцами, а выходили изъ нея хорошо знающими грамотный языкъ и подчасъ стыдящимися своей родственной связи съ „необразованнымъ“ простонародьемъ. Мать-булочница съ Холодной горы говорила еще по малорусски, но ея сынокъ, прошедшій черезъ школу, излагалъ свои мысли непремѣнно „по образованному“; мамашина рѣчь, въ особенности въ посторонникъ, его уже шокируетъ.

Къ сожалѣнію, на этнографическій составъ мѣстнаго населенія при переписяхъ прежнихъ годовъ не обращалось вниманія, а потому мы и не имѣемъ возможности прослѣдить за постепеннымъ исчезновеніемъ малороссовъ изъ Харькова. Впервые вопросъ объ этнографическомъ составѣ Харькова возбудилъ къ себѣ интересъ только при однодневной переписи 1879 г., но, къ сожалѣнію, относящіяся сюда данныя переписи остались неразработанными.

„Современный Харьковъ—писалъ въ концѣ 70-хъ годовъ И. А. Устиновъ—почти совершенно утратилъ типъ малороссійскаго города даже по говору его жителей и мало походитъ не только на уѣздные города Харьковской губерніи, но не походитъ и на близкую къ нему Полтаву. Въ Харьковѣ даже и въ средѣ простолюдинъ весьма рѣдко приходится слышать малороссійское нарѣчіе, когда то господствовавшее во всѣхъ сословіяхъ. Теперешніе горожане и низшаго слоя говорятъ почти всѣ русскимъ языкомъ съ нѣкоторою примѣсью малороссійскихъ словъ и оборотовъ рѣчи; въ среднихъ сословіяхъ преобладаніе русскаго языка становится почти исключительнымъ и, наконецъ, въ высшихъ, образованныхъ классахъ малороссійскіе оттѣнки языка исчезли совершенно, и только развѣ въ выговорѣ русской буквы *Г* нѣкоторыхъ харьковцевъ выдаетъ ихъ малороссійское происхожденіе [1]“.

XX столѣтіе застало населеніе Харькова вполнѣ обрусѣвшимъ и усвоившимъ себѣ русскую рѣчь, отличающуюся отъ рѣчи великороссовъ только выговоромъ да кое какими реченіями малорусскаго происхожденія. При однодневной всероссійской переписи 1897 г. громадное большинство населенія города даже не признало себя за малороссовъ. Изъ 81126 мужчинъ русскихъ 57755 заявили, что ихъ родной языкъ—великорусскій, и только 23430—назвали себя малороссами. Изъ 74492 русскихъ женщинъ 52659 считали великорусскій языкъ своимъ роднымъ, а малороссіянокъ оказалось всего 21662. На все населеніе города малороссы или, точнѣе, люди, считавшіе себя малороссами по происхожденію, если вѣрить переписи, давали нѣсколько больше 25%, а великороссы 58%. Но можно ли вѣрить этимъ цифрамъ, хотя онѣ и основаны на показаніяхъ самаго населенія? Думается, что нѣтъ. Разсматривая населеніе Харькова по его происхожденію, мы нашли въ немъ (стр. 120) болѣе 96 тыс. уроженцевъ Харьковской губерніи, 5 т. полтавцевъ, $4^1/_2$ тыс. кіевлянъ, $2^1/_2$ тыс. екатеринославцевъ, $1^1/_2$ тыс. подолянъ, итого около 110 тыс. уроженцевъ малороссійскихъ губерній. При такихъ условіяхъ малороссовъ во всякомъ случаѣ должно бы быть въ Харьковѣ гораздо больше, чѣмъ показано въ переписи. Есть поэтому полное основаніе подозрѣвать, что очень и очень многіе харьковскіе малороссы, особенно изъ подкультуренныхъ слоевъ населенія, при переписи устыдились своего „хохлацкаго“ происхожденія, а другіе, можетъ быть, и по инымъ соображеніямъ отреклись отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ (какъ это напр. можно допустить относительно харьковскаго духовенства).

Судя по переписи 1897 г., большинство харьковскихъ малороссовъ, какъ, впрочемъ, и великороссовъ, занято частною службой въ качествѣ прислуги и т. п., но въ то время, какъ великороссовъ по сей части подвизалось болѣе $15^1/_2$ тысячъ, малороссовъ насчитывалось всего около 6 тыс. Болѣе 2 тыс. малороссовъ

[1] Устиновъ. Путеводитель по г. Харькову, стр. 75.

служило въ войскахъ, болѣе 2½ тыс. (мужчинъ и женщинъ) занималось приготовленіемъ одежды, тысячи полторы—обработкой металловъ. Изъ мужского малорусскаго населенія около тысячи человѣкъ жило торговлей главнымъ образомъ продуктами сельскаго хозяйства, да около тысячи человѣкъ служило на желѣзныхъ дорогахъ. Что касается великороссовъ, то большинство ихъ занималось частною службой (прислуга, поденщики и т. п.). Этимъ занималось, какъ видно изъ переписи 1897 г., 5721 м. и 10181 ж. Болѣе 4½ тыс. мужчинъ великороссовъ было занято торговлей, около 4 тыс. было въ войскахъ, около 5 тыс. (2½ т. м. и 2½ т. ж.) было занято изготовленіемъ одежды, обработкой металловъ жило болѣе 2½ тыс.; къ великороссамъ же принадлежало большинство харьковцевъ, обезпеченныхъ и живущихъ на доходы отъ капиталовъ, недвижимыхъ имуществъ или на средства родителей и родственниковъ: такихъ по переписи 1897 г. было 2082 м. и 1612 ж., а при нихъ болѣе 4 т. членовъ ихъ семействъ. На желѣзныхъ дорогахъ служило около 2½ тыс. великороссовъ, болѣе 2 т. было занято по строительной части; изъ 2½ т. харьковскихъ извозчиковъ почти 2 т. приходилось на долю великороссовъ; 2½ тыс. работниковъ великороссовъ занято было обработкой металловъ, болѣе 1600 - обработкой растительныхъ и животныхъ питательныхъ продуктовъ; 1½ тыс. заняты были разными видами обработки дерева. Изъ 3800 харьковскихъ чиновниковъ, служившихъ по административной, судебной и полицейской части, великороссовъ было болѣе 1200. Даже среди православнаго духовенства, какъ это ни странно, численное преобладаніе принадлежало великороссамъ: въ то время, какъ послѣднихъ было 248, малороссовъ не насчитывалось и сотни.

Совсѣмъ незначительную величину среди русскаго населенія Харькова представляютъ бѣлоруссы. Въ 1897 г. ихъ было всего 612 чел. (441 мужч. и 171 женщ.). Изъ нихъ 171 были заняты на строительныхъ работахъ да около 104 чел.—прислуги, поденщиковъ и вообще занятыхъ частной службой.

Поляки, повидимому, появились въ Харьковѣ не раньше XIX в. По крайней мѣрѣ въ XVIII ст. о ихъ присутствіи въ сколько нибудь значительномъ числѣ не сохранилось никакихъ данныхъ. Впервые поляки въ Харьковѣ упоминаются въ оффиціальныхъ документахъ въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Въ это время сюда было выслано нѣсколько поляковъ, „навлекшихъ по своимъ качествамъ на себя не малое сомнѣніе ко вреду общаго спокойствія“. Что кромѣ нихъ въ это время въ Харьковѣ не было другихъ поляковъ,—видно изъ одного рапорта губернатора Бахтина, указывавшаго, что перлюстрировать переписку поляковъ нельзя по неимѣнію въ Харьковѣ людей, знающихъ по польски [1]). Впослѣдствіи въ Харьковъ стали являться поляки и не въ качествѣ ссыльныхъ. Со словъ, напримѣръ, Квитки мы знаемъ о полякахъ, подвизавшихся на мѣстной драматической сценѣ. Въ двадцатыхъ годахъ католики, среди которыхъ поляки по численности, конечно, должны были играть главную роль, насчитывались уже не единицами, а по крайней мѣрѣ десятками: для единицъ общественныхъ богослуженій не устраиваютъ, а у харьковскихъ католиковъ не только совершались общественныя богослуженія, но и шли серьезныя приготовленія къ постройкѣ католической церкви, которая и возникла въ тридцатыхъ годахъ. Закрытіе Виленскаго университета, „рухавки“ 1830 и 1863 гг. направили въ Харьковъ многихъ поляковъ, при иныхъ условіяхъ могшихъ отыскать себѣ мѣсто для образованія и дѣятельности и на родинѣ. Не мало поляковъ оказалось въ средѣ мѣстнаго чиновничества, явились, наконецъ, и поляки-ремесленники и торговцы. Не мало поляковъ приводила въ Харьковъ и служба въ войскахъ мѣстнаго гарнизона. Изъ поляковъ, сыгравшихъ крупную роль въ мѣстной жизни, слѣдуетъ отмѣтить Млотковскаго, поставившаго на ноги харьковское драматическое искусство и создавшаго харьковскій драматическій театръ, существующій и по нынѣ. Другой полякъ—Владиміръ Андреевичъ Франковскій, популярнѣйшій въ городѣ врачъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, былъ истиннымъ „другомъ человѣчества“, память о которомъ одинаково благоговѣйно чтится и богатыми, и бѣдными. Харькову же была отдана и часть энергіи извѣстнаго польскаго писателя Корженевскаго, бывшаго здѣсь директоромъ губернской гимназіи. Въ Харьковѣ же профессорствовалъ и Мицкевичъ, извѣстный, впрочемъ, только тѣмъ, что былъ братомъ великаго польскаго поэта. Какъ врачъ-клиницистъ, громадною извѣстностью пользовался здѣсь въ семидесятыхъ годахъ проф. Лашкевичъ, тоже полякъ. Въ области мѣстнаго промышленнаго искусства въ 90-хъ годахъ выдвинулся фотографъ-артистъ А. К. Федецкій, ателье котораго получило громкую извѣстность далеко за предѣлами Харькова. О численности поляковъ въ Харьковѣ

[1]) Архивъ Губ. Правл. Дѣла Канц. губерн. 1812 г.

мы знаемъ только изъ переписи 1897 г. Въ это время ихъ числилось 2853 мужч. и 1116 женщ. Большинство ихъ принадлежало къ составу мѣстныхъ войсковыхъ частей, 137 мужч. и 108 женщ. жили въ качествѣ рантье, человѣкъ 150 служило по желѣзнодорожной части, человѣкъ 100 торговали, остальные насчитывались десятками и единицами въ разныхъ другихъ отрасляхъ труда. У поляковъ перепись отмѣчаетъ еще большее развитіе трудовой жизни, чѣмъ среди харьковскихъ русскихъ. Изъ 2853 мужчинъ самостоятельныхъ работниковъ было 2528, а изъ 1116 полекъ 431 добывали себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ.

Представители другихъ славянскихъ народностей насчитываются въ Харьковѣ, можно сказать, единицами. Больше всѣхъ по переписи 1897 г. оказалось чеховъ: 62 мужч. и 34 женщ., болгаръ 26 (21 мужч. и 5 женщ.), а сербовъ всего 4. Изъ харьковскихъ представителей южнаго славянства нельзя не отмѣтить имена проф. Стойковича и М. С. Дринова, крупнаго ученаго и выдающагося политическаго дѣятеля въ періодъ освобожденія Болгаріи.

Среди населенія Харькова замѣтную группу всегда составляли евреи. Были они въ Харьковѣ и въ XVIII в. Такъ можно думать по тому, что въ концѣ этого столѣтія мы видимъ въ Харьковѣ отдѣльное кладбище для евреевъ. Сумароковъ, посѣтившій Харьковъ въ самомъ началѣ XIX в., отмѣчаетъ: „трактиръ держалъ жидъ“. Къ пребыванію евреевъ въ Харьковѣ, не только постоянному, но даже и временному, въ ярмарочное время, харьковцы относились недружелюбно, видя въ евреяхъ серьезныхъ конкурренговъ въ торгахъ и промыслахъ. По неоднократнымъ просьбамъ харьковскаго купечества о запрещеніи евреямъ проживать въ Харьковѣ и пріѣзжать на ярмарки Сенатъ указомъ отъ 30 января 1804 г. разрѣшилъ евреямъ только оптовую торговлю на харьковскихъ ярмаркахъ, а 9 декабря 1804 г. послѣдовало Высочайше утвержденное „Положеніе“ о евреяхъ съ точнымъ перечисленіемъ губерній, гдѣ они имѣли право жительства. „Положеніе“ сдѣлало Харьковъ недоступнымъ для евреевъ. Но оно не всегда исполнялось и давало широкій просторъ для произвола полиціи. Въ 1805 г. харьковскіе купцы, во главѣ съ бывшимъ головою Урюпинымъ обращаются въ городскую думу съ просьбой запретить евреямъ, согласно „Положенію“ 1804 г., торги и промыслы и выслать ихъ изъ Харькова. „Положеніе“, очевидно, нарушалось, евреи продолжали пріѣзжать на ярмарки и проживать въ Харьковѣ, но дѣло было поставлено такъ, что они не могли считать себя гарантированными отъ внезапнаго выселенія. Въ 1805 г. евреи, пріѣхавшіе на ярмарку, жаловались губернатору Бахтину, что, явившись въ Харьковъ и заявивъ полиціи свои паспорта и купеческіе виды, они наняли лавки у харьковскихъ купцовъ и расположили въ нихъ свои товары безъ малѣйшей помѣхи со стороны полиціи, но на шестой день по прибытіи въ Харьковъ, когда уже началась ярмарка, полиція внезапно объявила имъ о запрещеніи имъ торговли и потребовала выѣзда ихъ изъ города. „Такимъ образомъ—писали жалобщики—мы безвинно стали подвержены убыткамъ на провозъ и проѣздъ сюда и другимъ важнѣйшимъ убыткамъ отъ неустойки противъ кредиторовъ нашихъ, насъ ожидающихъ. По важности нынѣшней ярмарки и преимущественно на ней основаннымъ срокамъ разсчетовъ, разореніе нѣкоторыхъ изъ насъ неизбѣжно“. Причина внезапной немилости объясняется не тѣмъ, что полиція вспомнила о законѣ, а тѣмъ, что губернаторъ обратилъ вниманіе на пріѣзжихъ евреевъ и приказалъ городничему прекратить ихъ торговлю. Евреи были изгнаны, впрочемъ, не всѣ, а только ярмарковые. Изъ прошенія, поданнаго губернатору Бахтину харьковскими купцами и гражданами въ сентябрѣ 1805 г., видно, что и послѣ изгнанія въ Харьковѣ остались евреи-купцы и ремесленники. Такъ, въ трактирѣ купца Спасскаго торговалъ еврей, тоже было въ трактирѣ жены протопопа Гилевскаго; въ домахъ Булычова и Семенова жили евреи-ремесленники. Ссылаясь на то, что Слободско-Украинская губернія „отъ всякаго промысла и жительства евреевъ освобождена“, и что евреи причиняютъ купцамъ и гражданамъ подрывъ въ торговлѣ, челобитчики просили торговлю и промыслы евреямъ запретить, самихъ ихъ изъ Харькова выслать и впредь для торговли и промысловъ пріѣзжать не дозволять. О недружелюбномъ отношеніи харьковцевъ къ евреямъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что среди мѣстнаго населенія находились добровольцы, слѣдившіе за пріѣзжими евреями и доносившіе о нихъ, куда слѣдовало. Въ 1806 г. харьковскій купецъ Кушинниковъ подалъ губернатору доносъ, въ которомъ значилось: усмотрѣлъ онъ, Кушинниковъ, въ домѣ Малышева пріѣзжихъ евреевъ, „по ихъ закону одѣтыхъ“ (евреямъ запрещенъ былъ національный костюмъ), торгующихъ иностранными товарами, изъ которыхъ иные безъ таможенной печати. Усмотрѣлъ онъ затѣмъ, какъ курскій купецъ Лабазинъ тайкомъ купилъ

у евреевъ 24 пачки черной бархатки. Усмотрѣлъ—и донесъ городничему Шишкину. Городничій отвѣтилъ, что о пріѣздѣ евреевъ знаетъ, товары ихъ видѣлъ и позволилъ продавать харьковскимъ купцамъ, но не иногороднимъ, такъ пусть и продаютъ. Обманувшись въ разсчетахъ на городничаго, Кушинниковъ заявилъ свой „извѣтъ“ ратману Борисову, приставу Романовскому и другимъ чиновникамъ. Стали допрашивать Лабазина, потомъ принялись за евреевъ, которые и сознались въ незаконной торговлѣ. При освидѣтельствованіи ихъ товаровъ въ полиціи за нихъ заступались городничій Шишкинъ и стряпчій Деменковъ. Послѣдній заявилъ, что и онъ вмѣстѣ съ городничимъ осматривалъ наканунѣ товары у евреевъ и нашелъ всѣ клейма въ порядкѣ, и въ заключеніе не позволилъ Кушинникову присутствовать при освидѣтельствованіи товаровъ и выслалъ его вонъ изъ полиціи [1]).

Въ 1809 г. городская дума жаловалась, что евреи занимаются въ Харьковѣ разными промыслами въ подрывъ мѣстному купечеству и требовала отъ губернскаго правленія высылки ихъ изъ города. Евреи на этотъ разъ нашли себѣ заступника въ полиціймейстерѣ, который заявилъ, что евреевъ въ городѣ не болѣе трехъ семействъ, „которые не только купеческой, но и никакой торговли не производятъ, продолжая усовершенствованіе художествъ, и тѣмъ составляютъ общественную пользу; изъ нихъ одинъ шмуклеръ, другой сапожническій мастеръ, послѣдній же—глазной лѣкарь“. Въ виду такой аттестаціи губернское правленіе рѣшило оставить евреевъ въ покоѣ и высылкѣ не подвергать [2]).

Несмотря на недружелюбное отношеніе харьковцевъ и преграды, поставленныя закономъ, число евреевъ въ Харьковѣ годъ отъ году увеличивалось. Въ 1823 г. харьковскіе граждане жаловались думѣ, что хотя закономъ воспрещены евреямъ промыслы въ Слободско-Украинской губерніи, но они, „одинъ за другимъ прибавляясь въ Харьковѣ, не только тутъ остаются на неизвѣстное время въ пребываніи, но другіе, съ давнѣйшихъ временъ подъ видомъ рукомесленности своей основавшись съ обширными семействами жительствомъ, допущены пріобрѣтать здѣсь покупкою въ вѣчность дома, а подъ предлогомъ симъ время отъ времени почти составили внутри самаго города еврейскую улицу, даже обозначили уже около города себѣ и особое кладбище, расширяя оное мало по малу болѣе окапываніемъ рвами. Наѣзжающіе къ симъ съ разныхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ многіе евреи пристаютъ у нихъ, вѣроятно, не безъ намѣренія, какъ чтобы производить изъ подъ руки иногда по свойству оборотливости ихъ торговлю и запрещенными товарами, употребляя явно въ собственныя услуги христіанъ, тогда какъ сего законъ не терпитъ. Словомъ, упрочиваясь въ Харьковѣ при занятіяхъ ничего не значущихъ мелочными работами, тяготятъ несносно гражданъ“. Харьковцы просили думу о ходатайствѣ предъ главнымъ начальствомъ, чтобы всѣ евреи были изъ Харькова высланы, и о недозволеніи впредь имъ сюда наѣзжать. Дума постановила просить у губернатора повелѣнія о высылкѣ изъ Харькова всѣхъ евреевъ, какъ людей стѣсняющихъ здѣшнее гражданство и для города безполезныхъ, о воспрещеніи въ Харьковѣ имъ постояннаго водворенія и о предписаніи, „дабы впредь евреи допускаемы къ жилищу тутъ не были“ [3]).

Недружелюбное отношеніе къ евреямъ не было, однако, постояннымъ. Запрещеніе евреямъ въѣзда въ Харьковъ имѣло, очевидно, и свои неудобныя стороны, которыя купечествомъ чувствовались настолько сильно, что повели къ ходатайству о дозволеніи евреямъ пріѣзжать въ Харьковъ. Изъ думскихъ протоколовъ за 1830 г. мы узнаемъ, что въ одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ харьковское общество обратилось къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о дозволеніи евреямъ пріѣзжать на харьковскія ярмарки хотя бы для одной оптовой покупки. Въ ходатайствѣ харьковцамъ было отказано, ибо еврейскій комитетъ призналъ ихъ просьбу несогласной съ законами, по которымъ евреямъ закрытъ доступъ во внутреннія губерніи Имперіи [4]). Фактически, однако, это запрещеніе не исполнялось. Евреи пріѣзжали на ярмарки, нанимая лавки на чужое имя, а иногда и совсѣмъ обходясь безъ лавокъ, такъ какъ продавали товары у себя на квартирахъ.

Въ 1831 г. губернскій прокуроръ Жадовскій обращалъ вниманіе губернскаго правленія на пріѣздъ евреевъ на ярмарки и производимыя ими здѣсь закупки. „Нѣкоторыхъ—пишетъ строгій блюститель за-

---

[1]) Арх. Губ. Правл. 1805 г. № 3.
[2]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1809 г. № 742.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1823 г., іюня 1.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1830 г.

кона—я самъ встрѣчалъ шатающихся по лавкамъ и прикрывающихъ воротниками шубы пейсики, и одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ прошеніе по дѣлу его, производящемуся въ здѣшней палатѣ уголовнаго суда. На вопросъ, по сему случаю мною ему сдѣланный, почему онъ для пріѣзда въ Харьковъ избралъ именно ярмарочное время, отвѣтилъ, что ему случилось это проѣздомъ въ Москву съ какими то русскими купцами, что онъ того дня только пріѣхалъ и сейчасъ же уѣзжаетъ. Удостовѣриться и наблюсти за выѣздомъ его я не имѣлъ никакихъ способовъ, ибо паспорты проѣзжающихъ и свѣдѣнія о нихъ находятся въ полиціи, и она одна только можетъ за тѣмъ имѣть присмотръ" [1]. Полиція, конечно, была снисходительна, но имѣло нѣкоторое значеніе и то обстоятельство, что среди евреевъ были люди дѣйствительно нужные для мѣстной торговли и промышленности. Строгій законъ нарушается не только низшими агентами власти, но и высшимъ губернскимъ начальствомъ. Въ 1835 г. губернаторъ, не взирая на законъ, разрѣшаетъ евреямъ, пріѣхавшимъ на ярмарку, отвести, если они на это согласны, помѣщенія въ гостинномъ ряду [2]. Въ сороковыхъ годахъ, когда къ евреямъ относились очень строго, въ Харьковѣ безпрепятственно жилъ шмуклерскій мастеръ Іосифъ Немировскій, работавшій эполеты и золототканыя вещи, и жилъ потому, что съ его удаленіемъ такого рода работъ было бы производить некому [3]. Въ пятидесятыхъ годахъ пріѣздъ евреевъ на ярмарки происходилъ не контрабандой, а совершенно открыто. Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія тотъ фактъ, что приготовленіе пищи для пріѣзжихъ евреевъ было монополіей, отъ которой городъ извлекалъ доходъ. Въ 1855 г. право столовать пріѣзжихъ евреевъ было отдано городской думой на откупъ бердичевскому купцу Беркѣ Тухшнейду за 255 руб., причемъ Тухшнейдъ выговорилъ для себя право разыскивать и отдавать въ руки начальства тѣхъ, кто будетъ давать пріѣзжимъ евреямъ пищу секретно. Въ 1856 г. монополія кормленія ярмарочныхъ евреевъ была отдана солдаткѣ Шимефельдъ за 500 руб. Во время Покровской ярмарки этого года пріѣзжіе купцы евреи жаловались, что Шимефельдъ, пользуясь своимъ монопольнымъ правомъ, входитъ въ ихъ квартиры для осмотра, нѣтъ ли въ нихъ посторонней пищи. Чтобы избавиться отъ докучливой монополистки, купцы предложили думѣ 1550 руб. отступного. Дума приняла деньги и отказала Шимефельдъ [4].

Строгій законъ, если бы даже онъ исполнялся безъ послабленій, не въ силахъ былъ, однако, закрыть Харьковъ отъ проникновенія въ него евреевъ не только въ качествѣ временныхъ гостей, но и для постояннаго жительства. Такими постоянными жителями были въ Харьковѣ евреи-солдаты, удерживаемые здѣсь, вопреки ихъ желанію, военной службой, въ то время очень продолжительной. При солдатахъ были и семьи, обзаводиться которыми законъ тоже не запрещалъ. Евреевъ въ войскахъ мѣстнаго гарнизона было такъ много, что они въ составѣ были содержать на Мѣщанской улицѣ свою синагогу, въ будніе дни превращавшуюся въ „хейдеръ",—училище для еврейскихъ дѣтей. Здѣсь же была и „микве", еврейская купальня. Евреи солдаты имѣли своего раввина и рѣзака. Въ 1860 г. въ Харьковѣ насчитывалось до 100 солдатъ-евреевъ, изъ нихъ женатыхъ было человѣкъ 30, жившихъ здѣсь со своими семействами. Солдатки-еврейки торговали на базарѣ спичками и всякою мелочью. Были евреи и среди студентовъ мѣстнаго университета, но очень немного, человѣкъ 20, жившихъ, впрочемъ, обособленно отъ своихъ единовѣрцевъ.

Разрѣшеніе евреямъ-купцамъ 1-ой и 2-ой гильдій пріѣзжать на харьковскія ярмарки было дано въ 1858 г. Это, конечно, имѣло большое значеніе. На Покровской 1859 г. было уже болѣе 50 еврейскихъ лавокъ, а въ слѣдующую Крещенскую евреями было заявлено уже до 4000 паспортовъ, а много было и такихъ, что не заявляли. Въ 1863 г. евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Харьковъ на ярмарки, насчитывалось отъ 18 до 20 тыс. человѣкъ въ годъ [5]. Пріѣзжіе евреи останавливались обыкновенно на Николаевской улицѣ и прилегавшихъ къ ней переулкахъ, также въ Цыганскомъ переулкѣ и на Московской въ „Жидовскомъ" переулкѣ. Послѣ 1858 г. главная ярмарочная торговля евреевъ сосредоточилась въ недавно переданъ тѣмъ выстроенномъ „еврейскомъ торговомъ ряду" Пащенка-Тряпкина. Были, впрочемъ, еврейскія

---

[1]) Арх. Губ. Правл. Дѣло губ. прокур. 1831 г. № 352.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1835 г.
[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1841 г.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1856 г. октября 31.
[5]) Харьковъ, 1863 г. № 6.

лавки и въ Сергіевскомъ, и въ прочихъ рядахъ. Кромѣ купцовъ, являлись на ярмарки и евреи-„меклеры“ (коммиссіонеры), „фурманы“ (извозчики) и т. п. Наѣзжали они сюда главнымъ образомъ изъ сосѣднихъ малороссійскихъ губерній—Полтавской, Кіевской, Черниговской и Херсонской [1]).

Болѣе терпимое по отношенію къ евреямъ законодательство Александра II сдѣлало Харьковъ доступнымъ и для постояннаго жительства евреевъ, обладавшимъ требуемымъ закономъ денежнымъ, ремесленнымъ или образовательнымъ цензомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ еврейское населеніе въ Харьковѣ было уже довольно значительнымъ. По однодневной переписи 1866 г., произведенной во внѣярмарочное время, лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ Харьковѣ оказалось 775 (430 м. п. и 345 ж. п.), а въ 1867 г.—906 обоего пола. У нихъ было уже двѣ синагоги—старая солдатская и новая купеческая, такъ сказать, аристократическая [2]). Не смотря на препятствія, удерживаемыя и до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ, еврейское населеніе въ Харьковѣ растетъ чрезвычайно быстро. По переписи 25 марта 1873 г., ихъ было 2397 чел. обоего пола (1245 м. и 1152 ж.). Жили они главнымъ образомъ въ средней части города, на которую приходилось 1669 евреевъ; за Харьковомъ жило 289, а за Лопанью только 239 [3]). Черезъ четыре года, въ 1877 г., въ Харьковѣ евреевъ было уже 2625 (1340 м. и 1285 ж.), въ 1879 г.—5194, а въ 1897 г.—уже 9848 (5421 м. и 4427 ж.), т. е. болѣе 5% всего населенія. Причиной быстраго роста еврейскаго населенія въ Харьковѣ, кромѣ извѣстной его плодовитости и не менѣе извѣстной снисходительности блюстителей закона, являются неоспоримые успѣхи русскаго еврейства въ просвѣщеніи и обогащеніи: дипломированнымъ, богатымъ и обладающимъ ремесленными знаніями евреямъ законъ открываетъ доступъ за пресловутую черту осѣдлости, внѣ которой лежитъ и Харьковъ, и въ Харьковѣ евреевъ съ каждымъ годомъ становится больше и больше.

Изъ переписи 1897 г. видно, что значительная часть харьковскаго еврейства занималась торговлей (658 м. и 67 ж.), 619 мужчинъ и 257 женщинъ занимались изготовленіемъ одежды, 487 служили въ войскахъ, около 200 человѣкъ занимались частной службой, столько же—полиграфическими производствами, человѣкъ 150 жило обработкой металловъ, 95 м. и 43 ж. были заняты врачебной и санитарной дѣятельностью и, наконецъ, болѣе 200 жили на доходы съ капиталовъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ отношеніи занятій евреевъ данныя переписи врядъ ли могутъ быть признаны точными. Дѣло въ томъ, что въ моментъ переписи, какъ и по днесь, профессія еврея, къ которой онъ оффиціально приписанъ, не рѣдко выставляется только для права жительства, вслѣдствіе чего и получается такая странность, что лицо, оффиціально числящееся мастеромъ стекольнаго цеха, въ дѣйствительности занимается журналистикой, а еврей, записанный слугой при врачѣ-евреѣ, занятъ конторской службой въ промышленномъ учрежденіи. Что дѣлать? Когда потоку перегораживаютъ русло, онъ пробиваетъ себѣ путь ниже преграды или мимо нея. Изъ евреевъ-мужчинъ самостоятельныхъ работниковъ по переписи 1897 г. показано 3570, а изъ женщинъ—874; 1851 еврей и 3553 еврейки показаны живущими на средства этихъ работниковъ.

Очень незначительную величину по сравненію съ евреями-талмудистами представляютъ харьковскіе евреи-караимы.

Караимы въ Харьковѣ появились довольно поздно, а именно въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка. Въ Харьковъ ихъ сначала привлекали его ярмарки и быстро развившаяся торговля и промышленность. Какъ и на родинѣ, въ Крыму, караимы стали и въ Харьковѣ заниматься торговлей. Такъ какъ до караимовъ въ Харьковѣ почти не было табачныхъ фабрикъ, то караимы, открывъ ихъ и не встрѣчая конкурренціи, довели свою табачную торговлю до очень большихъ размѣровъ. Въ семидесятыхъ годахъ число фабрикъ, открытыхъ караимами, доходило до 8. Съ теченіемъ времени оно, впрочемъ, уменьшилось. Еще въ самомъ началѣ появленія караимовъ въ Харьковѣ ихъ насчитывалось до 10 семействъ. Послѣ того какъ эти семейства обжились въ Харьковѣ и основались въ немъ, появилась потребность въ храмѣ такъ называемомъ „кенаса“, и кладбищѣ. Для кладбища караимы купили себѣ мѣсто на Холодной горѣ, а для „кенасы“ наняли помѣщеніе, выписали „газзана“, т. е. равина, и устроили молитвенный домъ. Этотъ молитвенный домъ былъ утвержденъ въ 1873 году правительствомъ. Затѣмъ, когда караимское

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1860 г № 10.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 80 и Харьковъ. 1863 г. № 6.
[3]) Харьк. Календарь на 1875 г., стр 379.

общество въ Харьковѣ насчитывало уже 30 семействъ, оно на свои средства и на средства иногородныхъ караимовъ купило домъ и выстроило себѣ въ 1893 году храмъ, на Подольскомъ переулкѣ. Управленіе дѣлами, касающимися „кенасы", находятся у караимовъ въ рукахъ трехъ лицъ: газзана, габая и шамаша. Газзаномъ называется караимскій священникъ, совершающій богослуженіе въ храмѣ, шамашъ соотвѣтствуетъ русскому дьячку, а габай — церковному старостѣ. Газзанъ и шамашъ выбираются на произвольный срокъ, службу могутъ оставить, когда угодно. Габай, церковный староста, выбирается на 3-хъ-лѣтній срокъ баллотировкой; по истеченіи этого срока, происходитъ снова баллотировка, и выбираютъ другого или оставляютъ прежняго на слѣдующее трехлѣтіе.

Караимы пользуются равными правами съ христіанскими подданными. Дѣти караимовъ попадаютъ въ гимназіи безъ тѣхъ конкурсовъ, съ какими принимаются дѣти евреевъ. Благодаря этому, лишь тотъ караимъ не учитъ своихъ дѣтей, которому не позволяетъ дѣлать это незначительное матеріальное благосостояніе. По окончаніи среднеучебныхъ заведеній дѣти караимовъ переходятъ въ высшія. За 50 лѣтъ изъ Харьковскаго университета вышло довольно много караимовъ докторовъ, юристовъ и т. п. [1]) Караимское населеніе въ Харьковѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій не увеличилось, а уменьшилось: въ 1877 г. караимовъ было въ Харьковѣ 525 (210 м. и 315 ж.), а въ 1897 г. — всего только 207 чел. (99 м. и 108 ж.)

Иностранцевъ среди населенія Харькова мы встрѣчаемъ уже въ первые годы XVIII. Это были большею частью выходцы съ юга — греки, волохи, осѣдавшіе въ Харьковѣ на постоянное жительство и ведшіе здѣсь, какъ мы знаемъ, довольно значительную торговлю. Были, конечно, и представители европейскаго запада, но можно думать, что въ это время ихъ было немного. Болѣе замѣтную по численности группу въ Харьковѣ иностранцы начинаютъ представлять только съ первыхъ годовъ XIX в. Какъ извѣстно, открытіе университета сопровождалось призваніемъ изъ за границы профессоровъ, а затѣмъ и разныхъ мастеровъ, выписанныхъ В. Н. Каразинымъ. Въ 1805 г. для иностранцевъ было отведено 10 дворовыхъ мѣстъ въ новоустроенномъ кварталѣ смежно съ Сумской улицей и бывшимъ Мироносицкимъ кладбищемъ [2]). Кромѣ иностранцевъ, состоявшихъ на службѣ, и ремесленниковъ, въ дворянскихъ домахъ жили иностранцы и иностранки въ качествѣ учителей, гувернеровъ и т. п. Были среди нихъ и нѣмцы, и французы. Иностранцы же являлись въ Харьковѣ и въ роли содержателей пансіоновъ, изъ которыхъ въ первые годы XIX в. наибольшей извѣстностью пользовался пансіонъ Дерезвиля [3]).

Войны, которыя вела Россія въ XIX ст., вызывали обычно притокъ въ Харьковъ иностранцевъ въ качествѣ военноплѣнныхъ. Такъ благодаря войнѣ съ Турціей, въ 1810 г. появился въ Харьконѣ знатный плѣнникъ — Молдавскій господарь Скарлатъ Калимахи, а при немъ былъ цѣлый дворъ: постельничій, камарашъ, ключарь, логоѳетъ, ur-чоходаръ и др. [4]). Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ Харьковъ наполнился иностранными плѣнниками и дезертирами разныхъ національностей, входившихъ въ составъ de la 'grande armée [5]). Въ 1822 г. видимъ новый притокъ иностранцевъ, на сей разъ съ юга. Борьба за независимость Эллады заставила многихъ изъ ея сыновъ искать счастья на чужбинѣ. Полагать нужно, выходцевъ было не мало. Въ концѣ 1822 г. мѣстное начальство, входя въ бѣдственное положеніе греческихъ выходцевъ, предложило желающимъ взять ихъ къ себѣ въ домы для пропитанія [6]). Благодаря войнамъ въ Харьковъ въ качествѣ временныхъ гостей попадали кавказцы, турки, союзники изъ подъ Севастополя, опять турки съ самимъ Османомъ-пашей во главѣ и даже китайцы и корейцы, какъ было въ послѣднія китайскую и русско-японскую войны. Обыкновенно это были временные гости, улетавшіе на родину при первой вѣсти о заключеніи мира, но нѣкоторые успѣвали завязать прочныя связи съ Харьковомъ и оставались здѣсь иные на всегда, иные очень на долго.

Иностранные выходцы, попадавшіе въ Харьковъ, обыкновенно пользовались покровительствомъ или по крайней мѣрѣ благожелательствомъ какъ со стороны центральнаго, такъ и мѣстнаго начальства. Только въ эпоху наполеоновскихъ войнъ иностранцы возбудили къ себѣ особенную подозрительность. Въ 1806 г.,

---

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ газзаномъ Фенерли.
[2]) Арх. Гор. Думы. Подл. притов. 1805 г.
[3]) Тамъ же. Подл. притов. 1808 г.
[4]) Арх. Губ. Правл. 1810 г. № 17.
[5]) Тамъ же. Дѣла канцел. Губерн. 1812 г.
[6]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1822 г.

согласно полученному изъ Петербурга указу, въ Харьковѣ была составлена особая коммиссія для разбора иностранцевъ. Въ составъ ея вошли губернаторъ, два члена отъ магистрата и городничій. Коммиссія обязана была выбрать изъ числа иностранцевъ французскихъ подданныхъ и выслать ихъ изъ Харькова въ теченіе 10 дней. Остаться въ городѣ позволено только тѣмъ, кто принесетъ особую присягу и представитъ за себя поручителей [1]). Подозрительность объяснялась опасеніемъ шпіоновъ.

Такіе случаи, впрочемъ, были рѣдкимъ исключеніемъ. Вообще же иностранцы принимались въ Харьковъ радушно и пользовались по сравненію съ туземцами, можно сказать, даже привилегированнымъ положеніемъ. Изъ дѣлъ городской думы видно, что иностранцы, даже не состоявшіе въ русскомъ подданствѣ, производили въ Харьковѣ „художества", ремесла и торговлю, не платя ничего въ казну и не отбывая городскихъ повинностей. Въ 1821 г. одесскій купецъ, иностранецъ Ледюкъ производилъ торговлю въ погребѣ иностранными винами, а въ лавкѣ—разными товарами. Иностранецъ Делю торговалъ дамскими уборами и галантерейными товарами, другой иностранецъ Катани—помадок, мыломъ, духами. Какой то иностранецъ-кондитеръ торговалъ конфектами, а нѣкій англичанинъ—разными товарами [2]). Дума много разъ обращала на это вниманіе губернскаго начальства, но безъ успѣха. Только въ 1824 г. губернское правленіе, внявъ просьбамъ горожанъ, рѣшило наконецъ потребовать отъ полиціи, чтобы она запретила торговлю всѣмъ иностранцамъ, не записаннымъ въ гильдіи, и закрыла мастерскія иностранныхъ ремесленниковъ, работавшихъ безъ дозволенія ремесленной управы. Со времени этого указа прошло $1^1/_2$ года, однако же, какъ видимъ изъ дѣлъ думы, и за этотъ не малый періодъ времени полиція не умѣла еще приступить къ выполненію указа. Иностранцы по прежнему торговали и занимались ремеслами. Въ 1825 г. за дѣло взялась казенная палата, представившая этотъ вопросъ на разрѣшеніе министра финансовъ, который далъ знать, что по постановленію комитета министровъ разрѣшено иностраннымъ подданнымъ вступать въ цехи, подчиняясь всѣмъ лежащимъ на цеховыхъ повинностямъ, кромѣ рекрутчины, личныхъ городскихъ службъ и подушныхъ податей, взамѣнъ которыхъ каждый мастеръ обязанъ былъ ежегодно уплачивать въ казну по 20 руб. [3]).

Среди иностранцевъ главное по численности мѣсто принадлежало нѣмцамъ. Можно думать, что уже въ концѣ XVIII в. въ Харьковѣ существовала маленькая нѣмецкая колонія. По крайней мѣрѣ извѣстно, что лютеранскій дивизіонный проповѣдникъ для Украины Веберъ, назначенный въ 1786 г., бывалъ въ Харьковѣ и совершалъ здѣсь богослуженія. Судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ 1804 г. губернаторомъ Бахтинымъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ началѣ XIX ст. въ Харьковѣ жителей лютеранскаго вѣроисповѣданія, считая взрослыхъ и дѣтей, было 95 душъ. Къ этому числу прибавилось затѣмъ еще 111 человѣкъ, такъ что въ 1804 г. всѣхъ лютеранъ въ Харьковѣ было уже 200 душъ. кромѣ того, были и такіе, которые, не имѣя въ Харьковѣ домовъ, могли считаться, такъ сказать, временными жителями его. Таковы, напримѣръ, жена и невѣстка губернатора Бахтина, врачебный инспекторъ Грумбахъ и нѣкоторые другіе. Такихъ, впрочемъ, было немного, такъ что постоянныхъ жителей лютеранъ приходилось около 200 человѣкъ. Были тутъ люди разныхъ чиновъ и званій. На одномъ изъ документовъ лютеранской общины 1804 г. находимъ подписи: коллежскаго совѣтника Рюкмана, коллежскаго ассесора Шредера, доктора Кеппена, титулярнаго совѣтника Ольденборгера, Іоганна Рейнеке, адъюнкта Шмерфельда, Эрнста Бренка, инспектора Мертенса, университетскаго гравировальщика Шёнфлина, учителя рисованія въ университетѣ Маттеса, Людвига Шнауберта, титулярнаго совѣтника Манне, маіора Седенса, Фридриха и Христіана Лёрцеровъ, Іоганна Лоренца, Іоганна Лосса, подполковницы Маріи Буксгевденъ, Фридриха Гертнера, Петерсена, учителя верховой ѣзды Вольфа, сѣдельника Дамана, Мейера, университетскаго переплетчика Генриха, университетскаго садовника Готвальда, слесаря Вестмана, шляпошника Алльгрима, ткача Крече, Цейли, Тауне, шляпошника Сангвирта, сапожника Шмидта, мѣдника Шпеймана и др. Громадное большинство изъ нихъ—люди женатые и семейные: подписались они „mit Familie" или „mit Kindern". Уже въ 1804 г. лютеране выбрали себѣ пастора въ лицѣ адъюнкта Іоганна Готфрида Баренда и получили для богослуженій залъ въ гимназіи. Баренд'ъ умеръ въ 1805 г. Въ 1809 г. при пасторѣ Гейзе лютеране получили

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. прагов. 1806 г.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1821, іюля 28.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журналъ 1825 г. Кн. 6.

разрѣшеніе собираться для богослуженія въ праздничные дни въ меньшемъ залѣ студенческаго корпуса въ университетѣ [1]). Къ концу двадцатыхъ годовъ нѣмецкая лютеранская община была такъ велика, что оказалась ужъ въ силахъ, правда, съ посторонней помощью, выстроить себѣ церковь, завести постояннаго пастора, а затѣмъ и училище для мальчиковъ и дѣвочекъ, привлекавшее къ себѣ не только нѣмецкихъ, но и русскихъ дѣтей. Впослѣдствіи училище для мальчиковъ было закрыто, а женская нѣмецкая школа превратилась въ Вознесенскую гимназію.

Нѣмцы никогда не имѣли права жаловаться, что имъ въ Харьковѣ живется дурно. Съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ они устраивались здѣсь очень удобно. Не малую роль играло и то обстоятельство, что нѣмцы всегда находили поддержку въ своихъ компатріотахъ, занимавшихъ видныя должности въ губернскомъ управленіи или пользовавшихся вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ. Къ чести цѣмцевъ-чиновниковъ и интеллигентовъ нужно сказать, что они не чуждались общества нѣмцевъ-сапожниковъ и столяровъ: и въ церковномъ совѣтѣ, и въ благотворительныхъ учрежденіяхъ нѣмецкой колоніи Staatsrath'ы, иногда даже изъ настоящихъ нѣмецкихъ Freiherr'овъ, сидѣли рядомъ съ простыми Schumacher'ами. Не чуждались Staatsrath'ы общенія съ компатріотами-сапожниками и въ сферѣ развлеченій: и тѣ, и другіе проводили свои вечера, сидя рядомъ за кружкой пива у Чонгради, Шварца или Циммермана (извѣстные въ свое время нѣмецкіе рестораны). Къ харьковскимъ нѣмцамъ благоволили и въ Петербургѣ: это явствуетъ и изъ тѣхъ субсидій, какія давались имъ на постройку кирхи (1200 руб. безвозвратно) и школы (20 т. р.), и изъ отношенія Петербургскаго начальства къ нѣмецкой школѣ, когда было возникъ вопросъ о недопущеніи въ нее православныхъ дѣтей. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ нѣмецкая колонія въ Харьковѣ, вполнѣ понятно, должна была расти и множиться. Въ шестидесятыхъ годахъ нѣмецкое населеніе Харькова переваливаетъ уже за тысячу душъ: по переписи 1866 г., въ Харьковѣ числилось 612 м. и 567 ж. лютеранскаго вѣроисповѣданія, т. е. главнымъ образомъ нѣмцевъ [2]). Въ 1877 г. въ Харьковѣ насчитывалось уже 1690 душъ лютеранскаго вѣроисповѣданія (845 м. и 845 ж.), а во время переписи 1897 г. нѣмцевъ оказалось 2353 (1120 м. и 1233 ж.). Послѣдняя цифра заслуживаетъ вниманія, какъ болѣе достовѣрная по сравненію съ предъидущими, потому, что предъидущія цифры говорятъ о харьковскихъ лютеранахъ, а цифра 1897 г. о нѣмцахъ по родному языку.

Въ Харьковѣ нѣмцы играли роль культургрегеровъ. Изъ нѣмцевъ вышло много профессоровъ, учителей, врачей, чиновниковъ. Отмѣтимъ фамиліи Блюментеля, Гана, Кронеберга, Эйбродта, Деллена и многихъ другихъ. Это нѣмцы наѣзжіе, но были профессора-нѣмцы и изъ уроженцевъ Харькова: сынъ учителя музыки Фридриха Шульца—Г. Ф. Шульцъ, профессоръ классикъ, сынъ аптекаря Надлера—В. К. Надлеръ—профессоръ всеобщей исторіи, знаменитый профессоръ-хирургъ В. Ф. Грубе—сынъ харьковскаго нѣмца Фридриха Грубе. Нѣкоторымъ фамиліямъ роль просвѣтителей пришлось сыграть, такъ сказать, преемственно. Такъ напр. Ольденборгеръ былъ преподавателемъ въ главномъ народномъ училищѣ, а сынъ его Іосифъ Федоровичъ Ольденборгеръ держалъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстный въ Харьковѣ пансіонъ. Повидимому, нѣмцами были и содержатели другихъ, въ свое время модныхъ пансіоновъ: Робушъ, Бирихъ, Нагель, Прелати и Роберти. Однимъ изъ первыхъ харьковскихъ книгопродавцевъ былъ нѣмецъ Лангъ, торговавшій иностранными книгами. Содержателемъ перваго театра былъ нѣмецъ Штейнъ. Первые аптекари, заведшіе вольныя аптеки, были нѣмцы: Венцель (начало XIX в.), позднѣе Сартисонъ, Фридлеръ, Шеппъ (кажется, первый устроившій въ Харьковѣ аптекарскій магазинъ). Въ области матеріальной культуры немаловажную роль имѣлъ извѣстный заводчикъ сельскохозяйственныхъ машинъ Бутенопъ, фирма котораго уже въ сороковыхъ годахъ существовала въ Харьковѣ. Въ половинѣ XIX в. въ Харьковѣ славился пивной заводъ Кнаппа, просуществовавшій до 80-хъ годовъ. Уже въ сороковыхъ годахъ пользовалось извѣстностью садоводство Статсъ. Позднѣе, во вторую половину XIX в., нѣмцы явились основателями или владѣльцами многихъ крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій. Таковы Вестберъ, Пильстремъ, Бельке, Трепке, Гельферихъ и др. Изъ 2353 нѣмцевъ, которыхъ застала въ Харьковѣ перепись 1897 г., 74 м. и 128 ж. были заняты частною службой, 73 м. и 114 женщинъ жили на доходы съ капиталовъ и

---

[1]) Арх. Канц. Попеч. Харьк. учебн. окр. № 86.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 80.

недвижимыхъ имуществъ, болѣе 100 чел. было занято торговлей. Въ остальныхъ профессіяхъ нѣмцы насчитывались десятками и единицами.

Нѣмцы не чуждались мѣстнаго населенія. Они широко открыли для русскихъ дѣтей двери своей школы и энергично отстаивали право на совмѣстное обученіе въ ней представителей обѣихъ національностей, когда у высшаго начальства возникла было мысль о неудобствѣ такого соединенія. За долго еще до этого спора, когда не существовало еще опасеній за утрату русскими дѣтьми ихъ національныхъ особенностей, нѣмцы пригласили въ свою школу для обученія русскихъ дѣтей православнаго законоучителя. Дѣлалось все это, конечно, не потому, что харьковскіе нѣмцы находили для своихъ дѣтей особенно полезнымъ общеніе съ русскими, а потому, что такъ было выгоднѣй: на однихъ нѣмцахъ школа не могла держаться. Не чуждаясь русскихъ, нѣмцы все же, однако, предпочитали въ частныхъ сношеніяхъ держаться общества своихъ компатріотовъ. Въ этомъ обществѣ всегда видную роль играли пасторы. Изъ пасторовъ особенно большимъ вліяніемъ пользовался Іоаннъ Амвросій Розенштраухъ, бывшій пасторомъ въ теченіе 14 лѣтъ и умершій въ 1835 г. Ему главнымъ образомъ обязана была нѣмецкая община устройствомъ кирхи, пастората и школы. Его краснорѣчіе, его умѣнье найти ключъ къ сердцу человѣка всякаго возраста и состоянія, его энергія сдѣлали его душой харьковской нѣмецкой колоніи. Купецъ по профессіи, онъ уже не молодымъ человѣкомъ принялся за богословіе, черезъ годъ блестяще выдержалъ экзаменъ и получилъ мѣсто проповѣдника въ Одессѣ и адъюнкта при суперинтендентѣ Бёттигерѣ. Изъ Одессы въ 1821 г. Розенштраухъ и перешелъ въ Харьковъ [1]). Послѣ Розенштрауха пасторомъ въ теченіе 22 лѣтъ былъ Ландезенъ, послѣ него Юргенссенъ (до 1876 г.), а затѣмъ Эмилій Бергъ.

Другихъ народовъ германскаго происхожденія въ Харьковѣ всегда было немного. Перепись 1897 г. отмѣчаетъ здѣсь около полусотни англичанъ (26 мужч. и 28 женщ.), 29 шведовъ и 5 датчанъ.

Гораздо болѣе скромную роль и по численности, и по значенію играли въ Харьковѣ французы. Въ началѣ XIX в. мы видимъ ихъ подвизающимися большею частью на педагогическомъ поприщѣ. Въ числѣ первыхъ профессоровъ харьковскаго университета были французы Паки-де Совиньи и де-Гуръ, превратившійся затѣмъ въ Дегурова. Были и эмигранты, возвратившіеся впослѣдствіи во Францію, когда тамъ вновь водворились Бурбоны. Графъ де-Буассёре держалъ пансіонъ и гувернерствовалъ по барскимъ домамъ. Въ 1808 г. въ Харьковѣ находимъ пансіонъ француза Дерезвиля. Повидимому, чѣмъ то въ родѣ гувернера былъ и бельгіецъ Вуасле, „человѣкъ, казалось, не глупый и мастеръ готовить отличный французскій табакъ“ [2]). Не мало такихъ гувернеровъ жило по барскимъ домамъ и въ Николаевское время [3]). Выступали французы и въ роли купцовъ и ремесленниковъ, главнымъ образомъ по части нарядовъ и вообще предметовъ роскоши. Въ двадцатыхъ годахъ былъ извѣстенъ магазинъ Мореля, торговавшаго иностранными винами. Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ области дамскихъ модъ славилась Анна Эмилія Садэ, принявшая въ 1841 г. русское подданство и ставшая харьковской купчихой. Въ сороковыхъ годахъ лучшими модистками въ Харьковѣ были: Садэ, m-me Бурдье, Викторія Готалье, жена профессора Мауреръ (французской націи, какъ значится въ дѣлахъ думы). Фирма Садэ существовала еще въ семидесятыхъ годахъ. Французы одѣвали, стригли и причесывали харьковскій beau monde, кормили его конфектами и пирожными, поили заграничными винами. Во второй половинѣ XIX ст. въ Харьковѣ славилась модная мастерская m-me Армандинъ, кондитерскія Марку и Покъ, парикмахерская Жоржа, перчаточный магазинъ m-me Масонъ, вина фирмы Лемера. Въ области городского благоустройства французы связали свое имя съ Харьковомъ устройствомъ газоваго освѣщенія и конки. Харьковская промышленность обязана французамъ (бельгійцамъ) устройствомъ громаднаго паровозостроительнаго завода. Все это, впрочемъ, сдѣлано не мѣстными французами, для которыхъ такія предпріятія, конечно, не по силамъ. Изъ мѣстныхъ французовъ несомнѣнное право на признательность харьковцевъ заслуживаетъ Борель, сдѣлавшій первый вкладъ на устройство въ Харьковѣ водопровода, для чего имъ завѣщанъ капиталъ въ размѣрѣ 15 т. р.

---

[1]) Döllen. Kurse Geschichte d. ev. luther. Kirche u. Gemeinde zu Charkow. S. 30—35.

[2]) Бумаги Чирикова и Арх. Гор Думы, Подл Приг. 1808 г.

[3]) Въ 1832 г. французъ-гувернеръ Оливари, жившій въ богатомъ домѣ Панченковыхъ, былъ по Высочайшему повелѣнію высланъ изъ Россіи за растлѣніе своей воспитанницы, 12 лѣтней дѣвочки.

Харьковскіе французы давно уже раздѣлились по землячествамъ: есть colonie Française, и есть colonie Suisse, въ послѣдней главнымъ образомъ гувернантки и бонны. Въ общемъ французовъ въ Харьковѣ немного: перепись 1897 г. насчитала всего 80 французовъ и 161 француженку.

Представители народовъ европейскаго Востока—греки, татары, армяне попадались въ Харьковѣ и въ XVIII ст. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Анадольскіе, успѣли даже выйти въ чины, но вообще въ то время восточные выходцы насчитывались единицами. Немного ихъ было даже и во вторую половину XIX в. Въ 1866 г. армянъ въ Харьковѣ числилось всего 24 (16 м. и 8 ж.), а татаръ и турокъ вмѣстѣ 38 (33 м. и 5 ж.); въ 1877 г. лицъ магометанскаго вѣроисповѣданія, т. е. татаръ и турокъ, въ Харьковѣ было всего на всего 42 чел. Наплывъ восточныхъ людей особенно сталъ замѣтенъ со времени послѣдней русско-турецкой войны. Во время переписи 1879 г. въ Харьковѣ оказалось 85 армянъ, занятыхъ торговлей, и 448 татаръ, изъ которыхъ 350 принадлежали къ войскамъ мѣстнаго гарнизона [1]). Во время переписи 1897 г. въ Харьковѣ оказалось 760 татаръ (648 м. и 112 ж.), 468 (380 м. и 88 ж.) армянъ, 64 (51 м. и 13 ж.) грека, 56 (47 м. и 9 ж.) турокъ. Въ первые годы XX ст. мусульманское населеніе города имѣло уже возможность обзавестись собственной мечетью. Священникъ у армянъ явился еще въ семидесятыхъ годахъ XIX в. Уроженцы Востока широко развили въ Харьковѣ фруктовую торговлю, а затѣмъ въ ихъ руки мало по малу перешли хлѣбни, такъ что въ настоящее время огромное большинство харьковцевъ питается продуктами такъ наз. „греческихъ“ булочныхъ.

Большіе города отличаются тѣмъ свойствомъ, что въ нихъ сословныя отличія стираются и становятся мало замѣтны. Тоже нужно сказать и о Харьковѣ, особенно въ послѣднее сорокалѣтіе, послѣ „воли“. Домовладѣлецъ-дворянинъ по своимъ классовымъ интересамъ мало чѣмъ отличается отъ домовладѣльца-крестьянина или мѣщанина; торговля и промышленность также нивелируютъ сословныя отличія. Вотъ почему при изученіи состава населенія такого города, какъ Харьковъ, не столько важна сословная, сколько профессіональная группировка его населенія. Къ сожалѣнію, данныхъ, указывающихъ на раздѣленіе населенія по занятіямъ, въ трудахъ старыхъ харьковскихъ статистиковъ мы не находимъ. На это не обращалось вниманія, потому что въ то дореформенное время въ Россіи вообще профессіональная группировка почти совпадала съ сословной: дворянинъ служилъ или хозяйничалъ въ имѣніи, купецъ торговалъ, мѣщанинъ промышлялъ по мелочамъ, а крестьянинъ пахалъ землю. Но уже и въ то время такая упрощенная группировка не совсѣмъ подходила къ Харькову. Извѣстно, напр., что уже въ началѣ XIX в. въ Харьковѣ были дворяне, занимавшіеся несвойственной дворянскому званію торговлей и промыслами. Торговлей нажилъ себѣ состояніе дворянинъ Топчіевъ, торговлей занималась дворянская семья Павловыхъ. Въ послѣдующіе годы видимъ въ рядахъ купечества коллеж. ассессора Витковскаго, дворянина Средбольскаго, капитана 2-го ранга Броневскаго (каретное заведеніе) и др. Многіе крестьяне-харьковцы не пашутъ, а занимаются чумачествомъ, торгуютъ рыбой и всякимъ дрибязкомъ, а наѣзжіе господскіе люди промышляютъ и торгуютъ по мелочамъ. Изъ этого явствуетъ, что и для того времени статистика харьковцевъ по занятіямъ была бы далеко не лишней. Къ сожалѣнію, ея нѣтъ, а если что нибудь по сей части и есть, то рѣдко точныя цифры, а больше общія указанія. Такія напр. указанія находимъ въ „Обозрѣніи г. Харькова“ Н. Милютина, относящемся ко второй половинѣ тридцатыхъ годовъ. Милютинъ утверждаетъ, что торговля и промышленность „даетъ жизнь всему городу,“ но сколько именно людей посвящаютъ этому свои силы, не указываетъ. Такъ же неопредѣленно и его показаніе о занятіяхъ „низшей части жителей“, помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ, промышлявшихъ наемными работами. Казенные обыватели, жившіе въ городѣ и подгородныхъ слободахъ, занимались хлѣбопашествомъ, владѣя заимочными или купленными землями и имѣя свои поселки или хугора, съ разными хозяйственными заведеніями. Тѣ, кои не имѣли сихъ хуторовъ, промышляли прасольствомъ или чумачествомъ, а другіе выдѣлкою ковровъ и другихъ издѣлій. Тканьемъ ковровъ занимались по большей части женщины. Главное занятіе прочихъ жителей состояло въ производствѣ разныхъ ремеслъ. Въ 1836 г. считались записанными въ разные цехи:

---

[1]) Харьк. Вѣд. 1880 г. № 17.

	Хозяевъ	Работниковъ	Учениковъ
Портныхъ	60	132	332
Сапожниковъ	100	148	186
Кузнецовъ	31	88	45
Оловянниковъ	10	10	5
Слесарей	7	4	20
Серебряниковъ	8	5	9
Кушнирей	25	65	60
Столяровъ	21	35	81
Картузниковъ	6	11	12
Часовыхъ мастеровъ	5	3	12
Каретниковъ	10	108	142
Итого	293	612	904

Значительная часть населенія жила торговлей, но сколько именно,—объ этомъ можно только дѣлать предположенія, судя по числу торговыхъ заведеній. Въ 1836 г. въ Харьковѣ было 103 лавки съ краснымъ товаромъ, 50 хлѣбныхъ и 68 москательныхъ, а всего 221. Въ 1837 г. число лавокъ увеличилось до 276. Если допустить, что одна лавка давала работу только тремъ человѣкамъ (хозяину, приказчику и рабочему), то и тогда окажется, къ торговой группѣ слѣдуетъ причислить не менѣе 650—800 чел.

Трактирное и питейное дѣло тоже привлекало къ себѣ рабочія руки. 6 трактировъ, 18 гостинницъ, 19 ренсковыхъ погребовъ, 56 питейныхъ домовъ, по самому умѣренному разсчету, требовали не меньше 150 рабочихъ. Были въ городѣ и заводы, но рабочихъ на нихъ было немного. На 2 мыльныхъ работало 40 чел., на 1 кожевенномъ 15, на 1 воскобойномъ 12 и на 1 кафельномъ 9.

Харьковцы любили когда-то называть свой городъ то украинскими Аѳинами, то Саламанкой (профессоръ Качеповскій). И имѣли на то нѣкоторое право, ибо харьковскія учебныя заведенія являлись магнитомъ, притягивавшимъ къ Харькову жаждущую свѣта молодежь. Учащихся въ Харьковѣ всегда бывало много, и они составляли среди его населенія очень замѣтную группу. По подсчету Милютина, въ Харьковѣ въ это время учащихся было до двухъ тысячъ (684 м. и 960 ж. въ казенныхъ и частныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и 264 м.—въ духовныхъ).

Даетъ, наконецъ, Милютинъ и кое-какія свѣдѣнія о профессіональной группировкѣ харьковскаго дворянства. Оказывается, что изъ 658 дворянъ м. п., проживавшихъ въ то время въ Харьковѣ, не занятыхъ государственной службой было всего 211 чел., а изъ остальныхъ—33 состояли въ военной службѣ, а 414 были чиновниками [1]).

Столь же мало точныхъ свѣдѣній о профессіональной группировкѣ населенія Харькова даетъ и Мочульскій для половины сороковыхъ годовъ. Онъ также говоритъ, что харьковцы занимаются хлѣбопашествомъ и извозомъ, которымъ кормятся „довольно многіе изъ крестьянъ и мелкихъ купцовъ Харькова“. Фабричная и заводская промышленность въ Харьковѣ находились въ то время только на первой стадіи развитія, а потому много рабочихъ рукъ къ себѣ не привлекали. Въ Харьковѣ въ это время было: 1 табачная фабрика, 2 мѣдныхъ завода, 1 чугунный, 3 восковыхъ свѣчей, 1 пивоваренный, 1 кожевенный, 2 ваточныхъ, 10 каретныхъ заведеній, 4 завода сальныхъ свѣчей, 5 саловаренныхъ, 1 мыловаренный, 2 кафельныхъ, 7 моечныхъ заведеній, 3 овчинныхъ, 1 селитренный и 9 кирпичныхъ. Во всѣхъ этихъ промышленныхъ заведеніяхъ было занято 2089 работниковъ. Наибольше работниковъ было на мойкахъ: у Рыжовой работало 378 чел., у Коровина 235, у Купинникова 208, у Цыгарева 166, у Познакова 100, у Чеботарева 95. Кромѣ того, въ лѣтнее время на мойкахъ находили работу до 2 тыс. женщинъ и дѣвушекъ, приходившихъ сюда изъ ближайшихъ селъ. Послѣ моекъ наибольшее число рабочихъ рукъ было занято на кирпичныхъ заводахъ (370 чел.) и каретныхъ заведеніяхъ (247). На двухъ мѣдныхъ заводахъ работало всего 47 чел., на табачной фабрикѣ Богомолова 24, въ остальныхъ промышленныхъ заведеніяхъ

[1]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ Ч. 28, стр. 213—217.

число рабочихъ насчитывалось единицами. Какъ и въ тридцатыхъ годахъ, въ Харьковѣ приготовлялись домашніе ковры, чѣмъ занимались исключительно женщины. „Многіе изъ малосостоятельныхъ жителей г. Харькова выдѣлывали у себя на дому простыя кожи для харьковскихъ базаровъ или шили мужскіе кафтаны (свиты), приготовляли овчины, валяли войлоки, выжигали глиняную посуду". Различныхъ цеховыхъ и ремесленниковъ въ Харьковѣ считалось:

Портныхъ мастеровъ	501	Струнниковъ	10
Сапожниковъ	284	Токарей	8
Картузниковъ	180	Бондарей	48
Кузнецовъ	139	Живописцевъ и маляровъ	60
Столяровъ	192	Свѣчниковъ	49
Часовыхъ мастеровъ и серебренниковъ	45	Мѣдниковъ	75
Переплетчиковъ	12	Пряничниковъ	43
Картузниковъ	31	Модистокъ	53
Тулупниковъ	91	Шорниковъ	19
Цирюльниковъ	32	Гребенщиковъ	8

Полагать нужно, приведенными цифрами выражается не все количество харьковскихъ ремесленниковъ, а только часть его, имѣвшая право именоваться мастерами: ни работники, ни ученики во вниманіе, очевидно, не приняты. Думаемъ такъ потому, что если бы было иначе, пришлось бы заключить, что ремесла въ Харьковѣ сравнительно съ 1836 г. сильно упали, чего, конечно, не могло быть.

Весьма замѣтную по численности группу представляли учащіеся въ харьковскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По счету Мочульскаго, ихъ было всего 2598 (2090 м. и 508 ж.) Изъ нихъ въ университетѣ учились 513, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ—867 м. и 458 ж., въ духовныхъ 660 да въ нѣмецкой школѣ 50 м. и 50 ж.

Кое какія свѣдѣнія о профессіональной группировкѣ населенія даетъ и Гапоновъ, собиравшій свои свѣдѣнія о Харьковѣ въ половинѣ 50-хъ годовъ.

По подсчету Гапонова въ Харьковѣ было:

Портныхъ	170	Лудильщиковъ	12
Модистокъ	26	Коноваловъ	27
Сапожниковъ	176	Часовщиковъ	18
Столяровъ	64	Цирюльниковъ	18
Кузнецовъ	50	Скорняковъ	52
Золотыхъ и серебрен. дѣлъ мастеровъ	17	Перчаточниковъ	3
Печниковъ	22	Фортепіанныхъ мастеровъ	5
Трубочистовъ	38	Картузниковъ	28
Хлѣбниковъ	28	Шляпныхъ мастеровъ	2
Мясниковъ	45	Стекольщиковъ	11
Башмачниковъ	72	Бондарей	20
Слесарей	8	Подборщиковъ мѣховъ и кушнирей	6
Шорниковъ	10	Токарей	10
Переплетчиковъ	9	Музыкантовъ	250
Извозчиковъ	350		

Заняты были рабочія руки и на такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, какъ фотографіи, литографіи, кондитерскія, трактиры, гостинницы, рестораціи, постоялые дворы, портерныя, питейные дома, штофная лавка, ведерная лавка, водочные магазины, торговыя бани, аптеки. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только число такихъ заведеній, но не имѣемъ возможности опредѣлить, сколько же именно лицъ было занято въ нихъ работою.

Фабричная и заводская промышленность занимала 2499 рабочихъ. На харьковскихъ шерстомойныхъ работало 2000 чел., на саловаренныхъ заводахъ, на мыловаренныхъ, на кожевенномъ, на заводахъ сальныхъ свѣчей, на войскобойныхъ. восковыхъ свѣчей, на табачныхъ фабрикахъ 28, на пивоваренномъ заводѣ 9, на ваточныхъ 36, на маслобойномъ 3. на мѣдноплавильныхъ 34, на чугунныхъ 10, на заводѣ для отливки дроби 8, на свинцовомъ 14, на кафельныхъ 10, на кирпичныхъ 22, на каретныхъ 180, на лаковомъ 7.

Плотниковъ, каменщиковъ, грабарей, водовозовъ, поденщиковъ насчитывалось до 3—4 тысячъ, а лѣтомъ, когда начинались работы на мойкахъ, — даже до 6. Приказчиковъ, поваровъ, лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ и служанокъ — набиралось тысячъ 15. Кромѣ того, много харьковскихъ женщинъ занималось выдѣлкою „коцей"; много были также свитниковъ, кушнирей, шапошниковъ и картузниковъ.

Огромное число рабочихъ рукъ требовала торговля. Въ это время въ Харьковѣ было 1374 магазина и лавки и 36 винныхъ погребовъ. Гильдейскія свидѣтельства выбирало 318 чел., но это были только хозяева-купцы, а сколько при нихъ было служащихъ,—объ этомъ Гаоновъ никакихъ свѣдѣній не даетъ. Группу учащихся Гаоновъ опредѣляетъ въ 1967 м. и 752 ж., при чемъ студентовъ было 453.

Впервые на профессіональную группировку населенія было обращено серьезное вниманіе Харьковскаго статистическаго комитета при однодневной переписи 1873 г. Но свѣдѣнія получились все же не полныя. Изъ 82133 жителей города подробныя свѣдѣнія были получены только отъ 66569. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, нужно заключить, что главнымъ занятіемъ мужской части населенія была торговля: ею было занято 2970 торговцевъ-хозяевъ, 1153 приказчика и 378 мальчиковъ и молодцовъ при торговыхъ заведеніяхъ. Слѣдующую по численности профессіональную группу составляли сапожники и чеботари, жившіе большею частью на Заиковкѣ и подъ Лысою горою: всѣхъ ихъ было 1364. Далѣе шли портные—1181, лица состоявшія на государственной службѣ—1098, чернорабочіе 878, дворники—810, извозчики фаетонные, ваньки, ломовые и ямщики—737 (нужно замѣтить, что въ этой цифрѣ недоставало значительной части ваньковъ и ломовиковъ, жившихъ въ окрестностяхъ города или временно только появлявшихся въ городъ для извоза, напр. зимою), столяры—724, занимающіеся домашнимъ хозяйствомъ—680, плотники—611, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, въ конторахъ и другихъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ—561, служители 551, лакеи, половые и швейцары 473, башмачники—412, поденщики—403, кучера—393, повара—321, сторожа—302, кузнецы—298, хлѣбники—284, кондитеры и пряничники—281, шинкари—215, картузники—189, шубники, тулупники и свитники—177, слесаря—159, мясники—158, каретники—154, бондари—134, маляры—115, кровельщики—114, музыканты—114, штукатуры—112, мѣдники—110, хлѣбопашцы, сѣявшіе хлѣбъ на окраинахъ города,—104, занимающіеся ходатайствомъ по дѣламъ—103, шорники—101, рабочіе на табачныхъ фабрикахъ—96, парикмахеры и цирюльники—91, водовозы—83, переплетчики—79, врачи—69, рабочіе при торговыхъ заведеніяхъ—66, стекольщики—62. Остальныя профессіи въ переписи 1873 г. были представлены менѣе значительными цифрами.

Что касается женскаго населенія города, то большинство его показано въ переписи занимающимся домашнимъ хозяйствомъ, т. е. не имѣющимъ самостоятельнаго заработка: такихъ было 9022. Затѣмъ шли горничныя и кухарки (первыхъ было 2738, вторыхъ 2039), модистки и занимающіяся рукодѣліями—129 (конечно, цифра не вѣрная, вѣроятно, въ десять разъ меньше настоящей), торговки 745, няньки 592, прачки 540, занимающіяся торговлей въ лавкахъ 287, хлѣбницы 180, поденщицы 500, конфектницы, занимавшіяся завертываніемъ конфектъ,—172, учительницы и классныя дамы—159, работницы на табачныхъ фабрикахъ и др.—148, экономки и ключницы—146, акушерки—128, шинкарки—92, кормилицы—84. Остальныя женскія профессіи представлены менѣе значительными цифрами [1]).

Для характеристики профессіональной группировки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціально-экономическаго быта населенія г. Харькова четверть вѣка назадъ мы имѣемъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ въ видѣ статистическихъ данныхъ переписи 1879 года о занятіяхъ харьковскихъ жителей. Въ виду особой важности этихъ данныхъ мы ихъ используемъ цѣликомъ.

[1]) Харьк. Календ. 1875 г. Статистич. отд., стр. 379—380.

Жителей въ Харьковѣ было тогда 102049 д. (55463 м. и 46586 ж. пола). Имѣло опредѣленныя занятія 67,02% всего населенія; 32,98% не имѣло такихъ занятій—7699 м. и 25961 женскаго пола, всего 33660 душъ. Это были, главнымъ образомъ, жены, состоявшія при мужьяхъ, и дѣти, состоявшія при родителяхъ. Что касается лицъ, имѣвшихъ опредѣленныя занятія, то они сведены были къ слѣдующимъ 14 категоріямъ: 1) состоящіе на государственной службѣ—6022 м.—(5,90%), 2) служащіе обществу и въ общественныхъ учрежденіяхъ—1087 (1065 м. и 22 ж.)—1,06%, 3) преподаватели—317 м. и 254 ж., всего 571—0,55% и учащіеся—4573 м. и 2800 ж., всего 7373—7,23%; 4) по народному здравію 467 (317 и 150)—0,46%; 5) по искусству и художеству 794 (733 и 61)—0,78%; 6) фабриканты и заводчики 52 (51 и 1)—0,05%; хозяева мастерскихъ и т. п. заведеній 334 (314 и 20)—0,33%; 7) занимавшіеся ремесломъ 19041 (15345 и 3696)—18,66%; 8) владѣльцы магазиновъ, лавокъ, складовъ и погребовъ—1240 (1087 и 153)—1,21%; торгующіе на базарахъ—4882 (990 и 3892)—4,78%, служащіе при торговлѣ—2809 (2688 и 121)—2,75%; 9) прислуга 9690 (3655 и 6035)—9,48%; 10) живущіе отъ имущества и капиталовъ 1959 (648 и 1311)—1,91%; 11) живущіе трудами по разнымъ отраслямъ занятій—9474 (7988 и 1486)—9,28%; 12) живущіе благотворительностью—471 (87 и 284)—0,36%; 13) лѣчившіеся въ больницахъ (разныхъ профессій) 1026 (766 и 260)—1,07%; 14) арестанты и заключенные 1197 (1118 и 79)—1,16%.

Разсмотримъ составъ каждой изъ этихъ категорій. Въ составъ первой входило 420 чел. военныхъ чиновъ, 1269 гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и министерствъ, 3980 нижнихъ воинскихъ чиновъ, 353 чиновъ полиціи и пожарныхъ (45 старшихъ полицейскихъ, 178 нижнихъ и 130 пожарныхъ). Во вторую категорію: 86 православныхъ священниковъ, 42 чел. церковнаго причта, 31 монахъ и 6 монахинь, 16 просфорницъ, 10 чел. иновѣрческаго духовенства, 35 служащихъ по выборамъ (мировые судьи, представители обществъ, старшины, старосты, сборщики, десятскіе), нотаріусовъ 6, присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ 76, управляющихъ, директоровъ, предсѣдателей, членовъ и распорядителей при разныхъ кредитныхъ и другихъ учрежденіяхъ 51, чиновъ желѣзнодорожныхъ 263, артельщиковъ желѣзнодорожныхъ 96, служителей желѣзнодорожныхъ 178. Третья категорія заключала въ себѣ: 192 профессора, лектора и учителя, 47 директоровъ, инспекторовъ, воспитателей, гувернеровъ и надзирателей, 157 начальницъ женскихъ учебныхъ заведеній, учительницъ, воспитательницъ, гувернантокъ, классныхъ дамъ, пепиньерокъ и надзирательницъ, 49 домашнихъ учителей и 62 домашнія учительницы, 64 учителей и учительницъ музыки, пѣнія, рисованія, танцевъ (29 м. и 33 ж.), 978 учащихся въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, 3653 (1917 м. и 1736 ж.) учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2742 учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (1678 м. и 1064 ж.). Въ четвертую категорію входило: 19 военно-служащихъ и 82 гражданскихъ и вольнопрактикующихъ врачей (81 м. и 1 ж.), 4 зубныхъ врача (дантиста), 23 военно-служащихъ фельдшера, 42 гражданскихъ и вольнопрактикующихъ фельдшера, 2 фельдшерицы, 114 акушерокъ и повивальныхъ бабокъ, 2 оспопрививателя, 33 сестры милосердія и сидѣлки, 5 военно-служащихъ ветеринарныхъ врачей, 23 гражданскихъ и вольнопрактикующихъ ветеринарныхъ врачей, 9 ветеринарныхъ гражданскихъ и вольнопрактикующихъ фельдшеровъ, 16 коноваловъ гражданскихъ и вольнопрактикующихъ, 93 аптекаря, провизора, фармацевта и аптекарскихъ учениковъ. Въ пятую категорію: 120 архитекторовъ, техниковъ и механиковъ, 14 землемѣровъ и таксаторовъ, 17 инженеровъ, 8 чертежниковъ, 4 скульптора и ваятеля, 13 художниковъ (12 и 1), 58 живописцевъ и иконописцевъ, 159 машинистовъ, 145 музыкантовъ (142 и 3), 110 пѣвчихъ при церквахъ, 115 лицъ театральнаго персонала (69 и 46), 11 странствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, органщиковъ и шарманщиковъ, 20 акробатовъ, комедіантовъ и звукоподражателей (9 и 11). Въ шестой категоріи состояло 52 фабриканта и заводчика: 6 владѣльцевъ кирпичныхъ заводовъ, 6 винокуренныхъ, 6 свѣчно-воскового и сальнаго, 3 кафельныхъ, 3 лаковыхъ, 3 механическихъ издѣлій и чугунолитейныхъ, 3 табачныхъ, 2 костообжигательнаго, 2 кожевеннаго, 2 крупорушечнаго, 2 макароннаго, 2 пивомедоваренаго, 2 (1 м. и 1 ж.) мыловареннаго, по 1 асфальтоваго, алебастроваго, водопроводнаго механическаго, газоваго, дробелитейнаго, масляно-красочнаго, мукомольной паровой мельницы, фортепіаннаго, 47 хозяевъ кузечныхъ мастерскихъ, 37 (31 м. и 6 ж.) владѣльцевъ хлѣбно-булочныхъ заведеній, 29—мѣдножестяныхъ, 24—ювелировъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ, 24 бондарнаго ремесла, 17—слесарнаго, 15 золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, 14 колеснаго и телѣжнаго, 14 столярнаго, 14 переплетнаго, 10—типографій и литографій, 10 (4 и 6) бѣлошвейныхъ мастерскихъ,

9 токарнаго и зонточныхъ, 8 (3 и 5) прачешныхъ, 7 кондитерскихъ и пряничныхъ, 7 шорниковъ и сѣдельниковъ, 6 гробовщиковъ, 6 картузниковъ и шляпниковъ, 6 (5 и 1) колбасныхъ, 6 фотографовъ, 4 перчаточника и бандажиста, 4 шерстомойни, 2 бахромныхъ заведенія, 2 (1 и 1) красильни, 2 уксусныхъ заведенія и по одному заведенію каретному, коробочному, ламповому, мраморному, минеральныхъ водъ, дубильноовчинному, струнному, матрасно-чемоданному, щеточному и экипажному. Въ седьмую категорію входили ремесленники мастера, подмастерья, рабочіе и ученики. Здѣсь было 4080 (1786 и 2294) портныхъ и портнихъ, 2099 сапожниковъ и башмачниковъ, 1328 столяровъ, 1257 плотниковъ, 887 слесарей, 886 кровельщиковъ и маляровъ, 705 каменщиковъ и мостовщиковъ, 660 сортировщиковъ и красильщиковъ, 659 кузнецовъ, 658 (314 и 344) кондитеровъ, пряничниковъ, 628 (545 и 33) хлѣбниковъ, булочниковъ, баранщицъ, 496 рукодѣльницъ разныхъ наименованій, 46 печниковъ, 402 штукатура, 256 мѣднолитейныхъ, чугунныхъ и желѣзныхъ мастеровъ, 289 типографскихъ и литографскихъ мастеровъ, 219 картузниковъ и шапочниковъ, 179 бондарей, 169 шубниковъ, 158 токарей, 138 кирпичныхъ мастеровъ, 133 парикмахеровъ и цирюльниковъ, 120 переплетчиковъ, 92 садовника, 90 стекольщиковъ, 86 обойщиковъ, 86 подборщиковъ мѣховъ, 85 (83 и 2) колбасниковъ, 77 часовщиковъ, 76 ювелировъ, 72 кожевника, 70 (48 и 22) папиросниковъ, 62 каретника, 61 пильщикъ, 56 фортепіанщиковъ и настройщиковъ, 52 паровозныхъ мастеровъ на желѣзной дорогѣ и дѣлающихъ паровики на заводахъ, 47 трубочистовъ и кочегаровъ, 43 кафельщика, 43 мороженника, 43 свѣчныхъ дѣлъ мастеровъ (восковыхъ и сальныхъ), 41 рѣзчикъ, 37 гребеньщиковъ, 37 (29 и 8) перчаточниковъ, 34 котельщика, 30 ткачихъ и пряхъ, 27 водочныхъ мастеровъ, 23 чемоданныхъ дѣлъ мастера, 23 макоронныхъ мастера, 21 (18 и 3) щеточниковъ и щеточницъ, 21 плетельщикъ рогожъ, 20 мебельщиковъ, 19 (15 и 4) красильщиковъ, 18 (6 и 12) шляпниковъ и шляпницъ, 18 корзинщиковъ, 18 коробочниковъ и фуглярщиковъ, 18 мукомоловъ, 16 бахромщиковъ, 16 инструментальныхъ хирургическихъ мастеровъ, 16 позолотчиковъ, 15 матрасниковъ, 15 приготовляющихъ минеральныя и фруктовыя воды, 14 плетельщицъ ковровъ и попонъ (коцарокъ), 13 составителей масляныхъ красокъ, 13 пивоваровъ, 13 точильщиковъ, 12 горшечниковъ, 12 кружевницъ, 12 модельщиковъ, 12 оружейныхъ мастеровъ, 11 винокуровъ, 10 дубленщиковъ, 10 капсюльщиковъ, 9 лакировщиковъ, 8 живописцевъ вывѣсокъ, 8 газопроводчиковъ, по 7 уксусниковъ, приготовителей бѣлилъ, вагонныхъ мастеровъ на желѣзной дорогѣ, водопроводныхъ мастеровъ, золотошвейныхъ мастеровъ, по 6—фейерверщиковъ, солодовниковъ, мраморщиковъ, приготовителей алебастра, 5—гармонныхъ мастеровъ, по 4—приготовителей айвы, мастеровъ дѣтскихъ игрушекъ, дорожныхъ мастеровъ желѣзныхъ дорогъ, кузовщиковъ, мыловаровъ, рѣшетниковъ, сундучныхъ мастеровъ, по 3—оптиковъ, изготовителей одѣялъ, приготовителей ваксы, дѣлателей колесной мази, медоваровъ, приготовителей чернилъ, по 2—по свинцовой работѣ, словолитчиковъ, изготовителей синьки, приготовителей жженаго кофе, дѣлающихъ мячи, сахароваровъ, зонточныхъ мастеровъ, ассенизаторовъ, бандажистовъ, асфальтовыхъ работъ мастеровъ, зеркальныхъ мастеровъ, 1 колодязный мастеръ, 1 сургучный мастеръ. Въ восьмую категорію входили торговцы: а) владѣльцы магазиновъ, лавокъ, складовъ и погребовъ: 454—черными товарами (369 и 85), 230 бакалейными и москательными товарами (201 и 29), 102—ярмарочныхъ торговцевъ и торговокъ разными товарами (81 и 21), 75—мануфактурными товарами (71 и 4), 41—кожевенными товарами (39 и 2), 35—галантерейными и игольными (31 и 4), 25—металлами и металлическими издѣліями, 23—табакомъ, 20 платьемъ и бѣльемъ (18 и 2), 18—виноградными винами и водкой въ погребахъ, 18 мучными товарами (17 и 1), 16—виномъ хлѣбнымъ, спиртомъ и водками (оптовые склады), 14—мѣняльными столами, 10—книжной торговлей, 9—лѣснымъ матеріаломъ, 8—каменно-угольная торговля, 8—посудой (7 и 1), 8—рыбными товарами, 8—мебелью (7 и 1), 8—фруктами, 7—канатами, бичевочными издѣліями, 6—аптекъ, 6—чаемъ, по 5—уксусомъ, гробами и принадлежностями похоронъ (4 и 1), земледѣльческими и огнегасительными орудіями, мѣховыми товарами, по 4—шубными, керосина, красками масляными, лакомъ, кистями, писчебумажными товарами, по 3—аптекарскими складами, торговыми банями, шорной торговлей, дѣтскими игрушками, мыломъ, обоями, гардинами и клеенками, офицерскихъ вещей, пивомъ (оптовые склады), золотыхъ, серебряныхъ и брилліантовыхъ издѣлій, по 2—часами, солью (оптовые склады), жерновыми камнями, каменными плитами, коврами, музыкальные магазины (1 и 1), оружіемъ, птицами, сахаромъ (оптомъ), по 1—швейными машинами, хирургическими инструментами, спичками, сыромъ внутренняго приготовленія, желѣзнодорожными и фабричными принадлежностями, роялями, крахмаломъ, ватою, бандажами и перчатками; б) на базарахъ: 2181—разнымъ мелочнымъ товаромъ

въ разноску (221 и 1960), 565—старыми вещами, бѣльемъ и тряпками (206 и 359), 435—фруктами (50 и 385), 335—хлѣбомъ печенымъ, бубликами, пирогами и блинами (105 и 230), 269—торговокъ овощами и зеленью, 244—рыбою (80 и 164), 218—птицею (20 и 198), 204—готовымъ платьемъ и бѣльемъ (80 и 124), 136—мясомъ (96 и 40), 117 молочныхъ торговокъ, 58—старой мебелью и желѣзомъ (39 и 19, 26—лошадьми, 24—посудой гончарной (6 и 18), 19 барышниковъ и прасоловъ по части покупки скота, 16—сбитнемъ, 15—ваксой (6 и 9), 10—картузами, шляпами, шапками и рукавицами, 7—бутылками старыми, 3—новой мебелью въ лавкахъ, всего 4882 ч. (990 и 3892); в) служащіе при торговлѣ: 1584—приказчиковъ и приказчицъ при торговыхъ заведеніяхъ вообще (1569 и 15), 480—конторщиковъ, бухгалтеровъ, кассировъ, контролеровъ, секретарей и др. при банкахъ, торговыхъ заведеніяхъ и др. (472 и 8), 333—мальчиковъ при торговыхъ заведеніяхъ, 276—сидѣльцевъ и сидѣлицъ распивочныхъ заведеній (180 и 96), 49—коммиссіонеровъ, 48—повѣренныхъ при торговыхъ дѣлахъ, 39—маклеровъ (37 и 2). Всего торгующихъ со служащими 8931 (4765 и 4166). Въ девятую категорію входила прислуга: 1981—кухарокъ, 1180—прислуга вообще безъ именованія дѣла (151 и 1029), 1071—прачекъ, 1021—горничныхъ, 1020—дворниковъ, 729—прислугъ въ гостинницахъ, ресторанахъ, трактирахъ и пр. (463 и 296), 569—ночныхъ сторожей, 495—нянекъ, 327—поваровъ, 252—кучеровъ, 237—лакеевъ и оффиціантовъ, 193—прислуги при баняхъ (145 и 48), 150—водовозовъ, 139—швейцаровъ, 96—кормилицъ, 70—фонарщиковъ городскихъ, 53—буфетчиковъ (49 и 4), 26—истопниковъ, 21—пастухъ, 14 конюховъ, 12—ламповщиковъ, 11—канцелярщицъ, 10—бонны. Итого 9690 (3655 и 6035). Въ десятую категорію: живущіе отъ имущества и капиталовъ: 1038—домовладѣльцевъ (214 и 824), 327—получающихъ отъ казны пенсію (151 и 176), 319—землевладѣльцевъ (163 и 156), 273—капиталистовъ (118 и 155), 2—банкира. Итого 1959 (648 и 1311). Въ одиннадцатую категорію:—живущіе трудами по разнымъ отраслямъ занятій: 2225—занимающихся письмоводствомъ по частнымъ дѣламъ (2196 и 29), 2080—извозчиковъ (фаэтонныхъ, дрожечныхъ, ваньковъ), 1469—поденщиковъ и поденщицъ (610 и 859), 1153—рабочихъ и чернорабочихъ на заводахъ и при торговыхъ заведеніяхъ, 495—грабарей (землекоповъ), 304—проститутокъ въ домахъ терпимости, 238—извозчиковъ ломовыхъ (дрогалей), 179—содержателей гостинницъ, ресторановъ, трактировъ и т. п., 157—сортировщиковъ шерсти (60 и 97), 118—смотрителей разныхъ учрежденій, складовъ и магазиновъ, 114—агентовъ страховыхъ обществъ и отправителей клади, желѣзно-дорожныхъ и иностранныхъ домовъ, 112—носильщиковъ, 99—отдающихъ квартиры со столомъ (13 и 86), 91—хлѣбопашцевъ, 88—развозчиковъ пива, меду, вина, 57—подрядчиковъ по разнымъ предметамъ съ казною и частными лицами, 52—содержателей пансіонеровъ и пансіонерокъ (15 и 37), 52—разносчиковъ телеграммъ, газетъ и афишъ, 50—управляющихъ имѣніями, домами и торговыми заведеніями, 49—собирающихъ кости и тряпки (20 и 29), 42—разсыльныхъ, служителей при учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, 42—адвоката, 36—башмачниковъ и огородниковъ (26 и 10), 37—содержателей домовъ терпимости (8 и 29), 31—занимающихся очисткой ретирадныхъ мѣстъ и помойныхъ ямъ, 26 фотографовъ, 11 агрономовъ, 7 факторовъ, 5 корректоровъ, 4 сборщиковъ денегъ на церковь, 4 стенографа (2 и 2), 3 пчеловода (пасѣчниковъ), 2—гробокопателя, 2 гицеля, 1 табачный плантаторъ, 1 натуралистъ (такъ показалъ себя въ вопросномъ листѣ). Итого 9474 (7988 и 1486). Въ двѣнадцатую категорію входили живущіе благотворительностью: 187—живущихъ пособіемъ отъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ (40 и 147), 108—нищихъ, живущихъ подаяніемъ частныхъ лицъ (32 и 76), 43—живущихъ въ странноприимномъ домѣ при Покровскомъ монастырѣ (14 и 29), 33—въ богадѣльнѣ Благотворительнаго Общества (1 и 32). Итого 371 (87 и 284). Въ тринадцатую категорію входили живущіе въ лѣчебныхъ заведеніяхъ: 445 въ земской больницѣ и родильномъ домѣ (333 и 112), 193—въ домѣ умалишенныхъ (132 и 61), 187—въ военномъ госпиталѣ, 150—въ Александровской больницѣ (96 и 54), 37—въ клиникѣ университета (13 и 24), 14—въ городской земской больницѣ. Итого 1026 (766 и 260). Въ четырнадцатую категорію арестанты и заключеные: 517—въ арестанской ротѣ гражданскаго вѣдомства, 400—въ тюремномъ замкѣ (370 и 30), 280—въ пересыльной тюрьмѣ (231 и 49). Итого 1197 (1118 и 79). Въ пятнадцатую категорію лица, не имѣющія опредѣленныхъ занятій: 19461—по старости, малолѣтству и неспособности къ труду, живущихъ при родныхъ (7475 и 11986), 13638—женъ при мужьяхъ, занимающихся хозяйствомъ, 240—ищущихъ мѣста для занятій (112 и 128), 101—пріѣхавшихъ лѣчиться, 86—неизвѣстныхъ по занятію (21 и 65), 56—пріѣхавшихъ гостить (22 и 34), 43—живущихъ

въ Харьковѣ для воспитанія дѣтей (14 и 29), 32 путешествующихъ по святымъ мѣстамъ (12 и 20), 3—находящихся подъ надзоромъ полиціи [1]).

Не менѣе цѣнныя данныя о занятіяхъ городского населенія даетъ перепись 1897 г. Просматривая относящіяся сюда цифры переписи, мы прежде всего наталкиваемся на одну черту населенія Харькова, рѣзко отличающую его не только отъ уѣздныхъ городовъ своей губерніи, но и отъ большинства русскихъ губернскихъ городовъ: въ немъ, сравнительно съ другими, чрезвычайно развитъ самостоятельный женскій трудъ. Въ то время какъ въ большинствѣ русскихъ городовъ женщины, за рѣдкимъ исключеніемъ, живутъ при отцахъ и мужьяхъ, харьковскія женщины выступаютъ въ роли самостоятельныхъ работницъ. Такихъ самостоятельныхъ работницъ по переписи 1897 г. числилось 31716 д., т. е. болѣе 38% всего женскаго населенія Харькова. Конечно, большинство женщинъ все таки жило за чужою спиною—такихъ въ Харьковѣ было 50 тыс.,—но это большинство далеко не такъ велико, какъ въ другихъ городахъ. Въ Ахтыркѣ напр. женщинъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ, всего 18% женскаго населенія, въ Богодуховѣ 18%, въ Валкахъ 16% съ лишкомъ, въ Лебединѣ 14%, въ Херсонѣ 24%, Курскѣ 28%, Воронежѣ 30%, Полтавѣ 35%, Кіевѣ 40% съ лишнимъ. Замѣчательно, что даже въ Одессѣ самостоятельный женскій трудъ развитъ гораздо меньше, чѣмъ въ Харьковѣ: женщинъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ, въ Одессѣ нѣсколько больше 28%. Въ этомъ отношеніи Харьковъ превосходятъ только Кіевъ да столицы: въ Петербургѣ самостоятельнымъ трудомъ въ томъ-же 1897 г. жило болѣе 49% женскаго населенія, а въ Москвѣ—даже больше 51%. Искать какихъ нибудь исключительно мѣстныхъ условій, объясняющихъ выступленіе женщинъ въ роли самостоятельныхъ работницъ, конечно, нельзя. Объясняется это явленіе общими для всѣхъ крупныхъ городскихъ центровъ экономическими условіями, превращающими женщину-семьянинку въ женщину-добычницу, помимо ея воли и хотѣнія. Другою отличительною чертою харьковскаго населенія, по сравненію съ уѣздными и даже иными губернскими городами, является преобладаніе въ немъ числа самостоятельныхъ работниковъ надъ людьми, кормящимися на счетъ заработка другихъ. Самостоятельныхъ работниковъ было въ 1897 г. 99264 чел., а лицъ, живущихъ на ихъ средства,—только 74725, между тѣмъ въ другихъ городахъ замѣчается совершенно противоположное явленіе: въ Богодуховѣ на 3½ тыс. самостоятельныхъ работниковъ приходится около 8 тыс. человѣкъ, живущихъ ихъ трудомъ, въ Краснокутскѣ на 2 тыс.— 5 тыс., въ Волчанскѣ на 3½ тыс.—почти 8 тыс., даже въ промышленныхъ Сумахъ на 12 тыс.—15 тыс., въ Курскѣ на 36½ т.—39 т., въ Херсонѣ на 25½ т.—33 т. Объясняется это явленіе, конечно, притокомъ въ Харьковъ молодыхъ холостыхъ работниковъ и не замужнихъ работницъ, а кромѣ того—тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣлая масса женатыхъ работниковъ является въ Харьковъ безъ своихъ семей, а при переписи семья работника, живущая внѣ Харькова, но получающая содержанія отъ работника-харьковца, въ расчетъ совсѣмъ не принималась. Большинство рабочаго населенія Харькова въ 1897 г. занято было „дѣятельностью и службой частной". Къ этому разряду отнесена служащіе и прислуга въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, экономки, компаньонки, лектрисы, домашняя прислуга, а также и поденщики. Этой „дѣятельностью частной" было занято около 8½ тыс. мужского населенія и около 14½ тыс. женскаго (8376 и 14464). Дѣятельность, какъ полагать нужно, наименѣе обезпеченная, а между тѣмъ за спиною этихъ дѣятелей сидѣло болѣе 6½ тыс. ртовъ, кормившихся трудами ихъ рукъ. Слѣдующее по численности мѣсто принадлежало людямъ торговаго класса. Если подсчитать цифры представителей всѣхъ видовъ торговли, перечисленныхъ въ переписи 1897 г., то окажется, что торговлею въ Харьковѣ было занято 6789 мужчинъ и 1504 женщины, при чемъ на средства самостоятельныхъ работниковъ жило около 11 тыс. ихъ домашнихъ. „Вооруженныхъ силъ" въ Харьковѣ 8340 чел., не многимъ меньше арміи дворниковъ, лакеевъ, кучеровъ и прочихъ мужскихъ представителей „дѣятельности частной". Довольно замѣтную величину представляла группа лицъ, занятыхъ приготовленіемъ разныхъ родовъ и видовъ одежды: представителей этой профессіи въ Харьковѣ было 5211 мужчинъ и 3724 женщинъ, при чемъ на средства изготовителей жило болѣе 8½ тыс. ихъ домашнихъ. Болѣе 4 тыс. харьковцевъ жило обработкой металловъ—это люди, занятые чугуннымъ, сталелитейнымъ, паровозостроительнымъ производствомъ, слесаря, кузнецы и т. п. На этомъ поприщѣ женщины не конкуррировали съ мужчинами: на 4377 мужчинъ этой профессіи женщинъ приходилось всего на всего 13.

[1]) Харьк. Календ. 1883 г., стр. 214—227.

За плечами работниковъ этой профессіи сидѣли семьи, насчитывавшія въ себѣ болѣе 5½ тыс. душъ. Крупную цифру составляли и желѣзнодорожные служащіе — 3492 мужчинъ и 229 женщинъ, на заработокъ которыхъ содержалось болѣе 6 тысячъ ихъ родственниковъ. Не малъ былъ и классъ настоящихъ рантье, людей, получавшихъ средства къ жизни отъ доходовъ съ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ или жившихъ на средства родителей и родственниковъ и на казенную пенсію. Такихъ въ Харьковѣ имѣлось 3101 мужчинъ и 2509 женщинъ. Семьи у харьковскихъ рантье, не смотря на ихъ досугъ и бездѣятельную жизнь, были не больше, чѣмъ у изготовителей одежды: на средства 5½ тыс. рантье жило 5½ тыс. членовъ ихъ семействъ. Слѣдующую по численности группу представляли люди, занимающіеся устройствомъ, ремонтомъ и содержаніемъ жилищъ и строительными работами. Такихъ въ то время было 2917 м. и 10 женщинъ, на средства которыхъ содержалось 3594 чел. членовъ ихъ семействъ. Слѣдующую по численности группу составляли люди, жившіе на средства казны, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ—подъ ними перепись разумѣетъ воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, больныхъ въ больницахъ, богадѣльцевъ. Такихъ въ Харьковѣ было 2561 м. и 2159 ж., при чемъ на средства этихъ людей жило еще 168 лицъ. Обработкой дерева было занято 2434 м. и 35 ж., при которыхъ 3817 членовъ было ихъ семействъ. Извознымъ промысломъ жило 2418 м. и 20 ж., а на средства этихъ самостоятельныхъ работниковъ около 2½ тыс. ихъ домашнихъ. Обработкой растительныхъ и животныхъ питательныхъ продуктовъ было занято 2187 м. и 1644 ж., на средства которыхъ содержались полторы тысячи членовъ ихъ семействъ. 1853 м. и 63 ж. состояли на государственной службѣ (администрація, судъ и полиція), а живущихъ на ихъ заработки насчитывалось болѣе 2600 лицъ. Земледѣліемъ занимались 1301 м. и 75 ж., при которыхъ жило болѣе 1200 родственниковъ. 1181 м. и 378 ж., а при нихъ болѣе 1300 ихъ домашнихъ кормились отъ трактировъ, гостинницъ, меблированныхъ комнатъ и клубовъ. Не мала была и группа лицъ, занятыхъ учебною и воспитательною дѣятельностью: такихъ было 1160 м. и 788 ж., содержавшихъ на свои заработки около 1500 членовъ своихъ семействъ. Полиграфическими производствами занято было 1042 м. и 112 ж., а при нихъ 1228 членовъ семействъ. Довольно крупную цифру представляла группа лицъ, занимавшихся врачебной и санитарной дѣятельностью—945 м. и 478 ж., при которыхъ 1183 чел. члена ихъ семействъ. Изъ остальныхъ меньшихъ профессіональныхъ группъ отмѣтимъ группу почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ—543 м. и 42 ж. съ 686 домашними; ученыхъ, писателей и артистовъ, къ которой принадлежало 489 м. и 103 ж., на иждивеніи коихъ состояло 746 чел. ихъ домашнихъ; торговыхъ посредниковъ—349 м. и 9 ж.; лицъ, занятыхъ въ кредитныхъ и общ. и коммерческихъ учрежденіяхъ—328 м.; лицъ, состоявшихъ на общественной или сословной службѣ—332 м. и 11 ж.; православнаго духовенства 346 м. и 52 ж. съ 500 членовъ ихъ семействъ; людей, занятыхъ обработкой животныхъ продуктовъ—433 м. и 15 ж., содержавшихъ болѣе 660 членовъ ихъ семействъ; довольно значительную цифру ювелировъ, живописцевъ, изготовителей предметовъ религіознаго культа и роскоши—этимъ было занято 287 м. и 6 ж., на средства которыхъ содержалось 378 лицъ; физическіе, оптическіе и хирургическіе инструменты и игрушки давали заработокъ 222 мужчинамъ и 5 женщинамъ съ 264 членами ихъ семействъ; людей, кормившихся продажею питей, было 303 м. и 29 ж. съ 348 ихъ домашнихъ; наконецъ, людей, которымъ средства къ жизни давала проституція, 3 м. и 225 ж., содержавшихъ на свой счетъ 27 членовъ ихъ семействъ. Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить и группу людей, лишенныхъ свободы и отбывающихъ наказанія: такихъ было 831 м. и 62 ж. Само собой понятно, что такой, явно порочный общественный элементъ не слѣдуетъ относить на долю одного Харькова: въ харьковскихъ тюрьмахъ сидятъ вѣдь не одни харьковцы. Для характеристики населенія въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе были бы цифры, относящіяся къ той общественной группѣ, которую въ Харьковѣ обычно называютъ „раклами“. Къ сожалѣнію, перепись 1897 г. не даетъ объ этомъ свѣдѣній [1]).

[1]) Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, 1897 г. XLVI, 181.

Перепись 1897 г. дѣлитъ харьковцевъ по роду занятій на 65 группъ. Детальное знакомство съ каждой изъ этихъ группъ даетъ нижеслѣдующая таблица [1]):

	Муж.	Жен.
1 гр. Администрація, судъ и полиція	1853	63
Въ томъ числѣ:		
Чины административнаго и судебнаго вѣдомства	468	10
Чины межевого вѣдомства	47	—
Служащіе въ канцеляріяхъ администрат. и суд. вѣдом	463	53
Служители, сторожа и т. п. администрат. и суд. вѣдом.	136	—
Офицерскіе чины жандармовъ и полиціи	41	—
Нижніе чины жандарм. и полиціи, город. и пожарные	698	—
2 гр. Общественная (земская, городская) и сословная служба	332	11
Въ томъ числѣ:		
Служащіе по выборамъ въ обществ. и сослов. учрежден.	41	—
Волостные и сельскіе старшины и т. п.	6	—
Служащіе по найму въ обществ. и сословн. учрежден.	111	11
Служители, разсыльн., сторожа и т. п. въ обществ. и сословн. учрежденіяхъ	174	—
3 гр. Частная юридическая дѣятельность	205	13
Въ томъ числѣ:		
Нотаріусы, присяжные и частные повѣренные	141	
Занимающіеся въ конторахъ нотаріусовъ и повѣренныхъ, служители и разсыльные.	64	13
4 гр. Вооруженныя силы	8340	—
Въ томъ числѣ:		
Генералы, штабъ-и оберъ-офицеры военнаго вѣдомства	378	—
Нижніе чины	7930	—
Гражданскіе чины военнаго вѣдомства	20	—
Служащіе въ канцеляріяхъ военнаго вѣдомства	8	—
Служители и сторожа военнаго вѣдомства	2	—
5 гр. Богослуженіе православнаго исповѣданія	345	52
Въ томъ числѣ:		
Монашествующіе православнаго исповѣданія	22	27
Послушники и послушницы	3	19
Священнослужители православнаго исповѣданія	129	—
Церковно-служители: псаломщики, церк. пѣвчіе, просф. и т. п.	191	6
6 гр. Богослуженіе другихъ христіанскихъ исповѣданій	12	—
7 гр. Богослуженіе нехристіанскихъ исповѣданій	7	—
8 гр. Должностныя лица при церквахъ, молельняхъ, мечетяхъ, синагогахъ, кладбищ. и т. п., прислуга и сторожа при нихъ	128	1
Въ томъ числѣ:		
Служители и сторожа при церк. и монаст., храмахъ и кладб.	115	—
9 гр. Учебная и воспитательная дѣятельность	1160	788

[1]) Первая всеобщ. перепись. Распредѣленіе населенія по видамъ главныхъ занятій и пр. Т. I, стр. 319—329.

	Муж.	Жен.
Въ томъ числѣ:		
Начальники и учащіе въ учебныхъ заведеніяхъ	312	214
Прочіе (кромѣ начальниковъ и учащихъ) чины учебныхъ заведеній	30	44
Служащіе въ канцеляріяхъ учебныхъ заведеній	39	3
Сторожа и прислуга въ учебныхъ заведеніяхъ	389	30
Частные (внѣ учеб. зав.) преподаватели и преподавательницы	314	298
Гувернеры и гувернантки, служащіе у частныхъ лицъ	5	106
Учители искусствъ и ремеслъ	71	93
10 гр. Наука, литература и искусство	489	103
Въ томъ числѣ:		
Ученые и литераторы	87	—
Инженеры и технологи	67	—
Художники, музыканты, театральные артисты и актеры	246	95
11 гр. Врачебная и санитарная дѣятельность	945	478
Въ томъ числѣ:		
Начальники лѣчебныхъ заведеній, гражданскіе врачи	246	5
Врачи арміи и флота	33	—
Акушерки и повивальныя бабки	—	136
Ветеринары	55	—
Аптекари, провизоры, фармацевты	164	3
Дантисты	24	28
Фельдшера. аптекарскіе ученики и т. п.	158	46
Сестры милосердія, надзир. и надзирательн. въ больницахъ	15	60
Сидѣлки и прислуга въ больницахъ и аптекахъ	239	171
Занимающіеся врачеваніемъ безъ права на врачебную дѣятельность, знахари, повитухи, коновалы и т. п.	7	30
12 гр. Служба при благотворительныхъ учрежденіяхъ	30	29
13 гр. Дѣятельность и служба частная. Прислуга, поденщики	8376	14464
Въ томъ числѣ:		
Служащіе и прислуга въ торговыхъ и промышлен. предпріятіяхъ	490	70
Служащіе въ правлен. желѣзнодор. и пароходн. обществъ	120	38
Служащіе у частныхъ лицъ: управл., секретари, старосты и т. п.	595	44
Домашн. служ.: экономки, компаньонки, лектрисы, бонны и т. п.	6	483
Прислуга въ усадьбахъ, на фабрикахъ и заводахъ	90	14
Прислуга домов.: швейцары, дворники, ночные сторожа и т. п.	2504	—
Прислуга домашняя: повара, лакеи, кухарки, горничныя и т. п.	1599	12673
Поденщики и чернорабочіе безъ опредѣлен. спеціальности	2972	1142
14 гр. Живущіе доходами съ капитала и недвижимаго имущества или на средства, получаемыя отъ родителей и родственниковъ	3101	2509
Въ томъ числѣ:		
Живущіе доходами съ капитала и недвижимаго имущества	1381	1301
Живущіе на средства, получаемыя отъ родителей или родствен.	1421	797
Живущіе пенсіей	299	411
15 гр. Живущіе на счетъ казны и общественныхъ учрежденій и на средства частныхъ лицъ	2561	2159

	Муж.	Жен.
Въ томъ числѣ:		
Воспитанники закрытыхъ учебн. завед., частн. пансіоновъ и т. п.	925	1029
Призрѣваемые въ богадѣльняхъ, пріютахъ и т. п.	309	379
Питомцы воспитательныхъ домовъ	3	4
Больные въ больницахъ	1049	601
Стипендіаты различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ	191	14
Живущіе пособіемъ на мѣстахъ жительства	84	132
16 гр. Лишенные свободы и отбывающіе наказаніе	831	62
Въ томъ числѣ:		
Арестанты въ тюрьмахъ	831	61
17 гр. Земледѣліе	1300	75
Въ томъ числѣ:		
Земледѣліе вообще	1044	32
Бахчеводство, свекловодство и друг. спец. культуры	9	—
Огородничество	79	37
Садоводство и плодоводство	167	6
18 гр. Пчеловодство	3	—
19 гр. Животноводство	67	10
Въ томъ числѣ:		
Скотоводство вообще	25	8
Коневодство заводское	41	—
Прочія отрасли животноводства	1	2
20 гр. Лѣсоводство и лѣсные промыслы	62	2
Въ томъ числѣ:		
Лѣсные промыслы, заготовка лѣсныхъ матеріаловъ, рубка и пилка дровъ, изготовленіе луба и т. п.	51	—
21 гр. Рыболовство и охота	12	—
Въ томъ числѣ:		
Рыболовство рѣчное	11	—
22 гр. Добыча рудъ и копи	44	—
Въ томъ числѣ:		
Добыча каменнаго и бураго угля, антрацита и т. п.	11	—
Добыча поваренной и проч. солей	7	—
23 гр. Выплавка металловъ	—	—
24 гр. Обработка волокнистыхъ веществъ	238	218
Въ томъ числѣ:		
Обработка хлопка и фабричное производство издѣлій изъ него	24	—
Красильно-набивное и отдѣлочное производство	17	—
Кустарное производство льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій	11	10
Канатное и веревочное производство	41	9
Обработка шерсти и выдѣлка издѣлій изъ нея	34	21
Кустарное производство шерстяныхъ издѣлій	2	1
Кустарное, кружевное, тамбурное и вышивальное производство	2	76

	Муж	Жен.
Производство чулочное и трикотажное	22	86
Войлочное производство	40	2
Кустарное красильное производство	9	2
25 гр. Обработка животныхъ продуктовъ	433	13
Въ томъ числѣ:		
Выдѣлка кожъ	32	1
Выдѣлка овчинъ и мѣховъ	169	6
Шорное и сѣдельное производство	124	1
Производство щетокъ, кистей, издѣл. изъ щетины и волоса и т. п.	36	1
Кишечно-струнное производство	19	—
26 гр. Обработка дерева	2433	35
Въ томъ числѣ:		
Лѣсопильное и фанеро-пильное производство	16	—
Производство колесн. ободьевъ, дугъ, оглобель, бондарн. клепокъ, щепн. товара вообще, экип. кузов., ходовъ и саней	102	—
Бондарное производство	155	—
Корзиночное производство и иныхъ плетеныхъ издѣлій изъ прутьевъ, луба, лыка и камыша	17	4
Сундучное, ящичное, гробовое и т. п. производство	15	—
Столярное, паркетное, мебельное производство	1820	11
Токарное производство	280	1
Производство сапожныхъ шпилекъ, спичечной соломки и т. п. издѣлій	11	16
27 гр. Обработка металловъ	4377	13
Въ томъ числѣ:		
Чугунно и сталелитейное производство	306	—
Производство жестяныхъ издѣлій, ламповое	82	2
Производство слесарное, слесарно-механическое и кузнечное, швейныхъ машинъ и велосипедовъ	3289	3
Мѣднолитейное, колокольное и самоварное производство	127	—
Машино-судо-паровозо-вагоно-строительное производство	447	—
28 гр. Обработка минеральн. веществъ (керамическія производства)	284	43
Въ томъ числѣ:		
Кирпичное и черепичное производство	76	3
Горшечное и гончарное производство	116	36
Производство фаянсовое и фарфоровое	4	2
Производство хрустальное и зеркальное и издѣлія изъ стекла	73	2
29 гр. Производства химическія и производства, связан. съ ними	206	19
Въ томъ числѣ:		
Производство кислотъ и солей	5	—
Производство минеральныхъ и растительныхъ красокъ	33	—
Производство бумагодѣлательное	4	10
Мыловаренное производство	58	—
30 гр. Винокуреніе, пиво и медовареніе	146	24

	Муж.	Жен.
Въ томъ числѣ:		
Производство винокуренное, спиртоочистительное и водочное	39	12
Пиво и медовареніе	107	12
31 гр. Производство прочихъ напитковъ и бродильныхъ веществъ	73	38
Въ томъ числѣ:		
Производство шипучихъ и минеральныхъ водъ и квасоваренное производство	53	27
32 гр. Обработка растительн. и животн. питательн. продуктовъ	187	769
Въ томъ числѣ:		
Мукомольное и круподерное производство	193	20
Производство хлѣбопекарное, булочное, пряничное и т. д.	1272	202
Производство кондитерское	465	519
Производство сахароваренное и сахарорафинадное	30	6
Производство маслобойное (растительныхъ маслъ)	13	1
Скотобойный промыселъ	15	—
Производство колбасъ, консервовъ рыбныхъ и мясныхъ	184	11
33 гр. Табакъ и издѣлія изъ него	179	525
34 гр. Полиграфическія производства	1042	112
Въ томъ числѣ:		
Производство типографское, литографское и т. п.	485	7
Фотографія	80	3
Производство брошюровочное, переплетное, футлярное и т. п.	302	27
Производство гильзъ, папиросныхъ картузовъ, конвертовъ, игральныхъ картъ и друг. изд. изъ бумаги	126	70
35 гр. Производство инструментовъ физическихъ, оптическихъ, хирургическихъ, музыкальныхъ, часовъ, игрушекъ и пр.	222	5
Въ томъ числѣ:		
Производство часовое	131	3
Производство физическое, оптическое, хирургич., инструментовъ, принадлежностей телефона, телеграфа и пр.	60	1
36 гр. Ювелирное дѣло, живопись, производство предметовъ культа, роскоши и т. д.	287	6
Въ томъ числѣ:		
Производство золотыхъ, серебряныхъ, мельхіоровыхъ, бронзовыхъ и ювелирныхъ вещей	152	2
Золоченіе по дер., рѣзьба по дер., произв. кіотн. и багетн.	42	1
Иконопись, живопись	91	2
37 гр. Изготовленіе одежды	5211	4599
Въ томъ числѣ:		
Изготовленіе предметовъ мужской одежды	1929	61
Изготовленіе дамскихъ платьевъ	82	4034
Шляпочное, фуражечное и картузно-шапочное производство	289	28
Изготовленіе предметовъ моды	—	156
Изготовленіе обуви	2898	17

	Муж.	Жен.
Изготовленіе бѣлья	52	283
Чистка и окраска тканей	28	1
38 гр. Работы по устройству, ремонту и содержанію жилищъ и строительныя вообще	2917	10
Въ томъ числѣ:		
Архитекторы, строит., подрядч., рабочіе строительныхъ работъ	72	—
Кладчики кирпича, землекопы	76	—
Каменщики, каменотесы	150	—
Печники	434	—
Плотники	816	—
Штукатуры, лѣпщики и мозаичисты	210	—
Кровельщики	242	—
Маляры	448	8
Стекольщики	89	—
Техники и рабочіе по устройству газовыхъ, нагрѣвательныхъ, водопроводн., электрическихъ и т. п. приборовъ	98	—
Полотеры и трубочисты	52	—
Обойщики и драпировщики	183	2
Мраморщики и монументщики	13	—
Рабочіе по осуш. болотъ и устройству артезіанскихъ и друг. колодцевъ	14	—
Рабочіе по постройкѣ и ремонту желѣзныхъ дорогъ	9	—
39 гр. Производство экипажей и постройка деревянныхъ судовъ	77	—
Въ томъ числѣ:		
Производство экипажей	76	—
40 гр. Производства, не вошедш. въ предъид. группы или не опредѣл.	557	53
Въ томъ числѣ:		
Служащіе въ обществахъ газов. и электрическ. освѣщ., водопроводныхъ, доставленія электрическ. энергіи и др.	83	—
Фабриканты, служащіе и рабочіе на фабрикахъ безъ опредѣленія рода производства	101	53
Механики, техники и машинисты	264	—
Кочегары, смазчики и т. п.	109	—
41 гр. Водныя сообщенія	11	—
Въ томъ числѣ:		
Коммерческое судоходство	8	—
42 гр. Желѣзныя дороги	3492	229
Въ томъ числѣ:		
Начальн. ст., начальн. службъ движен., тяги, подвижн. сост., поѣздн. контролер., кассир. и т. п. служ. на лин. ж. д.	231	7
Кондукторы, машинисты, дорожн. мастера, конторщики и т. п.	1658	200
Рабочіе и служители, вѣсовщики, станціонная прислуга и т. п.	1603	22
43 гр. Извозный промыселъ	2418	20
Въ томъ числѣ:		
Содержаніе казенныхъ, земскихъ и вольныхъ почтъ	18	—
Легковой извозный промыселъ	1784	13

	Муж.	Жен.
Ломовой извозный промыселъ	475	5
Ассенизація и вывозка нечистотъ	139	2
44 гр. Остальныя сухопутныя сообщенія и средства передвиженія	124	
Въ томъ числѣ:		
Переноска тяжестей (дрогали, крючники, носильщики и т. п.)	61	—
Конножелѣзныя дороги и омнибусы	57	—
45. гр. Почта, телеграфъ и телефонъ	543	42
Въ томъ числѣ:		
Служащіе высшаго разряда	211	—
Телеграфисты, телеграфистки, телефонистки и почтальоны	252	42
Служители, сторожа и разсыльные	80	—
46 гр. Кредитныя и общественныя коммерческія учрежденія	328	4
Въ томъ числѣ:		
Кредитныя учреж.: банки, ломбарды, ссудо-сберегательныя товарищества и кассы ссудъ	260	2
Страховыя учрежденія	68	2
47 гр. Торговое посредничество	349	9
Въ томъ числѣ:		
Крупная коммис. дѣят., конторы транспорт., объявлен. и рекл., доставл. занят., справочн. и т. п.	—	—
Похорон. бюро	58	4
Коммиссіонеры, факторы, маклаки, посыльные и артели ихъ, артельщики, подрядчики, поставщики и т. п.	291	5
48 гр. Торговля вообще	1350	275
Въ томъ числѣ:		
Крупные торговые дома и фирмы разн. спеціальн. или безъ опредѣленія спеціальности, ихъ конторы и агентуры	139	2
Торговля вообще безъ опредѣленія предметовъ торговли	1100	241
Мелочная смѣшанная торговля разными товарами и предметами домашняго обихода	111	32
49 гр. Торговля живымъ скотомъ	138	2
Въ томъ числѣ:		
Торговля лошадьми	52	2
Торговля прочимъ скотомъ	86	—
50 гр. Торговля зерновыми продуктами	147	33
51 гр. Торговля остальными продуктами сельскаго хозяйства	1806	865
Въ томъ числѣ:		
Торговля овощами, фруктами и грибами	92	308
Торговля мясомъ, дичью, птицами и рыбой	505	172
Торговля молочными продуктами и яйцами	38	65
Торговля печенымъ хлѣбомъ	51	82
Торговля мелочная разными съѣстными припасами и другими предметами потребленія	238	164
Торговля колоніальными и бакалейными товарами	793	66
52 гр. Торговля строительными матеріалами и топливомъ	261	14

	Муж.	Жен.
Въ томъ числѣ:		
Торговля лѣснымъ матеріаломъ	128	5
Торговля топливомъ: дрова, уголь, торфъ, кизякъ	114	9
53 гр. Торговля предметами домашняго обихода	234	18
Въ томъ числѣ:		
Торговля предметами домашняго устройства и хозяйства, скобянымъ и т. п. товарами	92	3
Торговля стеклянными и гляняными издѣліями (фарфоръ, фаянсъ и проч.)	103	10
54 гр. Торговля металлическими товарами, машинами и оружіемъ	154	4
Въ томъ числѣ:		
Торговля желѣзомъ, сталью, чугуномъ и др. металлами	120	3
55 гр. Торговля тканями и предметами одежды	1673	104
Въ томъ числѣ:		
Торговля сукнами и прочими тканями, мануфактурными, суровскими и т. п. товарами	1153	33
Торговля предметами одежды (бѣлье готовое, платье, обувь, офицерскія вещи и пр.)	342	51
Торговля разными галантерейными товарами	178	20
56 гр. Торговля кожами, мѣхами и проч.	385	5
Въ томъ числѣ:		
Торговля кожами, издѣліями изъ нихъ и шорнымъ товаромъ	271	5
Торговля мѣхами	66	—
Торговля пухомъ, перомъ, щетиной, шерстью и издѣліями изъ нихъ	48	—
57 гр. Торговля предметами роскоши, наукъ, искусствъ, культа и т. д.	233	33
Въ томъ числѣ:		
Торговля книгами и нотами, предметами искусствъ	73	4
Торговля письменными, канцелярскими, рисовальными, чертежными принадлеж., писчей бумагой и игрушками	74	8
Торговля предметами церковными	25	1
Торговля ювелирными, золотыми и серебряными издѣліями	31	2
58 гр. Торговля остальными предметами	208	21
Въ томъ числѣ:		
Торговля химическими продуктами (москательными, аптекарскими, косметич. и пр.)	89	9
Торговля водою для питья и орошенія, водопойныя колоды, будки, торговля льдомъ	78	9
59 гр. Торговля разносная и развозная	200	130
60 гр. Трактиры, гостинницы, меблированныя комнаты и клубы	1181	378
Въ томъ числѣ:		
Содержаніе гостинницъ, меблированныхъ комнатъ, ночлежныхъ домовъ, постоялыхъ дворовъ	532	113
Содержаніе ресторановъ, трактировъ, буфетовъ, кухмистерскихъ и чайныхъ	535	78
Содержаніе и управленіе клубовъ и частныхъ театровъ	47	8
Содержаніе нахлѣбниковъ и квартирантовъ	24	160
61 гр. Торговля питейная	303	29

	Муж.	Жен.
Въ томъ числѣ:		
Оптовая винная торговля, винныя лавки, ренсков. погреба и т. п.	246	14
Шинки, корчмы, портерныя и другія заведенія распивочной торговли	57	15
62 гр. Заведенія, касающіяся чистоты и гигіены тѣла	242	1240
Въ томъ числѣ:		
Бани и купальни	62	8
Цирюльники и парикмахеры	162	4
Прачешныя и гладильни	18	1228
63 гр. Лица неопредѣленныхъ занятій	352	137
Въ томъ числѣ:		
Переписчики, чертежники, переводчики, составители прошеній и т. п. лица свободныхъ профессій	215	15
Бродячіе музыканты, пѣвцы, акробаты и т. п.	35	10
Нищіе, бродяги, странники, богомолки, гадалки и т. п.	102	112
64 гр. Проституція	3	225
Въ томъ числѣ:		
Проститутки	—	210
65 гр. Неизвѣстныя занятія	3	225

Среди представителей указанныхъ профессій весьма крупная цифра приходилась на долю рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ производства и торговли: всѣхъ рабочихъ переписчики 1897 г. насчитали 19976 (16837 м. и 3139 ж.). Наибольшее число рабочихъ занято было изготовленіемъ одежды и обработкой металловъ (болѣе 3 тыс. въ каждой изъ этихъ группъ), затѣмъ идутъ рабочіе по обработкѣ растительныхъ и животныхъ питательныхъ продуктовъ (2 тыс.), желѣзнодорожные (болѣе 1½ тыс.), строительные (болѣе 1½ т.), по торговлѣ (около 1½ тыс.), по обработкѣ дерева (болѣе 1200), извозчики (болѣе 1 т.) [1].

Къ сожалѣнію, различіе въ самыхъ основаніяхъ классификаціи населенія при переписяхъ 1873, 1879 и 1897 г.г. не даетъ возможности сдѣлать изъ собранныхъ переписчиками цифръ необходимые статистическіе выводы. Такіе выводы можно сдѣлать только въ немногихъ случаяхъ, но и то безъ ручательства за ихъ вѣрность. Можно напр. вычислить, что торговля занимала въ 1873 г. 8,37% населенія, въ 1879 г.—8,74, а въ 1897 г.—только 6,56; земледѣліе въ 1873 г. привлекало къ себѣ только 0,15% населенія, въ 1879 г.—0,09, а въ 1897 г.—0,73; врачебная дѣятельность въ 1873 г.—0,29%, въ 1879 г.—0,46%, а въ 1897 г.—0,82%; разныя производства и ремесла:—въ 1873 г.—14,03%, въ 1879 г.—18,66, въ 1897 г.—15,14, государственная служба: 1873 г.—1,65%, 1879 г.—1,59, 1897 г.—1,10; общественная служба: 1879 г.—0,13%, 1897 г.—0,19; педагогическая дѣятельность: 1879 г.—0,55%, 1897 г.—1,12; на доходы съ имуществъ и капиталовъ жило: 1879 г.—1,91%, 1897 г.—1,54; въ качествѣ прислуги было: въ 1873 г.—12,20%, 1879 г.—9,48, 1897 г.—12,13%.

[1]) Первая всеобщая перепись. Численность и составъ рабочихъ въ Россіи. Т. I, стр. 78—80.

Гораздо меньше трудностей для пользованія представляетъ матеріалъ переписей, если вмѣсто большихъ группъ мы будемъ брать подгруппы. Вотъ какія свѣдѣнія можно извлечь изъ тѣхъ же переписей о распредѣленіи харьковцевъ по главнѣйшимъ видамъ занятій въ 1873, 1879 и 1897 гг.

	На каждую сотню жителей обоего пола		
	1873 г.	1879 г.	1797 г.
Плотники	0,92	1,23	0,47
Штукатуры	0,17	0,39	0,12
Кровельщики	0.17	0,87	0,14
Маляры	0,17		0,26
Столяры	1,09	1,30	1,05
Кузнецы	0,45	0,64	1,32
Слесаря	0,24	0.87	
Стекольщики	0.09	0,09	0,05
Бондари	0.20	0,17	0,09
Мѣдники	0,16	0,25	0,07
Хлѣбники	0,73	0,61	0,85
Мясники	0,24	0,06	0,39 (?)
Сапожники и башмачники	2,66	2,05	1,67
Портные	1,78	1,75	1,14
Портнихи и модистки	1,93 (?)	2,26	2,36
Шубники, тулупники, свитники	0,26	0,16	—
Картузники, шапочники, шляпники	0,28	0,21	0,18
Шорники	0,15	—	0,17
Поденщики	1,35	1,44	2,37
Горничныя, кухарки, няньки и пр.	8,34	5,74	7,28
Кондитеры и пряничники	0,53	0,64	0,33
Рабочіе на табачныхъ фабрикахъ	0,36	—	0,40
Цирюльники	0,14	0,12	0,09
Переплетчики	0,12	0,11	0,18
Каретники	0,23	0,09	0,04
Извозчики (легковые, ломовые. ямщики)	0,11	2,25	1,32

Отличительною чертою Харькова по сравненію съ великорусскими городами всегда было и до сихъ поръ остается численное преобладаніе крестьянскаго населенія,—преобладаніе не только надъ привилегированными сословіями, какъ дворянство, духовенство и купечество, но даже и надъ мѣщанствомъ, т. е. надъ тѣмъ сословіемъ, которое законъ всегда считалъ городскимъ по преимуществу. Причины этого, ненормальнаго для великорусскихъ городовъ, явленія объясняются исторически. До превращенія Харькова въ центръ губерніи онъ былъ, можно сказать, слободою, населеніе которой жило главнымъ образомъ земледѣліемъ. Послѣ введенія великорусскихъ порядковъ только очень незначительная часть этого населенія вписалась въ купечество, мѣщанство и цехи, остальное, получившее имя войсковыхъ обывателей, продолжало заниматься тѣмъ же, чѣмъ занималось и раньше,—земледѣліемъ. Войсковые обыватели, переименованные впослѣдствіи въ государственныхъ крестьянъ, и составили главную массу городского населенія. Основное ядро съ теченіемъ времени стало пополняться какъ казенными, такъ и помѣщичьими крестьянами, отпущенными на оброкъ, преимущественно изъ великороссійскихъ губерній. Но это были только временные гости Харькова, съ харьковскимъ крестьянствомъ не смѣшивавшіеся и рѣзко отличавшіеся

отъ него по своимъ занятіямъ. Харьковское крестьянство составляло самоуправляющуюся отдѣльную сословную группу,—крестьянское общество, владѣвшее надѣльной землей. Многіе изъ членовъ харьковскаго крестьянскаго общества владѣли, кромѣ того, такъ наз. старозаимочными землями. Харьковское крестьянское общество вмѣстѣ съ сосѣдними поселеніями составляло Харьковскую волость, органомъ которой являлось волостное правленіе, учрежденіе административное и судебное. Ни во владѣніи надѣльной землей, ни въ крестьянскомъ самоуправленіи пришлые крестьяне, конечно, не участвовали. Мѣстное крестьянство жило главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, многіе занимались чумачествомъ или мелкими промыслами. Пришлые крестьяне, казенные и крѣпостные, составляли обычно контингентъ служащихъ, работниковъ, приказчиковъ или мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. Изъ крѣпостныхъ было много дворовыхъ людей, жившихъ при городскихъ домахъ помѣщиковъ въ качествѣ дворниковъ или при „господахъ“ въ качествѣ прислуги. Были крѣпостные не только у дворянъ и чиновниковъ, но часто и у лицъ, совсѣмъ никакого права на владѣніе „душами“ не имѣвшихъ. Въ 1829 г. отъ харьковскаго мѣщанина Москаля была отобрана по суду крестьянка дѣвица съ незаконнорожденною дочерью, которыми Москаль владѣлъ два года. Отъ купца Нефедова была отсужена дѣвка Анисья Гринченкова и перечислена въ мѣщане. Отъ купца Лаптева и купчихи Новоселовой отобрана по суду дѣвка Маланья Митина съ незаконнорожденнымъ ребенкомъ и перечислена въ мѣщане [1]). Въ 20-хъ годахъ замѣчается вообще много исковъ объ освобожденіи отъ такихъ душевладѣльцевъ. Изъ дѣлъ губернскаго прокурора за 1823—1824 г.г. усматриваемъ напр., какъ въ 1823 г. купцы Бѣляевъ и Богдановскій присвоили себѣ въ крестьянство дочерей солдатки Чилинковой. Въ 1824 г. отъ купца Колупаева искалъ свободы нѣкій Боровиковъ, при чемъ ѵѣздный судъ старался затянуть это безспорное дѣло, елико возможно дольше. Отъ протоіерея Могилевскаго искала свободы дѣвица Рубинская. Квиткинская крестьянка Мажурана искала свободы для своей дочери, проданной Квиткою купцу Ворожейкину. Нѣкій Дьячковъ просилъ объ освобожденіи его съ семействомъ отъ купца Мотузкова. Христина Старостивна жаловалась на неправильное владѣніе ею и ея дочерью проживавшимъ въ Харьковѣ мценскимъ мѣщаниномъ Ширикинымъ. Нѣкая Богданова просила объ освобожденіи ея съ сыномъ отъ купца Клеменова. Говорущенко жаловался на неправильное притязаніе на его свободу со стороны купца Сѣрикова. Дѣвка Куфіева просила о предоставленіи ей свободы отъ мѣщанина Савченка и т. п. [2]). Владѣніе крѣпостными со стороны лицъ, не пользовавшихся правомъ душевладѣнія, встрѣчаемъ и позже, но оно приняло другія формы. Помѣщикъ могъ отдать своего крѣпостного во временное услуженіе купцу или мѣщанину, разумѣется, съ предоставленіемъ ему на это время всѣхъ владѣльческихъ правъ по части укрощенія строптивыхъ и вразумленія нерадивыхъ. Харьковскіе старожилы разсказываютъ, что практиковался помѣщиками и обычай отдачи своихъ крестьянъ въ поденную работу. Поденщики изъ крѣпостныхъ помѣщались обыкновенно на „толкучкѣ“ Благовѣщенскаго базара, гдѣ ихъ и нанимали лица, нуждавшіяся въ ихъ услугахъ. Здѣсь же, будто бы, подвергали и наказанію провинившихся.

„Воля“ вызвала громадный наплывъ въ Харьковъ крестьянъ изъ разныхъ губерній, преимущественно Курской, бросившихся въ большой и торговый городъ на заработки. Наплывъ, поддерживаемый прогрессирующимъ обѣднѣніемъ деревни, продолжается и до настоящаго времени, и, судя по сему, можно ожидать, что въ будущемъ онъ приметъ еще большіе размѣры. Пришлые крестьяне—по большей части временный элементъ городского населенія; нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, осѣдаютъ въ Харьковѣ и на постоянное жительство. Ни временно пребывающіе въ Харьковѣ крестьяне, ни пришлые крестьяне, осѣвшіе здѣсь на всегда, въ сословномъ крестьянскомъ самоуправленіи не участвуютъ, тѣмъ не менѣе при переписяхъ они записываются въ ту же сословную графу, что и харьковскіе крестьяне, такъ что по даннымъ переписей послѣднихъ десятилѣтій нѣтъ никакой возможности отличить этихъ пришельцовъ отъ крестьянъ-туземцевъ. Конечно, съ постепеннымъ переходомъ харьковскаго крестьянства отъ земледѣлія къ торговлѣ и промышленности фактическая разница между туземцами и пришельцами, можно сказать, утрачивается, но юридическая все же существуетъ и по нынѣ.

— —

[1]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1829 г.
[2]) Арх. Губ. Пр. 1823—1824 г. Дѣла прокурорскія.

Свѣдѣнія наши о численности населенія Харькова, принадлежащаго къ крестьянскому сословію, далеко не отличаются полнотой. Для начала столѣтія мы имѣемъ указаніе автора „Описанія Слободско-Украинской губерніи", опредѣляющаго число разнаго званія казенныхъ поселянъ мужского пола цифрою 3415. Но кромѣ вольныхъ были въ Харьковѣ и помѣщичьи крестьяне. Такихъ числилось 413 человѣкъ [1]). По шестой ревизіи (1802 г.) въ Харьковѣ войсковыхъ обывателей мужского пола числилось 5110 [2]). Вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія о численности населенія, принадлежавшаго къ крестьянскому сословію, даетъ Н. Милютинъ въ его „Краткомъ Обозрѣніи г. Харькова". По свѣдѣніямъ Милютина, въ 1837 г. въ Харьковѣ числилось 6812 казенныхъ крестьянъ (3359 м. и 3453 ж.), крестьянъ помѣщичьихъ было 1098 (723 и 375), еще больше было дворовыхъ—2358 (1386 и 972). Къ крестьянамъ-же можно причислить и вольноотпущенныхъ, какихъ Милютинъ насчитывалъ 34 (23 и 11). Такимъ образомъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ крестьянскому сословію, было въ это время въ Харьковѣ 10300 чел., т. е. едва не половина населенія, равнявшагося въ то время 28147 [3]). По таблицѣ народонаселенія Харькова за 1846 г., приведенной у Мочульскаго, въ городѣ находилось на постоянномъ жительствѣ: государственныхъ крестьянъ 3973 мужч. и 4084 женщ., помѣщичьихъ крестьянъ 420 м. и 679 ж. и дворовыхъ 392 м. и 765 ж. Въ 1856 г. государственныхъ крестьянъ было 3458 м. и 3681 ж., помѣщичьихъ дворовыхъ людей 455 м. и 413 ж. Въ 1862 г. государственныхъ крестьянъ въ Харьковѣ было 5791 м. и 6145 ж., помѣщичьихъ крестьянъ 2355 м. и 2214 ж., дворовыхъ 1258 м. и 1227 ж. Къ крестьянству-же можно причислить и военныхъ поселянъ. Такихъ въ городѣ было 65 м. и 26 ж. [4]). По однодневной переписи 1866 г. въ Харьковѣ было государственныхъ крестьянъ 6316 мужск. пола и 5593 жен. пола, временно обязанныхъ (бывшихъ крѣпостныхъ) 2883 м. п. и 1926 ж. п. Къ крестьянамъ же можно безъ большой натяжки отнести и такія группы населенія, какъ военные поселяне (192 м. и 111 ж.) и колонисты, которыхъ, впрочемъ, въ Харьковѣ въ то время было не много—58 м. и. 50 ж. [5]). Въ 1867 г. государственныхъ крестьянъ было 6113 м. и 5497 ж., удѣльныхъ—136 м. п. 105 ж., временно-обязанныхъ 2887 м. и 1924 ж., дворовыхъ 2 м. и 1 ж., крестьянъ бывшаго южнаго военнаго поселенія 187 м. и 106 ж., колонистовъ 47 м. и 43 ж. Въ 1877 г. крестьянъ 19931 м. и 16760 ж., колонистовъ 5 м. и 8 ж. Въ 1880 г. крестьянъ было 26846 м. и 26953 ж., колонистовъ 9 м. и 14 ж. [6]). Въ 1882 г. государственныхъ крестьянъ считалось 26324 м. и 26609 ж., бывшихъ помѣщичьихъ 5463 м. и 4746 ж., колонистовъ 10 [7]). Въ 1887 г. государственныхъ крестьянъ мужск. пола 28324, ж. п. 26609, бывшихъ помѣщичьихъ 5463 м. и 4746 ж. [8]). Въ 1888 г. крестьянъ государственныхъ 27220 м. и 27423 ж., бывшихъ помѣщичьихъ 5184 м. и 4560 ж., колонистовъ 75 [9]). Въ 1889 г. казенныхъ крестьянъ 26876 м. и 27547 ж., бывшихъ помѣщичьихъ 5167 м. и 5088 ж., колонистовъ 7 м. и 10 ж. [10]). При переписи 1897 г. всѣхъ крестьянъ въ Харьковѣ оказалось 85114, изъ нихъ 47478 м. и 37636 ж.; по свѣдѣніямъ за 1901 г. крестьянъ государственныхъ и бывшихъ южныхъ поселянъ въ Харьковѣ было 28340 мужч. и 29321 женщ., бывшихъ помѣщичьихъ—4089 м. и 4220 ж., колонистовъ 49 м. и 20 ж. [11]), а по даннымъ 1904 г.—26723 м. и 2875 ж. государственныхъ крестьянъ и бывшихъ южныхъ поселянъ, 8292 м. и 11531 ж. бывшихъ помѣщичьихъ и 25 м. и 28 ж. колонистовъ.

Послѣ крестьянъ наиболѣе многочисленную сословную группу населенія Харькова составляло мѣщанство. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о численности этого сословія за первую половину прошлаго столѣтія также не отличаются должной полнотой. Дѣло въ томъ, что въ мѣщанскомъ управленіи не сохранилось никакихъ документовъ за время до 1816 г., а отъ 1816 по 1859 г. сохранились лишь немногіе. Тѣ свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ дѣлъ мѣщанскаго управленія, мѣстныхъ архивовъ и печат-

[1]) Рукоп. отд. И. публ. библіотеки. IV отд. № 265.
[2]) Устиновъ. Путеводитель по Харькову, стр. 76.
[3]) Журн. М. В. Д., ч. 28, стр. 210
[4]) Проток. Харьк. Губ. Стат. Комит. 1862 г. 14 мая.
[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866. № 80.
[6]) Харьк. Календ. 1882 г. стр. 72.
[7]) Харьк. Календ. 1884 г. стр. 137.
[8]) Харьк. Календ. 1889 г. стр. 237.
[9]) Харьк. Календ. 1890 г. стр. 186.
[10]) Харьковск. Календ. 1891 г. стр. 211—213.
[11]) Тамъ же 1903 г., стр. 93.

ныхъ источниковъ, сводятся къ слѣдующему. По седьмой народной переписи, бывшей въ 1815 г., мѣщанъ въ Харьковѣ оказалось 1265 душъ обоего пола: мужчинъ 669, а женщинъ 596 [1]). По думскимъ свѣдѣніямъ, въ 1823 г. мѣщанъ мужского пола числилось 879, но изъ нихъ взрослыхъ и способныхъ къ самостоятельной дѣятельности было только 730, а 149 чел. приходилось на долю умершихъ, безвѣстно отсутствующихъ, престарѣлыхъ, сиротъ и пролетаріевъ, не имѣвшихъ никакого имущества. Изъ мѣщанъ 51 человѣкъ принадлежали къ людямъ зажиточнымъ, такъ какъ торговый капиталъ каждаго изъ нихъ превышалъ 1000 р. [2]), Въ 1828 г. мѣщанъ, какъ видно изъ дѣлъ думы, числилось 997 д. [3]) мужского пола; по даннымъ архива губернскаго правленія цифра эта нѣсколько меньше—988 чел. [4]).

О численности харьковскаго мѣщанства въ тридцатые годы даетъ свѣдѣнія уже цитированное нами „Краткое Обозрѣніе г. Харькова“ Н. Милютина, опредѣляющаго эту численность цифрою 3740 для обоего пола (1875 м. и 1865 ж.). Кромѣ того, въ Харьковѣ были и иногородные мѣщане, число которыхъ Милютинъ опредѣляетъ цифрою 1807 (1114 м. и 693 ж.) [5]). По думскимъ свѣдѣніямъ за тотъ-же 1837 г., мѣщанъ въ Харьковѣ числилось 1714, очевидно, только мужского пола; кромѣ того, было еще 156 „посадскихъ“, полагать нужно, не мѣстнаго происхожденія, хотя и состоявшихъ на постоянномъ жительствѣ въ Харьковѣ и принадлежавшихъ къ составу харьковскаго мѣщанскаго общества [6]). По восьмой ревизіи причисленныхъ къ Харькову мѣщанъ было 1968 д., конечно, только мужского пола [7]). Для половины сороковыхъ годовъ мы располагаемъ свѣдѣніями, собранными Мочульскимъ по подсчету 1845 г. Мѣщанъ въ это время считалось въ Харьковѣ 5329 обоего пола (2371 м. и 2958 ж.). По думскимъ свѣдѣніямъ отъ того-же 1845 г., мѣщанъ было 2352, а по свѣдѣніямъ 1846 г.—2531. [8]) Гапоновъ, описавшій Харьковъ въ 1856 г. опредѣлилъ цифру мѣщанъ въ 9946 (4766 м. и 5150 ж.) [9]) Ко времени десятой ревизіи (1857—1858 г.) общая цифра харьковскаго мѣщанства дошла уже до 10210 душъ, при чемъ мужчинъ считалось 5044, а женщинъ 5166 [10]). Въ 1862 г., по свѣдѣніямъ харьковскаго статистическаго комитета, было 10354 мѣщанина (5159 м. и 4995 ж.). Въ 1863 г. мѣщанство почему-то умалилось въ числѣ—мѣщанъ было всего 9009 (4790 м. и 4219 ж.) [11]), а въ 1864 г. вновь увеличилось (10396, при чемъ мужчинъ 5114, а женщинъ 5282) [12]). По однодневной переписи 1866 г. мѣщанъ было 17402 (8562 м. и 8040 ж. [13]). Къ сожалѣнію, при позднѣйшихъ переписяхъ мѣщане обычно соединялись въ одну графу съ цеховыми, благодаря чему опредѣлить точныя цифры мѣщанъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ не представляется никакой возможности. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ 1877 г. мѣщанъ и цеховыхъ въ Харьковѣ насчитывалось 12905 для мужского пола и 12600 для женскаго, въ 1880 г.—17761 мужч. и 17174 женщ., въ 1887 г.—32822 м. и 32169 ж., въ 1887 г.—34253 м. и 33593 ж., въ 1888 г.—35888 м. и 35414 ж. [14]), но сколько изъ нихъ приходилось на долю собственно мѣщанства—сказать не можемъ. При переписи 1897 г. въ Харьковѣ оказалось 58572 мѣщанина (29346 м. п. и 29226 ж. п.). Въ 1904 г. по свѣдѣніямъ харьковскаго мѣщанскаго управленія, мѣщанъ въ Харьковѣ числилось 45581 (22014 м. и 23567 ж.). Сравнительно съ 1897 г. произошло какъ бы уменьшеніе, но не слѣдуетъ забывать, что перепись 1897 г. разумѣетъ всѣхъ вообще мѣщанъ, жившихъ въ Харьковѣ, независимо отъ ихъ приписки къ тому или другому обществу, а свѣдѣнія 1904 г. говорятъ только о мѣщанахъ, приписанныхъ къ харьковскому мѣщанскому обществу, всѣхъ же вообще мѣщанъ и цеховыхъ, какъ харьковскихъ, такъ и иногородныхъ, въ 1904 г. числилось, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, 34150 м. и 36294 ж.

---

[1]) Справка изъ дѣлъ мѣщанскаго управленія.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1823 г.
[3]) Тамъ-же. Входящ. 1829 г.
[4]) Арх. Губ. Правл. 1829 г. № 594.
[5]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. Ч. 28, стр. 210.
[6]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1837 г. февраля 12.
[7]) Арх. Тамъ-же. Журн. 1840 г. ноября 29.
[8]) Тамъ-же. Журн. 1845 г. января 30 и 1846 г.
[9]) Рукопись Гапонова.
[10]) Справка изъ мѣщанскаго управленія.
[11]) Памятн. книжка Харьк. губ. на 1865 г., стр. 144.
[12]) Памятная книжка Харьк. губ. на 1866 г, стр. 28.
[13]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г., № 80.
[14]) Харьк. Календ. 1882 г. (стр. 72), 1889 г. (стр. 237), 1890 г. (стр. 185), 1891 г. (стр. 211—231).

Ядро харьковскаго мѣщанства было мѣстнаго происхожденія,—потомки тѣхъ козаковъ и подпомощниковъ, какіе записались въ мѣщане въ Екатерининскія времена. Но едва ли не больше было пришельцевъ, выходцевъ изъ другихъ городовъ и другихъ сословныхъ группъ. По закону въ мѣщане имѣли право, впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченіями, приписываться казенные крестьяне, церковно-служительскія дѣти, уволенныя изъ духовнаго званія и поставленныя въ необходимость избрать себѣ „родъ жизни“ [1]), обѣднѣвшіе купцы, не имѣющіе возможности оставаться въ гильдіи, незамужнія иностранки [2]). Въ составѣ харьковскаго мѣщанства имѣется не мало бывшихъ крѣпостныхъ и ихъ потомковъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, внѣбрачныхъ дѣтей, иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, выкрестовъ изъ евреевъ и магометанъ, питомцевъ воспитательныхъ домовъ и другихъ лицъ, обязанныхъ избрать себѣ родъ жизни. Мѣщанское общество постоянно пополняется новыми членами путемъ приписки выходцевъ изъ другихъ общественныхъ классовъ и перечисленія иногородныхъ, осѣдающихъ въ Харьковѣ на постоянное жительство. Не мало и выбываетъ изъ мѣщанской среды за переходомъ въ высшія сословія. Составъ харьковскаго мѣщанства чрезвычайно разнообразенъ. „Мѣщанская чуйка“, промышляющая и торгующая по мелочамъ, для харьковскаго мѣщанства послѣднихъ десятилѣтій—далеко не обычный типъ. Среди мѣщанъ много людей культурныхъ, представителей свободныхъ профессій, артисты, техники, живописцы, частные повѣренные, учителя, бухгалтеры, конторщики, электротехники, механики, агрономы, фотографы и др. Много, конечно, торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ—это типъ тоже обычно подкультуренный. Много людей со среднимъ, а еще больше съ низшимъ образованіемъ. Очень много сыновей харьковскихъ мѣщанъ получило и высшее образованіе, но, какъ извѣстно, мѣщане съ дипломомъ высшей школы не имѣютъ по закону права оставаться мѣщанами, а причисляются въ почетные граждане. Оттого и людей съ высшимъ образованіемъ среди харьковскаго мѣщанства не имѣется.

О харьковскихъ цеховыхъ, составлявшихъ сравнительно небольшую группу населенія, свѣдѣній у насъ не много. Въ 1828 г., какъ видно изъ думскихъ дѣлъ цеховыхъ, платившихъ подати и отбывавшихъ положенныя на нихъ повинности, считалась 896 душъ [3]). Изъ дѣлъ городской думы за 1837 годъ, видно, что къ 1 января этого года цеховыхъ въ Харьковѣ было 1233 чел. По свѣдѣніямъ Г. Ѳ. Квитки, относящимся къ 1837 г., всѣхъ ремесленниковъ, приписанныхъ въ цехи, въ городѣ было 1620 чел. Цеховъ было 16. По профессіямъ, цеховые распредѣлялись такъ: портныхъ 524, сапожниковъ 435, картузниковъ 20, перчаточниковъ 4, часовыхъ мастеровъ 20, переплетчиковъ 5, кузнецовъ 164, оловянщиковъ 25, слесарей 31, серебряниковъ 22, каретниковъ 260, скорняковъ 150, столяровъ 137, красильщиковъ 7, кожевниковъ 5 и сѣдельниковъ 3. Всѣ они „имѣли безнужное пропитаніе отъ своихъ рукодѣлій. Изъ нихъ наибольшее число портныхъ, шьющихъ свиты или зипуны, и сапожниковъ, потому что здѣшній народъ вовсе не употребляетъ лычной обуви. Всѣ, даже нищіе, носятъ кожевенную обувь: сапоги, по здѣшнему чоботы и коты, или большіе бапмаки“ [4]). По восьмой ревизіи, причисленныхъ къ Харькову цеховыхъ считалось 1285 [5]) душъ, а по думскимъ дѣламъ 1845 г. ихъ числилось обоего пола всего только 1845 человѣкъ [6]) Въ 1846 г. цеховыхъ было 1292 [7]). По счету Гапонова, въ 1856 г. такъ назыв. вѣчно цеховыхъ было 1510 м. и 153 ж. Однодневная перепись 1866 г. насчитываетъ въ Харьковѣ цеховыхъ 2039 м. п. и 1902 ж. п. [8]). При послѣдующихъ переписяхъ цеховые, какъ мы уже упоминали, приписчитывались къ мѣщанамъ.

Первенствующую роль въ городѣ не только по достаткамъ, но и по значенію въ мѣстной экономической жизни и сферѣ городского самоуправленія играло купечество.

Въ 1802 г., какъ значится въ Атласѣ Слободско-Украинской губерніи, хранящемся нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, въ Харьковѣ числилось 406 купцовъ [9]). Въ 1807 г. купецъ 1-ой гиль-

[1]) Перв. П. С. З. т. XXVII, №№ 21484, 21811.
[2]) Тамъ-же. Т. XXX № 25168.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1829.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 4.
[5]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г. Ноября 29.
[6]) Тамъ-же. Журн. 1845 г. Января 30.
[7]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1846 г.
[8]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 № 80.
[9]) Рукоп. Отд. И. П. б.—кн. IV отд. К. № 265.

діи былъ одинъ—Криворотовъ, 2-ой гильдіи—четыре: Ѳедотъ Карповъ, Аникѣевъ, Пелагея Карпова и Авдотья Павлова (послѣдняя, впрочемъ, хотя и вела торговыя дѣла, была не купчихой, а губернской секретаршей); всѣ остальные 181 человѣкъ принадлежали къ третьегильдейцамъ [1]). Въ 1811 г. купцовъ было 128, при чемъ къ первой гильдіи не было ни одного, ко второй принадлежало 8, а остальные числились въ третьей [2]). Въ 1812 г., по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторомъ Бахтинымъ, второгильдейцевъ было 43, а въ третьей гильдіи 384 [3]). Въ 1813 г. во второй гильдіи было 11 купцовъ, а въ третьей 102 [4]). Въ описаніи Харькова 1817 г., представленномъ губернаторомъ Муратовымъ въ Петербургъ, число харьковскихъ купцовъ опредѣлялось цифрою 348 [5]). Въ 1821 г. по второй гильдіи было объявлено капиталовъ мужчинами 6 (въ томъ числѣ дворянами два), женщинами 1, по третьей гильдіи м. п. 90, ж. п. 13. Въ 1822 г. по второй гильдіи м. п. 6, ж. п. 1, въ третьей—м. п. 79, ж. п. 11 [6]). Въ 1823 г. въ Харьковѣ не было ни одного первогильдейца, во второй гильдіи числилось 9 купцовъ, а въ третьей—88 [7]). Среди второгильдейскаго купечества было два „благородныхъ", носившихъ чины. Первогильдейское купечество, какъ постоянное явленіе, встрѣчаемъ въ Харьковѣ только съ Николаевскаго времени. Въ 1826 г., здѣсь числилось три купца первой гильдіи, во второй было 5, а въ третьей 154 [8]). Въ 1828 г. въ первой гильдіи было 2 купца, во второй 4, а въ третьей 163 [9]). Въ 1829 г. въ первой 3, во второй 4, въ третьей 157, да, кромѣ того, къ этой-же гильдіи принадлежали 2 иногородныхъ купца [10]). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ „Обозрѣніи городовъ" 1833 г., въ Харьковѣ къ первогильдейскому купечеству принадлежало 3 м. п. и 5 ж. п., во второй гильдіи числилось 9 м. п. и 3 ж. п. и въ третьей 147 м. п. и 95 ж. п. Въ 1838 г. купеческихъ капиталовъ было объявлено по первой гильдіи 2, по второй 9, по третьей 159 [11]). Въ 1839 г. въ первой гильдіи было 5 м. и 1 ж., во второй 8 м. и 3 ж., въ третьей 158 м. и 32 ж. Иногородныхъ, кромѣ того, было въ третьей гильдіи 30 м. и 1 ж. [12]). По „Статистическимъ Таблицамъ" 1840 г. [13]), данныя для которыхъ собирались, несомнѣнно, раньше этого года, въ Харьковѣ числилось въ первой гильдіи 3 мужч. и 1 женщ., во второй 10 м. и 1 ж., а въ третьей 152 м. и 25 ж. [14]). По думскимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ тому 1840 г., къ первой гильдіи принадлежало 5 м. и 1 ж., ко второй 8 м. и 3 ж. Въ 1841 г., по тѣмъ же думскимъ свѣдѣніямъ, первогильдейскихъ купцовъ въ Харьковѣ было 5 м. и 1 ж., во второй гильдіи 9 м. и 2 ж. и въ третьей 169 м. и 27 ж. [15]). Этими цифрами, очевидно, выражалась численность не всего купечества, какъ сословія, а только число объявленныхъ капиталовъ. Это доказывается цифрами слѣдующаго 1842 г. Въ этомъ году объявлено было гильдейскихъ капиталовъ 223, а къ купеческому сословію принадлежало 746 м. и 596 ж., такъ что общая цифра лицъ, принадлежавшихъ къ купечеству, равнялась 1340 д. [16]). Въ 1844 г. въ первой гильдіи числилось 4 м. и 4 ж., во второй 15 м. и 14 ж., въ третьей—430 м. и 460 ж. Въ 1845 г., по думскимъ свѣдѣніямъ, купцовъ въ Харьковѣ было 867 чел. [17]). Въ 1846 г. свидѣтельства по первой гильдіи выбирало 3, по второй 24, а по третьей 229 [18]). Цифры

[1]) Арх. Гор. Думы. Входящ. 1807 г.
[2]) Тамъ-же. Входящ. 1811 г.
[3]) Арх. Харьк. губ. правл. 1812 г. № 26.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1813 г.
[5]) Военно-учен. архивъ Главнаго Штаба. Отд. V, № 475.
[6]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1822 г.
[7]) Тамъ-же. Журн. 1823 г.
[8]) Тамъ-же. Журн. 1826 г
[9]) Тамъ-же. Журн. 1828 г.
[10]) Тамъ-же. Вход. 1829 г. и Арх. Губ. Правл. 1829 г. № 594.
[11]) Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 11.
[12]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г. января 11.
[13]) Обозрѣніе городовъ. Спб. 1833 г., стр. 42.
[14]) Статистич. таблицы о состояніи городовъ Россійской имперіи, стр. 51 52.
[15]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г.
[16]) Тамъ-же. Журн. Думы 1842 г.
[17]) Тамъ-же. Журн. Думы 1845 г. января 4 и 30.
[18]) Тамъ-же. Журн Думы 1846 г. сентября 19.

за тотъ же 1846 г., собранныя капитаномъ Генеральнаго Штаба Мочульскимъ, говорятъ не о числѣ гильдейскихъ капиталовъ, а о численности всего купеческаго сословія въ Харьковѣ. Изъ нихъ видно, что въ первой гильдіи въ это время числилось 15 м и 14 ж., во второй 77 м. и 57 ж., а въ третьей 710 м. и 571 ж. Въ 1849 г., какъ видно изъ думскихъ документовъ, въ первой гильдіи состояло 13 м. и 8 ж. [1]), во второй 77 м. и 51 ж., въ третьей 596 м. и 501 ж. Свѣдѣнія за 1855 г. говорятъ не о численности купеческаго сословія, а только объ объявленныхъ гильдейскихъ капиталахъ. Такихъ было: по 1-ой гильдіи 6, по второй 17 и по третьей 332 [2]). Въ 1856 г., по счету Гапонова, купцовъ было 1534 (826 м. и 708 ж.), а объявленныхъ ими капиталовъ: по первой гильдіи 6, по второй 18 и третьей—294 [3]). Въ 1860 г. объявили капиталы: по 1-ой гильдіи 5 лицъ, по второй 18 и по третьей—309 [4]). По свѣдѣніямъ харьковскаго статистическаго комитета, въ 1862 г. къ купеческому сословію принадлежало 1386 мужчинъ и 1210 ж., въ 1863 г.—1165 мужчинъ и 1077 женщинъ, въ 1864 г.—1183 м. и 1089 ж., въ 1867 г.—1579 м. и 1311 ж.

О численности купечества для послѣдующаго времени можетъ дать понятіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи подсчетовъ мѣстнаго статистическаго комитета.

ГОДЫ	Мужчинъ	Женщинъ
1876	1238	1162
1877	2400	1300
1880	1555	1744
1881	1705	1799
1882	1938	2133
1887	2337	2510
1888	2420	2569
1889	2616	2791
1892	2858	2842
1893	2860	2840
1894	2880	2700
1895	2871	2897
1896	2863	2890
1897	2360	2400
1898	2360	2250
1899	3640	3780
1900	3659	3800
1901	3701	3890
1904	4052	3503

Купечество играло крупную роль въ развитіи торгово-промышленнаго значенія города, а потому, думается намъ, будетъ не лишнимъ привесть здѣсь перечень наиболѣе замѣтныхъ купцовъ стараго Харькова.

Въ первое десятилѣтіе XIX в. изъ числа видныхъ харьковскихъ купцовъ отмѣтимъ именитаго купца Степ. Курдюмова, Тим. Спасскаго, Карповыхъ (Константина, Артемія и Ѳедота, изъ нихъ послѣдній былъ головою въ 1808—1811 г.), Егора Урюпина (бургомистръ, а затѣмъ городской голова въ первые годы столѣтія), Мухина (домъ, гдѣ теперь Астраханская гостиница), Вас. Зикѣева (бургомистръ), Григ. Криворотова (единственный въ 1807 г. купецъ 1-ой гильдіи съ капиталомъ въ 16600 р.), дворянъ Павловыхъ (ведшихъ большую торговлю), Богдановскаго, Бѣлаева, Аникѣева, Ковалева, Безуглаго, Ив. Бутенкова, Склярова, Ив. Кушинникова, Вас. Ламакина (въ слѣдующее десятилѣтіе—городской голова въ теченіе нѣсколькихъ сроковъ), Алаторцева, Ив. Ващенка (бургомистръ въ 1808 г.), Емельяна Сѣрикова, Пашкова, Проскурина, Клейменова, Онофріева, Ворожейкина, Сотникова, М. Тамбовцева.

[1]) Тамъ-же. Журн. 1850 г. январь.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1855 г.
[3]) Рукопись Гапонова, Л Л. 11 и 33.
[4]) Памятная книжка Харьк. губ. 1865 г., стр. (144), 1866 г. (стр. 128) и Харьк. Календ. 1869 г., статист. свѣд. стр. 10.

Кое-кто изъ перечисленныхъ нами представителей харьковскаго купечества удержался и въ слѣдующее десятилѣтіе. Выдвинулись и новые люди. Таковы были: Кононъ Беркосъ (былъ выбранъ одно время въ головы), Пант. Московъ (бургомистръ въ 1812 г.), Савва Герасименковъ, Дмитрій Щелковъ, Глуховъ, Павелъ Верховскій, Сергѣй Карповъ (сынъ Ѳедота), Андрей Собкинъ, Степ. Кочетовъ, Мих. Рудаковъ (городовой староста въ 1820 г.). Въ это же время начинаетъ выдвигаться и знаменитый Кузьма Кузинъ.

Изъ новыхъ людей, выдвинувшихся въ двадцатые годы, отмѣчаемъ: первогильдейцевъ Ѳедора Кожевникова (съ 1832—коммерціи совѣтникъ) и вдову Екатерину Щелкову, изъ менѣе крупныхъ—Осипа Бисерева, В. Масляникова, Дм. Решеткова, Ант. Мотузкова (голова въ 1829 г.), Марка Медвѣдева, купеческаго сына Добрынина, Акимова, Савченко, а изъ иностранцевъ—брилліантщика Гельмъ.

Въ тридцатые годы выдвигаются: Акимъ Павловъ (въ 1830 г. это былъ еще скромный купецъ 3-й гильдіи, владѣлецъ свѣчемокальнаго и пряничнаго заводовъ), Мих. Мишуковъ, Дмитрій Ковалевъ (былъ головою), Самцовъ, купеческій сынъ 1-ой гильдіи Петръ Щелковъ, Андрей Климовъ, Ив. Безходарный, Гр. Ѳедотовъ, Н. Сергѣевъ, Ант. Водопьяновъ, Ив. Федоренко, М. Захаровъ, Пав. Щелковъ, А. Кузнецовъ (содержатель гостинницы и торговыхъ бань), Половинченко, Ив. Рыжовъ (заводчикъ), П. Масловъ (маклеръ), Сапрыкинъ (владѣлецъ кузницъ возлѣ мостка по пути на Москалевку), Дм. Шатуновъ, В. Рубанъ, Мих. Шелеховъ, Грановскій, А. Бѣлинъ, Вас. Павловскій, Ник. Ширикинъ, Ив. Лежебоковъ (городовой староста въ 1838 г.), Як. Гладилинъ, Вас. Евстратовъ, Абр. Сухаревъ, Евд. Макаровъ, Ив. Курносовъ, Вас. Ильинъ, Ив. Животовскій, Алекс. Кочетовъ, Ив. Павловъ, Алек. Рудаковъ, Андр. Кушинниковъ, С. Барабашъ, А. Тарасовъ, М. Ивахненко, А. Тихоновъ, П. Стреляный, Л. Пюкъ, П. Огненко, Е. Овчинниковъ, Прок. Неретинъ, А. Руденко, Ѳ. Соловьевъ, Базилевскій (голова), П. Искра (пивоваренный заводъ), Алекс. Ханайченко, Еліокинъ (подрядчикъ по строительной части), Вас. Цыгаревъ.

Изъ купечества сороковыхъ годовъ, кромѣ уже упомянутыхъ раньше, отмѣчаемъ имена Н. И. Сребдольскаго (штабсъ-капитанъ и купецъ 3-ей гильдіи), Терентія Савченко, Алексѣя Клеменова (присяжный маклеръ), Минны Кушинникова, Ѳ. Мухина, Ткачева, Уса, Дѣжкова, Розаліи Гельмъ (дамскій модный магазинъ), Анны Эмиліи Саде, Бурдье, Викторіи Готалье, Поддубной, Мауеръ (модистки), М. Карталова (содержатель бань), Горяиновой, Григ. Криворотова (купецъ 3-ей гильдіи; трудно сказать, былъ ли это тотъ Григ. Криворотовъ, котораго мы знаемъ еще въ 1807 г., какъ единственнаго въ Харьковѣ первогильдейца, или же это было совсѣмъ другое лицо), Радина, Гавр. Ден. Гринченкова (голова въ 1841 г.), П. Кельберды, В. Ключки, И. Ващенка, М. Насѣдкина, Алексѣя Кочетова (3-ей гильдіи). Ф. М. Рудакова (голова), Плетнева (3-ей гильдіи), Ив. Богомолова (табачный фабрикантъ), Григ. Енуровскаго (купецъ 3-ей гильдіи, перечислившійся въ бердянское купечество), П. С. Куликова, Д. Н. Кочеткова, Чайковскаго (купецъ 3-ей гильдіи, маклеръ конторы государ. банка), Броневскаго (капитанъ 3-го ранга и купецъ 3 гильдіи, имѣвшій каретное заведеніе), А. Тарасова, А. Собкина, Савелія Павлова (бургомистръ), Никиф. Познякова, Ив. Урюпина, Андр. Расторгуева, Ефима Овчиникова, Павла Лихачева, Григ. Ширикина, Ѳ. Ржанова, Арт. Яковлева, Никиту Синицына, Кир. Тупицына, Ник. Евстратова, Мих. Буткова, Ник. Иконникова, Ив. Лукьянова, Абр. Губина, Ал. Артамонова, Андр. Гладилина, Петра Агненко, О. Кондырева, Адр. Лукина, Алекс. Михайлова, П. Боброва, Ник. Сергѣева.

Въ пятидесятыхъ годахъ начинаютъ играть видную роль среди мѣстнаго купечества: А. М. Северинъ (старшій гласный въ 1850 г.), Андрей Лукинъ (1-ой гильдіи, подрядчикъ и пивоваренный заводчикъ), Захаръ и Василій Пономаревы (торговый домъ 3-ей гильдіи, началъ дѣло съ капиталомъ въ 4800 р.), Петръ Кузинъ (почетный гражданинъ, директоръ конторы госуд банка), Осипъ Бисеревъ и Петръ Гребенщиковъ (торговый домъ 2-ой гильдіи, открытъ въ 1850 г.), А. М. Рудаковъ (городской голова), Н. Иконниковъ (голова), А. В. Вѣтровъ, И. Ѳ. Кравцовъ, Серг. Кондр. Костюринъ (городской голова, купецъ 2-ой гильдіи), Н. Е. Сѣриковъ (3-ей гильдіи), Ф. Г. Крамаревъ, С. Г. Козловъ, Даценко, Нѣмченковъ, И. Слатинъ, М. А. Моняковъ (бургомистръ), П. Огненковъ, И. Щербина, И. И. Рыжовъ, П. И. Рыжовъ, А. А. Скрынникъ, Н. А. Павловъ (потомственный почетный гражданинъ), К. И. Белятченко (въ серединѣ 50-хъ годовъ это еще купецъ 3-ей гильдіи), И. Н. Семейкинъ, Н. И. Шапошниковъ, Д. И. Бражниковъ, Брейммъ (содержалъ гостинницу въ домѣ Мухина), Н. А. Полуехтовъ.

Въ шестидесятые годы изъ новыхъ людей видную роль играли въ городѣ: М. А. Смирновъ, А. І. Дервянкинъ, П. С. Ложниковъ, Е. С. Калашниковъ, Г. Л. Медвѣдкинъ, К. Запорожцевъ (3 гильдіи), А. А.

Скрынникъ (голова, 1-й гильдіи), А. И. Левченко, И. И. Ващенко, М. Ѳ. Лещенко, П. С. Бартниковъ, А. П. Кубышкинъ, Ѳ. Морозовъ, М. И. Михайловичъ. А. И. Расторгуевъ. О. С. Гашке, И. Н. Нѣмченко, П. В. Базилевскій, Н. Н. Ханайченко, С. М. Акименко, Ф. П. Ивановъ, Ѳ. И. Якимовъ, П. Д. Шатуновъ, Я. И. Певыревъ, П. П. Паско, С. М. Кононенко, С. Я. Ширяевъ, Я. И. Гейеръ (1-ой гильдіи), В. К. Костюринъ (1-ой гильдіи). И. Н. Семыкинъ (1-ой гильдіи), А. А. Сергѣевъ, В. И. Болотовъ, П. А. Гребеньщиковъ, Т. К. Раше, П. И. Урюпинъ, Д. А. Губинъ, Куликовъ, С. И. Бирюковъ, А. В. Доценко, С. А. Клеменовъ, Д. С. Шатуновъ, М. Е. Медвѣдевъ, Е. С. Калашниковъ, Д. И Потаповъ, И. В. Яковлевъ, С. Д. Ковалевъ, П. Я. Огненковъ. М. К. Курносовъ, С. П. Грановскій, А. Р. Рубинштейнъ, Я. Я. Поповъ, Н. Г. Нехорошевъ, Ѳ. И. Якимовъ, А. В. Чикинъ, П. А. Фроловъ, Д. И. Потаповъ, Раттаузъ, С. Ѳ. Сарачевъ, И. И. Кнапъ, Н. Д. Шатуновъ, Н. С. Козловъ, Т. С. Кульшинъ, М. Ѳ. Боровиковъ, О. Г. Мясоѣдовъ, Т. Т. Евтюхинъ, И. М. Полянскій.

Въ семидесятые годы крупное значеніе въ харьковскомъ коммерческомъ мірѣ имѣли: С. М. Акименко (директоръ купеческаго банка), А. В. Чикинъ, Й. Ф. Кравцовъ, А. И. Левченко, Г. А. Долженко, А. К. Алчевскій, А. В. Скалонъ, К. И. Велитченко, В. Г. Пономаревъ, П. А. Гребенщиковъ, Н. П. Петренко, С. А. Клеменовъ, С. И. Бирюковъ, Е. А. Медвѣдкинъ, П. И. Рыжовъ, П. Я. Огненковъ, Н. Д. Шатуновъ, Я. И. Грейеръ (въ половинѣ 50-хъ годовъ это еще скромный купецъ 3-й гильдіи),—все это не только купцы, но и крупные тузы въ банковскомъ дѣлѣ. Въ это-же время начинаетъ выдвигаться и Н. В. Орловъ, въ тѣ годы еще скромный бухгалтеръ купеческаго банка. На поприщѣ городского самоуправленія и въ торгово-промышленномъ мірѣ играли роль Ф. П. Ивановъ, И. И. Кнапъ, Н. С. Козловъ, М. Ф. Боровиковъ, Н. И. Колесниковъ, Ф. Г. Енуровскій, Т. Т. Евтюхинъ, М. А. Коваленко, А. Ф. Венедиктовъ, І. Г. Мясоѣдовъ, Н. В. Корытинъ, К. А. Тренке, М. К. Курносовъ, П. М. Акименко, Т. С. Кульшинъ, А. И. Рубинштейнъ, И. И. Рыжовъ, Н. Е. Сѣриковъ, А. М. Северинъ, А. И. Шабардинъ. Н. В. Корытинъ, П. С. Пуголовко, М. А. Раттаузъ, В. П. Ивановъ, И. П. Семыкинъ, Д. И. Потаповъ, А. Д. Губинъ, Н. А. Полуэктовъ, Л. Р. Рубинштейнъ, Ф. И. Якимовъ, Н. А. Жевержеевъ, И. И. Нѣмченковъ, С. М. Кононенко. Ф. И. Ширяевъ, И. Г. Гамѣковъ, А. А. Сергѣевъ, М. И. Балакиревъ, П. И. Бородинъ, П. Е. Уткинъ, И. Ф. Силинъ.

Въ восьмидесятые годы изъ видныхъ харьковскихъ купцовъ отмѣчаемъ, кромѣ уже упомянутыхъ: И. К. Велитченка, П. Н. Куржупова, И. В. Ступницкаго, В. Г. Рабиновича, Д. Т. Губенко, К. П. Уткина, М. О. Деревянкина, Г. А. Долженко, Я. Я. Ширяева, В. А. Кочетова, Б. Б. Саатчи, В. П. Иванова, А. М. Карпутенко, Н. С. Лысогоренко, А. Я. Жмудскаго, Н. И Галицкаго, Хлѣбникова, Соколова, Безчетвертнова, Вихрева, Сергѣева, Моисеенко, Лысикова, В. Г. Доленко, А. И. Лебединскаго, Г. А. Коренева, П. Ф. Базилевскаго.

Изъ крупныхъ купеческихъ фамилій, дававшихъ тонъ мѣстной торговлѣ и игравшихъ видную роль въ мѣстной жизни, нельзя не отмѣтить такихъ, какъ Карповы, Павловы, Кузины, Сѣриковы и др.

Карповы извѣстны въ Харьковѣ еще съ конца XVIII в. Въ началѣ XIX в. Ѳедотъ Дорофеевичъ Карповъ былъ городскимъ головою, а во второй гильдіи числился съ 1792 г. Карпову принадлежало мѣсто по теперешнему Купеческому спуску, гдѣ огромные дома Пащенка-Трякина, доставшіеся теперь городу. Карповъ пріобрѣлъ, кромѣ того, усадьбу, занимавшуюся въ XVIII в. старыми присутственными мѣстами и банковой конторой, такъ что въ его распоряженіи очутился почти весь кварталъ по Монастырскому переулку и Университетской улицѣ до зданія полиціи. Для округленія владѣній Карповъ прихватилъ было и городскую землю, гдѣ теперь 4-ый полицейскій участокъ. Когда дума стала выражать претензіи, сынъ Карпова Сергѣй явился въ думу, молча положилъ на столъ 900 р. и удалился [1]). Дума не приняла этихъ денегъ и сумѣла отстоять городскую землю. Карпову принадлежала почти вся нынѣшняя Москалевка, представлявшая въ то время песчаную пустошь. Заселеніе Москалевки всецѣло обязано Карповымъ. Они-же были покровителями и мѣстной старообрядческой общины, кладбище которой находилось на ихъ землѣ. Не смотря на свое „раскольничество", Ѳедотъ Карповъ не чуждался просвѣщенія. Сына своего Сергѣя, племянника Михаила и воспитанника Якова Привалова Карповъ отправилъ въ Данцигъ учиться бухгалтеріи. Здѣсь

[1]) Арх. Гор. Думы. Журналы 1820 г.

они жили въ пансіонѣ Пюдона, когда въ 1798 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, коимъ повелѣно было всѣхъ русскихъ подданныхъ, обучавшихся за границей, немедленно возвратить домой [1]). Сергѣй Карповъ, сынъ Ѳедота, еще при жизни отца завелъ суконную фабрику и торговалъ краснымъ товаромъ и суконами. Когда въ началѣ 20-хъ годовъ Ѳедотъ Карповъ умеръ, Сергѣй Ѳедотовичъ сталъ богатѣйшимъ купцомъ въ Харьковѣ [2]). Въ тридцатыхъ годахъ онъ уже почетный гражданинъ, получившій это новое по тому времени званіе однимъ изъ первыхъ въ Харьковѣ.

Въ 1837 г., когда производилась оцѣнка городскихъ недвижимостей, имущество Карпова было оцѣнено такъ: одинъ домъ въ гостинномъ ряду –28 тыс. рублей, другой—28 тыс., третій—150 тысячъ; при этомъ домѣ 85 одноэтажныхъ каменныхъ лавокъ, 4 винныхъ погреба и 18 деревянныхъ старыхъ амбаровъ, оцѣненныхъ въ 400 т. р.; затѣмъ еще домъ въ 100 т. р., а всего 553 т. р. Кромѣ того, Карпову принадлежали и другія недвижимости въ „залопанскомъ форштадтѣ“ [3]). Здѣсь у него были суконный и красильный заводы съ деревяннымъ домомъ, при которомъ былъ [4]) знаменитый Карповскій садъ съ Карповской криницей, и до сихъ поръ удержавшіе имя своихъ бывшихъ владѣльцевъ. Наслѣдники Сергѣя Карпова ликвидировали дѣло, веденное ихъ отцомъ и дѣдомъ. Ихъ дома достались по покупкѣ В. И. Пащенко-Тряпкину, которымъ и завѣщаны недавно въ собственность города.

Сѣриковы были, повидимому, мѣстнаго происхожденія. Фамилія эта, очевидно, руссифицирована изъ простонароднаго харьковскаго Сѣрика. Липъ, носящихъ эту именно фамилію, находимъ въ Харьковѣ уже въ XVIII ст. Въ началѣ XIX в. въ Харьковѣ былъ уже крупный рыбный торгожецъ Емельянъ Сѣриковъ. Въ 1809 г. онъ нанималъ въ рыбномъ ряду 12 городскихъ лавокъ [5]). Въ теченіе всего XIX ст. Сѣриковы, долго числившіеся по третьей гильдіи, были крупнѣйшими рыбными торговцами въ Харьковѣ. Сынъ Емельяна Сѣрикова, Н. Е. Сѣриковъ былъ владѣльцемъ богатыхъ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ, а внуку—Н. Н. Сѣрикову принадлежало состояніе, оцѣнка котораго превышало милліонъ.

Основаніе фамиліи Павловыхъ положилъ выходецъ изъ Коломенскаго у. Московской губ. Акимъ Исаевичъ Павловъ. Сперва онъ служилъ у пряничника Митина, занимаясь приготовленіемъ пряниковъ и развозомъ ихъ по деревенскимъ ярмаркамъ. Потомъ Акимъ Павловъ завелъ и собственную торговлю въ холщевой палаткѣ; торговалъ онъ пряниками своего издѣлія, орѣхами, рожками и другими столь же неприхотливыми лакомствами. Съ годами дѣло улучшалось, и Павловъ кромѣ городской торговли сталъ разъѣзжать и по уѣзднымъ и сельскимъ ярмаркамъ, сначала самъ, а потомъ посылая приказчиковъ. Онъ уже записался въ 3-ю гильдію, а когда подросли сыновья-помощники, дѣла стали еще лучше. Акимъ Исаевъ сталъ брать подряды, построилъ свѣчной и мыльный заводы, расширилъ торговлю, перечислился во 2-ю гильдію, накупилъ дворовыхъ мѣстъ, которыми впослѣдствіи воспользовались его сыновья. Послѣ смерти Акима Исаева торговлю повели его сыновья подъ верховнымъ руководствомъ старухи-матери. Скоро старшіе братья поумирали, умерла и старуха, и главою дѣла сталъ Никита Акимовичъ Павловъ. Торговля у него шла поразительно бойко. Ни въ одномъ магазинѣ не было такъ много покупателей, какъ у Павлова. Къ покупателямъ относился онъ, его племянники и приказчики съ особеннымъ вниманіемъ, какъ бы мала ни была покупка. Самъ Павловъ не барствовалъ: его видѣли и въ конторѣ, и за стойкой, разсчитывавшагося даже съ мелочными, копѣечными покупателями. Иногда же, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, онъ занимался и отпускомъ товаровъ. Наканунѣ большихъ праздниковъ и по субботамъ магазинъ Павлова превращался въ рынокъ въ миніатюрѣ. Покупателей стекалось необычайно много. Въ такіе дни количество приказчиковъ обыкновенно прибавлялось, чтобы не задерживать публики, но, несмотря на это, успѣть выполнить всѣ разнообразныя требованія не удавалось. Публика терпѣливо ожидала. Иные, болѣе извѣстные покупатели сокращали срокъ ожиданія, лакомясь пряниками, конфектами и орѣхами изъ открытыхъ ящиковъ, другіе шли въ контору покурить. Табакъ всегда былъ къ услугамъ посѣтителей. Кромѣ умѣнья обратиться съ покупателями, Павловъ привлекалъ къ себѣ качествомъ товара и замѣчательной добросовѣстностью въ

---

[1]) Арх. Губ. Правл. 1798 г.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журналъ 1825 г.
[3]) Тамъ-же Журн. 1837 г. февраля 25.
[4]) Тамъ-же Журн. 1836 г.
[5]) Тамъ-же Вход. 1809 г.

разсчетѣ. И самъ онъ, и его племянники строго слѣдили за этимъ. Кромѣ розничной, Павловъ велъ и крупную оптовую торговлю, усовершенствовалъ свѣчной заводъ, выстроилъ кирпичный и огромный мыльный заводъ, оборудованный по всѣмъ правиламъ тогдашней техники. Его пряники и конфекты получили громадную извѣстность и сбытъ на всемъ югѣ-Россіи, особенно славились такъ наз. царскіе пряники. Павловъ воздвигъ громадный каменный домъ на Торговой площади. „Никита Акимовичъ“ велъ крупныя торговыя дѣла съ Петербургомъ, Москвою, Одессой, Крымомъ, Таганрогомъ и др. За пожертвованія въ пользу благотворительнаго общества, тюремнаго комитета и т. п. онъ украшался соотвѣтствующими медалями, получилъ званіе почетнаго гражданина. Умеръ Павловъ въ Аахенѣ въ 1870 г. [1]). Павловы были „по старой вѣрѣ“. У нихъ было, какъ говорятъ, рѣдкое собраніе старинныхъ вещей и книгъ XVI—XVIII вв. Куда оно потомъ дѣвалось—неизвѣстно [2])

Была въ Харьковѣ и другая фамилія Павловыхъ, не купеческая, а дворянская, но также составившая себѣ крупное состояніе торговлей. Въ XVIII ст. однимъ изъ городскихъ головъ былъ коллежскій регистраторъ Александръ Павловъ. Имѣлъ ли онъ связь съ тѣми Павловыми, о которыхъ мы говоримъ,—сказать опредѣленно не можемъ. Въ первыя десятилѣтія XIX в. мы встрѣчаемъ среди крупнѣйшихъ харьковскихъ купцовъ губернскаго секретаря Андрея Павлова. Павловымъ принадлежало большое пространство земли по теченію р. Лопани, отъ Лопанскаго моста по направленію къ „Песковской улицѣ“. Усадьбу эту Павловы пріобрѣли въ 1824 г. отъ наслѣдниковъ бывшаго харьковскаго губернатора Пашкова. Въ тѣ времена, когда совершилась эта покупка, рѣка Лопань была много шире. Впослѣдствіи она обмелѣла. Павловы воспользовались этимъ и стали эксплоатировать освободившееся изъ подъ воды мѣсто въ свою пользу. А мѣсто было бойкое, ибо лежало какъ разъ въ центрѣ базарной торговли. Здѣсь они настроили лавокъ, сами торговали и отдавали въ аренду. На землѣ Павловыхъ купцами Якимовымъ и Савченкомъ была построена „шопа“, приносившая Павловымъ не малый доходъ. Женился Андрей Павловъ тоже выгодно на дочери изюмскаго помѣщика Таранова. Не смотря на богатство, Павловъ числился купцомъ 2-ой гильдіи, а въ 1828 г. попросился даже въ третью „по бѣдности“. А въ это время у него было „значительное вблизи г. Харькова имѣніе“: въ его деревняхъ числилось 80 душъ мужского пола; на базарѣ у р. Лопани было 15 каменныхъ лавокъ и 10 деревянныхъ, отдававшихся въ наемъ; у Лопанскаго моста „шопа“; въ гостинномъ ряду 4 каменныхъ лавки, гдѣ торговалъ и самъ Павловъ „на значительный капиталъ“; на Торговой площади домъ съ дворомъ; за женой его въ Изюмскомъ уѣздѣ числилось „значительное недвижимое имѣніе“, доставшееся ей отъ отца [3]).

Когда Андрей Павловъ умеръ, его дѣло продолжала его вдова. Авдотья Павлова пользовалась въ городѣ огромнымъ вліяніемъ. Сами губернаторы обращались съ ней почтительно, не какъ съ другими купцами. Съ Павловой городъ очень долго велъ процессъ за мѣсто по берегу Лопани. Въ концѣ концовъ часть его была таки отсужена городу. Въ 1837 г. во время пожара на базарѣ погорѣли и лавки Павловой.

Кузьма Никитичъ Кузинъ—богачъ-откупщикъ, начавшій свою карьеру, по разсказамъ старожиловъ, „подносчикомъ“ въ питейномъ заведеніи, а окончившій милліонеромъ и коммерціи совѣтникомъ. Кузинъ—сѣверянинъ родомъ. Состояніе составилъ на питейномъ дѣлѣ. Въ Харьковѣ Кузинъ появляется въ 1817 г., когда онъ сталъ торговать здѣсь, какъ „купецъ московскій, коммиссіонеръ рештадтскій“. Въ двадцатыхъ годахъ его состояніе умножается. Въ 1829 г. онъ уже купецъ первой гильдіи, а въ 1830 г.—коммерціи совѣтникъ, первый изъ харьковскихъ купцовъ, получившій это званіе Кузинъ, какъ откупщикъ, велъ широкое дѣло, хорошо былъ извѣстенъ въ Петербургѣ. Мѣстное начальство, въ лицѣ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, относилось къ нему почтительно, а низшее—даже подобострастно. Кромѣ откуповъ, Кузинъ занимался и золотопромышленностью: ему принадлежали пріиски въ Сибири. Кузинъ много содѣйствовалъ благоустройству и украшенію Харькова. Кузинскіе дома въ Залопанской части долгое время были наилучшими частными постройками въ Харьковѣ. Кузину принадлежало, кромѣ того, много усадебныхъ мѣстъ и домовъ и въ другихъ частяхъ города. Рождественская церковь, въ приходѣ которой жилъ Кузинъ, ему и его женѣ главнымъ образомъ обязана своимъ благолѣпіемъ. Кузинъ былъ строителемъ и благодѣтелемъ церкви

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1860 г. № 46 и 1870 г. № 94.
[2]) Харьк. Вѣд. 1879 г. № 184.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. Думы 1828 г.

на Холодногорскомъ кладбищѣ, гдѣ имъ, между прочимъ, была выстроена и церковь-усыпальница, въ которой похороненъ онъ самъ и члены его семьи. Когда нижній базаръ былъ перенесенъ на Благовѣщенскую площадь, Кузинъ, идя на встрѣчу желанію начальства, устроилъ здѣсь обширный каменный торговый рядъ, и до сихъ поръ извѣстный подъ именемъ Кузинскаго. Кузинымъ принадлежала и лучшая изъ тогдашнихъ подгородныхъ дачъ (на Кузинской улицѣ), славившаяся своимъ садоводствомъ и цвѣтоводствомъ.

Купечество да и простонародье, можно сказать, носили Кузина на рукахъ. Его выбирали въ почетныя должности—въ головы, директоры коммерческаго банка—отъ чего онъ, впрочемъ, уклонялся. Удивлялись Кузину и любили его не даромъ: кромѣ свѣтлой головы имѣлъ онъ и доброе сердце, отзывчивое на чужую нужду. Въ Харьковѣ Кузинъ считался общепризнаннымъ благодѣтелемъ. Многихъ онъ вывелъ въ люди и обогатилъ. Когда въ 1844 г. Кузинъ умеръ, проводить его на кладбище собралась двадцатитысячная толпа. Похороны были небывало торжественные. Во главѣ многочисленнаго духовенства шелъ самъ знаменитый архіепископъ Иннокентій, сказавшій надъ гробомъ Кузина слово въ похвалу благотворительности почившаго.

Женился Кузинъ еще въ молодости на простой великорусской женщинѣ, бойкой и умной. Она до выхода замужъ за Кузина, а можетъ быть, и первое время по выходѣ, ходила еще въ лаптяхъ; послѣ эти лапти хранились у нея въ дорогомъ шкафу, и она показывала ихъ своимъ знакомымъ. Кузинъ любилъ свою жену и, какъ говорили въ Харьковѣ, буквально засыпалъ ее золотомъ. Многія предпріятія Кузина велись на имя Екатерины Ипатьевны. Она напр. оффиціально считается строительницей Кузинскаго ряда. Екатерина Ипатьевна долго еще жила по смерти мужа и отличалась благотворительностью и добротой. Вообще ни одно полезное начинаніе въ городѣ не обходилось безъ участія четы Кузиныхъ, всегда приходившихъ на помощь доброму дѣлу. Оттого то и популярность ихъ въ городѣ была чрезвычайно велика.

Потомство Кузиныхъ пріумноженіемъ достатковъ не занималось. Изъ сыновей Кузьмы Никитича наиболѣе извѣстенъ Петръ Кузьмичъ и сынъ послѣдняго, недавно умершій Николай Петровичъ, человѣкъ очень уважаемый въ Харьковѣ, видный дѣятель въ области городского самоуправленія, неизмѣнно состоявшій членомъ городской думы до самаго дня его смерти.

Кузины, Карповы, Павловы прогремѣли свое время и замолкли. Ващенки шли медленно, безъ шума, но неуклонно, поколѣніе за поколѣніемъ умножая свое состояніе. Ващенки—мѣстнаго происхожденія. Выдвинулись они мыловареннымъ и салотопеннымъ дѣломъ. На этомъ поприщѣ въ началѣ XIX ст. подвизались многіе, но Ващенкамъ оно какъ то особенно удавалось. Иванъ Ващенко, не смотря на свое скромное положеніе среди гильдейскихъ купцовъ, имѣлъ уже хорошее состояніе. Въ 1808 г. онъ былъ бургомистромъ въ городовомъ магистратѣ. Ни онъ, ни его сынъ Иванъ Ивановичъ, значительно пріумножившій отцовское состояніе (числился очень долго по второй гильдіи, не смотря на крупныя дѣла), сколько нибудь замѣтной роли въ городскихъ и общественныхъ дѣлахъ не играли, предпочитая отдавать свои силы собственнымъ дѣламъ. Не видно также, чтобы и городское общество выдвинуло когда нибудь ихъ на почетныя должности. Только послѣ открытія городского банка И. И. Ващенко, вошедшій въ него въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣятелей, выдвинулся, какъ чрезвычайно способный и энергичный руководитель дѣла. Состоялъ онъ, конечно, и гласнымъ городской думы, но крупной роли здѣсь не игралъ. Сыновья И. И. Ващенка продолжаютъ торговыя дѣла своего отца. Это одна изъ самыхъ устойчивыхъ кулеческихъ фамилій въ Харьковѣ.

Мѣстнаго происхожденія были и Скрынники, отецъ и сынъ, изъ которыхъ послѣдній, Алексѣй Александровичъ, три трехлѣтія былъ городскимъ головою. Александръ Скрынникъ-отецъ, простой малороссъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность и состояніе выдѣлкою простыхъ свитъ сѣраго сукна. Онѣ такъ полюбились народу, что онъ перешачивалъ лишнюю „копу“, чтобы только имѣть скрынниковскую свиту, и шли эти свиты по всѣмъ украинскимъ ярмаркамъ. Алексѣй Александровичъ Скрынниковъ умеръ въ 1876 г. [1]).

Туземцемъ былъ и другой харьковскій богачъ.—Василій Ивановичъ Пащенко-Тряпкинъ. Уроженецъ с. Пересѣчной, онъ еще мальчикомъ попалъ въ Москву къ купцу Тряпкину, пріобрѣлъ его довѣріе, изъ приказчика превратился въ компаніона и сталъ однимъ изъ очень крупныхъ купцовъ. Съ пятидесятыхъ годовъ Пащенко-Тряпкинъ сталъ пріобрѣтать дома въ Харьковѣ. Въ 1855 г. онъ пріобрѣлъ постройки

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г. № 184.

Павловскаго по Университетской улицѣ, въ 1858 г. былъ пріобрѣтенъ отъ Карповыхъ такъ называемый Суздальскій пассажъ, затѣмъ отъ Мухина домъ, гдѣ Астраханская гостинница; затѣмъ купленъ былъ участокъ Федоренка и домъ, ранѣе принадлежавшій Расторгуеву. Въ руки Пащенка-Тряпкина перешли такимъ образомъ два крупнѣйшихъ участка въ центрѣ города площадью въ 15900 кв. саж. Въ семидесятыхъ годахъ здѣсь было 19 каменныхъ домовъ съ 210 квартирами и 57 торговыми помѣщеніями. Въ день однодневной переписи 29 апрѣля 1879 г. въ домахъ Пащенка-Тряпкина оказалось 580 обитателей, пребывающихъ здѣсь постоянно, а между тѣмъ время было не ярмарочное, и много квартиръ пустовало. Стоимость этихъ зданій опредѣлялась тогда въ 1266 тыс. руб., по крайней мѣрѣ въ этой суммѣ они были застрахованы. Строились зданія солидно и довольно красиво по планамъ и подъ надзоромъ Колодяжныхъ, отца и сына. Кромѣ того, принадлежали Пащенку-Тряпкину и другіе дома и фабрики въ разныхъ частяхъ города. Пащенко-Тряпкинъ въ Харьковѣ обыкновенно не жилъ, хотя имѣлъ здѣсь свою торговлю. Служащіе у него были большею частью земляки-пересѣчане [1]). Умеръ Пащенко-Тряпкинъ въ 1894 г., завѣщавъ свои дома городу Харькову.

Дмитрій Степановичъ Шатуновъ пришелъ на Украйну чуть не съ сумой и здѣсь составилъ крупное состояніе. „Покойный былъ—разсказываетъ его біографъ—замѣчательный оригиналъ; онъ дѣлалъ все молча: выслушивалъ васъ, принималъ товаръ, отдавалъ деньги... Но и ему должны были также подчиняться: записка на суточный расходъ, приказъ что дѣлать,—тоже на запискѣ—вручались сыну Николаю молча, и все это безпрекословно исполнялось. Умеръ Шатуновъ въ 1876 г.". Сынъ его Николай былъ послѣднимъ городскимъ головою по Положенію 1785 г.

Крупную роль въ Харьковѣ половины XIX в. играли купцы Костюрины, особенно одинъ изъ нихъ—Сергѣй Кондратьевичъ Костюринъ, бывшій городскимъ головою и на свои средства выстроившій нынѣшній домъ городского училища на Сумской улицѣ. Это былъ человѣкъ изъ той среды русскаго купечества, изъ которой Островскій бралъ свои типы героевъ „темнаго царства". Не даромъ же знаменитый драматургъ прилежно изучалъ Костюрина и два раза побывалъ у него въ Харьковѣ [2]).

Изъ купцовъ болѣе поздняго времени типичной фигурой былъ недавно умершій Никита Акимовичъ Полуехтовъ. Великоросс по происхожденію, онъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязанъ самому себѣ. Пряничникъ по спеціальности, Полуехтовъ въ 1851 г. открылъ при своемъ пряничномъ заводѣ конфектное производство и въ двадцать лѣтъ съ небольшимъ развилъ свое дѣло до огромныхъ размѣровъ. Издѣліями его фабрики продовольствовался весь Юго-Востокъ Россіи—Кавказъ, Закавказье, Ростовъ, Таганрогъ, Екатеринославъ, Кременчугъ, Николаевъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ на его фабрикѣ работало до 100 чел.; кромѣ того, до 200 женщинъ занимались на дому уборкой конфектъ. Мерефяне занимались изготовленіемъ ящиковъ для полуехтовскихъ конфектъ и пряниковъ. Въ послѣднюю турецкую войну Полуехтовъ былъ поставщикомъ квартиры главнокомандующаго и около 9 мѣсяцевъ провелъ въ Болгаріи. Въ восьмидесятыхъ годахъ Полуехтовская фирма упала благодаря конкурренціи.

Изъ конкурентовъ Полуехтова заслуживаетъ вниманія Д. К. Кромскій, также уже умершій. Кромскій конфектнымъ и пряничнымъ дѣломъ также составилъ себѣ въ Харьковѣ очень крупное состояніе. Скромный и нетребовательный по отношенію къ самому себѣ, Кромскій огромную часть своего состоянія употребилъ на благотворительность. Но это была не обычная случайная раздача нуждающимся и нищимъ, а дѣло разумно организованное. Кромскій постоянно помогалъ городскому самоуправленію своей родной Корочи (городъ Курской губ.) въ его затратахъ на благоустройство города, не мало средствъ употребилъ на устройство и поддержаніе учебныхъ заведеній и учащихся въ той же Корочѣ, завѣщалъ особый капиталъ для раздачи пособій своимъ неспособнымъ къ работѣ землякамъ и т. п.

Уже изъ приведеннаго нами списка выдающихся купеческихъ фамилій видно, что по своему происхожденію харьковское купечество, въ огромномъ большинствѣ, принадлежало къ великорусской народности. Не смотря на то, что Харьковъ издавна былъ торговымъ городомъ, и торговля составляла привычное занятіе его жителей еще въ XVII и XVIII в.в., въ торговомъ дѣлѣ мѣстное населеніе уступало мѣсто пришельцамъ изъ великорусскихъ губерній. Дегтемъ, „олією", водкой, мелкимъ крамомъ, рыбою и

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г. 174 и 184.
[2]) Харьк. Вѣд. 1879 г. № 184.

всякимъ дрибязкомъ въ Харьковѣ торговали обычно малороссы, крупныя же торговыя дѣла находились всецѣло въ рукахъ великорусскаго купечества. Изъ перечисленныхъ нами купеческихъ фамилій малороссійское происхожденіе можно установить только для немногихъ: Ващенки, Сѣриковы (Сѣрики), Скрынниковы (Скрынники), Герасименковъ, Велитченко, Решитько, Пономаренко, Пащенко-Трянкинъ и еще нѣсколько, остальные—великороссы съ незначительной примѣсью другихъ народностей. „Всѣ они—писалъ въ пятидесятыхъ годахъ о харьковскомъ купечествѣ Гапоновъ—съ весьма малымъ исключеніемъ, принадлежатъ племени великороссійскому". Тоже самое можно сказать о харьковскомъ купечествѣ и болѣе раннято, и болѣе позднято времени. При переписи 1897 г. изъ 1908 купцовъ 1257 признали себя великороссами по родному языку, а малороссовъ набралось всего 105; изъ 1677 купчихъ 1194 были великороссіянки, а малороссіянокъ оказалось только 94. Происхожденіе харьковскихъ купцовъ удостовѣряется не только фамильными прозваніями, но иногда и документальными данными. О Рыжовыхъ мы, напримѣръ, знаемъ, что они москвичи, Глушковъ—изъ Вереи, Котляровъ—изъ Курска, Коровины—изъ московскихъ мѣщанъ, Павловы изъ Коломенскаго уѣзда Московской губерніи, Ширикины—изъ мценскихъ мѣщанъ и т. п.

Едва-ли не столько-же, какъ Малороссія, давали для Харькова купцовъ Германія и Франція. Въ первую половину XIX ст. среди иностранцевъ, торговавшихъ въ Харьковѣ, преобладаніе принадлежало французамъ (Гельмъ, Саде, Бурдье, Готалье), во вторую—нѣмцамъ. Происходило это отъ того, что нѣмцы, не смотря на несомнѣнный численный перевѣсъ надъ французами, занимались ремеслами, не требовавшими выборки гильдейскихъ документовъ, тогда какъ блестящіе магазины французовъ (модные магазины, магазины брилліантовыхъ издѣлій и др.) подлежали оплатѣ гильдейскими сборами. Во вторую половину XIX в. нѣмцы среди харьковскаго купечества встрѣчались уже очень часто, во всякомъ случаѣ гораздо чаще, чѣмъ французы.

Купцы-евреи въ Александровское и Николаевское время появлялись въ Харьковѣ только временно, въ періоды ярмарокъ, да и то ихъ пріѣздъ возбуждалъ постоянные протесты со стороны харьковскаго купечества. Въ число постоянныхъ харьковскихъ купцовъ евреи начали попадать только въ пореформенное время. Въ 1897 г. въ числѣ харьковскаго купечества было уже 399 м. и 279 ж. евреевъ.

Купеческія фамиліи въ Харьковѣ не отличались устойчивостью. Обычно, сыновья рѣдко продолжали торговое дѣло своихъ отцовъ, а внуки и еще рѣже. Купеческіе потомки въ большинствѣ случаевъ расточали пріобрѣтенное ихъ родителями, послѣ чего и совсѣмъ выходили изъ состава купеческаго сословія. Многіе, случалось, и продолжали торговлю, но уже съ ничтожнымъ капиталомъ, при которомъ не было возможности платить гильдію. Обѣдпѣніе вызывало переходъ очень многихъ купцовъ въ мѣщане.

Рѣдѣли ряды богатаго купечества и отъ выхода купеческихъ сыновей въ высшія сословія. Путь, при помощи котораго совершался этотъ выходъ,—образованіе. Сыновья купца П. Бѣляева вышли изъ купеческаго сословія, попавъ въ университетъ (1820 г.) [1]; сынъ Спасскаго Николай выходитъ изъ сословія благодаря тому-же университету [2]; сынъ Урюпина Павелъ, дѣйствительный студентъ, попадаетъ въ учебное вѣдомство, а потомъ въ губернаторскую канцелярію [3]; сыновей Криворотова находимъ въ 40-хъ годахъ на службѣ въ Петербургѣ: одинъ былъ коллежскимъ совѣтникомъ, а другой коллежскимъ асессоромъ [4]; сына именитаго купца Курюмова въ 1810 г. видимъ титулярнымъ совѣтникомъ и учителемъ губернской гимназіи [5]; сыновья первогильдейца Щелкова оставляютъ отцовское дѣло и переходятъ одинъ въ профессора, другой въ чиновники; потомокъ богача Ѳедота Карпова дѣлается штабсъ-капитаномъ; внукъ Кузьмы Кузина служитъ въ кавалеріи; сынъ Матвѣя Тамбовцева превращается въ чиновника одного изъ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ и т. д. и т. д.

Созданіе въ Николаевское время новаго городского сословія—почетнаго гражданства, имѣвшее цѣлью поощрить „людей средняго рода" въ ихъ торгово-промышленныхъ занятіяхъ и создать, такъ сказать, крупную буржуазію, въ дѣйствительности только содѣйствовало болѣе легкому переходу купечества изъ лавки въ эскадронъ или за канцелярскій столъ: если для купеческаго сына требовалось солидное образованіе

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1820 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1841 г.
[5]) Арх. Губ. Пр., Дѣла. 1810 г.

для того, чтобы „выйти въ дворяне", то для почетнаго гражданина такой переходъ былъ совсѣмъ не труденъ: аттестатъ уѣзднаго училища открывалъ передъ нимъ двери канцеляріи, а „домашняго образованія" было вполнѣ довольно для командованія эскадрономъ.

На смѣну разорившимся и выбывшимъ изъ сословія являлись новые. Частью это были люди пришлые, переселившіеся въ Харьковъ изъ другихъ городовъ (иногда такія переселенія были, если можно такъ выразиться, массовыми: послѣ холеры напр. 1830 г. въ Харьковѣ осталось на постоянное жительство много иногородныхъ купцовъ, раньше являвшихся сюда только на время ярмарокъ), частью бывшіе приказчики харьковскихъ же купцовъ. Случаевъ превращенія приказчиковъ въ купцовъ было очень много. По свидѣтельству Гапонова, въ пятидесятыхъ годахъ харьковскіе купцы, почти всѣ, не исключая богачей, или сами, или не далѣе, какъ отцы ихъ, начали карьеру съ лавочныхъ мальчиковъ, послѣ были приказчиками, а потомъ кое съ чѣмъ завели торговыя дѣла [1]).

Почетные граждане впервые появились въ Харьковѣ въ тридцатыхъ годахъ, тотчасъ же послѣ введенія закона о почетномъ гражданствѣ. Вначалѣ почетные граждане были рѣдкимъ исключеніемъ, впослѣдствіи число представителей этого сословія стало довольно значительнымъ. Вотъ цифры за разные годы XIX в.

ГОДЫ	Потомствен. почетн. граждане		Личные почетн. граждане		Всего	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1837	2	2	—	—	2	2
1840	2	2	—	—	2	2
1842	—	—	—	—	26	14
1844	—	—	—	—	10	8
1846	—	—	—	—	15	17
1849	—	—	—	—	18	24
1856	—	—	—	—	42	40
1862	77	89	31	32	108	121
1864	89	111	52	55	141	163
1866	254	230	144	130	398	360
1877	115	135	125	200	240	335
1880	321	390	536	495	857	855
1881	688	713	767	722	1455	1435
1882	815	887	925	1073	1840	1960
1887	1195	1089	1278	1515	2473	2604
1888	1243	1111	1285	1524	2528	2635
1889	1324	1200	1415	1681	2739	2881
1892	1750	1450	1740	1720	3490	3170
1897	—	—	—	—	2007	1673
1898	1400	1300	1100	1320	2500	2620
1899	1853	1875	2062	1984	3915	3859
1900	1861	1889	2071	1903	3932	3792
1901	1891	1797	2091	1943	3982	3740
1904	1872	1799	2452	1987	4324	3786

Вначалѣ почетное гражданство составлялось почти исключительно изъ купечества, которое усердно стремилось къ пріобрѣтенію этого званія. Какъ извѣстно, для того, чтобы стать почетнымъ гражданиномъ, законъ требовалъ отъ купца, чтобы онъ 10 лѣтъ безъ перерыва выбиралъ гильдейское свидѣтельство по первой гильдіи или двадцать — по второй. И харьковскіе купцы, по разсказу Турбина, охотно переходили изъ второй гильдіи въ первую и тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы только сократить срокъ полученія вожделѣннаго званія почетнаго гражданина. Побуждало ихъ къ этому не одно честолюбіе, но и болѣе серьезное стремленіе — желаніе обезпечить себѣ и своему потомству болѣе устойчивое правовое положеніе. Купецъ пользовался выгодами купеческаго званія только до тѣхъ поръ, пока платилъ гильдейскія пошлины. Обѣд-

[1]) Историко-статистическое обозрѣніе г. Харькова. Рукопись. Листъ 34.

нѣвшій купецъ долженъ былъ перечислиться въ мѣщане, т. е. подвергнуться всѣмъ непріятностямъ, соединеннымъ съ правовымъ положеніемъ, точнѣе безправіемъ податныхъ сословій. Пріобрѣтая званіе почетнаго гражданина, купецъ не только поднимался въ общественномъ положеніи, но и получалъ прочную увѣренность, что никакія уже превратности фортуны не грозятъ ему больше низверженіемъ въ безправную „подлость“. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы званіе почетнаго гражданина получило въ глазахъ купечества особенную заманчивость. Почетнаго гражданства болѣе или менѣе поздно достигали почти всѣ выдающіеся купцы Харькова. Въ Николаевское время почетныхъ гражданъ было все таки не много: въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ не болѣе четырехъ десятковъ. Въ это время почетное гражданство представляло классъ самый богатый и вліятельный въ городѣ. Хотя на это званіе имѣли право (съ 1844 г.) претендовать низшіе разряды канцелярскихъ чиновниковъ, питомцы нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, лица низшихъ сословій, получившія университетскій дипломъ, тѣмъ не менѣе въ Харьковѣ почетное гражданство состояло почти исключительно изъ купцовъ. Съ реформами Александровскаго времени въ почетное гражданство проникаетъ чисто пролетарскій элементъ: сыновья мелкихъ чиновниковъ, поповичи и дономарскія дѣти, вахтеры присутственныхъ мѣстъ и пр. и пр. Численность почетнаго гражданства сильно увеличивается: въ 1856 г. ихъ было человѣкъ сорокъ, а черезъ 10 лѣтъ, въ 1866 ,—въ десять разъ больше. Въ началѣ XX в. всѣхъ почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ, обоего пола было въ Харьковѣ уже около 8 тыс. чел. Не смотря на сильное разрѣженіе почетнаго гражданства пролетарскимъ элементомъ, отнявшимъ у этого званія его былое значеніе, не смотря на улучшеніе правового положенія мѣщанства, переставшаго уже казаться столь унизительнымъ для людей, надѣленныхъ привелегіями высшаго состоянія, стремленіе къ полученію почетнаго гражданства не ослабѣло въ купечествѣ и до нашихъ дней.

Дворянъ въ старомъ Харьковѣ было не много. Въ началѣ XIX ст. всѣхъ дворянъ, „дѣйствительныхъ“ (потомственныхъ) и личныхъ, насчитывалось 24 м. и 17 ж Изъ харьковскихъ дворянъ начала XIX ст., жившихъ въ самомъ городѣ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ его, извѣстны: д. с. с. В. И. Крамаренко, подполковникъ А. Д. Норовъ (сынъ губернатора Екатерининскаго времени), ст. совѣтница Сабурова, к. а. И. Драгомировъ, поднор. Ф. А. Грековъ, с. Е. Т. Холодовскій, Я. П. Гуковскій, П. Моренко, Г. Г. Полтавцевъ, Н. З. Фесенкова, М. С. Млодзинскій, Е. Г. Пономаревъ, Б. В. Лопатинскій, Н. С. Павлова, С. Башинскій, Ф. Квитка, Е. Барабашевъ, Н. Ольшанскій, Ив. Сребдольскій, А. Щербининъ, Дьяконова, Е. Хлоповъ, Е. Маицкій, Хр. Правицкая, М. Гринченкова, А. Острогорскій, Ив. Шишкинъ, Т. Янковскій, А. Витинскій, „кадетъ“ В. Логачевъ, Ив. Будянскій, І. Запара, Ф. Шишкинъ. Имѣнія этихъ дворянъ находились въ дачѣ, отведенной войсковымъ обывателямъ Харькова, ибо многіе выслужились изъ тѣхъ же обывателей [1]). По подсчету, сдѣланному при составленіи „Обозрѣнія Слободско-Украинской губерніи“ въ 1817 г., оказалось всѣхъ дворянъ мужскаго пола, потомственныхъ и личныхъ, въ Харьковѣ 200 [2]). Въ 1837 г., по свѣдѣніямъ Милютина, дворянъ потомственныхъ и личныхъ въ Харьковѣ было 658 м. и 459 ж. Въ огромномъ большинствѣ это было служилое дворянство: изъ 658 мужчинъ 414 состояли на гражданской службѣ въ разныхъ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ да 33 на военной въ офицерскихъ чинахъ. Въ то время, какъ писалъ Милютинъ, очень много дворянъ жило въ Харьковѣ для образованія дѣтей въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Цифры, приведенныя Милютинымъ, буквально повторяются и въ „Таблицахъ“ 1840 г. Въ 1846 г., по свѣдѣніямъ Мочульскаго, въ Харьковѣ было дворянъ 549 м. и 590 ж. да чиновниковъ 527 м. и 536 ж. Въ концѣ дореформеннаго періода, въ 1856 г., потомственныхъ дворянъ, по свѣдѣніямъ Ганонова, было 577 м. и 569 ж., т. е. почти столько же, сколько и въ 1846 г., но зато сильно возросло число личныхъ дворянъ: теперь ихъ было 1478 м. и 1446 ж.

Какъ извѣстно, „воля“ и послѣдовавшее затѣмъ „оскудѣніе“ вызвали усиленное переселеніе дворянъ изъ деревень въ большіе города: кто являлся искать „мѣстечка“, кто—для того, чтобы получше прожить „выкупные“, а кто—чтобы не видѣть опостылѣвшей деревни. Оказался наплывъ дворянъ и въ Харьковѣ: въ 1864 г. всѣхъ дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, было въ Харьковѣ уже болѣе $6\frac{1}{2}$ тыс.: 3825 м. и 3373 ж.; въ 1866 г. однихъ потомственныхъ дворянъ было 2409 м. и 1953 ж. Росло вмѣстѣ съ тѣмъ и число личныхъ дворянъ: ихъ было 1643 м. и 1569 ж. Въ 1867 г. всѣхъ, дворянъ, потомственныхъ и

[1]) Военно-учен. архивъ Главн. Штаба. Отд. V. № 471.

[2]) Тамъ-же Отд. V. № 475.

личныхъ, было въ Харьковѣ 4050 м. и 3515 ж. Въ 1875 г. потомственныхъ дворянъ было 1627 м. и 1498 ж., личныхъ дворянъ—1722 м. и 1978 ж. Въ 1877 г., число потомственныхъ дворянъ почему то сократилось, а число личныхъ продолжало расти: первыхъ было 1460 м. и 1540 ж., а вторыхъ 1930 м. и 1990 ж.; въ 1880 г. потомственныхъ дворянъ было 1926 м. и 1883 ж., а личныхъ 2208 м. 2337 ж.

Восьмидесятые и девяностые годы ознаменовались реформами, давшими возможность дворянству „спокойно жить въ своихъ деревняхъ". Но процессъ „оскудѣнія" все же пріостановить не удалось, а потому не прекращался и отливъ дворянъ изъ деревень въ города. Какъ замѣтно отразилось это на увеличеніи численности дворянства въ Харьковѣ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ цифры.

ГОДЫ	Дворянъ потомственныхъ		Дворянъ личныхъ	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1882	2400	2362	2938	3162
1887	2676	2585	3194	3117
1888	2714	2627	3258	3158
1897	4184	4791	3736	3979
1898	2600	2508	2500	230 (?)
1899	2970	3152	4385	4115
1900	2980	3165	4405	4129
1901	2941	3189	4459	4142
1904	3011	3912	4267	3870

Чтобы нагляднѣе уяснить себѣ процессъ постепеннаго осѣданія дворянства въ Харьковѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его численное значеніе въ средѣ городского населенія, вычислимъ, на основаніи приведенныхъ цифръ, процентное отношеніе дворянства ко всей массѣ городского населенія. Оказывается, что

ГОДЫ	Процентное отношеніе дворянства ко всему городскому населенію		
	Для дворянъ потомственныхъ	Для дворянъ личныхъ	Для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ
1802	—	—	0,41
1817	—	—	2,5
1834	—	—	4,8
1846	2,7	4	6,7
1856	3,3	8,1	11,4
1866	7,2	5,2	12,4
1877	3,5	4,8	8,3
1887	2,2	11,4	13,6
1897	5,7	7,4	13,1
1904	3,3	4	7,3

Съ сороковыхъ годовъ, отъ которыхъ у насъ остались точныя цифры для дворянъ потомственныхъ и личныхъ, замѣчаемъ постоянное численное превалированіе личныхъ надъ потомственными. Къ концу дореформеннаго періода ихъ уже почти въ три раза больше, чѣмъ дворянъ потомственныхъ, а затѣмъ во всѣ послѣдующія десятилѣтія, кромѣ шестидесятыхъ годовъ, личныхъ дворянъ въ Харьковѣ было всегда больше, чѣмъ потомственныхъ. Оно и понятно: въ Александровское и первые годы Николаевскаго царствованія потомственное дворянство пріобрѣталось невысокимъ чиномъ коллежскаго ассессора. Чиновникъ, получившій этотъ чинъ и къ этому времени успѣвшій уже скопотить капиталецъ отъ служебныхъ „доходовъ", рѣдко оставался въ городѣ, а спѣшилъ пріобрѣсти деревеньку, чтобы въ ней реализировать полученныя привилегіи. Въ Николаевское царствованіе чинъ для выслуги дворянства былъ повышенъ, число выслужившихся чиновниковъ сократилось, сократился поэтому и отливъ ихъ въ благопріобрѣтенныя деревеньки.

Послѣ „воли“ и постановки еще большихъ препонъ къ проникновенію чиновничества въ дворянское сословіе число личныхъ дворянъ еще больше умножилось. Съ реформами Александровскаго царствованія „доходы“ чиновниковъ сильно упали, такъ что мечтать о пріобрѣтеніи запустѣвшихъ дворянскихъ „Монрепо“ съ цѣлью мирнаго отдохновенія подъ старость уже не приходилось. И личнымъ дворянамъ пришлось и послѣ выхода въ отставку оставаться въ городѣ. Число ихъ росло и продолжаетъ расти, ибо маленькій чинъ, требуемый для пріобрѣтенія личнаго дворянства, съ каждымъ годомъ вводитъ въ это своеобразное „сословіе“ все новыхъ и новыхъ членовъ, пріобрѣтающихъ честь платить дворянскіе налоги и повинности, но безъ дворянскихъ правъ и привилегій. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій классъ личныхъ дворянъ, по самому происхожденію своему городской, сталъ классомъ чисто городскимъ и въ дѣйствительности, ибо личному дворянину теперь изъ города некуда уйти.

Гораздо интереснѣе было бы прослѣдить за осѣданіемъ въ городѣ дворянства потомственнаго, какъ класса землевладѣльческаго, по природѣ какъ будто бы не городского, а деревенскаго. Но дѣло въ томъ, что и этотъ классъ является у насъ служилымъ, а значитъ и большее или меньшее присутствіе его въ городѣ можетъ легко находить объясненіе не въ общихъ соціально-экономическихъ причинахъ, а въ чисто случайныхъ условіяхъ службы, подъ вліяніемъ которыхъ въ городѣ сегодня внезапно можетъ оказаться гораздо большее число чиновниковъ-дворянъ, чѣмъ было вчера. Въ общемъ изъ абсолютныхъ цифръ все таки можно замѣтить постепенное возрастаніе числа потомственныхъ дворянъ въ Харьковѣ, но далеко не въ мѣру роста населенія вообще. Этимъ объясняются и колебанія въ цифрахъ, показывающихъ процентное отношеніе потомственнаго дворянства ко всему населенію города

Харьковъ издавна игралъ роль военнаго центра, а потому и представителей военнаго сословія въ немъ всегда было много. Мы не знаемъ, сколько именно войскъ квартировало въ Харьковѣ въ первыя десятилѣтія XIX в., но знаемъ, что для тогдашняго Харькова много, ибо на тяжесть постойной повинности харьковцы постоянно жаловались. Вотъ свѣдѣнія о численности военныхъ въ Харьковѣ за разные годы XIX в., начиная съ 1837 г.

ГОДЫ	Офицеры		Нижніе чины		Кантонисты	Отставные		Безсрочно отпускные		Запасные		Солд. жены и дѣти	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1837	33	18	2124	374	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1846	33	46	1451	895	—	—	—	3 офиц., 109 с.	125	—	—	—	—
1856	—	—	2975	—	475	658	973	111	—	—	—	—	—
1875	—	—	2921	—	—	—	—	—	—	1792	—	—	—
1880	—	—	3105	—	—	—	—	—	—	2033	—	2033	2726
1882	—	—	2780	—	—	—	—	—	—	5002	286	—	—
1887	—	—	3369	—	—	—	—	—	—	4482	2597	1624	3980
1888	—	—	2714	—	—	2721	—	—	—	4857	—	1549	4025
1889	—	—	3746	—	—	2729	—	—	—	4585	—	1626	4105
1897	—	—	8340	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1901	—	—	—	—	—	2392	—	—	—	7315	—	267	320
1904	—	—	7850	—	—	3176	—	—	—	3224	—	3237	4962

Изъ перечисленныхъ здѣсь рубрикъ главное вниманіе должно быть обращено на графы съ цифрами офицеровъ и нижнихъ чиновъ, такъ какъ онѣ показываютъ численность дѣйствующихъ войскъ, стоявшихъ на квартирахъ въ Харьковѣ. Въ дореформенное время въ качествѣ дѣйствительно военно-служащихъ могли разсматриваться еще и кантонисты. Безсрочно-отпускные, отставные, а послѣ введенія всеобщей воинской повинности – запасные, а тѣмъ паче солдатскія жены и дѣти военными, конечно, сочтены быть не могутъ. Положимъ, что отставные и безсрочно-отпускные дореформеннаго періода причислялись все таки къ военному сословію, что же касается нынѣшнихъ запасныхъ, то каждый изъ нихъ, по окончаніи срока службы, возвращается въ то сословіе, изъ котораго поступилъ на военную службу. Къ сожалѣнію, наша оффиціальная статистика и до сихъ поръ зачисляетъ и отставныхъ, и запасныхъ, и даже изъ женъ и дѣтей какъ бы въ

военное сословіе. Не имѣя данныхъ для распредѣленія этихъ людей по сословнымъ группамъ (большая часть, конечно, крестьяне), поневолѣ должны и мы показывать эти категоріи мирныхъ обывателей Харькова въ числѣ воиновъ.

Духовенство въ Харьковѣ никогда не представляло особенно замѣтной по численности группы. Въ исторіи харьковскаго, какъ и всего вообще русскаго православнаго духовенства, нужно различать два періода: первый, до конца шестидесятыхъ годовъ, когда существовало духовное сословіе, къ составу котораго принадлежали не только священно, но и церковно-служители (дьячки. пономари) со всѣмъ ихъ мужскимъ и женскимъ потомствомъ, и второй — когда духовное сословіе исчезло, а осталось только духовенство, какъ профессіональная группа. Само собою понятно, что послѣ этого численность этой группы стала далеко меньше, чѣмъ была до реформы. Другое обстоятельство, которое также нужно имѣть въ виду,—это полное почти отсутствіе въ Харьковѣ чернаго духовенства, ибо Харьковскій Покровскій монастырь въ XIX в.—уже не монастырь, а только архіерейскій домъ, при которомъ состоитъ нѣсколько монаховъ для отправленія очередныхъ службъ. Монахини въ Харьковѣ только случайныя гостьи, попадающія сюда для сбора милостыни или для леченія; ихъ поэтому еще меньше, чѣмъ монаховъ. Что касается духовенства инославныхъ исповѣданій, то численность его совершенно ничтожна.

Вотъ цифровыя данныя о численности харьковскаго духовенства за разные годы изучаемаго нами періода:

1802 г. штатныхъ 38 муж. п. и 40 жен., заштатныхъ 44 муж. п. и 50 жен.
1817 г. всего 126 муж. п.
1837 г. всего 273 муж. п. и 159 жен. п.
1846 г. бѣлаго 177 муж. п. и 206 жен., чернаго 8 муж. п.
1856 „ „ 304 „ „ „ 304 „ „ 2 „ „
1864 „ „ 804 „ „ „ 317 „ „ 29 „ „
1866 „ „ 1056 „ „ „ 484 „ „ 52 муж. п. и 1 жен.
1867 „ „ 1052 „ „ „ 484 „ „ 39 „ „ „ 4 „
1875 „ „ 165 „ „ „ 432 „
1877 „ „ 170 „ „ „ 325 „ „ 55 „ „ „ 2 „
1880 „ „ 167 „ „ „ 297 „ „ 40 „ „ „ 9 „
1882 „ „ 132 „ „ „ 125 „ „ 50 „ „ „ 6 „
1887 „ „ 239 „ „ „ 279 „ „ 64 „ „ „ 6 „
1888 „ „ 242 „ „ „ 274 „ „ 65 „ „ „ 7 „
1889 „ „ 209 „ „ „ 239 „ „ 65 „ „ „ 11 „
1897 всѣхъ христ. исп. 914 муж. п. и 1000 жен.
1898 „ бѣлаго 280 муж. п. и 403 жен., чернаго 46 „ „ „ 10 „
1899 „ „ 280 „ „ „ 420 „ „ 45 „ „ „ 10 „
1900 „ „ 286 „ „ „ 430 „ „ 46 „ „ „ 10 „
1904 „ „ 212 „ „ „ 448 „ „ 48 „ „ „ 33 „

О выдающихся представителяхъ харьковскаго духовенства, какъ и харьковскаго дворянства, мы здѣсь упоминать не будемъ, такъ какъ о нихъ намъ придется еще говорить въ послѣдующемъ изложеніи. Не упоминаемъ также и о болѣе мелкихъ сословныхъ группахъ, входившихъ въ составъ населенія Харькова, каковы вольноотпущенные стараго времени, конюшенные служителя, лица, не приписанныя ни къ какому обществу и др. Не останавливаемся и надъ статистическими данными, характеризующими нравственное состояніе харьковцевъ, напримѣръ надъ ихъ группировкой по вѣроисповѣданіямъ или по образовательному цензу, такъ какъ обо всемъ этомъ намъ придется еще говорить въ слѣдующихъ главахъ этой книги. Здѣсь мы только остановимся надъ кое-какими общими итогами процесса роста, движенія и соціально-экономической эволюціи населенія Харькова для того, чтобы по нимъ попытаться представить себѣ возможныя перспективы для будущаго.

Населеніе Харькова растетъ чрезвычайно быстро, растетъ преимущественно на счетъ иммиграціи извнѣ. Главную массу приплаго населенія давало до сихъ поръ деревенское крестьянство. Особенно усилилась иммиграція въ послѣднія десятилѣтія, послѣ „воли“ и обнаружившагося вскорѣ затѣмъ мало-

земелья. Чѣмъ свободнѣе крестьянство въ правѣ располагать своей судьбой и чѣмъ бѣднѣе оно, тѣмъ больше склонно оно стремиться изъ деревни въ городъ. Въ виду этого ростъ городовъ вообще и Харькова въ частности тѣсно связанъ съ раскрѣпощеніемъ крестьянства и разрѣшеніемъ земельнаго вопроса. Что касается раскрѣпощенія, то въ одномъ отношеніи крестьянское законодательство наканунѣ того, чтобы сказать свое послѣднее слово. Зависимость отъ „міра“ почти уничтожена, зависимость отъ главы семьи фактически тоже сведена на нѣтъ. Земельный вопросъ, судя по всему, едва-ли будетъ рѣшенъ въ смыслѣ созданія для массы крестьянства такихъ условій, которыя бы уменьшили нынѣшнюю иммиграцію ихъ въ города. Скорѣе на оборотъ. Переходъ отъ общиннаго хозяйства къ личному землевладѣнію можетъ повести къ еще большей пролетаризаціи деревенскихъ массъ, для которыхъ представятся два выхода: остаться въ деревнѣ въ качествѣ батраковъ у „хозяйственныхъ мужичковъ“, съумѣвшихъ превратиться въ маленькихъ помѣщиковъ, или идти въ городъ. Такимъ образомъ Харькову приходится ожидать въ ближайшемъ будущемъ еще большаго наплыва пришельцевъ изъ деревни, чѣмъ сколько ихъ является теперь. Процессъ, конечно, обѣщаетъ быть длительнымъ, а ежегодные притоки новыхъ пришельцевъ—гораздо болѣе интенсивными, чѣмъ до сихъ поръ.

Для новыхъ людей потребуются занятія. Что же можетъ имъ дать Харьковъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы дать только при наличности точныхъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи производительныхъ силъ городского населенія, а между тѣмъ мы располагаемъ только данными, для которыхъ истекла уже десятилѣтняя давность. Усилилась ли, или умалилась съ тѣхъ поръ харьковская торговля, процвѣли или увяли ремесла и художества, расширилось или сократилось фабрично-заводское дѣло,—всѣ эти данныя, остающіяся теперь вопросами безъ отвѣта, и должны бы быть положены въ основу для предположеній о будущемъ. Если допустить, что соотношеніе мѣстныхъ производительныхъ силъ осталось старое, такое же, какимъ было въ 1897 г., то слѣдовало бы заключить, что новые кадры будущихъ городскихъ жителей должны бы найти примѣненіе своей трудоспособности главнымъ образомъ въ области развивающейся у насъ, если вѣрить цифрамъ переписи 1897 г., обрабатывающей промышленности. Но прежде чѣмъ перейти въ разрядъ промышленныхъ рабочихъ, пришельцамъ изъ деревни, только что оторваннымъ отъ сохи, придется, вѣроятно, обратиться къ болѣе простымъ занятіямъ. Нужно ожидать поэтому значительнаго пополненія и безъ того переполненной общественной группы, которую статистики 1897 г. отнесли въ рубрику подъ титуломъ „дѣятельность и служба частная:“ должны, очевидно, усилиться кадры чернорабочихъ и домашней прислуги. А между тѣмъ и теперь этотъ рынокъ переполненъ предложеніемъ, а спросъ съ теченіемъ времени, въ силу стѣсненнаго экономическаго положенія самихъ нанимателей, долженъ сократиться, какъ сократился онъ въ городахъ Западной Европы. Если такъ, то очень можетъ быть, что въ ближайшемъ будущемъ Харькову предстоитъ испытать всѣ неудобства, связанныя съ накопленіемъ въ городѣ безработнаго некультурнаго пролетаріата. До сихъ поръ пришельцы изъ деревни были и остаются подвижнымъ, временнымъ элементомъ городского населенія, но потомъ, когда имъ будетъ „некуда идти“, они поневолѣ превратятся въ элементъ постоянный, непрестанно пополняющійся новыми выходцами. Безработица при такихъ условіяхъ станетъ болѣе страшной, чѣмъ до сихъ поръ, когда при недостаткѣ кормовъ въ городѣ населеніе имѣетъ еще возможность кое какъ прокормиться въ родной деревнѣ. Серьезность этого явленія должна будетъ заставить принять мѣры если не къ ея предотвращенію, что для города, какъ бы онъ ни былъ силенъ, конечно, не по силамъ, то къ возможному ослабленію. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что такой же кризисъ можетъ грозить и тѣмъ элементамъ городского населенія, которые отдали свои силы торговлѣ и промышленности, ибо врядъ ли можно ожидать, что обѣднѣніе и расточеніе деревни повысятъ ея покупательную способность.

Усиленный притокъ деревни въ городъ долженъ, конечно, отразиться не только на экономической, но и на духовной жизни города въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Некультурные элементы, проникая въ большомъ количествѣ, несомнѣнно, должны будутъ разрѣдить культурный слой горожанъ и внести съ собою въ городъ свою деревенскую первобытность, а это неминуемо должно отразиться и на жилищахъ, и на образѣ жизни и нравахъ, и на городскомъ благоустройствѣ, особенно если пришельцамъ будетъ предоставлена возможность не только посредственно, но и непосредственно вліять на него. Конечно, ассимилировать культурнаго горожанина они будутъ не въ состояніи, но зато тѣмъ рѣзче скажется различіе между ними, и тѣмъ больше будетъ мѣста для классовой борьбы и классовой непріязни. Сглаживать и умѣрять эту раз-

ницу соціальнаго и экономическаго положенія можетъ только образованіе,—общее и особенно профессіональное, и на немъ теперь уже должно сосредоточиться вниманіе государства и общества.

Пополнялся до сихъ поръ составъ населенія Харькова и другого рода пришельцами—учащеюся молодежью. Нѣтъ сомнѣнія, будетъ онъ пополняться ею и впредь. Какъ ни туго пріобщается у насъ населеніе къ наукѣ, но изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что съ годами число учащихся въ Харьковѣ растетъ и растетъ. Недавній короткій опытъ болѣе свободнаго состоянія школы показалъ, что уже и при теперешнихъ условіяхъ наплывъ учащихся оказался небывало великъ, настолько великъ, что для него не хватило помѣщенія ни въ высшей, ни въ среднихъ школахъ. Чтобы поддержать это теченіе, несомнѣнно выгодное для города, Харькову необходимо озаботиться по крайней мѣрѣ хоть тѣмъ, что отъ всего зависитъ,—увеличеніемъ числа среднихъ учебныхъ заведеній.

То, выражаясь высокимъ слогомъ, colluvium gentium, которое зовется Харьковомъ, составляется преимущественно двумя главными теченіями: одно несетъ въ Харьковъ людей, ищущихъ заработка въ его торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, другое—людей, ищущихъ свѣта знанія въ его учебныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ. Такъ, судя по всему, будетъ и дальше, только въ болѣе сильныхъ размѣрахъ. И для Харькова необходимо, чтобы и тѣ, и другіе нашли въ немъ то, чего ищутъ. Съ этимъ связана его будущность.

Глава 5-я.

Харьковъ, какъ административный центръ.

Заурядный административный центръ степной губерніи—такимъ засталъ Харьковъ XIX вѣкъ. Были въ немъ всѣ тѣ присутственныя мѣста и должностныя лица, какія полагались по штатамъ въ каждомъ губернскомъ городѣ. Былъ губернаторъ, губернское правленіе, казенная, уголовная и гражданская палаты, архіерей и консисторія. Дальше предѣловъ своей губерніи вліяніе всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ и учрежденій не простиралось. Такъ, однако, продолжалось не долго. Открытіе въ Харьковѣ университета и управленія учебнаго округа сразу сдѣлали Харьковъ центромъ, изъ котораго стало исходить руководительство жизнью просвѣтительныхъ учрежденій всей „полуденной Россіи“. Отъ Харькова стала зависѣть судьба всѣхъ крупныхъ и мелкихъ дѣятелей на нивѣ народнаго просвѣщенія, начиная отъ директоровъ училищъ и кончая послѣднимъ учителемъ приходской школы; отъ него же въ значительной мѣрѣ зависѣла и школьная карьера учащихся и связанные съ нею интересы ихъ родителей. А когда вскорѣ затѣмъ университетскій дипломъ сдѣлался conditio sine qua non полученія ассессорскаго чина, отъ Харькова почувствовали свою зависимость и всѣ чиновники „полуденной Россіи“, которымъ только Харьковъ могъ дать патентъ на вожделѣнный чинъ и связанное съ нимъ дворянское достоинство, соединенное съ владѣніемъ крѣпостными душами. Значеніе Харькова, какъ административнаго центра, выросло по сравненію съ прежнимъ очень замѣтно.

Прошло тридцать лѣтъ, и вотъ, по странной ироніи судьбы, часто заставляющей руководителей русской государственной жизни дѣлать сегодня какъ разъ то, что торжественно осуждено вчера,—Харьковъ, безъ всякой видимой къ тому надобности, сдѣланъ административнымъ центромъ для трехъ малороссійскихъ губерній. Въ Харьковѣ установлена резиденція генералъ-губернатора, объединившаго въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія обширнымъ краемъ, заключавшимъ въ себѣ губерніи Харьковскую, Черниговскую и Полтавскую. Харьковъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ столицею для этого края, тѣмъ центромъ, отъ котораго зависѣли и горести, и радости командующихъ чиновниковъ и подкомандныго имъ населенія. Вѣдь это изъ Харькова исходило назначеніе городничаго куда-нибудь въ Золотоношу, а городничій могъ быть и счастьемъ, и божескимъ наказаніемъ для ввѣреннаго ему города. Вѣдь это отъ Харькова зависѣло обездолить Ромны и осчастливить Полтаву, перенеся средоточіе торговой жизни съ сѣвера Полтавской губерніи въ ея центръ.

Административной столицей для трехъ малороссійскихъ губерній Харьковъ пересталъ быть только въ 1856 г., наканунѣ эпохи великихъ реформъ. Шестидесятые годы ознаменовались ломкой и перестройкой старыхъ, Екатерининскихъ еще, губернскихъ учрежденій и постройкой новыхъ. Въ Харьковѣ заводилось все то же, что въ то время заводилось и во всѣхъ другихъ губернскихъ городахъ. Но многолѣтняя административная роль Харькова и его культурное и экономическое значеніе и теперь выдвинули его изъ ряда другихъ губернскихъ городовъ русскаго юга. Когда на очередь сталъ вопросъ о выборѣ пункта для помѣщенія такихъ новыхъ учрежденій, которыя должны были обслуживать не одну губернію, а нѣсколько, Харьковъ былъ признанъ самымъ подходящимъ для этого пунктомъ. И въ Харьковѣ учреждается судебная палата, ставшая высшимъ судебнымъ органомъ для губерній Харьковской, Курской, Воронежской, Орловской и прилегающихъ частей Екатеринославской и Тамбовской. Наконецъ, въ Харьковѣ помѣстилось и новоучрежденное военно-окружное управленіе. Пѣхота, артиллерія, кавалерія, военные инженеры, военные врачи и фельдшера, интенданты, разбросанные по городамъ и селамъ этихъ губерній,—всѣ они управлялись изъ Харькова, контролировались и судились, въ случаѣ провинностей, въ Харь-

ковѣ, въ его военно-окружномъ судѣ. Значеніе Харькова еще болѣе усугубляется, когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ командиры Харьковскаго военнаго округа пріобрѣтаютъ, въ качествѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ, чрезвычайныя полномочія и по отношенію ко всему населенію губерній, входящихъ въ составъ округа.

Въ восьмидесятыхъ годахъ военно-окружное управленіе было въ Харьковѣ упразднено, и въ военно-административномъ отношеніи за Харьковомъ осталось только значеніе мѣста пребыванія штаба X армейскаго корпуса. Сократилась немного, въ началѣ уже XX в., и судебное значеніе Харькова, такъ какъ нѣкоторая часть территоріи, тянувшая прежде судомъ къ Харькову, перешла въ подсудность новоучрежденной Новочеркасской судебной палаты. Но за то Харьковъ сдѣлался какъ бы своеобразнымъ административнымъ центромъ всей южной горной промышленности, ибо въ немъ засѣдаютъ съѣзды горнопромышленниковъ и дѣйствуетъ ихъ постоянное учрежденіе—совѣтъ съѣздовъ. Значеніе административнаго центра пріобрѣлъ Харьковъ и для многихъ тысячъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, зависящихъ отъ Харькова, какъ мѣста пребыванія центральнаго управленія Южныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Таковыя главные моменты въ исторіи Харькова, какъ административнаго центра. Обратимся же теперь къ исторіи его правительственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ органовъ власти. Само собою понятно, что при этомъ особенное значеніе для насъ должны имѣть тѣ учрежденія и органы, которые наиболѣе сильно вліяли на судьбу самого Харькова. Самое крупное въ этомъ смыслѣ значеніе и въ дореформенный періодъ, и послѣ реформы вплоть до нашихъ дней имѣли губернаторы.

По закону губернаторъ—высшій агентъ правительственной власти въ губерніи. Власть его во весь дореформенный періодъ была чрезвычайно широка. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова „хозяинъ губерніи“, не только администраторъ, но до нѣкоторой степени и судья, ибо его просмотру подлежали рѣшенія уголовной и гражданской палатъ, даже военачальникъ, поскольку отъ него зависѣла находившаяся въ распоряженіи полиціи штатная рота и полицейскіе драгуны. Въ Александровское время военачальническія функціи были съ губернаторовъ сложены, тѣмъ не менѣе власть ихъ осталась чрезвычайно обширной. Въ Николаевское время губернаторская власть подверглась небольшому ограниченію: съ назначеніемъ отдѣльныхъ предсѣдателей казенныхъ палатъ (до тѣхъ поръ губернскими финансами завѣдывали вице-губернаторы) нѣсколько сократилось ихъ вліяніе на хозяйственную жизнь губерніи, а послѣ Киселевской реформы, создавшей новое вѣдомство—министерство государственныхъ имуществъ, сократилось вліяніе полиціи, а стало быть и губернатора на жизнь такъ назыв. государственныхъ крестьянъ. Въ сферахъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію, губернаторъ былъ почти безконтроленъ. Правда, въ губерніи существовало „око царево“ въ лицѣ губернскаго прокурора, обязаннаго слѣдить, чтобы всѣ губернскіе сановники и чиновники исполняли законъ, а въ случаѣ надобности—рапортовать министру юстиціи, но пользы отъ этого „ока“ было не много. Изъ харьковскихъ губернскихъ прокуроровъ дореформеннаго періода мы знаемъ только одного, нѣкоего Жадовскаго, широко пользовавшагося своимъ правомъ. Остальные по большей части „ссориться“ съ губернаторами не хотѣли, понимая, что ихъ вмѣшательство въ губернаторскія дѣла не всегда найдетъ въ Петербургѣ одобреніе. Другимъ непріятнымъ для губернатора человѣкомъ въ губерніи былъ жандармскій штабъ-офицеръ, тоже обязанный рапортовать своему начальству о поведеніи губернатора;—съ этимъ приходилось считаться уже серьезнѣе, потому что жандармскія донесенія были всегда какъ то доходчивѣе, особенно при Бенкендорфѣ, имѣвшемъ громадное вліяніе. Приходилось, кромѣ того, побаиваться немножко и наѣзжихъ флигель-адъютантовъ, попадавшихъ въ губернію на время рекрутскихъ наборовъ, и вообще вліятельныхъ военныхъ генераловъ. Но послѣдніе интересовались обыкновенно только тѣмъ, что ихъ непосредственно касалось, и въ „гражданскую часть“ не мѣшались. Общественнаго мнѣнія въ губерніи губернаторы боялись на столько, на сколько оно выражалось губернскимъ предводителемъ или крупными дворянами, имѣвшими связи и вѣсъ въ Петербургѣ. Съ такими губернаторы старались быть любезными, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы въ петербургскихъ гостиныхъ ихъ репутація стояла на должной высотѣ: вѣдь добродушный русскій баринъ всегда охотно прощаетъ власти всякіе грѣхи и прегрѣшенія, если только они не затрагиваютъ его интересовъ, а если, кромѣ того, власть по отношенію лично къ нему еще и внимательна,—она получаетъ въ его особѣ усерднаго панегириста и защитника. Бывали, однако, случаи, когда чаша губернаторскихъ прегрѣшеній переполнялась. Тогда въ губернію посылался изъ Петербурга сенаторъ-ревизоръ съ чрез-

вычайными полномочіями или свитскій генералъ „по именному Е. И. В. повелѣнію“. Такъ какъ бывало это обыкновенно только тогда, когда злополучный начальникъ губерніи уже напередъ былъ осужденъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ, то и результаты ревизіи оказывались до чрезвычайности строгими: губернатора отрѣшали отъ должности, а то такъ и предавали суду Правительствующаго Сената. Съ губернаторомъ большею частью летѣли и его присные. Губернская атмосфера очищалась до новаго накопленія прегрѣшеній, требовавшаго новой чрезвычайной чистки. Другой очистки, кромѣ громовыхъ ударовъ, въ то время не знали; постоянной вентиляціи, можно сказать, не было, ибо и прокуроръ, и жандармскій штабъ-офицеръ были, какъ мы уже указали, вентиляторами очень плохими.

Въ пореформенный періодъ, съ учрежденіемъ независимаго отъ административной власти суда, государственнаго контроля, акцизнаго управленія и уменьшеніемъ зависимости отъ губернатора городского и земскаго хозяйства, власть губернатора потерпѣла нѣкоторое умаленіе, но все же ему предоставлено было широкое поле дѣятельности.

Въ шестидесятыхъ годахъ, уже послѣ крестьянской и земской реформы, губернаторъ въ качествѣ предсѣдателя губернскаго правленія могъ вліять на всю губернскую администрацію, на губернскую прессу, на положеніе заключенныхъ въ арестантской ротѣ и тюремномъ замкѣ, на врачебную и санитарную часть въ губерніи, на строительное и дорожное дѣло и даже на дѣйствія губернской чертежной. Полиція находилась въ его полномъ подчиненіи, а дѣятельность полиціи у насъ всеобъемлюща. Затѣмъ губернаторъ былъ предсѣдателемъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, въ губернскомъ попечительномъ о тюрьмахъ комитетѣ, въ благотворительномъ обществѣ въ дѣтскомъ пріютѣ, въ губернскомъ распорядительномъ комитетѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, послѣ введенія новаго Городового Положенія и всеобщей воинской повинности, губернаторъ становится во главѣ губернскаго по городскимъ дѣламъ и губернскаго по воинской повинности присутствій. Реакція, начавшаяся въ восьмидесятыхъ годахъ, еще больше усилила значеніе губернаторской власти. Въ девяностыхъ годахъ, съ введеніемъ новыхъ городового и земскаго „Положеній“ и института земскихъ начальниковъ, предѣлы вѣдѣнія губернатора раздвигаются еще шире: теперь онъ, какъ и встарь, не только администраторъ, но и хозяинъ губерніи, имѣющій право надзора не только надъ законностью веденія земскаго и городского хозяйства, но и надъ его цѣлесообразностью примѣнительно къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ; теперь онъ и судья въ качествѣ предсѣдателя „губернскаго Сената“, высшей инстанціи по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ,—судья, обладавшій даже большими полномочіями, чѣмъ въ дореформенное время, когда онъ только просматривалъ журналы по дѣламъ, разбиравшимся въ гражданской и уголовной палатахъ, но самъ не участвовалъ въ ихъ рѣшеніи. Въ непосредственномъ подчиненіи у губернатора находилась и „близкая къ народу“ власть земскихъ начальниковъ, черезъ посредство которыхъ онъ могъ, какъ хотѣлъ, руководить и крестьянской администраціей, и крестьянской юстиціей. Если къ этому прибавить еще усиленную охрану, въ которой Харьковская губернія пребываетъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней,—охрану, дающую губернатору право издавать мѣстные законы (обязательныя постановленія), то станетъ понятнымъ, какое всеобъемлющее значеніе получила губернаторская власть къ концу разсматриваемаго нами періода. Нужно при этомъ замѣтить, что старыя средства контроля надъ законномѣрностью дѣйствій губернатора въ пореформенный періодъ были оставлены: сенаторскія ревизіи если не вышли совсѣмъ изъ употребленія, то по крайней мѣрѣ къ Харьковской губерніи не примѣнялись. Жандармы, въ Николаевское время обязанные „утирать слезы несчастнымъ“, получили теперь другое назначеніе. Реформированная прокуратура къ сферѣ административнаго вѣдѣнія касательства больше не имѣла. Правда, общественное мнѣніе какъ будто-бы получило новый органъ для своего выраженія въ лицѣ печати, но провинціальная печать, даже частная, не говоря уже объ оффиціальныхъ „Вѣдомостяхъ“, попала въ зависимость отъ администраціи. „Органамъ общественнаго мнѣнія“ трудно было подавать независимый голосъ въ вопросахъ внутренней губернской политики. Неблагопріятному вліянію такихъ несовершенствъ административнаго механизма противодѣйствовали только условія, стоящія внѣ этого механизма: противодѣйствовали успѣхи техники, распространившіеся во вторую половину XIX в. и на провинціальную Россію, желѣзныя дороги и телеграфъ, сблизившіе губернію съ центромъ имперіи и облегчившіе надзоръ Петербурга надъ провинціей. Помогала чуточку провинціи и столичная пресса, помогалъ, наконецъ, и ростъ обще-

ственнаго правосознанія, сказывавшагося не только у провинціаловъ, но часто и у самихъ администраторовъ провинціи.

Въ 1801 годъ, открывшій собою XIX ст., засталъ въ Харьковѣ на губернаторскомъ мѣстѣ Кирилла Ивановича Невѣрова. Какъ и его предмѣстники въ Павловское царствованіе, Невѣровъ продержался въ Харьковѣ очень не долго. 18 августа, 1800 г. онъ только вступилъ въ должность, а въ январѣ 1801 г. былъ уже въ отставкѣ. На его мѣсто былъ назначенъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ д. с. с. Густавъ Карловичъ Зильбергарнишъ, но и онъ былъ не долговѣченъ: въ февралѣ 1802 г. онъ былъ уволенъ отъ должности, а въ маѣ и совсѣмъ выѣхалъ изъ Харькова.

Останавливаться надъ характеристикой каждаго изъ этихъ администраторовъ въ отдѣльности мы не будемъ. Упомянемъ только, что при каждомъ изъ нихъ харьковцамъ жилось одинаково дурно. На просьбы города о разныхъ его нуждахъ не обращалось никакого вниманія, городское самоуправленіе находилось въ полномъ загонѣ, городскія средства расходовались по произволу администраціи, полиція была всесильна, злоупотребленія властью практиковались невозбранно.

Не лучше, если только не хуже, шло дѣло и при первомъ губернаторѣ, назначенномъ въ новое царствованіе,—Андреѣ Кондратьевичѣ Артаковѣ.

Въ исторіи Харьковскаго университета имя Артакова отмѣчено, какъ имя одного изъ противниковъ учрежденія университета въ Харьковѣ. Не добромъ приходится помянуть Артакова и историку харьковской администраціи. Артаковъ попалъ въ Харьковъ изъ Тамбова, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ гражданской палаты. Судейская служба не пріучила, однако, Артакова къ законности. Онъ столь-же мало считался съ закономъ, какъ и его предмѣстники. И при немъ на представленія думы не обращалось никакого вниманія; безплатными квартирами въ городскихъ и обывательскихъ домахъ пользовались люди, никакихъ правъ на казенную квартиру не имѣвшіе; полиція смѣло и безнаказанно распоряжалась тамъ, гдѣ по закону хозяиномъ являлся самъ городъ. „Притязанія“ губернатора къ думѣ вынудили наконецъ эту послѣднюю обратиться съ жалобой въ Сенатъ. На сей разъ вопли горожанъ достигли до ушей самого министра внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ ноября 1803 г. харьковцы не безъ удовольствія узнали, что ихъ губернаторъ уволенъ отъ службы.

Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ ставитъ увольненіе Артакова въ связь съ тѣмъ исключительнымъ злоупотребленіемъ властью, какое Артаковъ, будто-бы, позволилъ себѣ въ отношеніи тогдашняго городского головы Урюпина. „Харьковскій губернаторъ Артаковъ—разсказываетъ г. Дубровинъ—подговаривалъ городского голову Урюпина принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ городскихъ поборахъ. Когда Урюпинъ отказался, то Артаковъ, при содѣйствіи двухъ чиновниковъ врачебной управы, объявилъ Урюпина сумасшедшимъ, заключилъ его въ домъ умалишенныхъ, не спрашивая его родственниковъ, отдалъ имѣніе въ опеку посторонняго лица и велѣлъ выбрать другого голову. За такой противозаконный поступокъ Артаковъ 3-го ноября 1803 г. былъ уволенъ отъ службы“ [1]). Свой разсказъ академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ основываетъ на данныхъ, извлеченныхъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ.

Имѣетъ-ли увольненіе Артакова какую-либо связь съ дѣломъ Урюпина, по нашимъ источникамъ не видно. Знаемъ только, что въ дѣлахъ Харьковской думы дѣйствительно имѣется указаніе на умопомѣшательство головы Урюпина. 20-го мая 1803 г. Харьковская врачебная управа свидѣтельствовала состояніе умственныхъ способностей Урюпина и нашла у него душевное разстройство въ острой формѣ, почему и постановила отправить его въ домъ умалишенныхъ. Знаемъ также, что того-же 20-го мая харьковскіе купцы Василій Ломакинъ, Андрей Аникѣевъ, Дмитрій Щелковъ и Никита Проскуринъ дали губернатору подписку въ томъ, что желая принять голову Урюпина подъ собственное ихъ наблюденіе и смотрѣніе, они обязываются имѣть за нимъ рачительный присмотръ и не допускать до такихъ поступковъ, коими бы онъ могъ причинить вредъ себѣ или кому-либо изъ постороннихъ. Лѣкарь Рудинскій на запросъ губернатора далъ 22 мая отвѣтъ, что Урюпинъ пришелъ въ помѣшательство 17 мая, а 20-го числа, вслѣдствіе кровопусканія и другихъ врачебныхъ средствъ, пришелъ въ себя, и хотя чувствуетъ слабость и по временамъ небольшой жаръ, но впредь опасности не предвидится. Попалъ-ли Урюпинъ въ сумасшедшій домъ, или-же былъ отпущенъ на попеченіе харьковскихъ купцовъ,—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, если Урюпинъ и

[1]) Багалѣй. Украинская старина, стр. 172.

попалъ въ сумасшедшій домъ, то очень не на долго, ибо въ томъ-же 1803 г. мы видимъ Урюпина по прежнему въ должности харьковскаго головы. Что касается губернатора Артакова, то его увольненіе послѣдовало дѣйствительно не долго спустя послѣ случая съ Урюпинымъ. 25-го ноября 1803 г. въ думѣ [1]) былъ полученъ указъ, что Артаковъ уже не губернаторъ. Допуская, что увольненіе Артакова стоитъ въ тѣсной связи съ умопомѣшательствомъ Урюпина, позволимъ, однако, себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе, до извѣстной степени оправдывающее Артакова. Было-ли признаніе Урюпина умопомѣшаннымъ дѣйствительно вопіющимъ злоупотребленіемъ, или-же для этого были какія-нибудь достаточныя основанія? Намъ думается, что такія основанія у Артакова были. Въ 1806 г., когда Урюпинъ уже не былъ городскимъ головою, жена его подала въ думу заявленіе о томъ, что ея мужъ „находится въ поврежденіи ума и не можетъ говорить", и Урюпина вновь свидѣтельствовали формальнымъ порядкомъ [2]). Отчего случай, подобный тому, какой имѣлъ мѣсто въ 1806 г., не могъ произойти и въ 1803 г. Почему думать, что припадки ненормальнаго состоянія не могли проявляться у Урюпина и раньше 1806 г.?

Преемникомъ Артакова былъ д. ст. сов. Иванъ Ивановичъ Бахтинъ. Бахтинъ, по имѣющимся о немъ отзывамъ, былъ человѣкъ образованный и умный. Родился онъ въ 1756 г. и, по обычаю тогдашнихъ дворянъ, началъ службу въ гвардіи. 26-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ Бахтинъ получилъ должность стряпчаго въ Тобольскомъ надворномъ судѣ, оттуда перешелъ на должность прокурора верхняго земскаго суда въ Пермь, затѣмъ вновь попалъ въ Сибирь на должность губернскаго прокурора въ Томскѣ, служилъ затѣмъ въ Новгородской, Калужской и Тульской губерніяхъ. Въ 1797 г. Бахтинъ, уже коллежскій совѣтникъ, переходитъ на службу въ Петербургъ въ экспедицію государственныхъ счетовъ, въ 1798 г. онъ уже статскій совѣтникъ, а съ учрежденіемъ министерствъ онъ оказывается на службѣ въ департаментѣ министерства финансовъ. „Дней Александровыхъ прекрасное начало" оказалось для Бахтина весьма благопріятнымъ. Бахтинъ успѣлъ пріобрѣсти довѣріе молодого просвѣщеннаго и либеральнаго государя, полнаго въ ту эпоху самыхъ искреннихъ стремленій къ насажденію въ Россіи законности. Въ 1803 г. Бахтинъ производится въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а затѣмъ назначается губернаторомъ въ Харьковъ. Несмотря на служебныя обязанности, Бахтинъ находилъ досугъ заниматься и литературой: въ журналахъ конца XVIII и начала XIX вв. разбросано довольно много стихотвореній и нѣсколько весьма острымъ эпиграммъ И. И. Бахтина. Литературныхъ занятій Бахтинъ не бросалъ и въ старости. Покойный Чириковъ приводитъ въ своихъ неизданныхъ матеріалахъ по мѣстной исторіи три литературныхъ труда Бахтина, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1816 г.: „Вдохновенныя идеи", „И я авторъ, или разныя мелкія стихотворенія" и „Ревнивый", драма въ 5 дѣйствіяхъ [3]). Редакція „Русской Старины", напечатавшая въ 1870 г. письма къ Бахтину Императора Александра I, характеризовала его, какъ „человѣка замѣчательно свѣтлаго ума, обширной начитанности, необыкновенно остроумнаго". „Единственнымъ для него самого недостаткомъ была страсть его къ карточной игрѣ" [4]).

Просвѣщеннымъ и достаточно законномѣрнымъ администраторомъ выказалъ себя Бахтинъ и въ Харьковѣ, много обязанномъ ему тѣмъ содѣйствіемъ и сочувствіемъ, какое проявилъ онъ въ дѣлѣ открытія университета. Насколько это содѣйствіе было искреннимъ, и не было-ли тутъ простого желанія потрафить просвѣтительнымъ стремленіямъ, господствовавшимъ въ то время въ Петербургѣ? Сомнѣніе вполнѣ законное, въ особенности для тѣхъ, кто знаетъ Бахтина только по такой отрицательной характеристикѣ, какую далъ ему Цебриковъ, изобразившій Бахтина карьеристомъ и человѣкомъ очень не искреннимъ. Вспомнимъ, однако-же, что Бахтинъ проявлялъ благожелательное отношеніе къ университету и тогда, когда въ Петербургѣ на него очень косились. Изъ исторіи университета извѣстенъ случай, когда губернскому начальству было предписано сдѣлать университетскому совѣту выговоръ, пригласивъ для этого всѣхъ членовъ совѣта въ присутствіе губернскаго правленія. Извѣстно также, какъ деликатно отнесся въ данномъ случаѣ къ университету Бахтинъ, рискуя при этомъ если не своимъ служебнымъ положеніемъ, то по крайней мѣрѣ своей репутаціей исполнительнаго подчиненнаго. Карьеристъ, потрафляющій настроеніямъ высшей власти, конечно, поступилъ бы въ данномъ случаѣ совсѣмъ не такъ. Бахтинъ, судя по доку-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1803 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1806 г.
[3]) Рукопись Чирикова.
[4]) Русск. Стар. 1870 г. кн. I стр. 451.

ментальнымъ даннымъ, былъ губернаторомъ дѣятельнымъ: лично осматривалъ городъ, заботился о его благоустройствѣ, бывалъ на ложарахъ, часто выѣзжалъ въ уѣзды. „Бахтинъ—разсказываетъ о немъ Топчіевъ [1])—съ ранняго утра садился за дѣла и принималъ просителей, завтракалъ въ десятомъ часу, въ десять уже сидѣлъ въ губернскомъ правленіи. Вечера проводилъ въ своемъ кабинетѣ за дѣлами и рѣдко выходилъ къ женимымъ гостямъ“. Какъ на дѣятельнаго губернатора смотрѣла на него и петербургское начальство, наградившее его въ 1806 г. Аннинской звѣздой. Въ противоположность своимъ предмѣстникамъ. Бахтинъ выказывалъ уваженіе къ закону и законности. При случаѣ онъ даже публично выступалъ съ обличеніями взяточничества, царившаго въ то время среди приказныхъ и низшаго, и высшаго ранга. Такъ въ 1811 г. онъ въ присутствіи губернскаго правленія оффиціально заявилъ, что указъ о непринманіи чиновниками подарковъ и денежныхъ складокъ въ Харьковской губ. „не имѣетъ надлежащаго дѣйствія“ [2]). Бахтина можно было бы назвать типичнымъ представителемъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, увѣреннаго, что благожелательное и просвѣщенное начальство гораздо лучше знаетъ, что нужно для блага общества, чѣмъ само общество, и потому дѣйствовавшаго въ интересахъ общества безъ участія общества и даже иной разъ вопреки ему. Отсюда, думается намъ, можно объяснить и замѣчаемое у Бахтина большее расположеніе къ полиціи, чѣмъ къ городскому самоуправленію. Слѣдуетъ, однако-же, замѣтить, что при немъ столкновенія между думой и полиціей далеко не всегда оканчивались въ пользу полиціи. Отсюда же и его отношеніе къ городскимъ дѣламъ, которыми онъ зачастую распоряжался такъ-же самовластно, какъ и его предмѣстники: приказывалъ выдавать деньги на разныя надобности по своему усмотрѣнію, а не по постановленію думы. Такъ онъ по личному усмотрѣнію нанялъ на городской счетъ домъ для помѣщенія нищихъ; собственною властью, безъ желанія и вѣдома думы, пріобрѣлъ для города участокъ земли со старыми постройками, оставшійся свободнымъ послѣ перевода больницы приказа общественнаго призрѣнія на Сабурову дачу; по личному усмотрѣнію устраивалъ мостовыя тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ, при чемъ дѣло велось полиціей, а дума и домовладѣльцы играли только роль плательщиковъ. Нельзя сказать, чтобы сдѣ-

[1]) „Воспоминанія“ Е. И. Топчіева. Такъ какъ мы широко будемъ пользоваться этимъ, забытымъ нынѣ, источникомъ, то считаемъ необходимымъ сообщить данныя объ ихъ авторѣ, помѣщенныя редакціей „Южн. Кр.“, напечатавшей ихъ, къ сожалѣнію, въ сокращенномъ видѣ. Ефимъ Ивановичъ Топчіевъ родился въ 1801 г. въ гор. Харьковѣ. Воспитывался сначала въ харьковскомъ коллегіумѣ и въ харьковской гимназіи, а затѣмъ въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ полку, куда поступилъ 14 лѣтъ отъ роду „для узнанія порядка военной службы“. Въ 1819 г. Ефимъ Ивановичъ поступилъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, въ концѣ 1822 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана и въ началѣ 1823 г., изъ Бѣлоруссіи, гдѣ пробылъ болѣе трехъ съ половиною лѣтъ, возвратился въ Харьковъ. Съ 1823 г. по 1829 г. Ефимъ Ивановичъ занимался домашнимъ хозяйствомъ, съ 1829 г. по 1832 г., по выбору дворянства, занималъ должность харьковскаго земскаго исправника, съ 1834 г. по 1838 годъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при харьковскомъ гражданскомъ губернаторѣ и въ 1836 г., вслѣдствіе объявленнаго желанія, былъ переименованъ въ губернскіе секретари. Около шести лѣтъ (1839—1845) Е. И. занималъ мѣсто окружного начальника (сначала въ Зміевскомъ, затѣмъ въ Валковскомъ уѣздѣ), а въ 1845 г. былъ опредѣленъ совѣтникомъ контрольнаго отдѣленія харьковской палаты государственныхъ имуществъ. Еф. Ив. дослужился до чина коллежскаго совѣтника, вышелъ въ отставку въ мартѣ 1858 г. и умеръ 19-го сентября 1864 г. (а не въ 1869 г., какъ сказано въ „Русской Старинѣ“). Такимъ образомъ Топчіевъ почти всю свою жизнь провелъ въ Харьковѣ и въ Харьковской губерніи. Любители мѣстной старины найдутъ не мало любопытнаго въ его „Воспоминаніяхъ“. Быть слабодско-украинскихъ помѣщиковъ, харьковскій коллегіумъ и харьковская гимназія первой четверти текущаго столѣтія, военный бытъ въ 20-хъ годахъ, положеніе и нравы чиновничества прежняго времени, харьковскіе администраторы съ 1810 г. до 1858 г., управленіе государственными крестьянами Харьковской губерніи, холерный (1831) годъ и проч. и проч.—обо всемъ этомъ Ефимъ Ивановичъ говоритъ съ большею или меньшею подробностью. „Воспоминанія“ распадаются на четыре части и доведены до 1863 г. Въ „Южн. Краѣ“ они были помѣщены съ довольно значительными сокращеніями.

Небольшой отрывокъ изъ нихъ (о пребываніи автора въ „дворянскомъ полку“) былъ напечатанъ въ „Русск. Старинѣ“.

Послѣдняя часть „Воспоминаній“, какъ видно изъ примѣчаній, сдѣланныхъ авторомъ, была написана въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; тогда-же или, можетъ быть, нѣсколько ранѣе, вѣроятно, по выходѣ Ефима Ивановича въ отставку, были написаны и первыя три части. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при чтеніи тѣхъ мѣстъ „Воспоминаній“, въ которыхъ говорится о „настоящемъ времени“ и „теперешнемъ Харьковѣ“. Разсказы автора основаны на его воспоминаніяхъ. Онъ не велъ дневника и составилъ воспоминанія уже въ преклонномъ возрастѣ. Этимъ объясняется нѣкоторыя неточности, которыя, быть можетъ, встрѣтятся въ его повѣствованіи, но вообще его воспоминанія кажутся правдивыми, такъ какъ онъ разсказываетъ обо всемъ, какъ современникъ и часто какъ очевидецъ. Правда, картина, нарисованная имъ, въ особенности въ той части, которая касается нравовъ харьковскихъ администраторовъ, весьма мрачная, но у насъ нѣтъ основаній заподозрить автора въ сочинительствѣ: maximum, что можно допустить у него,—это нѣкоторый подборъ отрицательныхъ чертъ въ обрисовкѣ характеровъ тѣхъ лицъ, о которыхъ ему приходится говорить; быть можетъ, не безъ вліянія здѣсь осталось обличительное направленіе начала 60-хъ годовъ.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1811 г.

ланное Бахтинымъ было для города безполезно, но все это дѣлалось помимо горожанъ. Нѣкоторые факты даютъ основанія полагать, что и къ городской кассѣ Бахтинъ относился иногда безъ большой осторожности, заставляя городъ тратиться на такіе предметы, которые были для него явно не нужны. Такъ въ 1808 г. дума, по требованію Бахтина, купила 12 стульевъ и 2 ломберныхъ карточныхъ стола въ квартиру полковника Васильева [1]). Въ 1809 г. Бахтинъ потребовалъ отъ города покупки для своей квартиры мебели на 300—350 р. да для квартиры вице-губернатора—на 650—700 р. Какъ и всѣмъ губернаторамъ того времени, Бахтину приходилось внѣдрять просвѣщеніе путемъ начальственныхъ предписаній. Въ 1814 г. онъ потребовалъ отъ города 72 р. на выписку необходимой, по его мнѣнію, для думы книги „Магазинъ всѣхъ новыхъ изобрѣтеній", издаваемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [2]). Полагать, впрочемъ, нужно, что казенный „Магазинъ" выписывался въ то время не одной Харьковской, а и всѣми вообще городскими думами въ Россіи.

Бахтинъ правилъ губерніей 11 лѣтъ. Въ послѣдній годъ своего губернаторства онъ часто болѣлъ, и въ это время должность его исправлялъ вице-губернаторъ Муратовъ. Осенью 1814 г. Бахтинъ былъ уволенъ отъ должности съ пенсіей въ размѣрѣ получавшагося имъ губернаторскаго жалованья. О дальнѣйшей судьбѣ Бахтина мы имѣемъ два указанія: по одному („Русск. Стар.") онъ, послѣ двухгодичной отставки, занялъ должность управляющаго государственною экспедиціей для ревизіи счетовъ, по другому (Кованько)—былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1818 г. въ самый Свѣтлый праздникъ, на пасхальной заутренѣ во время христосованія [3]).

Преемника Бахтину не назначали долго. Сперва губернаторскую должность правилъ вице-губернаторъ Муратовъ, но въ началѣ 1815 г. онъ уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о губернаторскомъ мѣстѣ. Калифомъ на часъ сталъ предсѣдатель уголовной палаты Юрій Ѳедоровичъ фонъ-Минстеръ, который и правилъ губерніей до іюля 1815 г., когда Муратовъ возвратился въ Харьковъ уже въ качествѣ губернатора. Карьера Муратова сдѣлана была обычнымъ для того времени путемъ. Владимірскій дворянинъ (за нимъ числилось во Владимірской губерніи 340 крѣпостныхъ), Муратовъ девяти лѣтъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардію, а 17-ти лѣтнимъ юношей перечисленъ въ армію съ чиномъ капитана. Считался онъ, между прочимъ, на службѣ и въ Харьковскомъ легкоконномъ полку, хотя въ дѣйствительности здѣсь не служилъ, такъ какъ состоялъ при кн. Зубовѣ и употреблялся „по дѣламъ письменнымъ", вѣроятно потому, что кромѣ россійской грамоты зналъ французскій и нѣмецкій языки и немного по латыни. При Павлѣ Муратовъ перешелъ въ дипломаты и состоялъ при вице-канцлерѣ, потомъ попалъ къ графу Віоменивилю и маркизу Дотишампу, у которыхъ управлялъ письменными дѣлами по военной и дипломатической части, затѣмъ сдѣланъ былъ управляющимъ секретною экспедиціею коллегіи иностранныхъ дѣлъ и сталъ кавалеромъ „державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго". Въ 1803 г. „за слабостью здоровья" Муратовъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника, а въ 1809 г. назначенъ вице-губернаторомъ въ Харьковъ. Здѣсь, кромѣ вице-губернаторскихъ обязанностей, нѣсколько разъ исправлялъ должность губернатора, а 17 мая 1815 г. получилъ наконецъ должность губернатора [4]). Новый губернаторъ, подобно своему предмѣстнику, тоже не былъ чуждъ литературѣ. Трудолюбивый Чириковъ разыскалъ въ каталогахъ Смирдина „Новѣйшую географію" Іоанна Вегелина, изданную въ переводѣ Муратова въ 1792 г. въ Москвѣ [5]). Въ періодъ губернаторства въ Харьковѣ Муратовъ также оказывалъ покровительство россійскимъ музамъ. Въ 1821 г. онъ предложилъ харьковскому купечеству выписывать изданія вольнаго общества любителей россійской словесности [6]). Въ 1822 г. Муратовъ рекомендовалъ купцамъ выписывать „Русскій Инвалидъ", какъ газету „заслуживающую вниманія сколько по существу своему, столько и по благородной цѣли" [7]). Исполняя предначертанія своего начальства, Муратовъ заботился и о насажденіи школъ. Такъ въ 1819 г. онъ предложилъ городскому обществу завести въ Харьковѣ ланкастерскія школы [8]).

[1]) Архивъ Гор. Думы. Подл. приг. 1808 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1814 г.
[3]) Русская Старина 1870 г. т. I и Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 40.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Формул. списокъ Муратова 1823 г.
[5]) Бумаги Чирикова.
[6]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1821.
[7]) Тамъ-же. Журн. 1822 г.
[8]) Тамъ-же. Журналъ 1819 г.

Что же такое представлялъ собою Муратовъ, какъ губернаторъ? „Вѣжливый до-нельзя, такъ что ни одному просителю не удавалось поклониться прежде, чѣмъ Муратовъ отвѣшивалъ ему два-три поклона; все обѣщающій исполнить, о чемъ бы кто ни просилъ; терпѣливо выслушивавшій просьбы, но ничего не дѣлавшій; находившійся подъ вліяніемъ тещи, жены, секретаря, своихъ приближенныхъ включительно до лакея,—таковъ, разсказываетъ Топчіевъ, былъ Муратовъ. Ни онъ, ни жена его не брали взятокъ, но брали ихъ приближенные, во главѣ которыхъ стояла теща, настоящая Баба-Яга. Муратовъ, къ несчастію жителей Харьковской губерніи, долго занималъ губернаторское мѣсто, пользуясь покровительствомъ временщика, графа Аракчеева или находившейся у него въ фаворѣ помѣщицы, маіорши Настасьи Николаевны Надаржинской, въ угоду которой сдѣлано много несправедливости за управленіе Муратова. Одинъ проказникъ, явясь къ Муратову, просилъ его приказать сжечь Харьковъ, который ему крѣпко насолилъ. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ: „прикажу-съ, не медля прикажу—будьте благонадежны!“ Бывшіе при этомъ просители едва могли удержаться отъ смѣха, зная, что проказникъ держалъ пари, что получитъ такой отвѣтъ на свою просьбу, вмѣсто того, чтобы быть посаженнымъ въ сумасшедшій домъ. „Будьте благонадежны“—это былъ общій отвѣтъ Муратова, которымъ онъ отдѣлывался отъ просителей, какого-бы рода ни были ихъ просьбы. Гуляя по Харькову во время Успенской ярмарки, онъ какъ-то повстрѣчался съ помѣщикомъ, полковникомъ Михайломъ Матвѣевичемъ Куликовскимъ. Отвѣсивъ ему, по обыкновенію, нѣсколько поклоновъ сряду, Муратовъ спросилъ: „что дорого и что дешево на ярмаркѣ, Михайло Матвѣевичъ?“ Куликовскій отвѣчалъ: „правосудіе подорожало противу прежняго, а поклоны—ни почемъ, ваше превосходительство“. Муратовъ раскланялся еще вѣжливѣе и пошелъ своей дорогой“.

Отъ анекдотовъ перейдемъ къ документальнымъ даннымъ. Изъ нихъ видно, что Муратовъ въ дѣйствительности не былъ такимъ бездѣятельнымъ, какимъ рисуетъ его Топчіевъ. Видно напр., что онъ очень много заботился о городскомъ благоустройствѣ. Въ дѣлахъ городской думы сохранился журналъ одного засѣданія, происходившаго съ участіемъ губернатора,—фактъ исключительный, отмѣчаемый въ лѣтописяхъ нашей дореформенной думы всего два раза: разъ—при намѣстникѣ Леванидовѣ, а другой—при Муратовѣ. Въ этомъ засѣданіи по иниціативѣ губернатора отмѣчены были разные дефекты городского благоустройства и указаны мѣры къ ихъ исправленію. Муратову принадлежитъ проектъ казенныхъ и общественныхъ построекъ и перестроекъ, представленный въ Петербургъ въ 1817 г. При Муратовѣ и даже при его ближайшемъ участіи этотъ проектъ началъ и осуществляться. Муратовымъ устроенъ и первый городской скверъ, по тогдашнему „бульваръ“, на Николаевской площади. По приглашенію Муратова купцы жертвовали на устройство „бульвара“ „по силѣ возможности“. Начальство Муратова безъ поощренія не оставляло: въ 1822 г. онъ получилъ орденъ Владиміра 2 степени [1]).

Но тѣ же документы, которые изображаютъ градоправительскую дѣятельность Муратова, свидѣтельствуютъ, что у губернатора были и „грѣшки“, что и обнаружилось при ревизіи. Чѣмъ она вызвана,—не знаемъ. Знаемъ только, что въ 1827 г. въ Харьковъ по Высочайшей волѣ явился сенаторъ генералъ-лейтенантъ Вас. Ив. Брозинъ, входившій, между прочимъ, во всѣ подробности городского хозяйства, требовавшій отъ думы разныхъ объясненій и отдававшій ей приказанія. Въ то же время въ Харьковѣ находился и другой ревизоръ—генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, имѣвшій Высочайшее порученіе входить во всѣ части управленія. Онъ тоже интересовался городскимъ хозяйствомъ. Повидимому, не все ладно оказалось по части полицейской. По крайней мѣрѣ результатомъ ревизіи было увольненіе отъ службы полиціймейстера Ковнацкаго, преданнаго суду, а вслѣдъ за Ковнацкимъ ушелъ и Муратовъ. Со второй половины 1827 г. губернаторскую должность правилъ уже вице-губернаторъ Степанъ Ѳедоровичъ Паскевичъ. Повидимому, были какіе то недочеты и въ думскомъ хозяйствѣ, виновникомъ которыхъ считали Муратова. Сенаторъ Брозинъ производилъ послѣ ухода Муратова разслѣдованія о думскихъ торгахъ и подрядахъ, а Паскевичъ черезъ совѣтника губернскаго правленія выяснялъ вопросъ о думскихъ приходахъ и расходахъ. Основанія для этого, очевидно, были, какъ это видно по кое-какимъ фактамъ. Такъ по приказу Муратова дума отпустила 1000 р. на жалованье канцелярскимъ чиновникамъ полиціи, а въ 1828 г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ Думу, что это расходъ не законный, и приказалъ возвратить деньги въ городскую кассу. Возвратить, впрочемъ, удалось только 333 р., потому что остальныя были уже

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1822 г.

выданы чиновникамъ [1]). Въ 1830 г. часовой мастеръ Кальтенбахъ жаловался губернатору, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ исправлялъ часы въ городскомъ домѣ, занимаемомъ Муратовымъ, а за работу ничего не получилъ. По справкѣ оказалось, что съ городскою думой никакихъ уговоровъ у Кальтенбаха не было, а работалъ онъ по вызову губернатора, не считавшаго нужнымъ расплачиваться съ нимъ за работу. Живя въ городскомъ домѣ, Муратовъ не считалъ нужнымъ быть аккуратнымъ въ расплатѣ за квартиру. Въ 1830 г., когда онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ въ Александровскомъ уѣздѣ (Владимірской губерніи), изъ его пенсіи производился вычетъ въ пользу харьковской думы за квартированіе въ городскомъ домѣ [2]). Способъ управленія Муратова губерніей имѣлъ, какъ можно думать, слѣдствіемъ не только удаленіе его въ частную жизнь, но и нѣчто худшее. Въ „Воспоминаніяхъ и Дневникахъ“ А. М. Грибовскаго подъ 1 апрѣля 1828 г. значится: „Получено предписаніе о высылкѣ къ суду бывшаго харьковскаго губернатора Муратова за найденные въ сей губерніи во время его правленія безпорядки“. Изъ другого мѣста тѣхъ же „Воспоминаній и Дневниковъ“ видно, что судъ надъ Муратовымъ не былъ оконченъ и въ 1830 г. [3]).

Въ декабрѣ 1827 г. въ Харьковъ явился новый губернаторъ. Это былъ Михаилъ Кириловичъ Грибовскій. Среди харьковскихъ губернаторовъ того времени Грибовскій былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Не баринъ, не военный, Грибовскій сдѣлалъ свою карьеру совсѣмъ для того времени не обычнымъ путемъ. Родился онъ въ 1786 г., кажется, въ Черниговской губерніи, отъ родителей дворянъ, но потомственныхъ или личныхъ—неизвѣстно. 12-лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ на службу въ Черниговскій повѣтовый земскій судъ, гдѣ и дослужился до перваго табельнаго чина. Отсюда Грибовскій перешелъ на службу въ Черниговское губернское правленіе. 25 лѣтъ, уже въ чинѣ губернскаго секретаря, Грибовскій бросаетъ службу и поступаетъ въ 1811 г. вольнослушателемъ въ Харьковскій университетъ. Изъ университетскаго диплома Грибовскаго видно, что въ университетѣ онъ обучался логикѣ, нравственной философіи, энциклопедіи права, правамъ: естественному и всеобщему, уголовному, новѣйшихъ народовъ, россійскому и римскому, исторіи и древностямъ римскаго права, политической ариѳметикѣ, политической экономіи, наукѣ о финансахъ, коммерціи, статистикѣ, всеобщей, древней и новѣйшей и римской исторіи, древностямъ россійскимъ и римскимъ, древней и новѣйшей географіи, исторіи россійской словесности, риторикѣ, поэзіи, россійской, латинской и французской словесности, алгебрѣ, геометріи и экспериментальной физикѣ. Грибовскій вынесъ такимъ образомъ изъ университета весьма солидный научный багажъ. Въ 1816 г., послѣ защиты диссертаціи („О состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи“), Грибовскій вышелъ изъ университета со степенью доктора обоихъ правъ. Въ профессуру, хотя она для него была открыта, Грибовскій не пошелъ. Съ чиномъ 8 класса, доставленнымъ ему докторской степенью, онъ поступилъ въ „провіантскій штатъ“, гдѣ, благодаря своему образованію, тотчасъ же нашелъ себѣ мѣсто „по ученой части“: былъ прикомандированъ къ гвардейскому штабу, гдѣ исправлялъ должность библіотекаря военной библіотеки и казначея, управлялъ типографіею и занимался особыми порученіями. Черезъ годъ мы видимъ Грибовскаго правителемъ канцеляріи комитета, Высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 г. Здѣсь онъ получаетъ чины надворнаго и коллежскаго совѣтниковъ и ордена Анны 2-ой степени и Владиміра—3-й. Въ 1823 г. Грибовскій уволенъ отъ должности библіотекаря, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого назначенъ вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Въ Симбирскѣ Грибовскій провелъ около 3 лѣтъ. Здѣсь онъ успѣлъ выгодно жениться, взявъ за женою около 400 крѣпостныхъ душъ въ Симбирскомъ и Сенгилеевскомъ уѣздахъ. Въ 1826 г. Грибовскій уволенъ отъ вице-губернаторской должности для опредѣленія къ другимъ дѣламъ съ сохраненіемъ вице-губернаторскаго жалованья, затѣмъ около году „былъ употребляемъ по особо возлагаемымъ на него порученіямъ“, а 15 сентября 1827 г. въ чинѣ статскаго совѣтника назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Харьковъ [4]).

Управленіе Грибовскаго было не продолжительно. Для Харькова оно ознаменовалось тѣмъ, что по иниціативѣ новаго губернатора впервые былъ сдѣланъ опытъ замощенія города камнемъ, не кирпичомъ, какъ при Чертковѣ, а „самороднымъ камнемъ“, добытымъ въ Салтовѣ и еще гдѣ то въ Бѣлгородскомъ

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1828 г.

[2]) Тамъ-же Журн. 1830 г.

[3]) Воспом. и Дневн. А. М. Грибовскаго, М. 1899, стр. 81, 97.

[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Формулярный списокъ губернатора Грибовскаго 1828 г.

уѣздѣ. Этимъ камнемъ была вымощена площадка передъ почтовой конторой,—нынѣшней первой мужской гимназіей. Далѣе этого перваго опыта Грибовскій не пошелъ да и не могъ пойти, ибо его административная дѣятельность была неожиданно прервана. Заботился Грибовскій и о санитарномъ состояніи Харькова и въ этомъ отношеніи не давалъ потачки блюстительницѣ чистоты города—полиціи. Замѣтивъ, что, несмотря на его распоряженія, харьковскія рѣки зимою продолжаютъ представлять мѣсто для свалки навоза и нечистотъ, Грибовскій объявилъ, что на будущее время онъ прикажетъ убирать навозъ съ рѣкъ на средства частныхъ приставовъ, и былъ такой случай, когда губернское правленіе готово было привести губернаторскую угрозу въ исполненіе. Не мирволилъ Грибовскій и взяточничеству, въ то время весьма процвѣтавшему. Въ Харьковѣ новый губернаторъ пришелся какъ то не ко двору: не славенъ пророкъ въ своемъ отечествѣ. Представители разныхъ сферъ чиновничьяго міра относились къ нему недоброжелательно, завелись „личности". Впрочемъ продолжалось это не долго. Не прошло и года со времени назначенія Грибовскаго, какъ для него начались „непріятности". Явились разные петербургскіе гости, если не для ревизіи губернаторскихъ дѣйствій, то все же съ разными „особыми порученіями", имѣвшіе возможность наблюдать и за общимъ управленіемъ. Сперва прибылъ фигель-адъютантъ графъ Строгановъ „по порученію Его Императорскаго Величества", затѣмъ генералъ-маіоръ Родзянко, тоже „по повелѣнію Его Величества", для производства какого то слѣдствія, а въ декабрѣ явился и настоящій ревизоръ, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Горголи съ своей канцеляріей. Познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, Горголи, въ силу данной ему власти, отрѣшилъ Грибовскаго отъ должности и передалъ управленіе губерніей вице-губернатору Паскевичу. Бѣда надъ Грибовскимъ стряслась благодаря доносамъ бывшаго въ то время въ Харьковѣ жандармскимъ штабъ-офицеромъ подполковника Бахметева.

Въ чемъ же провинился Грибовскій?

Подробный разсказъ о причинахъ, вызвавшихъ ревизію Горголи и удаленіе Грибовскаго, находимъ въ „Воспоминаніяхъ" Е. И. Тончіева. „Грибовскій—говоритъ онъ—былъ губернаторъ умный, дѣльный, но вспыльчивый до безразсудости. На него былъ посланъ нелѣпый доносъ отъ жандармскаго штабъ-офицера, подполковника Бахметева, въ которомъ участвовали тайно два предсѣдателя уголовной и гражданской палатъ и члены казенной палаты. Въ 1828 году поставлялись разные продукты изъ Харьковской губерніи, сборомъ съ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, для дѣйствующей арміи, по случаю войны съ турками. Казенная палата, въ то время завѣдывавшая государственными крестьянами, не приняла на себя труда объяснить волостнымъ правленіямъ, какъ поставить требуемые продукты натурою уравнительно для крестьянъ. Составленные крестьянскими обществами приговоры о денежномъ сборѣ на покупку такихъ продуктовъ, которые они затруднялись поставить уравнительно натурою или которыхъ у нихъ не было, казенная палата продержала у себя до того времени, когда срокъ поставки уже прошелъ, и затѣмъ возвратила приговоры безъ утвержденія, придравшись къ тому, что они были подписаны не полнымъ числомъ домохозяевъ. Не обошлось безъ злоупотребленій,—въ сущности ничтожныхъ. Были допущены денежные расходы, которыхъ не полагалось, хотя избѣжать ихъ не было возможности; расходчики и писаря не рѣшались вносить ихъ въ отчетъ изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности передъ казенною палатою,—и потому разложили на тѣ предметы, которые ставили покупными. Въ состояніи-ли губернаторъ предупредить, даже знать подобныя мелочи, которыя знать и не допускать должна была скорѣй казенная палата, завѣдывавшая въ волостяхъ хозяйственною частью? Гдѣ тутъ тѣ милліоны, которые, по словамъ Бахметева, были собраны съ государственныхъ крестьянъ, подѣлены между уѣзднымъ начальствомъ и губернаторомъ? Вся поставка съ государственныхъ крестьянъ не достигала даже одного милліона. По доносу Бахметьева, былъ откомандированъ для производства слѣдствія сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Горголи, въ концѣ 1828 года; съ нимъ пріѣхало много чиновниковъ, къ которымъ онъ присоединилъ еще набранныхъ въ Харьковѣ кандидатовъ на губернскія должности и разослалъ въ уѣзды—по два слѣдователя въ каждый, при особомъ письмоводителѣ. Предварительно самъ Горголи ѣздилъ въ нѣкоторыя волости, собиралъ общества, спрашивалъ ихъ о злоупотребленіяхъ, происшедшихъ при поставкѣ продуктовъ для дѣйствующей арміи, и не терпятъ-ли обидъ и притѣсненій отъ своего мѣстнаго начальства. Крестьяне Даниловской волости (Харьковскаго уѣзда), не изъявляя претензіи, единогласно заявили о своемъ волостномъ головѣ Евлаховѣ, что онъ печется о волости, „якъ рідний батько о своихъ дітяхъ". Горголи тутъ же поблагодарилъ Евлахова, поцѣловалъ его за то, что тотъ умѣлъ заслужить любовь сво-

ихъ согражданъ, и далъ слово доложить о немъ Государю Императору. Въ другихъ волостяхъ если и не было подобныхъ лестныхъ отзывовъ, то не было и сколько-нибудь серьезныхъ жалобъ на начальство, не смотря на то, что Бахметевъ сопровождалъ Горголи во всѣхъ его разъѣздахъ по волостямъ и разсылалъ жандармовъ отыскивать недовольныхъ крестьянъ и подучать ихъ жаловаться для поддержанія нелѣпаго доноса. Но когда начали дѣйствовать чиновники, разосланные Горголіемъ, то злоупотребленія оказались большею частью мнимыми, вообще же ничтожными. Слѣдователи запутывали счеты волостныхъ правленій, дѣйствовали страхомъ наказанія, отбирали отъ головъ, писарей и крестьянъ, покупавшихъ продукты для поставки, такія показанія, отъ которыхъ они отрекались при передопросахъ въ коммиссіи военнаго суда, судившей всѣхъ, привлеченныхъ къ дѣлу по доносу Бахметева. При слѣдователяхъ находилось по одному и по два жандарма, для доискательства и выполненія ихъ тайныхъ, темныхъ порученій. Отличный, честный даниловскій голова, котораго вся волость признавала „рідным батькомъ“, попалъ въ категорію преступниковъ перваго разряда и, вмѣстѣ съ волостнымъ писаремъ, былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ нажилъ себѣ чахотку и умеръ, и только наканунѣ своей смерти былъ совершенно оправданъ коммиссіею. Были и другіе крестьяне, которые умерли въ острогѣ или въ острожной больницѣ до окончанія дѣла. Не смотря на то, что слѣдователи вели дѣло въ угожденіе Бахметеву, по его родству съ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, поступали подло, привлекали къ суду невиновныхъ и дѣлали изъ мухи слона,— очень немногіе были признаны дѣйствительно виновными, особенно когда дѣло перешло въ коммиссію военнаго суда, дѣйствовавшую по закону, не подчиняясь ничьему вліянію.

„Губернаторъ Грибовскій былъ удаленъ отъ должности Горголіемъ въ концѣ 1828 года, еще въ началѣ слѣдствія о злоупотребленіяхъ при поставкѣ продуктовъ въ армію, затѣмъ былъ судимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, который его, кажется, оставилъ въ подозрѣніи или сдѣлалъ выговоръ, но только не за это дѣло, а за дѣло, къ нему приклеенное, о харьковскомъ полиціймейстерѣ Роменскомъ, который взялъ съ одного пріѣхавшаго на ярмарку еврея 2,000 р. ассигн. и эту взятку передалъ лично Грибовскому, вслѣдствіе намека послѣдняго, чрезъ служившаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученій Лаврова. Деньги эти Грибовскій препроводилъ въ губернское правленіе и донесъ шефу жандармовъ. Получивъ Высочайшее повелѣніе удалить Роменскаго отъ должности, Грибовскій промедлилъ выполненіемъ нѣсколько дней. Чисто-ли, или не чисто дѣло съ его стороны—Богъ вѣсть! Грибовскій былъ человѣкъ горячій и вспыльчивый до безразсудства, но всегда готовый загладить свой промахъ, былъ религіозенъ безъ ханжества, не бралъ взятокъ даже съ откупа,—съ котораго не брали немногіе губернаторы, и потому мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей было въ пользу Грибовскаго. Быть можетъ, его мучила совѣсть за то, что онъ ввелъ въ искушеніе слабаго человѣка, отъ котораго могъ избавиться другими благовидными средствами, не предавая суду и не лишая пенсіона за полученныя въ 1812 году раны. Получивъ университетское образованіе и степень доктора юридическихъ наукъ, Грибовскій былъ назначенъ губернаторомъ Харьковской губерніи лѣтъ черезъ десять своей службы, губернаторомъ оставался не болѣе года и окончательно испортилъ свою карьеру. Врагъ его, Бахметевъ, хотя и заслуживалъ строгаго наказанія, былъ только уволенъ отъ должности шефомъ жандармовъ, когда дѣло, возникшее по его доносу, разсматривалось въ Сенатѣ. Горголи, уморившій содержаніемъ въ тюрьмѣ нѣсколькихъ невинныхъ, обезславивъ и разоривъ весьма многихъ въ Харьковской губерніи,—даже не былъ потревоженъ на своемъ сенатскомъ креслѣ“.

Таковъ разсказъ Топчіева. Посмотримъ-же теперь, какъ представляется дѣло по оффиціальнымъ документамъ. Въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба намъ удалось разыскать и доносы жандарма Бахметева, и рапортъ самого ревизора, сенатора Горголи. Изъ документовъ видно, что Горголи былъ посланъ въ Харьковъ для „изслѣдованія о вкоренившихся въ Слободско-Украинской губерніи разныхъ злоупотребленіяхъ, притѣсненіяхъ и переборахъ при взысканіи и поставкѣ воинскихъ податей, какъ-то воловъ, фуръ и прочаго“. Злоупотребленія, по доносу жандармскаго штабъ-офицера Бахметева, заключались въ томъ, что раскладка „воинскихъ податей“ производилась совершенно произвольно: „на сей предметъ ни мірскихъ сходокъ созываемо не было, ни приговоровъ составляемо не было, а такъ, какъ и всегда бываетъ, что волостной голова съ писаремъ, пригласивши по своему произволу нѣсколько человѣкъ, составляютъ приговоръ, къ коему подписуютъ имена, какія припомнить могутъ, или выбираютъ оныя изъ ревизскихъ сказокъ, отчего и оказалось, что въ сихъ приговорахъ не токмо значились подпи-

савшимися тѣ, которые въ то время не были даже въ селеніяхъ своихъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и тѣ, которые давно померли".

Подробнѣе съ обстоятельствами дѣла и съ ролью въ немъ губернатора Грибовскаго знакомитъ насъ слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе сенатора Горголія отъ 20-го декабря 1828 г. „Я—писалъ Горголи—по прибытіи въ губернскій городъ Харьковъ поспѣшилъ отправиться по всѣмъ 10 волостямъ Харьковскій уѣздъ составляющимъ, и собравъ въ каждомъ волостномъ правленіи большія мірскія сходки, объявилъ лично, что по Высочайшему повелѣнію прибылъ къ нимъ, чтобы удостовѣриться отъ нихъ самихъ о притѣсненіяхъ и излишнихъ переборахъ на упомянутую повинность. Всѣ обыватели, благословляя монаршія объ нихъ попеченія и будучи ободрены симъ объявленіемъ, принесли мнѣ свои жалобы, а нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно передъ прочими угнетенные, предъявили и данныя имъ отъ общества противозаконныя бумаги, подъ названіемъ мірскихъ приговоровъ, вовсе не записанныя въ книги волостныхъ правленій. Изъ сихъ жалобъ и бумагъ обнаруживается, что волостныя начальства при заготовленіи подводъ для подвижнаго магазейна 2-ой арміи дѣйствовали произвольно въ сборѣ съ крестьянъ денегъ на сію повинность, такъ что вмѣсто слѣдовавшихъ вообще менѣе одного рубля съ души взыскивали большею частью отъ 1 р. 50 к. до 3 р. и сверхъ того на нѣкоторыя малыя и даже одинокія семейства дѣлали накладки отъ 50 до 700 руб. подъ предлогомъ тѣмъ, что оныя никогда не отправляли натурою рекрутской повинности, да и впредь по малому числу душъ въ нихъ на очередяхъ къ поставкѣ рекрутъ состоять не могутъ. Главнѣйшія злоупотребленія происходили въ Дергачевской и Харьковской волостяхъ, изъ которыхъ въ первой всѣ слѣдовавшія съ нея 10 воловыхъ подводъ со всѣми принадлежностями отнесены только на 10 семействъ и поставлены ими съ употребленіемъ капитала отъ 250 до 300 руб. на всякую подводу, безъ соучастія въ сей повинности прочихъ обывателей, коихъ числомъ 4589 душъ, а въ послѣдней, въ самомъ губернскомъ городѣ находящейся, въ числѣ 3558 душъ, сборъ простирался отъ 2 и больше 20 р. съ каждой души. О злоупотребленіяхъ таковыхъ въ тоже время доходили оффиціально и частно свѣдѣнія до губернскаго начальства и въ особенности до гражданскаго губернатора с. с. Грибовскаго, который, вмѣсто принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ остановленію и пресѣченію оныхъ, ограничивался одними предложеніями губернскому правленію о произведеніи изслѣдованія въ Богодуховскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ, не обративъ и при семъ случаѣ никакого вниманія даже на дѣйствія состоящаго передъ глазами внутри губернскаго города подъ вѣдѣніемъ городской полиціи волостнаго правленія, въ коемъ происходили, какъ выше изъяснено, главнѣйшія злоупотребленія. Между тѣмъ, пока продолжалась переписка, совершилась и поставка упомянутой повинности. Вскорѣ затѣмъ Грибовскій хотъ и объѣзжалъ лично нѣкоторыя волости и удостовѣрялся въ противозаконныхъ переборахъ съ крестьянъ въ притѣсненіе ихъ, но продолжавшагося еще тогда денежнаго сбора съ нихъ, будучи самъ на мѣстѣ, не прекратилъ, а отнесъ сіе и истребованіе отъ волостныхъ правленій отчетовъ въ израсходованныхъ суммахъ на обязанность казенной палаты, въ перепискахъ съ коею возродилась личность и взаимные другъ на друга протесты къ министрамъ, злоупотребленія-же между тѣмъ, не удерживаемыя никѣмъ изъ чиновниковъ земской полиціи, продолжались въ волостяхъ безбоязненно до самаго моего сюда прибытія. По симъ обстоятельствамъ и по ближайшему моему на мѣстѣ усмотрѣнію оказывается, что Грибовскій, не имѣя надлежащей опытности къ отправленію обязанностей гражданскаго губернатора, а посему и личнаго къ себѣ уваженія отъ губернскихъ служебныхъ лицъ, съ коими почти со всѣми состоитъ въ мѣстничествѣ, занимается болѣе одною безплодною перепискою, нежели прекращеніемъ на самомъ дѣлѣ издавна существующихъ въ Слободской губерніи злоупотребленій и охраненіемъ государственнаго интереса отъ вреда, а жителей Высочайше ввѣренной ему губерніи отъ беззаконныхъ притязаній и хищничества. Посему, признавая, что Грибовскій не можетъ долѣе оставаться въ званіи гражданскаго губернатора и руководствуясь Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніемъ, я предложилъ Слободско-Украинскому губернатору, что онъ удаляется отъ должности, а исправленіе оной, впредь до В. И. В. указа, поручилъ я на основаніи учрежденія о губ. 94 ст. здѣшнему вице-губернатору к. с. Паскевичу. Въ одно съ симъ время удаленъ мною отъ должности и Харьковскій земскій исправникъ Смородскій, какъ за непрекращеніе въ свое время вышеуказанныхъ злоупотребленій, происходившихъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, такъ и по замѣченнымъ мною безпорядкамъ по уѣзду, бездѣйствію его и неспособности къ отправленію настоящей должности, а уѣздный стряпчій Тарановскій, коего также слѣдовало бы удалить отъ должности, отъ

оной уже по прошенію его уволенъ губернскимъ начальствомъ еще прежде моего сюда прибытія. По окончаніи же установленнымъ порядкомъ изслѣдованій по Харьковскому уѣзду во всей ихъ подробности я не премину какъ сихъ чиновниковъ, такъ волостныхъ головъ и писарей, равно и другихъ, кои будутъ обнаружены виновными въ означенныхъ злоупотребленіяхъ, предать суду по законамъ. Съ отправленіемъ сего всеподданнѣйшаго донесенія моего я переношу дѣйствія мои въ другіе уѣзды Слободско-Украинской губерніи и по окончаніи оныхъ Высоч. порученныхъ мнѣ изслѣдованій какъ по вышеозначеннымъ предметамъ, такъ и о взведенномъ Грибовскимъ на бывшаго Харьковскаго полиціймейстера, состоящаго по арміи поручика Роменскаго въ лихоимствѣ, которое остановилось за недоставленіемъ изъ Польскаго королевства прикосновеннаго къ сему дѣлу еврея Ендзера, я буду имѣть счастье о всѣхъ открывшихся обстоятельствахъ въ подробности всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству“ [1]). При дальнѣйшемъ разслѣдованіи обнаружились и другія злоупотребленія. Обнаружилось, между прочимъ, что „волостные начальники употребляли казенныхъ поселянъ самовольно въ частныя для себя и къ разнымъ мѣстнымъ чиновникамъ работы, какъ то жать, косить, возить лѣсъ, сѣно и пр., безъ всякой за то платы; что, сверхъ того, обременяли ихъ излишними сборами для подарковъ“ [2]).

Ревизія Горголи затянулась на долго. Для изслѣдованія злоупотребленій въ губерніи были учреждены три военно-судныя коммиссіи. Вели онѣ дѣло, очевидно, не въ томъ духѣ, какъ желалось его иниціатору—Бахметеву, а потому и аттестовывались имъ прескверно. „Всѣ сіи коммиссіи—писалъ о нихъ Бахметевъ въ іюлѣ 1829 г.—въ чинимыхъ ими требованіяхъ оказываютъ явное стремленіе привесть производимыя ими дѣла въ запутанность и продлить оныя до безконечности... Военно-судныя коммиссіи. очевидно, стремятся къ несправедливости, и умыслы ихъ затмить дѣло, имъ порученное. столь очевидны, что хотя весьма основательною причиною онымъ должно опредѣлить связи, въ коихъ они (члены коммиссій) находятся съ жителями края сего, бывъ въ ономъ съ давняго времени поселенными, но невозможно предположить, чтобы одно сіе побужденіе могло увлечь ихъ къ столь великой неосторожности, а потому нельзя не быть увлеченнымъ къ общему мнѣнію, распространяющемуся повсемѣстно, что великое число подсудимыхъ и денежные способы, въ ихъ рукахъ находящіеся, весьма естественно возбудили ихъ стараться отдалить предстоящую имъ опасность значительными пожертвованіями; весьма трудно доказать, но невозможно усомниться въ томъ, что презусы и авдиторы берутъ деньги у подсудимыхъ, особенно у головъ, писарей и этамановъ“... [3]).

Ни изъ разсказа Топчіева, ни изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ оффиціальныхъ документовъ не видно, чтобы Грибовскій былъ причастенъ къ злоупотребленіямъ. Самое большее, въ чемъ его можно обвинить,—это въ недостаткѣ личной распорядительности и въ слишкомъ большой вѣрѣ въ силу казенной бумаги за надлежащимъ №,—въ недостаткѣ, всегда свойственномъ людямъ, прошедшимъ ту школу. какую прошелъ Грибовскій. И за это онъ сильно поплатился.

На мѣсто Грибовскаго губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ Михаилъ Ивановичъ Каховскій. Это былъ отставной полковникъ, уволенный въ 1815 г. отъ военной службы „за ранами и увѣчьемъ“. Каховскій былъ человѣкъ еще не старый: при назначеніи въ Харьковъ ему было всего 38 лѣтъ. Молодость Каховскаго вся прошла въ походахъ и сраженіяхъ. Черезъ годъ послѣ окончанія кадетскаго корпуса, въ 1806 г., онъ попалъ въ дѣйствующую армію, побывалъ въ Пруссіи, потомъ въ Финляндіи и Швеціи, претерпѣлъ кампанію 1812 г., дрался съ французами подъ Смоленскомъ и участвовалъ въ ихъ изгнаніи изъ Россіи, участвовалъ затѣмъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и подъ Бауценомъ, побывалъ и во Франціи, много разъ былъ раненъ, получилъ рядъ орденовъ и русскихъ, и австрійскихъ, и прусскихъ, и баденскихъ. По выходѣ въ отставку поселился у себя въ Смоленской губерніи и здѣсь въ 1826 г. былъ выбранъ предводителемъ дворянства Юхновскаго уѣзда [4]). При представленіи предводителей Императору Николаю въ проѣздъ его черезъ Смоленскъ Каховскаго узналъ его бывшій сослуживецъ, баронъ Дибичъ, въ то время начальникъ Главнаго Штаба. Встрѣча была дружеская. Дибичъ представилъ Каховскаго Государю. Отказавшись отъ бригады и чина генералъ-маіора, Каховскій соблазнился, однако, губерна-

[1]) Военно-учен. архивъ Главнаго Штаба. Отд. I № 637.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1829 г. № 628. О прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій.

[3]) Военно-учен. архивъ Глав. Штаба. Отд. I № 637.

[4]) Арх. Губ. Правл. Формулярный списокъ Каховскаго. 1830 г. № 1451.

торствомъ и былъ назначенъ въ Харьковъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 12 марта 1829 г. онъ уже вступилъ въ должность.

Въ первые мѣсяцы по прибытіи въ Харьковъ роль Каховскаго была здѣсь довольно жалкая, такъ какъ въ дѣйствительности и губерніей, и городомъ продолжалъ безконтрольно управлять сенаторъ Горголи, удалявшій отъ должности ненравившихся ему чиновниковъ, назначавшій новыхъ и полновластно распоряжавшійся городскимъ благоустройствомъ. Руки у Каховскаго оказались развязанными только послѣ 4-го октября 1829 г., когда Горголи уѣхалъ наконецъ изъ Харькова [1]). Но и послѣ Горголи губернатору-ветерану не пришлось отдохнуть на губернскомъ привольѣ. Въ 1830 г. подошла холера, пришлось принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности, заводить больницы, побуждать къ благотворительности и т. п. Петербургское начальство признало, что губернаторъ справился со всѣмъ этимъ вполнѣ удовлетворительно, и въ награду за усиленные труды прислало ему Аннинскую звѣзду. Въ 1831 г. холера повторилась, а потомъ пришлось готовиться къ Высочайшему проѣзду. Въ 1832 г. новый Высочайшій проѣздъ и новыя хлопоты. А тутъ еще подошли „непріятности“ со стороны губернскаго прокурора Жадовскаго, человѣка въ высокой степени „безпокойнаго“, вмѣшивавшагося во всѣ части управленія, всячески язвившаго губернатора и губернское начальство въ оффиціальныхъ бумагахъ и аккуратно рапортовавшаго министру юстиціи о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по управленію. А безпорядковъ и злоупотребленій было не мало. Каховскій былъ человѣкъ добрый, но слабаго, уклончиваго характера, и этимъ пользовались. „Первое въ губерніи присутственное мѣсто“— губернское правленіе оказывалось заваленнымъ бумагами, которыхъ „очищать“ было некому. Въ Петербургъ шли рапорты о „недостаткѣ способовъ“, а дѣла все скоплялись и скоплялись. Всѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ оказалось 17021. Не совсѣмъ обстояло исправно въ „первомъ присутственномъ мѣстѣ“ и по части расходованія казенныхъ денегъ. Въ казенной палатѣ обнаружилось, какъ доносилъ прокуроръ, банкротство. Подрядчики и поставщики казны брали въ три дорога, потому что не имѣли возможности получать изъ казенной палаты слѣдуемаго имъ по контрактамъ. Городъ содержался въ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ. Полиція, покровительствуемая губернаторскимъ братомъ, состоявшимъ при Каховскомъ въ должности чиновника особыхъ порученій, брала взятки и позволяла себѣ всякія злоупотребленія.

Въ іюлѣ 1832 г. въ Харьковъ явился сенаторъ Мечниковъ, командированный сюда по Высочайшему повелѣнію „для принятія мѣръ къ исправленію упущеній по чрезвычайному накопленію недоимокъ“. Губернаторъ-ветеранъ сталъ прихварывать, а за его болѣзнями должность его правилъ то вице-губернаторъ, то предсѣдатель уголовной палаты, полковникъ Веселовскій. Въ 1833 г. въ Харьковъ вновь прибылъ сенаторъ Мечниковъ. Результатомъ этого визита было отрѣшеніе отъ должностей и преданіе суду совѣтниковъ и ассессора губернскаго правленія. Очевидно, въ связи съ этимъ стояло и назначеніе въ Харьковъ временнаго военнаго губернатора, обязанности котораго были ввѣрены командиру резервнаго кавалерійскаго корпуса и Украинскаго военнаго поселенія Никитину. Лѣтомъ этого злосчастнаго для Каховскаго года обязанность гражданскаго губернатора исправлялъ вице-губернаторъ Пестель, а осенью Каховскій былъ и совсѣмъ уволенъ отъ губернаторской должности.

„Многіе—вспоминаетъ Топчіевъ—удивлялись, что его не пощадилъ покойный Императоръ, которому онъ лично докладывалъ о запущеніи дѣлъ въ губернскомъ правленіи, и который отвѣчалъ на это, что губернскія правленія во всей Россіи въ одномъ положеніи съ Харьковскимъ, и чтобы и онъ былъ покоенъ на счетъ себя. Закревскій, тоже сослуживецъ Михайла Ивановича, былъ съ нимъ въ перепискѣ и на ты; но ни Закревскій (въ то время уже не управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ), ни Дибичъ не защитили его. Сперва Каховскаго причислили къ министерству юстиціи кандидатомъ въ сенаторы, но министръ юстиціи, воспользовавшись случаемъ, сдѣлалъ докладъ о преданіи его суду на томъ основаніи, что когда виноваты члены губернскаго правленія въ запущеніи дѣлъ, то не можетъ не быть предсѣдатель. Юридически—такъ, но факты показываютъ другое. У губернатора положена собственная канцелярія, въ которой исходящихъ бумагъ, за его подписью, ежегодно свыше тридцати тысячъ номеровъ. Кромѣ губернскаго правленія, онъ предсѣдательствуетъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ строительной, дорожней, продовольственной коммиссіяхъ и въ разныхъ комитетахъ, постоянныхъ и временныхъ. Члены въ

[1]) Арх. Гор. Думы Входящ. 1829 г.

эти мѣста назначаются не по избранію губернатора, а министрами, преимущественно изъ служащихъ въ министерствахъ, такихъ чиновниковъ, которыхъ желаютъ сбыть съ рукъ, какъ накопившійся ненужный товаръ. Содержаніе служащимъ въ губерніяхъ было такъ ничтожно, что не было возможности найти порядочныхъ людей на штатныя мѣста. Если и попадался дѣльный чиновникъ, то не надолго: не видя ничего интереснаго для своей будущности или карьеры въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, онъ переходилъ на службу въ одно изъ министерствъ. Такими чиновниками и тамъ дорожили. На губернаторѣ лежало столько обязанностей, что онъ едва только въ состояніи былъ подписывать подносимыя ему бумаги, а не читать ихъ, а тѣмъ болѣе слѣдить, какъ предсѣдатель, за успѣхомъ дѣлопроизводства".

На мѣсто Каховскаго гражданскимъ губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ кавалерійскій генералъ-маіоръ, князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Такимъ образомъ въ Харьковѣ оказалось одновременно два губернатора: военный—Никитинъ и гражданскій—Трубецкой. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Никитину подчинена была также и гражданская часть. Такъ мы знаемъ, что онъ пріѣзжалъ въ городскую думу и даже ревизировалъ думское дѣлопроизводство [1]). Постояннаго наблюденія за гражданскою частью Никитинъ, впрочемъ, имѣть не могъ уже потому, что жилъ не въ Харьковѣ, а въ Чугуевѣ. Въ 1834 г. обязанности военнаго губернатора г. Харькова были съ Никитина сняты и переданы Трубецкому.

Трубецкой былъ родовитый и богатый баринъ: за родителями его числилось въ разныхъ губерніяхъ до 6 тыс. душъ крѣпостныхъ. Гдѣ и чему учился Трубецкой,—не знаемъ, на службу поступилъ въ 1811 г. въ тогдашнюю школу дипломатовъ—въ Московскій архивъ иностранной коллегіи, но уже въ 1815 г. мы его видимъ въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части колонновожатымъ. Черезъ годъ онъ уже прапорщикъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка и батальонный адъютантъ, а въ 1819 г. въ чинѣ подпоручика—адъютантъ при начальникѣ главнаго штаба второй арміи Киселевѣ. Затѣмъ Трубецкой переходитъ въ лейбъ гвардіи гусарскій полкъ, назначается адъютантомъ къ барону Дибичу. Женитьба на дочери генералъ-фельдмаршала князя Витгенштейна могла, конечно, только содѣйствовать его карьерѣ. 14-го декабря 1825 г. Трубецкой находится при особѣ Его Величества на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній при дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ получилъ Высочайшую признательность, объявленную въ приказѣ. Дальнѣйшая карьера Трубецкого пошла послѣ этого еще быстрѣе. Въ 1828 г. Трубецкой попалъ въ дѣйствующую армію. За турецкую войну Трубецкой получилъ золотую саблю за храбрость, полковничій чинъ, флигель-адъютантскіе эксельбанты и орденъ св. Анны 2-й степени. По окончаніи войны Трубецкой возвратился во фронтъ своего лейбъ-гвардейскаго гусарскаго полка въ званіи командующаго 3-мъ дивизіономъ и за походы, смотры и маневры два раза получалъ Высочайшее благоволеніе. Въ качествѣ флигель-адъютанта былъ командированъ въ Петербургскую, Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губерніи для рекрутскаго набора, а съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ назначенъ состоять при фельдмаршалѣ Дибичѣ. Въ Польшѣ Трубецкой участвовалъ въ нѣсколькихъ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ, между прочимъ подъ Гроховымъ и Остроленкою, нѣсколько разъ былъ командируемъ главнокомандующимъ для разныхъ порученій. Послѣ боя подъ Остроленкой Трубецкой былъ назначенъ временнымъ военнымъ начальникомъ этого города. Польская кампанія принесла Трубецкому орденъ Владиміра 3-й степени и польскій знакъ отличія за военныя достоинства. Послѣ войны Трубецкой употребляется по разнымъ порученіямъ: ѣдетъ въ Рязанскую, Тульскую и Владимірскую губерніи для набора рекрутъ, отправляется въ область войска Донского и смежныя губерніи для принятія мѣръ къ прекращенію побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ на Кавказъ и къ возвращенію бѣжавшихъ.

Громкое имя, блестящее положеніе, благоволеніе Двора подѣйствовали на харьковцевъ импонирующимъ образомъ. Харьковскій университетъ почтительно поднесъ новому губернатору дипломъ на званіе почетнаго члена, хотя отношенія Трубецкого къ университету и наукѣ ограничивались только тѣмъ, что въ первое время по пріѣздѣ онъ занялъ подъ свою квартиру одинъ изъ корпусовъ университетскихъ зданій. Въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ Трубецкой былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта, и, наконецъ, на него же было возложено въ 1834 г. и исправленіе должности военнаго губернатора г. Харькова, кото-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1833 г.

рую до тѣхъ поръ несъ Никитинъ. Въ періодъ губернаторства въ Харьковѣ Трубецкой продолжалъ оставаться въ фаворѣ. Въ 1835 г. ему дали знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ на георгіевской лентѣ и въ томъ же году—Станиславовскую ленту, въ 1836 г. ему было объявлено Высочайшее удовольствіе за успѣшное взысканіе податей [1]).

Трубецкой, если вѣрить характеристикѣ Топчіева, былъ человѣкъ „весьма ограниченнаго ума, неопытный въ дѣлахъ, любившій повеличаться своимъ званіемъ, но строгой честности, всѣмъ сердцемъ преданный добру и довольно усердно занимавшійся своею обязанностью. Бывало—вспоминаетъ Топчіевъ,—въ горячности оборветъ чиновника ни за что, ни про что, но никому не сдѣлалъ зла намѣренно".

Время управленія губерніей Трубецкимъ прошло для Харькова далеко не безслѣдно. Это было время, когда центральное правительство обратило усиленное вниманіе на благоустройство русскихъ городовъ, находившихся до тѣхъ поръ въ очень жалкомъ состояніи. Не былъ, конечно, забытъ и торговый Харьковъ, изъ котораго рѣшили теперь создать вполнѣ благоустроенный городъ. При Трубецкомъ Харьковъ почти ежегодно посѣщался Государемъ и особами Царской Фамиліи. Заботы объ улучшеніи и украшеніи города стали теперь проявляться особенно усиленно, причемъ значительною долею успѣха Харьковъ обязанъ Трубецкому. Трубецкимъ возобновлена сдѣланная еще при Грибовскомъ попытка замощенія города камнемъ. Опытъ оказался удачнымъ, и съ этихъ поръ камень въ качествѣ матеріала для замощенія получаетъ въ Харьковѣ полныя права гражданства. Ежегодно ведутся работы по замощенію главныхъ улицъ. Изъ казны на прокладку мостовыхъ городу отпускается особый кредитъ. Не безъ участія Трубецкого совершается и упорядоченіе городскаго хозяйства. Труды состоявшей подъ его вѣдѣніемъ коммиссіи по этому вопросу имѣли въ результатѣ изданіе Высочайше утвержденнаго „Положенія" о доходахъ и расходахъ г. Харькова, регулировавшаго городское хозяйство вплоть до введенія Городового Положенія 1870 г. Трубецкимъ-же кое-что сдѣлано было и въ интересахъ общественнаго здравія. По его иниціативѣ, дума постановила пригласить для города особаго медика съ жалованьемъ изъ городскихъ доходовъ. При немъ возникла даже мысль объ устройствѣ въ Харьковѣ водопровода, проектъ котораго, по предложенію Трубецкого, сочинялъ инженеръ-поручикъ Петровскій. Къ просвѣщенію харьковцевъ Трубецкой относился также сочувственно. Такъ, въ новыхъ штатахъ городскихъ доходовъ и расходовъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1835 г., не было упомянуто о расходѣ на школу взаимнаго обученія. Трубецкой велѣлъ думѣ произвесть расходъ на школу подъ его личной отвѣтственностью, а самъ въ то-же время обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбой объ отпускѣ средствъ на содержаніе школы, необходимой для первоначальнаго обученія недостаточныхъ классовъ населенія Харькова. Дѣло о школѣ слушалось въ комитетѣ министровъ, который и рѣшилъ выдавать на ея содержаніе ежегодно 1910 р. 66¾ коп. изъ городскихъ средствъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, это иниціатива въ этомъ дѣлѣ исходила отъ помощника попечителя округа гр. Панина, но заслуга Трубецкого все-таки въ томъ, что онъ отнесся къ заявленію Панина горячо и сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія школы. Къ городскому самоуправленію Трубецкой относился довольно доброжелательно и стремленія прибрать его къ своимъ рукамъ не обнаруживалъ. Правда, что и размѣры этого самоуправленія были въ тѣ годы совсѣмъ уже ничтожны; изъ вѣдѣнія думы всѣ почти важнѣйшія дѣла отошли въ разные комитеты и коммиссіи, такъ что отбирать было, пожалуй, что и нечего. Трубецкой расширилъ даже право думы на производство расходовъ, дозволивъ ей тратить на мелкіе расходы до 50 руб. безъ особаго разрѣшенія губернатора. Правда, немного времени спустя это право было Трубецкимъ-же и отнято, но затѣмъ вновь возвращено. Изъ болѣе мелкихъ распоряженій Трубецкого нельзя не отмѣтить принятыхъ имъ мѣръ къ пониженію платы за помѣщеніе въ харьковскихъ гостинницахъ, поднимавшейся особенно высоко въ ярмарочное время; заботы о постройкѣ мостовъ и кладокъ, о приведеніи въ порядокъ „плацъ-парадnаго мѣста" (нынѣшняя Скобелевская площадь). Были попытки и къ поднятію мѣстной фабричной и ремесленной производительности. Такъ въ 1835 г. Трубецкой предлагалъ городской думѣ совмѣстно съ полиціймейстеромъ „изыскать средства къ усиленію въ Харьковѣ мануфактурной промышленности и сдѣлать соображенія, какими особенными мѣрами, удобствами и способами можно было бы содѣйствовать къ усиленію прежнихъ или устроенію новыхъ фабрикъ и подходящихъ подъ фабрики ремеселъ".

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Формулярный списокъ губернатора кн. Трубецкого.

Харьковскимъ губернаторомъ Трубецкой пробылъ по 15 ноября 1837 г. [1]). При немъ губернія была переименована изъ Слободско-Украинской въ Харьковскую (1636 г.).

Трубецкой, не смотря на то, что въ Петербургѣ считался регопа grata, располагалъ въ дѣйствительности меньшею властью, чѣмъ его предмѣстники, потому что, помимо подчиненія Петербургу, харьковскій губернаторъ имѣлъ надъ собою и непосредственнаго начальника въ лицѣ генералъ-губернатора, которому подчинены были губерніи: Черниговская, Полтавская и Харьковская. Генералъ-губернаторство установлено въ 1835 г. Возникновеніе новаго института не вызывалось никакими серьезными причинами и было тѣмъ большею неожиданностью, что не за долго передъ тѣмъ въ Петербургѣ рѣшено было совершенно уничтожить внутреннія генералъ-губернаторства, какъ лишнюю административную инстанцію, безполезную для населенія, но крайне убыточную для казны. И вотъ вдругъ генералъ-губернаторская власть явилась тамъ, гдѣ ея до сихъ поръ не было съ Екатерининскихъ временъ. Причины этому лежали, вѣроятно, въ желаніи подтянуть губернію, непорядки которой были обнаружены предыдущими ревизіями. Непорядки обратились въ нѣчто хроническое. Они вызвали недобровольный уходъ съ губернаторскаго поста Муратова и преданіе его суду; ими объяснялось внезапное отрѣшеніе Грибовскаго, они-же были виноваты и въ преданіи суду ветерана Каховскаго. Губернія, очевидно, нуждалась во власти сильной, обладавшей возможностью подтянуть, кого нужно, и энергично расправиться съ нарушителями законовъ. И такая власть была создана въ лицѣ генералъ-губернаторовъ.

Первымъ генералъ-губернаторомъ трехъ малороссійскихъ губерній назначенъ былъ (1 декабря 1835 г.) генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи графъ Василій Васильевичъ Левашовъ. Передъ тѣмъ Левашовъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ. Новый начальникъ края близкаго касательства къ Харькову не имѣлъ, въ Харьковѣ не жилъ, а пріѣзжалъ сюда временно, всего одинъ разъ на три недѣли. Въ мѣстной жизни Левашовъ ничѣмъ себя не проявилъ. Это былъ вельможа хотя и строгій, но вѣжливый. Въ должности генералъ-губернатора Левашовъ пробылъ не долго. 12 ноября 1836 г. генералъ-губернаторомъ для Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Въ началѣ своего управленія Строгановъ въ Харьковѣ тоже не жилъ постоянно, проводя время въ разъѣздахъ по тремъ ввѣреннымъ ему губерніямъ. Чаще всего генералъ-губернаторъ и его канцелярія пребывали въ Полтавѣ.

Въ 1837 г. Строгановъ переселился въ Харьковъ на постоянное житье. „Флегматичный, холодный, односторонній, далеко не умный, Строгановъ—говоритъ Топчіевъ—былъ не въ состояніи ознаменовать своего генералъ-губернаторства ничѣмъ полезнымъ для ввѣреннаго ему края, онъ только ссорился съ гражданскимъ губернаторомъ. Трубецкая, какъ дочь многоуважаемаго въ Россіи фельдмаршала Виттенштейна, не упускала ни одного случая высказаться передъ Строгановымъ за дѣлаемыя имъ непріятности ея мужу, который, конечно, не безъ участія со стороны Строганова, былъ переведенъ въ Смоленскую губернію губернаторомъ-же“. Провѣрить отзывъ Топчіева о безполезности Строганова для ввѣреннаго ему края мы не имѣемъ возможности, но что касается Харькова, то для него онъ дѣйствительно ничего не сдѣлалъ, если не считать распоряженія о покупкѣ щитовъ для пожарной команды и заведенія описей въ архивѣ городской думы. Въ сферѣ благоустройства пребываніе Строганова въ Харьковѣ ознаменовалось еще устройствомъ мостовой противъ дома помѣщицы Лаптевой, въ которомъ квартировалъ генералъ-губернаторъ [2]). Вліяніе Строганова на мѣстную жизнь сказалось не столько на харьковскомъ благоустройствѣ, сколько на харьковскихъ нравахъ. Благодаря Строганову въ Харьковѣ умножилась роскошь и „дошла до безумія“. За безмѣрно богатымъ генералъ-губернаторомъ тянулись люди поменьше, а это сильно отражалось не только на „домашней экономіи“ соревнующихъ, но и на дѣлахъ ввѣренныхъ имъ управленій: больше тратилось,—приходилось, значитъ, и больше брать.

Въ 1839 г. Строгановъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Еще раньше его ушелъ изъ Харькова Трубецкой. 15-го ноября 1837 г. гражданскимъ губернаторомъ въ Харьковъ вмѣсто Трубецкого назначенъ состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйств. стат. сов. Дейеръ. Свѣдѣній о немъ у насъ никакихъ не сохранилось, да и сами харьковцы своего губернатора

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Журн. 1834—1837 г.г.

[2]) Тамъ же. Журналы 1836 и 1837 г.г.

никогда и въ лицо не видѣли. Дейеръ въ Харьковъ почему-то совсѣмъ не пріѣхалъ. Должность его исправлялъ сперва вице-губернаторъ, а потомъ предсѣдатель казенной палаты Крыловъ [1]).

21-го февраля 1838 г. губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ камергеръ Высочайшаго Двора, стат. сов. Василій Александровичъ Шереметевъ. Это былъ не блестящій гвардеецъ въ родѣ Трубецкого и не выслужившійся бюрократъ въ родѣ Грибовскаго, а родовитый баринъ, предпочитавшій уѣздное dolce far niente выслуживанью карьеры на парадахъ и въ канцеляріяхъ. Шереметевъ служилъ не долго и не много. 15-ти лѣтъ онъ въ качествѣ гражданскаго чиновника поступилъ въ штатъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, черезъ три года изъ гражданской службы перешелъ съ чиномъ поручика въ военную— въ ахтырскіе гусары, а оттуда въ гвардію. Въ 1819 г. 24-лѣтній ротмистръ Шереметевъ вышелъ въ отставку. Въ 1830 г. мценскіе дворяне выбрали его своимъ уѣзднымъ предводителемъ, а на выборахъ 1833 г. онъ попалъ въ губернскіе предводители. Предводителемъ Шереметевъ выбранъ былъ и на слѣдующее трехлѣтіе. Числился часто въ отпуску, но это не мѣшало ему получить камергерскій ключъ, чины и ордена. Женился Шереметевъ на своей родственницѣ, или однофамилицѣ, фрейлинѣ Шереметевой, за которой получилъ въ приданное 1545 крѣпостныхъ душъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Состояніе и у самого Шереметева было не маленькое. Во Мценскомъ уѣздѣ онъ получилъ по наслѣдству 875 душъ да къ нимъ прикупилъ еще 969 душъ; въ Бѣлевскомъ уѣздѣ ему по наслѣдству досталась 31 душа, да въ Московской губерніи имъ лично было пріобрѣтено 1004 души. Прямо съ предводительской должности Шереметевъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Харьковъ. Здѣсь онъ пробылъ тоже очень не долго: назначенъ 21 февраля 1838 г., въ Харьковъ прибылъ въ апрѣлѣ, а уже 29-го января слѣдующаго 1839 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ его въ Черниговъ [2]). Шереметевъ— вспоминаетъ Топчіевъ— „много занимался дѣлами, зналъ свое дѣло лучше своего предмѣстника. Изъ Шереметева могъ бы выйти отличный губернаторъ, еслибъ у него вмѣсто сердца не лежалъ камень. Всегдашняя полунасмѣшливая, пренебрежительная улыбка на устахъ и упорство характера отталкивали отъ него каждаго, при томъ у него вѣсы правосудія клонились не рѣдко на сторону тѣхъ, которые были въ связяхъ съ сильными міра сего". Въ Черниговъ Шереметевъ былъ переведенъ по вліянію Строганова. „О немъ никто не жалѣлъ, между тѣмъ какъ о переводѣ князя Трубецкого сожалѣла почти вся губернія, не смотря на его недостатки, за его правдивость и доброе сердце".

Губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Адріанъ Прокофьевичъ Устимовичъ. Какъ Шереметевъ, такъ и Устимовичъ ничѣмъ себя въ Харьковѣ не проявили, можетъ быть, потому, что ничѣмъ особеннымъ не выдавались, а можетъ быть и потому, что и Шереметевъ, и Устимовичъ были, такъ сказать, субалтернами при генералъ-губернаторѣ. Иниціативы они проявлять не смѣли, если-бы даже и были на это способны, ибо иниціатива, по самому положенію вещей, была исключительнымъ правомъ только главнаго начальника края. Такъ какъ въ сущности генералъ-губернаторы дѣлали тоже дѣло, что и губернаторы, то отсюда неизбѣжны были взаимныя тренія. Губернаторы не могли безъ раздраженія относиться къ постоянному вмѣшательству въ ихъ дѣла генералъ-губернатора, не могли простить послѣднему и того, что благодаря ему ихъ губернаторскій блескъ блѣднѣлъ, какъ блѣднѣютъ звѣзды, когда на небѣ мѣсяцъ. Съ своей стороны и генералъ-губернаторы ревниво относились и къ своей власти, и къ своему положенію. Хорошимъ губернаторомъ былъ для нихъ только тотъ, кто наименьше способенъ былъ проявлять свою самостоятельность. Вотъ почему и губернаторы не уживались въ это время въ Харьковѣ долго, не говоря уже о томъ, что смѣна главнаго начальника края другимъ неизбѣжно вела за собою и смѣну начальника губерніи.

На мѣсто Строганова генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ былъ переведенъ изъ Вильны генералъ-адъютантъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, соединившій въ своихъ рукахъ управленіе тремя малороссійскими губерніями съ властью попечителя Харьковскаго учебнаго округа (послѣ смерти гр. Головкина). Родовитый, привыкшій къ роскошной жизни, своенравный и ни передъ чѣмъ не останавливавшійся сатрапъ, Долгоруковъ, по примѣру вельможъ временъ очаковскихъ, не признавалъ въ обращеніи съ подначальными иного мѣстоименія, кромѣ второго лица единственнаго числа, и не церемонился даже съ лицами, „почтен-

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы Журналы 1837 и 1838 г.г.
[2]) Архивъ Харьк. Губ. Пр. Формул. спис. Шереметева 1838 г.

ными довѣріемъ дворянства". На одного изъ такихъ излюбленныхъ людей, провинившагося въ неисправномъ состояніи дороги къ имѣнію нѣкоей крупной помѣщицы, Долгоруковъ кричалъ: „исправникъ! подъ бѣлые ремни тебя поставлю". При ревизіи сумского земскаго суда обратился къ мѣстному исправнику, крупному помѣщику Д—ру съ приказаніемъ: „эй ты, старшій пажъ, принеси мнѣ стаканъ воды". И старшій пажъ" исполнилъ приказаніе его сіятельства. Становому приставу, тоже избраннику дворянства, увѣрявшему генералъ-губернатора въ чемъ-то своимъ честнымъ словомъ, Долгоруковъ крикнулъ: „какая честь можетъ быть у станового? Становой долженъ быть воръ, мошенникъ, с..... с.....!"

„Долгорукову, разсказываетъ Топчіевъ, предшествовала молва, что онъ человѣкъ умный и дѣльный,—чему радовались очень многіе. Можетъ быть, онъ выказалъ себя такимъ въ г. Вильнѣ, откуда былъ переведенъ къ намъ,—у насъ же онъ любилъ только хорошо поѣсть, былъ не прочь и выпить, просиживалъ ночи за преферансомъ, умѣлъ браниться, особливо натощакъ, когда бывалъ голоденъ... Наружность его—масса костей, оплывшихъ жиромъ, въ родѣ тыквы. Онъ жилъ постоянно въ Харьковѣ и рѣдко выѣзжалъ въ другія губерніи или разъѣзжалъ по своему генералъ-губернаторству. Въ первые два года къ нему были обязаны съѣзжаться всѣ предсѣдатели, члены и секретари харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ каждое воскресенье съ десяти часовъ утра и нерѣдко ожидать его выхода до двѣнадцати, единственно для того, чтобы выслушать брань: „я знаю, что у васъ все гадко, мерзко, теченіе дѣлъ запущено, основано на томъ, кто больше дастъ". Слышать однѣ и тѣ-же любезности было невыносимо даже и для тѣхъ, у кого рыльце было дѣйствительно въ пушку, тѣмъ болѣе, что у воздававшихъ кесарево кесареви (по больше мамонѣ) шесть дней отнимались утренніе часы для воздаянія хоть небольшой доли, слѣдовавшей Богу. Сколько Долгоруковъ ни бранился, а дѣла шли по прежнему гадко, и этому нельзя было пособить ни бранью, ни преданіемъ суду. Чтобы они шли хорошо—прежде всего необходимо было бы обезпечить содержаніемъ служащихъ бѣдняковъ, чтобы каждый сталъ дорожить своимъ мѣстомъ, былъ увѣренъ, что служба его не зависитъ отъ каприза начальника, а старость будетъ обезпечена достаточнымъ пенсіономъ за честный, долговременный трудъ обществу. Не знаю, что хорошаго сдѣлалъ Долгоруковъ для западныхъ губерній, которыми управлялъ до перехода къ намъ, но у насъ не сдѣлалъ ровно ничего; только умѣлъ удержаться на своемъ мѣстѣ, приближалъ къ себѣ и отличалъ лишь тѣхъ, которые были въ состояніи играть съ нимъ по большой въ вистъ и преферансъ и у кого онъ надѣялся занять денегъ. Онъ женился въ Вильнѣ на прехорошенькой полькѣ, разводкѣ съ первымъ мужемъ, молодымъ и богатымъ человѣкомъ. Бѣдняжка увлеклась, конечно, не любовью уже къ немолодому, очень подержаному и притомъ промотавшемуся до нельзя князю... Оставшись послѣ него еще молодой, съ малолѣтнею дочерью, она была вынуждена довольствоваться пенсіономъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ,—весьма скромнымъ содержаніемъ для аристократки, жены генералъ-губернатора. Долгоруковъ умеръ въ Харьковѣ, кажется, въ 1847 году, отъ пресыщенія жизнью, едва перешагнувъ за пятьдесятъ лѣтъ, и былъ похороненъ въ склепѣ колокольни Успенскаго собора. По смерти его не оказалось казенныхъ денегъ до пятидесяти тысячъ руб. сер., самимъ ли имъ растраченныхъ или тѣми чиновниками канцеляріи, которые завѣдывали суммами,—это покрыто мракомъ неизвѣстности, хотя объ этомъ и производилъ слѣдствіе генералъ-адъютантъ Анрепъ. Деньги были сложены со счетовъ, не отвѣтственно ни для кого, а вдовѣ Долгорукова, былъ данъ пенсіонъ".

Къ этой отрицательной характеристикѣ, въ интересахъ истины, необходимо сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Прежде всего не вѣрно, будто бы Долгоруковъ въ Харьковѣ „ровно ничего не сдѣлалъ". Изъ документовъ того времени мы знаемъ напр., что сіятельный начальникъ края очень много заботился объ улучшеніи и украшеніи своей резиденціи—Харькова. По его иниціативѣ и подъ его главнымъ предсѣдательствомъ былъ созданъ комитетъ для разсмотрѣнія вопроса о нуждахъ харьковскаго благоустройства. Комитетомъ былъ выработанъ цѣлый планъ различныхъ улучшеній. Предполагалось напр. всю обширную Торговую площадь засадить бульваромъ, устроить набережныя, водопроводъ, привесть въ порядокъ спускъ съ Холодной горы, уничтожить такъ наз. Барабашевскую гребли и выстроить на мѣсто ея мостъ. Предположеній и благихъ намѣреній у Долгорукова и его сотрудниковъ было ни мало. но осуществить изъ нихъ удалось только очень немногое, ибо всѣ благія намѣренія разбивались о вѣчный недостатокъ денегъ въ городской кассѣ и неизбѣжно наталкивались на медлительность петербургскихъ канцелярій, куда отсылались генералъ-губернаторскіе проекты и гдѣ они залеживались годами. Почемъ знать,

проживи Долгоруковъ подольше,—можетъ быть, и ему пришлось бы пожать плоды своихъ начинаній, но Долгоруковъ умеръ 11 апрѣля 1847 г., а его планы, если не всѣ, то многіе, выпало на долю осуществить его болѣе счастливому преемнику.

Долгоруковъ продолжалъ цивилизаторскую миссію графа Строганова, знакомя харьковское общество со столичными удовольствіями людей высшаго круга. При Долгоруковскомъ „дворѣ", въ центрѣ котораго стояла молоденькая и хорошенькая генералъ-губернаторша, всегда было весело. Балы, любительскіе спектакли, soirées dansantes не прекращались. Примѣру генералъ-губернатора слѣдовалъ и харьковскій beau monde. Жилось этому кругу въ тогдашнемъ Харьковѣ очень весело. Онъ главнымъ образомъ поддерживалъ и харьковскій театръ, и харьковскую благотворительность. При учрежденіи дѣтскаго пріюта солидный кушъ въ его пользу отчислился отъ благородныхъ маскарадовъ, устроенныхъ княгиней Люціей Осиповной Долгоруковой. При устройствѣ благотворительнаго общества крупная поддержка ему, и денежная, и моральная, была оказана четой Долгоруковыхъ, при чемъ Люція Осиповна стала и первой предсѣдательницей 2-го отдѣленія общества.

Жизнь не по средствамъ, сильно расшатаннымъ еще до Харькова, не могли не привести къ краху. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что послѣ смерти Долгорукова обнаружилась пропажа казенныхъ денегъ. Дѣйствительно-ли эта пропажа имѣла мѣсто, и былъ-ли въ томъ виноватъ генералъ-губернаторъ,—рѣшать не беремся. Знаемъ только, что денежный крахъ былъ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившійся въ архивѣ губернскаго правленія рядъ дѣлъ „о долгахъ князя Долгорукова".

При Долгорукомъ губернаторомъ былъ Сергѣй Николаевичъ Мухановъ. Богатый дворянинъ, владѣвшій вмѣстѣ съ отцомъ въ разныхъ губерніяхъ 1546 душами, Мухановъ началъ свою карьеру кавалерійскимъ юнкеромъ, попалъ затѣмъ въ адъютанты къ Бенкендорфу, состоялъ потомъ штабъ-офицеромъ въ корпусѣ жандармовъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1827 г., въ 1830 году назначенъ исправляющимъ должность московскаго оберъ-полиціймейстера, а въ слѣдующемъ году пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта. По выходѣ въ отставку изъ военной службы Мухановъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, а потомъ въ члены совѣта министра финансовъ. Съ этой должности по указу 12 ноября 1840 г. онъ и перемѣщенъ губернаторомъ въ Харьковъ [1]).

Мухановъ пробылъ губернаторомъ по 25 февраля 1849 г., пережилъ Долгорукова, съ которымъ почти одновременно явился онъ въ Харьковъ. Имя Муханова тѣснымъ образомъ связано съ исторіей возникновенія Харьковскаго благотворительнаго общества, иниціаторомъ котораго онъ былъ. Онъ-же былъ и первымъ предсѣдателемъ совѣта общества, когда оно наконецъ возникло. Не безъ его участія обошлось и открытіе дѣтскаго пріюта, хотя въ данномъ случаѣ Мухановъ былъ уже не иниціаторомъ, а только исполнителемъ предначертаній свыше.

Мухановъ—разсказываетъ Е. И. Топчіевъ—„былъ благонамѣренный, правдивый человѣкъ, зависѣвшій во многомъ отъ своего правителя канцеляріи, какъ и наибольшая часть назначаемыхъ въ губернаторы изъ военныхъ генераловъ. Онъ слѣдовалъ не рѣдко первому впечатлѣнію, наговорамъ: кто первый въ какомъ видѣ представитъ ему дѣло, любилъ сплетни". Мухановъ сильно враждовалъ съ только что открытымъ тогда управленіемъ государственныхъ имуществъ. „Онъ ревновалъ къ своей власти, слѣдовательно и подчиненныхъ ему градскихъ и земскихъ полицій, и потому лѣзъ на проломъ въ увѣренности, что эту власть ограничиваетъ вновь открытое управленіе государственными имуществами. Не обидѣвшій съ намѣреніемъ и комара, Мухановъ доходилъ тутъ не рѣдко до крайней несправедливости, тогда какъ все ограниченіе состояло въ томъ, что не допускали чиновниковъ кормиться по старой привычкѣ на счетъ государственныхъ крестьянъ"... Мухановъ „перенесъ много несправедливостей и дерзостей отъ генералъ-губернатора. Но когда умеръ этотъ сатрапъ, то Мухановъ заплатилъ добромъ его вдовѣ. Онъ могъ-бы, даже былъ обязанъ, заарестовать всю значительную движимость умершаго, въ обезпеченіе растраты казенныхъ денегъ, но, сколько мнѣ извѣстно, уклонился отъ этого единственно по своему благодушію; даже усердно ходатайствовалъ о пенсіонѣ вдовѣ и объ избавленіи отъ отвѣтственности чиновниковъ Долгорукова, которые были обязаны ежемѣсячно повѣрять или свидѣтельствовать хранившіяся деньги въ канцеляріи, но допустили до растраты и не донесли о ней въ свое время. Носились слухи, что значитель-

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Формул. сп. Муханова 1841 г.

ною частью растраченныхъ денегъ воспользовались правитель канцеляріи Танскій и казначей Езерскій, но справедливы-ли эти слухи, не знаю. Всю растраченную сумму приняли на счетъ казны, по волѣ Государя".

Долгорукова смѣнилъ ген.-адьют. Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ. „С. А. Кокошкинъ—разсказываетъ въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ Е. С. Гордѣенко—былъ раньше этого оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ. Во время своей полицейской служебной дѣятельности онъ прослылъ за очень дѣльнаго и расторопнаго полиціймейстера, умѣвшаго открывать самыя неуловимыя причины весьма пикантныхъ исторій, дѣлалъ неожиданныя для всѣхъ разоблаченія и т. п. Любовь къ полицейскимъ порядкамъ, преданность къ полицейской службѣ такъ сильно вкоренились въ немъ въ этотъ петербургскій періодъ его жизни, что не покидали его и въ чинѣ генералъ-губернатора. Свое особое вниманіе онъ обращалъ на благоустройство города и внѣшній порядокъ. Украшеніе города, какъ бы дорого оно ни стоило жителямъ, съ какими неудобствами для нихъ ни было бы сопряжено, стояло всегда у него на первомъ планѣ. О томъ, что скрывалось за этимъ наружнымъ благолѣпіемъ, Кокошкинъ заботился менѣе всего. Неказистый видъ лачугъ и городскихъ строеній на большихъ улицахъ или въ мѣстахъ, открытыхъ взорамъ проѣзжающаго начальства, онъ относилъ къ безпорядкамъ, легко устранимымъ полицейскими мѣрами. Онъ не входилъ въ экономическое положеніе города и его обывателей, какъ не останавливался и предъ естественными препятствіями, когда дѣло шло о приведеніи въ порядокъ улицы, о постройкѣ, украшающей городъ. Благосостояніе города, интересы жителей стояли совершенно внѣ круга его начальническихъ заботъ, посвященныхъ всецѣло внѣшнему благоустройству. Тротуары, мостовыя, разныя городскія постройки, распланировка города—вотъ что было, по его мнѣнію, существеннымъ и достойнымъ вниманія. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ былъ очень послѣдователенъ и настойчивъ и распоряжался въ городѣ, какъ самостоятельный и полномочный хозяинъ, не уважая нисколько жалобъ домохозяевъ на тѣ неудобства и стѣсненія, которыя имъ приходилось испытывать, благодаря тѣмъ или другимъ его распоряженіямъ. „Мнѣ нужно, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, чтобы на улицахъ было хорошо, а въ домѣ живите сами, какъ знаете". Свои распоряженія онъ отдавалъ съ крайней бюрократической сухостью, не только не входя въ положеніе лицъ, на которыхъ они ложились часто тяжелымъ бременемъ, но не давая даже опредѣленныхъ указаній, какъ привести въ исполненіе его приказаніе. Все хотѣлъ только, чтобъ его слово быстро становилось дѣломъ, предвкушая сладость лицезрѣнія результатовъ своей власти. Питая большое пристрастіе къ тротуарамъ и мостовымъ, онъ, во время прогулокъ по городу въ сопровожденіи полицейскаго, зорко слѣдилъ за благоустройствомъ улицъ. Однажды во время одной изъ такихъ прогулокъ, проходя по Лоцанской набережной въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится мость на Екатеринославскую улицу, онъ увидѣлъ, что угольный домъ (принадлежавшій сначала профессору Громову, а потомъ Бородаевскому, пожертвовавшему его въ пользу Общества распространенія грамотности) Лоцанскаго переулка, выходящій на набережную, стоитъ на косогорѣ. Чтобы провести тротуаръ, нужно было срыть пригорокъ. Кокошкинъ передалъ домохозяину чрезъ частнаго пристава свое желаніе. Хозяинъ дома срылъ гору, проложилъ тротуаръ и думалъ было почить на лаврахъ. Но не тутъ то было. Начальнику показалось, что тротуаръ проложенъ слишкомъ высоко, и что нужно еще срыть возвышенность. Снова является къ домовладѣльцу частный приставъ и приказываетъ отъ имени генералъ-губернатора проложить тротуаръ ниже. Озадаченный такимъ начальническимъ вниманіемъ, хозяинъ двора спросилъ: „Скажите пожалуйста, насколько еще нужно снять земли?" На это приставъ, привыкши передавать только лишь то, что было сказано начальствомъ, отвѣчалъ: „Вы стройте, а тамъ ужъ ихъ превосходительство скажутъ, довольно—или нѣтъ. А можетъ быть, еще понадобится вскопать". Такими наблюденіями за прямолинейностью тротуаровъ и немедленными приказаніями сдѣлать то или другое для благоустройства города Кокошкинъ постоянно держалъ въ страхѣ обывателей, я не говорю, недостаточныхъ, но не всегда располагавшихъ достаточными средствами для выполненія начальническихъ требованій. Въ особенности отъ нихъ приходилось плохо тѣмъ, которые имѣли свои подворья на главныхъ улицахъ, такъ какъ объ ихъ благолѣпіи бдительный и энергичный въ этомъ отношеніи генералъ-губернаторъ радѣлъ болѣе всего. Въ виду того, что по этимъ улицамъ проѣзжало высшее начальство, Кокошкинъ украшалъ ихъ различными общественными зданіями. Эти зданія возводились всегда на видныхъ мѣстахъ. Такъ онъ построилъ 3-ю полицейскую часть г. Харькова на Тюремной площади, замыкающей Екатеринославскую улицу. Такъ какъ эта улица упиралась въ Холодную гору, то Кокошкинъ, не терпѣвшій никакихъ вообще неровностей, приказалъ, между прочимъ,

прорыть эту возвышенность, чѣмъ значительно уменьшилъ ея крутизну. Холодногорскіе обыватели за это, разумѣется, не должны были питать иного чувства, кромѣ благодарности. Матеріальные ихъ интересы ничуть не страдали при этомъ, они пользовались лишь плодами начальнической заботливости. Кокошкинъ перестроилъ зданіе присутственныхъ мѣстъ, устраивалъ мосты черезъ харьковскія рѣки, заботясь также и объ улучшеніи послѣднихъ, хотя безуспѣшно, и произвелъ цѣлый рядъ сооруженій, до сихъ поръ свидѣтельствующихъ о его дѣятельности. Сергіевскій рядъ былъ построенъ если не по его проекту, то по крайней мѣрѣ въ честь его имени". Другой современникъ Кокошкина и свидѣтель его дѣятельности въ Харьковѣ—Е. И. Топчіевъ аттестуетъ какъ самого Кокошкина, такъ и его управленіе тоже далеко не лестно.

„На мѣсто умершаго Долгорукова—вспоминаетъ Топчіевъ—былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Кокошкинъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Въ прежней ли полицейской службѣ онъ изсушилъ свое сердце, или уже такимъ родился, не знаю, но онъ пріѣхалъ въ Харьковъ вылитый въ форму полицейскаго служителя, съ тою только разницей, что уже не бралъ взятокъ на генералъ-губернаторствѣ, достаточно набивши свой карманъ, бывши оберъ-полиціймейстеромъ. У него не было жалости, снисхожденія ни къ какому лицу—даже умирающему. Онъ не вѣрилъ въ честность людскую, полиція для него было единственное священное мѣсто, которому онъ считалъ своимъ долгомъ покровительствовать противъ жителей. Законъ обходилъ вчастую; форма, предписаніе или „велѣно исполнить"—Кокошкинъ былъ весь тутъ. Содѣйствіемъ Кокошкина былъ переведенъ отъ насъ честный добрякъ Мухановъ въ Смоленскую губернію. Смыслилъ въ дѣлахъ Кокошкинъ на столько, что на каждой полученной бумагѣ писалъ одну и ту же резолюцію: „сообразить съ законами и доложить не медля". Когда приносили ему бумаги (обыкновенно правитель канцеляріи Танскій), то онъ спрашивалъ: „къ намъ или отъ насъ?" „Отъ насъ"—подписывалъ не читая, по одному объясненію правителя дѣлъ, на что нужно дать отвѣтъ и въ чемъ заключается. Коньюкомъ Кокошкина были пожары, осмотры построекъ, кадки на всѣхъ деревянныхъ строеніяхъ, имъ придуманныя (которыя были отмѣнены по вступленіи на престолъ Государя Императора Александра Николаевича къ величайшей радости городскихъ жителей)—здѣсь распорядиться онъ былъ въ состояніи самъ собою. Нельзя не признать за нимъ и полезной заслуги. Харьковъ при Кокошкинѣ содержался въ чистотѣ, и только при немъ очистился отъ навозу; при Кокошкинѣ въ Харьковѣ были построены прочные мосты, подѣланы набережныя, тротуары содержались въ исправности. У Кокошкина была страсть разорять подрядчиковъ. Смѣта, контрактъ ничего не значили для него; дѣлай подрядчикъ по его указаніямъ: „хоть тресни, а полѣзай". Несомнѣнно, что ни одинъ подрядчикъ не выполнилъ контракта добросовѣстно: большею частью строеніе, если не въ тотъ же самый годъ, въ который было принято отъ подрядчика, то на другой годъ уже требовало значительныхъ поправокъ, но въ этомъ виноваты больше архитекторы, какъ наблюдавшіе за работами, такъ и свидѣтельствовавшіе строеніе и принимавшіе его отъ подрядчиковъ. Хорошо ли выполнены работы, по смѣтѣ ли, или матеріалы употреблены ниже смѣты, а подрядчикъ дай взятку архитекторамъ, иначе строеніе не будетъ принято, и потому выгоднѣе было выполнить похуже да заплатить побольше. Для примѣра привожу здѣсь одну изъ продѣлокъ Кокошкина съ подрядчикомъ. Когда никто изъ подрядчиковъ не хотѣлъ взять постройки для помѣщенія 3-й части съѣзжаго присутствія, онъ пригласилъ къ себѣ помѣщика Алферова, котораго, послѣ долгихъ съ его стороны отнѣкиваній, согласилъ взять на себя эту постройку. Зная наблюдающаго за работами инженера Паля за большого мерзавца, зная, что Паль сегодня сдеретъ съ подрядчика, а завтра притѣснитъ его, чтобы содрать снова, Алферовъ поставилъ условіемъ устранить его отъ руководства и наблюденія за постройкой. Кокошкинъ далъ слово не только въ этомъ, но даже обѣщалъ лично оказать содѣйствіе Алферову выполнить подрядъ своевременно безъ убытковъ. Но едва былъ заключенъ контрактъ, какъ Паль явился въ руководители по назначенію самого Кокошкина. Матеріалы для строенія были выставлены Алферовымъ добросовѣстно: привязаться или браковать ихъ было невозможно. Но Паль съумѣлъ придраться къ кладкѣ кирпичей; что складутъ въ одинъ день рабочіе, то на другой онъ велитъ разобрать подъ предлогомъ, будто дурно сложено, заставляетъ притирать кирпичи, такъ что вмѣсто обыкновенной цѣны, два рубля серебромъ за кладку тысячи кирпичей, Алферовъ былъ вынужденъ платить 5—6 руб.; каменьщики не разъ бросали работы, чрезъ что происходила остановка, пока пріискивали другихъ. На жалобы Алферова Кокошкинъ отвѣчалъ, что Паль дѣлаетъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, и потому натурально, что подрядчики не могутъ быть довольны дѣйствіями его. Постройка была окончена уже по выбытіи изъ Харькова Кокошкина и

Паля. Алферовъ понесъ на ней значительные убытки.—Кромѣ Танскаго, у котораго даже полиція состояла на оброкѣ, при Кокошкинѣ былъ могучимъ другой подобный Палю мерзавецъ, чиновникъ особыхъ порученій Родзянко. Про продѣлки его и вспоминать гадко... Въ Харьковѣ онъ выстроилъ себѣ два каменныхъ дома (вблизи помѣщенія благотворительнаго общества)".

Въ своихъ отзывахъ о Кокошкинѣ и Гордѣенко, и Топчіевъ явились выразителями, можно сказать, общаго мнѣнія харьковцевъ, очень не любившихъ своего генералъ-губернатора. Несомнѣнно, въ области градостроительства и благоустройства Харьковъ обязанъ Кокошкину очень многимъ. Мы уже упоминали о его кипучей дѣятельности въ области харьковскаго строительства, казеннаго и частнаго, и о его заслугахъ въ дѣлѣ оздоровленія города, а о заботахъ въ сферѣ благоустройства будетъ имѣть еще случай говорить. Благодаря настойчивости Кокошкина городъ обстроился, сталъ болѣе здоровымъ, обзавелся новыми мостовыми и тратуарами, освѣтился спиртовыми фонарями и пр. и пр. Но все это было сдѣлано Кокошкинымъ насильственно, чисто полицейскимъ способомъ, безъ всякаго сообразованія съ условіями жизни населенія, его нуждами и средствами. Для Кокошкина не суббота существовала для человѣка, а человѣкъ для субботы. Въ его глазахъ благоустройство было нѣчто самодовлѣющее: не оно существовало для горожанъ, а наоборотъ, горожане существовали для того, чтобы ихъ благоустраивали,—взглядъ перенесенный въ административную сферу, несомнѣнно, прямо изъ фронта Николаевской арміи. Оттуда же, очевидно, были вынесены и понятія Кокошкина о дисциплинѣ въ гражданскомъ обществѣ. Отъ населенія требовалось безусловное, не разсуждающее подчиненіе приказанію начальства. На всякое противодѣйствіе своимъ распоряженіямъ и планамъ Кокошкинъ смотрѣлъ, какъ на преступленіе. Городского голову Рудакова, осмѣлившагося сдѣлать попытку противодѣйствовать распоряженію генералъ-губернатора о переводѣ оптовой торговли въ Кузинскій рядъ, Кокошкинъ, какъ важнаго государственнаго преступника, выслалъ на два года въ Уфу подъ надзоръ тамошняго начальства. А „дерзкій поступокъ", за который Рудакова постигла такая кара, заключался только въ томъ, что Рудаковъ склонялъ мѣстныхъ купцовъ обжаловать генералъ-губернаторское распоряженіе о переводѣ оптовой торговли—въ Сенатъ, т. е. сдѣлать то, на что законъ давалъ горожанамъ полное право. Съ имущественными интересами частныхъ лицъ Кокошкинъ тоже не церемонился и смѣло нарушалъ ихъ, не смотря ни на какіе законы, разъ эти интересы становились на дорогѣ его планамъ и распоряженіямъ. Для выпрямленія линіи Университетскаго сада генералъ-губернаторъ, ничтоже сумнясь, прихватилъ чужую землю и огородилъ ее камонною оградою. Захотѣлъ завести въ сѣверной части города поселеніе по плану Васильевскаго острова въ Петербургѣ,—и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, разбилъ мѣстность на кварталы, не смотря на то, что она принадлежала частному лицу. Не понравилась „шопа" на базарѣ,—и уничтожилъ „шопу", не взирая на то, что ея строители затратили на нее крупныя деньги. Жаловаться обиженнымъ въ то время было некуда, ибо Кокошкинъ пользовался полнымъ довѣріемъ Императора Николая, цѣнившаго въ Харьковскомъ генералъ-губернаторѣ исполнительнаго и энергичнаго служаку. Въ 1854 г., по случаю войны и передвиженія войскъ, Харьковская губернія была объявлена на военномъ положеніи. Это обстоятельство сдѣлало и безъ того огромную власть главнаго начальника края прямо безмѣрной.

Солоно пришелся Кокошкинъ харьковцамъ, и рады-радехоньки они были, когда, по вступленіи на престолъ новаго Государя, изъ Сената былъ полученъ указъ (отъ 25-го февраля 1856 г.) объ упраздненіи генералъ-губернаторства и о переводѣ Кокошкина въ Сенатъ. Радость эта наглядно выразилась въ мѣстной потаенной литературѣ, ходившей по рукамъ въ рукописномъ видѣ. Накопившуюся въ теченіе 9 лѣтъ желчь и раздраженіе вылили они въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Ода на отъѣздъ Кокошкина" и „Вопль Кокошкина къ Царю".

Отъ генералъ-губернатора перейдемъ къ его ближайшему подручному—губернатору. Само собой понятно, что Мухановъ, начавшій свою службу при Долгоруковѣ, при Кокошкинѣ держаться не могъ долго.

Въ 1849 г. губернаторомъ въ Харьковъ назначенъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа д. с. с. Александръ Семеновичъ Траскинъ. Траскинъ учился въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1822 г. былъ выпущенъ въ военную службу. Въ 1828 и 1829 г.г. Траскинъ участвовалъ въ турецкой кампаніи, а въ 1834 г. былъ уже флигель-адъютантомъ и почти постоянно находился при особѣ Его Величества. Затѣмъ Траскинъ назначенъ былъ на Кавказъ сперва начальникомъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморья, а потомъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Здѣсь Траскинъ дослужился до

генералъ-маіорскаго чина и Станиславской звѣзды. Въ 1845 г., послѣ леченія на минеральныхъ водахъ по случаю разстроеннаго здоровья, Траскинъ назначается попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, а въ 1849—харьковскимъ губернаторомъ. Траскинъ умеръ въ Харьковѣ 10-го октября 1855 г., 50 лѣтъ отъ роду. Современный некрологъ, напечатанный въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", полонъ похвалъ его "уму, образованію и доброму сердцу, усердію къ службѣ и ревностнымъ заботамъ о благосостояніи ввѣреннаго ему края" [1]).

„У насъ—разсказываетъ о Траскинѣ Топчіевъ—онъ былъ изъ лучшихъ губернаторовъ. Не разъ при мнѣ онъ выказывалъ и знаніе дѣла и безпристрастіе, и былъ не лѣнивъ заниматься своею обязанностью и подвиженъ, не смотря на тучность свою. Если онъ не ознаменовалъ себя особенно-полезнымъ для губерніи, то можетъ быть потому, что надъ нимъ тяготѣла власть Кокошкина, подавляющая собою всѣ благія начинанія. Любилъ покричать начальнически. Горло у него было прездоровое, такъ что и обыкновенный разговоръ его казался крикомъ для тѣхъ, кто слышалъ его въ первый разъ. Любилъ слушать сплетни, въ особенности скандалезныя.—Не только не было слышно, чтобы Траскинъ бралъ взятки, но и никому не остался долженъ въ Харьковѣ ни гроша". Во время болѣзни Траскина и послѣ его смерти исполненіе губернаторскихъ обязанностей возложено было на вице-губернатора графа А. К. Сиверса.

Высочайшимъ приказомъ отъ 23-го апрѣля 1855 г. гражданскимъ губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ г. Харькова былъ назначенъ Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ графъ Андрей Ивановичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ, „плохая голова, но очень добрая душа", какъ характеризуетъ его Топчіевъ. Новый губернаторъ прибылъ въ Харьковъ 4-го іюня, съѣздилъ въ Полтаву, гдѣ тогда временно пребывалъ генералъ-губернаторъ Кокошкинъ, 8-го числа принималъ чиновниковъ, дворянъ и купцовъ. Потомъ губернатору далъ обѣдъ губернскій предводитель А. Н. Бахметевъ, затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ отъ дворянъ въ честь предводителя, а затѣмъ отъ дворянъ и чиновниковъ въ честь графа Сиверса „въ знакъ истинной признательности къ дѣйствіямъ его во время продолжительнаго управленія губерніею"; наконецъ, слѣдовалъ обѣдъ въ честь новаго губернатора со стороны купечества, состоявшійся въ домѣ почетнаго гражданина Н. А. Павлова. И на пріемахъ, и на обѣдахъ рѣчи отличались особенной приподнятостью въ виду патріотическаго настроенія, вызваннаго войной [2]). Патріотическихъ обѣдовъ пришлось на долю Сакена вообще очень много за время его губернаторства: постоянно приходилось встрѣчать и провожать войсковыя части, направлявшіяся въ Крымъ. Все свое вниманіе губернатору приходилось сосредоточивать не на дѣлахъ губерніи, а на своевременной доставкѣ подводъ подъ войска, устройствѣ имъ удобныхъ квартиръ въ предѣлахъ губерніи, исправномъ содержаніи дорогъ, по которымъ они двигались. Остенъ-Сакенъ губернаторствовалъ не долго. Онъ, если вѣрить Топчіеву, „могъ бы сдѣлать много хорошаго губерніи, если бы его не запугалъ Кокошкинъ, подставлявшій ему ногу почти на каждомъ шагу. Сакенъ попалъ не на свое мѣсто, за всѣмъ тѣмъ сказать о немъ что либо дурное было бы крайне несправедливо". При немъ произошло уничтоженіе генералъ-губернаторства въ Харьковѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленіе власти губернатора, обратившагося изъ подручнаго въ главнаго начальника губерніи.

Въ августѣ 1856 г. губернаторомъ въ Харьковъ вмѣсто Остенъ-Сакена назначенъ былъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Иванъ Дмитріевичъ Лужинъ, бывшій до того губернаторомъ въ Курскѣ.

„Лужинъ—разсказываетъ Е. И. Топчіевъ—самъ по себѣ былъ человѣкъ не злой, но его легко могли подвинуть на зло ближнему, а ума у него недоставало на самое обыкновенное дѣло. Съ Сакеномъ и Лужинымъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ засѣдать въ комитетахъ по разнымъ дѣламъ. Первый не увлекался знаніемъ дѣла и не довѣрялъ своей канцеляріи: протоколъ составлялся дѣлопроизводителемъ уже по обсужденіи дѣла, но переписывался немедленно на бѣло, предсѣдатель же и члены подписывали его, не выходя изъ присутствія. Вмѣстѣ съ протоколомъ заготовлялся и бѣловой отпускъ отъ имени губернатора: Сакенъ какъ бы опасался, чтобы канцелярія не измѣнила чего-либо въ послѣднемъ противу перваго. При Лужинѣ, напротивъ, подавали для подписи бѣловой протоколъ, составленный въ его канцеляріи, который онъ подписывалъ первый не читая, но на который, однакожъ, члены большею частью не соглашались. Не смотря на подпись предсѣдателя, протоколы тутъ же передѣлывались, нерѣдко до основанія. Случалось, что, не

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1855 г. № 15.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1855 г. № 25.

приглашая въ засѣданіе, чиновники канцеляріи носили протоколы членамъ домой для подписи, въ чаяніи, что члены не осмѣлятся не подписать бумаги, подписанной губернаторомъ. Иногда удавалась эта продѣлка канцеляріи, но только по неважнымъ дѣламъ. Лужинъ не былъ въ претензіи за передѣлку протоколовъ, составлявшихся въ его канцеляріи: какъ воскъ, онъ отпечатлѣвалъ на себѣ все, съ чѣмъ сталкивался. Лужиныхъ много на службѣ; ихъ не только терпятъ, но и допускаютъ ползти до высокихъ чиновъ, увѣнчиваютъ орденами. У одного есть дядя или тетка, у другого—братъ, своякъ, тесть—сильные міра сего, для которыхъ не можетъ быть отказа ни въ чемъ. Лужинъ держался сначала тестемъ своимъ княземъ Васильчиковымъ, а потомъ шурьями. Не стало ихъ, и потомъ вылетѣлъ въ трубу". „Не злой" Лужинъ проявилъ себя особливой приверженностью къ „третьему пункту", широко примѣнявшемуся имъ къ чиновникамъ полиціи. При Лужинѣ Харьковская губернія по числу изгнанныхъ безъ объясненія причинъ чиновниковъ занимала первое мѣсто въ Россіи. Ругатель онъ тоже былъ не малый и вообще въ обращеніи съ подчиненными не стѣснялся.

Лужина въ 1860 году замѣнилъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Крупный помѣщикъ (въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ ему принадлежало 770 душъ), съ университетскимъ образованіемъ (кандидатъ Казанскаго университета), Ахматовъ началъ свою службу въ кавалергардахъ и черезъ 12 лѣтъ былъ уже флигель-адъютантомъ. Вся его предшествовавшая губернаторству дѣятельность, какъ, впрочемъ, и у огромнаго большинства тогдашнихъ губернаторовъ,—чисто военная. Онъ участвовалъ въ Венгерской кампаніи, потомъ былъ за Дунаемъ, а потомъ въ Крыму въ должности начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, затѣмъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и, наконецъ, начальникомъ штаба всѣхъ военныхъ силъ въ Крыму. Въ 1858 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту. Со строемъ гражданскаго управленія Ахматовъ могъ познакомиться развѣ только во время короткихъ командировокъ, выпадавшихъ на его долю, какъ флигель-адъютанта, но и такихъ командировокъ у Ахматова было не много: разъ его посылали во Владимірскую губернію для производства слѣдствія о причинахъ разрушенія моста на р. Клязьмѣ, а въ другой—для усмиренія бунтовавшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ Царскосельскомъ уѣздѣ и разслѣдованія причинъ бунта. 20 ноября 1860 года Ахматовъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Харькова и гражданскимъ губернаторомъ Харьковской губерніи. Пробылъ онъ здѣсь не долго, но за то въ самую горячую пору. При немъ была объявлена „воля". За предсѣдательствованіе въ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ Ахматовъ получилъ Аннинскую звѣзду. Занятія устройствомъ участи освобожденныхъ крестьянъ, по-видимому, не служили помѣхой для возложенія на него и часто военныхъ порученій: его посылали въ Елисаветградъ присутствовать при испытаніяхъ кавалерійскихъ юнкеровъ, а въ другой разъ—осматривать новосформированный изъ рекрутъ эскадронъ при штабѣ отдѣльнаго кавалерійскаго корпуса. 28 февраля 1862 года Ахматовъ былъ переведенъ изъ Харькова на должность, къ которой у него было еще меньше подготовки, чѣмъ къ губернаторству: онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода [1]).

Губернаторомъ назначенъ былъ графъ Александръ Карловичъ Сиверсъ, камергеръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій до того гражданскимъ губернаторомъ въ Екатеринославѣ, а еще раньше служившій вице-губернаторомъ въ Харьковѣ-же. Въ Харьковъ онъ былъ назначенъ не военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ, какъ его предмѣстники, а только гражданскимъ [2]). О его дѣятельности знаемъ, что онъ обращалъ особенное вниманіе на благоустройство города, надзиралъ надъ устройствомъ мостовыхъ и всякихъ уличныхъ работъ [3]). Главное его вниманіе, особенно въ первое время, было, впрочемъ, посвящено не Харькову, а губерніи, гдѣ въ это время шла кипучая работа по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ: сочинялись уставныя грамоты, выдѣлялись надѣлы, заводилось новое управленіе для бывшихъ крѣпостныхъ. Сиверсу же приходилось осуществлять и земскую реформу. Все это, конечно, сильно отвлекало губернатора отъ городскихъ интересовъ и дѣлъ, перешедшихъ въ это время, можно сказать, въ полное вѣдѣніе вице-губернатора Беклемишева.

Графа Сиверса въ 1867 г. смѣнилъ свитскій генералъ-маіоръ, до нынѣ здравствующій Петръ Павловичъ Дурново. Одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ дворянъ (ему принадлежало въ разныхъ губерніяхъ 14645 душъ),

[1]) Арх. Губ. Правл. Формулярскій списокъ Ахматова.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. Ч. оффиц. № 1—5.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 5—6.

Дурново получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, службу началъ въ кавалергардахъ, 24 лѣтъ попалъ въ флигель-адъютанты, а затѣмъ мы видимъ его сопровождающимъ то Государыню, то Государя въ ихъ путешествіяхъ по Россіи, состоящимъ при герцогѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ во время его пребыванія въ Россіи, присутствующимъ на маневрахъ въ Швеціи. Блестящему флигель-адъютанту поручались, впрочемъ, дѣла и много поважнѣе: въ 1861 г., тотчасъ по объявленіи „воли", онъ былъ командированъ въ Донскую область „по крестьянскому дѣлу" и выполнилъ это порученіе, какъ значится въ его формулярѣ, съ полнымъ успѣхомъ. Въ 1865 г. Дурново состоялъ помощникомъ предсѣдателя коммиссіи для раздѣла между уральскими казаками и киргизами долины лѣваго берега Урала. 29-го ноября 1866 г. Дурново былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ [1]). Молодость (въ Харьковъ онъ попалъ на 31-мъ году жизни), богатство и независимое положеніе давали Дурново возможность быть полезнымъ дѣятелемъ. И онъ былъ полезенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась инціатива для хорошаго дѣла и средства къ его осуществленію. Дурново въ значительной мѣрѣ обязанъ Харьковъ учрежденіемъ Александровской больницы, для которой онъ изъ своихъ средствъ пожертвовалъ 25 т. р. [2]). Въ области внѣшняго городского благоустройства памятникомъ губернаторства Дурново и до сихъ поръ остается когда то великолѣпная, а потомъ обезображенная и теперь запущенная и полуразрушенная каменная лѣстница съ Университетской горки. Въ 1869 г. губернаторъ подарилъ городу паровую пожарную трубу съ 200-ти-саженнымъ рукавомъ. Много заботился Дурново и о благотворительномъ обществѣ, на которое также не жалѣлъ средствъ. Молодому губернатору мѣшала только излишняя пылкость характера, о проявленіяхъ которой харьковцы и до сихъ поръ не забыли. Это, впрочемъ, не мѣшало харьковцамъ цѣнить своего губернатора. Оцѣнка дѣятельности Дурново по благотворительному обществу выразилась въ постановленіи городского общества о ежегодномъ отчисленіи изъ прибылей городского банка по 300 р. на стипендіи для трехъ воспитанницъ благотворительнаго общества [3]). Затѣмъ, горожане поднесли Дурново званіе почетнаго гражданина Харькова и постановили повѣсить его портретъ въ залѣ городской думы. Акціонеры Торговаго банка выбрали его своимъ почетнымъ предсѣдателемъ [4]).

Преемникомъ Дурново былъ князь Дмитрій Николаевичъ Кропоткинъ. Административная подготовка новаго губернатора была таже, что и у его предмѣстника: сперва школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, потомъ служба въ лейбъ-гвардіи конномъ полку, въ 25 лѣтъ—флигель-адъютантскіе эксельбанты, въ 29—полковничій чинъ, а въ 32—генеральство съ назначеніемъ губернаторомъ въ Гродно. Въ 1870 г. Кропоткинъ переведенъ въ Харьковъ. При немъ прошла городская реформа, значительно сократившая власть губернатора въ области городскихъ дѣлъ, гдѣ онъ до сихъ поръ былъ полновластнымъ хозяиномъ. Кропоткину пришлось усмирять извѣстный харьковскій бунтъ 1872 г., вызванный безтактностью мѣстной полиціи и принявшій очень серьезные размѣры. Кропоткинъ, если вѣрить словамъ его двоюроднаго брата, извѣстнаго революціонера П. Кропоткина, поступилъ съ бунтовщиками мягко, за что удостоился одобренія въ Петербургѣ. „Спасибо! ты поступилъ согласно моимъ собственнымъ желаніямъ"—сказалъ, по словамъ П. Кропоткина, Александръ II, когда Харьковскій губернаторъ явился къ нему, чтобы доложить о безпорядкахъ въ Харьковѣ.

Губернаторствовалъ Кропоткинъ около 9 лѣтъ, при чемъ послѣдніе годы были періодомъ сильнаго развитія революціоннаго движенія, однимъ изъ очаговъ котораго сталъ Харьковъ. Основательно или нѣтъ—не знаемъ, Кропоткинъ былъ обвиненъ революціонерами въ жестокомъ обращеніи съ политическими заключенными, содержавшимися въ тюрьмахъ Харьковской губерніи. По словамъ П. Кропоткина, Харьковскій губернаторъ былъ виноватъ не въ жестокости, а только въ попустительствѣ. „Въ сущности онъ былъ не злой человѣкъ; я знаю, что лично онъ скорѣе симпатизировалъ (?) политическимъ, но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, при томъ придворный и поэтому предпочиталъ не вмѣшиваться, тогда какъ одно его слово могло бы остановить жестокое обращеніе съ заключенными. Александръ II любилъ его, и его положеніе при Дворѣ было такъ прочно, что его вмѣшательство, по всей вѣроятности, было

[1]) Арх. Губ. Правл. Формулярный списокъ Дурново.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 44.
[3]) Тамъ же. 1869 г. № 6, 23 и 69.
[4]) Тамъ же. 1869 г. № 9.

бы одобрено въ Петербургѣ [1])". Это было время, когда революція перешла отъ пропаганды къ террору. Харьковскій губернаторъ былъ осужденъ революціоннымъ трибуналомъ, и 9-го февраля 1879 г. ночью, когда Кропоткинъ возвращался съ институтскаго бала къ себѣ домой (Вознесенскій скверъ), онъ былъ смертельно раненъ неизвѣстнымъ, вскочившимъ на подножку губернаторской кареты. Преступникъ (по фамиліи Гольденбергъ, какъ оказалось впослѣдствіи) успѣлъ благополучно скрыться. 15 февраля Кропоткинъ умеръ.

Преемникомъ Кропоткину былъ назначенъ свитскій генералъ-маіоръ Викторъ Вильгельмъ фонъ-Валь, но въ сущности онъ былъ только подручнымъ у командующаго Харьковскимъ военнымъ округомъ Минквица, которому были даны въ Петербургѣ нѣкоторыя полномочія и по управленію гражданской частью въ губерніи. Минквицъ долженъ былъ вести борьбу съ революціонерами и принимать для этого соотвѣтствующія мѣры. Дѣятельность свою Минквицъ началъ съ усиленія мѣстнаго гарнизона. Затѣмъ установлены были конные разъѣзды по городу, началась переформировка полиціи, усиленъ былъ ея составъ чинами военной службы. Увеличено число полицейскихъ постовъ, которые появились даже на Холодной и Лысой горѣ и на Сабуровой дачѣ, гдѣ ихъ не бывало отъ самаго созданія Харькова. Заведена была нумерація домовъ, и велѣно привесть въ извѣстность всѣхъ наличныхъ жителей Харькова. Наконецъ, Минквицемъ задумана и осуществлена однодневная перепись харьковскаго населенія, произведенная въ достаточной степени научно, во всякомъ случаѣ много лучше предъидущихъ харьковскихъ переписей. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ собранныя ею данныя были разработаны. Минквицъ и являлся въ сущности главнымъ начальникомъ края, пока въ Харьковъ не прибылъ настоящій генералъ-губернаторъ, облеченный всею полнотою власти.

Борьба съ наступательнымъ движеніемъ революціи вызвала учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями въ городахъ, считавшихся главными очагами крамолы—Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ. Первымъ временнымъ генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Это былъ, несомнѣнно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ и военныхъ дѣятелей царствованія Александра II. Армянинъ родомъ, Лорисъ Меликовъ получивъ военное образованіе и начавъ свою служебную карьеру въ лейбъ-гвардейскихъ гусарахъ, что не помѣшало ему быть въ близкихъ отношеніяхъ съ Н. А. Некрасовымъ. Изъ Петербурга Лорисъ-Меликовъ попалъ на Кавказъ, здѣсь выдвинулся военными и административными способностями и очень много сдѣлалъ для насажденія народнаго образованія. Когда началась послѣдняя турецкая война, Лорисъ-Меликовъ, въ то время уже генералъ отъ кавалеріи, назначенъ былъ командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ на кавказской турецкой границѣ. Взятіе Ардагана и Карса, разбитіе арміи Мухтара и Измаила-пашей, блокада Эрзерума—таковы результаты дѣятельности Лорисъ-Меликова на азіатскомъ театрѣ войны. Въ 1878 г. Лорисъ-Меликовъ получаетъ графскій титулъ, а въ 1879 г., по случаю появленія въ Ветлянкѣ чумы, назначается временнымъ астраханскимъ, самарскимъ и саратовскимъ генералъ-губернаторомъ. Убѣдившись, что съ чумою ему дѣлать уже нечего, такъ какъ она прекратилась, Лорисъ-Меликовъ самъ сдѣлалъ представленіе отъ упраздненіи ввѣренной ему должности. Въ апрѣлѣ 1879 г. онъ былъ посланъ въ Харьковъ временнымъ генералъ-губернаторомъ надъ шестью губерніями, облеченнымъ почти неограниченными полномочіями. Ему же ввѣрено были и командованіе всѣми войсками, входившими въ составъ Харьковскаго военнаго округа. 20-го апрѣля Лорисъ-Меликовъ пріѣхалъ въ Харьковъ, а 21-го принималъ у себя губернскихъ сановниковъ и чиновниковъ. Затѣмъ стали появляться генералъ-губернаторскія распоряженія. Цѣль учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ—борьба съ крамолой, и Лорисъ-Меликовъ шелъ къ этой цѣли съ блестящимъ успѣхомъ, но пользовался своею властью, можно сказать, благоразумно. Не увлекаясь своими безграничными полномочіями, пользуясь ими главнымъ образомъ для достиженія той задачи, для исполненія которой онъ былъ присланъ, Лорисъ-Меликовъ старался не колебать законнаго теченія дѣлъ, умиротворить общество и укрѣпить связь его съ правительствомъ на началахъ взаимнаго довѣрія. Такъ самъ смотрѣлъ онъ на свою задачу, по крайней мѣрѣ такъ говорилъ о ней въ Харьковѣ передъ лицомъ общества на обѣдѣ, данномъ по случаю отъѣзда командира военнаго округа Минквица. Просматривая „обязательныя постановленія" Лорисъ-Меликова за время его генералъ-губернатор-

[1]) П. Кропоткинъ. Записки революціонера, Т. I, стр. 393—494.

ства въ Харьковѣ, мы видимъ, однако, что на ряду съ распоряженіями, имѣвшими цѣлью подавленіе крамолы, издавались и такія обязательныя постановленія, которыя никакого касательства къ борьбѣ съ революціей не имѣли. Тотчасъ-же по пріѣздѣ Лорисъ-Меликовъ обезоружилъ харьковцевъ, постановивъ, что пріобрѣтеніе оружія допускается только съ разрѣшенія полиціи. Затѣмъ издано было обязательное постановленіе, грозившее разгульнымъ и не достаточно почтительнымъ обывателямъ за драки съ чинами полиціи административной расправой. Поводомъ къ такой „новеллѣ", казалось бы, совершенно излишней въ виду существованія соотвѣтствующей статьи въ уголовномъ кодексѣ, послужила драка набуянившихъ парней съ полицейскимъ чиномъ. Полиціи было внушено, чтобы она держала себя съ обывателями корректнѣе, а буяны были посажены генералъ-губернаторомъ подъ арестъ, а одинъ даже и высланъ изъ Харькова въ мѣста „не столь отдаленныя". Затѣмъ явилось постановленіе, требовавшее отъ домовладѣльцевъ немедленнаго заявленія въ полицію о всѣхъ пріѣзжающихъ и о квартирантахъ. Заведены были домовыя книги, установленъ сборъ за прописку паспортовъ. Мѣра эта, конечно, имѣла въ виду лишить революціонеровъ возможности укрываться отъ бдительности полиціи, но въ то же время она очень чувствительно отозвалась на населеніи, возложивъ на него бремя новыхъ расходовъ. Далеко меньшее касательство къ искорененію крамолы имѣла другая мѣра, установленная генералъ-губернаторомъ: введеніе института ночныхъ пожарныхъ сторожей. Харьковъ былъ раздѣленъ на 324 сторожевыхъ участка, а содержаніе сторожей было возложено на домовладѣльцевъ. Нанимались они домовладѣльцами, но зависѣли отъ полиціи. Генералъ-губернаторомъ было объявлено, что не только за отказъ отъ найма сторожей, но даже и за отлучку послѣднихъ изъ опредѣленныхъ для нихъ участковъ домовладѣльцы будутъ подвергаться штрафу. Послѣдняя часть постановленія была, впрочемъ, скоро разъяснена въ томъ смыслѣ, что разъ сторожа нанимаются съ вѣдома полиціи, съ домовладѣльцевъ снимается уже отвѣтственность за небрежное отношеніе сторожей къ своимъ обязанностямъ. Еще меньше отношенія къ борьбѣ съ крамолой имѣли такія постановленія, какъ о снабженіи извозчичьихъ экипажей фонарями и неуклонномъ штрафованіи безфонарныхъ, о бубенчикахъ для извозчичьихъ лошадей при зимней упряжкѣ въ сани, о непосѣщеніи учащимися увеселительныхъ садовъ, о запасахъ воды въ обывательскихъ дворахъ на случай пожара. Вообще борьба съ пожарами занимала видное мѣсто въ административной дѣятельности Лорисъ-Меликова. Такъ имъ было объявлено, что не только въ Харьковѣ, но и во всѣхъ губерніяхъ, входившихъ въ составъ его генералъ-губернаторства, лица, обвиняемыя въ поджогѣ, будутъ имъ предаваться военному суду. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе владѣльцамъ деревянныхъ лавокъ держать въ ихъ торговыхъ помѣщеніяхъ легко-воспламеняющіеся предметы. Торговцы, справедливо усмотрѣвшіе въ этомъ посягательство на ихъ честный заработокъ отъ продажи керосина, взмолились о пощадѣ. Торговцевъ въ деревянныхъ лавкахъ было въ то время въ Харьковѣ очень много (тогда вѣдь и весь большой базаръ, за исключеніемъ Кузинскаго ряда, былъ деревянный), и ихъ интересы, конечно, нуждались въ пощадѣ, но съ другой стороны нельзя было отмѣнить и обязательное постановленіе, ибо это значило дискредитировать власть. А посему въ видѣ компромисса издано было разъясненіе, коимъ доводилось до свѣдѣнія встревоженныхъ торговцевъ, что имъ не возбраняется торговать и керосиномъ, но въ небольшихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, дѣло не обходилось безъ шероховатостей и неудобствъ для мирнаго населенія, къ крамолѣ не причастнаго, но въ общемъ на большіе эксцессы пожаловаться было нельзя. Что касается крамолы, то съ нею велась энергичная борьба: производились еженощные обыски и аресты, дѣйствовалъ военно-окружный судъ. Судили, однако, не упрощенно, а совсѣмъ lege artis. По большому дѣлу о покушеніи на освобожденіе изъ тюрьмы политическаго Ѳомина главному виновнику былъ вынесенъ смертный приговоръ, но въ исполненіе приведенъ не былъ, такъ какъ былъ смягченъ генералъ-губернаторомъ. Вообще можно сказать, что въ городѣ чувствовалось присутствіе лица, обладавшаго безмѣрною властью. Обыватели сильно подтянулись, даже малюки-гимназисты не смѣли выходить изъ дому безъ билетовъ „на право жительства", но за то всякій по крайней мѣрѣ зналъ, что онъ долженъ дѣлать и чего нѣтъ, и не трепеталъ передъ неограниченными возможностями.

Въ Харьковѣ Лорисъ-Меликовъ не пробылъ и году. Въ февралѣ 1880 г. онъ былъ призванъ на постъ предсѣдателя верховной коммиссіи, затѣмъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ и, внявъ голосу общества, просившаго у него „хоть куцую конституцію", склонилъ Государя дать согласіе на участіе общественныхъ элементовъ въ дѣлѣ государственнаго строительства. Катастрофа 1-го марта помѣшала

осуществленію плановъ Лорисъ-Меликова, а затѣмъ послѣдовала его отставка и вынужденный отъѣздъ за границу, гдѣ онъ и умеръ.

Губернаторомъ при Лорисъ-Меликовѣ былъ В. В. фонъ-Валь. Пребываніе его въ Харьковѣ ознаменовалось нѣкоторой чисткой полиціи. Изъ его распоряженій по части городского благоустройства отмѣтимъ приказъ о содержаніи на цѣпи дворовыхъ собакъ и о намордникахъ для лягавыхъ, а затѣмъ—борьбу съ харьковскими „перекупками“, ухищрявшимися, не смотря на запреты думы, закупать съ ранняго утра всѣ продукты съ возовъ у пріѣзжихъ крестьянъ для того, чтобы затѣмъ продавать ихъ по возвышенной уже цѣнѣ горожанамъ. Полиціи было вмѣнено въ обязанность бдѣть, чтобы перекупки не начинали такихъ торговыхъ операцій ранѣе 11 часовъ дня.

Послѣ Лорисъ-Меликова генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ генералъ-отъ кавалеріи князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, также видный дѣятель послѣдней русско-турецкой войны. Юристъ по образованію, Дондуковъ-Корсаковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ дореформеннаго времени, изъ университета поступилъ въ полкъ, попалъ въ адъютанты къ князю Воронцову и участвовалъ во многихъ бояхъ съ горцами на Кавказѣ. Въ турецкую войну 1854—1855 г. онъ отличился при штурмѣ Карса, а по окончаніи войны назначенъ начальникомъ штаба войска Донского и принялъ участіе въ введеніи крестьянской реформы на Дону. Въ 1869 г. онъ уже Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ. Въ послѣднюю турецкую войну Дондуковъ-Корсаковъ командовалъ сперва 19-мъ армейскимъ корпусомъ, потомъ восточнымъ отрядомъ, а послѣ смерти князя Черкасскаго былъ назначенъ Императорскимъ россійскимъ комисаромъ и командующимъ русскими оккупаціонными войсками въ Болгаріи. Здѣсь на его долю выпали главные труды по организаціи гражданскаго управленія освобожденной страной. И Дондуковъ-Корсаковъ выказалъ себя здѣсь очень либеральнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Въ періодъ „диктатуры сердца“ такому человѣку, какъ Дондуковъ-Корсаковъ, не подобало пребывать на покоѣ среди старцевъ Государственнаго Совѣта, членомъ котораго онъ былъ назначенъ послѣ возвращенія изъ Болгаріи. И онъ былъ снова призванъ къ власти и посланъ генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ. 9 марта 1880 г. состоялся пріѣздъ Дондукова-Корсакова въ Харьковъ, а затѣмъ пріемъ мѣстныхъ властей. Достаточно либеральный, аристократъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, вѣжливый и обходительный, новый генералъ-губернаторъ произвелъ на харьковцевъ очень благопріятное впечатлѣніе. Въ лицѣ Лорисъ-Меликова, какъ ни какъ, харьковцы видѣли сильную власть, которой побаивались, да и весь генералъ-губернаторскій entourage и во время пріемовъ, и при передвиженіяхъ по городу былъ довольно таки внушителенъ; Дондуковъ-Корсаковъ, наоборотъ, страха внушать отнюдь не старался, а скорѣе стремился къ популярности. Безъ грознаго конвоя и всякой помпы появляется князь Александръ Михайловичъ съ супругой подъ руку на Основѣ въ разгаръ гулянья въ бору, бесѣдуетъ съ публикой, усаживается за столикъ пить чай и подъ звуки популярной тогда въ Харьковѣ „Шуми, Марица“ уѣзжаетъ въ городъ. Княгиня Дондукова-Корсакова также много содѣйствовала популярности своего мужа. Конечно, по положенію она была первымъ лицомъ въ мѣстномъ благотворительномъ обществѣ, но нужно отдать ей честь, она умѣла проявлять въ этой области инициативу. По ея почину въ Харьковѣ была открыта дешевая столовая, сразу привлекшая къ себѣ толпы посѣтителей, среди которыхъ не малую цифру составляла и учащаяся молодежь. Пока Дондуковы-Корсаковы оставались въ Харьковѣ, дѣла столовой шли прекрасно. „Законодательнымъ творчествомъ“ Дондуковъ-Корсаковъ занимался мало. Онъ оставилъ въ силѣ лорисъ-меликовскія обязательныя постановленія, а отъ себя прибавилъ, если не ошибаемся, только два новыхъ: одно—о наблюденіи за санитарнымъ состояніемъ Харькова и о штрафахъ за нарушеніе требованій закона и постановленій городской думы по санитарной части, а другое—о запрещеніи хозяевамъ удерживать паспорты своихъ служащихъ при требованіи послѣдними разсчета. За нарушеніе санитарныхъ правилъ обывателямъ грозилъ штрафъ отъ 50 коп. до 25 р., налагаемый въ административномъ порядкѣ, но по заключенію городской думы, а за удержаніе паспортовъ виновные подвергались отвѣтственности въ административномъ же порядкѣ по рапортамъ полиціи. Обѣ „новеллы“ симпатичныя по существу, были все таки лишними при существованіи соотвѣтствующихъ статей въ уставѣ о наказаніяхъ и даже вредными, ибо расширяли предѣлы административнаго вмѣшательства въ область, подлежащую вѣдѣнію суда. Дондуковъ-Корсаковъ не былъ сторонникомъ жестокихъ каръ за политическія преступленія. Военный судъ и при немъ не бездѣйствовалъ, но каралъ безъ излишней

суровости; къ тому-же въ подлежащихъ случаяхъ и самъ генералъ-губернаторъ смягчалъ наказанія, какъ это было, напримѣръ, по дѣлу студента Калюжнаго. При Дондуковѣ-Корсаковѣ Императоръ Александръ Николаевичъ въ послѣдній разъ былъ въ Харьковѣ. Это было 19 августа 1880 г. При немъ же состоялось и Высочайшее повелѣніе съ точнымъ обозначеніемъ границъ Харьковскаго генералъ-губернаторства, въ составъ котораго вошли губерніи: Харьковская, Полтавская, Черниговская, Курская, Воронежская и Орловская.

Дондуковъ-Корсаковъ пробылъ въ Харьковѣ не долго, и въ началѣ 1881 г. былъ замѣненъ княземъ Д. И. Святополкъ-Мирскимъ. Въ 1881 г. Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ главноначальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ, гдѣ по его иниціативѣ былъ проведенъ рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью поднятіе экономическаго и культурнаго состоянія края.

При Дондуковѣ-Корсаковѣ губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Петръ Аполлоновичъ Грессеръ, переведенный въ Харьковъ тотчасъ-же послѣ назначенія сюда Дондукова-Корсакова. Грессеръ, какъ и Дондуковъ, началъ свою службу на Кавказѣ, потомъ былъ губернаторомъ на Волыни, затѣмъ попалъ въ Болгарію подъ начальство Дондукова-Корсакова, а съ назначеніемъ послѣдняго въ Харьковъ сталъ Харьковскимъ губернаторомъ. Вскорѣ послѣ ухода Дондукова-Корсакова ушелъ изъ Харькова и Грессеръ (1882 г.), получившій мѣсто Петербургскаго градоначальника.

Вмѣсто Дондукова-Корсакова генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій. Военная карьера Мирскаго началась на Кавказѣ, пришлось ему принять участіе и въ Восточной войнѣ, а потомъ снова возвратиться на Кавказъ, гдѣ онъ участвовалъ во взятіи Гуниба. Послѣ покоренія Восточнаго Кавказа Святополкъ-Мирскій назначенъ начальникомъ Терской области, затѣмъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1876 г., онъ помощникъ намѣстника Кавказа Великаго Князя Михаила Николаевича. Во время послѣдней русско-турецкой войны Мирскій принималъ участіе во взятіи Карса, въ 1880 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 21-го февраля 1881 г. явился въ Харьковъ въ качествѣ временнаго генералъ-губернатора и командующаго войсками военнаго округа.

Святополкъ-Мирскій получилъ назначеніе въ періодъ „диктатуры сердца“ и, полагать нужно, привезъ собою въ Харьковъ программу, соотвѣтствовавшую теченіямъ, возобладавшимъ въ то время въ Петербургѣ. Роковое 1-го марта должно было въ концѣ измѣнить эту программу. Политика довѣрія и умиротворенія потерпѣла фіаско. Вмѣсто ожидаемаго „мира и въ человѣцѣхъ благоволенія“ начались еврейскіе погромы. Очень можетъ быть, что и въ Харьковѣ не обошлось бы безъ пробужденія звѣрскихъ инстинктовъ толпы, но мѣры были приняты заблаговременно. Мирскій объявилъ, что за участіе въ безпорядкахъ будетъ предавать военному суду. Были приняты и кое-какія мѣры, чтобы въ дни, когда можно было ожидать погрома, простонародье не одурялось алкоголемъ. Погрома въ Харьковѣ не было.

При Мирскомъ опубликованъ былъ знаменитый законъ 14 августа 1881 г., согласно которому Харьковъ и Харьковская губернія были объявлены на положеніи усиленной охраны. Закономъ этимъ отмѣнялись всѣ предъидущія мѣропріятія отдѣльныхъ генералъ-губернаторовъ по охранѣ, но зато предоставлялась полная возможность вводить новыя или подтверждать старыя, если только они не превышали полномочій, даваемыхъ новымъ закономъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ. Мирскій счелъ за благо именно подтвердить старыя лорисъ-меликовскія постановленія съ кое-какими добавленіями. Домовладѣльцамъ по старому вмѣнено было въ обязанность аккуратно вести домовыя книги и немедленно увѣдомлять полицію о всякомъ новомъ жильцѣ, хотя бы онъ поселился у нихъ на самый короткій срокъ. Хозяевамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній предписывалось наблюдать за рабочими и о неблагонамѣренныхъ доносить по начальству. Облечены были нѣкоторыми административными правами также швейцары и дворники: они обязаны были доносить въ участки о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ домѣ, о сходкахъ, складахъ и т. п. Револьверы по прежнему были изъяты изъ свободнаго обращенія. Удержано прежнее дѣленіе Харькова на 324 сторожевыхъ участка, сохраненъ, конечно, и институтъ ночныхъ сторожей, за отказъ отъ найма которыхъ домовладѣльцы подвергались штрафу въ административномъ порядкѣ. Подтверждены и распоряженія о номерахъ для извозчичьихъ экипажей, о фонаряхъ лѣтомъ и бубенцахъ зимою и строго предписано извозчикамъ, везущимъ сѣдоковъ, останавливаться по первому же требованію полиціи.

Послѣ Святополкъ-Мирскаго временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Харьковъ не назначалось. Да и не къ чему было. Губернія была на положеніи усиленной охраны. Мѣра эта, имѣвшая, по словамъ закона 14-го августа 1881 г., временный характеръ, обратилась въ постоянную норму. Полномочія, которыя давались положеніемъ объ усиленной охранѣ губернатору, дѣлали совершенно ненужными чрезвычайныя полномочія генералъ-губернатора. И въ самомъ дѣлѣ: губернаторъ получилъ право дѣлать обязательныя постановленія, нарушеніе которыхъ каралось въ административномъ порядкѣ штрафомъ до 500 руб. или лишеніемъ свободы на срокъ до трехъ мѣсяцевъ; отъ него зависѣло воспрещеніе и разрѣшеніе всякаго рода собраній; онъ могъ закрыть любое торговое или промышленное заведеніе, запретить пребываніе тому или другому лицу въ губерніи, предать, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, военному суду лицо гражданскаго вѣдомства, закрыть черезъ посредство министра двери окружного суда и судебной палаты и такимъ образомъ превратить гласный судъ въ негласный. Отъ его же согласія зависѣли и назначенія на всѣ должности по всѣмъ вѣдомствамъ въ губерніи, исключая тѣхъ, которыя замѣщаются съ утвержденія министровъ. Чинамъ жандармской полиціи предоставлено право временнаго задержанія, не далѣе, впрочемъ, двухъ мѣсяцевъ, лицъ, почему либо навлекшихъ ея подозрѣніе. Ей же была предоставлена carte blanche по части обысковъ. Генералъ-губернаторъ, разнившійся отъ губернатора только тѣмъ, что имѣлъ право собственною властью предавать военному суду, конфирмовать его приговоры и закрывать двери судовъ, сталъ не нуженъ.

Таковы были общія правовыя условія, въ которыхъ пришлось проявлять свою дѣятельность харьковскимъ губернаторамъ послѣдняго двадцатипятилѣтія. Для безпристрастной оцѣнки этой дѣятельности пора еще не настала, а потому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы ограничимся только краткими свѣдѣніями, по преимуществу біографическаго характера.

Въ 1882 г. губернаторомъ въ Харьковъ назначенъ Викторъ Васильевичъ Калачовъ. Это уже не гвардеецъ, а администраторъ изъ предводителей, какіе въ то время пошли въ ходъ. Калачовъ, крупный помѣщикъ Ярославской губерніи, учился въ Московскомъ университетѣ, потомъ нѣсколько времени служилъ офицеромъ въ Стрѣлковомъ полку Императорской фамиліи, потомъ вышелъ въ отставку и причислялся къ министерству народнаго просвѣщенія въ археографическую коммиссію. Въ пору освобожденія крестьянъ Калачовъ сталъ мировымъ посредникомъ, потомъ—членомъ окружного суда, а затѣмъ въ теченіе ряда лѣтъ былъ мировымъ судьею въ родномъ ему Ярославскомъ уѣздѣ. Въ 1878 г. ярославское дворянство выбрало его своимъ губернскимъ предводителемъ, а 22-го августа 1882 г. онъ назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ. Губернаторствовалъ Калачовъ менѣе двухъ лѣтъ. Въ 1884 г. онъ перешелъ на губернаторскую должность въ Кострому, а въ Харьковѣ его смѣнилъ баронъ Александръ Александровичъ Икскуль фонъ Гильденбандтъ. Остзеецъ родомъ, Икскуль получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, потомъ по собственному желанію отправился на 2 года заграницу заканчивать образованіе. Служилъ въ министерствѣ юстиціи и при Сенатѣ, былъ командированъ для сопровожденія Великой Княгини Елены Павловны въ ея заграничномъ путешествіи, а потомъ и совсѣмъ причисленъ къ ея двору, оставаясь въ то же время на службѣ по министерству юстиціи. Въ 1872 г. баронъ Икскуль былъ уже Лифляндскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1874—губернаторомъ. Въ 1882 г. причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а 24-го мая 1884 г. назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ.

Здѣсь ему не пришлось пробыть и двухъ лѣтъ. Баронъ, какъ онъ самъ о себѣ говорилъ, ставилъ задачей своей дѣятельности служеніе общественнымъ интересамъ. Это было, конечно, не по времени, да къ тому же и интересы эти кое въ какихъ пунктахъ расходились съ интересами духовенства Харьковской епархіи, во главѣ которой стоялъ архіепископъ Амвросій, имѣвшій большое вліяніе и связи и внѣ предѣловъ Харькова. Въ результатѣ получился неожиданный переводъ губернатора въ Псковъ.

Высочайшимъ указомъ 30-го января 1886 г. губернаторомъ въ Харьковъ былъ назначенъ д. с. с. Александръ Ивановичъ Петровъ. Карьера Петрова началась въ лейбъ-гвардіи, затѣмъ онъ принялъ участіе въ усмиреніи поляковъ, а потомъ и совсѣмъ остался въ Польшѣ въ качествѣ комисара по крестьянскимъ дѣламъ сперва въ Кѣлецкой, а затѣмъ въ Варшавской губерніи. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Сѣдлецъ, гдѣ принималъ участіе въ такъ называемомъ возсоединеніи уніатовъ. Въ 1879 г. Петровъ назначенъ Минскимъ губернаторомъ. Здѣсь ему тоже пришлось заниматься руссификаціей края: водворять русскій языкъ въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи, прини-

мать мѣры къ упроченію русскаго землевладѣнія, заботиться о построеніи православныхъ храмовъ и обезпеченіи быта православнаго духовенства. Послѣ такой административной подготовки Петровъ и перешелъ въ Харьковъ.

Время губернаторства Петрова въ Харьковѣ было временемъ контръ-реформъ, въ осуществленіи которыхъ онъ и принялъ дѣятельное участіе: ему пришлось вводить институтъ земскихъ начальниковъ, перестраивать по новому образцу волостные суды, вводить новое городовое и новое-же земское положенія. Губернаторъ выказалъ при этомъ большую энергію и настойчивость, обратившую на себя вниманіе и въ Петербургѣ, гдѣ онъ скоро былъ признанъ однимъ изъ самыхъ подходящихъ къ условіямъ времени администраторовъ. Энергичнымъ администраторомъ заявилъ себя Петровъ и во время голода 1891 г. и холерной эпидеміи, особенно въ Харьковѣ, гдѣ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, холерный періодъ прошелъ относительно очень благополучно. Петровъ, въ качествѣ предсѣдателя по постройкѣ молитвенныхъ сооруженій въ Боркахъ, обращалъ на это дѣло усиленное вниманіе. При немъ были начаты и закончены какъ храмъ и часовни на мѣстѣ крушенія Царскаго поѣзда, такъ и скитъ съ инвалиднымъ домомъ. Въ области благотворительности пребываніе Петрова въ Харьковѣ ознаменовалось устройствомъ Александровскаго пріюта и училища для слѣпыхъ, увеличеніемъ комплекта дѣвочекъ, призрѣваемыхъ благотворительнымъ обществомъ. Вообще можно сказать, что ни одно религіозно-патріотическое начинаніе того времени не проходило безъ энергическаго содѣйствія губернатора. Это, конечно, дѣлалось въ Петербургѣ, и за девять лѣтъ своего управленія губерніей Петровъ удостоился ряда крупныхъ наградъ: получилъ чинъ тайнаго совѣтника, званіе гофмейстера и ордена Владиміра 2-ой степени и Бѣлаго Орла. Справедливость требуетъ отмѣтить и другія, не казовыя стороны дѣятельности Петрова въ Харьковѣ: его содѣйствіе музыкальному обществу, коммерческому училищу и общественной библіотекѣ. Когда въ 1895 г. Петровъ былъ назначенъ помощникомъ генералъ-губернатора въ Варшаву, въ честь его былъ устроенъ цѣлый рядъ парадныхъ обѣдовъ, изъ которыхъ особенной торжественностью отличался обѣдъ городской думы, въ то время почти поголовно „купеческой“.

На мѣсто Петрова въ 1895 г. губернаторомъ въ Харьковъ назначили Германа Ивановича Тобизена, переведеннаго изъ Томска. Тобизенъ окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, и этимъ въ значительной степени опредѣлилась его дальнѣйшая карьера. Служба въ Сенатѣ, слѣдовательская должность, потомъ мѣсто товарища прокурора въ Калугѣ. Дальше идетъ уклоненіе въ сторону административную: Тобизена сперва откомандировываютъ къ финляндскому генералъ-губернатору, а потомъ онъ и совсѣмъ перечисляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь онъ состоитъ при калужскомъ губернаторѣ, потомъ становится Лифляндскимъ вице-губернаторомъ, въ 1890 г., послѣ 12-лѣтняго пребыванія въ Лифляндіи, назначается губернаторомъ въ Томскъ, а черезъ 5 лѣтъ—въ Харьковъ. Дѣятельность Тобизена въ Харьковѣ, несмотря на предоставленныя ему широкія полномочія, отличалась достаточной закономѣрностью: судейская служба и долголѣтнее пребываніе въ Остзейскомъ краѣ, очевидно, не прошли для него даромъ. Въ области мѣстной благотворительности онъ оставилъ по себѣ добрую память устройствомъ приходскихъ попечительствъ. Тобизенъ, не въ примѣръ инымъ прочимъ, терпимо относился къ дѣятельности земскаго и городского самоуправленія и вообще къ общественной самодѣятельности.

Тобизенъ для тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ оказался администраторомъ не подходящимъ, и его смѣнили. На мѣсто Тобизена въ 1902 г. перевели изъ Херсона тамошняго губернатора, князя Ивана Михайловича Оболенскаго. Оболенскій—морякъ по образованію и первоначальному мѣсту службы. Служилъ онъ, впрочемъ, во флотѣ не долго. Выйдя въ отставку, Оболенскій поселился въ имѣніи, въ Симбирской губерніи, гдѣ вскорѣ былъ избранъ сначала уѣзднымъ, а потомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Пробывъ въ этой послѣдней должности три трехлѣтія, онъ въ 1894 г. получилъ назначеніе въ Херсонъ, а отсюда въ Харьковъ.

Назначеніе Оболенскаго въ Харьковъ какъ разъ совпало съ періодомъ возрожденія проектовъ объ усиленіи губернаторской власти и перестройкѣ губернскаго управленія въ смыслѣ объединенія всѣхъ разрозненныхъ частей губернской административной машины въ одинъ механизмъ подъ управленіемъ начальника губерніи. Новый губернаторъ какъ бы желалъ показать на дѣлѣ, каковы будутъ практическіе результаты реформы: онъ пробовалъ объединять. Какіе отъ этого могли бы послѣдовать результаты впослѣдствіи,—неизвѣстно, но при первомъ опытѣ сразу же почувствовалось значительное треніе отдѣль-

ныхъ колесъ и винтовъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ попыткахъ объединенія сказывалась какъ бы излишняя нервность и порывистость. Періодъ управленія губерніей княземъ Оболенскимъ совпалъ съ крупными аграрными безпорядками, разразившимися въ Полтавской губерніи и быстро докатившимися и до Харьковской. Особенно серьезный характеръ приняли они въ Валковскомъ уѣздѣ. Оболенскій поѣхалъ на усмиреніе и почти безъ стрѣльбы, одними нагайками и розгами, успѣлъ усмирить буянъ. При Оболенскомъ открылось въ Харьковѣ „Русское собраніе“. При немъ-же и по его иниціативѣ возникъ было проектъ превращенія ново-отстроеннаго зданія Народнаго дома въ депо для пожарной команды. Проектъ не осуществился благодаря главнымъ образомъ юридическимъ препятствіямъ, указаннымъ тогдашнимъ предсѣдателемъ окружного суда В. В. Ненарочкинымъ, приглашеннымъ въ бывшее по этому поводу совѣщаніе въ качествѣ спеціалиста въ вопросахъ права. При Оболенскомъ-же и подъ его предсѣдательствомъ велись въ то время и совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства.

Энергичное усмиреніе крестьянскихъ волненій имѣло послѣдствіемъ покушеніе на жизнь губернатора, произведенное въ саду „Тиволи“. Оболенскій спасся благодаря самоотверженности супруги тогдашняго предсѣдателя губернской земской управы, г-жи Гордѣенко, награжденной впослѣдствіи, по ходатайству князя, золотой медалью. Пуля, предназначенная для губернатора, ранила полиціймейстера. Преступникъ былъ схваченъ, судимъ и присужденъ къ висѣлицѣ, но по просьбѣ князя Оболенскаго ему дарована была жизнь. Послѣ этого губернаторъ пробылъ въ Харьковѣ не долго. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ и встрѣченъ былъ тамъ, какъ persona grata, изъ лейтенантовъ сразу произведенъ въ генералъ-лейтенанты и посланъ управлять Финляндіей. Дальнѣйшая его дѣятельность на новомъ мѣстѣ службы достаточно извѣстна да и не входитъ въ предѣлы нашей задачи.

Послѣ ухода Оболенскаго губернаторомъ былъ назначенъ вице-губернаторъ С. Н. Гербель. Губернаторствовалъ онъ въ Харьковѣ также не долго. Въ 1904 г., въ качествѣ спеціалиста по городскимъ и земскимъ дѣламъ, онъ былъ поставленъ во главѣ особаго управленія этими дѣлами, образованнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На его мѣсто въ Харьковъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Константинъ Сократовичъ Старынкевичъ. Послѣднему было, впрочемъ, не до управленія. Грозная волна освободительнаго движенія докатилась до Харькова. Октябрскіе дни 1905 г. ознаменовались баррикадами. Старынкевичъ былъ признанъ не достаточно энергичнымъ. Харьковъ объявленъ на военномъ положеніи, вся власть надъ нимъ перешла въ руки временнаго генералъ-губернатора, генерала Синицкаго. Старынкевичъ нѣкоторое время пробылъ еще въ Харьковѣ, а потомъ былъ переведенъ въ Симбирскъ, гдѣ и погибъ отъ взрыва бомбы.

Въ области, подлежащей его вѣдѣнію, губернаторъ дѣйствовалъ, какъ и теперь, или единолично, или черезъ посредство различныхъ коллегіальныхъ учрежденій, въ которыхъ онъ былъ предсѣдателемъ. Въ первомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на дѣло управленія губерніей имѣла губернаторская канцелярія и состоящіе въ распоряженіи губернатора чиновники.

Губернаторская канцелярія, сперва небольшая, состоявшая изъ одного секретаря, потомъ постепенно расширилась. Въ первые годы Николаевскаго царствованія видимъ уже при губернаторѣ и чиновниковъ особыхъ порученій. Губернаторская канцелярія начинаетъ получать особо важное значеніе и въ отношеніи вліянія на ходъ губернскихъ дѣлъ оспаривать пальму первенства у самого „перваго въ губерніи мѣста“—губернскаго правленія. Губернаторскіе секретари, впослѣдствіи переименованные въ правителей канцеляріи, становятся въ нѣкоторомъ родѣ губернскими сановниками. Отъ секретарства при губернаторѣ прямой ходъ былъ въ совѣтники губернскаго правленія. Изъ секретарей и правителей прежняго времени заслуживаютъ упоминанія имена такихъ сильныхъ въ губерніи людей, какъ Петинъ, Славинскій, Соболевъ, а въ болѣе близкое къ намъ время—Цвѣтковъ, Щировскій. Институтъ чиновниковъ особыхъ порученій сталъ, такъ сказать, школою администраторовъ, мѣстомъ, гдѣ молодые чиновники готовились къ предстоящей имъ административной дѣятельности. Вліяніе чиновниковъ особыхъ порученій было также не малое, особенно во время объѣздовъ губернаторами губерніи, когда на нихъ возлагалась ревизія подвѣдомственныхъ губернатору учрежденій.

Изъ коллегіальныхъ административныхъ учрежденій въ дореформенное время наибольшее значеніе для губерніи вообще и для Харькова въ частности имѣло „первое въ губерніи мѣсто“—губернское правленіе. Правленіе вѣдало самыя разнообразныя административныя и даже отчасти судебныя дѣла (по „безспорнымъ претензіямъ“), имѣло непосредственное касательство къ городскому хозяйству и

благоустройству, ибо ему подвѣдомы были какъ городская дума, такъ и городская полиція. XIX в. засталъ губернское правленіе почти въ томъ-же видѣ, въ какомъ устроено оно было Екатерининскимъ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Во главѣ его стоялъ губернаторъ, а членами были два совѣтника и ассессоръ. Съ теченіемъ времени этотъ составъ оказался недостаточнымъ. Въ 1822 г., по случаю обилія дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію губернскаго правленія, состоялось Высочайшее повелѣніе о прибавкѣ третьяго совѣтника. Но, очевидно, и трехъ совѣтниковъ оказалось мало. Теченіе дѣлъ шло неправильно; поступающія бумаги накоплялись и годами лежали безъ разсмотрѣнія. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ половинѣ 30-хъ годовъ совѣтники Петръ Прокоповичъ, Василій Болтинъ и Иванъ Даниленко и ассессоръ Семенъ Косенко, послѣ двукратныхъ Высочайшихъ выговоровъ за медленность и нерадѣніе, преданы были по Высочайшему повелѣнію суду за безпорядки и упущенія по должности. Оказалось, что нерѣшенныхъ дѣлъ въ губернскомъ правленіи скопилось 17021,—цифра прямо таки невѣроятная, которой приходится, однако-же, вѣрить, такъ какъ она устанавливается оффиціальными документами. Обнаружилась, кромѣ того, и растрата въ 13065 р. Для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ по Высочайшему повелѣнію было учреждено при губернскомъ правленіи особое временное отдѣленіе изъ предсѣдателя гражданской палаты Кашинцова и совѣтниковъ Герсеванова и Римскаго-Корсакова [1]). Дѣло Прокоповича, Болтина, Даниленка и Косенка велось въ Полтавской палатѣ уголовнаго суда. Въ оправданіе свое совѣтники ссылались на то, что уже въ 1827 г. доносили они о положеніи губернскаго правленія и о „недостаткѣ способовъ“ Сенату и ревизовавшему губернію сенатору Брозину, а губернаторы Грибовскій въ 1828 г. и Каховскій въ 1831 г. доносили о томъ-же министру внутреннихъ дѣлъ; что Сенатъ призналъ „недостатки способовъ“, а министръ—что запущеніе произошло съ давнихъ лѣтъ; что бывшій временный военный губернаторъ Никитинъ представлялъ въ 1834 г. министерству внутреннихъ дѣлъ „о неимѣніи въ правленіи способовъ дѣйствовать болѣе“, а гражданскій губернаторъ въ 1835 г.—о снятіи съ совѣтниковъ двухъ выговоровъ, наложенныхъ по Высочайшему повелѣнію за медленность [2]). Чѣмъ окончилось это дѣло, не знаемъ, но оно очень характерно, какъ яркая иллюстрація порядковъ, царившихъ въ „первомъ“ въ губерніи мѣстѣ“. А между тѣмъ это не дѣлавшее своего дѣла учрежденіе оказывалось очень обидчивымъ, если замѣчало со стороны другихъ хоть маленькую попытку указать ему на его обязанности. Особенно замѣтна эта обидчивость въ перепискѣ правленія съ губернскимъ прокуроромъ Жадовскимъ.

Съ 1835 г., когда для управленія губернскими финансами были назначены особые предсѣдатели казенныхъ палатъ, главное вліяніе на теченіе дѣлъ въ губернскомъ правленіи получили вице-губернаторы. Эпоха великихъ реформъ отразилась и на губернскомъ правленіи. Его значеніе умалилось, функціи сократились. Въ шестидесятыхъ годахъ губернское правленіе состояло по прежнему изъ трехъ отдѣленій. Первое отдѣленіе называлось гражданскимъ. Дѣлилось оно на четыре „стола“—геральдейскій, два долговыхъ и газетный. Въ его завѣдываніи находилась губернская типографія. Во второмъ отдѣленіи (слѣдственно-арестантскомъ) было два „стола“— слѣдственный и арестантскій. Въ зависимости отъ этого отдѣленія находились арестантская рота гражданскаго вѣдомства и тюремный замокъ. Третье отдѣленіе (хозяйственно-недоимочное) заключало въ себѣ три „стола“—хозяйственный, недоимочный, акцизный и рекрутскій). По прежнему видимъ въ составѣ губернскаго правленія ассессора. Кромѣ трехъ основныхъ отдѣленій, въ 1865 г. появились еще отдѣленія врачебное и строительное. Это прежнія строительная и дорожная коммиссія и врачебная управа, переименованныя теперь изъ самостоятельныхъ учрежденій въ отдѣленія губернскаго правленія. Во главѣ врачебнаго отдѣленія стоялъ врачебный инспекторъ, а членами были операторъ и акушеръ. При отдѣленіи состоялъ врачъ-ветеринаръ и два ветеринара. Строительное отдѣленіе состояло изъ губернскаго инженера, губернскаго архитектора, младшаго инженера и младшаго архитектора. Губернская чертежная составлялась изъ губернскаго землемѣра и его помощника. Губернаторъ, вице-губернаторъ, три совѣтника (начальники отдѣленій) и составляли присутствіе губернскаго правленія въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать, какъ коллегіальному учрежденію; врачебный инспекторъ, губернскій землемѣръ и губернскій инженеръ приглашались въ присутствіе

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак. Т. VIII № 6633 и Т. IX № 6813.

[2]) Арх. Губ. Правл. 1835 г. Дѣло о доставленіи Полтавской палатѣ уголовнаго суда свѣдѣній о дѣлахъ Губернскаго Правленія до 1834 г.

только по дѣламъ, до ихъ отдѣленій относящимся. Съ 1868 г. должность ассессора губернскаго правленія уничтожается. Въ 1876 г. число совѣтниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣленій сократилось. Ихъ стало уже не три, а только два: первое—распорядительное и герольдейское и второе—арестантское. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, послѣ введенія тюремной инспекціи, къ существовавшимъ отдѣленіямъ прибавилось еще и тюремное.

Въ дореформенное время совѣтникъ губернскаго правленія былъ, такъ сказать, особой, носителемъ большой власти, имѣвшимъ касательство къ самимъ разнообразнымъ сторонамъ управленія губерніей вообще и Харьковомъ въ частности, а потому и имена совѣтниковъ не могутъ быть забыты въ исторіи Харькова. Въ самомъ началѣ столѣтія должности совѣтниковъ занимали Шурлинъ (выслужившійся изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей) и Коловскій, затѣмъ совѣтниками были: Звѣревъ и Оболенскій, Цебриковъ и Мокренецъ, А. Д. Прожинъ и И. Г. Навроцкій. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ совѣтниками были П. А. Бѣлявскій и А. И. Керентовъ. Послѣдній славился, какъ великій дѣлецъ и дока въ указахъ и законахъ. Выслужился онъ изъ вольноотпущенныхъ и съумѣлъ вывести въ чины и своихъ братьевъ. Въ свое время возникло было дѣло о неправильномъ присвоеніи ими дворянскаго достоинства, но окончилось для Керентовыхъ благополучно. Въ 1829 г. сенаторъ Горголи, ревизовавшій Слободско-Украинскую губернію, отрѣшилъ А. И. Керентова отъ должности совѣтника и поставилъ на мѣсто его магистра Харьковскаго университета В. Д. Болтина. Изъ другихъ совѣтниковъ двадцатыхъ годовъ отмѣчаемъ Ѳ. А. Сулиму, пробывшаго въ этой должности больше десяти лѣтъ, и П. А. Прокоповича. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ ушелъ Сулима и на его мѣсто былъ опредѣленъ И. Г. Даниленко, а затѣмъ (въ 1833 г.) мѣсто Болтина занялъ А. И. Гурьевъ. Болтинъ, Прокоповичъ и Даниленко, какъ мы знаемъ, попали подъ судъ, мѣста ихъ заняли: В. П. Ковалевскій, С. П. Мерескуловъ и Т. П. Великовъ (съ 1834), также игравшій очень видную роль, какъ одинъ изъ „столповъ“ учрежденія. Изъ другихъ совѣтниковъ конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ упомянемъ А. О. Колоколова, Е. П. Тарановскаго, В. Д. Аносова. Послѣдняго въ началѣ пятидесятыхъ годовъ замѣнилъ И. Г. Славинскій, бывшій раньше правителемъ канцеляріи губернатора. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совѣтниками были: В. П. Рева, И. Г. Славинскій, И. О. Эвировъ. Послѣ Эвирова совѣтникомъ сталъ А. И. Малиновскій, а потомъ М. Е. Иноземцевъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ старшимъ совѣтникомъ былъ А. О. Подвысоцкій, а младшими—А. Д. Янковичъ и памятный харьковскимъ сторожиламъ В. В. Кузинъ, просидѣвшій на совѣтничьемъ креслѣ 35 лѣтъ и ушедшій въ отставку только въ 1902 г. Въ семидесятыхъ годахъ, кромѣ Кузина, должность совѣтника занимали Я. Д. Сумцовъ и Г. И. Дѣевъ.

Первымъ тюремнымъ инспекторомъ былъ Е. П. Щировскій, попавшій на эту должность изъ правителей губернаторской канцеляріи. Изъ врачебныхъ инспекторовъ упомянемъ К. И. Грумбаха, д. с. с. Майера, Гринберга, Я. М. Горбанева, Л. Н. Бартенева, М. М. Стефановича-Севастьяновича, М. А. Денисова.

Гораздо меньшее значеніе имѣли другія учрежденія дореформеннаго времени, во главѣ которыхъ стоялъ губернаторъ. Таковъ былъ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ Екатерининскія и Павловскія времена приказу общественнаго призрѣнія подлежали, между прочимъ, „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ“. Послѣ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія эта важная функція была съ приказа снята; за нимъ осталось только завѣдываніе сиротскими домами, больницами, богадѣльнями, домами умалишенныхъ, смирительными и работными. Едва-ли не важнѣйшею функціей приказа было распоряженіе принадлежавшими ему капиталами. Онъ имѣлъ право отдавать ихъ въ заемъ за узаконенные проценты подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. На жизнь собственно Харькова приказъ имѣлъ то вліяніе, что съ его помощью городъ получилъ возможность улучшить свое благоустройство: изъ суммъ приказа за опредѣленный процентъ дѣлались позаимствованія для устройства мостовыхъ, отсюда же черпались и средства на выдачу ссудъ домовладѣльцамъ, которыхъ начальство заставляло строиться. Имѣлъ, конечно, приказъ свое значеніе для города и по своимъ „богоугоднымъ заведеніямъ“, въ которыхъ чаще всего призрѣвались и лѣчились харьковцы по близости этихъ заведеній къ городу.

Предсѣдателемъ приказа былъ губернаторъ, но ходъ дѣла въ немъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ такъ назыв. непремѣннаго члена, при которомъ имѣлся еще дворянства засѣдатель. Приказъ просуществовалъ до введенія земскихъ учрежденій, когда „богоугодныя заведенія“ были переданы въ вѣдѣніе губернскаго земства.

Губернское правленіе и приказъ общественнаго призрѣнія было учрежденіями старыми, переданными XIX столѣтію въ наслѣдство по Екатерининскому учрежденію 1780 г. Удержались они и въ новомъ столѣтіи, но скоро рядомъ съ ними начали возникать и другія административныя установленія такого-же коллегіальнаго типа. Съ теченіемъ времени въ Харьковѣ появляются разные комитеты и комиссіи, функціи которыхъ почему-либо признавалось необходимымъ выдѣлить изъ круга вѣдѣнія губернскаго правленія. Первымъ по времени своего появленія былъ такъ называемый оспенный комитетъ. Задача его явствуетъ изъ самаго его названія. Въ Харьковѣ возникъ онъ въ 1811 г. Въ составъ его вошли: губернаторъ въ качествѣ предсѣдателя, вице-губернаторъ, инспекторъ врачебной управы, Харьковскій городской голова, а съ учрежденіемъ палаты государственныхъ имуществъ—и управляющій этой палатой. Оспенный комитетъ просуществовалъ 55 лѣтъ и былъ закрытъ въ 1866 г., когда заботу объ оспопрививаніи взяло на себя земство. Въ оспенномъ комитетѣ губернаторъ также былъ только номинальнымъ предсѣдателемъ, ибо здѣсь все направленіе дѣятельности учрежденія зависѣло отъ врачебнаго инспектора.

Въ 1831 г. открытъ попечительный о тюрьмахъ комитетъ, первое засѣданіе котораго состоялось 25-го мая. Здѣсь губернаторъ занималъ должность вице-предсѣдателя, другимъ вице-предсѣдателемъ былъ епархіальный архіерей, члены носили званіе директоровъ. Къ участію въ комитетѣ было привлечено главнымъ образомъ богатое купечество, прельщавшееся титуломъ директора и медалями, которыя можно было здѣсь заполучить.

Въ 1833 году открылась строительная коммиссія, вѣдавшая всѣ дѣла о казенныхъ и городскихъ постройкахъ на сумму 3 тыс. руб. Предсѣдателемъ ея былъ губернаторъ. Параллельно ей существовала и дорожная коммиссія. Въ 1849 году обѣ коммиссіи были соединены въ одно учрежденіе, начавшее функціонировать съ 1 января 1850 года. Состояло оно изъ предсѣдателя-губернатора, непремѣннаго члена, губернскаго архитектора, губернскаго инженера, городового архитектора, двухъ производителей работъ и помощниковъ ихъ. Строительная и дорожная коммиссія имѣла очень крупное вліяніе на судьбу городского благоустройства. Въ шестидесятыхъ годахъ она была присоединена, какъ мы уже упоминали, къ составу губернскаго правленія и стала называться его строительнымъ отдѣленіемъ. Гораздо меньшее значеніе для Харькова, но зато очень большое для губерніи имѣла коммиссія народнаго продовольствія. Во главѣ ея стоялъ губернаторъ, а въ качествѣ членовъ входили: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ и уѣздный предводитель дворянства. Само собою понятно, что въ обыкновенное время, когда все шло нормально, коммиссіи дѣлать было нечего, но зато ея дѣятельность сразу подымалась въ годы голодовокъ. Конечно, среди членовъ коммиссіи наибольшее вліяніе могъ имѣть управляющій палатой государственныхъ имуществъ, ибо въ его вѣдѣніи находились крестьянскіе запасные магазины. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій коммиссія была закрыта, ибо лежавшія на ней обязанности перешли къ земству.

Съ 1837 года въ Харьковѣ заведенъ былъ и. статистическій комитетъ, во главѣ котораго также былъ поставленъ губернаторъ. Членами комитета состояли различныя должностныя лица въ губерніи, гражданскія и духовныя, при чемъ въ составѣ ихъ всегда бывало не мало профессоровъ и учителей. Они то и давали преимущественно тонъ дѣятельности комитета. Вся тяжесть работы въ комитетѣ лежала главнымъ образомъ на его секретарѣ. Статистическій комитетъ, черпавшій да и до сихъ поръ черпающій свои свѣдѣнія изъ полицейскихъ данныхъ и рапортовъ волостныхъ писарей, въ общемъ былъ для губерніи учрежденіемъ мало полезнымъ. Обыкновенно это было учрежденіе бездѣятельное. Только по временамъ онъ пробуждался отъ спячки, когда въ составъ его входили энергичные люди, какъ Подвысоцкій, Голяховскій, Спасскій, И. П. Сокальскій, П. С. Ефименко. Изслѣдованія комитетовъ и его отдѣльныхъ членовъ давали матеріалъ для заполненія страницъ мѣстныхъ „Вѣдомостей“. Съ начала шестидесятыхъ годовъ статистическій комитетъ сталъ издавать „Памятныя книжки“ губерніи, а съ 1869 года и до днесь комитетомъ издаются мѣстные календари, заключающіе въ себѣ не мало статистическихъ работъ, отличающихся общимъ органическимъ недостаткомъ русской казенной статистики—малою достовѣрностью, являющеюся неизбѣжнымъ результатомъ самаго способа собиранія свѣдѣній. Особеннаго успѣха

достигли харьковскіе календари въ восьмидесятыхъ годахъ, когда секретаремъ статистическаго комитета былъ П. С. Ефименко, сумѣвшій привлечь къ своему изданію мѣстныя научныя силы.

Чтобы покончить съ дореформенными учрежденіями, во главѣ которыхъ стоялъ губернаторъ, нужно еще упомянуть о губернскомъ попечительствѣ дѣтскихъ пріютовъ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ по должности, о благотворительномъ обществѣ, гдѣ также ему, по установившемуся обычаю, принадлежало предсѣдательское мѣсто въ первомъ отдѣленіи, какъ во второмъ, по тому же обычаю, оно принадлежало губернаторшѣ, и, наконецъ, объ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ губернаторы со времени кн. П. И. Трубецкаго занимали должность предсѣдателя совѣта. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ видимъ губернатора еще въ роли предсѣдателя губернскаго комитета государственнаго коннозаводства. Впрочемъ это учрежденіе просуществовало очень недолго.

Крестьянская реформа создала въ губерніи новое учрежденіе, во главѣ котораго сталъ губернаторъ. Это былъ губернскій комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, членами котораго были: губернскій предводитель дворянства, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена, назначаемые по Высочайшему соизволенію, и два члена по выбору предводителя дворянства. На 1862 г. комитетъ пересталъ существовать, вмѣсто него явилось губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, учрежденное согласно „Положенію“ 19 февраля 1861 г. для осуществленія крестьянской реформы и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами. Вѣдѣнію губернскаго присутствія подлежало разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, на которыхъ и лежало осуществленіе на мѣстѣ реформъ, объявленныхъ въ „Положеніи“ 19 февраля; затѣмъ присутствіе вѣдало дѣла по добровольнымъ между помѣщиками и крестьянами соглашеніямъ, нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ и выкупную операцію. Въ составъ присутствія входили: губернаторъ, какъ предсѣдатель, а въ качествѣ членовъ —губернскій предводитель дворянства, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ Высочайшаго соизволенія, и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ въ собраніи предводителей дворянства. Въ 1864 г. число членовъ сокращено: отъ правительства и отъ дворянства стало уже не по два, а по одному. [1]) Измѣнялся составъ присутствія и въ дальнѣйшее время, въ особенности послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ, послѣдовавшаго въ 1874 г. Вмѣсто мировыхъ посредниковъ явились непремѣнные члены, а вмѣсто мировыхъ съѣздовъ—уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Измѣнился и составъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Кромѣ предсѣдателя-губернатора, въ составъ его теперь входили: вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, управляющій казенной палатой, управляющій государственными имуществами, предсѣдатель губернской земской управы, прокуроръ окружного суда и непремѣнный членъ, назначаемый съ Высочайшаго соизволенія. Главное руководство дѣлами губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и перешло фактически въ руки этого члена, имѣвшаго возможность уже потому болѣе другихъ вліять на теченіе дѣлъ въ присутствіи, что онъ только для нихъ и существовалъ, между тѣмъ какъ для прочихъ членовъ занятія въ присутствіи были дѣломъ постороннимъ, не имѣвшимъ касательства къ ихъ прямымъ служебнымъ обязанностямъ. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе просуществовало до введенія „Положенія“ о земскихъ начальникахъ. На 1890 г. вмѣсто губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Харьковѣ возникло губернское присутствіе. Это уже учрежденіе не только административное, но и судебное. Состоитъ оно подъ предсѣдательствомъ губернатора, а въ качествѣ членовъ входятъ: вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, прокуроръ окружнаго суда и два непремѣнныхъ члена, на которыхъ въ сущности и лежитъ все веденіе дѣлъ присутствія. Когда присутствіе занимается судебными дѣлами, его обычный составъ усиливается предсѣдателемъ окружного суда, а при занятіяхъ административными дѣлами—управляющими казенной палатой и государственными имуществами и предсѣдателемъ губернской земской управы. Прокуроръ даетъ присутствію только свои заключенія, но въ постановленіи рѣшеній голоса не имѣетъ.

[1]) 2-ое Полн. Собр Зак. Т. XXXV. № 36657 и 36659, 36660 и Т. XXXIX № 40900.

Губернскому присутствію были переданы дѣла, прежде подлежавшія вѣдѣнію губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Кромѣ того, въ кругъ его вѣдѣнія вошли: надзоръ за дѣятельностью земскихъ начальниковъ, разсмотрѣніе и утвержденіе мірскихъ приговоровъ объ удаленіи порочныхъ членовъ и о разрѣшеніи продажи имущества малолѣтнихъ сиротъ-крестьянъ, удаленіе отъ должностей и преданіе суду должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, измѣненіе границъ участковъ земскихъ начальниковъ, разсмотрѣніе жалобъ на всѣ неокончательныя постановленія уѣздныхъ съѣздовъ. По судебнымъ дѣламъ губернскому присутствію принадлежитъ разрѣшеніе протестовъ и просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ. Такимъ образомъ кругъ вѣдѣнія губернскаго присутствія чрезвычайно широкъ, а вліяніе его на крестьянскую жизнь очень велико. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что по 125 ст. Положенія о земскихъ начальникахъ постановленія губернскаго присутствія по дѣламъ административнымъ, за исключеніемъ относящихся до поземельнаго устройства сельскихъ обывателей, почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію. Для крестьянства такимъ образомъ губернское присутствіе является послѣдней инстанціей, дальше которой за нимъ не признается право искать справедливости. Не безъ основанія поэтому дано ему въ юридической литературѣ названіе „губернскаго сената“. Какое громадное значеніе въ губернскомъ присутствіи получилъ губернаторъ,—это явствуетъ изъ 128 ст. Положенія: „если, во вниманіе къ особо важнымъ обстоятельствамъ, губернаторъ затрудняется допустить къ исполненію постановленіе губернскаго присутствія по административному дѣлу, то остановивъ, подъ собственною отвѣтственностью, приведеніе означеннаго постановленія въ исполненіе, представляетъ дѣло, по которому оно состоялось, на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ“.

Въ земскихъ учрежденіяхъ, открытыхъ въ Харьковѣ въ 1865 г., губернаторъ не предсѣдательствовалъ, но роль его и въ земскихъ дѣлахъ была очень крупной. Отъ него зависѣло разрѣшеніе созыва уѣздныхъ земскихъ собраній, да и губернскія хотя и созывались съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, но всегда согласно заключенію губернатора. Онъ же и открывалъ и закрывалъ губернскія земскія собранія. Губернаторъ имѣлъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, которое онъ признаетъ противнымъ законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Если земскими учрежденіями не сдѣлано распоряженія къ исполненію обязательныхъ повинностей, губернаторъ, въ случаѣ безуспѣшности сдѣланнаго имъ напоминанія, имѣлъ право, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, самъ приступить къ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства. Изъ постановленій земскихъ собраній обязательному утвержденію губернатора подлежали: земскія смѣты и раскладки, постановленія о раздѣленіи содержимыхъ земствомъ дорогъ на губернскія и уѣздныя, объ отнесеніи уѣздныхъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ, объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ, объ учрежденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній, о временномъ устраненіи отъ должностей членовъ земскихъ управъ. Всѣ постановленія земскихъ собраній, согласно 93 ст. земскаго Положенія, должны были безъ замедленія сообщаться губернатору.

Еще больше власти дало губернатору земское Положеніе 1890 г., вручившее ему „надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій земскихъ учрежденій“. Для обсужденія, въ подлежащихъ случаяхъ, правильности и законности постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій, законъ 12 іюня 1890 г. установилъ губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе это состояло, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружного суда, предсѣдателя губернской земской управы и одного члена отъ губернскаго земскаго собранія. Но и при коллегіальномъ обсужденіи дѣла за губернаторомъ осталось превалирующее значеніе: въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ большинства членовъ присутствія, онъ имѣлъ право пріостановить исполненіе его рѣшенія до полученія отвѣта отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такія же присутствія были учреждены и по городскимъ дѣламъ согласно городовому Положенію 1870 г. Въ составъ ихъ, кромѣ предсѣдателя-губернатора, входили: вице-губернаторъ, управляющій казенной палатой, прокуроръ окружного суда, предсѣдатель мирового съѣзда, предсѣдатель губернской земской управы и городской голова г. Харькова. Жалобы на незаконныя дѣйствія городскихъ думъ приносились губернатору, который и передавалъ ихъ на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ.

Послѣ введенія новаго городового Положенія власть начальника губерніи надъ городскимъ самоуправленіемъ еще болѣе расширилась. Коллегіальнымъ органомъ, надзиравшимъ надъ городскими думами

и земскими собраніями, стало, согласно закону 11 іюня 1892 г., губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе, объединившее въ своихъ рукахъ городское и земское дѣло. Составъ его—тотъ же, что и бывшаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, устраненъ только изъ состава членовъ предсѣдатель мирового съѣзда, но введенъ членъ отъ Харьковской городской думы.

Законодательство пореформеннаго времени вообще, а съ восьмидесятыхъ годовъ въ особенности усердно стремилось расширить сферу вліянія губернатора и ставило его во главѣ всѣхъ важнѣйшихъ губернскихъ учрежденій. Но не были забыты и второстепенныя. Когда введенъ былъ уставъ о всеобщей воинской повинности, въ Харьковѣ учреждено было губернское по воинской повинности присутствіе. И во главѣ его сталъ губернаторъ, а въ качествѣ членовъ вошли: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, воинскій начальникъ, предсѣдатель губернской земской управы и членъ той же управы. Съ 1885 г. губернаторъ сталъ предсѣдателемъ новоучрежденнаго губернскаго по питейнымъ дѣламъ присутствія, просуществовавшаго до 1898 г. Вскорѣ послѣ учрежденія фабричной инспекціи образовано было губернское по фабричнымъ дѣламъ присутствіе. И опять таки предсѣдателемъ былъ назначенъ губернаторъ, а членами—вице-губернаторъ, прокуроръ окружного суда, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, старшій фабричный инспекторъ участковые инспектора и представители отъ фабрикантовъ. Затѣмъ губернаторъ же становится во главѣ и лѣсоохранительнаго комитета, состоящаго при управленіи земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Губернаторъ здѣсь предсѣдательствуетъ, а членами состоятъ: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій государственными имуществами, предсѣдатель окружного суда, предсѣдатель губернской земской управы, непремѣнный членъ губернскаго присутствія, одинъ членъ по назначенію и три члена по выбору отъ лѣсовладѣльцевъ.

Наконецъ, съ введеніемъ промысловаго налога губернаторъ становится предсѣдателемъ и губернскаго по промысловому налогу присутствія, въ составъ котораго входятъ: вице-губернаторъ, управляющіе казенной палатой и акцизными сборами, прокуроръ окружного суда, предсѣдатель губернской земской управы, городской голова, членъ-плательщикъ отъ губернскаго земства и такой же членъ отъ города.

Такимъ образомъ, кромѣ собственной канцеляріи, губернаторъ является главнымъ руководителемъ губернскаго правленія, губернскаго присутствія, губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, губернскаго по воинской повинности присутствія, статистическаго комитета, попечительнаго о тюрьмахъ комитета, губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, лѣсоохранительнаго комитета, губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ и благотворительнаго общества, не считая временныхъ комитетовъ и коммиссій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр. комитетъ по сооруженію храма и благотворительныхъ учрежденій въ Боркахъ, требуютъ отъ губернатора много времени и вниманія.

Ближайшимъ помощникомъ губернатора въ дѣлѣ управленія губерніей былъ вице-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго какъ въ XVIII, такъ и въ три первыя десятилѣтія XIX в. находилась финансовая часть губерніи. Онъ былъ начальникомъ казенной палаты и зависѣвшихъ отъ нея уѣздныхъ казначействъ, онъ же правилъ губерніей въ отсутствіе губернатора. Къ городскимъ дѣламъ вице-губернаторъ тоже имѣлъ нѣкоторое прикосновеніе. Распоряжаться ими въ качествѣ хозяина онъ могъ, конечно, только въ періоды, когда правилъ губерніей за отсутствіемъ губернатора, но за то ему принадлежало право контроля надъ городскими финансами, ибо въ казенную палату шли для контроля всѣ приходныя и расходныя книги городской думы.

Первымъ Харьковскимъ вице-губернаторомъ въ XIX в. былъ генералъ-маіоръ Пичугинъ, назначенный въ октябрѣ 1800 года и уже въ слѣдующемъ 1801 году замѣненный статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Михайловичемъ Картвелинымъ [1]). Картвелинъ, получившій въ Харьковѣ генеральскій чинъ, скоро (1803 г.) былъ замѣненъ коллежскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Андреевичемъ Неврозовымъ. Неврозовъ пробылъ вице-губернаторомъ шесть лѣтъ, уступивъ свое мѣсто въ 1809 г. Муратову. Муратовъ тоже пробылъ вице-губернаторомъ шесть лѣтъ и передалъ свою должность надворному совѣтнику Григорію Федоровичу Гежелинскому. Черезъ шесть лѣтъ на мѣсто Гежелинскаго былъ

---

[1]) Свѣдѣнія о вице-губернаторахъ, какъ и о другихъ должностныхъ лицахъ, заимствованы изъ архивныхъ документовъ, академическихъ „Мѣсяцеслововъ“ и „Адресъ-Календарей“ за разные годы первой половины XIX в., мѣстныхъ „Памятныхъ книжекъ“, „Календарей“ и „Вѣдомостей“.

назначенъ (1821 г.) камергеръ Двора, коллежскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Донецъ-Захаржевскій, а еще черезъ шесть лѣтъ, въ 1827 г.,—коллежскій совѣтникъ Степанъ Федоровичъ Паскевичъ. Въ 1831 г. на должность вице-губернатора былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Игнатій Васильевичъ Безкоровайный, а въ 1832 г. его смѣнилъ статскій совѣтникъ Борисъ Ивановичъ Пестель. Свѣдѣнія, какими мы располагаемъ о перечисленныхъ губернскихъ сановникахъ, довольно скудны. О Донецъ-Захаржевскомъ мы знаемъ, что онъ, какъ, впрочемъ, и иные крупные чиновники, былъ неисправнымъ плательщикомъ за занимаемую имъ въ городскомъ домѣ квартиру, такъ что и послѣ перевода его изъ Харькова съ него приходилось дѣлать вычеты за харьковскую квартиру. Знаемъ еще, что Донецъ-Захаржевскій получилъ выговоръ отъ Сената за неправильное постановленіе по дѣлу помѣщика Романовскаго о жестокомъ обращеніи его со своимъ крестьяниномъ и о жестокомъ наказаніи дочери этого крестьянина за несогласіе на блудъ. Это, впрочемъ, не помѣшало Донецъ-Захаржевскому сдѣлать карьеру. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ уже губернаторомъ въ Екатеринославѣ [1]). „О Паскевичѣ, родномъ братѣ фельдмаршала, можно сказать,—вспоминаетъ Тончіевъ,—что онъ былъ почти идіотъ и что ради мнимыхъ заслугъ брата, послѣ вице-губернаторства въ Харьковѣ, за отличную службу свою былъ назначенъ Курскимъ губернаторомъ". Что такое представлялъ собою Безкоровайный,—судить трудно по недостатку данныхъ, что же касается Бориса Ивановича Пестеля, то современникъ его Тончіевъ даетъ ему очень не лестную характеристику. „Маленькій человѣкъ, на деревяшкѣ, находчивый, всегда съ сардонической улыбкой на устахъ, отъявленный шуллеръ, для котораго не было ничего непозволеннаго, наглый взяточникъ, готовый пустить по міру каждаго и содрать съ своего ближняго шкуру,—таковъ былъ вице-губернаторъ Пестель, сынъ генералъ-адъютанта и братъ извѣстнаго декабриста Пестеля, казненнаго въ 1826 г. Какъ чиновникъ, Пестель былъ не знатокъ своего дѣла". Само собой понятно, что такія характеристики не могутъ быть признаны безпристрастными, а потому и придавать имъ серьезное значеніе мы не будемъ. Приводимъ ихъ, какъ интересный отзывъ современника.

Первымъ вице-губернаторомъ, не имѣвшимъ касательства къ казенной палатѣ, для которой въ половинѣ тридцатыхъ годовъ назначены особые предсѣдатели, былъ С. В. Смирновъ, назначенный въ Харьковъ въ 1838 году. Въ 1843 году его смѣнилъ Карлъ Карловичъ Данзасъ. Данзаса харьковцы прославили, какъ „подвижника общественности", ибо ему въ значительной степени обязанъ своимъ открытіемъ Харьковскій дворянскій клубъ. Въ 1855 г. вице-губернаторомъ былъ графъ А. К. Сиверсъ, а въ 1856 г. его смѣнилъ д. с. с. Михаилъ Павловичъ Ждановъ. Ждановъ пробылъ въ Харьковѣ около 8 лѣтъ, послѣ чего вице-губернаторомъ былъ назначенъ Федоръ Андреевичъ Беклемишевъ. Дѣятельность Беклемишева не прошла безслѣдно для города. Онъ „обратилъ особенное вниманіе на городское хозяйство" и въ теченіе трехъ лѣтъ „много способствовалъ сокращенію городскихъ расходовъ, во первыхъ, личнымъ и внимательнымъ изысканіемъ способовъ къ удешевленію подрядовъ, не обращая вниманія ни на чьи личности, но лишь имѣя единственно постоянною мыслію сбереженіе городской экономіи, и, во вторыхъ, постояннымъ преслѣдованіемъ той же мысли въ расходованіи суммъ по отбытію городомъ квартирной повинности. Ему городское общество обязано тѣмъ направленіемъ по городскому хозяйству дѣлъ, не только имѣющихъ особенную для города важность, но и не выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, подлежащихъ простымъ административнымъ разрѣшеніямъ, которое даетъ городскому общественному управленію въ Харьковѣ видъ общественнаго самоуправленія, примѣромъ чему служитъ дѣло объ устройствѣ въ Харьковѣ водопроводовъ, много лѣтъ подлежавшее обсужденію однихъ административныхъ лицъ и направленіемъ его переданное въ 1864 г. сужденію городского общества и домовладѣльцевъ всѣхъ сословій. Его энергичному участію Харьковское общество взаимнаго кредита обязано весьма скорымъ осуществленіемъ утвержденія своего проекта; очевидно, участіе и въ другихъ дѣлахъ, интересующихъ общество, каковы напр. дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ биржи, особаго отдѣленія почтовой конторы и пр. Что касается личныхъ отношеній его къ городскому обществу, то оно вполнѣ убѣдилось въ самостоятельности мнѣній его превосходительства о правахъ общества и въ прямодушной защитѣ его отъ постороннихъ вліяній". Такъ аттестовало Беклемишева Харьковское городское общество въ приговорѣ отъ 19 января 1867 г., постановившее поднести вице-губернатору званіе почетнаго гражданина г. Харькова [2]).

[1]) Арх. Губ. Правл. 1831 г. № 2146.

[2]) Харьк Губ. Вѣд. 1867 г. № 29.

При Кропоткинѣ вице-губернаторомъ былъ сперва д. с. с. Николай Ефимовичъ Андреевскій, а съ 1 января 1871 г.—камеръ-юнкеръ Анатолій Львовичъ Шостакъ. Шостакъ пробылъ въ Харьковѣ до 1878 г., когда былъ назначенъ губернаторомъ въ Черниговъ. Замѣстителемъ Шостака былъ с. с. Левъ Павловичъ Томара, за которымъ слѣдовалъ д. с. с. Василій Осиповичъ Сосновскій. При губернаторѣ Петровѣ вице-губернаторами были: сперва Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, трагически погибшій; затѣмъ—флигель-адъютантъ гр. Александръ Дмитріевичъ Милютинъ, сынъ знаменитаго военнаго министра Александровскаго царствованія, и, наконецъ, Александръ Карловичъ Бельгардтъ, назначенный въ 1893 г. Послѣ назначенія Бельгардта губернаторомъ въ Полтаву вице-губернаторскую должность занялъ гр. Александръ Александровичъ Мусинъ-Пушкинъ, а съ 1898 г.—Михаилъ Михайловичъ Осоргинъ. Послѣ назначенія въ Харьковъ кн. Оболенскаго онъ переѣхалъ съ собою изъ Херсона Сергѣя Николаевича Гербеля, тамошняго предсѣдателя земской управы, который и былъ назначенъ Харьковскимъ вице-губернаторомъ. Когда Гербель, послѣ ухода Оболенскаго, былъ назначенъ губернаторомъ, вице-губернаторомъ сталъ с. с. Всеволодъ Николаевичъ Азанчеевскій-Азанчеевъ, а послѣ него Владиміръ Александровичъ Оленинъ.

Со времени установленія для казенныхъ палатъ особыхъ предсѣдателей вице-губернаторъ сталъ ближайшимъ помощникомъ губернатора, главнымъ образомъ по губернскому правленію. На него же закономъ были возложены и литературно-полицейскія, такъ сказать, обязанности, ибо онъ являлся цензоромъ мѣстныхъ губернскихъ „Вѣдомостей“. Впрочемъ въ дѣйствительности вице-губернаторы рѣдко несли эту обязанность; чаще всего ихъ въ этомъ замѣняли старшіе совѣтники губернскаго правленія. Вице-губернаторамъ иногда поручалось губернаторами и самостоятельное завѣдываніе нѣкоторыми отраслями управленія, что, впрочемъ, случалось рѣдко. По прежнему, вице-губернаторы замѣняли губернаторовъ во время ихъ отсутствія. Они же являлись и членами почти всѣхъ коллегіальныхъ губернскихъ учрежденій, перечисленныхъ нами выше. Вообще вице-губернаторская должность и въ дореформенный, и въ пореформенный періоды являлась какъ бы школою, откуда прямой переходъ былъ на самостоятельную губернаторскую должность. Такъ оно и было почти со всѣми харьковскими вице-губернаторами.

Чрезвычайно важная роль въ губернской администраціи дореформеннаго времени была отведена закономъ губернскому прокурору. Это было „око Царево“, назначенье котораго слѣдить за всѣми отраслями губернскаго управленія, настаивать на исполненіи закона и, въ случаѣ надобности, доводить о замѣченныхъ законопротивныхъ поступкахъ до свѣдѣнія министра юстиціи. Подъ начальствомъ прокурора состояли стряпчіе, обязанные въ предоставленной каждому изъ нихъ сферѣ дѣятельности дѣлать тоже, что и прокуроръ, и, въ случаѣ надобности, доносить ему о замѣченныхъ нарушеніяхъ закона. Стряпчимъ же губернскій прокуроръ могъ поручать и разслѣдованіе дошедшихъ до его свѣдѣнія слуховъ о незаконнѣрныхъ дѣйствіяхъ органовъ и агентовъ власти.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что законодательство дореформеннаго времени добросовѣстно стремилось сдѣлать прокурорскій надзоръ не фикціей, а дѣйствительно важнымъ факторомъ въ жизни губерніи. Оно неоднократно подтверждало и разъясняло губернскимъ прокурорамъ и стряпчимъ ихъ права и обязанности, расширяло сферу ихъ вліянія. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ встрѣчаемъ законодательное подтвержденіе губернскимъ прокуроромъ о надзорѣ за успѣшнѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ губерніяхъ. Въ 1826 г. прокурорамъ и стряпчимъ вмѣняется въ обязанность наблюдать за правильнымъ теченіемъ и разрѣшеніемъ дѣлъ казенныхъ крестьянъ въ судебныхъ мѣстахъ. Въ 1827 г. подтверждается обязанность прокуроровъ имѣть личный надзоръ за скорѣйшимъ производствомъ дѣлъ объ арестантахъ и за исполненіемъ правилъ о кормовыхъ для нихъ деньгахъ. Въ томъ же году законодательнымъ путемъ разрѣшается вопросъ о „мѣрѣ вліянія губернскихъ прокуроровъ на дворянскія депутатскія собранія“. Прокуроры и стряпчіе привлекаются вмѣстѣ съ другими чинами къ участію въ выдачѣ свидѣтельствъ о болѣзни отставнымъ чиновникамъ, обращающимся въ комитетъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Губернскимъ же прокурорамъ поручается разсмотрѣніе и отправленіе бумагъ отъ лицъ, содержащихся подъ стражей. Въ 1828 г. законъ регулируетъ роль прокуроровъ въ дѣлахъ объ отысканіи свободы изъ крѣпостного состоянія и подтверждаетъ старыя узаконенія о доставленіи губернскимъ прокурорамъ журналовъ и протоколовъ присутственныхъ мѣстъ прежде ихъ исполненія Въ тоже время видимъ желаніе законодателя эманципировать прокурорскій надзоръ отъ вліянія губернскаго начальства разъясне-

ніемъ, что оно не въ правѣ аттестовывать губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ. Тоже стремленіе усилить прокурорскій надзоръ замѣчается и въ законодательствѣ послѣдующаго времени. Въ 1829 г. прокуроры призываются къ попеченію о скорѣйшемъ и правильномъ рѣшеніи корчемныхъ дѣлъ. Въ томъ же году прокурорамъ вмѣняется въ обязанность присутствовать при дворянскихъ выборахъ. Въ 1831 г. присутственнымъ мѣстамъ вновь запрещается приводить въ исполненіе свои постановленія безъ просмотра ихъ губернскимъ прокуроромъ. Такое же запрещеніе дѣлается въ частности и казеннымъ палатамъ. Тогда же опредѣляются обязанности прокуроровъ въ присутствіяхъ по рекрутской повинности. Въ 1832 г. прокуроръ привлекается въ присутствіе губернскаго правленія къ публичной продажѣ недвижимыхъ имуществъ. Къ 1834 г. на него возлагается обязанность просматривать журналы новоучрежденныхъ тогда губернскихъ строительныхъ коммиссій и имѣть особенное наблюденіе за немедленнымъ ходомъ и рѣшеніемъ дѣлъ о преступленіяхъ по должности. Въ 1838 г., съ учрежденіемъ палаты государственныхъ имуществъ, на прокурора возлагается обязанность просматривать ея журналы, а въ 1841 г. это узаконеніе распространяется и на комитеты, учрежденные для устройства губернскихъ городовъ [1]). Словомъ, законъ дѣлалъ все, чтобы усилить значеніе губернскихъ прокуроровъ и облегчить имъ возможность надзора.

Очень можетъ быть, что такой надзоръ могъ бы принести достаточно пользы, если бы тотъ, къ кому поступали прокурорскія донесенія, самъ былъ независимъ. Но про русскаго генералъ-прокурора этого сказать никогда было нельзя. Дать законный ходъ донесенію губернскаго прокурора—это значило поссориться съ тѣмъ министромъ, въ вѣдомствѣ котораго прокуроромъ замѣчены безпорядки. Ссориться для генералъ-прокурора было не всегда выгодно, а потому и донесеніямъ губернскихъ прокуроровъ въ Петербургѣ ходу не давалось. Больше того, черезчуръ ретивые прокуроры разсматривались, какъ люди безпокойные. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ губернскіе прокуроры сами старались избѣгать „непріятностей“. Вотъ почему и отъ старыхъ харьковскихъ прокуроровъ, вмѣсто документовъ, свидѣтельствующихъ о разносторонней и плодотворной дѣятельности, остались одни имена.

Первымъ губернскимъ прокуроромъ въ XIX в. былъ Куневичъ, вмѣсто котораго въ 1804 г. былъ назначенъ Степанъ Евецкій, служившій раньше въ Вильнѣ. Въ 1810 г. губернскимъ прокуроромъ былъ опредѣленъ коллежск. сов. Любовниковъ. О немъ мы знаемъ, что это былъ человѣкъ образованный и даже литературный, но и только. Преемникомъ его былъ Сокологорскій, а потомъ Лабутинъ, назначенный въ 1821 г. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ прокуроромъ былъ коллежск. сов. Ив. Гуржеевъ, послѣ него А. В. Дьяченко, а въ началѣ тридцатыхъ—Всеволодъ Никандровичъ Жадовскій. Жадовскій принадлежалъ къ типу „безпокойныхъ“ прокуроровъ, надоѣдавшихъ Петербургу своими донесеніями. Онъ обращалъ вниманіе министра юстиціи и на безобразное санитарное состояніе Харькова, и на безпорядки по казенной палатѣ, и на непотизмъ губернатора, и на взяточничество и бездѣятельность полиціи. Для губернскаго начальства это былъ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ людей въ мірѣ. Документально доказать не можемъ, но имѣемъ полныя основанія предполагать, что и его донесенія сыграли свою роль въ обрушившейся на харьковское чиновничество грозѣ, выразившейся въ отставкѣ губернатора и преданіи суду совѣтниковъ губернскаго правленія. „Безпокойный“ прокуроръ пробылъ въ Харьковѣ не долго. Уже въ 1832 г. на его мѣстѣ сидѣлъ Л. А. Матафтинъ. Но и этотъ былъ не долговѣченъ: въ 1834 г. прокуроромъ былъ уже П. П. Гриневичъ, а въ 1838 г.—Н. П. Первовъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Харьковѣ прокурорствовали сперва И. А. Навроцкій, а потомъ Д. Н. Клушинъ, а въ началѣ пятидесятыхъ—А. П. Бахметевъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прокурорами были: Э. О. Флуки, А. А. Шахматовъ и, наконецъ, П. Х. Гофманъ. Это былъ послѣдній губернскій прокуроръ того типа, какой установленъ былъ Екатерининскимъ Учрежденіемъ о губерніяхъ.

Обязанности, близкія къ обязанностямъ губернскаго прокура, несъ въ дореформенное время и жандармскій штабъ-офицеръ. Это былъ тоже органъ надзора за дѣятельностью губернской администраціи.

Жандармы впервые появились въ Харьковѣ въ 1817 г., но это была не полиція sui generis, а просто войсковая часть, расположенная здѣсь постоемъ. Жандармерія, какъ органъ надзора, была, какъ извѣстно, учреждена только въ 1827 г. 28-го сентября 1827 г. состоялся Высочайшій указъ объ учрежде-

---

1) 2-ое Полн. Собр. Зак. Т. I. №№ 281 и 423. Т. II №№ 824, 960, 1036. Т. III №№ 2037, 2309, 2426. Т. IV №№ 3315, 3383. Т. VI №№ 4464, 4677, 4989. Т. VII № 5464. Т. IX №№ 6792, 7007, 7232. Т. XIII № 11189. Т. XVI № 14405.

ніи жандармскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ шефъ жандармовъ. Корпусъ раздѣлялся на пять округовъ, во главѣ которыхъ стояли жандармскіе генералы съ властью дивизіонныхъ начальниковъ; въ свою очередь округа дѣлились на отдѣленія, во главѣ которыхъ стояли штабъ-офицеры съ властью полковыхъ командировъ. При отдѣленномъ штабъ-офицерѣ состоялъ на правахъ адъютанта одинъ оберъ-офицеръ, соотвѣтствующее число писарей и нижнихъ чиновъ. Харьковъ попалъ въ составъ 4-го жандармскаго округа, а подъ смотрѣніе жандармскаго штабъ-офицера, имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ Харьковѣ, отданы были губерніи Слободско-Украинская и Курская [1]).

Законодательство Николаевскаго времени принимало мѣры, чтобы облегчить жандармамъ исполненіе ихъ обязанностей. Такъ въ 1833 г. жандармскимъ штабъ-офицерамъ было поручено исполненіе обязанностей комендантовъ во время ярмарокъ, что, конечно, не могло быть пріятно харьковской полиціи, для которой жандармскій надзоръ надъ ярмарочными порядками былъ крайне не выгоденъ [2]). Въ 1834 году состоялся указъ, коимъ жандармскимъ штабъ и оберъ-офицерамъ предоставлялось право входить въ рекрутскія присутствія во всякое время, когда производился пріемъ рекрутъ. Объясненіе этому нужно искать въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя обычно практиковались при рекрутскихъ наборахъ. Въ 1839 г. жандармскимъ штабъ-офицерамъ разрѣшено имѣть безпрепятственный входъ въ тюрьмы. Въ 1847 г. послѣдовалъ указъ о назначеніи жандармскихъ штабъ-офицеровъ къ слѣдствіямъ о волненіяхъ и неповиновеніи крестьянъ и о жестокомъ обращеніи съ ними [3]). Такимъ образомъ сфера, доступная вмѣшательству жандармской полиціи, постепенно расширялась, и жандармскій штабъ-офицеръ становился силой, съ которой губернской администраціи приходилось ладить сколько возможно больше.

Однимъ изъ первыхъ штабъ-офицеровъ жандармскаго корпуса въ Харьковѣ былъ Бахметевъ, о дѣятельности котораго, имѣвшей своимъ результатомъ отрѣшеніе отъ службы губернатора Грибовскаго, мы уже имѣли случай упоминать. Къ половинѣ тридцатыхъ годовъ должность жандармскаго штабъ-офицера занималъ маіоръ Панютинъ, въ концѣ тридцатыхъ—подполковникъ Теличеевъ, послѣ него—Граве, а затѣмъ Кокушкинъ.

Въ пореформенное время дѣятельность жандармеріи получаетъ другое направленіе: она направлена уже не на надзоръ за губернской администраціей, а на борьбу съ либеральными и революціонными теченіями. Администрація и жандарская полиція дѣйствуютъ часто бокъ о бокъ. Уже въ 1861 г. начальникамъ губерній было предоставлено право, въ случаяхъ особой важности, возлагать порученія на жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали расширяться и права жандармской полиціи по наблюденію за политической благонадежностью населенія. Въ 1879 г. напр. жандармы получили право посѣщать всѣ фабрики и заводы во всякое время. Законъ 14-го августа 1881 г. раздвинулъ эти права еще шире: лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе жандармской полиціи, она имѣла право временно задерживать на срокъ не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; ей-же были предоставлены и широкія полномочія по части обысковъ. Соотвѣтственно расширенію круга вѣдѣнія жандармской полиціи подымается и значеніе ея харьковскаго начальника. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ выспимъ представителемъ корпуса жандармовъ въ Харьковѣ былъ ген.-маіоръ И. Е. Богдановичъ, послѣ него (въ 1865 г.) полковникъ Э. А. фонъ Мезенкампфъ, а съ 1867 г. начальникомъ Харьковскаго жандармскаго управленія сталъ полковникъ Д. М. Ковалинскій. Служилъ онъ въ Харьковѣ очень долго, здѣсь произведенъ въ генералы и вышелъ въ отставку только въ 1879 г. Послѣ Ковалинскаго во главѣ жандармскаго управленія послѣдовательно стояли: генералъ-маіоръ О. К. Турцевичъ, П. Г. Цугаловскій, К. П. Вельбицкій, К. В. Лютовъ, В. А. Мавринъ, А. Н. Рыковскій.

Отдѣльную военно-полицейскую часть, не связанную съ Харьковскимъ жандармскимъ управленіемъ, представляетъ собою желѣзнодорожная жандармерія. Появилась она въ Харьковѣ не ранѣе 1870 г. Составъ ея съ теченіемъ времени увеличивался по мѣрѣ роста подчиненной Харькову желѣзнодорожной сѣти. Къ 1905 г. Харьковскому жандармскому желѣзнодорожному управленію были подчинены отдѣленія: Харь-

---

[1]) 2-ое Полн. Собр. Зак. Т. II № 1062.

[2]) Тамъ-же. Т. VIII № 6410.

[3]) 2-ое Полн. Собр. Зак. Т. IX № 7536. Т. XIV № 12706. Т. XXII № 2092.

ковское, Бѣлгородское, Харьково-Славянское, Лозовское, Бахмутское, Таганрогское, Маріупольское, Севастопольское, Ѳеодосійское, Мелитопольское, Александровское и Орѣховское.

Перейдемъ теперь къ административно-финансовымъ органамъ губернскаго управленія. Въ этой области старѣйшимъ учрежденіемъ является казенная палата, въ вѣдѣніи которой долгое время находилась вся хозяйственно-финансовая часть управленія, повинности населенія и контроль губернскихъ доходовъ и расходовъ.

По Екатерининскому учрежденію, палата состояла изъ двухъ „экспедицій“: экспедиція о ревизіи душъ и рекрутскихъ дѣлъ и экспедиціи о губернскихъ доходахъ, затѣмъ прибавились экспедиціи: счетная, винная и соляная. Въ XIX ст. экспедиціи переименованы въ отдѣленія. Въ 20-хъ годахъ въ харьковской казенной палатѣ было пять отдѣленій: 1) казначейское—бывшая экспедиція о губернскихъ доходахъ; – совѣтникъ палаты, вѣдавшій это отдѣленіе, именовался губернскимъ казначеемъ; 2) контрольное—бывшая экспедиція счетовъ; совѣтникъ назывался губернскимъ контролеромъ; 3) ревизское—бывшая экспедиція ревизіи душъ; 4) винное и соляное, вѣдавшее производство по откупнымъ дѣламъ и соляной акцизъ, и 5) хозяйственное, въ которомъ сосредоточивалось административное наблюденіе надъ государственными крестьянами и лѣсная часть въ губерніи.

Съ теченіемъ времени широкая компетенція казенной палаты значительно съузилась изъятіемъ изъ ея вѣдѣнія цѣлаго ряда дѣлъ, для которыхъ были созданы особыя, не зависимыя отъ палаты, учрежденія. Первымъ такимъ учрежденіемъ была палата государственныхъ имуществъ, губернскій органъ новаго, возникшаго въ 1838 г., министерства государственныхъ имуществъ. Съ учрежденіемъ палаты государственныхъ имуществъ къ ней и перешли изъ казенной палаты всѣ дѣла, вѣдавшіяся до тѣхъ поръ хозяйственнымъ отдѣленіемъ. Еще больше умалился кругъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію казенной палаты, въ эпоху великихъ реформъ. 1 января 1863 г. уничтожены питейные откупа, и введена новая акцизная система. Питейное дѣло перешло въ руки новосформированнаго акцизнаго управленія, и съ 1 марта 1863 г. питейное отдѣленіе казенной палаты было совсѣмъ закрыто. Подъ вѣдѣніемъ палаты находились уѣздныя казначейства. Такое уѣздное казначейство было и въ Харьковѣ. Губернскаго казначейства совсѣмъ не было, и титулъ губернскаго казначея носилъ совѣтникъ палаты, завѣдывавшій казначейскою частью. Въ концѣ 1865 г., согласно новому закону, харьковское уѣздное казначейство переименовано въ губернское, начальнику котораго и присвоено имя губернскаго казначея. Казначейскія дѣла, тѣмъ не менѣе, остались все таки въ вѣдѣніи казенной палаты. Но зато уже въ слѣдующемъ году отъ нея ушла контрольная часть. Для контроля учрежденъ особый органъ—контрольная палата, а контрольное отдѣленіе при казенной палатѣ упразднено. Въ томъ же 1866 г. въ палатѣ введены новые штаты. Отдѣленій у нея теперь было всего только два: казначейское и ревизское. При палатѣ была канцелярія, старшій дѣлопроизводитель и два чиновника особыхъ порученій. Исчезли изъ палаты и „совѣтники“: ихъ замѣнили чиновники съ болѣе скромнымъ титуломъ—начальники отдѣленій.

Въ дореформенный періодъ при казенной палатѣ имѣлось такъ назыв. губернское рекрутское присутствіе. Съ введеніемъ новаго устава о всеобщей воинской повинности и это учрежденіе прекратило свое существованіе.

Съ 1879 г. окончился періодъ умаленія и оскудѣнія казенной палаты. Въ этомъ году были введены новые штаты, усилившіе составъ палаты. Вмѣсто двухъ отдѣленій, установленныхъ въ 1866 г., явилось уже три; старшій дѣлопроизводитель переименованъ въ секретаря палаты; вмѣсто двухъ чиновниковъ особыхъ порученій стало три, при чемъ два спеціально для повѣрки торговли. Въ восьмидесятыхъ годахъ явилась податная инспекція, зависѣвшая отъ палаты, а съ 1 января 1902 г. прибавлено еще одно отдѣленіе, такъ что всѣхъ отдѣленій стало уже четыре [1]). Постепенно вокругъ палаты, подъ предсѣдательствомъ ея управляющаго или податныхъ инспекторовъ, возникаютъ присутствія: губернское податное, городское участковое податное, уѣздное податное, уѣздное участковое податное, а послѣ введенія квартирнаго и промысловаго налоговъ—общее присутствіе по промысловому налогу, губернское по промысловому налогу присутствіе (подъ предсѣдательствомъ губернатора), три городскихъ раскладочныхъ по тому же налогу присутствія и три городскихъ по квартирному налогу присутствія.

[1]) Преимущественно по свѣдѣніямъ, собраннымъ архиваріусомъ казенной палаты г. Шевченко.

Такимъ образомъ въ жизни казенной палаты за истекшее столѣтіе можно наблюдать три періода: 1) періодъ сконцентрированія въ ней всѣхъ сторонъ дѣятельности фиска въ губерніи. 2) періодъ выдѣленія изъ нея въ особыя учрежденія болѣе развившихся отраслей фискальнаго управленія и 3) періодъ наростанія ея новыми органами, явившимися результатомъ общей финансовой политики послѣдняго времени. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что періодъ наибольшаго сконцентрированія фискальныхъ дѣлъ въ вѣдѣніи палаты былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и періодомъ наименьшей работоспособности этого учрежденія и наихудшаго веденія дѣлъ казны. Въ 1831 г. губернскій прокуроръ Жадовскій въ донесеніи своемъ министру юстиціи характеризовалъ положеніе этого учрежденія выраженіемъ „банкротство казенной палаты". Палата, вѣдавшая всѣ губернскіе доходы, настолько запустила дѣло, что оказывалась не въ состояніи удовлетворять предъявляемымъ къ ней денежнымъ требованіямъ. Вотъ выдержки изъ этого любопытнаго донесенія.

„Въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ—писалъ прокуроръ—происходили въ казенной палатѣ торги на поставку для военныхъ поселеній на лагерное время дровъ и соломы. На переторжкѣ, происходившей 21 января, запрошены были торговавшимися столь несообразно высокія цѣны какъ противу частной покупки, такъ и противу справочныхъ цѣнъ, что я вынужденнымъ нашелся присутствующимъ и торгующимся объявить, что на основаніи положенія о торгахъ и заподрядахъ на утвержденіе таковыхъ цѣнъ согласиться не могу, а потому склонялъ торгующихся къ сдѣланію возможнаго пониженія, представляя имъ, что въ частной и рыночной продажѣ матеріалы сіи приходятся въ половину дешевле. На что они въ возраженіе представили, что по обращенію ихъ въ безпрестанныхъ заподрядахъ и подрядахъ, отъ казны дѣлаемыхъ, они испытали уже, что здѣшняя казенная палата задерживаетъ выдачу слѣдующихъ по онымъ какъ задатковъ, такъ и по исполненіи обязательствъ суммъ отъ недостатка капиталовъ и въ особенности при заподрядахъ, дѣлаемыхъ на счетъ земскихъ повинностей, чему представили примѣры въ собственныхъ своихъ отношеніяхъ: первый—что онъ, бывъ почтосодержателемъ по губерніи, весьма рѣдко получаетъ своевременно и вполнѣ приходящіяся ему за почтосодержаніе деньги, и казенная палата въ теченіе цѣлаго года состоитъ должной ему отъ 50 до 60 тыс. р.; другой—что, занимаясь постройкой мостовъ и прочихъ отъ казны зданій, онъ по долгу также не получаетъ удовлетворенія. И оба вмѣстѣ—что часто по множеству невыплаченныхъ по подобнымъ обязательствамъ суммъ удовлетвореніе между поставщиками палата производитъ по разсчету, т. е. соразмѣрно собранной ею суммы и ихъ требованій, разсчитывая, по сколько копѣекъ придется каждому на рубль, какъ конкурсы, учреждаемые надъ имуществами несостоятельныхъ должниковъ; что они и по сему заподряду не надѣются выдачи имъ слѣдующей по узаконенію въ задатокъ $^1/_8$ условленной суммы, равно не обезпечены въ полученіи и всей расплаты по окончаніи поставки, каковое положеніе поставляетъ ихъ въ затрудненіе и обязываетъ вмѣсто денегъ, кои долженствовало бы имъ получить отъ казны подъ залоги, занимать оныя въ частныхъ рукахъ на безсрочное время и платить за оныя проценты коммерческіе, платя таковые же и за залоги, представленные казнѣ при заключеніи контрактовъ, то на таковомъ положеніи сходнѣйшихъ цѣнъ взять имъ невозможно. Зная, что сіе дѣйствительно такъ происходитъ, и что представленныя ими возраженія существенно уважительны, я обратился къ гг. присутствующимъ съ предложеніемъ записать сіе въ журналъ (чего, однакоже, до сего времени не сдѣлано). Потомъ отнесся съ вопросомъ моимъ къ г. вице-губернатору, есть ли столько въ сборѣ суммы земскихъ повинностей, чтобы палата могла выдать по заподряду сему узаконенную $^1/_8$ суммы въ задатокъ и завѣрить въ ихъ своевременномъ удовлетвореніи и по выполненіи ихъ обязательствъ. На это получилъ въ отвѣтъ, что не возможно ни то, ни другое по недостатку сбора суммъ земскихъ повинностей и предположеннымъ уже изъ оныхъ удовлетвореніямъ прежнихъ обязательствъ [1])".

Во главѣ казенной палаты въ теченіе трехъ съ половиною десятилѣтій XIX в. стояли вице-губернаторы. Съ 1835 г., когда съ вице-губернаторовъ были сняты обязанности по завѣдыванію финансами губерніи, начальниками казенныхъ палатъ стали особые предсѣдатели. Послѣднимъ вице-губернаторомъ по старому положенію и первымъ предсѣдателемъ по новому былъ стат. сов. Дмитрій Сергѣевичъ Крыловъ, изъ выслужившихся чиновниковъ. Въ 1841 г. его смѣнилъ д. с. с. баронъ Михаилъ Кар-

[1]) Арх. Губ. Прав. Дѣло губернск. прокурора о непомѣрномъ накопленіи недоимки и банкротствѣ Казенной Палаты. 1831 г.

ловичъ Розенъ, пробывшій въ должности предсѣдателя цѣлыхъ 22 года и только въ 1863 г. уступившій свое мѣсто д. с. с. Эдуарду Григорьевичу Бѣлоцкому. Съ половины шестидесятыхъ годовъ предсѣдатели палаты стали называться управляющими. Первымъ управляющимъ былъ с. с. Яковъ Семеновичъ Скорпышевъ, преемникомъ котораго былъ д. с. с. Иванъ Карловичъ Мартенсъ, прослужившій въ Харьковѣ до 1882 г. Имя Мартенса связано въ Харьковѣ съ воспоминаніемъ о первомъ избіеніи студентовъ казачьими нагайками, (1879 г.), послѣдовавшемъ, будто бы, по распоряженію Мартенса, въ это время правившаго губерніей за отсутствіемъ губернатора. Въ 1882 г. Мартенса смѣнилъ д. с. с. Гавріилъ Михайловичъ Раевскій, а въ 1884 г. управляющимъ сталъ д. с. с. Александръ Ивановичъ Петровъ, скончавшійся въ 1901 г., послѣ чего управляющимъ былъ назначенъ д. с. с. Иванъ Васильевичъ Веретенниковъ, бывшій до того управляющимъ Тифлисской казенной палатой.

Дореформенная казенная палата пользовалась репутаціей учрежденія, въ которомъ служить было „выгодно“. Близкое касательство къ такимъ отраслямъ народнаго хозяйства, какъ промышленность и торговля, въ особенности откупное дѣло, или къ такимъ повинностямъ, какъ рекрутская, способствовало благоденствію палатскихъ чиновниковъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Въ особенности процвѣтали совѣтники, хотя, впрочемъ, и мелюзга не имѣла права жаловаться. Старожилы передаютъ, что въ тѣ времена недолговременное пребываніе даже на такой неважной должности, какъ должность палатскаго приходо-расходчика, имѣло своимъ непремѣннымъ результатомъ пріобрѣтеніе недурного имѣньица съ соотвѣтствующимъ количествомъ крестьянскихъ душъ. Съ упраздненіемъ откуповъ и благодаря прочимъ реформамъ началось „оскудѣніе“. Чиновники палаты рекрутировались почти исключительно изъ лицъ, не ходившихъ дальше уѣзднаго училища или первыхъ классовъ семинаріи. Только послѣ введенія податной инспекціи и новыхъ, драконовскихъ, правилъ о кандидатахъ на судебныя должности, въ казенную палату стали проникать и люди съ дипломомъ высшей школы. Изъ дѣльцовъ пореформенной казенной палаты нельзя не упомянуть такихъ, какъ П. Ф. Гревизирскій, около сорока лѣтъ занимавшій должность начальника отдѣленія и бывшій во истину „столпомъ“ учрежденія. Изъ другихъ видныхъ дѣятелей палаты отмѣтимъ Ф. И. Шкорбатова, Э. Э. Марница, С. Ѳ. Вебера.

Подъ вѣдѣніемъ казенной палаты состояли уѣздныя казначейства, одно изъ которыхъ было и въ Харьковѣ. Въ 1865 г. Харьковское уѣздное казначейство было обращено въ губернское. Должностными лицами въ немъ были: казначей, его помощникъ, затѣмъ главный бухгалтеръ, десять бухгалтеровъ и пять кассировъ. Съ теченіемъ времени функціи казначейства расширились, штатъ его возросъ. Губернскими казначеями были за этотъ періодъ Т. П. Базилевичъ, Н. С. Горбаневъ, П. И. Лабинскій.

Палата государственныхъ имуществъ открылась въ Харьковѣ 1 января 1839 года. Въ ея завѣдываніе, кромѣ казенныхъ земель и лѣсовъ, отданы были и государственные крестьяне. Палата находилась подъ начальствомъ управляющаго. Присутствіе ея состояло изъ управляющаго, совѣтника, завѣдывавшаго такъ называемымъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ, губернскаго лѣсничаго и ассессора. „Попеченіе“ надъ казенными крестьянами возлагалось на подчиненныхъ палатѣ окружныхъ начальниковъ, власть которыхъ была очень обширна. Они вѣдали дѣла по устройству управленія, народоисчисленіе, благоустройство и благочиніе по дѣламъ вѣры, охраненіе общественнаго порядка, крестьянскую нравственность, безопасность личную и имущественную въ селеніяхъ, паспортную часть, врачебное дѣло въ селеніяхъ, народное продовольствіе, пожарную часть въ селеніяхъ, строительную часть, чистоту и порядокъ, пути сообщенія, дѣла хозяйственнаго управленія, подати, натуральныя повинности, въ томъ числѣ рекрутскую повинность, и даже дѣла по судебному вѣдомству [1]).

Нельзя сказать, чтобы палата государственныхъ имуществъ имѣла къ Харькову только то касательство, что помѣщалась въ Харьковѣ. Подъ ея попеченіе попала довольно значительная часть населенія Харькова—крестьяне, входившіе въ составъ Харьковской волости, а въ составъ этой волости входили въ то время: Чугуевка, Гончаровка, Панасовка, Москалевка, Заиковка, Журавлевка, Пески, Новоселовка, Холодная гора, хутора: Шевченковъ, Лысая гора, Федорцевъ, Рыжевъ, Хролевъ, Усовыхъ, Карповыхъ, Тереховъ, слободы Ивановка и Даниловка. И нужно отдать ей честь, палата пеклась о харьковскомъ крестьянствѣ и нерѣдко оказывала ему свою защиту и покровительство. Она отстаивала права крестьянъ

[1]) Второе Полн. Собр. Зак. Т. XIII № 11189.

на земельныя угодья, защищала ихъ, когда зашелъ споръ о правѣ собственности на нынѣшнюю Конную площадь, брала ихъ сторону въ спорѣ журавлевцевъ съ городомъ за выгонъ, защищала крестьянъ-кустарей отъ обложенія въ пользу города и ремесленной казны.

Послѣ крестьянской реформы въ вѣдѣніи палаты остались только государственныя имущества. Затѣмъ она сама была переименована въ управленіе государственныхъ имуществъ. Когда въ Полтавѣ была уничтожена мѣстная палата, въ Харьковѣ было сосредоточено управленіе государственными имуществами обѣихъ губерній. Съ учрежденіемъ министерства земледѣлія палата стала именоваться Харьково-Полтавскимъ управленіемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Съ изданіемъ лѣсоохранительнаго закона при управленіи образованъ лѣсоохранительный комитетъ, состоящій, однако, подъ предсѣдательствомъ не управляющаго, а губернатора.

Первымъ управляющимъ былъ Іоакинфъ Ивановичъ Можневскій, совѣтникомъ—Иванскій, лѣсничимъ Ласковецъ, а ассессоромъ—Жилинскій. Затѣмъ очень долго предсѣдателемъ палаты былъ И. Ѳ. Маевскій (съ 1844 г.), при которомъ личный составъ палаты чрезвычайно расширился. Къ составу палаты въ это время принадлежали: совѣтникъ хозяйственнаго отдѣленія, совѣтникъ контрольнаго отдѣленія, губернскій лѣсничій, губернскій врачъ, ассессоръ палаты, два дѣлопроизводителя, два лѣсныхъ ревизора, три чиновника особыхъ порученій, стряпчій палаты, ея казначей и экзекуторъ, инженеръ, старшій и младшій ветеринарные врачи, шесть столоначальниковъ, два землемѣра, три контролера, два бухгалтера и два уполномоченныхъ по размежеванію земель. Въ началѣ 60-хъ годовъ предсѣдателемъ недолго былъ М. А. Мартыновъ, а послѣ него Н. П. Потуловъ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ управляющимъ былъ Н. И. Лоранъ, котораго уже въ началѣ девяностыхъ годовъ смѣнилъ Г. А. Чуйкевичъ, а послѣ него, въ половинѣ девяностыхъ годовъ, мѣсто управляющаго занялъ В. М. Козловъ.

Акцизное управленіе возникло съ 1862 г. До того надзоръ за поступленіемъ акцизныхъ сборовъ былъ распредѣленъ по предметамъ обложенія между двумя учрежденіями: инспекція сахарныхъ заводовъ вѣдала акцизъ съ сахара, а казенная палата—со всѣхъ прочихъ предметовъ, въ то время подлежавшихъ тому-же обложенію, какъ табакъ и соль (въ 1881 г. акцизъ съ соли сложенъ). Только съ замѣною откупной системы обложеніемъ крѣпкихъ напитковъ акцизными сборами, т. е. съ 1862 г., возникаетъ особое акцизное вѣдомство, въ вѣдѣніе котораго передаются казенною палатою—въ 1862 г., а инспекцією сахарныхъ заводовъ—въ 1865 г. уже всѣ предметы акцизнаго обложенія.

Первоначально акцизное управленіе, какъ учрежденіе контролирующее и наблюдающее, слѣдовательно какъ факторъ исключительно пассивнаго характера, не могло играть въ культурной и экономической жизни Харькова сколько-нибудь замѣтной роли. Да и это значеніе его, какъ пассивнаго фактора, ограничивалось главнымъ образомъ сферою его надзора за торговлею крѣпкими напитками, такъ какъ лишь въ этой сферѣ оно преслѣдовало свои задачи не только въ интересахъ фиска, но и народной нравственности, при чемъ его дѣятельность ближайшимъ образомъ соприкасалась съ дѣятельностью администраціи. Это соприкосновеніе и общегосударственная важность интересовъ народной нравственности вызвали возникновеніе органа, объединяющаго всѣ мѣстныя административныя учрежденія по отношенію къ этимъ интересамъ, на сколько они затрагиваются питейною торговлею. Такимъ органомъ явились присутствія по питейнымъ дѣламъ губернское и уѣздныя, установленныя въ 1885 г. Въ составъ губернскаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входили въ качествѣ членовъ: губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы, городской голова, прокуроръ окружного суда и начальники губернскихъ административныхъ учрежденій, а въ ихъ числѣ—управляющій акцизными сборами, въ качествѣ непремѣннаго члена-докладчика, съ правомъ протеста и обязанностью вести дѣлопроизводство. Тѣ-же функціи непремѣннаго члена предоставлены были представителямъ акцизнаго вѣдомства и въ уѣздныхъ присутствіяхъ, аналогичныхъ по своему собирательному составу съ губернскими.

Съ 1-го января 1898 г. въ кругъ вѣдѣнія акцизнаго управленія включается новая торгово-промышленная задача, радикально измѣняющая весь его строй. Эта задача—казенная продажа питей, предметъ которой составляетъ торговля хлѣбнымъ виномъ и водочными издѣліями, при чемъ первое выдѣлывается исключительно въ казенныхъ складахъ, а водочныя издѣлія изготовляются на частныхъ заводахъ. Остальные виды крѣпкихъ напитковъ составляютъ предметъ частной продажи. На основаніи положенія о казенной продажѣ питей участіе частныхъ лицъ въ торговлѣ крѣпкими напитками допущено только по спе-

ціальному каждый разъ разрѣшенію, установленному соглашеніемъ управляющаго акцизными сборами съ губернаторомъ. Это соглашеніе замѣнило собою дѣятельность упраздненныхъ реформою присутствій по питейнымъ дѣламъ, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ призвано опредѣлить типичную форму торговли и лицо, которому она разрѣшена.

Винокуреннымъ заводамъ оставлена возможность сбывать свой продуктъ только въ казну, для техническихъ цѣлей и на заграничный рынокъ. Необходимость храненія и очистки пріобрѣтеннаго казною хлѣбнаго спирта, а также распредѣленія его согласно потребностямъ рынка,—вызвала устройство казенныхъ складовъ. Для непосредственнаго же удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ потребленія избраны, въ качествѣ нормальнаго типа заведеній, такъ называемыя винныя лавки, которыя открываются или закрываются казною по мѣрѣ надобности и торгуютъ для потребленія на дому.

Акцизному управленію предоставлено участіе въ дѣятельности вновь учрежденныхъ комитетовъ о народной трезвости черезъ представителей, получившихъ не только право членскаго голоса вообще, но и право протеста наравнѣ съ предсѣдателемъ. Такимъ членомъ въ губернскомъ комитетѣ является управляющій акцизными сборами, а въ уѣздныхъ—назначаемые послѣднимъ чины акцизнаго надзора.

Рядомъ съ этимъ личный составъ акцизнаго надзора (171 чел.) возросъ на 25%, а къ незначительному контингенту вольнонаемныхъ писцовъ (около 20 человѣкъ) присоединилось около 900 человѣкъ вольнонаемныхъ служащихъ разныхъ наименованій, поставленныхъ въ зависимость отъ акцизнаго надзора (завѣдующихъ складами, служащихъ при послѣднихъ по технической и хозяйственной частямъ, продавцовъ и продавщицъ въ винныхъ лавкахъ, сборщиковъ денегъ, выручаемыхъ этими лавками, стражниковъ при тѣхъ-же сборщикахъ, счетоводовъ и писцовъ).

Введеніе реформы выразилось устройствомъ въ Харьковѣ казеннаго виннаго склада и открытіемъ около полусотни казенныхъ винныхъ лавокъ.

Акцизное управленіе, въ отличіе отъ коллегіальныхъ губернскихъ учрежденій построено на началѣ единоличной власти управляющаго акцизными сборами, отъ котораго зависитъ назначеніе и увольненіе всѣхъ служащихъ управленія, за исключеніемъ состоящихъ въ его распоряженіи ревизоровъ. Въ началѣ своего существованія это было учрежденіе не многолюдное: штатъ его состоялъ изъ управляющаго, старшаго и младшаго ревизоровъ, секретаря и его помощника и бухгалтера съ помощникомъ. Первымъ управляющимъ былъ назначенъ Голубиновъ, бывшій ранѣе синдикомъ Харьковскаго университета. Затѣмъ въ этой должности послѣдовательно смѣнялись: И. Ф. Миницкій, Ник. Петр. Трузсонъ, А. Д. Назаровъ, П. Е. Никифораки, Н. В. Скугаревскій, П. Н. Нагаевъ [1]).

Позже всѣхъ выдѣлилась изъ казенной палаты въ самостоятельное учрежденіе контрольная палата. Открылась она 1-го января 1866 г. [2]). Вѣдѣнію ея подлежали всѣ мѣстныя учрежденія и должностныя лица въ сферѣ ихъ финансовой дѣятельности. Ревизовала она денежную отчетность, наблюдала за тѣмъ, чтобы должностныя лица и учрежденія аккуратно взимали всѣ слѣдуемые въ пользу казны сборы, а также производила и внезапныя ревизіи казначейскихъ, почтовыхъ и другихъ казенныхъ кассъ. Въ періодъ существованія Харьковскаго военнаго округа ревизіи Харьковской контрольной палаты подлежали всѣ войсковыя части, входившія въ составъ округа, такъ что сфера ея вліянія въ этой области простиралась на цѣлыхъ шесть губерній. Съ упраздненіемъ Харьковскаго военнаго округа умалилось и значеніе палаты. Правда, съ переходомъ Харьково-Николаевской и Харьково-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ въ руки казны и сосредоточеніемъ управленія ими въ Харьковѣ, для государственнаго контроля открылась цѣлая новая область, но эта область вѣдѣнію контрольной палаты не подлежала: для желѣзныхъ дорогъ въ Харьковѣ учрежденъ былъ особый контроль, къ палатѣ касательства не имѣющій. Существовалъ вначалѣ особый контроль для Николаевской и особый для Севастопольской дорогъ. Послѣ сліянія этихъ дорогъ подъ однимъ управленіемъ соединились и ихъ контроли.

Во главѣ контрольной палаты стоялъ управляющій, подъ начальствомъ котораго находилось три старшихъ ревизора, три младшихъ, десять помощниковъ ревизора и нѣсколько счетныхъ чиновниковъ. Впослѣдствіи старшихъ ревизоровъ осталось два, но зато прибавилось число прочихъ чиновниковъ.

---

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ акцизнымъ управленіемъ.

[2]) Харьк. Вѣд. 1866 г. № 1.

Первымъ управляющимъ былъ В. А. Морошкинъ [1]), послѣ него И. И. Киселевъ, затѣмъ С. Л. Халютинъ, Л. К. Делла Восъ и наконецъ А. А. Левитскій.

Въ дореформенномъ Харьковѣ высшими органами юстиціи были двѣ палаты: палата уголовнаго и палата гражданскаго суда. Въ Александровское время каждая палата состояла изъ предсѣдателя и совѣтника, назначаемыхъ отъ короны, и засѣдателей по выбору дворянства и купечества. Въ началѣ XIX ст. предсѣдателемъ уголовной палаты былъ А. Ѳ. Гладкой, котораго въ 1803 г. смѣнилъ Ю. Ѳ. фонъ Минстеръ. Въ гражданской палатѣ очень долго предсѣдателемъ былъ Я. А. Сахновскій. Въ началѣ 20-хъ годовъ должности предсѣдателей стали также замѣщаться по выбору дворянства, а затѣмъ послѣдовало переименованіе совѣтниковъ въ товарищи предсѣдателя, при чемъ и эта послѣдняя должность стала замѣщаться по выбору. Отъ короны были только стряпчіе да секретарь и чины канцеляріи. Первымъ предсѣдателемъ уголовной палаты по выбору дворянства былъ Б. Е. Герсевановъ (1821 г.), затѣмъ слѣдовали: С. С. Кордашевскій, А. А. Щербининъ, М. С. Веселовскій, Н. А. Ромашевъ, Г. Ѳ. Квитка, В. П. Ковалевскій, А. Н. Яблонскій. Въ гражданской палатѣ первымъ предсѣдателемъ по выбору дворянства былъ Д. Ю. Розальонъ-Сошальскій, а за нимъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдовали: А. М. Времовъ, М. А. Щербининъ, П. А. Костевскій (конецъ двадцатыхъ и начало тридцатыхъ годовъ), Я. И. Кашинцевъ, М. С. Веселовскій, опять Я. И. Кашинцевъ, Л. Д. Хорватъ, П. И. Нахимовъ (конецъ сороковыхъ годовъ). Однимъ изъ послѣднихъ предсѣдателей палаты гражданскаго суда былъ Иванъ Алексѣевичъ Канивальскій. Сынъ валковскаго помѣщика, питомецъ Харьковскаго университета, Канивальскій началъ свою службу въ Харьковѣ, потомъ служилъ въ Петербургѣ и по возвращеніи въ родной уѣздъ былъ выбранъ уѣзднымъ судьею. Въ 1858 г. дворянство выбрало его предсѣдателемъ палаты гражданскаго суда, а въ 1864 г. переизбрало на новый срокъ. Главное вниманіе Канивальскаго было обращено на чистку авгіевыхъ конюшенъ своего суда, и некрологъ покойнаго говоритъ, что онъ будто бы успѣлъ въ этомъ [2]). Послѣ смерти Канивальскаго (въ 1866 г.) предсѣдателемъ гражданской палаты былъ избранъ Н. М. Депрерадовичъ, а въ слѣдующемъ 1867 г. въ Харьковѣ явились уже учрежденія, дѣйствующія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.

Когда открылись новые суды, старымъ еще не сейчасъ пришлось закончить свою дѣятельность. Обѣ палаты—гражданскаго и уголовнаго суда были соединены въ одну подъ предсѣдательствомъ Сокр. Гавр. Сергѣева. Закрылась эта соединенная палата въ 1869 г.

Былъ въ дореформенномъ Харьковѣ и еще одинъ судъ—такъ называемый совѣстный, разбиравшій главнымъ образомъ дѣла семейныя—между родителями и дѣтьми, мужьями, женами и родственниками какъ по дѣламъ имущественнымъ, такъ и по такимъ, какъ непочтительность, семейныя непріятности и т. п. Совѣстный судья также выбирался дворянствомъ. Какъ и въ предсѣдатели палатъ, такъ и въ совѣстные судьи выбирали обыкновенно дворянъ уважаемыхъ и почтенныхъ, что, впрочемъ, не мѣшало острословамъ именовать совѣстный судъ судомъ безсовѣстнымъ. Харьковскіе совѣстные судьи, какъ и предсѣдатели палатъ,—представители высшей губернской аристократіи. Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ фамиліи извѣстныхъ намъ совѣстныхъ судей: А. Е. Абаза (начало XIX ст.), Н. М. Куликовскій, П. И. Ковалевскій, П. А. Герсевановъ, Д. В. Булычовъ, А. Л. Шагаровъ, Г. Ѳ. Квитка, П. И. Нахимовъ, И. С. Адамовичъ, Новохацкій.

Низшіе суды были: уѣздный, во главѣ котораго стоялъ выбираемый дворянствомъ судья, и земскій, предсѣдателемъ котораго былъ исправникъ, тоже по выбору дворянства. Земскій судъ вѣдалъ, кромѣ того, и административныя дѣла и въ этомъ отношеніи представлялъ нѣчто похожее на нынѣшнія уѣздныя полицейскія управленія. Послѣ реформы полиціи земскіе суды и были превращены въ уѣздныя полицейскія управленія. Для разбора гражданскихъ дѣлъ между „людьми средняго рода“ существовалъ еще городовой магистратъ, предсѣдатель и члены котораго (бургомистръ и ратманы) выбирались городскими сословіями. По закону при полицейскихъ частяхъ полагались еще такъ называемые словесные суды. Въ дѣйствительности въ Харьковѣ въ теченіе десятилѣтій былъ только одинъ словесный судъ при городской полиціи. Функціонировалъ онъ, повидимому, только во время ярмарокъ.

---

[1]) Некрологъ Морошкина въ Харьк. Вѣд. 1876 г. № 9.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1866 г. № 35.

Съ 1867 г. Харьковъ, бывшій въ судебномъ отношеніи до сихъ поръ центромъ только для своей губерніи, становится центромъ для обширной полосы Россіи, заключавшей въ себѣ губерніи: Харьковскую, Курскую, Воронежскую и Орловскую, три уѣзда Тамбовской губерніи (Усманскій, Лебедянскій и Липецкій) и два уѣзда Екатеринославской губерніи (Славяно-Сербскій и Бахмутскій). Въ Харьковѣ учреждена была судебная палата. Указъ о ея учрежденіи послѣдовалъ 10-го января 1867 г., а 16-го ноября того же года харьковцы праздновали уже открытіе палаты и окружного суда. Празднество было особенно торжественнымъ: въ новыхъ учрежденіяхъ харьковцы, какъ и вся тогдашняя Россія, видѣли осуществленіе идеала суда скораго, праваго и милостиваго, притомъ суда не буквы закона, а совѣсти, суда гласнаго. Чаянія и ожиданія харьковцевъ выразились въ рѣчи преосвященнаго Макарія, которою онъ привѣтствовалъ новыхъ судебныхъ дѣятелей: „Да явится судъ вашъ предъ нами, Божій по своему происхожденію, истинно Божіимъ судомъ и по своему характеру и свойствамъ, судомъ праведнымъ, чуждымъ всякаго лицезрѣнія и мздоимства, всякихъ страстей и увлеченій,—судомъ по чистой христіанской совѣсти, которую одну справедливо можно назвать голосомъ Божіимъ въ насъ“. Горячо привѣтствовали новый судъ и въ залѣ дворянскаго собранія за обѣдомъ, устроеннымъ городскимъ обществомъ въ честь новыхъ судебныхъ дѣятелей. Ректоръ университета Кочетовъ указывалъ на громадное образовательное значеніе гласнаго суда, профессоръ Станиславскій подчеркивалъ тѣсную связь между юридической практикой и наукой, профессоръ Рославскій-Петровскій ждалъ отъ новаго суда новой эры въ исторіи русскаго краснорѣчія, профессоръ Стояновъ привѣтствовалъ нарождающуюся адвокатуру. И застольные ораторы выражали чувства всего общества, а каковы были эти чувства, объ этомъ вспоминалъ много лѣтъ спустя П. Т. Великовъ. „Какое то радостное чувство охватило все общество, по случаю открытія новаго суда всѣ поздравляли другъ друга, обнимались и цѣловались, какъ цѣлуются только въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Глаза многочисленной публики, наполнявшей всѣ скамьи залы, корридоры суда и даже лѣстницы его, сіяли какимъ то особеннымъ блескомъ; на нѣкоторыхъ видны были слезы радости по поводу открытія давно жданнаго гласнаго суда“. „Публика ломилась въ залы, гдѣ происходили засѣданія не только уголовнаго отдѣленія окружного суда, но даже участковыхъ мировыхъ судей. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ цѣлые столбцы отводились судебнымъ отчетамъ, при чемъ печатались не только показанія свидѣтелей, но и рѣчи сторонъ, а также рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ“. Въ Харьковѣ редакторъ мѣстныхъ „Вѣдом.“ Устиновъ открылъ курсы стенографіи, чтобы приготовить хорошихъ судебныхъ репортеровъ.

Подъ вѣдѣніемъ Харьковской судебной палаты въ годъ ея открытія состояло 8 окружныхъ судовъ: три въ Харьковской губерніи—Харьковскій, Сумской и Изюмскій, одинъ въ Курской—Курскій, два въ Воронежской—Воронежскій и Острогожскій и два въ Орловской—Орловскій и Елецкій. Къ Харькову, какъ къ главному судебному центру, тянулъ въ это время край, населенный 7 милліонами жителей. Въ 1868 г. къ этимъ 8 судамъ прибавился Полтавскій, въ 1873 г.—Новочеркасскій и Усть-Медвѣдицкій, въ 1874 г.—Черниговскій, Нѣжинскій, Стародубскій, въ 1876—Лубенскій. Въ 1880 г. Черниговская губернія съ ея тремя окружными судами была причислена къ округу Кіевской судебной палаты, а въ 1881 г. Елецкій судъ отошелъ къ округу Московской палаты. Въ замѣнъ отошедшей отъ Харькова части судебнаго округа къ нему въ 1883 г. былъ перечисленъ изъ Одесскаго округа Таганрогскій окружной судъ, а въ 1897 г.—Екатеринославскій. Въ 1898 былъ закрытъ Изюмскій судъ; дѣла этого суда переданы въ сосѣдніе суды—Харьковскій и Екатеринославскій. Къ началу XX вѣка въ составѣ округа Харьковской судебной палаты входили губерніи: Харьковская, Курская, Воронежская, Полтавская, Екатеринославская, Орловская, земля войска Донского, Бердянскій уѣздъ Таврической губерніи и Усманскій—Тамбовской. Къ Харькову, какъ къ судебному центру, тянула такимъ образомъ огромная территорія въ 434 тыс. квадр. верстъ съ населеніемъ около 17 милліоновъ. Только въ самое послѣднее время, съ учрежденіемъ судебной палаты въ Новочеркасскѣ, громадный Харьковскій округъ нѣсколько уменьшился въ размѣрахъ.

Сообразно съ ростомъ, заселеніемъ и экономическимъ развитіемъ территоріи, подвѣдомой палатѣ, росъ и ея личный составъ.

Въ 1867 г. въ палатѣ было два департамента, и состояла она изъ старшаго предсѣдателя, предсѣдателя департамента и 9 членовъ. Въ 1873 г. департаментовъ было уже три (одинъ уголовный и два гражданскихъ), а въ 1898 г., съ переходомъ въ вѣдомство палаты Екатеринославскаго суда, открылся и третій гражданскій департаментъ. Въ это время въ составѣ палаты было: 1 старшій предсѣдатель, три

предсѣдателя департаментовъ и 23 члена. Увеличивалось число служащихъ и въ окружномъ судѣ: въ 1867 г. былъ одинъ товарищъ предсѣдателя, а въ 1902 г.—уже два, членовъ въ 1867 г. было 4, а въ 1902 г.—13, судебныхъ слѣдователей въ 1867 г. было 10, а въ 1902 г.—19 и т. д. Увеличеніе личнаго состава судебныхъ учрежденій объясняется умноженіемъ поступающихъ къ нимъ дѣлъ: въ 1868 г. гражданскихъ дѣлъ поступило въ палату 348, а въ 1901 г.—2564, т. е. въ семь разъ больше; уголовныхъ въ 1868 г. было 2590, а въ 1901 г.—6554.

Первымъ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты былъ баронъ Николай Егоровичъ Торнау (1867—1870 гг.), за нимъ слѣдовали: Николай Ивановичъ Ланге (1870—1882 гг.), Владиславъ Ромуальдовичъ Завадскій (1882—1885 гг.), Евгеній Федоровичъ Де-Росси (1885—1895 гг.), Мих. Вас. Красовскій (1895—1898 гг.), Александръ Андр. Чернявскій (1898—1902 гг.), Евг. Алексѣев. Пушкинъ (1902—1904 гг.), И. И. Соллертинскій.

Въ окружномъ судѣ первымъ предсѣдателемъ былъ Эдуардъ Яковлевичъ Фуксъ (1867—1871 гг.), затѣмъ были: В. И. Анненковъ (1871—1878 гг.), Александръ Николаевичъ Бурнашевъ (1878—1887 гг.). Влад. Вас. Ненарочкинъ (1887—1907 гг.).

Первымъ прокуроромъ судебной палаты былъ Александръ Алексѣевичъ Шахматовъ (1867—1868 гг.), за нимъ слѣдовали въ хронологическомъ порядкѣ: Ник. Серг. Писаревъ (1868—1877 гг.), Ив. Ильичъ Мечниковъ, родной братъ знаменитаго ученаго (1877—1880 гг.), затѣмъ Петръ Мих. Бутовскій (1880—1882 гг.), Игн. Плат. Закревскій, впослѣдствіи сенаторъ (1882—1894 гг.), Влад. Вас. Давыдовъ, перешедшій въ 1902 г. на должность старшаго предсѣдателя новоучрежденной Новочеркасской палаты, Алексѣй Александр. Лопухинъ, назначенный въ 1902 г. и вскорѣ оставившій эту должность по случаю перехода въ Петербургъ директоромъ департамента полиціи при Плеве, Степ. Степ. Хрулевъ.

Въ окружномъ судѣ первымъ прокуроромъ былъ Вл. Вас. Ненарочкинъ (1867—1870 гг.), затѣмъ Е. Ф. де-Росси (1870—1873 гг.), Гавр. Петр. Монастырскій (1873—1877 гг.), Алекс. Алекс. Башкировъ (1877—1880 гг.), Дм. Ив. Львовъ (1880—1884 гг.), Андр. Георг. Сионко (1884—1890 гг.), Ник. Андр. Дублянскій (1890—1898 гг.), Иппол. Викт. Деларовъ (1898—1903 гг.), П. С. Пороховщиковъ.

Среди дѣятелей харьковскихъ судебныхъ установленій было не мало людей выдающихся, пользовавшихся и пользующихся широкой популярностью не въ одномъ судебномъ мірѣ. Въ Харьковѣ началъ свою карьеру знаменитый русскій цивилистъ А. Л. Боровиковскій. Здѣсь же прошли лучшіе годы дѣятельности А. Н. Бурнашева, перваго товарища предсѣдателя Харьковскаго окружного суда, затѣмъ его предсѣдателя и, наконецъ, члена судебной палаты. Это былъ прекрасный судья и превосходный человѣкъ. Харьковъ поднесъ ему званіе своего почетнаго гражданина, а когда онъ умеръ (1888 г.), похороны его городъ принялъ на свой счетъ. За гробомъ его шло, можно сказать, все харьковское общество. Ив. Ив. Влезковъ былъ также выдающимся судьею. Началъ онъ службу съ 1866 г. столоначальникомъ дореформенной палаты уголовнаго суда, а въ 1893 г. съ должности предсѣдателя департамента палаты перешелъ въ Петербургъ старшимъ предсѣдателемъ палаты. Е. Ф. Де-Росси прослужилъ въ Харьковѣ почти безпрерывно 30 лѣтъ. Началъ онъ здѣсь службу товарищемъ прокурора въ окружномъ судѣ, а кончилъ старшимъ предсѣдателемъ палаты. Въ 1896 г. Де-Росси былъ назначенъ сенаторомъ. Анат. Ѳедор. Кони, знаменитый юристъ, талантливый писатель, знатокъ литературы и первоклассный ораторъ, также служилъ нѣкоторое время товарищемъ прокурора окружного суда въ Харьковѣ. Съ его именемъ связаны для харьковцевъ воспоминанія о первыхъ дняхъ судебной реформы. Ив. Мих. Лебедевъ, питомецъ Харьковскаго университета, членъ судебной палаты, а въ девяностыхъ годахъ предсѣдатель ея перваго департамента, былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, не мало потрудившимся надъ проведеніемъ въ жизнь лучшихъ завѣтовъ иниціаторовъ судебной реформы. И. М. пользовался большимъ уваженіемъ и въ мѣстномъ обществѣ, и въ судебномъ мірѣ, увѣковѣчившемъ его память постановкой его портрета въ залѣ общихъ собраній судебной палаты. Е. Г. Мило, также воспитанникъ Харьковскаго университета, началъ свою службу въ Харьковѣ же, въ палатѣ уголовнаго суда. Къ Харькову онъ былъ очень привязанъ и не разъ возвращался въ него по собственному желанію даже ко вреду своей служебной карьерѣ. Умеръ онъ въ 1900 г. на должности предсѣдателя департамента палаты. Ник. Густав. Принтцъ, видный дѣятель судебной реформы, самъ принимавшій активное участіе въ ея подготовленіи, выдающійся юристъ-теоретикъ и практикъ, въ 1870—1871 гг. состоялъ предсѣдателемъ департамента Харьковской судебной палаты. Э. Я.

Фуксу, первому предсѣдателю окружного суда, принадлежитъ заслуга постановки новаго въ то время дѣла. Фуксъ былъ впослѣдствіи сенаторомъ, а затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта. В. В. Ненарочкинъ началъ службу въ Харьковѣ еще въ дореформенныхъ судебныхъ учрежденіяхъ; при открытіи окружного суда былъ назначенъ товарищемъ прокурора, умеръ въ 1907 г. въ должности предсѣдателя окружного суда. Такимъ образомъ вся его долговременная служба прошла исключительно въ Харьковѣ. Такимъ же характеромъ отличается и служба Ѳ. М. Власовскаго. Въ 1867 г., онъ былъ выбранъ мировымъ судьею 2-го участка г. Харькова, затѣмъ былъ членомъ окружного суда и стойко выдержалъ въ свое время серьезный натискъ на него, сдѣланный Манасеинымъ. Въ послѣднее время Ѳ. М—товарищъ предсѣдателя окружного суда. Такимъ же сторожиломъ мѣстнаго судебнаго міра былъ и М. К. Иноземцевъ, начавшій свою службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и въ шестидесятыхъ годахъ бывшій уже совѣтникомъ мѣстнаго губернскаго правленія. Въ 1867 г. онъ былъ выбранъ мировымъ судьей 3-го участка г. Харькова, а затѣмъ въ теченіе ряда десятилѣтій состоялъ старшимъ нотаріусомъ. М. Е. пользовался глубокимъ уваженіемъ и въ Харьковѣ, и за предѣлами его, какъ человѣкъ высокой честности и большой знатокъ гражданскаго права. Н. М. Депрерадовичъ—не менѣе почтенный сторожилъ мѣстнаго судебнаго міра, начавшій свою службу предсѣдателемъ еще дореформенной гражданской палаты, состоялъ членомъ окружного суда съ самаго его учрежденія. Изъ менѣе крупныхъ членовъ судебной семьи, обращающихъ вниманіе своею продолжительною службою въ Харьковѣ, нельзя не отмѣтить судебнаго пристава А. Т. Кисличенкова (началъ службу въ 1868 г.) и архиваріуса П. И. Федосѣева (тоже съ 1868 г.).

Пребываніе въ Харьковѣ судебной палаты сдѣлало его центромъ и для присяжной адвокатуры Харьковскаго судебнаго округа. Въ Харьковѣ находится и единственный въ провинціи совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, открытый въ 1874 г. Въ предсѣдатели совѣта выбираются обыкновенно наиболѣе уважаемые представители сословія. Въ Харьковѣ за время существованія совѣта предсѣдателями его были: М. В. Жученко въ 1874—1878 гг., Я. С. Станиславскій въ 1876—1879 гг., Д. И. Скибинскій въ 1880—1881 гг., Р. И. Падеревскій въ 1882—1884 гг., а затѣмъ опять въ 1888—1898 гг., С. Ѳ. Моропкинъ 1884—1888 гг. и, наконецъ, В. П. Егоровскій, пробывшій предсѣдателемъ десять лѣтъ,—до самаго дня своей смерти. Адвокатская среда дала не мало талантовъ, извѣстныхъ и за предѣлами Харькова. Въ качествѣ адвокатовъ выступали не рѣдко и мѣстные профессора-юристы. На разсмотрѣніи харьковскихъ судебныхъ установленій за время ихъ существованія было не мало громкихъ процессовъ, дававшихъ возможность талантливымъ представителямъ прокуратуры и адвокатуры обнаружить свои силы. Изъ первыхъ временъ дѣятельности новыхъ судовъ нельзя не отмѣтить такихъ напр. процессовъ, какъ Беклемишевское дѣло, затѣмъ позже—дѣло о хищеніяхъ въ Таганрогской таможнѣ, а въ послѣдніе годы—дѣло Скитскихъ, дѣло объ убійствѣ директора 2-ой харьковской гимназіи Тихановича, дѣло Павловскихъ сектантовъ, дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ, о крахѣ Земельнаго и Торговаго банковъ и др. [1]).

Открытіе судебно-мировыхъ учрежденій состоялось 15 декабря 1867 г. Мировые судьи выбраны уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Кромѣ участковыхъ судей—для уѣзда и г. Харькова—выбраны были и почетные мировые судьи. Городъ первоначально раздѣленъ былъ на четыре судебно-мировыхъ участка. Въ 1876 г. городскихъ участковъ было уже пять, а въ началѣ текущаго столѣтія—шесть. Первыми мировыми судьями въ Харьковѣ были: Н. Г. Нехорошевъ, Ф. М. Власовскій, А. Е. Ковалевъ, А. С. Дмитріевъ, В. В. Метлеркампфъ. Изъ судей дальнѣйшаго времени упомянемъ Д. М. Григоросуло, М. С. Сѣрикова И. Д. Оболенскаго, П. И. Коптева, Погодина, Крамарева, Н. В. Масловича.

Апелляціонной и кассаціонной инстанціей для дѣлъ, производившихся у мировыхъ судей, былъ по уставамъ Императора Александра II опредѣленъ съѣздъ мировыхъ судей, въ составъ котораго входили всѣ участковые судьи уѣзда и города и почетные мировые судьи. Первымъ предсѣдателемъ съѣзда былъ Любимъ Ивановичъ Коростовцевъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдателемъ былъ А. Д. Чепелкинъ, а въ 1874 г. его смѣнилъ Н. Н. Войтенко. Войтенко оставался неизмѣннымъ предсѣдателемъ съѣзда до половины восьмидесятыхъ годовъ, когда его смѣнилъ проф. Д. М. Деларю. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ предсѣдателемъ съѣзда неизмѣнно избирался М. И. Ильинскій, нынѣ уже покойный, извѣстный въ юридическихъ кругахъ Харькова, какъ рѣдкій цивилистъ-самоучка. Ильинскій началъ свою карьеру секретаремъ того же съѣзда, въ которомъ со временемъ ему довелось быть предсѣдателемъ. Важную роль

[1]) Левенстимъ. Харьковскій судебный округъ.

при съѣздѣ послѣ предсѣдателя играетъ непремѣнный членъ. Обязанности непремѣннаго члена очень долго несъ И. П. Щелковъ.

Съ реформами начала девяностыхъ годовъ потерпѣлъ нѣкоторое измѣненіе и Харьковскій мировой институтъ. Мировыя учрежденія были оставлены только въ Харьковѣ, а въ уѣздѣ судей замѣнили земскіе начальники. Въ виду этого и число членовъ съѣзда мировыхъ судей сильно убавилось: въ составъ его вошли только городскіе судьи да почетные. Мировыя учрежденія стали обслуживать только г. Харьковъ и потеряли всякое касательство къ уѣзду, тѣмъ не менѣе мировые судьи и до сихъ поръ выбираются не отъ города, а отъ уѣзда, на уѣздномъ земскомъ собраніи.

Земскіе начальники къ Харькову касательства, можно сказать, не имѣли. Правда, камера одного изъ нихъ иногда помѣщалась и въ Харьковѣ, но иногда и въ Мерефѣ. Земскіе начальники имѣютъ для Харькова лишь то значеніе, что въ Харьковѣ находится ихъ съѣздъ, учрежденіе аналогичное съѣзду мировыхъ судей. Благодаря съѣзду, въ Харьковъ въ дни его засѣданій стекается много обывателей уѣзда. Гораздо большее значеніе имѣетъ губернское присутствіе. О немъ мы уже имѣли случай упоминать.

Со времени учрежденія университета Харьковъ получилъ значеніе не только просвѣтительнаго, но и учебно-административнаго центра для всей „полуденной Россіи“. Въ вѣдѣніи университета были всѣ среднія и низшія училища, а также и частные пансіоны въ предѣлахъ всего Харьковскаго учебнаго округа, обнимавшаго въ то время губерніи: Слободско-Украинскую, Орловскую, Воронежскую, Курскую, Черниговскую, Полтавскую, Николаевскую, Таврическую, Екатеринославскую и земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ [1]. Среднее, низшее и высшее образованіе, по мысли законодателя, создавшаго университетскій уставъ 1804 г., должны были находиться между собою въ органической связи; отсюда возникла и зависимость гимназій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ отъ университета и широкая административно-педагогическая дѣятельность этого послѣдняго. Университетъ обязанъ былъ прилагать особую заботу объ учрежденіи въ своемъ округѣ училищъ, о пополненіи преподавательскаго персонала ихъ свѣдущими и хорошими учителями, о снабженіи ихъ учебными пособіями, о назначеніи для нихъ директоровъ, почетныхъ и штатныхъ смотрителей. Всѣми этими дѣлами долженъ былъ вѣдать особый училищный комитетъ, состоявшій изъ 6 ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Его обязанности были очень серьезны и сложны: онъ получалъ донесенія отъ директоровъ, самъ собиралъ свѣдѣнія о состояніи училищъ при посредствѣ такъ назыв. визитаторовъ, т. е. особо для того командируемыхъ на мѣста профессоровъ, удалялъ отъ должностей неисправныхъ, награждалъ достойныхъ, однимъ словомъ— вѣдалъ учебной и хозяйственной стороной жизни училищъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ округа. Его надзору и руководству подлежали не только гимназіи, уѣздныя и городскія училища, но и такія учебныя заведенія высшаго типа, какъ Ришельевскій лицей въ Одессѣ и гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Выполнялъ университетъ и другую административную функцію: ему принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатавшихся въ предѣлахъ учебнаго округа. Этимъ дѣломъ вѣдалъ особый цензурный комитетъ, состоявшій изъ четырехъ декановъ. На рѣшенія комитета можно было жаловаться въ Петербургъ въ главное правленіе училищъ [2]. Само собою понятно, что при небольшой литературной производительности того времени эта функція университета не могла имѣть сколько нибудь замѣтнаго значенія.

Посредникомъ между министерствомъ и учебнымъ округомъ былъ попечитель. По мысли либеральныхъ законодателей того времени, попечитель долженъ былъ исполнять въ отношеніи своего округа ту роль, которая выражается самымъ словомъ *попечитель*,—предстательствовать передъ высшею властью за свой округъ. Это былъ не чиновникъ-исполнитель на мѣстѣ предначертаній петербургскихъ столоначальниковъ, а совѣтникъ-вельможа, членъ главнаго правленія училищъ, достаточно независимый и высокопоставленный, чтобы не нуждаться въ заискиваніи передъ министромъ народнаго просвѣщенія. Попечитель не обязанъ былъ жить въ своемъ округѣ да фактически и не могъ этого дѣлать, привязанный къ Петербургу своимъ участіемъ въ главномъ правленіи училищъ. Независимость положенія попечителя не мѣшала, однако, Петербургу назначать въ попечители людей, отвѣчающихъ господствующему въ данный моментъ направленію политическихъ и педагогическихъ идей. Выразителемъ взглядовъ либеральнаго періода Але-

[1] Рождественскій. Историч. очеркъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1902. Стр. 54.
[2] Краткій очеркъ исторіи Харьковск. университета, стр. 15—16.

ксандровскаго царствованія былъ первый попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Потоцкій много содѣйствовалъ развитію и процвѣтанію основаннаго при немъ университета и подчиненныхъ ему среднихъ и низшихъ школъ. Не живя въ Харьковѣ постоянно, а только наѣзжая сюда изрѣдка, Потоцкій не вмѣшивался въ детали жизни округа, предоставляя ему въ этомъ отношеніи значительную долю самодѣятельности. Онъ оставлялъ за собой только общее наблюденіе, и такое отношеніе къ дѣлу имѣло прекрасныя послѣдствія. Въ исторіи университета время попечительства Потоцкаго отмѣчается, какъ „золотой вѣкъ“ харьковскаго просвѣщенія. Потоцкій правилъ округомъ до 1817 г., но въ послѣдніе годы своего попечительства онъ какъ то охладѣлъ къ дѣлу, можетъ быть, потому, что чувствовалъ себя не на мѣстѣ съ перемѣной теченій въ Петербургѣ, приспособляться къ которымъ онъ не хотѣлъ. А въ Петербургѣ въ это время господствующимъ теченіемъ былъ мистицизмъ, однимъ изъ виднѣйшихъ представителей котораго являлся министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ. Не удивительно, что мистикомъ оказался и новый попечитель Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣевъ, назначенный вмѣсто Потоцкаго. Карнѣевъ образованіемъ не отличался, былъ старъ и безхарактеренъ, подготовки къ дѣлу не имѣлъ; ибо до назначенія на постъ попечителя занималъ должности военныя или гражданско-административныя (былъ губернаторомъ), но зато онъ былъ вице-президентомъ Библейскаго общества въ Петербургѣ, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы его признали годнымъ къ роли руководителя воспитаніемъ юношества. Карнѣевъ явился въ Харьковъ и тотчасъ сталъ насаждать пiэтизмъ. На университетскаго инспектора возложена была обязанность читать и объяснять студентамъ Евангеліе и апостольскія посланія; открыто студенческое отдѣленіе Библейскаго общества; для учащихъ и учащихся сдѣлалась, можно сказать, обязательной переведенная попечительскимъ племянникомъ мистическая книга Дютy „Божественная философія“; профессора и учителя кстати и не кстати стали цитировать на лекціяхъ тексты изъ Священнаго Писанія и упоминать о Промыслѣ. Пошло въ ходъ ханжество и лицемѣріе, и на лонѣ попечителя возлегли худшіе элементы округа, а лучшіе подверглись опалѣ. Въ числѣ опальныхъ оказался и знаменитый математикъ Осиповскій, выжитый Карнѣевымъ изъ университета за неуважительное отношеніе къ мистицизму и его искреннимъ и лицемѣрнымъ адептамъ.

Продолжателемъ дѣла Карнѣева былъ его племянникъ Е. В. Карнѣевъ (1822—1825 г.г.). Е. В. Карнѣевъ—отчасти харьковецъ, ибо въ ранней юности учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Онъ былъ энергичнѣе и дѣловитѣе своего дяди, но по направленію былъ его нравственнымъ преемникомъ. Карнѣевъ-junior замѣненъ былъ Перовскимъ. Прекрасно образованный, талантливый писатель (Погорѣльскій), Перовскій, карьеры ради, приспособился къ старику Шишкову, въ то время стоявшему во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, плѣнилъ его и получилъ въ управленіе Харьковскій округъ. Взялся онъ за дѣло, слѣдуя инструкціи, въ основаніе которой была положена мысль, что „науки, изощряющія умъ, не составляютъ безъ вѣры и безъ нравственности благодѣтельныя народнаго“. Новый попечитель долженъ былъ обратить вниманіе на внѣдреніе въ учащихся любви къ русскому языку, родинѣ, всему отечественному, повиновенія престолу и властямъ и на цензуру книгъ. Перовскій мало жилъ въ Харьковѣ, но въ Петербургѣ выставлялъ себя администраторомъ, хорошо знающимъ свой округъ. Въ одномъ найденномъ нами письмѣ къ Государю онъ хвалился, что, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, онъ прекрасно знаетъ все, что дѣлается въ кругу студенчества, до интимныхъ разговоровъ студентовъ включительно, и, очевидно желая понравиться строгому Государю, высказывалъ мысль о необходимости введенія для студентовъ тѣлесныхъ наказаній [1]). Къ университетской автономіи попечитель также относился не одобрительно и, можно сказать, свелъ ее на нѣтъ. Шишковъ не могъ нахвалиться Перовскимъ и рекомендовалъ его Государю, какъ наиболѣе желательнаго помощника по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Преемникомъ Перовскаго (1830—1833 г.г.) былъ В. И. Филатьевъ. Человѣкъ безъ всякаго образованія, Филатьевъ увѣковѣчилъ, однако, свое имя въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что посадилъ на каѳедру философіи въ университетѣ бывшаго одно время полицейскимъ приставомъ Чанова. При немъ дѣла въ Харьковскомъ округѣ пришли въ окончательное разстройство. Въ управленіе Филатьева, если вѣрить всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, обнаружилось неудовлетворительное состояніе всѣхъ гимназій, исключая Полтавской, духъ партій и безпрерывный раздоръ между чинов-

[1]) Военно-Учен. Архивъ Главн. Штаба. Отд I, шкафъ 49, № 587.

никами и профессорами, неспособность высшихъ начальниковъ, необращеніе вниманія на приготовленіе способныхъ учителей, „духъ унынія, слабости, небреженія къ должностямъ со всѣми признаками моральнаго упадка“. При Филатьевѣ произошли значительныя измѣненія въ территоріи округа. Отъ него отошли губерніи Херсонская и Таврическая, вошедшія въ составъ новаго округа—Одесскаго. Въ 1831 г. къ Харьковскому округу были присоединены губерніи Подольская и Волынская, а въ 1832 г., въ виду чрезмѣрной обширности округа и предположенія объ открытіи университета въ Кіевѣ, отъ Харьковскаго округа отошли не только новоприсоединенныя къ нему Волынская и Подольская губерніи, но и Черниговская [1]). При Филатьевѣ же произошло увеличеніе состава окружного управленія учрежденіемъ новой должности—помощника попечителя.

Филатьевъ былъ признанъ негоднымъ и замѣненъ гр. Ю. А. Головкинымъ. Это былъ личный другъ Императора Николая, оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта и Андреевскій кавалеръ, европейски образованный, чрезвычайно богатый, ни карьеры, ни фортуны отнюдь не искавшій, а принявшій должность попечителя изъ патріотическаго чувства, изъ желанія посвятить закатъ своихъ дней дѣлу просвѣщенія. Это былъ попечитель въ истинномъ смыслѣ этого слова, горячо принимавшій къ сердцу интересы своего округа, отечески пекшійся объ учащейся молодежи, съ уваженіемъ относившійся къ учащимъ. „Во всѣхъ его дѣйствіяхъ—читаемъ въ „Очеркѣ исторіи Харьковскаго университета“—проявлялся аристократизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, выражавшійся въ благородномъ образѣ мыслей, чувствъ, намѣреній и поступковъ, въ одинаково ровномъ, привѣтливомъ обращеніи со всѣми“. Въ отзывахъ современниковъ личность и управленіе Головкина выступаютъ передъ нами въ положительномъ смыслѣ. По словамъ Де-Пуле, бывшаго студентомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, „гр. Головкинъ былъ тогда дряхлымъ старикомъ, больше проживавшимъ за границей, чѣмъ въ Харьковѣ, но съ тѣмъ либеральнымъ складомъ ума, какимъ отличались люди Екатерининскаго вѣка, къ которому онъ всецѣло принадлежалъ. Не только мѣстная губернская администрація, но и генералъ-губернаторы малороссійскіе, переселившіеся изъ Полтавы въ Харьковъ, изъ боязни оскорбить престарѣлаго графа, не касались университета; даже приснопамятный своею сварливостью и придирчивостью епископъ Смарагдъ Крыжановскій его побаивался“. С. И. Кованько сообщаетъ, что все свое жалованье по должности попечителя Головкинъ предоставлялъ университету. Студентъ 40-хъ годовъ Пашковъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что Головкинъ отпускалъ изъ своихъ средствъ порядочную сумму на празднованіе университетскаго акта 30 августа [2]). Преклонный возрастъ попечителя не давалъ ему возможности входить во всѣ подробности управленія, а потому вполнѣ понятно, что при немъ особенное значеніе получилъ помощникъ попечителя. Должность эта была учреждена еще при Филатьевѣ, въ 1833 г. Первымъ помощникомъ попечителя былъ графъ Панинъ (съ 1833 по 1838 г.), а потомъ кн. Н. А. Церетелевъ (1838—1859 гг.). Послѣдній „дѣлалъ все, что хотѣлъ, по дряхлости Головкина“. Въ 1842 г. министръ народнаго просвѣщенія конфиденціально рекомендовалъ Церетелеву, въ виду частаго отсутствія Головкина изъ Харькова, въ важныхъ случаяхъ испрашивать совѣтовъ отъ генералъ-губернатора кн. Долгорукова.

Въ попечительство Головкина произведена была крупная реформа въ управленіи округомъ. При немъ введено было „Положеніе объ учебныхъ округахъ“ 25 іюня 1835 г., радикально измѣнившее старый порядокъ въ этой области. Сущность реформы заключалась въ передачѣ всѣхъ обязанностей и правъ университетовъ по управленію учебными заведеніями ихъ округовъ въ руки попечителей. Управленіе и надзоръ за училищами, согласно „Положенію“ 1835 г., попечитель раздѣляетъ со своимъ помощникомъ и инспекторомъ казенныхъ училищъ. „Для сохраненія пользы совѣщательнаго порядка“ и для обсужденія вопросовъ учебныхъ и хозяйственныхъ при попечителѣ учрежденъ совѣтъ, состоявшій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій. Совѣтъ былъ лишенъ права инициативы, дѣла на его обсужденіе поступали только по предложенію попечителя, а исполненіе по его рѣшеніямъ производилось отъ имени попечителя. Во всѣхъ училищныхъ дѣлахъ, требовавшихъ „ученыхъ соображеній“, попечитель могъ обращаться къ содѣйствію университетскаго совѣта. Дѣлопроизводство округа сосредоточилось въ канцеляріи попечителя, которая получила съ этихъ

---

[1]) Рождественскій, стр 184.

[2]) Краткій очеркъ исторіи Харьковск. университета, стр. 35, 126.

поръ нарочито важное значеніе. Опубликованный въ томъ же 1835 г. новый университетскій уставъ еще болѣе усилилъ власть попечителя. Попечитель, обязанный отнынѣ жить въ университетскомъ городѣ, является уже первенствующимъ членомъ университета, „состоящаго подъ его непосредственнымъ начальствомъ“. По уставу „онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію нерадивыхъ“. Попечитель получилъ право наблюдать за дѣятельностью университетскаго правленія и совѣта и предсѣдательствовать въ нихъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя состоялъ университетскій инспекторъ, избираемый имъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ [1]).

Когда въ 1846 г. Головкинъ умеръ, обязанности попечителя, по волѣ Государя, были возложены на Харьковскаго генералъ-губернатора кн. Н. А. Долгорукова. Долгоруковъ, конечно, могъ заниматься дѣлами округа только между прочимъ, тѣмъ не менѣе помощнику попечителя онъ воли не давалъ. „Кн. Долгоруковъ—разсказываетъ современникъ—знать не хотѣлъ, игнорировалъ Цертелева, по своему сатрапству, и посылалъ его на ревизіи въ округѣ“. Къ университету Долгоруковъ относился весьма благожелательно. Впрочемъ правилъ онъ округомъ не долго и умеръ въ 1847 г. Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ о растратѣ, обнаруженной послѣ смерти Долгорукова. Растрата, какъ говорили современники, была сдѣлана именно изъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи его, какъ попечителя округа.

Преемникомъ Долгорукова былъ новый Харьковскій генералъ-губернаторъ С. А. Кокошкинъ, на котораго также были возложены обязанности попечителя. Кокошкинъ оставилъ послѣ себя въ округѣ память приведеніемъ въ должный видъ университетскихъ зданій, а въ общемъ время его управленія было для округа очень печальною эпохою. На свои попечительскія обязанности Кокошкинъ смотрѣлъ съ чисто полицейской точки зрѣнія: вмѣнялъ себѣ въ обязанность распечь студента за разстегнутую пуговицу, при встрѣчѣ съ студентами требовалъ отчета, почему они „шатаются“ по городу, а не сидятъ дома и не „учатъ уроковъ“. За пустяки назначался въ наказаніе арестъ, а то и прямо исключали. Въ результатѣ было „паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе до minimum'а общаго уровня образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія“. Тѣмъ не менѣе подначальные прославляли попечителя, какъ покровителя наукъ: харьковскіе натуралисты назвали его именемъ какое то растеніе, а врачъ А. Питра посвятилъ ему свою докторскую диссертацію, изъ которой Кокошкинъ, если бы умѣлъ читать по латыни, вычиталъ бы большія похвали своимъ административнымъ талантамъ.

27-го декабря 1855 г. состоялся указъ объ изъятіи учебныхъ округовъ изъ подъ власти генералъ-губернаторовъ. Попечителемъ въ Харьковъ былъ назначенъ тайн. сов. сенаторъ Г. А. Катакази. Пробылъ онъ въ Харьковѣ не долго: въ 1857 г. его уже смѣнилъ д. с. с. П. В. Зиновьевъ, управлявшій округомъ по 1860 г. И у того, и у другого были „непріятности“ со студентами. Въ 1860 г. попечителемъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Д. С. Левшинъ. Служебную карьеру свою Левшинъ началъ въ арміи, потомъ перешелъ на дипломатическое поприще, потомъ сдѣлался директоромъ училищъ военнаго вѣдомства, а затѣмъ попечителемъ въ Харьковѣ. Пробылъ онъ здѣсь три года. Въ числѣ заслугъ его подчиненные ему панегиристы выставляли ту, что онъ назначалъ на мѣста директоровъ и инспекторовъ исключительно учителей, такъ что ни одинъ чиновникъ другого вѣдомства, хотя бы и департаментскій, ни эскадронный командиръ, не смотря на протекцію вліятельныхъ лицъ, не получали означенныхъ мѣстъ, какъ это дѣлалось при предмѣстникахъ Левшина. Проводы Левшину были устроены торжественные, чествовали его нѣсколько дней и даже выѣзжали провожать его за городъ. Левшинъ перевелся въ Москву на попечительское же мѣсто [2]).

При Левшинѣ послѣдовало преобразованіе попечительскаго совѣта, который долженъ былъ, по мыслѣ законодателя, стать „посредникомъ между попечителемъ округа и педагогическими совѣтами гимназій въ рѣшеніи различныхъ педагогическихъ вопросовъ“. Кромѣ прежнихъ членовъ совѣта, въ составъ его вошли деканы физико-математическаго и историко-филологическаго факультетовъ и шесть профессоровъ

---

[1]) Рождественскій, стр. 237—239, 244—245.

[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1863 г. №№ 50, 51, 55.

разныхъ спеціальностей. Совѣтъ занимался вопросами хозяйственно-административными и учебными. Попечитель не прежде дѣлалъ распоряженія, какъ обсудивъ ихъ предварительно въ совѣтѣ. При такихъ условіяхъ понятно, почему при Левшинѣ эскадронные командиры перестали получать мѣста директоровъ и инспекторовъ.

Министерство А. В. Головнина было эпохой крупныхъ реформъ въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Не могло это не отразиться и на личномъ составѣ института попечителей. Министръ желалъ привлечь на эти должности по преимуществу лицъ, уже служившихъ по учебной или ученой части, тогда какъ раньше попечителями назначались обыкновенно лица посторонніе учебному дѣлу. Въ Харьковъ попечителемъ былъ назначенъ К. К. Фойгтъ. „Фойгтъ, какъ характеризуетъ его „Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета", при строгой законности, былъ человѣкъ высокаго нравственнаго склада, съ широкимъ образованіемъ и идеально-гуманными стремленіями въ духѣ освободительной эпохи". Первоначальная служба Фойгта прошла въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и литературы, деканомъ историко-филологическаго факультета и проректоромъ. Съ 1 ноября 1852 г. онъ былъ переведенъ ректоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, 12 апрѣля 1859 г. назначенъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, а 4 февраля 1863 г.—попечителемъ. При Фойгтѣ значительно расширена власть попечителя предоставленіемъ ему права окончательно рѣшать многія дѣла, раньше восходившія на разсмотрѣніе министерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ произошло и нѣкоторое умаленіе этой власти въ отношеніи университета въ виду предоставленія большихъ правъ университетскому совѣту согласно уставу 1863 г., при Фойгтѣ введенному. Съ назначеніемъ Фойгта должность помощника попечителя упразднена. „Положеніемъ" 1864 г. установлена должность директора училищъ, въ вѣдѣніи котораго находилось дѣло низшаго народнаго образованія. Директоръ былъ членомъ губернскаго училищнаго совѣта, состоявшаго изъ архіерея, губернатора и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Съ 1874 г. главная роль въ совѣтѣ стала принадлежать предводителямъ дворянства [1]). При Фойгтѣ же учреждена должность окружного инспектора (это собственно бывшій инспекторъ казенныхъ училищъ), на котораго возложенъ надзоръ за учебными заведеніями разныхъ разрядовъ.

Въ 1867 г. попечителемъ Харьковскаго округа назначенъ тайн. сов. П. А. Воскресенскій, пробывшій въ Харьковѣ до 1875 г. При немъ территорія округа подверглась новому измѣненію: Орловская губернія была отчислена въ Московскій округъ, вмѣсто нея къ Харьковскому причислена Пензенская. Воскресенскій, какъ бывшій профессоръ, относился къ университету довольно благодушно и не тяготился его автономіей. Къ студентамъ онъ также относился снисходительно и даже выступалъ въ роли ихъ защитника. Когда въ 1869 г. губернаторъ Дурново потребовалъ увольненія нѣсколькихъ студентовъ за дерзости, нанесенныя ими тогдашней харьковской красавицѣ Литвиновой, Воскресенскій отвѣтилъ, что за оскорбленіе студенты будутъ наказаны по суду, а въ университетѣ они ведутъ себя безукоризненно. При немъ Харьковъ обогатился новымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ ветеринарнымъ институтомъ, преобразованнымъ изъ бывшаго ветеринарнаго училища.

Воскресенскій въ 1875 г. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а въ Харьковъ переведенъ изъ Риги тамошній попечитель П. К. Жерве. При немъ въ 1879 г. произошло позорное побоище, гдѣ жертвами казацкихъ нагаекъ стали студенты Харьковскаго университета, и Жерве принужденъ былъ оставить свой постъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ М. С. Максимовскій, бывшій профессоръ военной академіи. Максимовскій ничѣмъ особеннымъ себя по отношенію къ округу не проявилъ, но съ университетской автономіей боролся упорно во все время своего попечительства то изъ за инспекціи, на которую требовалъ ассигнованія дополнительныхъ суммъ изъ спеціальныхъ средствъ университета, то изъ за квартиры, занимаемой имъ въ университетѣ вопреки желанію совѣта и пользамъ университета, сильно стѣсненнаго недостаткомъ помѣщенія. При Максимовскомъ въ управленіи Харьковскимъ учебнымъ округомъ были введены новые штаты, при чемъ сумма на содержаніе окружного управленія доведена до 21 т. р. съ лишкомъ.

Начало восьмидесятыхъ годовъ было временемъ, когда реакціонныя теченія, до сихъ поръ боровшіяся съ прогрессивными, получили окончательный верхъ. Сказалось это очень замѣтно и въ учебномъ

[1]) Рождественскій, стр. 412 и 452.

вѣдомствѣ. Въ университетѣ былъ введенъ уставъ 1884 г., коимъ окончательно изгонялись изъ него и тѣ немногіе остатки автономіи, какіе еще кое какъ удержались отъ устава 1863 г. Попечитель оказался въ роли главнаго начальника университета. Власть его въ этомъ отношеніи чрезвычайно расширилась. Ему вверены забота о благосостояніи университета, наблюденіе за ходомъ преподаванія, право „пресѣкать“ всякія уклоненія отъ правилъ, принимать мѣры къ охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ. Отъ него же въ большинствѣ случаевъ зависѣло и назначеніе на каѳедры. Инспекторъ университета и его помощники были совершенно независимы отъ профессорской коллегіи и подчинены непосредственно попечителю.

Вводить новый уставъ въ Харьковскомъ университетѣ былъ присланъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (1884—1896 гг.). Артиллеристъ по образованію, Воронцовъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1863 г. онъ посѣтилъ Вильну и Варшаву и оттуда посылалъ корреспонденціи въ „Моск. Вѣдом.“ Каткова. Это сдѣлало его карьеру. Воронцова оставили въ Польшѣ, гдѣ онъ служилъ сперва по крестьянскому дѣлу, а потомъ по министерству просвѣщенія, при чемъ 13 лѣтъ пробылъ помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Апухтина. Руссификаторъ и патріотъ въ духѣ „Моск. Вѣдом.“, Воронцовъ былъ найденъ вполнѣ достойнымъ занять постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа. По мѣрѣ силъ и возможности старался онъ водворять въ своемъ округѣ „исконно-русскія начала“, боролся съ украинскимъ „сепаратизмомъ“, усмотрѣннымъ имъ въ Харьковѣ, направлялъ на путь истины юныхъ студентовъ, только что въ то время надѣвшихъ студенческій мундиръ, увѣряя ихъ, что ихъ старшіе товарищи въ широкополыхъ пляпахъ и пледахъ—язва и чума, отъ которыхъ слѣдуетъ бѣгать, а молодымъ учителямъ рекомендовалъ обращать главное вниманіе не на знанія учащихся, а на ихъ направленіе. При Воронцовѣ территорія Харьковскаго округа расширилась: къ нему были присоединены изъ Одесскаго округа Ростовъ и Таганрогъ. Увеличилось и число подвѣдомыхъ округу высшихъ учебныхъ заведеній съ открытіемъ въ 1885 г. Харьковскаго технологическаго института. Усилился и составъ окружного управленія: вмѣсто одного окружного инспектора ихъ стало уже три.

Послѣ Воронцова-Вельяминова попечителемъ былъ назначенъ Ив. Петр. Хрущовъ (1896—1899 гг.), когда то бывшій профессоромъ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ. Его смѣнилъ т. с. В. К. фонъ-Анрепъ (1899—1901 гг.), раньше бывшій профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ директоромъ женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ. При немъ была объявлена эра „сердечнаго попеченія“, продержавшаяся, впрочемъ, въ Харьковѣ, какъ и вездѣ въ Россіи, очень не долго. Замѣстителемъ Анрепа былъ тайн. сов. М. М. Алексѣенко, бывшій профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета, а потомъ попечитель Казанскаго учебнаго округа. Послѣ выхода Алексѣенка въ отставку мѣсто попечителя занялъ С. А. Раевскій, долго бывшій окружнымъ инспекторомъ въ Харьковскомъ же округѣ, а до того—преподавателемъ и инспекторомъ въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ.

Въ Александровское и Николаевское царствованія Харьковъ не игралъ роли крупнаго административнаго центра для войсковыхъ частей, квартировавшихъ въ Харьковской и прилежащихъ губерніяхъ, а если иногда такая роль ему и выпадала, то это бывала случайность и при томъ кратковременная. Въ военно-административномъ отношеніи Харьковъ принадлежалъ къ составу Кіевской инспекціи. Въ Харьковѣ почти всегда квартировало достаточное число „полевыхъ войскъ“, не считая мѣстнаго гарнизона. Къ послѣднему слѣдуетъ причислить такъ назыв. губернскую роту и штатную команду, хотя въ дѣйствительности онѣ были подчинены не военному вѣдомству, а губернатору. Передача ихъ въ военное вѣдомство состоялась только послѣ указа 26 января 1811 года. Постоянное пребываніе въ Харьковѣ имѣлъ гарнизонный батальонъ, исполнявшій до извѣстной степени и полицейскія обязанности. Отъ батальона, напримѣръ, назначался караулъ на заставы, обязанный опрашивать пріѣзжающихъ и прописывать ихъ паспорта. Во главѣ батальона стоялъ командиръ въ чинѣ подполковника. Домбровскій, Беренгорштъ (начало двадцатыхъ годовъ), Горицкій (въ концѣ двадцатыхъ), Андерсъ (тридцатые), Каркачъ (сороковые)—все это, не смотря на свои небольшіе чины, было для тогдашняго Харькова начальство не маленькое. Кромѣ гарнизона, въ Харьковѣ находились одинъ или два „полевыхъ“ полка и штабъ какой нибудь бригады, а то и дивизіи. Въ первые годы XIX в. былъ короткій промежутокъ (въ 1807 г.), когда Харьковъ сталъ было играть и болѣе крупную военно-административную роль. Это было время созыва милиціи.

Харьковъ причисленъ былъ къ составу 5-й областной милиціи, во главѣ которой былъ поставленъ „отсталой изъ стаи славныхъ“—графъ Орловъ. Адъютантомъ при немъ былъ генералъ-маіоръ Сипягинъ, а начальникомъ собственно Харьковской милиціи избранъ „генералъ-маіоръ и командоръ“ Кознаковъ. Кознаковъ имѣлъ свое пребываніе въ Харьковѣ, въ Харьковѣ же временно находился и самъ Орловъ со своимъ штабомъ. Милиція просуществовала, однако, не долго. Указомъ 14 сентября того же 1807 г. она была распущена, а вмѣсто милиціонеровъ въ Харьковъ присланы были пять ротъ новосформированной 22-ой артиллерійской бригады, Выборгскій мушкатерскій и Бѣлостокскій полки. Въ 1813 г. въ Харьковѣ учреждено военно-сиротское отдѣленіе, просуществовавшее здѣсь до 1825 г. Въ 1816 г. въ Харьковѣ находился штабъ десятой дивизіи съ генералами Эссеномъ и Засомъ. Въ то же время здѣсь стоялъ „непремѣнною квартирою“ 39-й егерскій полкъ. Въ 1819 г. Харьковъ былъ центромъ для третьей уланской дивизіи, во главѣ которой стоялъ генералъ-маіоръ Лисаневичъ, а въ 1825 г. здѣсь помѣщался штабъ 2-ой уланской дивизіи, командуемой ген.-маіорамъ Коровкинымъ. Въ 1826 г. Харьковъ былъ центромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, начальникомъ когораго былъ генералъ Дука. Въ началѣ сорокоовыхъ годовъ въ Харьковѣ помѣщался штабъ резервной дивизіи 3-го пѣхотнаго корпуса и резервной бригады 7-ой пѣхотной дивизіи. Какіе полки здѣсь въ это время стояли,—не знаемъ, но знаемъ, что между ними были и уланы. Въ періодъ Крымской войны въ Харьковѣ вновь появилась милиція или, какъ ее теперь называли, ополченіе. Во главѣ мѣстныхъ ополченцевъ стоялъ генералъ-маіоръ Шатовъ. Въ это время Харьковъ постоянно наводнялся военными разныхъ родовъ оружія и рекрутами, отправлявшимися на театръ военныхъ дѣйствій. 1856 годъ былъ временемъ возвращенія войскъ изъ подъ Севастополя. Харьковъ также былъ переполненъ военными и одно время сыгралъ даже блестящую, хотя и очень кратковременную роль центра второй арміи, такъ какъ въ немъ помѣщалась квартира ея главнокомандующаго.

Послѣ этого военно-административное значеніе Харькова вновь падаетъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здѣсь находился только гарнизонный баталіонъ. Въ 1862 г. въ Харьковѣ сосредоточивается управленіе Харьковскимъ поселеніемъ, въ составъ котораго входили два округа. Начальникомъ поселенія былъ сперва г. м. А. С. Ковалевскій, а потомъ (съ 1863 г.)—подполк. Н. М. Муравьевъ.

Съ 1864 г. скромная до сихъ поръ роль Харькова, какъ военно-административнаго центра, стала очень крупной: въ 1864 г. Харьковъ сдѣланъ былъ центромъ Харьковскаго военнаго округа, въ составъ котораго вошли губерніи: Харьковская, Черниговская, Полтавская, Курская, Воронежская и Орловская. Въ составъ округа входили войска полевыя дѣйствующія, резервныя и мѣстныя—всего 72 баталіона, 78 эскадроновъ, 25 батареи съ 102 орудіями, инженерная дистанція 2-го класса, 74 уѣздныхъ и 2 конвойныхъ командъ. Полевыя дѣйствующія войска составлялись изъ 5-ой, 9-ой и 36-ой пѣхотныхъ дивизій, 2-ой и 5-ой кавалерійскихъ дивизій, 5-ой, 9-ой, 31-ой и 36-ой пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, 2-ой и 5-ой конно-артиллерійскихъ бригадъ и инженерной дистанціи. Резервныя войска состояли изъ 18 резервныхъ баталіоновъ (№№ 13—28, 76 и 77), 2-ой, 3-ей, 4-ой, 5-ой и 6-ой резервныхъ кавалерійскихъ бригадъ и 3-ей резервной артиллерійской бригады. Къ составу мѣстныхъ войскъ принадлежали шесть губернскихъ баталіоновъ, 2 мѣстныя артиллерійскія команды, 74 уѣздныхъ командъ и 2 конвойныхъ команды. Подъ вѣдѣніемъ же Харьковскаго окружного начальства состоялъ и рядъ мѣстныхъ учрежденій военнаго вѣдомства: юнкерское училище въ Чугуевѣ, учебный артиллерійскій полигонъ въ с. Коробочкино, два артиллерійскихъ склада (въ Брянскѣ и Шосткѣ), два постоянныхъ полугоспиталя (въ Чугуевѣ и Шосткѣ), временный полугоспиталь въ Славянскѣ, военно-исправительныя роты и интендантскій складъ въ Воронежѣ, 45 провіантскихъ магазиновъ въ разныхъ городахъ, ремонтное депо артиллеріи въ с.с. Куксовѣ и Абакумовкѣ (Тамбовской губ.) и 30 ремонтныхъ депо резервной кавалеріи [1]). Въ Харьковѣ сосредоточены были всѣ главныя учрежденія округа со всѣмъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ всякихъ родовъ оружія.

Первымъ командиромъ Харьковскаго военнаго округа назначенъ былъ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ Василій Федоровичъ фонъ-деръ-Лауницъ, бывшій до того командиромъ корпуса внутренной стражи.

---

[1]) Харьк. Календ. 1873 г., стр. 280—285.

Лауницъ скончался вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ (въ 1864 г.). Его смѣнилъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ графъ Александръ Ивановичъ Бреверъ-де Лагарди, а этого послѣдняго (въ 1870 г.) генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Александръ Петровичъ Карцовъ. Въ 1876 г. начальникомъ Харьковскаго военнаго округа назначенъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ графъ Феликсъ Николаевичъ Сумароковъ-Эльстонъ. Въ 1878 г. Сумарокова смѣнилъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Александръ Федоровичъ Минквицъ, а въ слѣдующемъ году въ должности командующаго округомъ и въ то же время временнаго Харьковскаго генералъ-губернатора былъ уже знаменитый гр. Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Пробылъ онъ здѣсь, впрочемъ, не долго и уже въ слѣдующемъ году прямо изъ Харькова перешелъ въ предсѣдатели верховной коммиссіи, а затѣмъ въ министры внутреннихъ дѣлъ. Въ Харьковѣ командующимъ войсками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Онъ также пробылъ въ Харьковѣ очень не долго. Въ 1881 г. на его мѣсто былъ назначенъ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, также съ правами генералъ-губернатора. Послѣднимъ командующимъ войсками Харьковскаго округа былъ герой Шипки Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій. Въ 1888 г. Харьковскій военный округъ былъ совсѣмъ упраздненъ, и тянувшія къ нему губерніи отошли къ Кіевскому округу [1]).

При командующемъ округомъ состоялъ военно-окружной совѣтъ изъ начальника окружного штаба, окружного интенданта, начальника артиллеріи, начальника инженеровъ, окружного военно-медицинскаго инспектора, окружного инспектора госпиталей и члена отъ военнаго министерства. Окружной штабъ, находившійся подъ управленіемъ начальника штаба и его помощника, раздѣлялся на 4 отдѣленія: строевое, инспекторское, хозяйственное и авдиторское. Подъ его вѣдѣніемъ состояли окружная типографія, чертежная и архивъ. Окружное интендантство состояло изъ отдѣленій: вещевого, продовольственнаго и денежнаго. Окружнымъ интендантомъ былъ обыкновенно военный генералъ, а начальники отдѣленій и разные чиновники носили одни военные, другіе—гражданскіе чины. Было при округѣ и особое казначейство. Не столь сложны и многолюдны были управленія артиллерійское, инженерное, медицинское и мѣстныхъ войскъ. На отдѣленія они не дѣлились, но служащихъ въ нихъ было все таки немало. Управленіе мѣстныхъ войскъ состояло изъ начальника, помощника его и начальника штаба. Подъ вѣдѣніемъ управленія мѣстныхъ войскъ находился Харьковскій воинскій начальникъ и командиръ губернскаго баталіона. Военно-окружный судъ (открылся 1-го декабря 1868 г.) состоялъ изъ предсѣдателя, судей (обычно военные, въ чинѣ не меньше подполковника), слѣдователей (обыкновенно гражданскихъ чиновниковъ), прокурора и его помощниковъ (изъ военныхъ и изъ гражданскихъ чиновниковъ).

Послѣ командующаго округомъ наибольшее значеніе имѣлъ начальникъ штаба округа. Эту должность послѣдовательно занимали: ген.-маіоръ Хр. Хр. Роопъ (1864 г.), потомъ полковникъ генеральнаго штаба Л. Н. Клугинъ (съ 1865 г.), затѣмъ ген.-маіоръ А. М. Батеватулъ 2-ой (съ 1867 г.), бывшій до того помощникомъ начальника штаба, М. Ѳ. Петрушевскій (1874 г.), С. О. Гончаровъ (съ 1875 г.), Э. Г. Элерсъ (съ 1885 г.). Окружными интендантами были: ген.-маіоръ Л. Н. Ваксель, П. М. Плечковъ, И. П. Павловъ (съ 1873 г.), А. Х. Бушенъ (съ 1874 г.), Ф. К. Коль (начало восьмидесятыхъ годовъ), А. И. Люба (съ 1885 г.). Первымъ начальникомъ артиллеріи округа былъ г. л. Э. К. Петерсъ, его преемникомъ былъ А. И. Барановъ, затѣмъ слѣдовали: Н. Г. Богговутъ, А. Е. фонъ Винклеръ и В. Е. Колкуновъ. Окружное инженерное управленіе находилось при открытіи округа подъ начальствомъ ген.-маіора Е. А. Егорова, потомъ (съ 1875 г.) начальникомъ сталъ полк. Ф. Ф. Сильманъ, затѣмъ ген.-лейтен. А. Я. Чемерзинъ. Во главѣ военно-медицинскаго управленія стояли: д. с. с. Н. Ѳ. Малининъ, с. с. Н. М. Добраковъ (съ 1872 г.), Ю. О. Гребскій (съ 1876 г.), и Н. З. Зубовскій (съ 1885 г.). Для Харькова, точнѣе для стоявшихъ въ Харьковѣ войскъ наибольшее значеніе имѣлъ начальникъ мѣстныхъ войскъ, онъ же и инспекторъ госпиталей. Начальниками мѣстныхъ войскъ въ періодъ существованія Харьковскаго военнаго округа были: ген.-лейт. П. Е. Нелѣповъ, Н. П. Гартонгъ (съ 1876). Первымъ предсѣдателемъ Харьковскаго военно-окружного суда былъ ген.-лейт. А. С. Ковалевскій, а первымъ прокуроромъ с. с. А. М. Волковъ. Послѣ Ковалевскаго предсѣдателями военно окружного суда были: Н. Е. Потресовъ, С. Т. Лейхтъ, А. М. Врубель, а прокурорами: Н. А. Бируковъ (съ 1870 г.), В. П. Павловъ (начало восьмидесятыхъ годовъ).

[1]) Столѣтіе военнаго министерства. Т. I, стр. 506, 607. Харьковскіе календари за 1869—1888 г.г.

На первыхъ порахъ послѣ учрежденія въ Харьковѣ управленія округа войсковыхъ частей здѣсь было не много: тотъ же гарнизонный баталіонъ и тоже управленіе Харьковскаго поселенія, вскорѣ затѣмъ упраздненное. Съ 1870 г. въ Харьковѣ расположены на квартирахъ штабъ и 1-й баталіонъ Елецкаго полка и весь Сѣвскій полкъ, въ 1872 г. здѣсь видимъ полки Козловскій и Воронежскій. а въ 1873 г.—штабъ 1-й бригады 31 пѣхотной дивизіи (начальникъ дивизіи—ген.-маіоръ С. Д. Вѣлокопытовъ) и полки Пензенскій и Тамбовскій. Послѣ русско-турецкой войны, кромѣ окружного управленія, въ Харьковѣ помѣщается штабъ X армейскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ ген.-лейт. А. А. Свѣчинъ. Въ это время къ составу округа принадлежали 9-й и 10-й армейскіе корпуса и мѣстныя войска. Штабъ 9-го корпуса находился въ Орлѣ, а подчиненныя ему войска были расположены въ Орловской, Черниговской, Полтавской и Воронежской губерніяхъ. Штабъ X корпуса помѣщался, какъ мы уже упомянули, въ Харьковѣ, въ Харьковѣ же находился и штабъ 31-ой пѣхотной дивизіи и вся 1-ая бригада этой дивизіи—полки Тамбовскій и Пензенскій. Изъ другихъ пѣхотныхъ частей въ Харьковѣ квартировали 61-й и 62-й пѣхотные (кадровые) баталіоны. Управленіе начальника артиллеріи X корпуса также помѣщалось въ Харьковѣ, а находившіяся подъ его начальствомъ 9-я и 31 артиллерійскія бригады, равно какъ и резервная артиллерія,—въ Валкахъ, Полтавѣ, Кобелякахъ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ и Курскѣ. Штабъ 10-ой кавалерійской дивизіи помѣщался въ Чугуевѣ, а подвѣдомственныя ему войсковыя части—въ Харьковѣ, Сумахъ, Чугуевѣ и Волчанскѣ. Запасныя кавалерійскія бригады: 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я квартировали главнымъ образомъ въ Воронежской и частью въ Полтавской (7-я бригада) губерніяхъ [1]). Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ число квартирующихъ въ Харьковѣ войскъ увеличилось: кромѣ Тамбовскаго и Пензенскаго полковъ и 61-го и 62-го резервныхъ баталіоновъ, въ Харьковѣ были расположены еще и Воронежскій полкъ, а изъ кавалеріи—Оренбургскій казачій. Въ Харьковѣ же находился и военный госпиталь.

Послѣ упраздненія округа въ Харьковѣ остался штабъ X армейскаго корпуса. Въ составъ корпуса входили войска, расположенныя какъ въ Харьковѣ, такъ и внѣ его. 9-я пѣхотная дивизія помѣщалась въ Полтавѣ, изъ 31-й пѣхотной дивизіи три полка (Пензенскій, Тамбовскій и Воронежскій) были расквартированы въ Харьковѣ, а два—въ Курскѣ. Въ составъ корпуса вошла также 10 кавалерійская дивизія, но изъ нея только Оренбургскій казачій № 1 полкъ находился въ Харьковѣ, а три драгунскихъ полка—Одесскій, Новгородскій и Ингерманландскій стояли квартирами въ Ахтыркѣ, Сумахъ и Чугуевѣ. 9-я артиллерійская бригада, принадлежавшая къ составу корпуса, имѣла свое мѣстопребываніе въ Бѣлгородѣ.

Высшею военною властью въ городѣ былъ корпусный командиръ. Въ этой должности довольно долго пробылъ А. А. Свѣчинъ. Въ 1890 г. его смѣнилъ В. Д. Дандевиль, а въ 1893 г. корпуснымъ командиромъ сталъ В. Ф. Винбергъ, пробывшій въ Харьковѣ до начала девятисотыхъ годовъ, когда на его мѣсто (въ 1901 г.) былъ назначенъ К. К. Случевскій.

Во главѣ 31-ой пѣхотной дивизіи стояли: В. Р. Желтухинъ, В. Э. Будде (1890—1901 гг.), П. С. Кублицкій (1901 г.) и Н. И. Мау (съ 1902 г.). Начальниками артиллеріи X корпуса были: П. П. Эсауловъ, пробывшій на этой должности около десятилѣтія, затѣмъ Н. М. Хитрово (съ 1900 г.) и В. В. Карминъ (съ 1903 г.).

Гораздо чаще мѣнялись командиры 10-ой кавалерійской дивизіи. Сперва ею командовалъ А. М. Ребиндеръ (съ 1890 г.), потомъ В. А. Сухомлиновъ (1897—1898 гг.), П. С. Саввичъ (1899 г.), баронъ Г. К. фонъ Штакельбергъ (1900 г.), С. И. Бибиковъ (1901—1902 гг.), Н. Н. Одоевскій-Масловъ (съ 1903 г.).

Послѣ упраздненія округа въ Харьковѣ до самаго начала послѣдней войны имѣли пребываніе полки: Тамбовскій, Пензенскій, Воронежскій и Оренбургскій казачій № 1 полкъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщались 61-й и 62-й резервные баталіоны, впослѣдствіи (съ 1893 г.)—Лебединскій и Старобѣльскій резервные баталіоны.

Кромѣ корпуса, дивизій, бригадъ и полковъ въ Харьковѣ помѣщались и другія военныя учрежденія. Таковы: корпусный интендантъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, комендантъ г. Харькова, комендантъ станціи „Харьковъ“, конвойная команда, военный госпиталь, продовольственный магазинъ, Харьковская инженерная дистанція (съ 1894 г.). Во время русско-японской войны военно-административное значеніе Харькова нѣсколько умалилось, такъ какъ X корпусъ ушелъ на театръ военныхъ дѣйствій. Отъ него

[1]) Харьк. Календ. 1880 г., стр. 447—465.

осталась только 51-я пѣхотная дивизія (бывшая бригада), во главѣ которой стоялъ ген.-маіоръ И. Н. Нечаевъ. Въ составъ дивизіи входили Лебединскій и Старобѣльскій полки, развернутые изъ прежнихъ баталіоновъ. Появилась и новая 68-я пѣхотная дивизія, командиромъ которой былъ ген.-маіоръ Вик. Вик. Сѣнницкій. Въ составъ ея входили полки Богодуховскій и Купянскій. Въ Харьковѣ же помѣщался и штабъ 3-й брігады кавалерійскаго запаса, начальникомъ которой былъ ген.-маіоръ М. С. Квицинскій. Кавалерійскія войска представлялись 17-мъ Донскимъ генерала Бакланова полкомъ. Осталось, конечно, въ городѣ и управленіе мѣстной брігады, и такія учрежденія, какъ управленіе завѣдующаго передвиженіемъ, конвойная команда, инженерная дистанція, военный госпиталь и продовольственный магазинъ.

Мѣстныя желѣзныя дороги—Курско-Харьково-Азовская и Харьково-Николаевская—были предпріятіями частными. Во главѣ перваго стоялъ главный извѣстный Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ. Центръ управленія Харьково-Николаевской дороги было въ Кременчугѣ, а для управленія Курско-Харьково-Азовской дорогой центральнымъ пунктомъ былъ выбранъ Харьковъ. Управленіе въ началѣ большою сложностью не отличалось. Во главѣ дѣла стоялъ управляющій дорогой, затѣмъ важную роль играла канцелярія подъ начальствомъ секретаря и счетное отдѣленіе. Для управленія отдѣльными отраслями желѣзнодорожнаго дѣла существовало нѣсколько конторъ: контора движенія, контора тяги, контора главнаго инженера, контора магазиннаго отдѣла и служба телеграфа. Штатъ служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ былъ не великъ. Но уже въ 1875 г. къ первоначальнымъ желѣзнодорожнымъ „службамъ“ прибавляется контроль сборовъ, въ 1876 г.,—служба ремонта пути. Съ 1883 г. въ Харьковъ переносится и правленіе Общества Курско-Харьково-Азовской дороги.

Во главѣ управленія Курско-Харьково-Азовской дороги въ началѣ семидесятыхъ годовъ стоялъ батонъ О. Ф. фонъ Ганъ. Въ 1874 г. его смѣнилъ В. А. Ивановъ, пробывшій въ этой должности до половины восьмидесятыхъ годовъ, когда должность управляющаго занялъ Д. Д. Неронов.

Первымъ предсѣдателемъ правленія Общества дороги послѣ его переноса въ Харьковъ былъ баронъ О. Ф. фонъ Ганъ, тотъ самый, который въ началѣ семидесятыхъ годовъ былъ управляющимъ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогой. Изъ dii minores желѣзно-дорожнаго міра первыхъ лѣтъ его существованія отмѣтимъ фамилію Полякова (секретаря управленія Курско-Харьково-Азовской дороги), завѣдывавшаго счетнымъ отдѣленіемъ Варранда, начальниковъ движенія Кулаковскаго и Канторовича, начальника тяги Чайковскаго, главнаго инженера Хдѣбникова, начальника телеграфа Семененко и магазиннаго отдѣла Транше.

Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ харьковскій желѣзнодорожный мірокъ разростается уже въ нѣчто очень крупное. Въ правленіи Общества, кромѣ предсѣдателя, находимъ цѣлый рядъ должностныхъ лицъ. Таковы: директоръ, кандидатъ въ директоры, правитель дѣлъ, начальники отдѣленій: распорядительнаго, счетнаго, контроля счетовъ, хозяйственнаго, коммерческаго и тарифнаго съ очень солиднымъ штатомъ дѣлопроизводителей, бухгалтеровъ, контролеровъ, смотрителей и другихъ агентовъ. Въ управленіи дорогой, кромѣ управляющаго, видимъ: секретаря, двухъ врачей, главнаго, старшаго и младшаго инженеровъ, запаснаго начальника дистанціи, дѣлопроизводителя, начальника службы движенія и телеграфа, его помощника, дѣлопроизводителя службы движенія, старшаго механика по телеграфу, завѣдывающаго столомъ личнаго состава, завѣдывающаго матеріальнымъ столомъ, начальника отдѣла статистики, его помощника, начальника службы подвижного состава, его помощника, правителя дѣлъ этой службы, начальника Харьковскаго депо, начальника мастерскихъ, завѣдывающаго устройствомъ защитныхъ насажденій. Все это были тузы желѣзнодорожнаго міра, подъ начальствомъ которыхъ работали тысячи людей на разныхъ должностяхъ, разбросанныхъ по всей линіи на протяженіи отъ Курска до Азова.

Въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ, наканунѣ окончательнаго перехода дороги въ вѣдѣніе казны, во главѣ дороги стоялъ управляющій, Л. И. Дворжецкій-Богдановичъ, а управленіе дорогой дѣлилось на слѣдующіе главные отдѣлы: служба тяги, хозяйственное управленіе, счетное отдѣленіе, контроль сборовъ, коммерческое отдѣленіе, магазинное отдѣленіе, служба пути и зданій, служба движенія, служба телеграфа и врачебная часть. Подъ вѣдѣніемъ управленія дороги состояло и техническое желѣзнодорожное училище.

По условіямъ, заключеннымъ съ акціонерами дороги, казна имѣла право на выкупъ дороги. Срокъ выкупа наступилъ 23 декабря 1889 г., и министръ путей сообщенія Гюббенетъ уже въ то время при-

знавалъ полезнымъ выкупить линію въ казну, тѣмъ болѣе, что валовые сборы съ нея годъ отъ году возрастали. По разнымъ причинамъ вопросъ, однако, былъ отложенъ до конца 1890 г. 24 декабря этого года было Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о выкупѣ, а съ 1 февраля 1891 года дорога была уже принята въ казну [1]).

Послѣ перехода дороги въ вѣдѣніе казны во главѣ ея видимъ начальника дороги, при которомъ были: инженеръ для особыхъ порученій, правитель канцеляріи и два дѣлопроизводителя. При управленіи же состояли повѣренный по дѣламъ дороги, помощникъ его и дѣлопроизводитель. Въ составъ управленія дороги входили: 1) счетное отдѣленіе (иначе главная бухгалтерія), во главѣ котораго стояли: начальникъ, его помощникъ и четыре счетовода; 2) матеріальная служба въ составѣ начальника службы, его помощника, агента по испытанію и пріему матеріаловъ, двухъ ревизоровъ, дѣлопроизводителя, бухгалтера и его помощника; 3) коммерческое отдѣленіе, состоявшее изъ начальника, трехъ дѣлопроизводителей и письмоводителя; 4) служба движенія, состоявшая изъ начальника, его помощника, ревизора, завѣдующаго конторой, дѣлопроизводителя конторы, завѣдывающаго поѣздною прислугой, бухгалтера счетоводства, старшаго счетовода и старшаго счетовода отдѣла статистики; 5) телеграфная часть подъ начальствомъ помощника начальника службы движенія по телеграфной части и контролера механика; 6) служба пути и зданій, къ составу которой принадлежали: начальникъ, помощникъ его, начальникъ техническаго отдѣленія, инженеръ-техникъ, начальникъ 4-го участка и главный счетоводъ; 7) служба подвижного состава и тяги, въ составъ которой входили: начальникъ, помощникъ его, дѣлопроизводитель, бухгалтеръ счетоводства, завѣдывающій техническимъ отдѣленіемъ, три ревизора, начальникъ мастерскихъ, его помощникъ, начальникъ Харьковскаго депо, вагонный мастеръ; 8) врачебная служба, во главѣ которой стоялъ старшій врачъ, а подъ его начальствомъ—врачъ желѣзнодорожной больницы, врачъ 3-го участка дороги, аптекарь и нѣсколько фельдшеровъ.

Во главѣ дороги стоялъ ея начальникъ. Власть его была чрезвычайно широка. Онъ руководилъ дѣятельностью всѣхъ службъ и отдѣльныхъ частей управленія, наблюдалъ за правильностью распредѣленія занятій между служащими, преподавалъ подчиненнымъ инструкціи, принималъ на должности и увольнялъ вольнонаемныхъ (состоящіе на государственной службѣ опредѣлялись и увольнялись по его представленію), сокращалъ или увеличивалъ составъ служащихъ, подвергалъ служащихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. На его обязанности лежали распоряженія по содержанію въ исправномъ видѣ всего подвѣдомственнаго ему инвентаря дороги, принятіе мѣръ къ обезпеченію правильности движенія и развитію его, составленіе предположеній объ улучшеніи дороги въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ, распоряженія въ предѣлахъ предоставленной ему власти относительно постройки новыхъ сооруженій и т. п. Подъ предсѣдательствомъ начальника дороги состояло общее присутствіе управленія дороги, въ составъ котораго входили на правахъ членовъ начальники службъ: ремонта пути, тракціи и движенія, начальникъ матеріальной службы и главный контролеръ дороги. Приглашались, разъ дѣло касалось ихъ вѣдомства, въ присутствіе и такіе начальники отдѣльныхъ частей, какъ главный бухгалтеръ, старшій врачъ, юрисконсультъ, но съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса. Общее присутствіе вѣдало сдачу съ торговъ работъ и поставокъ, договоры на работы и поставки, смѣты на производство работъ, продажу ненужныхъ матеріаловъ, вознагражденіе пострадавшихъ на желѣзныхъ дорогахъ и др. [2]).

Съ 1895 г. область, подвѣдомая управленію дороги, еще болѣе расширилась. Къ Курско-Харьково-Азовской дорогѣ присоединены и объединены съ нею подъ общимъ управленіемъ дороги Лозово-Севастопольская и Джанкой-Ѳеодосійская. Разумѣется, это не могло не отразиться и на личномъ составѣ управленія дороги, который долженъ былъ увеличиться въ численности. Появились новыя должности, между которыми важнѣйшею была должность помощника начальника дороги и его перваго замѣстителя. На эту новую должность былъ назначенъ Е. Л. Прѣсняковъ, котораго смѣнилъ въ 1901 г. Н. Е. Путята, бывшій до того начальникомъ тяги. Управленіе мастерскими, состоявшими прежде подъ завѣдываніемъ начальника тяги, становится самостоятельной „службой“, во главѣ которой былъ поставленъ Р. В.

---

[1]) Наша желѣзнодорожная политика. Т. 3, стр. 180. За указаніе литературы вопроса приношу сердечную благодарность М. И. Антокольскому.

[2]) Систематическій сборникъ узаконеній и общихъ распоряженій, относящихся до постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ казною съ начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно, стр. 36—46.

Рингляндъ. Заводится пенсіонная касса съ особымъ дѣлопроизводителемъ, вѣдающимъ эту важную для желѣзнодорожныхъ служащихъ часть.

Въ слѣдующемъ году часть подвѣдомственной Харькову желѣзнодорожной линіи отошла къ Екатерининской дорогѣ. Подъ вѣдѣніемъ Харьковскаго „управленія осталась дорога, получившая названіе Курско-Харьково-Севастопольской [1]). Управленіе дороги продолжаетъ расти и увеличиваться въ составѣ. Съ 1899 г. въ составѣ управленія дороги видимъ непремѣннаго члена отъ министерства путей сообщенія и такого-же члена отъ министерства финансовъ. Они вмѣстѣ съ начальникомъ дороги и главнымъ контролеромъ составляли совѣтъ управленія дороги, вѣдавшій дѣла по частямъ коммерческой, счетно-кредитной и хозяйственной. Въ совѣтѣ имѣли право участвовать, но съ правомъ только совѣщательнаго голоса и начальники отдѣльныхъ службъ, разъ дѣло касалось подвѣдомственныхъ имъ частей управленія. Для разсмотрѣнія вопросовъ административно-техническихъ по прежнему было оставлено общее присутствіе управленія дороги [2]). Одновременно съ устройствомъ совѣта утверждена была и новая инструкція для начальниковъ желѣзныхъ дорогъ. Съ 1901 г. появляется цѣлая новая служба—такъ называемая служба сборовъ, во главѣ которой становится Э. О. Богданскій.

Первымъ начальникомъ Курско-Харьково-Азовской дороги послѣ ея перехода въ казну былъ д. с. с. инженеръ путей сообщенія Н. В. Васильевъ, котораго съ 1895 г. смѣнилъ Н. А. фонъ-Ренкуль, а этого послѣдняго въ 1901 г. Д. А. Кригеръ. Во главѣ отдѣльныхъ службъ стояли: въ счетномъ отдѣленіи или, какъ оно стало называться съ 1894 г., въ главной бухгалтеріи—А. С. Пушкаревъ, а послѣ него С. Н. Трофимовъ, въ матеріальной службѣ—Л. Ф. Шухтанъ и Г. В. Евреиновъ, въ коммерческомъ отдѣленіи—П. П. Акимовъ, котораго въ 1904 г. смѣнилъ С. Н. Самойловъ, въ службѣ движенія—И. Н. Азбукинъ, потомъ (съ 1901 г.) Н. Ф. Королевъ, въ телеграфной части—В. П. Аныхтинъ, потомъ К. А. Калль, въ службѣ пути и зданій—Е. Д. Вурцель, В. С. Кузьменко, А. С. Вѣтринскій, въ службѣ подвижного состава и тяги—Н. Е. Путята, А. К. Гинце (съ 1901 г.), старшимъ врачемъ былъ все время П. О. Соколовскій, начавшій свою службу еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, а начальникомъ открытой въ 1901 г. службы сборовъ—Э. О. Богданскій. Юрисконсультомъ дороги неизмѣнно былъ И. А. Клоповъ [3]).

Послѣ перехода дороги въ казну прежній скромный контроль ея преобразовался въ огромное многолюдное учрежденіе. Во главѣ его стоялъ главный контролеръ, у котораго былъ помощникъ и секретарь. Контроль раздѣлялся на два отдѣла, раздѣлявшіеся въ свою очередь на экспедиціи. Въ составъ перваго, доходнаго отдѣла входили: таксированная экспедиція, пассажирская, товарная, бухгалтерская, фактическая ревизія поѣздовъ, экспедиція по разсмотрѣнію претензій по переборамъ, экспедиція наложенныхъ платежей, экспедиція сличенія счетовъ съ дорогами, экспедиція учета артели, отдѣленіе учета воинскихъ перевозокъ. Къ составу расходнаго отдѣла принадлежали: экспедиція службы движенія, экспедиція по службѣ подвижного состава и тяги, экспедиція по службѣ ремонта пути и зданій и, наконецъ, экспедиція по матеріальной службѣ. Отдѣлами завѣдывали старшіе контролеры, а экспедиціями контролеры и помощники контролеровъ. Главнымъ контролеромъ назначенъ былъ д. с. с. Н. А. Савичъ-Заблоцкій.

По мѣрѣ расширенія области, подлежащей вѣдѣнію Харьковскаго управленія дороги, увеличивается и личный составъ контроля. Въ началѣ XX ст. вмѣсто двухъ старшихъ контролеровъ мы видимъ уже пять, контролеровъ въ это время было уже 10, помощниковъ контролера 25, а счетныхъ чиновниковъ 27. Кромѣ того, на линіи были 4 контролера и 8 помощниковъ. Съ 1904 г., послѣ смерти Савичъ-Заблоцкаго, главнымъ контролеромъ сталъ І. К. Марковскій.

Управленіе Харьково-Николаевской дорогой до начала девяностыхъ годовъ продолжало оставаться въ Кременчугѣ, но и въ Харьковѣ имѣлись нѣкоторые его агенты. Таковы начальникъ 3-го участка пути, ревизоръ службы движенія, ревизоръ службы тяги, начальникъ станціи „Харьковъ“ и его помощники. Съ началомъ царствованія Александра III одной изъ характерныхъ особенностей русской желѣзнодорожной политики стало стремленіе къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Операція эта началась съ Николаевской дороги. Это была дорога бездоходная, акціонеры ея ни разу за время существованія дороги не

[1]) Систематическій сборникъ узаконеній и общихъ распоряженій, относящихся до постройки желѣзныхъ дорогъ съ 1881 по 31 мая 1898 г. включительно, стр. 1014—1016.

[2]) Тамъ-же, стр. 49 - 63 и дополнительный выпускъ, стр. 35—37.

[3]) Харьковск. календари за соотвѣтствующіе годы и Желѣзнодорожный Ежегодникъ 1895 г., стр. 186.

получали дивиденда, а потому и къ предложенію о выкупѣ отнеслись сговорчивѣе, нежели хозяева доходныхъ дорогъ. Переговоры увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ. 27-го марта 1881 г. положеніе комитета министровъ объ условіяхъ выкупа удостоилось Высочайшаго утвержденія, а съ 1-го октября того же года дорога была принята въ вѣдѣніе казны [1]). Съ 1891 г. управленіе дорогою перенесено было въ Харьковъ.

Служащихъ здѣсь было нѣсколько меньше, чѣмъ въ управленіи Курско-Харьково-Азовской дороги. Въ началѣ девяностыхъ годовъ управленіе состояло изъ начальника дороги, инженера для особыхъ порученій, помѣщеннаго по судебнымъ дѣламъ, правителя дѣлъ, дѣлопроизводителя, главнаго бухгалтера и его помощника, старшаго врача, начальника матеріальной службы и его помощника, начальника службы пути и зданій и его помощника, начальника коммерческаго отдѣла, помощника начальника службы подвижного состава и тяги, начальника службы движенія и его помощника по распорядительной части, помощника начальника службы движенія по телеграфу и бухгалтера счетоводства запасовъ. Начальникъ службы движенія считался вторымъ замѣстителемъ начальника дороги, а первымъ былъ начальникъ подвижного состава и тяги. Съ 1898 г., послѣ перехода дороги подъ начальство Шмидта, появилась должность помощника начальника дороги, но зато исчезла должность инженера для особыхъ порученій. Съ 1899 г. при управленіи дороги видимъ двухъ членовъ совѣта отъ министерства финансовъ и путей сообщенія. Съ 1901 г. заводится особая служба сборовъ, во главѣ которой становится И. М. Мокрецовъ. Вообще число должностей возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и число служащихъ, подвѣдомственныхъ Харьковскому управленію.

Первымъ начальникомъ дороги послѣ перехода ея управленія въ Харьковъ былъ инженеръ Н. С. Островскій, управлявшій дорогой съ конца восьмидесятыхъ годовъ еще въ Кременчугѣ, а потомъ въ Харьковѣ до 1898 г. когда его смѣнилъ Ф. И. Шмидтъ. Шмидтъ стоялъ во главѣ дороги до 1901 г. Преемникомъ его былъ Ф. А. Галицинскій, а этого послѣдняго смѣнилъ въ 1902 г. В. Н. Волковъ. Помощниками начальника дороги (съ 1898 г.) были А. А. Пашковичъ и И. А. Бутескулъ. Изъ начальниковъ отдѣльныхъ службъ дороги упомянемъ: въ службѣ подвижного состава и тяги Н. Д. Байдака, И. А. Бутескула, А. А. Соломко, въ службѣ движенія—А. А. Радцига, С. И. Склевицкаго, въ главной бухгалтеріи—В. М. Понялковскаго, во врачебной П. П. Апохалова, А. Г. Орлова, въ матеріальной службѣ—барона Р. Р. фонъ-Унгернъ-Штернбергъ, въ службѣ пути и зданій І. Т. Шмидта, В. А. Розанова (съ 1897 г.), въ коммерческомъ отдѣлѣ—В. И. фонъ-Штемпель, П. П. Падалку, В. П. Лепешинскаго, М. И. Антоконоико, въ службѣ сборовъ—И. М. Мокрецова, Л. Г. Архангельскаго, В. А. Окшевскаго.

Послѣ перехода Николаевской дороги въ казну и переноса ея управленія въ Харьковъ контроль дороги продолжалъ еще въ теченіе ряда лѣтъ оставаться въ Кременчугѣ. Только въ 1902 г. онъ былъ перенесенъ въ Харьковъ. Въ это время учрежденіе состояло изъ главнаго контролера, его помощника, двухъ старшихъ контролеровъ, пяти контролеровъ, двадцати трехъ помощниковъ контролера; изъ которыхъ, впрочемъ, многіе жили на линіи, и 24 счетныхъ чиновниковъ. Главнымъ контролеромъ послѣ перехода контроля въ Харьковъ былъ Д. М. Зайкинъ.

Изъ приведеннаго нами краткаго очерка видно, что управленіе дорогами постепенно осложнялось, а штаты служащихъ разныхъ наименованій росли и росли. Особенно замѣтно это явленіе со времени перехода дорогъ въ казну. Въ 1879 г. всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Харьковѣ, включая сюда и артельщиковъ, было 537, а въ 1897 г. 3422 м. и 229 ж. Въ послѣдующее время армія желѣзнодорожныхъ служащихъ должна была еще усилиться. Еще больше, чѣмъ въ Харьковѣ, росло число желѣзнодорожныхъ служащихъ на линіяхъ, управляемыхъ изъ Харькова. Въ 1902 г. всѣхъ служащихъ на Николаевской дорогѣ было 18033, а на Курско-Харьково-Севастопольской 25907 [2]). По послѣднему отчету Южныхъ желѣзныхъ дорогъ, всѣхъ служащихъ на этихъ дорогахъ, живущихъ какъ въ Харьковѣ, такъ и внѣ его, было 24760 чел. [3]). Ростъ этотъ объясняется прежде всего усиленіемъ работоспособности дорогъ, а затѣмъ постепеннымъ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти благодаря постройкѣ новыхъ участковъ.

Къ 6 іюля 1869 г., когда впервые въ Харьковѣ засвисталъ паровозъ, вся нынѣшняя Курско-Харьково-Севастопольская дорога состояла всего изъ одного участка отъ Харькова до Курска протяженіемъ

[1]) Наша желѣзнодорожная политика. Т. 3, стр. 69—72.

[2]) Желѣзнодорожный Ежегодникъ 1905 г., стр. 50.

[3]) Отчетъ по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ за 1907 г. Ч. 2, отдѣлъ 3, стр. 58.

въ 227 верстъ. Къ концу года открыты участки отъ Харькова до Лозовой и отъ Лозовой до Никитовки. Участки Константиновка—Ясиноватая и Ступки—Бахмутъ открыты въ 1872 г. Движеніе отъ Лозовой до Александровска началось съ 1873 г., а отъ Александровска до Мелитополя и отъ Мелитополя до Симферополя—въ 1874 г. Въ 1875 г. открытъ участокъ Симферополь—Севастополь и портовая вѣтвь въ Севастополѣ, участокъ Владиславовка—Керчь, Акъ—Монайская, Крѣпостная и Заводская вѣтви. Въ 1876 г. открывается движеніе на участкѣ Н. Алексѣевка—Геническъ, въ 1878 г.—Краматоровка—Попасная и Никитовка—Государ.-Байракъ, въ 1882 г.—Клеймихелево—Обоянь. Съ переходомъ дороги въ казну выростаетъ въ 1892 г. участокъ Джанкой—Ѳеодосія протяженіемъ въ 108 в. Въ 1894 г. появляется коротенькая вѣточка Славянскъ—Рапная, въ 1896 г.—такія же мелкія вѣточки Нежеголь—Боткино и Нежеголь—Ребиндерово. Въ октябрѣ 1899 г. открывается движеніе на участкѣ Бѣлгородъ—Волчанскъ (около 43 в.), а въ 1901 г.—на участкѣ Волчанскъ-Купянскъ протяженіе въ 102 в. Такое же постепенное развитіе желѣзнодорожной сѣти находимъ и на Харьково-Николаевской дорогѣ. Первымъ въ 1869 г. открылся участокъ Крюковъ-Елисаветградъ (91 в.), въ слѣдующемъ 1870 г. Полтава—Кременчугъ (110 в.), а въ 1871 г. (16-го іюня)—Полтава—Харьковъ (131 в.). Въ 1872 г. Кременчугъ соединяется съ Крюковымъ, а въ 1873 г. открывается движеніе и отъ Знаменки до Николаева (221 в.). Главная магистраль была такимъ образомъ совсѣмъ закончена. Прошло пять лѣтъ, и этой магистрали прибавился новый участокъ—Сумской, отъ Мерефы до Ворожбы, разстояніемъ въ 226 в. Это было послѣднее крупное желѣзнодорожное сооруженіе, произведенное Обществомъ Николаевской дороги. Послѣ перехода дороги въ казну крупнѣйшимъ участкомъ былъ открытый въ 1887 г. участокъ Кременчугъ—Лохвица протяженіемъ въ 150 в. Въ 1888 г. появился участокъ Лохвица—Ромны (48 в.), въ 1891 г.—Кириковка—Ахтырка, въ 1894 г. Лохвица—Гадячъ (40 в.) и Боромля—Лебединъ (32 в.), въ 1896 г.—участокъ Полтава—Карловка, въ 1897 г.—Карловка—Константиноградъ (31 в.), въ 1901 г. Константиноградская линія была продолжена до Лозовой (90 в.), и въ томъ же году появился участокъ Корнстовка—Пятихатки протяженіемъ въ 67 верстъ съ лишнимъ [1]).

Въ 1869 г. Харьковъ былъ центромъ управленія желѣзнодорожнаго пути протяженіемъ въ 365 верстъ, а въ 1905 г. подъ вѣдѣніемъ Харькова состояло 3957 в. желѣзнодорожнаго полотна со всѣми станціями, будками, подвижнымъ составомъ, стрѣлочниками, мастеровыми, поѣздной прислугой и разнымъ мелкимъ и крупнымъ начальствомъ. Административная роль Харькова въ желѣзнодорожномъ мірѣ сдѣлалась огромной.

Послѣднимъ фазисомъ въ жизни харьковскихъ желѣзнодорожныхъ управленій было состоявшееся 1 января 1907 г. сліяніе управленій Курско-Харьково-Севастопольской и Харьково-Николаевской желѣзныхъ дорогъ въ одно учрежденіе, именуемое управленіемъ Южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ соединеніемъ дорогъ соединились во едино и ихъ контроли. Такъ какъ этотъ фазисъ выходитъ за хронологическіе предѣлы настоящаго очерка, то и останавливаться надъ его значеніемъ мы не будемъ, ограничиваясь только краткимъ замѣчаніемъ, что послѣ него административная роль Харькова въ русскомъ желѣзнодорожномъ мірѣ отнюдь не убавилась.

Въ 1895 г. открылась Балашово-Харьковская желѣзнодорожная линія, выстроенная Обществомъ Юго-восточныхъ дорогъ. Такъ какъ ея управленіе не находится въ Харьковѣ, то и ея открытіе не усилило административнаго значенія Харькова. Въ Харьковѣ имѣютъ пребываніе только нѣкоторые агенты дороги, какъ напр. начальникъ X отдѣленія службы движенія, начальникъ 22 дистанціи, начальникъ депо Харьковъ и нѣкоторые другіе. Пока что, Балашевская линія имѣетъ для Харькова только экономическое значеніе.

Харьковская почтовая контора въ первые годы XIX в. среди казенныхъ учрежденій играла, можно сказать, послѣднюю роль. Еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ она не имѣла непосредственной связи съ Петербургскимъ центральнымъ почтовымъ управленіемъ, а зависѣла отъ „Малороссійскаго почтъ-амта“. Впослѣдствіи въ Харьковѣ возникаетъ губернская почтовая контора, подъ вѣдѣніемъ которой состояли всѣ почтовыя учрежденія губерніи. Во главѣ конторы стоялъ губернскій почтмейстеръ, подъ начальствомъ котораго находилось небольшое число чиновниковъ. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ штатъ почтовой конторы состоялъ изъ почтмейстера, его помощника, контролера, письмоводителя и двухъ экспедиторовъ, т. е.

---

[1]) Отчетъ по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ за 1907 г. Ч. 2, описаніе дороги, стр. 3—4. и К. Г. Раушъ. Описаніе района Харьково-Николаевской желѣзной дороги, стр. 1—6.

былъ такой же, какъ теперь гдѣ нибудь въ Изюмѣ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ губернскій почтмейстеръ получаетъ болѣе звучный титулъ управляющаго почтовою частью. Послѣднимъ губернскимъ почтмейстромъ былъ А. Б. фонъ Мезенкампфъ, дослужившійся въ этой должности до чина дѣйств. стат. совѣтника, а его преемникъ, камеръ-юнкеръ Н. Д. Бантышъ-Каменскій, сталъ съ 1869 г. именоваться уже управляющимъ почтовою частью.

По мѣрѣ развитія почтоваго дѣла въ губерніи, возрастаетъ и штатъ служащихъ въ конторѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ составѣ конторы видимъ ужъ помощника управляющаго (онъ же и экспедиторъ спеціально почтоваго дѣла), двухъ старшихъ помощниковъ экспедитора, двухъ младшихъ, экспедитора по распорядительной, слѣдственной и хозяйственной частямъ, его помощника, счетнаго чиновника и даже чиновника для особыхъ порученій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ управленіе почтовою частью дѣлилось на двѣ экспедиціи. Во главѣ первой (спеціальная часть) стоялъ помощникъ управляющаго, подъ начальствомъ его было 5 старшихъ помощниковъ экспедитора, три младшихъ, 7 старшихъ сортировщиковъ, 7 младшихъ и 3 запасныхъ станціонныхъ смотрителя. Во второй экспедиціи главнымъ начальникомъ былъ экспедиторъ по распорядительной, слѣдственной и хозяйственной частямъ, у него было два помощника и три канцелярскихъ служителя. Особо отъ этихъ „экспедицій“ стояла счетная часть, вѣдавшаяся бухгалтеромъ, его помощникомъ и счетнымъ чиновникомъ. Имѣлся при управленіи и чиновникъ для особыхъ порученій и врачъ. Усиленіе личнаго состава служащихъ объясняется развитіемъ почтоваго дѣла. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Харьковѣ была только одна почтовая контора, а въ 1876 г. открылось и ея городское отдѣленіе; въ 1878 г. явилось второе городское отдѣленіе, а въ 1882 г.—третье. Увеличилось и число почтовыхъ учрежденій въ губерніи. Въ 1883 г. подъ начальствомъ Харьковскаго почтоваго управленія состояло внѣ Харькова 13 почтовыхъ конторъ въ городахъ, четыре почтовыхъ отдѣленія въ селеніяхъ, 21 почтовая станція съ пріемомъ и выдачею всякаго рода корреспонденціи и двѣ безпріемныхъ почтовыхъ желѣзнодорожныхъ станціи „Ахтырка“ и „Валки“. Въ должности управляющихъ почтовою частью послѣ ухода Бантышъ-Каменскаго были: В. И. Издебскій (1870—1873 гг.), Ф. К. Гордѣевъ, Н. Ѳ. Бобровскій, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ эту должность занялъ К. Гр. Радченко, при которомъ почтовое управленіе слилось съ телеграфнымъ.

Телеграфъ началъ функціонировать въ Харьковѣ съ 1861 г. Это была маленькая телеграфная станція съ очень ограниченнымъ числомъ служащихъ. Въ 1861 г. во главѣ ея стоялъ поруч. М. И. Сергѣевъ, а подъ начальствомъ его были одинъ оберъ-телеграфистъ, четыре старшихъ и два младшихъ телеграфиста и механикъ. Телеграфная станція въ первые годы своего существованія была, можно сказать, нѣмецкимъ царствомъ; даже въ семидесятыхъ годахъ чиновники здѣсь были почти исключительно изъ нѣмцевъ: дѣло было новое, русскому человѣку совсѣмъ не обычное. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, кромѣ начальника станціи, видимъ уже 103 служащихъ разныхъ ранговъ до разсыльныхъ включительно. Въ 1876 г. въ Харьковѣ открывается уже управленіе телеграфнаго округа, которому были подвѣдомы какъ Харьковская станція, такъ и станціи въ Ахтыркѣ, Богодуховѣ, Бѣлополье, Изюмѣ, Лебединѣ, Сумахъ и Чугуевѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ такія же станціи появляются еще въ Бѣловодскѣ, Купянскѣ, Старобѣльскѣ и Ново-Екатеринославской ст. Первымъ начальникомъ Харьковскаго телеграфнаго округа былъ А. И. Разумихинъ, а послѣ него Э. В. фонъ-Эрнъ.

1-го іюля 1887 г. послѣдовало соединеніе почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій съ преобразованіемъ ихъ въ почтово-телеграфныя конторы. Начальникомъ Харьковскаго почтово-телеграфнаго округа назначенъ управляющій почтоваго округа Радченко, а помощниками его бывшій Харьковскій полиціймейстеръ Н. А. Коровинъ—по почтовой части и Э. В. фонъ-Эрнъ—по телеграфной. Окружное управленіе окончательно отдѣлилось отъ почтовой конторы и устроилось отдѣльно отъ нея. Кромѣ управляющаго и двухъ его помощниковъ, къ составу окружного управленія принадлежали: дѣлопроизводитель, два его помощника, бухгалтеръ округа съ двумя помощниками, главный механикъ округа, участковый старшій механикъ и три участковыхъ младшихъ механика.

Послѣ Радченка, пробывшаго въ Харьковѣ болѣе десяти лѣтъ и затѣмъ переведеннаго въ Москву на должность почтъ-директора, управляющимъ почтово-телеграфнымъ округомъ назначенъ В. И. Корженевскій. И при немъ почтовое и телеграфное дѣло продолжали развиваться. 5 сентября 1901 г. въ Харьковѣ образовалась почтовая контора на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, а 1 мая 1902 г. при ней открытъ и

телеграфъ. Въ 1904 г. появилось особое управленіе 5-го отдѣла перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ. Увеличилось и число почтово-телеграфныхъ учрежденій въ губерніи. Еще при Радченкѣ, въ 1888 г., въ Харьковѣ устроенъ правительственный телефонъ. Дѣло это также постепенно развивалось: въ 1888 г. было всего 112 абонентовъ, а въ 1903 г.—1513. О быстротѣ развитія почтово-телеграфнаго дѣла въ Харьковѣ можно судить по цифрамъ отправленій. Въ 1888 г. ихъ было 7.469.046, а въ 1902 г. 12.325.260, т. е. за 14 лѣтъ увеличеніе произошло на 65%. Въ 1888 г. съ почтово-телеграфныхъ учрежденій въ Харьковѣ поступило дохода 305.517 р., а въ 1902 г.—478.960 р., болѣе, сравнительно съ 1888 г., на 56% [1]).

Харьковская и сосѣднія съ нею губерніи долгое время была краемъ почти исключительно земледѣльческимъ. Фабрикъ и заводовъ здѣсь не было, если не считать примитивныхъ помѣщичьихъ „винницъ“ и такихъ же сахарныхъ заводовъ. Послѣ „воли“ сахарозаводское дѣло, перешедшее въ руки Кенига, Харитоненка и др., было поставлено совсѣмъ на капиталистическую ногу. Стали мало по малу возникать и другія производства, но въ спеціальныхъ органахъ надзора за ними надобности еще не чувствовалось. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда въ Россіи впервые возникла фабричная инспекція, нашъ черноземный край признанъ былъ не нуждающимся въ ея услугахъ. Фабричная инспекція, и то лишь по надзору за трудомъ малолѣтнихъ, явилась у насъ уже только въ началѣ девяностыхъ годовъ. Харьковъ былъ сдѣланъ центромъ Харьковскаго фабричнаго округа, въ составъ котораго вошли губерніи Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская и Донская область. Въ Харьковѣ имѣлъ мѣстопребываніе фабричный инспекторъ, помощникъ котораго жилъ въ Черниговѣ, Окружнымъ инспекторомъ былъ назначенъ А. Ф. Магнусъ. Само собой понятно, что такого надзора было мало для обширнаго края, обнимающаго собою четыре губерніи и одну область, и врядъ ли отъ новаго института можно было бы дождаться пользы, если бы дѣлу не помогла общая реформа фабричной инспекціи. Закономъ 14 марта 1894 г. фабричная инспекція была преобразована: окружные инспектора упразднены; въ 18 губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Харьковской, назначены старшіе инспектора и при нихъ большее или меньшее число участковыхъ инспекторовъ. Въ Харьковѣ исправленіе обязанностей старшаго фабричнаго инспектора возложено вначалѣ на П. П. Долинскаго; кромѣ того, было два участковыхъ инспектора, одинъ изъ которыхъ жилъ въ Харьковѣ, а другой въ Сумахъ. Вѣдѣнію фабричной инспекціи подлежали фабрики и заводы въ предѣлахъ только Харьковской губерніи. Въ 1895 г. старшимъ фабричнымъ инспекторомъ для Харьковской губерніи назначенъ А. Г. Гнѣдичъ, а число участковыхъ инспекторовъ увеличено до трехъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ ихъ было уже четыре, а въ 1900 г.—пять. Съ преобразованіемъ инспекціи въ Харьковѣ возникаетъ губернское по фабричнымъ дѣламъ присутствіе, о составѣ котораго мы уже имѣли случай говорить. По мѣрѣ увеличенія состава инспекціи ея надзоръ становится уже не фикціей, а реальнымъ факторомъ жизни, отражающимся и на фабрикантахъ, и на рабочихъ. Становятся возможными и подробныя обслѣдованія фабрично-заводскаго дѣла въ краѣ, какое напр. сдѣлано въ 1899 г. для Харьковской губерніи фабричными инспекторами Гнѣдичемъ и Аксеновымъ.

Послѣ реформы 1894 г. прошло всего нѣсколько лѣтъ, какъ послѣдовала новая реформа, чрезвычайно поднявшая значеніе Харькова въ фабрично-заводскомъ мірѣ. Съ 1899 г. Харьковъ становится центромъ управленія фабричнаго округа, одного изъ шести округовъ, на которые была раздѣлена фабричная и заводская Россія. Во главѣ округа поставленъ окружной фабричный инспекторъ, при которомъ состоятъ одинъ фабричный инспекторъ и дѣлопроизводитель. Окружному фабричному инспектору подвѣдома фабричная инспекція въ губерніяхъ Харьковской, Бакинской, Воронежской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Тульской, Кутаисской, Тифлисской и Черноморской и въ Донской области. Окружнымъ фабричнымъ инспекторомъ былъ назначенъ А. Г. Гнѣдичъ, раньше бывшій старшимъ фабричнымъ инспекторомъ Харьковской губерніи. Удержалась, конечно, и губернская фабричная инспекція, состоящая изъ одного старшаго и пяти участковыхъ инспекторовъ.

Гораздо меньшее значеніе въ административномъ, но зато очень крупное въ экономическомъ отношеніи нужно признать за такими учрежденіями, какъ государственный банкъ и складочная таможня. Контора государственнаго банка учреждена въ Харьковѣ указомъ 10-го марта 1843 г. по ходатайству гене-

[1]) Цифры, свидѣтельствующія о развитіи почтово-телеграфнаго дѣла въ Харьковѣ, любезно сообщены намъ управленіемъ округа.

ралъ-губернатора кн. Долгорукова, справедливо находившаго контору необходимой для торговаго и промышленнаго Харькова. Контора въ началѣ была открыта въ видѣ опыта временно, на два года, съ тѣмъ, чтобы, если опытъ окажется удачнымъ, она и навсегда осталась въ Харьковѣ. Контора имѣла цѣлью выдавать ссуды помѣщикамъ и купцамъ подъ залогъ сельскихъ произведеній и товаровъ. Во главѣ ея былъ поставленъ управляющій по назначенію правительства, одинъ директоръ—тоже по назначенію, три директора по выбору отъ дворянъ Харьковской, Полтавской и Черниговской губерній и два директора по выбору харьковскихъ купцовъ 1-ой и 2-ой гильдій. Чиновничій персоналъ банка состоялъ изъ секретаря, бухгалтера, кассира и его помощника, ревизора товаровъ и маклера [1]). Въ началѣ 60-хъ годовъ директоровъ отъ дворянства уже не было, а было два директора отъ правительства и четыре, пять, а затѣмъ шесть отъ купечества: это—члены учетнаго и ссуднаго комитета. Къ этому времени относится эпизодъ съ ссудами, выдававшимися банкомъ подъ залогъ „сельскихъ произведеній“ помѣщикамъ. Дворяне оказались неаккуратными должниками. Въ дѣло пришлось вмѣшаться комитету министровъ. 12-го іюня 1862 г. состоялось Высочайшее утвержденіе мнѣнія комитета министровъ о разсрочкѣ долговъ по дворянскимъ ссудамъ на 37 лѣтъ. Отвѣтственность въ исправной уплатѣ возложена на имѣнія должниковъ и поручителей ихъ; пришлось наложить руку и на выкупные платежи, слѣдовавшіе въ пользу беззаботныхъ заемщиковъ [2]). Съ теченіемъ времени функціи конторы измѣнялись и осложнялись. Конторѣ пришлось принять участіе въ самыхъ разнообразныхъ банковыхъ операціяхъ, о которыхъ и предполагать было нельзя въ моментъ ея возникновенія. Число ея клієнтовъ росло, росли ея обороты, а рядомъ съ этимъ росли и ея штаты. Въ настоящее время это одно изъ крупнѣйшихъ казенныхъ учрежденій въ Харьковѣ съ многочисленнымъ персоналомъ служащихъ.

Первымъ управляющимъ конторою банка былъ А. К. Дрексель, прослужившій въ Харьковѣ очень долго. Преемникомъ его былъ Б. И. Нагель, за Нагелемъ слѣдовалъ Н. П. Батюшковъ (съ 1862 г.). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ управляющимъ сталъ И. В. Вернадскій, а съ 1877 г.—Е. И. Влезковъ, банковскій старожилъ, уже въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ занимавшій въ банкѣ должность директора по назначенію. Влезковъ стоялъ во главѣ банка до 1896 г., когда его мѣсто занялъ С. Н. Сумцовъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, независимо отъ конторы государственнаго банка, въ Харьковѣ открылись отдѣленія дворянскаго и крестьянскаго банковъ (съ 1885 г.). Первымъ управляющимъ въ дворянскомъ банкѣ былъ Л. В. Илляшевичъ, а первымъ предсѣдателемъ въ крестьянскомъ—И. Г. Есимонтовскій. За Илляшевичемъ въ должности управляющаго дворянскимъ банкомъ слѣдовали: П. П. Измалковъ (временно), В. П. Фурдуевъ (съ 1889 г.), А. М. Филипьевъ. Во главѣ крестьянскаго банка послѣ Есимонтовскаго стояли: А. К. Артамоновъ, Н. Л. Дружина и Д. А. Свербеевъ.

Съ 1899 г. отдѣленія дворянскаго и крестьянскаго банковъ объединяются подъ общимъ начальствомъ Д. А. Свербеева.

Съ 1870 г. въ Харьковѣ возникло и еще одно правительственное учрежденіе, если не имѣвшее административнаго значенія, но зато представлявшее выгоды для мѣстной торговли. Это была складочная таможня. Устройство ея купечество находило настолько необходимымъ, что не побоялось и жертвъ: на счетъ города обѣщано было выстроить помѣщеніе для таможни. Въ началѣ таможня помѣщалась въ частномъ домѣ, а потомъ для нея было перестроено и приспособлено помѣщеніе бывшей жандармской команды съ ея конюшнями [3]). За истекшія тридцать пять лѣтъ ея существованія таможней управляли: А. П. Твердянскій, С. Г. Соболевъ [4]). А. И. Синельниковъ (съ 1879 г.), Я. В. Андреевскій и Я. С. Быковскій.

Такова краткая исторія правительственныхъ учрежденій, дѣлающихъ Харьковъ крупнымъ административнымъ центромъ. Для полноты очерка намъ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ, значеніе которыхъ нужно признать уже совсѣмъ третьестепеннымъ.

Съ 1889 г. въ Харьковѣ учреждено управленіе 7-го округа Кіевской удѣльной конторы. Окружнымъ надзирателемъ былъ назначенъ К. Р. фонъ-Рукгешель. Въ его управленіи находилось седьмое удѣльное

---

[1]) 2-ое Полн. Собр. Зак. Т. XVIII. № 16609.
[2]) Тамъ-же Т. XXVII № 38364 и Т. XXVIII № 39108.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1870 г. № 146.
[4]) Некрологъ въ Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г. № 83.

имѣніе Кіевскаго удѣльнаго округа—с. Безмятежное, Изюмскаго уѣзда. Руктешель и былъ единственнымъ въ Харьковѣ представителемъ министерства Императорскаго Двора. Но уже слѣдующій управляющій Свѣтловъ (съ половины 90-хъ годовъ) совсѣмъ переселился въ Безмятежное.

Съ давнихъ лѣтъ имѣется въ Харьковѣ и представитель управленія государственнаго коннозаводства. Здѣсь помѣщается казенная заводская конюшня. Одно время, когда въ Харьковѣ находился знаменитый Гальти-Моръ, Харьковъ считался даже важнымъ пунктомъ въ области казеннаго коннозаводства. Изъ управляющихъ харьковскимъ казеннымъ коннозаводствомъ отмѣчаемъ бар. Ѳ. П. Радена, очень долго стоявшаго во главѣ этого дѣла.

Съ начала девяностыхъ годовъ въ Харьковѣ явились и представители иностранныхъ державъ въ лицѣ консуловъ. Первымъ открылось персидское консульство. Обязанности консула взялъ на себя Г. И. Рубинштейнъ. Впослѣдствіи консульство стало называться генеральнымъ, а при консулѣ завелся штатъ служащихъ и даже особый врачъ. Съ 1900 г. учреждено французское вице-консульство. Вице-консуломъ назначенъ г. Лаволлe, преемникомъ котораго былъ г. Кальвіеръ, а затѣмъ г. Жирадру и, наконецъ, г. Рабю. Съ 1905 г. учреждено и германское консульство, во главѣ котораго сталъ К. Фроммъ.

Глава 6-я.

Городское самоуправленіе.

Исторія городского самоуправленія въ Харьковѣ, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, дѣлится на два періода: первый, когда съ большими или меньшими измѣненіями дѣйствовало Екатерининское Городовое Положеніе, и второй,—когда ему на смѣну явилось Положеніе 1870 г., нѣсколько измѣненное въ 1892 году.

Такимъ образомъ большая часть разсматриваемаго нами періода времени прошла для Харькова при дѣйствіи Городового Положенія 1785 г. Былъ, однако же, моментъ, когда и этому укороченному самоуправленію грозила коренная ломка. Это было въ послѣдній годъ царствованія Императора Павла. 11-го марта 1801 г. состоялся сенатскій указъ, коимъ повелѣно было распространить и на Харьковъ уставъ о раттаузахъ 29-го декабря 1797 г. Переворотъ, возведшій на русскій престолъ Александра I, не помѣшалъ, конечно, приведенію сенатскаго указа въ исполненіе. Въ апрѣлѣ, когда въ Харьковѣ всѣ уже знали о воцареніи новаго Государя, губернаторъ приказалъ произвести выборы въ раттаузъ на основаніи 4-го пункта устава о раттаузахъ. 4-го апрѣля состоялись выборы, причемъ въ бургермейстеры купечествомъ выбраны были именитый купецъ Степанъ Курдюмовъ и Өедотъ Карповъ, а въ ратсгеры—И. Кувшинниковъ, Тим. Спасскій, Василій Ломакинъ и Иванъ Бутенковъ. Выбраннымъ бургермейстерамъ и ратсгерамъ не пришлось, однако, приступить къ исполненію своихъ обязанностей. 8-го апрѣля, черезъ 4 дня послѣ выборовъ, въ Харьковѣ былъ полученъ указъ объ отмѣнѣ раттаузовъ [1]), а 1-го мая въ думѣ слушалось сообщеніе о томъ, что никакой опасности ей не грозитъ, такъ какъ Государемъ полностью подтверждено Городовое Положеніе 1785 г. [2]). 30-го мая харьковское гражданство куйно съ дворянами отслужило торжественный молебенъ по случаю возстановленія въ силѣ дворянской и городской грамотъ.

Отъ Павловскихъ реформъ не уцѣлѣли только губернскіе магистраты. Упраздненные Павломъ, они такъ и не были возстановлены при возстановленіи жалованной городамъ грамоты. Всѣ прочіе городскія учрежденія—городовой магистратъ, дума, сиротскій и словесный суды продолжали функціонировать по прежнему. Впрочемъ словесныхъ судовъ, полагавшихся по закону при каждой полицейской части, въ Харьковѣ не было, а былъ одинъ словесный судъ при второй части, иногда собиравшійся и разбиравшій поступавшія къ нему жалобы. Такъ было до самаго 1858 г., когда губернское правленіе замѣтило непорядокъ и приказало учредить словесные суды при всѣхъ полицейскихъ частяхъ [3]).

Послѣ возстановленія въ 1801 г. Екатерининское Городовое Положеніе не отмѣнялось до самаго 1870 г. Это не значитъ, однако, что въ теченіе этого 70-лѣтняго періода времени организація управленія городомъ осталась такою же, какою была въ XVIII вѣкѣ.

Прежде всего подвергся нѣкоторому измѣненію самый составъ городского общества. Причину этого явленія нужно искать не внѣ общества, не въ волѣ законодателя, а въ естественной дифференціаціи сословныхъ группъ. Въ XVIII в., какъ мы видѣли, въ дѣлахъ городского самоуправленія принимали иногда участіе и „благородные“, выступавшіе въ качествѣ городскихъ избирателей въ рядахъ того класса городского населенія, которому Положеніе 1785 г. даетъ названіе „настоящихъ городскихъ обывателей“. „Благородные“ не только избирали, но и сами попадали иногда въ число городскихъ избранниковъ. Мы видѣли, что въ Харьковѣ одно время коллежскій регистраторъ Павловъ былъ даже городскимъ головою; видѣли, что въ гласные

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Дѣла Канц. Губ. 1801 г. № 222.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. Прик. 1801 г.

[3]) Тамъ же. Журн. 1858 г. Стр. 5.

попадали прапорщики и подпоручики. Въ теченіе первыхъ 70-лѣтъ XIX в. ни одного такого случая не было. „Благородные“, избавленные самимъ закономъ отъ личныхъ городскихъ повинностей и службъ, и совсѣмъ перестали принимать участіе въ городскихъ дѣлахъ. По мѣрѣ расширенія пропасти между „благородными“ и „средняго рода людьми“, по мѣрѣ увеличенія разрыва между прапорщикомъ и его мѣщанскою роднею, участіе въ городскомъ самоуправленіи становилось все болѣе и болѣе непристойнымъ для „благороднаго“ человѣка. Дѣло самоуправленія въ XIX в. всецѣло переходитъ въ руки „средняго рода людей“—купечества, мѣщанъ и цеховыхъ.

По прежнему совершенно въ сторонѣ отъ этихъ „городскихъ сословій“ стояли такъ назыв. войсковые обыватели, впослѣдствіи переименованные въ крестьянъ. Несмотря на то, что обыватели составляли очень замѣтный контингентъ харьковскихъ домовладѣльцевъ, къ составу городского общества они не принадлежали и голоса въ городскихъ дѣлахъ не имѣли. Да и не желали входить въ составъ городского общества. Въ 1838 г. дума жаловалась, что, не смотря на ея приглашенія, никто изъ обывателей не являлся для записки въ городскую обывательскую книгу, и находила нужнымъ употребить даже принудительныя мѣры: дума просила казначейство не давать обывателямъ паспортовъ до тѣхъ поръ, пока они не запишутся въ городскую обывательскую книгу [1]). Исполнена ли была эта просьба—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ пріобщенія крестьянъ къ городскимъ дѣламъ не послѣдовало.

Такимъ образомъ къ составу городского общества принадлежали только члены трехъ „городскихъ сословій“—купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. Но и при такомъ ограниченномъ пониманіи городского общества нѣтъ возможности сказать, что оно въ Харьковѣ было, какъ единое цѣлое. Обыкновенно каждое изъ „городскихъ сословій“ жило своею обособленною жизнью. Какъ мѣщане, такъ и цеховые къ городскому самоуправленію имѣли только самое отдаленное касательство, ибо въ дѣйствительности самоуправленіе это находилось въ рукахъ одного купечества. Общихъ собраній городского общества, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они указаны въ законѣ, мы въ дѣйствительности почти не видимъ.

По Положенію 1785 г., городское общество не только выбираетъ своихъ представителей въ магистратъ и думу, но въ важныхъ случаяхъ и само принимаетъ активное участіе въ городскихъ дѣлахъ. Мы видѣли, что на первыхъ порахъ дѣйствія Екатерининскаго Городового Положенія дума не принимала никакихъ важныхъ рѣшеній, существенно затрагивающихъ интересы города, безъ согласія городского общества. Въ XIX ст. городское общество заявляетъ о своемъ существованіи только въ первые годы столѣтія, когда городу приходилось вести постоянную борьбу за свои права, нарушаемыя администраціей. Съ теченіемъ времени роль городского общества сходитъ на нѣтъ. Общихъ собраній городского общества мы почти не видимъ. Правда, очень не рѣдко дума и теперь обращается къ обществу, но это общество—не совокупность всѣхъ городскихъ сословій, а только общество купцовъ. Когда дума рѣшаетъ обратиться къ обществу, она разсылаетъ повѣстки не купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ а только купцамъ, и купцы являются въ думу и вмѣстѣ съ нею рѣшаютъ дѣла, касающіяся интересовъ всѣхъ сословій города. Городское общество въ практикѣ дореформеннаго самоуправленія Харькова въ XIX в.—только купеческое общество. Исключеній не много. Въ 1825 г. напр. приговоръ объ открытіи городского дѣвичьяго училища былъ постановленъ въ общемъ собраніи купеческаго, мѣщанскаго и цехового сословій [2]). Въ 1845 г. мы знаемъ одно общее собраніе купеческаго, мѣщанскаго и цехового обществъ для составленія приговора относительно содержанія приходскихъ училищъ [3]). Къ купеческому обществу дума обращалась довольно часто, но нельзя сказать, чтобы все купеческое общество принимало участіе въ обсужденіи предложенныхъ ему думой вопросовъ. Въ засѣданіи по приглашенію думы купцовъ собиралось очень немного. 16 марта 1835 г. купеческимъ обществомъ обсуждался одинъ изъ важнѣйшихъ для мѣстныхъ торговцевъ вопросъ—объ устройствѣ лавокъ на новоприобрѣтенной Дунинской землѣ, куда переносился главный городской базаръ. И что же? Изъ всего мѣстнаго купечества въ засѣданіе явился коммерціи совѣтникъ Кузинъ и 16 купцовъ 2-й и 3-й гильдій. Предсѣдателемъ былъ городской голова Ковалевъ. И вотъ эти 18 купцовъ

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журналы 1838 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1825 г.
[3]) Тамъ же Журн. 1845 г. января 24.

рѣшили вопросъ, въ которомъ живо заинтересованъ былъ весь торговый Харьковъ, гдѣ въ это время купцовъ, платившихъ гильдейскіе сборы, числилось около 250 [1]).

О городскомъ обществѣ, какъ о совокупности всѣхъ городскихъ сословій, вспомнили въ Харьковѣ только наканунѣ городской реформы. Въ шестидесятыхъ годахъ видимъ нѣсколько собраній городского общества по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ вопросъ о мѣстѣ постановки вокзала желѣзной дороги и др. Но теперь городское общество понимается уже въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ раньше. Это уже не купцы и даже не купцы, мѣщане и цеховые вмѣстѣ, а представители всѣхъ сословій, жившихъ въ городѣ. Дворяне въ этихъ собраніяхъ уже принимали дѣятельное участіе. Но, повторяемъ, это было уже наканунѣ новаго Городового Положенія, когда идея всесословности, положенная въ его основу, носилась, такъ сказать, въ воздухѣ.

Въ XVIII столѣтіи мы видѣли случаи, когда городское общество собиралось для провѣрки хозяйственной дѣятельности своихъ избранниковъ. Выбирались имъ учетчики, которые обязаны были провѣрить городскіе доходы и расходы и доложить потомъ о результатахъ своей работы городскому обществу. Въ XIX в. такія собранія выходятъ изъ обычая. Городскихъ избранниковъ ревизовало губернское начальство, а значитъ и отчитываться передъ избирателями было имъ не для чего. Попытку возстановить обязанность думы давать отчетъ своимъ избирателямъ мы видимъ и въ XIX в., но не со стороны избирателей, а со стороны правительства. Но право на контроль думскихъ приходовъ и расходовъ дано было не городскому обществу, а только купечеству. 3-го октября 1831 г. состоялся сенатскій указъ, которымъ купеческому обществу предоставлялось право выбирать депутатовъ для провѣрки думскихъ приходо-расходныхъ книгъ и отчетовъ. По существу это было возстановленіе общественнаго контроля надъ думою, но предоставленное не всему городскому обществу, а только его наиболѣе вліятельной части. Но и эта часть не захотѣла воспользоваться своимъ правомъ. Мы знаемъ только одинъ случай (въ 1838 г.), когда депутаты были дѣйствительно выбраны, но какъ сдѣлали они свое дѣло и дѣйствительно ли дѣлали его,—ни откуда не видно [2]).

Какъ извѣстно, выборы городскихъ гласныхъ и другихъ должностныхъ лицъ „по гражданству“ совершались каждымъ городскимъ сословіемъ отдѣльно, а потому и выборы не могли давать повода для общихъ собраній городского общества. Единственнымъ случаемъ, когда такія собранія могли имѣть мѣсто, были выборы городского головы, для которыхъ законъ требовалъ участія всего городского общества. Выборы были обставлены почти такой же торжественностью, какъ и въ XVIII в. Въ день выборовъ, одновременно съ дворянскими выборами, обыкновенно въ декабрѣ, „гражданское общество“ собиралось до благовѣста въ соборѣ въ одной изъ комнатъ присутственныхъ мѣстъ, а когда начинался звонъ, „слѣдовало“ въ соборъ и „оставляя правую сторону дворянамъ, занимало мѣста въ лѣвомъ придѣлѣ церкви, по совершеніи же литургіи и молебствія приближалось къ амвону для присяги, а къ святому евангелію и кресту приступало послѣ дворянства и по выходѣ изъ церкви присягу подписывало въ своемъ собраніи, а на другой день производило выборы, стараясь, чтобы все кончено было прежде окончанія дворянскихъ выборовъ“ [3]).

Кто же участвовалъ въ выборахъ головы? По закону—градское общество, т. е. наличные купцы, мѣщане и цеховые, внесенные въ обывательскую книгу. Въ дѣйствительности вполнѣ этимъ правомъ пользовались, можно сказать, только одни купцы, что же касается мѣщанъ и цеховыхъ, то на выборахъ присутствовали не всѣ они, а только ихъ уполномоченные. При выборахъ въ сентябрѣ 1840 г. въ думу приглашены по 12 человѣкъ изъ числа наличныхъ мѣщанъ и цеховыхъ, „извѣстные за людей честныхъ, уважаемыхъ обществомъ и внесенныхъ въ обывательскую книгу“ [4]).

Такимъ образомъ оба низшихъ городскихъ сословія вмѣстѣ располагали только 24 голосами въ то время, какъ у купцовъ такихъ голосовъ было по крайней мѣрѣ 200, если, конечно, всѣ купцы, имѣвшіе право участвовать въ выборахъ, дѣйствительно принимали въ нихъ участіе. Но значеніе 24 мѣщанскихъ и цеховыхъ голосовъ представляется еще болѣе незначительнымъ, если мы вспомнимъ, что головою

---

[1]) Тамъ же. Журн. 1835 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1838 г. января 11.
[3]) Тамъ же. Вход. 1807 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1840 г.

могъ быть по закону только купецъ. Уполномоченные мѣщанъ и цеховыхъ, сами по себѣ безсильные, могли только содѣйствовать или мѣшать успѣху тѣхъ или другихъ кандидатовъ, выдвигаемыхъ купечествомъ.

Извѣстны, впрочемъ, случаи, когда на выборы головы даже и уполномоченныхъ отъ мѣщанъ и цеховыхъ не приглашали. Когда въ 1834 г. Кузинъ, избранный головою, заявилъ просьбу объ увольненіи его отъ этой должности, просьбу его разсматривало одно купеческое общество. Оно же, не справляясь съ мнѣніемъ мѣщанъ и цеховыхъ, уволило Кузина и въ томъ же засѣданіи выбрало ему преемника [1]). Выборъ головы былъ такимъ образомъ чисто сословнымъ, купеческимъ дѣломъ.

Цензъ дававшій право на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ былъ отнюдь не великъ, и можно бы думать, что при постепенномъ подъемѣ культурнаго уровня обывателей долженъ бы былъ подняться и интересъ ихъ къ общественнымъ дѣламъ, а значитъ и можно бы ожидать, что при низкомъ цензѣ, открывающемъ доступъ въ собраніе почти каждому горожанину, избирательныя собранія должны отличаться особеннымъ многолюдствомъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности мы этого невидимъ. Въ 1837 г. при выборахъ кандидатовъ къ городскому головѣ участвуютъ въ баллотировкѣ всего 42 человѣка [2]). Въ 1852 г. на выборы городского головы является 194 человѣка, а между тѣмъ однихъ купцовъ, имѣвшихъ право голоса въ избирательныхъ собраніяхъ, считалось въ то время въ Харьковѣ 293 [3]).

Харьковцы не охотно посѣщали избирательныя собранія, а отъ выборныхъ городскихъ должностей старались подъ разными предлогами уклониться. Уклонялись не только мѣщане и цеховые, но и купцы. Въ 1816 г., наканунѣ городскихъ выборовъ, дума постановила, чтобы харьковскіе купцы не принимали на себя должности церковнаго старосты, освобождающей отъ службы городу по выбору общества. Отъ 16 сентября 1822 г. до насъ дошелъ слѣдующій приговоръ Харьковскаго купеческаго общества:

„Мы, нижеподписавшіеся харьковскіе купцы, встрѣчая затрудненіе по случаю нынѣшнихъ гражданскихъ выборовъ къ должностямъ чиновниковъ, наполняемымъ онными на трехлѣтіе, въ томъ, что многіе изъ лучшихъ гражданъ отъ городской общественной службы уклоняются подъ предлогомъ избранія ихъ въ званіе церковныхъ старостъ, а какъ купеческое сословіе состоитъ въ маломъ количествѣ людей, для того заключили: представить думѣ отнестись къ г-ну Слободско-украинскому гражданскому губернатору и кавалеру рапортомъ и просить разрѣшенія о выборѣ въ должность и тѣхъ, „которые находятся при церквахъ старостами изъ купеческаго сословія, сообразно именному Высочайшему указу, состоявшемуся 30-го дня 1822 года въ Петербургской и Московской столицѣ“ [4]).

Результатомъ этой просьбы былъ указъ, распространившій правила, установленныя для петербургскихъ и московскихъ церковныхъ старостъ, и на города Слободско-Украинской губерніи [5]).

Избирателямъ приходилось заставлять своихъ избранниковъ служить городу чуть не съ бою. Въ 1822 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ купечества въ квартирную коммиссію купецъ Иванъ Нефедовъ. Узнавъ о своемъ избраніи, Нефедовъ явился въ собраніе купеческаго общества и, „выйдя почти изъ должной благопристойности, кричалъ, что хотя общество его и выбрало, но онъ служить не будетъ“. Нефедовъ пожаловался губернатору, а губернаторъ препроводилъ эту жалобу „на уваженіе“ тому же купеческому обществу. Общество постановило: „какъ купецъ Нефедовъ, сверхъ учиненнаго имъ въ собраніи нашемъ вовсе неблаговиднаго и неприличнаго поступка, занесъ еще и на сіе общество жалобу, тѣмъ самымъ обнаружилъ явное къ обществу неуваженіе, то взявъ его таковой поступокъ впредь на замѣчаніе, отъ должности уволить“ [6]). Для низшихъ классовъ городского общества служба по выборамъ была совсѣмъ тяжелымъ бременемъ. Въ 1837 г. мѣщанинъ Топчіевъ жаловался, что сынъ его безъ него, просителя, и даже безъ своего вѣдома выбранъ въ думу гласнымъ, а между тѣмъ онъ единственный работникъ въ семьѣ. Топчіевъ просилъ думу уважить его слѣпоту и старость и уволить сына отъ должности гласнаго [7]). Въ томъ-же 1837 г. мѣщанинъ Бредовъ, избранный гласнымъ, просилъ увольненія по бѣдности и

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1834 г. окт. 23.
[2]) Тамъ же. Журн. 1839 г. ноября 14.
[3]) Тамъ же. Журн. 1852 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1822 г.
[5]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XXXVIII № 29323.
[6]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1822 г. (окт. 18).
[7]) Тамъ же. Журн. 1837 г. окт. 12.

короткому состоянію въ мѣщанствѣ, и былъ уволенъ. Мѣщанинъ Илья Томицкій, выбранный въ сборщики, отказывался отъ должности, ссылаясь на то, что некому будетъ „пектись“ о пропитаніи его матери и семейства. Купецъ Радинъ упорно уклонялся отъ засѣданія въ уголовной палатѣ и въ концѣ концовъ добился таки, что его уволили [1]). Въ 1844 г. встрѣчаемъ рядъ просьбъ объ освобожденіи отъ службы со стороны горожанъ, выбранныхъ въ гласные и въ другія должности по городу [2]). Купецъ Кузнецовъ, выбранный въ словесные судьи, не являлся къ должности, и о высылкѣ его приходилось обращаться къ полиціи. Горожане у своихъ избранниковъ согласія на занятіе должностей не испрашивали и иногда заставляли ихъ нести службу даже мѣрами принужденія. Такъ, впрочемъ, можно было поступать только съ лицами, принадлежавшими къ „среднему роду людей“, но не съ представителями высшихъ сословій, у которыхъ полагалось испрашивать согласіе на занятіе должности. Когда въ 1840 г. купечество избрало своимъ засѣдателемъ въ палату уголовнаго суда капитана Броневскаго, состоявшаго харьковскимъ купцомъ третьей гильдіи, Броневскій заявилъ притензію, и купечество должно было оправдываться тѣмъ, что Броневскій, явившійся по повѣсткѣ на выборы, тѣмъ самымъ изъявилъ согласіе принять въ нихъ участіе, а стало быть, и быть выбраннымъ [3]). Вообще можно сказать, что харьковскіе „люди средняго рода“ смотрѣли на городскую службу, какъ на непріятную повинность, а не почетную обязанность. Повидимому, только такія должности, какъ должность головы, и являлись исключеніемъ, но и эта должность почетнымъ гражданствомъ и первогильдейскимъ купечествомъ трактовалась уже какъ недостаточно почетная, и по разнымъ причинамъ они отъ нея отказывались. Ни Кузинъ, ни Сергѣй Карпонъ въ головы не пошли, хотя и были избираемы. Головами въ дореформенный періодъ бывали обыкновенно купцы третьей, много второй гильдіи, хотя и очень иногда богатые. Если лицу, выбранному на какую нибудь городскую должность, не удавалось избавиться отъ навязываемыхъ ему обязанностей, оно, если имѣло связи, обращалось обыкновенно къ губернатору или генералъ-губернатору и получало увольненіе. Прибѣгали къ предстательству высшаго начальства и люди безъ связей, но объ увольненіи такихъ начальства само распоряженія не чинило, а запрашивало мнѣнія общества, которое обычно высказывалось не въ пользу просителя. Въ 1841 г. купецъ Расторгуевъ, выбранный въ ратманы, обратился къ губернатору съ просьбой объ увольненіи. Просьба была передана купеческому обществу, которое увольнить Расторгуева не согласилось. Расторгуевъ обратился тогда къ управляющему И. Петербургской бумажной фабрикой, коммиссіонеромъ которой онъ состоялъ, а управляющій за Расторгуева просилъ губернатора, ссылаясь на то, что вообще коммиссіонеры фабрики нигдѣ городскихъ должностей не несутъ. Дѣло опять было передано купеческому обществу, которое опять на просьбу Расторгуева отвѣтило отказомъ. Въ томъ же году купецъ Поздняковъ, избранный также въ ратманы, просилъ губернское правленіе объ увольненіи, ссылаясь на свое „одиночество“ и постоянные разъѣзды. Вопросъ былъ переданъ купеческому обществу, которое на увольненіе Поднякова согласія не изъявило [4]).

Екатерининское Городовое Положеніе просуществовало до 1871 г. Это не значитъ, однако, чтобы за органами этого самоуправленія сохранялась вся та полнота правъ, какую ввѣрило имъ Положеніе 1785 г. Въ теченіе 70 лѣтъ дѣйствія Городового Положенія 1785 г. въ XIX вѣкѣ думѣ неоднократно приходилось поступаться доброю частью своихъ правъ въ пользу новыхъ, не городскихъ органовъ, на которые правительствомъ возлагались помимо думы тѣ или другія городскія дѣла. Ранѣе всѣхъ возникла въ Харьковѣ такъ называемая квартирная коммиссія (1808 г.), на которую была возложена задача уравнительнаго распредѣленія квартирной повинности между горожанами. По закону распредѣленіемъ квартиръ долженъ бы былъ завѣдывать городовой магистратъ въ лицѣ квартирьера, но въ дѣйствительности въ Харьковѣ еще со второй половины восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка распоряженіе повинностью перешло въ руки полиціи. Мы видѣли, что городское общество неоднократно жаловалось на это нарушеніе закона, но удовлетворенія такъ и не получило. Съ учрежденіемъ квартирной коммиссіи городское самоуправленіе утратило уже и de jure то, чѣмъ до сихъ поръ оно не пользовалось de facto. Квартирная

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1844 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1850 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1841 г. января 13 и іюня 14.

коммиссія была учреждена въ Харьковѣ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Находилась она при полиціи, и на ея содержаніе по распоряженію губернатора отпускалось по 300 р. въ годъ изъ городскихъ доходовъ. Общественный элементъ представлялся въ коммиссіи выборными депутатами отъ купечества и мѣщанства. Первымъ городскимъ депутатомъ квартирной коммиссіи въ Харьковѣ былъ купецъ Иванъ Скляровъ [1]). Впослѣдствіи число представителей городскихъ сословій въ квартирной коммиссіи увеличилось. По сенатскому указу 1823 г. велѣно было выбирать въ коммиссію по два депутата отъ купечества и по два отъ мѣщанства [2]).

Въ 1827 г. изъ вѣдѣнія думы исключается цѣлый рядъ дѣлъ, находившихся до сихъ поръ въ ея компетенціи. Въ Харьковѣ былъ учрежденъ особый комитетъ для уравненія городскихъ повинностей. Предсѣдателемъ его былъ губернаторъ, а членами—губернскій предводитель дворянства, городской голова, полиціймейстеръ и депутаты отъ сословій, по два отъ каждаго [3]). Секретаремъ комитета былъ назначенъ коллежскій регистраторъ Иванъ Сукачевъ.

Комитетъ не только уравнивалъ повинности и сочинялъ разные табели и таблицы въ родѣ таблицъ, прибитыхъ по его распоряженію къ домамъ горожанъ съ указаніемъ, какому изъ трехъ низшихъ сословій (мѣщанскому, цеховому и обывательскому) съ чѣмъ слѣдуетъ являться на пожаръ, но и самостоятельно производилъ разныя траты изъ городскихъ доходовъ. Комитетъ вмѣшивался въ пожарную часть, покупалъ на городской счетъ разныя вещи для пожарныхъ, обмундировывалъ ихъ и т. п. Комитетъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе даже къ тюремному замку, очевидно, потому, что и на него тратились городскія деньги. Комитетомъ былъ составленъ проектъ положенія о доходахъ и расходахъ г. Харькова, вошедшій затѣмъ и въ дѣйствіе. Крупной заслугой комитета является составленный имъ въ 1835 г. проектъ замощенія Харькова. Находя, что собственными средствами Харькову въ этомъ дѣлѣ не обойтись, комитетъ въ засѣданіи 18-го апрѣля 1835 г. постановилъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на заемъ изъ приказа общественнаго призрѣнія 200 тыс. руб. ассигнаціями, а по израсходованіи этихъ денегъ—объ установленіи временнаго $^1/_4$ % сбора съ домовъ и недвижимыхъ имуществъ для устройства мостовыхъ. Проектъ этотъ былъ одобренъ комитетомъ министровъ и утвержденъ Государемъ [4]).

Комитетъ просуществовалъ по 1-ое апрѣля 1836 г., когда его велѣно закрыть, а дѣла его передать въ думу. Скоро, впрочемъ, комитетъ вновь возродился. Въ 1836 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ губернаторамъ учредить во всѣхъ городахъ комитеты объ уравненіи городскихъ повинностей для изысканія источниковъ дохода, свойственныхъ каждому городу сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и положенію. Въ составъ комитета, согласно тому же министерскому распоряженію, входили: уѣздный предводитель дворянства, начальникъ городской полиціи, городской голова и депутаты отъ всѣхъ живущихъ въ городѣ сословій.

Вслѣдствіе этого комитетъ въ 1839 г. вновь возродился подъ предсѣдательствомъ графа Гендрикова. Задача, порученная ему, заключалась въ изысканіи причинъ умаленія городскихъ доходовъ и въ составленіи дополнительнаго проекта о доходахъ и расходахъ г. Харькова. Кромѣ того, въ теченіе 1839—1841 г.г. комитетъ составилъ цѣлый рядъ проектовъ, не имѣвшихъ уже ровно никакого отношенія къ уравненію повинностей: объ устройствѣ въ Харьковѣ водопровода, чугунныхъ мостовъ на р.р. Харьковѣ, Лопани и Нетечи и мостовыхъ, о замѣнѣ деревянныхъ лавокъ возлѣ Нетечинскаго моста каменными, о постройкѣ новаго гостиннаго ряда возлѣ Лопанскаго моста, прибавкѣ четвертой полицейской части, устройствѣ городского сада на площади, гдѣ помѣщался старый театръ. Наконецъ, комитетомъ былъ сочиненъ грандіозный проектъ выселенія изъ города всѣхъ казенныхъ крестьянъ или превращенія ихъ въ купцовъ, мѣщанъ и, цеховыхъ, съ тѣмъ, чтобы владѣемая ими земля была отдана подъ городской выгонъ. Предполагалось затѣмъ уничтожить лавки вокругъ собора, разрушить Николаевскую колокольню и для осуществленія всѣхъ этихъ реформъ хлопотать о займѣ въ суммѣ одного милліона рублей ассигнаціями [5]). Гендриковскій комитетъ былъ

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1808 г.

[2]) Тамъ-же. Журналы 1823 г.

[3]) Тамъ-же. Проток. Думы 1827 г.

[4]) Тамъ-же. Журн. 1850 г.

[5]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло объ учрежденіи особаго комитета по пріисканію способовъ къ украшенію г. Харькова 1846 г.

закрытъ 2-го августа 1840 г., впрочемъ не на долго [1]). Генералъ-губернаторъ Долгоруковъ представилъ предположенія комитета министерству внутреннихъ дѣлъ, одобрившему комитетскіе проекты и предложившему ему продолжать дѣло. Вслѣдствіе этого комитетъ былъ вновь открытъ въ 1841 г. подъ предсѣдательствомъ совѣтника губернскаго правленія Велихова, а потомъ уѣзднаго предводителя Ковалевскаго.

Новый комитетъ, поддерживая проекты своего предшественника, оказался, однако, гораздо скромнѣе: предполагаемый милліонный заемъ онъ сперва понизилъ до 700 тыс. руб., а потомъ нашелъ и эту цифру слишкомъ для города обременительной и просилъ губернское начальство ходатайствовать объ отчисленіи въ городской доходъ четвертой части откупной суммы, платимой за право содержанія въ Харьковѣ откупа. Излишнимъ найденъ былъ комитетомъ и $^1/_4$ % сборъ съ домовъ, предназначенный на устройство мостовыхъ. Проекты эти дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣли [2]).

По Городовому Положенію дума призвана была заботиться обо всемъ, что городу потребно или выгодно. Очевидно, въ кругъ ея обязанностей входили и заботы о продовольствіи населенія въ случаѣ неурожаевъ и подъема цѣнъ на жизненные припасы. Въ началѣ столѣтія мы и видимъ, что Харьковская дума по предложенію начальства принимала въ подобныхъ случаяхъ соотвѣтствующія мѣры. Такъ, въ 1808 г дума, въ виду поднятія цѣнъ на такой необходимый предметъ, какъ сальныя свѣчи, бывшія къ тому же очень плохого качества, получила отъ губернатора приказъ увѣщевать купцовъ, а если эта мѣра не поможетъ, купить на городской счетъ запасъ свѣчей въ Бѣлгородѣ и продавать обывателямъ, а купцамъ торговлю свѣчами запретить [3]). Но когда въ 1830 г. въ Харьковѣ почувствовались послѣдствія неурожая, къ думѣ не обратились, а предпочли возложить это дѣло на особую коммиссію для продовольствія жителей г. Харькова. Коммиссія эта, не въ примѣръ квартирной коммиссіи и комитету по уравненію городскихъ повинностей, была, впрочемъ, только учрежденіемъ временнымъ, уничтоженнымъ послѣ того, какъ миновала въ немъ надобность [4]). Когда въ 1836 г. обнаружилась въ городѣ недохватка овса, закупаемаго чугуевскими мѣщанами и отправляемаго „невѣдомо куда“, вопросъ былъ улаженъ домашними, такъ сказать, средствами, думой, постановившей запретить чугуевцамъ скупку овса, и полиціей, которой было поручено привести въ исполненіе это постановленіе [5]).

Въ 1835 г. опубликовано было Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова, которымъ установленъ 1% сборъ съ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ горожанъ. Производство этой оцѣнки поручено было, однако, не думѣ или органу, состоящему подъ ея вѣдѣніемъ, а особому оцѣночному комитету изъ представителей отъ всѣхъ сословій, жившихъ въ городѣ. Комитетъ къ 1 февраля 1836 г. окончилъ свою работу. Такимъ же внѣдумскимъ характеромъ отличался и второй оцѣночный комитетъ, учрежденный въ 1836 г., вскорѣ послѣ закрытія перваго, для приведенія въ извѣстность и исключенія изъ оцѣнки новыхъ построекъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что дума нисколько не претендовала на исключеніе оцѣночнаго дѣла изъ сферы ея вѣдѣнія, и даже сама по закрытіи перваго комитета возбудила передъ губернаторомъ ходатайство объ учрежденіи новаго [6]).

Ограничивались права думы и въ области городского строительства, не смотря на то, что по закону „строеніе городское и починка онаго“ всецѣло лежали на обязанности думы. Когда въ 1821 г. предположено было выстроить каменный корпусъ для городскихъ присутственныхъ мѣстъ—думы, магистрата и городской полиціи, дѣло это, по предписанію губернатора, было поручено не думѣ, а особой строительной коммиссіи, при чемъ роль думы ограничивалась тѣмъ, что она послала въ коммиссію одного изъ своихъ гласныхъ, но не въ качествѣ члена, а только „въ родѣ коммиссіонера для исполненія порученій коммиссіи въ пріисканіи въ покупку матеріаловъ [7])“.

Независимая отъ думы коммиссія по постройкѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ была только учрежденіемъ временнымъ, но вскорѣ явилось и постоянное учрежденіе, отнявшее у думы то, что при-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло объ учрежд. и пр. 1846 г.
[3]) Тамъ же. Подл. пригг. 1808 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1830 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1836 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1836 г. мая 20 и іюня 23
[7]) Тамъ же. Журн. 1821 г. марта 30.

надлежало ей по Городовому Положенію. Въ 1833 г. въ Харьковѣ была учреждена особая строительная коммиссія, вѣдавшая всѣ дѣла о казенныхъ и городскихъ постройкахъ на сумму 3000 р. и выше. Думѣ оставлена была такимъ образомъ забота только о мелкихъ городскихъ постройкахъ и ремонтѣ [1]).

Не смотря на существованіе строительной коммиссіи, спустя четыре года по ея учрежденіи, въ 1837 г., въ Харьковѣ возникъ еще и особый строительный комитетъ, вѣдавшій въ отношеніи города тоже, что вѣдала строительная коммиссія въ отношеніи цѣлой губерніи. По Положенію объ этомъ комитетѣ на обязанность его возложено: составленіе плановъ города, разсмотрѣніе вопросовъ о вновь возводимыхъ постройкахъ и ремонтѣ старыхъ, утилизація незастроенныхъ мѣстъ, наблюденіе за заборами, мощеніе и планировка улицъ и площадей и исправленіе мостовъ, устройство каналовъ, колодцевъ и водопроводовъ, завѣдываніе городскими зданіями и содержаніе ихъ въ порядкѣ, распоряженія по постройкамъ, работамъ и исправленіямъ городскихъ зданій [2]). Положеніе 1837 г. изъяло такимъ образомъ изъ вѣдѣнія думы одну изъ главнѣйшихъ ея обязанностей. Законъ не оставался мертвой буквой, а исполнялся въ дѣйствительности. Строительный комитетъ, называемый иначе комитетомъ по устройству г. Харькова, не только строилъ и перестраивалъ городскія зданія, но и мостилъ мостовыя, проводилъ трубы для спуска воды въ болотистыхъ мѣстахъ, составлялъ проектъ городского водопровода, продавалъ городскіе дома, проектировалъ новый планъ для Харькова, словомъ, хозяйничалъ въ городѣ такъ, какъ будто бы въ немъ совсѣмъ не было законной хозяйки—думы. Съ городскимъ общественнымъ самоуправленіемъ комитетъ ничего общаго не имѣлъ. Онъ даже принадлежалъ къ другому вѣдомству: состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ департамента военныхъ поселеній военнаго министерства. Въ составѣ его изъ представителей городского самоуправленія былъ только одинъ городской голова, которому въ спискѣ членовъ отводилась къ тому же послѣднее мѣсто, остальные—губернаторъ, губернскій предводитель, начальникъ работъ, инженерный штабъ-офицеръ корпуса путей сообщенія, состоявшій въ Харьковской губернской строительной коммиссіи, полиціймейстеръ и городовой архитекторъ—къ городскому самоуправленію были не причастны. Кромѣ головы, городское общество принимало нѣкоторое участіе въ дѣятельности комитета развѣ въ лицѣ такъ наз. смотрителей по одному на каждую городскую часть. Это были выборные отъ гражданъ, по служебному положенію равные городскимъ гласнымъ. Но гласные, какъ-никакъ, были все таки „мужи совѣта“, а это—только исполнители. Голоса въ дѣлахъ комитета они не имѣли и въ засѣданіяхъ его не участвовали: они только „состояли въ распоряженіи комитета“ по дѣламъ устройства города. Комитетъ просуществовалъ 5 лѣтъ, до 1842 г., когда наконецъ догадались, что при существованіи строительной коммиссіи строительный комитетъ является учрежденіемъ совершенно излишнимъ. Рѣшено было, не упраздняя комитета, присоединить его къ строительной коммиссіи [3]). Впослѣдствіи и сама строительная коммиссія подверглась преобразованію и была соединена съ дорожной. Штатъ для нея утвержденъ въ 1849 г., а дѣйствія свои она открыла съ 1 января 1850 г. Коммиссія вѣдала „всѣ вообще по искусственной и хозяйственной частямъ распоряженія, дѣйствія и дѣла по гражданской строительной части во всѣхъ городахъ губерніи, а равно всѣ дороги, мосты и перевозы“. Начала она свою дѣятельность съ осмотра и снятія плановъ съ казенныхъ зданій, мостовъ, дорожныхъ сооруженій и пр. [4]). Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что чиновные члены коммиссіи, не смотря на произведенные ими осмотры, не знали того города, который собирались облагодѣтельствовать. Такъ въ 1850 г. коммиссія постановила вымостить часть Клочковской улицы, а между тѣмъ часть эта была уже вымощена по распоряженію генералъ-губернатора Кокошкина [5]).

Компетенція думы, благодаря комитетамъ и коммиссіямъ, была сокращена до крайнихъ предѣловъ. Роль думы сводилась почти исключительно къ собиранію сборовъ, не ею даже и установленныхъ, и къ расходованію ихъ на тѣ или другія надобности по приказаніямъ комитетовъ и коммиссій. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ у думы было отнято наконецъ и ея стародавнее право распоряженія ярмарочными мѣстами. Въ

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1833 г.
[2]) 2 Полн. Собр. Зак. Т. XII, отд. I № 9832.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1843 г.
[4]) Тамъ же Журн. 1850 январь и мартъ.
[5]) Тамъ же. Журн. 1850 г. іюль.

1841 г. встрѣчаемъ первое распоряженіе, стѣснявшее право думы въ этой области: велѣно было никому не отдавать безъ вѣдома губернатора постройки балагановъ и временныхъ лавокъ [1]); а въ 1845 г. мы уже видимъ въ Харьковѣ особый комитетъ, распоряжающійся городскими мѣстами для ярмарковыхъ и устанавливающій разныя правила и запрещенія (напримѣръ запрещеніе устраивать склады товаровъ въ частныхъ домахъ, мотивированное опасеніемъ пожаровъ и желаніемъ расширить источники городскихъ доходовъ). Постройка балагановъ зависѣла теперь уже не отъ думы, а отъ начальника строительныхъ работъ Подьякова (въ 1-ой части), штабъ-капитана Дьяченко (во второй) и подполковника Петровскаго (въ третьей) [2]). Во время ярмарокъ на помощь чиновнымъ членамъ комитета назначалось по 4 человѣка изъ грамотныхъ и благонадежныхъ мѣщанъ и цеховыхъ. Въ составъ комитета входили, кромѣ того, полиціймейстеръ, голова и др. Къ 1852 г., по ходатайству генералъ-губернатора Кокошкина, составъ ярмарочнаго комитета былъ измѣненъ: предсѣдателемъ въ немъ былъ сдѣланъ вице-губернаторъ, а членами—городской голова, полиціймейстеръ, чиновникъ особыхъ порученій отъ генералъ-губернатора, такой-же чиновникъ отъ гражданскаго губернатора и депутаты отъ дворянства, купечества и городскихъ сословій [3]).

При Долгоруковѣ-же Харьковъ обогатился еще однимъ комитетомъ, вѣдавшимъ то именно, что по закону должна бы вѣдать дума. По предложенію генералъ-губернатора отъ 14-го іюля 1846 г. открытъ былъ комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію и украшенію г. Харькова и вообще его благоустройству сообразно съ его средствами, суммами и доходами, имѣющимися въ его распоряженіи. Составъ этого новаго комитета опять-таки не имѣлъ касательства къ думѣ. Предсѣдательствовалъ въ немъ самъ генералъ-губернаторъ, а членами были назначены: исправлявшій обязанности губернатора вице-губернаторъ Данзасъ, ректоръ университета Артемовскій-Гулакъ, профессора университета Черняевъ и Тонъ, старшій совѣтникъ губернскаго правленія Тарановскій, городской голова Рудаковъ и члены губернской строительной коммиссіи: губернскій архитекторъ Даниловъ, начальникъ работъ Подьяковъ, инженеръ-поручикъ Дьяченко и и. д. городского архитектора Завилейскій. Представителемъ города въ учрежденіи, вѣдавшемъ чисто-городское дѣло, оказался такимъ образомъ только одинъ городской голова [4]).

Въ Кокошкинскія времена возникъ и еще одинъ комитетъ—для уравненія городскихъ доходовъ и расходовъ. Вѣдалъ онъ тоже, что раньше комитетъ по уравненію городскихъ повинностей,—изыскивалъ главнымъ образомъ новые источники городскихъ доходовъ. Открылся онъ по предложенію Кокошкина отъ 24-го ноября 1852 г. Упорядочилъ-ли онъ городской бюджетъ,—не знаемъ. Въ 1856 г., за упраздненіемъ въ Харьковѣ генералъ-губернаторства, его велѣно закрыть. Комитетъ былъ признанъ не нужнымъ въ виду вновь принятыхъ мѣръ къ устройству городского хозяйства въ имперіи [5]).

Но и послѣ этого пора внѣдумскихъ комитетовъ по городскимъ дѣламъ еще не прошла. Приходо-расходная часть городского хозяйства нуждалась въ реформахъ. Губернскому начальству постоянно приходилось обращаться въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбами о разрѣшеніи учрежденія новыхъ источниковъ дохода по случаю постоянно увеличивающихся городскихъ расходовъ, давно вышедшихъ изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя заключило ихъ Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова, изданное въ 1835 г. Въ 1857 г. и 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ вниманіе на превышеніе расходовъ города надъ доходами, грозящее городу дефицитомъ, и указалъ на необходимость упорядочить эту часть городского хозяйства, для чего мѣстное начальство рѣшило прибѣгнуть къ старому средству. Согласно предложенію губернатора, губернское правленіе признало необходимымъ учредить особый комитетъ изъ городского головы, старшаго полиціймейстера, особаго чиновника по назначенію губернатора и депутатовъ отъ всѣхъ сословій, живущихъ въ городѣ, и на обязанность комитета „возложить тщательную повѣрку источниковъ доходовъ, опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ въ 1835 году Положеніемъ для города Харькова, а также уравненіе сообразно настоящимъ условіямъ промышленности, торговли и мѣстнымъ обстоятельствамъ Харькова; изысканіе способовъ къ устраненію на будущее время

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1842 г.

[2]) Тамъ-же. Журналы 1845 г.

[3]) 2 Пол. Собр. Зак. Т. XXVII, отд. I № 26213.

[4]) Арх. Харьковск. Губерніск. Правл. Дѣло объ учрежденіи особаго комитета по пріисканію способовъ къ украшенію города Харькова 1846 г.

[5]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журналы 1857 г.

безпорядковъ при поступленіи слѣдующаго въ городской доходъ съ городскихъ мѣстъ акциза; изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ, которые бы истекали изъ самыхъ справедливыхъ началъ и не падали-бы исключительно на какую-либо промышленность и не были-бы стѣснительны для жителей; составленіе подробнаго описанія всѣхъ предметовъ городского хозяйства въ настоящемъ ихъ положеніи и начертаніе нормальной росписи или бюджета".

Въ составъ новаго комитета вошли: представители отъ дворянства, учебнаго округа, духовнаго вѣдомства, крестьянъ, подвѣдомыхъ палатѣ государственныхъ имуществъ, мѣстнаго гарнизона, купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, старшій полиціймейстеръ, голова и чиновникъ по назначенію губернатора. На расходы комитета думою по распоряженію губернскаго правленія было отпущено 2000 р., изъ экстраординарной суммы [1]).

Въ самомъ концѣ дореформеннаго періода, когда уже шли оживленные толки о реформѣ городского самоуправленія, Въ Харьковѣ, по волѣ начальства, возникъ еще одинъ внѣдумскій комитетъ—пожарный. Пожарная команда до тѣхъ поръ въ хозяйственномъ отношеніи зависѣла отъ думы, которая давала на ея содержаніе деньги, а въ административномъ—отъ полиціи. Теперь хозяйственная часть была изъята изъ вѣдѣнія думы и передана пожарному комитету, но такъ какъ команда все-таки находилась по прежнему въ полномъ распоряженіи полиціи, то и проку отъ реформы вышло не много [2]).

Бывали, впрочемъ, случаи, что и безъ учрежденія внѣдумскихъ комитетовъ и коммиссій изъ вѣдѣнія думы по усмотрѣнію губернатора исключался тотъ или другой вопросъ, по закону подлежавшій ея компетенціи. Такъ въ 1819 г., вмѣсто того, чтобы предоставить думѣ рѣшеніе вопроса о суммѣ, потребной на содержаніе по новому образованію полиціи и въ особенности пожарной команды, губернаторъ приказалъ выбрать по одному депутату отъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, которые и обязаны были явиться къ нему „для общей трактаціи" [3]).

Чѣмъ объяснить это постоянное расположеніе и центральнаго правительства, и губернскаго начальства къ внѣдумскимъ комитетамъ и коммиссіямъ? Дѣло, думается намъ, тутъ не въ томъ, что комитеты и коммиссіи, созданные начальствомъ ad hoc, были въ его рукахъ учрежденіями болѣе эластичными, чѣмъ дума, существовавшая не по временнымъ правиламъ и инструкціямъ, а по самому настоящему закону, насчитывавшему за собою почтенную давность. Купеческая дума всегда была послушной, ни въ чемъ начальству не перечившей и исполнявшей всѣ его приказы, законные и незаконные, письменные или устные. Пожалуй, что въ комитетѣ, гдѣ сидѣли не одни чиновники, а иногда и предводители дворянства, губернское начальство скорѣе могло встрѣтить оппозицію своимъ планамъ и стремленіямъ. Тяготѣніе къ комитетамъ и коммиссіямъ объясняется именно тѣмъ, что дума была купеческой и мѣщанской. Малокультурная масса купечества и мѣщанства, изъ которой выходили руководители городского самоуправленія, не чувствовала потребности ни въ просвѣщеніи, ни въ благоустройствѣ, а если и чувствовала, то, по малому своему знакомству съ постановкой дѣла внѣ своего родного города, не умѣла ни ясно опредѣлить, что именно ей нужно, ни поставить дѣло на настоящую дорогу. Наконецъ, купеческая дума способна была радѣть только о собственныхъ, чисто классовыхъ интересахъ, а вѣдь въ городѣ, не смотря на стремленіе законодателя „очищать города отъ всего имъ не свойственнаго", жили и дворяне, и чиновники, и духовенство, интересы которыхъ въ купеческой думѣ никѣмъ не были представлены. Мудрено ожидать уравнительнаго обложенія всѣхъ сословій тамъ, гдѣ право обложенія находится въ рукахъ одного.

Некультурность и косность класса, въ рукахъ котораго находилось городское хозяйство съ одной стороны, и узко сословный характеръ городского представительства—съ другой и являлись главными тормазами при осуществленіи всякихъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію городского благоустройства и болѣе правильному распредѣленію денежныхъ и натуральныхъ тяготъ между различными слоями городского населенія. Высшіе слои населенія въ купеческую думу не шли, а до общесословной думы, которой требовала сама жизнь, законодатель не додумался. И по неволѣ, не смотря на существованіе законной хозяйки города, передавалъ управленіе тою или другою частью городского хозяйства временнымъ комитетамъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журналы 1858 г. іюля 15.
[2]) Харьк. Губ. Вѣдом.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1819 г. марта 20.

и коммиссіямъ. Что начальство руководилось въ данномъ случаѣ не стремленіемъ создать изъ коммиссій послушные органы, видно изъ того, что оно составляло коммиссіи не изъ однихъ чиновниковъ, но и изъ представителей всѣхъ сословій. Такова была квартирная коммиссія, коммиссія по уравненію городскихъ повинностей, комитетъ по улучшенію и украшенію Харькова и даже ярмарочный, не смотря на то, что дѣла, подлежавшія его вѣдѣнію, ближе всего касались именно купечества. Въ комитетахъ и коммиссіяхъ начальство видѣло средство къ болѣе успѣшному проведенію мѣропріятій по благоустройству и къ болѣе правильному распредѣленію повинностей и тяготъ. И при существовавшихъ условіяхъ нельзя сказать, чтобы оно было не право.

Комитеты и коммиссіи сокращали кругъ вѣдомства думы и превращали ее въ простой исполнительный органъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что на ряду съ сокращеніемъ правъ мы видимъ и нѣкоторое расширеніе ихъ. Такъ въ 1811 г. въ вѣдѣніе думы перешла такъ наз. винная сумма. До сихъ поръ деньги за право винной торговли въ Харьковѣ поступали въ городовой магистратъ, откуда дума и получала ихъ на надобности городского хозяйства. Въ XVIII в., какъ мы видѣли, дума возбуждала ходатайство, чтобы винная сумма поступала непосредственно къ ней. Ходатайство это успѣха тогда не имѣло. Но въ XIX в. дума добилась своего: начиная съ 1811 г. винная сумма перестала поступать въ магистратъ. Отъ откупщика шла она въ казначейство, откуда и выдавалась въ думу по третямъ года [1]). Всѣ источники городскихъ доходовъ оказались такимъ образомъ въ вѣдѣніи думы; роль магистрата въ области городского хозяйства,—роль, унаслѣдованная еще отъ тѣхъ временъ, когда магистратъ являлся единственнымъ хозяиномъ города, сведена была теперь къ нулю.

Въ дальнѣйшемъ замѣчается стремленіе изъять изъ вѣдомства магистрата и тѣ административно-общественныя дѣла, какія у него еще оставались. Въ 1812 г. общество харьковскихъ мѣщанъ въ составѣ 54 чел. обратилось въ думу съ просьбой, чтобы общественныя ихъ дѣла, какъ то: наборъ рекрутъ, раскладка казенныхъ податей, назначеніе общественныхъ расходовъ, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ думы или городского головы, а не магистрата, такъ какъ это учрежденіе не административное, а судебное. Ходатайство это было представлено думой на разсмотрѣніе губернскаго правленія, которое рѣшило, что общественныя дѣла мѣщанъ должны подлежать вѣдѣнію думы [2]). Къ думѣ же перешло и право надзора и завѣдыванія дѣлами цеховыхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что право это было далеко не безспорнымъ. Такъ еще въ 1852 г. мы видимъ, что магистратъ оспариваетъ у думы право распоряженія по дѣламъ цеховыхъ [3]). Въ томъ же 1852 г. вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ въ томъ смыслѣ, что право управленія цехами принадлежитъ думѣ [4]). Съ 1819 г. видимъ и дальнѣйшее расширеніе правъ думы на счетъ магистрата. Съ этого времени взысканіе процентовъ съ объявленныхъ купцами капиталовъ и выдача имъ документовъ на право торговли перешли въ вѣдѣніе думы [5]). Въ 1827 г. и 1830 г. послѣдовали узаконенія о выдачѣ городскими думами паспортовъ мѣщанамъ и купцамъ, а съ 1835 г. онѣ же стали выдавать паспорта и почетнымъ гражданамъ. Думою же выдавались и свидѣтельства содержателямъ трактирныхъ заведеній. Въ 1828 г. думѣ предоставлено право избирать кандидатовъ для поступленія въ новооткрытый тогда въ Петербургѣ технологическій институтъ. Въ 1831 г. на думу возложены нѣкоторыя обязанности по дѣламъ о рекрутской повинности. Въ 1832 г. законодательнымъ путемъ разъяснены обязанности думы „по предмету приписки къ городамъ разнаго званія людей". Съ 1833 г. дума стала выдавать свидѣтельства купцамъ, ищущимъ почетнаго гражданства, а съ 1834 г.—свидѣтельствовать кредитныя письма, даваемыя отъ хозяевъ приказчикамъ. Въ 1851 г. дума получила право вмѣшательства въ составленіе и исполненіе приговоровъ мѣщанскаго общества объ удаленіи изъ своей среды порочныхъ членовъ [6]).

[1]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1811 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1812 г. № 1, стр. 171, 244.
[3]) Тамъ же. Журн. 1852 г. августа 29.
[4]) 2-ое Полн. Собр. Законовъ Т. XXVII № 25977.
[5]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1820 г.
[6]) 2-ое Полн. Собр. Закон. Т. II № 1593, т. III №№ 2032, 2463, т. V 3774, т. VI № 4677, т. VII № 5842, т. VIII № 6167, т. IX № 6977, т. X № 8627, т. XXII № 21210, т. XXVI № 25820.

Бывали случаи, когда въ вѣдѣніе думы передавались и такія дѣла, къ которымъ, по смыслу закона, она не должна была бы имѣть никакого касательства. Въ 1813 г. Харьковская духовная консисторія обратилась въ думу съ слѣдующимъ сообщеніемъ: 25-го марта во время вечерни въ Дмитріевскую церковь пришелъ поврежденный въ умѣ купецъ Зикѣевъ, бѣгалъ по церкви, вбѣжалъ въ царскія врата и палкою ударилъ по престолу. Консисторія требовала отъ думы воздержать Зикѣева „отъ подобныхъ неистовыхъ дѣйствій". Что сама дума признавала заботу о Зикѣевѣ входящею въ кругъ своихъ обязанностей,—это видно изъ того, что еще до полученія требованія консисторіи она обсуждала вопросъ о ненормальности Зикѣева и просила губернатора посадить его въ сумасшедшій домъ. Требованіе консисторіи дало думѣ только новый поводъ еще разъ напомнить губернатору объ этомъ дѣлѣ [1]). Еще раньше, въ 1806 г., уголовная палата сочла возможнымъ и законнымъ возложить на думу обязанность смотрѣть за поведеніемъ купца Золотарева и нѣкоей Елисаветы Еремыкиной, подозрѣваемыхъ въ развратѣ. Какъ могла дума осуществить этотъ надзоръ,—не извѣстно, но знаемъ, что за недостаточное смотрѣніе палата пригрозила думѣ отвѣтственностью по законамъ. Дума отказывалась отъ этой обязанности, но были-ли ея резоны приняты въ уваженіе,—не знаемъ [2]). Въ 1842 г. Харьковская духовная консисторія обратилась въ думу съ заявленіемъ, что въ Харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ съ давнихъ лѣтъ нѣтъ церковнаго старосты. Это храмъ безприходный, куда притекаютъ для слушанія славословій люди всѣхъ почти харьковскихъ приходовъ, а потому консисторія сочла умѣстнымъ предложить думѣ избрать для собора старосту изъ купцовъ или благонадежныхъ мѣщанъ. Дума, не находя въ законахъ указанія на свое право выбирать церковныхъ старостъ, рѣшила передать вопросъ на разсмотрѣніе губернатора [3]).

Само собою понятно, что такіе отдѣльные случаи не устанавливали правила и расширенію правъ думы отнюдь не содѣйствовали. Были всѣ они къ тому-же такого свойства, что думѣ приходилось отъ такого распространительнаго толкованія ея правъ и обязанностей только открещиваться.

Городская дума, сведенная почти на нѣтъ комитетами и коммиссіями, передъ которыми она играла роль подчиненнаго мѣста и отъ которыхъ получала „предписанія", была къ тому же сильно ограничена властью губернатора, безъ согласія котораго не могла осуществить ни одного постановленія, произвести ни одного расхода. Въ 1836 г. сильнымъ градомъ выбито было въ думѣ 77 стеколъ. Вмѣсто того, чтобы немедленно исправить поврежденіе, дума обратилась за разрѣшеніемъ произвести этотъ расходъ къ губернатору и ожидала, пока отъ его сіятельства послѣдуетъ надлежащее повелѣніе [4]). Хорошо еще, что дѣло было лѣтомъ, а не зимою. Когда въ 1850 г. городскія учрежденія захотѣли удобнѣе распредѣлить комнаты занимаемаго ими городского дома, они принуждены были просить разрѣшенія губернатора [5]). Городская смѣта пересматривалась и измѣнялась и губернаторомъ, и губернскимъ правленіемъ. Въ своихъ денежныхъ дѣлахъ дума, кромѣ губернатора, должна была ежегодно отчитываться передъ казенною палатою, которая провѣряла правильность городскихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ. Кромѣ того, съ 1808 г. надзоръ за законностью думскихъ постановленій былъ порученъ еще и уѣздному стряпчему, къ которому дума и обязана была посылать для просмотра свои журналы и протоколы [6]).

По закону дума считалась присутственнымъ мѣстомъ, но въ дѣйствительности если и была таковымъ, то гораздо низшаго ранга, нежели всѣ прочія губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Большіе и малые губернскіе чиновники третировали ее обычно свысока, нисколько не церемонясь ни съ думской коллегіей, ни съ каждымъ изъ представителей этой коллегіи въ отдѣльности. Требованія думы полицією игнорировались, а къ самой думѣ со стороны полиціи требованія предъявлялись подчасъ прямо таки оскорбительныя. Въ 1830 г. полиціймейстеръ обратился въ думу съ требованіемъ очистить ретирады въ присутственныхъ мѣстахъ, на гауптвахтѣ, въ губернскомъ правленіи и въ полиціи. Дума отказалась, ссылаясь на то, что и прежде никогда не чистила. Впрочемъ вопросъ о правѣ отказа отъ такихъ требованій показался думѣ все таки сомнительнымъ, и она рѣшила для вѣрности обратиться за разъясненіемъ къ гу-

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1813 г.
[2]) Тамъ же. Подл. приг. 1806 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1842 г. апрѣля 28.
[4]) Тамъ же. Журн. 1836 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1850 г.
[6]) Тамъ же. Подл. притов. 1808 г.

бернатору [1]). Въ 1829 г. полиція прислала въ думу грязное бѣлье арестантовъ съ просьбою вымыть его [2]). И т. п. въ этомъ же родѣ.

Предсѣдателемъ общихъ собраній городского общества, когда оно собиралось, купеческаго общества, которое обыкновенно отождествлялось съ городскимъ, избирательныхъ собраній и градской думы былъ городской голова. По закону выбирался онъ всѣмъ городскимъ обществомъ, въ дѣйствительности его, какъ мы видѣли, выбирали купцы съ участіемъ нѣсколькихъ депутатовъ отъ мѣщанъ и цеховыхъ. Въ случаѣ отлучки головы мѣсто его заступалъ старшій кандидатъ, т. е. лицо, получавшее на выборахъ наибольшее послѣ головы число избирательныхъ голосовъ. Если голова увольнялся отъ службы ранѣе окончанія срока своихъ полномочій, его заступалъ также старшій кандидатъ. Для отлучки изъ города голова долженъ былъ просить разрѣшенія думы [3]). Кромѣ думы, голова предсѣдательствовалъ въ сиротскомъ судѣ и былъ членомъ почти всѣхъ тѣхъ внѣдумскихъ коммиссій и комитетовъ, которые въ разное время и по разнымъ случаямъ учреждались въ Харьковѣ для выполненія тѣхъ или иныхъ задачъ въ области городского благоустройства и хозяйства.

Гласные думы, по закону, выбирались отъ „настоящихъ городскихъ обывателей“, отъ гильдейскаго купечества, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ мѣщанъ и отъ цеховыхъ. Въ дѣйствительности представителей въ думу посылали только три сословія: купцы, мѣщане и цеховые, при чемъ численное преобладаніе всегда принадлежало купцамъ. Въ 1820 г., кромѣ гласнаго отъ гильдіи, купцы даютъ трехъ гласныхъ и отъ „настоящихъ городскихъ обывателей“. Въ 1837 г., кромѣ гласнаго отъ гильдіи, купцы выбираютъ шесть представителей „отъ частей“, входящихъ въ думу опять таки въ качествѣ „настоящихъ городскихъ обывателей“. Тоже и при выборахъ 1840 г. [4]). Въ XVIII в. иностранные и иногородные гости не давали представителей въ думу, но давали ли они ихъ въ XIX в.? На основаніи бывшихъ въ нашемъ распоряженіи документальныхъ данныхъ, на этотъ вопросъ отвѣтъ можно дать только отрицательный. Правда, отъ 1823 г. до насъ дошелъ журналъ думы (20-го января), изъ котораго узнаемъ, что при выборахъ гласныхъ въ 1822 г. со стороны „сословія иногородныхъ“, проживающихъ въ Харьковѣ, былъ выбранъ одесскій первой гильдіи купецъ Дмитрій Шатуновъ, но выбранъ „не самымъ тѣмъ иногороднымъ народомъ, но кореннымъ здѣшнимъ купечествомъ“, что дало думѣ поводъ опротестовать выборы, какъ неправильные, передъ губернаторомъ и не допустить Шатунова къ засѣданію въ думѣ“ [5]). Послѣ этого другихъ случаевъ, когда бы „иногородный народъ“ выбиралъ себѣ особаго представителя въ думу, мы не видимъ.

Должность гласнаго въ глазахъ избирателей и самихъ избранниковъ была не столько почетной обязанностью, сколько тяжелой повинностью. Гласный обязанъ былъ прослужить городу узаконенный „терминъ“. Отъ несенія этой повинности увольненія дѣлались съ большою неохотою. Только тяжелая болѣзнь или особыя семейныя обстоятельства считались достаточными „резонами“ для увольненія отъ должности гласнаго. Иногда помогала и нерадивость, заставлявшая думу исключать нерадиваго гласнаго изъ своей среды. Въ случаѣ выбытія гласнаго его должность замѣщалась по новымъ выборамъ отъ соотвѣтствующаго сословія. Такіе выборы были необходимы въ тѣхъ случаяхъ, когда кандидатовъ въ думскимъ гласнымъ не выбиралось. Впрочемъ мы знаемъ случай, когда должность гласнаго была замѣщена и безъ выбора. Въ 1841 г. дума нашла, что гласный отъ цеховъ Василій Котляровъ не исполняетъ своей обязанности по неспособности и нерадѣнію, и предписала ремесленной управѣ командировать въ думу благонадежнаго человѣка для замѣщенія Котлярова [6]).

По закону полагались двѣ думы—общая и шестигласная, при чемъ послѣдняя выбирается первой. Въ дѣйствительности общей и шестигласной думъ, какъ отдѣльныхъ учрежденій, совсѣмъ не было. Выбранные отъ сословій гласные собирались въ думу и здѣсь распредѣляли, какія кто долженъ взять на себя обязанности, не раздѣляясь на членовъ шестигласной и общей думъ. Повидимому, участвовали въ думскихъ

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1830 г.
[2]) Тамъ же. Вход. 1829 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1839 г. мая 29.
[4]) Тамъ же. Журн. 1837 и 1840 г.г.
[5]) Тамъ же. Журналы 1823 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1841 г. іюля 8.

засѣданіяхъ тѣ гласные, которые могли это дѣлать по роду своихъ обязанностей. Были такіе гласные, которые въ засѣданіяхъ думы никогда не участвовали. Такимъ безгласными гласными были напр. гласные, собиравшіе съ жителей положенные въ пользу города доходы, завѣдывавшіе постройками, уличными работами и т. п. Такая черная работа возлагалась обычно на гласныхъ изъ мѣщанъ и цеховыхъ. „Мужами совѣта", участвовавшими въ думскихъ засѣданіяхъ, бывали по большей части купцы. Имъ и принадлежалъ къ думѣ рѣшающей голосъ. Бывали годы, когда въ думскихъ засѣданіяхъ не участвовало ни одного гласнаго-мѣщанина или цехового. Даже къ концу дѣйствія Екатерининскаго Городового Положенія, когда въ Харьковѣ ясно уже сознавалась мысль о необходимости всесословной думы, въ думѣ мы не находимъ представителей всѣхъ городскихъ сословій. Въ 1867 г. изъ числа гласныхъ—пять купцовъ, одинъ мѣщанинъ и ни одного цехового [1]). Гласные, не принимавшіе участія въ думскихъ засѣданіяхъ, играли въ думѣ чисто служебную роль и даже какъ бы не считались за гласныхъ. Замѣчательно, что ихъ фамиліи даже не помѣщались въ мѣстныхъ адресъ-календаряхъ. Что касается до гласныхъ, принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ, то и они не всегда оказывались въ законномъ числѣ: бывало ихъ и шесть, но бывало и меньше. Кромѣ гласныхъ, положенныхъ по жалованной грамотѣ 1785 г., въ составѣ Харьковской думы, начиная съ 1835 г., находимъ нѣсколько добавочныхъ гласныхъ. Въ 1835 г. введено было Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова, коимъ установленъ такъ назыв. 1% сбора съ недвижимыхъ имуществъ горожанъ въ пользу города. Спеціально для взиманія этого сбора было велѣно выбрать шесть добавочныхъ гласныхъ. Впослѣдствіи число добавочныхъ гласныхъ было сокращено. Такъ въ 1862 г. мы видимъ въ думѣ двухъ гласныхъ по взысканію 1% сбора, въ 1865 г.—трехъ. Передъ самымъ концомъ старой думы, наканунѣ введенія новаго Городового Положенія, кромѣ того, завелись еще добавочные гласные и по взиманію земскаго налога. Гласные присутствовали въ думѣ и завѣдывали различными отраслями городского хозяйства.

Какъ распредѣлялись обязанности между гласными, видно изъ одного думскаго журнала 1820 г. Къ составу думы принадлежали въ то время, кромѣ головы, одинъ гласный отъ гильдіи, 2—отъ мѣщанъ и 3—отъ цеховъ. Одному гласному былъ порученъ приходъ и расходъ городскихъ суммъ и счетоводство, другой былъ назначенъ завѣдывать покупкой лѣса и прочихъ матеріаловъ для построекъ и надзирать за постройками, двое были обязаны смотрѣть за пожарными лошадьми и за пожарными инструментами, двое назначены были для отвода мѣстъ ярмарковымъ и двое для сбора въ пользу города денегъ съ шубниковъ и прочихъ мелкихъ торговцевъ [2]). Иногда на думскихъ гласныхъ порученія возлагались и губернскимъ начальствомъ. Такъ въ 1821 г., когда начиналась постройка городскихъ присутственныхъ мѣстъ, губернаторъ приказалъ думѣ прислать въ учрежденную для этого строительную коммиссію одного изъ гласныхъ „въ родѣ коммиссіонера" для исполненія порученій коммиссіи въ пріисканіи въ покупку матеріаловъ [3]). Къ числу тяжелыхъ обязанностей харьковскаго гласнаго принадлежала обязанность ходить лично по обывателямъ для взиманія городскихъ сборовъ. Когда въ 1835 г. былъ уставленъ 1% сборъ, трое думскихъ гласныхъ постоянно были заняты тѣмъ, что ходили по обывательскимъ дворамъ съ шнуровыми книгами и получали причитающійся налогъ. Только въ 1842 г. губернаторъ запретилъ гласнымъ ходить по домамъ и велѣлъ обывателямъ самимъ являться въ думу для уплаты сборовъ [4]). Гласными распоряжалась ни только дума, но иногда и губернское начальство, возлагавшее на городскихъ избранниковъ совсѣмъ не подходящія обязанности. По требованію начальства гласные командировались для такихъ порученій, какія по существу съ удобствомъ могъ бы выполнять простой рабочій. Такъ въ 1839 г. гласный Матвѣевскій былъ командированъ губернаторомъ „для исправленія починкою Нетечинскаго моста", а гласные Климовъ и Макаровъ—въ вѣдѣніе производителя работъ, капитана Кебеке „для смотрѣнія при складкѣ привозимаго въ Харьковъ камня", съ подтвержденіемъ ни подъ какимъ предлогомъ не уклоняться отъ возложеннаго на нихъ порученія [5]). Не удивительно, что въ такихъ случаяхъ гласные

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 87.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1820 г., стр. 2.
[3]) Тамъ же, Журн. 1821 г., кн. 2, стр. 67.
[4]) Тамъ же Журн. 1842 г. ноября 12.
[5]) Тамъ же. Постановл. 1839 г., стр. 1.

старались уклониться. И уклонялись не только отъ черной работы, но и отъ присутствованія въ засѣданіяхъ думы. 27 апрѣля 1843 г. городской голова заявилъ гласнымъ, что „они почти ежедневно не являются въ присутствіе думы къ своимъ обязанностямъ, и тѣмъ разныя по службѣ порученія очень неуспѣшно исполняются". Голова „поставлялъ гласнымъ въ непремѣнную обязанность являться къ своимъ должностямъ въ свое время неопустительно и исполнять порученія въ точности", угрожая въ противномъ случаѣ о поведеніи гласныхъ довести до свѣдѣнія начальника губерніи [1]).

Бывали случаи, когда гласные были настолько заняты то думскими дѣлами, то начальственными порученіями, что для нихъ приходилось выбирать особыхъ помощниковъ, впрочемъ не въ качествѣ членовъ думы, а только ея агентовъ. Такъ въ 1830 г. всѣ гласные думы, какъ отъ купечества, такъ и отъ мѣщанъ и цеховыхъ, были откомандированы для исполненія разныхъ городскихъ порученностей—для постройки двухъ мостовъ, гаченія улицъ, очистки площадей, исправленія городскихъ фонарей, доставленія припасовъ въ холерныя больницы, такъ что въ думѣ оставался всего одинъ гласный, на обязанности котораго лежалъ сборъ денежныхъ суммъ. Въ виду этого дума постановила предписать мѣщанскому и ремесленному обществамъ выбрать на помощь гласнымъ по два человѣка отъ каждаго сословія и, по приведеніи ихъ къ присягѣ, прислать въ думу [2]). Въ 1840 г. для приведенія въ извѣстность вновь выстроенныхъ домовъ, подлежавшихъ обложенію однопроцентнымъ сборомъ, были выбраны четыре депутата отъ купечества въ помощь гласнымъ, вѣдавшимъ взиманіе этого сбора [3]).

Обязанности по службѣ городу отрывали гласныхъ отъ собственныхъ занятій, иногда къ серьезному ущербу для ихъ личнаго благополучія. Естественны поэтому частыя жалобы гласныхъ на то, что они за свою службу городу не получаютъ ни жалованья, ни наградъ.

Несправедливо и обидно казалось это членамъ думы, когда они сравнивали свое положеніе съ положеніемъ магистратскихъ бургомистровъ и ратмановъ или засѣдателей совѣстнаго суда, службѣ которыхъ вознаграждалась жалованьемъ. Еще болѣе обиднымъ казалось гласнымъ, что находящіеся въ самой думѣ приказные, „кромѣ жалованья, поощряются повышеніемъ въ чины", между тѣмъ какъ „сего то самаго градскій голова и гласные вовсе лишены". Это то обстоятельство заставило въ 1826 г. харьковскую городскую думу „утруждать его превосходительство г. здѣшняго губернатора и кавалера объ исходатайствованіи для думы на грядущее время штата съ присвоеніемъ по оному градскому главѣ съ гласными жалованья и наградъ за службу". Члены харьковскаго муниципалитета заключали свое ходатайство увѣреніемъ, что, попавъ въ штатъ, городская дума, „бывъ движима чувствомъ вѣрноподданической обязанности своей, всеконечно съ легкимъ бременемъ будетъ продолжать попеченіе съ неутомимою готовностію къ неупустительному исполненію всѣхъ на обязанности ея лежащихъ дѣлъ" [4]).

Жалованья и штатныхъ ранговъ члены городской думы такъ и не дождались. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для нихъ были развѣ только мундиры. По Высочайшему повелѣнію 1834 г. головѣ присвоенъ мундиръ 7 разряда, засѣдателямъ уголовной и гражданской палатъ, совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія, членамъ думы и бургомистрамъ—восьмого, ратманамъ—девятаго, а городовымъ старостамъ, секретарямъ думы, магистрата и сиротскаго суда—десятаго [5]). Въ 1837 г. губернаторъ Трубецкой предписалъ думѣ составить и представить ему полные штаты всѣхъ должностей городскаго управленія, исключивъ изъ сего списка должности, отмѣненныя закономъ или же по мѣстному положенію городовъ и составу ихъ обществъ признанныя не нужными. Штаты эти требовались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для утвержденія въ предположеніи облегчить службу по городскимъ выборамъ. Штаты были составлены и представлены [6]), но ни чиновъ, ни наградъ члены думы и на сей разъ не дождались. Вмѣсто чиновъ и орденовъ законъ 1851 г. установилъ для городскихъ головъ и членовъ думъ только похвальные листы, которыми и награждались они за прохожденіе службы, пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ и право именоваться

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журналы 1843 г. апрѣля 27.
[2]) Тамъ же. Журн. 1830 г., стр. 1129.
[3]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[4]) Тамъ же. Протоколы 1826 г. 22 декабря.
[5]) Тамъ же. Журн. 1834 г.
[6]) Тамъ же. Журналъ 1837 г. стр. 712.

степенными [1]). Впрочемъ, не въ примѣръ великорусскимъ городамъ, титулъ „степенство“ въ Харьковѣ правъ гражданства среди населенія почему то не получилъ.

Ранговъ просили члены думы не даромъ. По своему служебному положенію они подходили скорѣе къ чиновникамъ, нежели къ общественнымъ дѣятелямъ. Связь ихъ съ выбравшимъ ихъ обществомъ прекращалась съ момента выборовъ. Общественному контролю они не подлежали, а въ своихъ служебныхъ грѣхахъ отчитывались только передъ тѣмъ же губернскимъ начальствомъ, передъ которымъ отчитывались и прочіе чиновники. Оно хвалило или дѣлало выговоры и отдавало подъ судъ. Избирателямъ до всего этого не было никакого касательства. Наказанія налагались обыкновенно въ видѣ штрафа. Такъ было напримѣръ въ 1810 г. Въ 1805 г. развалились во время бури 12 городскихъ лавокъ въ такъ назыв. каменной галлереѣ, и члены думы были преданы суду уголовной палаты, которая нашла ихъ виновными въ неосмотрительности и постановила взыскать съ нихъ въ пользу города деньги, употребленныя на починку лавокъ (107 р.), и штрафъ въ пользу казны въ суммѣ 200 р. съ подтвержденіемъ, чтобы они впредь не приступали къ починкѣ городскихъ строеній безъ разрѣшенія губернатора [2]). На думу трехлѣтія 1841—1843 г.г. былъ наложенъ штрафъ въ нѣсколько сотъ рублей за небрежность при взиманіи городскихъ сборовъ. Въ 1841 г. подъ смотрѣніемъ гласнаго Павлова чинились Лопанскій и Харьковскій мосты. Починка оказалась не прочной, и по приказу губернатора Павлову велѣно вновь починить мосты уже на свой собственный счетъ [3]). Вообще случаевъ наложенія штрафовъ на думу или на ея отдѣльныхъ членовъ въ исторіи дореформенной Харьковской думы было не мало.

Постепенно устраняя думу, путемъ созданія разныхъ комитетовъ и коммиссій, отъ активнаго руководительства и распоряженія городскимъ благоустройствомъ, законодатель въ то-же время постепенно расширялъ обязанности думы по такимъ дѣламъ, гдѣ требовалась не распорядительность и инициатива, а только писанье и счетъ. Выдача паспортовъ, пріемъ гильдейскихъ пошлинъ, выдача разныхъ свидѣтельствъ, провѣрка мѣщанскихъ и цеховыхъ книгъ и приговоровъ, наведеніе справокъ о судимости лицъ, имѣющихъ право участія въ городскихъ выборахъ,—все это такія дѣла, для веденія которыхъ малограмотные купцы были менѣе всего способны. „Дѣлопроизводство“ въ думѣ было не малое, и понятно, что при полной неподготовленности къ нему городскихъ избранниковъ велоссь оно далеко не всегда аккуратно. Сенаторъ Брозинъ, ревизовавшій думу въ 1827 г., сдѣлалъ цѣлый рядъ указаній на непорядки въ этой области [4]). При ревизіи приходорасходныхъ книгъ за 1825—1826 г.г., производившейся казенной палатой только въ 1834 г., оказались разныя неисправности, для исправленія которыхъ вызывался голова Криворотовъ и гласные [5]). Приходорасходныя книги доставлялись въ казенную палату обыкновенно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ положеннаго закономъ срока. Въ 1830 г. при губернаторской ревизіи обнаружилось, что книга по сбору денегъ съ ярмаркахъ находится „въ самомъ безобразномъ видѣ и измарана, съ большими подчистками, а взносъ денегъ отъ торговцевъ означается не ясно, почему книга сія и не можетъ представлять акта не сомнительнаго“. Обывательской книги за 1830 г. не оказалось. Въ приходной книгѣ по сбору за городскія мѣста противъ нѣкоторыхъ статей „нѣтъ утвержденія тѣхъ торговцевъ, отъ коихъ показанъ взносъ денегъ“ [6]).

Въ 1837 г. думу ревизовалъ губернаторъ, оставшійся довольнымъ найденными въ ней порядками и даже объявившій свою признательность головѣ и гласнымъ, не смотря на то, что при ревизіи былъ обнаруженъ цѣлый рядъ упущеній въ думскомъ дѣлопроизводствѣ: окладныя, напр., книги 1% сбора оказались на рукахъ у собиравшихъ этотъ сборъ гласныхъ, а въ самой думѣ никакихъ свѣдѣній о поступавшихъ къ гласнымъ деньгахъ не имѣлось; книга для записыванія сбора съ отводимыхъ ярмарковыхъ мѣстъ велась слишкомъ кратко; обывательская книга за 1835 г. не имѣла установленныхъ подраз-

---

[1]) 2-ое Полн. Собр. Закон. Т. XXVI № 25290.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журналъ 1810 г. (октября 31).
[3]) Тамъ-же. Журналъ 1841 г. мая 29.
[4]) Тамъ-же. Журналъ 1828 г. января.
[5]) Тамъ-же. Журналъ 1831 г. мая 25.
[6]) Тамъ-же. Журналъ 1831 г. мая 25.

дѣленій и не всѣдѣ отчетлива; въ окладной книгѣ доходовъ и расходовъ показаны не всѣ статьи; съ обывателей взыскивалось за гербовую бумагу въ тѣхъ случаяхъ, когда употреблялась простая [1]).

Въ 1841 г. губернаторомъ были усмотрѣны въ думѣ безпорядки, и для ревизіи дѣлопроизводства, а также для выясненія причинъ недостатка городскихъ доходовъ, былъ назначенъ совѣтникъ губернскаго правленія Великовъ [2]).

Въ 1844 г. генералъ-губернаторомъ была назначена ревизія дѣятельности думы въ виду допущенныхъ ею безпорядковъ по сбору городскихъ доходовъ. Ревизоромъ былъ назначенъ состоявшій при генералъ-губернаторѣ чиновникъ особыхъ порученій Обрѣзковъ [3]). Чѣмъ окончилась эта ревизія—не знаемъ. Въ 1850 г. ревизія чиновника особыхъ порученій Пассека открыла въ отчетности и дѣлопроизводствѣ думы безпорядки: отчетъ за 1849 г. не былъ своевременно представленъ ни губернатору, ни въ казенную палату; по городскимъ доходамъ накопились недоимки; не производились провѣрки маркитантовъ, извозчиковъ, постоялыхъ дворовъ, модныхъ магазиновъ, кондитерскихъ и т. п. заведеній, приносившихъ городу доходъ. Уѣздный стряпчій тоже доносилъ о безпорядкахъ въ думѣ: журнальная книга, докладныя, входящіе настольные реестры ведутся не своевременно и не въ должномъ порядкѣ, дневные журналы подписываются членами и даются на просмотръ стряпчему чрезвычайно медленно, а исполненіе по нѣкоторымъ изъ нихъ дѣлается не только до просмотра стряпчаго, но и до подписи ихъ членами думы; обывательская книга въ полномъ безпорядкѣ; денежныя суммы вносятся въ думу и записываются на приходъ несвоевременно, нѣкоторыя приходныя и расходныя книги и документы въ безпорядкѣ; предписанія начальства и требованія разныхъ мѣстъ и лицъ исполняются несвоевременно; дѣлопроизводство и счетоводство думы членами не ревизуется; на замѣчанія и настоянія стряпчаго вниманія не обращается и даже не записывается о нихъ въ думскіе журналы. По настоянію прокурора губернское правленіе постановило сдѣлать думѣ строгое замѣчаніе съ напоминаніемъ о взысканіи по законамъ. Въ 1856 г. стряпчій указываетъ на нарушеніе думой цѣлаго ряда установленныхъ закономъ формъ дѣлопроизводства. Несмотря на настоянія стряпчаго и неоднократныя напоминанія губернскаго правленія, думское дѣлопроизводство не улучшалось. Управленіе канцеляріей не раздѣлялось между членами думы; дѣла, не терпящія отлагательства, не получали своевременнаго исполненія; денежныя книги за 1854 г. въ казенную палату не присланы, а книги за 1848—1852 гг., возвращенныя изъ казенной палаты для исправленія, остаются не исправленными; деньги, получаемыя гласными, вносятся въ Думу несвоевременно; книги однопроцентнаго сбора въ безпорядкѣ, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить, сколько остается не довзыскано; денежные документы въ безпорядкѣ, городская обывательская книга—тоже [4]). Въ 1858 г. стряпчій опять жалуется, что, не смотря на его заявленія, безпорядки въ думскомъ дѣлопроизводствѣ не прекращаются; гласные не доставляютъ своевременно собираемаго ими 1% сбора; журналы думы не представляются ему, стряпчему, на просмотръ, и т. п. Въ этомъ же году дума получаетъ нѣсколько выговоровъ за медленность [5]) Въ 1860 г.—новый выговоръ послѣ ревизіи дѣлопроизводства за 1859 г. [6]).

Во всѣхъ этихъ безпорядкахъ и упущеніяхъ не столько, конечно, были повинны малосвѣдущіе въ приказныхъ порядкахъ и не очень грамотные члены думы, сколько ея канцелярія, игравшая въ дореформенной думѣ чрезвычайно важную, можно сказать, рѣшающую роль. Во главѣ ея стоялъ секретарь или, какъ онъ тогда назывался, письмоводитель. Первыя 27 лѣтъ XIX в. письмоводителемъ думы былъ Случанскій, прослужившій 44 года и ушедшій въ отставку съ пенсіей [7]). Затѣмъ секретарскую должность очень долго несъ тит. сов. Ив. Пащенковъ, состоявшій на службѣ въ губернскомъ правленіи съ 1808 г., а въ должности думскаго секретаря съ 1828 г. Когда въ 1841 г. въ думу была назначена ревизія въ виду усмотрѣнныхъ въ ней губернаторомъ безпорядковъ и для открытія причинъ недостатка

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1837 г. стр. 28.
[2]) Тамъ же. Журн. 1841 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1844 г. янв. 19.
[4]) Тамъ же. Журн. 1856 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1858 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1860 г. марта 22.
[7]) Тамъ же. Протоколы. 1827 г.

городскихъ доходовъ, Пащенковъ попросилъ увольненія отъ службы. Дума задержала его до конца ревизіи, послѣ чего онъ ушелъ съ пенсіей. На должность секретаря былъ назначенъ бывшій штатный секретарь магистрата, губернскій секретарь Кремповскій [1]). Послѣ Кремповскаго секретарскую должность занялъ Линицкій, а послѣ него, въ 1860 г., небезъизвѣстный малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ [2]).

При секретарѣ имѣлась канцелярія. Сперва она была не велика: въ 1820 г. въ думѣ, кромѣ письмоводителя, было два писца [3]), а въ 1834 г. три [4]). По положенію 1835 г. для думской канцеляріи былъ опредѣленъ штатъ изъ одного секретаря и одного бухгалтера, двухъ его помощниковъ и 4 писцовъ средняго и низшаго окладовъ, при чемъ на государственной службѣ числился только секретарь въ должности XIV класса, а писцы служили по наему [5]). Въ 1840 г. дума жаловалась, что такой составъ канцеляріи для аккуратнаго и правильнаго вѣденія дѣлопроизводства недостаточенъ. Съ каждымъ годомъ канцелярскихъ дѣлъ прибавлялось, въ особенности по счетной части; приходилось вести счета по оцѣночному сбору, давать свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ и по разнымъ другимъ матеріямъ, выдавать паспорты купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ. Къ тому же изъ числа наличныхъ писцовъ одинъ былъ въ постояномъ распоряженіи комитета по уравненію городскихъ повинностей. Дума просила губернатора дозволить ей принанять еще двухъ писцовъ [6]). Въ 1841 г. дума просила дать служащимъ въ ея канцеляріи права государственной службы, ибо среди вольнонаемныхъ канцеляристовъ ей трудно было найти людей надежныхъ [7]). Ссылка думы на отсутствіе надежныхъ канцеляристовъ подтверждается фактами. Среди думскихъ служащихъ попадались люди пьяные, дерзкіе, мздоимцы, небрегущіе своею должностью и тратящіе служебное время на сочиненіе ходатайствъ по частнымъ дѣламъ [8]). Но такіе же служащіе попадались и въ другихъ учрежденіяхъ, гдѣ служили не вольнонаемные писцы, а настоящіе чиновники. Въ 1850 г., послѣ ревизіи чиновника особыхъ порученій Пассека, дума вновь жалуется на недостаточность канцеляріи и съ разрѣшенія генералъ-губернатора вырабатываетъ для нея новый штатъ: здѣсь фигурируютъ уже и помощники столоначальниковъ, и регистраторъ и архиваріусъ. Въ 1852 г. въ думской канцеляріи введенъ былъ новый штатъ. Канцелярія состояла теперь изъ секретаря, бухгалтера, двухъ столоначальниковъ, регистратора, журналиста (онъ же и архиваріусъ), двухъ помощниковъ бухгалтера и двухъ писцовъ низшаго разряда. Изъ нихъ секретарь и бухгалтеръ состояли на государственной службѣ, остальные по найму. Однако же уже въ 1858 г. этого оказалось мало. По предложенію губернскаго правленія дума опять проектируетъ для своей канцеляріи новый штатъ: секретарю предположено было дать одного помощника, бухгалтеру, кромѣ двухъ помощниковъ,—еще трехъ писцовъ, столоначальникамъ двухъ помощниковъ и трехъ писцовъ, журналисту —двухъ писцовъ да, кромѣ того, учредить новую должность регистратора, а въ помощь ему дать одного писца. Всѣмъ имъ дума просила дать права государственной службы, „ибо только однимъ этимъ способомъ можно пріобрѣсть лицъ, которыя будутъ заботиться оправдать предъ правительствомъ порученныя имъ обязанности [9])“.

Обратимся теперь къ личному составу Харьковской городской думы дореформеннаго періода. Начало столѣтія застало Харьковъ подъ управленіемъ думы, выбранной еще въ 1798 г. Головой былъ купецъ 3-й гильдіи Егоръ Егоровичъ Урюпинъ, а гласными: Григорій Яковенко, Петръ Бѣляевъ, Максимъ Бутовъ и Ѳедоръ Шуменко. Изъ числа гласныхъ наиболѣе видную роль въ думѣ игралъ Бѣляевъ. Объ этомъ можно судить по тому, что въ 1801 г., во время поѣздки головы Урюпина на коронацію, онъ исправлялъ обязанности головы. Въ концѣ 1801 г. произведены были новые выборы, причемъ головою остался тотъ-же Урюпинъ, а гласными на новое трехлѣтіе были выбраны: Анисимъ Морозовъ, Прокофій Неретинъ, Василій Гончаренко, Степанъ Пушкаренко и Иванъ Угрюмовъ. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, къ составу

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1860 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1820 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1834 г.
[5]) Тамъ же. Журн. Думы. 1850 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1840 г. апрѣля 2.
[7]) Тамъ же. Журн. 1841 г. апрѣля 16.
[8]) Тамъ же. Журн. 1842 г. янв. 10 и іюля 8.
[9]) Тамъ же. Журн. 1858 г. сентября 5.

думы принадлежали еще гласные: Петръ Глуховъ, Михаилъ Линничевко и Иванъ Лагода. Въ 1804 г. во время болѣзни Урюпина должность городского головы исправлялъ бургомистръ Матвѣй Ларіоновъ. Несмотря на разницу въ личномъ составѣ думъ 1798 и 1801 г.. характеръ ихъ дѣятельности былъ совершенно тождественъ. Этого, конечно, нельзя не приписать тому, что и въ той, и въ другой думѣ былъ одинъ и тотъ же предсѣдатель, который и давалъ одинаковое направленіе ихъ дѣятельности.

Съ Е. Е. Урюпинымъ мы уже отчасти знакомы по первому тому этого труда. Энергичный, честный, стойкій, прекрасно знакомый съ законами, регулирующими жизнь городского общества и городского управленія, онъ всѣ свои силы отдалъ заботѣ о нуждахъ и благосостояніи родного ему города. Это былъ безстрашный поборникъ законности, не думавшій о личныхъ удобствахъ и выгодахъ, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ. Не удивительно, что при такомъ предсѣдателѣ дѣятельность городского самоуправленія сосредоточивалась главнымъ образомъ на охранѣ правъ и интересовъ города и горожанъ отъ чрезмѣрныхъ притязаній администраціи, упорно отстаивавшей свои претензіи на роль полнаго хозяина и распорядителя города, при которой права думы сводились бы только къ исполненію „новелѣній“, насылаемыхъ отъ губернскаго начальства. Городъ, руководимый Урюпинымъ, боролся, на сколько былъ въ силахъ. Борьба велась то при посредствѣ ходатайствъ и жалобъ передъ высшимъ правительствомъ, то домашними, такъ сказать, средствами—напоминаніемъ администраціи о незаконности ея дѣйствій, отказомъ отъ исполненія незаконныхъ требованій и т. п. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, борьба принимала нерѣдко мелочной характеръ и обострялась часто изъ за такихъ пустяковъ, на которые, при другихъ условіяхъ, не было бы обращено вниманія.

Важнѣйшими изъ эпизодовъ этой борьбы были тѣ случаи, когда споръ между городомъ и администраціей восходилъ на разрѣшеніе высшаго правительства. Такихъ случаевъ было нѣсколько. Таково дѣло объ отопленіи дома полковницы Буксгевденъ, занятаго губернаторомъ безъ согласія думы подъ квартиру шефа драгунскаго полка Глазепана, и объ уплатѣ за него квартирныхъ денегъ. Въ виду упорнаго нежеланія города расплачиваться по чужимъ обязательствамъ, Харьковская уголовная палата оштрафовала на 200 руб. горожанъ, подписавшихъ приговоръ о своемъ несогласіи исполнить приказъ губернатора. Находя, что приговоръ постановленъ неправильно, и что при производствѣ дѣла палата „попустила обществу быть безгласну въ своихъ страданіяхъ“, дума обратилась въ 1800 г. къ сенаторамъ-ревизорамъ Голохвастову и кн. Багратіону съ просьбой о защитѣ. Сенаторы защиты городу не оказали. 200 руб. пришлось уплатить, а вслѣдъ затѣмъ пришлось согласно рѣшенію гражданской палаты уплатить 1200 руб. и г-жѣ Буксгевденъ. Взысканіе было произведено „въ явный ущербъ городовыхъ доходовъ, въ чувствительную тягость, неправильно и единственно по власти“, какъ находила дума. Не видя для себя иного исхода, дума, воспользовавшись пребываніемъ въ Харьковѣ сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, рѣшила просить ихъ „доставить угнетаемымъ справедливую и законную защиту или отнестись, куда надлежитъ“ [1]). 22-го ноября 1801 г. думскій „репортъ“ былъ врученъ по принадлежности, но результатовъ отъ него вышло столь-же мало, какъ и отъ предыдущей жалобы Голохвастову и Багратіону. Въ виду неполученія отвѣта на свой „репортъ“, дума въ одномъ изъ своихъ засѣданій слѣдующаго 1802 г. (19-го сентября) постановила препроводить копію съ „репорта“, поданнаго сенаторамъ-ревизорамъ, въ Правительствующій Сенатъ [2]). Что вышло изъ этой новой жалобы,—въ дѣлахъ думы свѣдѣній не имѣется.

Въ 1801 г. Харькову явилась возможность принести правительству уже не жалобу по отдѣльному дѣлу, а общее ходатайство о городскихъ нуждахъ. По случаю коронаціи депутатомъ отъ города для привѣтствія молодого Государя былъ выбранъ голова Урюпинъ. Урюпину поручено было поднести Государю отъ г. Харькова хлѣбъ-соль на серебряно-вызолоченномъ блюдѣ, пріобрѣтенномъ еще въ оны дни головой Карповымъ, кажется, по случаю проѣзда Екатерины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подать прошеніе о разныхъ мѣстныхъ „нуждахъ, недостаткахъ, пользахъ и тягостяхъ“. Справки объ этихъ нуждахъ собирались какъ думою, такъ городовымъ магистратомъ. Прошеніе на Высочайшее имя было подано Урюпинымъ 7-го октября опредѣленному для принятія прошеній тайному совѣтнику Мих. Никит. Муравьеву. Полный текстъ прошенія до насъ не дошелъ, но содержаніе его мы знаемъ по одному изъ документовъ думскаго архива.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1801 г. сентября 5, № 171, стр. 341.

[2]) Тамъ же. Подл. Прит. 1802 г.

Харьковцы просили: 1) отвести городу выгонную землю, какой у него не было; 2) передать винную сумму въ непосредственное вѣдѣніе и распоряженіе думы; 3) продать лавки въ Гостинномъ ряду и внѣ онаго, принадлежавшія владѣльцамъ не городскихъ сословій, людямъ, имѣющимъ право на владѣніе ими; 4) завѣдываніе квартирной повинностью предоставить въ распоряженіе городового магистрата, или же во вниманіе къ тому, что Харьковъ издавна служилъ мѣстомъ собранія войскъ, указать отъ постоя его освободить на 10 лѣтъ, а если такою „безприкладною“ милостью осчастливить не можно, то возобновить постройку на счетъ винной суммы казармъ и квартирныхъ домовъ, для которыхъ губернаторомъ Тепловымъ приготовлены уже были припасы [1]). Изъ дошедшаго до насъ перечня вопросовъ, затронутыхъ въ этомъ ходатайствѣ, не видно, указывалась-ли въ самомъ ходатайствѣ связь между нуждами города и отношеніемъ къ нимъ губернскаго начальства, но мы знаемъ, что всѣ перечисленные вопросы прежде, чѣмъ попасть на разсмотрѣніе въ Петербургъ, разсматривались мѣстнымъ начальствомъ и рѣшались не въ пользу города. Если бы въ ходатайствѣ харьковцевъ и не упоминалось объ этомъ, ходатайство по существу все же имѣло смыслъ жалобы на мѣстное начальство. Въ этомъ-же 1801 г. дума возбуждаетъ передъ высшимъ правительствомъ еще одно ходатайство. Еще съ 1787 г. на харьковскомъ городскомъ обществѣ числилась недоимка въ 569 р. 22½ коп., образовавшаяся благодаря городовому старостѣ Ченцову, послѣ котораго оказался крупный недочетъ въ разныхъ взысканныхъ имъ суммахъ по городскимъ и казеннымъ доходамъ. Отвѣтственность за этотъ недочетъ возложена была на городское общество, такъ какъ оно избрало Ченцова въ старосты. Теперь, въ виду манифеста 2-го апрѣля 1801 г., дума возбуждаетъ ходатайство о сложеніи этой недоимки съ городского общества [2]).

Петербургъ оказался холоденъ къ жалобамъ и просьбамъ харьковцевъ, но неудача не заставила ихъ опустить въ безсиліи руки. Въ 1802 г., вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ новаго губернатора Артакова, дума обратилась къ нему съ представленіемъ о „нуждахъ, пользахъ и недостаткахъ общихъ“. Въ представленіи указывалось на то, что г. Харьковъ не имѣетъ выгона, который у него долженъ бы быть по силѣ указа 19 мая 1781 г., и черезъ то лишается выгодъ, какія отъ него онъ могъ бы имѣть. Затѣмъ, отмѣчались думою нарушенія 20 ст. Жалованной грамоты, согласно которой мѣщанамъ полагалось имѣть въ городѣ гостинный дворъ для продажи товаровъ: въ Харьковѣ такой дворъ существовалъ, но владѣли имъ не мѣщане, которые несли всѣ личныя и вещественныя городскія тягости, а большею частью церкви, дворяне и духовенство. Указывалось затѣмъ, что городъ лишенъ возможности установить городскія вѣсы и мѣры въ удобныхъ для этого мѣстахъ, напр. внутри гостиннаго двора, застроеннаго лавками не по плану; что городское общество въ Харьковѣ, вопреки 49 ст. Жалованной грамоты, не имѣетъ дома для своихъ собраній и архива; что по 167 ст. той же грамоты городу нужно имѣть амбары, магазины и все потребное, какъ то лавки для продажи жизненныхъ продуктовъ и дегтя, а между тѣмъ въ Харьковѣ хотя и были выгодныя для этой цѣли городскія мѣста, но розданы начальствомъ дворянамъ и разнаго званія людямъ, которые, застроивъ ихъ, получаютъ для себя „знатной доходъ“, а городъ лишается принадлежащихъ ему выгодъ; что въ Харьковѣ, распоряженіе отбываніемъ квартирной повинности находится въ рукахъ полиціи, а не магистрата, какъ бы слѣдовало; что городъ терпитъ нужду въ чистой водѣ, для чего нужно вырыть въ удобныхъ мѣстахъ колодцы, и, наконецъ, что городъ не имѣетъ публичныхъ часовъ.

Но и на сей разъ думѣ суждено было разочароваться: Артаковъ оказался во всемъ похожимъ на своихъ предмѣстниковъ. Въ его лицѣ городское управленіе нашло не покровителя и защитника, а какъ разъ на оборотъ. Пришлось вновь возложить надежды на Петербургъ. Ближайшимъ поводомъ къ посылкѣ въ столицу новаго ходатайства послужилъ вопросъ о расхищеніи городскихъ земель. Въ 1802 г. дума въ видахъ приращенія городскихъ доходовъ постановила выстроить рядъ каменныхъ лавокъ около стараго „земляного вала“ на городской землѣ (отъ каменной цирюльни Лелюкова до круглаго каменнаго строенія купца Алаторцева). Оказалось, однако, что назначенное думою мѣсто отдано еще въ 1790 г. бѣлгородскому купцу Алаторцеву; у сосѣда Алаторцева Лелюкова земля также оказалась принадлежащей городу, а въ частное владѣніе отдана бывшимъ губернаторомъ Сабуровымъ въ 1799 г. достойно вниманія, что

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. Прик. 1801 г. октября 5, № 188, стр. 368.
[2]) Тамъ же. Подл. Прик. 1801 г.

превращеніе городской земли въ частную собственность состоялось какъ разъ послѣ того, какъ дума возбудила передъ Сабуровымъ ходатайство о позволеніи ей застроить это мѣсто каменными лавками, а передъ губернскимъ правленіемъ—о недозволеніи никому застраивать пустыя городскія мѣста, какъ нужныя городу. Съ такимъ же прошеніемъ дума обращалась и къ губернатору Зильбергарнину, но проку отъ этого не вышло. Губернаторы упорно отстаивали за собой право на раздачу городскихъ земель. Въ томъ же 1802 г., когда дума обратила вниманіе на незаконное отчужденіе городской собственности, городничій Шишкинъ представилъ въ думу 19 р. 20 коп. за мѣсто, якобы проданное городомъ тит. сов. Яновскому. Дума заявила, что она никогда городской земли Яновскому не продавала, а, наоборотъ, считаетъ землю нужной для города и сама собирается эксплоатировать свободныя городскія мѣста. Деньги городничему были возвращены, а о случаѣ доведено до свѣдѣнія губернскаго правленія. Оказалось, что городское мѣсто было отдано Яновскому по распоряженію губернатора, безъ вѣдома и согласія думы [1]).

Разсмотрѣвъ все дѣло о розданныхъ начальствомъ городскихъ земляхъ, дума пришла къ слѣдующему заключенію: „какъ изъ обстоятельствъ дѣла открывается явно, что губернское начальство не только по обязанности своей не оказало вниманія и содѣйствія городской пользѣ, но еще отринувъ прошеніе думы, позволило занять принадлежащія городу мѣста частнымъ людямъ, и при томъ иногороднимъ, ни купчею, ни промѣномъ отъ города оныхъ не пріобрѣтшимъ, а тѣмъ самымъ лишило городъ собственности, законами вѣчно и нерушимо къ владѣнію опредѣленной, того для представить все сіе на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената и въ покорности просить законнаго опредѣленія". Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было просить гражданскую палату и городовой магистратъ о наложеніи запрещенія на усадьбы Алаторцева и Лелюкова [2]).

Другимъ вопросомъ, вызывавшимъ постоянныя пререканія между городомъ и администраціей и потребовавшимъ наконецъ вмѣшательства Сената, былъ вопросъ о правѣ распоряжаться отводомъ городскихъ мѣстъ для ярмарковыхъ торговцевъ. Полиція претендовала на присвоеніе этого права себѣ, а городъ, ссылаясь на городовую грамоту 1785 г., считалъ его своимъ неотъемлемымъ правомъ. Въ инструкціи, данной въ началѣ 1802 г. гласнымъ Угрюмову и Глухову, дума поручила имъ отводить для ярмарочныхъ торговцевъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, мѣста внутри города съ тѣмъ, чтобы временныя лавки („шалаши") ставили либо сами торговцы, либо на ихъ счетъ городъ. Это распоряженіе думы вызвало протестъ со стороны городничаго Шишкина, потребовавшаго, чтобы безъ его вѣдома дума не отводила никому мѣстъ подъ постройку лавокъ и сломала выстроенные ею „шалаши" около Гостинаго ряда, такъ какъ они служатъ къ стѣсненію улицы и безобразію города. Дума отвѣтила отказомъ, ссылаясь на то, что снесеніе „шалашей" отразится умаленіемъ городскихъ доходовъ. Вслѣдъ за тѣмъ городничій обратился въ думу съ требованіемъ о сносѣ „ташъ" около соборной ограды, устроенныхъ съ позволенія думы разными людьми въ Крещенскую ярмарку. Городничій ссылался при этомъ на заявленіе соборнаго протоіерея Прокоповича, жаловавшагося, что „таши" дѣлаютъ безобразіе церкви, способствуютъ засоренію церковнаго погоста, портятъ ограду и вслѣдствіе этого вызываютъ лишнюю трату церковныхъ денегъ. Ссылаясь на ордеръ Черткова (1786 г.), запрещавшій устройство въ городѣ шалашей, указъ 7-го іюня 1718 г. и на полиціймейстерскую инструкцію 1722 г., городничій требовалъ отъ думы „приказать, кому слѣдуетъ, тѣ шалаши снять и впредь къ благоустройству порядка назначеніе мѣстъ къ выстройкѣ въ ярмарочное время шалашей и ташъ оставить въ распоряженіи полиціи". Дума отрядила гласнаго Угрюмова и смотрителя городскихъ строеній Чернявскаго для освидѣтельствованія поврежденій, причиняемыхъ „ташами" собору, которые нашли, что „таши" ни соборной оградѣ, ни соборному погосту ничѣмъ не вредятъ, что же касается требованія городничаго о передачѣ полиціи права распоряжаться городскими мѣстами, то въ этомъ дума городничему рѣшительно отказала на томъ основаніи, что „держась закона, должнаго своего права раздѣлить съ городничимъ не смѣетъ". Тогда городничій рѣшилъ и безъ закона раздѣлить съ думою ея право и разобралъ „шалаши" полицейскими мѣрами. Когда въ думѣ былъ полученъ указъ губернскаго правленія о выполненіи ею требованій городничаго, шалашей уже не существо-

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. протов. 1802 г.
[2]) Тамъ же. Подл. прот. 1803 г. 16 февраля.

вало. А между тѣмъ доходъ отъ шалашей былъ одною изъ замѣтныхъ статей городскихъ доходовъ, да и обошлись они городу не дешево.

Дума подчинилась этому требованію, поддержанному и губернскимъ правленіемъ, но городничему хотѣлось большаго: хотѣлось полной независимости отъ думы въ распоряженіи ярмарочными мѣстами. Когда въ Успенскую гласные думы явились для полученія отъ городничаго указаній, гдѣ можно имъ строить балаганы для ярмарковыхъ, оказалось, что Никольская площадь въ разныхъ, годныхъ для постройки балагановъ мѣстахъ завалена деревомъ. что какой то иностранецъ строитъ здѣсь безъ отвода думы балаганъ „для представленія комедіи“, а въ другомъ мѣстѣ площади по отводу городничаго строится лавка для московскаго купца Селезнева. Послѣ безуспѣшныхъ сношеній съ городничимъ дума обратилась къ губернатору съ просьбой приказать городничему „не входить въ распоряженіе и должность городской думы“. Губернаторъ рѣшилъ споръ между думой и городничимъ въ томъ смыслѣ, что городничій долженъ указывать мѣста для ярмарковыхъ, а право договариваться съ лицами, желающими ихъ занять, принадлежитъ думѣ. Въ Покровскую споръ о правѣ распоряжаться ярмарочными мѣстами разбирается губернскимъ правленіемъ и рѣшается въ смыслѣ предоставленія городничему права отводить мѣста для ярмарковыхъ, а нѣсколько позже тоже губернское правленіе даетъ думѣ указъ, чтобы она „впредь не поступала на отводъ въ г. Харьковѣ мѣстъ на выстройку лавокъ, шалашей и палатокъ, какъ сіе относится непосредственно до части полицейской, а имѣетъ только оная дума собирать за отведенныя отъ полиціи мѣста подлежащія деньги“. Городничій торжествовалъ побѣду. Дума, однако, не хотѣла сдаваться. Ссылаясь на 167 ст. Городоваго Положенія, дума нашла, что городничій не представилъ никакой законной причины къ отказу думѣ строить на городскихъ площадяхъ и пустыхъ мѣстахъ лавки и шалаши, „а только безпредѣльно себѣ присвояя на городскую собственность право, приводитъ думу въ несостояніе дѣйствовать по своей обязанности, предписывающей ей стараться о приращеніи городскихъ доходовъ“. Рѣшено было вновь обратиться въ губернское правленіе съ просьбой „предписать г. городничему точныя границы по сей части его обязанностей“. „Точныя границы“ указаны не были. и споръ за право распоряженія ярмарочными мѣстами продолжался и послѣ этого. Благодаря поддержкѣ губернскаго начальства, преимущество въ борьбѣ всегда бывало на сторонѣ городничаго, обладавшаго если не умѣньемъ находить для своихъ дѣйствій достаточныя основанія въ указахъ и инструкціяхъ по полицейской части, то полною возможностью крѣпко бить городъ по карману.

Непріязненныя отношенія между городомъ и полиціей еще болѣе обострились, когда на помощь полиціи выступило духовенство въ лицѣ соборнаго причта. 3-го октября 1802 г. гласный Угрюмовъ, распоряжавшійся отводомъ городскихъ мѣстъ для ярмарковыхъ, донесъ думѣ, что калужскіе купцы Масленниковъ и Горбуновъ заняли своими шалашами городскія мѣста около собора по отводу городничаго и съ разрѣшенія соборнаго протоіерея Прокоповича безъ всякаго, впрочемъ, по ихъ словамъ, договора о томъ, кому и сколько слѣдуетъ заплатить. На запросъ думы городничій отвѣтилъ, что мѣста для Масленникова и Горбунова отвелъ точно онъ съ согласія Прокоповича, если же слѣдуетъ за эти мѣста какой сборъ въ пользу города, то пусть дума поступаетъ по закону. Дума усмотрѣла въ дѣйствіяхъ городничаго и Прокоповича желаніе присвоить себѣ городскіе доходы, пожаловалась губернскому правленію и просила возвратить взятыя городничимъ и Прокоповичемъ деньги въ городской доходъ и на будущее время воспретить, „чтобы они въ чужую часть не вмѣшивались“. Городничій по требованію губернскаго правленія отвѣтилъ, что разрѣшилъ онъ Масленникову и Горбунову строить шалаши потому, что они улицы не безобразили; городскихъ доходовъ себѣ не присваивалъ; взыскала-ли дума съ Масленникова и Горбунова какой-либо сборъ—онъ не знаетъ, но только извѣстно ему, что по окончаніи ярмарки купцы Масленниковъ и Горбуновъ говорили ему, что ходили они въ думу для платежа денегъ за мѣста, но денегъ съ нихъ не взяли, и потому отдали они тѣ деньги (20 руб.) ктитору соборной церкви Литвиненку. Объясненіемъ городничаго губернское правленіе вполнѣ удовлетворилось, но дума рѣшила вести дѣло до конца и вновь обратилась въ правленіе съ просьбою истребовать отъ Прокоповича деньги, а городничему запретить вмѣшиваться „въ чужую часть“. Губернское правленіе отвѣтило, что городничему запрещено имѣть касательство къ городскимъ доходамъ, что же касается 20 руб., отданныхъ купцами соборному ктитору, то дума имѣетъ право истребовать ихъ отъ ктитора черезъ протоіерея Прокоповича. Миссія по веденію объясненія съ Прокоповичемъ поручена была гласному Пушкареву, который черезъ нѣсколько дней донесъ думѣ,

что ходилъ онъ къ протоіерею требовать деньги, и протоіерей спросилъ его, кто онъ таковъ. На отвѣтъ Пушкарева, что онъ гласный изъ думы, протоіерей сказалъ: „а не безгласный?“, потомъ говорилъ, что денегъ не отдастъ, и закончилъ разговоръ словами: „поди вонъ и впредь не ходи“. Результатомъ этой неудачной миссіи былъ новый рапортъ въ губернское правленіе, запросъ консисторіи и объясненіе Прокоповича. Прокоповичъ писалъ, что приходилъ къ нему въ домъ какой-то мужикъ, объявляя ему, что онъ посланъ изъ думы, и требовалъ 20 руб.; требованія его Прокоповичъ не исполнилъ, такъ какъ не считалъ себя обязаннымъ выполнять словесныя повелѣнія думы, безгласнымъ не называлъ и „поди вонъ“ не говорилъ. Изъ дальнѣйшаго объясненія протоіерея видно, что въ отношеніи возврата 20 руб. онъ не считалъ себя обязаннымъ выполнять не только словесныхъ, но и письменныхъ требованій думы. Возвращеніе денегъ протоіерей считалъ не возможнымъ, ссылаясь на добровольный характеръ уплаты ихъ купцами и на „изъ давнихъ лѣтъ существовавшее заведеніе“. Происхожденіе „заведенія“ Прокоповичъ объяснялъ такъ: мѣста внѣ соборной ограды, на которыхъ расположились съ своими „ташами“ купцы Масляниковъ и Горбуновъ, въ старое время были внутри ограды: это былъ погостъ, на которомъ хоронили покойниковъ. Хотя впослѣдствіи эти мѣста остались и за оградой, но всѣ они принадлежатъ церкви. Съ давнихъ лѣтъ здѣсь располагались ярмарковые, вносившіе за это подаяніе на церковь, и „градское правительство на мѣста оныя, какъ и на отнятіе взаимаемыхъ за нихъ подаяній никогда поступать не дерзало“. Такъ было до 1786 г., когда по просьбѣ протоіерея Шванскаго, нападшаго „подаяніе“ купцовъ весьма малымъ, генералъ-губернаторъ Чертковъ совсѣмъ запретилъ ташеваться у соборной ограды. Запрещеніе было снято въ 1788 г., когда купцы пообѣщали Шванскому вносить подаяніе „не скудное“. Въ 1789 г. градская дума, узнавъ о „довольномъ подаяніи“, получаемомъ соборянами съ купцовъ, просила начальство раздѣлить „подаяніе“ пополамъ между нею и соборнымъ причтомъ, и губернаторъ Кишенскій приказалъ, не умаляя получаемыхъ съ этихъ мѣстъ церковью доходовъ, наложить на нихъ платежъ и въ пользу думы. Въ 1797 г. по ходатайству соборянъ губернаторъ Тепловъ разрѣшилъ имъ не дѣлиться съ думою, а весь доходъ забирать себѣ. Съ 1800 г. дума, „опять усилившись“, вновь начала брать съ ярмарочныхъ доходовъ собора половинную часть въ свою пользу, а съ наступленіемъ 1802 г. „въ крайнюю церкви обиду и убытокъ отторгнувши иногородніхъ купцовъ отъ ташеванья подъ церковною оградою, отвела это мѣсто здѣшнимъ купцамъ и мѣщанамъ безъ всякаго въ церковную сумму подаянія“. Прокоповичъ просилъ консисторію о защитѣ церкви и о томъ, чтобы, если къ нему, протоіерею, коснутся какія дѣла отъ свѣтскаго начальства, то чтобы оно не подчиняло его такимъ мѣстамъ, подъ отчетъ которыхъ онъ ни почему не подлежитъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, консисторія поддержала протоіерея по всѣмъ пунктамъ; относительно возврата денегъ она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ, ибо „въ законахъ того, чтобъ добровольно данное въ церковь отдать въ распоряженіе думѣ, не изображено“. Что касается мѣстъ подъ соборной оградой, то право на распоряженіе ими консисторія признала всецѣло принадлежащимъ соборянамъ, а не кому иному и потребовала отъ губернскаго начальства, чтобы оно удерживало думу отъ вмѣшательства въ распоряженіе тѣмъ, что принадлежитъ церкви.

Обращаясь къ губернскому начальству съ жалобами на городничаго и Прокоповича, дума вправѣ была разсчитывать на поддержку имъ интересовъ города. Этого, однако, не случилось, губернское правленіе предпочло систему невмѣшательства и ограничилось тѣмъ, что передало отвѣтъ консисторіи думѣ въ особомъ указѣ съ присовокупленіемъ требованія, чтобы на будущее время дума сносилась, въ случаѣ надобности, съ Прокоповичемъ не непосредственно, а черезъ губернское правленіе.

При такомъ отношеніи къ дѣлу высшаго краевого начальства не удивительно, что то, что имѣло мѣсто въ 1802 г., повторилось и въ слѣдующемъ, но уже въ большихъ размѣрахъ. Въ Успенскую ярмарку 1803 г. мѣста около ограды собора отводились уже безъ всякаго касательства къ этому думы. Нѣкоторымъ харьковскимъ купцамъ позволилъ занять здѣсь мѣста самъ губернаторъ Артаковъ, другимъ (изъ иногородныхъ) разрѣшеніе было дано протоіереемъ Прокоповичемъ, а иные расположились здѣсь съ позволенія городничаго Шишкина. По договору со всѣхъ ихъ было собрано 95 рублей, которые и поступили въ доходъ собора. Дума вновь рапортуетъ о нарушеніи правъ города въ губернское правленіе, а губернское правленіе вновь обращается въ духовную консисторію.

Покровская ярмарка опять выдвинула вопросъ о правѣ распоряженія мѣстами около собора. Смотритель городскихъ строеній Гребенщиковъ рапортовалъ думѣ, что онъ по приказанію думы нанялъ рабочихъ и приступилъ къ постройкѣ деревянныхъ шалашей для ярмарковыхъ около соборной ограды, но частный приставъ Ворзинъ не допустилъ его продолжить работу, а городничій Шишкинъ приказалъ разобрать и самое основаніе шалашей и мѣсто это отдалъ иногороднымъ купцамъ Масляникову и Богданову. По окончаніи ярмарки оказалось, что и относительно другихъ мѣстъ, не лежащихъ возлѣ соборной ограды, права думы совершенно игнорировались. Харьковскій купецъ Никулинъ самовольно занялъ городское мѣсто подлѣ Желѣзнаго ряда, за которое не хотѣлъ ничего платить въ городской доходъ. Харьковскіе купцы Гринченко и Кожинъ съ позволенія губернатора Артакова, а Ханайченко, Соловьевъ и Шматовъ—съ позволенія городничаго заняли мѣста противъ Гостиннаго двора и отказывались платить за нихъ въ городской доходъ деньги, ссылаясь на то, что эти мѣста показаны имъ не отъ думы. Думѣ оставалось только вновь жаловаться губернскому начальству, что она и сдѣлала.

Пока городничій не пускалъ думу распоряжаться мѣстами возлѣ соборной ограды, протоіерей Прокоповичъ принималъ мѣры къ тому, чтобы на будущее время и мѣста внутри ограды стали солиднымъ источникомъ дохода для церкви. Съ этою цѣлью вмѣсто ограды, выстроенной въ 1786 г., протоіерей сталъ воздвигать каменныя лавки. Тутъ уже къ губернскому начальству взмолились сами горожане. Харьковскіе купцы Денисъ Гринченко, Алексѣй Ханайченко, Егоръ Соловьевъ, Савва Герасименковъ и Ѳедоръ Мисьевъ обратились въ губернское правленіе съ жалобой на городничаго Шишкина и протоіерея Прокоповича, указывая, что они „безъ всякаго уваженія отягощены недопущеніемъ имъ около соборной церкви подлѣ каменной ограды къ выстройкѣ подташекъ“. Во время послѣднихъ ярмарокъ, неизвѣстно по какому преимуществу, здѣсь дозволялось ташеваться только иногороднымъ купцамъ „въ крайнѣйшую и несносную имъ, просителямъ, обиду“. На устройство Прокоповичемъ каменныхъ лавокъ просители смотрѣли, какъ на „сущее притѣсненіе харьковскихъ купцовъ“ и на нарушеніе вольности въ торговлѣ и преимуществъ, дарованныхъ жалованной грамотой. Торговцы просили оставить за ними право ташеваться около соборной ограды, и не только на время ярмарокъ, но и навсегда, какъ было и раньше, ибо въ тѣ періоды, когда ярмарокъ не бываетъ, хранить имъ товаровъ негдѣ. Губернское правленіе нашло, что такъ какъ соборная церковь имѣетъ около ограды свои лавки и отдаетъ ихъ въ наемъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ и просители имѣли свои подташки, то и слѣдуетъ позволить харьковскимъ купцамъ преимущественно передъ иногородными имѣть около соборной церкви на прежнихъ мѣстахъ подвижныя торговыя лавки, но только на время ярмарокъ, съ тѣмъ, однако, чтобы эти лавки не касались церковной ограды и не повреждали ея, не стѣсняли проѣзда по улицѣ и немедленно принимались по окончаніи каждой ярмарки. Наблюденіе за соблюденіемъ купцами указанныхъ условій было поручено тому же городничему, который прогналъ ихъ отъ церковной ограды, а условія были таковы, что давали городничему полную возможность и на будущее время гнать изъ подъ собора тѣхъ, кто ему не нравился, т. е. поступать такъ же, какъ онъ поступалъ и раньше.

Думѣ не оставалось иного выхода, кромѣ жалобы Сенату. Такъ она и сдѣлала. Въ жалобѣ своей дума указывала, что она встрѣчаетъ не только крайнее затрудненіе, но и почти невозможность выполнять свою обязанность по приращенію городскихъ доходовъ благодаря вмѣшательству въ отводъ мѣстъ городничаго Шишкина, протоіерея Прокоповича и самого губернатора Артакова, да и прежнихъ его предшественниковъ, тѣмъ болѣе, что и отъ губернскаго правленія преграда городничему и протоіерею „чинится только на бумагѣ“. Указывала затѣмъ дума и на ломку городскихъ лавокъ, стоившихъ городу около 1500 р. Дума просила Сенатъ защитить мѣщанское общество отъ притѣсненія, запретить протоіерею разламывать соборную ограду и строить на мѣстѣ ея лавки и, наконецъ, указать продать „средняго рода людямъ“ двѣ соборныхъ лавки въ Гостинномъ ряду.

Охранять отъ незаконныхъ поползновеній администраціи думѣ приходилось не только городскіе доходы, но и городское населеніе. Дума неоднократно имѣла возможность замѣтить, что харьковскіе цеховые употреблялись при церковныхъ церемоніяхъ и погребеніи важныхъ покойниковъ. Наряжались въ такихъ случаяхъ цеховые со значками по устнымъ или письменнымъ приказамъ городничаго или полицейскаго офицера. Такъ, при препровожденіи черезъ Харьковъ въ Куряжскій монастырь тѣла тайной совѣтницы Сабуровой по требованію городничаго наряжено было 12 цеховыхъ со значками, въ другой разъ сдѣланъ

былъ такой же нарядъ по случаю погребенія совѣтника губернскаго правленія Шурмина. Наряды эти, конечно, стѣсняли цеховыхъ, къ тому же и производились они тою самой полиціей, съ которой дума была на ножахъ. Возникло дѣло. Дума усмотрѣла въ дѣйствіяхъ полиціи нарушеніе 7-ой статьи жалованной грамоты („Власть имѣющія мѣста или лица да не налагаютъ на городъ новыхъ податей или службъ или тягостей, и буде отъ города кто либо требовать будетъ въ противность узаконенію или что городу трудно или тягостно, то городовой магистратъ о томъ имѣетъ жалобу приносить губернскому магистрату, равномѣрно доноситъ и Сенату, которому не налагать податей или службъ, или тягостей безъ подписанія руки Императорскаго Величества") и предложила городовому магистрату „представить о семъ, куда надлежитъ". Магистратъ, вообще державшійся въ спорѣ города съ администраціей правила „моя хата съ краю", отвѣтилъ, что дума сама имѣетъ право прямо отъ себя отнестись, куда слѣдуетъ. Дума „отнеслась" въ губернское правленіе. По запросу губернскаго правленія городничій далъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что цеховыхъ со значками онъ никогда не наряжалъ, приказаній объ этомъ не дѣлалъ, а кольми паче принужденія въ этомъ не чинилъ, а посылались цеховые отъ ремесленной управы, онъ же только извѣщалъ управу о предстоящихъ церемоніяхъ, и то не по своей иниціативѣ, а по приказамъ губернатора. Такъ было и при похоронахъ Шурмина и Сабуровой: цеховыхъ прислала по его извѣщенію сама ремесленная управа, которая и получила за это заплату. Послѣдній пунктъ объясненія городничаго заставилъ думу навести справки въ ремесленной управѣ. Оказалось, что никакой платы управа не получала. Ссылаясь на это, дума вновь ходатайствовала передъ губернскимъ правленіемъ о поступленіи съ городничимъ по законамъ. На этотъ разъ губернскому правленію дѣйствительно пришлось обратиться къ законамъ, но только для того, чтобы опровергнуть „винность" городничаго. Указъ губернскаго правленія гласилъ: „хотя по силѣ Ремесленнаго Положенія управы или цехи повиноваться имѣютъ городовому магистрату или ратушѣ, но такъ какъ по 254 ст. Учрежденія о губерніяхъ городничій долженъ имѣть бдѣніе, дабы въ городѣ сохраняемы были благочиніе, добронравіе и порядокъ, слѣдовательно всѣ въ городѣ церемоніальные обряды, какъ при церковныхъ ходахъ, такъ и въ другихъ случаяхъ состоять въ непосредственномъ распоряженіи городской полиціи, яко имѣющей обязанность наблюдать, дабы во время отправленія ихъ не могло иногда послѣдовать какого либо неустройства и безчинія, а потому губернское правленіе не находитъ никакой здѣшняго городничаго винности, ибо онъ во всякое время, когда законная надобность послѣдуетъ, имѣетъ право требовать отъ ремесленной управы словесно или письменно цеховыхъ со значками, а такъ какъ изъ рапорта думы явствуетъ, что 12 человѣкъ цеховыхъ, бывшихъ при препровожденіи черезъ Харьковъ тѣла т. сов. Сабуровой, не получили никакой за то платы, то предписать городничему указомъ, чтобы онъ, истребовавъ, съ кого слѣдуетъ, подлежащее число денегъ, отослалъ въ ремесленную управу для удовлетворенія цеховыхъ за время, какое они пробыли при отправленіи церемоніи".

Изъ указа этого дума вывела то совершенно справедливое заключеніе, что губернское правленіе не только не защитило цеховыхъ, но еще больше подчинило ихъ произволу полиціи, а на ложное донесеніе городничаго объ уплатѣ имъ денегъ не обратило никакого вниманія, и что съ правленіемъ солидаренъ и самъ губернскій прокуроръ Эвецкій, пропустившій журналъ правленія безъ всякаго съ своей стороны замѣчанія о незаконности его постановленія. Не находя поддержки своимъ законнымъ требованіямъ ни въ высшемъ губернскомъ начальствѣ, ни въ томъ органѣ, который считался въ то время „царевымъ окомъ", дума рѣшила обратиться къ верховному блюстителю законовъ—Сенату съ просьбою учинить разсмотрѣніе, правильно ли поступило губернское правленіе съ ея представленіями [1]).

Въ 1804 г. думѣ пришлось заступаться и за харьковскихъ мѣщанъ, которые жаловались, что ихъ заставляютъ провожать арестантовъ и давать подводы, точно такъ же, какъ и войсковыхъ обывателей. Дума напоминала по этому поводу статьи жалованной грамоты о „выгодахъ" мѣщанства, но какой результатъ имѣли ея хлопоты,—мы не знаемъ [2]).

Защищать интересы города противъ незаконныхъ распоряженій администраціи думѣ приходилось и по вопросу о городскихъ постойныхъ домовъ. Въ 1802 г. она потребовала отъ врачебнаго инспектора

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. прот. 1805 г., кн. 3, стр. 893 и слѣд.
[2]) Тамъ же. Подл. приг. 1804 г.

Стурдзы за занятый имъ городской домъ уплаты квартирныхъ денегъ, считая по 6 р. 25 коп. въ мѣсяцъ, всего 117 р. 55 коп. за все время его квартированія. Стурдза отвѣтилъ, что домъ занялъ онъ по распоряженію губернатора Невѣрова, договора съ думой не заключалъ и платить денегъ не будетъ. Дума обратилась за содѣйствіемъ къ полиціи, но вышелъ ли изъ этого прокъ,—не знаемъ [1]). Если въ городскихъ домахъ отводились безплатныя квартиры лицамъ, не имѣвшимъ на нихъ никакого законнаго права, то съ частными домами церемонились еще меньше. Отводомъ квартиръ распоряжалась полиція, а внутренній распорядокъ въ отведенныхъ домахъ отдавался на полное усмотрѣніе квартирантовъ, которые занимали у хозяевъ столько помѣщеній, сколько признавали для себя удобнымъ. Блюдя интересы горожанъ, дума и по этому вопросу должна была вступать въ постоянныя пререканія съ администраціей: ей приходилось то просить о предоставленіи распоряженія квартирной повинностью не полиціи, а магистрату, то напоминать администраціи о необходимости соблюденія закона, по которому военнымъ постояльцамъ полагалось отводить квартиры по чинамъ, а не „по ихъ произволенію“ [2]).

Охрана интересовъ города вызывала постоянныя пререканія между думой и полиціей. Въ 1802 г. дворникъ при городскомъ домѣ (бывшемъ Мордвинова) заявилъ думѣ, что городничій Шишкинъ и приставъ Романовскій неоднократно приказывали ему отапливать этотъ домъ городскими и доставленными изъ полиціи дровами, что онъ и дѣлалъ. Ждали, очевидно, какого-то начальства и заранѣе обогрѣвали домъ. Хозяйка дома—дума, безъ вѣдома которой это дѣлалось, обратилась къ городничему съ просьбой о наблюденіи за огнемъ въ домѣ, который отапливается по его приказанію. Городничій обидѣлся, нашелъ, что дума предъявляетъ „требованіе не сообразное съ законнымъ постановленіемъ“ и напрасною перепискою отвлекаетъ его отъ занятій нужными, по должности дѣлами; что домъ Мордвинова находится въ хозяйственномъ вѣдѣніи и распоряженіи думы, и смотрѣть за нимъ онъ, городничій, не обязанъ. Аргументація городничаго давала оружіе противъ самого-же городничаго, чѣмъ и не замедлила воспользоваться дума. Находя, что городничій, признавая въ своемъ отвѣтѣ „полное хозяйство“ думы въ городскомъ домѣ, входилъ, однако, въ распоряженіе этимъ домомъ помимо вѣдома думы, дума заключила, что „поступокъ его не иначе почитаться долженъ, какъ нарушеніемъ права, которое даютъ законы хозяину на распоряженіе своею собственностью“. Было постановлено просить городничаго, дабы онъ „благоволилъ ограничить свою власть справедливыми правами, пощадилъ думу отъ обидныхъ выраженій, дающихъ только поводъ къ взаимному несоглашенію, и впередъ касался городскихъ собственностей не иначе, какъ съ вѣдома думы“ [3]).

Приходилось думѣ напоминать полиціи о своихъ правахъ и о законахъ и въ другихъ случаяхъ. Городничій Шишкинъ безъ вѣдома и согласія думы продавалъ городскихъ пожарныхъ лошадей „яко-бы за неспособностью“, а отъ думы требовалъ новыхъ. Дума, по заявленію объ этомъ головы, постановила напомнить городничему о неправильности его дѣйствій [4]). Въ 1802 г. и въ 1803 г.г. дума неоднократно напоминаетъ полиціи о томъ, что ею вопреки закону допускаются въ Харьковѣ на ярмарки евреи, дѣлающіе подрывъ мѣстнымъ и иногороднымъ торговцамъ [5]).

Само собою понятно, что все это не могло не вызывать взаимнаго раздраженія между городскимъ самоуправленіемъ и администраціей. Раздраженіе проявлялось не только въ вопросахъ крупныхъ, но и въ мелочахъ. Въ засѣданіи думы 10-го октября 1802 г. было доложено заявленіе городского головы о томъ, что 7-го октября его превосходительство г. губернаторъ, призвавъ его черезъ полицейскаго офицера въ присутствіе губернскаго правленія, при бытности тамъ совѣтниковъ Шурлина и Оболенскаго и прокурора Эвецкаго, а также губернскаго предводителя Захаржевскаго, уѣздныхъ Шидловскаго, Меорова, Поклонскаго и почетныхъ дворянъ Неклюдова и Лосева, съ непріязненнымъ крикомъ и страстью выговаривалъ ему, что якобы онъ его во всемъ городѣ отыскать не можетъ. Голова отвѣтилъ, что былъ безотлучно въ городѣ и занимался по дѣламъ званія своего какъ должностными, такъ и собственными дѣлами, и спросилъ, для чего онъ надобенъ. Его превосходительство объявилъ, что для составленія вѣдомости о

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1802 г.
[2]) Тамъ же. Подл. приг. 1802 г.
[3]) Тамъ же. Подл. приг. 1802 г. кн. 2. № 52, стр. 101.
[4]) Тамъ же. Подл. приг. 1802 г.
[5]) Тамъ же. Подл. приг. 1802 и 1803 г.г.

провіантѣ и фуражѣ. Голова отвѣтилъ, что объ этомъ онъ никѣмъ и ни откуда ни письменно, ни устно извѣщенъ не былъ, и спросилъ губернатора, позволитъ-ли онъ ему подписать вѣдомость или нѣтъ. Его превосходительство выговорилъ: „пущай подпишетъ. Я было хотѣлъ его записать въ журналъ". Такой поступокъ губернатора голова почиталъ за явное къ себѣ нерасположеніе и потому просилъ записать для вѣдома въ думскій протоколъ [1]).

Въ 1803 г. „нерасположеніе" губернатора къ головѣ проявилось уже въ гораздо болѣе чувствительной формѣ: по распоряженію Артакова голова былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. Очень можетъ быть, что для этого имѣлись нѣкоторыя основанія въ состояніи здоровья Урюпина, но какъ бы то ни было, Артаковъ зашелъ слишкомъ ужъ далеко. Въ результатѣ Урюпинъ остался головою, а Артаковъ, какъ мы знаемъ изъ разсказа академика Дубровина, пересталъ быть губернаторомъ. Съ новымъ губернаторомъ Бахтинымъ, вообще выказывавшимъ себя сторонникомъ законности, Урюпину ссориться уже не приходилось.

Борьба съ губернскимъ начальствомъ и съ полиціей отнимала у думы много силъ и вниманія, но не поглощала ихъ всѣ безъ остатка. Не будь этой войны, силы эти пригодились бы, вѣроятно, на что нибудь очень полезное для города, но такъ какъ большая часть силъ отвлекалась, то остатка хватало только для исправнаго веденія текущихъ дѣлъ. Самымъ крупнымъ дѣломъ городской думы этого времени была горячая поддержка идеи основанія университета въ Харьковѣ. Горожане, руководимы думой и головой Урюпинымъ, принесли крупную жертву на основаніе университета, а дума, сверхъ того, по просьбѣ В. Н. Каразина, выдала ему заимообразно изъ городскихъ денегъ 2000 р., которые нужны были ему на предварительные расходы по устройству университета [2]). Въ 1804 г. дума отвела университетскимъ чиновникомъ на время принадлежавшій ей лазаретъ за р. Харьковомъ. Сочувствіе, проявленное головою и думою къ идеѣ основанія университета въ Харьковѣ, вызывало сильное раздраженіе со стороны губернатора Артакова, всецѣло стоявшаго на сторонѣ противниковъ этого начинанія. Изъ за ссуды, выданной Каразину, головѣ и членамъ думы пришлось пережить серьезныя непріятности, такъ какъ присланные для ревизіи городскихъ суммъ совѣтникъ губернскаго правленія и прокуроръ находили заемъ незаконнымъ. Послѣ утвержденія устава университета были розданы награды лицамъ, содѣйствовавшимъ его учрежденію. Не былъ забытъ и Урюпинъ. Не въ примѣръ прочимъ, онъ, мелкій купецъ 3-ей гильдіи, былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассессора,—чиномъ по тому времени важнымъ, дававшимъ дворянство. Но вѣрный блюститель завѣтовъ собесѣдника и друга своей юности—„старчика" Сковороды, Урюпинъ не прельстился „пустою славицей" и остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ раньше,—скромнымъ, честнымъ купцомъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Доказательствомъ его скромности можетъ служить приводимый г. Устиновымъ фактъ, что онъ только два раза подписался своимъ новымъ чиномъ: одинъ разъ—въ объявленіи о немъ думѣ, а въ другой—при подачѣ жалобы на губернатора Артакова министру внутреннихъ дѣлъ кн. Кочубею [3]).

Въ области благоустройства инціатива думы времени Урюпина проявилась въ заботахъ о приведеніи въ благообразный видъ Гостиннаго двора, въ которомъ, благодаря снисходительности полиціи и губернскаго начальства, торговцы завели кабаки и харчевни и понастроили вопреки плану разныя жилыя помѣщенія [4]).

Въ 1805 г. столь непріятный для губернскаго начальства голова Урюпинъ сошелъ наконецъ со сцены общественной дѣятельности. Еще въ 1804 г. онъ сильно прихворывалъ, а въ 1805 г. при выборахъ (происходившихъ 10 января), кажется, и совсѣмъ не присутствовалъ. Городскимъ головою былъ выбранъ купецъ 2-ой гильдіи Андрей Аникѣевъ, а въ гласные попали: Дмитрій Ковалевъ, Василій Келебердинъ, Гаврило Митинъ, Максимъ Жариковъ, А. Гребенщиковъ, А. Годуновъ и Степанъ Пушкаренко. Изъ нихъ только послѣдній принадлежалъ къ составу предъидущей думы, остальные были люди новые [5]). Борьба между думой и губернской администраціей теперь прекратилась, съ одной стороны, вѣроятно, по

---

[1]) Арх. Харьк. Думы. Подл. приг. 1802 г. кн. 2, стр. 785.
[2]) Тамъ-же. Подл. приг. 1803 г.
[3]) Подробнѣе объ Урюпинѣ см. „Украинская Старина" Д. И. Багалѣя, стр. 116—196
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1802 г.
[5]) Тамъ-же. Подл. приг. 1805 г.

особенностямъ характера новой думы, а съ другой подъ вліяніемъ большей закономѣрности, воцарившейся въ губерніи по назначеніи на губернаторскую должность Бахтина, съ которымъ не воевалъ даже самъ воинственный Урюпинъ. Непріязненныя отношенія продолжались только съ полиціей, главою которой оставался тотъ же Шишкинъ, но теперь, благодаря губернатору, отношенія эти потеряли прежнюю остроту. Поводы продолжали оставаться тѣми же, какіе были и прежде. Въ 1805 г. харьковскіе купцы, въ томъ числѣ и Урюпинъ, возбудили ходатайство о высылкѣ изъ Харькова евреевъ, не имѣвшихъ права по закону ни проживать здѣсь, ни торговать, и это ходатайство поддерживается думой, что, конечно, шло въ прямой разрѣзъ съ выгодами полиціи. Въ спорѣ за право распоряжаться ярмарочными мѣстами въ первое время преимущества оставались на сторонѣ городничаго. Перемѣнѣ въ этомъ отношеніи способствовалъ самъ губернаторъ. Въ 1806 г. Бахтинъ запросилъ думу, почему мѣста для ярмарковыхъ отводитъ не дума, а городничій, и получивъ отвѣтъ, что городничій присваиваетъ это право себѣ, распорядился, чтобы городничій только указывалъ думѣ мѣста для устройства подташекъ, а распредѣлять ихъ между торговцами должна уже сама дума. Вліяніе городничаго въ этомъ дѣлѣ было такимъ образомъ сведено почти къ нулю: отводъ хорошихъ мѣстъ для хорошихъ людей отъ него больше не зависѣлъ [1]).

Продолжались недоразумѣнія и изъ за распоряженія пожарной командой. Городничій по прежнему велъ дѣло вполнѣ безконтрольно, оставляя за думой право только выдавать деньги для тѣхъ надобностей, на которыя онъ указывалъ. Дума по прежнему находила эти надобности преувеличенными и къ удовлетворенію частныхъ требованій городничаго была не склонна. Въ концѣ концовъ, въ цѣляхъ прекращенія постоянныхъ недоразумѣній, Бахтинъ предложилъ думѣ принять пожарную команду въ полное свое вѣдѣніе. Точно такъ-же благопріятно окончился для города споръ его съ городничимъ изъ за извозчиковъ. Дѣло возникло по жалобѣ извозчиковъ, указывавшихъ, что они ежегодно платятъ полиціи деньги за право промысла, а мѣста, на которомъ они могли бы „имѣть вседневное пребываніе“, полиція имъ не даетъ. Думѣ эти жалобы послужили предлогомъ возбудить вопросъ о передачѣ дохода съ извозчиковъ въ пользу города. Городничій съ этимъ, конечно, не согласился, ссылаясь на указъ 1762 г., относившійся, впрочемъ, не къ Харькову, а къ Петербургу, Москвѣ и Кронштадту, и на то, что доходъ съ извозчиковъ идетъ на необходимыя нужды полиціи. Принимая въ соображеніе, что на пожарный обозъ и на другіе полицейскіе расходы деньги отпускаются городомъ, дума нашла, что изыскивать иные источники дохода полиція не въ правѣ, и потому обратилась къ губернатору съ просьбой запретить городничему брать деньги съ извозчиковъ и передать этотъ сборъ въ пользу города. Раздраженный этимъ городничій призвалъ извозчичьяго старосту и потребовалъ, чтобы извозчики взяли отъ полиціи ярлыки на право промысла (по 1 руб. 25 коп. съ дрожекъ), грозя, въ противномъ случаѣ, взять ихъ всѣхъ на принудительную работу. Извозчики (ихъ всѣхъ въ Харьковѣ въ то время было 17) вновь обратились въ думу съ вопросомъ, какъ имъ быть. Дѣло въ концѣ концовъ было разсмотрѣно губернскимъ правленіемъ и рѣшено въ пользу думы [2]).

Приходилось думѣ выступать и въ роли защитника интересовъ цѣлыхъ группъ городского населенія. Такъ въ 1807 г., по просьбѣ харьковскихъ купцовъ, дума возбудила передъ губернскимъ начальствомъ ходатайство о непривлеченіи ихъ, вопреки закону, къ отбыванію подводной повинности [3]). Ходатайство это успѣха, впрочемъ, не имѣло.

Думѣ Урюпинскаго времени приходилось, въ качествѣ руководительницы горожанъ, склонить харьковцевъ на „патріотическое приношеніе“ въ пользу университета. Думѣ этого періода пришлось тоже склонять харьковцевъ на „патріотическое приношеніе“, но уже не для просвѣтительныхъ, а для военныхъ цѣлей. Въ 1807 г. война съ Бонапартомъ вызвала необходимость устройства милиціи. Начался сборъ пожертвованій деньгами, хлѣбомъ, аммуниціей и военными доспѣхами. Городское общество принесло очень крупную по тому времени для Харькова жертву,—половину откупной винной суммы, составлявшей основной фондъ городскихъ доходовъ. Жертва эта, впрочемъ, не была принята: правительство нашло, что деньги откупныя должны идти на расходы города Харькова, какихъ у него въ то время было не мало [4]).

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1806 г.
[2]) Тамъ-же. Подл. приг. 1806 г. и вход. 1807 г.
[3]) Тамъ-же. Вход. 1807 г.
[4]) Тамъ-же. Подл. приг. 1806 и вход. 1807 г.

Въ 1808 г., во главѣ городского самоуправленія стали: голова—купецъ 2-ой гильдіи Ѳедотъ Дорофеевичъ Карповъ и гласные: Яковъ Богдановскій, Мина Кушинниковъ, Михаилъ Масляниковъ, Корнѣй Боженковъ, Павелъ Тесеньковъ, Степанъ Пушкаренко (alias Пушкаревъ) и Василій Животовскій. Голова Карповъ въ городскія дѣла входилъ мало, должностью своею, повидимому, тяготился и значительную часть времени своей службы провелъ въ отлучкахъ изъ города по своимъ торговымъ дѣламъ. За его отсутствіемъ обязанности головы несъ гласный Богдановскій. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ начальства Карповъ былъ persona grata. Думаемъ такъ по тому, что въ первый же годъ своего пребыванія въ головахъ Карповъ получилъ золотую медаль—честь, которой харьковскіе головы до тѣхъ поръ не удостаивались.

О думѣ этого состава можно сказать, что она отличалась полнымъ отсутствіемъ инициативы. Кое какъ велись безцвѣтныя „текущія дѣла“ и безпрекословно исполнялись „повелѣнія“ губернатора Бахтина, который и былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ города. Онъ мостилъ Харьковъ, улучшалъ пожарную команду, устраивалъ богадѣльню, а дума отпускала деньги и исполняла, что ей приказывали. Въ одномъ только случаѣ дума проявила инициативу, да и то по просьбѣ заинтересованныхъ горожанъ: въ возбужденіи ходатайства о запрещеніи торговли дворянамъ, разночинцамъ, войсковымъ обывателямъ и господскимъ людямъ, какъ лицамъ, не несущимъ тѣхъ личныхъ и вещественныхъ тяготъ, какія законъ возлагалъ на „людей средняго рода“. Въ данномъ случаѣ, однако, дума защищала интересы не всего городского населенія, а только свои классовые—купеческіе и мѣщанскіе [1]).

10 января 1811 г. состоялись выборы новаго состава думы. Головою былъ избранъ купецъ Коновъ Беркосъ, но такъ какъ Беркосъ просилъ губернатора объ освобожденіи отъ этой должности, ссылаясь на состояніе своихъ торговыхъ дѣлъ, то вмѣсто Беркоса губернскимъ правленіемъ былъ утвержденъ въ должности головы старшій кандидатъ, купецъ Василій Михайловичъ Ламакинъ. Гласными были: отъ гильдіи Матвѣй Тамбовцевъ, а отъ частей города —Мина Кушинниковъ, Василій Лелюкъ и Михаилъ Рудаковъ. Былъ еще и гласный Михайловъ, но отъ какой группы городского населенія былъ онъ представителемъ,—не знаемъ. Изъ состава этой думы отмѣчаемъ Тамбовцева и Кушинникова, какъ людей уже очень опытныхъ въ веденіи городскихъ дѣлъ по своей предъидущей службѣ городу. Голова Ламакинъ былъ очень богатый купецъ, владѣлецъ лучшаго по тому времени въ Харьковѣ дома. Онъ же былъ въ нѣкоторомъ родѣ и „покровитель просвѣщенія“, ибо пожертвовалъ (въ 1812 г.) 2 тыс. руб. на заведеніе при уѣздномъ училищѣ библіотеки и покупку приличной мебели, за что и получилъ Высочайшее благоволеніе. Инициативы дума этого состава не проявляла. Мостила по губернаторскому приказу улицы и обильно расходовала городскія деньги на встрѣчи, проводы и леченіе военныхъ командъ и рекрутъ, проходившихъ черезъ городъ, да на содержаніе плѣнныхъ, падавшее тоже на городской счетъ. Порадѣла, впрочемъ, дума и о расширеніи городской собственности, пріобрѣвъ въ пользу города за 527 руб. лавку съ погребомъ въ Гостинномъ ряду [2]). Былъ такой случай, когда думѣ пришлось выступить и въ качествѣ защитницы интересовъ мѣщанскаго общества, жаловавшагося, что городская полиція, на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 11 февраля 1812 г., запрещаетъ мѣщанамъ мелочной торгъ. Основываясь на 167 ст. Городового Положенія, дума обратилась съ ходатайствомъ по этому вопросу къ губернскому начальству, и запрещеніе было снято [3]).

Пришлось думѣ принять нѣкоторое участіе и въ борьбѣ съ Наполеономъ и находившими вмѣстѣ съ нимъ на Россію двадесятью языкъ. Въ Харьковѣ предположена была милиція. Дума призвала горожанъ къ пожертвованіямъ и сама въ нихъ приняла участіе. Собрана была сумма въ 23 тыс. руб. Хотя милиція въ Харьковѣ и не состоялась, но собранныя на нее деньги все таки были взысканы въ слѣдующемъ 1813 г. [4]).

Въ 1814 г. составъ городской думы представляется въ такомъ видѣ: головою остался тотъ же Ламакинъ, а гласными были: Савва Герасименковъ, исполнявшій въ отсутствіи Ламакина обязанности городскаго головы, Дмитрій Щелковъ, Осипъ Висеревъ, Иванъ Угрюмовъ и Михаилъ Косолаповъ. Новая

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. приг. 1808 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1812 и 1813 гг.
[3]) Тамъ же. Журн. 1812 г., май -іюль, стр. 181, 246.
[4]) Тамъ же. Журн. 1813 г.

дума по характеру напоминала свою предшественницу. Начальству бывала вообще покорна, но иногда дерзала и на протесты. Когда въ 1814 г. приказъ общественнаго призрѣнія порѣшилъ продать за ненадобностью принадлежавшіе ему дома и усадьбы въ Рождественскомъ приходѣ (по нынѣшней Конторской) и возлѣ Мироносицкой церкви, губернаторъ Бахтинъ, не спрашивая согласія думы и даже не увѣдомляя ее о своемъ намѣреніи, предложивъ приказу общественнаго призрѣнія удержать изъ имѣвшихся у него городскихъ денегъ 3300 руб., а думѣ приказалъ принять отъ приказа его бывшія усадьбы и считать ихъ городскою собственностью. И дума приняла безъ протеста. Нѣкоторую склонность къ протесту дума стала проявлять уже послѣ того, какъ Бахтинъ перестадъ быть губернаторомъ, а преемникъ ему еще не былъ назначенъ. Въ 1815 г. дума имѣла разсужденіе о томъ, что на пріобрѣтенной ею по губернаторскому приказу усадьбѣ за р. Лопанью ею, по распоряженію губернатора, произведены разныя починки и постройки, и здѣсь помѣщено военно-сиротское отдѣленіе, въ которое на городскія средства доставляется отопленіе, освѣщеніе, посуда и пр. Кромѣ того, для помѣщенія классовъ того-же отдѣленія думою нанятъ частный домъ, такъ что въ общемъ содержаніе отдѣленія городу обошлось уже до 20 тыс., да и впредь предвидятся расходы, „а по какому повелѣнію или закону содержаніе харьковскаго военно-сиротскаго отдѣленія и снабженіе онаго всѣмъ потребнымъ возложено на городъ,—о томъ нужно знать думѣ“. Рѣшено было представить объ этомъ и. д. губернатора, предсѣдателю уголовной палаты фонъ-Минстеру. Въ другой разъ дума отказалась исполнить распоряженіе того-же Минстера относительно починки и отопленія дома л. с. с. Пашкова, занятаго подъ квартиру для присланнаго изъ Грузіи Мамады-Ассалгъ-хана. Въ рапортѣ своемъ дума ссылалась на 152 отд. Городового Положенія, согласно которой она обязана исправлять починкою только городскія строенія, а не частные дома, а также и на то обстоятельство, что въ думской кассѣ отъ доходовъ по винной суммѣ осталось всего 4 коп., а отъ прочихъ городскихъ сборовъ 42 коп.[2]). Подобный-же отказъ послѣдовалъ, когда Минстеръ потребовалъ, чтобы дума отпустила 250 р. Харьковскому полиціймейстеру для постройки при его, Минстера, домѣ, нанятомъ городомъ для военно-сиротскаго отдѣленія, нѣкоего необходимаго въ домашнемъ обиходѣ сооруженія. Не смотря на то, что владѣлецъ дома правилъ въ то время губернаторскую должность и былъ, значитъ, полнымъ „хозяиномъ“ губерніи и города, дума отвѣтила ему, что его домъ нанятъ безъ обязательствъ производить въ немъ какія-либо постройки на городской счетъ, и что по 152 ст. Городового Положенія думѣ позволено тратить городскія деньги только на городскія строенія, а не на дома частныхъ лицъ. Требуемые Минстромъ 250 руб. были, правда, отпущены, но съ тѣмъ, чтобы они были зачислены въ счетъ квартирной платы за занятый у Минстера домъ [3]).

Инициатива думы проявлялась только въ стремленіи къ пріумноженію городскихъ доходовъ и сокращенію расходовъ. Забота думы въ этой области выражалась въ ходатайствѣ о прибавкѣ къ четыремъ „гербергамъ“, существовавшимъ въ Харьковѣ, еще двухъ, (сборы съ „герберговъ“ взимались не только въ пользу казны, но и въ пользу города). Расходовать городскія средства думѣ приходилось не на одни только городскія надобности: она давала квартиры для военно-сиротскаго отдѣленія, лечила больныхъ солдатъ, нанимала квартиру и давала свѣчи и дрова для текинскаго хана и т. п. Находя такіе расходы для города крайне обременительными, дума въ 1815 г. постановила ходатайствовать передъ губернаторомъ, чтобы уѣздные города помогали въ этомъ Харькову своими средствами [4]). Стремленія думы къ сокращенію расходовъ выразилось въ ходатайствѣ передъ губернаторомъ о томъ, чтобы въ лѣтніе мѣсяцы на освѣщеніе отпускалась полиціи меньшая сумма, чѣмъ зимою.

Изъ постановленій, имѣвшихъ въ виду интересы населенія, отмѣчаемъ постановленіе о продажѣ мяса. Харьковскіе мясники занимались торговлею преимущественно осенью; весною, благодаря прекращенію большинствомъ мясниковъ торговли, цѣны на мясо сильно поднимались. Въ 1815 г. дума постановила обязать мясниковъ подпискою продавать мясо и весною съ тѣмъ, чтобы оно было хорошее и въ достаточномъ для горожанъ количествѣ, кто же изъ мясниковъ откажется торговать весною, тѣмъ запретить торговлю и на осеннее время.

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1814 г., стр. 200.
[2]) Тамъ же. Журн. 1815 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1815 г.
[4]) Тамъ же. Журн. Думы. 1815 г.

Исполнительностью дума этого періода не отличалась. Въ 1816 г. на присутствующихъ и письмоводителя думы наложенъ былъ штрафъ за медленность въ доставкѣ свѣдѣній о лавкахъ дворянъ и разночинцевъ въ Гостинномъ ряду [1]).

Пришлось думѣ откликаться и на событія, выходившія изъ сферы мѣстныхъ интересовъ. Въ 1814 г. она постановила, по предложенію С.-Петербургскаго главнокомандующаго, принять участіе въ пожертвованіи на выбитіе медали и устройствѣ памятника побѣдителю безсмѣннаго Бонапарта—Александру I. 24 іюня 1814 г., вслѣдствіе предложенія главнаго начальства, въ Харьковъ съѣхались депутаты отъ гг. Ахтырки, Богодухова, Валокъ, Купянска и Волчанска. Съ участіемъ ихъ въ засѣданіи думы трактовалось объ отправленіи въ Петербургъ депутатовъ на торжества, ожидаемыя по случаю возвращенія Государя изъ за границы. Депутатами отъ слободско-украинскаго купечества были выбраны голова Ламакинъ и купецъ Андрей Панковъ, бывшіе въ то время въ Москвѣ. Расходы по ихъ поѣздкѣ было рѣшено принять на счетъ городовъ губерніи. Патріотическому порыву не суждено было, однако, осуществиться. 28 іюля дума узнала, что какъ посылка депутатовъ, такъ и подписка на медаль и памятникъ Высочайшею волею отмѣнены [2]).

Къ составу думы слѣдующаго трехлѣтія принадлежали изъ старыхъ гласныхъ Дм. Щелковъ и Мих. Косолаповъ, а изъ новыхъ—Павелъ Верховскій, Ив. Смирновъ, Ив. Ворожейкинъ. Головою остался тотъ же Ламакинъ. О дѣятельности думы этого состава можно сказать немногое. Дума обычно занималась „текущими дѣлами“—пріемомъ денегъ и расходованіемъ ихъ по губернаторскимъ приказамъ. Сильно стѣснялась дума безденежьемъ, мѣшавшимъ ей довести до конца даже такую необходимую для города постройку, какъ лавки подъ „валомъ“. Для окончанія работы дума просила разрѣшенія сдѣлать заемъ у приказа общественнаго призрѣнія подъ залогъ уже выстроенныхъ лавокъ. Въ заботѣ о наполненіи пустующей кассы дума не прочь была прибѣгнуть и къ отчужденію принадлежавшихъ городу имуществъ. Такъ въ 1818 г. она дѣлаетъ постановленіе о продажѣ левады, принадлежавшей прежде приказу общественнаго призрѣнія и проданной городу по распоряженію губернатора Бахтина. Такъ какъ левада не приносила доходовъ, а на огожу ея приходилось тратить деньги, то дума постановила продать ее съ публичнаго торга. Дума этого періода представляется вообще какой то безцвѣтной, выдается только одинъ голова Ламакинъ, который съ полнымъ правомъ могъ бы о себѣ сказать: дума—это я. Онъ самовластно распоряжается городскимъ хозяйствомъ, почти не справляясь о мнѣніи думы. Такъ при поѣздкѣ въ Москву онъ, по предложенію губернатора, покупаетъ для города фонари, а потомъ требуетъ отъ думы уплаты денегъ и получаетъ ихъ. Состоя распорядителемъ городской больницы, Ламакинъ очень часто требуетъ отъ города ту или иную сумму и тратитъ по своему усмотрѣнію. При постройкѣ лавокъ подъ валомъ Ламакинъ вошелъ въ думу съ представленіемъ, что зимою строительный матеріалъ можно купить дешевле, чѣмъ лѣтомъ, и просилъ выдать ему четыре съ лишнимъ тысячи рублей для намѣченныхъ имъ покупокъ. Дума выдала. Ламакинъ давалъ, конечно, отчеты въ произведенныхъ имъ тратахъ городскихъ денегъ, но въ то же время любилъ распоряжаться городскимъ хозяйствомъ самостоятельно. Дума ему вполнѣ вѣрила и въ его хозяйственныя распоряженія не мѣшалась [3]).

Несмотря на автократическія замашки Ламакина, онъ харьковцамъ пришелся очень по душѣ, да и самому ему роль головы, очевидно, нравилась, ибо, несмотря на полное право на заслуженный отдыхъ, въ слѣдующее трехлѣтіе 1820—1822 гг. онъ вновь выбирается въ головы. Въ гласные были выбраны: Андрей Собкинъ—отъ гильдіи, Василій Животовскій, Кондратъ Еліокинъ и Аммосъ Алексѣевъ—отъ „настоящихъ городскихъ обывателей“, Иванъ Безуглый—отъ мѣщанъ, Степанъ Радченко, Самойло Медвѣдевъ и Николай Лебедевъ—отъ цеховыхъ.

Трехлѣтіе 1823—1825 г.г. дума прожила подъ предсѣдательствомъ уже новаго головы—купца Григорія Криворотова. Въ составѣ гласныхъ старыми думскими дѣятелями были Осипъ Бисеревъ и Василій Масленниковъ, а изъ новыхъ—Федоръ Климовъ, Ефимъ Суворовъ и Федоръ Богдановъ. Среди безцвѣтной массы „текущихъ дѣлъ“ думы этого состава, такъ напоминающей своихъ предшественницъ,

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1816 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1814 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1819 г.

останавливаетъ на себѣ вниманіе только фактъ сочувственнаго отношенія думы къ идеѣ устройства училища для дѣвочекъ изъ городскихъ сословій. Идея не принадлежала думѣ, но встрѣтила съ ея стороны поддержку и вниманіе. На сей разъ дума даже вспомнила, что она—представительница не одного купечества, а всѣхъ трехъ „городскихъ сословій", и, противъ обыкновенія, созвала для обсужденія вопроса не только купцовъ, но и мѣщанъ и цеховыхъ. Это былъ какъ бы послѣдній отголосокъ того настроенія, какимъ отличалась дума при Урюпинѣ, когда сознаніе своего общественнаго значенія и своихъ правъ не покидало ее и въ мелочахъ. Теперь это сознаніе, можно сказать, совсѣмъ утрачивается. Самое большее, на что способна теперь дерзать дума,—это борьба противъ отдѣльныхъ лицъ, присваивающихъ себѣ право безпошлинной торговли,—иностранцевъ, солдатъ и т. п. Передъ начальствомъ она безгласна, и оно ее совершенно игнорируетъ. На представленія думы о взысканіи недоимки въ пользу университета губернское правленіе не даетъ никакого отвѣта. Командиръ гарнизоннаго батальона не обращаетъ ровно никакого вниманія на просьбы думы о запрещеніи торговли военнаго званія людямъ. Тотъ же командиръ разгоняетъ и фактически уничтожаетъ базаръ у подножія Холодной горы. Губернскій архитекторъ, безъ вѣдома и согласія думы, отводитъ городскія пустопорожнія мѣста подъ застройку частнымъ лицамъ, а дума не дерзаетъ протестовать, а только выражаетъ опасеніе, какъ бы не вышло недоразумѣній, если эти городскія мѣста понадобятся когда нибудь городу. Инициативу дума способна теперь проявлять только въ такихъ вопросахъ, какъ постройка какихъ-нибудь лавокъ. Она только взимаетъ положенные городскіе доходы да ведетъ дѣлопроизводство по выдачѣ паспортовъ, взысканію гильдейскихъ сборовъ и т. п.

Съ наступленіемъ Николаевскаго царствованія дума уже съ головой погружается въ эту повседневную, чисто канцелярскую работу. Инициатива уже ни въ чемъ не проявляется да и проявляться не могла, потому что уже съ 1827 г. значительную часть думскихъ обязанностей беретъ на себя вновь образованный комитетъ по уравненію городскихъ повинностей, а вскорѣ за нимъ возникаетъ рядъ другихъ внѣдумскихъ комитетовъ и коммиссій, постепенно изъявшихъ изъ вѣдѣнія думы всѣ тѣ дѣла, какія по Положенію 1785 г. вѣдались исключительно ею. Думѣ оставалось только усердно блюсти за поступленіемъ положенныхъ городскихъ доходовъ и правильнымъ движеніемъ дѣлопроизводства въ ея канцеляріи. Дѣятельность думы въ сферѣ прихода и расхода, чѣмъ теперь она исключительно занималась, была поставлена подъ усиленный контроль губернатора. По указу 1827 г. губернаторамъ было вмѣнено въ непремѣнную обязанность усиленно бдѣть и за этой стороной дѣятельности думы. Вотъ почему вмѣсто дѣлъ думы въ Николаевское царствованіе намъ, за единичными исключеніями, приходится упоминать только о думскихъ дѣятеляхъ, различныхъ, можетъ быть, по своимъ личнымъ способностямъ и дарованіямъ, но очень похожихъ другъ на друга въ томъ отношеніи, что всѣ они одинаково ничего стоющаго упоминанія для города не совершили.

Въ трехлѣтіе 1826—1828 г.г. головою вновь былъ Криворотовъ, а гласными—Дмитрій Решетьковъ, Маркъ Медвѣдевъ, Василій Цыгаревъ, Федоръ Ткачовъ, Иванъ Ширикинъ, Акимъ Гриничъ и Василій Тереховъ. Изъ дѣятельности этой думы стоитъ упомянуть только о ходатайствѣ передъ начальствомъ, чтобы, по теченію въ Харьковѣ коммерческихъ оборотовъ, ходъ корреспонденціи со столицами совершался здѣсь два раза въ недѣлю, по примѣру Курской губерніи. Другое ходатайство заключалось въ томъ, чтобы провѣрка торговли, неудобная во время Крещенской, производилась не въ январѣ, а въ февралѣ. Въ видѣ иллюстраціи къ вопросу о положеніи думы отмѣтимъ фактъ взысканія съ думы пятидесятирублеваго штрафа за чужую вину. Въ 1828 г. дума получила отъ казенной палаты требованіе взыскать съ разныхъ лицъ пеню за незаконную торговлю. Дума передала дѣло полиціи, а полиція ничего не захотѣла сдѣлать, не смотря на многократныя напоминанія думы. Казенная палата пожаловалась губернскому правленію, а послѣднее наложило штрафъ на присутствующихъ думы [1]). 50 руб.,—конечно, пустяки, но той-же думѣ пришлось перетерпѣть еще одно, гораздо уже болѣе крупное, взысканіе, на сей разъ за „самовольство". Въ 1828 г. дума безъ разрѣшенія губернатора истратила 55 р. 50 коп. на покупку сукна для часовыхъ и 397 р. 44 к. на поправку городского дома и постройку деревяннаго флигеля. Въ 1830 г. денежныя книги думы ревизовала казенная палата, нашла произведенный расходъ не законнымъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1826—1828 г.г.

и наложила на бывшихъ членовъ думы пеню въ размѣрѣ истраченныхъ денегъ [1]). Въ прежнее время губернаторское распоряженіе для производства такихъ почти обязательныхъ расходовъ не считалось особенно необходимымъ, но со времени сенатскаго указа 16-го мая 1827 г., подтвердившаго губернаторамъ, чтобы они „за дѣйствіями градскихъ думъ относительно сбора и употребленія городскихъ доходовъ и за исправностью въ производствѣ вообще по сей части дѣлъ имѣли неослабный надзоръ“ [2]), думское „самовольство“ признано было уже дѣяніемъ, заслуживающимъ кары.

Въ 1829—1831 г.г. городскимъ головою былъ Антонъ Мотузковъ, а гласными: Григорій Федотовъ, Романъ Плетневъ, Алексѣй Тарасовъ, Яковъ Угольской, Ефремъ Сиротининъ, Степанъ Митинъ (отъ мѣщанъ), Маркъ Андреенко, Семенъ Тисенко и неграмотный Леонтій Піюкъ (отъ цеховыхъ). Думѣ этого состава пришлось не мало потрудиться во время холерной эпидеміи 1830—1831 г.г. Гласные до такой степени были заняты городскими и губернаторскими „порученностями“, что некому было засѣдать въ думѣ. Голова Мотузковъ вмѣстѣ съ купцами Верховскимъ и Климовымъ сдѣлалъ довольно крупное пожертвованіе на содержаніе холерной больницы въ 3-ей части города. Мотузковъ былъ выбранъ въ головы и на слѣдующее трехлѣтіе 1832—1834 г. Гласными были: Григорій Федотовъ, Николай Сергѣевъ, Антонъ Водопьяновъ, Иванъ Федоренковъ (купцы), Иванъ Деревянкинъ, Василій Безпаловъ. Василій Коноваловъ (мѣщане), Осипъ Стрельниковъ и Николай Платъ (цеховые). Важнѣйшимъ дѣломъ думы этого состава была покупка такъ назыв. Дунинской левады, куда и перенесенъ былъ впослѣдствіи главный городской базаръ.

На выборахъ 1834 г. харьковцы избрали на трехлѣтіе 1835—1839 гг. головой Кузина, а гласными—Павла Щелкова, Алексѣя Лабунцева, Андрея Кузнецова, Павла Меерова, Василія Половинкина, Павла Володина, Александра Клеменова и Якова Найденова. Кузинъ, въ то время почетный гражданинъ и первой гильдіи купецъ, просилъ купечество уволить его отъ должности „по случаю важныхъ и обширныхъ обязанностей съ казною по взятымъ въ содержаніе казеннымъ питейнымъ сборамъ“. Купеческое общество, „во вниманіе къ важнымъ и знаменитымъ его въ общественныхъ дѣлахъ пособіямъ“, постановило уволить Кузина, а въ головы выбрать купца 3-ей гильдіи Дмитрія Ковалева. Одновременно съ Кузинымъ просилъ увольненія отъ должности гласнаго и купеческій сынъ Кузнецовъ, но оказалось, что просьба его „во уваженіе принята быть не можетъ“ [3]).

Дума этого состава отличалась, если вѣрить аттестаціи губернатора, „заботливостью въ приращеніи и хозяйственномъ сбереженіи городскихъ доходовъ“. При ней было введено Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова, и думѣ пришлось не мало потрудиться надъ приведеніемъ его въ дѣйствіе. Это было далеко не просто: многіе совсѣмъ не хотѣли платить 1% сбора съ недвижимыхъ имуществъ, ссылаясь на свободу своихъ домовъ отъ постоя; не всегда удавалось привлечь къ уплатѣ и плательщиковъ по другимъ, новоуставленнымъ статьямъ обложенія.

При выборахъ 1837 г. въ составъ думы выбраны въ качествѣ гласныхъ: отъ гильдіи—Абрамъ Сухоруковъ, а отъ частей—Евдокимъ Макаровъ, Иванъ Курносовъ, Василій Ильинъ, Иванъ Животовскій, Алексѣй Кочетовъ и Иванъ Павловъ [4]). Изъ перечисленныхъ гласныхъ, выбранныхъ купечествомъ, въ числѣ членовъ думы 1838—1840 гг. по ея журналамъ значатся только Макаровъ, Животовскій и Ильинъ. Кромѣ нихъ въ составъ думы входилъ еще и Щелковъ, очевидно, попавшій въ качествѣ кандидата по Сухоруковѣ [5]). Мѣщанство и цеховое сословіе представлялись въ думѣ гласными Грижевымъ, Оберемченкомъ и Кашеваровымъ. Головой былъ выбранъ Сергѣй Ѳедоровичъ Карповъ, но вѣроятно, должность головы для почетнаго гражданина показалась мало почетной, потому что и онъ, подобно Кузину, уклонился отъ этой должности, представивъ генералъ-губернатору Строганову достаточные резоны, почему ему нельзя быть головою. На должность головы былъ назначенъ старшій по Карповѣ кандидатъ, купецъ Ѳодоръ Базилевскій. Но и Базилевскій не дослужилъ срока. Въ 1839 г. Базилевскій подалъ губернатору прошеніе объ увольненіи его отъ должности головы, ссылаясь на то, что по смерти сына ему самому

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1830 г.
[2]) Второе Полн. Собр. Закон. Т. II № 1096.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1834 г., октября 16 и 23.
[4]) Тамъ же. Журн. 1837 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1838—1840 гг.

приходится вести коммерческія дѣла, къ тому же онъ старъ да и служилъ городу не мало въ теченіе 15 лѣтъ. Базилевскій былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ старшій по немъ кандидатъ, 2-ой гильдіи купецъ Андрей Павловичъ Климовъ [1]). Но и Климову было не до службы городу, такъ что его должность въ его отсутствіе правилъ старшій бургомистръ П. Д. Грановскій.

Въ трехлѣтіе 1841—1843 г.г. городскимъ головою былъ Гавріилъ Денисовичъ Гринченковъ, а гласными: А. Сухаревъ, И. Павловъ, Н. Евстратовъ, Н. Синицынъ, Зеленинъ и Богдановъ. Кромѣ нихъ, званіе гласныхъ носили: П. Ивановъ, Гончаровъ, Яковенко, Аржановъ и В. Котляровъ (неграмотный). Были ли они выбраны, какъ дополнительные гласные по оцѣночному сбору, или же это были гласные думы, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ въ засѣданіяхъ думы они участія не принимали. За болѣзнью Гринченка должность головы въ 1841 г. нѣкоторое время несъ Ф. М. Рудаковъ. При думѣ этого состава городское хозяйство настолько пришло въ упадокъ, что обратило на себя вниманіе губернскаго начальства, назначившаго по этому поводу особое слѣдствіе. Слѣдствіе не обнаружило виновности думы, но кое какая небрежность все таки оказалась, результатомъ чего явился штрафъ въ нѣсколько сотъ рублей, который пришлось уплатить членамъ думы и ея секретарю Пашкову. На слѣдующее трехлѣтіе головой былъ избранъ Ѳедоръ Михайловичъ Рудаковъ, а гласными—П. С. Куликовъ, Д. И. Кочетковъ, Н. А. Ермаковъ, Е. П. Кузнецовъ, Н. С. Герасименковъ и Г. Г. Кожевниковъ. Ничѣмъ особеннымъ эта дума себя не проявила. Все ея вниманіе сосредоточивалось на исправномъ полученіи въ пользу города слѣдуемыхъ доходовъ. Предметы расходовъ были точно указаны Положеніемъ 1835 г., а въ тратахъ сверхъ перечисленныхъ въ Положеніи дума была не повинна, ибо онѣ производились по предписаніямъ губернскаго начальства и внѣдумскихъ комитетовъ. Вся задача думы сводилась къ тому, чтобы какъ нибудь сводить концы съ концами.

На трехлѣтіе 1847—1849 г. головою былъ выбранъ купецъ 1-й гильдіи Котляровъ, но такъ какъ первогильдейцы на такія должности обыкновенно не шли, то вмѣсто него въ головы попалъ купецъ второй гильдіи Иванъ Ивановичъ Рыжовъ. Гласными были: отъ купцовъ—С. К. Костюринъ, Я. Е. Карнѣевъ, С. И. Бирюковъ, отъ мѣщанъ—Григ. Мельниковъ, С. Радіоновъ, Н. Добрынинъ и Н. Богдановъ, отъ цеховыхъ—М. Лелюкъ, Н. Квашнинъ и А. Колпаковъ. Изъ нихъ въ думскихъ засѣданіяхъ участвовали только Костюринъ, Бирюковъ, Мельниковъ и Лелюкъ: по крайней мѣрѣ ихъ подписи видимъ въ журналахъ думы.

На выборахъ головы для трехлѣтія 1850—1852 г.г. наибольшее число голосовъ получилъ купецъ Алексѣй Михайловичъ Рудаковъ, а въ гласные были выбраны: А. М. Северинъ, А. В. Вѣтровъ, А. И. Смирновъ, Ив. И. Оберемокъ, Ив. Ф. Кравцовъ и А. Ф. Жеваховъ. Утверждая Рудакова въ должности, губернское начальство и не подозрѣвало, сколько непріятностей надѣлаетъ ему этотъ, съ виду ничѣмъ особеннымъ не выдающійся, хотя и богатый купецъ. Рудаковъ былъ человѣкъ еще не старый. Началъ онъ торговать въ 1842 г., когда записался во 2-ю гильдію, въ 1847 г. онъ перечислился въ первогильдейцы и только въ 1855 г. вновь спустился во вторую гильдію. Новый голова горячо принялся за городское хозяйство, запущенное его предмѣстниками, давно махнувшими рукой на дѣло, которымъ не они распоряжались. Рудаковъ умудрился увеличить наличный капиталъ думы, привелъ въ порядокъ дѣло уплаты по городскимъ займамъ изъ приказа общественнаго призрѣнія, обратилъ вниманіе на болѣе выгодную эксплоатацію городскихъ имуществъ, на приведеніе въ извѣстность городскихъ оброчныхъ статей. Эта его полезная дѣятельность получила и оффиціальное признаніе въ видѣ письменной благодарности губернатора Траскина. Къ несчастью для него, Рудаковъ былъ не только дѣловитъ и энергиченъ, но и упоренъ и, что хуже всего для человѣка его времени и положенія, не отличался безусловной покорностью и склонялся къ мнѣнію, что законы обязательны и для начальства. Типичнымъ представителемъ другого взгляда на вещи,—взгляда, формулируемаго кратко: законъ—воля начальства, былъ Харьковскій генералъ-губернаторъ Кокошкинъ.

Столкновеніе произошло изъ за оптовыхъ торговцевъ. До сихъ поръ оптовики помѣщались въ центрѣ города, занимая частью городскія, частью частныя (преимущественно Карповскія) лавки. Генералъ-губер-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1839 г., ноября 14.

наторъ пожелалъ перевесть оптовиковъ на нижній базаръ, въ Кузинскій рядъ, до тѣхъ поръ занимаемый мелочными торговцами. Чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ Кокошкинъ—желаніемъ ли доставить болѣе выгодныхъ арендаторовъ Кузиной, памятуя старую хлѣбъ-соль покойнаго Никиты Кузьмича, съ которымъ харьковскій генералъ-губернаторъ водилъ знакомство еще въ Петербургѣ, когда былъ оберъ-полиціймейстеромъ, или неусыпными заботами о благѣ города, который онъ хотѣлъ оздоровить перенесеніемъ торговли изъ центра на базаръ—не знаемъ, а только отъ генералъ-губернатора пришло указаніе оптовикамъ, и оптовики, уже яко бы сами отъ себя, подали просьбу о переводѣ ихъ въ Кузинскій рядъ. Немедленно послѣдовала милостивая резолюція, и оптовики были переведены на базаръ. Среди харьковскихъ купцовъ распоряженіе это вызвало большое волненіе. Купечество два раза обращалось къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой объ отмѣнѣ этого распоряженія, но удовлетворенія не получило. Распоряженіе было признано правильнымъ, а просителямъ объявлено, что если они считаютъ эту мѣру стѣснительной, то могутъ жаловаться въ Сенатъ. Противиться открыто всесильному генералъ-губернатору купечество не смѣло. И вотъ въ купеческихъ домахъ происходятъ тайныя совѣщанія, на которыхъ принимается рѣшеніе обжаловать генералъ-губернаторскій приказъ. Собранія происходили въ домахъ головы Рудакова и купца Ковалева. Кромѣ купцовъ, на нихъ приглашались и мѣщане, и цеховые, а „для приданія сборищамъ симъ вида законности“ вызывался и секретарь думы. На этихъ то незаконныхъ „сборищахъ“ и была написана, а потомъ послана жалоба на генералъ-губернатора [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было устраненіе Рудакова отъ должности городского головы „по третьему пункту“. 19-го апрѣля 1852 г. состоялись выборы головы, въ каковой должности и былъ утвержденъ начальствомъ купецъ Николай Ивановичъ Иконниковъ. Рудаковъ, однакожъ, не смирился. Устраненіе свое отъ должности призналъ незаконнымъ и обжаловалъ его въ Сенатъ. Къ удивленію и удовольствію харьковцевъ, не видѣвшихъ управы на самовластнаго генерала-губернатора, Сенатъ принялъ сторону „дерзкаго купца“ и отмѣнилъ распоряженіе губернскаго начальства, мотивируя свое заключеніе тѣмъ, что „третій пунктъ“ къ выборнымъ должностнымъ лицамъ не относится, что же касается обвиненія Рудакова въ составленіи незаконныхъ сборищъ, то объ этомъ Сенатъ предложилъ губернскому начальству произвесть, буде находитъ нужнымъ, надлежащее слѣдствіе. Конфузъ для мѣстныхъ властей предержащихъ получился полный, а тутъ еще самъ Рудаковъ обратился въ думу съ увѣдомленіемъ о томъ, что онъ, какъ возстановленный въ правахъ Сенатомъ, вновь вступаетъ въ должность головы. Возникъ вопросъ, во первыхъ, какъ быть съ Иконниковымъ, а во вторыхъ, что дѣлать, чтобы не допустить Рудакова къ должности. Губернаторъ находилъ, что допустить Рудакова къ должности нельзя уже потому, что въ качествѣ головы онъ можетъ имѣть вліяніе на лицъ, которыя должны быть опрашиваемы при производствѣ предписаннаго Сенатомъ слѣдствія по его дѣлу. Пока тянулась переписка, подоспѣлъ кстати срокъ новыхъ выборовъ въ городскія должности. Начальство крѣпко надѣялось, что опальнаго Рудакова купцы выбрать не посмѣютъ, а такъ какъ послѣ выборовъ до занятія должности новымъ головою не больше трехъ мѣсяцевъ, то и ребилитированному Сенатомъ Рудакову фактически не будетъ возможности вновь взять въ свои руки бразды правленія. Но не тутъ то была. Въ собраніе городского общества 18-го сентября явилось 194 избирателя и изъ нихъ 158 подали свой голосъ за Рудакова. Списки выбранныхъ были представлены губернатору, а отъ него получивъ отвѣтъ, что головою онъ утверждаетъ купца Сергѣева, а Рудакова утвердить не можетъ, такъ какъ послѣдній находится подъ слѣдствіемъ. Производство слѣдствія было поручено младшему чиновнику особыхъ порученій Любарскому, а въ качествѣ депутата отъ думы назначенъ купецъ Смирновъ. Рудаковъ, однако, и на сей разъ не сдался. Онъ обратился въ думу съ просьбой выдать ему копію съ баллотировочнаго листа и съ предписанія губернатора о его неутвержденіи. Документы эти, какъ заявлялъ Рудаковъ, нужны ему для представленія въ Сенатъ [2]). Дума была всецѣло на сторонѣ Рудакова, за него стояло купечество и даже нѣкоторая часть мѣстнаго высшаго общества. Даже среди чиновниковъ губернскаго правленія, давно досадовавшихъ на генералъ-губернатора, свевпаго на нѣтъ ихъ роль въ распоряженіе дѣлами губерніи, Рудаковъ находилъ друзей и совѣтниковъ. Пожалуйся Рудаковъ въ Сенатъ—и очень можетъ быть, что

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1855 г. май.

[2]) Тамъ же. Журн. 1852 г. сентября 9, 12, 25, октября 3 и 7.

и на сей разъ генералъ-губернатору пришлось бы снасовать передъ дерзкимъ купцомъ. Но 7 октября черезъ Харьковъ проѣзжалъ въ Полтаву Императоръ Николай Павловичъ. Ему-то и было доложено, конечно, въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи, дѣло о дерзкомъ купцѣ. Указано при этомъ было, что Рудаковъ противился переходу оптовиковъ потому, что самъ былъ владѣльцемъ значительнаго числа лавокъ въ центрѣ города; что несогласнымъ на подачу жалобы ихъ грозилъ исключеніемъ изъ общества; что по полученіи изъ Сената оправдательнаго указа онъ самъ, безъ позволенія начальства, обратился въ думу съ заявленіемъ о своемъ вступленіи въ должность головы. Результатомъ доклада было Высочайшее повелѣніе: „Рудакова за дерзкій поступокъ выслать, въ примѣръ другимъ, на жительство въ Уфу на два года“. 7-го октября торжествующій Кокошкинъ предписалъ думѣ немедленно ввести въ должность головы купца Сергѣева, а 8-го поручилъ губернатору объявить о Монаршей волѣ, переданной черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, купцу Рудакову въ тотъ-же день въ городской думѣ, въ собраніи купеческаго и мѣщанскаго обществъ. Кокошкинъ позволилъ Рудакову остаться въ Харьковѣ для устройства торговыхъ его дѣлъ не долѣе трехъ дней, послѣ чего приказалъ отправить его въ Уфу въ сопровожденіе двухъ жандармовъ. Все было исполнено въ точности. 11-го числа Рудаковъ, выдавъ довѣренность сыну на производство торговли и веденіе дѣлъ, распростился съ Харьковомъ и въ сопровожденіи двухъ синемундирныхъ тѣлохранителей укатилъ на далекій сѣверъ [1]). Проводы, какъ разсказываютъ сторожилы, были торжественны и демонстративны, и доставили генералъ-губернатору непріятную возможность видѣть нравственный тріумфъ своего побѣжденнаго врага, провожаемаго въ далекій путь цѣлой вереницей экипажей друзей и единомышленниковъ. Зрѣлище, должно быть, было назидательное, но такъ какъ о немъ находившіеся въ нашемъ распоряженіи оффиціальные докумсенты умалчиваютъ, то и мы на этомъ останавливаться не будемъ. Черезъ два года Рудаковъ возвратился въ Харьковъ. Какъ разсказываютъ сторожилы, встрѣча ему тоже готовилась торжественная, но на сей разъ полиція была догадлива, и демонстрантовъ предупредительно разогнали.

Общественныхъ должностей Рудаковъ больше не занималъ, но отъ мысли реабилитировать себя и такимъ образомъ дать возможность закону восторжествовать надъ произволомъ не отказался. Въ 1855 г. Рудаковъ обратился въ городскую думу съ ходатайствомъ о выдачѣ ему свидѣтельства о службѣ для представленія просьбы о почетномъ гражданствѣ. Дума, памятуя, что генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ остается все тотъ же Кокошкинъ, который два года тому назадъ такъ круто распорядился съ этимъ же самымъ просителемъ, нашла, что просить о почетномъ гражданствѣ Рудаковъ, какъ опороченный высылкой, не имѣетъ права, и потому въ выдачѣ свидѣтельства отказала. Рудаковъ, однако, настойчиво продолжалъ дѣло. Ссылаясь на законы, онъ доказывалъ, что опороченъ россійскій обыватель можетъ быть только по суду, что административное взысканіе, хотя бы и наложенное по Высочайшему повелѣнію, ничего порочащаго въ себѣ не заключаетъ, и что, стало быть, просить о почетномъ гражданствѣ онъ въ правѣ, и дума отказать ему въ выдачѣ свидѣтельства не можетъ. Дѣло тянулось съ мая по сентябрь, когда наконецъ самъ губернаторъ предписалъ думѣ выдать Рудакову требуемое свидѣтельство съ указаніемъ, однако, о постигшей его карѣ [2]). Рудаковъ обратился съ прошеніемъ на Высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовалъ о невмѣненіи ему въ порокъ административной высылки и о выдачѣ изъ думы свидѣтельства безъ указанія на этотъ фактъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и начальникомъ канцеляріи прошеній о Рудаковѣ былъ сдѣланъ докладъ Государю, который нашелъ, что просьба Рудакова должна быть уважена. Торжествующій Рудаковъ явился въ думу и потребовалъ выдачи „чистаго“ свидѣтельства, которое ему дума и выдала. Было это въ 1860 г. Такимъ образомъ послѣ 8-лѣтней борьбы съ начальствомъ „дерзкій купецъ“ въ концѣ концовъ все таки восторжествовалъ [3]).

Въ трехлѣтіе 1853—1855 г.г. головой былъ купецъ-виноторговецъ Сергѣй Кондратьевичъ Костюринъ, а гласными: отъ купечества—Н. Е. Сѣриковъ, Ф. Г. Крамаревъ, С. Г. Козловъ, отъ мѣщанъ И. И. Бочаровъ и отъ цеховыхъ—И. Т. Дѣдовъ.

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1852 г. октября 28 и 30.
[2]) Тамъ-же. Журн. 1855 г. май и сентябрь.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1860 г. февраля 25.

Въ слѣдующее трехлѣтіе головою вновь былъ Костюринъ, а гласными—И. Ѳ. Кравцовъ, Доценко, Яковенко, Нѣмченковъ (мѣщане), Харьковъ, Андріенко, Шапошниковъ, Бражниковъ [1]).

Костюринъ, по словамъ современниковъ, велъ думскія дѣла совсѣмъ патріархально. Вершилъ онъ ихъ не въ думѣ, а въ задней комнатѣ своего виннаго погреба. По думскимъ документамъ этого, конечно, провѣрить нельзя. Извѣстно только, что думское дѣлопроизводство и порядки вызывали постоянныя пориданія со стороны стрянчаго. Въ глазахъ начальства Костюринъ былъ persona grata, но не за свою общественную дѣятельность, а за пожертвованія. Въ 1856 г. ему дана золотая медаль „за усердіе“ по дѣтскому пріюту и объявлено Высочайшее благоволеніе за пожертвованіе для попечительнаго о тюрьмахъ комитета, гдѣ онъ былъ однимъ изъ директоровъ. По окончаніи Севастопольскаго „сидѣнія“ Костюринъ, въ качествѣ головы, получилъ бронзовую медаль. Впрочемъ такія же медали были даны и другимъ представителямъ городского самоуправленія—И. И. Рыжову, П. И. Рыжову, А. А. Скрыпникову, Н. А. Павлову, П. А. Гребенщикову, А. П. Кузнецову, И. П. Семейкину, Н. Е. Сѣрикову.

Въ періодъ войны Харьковской думѣ не разъ приходилось дѣлать патріотическія приношенія на алтарь отечества: давать деньги и призывать къ денежнымъ жертвамъ городскія сословія, при чемъ, когда этихъ жертвъ оказывалось мало, отъ думы требовалось усугубить усердіе. Такъ въ 1855 г. губернаторъ нашелъ, что было мало пожертвовано на ополченіе, и обратился въ думу съ приказомъ о новомъ сборѣ на этотъ предметъ доброхотныхъ даяній. Городу пришлось претерпѣть большіе расходы по пріему и угощенію проходившихъ войскъ, содержанію военноплѣнныхъ, вооруженію и содержанію дружинниковъ ополченія. Въ 1856 г. начальникъ подвижного ополченія Харьковской губерніи, ген.-маіоръ Шатовъ изъявилъ губернатору признательность за весьма удовлетворительный составъ снаряженія дружинъ, а губернаторъ съ своей стороны благодарилъ голову Костюрина. Охотно приходила дума на помощь и церкви. Когда въ 1856 г. задумали купить часы для соборной колокольни, дума предложила употребить на это сумму, внесенную въ 1829 г. въ прикалъ общественнаго призрѣнія городскимъ обществомъ для учрежденія сберегательной кассы для пособія бѣднымъ. Что касается городского благоустройства, то оно всецѣло находилось въ рукахъ губернатора, а городское хозяйство велось такъ, что доходовъ далеко не всегда хватало на покрытіе расходовъ.

Въ трехлѣтіе 1859—1861 г.г. головою былъ избранъ Александръ Матвѣевичъ Северинъ, а гласными: М. А. Смирновъ, А. І. Деревянкинъ, П. С. Ложниковъ (отъ купцовъ), Ф. П. Ивановъ, М. П. Донцовъ (отъ цеховыхъ).

Въ 1862—1864 г.г. головою былъ Алексѣй Александровичъ Скрыпникъ, купецъ 2-ой гильдіи, а гласными: А. И. Левченко, М. Ѳ. Лещенко и П. С. Бортниковъ—всѣ купцы 3-ей гильдіи. Гласными по взысканію 1% сбора были третьегильдейскіе купцы: А. П. Кубышкинъ, Ѳ. Морозовъ и М. И. Михайловичъ. Въ 1863 г. на мѣстѣ Морозова находимъ Ф. И. Якимова, а въ 1864 г. Н. Е. Жевержеева.

Въ 1865—1867 г.г. головою былъ тотъ-же Скрыпникъ, а гласными: С. М. Акименко, Ф. П. Ивановъ, Ф. И. Якимовъ, Н. Д. Шатуновъ, а по взысканію 1% сбора—Я. И. Шевыревъ, П. П. Паченко и С. М. Кононенко.

На городскихъ выборахъ 3-го октября 1867 г. въ головы былъ избранъ купецъ 2-ой гильдіи Николай Дмитріевичъ Шатуновъ. Ему и пришлось быть послѣднимъ головою по Городскому Положенію 1785 г. Гласными были выбраны: Иванъ Ивановичъ Кнапъ (купецъ), Н. С. Козловъ (куп.), Тим. С. Кульшинъ (куп.), М. Ф. Боровковъ (куп.), Т. Т. Евтюхинъ, Н. И. Туренковъ, О. Гр. Мясоѣдовъ и мѣщан. А. С. Щепиловъ. Евтюхинъ собиралъ 1% сборъ, но считалъ, очевидно, плохо, такъ какъ въ концѣ концовъ оказался недочетъ въ нѣсколько тысячъ.

Не останавливаясь надъ дѣятельностью каждаго изъ перечисленныхъ нами составовъ думы въ послѣдніе годы дѣйствія Городового Положенія 1785 г., не можемъ не отмѣтить, что послѣднее десятилѣтіе существованія дореформенной думы было періодомъ подъема и оживленія въ ней интереса къ общественнымъ дѣламъ. „Эпоха великихъ реформъ“ не могла не всколыхнуть и купеческую думу, какъ ни была она парализована всѣмъ предъидущимъ годомъ своей жизни. Гласные, прежде все свое вниманіе сосредоточивавшіе на канцелярскихъ и бухгалтерскихъ дѣлахъ, какъ бы вспоминаютъ, что и у нихъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1856 г. Майская треть.

по закону есть право инициативы, что и они могутъ внести свой маленькій вкладъ въ общественную сокровищницу и хоть отчасти дать отвѣтъ на запросы, со всѣхъ сторонъ выдвигаемые жизнью. Къ тому же и само начальство стало смотрѣть на дѣло иными глазами. Прежде инициатива, если не de jure, то de facto, была исключительнымъ правомъ начальства. Оно приказывало думѣ или нарочито образованнымъ комитетамъ,—и тѣ исполняли. Для общества инициатива была „не ваше дѣло“. Теперь начальство не только не считало общественную инициативу самочинствомъ, но и само ей покровительствовало. Въ числѣ заслугъ вице-губернатора Беклемишева харьковцы съ особеннымъ удареніемъ подчеркивали ту, что онъ придалъ городскому управленію „видъ общественнаго самоуправленія“. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что такой серьезный вопросъ, какъ устройство водопровода, доступный при старыхъ порядкахъ разрѣшенію только чисто-бюрократическимъ путемъ, Беклемишевъ передалъ на разсмотрѣніе самого-же городского общества. Результатъ возобладанія новыхъ теченій не замедлилъ сказаться. Дума приняла серьезное участіе въ разрѣшеніи такихъ назрѣвшихъ для города вопросовъ, какъ учрежденіе Маріинскаго женскаго училища, преобразованнаго потомъ въ женскую гимназію, учрежденіе Александровской больницы для чернорабочихъ, городского общественнаго банка, введеніе газоваго освѣщенія, устройство желѣзнодорожнаго вокзала, для котораго она отвела обширную площадь, разработка вопроса объ устройствѣ водопровода, доведенная до заключенія предварительнаго соглашенія съ предпринимателемъ Шиповымъ, учрежденіе таможни и телеграфа и т. п. [1]). И все это сдѣлала та самая купеческая дума, которая еще десять лѣтъ тому назадъ не смѣла и мечтать о большей свободѣ дѣйствій, чѣмъ сколько требуется для устройства какого-нибудь торговаго ряда. Органъ, по самой природѣ своей малодѣятельный и, повидимому, въ концѣ парализованный начальственной опекой, вдругъ, какъ бы чудомъ, ожилъ и сталъ функціонировать. Хорошо или худо выполнялись эти функціи,—вопросъ другой, но важно то, что онѣ все таки выполнялись. И такое чудодѣйственное вліяніе на почти атрофировавшійся органъ оказала свобода, небольшая доза свободы.

Чтобы покончить съ дореформенной думой, намъ остается сказать нѣсколько словъ о ея агентахъ. Такими были смотрители городскихъ зданій, которыхъ мы встрѣчаемъ уже въ самомъ началѣ XIX в. Правдоподобно, что они завелись въ Харьковѣ, какъ только у города явились свои собственные дома, т. е. еще въ XVIII в. Тогда же, вѣроятно, заведены были пожарные старосты и базарные. Впослѣдствіи смотрители стали именоваться комиссарами. Одновременно съ ними видимъ городскихъ нотаріусовъ и маклеровъ. Нотаріусами очень долго были Мина Купинниковъ и Ѳедоръ Мухинъ, а изъ маклеровъ отмѣчаемъ купца Маслова, пробывшаго въ этой должности болѣе 20 лѣтъ, Алексѣя Клеменова и Терентія Савченкова. Уже въ 20-хъ годахъ завелись въ Харьковѣ присяжные оцѣнщики, на обязанности которыхъ лежало производство, въ потребныхъ случаяхъ, оцѣнки дворовыхъ мѣстъ и построекъ. Въ это же время видимъ особыхъ смотрителей за клеймленіемъ товаровъ. Послѣ введенія въ 1835 г. Положенія о доходахъ и расходахъ г. Харькова стали выбираться депутаты въ опѣночный комитетъ, а еще раньше—торговая депутація для надзора за торговлей и промышленностью. Когда Харьковъ обзавелся выгонной землей, явились коммиссары для присмотра за городскимъ выгономъ. Со времени учрежденія общественнаго банка городу приходилось выбирать для него директоровъ и ихъ товарищей. Въ концѣ дореформеннаго періода видимъ еще депутата для осмотра пожарнаго обоза. Само собою понятно, что существовали и депутаты для составленія городской обывательской книги, хотя въ дѣйствительности книга эта, можно сказать, не составлялась. Все это были агенты выборные, по избранію отдѣльныхъ городскихъ сословій. Съ теченіемъ времени къ нимъ присоединился рядъ агентовъ, состоявшихъ на городской службѣ изъ-за платы.

Въ губернаторство Муратова учреждена была городская больница, и завѣдывавшій ею врачъ состоялъ на службѣ города. Больница, впрочемъ, продержалась не долго и уже съ 1816 г. присоединена была къ заведеніямъ приказа общественнаго призрѣнія; упразднена поэтому и должность завѣдывавшаго ею врача. Постоянный городовой врачъ заводится въ Харьковѣ только съ 1836 г., по предложенію губернатора Трубецкого. Первымъ городовымъ врачомъ былъ Серебряковъ. Впослѣдствіи число городовыхъ врачей увеличилось. По штатамъ 1845 г. ихъ было уже два—старшій и младшій. Были, кромѣ того, фельдшера и акушерки. Впрочемъ касательство городовыхъ врачей къ городу выражалось только въ томъ, что жа-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1861 - 1870 гг. и Харьк. Губ. Вѣд. за то же время.

лованье имъ выплачивалось изъ городскихъ средствъ. Городовые врачи находились въ распоряженіи не думы, а городской полиціи. Съ учрежденіемъ городской Александровской больницы явились и врачи, служащіе уже городу.

Съ 1837 г. заведена должность городского архитектора. Первымъ городскимъ архитекторомъ былъ университетскій архитекторъ Тонъ съ жалованьемъ 1200 р. Въ 1865 г., съ преобразованіемъ въ губерніи строительной части, должность городского архитектора совсѣмъ упразднена. Съ 1856 г. учреждена должность городского садовника. Первымъ садовникомъ былъ нѣкій Зеленсъ, а послѣ него—Эттеръ. Накопившія постояннаго „хожденія“ по судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ, думѣ пришлось обзавестись уже и собственнымъ повѣреннымъ. Не упоминаемъ уже о низшихъ агентахъ, каковы дворники при городскихъ домахъ, сторожа, трубочисты, „гицеля“ и т. п.

Въ 1871 г. въ Харьковѣ было введено Городовое Положеніе 1870 г. Чѣмъ же разнился новый порядокъ отъ порядка, установленнаго жалованной грамотой 1785 г.?

Екатерининское городское управленіе было управленіемъ сословнымъ. Въ городѣ жили дворяне, духовные, купцы, мѣщане, цеховые и крестьяне, а между тѣмъ завѣдываніе городскими дѣлами находилось только въ рукахъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, при чемъ купцамъ, не смотря на ограниченность числа ихъ сравнительно съ прочимъ населеніемъ города, принадлежала руководящая роль. Купцы отнюдь не были солью земли. Это былъ классъ малокультурный и косный, не способный идти впереди другихъ, быть руководителемъ въ дѣлѣ внѣшней и внутренней культуры города, еще менѣе способный къ роли борца за общественные интересы, по условіямъ времени требовавшіе усиленной охраны отъ посягательствъ извнѣ. Неспособны были купцы подняться и выше собственныхъ классовыхъ интересовъ, а между тѣмъ волею законодателя на нихъ возложена была обязанность бдѣть о пользахъ и нуждахъ всего населенія города. И въ результатѣ получилось то, что получается всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы всего населенія вѣряются попеченію одного изъ его слоевъ. При такихъ условіяхъ требуется усиленный надзоръ со стороны государственной власти. Такъ оно и было въ дѣйствительности во весь дореформенный періодъ. Но дореформенное законодательство пошло дальше этого. Оно установило не только надзоръ, а и опеку. Опекунъ приказывалъ—опекаемый исполнялъ, а если самъ придумывалъ что нибудь для себя полезное, то обязанъ былъ просить позволенія у опекуна. „Да представитъ губернатору и ожидаетъ повелѣнія“,—требовалъ Екатерининскій законъ отъ думы для тѣхъ случаевъ, когда она могла проявить собственную инициативу. Широкія полномочія невольно вводили опекуна въ грѣхъ, а съ другой стороны усиленная опека отучала отъ самодѣятельности.

Выходъ изъ этого ненормальнаго положенія и далъ законъ 16 іюня 1870 г. Онъ ввелъ въ городское управленіе принципъ безсословности, а начальственную опеку замѣнилъ надзоромъ. Къ участію въ городскомъ самоуправленіи были допущены всѣ жители города, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому сословію, разъ они обладаютъ установленнымъ цензомъ. Русское подданство, возрастъ не ниже 25 лѣтъ, владѣніе въ предѣлахъ города недвижимымъ имуществомъ подлежащимъ сбору въ пользу города, а также содержаніе торговаго или промышленнаго заведенія по купеческому свидѣтельству или даже уплата въ теченіе двухъ лѣтъ въ пользу города сбора съ свидѣтельствъ купеческаго, промысловаго или приказчичьяго 1-го разряда или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній—таковъ былъ цензъ, открывавшій передъ горожаниномъ двери избирательнаго собранія.

Изъ лицъ, удовлетворяющихъ указанному цензу, доступъ къ выборамъ былъ закрытъ только для опороченныхъ по суду, отрѣшенныхъ отъ должности, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, караемыхъ пораженіемъ правъ, злостныхъ банкротовъ и лицъ, лишенныхъ духовнаго званія за пороки или исключенныхъ изъ дворянскихъ и другихъ сословныхъ обществъ. Закрылъ законодатель двери избирательныхъ собраній и передъ тѣми жителями города, чье присутствіе могло бы стѣснять свободу выборовъ. Къ выборамъ не были поэтому допущены такія должностныя лица, какъ губернаторъ, члены губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, исключая городского головы губернскаго города, члены губернскаго правленія и полицейскіе чины.

Избирательныя собранія происходили одинъ разъ въ четыре года. На нихъ избирались гласные думы на четырехлѣтіе. Въ Харьковѣ дума состояла изъ 72 гласныхъ. Быть избраннымъ въ гласные имѣлъ право каждый избиратель. Для выборовъ избиратели по своему имущественному положенію дѣлились на три разряда, при чемъ каждый разрядъ выбиралъ одну треть общаго числа гласныхъ. По окончаніи выборовъ роль избирателей оканчивалась. Въ дѣло управленія городомъ они уже не вмѣшивались, предоставляя это всецѣло своимъ избранникамъ, которымъ они даже не имѣли права давать какихъ либо инструкцій. Законодатель такимъ образомъ, ко вреду для общества, лишилъ это общество всякаго вліянія на своихъ избранниковъ. Это отсутствіе связи между горожанами и органомъ ихъ самоуправленія было, несомнѣнно, одной изъ слабыхъ сторонъ реформы 1870 г. Гласные думы выбираютъ голову и членовъ городской управы, изъ своей ли среды, или изъ городскихъ избирателей—безразлично. Городской голова является предсѣдателемъ какъ думы, такъ и ея исполнительнаго органа—городской управы. Засѣданія думы, по Положенію 1870 г., назначались или по усмотрѣнію головы, или по требованію губернатора, или по желанію одной пятой гласныхъ.

Городская дума, по Положенію 1870 г., представляетъ собою все городское общество. Она „входитъ въ обсужденіе дѣлъ, касающихся всего городского общества, и дѣйствуетъ его именемъ". Законъ предоставилъ думѣ широкія, по сравненію съ Положеніемъ 1785 г., права. Она получила власть, въ нѣкоторомъ родѣ, законодательную, ибо ей предоставлено было право изданія, по соглашенію съ мѣстной полиціей, обязательныхъ, имѣющихъ для мѣстныхъ жителей силу закона, постановленій въ сферѣ городского благоустройства: о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и исправности улицъ, площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, мостовъ и гатей, сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ и пр., о мѣрахъ къ охраненію общественныхъ сооруженій, садовъ, бульваровъ и т. п., объ устройствѣ переправъ и перевозовъ, конно-желѣзныхъ или иныхъ усовершенствованныхъ путей, объ общественныхъ экипажахъ, объ извозномъ промыслѣ, о мѣрахъ по санитарной части, о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ и базарахъ, о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ и повальныхъ болѣзней и пр. Вѣдѣнію думы предоставлены: выборное производство, назначеніе выборныхъ должностныхъ лицъ и опредѣленіе имъ содержанія, установленіе, увеличеніе и уменьшеніе городскихъ сборовъ и налоговъ и сложеніе по нимъ недоимокъ, переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя, заключеніе займовъ и иныхъ обязательствъ отъ имени города (болѣе крупныхъ—съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ) и принятіе пожертвованій въ пользу города, опредѣленіе предметовъ городскихъ расходовъ, составленіе и утвержденіе городскихъ смѣтъ и разсмотрѣніе и утвержденіе отчетовъ о сборѣ и употребленіи городскихъ средствъ, установленіе правилъ для завѣдыванія городскими имуществами, благотворительными и другими, состоящими въ завѣдываніи города, учрежденіями, представленія объ измѣненіяхъ въ планѣ города, возбужденіе ходатайствъ передъ высшимъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Думѣ же предоставлено было право устройства, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, торговой полиціи и опредѣленіе порядка ея дѣйствій, а также порядка дѣйствій городской управъ и торговой депутаціи—тоже съ утвержденія министра.

Дума собиралась черезъ извѣстные промежутки времени. Для веденія текущихъ дѣлъ Положеніе 1870 г. установило постоянно дѣйствующій органъ городского самоуправленія—городскую управу. На нее законодателемъ возложено непосредственное завѣдываніе дѣлами городского хозяйства и общественнаго управленія. Она „ведетъ текущія дѣла по городскому хозяйству, изыскиваетъ мѣры къ его улучшенію, исполняетъ опредѣленія думы, собираетъ нужныя ей свѣдѣнія, составляетъ проекты городскихъ смѣтъ, взимаетъ и расходуетъ городскіе сборы на установленныхъ думою основаніяхъ и представляетъ, въ назначенные думою сроки, отчеты о своей дѣятельности и состояніи подвѣдомственныхъ ей частей". Предсѣдателемъ управы былъ городской голова, а число членовъ устанавливалось думой. При коллегіальномъ обсужденіи дѣлъ въ управѣ головѣ отведена была Положеніемъ очень серьезная роль. Если голова находилъ, что рѣшеніе большинства управы противорѣчитъ законамъ, онъ въ правѣ пріостановить исполненіе рѣшенія и представить о возникшемъ недоразумѣніи губернатору. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства законъ уполномочивалъ голову единолично принимать мѣры, предоставленныя коллегіальному обсужденію управы. Управа, хотя и предназначенная Положеніемъ къ роли исполнительнаго органа, обладала, однако, въ силу того же Положенія, и нѣкоторымъ правомъ контроля надъ поста-

новленіями думы. Въ случаѣ затрудненій и неудобствъ при исполненіи опредѣленій городской думы, управѣ представлено было право, по заключенію большинства полнаго ея присутствія, остановиться съ исполненіемъ опредѣленія и представить думѣ объ оказавшихся затрудненіяхъ, и только послѣ подтвержденія думой своего опредѣленія управа обязана его исполнить. Больше того: если управа большинствомъ членовъ признаетъ опредѣленіе думы противозаконнымъ, а дума не согласится съ управой, то управѣ продоставлялось право передавать спорный вопросъ губернатору для разрѣшенія его въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи.

Срокъ службы городского головы и членовъ управы—тотъ же, что и для полномочій думы,—четыре года. Изъ членовъ управы каждые два года выбывала по очереди половина и замѣщалась по выборамъ новыми, при чемъ могли быть выбраны и выбывшіе. Для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями городского хозяйства и общественнаго управленія, а также для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ въ случаяхъ чрезвычайныхъ дума имѣла право учреждать особыя коммиссіи изъ гласныхъ или лицъ, имѣющихъ избирательныя права. Городской секретарь также избирался думой. Утвержденіе выбраннаго головы въ должности совершалась министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а для прочихъ выборныхъ должностныхъ лицъ утвержденія совсѣмъ не требовалось. Кромѣ перечисленныхъ должностныхъ лицъ дума выбирала членовъ торговой депутаціи, предсѣдателя и членовъ оцѣночной коммиссіи, директоровъ и товарищей директора городского банка, казначея Харьковскаго благотворительнаго общества и депутата въ Харьковское полицейское управленіе, членовъ учетнаго и ссуднаго комитета конторы государственнаго банка, присяжныхъ цѣнощиковъ. Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ должностей, замѣщаемыхъ по выбору думы, были упразднены или поставлены иначе, но зато прибавилось много новыхъ. Таковы должности члена въ городскомъ по воинской повинности присутствія, членовъ попечительныхъ совѣтовъ городскихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, а также членовъ отъ города въ различныхъ учрежденіяхъ, получающихъ субсидіи изъ городскихъ средствъ.

Надзоръ за законностью дѣйствій городского самоуправленія принадлежалъ губернатору и губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію. Губернатору обязательно доставлялись всѣ постановленія городской думы, и если онъ находилъ въ нихъ что либо противозаконное, то передавалъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія. Сюда же, черезъ губернатора, шли и жалобы на противозаконныя опредѣленія думы. При передачѣ опредѣленія городской думы на разсмотрѣніе присутствія, губернаторъ имѣлъ право пріостановить исполненіе опредѣленія на срокъ не болѣе мѣсяца. Жалобы на дѣйствія губернскаго присутствія городскимъ управленіемъ и частными лицами приносились Сенату въ шестимѣсячный срокъ. Къ Сенату же, по закону, долженъ былъ обращаться и губернаторъ, если признаетъ постановленіе присутствія неправильнымъ.

Городовое Положеніе 1870 г. было введено въ Харьковѣ въ 1871 г. Для распоряженій по реформѣ городского самоуправленія 13 августа 1870 г. въ Харьковѣ открыто губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, однимъ изъ первыхъ дѣйствій котораго было предложеніе старой шестигласной думѣ о собраніи городского общества и харьковскихъ домовладѣльцевъ для выбора временной коммиссіи [1]) по составленію списка избирателямъ. 27 ноября работа коммиссіи была утверждена, а 7, 8 и 9 января 1871 г. состоялись уже избирательныя собранія для каждаго изъ трехъ разрядовъ городскихъ избирателей. На выборы по первому разряду явилось 25 лицъ, по второму—54, а по третьему—116. Выборы по третьему разряду были, впрочемъ, отмѣнены губернскимъ присутствіемъ, а вмѣсто нихъ на 9 февраля назначены новые, на которые явилось 230 избирателей. Въ результатѣ первая дума составилась изъ 71 гласнаго. По первому разряду гласными были: А. А. Скрынниковъ, С. Д. Ковалевъ, Н. Е. Сѣриковъ, А. Р. Рубинштейнъ, М. И. Корнѣенко, С. А. Клеменовъ, И. И. Воиновъ, И. А. Сливицкій, В. И. Богомоловъ, А. И. Кональчуковъ, Н. В. Масловичъ, Е. С. Гордѣенко, В. М. Тамбовцевъ, В. Г. Пономаревъ, И. Н. Семыкинъ, Н. Г. Нехорошевъ, Н. П. Кузинъ, П. И. Рыжовъ, И. О. Рубинштейнъ, П. Ф. Базилевскій, Ф. А. Дербергъ, А. М. Рудаковъ, А. В. Антоновъ. Второго разряда: И. П. Щелковъ, К. И. Ве-

[1]) Въ составъ коммиссіи вошли: Полюта, Оболенскій, Сѣрковъ, Ананьевъ, Савельевъ, Коптевъ, Рымаренко, Зибицкій, Якимовъ, Галицкій, Доценко, Базилевскій, Кобцевъ, Залѣсскій, Халиминъ, Брайловскій, Гапоновъ, Кольченко, Левандовскій, Соловьевъ, Войтенко и Туникъ.

литченко, Д. Н. Бразоль, М. К. Курносовъ, М. В. Брайловскій, А. Г. Канивальскій, И. И. Ващенко, А. В. Чикинъ, С. М. Акименко, П. М. Акименко, Т. С. Кульшинъ, А. В. Доценко, М. В. Коваленко, Д. М. Деларю, И. П. Коптевъ, И. Ф. Кравцовъ, И. П. Золотаревъ, П. Я. Огненко, Е. М. Деларю, П. М. Власовскій, А. К. Алчевскій, Е. Ф. Шмальценъ, А. Г. Витте, И. О. Деревянкинъ. Третьяго разряда: П. В. Пассекъ, С. И. Кольченко, о. І. Базилевичъ, М. К. Залѣсскій, В. О. Вольнеръ, А. Ю. Зиберъ, А. Е. Ковалевъ, А. С. Дмитріевъ, А. А. Оболонскій, Н. З. Котляревскій, А. П. Мартыновъ, Ф. П. Ивановъ, А. П. Стояновъ, О. С. Сыцянко, Ф. С. Соловьевъ, А. И. Шабардинъ, В. А. Франковскій, П. В. Коваленко, В. П. Авдіевъ, Ф. К. Роше, Ф. С. Марченко, А. Е. Павловъ, Н. Е. Ковалевскій, Ф. Ф. Даниловичъ.

Новая дума оказалась составленной изъ лицъ разныхъ сословій. Это не значитъ, однако, чтобы при выборахъ не было классовой борьбы. Въ Харьковѣ она началась съ первыхъ же выборовъ. Въ это время образовались двѣ боровшіяся партіи, съ первыхъ дней введенія новаго городского управленія получившія названія „купеческой“ и „дворянской“. Это, конечно, не сословія, а только классы. Подъ дворянами разумѣлись обыкновенно интеллигенты—профессора, адвокаты, инженеры, объединявшіеся между собою на почвѣ просвѣтительныхъ, гуманистическихъ и прогрессивныхъ стремленій. „Купцы“—это были сторонники „хозяйственнаго“ управленія по старинѣ-по простотѣ, безъ лишнихъ затѣй, безъ лишнихъ тратъ. Въ первой думѣ ни та, ни другая партія не могла похвалиться численнымъ преобладаніемъ, но зато духовное преобладаніе осталось, несомнѣнно, за „дворянами“.

Открытіе думы состоялось 25 февраля. Первымъ актомъ дѣятельности гласныхъ была посылка адреса на Высочайшее имя съ благодарностію за дарованіе Харькову новаго Городового Положенія. Въ этомъ же засѣданіи опредѣлено жалованье городскому головѣ, членамъ управы, которыхъ назначено 6, и городскому секретарю. Городскимъ головой въ томъ же засѣданіи избранъ Егоръ Степановичъ Гордѣенко. Въ составъ первой городской управы вошли: А. Е. Ковалевъ, М. В. Брайловскій, І. А. Сыцянко, П. М. Акименко, А. В. Доценко и М. К. Залѣсскій. А. Е. Ковалевъ, бывшій до тѣхъ поръ мировымъ судьею, избранъ былъ заступающимъ мѣсто городского головы. Въ томъ же 1871 г. въ составъ управы вошелъ и седьмой членъ—Н. П. Кузинъ, избранный для завѣдыванія квартирной повинностью. Въ 1873 г. изъ состава управы вышелъ П. М. Акименко и былъ замѣненъ Т. С. Кульшинымъ. Въ томъ же году вышелъ въ отставку и М. К. Залѣсскій. Первымъ городскимъ головой при дѣйствіи Положенія 1870 г. былъ Е. С. Гордѣенко, профессоръ въ отставкѣ, извѣстный мѣстный общественный дѣятель, бывшій при уничтоженіи крѣпостного права членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, потомъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Срока своего Гордѣенко въ головахъ не дослужилъ. Въ 1873 г. по разстроенному здоровью онъ отказался отъ должности головы. 11 января 1874 г. производились выборы новаго головы. Изъ намѣченныхъ по запискамъ кандидатовъ баллотировались два: Алексѣй Дмитріевичъ Чепелкинъ и Александръ Евгеніевичъ Ковалевъ, получившіе одинаковое число голосовъ. За отказомъ Ковалева избраннымъ оказался Чепелкинъ, состоявшій до избранія, какъ и Ковалевъ, мировымъ судьею. Въ томъ же году изъ состава управы вышелъ Кульшинъ, замѣненный И. П. Коптевымъ.

Дѣятельность перваго состава управы была не безъ терній. За промедленіе, обнаруженное управой въ дѣлѣ объ отдачѣ въ солдаты мѣщанина Гончарова, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе опредѣлило предать должностныхъ лицъ управы суду Харьковской судебной палаты. Дума обжаловала это постановленіе въ Сенатъ, который указомъ 9 апрѣля 1874 г. рѣшеніе присутствія отмѣнилъ. Въ другой разъ, уже по окончаніи службы членовъ управы перваго ея состава, за неправильную выдачу удостовѣренія о бѣдности отставному солдату Овчарову, просившему о казенномъ пособіи, присутствіемъ были преданы суду Доценко и Залѣсскій, первый за то, что разрѣшилъ выдать Овчаренку удостовѣреніе, а второй—за то, что подписалъ его. Дума опять обжаловала это опредѣленіе, и члены управы были оправданы [1]). Была ли при такихъ обстоятельствахъ сама дума довольна управой,—объ этомъ судить трудно, но мы имѣемъ отдѣльныя постановленія съ выраженіемъ благодарности тому или другому члену управы по разнымъ случаямъ. Въ 1873 г. дума благодаритъ А. В. Доценко и Н. В. Кузина за содѣйствіе прекращенію пожара дома Пащенка-Тряпкина, гдѣ помѣщалась управа. Въ 1875 г. она благодаритъ Брайловскаго за примѣрное веденіе счетоводства.

[1]) Н. В. Петровъ. Матеріалы для исторіи Харьковской городск. думы. Вып. 2, стр. 226—229.

Дѣятельность реформированной думы на первыхъ порахъ была, можно сказать, больше богата благими пожеланіями, нежели реальными результатами. Оно, конечно, и не удивительно. Приходилось, съ одной стороны, многое налаживать вновь, а съ другой—считаться на каждомъ шагу съ послѣдствіями стараго порядка, оставившаго городское хозяйство въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ, а главное—безъ денегъ. Не мало времени и силъ пришлось истратить и на отстаиваніе самостоятельности городского самоуправленія въ границахъ, отведенныхъ ему Положеніемъ 1870 г. Не смотря на видимое доброжелательство губернской администраціи къ городу, думѣ иногда приходилось защищать общественное самоуправленіе отъ слишкомъ уже ограничительныхъ толкованій Положенія, къ которому склонны были не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ. Такое напр. толкованіе принимало министерство внутреннихъ дѣлъ въ вопросѣ о разрѣшеніи общественныхъ построекъ въ городѣ. Приходилось просить разъясненій у Сената. Тѣмъ не менѣе многое было все таки сдѣлано. Въ области внѣшняго благоустройства новая дума обратила вниманіе на необходимость болѣе интенсивнаго замощенія города, но большихъ успѣховъ въ этомъ все таки не добилась благодаря затрудненіямъ, сопряженнымъ съ покупкою подходящаго камня. Исправлены были старые мосты, къ которымъ прибавлены кое какіе новые, не дорогіе. Сдѣлана попытка урегулировать теченіе р. Лопани прорытіемъ по ея руслу широкаго канала, но изъ этого ничего не вышло: черезъ 2—3 года каналъ былъ затянутъ иломъ. Приведена въ порядокъ Сергіевская площадь, бывшая въ самомъ безобразномъ видѣ благодаря порчѣ ея постройкой неудавшейся биржи. Упорядочены базары, спасенъ отъ расхищенія и гибели Карповскій садъ, сдѣлано постановленіе объ обсадкѣ улицъ деревьями, постановлено отвести участокъ земли для новаго кладбища взамѣнъ переполненнаго Коннаго; рѣшено составить планъ города Были попытки облегчить харьковцамъ несеніе постойной повинности, но изъ нихъ ничего не вышло, ибо Петербургъ, куда обращалась дума, отнесся къ ея просьбамъ очень не сочувственно. Гораздо больше сдѣлано думой въ дѣлѣ насажденія духовной культуры. Ей городъ всецѣло обязанъ открытіемъ реальнаго училища, она же облегчила и устройство въ Харьковѣ технологическаго института и оказала поддержку прогимназіи. Въ области низшаго народнаго образованія дѣятельность думы этого состава ознаменовалась прибавкою къ двумъ существующимъ городскимъ училищамъ еще одного—Клеменовскаго, для котораго домъ и усадьба были пожертвованы купцомъ С. А. Клеменовымъ. Думою обращено было вниманіе и на сохраненіе въ цѣлости городского добра, подвергавшагося систематическому расхищенію. Въ такомъ именно положеніи были городскія земли. Требовалось прежде всего привести ихъ въ извѣстность и выяснить ихъ границы. Однимъ изъ первыхъ постановленій новой думы было поэтому постановленіе о приглашеніи на службу города постояннаго землемѣра и о составленіи проектнаго плана Харькова. Налаженный было еще при старой думѣ проектъ устройства водопроводовъ, въ виду препятствій, указанныхъ министерствомъ финансовъ, пришлось оставить, но дума все таки очень усердно занималась этимъ вопросомъ. Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ первой думы отмѣчаемъ проекты устройства адреснаго стола, конно-желѣзной дороги, городского дома, ночлежнаго пріюта для чернорабочихъ, учрежденія санитарнаго надзора и др., которые удалось осуществить только гораздо позже. Много труда было потрачено управой и думой на вопросъ объ учрежденіи торговой полиціи. Для проектированной полиціи была выработана обширная и подробная инструкція, но проку изъ этого проекта не вышло. Дѣло въ томъ, что дѣятельность предположенной торговой полиціи во многихъ пунктахъ соприкасалась съ дѣятельностью общей полиціи. Когда управская инструкція, согласно 111 ст. Гор. Пол., была представлена губернатору, она вызвала многочисленныя замѣчанія съ его стороны. Не посчастливилось инструкціи и въ Петербургѣ, гдѣ въ качествѣ ея критиковъ выступили министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Злополучная инструкція была возвращена въ 1874 г. для пересмотра въ думу, передана затѣмъ въ особую думскую коммиссію, гдѣ и погибла. Торговая полиція такъ въ Харьковѣ и не осуществилась. Много времени и вниманія отняли также борьба съ холерой и постройки и перестройки въ Александровской больницѣ, въ Сергіевскомъ ряду и реальномъ училищѣ. Значительную часть времени пришлось употребить думѣ на пріемъ наслѣдства отъ старой думы и ликвидацію многаго изъ стараго, что оказалось не нужнымъ при новомъ строѣ городского управленія. Городская собственность была умножена не много: былъ пріобрѣтенъ въ 1873 г. отъ частнаго лица домъ на Николаевской площади, въ которомъ теперь, послѣ капитальной перестройки, помѣщается городская дума и другія городскія учрежденія [1]).

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1871—1871. гг. и Харьк. Календ. 1874 г. стр. 56—82; 1875 г., стр. 174—197; 1876 г., стр 103—175.

При выборахъ на четырехлѣтіе 1875—1878 гг. въ составъ гласныхъ вошли слѣдующія лица: С. М. Акименко, П. М. Акименко, А. К. Алчевскій, П. Ф. Базилевскій, Д. Н. Бразоль, И. Н. Бразоль, М. В. Брайловскій, И. И. Ващенко, К. И. Велитченко, И. И. Воиновъ, Я. Я. Голяховскій, Е. С. Гордѣенко, И. К. Гришенко, Д. Т. Губенко, Н. И. Даниловскій, Ф. Ф. Даниловичъ, Ф. А. Дербергъ, В. Г. Доленко, А. С. Дмитріевъ, В. Ѳ. Домбровскій, А. М. Егорьевъ, Н. А. Жевержеевъ, К. Н. Захарьевъ, А. Ю. Зиберъ, И. С. Ивановъ. Ф. П. Ивановъ, В. С. Клочковъ, А. Е. Ковалевъ, М. А. Коваленко, Н. Е. Ковалевскій, А. И. Ковальчуковъ, Н. П. Кузинъ, М. К. Курносовъ, Т. С. Кульшинъ, И. П. Коптевъ, Ф. И. Кравцовъ, Н. З. Котляревскій, Н. В. Корытинъ, С. М. Кононенко, К. Н. Коротковъ, А. Ф. Кожинъ, А. И. Левченко, Ф. С. Марченко, Н. В. Орловъ, П. В. Пассекъ, А. С. Питра, Н. П. Петренко, И. М. Полянскій, В. Г. Пономаревъ, С. А. Раевскій, Ф. О. Рейнгардтъ, И. О. Робушъ, А. С. Рубенко, П. И. Рыжовъ, И. Ф. Силинъ, И. А. Сливицкій, Ф. С. Соловьевъ. В. В. Соханевъ, Л. П. Страховъ, П. Т. Степановъ, А. Н. Стояновъ, Г. Я. Стриженскій, Н. Е. Сѣриковъ, С. С. Сѣрикъ, В. М. Тамбовцевъ, М. В. Тарасенковъ, П. Е. Уткинъ, В. А. Франковскій, А. Д. Чепелкинъ, А. В. Чикинъ, Н. Д. Шатуновъ, А. П. Шимковъ и И. П. Щелковъ.

Ко времени выборовъ 1875 г. управа, кромѣ городского головы, состояла изъ 5 лицъ. Изъ нихъ по жребію выбывали Н. П. Кузинъ и О. С. Сыцянко. Новымъ составомъ гласныхъ въ члены управы были выбраны: пор. Н. П. Кузинъ, н. с. Ф. Ф. Даниловичъ и купецъ С. М. Кононенко, кандидатами къ нимъ—кол. асс. Е. В. Кобцевъ, купецъ 2-й гильдіи Ф. П. Ивановъ и купецъ 2-й гильдіи М. И. Корнѣенко. Городскимъ головою былъ выбранъ тотъ же А. Д. Чепелкинъ. Выборы состоялись 29 апрѣля 1875 г., а уже 6 іюня думѣ было доложено прошеніе Чепелкина объ отставкѣ. Въ сентябрѣ головою былъ избранъ над. сов. А. Е. Коваленъ, а заступающимъ мѣсто головы—над. сов. Мих. Влад. Брайловскій. Составъ управы, уменьшенный съ избраніемъ Ковалева въ головы, былъ пополненъ кандидатомъ—Ф. П. Ивановымъ. Въ 1877 г., когда приходилось по очереди выбывать изъ членовъ управы Иванову, Брайловскому и Доценку, они были вновь избраны.

Управѣ состава 1875 г. пришлось испытать нѣкоторыя непріятности. 11 сентября 1878 г. на Благовѣщенскомъ базарѣ цеховой Сердюковъ нанесъ ударъ по лицу члену управы Кононенку во время исполненія послѣднимъ обязанностей службы. Началось дѣло. Торговцы Благовѣщенскаго базара подали въ управу прошеніе, въ которомъ жаловались на несправедливое отношеніе Кононенка къ торговцамъ русскаго происхожденія и на явное предпочтеніе и покровительство, оказываемое имъ торговцамъ-евреямъ. Самъ Сердюковъ поплатился за нанесенное имъ Кононенку оскорбленіе двухмѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, но зато нравственная побѣда была на его сторонѣ. Дума устранила Кононенка отъ завѣдыванія базаромъ, выдала пособіе семьѣ Сердюкова и поручила новому завѣдывающему базаромъ, члену управы Ф. П. Иванову строго слѣдить за правами евреевъ на торговлю на базарѣ. Для разслѣдованія дѣйствій Кононенка назначена была особая думская коммиссія, которая въ концѣ концовъ пришла къ заключенію, что въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ достаточнаго основанія къ возбужденію противъ Кононенка преслѣдованія за злоупотребленіе властью изъ какихъ либо личныхъ выгодъ; что дѣло Сердюкова хотя и можетъ возбуждать предположеніе о присутствіи преступнаго элемента въ распоряженіи Кононенка, но это предположеніе ничѣмъ не подтверждается.

Дума этого состава проявила меньше иниціативы, чѣмъ предъидущая, занимаясь преимущественно разработкой вопросовъ, выдвинутыхъ ея предшественницей. По прежнему ведутся работы по составленію городского плана, разрѣшается наконецъ вопросъ объ устройствѣ водопровода заключеніемъ 1-го марта 1878 г. контракта съ водопроводнымъ обществомъ, обсуждается заявленія предпринимателей объ устройствѣ конножелѣзныхъ дорогъ. Дѣлаются постановленія объ улучшеніи пожарной части и упраздненіи пожарнаго комитета, устроеннаго еще въ дореформенное время. Проекты предъидущей думы по санитарной части выливаются теперь въ реальную, хотя и очень скромную форму: приглашается санитарный врачъ, и дѣлаются постановленія объ учрежденіи санитарнаго совѣта и должности особаго полицейскаго чиновника по санитарной части. Идутъ разсужденія о необходимости реализаціи рѣшеннаго уже предъидущей думой вопроса о переносѣ Коннаго кладбища за городъ, но кладбище все таки по прежнему остается на старомъ мѣстѣ. Зато свалочный пунктъ, до сихъ поръ заражавшій сѣверную часть города, переносится теперь на отдаленный Уралъ. Въ области просвѣщенія дѣятельность думы выразилась въ открытіи 2-ой женской гимназіи и 4-го городского приходского училища. Замедленіе въ открытіи технологическаго института заставило

думу ходатайствовать передъ правительствомъ объ ускореніи окончанія этого начинанія, имѣвшаго для города весьма важное значеніе. Поднимается вопросъ объ устройствѣ городскихъ скотобоенъ, которому, однако же, суждено было дождаться разрѣшенія только спустя два десятилѣтія.

Вообще дѣятельность городского самоуправленія въ тѣ годы была сильно стѣснена недостаткомъ денегъ въ городской кассѣ, парализовавшимъ всѣ сколько нибудь широкіе планы по части улучшеній. Недостаткомъ въ деньгахъ объясняла дума и отклоненіе такихъ расходовъ, какъ расходъ на усиленіе полиціи, предложенное губернаторомъ Кропоткинымъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что горожане въ то время не совсѣмъ были довольны дѣятельностью мѣстной полиціи. Въ одномъ, напримѣръ, изъ засѣданій думы гласный Е. С. Гордѣенко сдѣлалъ заявленіе о необходимости обсудить отношеніе города къ полиціи, которая въ значительной части содержалась на средства города, но была ли дѣйствительно въ надлежащей мѣрѣ полезна городу,—горожанамъ ни откуда не видно. Впрочемъ щекотливый вопросъ былъ отложенъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, но только для того, чтобы его больше совсѣмъ не поднимать. Къ счастью для города, въ Петербургѣ къ нуждамъ городского управленія въ то время относились еще довольно сочувственно. Въ 1876 г. съ Харькова, по ходатайству думы, были сложены недоимки по содержанію полиціи въ суммѣ 138620 р., при чемъ городъ далъ обязательство не допускать больше недоимки по этому предмету. Безденежье было причиной, заставлявшей городъ скупиться не на одну полицію. Выйти изъ затруднительнаго положенія можно было только путемъ займа. И дума въ концѣ концовъ постановила возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи выпуска двухмилліоннаго займа [1]).

Въ четырехлѣтіе 1879—1882 гг. гласными въ думѣ были: Н. Н. Абашевъ, С. М. и П. М. Акименки, П. Ф. Базилевскій, Д. Н. Бразоль, М. В. Брайловскій, И. И. Ващенко, К. И. Велитченко, Я. Я. Голяховскій, Е. С. Гордѣенко, П. Н. Горловъ, Д. Т. Губенко, Л. А. Гутобъ, Ф. Ф. Даниловичъ, Ф. Ф. Дорбергъ, В. Г. Доленко, А. С. Дмитріевъ, В. Ѳ. Домбровскій, Н. И. Дракинъ, А. М. Егорьевъ, Н. А. Жевержеевъ, И. К. Зарубинъ, А. Ю. Зиберъ, И. С. Ивановъ, С. А. Илларіоновъ (протоіерей), А. Е. Ковалевъ, П. В. Коваленко, Н. Е. Ковалевскій, П. П. Ковалевскій, Д. И. Киселевъ, Н. П. Кузинъ, М. К. Курносовъ, Т. С. Кульшинъ, К. И. Коротковъ, Е. В. Кобцевъ, И. С. Косенко, А. И. Куликовъ, А. И. Левченко, А. Ф. Мевіусъ, П. С. Мигулинъ (священникъ), В. А. Нероновъ, П. Д. Нововъ, И. Н. Оболенскій, Н. В. Орловъ, Ф. А. Павловскій, Т. С. Павловъ (протоіерей), А. С. Питра, Л. А. Погодинъ, И. И. Поморцевъ, В. Г. Пономаровъ, С. А. Раевскій, П. И. Рыжовъ, М. М. Севастьяновичъ, И. Ф. Силинъ, А. Н. Стояновъ, Г. Я. Стрижевскій, І. А. Стойкинъ, В. М. Тамбовцевъ, М. В. Тарасенковъ, П. Ф. Твердохлѣбовъ, Л. Ф. Тиленъ, К. П. Уткинъ, А. А. Федоровскій (священникъ), И. О. Фесенко, В. Г. Филоновъ, П. П. Флота, В. А. Франковскій, С. Д. Ханайченко, А. В. Шейфманъ, Я. Я. Ширяевъ, А. П. Шимковъ и И. П. Щелковъ. Въ засѣданіи новой думы 10 мая 1879 г. головою былъ вновь выбранъ А. Е. Ковалевъ, заступающимъ мѣсто головы—М. В. Брайловскій, членами управы Ф. Ф. Даниловичъ, И. О. Фесенко и Л. А. Погодинъ, а кандидатами Н. Н. Абашевъ и Ф. А. Павловскій, которымъ скоро пришлось занять мѣста членовъ, такъ какъ Фесенко и Погодинъ отъ должностей отказались, причемъ Фесенко избранъ былъ членомъ училищной коммиссіи и попечительнаго совѣта дѣтской больницы. Въ 1881 г. по очереди выбыли М. В. Брайловскій, Ф. П. Ивановъ и А. В. Доценко, причемъ Брайловскій вновь избранъ членомъ управы и заступающимъ мѣсто головы, а вмѣсто двухъ другихъ членовъ избраны С. Д. Ханайченко и Ф. Ф. Рогожинъ. Кандидатами къ нимъ выбраны: Ф. П. Ивановъ, Д. Т. Губенко, И. С. Косенко и А. В. Доценко.

Въ области городского благоустройства правленіе думы этого состава ознаменовалось открытіемъ водопровода (1-го іюня 1881 г.), но вскорѣ уже послѣ открытія начались и недоразумѣнія между городомъ и предпринимателями. Вопросъ о конно-желѣзной дорогѣ изъ области разговоровъ перешелъ къ практическому осуществленію, и въ 1882 г. часть линіи конки была уже готова. Къ сожалѣнію, и контрактъ, заключенный съ предпринимателями конки, надѣлалъ городу не меньше хлопотъ, чѣмъ контрактъ съ водопроводчиками. Съ послѣдствіями его приходится считаться и по днесь. Заботы думы о здоровьѣ населенія выразились въ расширеніи Александровской больницы, въ устройствѣ дѣтской больницы, въ изысканіи

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1875—1879 гг. и Харьк. Календ. 1877 г., стр. 154—203; 1878 г., стр. 197—218; 1879 г., стр. 183—196.

мѣръ борьбы съ сифилисомъ. Шли въ думѣ толки и объ болѣе совершенной ассенизаціи города, но реальныхъ результатовъ отъ этого не получилось. Дума этого состава получила разрѣшеніе на выпускъ городского займа въ 1½ милл. рублей по ходатайству, возбужденному ея предшественницей, но къ реализаціи займа не приступила, находя тогдашнія условія денежнаго рынка крайне для этого не благопріятными. Дума стремилась по возможности избавить городъ отъ излишнихъ расходовъ. Она очень горячо оспаривала правильность обложенія города земствомъ, находя земскую оцѣнку для харьковцевъ отяготительной и непомѣрно высокой. Старалась она избавить городъ и отъ новыхъ расходовъ на полицію, усиленіе которой правительство собиралось отнести на городскія средства. Съ цѣлью облегченія города въ несеніи квартирной повинности дума возбудила ходатайство о перечисленіи Харькова въ отношеніи этой повинности изъ второго разряда въ первый. Въ сферѣ народнаго образованія дѣятельность думы выразилась въ открытіи 5-го городского приходского училища (на Журавлевкѣ), въ назначеніи постоянной субсидіи обществу грамотности, въ ходатайствѣ о скорѣйшемъ открытіи технологическаго института и, наконецъ, въ ходатайствѣ о допущеніи реалистовъ въ университетъ. Послѣдняя просьба, какъ это ни странно, въ Петербургѣ не была признана неумѣстной или незаконной, какъ вторгающаяся въ сферу общихъ государственныхъ вопросовъ. Тогдашній министръ просвѣщенія Сабуровъ очень благосклонно отвѣтилъ, что въ самомъ министерствѣ поднятъ уже вопросъ о пересмотрѣ толстовской системы, какъ извѣстно, на глухо закрывшей реалистамъ двери университета. Положила дума и первый починъ въ область художественнаго образованія харьковцевъ постановленіемъ объ открытіи городского художественно-промышленнаго музея. Это былъ первый музей въ провинціи. Въ Петербургѣ къ начинанію думы отнеслись очень сочувственно, о чемъ дума узнала изъ письма Августѣйшаго Президента академіи художествъ, Великаго Князя Владиміра Александровича на имя городского головы. Въ дѣлѣ общественнаго привлеченія на помощь думѣ пришло частное пожертвованіе: купецъ Клеменовъ пожертвовалъ въ пользу города свою дачу „Отрадное“ съ обязательствомъ устроить здѣсь богадѣльню. Дума приняла даръ съ благодарностью, но осуществить желаніе жертвователя не торопилось. Огромному дому въ 22 комнаты, предназначенному для богадѣльцевъ, пришлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стоять впустѣ и разрушаться, пока онъ наконецъ дождался жильцовъ. Приходилось думѣ оказывать и продовольственную помощь бѣднѣйшимъ слоямъ населенія, въ то время сильнаго стѣсненнаго недостаткомъ жизненныхъ припасовъ и дороговизною (1880 г.). Изъ обязательныхъ постановленій думы этого времени упомянемъ постановленіе объ ограниченіи торговли въ праздничные дни. Заслуживаетъ упоминанія фактъ избранія думой въ почетные граждане г. Харькова бывшаго харьковскаго временнаго генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова, оказавшаго большую услугу бѣднѣйшимъ классамъ городского населенія устройствомъ дешевой столовой. Къ тому же и вообще Дондуковъ-Корсаковъ, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, былъ лицомъ, пользовавшимся общими симпатіями харьковцевъ уже за одно то, что, обладая огромной властью, онъ съумѣлъ не употребить ея во зло.

Изъ гласныхъ этого времени нельзя не отмѣтить Поморцева. Это была всегдашняя думская оппозиція, не мало испортившая крови тогдашней управѣ. Выступалъ онъ почти по всѣмъ вопросамъ, обсуждавшимся въ думѣ, и чаще другихъ оставался „при особомъ мнѣніи“. Особенно горячо ратовалъ онъ противъ соглашенія съ предпринимателями относительно конки. Одинъ разъ, изъ за городского архитектора Ниценка, управа даже возбудила вопросъ объ оскорбленіи, якобы нанесенномъ ей Поморцевымъ. Дѣло пришлось разбирать думѣ въ закрытомъ засѣданіи и выразить Поморцеву свое неодобреніе. Былъ и другой случай, когда управа почувствовала себя обиженной и тоже предложила вопросъ на обсужденіе думы. Это, когда гласный Головинъ обвинилъ голову въ медленности по дѣлу о назначеніи ревизіи городского банка. На сей разъ дума постановила оставить жалобу Головина „безъ послѣдствій“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Среди гласныхъ находились лица, не удовлетворенныя дѣятельностью тогдашней управы и индифферентизмомъ какъ самой думы, такъ и горожанъ вообще къ городскимъ дѣламъ. Горькую жалобу на общественную апатію находимъ въ заявленіи гласнаго Е. С. Гордѣенко, доложенномъ думѣ 15-го февраля 1883 г. Дѣятельность думы, употребившей 26 засѣданій на обсужденіе водопроводнаго дѣла, 31 засѣданіе на дѣло о постройкѣ городского дома и 47 засѣданій на вопросъ о конкѣ, представлялась гласному усердной, но мало плодотворной. Е. С. Гордѣенко упрекалъ думу въ накопленіи начатыхъ и позабытыхъ дѣлъ, а управу—въ невыгодномъ для города веденіи городского хозяйства. Управа, по словамъ гласнаго, отводила на базарахъ мѣста подъ устройство торговыхъ помѣщеній, отъ которыхъ арендаторы получали 300 % барыша на

затраченный ими капиталъ; выгонная земля давала чистаго доходу по 1 р. 35 коп. съ десятины въ то время, какъ отдаленныя степи Екатеринославской губерніи, отдаваемыя подъ попасъ, приносили ихъ владѣльцамъ по 3 руб. съ десятины. О развитіи промысловъ и благосостоянія городского населенія управа, по мнѣнію гласнаго, тоже не заботилась, и торговля и другіе промыслы переходили въ руки пришлаго населенія, въ особенности евреевъ. „Можно думать, иронизировалъ Е. С. Гордѣенко, что управа слѣдуетъ указаніямъ нѣкоторыхъ газетъ, порицающихъ правовой порядокъ, и распоряжается не по праву и закону, а по собственному усмотрѣнію или даже безъ онаго“. Объ отчетахъ управа тоже не заботилась и за все четырехлѣтіе не представила думѣ ни одного [1]).

Выборы для періода 1883—1886 гг. дали слѣдующій составъ гласныхъ: П. А. Ясинскій, В. П. и И. П. Щелковы, А. П. Шимковъ, Я. Я. Ширяевъ, А. Н. Чувиляевъ, А. Д. Чириковъ, В. А. Франковскій, Я. С. Станиславскій, Г. Я. Стрижевскій, І. А. Стойкинъ, Н. Е. и Н. Н. Сѣриковы, В. М. Тамбовцевъ, П. Ф. Твердохлѣбовъ, К. П. Уткинъ, А. А. Федоровскій, И. О. Фесенко, В. И. Ламеховъ, А. Ф. Мевіусъ, Н. М. Михайловъ, Я. Ф. Мищенко, Н. А. Моисеенко, Н. В. Орловъ, Ф. А. Павловскій, И. С. Петровъ, И. И. Поморцевъ, В. Г. Пономаревъ, П. С. Пуголовко, С. А. Раевскій, Ф. Ф. Рогожинъ, П. И. Рыжовъ, В. И. Семененко, И. Ф. Силинъ, А. М. Егорьевъ, Н. А. Жевержеевъ, Ф. П. Ивановъ, И. С. Ивановъ, К. И. Ильинъ, И. Ф. Каревъ, А. Е. Ковалевъ, И. А. Коваленко, Н. Е. Ковалевскій, Н. П. Кузинъ, М. К. Курносовъ, Т. С. Кульшинъ, Е. В. Кобцевъ, А. И. Куликовъ, А. М. Кузнецовъ, П. Н. Коржуповъ, Г. А. Кореневъ, Н. Т. Кочкаревъ, К. М. Кузяевъ, С. М. и П. М. Акименки, А. К. Алчевскій, В. И. Богдановъ-Гайдуковъ, М. Ф. Боровковъ, П. П. Бѣляевъ, И. И. Ващенко, К. И. Велитченко, П. А. Голевъ, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, Е. С. Гордѣенко, К. П. Горбуновъ, П. Н. Горловъ, И. К. Гришенко, Д. Т. Губенко, Ф. Ф. Даниловичъ, М. О. Деревянкинъ, В. Г. Доленко, Н. И. Дракинъ. В. Ѳ. Домбровскій, Н. А. Полуехтовъ.

Къ началу періода 1883—1886 г. изъ состава управы по очереди выбыли: Ф. Ф. Даниловичъ, Ф. А. Павловскій и Н. Н. Абашевъ. Такъ какъ передъ выборами ихъ замѣстителей было постановлено образовать управу изъ 5 членовъ, то вмѣсто трехъ новыхъ членовъ выбрано было только два: Ф. А. Павловскій и М. О. Деревянкинъ. Въ томъ же засѣданіи (27 апрѣля 1883 г.) головою опять избранъ Ковалевъ, а заступающимъ его мѣсто М. В. Брайловскій. Такимъ образомъ управа этого періода состояла изъ головы Ковалева, заступающаго его мѣсто Брайловскаго и членовъ: Павловскаго, Деревянкина, Ханайченка и Рогожина. Ковалеву на сей разъ пришлось пробыть головою не долго: въ ночь съ 9 на 10 ноября 1884 г. онъ скончался. Ковалевъ пользовался въ городѣ большимъ уваженіемъ. Его смерть вызвала общія сожалѣнія. Похоронили его торжественно на городской счетъ, семьѣ его было выдано пособіе въ 8 т. руб., а впослѣдствіи сыну его, больному, была назначена небольшая ежегодная пенсія. Въ засѣданіи 10 ноября 1884 г. на мѣсто умершаго Ковалева были предложены по запискамъ: И. О. Фесенко, К. И. Велитченко, Т. С. Кульшинъ, В. П. Щелковъ, И. К. Гришенко, М. М. Алексѣенко, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, М. В. Брайловскій, И. С. Косенко, П. Д. Нововъ, П. И. Рыжовъ, А. М. Егорьевъ, И. И. Поморцевъ, Ф. А. Павловскій, Н. Е. Сѣриковъ и Е. С. Гордѣенко. Кандидаты такимъ образомъ были выставлены и со стороны интеллигенціи, и со стороны купечества. 7 декабря происходили выборы, передъ началомъ которыхъ гласный Гордѣенко произнесъ рѣчь, предостерегающую харьковцевъ отъ банковскихъ дѣятелей. „Выбирайте голову изъ образованнаго міра, но отнюдь не выбирайте пандористовъ“—такъ закончилъ свою рѣчь Е. С. Гордѣенко. Сыграла ли эта рѣчь какую нибудь роль на выборахъ,—сказать не можемъ, знаемъ только, что головой былъ выбранъ человѣкъ изъ „образованнаго міра“—кандидатъ физико-математическаго факультета Иванъ Осиповичъ Фесенко, получившій 44 избирательныхъ противъ 13 неизбирательныхъ шаровъ. Въ 1885 г. произошло нѣкоторое измѣненіе въ составѣ управы. За истеченіемъ срока службы изъ состава управы вышли Брайловскій, Рогожинъ и Ханайченко, при чемъ два послѣднихъ были вновь переизбраны, а вмѣсто Брайловскаго избранъ Д. Т. Губенко, Брайловскій же и Ф. Ф. Даниловичъ избраны кандидатами въ члены управы. Заступающимъ мѣсто городского головы избранъ Ф. Ф. Рогожинъ. Въ такомъ составѣ управа просуществовала до новыхъ выборовъ въ 1887 г.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ существованія думы изъ ея состава выбыло довольно много гласныхъ. Чувствительную потерю понесъ городъ со смертью К. И. Велитченко, оказавшаго особенно большую услугу

[1]) Журналы Харьковск. Гор. Думы 1879—1888 г.г.

городу при постройкѣ городского дома. Въ 1886 г. изъ состава гласныхъ ушелъ Е. С. Гордѣенко, мотивируя свой отказъ преклоннымъ возрастомъ. Это былъ заслуженный общественный дѣятель, убѣжденный сторонникъ общественной самодѣятельности. Ушелъ онъ съ горькимъ сознаніемъ, что дорогое ему дѣло дѣлается не такъ, какъ думалось и грезилось въ „эпоху великихъ реформъ".

Думѣ этого состава удалось кое что сдѣлать самой, а кое въ чемъ пожать плоды трудовъ своихъ предшественницъ. Удалось реализировать давнюю мечту харьковцевъ о хорошемъ камнѣ для мостовыхъ, довести до конца дѣло постройки городского дома и въ немъ отпраздновать столѣтіе жалованной грамоты городамъ, открыть новое кладбище для захарьковскихъ приходовъ. Постановленіемъ отъ открытіи пожарныхъ отдѣленій на Заиковкѣ, Лысой горѣ и Журавлевкѣ дума если не обезпечила быстрою помощью отдаленныя окраины города, то хоть обнадежила близкимъ обезпеченіемъ въ будущемъ; а на Заиковкѣ, благодаря помощи общества взаимнаго страхованія, думское постановленіе удалось даже и осуществить: здѣсь явилась особая 4-ая пожарная часть. Удалось, благодаря пожертвованію Тихонова, положить прочный фундаментъ для устройства въ будущемъ городского ночлежнаго пріюта. Въ цѣляхъ оздоровленія города дума издала обязательныя постановленія для скупщиковъ тряпокъ и костей и для содержателей ночлежныхъ пріютовъ. Въ цѣляхъ борьбы съ распространеніемъ сифилиса дума поддерживаетъ субсидіями больницу для проститутокъ, а въ 1884 г. принимаетъ мѣры для борьбы съ холерой. Въ области просвѣщенія слѣдуетъ отмѣтить постановленіе думы объ учрежденіи Тургеневскаго и Ильинскаго училищъ. Послѣднее, впрочемъ, обязано своимъ возникновеніемъ не думѣ, а частному лицу—табачному фабриканту Ильину, оставившему по духовному завѣщанію 25 т. р. для устройства и содержанія школы на Москалевкѣ. Осуществить эти постановленія пришлось уже слѣдующему составу думы. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло относительно ремесленнаго училища, которое было наконецъ открыто, и для помѣщенія его пріобрѣтено обширное дворовое мѣсто. Удалось думѣ осуществить постановленіе предъидущей думы о городскомъ музеѣ, встрѣтившее сочувствіе какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Харьковѣ со стороны мѣстнаго техническаго общества. Пришли на помощь музею и отдѣльные жертвователи, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ имя знаменитаго русскаго мариниста Айвазовскаго. Старалась дума, какъ и ея предшественницы, избавить горожанъ отъ излишнихъ расходовъ. Отсюда ея несочувственное отношеніе къ вопросамъ объ усиленіи штата полиціи и объ устройствѣ адреснаго стола, проектированнаго губернаторами. Этимъ же объясняется и протестъ думы противъ обложенія харьковскихъ домовладѣльцевъ-дворянъ дворянскими сборами. (Нужно при этомъ замѣтить, что сборы эти были наложены не только на дворянъ потомственныхъ, но и личныхъ и даже почетныхъ гражданъ, имѣвшихъ по образованію право на табельный чинъ). Въ цѣляхъ облегченія горожанъ дума возбуждаетъ передъ правительствомъ ходатайство о выдѣленіи г. Харькова въ особый уѣздъ. Дѣло въ томъ, что интересы города какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ земствѣ были представлены очень слабо, а между тѣмъ земство, не скрываясь, стремилось къ превращенію богатаго Харькова въ дойную корову, перекладывая на него крупную часть какъ государственнаго, такъ и земскаго обложенія. Обложеніе это расло годъ отъ году. Такъ въ 1871 г. уѣздное земство взимало съ Харькова всего 5 съ лишнимъ тыс. руб., а въ 1885 г.—уже болѣе 59 тыс., губернское земство въ 1873 г. брало съ города нѣсколько больше 3 тыс., а въ 1885 г.—уже больше 22 тыс. Тоже было и съ государственнымъ налогомъ, разверстка котораго, по закону, принадлежала земству: въ 1871 г. городъ уплачивалъ всего 38 тыс. руб., а въ 1885 г.—140½ тыс. А между тѣмъ земство ничего не давало городу, кромѣ института мировыхъ судей, который городъ охотно согласился бы взять на свое содержаніе. Изъ другихъ постановленій думы слѣдуетъ отмѣтить возбужденное думою по иниціативѣ гласнаго Голенищева-Кутузова ходатайство о выселеніи изъ Харькова евреевъ, не имѣвшихъ права проживать въ немъ. Такимъ способомъ дума надѣялась не только уничтожить конкурренцію евреевъ мѣстнымъ торговцамъ и промышленникамъ, но и устранить поводы къ антиеврейскимъ безпорядкамъ, которые въ первую половину 80-хъ годовъ были въ такой модѣ. Довольно широко велось въ эти годы городское строительство. Кромѣ упомянутаго уже нами городского дома, выстроена 4-ая пожарная часть, перестроенъ послѣ пожара Сергіевскій рядъ, выстроены каменныя лавки на Университетской и казармы для солдатъ, обошедшіяся городу въ 42 тыс. р. Строительная дѣятельность думы удостоилась Высочайшаго одобренія [1]).

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1883—1886 гг.

На выборахъ 1887 г. гласными избраны были: П. М. Акименко, М. М. Алексѣенко, Н. И. Анадрускій, П. А. Ананьевъ, А. К. Алчевскій, Н. П. Андіонъ, В. К. Бискупскій, В. И. Богдановъ-Гайдуковъ, М. Ф. Боровковъ, П. П. Бѣляевъ, Н. П. Бойчевскій, М. В. Брайловскій, Э. Г. Бекманъ, Э. Э. Бергенгеймъ, И. И. Ващенко, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, К. П. Горбуновъ, И. К. Гришенко, Д. Т. Губенко, П. Л. и Л. Л. Гиршманъ, М. А. Двигубскій, В. Г. Доленко, В. Ѳ. Домбровскій, Н. А. Жевержеевъ, А. Я. Жмудскій, Д. А. Жуковъ, В. В. Жуковъ, И. К. Зарубинъ, Ф. П. Ивановъ, И. С. Ивановъ, П. И. Ивановъ, А. С. Илларіоновъ, гр. В. А. Капнистъ, А. Т. Кисличенко, Н. П. Кузинъ, Е. С. Крохмалевъ, Е. В. Кобцевъ, Г. А. Кореневъ, А. А. Кустерскій, А. Н. Костениковъ, Г. И. Лагермаркъ, Н. С. Лысогоренко, Э. Э. Марниръ, И. Н. Оболенскій, Н. В. Орловъ, Ф. А. Павловскій, И. С. Петровъ, И. И. Поморцевъ, В. Г. Пономаревъ, А. Я. Прокоповичъ, Г. К. Риттеръ, Ф. Ф. Рогожинъ В. И. Семененко, И. М. Соленовъ, Г. Я. Стрижевскій, І. А. Стойкинъ, Н. Е. Сѣриковъ, Н. Н. Сѣриковъ, Н. Ф. Сумцовъ, Я. В. Сѣрый, В. М. Тамбовцевъ, П. Ф. Твердохлѣбовъ, П. В. Токаревъ, Л. Ф. Тиленъ, К. П. Уткинъ, А. А. Федоровскій, И. О. Фесенко, Б. Г. Филоновъ, П. П. Флота, В. Д. Хлѣбниковъ, А. Д. Чириковъ, В. П. Щелковъ. Преобладаніе въ думѣ осталось за „купцами“. Передъ выборами дума, желая гарантировать себя отъ возможности „совмѣстительства“, сдѣлала, по почину гласнаго Стойкина, постановленіе о томъ, что должность городского головы не должна быть совмѣщаема ни съ какою другою общественною или государственною платною службою кромѣ должностей почетныхъ, не оплачиваемыхъ жалованьемъ. Послѣ этого постановленія приступили къ выборамъ, при чемъ на должность головы вновь оказался избраннымъ И. О. Фесенко, получившій 46 избирательныхъ противъ 18 неизбирательныхъ. Новоизбранный городской голова по обычаю произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что удовлетворительное состояніе городскихъ средствъ даетъ возможность безъ опасности обратиться къ займу для удовлетворенія первостепенныхъ городскихъ потребностей, между которыми на первомъ планѣ должны стоять: устройство городскихъ общественныхъ скотобоенъ, полное переустройство базаровъ и устройство канализаціи. На мѣста выбывавшихъ по очереди членовъ управы Павловскаго и Деревянкина были избраны М. В. Брайловскій и М. Ф. Боровковъ. Заступающимъ мѣсто головы вновь избранъ Ф. Ф. Рогожинъ. Въ 1887 г. Губенко умеръ, а на его мѣсто, за отсутствіемъ кандидатовъ, головою были приглашены сперва М. В. Брайловскій, а потомъ, когда Брайловскій сталъ членомъ управы,—Ф. Ф. Даниловичъ, оба кандидаты, избранные еще въ 1885 г. Въ сентябрѣ, впрочемъ, кандидаты были избраны: это были М. А. Двигубскій, М. О. Деревянкинъ и Гр. К. Риттеръ. Образовавшійся составъ управы потерпѣлъ измѣненіе въ 1889 г., когда за окончаніемъ срока службы Рогожина, Даниловича и Ханайченко были произведены новые выборы. Рогожинъ былъ вновь переизбранъ и вновь затѣмъ избранъ заступающимъ мѣсто головы, а вмѣсто Даниловича и Ханайченка избраны Ф. А. Павловскій и Гр. Я. Стрижевскій. Кандидатами къ членамъ управы избраны Ханайченко, Л. Ф. Тиленъ и И. М. Соленовъ. Но изъ этихъ кандидатовъ вступить въ члены управы не пришлось никому. Когда въ августѣ 1889 г. М. В. Брайловскій отказался отъ должности члена управы, его заступилъ М. А. Двигубскій, кандидатъ еще 1887 г. Въ такомъ составѣ харьковскій муниципалитетъ держался до 1892 г.

Можно думать, что въ самой управѣ того времени не было полнаго единодушія. Въ 1887 г., когда происходила частичная смѣна членовъ управы, Ф. А. Павловскій заявилъ, что онъ доволенъ тѣмъ, что не попалъ вновь въ члены управы, ибо „порядки, заведенные въ управѣ, стали на столько неудобны для успѣшной работы, что онъ охотно былъ бы готовъ уступить свои обязанности другому лицу“. Далеко не всѣ гласные находили также законнымъ и тотъ фактъ, что мѣста членовъ управы заступались лицами, избранными той думой, полномочія которой уже окончились [1]).

Дума этого состава просуществовала долѣе обычнаго. Срокъ ея полномочій оканчивался въ 1891 г. Выборы новой думы состоялись 10-го мая, но такъ какъ они признаны были губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ неправильными, то дума 1887 г. правила городомъ и въ теченіе всего 1891 г. Сами гласные думы находили, что дѣло въ ней ведется не такъ, какъ слѣдуетъ. Наступившая реакція, сказывавшаяся во всѣхъ областяхъ русской жизни, отразилась очень замѣтно и на дѣятельности Харьковскаго городского самоуправленія. Устраненіе отъ общественной дѣятельности болѣе сильныхъ, покор-

[1]) Петровъ. Матеріалы. Вып. 2, стр. 246—250.

ность болѣе слабыхъ и угодливое заискиванье передъ губернскимъ начальствомъ не безъ нѣкоторой для себя выгоды, при общемъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ,—таковы ближайшіе результаты возобладанія реакціонныхъ теченій для дѣятельности харьковской думы. Засѣданія часто не могли состояться за неприбытіемъ гласныхъ. Къ концу истеченія полномочій думы этого состава гласный Твердохлѣбовъ предложилъ назначить на пасхальной недѣлѣ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ какъ гласные, такъ и обыватели города могли бы высказать свои замѣчанія относительно недостатковъ въ городскомъ хозяйствѣ, выяснить по возможности причины *отсутствія у большинства гласныхъ интереса къ общественнымъ дѣламъ* и неаккуратнаго посѣщенія думы. Городской голова заявилъ, что такого рода засѣданія думы съ участіемъ постороннихъ лицъ не предусмотрѣны Городовымъ Положеніемъ [1]). Въ другомъ засѣданіи М. А. Двигубскій предлагалъ управѣ составить къ предстоящимъ избирательнымъ собраніямъ особый списокъ гласныхъ съ обозначеніемъ количества посѣщенныхъ ими засѣданій, чтобы такимъ способомъ ознакомить избирателей съ личнымъ составомъ думы и снять съ ея дѣятельныхъ членовъ нареканіе, претерпѣваемое ими изъ за ихъ нерадивыхъ товарищей. Гласный Твердохлѣбовъ требовалъ составленія такого списка, въ которомъ было бы указано, по такимъ вопросамъ и какіе гласные наиболѣе посѣщали засѣданія, въ какихъ коммиссіяхъ участвовали и, если подавали мнѣнія, то какія именно. Такимъ предложеніямъ воспротивился городской голова Фесенко, усмотрѣвшій въ нихъ покушеніе на нарушеніе закона. По его мнѣнію, публикація такихъ свѣдѣній будетъ служить указаніемъ для избирателей, кого слѣдуетъ выбирать въ гласные, а кого нѣтъ, а такъ какъ подобная мѣра, по его мнѣнію, не законна, то и допущена быть не можетъ [2]). Въ томъ же засѣданіи гласный Твердохлѣбовъ предложилъ управѣ составить списокъ дѣлъ, оставшихся не рѣшенными, а также подробный списокъ коммиссій, неокончившихъ своихъ занятій, и доложить эти свѣдѣнія думѣ новаго состава въ первомъ ея засѣданіи съ цѣлью ознакомленія ея съ состояніемъ городского управленія и хозяйства. И это предложеніе головой были признано противорѣчащимъ закону, ибо въ первыхъ засѣданіяхъ полагается по Городовому Положенію только производство выборовъ и впредь до избранія новаго головы прежній голова не въ правѣ дѣлать никакихъ разъясненій. Такимъ образомъ пути обращенія къ общественному мнѣнію были закрыты, у избирателей отнята возможность оцѣнки какъ думы, такъ и управы, а потому и при новыхъ выборахъ городское самоуправленіе рисковало по прежнему остаться въ рукахъ людей, относившихся къ нему индифферентно.

Въ чемъ же выразилась дѣятельность думы состава 1887—1891 г.г.? Прежде всего мы должны отмѣтить расширеніе городской территоріи. Отъ управленія государственными имуществами была пріобрѣтена такъ назыв. Пискуновская левада, необходимая городу для расширенія базарной площади. Левада была подсыпана въ низкихъ мѣстахъ и впослѣдствіи стала эксплоатироваться городомъ съ большою для него выгодою. Для оздоровленія левады и въ интересахъ болѣе выгодной ея эксплоатаціи, пришлось сдѣлать не легкую работу по выпрямленію русла р. Лопани. Впрочемъ старое русло не было закрыто, какъ должно. слѣдствіемъ чего явилось застаиваніе въ немъ воды и зараженіе воздуха во всей прилегающей мѣстности. Другимъ пріобрѣтеніемъ была покупка дачи Павлова въ виду возникшаго проекта объ устройствѣ здѣсь городскихъ скотобоенъ. Вопросъ объ устройствѣ скотобоенъ, обѣщавшихъ значительно усилить доходы города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшить качество потребляемаго населеніемъ мяса, былъ принципіально рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, а управѣ поручено произвесть необходимое по этому вопросу обслѣдованіе для разработки подробностей проекта. Была избрана думой особая коммиссія по устройству скотобоенъ, которая начала свою дѣятельность съ ознакомленія съ постановкою этого дѣла въ другихъ городахъ. Побывали ея члены и въ Кіевѣ, о чемъ и сдѣланъ былъ докладъ думѣ. На томъ дѣло и остановилось. Вопросъ о составленіи городского плана, которымъ занялась еще первая дума, былъ доведенъ теперь, можно сказать, до конца, но до утвержденія дѣло все таки не дошло. Городъ обзавелся первымъ желѣзнымъ мостомъ на р. Лопани, выстроеннымъ обществомъ конно-желѣзной дороги согласно договору, заключенному съ городомъ. По прежнему продолжался судебный процессъ съ водопроводчиками. На сей разъ городъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Въ 1887 г. дѣло водопроводчиковъ разсматривалось въ судебной палатѣ и было рѣшено не въ пользу города. Такъ какъ по закону рѣшеніе судебной палаты подлежитъ исполненію, то городу приходилось уплатить въ пользу водопроводчиковъ

[1]) Журналъ Гор. Думы 1891 г., стр. 107—108.

[2]) Журн. Гор. Думы 1891 г., стр. 208—209

300 т. р. Разумѣется, пришлось прибѣгнуть къ позаимствованію. Нужную сумму согласилось дать общество взаимнаго страхованія, хотя нельзя сказать, чтобы на особенно льготныхъ условіяхъ. Городъ принялъ; однако, эти условія съ благодарностью, такъ какъ это все таки былъ наилучшій выходъ. Разумѣется, съ рѣшеніемъ судебной палаты дума не могла помириться. Дѣло было перенесено въ Сенатъ, гдѣ интересы города защищалъ В. М. Пржевальскій. 28-го сентября 1890 г. Сенатъ постановилъ рѣшеніе судебной палаты отмѣнить, а дѣло для новаго разсмотрѣнія передать во 2-ой департаментъ той же палаты. Вообще водопроводчики доставляли думѣ много хлопотъ и огорченій. Отношенія обострялись, и въ одномъ изъ засѣданій 1890 г. дума постановляетъ привлечь общество водоснабженія къ суду за клевету въ печати, злословіе и оскорбленіе.

Въ 1887 г. дума дѣлаетъ постановленіе объ устройствѣ ночлежнаго пріюта въ раіонѣ Пискуновской левады. Въ 1888 г. она разсматриваетъ проектъ зданія пріюта, а въ 1890 г. ночлежный пріютъ уже началъ функціонировать. Реализируется наконецъ и воля С. А. Клеменова, пожертвовавшаго городу свою дачу для устройства богадѣльни. Богадѣльня здѣсь была наконецъ открыта. Завелась у города и другая богадѣльня—на Конторской улицѣ. Въ 1889 г. вдова купчиха Попова пожертвовала городу свой домъ для устройства богадѣльни и капиталъ для ея содержанія. Вообще въ эти годы городу очень повезло на разныя пожертвованія для благотворительныхъ цѣлей. Въ 1889 г. Е. С. Гордѣенко пожертвовалъ капиталъ для выдачи премій за долговременную службу прислугѣ. Въ томъ же году Гордѣенко предложилъ думѣ сдѣлать пожертвованіе для устройства рабочаго дома. Въ 1890 г. Ф. С. Карповъ пожертвовалъ на разныя учрежденія 75 т. р. Въ 1888 г. поднятъ вопросъ объ устройствѣ городского ломбарда и на сей разъ былъ рѣшенъ благополучно. Уставъ ломбарда утвержденъ правительствомъ, необходимыя для него средства позаимствованы въ городскомъ банкѣ, и учрежденіе начало наконецъ функціонировать, отбивая кліентовъ у ростовщиковъ и частныхъ ссудныхъ кассъ. Въ области охраны народнаго здравія дѣятельность думы этого періода выразилась принятіемъ ряда мѣръ для борьбы съ тифомъ, а въ 1891 г.—съ холерою. Отмѣтимъ устройство отдѣленія Александровской больницы на Москалевкѣ, учрежденіе участковыхъ врачей на окраинахъ, очистку города и т. п. Пыталась дума придти на помощь бѣднѣйшему населенію города, крайне стѣсненному высокими цѣнами на минеральное топливо. Были устроены городскіе каменноугольные склады, нѣсколько понизившіе цѣну на уголь. Но впослѣдствіи думу упрекали за то, что по каменноугольной операціи оказалось болѣе 8 т. р. недочета, и никакой отчетности не представлено [1]).

Въ области просвѣщенія думой этого состава почти ничего не сдѣлано. Выстроена только школа на деньги, пожертвованныя Ильинымъ, да назначено пособіе общественной библіотекѣ. Съ 1889 г. пособіе стало выдаваться библіотекѣ ежегодно. Шли въ думѣ толки объ открытіи седьмого городского училища, но дальше разговоровъ дѣло не пошло.

Возбуждено было нѣсколько ходатайствъ передъ правительствомъ. Въ 1887 г. дума, боявшаяся излишняго обремененія городского бюджета возложеніемъ на него усиленныхъ расходовъ по содержанію полиціи, постановила составить по этому предмету особую записку, которую и разослать членамъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ должно было слушаться дѣло объ усиленіи штата харьковской полиціи. Въ томъ же 1887 г. она возбуждаетъ ходатайство объ установленіи „собачьяго“ налога. Въ томъ же году она получаетъ увѣдомленіе, что ея ходатайство объ установленіи попуднаго налога, изъ котораго она собиралась составить прочный фондъ для замощенія города, потерпѣло въ Петербургѣ фіаско. Въ 1889 г. встрѣчаемъ ходатайство о переводѣ въ Харьковъ изъ Кременчуга управленія Харьково-Николаевской желѣзной дороги. Ходатайство это также не увѣнчалось успѣхомъ, и, пока что, управленіе по прежнему осталось въ Кременчугѣ. Въ томъ же 1889 г. въ думѣ заходитъ рѣчь о ходатайствѣ передъ правительствомъ относительно оставленія въ Харьковѣ мирового института, которому въ то время грозило полное упраздненіе. Вопросъ этотъ былъ харьковской администраціей признанъ на столько не согласнымъ съ мѣстными пользами и нуждами, что даже опубликованіе преній о немъ въ печатныхъ думскихъ журналахъ не было разрѣшено.

Дума этого состава дала Харькову двухъ почетныхъ гражданъ: въ 1887 г. она поднесла почетное гражданство предсѣдателю окружного суда Бурнашеву, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ въ городѣ, а

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1893 г., стр. 609.

въ 1889 г. избрала въ почетные граждане генерала Богдановича, извѣстнаго составителя патріотическихъ брошюръ. Въ 1888 г. дѣятельность думы удостоилась Высочайшаго одобренія. На докладѣ Харьковскаго губернатора объ устройствѣ дома для ремесленнаго училища Его Величеству благоугодно было начертать: „весьма похвально".

На выборахъ 1892 г. интеллигентная партія напрягла всѣ свои силы, чтобы оставить поле сраженія за собою. И оставила. Въ составѣ гласныхъ этого избранія господствующее положеніе принадлежало интеллигентамъ. Гласными избраны были: П. М. Акименко, М. М. Алексѣенко, Н. П. Андіонъ, К. А. Андреевъ, П. К. Баженовъ, В. К. Бискупскій, В. И. Богдановъ, Гайдуковъ, Г. Н. Бурлаковъ, А. И. Бѣленькій, И. К. Велитченко, А. И. Григоросуло, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, И. К. Гришенко, П. Л. Гиршманъ, М. А. Двигубскій, А. С Дмитріевъ, А. А. Делленъ, В. Ѳ. Домбровскій, Н. П. Евдокимовъ, Н. А. Жевержеевъ А. Я. Жмудскій, Д. А. Жуковъ, А. А. Зиберъ, К. Е. Ивановъ, А. А. Іозефовичъ, А. И. Іонинъ, Н. П. Кузинъ, Т. С. Кульшинъ, А. А. Кустерскій, І. А. Кобозевъ, В. И. Касперовъ, М. И. Киселевъ, В. С. Коростовцевъ, П. И. Кравцовъ, Э. К. Краянскій, Г. И. Лагермаркъ, Н. С. Лысогоренко, Ю. И. Морозовъ, Н. А. Моисеенко, И. А. Монаковъ, И. Г. Оршанскій, Н. В. Орловъ, А. П. Остапенко, Ф. А. Павловскій, И. С. Петровъ, В. Г. Пономаревъ, В. С. Птичкинъ, А. Л. Пестржецкій, Ф. Ф. Рогожинъ, П. П. Рыжовъ, В. И. Семененко, И. М. Соленовъ, Я. С. Станиславскій, Г. Я. Стриженскій, І. А. Стойкинъ, Н. Н. Сѣриковъ, Н. Ф. Сумцовъ, В. И. Серебряковъ, М. М. Серебряковъ, П. Ф. Твердохлѣбовъ, Н. Ф. Толочиновъ, И. Д. Туникъ, К. П. Уткинъ, А. А. Федоровскій. И. О. Фесенко, Б. Г. Филоновъ, П. П. Флота, А. Н. Хлѣбниковъ, Г. М. Цеханавецкій, П. В. Чурсинъ, А. П. Шимковъ, А. К. Штейфонъ, Н. Д. фонъ Шмерфельдъ и В. П. Щелковъ, Кандидатами въ головы были выставлены: И. О. Фесенко, В. П. Щелковъ, Ф. А. Павловскій, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, Т. С. Кульшинъ, П. П. Флота, А. П. Шимковъ, К. П. Уткинъ, Г. М. Цеханавецкій и М. М. Алексѣенко. Избраннымъ оказался Владиміръ Петровичъ Щелковъ большинствомъ 46 противъ 21 голоса. Фесенко, послѣ неудачнаго для него исхода выборовъ, перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, своевременно дослужился до превосходительнаго чина и умеръ въ 1906 г. Новый голова былъ человѣкъ уже не молодой, одинъ изъ старѣйшихъ харьковскихъ нотаріусовъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди всѣхъ слоевъ городского общества. Промѣнять свое выгодное и хорошо знакомое ему дѣло на мало благодарный постъ головы г. Харькова Щелкова заставили главнымъ образомъ убѣжденія его единомышленниковъ, видѣвшихъ въ Щелковѣ человѣка, проникнутаго искреннимъ уваженіемъ къ принципу общественнаго самоуправленія и къ коллегіальному началу.

Въ рѣчи, произнесенной новымъ головой послѣ избранія, не сулилось горожанамъ блестящихъ перспективъ: указывалось на неудовлетворительное финансовое положеніе города, не оставляющее большихъ надеждъ на существенное улучшеніе его благоустройства. Составъ новой управы опредѣлился уже 10-го января. На мѣсто выбывающихъ по очереди М. А. Двигубскаго и М. Ф. Боровкова былъ выбранъ И. М. Соленовъ, а затѣмъ былъ добавленъ и пятый членъ управы, который долженъ былъ исполнять и обязанности члена городского по воинской повинности присутствія. Пятымъ членомъ управы былъ выбранъ А. И. Іонинъ, а заступающимъ мѣсто головы—Ф. А. Павловскій Такимъ образомъ управа этого времени состояла изъ головы Щелкова, заступающаго его мѣсто Павловскаго и членовъ Рогожина, Стрижевскаго, Соленова, и Іонина.

Дума этого состава, судя по фактамъ, отмѣченнымъ въ ея журналахъ, не пользовалась расположеніемъ губернскаго начальства. У думы возникли недоразумѣнія съ полиціей и, какъ это ни странно, возникли изъ за того же права распоряженія торговыми мѣстами, изъ за котораго когда то, еще въ самомъ началѣ XIX в., дума, руководимая Урюпинымъ, боролась съ городничимъ Шишкинымъ. На сей разъ роль Шишкина взялъ на себя новоназначенный Харьковскій полиціймейстеръ фонъ Вилькенъ. 12 августа 1892 г. Вилькенъ увѣдомилъ управу, что послѣ истеченія Успенской ярмарки онъ „не допуститъ" застройки балаганами Павловской площади. Пока управа, удивленная такимъ рѣшительнымъ тономъ, обсуждала, какъ ей быть, полиціймейстеръ началъ приводить свое обѣщаніе въ исполненіе. Не дождавшись даже конца ярмарки, онъ потребовалъ отъ мѣщанина Мясоѣдова немедленнаго удаленія его мѣняльнаго стола съ Павловской площади, а когда управа попросила Вилькена не настаивать на сносѣ стола, полиціймейстеръ распорядился безъ вѣдома управы перенесть столъ на другое мѣсто. Управа нашла, что, на основаніи Городового Положенія и относящихся къ данному вопросу указовъ Сената, полицій-

мейстеръ „не имѣлъ права объявлять, что онъ собственною властью не допуститъ“, а обязанъ былъ ограничиться соглашеніемъ съ городскимъ управленіемъ объ изданіи обязательныхъ постановленій относительно размѣщенія ярмарочныхъ помѣщеній. „Соглашеніе—разсуждала управа -предполагаетъ выслушиваньe доводовъ другой стороны, совмѣстное обсужденіе. Заблаговременное же исключеніе изъ обсужденія Павловской площади равносильно приглашенію городского управленія выслушать волю г. полиціймейстера, а никакъ не свидѣтельствуетъ о желаніи его вступить въ соглашеніе, отъ котораго городское управленіе никогда не уклонялось“. Въ виду этого голова обратился къ губернатору съ просьбой отмѣнить распоряженіе полиціймейстера. „Но г. губернаторъ отвѣтилъ, что онъ признаетъ требованіе полиціймейстера правильнымъ въ виду 280 ст. уст. строит., по коей сохраненіе свободнаго проѣзда по тротуарамъ, улицамъ и площадямъ лежитъ на обязанности полиціи“.

Право города распоряжаться городскими мѣстами было признаваемо не только новымъ Городовымъ Положеніемъ, но и старымъ Екатерининскимъ. Съ арендаторовъ этихъ мѣстъ городъ получалъ доходъ, внесенный въ роспись и фактически уже поступившій въ городскую кассу, „тѣмъ не менѣе г. полиціймейстеръ нашелъ возможнымъ, безъ всякаго соглашенія съ городскимъ управленіемъ и даже безъ предупрежденія его, сносить въ „двухчасовой“ срокъ торговыя помѣщенія, построенныя на городской землѣ и уплатившія сборъ въ городскую кассу“. Однимъ изъ первыхъ такихъ распоряженій было снесеніе, безъ сношенія съ управой, разрѣшенной ею отставному фельдфебелю Свиридову палатки внизу Бурсацкаго спуска. Затѣмъ послѣдовала перестановка забора, разрѣшеннаго управой П. И. Рыжову у его дома, воспрещенія Васильевой и Науменковой производить торговлю на отведенныхъ управою мѣстахъ. Ревнуя о благоустройствѣ города, Вилькенъ пошелъ даже дальше древняго Шишкина. Не смотря на законъ, воспрещающій налагать на городскихъ обывателей какія либо тягости иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ, Вилькенъ наложилъ на харьковцевъ повинность обязательной поливки улицъ. А воды въ водопроводѣ не хватало и для питья, расходъ же по поливкѣ для каждаго домовладѣльца превышалъ сумму всѣхъ сборовъ въ пользу города, земства и государства. Счелъ полиціймейстеръ себя въ правѣ вмѣшиваться и въ тѣ распоряженія городского самоуправленія, гдѣ, по закону, оно должно дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, напр. въ распоряженія по отводу мѣстъ для постановки подвижныхъ ларей и палатокъ, по утвержденію проектовъ частныхъ зданій, наблюденію за правильностью построекъ и выдачѣ разрѣшеній на нихъ. Управа справедливо полагала, что между полиціей и городскимъ управленіемъ должны существовать только отношенія, исполненныя взаимнаго уваженія, и находя, что дѣйствія харьковскаго полиціймейстера подрываютъ авторитетъ общественной власти на глазахъ обывателей, обратилась къ губернатору съ просьбой о принятіи зависящихъ отъ него мѣръ къ возстановленію нарушеннаго порядка. „Письменнаго отвѣта на эту просьбу отъ г. губернатора не послѣдовало, словесно же его превосходительство объяснилъ городскому головѣ и члену управы, которыхъ онъ вызывалъ къ себѣ, что въ распоряженіяхъ полиціймейстера онъ не видитъ неправильности“. Губернаторскій отвѣтъ окрылилъ энергію полиціи. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ сломокъ на базарѣ, на городскихъ улицахъ и площадяхъ, произвольное перенесеніе торговыхъ помѣщеній на новыя мѣста безъ всякаго соглашенія съ городскимъ управленіемъ, безъ принятія въ разсчетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ мѣстъ для торговли совсѣмъ неудобны, ибо при первомъ дождѣ будутъ затоплены. Уничтоженъ, между прочимъ, цѣлый рядъ подвижныхъ ларей, съ давнихъ лѣтъ существовавшій на Торговой площади во время фруктоваго сезона и дававшій единственныя средства къ жизни многимъ семействамъ торговокъ. И все это дѣлалось моментально, въ двухчасовой срокъ. Уважительныхъ основаній для этого не было никакихъ, ибо фруктовые лари, расположенные на отгороженной части площади, по которой не было проѣзда, никому не мѣшали. „Требовательность полиціи возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и дѣло доходитъ до того, что полицейскіе пристава пишутъ въ управу требованія, изложенныя въ такой формѣ, какая никогда прежде полиціей не практиковалась и каковая вовсе не нужна для подкрѣпленія авторитета власти. Такъ напр. приставъ 6 участка 2 сентября прислалъ управѣ бумагу, которая по своей формѣ представляетъ предписаніе, и при томъ не обоснованное ни ссылкою на законъ, ниже на какое либо распоряженіе высшей власти—„о немедленномъ сносѣ всѣхъ квасней во ввѣренномъ ему участкѣ“. Такъ жаловалась городская управа думѣ въ засѣданіи 18 сентября 1892 г.

Жаловались, конечно, и домовладѣльцы. Въ томъ же засѣданіи думы доложено заявленіе 221 домовладѣльца, въ которомъ указывалось, что по приказу полиціймейстера участковые пристава требуютъ отъ

нихъ подписокъ въ исполненіи распоряженій, которыя они, домовладѣльцы, считаютъ невыполнимыми и незаконными. Невыполнимыми потому, что для поливки улицъ недоставало воды, а для ежедневной вывозки сора и нечистотъ за городъ нельзя было достать соотвѣтствующаго числа подводъ, особенно въ лѣтнее время. Незаконность распоряженія просители видѣли въ томъ, что имъ возлагается на городскихъ жителей такія натуральныя повинности, установлять которыя законъ не предоставляетъ полиціи. Жаловались, разумѣется, и арендаторы городскихъ мѣстъ, потерпѣвшіе отъ энергіи полиціи. И не только жаловались, но и требовали возврата уплаченныхъ ими въ пользу города денегъ. И требованія эти приходилось удовлетворять, ибо они были вполнѣ справедливы и законны.

Какъ же реагировала интеллигентная дума на произвольныя дѣйствія полиціи? Да очень уклончиво, чтобы не сказать трусливо. Одни предлагали просить мѣстное начальство, а въ случаѣ налобности—обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ. Другіе, кто посмѣлѣе, рекомендовали прямо жаловаться въ Сенатъ, а третьи находили болѣе правильнымъ обратиться сначала къ начальнику губерніи, какъ „ближайшему защитнику мѣстнаго общества противъ незаконныхъ распоряженій“. Послѣднее мнѣніе и одержало верхъ. Постановлено было вновь обратиться къ губернатору, а въ случаѣ отказа или замедленія отвѣтомъ—жаловаться въ Сенатъ [1]).

Энергичный полиціймейстеръ находилъ поддержку не только у „ближайшаго защитника мѣстнаго общества“, но и въ губернскомъ правленіи. Предложилъ полиціймейстеръ думѣ, основываясь, по его словамъ, на просьбахъ самихъ мясоторговцевъ, перевесть мясные ряды съ базара на Бурсацкій спускъ, ибо на базарѣ почва загрязнена, а время было холерное. Когда дума не обратила на это предложеніе большого вниманія, за дѣло взялось губернское правленіе, предложившее перенести мясные ряды на новое мѣсто не позже 1-го января 1893 г. На сей разъ дума нашла такое требованіе незаконнымъ и постановила обжаловать его въ Сенатъ [2]). Администрація, вмѣшиваясь въ область вѣдѣнія думы, не всегда стояла на почвѣ закона, но это не мѣшало ей постоянно торжествовать надъ думскими законниками. Показать свою силу полиція старалась не только въ крупныхъ вопросахъ, но и въ мелочахъ. Разрѣшила дума газетный кіоскъ у театра,—полиція переноситъ его къ Лопанскому мосту; отдала дума въ аренду содержаніе катка на Лопани,—полиціймейстеръ совсѣмъ его закрываетъ, ссылаясь на то, что разрѣшеніе увеселеній и народныхъ игръ принадлежитъ по закону полиціи, и т. п. и т. п.

Вообще можно сказать, что думѣ состава 1892 г. сильно не везло. Въ городѣ свирѣпствовалъ тифъ, приходилось принимать и мѣры предосторожности противъ холеры. Это стоило городу больше 20 тыс. руб. Потерпѣлъ городъ неудачу и въ ходатайствѣ передъ правительствомъ объ отсрочкѣ уплаты казнѣ недоимки въ 119209 р. на содержаніе полиціи. Губернаторъ не только отказался представить это ходатайство высшему правительству, напередъ зная, что оно будетъ встрѣчено въ Петербургѣ неблагопріятно, но и упрекнулъ думу въ нехозяйственномъ веденіи городскихъ дѣлъ и неподвижности въ вопросѣ улучшенія городского хозяйства. Не удалась и мысль объ устройствѣ въ Харьковѣ рабочаго дома на капиталъ, пожертвованный Е. С. Гордѣенко. Министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ ходатайство думы о рабочемъ домѣ, потому что выработанный думою проектъ расходился съ существующими законами. Капиталъ, пожертвованный Гордѣенко, пришлось возвратить обратно жертвователю. Безконечный процессъ города съ водопроводчиками еще разъ побывалъ въ Сенатѣ, и все таки не закончился, и дѣло было передано въ Кіевскую судебную палату. Наконецъ, въ самомъ концѣ насильственно укороченнаго срока полномочій думы, наканунѣ вступленія во власть новой, городъ потерпѣлъ, большое бѣдствіе благодаря весеннему наводненію 1893 г.

По недостатку времени, бывшаго въ ея распоряженіи, дума 1892 г. не могла привести въ исполненіе ни одного изъ своихъ начинаній. Наиболѣе удачно пошло у нея только дѣло по переоцѣнкѣ городскихъ недвижимостей, порученное извѣстному дѣятелю въ сферѣ статистическихъ обслѣдованій А. А. Русову. Но и это начинаніе встрѣтилось съ серьезнымъ противодѣйствіемъ со стороны гласныхъ „купеческой“ партіи. Въ цѣляхъ усиленія средствъ города было возбуждено ходатайство о введеніи налога съ лошадей частныхъ лицъ, проектированы обязательныя постановленія по санитарной части, но въ виду

---

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы. 1892 г. стр. 548—559.

[2]) Журналъ Харьк. Гор. Думы 1892 г. стр. 592—600.

разногласія между думой и полиціей вопросъ остался не рѣшеннымъ и былъ переданъ на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ. Отмѣтимъ затѣмъ починъ думы въ дѣлѣ выработки обязательныхъ постановленій о содержаніи шерстяныхъ моекъ, объ учрежденіи аукціонной камеры. Обсуждался вопросъ о займѣ 3 милліоновъ рублей на необходимыя улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ, о чемъ и было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство. Все это были начинанія, конца которыхъ думѣ такъ и не пришлось дождаться.

Въ 1892 г. исполнилось 50-лѣтіе врачебной дѣятельности популярнѣйшаго въ Харьковѣ врача, „друга бѣдныхъ“ В. А. Франковскаго. Городская дума ознаменовала этотъ день избраніемъ Франковскаго въ почетные граждане г. Харькова.

Дума состава 1892 г. просуществовала очень недолго. Въ Харьковѣ почему то поторопились ввести Городовое Положеніе 1892 г. Приказано было сдѣлать подготовительныя распоряженія къ новымъ выборамъ. Дума обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою сохранить ея полномочія по крайней мѣрѣ до окончанія важнѣйшаго изъ начатыхъ ею дѣлъ—переоцѣнки городскихъ имуществъ, но на это ходатайство былъ полученъ неблагопріятный отвѣтъ. Въ половинѣ марта 1893 г. дума сложила свои полномочія. Вмѣстѣ съ нею прекратилось и дѣйствіе Городового Положенія 1870 г.

Въ 1893 г. въ Харьковѣ введено было Городовое Положеніе 1892 г. Чѣмъ же отличалось оно отъ Положенія 1870 г.? Прежде всего усиленіемъ власти губернатора въ сферѣ надзора за дѣятельностью общественнаго самоуправленія. Губернаторъ надзираетъ теперь не только надъ законностью этой дѣятельности, но и надъ ея правильностью. Обсужденіе въ подлежащихъ случаяхъ правильности и законности постановленій думы возложено на соединенное губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе, въ которомъ, кромѣ головы, входившаго и при дѣйствіи Положенія 1870 г. въ составъ присутствія, прибавленъ еще одинъ представитель отъ города—гласный по выбору думы. По 83 ст. новаго Положенія, губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія думы въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ, что оно состоялось несогласно съ закономъ или съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти и порядка дѣйствій общественнаго управленія, или не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія. Ни одно изъ постановленій думы не можетъ приводиться въ исполненіе ранѣе двухнедѣльнаго срока, въ теченіе котораго губернаторъ имѣетъ право пріостановить любое изъ думскихъ постановленій по причинамъ, указаннымъ въ 83 ст.

Программа каждаго думскаго засѣданія сообщалась заблаговременно губернатору, ему же посылались и журналы думы, и отъ него зависѣло разрѣшить или не разрѣшить ихъ къ почати. Цѣлый рядъ постановленій думы могъ подлежать исполненію только при непремѣнномъ условіи утвержденія ихъ губернаторомъ. Таковы постановленія объ установленіи расцѣнокъ плановыхъ городскихъ земель, назначенныхъ подъ застройки и урегулированье городского поселенія, объ условіяхъ выкупа состоящихъ въ безсрочной арендѣ усадебныхъ мѣстъ, о займахъ, поручительствахъ и гарантіяхъ отъ имени городского поселенія, когда таковыя, въ общей сложности съ прежними займами и обязательствами, не превышая итога городскихъ доходовъ за послѣдній истекшій годъ, достигаютъ, однако, половины этого итога, о таксахъ на хлѣбъ и мясо, за пользованье извозчичьими и другими общественными экипажами, конно-желѣзными дорогами и т. п., объ инструкціяхъ для управы и другихъ исполнительныхъ органовъ городского общественнаго управленія, участвующихъ въ завѣдываніи содержимыми на городскія средства учебными заведеніями, объ инструкціяхъ чинамъ торговой полиціи и другимъ органамъ городского управленія, исполняющимъ обязанности по надзору за производствомъ торговли и промысловъ. Кромѣ того, значительно расширенъ кругъ городскихъ дѣлъ, подлежащихъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Таковы вопросы о переложеніи натуральныхъ земскихъ повинностей обывателей въ денежныя съ обращеніемъ оныхъ въ общія средства городского поселенія, о принятіи на общія средства города содержанія и устройства мостовыхъ и тротуаровъ, очистки дымовыхъ трубъ, содержанія въ видахъ пожарной безопасности ночныхъ карауловъ и вывоза нечистотъ изъ города или удаленія ихъ при помощи канализаціи, объ отчужденіи городскихъ недвижимыхъ имуществъ, о займахъ, поручительствахъ и гарантіяхъ отъ имени города, превышающихъ въ общей сложности съ прежними займами и обязательствами годовой итогъ доходовъ, о размѣрахъ платы за пользованіе замощенными городомъ подъѣздными путями, переправами, городскими скотобойнями, водопроводами и т. п., о правилахъ завѣдыванія общественными капиталами, городскими лечебницами и благотворительными заведеніями и, наконецъ, объ измѣненіяхъ и новыхъ планахъ городскихъ

поселеній. Такимъ образомъ въ отношеніи своемъ къ городскому самоуправленію правительство вновь вернулось къ системѣ опеки, столь торжественно осужденной творцами Городового Положенія 1870 г.

Второю затѣмъ отличительною особенностью новаго Положенія является, такъ сказать, аристократизація городского самоуправленія. Правомъ участія въ выборахъ стали пользоваться только владѣльцы (физическія и юридическія лица) недвижимыхъ имуществъ, оцѣненныхъ для обложенія въ пользу города не менѣе, какъ въ 1500 р., а также лица и учрежденія, содержащія въ городѣ не менѣе года торгово-промышленныя предпріятія, требующія выборки свидѣтельства первой или второй гильдіи. Такимъ образомъ отъ всякаго участія въ городскихъ дѣлахъ была устранена масса мелкихъ домовладѣльцевъ и торговцевъ, отъ чего, конечно, интересы менѣе состоятельныхъ слоевъ городского населенія должны были только проиграть. Проиграли, несомнѣнно, и интересы общественности вообще, ибо городское самоуправленіе, эта школа общественной самодѣятельности, стало доступно только для состоятельныхъ. Широкіе круги населенія, устраненные отъ участія въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ, въ концѣ концовъ должны были проникнуться индифферентизмомъ ко всему, что выходило изъ сферы ихъ домашнихъ и торговыхъ интересовъ. Общественно-культурный уровень городского населенія, несомнѣнно, долженъ былъ понизиться.

Съ передачей самоуправленія въ руки богатыхъ домовладѣльцевъ и купцовъ исчезла и необходимость дѣленія избирателей на разряды. Теперь выборы производятся въ одномъ избирательномъ собраніи, при чемъ законъ допускаетъ и выборы по участкамъ. Изъ числа избирателей, кромѣ лицъ, устраненныхъ Положеніемъ 1870 г., новый законъ устранилъ еще и духовенство. Вмѣсто рясофорныхъ гласныхъ Положеніе 1892 г. предоставило епархіальному начальству назначать въ думу одного депутата по его усмотрѣнію. Безъ избранія, ex positione, входилъ въ думу съ правами гласнаго и предсѣдатель уѣздной земской управы. Приняты нѣкоторыя мѣры и противъ абсентеизма гласныхъ. Введено затѣмъ требованіе составленія предварительнаго расписанія очередныхъ засѣданій думы на весь годъ, а чрезвычайныя засѣданія допускались только съ разрѣшенія губернатора.

Новое Городовое Положеніе произвело на либеральныхъ „дворянъ“ удручающее впечатлѣніе. Перспектива полной зависимости отъ администраціи невольно заставляла опустить руки. Къ тому же неудача предъидущей думы, возбуждавшей вначалѣ такъ много надеждъ, но не успѣвшей осуществить ни одной изъ нихъ, отнюдь не располагала харьковскихъ избирателей вновь подавать голоса за „дворянъ“. И на выборахъ 1893 г. „дворяне“ потерпѣли рѣшительное пораженіе.

Объединившееся купечество разошлось во всю и рѣшило во что бы то ни стало взять городскія дѣла въ свои руки. При выборахъ не столько обращалось вниманія на качество кандидатовъ, сколько на то, имѣется ли у нихъ свидѣтельство на производство торговли и промысловъ. Одна изъ мѣстныхъ газетъ того времени разсказывала, какъ о случаѣ, дѣйствительно, имѣвшемъ мѣсто, о томъ, что въ эти выборы въ отцы города прошелъ нѣкій содержатель maison de débauche и прошелъ только потому, что имѣлъ надлежащее свидѣтельство на этотъ или на другой какой то промыселъ. Только энергичное вмѣшательство полиціймейстера заставило новаго гласнаго отказаться отъ лестнаго довѣрія, какимъ почтили его сограждане. Si non é vero, è ben trovato, какъ характеристика тогдашнихъ выборовъ. Въ составъ гласныхъ попали: П. М. Акименко, И. М. Алешко, И. А. Алешко, П. Д. Баскаковъ, П. И. Весѣдинъ, В. К. Бискупскій, В. И. Богдановъ-Гайдуковъ, П. П. Бѣляевъ, Н. П. Бойчевскій, Н. С. Богатыревъ, Г. В. Бочаровъ, А. П. Бойчевскій, Г. Н. Бурнаковъ, Т. И. Буткевичъ (депутатъ отъ духовнаго вѣдомства), А. И. Бѣленькій, П. П. Бѣляевъ, И. К. Велитченко, И. И. Высочинъ, кн. К. Н. Гагаринъ (предсѣдатель земской управы), Н. П. Гребенщиковъ, И. А. и П. А. Гавриловы, М. Н. Галановъ, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. С. Горбаневъ, К. П. Горбуновъ, Л. А. Гутобъ, М. А. Двигубскій, В. В. Дунаевъ, С. Н. Жевержеевъ, А. Я. Жмудскій, А. К. Ждановъ, И. С. Ивановъ, Д. И. Ивановъ, И. Е. Игнатищевъ, А. С. Илларіоновъ, А. А. Іозефовичъ, И. А. Колмыковъ, К. К. Кирстенъ, И. Я. Коваленко, И. А. Коваленко, Н. П. Кузинъ, Т. С. Кульшинъ, Е. С. Крохмалевъ, Г. А. Кореневъ, И. К. Кабановъ, М. М. Кальфа, Е. К. Карпушкинъ, И. А. Карякинъ, І. А. Кобозевъ, А. В. Корнутенко, Д. К. Кромской, М. И. Кудрявцевъ, А. Куксинъ, Е. П. Любарскій, Я. Н. Лысиковъ, Н. М. Михайловъ, М. М. Макаровъ, И. А. Монаковъ, Ф. П. Муравьевъ, А. В. Мурзинъ, П. Д. Нововъ, Н. В. Орловъ, И. С. Петровъ, Ф. А. Поташниковъ, Б. С. Покровскій, Н. А. Полуехтовъ, П. П. Поляковъ, И. С. Пещеровъ, Ф. Ф. Рогожинъ, П. И. Рыжовъ, Т. Ф. Рудневъ, В. И. Рыжовъ, П. П. Рыжовъ, В. И. Семененко, В. В. Соханевъ, И. А. Степановъ,

І. А. Стойкинъ, Н. Н. Сѣриковъ, Р. И. Саввинъ, М. І. Савченко, Я. Е. Ситниковъ, М. П. Соколовъ, Ф. И. Соловьевъ, С. Д. Сотниковъ, Е. Н. Сѣриковъ, П. В. Сытниковъ, И. Д. Татариновъ, В. М. Трофименко, Я. К. Трофименко, К. П. Уткинъ, П. П. Флота, В. В. Фадѣичевъ, В. Ф. Федоровъ, А. И. Филипповъ, А. Н. Хлѣбниковъ, Ф. Шустеръ, Е. Д. Школяренко и В. П. Щелковъ. Головою былъ избранъ отставной капитанъ Иванъ Тимофеевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, видный дѣятель Харьковскаго земельнаго банка временъ его расцвѣта и гласный прежнихъ составовъ думы. Въ управѣ изъ ея стараго состава остался только одинъ бывшій голова Щелковъ, избранный теперь заступающимъ мѣсто головы. Кромѣ Щелкова, къ составу управы принадлежали М. А. Двигубскій, И. А. Коваленко и И. С. Петровъ.

Въ думѣ этого состава головѣ принадлежало не только предсѣдательское кресло, но и главенствующая, всѣмъ руководящая и все направляющая роль. Гласные, можно сказать, безусловно подчинялись своему предсѣдателю, чувствуя въ немъ крупную дѣловую силу. И дѣйствительно въ теченіе времени управленія думы 1893 г. были достигнуты крупныя улучшенія въ дѣлѣ внѣшняго городского благоустройства. Проложено новыхъ мостовыхъ на 5 верстъ да перемощено старыхъ верстъ на 20. Берега рѣкъ подсыпаны, благодаря чему разливы перестали быть столь страшными для прибрежныхъ жителей. Устроены шлюзы на рѣкахъ, давшіе возможность освѣжать воду. Произведена осушка привокзальной площади. Выстроено два новыхъ моста арочной системы. Разведены скверы на Бурсацкомъ спускѣ и на Тюремной и Жандармской площадяхъ. Устроенъ городской паркъ по Сумскому шоссе, засаженный въ 1895 г. на пространствѣ 25 дес. Дума 1893 г. такимъ образомъ осуществила проектъ, предлагавшійся еще Фесенко и тогдашней думой отвергнутый. Переустроенъ Рыбный базаръ и замощенъ, а Конный базаръ замощенъ, разбитъ правильными линіями и отстроенъ за-ново. На Благовѣщенскомъ базарѣ стала эксплоатироваться левада, теперь замощенная и застроенная торговыми помѣщеніями. Здѣсь же устроенъ и скотопригонный дворъ. Устройство базаровъ, помимо улучшенія благоустройства, оказало вліяніе и на усиленіе городскихъ доходовъ. Такъ напр. съ одного только скотопригоннаго двора городъ получалъ отъ 18 до 20 т. р. ежегодно. Начаты работы по устройству электрическаго освѣщенія главнымъ образомъ на окраинахъ, которыя до тѣхъ поръ освѣщались керосиновыми фонарями,—на окраинахъ, потому что центръ освѣщался газомъ. Первый опытъ оказался, однако, не вполнѣ удачнымъ. Электрическая станція была выстроена на столько небезопасно, что строительное отдѣленіе губернскаго правленія потребовало ея перестройки. Фонари также были пріобрѣтены неудовлетворительнаго качества. Упорядоченъ свалочный пунктъ, но прежній, первобытный способъ ассенизаціи удержался въ полной неприкосновенности. Произведено нѣсколько крупныхъ городскихъ построекъ. Выстроенъ двухъэтажный каменный корпусъ на мѣстѣ старыхъ Еремѣевскихъ лавокъ, перестроенъ послѣ пожара Старо-Сергіевскій рядъ и др. Начата давно намѣчавшаяся постройка городскихъ скотобоенъ, при которыхъ выстроены заводы альбуминный и кишечный. Начато устройство привокзальныхъ складовъ. Это была мѣстность болотистая и пустынная, не дававшая городу никакого дохода. Съ устройствомъ складовъ разсчитывали получать съ нихъ до 10 т. р. въ годъ. Рѣшенъ былъ и вопросъ объ устройствѣ каменныхъ фруктовыхъ рядовъ по берегу Лопани. Это—тоже доходная статья. Къ числу сомнительныхъ въ смыслѣ выгоды операцій нужно отнести распродажу городскихъ земель. Балашовской напр. желѣзной дорогѣ было продано 39 дес., паровозостроительному обществу 40 дес., распроданы подъ дворовыя мѣста и городскіе участки по Сумскому шоссе. Всего продано болѣе 82 дес. Были, впрочемъ, и пріобрѣтенія, такъ что въ общемъ городская территорія уменьшилась на 25 дес. Въ области общественнаго здравія дѣятельность думы выразилась въ расширеніи Александровской больницы, для которой было прикуплено сосѣднее дворовое мѣсто Ильева, и въ постройкѣ вчернѣ зданія для новой больницы по Корсиковской улицѣ, разсчитанной для помѣщенія 160 больныхъ. Амбулаторная дѣтская больница на Москалевкѣ усилена открытіемъ при ней отдѣленія для пріема женщинъ, страдающихъ женскими болѣзнями. Въ области благотворительности дума этого періода могла похвалиться расширеніемъ Клеменовской богадѣльни и возникновеніемъ новой, третьей по счету городской богадѣльни—Вихревской. Слѣдуетъ, однако же, отмѣтить что въ данномъ случаѣ дума была ни при чемъ, ибо и возникновеніемъ своимъ, и дальнѣйшимъ существованіемъ Вихревская богадѣльня обязана пожертвованію частнаго лица. Вообще можно сказать, что для калѣкъ и увѣчныхъ Харьковъ скупъ: всѣ существующіе для нихъ пріюты обязаны своимъ возникновеніемъ иниціативѣ отдѣльныхъ благотворителей, а не городу. Для безпріютнаго рабочаго населенія города дума выстроила второй ноч-

лежный домъ, но затѣмъ отдала его обществу дома трудолюбія, возникшему также по частной иниціативѣ. Оказывала дума помощь бѣднѣйшимъ слоямъ населенія и деньгами, а также углемъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ черезъ церковныя попечительства. Въ цѣляхъ удержанія цѣнъ на топливо въ предѣлахъ умѣренности, дума, по примѣру своихъ предшественницъ, устраивала въ зиму 1893—1894 г.г. городской угольный складъ.

Значительно увеличилось число городскихъ школъ. Къ существовавшимъ до 1893 г. семи школамъ прибавилось еще 6. Ассигнованъ капиталъ въ 25 т. р. на постройку школъ и выстроены два школьныхъ зданія—двухъ-этажное для Журавлевской и одноэтажное для Тургеневской школы. Избрана особая коммиссія для разработки вопроса о введеніи всеобщаго обученія. Городъ субсидировалъ рядъ церковно-приходскихъ школъ, увеличилъ ежегодное пособіе музыкальному училищу, обществу грамотности, комитету народныхъ читаленъ, общественной библіотекѣ. Коммерческому училищу, столь близкому сердцу большинства купеческой думы, выдана единовременная субсидія въ 75 т. р.

Наконецъ, и въ области храмозиждительства городъ кое что сдѣлалъ. При Александровской больницѣ устроилась церковь. Возникла она, правда, на частное пожертвованіе, но содержаніе причта легло на обязанность города. Церковь на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ обязана своимъ возникновеніемъ уже исключительно городу, истратившему на нее 34 т. р.

Результаты веденія дѣла думою состава 1893 г. получились такимъ образомъ очень замѣтные. Обязанъ этимъ городъ былъ прежде всего, конечно, распорядительности руководителей городского хозяйства, главнымъ образомъ головы, а затѣмъ крупному запасу свободныхъ средствъ, полученныхъ путемъ займа. Какъ извѣстно, дума еще предъидущаго состава возбудила ходатайство о займѣ въ суммѣ 3 мил. руб. Разрѣшено было занять только 1 милліонъ 700 тыс., но эти деньги дали возможность уплатить старые долги города, а остатокъ, пополненный позаимствованіями изъ резервнаго капитала, займомъ у страхового общества и средствами изъ другихъ источниковъ, пошелъ на улучшенія, о которыхъ мы только что упомянули. Однихъ построекъ въ это время было произведено на 804 т. Помогли городу и частныя пожертвованія. Не упоминая о мелкихъ (отъ небольшихъ суммъ и до 5 т. р.), отмѣтимъ только пожертвованіе Общества взаимнаго страхованія 27½ т. руб. на новую больницу и 30½ тыс. руб. на постройку той же больницы. Но самымъ крупнымъ жертвователемъ явился В. И. Пащенко-Трякинъ, завѣщавшій городу свои обширные дома и лавки. За исключеніемъ долговъ, пожертвованіе Пащенко-Трапкина въ то время оцѣнивалось не менѣе, какъ въ 600 т. р. Городское управленіе, желая увѣковѣчить память жертвователя, постановило поставить бюстъ его на площади передъ новымъ Николаевскимъ рядомъ. Постановленіе это такъ и не осуществилось, ибо въ Петербургѣ нашли постановку памятника неумѣстной.

Пыталась дума путемъ соглашенія покончить невыгодный для города процессъ съ водопроводчиками, но изъ этого ничего не вышло. Возбуждался даже одно время вопросъ о ходатайствѣ на Высочайшее имя, чтобы споръ былъ разрѣшенъ не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, но этотъ путь не нашелъ сочувствія у губернатора, полагавшаго, что ходатайство на Высочайшее имя можетъ быть направлено лишь послѣ того, какъ будутъ исчерпаны всѣ способы миролюбиваго соглашенія. Что касается конки, то въ отношеніи ея городу удалось занять довольно выгодную позицію. Благодаря судебному процессу между однимъ изъ строителей конки и бельгійскимъ анонимнымъ обществомъ, городскому управленію удалось сдѣлать очень серьезныя измѣненія въ концессіи, и только подъ условіемъ принятія этихъ измѣненій бельгійцы признаны контрагентами города, а это въ свою очередь дало возможность бельгійскому обществу отстоять въ судѣ свои права противъ узурпаціи. Бельгійцы отказались отъ монопольнаго права на проведеніе новыхъ дорогъ, выговоривъ себѣ только право не допускать линій, параллельныхъ существующимъ, обязались уплатить городу 50 т. р. и подчинились нѣкоторымъ требованіямъ думы относительно движенія вагоновъ конки и штрафовъ за уклоненіе отъ этихъ требованій.

Изъ административныхъ распоряженій думы отмѣчаемъ постановленія, регулирующія праздничный трудъ торговцевъ, перевозку по городу мяса, торговлю скотомъ, движеніе конки, извозчичью таксу. Учрежденъ пожарный комитетъ для завѣдыванія пожарнымъ обозомъ, составлена инструкція для городской управы, ассигнованы средства на составленіе исторіи г. Харькова, а къ двадцатипятилѣтію пореформеннаго самоуправленія (въ 1896 г.) изданы два выпуска „Матеріаловъ“ для его исторіи. Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть и о рядѣ ходатайствъ передъ правительствомъ по разнымъ предметамъ. Таковы ходатайства о

разрѣшеніи дополнительнаго займа въ 1 мил. 300 тыс., о разрѣшеніи покупки драматическаго театра, объ учрежденіи въ Харьковѣ агрономическаго института, объ учрежденіи горнаго факультета при технологическомъ институтѣ, объ избраніи мировыхъ судей не земскимъ собраніемъ, а думою, о повышеніи размѣра квартирныхъ окладовъ, отпускаемыхъ казною городу за расквартированіе войскъ и др. [1]).

Съ мѣстной администраціей у думы были отношенія очень хорошія. Тѣмъ не менѣе большой воли губернское начальство думѣ все таки не давало и свою „сильную“ власть проявляло очень замѣтно. Въ 1894 г. дума выработала проектъ обязательныхъ постановленій для кожевенныхъ заведеній. Губернское присутствіе отвергло проектъ и предложило думѣ разсмотрѣть его въ соединенномъ засѣданіи думы и уѣзднаго земскаго собранія. Дума обжаловала постановленіе присутствія въ Сенатъ, который нашелъ постановленіе присутствія превышающимъ предѣлы его власти и отмѣнилъ его. Дѣло опять перешло въ губернское присутствіе, которое опять признало думскій проектъ составленнымъ незаконно уже по другимъ мотивамъ. Вопросъ о кожевенныхъ заведеніяхъ думѣ такъ и не удалось довести до благополучнаго разрѣшенія. Въ 1897 г. дума постановила открыть отдѣленіе городского ломбарда, а необходимыя для этого 40 т. занять въ городскомъ банкѣ. Постановленіе это также опротестовано губернаторомъ и отмѣнено губернскимъ присутствіемъ [2]). Мѣщанинъ Вертиковъ представилъ просьбу о разрѣшеніи ему строиться на участкѣ, который управа считала принадлежащимъ городу. Управа отказала, а губернское присутствіе нашло, что управѣ принадлежитъ только утвержденіе плановъ и фасадовъ, но не разсмотрѣніе правъ на владѣніе землею, и постановленіе управы отмѣнило. Городъ пожаловался въ Сенатъ, а Сенатъ согласился съ мнѣніемъ присутствія. По прежнему обыватели жаловались на излишнюю и подчасъ очень для нихъ убыточную энергію полиціи, но и консервативная дума, бывшая совсѣмъ таки на хорошемъ счету у администраціи, столь же мало, какъ и предыдущая либеральная, имѣла значенія въ глазахъ полиціймейстера, рѣшительно вмѣшивавшагося въ сферу ея вѣдѣнія всякій разъ, когда находилъ для того достаточную причину. А какъ почтительно относилась дума къ администраціи и какъ умѣла быть благодарной за малое,—объ этомъ можно судить по рѣчамъ гласныхъ на думскомъ обѣдѣ въ честь отъѣзжавшаго губернатора А. И. Петрова и по той помпѣ, какою обставила дума это торжество. А. И. Петрову, съ соизволенія котораго полиціймейстеръ Вильконъ знать не хотѣлъ ни думы, ни ея законныхъ правъ, дума поднесла званіе почетнаго гражданина г. Харькова.

Составъ гласныхъ слѣдующаго четырехлѣтія былъ уже сильно разрѣженъ людьми изъ „дворянской“ партіи. Гласными въ это время были: А. В. Авиловъ (куп.), П. М. Акименко (куп.), М. М. Алексѣенко (ректоръ университета), Д. А. Алчевскій (канд. унив.), П. Д. Баскаковъ (куп.), Н. С. Богатыревъ (куп.), В. И. Богдановъ-Гайдуковъ (куп.), А. П. Бойчевскій (куп.), Н. П. Бойчевскій (нотаріусъ), В. Г. Бочаровъ, О. Т. Буткевичъ (депутатъ духовнаго вѣдомства), кн. К. Н. Гагаринъ (предсѣд. земск. управы), П. П. Бѣляевъ (куп.), И. И. Ващенко (куп.), И. К. Велитченко (куп.), Н. С. Горбаневъ (чиновн.), И К. Гришенко (двор.), А. Н. Денисовъ (куп.), В. В. Дунаевъ (куп.), С. Н. Жевержеевъ (куп.), А. Я. Жмудскій (куп.), Д. А. Жуковъ (куп.), И. Д. Жуковъ (лаборантъ технол. инст.), И. К. Зарубинъ (проф.), К. А. Зворыкинъ (проф.), М. П. Ивановъ (куп.), Ф. П. Ивановъ (куп.), А. С. Иларіоновъ (прис. пов.), И. К. Кабановъ (куп.), Е. А. Карпушкинъ (куп.), К. К. Киртенъ (куп.), И. А. Коваленко (куп.), Н. П. Кузинъ (поручикъ), А. И. Куликовъ (куп.), Г. И. Лагермаркъ (проф.), В. Ф. фонъ деръ Лауницъ (полковн.), Я. Н. Лысиковъ (куп.), Н. М. Михайловъ (куп.), И. А. Монаковъ (кандит. коммерціи), Н. А. Моисеенко (куп.), И. Н. Оболенскій (проф.), Н. В. Орловъ (банковскій дѣятель), А. П. Остапенко (проф.). А. К. Погорѣлко (проф.), П. П. Прокопенко (врачъ), С. А. Раевскій (окружной инспекторъ). Ф. Ф. Рогожинъ (бывшій инспекторъ универс.), П. П. Рыжовъ (куп.), М. И. Свѣтухинъ (врачъ), Н. А. Северинъ (подпоручикъ), Л. К. Соколовъ (куп.), М. П. Соколовъ (куп.), И. М, Соленовъ (цеховой), Н. Ф. Сумцовъ (проф.), Е. Н. Сѣриковъ (купецъ), Н. Н. Сѣриковъ (куп.), П. Ф. Твердохлѣбовъ (колл. асс.), П. В. Токаревъ (куп.), К. П. Уткинъ (куп.), В. Ф. Федоровъ (куп.), А. Н. Хлѣбниковъ (куп.), А. П. Шимковъ (проф.), П. А. Шипиловъ (двор.), В. П. Щелковъ (бывшій нотаріусъ), А. Р. Янсонъ (нотаріусъ). 28 декабря 1897 г. состоялось подъ предсѣдательствомъ М. М. Алексѣенка первое засѣданіе думы этого состава. Послѣ рѣчи

[1]) Краткій очеркъ четырехлѣтней дѣятельности городского управленія за время 1893—1897 г.г.

[2]) Журн Гор. Думы 1896 г. № 9, стр. 155, 158, 162—164.

предсѣдателя, указывавшаго, что городскому общественному управленію должны быть дороги не только интересы матеріальные и торгово-промышленные, но и не матеріальные, духовные и интересы просвѣщенія, произведены были выборы головы и членовъ управы. По баллотировкѣ большинство голосовъ получили И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ и И. К. Зарубинъ.

Головою сталъ И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, а заступающимъ его мѣсто—В. П. Щелковъ. Членами управы были: М. А. Двигубскій, Н. А. Северинъ, И. А. Коваленко. Съ 1899 г. въ составъ управы вмѣсто Двигубскаго вошелъ М. М. Серебряковъ, въ 1900 г. Р. И. Саввиновъ и Н. А. Ѳоминъ. Въ новой думѣ составленной изъ „купцовъ“ и „дворянъ“, не было уже того единодушнаго преклоненія передъ авторитетомъ головы, какимъ отличалась дума предъидущаго состава. Гласные-интеллигенты, по признанію И. Т. Голенищева-Кутузова, „вначалѣ относились къ нему если не враждебно, то индифферентно“ [1]). Во всякомъ случаѣ головѣ приходилось теперь вѣдаться съ оппозиціей, которой въ предъидущемъ составѣ почти не было. Впослѣдствіи отношенія потеряли первоначальную остроту. Тѣмъ не менѣе столкновенія бывали все таки горячія Въ засѣданіи напр. 4 мая 1900 г., по поводу возбужденнаго гласнымъ Твердохлѣбовымъ вопроса о неправильномъ, по его мнѣнію, кредитѣ „одному лицу“ изъ городского банка, столкновеніе между головою и гласнымъ дошло до напоминанія о необходимости примѣненія къ гласному мѣры, рекомендуемой въ такихъ случаяхъ Городовымъ Положеніемъ. При обсужденіи въ 1898 г. отчета за 1897 г. управѣ пришлось выслушать пожеланія о большей бережливости въ расходованіи городскихъ суммъ по содержанію домовъ Пащенка-Тряпкина, такъ чтобы на лошадь не приходилось въ сутки 34 фунтовъ овса и 20 фунтовъ сѣна. а ремонтъ ассенизаціонной бочки, стоющей 140 р., не обходился въ 120 р., какъ то случилось въ 1897 г. Отмѣчены были нѣкоторыя неясности и въ отчетѣ члена управы Петрова по постройкѣ Сергіевскаго ряда. Много язвительныхъ словъ пришлось услышать управѣ и въ 1900 г. при разсмотрѣніи вопроса объ отказѣ гласнаго Велитченко отъ аренды городского альбуминнаго завода. Послѣ двухъ лѣтъ совмѣстной работы съ новою думой, въ 1900 г. Голенищевъ-Кутузовъ отказался отъ должности головы, равно какъ и заступающій его мѣсто В. П. Щелковъ. Въ засѣданіи 17 іюля были избраны два кандидата въ головы —И. К. Зарубинъ и В. Д. Ханайченко. Первый былъ выдвинутъ „дворянами“, второй —„купцами“. Въ виду неутвержденія Ханайченка, 15 сентября состоялись новые выборы, на которыхъ головою выбранъ Александръ Константиновичъ Погорѣлко.

Дѣятельность думы въ области городского благоустройства направлена была главнымъ образомъ къ окончанію начинаній предъидущей думы. Видимъ новыя работы по продолженію устройства набережныхъ, которыя теперь окружаются деревяннымъ барьеромъ и окладываются дерномъ. Электрическій свѣтъ засіялъ наконецъ на окраинахъ, но фонари мигали и не хотѣли горѣть. Потребовалось дополнительное ассигнованіе на перестройку и усиленіе станціи и на замѣну фонарей новыми. Общество водоснабженія, послѣ долгихъ процессовъ, склоняется теперь къ мысли о миролюбивомъ соглашеніи съ городомъ, проектъ котораго и вырабатывается думской коммиссіей совмѣстно съ представителями общества. Переговоры о соглашеніи увѣнчались наконецъ успѣхомъ, и 7 іюня 1901 г. соглашеніе было подписано обѣими сторонами. при чемъ всѣ старые споры прекращены, и городское управленіе выговорило себѣ право выкупа водопроводнаго предпріятія на условіи возврата основного капитала общества въ 1250000 руб. наличными или 5% городскими облигаціями. Закончена была и новая городская больница, которая и открыта 25 марта 1900 г. Въ 1901 г. ей разрѣшено именоваться Николаевской. При ней выстроена церковь, освященная въ 1902 г. Театръ Дюковой перешелъ въ собственность города, у котораго получилась такимъ образомъ новая, довольно прибыльная статья въ бюджетѣ. Разрѣшенъ и реализованъ второй городской заемъ на сумму 1.300.000 р. Разрѣшено и ходатайство объ установленіи особаго налога на собакъ, но зато ходатайство объ освобожденіи города отъ производства ежегоднаго расхода въ 105 т. р. на содержаніе мѣстной полиціи потерпѣло фіаско. Признана была въ Петербургѣ неприличной и постановка на площади противъ Сергіевскихъ рядовъ памятника Пащенку-Тряпкину, а вмѣсто этого предложено поставить его бюстъ въ залѣ думскихъ засѣданій. Памятникъ Императору Александру III дозволено выстроить, если онъ будетъ стоить не менѣе 100 т. р., вслѣдствіе чего мысль о постановкѣ памятника была оставлена.

---

[1]) Журн. Харьк Гор. Думы. 1900 г. № 7, стр. 53.

Въ области народнаго здравія, кромѣ окончанія постройки Николаевской больницы, думою, по предложенію гласнаго М. И. Свѣтухина положенъ починъ болѣе правильной постановкѣ санитарнаго надзора въ городѣ учрежденіемъ при городской управѣ санитарной коммиссіи. Въ то же время по предложенію губернатора учреждена должность ветеринара-санитара для принятія мѣръ противъ эпизоотій и заболѣваній животныхъ. Выработаны обязательныя постановленія по санитарной части. Къ санитарнымъ мѣропріятіямъ нужно отнести и постановленія о содержаніи хлѣбопекаренъ, о кожевенныхъ заведеніяхъ, о молочныхъ фермахъ, объ упорядоченіи вывозки нечистотъ. Наконецъ, принципіально принятъ думою и проектъ объ устройствѣ городомъ на средства фабрикантовъ и заводчиковъ особой больницы для фабричныхъ рабочихъ. Въ 1901 г. М. Х. Гельферихъ пожертвовалъ капиталъ въ 100 т. р. для устройства платной больницы для женщинъ, а лѣтомъ этого года зданіе для новой больницы стало уже строиться. Въ области общественнаго призрѣнія городомъ ничего не было сдѣлано, кромѣ уступки небольшого участка земли для постройки богадѣльни Пантелеймоновскаго попечительства о бѣдныхъ.

Городская земельная собственность, потерпѣвшая было нѣкоторое умаленіе при думѣ предыдущаго состава, теперь увеличивается покупкой небольшого имѣнія Бабецкой и песчаной земли, принадлежавшей Ильницкому, которую голова Голенищевъ-Кутузовъ собирался было приспособить подъ поля орошенія. Въ области благоустройства отмѣчаемъ постановленіе объ устройствѣ ловчаго двора для истребленія бродячихъ собакъ и длинные разговоры объ устройствѣ электрическихъ трамваевъ. Со стороны контрагентовъ города—бельгійцевъ думѣ дѣлались соотвѣтствующія предложенія, обсужденію которыхъ было посвящено нѣсколько засѣданій. Дѣло налаживалось и было близко къ окончанію, но въ концѣ концовъ одержали верхъ сторонники муниципализаціи предпріятія, и соглашеніе не состоялось. Въ интересахъ же городского благоустройства составлено было и нѣсколько обязательныхъ постановленій, какъ напр. о лѣсныхъ складахъ, о надзорѣ за извозчичьими лошадьми и дворами, объ извозчичьихъ экипажахъ.

Въ пользу города поступило въ это время нѣсколько крупныхъ пожертвованій. Таково пожертвованіе Ф. С. Карпова, оставившаго по духовному завѣщанію крупный капиталъ въ пользу разныхъ учрежденій и домъ въ Карповскомъ саду въ пользу города. Таково пожертвованіе М. Х. Гельферихъ, о которомъ мы уже упоминали, и менѣе крупныя пожертвованія Горбунова и Пильстремъ.

По примѣру своихъ предшественницъ, дума старалась отклонять попытки администраціи къ увеличенію и безъ того крупныхъ расходовъ города на содержаніе полиціи. Когда въ 1899 г. въ думѣ по предложенію губернатора обсуждался проектъ усиленія городской полиціи, противъ проекта выступилъ цѣлый рядъ ораторовъ. Гласный И. К. Гришенко признавалъ необходимымъ выяснить, по какому именно закону въ городской полиціи полагается на каждую тысячу жителей по два городовыхъ, и доказывалъ, что за послѣднее время обязанности полиціи сократились и облегчились, а потому и усиливать ее не нужно. Гласный А. П. Остапенко указывалъ, что полиція служитъ не одному городу но и правительству и земству, а потому и содержаніе ея не должно падать на одинъ городъ. Гласный А. П. Шимковъ указывалъ на тягость городскихъ тратъ на полицію и на то, что она „исполняетъ многія государственныя потребности, не относящіяся къ потребностямъ города, какъ общественнаго учрежденія“. Только въ одномъ гласномъ И. К. Велитченкѣ проектъ усиленія штатовъ нашелъ себѣ защитника. Вопросъ, о штатахъ полиціи приходилось обсуждать думѣ и въ 1901 г. На сей разъ она признала недостаточность состава полиціи, но единодушно постановила ходатайствовать, чтобы добавочный расходъ правительство приняло на свой счетъ.

Въ области народнаго просвѣщенія дѣятельность думы выразилась въ ходатайствѣ объ открытіи въ Харьковѣ высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія, для котораго городъ соглашался пожертвовать 50 дес. земли. Въ области низшаго образованія дума начинаетъ уже ставить себѣ задачей введеніе всеобщаго и обязательнаго обученія дѣтей грамотѣ. Въ 1898 г. была уже избрана особая коммиссія по этому вопросу. Въ томъ же году дума дѣлаетъ постановленіе объ открытіи двухъ новыхъ параллельныхъ отдѣленій на Москалевкѣ и Гіевской ул. и о преобразованіи четырехъ параллельныхъ отдѣленій при 1-омъ, 4-омъ, 5-омъ и 6-омъ городскихъ училищахъ въ городскія приходскія училища (9-ое, 10-ое, 11-ое и 12-ое училища). Въ 1899 г. коммиссія о введеніи всеобщаго обученія представила думѣ свой докладъ, въ которомъ, отказываясь отъ всеобщности и обязательности, стояла, однако, за возможно широкую дѣятельность думы въ дѣлѣ открытія новыхъ училищъ и, въ видахъ сокращенія неизбѣжныхъ при этомъ расходовъ, рекомендовала типъ сложныхъ школъ на 15 классовъ каждая. Дума приняла проектъ

и постановила на первое время выстроить двѣ сложныхъ школы, присвоивъ одной изъ нихъ наименованіе Николаевской, а другой —Пушкинской. Въ томъ же году, по предложенію гласнаго Н. Ф. Сумцова, дума дѣлаетъ постановленіе объ учрежденіи ученическихъ библіотекъ при городскихъ школахъ, открываетъ по предложенію управы 12-ое приходское училище и два начальныхъ училища (4-ое и 5-ое) и возбуждаетъ ходатайство объ учрежденіи городского училищнаго совѣта, независимаго отъ уѣзднаго совѣта, въ которомъ интересы города были представлены крайне слабо. Въ слѣдующемъ 1900 г. дума постановляетъ просить и объ учрежденіи для Харькова особаго инспектора училищъ. Было кое-что предпринято и для усиленія среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ дума присоединилась къ ходатайству земства объ открытіи въ Харьковѣ второго реальнаго училища, для постройки котораго предложила участокъ городской земли на Каплуновской площади мѣрою въ 1000 кв. саж. Въ 1900 г. дума выдаетъ 300-рублевое пособіе возникшимъ по частной иниціативѣ курсамъ для рабочихъ, а въ слѣдующемъ году ассигновываетъ 3 т. р. на постройку особой аудиторіи для этихъ курсовъ. Тогда же, по предложенію гласнаго С. А. Раевскаго, дума, въ ознаменованіе сорокалѣтія дня 19 февраля, ассигнуетъ ежегодное пособіе народному дому въ размѣрѣ 2 т. р. Въ 1901 г. дума дѣлаетъ постановленіе объ устройствѣ лѣтней колоніи для болѣзненныхъ и слабыхъ дѣтей, учащихся въ городскихъ школахъ. Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить и выработку устава для городской школы рисованія.

Опека администраціи надъ городскимъ самоуправленіемъ по прежнему чувствовалась очень замѣтно. Въ 1898 г. губернаторъ, а за нимъ и присутствіе по городскимъ и земскимъ дѣламъ нашли неправильнымъ сдѣланное думой распредѣленіе 2-го городского займа, такъ какъ онъ распредѣленъ не на тѣ нужды, которыя указаны въ ходатайствѣ города о займѣ и въ Высочайшемъ повелѣніи о разрѣшеніи займа. Въ 1899 г. присутствіе признало незаконнымъ проектъ обязательнаго постановленія объ уборкѣ труповъ палыхъ животныхъ, такъ какъ въ немъ установлена плата за провозъ, вскрытіе и уничтоженіе трупа, между тѣмъ какъ, по сенатскому разъясненію, путемъ обязательныхъ постановленій не можетъ быть установлено никакихъ сборовъ или платъ въ городской доходъ. Дума рѣшила возбудить ходатайство объ установленіи платы передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Губернаторъ не только слѣдилъ за законностью и правильностью веденія городскихъ дѣлъ, но и самъ выступалъ иниціаторомъ, предлагая думѣ сдѣлать то или иное постановленіе. Иногда думѣ случалось получать даже нѣчто въ родѣ предписанія. Такъ въ 1899 г., въ виду распространенія въ городѣ эпизоотій, губернаторъ предложилъ управѣ внести въ смѣту нужную сумму на содержаніе ветеринарнаго врача-санитара.

Постановленія, восходившія на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, также не всегда утверждались, если не въ цѣломъ, то въ части. Такъ въ 1901 г. министромъ не была утверждена часть постановленія объ извозномъ промыслѣ, касающаяся денежныхъ взысканій за неисполненіе постановленія. Ходатайство городской думы о распространеніи больничнаго сбора на содержателей рабочихъ и прислуги совсѣмъ было отвергнуто даже безъ указанія причинъ.

Сношенія съ Петербургомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ходатайства думы имъ удовлетворялись, были для города уже тѣмъ неудобны, что вызывали излишнюю проволочку времени, благодаря чему замедлялось своевременное удовлетвореніе городскихъ нуждъ. Такъ напр. заемъ въ 1.300.000 руб. разрѣшенъ только въ 1898 г., т. е. полтора года спустя послѣ возбужденія о немъ ходатайства. При разрѣшеніи займа подробно перечислены и городскія нужды, для которыхъ предназначался заемъ. Между тѣмъ со времени возбужденія ходатайства нѣкоторыя нужды успѣли уже получить удовлетвореніе или изъ средствъ запаснаго капитала, или же за счетъ обычной смѣты; другія оказалось возможнымъ удовлетворить изъ постороннихъ источниковъ, какъ напр. постройка Харьковскаго моста; наконецъ, ко времени разрѣшенія займа и составъ думы былъ другой, съ другими взглядами на городскія нужды и ихъ относительную важность. Оказалась необходимой новая разверстка займа, а сдѣлать это было можно не иначе, какъ опять таки путемъ сношенія съ Петербургомъ.

Въ составѣ думы четырехлѣтія 1902—1905 г.г. вошли: Н. П. Андіонъ, Д. И. Багалѣй, М. И. Варабашъ, П. Д. Баскаковъ, Н. П. Бойчевскій, Н. С. Богатыревъ, А. Ф. Брандтъ, А. Н. Быковъ, П. П. Вѣляевъ, И. И. Ващенко, П. К. Велитченко, Л. М. Вышинскій, К. А. Гавриловъ, И. К. Гришенко, А. Ф. Даниловичъ, Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, С. Н. Жевержеевъ, М. Д. Жуковъ, И. К. Зарубинъ, М. И. Ивановъ, Ф. П. Ивановъ, И. К. Кабановъ, К. К. Кирстенъ, С. С. Кгаевскій, П. И. Кравцовъ, И. А. Коваленко,

А. Н. Корытинъ, Н. П. Кузинъ, А. И Куликовъ, Г. И. Лагермаркъ, Н. А. Моисеенко, И. А. Монаковъ, А. В. Мурзинъ, П. Д. Нововъ, И. Н. Оболенскій, П. П. Прокопенко, Н. Е. Путята, Г. И. Рыжовъ, И. М. Садовскій, Н. Н. Салтыковъ, Н. А. Северинъ, С. А. Раевскій, И. А. Сергѣевъ, М. М. Серебряковъ, Л. П. Соколовъ, М. П. Соколовъ, И. М. Соленовъ, М. И. Свѣтухинъ, Н. Ф. Сумцовъ, Н. Н. Сѣриковъ, Е. Н. Татлинъ, С. Я. Толкачевъ, К. П. Уткинъ, Г. К. Уткинъ, В. Ф. Федоровъ, А. Н. Хлѣбниковъ, Н. А. Чернай, К. Г. Шиманскій, А. П. Шимковъ, Е. Д. Школяренко, Н. К. Штейфонъ, В. В. Шиховъ, А. Р. Янсонъ, А. П. Твердохлѣбовъ, Н. А. Ѳоминъ, П. В. Токаревъ. На засѣданіяхъ думы съ правомъ голоса присутствовалъ предсѣдатель земской управы С. Н. Литаревъ. Изъ 68 гласныхъ къ концу полномочій думы осталось только 44: одни умерли, другіе выбыли изъ Харькова, третьи отказались отъ званія гласнаго. Изъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей И. К. Зарубинъ выбылъ изъ состава думы „за смертью“, а А. П. Шимковъ—за переходомъ на службу въ Москву. Дума увѣковѣчила ихъ память учрежденіемъ стипендій ихъ имени въ 1-ой и 2-ой женскихъ гимназіяхъ, кровати въ память Зарубина въ Александровской больницѣ и стипендіи имени Шимкова въ реальномъ училищѣ. Умеръ и Н. П. Кузинъ, несшій обязанности гласнаго съ самаго открытія думы въ 1871 г. Головою былъ вновь избранъ А. К. Погорѣлко. Къ составу управы принадлежали: Н. А. Ѳоминъ,—до конца 1903 г., когда вмѣсто него былъ выбранъ А. Ф. Брандтъ, И. А. Коваленко и Н. А. Северинъ, вышедшій изъ состава управы въ іюнѣ 1905 г., когда его замѣнилъ А. Н. Корытинъ.

Въ ближайшемъ послѣ выборовъ засѣданіи новой думы А. К. Погорѣлко была изложена программа дѣятельности, которую онъ рекомендовалъ думѣ. По мнѣнію головы, важнѣйшею задачею городского самоуправленія въ Харьковѣ нужно признать: 1) муниципализацію разныхъ отраслей городского хозяйства, 2) охраненіе исключительнаго права городского общества на удовлетвореніе той или иной потребности городского населенія и 3) освобожденіе городского общества отъ того экономическаго рабства, въ какомъ держали его акціонеры. Эти положенія и легли въ основу дѣятельности думы состава 1902 г.

Въ чемъ же выразилась эта дѣятельность? Въ области внѣшняго городского благоустройства самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ былъ новый Харьковскій мостъ, желѣзный на каменныхъ устояхъ, но онъ начатъ еще предъидущимъ составомъ думы, а теперь былъ только законченъ. Въ 1903 г. выстроенъ новый Маріинскій мостъ. Область электрическаго освѣщенія значительно расширилась. Съ 1904 г. электрическое освѣщеніе проникаетъ въ центръ города: на Павловской, Николаевской и Театральной площадяхъ установлены электрическіе фонари. Возрасло вмѣстѣ съ тѣмъ и число частныхъ абонентовъ электрической станціи, которую теперь пришлось расширить. Предпріятіе сдѣлалось доходнымъ, и явилась возможность расширять его на средства, получаемыя отъ него же. Съ водопроводчиками, изнурявшими городъ безконечнымъ процессомъ, городское самоуправленіе пришло къ миролюбивому соглашенію на очень выгодныхъ условіяхъ. Съ 1 марта 1904 г. водопроводъ перешелъ въ руки города. Послѣ переговоровъ съ концессіонерами дума постановила (23 ноября 1903 г.) ходатайствовать о выпускѣ облигаціоннаго займа въ 1500 тыс. руб. выпускомъ 5% облигацій, изъ которыхъ 1250 т. р. поступали въ пользу водопроводчиковъ, а остальныя 250 т. р. предположено употребить на усиленіе водоснабженія. Ходатайство было удовлетворено, и городъ развязался наконецъ съ однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ своихъ концессіонеровъ. Выкупъ водопровода былъ крупнымъ плюсомъ въ дѣятельности думы этого періода, ибо онъ не только далъ возможность городу быть полнымъ распорядителемъ такой важной отрасли городского хозяйства, какъ водоснабженіе, но и избавилъ городъ отъ процессовъ и открылъ новую доходную статью: въ 1904 г., въ первый же годъ послѣ перехода водопровода въ собственность города, онъ далъ, за уплатой процентовъ и погашенія по займу, 50 т. р. чистой прибыли.

Значительно расширилась область городскихъ растительныхъ насажденій. Сдѣланы новыя посадки въ паркѣ по Сумскому шоссе, и началось устройство скверовъ на обширной Конной площади, представлявшей до тѣхъ поръ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ пыли въ городѣ. Преобладающій въ Харьковѣ восточный вѣтеръ находилъ здѣсь обильный, въ нѣсколько десятинъ, резервуаръ черноземнаго, мелко истолченнаго порошка, которымъ и посыпалъ городъ, и безъ того изобиловавшій въ достаточной степени пылью. Въ 1902 г. былъ разведенъ небольшой скверъ на мѣстѣ пересѣченія Конной площади со Старо-Московской улицей, а къ концу 1905 г. посадками занята была уже вся восточная часть площади до Корсиковской улицы. Въ городскихъ скверахъ ежегодно производились новыя посадки. Въ Театральномъ

скверѣ, согласно извѣстному уже намъ постановленію думы 3 іюня 1899 г., былъ наконецъ открытъ памятникъ-бюстъ А. С. Пушкина. Открытіе состоялось 26 мая 1904 г. На противоположномъ концѣ сквера приготовленъ постаментъ и произведены другія предварительныя работы для открытія такого же памятника-бюста въ честь Н. В. Гоголя. Достигнуты были нѣкоторыя удобства для жителей по части путей сообщенія. Конка проложена въ восточной части города до Народнаго дома, а въ южной—ее рѣшено продолжить до новаго Основянскаго моста, устроеннаго земствомъ. Городъ такимъ образомъ оказывался соединеннымъ теперь съ Основой, результатомъ чего было усиленное заселеніе Основы горожанами. Былъ поставленъ на очередь и рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ вопросъ объ устройствѣ на городской счетъ электрическаго трамвая по линіи Петинская, Клочковская, Панасовка (1903 г.), а въ 1904 г. послѣдовало уже разрѣшеніе постройки Петинской линіи и со стороны правительства. Обсуждались въ думѣ и проекты другихъ линій трамвая, предложенныхъ частными предпринимателями. Такъ г. Рыковъ возбудилъ вопросъ о разрѣшеніи ему провести трамвай на Холодную гору, другіе предприниматели проектировали трамвай отъ Сумской улицы къ Сокольникамъ. Предпріятіямъ этимъ, однако, такъ и не пришлось осуществиться. Сдѣлана была попытка и муниципализаціи телефоннаго дѣла, бывшаго въ рукахъ казны. Въ 1902 г. думою возбуждено было ходатайство о передачѣ телефоновъ городу. Успѣха оно не имѣло, и въ слѣдующемъ 1903 г. дума узнала, что ея просьба отклонена.

На базарахъ продолжались работы по ихъ приведенію въ приличный видъ и поднятію доходности базарныхъ мѣстъ и лавокъ. Базарами стала завѣдывать особая базарная коммиссія, поставившая своей цѣлью достиженіе болѣе правильной расцѣнки базарныхъ мѣстъ и вытѣсненіе съ базаровъ лицъ, спекулирующихъ лавками или мѣстами, передавая ихъ съ барышомъ субъ-арендаторамъ. Приняты были мѣры къ искорененію незаконныхъ формъ торговли, ограничена базарная торговля съѣстными припасами въ воскресные и праздничные дни; на базарахъ произведены подсыпки и замощенія, устроены электрическіе фонари, выстроены новыя лавки, произведено новое размѣщеніе нѣкоторыхъ родовъ торговли. Очистка города и уборка улицъ по прежнему оставляла желать многаго. Правильной постановкѣ дѣла мѣшалъ главнымъ образомъ недостатокъ подходящихъ, не слишкомъ удаленныхъ мѣстъ для свалиданія мусора, навоза, льда и снѣга. Выстроено, съ помощью Общества взаимнаго страхованія, пятое пожарное отдѣленіе на Холодной горѣ, благодаря чему значительно сократились убытки отъ пожаровъ, бывшихъ здѣсь особенно частыми въ 1901 г. Для борьбы съ пожарами въ многоэтажныхъ зданіяхъ центра пріобрѣтены были паровая пожарная машина и механическая лѣстница. Наконецъ, въ 1905 г. по докладу головы дума обсуждала проектъ и о реформѣ пожарной команды въ смыслѣ обращенія ея въ общественную, между тѣмъ какъ до сихъ поръ она хотя и содержалась городомъ, находилась всецѣло въ распоряженіи полиціи. Дума постановила возбудить ходатайство о передачѣ команды городу.

Больничное дѣло также развивалось. При Николаевской больницѣ выстроенъ рядъ бараковъ. Выстроена на средства, пожертвованныя М. Х. Гельферихъ, платная больница, открытая въ 1904 г. Новая больница разсчитана на 50 кроватей (30 для женщинъ и 20 для мужчинъ). Дѣтская больница на Дворянской значительно расширена. Въ санитарномъ отдѣленіи управы прибавленъ одинъ врачъ, такъ что санитарныхъ врачей стало теперь уже два, что при территоріи города въ 35 кв. верстъ съ 9689 усадьбами и громаднымъ числомъ торгово-промышленныхъ заведеній, по самому характеру своему подлежащихъ санитарному надзору, было мѣрой, давно уже диктуемой жизнью.

Въ области общественнаго призрѣнія новыхъ учрежденій не видимъ. Пожертвованій крупныхъ не поступало, а своихъ средствъ дума 1902 г., какъ и всѣ ея предшественницы, на это дѣло не расходовала. Благодаря частному пожертвованію былъ въ это время положенъ только починъ новой формѣ общественной благотворительности—устройству дешевыхъ квартиръ. Съ цѣлью устройства домовъ для дешевыхъ квартиръ А. А. Іозефовичемъ былъ пожертвованъ капиталъ въ 15 т. р., на который и были выстроены два дома въ 8 квартиръ. Кромѣ того, жертвователемъ былъ внесенъ въ управу полисъ о застрахованіи его жизни въ 15 т. р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги, въ случаѣ его смерти, пошли бы также на постройку дешевыхъ квартиръ. Отъ супруговъ Некрасовыхъ въ пользу города поступилъ по духовному завѣщанію домъ на углу Нетечинской и Зміевской улицъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь былъ открытъ пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ. Дума отдала этотъ домъ подъ помѣщеніе Ольгинскаго пріюта. Много городскихъ денегъ въ это время поглотили издержки, вызванныя войной: по отчету управы, на это было отчислено болѣе 100 т. р. Пошли они

главнымъ образомъ на квартирное довольствіе семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ изъ запаса. Городъ охотно шелъ на встрѣчу возникавшимъ полезнымъ начинаніямъ и оказывалъ имъ помощь: уступленъ участокъ городской земли для Свято-Духовскаго попечительства, другой участокъ уступленъ Вознесенскому попечительству для устройства „яслей“, тоже сдѣлано для Общества вспомоществованія занимающихся ремесленнымъ трудомъ и Общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ. Слѣдуетъ отмѣтить затѣмъ множество субсидій частнымъ и церковнымъ школамъ, Обществу грамотности, общественной библіотекѣ, торговой школѣ, Обществу пособія нуждающимся студентамъ, Обществу призрѣнія безпріютныхъ сиротъ, Обществу исправительныхъ пріютовъ, Обществу попеченія о больныхъ дѣтяхъ, Обществу ночныхъ дежурствъ врачей, такому же Обществу акушеркъ, справочно-педагогическому комитету, Ольгинскому пріюту, безплатной швейной мастерской и т. п. Тѣмъ изъ нихъ, которыя и раньше субсидировались городомъ, субсидія усилена, а вновь возникшимъ назначена впервые.

Особенно крупные успѣхи были достигнуты думой въ области просвѣтительной. Дѣло велось училищной коммиссіей подъ предсѣдательствомъ Н. Ф. Сумцова. Въ 1904 г., согласно постановленію думы, сдѣланному еще въ 1899 г., учрежденъ наконецъ городской училищный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ головы, благодаря чему городскому управленію представилась возможность оказывать болѣе существенное вліяніе на направленіе начальнаго образованія въ городѣ. Число училищъ и учащихся въ нихъ сильно возросло. Въ 1902 г. было 14 училищъ, содержимыхъ городомъ, а въ 1905 г. уже 19; въ нихъ классовъ было въ 1902 г. 55, а въ 1905 г.—69, учащихся въ 1902 г. 2608, а въ 1905 г.—3616, т. е. учащихся прибавилось 1008. Открыты училища Гоголевское, Жуковское, Некрасовское, Алексѣевское, кромѣ того, открыто два новыхъ класса въ Пушкинскомъ училищѣ, такъ что въ 1905 г. въ этомъ училищѣ было уже 17 классовъ. Не смотря на увеличеніе числа школъ, все же за дверями школы оставалось очень значительное число дѣтей, желающихъ учиться. Придти въ этомъ отношеніи на помощь населенію одними собственными средствами городъ не могъ. Въ виду этого въ 1904 г., во время посѣщенія Харькова тогдашнимъ министромъ просвѣщенія, генерадомъ Глазовымъ, дума представила ему докладную записку съ ходатайствомъ объ ассигнованіи изъ средствъ казны половиннаго содержанія 60 классовъ, предположенныхъ къ открытію въ ближайшее десятилѣтіе. Ходатайство обѣщано „имѣть въ виду“. Въ 1904 г. дума постановила увѣковѣчить память В. И. Пащенка-Тряпкина учрежденіемъ профессіональнаго учебнаго заведенія, проектъ котораго поручено составить училищной коммиссіи. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи школы домоводства на участкѣ земли съ домомъ, который предлагала пожертвовать Е. В. Пономарева. Въ 1902 г. окончено устройство Пушкинскаго училища, въ 1904 г. выстроено зданіе курсовъ для рабочихъ, на которое затрачено болѣе 40 т. р. Сочла дума возможнымъ откликнуться и на нужды высшаго образованія. Въ началѣ 1904 г. д-ромъ Рясянскимъ въ думу былъ представленъ проектъ учрежденія въ Харьковѣ женскаго медицинскаго института. Въ 1905 г., въ виду крупныхъ расходовъ, вызываемыхъ открытіемъ института, дума постановила проектъ Рясянскаго отклонить, а вмѣсто этого возбудить передъ правительствомъ ходатайство о допущеніи женщинъ въ университетъ, на медицинскій факультетъ. Что касается средней школы, то заботы о ней города выразились въ сношеніяхъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по вопросу объ открытіи второго реальнаго училища.

Городское имущество значительно увеличилось пріобрѣтеніемъ новыхъ земельныхъ участковъ и домовъ. Пріобрѣтено напр. для казармъ дворовое мѣсто съ постройками у Карѣева за 100 т. р., купленъ довольно большой (8 дес. съ лишнимъ) участокъ земли у Сѣриковыхъ и др.

Еще въ предъидущемъ составѣ думы, послѣ ухода Голенищева-Кутузова, былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи городского кредитнаго общества. Теперь онъ принимаетъ болѣе опредѣленныя формы и выливается въ соотвѣтствующее ходатайство передъ правительствомъ. Ходатайство было удовлетворено въ 1904 г. Въ цѣляхъ поднятія благоустройства города дума вновь возбуждаетъ ходатайство объ установленіи въ пользу города попуднаго налога съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ, который шелъ бы на устройство и поддержаніе мостовыхъ, но и на сей разъ городъ получилъ отказъ (1903 г.). Но налогъ казался думѣ настолько необходимымъ, что уже въ слѣдующемъ 1904 г. она вновь возбуждаетъ ходатайство о его установленіи. Болѣе счастливой была судьба другого ходатайства, возбужденнаго еще думой предъидущаго состава,—объ обложеніи въ пользу города владѣльцевъ экипажей. Обложеніе было городу разрѣшено, и въ 1905 г. по этой статьѣ городъ получилъ больше 9 т. р. дохода. Въ 1902 г., по

иниціативѣ гласныхъ Салтыкова и Брандта, въ думѣ былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи спеціальнаго городского органа.—„Извѣстій“ Харьковской городской думы, въ которыхъ могли бы найти мѣсто всѣ свѣдѣнія, касающіяся харьковскаго городского хозяйства и самоуправленія. Въ 1903 г. былъ предложенъ докладъ объ изданіи думскихъ журналовъ и докладовъ и былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Не въ примѣръ своимъ предшественницамъ, обратила дума вниманіе и на общественную нравственность, до сихъ поръ бывшую внѣ сферы ея воздѣйствія. Въ 1904 г. гласный фонъ Дитмаръ представилъ въ думу докладъ о чрезвычайномъ распространеніи въ Харьковѣ увеселительныхъ заведеній съ женскими хорами, оркестрами и шансонетками, въ которыхъ гласный справедливо усматривалъ развращающее вліяніе. Дума постановила ходатайствовать передъ правительствомъ о воспрещеніи въ Харьковѣ и его окрестностяхъ женскихъ оркестровъ и хоровъ.

Откликалась дума и на разныя явленія мѣстной жизни. Въ 1902 г. она выражаетъ сочувствіе бывшему гласному Твердохлѣбову, приговоренному судомъ къ аресту за рѣзкое слово о водопроводчикахъ, сказанное въ засѣданіи думы. Въ томъ же году дума принимаетъ участіе въ чествованіи Х. Д. Алчевской по случаю сорокалѣтія ея дѣятельности на нивѣ народнаго просвѣщенія и подноситъ сочувственный адресъ викарному епископу Иннокентію по поводу его перевода изъ Харькова. Въ томъ же году дума подноситъ званіе почетнаго гражданина г. Харькова бывшему Харьковскому губернатору Г. А. Тобизену за его благожелательное отношеніе къ общественному самоуправленію и полезную дѣятельность въ области благотворительности.

Отношенія къ администраціи были у думы удовлетворительныя, хотя бывали случаи, когда власть заставляла вспоминать о себѣ. Въ 1904 г. губернаторомъ не были пропущены и не разрѣшены къ печати два журнала думы подрядъ, а затѣмъ отъ губернатора было получено напоминаніе о томъ, какъ по закону обязанъ предсѣдатель вести пренія для того, чтобы гласные не уклонялись въ сторону и не говорили того, что не относится къ обсуждаемому вопросу. Были у города кое какія недоразумѣнія и съ духовенствомъ. Возникли они изъ за городского Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища, доходы котораго епархіальному вѣдомству было желательно обратить въ свою пользу. Въ Синодъ послѣдовала жалоба о яко бы небрежномъ отношеніи города къ кладбищенской церкви и нуждамъ ея причта. Копія жалобы была изъ Петербурга препровождена въ думу, и здѣсь оказалось, что факты, описанные въ жалобѣ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ истинѣ. Дума нашла, что въ данномъ случаѣ епархіальное начальство было введено въ невольное заблужденіе, и постановила ходатайствовать объ оставленіи въ силѣ существующаго порядка въ завѣдываніи кладбищемъ и полученіи отъ него доходовъ [1]).

Въ пореформенномъ городскомъ строѣ главная тяжесть по веденію городскихъ дѣлъ падаетъ не на думу, а на управу. Управа явилась какъ бы преемницей дореформенной шестигласной думы. Этимъ, можетъ быть, объясняется и то обстоятельство, что при открытіи новой думы въ 1871 г. она выбрала въ составъ первой управы шесть членовъ. Впрочемъ скоро къ нимъ былъ прибавленъ и седьмой, для веденія дѣлъ по расквартированію войскъ. Въ 1873 г., послѣ увольненія члена управы Залѣсскаго, дума опять оставила управу въ составѣ 6 членовъ. Такъ продолжалось до 1883 г., когда рѣшено было образовать управу въ составѣ 5 членовъ. Въ 1892 г. дума нашла, что должность члена управы, завѣдывающаго кассой, лишняя, и рѣшила оставить управу въ числѣ четырехъ членовъ. Дума 1893 г., ограничила составъ управы четырьмя членами. Въ такомъ составѣ управа удержалась до конца разсматриваемаго нами періода.

Должности головы и членовъ управы—должности платныя. Въ семидесятыхъ годахъ голова получалъ 1000 р., заступающій его мѣсто 3000 р., а члены управы—по 2000 р. Въ 1883 г. головѣ назначено содержаніе въ 6000 р., заступающему его мѣсто 3500 р., а членамъ управы—по 2500 р. Передъ выборами головы въ 1893 г. дума назначила ему окладъ въ 8000 р., оставивъ прежнее содержаніе членамъ управы и заступающему мѣсто головы. Въ 1902 г. заступающему мѣсто головы и членамъ управы было прибавлено по 500 р., а жалованье головы осталось прежнее.

При открытіи первой управы дума предоставила ей право самой распредѣлить занятія между своими членами, а дѣлопроизводство вести установившимся еще при дореформенной думѣ порядкомъ впредь до

---

[1]) Журналы Харьковск. Гор. Думы 1902—1905 гг. и Краткій обзоръ дѣятельности Харьковскаго городского общественнаго управленія за 1902—1905 гг.

выработки особой инструкціи. Инструкція была составлена, но не была думой принята. Въ 1878 г. составленъ новый проектъ инструкціи, но думой не разсматривался и, наконецъ, въ 1886 г. явился еще новый, по счету уже третій, проектъ, который и былъ принятъ думою. Обсужденію управы подлежалъ, согласно инструкціи, рядъ дѣлъ. Таковы: составленіе объясненій по поданнымъ въ думу жалобамъ на распоряженія управы; обсужденіе городскихъ росписей, годичныхъ отчетовъ и докладовъ, представляемыхъ на разсмотрѣніе думы; исполненіе правительственныхъ распоряженій и требованій правительственныхъ мѣстъ и лицъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій; обсужденіе предположеній и проектовъ по всѣмъ отраслямъ городского управленія и хозяйства и проектированіе обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій; наемъ помѣщеній для надобностей городского управленія, за исключеніемъ отвода квартиръ нижнимъ воинскимъ чинамъ, за опредѣленную плату; отдача въ арендное содержаніе городскихъ имуществъ; всѣ вообще торги, составленіе условій на подряды и поставки и заключеніе контрактовъ, наемъ рабочихъ для городскихъ работъ, разсмотрѣніе случаевъ неисправности подрядчиковъ и необходимости продолженія подрядовъ и работъ на счетъ залоговъ; утвержденіе окончательныхъ разсчетовъ съ лицами, состоящими въ договорныхъ отношеніяхъ къ городскому управленію; разрѣшеніе отпуска денежныхъ суммъ, за исключеніемъ срочныхъ выдачъ, разрѣшаемыхъ единолично членомъ управы; разсмотрѣніе споровъ по городскимъ имуществамъ и выдача довѣренностей уполномоченнымъ на веденіе судебныхъ дѣлъ; разсмотрѣніе строительныхъ предположеній по городскимъ работамъ и разрѣшеніе частныхъ построекъ и перестроекъ; утвержденіе оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ сбору въ пользу города, а также для залога въ городскомъ банкѣ, для представленія въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и по разсрочкѣ платежа акциза за вино; разсмотрѣніе и утвержденіе отчетовъ объ исполненіи разнаго рода порученій и о расходѣ суммъ, выданныхъ членамъ управы и городскимъ техникамъ на разныя надобности по городскому хозяйству; обсужденіе мѣръ къ правильному поступленію налоговъ и платежей и вообще къ улучшенію городского хозяйства; разсмотрѣніе и утвержденіе приговоровъ сословныхъ учрежденій объ удаленіи изъ сословій порочныхъ людей; повѣрка списка лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ; ежегодная повѣрка инвентаря городскимъ имуществамъ; повѣрка призывныхъ рекрутскихъ списковъ и вообще всѣ распоряженія и дѣла по исполненію рекрутской повинности; ежемѣсячная ревизія городскихъ суммъ, денежныхъ книгъ и документовъ; ежемѣсячное освидѣтельствованіе наличности въ кладовой городского банка; разсмотрѣніе всякаго рода жалобъ и заявленій. Всѣ перечисленные вопросы обсуждались управою коллегіально, а болѣе мелкіе разрѣшались единоличнымъ распоряженіемъ городского головы или члена управы. Кромѣ участія въ засѣданіяхъ и веденія порученнаго ему дѣла въ управѣ, на обязанности каждаго члена управы лежало наблюденіе за благоустройствомъ опредѣленнаго участка города; о замѣченныхъ имъ недостаткахъ и отступленіяхъ онъ обязанъ былъ довести до свѣдѣнія управы и того ея члена, которому поручено ближайшее завѣдываніе тою отраслью городского хозяйства, гдѣ обнаружилось замѣченное нарушеніе благоустройства и городскихъ интересовъ. На обязанности городского головы лежало наблюденіе за ходомъ всѣхъ частей городского хозяйства и управленія и за своевременнымъ теченіемъ дѣлъ; онъ ревизовалъ лично или при пособіи членовъ управы каждую часть хозяйства и управленія, требовалъ отъ всѣхъ служащихъ въ управѣ лицъ объясненій о причинѣ замедленія въ движеніи дѣлъ и принималъ мѣры къ исправленію замѣченныхъ упущеній; его личному усмотрѣнію предоставлено было опредѣленіе и увольненіе всѣхъ служащихъ по найму, назначеніе имъ пособій и наградъ, опредѣленіе же и увольненіе лицъ спеціальныхъ знаній—архитектора, инженера, санитарнаго и ветеринарнаго врачей и повѣреннаго по городскимъ дѣламъ, а равно и назначеніе имъ содержанія производилось думою по представленіямъ головы. По отношенію къ членамъ управы голова—не только princeps inter pares, но до нѣкоторой степени и начальникъ: члены по хозяйственной части должны представлять головѣ ежемѣсячные отчеты о своихъ занятіяхъ, а въ случаѣ бездѣятельности ихъ или неисполненія кѣмъ либо изъ нихъ своихъ обязанностей голова доводитъ о томъ до свѣдѣнія думы.

Въ 1892 г. дума постановила поручить управѣ составить новую инструкцію, обративъ особое вниманіе на устройство санитарной части. Постановленіе это, въ виду прекращенія полномочій думы состава 1892 г., выполнено не было. Послѣ введенія новаго Городового Положенія потребовалась и новая инструкція, которая и была составлена управой въ 1894 г. Для обсужденія ея была выбрана особая коммиссія изъ

гласныхъ, окончившая свою работу только въ концѣ 1895 г. Переработанный по соглашенію съ управой проектъ инструкціи былъ наконецъ утвержденъ думой 20 декабря 1895 г. [1]).

Кромѣ управы, чрезвычайно важную роль въ городскомъ управленіи и хозяйствѣ играли думскія коммиссіи. Избирались онѣ думою изъ числа гласныхъ, но иногда къ участію въ нихъ приглашались и постороннія лица, могущія оказать коммиссіи пользу своимъ совѣтомъ. Коммиссіи были подготовительныя, занимавшіяся составленіемъ и разсмотрѣніемъ порученныхъ имъ думою предположеній и проектовъ, и исполнительныя, вѣдѣнію которыхъ поручалась та или другая часть городского хозяйства. Можно сказать, что почти ни одинъ новый вопросъ не обсуждался думой безъ предварительнаго обсужденія его въ соотвѣтствующей коммиссіи. Уже этимъ однимъ подготовительныя коммиссіи оказали огромную услугу дѣлу городского самоуправленія. Исполнительныя коммиссіи также играли не менѣе важную роль: въ ихъ рукахъ находились иногда цѣлыя отрасли городского хозяйства, а если бывали коммиссіи съ меньшими полномочіями, то и такія были полезны уже тѣмъ, что облегчали управѣ ея нелегкій трудъ.

Думскія коммиссіи стали возникать съ первыхъ же дней дѣятельности реформированной думы. Первою коммиссіей, выбранной новой думой въ 1871 г., была коммиссія по водопроводному вопросу, состоявшая изъ гласныхъ: Власовскаго, Зибера, Ковалева, Корнѣенка и Стоянова. На обязанность коммиссіи было возложено дѣло объ устройствѣ водопроводовъ, начатое еще дореформенной думой. Водопроводная коммиссія просуществовала въ теченіе всего періода полномочій думы 1871 г. Въ 1874 г. въ составъ ея входили гласные: Бразоль, Гордѣенко, Стояновъ, Щелковъ, Пассекъ, Велитченко, Пономаревъ и Ковальчуковъ. Какъ извѣстно, водопроводный вопросъ думѣ перваго состава такъ и не удалось довести до конца, но это не зависѣло ни отъ думы, ни отъ водопроводной коммиссіи. Не останавливаясь подробно надъ дѣятельностью каждой отъ думскихъ коммиссій за тридцати-пятилѣтній періодъ существованія пореформенной думы, считаемъ, однако, вполнѣ справедливымъ привесть хотя бы краткій перечень вопросовъ, поручавшихся вѣдѣнію коммиссій. Въ 1871 г. думой была выбрана коммиссія изъ гласныхъ Гордѣенко, Бразоля, Щелкова и Даниловича, которой было поручено не легкое дѣло провѣрки отчетовъ дореформенной думы. Другая коммиссія изъ гласныхъ Корнѣенка, Клеменова, Котляревскаго, Доленка и Сыцянко занялась осмотромъ зданій Александровской больницы и провѣркой отчета по ея постройкѣ. Выбрана была особая коммиссія для составленія плана передѣлокъ въ домѣ городского банка, а рядомъ съ ней дѣйствовала коммиссія для пересмотра Нормальнаго Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ. Была избрана особая коммиссія и для ревизіи отчетовъ по постройкѣ 2-ой полицейской части. По вопросамъ городского благоустройства дѣйствовали три коммиссіи: одна—коммиссія для пересмотра проекта улучшенія базаровъ, другая—для прійсканія средствъ къ осуществленію различныхъ предположеній по городскому благоустройству, а третья—для разсмотрѣнія вопроса о городскомъ садѣ и древесныхъ посадкахъ въ городѣ. 1872 г. далъ нѣсколько новыхъ коммиссій: таковы коммиссія объ ограниченіи ярмарочной торговли, коммиссія для изысканія источниковъ къ увеличенію городскихъ доходовъ, коммиссія для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ (ставшая съ этихъ поръ органомъ постояннымъ, выбиравшимся каждымъ новымъ составомъ думы), коммиссія для осмотра городскихъ сооруженій. Въ 1873 г. возникла санитарная коммиссія. Въ послѣдній годъ существованія первой дореформенной думы дѣйствовали, кромѣ перечисленныхъ уже нами, коммиссіи: по устройству базаровъ, по очисткѣ г. Харькова, по устройству плотинъ и очисткѣ рѣкъ, по постройкѣ Сергіевскаго ряда, по пересмотру постановленій думы о переложеніи натуральныхъ повинностей по устройству мостовыхъ въ денежныя.

Дума слѣдующаго состава также широко пользовалась работой своихъ членовъ въ различныхъ коммиссіяхъ. Въ 1875 г. ею была избрана водопроводная коммиссія въ составѣ гласныхъ Щелкова, Гордѣенка, Пассека, Бразоля, Шимкова, Велитченка, Стоянова, Левченка, Орлова, Стрижевскаго, Ковальчукова и Пономарева. Въ 1878 г. коммиссіи этой пришла на помощь новая коммиссія—для разсмотрѣнія проектовъ чертежей водоразборныхъ будокъ, фонтановъ и другихъ частей водопровода. Какъ извѣстно, на сей разъ водопроводный вопросъ былъ доведенъ до заключенія съ предпринимателями не очень удачнаго контракта. Избрана была особая коммиссія о городскомъ планѣ. Въ 1876 г. видимъ коммиссію для контроля надъ городскимъ банкомъ. Въ 1878 г.—ревизіонную коммиссію для того же банка. Въ томъ же

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 37—50.

году впервые видимъ коммиссію для провѣрки отчета городской управы. Съ этихъ поръ обѣ коммиссіи, какъ по ревизіи банка, такъ и по ревизіи отчета управы, пріобрѣтаютъ характеръ учрежденій постоянныхъ, неизмѣнно выбираемыхъ при всѣхъ составахъ думы. Въ томъ же 1878 г. дѣйствуетъ коммиссія по составленію проекта устава Александровской больницы и коммиссія по учебной части въ составѣ гласныхъ Шимкова, Щелкова, Голяховскаго, Рубенка и Зибера.

Въ думѣ состава 1879 г. важнѣйшую роль играли вопросы водопроводный и о конкѣ. Коммиссію по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ водопровода, мы видимъ въ 1880 г. Рядомъ съ нею дѣйствуетъ коммиссія по наблюденію за устройствомъ водопровода. Въ 1881 г. является коммиссія для контроля надъ водопроводомъ, а въ 1882 г.—техническая коммиссія по осмотру водопровода, затѣмъ совѣщательная коммиссія о томъ же водопроводѣ. Къ сожалѣнію, ни изъ контроля, ни изъ совѣщаній проку не вышло, и въ концѣ концовъ думѣ пришлось избирать еще одну коммиссію—коммиссію для миролюбиваго соглашенія со строителями водопровода. Конка также вызвала появленіе нѣсколькихъ коммиссій. Въ 1879 г. особая коммиссія по устройству конно-желѣзной дороги предложила думѣ свой докладъ по этому вопросу, а въ 1880 г. избрана была уже коммиссія и для составленія проекта контракта съ предпринимателями. Въ составъ коммиссіи вошли гласные Стойкинъ, Ковалевскій, Шимковъ, Поморцевъ, Косенко и Абашевъ. Контрактъ былъ составленъ и принятъ, и въ 1882 г. думѣ пришлось уже избирать коммиссію для осмотра конки. Какъ извѣстно, думѣ этого состава былъ разрѣшенъ заемъ въ $1^1/_2$ мил. руб. Для обсужденія вопроса о займѣ была выбрана особая финансовая коммиссія, которая и провалила заемъ, найдя его совсѣмъ не своевременнымъ по условіямъ денежнаго рынка. Затѣмъ видимъ рядъ временныхъ коммиссій. Изъ нихъ наибольшей долговѣчностью отличалась коммиссія по перестройкѣ городского дома, избранная въ 1881 г. и просуществовавшая, съ замѣномъ однихъ лицъ другими, нѣсколько лѣтъ. Дѣятельность остальныхъ коммиссій ограничивалась нѣсколькими мѣсяцами, а то и днями. Такова коммиссія 1879 г. по извѣстному уже намъ дѣлу члена управы Кононенка; таковы коммиссіи 1880 г.: одна—для обсужденія мѣръ по случаю дороговизны и для ходатайства объ уменьшеніи тарифа на каменный уголь (зима была въ тотъ годъ особенно лютая), другая—по закупкѣ хлѣба для помощи бѣднѣйшему населенію города. Въ 1882 г., видимъ временную коммиссію для разсмотрѣнія смѣты доходовъ и расходовъ, такую же коммиссію для перемощенія мостовыхъ и временную же коммиссію о базарномъ акцизѣ.

Въ управленіе думы слѣдующаго состава городомъ производился рядъ построекъ. Надзоръ за производствомъ ихъ поручался особымъ коммиссіямъ. Такова коммиссія для составленія плана и смѣты городского дома на Николаевской площади, а затѣмъ строительная коммиссія по постройкѣ того же дома подъ предсѣдательствомъ К. И. Велитченко, которая и закончила постройку; таковы коммиссія по постройкѣ зданія 2-ой женской гимназіи, коммиссія для постройки Московскаго ряда, коммиссія для постройки 4-ой пожарной части, коммиссія для постройки Москалевскихъ казармъ. Проектъ постройки церкви на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ потребовалъ также учрежденія особой коммиссіи, но проектъ такъ и остался проектомъ, и дѣло дальше разговоровъ не пошло. На ряду съ этими строительными коммиссіями продолжала, конечно, существовать и коммиссія по осмотру городскихъ сооруженій. Конка также задавала коммиссіямъ не мало работы. Въ 1883 г. пришлось избрать коммиссію для разсмотрѣнія проектовъ конно-желѣзной дороги и желѣзнаго моста на р. Лопани. Въ составъ коммиссіи вошли гласные Поморцевъ, Стрижевскій, Ширяевъ, Ханайченко, Горловъ, Домбровскій, Рыжовъ и Раевскій. Существовали особыя коммиссіи по дѣламъ, связаннымъ съ устройствомъ конки, и въ слѣдующіе годы. Споръ съ водопроводомъ вызывалъ существованіе коммиссіи о миролюбивомъ соглашеніи съ водопроводчиками. Затѣмъ видимъ еще коммиссію объ устройствѣ праздника по случаю коронаціи (1883 г.), коммиссію о мостовыхъ, коммиссію по организаціи надзора за городскими работами, коммиссію для осмотра пожарнаго обоза, коммиссію о землѣ Неклюдовой (въ 1884 г.), хозяйственную коммиссію (въ 1885 и 1886 г.), коммиссію по надзору за раздробительной торговлей крѣпкими напитками, коммиссію о выработкѣ мѣръ противъ чумной эпизоотіи, коммиссію для составленія инструкціи городской управѣ (1886 г.). Наконецъ, въ 1886 г. возникаетъ и музейная коммиссія, на обязанность которой возложена организація новооткрытаго городского музея. Музейная коммиссія, подобно другимъ, о которыхъ мы уже упоминали, становится постояннымъ органомъ, обновляемымъ при каждой перемѣнѣ въ составѣ думы.

Дума состава 1887 г. въ теченіе своего пятилѣтняго существованія создала рядъ коммиссій по разнымъ вопросамъ, въ ней обсуждавшимся. По водопроводному дѣлу пришлось образовать уже юридическую коммиссію подъ предсѣдательствомъ Щелкова. Другая коммиссія должна была исполнять функціи контроля надъ водопроводомъ. Выбрана она была въ 1888 г., а въ 1890 г. занималась еще составленіемъ правилъ контроля. Водоснабженіемъ занималась и коммиссія по осмотру артезіанскихъ колодцевъ. Въ 1887 г. была выбрана коммиссія для постройки конюшни при первой части, плановая коммиссія, коммиссія по устройству Клеменовской богадѣльни и коммиссія для устройства ночлежнаго пріюта. Въ 1888 г. выбрана коммиссія для наблюденія за постройкой желѣзнаго моста на Лопани. Затѣмъ была выбрана юридическая коммиссія подъ предсѣдательствомъ гласнаго І. А. Стойкина. Въ этомъ году возродилась и садовая коммиссія, вѣдавшая городскіе скверы и посадки. Изъ другихъ коммиссій, существовавшихъ въ этомъ году, отмѣтимъ коммиссію по постройкѣ школы Ильина, коммиссію для очистки рѣкъ, коммиссію по содержанію и устройству городской управы, по надзору за городскими работами, по постройкѣ часовни въ память событія 17 октября, по постройкѣ церкви на новомъ кладбищѣ и по устройству складовъ на Привокзальной площади. Въ 1889 г. были выбраны: редакціонная коммиссія, коммиссія по дѣламъ городского ломбарда, коммиссія о ночлежномъ пріютѣ, коммиссія для составленія проекта о праздничной торговлѣ, коммиссія о тротуарахъ, коммиссія объ эмеритальной кассѣ для городскихъ служащихъ и коммиссія объ увеличеніи средствъ Александровской больницы. Въ 1890 г. явилась коммиссія по проекту Благовѣщенскаго базара, коммиссія по ремонту Старо-Сергіевскаго ряда и коммиссія по устройству пожарнаго отдѣленія на Холодной горѣ. 1891 г. далъ двѣ новыхъ коммиссіи: одну—по устройству рабочаго дома, другую—для раскладки государственнаго налога.

Дума 1892 г. обратила серьезное вниманіе на Благовѣщенскій базаръ, приносившій не столько дохода городу, сколько арендаторамъ городскихъ мѣстъ и лавокъ, платившихъ въ пользу города ничтожный акцизъ, а выручавшихъ большія деньги передачей арендуемыхъ ими помѣщеній въ третьи руки. Гигіеническія условія базара также оставляли желать многаго. Базаромъ занялись двѣ коммиссіи: одна—по расцѣнкѣ базарныхъ мѣстъ, другая—по переустройству базара. Поднятъ былъ въ думѣ вопросъ о переоцѣнкѣ городскихъ имуществъ,—явилась коммиссія для выработки правилъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Вопросъ о необходимости расширенія средствъ помощи болѣющему населенію города вызвалъ появленіе коммиссіи объ устройствѣ новой больницы и дезинфекціонной камеры. Для разсмотрѣнія вопроса объ организаціи дѣлопроизводства городской управы также избрана была особая коммиссія. Изъ строительныхъ коммиссій отмѣчаемъ коммиссію по устройству 5-ой пожарной части и коммиссію по наблюденію за постройкой Нетечинскаго моста. Существовала, конечно, и коммиссія для надзора за городскими сооруженіями. Изъ временныхъ коммиссій упомянемъ о коммиссіи для изысканія мѣръ борьбы съ тифомъ и коммиссіи по дѣламъ городского банка. Само собой понятно, что и при думѣ 1892 г. дѣйствовали тѣже постоянныя коммиссіи, что и при ея предшественницахъ: оцѣночная, музейная, для ревизіи ломбарда, для ревизіи городского банка и др.

При „купеческой“ думѣ 1893 г., не смотря на то, что въ ней больше, чѣмъ когда либо, дѣла города находились въ рукахъ управы, точнѣе головы, къ услугамъ коммиссій прибѣгали чаще, чѣмъ при другихъ составахъ думы. Въ это время, какъ извѣстно, производилось много городскихъ построекъ. Для веденія дѣла существовало нѣсколько строительныхъ коммиссій. Таковы коммиссіи по постройкѣ Цыганскаго, Купеческаго и Вознесенскаго мостовъ, по постройкѣ казармъ на Старо-Московской улицѣ, Вихревской богадѣльни, торговаго ряда на Лопанской набережной, скотобоенъ, коммиссія по постройкѣ, а другая—по пріему Московскаго ряда, третья—по разсмотрѣнію проектовъ Сергіевскаго ряда. Отношенія къ городскимъ контрагентамъ также требовали обсужденія и наблюденія особыхъ коммиссій. Существовала коммиссія для соглашенія съ хозяевами конки, другая—для соглашенія съ Обществомъ водоснабженія, третья—по проекту выкупа водопровода. Вновь возникшія и проектируемыя городскія предпріятія также вызвали къ жизни нѣсколько новыхъ коммиссій. Переходъ въ руки города домовъ Пащенко-Тряпкина заставилъ избрать въ 1895 г. коммиссію для пріема этого имущества, а въ 1897 г.—постоянную коммиссію для завѣдыванія имъ. Результатомъ устройства городскихъ скотобоенъ явилась коммиссія по завѣдыванію этими скотобойнями. Приходилось избирать коммиссіи и для ранѣе заведенныхъ городскихъ хозяйственныхъ предпріятій. Такова напр. коммиссія по завѣдыванію городскимъ скотопригоннымъ дво-

ромъ. Разрѣшеніе городу займа также вызвало существованіе особой коммиссіи для уничтоженія купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ облигацій этого займа; рядомъ съ этой коммиссіей находимъ и коммиссію съ болѣе широкимъ кругомъ обязанностей въ денежныхъ вопросахъ, такъ назыв. финансовую коммиссію. Очень трудная отрасль городского хозяйства по расквартированію войскъ, вызывавшая всегдашнія безпокойства и недоразумѣнія, была поручена отдѣльной коммиссіи. Въ 1896 въ думѣ былъ поднятъ вопросъ о введеніи въ Харьковѣ всеобщаго и обязательнаго обученія; разработка его также была поручена особой коммиссіи. Громадное наводненіе 1893 г. заставило серьезно задуматься надъ средствами для предохраненія на будущее время отъ подобныхъ бѣдствій. Это и было поручено особой коммиссіи, существовавшей въ теченіе всего срока полномочій думы 1893 г. Для завѣдыванія пожарнымъ обозомъ и дѣломъ борьбы съ пожарами вообще учрежденъ былъ постоянный пожарный комитетъ. Какъ извѣстно, учрежденіе съ такимъ названіемъ существовало когда то при дореформенной думѣ. Продолжала работать и плановая коммиссія; существовали, конечно, и коммиссіи, имѣвшія характеръ органовъ постоянныхъ: коммиссія по надзору за городскими сооруженіями, для ревизіи городского банка, для ревизіи управы, ревизіи ломбарда, музейная и др. Возникали и коммиссіи для исполненія отдѣльныхъ порученій, имѣвшихъ временный характеръ. Такова коммиссія по вопросу о мѣстѣ для постройки вокзала проектированной тогда Балашовской желѣзной дороги, коммиссія объ упорядоченіи мясной торговли, коммиссія по покупкѣ усадьбы у Найденова, коммиссія для разсмотрѣнія вопроса объ уступкѣ владѣлицѣ драматическаго театра Дюковой городской земли подъ театръ. Въ 1896 г. учреждена коммиссія для устройства празднества по случаю коронаціи, а въ 1897 г.—коммиссія о дровяныхъ и лѣсныхъ складахъ.

Дума слѣдующаго состава, продолжая дѣло своей предшественницы, должна была удержать и многія изъ созданныхъ ею коммиссій, а новые вопросы, выдвинутые въ это время, дали работу и новымъ коммиссіямъ. Въ 1898 г. по прежнему существовали коммиссіи по предохраненію отъ наводненій, по завѣдыванію домами Пащенка-Тряпкина, по соглашенію съ водопроводчиками, финансовая, по постройкѣ скотобоенъ, по завѣдыванію скотобойнями, о всеобщемъ обученіи, по расквартированію войскъ, по скотопригонному двору. Изъ новыхъ, возникшихъ уже при новомъ составѣ думы, коммиссій отмѣтимъ: электрическую—по устройству электрическаго освѣщенія, коммиссію для выработки постановленія объ уборкѣ труповъ палыхъ животныхъ, коммиссіи для составленія проекта объ извозномъ промыслѣ, о перестемойняхъ, о вздорожаніи мяса, коммиссію по постройкѣ фруктоваго ряда на Сергіевской площади, коммиссію для составленія списка очередныхъ улицъ, требующихъ замощенія, коммиссію по вопросу о храненіи легко воспламеняющихся веществъ, санитарную коммиссію, учрежденную въ 1899 г. съ характеромъ совѣщательнаго органа. Изъ коммиссій, возникшихъ при томъ же составѣ думы послѣ ухода Голенищева-Кутузова, упомянемъ коммиссію по постройкѣ городского банка, коммиссію по вопросу о домашней прислугѣ, коммиссію для выработки программы ревизіи городской управы и строительную коммиссію для постройки новой женской больницы на средства, пожертвованныя М. Х. Гельферихомъ.

Дума 1902 г. придавала большое значеніе подготовительнымъ и исполнительнымъ коммиссіямъ и стремилась поставить ихъ ближе къ населенію. Въ засѣданіи 8 февраля 1902 г. городской голова, признавая крайне желательнымъ привлечь къ участію въ городскихъ дѣлахъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу гласныхъ, но могущихъ своимъ содѣйствіемъ принесть городскому управленію большую пользу, предложилъ образовать особую кандидатскую коммиссію изъ предсѣдателей дѣйствующихъ коммиссій для предложенія кандидатовъ въ коммиссіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ постороннихъ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ. Предложеніе это было поддержано гласнымъ М. И. Свѣтухинымъ, указавшимъ на то, что въ настоящее время связь между гласными и избирателями существуетъ только во время самыхъ выборовъ, по окончаніи же ихъ она прекращается на весь четырехлѣтній періодъ, между тѣмъ при выборѣ исполнительныхъ коммиссій дума получаетъ возможность сохранить эту связь съ избирателями, привлекая ихъ къ участію въ такихъ коммиссіяхъ, что въ особенности справедливо было бы по отношенію къ тѣмъ, которые не прошли на выборахъ лишь случайно, самымъ ничтожнымъ числомъ голосовъ. Предложеніе это было принято [1]). Изъ коммиссій, существовавшихъ при думѣ состава 1902 г., отмѣчаемъ: санитарную, по

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1902 г., стр. 63—64.

соглашенію съ Обществомъ водоснабженія, трамвайную, исполнительную коммиссію по завѣдыванію санитарно-вѣтеринарною частью города (предсѣдатель И. М. Садовскій), коммиссію для завѣдыванія городскими скотобойнями, коммиссію для завѣдыванія электрическимъ освѣщеніемъ, коммиссію для завѣдыванія домами Пащенка-Тряпкина, пожарный комитетъ, коммиссію по ревизіи кассы управы (предсѣдатель А. П. Шимковъ), коммиссію для ревизіи отчета городского ломбарда (предсѣдатель Н. К. Штейфонъ), коммиссію по расквартированію войскъ (предсѣд. М. М. Серебряковъ), подготовительную финансовую коммиссію (предсѣд. И. К. Гришенко). подготовительную коммиссію по устройству базаровъ (предсѣд. А. Ф. Брандтъ), исполнительную коммиссію по постройкѣ больницы имени Гельферихъ, исполнительную коммиссію для завѣдыванія городскими садами и скверами, училищную, ревизіонную коммиссію для провѣрки отчета городской управы (предсѣдатель—А. Р. Янсонъ), ревизіонную для повѣрки отчета городского банка (предсѣд. А. Р. Янсонъ), музейную, коммиссію по завѣдыванію капиталомъ Вѣры Смирницкой (предсѣд. Н. А. Северинъ), коммиссію по надзору за городскими сооруженіями, юридическую, коммиссію для пересмотра обязательныхъ постановленій по строительной части, канализаціонную (въ составѣ санитарной и финансовой коммиссій, гласныхъ-техниковъ Н. Ф. Дитмара, Н. Я. Путята, Н. П. Салтыкова, Е. Н. Татлина, Н. А. Черная и профессоровъ И. П. Скворцова и А. В. Гурова), коммиссію для разбора старыхъ дѣлъ городского архива, коммиссію для опредѣленія очереди мощенія города, коммиссію по вопросу объ изданіи „Извѣстій“ Харьковской городской думы (предсѣд. М. М. Серебряковъ), коммиссію для осмотра имуществъ, предложенныхъ разными лицами городу къ покупкѣ (предс. М. М. Серебряковъ).

Изъ думскихъ коммиссій, вообще имѣвшихъ очень крупное значеніе въ жизни городского самоуправленія, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя съ теченіемъ времени превратились какъ бы въ постоянные органы городского управленія, существующіе въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Таковы коммиссіи: оцѣночная, по надзору за городскими сооруженіями, училищная, санитарная, музейная, садовая, по завѣдыванію домами Пащенка-Тряпкина, коммиссія для завѣдыванія городскими скотобойнями, коммиссія для завѣдыванія электрическимъ освѣщеніемъ. Постоянно избирались думой и ревизіонныя коммиссіи для ревизіи отчетности управы, городского банка, ломбарда, но ихъ роль оканчивалась съ окончаніемъ порученнаго имъ дѣла, спустя небольшой срокъ послѣ ихъ избранія, а затѣмъ онѣ прекращали свое существованіе; съ наступленіемъ новаго года выбирались и новыя ревизіонныя коммиссіи, которыя и исполняли тѣже порученія, что и ихъ предшественницы въ предъидущемъ году.

Старѣйшею изъ постоянныхъ коммиссій является оцѣночная. Это непосредственная преемница дореформеннаго оцѣночнаго комитета. на обязанности котораго лежало опредѣленіе стоимости принадлежавшихъ горожанамъ имуществъ для обложенія ихъ городскими сборами согласно Положенію о доходахъ и расходахъ города Харькова 1835 г. Въ 1871 г., въ виду предстоявшей переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ, рѣшено было замѣнить старый комитетъ временной коммиссіей, для которой управою въ томъ же 1871 г. и была составлена особая инструкція, подробно регулирующая дѣятельность коммиссіи по опредѣленію чистой доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію. Въ 1872 г. избрана была и коммиссія. Городъ былъ раздѣленъ между членами коммиссіи на 6 участковъ, но работа шла туго. Только послѣ назначенія членамъ коммиссіи вознагражденія за ихъ трудъ дѣятельность коммиссіи стала энергичнѣе. Въ концѣ 1873 г., ко времени окончанія работъ временной коммиссіи, учреждена была постоянная оцѣночная коммиссія, которой поручена оцѣнка вновь возникающихъ имуществъ. Первыми членами ея были: В. М. Тамбовцевъ, И. Г. Вихревъ, Ф. Ф. Даниловичъ, и А. И. Тимченко. Члены оцѣночной коммиссіи получали опредѣленное вознагражденіе, при коммиссіи имѣлась спеціальная канцелярія, также содержавшаяся на средства города. Такъ продолжалось до 1892 г., когда дума рѣшила совсѣмъ упразднить оцѣночную коммиссію, избравъ вмѣсто нея одного оцѣнщика, но уже въ 1893 г. коммиссія была вновь возстановлена [1]).

Одновременно съ оцѣночной коммиссіей возникла и коммиссія по надзору за городскими сооруженіями. Въ 1872 г. голова заявилъ думѣ, что городомъ произведено довольно много построекъ, требующихъ освидѣтельствованія въ смыслѣ правильности выполненія и соотвѣтствія поставленной имъ цѣли, а между тѣмъ по сей части не существуетъ правилъ, кѣмъ и какъ это должно быть сдѣлано. Дума поста-

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 151—166.

новила избрать постоянную коммиссію изъ шести членовъ для осмотра матеріала и работъ во время производства построекъ, а также и для освидѣтельствованія ихъ по окончаніи работъ. Коммиссіи предоставлено было право приглашать, въ случаѣ надобности, постороннихъ техниковъ. Членами первой коммиссіи были избраны: А. А. Скрынниковъ, А. Ю. Зиберъ, И. П. Коптевъ, М. И. Корнѣенко, И. И. Ващенко и Т. С. Кульшинъ. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ городской голова. Коммиссія по надзору за городскими сооруженіями неизбѣжно существовала и при всѣхъ дальнѣйшихъ составахъ думы. Число членовъ коммиссіи бывало то больше, то меньше: въ 1882 г. напр. въ составѣ ея входило 12 гласныхъ. Съ 1882 г. коммиссія стала избирать предсѣдателя изъ своихъ членовъ. Первымъ такимъ предсѣдателемъ былъ П. Н. Горловъ. Въ 1882 г. для коммиссіи была выработана инструкція, а въ 1888 г. эта инструкція замѣнена другою, болѣе подробною. Компетенція коммиссіи бывала то шире, то уже: бывало, что въ кругъ ея обязанностей входилъ и надзоръ за мостовыми, а бывало такъ, что для мостовыхъ избиралась особая коммиссія. Иногда нѣкоторыя городскія постройки исключались изъ вѣдѣнія коммиссіи, какъ это было напр. въ 1884 г. съ постройкой Московскаго ряда, для надзора за которой была выбрана спеціальная коммиссія. Какъ бы то ни было, контроль за городскими сооруженіями признавался всегда необходимымъ, а потому и коммиссія по надзору за этими сооруженіями неизмѣнно существовала при всѣхъ составахъ думы. Дѣлопроизводство коммиссіи велось канцеляріей управы [1]).

Садовая коммиссія возникла также на первыхъ порахъ дѣятельности реформированной думы, но существовала съ перерывами. Еще въ 1871 г. дума постановила избрать особую коммиссію для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ городского сада и разведеніи деревьевъ въ другихъ мѣстахъ. Въ составъ коммиссіи вошли: И. А. Сливицкій, Е. Ф. Шмальценъ, В. О. Вольнеръ и А. И. Ковальчуковъ. На практикѣ все дѣло городскихъ насажденій перешло въ руки городского садовника, и коммиссія перестала существовать. Только въ 1888 г., по иниціативѣ гласныхъ Прокоповича и Сумцова, она вновь возродилась. Въ составъ ея вошли: Э. Г. Бекманъ, Н. Ф. Сумцовъ, Б. Г. Филоновъ, Ф. А. Павловскій и Е. К. Бродскій. Но уже на слѣдующій годъ дѣятельность коммиссіи подверглась нѣкоторому ограниченію, а затѣмъ она вновь прекратила существованіе. Возродилась садовая коммиссія только въ послѣдніе годы. Въ 1902 г. членами ея были избраны: А. Ф. Брандтъ, Г. И. Лагермаркъ, К. К. Кирстенъ, Н. Ф. Сумцовъ, Н. П. Кузинъ, И. К. Гришенко, Н. Е. Дорофеевъ, Н. К. Штейфонъ и Н. С. Клеменовъ.

Санитарная коммиссія, иначе санитарный совѣтъ, возникла въ 1873 г. Въ 1873 г. д-ръ В. А. Франковскій внесъ въ думу предложеніе о приглашеніи на городскую службу двухъ санитарныхъ врачей. При обсужденіи этого вопроса въ думѣ И. П. Щелковъ предложилъ назначить изъ гласныхъ коммиссію, которой поручить разработать вопросъ объ устройствѣ въ Харьковѣ санитарнаго учрежденія. Дума встрѣтила это предложеніе вполнѣ сочувственно и избрала коммиссію по устройству санитарной части Харькова въ составѣ И. П. Щелкова, А. А. Оболенскаго, А. И. Ковальчукова, В. А. Франковскаго и І. С. Сыцянко. Къ участію въ работахъ коммиссіи былъ приглашенъ и извѣстный въ то время гигіенистъ проф. А. И. Якобій. Коммиссія выработала проектъ устройства санитарной части въ городѣ. Она предлагала все дѣло санитарнаго управленія передать особой исполнительной коммиссіи, состоящей при управѣ. Составъ ея и число членовъ опредѣляется думой; кромѣ гласныхъ, въ нее должны войти: врачъ, архитекторъ, ветеринаръ, химикъ и, если возможно, инженеръ. Къ предметамъ вѣдомства коммиссіи предлагалось отнести, во первыхъ, изысканіе способовъ къ доставленію врачебной помощи бѣднѣйшему населенію и, во вторыхъ, изысканіе мѣръ къ устраненію условій появленія и распространенія болѣзней, а также вообще къ улучшенію санитарныхъ условій города. На коммиссію предлагалось возложить санитарное наблюденіе надъ улицами, площадями, бульварами, рынками, бойнями, школами, больницами, квартирами, въ особенности квартирами для рабочихъ, рѣками, колодцами и т. п., словомъ, надъ всѣми сторонами городской жизни, которыя могутъ оказывать какое либо вліяніе на здоровье населенія. На обязанность же коммиссіи возложено было, по проекту, и веденіе медицинской статистики. Проектъ коммиссіи былъ доложенъ думѣ только въ 1878 г., при чемъ управа отозвалась, что, по ея мнѣнію, дѣло санитарной коммиссіи должно быть поставлено гораздо проще: ни химика, ни ветеринара, ни архитектора съ инженеромъ совсѣмъ не нужно, а нужны гласные-члены коммиссіи да санитарный врачъ. Лечить

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 94—112 и Журналы Харьк. думы за 1902 г.

бѣдныхъ одному врачу не подъ силу, да и вообще забота о бѣдныхъ— дѣло приходскихъ попечительствъ, санитарной же коммиссіи надлежитъ заниматься составленіемъ проекта правилъ по санитарному благоустройству города, наблюдать за соблюденіемъ этихъ правилъ и вести въ судебныхъ мѣстахъ дѣла съ нарушителями правилъ. Дума постановила: для завѣдыванія санитарною частью города учредить совѣщательную санитарную коммиссію, подъ именемъ санитарнаго совѣта, въ составѣ двухъ гласныхъ и одного члена управы, съ участіемъ въ занятіяхъ совѣта свѣдущихъ лицъ по приглашенію думы. Рѣшено также пригласить на службу города и особаго санитарнаго врача. Первыми членами санитарнаго совѣта были: членъ управы Ф. Ф. Даниловичъ и гласные И. П. Щелковъ и А. П. Шимковъ. Къ участію въ занятіяхъ совѣта приглашены были проф. А. И. Якобій, Н. Н. Бекетовъ, Г. И. Лагермаркъ, директоръ ветеринарнаго института М. Н. Мельниченко и д-ръ В. А. Франковскій. На должность санитарнаго врача былъ приглашенъ д-ръ Томашевскій. Въ 1879 г., въ виду развитія эпидемическихъ болѣзней, учреждена была должность особаго полицейскаго чиновника для содѣйствія санитарному врачу, а затѣмъ явилась и санитарная команда въ количествѣ нѣсколькихъ служителей. Совѣтомъ была выработана программа дѣятельности санитарнаго врача. Въ 1879 г. въ составѣ совѣта видимъ члена управы Л. А. Погодина и гласныхъ И. П. Щелкова, А. П. Шимкова и Д. И. Киселева. Въ 1883 г. срокъ полномочій совѣта былъ продолженъ. Слѣдующій совѣтъ былъ избранъ уже только въ 1888 г. О необходимости его напомнила оспенная эпидемія, заставившая вновь думу подумать объ оздоровленіи города. Въ составъ совѣта были избраны: В. А. Франковскій, И. Н. Оболенскій, И. К. Зарубинъ, Н. П. Андіонъ, Г. К. Риттеръ, Л. Л. Гиршманъ, А. П. Шимковъ, В. А. Рубинскій, П. А. Смирнитскій и Э. Г. Гофманъ. Съ прекращеніемъ полномочій думы, избиравшей этотъ совѣтъ, и совѣтъ прекратилъ свое существованіе [1]). Возродился онъ, уже подъ именемъ коммиссіи, только въ 1899 г., по иниціативѣ гласнаго М. И. Свѣтухина, предложившаго думѣ избрать исполнительную врачебно-санитарную коммиссію, на обязанности которой должно лежать: изученіе санитарнаго положенія городского населенія, изысканіе средства борьбы съ болѣзнями, изученіе дѣятельности городскихъ больницъ, составленіе ежегодныхъ отчетовъ о состояніи врачебно-санитарнаго дѣла въ городѣ, разсмотрѣніе врачебныхъ и санитарныхъ отчетовъ, составляемыхъ различными городскими учрежденіями и лицами, редактированіе всякихъ медицинскихъ работъ и статей, печатаемыхъ на счетъ города и пр. Къ участію въ коммиссіи авторъ предложенія, кромѣ предсѣдателя и двухъ членовъ думы, проектировалъ привлечь санитарныхъ врачей, старшихъ врачей городскихъ больницъ, старшаго и младшаго городовыхъ врачей, городского ветеринара и представителей вѣдомствъ. Послѣ обсужденія въ думѣ было постановлено: для разработки и обсужденія вопросовъ, касающихся санитарнаго состоянія города, учредить особую санитарную коммиссію съ характеромъ совѣщательнаго органа; составъ коммиссіи опредѣлить въ количествѣ 7 членовъ, избираемыхъ думой, предоставивъ коммиссіи приглашать на свои засѣданія съ правомъ совѣщательнаго голоса лицъ спеціальныхъ знаній. Въ члены возродившейся коммиссіи были выбраны: И. К. Зарубинъ, И. Д. Жуковъ, Г. И. Лагермаркъ, А. П. Останенко, И. Н. Оболенскій, П. П. Прокопенко и М. И. Свѣтухинъ [2]). Въ 1902 г. члены санитарной коммиссіи были вновь переизбраны за исключеніемъ И. Д. Жукова, вмѣсто котораго были выбраны 3 новыхъ члена: Н. П. Андіонъ, Л. М. Вышинскій и П. И. Кравцовъ [3]).

Училищная коммиссія возникла въ 1878 г. по иниціативѣ И. П. Щелкова, предложившаго думѣ учредить особую коммиссію, которая бы слѣдила за ходомъ народнаго образованія и доставляла думѣ добытыя ею свѣдѣнія, на основаніи которыхъ и могъ бы быть выработанъ планъ дальнѣйшаго направленія дѣла. Въ составъ первой училищной коммиссіи вошли А. П. Шимковъ, И. П. Щелковъ, Я. Я. Голяховскій, А. С. Рубенко и А. Ю. Зиберъ. Въ 1879 г. коммиссія представила думѣ свой докладъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ школьномъ дѣлѣ и, между прочимъ, рекомендовала учредить постоянную исполнительную коммиссію для завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія въ городѣ. Въ семидесятые годы городъ сдѣлалъ для низшаго народнаго образованія только кое-что, очень не многое, а въ восьмидесятыхъ и того меньше: за 12 лѣтъ, съ 1884 г. по 1896 г., открыто только одно училище имени Ильина, и то на

---

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 118—133.

[2]) Журн. Харьк. Гор. Думы. 1899 г. стр. 158—168.

[3]) Тамъ же. 1902 г., стр. 94.

частное пожертвованіе; состоявшееся въ 1883 г. постановленіе думы объ открытіи Тургеневскаго училища въ продолженіи 13 лѣтъ не было приведено въ исполненіе. Оживленіе въ этой области обнаружилось только съ 1896 г. Въ это время, по иниціативѣ городского головы, пригласившаго для обсужденія вопроса объ открытіи новыхъ школъ преподавателей и попечителей существующихъ училищъ, была выбрана изъ ихъ среды особая подкоммиссія, которая обсудила вопросы о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ требуется открытіе новыхъ школъ, каковъ долженъ быть ихъ типъ, и во сколько обойдется ихъ устройство и содержаніе. Въ 1898 г. думою была избрана уже коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о всеобщемъ обученіи (предсѣдателемъ ея былъ Н. Ф. Сумцовъ, а членами—А. П. Шимковъ, И. К. Зарубинъ, И. Н. Оболенскій, С. А. Раевскій и В. П. Щелковъ). Коммиссія выработала, между прочимъ, планъ устройства сложныхъ училищъ. По предложенію предсѣдателя коммиссіи Н. Ф. Сумцова думою сдѣлано постановленіе объ учрежденіи ученическихъ библіотекъ. Въ 1899 г., по окончаніи возложеннаго на нее порученія, коммиссія была переименована въ училищную, и на нее было возложено исполненіе ею же составленныхъ предположеній по народному образованію. Въ 1901 г. по иниціативѣ училищной коммиссіи учреждена лѣтняя колонія для болѣзненныхъ и слабыхъ питомцевъ городскихъ школъ, устроено попечительство при Пушкинской школѣ. Вообще можно сказать, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ дѣятельность коммиссіи была достаточно интенсивной, и результаты этого отразились на развитіи въ городѣ средствъ народнаго образованія очень замѣтно [1]). Къ составу коммиссіи послѣднихъ лѣтъ разсматриваемаго нами періода принадлежали: Н. А. Северинъ, И. К. Зарубинъ, С. А. Раевскій, Д. И. Багалѣй, А. П. Шимковъ, В. В. Шиховъ, Н. А. Чернай, И. Н. Оболенскій, Н. Ф. Сумцовъ, Н. П. Кузинъ и И. Я. Платоновъ [2]).

Городской художественно-промышленный музей фактически сталъ существовать съ 1886 г. Еще за нѣсколько дней до установки первыхъ картинъ городской голова предложилъ думѣ выбрать для завѣдыванія музеемъ особую коммиссію изъ людей образованныхъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. Выборы коммиссіи произошли въ 1887 г. При этомъ возникъ принципіальный вопросъ: можно ли въ составъ коммиссіи избирать женщинъ подобно тому, какъ избираются онѣ въ попечительные совѣты женскихъ гимназій? Вопросъ этотъ, имѣвшій чисто практическое значеніе, былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ члены коммиссіи были избраны: В. П. Щелковъ, Ф. С. Карповъ, С. А. Раевскій, гр. В. А. Капнистъ, А. В. Квитка, Б. Г. Филоновъ, Н. Ф. Сумцовъ, Г. А. Кореневъ и Н. Н. Сабо. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ вначалѣ городской голова, а потомъ Н. Н. Сабо. Коммиссія была избрана первоначально на 2 года. Главная задача, на нее возложенная, сводилась къ выработкѣ правилъ управленія музеемъ и опредѣленію отношенія города къ академіи художествъ [3]). Въ 1889 г. истекъ срокъ полномочій музейной коммиссіи, но за непредставленіемъ доклада былъ продолженъ по ноябрь того же года. Но и въ ноябрѣ о музейной коммиссіи ничего не было слышно. Въ іюнѣ 1890 г. вновь былъ поставленъ въ думѣ вопросъ о коммиссіи по завѣдыванію музеемъ, но и на сей разъ оказалась неудача: докладъ былъ готовъ, но членами коммиссіи не обсуждался за выѣздомъ ихъ изъ Харькова [4]). Обновила музейную коммиссію, изъ которой выбыли почти всѣ ея члены, только дума 1892 г. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ избранъ Б. Г. Филоновъ, а членами: Н. Ф. Сумцовъ, Г. Ф. Шульцъ, А. М. Иваницкій, Д. И. Безпечій, Н. В. Масловичъ и Н. Н. Сабо. На сей разъ результатомъ дѣятельности коммиссіи явился проектъ устава музея и состоящей при немъ школы рисованія, который и былъ принятъ думою [5]). Въ такомъ составѣ коммиссія просуществовала до 1895 г. При новомъ составѣ думы у нея возникли нелады съ управой, нѣкоторые члены коммиссіи ушли, ушелъ и самъ предсѣдатель. Послѣдовали новые выборы, послѣ которыхъ въ члены коммиссіи вошли: И. К. Велитченко, И. К. Гришенко, И. С. Ивановъ, К. К. Кирстенъ, и Е. П. Любарскій [6]). Послѣдній и сталъ предсѣдателемъ коммиссіи. Въ 1902 г. предсѣдателемъ музейной коммиссіи былъ

[1]) Максименко Д. П. Очеркъ дѣятельности Харьковскаго городского управленія по начальному народному образованію. 1879—1901 г.г. Х. 1903.

[2]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1902 г., стр. 209.

[3]) Тамъ же. 1887 г., стр. 193—195.

[4]) Тамъ же за 1890 г., стр. 286.

[5]) Тамъ же. 1892 г. стр. 585—588.

[6]) Тамъ же 1895 г., стр. 27—29.

избранъ И. К. Зарубинъ, а членами: П. И. Кравцовъ, Д. И. Багалѣй, С. А. Раевскій, К. К. Кирстенъ и А. Ф. Брандтъ [1]).

До 1878 г. пожарная часть въ городѣ вѣдалась пожарнымъ комитетомъ, а съ этого года перешла къ управѣ. На членовъ управы перешли такія обязанности, какъ пріемъ фуража для пожарныхъ лошадей, провіанта и аммуниціи для служителей, выдача жалованья служителямъ, составленіе предположеній о необходимомъ ремонтѣ пожарнаго обоза и т. п. При наличности у членовъ управы многихъ иныхъ обязанностей, на практикѣ оказалось, что веденіе хозяйства пожарнаго обоза фактически перешло въ руки помощниковъ брандтмейстера, а между тѣмъ городъ тратилъ на пожарную часть болѣе 62 т. р. Въ 1893 г. городской голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ обратилъ вниманіе думы на такую постановку дѣла и предложилъ возложить завѣдываніе хозяйственною частью пожарной команды на особый комитетъ въ составѣ двухъ членовъ отъ каждой пожарной части изъ лицъ, живущихъ въ районѣ этихъ частей. Предложеніе было принято, и въ члены вновь возникшаго комитета избраны: А. И. Бѣленькій, В. В. Дунаевъ, А. П. Соколовъ, М. Н. Галановъ, П. П. Кузинъ, М. М. Иваxненко, В. Я. Перебейносъ и Я. К. Трофименко [2]). Въ 1898 г. дума выбрала въ пожарный комитетъ только 4 членовъ и 4 кандидатовъ къ нимъ, а въ 1902 г. членовъ пожарнаго комитета выбрано уже десять (И. М. Садовскій, М. Д. Жуковъ, И. А. Сергѣевъ, М. И. Барабашъ. Н. А. Моисеенко, И. А. Гавриловъ, А. Н. Корытинъ, П. Н. Сѣриковъ, П. Д. Васкаковъ и Н. Я. Кузяевъ [3]).

Скотобойная коммиссія была избрана въ 1895 г., когда вопросъ объ устройствѣ городскихъ скотобоенъ, возникшій впервые еще въ 1878 г., перешелъ изъ области разговоровъ въ область реальныхъ фактовъ. Въ засѣданіи 9 января рѣшено выбрать подготовительную коммиссію изъ гласныхъ: И. К. Всѣлитченко, А. Я. Жмудскаго, І. А. Кобозева, С. Д. Сотникова и І. А. Стойкина. Въ качествѣ экспертовъ приглашены профессора ветеринарнаго института С. А. Ивановъ и А. П. Остапенко. Коммиссія должна была выбрать мѣсто для постройки скотобоенъ, разсмотрѣть проектъ ихъ устройства и, въ случаѣ надобности, осмотрѣть общественныя скотобойни въ другихъ городахъ [4]). Коммиссія очень быстро исполнила данное ей порученіе. На ея мѣсто была избрана коммиссія уже для постройки скотобоенъ, въ составъ которой вошли: І. А. Стойкинъ (предсѣдатель), А. И. Филипповъ, С. Д. Сотниковъ и И С. Пещеровъ. Послѣ смерти І. А. Стойкина предсѣдателемъ былъ выбранъ К. П. Уткинъ. Въ 1896 г. нѣкоторые члены коммиссіи замѣнены новыми. Въ 1897 г. коммиссіи, почти окончившей постройку, было поручено и завѣдываніе скотобойнями. Въ 1898 г., въ виду указаній, сдѣланныхъ губернаторомъ, строительная часть городскихъ скотобоенъ отдѣлена отъ хозяйственной. Для построекъ на бойняхъ была избрана особая коммиссія изъ Н. А. Моисеенко, К. А. Зворыкина, И. К. Кабанова и А. Н. Денисова. Членами коммиссіи по завѣдыванію скотобойнями были: С. А. Ивановъ, В. Ф. Федоровъ, И. М. Соленовъ и Н. Н. Сѣриковъ. Предсѣдателемъ въ обѣихъ коммиссіяхъ былъ избранъ К. П. Уткинъ. Въ 1902 г. для завѣдыванія скотобойнями и скотопригоннымъ дворомъ была выбрана коммиссія изъ 8 лицъ: И. М. Садовскаго, К. П. Уткина, В. Ф. Федорова, И. М. Соленова, И. К. Кабанова, И. А. Сергѣева, Н. Н. Сѣрикова и П. Ф. Твердохлѣбова.

Надобность въ коммиссіи для пріема домовъ Пащенка-Тряпкина, выработки порядка завѣдыванія ими и контроля надъ управляющимъ домами и служащими возникла въ 1895 г., когда имущество Пащенка-Тряпкина перешло въ собственность города. Въ это время и была избрана [5]) первая коммиссія въ составѣ І. А. Кобозева, Н. С. Богатырева и Р. И. Саввина. Въ 1898 г. дума нашла необходимымъ имѣть постоянную коммиссію для завѣдыванія домами Пащенка-Тряпкина. Вопросъ о необходимости существованія коммиссіи нѣкоторыми гласными былъ подвергнутъ сильному сомнѣнію: нужна ли особая платная коммиссія (члены этой коммиссіи, кстати сказать, получали вознагражденіе), разъ есть при домахъ управляющій, находящійся въ подчиненіи городской управѣ? Въ концѣ концовъ вопросъ былъ, однако, рѣшенъ въ смыслѣ сохраненія стараго порядка. Въ члены Пащенковской коммиссіи были вы-

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1902 г., стр. 278—279.
[2]) Тамъ же 1893 г., стр. 132 —134 и 138.
[3]) Тамъ же 1902 г., стр. 115.
[4]) Тамъ же 1895 г., стр. 26 –27.
[5]) Тамъ же 1895 г., стр. 21—26.

браны: И. А. Куликовъ, Е. К. Карпушкинъ, Н. С. Богатыревъ, И. М. Соленовъ и І. А. Кобозевъ, а предсѣдателемъ А. И. Денисовъ. Въ 1902 г. членами коммиссій стали: М. Д. Жуковъ, А. В. Мурзинъ, И. М. Соленовъ, Н. К. Штейфонъ, Е. К. Карпушкинъ, И. Л. Гавриловъ и М. С. Клеменовъ [1]).

Первая коммиссія по вопросу объ электрическомъ освѣщеніи возникла въ 1894 г. Полученное управой предложеніе объ устройствѣ электрическаго освѣщенія было отдано на разсмотрѣніе коммиссіи изъ гласныхъ: Н. В. Орлова, П. П. Рыжова, И. А. Монакова, І. А. Стойкина и Б. С. Покровскаго. Въ 1898 г., при обновленіи состава думы, произошло и полное обновленіе коммиссіи по электрическому освѣщенію. Предсѣдателемъ ея былъ избранъ А. К. Погорѣлко, а членами: К. А. Зворыкинъ, Г. И. Лагермаркъ, И. Д. Жуковъ, К. П. Уткинъ, А. П. Шимковъ и П. Ф. Твердохлѣбовъ. Въ 1902 г. членами электрической коммиссіи выбраны: Н. Е. Путята, А. П. Шимковъ, Г. И. Лагермаркъ, Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, Е. Н. Татлинъ, С. А. Раевскій, К. П. Уткинъ, С. Я. Толкачевъ и И. А. Монаковъ.

Не носитъ имени коммиссіи, но дѣйствуетъ какъ постоянная исполнительная коммиссія, коллегія, выбираемая думой для повѣрки торговли и промысловъ и называемая торговой депутаціей. Торговые депутаты, какъ мы уже видѣли, существовали и при дореформенной думѣ. Такъ какъ въ 1871 г. срокъ полномочій торговой депутаціи окончился, то однимъ изъ первыхъ дѣлъ новой думы было избраніе новыхъ торговыхъ депутатовъ. Избрано было 6 лицъ на три года, но уже съ 1874 г. стали выбирать только трехъ депутатовъ. Депутаты жалованья не получали, на городскія средства содержалась только канцелярія торговой депутаціи. Безвозмездная работа шла не важно. Въ 1875 г. депутаты обратились въ думу съ просьбой о назначеніи имъ содержанія, „безъ чего они не считаютъ возможнымъ правильное и совершенное исполненіе своихъ обязанностей". Думѣ пришлось ассигновать по 600 р. на каждаго. Впослѣдствіи это вознагражденіе было увеличено. Въ 1886 г. дума дала торговой депутаціи инструкцію съ точнымъ указаніемъ, какъ надлежитъ ей наблюдать за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для производства торговли и промысловъ, и за правильнымъ поступленіемъ сборовъ въ пользу городскихъ доходовъ [2]).

На ряду съ коммиссіями очень крупную роль играли и совѣты при разныхъ городскихъ учрежденіяхъ, вевшіе порученныя имъ дѣла почти самостоятельно. Однимъ изъ самыхъ раннихъ по времени былъ попечительный совѣтъ при Маріинской женской гимназіи. Затѣмъ видимъ такой же попечительный совѣтъ и при Александровской больницѣ. Съ устройствомъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ городской дѣтской больницы во главѣ ея также сталъ особый попечительный совѣтъ. Затѣмъ видимъ попечительный совѣтъ при второй женской гимназіи, при городскомъ ремесленномъ училищѣ, попечительный совѣтъ городскихъ богадѣленъ, такой же совѣтъ при Николаевской больницѣ, такой же совѣтъ при Москалевской амбулаторной дѣтской и гинекологической лечебницѣ. Члены попечительныхъ совѣтовъ выбирались думою какъ изъ числа гласныхъ, такъ и изъ постороннихъ лицъ, при чемъ въ члены попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій выбирались и дамы. Для городскихъ школъ думою выбирались попечители. Исключеніе, и то въ послѣдніе годы, стала представлять только Пушкинская школа, для которой думой, какъ и для ремесленнаго училища, избирается попечительный совѣтъ. Для церквей городскихъ кладбищъ думою выбирались церковные старосты. Такіе же старосты выбирались и для церквей при городскихъ больницахъ—Александровской и Николаевской. На обязанности попечительныхъ совѣтовъ и попечителей лежитъ забота главнымъ образомъ объ улучшеніи матеріальныхъ условій подвѣдомственныхъ имъ учрежденій. Вліять на внутренній распорядокъ этихъ учрежденій, регулируемый особыми уставами, попечительные совѣты могли только косвенно, входя въ думу съ представленіями о необходимости ходатайства объ измѣненіи того или другого устава. Нѣсколько большее вліяніе могли они имѣть на личный составъ служащихъ въ подвѣдомственныхъ имъ городскихъ учрежденіяхъ.

Кромѣ учебныхъ, лечебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, въ вѣдѣніи городской думы находятся и учрежденія кредитныя. Такихъ у города два: городской купеческій банкъ и городской ломбардъ. Въ своей внутренней жизни эти учрежденія отъ думы и управы зависятъ мало. Дума только ревизуетъ ихъ дѣятельность и, въ случаѣ найдетъ это нужнымъ, возбуждаетъ передъ правительствомъ ходатайство объ измѣненіи ихъ уставовъ. Уставами и регулируется внутренняя жизнь банка и ломбарда. Но зато

[1]) Журн. Харьк. Гор. Думы 1902 г., стр. 115.
[2]) Петровъ. Матеріалы, стр. 173—185.

за думой остается право избирать руководителей этихъ учрежденій. Въ городской банкъ дума избираетъ директоровъ и ихъ товарищей и членовъ учетнаго комитета; для ломбарда она избираетъ распорядителя и его товарищей. Надъ дѣятельностью ломбарда и банка мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ намъ придется еще говорить о нихъ впослѣдствіи.

Городскимъ учрежденіемъ, зависящимъ отъ думы, является и сиротскій судъ, завѣдывающій опекунскими и сиротскими дѣлами купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, личныхъ дворянъ и разночинцевъ. По Положенію 1870 г. сиротскій судъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ членовъ, выбираемыхъ на три года въ частныхъ собраніяхъ купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій. Въ случаѣ отказа головы отъ предсѣдательства, выбирается особый предсѣдатель въ общемъ собраніи городскихъ сословій. По закону 3 апрѣля 1889 г., въ случаѣ отказа головы отъ предсѣдательства, предсѣдатель сиротскаго суда избирается думой; она же опредѣляетъ и число членовъ суда. Расходы на содержаніе суда по Положенію 1870 г. отнесены на средства города. Первый переформенный городской голова Е. С. Гордѣенко отказался отъ обязанностей предсѣдателя сиротскаго суда, и съ тѣхъ поръ ни одинъ голова не занималъ этой должности. Связь между судомъ и думою поддерживалась такимъ образомъ только ежегодной выдачей изъ городскихъ суммъ содержанія предсѣдателю суда (а одно время также и его членамъ) и канцеляріи. Послѣ введенія въ дѣйствіе закона 3 апрѣля 1889 г. связь сдѣлалась болѣе тѣсной, ибо выборъ предсѣдателя сталъ зависѣть отъ думы [1]).

Въ болѣе тѣсной связи съ думой находится городское по воинской повинности присутствіе, открытое въ Харьковѣ въ 1874 г. Предсѣдательствуетъ въ немъ городской голова, а членами состоятъ два гласныхъ по избранію думы, офицеръ по назначенію военнаго начальства и чиновникъ полиціи. Содержаніе присутствія лежитъ на обязанности города. Изъ членовъ присутствія по выбору думы отмѣчаемъ В. Ѳ. Домбровскаго и П. П. Кузина, неизмѣнно избиравшихся на эту должность въ теченіе ряда лѣтъ. Дума 1892 г. постановила оставить въ присутствіи только одного члена съ тѣмъ, чтобы обязанности второго члена несъ членъ управы, но это постановленіе, оказавшееся неудобнымъ на практикѣ, удержалось только до 1893 г., когда новая дума возстановила старый порядокъ [2]).

Съ 1876 г. дума стала избирать и завѣдующихъ военно-конскими участками и ихъ помощниковъ. На ихъ обязанности лежитъ завѣдываніе поставкой лошадей для арміи. Въ отношеніи военно-конской повинности городъ былъ раздѣленъ на 3 участка, въ каждый изъ которыхъ дума выбирала по одному завѣдывающему и по одному помощнику и нѣсколько кандидатовъ къ нимъ. Съ 1890 г., вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія числа лошадей по участкамъ, городъ былъ раздѣленъ на 5 военно-конскихъ участковъ, а въ послѣднее время участковъ стало уже восемь. Установленіе военно-конской повинности вызвало учрежденіе и такъ назыв. пріемныхъ коммиссій для пріема лошадей на сдаточныхъ пунктахъ. Въ составъ пріемной коммиссіи также входитъ одинъ членъ по выбору думы [3]).

Послѣднимъ по времени открытія городскимъ учрежденіемъ былъ городской училищный совѣтъ, возникшій въ 1904 г. До тѣхъ поръ надзоръ за городскими школами принадлежалъ уѣздному училищному совѣту и инспектору народныхъ училищъ Харьковскаго уѣзда. Въ совѣтѣ городъ былъ представленъ всего однимъ членомъ, а между тѣмъ дѣтей школьнаго возраста было въ Харьковѣ почти столько же, сколько и въ уѣздѣ, а школъ, подлежащихъ надзору уѣзднаго совѣта, гораздо больше, чѣмъ въ уѣздѣ. Находя, что „городъ занимаетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ черезчуръ подчиненное положеніе“, отражающееся на городскихъ школахъ очень неблагопріятно, городская управа представила въ 1899 г. думѣ докладъ съ предложеніемъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи для Харькова, по примѣру другихъ крупныхъ центровъ, особаго городского училищнаго совѣта, въ которомъ бы предсѣдателемъ былъ городской голова съ правами и обязанностями предсѣдателей уѣздныхъ совѣтовъ—представителей дворянства. Кромѣ головы, предлагалось имѣть въ составѣ совѣта еще двухъ представителей отъ города по избранію думы. Дума постановила возбудить соотвѣтствующее ходатайство, а въ слѣдующемъ 1900 г. нашла необходимымъ дополнить это ходатайство просьбой объ учрежденіи для Харькова

---

[1]) Петровъ. Матеріалы для исторіи Харьковск. Город. Думы, стр. 196—203.
[2]) Тамъ же, стр. 203—106.
[3]) Тамъ же, стр. 206—212.

и особаго училищнаго инспектора, содержаніе котораго городъ бралъ на свой счетъ [1]). Послѣ надлежащихъ сношеній съ Петербургомъ, потребовавшихъ, по обычаю, нѣсколькихъ лѣтъ, городской училищный совѣтъ былъ наконецъ въ 1904 г. открытъ [2]).

Сиротскій судъ, городское по воинской повинности присутствіе и городской училищный совѣтъ, какъ ни какъ, являются для города учрежденіями своими, но были и учрежденія совсѣмъ чужія, въ которыя, однако, городъ посылалъ своихъ представителей. Такихъ учрежденій нѣсколько, казенныхъ и общественныхъ. На первыхъ порахъ своего существованія пореформенная дума должна была давать своихъ представителей въ городскую полицію, построенную въ то время на коллегіальномъ началѣ. Представители эти играли роль прежнихъ ратмановъ, входившихъ въ составъ присутствія городской полиціи. Въ 1874 г. харьковская полиція была преобразована, и представители отъ города перестали для нея избираться. Но въ этомъ же самомъ году опубликовано было Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, которымъ въ составъ уѣздныхъ училищнаго совѣта былъ введенъ одинъ представитель и отъ города по избранію городской думы. Первымъ членомъ отъ города въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ былъ Н. Н. Гончаровъ. Членовъ въ уѣздный училищный совѣтъ дума выбирала до самаго послѣдняго времени, когда наконецъ возникъ самостоятельный городской училищный совѣтъ.

Съ 1885 г. дума стала посылать своихъ представителей и въ губернское податное присутствіе, состоявшее при казенной палатѣ. Въ это присутствіе, занимавшееся обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій такъ назыв. дополнительнымъ сборомъ, дума избирала двухъ членовъ. Первыми членами присутствія отъ города были Н. М. Михайловъ и Г. А. Кореневъ. Такіе же члены съ того же 1885 г. избирались думой и для уѣзднаго податного присутствія. Первыми членами уѣзднаго присутствія отъ г. Харькова были Н. А. Моисеенко и Ф. А. Бѣляевъ. Въ 1889 г. было введено Положеніе о дополнительномъ раскладочномъ сборѣ съ негильдейскихъ предпріятій. Дѣло это было поручено городскимъ участковымъ присутствіямъ, въ составъ которыхъ входили и члены по избранію городской думы. Какъ въ податныхъ, такъ и въ участковыхъ присутствіяхъ срокъ службы членовъ отъ города былъ трехлѣтній. Первыми членами, избранными думой, были: П. В. Скрыгинъ, А. Е. Чепановъ, П. В. Чурсинъ, Ф. С. Волковъ, В. С. Молчановъ и М. П. Кудрявцевъ.

Положеніе 14 мая 1893 г. о квартирномъ налогѣ создало рядъ присутствій по раскладкѣ этого налога. Явилось губернское по квартирному налогу присутствіе, въ которое городъ посылалъ двухъ представителей, и три городскихъ участковыхъ присутствія, также съ членами по избранію городской думы. Первыми членами отъ города въ губернскомъ по квартирному налогу присутствіи были: А. С. Иларіоновъ и П. М. Акименко.

Въ 1893 г. въ Харьковѣ было введено новое Городовое Положеніе, и тогда же возникло губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе. До сихъ поръ въ составъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія входилъ городской голова, теперь, кромѣ него, къ составу присутствія, на правахъ его члена, принадлежалъ и одинъ городской гласный по выбру думы. Первымъ членомъ отъ думы въ губернское присутствіе былъ избранъ Н. М. Михайловъ.

Съ того же 1893 г. дума стала давать своихъ представителей и въ уѣздную оцѣночную коммиссію, учрежденную для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ обложенію земскими сборами. Первыми членами отъ города въ уѣздной оцѣночной коммиссіи были Р. И. Саввинъ и Б. С. Покровскій [3]).

Наконецъ, начиная съ половины девяностыхъ годовъ, дума стала давать своего представителя и въ епархіальный училищный совѣтъ. Касательство къ епархіальнымъ дѣламъ дума пріобрѣла благодаря щедрымъ субсидіямъ, какія она стала давать церковнымъ школамъ со времени занятія И. Т. Голенищевымъ-Кутузовымъ должности городского головы. Архіепископъ Амвросій, стремившійся заохотить общество къ поддержкѣ церковныхъ школъ, счелъ необходимымъ на вниманіе отвѣтить вниманіемъ: думѣ предложено было избрать своего представителя въ епархіальный училищный совѣтъ. Денежная связь между городомъ

[1]) Максименко. Очеркъ, стр. 86—89.
[2]) Краткій очеркъ дѣятельности Харьк. гор. общ. управленія за 1902—1905 г.
[3]) Петровъ. Матеріалы, стр. 213—219 и Журн. Думы 1893 г., стр. 99.

и церковными школами съ тѣхъ поръ не прерывалась, а потому и участіе члена отъ думы въ дѣлахъ епархіальнаго училищнаго совѣта продолжается и до настоящаго времени.

Даетъ дума своихъ представителей и въ нѣкоторыя общественныя учрежденія. Право на это пріобрѣла она опять таки благодаря пособіямъ, выдаваемымъ этимъ учрежденіямъ. Можно сказать, установилось какъ бы правило, что члены отъ города по избранію думы непремѣнно участвуютъ въ завѣдываніи дѣлами тѣхъ учрежденій, которымъ городъ даетъ постоянное пособіе. Такихъ членовъ отъ города мы видимъ въ общественной библіотекѣ, на курсахъ для рабочихъ, въ Народномъ домѣ, въ коммиссіи по завѣдыванію дѣлами опытнаго поля и др.

На службѣ у города при его многочисленныхъ учрежденіяхъ образовался съ теченіемъ времени огромный кадръ служащихъ разныхъ наименованій. При управѣ имѣется канцелярія. На первыхъ порахъ послѣ введенія Положенія 1870 г. дума не входила въ подробности устройства канцеляріи, предоставляя дѣло самой управѣ. Изданы были только правила счетоводства. Изъ проекта первой инструкціи управѣ можно заключить, что въ это время канцелярія управы дѣлилась на пять отдѣленій („столовъ"): 1) столъ бухгалтерскій, 2) столъ однопроцентнаго сбора, 3) столъ распорядительный, 4) столъ государственнаго налога и 5) отдѣленіе квартирной повинности. Въ 1875 г. канцелярія управы состояла изъ городского секретаря и его помощника, двухъ бухгалтеровъ, трехъ помощниковъ бухгалтера, двухъ столоначальниковъ, регистратора и архиваріуса. Въ 1882 г., какъ видно изъ смѣты на содержаніе канцеляріи, въ ея составъ, кромѣ городского секретаря и его помощника, входили 5 бухгалтеровъ, 5 помощниковъ бухгалтера, два дѣлопроизводителя, регистраторъ, архиваріусъ и 16 канцелярскихъ чиновниковъ. Въ 1885 г. коммиссія, ревизовавшая денежный отчетъ управы, нашла въ управскомъ счетоводствѣ большую запутанность. Дума постановила учредить должность старшаго бухгалтера, на которую былъ приглашенъ А. М. Максимовъ. Въ 1886 г. коммиссія по упорядоченію счетоводства доложила думѣ, что въ управѣ „преобладающее значеніе дается канцелярскому дѣлу, такъ что члены управы исполняютъ обязанности начальниковъ отдѣленій и не имѣютъ времени для занятія хозяйственными дѣлами". Коммиссія предложила думѣ снять съ одного изъ членовъ думы обязанность завѣдыванія кассой и обратить его къ болѣе производительнымъ занятіямъ по хозяйственной части, а завѣдываніе кассой поручить артельщику. Въ 1886 г. была наконецъ утверждена инструкція городской управѣ, согласно которой канцелярія дѣлилась на 6 отдѣленій. 1-е отдѣленіе (распорядительное) вѣдало дѣла по производству городскихъ выборовъ, опредѣленію и увольненію служащихъ управы, по выдачѣ паспортовъ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ и свидѣтельствъ для поступленія въ учебныя заведенія купеческихъ дѣтей, по утвержденію приговоровъ ремесленнаго схода о сборѣ съ мастеровъ, по устройству при городской управѣ и по содержанію юрисконсультской части, составленіе годового отчета о дѣятельности управы, дѣла по части торговой полиціи (торговая депутація), дѣла, касающіяся устройства и содержанія городскихъ училищъ, назначенія ихъ попечителей и попечительницъ, гимназій, реальнаго училища, больницъ, пріютовъ, стипендій, пенсій и пособій, дѣла по завѣдыванію и отчетности по состоящимъ въ распоряженіи городского управленія разнымъ сторонннимъ капиталамъ, дѣла по ревизіи городского банка и по залогу недвижимыхъ имуществъ. При распорядительномъ отдѣленіи состоялъ судебный столъ, находившійся въ вѣдѣніи повѣреннаго по городскимъ дѣламъ, и санитарный отдѣлъ подъ вѣдѣніемъ санитарнаго врача. Въ этомъ отдѣлѣ вѣдался рядъ дѣлъ по санитарной части: устройство и завѣдываніе мѣстами для свалки нечистотъ, удаленіе нечистотъ изъ города и дезинфекція, выдача разрѣшеній на открытіе фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ учрежденій (съ точки зрѣнія ихъ санитарнаго значенія) и собираніе о нихъ свѣдѣній, дѣла по завѣдыванію санитарною частью, по открытію временныхъ лѣчебницъ и принятію мѣръ противъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней, дѣла, касающіяся больницъ, составленіе обязательныхъ постановленій по санитарной части и распоряженія по приведенію въ исполненіе предпринимаемыхъ городомъ мѣръ по случаю общественныхъ бѣдствій. Второе отдѣленіе называлось хозяйственнымъ. Оно вѣдало дѣла объ управленіи и хозяйственномъ завѣдываніи городскими имуществами (кромѣ выгонной земли), Третье отдѣленіе (счетное) вѣдало все счетоводство управы, взиманіе и взысканіе различныхъ сборовъ, выдачу торговыхъ документовъ, разрѣшеній на трактирныя заведенія и ярлыковъ на извозный промыселъ, общее счетоводство по расходамъ, составленіе смѣтъ, составленіе отчетностей и годовыхъ денежныхъ отчетовъ управы и повѣрку книгъ нотаріусовъ въ отношеніи взиманія положенныхъ въ пользу города сборовъ. Четвертое отдѣленіе (техни-

ческое) дѣлилось на два отдѣла: архитектурный и инженерный. Первый разсматривалъ и утверждалъ планы и фасады на частныя постройки и перестройки и наблюдалъ за исполненіемъ строительныхъ правилъ, велъ инвентарь городскихъ зданій, составлялъ для городскихъ сооруженій смѣты и надзиралъ за производствомъ строительныхъ работъ и за прочностью и цѣлостью городскихъ сооруженій и нанятыхъ городомъ частныхъ домовъ, выдавалъ разрѣшенія на открытіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній и собиралъ относящіяся до этого предмета свѣдѣнія. Инженерный отдѣлъ вѣдалъ мостовыя и тротуары, водопроводъ, колодцы, освѣщеніе, водосточныя трубы, мосты, набережныя, плотины, мостки, нивеллировку города, конно-желѣзныя дороги и завѣдывалъ городской выгонной землей. Пятое отдѣленіе (квартирное) вѣдало дѣла по расквартированію войскъ, а шестое—дѣла по составленію списковъ лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, и повѣрку еврейскихъ метрическихъ книгъ.

Кромѣ шести отдѣленій, на которыя раздѣлялась управская канцелярія, при управѣ была еще канцелярія думы и городского головы, находившаяся подъ начальствомъ городского секретаря. Городской секретарь—должность выборная. Первымъ городскимъ секретаремъ въ 1871 г. былъ выбранъ В. Ѳ. Домбровскій. Подъ его управленіемъ находилась канцелярія какъ думы, такъ и управы. На немъ же лежали обязанности и секретаря губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Хотя эта послѣдняя обязанность была вскорѣ съ Домбровскаго снята, тѣмъ не менѣе уже въ 1872 г. дума назначила ему помощника. Городской секретарь и его помощникъ и являлись руководителями думской канцеляріи. Такъ было до 1896 г., когда, съ введеніемъ новой инструкціи, помощникъ секретаря былъ переименованъ въ секретаря управы, канцелярія которой и подчинена его начальству. Въ 1873 г. Домбровскій отказался отъ должности. Замѣстителемъ его былъ избранъ П. Е. Огнивцевъ. Новый секретарь оказался настолько подходящимъ для города работникомъ, что съ тѣхъ поръ онъ неизбѣжно избирался вновь каждое четырехлѣтіе, каковъ бы ни былъ составъ думы и управы [1]).

Съ теченіемъ времени росли и управскіе штаты. Въ 1892 г. къ существующимъ должностямъ прибавлена должность городского статистика, на каковую былъ приглашенъ извѣстный своими статистическими работами А. А. Русовъ. Для завѣдыванія статистическою частью была избрана постоянная статистическая коммиссія. Но уже дума слѣдующаго 1893 г. признала статистическую коммиссію излишней, да и самому Русову пришлось оставить службу. Обязанности статистика поручены были Н. В. Петрову. При немъ статистическая часть городской управы начинаетъ формироваться: подъ его завѣдываніемъ учреждается статистическій отдѣлъ [2]). Въ 1896 г. по ходатайству управы такъ назыв. столъ окладныхъ сборовъ, находившійся до тѣхъ поръ при счетномъ отдѣленіи, былъ превращенъ въ самостоятельное оцѣночное отдѣленіе. Въ это же время были произведены и нѣкоторыя реформы въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ. Къ концу разсматриваемаго нами періода канцелярія состояла уже изъ восьми отдѣленій: распорядительнаго, счетнаго, оцѣночнаго, статистическаго, воинскаго, хозяйственнаго, техническаго и квартирнаго [3]). Въ 1904 г. въ распорядительномъ отдѣленіи велись дѣла по школамъ, больницамъ, богадѣльнямъ, городскому музею и школѣ рисованья, городскому банку, ломбарду, аукціону, ночлежному пріюту, скотобойнямъ, утилизаціонному заводу, конно-пригонному двору, по извозному промыслу, сбору съ лошадей и экипажей, санитарно-ветеринарной коммиссіи, санитарной коммиссіи, по садамъ и скверамъ, доставленію свѣдѣній по запросамъ другихъ городовъ, засвидѣтельствованію еврейскихъ метрическихъ книгъ и свидѣтельствъ, назначенію служащихъ, переписка съ торговой депутаціей, по отчетамъ, составленію обязательныхъ постановленій, пріобрѣтенію городскихъ имуществъ, опредѣленію стипендіатовъ въ разныя учебныя заведенія, выдачѣ премій прислугѣ изъ капитала Е. С. Гордѣенка, перепискѣ съ адреснымъ столомъ, по оцѣнкѣ имуществъ для залога по подрядамъ и поставкамъ, выдачѣ свидѣтельствъ для ходатайствующихъ о почетномъ гражданствѣ, подготовленію докладовъ въ думу и исполненію постановленій ея, по возбужденію ходатайствъ и по вопросамъ общаго характера. Дѣятельность хозяйственнаго отдѣленія распадалась на три разряда дѣлъ: канцелярскихъ, счетныхъ и распорядительно-хозяйственныхъ (отдача въ аренду оброчныхъ статей, очистка города, поливка улицъ, ремонтныя

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 50—78, 263—264.
[2]) Тамъ же стр. 134—139.
[3]) Краткій обзоръ дѣятельности Харьк. гор. управы за 1902—1905 гг., стр. 5.

работы по всѣмъ имуществамъ, сдаваемымъ въ аренду, и т. п.). Счетное отдѣленіе вѣдало все счетоводство управы, составленіе приходо-расходной городской смѣты и денежныхъ отчетовъ. Въ оцѣночномъ отдѣленіи сгруппированы были дѣла по городскому оцѣночному сбору, государственному налогу, земскому губернскому и уѣздному и все вообще дѣлопроизводство, касающееся взиманія этихъ сборовъ. Занятія статистическаго отдѣленія заключались въ составленіи подготовительныхъ данныхъ для оцѣнки вновь возведенныхъ и перестроенныхъ недвижимыхъ имуществъ и разработкѣ этого матеріала. Здѣсь же группировались и свѣдѣнія о пожарности Харькова и общія статистическія свѣдѣнія по Харькову. Въ техническомъ отдѣленіи были отдѣлы: архитектурный, инженерный, землемѣрный, по завѣдыванію водопроводомъ, освѣщеніемъ и наблюденію за конно-желѣзными дорогами. Квартирное отдѣленіе обязано было давать „квартирное довольствіе“ расположеннымъ въ Харьковѣ военнымъ частямъ, а въ воинскомъ вѣдался рядъ дѣлъ, связанныхъ съ отбываніемъ воинской повинности: веденіе посемейныхъ списковъ, составленіе призывныхъ и ратницкихъ списковъ, учетъ ратниковъ ополченія и др. [1]).

Изъ старыхъ служащихъ думской канцеляріи упомянемъ такихъ ветерановъ, какъ Н. И. Станиславскій, Н. И. Шаповаловъ, В. В. Медеръ, Г. И. Станиславскій, П. Ѳ. Чаговцевъ.

Кромѣ канцеляріи, на службѣ города находится много другихъ должностныхъ лицъ: архитекторъ, землемѣръ, инженеръ, повѣренные по городскимъ дѣламъ, санитарные врачи, больничные врачи, управляющій скотобойнями, электрической станціей и др. Городской архитекторъ былъ и при старомъ Городовомъ Положеніи. Должность его упразднена почти передъ городской реформой, въ 1865 г. Оказалось, однако, что безъ архитектора городу обойтись нельзя. почему и думѣ было разрѣшено для постояннаго наблюденія за правильнымъ производствомъ построекъ въ городѣ имѣть при строительномъ отдѣленіи губернскаго правленія сверхштатнаго техника въ качествѣ городского архитектора. Съ введеніемъ новаго Городового Положенія дума пріобрѣла право имѣть уже своего собственнаго архитектора, состоящаго въ штатѣ городскихъ служащихъ, и въ 1872 г. пригласила на эту должность младшаго инженера строительнаго отдѣленія губернскаго правленія Г. Я. Стрижевскаго. На обязанность архитектора возложено составленіе плановъ и смѣтъ на проектируемыя городскія сооруженія и на ремонтъ, наблюденіе за производствомъ городскихъ работъ и отчетъ по всѣмъ производимымъ городскимъ постройкамъ, нарядъ арестантовъ на городскія работы, наблюденіе за ними и разсчетъ слѣдующаго имъ вознагражденія. Что касается частныхъ построекъ, то въ этой области на обязанности архитектора лежало разсмотрѣніе плановъ и фасадовъ, представляемыхъ въ управу на утвержденіе, и наблюденіе за соблюденіемъ при постройкахъ частныхъ лицъ правилъ строительнаго устава. Стрижевскій оставался въ должности архитектора очень не долго. Послѣ него архитекторы назначались управой. Дѣла по сей части обстояли въ то время не важно. Въ 1885 г. коммиссія, ревизовавшая денежный отчетъ управы, нашла, что „архитекторъ и инженеръ вполнѣ безотвѣтственны, потому что для нихъ нѣтъ инструкціи, наблюденія за ихъ дѣйствіями со стороны управы также не имѣется, а отсутствіе порядка въ этомъ отношеніи ведетъ къ тому, что ни одинъ расходъ города на сооруженія не поддается повѣркѣ; изъ представленныхъ коммиссіи счетовъ она не могла добиться, кто требовалъ матеріалъ, для какой надобности и куда онъ употребленъ“. Въ это время городскимъ архитекторомъ былъ г. Ниценко. Не всегда, впрочемъ, городское самоуправленіе жаловалось на архитектора. Бывало такъ, что жаловался и архитекторъ. Такъ въ 1893 г. архитекторъ И. И. Загоскинъ ушелъ съ городской службы, мотивируя свой отказъ отъ должности „нераціональностью принятаго городскою управою способа производства работъ, могущаго вести къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ“.

Для производства инженерныхъ работъ пореформенная дума пригласила временно инженеръ-архитектора Б. Г. Михайловскаго. Съ 1874 г. должность инженера стала постоянной. Не смотря на двукратно поднимавшійся въ думѣ (1880 и 1884 г.г.) гласнымъ Поморцевымъ вопросъ о ненужности постояннаго инженера, дума признавала эту должность необходимой для города. Занималъ ее неизмѣнно въ теченіе трехъ десятилѣтій все тотъ же г. Михайловскій. При архитекторѣ и инженерѣ, подъ ихъ надзоромъ, состоятъ десятники, опредѣленіе и увольненіе которыхъ зависитъ отъ управы.

[1]) Отчетъ о дѣятельности Харьковской городской управы и подвѣдомственныхъ ей учрежденій за 1904 г., стр. 2—118.

На первыхъ порахъ своей дѣятельности городская управа натолкнулась на фактъ расхищенія городскихъ земель. Положить этому предѣлъ не имѣлось возможности въ виду отсутствія городского плана. По представленію управы дума постановила пріискать землемѣра, которому и поручить составленіе проектнаго плана г. Харькова. Въ 1872 г. на должность землемѣра былъ принятъ г. Первухинъ. Въ 1877 г. нѣкоторыми гласными былъ поднятъ вопросъ о ненадобности для города постояннаго землемѣра, но дума съ этимъ не согласилась, и должность землемѣра и до нашего времени осталась въ числѣ постоянныхъ городскихъ должностей [1]).

Городскіе садовники, какъ мы уже упоминали, существовали и при дореформенной думѣ, но, повидимому, должность эта не была постоянной. По крайней мѣрѣ когда городское хозяйство взяла въ свои руки дума 1871 г., городской садъ (Карповскій) и городскія насажденія были въ самомъ жалкомъ видѣ. Былъ приглашенъ особый садовникъ. Въ 1884 г. дѣятельность городского садовника удостоилась поощренія думы, но въ 1888 г., при обсужденіи смѣты на содержаніе сада и скверовъ, уже указывалось, что заботливость городского управленія касательно разведенія скверовъ съ 1871 г. относится все къ однимъ и тѣмъ же площадямъ, а другія оставляются безъ вниманія [2]). Дѣятельность городского садовника особенно оживилась съ половины 90-хъ годовъ. Интенсивная работа по обсадкѣ свободныхъ городскихъ площадей продолжается и до нынѣшняго времени.

Городскіе повѣренные завелись еще при дореформенной думѣ. До 1 мая 1871 г. обязанность ходатая по городскимъ дѣламъ несъ нѣкій коллежскій регистраторъ Рымаренко. Новая дума рѣшила обходиться безъ его услугъ, полагая, что вести судебныя дѣла города могутъ и члены управы. Но безъ спеціальнаго ходатая городское самоуправленіе просуществовало не долго. Въ 1873 г. управа нашла необходимымъ пригласить постояннаго повѣреннаго по городскимъ дѣламъ. Въ 90-хъ годахъ одно время на службѣ города было три повѣренныхъ, потомъ два. Съ двумя повѣренными встрѣчаемся мы въ штатѣ городской управы и за послѣдній годъ разсматриваемаго нами періода. Кромѣ постоянныхъ повѣренныхъ, для веденія нѣкоторыхъ дѣлъ управа приглашала еще и отдѣльныхъ повѣренныхъ, а дума временами учреждала юридическія коммиссіи для разрѣшенія того или другого вопроса. Одно время (въ восьмидесятыхъ годахъ) юридическая коммиссія, состоявшая изъ гласныхъ и постороннихъ юристовъ, существовала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1893 г., когда у города было нѣсколько повѣренныхъ, юридической коммиссіей назывались совѣщанія этихъ повѣренныхъ, на которыя приглашались и посторонніе юристы.

На службѣ у города находится значительный медицинскій штатъ. Еще въ дореформенный періодъ завелись городовые врачи. Ко времени введенія Положенія 1870 г. ихъ было уже два—старшій и младшій. Назывались они городовыми, но отношеніе ихъ къ городу выражались только въ томъ, что жалованье свое они получали изъ суммъ городскихъ доходовъ. Это были врачи при полиціи, полицейскіе врачи, какъ ихъ называли въ просторѣчіи. Дума 1871 г. хотѣла было измѣнить такой порядокъ, сдѣлать такъ, чтобы опредѣленіе и увольненіе врачей зависѣло отъ думы, и чтобы въ своей дѣятельности они руководились инструкціями думы. Но изъ этого проекта ничего не вышло: два городовыхъ врача, лекарскій ученикъ и двѣ акушерки, содержимые на городскіе средства, по прежнему оставались внѣ всякаго касательства къ городскому общественному управленію. Въ 1884 г. къ этому медицинскому персоналу прибавился еще одинъ сверхштатный врачъ; въ 1886 г. городовыхъ врачей было уже четыре. Въ послѣдующее время между городовыми врачами и городскимъ самоуправленіемъ установилась все же нѣкоторая связь, выражающаяся въ томъ, что врачи представляютъ въ думу отчеты о своей дѣятельности: такіе отчеты представлялись напр. д-рами Беллинымъ, Жебуневымъ, Писняченскимъ, Сильванскимъ.

Какъ бы то ни было, медицинскихъ силъ, состоявшихъ въ непосредственномъ распоряженіи городского общественнаго управленія, у города все таки не было. А между тѣмъ необходимость въ такомъ врачебномъ персоналѣ диктовалась какъ санитарными условіями города, такъ и интересами бѣднѣйшей части городского населенія, которому городъ, кромѣ Александровской больницы, предназначенной для чернорабочихъ, не давалъ ровно никакихъ средствъ медицинской помощи. Правда, въ 1872 г. вольнопрактикующій врачъ Пудзиновичъ выразилъ было готовность безвозмездно исполнять порученія управы по

---

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 92—93.

[2]) Тамъ же, стр. 139 - 111.

санитарной части, но дума почему то его предложеніе отклонила. Только въ 1878 г., въ силу извѣстнаго намъ постановленія городской думы, на городскую службу былъ приглашенъ д-ръ Томашевскій въ качествѣ санитарнаго врача. На помощь ему былъ назначенъ особый полицейскій чиновникъ по санитарной части и штатъ служителей-санитаровъ. Въ 1886 г. была учреждена городская санитарная лабораторія, задачей которой была поставлена борьба съ фальсификаціей пищевыхъ продуктовъ. Въ 1905 г. санитарныхъ врачей было уже два. Но врачи санитары не лечили, а только, по мѣрѣ возможности, указывали причины болѣзней и устраняли тѣ изъ нихъ, какія можно было устранить. А городское населеніе по прежнему, кромѣ больницъ, медицинской помощи отъ города не получало. Только въ 1892 г. сперва тифъ, а потомъ холера заставили думу обратить вниманіе на эту сторону дѣла. Временно устроено было 6 медицинскихъ участковъ, а затѣмъ, когда острая нужда въ нихъ прошла, рѣшено удержать два постоянныхъ медицинскихъ участка для оказанія амбулаторной медицинской помощи населенію: одинъ на Заиковкѣ, другой—въ районѣ Лысой и Холодной горы [1]). Въ 1898 г. былъ открытъ третій участокъ—на Москалевкѣ, а въ 1899 г.—четвертый на Панасовкѣ [2]).

Еще при дореформенной думѣ учреждена была городская Александровская больница. Въ началѣ своего существованія это было учрежденіе небольшое. Съ теченіемъ времени Александровская больница постепенно расширялась, а вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и штатъ ея служащихъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ возникла городская дѣтская больница. Въ 1891 г. открыта городская амбулаторная дѣтская лечебница на Москалевкѣ. Въ 1894 г. при лечебницѣ открыто стаціонарное отдѣленіе на три кровати для дѣтей, нуждающихся въ хирургическомъ леченіи. Съ 1895 г. при лечебницѣ начался пріемъ и женщинъ, страдающихъ женскими болѣзнями. Въ 1900 г. открыта новая городская больница—Николаевская и, наконецъ, въ 1904 г. открыта больница на средства, пожертвованныя М. Х. Гельферихъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ имѣется обширный персоналъ служащихъ, содержимыхъ на городской счетъ. Надъ дѣятельностью этихъ больницъ намъ придется еще останавливаться, здѣсь же мы только упоминаемъ о нихъ, какъ учрежденіяхъ городскихъ.

Ветеринарно-санитарный надзоръ, какъ мы уже отмѣтили на своемъ мѣстѣ, возникъ въ Харьковѣ только въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ. На обязанности ветеринарно-санитарнаго надзора лежитъ принятіе мѣръ къ прекращенію заразныхъ болѣзней въ городѣ, производство осмотровъ извозчичьихъ лошадей, осмотръ сырыхъ животныхъ продуктовъ, осмотръ пригоняемыхъ на продажу лошадей и наблюденіе за молочными фермами. Къ числу городскихъ служащихъ долженъ быть причисленъ и многочисленный педагогическій персоналъ—учителя городскихъ школъ, число которыхъ растетъ съ развитіемъ дѣятельности городского общественнаго управленія въ области народнаго просвѣщенія. Въ послѣдніе годы, съ учрежденіемъ постоянной училищной коммиссіи, а особенно съ возникновеніемъ городского училищнаго совѣта, связь учебнаго персонала съ городскимъ управленіемъ стала гораздо болѣе тѣсной, чѣмъ была раньше.

Еще при дореформенной думѣ существовали, кромѣ извѣстной уже намъ оцѣночной коммиссіи, еще такъ назыв. присяжные цѣновщики, несшіе обязанности при городскомъ банкѣ, а также производившіе оцѣнку домовъ и строеній при представленіи ихъ въ залогъ по разсрочкѣ платежа акциза и по подрядамъ, при передачѣ сиротскихъ имуществъ въ опекунское управленіе и др. Присяжные цѣновщики, по закону, выбираются обязательно изъ купцовъ. До 1872 г. цѣновщики не получали никакого вознагражденія, а съ этого года имъ стали выдавать изъ прибылей городского банка вознагражденіе въ видѣ $^1/_4$% съ ссужаемой подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ суммы. Присяжныхъ цѣновщиковъ выбиралось думой сперва три, а потомъ два. Съ первыхъ же дней дѣятельности реформированнаго городского самоуправленія возникла и должность городского аукціониста для взиманія въ пользу города сбора съ аукціонныхъ продажъ. Аукціонистъ былъ выбранъ, но въ дѣйствительности его какъ бы и совсѣмъ не существовало. Только въ 1880 г. дума вспомнила, что у нея долженъ быть аукціонистъ, и выбрала на эту должность то самое лицо, которое до сихъ поръ въ теченіе почти 9 лѣтъ оказывалось въ безвѣстномъ отсутствіи. Въ 1884 г. были произведены новые выборы, а затѣмъ вопросъ объ аукціонистѣ не поднимался до самаго 1893 г., когда въ эту должность былъ избранъ Н. И. Иконописцевъ.

---

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 117—133.

[2]) Краткій очеркъ дѣятельности Харьк. гор. общ. управленія за 1902—1905 гг., стр. 96, 101, 102, 106.

По мѣрѣ развитія городского хозяйства, росъ и штатъ городскихъ служащихъ. Съ открытіемъ каждаго новаго учрежденія требовались и новые служащіе для ближайшаго веденія въ немъ хозяйства. Съ учрежденіемъ ночлежнаго дома явилась должность завѣдывающаго домомъ, а при немъ, конечно, низшій служительскій персоналъ. Съ переходомъ въ руки города имущества Пащенка-Тряпкина, кромѣ думской коммиссіи, завѣдывавшей переданными домами, была создана еще должность управляющаго домами съ цѣлымъ опять таки штатомъ служащихъ разныхъ наименованій. Съ устройствомъ городскихъ скотобоенъ (1897 г.) потребовался особый штатъ служащихъ и для этой отрасли городского хозяйства. Въ 1904 г., кромѣ завѣдующей бойнями думской коммиссіи, при бойняхъ состояли: завѣдующій ветеринарною частью, управляющій бойнями, 2 ветеринарныхъ врача, кассиръ, письмоводитель, 5 микроскопистокъ, два фельдшера, два писца и рабочіе. Къ бойнямъ въ 1903 г. былъ присоединенъ и скотопригонный дворъ, бывшій до того времени на Благовѣщенскомъ базарѣ. При скотопригонномъ дворѣ также видимъ смотрителя и служащихъ. При бойняхъ же находится и утилизаціонный заводъ, куда доставляются трупы палыхъ животныхъ, изъ которыхъ здѣсь вырабатывается жиръ и землеудобрительные туки. Здѣсь же производится убой лошадей на мясо для татаръ, здѣсь же устроенъ и дворъ для ловли бродячихъ собакъ. При заводѣ въ 1904 г. состояли: смотритель, ветеринарный врачъ, машинистъ, кочегаръ и 5 рабочихъ. Съ открытіемъ работъ по устройству электрическаго освѣщенія городу понадобился рядъ служащихъ для оборудованія электрической станціи и установки освѣщенія. Во главѣ работъ стоялъ электро-техникъ Савицкій. Въ концѣ разсматриваемаго нами періода для устройства и эксплоатаціи электрическаго освѣщенія существовало при техническомъ отдѣленіи управы особое бюро, въ составъ котораго входили: старшій техникъ, его помощникъ, начальникъ электрической станціи, бухгалтеръ и его помощникъ, чертежникъ, контролеръ, старшій монтеръ линіи, 2 завѣдующихъ электрическими счетчиками, завѣдующій уличнымъ освѣщеніемъ и пять надсмотрщиковъ городской пожарной сигнализаціи. Наконецъ, съ 1904 г. и водопроводное дѣло перешло въ руки города. Вѣдаетъ имъ особая контора городского водопровода съ цѣлымъ штатомъ служащихъ: по отчету управы за 1904 г., въ конторѣ служили: старшій инженеръ, инженеръ, бухгалтеръ, два счетовода, два конторщика, техникъ, кладовщикъ и 4 артельщика.

Для надзора за базарами пореформенная дума установила на первыхъ же порахъ своей дѣятельности должность базарнаго надзирателя. Въ 1882 г. число базарныхъ надзирателей пришлось уже довести до трехъ, а съ 1895 по 1894 г. ихъ было только два; одинъ назывался смотрителемъ, а другой—помощникомъ. Съ 1894 г. надзирателей стало уже пять, при чемъ старшій изъ нихъ завѣдывалъ Благовѣщенскимъ базаромъ [1]). По отчету городской управы за 1904 г., смотрителей на базарахъ было три, при чемъ у смотрителя Благовѣщенскаго базара имѣлся помощникъ [2]). Кромѣ базарныхъ, городскому управленію приходилось или приходится имѣть у себя на службѣ и другихъ агентовъ, именуемыхъ смотрителями или надзирателями. Въ семидесятыхъ годахъ на службѣ города были постоянные смотрители за городскими работами, главнымъ образомъ по устройству мостовыхъ Въ 1886—1887 г.г., а затѣмъ и въ девяностыхъ существовали надзиратели за трактирнымъ промысломъ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго установленія о налогѣ съ извознаго промысла (1886 г.), учреждена была въ 1886 г. должность контролера этого промысла. Прежде этотъ налогъ взимался съ экипажей, а послѣ 1886 г.—съ лошадей. Слѣдить за тѣмъ, чтобы лошади, пускаемыя въ извозъ, не ускользали отъ обложенія,—и лежитъ на обязанности контролера. Съ устройствомъ складовъ на привокзальной площади и проведеніемъ туда вѣтки желѣзной дороги учреждена должность смотрителя за этой статьей городского хозяйства. Существуютъ, кромѣ того, должности смотрителя свалочнаго пункта и окрестныхъ городскихъ угодій, смотрителя по очисткѣ города, объѣздчика городскихъ выгоновъ, смотрителя городского парка, надзирателей за воинскими помѣщеніями, смотрителя Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища, многочисленный штатъ дворниковъ и разныхъ низшихъ служащихъ при городскихъ учрежденіяхъ.

Число городскихъ служащихъ съ теченіемъ времени сильно увеличилось, и произошло это вполнѣ естественно, благодаря осложненію дѣятельности городской думы и росту городского хозяйства. Нѣтъ

---

[1]) Петровъ. Матеріалы, стр. 150—151.

[2]) Отчетъ городск. управы за 1904 г., стр. 21.

сомнѣнія, что въ будущемъ оно можетъ только продолжать расти. На ближайшей очереди у городского самоуправленія стоятъ вопросы трамвайный, канализаціонный и—будемъ надѣяться—санитарный. При общей тенденціи къ муниципализаціи городскихъ предпріятій, имѣющей въ Харьковѣ больше правъ на признаніе, чѣмъ гдѣ либо, ибо опытъ съ городскими контрагентами былъ достаточно назидательнымъ урокомъ, врядъ ли можно допустить, чтобы городъ отдалъ трамвай, канализацію, а тѣмъ больше санитарный надзоръ въ постороннія руки. А разъ эти задачи возьметъ на себя городъ, число городскихъ служащихъ, несомнѣнно, возрастетъ въ очень сильной степени.

Чѣмъ больше развивается и осложняется городское хозяйство, тѣмъ, очевидно, труднѣе становится справляться съ нимъ городской управѣ. Ясно, что, кромѣ управы, городу понадобятся другіе органы, вѣдающіе отдѣльныя отрасли городского хозяйства. Надобность въ нихъ уже и теперь сказывается въ сильной степени, а въ будущемъ она должна выразиться еще въ болѣе настоятельной формѣ. Судя по прошлому и настоящему, можно думать что такими органами станутъ думскія исполнительныя коммиссіи съ привлеченіемъ въ нихъ нужныхъ членовъ изъ горожанъ, не принадлежащихъ къ составу гласныхъ. Такой порядокъ уже и намѣтился въ послѣдніе годы, когда въ руки коммиссій перешли почти въ полное завѣдываніе разныя отрасли городского хозяйства. Иной исходъ былъ бы, конечно, и не возможенъ, ибо нельзя же отвѣтственное городское дѣло оставлять въ полномъ распоряженіи безотвѣтственныхъ городскихъ служащихъ. Можно поэтому думать, что не въ далекомъ будущемъ роль гласныхъ не ограничится однимъ участіемъ въ засѣданіяхъ думы, а станетъ гораздо болѣе трудной, требующей и больше времени, и большихъ знаній, и большей работоспособности. Новыя требованія, предъявляемыя городскою жизнью къ городскимъ гласнымъ, несомнѣнно, отразятся и на составѣ гласныхъ, и, вѣроятно, на матеріальныхъ условіяхъ службы городу тѣхъ изъ нихъ, чей трудъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ будетъ признанъ заслуживающимъ вознагражденія. Это, конечно, будетъ зависѣть отъ самихъ же гласныхъ и ихъ избирателей.

Но совершенно не зависятъ отъ городского самоуправленія тѣ дефекты въ дѣйствующемъ Городовомъ Положеніи, которые уже успѣли достаточно явно сказаться въ періодъ дѣятельности пореформенной думы. Дефекты эти общеизвѣстны: отсутствіе связи между гласными и ихъ избирателями, домовладѣльческо-купеческій характеръ городского представительства, не въ достаточной степени обезпечивающій интересы всѣхъ слоевъ городского населенія, и излишняя, а подчасъ и совсѣмъ вредная опека надъ городскимъ самоуправленіемъ губернской и петербургской администраціи.

Глава 7-я.

Городское хозяйство.

Исторія харьковскаго городского хозяйства въ XIX в., какъ и исторія мѣстнаго городского самоуправленія, дѣлится на два періода: первый—періодъ дореформенныхъ порядковъ, когда это хозяйство отличалось слабымъ развитіемъ и находилось, можно сказать, скорѣе въ рукахъ администраціи, чѣмъ городской думы, и второй—періодъ осложненія и развитія городского хозяйства и перехода его въ руки города послѣ введенія Городового Положенія 1870 г.

Но и первый періодъ для Харькова не представляетъ единаго цѣлаго. Закономъ 1835 г., установившимъ точныя правила о доходахъ и расходахъ г. Харькова, онъ дѣлится на двѣ части: время, когда городское хозяйство велось почти такъ же, какъ и въ XVIII в., и время, когда оно стало точно регулированнымъ, съ бюджетомъ, пріумноженнымъ новыми источниками доходовъ.

Въ первыя 35 лѣтъ XIX в. доходы города были не велики. Извлекались они отъ эксплоатаціи принадлежавшихъ городу имуществъ, кое что давали налоги на промышленниковъ и торговцевъ, а главный фондъ, какъ и въ XVIII ст., давала откупная винная сумма. Разсмотримъ же, въ чемъ состояли эти доходы, начавъ съ эксплоатаціи городскихъ земель.

Одною изъ крупнѣйшихъ статей городского бюджета былъ здѣсь доходъ съ городскихъ мѣстъ, отдававшихся пріѣзжавшимъ на ярмарки торговцамъ, устраивавшимъ на отведенныхъ имъ думою участкахъ балаганы и платившимъ сборъ въ пользу города соразмѣрно положенію и количеству земли, отведенной подъ балаганъ. До 1810 г. сборъ этотъ взимался только съ пріѣзжаго купечества, а между тѣмъ городскою землею пользовались и харьковскіе купцы, на время ярмарокъ отдававшіе свои лавки въ наемъ, а сами „ташевавшіеся“ на площадяхъ и улицахъ. Въ 1810 г. губернаторъ Бахтинъ обратилъ на это обстоятельство вниманіе думы, почему и рѣшено было облагать въ пользу города сборомъ не только иногородныхъ, но и мѣстныхъ купцовъ, разъ они пользуются городской землею [1]). Вообще въ первые годы XIX ст., не смотря на то, что сборъ съ ярмарковыхъ былъ однимъ изъ важныхъ источниковъ городскихъ доходовъ, за взысканіемъ этого сбора слѣдили не очень строго, особенно если взыскивать приходилось съ самихъ харьковцевъ. Во время ярмарокъ на Захарьковской площади велась обширная торговля скотомъ, для которой „здѣшніе разнаго званія люди, не имѣя никакого права, а сами собою заняли мѣста и на нихъ выстроили деревянныя лавочки и шалаши и за таковыя занимаемыя ими мѣста никакого платежа не взносили“. По указанію губернатора дума рѣшила (1815 г.) обложить всѣхъ владѣльцевъ такихъ лавокъ и шалашей налогомъ, имѣвшимъ въ общей сложности дать городу 250 р. въ годъ. У неплательщиковъ этого сбора шалаши и лавки велѣно сломать [2]).

Право думы на обложеніе занимавшихъ городскія мѣста ярмарковыхъ никѣмъ не оспаривалось и протестовъ не возбуждало. Размѣръ обложенія вполнѣ зависѣлъ отъ думы. На этой почвѣ, повидимому, были возможны злоупотребленія. Въ 1827 г. губернское правленіе признало сборъ съ ярмарковыхъ неумѣреннымъ, а исправлявшій губернаторскую должность вице-губернаторъ Паскевичъ сдѣлалъ предложеніе о преданіи лицъ, виновныхъ въ чрезмѣрномъ обложеніи, суду. Это поставило думу „въ совершенную неразрѣшимость“, такъ какъ, по ея отзыву, сборъ съ ярмарковыхъ составлялъ „единственную отрасль городскихъ доходовъ“. Дума постановила передать вопросъ „на начальническое разсмотрѣніе“ гражданскаго губернатора и просить, если благоугодно будетъ разрѣшить оный сборъ, то какимъ образомъ продолжать

[1]) Арх. Гор. Думы. Протоколы 1810 г. іюля 25.
[2]) Тамъ-же. Журналъ 1815 г. августа.

взысканіе сего акциза. Далъ-ли губернаторъ просимое у него указаніе,—не знаемъ. Врядъ-ли, однакоже, можно сказать, что въ данномъ случаѣ вмѣшательство губернскаго начальства въ обложеніе ярмарковыхъ было для города выгодно. Въ ноябрѣ 1827 г. съ каждаго лицевого сажня дума брала съ ярмарковыхъ, смотря по роду торговли, отъ 4 до 70 р. ассигн., или, что тоже, отъ 1 р. до 15 руб. ассигн. съ каждаго квадратнаго сажня [1]).

При обложеніи ярмарковыхъ дума, сама состоявшая изъ мѣстнаго купечества, естественно стремилась поставить харьковскихъ купцовъ въ болѣе льготныя условія по сравненію съ иногородными. Въ Крещенскую 1828 г. пріѣжіе купцы занесли жалобу губернатору на неуравнительность сбора съ нихъ за мѣста по сравненію съ харьковскими купцами. Губернаторъ передалъ дѣло въ комитетъ объ уравненіи городскихъ повинностей, а послѣдній потребовалъ объясненія отъ думы. Ярмарковые жаловались, что съ нихъ дума беретъ по 70 р. за сажень, а съ харьковцевъ—только по 20 р. Дума доказывала, что налогъ на иногородныхъ не обременителенъ, что протестовъ до сихъ поръ не было, что занимаютъ они подъ свои балаганы мѣста больше, чѣмъ харьковцы, а потому и платить имъ приходится дороже. Повидимому, дѣло это дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣло. [2]).

Какъ велики были доходы города отъ отдачи мѣстъ подъ выстройку ярмарочныхъ шалашей, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1808 г. доходъ съ ярмарокъ былъ 3735 р. 50 к. (съ Крещенской 2020 р., Троицкой 231 р., Успенской 810 р., 50 к. и Покровской 674 р.); въ 1809 г. городъ получилъ съ ярмарковыхъ 2957 р. 35 к. Въ 1814 г. съ одной Троицкой, т. е. наименѣе доходной ярмарки, за городскія мѣста было выручено 202 руб. 50 коп. Въ 1818 г. сборъ съ ярмарочныхъ мѣстъ далъ городу 15935 р., а въ 1829 г.—14503 р. 30 к. Въ 1832 г. городъ получилъ съ ярмарковыхъ 18075 р. 25 к. Въ 1833 г. тогдашній временный харьковскій военный губернаторъ находилъ этотъ сборъ, судя по торговлѣ, небольшимъ и предлагалъ увеличить обложеніе ярмарковыхъ [3]).

Доходъ съ городскихъ земель давали не одни ярмарковые. Харьковскіе торговцы также нанимали себѣ у города мѣста подъ постройку постоянныхъ лавокъ или промышленныхъ заведеній. Въ 1828 г. купцы Акимовъ и Савченко выстроили на городской площади противъ каменныхъ лавокъ подъ горкой такъ назыв. толкучій рынокъ. Согласно контракту, предприниматели пріобрѣтали право владѣть и извлекать доходы съ выстроеннаго ими зданія въ теченіе 9 лѣтъ, послѣ чего зданіе или поступало въ собственность города по расцѣнкѣ, или подлежало сломкѣ. За это Акимовъ и Савченко обязаны были платить городу ежегодно по 1000 руб. [4]). Рядомъ съ толкучимъ рынкомъ тѣми-же Акимовымъ и Савченко была выстроена и „шопа“, иначе обжорный рядъ, для продажи всякаго рода съѣстныхъ продуктовъ. За шопу городъ получалъ ежегодно отъ предпринимателей 1500 руб. Бывали случаи, когда городская земля и совсѣмъ отчуждалась въ частную собственность подъ постройку лавокъ. Такъ въ 1818 г. городъ отвелъ кузнецамъ землю для постройки на ней кузницъ и другихъ строеній и это выручилъ 680 р.; въ 1829 г. за проданныя и отданныя подъ постройку лавокъ мѣста городъ получилъ 290 р.

Право распоряженія городскою землею, разрѣшенія на ней торговыхъ или иныхъ помѣщеній и обложенія ихъ сборомъ въ пользу города по закону принадлежало думѣ. Мы видили, что въ XVIII столѣтіи право это часто присваивалось администраціей, раздававшей городскія мѣста по собственному усмотрѣнію не только для временныхъ помѣщеній, но и для выстройки постоянныхъ жилищъ. Въ первые годы XIX вѣка администрація еще упорно отстаивала свои притязанія на право распредѣленія ярмарковымъ городскихъ мѣстъ, и харьковской думѣ приходилось упорно бороться изъ за этого съ городничими. Побѣда осталась на сторонѣ думѣ, но отголоски былого всемогущества администраціи слышались еще долго. Въ 1822 г. дума обнаружила существованіе на берегу Лопани, ниже Лопанскаго моста, 31 лавочку, принадлежавшихъ разнаго званія людямъ. Оказалось, что дума мѣстъ имъ не отводила. Затребовали справки о происхожденіи лавочекъ отъ полиціи, и оказалось, что позволеніе на постройку дано было по распоряженію губернатора. Дума не протестовала, а только поспѣшила обложить

[1]) Арх. Гор. Думы. Журналы 1827 г. ноября 20.
[2]) Тамъ-же. Журн. 1828 г. іюля 30.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1833 г. ноября 16.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1837 г. іюля 15.

выстроенныя лавочки сборомъ въ пользу города [1]). Бывали случаи, когда и безъ всякихъ разрѣшеній обыватели присваивали себѣ городскую землю самовольно. Такъ въ 1815 г. безъ вѣдома и позволенія думы мѣстный откупщикъ разломалъ „шалашъ“ на площади противъ соборнаго дома и началъ строить здѣсь сооруженіе для распивочной продажи [2]). Купецъ Ѳедотъ Карповъ, пріобрѣвшій отъ казны домъ бывшей банковой конторы, прихватилъ къ этому участку все пространство земли, занимавшееся когда то деревянными присутственными мѣстами и пороховымъ погребомъ, и тѣмъ „лишилъ городъ выгодъ, коими бы онъ могъ пользоваться, застраивая ту землю доходными зданіями“. На требованія представить крѣпостные документы на захваченную имъ землю Карповъ отвѣчалъ одними обѣщаніями [3]). Въ 1825 г. горожане жаловались на губернскую секретаршу Павлову за присвоеніе ею городской земли ниже присутственныхъ мѣсть и доходовъ съ нея [4]). Споръ города съ Павловой за землю пришлось въ концѣ концовъ разрѣшать судебнымъ порядкомъ.

Кромѣ обложенія владѣльцевъ временныхъ и постоянныхъ лавокъ, расположенныхъ на городской землѣ, другихъ способовъ эксплоатаціи принадлежавшей городу земли мы не видимъ. Правда, и земли этой, можно сказать, почти не было. Выгона у города не имѣлось, а внутри города до пріобрѣтенія такъ называемой Дунинской левады, не было другихъ подлежащихъ эксплоатаціи, земель, кромѣ левады по лѣвой сторонѣ р. Лопани, возлѣ Конторской улицы, пріобрѣтенной городомъ въ 1814 г. отъ приказа общественнаго призрѣнія, когда учрежденія этого приказа перешли на Сабурову дачу. Левада была сѣнокосная, росло, впрочемъ, на ней и кое какое дерево, но дохода городу она совсѣмъ не приносила. Въ 1818 г. дума надумала было продать эту левады, какъ безполезную, но въ 1831 г. мы видимъ, что дума снова обсуждаетъ вопросъ объ отсутствіи доходовъ съ левады и собирается продавать ее [5]).

Недостатокъ земли не только не позволялъ городу раздаваться въ ширь, но и мѣшалъ развитію торговли внутри его. У города не было земли даже для отвода подъ многолюдные базары. Для такъ наз. толкучаго рынка по недостатку земли пришлось отвести площадь подъ горкой у Лопанскаго моста. По плану 1822 года площадь эта должна была оставаться незастроенной, а въ дѣйствительности тутъ помѣщались два огромныхъ деревянныхъ зданія — шопа и толкучій рынокъ. Тѣснота здѣсь была страшная, грязь невылазная, смрадъ и нечистота. Правда, у города былъ еще нѣкоторый резервъ въ землѣ Михайловской площади, но и эта площадь въ началѣ тридцатыхъ годовъ по Высочайшему повелѣнію обращена была въ плацъ-парадное мѣсто, и городъ лишился возможности утилизировать ее. Взамѣнъ Михайловской площади городу было разрѣшено пріискать и купить другое удобное мѣсто. Такимъ удобнымъ мѣстомъ оказалась такъ наз. Дунинская (часть Клочковской дачи) левада по правому берегу р. Лопани, вблизи Благовѣщенской церкви. Левада представляла собою площадь въ 30 десятинъ 2222 квадр. саж. Владѣлица левады, титулярная совѣтница Рейнике соглашалась продать эту землю городу за 30 т. руб. съ тѣмъ, чтобы 15 т. р. были отданы ей при совершеніи купчей крѣпости, 8 т.—черезъ годъ, а остальные 7 т.—еще черезъ годъ. Всѣ крѣпостные расходы Рейнике брала на себя. 15-го іюня 1833 г. харьковское купечество, собравшись въ думѣ, постановило согласиться на эти условія въ надеждѣ, что пріобрѣтаемая земля дастъ впослѣдствіи городу значительную пользу [6]).

Недостатокъ земли сильно стѣснялъ городъ и вызывалъ постоянныя просьбы о нарѣзкѣ Харькову, подобно другимъ городамъ, выгонной земли, такъ какъ вся окружающая городъ земля принадлежала либо харьковскому крестьянскому обществу, либо частнымъ владѣльцамъ. Просьбы эти были услышаны только въ 1848 г., когда дѣло о надѣленіи Харькова выгонной землей было наконецъ разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ. Изъ казенныхъ земель, принадлежавшихъ крестьянскому обществу, положено было отвести Харькову 2252 дес. 28 іюля 1848 года это мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія. Фактически во владѣніе отведенной ему землею городъ вступилъ только въ 1850 г. [7]).

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1822 г. октября 20.
[2]) Тамъ-же. Журналъ 1815 г. мая 20.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1818 г. мая 4.
[4]) Тамъ-же. Журналъ 1825 г. книга 6.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1818 г. марта 28 и 1831 г. августа 13.
[6]) Тамъ-же. Журн. 1833 г. Іюня 14 и 15.
[7]) Тамъ-же. Журн. 1850 г. мая 10 и сентября 26.

Гораздо меньше получалось дохода отъ городскихъ лавокъ. Городу принадлежала половина лавки въ Гостиномъ ряду и нѣсколько лавокъ на Нетечинскомъ базарѣ и подъ горкой, отъ найма которыхъ мѣстному и иногородному купечеству получался доходъ въ городскую кассу. Наиболѣе крупный доходъ давала въ первые годы XIX в. такъ называемая каменная галлерея,—рядъ лавокъ подъ горкой противъ Лопанскаго моста. Но въ 1805 году эти лавки были разрушены, а постройка новыхъ производилась крайне медленно. Въ 1818 году дума возбудила передъ губернаторомъ ходатайство о займѣ изъ приказа общественнаго призрѣнія 20 тысячъ рублей для окончанія лавокъ, и этотъ заемъ былъ разрѣшенъ подъ условіемъ залога этихъ же лавокъ въ обезпеченіе уплаты долга [1]). Были у города лавки и на Нетечинскомъ базарѣ. Въ 1828 году городу принадлежало здѣсь 42 деревянныхъ лавки. Доходъ съ нихъ составлялъ немаловажную статью въ городскомъ бюджетѣ. Въ 1821 году отъ отдачи въ наемъ Нетечинскихъ лавокъ городъ выручалъ 4200 р. Доходность этихъ лавокъ значительно упала, когда базаръ былъ переведенъ отъ Нетечи. Въ 1823 году городъ съ нихъ выручилъ только 1460 руб., въ 1825 году—уже только 500 р., а въ 1827 г. здѣсь занято было только 9 лавокъ, приносившихъ 330 р. дохода; въ 1830 г. 25 занятыхъ лавокъ давали 1400 р. На уменьшеніе доходности городскихъ лавокъ вліяло и то обстоятельство, что въ 20-хъ годахъ много лавокъ было выстроено частными лицами. Даже каменныя лавки подъ горкой, приносившія въ 1822—1825 гг. по 4050 р. дохода, въ 1826 г., несмотря на всѣ хлопоты думы, дали только 1620 р. [2]).

Съ устройствомъ частныхъ лавокъ многіе торговцы оставили городскія лавки и перемѣстились въ частныя. Въ 1822 г. дума жаловалась, что обыватель Ковдя и другіе, имѣющіе дома возлѣ Нетечинскаго базара, около своихъ домовъ въ заборахъ подѣлали шалаши и отдаютъ ихъ въ наемъ къ ощутительному убытку городскимъ доходамъ [3]). Когда Акимовъ и Савченко выстроили свой толкучій рынокъ, къ нимъ перебрались нѣкоторые изъ торговцевъ, помѣщавшихся ранѣе въ городскихъ лавкахъ [4]). Иногда такое переселеніе совершалось добровольно, а иногда и по принужденію полиціи. Такъ въ 1830 г. губернская секретарша Павлова выстроила лавки ниже присутственныхъ мѣстъ, и вотъ, по особому ли расположенію къ Павловой, или по другимъ причинамъ, полиція стала перегонять торговцевъ рыбой и солью изъ городскихъ лавокъ въ лавки Павловой. Городу грозила опасность потерять и тѣ 1100 р., которые онъ получалъ съ рыбниковъ, да и сами рыбники не были довольны перегономъ на новыя мѣста, тѣмъ болѣе что городскія лавки имъ обходились дешевле Павловскихъ [5]). Ѳ. Карповъ, бывшій городскимъ головою въ 1808—1810 гг., „уничтожа городскія, отъ думы содержавшіяся, лавочки, кои занимались холщевыми и бумажными рядами, перевелъ ряды сіи въ собственныя свои, устроенныя внутри своего двора лавки", чѣмъ причинилъ, какъ жаловалось купечество въ 1825 г., крупный подрывъ не только городскимъ, но и частнымъ лавкамъ [6]).

О доходахъ съ городскихъ лавокъ даютъ понятіе слѣдующія цифры изъ первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. Въ 1809 г. доходъ со всѣхъ городскихъ лавокъ далъ 640 р. 15¼ коп., въ 1818 г. эта цифра увеличивается уже до 4570 р., а въ 1829 г.—до 6027 р. 50 коп. Строились городскія лавки или думою, или же частными лицами. Такъ въ 1830 г. нѣкій Дегтяренко предложилъ думѣ выстроить вмѣсто обветшавшихъ лавокъ противъ Лопанскаго моста новыя, съ тѣмъ, чтобы онѣ были отданы ему въ пользованіе на десять лѣтъ съ платежомъ по 350 р. отъ каждой лавки. На новомъ базарѣ, устроенномъ на землѣ, купленной у Рейнике, лавки строились Кузиной и т. п.

Кромѣ лавокъ, городу принадлежало нѣсколько домовъ, пріобрѣтенныхъ еще въ XVIII в. Въ 1818 году городомъ совмѣстно съ мѣщанскимъ обществомъ пріобрѣтенъ домъ рядомъ съ университетомъ, на углу Университетской улицы и Торговой площади. Часть его принадлежала купеческому обществу, часть мѣщанскому, а часть—частному владѣльцу [7]). Пользы, впрочемъ, городскіе дома городу почти не прино-

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1818 г. ноября 18 и 25, декабря 13.
[2]) Тамъ же. Журн. 1826 г. марта 3 и 1828 г. марта 10.
[3]) Тамъ же. Журн. 1822 г., февраля 14.
[4]) Тамъ же. Журналы 1830 г. марта 30 и 1831 г. апрѣля 30.
[5]) Тамъ же. Журналы 1830 г., января 27.
[6]) Тамъ же. Журналы 1825 г. декабря 31.
[7]) Арх. Губ. Правл. Дѣло о постройкѣ службъ въ домѣ, принадл. купеч. и мѣщанск. обществамъ 1851—1856 г.г.

сили, такъ какъ большею частью были заняты военными постояльцами, ничего за квартиру не платившими. Въ первые годы XIX вѣка на такихъ же условіяхъ живали въ городскихъ домахъ и не военные квартиранты, изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Въ 1804 г. явилась наконецъ возможность получать кое-что и съ городскихъ домовъ. Въ этомъ году общимъ закономъ гражданскимъ чиновникамъ было запрещено пользоваться даровыми квартирами въ городскихъ домахъ, а затѣмъ указомъ губернскаго правленія было велѣно отдавать эти дома подъ квартиры частнымъ лицамъ съ публичныхъ торговъ [1]). Пользы отъ этого для города вышло все таки не много. Изъ принадлежавшихъ городу домовъ дома, купленные у Титова и Чайковскаго, оказались такъ ветхи, что получаемаго съ нихъ дохода не хватало на ремонтъ [2]). Дума рѣшила продать эти дома съ публичныхъ торговъ. Вмѣсто нихъ въ 1809 г. дума собралась было купить у харьковскаго дворянства принадлежавшій ему домъ на Николаевской площади. Дворяне за свой домъ требовали 20 т. р., цѣна показалась думѣ слишкомъ высокой, и покупка не состоялась [3]). Не богатой на деньги думѣ пришлось поэтому ограничиться только перестройкой дома, когда то купленнаго у Солнцева. Домъ, находившійся въ 3-й части Харькова, въ 1835 г. настолько обветшалъ, что, по вычисленію строительной коммиссіи, сумма, потребная на его ремонтъ, превышала его стоимость. Домъ рѣшено было продать. Изъ всѣхъ городскихъ домовъ нѣкоторую пользу приносилъ только одинъ, обыкновенно занимавшійся губернаторомъ или вице-губернаторомъ. Губернаторъ Муратовъ, занимавшій квартиру въ городскомъ домѣ, платилъ 1700 р. ассигн., платилъ, впрочемъ, не аккуратно, такъ это уже въ то время, когда онъ былъ въ отставкѣ, съ него приходилось дѣлать вычеты за долгъ городу по квартирѣ. Не большой аккуратностью отличался и вице-губернаторъ Донецъ-Захаржевскій, тоже задолжавшій городу за квартиру [4]). Домъ на Дворянской улицѣ въ 1828 г. нанималъ губернаторъ Грибовскій за 500 р., а въ 1829—1834 г.— Каховскій за ту же цѣну. Съ 1834 г. здѣсь поселился кн. Трубецкой, платившій 1200 р. въ годъ [5]). Слѣдуетъ, однако, добавить, что губернаторы, даже и въ томъ случаѣ, если они аккуратно платили, были для города квартирантами не выгодными, такъ какъ требовали постояннаго ремонта и частыхъ передѣлокъ сообразно вкусамъ и потребностямъ каждаго новаго начальника. Такъ, когда губернаторомъ сталъ многосемейный Трубецкой, городской домъ, занятый имъ, потребовалъ ремонта на 10697 р. [6]).

Ко времени введенія въ дѣйствіе Положенія 1835 г. у города было 5 домовъ: одинъ въ 1-й части на Рымарской улицѣ (нынѣ первая женская гимназія), другой на Сумской улицѣ близъ Мироносицкой церкви (нынѣ первое городское училище), третій—во второй части (дѣтская больница), четвертый—въ той же части близъ Михайловской церкви (первая полицейская часть), а пятый на Конторской улицѣ. Изъ нихъ первый и третій отдавались въ наемъ, второй и пятый занимались военными постояльцами, а въ четвертомъ помѣщалась городская больница. Дома, занимаемые военными постояльцами, также требовали крупныхъ суммъ на ремонтъ и разныя приспособленія для надобностей квартирантовъ [7]).

Замѣтную роль въ городскомъ бюджетѣ игралъ доходъ съ городскихъ вѣсовъ. Сборъ за взвѣшиваніе товаровъ на городскихъ вѣсахъ, какъ мы знаемъ, установленъ былъ еще въ XVIII столѣтіи. Собирался онъ или самою думою подъ надзоромъ кого либо изъ гласныхъ, или отдавался на откупъ. Послѣдній способъ эксплоатаціи вѣсовъ былъ, повидимому, выгоднѣе перваго, но за то вызывалъ больше жалобъ со стороны лицъ, пользовавшихся вѣсами. Такъ въ 1818 г. вѣсы состояли на откупѣ у мѣщанина Каменева, отъ котораго городъ получалъ ежегодно 1175 р. Это было для города выгодно, но за то горожане и пріѣзжіе жаловались, что Каменевъ беретъ съ нихъ двойную плату за взвѣшиванье. Жалобы оказались настолько настойчивыми, что дума принуждена была отказать Каменеву въ дальнѣйшемъ откупѣ [8]). Такса за взвѣшиванье долго оставалась таже, что и въ XVIII ст., по 1 коп. съ пуда. Только

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. пригов. 1804 г.
[2]) Тамъ же. Подл. пригов. 1804 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1809 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1819 и 1832 г.г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1812 г.
[6]) Тамъ же. Журналы Думы 1835 г. августа 8.
[7]) Тамъ же. Журн. 1836 г. янв. 4.
[8]) Тамъ же. Журн. 1818 апрѣля 8.

въ тридцатыхъ годахъ она увеличилась до 2 коп. [1]). Въ 1809 г. отъ эксплоатаціи вѣсовъ городъ выручилъ 393 р. 10 к., въ 1818 г.—1914 р. 5½ коп., въ 1827 г.—1250 р. а въ 1829 г.—1112 р. 50 к.

Таковы были доходы города отъ эксплоатаціи собственно ему принадлежавшаго имущества. Въ 1825 г. мы видимъ попытку прибавить къ этимъ доходнымъ статьямъ городского хозяйства еще одну. Дума, заботясь о пріумноженіи градскихъ доходовъ, предположила устроить въ городѣ такъ назыв. мытный дворъ для склада на немъ за плату привозимыхъ иногородными людьми для продажи воловьихъ кожъ, сала всякаго рода, масла постнаго, шерсти, меду и т. п. товаровъ. Для устройства такого двора было выбрано мѣсто на Захарьковской площади по дорогѣ отъ Московской улицы къ Михайловской церкви [2]). Повидимому, это предположеніе такъ и не осуществилось. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ думы мы не находимъ никакихъ указаній на существованіе мытнаго двора, а въ приходо-расходныхъ книгахъ—никакого намека на то, чтобы отъ мытнаго двора городъ получалъ что нибудь.

Обложенія принадлежавшихъ горожанамъ недвижимыхъ имуществъ, составляющаго теперь одну изъ крупныхъ статей городского бюджета, мы въ Харьковѣ не видимъ до тридцатыхъ годовъ, когда оно было впервые установлено „Положеніемъ о доходахъ и расходахъ г. Харькова“. Правда, въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. не разъ поднимался вопросъ о такомъ обложеніи, при чемъ въ виду имѣлись исключительно лавки и торговыя помѣщенія, принадлежавшія частнымъ лицамъ. Такъ въ 1815 г. и. д. губернатора вице-губернаторъ Муратовъ наводилъ справки, имѣетъ ли дума какой-нибудь доходъ отъ „вотчинниковъ“, владѣвшихъ лавками въ Гостиномъ дворѣ и другихъ мѣстахъ и получавшихъ отъ нихъ весьма значительные доходы. Въ августѣ того же года Муратовъ, тогда уже губернаторъ, предписалъ думѣ обратить вниманіе на необходимость усиленія доходовъ, при чемъ въ видѣ объекта обложенія указывалъ на „имѣющіяся при домахъ и подъ оными каменныя и деревянныя лавки“, съ которыхъ городъ могъ бы получать доходъ [3]). Повидимому, дума согласилась съ губернаторскимъ предложеніемъ. Въ 1818 г. она при посредствѣ полиціи разыскивала хозяевъ частныхъ лавокъ, подлежавшихъ обложенію городскими сборами [4]). Однако, какъ видно изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи книгъ городскихъ доходовъ и расходовъ, вопросъ дальше предположеній и пожеланій такъ и не пошелъ: сборъ съ частныхъ лавокъ въ числѣ доходныхъ статей городского бюджета не значится. Кое что, и то уже въ 1831 г., удалось городу сорвать только съ Сергѣя Карпова. Карпову послѣ отца достался цѣлый кварталъ противъ Гостиннаго ряда. Здѣсь, во дворѣ своего дома еще Федотъ Карповъ, а потомъ и Сергѣй устроили вопреки закону цѣлый рядъ нелицевыхъ, выходившихъ во дворъ, лавокъ. Такихъ лавокъ у Карпова было болѣе 100. Онѣ охотно нанимались во время ярмарокъ пріѣзжавшими въ Харьковъ купцами, а городскія и частныя лавки въ торговыхъ рядахъ и при частныхъ домахъ стояли пустыми. Находя, что нелицевыя лавки Карпова дѣлаютъ подрывъ городскимъ и частнымъ лавкамъ, купеческое общество постановило приговоръ о запрещеніи Карпову отдавать въ наемъ его лавки. Тогда Карповъ внесъ въ думу заявленіе, что онъ за право отдачи своихъ лавокъ въ наемъ согласенъ платить ежегодно въ пользу города по 2 т. руб. Вновь собрано было купеческое общество, которое на сей разъ рѣшило согласиться на предложеніе Карпова [5]). Платилъ Карповъ, впрочемъ, не долго—всего два года, потомъ пересталъ. Городъ требовалъ дальнѣйшей уплаты, но получилъ отказъ. Губернское правленіе, разбиравшее это дѣло, нашло, что требовать отъ Карпова платы за принадлежащія ему лавки городъ никакого права не имѣетъ [6]).

Давалъ кое что въ городскую кассу и налогъ съ иногородныхъ купцовъ и промышленниковъ. Какъ извѣстно, по Городовому Положенію 1785 г., лицамъ, не записавшимся въ мѣщанство даннаго города, запрещалось пользоваться городскими выгодами. Позволеніе такимъ лицамъ производить мѣщанскій торгъ и промыселъ обусловливалось ихъ подчиненіемъ городовымъ личнымъ и вещественнымъ тяготамъ, службамъ и повинностямъ. Это давало право городу облагать иногородныхъ купцовъ и промышленниковъ налогомъ въ пользу города. Опредѣленіе размѣра налога вполнѣ зависѣло отъ думы. Чѣмъ шире были

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1837 г. августа 17.
[2]) Арх. Губ. Правл. 1823 г. № 291.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1815 г. января 11 и августа 7.
[4]) Тамъ же. Журн. 1818 г. марта 13.
[5]) Тамъ же. Журн. 1831 г. іюня 1.
[6]) Тамъ же. Журн. 1834 г.

торговыя или промышленныя дѣла даннаго иногородца, тѣмъ большимъ облагался онъ сборомъ. Въ 1822 г. съ одесскаго 1-й гильдіи купца Д. Шатунова акцизъ въ пользу города былъ опредѣленъ въ 1000 руб. [1]). Иногородныхъ крупныхъ купцовъ было, впрочемъ, въ Харьковѣ въ это время не много, но за то было много мелкихъ промышленниковъ: содержателей харчевенъ, столовыхъ, постоялыхъ дворовъ, булочныхъ, конфектныхъ заведеній, мелкихъ торговцевъ и пр. Большею частью это были экономическіе и господскіе крестьяне, отпущенные на оброкъ, или иногородные мѣщане и третьегильдейскіе купцы. Взиманіе съ нихъ городского „акциза“ сопровождалось обыкновенно непріятностями, такъ какъ отъ платежа иногородцы старались всячески уклониться. Иные по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ уклонялись отъ „акциза“, ссылаясь на то, что они собираются приписаться въ харьковское купечество, а когда дума наконецъ приступала къ нимъ съ требованіемъ „акциза“, жаловались губернатору или губернскому правленію и иногда получали если не помилованіе, то отсрочку. Если полиціймейстеръ благосклонно относился къ думскимъ просьбамъ о взысканіи акциза, онъ сажалъ неаккуратныхъ плательщиковъ въ пожарню и тѣмъ фактически лишалъ ихъ возможности продолжать дѣло [2]). Жалобы думы на безплатное производство иногородными торговли и промысловъ и постановленія о запрещеніи неплательщикамъ дальнѣйшаго производства торговли и промысловъ мы встрѣчаемъ очень часто. Среди иногородцевъ были такіе, которые имѣли въ Харьковѣ даже собственные дома и лавки, отдававшіяся въ наемъ и приносившія ихъ владѣльцамъ крупный доходъ, а между тѣмъ владѣльцы ничего въ пользу города не платили подъ тѣмъ предлогомъ, что лавки и дома принадлежатъ ихъ женамъ, дочерямъ мѣстныхъ гражданъ. Такъ московскій купецъ Горяиновъ въ своемъ дворѣ противъ собора имѣлъ большое количество каменныхъ и деревянныхъ лавокъ, которыя и отдавались въ наемъ. У орловскаго посадскаго Ёйцева были лавки и погреба въ Стекляномъ и Желѣзномъ рядахъ. А между тѣмъ ни тотъ, ни другой ничего въ пользу города не платили [3]). Несмотря на то, что иногородцевъ въ Харьковѣ было много, доходу отъ нихъ городъ получалъ мало. Такъ въ 1809 г. съ иногородныхъ содержателей харчевень городъ получилъ 500 руб., въ 1823 г. съ иногородныхъ торговцевъ и промышленниковъ получено 3595 р. 75 к., въ 1824 г.—1356 р., въ 1825—615 р., въ 1826 г.—865 р., въ 1829 г.—2329 р. 25 к.) [4]).

Въ пользу города шелъ сборъ съ трактировъ или „гербергов“, содержатели которыхъ обязаны были за право торговли платить городу опредѣленный акцизъ. Въ 1806 г. было рѣшено имѣть въ Харьковѣ 6 трактировъ, „понеже городъ ежегодно расширяется и увеличивается настоящихъ городовыхъ обывателей и иногороднихъ, пріѣзжающихъ для собственныхъ своихъ надобностей“. По предписанію министра финансовъ, усмотрѣвшаго въ увеличеніи числа трактировъ подрывъ для откупа, въ Харьковѣ велѣно было оставить только четыре трактира. Право производить торговлю въ трактирахъ сдавалась городомъ съ публичныхъ торговъ: кто больше давалъ, за тѣмъ оно и оставалось. Судя по имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, можно думать, что при этомъ не обходились безъ злоупотребленій, вліявшихъ дурно на городскіе доходы. Трактиры сдавались на четырехгодичный срокъ. Въ 1808 г. трактиры были сданы купцу Касьянову съ платой по 705 р. за каждый годъ [5]). Въ 1818 г. за содержаніе „гербергов“ городъ получалъ уже 2349 р. 99½ коп., въ 1827 г. съ шести трактировъ выручалось 1055 р. Объ увеличеніи числа трактировъ, вліявшемъ на доходы города, дума просила едва-ли не всякій разъ, какъ приходилось сдавать трактиры на откупъ. Въ 1815 г. дума дождалась наконецъ, что вмѣсто 4 трактировъ въ Харьковѣ позволено было имѣть ихъ 7 [7]). Цифра эта оказалась, однако, для Харькова не по силамъ: изъ семи трактировъ сдать пришлось только шесть, такъ что въ 1830 г., отвѣчая на запросъ комитета объ уравненіи городскихъ повинностей, дума заявила, что для города будетъ достаточно и шести трактировъ [8]). Почти одновременно съ трактирами или „гербергами“ завелись въ Харьковѣ и такъ называемыя рестораціи. Ресто-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1822 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1814 г. марта 23.
[3]) Тамъ же. Журн. 1820 г. декабря 9 и 29; 1821 г. октября 20.
[4]) Тамъ же. Журн. 1822 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1830 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1806 и 1811 г.г. сентября 8.
[7]) Тамъ-же. Журналъ 1815 г. марта 15, апрѣля 14 и октября 8.
[8]) Тамъ-же. Журн. 1830 г. ноября 5.

рація—это было заведеніе, имѣвшее цѣлью „доставлять столъ пріѣзжающимъ благороднымъ и на мѣстѣ живущимъ посѣтителямъ“, но безъ права продажи спиртныхъ напитковъ. „Къ большему удовольствію посѣтителей“ рестораціи завели было и бильіарды, но встрѣтили въ этомъ случаѣ противодѣйствіе со стороны губернскаго правленія, нашедшаго, что на бильіардѣ можно играть только тамъ, гдѣ водку пьютъ, т. е. въ трактирахъ [1]). Это не помѣшало, впрочемъ, рестораціямъ, существовать, а городу пользоваться съ нихъ доходомъ. Такъ въ 1818 г. съ содержателей рестораціи городомъ было получено 306 р. 25 коп. Въ 1827 г. въ Харьковѣ имѣлась одна ресторація, отданная по предложенію губернатора на откупъ за 75 р.

Получалъ городъ нѣкоторый доходъ и съ гостинницъ. Въ 1827 г. гостинница была всего одна, съ которой акциза въ пользу города шло 200 р. [2]). Въ 1829 г. гостинницъ, вѣроятно, было уже больше, потому что доходъ о нихъ достигалъ 450 р.

Не маловажную статью въ скудномъ городскомъ бюджетѣ первыхъ годовъ XIX в. занималъ доходъ съ извозчиковъ, съ „биржи“, какъ тогда говорили. Въ первые годы XIX в. сборъ съ извозчиковъ шелъ въ пользу полиціи, которая и выдавала имъ позволеніе производить промыселъ. Послѣ многолѣтнихъ пререканій съ полиціей городу удалось таки отвоевать этотъ доходъ въ свою пользу. Въ концѣ концовъ дѣло было поставлено такъ, что каждый извозчикъ бралъ на право промысла изъ думы ярлыкъ, за который и уплачивалъ 6 р. Правда, уже въ это время были попытки монополизаціи промысла въ однѣхъ рукахъ. Такъ въ томъ же 1813 г. купецъ Кушинниковъ предлагалъ думѣ отдать ему биржевую ѣзду въ трехлѣтнее содержаніе съ платой по 500 р., ежегодно, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ прочимъ извозный промыселъ былъ запрещенъ, но предложеніе Кушинникова въ думѣ сочувствія не встрѣтило [3]). Кушинниковъ, однако, нашелъ поддержку въ губернаторѣ, отъ котораго думѣ дано было приказаніе отдать извозный промыслъ на откупъ желающимъ съ публичныхъ торговъ. Дума подчинилась, торги были произведены, но на нихъ желающихъ никого не явилось, кромѣ того-же Кушинникова. Дума признала Кушинникова „не заслуживающимъ по дѣламъ довѣрія“ и откупа ему не дала. Вмѣстѣ съ тѣмъ дума представила губернатору, что отдача извознаго промысла въ монополію частному лицу, „занятому корыстолюбіемъ“, можетъ повести къ неумѣренному подъему цѣнъ за извозъ, а значитъ и къ неудовольствію и ропоту горожанъ, и что монополія нанесла бы чувствительный вредъ многимъ харьковцамъ, снискивающимъ себѣ пропитаніе извознымъ промысломъ. Единственное, что считала бы возможнымъ сдѣлать дума,—это повысить таксу за право производства промысла [4]). Такса дѣйствительно была повышена. Такъ въ 1823 году харьковскіе извозчики платили отъ каждыхъ дрожекъ въ февралѣ по 15 руб., а въ мартѣ—по 10.

Уменьшеніе городскихъ доходовъ въ началѣ 20-хъ годовъ побудило думу не только повысить обложеніе извозчиковъ, но въ концѣ концовъ привело и къ полной передачѣ извознаго промысла въ руки монополиста. Такимъ монополистомъ оказался тотъ же Петръ Кушинниковъ, только теперь онъ платилъ городу не по 500 р., какъ предлагалъ въ 1813 г., а по 5100 р. въ годъ. Монополистомъ Кушинниковъ пробылъ три года. Въ 1826 г. многіе харьковскіе обыватели стали обращаться къ губернатору съ жалобой на установленіе извозной монополіи, лишающей ихъ заработка. Губернаторъ предложилъ думѣ перейти къ прежней системѣ и установить опредѣленный сборъ въ пользу города съ каждаго, кто захочетъ заниматься извозомъ. На этотъ разъ за монополію заступилась сама дума, доказывая, что отъ уничтоженія монополіи городъ только проиграетъ, такъ какъ раньше, до передачи извоза Кушинникову, городъ не получалъ отъ извозчиковъ и восьмой доли того, что ему платитъ Кушинниковъ; къ тому же до введенія монополіи извозомъ, какъ увѣряла дума, занимались одни имѣющіе состояніе военные и статскіе чиновники, или совсѣмъ ничего не платившіе въ пользу города, или очень мало, а изъ харьковскихъ мѣщанъ и обывателей извозомъ занималось человѣкъ пять, не больше. Губернаторъ не внялъ резонамъ думы, и биржевая ѣзда стала по прежнему вольнымъ промысломъ, облагаемымъ, впрочемъ, въ пользу города весьма солиднымъ акцизомъ: по 100 р. въ годъ съ экипажа [5]). Въ 1827 г. извозопромышленники жаловались

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1811 г.
[2]) Тамъ-же. Журналъ 1827 г. ноября 20.
[3]) Тамъ-же. Журналъ 1813 г. мая 2.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1815 г. октября 3 и ноября 15.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1826 г. марта 3 и 18

прокурору на обременительность городского обложенія, увѣряя, что имъ приходится платить до 200 р. въ годъ съ экипажа. Результатомъ этого былъ указъ губернскаго правленія, которымъ предписывалось понизить обложеніе до нормы, установленной указомъ отъ 12 марта 1809 г. на имя Астраханскаго гражданскаго губернатора, и вмѣстѣ съ тѣмъ установить для извозчиковъ таксу, чтобы они не могли запрашивать съ пассажировъ неумѣренныхъ цѣнъ. Дума отвѣтила, что съ извозчиковъ взимается въ пользу города не до 200 р., а только 100 р., что биржевою ѣздою занимаются не одни харьковскіе мѣщане, а большею частью разночинцы, имѣющіе „довольное состояніе", что понизить акцизъ до нормы указа 1809 г. она не можетъ уже потому, что самый этотъ указъ ей неизвѣстенъ [1]). Чѣмъ окончилось дѣло,— не знаемъ. Чтобы дать понятіе о доходахъ города отъ извознаго промысла, приведемъ нѣсколько цифръ. Въ 1809 г. извозный промыселъ далъ въ пользу города 54 р., въ 1818 г.—575 р., въ 1824—1826 г.г.— по 5100 р. и, наконецъ, въ 1829 г., когда извозъ вновь сталъ вольнымъ промысломъ, всего только 208 р. [2]).

Манифестомъ 1 января 1807 г. дополнительный $^1/_4$% сборъ съ купеческихъ капиталовъ было велѣно обратить въ пользу городовъ для составленія особаго капитала на жалованье лицамъ, служащимъ по выборамъ отъ купечества. Деньги эти поступали и въ Харьковскую думу, но не расходовались, а употреблялись на выдачу ссудъ купцамъ подъ залогъ и поручительство. Свободныя деньги вносились въ приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія процентами. Такой порядокъ продолжался, впрочемъ, не долго. Въ 1813 г. въ виду необходимости подкрѣпленія государственнаго казначейства. $^1/_4$% сборъ велѣно обратить въ пользу казны, казнѣ же передать и всѣ до сихъ поръ накопившіеся по городамъ капиталы, составившіеся путемъ этого сбора [3]).

Къ концу разсматриваемаго нами періода, въ 1832 г., возбужденъ былъ вопросъ объ установленіи въ пользу города сборовъ съ протеста векселей и явки заемныхъ писемъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта. Высказаться относительно этого предположенія предоставлено было самимъ городамъ, отъ которыхъ требовался отвѣтъ, нуженъ ли этотъ сборъ и, если нуженъ, то на какихъ основаніяхъ учредить его. Харьковское купечество отвѣтило, что хотя сборъ и слѣдовало бы установить, но такъ какъ мѣстные нотаріусы, Кувшинниковъ и Мухинъ, отъ протеста векселей выручаютъ небольшую сумму, то дѣлать изъ нихъ вычетъ въ пользу города,—значитъ разорить ихъ окончательно. Въ виду сихъ резоновъ купечество отъ сбора совсѣмъ отказалось [4]).

Наибольшій доходъ, какъ и въ XVIII ст., городъ получалъ съ такъ наз. винной суммы. Въ 1805 г. по этой статьѣ на долю города пришлось 11865 р. Въ четырехлѣтіе 1809—1811 г. доходъ отъ винной суммы предположенъ былъ въ 40485 р., въ дѣйствительности было получено больше—40945 р. Эта сумма повторяется и въ послѣдующихъ городскихъ бюджетахъ: ее мы видимъ и въ 1809 г., и въ 1818 г., и въ 1829 г. За всѣ эти годы она остается неизмѣнною [5]).

Перейдемъ теперь къ расходамъ. На первомъ планѣ ставимъ расходъ на содержаніе магистрата и думы. Расходъ этотъ былъ не изъ крупныхъ. Въ 1805 г. два магистратскихъ бургомистра получали по 120 р., а ратманы—по 100 р., итого—640 руб. [6]). Во сколько обходилась канцелярія—не знаемъ. Въ 1809 г. магистратъ обходился городу въ 2241 р. 27½ к., въ 1818 г.—1196 р., въ 1829 г.—2405 руб. 68½ к., а въ 1831 г.—1779 р. 6 к. Въ 1829 г. по сенатскому указу 19 августа отмѣнено производство канцелярскихъ чиновниковъ городовыхъ магистратовъ въ чины, вслѣдствіе чего служба въ магистратѣ потеряла для нихъ значительную долю своей привлекательности. Чиновники стали уходить изъ магистрата и поступать на службу въ другія присутственныя мѣста, тѣмъ болѣе, что и жалованье, получаемое ими отъ города, было не важнымъ. Въ 1831 г. харьковское купечество, въ цѣляхъ удержанія магистратской канцеляріи отъ распаденія, рѣшило значительно усилить жалованье канцелярскихъ чиновниковъ. Секретарю рѣшено было платить 800 р., двумъ повытчикамъ—по 500 р, журналисту—300 р., расходчику и архиваріусу 500 р., пятерымъ писцамъ—по 200 р., двумъ сторожамъ—по 150 р., на канцелярскіе рас-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1827 г. января 22.
[2]) Тамъ же. Журн. 1830 г. марта 22 и мая 13.
[3]) Перв. П. С. З. Т. XXXII № 25304.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1833 г. янв. 2.
[5]) Тамъ же. Подл. приг. 1805 и 1806. Приходо-расход. кн. 1809, 1818, 1829 гг.
[6]) Тамъ же. Подл. приг. 1805 г.

ходы, отопленіе и освѣщеніе 500 р., итого 4400 р. Дума съ своей стороны нашла приговоръ купечества совершенно резоннымъ и постановила ходатайствовать передъ губернаторомъ объ утвержденіи этого расхода.[1]). Ходатайство успѣха, очевидно, не имѣло, ибо въ 1835 г. расходъ на содержаніе магистрата равнялся всего 2296 р. 75 к. [2]).

Содержаніе думы обходилась тоже не дорого. Въ 1809 г. письмоводителю думы платилось 403 руб. 30 к., писцамъ 173 р., сторожамъ 136 р., смотрителю городскихъ строеній 150 р., отопленіе, освѣщеніе, канцелярскіе расходы (въ число которыхъ, впрочемъ, включались расходы на кое какія мелкія городскія работы) стоили 225 р. 50 к., такъ что все содержаніе думы обходилось въ 1087 р. 85 к. Въ 1818 г. содержаніе думы стоило 1503 р. 24 к., въ 1829 г.—2586 р. 98 к., а въ 1835 г.—2877 р. 31 к. Другія городскія учрежденія стоили еще дешевле. Въ 1809 г. содержаніе совѣстнаго суда обходилось городу въ 1110 р. 64 к., а словеснаго—114 р., въ 1818 г. на совѣстный судъ городъ ничего не расходовалъ, а на словесный далъ всего 76 р; въ 1829 г. содержаніе совѣстнаго суда обошлось въ 776 р. 30 3/4 коп., словеснаго—113 руб. 40 коп. Сиротскій судъ содержался тоже на счетъ города. Впрочемъ расходъ на это учрежденіе фигурируетъ въ думскихъ приходо-расходныхъ книгахъ не постоянно. Во всякомъ случаѣ былъ онъ не великъ: въ 1829 г. на сиротскій судъ израсходовано всего 248 р. 12 1/2 к.

На городской счетъ содержались и тѣ коммиссіи и комитеты по разнымъ вопросамъ городского управленія и хозяйства, которые въ теченіе первой половины XIX в. учреждались начальствомъ помимо вѣдома и желанія горожанъ и думы. Когда въ 1808 г. въ Харьковѣ была учреждена квартирная коммиссія, городской думѣ было велѣно отпускать на ея содержаніе по 300 р. изъ городскихъ доходовъ. Расходъ этотъ съ теченіемъ времени возсталъ, но въ очень слабой прогрессіи: въ 1829 г. содержаніе квартирной коммиссіи стоило всего 398 р. 50 коп. Гораздо дороже обходился городу комитетъ для уравненія городскихъ повинностей: въ томъ же 1829 г. на него было израсходовано 3965 р., т. е. онъ обошелся дороже, чѣмъ все содержаніе самой думы (2586 р. 98 коп.).

Къ расходамъ по содержанію личнаго состава городскихъ учрежденій нужно отнести и расходы по выдачѣ пенсій лицамъ, состоявшимъ на городской службѣ, отнесенныхъ на счетъ городовъ указомъ 27 сентября 1822 г. Расходъ этотъ появился, впрочемъ, въ городскихъ расходныхъ книгахъ только съ 1827 г., когда долго занимавшій должность письмоводителя думы Случанскій вышелъ наконецъ въ отставку [3]). Въ 1829 г. расходъ города по этой статьѣ выражался въ суммѣ 207 р. 25 коп.

На обязанности города лежало содержаніе полиціи. Въ первые годы XIX ст. городу приходилось не только платить жалованье служащимъ по полиціи, но и содержать провіантомъ и фуражомъ состоявшихъ при полиціи драгунъ и ихъ лошадей. Въ 1809 г. на жалованье служащимъ въ полиціи городъ давалъ 2670 р. 40 1/4 коп. да на содержаніе и провіантъ унтеръ-офицеру и драгунамъ, а также на прокормъ ихъ лошадямъ 2646 р. 48 1/4 коп., такъ что полиція обходилась въ то время городу больше 5000 руб. Съ уничтоженіемъ полицейскихъ драгунъ сокращается и расходъ на полицію. Въ 1818 г. на полицію было израсходовано всего только 1196 р. Къ концу 20-хъ годовъ расходы на полицію вновь сильно возрасталотъ. Въ 1827 г. по просьбѣ харьковскаго полиціймейстера, жаловавшагося на скудность содержанія служащихъ въ канцеляріи полиціи, губернаторъ отдалъ приказъ отпускать ежегодно изъ городскихъ средствъ по добавочной тысячѣ рублей на усиленіе жалованья полицейскимъ канцеляристамъ, впредь до утвержденія для полиціи новыхъ штатовъ и до выработки комитетомъ объ уравненіи городскихъ повинностей положенія о содержаніи полиціи [4]). Спустя нѣкоторое время распоряженіе это министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было отмѣнено, тѣмъ не менѣе большая часть отпущенной городомъ суммы назадъ возвращена уже не была: вмѣсто отпущенной тысячи городъ получилъ обратно всего только 300 руб. съ лишнимъ [5]).

Кромѣ жалованія и содержанія, городъ давалъ полиціи и квартиры. Помѣщались полицейскіе чиновники иногда въ городскихъ домахъ, иногда въ частныхъ, нанятыхъ для нихъ городомъ. Сколько трати-

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1831 г. октября 28.
[2]) Тамъ же. Журн. 1836 г. стр. 67.
[3]) П. П. С. Зак. т. XXVIII № 29190.
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1827 г августа 20.
[5]) Тамъ-же.

лось на это городскихъ средствъ,—опредѣлить трудно, такъ какъ въ рубрикѣ расходовъ расходъ на наемъ квартиръ для полицейскихъ чиновниковъ не показывался отдѣльно отъ общей суммы расходовъ на наемъ частныхъ домовъ для городскихъ надобностей. Отопленіе и освѣщеніе квартиръ полицейскихъ чиновниковъ лежало также на обязанности думы. Одежда и обувь для полицейскихъ чиновъ „строились“ тоже на городской счетъ [1]). Содержалъ на свой счетъ городъ и пожарный обозъ съ его командой и лошадьми. Пожарная команда и обозъ находились въ полномъ распоряженіи полиціи, но деньги на ихъ содержаніе долженъ былъ давать городъ. Отсюда частыя недоразумѣнія между полиціей и думой. Въ 1803 году, въ виду требованія губернатора о ремонтѣ пожарнаго обоза, дума произвела осмотръ обоза. Оказалось, что городничій и въ 1802 г., и въ 1803 г. получалъ отъ думы деньги на содержаніе обоза исправно и даже обильно, но „не только исправнаго содержанія, починки и исправленія пожарныхъ инструментовъ и лошадиной упряжи и прочаго на самомъ дѣлѣ не имѣлъ и не дѣлалъ, но вмѣсто того привелъ все оное до такого худого состоянія, что кромѣ шести хомутовъ и двухъ уздъ ничего исправнаго и годнаго къ употребленію не оказалось“. Городу пришлось вновь обзаводиться пожарными инструментами и починять, что еще починить было можно. Въ результатѣ къ тѣмъ 1666 р., которые городомъ были отпущены въ 1802 и 1803 г., ему пришлось приложить еще новыхъ 927 р. [2]).

Ежегодные расходы на пожарную часть не могли быть одинаковы: требовался ремонтъ обоза, „постройка“ новой аммуниціи или замѣна павшей лошади новой,—приходилось отпускать больше, не было такихъ расходовъ,—тратилось меньше. Въ 1809 г. на содержаніе „пожарной“ городъ истратилъ 3683 р. 35 к., а въ 1818 г., „пожарная“ обходится городу всего только въ 400 р. Вообще по думскимъ счетамъ того времени очень трудно опредѣлить, сколько именно городъ тратилъ на пожарную команду и сколько на полицію. И на ту, и на другую деньги отпускались полиціймейстеру и записывались въ общей суммѣ. Въ 1805 г. содержаніе полиціи, драгунъ при ней и пожарной команды стоило 2580 р. [3]), а въ 1815 г. уже 17063 р. 22¼ коп. [4]). Въ 1835 г. содержаніе полиціи стоило 20443 р. 65¾ коп., исправленіе пожарныхъ инструментовъ—3031 р. 40 к., наемъ вольныхъ людей на помощь полицейскимъ служителямъ—3616 р. 5½ коп. Такимъ образомъ расходъ на полицію и пожарную команду достигалъ уже 27 тыс. р. [5]). На ряду съ пожарными служителями городъ содержалъ на свой счетъ и трубочистовъ, какъ людей, дѣятельность которыхъ сводилась къ предупрежденію пожаровъ. Цехъ трубочистовъ былъ установленъ губернскимъ начальствомъ въ 1807 г. Трубочисты обязаны были время отъ времени осматривать и чистить обывательскія печи. Содержаніе имъ должно было идти отъ города. Дѣйствительно ли они что нибудь получали отъ думы, или за ихъ работу расплачивались сами обыватели,—изъ думскихъ расходныхъ книгъ не видно; знаемъ только, что въ перечнѣ расходовъ, признанныхъ въ 1810 г. губернаторомъ Бахтинымъ обязательными для города, показанъ и расходъ на жалованье трубочистамъ [6]).

На городской же счетъ содержалась и тюрьма. Деньги на жалованье, содержаніе и обмундированіе тюремныхъ служителей дума обязана была ежемѣсячно выдавать полиціймейстеру. Въ 1835 г. на содержаніе тюрьмы было истрачено 2823 р. 21 коп. Городъ же обязанъ былъ какъ отапливать, такъ и освѣщать полицію и тюрьму съ принадлежавшими къ нимъ казармами для служителей. Отапливаніе производилось натурою—поставкою необходимаго количества дровъ, а на освѣщеніе выдавались деньги. Какъ великъ былъ расходъ по этимъ статьямъ, по городскимъ расходнымъ книгамъ разобраться трудно. Дрова напр. покупались за одно и для тюрьмы, и для полиціи, и для самой думы, а точнаго распредѣленія, куда и на сколько пошло—не дѣлалось. О расходахъ на освѣщеніе остались кое какія цифры. Изъ нихъ мы, напримѣръ, знаемъ, что при губернаторѣ Муратовѣ городъ тратилъ на освѣщеніе тюрьмы по 1 рублю ежедневно.

Очень крупные и въ то же время стѣснительные по своей внезапности расходы приходилось дѣлать городу на военныхъ постояльцевъ. Подъ военныя учрежденія отводились городскіе дома, которые прихо-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы, Журн. 1827 г. августа 20.
[2]) Тамъ же. Журналъ 1803 г. сентября 29.
[3]) Тамъ-же Подл. пригов. 1805 г,
[4]) Тамъ-же. Журналы 1816 г.
[5]) Тамъ-же. Журналы 1836 г., стр. 67
[6]) Тамъ-же. Журн. 1810 августа 5.

дилось ремонтировать, освѣщать и отапливать на городскія средства. Кромѣ помѣщенія, отъ города требовались деньги на устройство шлагбаумовъ, рогатокъ, роспусковъ для возки воды, тулуповъ и теплой обуви для часовыхъ и вообще всякихъ необходимыхъ въ военномъ хозяйствѣ вещей. Обыкновенно деньги на такія потребы отпускались безпрекословно. Въ первые годы XIX столѣтія непомѣрныя притязанія квартирантовъ вызывали иногда отпоръ со стороны головы Урюпина. Въ 1826 г. отъ думы потребовали постройки двухъ солдатскихъ и одного офицерскаго бивака для команды, строившей кадетскій корпусъ. Дума отказала, сославшись на большіе расходы и на то, что корпусъ строится дворянствомъ и для дворянства, къ городскимъ строеніямъ отнесенъ быть не можетъ, а потому и устройство предположенныхъ бивуковъ на городскія средства относимо быть не должно [1]). Но обыкновенно дума безропотно подчинялась требованіямъ квартирантовъ, а если иногда и позволяла себѣ протестовать, то только въ видѣ просьбы къ губернскому начальству объ облегченіи.

Постояльцы помѣщались обыкновенно въ городскихъ домахъ, но такихъ домовъ было не много, да и тѣ, какіе были, не всегда были пригодны для помѣщенія въ нихъ военныхъ учрежденій. Приходилось нанимать на городской счетъ дома у частныхъ лицъ и давать въ нихъ отопленіе и освѣщеніе. Такъ, въ 1814 г. для военно-сиротскаго отдѣленія отведенъ былъ домъ, доставшійся городу отъ приказа общественнаго призрѣнія. Начальство приказало его отремонтировать, устроить флигель и баню. Для отапливанія дома городъ отпускалъ дрова „большимъ количествомъ саженей“, свѣчи для освѣщенія, деревянную посуду, топоры, желѣзныя и деревянныя лопаты и всякія мелочныя принадлежности. Въ 1815 г. для классовъ того же отдѣленія городъ принужденъ былъ нанять домъ у предсѣдателя уголовной палаты фонъ-Минстера и отпускать въ него отопленіе и освѣщеніе. На все это въ короткій срокъ было израсходовано до 20 т. руб. городскихъ денегъ, а между тѣмъ въ думу поступали все новыя и новыя требованія. Вышедшая наконецъ изъ терпѣнія дума обратилась къ и. д. губернатора съ запросомъ, по какому повелѣнію или закону содержаніе военно-сиротскаго отдѣленія и снабженіе его всѣмъ нужнымъ возложено на г. Харьковъ [2]).

Получила ли дума требуемое разъясненіе,—не знаемъ. но знаемъ, что послѣ этого городу не стало легче. Въ томъ же 1815 г. видимъ новыя жалобы думы губернатору на тягость содержанія военно-сиротскаго отдѣленія и просьбы о распоряженіи, коимъ уѣзднымъ городамъ было бы вмѣнено въ обязанность помогать Харькову въ несеніи постойной повинности. Помощи городъ не получилъ [3]). Въ 1818 г. думѣ приказано было, кромѣ двухъ занятыхъ кантонистами домовъ, отвести для нихъ и третій. Пришлось отдать подъ кантонистовъ еще одинъ городской домъ, употребивъ предварительно на ремонтъ 2411 р. 61 коп. городскихъ денегъ. Съ января по августъ 1818 г. кантонисты обошлись городу въ 8103 р. 30 к. [4]). Городу пришлось очень круто. Когда въ 1819 году губернаторъ по требованію командира гарнизоннаго баталіона предписалъ думѣ возможно скорѣе произвесть починку занятыхъ кантонистами домовъ, оказалось, что въ думѣ ни матеріаловъ для постройки, ни денегъ не имѣлось, и что дума, благодаря непомѣрнымъ расходамъ на постояльцевъ, задолжала подрядчикамъ за произведенныя работы и доставленный матеріалъ. Дума просила отсрочить ремонтъ до слѣдующаго года [5]). Въ 1821 г. на думѣ числилось уже до 35 т. р. долга, и она вновь проситъ губернатора облегчить ей тяжесть содержанія военно-сиротскаго отдѣленія и баталіона внутренней стражи отнесеніемъ части расходовъ на средства уѣздныхъ городовъ [6]).

За недостаткомъ и неудобствомъ городскихъ домовъ городу приходилось для военныхъ постояльцевъ нанимать дома и у частныхъ лицъ, при чемъ дума обязана была давать отопленіе и освѣщеніе. Случалось, что хозяева нанятыхъ домовъ требовали отъ города и ремонта этихъ домовъ. Въ 1815 г. въ Харьковѣ жилъ присланный сюда изъ Грузіи Мамадъ-Асанъ-ханъ. Квартиру ему обязана была давать дума, нанявшая для высокопоставленнаго азіата домъ у наслѣдниковъ губернатора Пашкова. По распоряженію правившаго губернаторскую должность предсѣдателя уголовной палаты Минстера, на обязанность думы,

---

[1]) Арх. Гор, Думы. Журн. 1826 г. мая 12.
[2]) Тамъ же. Журн. 1815 г. февраля 4.
[3]) Тамъ же. Журн. 1815 г. сентября 25.
[4]) Тамъ же. Журн. 1818 г. августа 1.
[5]) Тамъ же. Журн. 1819 г. октября 3.
[6]) Тамъ же. Журн. 1821 г. декабря 15.

кромѣ того, была возложена починка печей въ Пашковскомъ домѣ, пріобрѣтеніе разной посуды и мебели „по націи“ постояльца. И это въ то самое время, когда въ думской кассѣ было всего 46 к. денегъ [1]). Не легче приходилось городу при сдѣлкахъ и съ самимъ Минстеромъ, у котораго нанимался домъ для военно-сиротскаго отдѣленія. Минстеръ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, бралъ съ города „безмѣрную“ цѣну и не скупился на набавки. Въ 1818 г. дума платила ему 3500 р., въ 1819 г. Минстеръ потребовалъ уже 4500 р., и только благодаря посредничеству губернатора согласился взять 4000 р. [2]). Ремонтъ дома и дворовыхъ построекъ Минстеръ также всецѣло возлагалъ на думу. Когда у него въ нанятомъ думою домѣ оказались не въ порядкѣ ретирады, Минстеръ, въ то время нравившій должность начальника губерніи, приказалъ думѣ отпустить полиціймейстеру 250 р. на починку. Дума имѣла все таки мужество заявить протестъ противъ такого требованія [3]).

Точно также пользовались безвыходнымъ положеніемъ думы и другіе крупные домовладѣльцы, число которыхъ въ тогдашнемъ Харьковѣ было очень не велико. Въ 1826 году для помѣщенія командира 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генерала отъ кавалеріи барона Дуки дума принуждена была нанять домъ у губернскаго прокурора Лабутина за 4000 руб. Другого подходящаго дома не оказалось, а такъ какъ Лабутинъ иначе не хотѣлъ отдавать домъ въ наемъ, какъ съ обязательствомъ заплатить ему его стоимость въ случаѣ пожара, то думѣ пришлось согласиться и на такое условіе. Дума просила полицію сколько можно беречь Лабутинскій домъ отъ пожара [4]). Въ 1827 г. потребовалась квартира для корпуснаго генерала фонъ-деръ-Палена. Пригоднымъ для нея оказался только домъ маіора Познанскаго, а маіоръ, воспользовавшись своимъ исключительнымъ положеніемъ, составилъ контрактъ „по собственному своему распоряженію“: потребовалъ за наемъ, сколько хотѣлъ, обязавъ городъ уплатить крупный кушъ впередъ, а срокъ найма считать не со дня занятія дома генераломъ, а съ момента своего согласія на отдачу дома въ наймы; наконецъ, городъ обязался взять на себя отвѣтственность на случай пожара и гарантировать полную неприкосновенность находящейся въ домѣ мебели. Кромѣ того, Познанскій ставилъ непремѣннымъ условіемъ освобожденіе своего дома на цѣлый годъ отъ постоя. Требованія эти были неудобопріемлемы для горожанъ, и они взмолились губернатору о вмѣшательствѣ и побужденіи Познанскаго къ снисходительности. Губернаторъ велъ переговоры съ Познанскимъ, но толку изъ нихъ не вышло. Особенно страшнымъ казался членамъ думы пунктъ относительно мебели, „ибо они не только въ домахъ своихъ такой деликатной мебели не имѣютъ, но другой никогда того и не видѣлъ“ [5]).

Постойная повинность въ Харьковѣ распредѣлялась между городомъ и горожанами примѣрно такимъ образомъ, что городъ давалъ квартиры для военныхъ учрежденій въ своихъ или нанятыхъ домахъ, а обыватели давали помѣщенія для отдѣльныхъ военно-служащихъ по отводу полиціи, а съ 1808 г.— квартирной коммиссіи. Но бывало, что и въ частныхъ домахъ по отводу помѣщались военныя учрежденія. Такъ, въ 1821 г. батальонная канцелярія помѣщалась по отводу въ домѣ мѣщанина Кіоса, а коммиссія военнаго суда—въ домѣ мѣщанина Свѣшникова. Въ такихъ случаяхъ отопленіе обывательскихъ домовъ лежало на обязанности не хозяевъ, а думы. Иногда, впрочемъ, допускались облегченія для думской кассы, но, конечно, съ убыткомъ для хозяевъ занятыхъ военными постояльцами домовъ. Такъ, въ 1820 г. губернаторъ Муратовъ, снисходя къ жалобамъ думы, „изволилъ предписать, чтобы она поставкою дровъ въ батальонъ распорядилась на такомъ основаніи, что если какія мѣста помѣщаются въ обывательскихъ домахъ, то и отапливаніе должно быть отъ хозяевъ“. Повидимому, это милостивое предписаніе не имѣло практическихъ результатовъ: по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1821 г. квартирная коммиссія требовала отопленія для обывательскихъ домовъ, занятыхъ подъ военныя учрежденія, по прежнему отъ думы [6]). Въ концѣ двадцатыхъ годовъ дума отапливаетъ по прежнему рядъ частныхъ домовъ. Въ 1827 г. на обязанности думы лежало отопленіе и освѣщеніе квартиръ корпусной и дивизіонной, квартиры бригаднаго командира внутренней стражи, командира гарнизоннаго батальона, дежурства бригаднаго коман-

[1]) Тамъ же. Журн. 1815 г. января 11.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1818 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1815 г. апрѣля 14.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1826 г.
[5]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1827 г. апрѣля 18.
[6]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1821 г. ноября 22.

дира, канцеляріи гарнизоннаго командира и квартиры трубачевской школы. Всѣ эти лица и учрежденія помѣщались въ частныхъ домахъ, иные по отводу квартирной коммиссіи, другіе—по найму изъ городскихъ оредствъ, при чемъ напр. наемъ квартиры для одного только дивизіоннаго командира Ершова въ домѣ Лабутина стоилъ городу 4000 р. въ годъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ тоже время постоемъ были заняты и городскіе дома (въ одномъ была швальня, въ другомъ—лазаретъ), ремонтъ, освѣщеніе и отопленіе коихъ лежали на обязанности думы [1]). Расходы на отопленіе постойныхъ городскихъ и частныхъ домовъ ложились на городскую кассу чрезвычайно тяжелымъ бременемъ. Къ тому же на этой почвѣ возникали постоянныя недоразумѣнія между думой и обывателями. Дѣло осложнялось еще больше въ томъ случаѣ, если и квартиранты заявляли какія либо претензіи, что случалось не рѣдко. Дума безпрекословно отпускала деньги. Только въ 1827 г., послѣ ухода Муратова, исправлявшій губернаторскую должность высказываетъ сомнѣніе въ обязательности для думы всѣхъ этихъ расходовъ и дѣлаетъ объ этомъ представленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а отъ части расходовъ на отопленіе освобождаетъ думу собственною властью [2]). Въ 1830 г. на запросъ губернатора о постойной повинности дума отвѣтила, что кромѣ городскихъ домовъ, занимаемыхъ почти безпрерывно и безъ всякаго отъ кого либо платежа разными помѣщеніями гарнизоннаго баталіона, какъ то плотниками, ложниками, слесарями и лакировщиками, городъ нанимаетъ для главной гауптвахты частный домъ за 1800 р. въ годъ и поставляетъ дрова и свѣчи для дивизіоннаго и бригаднаго штабовъ съ ихъ караульными и особо для помѣщеній гарнизоннаго батальона на сумму, простирающуюся въ годъ на дрова до 3500 р., а на свѣчи—до 400 р. [3]).

Военные постояльцы требовали отъ города не только помѣщенія, но часто и леченія. Этимъ объясняется существованіе городской больницы. Городскую больницу въ Харьковѣ мы встрѣчаемъ уже въ 1797 г., но она была учрежденіемъ не постояннымъ. Не постоянно имѣлась она и потомъ. Назначалась ова не для горожанъ, а для квартировавшихъ въ городѣ войскъ, если въ городѣ стояли такія части, для которыхъ особой военной больницы не полагалось. Такъ въ 1811 г., командиръ внутренняго полубатальона, ссылаясь на указъ 11 іюня 1811 г., которымъ велѣно нижнихъ чиновъ и инвалидовъ изъ губернскихъ батальоновъ отсылать на излеченіе въ городскія больницы, потребовалъ пріема 12 солдатъ въ городскую больницу. Губернаторъ предписалъ думѣ устроить для гарнизонныхъ солдатъ больницу на 25 постелей и снабдить ее всѣмъ нужнымъ. Больница находилась въ завѣдываніи полиціймейстера и городского головы. За лечившихся въ ней военныхъ вносилось военнымъ вѣдомствомъ половинное жалованье больного и весь причитающійся ему провіантъ [4]). Хозяйство въ больницѣ, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, велось совсѣмъ халатно, и отчеты о немъ въ думу не представлялись. Когда въ 1816 г. думѣ потребовались справки, сколько внесено военнымъ вѣдомствомъ за леченіе въ больницѣ воспитанниковъ военно-сиротскаго отдѣленія, голова отозвался, что пріемъ денегъ лежалъ на обязанности смотрителя больницы, поручика Уткина, который уже умеръ. Опредѣлить, сколько именно получилъ городъ за леченіе кантонистовъ, такъ и не удалось [5]).

Въ 1816 г. въ Харьковъ явилась 2-я уланская дивизія, у которой былъ свой госпиталь, куда стали посылать и больныхъ изъ гарнизона, лечившихся раньше въ городской больницѣ. Больница оказалась не нужной и была закрыта. Но не на долго. Въ 1819 г. уланскій госпиталь былъ переведенъ въ Чугуевъ, и отъ города вновь потребовали устройства больницы. Въ 20-хъ годахъ городской больницы мы вновь не находимъ, но зато городу приходится давать дома для военнаго госпиталя. Въ 1830 г., по случаю холеры, городу вновь приходится открыть временныя больницы, но уже не для постояльцевъ, а для самихъ горожанъ.

Городская больница, устроенная въ 1811 г., была разсчитана всего на 25 чел., на эту цифру были разсчитаны и расходы. Съ теченіемъ времени число больныхъ умножалось, такъ что бывали годы, когда черезъ больницу проходило болѣе 1000 чел. Для всѣхъ ихъ нужно было имѣть необходимыя вещи, давать отопленіе, освѣщеніе, лекарства и врачебную помощь. Въ 1815 г. на содержаніе больницы, отопленіе и

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1827 г. окт. 28 и декабря 2 и 5.
[2]) Тамъ же. Журн. 1827 г. октября 28.
[3]) Тамъ же. Журн. 1830 г. октября 29.
[4]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1811 г. № 129
[5]) Тамъ же. Журн. 1816 г. окт. 23.

освѣщеніе ея, продовольствіе пищею больныхъ военнаго вѣдомства и жалованье служащихъ вышло 9940 р. [1]), въ 1816 г.—6000 р. [2]).

Не слѣдуетъ забывать, что городу приходилось тратиться не на однихъ военныхъ постояльцевъ. Въ первые годы XIX в. думѣ приходилось не рѣдко давать помѣщеніе и отопленіе и для губернскихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи такой порядокъ прекратился, но отдѣльные случаи злоупотребленій все таки бывали. Такъ въ 1828 г, отвѣчая на запросъ сенатора Горголія, дума доносила, что ею въ 1827 г. по предложенію губернатора Муратова уплочено домовладѣльцу Ковалеву 694 р. за наемъ квартиры вице-губернатору Паскевичу, и отпускались дрова для отопленія.

Дать точныя цифры расходовъ города на военныхъ постояльцевъ не представляется, къ сожалѣнію, возможности, такъ какъ въ думскихъ отчетахъ того времени расходы на постой не показывались отдѣльно отъ другихъ городскихъ расходовъ. Въ отчетѣ напр. за 1809 г. читаемъ: отопленіе и освѣщеніе домовъ, занятыхъ подъ разныя городскія надобности, караульныхъ будокъ, а также ремонтъ городскихъ зданій—7596 р. 23 к. Въ цифру эту, несомнѣнно, входятъ расходы на постояльцевъ, скрытые подъ общей рубрикой расходовъ на отопленіе и освѣщеніе, но сколько именно тратилось на это,—опредѣлить нѣтъ возможности. Въ томъ же отчетѣ въ статьѣ 10-ой читаемъ: наемъ домовъ подъ городскія надобности, квартиру полиціймейстера и пр. 780 р. Нужно ли въ числѣ слагаемыхъ, дающихъ сумму 780, предполагать и расходъ на наемъ квартиръ подъ военныя учрежденія, или не нужно,—отвѣтить нельзя. Съ большею увѣренностью къ расходамъ на военныхъ постояльцевъ нужно отнести только расходъ въ 60 р., сдѣланный думой на наемъ сторожа для лазарета. Не большею опредѣленностью отличаются указанія и за 1810 г. На отопленіе гауптвахты, карауленъ, острога, канцеляріи внутренняго полубаталіона и др. мѣстъ городъ истратилъ 2500 р., но сколько изъ нихъ приходится на долю собственно военныхъ, не видно. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что это только расходъ на отопленіе, а вѣдь были и другіе: въ 1812 г. напр. отъ думы требовались деньги на сукно для тулуповъ, на кеньги и рукавицы для солдатъ внутренняго полубатальона [3]). Съ такою же невозможностью точно опредѣлить расходъ города на военныхъ постояльцевъ встрѣчаемся мы и въ отчетной вѣдомости за 1818 г. Здѣсь мы находимъ только два прямыхъ указанія: расходъ на воспитанниковъ военно-сиротскаго отдѣленія показанъ въ цифрѣ 216 р. и содержаніе батальона—40 р. Но, конечно, не этимъ однимъ ограничивались расходы города на военныхъ постояльцевъ. Дополнительныхъ расходовъ слѣдуетъ искать въ цифрахъ 1566 р. 66½ коп., опредѣляющей расходъ на наемъ домовъ подъ городскія надобности, и 1530 р. 80 коп., издержанныхъ на отопленіе и освѣщеніе домовъ, занятыхъ подъ городскія учрежденія, ремонтъ городскихъ зданій и разныя мелкія городскія работы. Допустить, чтобы постой обошелся городу только 256 р., конечно, нельзя уже потому, что въ этомъ именно году дума, какъ мы видѣли, жаловалась на тягость квартирной повинности и полное отсутствіе средствъ для удовлетворенія нуждъ квартирантовъ. Расходная вѣдомость за 1829 г. точно такъ же, какъ и ея предшественницы, не даетъ возможности точно опредѣлить цифру расходовъ города на нужды постоя. Въ вѣдомости этой читаемъ, что содержаніе полиціи, пожарной, тюремнаго замка и гарнизоннаго батальона стоило городу 16870 р. 86¾ коп.; что отопленіе и освѣщеніе домовъ, занятыхъ подъ разныя городскія учрежденія, ремонтъ городскихъ зданій и разныя мелкія городскія работы обошлись городу въ 15140 р. 52½ коп.; что на наемъ домовъ подъ городскія учрежденія и квартиры полицейскихъ чиновниковъ было истрачено 3315 р. Несомнѣнно, крупное слагаемое въ этой крупной суммѣ составлялъ расходъ на постой, но сколько именно поглотилъ постой городскихъ денегъ, опредѣлить нѣтъ никакой возможности. Въ 1835 г. на „освѣщеніе и отопленіе разныхъ воинскихъ помѣщеній и прочихъ мѣстъ, зависимыхъ отъ города", было издержано 8535 р. 47¼ коп. Какъ и въ предъидущихъ случаяхъ, здѣсь мы не можемъ опредѣлить, сколько именно расходовалось на „прочія мѣста", но несомнѣнно, гораздо меньше, чѣмъ на военныхъ постояльцевъ.

Расходы на городское благоустройство были не одинаковы: иной годъ на это шла очень крупная сумма, а иной—совсѣмъ пустяки. Опредѣленнаго, разсчитаннаго на рядъ лѣтъ, плана улучшенія городского благоустройства не существовало. Все зависѣло отъ случая да отъ воли начальника губерніи, который

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1816 г. окт. 13.
[2]) Тамъ же. Журн. 1828 г. января 26.
[3]) Тамъ же. Вход. 1811 г. и Журн. 1812 г.

фактически распоряжался городскимъ благоустройствомъ. Дума сама по сей части, можно сказать, ничего не предпринимала, а только исполняла приказы губернскаго начальства Въ первыя три десятилѣтія XIX в. благоустройственныя мѣры губернаторовъ ограничивались рытьемъ канавъ для осушки болотистыхъ и топкихъ мѣстъ, замощеніемъ улицъ и площадей фашинникомъ и пескомъ, ремонтомъ мостовъ и освѣщеніемъ города въ ночное время. Обыкновенно земляныя и мостовыя работы производились подрядомъ съ торговъ. Иногда губернскимъ начальствомъ составлялась предварительная смѣта предположеннымъ расходамъ. Отступленіе отъ смѣты, а особенно, если это былъ перерасходъ, становилось предметомъ длинной переписки, оканчивавшейся замѣчаніемъ, выговоромъ, а то и штрафомъ. Опредѣленнаго плана улучшенія благоустройства не было. Правда, у Бахтина одно время явилась было мысль производить замощеніе города фашинникомъ систематически, для чего и предложено было отпускать изъ городскихъ денегъ по 10 т. руб. ежегодно. Привести этотъ планъ въ исполненіе не пришлось, чему городъ имѣлъ, конечно, право только радоваться, ибо тратить ежегодно по 10 т. р. на фашиновую мостовую значило даромъ бросать въ грязь городскія деньги. Другіе губернаторы такихъ плановъ не составляли и старались только о томъ, чтобы кое какъ загатить топи и лужи. Такъ и велось изъ году въ годъ. Только губернаторъ Грибовскій задумалъ было измѣнить постановку дѣла и вмѣсто ежегодныхъ заплатъ на городской почвѣ создать нѣчто болѣе способное противостоять водной стихіи. При немъ былъ продѣланъ опытъ замощенія каменъ небольшой площадки передъ почтовой конторой. Но „безразсудный молодой человѣкъ“ былъ скоро убранъ изъ Харькова, а его замѣститель къ продолженію опыта склонности не обнаруживалъ.

Сколько городъ расходовалъ въ отдѣльности на рытье канавъ, замощеніе, ремонтъ мостовъ и освѣщеніе—по думскимъ отчетамъ опять таки не видно. Мы имѣемъ только общія цифры. Въ 1809 г. на разныя городскія работы—замощеніе, расширеніе улицъ,—и освѣщеніе было израсходовано 25544 р. 48 коп. Въ 1818 г. городскія работы обошлись въ 3969 р. 70 к., а освѣщеніе въ 68 р. 10 коп. Въ 1826 г. освѣщеніе стоило городу уже 1529 р. 12 коп. (въ эту цифру входятъ, вѣроятно, и расходы на освѣщеніе постойныхъ домовъ, тюрьмы и полиціи). Въ 1829 г. городскія работы стоили 10932 р. 28 коп., а освѣщеніе 4068 р. 62½ коп. Въ 1835 г. городскія работы—7407 р. 37 коп., а освѣщеніе—3519 р. 47 [1]). Изъ за расходовъ на освѣщеніе шла постоянная борьба между думой и полиціей. Деньги на этотъ предметъ дума отпускала полиціймейстеру, а этотъ послѣдній высчитывалъ расходы, не взирая ни на время года, ни на фазы луны. Дума считала такой разсчетъ убыточнымъ для своей кассы. Отсюда споры и бумажная война [2]).

Тратилъ городъ кое-что и на просвѣщеніе. Своихъ учебныхъ заведеній у него еще не было, но онъ былъ обязанъ субсидировать казенныя. Въ 1804 и 1805 г.г. онъ отпускаетъ по 1455 р. на содержаніе главнаго народнаго училища. Въ 1808 и 1809 г.г. онъ расходуетъ по 2405 р. на содержаніе гимназіи. Въ 1813 г. городская дума нанимаетъ на свои средства квартиру для уѣзднаго училища за 1200 р. [3]). Въ 1812 г. губернаторъ распорядился прекратить отпускъ денегъ на содержаніе гимназіи, тѣмъ не менѣе расходъ этотъ производился и впослѣдствіи. Въ 1818 г. городъ расходуетъ на просвѣщеніе всего только 497 р. Въ 1829 г. на содержаніе гимназіи и уѣзднаго училища было употреблено 1492 р. 87 коп., въ 1834 г.—1497 р., 60 коп., а въ 1835 г.—3901 р. 6½ коп. Съ 1828 г. расходы города на просвѣщеніе возрасли, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію ему было вмѣнено въ обязанность давать ежегодно по 2 т. руб. на содержаніе института благородныхъ дѣвицъ, за что городъ получилъ право воспитывать въ институтѣ двухъ дочерей бѣдныхъ купцовъ или сиротъ купеческаго званія [4]). Въ началѣ тридцатыхъ годовъ городъ обзаводится уже и своимъ собственнымъ училищемъ, такъ назыв. Ланкастерскою школою взаимнаго обученія (теперешнее первое городское училище). Въ смѣту городскихъ расходовъ 1835 г. на содержаніе его вносится 1900 р., да на обзаведеніе было истрачено 2726 р. 76 к.

Къ расходамъ на просвѣщеніе нужно отнести и пожертвованіе, сдѣланное городомъ на университетъ,—пожертвованіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чувствительно отражавшееся на думской кассѣ. Въ 1802 г.

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1836 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1816 г. мая 12.
[3]) Тамъ же. Журн. 1813 г. сентября 29.
[4]) Тамъ же. Журн. 1828 г. іюля 25.

городское общество постановило пожертвовать въ пользу университета всѣ остатки отъ винной суммы, накопившіеся съ 1783 г., а затѣмъ отдавать ежегодно въ пользу университета и половину винной суммы. Постановленіе это въ первой своей части удостоилось Высочайшаго утвержденія, что же касается всегдашняго отчисленія половины винной суммы, то оно было признано обременительнымъ. Вмѣсто половины всей винной суммы велѣно было отпускать ежегодно на университетъ только половину остатковъ отъ расходовъ этой суммы на городскія надобности.

Великодушный порывъ харьковскаго гражданства встрѣтилъ такимъ образомъ серьезную сдержку со стороны правительства. И нужно сказать, въ этомъ ограниченіи была большая доля благоразумія, ибо возросшіе съ теченіемъ времени расходы города скоро показали, что не только половины винной суммы, которую собирался оставить себѣ городъ, но и всей ея не хватаетъ для удовлетворенія городскихъ нуждъ.

Остатковъ отъ винной суммы, накопившихся съ 1783 г, по 1 сентября 1802 г., считалось 5832 р. 25 коп. Деньги эти числились въ долгу за разными лицами. Въ 1804 г. городъ отдалъ изъ нихъ университету 3532 р. 25 коп., остальныя 2300 р. были отосланы въ университетъ въ 1806 г. Затѣмъ, отосланы были въ 1826 г. по предложенію губернатора и еще 2000 р., находившіеся въ „заимообразѣ“, но эта послѣдняя сумма, какъ утверждала дума, взята была у нея неправильно, что, впрочемъ, признало затѣмъ и губернское правленіе. Что касается половины ежегодныхъ остатковъ отъ винной суммы, то таковые уплачивались университету только въ первые годы послѣ принятаго на себя городомъ обязательства, отъ 1802 по 1808 г. Съ 1808 г. остатковъ отъ винной суммы оставаться не стало, ибо не только вся винная сумма шла въ расходъ, но приходилось еще въ добавленіе къ ней обращаться и къ другимъ источникамъ. Уплата пособія университету прекратилась и не возобновилась, не смотря на энергичныя требованія университета и настоянія губернскаго начальства [1]).

При скудости доходовъ, почти цѣликомъ уходившихъ на перечисленныя нами городскія надобности, дума могла только кое-какъ сводить концы съ концами, да и то не всегда. А между тѣмъ для поднятія доходности ей непремѣнно нужно было озаботиться увеличеніемъ городскихъ оброчныхъ статей. Наилучшимъ средствомъ для этого въ Харьковѣ, какъ городѣ торговомъ, могла бы быть постройка городскихъ лавокъ для отдачи въ аренду. Но для постройки нужны были деньги, а ихъ у города не оказывалось. Вотъ почему и постройка такихъ болѣе солидныхъ лавокъ, какъ нынѣшній Шубный рядъ, возникшій на мѣстѣ „каменной галлереи“ подъ горкой, растягивалась на длинный рядъ лѣтъ; вотъ почему постройка такихъ, несомнѣнно доходныхъ сооруженій, какъ толкучій рынокъ на старомъ базарѣ или Суздальскій рядъ на новомъ, попадала въ частныя руки, а городъ могъ строить только мелкія деревянныя лавченки, стоившія всего десятки рублей, но зато и приносившія грошевые доходы. Конечно, въ такой хозяйственной системѣ повиненъ, можетъ быть, нѣсколько и составъ думы, исключительно купеческій, отнюдь не горѣвшій стремленіемъ предпочитать городскія выгоды своимъ классовымъ, но главная бѣда была все таки въ недостаткѣ у города средствъ. Правда, иногда отъ расходовъ оставались остатки, и въ теченіе ряда лѣтъ могъ бы, вѣроятно, образоваться запасной капиталъ, который и можно было бы когда нибудь употребить на устройство доходныхъ предпріятій. Но и тутъ обстоятельства складывались для города неблагопріятно. Отечественная война, истощившая государственныя рессурсы, лишила и Харьковъ возможности пользоваться сбереженіями отъ расходовъ. 15 іюня 1812 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, въ видахъ подкрѣпленія государственнаго казначейства, постановлено было: всѣ капиталы и суммы, городамъ принадлежащіе, кои, за удовлетвореніемъ однихъ токмо необходимыхъ расходовъ, оставаться могутъ, обратить въ Государственное Казначейство. Такимъ образомъ у городовъ были отняты не только запасные капиталы, у кого прежде были, но и самая возможность образованія таковыхъ: остатки отъ расходовъ отбирались въ казну. Такой порядокъ продолжался до 1821 г. Только въ этомъ году, согласно положенію комитета министровъ, было установлено, чтобы всѣ остатки отъ городскихъ доходовъ отдавались въ приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія процентами. Въ случаѣ надобности города могли требовать эти капиталы съ процентами для устройства разныхъ заведеній и устроеній, благоустройству и пользѣ городовъ служащихъ [2]).

---

[1]) Арх. Гор. Думы. 1822 г. стр. 13, 1823 г. іюня 15, 1827 г. февр. 25.

[2]) П. П. С. З. т. XXXVII № 28717.

Взиманіе городскихъ сборовъ лежало на самой думѣ. Гласные сами распредѣляли между собою, кому сбирать тотъ или другой сборъ. Вооруженные соотвѣтствующими книгами для записи городскихъ доходовъ, они ходили по домамъ и лавкамъ и получали, сколько съ кого слѣдовало. Въ случаѣ упорнаго нежеланія плательщика взнести слѣдуемую съ него сумму, взысканіе поручалось полиціи, далеко не всегда рачительно относившейся къ возложенной на нее городомъ обязанности и не рѣдко мирволившей неаккуратнымъ, но почему либо угоднымъ ей недоимщикамъ. Въ 1823 г. дума поручила полиціймейстеру взыскать съ одесскаго купца Грейса 916 р. городской недоимки. Полиціймейстеръ получилъ думскую бумагу, но исполненія по ней не произвелъ. Послали вторичное требованіе, на которое полиціймейстеръ вмѣсто денегъ представилъ „не резонное“ объясненіе Грейса, почему, по его мнѣнію, не слѣдуетъ брать съ него сбора. Написали въ третій разъ съ просьбою, „дабы благоволилъ, не пріемля отъ купца Грейса никакихъ отговорокъ, взыскать съ него деньги“. Полиціймейстеръ отвѣтилъ, что Грейсъ выѣхалъ въ Одессу, а потому и взысканіе съ него учинить не можно [1]). Такихъ, какъ Грейсъ, было не мало. Въ томъ же 1823 г. полиціймейстеръ оставилъ безъ исполненія требованія думы о взысканіи городскихъ сборовъ съ путивльскаго мѣщанина Баранникова (100 р.), съ француза Морели (500 р.), съ содержателя биржевой ѣзды (525 р.), съ тульскаго купца Добрынина (760 р.). Въ теченіе февраля—мая, по небрежности полиціи, городъ не дополучилъ 2801 р. изъ причитавшихся ему сборовъ [2]). Само собою понятно, что такое отношеніе полиціи къ дѣлу не рѣдко ставило городскую кассу въ затруднительное положеніе.

Бывали недочеты въ городскихъ доходахъ и въ расходованіи городскихъ суммъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло велось только самими гласными. Такіе недочеты нерѣдко обнаруживались казенной палатой и вызывали разслѣдованія, большею частью сильно запоздалыя. Приходо-расходныя книги представлялись въ казенную палату обыкновенно съ большимъ опозданіемъ, да и сама палата не спѣшила съ ревизіей ихъ. Приходо-расходныя книги 1820—1821 г.г. дождались ревизіи только въ 1827 г. При обнаруженіи палатою какихъ либо „несходствъ“ или „невѣрностей“ требовались объясненія отъ бывшихъ въ моментъ производства расхода гласныхъ. А за 5—7 лѣтъ иные изъ гласныхъ успѣвали уже стать покойниками, а сущіе въ живыхъ отказывались „запамятованіемъ“ или ссылались на городского голову и думскую канцелярію „Запамятовать“ дѣйствительно было возможно, да и ссылки на голову и канцелярію имѣли свой смыслъ, такъ какъ сборщики и расходчики брались большею частью изъ гласныхъ попроще, мѣщанъ или цеховыхъ, являвшихся по своей малой письменности послушными орудіями въ рукахъ канцеляріи и головы, крупнаго и почтеннаго купца, которому чуйки перечить не дерзали [3]). Кромѣ казенной палаты, у думы въ области ея финансовыхъ дѣлъ былъ и другой контролеръ—губернаторъ, которому дума обязана была представлять ежемѣсячныя вѣдомости о своихъ приходахъ и расходахъ. Вмѣшательство прочихъ властей въ денежныя свои дѣла дума признавала уже не законнымъ. Когда въ въ 1803 г. совѣтникъ губернскаго правленія Цебриковъ и губернскій прокуроръ Евецкій именемъ губернатора потребовали допущенія ихъ къ ревизіи денежнаго сундука, дума нашла ихъ образъ дѣйствія незаконнымъ [4]). Впослѣдствіи думское дѣлопроизводство подчинено было еще надзору стряпчихъ и прокурора, но большого значенія надзоръ этотъ не имѣлъ. Губернатору принадлежалъ не только контроль городскихъ расходовъ, но и право разрѣшать ихъ. При иныхъ губернаторахъ дума безъ разрѣшенія его превосходительства не смѣла сдѣлать самаго пустого расхода. Иногда, впрочемъ, допускались и вольности. Въ 1822 г. губернаторъ приказалъ думѣ не производить безъ его вѣдома иныхъ расходовъ, кромѣ указанныхъ въ 152 ст. Городового Положенія, для остальныхъ требовалось предварительное представленіе губернатору смѣты и его утвержденіе [5]). Губернаторъ Грибовскій разрѣшилъ думѣ расходовать, не испрашивая его согласія, до 50 руб. ежегодно для починки мостовъ и мостковъ. Въ 1832 г. контрольное отдѣленіе казенной палаты нашло такой порядокъ противозаконнымъ. Повергая этотъ вопросъ на „начальническое благоуваженіе“ вице-губернатора, дума доказывала, что требуемый контрольнымъ отдѣленіемъ порядокъ очень для нея стѣснителенъ, такъ какъ починки случаются почти ежедневно, и за всякой мелочью приходится

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1823 г. іюня 22.
[2]) Тамъ-же. Журн. 1823 г. іюля 16.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1827 г. окт. 28.
[4]) Тамъ-же. Журн. 1803 г. сент. 10 и 11.
[5]) Тамъ-же. Журн. 1822 г.

обращаться къ архитектору для составленія смѣты, а потомъ къ начальнику губерніи за разрѣшеніемъ, не говоря уже о томъ, что за проволочкой времени мелкая неисправность рискуетъ превратиться въ большую [1]).

Губернаторъ не только разрѣшалъ думѣ производство тѣхъ или другихъ расходовъ, но и самъ давалъ ей указанія, на что она должна тратить городскія деньги, и указанія эти принимались къ непремѣнному исполненію. А бывало и такъ, что губернаторъ просто приказывалъ думѣ выдать деньги на тотъ или другой расходъ, признанный имъ, губернаторомъ, для города нужнымъ. Такъ въ 1814 г. губернаторъ Бахтинъ предписалъ приказу общественнаго призрѣнія удержать изъ имѣющихся у него городскихъ денегъ 3300 р. за предназначенную имъ къ продажѣ леваду, а самую леваду передать въ собственность города. Городъ такимъ образомъ сталъ собственникомъ левады помимо своего вѣдома и чаянія. Аналогичный случай встрѣчается въ 1813 г. Въ 1812 г. при сборѣ въ Слободско Украинской губерніи 4 т. воловъ съ тысячью проводниковъ дворянствомъ и „казеннаго званія“ людьми, кромѣ этой поставки, были пожертвованы значительныя суммы на содержаніе коммиссіонеровъ и прочія издержки, но купечество въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принимало. Было рѣшено, что купечество заплатитъ за тѣ издержки, какія понесла казна при отправкѣ по этому дѣлу эстафетъ, всего 534 руб. 87 к. Кто рѣшилъ наложить на купечество этотъ сборъ и кто распредѣлялъ его между купеческими обществами губерніи, не знаемъ, знаемъ только, что на долю харьковскихъ купцовъ пришлось уплатить 356 р. 87½ коп. Чтобы скорѣй покончить со взысканіемъ этой суммы, губернаторъ распорядился взять ее изъ думскихъ доходовъ, предоставивъ думѣ право взыскать ихъ самой съ тѣхъ, кто ихъ платить обязанъ [2]). Разумѣется, такія внезапные расходы по губернаторскимъ предписаніямъ не могли не отражаться дурно на городской кассѣ, которая, благодаря непредвидѣннымъ расходамъ, не рѣдко оказывалась совсѣмъ пустою: 11 января 1814 г. въ думскомъ сундукѣ было всего 46 коп. наличныхъ денегъ [3]). Если въ думѣ не было денегъ, губернаторъ предписывалъ позаимствовать нужныя суммы изъ другихъ источниковъ, и такимъ образомъ у города создавались долги помимо его воли. Въ 1815 г. въ Харьковъ прибылъ изъ Тифлиса плѣнный Мамадъ-Ассанъ-ханъ. Для устройства его квартиры потребовались деньги, а такъ какъ у думы ихъ не было, то губернаторъ приказалъ позаимствовать 1500 р. изъ суммъ городоваго магистрата. Въ 1818 г. ждали Царскаго проѣзда, а такъ какъ на приведеніе города въ порядокъ у думы денегъ не было, то по губернаторскому приказу взяты были изъ магистратскихъ суммъ 6000 р. Долги эти не были городомъ уплочены даже въ 1838 г. [4]). Дѣлались по губернаторскимъ распоряженіямъ позаимствованія и не у городскихъ учрежденій, напр. изъ суммъ такъ назыв. земскихъ повинностей. Нужно, впрочемъ, сказать, что такіе непредвидѣнные расходы по губернаторскимъ приказамъ имѣли мѣсто преимущественно въ первыя десятилѣтія XIX в. Въ Николаевское время ихъ уже болѣе не встрѣчаемъ. Въ это время губернаторы, собираясь сдѣлать расходъ изъ городскихъ суммъ, наводили предварительно справки о состояніи думской кассы и предполагаемыхъ доходахъ и расходахъ.

Чтобы дать понятіе о городскихъ доходахъ и расходахъ, приводимъ изъ отчетовъ думы сводныя свѣдѣнія о нихъ за три года, по одному для каждаго изъ описываемыхъ нами трехъ десятилѣтій.

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1832 г. іюля 5.
[2]) Тамъ же. Журн. 1813 г. апрѣля 29.
[3]) Тамъ же. Журн. 1814 г. января 11.
[4]) Тамъ же. Журн. 1838 г. марта 13.

Приходъ 1809 года.

Винная сумма.	Руб.	К.	Городской доходъ.	Руб.	К.
Остатокъ 1808 года	2817	73¼	Остатокъ 1808 года	6319	84
Отъ новѣр. Харьк. питейныхъ конторъ.	40945	--	Съ городскихъ мѣстъ во время ярмарокъ	2957	35
Выручка отъ проданныхъ вещей въ лазаретахъ мушкатерскихъ полковъ .	508	92	Съ городскихъ вѣсовъ	393	10
Возвращены полицiей	33	—	Изъ взятыхъ заимообразно	641	80
Взятые заимообразно изъ городовыхъ доходовъ	7791	02½	Доходъ съ лавокъ	640	15¼
			Откупныхъ	705	—
			Пени въ пользу общест. призр. . .	25	—
			За извозъ	54	—
			Съ иногород. содержателей харчевень	500	—
Итого	52095	67¾	Итого	12236	24¼
			Общая сумма прихода	64331	92

Расходъ 1809 года.

Изъ винной суммы.	Руб.	К.	Изъ городовыхъ доходовъ.	Руб.	К.
1. На городскiя работы: Мощенiе улицъ, расширенiе улицъ, освѣщенiе города	25544	48	Содержанiе думы:		
2. Отопленiе и освѣщенiе домовъ, занятыхъ подъ разныя городскiя надобности, караульныхъ будокъ, а также ремонтъ городскихъ зданiй	7596	23	Жалов. письмоводителямъ	403	30
3. Содержанiе лазарета (жал. сторож.) .	60	—	„ писцамъ	173	—
4. Содержанiе магистрата	2241	27½	„ сторожамъ	136	—
5. Содержанiе полицiи:					
а) жалованiе служащимъ . . .	2670	48¼	„ смотрителю город. строенiй .	150	—
б) содержанiе и провiантъ унтеръ офицер., находящ. въ штатѣ полицiи, и прокормъ положеннаго числа лошадей	2646	48¼	Отопленiе, освѣщ. канцелярскiе расходы и мелкiя гор. работы . . .	170	85
6. Содержанiе коммиссiи квартирн. .	300	80			
7. „ сиротскаго суда . . .	148	70	Итого	1033	15
„ думы (канц. расходы) .	54	02½			
8. Въ приказъ обществ. призрѣнiя . .	2708	—			
9. Содержанiе гимназiи	2405				
10. За наемъ домовъ подъ городскiя надобности и кварт. полицiймейстера и др.	780				
11. Отосланы въ губернское правленiе.	23	86			
12. Содержанiе совѣстнаго суда . . .	1110	64	Отослано въ общест. призрѣнiя . .	25	—
„ словеснаго суда . . .	114	—			
Содержанiе пожарной	3683	35	Передано въ винную сумму	7791	02½
Итого	52087	32½	Итого	8849	17½
			Общая сумма расходовъ	60936	50
			Общая сумма остатка	3395	42

Приходъ 1818 года.

Винная сумма.	Руб.	К.	Городовой доходъ.	Руб.	К.
			Остатокъ прошлаго года	—	29
Изъ откупныхъ винныхъ за городъ Харьковъ доходовъ	40945	—	Съ городскихъ мѣстъ во время ярмарокъ	15935	—
			Съ городскихъ вѣсовъ	1914	05½
			Изъ суммы земскихъ повинностей .	3222	75
			„ приказа обществен. призрѣнія .	2071	60
Отчисленныхъ изъ городовыхъ доходовъ въ Харьк. винную сумму . . .	27949	03 [1]	Отъ купечества (за содерж. гербергов.).	2349	99½
			Съ городскихъ лавокъ	4570	—
			Съ содержателей ресторацій	306	25
			Съ отведенныхъ городомъ мѣстъ подъ кузницы и др. строенія	608	—
			Съ промышляющихъ извозомъ . . .	575	
			Съ иногородныхъ, занимающихся промыслами	2359	25
Итого	68894	03	Итого	33984	19

Расходъ 1818 года.

Изъ винной суммы.	Руб.	К.	Изъ городовыхъ доходовъ.	Руб.	К.
			Содержаніе думы	1503	24
			Отчислены въ Харьковскую винную сумму	21661	02¾
			Содержаніе магистрата	1196	—
			Содержаніе полиціи	1209	98¾
			Отправлены въ коммиссію продажи казенныхъ имуществъ	8	44
			Содержаніе словеснаго суда	76	—
			Отопленіе и освѣщеніе домовъ. занятыхъ подъ городскія надобности, ремонтъ городскихъ зданій и разная мелкая городская работа . .	1530	88
			Освѣщеніе города	68	10
			Содержаніе гимназіи	497	60
			Стряпчему на канц. расходы . . .	40	—
			Городская работа	3969	70
			На воспитанниковъ Харьк. воен. сиротскаго отдѣленія	216	—
			Содержаніе баталіона	40	50
			Содержаніе пожарной	400	—
			За наемъ домовъ подъ городскія надобности	1566	66½
			Итого	33984	14

[1] Изъ городскихъ доходовъ 21661 р. 2¾ к.
Изъ Харьк. город. магистрата 600 р.
Изъ суммъ земскихъ повинностей 288 р.

Приходъ 1829 года.

	Руб.	К.
Остатокъ прошлаго года	43986	15½
Возвращены въ думу (невыдан. жалов. чинов. по случаю болѣзни послѣдн.)	164	62
Доходъ съ городскихъ лавокъ	6027	50
Съ содержателей трактировъ	1060	—
Съ городскихъ мѣстъ во время ярмарокъ	14503	30
% съ купеческихъ капиталовъ	4110	—
Винная сумма	40945	—
Съ гостинницъ	450	—
Съ продан. и отдан. въ наемъ городскихъ мѣстъ подъ постр. лавокъ	290	—
Съ городскихъ вѣсовъ	1112	50
Взысканныя недоимки прошлыхъ годовъ	41	—
Съ крестьянскихъ свидѣтельствъ 3-го и 4-го разр.	216	—
Съ проданныхъ пожарныхъ лошадей	285	—
Вычетъ изъ жалованья чинов. для пенсій вдовамъ и сиротамъ	49	96
Съ биржевиковъ	208	—
Отъ вице-губернатора квартирныя	333	34
Итого	113782	37½

Расходъ 1829 года.

	Руб.	К.
Содержаніе полиціи, пожарной, тюремнаго замка, гарнизоннаго баталіона	26870	86¾
Отопленіе и освѣщеніе домовъ, занятыхъ подъ разныя городскія учрежденія, ремонтъ городскихъ зданій и разныя мелкія городскія работы.	15140	52½
Содержаніе гимназіи	1492	87
„ квартирной коммиссіи	398	50
„ магистрата.	2405	63½
„ комитета уравненія городскихъ повинностей	3963	—
„ думы	2586	98
За наемъ домовъ подъ разныя городскія учрежденія и квартиры полицейск. чиновн.	3315	—
На городскія работы (угаченіе улицъ, исправленіе мостовъ и др.)	10932	28
На освѣщеніе города	4068	62½
„ перестройку городской цирульни	351	50
Выдано пенсіонерамъ	217	25
Содержаніе судовъ:		
1. „ совѣстнаго	776	30¾
2. „ словеснаго	113	40
3. „ сиротскаго	248	12½
Отослано въ приказъ общест. призрѣнія	358	40
На учрежденіе сберегательной кассы	500	—
„ экстренные расходы (отосл. моск. об. полиц., въ харьк. уѣзд. казначейство и казен. палату)	153	26
Итого	73894	52½

Съ 1835 г. для городского хозяйства наступилъ новый періодъ развитія. 9 іюля этого года Высочайше утверждено Положеніе о доходахъ и расходахъ г. Харькова, которымъ не только опредѣлены были точно источники доходовъ и предметы расходовъ, но и установлены опредѣленныя цифры для тѣхъ и другихъ.

Положенію суждено было надолго стать регуляторомъ городского хозяйства, а потому оно и заслуживаетъ подробнаго изученія. Положеніе устанавливаетъ слѣдующія статьи доходовъ: 1) сборы съ обывателей, ихъ домовъ и заведеній, 2) сборы съ заведеній промышленности и промышленниковъ, 3) окладные доходы отъ общественныхъ имуществъ и отъ казны, 4) сборы съ актовъ, сдѣлокъ и публичной продажи и 5) доходы случайные. Остановимся надъ первой статьей доходовъ. До сихъ поръ съ обывательскихъ домовъ и недвижимостей городъ не получалъ дохода. Теперь съ оцѣнки обывательскихъ домовъ и лавокъ установлено было взимать по проценту съ каждаго оцѣночнаго рубля. Для этого установлена оцѣнка всѣхъ недвижимыхъ собственностей въ городѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: „для оцѣнки составляется изъ лицъ отъ каждаго въ городѣ сословія комитетъ, который при оцѣнкѣ принимаетъ въ соображеніе: мѣстоположеніе дома, лавки или другой недвижимой собственности, доходъ, ими приносимый, включая и то, какой доходъ могли-бы дать комнаты, занимаемыя хозяиномъ, наконецъ, и необходимые по дому расходы. Исключа расходы изъ доходовъ, по количеству оставшейся суммы комитетъ опредѣляетъ оцѣнку недвижимой собственности, расчитывая ее по 6, по 7, и по 10 процентовъ сообразно мѣстному положенію и выгодности зданій". „Дома, лавки при домахъ и другія принадлежности въ 1-й части города цѣнятся по 8, а въ остальныхъ по 6, лавки, принадлежащія къ домамъ въ Гостинномъ дворѣ—по 10, въ первой части—по 8, а въ прочихъ—по 6, лавки при баняхъ и самыя бани по 6 процентовъ". Для домовъ и лавокъ, въ наемъ не отдаваемыхъ, но занимаемыхъ самими владѣльцами, установлена была двоякая оцѣнка: по примѣру сосѣднихъ того же рода недвижимыхъ собственностей, если же домъ или лавка не могутъ быть сравнены съ сосѣдними подобными домами или лавками, тогда цѣнность опредѣляется по соображенію измѣреній и мѣстнаго положенія, не упуская изъ виду и того, во сколько оцѣненъ подобный домъ въ другомъ мѣстѣ или части города по доходамъ, такъ чтобы ни въ какомъ случаѣ оцѣнка не могла быть не уравнительною, и обыватели одинъ передъ другимъ не были бы обременены излишне. Доходъ съ обывательскихъ домовъ и заведеній былъ опредѣленъ въ 90.000 р. асс. Для того, чтобы каждый обыватель зналъ о количествѣ слѣдующаго съ владѣемой имъ собственности платежа, установлены печатныя табели съ означеніемъ нумера дома или лавки, имени хозяина, оцѣнки имущества и количества причитающагося съ него сбора. Табели эти продавались желающимъ, что, по разсчету законодателя, должно было дать городу не меньше 100 р. ежегоднаго дохода. Всякому вновь произведенному строенію, всякой новой пристройкѣ и перестройкѣ ветхихъ зданій, по приведеніи ихъ въ удобное для жительства состояніе, производится оцѣнка, и они облагаются оцѣночнымъ сборомъ. Уменьшеніе сбора съ тѣхъ строеній, которыя придутъ въ совершенную ветхость, будутъ сломаны, или подвергнутся пожару, точно также устанавливается комитетомъ. Отъ уплаты оцѣночнаго сбора были избавлены: архіерейскій домъ, монастырскія подворья, дома священно-и-церковно служителей, вдовъ ихъ и сиротъ, собственно ими занимаемые, богоугодныя заведенія и богослужебныя иновѣрческія зданія, дома казенные университетскіе, института благородныхъ дѣвицъ й другія училищныя строенія, исключая тѣхъ, которыя отдаются въ наемъ и доходъ приносятъ, дома общественные, доходовъ не приносящіе и для промышленности не употребляемые, всѣ заведенія и мѣста, городу принадлежащія, изъ которыхъ доходы поступаютъ въ пользу города, и, наконецъ, дома бѣдныхъ обывателей, оцѣненные менѣе 200 руб.

Сборъ отъ записки въ городскую обывательскую книгу былъ установленъ еще Городовымъ Положеніемъ 1785 г., но въ дѣйствительности онъ почти ничего не давалъ въ городскую кассу. Теперь для этого установлены были особыя правила. Записка въ обывательскую книгу была сдѣлана обязательной для всѣхъ горожанъ, при чемъ съ каждаго записавшагося семейства установленъ былъ опредѣленный взносъ: съ купцовъ 1-й гильдіи 50 р., 2-й—25 р., 3-й—15 р., съ мѣщанъ и цеховыхъ за каждое семейство—5 р., съ прочихъ обывателей всякаго сословія, имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность,—по раскладкѣ съ суммы, въ какую оцѣненъ для сбора въ городской доходъ домъ, лавки или другая недвижимая собственность: отъ 10 до 100 р.—2 р., отъ 100 до 1000 р.—5 р., отъ 1000 до 5000 р.—10 р., отъ 5000 до 10.000 р.—15 р., отъ 10.000 до 15.000 р.—20 р., отъ 15,000 до 20.000 р.—25 р., отъ 20.000 до 30.000 р.—30 р., отъ 30.000 до 40.000 р.—40 р., отъ 40.000 до 50.000 р.—50 р.

За незаписку въ годовой срокъ и невзносъ сбора взыскивалось положенное количество вдвое. Доходъ города отъ записки въ обывательскую книгу опредѣленъ былъ въ 800 руб.

Установленъ былъ, кромѣ того, сборъ и за жестяныя таблицы, которыя обязательно должны были обыватели прибивать къ своимъ домамъ. На таблицѣ обозначались: названіе улицы, званіе, имя и фамилія хозяина, часть города, кварталъ и нумеръ, въ коемъ онъ состоитъ записаннымъ въ городовую обывательскую книгу. Доходъ отъ продажи такихъ таблицъ Положеніе опредѣлило въ 200 р. Затѣмъ шелъ сборъ по пользу города съ мѣстъ, отводимыхъ частнымъ лицамъ подъ застройку. Городскія мѣста подъ застройку отдавались съ публичныхъ торговъ, при чемъ низшая цѣна, съ которой начинались торги, установлена въ 3 коп. за кв. сажень. Сборъ этотъ по Положенію долженъ былъ дать въ городскую кассу 1215 руб.

Относительно сборовъ съ заведеній промышленности и промышленниковъ установленъ былъ рядъ правилъ. Иногородные купцы, иностранные гости и торгующіе крестьяне должны были въ пользу города уплачивать сборы на основаніи ст. 28 и 29. Свод. зак. о городскихъ доходахъ. (Т. 12) и другихъ послѣдовавшихъ о торговлѣ узаконеній. Сборъ этотъ опредѣленъ Положеніемъ въ 1865 р. Съ извозчиковъ взималось по 5 руб. въ годъ съ каждой лошади. Поселяне, временно занимающіеся перевозкой строевыхъ матеріаловъ, „яко не дѣлающіе себѣ постояннаго изъ того промысла“, освобождались отъ всякаго платежа. Доходъ съ извознаго промысла былъ опредѣленъ въ 162 р. Мастеровые и ремесленники должны были платить ежегодно: мастеръ, имѣющій работниковъ, 10 рублей, а не имѣющій—5 рублей, подмастерье—4 руб. и работникъ—2 р. Изъ вносимой суммы половина оставлялась въ ремесленной казнѣ, а другая присоединялась къ городскимъ доходамъ. Отъ платежа этого сбора были изъяты: каменщики, печники, плотники, штукатуры, какъ люди приносящіе ремесломъ своимъ пользу городу.—Весь сборъ съ ремесленниковъ былъ опредѣленъ въ 250 руб.

Съ занимающихся маркитантскимъ торгомъ, безъ различія иногородныхъ отъ мѣстныхъ, какъ то булочниковъ, калачниковъ, крендельщиковъ, блинниковъ, квасниковъ, сбитенщиковъ, установленъ въ пользу города сборъ: съ хозяина по 5 руб., а съ работника по 2 р. Отъ этого „акциза“ избавлялись крестьяне, временно приходящіе въ городъ промышлять отъ себя въ разносъ, безъ занятія городского мѣста, а также каменщики, плотники, печники и штукатуры.—Маркитантскій сборъ долженъ былъ дать въ городскую кассу 500 р. Съ пріѣзжающихъ въ Харьковъ иногородныхъ мастеровъ восковыхъ и сальныхъ свѣчей и мыловаровъ установлено взимать съ первыхъ: съ хозяина по 20 р., а работника 4 рубля, съ послѣднихъ же двухъ: съ хозяина по 10 р., а съ работника по 2 рубля. Этому же сбору подвергнуты набойщики и красильщики. Общая сумма сбора опредѣлена въ 400 р. Съ конфетчиковъ установленъ налогъ съ хозяина 15 р., а съ работника 2 рубля. Городской доходъ по этой статьѣ опредѣлялся всего только въ 60 р. Трактиры установлено отдавать въ содержаніе съ торговъ на 4 года, прочія-же затѣмъ трактирныя заведенія, какъ-то гостинницы, рестораціи, кофейные дома и харчевни, отдавать въ содержаніе съ платежомъ акциза, установленнаго думою съ утвержденія гражданскаго губернатора. Сборъ съ трактировъ долженъ былъ давать въ городскую кассу 2452 руб.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ источниковъ дохода были городскія торговыя мѣста, отдаваемыя временно для постройки балагановъ, занятія товарами и проч. Согласно Положенію, они облагались сборомъ въ городской доходъ, „смотря по выгодамъ, употребленію и по содержанію самой торговли“. Выстраиваемые отъ города во время ярмарокъ лавки и балаганы, харчевни, пристраиваемыя жителями на городской землѣ къ домамъ или лавкамъ, полагалось отдавать не иначе, какъ по контрактамъ, билетамъ и прочимъ письменнымъ видамъ. Доходъ съ городскихъ мѣстъ и лавокъ опредѣлялся Положеніемъ въ 18276 р. Съ пивоваровъ и медоваровъ установленъ сборъ по пяти процентовъ съ каждаго рубля акциза, платимаго заводчиками откупщику. Общая сумма дохода по этой статьѣ опредѣлялась въ 2500 р. Съ ренсковыхъ погребовъ положено взимать по 20 р., а вся сумма дохода опредѣлена въ 400 р. Кондитерскія лавки и магазины, пользующіеся правомъ ренсковаго погреба, обложены по 50 руб. каждый, цирюльники по 10 руб., содержательницы модныхъ лавокъ по 100 р. съ каждой въ годъ. Въ общемъ доходѣ города съ кондитерскихъ, цирюленъ и модныхъ магазиновъ опредѣленъ былъ въ 200 р. Съ содержателей постоялыхъ извозчичьихъ дворовъ установленъ сборъ по 3% съ суммы, платимой хозяину за наемъ дома, буде-же самъ хозяинъ двора занимается сею промышленностію, то платитъ имѣющій

таковый домъ въ 1-й части 25 р., а во 2-й 15 руб. Сборъ съ постоялыхъ дворовъ исчисленъ былъ въ 475 р. Съ хозяина театра ежегодный сборъ былъ назначенъ въ 100 р.; съ представленій эквилибристовъ, ташеншпилеровъ и со всѣхъ штукмейстеровъ, пріѣзжающихъ въ Харьковъ для показыванія публично представленій и привозимыхъ ими рѣдкостей, акцизъ назначался „по соразмѣрности выгодъ, отъ таковаго промысла ими пріобрѣтаемыхъ". Доходъ города по этой статьѣ опредѣлялся въ 200 р.

Съ лошадей, пригоняемыхъ и приводимыхъ на ярмарки для продажи, взималось въ пользу города съ объявленной по совѣсти продавца цѣны по проценту на рубль. По разсчету составителей Положенія, городъ съ этого долженъ былъ получать по 500 р. Наконецъ, обложены были и портомойные плоты: они отдавались съ торговъ на откупъ, съ предоставленіемъ содержателю права взимать съ каждаго дома отъ одного до двухъ, четырехъ и болѣе рублей, сообразно пространству и обширности дома и числу въ немъ обитающихъ. Откупъ портомоенъ долженъ былъ дать въ пользу города 300 рублей.

Окладные доходы отъ общественныхъ имуществъ и отъ казны должны были, согласно Положенію, давать городу болѣе четвертой части всего его доходнаго бюджета. Всѣ городскіе дома и лавки городская дума обязана была отдавать въ наемъ съ торговъ, что должно было давать въ городскую кассу 9111 р. ежегодно. Въ пользу города шелъ и четверть-процентный сборъ съ купеческихъ капиталовъ, дававшій въ годъ сумму въ 3480 рублей. Оставлена была за городомъ по старому „винная сумма", которая выдавалась изъ уѣзднаго казначейства каждомѣсячно. Годовой доходъ города по этой статьѣ оставленъ прежній—40975 рублей. По старому же шелъ въ городскую кассу и сборъ съ городскихъ общественныхъ вѣсовъ и мѣръ, опредѣленный Положеніемъ въ 1225 рублей. Установленъ былъ, кромѣ того, сборъ и за клейменіе вѣсовъ и мѣръ, употребляемыхъ въ гостинныхъ дворахъ, на рынкахъ, въ магазинахъ, лавкахъ и разносчиками. Доходъ съ этого предположенъ былъ, впрочемъ, совсѣмъ незначительный—50 рублей.

Положеніемъ 1835 г. установленъ былъ въ Харьковѣ сборъ въ городской доходъ съ векселей при протестѣ по полупроценту и съ заемныхъ писемъ при явкѣ ихъ по срокѣ по четверти процента съ рубля. Собирался онъ городскими нотаріусами и маклерами. Тѣмъ же Положеніемъ устанавливался сборъ съ аукціонной продажи по четыре процента съ суммы, какая по продажѣ вещей выручена будетъ, оставляя изъ сихъ 4% два въ пользу аукціонистовъ, а два въ пользу городскихъ доходовъ. Всего съ актовъ, сдѣлокъ и публичной продажи предположенъ былъ доходъ въ 1000 рублей. Наконецъ, въ пользу города шли и такъ называемые случайные доходы: сборъ съ разыгрыванія лотерей, выморочныя имѣнія, штрафы и пени за несоблюденіе правилъ, а также за невзносъ въ срокъ сборовъ и за необъявленіе полиціи о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Доходъ по этой статьѣ былъ опредѣленъ Положеніемъ въ 400 рублей.

Таковы были статьи доходовъ, установленные Положеніемъ 1835 г. Если мы подведемъ итоги, то увидимъ, что, по предположенію составителей Положенія, общая цифра городскихъ доходовъ должна была достигать 177096 рублей ассигнаціями.

Перейдемъ теперь къ расходамъ. Положеніе 1835 г. устанавливаетъ рядъ правилъ для составленія смѣтъ расходовъ. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ правилъ. Городскіе расходы дѣлятся на постоянные и измѣняющіеся, на ежегодные и единовременные. „Расходы постоянные опредѣляются штатомъ, измѣняющіеся—росписаніемъ и зависятъ отъ возвышенія или пониженія цѣнъ на матеріалы и отъ дѣйствія времени на предметы, подлежащіе къ исправленію; ежегодные заключаются въ тѣхъ и другихъ относительно къ продовольствію, единовременные же состоятъ въ исправленіи недостающаго къ существеннымъ потребностямъ. Городская дума ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ составляетъ смѣту лежащихъ на попеченіи ея городовыхъ расходовъ, какъ постоянныхъ, такъ и измѣняющихся, внося первые въ томъ самомъ количествѣ, какъ они опредѣлены Высочайше утвержденнымъ штатомъ, а вторые съ показаніемъ причинъ увеличенія или уменьшенія ихъ. По составленіи таковой смѣты, дума представляетъ ее на утвержденіе начальнику губерніи, который по разсмотрѣніи, если не найдетъ ничего требующаго исправленія, утверждаетъ оную и, обративъ къ исполненію, представляетъ въ тоже время списокъ для свѣдѣнія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ къ тому о доходахъ предстоящаго года исчисленія. На случай оказаться могущихъ въ смѣтѣ недостатковъ или излишностей по предметамъ, не подлежащимъ точной опредѣлительности, начальникъ губерніи дѣлаетъ свои замѣчанія думѣ для исправленія смѣты заблаговременно, при чемъ поставляется за правило, чтобы никакихъ новыхъ расходовъ сверхъ утвержденнаго

росписанія на думу возлагаемо не было безъ испрошенія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшенія, и чтобъ всѣ расходы, штатомъ не опредѣленные, но по росписанію показанные, ограничивались единою необходимостію. Дума, въ городовыхъ издержкахъ своихъ ограничиваясь назначаемою въ годовомъ росписаніи суммою, ни подъ какимъ предлогомъ не выходитъ изъ оной, а тѣмъ паче не дѣлаетъ новыхъ расходовъ, въ росписаніи неозначенныхъ. Но если бы таковые при непредвидимыхъ случаяхъ дѣйствительно потребовались, то въ семъ случаѣ, какъ и вообще по устройству доходовъ и расходовъ, она руководствуется статьями 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 Свода законовъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ".

Въ городскихъ доходахъ и расходахъ дума обязана была представлять ежегодные отчеты какъ губернатору, такъ и казенной палатѣ, на основаніи ст. 65 Свода законовъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ.

Всѣ остатки городскихъ доходовъ, всѣ суммы, какія отъ расходовъ думы по разнымъ статьямъ, въ росписаніи показаннымъ, будутъ сберегаемы, требовалось, согласно Положенію, обращать въ составъ особеннаго капитала подъ названіемъ капитала остаточныхъ суммъ городскихъ доходовъ. „Капиталъ сей, которой дума отнюдь не должна смѣшивать съ общими доходами города, но показывать въ счетахъ своихъ особою статьею, предполагается единственно на какія либо значущія и общеполезныя въ городѣ зданія или заведенія и не иначе можетъ быть употребляемъ, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Весь сей капиталъ дума обращаетъ въ приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія процентами".

Для расходовъ Положеніе 1835 г. устанавливаетъ такое же расписаніе, какъ и для доходовъ, съ указаніемъ точныхъ цифръ. Вотъ эти цифры съ распредѣленіемъ на отдѣлы, какъ онѣ показаны въ Положеніи.

		руб.	коп.
	I.		
	По содержанію полиціи и пожарной части.		
1	На жалованье полицейскимъ чиновникамъ и служителямъ и на канцелярскіе расходы	19291 16842	— 26½
2	На провіантъ и аммуницію для нижнихъ чиновъ	16642	2½
3	На содержаніе пожарныхъ лошадей и ремонтъ ихъ	2000	—
4	На ремонтъ пожарныхъ инструментовъ съ экипажемъ	144	—
5	На жалованье трубочистамъ	1345	60½
6	Провіантъ ихъ	350	—
7	Жалованье коновалу	800	—
8	Лѣченіе полицейскихъ и пожарныхъ служителей		
	II.		
	По содержанію полицейскихъ зданій, будокъ и проч.		
9	На наемъ двухъ домовъ для частей	1400	—
10	На отопленіе и освѣщеніе будокъ	563	20
11	**На содержаніе тюремнаго замка, а именно:**		
	а) На отопленіе и освѣщеніе	4000	—
	б) Жалованье смотрителю	400	—
	в) Ему на расходъ	150	—
	г) Священнику съ причтомъ и на церковный расходъ	500	—
	д) На жалованье лекарскому ученику	200	—
	е) На жалованье унтеръ-офицеру	75	—
	ж) „ „ 6-ти сторожамъ, каждому по 24 руб.	144	—
	з) Имъ и унтеръ-офицеру на провіантъ и аммуницію по особымъ табелямъ	756	80
		6225	80
12	На жалованье пробирному мастеру и на содержаніе 2 учениковъ съ наймомъ палатки	500	—
13	На освѣщеніе города	5000	—

		руб.	коп.
	III.		
	По содержанію городовыхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ, на жалованьи отъ города состоящихъ.		
14	На содержаніе канцеляріи городоваго магистрата	5010	—
15	„ „ городской думы	4160	—
16	„ „ сиротскаго суда	975	—
17	На содержаніе словеснаго суда	970	—
18	„ „ квартирной коммиссіи	1710	—
19	На содержаніе гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ	1495	80
20	На содержаніе института благородныхъ дѣвицъ, къ отпускаемымъ 2000 рублей вновь 5000 руб. на 37 лѣтъ	7000	—
	IV.		
	По содержанію городскихъ строеній.		
21	На уравненіе дорогъ, устройство публичныхъ мѣстъ, починку мостовъ и на постепенное устройство въ городѣ мостовыхъ	12000	—
22	На очистку съ площадей и по городскимъ зданіямъ нечистотъ	2000	—
23	На исправленіе починкою городскихъ домовъ и лавокъ	2500	—
24	На исправленіе разныхъ потребностей по жандармской конюшнѣ	300	—
	V.		
	По отправленію квартирной повинности.		
25	На наемъ квартиръ для воинскихъ чиновъ, на отапливаніе и освѣщеніе оныхъ и на выдачу денегъ вмѣсто квартиръ	48300	—
	VI.		
	Непредвидѣнные расходы.		
26	На экстра-ординарныя надобности	3000	—
	Итого	160524	69¼
	Въ остаткѣ 16571 руб. 30¾ коп.		

Положеніе 1835 г., не смотря на точно указанныя имъ цифры городскихъ доходовъ и расходовъ, не пришлось, однако же, превратить городской бюджетъ во что то неподвижное. „Штаты“, можетъ быть, и удобные для канцеляріи, оказались совершенно не подходящими для городского хозяйства, постоянно эволюціонирующаго подъ вліяніемъ условій жизни. Что касается доходовъ, то, конечно, и самъ законодатель не имѣлъ въ виду ставить предѣлъ ихъ расширенію, а мѣстное начальство непрестанно побуждало думу заботиться объ ихъ умноженіи. И они дѣйствительно умножались. Но тоже было и съ расходами.

Насколько дѣйствительное поступленіе и дѣйствительный расходъ разнились отъ установленныхъ Положеніемъ 1835 г., свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры.

Годы	Доходы		Расходы		Остатокъ		
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	
1837	141460	79¼	132172	53	+ 9288	26¼	Ассигнаціи.
1838	175695	98	171456	23	+ 4239	72	
1839	200030	63	187428	72½	+12601	90½	
1840	62753	56¾	55912	75¾	+ 6840	81	
1841	61807	57¾	61515	74¾	+ 291	83	
1842	65983	11¾	57711	26	+ 8271	85¾	
1843	72082	80½	62510	78¼	+ 9572	2¼	
1844	66264	60½	63311	32½	+ 2950	28	
1845	67750	91	64023	3¼	+ 3727	87¾	
1846	73524	9	70956	79½	+ 2567	29½	
1847	72831	13½	67071	94½	+ 5759	19	
1848	75030	18½	75050	28½	— 20	10	
1849	90855	97¼	64434	34	+26421	63¼	
1850	86744	20½	89091	74½	— 2347	54	
1851	92557	67¼	75620	56¾	+16937	10½	
1852	128839	55¼	99220	96½	+29618	50	
1853	132630	90¼	111044	90	+21586	¼	
1854	109544	82½	109544	82½	—	—	Серебро.
1855	140143	81¼	114448	97½	+25694	83¾	
1856	140697	08¼	138807	71	+ 1829	37¼	
1857	150383	11¾	145572	87	+ 4810	24¾ [1]	
1858	128665	81	116148	27	+12217	54	
1859	153761	1¾	118537	82¼	+35223	19½	
1860	165893	47	166489	22¼	— 595	75¼	
1861	150899	38¾	135008	11	+15891	27¾	
1862	159458	23¾	212523	33¼	—53065	09½	
1863	177328	35¼	180204	78½	— 2876	43¼	
1864	152658	17¼	159935	63	— 7277	45¾	
1865	199717	35½	181981	37½	+17735	98	
1866	277780	6¾	287597	87½	— 9817	80	
1867	242043	39¼	231844	33	+10199	06¼	
1868	263485	86¼	285818	74¾	—22332	88½	
1869	243514	8	243836	64¾	— 322	56¾	
1870	218508	86	212929	73½	+ 5579	12½ [2]	

Съ теченіемъ времени само высшее начальство стало признавать, что Положеніе 1835 г., уже не отвѣчаетъ требованіямъ развивающейся жизни. Въ 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, возвращая роспись городскимъ доходамъ и расходамъ, предложилъ разсмотрѣть, не предстоитъ ли необходимости въ измѣненіи Положенія 1835 г., такъ какъ съ утвержденія его прошло уже болѣе 20 лѣтъ, и городъ по благоустройству своему и благосостоянію жителей, развитію мѣстной торговли и промышленности представляетъ совершенно другія условія для удовлетворенія городскихъ потребностей [3]). Сама городская дума, отнюдь не склонная къ повышенію обложенія, начинаетъ находить въ иныхъ случаяхъ обложеніе, установленное въ 1835 г., очень низкимъ. Въ 1860 г. дума находитъ необходимымъ повысить акцизъ съ ломовиковъ съ 1 р. 43 к. до 2 р., а съ легковыхъ извозчиковъ съ 2 р. 85½ к. до 5 р. съ пары лошадей; для иногородныхъ такса еще болѣе была возвышена: съ ломовиковъ 3 р. въ годъ, съ

[1]) Общественное устройство и хозяйство городовъ. Т. I, стр. 584; т. 2, стр. 60—61, 134—135, 430—431.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Дѣла контрольнаго отдѣленія Харьк. казенной палаты и контрольной палаты по ревизіи доходовъ и расходовъ г. Харькова за 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869 и 1870 гг. При подсчетѣ суммъ доходовъ и расходовъ такъ назыв. „переходящія суммы“ нами во вниманіе не принимались, ибо ни къ дѣйствительнымъ городскимъ доходамъ, ни къ расходамъ онѣ по существу причислены быть не могутъ.

[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1858 г. іюля 15.

легковыхъ по 5 р. съ пары за всякую ярмарку [1]). На невозможность соблюденія законной нормы въ расходахъ думѣ приходилось указывать почти ежегодно.

Какъ же велось городское хозяйство при дѣйствіи Положенія 1835 г.?

Какъ мы уже знаемъ, Харьковъ при распространеніи на него Городового Положенія не былъ надѣленъ выгонною землею. Этотъ крупный недочетъ въ городскомъ хозяйствѣ вызывалъ постоянныя жалобы, результатомъ которыхъ былъ сенатскій указъ 1803 г., признавшій основательность домогательствъ города, но разсмотрѣніе правъ собственности поселившихся около города хуторовъ, поселковъ и частныхъ лицъ возбудило такую переписку, что едва только въ 1843 г. было представлено Сенату объ отводѣ городу подъ выгонъ 2858 дес., въ томъ числѣ спорной, находившейся у частныхъ лицъ, 606 дес. 30 іюля 1848 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о нарѣзкѣ немедленно городу 2252 дес. изъ земель, находившихся въ безспорномъ владѣніи казны, и о разсмотрѣніи права на остальныя 606 дес. во всѣхъ инстанціяхъ безъ очереди. Въ 1849 г. произведена межевая нарѣзка, а въ 1851 г. послѣдовалъ указъ Сената объ утвержденіи этой нарѣзки и о выдачѣ городу плана и межевой книги. Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе: часть выгонной земли оказалась занятой участками, заселенными до утвержденія земли за городомъ. Въ 1854 г. городская земля снята на планъ гражданскими топографами, и тогда ея оказалось въ пользованіи города 2231 дес. 469 кв. саж. Между тѣмъ разборъ правъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ городской землей, продолжался, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникали и новыя дѣла о новомъ самовольномъ поселеніи на той же землѣ. Наконецъ, въ 1863 г послѣдовалъ указъ Сената, которымъ предписывалось, не ожидая окончательнаго разбора возникшихъ дѣлъ и удовлетворенія города за занятую землю, провести внутреннюю межу города за чертою дѣйствительнаго заселенія государственныхъ крестьянъ и постороннихъ лицъ и точно опредѣлить, сколько именно находятся земли въ пользованіи города и сколько подъ заселеніемъ разныхъ лицъ. Работа эта была закончена только въ 1870 г., и оказалось, что въ пользованіи города должно состоять выгонной земли 1998 дес. 1556 кв. саж., а съ присоединеніемъ неправильно присвоенной частными лицами—всего 2198 дес. 1593 кв. саж.

Итакъ вмѣсто 2252 дес. городу досталось въ дѣйствительности всего около 2000 дес. Конечно, меньше, чѣмъ слѣдовало, но все таки имѣніе не маленькое. Какъ же распоряжался городъ доставшимся ему богатствомъ? Съ 1849 по 1854 г. городская земля въ хозяйственномъ отношеніи завѣдывалась особыми коммиссарами, а съ 1854 г. стала отдаваться въ аренду частнымъ лицамъ съ торговъ по участкамъ на сроки отъ одного до 12 лѣтъ цѣною за десятину отъ 95 коп. до 4 р. 41 коп. Ко времени введенія новаго Городового Положенія доходъ городу приносили только 887 дес., отдававшихся въ аренду, но какой доходъ! Всего на всего около 1900 р. Городская земля среднимъ счетомъ давала по 2 р. 10 коп. съ десятины, между тѣмъ какъ пригородныя земли частныхъ лицъ арендовались подъ хлѣбъ по 10—12 р. за десятину, подъ бахчи—по 25 р., а подъ постройки и того больше. Доставшееся городу имѣніе должно было бы приносить не менѣе 15000 р. дохода, а приносило только 1900 р., при чемъ и этихъ денегъ арендаторы не платили, такъ что къ половинѣ 1871 г. за ними числилась недоимка въ 6000 р. По разсчету новаго городского головы, сдѣланному въ думскомъ засѣданіи 15 іюля 1871 г., „если принять во вниманіе значительные расходы, которые требовались для опредѣленія въ различное время границъ городской земли, межеванія и раздѣла на участки, то городъ не только не получалъ до сихъ поръ отъ своей земли дохода, но еще терпѣлъ убытки“. А между тѣмъ съемщики наживались; аренда участковъ оказалась для нихъ чрезвычайно выгодной: заявивъ на торгахъ объ арендѣ какого либо участка и получивъ утвержденіе, съемщикъ передавалъ его немедленно другому лицу за двойную и тройную цѣну; были примѣры, что такая передача дѣлалась, не ожидая окончательнаго утвержденія торговъ. Еще выгоднѣе было нанять 2—3 десятины, а въ натурѣ захватить 9—10 десятинъ, обзавестись на ней своей усадьбой и считать своею собственностью подъ видомъ старозаимочной земли, или же пріобрѣтать и по купчимъ крѣпостямъ, совершаемымъ въ Зміевѣ, или по владѣнымъ записямъ, выдававшимся изъ волостного правленія. И все это было возможно, потому что до городской земли никому дѣла не было. Границы ея въ точности были неизвѣстны, межевые знаки уничтожены, и хотя землемѣры мѣряли ее въ разное время, но плана не составляли [2]).

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1860 г. ноября 26.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. № 112.

Нѣсколько болѣе выгодъ доставляла городу земля, купленная у Рейнике, но и эта земля въ фактическомъ пользованіи города находилась далеко не вся. Изъ 30 дес. 2222 кв. саж. только 118 кв. саж. было занято подъ базарную площадь, а изъ оставшейся 5 дес. пришлось отдать подъ огороды для солдатъ внутренней стражи, 1 десятину для жандармовъ, 1/2 десятины для этапной команды, такъ что свободной земли у города оставалось 23 дес. съ саженями [1]). Самымъ доходнымъ изъ этого участка было небольшое пространство, занятое базаромъ и застроенное лавками, съ которыхъ городъ получалъ доходъ. Остальная свободная земля нанималась подъ покосъ. Получалъ за это городъ до смѣшного мало: по росписи 1848 г. доходъ съ „Дунинской левады“ былъ предположенъ всего въ 82 р.

Къ концу разсматриваемаго нами періода площадь принадлежащей городу земли расширилась пріобрѣтеніемъ Карповскаго сада, но Карповскій садъ дохода городу не приносилъ, а самъ еще требовалъ расходовъ. Впрочемъ вскорѣ послѣ покупки часть сада пришлось отдѣлить подъ линію проводившейся тогда желѣзной дороги.

Какъ эксплоатировалась принадлежавшая городу земля? Городской выгонъ отдавался въ аренду частью подъ сѣнокосъ, частью подъ распашку; кое когда часть выгона нанималась и подъ попасъ. Возвышенность на лѣвомъ берегу Харькова по дорогѣ къ Журавлевкѣ и по шоссе къ Сокольникамъ давала кое какой доходъ отъ глиницъ, изъ которыхъ добывалась глина для построекъ и для мытья шерсти на харьковскихъ мойкахъ. По берегамъ рѣкъ городская земля отводилась кузнецамъ для устройства кузницъ, что тоже давало десятка три—четыре рублей въ городскую кассу. Левада при озерѣ Поповомъ (по Старо-Московской улицѣ) также кое что приносила городу. Въ шестидесятыхъ годахъ напр. городъ получалъ отъ аренды левады 50 р.

О размѣрахъ дохода города съ принадлежавшихъ ему земель даютъ точныя свѣдѣнія отчеты городской думы о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ. Вотъ что изъ нихъ видно:

Годы	Доходъ отъ городской земли (въ рублях).	Годы	Доходъ отъ городской земли (въ рубляхъ).
1855	354 р.	1863	1651 р.
1856	601 „	1864	1916 „
1857	618 „	1865	1137 „
1858	139 „	1866	778 „
1859	468 „	1867	2385 „
1860	803 „	1868	1307 „
1861	2521 „	1869	2149 „
1862	1346 „	1870	1259 „

По торговому положенію города наилучшимъ способомъ эксплоатаціи свободныхъ участковъ внутри города, особенно на базарахъ и торговыхъ площадяхъ, была бы застройка ихъ городскими лавками, которыя и могли бы давать городу очень крупный доходъ. Но для того, чтобы извлекать доходъ изъ лавокъ, нужно ихъ построить, а для этого у города не хватало средствъ, да не хватало, повидимому, и желанія. Городскіе гласные были купцы-лавковладѣльцы, для которыхъ, конечно, было совсѣмъ нежелательно имѣть конкуррента въ лицѣ города, а мѣстное начальство, усердно гоняющееся за букашками городского бюджета въ родѣ платы за пользованіе портомойнями или водою изъ Карповской криницы, совсѣмъ почему то проглядывало такого слона, какимъ могли бы стать городскія лавки. Правда, одно время комитетъ по устройству г. Харькова возымѣлъ было мысль украсить Харьковъ двумя новыми торговыми рядами, одни у Нетечинскаго моста, другіе—на Вознесенской площади, но изъ этихъ предположеній такъ ничего и не вышло. Только одинъ Кокошкинъ кое что сдѣлалъ по сей части: при немъ и благодаря ему городъ оказался владѣльцемъ Сергіевскаго ряда, названнаго въ честь генералъ-губернатора.

Лавокъ у города было не много, и доходъ онѣ приносили отнюдь не крупный. Старѣйшими и болѣе доходными изъ нихъ были каменныя лавки подъ Университетской горкой, всего 16 номеровъ. Въ прежнее время онѣ давали городу 4740 р. асс. въ годъ, но въ 1835 г. съ нихъ было получено всего 2335 р. асс. Въ 1836 г., съ цѣлью поднятія доходности лавокъ, ихъ сдали въ аренду съ торговъ, но и при такомъ способѣ сдачи получили не болѣе 2580 р. асс. Кромѣ каменныхъ, у города было и нѣсколько деревянныхъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1838 г.

лавокъ, отдававшихся въ наймы. Таковы лавки съ амбарами возлѣ дома ремесленной управы и лавки у Нетечинскаго моста, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Кое какія лавченки имѣлъ городъ и на Благовѣщенскомъ базарѣ, съ которыхъ и получалъ доходъ. Это были временныя сооруженія, непрочныя и безобразныя съ виду. Когда въ 1840 г. Кузина выстроила на базарѣ свой каменный рядъ, начальство приказало убрать городскія временныя лавки. Голова сумѣлъ выпросить для нихъ отсрочку, но повидимому не на долго. По крайней мѣрѣ въ половинѣ сороковыхъ годовъ о доходахъ съ городскихъ лавокъ на Благовѣщенскомъ базарѣ городскія росписи уже не упоминаютъ. Подъ зданіемъ думы и городской полиціи былъ погребъ, также иногда шедшій въ наемъ. Но прежнему принадлежала городу и половина каменной лавки въ Гостинномъ ряду. Въ 1840 г. отъ отдачи въ наемъ своихъ лавокъ городъ получилъ всего только 6466 р. 50 коп. ассигн., а въ 1848 г.—1840 р. 91½ коп. сер. Съ устройствомъ Сергіевскихъ рядовъ и съ поднятіемъ цѣнности имущества поднялся и доходъ съ городскихъ лавокъ. Въ 1854 г. на Нетечинскомъ базарѣ было выстроено 36 номеровъ деревянныхъ лавокъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ городъ выстроилъ на Благовѣщескомъ базарѣ харчевую галлерею, отъ которой тоже кое что поступало въ городскую кассу. Въ 1870 г. предположено было выстроить рядъ каменныхъ лавокъ подъ горкой, для чего въ смѣту этого года было внесено болѣе 40 т. р. Деньги эти, однако, израсходованы не были, и неосуществленный проектъ старой думы пришлось осуществить уже новой.

Вотъ свѣдѣнія о доходахъ города отъ принадлежавшихъ ему лавокъ за послѣдніе годы дореформеннаго періода, когда лавокъ у него было больше, чѣмъ когда либо, да и цѣна на ихъ аренду сильно поднялась по сравненію съ предъидущими десятилѣтіями:

1855 г.	7690 р.	1863 г.	9117 р.
1856 „	8486 „	1864 „	9094 „
1857 „	6316 „	1865 „	9181 „
1858 „	8279 „	1866 „	13086 „
1859 „	7978 „	1867 „	9768 „
1860 „	10271 „	1868 „	12902 „
1861 „	9792 „	1869 „	13978 „
1862 „	9182 „	1870 „	20191 „

Не много пользы получалъ городъ и отъ принадлежавшихъ ему домовъ. Кромѣ тѣхъ, какіе у него были и раньше, въ собственность города перешелъ теперь и домъ, занимавшійся институтомъ благородныхъ дѣвицъ (теперь Александровская больница). Послѣ перехода института въ новое помѣщеніе на Сумскую старое зданіе было признано военнымъ начальствомъ очень подходящимъ для казармъ батальона внутренней стражи, и губернаторъ предложилъ думѣ пріобрѣсти его для надобностей постоя. Покупка была совершена въ 1842 г. и обошлась городу въ 60 тыс. руб. ассигн. [1]). Но домъ былъ ветхій. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ немъ была повсемѣстная течь въ крышахъ, потолки грозили паденіемъ, и во многихъ мѣстахъ ихъ приходилось поддерживать столбами. Во 1854 г., въ виду ветхости помѣщенія, губернаторъ находилъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ немъ командира батальона. Поддерживать зданіе значило бросать деньги даромъ. А между тѣмъ деньги, и довольно таки крупныя деньги, были затрачены на него городомъ еще такъ недавно [2])! Изъ старыхъ своихъ домовъ городъ лишился дома въ Залопанской части, когда то пріобрѣтеннаго отъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1840 г. комитетъ по устройству Харькова постановилъ продать его за ветхостью. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ городу принадлежали: домъ, гдѣ нынѣ управленіе полиціймейстера, домъ возлѣ театра (теперь первая женская гимназія), домъ на Дворянской, домъ на Михайловскій пл. (нынѣ 1-й полицейскій участокъ), казармы гарнизоннаго батальона, главная гауптвахта, деревянныя жандармскія конюшни, тюремный замокъ и зданіе бывшаго института [3]). Изъ нихъ кое-какой доходъ приносилъ только домъ на Дворянской. Здѣсь обыкновенно жили губернаторы: сперва Трубецкой, послѣ него предсѣдатель казенной палаты Крыловъ, потомъ губернаторъ Устимовичъ, а затѣмъ—Мухановъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что и расходовъ требовалъ этотъ домъ не малыхъ, такъ какъ съ каждой перемѣной постояльца его приходилось перестраивать сообразно

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г. февраля 15 и 1842 г. іюня 16.

[2]) Арх. Губ. Правл. Дѣло 1850—1856 г. о постройкѣ казармъ.

[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1845 г.

вкусамъ и потребностямъ новаго [1]). Съ начала шестидесятыхъ годовъ домъ этотъ былъ отданъ по приговору городского общества подъ помѣщеніе Маріинскаго женскаго училища и совсѣмъ пересталъ приносить какой бы то ни было доходъ. Только съ 1870 г. домъ на Дворянской вновь сталъ отдаваться въ наймы за 950 р. Съ остальныхъ своихъ домовъ городъ, можно сказать, ничего не получалъ: домъ на Николаевской пл былъ занятъ полиціей, думой, магистратомъ и прочими городскими присутственными мѣстами; домъ на Михайловской пл. занимался подъ помѣщеніе 2-й полицейской части; домъ возлѣ театра (Мординовскій) занятъ былъ гарнизоннымъ батальономъ, зданіе института—тоже, а гауптвахта, казармы и жандармскія конюшни требовали только ремонта, но дохода никакого не давали. Постройки, воздвигнутыя къ концу разсматриваемаго нами періода, въ родѣ 3-й полицейской части или Александровской больницы, также не принадлежали къ числу доходныхъ. Вообще можно сказать, что, какъ домовладѣлецъ, городъ былъ хозяиномъ неудачнымъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дома могли приносить доходъ, ему хронически не везло на квартирантовъ. Въ сороковыхъ годахъ городской домъ возлѣ театра занималъ гарнизонный командиръ Дебиль, обязавшійся по контракту исправить на домѣ крышу, обнести дворъ заборомъ и вообще сдѣлать нужныя починки, а когда Дебиль выбрался, то оказалось, что все строеніе ветхо, починки не дѣлались, крыша не красилась, штукатурка обвалилась, вмѣсто крыльца пробито окно и т. п., что же касается денегъ за квартиру, то и ихъ платить Дебиль не считалъ нужнымъ [2]). Послѣ Дебиля въ Мордвиновскомъ домѣ помѣщался пансіонъ Бирихъ, но и новая квартирантка оказалась неисправной плательщицей. Недоимки за 1842 и 1847 г.г. взыскивалась съ нея еще въ 1863 г., но въ концѣ концовъ были совсѣмъ исключены губернскимъ начальствомъ за безнадежностью полученія. Въ пятидесятыхъ годахъ Мордвиновскаго дома уже не существовало, а было просто пустопорожнее мѣсто, именуемое Бахтинскимъ, отдававшееся городомъ кому то въ аренду за 120 р. По росписи 1848 г. съ городскихъ домовъ, отдаваемыхъ въ наймы, ожидалось 1671 р. 43½ к., да за помѣщеніе въ городскомъ домѣ губернской типографіи 228 р., итого 1899 р. 43½ к. И этотъ годъ былъ, можно сказать, удачнымъ. Въ дальнѣйшемъ доходы города съ городскихъ домовъ еще понизялись. До чего плачевны были дѣла Харькова-домовладѣльца въ эти годы,—объ этомъ свидѣтельствуютъ цифры думскихъ отчетовъ.

Вотъ эти цифры:

1855 г.	945 р.	1863 г.	110 р.
1856 „	359 „	1864 „	120 „
1857 „	—	1865 „	120 „
1858 „	427 „	1866 „	127 „
1859 „	427 „	1867 „	135 „
1860 „	332 „	1868 „	135 „
1861 „	100 „	1869 „	50 „
1862 „	100 „	1870 „	1132 „

Самъ городъ лавокъ имѣлъ не много, но зато много городскихъ мѣстъ отдавалъ подъ устройство лавокъ частнымъ лицамъ, которыя и платили за это въ пользу города „акцизъ", обыкновенно незначительный. Такъ въ 1835 г. предположено было возвести на Благовѣщенскомъ базарѣ гостинный дворъ въ 70 одноэтажныхъ лавокъ, два флигеля для трактира, харчевни и питейнаго дома и зданіе для обжорнаго ряда или шопы. Но средствъ для производства постройки у города не было, а потому лавки и флигеля розданы были для постройки частнымъ лицамъ на вѣчность изъ поземельной платы, и только обжорный рядъ городъ рѣшилъ выстроить на свой счетъ, но и этого въ концѣ концовъ сдѣлать не могъ. Благодаря этому всѣ барыши отъ лавокъ достались женѣ коммерціи совѣтника Екатеринѣ Кузиной, выстроившей 35 лавокъ и два флигеля. Кое что пришлось и на долю другихъ торговцевъ, выстроившихъ здѣсь 8 лавокъ, а городу приходилось довольствоваться только скромнымъ поземельнымъ сборомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ каменныхъ лавокъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, здѣсь было уже 56, а въ шестидесятыхъ—59. За неимѣніемъ денегъ для постройки лавокъ на общественныя средства, городъ не рѣдко отдавалъ право постройки лавокъ частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи опредѣленнаго срока лавки эти перешли въ собственность города. На такихъ напр. условіяхъ были выстроены въ 1863 г. три

[1]) Тамъ же. Журн. 1842 г.

[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1843 г. апрѣля 15

каменныя лавки купцомъ Костюринымъ. Точно такъ-же былъ выстроенъ и Московскій рядъ. Вначалѣ предполагалось строить его на городской счетъ, на деньги, занятыя въ Купеческомъ банкѣ, но дѣло почему то не состоялось, и рядъ былъ отданъ подъ выстройку купцамъ-оптовикамъ. По контракту предприниматели были обязаны выстроить 26 номеровъ лавокъ, которыя затѣмъ они и получали въ долгосрочную аренду на 30 лѣтъ съ платою за номеръ по 26 руб. въ теченіе первыхъ 24 лѣтъ и по 300 р.—въ теченіе послѣднихъ шести. Уплачивать налогъ за лавки, а также и содержать въ порядкѣ мостовую на площади возлѣ нихъ обязанъ былъ городъ. И въ концѣ концовъ оказалось, что Московскій рядъ далъ городу не прибыль, а убытки, и уже въ 1871 г. реформированной думѣ приходилось съ сожалѣніемъ вспоминать о томъ времени, когда эта площадь, не требовавшая никакихъ расходовъ отъ города, приносила ему больше 2 т. руб. отъ найма подъ балаганы во время ярмарокъ [1]).

Далеко не всегда лица, арендовавшія у города землю подъ постройку лавокъ, спѣшили съ постройкой, а пока они собирались, городъ не получалъ ничего за арендованное у него мѣсто. Такъ, напр., было на Благовѣщенскомъ базарѣ въ первые годы послѣ его открытія. Городскія мѣста здѣсь были розданы подъ выстройку разнымъ купцамъ, но купцы не строились, а городъ не получалъ дохода. Бывало и такъ, что мѣсто отдавалось подъ выстройку лавокъ, лавки не строились, городъ не получалъ своего жалкаго „акциза“, и въ то же время не могъ передать мѣста никому другому. И такъ тянулось десятилѣтіями. Такъ было, напр., съ шопой купца Котлярова на томъ же Благовѣщенскомъ базарѣ. Сначала, какъ мы видѣли, городъ собирался строить ее на свой счетъ, но потомъ, въ виду недостатка свободныхъ средствъ, передалъ постройку купцу Котлярову съ тѣмъ, чтобы черезъ 15 лѣтъ выстроенное имъ зданіе перешло въ собственность города. Котляровъ началъ строиться, но въ 1841 г. постройка была пріостановлена губернаторомъ въ виду несогласія ея съ Высочайше утвержденными фасадами. Котляровъ просилъ дозволить ему продолжать постройку по начатому плану, обращался даже въ Сенатъ, но удовлетворенія не получилъ. Такъ прошло 7 лѣтъ. Наконецъ Котляровъ далъ въ 1847 г. подписку въ томъ, что будетъ строиться, какъ велитъ начальство, и началъ постройку подъ надзоромъ губернскаго архитектора. Но въ 1849 г. и въ этой постройкѣ найдены были неправильности, и дальнѣйшая работа пріостановлена. Продолжать ее разрѣшили только въ 1850 г. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ Кокошкинъ распорядился предать Котлярова суду за медленность постройки и взыскать съ него убытки въ пользу города, такъ какъ со времени отдачи постройки Котлярову городъ не получалъ отъ него никакого дохода за землю. А пока шла переписка, и самый Кузинскій рядъ, возлѣ котораго Котляровъ строилъ свою шопу, получилъ другое назначеніе: сюда были переведены оптовые ярмарковые торговцы, благодаря чему и самая постройка здѣсь шопы теряла смыслъ, такъ какъ мелочная базарная торговля была переведена на другое мѣсто. Тогда Котляровъ обратился къ Кокошкину съ просьбой дозволить ему приспособить его шопу подъ лавки, или же дать ему удостовѣреніе, что по окончаніи постройки шопы базарная торговля вновь будетъ переведена въ Кузинскій рядъ, какъ это было въ то время, когда онъ заключалъ условіе съ думой. Раздраженный Кокошкинъ приказалъ отобрать у Котлярова отданное ему подъ застройку мѣсто и взыскать съ него мѣрами полиціи убытки, причиненные имъ городу. Дѣло Котлярова побывало затѣмъ въ городовомъ магистратѣ, въ уголовной палатѣ и, наконецъ, въ Сенатѣ. За это время самъ Котляровъ успѣлъ умереть. Сенатъ высказался въ его пользу, а потому и городу пришлось вступать въ новое соглашеніе уже съ его наслѣдникомъ. За 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ тянулось дѣло, городъ не получилъ ни шопы, которая къ этому времени должна бы была поступить въ его собственность, ни „акциза“ за нее.

Какъ ни какъ, развитіе торговли постепенно вызывало все большій и большій спросъ на городскую землю подъ застройку лавками частныхъ лицъ. Площадь городской земли, отведенная подъ Благовѣщенскій базаръ, постепенно расширялась. Завелись торговыя помѣщенія даже „за канавой“, гдѣ пріютились питейные дома. Возникъ базаръ на Конной, вначалѣ совсѣмъ ничтожный, а потомъ дававшій городу сотенъ до двухъ рублей. На той же Конной площади въ концѣ пятидесятыхъ годовъ были выстроены крытыя платформы для склада шерсти во время Троицкой ярмарки. За пользованіе ими министромъ внутреннихъ дѣлъ установленъ сборъ въ пользу города по 2 р. за кв. сажень занятаго пространства. Въ 1859 г. городъ получилъ отъ платформъ 2875 р. Впослѣдствіи доходы отъ платформъ сильно сократились.

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1871 г. № 112.

Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ доходахъ города отъ отдачи въ аренду земли подъ лавки.

1848 г.	1565 р. сереб.	1863 г.	8679 р.
1855 „	3344 „	1864 „	7654 „
1856 „	2404 „	1865 „	8809 „
1857 „	3101 „	1866 „	10432 „
1858 „	8232 „	1867 „	10277 „
1859 „	5081 „	1868 „	9670 „
1860 „	6985 „	1869 „	8637 „
1861 „	7613 „	1870 „	13679 „
1862 „	6788 „		

Значительную сумму давала городу отдача городской земли на улицахъ и площадяхъ подъ временные балаганы для ярмарковыхъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, взятыя изъ документовъ думы за разные годы.

Годы.	Доходъ.	Годы.	Доходъ.
1839	3285 р. асссигн.	1862	15304 р.
1848	5500 „ сер.	1863	14664 „
1855	9493 „	1864	11699 „
1856	11195 „	1865	12358 „
1857	14543 „	1866	11420 „
1858	16271 „	1867	8643 „
1859	17694 „	1868	8432 „
1860	16456 „	1869	7181 „
1861	13824 „	1870	6837 „

Сборомъ съ ярмарковыхъ за мѣста распоряжалась сперва дума, а потомъ ярмарочный комитетъ. Не обходилось при этомъ, конечно, и безъ злоупотребленій, умалявшихъ прибыли городской кассы. Въ 1838 г. дума жаловалась губернатору на харьковскихъ и иногородныхъ крестьянъ, которые при назначеніи съ нихъ сбора за мѣста обычно заявляли, что торгуютъ по свидѣтельствамъ „четвертаго рода“, и потому требовали пониженія „акциза“. Опасаясь умаленія городскихъ доходовъ, дума просила губернское начальство разрѣшить производить сборы не сообразно торговому свидѣтельству, а по старому, издавна практиковавшемуся порядку, согласно которому цѣна за мѣсто опредѣлялась родомъ торговли, количествомъ товаровъ и занятымъ подъ балаганъ пространствомъ городской земли [1]). Отъ обложенія стремились уклониться не одни крестьяне, но и купечество. Во избѣжаніе излишнихъ расходовъ дѣлалось часто такъ, что мѣсто подъ балаганъ занималъ одинъ купецъ, а располагалось въ немъ со своими товарами по два, по три и болѣе хозяевъ. Городъ, конечно, черезъ это терпѣлъ убытки, такъ какъ предназначенныя подъ балаганы мѣста пустовали. Въ 1850 г. такая совмѣстная торговля была запрещена генералъ-губернаторомъ, но запрещеніе исполнялось плохо [2]).

Изъ приведенныхъ выше цифръ поступленія дохода съ ярмарокъ видно, что наибольшей высоты достигалъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а затѣмъ началъ падать. Объясняется это, конечно, уменьшеніемъ значенія ярмарочной торговли, но не малую роль сыграло здѣсь и увеличеніе числа частныхъ лавокъ, въ которыхъ ярмарковые торговцы всегда могли найти для себя лучшее помѣщеніе, чѣмъ какое представляли ярмарочные балаганы на городскихъ площадяхъ.

Нѣкоторую, хотя и очень небольшую, пользу получалъ городъ отъ отдачи земли на Пасху подъ устройство качелей, каруселей, балагановъ и разныхъ увеселительныхъ заведеній. Обыкновенно мѣстомъ такихъ увеселеній служила Михайловская площадь. Съ нея за Пасхальную недѣлю городъ выручалъ рублей до 300 съ лишнимъ. Давали кое что и столики многочисленныхъ въ то время въ Харьковѣ мѣнялъ, располагавшихся на городскихъ тротуарахъ и площадяхъ. Мѣнялы не только занимались размѣномъ денегъ, но обыкновенно и скупкой такихъ вещей, какъ воскъ, пухъ, перья. Въ шестидесятыхъ годахъ за аренду мѣняльныхъ столовъ городъ выручалъ больше 200 р. въ годъ.

Мы уже упоминали о расхищеніи городского выгона. Тоже иногда случалось и съ городской землей въ самомъ городѣ, бывшей подъ улицами и площадями. Въ 1840 г. дума жаловалась губернатору, что при распланированіи городскихъ улицъ жители занимаютъ подъ застройку городскія мѣста, а сами ни-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1838 г. октября 4.
[2]) Тамъ же Журн. 1850 г. октября 25.

чего за нихъ не платятъ, но если ихъ дворовыя мѣста отходятъ подъ улицы и площади, требуютъ отъ думы вознагражденія. Не имѣя возможности справиться съ расхитителями городского добра, дума могла сдѣлать только одно: обратиться къ начальству съ просьбой о позволеніи не платить ничего тѣмъ, чьи усадьбы отошли при распланировкѣ подъ улицы и площади [1]). Разумѣется, исполнить такой просьбы было нельзя, и въ отвѣтъ на свое представленіе дума получила только предписаніе рачительнѣе беречь городскую собственность. Но уберечь ее было мудрено, и расхищенія продолжались если не въ этой, то въ болѣе невинной формѣ: при огорожѣ усадьбы какъ бы неумышленно прихватывалась часть улицы, передъ домомъ на улицѣ разбивался палисадникъ и т. п. Это были, впрочемъ, мелочи, которыя давали себя чувствовать только въ тѣ моменты, когда начальству приходила охота выпрямлять городскія улицы.

Доходъ съ городскихъ мѣръ и вѣсовъ, опредѣленный Положеніемъ въ 1225 р., въ дѣйствительности давалъ больше. Для взвѣшиванья и мѣры была установлена такса, которая въ 1838 г. была послана губернаторомъ въ Петербургъ, здѣсь разсматривалась въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ и была утверждена. Городскіе вѣсы и мѣры сдавались на откупъ съ публичныхъ торговъ и приносили городу почти вдвое больший доходъ, чѣмъ тотъ, какой опредѣленъ Положеніемъ. Въ 1838 г. напр. вѣсы и мѣры были отданы на откупъ за 2345 р. ассигн. [2]). Въ 1848 г. доходъ съ городскихъ мѣръ и вѣсовъ далъ 1067 р. сереб., въ 1855 г. 777 р., въ 1856 г. 933 р., въ 1857 г.—1227 р., въ 1859 г.—2212 р., въ 1860 г.—1666 р., въ 1861 г.—1686 р., въ 1862—1865 гг.—1671 р., въ 1866—1867 гг.—2500 р., въ 1868—1870 гг.—2690 р.

Выручалъ городъ кое что и отъ перевозовъ и переправъ черезъ городскія рѣки. Къ этому способу сообщенія заставлялъ прибѣгать городскихъ жителей недостатокъ мостовъ. Въ 1839 г. городъ выручилъ по этой статьѣ 2490 р. ассигн., въ 1848 г. 1247 р. 50½ коп. с., а по росписи на 1860 г. по этой статьѣ ожидалось къ поступленію 2000 р. Если къ перечисленнымъ статьямъ городскихъ доходовъ мы прибавимъ кое какія мелкія поступленія въ родѣ сбора съ портомоенъ, сбора за пользованіе водою изъ Карповской криницы, державшагося, впрочемъ, очень не долго, то этимъ мы и исчерпаемъ всѣ виды доходовъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей.

Тамъ, гдѣ мало заботились, объ устройствѣ даже такихъ простѣйшихъ доходныхъ предпріятій, какъ городскія лавки, о созданіи такихъ городскихъ учрежденій, какъ напр. театръ, не могло быть и рѣчи. Какъ прежде сдавали городскую землю посаженно подъ балаганъ для временнаго театра, такъ и теперь сдали ее Млотковскому, когда онъ вздумалъ выстроить постоянный каменный театръ. И сдали почти, какъ подъ балаганъ, за самую незначительную плату. Правда, и тогда просвѣщенное начальство напоминало думѣ, что она и сама имѣетъ право выстроить театръ, но гласные отнеслись къ этой мысли совсѣмъ безучастно. И въ концѣ концовъ театръ далъ городу одинъ убытокъ. Пока его не было, въ городской кассѣ не было лишнихъ 57 р. „акциза“ за аренду городской земли подъ театръ, но зато не было и ежегоднаго трехтысячнаго расхода, вызываемаго существованіемъ театра, ибо вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ выстроенъ, начальство обязало городъ (въ 1848 г.) выдавать ему ежегодную субсидію въ размѣрѣ 3 т. руб.

Отказалась дума взять въ свои руки и такое предпріятіе, какъ освѣщеніе города газомъ обѣщавшее при сравнительно небольшихъ затратахъ не только удешевленіе расходовъ на освѣщеніе города, но и нѣкоторый доходъ отъ частныхъ абонентовъ. По контракту, заключенному 28 сентября 1868 г., дума отдала дѣло г. Диксону и К⁰ Дессеману, предоставивъ имъ концессію на 50 лѣтъ съ тѣмъ, что по окончаніи этого срока все предпріятіе переходитъ въ собственность города. Городъ, впрочемъ, имѣлъ право выкупить его и до срока, но во всякомъ случаѣ не раньше истеченія 35 лѣтъ со времени заключенія договора. Компанія обязывалась установить 1000 фонарей и освѣщать ихъ текучимъ газомъ. Ей было отведено мѣсто для устройства газоваго завода, а все устройство освѣщенія она обязана была произвести на свои средства въ теченіе 2½ лѣтъ. Сила одного рожка фонаря должна была равняться силѣ свѣта 14 стеариновыхъ четвериковыхъ свѣчей. За освѣщеніе дума была обязана платить въ первое десятилѣтіе по установкѣ освѣщенія по 20 р. отъ каждаго фонаря, во второе—по 19, въ третье по 18 р. и т. д. Предприниматели имѣли право доставлять для освѣщенія газъ частнымъ лицамъ и казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ за особую плату. Кромѣ 1000 фонарей, оговоренныхъ въ

[1]) Арх. Город. Думы. Журн. 1840 г. марта 15.

[2]) Тамъ же. Журн. 1838 г. мая 19.

контрактѣ, дума имѣла право требовать увеличенія числа фонарей въ чертѣ города за соотвѣтствующую плату, а по 23 § контракта ей представлено было право, „если понадобится чрезвычайное освѣщеніе газомъ всего города или нѣкоторыхъ его улицъ и площадей, требовать отъ компаніи таковое освѣщеніе съ платой за сгорѣвшее количество кубическихъ футовъ“ [1]. Этимъ параграфомъ контракта, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, газопроводная компанія и не замедлила воспользоваться къ ущербу для города.

Не рѣшился городъ взять въ свои руки и дѣла водобснабженія.

Мысль объ устройствѣ въ Харьковѣ водопровода возникла уже съ давняго времени. Сохранилось преданіе, что въ тридцатыхъ годахъ какой то иностранецъ, умирая въ Харьковѣ отъ болѣзни, которую приписывалъ известковой водѣ, положилъ основаніе водопроводному капиталу, оставивъ городу свое небольшое состояніе на улучшеніе водоснабженія. Таково преданіе, а по документальнымъ даннымъ фундаторомъ харьковскаго водопровода былъ швейцарецъ Боруль, учитель французскаго языка въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, который, покидая въ сороковыхъ годахъ Харьковъ, оставилъ городу капиталъ на устройство водопровода. Въ сороковыхъ годахъ мѣстные генералъ-губернаторы мечтали уже о водопроводѣ, а казенный инженеръ Петровскій производилъ даже и необходимыя изысканія. Кромѣ пожертвованія Бореля, были и другія приношенія въ пользу будущаго водопровода, такъ что къ началу шестидесятыхъ годовъ водопроводный капиталъ достигалъ уже 25 т. р. Дѣло велось въ губернскихъ и петербургскихъ канцеляріяхъ. Составлялись проекты и предположенія, но дѣло такъ и не пошло. Въ 1864 г. по иниціативѣ вице-губернатора Беклемишева водопроводный вопросъ былъ переданъ на обсужденіе харьковскаго городского общества. Образована была особая коммиссія. Коммиссія находила возможнымъ обойтись безъ услугъ частныхъ предпринимателей. Она надѣялась, что „въ средѣ городского общества найдутся люди, которые не захотятъ лишить себя чести быть ревнителями пользы города,—и общими съ коммиссіей силами принявъ матеріальное участіе въ устройствѣ водопроводовъ, доказать, что у насъ у самихъ есть и желаніе, и умѣнье довести свое общественное дѣло до отраднаго конца безъ сторонней помощи“. Затѣмъ дѣло перешло во вторую коммиссію подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Д. Борисяка. 28 апрѣля 1867 г. состоялось засѣданіе городского общества, постановившаго, что для устройства водопровода нужно обратиться къ частной предпріимчивости [2]. Скоро нашлись и предприниматели. 19 марта 1867 г. дума заключила контрактъ съ компаніей Заддеръ и Арманъ на устройство и эксплоатацію водопровода въ Харьковѣ. Срокъ концессіи былъ опредѣленъ въ 50 лѣтъ, а срокъ окончанія сооруженій водопровода—въ $2^1/_2$ года. Сдѣлка эта окончилась ничѣмъ. Предприниматели совсѣмъ не приступали къ устройству необходимыхъ для водопровода сооруженій, и обязательство объ ихъ устройствѣ въ $2^1/_2$ годичный срокъ исполнено не было. Къ тому же и сама компанія распалась. Въ тотъ моментъ, когда дореформенная дума сдавала городское хозяйство думѣ, дѣйствующей по Положенію 1870 г., водопроводный вопросъ находился въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Никакихъ приготовленій для сооруженія водопровода не дѣлалось, а между тѣмъ городъ оставался связаннымъ заключеннымъ имъ контрактомъ. Распутывать узелъ создавшихся отношеній пришлось уже новой хозяйкѣ города [3].

Единственнымъ крупнымъ городскимъ предпріятіемъ, созданнымъ дореформенной думой на городскія средства, былъ городской купеческій банкъ. Толчокъ къ такому шагу былъ данъ Высочайше утвержденнымъ въ 1862 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о разрѣшеніи городамъ учреждать общественные банки. Для Харькова, какъ города торговаго, гдѣ нужда въ доступномъ кредитѣ чувствовалась уже давно, это разрѣшеніе было какъ нельзя болѣе кстати. Мысль объ устройствѣ общественнаго банка нашла сочувственный пріемъ не только въ заинтересованныхъ кругахъ, но и въ думѣ, и среди городского общества. Былъ составленъ уставъ примѣнительно къ правительственному нормальному Положенію, который и былъ принятъ въ собраніи городского общества 10 іюня 1864 г. Рѣшено было выдать для открытія дѣятельности банка въ заемъ на 10 лѣтъ 25 т. р. изъ свободныхъ средствъ г. Харькова да 25 т. р. изъ запаснаго капитала г. Золочева. Проектъ этотъ былъ, однако, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отклоненъ, такъ какъ тѣ суммы, на которыя общество собиралось открыть банкъ, не могли быть на это употреблены. 26 марта 1865 г. въ собраніи городского общества вопросъ объ учрежденіи банка вновь

[1] Условія контракта объ устройствѣ и производствѣ въ г. Харьковѣ газоваго освѣщенія.

[2] Статистическій Листокъ 1882 г. стр. 97—100 и 174—184.

[3] Докладъ Харьк. гор. управы о положеніи дѣла по водоснабженію города Харькова 1872 г.

обсуждался. Горожане находили, что открытіе банка составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей общества, такъ какъ главнѣйшимъ образомъ имѣется въ виду этимъ средствомъ помочь бѣднѣйшимъ членамъ общества, предоставивъ имъ возможность возможно выгоднѣе имѣть въ случаѣ надобности деньги за умѣренные проценты. Общество находило возможнымъ открыть банкъ хотя бы съ небольшимъ основнымъ капиталомъ, „такъ какъ съ полной вѣроятностью предположить можно, что видимая польза подобнаго учрежденія не замедлитъ привлечь въ городской банкъ капиталы". Постановлено было на образованіе основного банковаго капитала обратить имѣвшійся въ распоряженіи городской думы особый общественный капиталъ, образовавшійся изъ добровольныхъ пожертвованій, всего до 15 т. р. Кромѣ того, по мнѣнію общества, въ основной капиталъ банка могли бы быть обращены суммы, собранныя съ податныхъ городскихъ сословій на обезпеченіе продовольствія. Городское общество, признавая учрежденіе банка лучшею для городскихъ жителей гарантіей на случай неурожая, считало необходимымъ ходатайствовать о передачѣ въ его вѣдѣніе этого капитала, на что изъявили согласіе и мѣщане, и цеховые, бывшіе въ собраніи, буде же воспользоваться продовольственнымъ капиталомъ нельзя,—просить объ учрежденіи банка съ основнымъ капиталомъ въ 15 т. р. Изъ пунктовъ устава проектируемаго банка для городского хозяйства особенно важное значеніе имѣлъ тотъ, которымъ устанавливалось, что остатки прибылей банка, за отчисленіемъ извѣстной доли на составленіе резервнаго капитала и на расходы по содержанію банка, должны поступать въ распоряженіе городского общества на его нужды. Въ 1866 г. послѣдовало разрѣшеніе на открытіе банка съ основнымъ капиталомъ въ 15 т. р. Банкъ началъ функціонировать въ томъ же 1866 г., а уже въ 1868 г. значеніе его для города стало очень замѣтнымъ. Въ 1868 г. онъ отчислилъ отъ своихъ прибылей 5 т. руб. на нужды благотворительнаго общества, дѣтскаго пріюта, безплатной школы для дѣвочекъ и на учрежденіе коммерческаго училища; въ 1869 г. онъ далъ 2000 р. тѣмъ же учрежденіямъ да 1250 р. Александровской больницѣ, а въ 1870 г. Александровской больницѣ изъ прибылей банка досталось 5000 р., благотворительному обществу 1000 р., а дѣтскому пріюту и безплатной школѣ дѣвочекъ — по 500 р. [1]). Еще большее значеніе пріобрѣлъ банкъ въ послѣдующее время. Вообще можно сказать, что учрежденіе общественнаго банка было одной изъ наиболѣе крупныхъ заслугъ дореформеннаго городского управленія въ Харьковѣ, но банкъ былъ и единственнымъ городскимъ предпріятіемъ, возникшимъ при старой думѣ.

Перейдемъ къ обложенію обывателей. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ 1% оцѣночный сборъ.

Положеніе 1835 г. дало городской кассѣ крупное приращеніе доходовъ установленіемъ налога съ недвижимыхъ имуществъ. Нужно, однако, принять во вниманіе, что налогъ этотъ уплачивался далеко не всѣми: на первыхъ порахъ по распоряженію мѣстнаго начальства отъ него были освобождены Журавлевка, Немышлянское предмѣстье и вообще окраины города, населенныя крестьянствомъ. Вначалѣ онѣ внесены были въ оцѣнку, но затѣмъ изъ нея исключены. Правда, для другихъ окраинъ распоряженіе это было отмѣнено еще въ 1839 г., но Журавлевка до самаго 1850 г. оставалась отъ обложенія свободной. Горожане вообще очень неохотно подчинялись этому налогу. Духовенство, профессора университета и учителя, лица, служившія по выборамъ на городской службѣ,—всѣ отказывались отъ уплаты оцѣночнаго сбора, шедшаго главнымъ образомъ на расходы по расквартированію въ городѣ войскъ, ссылаясь на то, что по закону о квартирной повинности ихъ дома отъ отбыванія ея свободны. Приходилось сноситься съ мѣстнымъ начальствомъ, требовать разъясненій изъ Петербурга, а пока велось дѣло, въ городской кассѣ оказывался недоборъ по поступленію 1% сбора. Даже когда вопросъ былъ порѣшенъ въ Петербургѣ безповоротно, попечитель учебнаго округа добился таки, что съ педагоговъ-домовладѣльцевъ сборъ за 1837 г. былъ взысканъ не полностью, а только за половину года [2]).

1% налогъ былъ по существу налогомъ съ домовладѣльцевъ и лавковладѣльцевъ. Кто не владѣлъ въ городѣ недвижимымъ имуществомъ, тотъ отъ этого налога былъ свободенъ. Такъ оно и было на первыхъ порахъ дѣйствія Положенія 1835 г. Но потомъ взглядъ на дѣло сталъ измѣняться. Въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ мѣстными домовладѣльцами находились въ Харьковѣ такіе купцы, которые не имѣли здѣсь собственныхъ домовъ. Торговали они на большія суммы, а между тѣмъ постойной повинности не несли да и замѣняющаго ее 1% сбора не уплачивали. Такъ продолжалось до указа Сената 20 апрѣля

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ городского общественнаго банка.

[2]) Архивъ Гор. Думы. Журн. 1838 г. іюня 22.

1850 г., которымъ было предписано привлечь къ отбыванію постойной повинности тѣхъ купцовъ не домовладѣльцевъ, которые торговали въ Харьковѣ не менѣе 10 лѣтъ, и обложить ихъ 1% сборовъ не съ домовъ, конечно, которыхъ у нихъ не было, а съ объявленныхъ имъ гильдейскихъ капиталовъ [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ сборъ этотъ былъ доведенъ до 1½%. Однопроцентный налогъ съ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ былъ вскорѣ увеличенъ. Къ одному проценту было прибавлено еще четверть процента, предназначавшихся спеціально на устройство мостовыхъ, такъ что въ общемъ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ уплачивали 1¼% сборъ, купцы же, не владѣвшіе такими имуществами,—1%, а впослѣдствіи—1½%. Сколько же получалъ городъ отъ обложенія недвижимыхъ имуществъ 1% и ¼% сборами? Отвѣтъ на это даетъ ниже приводимая таблица.

Годы	Поступленіе сборовъ.	Годы	Поступленіе сборовъ.
1839	83709 р. ассигн.	1862	43800 р. серебр.
1848	34200 „ серебр.	1863	40769 „
1855	37648 „ „	1864	51161 „
1856	44496 „ „	1865	70368 „
1857	47187 „ „	1866	48861 „
1858	46908 „ „	1867	74375 „
1859	59091 „ „	1868	77020 „
1860	64476 „ „	1869	82272 „
1861	45615 „ „	1870	64817 „

Послѣ обложенія недвижимостей видное мѣсто въ городскомъ бюджетѣ занимали сборы съ промышленности и торговли. О томъ, кто и какими сборами облагался и сколько платилъ въ городскую кассу,—свѣдѣнія дастъ нижеслѣдующая таблица, составленная по отчетамъ городской думы о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ (въ рубляхъ).

	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870
Съ мѣстныхъ купцовъ всѣхъ 3 гильдій по ¼% съ объявленныхъ ими капиталовъ . . .	2196	2055	2262	2151	3627	2857	2700	462	2091	634	1181	5581	3626	2187	2487	3294
Съ иногородныхъ купцовъ, постоянно живущихъ въ городѣ, по 1% съ объявленныхъ ими капиталовъ, а съ 1860 г. еще по ¼% за право оптовой торговли.	139	192	243	253	1204	1080	504	440	150	219	255	468	727	798	693	1200
Съ мастеровъ и ремесленниковъ .	733	726	1186	—	12 18	2509	1178	1093	932	833	1339	1568	1329	2014	2654	2613
Съ пиво- и медоваренія	—	—	—	—	660	427	—	567	41	—	101	5	—	—	—	—
Съ маркитантовъ	1710	1975	2296	1396	1327	2032	1810	1726	1734	1392	1780	1257	829	1626	2170	1190
Съ извозчиковъ	1514	1518	1565	1873	2209	1857	2122	2162	2142	2965	3119	2951	2450	2717	6252	6678
Съ аквавиритовъ и штукмейстеровъ	5	—	—	—	350	169	17	227	125	—	370	63	350	200	76	210
Съ приводимыхъ для продажи лошадей	2004	1366	794	955	933	579	564	303	328	286	324	222	272	192	170	130
Откупной суммы съ трактировъ .	300	300	—	—	—	102	—	—	—	—	—	--	—	—	—	—
Сбора съ гостинницъ	4366	4382	5628	5645	5685	5637	5432	4628								
Съ ресторацій	920	1085	1243	991	985	1075	698	881	9539	6368	7630	7859	6122	6112	3695	9217
Съ питейныхъ домовъ	252	98	—	49	49	49	49	49	--	—	—	—	—	—	—	—
Съ кондитерскихъ	78	71	85	71	57	71	164	85	57	71	28	—	142	42	—	14
Съ ренсковыхъ погребовъ . . .	211	131	222	200	182	268	251	314	182	120	108	148	142	165	60	57
Съ постоялыхъ дворовъ	195	250	259	300	142	331	555	534	940	120	560	430	1171	1312	2065	500
Съ модныхъ магазиновъ	400	428	228	228	485	428	314	343	171	200	57	28	114	85	37	67
Съ цирюленъ	20	34	31	40	47	71	28	48	20	34	8	2	2	25	—	—
Съ конфетчиковъ	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Съ откупа еврейской столовой .	—	671	566	123	--	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ярлыки извозчикамъ и маркитантамъ	—	—	—	—	--	421	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Косвенные налоги (съ засмныхъ писемъ, векселей, контрактовъ, договоровъ, клейменія вѣсовъ и пр.) на первыхъ порахъ послѣ введенія Положенія 1835 г. давали въ городскую кассу очень не много, но

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1850 г. Сентябрь.

постепенно, по мѣрѣ развитія коммерческихъ операцій, доходъ по этой статьѣ сталъ расти очень замѣтно. Вотъ рядъ цифръ, взятыхъ изъ думскихъ отчетовъ: въ 1855 г. 7608 р., въ 1856 г.—9624 р., 1857 г.—9028 р., 1858 г.—10531 р., 1859 г.—14321 р., 1860 г.—13864 р., 1861 г.—13615 р., 1862 г.—14385 р., 1863 г.—17049 р., 1864 г.—17559 р., въ 1865 г.—17161 р., 1866 г.—17475 р., въ 1867 г.—17322 р., 1868 г.—20654 р., 1869 г.—26730 р., 1870 г.—27389 р.

Очень большое значеніе имѣлъ поступавшій въ пользу города изъ казенныхъ сборовъ доходъ отъ питейнаго откупа въ суммѣ 11698 р. 57¼ коп. Получалъ городъ этотъ доходъ нѣсколько лѣтъ и послѣ уничтоженія откупной системы. Только въ 1868 г. поступленіе по этой статьѣ было сокращено до 8774 р. въ годъ, въ 1869 г.—до 5777 р., а въ 1870 г.—до 2757 р.

Но зато, начиная съ 1867 г., въ городскую кассу стало поступать изъ суммъ государственнаго сбора ежегодное пособіе въ размѣрѣ 16000 р. на отбытіе квартирной повинности.

Таковы главнѣйшіе источники городскихъ доходовъ. Надъ доходами мелочными и случайными мы останавливаться не будемъ, а прямо перейдемъ къ расходамъ.

Начнемъ съ расходовъ на содержаніе самого же городского управленія. Положеніе 1835 г. предусмотрѣло расходы на содержаніе городской думы, квартирной коммиссіи, городового магистрата, сиротскаго и словеснаго судовъ. Но уже вскорѣ послѣ изданія Положенія эту рубрику городского расходнаго бюджета пришлось расширить включеніемъ въ нее новыхъ статей расходовъ. Пришлось отчислить небольшую сумму на содержаніе оцѣночнаго комитета, вызваннаго къ жизни тѣмъ же положеніемъ 1835 г. Въ 1837 г. возникъ комитетъ по устройству города Харькова, слившійся впослѣдствіи съ строительной коммиссіей въ одно учрежденіе—строительную и дорожную коммиссію. Расходы на содержаніе комитета, а потомъ коммиссія были отнесены на городскія средства. Затѣмъ небольшая сумма была отчислена и на содержаніе канцеляріи уѣзднаго стряпчаго. Послѣдній расходъ, впрочемъ, не былъ для думы новостью, ибо и раньше ей приходилось иногда отпускать стряпчему канцелярскія принадлежности натурою. Сравнительно съ прошлымъ расходы такимъ образомъ увеличились. Нѣкоторое уменьшеніе произошло только въ расходахъ магистрата: прежде дума давала содержаніе не только канцеляріи магистрата, но и бургомистрамъ и ратманамъ, теперь ни бургомистры, ни ратманы за свою службу ничего не получали. Въ общемъ расходы на перечисленныя нами учрежденія были все таки не велики. Больше всѣхъ поглощала строительная и дорожная коммиссія, на которую тратилось около 2400 р., нѣсколько меньше стоило содержаніе думы, магистратъ обходился дешевле 1½ тыс. руб., а на остальныя учрежденія шли сотни, а то и десятки руб. Только съ шестидесятыхъ годовъ расходы на думу возрасли до 5 съ лишнимъ тысячъ рублей, а магистратъ сталъ стоить уже болѣе 2 т. р. въ годъ. Пришлось увеличить ассигнованіе и на словесный судъ: до сихъ поръ словесный судъ былъ одинъ—при городской полиціи, теперь явились суды при всѣхъ трехъ полицейскихъ частяхъ. Съ 1866 г. въ смѣту расходовъ сталъ вноситься расходъ на наемъ городского повѣреннаго, стоившаго, впрочемъ, городу всего 200 р. Съ 1867 г. за упраздненіемъ городового магистрата содержаніе на него перестало выдаваться, но зато пришлось отпускать 282 р. съ копейками на усиленіе средствъ уѣзднаго суда. Ни голова, ни члены думы, какъ извѣстно, при дѣйствіи стараго Городового Положенія жалованья не получали. Такой порядокъ соблюдался до 1867 г., когда головѣ назначенъ трехмѣсячный окладъ. Расходъ на содержаніе головы былъ впервые внесенъ въ смѣту 1868 г.

О размѣрахъ тратъ города на перечисленныя нами учрежденія можно судить по слѣдующимъ таблицамъ, составленнымъ на основаніи отчетовъ думы:

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1839	11705 р. асс.	1862	7582 р.
1848	6010 р. сер.	1863	10444 „
1855	7301 р.	1864	12336 „
1856	7104 р.	1865	12305 „
1857	7304 „	1866	12112 „
1858	7551 „	1867	12093 „
1859	7571 „	1868	15136 „
1860	7671 „	1869	14698 „
1861	7689 „	1870	14034 „

Несравненно болѣе значительными были траты города на полицію, въ вѣдѣніи которой находились пожарная часть и тюремный замокъ. Расходы на содержаніе полиціи росли съ ростомъ самого полицейскаго штата. По Положенію 1835 г. полиція должна была обходиться городу въ 62 съ лишнимъ тысячъ руб. ассигнаціями, но уже въ 1836 г. къ составу полиціи было добавлено 2 слѣдственныхъ пристава. Въ 1851 г. составъ полиціи былъ умноженъ; въ 1858 г. усилена канцелярія полиціи, увеличено число слѣдственныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, которымъ даны были еще и помощники; въ 1861 г. пришлось вновь усилить канцелярію полиціи. Общая реформа полиціи согласно указу 25 декабря 1862 г. имѣла своимъ результатомъ нѣкоторое повышеніе расходовъ города на эту часть, а въ 1868 г. послѣдовало новое увеличеніе состава полиціи и пожарной команды. Расходы на полицію отражались на городскомъ бюджетѣ очень замѣтно. Городъ давалъ жалованье полиціймейстеру, а потомъ старшему и младшему полиціймейстерамъ, когда эти должности были учреждены, частнымъ приставамъ, квартальнымъ надзирателямъ, канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ городской полиціи, отпускалъ нѣкоторую сумму на канцелярскіе расходы полиціи и слѣдственнымъ приставамъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Ежегодно на ярмарочное время въ Харьковъ командировались изъ уѣздовъ полицейскіе чиновники для усиленія мѣстной полиціи, и содержаніе имъ за время, проведенное ими въ Харьковѣ, должна была платить также дума. Нижнимъ полицейскимъ чинамъ городъ платилъ жалованье, обмундировывалъ ихъ, давалъ провіантъ и обязанъ былъ ихъ лечить на свой счетъ. Удѣлялъ городъ нѣкоторую, правда, очень небольшую, сумму и на истребленіе бродячихъ собакъ. Къ расходамъ на полицію нужно причислить и расходы на наемъ помѣщеній для нуждъ полиціи. До постройки дома для 3-й полицейской части (1858 г.) городу ежегодно приходилось тратить нѣсколько сотъ рублей для найма квартиры подъ съѣзжую этой части. На его же обязанности лежало отопленіе и освѣщеніе помѣщеній, занимаемыхъ полицейской и пожарной командами, и квартиръ частныхъ приставовъ. Наконецъ, уже не сотни, а нѣсколько тысячъ стоило городу содержаніе тюремнаго замка. По части пожарной на обязанности города лежало содержаніе брантмейстера и трехъ его учениковъ, содержаніе, обмундированіе и снабженіе провіантомъ пожарной команды, ремонтъ пожарныхъ лошадей, снабженіе ихъ фуражемъ и сбруею, пополненіе и починка инструментовъ, содержаніе коновала и кузнеца. Наконецъ, городъ же обязанъ былъ давать отопленіе и освѣщеніе въ квартиру брантмейстера.

О размѣрахъ расходовъ города на полицію, пожарную часть и содержаніе тюремнаго замка даетъ понятіе слѣдующая таблица:

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1839	62062 р. асс.	1863	48570 р.
1855	21917 р. сер.	1864	34353 „
1856	26776 р.	1865	27844 „
1857	23851 „	1866	35377 „
1858	28700 „	1867	36244 „
1859	26952 „	1868	47401 „
1860	33216 „	1869	51250 „
1861	27801 „	1870	37169 „
1862	33731 „		

На медицинскую часть городъ тратилъ не много. Еще въ тридцатыхъ годахъ въ Харьковѣ учреждена была должность городоваго врача, состоявшаго на службѣ при полиціи для исполненія ея порученій, но жалованье получавшаго изъ городскихъ суммъ. При врачѣ былъ лекарскій ученикъ. Городовому лекарю полагалось жалованье 200 р. въ годъ, а лекарскому ученику 57 р. 14$^{3}/_{4}$ коп. По смѣтѣ 1855 г. видимъ расходъ въ 520 р. на жалованье уже двумъ городовымъ врачамъ, да 42 р. 88 коп. содержанія лекарскому ученику. Только съ 1863 г. этотъ ничтожный расходъ былъ повышенъ съ внесеніемъ въ думскую смѣту 1000 р., выдаваемыхъ городомъ на содержаніе „вновь открытой лечебницы для приходящихъ бѣдныхъ больныхъ“. Наконецъ, въ самомъ уже концѣ шестидесятыхъ годовъ городъ сталъ тратить по 200 р. на содержаніе двухъ повивальныхъ бабокъ. Собственныхъ больницъ у города не было. Правда, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., во время холерныхъ эпидемій, думою устраивались по требованію начальства временныя больницы, но онѣ тотчасъ же и закрывались, какъ только прекращалась

эпидемія. Къ сознанію необходимости имѣть постоянную городскую больницу харьковцы пришли только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Началась постройка Александровской больницы для чернорабочихъ. На устройство ея городомъ было въ 1868 г. выдано единовременно 25 т. р., а въ 1870 г. оказалось, что при постройкѣ больницы сдѣланъ былъ перерасходъ, къ тому же и сама больница нуждалась въ снабженіи ея необходимыми вещами, такъ что думѣ пришлось внести въ смѣту 1870 г. расходъ въ суммѣ болѣе 22 т. р. Деньги эти, впрочемъ, такъ и не были выданы въ этомъ году.

Содержаніе учебныхъ и общеполезныхъ учрежденій стоило городу совсѣмъ не дорого. Городъ давалъ пособіе гимназіи, уѣздному училищу и институту благородныхъ дѣвицъ и содержалъ на свои средства школу взаимнаго обученія, а потомъ и второе приходское училище. Не смотря на точность вычисленія, доходившую до дробей копейки, составители Положенія 1835 г. все таки не все высчитали. Въ рубрикѣ расходовъ на просвѣщеніе былъ пропущенъ расходъ на школу взаимнаго обученія. Когда, послѣ введенія новыхъ штатовъ, изъ школы предъявлено было требованіе на выдачу содержанія за треть года, дума отказала въ выдачѣ, ссылаясь на новые штаты. Въ дѣло вмѣшался помощникъ попечителя учебнаго округа графъ Панинъ, по просьбѣ котораго губернаторъ сдѣлалъ представленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ ожиданіи отвѣта велѣлъ дажѣ отпустить школѣ третное содержаніе. Дѣло было доложено Государю, разрѣшившему ежегодно отпускать на школу по 1910 р. 66¾ коп. ассиги. Въ дѣйствительности городъ на просвѣщеніе расходовалъ почти всегда меньше, чѣмъ полагалось по штатамъ, такъ что за нимъ по сей части числилась вѣчная недоимка. Конечно, для такихъ учрежденій, какъ институтъ или гимназія, получавшіе отъ города только небольшую субсидію, неполученіе въ срокъ денегъ изъ думы было бѣдой еще не такъ большой руки, но для тѣхъ, которыя существовали исключительно на городскія средства, заминка въ уплатѣ довлѣемаго была настоящимъ бѣдствіемъ. Въ такомъ напр. критическомъ положеніи находилась въ 1842 г. школа взаимнаго обученія, въ теченіе шести мѣсяцевъ не получавшая ни копейки ни на жалованье служащимъ, ни на отопленіе. И сидѣть на пищѣ св. Антонія городскимъ педагогамъ приходилось не потому, что дума не хотѣла дать денегъ, а просто потому, что у думы свободной наличности совсѣмъ не было. Послѣ многократныхъ жалобъ дума постановила съ полученіемъ первыхъ же денегъ послать въ школу, что ей слѣдуетъ, но скоро ли было приведено въ исполненіе это постановленіе,—объ этомъ намъ неизвѣстно [1]). Съ 1863 г. расходы на просвѣщеніе увеличились, такъ какъ съ этого года городъ сталъ выдавать ежегодное пособіе „вновь открытой школѣ для дѣвочекъ“ сперва въ размѣрѣ 1300 р., потомъ 1000 р., а съ 1866 г. встрѣчаемся съ ежегоднымъ ассигнованіемъ 3000 р. на содержаніе Маріинскаго училища. Какую скромную роль играли въ бюджетѣ думы расходы на просвѣщеніе,—видно изъ цифръ.

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1839	4421 р. асс.	1863	6482 р.
1855	4181 р. сер.	1864	6775 „
1856	6191 р.	1865	6755 „
1857	4907 „	1866	9715 „
1858	5466 „	1867	7275 „
1859	4182 „	1868	6775 „
1860	4898 „	1869	6769 „
1861	2467 „	1870	6778 „
1862	5182 „		

Расходы на военныхъ постояльцевъ, опредѣленные Положеніемъ 1835 г. въ 48300 р. ассиги.,—цифра сравнительно еще скромная—съ годами все расли и расли. Очень крупная сумма шла въ квартирную коммиссію; затѣмъ городомъ строились казармы для гарнизоннаго батальона, а для тѣхъ частей, которыя не помѣщались въ казармахъ, нанимались обывательскіе дома. Для казармъ и для гауптвахты давалось отопленіе и освѣщеніе, для караульныхъ покупались тулупы и коньги; очистка снѣгу и нечистотъ въ казармахъ также требовала отъ города расхода. Такіе же расходы вызывало и присутствіе въ Харьковѣ жандармской команды. Въ 1858 г. уже само министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе на тотъ фактъ, что 1% сборъ съ обывательскихъ имуществъ, въ прежнее время только въ неболь-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1842 г. октября 22.

шой части расходовавшійся на военныхъ постояльцевъ, сталъ теперь почти весь идти на нужды постоя. Министерство находило такой порядокъ ненормальнымъ и предписывало губернскому начальству изыскать средства для сокращенія расходовъ [1]). И дѣйствительно расходъ нѣсколько сократился, но не на долго. Съ учрежденіемъ въ Харьковѣ военно-окружного управленія положеніе города, принужденнаго давать квартиры новымъ установленіямъ и чинамъ, стало еще болѣе затруднительнымъ Правда, съ 1867 г. въ городскую кассу стало поступать изъ казны ежегодное пособіе 16 т. р., но оно далеко не покрывало расходовъ. Положеніе дѣла было таково, что приходилось думать уже не объ экономіи отъ 1% сбора, а о прибавкѣ къ нему изъ другихъ источниковъ городскихъ доходовъ. Новой думѣ старая дуума передала постойный вопросъ въ самой печальной стадіи его развитія. Денегъ не было, а домовладѣльцы, у которыхъ были наняты дома для военныхъ учрежденій, требовали уплаты въ виду окончанія срока аренды ихъ домовъ.

О размѣрахъ расходовъ города на военный постой свидѣтельствуютъ цифры, извлеченныя нами изъ думскихъ отчетовъ.

1839 г.	45000 р. асс.	1862 г.	25630 р.
1848 „	18135 р. сер. [2])	1863 „	27740 „
1855 „	28773 „	1864 „	31315 „
1856 „	37516 „	1865 „	44350 „
1858 „	39318 „	1866 „	33158 „
1858 „	35273 „	1867 „	23910 „
1859 „	28670 „	1868 „	39872 „
1860 „	26500 „	1869 „	39467 „
1861 „	23134 „	1870 „	38009 „

Расходы на наружное благоустройство города въ разные періоды разсматриваемаго нами тридцатипятилѣтія были не одинаковы. Все здѣсь зависѣло отъ личности генералъ-губернатора или губернатора. Вообще же можно сказать, что при генералъ-губернаторахъ на эту сторону городской жизни обращалось больше вниманія, нежели послѣ нихъ. Собственно и послѣ уничтоженія генералъ-губернаторства дѣло благоустройства не стояло на мѣстѣ, но теперь оно шло какъ бы по инерціи. Большую роль играло также и состояніе городскихъ финансовъ. Иногда самые благожелательные планы и предположенія начальства наталкивались на скудость городской кассы. Не всегда и не для всякаго начальника это обстоятельство являлось препятствіемъ непреоборимымъ, ибо, въ случаѣ непремѣннаго желанія благоустроить, всегда послѣ надлежащихъ хлопотъ можно было исходатайствовать для города заемъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія или изъ суммъ земскихъ повинностей, но все таки для всякаго пустота городской кассы являлась условіемъ, съ которымъ приходилось считаться. Обыкновенно ежегодно городу приходилось затрачивать нѣкоторую сумму на ремонтъ городскихъ домовъ и лавокъ, полицейскихъ и воинскихъ (казармъ гарнизоннаго батальона и жандармской команды) помѣщеній и арестантской роты. Множество мелкихъ, но въ общемъ составлявшихъ довольно крупную цифру, расходовъ вызывалось самыми природными условіями мѣстоположенія города. Въ цѣляхъ осушенія Харькова приходилось прокладывать трубы, устраивать кюветы и водоспуски. Ежегодно берега рѣкъ размывались полою водою. Уже со временъ Долгорукова городу приходилось почти ежегодно вносить въ свои росписи расходъ на укрѣпленіе береговъ рѣкъ. При Кокошкинѣ на „обдѣлку береговъ“ было обращено самое бдительное вниманіе, а потому и расходы города на этотъ предметъ были въ то время отнюдь не маленькими. Работы по укрѣпленію береговъ продолжались и потомъ, послѣ управленія генералъ-губернаторства. Въ старое время городскія рѣки были запружены греблями и мельницами частныхъ лицъ. Въ разсматриваемый нами періодъ осталась внутри города только одна такая гребля—Барабашовская, принадлежавшая помѣщику Квиткѣ, но благодаря ей постоянно страдали прибрежные жители, дворы которыхъ очень часто подтапливались. При Кокошкинѣ, въ 1854 г., гребля эта была наконецъ пріобрѣтена въ собственность города, а затѣмъ на ея мѣстѣ явился поемный Кузнечный мостъ. У того же Квитки на Основѣ была другая гребля, причинявшая горожанамъ не мало непріятностей, за избавленіе отъ которыхъ городу приходилось ежегодно уплачивать нѣкій малый оброкъ арендатору Квиткинской мельницы, бравшему за это на себя обязанность регулиро-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1858 г. іюня 15.

[2]) По смѣтѣ на 1848 г.

вать воду въ рѣкѣ. Городъ изобиловалъ озерами-болотами, потребовавшими въ Кокошкинскія времена не малыхъ тратъ изъ городскихъ средствъ. На деньги, взятыя у думы, Кокошкинъ превратилъ три озера-болота въ бассейны: на Екатеринославской улицѣ, возлѣ тюремнаго замка и такъ назыв. Поповo озеро. Кое что приходилось затрачивать городу и на содержаніе мостовъ и мостиковъ (въ пятидесятыхъ годахъ такихъ мостиковъ въ разныхъ пунктахъ города числилось девятнадцать). Главные мосты Харьковскій и Лопанскій содержались въ то время на земскіе сборы. Крупнѣйшимъ расходомъ въ области благоустройства былъ расходъ на замощеніе города. Каждый годъ устраивались новыя мостовыя, ремонтировались старыя. Очень небольшую сумму приходилось затрачивать на содержаніе городскихъ бульваровъ, на посадку новыхъ деревьевъ на площадяхъ и пладъ-парадномъ мѣстѣ и на жалованье садовнику. Крупный единовременный расходъ въ этой области видимъ только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда городъ пріобрѣлъ отъ наслѣдниковъ Карповыхъ принадлежавшій имъ загородный садъ. Въ 1867—1868 г. дума выплатила Карповымъ за купленный у нихъ садъ 29617 р. 50 коп. Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ покупки часть сада отошла подъ линію желѣзной дороги, да и та, что осталась въ распоряженіи города, содержалась такъ, что не было отъ нея ни пользы, ни удовольствія. Больше расходовъ требовало освѣщеніе города, особенно со времени Кокошкина, когда къ существовавшимъ раньше масляным фонарямъ прибавлены были и спиртовые. Съ начала 60-хъ годовъ введено было освѣщеніе „минеральнымъ масломъ“, вытѣснившимъ въ концѣ концовъ и старые масляные фонари, и кокошкинскія спиртовки. По высокоторжественнымъ днямъ устраивались иллюминаціи, но стоили онѣ городу не дорого. Въ 1856 г. напр. на этотъ предметъ ассигновано было всего 63 р. 50 к. Очистка улицъ передъ городскими зданіями, городскихъ колодцевъ, ретирадныхъ мѣстъ въ городскихъ зданіяхъ и полицейскихъ частяхъ также требовала отъ города нѣкоторыхъ затратъ. Для работъ по замощенію и вообще благоустройству городъ содержалъ рабочій воловій паркъ, обходившійся ежегодно въ $2^1/_2$—4 т. р., а самыя работы исполнялись арестантами, которымъ, конечно, приходилось также платить, но много меньше, чѣмъ вольнымъ рабочимъ. Ежегодно фигурируетъ въ городскихъ росписяхъ и расходъ на устройство амвона на Холодной горѣ при переносѣ въ Куряжъ и обратно образа Божіей Матери. Въ 1856 г. дума постановила пріобрѣсть для соборной колокольни часы. Благодаря этому у нея завелся ежегодный расходъ въ 150 р., уплачиваемыхъ оптику Эдельбергу за заводку и присмотръ за часами.

Таковы были постоянныя траты города на благоустройство, повторявшіяся почти ежегодно. О размѣрахъ главнѣйшихъ изъ нихъ можно судить по слѣдующимъ таблицамъ.

Содержаніе и ремонтъ мостовыхъ.

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1856	4963 р.	1864	15417 р.
1857	4840 „	1865	12672 „
1858	3384 „	1866	864 „
1859	327 „	1867	7854 „
1860	2269 „	1868	22715 „
1861	5593 „	1869	17847 „
1862	18608 „	1870	7229 „
1863	14507 „		

Содержаніе городскихъ бульваровъ и посадокъ.

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1856	375 р.	1864	270 р.
1857	413 „	1865	255 „
1858	303 „	1866	225 „
1859	309 „	1868	300 „
1860	402 „	1868	280 „
1861	200 „	1869	260 „
1862	— „	1870	268 „
1863	481 „		

Освѣщеніе города.

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1856	2733 р.	1864	10941 р.
1857	5154 „	1865	9999 „
1858	4911 „	1866	15983 „
1859	6642 „	1867	12782 „
1860	8021 „	1868	19230 „
1861	8274 „	1869	18934 „
1862	7403 „	1870	24701 „
1863	15897 „		

Очистка улицъ, колодцевъ, дымовыхъ трубъ и пр.

Годы	Расходы	Годы	Расходы
1856	922 р.	1864	1220 р.
1857	634 „	1865	1185 „
1858	632 „	1866	1205 „
1859	565 „	1867	1055 „
1860	993 „	1868	1058 „
1861	655 „	1869	1843 „
1862	997 „	1870	1830 „
1863	1130 „		

Кромѣ постоянныхъ, предусмотрѣнныхъ Положеніемъ 1835 г., расходовъ, были у города и единовременныя затраты, иногда очень крупныя. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упоминали. Такова состоявшаяся въ 1845 г. покупка у титулярнаго совѣтника Млодзинскаго 5 дес. 2380 кв. саж. земли за Конной площадью, отданной подъ поселеніе людей, выведенныхъ изъ Чугуевскаго военнаго поселенія. Таковъ расходъ на пріобрѣтеніе отъ Карповыхъ принадлежавшаго имъ сада. Крупный единовременный расходъ былъ вызванъ постройкой дома для Маріинскаго женскаго училища. Постройка Александровской больницы также потребовала отъ думы большого единовременнаго ассигнованія. При первомъ обсужденіи вопроса объ учрежденіи городского банка въ 1864 г. собраніе городского общества постановило отчислить для образованія капитала банка 25 т. р. изъ городскихъ суммъ, да столько же занять изъ суммъ г. Золочева. Въ Петербургѣ съ такимъ постановленіемъ не согласились и разрѣшили взять для первоначальнаго финансированія банка всего 15 т. р.; но и тѣ не изъ городскихъ доходовъ, а изъ такъ наз. „партикулярныхъ капиталовъ“. Устройство таможни состоялось также не безъ участія города, отдавшаго подъ таможню принадлежавшую ему усадьбу, на которой стояли жандармскій манежъ и конюшни. Для перестройки этихъ зданій для надобностей таможни думою въ смѣту 1870 г. былъ внесенъ расходъ въ суммѣ болѣе 26 т. р. Въ дѣйствительности, впрочемъ, онъ тогда произведенъ не былъ. Проведеніе черезъ Харьковъ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги не обошлось также безъ крупныхъ жертвъ со стороны города. Городское общество, горячо сочувствуя этому дѣлу, сочло себя обязаннымъ принять участіе въ отчужденіи имуществъ, имѣвшихъ отойти подъ желѣзную дорогу, и потому приговоромъ, состоявшимся 21 декабря 1866 г., постановило выплатить изъ городской казны третью часть той суммы, которая окажется нужной для выкупа этихъ имуществъ—25 т. руб., а приговоромъ 10 марта 1868 г., кромѣ того, постановило отдать подъ желѣзную дорогу безвозмездно всѣ, собственно городу принадлежащія, нужныя для дороги, мѣста. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что строитель дороги С. С. Поляковъ и этимъ не удовлетворился. Пугнувъ горожанъ возможностью устройства вокзала на Конной площади или даже совсѣмъ за чертой города, онъ заставилъ жителей третьей части принять на себя, путемъ добровольной подписки, выкупъ имуществъ, отходящихъ подъ желѣзную дорогу, лишь бы только вокзалъ былъ устроенъ на Архіерейской левадѣ, тамъ, гдѣ онъ стоитъ и теперь [1]). Уже въ 1869 г. для выкупа

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. № 155.

имуществъ подъ желѣзную дорогу городомъ было истрачено 3 т. р., въ слѣдующемъ году—4 т. р. Дальнѣйшіе расходы по этому предмету пришлось нести уже новой думѣ. Проведеніе дороги вызвало и еще одинъ новый расходъ. Къ зданію вокзала нужно было проложить улицы, а между тѣмъ прилегающая къ вокзалу земля принадлежала частнымъ лицамъ. Потребовался расходъ на отчужденіе этой земли подъ новыя улицы.

Положеніе 1835 г. подняло городскіе доходы до небывалой до тѣхъ поръ высоты. Однако же, не смотря на это, городъ все таки не могъ справляться собственными средствами съ необходимыми для него расходами. Однимъ изъ такихъ расходовъ если не харьковцами, то ихъ начальствомъ признавался расходъ по замощенію города камнемъ, первые опыты котораго удостоились Высочайшаго одобренія. Изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія велѣно было отпустить Харькову 200 т. р. на 37-лѣтній срокъ по 6% въ годъ (1% на погашеніе долга, 5%—роста). Деньги, впрочемъ, брались, изъ приказа не въ одинъ разъ, а по мѣрѣ надобности, тысячъ по 20 р. Первое полученіе изъ приказа состоялось въ 1836 г., т. е. на другой же годъ послѣ введенія Положенія, Затѣмъ позаимствованія на мостовыя дѣлались въ 1839, 1841, 1842, 1844, 1845 и 1846 годахъ. Въ 1846 г. изъ приказа было забрано на этотъ предметъ уже 52602 р. 77 коп., причемъ въ долгу оставалось 43049 р. 56½ к. Съ 1838 г. у Думы завелся и другой крупный долгъ. На устройство города Харькова 2 января 1837 г. былъ Высочайше назначенъ вспомогательный капиталъ въ суммѣ 150 т. р. асс. Платить проценты и погашать этотъ заемъ была обязана дума, отъ которой, однако, заемъ совершенно не зависѣлъ, такъ какъ деньги изъ приказа получалъ и тратилъ независимый отъ думы комитетъ по устройству г. Харькова. Условія займа—тотъ же 37-лѣтній срокъ и та же норма процента и погашенія [1]). Къ 1846 г. изъ 150-тысячной суммы было взято уже 42857 р. 14¼ к., а за произведенными уплатами долгъ города по этому займу простирался до 29236 р. 7 коп. До 1859 г. городомъ было уплочено приказу 52 т. р. съ лишнимъ, затѣмъ уплата займа и процентовъ отнесена на самый строительный капиталъ, а съ 1865 г.—капиталъ этотъ былъ переданъ городу, который къ 1871 г. и покончилъ всѣ счеты и приказомъ по уплатѣ долга и процентовъ. Въ 1865 г. городъ просилъ правительство ссудъ изъ строительнаго капитала больше не выдавать, такъ какъ въ этомъ уже не было надобности, а строительную сумму обратить въ городской неприкосновенный капиталъ. Къ 1871 г. капиталъ этотъ равнялся уже 127577 р. 35¼ коп. 24 октября 1872 г., по опредѣленію думы, сумма эта была перечислена въ городской запасный капиталъ.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что ни по долгу на замощеніе, ни по долгу строительному какихъ либо свѣдѣній у думы не имѣлось. Она даже не знала, сколько она обязана платить процентовъ и погашенія. Въ 1838 г., донося губернатору о средствахъ города, дума писала: „а сколько по обоимъ симъ предметамъ (займамъ) потребно отпустить въ годъ процентовъ, думѣ неизвѣстно, ибо отпускъ оныхъ производится по требованіямъ и назначеніямъ приказа [2])“.

Въ 1842 г. для покупки, по распоряженію начальства, зданія, занимавшагося раньше институтомъ благородныхъ дѣвицъ, городу вновь пришлось прибѣгнуть къ займу. На сей разъ заемъ былъ сдѣланъ краткосрочный, на 6 мѣсяцевъ, на сумму 7800 р. Въ сороковыхъ годахъ въ Харьковѣ открыта арестантская рота гражданскаго вѣдомства. Постройка зданія отнесена на средства города. Въ результатѣ рядъ новыхъ займовъ въ томъ же приказѣ, произведенныхъ въ 1843, 1845 и 1847 г.г., а въ 1849 г. пришлось признать и въ Харьковской конторѣ государственнаго банка на устройство перегородокъ и возвышеніе ограды въ той же арестантской ротѣ. Въ 1845 г. у титул. совѣтн. Млодзинскаго была по распоряженію начальства отчуждена часть принадлежавшей ему земли за Конной площадью и здѣсь поселены выведенные изъ Чугуевскаго военнаго поселенія обыватели. Уплата Млодзинскому въ суммѣ 6170 руб. была возложена на городъ, а за неимѣніемъ у думы свободныхъ денегъ, уплату произвело Харьковское казначейство. Въ результатѣ у города явилось новое обязательство передъ казначействомъ, которому онъ и взносилъ въ счетъ долга по 370 р. ежегодно.

Въ 1852 году въ Харьковѣ была предположена постройка казармъ для гарнизоннаго батальона, смѣта на которыя была выведена болѣе, чѣмъ 108 т. р. с. Денегъ у города не было, да и заемъ являлся

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1839 г. Янв. 24.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1838 г. января 6.

невозможнымъ въ виду недостатка доходовъ для уплаты процентовъ и погашенія. Генералъ-губернаторъ сдѣлалъ представленія о займѣ изъ приказа общественнаго призрѣнія 109 т. р., съ тѣмъ, чтобы, по недостатку городскихъ средствъ, уплата процентовъ и погашенія производилась изъ суммъ земскихъ сборовъ. Государственный Совѣтъ, обсуждавшій этотъ вопросъ, нашелъ, что Харьковъ по развитію мѣстной промышленности и торговли долженъ бы имѣть достаточныя средства къ покрытію своихъ расходовъ и что при хозяйственной распорядительности въ отношеніи городскихъ расходовъ и доходовъ онъ можетъ обойтись и безъ пособія изъ земскихъ суммъ, а потому постановилъ принять на земскій счетъ платежъ процентовъ на позаимствованные 109 т. только по 1856 г., а съ этого года платежи обязанъ былъ производить уже городъ [1]). Въ концѣ концовъ городу удалось таки освободиться отъ неизбѣжно грозившаго ему новаго займа на казармы. Но зато и раньше сдѣланныхъ долговъ было у него очень довольно. Уже въ 1844 г. ему ежегодно приходилось уплачивать болѣе 11 т. р. процентовъ и погашенія [2]). Въ 1846 г. за городомъ числилось долговъ на сумму 83969 р. 92¼ к. [3]), въ 1854 г. ихъ было уже 226640 р. 97½ к., а въ 1855 г.—228497 р. 1¾ коп. Послѣ уничтоженія харьковскаго генералъ-губернаторства чрезвычайныхъ единовременныхъ расходовъ стало поменьше, но все же общая цифра долговъ была очень велика: въ 1856 г.—223803 р. 7 коп., въ 1857 г.—128011 р. 31 коп. [4]). Безъ новыхъ займовъ все таки обходиться было нельзя. Въ 1866 г., когда потребовались деньги на постройку Маріинскаго женскаго училища, городу пришлось прибѣгнуть къ суммамъ г. Золочева, изъ которыхъ и былъ произведенъ заемъ.

Долги требовали ежегодныхъ уплатъ процентовъ и погашенія. Нельзя сказать, чтобы эти уплаты производились аккуратно, но все же онѣ составляли довольно солидную цифру въ расходномъ бюджетѣ города. Приводимъ цифры ежегодныхъ отчисленій изъ городской кассы въ уплату долговъ за послѣдніе годы дореформеннаго періода, когда новыхъ долговъ почти не дѣлалось, а приходилось только расплачиваться по старымъ.

1855 г.	9603 р. сер.	1863 г.	7092 р.
1856 „	10879 „ „	1864 „	5662 „
1857 „	11065 „ „	1865 „	7040 „
1858 „	10898 „	1866 „	10370 „
1859 „	6613 „	1867 „	15995 „
1860 „	7334 „	1868 „	7447 „
1861 „	7317 „	1869 „	370 „
1862 „	6964 „	1870 „	13704 „

Нельзя сказать, чтобы дума особенно заботилась о пріумноженіи городскихъ доходовъ. И губернскому правленію, и губернатору при разсмотрѣніи городскихъ смѣтъ приходилось неоднократно указывать думѣ на недостатокъ вниманія къ интересамъ города. Такъ въ 1840 г. губернское правленіе обращало вниманіе думы на то обстоятельство, что оцѣночный сборъ какъ былъ установленъ въ 1836 г. въ 90700 р., такъ въ этой суммѣ и остался, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ обыватели успѣли построить много каменныхъ и деревянныхъ домовъ, совсѣмъ ускользавшихъ отъ оцѣночнаго сбора [5]). Въ 1839 г. тоже правленіе указывало, что сборы съ ремесленниковъ въ думской смѣтѣ сравнительно съ предыдущимъ годомъ понизились между тѣмъ, какъ число ремесленниковъ увеличилось. Тоже губернское правленіе упрекало думу въ низкомъ обложеніи трактирныхъ заведеній, въ небрежномъ взиманіи сборовъ съ пригоняемыхъ для продажи лошадей, въ недостаточномъ поступленіи доходовъ съ постоялыхъ дворовъ и „маркитантовъ“ [6]). Городъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Въ 1841 и 1843 г.г. видимъ хроническое безденежье въ думской кассѣ, настолько озаботившее начальство, что о причинахъ упадка городскихъ доходовъ назначено было особое разслѣдованіе. Уже въ 1844 г. совѣтникомъ губернскаго правленія Велиховымъ была

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1855 г. янв. 14 и Арх. Губ. Правл. Дѣло о построеніи казармъ 1850—1856.
[2]) Тамъ же. Журн. 1844 г. ноября 3.
[3]) Тамъ же. Дѣло объ учрежденіи особаго комитета по украшенію г. Харькова 1846 г.
[4]) Общественное устройство и управленія городовъ. Т. 2, стр. 50, 59, 134 и 135.
[5]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 сент. 16.
[6]) Тамъ же. Журн. 1839 г. Іюня 25 и 27.

составлена по сему предмету цѣлая записка для свѣдѣнія начальства [1]). Городскимъ хозяйствомъ занимался въ то же время и чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Обресковъ.

Ревизія Велихова обнаружила рядъ недоборовъ по разнымъ статьямъ смѣты на 1841 г. Гораздо меньше, сравнительно съ предположеннымъ по смѣтѣ, оказался доходъ съ гостинницъ, съ городскихъ мѣстъ на Благовѣщенскомъ базарѣ, съ городскихъ площадей, отдаваемыхъ во время ярмарокъ подъ балаганы, съ продажи лошадей, съ извозчиковъ и маркитантовъ, отъ найма городской левады, съ кондитерскихъ и овощныхъ лавокъ, съ фабричной промышленности, съ театра и зрѣлищъ, съ постоялыхъ дворовъ, съ мѣняльныхъ столовъ, съ цеховыхъ мастеровъ и ремесленниковъ, съ записки въ обывательскую книгу, съ модныхъ магазиновъ, съ клейменія мѣръ и вѣсовъ. По 18 статьямъ смѣты причины недобора признаны были Велиховымъ заслуживающими уваженія, но зато остальныя признаны были вполнѣ неосновательными. Ревизоръ пришелъ къ заключенію, что дума „не приняла должнаго попеченія къ исполненію своей обязанности". Недоборъ по тѣмъ статьямъ, по которымъ онъ былъ признанъ результатомъ отсутствія попеченія, велѣно было взыскать съ членовъ думы [2]). Особенно много потерялъ городъ въ недоборѣ съ ремесленниковъ. Еще въ 1835 г. дума истолковала установленныя Положеніемъ о доходахъ и расходахъ Харькова правила въ томъ смыслѣ, что доходъ въ пользу города слѣдуетъ взимать только съ иногородныхъ ремесленниковъ, а не съ харьковцевъ. Въ результатѣ дума получала ежегодно тысячи на четыре меньше, чѣмъ могла бы получать. Такой порядокъ продолжался восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ городъ потерялъ болѣе 30 тыс. руб. Послѣ ревизіи Велихова думѣ предложено было обложить всѣхъ ремесленниковъ безъ изъятія, при чемъ члены думы 1835 г. не подвергались взысканію только потому что подошли подъ всемилостивѣйшій манифестъ 1841 г. Точно такъ же снисходительно, какъ къ мѣстнымъ ремесленникамъ, относилась дума и къ мѣстнымъ пиво- и медоварамъ. Люди это были не маленькіе, а одинъ изъ нихъ—Искра былъ величиною даже очень крупною, и тѣмъ не менѣе ни Искра, ни прочіе пивовары никакими въ пользу города оброками не облагались до самого 1859 г. когда на этотъ непорядокъ обратило вниманіе начальство.

Не особенно заботилась дума и о взысканіи причитавшихся на ея долю сборовъ, вслѣдствіе чего накоплялись недоимки, иногда очень значительныя. Такъ сумма недоимокъ по 1% сбору къ началу 1850 г. достигла крупной цифры въ 32 т. р. [3]), величина для городского бюджета очень чувствительная. Впрочемъ, что касается недоимокъ, то ихъ накопленію городъ былъ обязанъ столько же думѣ, сколько и полиціи, обычно не торопившейся съ взысканіемъ городскихъ сборовъ. При ревизіи думскихъ книгъ за 1859 г. обнаружились такіе напр. недоборы: оцѣночнаго сбора должно было поступить 41147 р., поступило въ дѣйствительности 12419 р.; за винныя лавки слѣдовало болѣе $2^1/_2$ т., а поступило 248 р.; за лавки на Рыбной слѣдовало 902 р., поступило 65 р.; $^1/_4$% сбора слѣдовало 10294 р., а поступило 4563 р. и т. п. [4]).

Губернское начальство не только контролировало веденіе думой городского хозяйства, но и само иногда устанавливало для него правила, отъ которыхъ думѣ предписывалось не отступать ни въ коемъ случаѣ. Такъ въ 1856 г. губернское правленіе выработало и прислало въ думу „для непремѣннаго руководства и точнаго исполненія" проекты условій на отдачу въ оброчное содержаніе городскихъ земель, рыбныхъ лавокъ, городскихъ мѣръ и вѣсовъ, а также на наемъ домовъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и на поставку дровъ и свѣчей для заведеній и квартиръ, отапливаемыхъ и освѣщаемыхъ на счетъ города. Вмѣстѣ съ проектами въ думу было прислано увѣдомленіе, что за всякое отступленіе отъ этихъ правилъ виновные подвергнутся строгому взысканію [5]).

Вмѣшательство въ думскія хозяйственныя дѣла губернской администраціи давало иной разъ результаты совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидались. Въ 1869 г. напр. дума отдала подрядъ на устройство мостовыхъ по 5 р. 95 коп. за сажень. Губернское правленіе нашло эту цѣну неимовѣрно

---

[1]) Тамъ же. Журн. 1844.
[2]) Арх. Гор Думы. Журн. 1844 г. іюня 30.
[3]) Тамъ же. Журн. 1850 г. янв. 1.
[4]) Тамъ же. Журн. 1860 г. марта 22.
[5]) Тамъ же. Журн. 1856 г. ноября 13.

высокой, отмѣнило думскіе торги и назначило собственные. И что же? Въ результатѣ оказалось, что подрядъ получилъ тотъ же подрядчикъ, только не по 5 р. 95 коп., а по 7 р. [1]).

Иногда губернское начальство и само изыскивало источники городскихъ доходовъ. Такъ въ 1842 г. губернаторъ предложилъ думѣ эксплоатировать въ пользу города ледъ на харьковскихъ рѣкахъ, который до сихъ поръ обыватели ломали безданно-безпошлинно. Когда въ пользу города перешла Карповская криница, губернаторъ распорядился установить особый сборъ съ населенія, пользующагося изъ нея водою [2]).

Думскія смѣты контролировались губернскимъ начальствомъ, измѣнялись, исправлялись и только послѣ этого посылались на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ канцеляріи министра онѣ вновь подвергались контролю, вызывавшему необходимость въ разныхъ справкахъ и перепискѣ съ губернскимъ начальствомъ, а послѣдняго съ думой, и только послѣ этого возвращались въ Харьковъ, что обыкновенно бывало въ мартѣ—апрѣлѣ смѣтнаго года. Всѣ внѣсмѣтныя ассигнованія производились только послѣ разрѣшенія губернскаго правленія. Думскіе отчеты подвергались ревизіи контрольнаго отдѣленія казенной палаты. Такимъ образомъ надзирателей и контролеровъ за городскимъ хозяйствомъ было очень много, а между тѣмъ это хозяйство шло изъ рукъ вонъ плохо. Новой думѣ, вступившей во власть въ 1871 г., старая дума передала его въ самомъ плачевномъ состояніи. Новые хозяева города получили въ наслѣдство, по отзыву городского головы Гордѣенка, „лишь огромный дефицитъ, долги и истощенный городской капиталъ“ [3]). Новой думѣ переданъ былъ запасный капиталъ въ билетѣ городского банка въ 20016 р. 57 коп., 5% билетъ въ 100 р., капиталъ въ 30000 р., находившійся во взаимномъ страховомъ Обществѣ въ видѣ гарантіи, и 15000 р., полученные за часть Карповскаго сада, уступленную подъ желѣзную дорогу, всего 65116 р. 57 коп., но вмѣстѣ съ этимъ переданъ долгъ города по долгосрочнымъ займамъ изъ бывшаго Харьковскаго приказа общественнаго призрѣнія въ 64427 р. 43 коп. Бюджетъ города на 1871 г. былъ въ самомъ неутѣшительномъ положеніи: ожидалось къ поступленію доходовъ 198364 р. 81 коп., расходовъ же подлежало къ удовлетворенію по 1 января 1872 г. 251271 р. 2 коп., кромѣ того, предстояло удовлетворить расходовъ по квартирной повинности на 30000 р. Итого расходовъ предстояло болѣе, чѣмъ доходовъ на 82906 р. 21 коп. [4]).

Положеніе 1870 г. открыло для городского хозяйства новую фазу развитія. Новый порядокъ отличался отъ стараго тѣмъ, что теперь городское управленіе стало, можно сказать, дѣйствительно хозяиномъ между тѣмъ, какъ до сихъ поръ оно было только участникомъ въ веденіи городского хозяйства. До 1870 г. главенствующая роль въ городскомъ хозяйствѣ принадлежала администраціи. На каждый свой шагъ дума должна была просить позволенія губернскаго начальства; составляемая ею смѣта доходовъ и расходовъ проходила не только строгую цензуру мѣстныхъ чиновниковъ, отъ которыхъ зависѣло признать или не признать необходимымъ тотъ или иной расходъ, или замѣнить одинъ расходъ другимъ, но и восходила на утвержденіе самого министра внутреннихъ дѣлъ. Въ доходахъ и расходахъ думѣ приходилось отчитываться передъ той же администраціей. Наконецъ, и иниціатива въ дѣлѣ городского хозяйства принадлежала обыкновенно не думѣ, а опять таки администраціи. Съ введеніемъ Положенія 1870 г. опека администраціи по сравненію съ прошлымъ была сведена, можно сказать, къ minimum'у. Городское управленіе, согласно Положенію, имѣло право самостоятельно отчуждать и пріобрѣтать недвижимыя и движимыя имущества и вступать въ договоры. Отъ него же зависѣло опредѣленіе способовъ извлеченія доходовъ изъ принадлежащихъ городу имуществъ. Положеніе 1870 г. устанавливаетъ только немногія ограниченія въ этой области. Такъ дума, полная хозяйка городской собственности, не имѣла, однако, права безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ отчуждать городскія улицы, переулки, площади, тротуары, проходы, мосты и переправы и вообще производить измѣненія въ планѣ города. Точно также безъ согласія министра она не имѣла права отдать улицъ, площадей и пр. въ чье либо исключительное пользованіе или загромоздить улицы сооруженіями, стѣсняющими проходъ или проѣздъ, если, конечно, эти сооруженія солидныя, а не такія эфемериды, какъ подвижные лари, полицейскія будки и т. п. Не имѣла дума права безъ согласія министра и назначать размѣръ платы за проѣздъ или проходъ по сооруженіямъ, воздвигнутымъ на городской

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 № 146.

[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1842 г. янв. 31 и дек. 10.

[3]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1871 г. № 187.

[4]) Обзоръ финансовъ г. Харькова съ 1871 по 1880 г. стр. 1—2.

счетъ для сообщенія внутри города. Плата за пользованіе общественными мѣрами и вѣсами также не вполнѣ зависѣла отъ думы, такъ какъ Положеніемъ 1870 г. для нея былъ установленъ извѣстный предѣлъ. Установлены были нѣкоторыя ограниченія и для права думы совершать отъ имени города займы и давать поручительства или гарантіи: если сумма лежащихъ на городѣ обязательствъ превышаетъ или, вслѣдствіе предположеннаго новаго обязательства, должна превысить, въ общей совокупности, сумму городскихъ доходовъ за два послѣдніе года, заемъ или выдача гарантіи допускается только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Городская смѣта избавлена отъ контроля губернскаго начальства. Проектируется теперь она управой, а утверждается думой и больше ни въ какомъ утвержденіи не нуждается. Правда, и теперь смѣта представляется губернатору, но губернаторъ не входитъ въ разсмотрѣніе ея по существу, а смотритъ только за тѣмъ, чтобы не устанавливались незаконные сборы, а законные назначались не свыше установленной закономъ нормы; чтобы при обложеніи городскими сборами казенныя имущества не облагались выше частныхъ, и чтобы въ смѣтѣ назначены были необходимыя суммы на удовлетвореніе потребностей, признанныхъ закономъ обязательными. Отчеты городской управы въ полученіи и расходованіи ею городскихъ средствъ также были избавлены отъ контроля правительственныхъ чиновниковъ. Провѣрка управскихъ отчетовъ предоставлена единственно думѣ. Въ распоряженіи своими капиталами городу предоставлена свобода: онъ имѣлъ право внести ихъ въ правительственныя или частныя кредитныя учрежденія, пріобрѣсть на нихъ государственныя процентныя бумаги, гарантированныя правительствомъ облигаціи или облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ и поземельныхъ банковъ.

Положеніемъ установлены въ пользу городовъ опредѣленные сборы: оцѣночный съ недвижимыхъ имуществъ, съ документовъ на право производства торговли и промысловъ и съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавокъ. Кромѣ того, городскія управленія имѣли право ходатайствовать объ установленіи въ пользу города сборовъ съ извознаго и перевознаго промысловъ, съ лошадей, экипажей, съ собакъ частныхъ лицъ и съ квартиръ, но относительно каждаго изъ этихъ послѣднихъ сборовъ разрѣшеніе могло быть получено только въ законодательномъ порядкѣ. Для харьковскаго городского бюджета сборы эти не были, впрочемъ, новостью, ибо въ Харьковѣ уже въ теченіе 35 лѣтъ, какъ мы видѣли, взимался какъ сборъ оцѣночный, такъ и сборъ съ документовъ на право торговли и промышленности, съ трактирныхъ заведеній и даже съ извознаго промысла. По сравненію съ прошлымъ число сборовъ даже уменьшилось, ибо по новому Положенію совсѣмъ не полагалось $^1/_4$% сбора, шедшаго прежде на устройство мостовыхъ. Разница между прежнимъ и новымъ оцѣночнымъ сборомъ заключалась въ томъ, что прежде съ владѣльцевъ взимался 1% съ оцѣнки, а теперь процентъ исчислялся по чистой доходности имущества. Размѣръ зависѣлъ отъ думы, однако же закономъ было установлено, что онъ не долженъ превышать 10% съ чистой доходности имущества. Оцѣночному сбору подлежали всѣ имущества за исключеніемъ казенныхъ, и принадлежавшихъ духовнымъ вѣдомствамъ всѣхъ исповѣданій, учебнымъ и ученымъ учрежденіямъ, но и то въ тѣхъ только частяхъ ихъ, которыя заняты самими учрежденіями. На льготномъ положеніи въ отношеніи оцѣночнаго сбора были также земли подъ желѣзными дорогами и желѣзнодорожныя сооруженія. Имущества малоцѣнныя думою и совсѣмъ могли быть освобождены отъ обложенія.

Сбору съ документовъ на право торговли и промысловъ подлежали всѣ купеческія и промысловыя свидѣтельства и билеты на торговыя и промышленныя заведенія, всякаго рода патенты на заводы для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ и на заведенія для продажи питей. Сборъ съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавокъ опредѣлялся думой съ утвержденія губернскаго начальства, а раскладка его между отдѣльными заведеніями производилась самими содержателями заведеній или ихъ депутатами.

Кромѣ перечисленныхъ сборовъ, въ городской доходъ, согласно 136 ст. Положенія 1870 г., поступали: сборы, взимаемые въ пользу города при совершеніи, засвидѣтельствованіи, протестѣ и представленіи ко взысканію различныхъ актовъ; сборы, взимаемые при клейменіи мѣръ и вѣсовъ; сборы съ аукціонныхъ продажъ движимаго имущества, производимыхъ городскими аукціонистами (2% съ вырученной суммы), и, наконецъ, пособія изъ государственнаго казначейства и изъ земскихъ сборовъ. Наконецъ, для нѣкоторыхъ городовъ установленъ былъ сборъ съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ. На Харьковъ, впрочемъ, этотъ сборъ никогда не распространялся.

Таковы были доходы города по Положенію 1870 г. Устанавливать новые, непредусмотрѣнные Положеніемъ, сборы и налоги или поднимать установленные выше законной нормы дума не имѣла права, но у нея не было отнято право ходатайствовать объ этомъ для разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

Городскіе расходы Положеніе 1870 г. дѣлитъ на обязательные и не обязательные. Къ числу обязательныхъ, подлежащихъ непремѣнному исполненію, расходовъ Положеніе относитъ: 1) содержаніе городского общественнаго управленія, 2) содержаніе городскихъ общественныхъ зданій и памятниковъ, 3) уплату причитающихся суммъ по городскимъ займамъ и выполненіе принятыхъ на себя городомъ обязательствъ, производство разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ пособій на содержаніе учебныхъ, благотворительныхъ и иныхъ общественныхъ заведеній и производство государственному казначейству пособій, занесенныхъ въ государственную роспись, 5) издержки по отправленію воинскаго постоя и другихъ воинскихъ потребностей, а также по отопленію и освѣщенію тюремъ и содержанію ихъ смотрителей, 6) участіе въ расходахъ на содержаніе чиновъ полиціи, 7) содержаніе пожарной команды, 8) устройство или наемъ помѣщеній для городского полицейскаго управленія и для пожарной команды, отопленіе и освѣщеніе ихъ и выдачу квартирныхъ денегъ чинамъ городской полиціи и пожарной команды, если они не получаютъ квартиры натурой, 9) снабженіе городской полицейской и пожарной команды провіантомъ и аммуниціей и леченіе служащихъ этихъ командъ на городскія средства, 10) содержаніе улицъ, площадей, дорогъ, мостовъ, тратуаровъ, переправъ, бульваровъ, садовъ, каналовъ, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, прудовъ, канавъ, протоковъ и гатей, а также освѣщеніе города и отводъ мѣстъ для своза нечистотъ и для зарытія палаго скота.

За удовлетвореніемъ перечисленныхъ потребностей, законодатель предоставилъ городу употреблять оставшіяся у него средства по усмотрѣнію думы на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города и его жителей и законамъ не противные.

Таковы были условія, поставленныя новымъ Городовымъ Положеніемъ для хозяйственной дѣятельности городского самоуправленія. Посмотримъ же теперь, какъ шло городское хозяйство въ дѣйствительности. Начнемъ съ эксплоатаціи городской собственности и оброчныхъ статей. Это была какъ разъ та сфера, въ которой законодатель предоставилъ общественному самоуправленію наибольшую, можно сказать, ничѣмъ не стѣсняемую, свободу дѣятельности.

Какъ извѣстно, городъ былъ собственникомъ выгона въ 2858 дес., изъ которыхъ, впрочемъ, 606 дес. было спорныхъ, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ. При старой думѣ выгонъ, какъ мы знаемъ, подвергался расхищенію. Когда по постановленію новой думы городскимъ землемѣромъ было наконецъ приведено въ извѣстность количество выгонной земли, то оказалось, что въ безспорномъ владѣніи города имѣется только 2017 дес.; подъ городскимъ кладбищемъ находилось 20 дес., съ которыхъ городъ не выручалъ ни копейки; 73 дес. съ лишнимъ отходило подъ большія дороги, а 25—подъ проселочныя. Кромѣ выгона, городу принадлежалъ такъ назыв. Карповскій садъ, часть котораго отошла подъ желѣзную дорогу, а въ самомъ городѣ—двѣ левады: левада при Поповомъ озерѣ и другая—Тарасовская.

Что же сдѣлала новая дума съ этимъ наслѣдствомъ: пріумножила или расточила его? Если это наслѣдство измѣрять только количествомъ десятинъ принадлежащей городу земли, то, конечно, придется сказать, что оно уменьшилось. Въ 1894 г. изъ стараго городского выгона во владѣніи города осталось 2012½ дес., въ 1897 г. выгона было уже 1983 дес. 1375,88 квадр. саж., а въ 1900 г.—1977 дес. 80,88 кв. саж. Врядъ ли, однако, можно обвинять городское самоуправленіе въ умаленіи городской собственности. Въ большинствѣ случаевъ отчужденіе городской земли вызывалось причинами, заслуживающими полнаго уваженія. Такъ городу пришлось уступить часть своей земли для технологическаго института, но за то этой уступкой обусловлено было существованіе института въ Харьковѣ, имѣвшее громадное экономическое значеніе какъ для горожанъ, такъ и для города, доходы котораго, благодаря институту, значительно поднялись. Въ девяностыхъ годахъ, при управленіи Голенищева-Кутузова, городской выгонъ подвергся сильному умаленію. Распродано было болѣе 82 дес. городской земли: 39 дес.—Балашовской дорогѣ, 40 дес. паровозостроительному заводу, а остальная—подъ застройку частнымъ лицамъ, главнымъ образомъ по Сумскому шоссе. Распродажу эту въ свое время противники „купеческой“ думы ставили на минусъ И. Т. Голенищеву-Кутузову, признавая ее операціей очень сомнительной въ смыслѣ выгодности. Нужно замѣтить еще, что кромѣ отчужденія въ частную собственность, городской выгонъ подвергался

умаленію и вслѣдствіе застройки его городскими сооруженіями. Такъ напр. при устройствѣ скотобоенъ пришлось занять подъ нихъ больше 4 дес. городской земли и т. п.

Если были потери, то были и пріобрѣтенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ въ собственность города поступила въ даръ отъ С. А. Клеменова принадлежавшая ему дача „Отрадное“ съ тѣмъ, чтобы здѣсь была устроена богадѣльня. Затѣмъ въ собственность города, въ предѣлахъ уже самого города, перешла такъ назыв. Пискуновская левада. Левада, по ея близости къ главному базару, была необходима для города, и потому уже съ половины семидесятыхъ годовъ арендовалась городомъ у министерства государственныхъ имуществъ, которому принадлежала. Левада вначалѣ было взята городомъ въ аренду на 12 лѣтъ, а потомъ и совсѣмъ пріобрѣтена въ собственность города. Время пребыванія въ должности городского головы И. О. Фесенко ознаменовалось и другимъ пріобрѣтеніемъ: была куплена въ собственность города такъ назыв. Павлова дача. Это былъ крупный участокъ мѣрою въ 70 дес. съ лишнимъ. Здѣсь предполагалось устроить городскія скотобойни. Постройка скотобоенъ въ то время не состоялась, но уже съ 1890 г. Павлова дача стала приносить нѣкоторый доходъ въ городскую кассу. Наконецъ, при Голенищевѣ-Кутузовѣ городомъ былъ пріобрѣтенъ участокъ песчаной земли около 100 дес. Это такъ наз. хуторъ Ильницкаго, который тогдашнее городское управленіе собиралось приспособить подъ городскія поля орошенія. Пользы отъ этого пріобрѣтенія, пока что, городъ получилъ не много. Тогда же былъ пріобрѣтенъ подъ Верещаковкой и хуторъ Бабецкой мѣрою около 7 дес., земли Романовича, Чунихина и Санченко (всего болѣе 57 дес.).

Внутри города думой пріобрѣтено отъ частныхъ лицъ много земельныхъ участковъ, застроенныхъ и не застроенныхъ. Пріобрѣтенія эти по большей части вызывались необходимостью выпрямленія или расширенія улицъ (напр. на Церковномъ и Молочномъ переулкахъ, на Александро-Невской и Петинской улицахъ), или устройства какихъ либо городскихъ сооруженій. Приходилось, конечно, производить и отчужденія городской земли, напр. подъ реальное училище, подъ биржу, подъ зданіе судебныхъ установленій и т. п.

Какъ же эксплоатировалась принадлежавшая городу земля?

На первыхъ порахъ послѣ введенія новаго устройства дѣло шло почти совершенно такъ-же, какъ и при старой думѣ. Тѣ же незамысловатые способы эксплоатаціи, тотъ же ничтожный доходъ.

Городской выгонъ по прежнему сдавался въ аренду подъ посѣвъ хлѣба и овощей. Часть выгона была отдана подъ скотобойные заводы, уплачивавшіе городу ничтожный „акцизъ“, что то около 30 р. въ годъ. По прежнему собиралось кое-что за пользованіе городскими глинищами, за землю, отведенную подъ кузницы, и съ участка возлѣ городского озера, именуемаго Поповымъ. Въ 1875 г. отъ эксплоатаціи своей выгонной земли городъ получилъ 4147 р., при чемъ годовая аренда съ земли, отданной подъ посѣвъ, равнялась 2616 р. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, отдача городской земли подъ распашку и сѣнокосъ давала уже болѣе 8 т. р. въ годъ. Скотобойные заводы приносили уже 350—380 р. Кромѣ того, часть городской земли была отдана въ аренду военному вѣдомству подъ лагерь и стрѣльбище, небольшіе участки были отведены подъ заводы для выдѣлки животныхъ туковъ и кирпичные, а также подъ кузницы. Часть земли въ предмѣстьѣ отдавалась въ аренду подъ устройство жилыхъ зданій, да небольшой участокъ былъ подъ мельницей. Часть городского выгона была отведена подъ новое кладбище—Кирилло-Меѳодіевское, но и земля, занятая подъ покойниковъ, не оказалась безплодной. Наученный опытомъ исторіи старыхъ харьковскихъ кладбищъ, городъ на сей разъ взялъ въ свои руки хозяйственныя дѣла кладбища. Кладбищенское духовенство было обезпечено приличнымъ жалованьемъ, но доходы съ кладбища шли уже въ городскую кассу. Новый порядокъ былъ несомнѣнно выгоднѣе стараго, ибо отъ старыхъ кладбищъ городъ не получалъ ничего, а отъ новаго уже въ 1889 г. онъ выручилъ 1392 р. Въ 1889 г. городъ получилъ со своей выгонной земли 12573 р. Въ первые годы текущаго столѣтія съ земли, отдаваемой подъ распашку, получалось уже болѣе 12½ тыс. руб. На городскомъ выгонѣ нанимали для себя участки скаковое общество, общество охотниковъ конскаго бѣга, Московское скаковое общество. На выгонѣ были расположены керосиновые склады, кирпичные и костеобжигательные заводы, мельницы, кузницы. Земля на Уралѣ, вблизи бывшихъ скотобойныхъ заводовъ, пошла подъ жилыя постройки. Такія же постройки протянулись и по Бѣлгородской улицѣ подъ горою, гдѣ раньше, до открытія технологическаго института, были одни глинища. Овраги на городской землѣ также приносили доходъ, такъ какъ отдавалась въ аренду подъ выемку песка и глины. Изъ отчета думы за 1904 г. видно, что въ этомъ году отъ аренды выгона

городъ получилъ 17770 р. Такимъ образомъ, по сравненію съ 1875 г., доходъ отъ эксплоатаціи городского выгона увеличился болѣе, чѣмъ втрое.

Гораздо съ большею выгодою эксплоатировалась городская земля въ самомъ городѣ. Городскія улицы и площади стали источникомъ крупнаго дохода, съ теченіемъ времени возраставшаго все больше и больше. По мѣрѣ роста населенія въ городѣ и упадка ярмарочной торговли росла торговля постоянная. Для нея нужно было мѣсто, и это мѣсто давали ей городскія улицы и площади. Особенно интенсивно застраивались базары. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ на Благовѣщенскомъ базарѣ, кромѣ извѣстнаго уже намъ Суздальскаго ряда съ его 59 номерами каменныхъ лавокъ, находимъ: красный рядъ, охотный рядъ, рыбный рядъ, черный рядъ, мясной, крамарскій, горшечный и сѣнныя лавки. Существовали еще особые столы, на которыхъ исключительно продавалась свинина. Къ концу семидесятыхъ годовъ на Благовѣщенской площади повыстроились рундуки для продажи штаго бѣлья, возникъ цѣлый картузный рядъ, въ которомъ была 21 лавка, другой рядъ въ 28 номеровъ лавокъ занятъ былъ подъ рыбную торговлю, 17 лавокъ на той же площади торговали кожевеннымъ товаромъ. Мѣста между хлѣбныхъ галлерей отдавались подъ галантерейную торговлю. Возникло 54 новыхъ рундука для башмачной, платочной и чулочной торговли. „За канавою", кромѣ харчевенъ, появилось 6 лавокъ для черной торговли.

Въ восьмидесятыхъ годахъ на набережной р. Лопани, на толкучкѣ, находимъ рядъ новыхъ лавокъ, для мелочной торговли, а въ глубинѣ базара такъ назыв. старо-желѣзный рядъ и даже одну лавку для книжной торговли. „За канавою" повыстроились новыя торговыя помѣщенія—лавки для ренсковой торговли, горшечныя, сѣнныя. Не занятая торговлей часть старой „Дунинской левады" также не всегда лежала втуне. Въ 1883 г. напр. она отдавалась въ аренду подъ огороды. Со времени занятія И. Т. Голенищевымъ-Кутузовымъ должности головы Благовѣщенскій базаръ обращаетъ на себя большое вниманіе городского управленія, изыскивающаго способы къ болѣе выгодной его эксплоатаціи. Въ 1894 г., кромѣ раньше существовавшихъ здѣсь рядовъ, лавокъ и рундуковъ, видимъ новый павильонъ—для продажи горячей пищи и другой павильонъ—для продажи молочныхъ продуктовъ. Въ 1895 г. появляются балаганы для продажи фруктъ. Въ 1904 г. отъ аренды мѣстъ на Благовѣщенскомъ базарѣ городъ получалъ весьма крупный доходъ. Здѣсь мы видимъ ряды: красный, охотный, два рыбныхъ, два черныхъ, кожевенный, старо-желѣзный, картузный, фруктовый, крамарскій, мясной, для продажи свинины, Суздальскій, горшечный, сѣнной, мѣста подъ ресторацiями, галлерею для продажи вареной пищи и рядъ мѣновыхъ столовъ. Съ расширеніемъ базарной торговли увеличивалась и доходность базара. Въ 1875 г. отъ отдачи городскихъ мѣстъ подъ лавки базарныхъ торговцевъ городъ выручилъ 18251 р., въ 1889 г.—38824 р., а въ 1904 г.—51499 р.

Свободная земля на Конномъ базарѣ также съ теченіемъ времени застраивалась, хотя ростъ этого базара шелъ много медленнѣе, нежели другихъ. Въ семидесятыхъ годахъ мы здѣсь находимъ рядъ лавокъ въ 21 номеръ для разныхъ родовъ торговли; были, кромѣ того, столы для мясной торговли и сѣнныя лавченки. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здѣсь было уже два черныхъ ряда—старый и новый; былъ кромѣ того, горшечный рядъ, сѣнныя лавки и мясные столы. Къ концу разсматриваемаго нами періода (1904 г.) на Конномъ базарѣ находятся уже и лавки съ краснымъ товаромъ, имѣется галантерейный рядъ и рыбный рядъ. Участокъ площади арендуется подъ устройство трактирнаго заведенія, а другой подъ цирюльню. Въ 1875 г. городъ отъ отдачи въ аренду мѣстъ на Конномъ базарѣ получилъ 2572 р., въ 1889 г. уже 5952 р., а въ 1904 г. 11555 р.

Росло число частныхъ лавокъ и на Нетечинскомъ базарѣ. Въ половинѣ 70-хъ годовъ здѣсь видимъ рядъ изъ 16 лавокъ, занятыхъ рыбной и черной торговлями, крамарскія и сѣнныя лавки и столы для продажи мяса. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ частнымъ липамъ здѣсь принадлежалъ рядъ рыбныхъ лавокъ, другой занятъ былъ торговцами рыбой и чернымъ товаромъ, дальше шли лавки сѣнного ряда, столы для торговли мясомъ, а у Нетечинскаго моста—лавки для табачной и свѣчной торговли. Въ 1904 г. здѣсь были уже и лавки съ галантерейнымъ товаромъ, а затѣмъ лавки черныя, рыбныя, мясныя, рыбныя и черныя, горшечныя и сѣнныя. Въ 1875 г. отъ отдачи земли подъ лавки на Нетечинскомъ базарѣ городъ получилъ 3112 р. а въ 1904 г.—8308 р.

Кромѣ базаровъ, частныя лавки на городской землѣ были и въ другихъ мѣстахъ города. На Рыбной на городской землѣ стояли три номера каменныхъ лавокъ Костюрина, на Сергіевской площади былъ выстроенный

московскими торговцами такъ назыв. Московскій рядъ, съ земли, занятой подъ театръ, получались по прежнему 57 р. 14¼ коп. По прежнему выручалось нѣсколько сотъ рублей съ Михайловской площади во время святочныхъ гуляній. Во время ярмарокъ на городскихъ площадяхъ строились балаганы. Въ разныхъ мѣстахъ города были устроены будки и шкафчики для продажи минеральныхъ водъ, рундуки для торговли квасомъ и мѣновые столы. Кромѣ того, по улицамъ и площадямъ мелочными торговцами велась торговля со скамеекъ, корзинъ, лотковъ и столовъ. отъ которой городъ получалъ въ общемъ нѣсколько тысячъ рублей. Наконецъ, кое что получалось и отъ купаленъ, устраивавшихся на р. Харьковѣ. Такъ было въ первые годы послѣ введенія Городового Положенія 1870 г. И доходъ отъ этого былъ немаленькій. Въ 1875 г. напр. думою было получено такимъ путемъ 23196 р., при чемъ по прежнему наибольшій доходъ дали ярмарковые—болѣе 9 т. р., а затѣмъ мелочные торговцы (около 7½ тыс.). квасники (болѣе 2½ тыс.) и продавцы минеральныхъ водъ (болѣе 1½ тыс.). Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ выручка отъ ярмарочныхъ балагановъ сильно уменьшилась—въ 1889 г. напр. отъ отдачи мѣстъ ярмарковымъ было выручено всего 3049 р.—но зато поднялась доходность съ мѣстъ, занятыхъ подъ мелкую уличную торговлю, появились новые роды торговли, вызвавшіе устройство кіосковъ для продажи газетъ, навильоновъ для продажи цвѣтовъ и т. п. Въ 1889 г. аренда городскихъ мѣстъ внѣ базаровъ принесла 20706 р. Въ 1904 г. по этой статьѣ было получено уже 51957 р. Теперь отдачи городской земли подъ ярмарочные балаганы, что въ старые годы давало городу такой крупный доходъ. мы уже больше не видимъ, за то чрезвычайно возрастаетъ доходъ отъ мелкихъ уличныхъ торговцевъ со скамеекъ, столовъ, лотковъ и корзинъ. Въ 1904 г. эта торговая мелкота, сама зарабатывавшая гроши, дала въ думскую кассу болѣе 31 т. рубл. Если повышеніе обложенія мелкихъ торговцевъ не можетъ быть поставлено на плюсъ городскому управленію, но за то несомнѣннымъ плюсомъ для него является изысканіе новыхъ доходныхъ статей. Въ этомъ отношеніи крупное значеніе имѣла дѣятельность И. Т. Голенищева-Кутузова, по иниціативѣ котораго прилежащіе къ вокзалу пустыри, не приносившіе до того городу ни копейки, стали эксплоатироваться подъ склады каменнаго угля и лѣсныхъ матеріаловъ. Сюда была проведена вѣтка желѣзной дороги, пустырь быстро обстроился и въ 1904 г. приносилъ уже 11733 р. дохода. Доходнымъ сталъ и другой пустырь—Пискуновская левада, пріобрѣтенная городомъ при И. О. Фесенко. Здѣсь также на городской землѣ были устроены лѣсные склады, дававшіе болѣе 2½ т. въ годъ. Не безъ пользы для города пропадало и старое, уже давно упраздненное Свято-Духовское кладбище. И оно шло въ аренду за 125 р. въ годъ, а отъ продажи земли подъ могилы на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ выручалось уже болѣе 5700 р.

Пореформенная дума, можно сказать, съ первыхъ дней своей дѣятельности обратила вниманіе на возможность значительнаго усиленія городскихъ средствъ путемъ устройства и отдачи въ наймы городскихъ лавокъ и домовъ. Наслѣдство въ видѣ доходныхъ сооруженій думою было получено сравнительно очень не большое. Изъ городскихъ домовъ приносилъ доходъ только домъ на Дворянской улицѣ, отъ котораго выручалось около 300 р. въ годъ, но и этотъ домъ вскорѣ пришлось отдать военнымъ постояльцамъ, такъ что и этотъ ничтожный доходъ прекратился. Приносила около 100 р. принадлежавшая городу часть зданія на углу Университетской улицы и Торговой площади. На Рыбной городъ владѣлъ 10 номерами ветхихъ деревянныхъ лавокъ (такъ назыв. Еремѣевскія), въ Гостинномъ ряду ему принадлежала половина каменной лавки. на Сергіевской площади былъ каменный городской Сергіевскій рядъ, подъ горкой—15 номеровъ каменныхъ лавокъ (Шубный рядъ). на Благовѣщенскомъ базарѣ городу принадлежала харчевая галлерея, а въ Суздальскомъ ряду—каменный погребъ, у Нетечинскаго моста—36 номеровъ деревянныхъ лавокъ и деревянная харчевая галлерея. на Вознесенской площади на городскія средства были выстроены 20 деревянныхъ столовъ, отдававшихся въ аренду торговцамъ. Новая дума усиленно принялась за устройство новыхъ лавокъ. Уже къ половинѣ 70-хъ годовъ число городскихъ лавокъ значительно увеличилось. Возлѣ харчевой галлереи на Благовѣщенскомъ базарѣ возникло 20 номеровъ городскихъ лавокъ, 14 лавокъ было устроено внутри Суздальскаго гостиннаго ряда (1872 г.), 12 лавокъ выстроено для торговцевъ старымъ желѣзомъ (1873 г.), хлѣбныхъ галлерей было уже двѣ. На Конномъ базарѣ также выстроена была харчевая галлерея. На Вознесенской площади столы были уничтожены, такъ какъ и сама площадь подверглась реформѣ: часть ея была занята скверомъ, а часть отошла подъ зданіе реальнаго училища. На Николаевской площади

дума пріобрѣла отъ Аристархова за 80 т. р. его огромный трехъэтажный домъ, ставшій одною изъ крупныхъ доходныхъ статей. Въ первомъ этажѣ этого дома помѣщалось пять магазиновъ, сданныхъ думою въ аренду за 5000 р., а верхніе этажи были отданы подъ университетскую акушерскую клинику. Подъ горкой былъ выстроенъ новый корпусъ каменныхъ лавокъ—такъ назыв. новый Сергіевскій рядъ. Въ 1876 г. онъ былъ уже сданъ въ аренду на 7 лѣтъ съ платою по 7 т. р. въ годъ. На Благовѣщенскомъ базарѣ за канавою выстроена деревянная лавка, дававшая 250 р. аренды, а на Конномъ базарѣ—каменная харчевая галлерея. Съ 1877 г. стали отдаваться въ аренду три подвала и три лавочки на лѣстницѣ съ Университетской горки, устроенные при постройкѣ новаго Сергіевскаго ряда. На Нетечинскомъ базарѣ видимъ 27 номеровъ деревянныхъ лавочекъ для черной торговли и корпусъ въ 30 деревянныхъ лавокъ для крамарской торговли. Съ 1878 г. во владѣніе города перешли и такъ назыв. Костюринскія лавки, каменныя, въ 3 номера, выстроенныя еще въ началѣ 60-хъ годовъ на городской землѣ купцомъ Костюринымъ съ условіемъ, что въ теченіе 15 лѣтъ онѣ будутъ сдаваться ему въ аренду съ платою по 100 р. за каждую въ годъ. Въ 1878 г. срокъ договора съ Костюринымъ окончился, и городъ сталъ хозяиномъ лавокъ, тотчасъ же отданныхъ въ аренду за 700 р. Въ 1879 г. городъ пріобрѣлъ за 15 т. р. отъ Общества Краснаго Креста принадлежавшіе ему бараки по дорогѣ въ Сокольники. Сооруженіе это также приносило доходъ, такъ какъ отдавалось въ наемъ подъ офицерскія квартиры. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ увеличенія числа городскихъ лавокъ не видимъ. Прибавились только двѣ лавки на Благовѣщенскомъ базарѣ „за канавою“, да на Николаевской площади выстроенъ былъ балаганъ, отдача котораго въ аренду приносила городу 3200 р. Въ балаганъ была временно перенесена торговля изъ городского дома, который въ это время перестраивался. Въ 1885 г. городской домъ былъ наконецъ выстроенъ. Здѣсь нашло себѣ помѣщеніе управа съ ея обширной канцеляріей, а въ нижнемъ этажѣ устроены были помѣщенія для магазиновъ, тотчасъ же отданныя въ наемъ за солидную плату. Въ наемъ отдавался и флигель городского дома. Послѣ отстройки городского дома балаганы на Николаевской площади оказались уже не нужными и были перенесены на базаръ. Здѣсь же, на базарѣ, былъ выстроенъ городомъ новый корпусъ лавокъ въ 22 номера, такъ назыв. галантерейный рядъ, отъ котораго уже въ 1886 г. городъ выручилъ болѣе 1000 р. Въ 1886 г. выстроенъ новый каменный корпусъ лавокъ на Университетской улицѣ. Въ 1887 г. онѣ уже были сданы въ аренду за 13500 р. Въ это же время на Жандармской площади былъ выстроенъ циркъ, отдававшійся въ аренду за 2000 р. Въ восьмидесятыхъ же годахъ городомъ былъ купленъ домъ у Синицыныхъ на Старо-Московской улицѣ. Имѣлось въ виду приспособить его для надобностей постоя, но пока что, и онъ сталъ временно доходной статьею Въ началѣ 90-хъ годовъ выстроены городскіе павильоны на Торговой и Николаевской площадяхъ. Съ 1893 г. Московскій рядъ, согласно контракту, заключенному съ его строителями, перешелъ въ полную собственность города и вмѣсто 685 р. 40 коп., какіе онъ приносилъ городу въ 1892 г., былъ отданъ въ аренду уже за 7800 р. Постепенно во владѣніе города перешелъ рядъ частныхъ лавокъ на Благовѣщенскомъ, Нетечинскомъ и Конномъ базарахъ. Особенно энергично пошла въ этомъ направленіи дѣятельность городского самоуправленія со времени избранія головой И. Т. Голенищева-Кутузова. Бывшія Еремѣевскія лавки, ветхія и не приносившія дохода, были сломаны, а на ихъ мѣстѣ выстроенъ каменный корпусъ, отданный въ 1896 г. въ аренду за 2500 р. Былъ перестроенъ и новый Сергіевскій рядъ, отданный въ 1898 г. въ аренду за 12 т. р., а въ 1899 г.—за 14400 р. Московскій рядъ приносилъ теперь 28600 р. Въ 1899 г. уже были отданы въ аренду нововыстроенные павильоны фруктоваго ряда, давшіе въ думскую кассу 1781 р. Въ 1901 г. фруктовые павильоны давали уже болѣе 7000 р. На помощь городу, столь усердно стремившемуся увеличить источники своихъ доходовъ, пришло и частное пожертвованіе. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ въ собственность города перешло по духовному завѣщанію имущество крупнѣйшаго изъ харьковскихъ домовладѣльцевъ—В. И. Пащенка-Тряпкина. Городу были завѣщаны его огромные дома въ Харьковѣ и, кромѣ того, домъ въ Москвѣ подъ условіемъ ежегодной выдачи опредѣленной пенсіи сыну завѣщателя. Имущество Пащенко-Тряпкина начало приносить доходъ съ 1898 г., впрочемъ не большой, всего 5800 р., но уже на слѣдующій годъ доходъ города отъ Пащенковскихъ домовъ превысилъ 21 т. р., а въ 1904 г. онъ равнялся 166918 р. Наконецъ, въ собственность города перешелъ и драматическій театръ, пріобрѣтенный городомъ у А. Н. Дюковой. Въ 1904 г. зданіе театра оцѣнивалось въ 262800 р., а дохода онъ приносилъ болѣе 20 т. руб.

Мы перечислили только доходныя городскія зданія, а между тѣмъ въ разсматриваемый нами періодъ городъ успѣлъ выстроить множество сооруженій, которыя, правда, не приносили дохода, но въ тоже время сильно сокращали городскіе расходы. Таковы зданія для городскихъ больницъ, школъ, казармъ и т. п., при отсутствіи которыхъ городу приходилось бы производить ежегодные расходы на наемъ квартиръ для этихъ учрежденій. Въ Захарьковской части городу съ давнихъ поръ принадлежало небольшое дворовое мѣсто и зданіе, занимаемое первымъ полицейскимъ участкомъ и пожарной командой. Къ этому дворовому мѣсту городъ прикупилъ сосѣднюю усадьбу Федоренка. По инвентарю 1904 г. стоимость всей усадьбы оцѣнивалась въ 35700 р., а стоявшихъ на ней построекъ—въ 62500 р. На Вознесенской площади городъ пріобрѣлъ усадьбу Фотіевыхъ и здѣсь выстроилъ зданіе для 2-й женской гимназіи. Стоимость этой городской недвижимости оцѣнивается въ 196332 р. На той же Вознесенской площади на средства города и земства выстроено реальное училище. Городъ считается собственникомъ половины зданія. Здѣсь его права оцѣнены въ 101155 р. На Петинской улицѣ, на участкѣ, пріобрѣтенномъ въ восьмидесятыхъ годахъ отъ Петиныхъ, городу принадлежатъ зданія ремесленнаго училища и курсовъ для рабочихъ. Весь этотъ участокъ оцѣнивается въ 163960 р. На Конной площади городъ сталъ собственникомъ школы имени Клеменова, стоющей 11263 р. Имущество на Дворянской улицѣ досталось городу еще отъ старой думы. Въ немъ помѣщается дѣтская больница, а стоитъ оно 67519 р. Отъ Синицыныхъ городомъ пріобрѣтено дворовое мѣсто со старыми постройками. Здѣсь выстроены огромныя зданія для казармъ. По инвентарю 1904 г. это имущество оцѣнено въ 246989 р. По Зміевской дорогѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ воздвинутъ на пространствѣ 4 десятинъ съ лишнимъ цѣлый городокъ—бойни со скотопригоннымъ дворомъ при нихъ, альбуминнымъ и брикетнымъ заводами и рядомъ другихъ построекъ. Стоимость боенъ опредѣляется въ 457839 р. На Заиковкѣ городомъ былъ пріобрѣтенъ у Квитки участокъ земли, на которомъ выстроено зданіе 4-й пожарной части. Эта недвижимость оцѣнивается въ 53657 р. 20 коп. Отъ старой думы городъ получилъ въ наслѣдство такъ назыв. Москалевскія казармы. Новой думой здѣсь были произведены многочисленныя перестройки, возведены новыя зданія, такъ что въ общемъ стоимость этого имущества оцѣнивалась въ 1904 г. уже въ 215752 р. На той же Москалевкѣ городу принадлежитъ и школа имени Ильина, оцѣниваемая въ 19697 р. По Зміевской улицѣ городомъ пріобрѣтено было дворовое мѣсто Грабовскаго съ постройками, отданное подъ военный глазной лазаретъ (оцѣнка 14 т. р.), другое мѣсто—Вѣтрова поступило въ собственность города, какъ выморочное. (оцѣнка 7 т. р.), а третье—Некрасова перешло къ городу по духовному завѣщанію (оцѣнка 18 т. р.). На Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ городомъ былъ возведенъ рядъ домовъ для конторы, для училища и для церковнаго причта, оцѣниваемыхъ въ 17993 р., а около кладбища воздвинуто громадное зданіе городской Николаевской больницы и больницы имени Гельферихъ, оцѣниваемыхъ въ 390544 р. На Уралѣ городъ пріобрѣлъ отъ провизора Савченко усадьбу въ 7 дес. съ постройками (оцѣнка 14500 р.). На Конной площади городомъ былъ устроенъ коннопригонный дворъ съ необходимыми постройками. оцѣниваемый въ 46246 р., а вблизи свалочнаго пункта—утилизаціонный заводъ и ловчій дворъ для собакъ (46000 р.). На Фонарномъ пер. городомъ пріобрѣтенъ двухъ-этажный каменный домъ, отданный подъ казармы (стоимость—31049 р.). По Банному переулку городу досталось, какъ выморочное, усадебное мѣсто съ постройками Кирецкой (9 т. р.). По Конюшенской улицѣ городъ пріобрѣлъ въ 1902 г. за 48 т. р. дворовое мѣсто съ постройками. Отъ С. А. Клеменова досталась городу дача „Отрадное“, съ постройками и перестройками оцѣниваемая въ 48236 р. Старое зданіе, въ которомъ когда то помѣщалась дума и полиція, было ремонтировано и расширено. Въ 1904 г. эти постройки оцѣнивались въ 148424 р. По Сумскому шоссе, на городской выгонной землѣ, городу принадлежали казарменныя помѣщенія, оцѣниваемыя въ 113464 р., на Журавлевкѣ—домъ 2-го приходского училища (17267 р.), на Тургеневской улицѣ—домъ Тургеневскаго училища (19853 р.). На Журавлевкѣ же въ 1895—1896 г.г. была устроена Вихревская богадѣльня, оцѣниваемая въ 52006 р. Возлѣ Кузнечнаго моста городомъ выстроена была въ тѣ же девяностые годы электрическая станція съ пристройками, произведенными въ 1903 и 1904 г.г., стоимость которой вмѣстѣ съ машинами и электрической сѣтью по городу опредѣляется въ 672687 р. Зданіе 3-й пожарной части, перешедшее въ наслѣдство еще отъ старой думы, было расширено, точно такъ-же, какъ и Александровская больница. Участокъ, занятый 3-й частью, оцѣнивался въ 62055 р., а Александровская больница—въ 274915 р. Въ 1895 г. для расширенія больницы была прикуплена сосѣдняя усадьба съ

постройками отъ Ильева, оцѣнивавшаяся въ 33841 р., такъ что въ общей сложности Александровская больница стоила болѣе 300 т. р. На Тюремной площади городу принадлежало дворовое мѣсто съ постройками, служившими для надобностей проходящихъ военныхъ командъ и стоившее 10433 р. На Пискуновской улицѣ городу принадлежало мѣсто, отдаваемое подъ лѣсной складъ, другое мѣсто занято было городскимъ каменнымъ складомъ, а третье отдавалось въ аренду. Стоимость этихъ имуществъ превышала 60 т. р., Отъ старой думы городу достался Карповскій садъ, а потомъ, послѣ смерти Ф. С. Карпова, къ нему перешелъ и домъ Карпова, бывшій въ этомъ саду. Карповскій садъ цѣнился уже больше, чѣмъ въ 57 т. р. На Конторской улицѣ городу принадлежала богадѣльня имени Поповой, оцѣниваемая въ 38518 р. На той же улицѣ принадлежалъ ему и странноприимный домъ, пожертвованный А. Н. Гутобъ и стоившій болѣе 6 т. р. На Токовой улицѣ городъ выстроилъ 5-ую пожарную часть; дворовый участокъ вмѣстѣ съ постройками оцѣнивался въ 29102 р. На Привокзальной площади были, какъ мы уже знаемъ, устроены склады, общая стоимость которыхъ доходила до 182831 р. На Привокзальной же площади было выстроено огромное зданіе Пушкинской школы, оцѣниваемое въ 68325 р. На Благовѣщенскомъ базарѣ городъ устроилъ домъ для ночлежнаго пріюта, стоившій 26914 р. Наконецъ, къ концу разсматриваемаго нами періода въ собственность города перешли и всѣ дворовыя мѣста, артезіанскіе колодцы и сооруженія бывшаго Общества водоснабженія г. Харькова, въ общей сложности оцѣненныя въ 1250000 р. По отчету городской управы на 1 января 1905 г. стоимость всѣхъ крупныхъ и мелкихъ городскихъ строеній простиралась до 7587350 р. 47 коп. Городскіе мосты оцѣнивались въ 476805 р. 27 коп., принадлежащіе городу дворовые участки въ 1361630 р. 57 к., городской выгонъ—въ 395400 р., Благовѣщенская базарная левада—въ 158300 р., Пискуновская левада—въ 8992 р. 50 коп., земли при Поповомъ озерѣ 31086 р. 72 коп., Тарасовская левада—въ 5000 р., Павлова дача—въ 32750 р. и дача „Отрадное"—въ 23000 р. Итого стоимость всей городской недвижимой собственности должна быть выражена суммою 11556025 р., а доходъ отъ нея въ 499005 р. Если вспомнимъ, что получилъ городъ въ наслѣдство отъ старой думы и какой ничтожный доходъ давало оно въ то время, то должны будемъ съ несомнѣнностью признать, что переформенная дума это наслѣдство пріумножила, а его доходность подняла до чрезвычайно большой высоты [1]).

О дѣйствительномъ поступленіи доходовъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	48683 р.	1880	80494 р.	1889	137318 р.	1898	270360 р.
1872	53829 „	1881	83673 „	1890	130262 „	1899	352936 „
1873	56219 „	1882	87700 „	1891	151097 „	1900	401866 „
1874	69389 „	1883	95772 „	1892	160179 „	1901	376404 „
1875	76852 „	1884	92285 „	1893	162129 „	1902	518672 „
1876	80870 „	1885	132115 „	1894	192594 „	1903	525837 „
1877	83296 „	1886	129038 „	1895	189927 „	1904	526150 „
1878	91139 „	1887	139867 „	1896	204530 „		
1879	79616 „	1888	141319 „	1897	304215 „		

Огромное значеніе для хозяйства такого города, какъ Харьковъ, могли бы имѣть доходныя городскія предпріятія. Но старая купеческая дума, отдававшая даже постройку лавокъ въ частныя руки, менѣе всего была способна на такую дѣятельность. Къ тому же и руки у нея были связаны. Не говоря уже о театрѣ, даже освѣщеніе города ею было отдано постороннимъ предпринимателямъ, у которыхъ оставались и всѣ выгоды отъ дѣла, а городъ былъ обязанъ только платить. Единственнымъ наслѣдствомъ въ этой области, оставленнымъ старой думой, былъ городской купеческій банкъ. Это наслѣдство оказалось для города, можно сказать, драгоцѣннымъ. Городской общественный банкъ былъ во истину дойной коровой, щедро питавшей городскую кассу и рядъ городскихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Изъ прибылей банка въ думскую кассу, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, ежегодно поступали крупныя, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, отчисленія. Городской банкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неизмѣн-

[1]) Отчетъ Харьковской городской управы за 1904 г., стр. 336—507.

нымъ городскимъ кредитомъ, къ которому городъ прибѣгалъ въ случаяхъ недохватки, что вообще случалось довольно таки часто. Чтобы судить о роли городского банка въ дѣлѣ харьковскаго городского хозяйства, приводимъ свѣдѣнія о тѣхъ отчисленіяхъ отъ банковскихъ прибылей, которыя пошли въ городскую кассу. Первое отчисленіе было сдѣлано въ 1877 г., но очень скромное, всего въ 5000 р. Съ 1879 г. пошли суммы куда покрупнѣе. Вотъ цифры.

Годы	Сумма	Годы	Сумма	Годы	Сумма
1879	26000 р.	1888	93417 р.	1897	110084 р.
1880	30392 „	1889	62875 „	1898	51024 „
1881	58557 „	1890	146070 „	1899	120620 „
1892	78000 „	1891	104383 „	1900	111825 „
1883	62161 „	1892	82726 „	1901	127198 „
1884	95302 „	1893	78548 „	1902	129975 „
1895	60139 „	1894	124471 „	1903	177625 „
1886	68658 „	1895	62239 „	1904	157102 „
1887	71726 „	1896	80446 „		

Не слѣдуетъ забывать, что банкъ субсидировалъ и нѣкоторыя городскія учрежденія, благодаря чему расходы города на нихъ сильно сокрашались. Такъ напр., начиная съ 1870 г., банкъ ежегодно давалъ по 5 т. р. городской Александровской больницѣ. На учрежденіе городского ремесленнаго училища банкомъ въ теченіе 1880—1882 г.г. отпущено болѣе 100 т. р. Начиная съ 1894 г. банкъ давалъ ежегодно изъ своихъ прибылей по 5000 р. на образованіе фонда городскихъ элементарныхъ школъ и т. п. Городской банкъ оказался такимъ образомъ для города предпріятіемъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ.

Городской банкъ долгое время оставался единственнымъ городскимъ предпріятіемъ. Въ этомъ отношеніи новая дума слѣдовала по стопамъ старой. Правда, заходили въ новой думѣ разговоры о возможности иного веденія дѣла, о крупныхъ муниципальныхъ предпріятіяхъ, но всякимъ пожеланіямъ въ этомъ родѣ стояло на пути отсутствіе у города свободныхъ средствъ. Вотъ почему и новая дума предпочла концессіонный порядокъ, когда у города явилась необходимость осуществленія такихъ крупныхъ предпріятій, какъ водоснабженіе и устройство конной желѣзной дороги.

Въ какомъ положеніи переданъ былъ новой думѣ водопроводный вопросъ, мы уже знаемъ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ ея по этому дѣлу было уничтоженіе контракта съ Задлеромъ и Арманомъ въ виду неисполненія ими условій контракта. Затѣмъ дума вошла было въ соглашеніе съ Д. П. Шиповымъ объ устройствѣ имъ подрядчымъ способомъ водопровода за деньги, занятыя въ Купеческомъ банкѣ, но заемъ былъ не разрѣшенъ министромъ финансовъ, и соглашеніе не состоялось. Въ 1874 г. окончательно былъ принятъ думою планъ устройства водопровода концессіоннымъ способомъ, съ вызовомъ предпринимателей черезъ газеты. Предпринимателей явилось нѣсколько: инженеръ Эдгардтъ, компанія Джонъ Эрдъ и сыновья, врачъ М. К. Залѣсскій (харьковецъ и городской дѣятель), инженеръ Филиппъ, штабсъ-капитанъ Балычинцевъ и К°, компанія Рейсъ и Дилль. Въ 1875 г. была избрана коммиссія для выработки проекта договора съ предпринимателями. Вопросъ обсуждался много разъ, вызвалъ, можно сказать, цѣлую литературу [1]) и въ концѣ концовъ былъ рѣшенъ неудачно. Водоснабженіе было отдано въ 1878 г. А. К. Рейсу и К. К. Диллю. По контракту, заключенному 1 марта 1878 г., Рейсъ и Дилль получили исключительное право на устройство и эксплоатацію, на ихъ счетъ и страхъ, водопровода для снабженія Харькова водою въ количествѣ до 500 т. ведеръ въ сутки, какъ для общественнаго, такъ и для частнаго употребленія, въ теченіе 45 лѣтъ со дня открытія водоснабженія. Въ виду того, что контрактъ этотъ повлекъ впослѣдствіи городъ въ долголѣтніе и убыточные судебные

[1]) Докладъ Харьк. гор. управы о положеніи дѣла водоснабженія г. Харькова, 1872 г. Проектъ общихъ основаній контракта о водоснабженіи г. Харькова, 1873 г. Проектъ условій объ устройствѣ водопровода въ г. Харьковѣ, составленный по соглашенію г. Шипова съ членами городской управы, 1873 г. Докладъ о положеніи дѣла объ устройствѣ водопровода въ г. Харьковѣ, 1874 г. Договоръ объ устройствѣ водопровода въ г. Харьковѣ, 18 ноября 1873 г. Докладъ городского головы о водопроводѣ въ г. Харьковѣ, 1875 г. Проектъ контракта о водоснабженіи г. Харькова, составленный коммиссіей, 1876 г. Докладъ городского головы о проектѣ этого контракта, 1876 г.

процессы, отмѣчаемъ его главнѣйшіе пункты. Городъ отдалъ предпринимателямъ необходимое для устройства водопровода количество городской земли и всѣ принадлежавшіе городу источники Карповскаго сада, если же для водопровода потребовались бы еще какая нибудь земля или источники, то ихъ концессіонеры обязывались пріобрѣсти на свои средства, но на имя города. Для доставленія воды изъ Карповскихъ источниковъ предприниматели должны были произвесть дренажныя работы и устройство колодцевъ, выстроить каменныя зданія для машинъ и котловъ и каменныя помѣщенія для машинистовъ и кочегаровъ съ необходимыми службами, установить водокачательныя машины и паровые котлы, устроить главный подземный резервуаръ въ 80 т. ведеръ на Холодной горѣ и запасной въ 10 т. ведеръ въ возвышенной части города, уложить 30½ верстъ водопроводныхъ трубъ по указаннымъ городскимъ управленіемъ улицамъ съ необходимыми запорными кранами, 340 пожарными кранами и 60 кранами для поливки улицъ, устроить 15 водоемовъ для разбора воды бочками и ведрами, три общественныхъ фонтана, 5 водопоевъ для крупнаго и мелкаго скота и 6 кранова для питья воды кружками и безплатнаго отпуска бѣднымъ жителямъ ведрами такъ чтобы каждый кранъ давалъ 1000 ведеръ въ сутки. Для доставленія городу полнаго количества воды (500 т. ведеръ) предприниматели обязывались заблаговременно провести воду въ городъ изъ другихъ источниковъ по ихъ выбору и устроить всѣ необходимыя для этого сооруженія. Всѣ водопроводныя сооруженія освобождаются отъ городскихъ налоговъ. Предприниматели обязывались построить водопроводъ подъ наблюденіемъ лицъ, уполномоченныхъ городскимъ управленіемъ, во всемъ согласно съ утвержденнымъ городскимъ управленіемъ проектомъ. Срокъ для устройства водопровода былъ назначенъ трехлѣтній. За мѣсяцъ до открытія водопровода предприниматели увѣдомляютъ городскую управу и совмѣстно съ городскими уполномоченными производятъ испытаніе суточнаго количества воды, какое водопроводъ дѣйствительно доставляетъ городу. День открытія дѣйствія водопровода удостовѣряется актомъ, составленнымъ уполномоченными отъ города и предпринимателей; въ этомъ актѣ должно быть засвидѣтельствовано, находятся ли въ исправности всѣ водоемы и прочія сооруженія, а равно и то, что водопроводъ такъ устроенъ, что онъ будетъ доставлять городу не менѣе 110 тыс. ведеръ воды ежесуточно. Со дня открытія водопровода начинается и 45 лѣтній срокъ предоставленной предпринимателямъ концессіи, по окончаніи котораго все имущество предпріятія переходитъ въ собственность города. Впрочемъ по § 36 контракта городъ имѣлъ право выкупить водопроводъ и раньше, но во всякомъ случаѣ не ранѣе истеченія 22 лѣтъ со дня начала концессіи. За неисправности въ снабженіи города водою предприниматели уплачиваютъ штрафъ, а въ случаѣ длящейся пріостановки дѣйствія водопровода и совсѣмъ теряютъ право на дальнѣйшую эксплоатацію предпріятія. Цѣна на воду была назначена по такому разсчету, что при суточномъ потребленіи до 150 тыс. ведеръ ведро должно обходиться въ ¼ коп., а при потребленіи въ 450—500 т. ведеръ—100 ведеръ стоили бы только 16 коп. Для тушенія пожаровъ и для трехъ городскихъ фонтановъ вода отпускается безплатно, безплатно же отпускается въ лѣтніе мѣсяцы до 6000 ведеръ ежесуточно на поливку улицъ. Наиболѣе важное значеніе, какъ показали дальнѣйшія обстоятельства, имѣли для города 24-й и 25-й параграфы контракта. Ими городское управленіе гарантировало предпринимателямъ валовой доходъ отъ продажи воды въ суммѣ 275 р. въ сутки или 100375 руб. въ годъ, что соотвѣтствовало суточному сбору отъ продажи 110 тыс. ведеръ воды по 25 коп. за 100 ведеръ. По заключеніи годовыхъ отчетовъ предприниматели обязаны были представить городскому управленію разсчетъ, по которому оно, по провѣркѣ отчета, обязывалось уплатить предпринимателямъ недостающія на покрытіе гарантіи суммы въ теченіи 4 мѣсяцевъ по полученіи разсчета. При несвоевременной расплатѣ городъ уплачиваетъ пеню по 1% въ мѣсяцъ. § 25 гласилъ, что способъ контроля надъ потребляемою въ городѣ водою устанавливается городскимъ управленіемъ по совѣщанію съ предпринимателями. Объ избранномъ способѣ городъ обязанъ объявить предпринимателямъ за 6 мѣсяцевъ до открытія дѣйствія водопровода [1]).

Для наблюденія за постройкой водопровода думой была выбрана особая наблюдательная коммиссія. во главѣ которой стоялъ И. О. Фесенко. Согласно контракту, работы были окончены въ трехлѣтній срокъ, и въ положенное время предприниматели извѣстили думу, что водопроводъ готовъ, и открытіе его назначено на 1 іюля 1881 г. Предприниматели просили городъ прислать уполномоченныхъ для освидѣ-

[1]) Контрактъ о водоснабженіи г. Харькова, напечатанный въ 1887 г.

тельствованія сооруженія и составленія описи. И вотъ въ этотъ то моментъ городское управленіе совершаетъ крупную ошибку. Городская дума отказала въ открытіи водопровода, ибо, по ея мнѣнію, онъ не способенъ давать 110 тыс. ведеръ въ сутки, качество воды въ немъ не удовлетворительно, а водопроводныя сооруженія частью не окончены, частью не соотвѣтствуютъ техническому проекту и смѣтѣ.

Это и было началомъ 20 лѣтней войны между городомъ и его концессіонерами. Водопроводчики обратились въ судъ съ просьбою о признаніи водопровода открытымъ съ 1 іюля 1881 г., и судъ удовлетворилъ ихъ требованія. Въ 1887 г. состоялось рѣшеніе судебной палаты въ пользу водопроводчиковъ. Водопроводъ былъ признанъ способнымъ давать 110 тыс. ведеръ въ сутки, качество воды было найдено удовлетворительнымъ, что же касается отступленій отъ проекта и смѣты, то и они не были признаны обстоятельствомъ, заслуживающимъ уваженія: вѣдь городская наблюдательная коммиссія, во главѣ которой стоялъ Фесенко, знала объ этихъ отступленіяхъ, но не протестовала, а значитъ, находила ихъ пріемлемыми. Во все время производства дѣла въ судебныхъ мѣстахъ водопроводчики по истеченіи каждаго года присылали въ городскую управу свои разсчеты о слѣдующей будто бы имъ приплатѣ за недобранную воду, а послѣ рѣшенія судебной палаты предъявили къ городу искъ о взысканіи приплаты по 1 января 1887 г. съ процентами согласно 24 § контракта. Городъ съ своей стороны предъявилъ встрѣчный искъ, въ которомъ доказывалъ незаконность образованія самого Общества, эксплоатирующаго водопроводъ. Одновременно съ дѣломъ о приплатахъ по гарантіи возникло дѣло о контролѣ. Послѣ извѣстнаго уже намъ рѣшенія судебной палаты 1887 г. городъ назначилъ наконецъ коммиссію для контроля за водопроводомъ, для того, чтобы знать, сколько же именно потребляется въ дѣйствительности воды, и сколько городъ долженъ приплачивать за недоборъ. Но водопроводчики не допустили городскихъ уполномоченныхъ осматривать показатели водомѣровъ, ссылаясь на то, что контроль, согласно § 25 контракта, производится по правиламъ, установленнымъ городскимъ управленіемъ по совѣщанію, т. е., какъ они теперь толковали, съ согласія предпринимателей, а такъ какъ такихъ правилъ не существуетъ, то, по мнѣнію предпринимателей, городскіе уполномоченные не имѣютъ и права производить контроль. Разумѣется, такое странное толкованіе контракта, по которому городъ былъ обязанъ безпрекословно платить столько, сколько захочется съ него взять предпринимателямъ, не могло не встрѣтить отпора. Возникъ новый искъ города къ обществу водоснабженія о понужденіи его допустить контроль.

Толкованіе контракта водопроводчиками было явно неправильнымъ, но формально они были правы. 30 ноября 1889 г. состоялась резолюція судебной палаты, согласно которой городъ былъ обязанъ заплатить водопроводчикамъ требуемыя ими приплаты, по гарантіи съ неустойкою и процентами. Во встрѣчномъ искѣ городу было отказано. 9 марта 1890 г. городъ проигралъ и другое дѣло по иску о контролѣ: въ этомъ искѣ городу было отказано [1]).

Рѣшеніе судебной палаты, по закону, считается окончательнымъ и подлежитъ исполненію. Водопроводчики получили право на взысканіе съ города около 300 т. р. (281500 р.). Конечно, городу можно было попытаться оттянуть уплату до рѣшенія дѣла кассаціоннымъ Сенатомъ, но на это тогдашнее городское управленіе не рѣшилось: боялись, что явится судебный приставъ и опечатаетъ думскую кассу; боялись, что въ случаѣ неблагопріятнаго рѣшенія Сената городу придется заплатить по 18% съ присужденной палатою суммы взысканія. Словомъ, страховъ было очень много, если судить по рѣчамъ тогдашняго городского головы И. О. Фесенка, въ которыхъ онъ рекомендовалъ гласнымъ немедленно же раздѣлаться съ водопроводчиками. Тяжелое положеніе города усугублялось еще тѣмъ, что въ думѣ не было такихъ большихъ денегъ да и занять ихъ было негдѣ. Обращались во многія учрежденія, но вездѣ отказывали. Наконецъ, дать 300 тыс. согласилось Общество взаимнаго страхованія. Дума съ благодарностью приняла эти деньги и передала ихъ водопроводчикамъ прежде, чѣмъ въ судебной палатѣ было изготовлено рѣшеніе въ окончательной формѣ. Расплатившись съ водопроводчиками, городъ перенесъ дѣло въ Сенатъ. 28 сентября 1890 г. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе судебной палаты и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія во 2-й департаментъ той же палаты.

[1]) Водопроводный процессъ въ г. Харьковѣ. Прилож. къ Харьк. Губ. Вѣдом. 1890 г. № 158.

Съ уничтоженіемъ рѣшенія палаты 1889 г. городъ имѣлъ право требовать отъ водопроводчиковъ возврата уплоченныхъ 300 т. р., но не потребовалъ, а между тѣмъ водопроводчики предъявили къ городу искъ о какихъ то дополнительныхъ сооруженіяхъ и опять выиграли дѣло въ окружномъ судѣ. И опять городу пришлось заплатить 34 тыс., позаимствовавъ ихъ изъ земельнаго банка подъ залогъ лавокъ на Университетской улицѣ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ дѣло запутывалось и запутывалось. И дума, и городскіе юрисконсульты какъ въ началѣ дѣла, такъ и потомъ дѣлали ошибку за ошибкой. Предприниматели, руководимые опытными юристами, ловко выходили изъ всякихъ затрудненій и умѣли извлекать для себя выгоду изъ обстоятельствъ, казалось бы, совсѣмъ для нихъ неблагопріятныхъ. Губернаторъ закрылъ доступъ въ водопроводъ воды изъ артезіанскаго колодца,—а искъ былъ предъявленъ къ городу. Водопроводъ не давалъ воды, появлявшейся въ нагорныхъ частяхъ города всего на какой нибудь часъ въ теченіе сутокъ,—а предприниматели не хотѣли строить дополнительнаго водопровода и отказывались отъ уплаты штрафовъ, толкуя относящіяся сюда статьи контракта въ свою пользу. Дѣло тянулось безконечно долго, слушалось и въ Харьковѣ, и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ [1]). Городу положительно не везло. Пытался онъ было закончить дѣло путемъ миролюбиваго соглашенія, но и это не удалось. Одно время большое число приверженцевъ находила въ думѣ идея о ходатайствѣ передъ Государемъ Императоромъ, чтобы дѣло было разрѣшено не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, но на сей разъ на стражѣ законности стала губернская администрація. Послѣ длительныхъ переговоровъ былъ наконецъ въ 1901 г. заключенъ мирный трактатъ между воюющими сторонами. Согласно первому пункту этого договора, обѣ стороны отказывались отъ взаимныхъ исковъ и судебныхъ споровъ и признали ихъ прекращенными навсегда. Общество водоснабженія отказалось отъ права на гарантію и обязывалось уплатить городу въ теченіе 19 лѣтъ 284300 р., полученныхъ имъ съ города по рѣшенію судебной палаты 29 ноября 1889 г. Оно должно было въ теченіе 2 лѣтъ выстроить дополнительныя водопроводныя сооруженія для усиленія водоснабженія въ нагорной части города, въ предѣлахъ 3-го и 4-го участковъ. Въ этомъ же соглашеніи были точно выработаны правила досрочнаго выкупа водопровода городомъ [2]). Досрочнымъ выкупомъ и окончилось такъ дѣло. Дума состава 1902—1905 г.г., ставившая одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ муниципализацію городскихъ предпріятій, рѣшила вырвать изъ частныхъ рукъ водопроводное дѣло. Городъ заплатилъ водопроводчикамъ 1.250.000 руб. облигаціями своего новаго займа и съ 1 марта 1904 г. сталъ собственникомъ водопровода.

Неудачнымъ оказался договоръ города и съ другимъ его концессіонеромъ—предпринимателями, устроившими въ Харьковѣ конку. Въ 1882 г. (31 мая) городскою управою заключенъ контрактъ съ французскими гражданами Бонне и Отле объ устройствѣ ими на протяженіи 17½ верстъ желѣзноконной дороги для пассажирскаго и товарнаго движенія. Плата за передвиженіе опредѣлена въ 5 коп, съ пассажира на всемъ протяженіи пути съ добавочною платою въ 2 коп. въ случаѣ пересадки на другую линію. Концессія на исключительное право устройства конно-желѣзныхъ дорогъ въ г. Харьковѣ была предоставлена предпринимателямъ на 42 года. Черезъ 20 лѣтъ со времени открытія движенія городъ получалъ право участія въ прибыляхъ въ видѣ 1% съ валового дохода, а черезъ 25 лѣтъ—2%. Черезъ 4 года по открытіи движенія предприниматели обязывались выстроить на свои средства на р. Лопани вмѣсто деревяннаго желѣзный мостъ. По окончаніи срока концессіи все имущество конно-желѣзной дороги поступаетъ въ собственность города, а для обезпеченія исправной сдачи предприниматели обязывались внести на имя города, въ теченіе срока концессіи, капиталъ въ 40000 р., который и долженъ быть имъ возвращенъ послѣ сдачи имущества дороги. Предпринимателямъ предоставлено право образовать компанію или акціонерное общество для эксплоатаціи дороги, а городъ сохранилъ за собою право выкупа дороги по истеченіи 15 лѣтъ. Для опредѣленія размѣровъ выкупной суммы положено капитализировать изъ 5% чистый доходъ дороги за послѣднія 5 лѣтъ до заявленія городомъ намѣренія оставить за собою эксплоатацію дороги. Кромѣ 17½ верстъ выговореннаго въ контрактѣ протяженія, предпринимателямъ было предоставлено еще исключительное право устройства и эксплоатаціи конно-желѣзныхъ дорогъ въ

[1]) Журналы Гор. Думы 1883—1901 г.г. и брошюра: Харьковскій водопроводъ и Харьковское городское управленіе.

[2]) Проектъ соглашенія съ Обществомъ водоснабженія объ измѣненіи и дополненіи контракта 1 марта 1878 г., одобренный думою 9 марта 1901 г.

теченіе всего концессіоннаго срока въ слѣдующихъ направленіяхъ: отъ вокзала по Александровской улицѣ, Рубановскому переулку, Мало-Гончаровской и Средне-Гончаровской улицамъ, по Конторской и Дмитріевской улицамъ черезъ Дмитріевскій мостъ, по Тарасовской левадѣ, Васильевскому и Романовскому переулкамъ, Екатерининской, Карташевской, Колодезной, Заиковской и Молочной улицамъ до Конной площади, вокругъ этой площади мимо складовъ Клеменова и Шерстяной компаніи, по Старо-Московской и Монастырской улицамъ черезъ земли Чепелкиныхъ дачъ и технологическаго института, по Сомовскому переулку, по Ветеринарной улицѣ до ветеринарнаго института, вокругъ Университетскаго сада, по Ивановской улицѣ черезъ р. Лопань на Клочковскій переулокъ и по Большой Панасовской и Кузнинской улицамъ до путей желѣзной дороги. Если бы въ теченіе срока концессіи былъ введенъ въ столицахъ или большихъ городахъ Россіи или Европы другой, болѣе усовершенствованный способъ перевозки грузовъ и пассажировъ въ замѣнъ коннаго двигателя, то предпринимателямъ предоставлялось исключительное право, съ согласія городского управленія, ввести этотъ способъ по устроеннымъ ими линіямъ конно-желѣзныхъ дорогъ [1]).

Контрактъ съ Бонне и Отле оказался для города также неудачнымъ. Городъ попалъ, можно сказать, въ кабалу къ предпринимателямъ. Устраивать побочныя или поперечныя линіи или передать ихъ устройство кому другому городъ, въ силу контракта, не имѣлъ права, такъ какъ исключительное право на устройство и эксплоатацію конки по всѣмъ главнѣйшимъ направленіямъ, какъ мы видѣли, принадлежало предпринимателямъ, а сами предприниматели ограничились только проведеніемъ двухъ главныхъ линій да небольшой дополнительной (Старо-Московская). Къ тому же и по этимъ линіямъ конечныя клячи двигались съ грѣхомъ пополамъ, и это въ то время, когда во всѣхъ уже почти крупныхъ центрахъ Россіи завелись электрическіе трамваи! Населеніе справедливо жаловалось, что благодаря контракту оно было чуть не на полъ-столѣтія лишено удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, а дума могла только горько плакаться, подсчитывая солидные барыши предпринимателей, изъ которыхъ, пока что, въ ея кассу не попадало ни копейки. Тяжелому положенію города помогло только случайное обстоятельство—споръ среди самихъ концессіонеровъ о томъ, кому быть хозяиномъ конки. Громадное значеніе въ этомъ вопросѣ пріобрѣлъ для концессіонеровъ голосъ городского управленія. Чтобы имѣть на своей сторонѣ этотъ голосъ, концессіонеры согласны были пойти на уступки. И городъ воспользовался выгодами своего положенія. Въ 1893 г. городская управа и бельгійское акціонерное общество, къ которому теперь перешли дороги и которое городъ согласился признать ихъ хозяиномъ, заключили дополнительный контрактъ, по которому концессіонеры отказались отъ исключительнаго права на устройство въ Харьковѣ конно-желѣзныхъ дорогъ и предоставили городскому управленію, самому или при посредствѣ другихъ предпринимателей, устраивать новыя линіи конно-желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, однако, чтобы онѣ не были конкуррирующими существующимъ линіямъ. Городское управленіе не имѣло права проводить конки по улицамъ: Конторской, Мало-Гончаровской, Благовѣщенской, Коцарской, Чеботарской, Александровской, Славянской, Кузнечной, Рыбной, Николаевской, Мѣщанской, Чернышевской, Ново-Чернышевской, Мало-Сумской, Ново-Мало-Сумской, Университетской, Михайловской, Маріинской и Конному переулку. Построенныя городскимъ управленіемъ новыя линіи не должны также примыкать къ двумъ конечнымъ пунктамъ конки—вокзалу и Конной площади. Концессіонерамъ, однако, было предоставлено преимущественное право на устройство новыхъ линій, и только въ случаѣ несогласія ихъ на это, устройство этихъ линій можетъ быть отдано другимъ лицамъ. Приведенный нами пунктъ дополнительнаго контракта и является самымъ важнымъ во всемъ этомъ документѣ. Важность его явствуетъ изъ того, что благодаря ему городъ вызволился изъ бельгійской кабалы и получилъ возможность устраивать пути сообщенія, не натыкаясь на каждомъ шагу на права своихъ концессіонеровъ. Говорятъ, что въ пору заключенія дополнительнаго контракта положеніе бельгійскаго акціонернаго общества было таково, что отъ него можно было бы добиться и большихъ уступокъ. Насколько это правда,—провѣрить трудно, но во всякомъ случаѣ и то, что было достигнуто, имѣло чрезвычайно важное значеніе для города. Изъ другихъ пунктовъ дополнительнаго контракта отмѣчаемъ обязательство концессіонеровъ выплатить городу 50 т. р. и рядъ условій относительно нѣкоторыхъ удобствъ движенія и гарантіи интересовъ города [2]).

[1]) Контрактъ объ устройствѣ въ Харьковѣ конно-желѣзныхъ дорогъ и Статистическій Листокъ 1882 г., стр. 129.

[2]) Дополнительныя условія напечатаны при первоначальномъ контрактѣ, изданномъ городскою думою въ 1893 г.

Не повезло городу и въ отношеніяхъ его со старѣйшимъ его концессіонеромъ—Обществомъ газоваго освѣщенія. По договору, заключенному съ газопроводчиками еще старою думой, городъ имѣлъ право разсчитывать на расширеніе области газоваго освѣщенія, устроеннаго первоначально только въ центральной части города. Но когда городское управленіе потребовало отъ газопроводчиковъ расширенія сѣти, послѣдніе отвѣтили, что по контракту они обязаны только освѣщать новые фонари, но не устраивать ихъ: отъ освѣщенія они не отказываются, но фонари пусть устраиваетъ городъ. И съ формальной точки зрѣнія они были совершенно правы, ибо въ контрактѣ говорилось только объ освѣщеніи, а не о фонаряхъ. А между тѣмъ именно расходъ на устройство фонарей и былъ главнымъ расходомъ при устройствѣ газоваго освѣщенія. Городу и на сей разъ пришлось остаться при пиковомъ интересѣ. Не говоря уже о томъ, что керосиновые фонари, которыми освѣщалась по прежнему огромная часть города, были крайне неудовлетворительны, расходъ на это примитивное освѣщеніе былъ чрезвычайно отяготителенъ для городской кассы. Въ результатѣ получился не только конфузъ, но и крупный убытокъ [1]).

Несчастья, претерпѣнныя городомъ отъ концессіонеровъ, были достаточно внушительнымъ урокомъ для того, чтобы отбить у городского самоуправленія всякую охоту обращаться къ концессіонному способу устройства городскихъ предпріятій. Къ тому же сами обстоятельства толкали городъ на путь предпріимчивости. Не смотря на большіе доходы, городъ постоянно испытывалъ финансовыя затрудненія, выйти изъ которыхъ только и можно было путемъ изысканія новыхъ источниковъ городскихъ доходовъ. Другіе города обыкновенно обгоняли въ этомъ отношеніи Харьковъ и давали ему примѣръ, которому Харьковъ и старался слѣдовать. Вологда научила его, что городской ломбардъ—учрежденіе не только благодѣтельное но и доходное; Одесса и Кіевъ показали ему, какія выгоды можетъ извлекать городъ изъ такого учрежденія, какъ городскія скотобойни. И Харьковская дума пожелала и ломбарда, и скотобоенъ.

Городской ломбардъ и до сихъ поръ въ оффиціальныхъ думскихъ отчетахъ не именуется городскимъ предпріятіемъ. Это только благодѣтельное учрежденіе, разсчитанное „на помощь всѣмъ, имѣющимъ безотлагательную нужду въ деньгахъ для избавленія ихъ отъ лихоимства и притѣсненія ростовщиковъ“. А между тѣмъ это благодѣтельное учрежденіе даетъ городу доходы и должно ихъ давать по уставу, согласно которому половина прибыли ломбарда идетъ въ городскую кассу. Въ виду этого, думается намъ, на городской ломбардъ и нужно смотрѣть какъ на доходное городское предпріятіе, такое же, какъ и городской купеческій банкъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ говорить о благотворительности и благодѣяніи тамъ, гдѣ благотворитель не только ничего не теряетъ, но и извлекаетъ отъ облагодѣтельствованныхъ имъ бѣдняковъ нѣкій доходъ. Проектъ учрежденія городского ломбарда въ Харьковѣ предложенъ былъ на обсужденіи думы въ 1888 г. Выдвинута была мысль о необходимости въ кредитномъ учрежденіи, „которое пришло бы на помощь населенію, не находящему кредита въ организованныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и вынужденному прибѣгать за ссудами къ подпольному кредиту“ Въ это время въ Харьковѣ, не считая тайныхъ, было двѣ явныхъ ссудныхъ кассы, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и работавшимъ очень успѣшно.

Управа навела предварительно справки о постановкѣ дѣла въ тѣхъ городахъ, гдѣ вопросъ получилъ уже разрѣшеніе или былъ поставленъ на очередь—въ Вологдѣ, Казани, Н. Новгородѣ, Перми и Кременчугѣ. На обзаведеніе ломбарда управа предлагала отпустить 50 т. руб., позаимствовавъ эту сумму изъ городского купеческаго банка. Докладъ управы былъ принятъ единогласно, а для разсмотрѣнія его въ деталяхъ была избрана коммиссія изъ гласныхъ: М. М. Алексѣенка, Э. Г. Бекмана, А. А. Кустерскаго, Н. В. Орлова, Ф. А. Павловскаго, А. Я. Прокоповича и І. А. Стойкина. Въ 1889 г. коммиссія представила свой докладъ, а 12 августа 1890 г. министромъ финансовъ былъ утвержденъ и уставъ ломбарда. Нельзя сказать, чтобы условія займа въ ломбардѣ были особенно льготными: по 11 § устава предѣльной нормой интереса было опредѣлено 18% (по 1% въ мѣсяцъ и ½% за храненіе). Съ точки зрѣнія интересовъ городской кассы заслуживаетъ вниманія § 41 устава, согласно которому „по истеченіи 10 лѣтъ со времени открытія ломбарда половина чистыхъ прибылей ломбарда можетъ быть, по постановленію городской думы, отчисляема на городскія потребности“. Само собою понятно, что въ случаѣ закрытія ломбарда всѣ его капиталы и прибыли поступаютъ въ распоряженіе городской думы. Ломбардъ

[1]) Журн. Гор. Думы 1893 г. Рѣчь Голенищева-Кутузова.

открылъ свои дѣйствія 15 января 1891 г. Новое учрежденіе сразу же привлекло къ себѣ такой обильный потокъ кліентовъ, что о капиталѣ въ 50 т. р., которымъ предполагала было ограничиться управа, не могло быть и рѣчи. На усиленіе средствъ ломбарда городу приходилось дѣлать постоянныя позаимствованія въ Купеческомъ банкѣ. По 1 января 1896 г. городъ выдалъ въ ссуду ломбарду крупную сумму въ 153500 р. Въ 1896 г. городской ломбардъ настолько окрѣпъ, что сталъ раздѣляться съ лежащими на немъ долгами, а къ 1 января 1905 г. за ломбардомъ числилось долгу всего 19800 р. Къ 1 января 1896 г. у ломбарда было 193126 р. основного и оборотнаго капиталовъ, а къ 1 января 1905 г. капиталъ ломбарда раннялся уже 211243 р., а его движимое имущество—900932 р. Съ 1902 г. ломбардъ сталъ уже давать городу и чистую прибыль: въ 1903 г. въ думскую кассу поступила половинная часть прибыли за 1902 г. въ суммѣ 9807 р. 73 коп., въ 1904 г. доходъ съ ломбарда былъ уже внесенъ и въ смѣту въ суммѣ 10 т. р.; въ дѣйствительности поступило 9963 р. съ копейками, а въ 1904 г.—11123 р. съ копейками. Ломбардъ такимъ образомъ окончательно превратился въ доходное городское предпріятіе [1]).

Ко времени управленія И. О. Фесенко, кромѣ ломбарда, пріурочиваются еще два мелкихъ городскихъ предпріятія, дающія небольшіе доходы—адресный столъ и городской ночлежный пріютъ. Первое изъ этихъ учрежденій возникло по иниціативѣ администраціи, второе—благодаря частному пожертвованію. Первый доходъ съ адреснаго стола поступилъ въ думскую кассу въ 1889 г. и внесенъ былъ въ разрядъ случайныхъ, непредвидѣнныхъ поступленій, но вскорѣ пріобрѣлъ характеръ постоянныхъ доходовъ и сталъ заноситься въ смѣту. Уже въ началѣ девяностыхъ годовъ городъ получалъ отъ адреснаго стола болѣе 5000 р., а въ 1904 г. адресный столъ далъ 9465 р. при расходѣ по его содержанію въ 6528 р. Въ разрядъ непредвидѣнныхъ и случайныхъ доходовъ попалъ было и доходъ отъ ночлежнаго пріюта. При постройкѣ пріюта имѣлись, конечно, въ виду цѣли филантропическія, но вскорѣ оказалось, что за свою гуманность по отношенію къ бездомнымъ ночлежникамъ городъ не остался и безъ денежнаго вознагражденія. Уже въ 1891 г. ночлежники городского пріюта дали городу больше 3000 р. Капиталъ, затраченный на филантропическое учрежденіе, сталъ давать солидный процентъ, и въ концѣ концовъ доходъ съ ночлежнаго дома изъ рубрики случайныхъ былъ перенесенъ въ рубрику постоянныхъ доходовъ отъ городскихъ предпріятій, предусматриваемыхъ смѣтою. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла городу былъ весь резонъ позаботиться о постройкѣ и второго ночлежнаго пріюта. И онъ его выстроилъ, но на сей разъ новый пріютъ въ число доходныхъ статей не попалъ, ибо былъ уступленъ городомъ для помѣщенія дома трудолюбія. Очевидно, есть всѣ основанія разсчитывать на постройку еще одного пріюта, а можетъ быть, и нѣсколькихъ: городъ отъ этого, конечно, не проиграетъ, а ночлежники, можетъ быть, и выиграютъ, ибо городской пріютъ все же лучше частныхъ ночлежекъ.

При И. О. Фесенкѣ началъ разрабатываться и вопросъ объ устройствѣ городскихъ скотобоенъ. До сихъ поръ въ Харьковѣ существовали только частныя бойни, дававшія крупный доходъ предпринимателямъ, но содержимыя чрезвычайно не гигіенично. Негигіеничность и выставлялась въ докладѣ управы, какъ одна изъ важнѣйшихъ побудительныхъ причинъ, заставляющихъ желать устройства городскихъ скотобоенъ. До сихъ поръ скотъ, пригоняемый на бойни въ Харьковъ, далеко не весь подвергался предварительному ветеринарному осмотру. Правда, существовала на левадѣ возлѣ Благовѣщенскаго базара городская скотопригонная площадка, гдѣ съ пригоняемаго въ городъ скота собирался сборъ въ пользу казны и гдѣ скотъ подвергался санитарному осмотру, но на площадку поступалъ не весь скотъ: значительная часть его пригонялась прямо на бойни и здѣсь убивалась безъ всякаго освидѣтельствованія. Такимъ образомъ съ санитарно-гигіенической точки зрѣнія за качество мяса, поступавшаго на городскіе базары, ручаться было трудно. Едва ли не большую роль играли соображенія чисто экономическія. До сихъ поръ городъ ничего не получалъ отъ пригоняемаго въ городъ скота. Напротивъ, ему приходилось еще нести кое какіе расходы по содержанію скотопригонной площадки. А между тѣмъ устройство городскихъ боенъ и при нихъ скотопригоннаго двора дало бы, по разсчету управы, ежегодно до 103 тыс. валового дохода. Управа надѣялась, что отъ устройства скотобоенъ выиграетъ не только городъ, но и горожане, такъ какъ при существованіи городскихъ боенъ цѣны на мясные продукты должны подешевѣть. Остановка была только

[1]) Докладъ объ учрежденіи городского ломбарда. Докладъ комиссіи по устройству въ г. Харьковѣ городского ломбарда. Уставъ Харьковскаго городского ломбарда. Отчетъ о доходахъ и расходахъ за 1895 г. Отчетъ городского ломбарда за 1903 г. Отчетъ Харьковск. городск. управы за 1904 г.

за деньгами, которыхъ у города не было, но и это препятствіе было не непреоборимымъ, ибо на такое дѣло можно было разрѣшить себѣ новый заемъ въ Городскомъ банкѣ. Проектъ управы дополнялся пояснительной запиской инженера Саблина, въ которой описывались необходимыя для боенъ сооруженія и вычислялась ихъ стоимость. Предлагалось устроить скотопригонный дворъ, карантинный дворъ, бойни для разныхъ породъ скота, заводы альбуминный и салотопенный, административныя постройки, кожевенный дворъ, водопроводъ, поля орошенія и подъѣздныя дороги къ бойнямъ. По смѣтѣ Саблина, все это должно было обойтись городу въ 415378 р. 16 коп., изъ нихъ постройка скотопригоннаго двора и боенъ— въ 291633 р. 27 коп. Чистый доходъ вычисленъ Саблинымъ въ 70750 р., т. е. болѣе 15% на затраченный капиталъ [1]).

Проектъ былъ встрѣченъ думою вполнѣ сочувственно. Была выбрана коммиссія для ознакомленія съ постановкой дѣла въ другихъ городахъ. И она дѣйствительно ѣздила и осматривала, но дальше этого въ думѣ даннаго состава такъ дѣло и не пошло. Вопросъ былъ переданъ въ думу состава 1892 г. Опять видимъ коммиссію по постройкѣ городскихъ скотобоенъ и новый докладъ по тому же предмету. Коммиссія разсмотрѣла планы Саблина и ознакомилась съ скотобойнями въ лучшихъ русскихъ городахъ. Она пришла, между прочимъ, къ заключенію, что бойни можно построить и дешевле—за 350 тыс. руб.. валовую доходность предпріятія опредѣлила въ 147 т. р., а ежегодный расходъ—въ 64 т. р. [2]). Думѣ 1892 г., просуществовавшей всего какой нибудь годъ, еще меньше, чѣмъ ея предшественницѣ, было возможности довести дѣло до конца. Докончено оно было только „купеческой“ думой подъ руководствомъ И. Т. Голенищева-Кутузова. Прежде всего былъ устроенъ на базарной левадѣ скотопригонный дворъ, начавшій уже съ 1894 г. давать доходъ. Въ 1894 г. съ него поступило въ городскую кассу 19403 р., почти на 12000 р. больше противъ смѣтныхъ предположеній: въ слѣдующемъ году доходъ отъ скотопригоннаго двора превысилъ уже 20 т. р., въ 1896 г.—22 т. р. Въ 1897 г. была окончена и постройка скотобойни. Обошлась она городу, судя по отчетамъ, въ 293774 р. Въ первый же годъ своего существованія она стала приносить городу солидный доходъ. О выгодности этого предпріятія можно судить по слѣдующей таблицѣ.

Годы	Доходы	Расходы
1897	75150 р.	29958 р.
1898	154110 „	71041 „
1899	161917 „	92812 „
1900	165682 „	79143 „
1901	167524 „	79017 „
1902	159351 „	86000 „
1903	161802 „	86000 „
1904	163340 „	82663 „

Одновременно со скотобойнями, рядомъ съ ними, были выстроены городомъ альбуминный и кишечный заводы. Сколько давали они въ первые годы послѣ ихъ возникновенія, изъ думскихъ отчетовъ не видно: кажется, доходъ этотъ тогда причитывался къ общей цифрѣ доходовъ отъ скотобойни. Отдѣльно стали показываться доходы по этимъ предпріятіямъ только съ 1902 г. Вотъ цифры, взятыя изъ отчетовъ.

Годы	Альбуминный заводъ	Кишечный заводъ
1902	500 р.	9959 р.
1903	500 „	7200 „
1904	500 „	7200 „

Изъ приведенныхъ цифръ очевидно, что и скотопригонный дворъ, и скотобойни съ состоявшими при нихъ заводами оказались предпріятіями несомнѣнно выгодными для города. Для горожанъ они имѣли то значеніе, что благодаря имъ усилилась доброкачественность выпускаемаго на рынокъ мяса. Но все же

[1]) Докладъ объ устройствѣ общественныхъ скотобоенъ и Пояснительная записка къ проекту скотопригоннаго двора и центральныхъ скотобоенъ.

[2]) Заключеніе коммиссіи по постройкѣ общественныхъ скотобоенъ, приложенное къ докладу ея, поданному въ городскую управу 23 октября 1892 г.

санитарно-гигіеническая задача, имѣвшаяся въ виду при устройствѣ скотобоенъ, достигнута далеко не вполнѣ. Гарантирована только доброкачественность мяса, выпускаемаго изъ городской скотобойни, но не находящагося въ продажѣ. Правда, обывателю въ мясной лавкѣ не продадутъ мяса зараженнаго или больного животнаго, но зато очень могутъ продать мясо залежалое, протухлое и, можетъ быть, даже нездоровое благодаря негигіеническому его храненію: вѣдь мясныя лавки на харьковскихъ базарахъ и до сихъ поръ содержатся такъ, что въ теплое время года мимо нихъ нельзя пройти, не зажавъ носа. Очевидно, заботы городского управленія въ этой области должны быть направлены на улучшеніе санитарныхъ условій мясной торговли: при мясныхъ лавкахъ нужны ледники для храненія мяса, нужны краны съ чистой водой для его промывки, нужна чистота столовъ, на которыхъ оно выставляется.

Выступая передъ гласными со своимъ проектомъ общественныхъ скотобоенъ, городская управа временъ Фесенка подавала горожанамъ надежду, что благодаря сосредоточенію скотобойнаго дѣла въ рукахъ города явится возможность регулировать цѣны на мясо установленіемъ для нихъ таксы. Къ сожалѣнію, эта надежда оказалась и до сихъ поръ не осуществленной. Населеніе продолжаетъ жаловаться на дороговизну мясныхъ продуктовъ, еще усилившуюся съ устройствомъ городскихъ скотобоенъ, а городское управленіе, имѣющее въ своихъ рукахъ всѣ данныя для установленія безобидныхъ расцѣнокъ мясныхъ продуктовъ, и до сихъ поръ отклоняетъ отъ себя всякую иниціативу въ данномъ вопросѣ.

Городскія скотобойни, несомнѣнно, оказали свое вліяніе на санитарно-гигіеническія условія жизни горожанъ. Такое же санитарно-гигіеническое значеніе имѣли и еще два городскихъ предпріятія, начало которымъ было положено при Голенищевѣ-Кутузовѣ. Говоримъ о конно-пригонномъ дворѣ и объ утилизаціонномъ заводѣ. Конно-пригонный дворъ былъ устроенъ для ветеринарнаго осмотра пригоняемыхъ въ Харьковъ лошадей. Утилизаціонный заводъ предназначался для утилизаціи труповъ павшихъ животныхъ. Для устройства его думою въ 1899 г. было ассигновано 40 тыс. руб. Рядомъ съ заводомъ былъ устроенъ и ловчій дворъ для истребленія бродячихъ собакъ, трупы которыхъ также поступали на утилизаціонный заводъ. Городъ такимъ образомъ имѣлось въ виду обезопасить отъ падали, а самую падаль превратить въ нѣчто полезное.

Что же дали эти предпріятія въ смыслѣ экономическомъ: доходъ или убытокъ? Отвѣтимъ на это цифрами изъ отчетовъ городской управы.

Годы	Утилизаціонный заводъ		Конно-пригонный дворъ	
	Доходъ	Расходъ	Доходъ	Расходъ
1900	2137 р.	6484 р.	1057 р.	1648 р.
1901	1755 „	8948 „	2062 „	3324 „
1902	2685 „	8282 „	2092 „	3280 „
1903	3620 „	8467 „	2347 „	2566 „
1904	4218 „	8375 „	2394 „	3779 „

Иниціативѣ Голенищева-Кутузова обязано своимъ возникновеніемъ и еще одно городское предпріятіе—электрическое освѣщеніе. До тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ, центръ города освѣщался газомъ, окраины—керосиномъ. Газовыхъ фонарей въ половинѣ 90-хъ годовъ было по городу 1061, а расходы на газовое освѣщеніе достигали 19 т. р.; керосиновыхъ фонарей было 1675, но расходы на это освѣщеніе превышали 30 т. р. Такимъ образомъ керосиновыя коптилки обходились городу гораздо дороже газовыхъ фонарей. Ясно, что для города было бы только выгодно освѣщать и окраины газомъ, но на пути этому стремленію стоялъ извѣстный уже намъ договоръ съ предпринимателями, согласно которому послѣдніе обязаны были только давать газъ въ случаѣ расширенія площади газоваго освѣщенія, но не устраивать фонари. Всѣ попытки городского управленія добиться отъ предпринимателей расширенія сѣти газоваго освѣщенія не привели ни къ чему. И вотъ у городского головы возникъ планъ сразу перевести окраины на электрическое освѣщеніе, замѣнивъ имъ керосиновыя коптилки. Предполагалось, что такое освѣщеніе дастъ не только больше удобствъ населенію, но и станетъ не безвыгоднымъ предпріятіемъ, такъ какъ не было сомнѣнія, что, кромѣ главнаго потребителя электричества—города, явятся и частные абоненты. Мысль чрезвычайно смѣлая, встрѣченная съ недовѣріемъ даже въ кругахъ, гораздо ближе знакомыхъ съ

дѣломъ, чѣмъ былъ съ нимъ знакомъ Голенищевъ-Кутузовъ. Въ засѣданіи южно-русскаго общества техноло говъ 1 марта 1897 г. проф. А. К. Погорѣлко былъ сдѣланъ докладъ о харьковскомъ электрическомъ освѣщеніи, въ которомъ авторъ, на основаніи ряда данныхъ изъ практики городовъ Западной Европы, доказывалъ, что освѣщеніе въ городскихъ окраинахъ улицъ электричествомъ не возможно безъ непомѣрнаго увеличенія бюджета, а слѣдовательно и налоговъ, и не оправдывается получаемымъ результатомъ; что надежда получить доходъ съ частныхъ потребителей, достаточный для покрытія расходовъ по освѣщенію улицъ, несбыточна, и что самое исполненіе подобнаго предпріятія при помощи одной центральной станціи для большого и разбросаннаго города не соотвѣтствуетъ современнымъ указаніямъ электротехники [1]). Недовѣрчиво относились къ затѣѣ головы и сами харьковцы, и только въ думѣ проекты Голенищева-Кутузова принималось безпрекословно, но вѣдь такъ-же безпрекословно принимались ею и всѣ другія его предложенія. Тѣмъ не менѣе голова упорно шелъ къ своей цѣли. Расходъ требовался очень крупный, но это соображеніе не удержало Голенищева-Кутузова, рѣшившаго пожертвовать на устройство освѣщенія значительную часть второго городского займа. Выработаны были и приняты думой главныя основанія устройства и эксплоатаціи электрическаго освѣщенія. Предполагалось осуществить проектъ либо отдачею устройства и эксплоатаціи освѣщенія по концессіи, либо порученіемъ предпринимателямъ только устройства освѣщенія съ тѣмъ, чтобы эксплоатація его принадлежала городу. Въ первомъ случаѣ срокъ концессіи предполагался отъ 15 до 20 лѣтъ съ правомъ частичнаго участія города въ предпріятіи, во второмъ, т. е. при устройствѣ подряднымъ способомъ. требовалась возможно недорогая стоимость устройства съ разсрочкою уплаты на 20—25 лѣтъ. Къ счастью для города, столько разъ страдавшаго отъ концессіонеровъ, на сей разъ былъ предпочтенъ подрядный способъ устройства освѣщенія. Инипіатива и главное руководство дѣломъ принадлежали Голенищеву-Кутузову. По его выбору городомъ былъ заключенъ договоръ съ отставнымъ поручикомъ Н. И. Савицкимъ, приглашеннымъ на должность главнаго техника по устройству и эксплоатаціи электрическаго освѣщенія. Савицкій обязанъ былъ представить чертежи, проекты, разсчеты, смѣты и соображенія по устройству освѣщенія, вести сношенія съ иностранными и русскими фирмами по поставкѣ матеріаловъ, лампъ, аппаратовъ, необходимыхъ для устройства станціи и передачи механической работы, составить и обучить полный штатъ служащихъ по постройкѣ и эксплоатаціи освѣщенія, исполнить всѣ работы по установленнымъ городскимъ управленіемъ смѣтамъ. Савицкому за это было назначено солидное вознагражденіе съ правомъ участія въ прибыляхъ. Нельзя сказать, чтобы выборъ техника былъ удаченъ: многое изъ этого, что имъ устроено, пришлось измѣнять и передѣлывать впослѣдствіи съ значительными затратами изъ городскихъ средствъ, тѣмъ не менѣе электричество въ Харьковѣ все таки засіяло на окраинахъ. Сіяло оно, правда, довольно капризно: фонари то тухли, то внезапно подмигивали и наводили обывателей на сомнѣніе, стоило ли изъ за такихъ результатовъ огородъ городить. Электрическая станція оказалась устроенной не раціонально и даже не безопасно, и ее пришлось перестраивать. Нужно упомянуть еще и о тѣхъ расходахъ и затрудненіяхъ въ постановкѣ дѣла, какіе городъ встрѣчалъ со стороны почтово-телеграфнаго вѣдомства, произвольно распоряжавшагося, вопреки закону, городскими улицами при постановкѣ столбовъ и другихъ сооруженій для правительственнаго телефона и телеграфа, и въ тоже время требовавшаго отъ города удаленія или измѣненія направленія электрическихъ проводовъ, разъ они почему либо признавались не удобными для казеннаго телефона [2]). Съ Савицкимъ городъ въ концѣ концовъ разстался, и дѣло электрическаго освѣщенія перешло въ руки думской коммиссіи подъ предсѣдательствомъ А. К. Погорѣлко.

Устройство и содержаніе электрическаго освѣщенія требовали и продолжаютъ требовать отъ города крупныхъ расходовъ. Вотъ цифры расходовъ города на электрическое освѣщеніе за разные годы.

1895 г.	413 р.	1900 г.	200133 р.
1896 „	113181 „	1901 „	186101 „
1897 „	178121 „	1902 „	195440 „
1898 „	164824 „	1903 „	231626 „
1899 „	172673 „	1904 „	259785 „

[1]) *А. К. Погорѣлко.* Городское электрическое освѣщеніе. X. 1897 г.

[2]) Докладъ коммиссіи по устройству и эксплоатаціи электрическаго освѣщенія городской думѣ по вопросу объ отношеніяхъ мѣстнаго почтово-телеграфнаго вѣдомства къ городскому общественному управленію.

О доходахъ города отъ эксплоатаціи электрическаго освѣщенія даютъ понятіе слѣдующія цифры:

1897 г.	12644 р.	1901 г.	144991 р.
1898 „	50524 „	1902 „	156309 „
1899 „	72679 „	1903 „	201322 „
1900 „	103394 „	1904 „	234306 „

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что доходы по эксплоатаціи предпріятія имѣютъ тенденцію къ постоянному повышенію, и можетъ быть, не далеко время, когда доходы сравнятся съ расходами. Пока что, предпріятіе еще нельзя причислить къ выгоднымъ. Не слѣдуетъ забывать, что съ введеніемъ электричества городъ все таки не избавился отъ керосина, при чемъ траты его на керосиновое освѣщеніе отнюдь нельзя назвать маленькими: въ 1904 г. напр. на керосиновое освѣщеніе было израсходовано болѣе $20^1/_2$ т. р.

Таковы были результаты хозяйственной дѣятельности городского самоуправленія въ той сферѣ, которая была предоставлена его свободной иниціативѣ. Перейдемъ теперь къ разнымъ видамъ обложенія. Въ этой области хозяйственныя права думы были строго ограничены законами.

Сколько давало городу обложеніе недвижимыхъ имуществъ горожанъ,—видно изъ прилагаемой таблицы.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	95629 р.	1880	124292 р.	1889	164878 р.	1898	304826 р.
1872	87339 „	1881	133685 „	1890	173395 „	1899	290225 „
1873	100147 „	1882	142167 „	1891	160012 „	1900	300728 „
1874	92496 „	1883	134598 „	1892	173690 „	1901	322520 „
1875	104266 „	1884	153330 „	1893	197646 „	1902	340919 „
1876	105654 „	1885	145214 „	1894	220709 „	1903	368266 „
1877	106942 „	1886	154735 „	1895	219581 „	1904	362583 „
1878	116757 „	1887	155880 „	1896	266625 „		
1879	118112 „	1888	160556 „	1897	250434 „		

До 1874 г. обложеніе недвижимостей велось такъ же, какъ и до реформы: домовладѣльцы платили 1% со стоимости имущества и $^1/_4$% на мостовыя. Въ это время, какъ мы знаемъ уже, была окончена новая оцѣнка, въ которую вошли не только имущества, ранѣе облагавшіяся сборомъ, но и новыя, до тѣхъ поръ сбору не подлежавшія. Согласно Положенію 1870 г., сборъ сталъ производиться не со стоимости, а съ доходности имуществъ. Владѣльцы имуществъ стали платить по 8% съ чистаго дохода. Отъ этого владѣльцы, впрочемъ, не пострадали, потому что каждому приходилось платить почти тоже, что онъ платилъ и раньше, особенно если принять въ соображеніе, что вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ были освобождены отъ уплаты $^1/_4$% сбора на мостовыя, да и ремонтъ мостовыхъ, лежавшій прежде на владѣльцахъ недвижимостей, былъ принятъ на общіи средства города [1]). Дальнѣйшій ростъ доходовъ отъ обложенія недвижимостей зависѣлъ главнымъ образомъ отъ роста самого же города и застройки его болѣе цѣнными сооруженіями. Крупную роль въ увеличеніи городскихъ доходовъ по этой статьѣ сыграла оцѣночная коммиссія, превратившаяся въ постоянный органъ городского хозяйства, призванный слѣдить за измѣненіями недвижимыхъ имуществъ горожанъ. Нужно при этомъ замѣтить, что вообще городская оцѣнка недвижимостей очень снисходительна. Какъ мы уже имѣли случай указать въ своемъ мѣстѣ, она во много разъ ниже оцѣнкѣ тѣхъ же имуществъ, производимой страховыми обществами. Нѣкоторое повышеніе оцѣнки (на 2%) было сдѣлано думою 1892 г. По смѣтѣ на 1892 г. съ недвижимыхъ имуществъ горожанъ было назначено 169 т. р. съ лишнимъ, а по смѣтѣ 1893 г. доходъ по этой статьѣ былъ исчисленъ уже больше чѣмъ въ 280 т. р. [2]). Это былъ въ своемъ родѣ крупный, давно диктуемый какъ интересами города, такъ и простою справедливостью, шагъ впередъ. Въ дальнѣйшемъ

[1]) Обзоръ финансовъ г. Харькова съ 1871 по 1880 г., стр. 2—3.

[2]) Отчетъ о доходахъ и расходахъ 1892 и 1893 г.г.

ростъ въ поступленіи сборовъ съ обывательскихъ недвижимостей зависѣлъ только отъ роста самихъ недвижимостей. Такъ отъ 1 октября 1901 г. по 1 января 1902 г. въ оцѣнку былъ внесенъ рядъ новыхъ имуществъ, чистая годовая доходность которыхъ равнялась 77500 р. Съ 1 октября 1903 г. по 1 января 1904 г. чистая годовая доходность недвижимыхъ имуществъ харьковцевъ увеличилась на 74306 р., а съ 1 октября 1904 г. по 1 января 1905 г.—на 71766 р. Такимъ образомъ въ короткій срокъ городской сборъ по этой статьѣ долженъ былъ увеличиться больше, чѣмъ на 22 т. р. [1]).

Не смотря на крупное торгово-промышленное значеніе Харькова, сборъ съ документовъ на право торговли и промысловъ игралъ въ городскомъ бюджетѣ отнюдь не первенствующую роль, въ чемъ убѣждаютъ нижеприводимыя цифры.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	23396 р.	1880	66377 р.	1889	108685 р.	1898	121668 р.
1872	— „	1881	93729 „	1890	109054 „	1899	130068 „
1873	31718 „	1882	90812 „	1891	103135 „	1900	131980 „
1874	36288 „	1883	93183 „	1892	100170 „	1901	125644 „
1875	54640 „	1884	82074 „	1893	102310 „	1902	132926 „
1876	55567 „	1885	80242 „	1894	126013 „	1903	137121 „
1877	73395 „	1886	103193 „	1895	122422 „	1904	137113 „
1878	68693 „	1887	107412 „	1896	126017 „		
1879	73574 „	1888	115540 „	1897	125912 „		

Обложенію въ пользу города подлежали свидѣтельства купеческія, промысловыя и приказчичьи, билеты на торговыя и промышленныя заведенія, патенты на мѣста выдѣлки и продажи питей, выдаваемые для постоянной торговли, и такіе же свидѣтельства и билеты, выдаваемые на ярмарочное время; въ пользу же города шелъ сборъ съ извознаго промысла и съ трактирныхъ заведеній. Путемъ такого обложенія и составлялись суммы, указанныя въ приведенной выше таблицѣ. Какъ въ оны дни, когда харьковцы „бавились“ преимущественно шинковымъ промысломъ, такъ и теперь гораздо больше, чѣмъ вся прочая торговля и промышленность, вмѣстѣ взятыя, давали въ городскую кассу дохода трактиры и питейныя заведенія. Вотъ цифры, свидѣтельствующія объ этомъ.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	9717 р.	1880	47574 р.	1889	73302 р.	1898	85595 р.
1872	14172 „	1881	63770 „	1890	72742 „	1899	87790 „
1873	15069 „	1882	63375 „	1891	69108 „	1900	87200 „
1874	19614 „	1883	70236 „	1892	65120 „	1901	75545 „
1875	35763 „	1884	61859 „	1893	65248 „	1902	77714 „
1876	36941 „	1885	55499 „	1894	78317 „	1903	79194 „
1877	53435 „	1886	76008 „	1895	79747 „	1904	80432 „
1878	53343 „	1887	75799 „	1896	80354 „		
1879	53606 „	1888	73368 „	1897	80552 „		

Со времени введенія казенной винной монополіи городъ лишился дохода съ патентовъ на мѣста продажи питей, но въ возмѣщеніе этого убытка сталъ получать ежегодное вознагражденіе отъ казны въ суммѣ 23½ руб. съ лишкомъ.

Среди доходовъ города съ торговли и промысловъ не маленькую роль всегда игралъ и до сихъ поръ играетъ доходъ съ лицъ, занимающихся извознымъ промысломъ,—тяжеловозовъ и легковыхъ извозчиковъ. Вотъ свѣдѣнія о сборахъ съ извознаго промысла.

[1]) Отчеты о доходахъ и расходахъ за 1902, 1903 и 1904 г.г.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	—	1880	12973 р.	1889	19810 р.	1897	22781 р.
1872	—	1881	11871 „	1890	19339 „	1898	22055 „
1873	9957 р.	1882	11184 „	1891	18435 „	1899	24348 „
1874	10173 „	1883	11499 „	1892	18832 „	1900	26472 „
1875	11331 „	1884	11085 „	1893	19850 „	1901	29323 „
1876	10710 „	1885	10353 „	1894	21902 „	1902	33149 „
1877	10863 „	1886	10437 „	1895	23534 „	1903	33340 „
1878	12036 „	1887	16494 „	1896	24056 „	1904	32193 „
1879	12041 „	1888	26464 „				

Такимъ образомъ, если изъ приведенныхъ выше цифръ первой таблцы исключить сборы съ трактировъ, съ мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ и съ извознаго промысла, то окажется, что собственно съ купцовъ и промышленниковъ городъ получалъ и получаетъ чрезвычайно мало, особенно если принять въ соображеніе широкое развитіе мѣстной торговли и промышленности, растущихъ съ каждымъ годомъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что отъ извозчиковъ поступило въ городскую кассу (1904 г.) болѣе 32 т. р., въ то время какъ сборъ съ промысловыхъ годовыхъ, полугодовыхъ и ярмарочныхъ свидѣтельствъ не далъ даже 25 т. р.? Оказывается, что ваньки и тяжеловозы, и мечтать не смѣющіе объ участіи въ управленіи городомъ, гораздо больше даютъ на нужды городского управленія и хозяйства, нежели полноправный слой городского населенія—купечество. Конечно, въ общей суммѣ городскихъ доходовъ доходъ. приносимый городу торговлей и промыслами,—чрезвачайно великъ: это вѣдь купцы арендуютъ у города его лавки, купцы платятъ городу за то, что строятъ свои лавки на городской землѣ, но и плата за аренду лавокъ, и плата за аренду земли подъ торговыя заведенія—это только возмѣщеніе за услуги, оказываемыя купцамъ городомъ, и въ счетъ идти не должны. Считать нужно только то, что даютъ купцы и промышленники городу за право торговли и промысловъ, а даютъ они сравнительно съ размѣрами своей торговли или производства очень немного. Измѣнить порядокъ, приводящій къ нелѣпому соотношенію платежныхъ силъ и дѣйствительныхъ платежей различныхъ слоевъ торгово-промышленнаго населенія города, дума, если бы и хотѣла, не въ правѣ. На стражѣ интересовъ купечества стоитъ законъ, подлежащій измѣненію только въ законодательномъ порядкѣ.

Городъ получалъ много, но много и тратилъ. Обходиться собственными средствами онъ не могъ. Приходилось дѣлать позаимствованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось думать и объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ. Результатомъ этого явилось стремленіе къ устройству доходныхъ предпріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ изысканію новыхъ объектовъ обложенія городскими сборами. Объекты эти точно указаны Городовымъ Положеніемъ: это попудный налогъ съ поступающихъ въ городъ товаровъ, налогъ на владѣльцевъ собакъ, сборъ съ лошадей и экипажей частныхъ лицъ. Попудный налогъ правительство не позволило учредить, и всѣ просьбы объ этомъ думы встрѣтили въ Петербургѣ рѣшительный отказъ. Но сборы съ экипажей частныхъ лицъ и съ собакъ были таки установлены. Налогъ съ собакъ впервые сталъ собираться въ 1899 г. Доходы города по этому сбору оказались болѣе чѣмъ скромными. Вотъ цифры:

1899 г.	3457 р.	1902 г.	1988 р.
1900 „	2747 „	1903 „	1992 „
1901 „	1405 „	1904 „	1358 „

Съ 1902 г. сталъ собираться налогъ съ лошадей и экипажей частныхъ лицъ. Вотъ что далъ онъ за время его взиманія:

1902 г.	8592 р.
1903 „	9927 „
1904 „	11688 „

Наконецъ, былъ по просьбѣ думы установленъ и налогъ съ владѣльцевъ велосипедовъ и автомобилей, давшій уже совсѣмъ ничтожную цифру—всего 174 р. (въ 1904 г.)

Мы уже отмѣчали постепенный ростъ городскихъ доходовъ съ нотаріальныхъ актовъ при дореформенной думѣ. Теперь въ поступленіи этихъ сборовъ замѣтны сильныя колебанія, причемъ семидесятые годы

оказываются для города какъ бы счастливѣе восьмидесятыхъ и девяностыхъ. Вотъ цифры поступленія сборовъ съ векселей, заемныхъ писемъ, договоровъ и другихъ актовъ, совершенныхъ у харьковскихъ нотаріусовъ въ разсматриваемый нами періодъ, а также отъ аукціонныхъ продажъ движимаго имущества.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	32881 р.	1880	23425 р.	1889	23763 р.	1898	19169 р.
1872	32500 „	1881	22695 „	1890	17376 „	1899	20879 „
1873	32500 „	1882	25351 „	1891	19704 „	1900	25976 „
1874	41135 „	1883	23060 „	1892	19803 „	1901	19300 „
1875	36256 „	1884	23824 „	1893	21422 „	1902	13789 „
1876	38445 „	1885	21079 „	1894	18460 „	1903	10497 „
1877	35013 „	1886	18266 „	1895	26144 „	1904	19844 „
1878	28381 „	1887	15925 „	1896	19153 „		
1879	29446 „	1888	21092 „	1897	18142 „		

Казалось бы, промышленное и торговое значеніе города за разсматриваемый нами періодъ не ослабѣло, а усилилось. Правда, пала ярмарочная торговля, но зато сильно развилась торговля постоянная, возникъ рядъ не существовавшихъ прежде промышленныхъ заведеній, значительно возросло населеніе города. При такихъ условіяхъ количество нотаріальныхъ сдѣлокъ должно бы увеличиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиться и городской доходъ отъ нихъ. Оказывается на оборотъ. На изслѣдованіе причинъ такого, на первый взглядъ страннаго, явленія городскому управленію, думается намъ, слѣдовало бы обратить нѣкоторое вниманіе

Немаловажное значеніе въ городскомъ доходномъ бюджетѣ играютъ такъ назыв. „пособія изъ посторонніхъ источниковъ“. Собственно говоря, пособіями ихъ назвать ни въ коемъ случаѣ нельзя. Это только уплата въ возмѣщеніе расходовъ города для разныхъ вѣдомствъ, и при томъ уплата далеко не всегда покрывающая произведенные расходы. Такъ изъ уѣзднаго земскаго сбора городъ получалъ ничтожное „пособіе“ за то, что взималъ съ горожанъ налогъ на уѣздныя земскія повинности. Само собою понятно, что взиманіе налога вызывало нѣкоторый лишній расходъ со стороны думы по содержанію канцеляріи, во всякомъ случаѣ не окупавшійся получаемымъ отъ земства „пособіемъ“. Болѣе крупное „пособіе“ получаетъ городъ отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ Харьковѣ за то, что беретъ на себя взиманіе государственнаго налога съ этихъ имуществъ. Наконецъ, самое крупное „пособіе“ получаетъ городъ отъ губернскаго распорядительнаго комитета на квартирное довольствіе войскъ, расположенныхъ въ Харьковѣ. Но „пособіе“ это такого рода, что городъ охотно бы отъ него отказался и даже былъ бы радъ самъ давать нѣкоторое пособіе распорядительному комитету, если бы повинность довольствія войскъ квартирами была съ него снята. Дѣло въ томъ, что за все время полученія „пособія“ городу не разу не удавалось, да и не могло удаться, обойтись безъ крупной приплаты къ отпускаемому казною „пособію“, далеко не хватавшему на расходы по расквартированію войскъ.

Вотъ точныя цифры „пособій изъ посторонніхъ источниковъ“, полученныхъ городомъ за разные годы разсматриваемаго нами періода.

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	19375 р.	1880	106017 р.	1889	126355 р.	1898	153888 р.
1872	18450 „	1881	121276 „	1890	116551 „	1899	171503 „
1873	12732 „	1882	157179 „	1891	156903 „	1900	181293 „
1874	13400 „	1883	120540 „	1892	149337 „	1901	232364 „
1875	32162 „	1884	129693 „	1893	145299 „	1902	176288 „
1876	72235 „	1885	125547 „	1894	148970 „	1903	210895 „
1877	39006 „	1886	115977 „	1895	157003 „	1904	225748 „
1878	80992 „	1887	126208 „	1896	152582 „		
1879	69110 „	1888	129227 „	1897	151186 „		

Наибольшее „пособіе“ получаетъ городъ отъ распорядительнаго комитета, какъ это явствуетъ изъ приводимой ниже таблицы:

Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ	Годы	Доходъ
1871	—	1880	105847 р.	1889	123736 р.	1898	150032 р.
1872	—	1881	121076 „	1890	113112 „	1899	167553 „
1873	12732 р.	1882	149488 „	1891	150817 „	1900	175454 „
1874	13200 „	1883	116407 „	1892	143133 „	1901	226074 „
1875	32762 „	1884	125150 „	1893	139090 „	1902	169440 „
1876	72035 „	1885	122113 „	1894	145613 „	1903	205559 „
1877	38806 „	1886	111850 „	1895	146957 „	1904	218967 „
1878	80792 „	1887	122924 „	1896	150258 „		
1879	68910 „	1888	129227 „	1897	147288 „		

До 1875 г. городъ получалъ на несеніе квартирной повинности столько же, сколько и въ послѣдніе годы дореформеннаго періода на довольствіе квартирами учрежденій и чиновъ Харьковскаго военно-окружнаго управленія. Разумѣется, при такихъ условіяхъ несеніе квартирной повинности было для города чрезвычайно тяжело и возбуждало постоянныя жалобы. 8 іюня 1874 г. было Высочайше утверждено новое Положеніе о воинской квартирной повинности. Имъ вводился какъ бы новый принципъ въ это дѣло. Казна отказывалась отъ лежавшей на населеніи натуральной квартирной повинности и брала содержаніе войскъ на свои средства, но за это увеличивала платимый населеніемъ государственный земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и съ купеческихъ и приказчичьихъ свидѣтельствъ. Старыя квартирныя коммиссіи были уничтожены; были отмѣнены расходы изъ общихъ городскихъ средствъ на несеніе квартирной повинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены и пособія городамъ отъ казны на тотъ же предметъ. Квартирное довольствіе войскъ возложено было на обязанность губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ, получавшихъ на свои расходы необходимыя суммы изъ казенныхъ средствъ соотвѣтственно табелямъ, приложеннымъ къ новому Положенію. Повидимому, горожане могли быть только довольны. И въ самомъ дѣлѣ, Харьковъ при новыхъ порядкахъ, правда, лишался пособія въ 16 т. р., которыя получалъ раньше, но зато избавлялся отъ постоянныхъ крупныхъ приплатъ на квартиры военныхъ постояльцевъ и непріятностей и хлопотъ, вызываемыхъ квартирной повинностью. Но новый законъ хорошъ былъ для большихъ городовъ только въ идеѣ, но отнюдь не въ дѣйствительности. Одна статья закона (ст. 13) сводила на нѣтъ все значеніе Положенія 1874 г. Статья эта гласила, что если всѣ принятыя распорядительнымъ комитетомъ мѣры по расквартированію войскъ окажутся безуспѣшными, то комитетъ въ правѣ передать въ мѣстное городское или сельское управленіе суммы, причитающіяся на квартирное довольствіе войскъ, причемъ обязанности губернскаго комитета переходятъ на городское или сельское управленіе [1]). Размѣръ суммъ, назначенныхъ Положеніемъ 1874 г., былъ на столько не великъ, что въ Харьковѣ на нихъ нельзя было нанять для войскъ соотвѣтствующія помѣщенія. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ распорядительному комитету оставалось только воспользоваться своимъ правомъ передачи квартирнаго довольствія войскъ городской думѣ, вручивъ ей и тѣ суммы, какія причитались по Положенію 1874 г. на квартиры военныхъ чиновъ. Такъ онъ и сдѣлалъ съ первыхъ же дней примѣненія новаго закона. Въ 1875 г. на обязанность города возложенъ былъ только наемъ квартиръ для воинскихъ помѣщеній безъ отопленія ихъ и освѣщенія, а въ 1876 г. на отвѣтственность города былъ переданъ не только наемъ квартиръ, но и ихъ отопленіе и освѣщеніе и снабженіе казарменными принадлежностями [2]). Само собой понятно, были переданы и деньги, причитающіяся по табели. И такъ пошло изъ году въ годъ. Городъ получалъ ежегодное „пособіе“, размѣры котораго видны изъ приведенной нами таблицы, и за это былъ обязанъ давать расположеннымъ въ Харьковѣ войскамъ „квартирное довольствіе“. „Пособія“ никогда не хватало, и городъ былъ принужденъ ежегодно производить доплаты, о которыхъ, впрочемъ,

[1]) Второе Полн. Собр. закон. Т. XLIX № 53623.

[2]) Отчетъ о занятіяхъ Харьковской городской управы за 1875—1876 г.г., стр. 5—8.

будемъ говорить при разсмотрѣніи городскихъ расходовъ. Размѣры „пособія“ зависѣли отъ количества военныхъ постояльцевъ въ городѣ, а такъ какъ оно съ теченіемъ времени увеличивалось, то росли и размѣры „пособія“.

Кромѣ перечисленныхъ статей доходовъ, въ пользу города поступали разныя другія суммы, иногда очень крупныя, но такія поступленія носили по большей части случайный характеръ и могли приниматься въ разсчетъ при составленіи смѣты лишь тогда, когда получали характеръ доходовъ болѣе или менѣе постоянныхъ. Такимъ путемъ поступали въ доходъ города суммы, вырученныя отъ продажи ненужныхъ матеріаловъ, остающихся отъ городскихъ построекъ и перестроекъ, негодныхъ пожарныхъ лошадей, отъ продажи городской земли подъ обывательскіе дворы, штрафныя и пенныя деньги, остатки неизрасходованныхъ суммъ, пожертвованія, пособія. Съ 1881 г. почти ежегодно по этой статьѣ начинаетъ поступать доходъ отъ продажи деревьевъ и кустарниковъ изъ городского питомника. Сюда же вносится и доходъ отъ продажи льда на харьковскихъ рѣкахъ, дававшій, не смотря на всю сомнительность продаваемаго городомъ продукта, нѣсколько сотъ рублей въ годъ (въ 1894 г. напр. 862 р., въ 1895 г.—1181 р.). Къ числу непредвидѣнныхъ доходовъ нужно отнести и страховыя преміи, полученныя городомъ за его сгорѣвшія имущества. Съ половины девяностыхъ годовъ сталъ поступать и доходъ отъ сбора за ученіе въ городскихъ училищахъ (въ 1897 г.—болѣе 6 т., въ 1899 г.—менѣе 5 т., въ 1900 г.—болѣе 8 т. р., въ 1901 г.—тоже, въ 1902 г.—болѣе 11½ т., въ 1903 г.—болѣе 9½ т., а въ 1904 г. болѣе—11½ т.). Съ того же времени въ думскую кассу сталъ идти и больничный сборъ, прежде поступавшій непосредственно въ Александровскую больницу. Больничный сборъ составлялъ довольно крупную сумму, какъ видно изъ прилагаемой таблицы

1898 г.	53665 р.	1902 г.	55032 р.
1899 „	53761 „	1903 „	57370 „
1900 „	56758 „	1904 „	50170 „
1901 „	56068 „		

Наконецъ, сюда же нужно отнести и доходъ отъ платы за леченіе въ городскихъ больницахъ, постепенно возраставшій и къ концу разсматриваемаго нами періода дававшій довольно солидныя суммы. Такъ въ 1903 г. платы за леченія было получено уже 24654 р., а въ 1904 г.—27928 р. Усиленіе поступленія по этой статьѣ за послѣдніе годы вызывается открытіемъ больницы имени Гельферихъ, предназначенной исключительно для платныхъ больныхъ. До ея возникновенія въ Александровскую больницу платные паціенты поступали только въ исключительныхъ случаяхъ.

Таковы главнѣйшіе источники городскихъ доходовъ въ періодъ дѣйствія Положеній 1870 и 1892 гг.

Перейдемъ теперь къ расходамъ.

Во что обходилось содержаніе городского общественнаго управленія,—видно изъ приводимыхъ ниже цифръ.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1871	—	1880	62498 р.	1889	76425 р.	1898	98963 р.
1872	33006 р.	1881	64585 „	1890	75445 „	1899	108294 „
1873	—	1882	69071 „	1891	77377 „	1900	112323 „
1874	45629 „	1883	75375 „	1892	74729 „	1901	117246 „
1875	54581 „	1884	75320 „	1893	75832 „	1902	124865 „
1876	57141 „	1885	85811 „	1894	78055 „	1903	131940 „
1877	57942 „	1886	75905 „	1895	82290 „	1904	132533 „
1878	57932 „	1887	75540 „	1896	87461 „		
1879	59100 „	1888	82901 „	1897	83022 „		

Если мы возьмемъ цифры перваго и послѣдняго годовъ разсматриваемаго нами періода то увидимъ, что за это время расходы по городскому управленію болѣе чѣмъ учетверились. Въ первые годы существованія новой думы жалованье головѣ и членамъ было сравнительно меньше, чѣмъ потомъ, да и платилось оно не всегда аккуратно. Въ 1872 г. напр. головѣ слѣдовало выдать съ недоплаченными за 1871 г.

всего 4940 р., а получилъ онъ только 785 р., недоборъ равнялся 4155 р. Канцелярія была не велика и стоила немногимъ больше 10 т. р. Кромѣ канцеляріи, при управѣ были только землемѣръ, архитекторъ, чертежникъ и два надсмотрщика, не получавшіе всѣ вмѣстѣ и 3 т. р. Кромѣ управы, на средства города содержался только сиротскій судъ, на который шло менѣе 800 р. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ канцелярія расширилась, завелся при управѣ особый инженеръ и повѣренный по городскимъ дѣламъ, сиротскій судъ требовалъ уже болѣе $4^1/_2$ т. р., оцѣночная коммиссія стоила уже больше 2300 р., на расходы торговой депутаціи тратилось около $2^1/_2$ т.; приходилось, кромѣ того, давать 3 т. р. на жалованье двумъ членамъ городского воинскаго присутствія. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ канцелярія стоила уже болѣе 16 т. руб., завѣлась должность помощника архитектора, приходилось платить за присмотръ городского выгона. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ голова получалъ уже шеститысячный окладъ, канцелярія стоила больше 20 т., приходилось платить жалованье членамъ постоянной ревизіонной коммиссіи городского банка. Въ 1890 г. канцелярія стоила около 27 тыс. руб., оцѣночная коммиссія обходилась въ 3 т. р. съ лишкомъ, торговая депутація—въ 3 съ лишкомъ тысячи, да контроль надъ водоснабженіемъ—около 2 тыс. руб. Дума 1892 г. прибавила еще двухтысячный расходъ на содержаніе статистическаго отдѣленія управы, а затѣмъ явился расходъ въ 1200 р. по надзору за производствомъ питейной торговли. При Голенищевѣ-Кутузовѣ расходы усилились. Содержаніе личнаго состава управы обходилось уже въ 19 т. р., канцелярія стоила болѣе 34 т., на статистическое отдѣленіе тратилось 3500 р., содержаніе городскихъ архитекторовъ, техниковъ и др. обходилось дороже 13 т. р., наемъ помѣщеній болѣе 7 т. р. Особенно большой шагъ впередъ сдѣлали расходы по содержанію городского общественнаго управленія въ 1898 г., когда они, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, сразу поднялись больше, чѣмъ на 15 т. р. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что такое увеличеніе на столько дѣйствительное, сколько кажущееся. Дѣло въ томъ, что съ 1898 г. въ рубрику расходовъ по содержанію городскаго управленія сталъ вноситься и расходъ на выдачу пенсій и единовременныхъ пособій старымъ городскимъ служащимъ, всего въ суммѣ болѣе 11 т. р. Существовалъ этотъ расходъ и раньше, но раньше онъ показывался отдѣльно отъ расходовъ по содержанію городского управленія. Сколько стоили до 1898 г. городу его инвалиды,—видно изъ приводимыхъ здѣсь цифръ.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1871	—	1878	837 р.	1885	9938 р.	1892	9812 р.
1872	823 р.	1879	1437 „	1886	2737 „	1893	4830 „
1873	—	1880	1320 „	1887	2484 „	1894	4424 „
1874	459 „	1881	1427 „	1888	2822 „	1895	6025 „
1875	521 „	1882	1471 „	1889	3013 „	1896	15565 „
1876	1138 „	1883	1435 „	1890	2716 „	1897	11174 „
1877	653 „	1884	1532 „	1891	4104 „		

Въ 1899 г. на содержаніе архитекторовъ, техниковъ и др. приходилось тратить уже болѣе $15^1/_2$ т. руб., содержаніе торговой депутаціи стоило до 6 т. р., а пенсіонерамъ выдано 14624 р. Въ 1900 г. канцелярія, не считая статистическаго отдѣленія, обошлась дороже 39 т. р., а пенсіонерамъ выдано болѣе 15 т. р. Въ 1901 г. техники стоили уже болѣе 17 р., а въ 1902 г.—болѣе 25 т. р. Въ 1903 г. содержаніе личнаго состава управы дошло до 21 т. р., а пенсіонеры обошлись городу въ 25185 р. Въ 1904 г. на жалованье управы было отпущенно 21 т. р., на канцелярію немного меньше $40^1/_2$ т., на статистическій отдѣлъ 2487 р., на жалованье члену воинскаго присутствія 1200 р., техникамъ—23273 р., торговой депутаціи 7530 р., оцѣночной коммиссіи—3380 р., на пенсіи и единовременныя пособія—21702 р., на наемъ помѣщеній—6271 р. и на содержаніе сиротскаго суда—5 т. р.

Какъ и въ дореформенное время, городъ принималъ участіе въ содержаніи полиціи и на свои средства содержалъ пожарную команду. На содержаніе полиціи въ первые годы пореформеннаго періода тратилось столько же, сколько и въ послѣдніе годы дѣйствія стараго Городоваго Положенія. Но съ 1875 г. расходъ на содержаніе полиціи усилился очень замѣтно. По штату 14 апрѣля 1874 г. въ составъ Харьковской полиціи входили: полицій-мейстеръ, его помощникъ, 6 приставовъ, 12 помощниковъ, 24 околодочныхъ

и 200 городовыхъ. На содержаніе управленія полиціймейстера, канцеляріи его и наружной полиціи отпускалось ежегодно изъ городскихъ суммъ 49614 р. Чины полиціи занимали три городскихъ дома: въ 1-ой части—12 комнатъ, въ которыхъ помѣщались приставъ 1-го участка, 2 его помощника и 13 городовыхъ; во 2-ой части—38 комнатъ, въ которыхъ занимали квартиры полиціймейстеръ, его управленіе, помощникъ полиціймейстера, приставъ 4-го участка и его канцелярія, одинъ помощникъ пристава и 52 городовыхъ; въ 3-й части—18 комнатъ, въ которыхъ помѣщались приставъ 6-го участка, 3 его помощника и 7 городовыхъ. Помѣщенія эти, по подсчету тогдашней думы, при сдачѣ ихъ въ наемъ могли бы дать до 5 т. р. Отъ обыкновенныхъ квартирантовъ полиція отличалась не только тѣмъ, что не платила городу за квартиры, но и тѣмъ, что ея квартиры городъ былъ обязанъ отапливать и освѣщать, на что выходило среднимъ счетомъ не менѣе 2½ тыс. руб. ежегодно. Послѣ введенія штата 15 іюня 1879 г. расходы на полицію еще увеличились. На содержаніе управленія полиціймейстера, канцеляріи его и наружной полиціи городъ сталъ отпускать уже по 63373 р. ежегодно. Пришлось, кромѣ того, нанимать помѣщеніе для 100 человѣкъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, которые не могли быть помѣщены въ городскихъ зданіяхъ. Это вызвало новый расходъ въ 1200 руб съ лишнимъ. Къ 1880 г. городское управленіе считало, что квартиры въ городскихъ домахъ, занимаемыхъ полиціей, стоютъ уже не 5 т. р., а по крайней мѣрѣ 6200 р. Въ 1882 г. помѣщенія въ частныхъ зданіяхъ приходилось нанимать уже для 178 полицейскихъ, да для 87 полицейскихъ приходилось давать топливо и воду. Въ 1884 г. на содержаніе управленія полиціймейстера пришлось ассигновать уже 73059 р., въ 1885 г.—77102 р., а въ 1887 г.—84209 р. Приходилось нести еще большій расходъ на наемъ помѣщеній для не вмѣщавшихся въ городскихъ полицейскихъ домахъ нижнихъ чиновъ полиціи, нанимать помѣщенія для арестантскихъ камеръ при полиціи и выдавать квартирныя деньги второму помощнику полиціймейстера. Съ теченіемъ времени издержки продолжали расти и расти. Въ 1889 г. на содержанія управленія полиціймейстера и наружной полиціи израсходовано уже 94209 р., а въ 1890 г.— 104209 р. Съ тѣхъ поръ и до конца разсматриваемаго нами времени эта цифра не поднималась, но за то поднялись разные добавочные расходы по содержанію той же полиціи: 3 съ лишнимъ тысячи расходовалось на добавочное содержаніе нижнимъ полицейскимъ чинамъ, прослужившимъ болѣе 7 лѣтъ въ одной и той же бригадѣ; на помѣщенія для нижнихъ чиновъ полиціи тратилось уже около 17 т. р. По смѣтѣ 1904 г. расходы города по содержанію полиціи, не считая ночныхъ сторожей, оплачиваемыхъ домовладѣльцами, достигали 125 т. р. Нужно при этомъ принять во вниманіе и стоимость помѣщеній, занимаемыхъ полицейскими учрежденіями въ городскихъ домахъ. Если мы опредѣлимъ эту стоимость такъ же, какъ опредѣляли ее въ 1880 г., т. е. въ 6200 р. (въ дѣйствительности она гораздо выше), то окажется, что годовой расходъ города на полицію никакъ не меньше 131 т. р.

Отчеты о городскихъ доходахъ и расходахъ за первые годы пореформеннаго періода, къ сожалѣнію, не даютъ намъ возможности сдѣлать точный подсчетъ затратамъ города на содержаніе полиціи, такъ какъ въ этихъ отчетахъ расходы на полицію показывались вмѣстѣ съ расходами по пожарной командѣ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что напр. въ 1872 г. на содержаніе полиціи было израсходовано 47778 р. Точныя цифры дѣйствительныхъ, произведенныхъ расходовъ на полицію мы можемъ представить только съ 1875 г. Вотъ эти цифры.

1875 г.	52420 р.	1883 г.	68604 р.	1891 г.	126408 р.	1899 г.	110224 р.
1876 „	51558 „	1884 „	68469 „	1892 „	18826 „	1900 „	76155 „
1877 „	51321 „	1885 „	47653 „	1893 „	33018 „	1901 „	176235 „
1878 „	47385 „	1886 „	104356 „	1894 „	60287 „	1902 „	79637 „
1879 „	54414 „	1887 „	61720 „	1895 „	744050 „	1903 „	124115 „
1880 „	46762 „	1888 „	92524 „	1896 „	116060 „	1904 „	84322 „
1881 „	64542 „	1889 „	65896 „	1897 „	87555 „		
1882 „	86102 „	1890 „	70766 „	1898 „	123549 „		

Приведенныя цифры отличаются тѣмъ, что идутъ какъ бы скачками: иной годъ расходъ на полицію непомѣрно великъ, иной—онъ понижается во много разъ. Происходитъ это оттого, что городъ былъ по сей части плательщикомъ неаккуратнымъ. Расходъ на полицію былъ пособіемъ казнѣ, и отъ неак-

куратности города сама полиція не страдала ничуть, такъ какъ слѣдуемое ей выплачивалось исправно изъ государственнаго казначейства. Затѣмъ, имѣло свое значеніе и то обстоятельство, что расходъ на полицію былъ вообще чрезвычайно великъ и, какъ не разъ высказывались въ думѣ, не соразмѣрялся съ пользой, приносимой ею городу. Городъ, можно сказать, состоялъ хроническимъ недоимщикомъ казны по содержанію полиціи. Недоимка за нимъ завелась уже съ 1868 г. Въ 1872 г. за городомъ накопилось невыполненныхъ расходовъ по содержанію полиціи болѣе 80 т. р., въ 1873 г. ихъ было болѣе 95 т., а къ 1875 г.—138620 р. 97¾ коп. При тѣхъ финансовыхъ условіяхъ, въ какихъ въ то время находился городъ, разсчитывать на близкую возможность уплаты такого крупнаго долга нечего было и думать. И дума возбудила передъ правительствомъ ходатайство о сложеніи этой недоимки со счетовъ въ уваженіе того, что городомъ были затрачены значительныя суммы на наемъ помѣщеній для военно-окружныхъ управленій и другіе, неподлежаще отнесенные на обязанность города, расходы. Просьба была услышана, и отъ министра финансовъ было получено увѣдомленіе, что на сложеніе недоимки не встрѣчается препятствій къ испрошенію разрѣшенія Государственнаго Совѣта [1]). Разрѣшеніе послѣдовало только въ 1886 г. Старые грѣхи были прощены, но скоро накопились новые. Къ 1894 г. недоимка города по содержанію полиціи достигла гораздо болѣе крупной суммы, чѣмъ та, какая была сложена въ 1886 г.: теперь недоимки набралось уже 305419 р., а въ слѣдующемъ году ея было уже 359750 руб. Дума и на сей разъ пыталась было обратиться къ прежнему средству и взмолилась къ петербургскому начальству, но на сей разъ встрѣтила рѣшительный отказъ. Только городской заемъ далъ возможность городу развязаться съ этимъ крупнымъ долгомъ. Въ 1895 г. городъ взнесъ 474 тыс. руб., чѣмъ и покрылъ всѣ свои грѣхи, накопленные въ теченіе ряда лѣтъ. Но и послѣ этого городъ оказывался не въ состояніи своевременно удовлетворять все возрастающимъ расходамъ на полицейскую часть. Въ 1905 г. за нимъ вновь числилась недоимка въ 30 т. р. по содержанію управленія полиціймейстера и наружной полиціи.

Въ теченіе тридцатилѣтія, съ 1875 г. по 1905 г., расходъ на полицію возросъ съ 50 до 125 т. р.. Судя по всему, и въ будущемъ слѣдуетъ ожидать только усиленія этого роста. А между тѣмъ городская полиція служитъ не только городу, но и государству и, какъ можно думать, служитъ послѣднему гораздо больше, чѣмъ первому. Справедливо ли при такихъ условіяхъ возлагать расходъ по содержанію городской полиціи на плечи одного города? Это соображеніе не разъ высказывалось и гласными думы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь объ усиленіи расходовъ на содержаніе полиціи. Думается, было бы справедливо, если бы государство пришло въ данномъ случаѣ на помощь городу, взявъ на себя значительную часть расходовъ по содержанію полиціи, а еще справедливѣе было бы, если бы оно приняло принципъ раздѣленія полиціи на общегосударственную, содержимую на средства казны, и муниципальную, исключительно занятую дѣломъ безопасности и порядка, содержаніе которой всецѣло можно было бы возложить на обязанность города.

Если про полицію нельзя сказать, что она существуетъ только въ интересахъ города, то еще меньше можно это сказать про тюремный замокъ, въ которомъ сидѣли и сидятъ далеко не одни горожане. А между тѣмъ Положеніе 1870 г., какъ, впрочемъ, и дореформенное законодательство по этому вопросу, возложило содержаніе тюремнаго замка на городъ. Въ началѣ городъ платилъ только на отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка и на жалованье его смотрителю, а потомъ къ этому прибавились и расходы на пересыльную тюрьму, въ которую харьковцы, можно сказать, и совсѣмъ не попадали. Расходы на тюрьмы были невелики, но въ общемъ въ теченіе ряда лѣтъ они составили все таки очень замѣтную сумму. Вотъ цифры.

1872 г.	2505 р.	1879 г.	7358 р.	1886 г.	7045 р.	1893 г.	5881 р.
1873 „	—	1880 „	7368 „	1887 „	6661 „	1894 „	5822 „
1874 „	4896 „	1881 „	8399 „	1888 „	6677 „	1895 „	5940 „
1875 „	4659 „	1882 „	8213 „	1889 „	6677 „	1896 „	5881 „
1876 „	4486 „	1883 „	7988 „	1890 „	6677 „	1897 „	5881 „
1877 „	5339 „	1884 „	7210 „	1891 „	5881 „	1898 „	5881 „
1878 „	6114 „	1885 „	6784 „	1892 „	5881 „	1899 „	5881 „

[1]) Обзоръ финансовъ г. Харькова съ 1871 по 1880 г., стр. 19—21.

Расходы на пожарную команду расли по мѣрѣ роста города. Въ первые годы пореформеннаго періода существовавшихъ трехъ пожарныхъ частей было достаточно для обслуживанія интересовъ тогдашняго Харькова Но съ теченіемъ времени трехъ частей оказалось уже мало Пришлось устроить четвертую, а потомъ и пятую пожарныя части, но нельзя сказать, чтобы и послѣ этого всѣ окраины города были достаточно обезпечены скорой помощью въ случаяхъ пожаровъ. Само собой понятно, что на пять пожарныхъ частей пришлось расходовать уже гораздо больше городскихъ денегъ, чѣмъ на три. Съ теченіемъ времени поднялись, конечно, и цѣны на фуражъ, дрова и провіантъ. Пришлось дороже платить и пожарнымъ служителямъ. До 1873 г. пожарная команда состояла изъ нижнихъ чиновъ, назначавшихся отъ войскъ, а съ 1873 г. она стала комплектоваться изъ вольнонаемныхъ, содержаніе которыхъ обходилось много дороже, чѣмъ содержаніе солдатъ. О расходахъ города на пожарный обозъ и команду даютъ понятіе слѣдующія цифры.

1872 г.	22589 р.	1882 г.	46466 р.	1890 г.	44848 р.	1898 г.	65195 р.
1875 „	36139 „	1883 „	46833 „	1891 „	48241 „	1899 „	63898 „
1876 „	38475 „	1884 „	47700 „	1892 „	51548 „	1900 „	63968 „
1877 „	34612 „	1885 „	45658 „	1893 „	54486 „	1901 „	65963 „
1878 „	36891 „	1886 „	54411 „	1894 „	51963 „	1902 „	62999 „
1879 „	47470 „	1887 „	55734 „	1895 „	47605 „	1903 „	68990 „
1880 „	38571 „	1888 „	46248 „	1896 „	51354 „	1904 „	84230 „
1881 „	42218 „	1889 „	46401 „	1897 „	61819 „		

Къ этому, конечно, нужно прибавить стоимость городскихъ помѣщеній, занятыхъ подъ пожарный обозъ и команду. Въ 70 годахъ эта стоимость опредѣлялась въ 2400 руб., въ концѣ 80-хъ—въ 3500 руб., въ девяностыхъ—въ 5200 руб., а теперь, съ устройствомъ пятой пожарной части,—еще дороже.

Къ числу обязательныхъ расходовъ Городовое Положеніе 1870 г. отнесло также и расходъ по отправленію воинскаго постоя. Законъ 1874 г. взялъ расходы по расквартированію войскъ на средства казны. Въ дѣйствительности оказалось, однако, такъ, что квартиры войскамъ давалъ городъ, а казна уплачивала за это городу „пособіе“, всегда меньшее, чѣмъ затраты, произведенныя городомъ на расквартированіе военныхъ. Положеніе 14 марта 1894 г. не уменьшило, а на первыхъ порахъ даже увеличило прилаты города. Кромѣ постоянно квартирующихъ войскъ, городъ обязанъ былъ размѣщать и войска, проходившія черезъ городъ. Нижнимъ чинамъ въ такихъ случаяхъ квартиры отводились натурою, а офицерамъ городское управленіе нанимало помѣщенія въ гостинницахъ. Обыкновенно такіе расходы пріуро-чивались ко времени прохода войскъ черезъ Харьковъ передъ началомъ кампамента въ Чугуевѣ и послѣ него. Въ военное время, при частыхъ передвиженіяхъ войскъ, городу приходилось приплачиваться весьма чувствительно. Вообще размѣщеніе не только временныхъ, но и постоянныхъ воинскихъ частей въ Харьковѣ составляло всегда предметъ особенныхъ хлопотъ городского управленія и вызывало крупныя затраты городскихъ средствъ. Приходилось строить казарменныя помѣщенія, покупать дома у частныхъ лицъ или входить въ соглашеніе съ ними по поводу приспособленія ихъ домовъ для надобностей постоя. Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что далеко не вся сумма, отпускаемая изъ казны на расквартированіе войскъ въ Харьковѣ, поступала въ распоряженіе думы. Тѣ военныя учрежденія, на квартиры которыхъ отпускались достаточныя суммы, предпочитали обходиться своими средствами, такъ что „пособіе“ выдавалось только за тѣ части, для которыхъ оно было недостаточно. Въ отношеніи квартирнаго довольствія войскъ Харьковъ былъ поставленъ очень оригинально: по довольствію штаба онъ числился въ первомъ разрядѣ, какъ городъ дорогой, по довольствію квартирами офицеровъ—въ второмъ, а по довольствію квартирами нижнихъ чиновъ—въ третьемъ. Штабъ получалъ хорошія квартирныя и отъ услугъ города отказывался, оставляя излишекъ въ свою пользу, а офицеровъ и солдатъ городу приходилось довольствовать квартирами съ явнымъ для себя убыткомъ. О размѣрахъ ежегодныхъ прилатъ города на несеніе квартирной повинности даетъ свѣдѣнія нижеслѣдующая таблица, въ которой

указаны размѣры какъ получаемаго городомъ пособія, такъ и дѣйствительныхъ его расходовъ по расквартированію войскъ.

Годы	Расходъ	Пособіе	Приплата	Годы	Расходъ	Пособіе	Приплата
1872	64050 р.	48250 р.	+ 15800 р.	1889	143704 р.	123736 р.	— 19968 р.
1873	—	12732 „	—	1890	142544 „	113112 „	— 29432 „
1874	44899 „	13200 „	— 31699 „	1891	137423 „	150817 „	+ 13394 „
1875	47118 „	32762 „	— 14356 „	1892	144382 „	143133 „	— 1249 „
1876	82384 „	72035 „	— 10349 „	1893	143276 „	139090 „	— 4186 „
1877	50585 „	38806 „	— 11779 „	1894	156594 „	145613 „	— 10981 „
1878	97299 „	80792 „	— 16507 „	1895	156854 „	146258 „	— 10596 „
1879	77994 „	68910 „	— 9084 „	1896	194929 „	150258 „	— 44671 „
1880	120570 „	105847 „	— 14723 „	1897	208282 „	147288 „	— 60994 „
1881	140765 „	121076 „	— 19689 „	1898	199541 „	150032 „	— 49509 „
1882	137376 „	149488 „	+ 12112 „	1899	289360 „	167553 „	—121807 „
1883	124064 „	116407 „	— 8657 „	1900	317994 „	175451 „	—142540 „
1884	138856 „	125150 „	— 13706 „	1901	248218 „	226074 „	— 22144 „
1885	132457 „	122113 „	— 10344 „	1902	253983 „	169440 „	— 84543 „
1886	109267 „	111850 „	+ 2583 „	1903	260538 „	205559 „	— 54979 „
1887	123136 „	122724 „	— 412 „	1904	278989 „	218967 „	— 60022 „
1888	141233 „	129227 „	— 12006 „				

Въ приведенной таблицѣ мы указали только расходъ города наличными деньгами. Но вѣдь стоили же что нибудь и квартиры въ городскихъ домахъ, занятыхъ военными постояльцами. Въ 1875 г. по подсчету управы, квартиры въ городскихъ домахъ занятыхъ войсками, стоили 6800 р. Въ 1880 г. стоимость квартиръ въ городскихъ зданіяхъ, занятыхъ войсками, опредѣлена была въ 19100 р., въ 1881 г.—въ 14400 р., въ 1887 г.—въ 19990 р. По подсчету городского головы Голенищева-Кутузова, за одно только время 1888—1896 г.г., т. е. въ теченіе всего девяти лѣтъ, стоимость квартиръ въ городскихъ зданіяхъ, занятыхъ военными постояльцами, опредѣлялась въ 240736 руб. [1]).

Нѣтъ надобности говорить, что бремя расходовъ на квартирое довольствіе войскъ, налагаемое государствомъ на городъ, не только непомѣрно велико, но и явно несправедливо. Во первыхъ, войско не обслуживаетъ интересовъ города, а во вторыхъ, городу приходится платить на воинскую квартирную повинность вдвойнѣ: платятъ домовладѣльцы въ казну за избавленіе отъ натуральной постойной повинности и платятъ очень солидный налогъ, но это не избавляетъ ихъ и отъ обязанности уплачивать усиленные налоги въ городскую кассу, изъ которой приходится ежегодно дѣлать крупныя прибавки къ казенному „пособію“ на несеніе постойной повинности. Non bis in idem. Несправедливость тѣмъ болѣе чувствуется, что жители уѣздовъ и даже тѣхъ частей Харькова, которыя считаются состоящими въ предѣлахъ Харьковскаго уѣзда, совсѣмъ не знаютъ о такихъ расходахъ на расквартированіе войскъ, какіе несутъ горожане. Городское управленіе, конечно, не разъ жаловалось на такую несправедливость и просило о возвышеніи казеннаго „пособія“ до уровня дѣйствительныхъ расходовъ города на расквартированіе войскъ, но ежегодныя приплаты продолжаются и по днесь. А между тѣмъ какое громадное значеніе для матеріальной и духовной культуры города могли бы имѣть расходуемыя на постой деньги, если бы онѣ были истрачены на нужды города!

Благоустройство города, препятствіемъ къ достиженію котораго служили сами природныя условія Харькова, стоило большихъ расходовъ. Городу приходилось затрачивать крупныя суммы на содержаніе и ремонтъ мостовыхъ, тротуаровъ и набережныхъ, на содержаніе и ремонтъ мостовъ, прудовъ, колодцевъ, сточныхъ трубъ, каналъ и протоковъ. Не малыя суммы поглощало освѣщеніе города, въ началѣ разсматриваемаго нами періода освѣщавшагося газомъ въ центрѣ и керосиномъ на окраинахъ, а къ концу—газомъ,

[1]) Краткій обзоръ четырехлѣтней дѣятельности городского управленія за время 1893—1897 г.г., стр. 22.

электричествомъ и керосиномъ. Тратилось кое-что и на общественные сады, особенно въ послѣдніе годы. Мы не станемъ здѣсь говорить о постепенномъ развитіи благоустройства въ городѣ, такъ какъ объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди. Укажемъ только на главнѣйшіе расходы города въ этой области. Много тысячъ стоило Харькову мощеніе и перемощеніе улицъ камнемъ. О расходахъ города на мостовыя даютъ понятіе нижеприводимыя цифры изъ годовыхъ отчетовъ.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	83041 р.	1881	18568 р.	1890	84313 р.	1899	118999 р.
1873	—	1882	69449 „	1891	23506 „	1900	4754 „
1874	47524 „	1883	40177 „	1892	50387 „	1901	78664 „
1875	125875 „	1884	72878 „	1893	19114 „	1902	60990 „
1876	74091 „	1885	63085 „	1894	60749 „	1903	762536 „
1877	38666 „	1886	72558 „	1895	102951 „	1904	65860 „
1878	39177 „	1887	88552 „	1896	52558 „		
1879	27427 „	1888	72048 „	1897	64107 „		
1880	17279 „	1889	61373 „	1898	70082 „		

Мосты и переходы черезъ рѣки также требовали ежегоднаго ремонта, строились, конечно, и новые. Особенно чувствительные расходы пришлось понесть городу въ послѣдніе годы, при постройкѣ желѣзныхъ мостовъ. Вотъ свѣдѣнія о ежегодныхъ затратахъ города на постройку и содержаніе мостовъ.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	2714 р.	1881	5015 р.	1890	16524 р.	1899	11839 р.
1873	—	1882	11915 „	1891	4510 „	1900	5471 „
1874	6491 „	1883	5423 „	1892	11006 „	1901	5914 „
1875	6508 „	1884	4435 „	1893	19135 „	1902	69389 „
1876	20625 „	1885	7031 „	1894	33337 „	1903	41632 „
1877	14126 „	1886	5280 „	1895	7572 „	1904	7252 „
1878	7451 „	1887	5728 „	1896	23074 „		
1879	3818 „	1888	16004 „	1897	8935 „		
1880	5302 „	1889	8277 „	1898	3199 „		

Расходы по освѣщенію города могутъ быть представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ, взятой изъ отчетовъ управы о расходахъ дѣйствительно произведенныхъ.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	29714 р.	1881	41325 р.	1890	41979 р.	1899	206730 р.
1873	—	1882	41907 „	1891	46117 „	1900	233035 „
1874	29359 „	1883	40965 „	1892	48873 „	1901	221347 „
1875	32719 „	1884	38535 „	1893	49538 „	1902	230753 „
1876	35445 „	1885	42630 „	1894	47540 „	1903	285802 „
1877	38766 „	1886	44803 „	1895	46681 „	1904	300679 „
1878	34865 „	1887	44441 „	1896	160839 „		
1879	38766 „	1888	41820 „	1897	191476 „		
1880	41596 „	1889	40345 „	1898	196433 „		

Въ первые годы разсматриваемаго нами періода центръ города освѣщался газомъ, окраины—керосиномъ. Газовое освѣщеніе обходилось въ 20 т. р., керосиновое—около 4½ т. р. Отпускалась, кромѣ того, небольшая сумма въ 200 съ лишкомъ руб., на иллюминацію города по высокоторжественнымъ

днямъ. Ничтожный расходъ этотъ возрасталъ, однако, почти до 5 тыс. руб. въ тѣ годы, когда случались Высочайшіе проѣзды. Расходы росли медленно и постепенно, безъ скачковъ. Ростъ ихъ вызывался главнымъ образомъ расширеніемъ сферы керосиноваго освѣщенія на окраинахъ, все болѣе и болѣе заселявшихся. Съ устройствомъ электрическаго освѣщенія расходы города вдругъ сдѣлали огромный скачекъ впередъ. На очень большой высотѣ держатся они и теперь, но не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ легче и легче становится окупать эти расходы доходами отъ абонентовъ городской электрической станціи.

Городскія посадки въ видѣ скверовъ и деревьевъ на улицахъ, а также содержаніе принадлежащаго городу Карповскаго сада въ первые годы пореформеннаго періода стоили очень не много. Только впослѣдствіи, особенно съ девяностыхъ годовъ, число скверовъ стало сильно расти, завелся и большой городской паркъ по Сумскому шоссе. Все это потребовало и увеличенія городскихъ издержекъ на эту часть. Вотъ цифры.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	1435 р.	1881	2001 р.	1890	9747 р.	1899	17818 р.
1873	—	1882	2144 „	1891	7281 „	1900	15556 „
1874	—	1883	1608 „	1892	7937 „	1901	16478 „
1875	948 „	1884	1097 „	1893	7583 „	1902	17292 „
1876	1136 „	1885	1717 „	1894	8396 „	1903	17467 „
1877	1124 „	1886	2192 „	1895	9778 „	1904	19706 „
1878	2370 „	1887	2645 „	1896	9126 „		
1879	2008 „	1888	3305 „	1897	10508 „		
1880	1328 „	1889	8798 „	1898	14019 „		

Подсчитывая по ежегоднымъ отчетамъ общіе расходы на городское благоустройство, находимъ:

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	146561 р.	1881	93712 р.	1890	151102 р.	1899	383370 р.
1873	— „	1882	136624 „	1891	97640 „	1900	401524 „
1874	11434 „	1883	106662 „	1892	139901 „	1901	458831 „
1875	85410 „	1884	136545 „	1893	117281 „	1902	407221 „
1876	169498 „	1885	126649 „	1894	175533 „	1903	417350 „
1877	116100 „	1886	93086 „	1895	254615 „	1904	417193 „
1878	132296 „	1887	160630 „	1896	304227 „		
1879	89139 „	1888	151859 „	1897	323703 „		
1880	84058 „	1889	166182 „	1898	291524 „		

Не малыя суммы изъ городской кассы шли ежегодно на содержаніе и устройство принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ. На обязанности города, согласно Положенію 1870 г., лежало „содержаніе городскихъ общественныхъ зданій и памятниковъ". Памятники, и то въ видѣ двухъ небольшихъ бюстовъ, завелись у города только въ началѣ XX в., а число зданій росло постепенно. Довольно значительная сумма шла на ихъ страховку и ихъ ремонтъ. Ежегодно тратились болѣе или менѣе крупныя суммы на постройку новыхъ сооруженій или пріобрѣтеніе ихъ путемъ покупки. Содержаніе городскихъ имуществъ—очистка нечистотъ, дымовыхъ трубъ, жалованье дворникамъ и смотрителямъ зданій—требовали также крупныхъ затратъ. Для примѣра достаточно упомянуть, что въ 1903 г. содержаніе бывшихъ домовъ Пащенка-Тряпкина обошлось городу въ 140111 р., а въ 1904 г.—130258 р. Оно, конечно, доходъ отъ Пащенковскихъ домовъ былъ крупный, но и затраты на нихъ нельзя не признать огромными.

Сколько тратилось ежегодно на содержаніе и устройство городскихъ недвижимыхъ имуществъ,—видно изъ нижеприведенной таблицы.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	44744 р.	1881	16394 р.	1890	49549 р.	1899	110790 р.
1873	— „	1882	23996 „	1891	35032 „	1900	74682 „
1874	4085 „	1883	3085 „	1892	42017 „	1901	74127 „
1875	30024 „	1884	31597 „	1893	79791 „	1902	245816 „
1876	9343 „	1885	15259 „	1894	167193 „	1903	203747 „
1877	21376 „	1886	100059 „	1895	283074 „	1904	1452823 „
1878	12001 „	1887	45607 „	1896	325267 „		
1879	12001 „	1888	50092 „	1897	249523 „		
1880	— „	1889	59211 „	1898	52469 „		

Давать подробныя объясненія цифрамъ этой таблицы мы не станемъ, такъ какъ о городскихъ сооруженіяхъ намъ уже приходилось упоминать какъ въ главѣ, посвященной харьковскому градостроительству, такъ и въ тѣхъ строкахъ настоящей главы, гдѣ говорится о городскихъ сооруженіяхъ порефортменнаго времени. Напомнимъ только, что замѣчаемый съ 1893 г. непомѣрный ростъ расходовъ въ этой области объясняется тѣмъ, что въ эту графу управскихъ отчетовъ вносились расходы по устройству такихъ городскихъ предпріятій, какъ скотобойни, коннопригонный дворъ, альбуминный заводъ и др. Достигшій почти до 1½ милліона расходъ 1904 г. оказался столь непомѣрно крупнымъ потому, что въ эту сумму вошли 1250000 р., уплоченныхъ городомъ за выкупъ водопровода.

Согласно Городовому Положенію городъ обязанъ былъ оказывать ежегодно пособіе нѣкоторымъ правительственнымъ учрежденіямъ въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ государственною росписью. Въ первое время дѣйствіи Положенія 1870 г. расходы эти были не велики. Рублей 200 съ лишнимъ давалъ городъ въ пособіе государственному казначейству на усиленіе средствъ уѣздныхъ судовъ да такую же сумму на содержаніе центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ 1880 г. завелся расходъ на наемъ помѣщенія и служащихъ при пробирномъ учрежденіи въ Харьковѣ. Съ 1883 г. въ эту графу стало вноситься и пособіе на содержаніе учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Расходъ этотъ существовалъ, впрочемъ, съ давнихъ временъ подъ именемъ пособія на содержаніе губернской гимназіи и уѣзднаго училища и въ городскихъ отчетахъ показывался въ числѣ расходовъ на просвѣщеніе. Съ 1885 г. прекратилась выдача пособія на содержаніе уѣздныхъ судовъ, а съ 1891 г. – на содержаніе пробирнаго учрежденія, но зато съ 1892 г. прибавился расходъ на содержаніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Съ 1898 г. въ графу расходовъ по выдачѣ пособій правительству вносится расходъ на содержаніе управленія полиціймейстера и добавочное содержаніе городовымъ, прослужившимъ болѣе 7 лѣтъ въ одной бригадѣ. Съ того же года въ эту графу стали заноситься и пенсіи лицамъ, служившимъ въ учрежденіяхъ, содержимыхъ на городскія средства. Если мы изъ перечисленныхъ расходовъ исключимъ расходы нъ содержаніе управленія полиціймейстера и на добавочное жалованье городовымъ, о которыхъ мы уже упоминали, подсчитывая расходы города на полицію, то окажется, что въ періодъ дѣйствія новаго Городового Положенія выдано въ пособіе казнѣ:

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	388 р.	1881	1415 р.	1890	1520 р.	1899	1463 р.
1873	— „	1882	1595 „	1891	1459 „	1900	2874 „
1874	521 „	1883	2154 „	1892	1813 „	1901	2863 „
1875	196 „	1884	2135 „	1893	1315 „	1902	2984 „
1876	235 „	1885	2112 „	1894	1368 „	1903	2902 „
1877	317 „	1886	2112 „	1895	1395 „	1904	2461 „
1868	317 „	1887	2135 „	1896	1386 „		
1879	427 „	1888	2300 „	1897	1431 „		
1880	1209 „	1889	2300 „	1898	1485 „		

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что траты города на пособіе казнѣ составляли очень скромную цифру въ городскомъ расходномъ бюджетѣ. Можно сказать, что это пособіе не превышало расходовъ на какую нибудь покраску крыши на городскомъ зданіи. Объ этихъ расходахъ не стоило бы, пожалуй, и упоминать, если бы Городовое Положеніе не выдѣлило ихъ въ самостоятельную рубрику и не поставило въ число расходовъ обязательныхъ.

Какъ землевладѣлецъ и домовладѣлецъ, городъ, уплачивалъ налоги въ пользу государства и земства. Въ семидесятыхъ годахъ расходы на этотъ предметъ не достигаютъ и трехъ тыс. руб., во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ приходилось платить болѣе 6 тыс., а въ первые годы XX в.—болѣе 9 т. руб.

Чрезвычайно крупную роль въ городскомъ расходномъ бюджетѣ играли расходы на медицинскую, ветеринарную и санитарную части. Городовое Положеніе 1870 г. признало для города обязательными только расходы на городовыхъ врачей, акушерокъ и лекарскаго ученика. Всѣ остальные расходы въ области народнаго здравія были признаны необязательными. Для ясности нашего обзора мы будемъ разсматривать и обязательные, и необязательные расходы по совокупности. О томъ, какъ постепенно росли расходы города на медицину, ветеринарію и санитарную часть, даетъ понятіе слѣдующая таблица.

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	3914 р.	1881	44023 р.	1890	49260 р.	1899	243742 р.
1873	— „	1882	46544 „	1891	56908 „	1900	285935 „
1874	12236 „	1883	43366 „	1892	90407 „	1901	313983 „
1875	10074 „	1884	40050 „	1893	70284 „	1902	375707 „
1876	10892 „	1885	38098 „	1894	75715 „	1903	387095 „
1877	11298 „	1886	34775 „	1895	77697 „	1904	380138 „
1878	19959 „	1887	35898 „	1896	67853 „		
1879	29052 „	1888	38651 „	1897	98817 „		
1880	38926 „	1889	51795 „	1898	183423 „		

Въ первые годы по введеніи Положенія 1870 г. расходы на медицину были тѣ же, что и при дореформенной думѣ. По старому дума даетъ жалованье двумъ городовымъ врачамъ и лекарскому ученику, да квартирныя деньги двумъ городскимъ акушеркамъ. Маленькое жалованье отъ города получалъ служащій при трупномъ покоѣ. На Александровскую больницу городъ отпускалъ 1000 р., да ей же на оспопрививаніе 450 р. Замѣтнымъ расходомъ въ этой области былъ, наконецъ, расходъ въ 1000 р. въ видѣ субсидіи лечебницѣ для приходящихъ больныхъ. Въ половинѣ 70-хъ годовъ на Александровскую больницу отпускалось уже 6000 р., да ежегодно приходилось приплачиваться губернской земской больницѣ за леченіе больныхъ, не нашедшихъ помѣщенія въ городской больницѣ. Въ 1878 г. расходы по содержанію Александровской больницы перехватывали уже за 10 т. р., заведенъ былъ особый санитарный врачъ, нѣкоторая сумма отпускалась на расходъ по санитарной коммиссіи, а Медицинскому Обществу была выдана 3-тысячная субсидія на открытіе больницы. Въ 1879 г. около 5 т. р. стоило содержаніе новоучрежденной дѣтской больницы да, кромѣ того, содержалась временная дифтеритная больница. Въ 1881 г. содержаніе и ремонтъ Александровской больницы обошлись уже болѣе 18 т. р., усилились расходы на дѣтскую и дифтеритную больницы, пришлось затратить больше 5 тыс. на леченіе тифа и оздоровленіе города. Въ 1882 г. потребовалось расширеніе Александровской больницы, такъ что общій расходъ города на эту больницу достигалъ уже 28 т. р.; дифтеритная больница была уничтожена, но за то пришлось сдѣлать необходимыя приспособленія въ дѣтской больницѣ для помѣщенія въ ней заразныхъ больныхъ. Съ 1882 г. городъ сталъ выдавать $1^1/_2$ тысячное пособіе женской сифилитической больницѣ. Въ послѣдующіе годы расходъ на содержаніе Александровской больницы нѣсколько сократился, но все же въ среднемъ городъ затрачивалъ на нее до 20 т. р. въ годъ. Съ 1889 г. расходы сразу возвышаются. Содержаніе Александровской больницы обошлось уже въ 32 т. р., да къ тому же пришлось по случаю тифозной эпидеміи нанять добавочное помѣщеніе для тификовъ, на что понадобилось лишнихъ 3 тыс. руб. Съ восьмидесятыхъ же годовъ стали вноситься въ смѣту и расходы по содержанію свалочнаго пункта и

отпускаться средства на разныя санитарныя мѣропріятія. Съ 1891 г. городу пришлось добавить лишнюю тысячу рублей на содержаніе амбулаторнаго отдѣленія дѣтской больницы, а наемъ помѣщенія и содержаніе особаго отдѣленія Александровской больницы обходились уже около 7 т. р. Особенно чувствителенъ былъ для городского бюджета 1892 г., когда пришлось вести борьбу съ эпидеміей сыпного тифа и принимать мѣры противъ холеры и чумы на рогатомъ скотѣ. Тифозная эпидемія стоила городу около $11^1/_2$ т. р., холера поглотила болѣе 18 т. р. Кромѣ того, пришлось содержать амбулаторіи въ районѣ Холодной и Лысой горы и Заиковки, да и на Александровскую больницу затратить больше обычнаго. Слѣдующій годъ былъ нѣсколько легче, но все же и теперь траты были много выше обычныхъ. Амбулаторіи на Холодной горѣ и Заиковская остались и послѣ прекращенія эпидеміи, удержалась и амбулаторія дѣтской больницы. Александровская больница обходилась теперь городу уже дороже $46^1/_2$ т. р., а дѣтская—дороже 12 т. р. Къ расходамъ на санитарную часть прибавился расходъ на содержаніе новоустроеннаго скотопригоннаго двора—расходъ небольшой, всего въ $3^1/_2$ т. руб., съ огромнымъ барышемъ возмѣщаемый доходами отъ этого предпріятія. Въ 1896 г. расходъ на Александровскую больницу сократился до $26^1/_2$ тыс. руб. Въ той же нормѣ стояли бы городскіе расходы на медицину и санитарію и въ слѣдующемъ году, если бы въ этотъ отдѣлъ расходовъ не былъ, невѣдомо почему, внесенъ почти 90 тыс. расходъ на содержаніе городскихъ скотобоенъ. Въ 1898 г. расходы на медицину и санитарію сразу дѣлаютъ крупный скачекъ впередъ и достигаютъ $183^1/_2$ тыс. руб. Произошло это потому, что одна Александровская больница потребовала увеличенія расходовъ до 106 т. р., да болѣе 15 т. пошло на устройство новой городской больницы по Чугуевской дорогѣ. Увеличились и расходы на санитарныя мѣропріятія. Тѣ самыя свалки нечистотъ, содержаніе которыхъ въ восьмидесятыхъ годахъ не стоило и 800 р. въ годъ, требовали теперь больше $4^1/_2$ т. р. Нужно при этомъ отмѣтить и наличность нѣкоторыхъ экстренныхъ затратъ, напр., на устройство механической прачешной при Александровской больницѣ, на субсидію Медицинскому обществу для устройства больницы имени В. А. Франковскаго и др. Въ 1899 г. на устройство новой больницы пришлось затратить уже 66 тыс. съ лишнимъ; производился, кромѣ того, и ремонтъ существующихъ больницъ. Амбулаторіи, стоившія вначалѣ совсѣмъ не дорого, обходились теперь въ 12 тыс. съ лишнимъ. Расходы на Александровскую больницу достигали $103^1/_2$ тыс., а въ 1900 г.—$144^1/_2$ тыс. Въ 1900 г. была окончена Николаевская больница, на что пошло больше 65 т. р., а къ прежнимъ ежегоднымъ расходамъ пришлось прибавить еще расходы на городского ветеринара, конно-пригонный дворъ, утилизаціонный заводъ и ловчій дворъ. Въ 1901 г. содержаніе новой больницы обошлось уже больше 81 т. р., и началась постройка больницы Гельферихъ. Въ 1904 г. содержаніе Александровской больницы обошлось городу почти въ 128 т., Николаевской—въ 109 т., дѣтской—немногимъ меньше 20 т., лѣчебницы Гельферихъ больше $21^1/_2$ т., амбулаторій—17 т. Кромѣ того, производилось расширеніе существующихъ больницъ путемъ устройства бараковъ. Къ расходамъ на медицинскую часть отчеты причисляютъ и расходы на содержаніе при управѣ санитарнаго отдѣленія (8 т.), очистку выгребовъ при городскихъ зданіяхъ и на базарныхъ площадяхъ, содержаніе трупнаго покоя, скотопригоннаго, конно-пригоннаго и ловчаго дворовъ и утилизаціоннаго завода, расходы по санитарной ветеринарной части и свалочному пункту.

Если взять цифру расходовъ города на медицину, санитарію и ветеринарію для 1872 г. и сравнить ее съ цифрой 1904 г., то окажется, что послѣдняя превышаетъ первую чуть ли не во сто разъ. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что въ число расходовъ на медицину отчеты послѣднихъ лѣтъ включаютъ и расходы на такія учрежденія, какъ скотопригонный, конно-пригонный и ловчій дворъ и утилизаціонный заводъ, имѣющіе гораздо больше правъ фигурировать въ рубрикѣ расходовъ на содержаніе городскихъ предпріятій. Такихъ расходовъ набирается тысячъ на 15 съ лишнимъ. Но если даже и исключить эту сумму, то все же окажется, что затраты города въ интересахъ здоровья населенія достаточно велики. При ближайшемъ ознакомленіи съ распредѣленіемъ этихъ затратъ находимъ, что въ теченіе всего времени существованія пореформенной думы важнѣйшую свою задачу городское управленіе видѣло въ обезпеченіи населенія больничной и врачебной помощью. Борьба все время велась съ болѣзнями, а на причины ихъ и на устраненіе этихъ причинъ обращалось несравненно меньшее вниманіе. Въ то время, какъ на врачей и больницы расходовалось уже нѣсколько сотъ тысячъ, на санитарную организацію и санитарныя мѣропріятія затрачивалось по крайней мѣрѣ въ десять разъ меньше. Санитарная органи-

зація, возникшая въ концѣ семидесятыхъ годовъ, и до сихъ поръ, можно сказать, не вышла изъ пеленокъ, и кто знаетъ, когда еще настанетъ то время, что она дорастетъ до роли руководительницы разумной и здоровой жизни горожанъ, при которой задача врача сведется не столько къ лѣченію болѣзней, сколько къ предупрежденію ихъ? На развитіе санитарныхъ мѣропріятій, на оздоровленіе города и должно, казалось бы, въ ближайшемъ будущемъ быть направлено вниманіе городского общественнаго управленія.

Перейдемъ теперь къ общественному призрѣнію. Нельзя сказать чтобы городское управленіе проявило въ этомъ дѣлѣ много иниціативы. Можно сказать даже, что оно ея совсѣмъ не проявляло, ибо всѣ нынѣ существующія городскія богадѣльни обязаны своимъ возникновеніемъ частному почину. Въ главѣ, посвященной дѣятельности Харьковскаго общественнаго самоуправленія, мы уже упоминали о пожертвованіяхъ Клеменова, Поповой и Вихревой, положившихъ основаніе нынѣшнимъ тремъ богадѣльнямъ и до нѣкоторой степени обезпечившихъ ихъ дальнѣйшее существованіе. Самостоятельный починъ проявилъ городъ только въ устройствѣ ночлежнаго пріюта, но и пріютъ, собственно говоря, долженъ быть разсматриваемъ не какъ благотворительное учрежденіе, а какъ городское предпріятіе, приносящее маленькій, но вѣрный доходъ. Въ области общественнаго призрѣнія дѣятельность города выражается не столько въ устройствѣ и въ содержаніи собственныхъ учрежденій, сколько въ субсидированіи чужихъ, открытыхъ и содержимыхъ отдѣльными обществами и кружками. Съ конца семидесятыхъ годовъ стала выдаваться субсидія Харьковскому Обществу призрѣнія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ, а съ 1880 г.—Обществу призрѣнія малолѣтнихъ преступниковъ и нищенствующихъ дѣтей. Потомъ стали давать пособіе общинѣ Краснаго Креста, Обществу попеченія о больныхъ дѣтяхъ, ночнымъ дежурствамъ врачей, Ольгинскому пріюту, „яслямъ“, Народному дому и др. О размѣрахъ затратъ города на общественное призрѣніе свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1879	2000 р.	1888	4000 р.	1897	13985 р.
1880	5000 „	1889	3500 „	1898	16074 „
1881	2500 „	1890	6300 „	1899	18263 „
1882	3500 „	1891	12385 „	1900	18038 „
1883	3100 „	1892	15153 „	1901	19100 „
1884	3000 „	1893	18365 „	1902	25633 „
1885	3000 „	1894	13503 „	1903	23666 „
1886	3500 „	1895	13934 „	1904	26450 „
1887	3500 „	1896	13256 „		

Сколько тратилъ городъ ежегодно на просвѣщеніе,—видно изъ приведенныхъ ниже цифръ:

Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ	Годы	Расходъ
1872	3442 р.	1881	29806 р.	1890	53059 р.	1899	130038 р.
1873	—	1882	44621 „	1891	51305 „	1900	151930 „
1874	4344 „	1883	30773 „	1892	56650 „	1901	170673 „
1875	6331 „	1884	35489 „	1893	52045 „	1902	164274 „
1876	16728 „	1885	38314 „	1894	52950 „	1903	161862 „
1877	7799 „	1886	46762 „	1895	55016 „	1904	207118 „
1878	11350 „	1887	52316 „	1896	66061 „		
1879	27338 „	1888	47055 „	1897	71398 „		
1880	24313 „	1889	53627 „	1898	99332 „		

Въ первые годы по введеніи Положенія 1870 г. городъ по прежнему выдавалъ небольшія субсидіи губернской гимназіи (1-я гимназія), уѣздному училищу и институту благородныхъ дѣвицъ. Самымъ

крупнымъ расходомъ въ области просвѣщенія былъ для города расходъ въ 1000 р. на школу для дѣвочекъ и на два городскихъ приходскихъ училища (по 888 р. 50 коп. на каждое). Субсидіи губернской гимназіи и уѣздному училищу выдавались до 1883 г. Съ 1883 г. сумма, шедшая прежде на гимназію и училище, стала именоваться пособіемъ на содержаніе учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Пособіе это въ размѣрѣ 559 рублей съ копейками отпускается городомъ и по днесь. Пособіе институту благородныхъ дѣвицъ городъ пересталъ давать съ 1877 г., когда миновалъ срокъ, установленный для этого Положеніемъ 1835 г. Зато сильно умножились траты на содержаніе городскихъ училищъ. Въ смѣтѣ 1875 г., кромѣ расходовъ на двѣ городскихъ школы и школу для дѣвочекъ, находимъ расходъ на Клеменовскую школу, на 8 стипендій въ 1-й женской гимназіи, на пособія Обществу грамотности и Волчанской учительской семинаріи (единовременное). Въ 1876 г. стипендіатокъ въ женской гимназіи было уже 17. Съ 1878 г. прибавились новые расходы на устройство учительскихъ библіотекъ, на содержаніе 4-го параллельнаго класса въ реальномъ училищѣ, на пособіе Харьковскому Музыкальному обществу. Въ 1879 г. открыты четвертое и пятое городскія училища, израсходованъ солидный капиталъ на содержаніе новооткрытой 2-й женской гимназіи, потребовались издержки на устройство зданія реальнаго училища. Въ слѣдующемъ году сильно умножилось число городскихъ стипендіатовъ и стипендіатокъ, начало выдаваться пособіе классамъ техническаго рисованья М. Д. Раевской-Ивановой. Съ 1882 г. стали выдаваться постоянныя пособія Обществу грамотности (1500 р.) и школѣ Воскресенскаго попечительства (300 р.). Крупныхъ расходовъ потребовало, кромѣ того, устройство зданія для 2-й женской гимназіи. Въ 1884 г. прибавились расходы на содержаніе 6-го городского училища (Скобелевскаго), въ 1885 г.—на содержаніе городского ремесленнаго училища, а съ 1887 г. стали ежегодно отпускаться средства на содержаніе городского музея. Съ 1887 г. городъ сталъ давать ежегодную субсидію общественной библіотекѣ и комитету народныхъ чтеній. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ городъ началъ субсидировать и школы, содержимыя частными лицами, и содержать школу имени Н. И. Ильина на Москалевкѣ. Съ 1895 г. городъ сталъ субсидировать и церковныя школы, а также оказывать небольшое пособіе безплатнымъ народнымъ читальнямъ. Въ 1896 г. дѣлается первая асигновка на обзаведеніе и содержаніе Тургеневскаго училища, а также ассигнуется 3600 р. на содержаніе четырехъ новыхъ школъ, параллельныхъ отдѣленій при школахъ и 500 р. на содержаніе школы рисованія при городскомъ музеѣ. Въ слѣдующемъ году параллельныхъ отдѣленій было уже шесть. Съ 1898 г. стала выдаваться субсидія торговой школѣ. Въ 1899 г. городскихъ училищъ было уже 12 да три параллельныхъ отдѣленія, въ 1900 г.—13 да 4 начальныхъ училища и городская школа на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ. Въ 1901 г. четыре начальныхъ училища были обращены въ приходскія, такъ что всѣхъ приходскихъ училищъ было уже 17. Городъ давалъ крупныя пособія 1-й женской гимназіи, мужской прогимназіи и курсамъ для рабочихъ. Въ 1902 г. приходскихъ городскихъ училищъ было уже 19 да, кромѣ того, громадная школа имени Пушкина, школы Гоголя и Жуковскаго. Устроены были городомъ и школьныя колоніи для учащихся дѣтей. Восемь церковно-приходскихъ школъ получали отъ города субсидію. Въ 1904 г. кромѣ прежнихъ, городъ содержалъ еще школу имени Н. А. Некрасова и оказывалъ пособіе цѣлому ряду частныхъ школъ и другихъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ учрежденій.

Изъ сопоставленія цифръ, говорящихъ о затратахъ города на просвѣщеніе въ первые и въ послѣдніе годы разсматриваемаго нами періода, видно, что въ 1904 г. городское общественное самоуправленіе расходовало въ шестьдесятъ разъ больше того, что оно давало на просвѣщеніе въ 1872 г. Особенно интенсивна стала дѣятельность города въ этой сферѣ со второй половины 90-хъ годовъ. И сдѣлано, нужно отдать ему честь, очень много, но все же далеко не все, что требуется интересами населенія. И до сихъ поръ для внѣшкольнаго образованія сдѣлано чрезвычайно мало. Пока что, городъ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній, библіотекъ, читаленъ, школъ для взрослыхъ и просвѣтительныхъ развлеченій только приходитъ на помощь постороннимъ учрежденіямъ или лицамъ, берущимъ на себя это дѣло, но самъ никакой иниціативы въ этой области не проявляетъ.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь надъ расходами единовременными, случайными, непредвидѣнными, мелочными, и т. п., такъ какъ не ими характеризуется эволюція харьковскаго городского хозяйства. Замѣтимъ, однако, что въ общей сложности они составляютъ каждый годъ очень замѣтную цифру въ городскомъ расходномъ бюджетѣ.

Уже отъ старой думы городъ получилъ въ наслѣдство довольно значительные долги, а обстоятельства, при которыхъ приходилось развиваться городскому хозяйству въ пореформенный періодъ, только благопріятствовали дальнѣйшему возрастанію задолженности города. Кажется на первый взглядъ, что при своемъ доходномъ бюджетѣ городъ могъ бы обходиться и безъ позаимствованій, протягивая ножки по одежкѣ. Но слѣдуя этой мудрой пословицѣ, городъ долженъ былъ бы значительно задержаться въ своемъ развитіи. Не будь позаимствованій, Харьковъ очень недалеко ушелъ бы и въ области благоустройства, и въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ, и въ области развитія своего собственнаго хозяйства и увеличенія своихъ доходовъ. Но даже и при сообразованіи своихъ потребностей со своими рессурсами городъ врядъ ли устоялъ бы подъ натискомъ случайныхъ, внѣ его воли стоящихъ, обстоятельствъ. Увеличивать произвольно обложеніе горожанъ дума была не въ правѣ. Единственно, что она могла сдѣлать,—увеличить обложеніе недвижимыхъ имуществъ до нормы, допущенной законовъ. Это и было сдѣлано ею на первыхъ же порахъ, благодаря чему обложеніе поднялось до 8%, а потомъ даже до 10% . Можно было еще повысить сборы съ городскихъ мѣстъ, домовъ и лавокъ. Это также дѣлалось, на сколько позволяли обстоятельства. Устанавливать новыхъ налоговъ дума не имѣла права. Оставалось значитъ одно—занимать, когда случится недохватка, заботясь только о томъ, чтобы заемъ предназначался на производительные расходы или на культурныя улучшенія, ведущія къ усиленію платежеспособности населенія.

Позаимствованія начались съ первыхъ же шаговъ пореформеннаго управленія. Уже въ 1873 г. городъ принужденъ былъ занять 80 тыс. руб. въ Купеческомъ банкѣ на покупку дома Аристархова, на Николаевской площади. Безъ займа покупка не могла состояться, а купить было очень выгодно уже потому, что домъ былъ доходный. Въ томъ же году на постройку новаго Сергіевскаго ряда, обѣщавшаго замѣтное увеличеніе городскихъ доходовъ, дума заимствуетъ изъ Купеческаго банка 72 тыс. руб., на покупку дома Фотіевыхъ для помѣщенія здѣсь реальнаго училища 11 т. р., на устройство гранитныхъ мостовыхъ (1875 г.) 81 т. р. Затѣмъ дума приняла на себя долгъ Маріинской женской гимназіи въ суммѣ 8500 р., такъ что къ началу 1876 г. за городомъ числилось всѣхъ не выплаченныхъ долговъ, сдѣланныхъ дореформенной и новой думами, на сумму 286610 р. 93 к. Въ 1876 г. къ этому прибавился еще долгъ въ 55 тыс. руб. на шоссированіе улицъ. Въ 1879 г. городомъ были пріобрѣтены отъ Краснаго Креста принадлежавшіе ему бараки въ концѣ Сумской за 15 тыс. руб., но деньги за нихъ уплочены не были. Постройка 2-й женской гимназіи вновь заставила городъ прибѣгнуть къ займу въ томъ же Купеческомъ банкѣ. Заемъ состоялся въ 1881 и 1882 г.г. Въ 1881 г. (20 мая) и 1883 г. (13 октября) городъ сдѣлалъ новые займы въ томъ же Купеческомъ банкѣ на постройку новаго городского дома. Въ 1884 г. дума позаимствовала 22 тыс. руб. изъ водопроводнаго капитала на пріобрѣтеніе части дворового мѣста Синицыныхъ на Старо-Московской улицѣ. Въ 1885 г. городъ, по случаю устройства 4-й пожарной части, прибѣгъ къ позаимствованію, на сей разъ не въ Купеческомъ банкѣ, а въ Обществѣ взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня. Къ 1 января 1890 г. задолженность города выражалась уже очень крупной цифрой: долгъ въ запасной капиталъ равнялся 176875 р. 92 коп., водопроводный—37664 руб. 30 коп., въ разные счета спеціальныхъ средствъ 60865 р. 77 к., Купеческому банку—265000 руб., общинѣ Краснаго Креста—15 тыс. руб., Технологическому институту—42500 руб., Обществу взаимнаго страхованія—20000 руб., купцу Тихонову капиталъ въ 40 тыс. р., пожертвованный имъ на устройство ночлежнаго пріюта, съ процентами—45900 руб., ст. сов. Федоренко за купленное у него дворовое мѣсто для расширенія двора 1-го полицейскаго участка—9200 руб. Итого сумма всѣхъ долговыхъ обязательствъ города достигала 672805 руб. 99 коп. [1]).

Въ началѣ девяностыхъ годовъ новые расходы потребовали и новыхъ позаимствованій. Особенно круто пришлось городу при расплатѣ съ водопроводчиками, для которой потребовался новый крупный заемъ въ Обществѣ взаимнаго страхованія. На 1 января 1895 г. за городомъ числился долгъ Обществу Краснаго Креста за бараки въ суммѣ 15 тыс. руб.; Купеческому банку по займамъ подъ залогъ городского дома на Николаевской площади, зданія 2-й женской гимназіи и дома на Зміевской улицѣ, а также по 120-тысячному займу на усиленіе средствъ городского ломбарда городъ былъ долженъ 324500 руб.; Харьковскому земельному банку 108558 руб. Здѣсь въ залогѣ были лавки на Универ-

[1]) Отчетъ о доходахъ и расходахъ за 1889 г., стр. 98.

ситетской улицѣ (1890 г.), Ново-Сергіевскій рядъ (1891 г. и 1892 г.) и Шубный рядъ (1892 г.), Долгъ Харьковскому Обществу взаимнаго страхованія отъ огня простирался до 220 тыс. руб. (по двумъ займамъ: на постройку 4-й пожарной части и на уплату гарантіи водопроводчикамъ по судебному рѣшенію). Оставался невыплаченнымъ и долгъ Технологическому институту въ суммѣ 25840 руб. [1]). Кромѣ того, на городѣ лежалъ крупный долгъ въ 359700 руб. казнѣ по содержанію полиціи да около 5 т. р. по содержанію пожарной команды. Всѣ просьбы о сложеніи этого долга встрѣчались отказомъ, такъ что надежды избавиться отъ него не оставалось никакой. Чтобы выйти изъ такого положенія, городу нужно было поднять свои рессурсы. Думой давно былъ намѣченъ рядъ производительныхъ затратъ, обѣщавшихъ увеличить доходность города. Таковы бойни, перестройка Еремѣевскихъ лавокъ, перестройка Старо-Сергіевскаго ряда, эксплоатація привокзальной площади. Остановка была только за однимъ—за деньгами. Получить ихъ можно было только путемъ крупнаго займа. О займѣ давно уже говорилось въ думѣ. При Фесенкѣ заемъ едва не былъ осуществленъ. Дума 1892 г. также рѣшила возбудить ходатайство о займѣ въ 3 милліона руб., не осуществившееся только за отсутствіемъ при рѣшеніи этого вопроса въ думѣ числа голосовъ, требуемаго закономъ. Ко времени вступленія во власть И. Т. Голенищева-Кутузова для всѣхъ уже было ясно, что иного выхода, кромѣ облигаціоннаго займа для города нѣтъ. Въ первой же своей рѣчи, произнесенной тотчасъ послѣ избранія, новый голова рѣшительно высказался за безусловную необходимость займа. На сей разъ было наконецъ возбуждено соотвѣтствующее ходатайство, встрѣченное въ Петербургѣ благосклонно. Въ 1895 г. былъ реализированъ первый городской облигаціонный 5% заемъ въ суммѣ 1700 т. руб. При помощи этого новаго займа покрыто большинство прежнихъ долговъ города [2]). 27 февраля 1898 г. разрѣшенъ второй облигаціонный заемъ въ суммѣ 1300 т. р. на 52½ года, изъ котораго къ 1 января 1899 г. выпущено въ обращеніе 549900 руб.

Облигаціонные займы сильно поправили городское хозяйство: они дали городу возможность обзавестись доходными предпріятіями и избавили его отъ тяжелыхъ долговъ подъ залогъ городскихъ имуществъ. Но безъ новыхъ долговъ городъ все таки не могъ обходиться. Изъ такихъ долговъ отмѣчаемъ новыя позаимствованія въ Купеческомъ банкѣ на усиленіе средствъ ломбарда и небольшой заемъ въ Земельномъ банкѣ на покупку дома Ильева для Александровской больницы. Къ 1 января 1899 г. за городомъ числилось долговъ: по первому займу 1673000 руб., по второму—549900 руб.. Купеческому банку 15800 руб. и Земельному 9041 руб. [3]). Въ 1899 г. пришлось сдѣлать еще одно крупное позаимствованіе въ Земельномъ банкѣ для покупки драматическаго театра. Занято было 179100 р. на 38 лѣтъ и 4 мѣсяца. Затѣмъ, отъ Церковскихъ былъ пріобрѣтенъ домъ для надобностей военнаго постоя и въ 1899 г. заложенъ въ Полтавскомъ Земельномъ банкѣ за 10857 руб. Пришлось позаимствовать кое что и изъ запаснаго капитала, такъ что къ 1 января 1900 г. долгъ города запасному капиталу простирался до 105936 р. Изъ второго городского займа выпущено было облигацій уже на сумму 707 тыс. руб. [4]), а къ 1 января 1901 г. долгъ города по второму займу достигалъ 1286500 р., а весь вообще долгъ по всѣмъ обязательствамъ и займамъ—3435 тыс. р. съ лишнимъ [5]). Изъ послѣдующихъ долговыхъ обязательствъ самымъ крупнымъ является облигаціонный заемъ 1904 г. въ 1500 т. руб., предназначенный главнымъ образомъ на выкупъ водопровода. Къ началу 1905 г. задолженность города представлялась въ слѣдующемъ видѣ: по первому облигаціонному займу городъ былъ долженъ 1605600 руб., по второму—1255700 руб., по третьему—1492500 руб., Купеческому банку на усиленіе средствъ городского ломбарда—19800 руб., Земельному банку подъ залогъ домовъ Пащенка-Тряпкина—407527 руб. 62 коп., тому же банку долгъ для покупки дома Ильева—2452 руб. 57 коп., тому же банку долгъ для покупки драматическаго театра 168907 руб. 57 коп., Полтавскому Земельному банку 8830 руб. 32 коп. и запасному капиталу—272168 р. 90 коп. [6]).

[1]) Отчетъ о доходахъ и расходахъ за 1894 г. стр. IX.
[2]) Отчетъ за 1895 г. стр. X.
[3]) Отчетъ за 1898 г. стр. XIV.
[4]) Отчетъ 1899 г. стр. XVIII.
[5]) Отчетъ за 1900 г. стр. XII.
[6]) Отчетъ за 1904 г. стр. XVI.

О расходахъ города, вызываемыхъ необходимостью уплачивать проценты и погашеніе по лежавшимъ на немъ долгамъ, даетъ понятіе слѣдующая таблица.

1872	11254 р.	1881	54576 р.	1890	423739 р.	1899	139110 р.
1873	—	1882	16950 „	1891	116387 „	1900	192519 „
1874	14296 „	1883	18536 „	1892	63749 „	1901	219013 „
1875	25339 „	1884	61030 „	1893	77984 „	1902	219871 „
1876	57114 „	1885	30247 „	1894	96297 „	1903	242831 „
1877	20287 „	1886	95925 „	1895	764988 „	1904	223812 „
1878	71085 „	1887	32231 „	1896	195693 „		
1879	43162 „	1888	31850 „	1897	107863 „		
1880	65312 „	1889	17850 „	1898	456607 „		

Мы перечислили главнѣйшіе доходы и расходы города. Любопытно теперь знать, что же давали доходы и расходы по совокупности, каковъ былъ приходный и расходный бюджетъ г. Харькова за каждый изъ 34 годовъ разсматриваемаго нами періода. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи годовыхъ отчетовъ городской управы.

Годы	Доходъ	Расходъ	Годы	Доходъ	Расходъ	Годы	Доходъ	Расходъ
1872	—	396389 р.	1883	627949 р.	587245 р.	1894	1061513 р.	1006836 р.
1873	479251 р.	—	1884	718558 „	700055 „	1895	2430638 „	2349966 „
1874	417971 „	379852 „	1885	666857 „	646655 „	1896	1529876 „	1491033 „
1875	471086 „	443377 „	1886	808759 „	797882 „	1897	1405124 „	1353202 „
1876	555643 „	566706 „	1887	734815 „	716734 „	1898	1861771 „	1824303 „
1877	486495 „	456555 „	1888	789683 „	753614 „	1899	1906817 „	1823763 „
1878	554878 „	552859 „	1889	942586 „	953492 „	1900	1871822 „	1838800 „
1879	552001 „	548493 „	1890	1341104 „	1304113 „	1901	2033806 „	2019839 „
1880	524314 „	550659 „	1891	872861 „	858222 „	1902	2147850 „	2089625 „
1881	591017 „	571759 „	1892	911514 „	889859 „	1903	2234738 „	2176126 „
1882	674713 „	651515 „	1893	896165 „	847649 „	1904	3690003 „	3723820 „

Глава 8-я.

Городское благоустройство и полиція.

Многочисленные оффиціальные документы, мемуары и воспоминанія частныхъ лицъ рисуютъ Харьковъ первыхъ десятилѣтій XIX в. городомъ грязнымъ, содержимымъ антисанитарно. „Лѣтъ за пятьдесятъ тому назадъ,—вспоминаетъ Е. И. Топчіевъ—торговыя площади и главныя улицы г. Харькова были непроѣзжими весною и осенью, во время дождей. Не было ни тротуаровъ, ни мостовыхъ; калошъ еще не знали, да онѣ и безполезны тамъ, гдѣ грязь глубже четверти аршина. Усиливаясь вытянуть завязшую ногу, бывало, пѣшеходъ оставляетъ сапогъ въ грязи и уже вытягиваетъ его руками, стоя на одной ногѣ или босою ногою въ грязи. Училищное начальство хотя и увольняло учениковъ отъ ученья, пока грязь просыхала или замерзала, но большею частью, когда уже ученики сами переставали ходить въ училище, по физической невозможности добраться до него. Проѣзжая Харьковъ во время грязи, подпрягали по двѣ, по три пары воловъ, по нѣсколько лошадей, чтобы перетянуть фуру или повозку черезъ опасныя мѣста. Экипажи нерѣдко вытягивали изъ грязи волами. Мнѣ неоднократно доставалось видѣть, что фуры и экипажи лицъ, осмѣлившихся переѣзжать Харьковъ или въѣзжать въ него ночью, ночевали въ грязи. Для меня самыя опасныя мѣста были по обѣимъ сторонамъ Лопанскаго моста и Николаевская площадь, которыя нужно было переходить, ходи изъ за Лопани въ гимназію“.

Харьковскія улицы съ погодой не спорили, а населеніе не только не боролось съ неблагопріятнымъ для чистоты улицъ положеніемъ города, но и само способствовало ихъ загрязненію. „Каналы“, проведенные для стока воды, содержались въ безпорядкѣ. Въ 1801 г. городничій Шишкинъ доносилъ губернатору, что онъ неоднократно приказывалъ жителямъ черезъ квартальныхъ и сотскихъ чистить и оплетать каждому противъ своего двора „каналы“, но на его приказы вниманія не обращалось. Въ виду этого Шишкинъ представилъ губернатору списокъ непослушныхъ обывателей съ просьбой наложить на нихъ какое нибудь взысканіе. Не обращала большаго вниманія на состояніе улицъ и дума, но смотря на то, что во главѣ ея стоялъ такой выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, какъ Урюпинъ. Въ ноябрѣ того же 1801 г. Шишкинъ доносилъ губернатору Зильбергарнишу, что на Московской и Полтавской улицахъ отъ грязи сдѣлались большія выбоины; онъ, городничій, три раза обращался въ думу съ требованіемъ заровнять выбоины фашинникомъ и пескомъ, но дума ничего не сдѣлала, а между тѣмъ съ усиленіемъ по случаю осенняго времени грязи выбоины достигли такихъ размѣровъ, что „въ иныхъ мѣстахъ едва можно проѣхать“ [1]).

На Московской были непроходимыя выбоины, а на Сумской невыносимый смрадъ. Въ 1801 г. возлѣ острога (мѣсто нынѣшней кирхи) ямы, оставшіяся отъ бывшихъ кирпичныхъ заводовъ, были завалены экскрементами, издававшими страшное зловоніе и грозившими, по отзыву врачебной управы, заразить не только острогъ, но и весь городъ. [2]). Въ 1802 г. навозу на улицахъ было такъ много, что губернаторъ опасался развитія весною заразныхъ болѣзней. Грязь на улицахъ была невылазная. Артаковъ предлагалъ думѣ „войти въ настоящее положеніе города, изыскать всѣ способы и средства къ очищенію города отъ всякихъ нечистотъ, причиняющихъ человѣческому здоровью вредъ и опасность, такъ равно и къ установленію въ городѣ свободнаго и для всѣхъ безостановочнаго проѣзда или хотя прохода, по крайней мѣрѣ по большимъ улицамъ—Московской и Екатеринославской“ [3]). И дума „входила въ поло-

[1]) Арх. Харьк. Губ. пр. Дѣла канц. губ. 1801 г. № 10.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла канц. Губ. 1801 г. № 223
[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. прег. 1802 г.

женіе", совѣщалась съ общею думою, обсуждала, кому и какъ чистить городскія улицы. Но въ началѣ весны 1803 г., не смотря на это, противъ кладовыхъ казенной палаты лежали цѣлыя горы навоза, который сюда вывозили изъ своихъ домовъ харьковскіе обыватели. И это на Николаевской площади, въ самомъ центрѣ города [1])

Въ 1805 г. губернаторъ Бахтинъ борется съ давнею привычкой жителей вывозить изъ своихъ дворовъ навозъ и сваливать на ледъ замерзшихъ харьковскихъ рѣкъ. Бахтинъ разъяснялъ полиціи, а черезъ нее и населенію, что благодаря плотинамъ, навозъ не можетъ уноситься полою водою и, попадая на дно рѣки, неизбѣжно долженъ заражать воздухъ; требовалъ, чтобы навозъ немедленно былъ убранъ со льда, и получалъ отъ городничаго рапорты, что его приказанія исполняются. Но при личномъ осмотрѣ губернаторъ убѣдился, что вмѣсто стараго навоза на рѣкѣ Лопани появились цѣлыя кучи новаго, подвезеннаго сюда обывателями. Раздраженный губернаторъ потребовалъ отъ полиціи, чтобы рѣки были очищены въ недѣльный срокъ, въ противномъ случаѣ грозилъ полиціи преданіемъ суду, а обывателямъ — строгимъ взысканіемъ, особенно чиновнымъ, о которыхъ Бахтинъ обѣщалъ даже довести до свѣдѣнія Его Величества [2]). Въ апрѣлѣ того же 1805 г. губернаторъ „имѣлъ случай убѣдиться, что во многихъ мѣстахъ города послѣ прохода снѣговой воды оказались промоины, черезъ которыя нельзя перебраться ни экипажамъ, ни возамъ, а на Харьковскомъ мосту не замощены доски, выломанныя полой водою; что на главныхъ улицахъ и на площади у Николаевской церкви, гдѣ бываютъ торги,—большая грязь и топь. Въ послѣднемъ мѣстѣ топь и грязь годъ отъ году становились больше, потому что навозъ, остающійся отъ лошадей и воловъ, стоящихъ съ возами, уже нѣсколько лѣтъ не былъ очищаемъ и свозимъ, отъ чего самаго происходитъ дурной запахъ, могущій быть вреденъ для самаго здоровья жителей". На постоялыхъ дворахъ губернаторъ замѣтилъ также обиліе навоза, присутствіемъ котораго онъ и объяснялъ дурной запахъ на улицахъ [3]).

На Екатеринославской улицѣ были мѣста неудобныя для проѣзда. Лѣтомъ 1805 г. городничій Шишкинъ доносилъ губернатору, что озеро возлѣ дома архитектора Ярославскаго отъ полой весенней воды и сильныхъ затѣмъ дождей, за неимѣніемъ стока, до такой степени переполнилось, что стало заливать улицу, проѣздъ сдѣлался неудобнымъ, увеличилась „грязь неприличная и опасность для здоровья жителей". Прежде отъ этого озера проходила канава черезъ обывательскіе дворы къ р. Харькову; теперь эта канава завалилась, такъ какъ жители не имѣли достаточныхъ средствъ, чтобы содержать ее въ порядкѣ [4]). Въ 1806 г. Московская улица отъ гимназіи (Петровскій пер.) и до моста была „весьма грязна" и, по словамъ губернатора, „служила иногда препятствіемъ къ свободному проѣзду" [5]).

Если озера и топи вредили благоустройству города, то еще больше вредили ему рѣки, причинявшія въ періоды разливовъ крупныя разрушенія на городскихъ улицахъ и въ обывательскихъ дворахъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ рѣкамъ.

Оффиціальныя заявленія о безобразномъ состояніи городскихъ улицъ тянутся черезъ всѣ три первыя десятилѣтія XIX в. Въ 1814 г. на неудобство для проѣзда улицъ жалуется уже не начальство, а сами привыкшіе къ грязи обыватели. Оказывается, что на Московской, Екатеринославской и Сумской улицамъ, а также возлѣ Лопанскаго моста дороги сдѣлались невозможными для самихъ жителей благодаря выбоинамъ и лужамъ. Непроходимость центральныхъ улицъ объяснялась въ думѣ частыми дождями 1813 и 1814 г.г. [6]), но много помогали и сами обыватели, заваливавшіе эти улицы чѣмъ попало. Въ 1810 г. губернаторъ Бахтинъ усматривалъ, что на многихъ улицахъ возлѣ домовъ наваленъ строительный матеріалъ, мѣшающій проѣзду и способствующій увеличенію грязи [7]). За монастыремъ, въ началѣ нынѣшней Клочковской и въ нижней части Бурсацкаго спуска, существовало въ то время „провалье", куда обывателями, какъ явствуетъ изъ оффиціальной переписки 1818 г., сваливался навозъ.

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1803 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1805 г. № 167.
[3]) Тамъ-же. Простр. реестръ губернатора Бахтина 1805 г.
[4]) Тамъ же. 1805 г. № 167.
[5]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1806 г.
[6]) Тамъ-же. Журн. 1814 г.
[7]) Арх. Губ. Правл. Дѣла губернаторскія 1810 г.

Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ была въ то время эта почти центральная часть города [1]). Не лучше содержалась и близкая къ центру нынѣшняя Театральная площадь. Въ 1820 г., по сообщенію тѣхъ же оффиціальныхъ источниковъ, не только эта площадь, на которой въ то время стоялъ острогъ, но и вся прилегающая къ ней мѣстность страдала отъ страшнаго зловонія, потому что нечистоты изъ ямъ острожнаго двора никогда не вывозились [2]). Въ 1830 г. по многимъ улицамъ центральной части города сообщеніе затруднялось ухабами и лужами не только во время дождей, но и въ сухую погоду, и вода въ нихъ. „приходя въ гнилость, заражала воздухъ и причиняла жителямъ вредъ“. Такими зловонными лужами въ особенности избыточествовала Екатеринославская [3]). Но и на Екатеринославскую отъ центра города пробраться было не такъ то легко. Кратчайшій путь былъ черезъ Университетскую горку, но въ 1830 г. здѣсь проходу не было, ибо мостокъ и ступеньки, вевшіе съ горки на базаръ, были разрушены. Вода размыла устроенный здѣсь ровъ и, по рапорту полиціймейстера, даже грозила опасностью цѣлости выходившихъ на горку казенныхъ зданій [4]). Кружный путь, по Павловской площади, также былъ крайне затруднителенъ, ибо при поворотѣ съ Павловской на нынѣшнюю Сергіевскую не всегда можно было проѣхать и въ экипажѣ. Въ 1832 г. грязь приводила улицы „въ безобразное состояніе“ и мѣшала проѣзду. На базарѣ, ниже Университетской горки, по Слесарному переулку, по Клочковской улицѣ и Павловской площади приходилось рыть канавы, чтобы давать стокъ застоявшимся лужамъ [5]). По свидѣтельству Ф. О. Рейнгардта, воспоминанія котораго относятся къ 20-мъ и 30-мъ годамъ: „по Екатеринославской на мѣстѣ между скверами, гдѣ бассейнъ, во время грязи не рѣдко съ трудомъ вытаскивались загрузшіе экипажи, но и Московская улица въ концѣ, къ мосту, доставляла не меньше затрудненія для проѣзжающихъ“ [6]). Неудобною для проѣзда оказывалась даже улица предъ губернаторской квартирой. Въ 1834 г. губернаторъ Трубецкой жилъ на квартирѣ въ университетѣ, а между тѣмъ Университетская улица, начиная отъ губернаторской квартиры до самой проѣзжей дороги, „отъ водоронъ попортилась до такой степени, что проѣзжающимъ случалось большое затрудненіе и показалось отъ того самое безобразіе“.

Такъ обстояло дѣло въ центрѣ, а на окраинахъ было и того хуже. Въ 1815 г. вице-губернаторъ Муратовъ усмотрѣлъ, что по улицѣ, идущей къ подгородней слободѣ Афанасовкѣ, отъ накопившейся навозной и гнилой воды проѣздъ до того испортился, что сдѣлался наконецъ и совсѣмъ невозможенъ. Въ самой Афанасовкѣ по улицѣ сдѣлались такія глубокія болотистыя водомоины, что „не только ѣздить даже и въ лѣтнее время не возможно, но и пѣшіе съ трудомъ проходить могутъ“ [8]). Въ Захарьковской слободѣ „на большомъ трактѣ“, ведущемъ на Чугуевъ и Зміевъ, въ 1818 г. загрузъ экипажъ полковника Энгельгардта, такъ что его „съ большою трудностью въ силу могли вытащить на волахъ“. Харьковскій полиціймейстеръ, къ которому по сему поводу обратилось губернское начальство, не отрицая самаго факта, ссылался въ свое оправданіе только на то, что Энгельгардтъ загрузъ не на большомъ трактѣ, содержимомъ по возможности „усовершенствованно“, а въ проулкѣ [9]). Въ 1830 г. громадными, не высыхавшими даже лѣтомъ, зловонными лужами отличалась мѣстность при поворотѣ отъ Михайловской церкви по старому Чугуевскому тракту [10]). Въ 1831 г. на Панасовской противъ сада Пискуновскаго стояла такая огромная и глубокая лужа, что подумывали о постройкѣ черезъ нее особаго моста, такъ какъ угатить ее было невозможно [11]). Въ 1821 г. по недавно выпланированнымъ улицамъ —Гіевской, Дмитріевской и Ярославской отъ весенней и осенней воды, подходящей изъ рѣки Лопани, образовались такія топи, что проѣзжающимъ приходилось терпѣть большія затрудненія, а проходъ и совсѣмъ былъ невозможенъ [12]). Въ

---

[1]) Архивъ Гор. Думы. Журн. 1818 г.
[2]) Тамъ-же. Журн. 1820 г.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1830 г.
[4]) Тамъ же Журн. 1830 г.
[5]) Тамъ-же. Думы. Журн. 1831 г.
[6]) Харьковскій сборникъ. прилож. къ Харьковск. календарю на 1837 г., стр. 2.
[7]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1834 г.
[8]) Тамъ-же. Думы. Журн. 1814 г.
[9]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла канц. губ. 1818 г. № 221.
[10]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1830 г.
[11]) Тамъ же Журн. 1831 г.
[12]) Тамъ же. Журн. 1821 г.

слѣдующемъ 1822 г. [1]) по Шевской улицѣ противъ сада Пискуновскаго осенью и весною вода совсѣмъ прекращала уличное движеніе, а устроить здѣсь мостъ дума отказывалась по неимѣнію средствъ [2]).

Весною и осенью харьковцы тонули въ грязи, лѣтомъ они задыхались отъ пыли. Городъ попеременно обращался то въ чернильницу, то въ песочницу, какъ острили тогдашніе студенты. „Это было—замѣчаетъ г. Кованько—и не безъ основанія: о харьковской пыли всѣмъ извѣстно, а въ особенности въ лѣтнія двѣ ярмарки и въ большую засуху; но о грязи тогдашней нельзя имѣть никакого понятія съ тѣхъ поръ, какъ устроены мостовыя. Въ то время по причинѣ грязи училища закрывались на два и на три мѣсяца, но случалось и болѣе (?!). Это называлось грязными каникулами. На Кузнечной и Цыганской улицахъ иногда ходили на ходуляхъ; однажды при переѣздѣ съ одной на другую пара воловъ потонула такъ, что задохлись прежде, чѣмъ были вытащены. Очевидцы этого случая еще живы“ (писано въ 1859 г.) [3]). Дѣйствительно ли въ Харьковѣ приходилось прибѣгать къ ходулямъ,—не знаемъ, но о грязныхъ каникулахъ, когда изъ за грязи приходилось прекращать чтеніе лекцій даже въ университетѣ, разсказываетъ намъ и проф. Роммель, въ воспоминаніяхъ котораго отнюдь не замѣтно тяготѣнія къ анекдотичности. Наконецъ, о невозможномъ состояніи городскихъ улицъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что по случаю неблагоустроенности Харькова университетъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ какой нибудь другой, болѣе счастливый въ этомъ отношеніи городъ.

Какія же мѣры принимались для улучшенія состоянія городскихъ улицъ? Въ первыя три десятилѣтія XIX в. въ этомъ направленіи продолжали идти той же дорогой, какая была проторена еще въ XVIII в.: „каналы“, замощеніе улицъ фашинникомъ и пескомъ и время отъ времени генеральная чистка городскихъ улицъ и площадей отъ загромождавшаго ихъ навоза. Распоряженія о замощеніи улицъ и проведеніи „каналовъ“ повторяются губернаторами ежегодно. Въ 1802 г. видимъ предложеніе о замощеніи Московской и Новороссійской улицъ фашинникомъ и пескомъ съ проведеніемъ по сторонамъ ихъ „каналовъ“. По архитекторской смѣтѣ предложенная губернаторомъ работа должна была обойтись въ 44840 руб. Такой расходъ для городской кассы того времени былъ совершенно непосиленъ, а потому рѣшено было, что мостить мостовыя и рыть „каналы“ должны сами домовладѣльцы этихъ улицъ, а подъѣ городскихъ домовъ и принадлежащихъ городу незастроенныхъ мѣстъ работа эта должна быть произведена на городской счетъ. Сознавая, что домовладѣльцамъ проведеніе „каналовъ“ и устройство мостовой будетъ „не безъ трудности и тягости“, дума просила распоряженія о доставкѣ фашинника за умѣренную плату казенными обывателями изъ принадлежавшихъ имъ общественныхъ лѣсовъ. Для уменьшенія въ городѣ грязи, умноженію которой способствовали потоки воды, несшіеся въ дождливую пору съ полей на Сумскую улицу, дума предлагала устроить два канала—одинъ при въѣздѣ въ городъ, другой у Мироносицкой церкви—чтобы такимъ образомъ стремящуюся въ городъ воду отвести на западъ въ прилежащія провалья. Навозъ съ городскихъ площадей дума предполагала счищать при помощи колодниковъ и десятскихъ, а для сокращенія расходовъ пользоваться при этомъ пожарными лошадьми. На послѣднее предложеніе губернаторъ не согласился [4]). Въ концѣ концовъ оказалось, что фашинникомъ въ этомъ году была замощена только улица между Гостинымъ дворомъ и лавками купца Карпова (Монастырскій переулокъ) [5]).

Съ водвореніемъ въ Харьковѣ Бахтина работы по осушенію и замощенію города пошли успѣшнѣе. Къ 1805 г. проектируется постройка новаго „канала“ отъ озера на Екатеринославской улицѣ въ р. Лопань. Въ томъ же году приказано укрѣпить сваями берегъ р. Нетечи противъ Воскресенской церкви, въ виду затопленія площади полою водою [6]). Въ 1807 г. велѣно примѣнить усовершенствованный способъ замощенія: Московскую отъ гимназіи до моста мостить по способу инженера-генерала фонъ-Сухтелена фашиннымъ хворостомъ, а сверху хрящомъ. Къ 1808 г. было приступлено къ замощенію Екатеринославской улицы до озера и нынѣшнихъ Павловской и Сергіевской площадей, въ то же время продолжали мощеніе

---

[1]) Архивъ Гор. Думы Журн. 1822 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1823 г.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 43.
[4]) Арх. Гор. Думы. Подл. приг. 1802 г. Кн. 2, стр. 193.
[5]) Тамъ же Подл. приг. 1802 г.
[6]) Тамъ же. Подл. приг. 1805 г.

Московской (Старомосковской) отъ моста до карауленъ при въѣздѣ въ городъ [1]). Въ 1809 г. велѣно было провести „каналы“ у нынѣшняго университетскаго сада и на Николаевской площади у колодца, чтобы дать стокъ водѣ въ провалья и рвы близь сада и въ Лопань. Въ Залопанской части велѣно устроить еще одинъ новый „каналъ“, мощеніе приказано было сосредоточить въ Троицкомъ приходѣ, болѣе другихъ подверженномъ грязи. (Сѣнная, Троицкій переулокъ, Подольскій переулокъ и Кузнечная). Къ осени 1909 г. въ городѣ вымощены были уже слѣдующія улицы: Екатеринославская отъ Лопанскаго моста до въѣзжихъ воротъ, Рождественская—отъ „каменнаго канала“ до церкви, Благовѣщенская—до Ярославскаго переулка, Московская—отъ въѣзжихъ воротъ до гимназіи и Сѣнная—отъ Харьковскаго моста до р. Нетечи. Въ 1811 г. велѣно было употреблять ежегодно на мостовыя не менѣе 10 тыс. руб. [2]).

Хворостяная мостовая, хотя бы и усовершенствованнаго типа, не могла быть прочной. Въ виду этого, по предложенію министра полиціи, Бахтинъ въ 1811 г. наводитъ справки о камнѣ, способномъ къ мощенію улицъ. Камень нашелся въ Каменной Яругѣ [3]), и въ 1816 г., по распоряженію губернатора Муратова, дума купила 10 к. с. этого камня и употребила его въ дѣло. Но пригодность его для замощенія города признана было очень сомнительной [4]). Пришлось вновь приняться за фашинникъ. Новая попытка замощенія улицъ камнемъ сдѣлана была только 12 лѣтъ спустя. Въ 1828 г. губернаторъ предложилъ думѣ раздобыть саморо́днаго камня и замостить на первый случай часть Московской. Дума купила два сажня камня въ Салтовѣ, а купецъ Савченко „по волѣ его превосходительства“ пріобрѣлъ одинъ сажень гдѣ то въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Была устроена мостовая возлѣ почтовой конторы (гдѣ теперь 1-я мужская гимназія) длиною въ $8^1/_2$ и шириною въ 3 саж. [5]). Это была, впрочемъ, частичная, пробная попытка, окончившаяся вмѣстѣ съ уходомъ изъ Харькова губернатора Грибовскаго. Къ камню харьковцы не перешли и свои улицы мостили по старому. Впрочемъ розыски камня все таки не прекращались. Въ 1832 г. подходящій камень, повидимому, былъ найденъ въ имѣніи вдовы маіора Елены фонъ Мезенкампфъ (Зміевскаго уѣзда). Для изслѣдованія камня былъ посланъ профессоръ Харьковскаго университета Криницкій, который донесъ, что мезенкампфовскій камень состоитъ изъ крѣпкаго кварцеваго зерна, связаннаго кремнистою матеріею, такъ что можетъ переносить сильные напоры и оказался годнымъ для мощенія улицъ. Но такъ какъ Криницкій не изслѣдовалъ почвы, въ которой найденъ камень, то и неизвѣстно было, весь ли камень годится для мощенія. Назначена была поэтому новая комиссія для изслѣдованія камня съ участіемъ члена отъ университета [6]).

Вопросъ о харьковскихъ мостовыхъ находился такимъ образомъ только въ стадіи академическаго обсужденія, а пока онъ рѣшался, харьковцы по прежнему мостили свои улицы хворостомъ, а то и навозомъ, а съ застойчивыми лужами и болотистыми топями боролись при помощи „каналовъ“. Борьба стоила крупныхъ затратъ, велась настойчиво и упорно, но и совершенно безплодно, потому что каждую весну дѣло вновь приходилось начинать съ начала.

Удобному сообщенію по городскимъ улицамъ мѣшали не только стихіи, но и сами обыватели, загромождавшіе улицы города тѣмъ, чему на улицахъ быть не пристало. По старой слобожанской привычкѣ, обыватели, имѣвшіе намѣреніе строиться, сваливали привезенный для этого лѣсъ не во дворѣ, а на улицѣ около дома. И дѣлалось это не гдѣ нибудь на окраинахъ, сохранившихъ сельскую простоту жизни, а и въ самомъ центрѣ. Въ 1803 г. на площади противъ Николаевской колокольни неизвѣстно кѣмъ навалено было великое количество дерева, чѣмъ, по отзыву мѣстнаго начальства, не только стѣснялся въ проѣздѣ, но и безобразился городъ [7]). Въ 1814 г. на пригородной захарьковской (Скобелевской) площади обывателями былъ выстроенъ рядъ загородокъ и навезено большое количество сѣна, готоваго вспыхнуть при первой неосторожности съ огнемъ. Подъ домомъ, занятымъ военно-сиротскимъ отдѣленіемъ, навалено столько дерева, что повалился заборъ [8]).

[1]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1807 г. Подл. прил. 1808 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1811 г.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1811 г. № 160.
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1816 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1828 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1832 г.
[7]) Тамъ же. Подл. прил. 1803 г.
[8]) Тамъ же. Журн. 1814.

Городскія площади загромождены были безобразными балаганами и шалашами обывателей, производившихъ здѣсь постоянную торговлю. Ярмарочныя ятки и шалаши въ Гостинномъ дворѣ, около собора и на площадяхъ оставались неубранными отъ ярмарки до ярмарки. Въ 1806 г. губернаторъ приказалъ, чтобы ярмарочные шалаши строились въ Гостинномъ дворѣ и на площади отъ Николаевской колокольни до колодца такъ, чтобы проѣздъ не загромождался и не стѣснялся, а былъ свободенъ. Въ 1815 г. вице-губернаторъ Муратовъ ставилъ думѣ на видъ, что это распоряженіе не исполняется: шалаши строятся по большей части въ Гостинномъ дворѣ и около него такъ, что проѣздъ неудобенъ и становятся возможными несчастные случаи [1]). Въ 1816 г. въ засѣданіи 16 мая въ присутствіи новоназначеннаго губернатора Муратова дума постановила очистить всѣ городскія площади отъ шалашей и подташекъ, построенныхъ безъ дозволенія начальства и внѣ плана, такъ какъ они безобразятъ городъ и угрожаютъ пожарными бѣдствіями, и установить общее положеніе относительно устройства балагановъ во время ярмарокъ. Ярмарочные балаганы съ шубными, сыромятными и кожевенными товарами, съ мыломъ и чугуевскими поясами рѣшено было вывести на Захарьковскую площадь; уничтожены были мѣняльные столики, а балаганы для торговцевъ краснымъ товаромъ рѣшено строить на площадяхъ по усмотрѣнію губернатора [2]). Много ли выиграло отъ этого городское благоустройство,—не знаемъ. Гостинный дворъ, какъ можно видѣть изъ документовъ первыхъ годовъ столѣтія, содержался безобразно. Здѣсь нашли себѣ пріютъ не только лавки, но и трактиры и кабакъ, и потому „временно и безвременно“ въ ночное время здѣсь толпились пьяные Лѣтомъ въ трактирахъ по ночамъ горѣли огни. зимою, кромѣ того, топились печи, и Гостинный дворъ грозилъ городу постоянной опасностью пожара. Не смотря на усилія думы, ей не удавалось добиться вывода изъ Гостиннаго двора трактировъ. Губернаторъ обѣщалъ было думѣ запретить въ трактирахъ топку, вслѣдствіе чего городничій запечаталъ въ нихъ печи, но затѣмъ, послѣ жалобы одного изъ трактирщиковъ, купца Спасскаго, на нарушеніе его интересовъ, начальникъ губерніи объявилъ думѣ, что ея требованія не заслуживаетъ уваженія. Печи были распечатаны. Снисходительное отношеніе начальства къ трактирщикамъ давало и другимъ поводъ не стѣсняться. Купецъ Карповъ завелъ около своихъ лавокъ въ Гостинномъ дворѣ деревянный въ три этажа навѣсъ „ширины необыкновенной“ и нанималъ это сооруженіе ярмарковымъ, не смотря на то, что этимъ не только стѣснялся Гостинный дворъ, но и дѣлался подрывъ городу, лишавшемуся доходовъ отъ отдачи городскихъ мѣстъ подъ ярмарочную торговлю. Прапорщикъ Топчіевъ обратилъ галлерею Гостиннаго двора въ жилые покои. Глядя на него, сдѣлалъ тоже и соборный протопопъ Зимовской [3]). Такъ дѣлалось, впрочемъ, не въ одномъ Гостинномъ дворѣ. Въ 1814 г. въ думу поступила жалоба отъ многихъ харьковскихъ купцовъ на то, что содержатель питейнаго откупа д. с. с. Ковалевскій строитъ на городскихъ площадяхъ большіе деревянные шалаши для продажи водки, чѣмъ не только стѣсняются площади, безобразится городъ и затрудняется проѣздъ, но и вызывается опасность пожара. Дума предложила полиціймейстеру запретить постройку. Требованіе это выполнено не было на томъ основаніи, что, какъ объяснялъ полиціймейстеръ, шалаши выстроены Ковалевскимъ не самочинно, а съ позволенія его превосходительства гражданскаго губернатора и кавалера, къ тому же и за занятую ими городскую землю Ковалевскій согласился платить сборъ въ пользу города. Что касается жалобы на стѣсненіе площадей и безобразіе, то ее полиціймейстеръ находилъ совсѣмъ не основательной: стѣсняютъ и безобразятъ городъ не шалаши Ковалевскаго, а тѣ безобразные, обвѣшанные рогожей, шалаши противъ желѣзнаго ряда, которые выстроены только на время ярмарки и по окончаніи ея должны быть снесены. Пока шла переписка съ полиціймейстеромъ, Ковалевскій успѣлъ воздвигнуть новый шалашъ противъ сапожнаго ряда у р. Лопани. Дума вновь обратилась къ полиціймейстеру, а затѣмъ и къ губернатору съ просьбой остановить постройку, но вышелъ ли изъ этого какой прокъ,—не знаемъ [4]).

Старыя слобожанскія привычки сказывались у обывателей то въ томъ, то въ другомъ. Такъ, не смотря на неоднократныя распоряженія полиціи, объявлявшіяся горожанамъ съ отобраніемъ подписокъ, харьковцы не могли привыкнуть держать домашній скотъ дома. Въ концѣ 20-хъ годовъ обывательскій скотъ свободно бродилъ по городскимъ улицамъ, мѣшая проѣзжающимъ экипажамъ и под-

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1815 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1816 г.
[3]) Тамъ же. Подл. приг. 1802 г. Кн. 2, стр. 691.
[4]) Тамъ же. Журн. 1814 г.

часъ сильно пугая публику. Въ 1829 г. губернаторъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ штрафамъ для того, чтобы отучать харьковцевъ оставлять свой скотъ на произволъ судьбы [1]). Кромѣ коровъ, лошадей и свиней, по городу бродили въ изобиліи собаки, для уловленія которыхъ приходилось прибѣгать къ тенетамъ [2]). Въ 1828 г., какъ видно изъ думскихъ журналовъ, въ первой части города (центръ) на площади бѣгали собаки и бросались на людей. Очевидно, собачьи нападенія были не пустякомъ, если начальникъ губерніи нашелъ необходимымъ оштрафовать за это частнаго пристава Новоселова [3]). Въ 1834 г. Харьковскій полиціймейстеръ возбудилъ передъ губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи для борьбы съ умножившимися въ городѣ собаками давать для помощи городской полиціи наряды обывателей—крестьянъ изъ волостного правленія. Губернаторъ нашелъ, однако, такую мѣру неудобною, какъ могущую возбудить среди обывателей неудовольствіе. Рѣшено было ассигновать на борьбу съ собаками деньги изъ городскихъ доходовъ [4]). Однако охотниковъ, желающихъ взять на себя обязанность гицелей, не оказалось, а между тѣмъ число бродячихъ собакъ умножилось, появились между ними и бѣшеныя. Въ виду этого пришлось все таки обратиться къ крестьянамъ. Обязанности гицелей были возложены на крестьянъ-недоимщиковъ Харьковской волости, впрочемъ не всѣхъ, а только тѣхъ, которые не занимались ни хлѣбопашествомъ, ни ремеслами и въ податномъ отношеніи были плательщиками явно безнадежными. Такимъ обывателямъ-недоимщикамъ приказано было выдавать изъ городской думы по четвертаку за каждую убитую собаку [5]). Но вѣроятно, недоимщиковъ въ Харьковѣ было мало, потому что лѣтомъ въ 1836 г. харьковцамъ вновь пришлось сильно потерпѣть отъ собакъ, число которыхъ умножилось. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ теченіе одной недѣли, по свѣдѣніямъ полиціи, бродячія собаки изорвали на улицахъ больше 10 человѣкъ почти до полусмерти. Дума съ барабаннымъ боемъ вызывала желающихъ взять на себя борьбу съ одичалыми псами, обѣщая по четвертаку съ каждой убитой собаки [6]).

Днемъ сообщеніе по улицамъ было затруднительно и небезопасно, а ночью и того хуже. На весь городъ въ 1823 г. насчитывалось не болѣе 220 фонарей. Освѣщались они сальными свѣчами, исправно дѣйствовали, впрочемъ, далеко не всѣ, ибо изъ экономіи свѣчи не на всѣ отпускались. Къ тому же не рѣдко случалось, что фонари похищались со своихъ столбовъ, окрашенныхъ, кстати сказать, въ узаконенную зеленую краску. Розыски похитителей городского добра производились полиціей, но такъ какъ похитители обыкновенно не съискивались, то вмѣсто похищенныхъ фонарей думѣ приходилось покупать новые [7]). Не смотря на нехитрое устройство фонарей, въ Харьковѣ ихъ не умѣли дѣлать, и выписывать ихъ приходилось изъ Москвы, уплачивая по 10 руб. за фонарь [7]). Въ 1823 г. изъ Москвы были выписаны фонари новаго типа: горѣло въ нихъ конопляное масло, и на каждый фонарь полагалось по три свѣтильни. Въ виду сложности работы по очисткѣ и зажиганію такихъ фонарей, рѣшено было заботу о фонаряхъ, лежавшую до тѣхъ поръ на десятскихъ, возложить на того, кто возьметъ подрядъ по освѣщенію города [8]). Впрочемъ полицейское начальство скоро передумало и порѣшило, что выпускать изъ своихъ рукъ освѣщеніе не слѣдуетъ. Въ 1827 г. масло для освѣщенія фонарей вновь отпускается полиціи, какъ прежде отпускались свѣчи [9]). Въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія въ отношеніи освѣщенія Харьковъ сильно шагаетъ впередъ. Въ 1832 г. на городскихъ улицахъ горѣлъ по ночамъ уже 391 фонарь.

Сообщеніе между отдѣльными частями города, раздѣлявшагося рѣками, поддерживалось не всегда исправно. Въ началѣ столѣтія мостовъ собственно было 2—на Харьковѣ и Лопани, выстроенныхъ еще въ XVIII в. Кромѣ того, существовали плотины на Харьковѣ, гдѣ теперь Кузнечный мостъ (Барабашевская гребля), и на Нетечѣ—гребля Буксевденъ. Въ 1802 г. эта послѣдняя была въ полуразрушенномъ видѣ, ѣздить на ней было нельзя, и даже для прохожихъ она была небезопасна. Дума собиралась было

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1829 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1827 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1828 г.
[4]) Тамъ же. Проток. 1834 г., стр. 709.
[5]) Тамъ же. Журн. 1835 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1836 г.
[7]) Тамъ же. Журн. 1823 и 1824 гг.
[8]) Тамъ же. Журн. 1822 г.
[9]) Тамъ же. Журн. 1827 г.

купить ее съ цѣлью устроить здѣсь мостъ, но сдѣлка не состоялась [1]). Въ 1813 г. 42 обывателя подали въ думу прошеніе объ устройствѣ моста черезъ Нетечу. Дума и сама находила такой мостъ необходимымъ уже потому, что въ случаѣ пожара Занетечинская часть, изолированная отъ остального города рѣкою, оставалась совершенно лишенной тѣхъ средствъ борьбы со стихіей, какія давала городская пожарная команда [2]). Когда былъ построенъ здѣсь мостъ—не знаемъ. Знаемъ только, что въ 1829 г. онъ уже не удовлетворялъ своему назначенію [3]). Въ 1833 г. на Нетечѣ существовалъ перевозъ, содержимый мѣщаниномъ Родіоновымъ [4]). Въ 1835 г. сообщеніе черезъ харьковскія рѣки производилось уже по тремъ мостамъ и одной плотинѣ. Въ томъ же году видимъ попытку еще тѣснѣе связать раздѣленныя рѣками части города. Губернаторъ Трубецкой предложилъ думѣ устроить мостъ и на Харьковѣ, гдѣ плотина Квитки, а затѣмъ выстроить кладки на Харьковѣ противъ дома Сахновскихъ, на Нетечѣ—противъ мясныхъ рядовъ и, наконецъ, на Лопани—противъ мѣста, пріобрѣтеннаго у Рейнике, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если получится разрѣшеніе высшаго начальства на переносъ сюда базара. Предложеніе это было исполнено если не во всемъ объемѣ, то въ значительной его части. На р. Харьковѣ, тамъ гдѣ теперь Кузнечный мостъ, былъ выстроенъ легонькій деревянный мостъ, разбиравшійся во время половодья. Плотину, нужную для мельницы Квитки, дума также угачивала на свой счетъ [5]).

Здѣсь можетъ быть будетъ не лишней небольшая справка объ этой плотинѣ, просуществовавшей довольно долго и причинившей не мало бѣдъ харьковцамъ. Въ XVIII в. плотина и мельница принадлежали отставному вахмистру Николаю Молчану (Молчановская гребля), затѣмъ перешли въ собственность помѣщика Барабашева, потомъ достались дочери его Варварѣ, вышедшей замужъ за штабсъ-ротмистра Григоросуло, а отъ Григоросуло въ 1822 г. перешли покупкой къ владѣльцу Основы Квиткѣ. Благодаря плотинѣ прибрежные жители еще при Молчанѣ терпѣли непріятности отъ наводненій. При Барабашѣ плотина была возвышена, отчего жители стали подвергаться еще большимъ наводненіямъ. Въ 1796 г. по жалобамъ жителей намѣстническое правленіе предписало уѣздному суду сдѣлать законное разсмотрѣніе. Толку отъ этого не вышло. Спустя нѣкоторое время обиженные обыватели рѣшились жаловаться въ Петербургъ, откуда пришелъ приказъ разслѣдовать дѣло [6]). Слѣдователемъ былъ назначенъ полиціймейстеръ Экъ, которымъ сосѣдніе жители допрашивались подъ крестнымъ цѣлованіемъ, но толку и на сей разъ не вышло. Въ 1816 г. сосѣдямъ Барабашевской гребли вновь пришлось пострадать очень чувствительно. Благодаря греблѣ р. Харьковъ перемѣнила даже свое теченіе: рѣка ударилась къ правому берегу и подмыла его, а ниже Харьковскаго моста прорѣзалась къ обывательскимъ дворамъ, изъ которыхъ иные и обрушились [7]). А тутъ прибавилась еще новая бѣда: владѣлецъ Основы Квитка выстроилъ у себя мельницу и плотину, а въ 1820 г. поднялъ плотину такъ, что подтопилъ какъ городъ, такъ и плотину самой Григоросуло. Началось дѣло уже между Квиткою и Григоросуло и рѣшилось въ пользу послѣдней: Квиткѣ велѣно было черезъ исправника, чтобы онъ непремѣнно понизилъ плотину. Въ 1822 г. распоряженіе это было вновь подтверждено въ виду заявленія врачебной управы, что благодаря Квитчинской плотинѣ вода въ р. Харьковѣ загноилась. „Но всѣ сіи распоряженія правительства—жаловались жители—выполнены не были". Дѣло кончилось тѣмъ, что Квитка купилъ у Григоросуло ея мельницу и, чтобы ей не было подтопу отъ Основянской, еще больше возвысилъ ея плотину. Отъ этого харьковцамъ, конечно, не стало легче. Въ 1829 г. прибрежные жители благодаря плотинѣ вновь подверглись сильному наводненію, затопившему ихъ дома и отнявшему у нихъ возможность пользоваться питьевой водой, такъ какъ единственная въ этой части города Бѣлгородская криница оказалась также затопленной [8]). Жители жаловались, что благодаря плотинѣ ихъ дома, погреба и разныя строенія лѣтомъ во время сильныхъ

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. прит. 1802 г.
[2]) Тамъ же. Подл. прит. 1813 г.
[3]) Тамъ же. Вход. 1829 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1833 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1838 г.
[6]) Тамъ же. Вход. 1811 г. стр. 684.
[7]) Тамъ же. Журн. 1816 г.
[8]) Тамъ же. Входящ. 1829 г.

дождей всегда бываютъ затоплены водой, а въ половодье вода, разливаясь по всей окружности, затопляетъ вовсе жилые дома, погреба и всѣ совершенно строенія, иныя разрушая, съ собою уноситъ, другіе же обтопивъ, заставляетъ жителей искать спасенія до уменьшенія воды по домамъ и сараямъ нѣсколько дней. „Такія ежегодныя бѣдствія, соединенныя съ разрушеніемъ, совершенно отнимаютъ надежду къ приведенію лучшаго устройства въ домахъ нашихъ“ [1]. Ликвидировать всякія недоразумѣнія между владѣльцемъ мельницы и горожанами удалось только въ 1854 г., когда Барабашевская гребля перешла наконецъ въ собственность города и была уничтожена [2].

Базаръ, какъ извѣстно, въ тридцатыхъ годахъ былъ перенесенъ на его теперешнее мѣсто, но прямого сообщенія съ нимъ устроено не было. Въ 1836 г. черезъ рѣку противъ Благовѣщенской церкви, гдѣ теперь Купеческій мостъ, переправлялись на лодкахъ. Такая же переправа была и на р. Харьковѣ: кому нужно было на Дворянскую съ нагорной части города, тому, если онъ не хотѣлъ дѣлать обходъ, приходилось переправляться тоже на лодкѣ [3]. Кромѣ мостовъ на Харьковѣ и Лопани, былъ еще небольшой мостокъ „на протокѣ старой р. Харькова“, посредствомъ котораго городъ соединялся съ Москалевкой. Такой же мостокъ существовалъ и на Нетечинской и тоже назывался мостомъ „надъ протокомъ стараго Харькова“ [4].

Какъ въ началѣ столѣтія, такъ и потомъ рѣки содержались грязно. Въ 1823 г. дума обращаетъ вниманіе полиціи на засореніе рѣкъ навозомъ, отъ котораго „вода обращалась въ гнилость“, вредную для здоровья населенія [5]. Въ 1828 г. губернаторъ даетъ предписаніе думѣ и полиціи строжайше наблюдать за тѣмъ, чтобы въ харьковскія рѣки не валили навозъ, не дубили въ нихъ кожъ и т. п. Для изслѣдованія печальнаго состоянія рѣкъ въ чертѣ города губернаторомъ были назначены операторъ Фишеръ и члены отъ думы и полиціи [6]. Чѣмъ окончилось разслѣдованіе, не знаемъ, но знаемъ, что губернаторомъ Грибовскимъ дано было предписаніе объ отобраніи отъ жителей подписокъ въ томъ, что они не будутъ бросать навоза въ рѣки или на берега рѣкъ, а полиціи было объявлено, что если рѣки или ихъ берега будутъ вновь содержаться неопрятно, то очистка ихъ будетъ производиться на счетъ тѣхъ частныхъ приставовъ и квартальныхъ, въ чьихъ частяхъ и кварталахъ замѣчена будетъ неисправность. Послѣ Грибовскаго сенаторъ Горголи, располагавшій въ качествѣ ревизора чрезвычайными полномочіями, дѣлаетъ полиціи строжайшее предписаніе о наблюденіи чистоты на рѣкахъ и по улицамъ, а жителей обязываетъ подписками вывозить навозъ за городъ на свалочные пункты. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ строгаго предписанія полномочнаго сенатора-ревизора, наводившаго страхъ и трепетъ на всѣхъ губернскихъ чиновниковъ до губернатора включительно, какъ повторились жалобы на загрязненіе харьковскихъ рѣкъ навозомъ и соромъ и т. д. и т. д.

Въ три первыя десятилѣтія XIX в. Харьковъ даже въ центрѣ былъ городомъ деревяннымъ, каменные дома представляли собой только крохотные островки среди моря сооруженій, легко доступныхъ дѣйствію огня. Пожары были поэтому и часты, и опустошительны. Что такое представляли собою харьковскіе пожары того времени,—объ этомъ свидѣтельствуетъ масса данныхъ. Въ видѣ примѣра разскажемъ о майскихъ пожарахъ 1809 г. на основаніи губернаторскихъ сообщеній въ Петербургъ. „7 мая—пишетъ губернаторъ—въ 1 часу пополудни сдѣлался пожаръ въ домѣ мѣщанина Попова, и при бывшемъ тогда сильномъ вѣтрѣ съ вихремъ, не болѣе какъ въ нѣсколько минутъ, пламень былъ уже въ пяти мѣстахъ, и хотя прилагаемо было отъ полиціи возможное стараніе, чтобы прекратить сей пожаръ сверхъ заливанья ломкою крышъ, заборовъ и самыхъ строеній, но никакъ въ разсужденіи сильнаго вѣтра успѣть въ семъ было не можно, потому что огонь перебрасывало вѣтромъ на соломенныя крыши, каковыя въ городѣ частью еще существуютъ, отчего загорѣлось въ шести разныхъ мѣстахъ даже за р. Харьковомъ и въ пригородной слободѣ Захарьковской. Пожаръ распространился въ длину разстояніемъ до 3 верстъ, такъ что перекинуло огонь и въ состоящіе за городомъ на выгонѣ кирпичные сараи, отчего въ разныхъ мѣстахъ города и въ Захарьковской пригородной слободѣ сгорѣло до основанія 69 домовъ, да въ 16—

---

[1]) Тамъ же. Журн. 1839 г.
[2]) Архивъ Губ. Прав. Дѣло о пріобрѣтеніи отъ Квитки мельницы и проч. 1843—1856 г.г.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1835 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1836 и 1837 г.г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1823 г.
[6]) Тамъ же. Прот. 1828 г.

кухни, амбары, сараи и другія пристройки, въ числѣ коихъ домовъ священно-и-церковно служителей 4, купеческихъ 8, мѣщанскихъ 18, разночинческихъ 14, войсковыхъ обывателей 39 и господскихъ крестьянъ 2, конюшни губернской роты и 4 кирпичныхъ завода, отъ какового несчастнаго случая, по показанію хозяевъ, понесли они убытку болѣе 152 тыс. руб., конюшня же губернской роты стоила 650 руб. По произведенному о семъ пожарѣ слѣдствію открылось, что пожаръ начался съ небольшого сарая м. Попова, крытаго соломою, отъ вынесенной подъ оный изъ печи золы, чаятельно, съ горячими угольями". Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ случилось еще два пожара, но „не важныхъ", а затѣмъ красный пѣтухъ опять зачастилъ. 28, 29, 30 мая—пожары отъ поджеговъ. 31 мая еще пожаръ, отъ котораго сгорѣло 6 дворокъ. 1 іюня—новый пожаръ на кирпичномъ заводѣ, а черезъ нѣсколько часовъ—въ домѣ Н. С. Дубачевскаго. Благодаря этому жители „пришли въ крайнее уныніе, и довольно знатная ихъ часть выѣхала въ поле съ имуществомъ движимымъ". Губернаторъ уговаривалъ обывателей возвратиться въ городъ, что отчасти и подѣйствовало. Черезъ 2 дня Бахтинъ доносилъ, что пожаровъ больше нѣтъ, жители возвратились въ городъ, кромѣ малой части, которыхъ увѣщевать посланъ нарочно чиновникъ, поелику употребить въ семъ случаѣ принужденіе губернаторъ не почелъ удобнымъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ начальство предполагало наличность поджеговъ и производило облавы въ чаяніи разыскать бѣглыхъ арестантовъ или дезертировъ, назначало обходы и караулы. Проку, впрочемъ, отъ этого получалось мало, а на обывателей, и безъ того обездоленныхъ, падали лишнія тяготы. Главная же причина заключалась въ томъ, что, не смотря на запрещенія, горожане по прежнему крыли свои дома камышемъ и соломой, безъ глины. Въ случаяхъ, подобныхъ описанному, начальство начинало энергичную кампанію противъ соломенныхъ крышъ и раскрывало обывательскіе дома при посредствѣ полиціи и арестантовъ [1]). Такъ послѣ пожара 7 мая полиціймейстеръ приказалъ снять соломенныя крыши не только въ центрѣ города, но и за Нетечью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частыя постройки. На Пескахъ за монастыремъ соломенныя крыши остались только на 70 хатахъ, стоявшихъ на окраинѣ, среди садовъ остальныя были сломаны. На Долгомировской улицѣ сняты крыши съ лучшихъ строеній, а на Подолѣ и за Лопанью разломаны соломенныя крыши на всѣхъ частныхъ домахъ. Соломенныя крыши были замѣнены деревянными или соломенными съ глиною, а тѣмъ жителямъ, которые не могли этого сразу сдѣлать, было позволено сдѣлать на стропилахъ переплетъ изъ хворосту и засыпать крыши землею. Камышъ и простая солома оставлены только для окраинъ, и то только у бѣдныхъ войсковыхъ обывателей [2]).

Съ неосторожностью жителей боролись предписаніями. Жителямъ объявлялось съ подпискою, „чтобы они не только людямъ и кухаркамъ строго подтвердили, но и сами бы крѣпко наблюдали, дабы золы въ опасныя мѣста не выносили и отъ огня оберегались, чтобы въ кухняхъ, поварняхъ, маслобойняхъ, красильняхъ и т. п. мѣстахъ, гдѣ бываетъ огонь, печи и очаги были исправные, прочнѣе и порядочно обмазанные, а въ баняхъ печи опечатывать, ежели же между жильемъ усмотрится хотя малѣйшая ветхость и опасность, то оныя совсѣмъ поломать и топить вовсе запретить, такъ равно въ кухняхъ и избахъ, гдѣ происходитъ топка, ежели найдены будутъ у кого печи или трубы худы, также оныя приказать вновь сдѣлать другія, и чтобы частные пристава имѣли строгое и неупустительное наблюденіе" [3]).

Изъ крупныхъ пожаровъ, кромѣ описанныхъ, отмѣчаемъ, пожаръ 1821 г., когда въ одинъ разъ (19 іюля) въ пригородной Захарьковской слободѣ выгорѣло 38 дворовъ. Губернаторъ ставилъ это „на видъ" харьковскому купечеству и требовалъ подписки въ пользу пострадавшихъ [4]). Въ томъ же году загорѣлся острогъ, благодаря чему изъ него едва не разбѣжались 307 сидѣвшихъ тамъ арестантовъ [5]). Въ 1832 г. пожаромъ было истреблено 276 дворовъ, а въ слѣдующемъ 1833 пожаръ уничтожилъ болѣе 100 дворовъ въ Михайловскомъ приходѣ, гдѣ переполненные сухимъ навозомъ и сѣномъ постоялые дворы и склады съ шерстью дали пищу разбушевавшейся стихіи. Въ 1837 г. выгорѣлъ базаръ, помѣщавшійся тогда на Сергіевской площади.

Пожары причиняли горожанамъ страшные убытки и были однимъ изъ крупныхъ тормазовъ развитію благосостоянія населенія. Свое губительное вліяніе на благосостояніе населенія пожары стали утрачи-

[1]) Арх. Губ. Пр. Простр. реестръ канц. изв. 1809 г.
[2]) Арх. Губ. Правл. Дѣло 1809 г. о пожарахъ въ Харьковѣ.
[3]) Арх. Губ. Правл. 1810 г. № 156.
[4]) Арх. Губ. Правл. Дѣла 1821 г.
[5]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1821 г.

вать только послѣ введенія страхованія отъ огня. Страхованіе, впрочемъ, въ началѣ шло туго. Однимъ изъ первыхъ воспользовался выгодами страхованія самъ городъ, застраховавшій въ 1838 г. принадлежавшіе ему дома во второмъ страховомъ обществѣ за 102,100 р. [1]).

Какія противопожарныя мѣры принимались въ Харьковѣ въ первые годы XIX в.,—это мы видимъ изъ свѣдѣній, составленныхъ полиціей въ 1809 г. Обязанность тушить начавшійся пожаръ по прежнему лежала на обывателяхъ, являвшихся на пожаръ каждый съ тѣмъ инструментомъ, какой полагался ему по расписанію. О пожарѣ первые давали знать трещотками десятскіе, стоявшіе у будокъ; на ихъ сигналы отзывалась гауптвахта барабаннымъ боемъ и вызывала на пожаръ полицію съ пожарнымъ инструментомъ и обывателей. Въ 1809 г. въ распоряженіи полиціи находилось 7 заливныхъ трубъ, 15 желѣзныхъ крюковъ, 5 желѣзныхъ рогачей съ дрогами для нихъ, 12 водовозныхъ бочекъ съ дрогами, 15 ведеръ, 4 лѣстницы и 13 войлочныхъ щитовъ. Пожарныхъ лошадей въ распоряженіи полиціи было 17. На помощь городской пожарной командѣ являлись пожарныя трубы, принадлежавшія мѣстнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ обывателямъ. Такихъ пожарныхъ трубъ въ Харьковѣ считалось въ 1809 г. десять: университетская, ротмистра Хрущова, прапорщика Рейнеке, купцовъ Ламакина, Панкова, Праскудина, Клеменова и Ващенка, да 2 трубы высылалъ купецъ Аникѣевъ [2]). Въ 1807 г. распоряженіе городскимъ пожарнымъ обозомъ и тушеніемъ пожаровъ возложено было на брантмейстера, заведеннаго по иниціативѣ перваго Харьковскаго полиціймейстера Эка [3]). Содѣйствіе командѣ въ тушеніи пожаровъ должны были оказывать жители, но эта повинность исполнялась ими крайне неохотно, не смотря на заботы начальства о составленіи расписанія, кому и съ чѣмъ бѣжать на пожары [4]). Пожарная команда, находившаяся въ распоряженіи полиціи, часто содержалась неисправно. Въ 1818 г. на съѣзжей 2-ой части пожарныя лошади „употреблялись въ постороннія тяжкія работы, каковыми всегда занимаясь, приходили отъ того въ худобу, дѣлались неспособными къ подъятію пожарныхъ инструментовъ въ нужныхъ случаяхъ и даже издыхали“ [5]). Въ 1819 г. пожарныя лошади по осмотру губернатора оказались худыми и изнуренными, „что даетъ причину заключить, не употребляются ли онѣ въ какія частныя работы“ [6]). Въ 1809 г. гласный Кувшинниковъ по поводу одного пожара заявлялъ губернатору, что когда онъ прибѣжалъ на съѣзжую, бывшую около самаго мѣста пожара, то не засталъ въ ней никого, даже и сторожа. Пожарную трубу ему пришлось вывозить на себѣ при помощи подоспѣвшихъ солдатъ. Пожарный инструментъ тоже оставлялъ желать многаго: войлочныхъ щитовъ совсѣмъ не употреблялось: они, положимъ, были при съѣзжей, но обветшали, разсыпались и молью поѣдены [7]). Кое что для усовершенствованія харьковской пожарной команды было сдѣлано только въ 1829 г., когда губернія перешла въ фактическое управленіе сенатора Горголи.

Дѣло городского благоустройства въ Харьковѣ шло хуже, чѣмъ бы оно могло идти. Причинъ этому нѣсколько. Прежде всего невыгодное топографическое положеніе города, лежавшаго большею своею частью въ котловинѣ. Харьковъ являлся, такъ сказать, естественнымъ резервуаромъ для стока водъ съ окружавшихъ его возвышенностей. Сухимъ по мѣстоположенію могъ быть только центръ—небольшой пригорокъ, составлявшій въ старые годы крѣпость. Залопанская часть служила резервуаромъ для потоковъ, стремившихся съ Холодной и Лысой горъ. Торговая и базарная (ниже университетской горки) площади, нижняя часть Университетской улицы, нижнія части Московской, Николаевской и Мѣщанской и весь Подолъ заливались водою, бѣжавшею съ центральнаго пригорка. На Сумскую стремились воды съ возвышенныхъ полей, лежавшихъ къ сѣверу отъ города. Часть этихъ водъ спускалась въ р. Харьковъ мимо теперешняго дѣтскаго пріюта, другая устремлялась въ Лопань по Бурсацкому спуску, остатки направлялись къ Николаевской площади и отсюда шли либо на Подолъ, либо къ р. Харькову по Московской и параллельнымъ ей улицамъ.

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1838 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1809 г. № 32.
[3]) Арх. Губ. Пр. 1807 г. № 32.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1815 г. мая 11.
[5]) Тамъ же. Журн. 1818 г. іюля 27.
[6]) Арх. Губ. Пр. 1819 г. № 65.
[7]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1809 г.

Не удивительно, что въ низменныхъ частяхъ города вода застаивалась и образовывала болота и озера. Сами харьковскія рѣки, когда то полноводныя, мѣняли свои русла, образовывали заливы и протоки, слѣды которыхъ въ видѣ озеръ и малопроточныхъ ручьевъ уцѣлѣли и до днесь. Борьба съ такими природными условіями требовала отъ населенія чрезвычайнаго напряженія силъ. Сдѣлать грязный Харьковъ сухимъ для бѣднаго и сравнительно мало населеннаго города, какимъ онъ былъ въ первые десятилѣтія XIX в., было не по силамъ. Къ тому же и само населеніе мало объ этомъ заботилось. Не смотря на желаніе начальства сдѣлать изъ Харькова благоустроенный городъ, для населенія, хранившаго старыя слобожанскія привычки, онъ все же по прежнему былъ только большой слободой, въ которой жить привыкли такъ же, какъ и въ любой деревнѣ. Создавать благоустройство приходилось только одному начальству. Въ этой области все зависѣло отъ личныхъ качествъ губернатора: интересовали его вопросы городского благоустройства,—обращалось вниманіе на состояніе города, не интересовали—оно пребывало въ томъ видѣ, въ какомъ угодно было стихіямъ и населенію. Центральная петербургская власть этимъ мало интересовалась и губернаторскую энергію не окрыляла. Распоряженій по части городского благоустройства изъ Петербурга посылалось въ то время не много. Добросовѣстный Варадиновъ упоминаетъ только о циркулярахъ 1816 и 1817 гг. Первымъ запрещалось загромождать чѣмъ либо улицы, кромѣ случаевъ постройки новыхъ домовъ, и предписывалось убрать съ улицъ камни, доски, бревна, скамьи, всякій ломъ и пр., чтобы онѣ чисты были, планировать улицы и площади, чтобы ямъ и бугровъ не было, и не терпѣть на улицахъ никакого неопрятства. Циркуляры 1817 г. требуютъ, чтобы будки для ночныхъ сторожей были одинаковыя, чтобы площади и улицы содержались въ чистотѣ, а мостовыя въ исправности. Полиціи вмѣнено было въ обязанность наблюдать, чтобы и въ обывательскихъ дворахъ было по возможности чисто. Незастроенныя мѣста было велѣно огораживать заборами, мостки по улицамъ имѣть непремѣнно во всю ширину улицы, а не посринѣ только канавъ, обвалившуюся штукатурку въ церквахъ и оградахъ починить и содержать въ приличіи, публичные сады содержать въ чистотѣ, при чемъ выражено пожеланіе, чтобы каждый городъ имѣлъ у себя подобный садъ. Не мало мѣста посвящено въ циркулярѣ вопросу объ окраскѣ обывательскихъ домовъ и казенныхъ сооруженій. Циркуляръ запрещалъ пестрить дома краскою и дозволялъ ихъ красить только цвѣтами: бѣлымъ, палевымъ, блѣдно-желтымъ, свѣтло-сѣрымъ, дикимъ, блѣдно-розовымъ, сибиркою, но съ большою примѣсью бѣлой краски и желто-сѣрымъ; шлагбаумы, будки для часовыхъ, сошки, подставки барабанныя, надолбы съ перекладинами на улицахъ и мостахъ, версты—красить единственно военною краскою [1]).

Изъ предъидущаго обзора видно, что и эти требованія исполнялись далеко не всѣ.

Что же все таки, кромѣ неудачныхъ мостовыхъ, было сдѣлано для уличнаго благоустройства въ Харьковѣ за первыя три съ половиною десятилѣтія XIX в.? Да очень не многое.

Въ 1816 г. устроены были перила надъ Лопанью возлѣ каменныхъ лавокъ, потому что въ этомъ мѣстѣ существовалъ косогоръ, съ котораго, особенно ночью, не мудрено было угодить и въ рѣку. Въ томъ же году пріѣзжіе піонеры уравнивали на городской счетъ мѣстность за шлагбаумомъ къ Холодной горѣ [2]). Въ 1822 г., во исполненіе циркуляра 1817 г., въ Харьковѣ появился первый городской бульваръ на Николаевской площади, гдѣ теперь Николаевскій скверъ. Устраивался онъ по подпискѣ, въ которой дѣятельное участіе приняло купечество. Обошелся онъ въ 2500 р. [3]). Еще раньше на Университетской горкѣ и по склонамъ ея былъ устроенъ университетскій бульваръ или променада, какъ онъ тогда назывался.

Къ концу 20 годовъ городъ обзавелся городскими часами. Въ 1828 г. дума признала нужнымъ имѣть городскіе часы для того, чтобы опредѣлять въ базарные дни время, когда перекупщики имѣютъ право закупать продукты у привозившихъ ихъ въ городъ крестьянъ (случалось, что закупали до свѣта и продавали потомъ высокою цѣною); городскіе часы, по мнѣнію думы, были необходимы и биржевымъ извозчикамъ, у которыхъ часто выходили недоразумѣнія съ сѣдоками относительно проѣзженнаго ими времени. Содержатель биржи просилъ думу объ устройствѣ часовъ, потому что „разъѣзжающія на биржѣ особы, особливо гг. военные, задерживаютъ кучеровъ лишнее въ часахъ время, иногда съ причиненіемъ имъ по-

---

[1]) Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. II, 1. стр. 445—446, 518—519.

[2]) Арх. Гор Думы. Журн. 1816.

[3]) Тамъ же. Журн. 1822.

боевъ". Расходъ на часы былъ опредѣленъ въ 3600 р., изъ которыхъ 3000 р. далъ содержатель биржи Кувшинниковъ, особенно хлопотавшій объ устройствѣ часовъ. Устройство было поручено вызванному изъ Полтавы иностранцу Эбервейну. Эбервейнъ возился съ часами три года, при чемъ съ думою у него возникли разныя недоразумѣнія, заставлявшія вмѣшиваться въ дѣло устройства часовъ не только губернскую администрацію, но и пріѣзжаго сенатора ревизора Брозина. Въ концѣ концовъ въ 1830 г. часы были готовы и помѣщены на колокольнѣ Николаевской церкви [1]).

Въ 1827 г. на берегахъ Харькова возлѣ мясныхъ рядовъ были устроены перила, здѣсь очень нужныя, а для спасенія утопающихъ городомъ пріобрѣтено двое сѣтей. На Театральной площади возлѣ строившейся въ то время лютеранской церкви были засыпаны глубокія ямы, остававшіяся здѣсь отъ ретирадъ стараго острога и грозившія въ ночное время серьезной опасностью проходящимъ и проѣзжающимъ [2]). Въ 1829 г. былъ устроенъ деревянный подъѣздъ къ бульвару на Николаевской площади. Въ этомъ же году городъ впервые обзавелся тротуарами. Ревизовавшій губернію сенаторъ Горголій велѣлъ устроить тротуары на Николаевской площади, а затѣмъ, какъ видно изъ одного журнала губернскаго правленія, начали они устраиваться и по улицамъ [3]). 1830 г. принесъ харьковцамъ возможность спускаться съ университетской горки къ базару не ползкомъ, какъ это случалось въ дурную погоду, а при посредствѣ деревянной лѣстницы, которая здѣсь была устроена по распоряженію начальства [4]). Въ 1831 г. была приведена въ удобный для пользованія видъ такъ наз. Бѣлгородская криница: для удобства жителей у криницы было сдѣлано три насоса [5]). Въ 1832 г., можетъ быть, подъ вліяніемъ извѣстнаго уже намъ предложенія прокурора Жадовскаго, кромѣ имѣвшагося уже на р. Харьковѣ плота для мойки бѣлья, думою постановлено сдѣлать такіе же плоты на Лопани и Нетечѣ. Вообще въ этомъ году Харьковъ всячески охорашивался и украшался, готовясь къ царскому проѣзду: приводился въ порядокъ городской бульваръ, строились кладки по грязнымъ улицамъ, ремонтировался Лопанскій мостъ, перестраивались и перекрашивались полицейскія будки и т. п. Въ 1833 г. на Михайловской площади, по Высочайшему повелѣнію было устроено плацъ-парадное мѣсто, вокругъ котораго велѣно было насадить деревья [6]).

Болѣе успѣшно пошло дѣло благоустройства города со второй половины тридцатыхъ годовъ. Этому, впрочемъ, городъ обязанъ не энергіи мѣстнаго начальства или представителей городского самоуправленія, а новому теченію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, обратившихъ какъ разъ въ это время особенное вниманіе на благоустройство городовъ, до тѣхъ поръ предоставленныхъ въ этомъ отношеніи собственнымъ силамъ. Вопросъ этотъ обсуждался въ комитетѣ министровъ, признавшемъ необходимымъ генеральное замощеніе всѣхъ русскихъ городовъ, а губернскихъ въ особенности. Обывателямъ предоставлено изыскать по ихъ усмотрѣнію средства для замощенія городовъ. Предполагалось или предоставить самимъ обывателямъ мостить улицы каждому противъ своего двора, какъ это дѣлалось въ Петербургѣ, или учредить особый денежный сборъ на устройство мостовыхъ. Для рѣшенія вопроса о средствахъ на замощеніе и о томъ, какія улицы предпочтительно нуждаются въ замощеніи, комитетъ министровъ находилъ нужнымъ образовать во всякомъ губернскомъ городѣ особые комитеты подъ предсѣдательствомъ губернатора и депутатовъ отъ всѣхъ сословій, имѣющихъ въ городѣ собственные дома. Это положеніе комитета министровъ удостоилось Высочайшаго утвержденія, а затѣмъ во всѣ губерніи былъ разосланъ сенатскій указъ о приведеніи предначертаній комитета въ исполненіе.

Въ Харьковѣ по распоряженію губернатора Трубецкого комитетъ долженъ былъ собраться въ первое засѣданіе 11 марта 1835 г. Думѣ было приказано выбрать по 2 депутата изъ купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій и изъ иностранцевъ. Вошли въ составъ комитета и депутаты отъ обывателей, выборомъ которыхъ распоряжался полиціймейстеръ. Приглашены были, кромѣ того, депутаты отъ университета, духовнаго вѣдомства и дворянства [7]). Не знаемъ, каковы были предположенія этого комитета,

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1823, 1825, 1826, 1827 и 1830 гг.
[2]) Тамъ же. Журн. 1827 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1829 г. и Дѣло Губ. Пр. о злоупотребл. и безпорядкахъ по части полицейской.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1840 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1841 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1833 г. дек. 14.
[7]) Тамъ же. Журн. 1835 г. стр. 340.

извѣстно только, что первый опытъ замощенія города камнемъ былъ очень скроменъ. Въ виду ожидаемаго въ этомъ году проѣзда Государя черезъ Харьковъ, рѣшено было замостить камнемъ часть Московской улицы за р. Харьковомъ (нынѣшней Старомосковской). Въ томъ самомъ имѣніи фонъ Мезенкампфъ, гдѣ въ 1832 г. проф. Краницкій нашелъ кварцъ, оказавшійся, впрочемъ на дѣлѣ не важнымъ, мелкимъ и мягкимъ, куплено было 30 куб. саж. камня, изъ котораго къ царскому проѣзду устроена была мостовая на разстояніи 457 квад. саж. Обошлась она въ 5113 р. 50 к. [1]). Проба, очевидно, оказалась удачной и удостоилась одобренія. Оставалось слѣдовательно и дальше идти въ томъ же направленіи. Но для этого требовались деньги и деньги не малыя, а у города ихъ не было. На помощь городу пришла казна. По рѣшенію комитета министровъ, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія, городу было отпущено заимообразно изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія 200 тыс. руб. на 37 лѣтній срокъ съ тѣмъ чтобы устройство мостовыхъ производилось не вдругъ, а постепенно, равно какъ и заемъ изъ приказа былъ бы производимъ не сразу, а по мѣрѣ надобности. Казенная ссуда обошлась, впрочемъ, Харькову не дешево: сверхъ 5% интереса и 1% погашенія, приходилось платить еще единовременную премію въ $^1/_2$% [2]).

Заботы центральнаго правительства о благоустройствѣ Харькова не ограничились только выдачей ссуды. Въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія благоустройства было выработано и 2 января 1837 г. Высочайше утверждено Положеніе объ устройствѣ г. Харькова. Вѣдать дѣломъ благоустройства былъ призванъ особый строительный комитетъ, въ кругъ вѣдѣнія котораго входило какъ замощеніе города, такъ и надзоръ за мостами, каналами, бассейнами, колодцами, водопроводами, бульварами и мѣстами для военныхъ парадовъ. Наконецъ, для составленія нужныхъ средствъ къ замощенію города былъ установленъ $^1/_4$% сборъ съ недвижимыхъ имуществъ горожанъ, на обязанность которыхъ было возложено и исправленіе мостовыхъ каждымъ противъ своего двора. Не могло обойтись безъ вліянія на благоустройство Харькова и назначеніе его мѣстопребываніемъ Черниговскихъ, Полтавскихъ и Харьковскихъ генералъ-губернаторовъ, обращавшихъ усиленное вниманіе на благоустройство своей резиденціи. Къ нимъ главнымъ образомъ и перешла иниціатива всѣхъ улучшеній въ области благоустройства. Ближайшимъ исполнителемъ воли генералъ-губернатора и его совѣтникомъ въ этой области являлся комитетъ объ устройствѣ г. Харькова.

Съ полученіемъ денегъ на замощеніе и съ созданіемъ особаго органа для завѣдыванія городскимъ благоустройствомъ не было уже препятствій къ приведенію въ исполненіе мысли объ устройствѣ каменныхъ мостовыхъ. Впрочемъ заботы объ этомъ проявлены мѣстнымъ начальствомъ еще до учрежденія комитета. Въ 1836 г. начальство хлопочетъ о камнѣ для будущихъ мостовыхъ. Такъ какъ доставка камня изъ имѣнія Мезенкампфъ была неудобна по причинѣ отдаленности его отъ Харькова, то камень предположено было добывать въ Рогани. Для осмотра камня въ Рогань командировали голову, помощника архитектора и профессора университета въ качествѣ спеціалиста. Роганскій камень оказался негоднымъ, а потому для генеральнаго замощенія города, имѣвшаго начаться съ весны 1837 г., рѣшено было вновь обратиться къ салтовскому камню, образцы котораго по разсмотрѣніи въ совѣтѣ министерства путей сообщенія удостоились одобренія. Въ губернскомъ правленіи назначены были торги съ желающими взять на себя ломку камня въ Салтовѣ и доставку его въ городъ. На первый случай требовалось 260 куб. саж. Подрядъ въ суммѣ 29900 руб. остался за маіоромъ Колокольцовымъ, въ компанію съ которымъ вступилъ поручикъ Римскій-Корсаковъ. Съ весны предположено было приступить къ мощенію Московской отъ моста до дома купчихи Тамбовцевой. По сторонамъ улицы жителямъ на ихъ счетъ велѣно было устроить тротуары изъ каменныхъ плитъ въ два ряда. Плиты добывались гдѣ то въ Бахмутскомъ уѣздѣ и продавались харьковскимъ купцамъ Карташевымъ по 2 р. за штуку [3]). Въ январѣ слѣдующаго 1837 г. подрядъ по замощенію Московской былъ отданъ купцу Половинченкову по 1 р. за квадр. сажень, а всего потребовалось замостить 2500 саж. Возка песку сдана по 5 р. 50 к. за сажень. Работы начались съ весны, а къ сентябрю вся Московская, начиная отъ Харьковскаго моста и до Николаевской площади, была уже замощена, а по сторонамъ проведены тротуары, устройствомъ которыхъ распоряжался инженеръ-поручикъ Кебеко. Для стока воды пришлось прибѣгнуть къ двумъ подземнымъ трубамъ, выстроеннымъ, впрочемъ, изъ обыкновеннаго дерева, при томъ стараго, взятаго изъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1835 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1836 г.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о вызовѣ желающихъ на устройство мостовой въ Харьковѣ.

разобранной настилки Купеческаго моста. Заботы о поддержаніи мостовой въ исправности возложены на домовладѣльцевъ Московской улицы. Кромѣ Московской, мостовыя были проложены въ этомъ году отъ Харьковскаго моста до почтовой конторы (1-я мужская гимназія) и мимо квартиры генералъ-губернатора Строганова (домъ помѣщицы Лаптевой, противъ кирхи).

Взирая на невиданные и неслыханные прежде успѣхи въ области благоустройства, харьковцы радовались и гордились. Но въ дѣйствительности основаній для радости и гордости было мало. Правда, ходить по Московской, благодаря тротуарамъ, стало удобно, что же касается ѣзды, то узкая полоска мостовой, тянувшаяся посреди улицы, окруженная справа и слѣва природнымъ чернозёмомъ, нисколько не гарантировала улицу отъ грязи. Къ тому же и каменная настилка была далеко не прочной. Извѣстный нѣмецкій путешественникъ Коль, посѣтившій Харьковъ въ то время, когда въ немъ была вымощена камнемъ Московская улица, замѣчаетъ, что для ея замощенія взяли такой мягкій камень, что лучше было бы сберечь потраченный на работу трудъ, потому что она (Московская), когда камень изъѣздится, будетъ, безъ сомнѣнія, самой плохой улицей [1]). Дѣйствительность вскорѣ показала, что ученый нѣмецъ былъ правъ. Какъ не проченъ былъ употребленный для мощенія камень, видно изъ того, что уже черезъ годъ послѣ устройства мостовая на Московской потребовала починки [2]), а въ 1841 г. Московскую пришлось вновь перемащивать на средства домовладѣльцевъ [3]). Подходящій для мостовой камень не давался харьковцамъ очень долго. Еще въ 1850 г. адъюнктъ университета, по порученію начальства, разыскивалъ годный для мостовыхъ камень [4]).

Дальнѣйшія работы по замощенію Харькова предположено было вести отъ угла Московской по Торговой и Сергіевской площадямъ до Лопанскаго моста. Потомъ этотъ планъ былъ измѣненъ. Рѣшено вымостить Екатеринославскую до Дмитріевской церкви, а потомъ Сѣнную (Рыбную) отъ Харьковскаго моста до Нетечинской (нижняя часть Университетской) улицы, на разстояніи 6615 квадр. саж. Но далеко не всѣ эти планы были осуществлены въ дѣйствительности. Произошла, очевидно, какая то остановка въ работахъ, объясненіемъ которой служитъ, полагать нужно, слѣдующее обстоятельство. Въ Салтовѣ Римскій-Корсаковъ производилъ ломку камня не крѣпостными, а наемными людьми. Въ виду этого, по распоряженію Волчанскаго уѣзднаго стряпчаго, въ Салтовъ стали посылаться крестьяне-недоимщики, въ разсчетѣ заработанными на каменоломнѣ деньгами пополнить недоимку. Когда недоимщиковъ оказалось слишкомъ ужъ много, Римскій-Корсаковъ отказался принимать новыхъ работниковъ. Въ отместку за это стряпчій приказалъ засыпать шахты. Работы прекратились, Римскій-Корсаковъ понесъ крупные убытки, а стряпчій оправдался тѣмъ, что шахты грозили обваломъ, что и вынудило его дать предписаніе уѣздному суду объ осмотрѣ шахтъ и о законномъ распоряженіи въ случаѣ ихъ неисправности. На мѣсто происшествія былъ командированъ инженеръ Кебеко, который донесъ, что судить, какъ разрабатывались шахты, нельзя, потому что онѣ до основанія засыпаны, и весь яръ наводненъ протоками. Чѣмъ кончилось это дѣло,—не знаемъ, знаемъ только, что за камнемъ для харьковскихъ мостовыхъ вновь пришлось обратиться къ фонъ Мезенкампфъ [5]).

Въ 1839 г. работы по замощенію города продолжаются. Въ это время вымощена была Сумская на пространствѣ 1040 кв. саж. противъ института [6]).

Мы не станемъ останавливаться надъ дальнѣйшими работами по замощенію города, замѣтимъ только, что на ряду съ камнемъ дѣлались попытки примѣнить къ замощенію и торцъ. Такъ въ 1840 г., въ видѣ опыта, торцовая мостовая была проведена на Сумской отъ Хлѣбной (Мироносицкой) площади до университетскаго сада [7]). Капитанъ генеральнаго штаба Мочульскій, описывавшій Харьковъ въ сороковыхъ годахъ, упоминаетъ о торцовой мостовой близь Николаевской церкви [8]). Въ 1842 г. торцовую мостовую мы видимъ

---

[1]) Kohl. Reisen im Inneren von Russlandu. Polen. Th. II, S. 141.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1838 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1841 г.
[4]) Тамъ же Журн. 1850 г.
[5]). Арх. Губ. Пр. 1838 г. б. н.
[6]) Тамъ же. Журн. 1839 г. 19 окт.
[7]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[8]) Военно-статистич. обозр. Россійск. импер. Т. XV, ч. 1, стр. 195.

и возлѣ Лопанскаго моста. Впрочемъ мостовая эта оказалась, повидимому, неудачной, такъ какъ въ томъ же году была замѣнена каменной [1]). Каменные тротуары были только на Московской. На Екатеринославской они появились не раньше 1840 г., когда было приказано устроить тротуары возлѣ нынѣшнихъ скверико въ [2]).

Не забывались начальствомъ и тѣ улицы, которыя не подлежали замощенію камнемъ. Ихъ тоже равняли и, сколько можно, приводили въ порядокъ. Въ этомъ отношеніи благоустройству Харькова много содѣйствовали обыватели, попадавшіе на съѣзжую за шумъ и за буйство. Въ видѣ наказанія, полиція посылала ихъ исправлять улицы [3]). А эти немощеныя улицы дѣйствительно представляли собою въ сырую погоду нѣчто ужасное. Въ 1836 г. по Харьковской набережной отъ Квиткинской плотины и до моста, по нижней части нынѣшней Университетской (отъ Нетечинскаго моста до Каменнаго столба) и по Карталовской улицѣ, на базарѣ отъ Лопанскаго моста между шопой и лавками Павловыхъ и въ мѣстности отъ Карповской криницы до Гончаровскаго мостка стояла такая грязь, что, по оффиціальному свидѣтельству, пробраться черезъ эти мѣста не было возможности даже простымъ крестьянскимъ телѣгамъ. Въ 1837 г., по разсказу Рейнгардта, на Екатеринославской, между скверами, загрузла карета Великой Княгини Елены Павловны. Въ томъ же году по случаю проѣзда царской фамиліи было выведено на улицы, по которымъ ожидался проѣздъ, 79 возовъ соломы, чтобы сдѣлать путь хоть сколько-нибудь возможнымъ [4]). Въ 1838 г. въ августѣ противъ Михайловской церкви стояла такая грязь, что не было никакой возможности провозить провіантъ въ расположенныя въ Михайловскомъ приходѣ военныя казармы [5]).

Что представляли собою улицы, не покрытыя каменной броней, объ этомъ даетъ понятіе цитированный нами уже Коль. Онъ сообщаетъ, что всѣ харьковскія улицы, кромѣ Московской, были не мощеныя; имѣлись по сторонамъ ихъ тротуары, но большею частью деревянные. „При длящемся безпрерывномъ дождѣ, когда черная, твердая земля степной почвы распускается въ глубокую, густую, чрезвычайно вязкую и тинистую кашу, можно себѣ тогда представить, какой замѣчательный видъ представляетъ движеніе пѣшеходовъ и каретъ на улицахъ. Единственное средство, которое здѣсь имѣется у населенія для образованія нѣкоторымъ образомъ твердаго грунта,—это навозъ (дерево здѣсь слишкомъ дорого), которымъ набиваютъ всякую образующуюся впадину. Этотъ матеріалъ для улучшенія сообщенія по улицамъ могъ бы показаться намъ весьма непріятнымъ, но въ этой лишенной дерева и камня странѣ онъ неизбѣженъ, и нужно только разъ испытать его во время грязной погоды, чтобы оцѣнить это изобрѣтеніе, какъ въ высшей степени полезное. Есть такія мѣстности въ городѣ, гдѣ можно подвигаться впередъ, только перепрыгивая съ одной навозной кучи на другую“. Далѣе Коль разсказываетъ, какъ одинъ харьковскій знакомый, приглашая его къ чаю, приказалъ посыпать навозомъ дорожку по улицамъ, ведущимъ къ его квартирѣ. Грязью, царившею на харьковскихъ улицахъ, Коль объясняетъ и обиліе у „прилично одѣтаго свѣта“ каретъ. „Совершенно обыкновенное явленіе въ этой украинской столицѣ пустые визиты къ сосѣду дѣлать на шестеркѣ запряженныхъ лошадей, и часто грязь настолько велика, что всѣ шесть вороныхъ должны честно трудиться“.

Первая половина сороковыхъ годовъ, періодъ генералъ-губернаторства кн. Долгорукова, не много подвинула впередъ дѣло городского благоустройства. Время это можно назвать временемъ благихъ намѣреній, но не дѣлъ. А благихъ намѣреній у генералъ-губернатора, искренне желавшаго благоустроить свою резиденцію, было очень много. При немъ и частью по его иниціативѣ возникъ цѣлый циклъ проектовъ, изъ которыхъ большинство осуществилось только впослѣдствіи, а нѣкоторые такъ и до сихъ поръ не дождались осуществленія. Такъ въ началѣ сороковыхъ годовъ возникъ планъ превращенія городского центра въ сплошной бульваръ. Предполагалось, что бульваръ будетъ начинаться отъ только что выстроеннаго тогда дома купчихи Павловой (Grand Hôtel) и идти по Торговой и Николаевской площадямъ до Сумской улицы. Проектъ обѣщалъ не только украшеніе, но и оздоровленіе Харькова, удостоился Высочайшаго одобренія, и все таки осуществленъ не былъ. Въ началѣ не оказалось денегъ въ думской кассѣ, потомъ нашлись и деньги (6075 р.), и въ 1843 г. вызывались даже черезъ „Губернскія Вѣдомости“

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1839 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1837 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1838 г.

охотники взять на себя подрядъ по устройству бульвара, но дѣло такъ дальше и не пошло [1]). Въ томъ же 1843 г. видимъ проектъ нивеллировки городскихъ улицъ и площадей съ поднятіемъ, гдѣ надобность укажетъ, грунта при помощи фашинника. Предполагалось устроить нѣсколько общественныхъ колодцевъ, выстроить нѣсколько новыхъ мостковъ, а на перекресткахъ улицъ проложить настилки для пѣшеходовъ, устроить у мостка на Екатеринославской резервуаръ и канаву съ трубою для отвода воды. Когда строительная коммиссія обратилась къ думѣ за деньгами для выполненія генералъ-губернаторскихъ предначертаній, дума отвѣтила, что денегъ у нея нѣтъ, да и не предвидится, такъ какъ на городѣ лежитъ долгъ по уплатѣ за произведенный по Высочайшему повелѣнію заемъ на устройство въ Харьковѣ мостовыхъ [2]). Въ томъ же 1843 г. мы встрѣчаемся съ проектомъ устройства набережной на Лопани отъ дома купчихи Павловой до Лопанскаго моста; предположено было затѣмъ укрѣпить берегъ р. Нетечи, устроить каменную мостовую на Николаевской площади и провести здѣсь подземную трубу. Возбужденъ вопросъ объ исправленіи спуска съ Холодной горы. Проектъ работъ былъ даже на разсмотрѣніи главнаго управленія путями сообщенія, а отсюда былъ возвращенъ въ Харьковъ для необходимыхъ исправленій. Но начальникъ работъ Подъяковъ нашелъ, что Холодная гора, благодаря попеченію мѣстнаго начальства, не требуетъ серьезныхъ улучшеній и если въ чемъ и нуждается, такъ развѣ въ проведеніи канавъ около дороги, что можетъ быть исполнено арестантами безъ ущерба для казеннаго интереса. Въ 1845 г. предположено было устроить барьеръ около полисада на Вознесенской площади, но работа эта оставлена впредь до особаго приказанія.

Особенно богатъ былъ предположеніями 1846 годъ, когда по иниціативѣ Долгорукова, подъ его предсѣдательствомъ, былъ открытъ комитетъ по устройству и украшенію г. Харькова. Въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій комитетъ постановилъ выравнять Тюремную площадь, окружить надолбами и обсадить деревьями. Рѣшено было затѣмъ составить смѣту на устройство набережной отъ Лопанскаго моста до дома 2-й гимназіи. На Екатеринославской около бывшаго бассейна предположено завести небольшіе садики, окружить ихъ деревянной рѣшеткой, а по улицѣ устроить поперечный мостокъ съ чугунными перилами. Засадку этого мѣста деревьями взялъ на себя членъ комитета проф. Черняевъ. Составлены были комитетомъ проекты проведенія водосточной трубы отъ Университетской горки до Лопани мимо дома Павловыхъ и устройства съѣздовъ и террасъ отъ Театральной площади до Бѣлгородской криницы. Кромѣ того, комитетомъ рѣшена была нивеллировка Горяинскаго переулка. Въ другомъ засѣданіи комитетъ, обсуждая вопросъ о томъ, откуда брать землю для устройства садиковъ по Екатеринославской, постановилъ вырыть канавы вокругъ тюремнаго замка, чѣмъ, по его мнѣнію, достигались двѣ цѣли: вырытая изъ канавъ земля шла на устройство садиковъ, а канавы служили „охранительною мѣрою для арестантовъ“. Въ томъ же засѣданіи трактовался и вопросъ объ очисткѣ харьковскихъ рѣкъ, для чего архитекторомъ Даниловымъ былъ составленъ подробный проектъ. Озабочивала начальство и давняя язва Харькова—Барабашевская гребля, производившая застой воды въ рѣкѣ и способствовавшая затопленію полою водою усадебъ прибрежныхъ жителей. Еще въ 1843 г. Долгоруковъ обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбой либо уничтожить греблю, либо устроить новую со шлюзами. Въ Петербургѣ рѣшили снести греблю и мельницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ съузить и возвысить отлогіе берега рѣкъ Харькова и Лопани посредствомъ устройства набережныхъ, на что расходъ исчисленъ былъ въ суммѣ 350 т. р. Планъ этотъ пришлось, однако же, оставить въ ожиданіи увеличенія городскихъ доходовъ, ибо даже расходъ въ 10 т. р., которые Квитка просилъ за свою греблю и мельницу, оказался для города непосильнымъ. Что касается шлюзовъ, то на требованіе объ устройствѣ ихъ Квитка отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ [3]).

Было обращено вниманіе и на водоснабженіе города, и тогда же впервые поднятъ вопросъ объ устройствѣ городского водопровода. Водою харьковцы пользовались рѣчною и родниковою. Рѣчная вода, въ виду загрязненія рѣкъ и запруды ихъ плотинами, еще въ концѣ XVIII в. признавалась врачебной управой негодной для употребленія. Не лучше стала она и въ XIX в. Въ 1815 г. медицинскій факультетъ Харьковскаго университета призналъ воду харьковскихъ рѣчекъ гнилою. Врядъ ли, впрочемъ, она и употреблялась для пищи и питья. Для этой цѣли харьковцы пользовались криницами, изъ которыхъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1843 г.

[2]) Тамъ же. Журн. 1843 г.

[3]) Арх. Губ. Пр. Дѣло о пріобрѣтеніи у помѣщика Квитки мельницы 1843—1856 г.

наиболѣе извѣстны Бѣлгородская и Карповская. Былъ, кромѣ того, еще городской колодецъ на Николаевской площади. И этотъ колодецъ, и Бѣлгородская криница принадлежали городу, Карповская криница находилась въ частномъ владѣніи. Пользовались ли харьковцы водою изъ Карповской криницы въ первыя десятилѣтія XIX в., мы не знаемъ, но знаемъ, что уже въ 20-хъ годахъ вода отсюда горожанами бралась безплатно Такъ продолжалось до 1843 г., пока губернатору не пришла мысль облегчить горожанамъ доступъ къ криницѣ устройствомъ мощенаго подъѣзда къ ней. Но мостовая требовала ремонта, а криница надзора, а посему думѣ велѣно было нанять для криницы особаго сторожа, а за пользованье криницей установить плату. Потребителямъ криничной воды розданы были ярлыки на право пользованія водою, при чемъ съ каждой бочки взималось по 3 р. въ годъ; тѣ, кто бралъ воду ведрами, отъ всякихъ сборовъ были свободны. Впрочемъ сборъ просуществовалъ не долго. Губернское начальство сообразило, что нельзя превращать въ городскую оброчную статью того, что принадлежитъ не городу, а частному лицу. Сборъ былъ отмѣненъ, а къ Карпову (Сергѣю) обратились съ просьбой уступить криницу городу. По приказанію начальства Карповъ былъ вызванъ въ думу и здѣсь объявилъ, что уступить криницу городу онъ не въ правѣ согласно духовному завѣщанію своего отца, но ничего не имѣетъ противъ того, чтобы горожане пользовались водою изъ его криницы. Тоже объяснилъ Карповъ и генералъ-губернатору Долгорукову, съ ручательствомъ въ томъ, что ни онъ, ни его наслѣдники не будутъ чинить горожанамъ препятствій въ пользованіи криницей, въ виду чего думѣ было предписано немедленно отправиться in corpore къ Карпову и выразить ему признательность отъ лица городского общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ выпросить у него письменный отзывъ, что ни онъ, ни наслѣдники его не окажутъ препятствія въ томъ случаѣ, если бы изъ его криницы былъ проведенъ въ городъ водопроводъ, а если окажутъ, то обязываются немедленно возмѣстить всѣ издержки, сдѣланныя городомъ для устройства водопровода. Карповъ принялъ членовъ городского муниципалитета, но дать письменный актъ въ желательномъ для начальства смыслѣ отказался, ссылаясь на духовное завѣщаніе своего отца [1]).

Заботы начальства о пріобрѣтеніи городомъ права на Карповскую криницу объясняются тѣмъ, что именно въ это время возникъ планъ устроить въ Харьковѣ водопроводъ.

Мысль о водопроводѣ принадлежала не горожанамъ, а комитету по устройству г. Харькова. Она нашла энергичную поддержку у генералъ-губернатора и мѣстнаго начальства. Въ 1846 г., очевидно по внушенію начальства, о водопроводѣ заговорили и горожане. Въ виду ожидаемаго въ то время двухсотлѣтняго юбилея города, пріуроченнаго, согласно вычисленіямъ харьковскихъ историковъ, къ 15 августа 1846 г., купеческое общество въ собраніи 11 августа разсуждало о томъ, что за 200 лѣтъ своего существованія Харьковъ далеко шагнулъ впередъ по части благоустройства, но „бѣдность и недостатокъ города состоятъ въ томъ, что онъ не имѣетъ хорошихъ рѣкъ и источниковъ для воды". Купечество рѣшило поэтому сдѣлать пожертвованіе на устройство водопроводныхъ каналовъ отъ Карповской криницы въ городъ. Рѣшеніе это было представлено генералъ-губернатору кн. Долгорукову и было имъ одобрено, а купеческому обществу предложено яснѣе высказаться, что оно можетъ дать. Купечество отвѣтило, что для устройства водопровода оно согласно вносить ежегодно въ теченіе двухъ лѣтъ по 1/2% со всѣхъ недвижимыхъ своихъ имѣній съ тѣмъ, чтобы и другія сословія приняли въ этомъ участіе. Другія сословія, т. е. мѣщане и цеховые, также изъявили согласіе на обложеніе ихъ недвижимостей [2]). Такъ было положено основаніе водопроводному капиталу. Крупный вкладъ на устройство водопровода сдѣлалъ иностранецъ, французъ Борель, завѣщавшій на это дѣло 15 т. р. [3]). Дѣло объ устройствѣ водопровода перешло послѣ этого въ административныя учрежденія и здѣсь застряло на долгіе годы.

Изъ широкихъ плановъ генералъ-губернатора было, повторяемъ, осуществлено только немногое. Осушена была при помощи „каналовъ" улица отъ университетскаго манежа до уѣздаго училища [4]). Выстроенъ новый Нетечинскій мостъ [5]). Университетская горка приведена въ лучшій видъ, „обдѣлана" и

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1843 г. №№ 1, 2.
[2]) Тамъ же. Журн. 1856 г.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.
[4]) Архивъ Гор. Думы. Журн. 1844 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1845 г.

засѣжена около университета и присутственныхъ мѣстъ деревьями [1]). На Екатеринославской засыпанъ, повидимому, неудачно, существовавшій здѣсь бассейнъ и устроена деревянная рѣшетка, а на Тюремной площади вырыты рвы возлѣ острога. Берега рѣкъ кое гдѣ были подняты подсыпкой навоза. Фонарей на улицахъ стало не больше, чѣмъ прежде. Въ 1837 г.; по словамъ Пассека, для освѣщенія города зажигалось всего 389 фонарей, а по полицейскимъ свѣдѣніямъ за 1839 г.— 362 [2]). Въ 1840 г. на Сумской герѣло 37 фонарей, на Рыбной—35, Нетеченской—22, Университетской—15, на Николаевской площади—35, на Театральной—36, на Сѣнной—46, на Московской—38. Екатеринославскую освѣщало 55 фонарей, Институтскую (Благовѣщенскую)—35 да по прилегающимъ переулкамъ было 6 фонарей [3]). По свѣдѣніямъ 1842 г., въ первой части (центръ) числилось 106 фонарей, во второй—156 и въ третьей—105. Въ 1845 г. на всю первую часть было 108 фонарей, на вторую—127, а на третью—118, итого 353 на весь городъ [4]). Освѣщался городъ въ теченіе темныхъ ночей отъ 15 сентября по май мѣсяцъ такъ, что на каждый мѣсяцъ приходилось 15 ночей, когда фонари совсѣмъ не зажигались. Что освѣщеніе не могло быть яркимъ,—видно изъ того, что на каждый фонарь въ теченіе ночи полагалось по 1/4 масла [5]). Фонари помѣщались на солидныхъ деревянныхъ столбахъ, но бывали случаи, когда и фонарные столбы переносились съ мѣста на мѣсто. Такъ въ 1841 г., по случаю Царскаго проѣзда, вырыты были фонарные столбы по Институтской и Нѣмецкой улицамъ и вмѣстѣ съ фонарями перенесены на Холодную гору, а по минованіи надобности вновь водворены на свои старыя мѣста [6]). Замощеніе города также не очень шагнуло впередъ. Въ 1846 г. мостовыми обладали только Московская, Сѣнная, Екатеринославская и Нетечинская (нижняя часть Университетской), да проводилась мостовая по Институтской и предполагалась по Николаевской площади.

Проекты улучшеній свидѣтельствовали о просвѣщенномъ вниманіи начальства къ интересамъ города и горожанъ, но сами горожане вліянію начальственныхъ идеаловъ поддавались плохо.

На Екатеринославской мѣсто бывшаго бассейна обыватели считали очень удобнымъ пунктомъ для свалки навоза, такъ что губернатору пришлось дѣлать особое предписаніе, запрещающее унаваживать эту площадку. Вмѣсто навоза въ яму, образовавшуюся на мѣстѣ бассейна, велѣно было сбрасывать грязь, счищаемую съ Лопанскаго моста и деревянной мостовой на Екатеринославской. Думѣ предписано было засыпать навозъ известкой, а сверху землею, чтобы не было дурного запаха [7]). О благоустройствѣ въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ показныхъ улицъ можно судить по тому, что на недавно устроенномъ Лопанскомъ базарѣ, возлѣ Кузинскихъ лавокъ, сваливались цѣлыя кучи навоза, распространявшія по всему базару и прилегающей къ нему мѣстности невыносимое зловоніе, объ уничтоженіи котораго считали нужнымъ трактовать даже принюхавшіеся къ мѣстнымъ запахомъ гласные городской думы [8]). Рѣки по прежнему подвергались унаваживанію. Въ 1840 г. полицеймейстеръ доносилъ губернатору, что зимою по льду р. Харькова въ городъ слѣдуютъ обозы изъ Липцовъ и Дергачей. Прибывая въ городъ, извозчики нерѣдко останавливались съ лошадьми не на постоялыхъ дворахъ, а на льду рѣки, кормили тутъ лошадей и воловъ и оставляли очень замѣтные слѣды своего пребыванія. Ледъ харьковскихъ рѣкъ служилъ излюбленнымъ мѣстомъ остановки и окрестныхъ селянъ, пріѣзжавшихъ въ Харьковъ „базарувати“ [9]).

Въ 1847 г. Долгоруковъ умеръ, не приведя въ исполненіе и десятой части своихъ проектовъ по благоустройству Харькова.

Несравненно счастливѣе Долгорукова оказался его замѣститель Кокошкинъ. При немъ дѣло городского благоустройства сильно шагнуло впередъ. Полицейскій въ душѣ и инженеръ по образованію, Кокошкинъ ставилъ внѣшнее благоустройство своей резиденціи едва ли не главнѣйшей задачей своей дѣятельности. Продолжая начатое его предмѣстниками замощеніе города, Кокошкинъ въ то же время усердно

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1844 г
[2]) Тамъ же. Журн. 1839 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1842 и 1845 гг. (октября 26).
[5]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[6]) Тамъ же. Журналы 1841 г.
[7]) Тамъ же. Журн. 1843 г.
[8]) Тамъ же. Журн. 1841 г.
[9]) Тамъ же. Журн. 1840 г.

занялся осушкою его залопанской части. На Екатеринославской озеро, засыпанное въ Долгоруковскія времена, превратилось въ красивый бассейнъ съ парою плававшихъ на немъ лебедей, исчезнувшихъ только въ 80 годахъ, послѣ упраздненія самаго бассейна и замѣны его фонтаномъ. Работа по устройству бассейна обошлась всего въ 787 р. По обѣ стороны Екатеринославской вблизи бассейна устроены были небольшіе скверы. Была затѣмъ осушена мѣстность, прилегающая къ тюремному замку, сильно страдавшая отъ болота на Тюремной левадѣ. Эта была работа во всѣхъ отношеніяхъ необходимая. Жителямъ Чеботарской и Мало-Дмитріевской улицъ приходилось отъ болота, находившагося возлѣ острога, претерпѣвать настоящія бѣдствія: во время весны, осени и сильныхъ дождей вода, выходя изъ озера, заполняла обывательскіе дворы и улицу и, не имѣя стока въ Лопань, на долгое время застаивалась въ дворахъ, заливала кухни, сараи и погреба и исчезала только тогда, когда впитывалась землею. Домовладѣльцы испытывали непрестанную сырость даже въ верхнихъ этажахъ домовъ, а нижніе становились окончательно негодными для жилья. Воздухъ въ этой мѣстности былъ всегда гнилой, зараженный, губительно вліявшій на здоровье жителей. Особенно дурно отражались условія мѣстности на ближайшихъ сосѣдяхъ озера—арестантахъ тюремнаго замка и солдатахъ гарнизонной казармы. Въ старые годы озеро сообщалось съ Лопанью, потомъ этотъ проходъ былъ закрытъ благодаря застройкѣ мѣстности и угачиванью улицъ навозомъ. Въ 1852 г., по просьбѣ жителей, Кокошкинъ занялся осушкой этой мѣстности. Рѣшено было вычистить дно болота до ключей и возвысить его берега, такъ чтобы здѣсь образовался бассейнъ, которымъ можно было бы пользоваться на случай пожара, а затѣмъ для спуска излишней воды провести отъ этого бассейна каналъ до Чеботарской, а затѣмъ по Чеботарской на протяженіи 180 саж. до рѣки Лопани. На устройство бассейна и проведеніе канала до Чеботарской ассигновано было 531 р. 50 к., остальную часть канала, по Чеботарской, должны были провести на свой счетъ жители этой улицы. Послѣ неизбѣжной переписки съ Петербургомъ въ 1854 г. приказано было начать работы, а 28 декабря 1855 г. архитекторъ Даниловъ донесъ, что бассейнъ готовъ, каналы прорыты и трубы, гдѣ имъ слѣдовало быть, проложены [1]).

Панасовцы тоже страдали отъ воды, но не отъ болотной, а отъ горной. Весною, во время таянія снѣговъ, и при сильныхъ дождяхъ на Панасовку и прилегающую къ ней мѣстность неслись бурные потоки съ Лысой и Кладбищенской горъ, разливались по Панасовкѣ и затопляли сады, огороды, дворы, нижнія жилья и службы обывателей, причиняя вредъ и разореніе. У нѣкоторыхъ домохозяевъ вешняя вода гостила въ усадьбахъ цѣлое лѣто, лишая ихъ возможности имѣть огороды, составлявшіе для многихъ единственное средство къ существованію. Какъ часты были такіе сюрпризы горныхъ потоковъ,—видно изъ того, что въ 1853 г. въ промежутокъ времени отъ 8 февраля по 7 марта Панасовка подвергалась наводненію шесть разъ, при чемъ заливались не только усадьбы и нижніе этажи, но и на самыхъ улицахъ вода поднималась такъ высоко, что для пѣшеходовъ прекращалось сообщеніе всякій разъ на нѣсколько дней. Напоръ воды бываъ такъ силенъ, что изъ садовъ вырывались и уносились цѣлыя деревья съ корнями, разрушались заборы, обрушивалась почва и т. п.

Въ 1853 г., испытавъ шесть наводненій, панасовцы рѣшились наконецъ обратиться къ Кокошкину съ просьбой о благодѣтельномъ начальническомъ участіи къ ихъ положенію. По распоряженію генералъ-губернатора строительной коммиссіей предложено было архитектору Данилову представить проектъ осушенія Панасовки. Рѣшено было направить горные потоки по каналу и возвысить низменность за каналомъ, чтобы не дать водѣ возможности разливаться по этой низменности, какъ она разливалась раньше; кромѣ того, рѣшено осушить при помощи другого канала и самую низменность, которая и сама по себѣ, безъ горныхъ потоковъ, являлась резервуаромъ для снѣговой и дождевой воды. Послѣдній каналъ постановлено соединить съ тѣмъ, который былъ проектированъ для осушенія мѣстности, прилегающей къ тюремному болоту. Смѣта на эти работы была составлена въ суммѣ 105 р. 11 коп. 27 апрѣля 1853 г. генералъ-губернаторъ далъ разрѣшеніе приступить къ работамъ. Окончились работы, повидимому, въ 1855 г. одновременно съ окончаніемъ работъ по осушенію Чеботарской [2]).

Въ захарьковской части вниманіе дѣятельнаго генералъ-губернатора привлекло къ себѣ такъ наз. Попово озеро между Старо-Московской и Конной улицами. Озеро это въ то время принадлежало частнымъ владѣльцамъ, и окрестные обыватели не имѣли никакихъ основаній жаловаться, подобно чеботарцамъ, на

[1]) Арх. Гор. Думы. Дѣло объ осушкѣ болота около тюремнаго замка 1852—1855 гг.

[2]) Арх. Гор. Думы. Дѣло о предотвращеніи наводненій 1853—1854 гг.

неудобство такого сосѣдства. Генералъ-губернаторъ рѣшилъ сдѣлать изъ озера водоемъ для общественнаго пользованія, въ виду того, что эта мѣстность не близка къ рѣкѣ. Озеро оказалось по измѣренію глубиною не больше 1½ аршина, дно его покрыто навозомъ, и въ жаркіе дни озеро почти совсѣмъ высыхало. Это не отклонило, однако, Кокошкина отъ намѣченной имъ цѣли. Послѣ переговоровъ съ владѣльцами Поповой левады было рѣшено вознаградить ихъ за утрачиваемую собственность соотвѣтствующими участками земли изъ городского выгона въ Немышлянскихъ дачахъ, а леваду передать въ собственность города, развести здѣсь садъ, къ озеру сдѣлать два проѣзда со стороны Енинской и Московской улицъ, а на устройство водоема употребить 1050 р. 79 коп., изъ городскихъ доходовъ, которые и внесены въ смѣту на 1852 г. Работы въ 1852 г. не могли состояться по недостатку арестантовъ, занятыхъ другими работами по городу, но озеро изъято изъ частнаго владѣнія. Былъ ли проектъ Кокошкина доведенъ до конца,—наши источники не говорятъ [1]). На планѣ Харькова, составленномъ въ 1852—1853 гг., мѣстность Попова озера представлена, какъ городской садъ, а озеро въ видѣ круглаго бассейна.

Крупнымъ дѣломъ Кокошкинскаго времени было укрѣпленіе береговъ Харькова и Лопани и устройство набережныхъ. Планъ этихъ работъ былъ составленъ еще при Долгоруковѣ, и даже было кое что осуществлено въ дѣйствительности. По берегамъ рѣкъ дѣлались насыпи, но большею частью изъ навоза, какъ это было, напр., около Лопанскаго моста. Такая набережная при первомъ же половодьѣ рисковала свалиться въ рѣку и еще болѣе загрязнить ея грязное русло. Возлѣ Харьковскаго моста правый берегъ былъ укрѣпленъ сваями, но онѣ скоро были снесены или же разрушены. Во время разливовъ рѣки вода здѣсь ежегодно подмывала правый берегъ, благодаря чему пространство между мостомъ и Московской съ каждымъ годомъ становилось меньше, а напоръ льда и весенней воды на мостъ увеличивались, такъ что существовала опасность, что въ концѣ концовъ Московская улица окажется совсѣмъ оторванной отъ моста новымъ рукавомъ рѣки.

Предположено было правый берегъ р. Харькова на пространствѣ 125 саж. выпланировать подъ правильный откосъ и укрѣпить мостовою изъ крупнаго булыжнаго камня во мху, съ забитіемъ круглыхъ деревянныхъ свай, лѣвый берегъ на протяженіи 60 саж. рѣшено засыпать землею, а береговые откосы одѣть дерномъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено было выстроить и новый мостъ, отнеся расходъ по сей части на земскіе сборы, такъ какъ мостъ лежалъ на проѣзжей дорогѣ. Такія же работы рѣшено произвесть и по лѣвому берегу Харькова у Нетечинскаго моста, который тоже предположено выстроить заново. Здѣсь происходило тоже, что и возлѣ Харьковскаго моста. Правый берегъ мелѣлъ, а вода устремлялась на песчаный лѣвый и ежегодно отрывала отъ него значительные куски материка. За три года вода оторвала не меньше 4 саж. Грозила опасность прекращенія прямого сообщенія съ Нетечинской улицей. Предположено было укрѣпленіе и лопанскихъ береговъ: лѣваго—отъ дома Павловой до сліянія рѣкъ, праваго—отъ Купеческаго моста вверхъ по теченію рѣки.

Начались работы. Справиться съ харьковскими рѣками было, однако же, не такъ то легко. Въ половодье 1853 г. правый берегъ рѣки Харькова, только что укрѣпленный, вновь оказался испорченнымъ на пространствѣ 80 саж. Работы продолжались нѣсколько лѣтъ. Первоначальный скромный планъ ихъ былъ значительно расширенъ. Такъ берега р. Харькова укрѣплялись уже отъ Бѣлгородской улицы до острова Доброй Надежды и далѣе до Москалевки; лопанскіе берега обдѣлывались почти на всемъ протяженіи рѣки въ предѣлахъ города. Потребовалось и открыть берега рѣкъ, на что и было испрошено Высочайшее согласіе въ одинъ изъ проѣздовъ Императора Николая черезъ Харьковъ. Результатомъ этого было отчужденіе береговой полосы у тѣхъ владѣльцевъ, усадьбы которыхъ подходили прямо къ рѣкѣ. Всѣ эти работы стоили крупныхъ денегъ городу и земскимъ суммамъ. Приходилось приплачиваться и самимъ обывателямъ. Такъ въ 1855 г. сдѣлано распоряженіе, чтобы владѣльцы дворовъ по берегу Нечоти навозили каждый на свой участокъ набережной песку. Берега выпланированы и приведены въ благообразный видъ [2]), но справиться съ наводненіями такъ и не удалось. И послѣ Кокошкина вешнія воды р. Харькова затопляли правый берегъ и не всегда допускали свободное сообщеніе захарьковской части съ центромъ города.

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Дѣло по предложению генер.-губернатора объ учрежденіи комитета для пріисканія способовъ къ украшенію г. Харькова и объ озерѣ Поповомъ 1846 г.

[2]) Арх. Гор Думы. Дѣло объ укрѣпленіи береговъ рр. Харькова, Лопани и Нетечи 1847—1856 гг.

Выстроено нѣсколько новыхъ мостовъ. На Лопани—Лопанскій и Благовѣщенскій. Возлѣ Лопанскаго моста Кокошкинъ приказалъ для украшенія площади насадить тополей, купленныхъ въ университетскомъ ботаническомъ саду. На Харьковѣ выстроены вновь мосты Харьковскій и Нетечинскій. Былъ окончательно порѣшенъ и вопросъ о Квиткинской греблѣ, служившей въ теченіе десятилѣтій причиной постоянныхъ подтоповъ усадебъ прибрежныхъ домовладѣльцевъ. Въ 1855 г. Квиткинская гребля была наконецъ куплена городомъ за 4 тыс. р. и уничтожена. Выстроенъ былъ новый Троицкій мостъ съ плотиной и водоспускомъ, но оказался непрочнымъ: выстроенный къ зимѣ, онъ уплылъ весною съ полою водою.

Много возился Кокошкинъ и съ улицами, желая привести ихъ въ благообразный видъ. На Екатеринославской была срѣзана возвышенность у Дмитріевской церкви, и вся улица была выровнена. Большую услугу оказалъ Кокошкинъ Харькову и приведеніемъ въ удобный видъ спуска съ Холодной горы. Не смотря на то, что черезъ гору лежалъ почтовый трактъ, по которому шло оживленное движеніе, проѣздъ здѣсь былъ крайне неудобенъ по причинѣ крутизны горы и невылазной грязи. Кокошкинъ сдѣлалъ въ горѣ широкую вырѣзку, по которой провелъ покатую дорогу, вымостивъ ее булыжникомъ. Съ прорѣзкой Холодной горы и устройствомъ шоссе были уничтожены и тѣ, въ своемъ родѣ историческія сооруженія у подошвы Холодной горы, какія существовали здѣсь съ Екатерининскихъ временъ. Въ 1855 г. бывшіе здѣсь каменные столбы и караульни были сломаны, такъ какъ мѣшали работамъ [1]). Приведена въ благоустроенное состояніе и Сумская. Здѣсь въ концѣ города съ 1852 г. началась по Высочайшему повелѣнію постройка Курско-Харьковскаго шоссе, соединившаго Харьковъ удобопроѣзжею дорогою съ сѣверными центрами промышленной жизни. Кокошкину обязана приведеніемъ въ благообразный видъ и Университетская горка. Кокошкинъ обложилъ ея ребра дерномъ и приказалъ устроить для нея каменную лѣстницу. Лѣстница, вѣроятно, была не важная, ибо дума ассигновала на нее всего только 188 р. Строилъ ее архитекторъ Тонъ. На горкѣ и подъ горкою устроены были скверы, а внизу подъ горкой выстроенъ торговый рядъ, названный въ честь генералъ-губернатора Сергіевскимъ. Университетскій дворъ со стороны горки по приказу Кокошкина былъ обведенъ каменной оградой, и такимъ образомъ непосредственное сообщеніе между горкой и университетскимъ дворомъ было уничтожено. Было обращено особенное вниманіе на засадку городскихъ бульваровъ деревьями. Обязанность эта была возложена на садовника Зеленса, которому съ 1855 г. было приказано выдавать жалованье изъ городскихъ доходовъ. Въ томъ же году на Дунинской левадѣ, принадлежавшей городу, была посажена „школа“ тополей. Цѣль устройства школы—обсадка, согласно Высочайшей волѣ, городскихъ улицъ деревьями. Высочайшая воля была высказана въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая Павловича въ Харьковъ, и повинуясь ей, жители обсадили улицы вдоль линіи домовъ и заборовъ деревьями. Но деревья принимались далеко не всѣ, ихъ приходилось замѣнять новыми, тоже не всегда принимавшимися. Начальство такую неудачу объясняло тѣмъ, что деревья покупаются жителями на рынкахъ, съ подрѣзанными корнями, потерявшія жизненную силу, или не соотвѣтствующія почвеннымъ условіямъ. Находя, что въ Харьковѣ успѣшнѣе всего растутъ тополи, губернаторъ и приказалъ устроить школу тополей на Дунинской левадѣ [2]). Постройка ветеринарнаго училища заставила Кокошкина произвести нѣкоторыя измѣненія въ направленіи здѣсь Сумской улицы. Для училища была отнята часть Университетскаго сада. Считалъ генералъ-губернаторъ (онъ же и попечитель учебнаго округа) нужнымъ привести въ порядокъ и Университетскій садъ. По его распоряженію былъ запруженъ довольно глубокій яръ со стороны ветеринарнаго института съ цѣлью устроить резервуаръ. Попытка, однако, не удалась: весною растаявшая снѣговая вода прорвала запруду, и резервуаръ погибъ. Заботы по устройству улицъ и скверовъ обходились очень чувствительно для городской казны, но все же сравнительно дешево, такъ какъ генералъ-губернаторъ производилъ всѣ эти работы хозяйственнымъ способомъ—арестантами, получавшими гораздо меньшее сравнительно съ вольными рабочими вознагражденіе. Живой и мертвый инвентарь обязанъ былъ доставлять городъ, который обзавелся въ то время 50 парами воловъ, столькими же телѣгами, лопатами, заступами, ломами и пр. Волы на зиму продавались, а весною покупались новые. Питаніе ихъ обходилось не дорого, такъ какъ жили они большею частью на подножномъ кормѣ [3]).

[1]) Харьк. Вѣд. 1852 г. № 22.

[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1855 г.

[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1850—1855 гг. Харьковск. Сборн. Кн. 1, стр. 157—158.

По иниціативѣ Кокошкина сдѣланы были кое-какія улучшенія и въ освѣщеніи городскихъ улицъ. Въ 1850 г. предположено было перейти отъ освѣщенія фонарей конопляннымъ масломъ къ спиртовому. Въ мартѣ 1850 г. изъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ былъ выписанъ для пробы спиртовой фонарь [1]), и послѣ его одобренія начали устраиваться такіе же фонари и для освѣщенія харьковскихъ улицъ. Впрочемъ замѣна масла спиртомъ совершалась медленно. Въ теченіе 1854—1855 г. въ центрѣ города было установлено всего 142 спиртовыхъ фонаря. Въ 1856 г., когда Кокошкинъ пересталъ уже быть генералъ-губернаторомъ, эта скромная цифра нѣсколько увеличилась.

Кокошкинымъ значительно подвинуто впередъ и дѣло замощенія города, хотя и теперь мостовыя сооружались по старому, т. е. узкой полоской по срединѣ улицы, благодаря чему мостовыя всегда были покрыты толстымъ слоемъ грязи и въ сырое время имѣли не такъ уже много преимуществъ передъ грунтовою дорогой, идущей о бокъ съ ними. Обращено было Кокошкинымъ вниманіе и на пожарный обзоръ и команду, и въ этой области достигнуты кое какія улучшенія. Уменьшенію числа пожаровъ способствовало также уничтоженіе соломенныхъ крышъ въ центрѣ города, противъ которыхъ Кокошкинъ велъ энергичную борьбу. Изданы были строгія предписанія о томъ, чтобы жители непремѣнно имѣли при домахъ лѣстницы; чтобы на крышахъ обязательно помѣщались кадки съ водой и помелами на случай пожара; чтобы у основанія крышъ непремѣнно пристраивались площадки, на которыхъ могли бы работать пожарные. За исполненіемъ этихъ предписаній генералъ-губернаторъ наблюдалъ самолично и строго взыскивалъ съ полиціи и домовладѣльцевъ, если замѣчалъ какое нибудь уклоненіе отъ исполненія его распоряженій. Благодаря Кокошкину Харьковъ, по отзыву одного изъ современниковъ, „совершенно преобразился и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ“. И все же въ немъ только лучшія улицы были вымощены, а изъ площадей мостовыя имѣлись только на Театральной и Павловской. Базарная площадь осенью и весною представляла болото [2]).

Въ шестидесятыхъ годахъ продолжались работы по устройству городскихъ улицъ и площадей и по прокладкѣ мостовыхъ. Земляныя работы, какъ и раньше, велись арестантами при помощи городского воловьяго парка. Устройство мостовыхъ производилось или хозяйственнымъ распоряженіемъ думы, или съ подряда. Чтобы дать понятіе о томъ, что въ это время дѣлалось, приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ уличныхъ работахъ въ Харьковѣ въ 1864—1866 гг. Въ это время вымощена Семинарская гора (Бурсацкій спускъ), постоянно повреждавшаяся потоками снѣговой и дождевой воды. Середина горы устроена въ видѣ спуска и снабжена водосточными каналами, по обѣимъ сторонамъ спуска проведены улицы шириною до 7 саж., съ нарѣзкою тротуаровъ. Возлѣ зданія второй части по Николаевской площади и Университетской улицѣ спланировано мѣсто подъ мостовую, а затѣмъ проложена и мостовая. Благодаря этому образовалось кратчайшее сообщеніе между Сумской улицей и Благовѣщенскимъ базаромъ. Правда, сообщеніе это и раньше существовало, но было очень часто совершенно недоступнымъ ни для прохожихъ, ни для проѣжихъ. Мѣстные жители сами отъ себя по мѣрѣ силъ и усердія исправляли здѣсь дорогу. При разработкѣ въ 1864 г. спуска замѣчены были слѣды прежнихъ усилій и безтолковой возни съ этою горою, безъ всякой правильной системы. Чего только тутъ не было! И мощеніе камнемъ, и выстилка кирпичомъ, и просто кучами щебня съ навозомъ—всего этого вдоволь валили въ огромныя промоины, а землю между тѣмъ и съ камнями, и съ щебнемъ выносило бѣшенымъ дождевымъ потокомъ въ рѣку, поднимая ея русло, и безъ того засоренное и скудное водою. Послѣ того улица опять обращалась въ сплошной безобразный оврагъ, изрѣзанный глубокими водороинами, и опять принимались ихъ заваливать навозомъ и всякимъ соромъ. Понятно, что отъ всего этого лѣтомъ въ жаркіе дни поднимались отсюда смрадныя и удушливыя испаренія, дѣлавшія весьма непріятнымъ сосѣдство съ этой горой. Послѣ прокладки мостовой мѣстность эта стала болѣе благоустроенной.

Отъ моста у Благовѣщенскаго базара вправо до городской левады сдѣлана набережная и замощена булыжникомъ. Лѣвая сторона Клочковской улицы, наводнявшаяся по всѣмъ дворамъ и подваламъ домовъ отъ каждаго порядочнаго дождя, спланирована большею частью въ глубокой выемкѣ съ устройствомъ сточныхъ канавъ, и улица замощена камнемъ до водопоемнаго моста. Оврагъ около дѣтскаго

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1850 г., мартъ.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862 г. № 1.

пріютъ съ весьма опасною по нему дорогою правильно разработанъ: тамъ устроенъ въ средней части спускъ съ образованіемъ профиля, удобной для стока воды, съ отдѣлкой подъ рейку прилегающихъ къ спуску откосовъ, правая и лѣвая стороны спуска устроены въ видѣ террасъ съ тротуарами, бульварами и шлюзами для стока воды, края террасъ обнесены барьерами. Спланирована Зміевская улица съ нарѣзкою тротуаровъ и устройствомъ водостоковъ. Выровнена площадь около Михайловской церкви. Очищена отъ глубокаго слоя навоза и спланирована Функовская улица, Коцарская улица спланирована на протяженіи 135 саж., Чеботарская значительно выровнена. Приведена въ порядокъ Конная улица; проведено полотно для мостовой по Кузнечной улицѣ до моста и за мостомъ до Михайловской площади; мѣстность на Рыбномъ базарѣ и спускъ къ Нетечѣ очищены отъ глубокой невылазной грязи и спланированы кирпичнымъ щебнемъ подъ мостовую. Засыпаны топкія мѣста и исправлены проѣзды на Пескахъ; приведены въ порядокъ улицы и спуски отъ воротъ Благотворительнаго общества; спланирована Черноглазовская улица въ глубокой выемкѣ, съ устройствомъ тротуаровъ; расширенъ и приведенъ въ порядокъ спускъ къ Бѣлгородской улицѣ; расширенъ проѣздъ по Дѣвичьей улицѣ; спланированы переулки Молчановскій, Троицкій, Подольскій, Слесарный, Петровскій, Инструментальный, Театральный, Грековская улица и часть Молочной. На Благовѣщенскомъ базарѣ спланирована вся мѣстность на пространствѣ 14000 к. с. въ теченіе трехъ лѣтъ, съ очисткой навоза, выравниваньемъ бугровъ и засыпкою ямъ. Перестроенъ бульваръ отъ большого Лопанскаго моста къ Маріинскому женскому училищу на протяженіи 75 погон. саж., и устроено изъ остатковъ камня для мощенія улицъ шоссе по Садово-Куликовской, отъ Нѣмецкой улицы къ Благотворительному обществу. За земляными работами слѣдовало обыкновенно замощеніе разработанныхъ мѣстъ булыжникомъ. Въ теченіе 1864—1866 гг. вновь проведено мостовыхъ 7421 кв. саж., да перемощено старыхъ 4027 кв. саж. Техническая часть работъ велась подъ надзоромъ губернскаго инженера Лебедева. Успѣхами своего благоустройства въ это время городъ обязанъ также энергіи губернатора Сиверса и вице-губернатора Беклемишева [1]). Камень для мостовыхъ покупали у савинскихъ крестьянъ (Изюмск. у.). Починка мостовыхъ лежала на обязанности домовладѣльцевъ, а въ случаѣ уклоненія ихъ отъ этого мостилъ городъ, а съ домовладѣльцевъ взыскивалась стоимость работы [2]).

Подводя итоги всему тому, что было сдѣлано по части замощенія города въ дореформенный періодъ, видимъ, что съ 1836 по 1872 г. было замощено 48 т. квадр. саж. Мощеніе производилось на счетъ $^1/_4$% сбора. Оно не было сплошное: многія улицы и площади замащивались только по срединѣ. Перемащивались улицы до 1872 г. самими жителями—домовладѣльцами. Операція эта подвигалась медленно и велась подъ руководствомъ губернской строительной коммиссіи и полиціи. Способъ постройки былъ самый неудобный; жители часто принуждены были ремонтировать свои участки, и это соединялось для нихъ съ большими затрудненіями. Многія улицы оставались въ первобытномъ состояніи, даже безъ тротуаровъ, и дѣлались весною и осенью непроѣзжими, между тѣмъ какъ по этимъ, именно улицамъ въ базарные дни направлялись транспорты сельскихъ продуктовъ. Таковы были: Михайловская, Зміевская, Грековская, Большая Панасовская, значительная часть Клочковской, Нѣмецкой, Бѣлгородской и площади—Конная, Мироносицкая и Жандармская. Даже центральныя площади—Торговая и Театральная были вымощены только полосами и оставались въ грязномъ видѣ, а Николаевская была замощена только лѣтомъ 1873 г. Что же касается базарныхъ площадей—Нетечинской и Благовѣщенской, то и въ началѣ 70-хъ годовъ онѣ по прежнему были покрыты густымъ слоемъ навоза [3]).

Изъ уличныхъ работъ этого времени заслуживаетъ упоминанія сооруженіе монументальной каменной лѣстницы съ Университетской горки, замѣнившей лѣстницу кокошкинской постройки. Лѣстница была устроена по иниціативѣ губернатора Дурново. Постановленіе думы объ ея устройствѣ послѣдовало въ 1868 г. Для скорѣйшаго осуществленія этого постановленія, въ виду недостатка городскихъ средствъ, Дурново пожертвовалъ довольно значительную сумму. Лѣстница была устроена изъ цемента, украшена по краямъ большими шарами на пьедесталахъ. Видъ этого сооруженія, на которое была затрачена очень крупная сумма, казался современнымъ харьковцамъ дѣйствительно великолѣпнымъ [4]). Въ первое время послѣ ея

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. №№ 5 и 6.
[2]) Тамъ же. 1866 г. № 15.
[3]) Тамъ же. 1873 г. № 192.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 65 и Харьк. Календарь на 1878 г., стр. 206.

устройства на горкѣ надъ лѣстницей собирались гуляющіе, приходившіе сюда любоваться какъ лѣстницей, такъ и красивымъ видомъ на залопанскую часть города, открывавшимся отсюда. Впослѣдствіи, послѣ устройства новаго Сергіевскаго ряда, лѣстница была обезображена, но и до сихъ поръ хранитъ все-таки слѣды былой красоты.

Усовершенствовалось и уличное освѣщеніе. Съ 1858 г. сталъ входить въ употребленіе уже газъ. Повидимому, это не то, что теперь называется этимъ именемъ. Газъ приготовлялся изъ спирта, который позволено было для передѣлки въ газъ ввозить въ городъ ежегодно въ количествѣ 1208½ ведеръ. Познакомилъ съ нимъ впервые харьковцевъ управлявшій харьковскимъ откупомъ севастопольскій 1-й гильдіи купецъ Тарасенковъ [1]). Пошло затѣмъ въ ходъ и „минеральное масло“ (керосинъ). Въ шестидесятыхъ годахъ начинаютъ возникать проекты устройства газоваго освѣщенія. Въ 1867 г. была образована городскимъ обществомъ особая коммиссія по газовому освѣщенію, которая и выработала условія для предпринимателей [2]). 19-го марта 1869 г. городскою думою заключенъ съ уполномоченнымъ отъ петербургскихъ купцовъ, торгующихъ подъ фирмою Задлеръ и Арманъ, французскимъ подданнымъ Дессемономъ, контрактъ на устройство въ Харьковѣ газоваго освѣщенія. Компаніи предоставлено было исключительное право на освѣщеніе Харькова текучимъ газомъ посредствомъ установки тысячи фонарей въ тѣхъ улицахъ и мѣстахъ, которыя указывались думою по соглашенію съ компаніей. По условію, свѣтъ изъ газоваго фонаря долженъ равняться силѣ свѣта 14 четвериковыхъ стеариновыхъ свѣчей [3]). Контрагенты, какъ это обыкновенно бываетъ, оказались не совсѣмъ аккуратны и къ сроку (8 октября 1871 г.) городъ не освѣтили, ссылаясь въ оправданіе на „волю Божію“. Тѣмъ не менѣе за два дня передъ Рождествомъ 1871 г. газовые фонари были зажжены въ первый разъ. Харьковцамъ освѣщеніе очень понравилось, и бывалые люди съ торжествомъ заявляли, что оно лучше петербургскаго. Область газоваго освѣщенія на востокъ заканчивалась Михайловской площадью, на западѣ газовымъ заводомъ, Жандармской площадью и Александровской улицей, на сѣверѣ—Сумской до института, Клочковской по Мордвиновскую, Нѣмецкой по Чернышевскую, а на югѣ—Кузнечной и Нетечинскимъ базаромъ. Остальная часть города освѣщалась керосиновыми фонарями, которыхъ, впрочемъ, въ 1871 г. было всего 128 [4]). Газъ былъ проведенъ и въ нѣкоторыя городскія учрежденія: полицейскія части, Александровскую больницу и др. Газомъ стали освѣщаться и нѣкоторыя частныя помѣщенія: магазины, конторы и др.

Мѣры, принимавшіяся Кокошкинымъ къ устройству скверовъ и засажденію улицъ деревьями, послѣ его отъѣзда изъ Харькова были оставлены. Къ началу семидесятыхъ годовъ уцѣлѣли только городскіе скверы по Екатеринославской улицѣ да посадки на Университетской горкѣ. Правда, городомъ въ это время былъ пріобрѣтенъ огромный, въ 28 десятинъ, садъ Карпова, но пользы отъ этого пріобрѣтенія для горожанъ было мало. Дореформенная дума, блюдя городскіе финансы, предпочитала сдавать Карповскій садъ въ аренду за нѣсколько сотъ рублей, такъ что обывателю волей-неволей приходилось „для прогулокъ подальше выбрать закоулокъ“. Потомъ черезъ Карповскій садъ прошла желѣзная дорога, раздѣлившая его на двѣ части. Тогда для сада насталъ періодъ мерзости запустѣнія. Садъ былъ изрытъ въ разныхъ мѣстахъ, многіе источники засорены, деревья частью вырублены, частью изломаны, садъ глохъ и приходилъ въ разрушеніе, а солдаты ближайшей къ нему Москалевской казармы, пользуясь отсутствіемъ огорожи вокругъ сада, смѣло переправлялись черезъ рѣку и, нисколько не смущаясь присутствіемъ сторожа, рубили деревья и уносили къ себѣ въ казарму. Не больше стѣснялись присутствіемъ сторожа и праздничные посѣтители сада, въ минуту пьянаго веселья истреблявшіе все, что попадалось подъ руку [5]). А вѣдь еще не такъ недавно, при Карповѣ, садъ считался образцовымъ.

Вопросъ о водоснабженіи города, поднятый еще въ сороковыхъ годахъ, и теперь остался не разрѣшеннымъ. Правда, теперь этотъ вопросъ выходитъ изъ стадіи канцелярскаго разсмотрѣнія, въ которой онъ находился при Кокошкинѣ, и передается на обсужденіе городского общества. Пишутся проекты, приглашаются предприниматели, заключается даже договоръ съ фирмою Задлеръ и Арманъ, но дѣло такъ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1858 г.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г. № 51.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 11.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. №№ 86, 143, 175, 180 и 189.
[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. № 120.

и не пошло дальше. Единственнымъ вещественнымъ памятникомъ, свидѣтельствовавшимъ о добрыхъ намѣреніяхъ по части водоснабженія, остался выстроенный предпринимателями резервуаръ на Холодной горѣ, но и тотъ былъ выстроенъ такъ плохо, что вскорѣ совсѣмъ развалился. Воду харьковцамъ приходилось добывать по старому изъ городскихъ криницъ съ помощью водовозовъ, доставлявшихъ воду на дома иногда въ самомъ безобразномъ видѣ. Отъ продолжительнаго храненія въ кадкахъ вода еще болѣе портилась и въ такомъ видѣ поступала въ употребленіе. Свѣжая вода была въ Харьковѣ рѣдкостью, доступной только очень богатымъ людямъ или обывателямъ, жившимъ поблизу криницъ. Съ увеличеніемъ населенія нужда въ водѣ сказывалась сильнѣе и сильнѣе, особенно послѣ того, какъ съ устройствомъ желѣзной дороги засорились карповскіе ключи. Одной изъ первыхъ заботъ реформированной думы была очистка и приведеніе въ порядокъ старыхъ городскихъ колодцевъ и устройство новыхъ [1]).

Съ введеніемъ Городоваго Положенія 1870 г. дѣло городского благоустройства почти всецѣло перешло въ руки общественнаго управленія. Въ этотъ періодъ благоустройства Харьковъ дѣлаетъ крупный шагъ впередъ. Улучшается замощеніе города и расширяется его площадь, умножается число мостовъ, устраиваются набережныя, предотвращающія бѣдствія отъ весеннихъ наводненій, проводится водопроводъ, устраивается конка, на городскихъ улицахъ мѣсто керосиновыхъ фонарей занимаетъ электрическое освѣщеніе.

Замощеніе города въ дореформенный періодъ шло не особенно удачно, во первыхъ, по недостатку подходящаго камня, во вторыхъ—по отсутствію надлежащаго умѣнья взяться за дѣло. Не особенно удачно шло замощеніе и на первыхъ порахъ дѣятельности пореформенной думы. Не было подходящаго камня, а когда его наконецъ нашли въ Кременчугѣ, онъ оказался очень ужъ дорогимъ. Къ тому же встрѣтились затрудненія и со стороны желѣзной дороги при доставкѣ камня въ Харьковъ. Замащивали по прежнему главныя улицы, на остальныя, въ особенности на улицы, по которымъ провозился изъ деревень съѣстные продукты, вниманія не обращалось. Ежегодно мостились и исправлялись Московская и Екатеринославская улицы, но едва кончалась работа въ одномъ ихъ пунктѣ, какъ приходилось начинать въ другомъ. Это были, по выраженію Е. С. Гордѣенко, заколдованныя улицы. Мостили песчаникомъ, потомъ гранитомъ, но толку выходило мало. Былъ одно время испробованъ и асфальтъ. Имъ замостили часть площади подъ Университетской горкой, пробовали мостить и въ другихъ мѣстахъ, но опытъ оказался неудачнымъ [2]). Какъ-ни какъ, дѣло все таки подвигалось впередъ. По отчетамъ городской управы, за время съ 1872 по 1879 г. было произведено новыхъ мостовыхъ работъ на 41479 кв. саж. да перемощено старыхъ мостовыхъ 45961 кв. саж. Къ 1880 г., по подсчету А. П. Шимкова, городъ имѣлъ уже 35 верстъ мостовыхъ, занимавшихъ площадь нѣсколько больше 90 тыс. кв. саж. Тѣмъ не менѣе дѣло не было сдѣлано даже и на половину, ибо незамощенныхъ улицъ и площадей оставалось еще около 100 тыс. кв. саж. На ремонтъ мостовыхъ тратилось до 20 тыс. руб. ежегодно, но блестящимъ состояніемъ онѣ похвалиться отнюдь не могли. Мостовыя были крайне неудобны для ѣзды, къ тому же вѣчно покрыты пылью и грязью, что вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что значительная часть Харькова была не замощена [3]).

Замощенъ былъ преимущественно центръ, а окраины по прежнему тонули въ грязи. На Петинской, противъ нынѣшняго ремесленнаго училища, еще въ началѣ 80-хъ годовъ стояла невылазная лужа, пересыхавшая только въ самую жаркую погоду. Зміевская въ распутицу была совершенно непроходимой. По Михайловской площади въ сухую погоду носились цѣлыя облака пыли. Такіе близкіе къ центру мѣстности, какъ Газетный или Конный переулки, тонули въ грязи, а Москалевка пребывала въ своей патріархальной невинности, гарантируемая отъ болотъ и топей только свойствомъ своей почвы. Въ 80-хъ годахъ дошла очередь и до этихъ забытыхъ краевъ. Въ 1882 г. проводятся мостовыя по Воскресенской, Нетечинской и Рымарской. Въ 1883 г. замащивается часть Грековской и Тюремная площадь. Въ 1884 и 1885 г.г. замащиваются Газетный и Конный переулки, часть Нѣмецкой, Кацарской и Чеботарской, Рыбная площадь. Мостовая появляется и на далекой Петинской и еще болѣе далекой Молочной, замащивается часть Большой Москалевской, появляется наконецъ мостовая и на Журавлевской улицѣ.

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г. №№ 69, 76, 108, 129, 143, 175.
[2]) Харьковск. Губ. Вѣд. 1875 г. № 65.
[3]) Шимковъ. Во что обходится Харькову его неблагоустройство, стр. 15

Мы не станемъ подробно перечислять, когда и какая улица вновь вымощена или перемощена. Отмѣтимъ только, что, не смотря на заботливость городского управленія, ежегодно прибавлявшаго что нибудь къ уже замощенной площади, городское замощеніе не могло все таки угнаться за быстрымъ ростомъ города. И въ восьмидесятыхъ годахъ, какъ и въ семидесятыхъ, мѣшало дѣлу неудовлетворительное состояніе городскихъ финансовъ, а затѣмъ большое значеніе имѣли отсутствіе вблизи города нужнаго для мощенія камня и трудность его доставки. Такъ въ 1886 г. думѣ удалось заключить выгодный контрактъ на поставку камня изъ Кременчуга, а въ 1888 г. оказалось, что камня у города не хватало, потому что желѣзная дорога его доставляетъ неаккуратно [1]). Въ началѣ 90-хъ годовъ такія мѣстности, какъ „новыя мѣста“ за Мироносицкой площадью, Журавлевка, дальнія залопанскія и захарьковскія улицы, были лишены мостовыхъ и осенью и весною покрывались болотною грязью. Только городской заемъ, совершенный при Голенищевѣ-Кутузовѣ, далъ возможность повести дѣло замощенія энергичнѣе. За время съ 1893 по 1897 г. новой мостовой проложено было до 5 верстъ, да перемощено старой верстъ до 2-хъ, а съ 1902 по 1905 г. включительно новыхъ мостовыхъ было проложено 24912 кв. саж., да старыхъ переложено 45937 кв. саж. Мощеніе въ послѣдніе годы производилось на болѣе проѣзжихъ улицахъ кубиками, на менѣе проѣзжихъ — осколками. Но средства, отпускаемыя на замощеніе города, хотя и солидныя, все же недостаточны для удовлетворенія потребности города въ мостовыхъ.

На ряду съ замощеніемъ шла работа и по нивеллировкѣ улицъ. Приходилось срывать возвышенности, засыпать низменности. Работа эта производилась какъ при замощеніи, такъ и безъ него. Въ послѣднемъ случаѣ пользы обыкновенно получалось мало. Въ первые годы разсматриваемаго нами періода при замощеніи на нивеллировку обращалось мало вниманія, благодаря чему и замощенныя улицы въ низкихъ мѣстахъ продолжали являться резервуарами для водъ, стекавшихъ съ болѣе возвышенныхъ частей иногда той же улицы. Впослѣдствіи на эту сторону дѣла было обращено большее вниманіе. Только съ нѣкоторыми улицами такъ не удалось справиться и по днесь. Такова Сумская, заливаемая обыкновенно при всякомъ сильномъ дождѣ. Такъ же, какъ встарь, непроходимой во время дождей остается и до сихъ поръ часть Николаевской площади между Сумской и Николаевскимъ скверомъ, куда во время дождей стремится вся вода, стекающая съ возвышенныхъ улицъ Харькова. Почти всѣ улицы Харькова, за исключеніемъ самыхъ далекихъ окраинъ, обзавелись въ разсматриваемый нами періодъ тротуарами, въ центрѣ каменными или изъ бергенгеймовскихъ плитокъ, на окраинахъ—деревянными. На главныхъ улицахъ, а также и на второстепенныхъ, изобилующихъ въ дождливое время водою, проложены переходы, по которымъ иногда, впрочемъ, не безъ большого труда, удается перебраться съ одного конца улицы на другой.

Очень много труда и средствъ приходилось тратить на осушеніе города. Система открытыхъ каналовъ и рвовъ, примѣнявшаяся въ дореформенный періодъ, была теперь замѣнена системой поземныхъ трубъ, обыкновенно гончарныхъ. При помощи такихъ трубъ осушена напр. Гончаровка и Жандармская площадь, площадка между Московской и Рыбной, куда обыкновенно стекаетъ вода съ центральной возвышенности, и др. Въ 90-хъ годахъ, при Голенищевѣ-Кутузовѣ, произведена осушка громадной привокзальной площади, на которой застаивались воды всего огромнаго окружающаго ее района, и эта, до сихъ поръ бездоходная, мѣстность стала съ выгодой для города эксплоатироваться подъ торговые склады.

Дѣло удаленія нечистотъ осталось въ томъ же безобразномъ видѣ, въ какомъ оно было и въ старомъ Харьковѣ. Безобразіе, можетъ быть, даже увеличилось благодаря сгущенію населенія. „Грязь и зловоніе—писалъ въ 1880 г. А. П. Шимковъ—пропитали всю нашу почву, она на значительную глубину заражена ими, и это сообщаетъ всему городу запахъ, свойственный неопрятно содержимымъ скотскимъ загонамъ, и который особенно чувствителенъ въ іюлѣ и августѣ, когда въѣзжаешь въ городъ изъ деревни“. Очистка города производилась чрезвычайно плохо. Собственно чистились только дворовыя ямы. По подсчету санитарнаго врача Томашевскаго, въ концѣ семидесятыхъ годовъ домовладѣльцами на очистку дворовыхъ ямъ затрачивалось 117 тыс. руб. ежегодно. Расходъ крупный, но совершенно ничтожный, если принять во вниманіе дѣйствительную потребность города въ очисткѣ: на эти деньги нельзя было очистить даже всѣхъ дворовыхъ ямъ. По подсчету того же Томашевскаго, въ Харьковѣ существовало 1600 домовладѣній съ 12½ т. душъ населенія, не тратившихъ на очистку ни копѣйки, т. е. совсѣмъ не чистившихъ своихъ отхожихъ мѣстъ.

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1886 г. № 1 и 1888 г. № 1.

Правда, это были домовладѣльцы не центра, а окраинъ, но гигіеническія условія города отъ этого не становились лучшими. Помои изъ города совсѣмъ не вывозились, а прямо выливались во дворы и улицы. Всѣ грязныя дворовыя, уличныя, фабричныя, прачешныя и банныя воды спускались прямо въ рѣки [1]).

Такъ было въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ позднѣйшее время на эту сторону было обращено большее вниманіе, но крайней мѣрѣ въ центральныхъ частяхъ города, но сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ достигнуть не удалось. Главная причина малыхъ успѣховъ въ этомъ отношеніи—дороговизна очистки, заставляющая даже состоятельныхъ домовладѣльцевъ прибѣгать къ такимъ антисанитарнымъ средствамъ, какъ всасывающіе колодцы, и несовершенство способовъ удаленія нечистотъ изъ города. Ассенизаціонный обозъ, какъ былъ, такъ и остался въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Свалочный пунктъ былъ вначалѣ въ сѣверной окраинѣ города. Здѣсь нечистоты сваливались въ овраги, и съ первымъ же дождемъ онѣ возвращались въ городъ. Нечего и говорить, какой отвратительный воздухъ царилъ въ этой, теперь наиболѣе здоровой части города. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ свалочный пунктъ былъ переведенъ на „Уралъ“. Содержался онъ отвратительно. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ нечистоты, разливаемыя по поверхности, производили страшное зловоніе и образовывали такую топь, по которой съ трудомъ двигались ассенизаціонные обозы. Иногда, въ виду полной невозможности проѣхать къ свалочному пункту, ассенизаторы выливали нечистоты по пути, главнымъ образомъ по Зміевской улицѣ. Въ девяностыхъ годахъ на свалочномъ пунктѣ сдѣланы кое-какія улучшенія, установленъ надзоръ за ассенизаторами [2]), но и до сихъ поръ жители не перестаютъ жаловаться на злоупотребленія ассенизаторовъ, которые разливаютъ нечистоты по пути слѣдованія. Перевозка нечистотъ производится, какъ говорятъ, въ герметически закупоренныхъ бочкахъ. тѣмъ не менѣе встрѣча съ ассенизаціоннымъ обозомъ способна довести до дурноты даже людей не особенно нервныхъ. А между тѣмъ такія встрѣчи у насъ въ Харьковѣ возможны не только ночью, но и среди бѣлаго дня. И эта мерзость, нигдѣ не терпимая, и до сихъ поръ не вызываетъ запретительныхъ постановленій ни со стороны думы, ни со стороны администраціи! Громче всѣхъ вопіютъ противъ ассенизаціонныхъ безобразій домовладѣльцы Зміевской и другихъ улицъ, по которымъ совершается движеніе ассенизаціонныхъ бочекъ. Не безъ основанія жалуются они на постоянное отравленіе ихъ міазмами городскихъ отбросовъ, на обезцѣненіе ихъ домовъ, въ которыхъ, благодаря ассенизаціоннымъ запахамъ, не хотятъ жить квартиранты,—толку отъ этого не видно никакого. Разумѣется, устранить это безобразіе можетъ только канализація, но вѣдь принять нѣкоторыя обезвреживающія зло мѣры можно бы, кажется, и не дожидаясь этого.

Въ старину о Харьковѣ говорили, что осенью и весною онъ превращается въ чернильницу, а лѣтомъ—въ песочницу. Съ извѣстными ограниченіями эта характеристика примѣнима и для пореформеннаго Харькова. „Врядъ ли—писалъ въ 1880 г. проф. А. П. Шимковъ -существуетъ разногласіе относительно того, что Харьковъ очень грязный городъ, могущій въ этомъ отношеніи соперничать съ наиболѣе грязными городами Россіи. Въ сырое время года его вымощенныя улицы покрыты толстымъ слоемъ грязи, остальныя, которыхъ больше половины, вовсе не проѣзжи; площади среди города, въ самой бойкой его части, представляютъ въ это время клоаки; такой же видъ имѣетъ и большинство дворовъ, рѣдкій изъ которыхъ вымощенъ. Картина измѣняется, когда наступаетъ сухое время года: большіе резервуары грязи превращаются въ резервуары пыли, которая, при сколько нибудь сильномъ вѣтрѣ, засыпаетъ глаза даже на мощеныхъ улицахъ; дворы въ это время имѣютъ для глазъ болѣе приличный видъ, въ нихъ грязь не видна, если сухой соръ не считать за грязь, но зато въ немногіе изъ нихъ въ центрѣ города можно войти, не задыхаясь отъ вони“ [3]). Съ расширеніемъ площади мостовыхъ грязь, конечно, постепенно уменьшалась, но пыльнымъ городомъ Харьковъ остается и до сихъ поръ. Улицы подметались плохо, а поливались только въ исключительныхъ случаяхъ. Иначе, конечно, и быть не могло, принимая во вниманіе, что до восьмидесятыхъ годовъ воды въ Харьковѣ едва доставало для потребленія населенія, да и стоила она чрезвычайно дорого. Обязательная очистка и поливка улицъ введена была только съ начала девяностыхъ годовъ по настоянію полиціймейстера фонъ-Вилькена. Но и тутъ оказалось, пожалуй, больше

[1]) Шимковъ, стр. 10—11.

[2]) Краткій обзоръ дѣятельности городского управленія за 1893—1897 гг., стр. 18—19.

[3]) Шимковъ. Во что обходится Харькову его неблагоустройство, стр. 10.

вреда, чѣмъ пользы: улицы подметались днемъ, въ разгаръ движенія. Впослѣдствіи это дѣло было нѣсколько упорядочено переносомъ дневной работы на ночь. Обязательная поливка улицъ не могла состояться, такъ какъ расходъ, ею вызываемый, былъ крайне обременителенъ для домовладѣльцевъ. Въ концѣ концовъ дѣло свелось къ поливкѣ центральныхъ улицъ.

Если и теперь Харьковъ преизбыточествуетъ пылью, то въ семидесятыхъ годахъ XIX в., когда стала дѣйствовать пореформенная дума, онъ имѣлъ еще полное основаніе именоваться песочницей. Большинство улицъ мостовыхъ совсѣмъ не имѣло, а тамъ, гдѣ онѣ были, онѣ пролегали только по срединѣ улицы, а остальное пространство представляло собою въ лѣтнее время сплошной песокъ и перетертый въ пыль черноземъ, разносимый по городу при самомъ незначительномъ вѣтрѣ. Огромными резервуарами пыли были городскія площади, въ то время не мощеныя. Борьбу съ пылью городское управленіе вело путемъ устройства мостовыхъ и устройства уличныхъ посадокъ. Въ видахъ украшенія города и улучшенія его гигіеническихъ условій новое городское управленіе на первыхъ же порахъ своего существованія озаботилось устройствомъ пришедшаго въ запустѣніе Карповскаго сада и посадкою деревьевъ на площадяхъ и болѣе широкихъ улицахъ. Въ 1871 г. было даже издано обязательное постановленіе, въ силу котораго домовладѣльцы должны были сажать на улицахъ деревья противъ своихъ домовъ. Постановленіе это было, впрочемъ, отмѣнено губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Къ чести, однако, нѣкоторыхъ домовладѣльцевъ нужно сказать, что эта отмѣна не помѣшала имъ сдѣлать посадки. Въ разныхъ частяхъ города появились молодыя деревца, не мало посадилъ ихъ и городской садовникъ. Уцѣлѣло, однако, немного. На Бурсацкомъ, напр., спускѣ не осталось ни одного живого деревца: исчезли не только посадки, но и колышки, которыми онѣ были подперты [1]). Это, однако, не обезкуражило думу. Хорошая мысль встрѣтила сочувствіе со стороны горожанъ. Желѣзнодорожное управленіе само на собственныя средства развело скверъ возлѣ вокзала. Въ другихъ случаяхъ на помощь думѣ приходили домовладѣльцы. Такъ, напримѣръ, съ помощью горожанъ былъ устроенъ скверъ на Воскресенской площади. Площадь эта была до тѣхъ поръ мѣстомъ скопленія нечистотъ, не убиравшихся въ теченіе десятковъ лѣтъ. Это былъ резервуаръ всевозможныхъ болѣзней, отъ которыхъ страдало населеніе занет-чинской части города. Въ 1874 г. на помощь жителямъ пришло приходское попечительство Воскресенской церкви, обратившееся въ городскую управу съ просьбой о приведеніи площади въ благообразное состояніе и предложившее при этомъ свое содѣйствіе. Рѣшено было устроить на площади скверъ, при чемъ посадку деревьевъ и обнесеніе сквера рѣшеткою взяли на себя сами прихожане Воскресенской церкви, а городъ устроилъ вокругъ сквера каменные тротуары [2]). Въ 1876 г. былъ устроенъ скверъ и на Театральной площади. До тѣхъ поръ здѣсь производилась торговля дровами, вслѣдствіе чего площадь была постоянно засорена и покрыта навозомъ. Въ 1875 г. полиціймейстеръ предложилъ думѣ перенесть торговлю дровами на Мироносицкую площадь, а домовладѣльцы Театральной площади обратились въ думу съ ходатайствомъ о позволеніи устроить на площади скверъ. Разрѣшеніе было дано. Скверъ устроенъ на средства домовладѣльцевъ, а дальнѣйшее содержаніе его принялъ на себя городъ [3]). Скверы Биржевой и на Торговой площади то устраивались, то вновь уничтожались, особенно скверъ на Торговой, такъ какъ эта площадь еще въ началѣ 90-хъ годовъ была пунктомъ ярмарочной торговли: здѣсь строились ярмарочные балаганы.

Въ восьмидесятыхъ годахъ устраивается небольшой скверъ на Михайловской площади, возлѣ часовни. Въ это же время возникаетъ и Александровскій бульваръ. По просьбѣ окрестныхъ жителей обширная и грязная Мироносицкая площадь, на которой разъ въ годъ, въ день храмового праздника Мироносицкой церкви, устраивалось народное гулянье, была превращена въ скверъ, разросшійся здѣсь, на тучной почвѣ стараго кладбища, особенно пышно. На дальнемъ концѣ Жандармской площади, поближе къ Конторской, былъ также устроенъ новый скверъ,—такъ назыв. Средне-Гончаровскій бульваръ.

Университетская горка издавна представляла одинъ изъ лучшихъ городскихъ бульваровъ и привлекала массу гуляющей публики. Деревья здѣсь были разсажены, можетъ быть, не очень правильно, но

---

[1]) Харьк. Календ. 1873 г., стр. 169.
[2]) Харьк. Календ. 1876 г., стр. 105—108.
[3]) Тамъ же. 1877 г., стр. 187—188.

за то давали тѣнь. Въ восьмидесятыхъ годахъ задумали реформировать горку, срубили старыя деревья, а новыя такъ и не принялись, и обожженная солнцемъ, лишенная растительности и пропахшая міазмами устроеннаго здѣсь общественнаго клозета, горка потеряла всю свою былую привлекательность. Въ восьмидесятыхъ же годахъ устроенъ небольшой скверъ и возлѣ присутственныхъ мѣстъ, не послужившій, впрочемъ, къ украшенію этой части соборной площади: деревьевъ было мало, росли они плохо, а наступившее затѣмъ запустѣніе самаго зданія присутственныхъ мѣстъ отразилось на скверѣ и совсѣмъ плохо. Нельзя сказать, чтобы отъ реформъ выигралъ и Николаевскій скверъ. Въ семидесятыхъ годахъ это былъ скверъ густо засаженный, съ узкими аллеями. Въ восьмидесятыхъ годахъ пошла мода за широкія аллеи. Старыя деревья были вырублены, по скверу проведена одна широкая аллея, появились красивые цвѣтники, но укрыться отъ солнца въ жаркіе лѣтніе дни здѣсь уже было нельзя. Изъ другихъ городскихъ посадокъ 80-хъ годовъ слѣдуетъ упомянуть о цвѣтникѣ передъ городскимъ домомъ и о посадкахъ по Бѣлгородскому шоссе. Въ 1891 г. устроенъ скверъ на набережной возлѣ 1-ой мужской гимназіи. Въ періодъ 1893—1897 гг., при Голенищевѣ-Кутузовѣ, устроенъ скверъ на Бурсацкомъ спускѣ, въ послѣдніе годы окончательно разрушенный казаками, устроившими здѣсь свои коновязи. Съ помощью окружныхъ домовладѣльцевъ устроенъ скверъ и на Тюремной площади. Затѣмъ появился скверъ на Жандармской площади, разросшійся здѣсь въ короткій срокъ очень успѣшно. Спускъ съ Холодной горы обсаженъ съ обѣихъ сторонъ въ два ряда деревьями. Въ Захарьковской части города засѣяна травой часть Михайловской площади, вблизи Михайловской церкви. Здѣсь впослѣдствіи былъ устроенъ скверъ. На Старо-Московской улицѣ, при содѣйствіи сосѣднихъ домовладѣльцевъ, небольшая пыльная площадка обращена въ цвѣтникъ, обсажена деревьями и обнесена рѣшеткой. Небольшой бульваръ былъ устроенъ и на Конной площади противъ завода Гельферихъ. Выгода отъ него была уже та, что онъ хоть немного сократилъ количество пыли, несшейся на городъ съ этой незамощенной площади. Скверъ на Театральной площади обнесенъ рѣшеткой на каменныхъ столбахъ. Но несомнѣнно, самымъ крупнымъ дѣломъ въ этой области городского благоустройства было разведеніе городского парка. По проекту, это долженъ былъ быть грандіозный паркъ, занимающій 130 дес., т. е. все пространство земли отъ города вплоть до Сокольниковъ. Первоначально въ 1893 г. засажено было 24 дес., потомъ еще 27 [1]). Въ настоящее время паркъ еще болѣе расширился и достаточно разросся и могъ бы служить мѣстомъ гулянья для жителей, но неудобство сообщенія съ городомъ, пока что, дѣлаетъ его для горожанъ мало доступнымъ.

Въ 1902 г. разведенъ небольшой скверъ въ мѣстѣ пересѣченія Конной площади со Старо-Московской улицей. Производилась засадка и огромной Конной площади сперва у ограды Свято-Духовской церкви, потомъ у Народнаго дома, а къ концу 1905 г. подъ скверъ была отведена и вся остальная, незанятая базаромъ, часть Конной площади до Корсиковской улицы.

Водосточныя трубы и мостовыя осушили городъ и сдѣлали улицы удобопроѣзжими, скверы уменьшили въ немъ пыль и нѣсколько очистили воздухъ, но справиться со стихіями Харькову все таки не удалось. Это особенно чувствуется зимою. При измѣнчивости харьковскаго климата рѣдкая зима бываетъ ровною. Морозъ смѣняется оттепелью, снѣгъ—дождемъ, и харьковскія улицы въ это время года представляютъ собой сплошное безобразіе: движеніе на нихъ невозможно ни на колесахъ, ни на полозьяхъ, а скользкіе тротуары являются причиной частыхъ увѣчій и болѣе или менѣе серьезныхъ ушибовъ. Лѣтъ 20 еще тому назадъ снѣгъ или, вѣрнѣе, та сухая смѣсь пыли и снѣга, которою покрыты харьковскія улицы зимою, лежалъ неприкосновенно до самой весны. Потомъ весну стала дѣлать полиція. Въ періоды оттепелей, когда ѣзда становится совсѣмъ невозможной, на главныхъ улицахъ начинается сколка льда и снѣга. Послѣ многихъ усилій и стараній улицы очищаются, но только для того, чтобы новый снѣгъ привелъ ихъ въ такое же безобразное состояніе, въ какомъ онѣ были и до очистки. Стихія какъ будто бы смѣется надъ усиліями людей, а люди и до сихъ поръ не придумаютъ способа справиться съ ней.

Пореформенная дума значительно облегчила сообщеніе разныхъ частей города между собою устройствомъ новыхъ мостовъ черезъ харьковскія рѣки. Къ началу 70-хъ годовъ на Харьковѣ существовали мосты Харьковскій, Кузнечный и Нетечинскій, на Лопани—Лопанскій, Конторскій, Купеческій, Бурсацкій. Мосты были деревянные, далеко не удовлетворявшіе своему назначенію и ежегодно требовавшіе ремонта,

[1]) Краткій обзоръ дѣятельности городского управленія за время 1893—1897 гг., стр. 16—17.

нѣкоторые изъ нихъ приходилось и совсѣмъ разбирать на время половодья. Вначалѣ и новая дума строила мосты такъ же, какъ строились и раньше: деревянные, непрочные, плохо сложенные, постоянно нуждавшіеся въ ремонтѣ. Число мостовъ прибавлялось постепенно. Въ 1875 г. былъ выстроенъ Рогатинскій мостъ, соединившій Клочковскую съ базарной левадой, а въ 1876 г.—Дмитріевскій мостъ, установившій прямое сообщеніе между Екатеринославской и Москалевкой. Мѣстность эта въ тѣ годы была совсѣмъ глухая и пользовалась недоброй репутаціей. Въ ночное время проходъ здѣсь былъ не безопасенъ. Полагать нужно, это обстоятельство и побудило думу устроить здѣсь особую будку для сторожа, обязаннаго охранять новый мостъ. Въ 1877 г. выстроенъ деревянный мостъ по Зміевскому почтовому тракту по дорогѣ къ свалочному пункту. Въ 1879 г. выстроенъ Цыганскій мостъ, ближайшимъ образомъ соединившій Москалевку съ центромъ города. До сихъ поръ пѣшеходу можно было попасть изъ центра на Москалевку черезъ кладки, а проѣздъ сюда былъ возможенъ только черезъ Нетечинскій мостъ. Въ 1880 г. перестроенъ мостъ противъ Борзого переулка; а затѣмъ прошелъ рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ производился только ремонтъ существующихъ мостовъ, а новыхъ не строилось. Въ 1887 г. былъ построенъ Журавлевскій мостъ, имѣвшій крупное значеніе для обывателей Журавлевки, которая такимъ образомъ соединилась съ Старо-Московской и Коннымъ базаромъ. До сихъ поръ сообщеніе между этими, близко другъ отъ друга лежавшими частями города производилось только при помощи плохонькихъ кладокъ, снимавшихся во время половодья. Въ томъ же году вмѣсто прежняго былъ выстроенъ новый деревянный Купеческій мостъ. Со второй половины 80-хъ годовъ на устройство мостовъ было обращено уже гораздо больше вниманія. Ихъ стали строить уже изъ болѣе прочнаго матеріала. На 1887—1888 гг. устроенъ желѣзный мостъ на каменныхъ устояхъ на мѣстѣ стараго деревяннаго Лопанскаго моста. Устроенъ онъ обществомъ харьковскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ согласно контракту, заключенному городомъ при предоставленіи обществу права эксплоатаціи конки. Общая стоимость постройки доходила до 160 т. р. Это былъ первый солидный мостъ въ Харьковѣ, которому уже не были страшны весеннія половодья. Около того же времени устроенъ и новый Конторскій мостъ, высокій, съ желѣзными перилами и торцовой настилкой полотна. Въ 1889—1890 гг. выстроенъ деревянный Подольскій мостъ. Прежде здѣсь существовали только кладки для пѣшеходовъ, а иногда перевозъ на лодкахъ. Въ эти же годы выстроенъ и деревянный мостъ, соединившій Клочковскую и Ивановскую улицы съ Панасовкой. Въ 1892—1893 гг. на мѣстѣ стараго Нетечинскаго моста выстроенъ широкій и высокій деревянный мостъ съ желѣзными перилами и торцовой настилкой, обошедшійся городу болѣе 18 т. р. Въ 1893 г. устроенъ новый Кузнечный мостъ и мостъ на р. Немышлѣ по Искринской улицѣ. Въ 1896 г. появился новый Вознесенскій мостъ, на мѣстѣ существовавшихъ до того кладокъ. Новый мостъ облегчилъ сообщеніе между нагорной частью города и захарьковской частью, но за это удобство горожанъ должны были сильно поплатиться журавлевцы, у которыхъ былъ отнятъ ихъ мостъ, построенный въ 1887 г. и перенесенный теперь къ Вознесенской улицѣ. XX вѣкъ далъ харьковцамъ новый солидный мостъ, которымъ они въ правѣ гордиться: въ 1901 г. былъ законченъ постройкой Харьковскій мостъ, выстроенный на мѣстѣ стараго деревяннаго, помнившаго еще Кокошкинскія времена. Новый мостъ—высокій и широкій, желѣзный на каменныхъ устояхъ, ни въ чемъ не уступающій Лопанскому и обошедшійся даже дороже его (172 т. съ лишкомъ). Такимъ образомъ только теперь осуществилась мечта харьковскихъ градоправителей Екатерининскаго времени, собиравшихся въ оны дни украсить и р. Харьковъ каменнымъ мостомъ. Наконецъ, въ 1903 г. вмѣсто стараго выстроенъ новый широкій желѣзный мостъ—Маріинскій, стоившій до 38 тыс. руб. По новому мосту производится движеніе не только экипажей, но и конной желѣзной дороги. Такимъ образомъ въ настоящее время уже всѣ главныя части разрѣзаннаго рѣками города соединены между собою мостами. Остается только желать скорѣйшей замѣны существующихъ деревянныхъ мостовъ сооруженіями болѣе прочными.

Кое что было сдѣлано и для улучшенія харьковскихъ рѣкъ. Еще на первыхъ порахъ дѣйствія новой думы пытались привести въ порядокъ Лопань, отведя ея русло на базарной левадѣ въ проведенный для этой цѣли каналъ. Прибѣгали къ шлюзованію рѣкъ въ разныхъ мѣстахъ. Такія, напр., шлюзы были устроены въ семидесятыхъ годахъ на р. Харьковѣ возлѣ нынѣшнихъ Вознесенскаго и Дмитріевскаго мостовъ. Впослѣдствіи шлюзами пользоваться перестали. Вода въ рѣкахъ застаивалась, русло обнажалось, и всѣ его міазмы приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ воздухомъ, заражая всю прибрежную

мѣстность. Къ шлюзованью вновь возвратились въ Харьковѣ уже въ половинѣ девяностыхъ годовъ, при Голенищевѣ-Кутузовѣ. Въ это время были возобновлены шлюзы у Дмитріевскаго и Вознесенскаго мостовъ и устроены новыя у Кузнечнаго. Благодаря системѣ шлюзъ рѣки оказались какъ бы полноводными, явилась возможность время отъ времени освѣжать воду. Къ очисткѣ самихъ рѣкъ не прибѣгали, а между тѣмъ онѣ въ этомъ болѣе всего нуждались и нуждаются. Ключи, ихъ питающіе, давно забиты грязью и всевозможными отбросами многолюднаго города. Въ семидесятыхъ годахъ, по вычисленію проф. Ю. И. Морозова, однѣ шерстомойни ежегодно выбрасывали въ рѣки 897 тыс. пудовъ грязи. Въ харьковскія же рѣки попадала и вся грязь съ базаровъ и окрестныхъ дворовъ, и человѣческіе экскременты, складъ которыхъ въ то время находился за городомъ въ концѣ Нѣмецкой и Сумской улицъ, откуда они весеннею и дождевою водою сносились въ рѣки [1]). Впослѣдствіи свалочный пунктъ былъ перенесенъ на другую окраину, а шерстомойни выведены изъ города, тѣмъ не менѣе харьковскія рѣки по прежнему представляютъ собою грязную клоаку, настоятельно требующую очистки.

И въ нореформенный періодъ жители прибрежныхъ частей города страдали отъ весеннихъ разливовъ, затоплявшихъ ближайшія къ рѣкамъ улицы и дворовыя усадьбы. Въ семидесятыхъ напр. годахъ при обычныхъ, не выше нормальнаго, подъемахъ воды на Харьковѣ во время половодій затоплялась Гимназическая набережная, на Харьковскій мостъ со стороны Старо-Московской можно было пробраться только съ трудомъ, а пространство между мостомъ и Московской было для пѣшехода и совсѣмъ недоступнымъ. Мѣщанская набережная также заливалась, при чемъ не рѣдко вода заходила и во дворы. Берега рѣкъ, имѣвшіе весьма разнообразный подъемъ относительно уровня воды, давали свободный доступъ полой водѣ, которая заливала огромное пространство по низменности. Очевидно, избѣжать этого было можно только подъемомъ береговъ и устройствомъ набережныхъ. Работы въ этомъ направленіи велись еще при генералъ-губернаторахъ. На подсыпку береговъ потрачена была масса времени и труда, но пользы получалось все таки мало: подсыпка дѣлалась по большей части изъ навоза и уплывала съ первымъ же половодьемъ. Не лучше шло дѣло и въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Только бѣдствія наводненія 1893 г. заставили горожанъ обратить на укрѣпленіе береговъ самое серьезное вниманіе. При Голенищевѣ-Кутузовѣ, вступившемъ во власть тотчасъ послѣ половодья 1893 г., началась дѣятельная работа по устройству набережныхъ. За четыре года, съ 1893 по 1897 г., набережныя были проведены на протяженіи 1144 саж. Въ послѣдующее время эта работа продолжалась, и результаты ея оказались очень замѣтными: мѣстности, гдѣ набережныя были устроены, наводненіямъ больше не подвергались. По насыпямъ вдоль береговъ рѣкъ были устроены рѣшетки, къ сожалѣнію, подвергающіяся расхищенію со стороны нуждающихся въ топливѣ обывателей; спуски къ рѣкѣ въ иныхъ мѣстахъ выложены дерномъ. Въ результатѣ—не только безопасность, но и нѣкоторая красота.

Въ старомъ Харьковѣ съ его невылазною грязью только у людей мало состоятельныхъ не было своихъ экипажей. Дворянство, высшее чиновничество, купечество—всѣ имѣли собственные выѣзды. Къ услугамъ остальныхъ были извозчики. Въ шестидесятыхъ годахъ началось „оскудѣніе“, а въ семидесятыхъ свой выѣздъ сталъ уже роскошью, доступною только немногимъ. Въ результатѣ возрастаніе числа извозчиковъ. Дѣло, впрочемъ, стояло такъ, что извозчиковъ можно было найти только на центральныхъ улицахъ. Извозчичьи „биржи“ всѣ были сосредоточены въ центрѣ города. Въ 1874 г. напр. „биржъ“ было 11, но всѣ въ центральныхъ частяхъ [2]). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ извозчичьихъ стоекъ было уже 22, но опять таки только двѣ въ болѣе отдаленныхъ отъ городского центра мѣстностяхъ (на Москалевкѣ и Большой Панасовской) [3]). Извозчики были пароконные, одноконные или, по мѣстному, „ваньки“ и, наконецъ, „пѣтушки“ или, по студенческой терминологіи,– „ваньки дорическаго стиля“, наѣзжавшіе въ городъ обыкновенно зимою и взимавшіе за свои труды по гривеннику въ конецъ. Не смотря на невысокую таксу (20 коп. въ конецъ для пароконныхъ и 15 для „ваньковъ“), сообщеніе было все таки очень дорогимъ. А между тѣмъ городъ разрастался, и сообщеніе центра съ окраинами годъ отъ году становилось болѣе затруднительнымъ. Естественно должна была возникнуть мысль о проведеніи конно-желѣзной дороги, единственнаго въ то время дешеваго типа общественныхъ экипажей. Но эта мысль была осуществлена

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1874 г. № 82.

[2]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1874 г. № 205.

[3]) Устиновъ. Путеводитель по Харькову, стр. 135—136.

только въ началѣ 80-хъ годовъ. Мы не станемъ здѣсь описывать исторію устройства конки и ея отношеній къ городу; объ этомъ мы уже говорили въ главѣ, посвященной городскому хозяйству. Отмѣтимъ только, что первая вѣтка конно-желѣзной дороги (отъ Павловской площади до вокзала) открылась въ 1882 г. (12 сентября); затѣмъ (1883 г.) построенъ былъ участокъ отъ Павловской площади до реальнаго училища; 18 августа 1883 г. открыто движеніе отъ реальнаго училища до Конной площади, а въ сентябрѣ слѣдующаго года проведены линіи по Старо-Московской и по Сумской—Москалевской отъ ветеринарнаго института до пересѣченія Большой Москалевской съ Заиковской. Плата за проѣздъ въ прямомъ сообщеніи была установлена въ 5 коп., а въ случаѣ пересадки на поперечную линію—7 коп. Впослѣдствіи управленіе конки согласилось отказаться отъ добавочной платы при пересадкѣ, такъ что за проѣздъ съ пересадкою или безъ пересадки одинаково взималось по 5 коп. Движеніе съ первыхъ же дней существованія конки стало огромнымъ. Въ 1882—1883 гг. конкою перевезено было 2169921 пассажира, а въ 1883—1884 гг.— 3006236. Сборъ съ билетовъ въ 1882—1883 гг. далъ 108499 руб. 65 коп., а въ 1883—1884 гг.—150311 р. 80 коп. Предпріятіе оказалось несомнѣнно выгоднымъ для предпринимателей, и были полныя основанія разсчитывать на его расширеніе, но предприниматели предпочитали вѣрный барышъ невѣрному риску. При заключеніи контракта предприниматели выговорили себѣ право эксплоатаціи конно-желѣзнаго движенія по всѣмъ главнѣйшимъ улицамъ города, но сами этимъ правомъ не воспользовались и другимъ не дали. Конно-желѣзные пути перерѣзали Харьковъ вдоль и впоперекъ, но этихъ двухъ артерій для растущаго города оказалось мало. Это почувствовалось на первыхъ же порахъ послѣ устройства конки. Съ теченіемъ времени недостатокъ въ дешевыхъ средствахъ сообщенія сталъ чувствоваться острѣе и острѣе. Къ тому же скоро оказалось, что конка—отнюдь не самый совершенный способъ сообщенія. Въ другихъ городахъ завелись электрическіе трамваи, а Харьковъ, связанный по рукамъ и ногамъ контрактомъ, могъ только съ завистью глядѣть на эти усовершенствованія, довольствуясь неудобными вагонами, влекомыми истощенными клячами. Въ девяностыхъ годахъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, городъ успѣлъ для себя выговорить болѣе благопріятныя условія, дававшія ему возможность проводить электрическіе или конные трамваи по тѣмъ улицамъ, на которыхъ до тѣхъ поръ лежало veto контракта 1882 г., но правомъ этимъ такъ и не воспользовался. И только въ недавнее время городское управленіе рѣшилось наконецъ сойти съ мертвой точки, но это время уже внѣ предѣловъ настоящаго труда.

Въ наслѣдство отъ старой думы городъ получилъ газовое освѣщеніе въ центрѣ и керосиновое на окраинахъ. Въ такомъ видѣ и оставалось городское освѣщеніе въ теченіе четверти вѣка. Расширить площадь газоваго освѣщенія оказалось невозможно, но за то, по мѣрѣ роста города, приходилось постоянно увеличивать число керосиновыхъ фонарей. Такъ въ 1882 г. пришлось прибавить 100 новыхъ фонарей, въ 1886 г.—114, въ 1887 г.—50, въ 1888 г.—50, въ 1895 г.—52, въ 1896 г.—52 и т. п. [1]). Въ половинѣ 90-хъ годовъ керосиновыхъ фонарей было въ городѣ около 1700 силою свѣта каждый въ 10 стеариновыхъ свѣчей. Само собою понятно, что такое освѣщеніе, при всей своей дороговизнѣ, было болѣе чѣмъ недостаточно. Такъ продолжалось до конца девяностыхъ годовъ, когда керосиновое освѣщеніе на окраинахъ стало замѣняться электрическимъ. Къ марту 1898 г. на улицахъ горѣло уже 390 дуговыхъ электрическихъ фонарей, а всѣхъ столбовъ для фонарей было установлено 2411. Въ торговыя помѣщенія и гостинницы, состоявшія абонентами городской электрической станціи, было проведено освѣщеніе для 178 дуговыхъ фонарей, да у частныхъ абонентовъ было устроено 2248 калильныхъ лампочекъ разнаго калибра [2]). Освѣщеніе на первыхъ порахъ было еще очень несовершеннымъ, фонари горѣли плохо, но новое освѣщеніе съ первыхъ же дней своего существованія завоевало въ Харьковѣ права гражданства. На центральныхъ улицахъ электрическихъ фонарей не было, тѣмъ не менѣе и онѣ скоро были залиты электрическимъ свѣтомъ, такъ какъ почти всѣ лучшіе магазины центра обзавелись электрическими лампами не только внутри, но и надъ входными дверями. Постепенно площадь электрическаго освѣщенія расширялась, а само освѣщеніе совершенствовалось. До 1904 г. электрическими фонарями освѣщались только тѣ улицы, гдѣ раньше было керосиновое освѣщеніе. Въ 1904 г. уличные электрическіе фонари появились и въ центрѣ—на

[1]) Отчеты о дѣятельности Харьковск. городской управы за 1882, 1886, 1887, 1888, 1895 и 1896 гг.

[2]) Очеркъ современнаго положенія нѣкоторыхъ отраслей городского хозяйства, стр. 16—17.

Павловской, Николаевской и Театральной площадяхъ. Въ 1905 г. на городскихъ улицахъ и площадяхъ горѣло уже 467 электрическихъ фонарей [1]). Тѣмъ не менѣе первоначальная мысль иниціатора дѣла И. Т. Голенищева-Кутузова и до сихъ поръ вполнѣ не осуществлена, такъ какъ и до сихъ поръ на окраинахъ керосиновое освѣщеніе все еще не вытѣснено совершенно.

Пореформенный періодъ принесъ харьковцамъ осуществленіе ихъ давнишней мечты объ устройствѣ водопровода. Въ семидесятыхъ годахъ дѣло водоснабженія города находилось по прежнему въ рукахъ водовозовъ, поившихъ горожанъ сомнительной свѣжести водою изъ Бѣлгородской и Карповской криницъ, изъ Павловскихъ ключей и колодцевъ, довольно обильныхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города. По тогдашнимъ подсчетамъ, изъ одной Карповской криницы разбиралось ежедневно около 40 т. ведеръ, а все количество воды, потребляемой горожанами, опредѣлялось никакъ не меньше 100 т. ведеръ въ сутки. Вода обходилась отъ 20 до 40 коп. за двадцативедерную бочку, т. е. среднимъ счетомъ по $1^1/_2$ коп. за ведро. При трудности полученія воды и ея дороговизнѣ горожанамъ по неволѣ приходилось обращаться съ нею очень бережно, что не могло не отражаться очень чувствительно на гигіеническихъ и экономическихъ условіяхъ харьковской жизни, общественной и частной. Съ іюля 1881 г. въ Харьковѣ сталъ функціонировать общественный водопроводъ. Вмѣсто двухъ криницъ, изъ которыхъ до сихъ поръ харьковцы пользовались водою, явилось 15 водоемовъ для разбора воды ведрами и бочками. Водоемы были устроены въ разныхъ пунктахъ города, такъ чтобы жители не терпѣли въ этомъ отношеніи стѣсненій. Нѣкоторые, правда, немногіе, домовладѣльцы провели водопроводъ къ себѣ во дворы, а еще меньше оказалось такихъ, что довели удобство и до провода воды въ квартиры. Прежній способъ развозки воды бочками почти прекратился. Обязанность добывать воду изъ водоемовъ перешла къ домашней прислугѣ. Появилась, кромѣ того, новая профессія водоносокъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе исключительно разноской водопроводной воды по дворамъ. Стоимость ведра воды опредѣлена въ $^1/_4$ коп. Нельзя сказать, чтобы водою, проведенной сперва только изъ Карповской криницы, харьковцы были довольны. Жалобъ было много, анализы водопроводной воды производились неоднократно, но въ концѣ концовъ вода была признана здоровой и годной къ употребленію. Еще больше жалобъ вызывалъ недостатокъ воды въ водоразборныхъ будкахъ, что особенно часто случалось въ возвышенныхъ частяхъ города. Бывали цѣлыя недѣли, когда вода появлялась въ водоемахъ на часъ, на два въ теченіе сутокъ, къ тому же часто ночью, когда и брать ее было некому. Водопроводчики, находившіеся въ непрестанной войнѣ съ городскимъ управленіемъ, объ удобствахъ горожанъ работалось очень мало. Со временемъ число водоразборныхъ будокъ увеличилось. Въ 1904 г., ко времени перехода водопровода въ собственность города, было уже 12 каменныхъ водоразборныхъ будокъ (на Благовѣщенской, Мироносицкой, Воскресенской, Жандармской и Михайловской площадяхъ, по Семинарской, Москалевской, Зміевской, Клочковской и Большой Панасовской улицамъ и по Театральному спуску) и семь деревянныхъ (на Мурмыловской, Петинской, Кузинской, Кладбищенской, Грековской и Старо-Московской улицахъ и по Рудаковскому переулку). Вода въ водопроводъ поступала не только изъ Карповской криницы, но и изъ Павловскихъ ключей и изъ артезіанскихъ колодцевъ. Кромѣ водоемовъ, было устроено четыре водопроводныхъ крана, изъ которыхъ каждый имѣлъ право пить воду безплатно кружками, а бѣднѣйшіе обыватели—и брать ее безплатно ведрами. Впрочемъ безплатная раздача воды не превышала 1000 ведеръ въ сутки изъ каждаго крана. Для крупнаго и мелкаго скота было устроено пять водопоевъ.

Воспользовались водопроводомъ и для борьбы съ пожарами. По городу въ разныхъ мѣстахъ были устроены краны, изъ которыхъ въ случаѣ пожара черпалась вода для тушенія огня. Кромѣ того, былъ рядъ крановъ, дававшихъ воду для поливки улицъ. Наконецъ, водопроводъ далъ возможность городу обзавестись и фонтанами. Правда, городскихъ фонтановъ было всего три: въ Екатеринославскомъ скверикѣ на мѣстѣ бывшаго бассейна, теперь засыпаннаго, противъ городского дома на Николаевской площади и на Михайловской площади. Впослѣдствіи устроенъ еще фонтанъ желѣзнодорожнымъ управленіемъ въ привокзальномъ скверѣ.

Въ дореформенномъ Харьковѣ пожарная часть состояла въ полномъ распоряженіи полиціи. Роль думы ограничивалась тѣмъ, что она отпускала на пожарный обозъ и команду деньги да иногда вмѣстѣ съ полиціей свидѣтельствовала пожарный инструментъ. Въ силу закона 1861 г., передавшаго городскія пожарныя команды въ вѣдѣніе городскихъ думъ, къ этому дѣлу былъ привлеченъ общественный элементъ; въ 1868 г. устроенъ былъ пожарный комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ

[1]) Отчетъ бюро Харьковск. городск. электрич. освѣщенія за 1905 г., стр. 87.

выбранъ извѣстный въ то время состоятельный домовладѣлецъ, содержатель лучшаго въ городѣ пансіона для приготовленія къ университету И. А. Сливицкій. Но не смотря на всю энергію предсѣдателя и членовъ комитета, достигнуть онъ могъ не многаго: дѣятельность комитета ограничивалась только хозяйственнымъ завѣдываніемъ пожарнымъ обозомъ, такъ какъ административная часть въ дѣйствительности принадлежала по прежнему полиціи, а техническая хотя и предоставлена была по инструкціи комитету, но отъ него съ самаго начала устранена. Предложеніе комитета о покупкѣ пожарныхъ инструментовъ у фирмы Бутеноп было отвергнуто, инструменты заказаны губернаторомъ другой фирмѣ и оказались дороже и хуже. Комитету осталось направить свои усилія къ возможно дешевой закупкѣ дегтя, сала, сбруи и т. п., но и здѣсь ему приходилось иногда наталкиваться на противодѣйствіе. Заботливостью и распорядительностью при охранѣ пожарныхъ инструментовъ полиція не отличалась, а между тѣмъ административная часть принадлежала исключительно ей [1]). Комитетъ просуществовалъ все таки съ пользой, если судить по отзывамъ горожанъ, до 1878 г., когда завѣдываніе пожарною частью перешло къ городской управѣ [2]). Управа съ грѣхомъ пополамъ вѣдала хозяйственную часть пожарной команды до 90-хъ годовъ, когда вновь былъ возстановленъ пожарный комитетъ.

Нельзя сказать, что въ пореформенное время число пожаровъ въ городѣ уменьшилось. Бывали они не рѣже, а можетъ быть, даже чаще, чѣмъ раньше, но теперь они утратили свое прежнее значеніе. Городъ, по крайней мѣрѣ въ центрѣ, изъ деревяннаго превратился въ каменный, да и на окраинахъ обыватели свои деревянные дома, за рѣдкимъ исключеніемъ, стали крыть желѣзомъ. Благодаря этому переносъ огня на сосѣднія постройки сталъ менѣе легокъ. Обыкновенно пожаръ не шелъ дальше того зданія, которое стало его жертвою. Только на Заиковкѣ и на Холодной горѣ, долгое время преизбыточествовавшихъ деревянными хатами подъ соломенными крышами, пожары вызывали у населенія чувства, подобныя тѣмъ, какія испытывали когда то всѣ харьковцы, когда ихъ городъ былъ деревяннымъ. И нужно отмѣтить, заиковцы и холодногорцы горѣли наиболѣе часто и наиболѣе сильно не только потому, что ихъ жилища представляли матеріалъ, легко доступный дѣйствію огня, но и потому, что огнегасительныя средства, какими располагалъ городъ, были отъ нихъ далеки. Всѣ три пожарныя части были расположены въ предѣлахъ города, и пока пожарные попадали на Заиковку или на Холодную гору, пожаръ успѣвалъ уже сдѣлать много разрушеній. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ пожары были болѣе губительны, чѣмъ позже, еще и потому, что въ то время Харьковъ былъ очень бѣденъ водою. Только съ проведеніемъ водопровода и устройствомъ по улицамъ пожарныхъ кранновъ явилась для пожарной команды возможность работать какъ слѣдуетъ, не встрѣчая, какъ раньше, препятствій въ недостаткѣ воды.

Уменьшенію губительнаго для населенія значенія пожаровъ содѣйствовало и распространеніе страхованія имуществъ отъ огня, при которомъ обыватель, въ случаѣ пожара, ничего не терялъ, а даже часто кое что выигрывалъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это приводило къ злоупотребленіямъ, но за то можно сказать, что съ введеніемъ всеобщаго страхованія въ Харьковѣ совсѣмъ прекратились случаи, подобные тѣмъ, какіе бывали встарь, когда по капризу стихіи богатый домовладѣлецъ вдругъ превращался въ жалкаго нищаго. Въ Харьковѣ въ теченіе разсматриваемаго нами періода оперировали разныя страховыя общества, но особенно крупное значеніе для домовладѣльцевъ имѣло мѣстное общество взаимнаго страхованія, много сдѣлавшее и для улучшенія постановки дѣла борьбы съ краснымъ пѣтухомъ.

О харьковскихъ пожарахъ мы располагаемъ только отрывочными свѣдѣніями. Знаемъ напр., что въ 1875 г. убытокъ горожанъ отъ пожаровъ превышалъ 75 т. р., въ 1876 г. онъ былъ выше 245 т. р., въ 1877 г.—около 80 т. р. Изъ отчетовъ о дѣятельности городской управы видно, что въ 1890 г. всего пожаровъ было 78, въ 1891 г.—109, въ 1895 г.—94. Въ концѣ девяностыхъ годовъ среднее число пожаровъ за годъ было 132, а въ 1901 г.—213. Изъ пожаровъ, почему либо примѣчательныхъ, укажемъ на пожаръ 1870 г. въ зданіи Харьковскаго дворянскаго собранія, причинившій серьезныя поврежденія этому сооруженію. Въ 1873 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ случился громадный пожаръ въ домахъ Пащенка-Тряпкина, гдѣ въ то время помѣщалась городская дума и множество торговыхъ заведеній. Въ 1876 г. (17 октября) пожаромъ истребленъ корпусъ городскихъ лавокъ на рыбномъ базарѣ (6 номеровъ) и 13 частныхъ лавокъ, всего на 49 т. р. Въ 1879 г. сгорѣлъ музей восковыхъ фигуръ и рѣдкостей Гаснера, одинъ изъ

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1871 г., № 129.

[2]) Харьковъ, 1879 г., № 383

лучшихъ въ то время музеевъ, усердно посѣщавшійся публикой. Въ 1895 г. пожаръ въ Московскомъ ряду, послѣ котораго рядъ пришлось перестраивать почти за ново.

Для борьбы съ пожарами еще со времени Кокошкина въ Харьковѣ существовало три пожарныхъ обоза при трехъ пожарныхъ частяхъ—въ центрѣ города, въ захарьковской и залопанской его частяхъ. По положенію 1878 г. распоряженіе пожарной командой во время пожаровъ оставлено по прежнему за полиціймейстеромъ, который считался какъ бы инспекторомъ команды. Непосредственнымъ начальникомъ команды былъ брандмейстеръ, выбираемый думою и утверждаемый губернаторомъ. Штатъ пожарной команды состоялъ изъ брандмейстера, трехъ его помощниковъ (по одному на каждую пожарную часть) и 120 пожарныхъ служителей. Дѣйствующій обозъ назначенъ въ размѣрахъ, вызываемыхъ потребностью [1]). Но уже въ то время, когда вырабатывались эти правила, горожане сознавали, что для успѣшной борьбы съ пожарами трехъ пожарныхъ частей недостаточно. Уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ думѣ шли толки о необходимости устройства особыхъ пожарныхъ отдѣленій. Съ того времени, какъ въ Харьковѣ были учреждены три пожарныхъ части, городъ успѣлъ значительно вырости. Москалевка, Заиковка, Занетечинская часть, Холодная и Лысая горы, когда то бѣдныя постройками, теперь застроились вплотную и превратились въ цѣлые города, а между тѣмъ у этихъ окраинъ не было никакихъ средствъ защиты на случай пожара. Помощи приходилось ждать только изъ центра, а пока она поспѣвала, огонь успѣвалъ причинить много горя. Особенно въ безпомощномъ положеніи была Холодная гора, отрѣзанная отъ города линіей желѣзной дороги. Сообщеніе съ городомъ для нея возможно было только по двумъ желѣзнодорожнымъ мостамъ. На подъемъ по крутой горѣ пожарная команда затрачивала значительное время, въ теченіе котораго пожаръ, замѣченный даже во время, успѣвалъ разгорѣться на столько, что производилъ значительныя разрушенія.

Не смотря на то, что Холодная гора, повидимому, скорѣе всего требовала бы устройства самостоятельной пожарной части, Заиковка оказалась въ этомъ отношеніи счастливѣе ея. Въ 1886 г. здѣсь была, съ помощью Общества взаимнаго страхованія, устроена 4-ая пожарная часть [2]). Впрочемъ и къ холодногорцамъ Общество не отнеслось равнодушно. Въ 90-хъ годахъ Общество купило на Холодной горѣ участокъ земли и ассигновало сумму, достаточную на постройку 5-й пожарной части. Но ассигнованныя деньги пошли на постройку Николаевской больницы, а холодногорцы продолжали горѣть по прежнему. Только въ первыхъ годахъ XX в. на ихъ положеніе было обращено серьезное вниманіе. Городъ вновь обратился къ Обществу взаимнаго страхованія, отъ котораго получилъ 5000 руб. на постройку зданія и 4500 руб. на устройство пожарнаго обоза. Въ 1904 г. холодногорская пожарная часть была наконецъ открыта, и результаты не замедлили сказаться. По увѣренію пожарнаго комитета, помощь поспѣвала такъ быстро, что до ея прибытія успѣвали сгорать только крыши, а не цѣлые дома, какъ было раньше [3]).

Большое значеніе въ дѣлѣ подачи своевременной помощи въ случаѣ пожара играетъ сигнализація. Въ старомъ Харьковѣ сигнализація отличалась простотою. Днемъ и ночью на каланчѣ пожарной части стоялъ дежурный, который и обязанъ былъ давать знать въ случаѣ обнаруженія гдѣ либо пожара. Пожарная команда увѣдомлялась звонками; кромѣ того, на каланчѣ выставлялись днемъ шары, а ночью красные фонари: если горѣло въ третьей части,—три шара, въ первой—одинъ и т. д. Разумѣется, такихъ указаній было не достаточно, и недостающія свѣдѣнія командѣ приходилось добывать по дорогѣ къ мѣсту пожара путемъ разспросовъ. Дѣло значительно улучшилось, когда съ конца 80-хъ годовъ въ Харьковѣ вошелъ въ употребленіе телефонъ, а съ конца девяностыхъ начала заводиться и электрическая сигнализація. Впрочемъ старый полицейскій способъ сигнализаціи удержался еще и по нынѣ.

Охрана общественной безопасности и порядка и надзоръ за городскимъ благоустройствомъ закономъ возложены на полицію. Отъ нея же въ значительной степени зависитъ и иниціатива въ дѣлѣ городского благоустройства.

Полицейское устройство Харькова въ первые годы XIX в. было такимъ же, какимъ и въ концѣ XVIII в., послѣ реформы полиціи въ Павловское время. Городское полицейское управленіе было учреж-

[1]) Устиновъ. Путеводитель, стр. 62, 63.

[2]) Отчетъ о дѣятельности городской управы за 1886 г.

[3]) Краткій обзоръ и пр., стр. 59, 60.

деніемъ коллегіальнымъ. Въ составъ присутствія полиціи входили городничій, пристава и городскіе ратманы. Впрочемъ коллегіальное начало въ дѣйствительности значенія не имѣло. Пристава творили волю своего прямого начальника—городничаго, а городскіе ратманы по своему малому знакомству съ законами играли обыкновенно жалкую роль статистовъ, приглашавшихся въ засѣданіе только для того, чтобы скрѣпить его протоколъ своею подписью. Во главѣ полиціи по прежнему стоялъ городничій. Городъ въ полицейскомъ отношеніи былъ раздѣленъ на три части: 1-я обнимала собою центръ города между р. Харьковомъ, Лопанью и Нетечью, „пески“ (нынѣшняя Клочковская) и поселенія за городскимъ острогомъ (теперешнія Сумская, Пушкинская, Чернышевская). Часть эта находилась въ завѣдываніи частнаго пристава и двухъ квартальныхъ надзирателей. Но уже и тогда этотъ штатъ для первой части считался недостаточнымъ: въ виду густоты населенія и сосредоточенія здѣсь ярмарочной торговли, городничій находилъ необходимымъ къ двумъ квартальнымъ прибавить третьяго для завѣдыванія „песками“ и мѣстностью за острогомъ. Вторая часть была за Харьковомъ и Нетечью. Здѣсь, какъ и въ первой части, былъ приставъ, а подъ его начальствомъ два квартальныхъ. Третья часть—за Лопанью съ подгородными слободами Афанасовкою и Ивановкою. Такимъ образомъ штатъ городской полиціи состоялъ изъ городничаго, трехъ приставовъ и 6 квартальныхъ.

Первымъ городничимъ XIX столѣтія былъ Грековъ, о дѣятельности котораго намъ уже приходилось говорить въ первомъ томѣ нашей „Исторіи“. Въ 1800 г. Грековъ былъ преданъ суду за показаніе въ составляемыхъ при его участіи вѣдомостяхъ неправильныхъ цѣнъ провіанта и фуража въ ущербъ казенному интересу. Состоя подъ судомъ, Грековъ продолжалъ отправлять городническую должность. Но и теперь, не смотря на висѣвшій надъ нимъ Дамокловъ мечъ, продолжалъ вести себя по старому, и вновь за нимъ оказались разныя упущенія и неисправности, за которыя онъ еще два раза попалъ подъ судъ: одинъ разъ за то, что допустилъ въ городѣ перекупку съѣстныхъ припасовъ, поднявшую цѣны на нихъ выше установленной таксы, а въ другой—за то, что посадилъ подъ стражу поручика Головинскаго. Это заставило наконецъ губернатора уволить Грекова отъ должности [1]). Послѣ Грекова городническую должность нѣкоторое время правилъ Кутайсовъ, а потомъ, очень недолго, богодуховскій городничій Экъ. Осенью 1801 г. городничимъ сталъ Шишкинъ [2]), назначеный сенаторами-ревизорами Лопухинымъ и Нелединскимъ-Мелецкимъ. Шишкинъ оказался немного лучше своего предмѣстника. Съ думою у него были постоянные нелады въ виду того, что Шишкинъ распоряжался такъ, какъ будто бы думы и совсѣмъ не существовало. Были на Шишкина жалобы и отъ его подчиненныхъ, и отъ частныхъ лицъ. Маіоръ харьковской штатной роты Позняковъ доносилъ, что Шишкинъ пользуется казеннымъ сѣномъ, предназначеннымъ для драгунскихъ лошадей; показываетъ въ вѣдомостяхъ купленнымъ у частныхъ лицъ сѣно, которое въ дѣйствительности ни у кого не покупалось; держитъ драгунскихъ лошадей на подножномъ корму дольше, чѣмъ полагается, „для собственнаго своего поползновенія и выгоды“ [3]). Въ 1803 г. нѣкій Млодзинскій донесъ, что Шишкинъ, неизвѣстно за что, наказалъ въ своемъ домѣ сержанта Ефимьева палками, потомъ отдалъ подъ арестъ и велѣлъ набить колодки, а когда Ефимьевъ доведенъ былъ до крайней степени слабости, городничій отправилъ его въ лазаретъ, гдѣ тотъ и умеръ. Млодзинскій говорилъ священнику и штабъ-лѣкарю о необходимости освидѣтельствовать тѣло покойнаго, но на это никто не обратилъ вниманія. При разслѣдованіи дѣла прапорщикъ Петровъ показалъ, что Ефимьевъ былъ наказанъ палками за самовольную отлучку изъ ротной канцеляріи, но наказанъ не весьма жестоко; послѣ наказанія Ефимьевъ жаловался на боль въ груди и просилъ пустить кровь, что и было исполнено. Когда кровопусканье не помогло, и Ефимьевъ почувствовалъ себя очень плохо, его отправили въ лазаретъ, гдѣ онъ и умеръ, по показанію штабъ-лекаря и двухъ учениковъ, отъ горячки. Другія свидѣтели и самъ Шишкинъ показывали, что Ефимьевъ наказанъ за пьянство и наказанъ легко, а доносъ Млодзинскаго Шишкинъ объяснялъ злобой за то, что Млодзинскій за разные проступки былъ имъ преданъ суду. Не смотря на то, что самъ губернаторъ Артаковъ находилъ, что городничій не совсѣмъ правъ, что врачи лечили Ефимьева „съ упущеніемъ“, и что подозрѣнія Млодзинскаго напрасно оставлены безъ провѣрки, палата уголовнаго суда, разбиравшая это дѣло, освободивъ Шишкина отъ всякой отвѣтственности, постановила подтвердить Млодзинскому, чтобы онъ на будущее время

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла канц. губ. 1801, № 223.
[2]) Тамъ же. № 10 и Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1801 г.
[3]) Арх. Губ. Пр. 1805 г. № 106.

воздерживался отъ ложныхъ доносовъ. Въ 1805 г. это, уже похороненное дѣло вплыло снова на Божій свѣтъ. По Высочайшему повелѣнію велѣно было произвести дознаніе, дѣйствительно ли Ефимьевъ умеръ вслѣдствіе нанесенныхъ ему Шишкинымъ тяжкихъ побоевъ. Чѣмъ окончилось дѣло,—не знаемъ.

Шишкинъ въ теченіе всего періода своего городничества упорно воевалъ съ думой за право распоряжаться ярмарочными мѣстами и выходилъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Точно также присваивалъ онъ себѣ право распоряжаться извознымъ промысломъ и пользоваться съ него доходами. Въ 1806 г. харьковскіе извозчики жаловались, что они ежегодно уплачиваютъ полиціи деньги за право промысла, а между тѣмъ мѣста, гдѣ бы они могли имѣть постоянное пребываніе, полиція имъ не отводитъ. На запросъ, на какомъ основаніи полиція облагаетъ извозчиковъ налогомъ, Шишкинъ отвѣтилъ ссылкою на указъ 1762 г., относящійся къ Петербургу, Москвѣ и Кронштадту, и заявилъ, что собираемыя имъ съ извозчиковъ деньги тратятся на нужды полиціи. Дума, принимая во вниманіе, что на полицейскіе расходы ей отпускаются городскія деньги, просила губернатора передать сборъ съ извозчиковъ въ пользу города. Шишкинъ отвѣтилъ на это тѣмъ, что призвавъ извозчичьяго старосту, потребовалъ немедленной уплаты въ полицію по 1 р. 25 коп. со всякаго извозчика, угрожая въ противномъ случаѣ взять ихъ на принудительную работу [1].

Не стѣснялся Шишкинъ съ думой и въ отношеніи содержанія пожарной команды. Пожарныя лошади у него часто падали, вмѣсто нихъ онъ приторговывалъ новыхъ, а отъ думы требовалъ денегъ на уплату [2]). Не церемонился Шишкинъ и съ отдѣльными гражданами. У купца Гринченка онъ разломалъ ярмарочную подташу, находя, что она занимаетъ больше мѣста, чѣмъ онъ позволилъ, хотя отводъ городскихъ мѣстъ по закону отъ него не зависѣлъ. Потомъ, впрочемъ, Шишкинъ смиловался надъ Гринченкомъ и позволилъ ему возобновить подташу, но черезъ нѣсколько дней явился къ нему въ лавку, приставилъ къ ней караулъ и запретилъ торговать, при чемъ сыну Гринченка и его приказчику такъ досталось отъ караульныхъ, что они принуждены были бѣжать, оставивъ и лавку, и товары [3]). Дѣло, впрочемъ, этимъ для Гринченка не окончилось. За сопротивленіе требованію полиціи онъ былъ преданъ суду и присужденъ къ 25 руб. штрафу. Гринченко имѣлъ мужество перенести дѣло въ Сенатъ. Здѣсь дѣло обернулось въ его пользу. Гринченко былъ признанъ невиновнымъ, уголовная палата оштрафована на 10 руб. за неправильный приговоръ, члены городской думы также подверглись 25 рублевому штрафу за „нерезонное“ отношеніе къ дѣлу, а самъ Шишкинъ былъ присужденъ къ 25 руб. штрафу за незаконное вмѣшательство въ распоряженіе ярмарочными мѣстами [4]).

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Въ мартѣ 1802 г. городническую должность почему то правилъ приставъ Брозинъ. И вотъ этотъ калифъ на часъ, выбравшись изъ занимаемаго имъ городского дома, увозитъ съ собою и городскую мебель [5]). Квартальный Сидоренко вмѣстѣ съ откупнымъ объѣздчикомъ явился искать корчемнаго вина у купца Неретина и отказался предъявить данное ему предписаніе, а когда предписаніе было объявлено, оказалось, что въ немъ объ обыскѣ у Неретина нѣтъ ни слова [6]).

Квартальный Загурскій состоялъ на службѣ, будучи человѣкомъ совсѣмъ не нормальнымъ. Онъ „своеручно“ билъ многихъ обывателей, не повиновался начальству и ругалъ его скверными словами. Послѣ увольненія отъ должности Загурскій побилъ на гауптвахтѣ сержанта и ударилъ городничаго. Загурскій былъ преданъ суду и отданъ на поруки, а послѣ неоднократныхъ случаевъ буйства посаженъ въ тюрьму, но и здѣсь билъ солдатъ, отбилъ отъ колодничьей казармы замки, расшибъ икону и приказывалъ солдату ее сжечь, городничаго обвинялъ во взяткахъ, поносилъ неприличными словами архіерея, уголовную палату и уѣздный судъ, а въ концѣ концовъ заявилъ губернатору, что онъ можетъ сдѣлаться невидимъ. Тутъ только стали догадываться, что Загурскій человѣкъ не нормальный. Врачебная управа нашла у него „черножолчный нравъ и разстройство нервовъ, отъ котораго можетъ послѣдовать сумашествіе или чахотка“. Попавъ въ больницу, Загурскій по прежнему буйствуетъ, бьетъ служителей, шатается

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. прш. 1806 г.
[2]) Арх. Гор. Думы. Подл. прил. 1806 г.
[3]) Арх. Губ. Прав. 1806 г. № 25.
[4]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1807 г.
[5]) Тамъ же. Подл. прил. 1808 г.
[6]) Тамъ же подл. прил. 1808 г. кн. 2.
[7]) Арх. Губ. Прав. Простр. регистръ канцеляріи губернатора 1805 г.

по городу цѣлые дни, ругаетъ докторовъ, пишетъ доносы, а когда его вновь хотѣли перевести въ тюрьму, онъ вооружился ружьемъ, порохомъ, дробью, двумя бритвами, штыкомъ, ножомъ, молоткомъ и ядомъ, объявилъ, что живымъ не сдастся, стрѣлялъ въ частнаго пристава. Передъ окномъ больничной комнаты, гдѣ заперся Загурскій, толпился весь чиновный Харьковъ съ губернаторомъ во главѣ, не зная, что дѣлать съ обезумѣвшимъ квартальнымъ поручикомъ.—Квартальный Загурскій дрался и ругался потому, что былъ боленъ, а секретарь полиціи Осетровъ былъ здоровъ, но за нимъ числилось такъ много „законопротивныхъ дѣяній“, что даже само снисходительное къ полицейскимъ слабостямъ начальство принуждено было отдать его подъ судъ. Уголовная палата присудила его къ отдачѣ въ солдаты, но по представленію губернатора Сенатъ перерѣшилъ дѣло и ограничился мѣсячнымъ арестомъ при полиціи, удаленіемъ Осетрова въ отставку съ „волчьимъ билетомъ“ и запрещеніемъ писать прошенія. Этого послѣдняго занятія Осетровъ не бросалъ, впрочемъ, и послѣ запрещенія, не смотря на многократныя „воспященія“ со стороны губернскаго правленія [1]).

Въ концѣ 1806 г. Шипкинъ пересталъ быть городничимъ. Исправлять городническую должность былъ вновь призванъ изъ Богодухова Экъ. Экъ былъ послѣднимъ городничимъ Харькова и первымъ его полиціймейстеромъ.

Въ 1807 г. харьковская полиція была реформирована. Должность городничаго была совсѣмъ упразднена. Вмѣсто него во главѣ городской полиціи поставленъ полиціймейстеръ. Въ вѣдѣніи полиціймейстера находились 3 пристава и 6 квартальныхъ надзирателей. Воинскую команду положено было заимствовать изъ губернской роты, прибавивъ къ ней собственно для полиціи 12 чел. драгунъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Штатъ полиціи такимъ образомъ не увеличился. Разница между прежними и новыми порядками состояла въ переименованіи начальника городской полиціи и въ усиленіи окладовъ. Полиціймейстеръ получалъ 500 руб., три пристава по 300 руб., надзиратели по 200 руб. да на канцелярію полагалось 300 руб. Расходъ на всю городскую полицію простирался до 3080 руб. Расходъ на пожарную команду, освѣщеніе, ночныхъ и дневныхъ сторожей ежегодно опредѣлялся по соглашенію губернатора, полиціймейстера и думы. Десятскіе и сотскіе остались по прежнему, и по прежнему же эта часть была не въ большомъ порядкѣ. Въ 1807 г. полиціймейстеръ Экъ жаловался, что при опредѣленіи десятскихъ и сотскихъ встрѣчаются разныя препятствія, домохозяева отлучаются изъ города и десятниковъ за себя поставляютъ не охотно, нѣкоторые нанявшіеся десятники не получаютъ отъ хозяевъ жалованья, а иные, получивъ жалованье, самовольно уходятъ; нанимаютъ старыхъ и малыхъ, неспособныхъ къ полицейской службѣ. Экъ предлагалъ отмѣнить наемъ десятскихъ самими обывателями, а передать его думѣ, которая и должна уже сама собирать съ обывателей необходимыя на наемъ деньги. Губернаторъ рѣшилъ передать наемъ десятскихъ въ вѣдѣніе самой полиціи [2]). Въ 1809 г. десятскихъ было 76, въ томъ числѣ будочниковъ 40 [3]). Если десятскіе не всегда стояли на высотѣ своего призванія, то не лучше была и та вооруженная сила, какая находилась въ распоряженіи полиціи—драгуны и штатная рота. При ревизіи назначеннаго изъ Петербурга инспектора (1810 г.) оказалось: ружья заржавѣли, штыки не по ружьямъ, сабли худы, эфесы испорчены, ножны переломаны или попорчены, ранцы, перевязи, портупеи, ружейные погонные ремни, патронныя сумы и драгунскія подсумки стары, ветхи и разнокалиберны. Не оказалось на лицо и требуемаго количества ружей и другихъ предметовъ вооруженія. Внѣшній видъ охранителей безопасности харьковцевъ также не блисталъ изяществомъ: пуговицы и пряжки на мундирахъ и ранцахъ разнокалиберны, мѣдные гербы помяты и съ трещинами, темляки на шпагахъ плохіе, а у нѣкоторыхъ и совсѣмъ нѣтъ; на мундирахъ унтеръ-офицеровъ галуны собственные; перчатокъ не получаютъ, сапоги и панталоны разнокалиберны и въ дурномъ состояніи; чулковъ, носковъ и лѣтнихъ кителей у большей части не оказалось [4]). Штатная рота не долго послѣ этого оставалась въ распоряженіи полиціи. Въ 1811 г. губернскія роты и штатныя команды велѣно было передать въ военное вѣдомство [5]). Драгуны въ числѣ 12 нижнихъ чиновъ продержались въ Харьковѣ до 1817 г.

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. приг. 1808 г. и вход. 1811 г.
[1]) Арх. Губ. Думы. Вход. 1807 г.
[2]) Арх. Губ. Прав. 1809 г. № 92.
[3]) Арх. Губ. Пр. 1810 г., № 15.
[4]) Арх. Гор. Думы. Вход. 1811 г.

При всеобъемлющемъ характерѣ тогдашней полицейской службы, при массѣ канцелярскихъ обязанностей, лежавшихъ на полиціи, харьковская полиція въ теченіе, можно сказать, десятилѣтій оказывалась не въ состояніи удовлетворять предъявляемымъ къ ней требованіямъ. Часть распорядительная, требовавшая по тогдашнимъ временамъ только энергіи, еще кое какъ шла, что же касается канцелярской, гдѣ требовалось писаніе разныхъ бумагъ, да еще и „по соображенію съ законами", была для харьковской полиціи уже и совсѣмъ не по силамъ.

Въ 1809 г. полиціймейстеръ жаловался, что полиція завалена письменными дѣлами, часто требующими немедленнаго исполненія, и благодаря этому иные преступники по маловажнымъ дѣламъ, сидя подъ стражей въ ожиданіи полицейскаго допроса, терпятъ изнуреніе сверхъ мѣры своихъ преступленій, а въ иныхъ случаяхъ нѣтъ возможности раскрыть преступленіе по горячимъ слѣдамъ, такъ какъ некому своевременно произвести допросъ. Въ канцеляріи полиціи 3 человѣка служащихъ, работаютъ и день, и ночь, въ будни и въ праздники, и все же не успѣваютъ справиться съ массою поступающихъ дѣлъ. Маленькое жалованье (на всю канцелярію 300 р., изъ которыхъ значительная часть расходовалось на отопленіе и канцелярскія принадлежности) и незавидное служебное положеніе никого не привлекаютъ на службу въ канцелярію полиціи, а между тѣмъ Харьковъ—городъ многолюдный, съ университетомъ, запаснымъ рекрутскимъ депо, съ немалымъ стеченіемъ народа во время ярмарокъ и рекрутскихъ наборовъ. Недостаточность служащихъ по канцеляріи полиціи признавалъ и губернаторъ Бахтинъ, предложившій городской думѣ усилить ассигновку на полицейскіе расходы и возбудившій одновременно съ этимъ ходатайство объ усиленіи штата харьковской полиціи [1]).

Представленіе Бахтина было удовлетворено только въ 1824 г., т. е. спустя 15 лѣтъ по возбужденіи ходатайства. По указу 31 января 1824 г. велѣно было опредѣлить въ харьковскую городскую полицію, впредь до созданія новаго для нея штата, одного штатнаго секретаря съ жалованьемъ въ 250 р. изъ городскихъ доходовъ [2]). Умноженіе канцелярскаго штата не сдѣлало, однако, полицію болѣе исполнительной даже въ области канцелярскаго производства. По дѣлу о взысканіи денегъ за содержаніе лавокъ съ Касаткина, Саввиной и Костенниковой городская дума девять разъ обращалась къ полиціймейстеру, но отвѣта такъ и не дождалась [3]). Въ 1829 г. на членовъ и секретаря полиціи наложенъ штрафъ за невыполненіе требованій гражданской палаты, а потомъ и другой штрафъ въ 50 р. за невыполненіе требованій губернскаго правленія,—строгость, объясняемая пребываніемъ въ Харьковѣ сенатора-ревизора Гогголи, распоряжавшагося мѣстными дѣлами вполнѣ самовластно и очень круто. [4]) Въ томъ же году членамъ полиціи вновь пришлось заплатить 20 руб. штрафъ за невыполненіе сенатскихъ указовъ по одному частному дѣлу.

Со стороны администраціи и самой полиціи по прежнему продолжались жалобы на недостатокъ чиновниковъ и низшихъ полицейскихъ служащихъ. Въ 1824 г. полиціймейстеръ Ковнацкій, указывая на умноженіе въ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ, просилъ о прибавкѣ къ штату полиціи одного слѣдственнаго пристава. Вообще полиціи, по мнѣнію Ковнацкаго, было въ Харьковѣ мало. Полиціймейстеръ находилъ, что въ Харьковѣ слѣдовало бы къ имѣющимся тремъ полицейскимъ частямъ прибавить и четвертую, но, въ виду большихъ издержекъ для этого, предлагалъ ограничиться просьбой о прибавкѣ по одному квартальному на каждую часть, такъ чтобы всѣхъ было не 6, а 9. Представленіе объ этомъ было послано въ Петербургъ [5]), да тамъ и заглохло. Кое что было сдѣлано только для улучшенія наружной полиціи. Такъ съ 1824 г. десятскіе стали набираться изъ инвалидовъ. Изъ нихъ же рекрутировались и служителя пожарной команды. Въ 1824 г. въ составѣ полиціи было 83 инвалида, а всего въ полиціи и пожарной командѣ числилось 132 человѣка. Въ 1827 г. нижнихъ полицейскихъ и пожарныхъ служителей было въ Харьковѣ 113, а въ 1830 г. тѣхъ и другихъ полагалось всего 133, но въ дѣйствительности было гораздо меньше [6]). Насколько исполнительными полицейскими оказались инвалиды,—ска-

[1]) Арх. Губ. Пр. 1809 г., № 17.
[2]) Перв. П. С. З., Т. XXXIX, № 29757.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1831.
[4]) Тамъ же. Вход. 1829 г.
[5]) Арх. Губ. Пр. 1824 г. № 252.
[6]) Арх. Гор. Думы, Журн. 1824, 1827, 1830 гг.

зать не можемъ, но знаемъ, что послѣ ихъ привлеченія на полицейскую службу число жалобъ на неисправность полиціи и ея безцеремонное обращеніе съ обывателями отнюдь не умалилось.

Усиленіе канцелярскаго состава городской полиціи послѣдовало только въ 1836 г. 19 октября этого года состоялся указъ, согласно которому для успѣшнѣйшаго производства дѣлъ въ харьковской городской полиціи учреждены должности двухъ слѣдственныхъ приставовъ, одного для уголовныхъ, другого—для гражданскихъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ изъ городскихъ доходовъ. Городскому обществу было предоставлено право или отводить имъ квартиры натурой, или выдавать квартирныя деньги [1]). Но и при такомъ составѣ городская полиція мало удовлетворяла своему назначенію. Не знаемъ, какъ исполняла полиція требованія своего непосредственнаго начальства, но что касается порученій, возлагавшихся на нее городскою думою, то тутъ она была изъ рукъ вонъ плоха. Въ ряду подъ Университетской горкой городскую лавку нанималъ нѣкій Самцовъ. Обанкротился, перешелъ въ мѣщане, на весь товаръ былъ наложенъ арестъ кредиторами, думѣ за лавку переставъ платить. Дума потребовала отъ полиціи очистить лавку. Полиція ничего не сдѣлала. Потребовали въ другой разъ—результатъ тотъ же. Пожаловались губернатору,—отвѣчено, что сдѣлано строгое предписаніе, а лавка по прежнему осталась занятой товарами Самцова. Такъ прошло три года. Опять написали полиціймейстеру—и опять ничего. Написали въ другой разъ—никакого результата. Обратились опять съ жалобой къ „его сіятельству“ (губернатору Трубецкому),—отвѣчено, что сдѣлано строгое предписаніе. А лавка все таки осталась занятой. Подождали еще $1^1/_2$ мѣсяца—и вновь къ „его сіятельству“, и опять безъ толку. Небрежность полиціи обошлась городу въ 1108 р., которые онъ потерялъ вслѣдствіе того, что занятую лавку нельзя было отдать въ наемъ. Тоже повторялось и при взысканіи недоимокъ, даже казенныхъ. Въ 1841 г. губернское правленіе принуждено было объявить харьковской полиціи строгій выговоръ за невзысканіе недоимокъ [2]).

Въ 1842 г. мы видимъ новыя хлопоты объ усиленіи состава полиціи. Въ это время было составлено предположеніе о новомъ устройствѣ городской полиціи [3]), но не смотря на вліятельную поддержу этого предположенія со стороны генералъ-губернатора Долгорукова, осуществиться ему не пришлось. Штатъ наружной полиціи по прежнему оказывался недостаточнымъ, что особенно чувствовалось во время ярмарокъ. Въ такихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ средству, практиковавшемуся въ Харьковѣ издавна. На время ярмарокъ въ Харьковъ командировались полицейскіе чиновники изъ уѣздовъ. Было это и неудобно, и обременительно для города, ибо такъ наз. суточныя имъ приходилось уплачивать изъ городскихъ средствъ. Гораздо счастливѣе Долгорукова оказался Кокошкинъ. При немъ, въ 1851 г., состоялось значительное усиленіе какъ наружной полиціи, такъ и ея канцелярскихъ силъ.

Во главѣ харьковской полиціи были поставлены два полиціймейстера: старшій въ должности VI класса съ окладомъ въ 1000 р. (500 жалованья, 300 столовыхъ и 200 разъѣздныхъ) и младшій въ должности VII класса съ жалованьемъ 485 р. 72 к. При старшемъ полиціймейстерѣ состоялъ письмоводитель въ X классѣ съ жалованьемъ 228 р. При управленіи полиціймейстера были: 2 пристава уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, два ратмана отъ купечества, не получавшихъ жалованья, секретарь, столоначальникъ, казначей (онъ же и экзекуторъ), журналистъ, архиваріусъ, 7 писцовъ средняго оклада и 5 низшаго. Городъ по прежнему раздѣлялся на три части, во главѣ которыхъ стояли частные пристава, а каждая часть на три квартала. При каждой части полагался письмоводитель. Весь расходъ на личный составъ полицейскихъ чиновниковъ и канцелярскіе расходы въ суммѣ 7214 р. 99 к. падалъ на средства города. Полицейская и пожарная команды были оставлены на прежнемъ основаніи [4]).

Количественный составъ полицейскихъ чиновниковъ былъ такимъ образомъ умноженъ, но для улучшенія качественнаго состава его сдѣлано было немного. Низкій окладъ жалованья (приставъ напр. получалъ 171 р. 43 к., квартальный надзиратель 114 р. 29 к.) не давалъ возможности сколько-нибудь прилично существовать безъ посторонннихъ источниковъ дохода, и полицейская служба по прежнему не представляла ничего заманчиваго для лучшихъ людей тогдашняго чиновничества.

---

[1]) Втор. П. С. З. т. XI. № 9604.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1841 г. дек. 15.
[3]) Тамъ-же. Журн. 1842 г.
[4]) Втор. П. С. З., т. XXVI, отд. 1, № 24791.

Штаты 1851 г. вскорѣ оказались недостаточны, и въ 1858 г. ихъ пришлось вновь усилить. Собственно управленіе городской полиціи осталось въ неизмѣнномъ видѣ, прибавилось только число столоначальниковъ: вмѣсто одного ихъ полагалось уже 5 человѣкъ. За то сильно увеличенъ составъ полиціи въ частяхъ. Кромѣ частныхъ приставовъ, въ каждую часть было опредѣлено еще по одному слѣдственному приставу, при которыхъ состояли особые письмоводители. Квартальныхъ положено уже не 9, а 12, да, кромѣ того, къ каждому квартальному назначенъ еще особый помощникъ. Расходы на полицію отнесены на средства города, которому теперь приходилось платить по этой статьѣ 9619 р. 31 к. въ годъ. Для улучшенія матеріальнаго положенія полиціи, принужденной по прежнему кормиться на счетъ обывателя, ничего сдѣлано не было. Квартальный по прежнему получалъ 114 р. 29 к., а его помощникъ—100 р. [1]). Не „брать“ имъ, очевидно, было нельзя. Для того, чтобы судить, насколько новые штаты, введенные, впрочемъ, только въ 1860 г., удовлетворяли нуждамъ Харькова въ полицейской охранѣ, остановимся на границахъ полицейскихъ кварталовъ того времени. Въ первой части было четыре квартала. Первый тянулся по Старо-Московской улицѣ и мимо Конной площади, по большой дорогѣ на Чугуевъ, идущей около дачи помѣщика Римскаго-Корсакова—вся лѣвая сторона. Второй—тоже пространство по правой сторонѣ да, кромѣ того,—пространство отъ р. Харькова по Курисовской улицѣ на Михайловскую, а съ Михайловской по Зміевской улицѣ и большой Зміевской дорогѣ—вся лѣвая сторона. Къ составу этого квартала принадлежали такимъ образомъ и самыя большія харьковскія площади—Конная и Михайловская. Къ третьему кварталу принадлежало все пространство отъ правой стороны Курисовской, Михайловской и Зміевской и по Нетечинскій мостъ, лѣвую сторону Воскресенской площади и Грековской улицы до Основы. Четвертый участокъ обнималъ всю мѣстность отъ Грековской на западъ до рѣки, т. е. включалъ въ себя часть Заиковки и всю Москалевку. Во второй части первый кварталъ шелъ отъ набережной р. Харькова по Мѣщанской и Бѣлгородской на Куликовскую, а оттуда по Старокладбищенскому переулку, мимо домовъ Родзянко и благотворительнаго общества, до Нѣмецкой улицы, мимо Каплуновской церкви и затѣмъ по-за предмѣстьемъ Журавлевскою—вся правая сторона. Второй кварталъ обнималъ все пространство отъ Сумской улицы, Николаевской площади и Московской до границъ перваго квартала. Третій кварталъ шелъ отъ Харьковскаго моста по Московской на Николаевскую площадь до Шляпнаго переулка, мимо лавокъ Гостиннаго двора и думскихъ лавокъ до Лопанскаго большого моста—вся лѣвая сторона. Четвертый кварталъ—отъ ветеринарнаго училища внизъ по Сумской улицѣ и Николаевской площади до большого Лопанскаго моста—вся правая сторона. Въ третьей части кварталы дѣлились такъ: первый—отъ р. Лопани, мимо Суздальскихъ рядовъ съ правой стороны и по Чеботарской улицѣ вверхъ до оврага между Гіевской и Гвоздиковской улицами—вся правая сторона. Второй кварталъ—отъ границы перваго квартала до Коцарской улицы и Тюремной площади по Екатеринославской (правая сторона) вверхъ по Холодногорскому шоссе. Третій кварталъ—отъ р. Лопани мимо Суздальскихъ рядовъ по Коцарской улицѣ до Тюремной площади, а оттуда черезъ Жандармскую и по Гончаровскому переулку до р. Харькова—вся лѣвая сторона. Четвертый кварталъ—отъ р. Харькова по Гончаровскому переулку на Жандармскую площадь, а оттуда на Екатеринославскую и по ней налѣво вверхъ по шоссе на Холодную гору—вся лѣвая сторона [2]).

Судя по хроникѣ „происшествій“ того времени, печатавшейся на страницахъ „Губ. Вѣдом.“, случаи, требовавшіе отъ харьковской полиціи особой бдительности, были не часты, но все же бдительностью этой харьковцы были не совсѣмъ довольны. Такъ осенью 1860 г. горожане очень жаловались на участившіеся случаи грабежей и кражъ. Мѣстный губернскій органъ доказывалъ, впрочемъ, что ропотъ гражданъ совершенно не основателенъ, ибо грабежей за время съ 25 октября по 18 ноября было всего четыре-пять и изъ нихъ только одинъ крупный; поднятыя мертвыя тѣла оказались безъ признаковъ насильственной смерти, а если что и усилилось,—такъ это кражи. Но и тутъ полиція ни при чемъ, такъ какъ 40 полицейскихъ, „имѣя на своей шеѣ тысячи служебныхъ обязанностей, независимо отъ обязанностей общечеловѣческихъ, не могутъ по ночамъ сторожить каждый дворъ“. Съ ноября довольно и ночныхъ обходовъ, тѣмъ болѣе, что они и не безплодны: за время съ 15 октября по 18 ноября обходами задержано

[1]) Втор. Полн. Собр. Зак., т. XXXIII, № 33721.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1860 г., № 55.

35 бродягъ и дезертировъ. „Губ. Вѣд.“ возлагали вину за „происшествія“ на самихъ же харьковцевъ, содержавшихъ малую ночную стражу, состоявшую къ тому же изъ „дряхлыхъ старцевъ, неспособныхъ къ ночному бодрствованію“. Газета находила, что Харьковъ былъ бы совсѣмъ безопасенъ, если бы на каждые 12 дворовъ приходилось по 1 хорошему ночному сторожу [1]).

Дѣло наружной полиціи по прежнему стояло не на должной высотѣ, и удовлетворить нуждамъ охраны быстро растущаго города она часто оказывалась не въ состояніи. Но не важно шли и „письменныя дѣла“, для которыхъ были созданы штатами 1858 г. добавочные столоначальники при полиціи и письмоводители при частяхъ и слѣдственныхъ приставахъ. Со всѣми „письменными дѣлами“ полиція по прежнему справляться не успѣвала. Въ 1861 г. харьковская полиція оказалась рѣшительно не въ состояніи привести въ порядокъ свою денежную отчетность, такъ что пришлось учредить при ней особый временный „столъ“ для разбора отчетности, что вызвало у города новый добавочный расходъ въ суммѣ 740 р. въ годъ. Впрочемъ деньги эти можно было еще считать не совсѣмъ пропащими: губернскому начальству предписывалось взыскать ихъ съ виновныхъ въ допущеніи безпорядковъ, которые впослѣдствіи будутъ открыты [2]).

Указомъ 25 декабря 1862 г. произведена общая реформа полиціи въ Россіи. Въ Харьковѣ, согласно указу 25 декабря, вмѣсто старшаго и младшаго полиціймейстеровъ опредѣлены полиціймейстеръ и его помощникъ. Квартальные совсѣмъ упразднены, вмѣсто ихъ назначены помощники приставовъ. Въ управленіи полиціей удержана нѣкоторая коллегіальность. Важнѣйшія дѣла по полицейской части, подробно перечисленныя въ законѣ, вѣдались „присутствіемъ“ полиціи, во главѣ котораго стоялъ полиціймейстеръ, а въ составъ входили помощникъ полиціймейстера и два ратмана городового магистрата [3]).

Въ 1868 г. для харьковской полиціи установлены были новые штаты. Во главѣ полиціи по прежнему стоялъ полиціймейстеръ и его помощникъ, но съ значительно болѣе крупными окладами, чѣмъ прежде: полиціймейстеру полагалось 2400 р., а его помощнику 1200 р. Письменная часть въ полицейскомъ управленіи лежала на секретарѣ, получавшемъ 600 р., и канцеляріи, на содержаніе которой отпускалось 2400 р. въ годъ. Сильно возросло и число приставовъ и ихъ помощниковъ: по штатамъ 1868 г. приставовъ полагалось въ Харьковѣ 12, а помощниковъ—18. Городъ раздѣленъ былъ на 12 полицейскихъ участковъ. Захарьковская часть дѣлилась на четыре участка: 1) Вознесенскій, 2) Михайловскій (границей между ними служила Старо-Московская улица; мѣстность по лѣвую сторону этой улицы принадлежала къ Вознесенскому участку, а по правую—къ Михайловскому), 3) Воскресенскій и 4) Москалевскій (границами между ними были Воскресенская площадь и Грековская улица). Центръ города дѣлился на участки: 1) Нѣмецкій, заключавшій въ себѣ все пространство по правую сторону Мѣщанской и Театральнаго переулка, Нѣмецкую ул. и Журавлевку, 2) Николаевскій—все пространство между Мѣщанской и Московской улицами и по лѣвую сторону отъ Сумской, 3) Рыбный—все пространство между Московской и р. Харьковомъ и 4) Монастырскій—вся остальная часть городского центра. Въ Залопанской части тоже четыре участка: 1) Базарный, 2) Екатеринославскій, 3) Карповскій—правая сторона Залопанской части отъ въѣзда въ городъ съ Холодной горы со включеніемъ Новоселовки и Рубановки, и 4) Панасовскій [4]). Въ каждомъ участкѣ, кромѣ пристава, былъ одинъ помощникъ его, да сверхъ того при полицейскомъ управленіи состояло 6 помощниковъ пристава. Пожарнымъ обозомъ завѣдывалъ брандмейстеръ, у котораго были 2 помощника. Полицейская и пожарная команда состояли изъ 216 человѣкъ; сверхъ того, при полицейской командѣ полагалось 15 унтеръ-офицеровъ, а при пожарной—9. На содержаніе полиціи городъ отпускалъ 29755 р. 62½ коп. да, кромѣ того, на квартиры тѣмъ полицейскимъ чиновникамъ, которые не имѣли квартиръ въ городскихъ полицейскихъ зданіяхъ, полагалось ежегодно выдавать изъ тѣхъ же городскихъ средствъ по 2250 р. [5]).

Не прошло послѣ 1868 г. и шести лѣтъ, какъ харьковская полиція потребовала уже новаго „усиленія способовъ“. 17 апрѣля 1874 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта о

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1860 г. № 116.
[2]) Втор. Полн. Собр. Зак. Т. XXXVI № 27321.
[3]) Тамъ же. Т. XXXVII. № 39087.
[4]) Харьк. Календ. на 1869 г. Часть справочн. стр. 16—17.
[5]) Втор. Полн. Собр. Зак. Т. XLIII. № 45494.

преобразованіи харьковской городской полиціи. Коллегіальное начало въ управленіи полиціей, ставшее фактически невозможнымъ съ преобразованіемъ городского самоуправленія и исчезновеніемъ изъ его состава магистратскихъ ратмановъ и самого магистрата, было теперь окончательно отмѣнено, и управленіе полиціей возложено на одного полиціймейстера. Кромѣ приставовъ и ихъ помощниковъ, учреждены были еще должности околодочныхъ надзирателей съ такими же правами, какими пользовались околодочные въ петербургской полиціи. Оклады содержанія усилены. Полиціймейстеръ получалъ теперь 3000 р., а его помощникъ—1500 р. При управленіи полиціймейстера полагалась канцелярія, во главѣ которой стоялъ сѣкретарь и два столоначальника; третьимъ чиновнымъ лицомъ въ управленіи полиціймейстера былъ казначей (онъ же и бухгалтеръ). На писцовъ и канцелярскіе расходы по управленію ежегодно отпускалось по 2000 р. Наружная полиція состояла изъ 6 участковыхъ приставовъ, 12 помощниковъ приставовъ, 24 околодочныхъ и 200 городовыхъ. Весь годовой расходъ на полицію исчисленъ былъ въ суммѣ 77102 р., при чемъ 49644 р. обязанъ былъ платить городъ, а остальное казна, но впрочемъ только въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ; затѣмъ платежи казны уменьшались, а города—увеличивались съ такимъ разсчетомъ, чтобы послѣ 1884 г. все содержаніе городской полиціи перешло на средства города. Три участковыя управленія были помѣщены въ прежнихъ „частяхъ“, для остальныхъ наняты были особыя квартиры [1]).

Революціонное движеніе 70-хъ годовъ, однимъ изъ очаговъ котораго сталъ Харьковъ, оказалось не по плечу преобразованной харьковской полиціи. Въ 1878 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ представилъ въ комитетъ министровъ записку о необходимости усиленія состава полиціи въ 9 крупныхъ русскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ, ссылаясь на „прискорбный опытъ“, который „доказалъ недостаточность полиціи для полнаго огражденія общественной и политической безопасности“. Несмотря на то, что комитетъ министровъ находилъ, что „численность полиціи не можетъ служить еще вѣрнымъ залогомъ ея удовлетворительности“, и что „неуспѣшность полицейской дѣятельности обусловливается и органическими ея недостатками“, представленіе Тимашева было удовлетворено, и на усиленіе полиціи въ его распоряженіе отпущена довольно крупная сумма [2]). Въ январѣ слѣдующаго года въ дополненіе къ этой суммѣ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, было прибавлено еще около 32 тыс. руб., причемъ мотивомъ опять таки служила ссылка на необходимость усиленія полиціи въ Кіевѣ и Харьковѣ [3]). 21 декабря 1882 г. составъ харьковской полиціи вновь усиленъ. По особымъ штатамъ, введеннымъ, впрочемъ, временно, на три года, приставовъ по прежнему полагалось 6, при каждомъ по помощнику и письмоводителю, околодочныхъ надзирателей 52, городовыхъ трехъ разрядовъ всѣхъ 300 чел. да 25 конныхъ стражниковъ. Расходъ на содержаніе полиціи былъ исчисленъ въ 125880 р. [4]). 5 марта 1885 г. этотъ временный штатъ былъ сохраненъ еще на три года. Въ томъ же 1885 г. по представленію министра внутреннихъ дѣлъ въ Харьковѣ учреждена была должность второго помощника полиціймейстера. Должность эта также была учреждена временно [5]). 25 мая 1888 г. этотъ временный штатъ былъ превращенъ въ постоянный. Для надобностей полиціи съ 1 іюля этого года Высочайше повелѣно учредить адресный столъ [6]). Къ началу XX в. и этотъ штатъ оказался недостаточнымъ. 10 іюня 1902 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ усиленіи состава харьковской городской полиціи учрежденіемъ должности семи помощниковъ приставовъ, двѣнадцати городовыхъ перваго разряда, 50 городовыхъ второго разряда и 25 конныхъ стражниковъ. Расходъ на новыхъ чиновъ былъ на сей разъ отнесенъ на средства государственнаго казначейства [7]).

Первымъ харьковскимъ полиціймейстеромъ былъ Трофимъ Васильевичъ Экъ, отставной капитанъ изъ дворянъ „лифляндской націи“. Для Харькова это былъ человѣкъ не новый: въ 1795—1797 гг. онъ

---

[1]) Втор. Полн. Собр. Зак. Т. XLIX № 53380.
[2]) Втор. Полн. Собр. Зак Т. LIII. № 59025
[3]) Втор. Полн. Собр. Закон. Т. LIV. № 60149.
[4]) Третье Полн. Собр. Зак. Т. II. № 1264.
[5]) Третье Полн. Собр. Зак. Т. V. № 3218.
[6]) Третье Полн. Собр. Зак. Т. VIII № 5249.
[7]) Тамъ же. Т. XXII, отд. I. № 21649.

былъ здѣсь городничимъ, а затѣмъ три раза исправлялъ должность городничаго. По сравненію со своими предмѣстниками—городничими Грековымъ и Шишкинымъ, это былъ администраторъ, болѣе удовлетворявшій требованіямъ, предъявляемымъ къ занимаемому имъ мѣсту. Экъ не совершалъ никакихъ „законопротивныхъ дѣяній", предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ, и даже не вымогалъ, но благодарностью, повидимому, не пренебрегалъ. „Въ одну зимнюю ночь—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ проф. Роммель—пропали обѣ мои курляндскія лошадки. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ: сколько я пожертвую на это дѣло? Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ" [1]). Жалобъ на Экa не находимъ, столкновеній съ думой, обычныхъ у его предмѣстниковъ, тоже не видно. Одинъ только разъ за все время управленія Экa городской полиціей мы видимъ нелады у него съ думой, да и въ этомъ случаѣ полиціймейстеръ былъ, повидимому, правъ. Неудовольствіе возникло изъ за того, что дума подъ разными предлогами отказывалась отъ устройства зимняго сарая для пожарныхъ инструментовъ 2-й части и избы для десятскихъ и арестантовъ, которые, по словамъ Экa, всѣ помѣщались въ одной комнатѣ, какъ мужчины, такъ и женщины [2]). Экъ способствовалъ улучшенію пожарной команды. По его иниціативѣ въ Харьковѣ заведены брандмейстеры [3]). Изъ другихъ „отличныхъ дѣлъ" Экa, упомянутыхъ въ его формулярномъ спискѣ, отмѣтимъ уничтоженіе „частовременнаго воровства" въ 1806 г. открытіе до 1000 руб. денегъ, утаенныхъ до него полиціей и принадлежавшихъ частью казнѣ, частью частнымъ лицамъ; изловленіе въ періодъ 1806—1811 гг. до 400 дезертировъ, бродягъ и бѣглыхъ. Экъ продержался на полиціймейстерскомъ мѣстѣ все время губернаторства Бахтина, и вышелъ въ отставку въ 1815 г. Вслѣдъ за нимъ принужденъ былъ оставить полицейскую службу и его сослуживецъ, приставъ Шиловъ, отрѣшенный отъ должности безъ права поступленія на службу [4]).

Пока Экy былъ подысканъ преемникъ, полиціймейстерскую должность правилъ сперва валковскій городничій Хильдебринъ, а потомъ изюмскій городничій Ганъ и частный приставъ Горновъ (въ 1816 г.). Послѣ этого полиціймейстеромъ былъ назначенъ Лавровъ, пробывшій на этой должности до 1823 г. При Лавровѣ Императоръ Александръ Павловичъ два раза проѣзжалъ черезъ Харьковъ, и оба раза Лаврову было объявляемо Высочайшее благоволеніе за полицейскіе распорядки. Въ 1824 г. по Высочайшему повелѣнію Лаврову, во вниманіе къ его преклоннымъ годамъ и долговременной службѣ, велѣно было дать въ какой нибудь губерніи вакантное мѣсто предсѣдателя уголовной или гражданской палаты. Вакантнаго мѣста не нашлось, а между тѣмъ Лавровъ попалъ подъ судъ по обвиненію его нѣкіимъ евреемъ въ вымогательствѣ (Лавровъ требовалъ отъ еврея 100 р. за возвращеніе отобраннаго у него паспорта). Палата уголовнаго суда не признала Лаврова виновнымъ, такъ какъ самъ онъ не винился и никѣмъ не изобличенъ. Потомъ началось другое дѣло—по обвиненію чиновниковъ городской полиціи, въ томъ числѣ и Лаврова, въ злоупотребленіяхъ, возникшее по доносу вахмистра Кудрявцева. Изъ суда Лавровъ опять вышелъ оправданнымъ, однако предсѣдательскаго мѣста ему такъ и не дали, а только зачислили кандидатомъ на вакантную должность совѣтника губернскаго правленія [5]).

Въ 1824 г. мѣсто Лаврова занималъ извѣстный уже намъ Ганъ, а потомъ сумской городничій Ковнацкій, который и былъ утвержденъ въ полиціймейстерской должности. Ковнацкій вступилъ въ борьбу съ уѣзднымъ земскимъ судомъ за право начальствованія надъ харьковскими войсковыми обывателями и ихъ волостнымъ правленіемъ и вышелъ отъ этой борьбы побѣдителемъ [6]). Онъ пользовался особенной благосклонностью губернатора Муратова. Такъ какъ казенной квартиры въ то время полиціймейстеру не давалось, то Муратовъ приказалъ думѣ выдавать Ковнацкому ежегодно по 1000 р. на квартиру. Благоденствовалъ Ковнацкій, впрочемъ, не долго. Во главѣ харьковской полиціи Ковнацкій пробылъ всего 3 года и кончилъ даже болѣе печально, чѣмъ Лавровъ. Въ 1827 г. въ Харьковъ прибылъ на ревизію сена-

---

[1]) Роммель. Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета, стр. 76—77.
[2]) Арх. Губ. Пр. 1807 г. № 315.
[3]) Тамъ же. 1807 г. № 92.
[4]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1816 г.
[5]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1827 г. № 321.
[6]) Тамъ же. 1824 г. № 260.

торъ Брозинъ. Результатомъ ревизіи былъ выходъ въ отставку губернатора Муратова и преданіе его суду. Вмѣстѣ съ губернаторомъ вышелъ въ отставку и Ковнацкій и, повидимому, тоже не по собственному желанію: по крайней мѣрѣ извѣстно, что о немъ производилось слѣдствіе, можетъ быть, по поводу незаконныхъ пособій, получаемыхъ полиціей отъ думы по распоряженію Муратова [1]). Ковнацкій вышелъ въ отставку въ маѣ, а въ сентябрѣ на его мѣсто былъ назначенъ нѣкій Роменскій, бывшій, впрочемъ, очень не долговѣчнымъ: въ мартѣ 1828 г. онъ уже былъ въ отставкѣ [2]). Кратковременное управленіе Роменскаго ознаменовалось рядомъ безпорядковъ и злоупотребленій по квартирной коммисіи, въ которой онъ по закону былъ только предсѣдателемъ, но въ дѣйствительности игралъ такую роль, что съ полнымъ правомъ могъ бы сказать: квартирная коммиссія—это я. Результатомъ хозяйничанья Роменскаго явилось дѣло о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по квартирной коммиссіи. Роменскій былъ уже въ отставкѣ, когда о его дѣйствіяхъ производилось разслѣдованіе совѣтникомъ губернскаго правленія Ишеницкимъ. Роменскій былъ послѣднимъ полиціймейстеромъ, получавшимъ, какъ и его предмѣстникъ, по 1000 р. отъ города на квартиру, которою онъ, кстати сказать, пользовался въ дѣйствительности даромъ, по отводу имъ же руководимой квартирной коммиссіи. Въ 1829 г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ этотъ расходъ не законнымъ [3]). Послѣ Роменскаго полиціймейстеромъ былъ назначенъ маіоръ Слончевскій, но и онъ продержался не долго. 3 августа 1832 г. онъ былъ уже уволенъ [4]). Что и при Слончевскомъ по полицейской части было не совсѣмъ благополучно,—объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ архивѣ губернскаго правленія дѣла прокурора Жадовскаго—одно о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по части полицейской, другое—о безпорядкахъ на Крещенской ярмаркѣ 1831 г. Для примѣра беремъ выдержку изъ этого послѣдняго дѣла. Жадовскій жаловался, что прокуроръ и стряпчіе не имѣютъ возможности слѣдить за исполненіемъ законовъ административными мѣстами и лицами и принимать мѣры противъ злоупотребленій. А такихъ злоупотребленій, по неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ прокурора, было очень много во время Крещенской ярмарки. Такъ, напр., вопреки закону, на ярмарку пріѣзжали евреи и дѣлали здѣсь закупки. „Нѣкоторыхъ—пишетъ Жадовскій—даже я самъ встрѣчалъ шатающихся по лавкамъ и прикрывающихъ воротниками шубы пейсики, и одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ прошеніе по дѣлу его, производящемуся въ здѣшней палатѣ уголовнаго суда. На вопросъ, по сему случаю мною ему сдѣланный: почему онъ для пріѣзда въ Харьковъ избралъ именно ярмарочное время? отвѣчалъ, что ему случилось это проѣздомъ въ Москву съ какими то русскими купцами; что онъ того дня только пріѣхалъ и сейчасъ-же уѣзжаетъ. Удостовѣриться и наблюсти за выѣздомъ его я не имѣлъ никакихъ способовъ, ибо паспорты проѣзжающихъ и свѣдѣнія о проѣзжающихъ находятся въ полиціи, и она одна только можетъ за тѣмъ имѣть присмотръ. Слышно было, что городъ во время ярмарки сей наполненъ былъ наѣзжими со всѣхъ сторонъ распутными публичными женщинами, кои всѣ помѣщены были во второй части, подъ покровительствомъ объявившаго себя протекторомъ ихъ частнаго пристава Сургутовича; что опекунство надъ ними совершалось цѣлымъ комитетомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ чиновника особыхъ порученій г. гражданскаго губернатора, родного брата его превосходительства, капитана Александра Каховскаго, въ числѣ членовъ коего состояли многіе изъ чиновниковъ канцеляріи г. гражданскаго губернатора и одинъ изъ чиновниковъ, занимающихъ почетное мѣсто, какового стыжусь даже поименовать и въ семъ неоффиціальномъ отношеніи моемъ изъ уваженія не къ лицу его, а къ мѣсту, имъ занимаемому. Что женщинамъ симъ, подъ защитою сильныхъ сихъ покровителей, предоставлена была вся свобода обольщать, развращать и обирать молодыхъ людей изъ купеческаго сословія и сидѣльцевъ лавокъ; что и постоянно въ Харьковѣ таковыхъ развратницъ находится много и подъ тѣмъ-же покровительствомъ; что успѣхи обольщенія сихъ прелестницъ сдѣлались довольно ощутительны потерпѣвшему отъ того мѣстному и наѣзжему купечеству, ибо отъ сего во многихъ лавкахъ оказался недочетъ въ деньгахъ и товарахъ. Въ числѣ таковыхъ наименованъ мнѣ одинъ, а именно купечествующій здѣсь въ Харьковѣ дворянинъ Павловъ, коего сидѣлецъ такъ очистилъ лавку, что онъ долженъ былъ запереть её, но умалчиваетъ о семъ будто-бы

[1]) Арх. Гор. Думы. Протоколы 1827 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1828 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1829 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1832 г.

отъ того, что сидѣлецъ сей есть ближайшій его родственникъ. Что съ прелестницъ сихъ частный приставъ Сургутовичъ и чиновникъ особыхъ порученій Каховскій будто-бы собираютъ акциденцію и деньгами, и наслажденіями и при сихъ случаяхъ Каховскій выдаетъ себя за полиціймейстера. Собственными глазами моими видѣлъ при дѣланныхъ мною покупкахъ, что во всѣхъ почти лавкахъ мѣряютъ деревянными аршинами, а вѣсятъ на вѣсахъ и безмѣнахъ незаклейменныхъ и прочее. Но что же оставалось мнѣ предпринять противу сего, когда о неимѣніи узаконенныхъ мѣръ и вѣсовъ во всемъ городѣ предложено отъ меня еще въ началѣ декабря мѣсяца губернскому правленію, отъ коего и до сего времени никакого еще распоряженія по сему предложенію не послѣдовало, что служитъ яснымъ доказательствомъ попущенія со стороны самого начальства губернскаго“ [1]). „Акциденцію“ получали не только пристава, но и простые полицейскіе солдаты. Въ 1831 г. полицейскій Цвигунъ, назначенный на базаръ для порядка, распоряжался сдѣсь совсѣмъ самостоятельно, бралъ „акциденцію“ съ возовъ живностью и всякими продуктами и за такую мзду позволялъ пріѣзжимъ мужикамъ торговать безпошлинно. И характерно, что все это продѣлывалось на глазахъ у думскаго базарнаго, котораго Цвигунъ, въ качествѣ представителя власти, совершенно игнорировалъ [2]). Какъ-никакъ, Цвигунъ былъ все таки администраторомъ, но уже рѣшительно непонятно, почему совершенно такъ-же, какъ Цвигунъ, бралъ свою мзду съ базарныхъ торговцевъ палачъ губернской тюрьмы. А что палачъ ходилъ по базару и собиралъ „акциденцію“,—объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же губернскій прокуроръ Жадовскій, на котораго мы только что ссылались.

На мѣсто Слончевскаго былъ назначенъ маіоръ Евневичъ. Но и съ Евневичемъ случилась обычная въ дореформенное время „непріятность“: въ 1836 г. онъ находился уже подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ лихоимствѣ [3]). На мѣсто полиціймейстера былъ назначенъ графъ В. Л. Люксембургъ. Что такое представлялъ собою Люксембургъ и чѣмъ онъ разнился отъ своихъ не столь родовитыхъ предмѣстниковъ,—не знаемъ. Повидимому, у графа были хорошія связи, которыя и дали ему возможность получить выгодное мѣсто. Впрочемъ Люксембургъ обязанностей полиціймейстера, можно сказать, въ дѣйствительности не несъ: въ 1837 г. его должность исправлялъ маіоръ Козинъ [4]), потомъ на нѣсколько времени начальство надъ полиціей принялъ самъ полиціймейстеръ, а въ 1838 г. опять пришлось поручить полиціймейстерскія обязанности вызванному изъ Ахтырки тамошнему городничему Гусаковскому [5]). Люксембургъ вышелъ наконецъ въ отставку, а на его мѣсто въ 1838 г. былъ назначенъ М. М. Ковалевскій, пробывшій также очень не долго. Въ мартѣ 1839 г. полиціймейстеромъ былъ назначенъ Панкратьевъ [6]). Въ апрѣлѣ 1841 г. Панкратьевъ былъ замѣненъ подполковникомъ Андреевымъ, который занималъ эту должность около полутора года [7]). Въ концѣ 1842 г. онъ былъ уже не у дѣлъ [8]). Его смѣнилъ Никитинъ. Никитинъ, какъ видно, съ многотрудными полицейскими обязанностями умѣлъ соединять и предпріятія коммерческія. Такъ въ 1844 г. онъ взялся подставлять нижнимъ чинамъ городской полиціи арматурныя вещи съ уступкой противъ другихъ подрядчиковъ [9]). Въ 1848 г. на полиціймейстерскомъ мѣстѣ находимъ маіора Серебрякова. Для харьковской полиціи это было очень тяжелое время, когда отъ нея требовалась усиленная дѣятельность. Генералъ-губернаторъ Кокошкинъ, со своими неугомонными заботами о благоустройствѣ города, заставлялъ полицію быть нѣчно на чеку. Осуществляя свои проекты прежде всего полицейскими средствами, Кокошкинъ не скупился на энергичныя мѣры противъ самой полиціи. Такъ въ 1850 г., при Серебряковѣ, полиціи объявляется строгій выговоръ за бездѣйствіе, а черезъ нѣсколько времени новый выговоръ за недоставленіе рапорта о какомъ то бродягѣ. Эти выговоры не даютъ, однако, права заключить, что Серебряковъ распустилъ полицію. Полиція была при Серебряковѣ не хуже, чѣмъ при его предмѣстникахъ, только требованія теперь къ ней предъявлялись большія, чѣмъ прежде [10]).

---

[1]) Арх. губ. пр. Дѣла губ. прокурор. за 1831 г. № 352.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1831 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1836 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1837 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1838 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1840 г.
[7]) Тамъ же. Журн. 1841 г.
[8]) Тамъ же. Журн. 1842.
[9]) Тамъ же. Журн. 1844 г.
[10]) Тамъ же. Журн. 1850 г.

Съ преобразованіемъ харьковской полиціи по штатамъ 1858 г. установлены были должности старшаго и младшаго полиціймейстеровъ. Первымъ старшимъ полиціймейстеромъ въ Харьковъ былъ назначенъ челябинскій городничій колл. совѣтн. В. Б. Горбуновъ [1]). По уничтоженіи генералъ-губернаторства старшимъ полиціймейстеромъ въ Харьковѣ (1858 г.) мы видимъ подполковника Хантинскаго [2]). Въ 1862 г. старшимъ полиціймейстеромъ былъ полковн. Адольфъ Карловичъ Шенъ, а младшимъ—капитанъ-лейтенантъ Дм. Дм. Крякинъ; въ слѣдующемъ году на мѣстѣ Крякина находимъ штабсъ-кап. П. И. Менде. Послѣ реформы 1862 г. полиціймейстеромъ былъ маіоръ Конст. Вас. Марковъ, а затѣмъ подполковникъ Андр. Влад. Ильинъ, помощникомъ у котораго былъ поручикъ баронъ Ив. Густ. Пилларъ-фонъ-Пильхау. На полиціймейстерскомъ мѣстѣ Ильинъ получилъ чинъ полковника (1867 г.). О немъ у полицейскихъ чиновниковъ остались непріятныя воспоминанья. Съ другой стороны, отъ тогдашняго вице-губернатора Беклемишева, администратора не совсѣмъ ординарнаго, мы знаемъ отзывъ объ Ильинѣ, какъ о начальникѣ, проявлявшемъ „особенную заботливость о возможно лучшемъ составѣ полиціи“ [3]). Въ 1870 г. Ильинъ вышелъ въ отставку, и на должность полиціймейстера былъ назначенъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, а на мѣсто помощника его—приставъ Денченко [4]). Новый полиціймейстеръ прослужилъ очень не долго и въ слѣдующемъ же 1871 г. умеръ. Временно исправлять должность полиціймейстера назначенъ Денченко, а затѣмъ полиціймейстеромъ сталъ Прожанскій [5]), державшійся на этомъ мѣстѣ во все время губернаторства Кропоткина. Въ лѣтописяхъ харьковскаго благоустройства Прожанскій оставилъ по себѣ нѣкоторую память заботами объ улучшеніи Николаевскаго или, какъ тогда его называли, Полицейскаго сквера.

Время завѣдыванія Прожанскаго городской полиціей ознаменовалось серьезнымъ столкновеніемъ народа съ полиціей,—извѣстными харьковскими безпорядками 17 и 18 апрѣля 1872 г. Подробности этихъ безпорядковъ своевременно были описаны на страницахъ „Санктъ-Петербургскихъ“, „Московскихъ“ и „Русскихъ Вѣдомостей“, въ „Новомъ Времени“ и въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. О нихъ же во всѣхъ органахъ тогдашней повременной печати было помѣщено и краткое правительственное сообщеніе. Передавая подробности безпорядковъ, мы пользуемся пятой книжкой журнала „Бесѣда“ за 1872 г., въ которой перепечатаны сообщенія корреспондентовъ названныхъ газетъ.

17 апрѣля 1872 г. приходилось вторымъ днемъ Свѣтлыхъ праздниковъ. По давнему обычаю на Михайловской площади шло народное гулянье: качели, карусели, „комедіи“, все, что въ такихъ случаяхъ всегда бывало и раньше. Среди гулявшихъ были, конечно, и подгулявшіе, но бѣды отъ этого никакой не выходило. Время близилось къ вечеру, скоро бы нужно было и по домамъ расходиться, какъ вдругъ вниманіе публики привлекъ „скандалъ“, происшедшій на той же площади. Изъ за чего собственно вышелъ „скандалъ“,—точно установить трудно. Одни говорили, что рабочіе подъ качелями подрались, полиція хотѣла взять, а народъ не далъ; другіе разсказывали, что дѣло дѣйствительно началось изъ за драки между рабочими, да только не на площади, а во дворѣ у подрядчика, расположенномъ на той же площади; третьи передавали, что весь сыръ боръ загорѣлся изъ-за-торговки, у которой приставъ потребовалъ документъ на право торговли, а когда документа не оказалось, опрокинулъ ея лотокъ и обругалъ ее непечатными словами, за что и получилъ ударъ по лицу отъ кого-то изъ присутствовавшихъ. Словомъ, произошла очень обычная по нашимъ нравамъ схватка полицейскихъ съ кѣмъ то изъ гулявшей толпы. Схватка окончилась не въ пользу полиціи. Тогда на помощь товарищамъ изъ первой части, находящейся какъ разъ противъ мѣста гульбища, посланы были новыя силы. Энергія блюстителей порядка вызвала большое раздраженіе, а когда имъ наконецъ удалось задержать своихъ противниковъ и увести ихъ въ участковую кордегардію, въ судьбѣ задержанныхъ приняла участіе уже довольно большая толпа, окружившая домъ первой части и потребовавшая выдачи арестованныхъ. Для усмиренія толпы частный приставъ Шмелевъ выслалъ двухъ казаковъ, но изъ толпы въ нихъ полетѣли камни, а когда на крыльцѣ показался самъ приставъ, камни полетѣли и въ него. Шмелевъ рѣшилъ принять энергичныя мѣры и выслалъ пожарную команду, которая и ринулась на толпу. Паника, давка,—а въ результатѣ нѣсколько

[1]) Прилож. къ Харьк. Вѣд. 1851 г. № 20.
[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1858 г.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1867 г., № 72.
[4]) Тамъ же. 1870 г., № 62.
[5]) Тамъ же. 1871 г., № 146.

задавленныхъ и пораненныхъ мужчинъ и женщинъ, да и сами пожарные солдаты потерпѣли. Видъ раненыхъ и убитыхъ (убито, говорятъ, было 5 человѣкъ, между ними 15 лѣтняя дѣвочка и ребенокъ на рукахъ у няньки) еще болѣе озлобилъ толпу, и она осадила зданіе полицейской части. Вновь были высланы пожарные, на сей разъ уже съ топорами, произошло побоище, съ обѣихъ сторонъ оказались раненые и убитые. Полицейскій домъ подвергся бомбардировкѣ со стороны толпы, бросавшей въ него камни, бревна, все, что попадало подъ руку. На помощь 1-й части прилетѣли пожарные изъ 2-й. Побоище принимало все большіе размѣры. Вызванъ былъ губернаторъ, обратившійся къ толпѣ съ увѣщаніемъ разойтись. Въ отвѣтъ раздались требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей и выдачѣ пристава Шмелева. Губернаторъ уѣхалъ домой, сопровождаемый свистомъ, крикомъ и пр. Посыпались камни въ окна полицейскаго зданія, выломаны двери, и ворвавшаяся въ зданіе толпа освободила арестованныхъ. Полиція исчезла и не показывалась. Пошла ломка внутри зданія. Говорили, что во дворѣ въ бочкѣ съ водой нашли трупикъ убитаго ребенка. Къ ночи толпа разошлась, или была разогнана солдатами пѣхотнаго полка, которые и прогуливались потомъ ночью по 1-й части города съ рожками и барабаннымъ боемъ.

На другой день съ утра безпорядки возобновились. На Михайловской площади собралась толпа, требовавшая выдачи частнаго пристава Шмелева. Унѣщанія властей не подѣйствовали. Тогда вновь были пущены въ ходъ пожарные 2-й части, но встрѣтили энергичный отпоръ со стороны толпы. Пожарная команда 3-й части такъ, кажется, къ мѣсту побоища и не доѣхала: на Харьковскомъ мосту она успѣла задавить двухъ человѣкъ, остановилась и дальше двигаться не рѣшалась, да и трудно было, потому что на встрѣчу ей двигалась разбитая команда 2-й части, возвращавшаяся уже съ Михайловской площади. А на площади—разсказываетъ очевидецъ—„массы народа и небольшіе отряды войска, которые маневрировали по временамъ туда и сюда съ барабаннымъ боемъ. Ихъ сопровождаютъ свистки, крики, по временамъ летятъ въ нихъ камни. Проходитъ часъ, другой въ этой безурядицѣ. Власти, очевидно, чувствуютъ себя въ затруднительномъ положеніи относительно способа дѣйствія. Между тѣмъ видъ маневрирующихъ солдатъ раздражаетъ толпу. Крикуны поставили себѣ цѣлью дразнить солдатъ и смѣяться надъ ними. Кругомъ всей площади, очень обширной, массы зрителей и экипажей. Прибавьте къ этому пыль, поднимаемую сильнымъ холоднымъ вѣтромъ. Полицейскаго во все время не видно было ни одного. Участковый приставъ Базарной части, появившійся на площади, долженъ былъ отойти за войска. Вдругъ послышались звуки рожковъ и барабановъ: новый, значительный отрядъ пѣхоты движется къ площади. Вся толпа хлынула къ нему на встрѣчу съ тѣми же свистками, криками ура. Солдаты двинулись на площадь, на нихъ посыпались камни, песокъ; отрядъ сомкнулся въ колонну; появился губернаторъ на конѣ, въ сопровожденіи жандармовъ. Въ нихъ посыпались камни, палки, бревна. Солдаты прибѣжали на площадь и, собравшись въ рядъ, вдругъ дали залпъ по кучамъ народа, затѣмъ другой, разсыпной. Выстрѣлы были, какъ оказалось, не холостые и направлены вверхъ. На площади видны были трое изъ толпы, побитые прикладами ружей—въ свалкѣ съ солдатами. Одна пуля поразила въ голову зрителя, стоявшаго на высокомъ крыльцѣ одного изъ домовъ площади, проѣзжаго молодого гусарскаго офицера Сушкова, и ранила въ ухо его сосѣда. Положеніе Сушкова, говорятъ, безнадежно. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ толпы, взявъ одного изъ убитыхъ, потащили его къ полицейскому дому; оттуда толпа, положивъ трупъ на какой то ящикъ вмѣсто носилокъ, двинулась къ губернаторскому дому, въ концѣ площади, имѣя намѣреніе, какъ говорили, помѣстить убитаго въ губернаторской квартирѣ. Вслѣдъ за толпою бѣгомъ устремилось войско и не пустило ее въ домъ; трупъ оставленъ былъ во дворѣ. Часть бушевавшаго народа, оставшаяся на площади, безъ войска, занялась очищеніемъ внутренности полицейскаго дома. Полетѣли изъ оконъ двухъ-этажнаго зданія мебель, провизія, подушки, цвѣты и прочее имущество участковаго пристава; книги и дѣла. Пухъ разорванныхъ подушекъ лежалъ, какъ снѣгъ. Въ знакъ своего господства надъ полицейскимъ зданіемъ, очищеннымъ совершенно, на каланчѣ повѣсили какой то коверъ вмѣсто флага. Воротившійся отрядъ войска прогналъ изъ дома непрошенныхъ посѣтителей". „Въ третьемъ часу дня, послѣ окончательнаго очищенія полицейскаго дома 1-й части, прибылъ на площадь преосвященный Нектарій съ губернаторомъ. Архіерей обращается къ толпѣ со словами умиротворенія, но его слова дѣйствуютъ нѣсколько смягчающимъ образомъ только на одну часть толпы, меньшую, въ то время, какъ другая, большая, не хочетъ его слушать, заявляетъ свои жалобы и даже, какъ передаютъ, въ оскорбительной формѣ. Толпа

раздѣляется: небольшая часть идетъ съ архіереемъ и губернаторомъ въ монастырь служить покаянный молебенъ, другая—кричитъ ей, чтобы не шла отъ нихъ, а оставалась на площади. Однако процессія двинулась къ монастырю по Московской улицѣ, всѣ безъ шапокъ, и самъ губернаторъ. По обѣ стороны вдоль по улицѣ, взявшись за руки, идутъ цѣпью бушевавшіе, большею частью молодежь, и кричатъ всѣмъ идущимъ на встрѣчу по тротуарамъ, чтобы снимали шапки, что всѣ и дѣлаютъ. Сзади движется рядъ экипажей съ публикой. Въ монастырѣ, какъ говорятъ, на новое увѣщательное слово преосвященнаго начали жаловаться на то, что не отдаютъ убитыхъ и задавленныхъ родственникамъ ихъ и что не хотятъ наказать участковаго Шмелева. Толпа уходитъ изъ церкви. Между тѣмъ оставшіеся на площади, которымъ уже нечего было дѣлать, возъимѣли намѣреніе разгромить и вторую полицейскую часть, находящуюся въ центрѣ города, на Николаевской площади. Толпа, сильно возбужденная, съ дубинами побѣжала съ площади ко второй части, имѣя впереди себя мальчика съ иконой, взятою изъ разоренной 1-й части, и не встрѣчая на пути сопротивленія, она ворвалась въ зданіе 2-й части съ задняго хода, отъ Монастырской улицы, гдѣ къ ней, кажется, присоединились вышедшіе изъ монастыря. Удивительно—замѣчаетъ очевидецъ—что не были приняты заранѣе мѣры для защиты зданія войскомъ, которое, явившись уже позднѣе, сдѣлало вновь по толпѣ залпъ, поранивъ трехъ человѣкъ въ ноги. Но внутри зданія толпа успѣла, однако, натворить дѣла: разбила съ двухъ сторонъ дома окна, повыбросила вещи и, главнымъ образомъ, огромный архивъ полицейскаго управленія, разорванныя дѣла котораго покрыли всю площадку по Бурсацкой горѣ толстымъ слоемъ. Изъ зданія, однако, вытѣснили бушевавшихъ и поставили цѣпь, не допускающую ихъ снова туда ворваться. На этомъ дѣло и остановилось. Съ наступленіемъ ночи все разошлось. Остались только на площади и въ ближайшихъ мѣстахъ отряды солдатъ, слѣдящіе за подозрительными прохожими. Говорятъ, что предполагалось сдѣлать нападеніе и на третью часть, Заломанскую, но ее заблаговременно заняли солдаты и поставили вездѣ часовыхъ. На слѣдующій день все уже было спокойно".

Такъ разсказываетъ о харьковскихъ безпорядкахъ корреспондентъ „Спб. Вѣдом.". Сообщенія корреспондентовъ другихъ газетъ въ общемъ подтверждаютъ этотъ разсказъ. Небольшая разница только въ подробностяхъ. Такъ „Современныя Извѣстія" передаютъ, что залпъ въ толпу на Михайловской площади былъ сдѣланъ холостыми выстрѣлами, но „по невѣдомой причинѣ явилась пуля—всѣ говорятъ, что не изъ среды народа,—пролетѣла площадь, прошла черезъ голову зрителя, гусарскаго офицера, разбила плечо у крестьянина, стоявшаго около офицера, и остановилась у него въ лапаткѣ. Крики, гвалтъ!... Волненіе стало опять усиливаться. Тогда было приказано принять толпу въ штыки. Кому то, впереди стоявшему, всадили пять разъ штыки и убили на мѣстѣ. Мгновенно картина преобразилась. Крики: „убійство!... мы не противъ власти, а противъ исполнителей"... Толпа бросилась къ убитому, всѣ сняли шапки, подняли убитаго и торжественно отнесли въ домъ губернатора". Корреспонденты „Русскихъ Вѣдомостей" и „Новаго Времени" очень хвалили въ своихъ сообщеніяхъ губернатора Кропоткина, не пожелавшаго, несмотря на требованія многихъ, разрѣшить солдатамъ стрѣлять въ толпу. „Новое Время", кромѣ того, разсказываетъ, какъ студенты вмѣстѣ съ субъ-инспекторомъ Котляревскимъ ходили извѣщать губернатора о безпорядкахъ, и какъ растерялся полиціймейстеръ, спрашивавшій у студентовъ совѣта, что ему дѣлать. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" въ первомъ своемъ сообщеніи приписывалъ безпорядки вліянію какихъ то „агитаторовъ" и одного изъ „агитаторовъ", „исключеннаго студента", сдѣлалъ виновникомъ убійства офицера Сушкова. Впрочемъ уже въ слѣдующемъ своемъ письмѣ изъ Харькова корреспондентъ московской газеты отказался отъ „агитаторовъ" и сообщилъ, что печальное происшествіе „не носило въ себѣ ни малѣйшаго отпечатка чего либо политическаго, соціальнаго или преднамѣреннаго". Столкновеніе было чисто случайное. Оно произошло, съ одной стороны, отъ броженія страстей подгулявшей толпы, съ другой—отъ неосторожныхъ распоряженій полицейскаго начальства тамъ, гдѣ слѣдовало ограничиться только одними предупреждающими и оберегательными мѣрами. Доказательствомъ этому служитъ то, что вся злоба толпы, очевидно принадлежавшей къ низшему слою общества, направлена была исключительно на одну полицію. „Современныя Извѣстія" отмѣтили и другое доказательство политической благонадежности бунтовавшей толпы: при разгромѣ первой части портретъ Государя оказался нетронутъ.

Въ Харьковѣ въ то время говорили о чрезвычайно большомъ числѣ раненыхъ и убитыхъ, будто бы тайно похороненныхъ ночью чинами полиціи. Много ли было правды въ этихъ разсказахъ—провѣрить, конечно, теперь нельзя. Въ № „Новаго Времени“ отъ 20 апрѣля сообщалось: „произведено уже семь вскрытій въ одной городской больницѣ; тамъ же лежитъ до 10 раненыхъ; въ университетской клиникѣ 7 человѣкъ раненыхъ; въ военномъ госпиталѣ—8 человѣкъ раненыхъ; на Сабуровской дачѣ, говорятъ, много, но сколько—незнаю“. По свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ правительственномъ сообщеніи, всѣхъ убитыхъ и раненыхъ въ теченіе 17 и 18 апрѣля оказалось 27 человѣкъ и 6 человѣкъ легко ушиблены [1]).

Чѣмъ должны быть объяснены безпорядки 1872 г.? Конечно, не случайностью—случайнымъ былъ только поводъ къ нимъ—а давнимъ озлобленіемъ народа противъ полиціи. Въ этомъ озлобленіи виноватъ былъ не полиціймейстеръ Прожанскій и даже не приставъ Шмелевъ, а вся система отношеній полиціи къ населенію, въ особенности къ низшимъ его классамъ. Крѣпостное право было отмѣнено уже десять лѣтъ назадъ, уровень самоуваженія и сознанія своихъ личныхъ правъ, по крайней мѣрѣ у городского простонародья, значительно повысился, а манера администрированія этого простонародья осталась таже, что была и при крѣпостномъ правѣ: крѣпкое словцо, кутузка, оплеуха, а при сопротивленіи—смертный бой. Подъ вліяніемъ безразсудныхъ дѣйствій пристава Шмелева десятилѣтіями накоплявшаяся злоба прорвалась, и произошелъ взрывъ.

Безпорядки 1872 г. были исключительнымъ случаемъ. Въ общемъ для полиціи большихъ затрудненій при исполненіи ея обязанностей не встрѣчалось. Гораздо труднѣе стало ей со второй половины семидесятыхъ годовъ, когда Харьковъ дѣлался однимъ изъ центровъ революціоннаго движенія, жертвою котораго палъ и самъ губернаторъ Кропоткинъ. Съ учрежденіемъ временнаго генералъ-губернаторства наступило самое тяжелое для полиціи время. Прежде всего у нея стало два начальства—губернаторъ и генералъ-губернаторъ. Еженощные почти обыски и аресты, сопряженные съ рискомъ для полицейскихъ чиновниковъ, недреманное блюденіе за исполненіемъ генералъ-губернаторскихъ обязательныхъ постановленій, провѣрка домовыхъ книгъ и тщательный надворъ, чтобы во вѣренномъ участкѣ или околодкѣ не проявился человѣкъ безъ узаконеннаго вида на жительство, ревизія дежурства ночныхъ сторожей—при такихъ условіяхъ главная задача полиціи—личная и имущественная безопасность горожанъ—отходила на задній планъ. Занятая борьбою съ крамолой, полиція объ этомъ заботилась гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало. Съ введеніемъ усиленной охраны власть полиціи была очень расширена и стала почти безотвѣтственной, а это было совсѣмъ не въ интересахъ населенія. Изъ двухъ функцій, которыми опредѣляется дѣятельность полиціи,—охраны обывателя и надзора за нимъ—превалирующее значеніе получила послѣдняя. Въ результатѣ для обывателя—много безпокойства и непріятностей, и мало безопасности. Несмотря на созданіе новаго полицейскаго института—ночныхъ сторожей и расширеніе штатовъ самой полиціи, имущественная безопасность харьковцевъ была обезпечена довольно слабо, если судить по газетной хроникѣ происшествій. Бывали случаи и явныхъ злоупотребленій со стороны полиціи, бравшей подъ свое покровительство воровъ и мошенниковъ. Таково, напримѣръ, дѣло пристава 6-го участка Филиппова, изобличеннаго судомъ и наказаннаго за покровительство темнымъ личностямъ, отъ которыхъ онъ получалъ не малую „акциденцію“. Случай, подобный дѣлу Филиппова, былъ, конечно исключеніемъ, какъ исключеніемъ было и другое дѣло, возникшее позднѣе, уже въ девяностыхъ годахъ,—дѣло пристава Казанскаго, сосланнаго въ Сибирь за поддѣлку духовнаго завѣщанія. Такіе явно неблагонадежные въ нравственномъ отношеніи представители власти отнюдь не могутъ характеризировать весь институтъ тогдашней харьковской полиціи, но вообще полиція часто давала обывателямъ поводъ къ жалобамъ и нареканіямъ. До суда и даже до административнаго разсмотрѣнія жалобъ дѣло доходило рѣдко уже потому, что не всегда имѣлись достаточныя доказательства, да и не всякій осмѣливался жаловаться.

Причину недочетовъ Харькова по части полицейской слѣдуетъ искать, конечно, не въ неудовлетворительности личнаго состава полицейскихъ чиновниковъ, а въ общемъ правовомъ положеніи русской полиціи. Права, предоставленныя ей, чрезвычайно обширны, обязанности серьезны и разнообразны, а служебное положеніе и матеріальное обезпеченіе очень незавидны. При широкихъ правахъ надъ обывателемъ и скудномъ матеріальномъ обезпеченіи трудно удержаться отъ соблазна, къ которому иногда тол-

[1]) Бесѣда 1872 г. № 5. Внутр. обозр., стр. 38 – 52.

каетъ и самъ обыватель, предпочитающій мирное соглашеніе непріятной перспективѣ, которою грозитъ ему полицейскій протоколъ. Разнообразныя обязанности поглощаютъ у полицейскаго чиновника не 5—6 часовъ въ сутки, какъ у другихъ, а весь его день: онъ всегда служитъ. И нужно сказать, что въ этой службѣ масса обязанностей чисто служительскихъ: разноска повѣстокъ, поручаемыхъ судами, податными инспекторами и всякимъ инымъ начальствомъ въ то время, когда есть городская почта; ненужное дежурство у подъѣздовъ театровъ, въ то время, когда есть полицейскій нарядъ въ самомъ театрѣ; дежурство въ переднихъ у губернскаго начальства для докладовъ и посылокъ, и многое, многое другое. Если къ этому прибавить двукратную ежедневную явку въ участокъ, отписку и переписку, дневныя и ночныя дежурства въ участкахъ, садахъ, театрахъ и всякаго рода общественныхъ собраніяхъ, а то и просто на улицѣ, то станетъ понятнымъ, что на заботу объ общественной безопасности остается не много времени и силъ. Служба тяжелая и непріятная, дисциплина довольно суровая, а служебное положеніе чрезвычайно неустойчивое, вполнѣ зависящее отъ каприза не только своего прямого начальства, но и иныхъ вліятельныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ трудно и ожидать, чтобы полицейская служба пріобрѣла заманчивость для людей изъ культурныхъ слоевъ общества. И они на нее не идутъ. Знакомясь съ образовательнымъ цензомъ полицейскихъ чиновниковъ четырехъ послѣднихъ десятилѣтій, только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаешь людей съ дипломомъ средней, не говоримъ уже высшей, школы. Приставъ Синельниковъ съ университетскимъ дипломомъ въ рукахъ—совсѣмъ уже гага avis. Конечно, полицію мы имѣемъ такую, какую намъ Богъ далъ, но все же при желаніи она могла бы быть и лучше. Для этого стоитъ только измѣнить нѣсколько ея экономическое и правовое положеніе, измѣнивъ соотвѣтственно и правовое положеніе самого обывателя.

Въ 1879 г., въ самое тяжелое для полиціи время, полиціймейстеромъ въ Харьковъ, послѣ ухода Прожанскаго, былъ назначенъ ахтырскій исправникъ Н. А. Коровинъ, пробывшій въ этой должности до 1884 г., когда онъ перешелъ на службу по почтовому вѣдомству (помощникомъ начальника округа). Полиціймейстеромъ былъ назначенъ А. И. Сурменевъ, а помощникомъ его В. И. Тимченко. Въ 1887 г. Тимченко сталъ полиціймейстеромъ, а помощниками его были—Рожанскій и Меранди. Въ 1892 г. Тимченко смѣнилъ Г. И. фонъ-Вильконъ, пробывшій здѣсь все время губернаторства Тобизена и изъ Харькова назначенный вице-губернаторомъ въ Читу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. О дѣятельности Вилькена намъ уже приходилось кое что говорить въ главѣ, посвященной городскому самоуправленію, вообще же можно сказать, что это былъ администраторъ энергичный, но не всегда сообразовавшій свою энергію съ силами населенія. Съ назначеніемъ въ Харьковъ кн. И. М. Оболенскаго должность полиціймейстера занялъ К. И. Безсоновъ.

Одною изъ наиболѣе важныхъ сторонъ городского благоустройства является правильная организація медицинской помощи болѣющему населенію. Старый Харьковъ, Харьковъ первыхъ годовъ XIX в., отличался, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить въ своемъ мѣстѣ, большою болѣзненностью и смертностью населенія, но врачебная помощь въ немъ была поставлена крайне неудовлетворительно. Врачей было очень мало: врачебный инспекторъ, операторъ, акушеръ, уѣздный врачъ—вотъ и весь медицинскій персоналъ тогдашняго Харькова. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ врачебная помощь была доступна только наиболѣе обезпеченнымъ слоямъ городского населенія. Простонародье лечилось больше домашними средствами и у доморощенныхъ лекарей и лекарокъ. Домашнее леченіе было въ большомъ ходу даже и въ обезпеченныхъ классахъ: не даромъ же такъ сильно распространены были въ это время домашніе лечебники, печатные, а больше писаные. Больница въ городѣ была одна—приказа общественнаго призрѣнія. При ней былъ домъ для умалишенныхъ и неизлѣчимо больныхъ и родильный и воспитательный домъ. Больница приказа обслуживала, впрочемъ, не одинъ Харьковъ, а и всю Слободско-Украинскую губернію, но полагать нужно, по близости, харьковцамъ ею приходилось пользоваться чаще, чѣмъ другимъ. Впрочемъ въ Харьковѣ больница помѣщалась только до 1812 г., послѣ же была переведена на Сабурову дачу, и доступъ къ ней для харьковцевъ сталъ труднѣе, чѣмъ раньше. Но за то какъ разъ въ это время въ Харьковѣ открылся университетъ, понаѣхали профессора-медики, взявшіе въ свои руки врачебную практику, такъ что въ дѣлѣ подачи врачебной помощи состоятельные классы городского насе-

ленія оказались даже болѣе обезпеченными, чѣмъ раньше. При университетѣ съ 1814 г. завелись клиники—терапевтическая на 6 и хирургическая на 4 кровати.

Больницъ для горожанъ не было. Правда, время отъ времени въ Харьковѣ заводились городскія больницы, но городскими онѣ назывались собственно потому, что содержались на городскія деньги, лечились же въ нихъ военные постояльцы, если въ городѣ расположены были такія войсковыя части, для которыхъ не полагалось военныхъ госпиталей. Больницы собственно для горожанъ открывались только временно и въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ было въ періоды холерныхъ эпидемій 1830 г. и другихъ годовъ. По минованіи надобности онѣ вновь упразднялись, и лечиться по прежнему было негдѣ, если не считать университетскихъ клиникъ, въ которыя могли попадать только немногіе счастливцы. Число врачей съ теченіемъ времени, конечно, росло, но вообще дѣло подачи медицинской помощи въ Харьковѣ, можно сказать, во всю первую половину XIX в. было поставлено очень неудовлетворительно. Вотъ свѣдѣнія о лечебныхъ средствахъ Харькова въ 1838 г. по описанію д-ра Гринберга. Въ это время главнымъ лечебнымъ заведеніемъ для Харькова была больница при богоугодномъ заведеніи. Расположена она была въ 1 верстахъ отъ города, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ съ садомъ, въ каменномъ двухъэтажномъ строеніи, имѣла два отдѣленія: гражданское и военное; первое состояло изъ 8, послѣднее—изъ 16 комнатъ, довольно обширныхъ и весьма хорошо устроенныхъ. Здѣсь, по свидѣтельству д-ра Гринберга, помѣщалось иногда до 400 больныхъ гражданскаго и военнаго вѣдомства. При больницѣ былъ домъ для умалишенныхъ для 20 мужчинъ и 15 женщинъ и воспитательный домъ для неопредѣленнаго числа подкидышей обоего пола. Въ самомъ городѣ была больница при тюремномъ замкѣ, состоявшая изъ 6 комнатъ, изъ нихъ 4 назначены для больныхъ гражданскаго вѣдомства (двѣ—для 20 мужчинъ и двѣ—для 10 женщинъ), въ остальныхъ двухъ комнатахъ помѣщались 15 человѣкъ военнаго вѣдомства. Частныя больницы состояли: при университетѣ, при институтѣ благородныхъ дѣвицъ, при коллегіумѣ и при гимназіи. Аптекъ въ Харьковѣ было 5 [1]).

Нельзя сказать, чтобы много улучшеній по медицинской части произошло въ Харьковѣ и въ періодъ генералъ-губернаторства. Съ положеніемъ врачебнаго дѣла въ Харьковѣ знакомитъ насъ книга Питры, вышедшая въ 1854 г., т. е. наканунѣ упраздненія генералъ-губернаторства. Изъ нея мы узнаемъ, что по прежнему единственнымъ общедоступнымъ лечебнымъ заведеніемъ была больница приказа общественнаго призрѣнія, обслуживавшая, однако, интересы не одного Харькова, но и всей губерніи. Больница могла въ то время вмѣщать болѣе 350 больныхъ. Здѣсь помѣщалось довольно много умалишенныхъ. При университетѣ были клиники хирургическая, терапевтическая и акушерская. По сравненію съ Сабуровой дачей университетскія клиники выгодно отличались чистотою воздуха, особеннымъ порядковъ, внимательнымъ уходомъ за больными и успѣшнымъ леченіемъ. Благодаря этимъ преимуществамъ сюда стремилось—разсказываетъ Питра—столько больныхъ, что принять ихъ въ клиники не было возможности, ибо въ терапевтической клиникѣ могло помѣщаться не болѣе 15 больныхъ, въ хирургической 21, а въ акушерской 7, при чемъ одна кровать отводилась для секретныхъ роженицъ. Въ виду этого ежегодное число больныхъ, лечившихся въ университетскихъ клиникахъ, не могло быть большимъ. Такъ въ 1852—1853 акад. году въ терапевтической клиникѣ лечилось 110 больныхъ, въ хирургической—119, а въ акушерской 41. Амбулаторныхъ больныхъ въ этомъ году было 1148. Кромѣ Сабуровой дачи и клиникъ, были больницы при университетѣ, институтѣ благородныхъ дѣвицъ, семинаріи, двухъ гимназіяхъ, дѣтскомъ пріютѣ. Изъ нихъ лучшими считались институтская и гимназическія. Аптекъ было пять. Врачей по тогдашнему числу пацієнтовъ было достаточно. Врачебный инспекторъ, операторъ, акушеръ, уѣздный и городовой врачи—это казенный врачебный персоналъ. Кромѣ того, нѣсколько вольнопрактикующихъ врачей, между ними профессора-медики. Харьковъ въ то время считался своего рода центромъ медицинскихъ знаній. „По этой причинѣ—разсказываетъ Питра, городъ нашъ является прибѣжищемъ многихъ больныхъ, хроническихъ и почти неизлѣчимыхъ, которые являются сюда изъ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи просить помощи у мужей, прославившихся какъ преподаваніемъ медицины, такъ и практической врачебной дѣятельностью“. Большое преимущество для харьковцевъ Питра усматривалъ въ томъ, что они всегда имѣютъ подъ руками быструю и опытную медицинскую помощь, а бѣдные—даже даровыя лекарства.

[1]) Журн. М. В. Д. Ч. 29 (1838 г.) отр. 335—336.

Разумѣется, всѣми этими удобствами пользовались далеко не всѣ харьковцы. Простонародье по прежнему къ врачебной помощи обращалось рѣдко, да и, повидимому, не одно простонародье. „Quantum est, proh dolor!—восклицаетъ Питра,—error eorum, qui opinionibus praejudicatis capti ad circulatores, pharmacopolas circumforaneos, obstetrices et ad vetulas confugiunt“ [1]). Цирульники и бабы повитухи, очевидно, пользовались еще въ Харьковѣ полнымъ кредитомъ.

Въ дѣлѣ подачи медицинской помощи населенію шестидесятые годы по сравненію съ сороковыми и пятидесятыми сдѣлали нѣкоторый шагъ впередъ. Въ 1868 г., кромѣ состоявшихъ на службѣ врачей и профессоровъ медицинскаго факультета, въ Харьковѣ было всего 12 вольно-практикующихъ врачей да три зубныхъ врача на весь городъ. Аптекъ было 6, аптекарскихъ магазиновъ—2, повивальныхъ бабокъ 15 [2]). Кромѣ извѣстныхъ уже намъ больницъ—приказа общественнаго призрѣнія и университетскихъ клиникъ, появилось двѣ новыхъ: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ возникла лечебница Медицинскаго Общества, а въ концѣ—городская Александровская больница. Лечебница Медицинскаго Общества открыта 12 января 1863 г. Возникла она и въ первое время существовала почти исключительно на средства членовъ Медицинскаго Общества, частныя пожертвованія и сборы со спектаклей и вечеровъ, данныхъ въ ея пользу. Скоро, однако, ея значеніе для населенія было признано губернскимъ начальствомъ, и, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, лечебницѣ было назначено постоянное пособіе изъ городскихъ средствъ по тысячѣ рублей ежегодно. Въ ноябрѣ 1863 г. въ пользу лечебницы была пожертвована 1000 р. генеральшей Шабельской, а въ 1864 г. д. с. с. Д. А. Донецъ-Захаржевскій заявилъ, что онъ жертвуетъ ежегодно въ пользу лечебницы по 100 р., а послѣ своей смерти—капиталъ въ 50 т. р. съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ средствъ былъ пріобрѣтенъ домъ для лечебницы, а на проценты съ оставшейся суммы содержалось 10 постоянныхъ кроватей. Наконецъ, въ 1868 г. въ пользу лечебницы перешли и доходы съ такъ наз. Борисовскихъ лавокъ, завѣщанныхъ городу подъ условіемъ, чтобы половина дохода съ нихъ шла въ пользу лечебницы.

Завѣщаніе Донецъ-Захаржевскаго объ устройствѣ при лечебницѣ 10 кроватей для стаціонарныхъ больныхъ было осуществлено много позднѣе, а въ первые годы своего существованія лечебница Медицинскаго Общества служила только для приходящихъ больныхъ. Это была большая амбулаторія, черезъ которую ежегодно проходили тысячи больныхъ со всякаго рода болѣзнями. Отъ 10 часовъ утра и до 2 часовъ дня, когда оканчивался пріемъ, лечебница была набита биткомъ бѣдняками всѣхъ вѣроисповѣданій и сословій. При первомъ посѣщеніи больницы съ паціента взималось 20 коп. За эту плату онъ пріобрѣталъ право не только получать врачебный совѣтъ, но и пользоваться лекарствами изъ больничной аптеки въ теченіе цѣлаго года. Съ паціентовъ, заявившихъ о своей бѣдности, и этой платы не взималось [3]). Лечебница Медицинскаго Общества принесла и продолжаетъ до сихъ поръ приносить громадную пользу бѣднѣйшему населенію Харькова, а въ шестидесятыхъ годахъ, когда она была единственной въ городѣ, ея роль была еще болѣе важной.

Въ 1869 г. возникла наконецъ и городская больница, получившая названіе Александровской. Нужда въ ней чувствовалась уже давно, такъ какъ бѣднѣйшее населеніе города при заболѣваніяхъ, требующихъ стаціонарнаго леченія, было совершенно лишено медицинской помощи. Сабурова дача обыкновенно была переполнена, университетскія клиники принимали только очень ограниченное число больныхъ, а леченіе на дому было для бѣдняка прямо непосильной роскошью. А между тѣмъ число такихъ необезпеченныхъ больныхъ росло съ каждымъ годомъ благодаря огромному приливу населенія въ городъ послѣ великой реформы 19 февраля. 25 мая 1867 г. случилось извѣстное покушеніе на жизнь Императора Александра Николаевича въ Парижѣ, и харьковское гражданство, движимое желаніемъ увѣковѣчить память о спасеніи Царя-Освободителя, рѣшило сдѣлать это путемъ устройства больницы для бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія. Иниціаторами дѣла были тогдашній городской голова Шатуновъ и губернаторъ Дурново, сдѣлавшій крупное пожертвованіе для устройства больницы. Поспѣшили со своими пожертвованіями и другіе харьковцы, пришла, конечно, на помощь и дума. 30 августа 1869 г. больница была уже открыта. Предназначена она для больныхъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій со всякими болѣзнями за исключеніемъ неизлечимыхъ и психическихъ, но главный контингентъ въ ея больныхъ—чернорабочіе, прислуга и т. п.

[1]) Pitra. Specimen topographiae medicae Charowiensis., p. 111—115.

[2]) Харьк. Календ. на 1869 г. Справ. свѣдѣн.

[3]) Устиновъ. Путеводитель по Харькову, стр. 309—310.

Платы за леченіе съ этого рода больныхъ не взималось, но за то со всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, съ чернорабочихъ, домашней прислуги, извозчиковъ и торговцевъ въ разносъ былъ установленъ обязательный пятидесятикопѣечный сборъ, безотносительно къ тому, пользовались ли они, или не пользовались услугами больницы. Этотъ сборъ и служилъ основнымъ фондомъ, на который содержалась больница. Лица, не принадлежащія къ рабочему классу, имѣли право пользоваться леченіемъ въ больницѣ за плату.

Больница была открыта въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Дальнѣйшее ея развитіе принадлежитъ послѣдующему времени, о которомъ намъ еще придется говорить, а теперь скажемъ два слова о другихъ лечебныхъ заведеніяхъ разсматриваемаго нами періода. Сабурова дача съ 1866 г. перешла въ вѣдѣніе новооткрытаго губернскаго земства, но, пока что, существенныхъ перемѣнъ въ ней не послѣдовало, смягчился только немного варварскій способъ содержанія душевныхъ больныхъ. Но зато земствомъ въ шестидесятыхъ же годахъ было устроено крайне необходимое для Харькова лечебное заведеніе—родильный домъ при женскомъ повивальномъ училищѣ, открытый 5 сентября 1869 г. Правда, въ родильномъ домѣ было всего 6 кроватей, тѣмъ не менѣе въ теченіе года онъ давалъ убѣжище больше, чѣмъ сотнѣ рожениць. Значеніе родильнаго дома было тѣмъ важнѣе, что онъ давалъ медицинскую помощь совершенно безплатно. Кромѣ того, въ родильномъ домѣ находили помощь и амбулаторныя больныя съ женскими болѣзнями, которыхъ всегда набиралось не мало [1]).

Такимъ образомъ всѣ три открытыя въ шестидесятыхъ годахъ лечебныя заведенія—лечебница Медицинскаго общества, Александровская больница и земскій родильный домъ имѣли своимъ назначеніемъ помощь бѣднѣйшимъ слоямъ городского населенія.

Въ послѣднее тридцатипятилѣтіе достигнуты крупные успѣхи въ дѣлѣ подачи врачебной помощи больному населенію города. Александровская городская больница, разсчитанная при ея основаніи всего на 100 кроватей, съ первыхъ же дней своего существованія оказалась не въ состояніи вмѣстить всѣхъ больныхъ, имѣющихъ право пользоваться ея помощью. Уже въ 1873 г. пришлось расширить больничныя помѣщенія прибавкою новыхъ 30 кроватей. Въ 1879 г. число кроватей доведено до 160. Въ 1882 г., вслѣдствіе рѣшительнаго отказа земства въ принятіи излишка больныхъ Александровской больницы на Сабурову дачу, число кроватей увеличено до 220. Въ 1889 г. развившаяся въ городѣ эпидемія брюшного тифа заставила городское управленіе открыть отдѣленіе больницы на 36 кроватей, а въ 1891 г. для отдѣленія нанято было помѣщеніе на 40 кроватей. Въ началѣ 1892 г. эпидемія сыпного тифа побудила городъ открыть отдѣленіе Александровской больницы при губернской земской больницѣ сперва на 60, а потомъ на 75 кроватей. Въ 1893 г. при той же губернской больницѣ было открыто отдѣленіе на 20 кроватей для венериковъ и сифилитиковъ. Въ послѣдніе годы разсматриваемаго нами періода помѣщеніе больницы было разсчитано на 240 кроватей. Было выстроено солидное 2-хъ-этажное зданіе на 60 кроватей для помѣщенія госпитальной клиники университета.

Число больныхъ, прибѣгавшихъ къ помощи Александровской больницы, постепенно возрастало. Въ 1870 г. оно немногимъ превышало цифру 1800, въ 1872 г. здѣсь перебывало уже болѣе 2000 больныхъ, въ 1878 г.—больныхъ было уже болѣе 3000 чел., въ 1889 г.—болѣе $4^1/_2$ тыс., въ 1891 г.—больше $5^1/_2$ тыс., въ 1893 г.—болѣе 6 тыс. Въ 1901 г. больныхъ, обращавшихся въ больницу за помощью, было 25562, изъ нихъ 7180 остались въ больницѣ; въ 1902—1905 гг. число стаціонарныхъ больныхъ въ среднемъ достигало болѣе 7000 чел., а въ 1903 г.—даже 7570 [2]). Существовавшая при больницѣ амбулаторія также не имѣла недостатка въ посѣтителяхъ. По подсчету смотрителя больницы Коршенбойма, такихъ больныхъ бывало ежегодно до 6000 чел. Въ 1901 г. число амбулаторныхъ больныхъ превысило 16 т., а посѣщеній ими сдѣлано 50000 [3]), въ 1902 г.—21307, въ 1903 г.—20451, въ 1904 г.—20043 [4]).

Въ жизни Александровской больницы различаютъ два періода: первое десятилѣтіе ея существованія, когда въ больницѣ лечили по старинѣ-по простотѣ, не гоняясь за улучшеніями, давно практиковавши-

[1]) Устиновъ. Путеводитель, стр. 305.
[2]) Краткій обзоръ Харьк. гор. общ. управл. за 1902—1905 гг., стр. 66.
[3]) Гусевъ. Харьковъ, его прошлое и настоящее, стр. 138.
[4]) Краткій обзоръ пр., стр. 67.

мися не только заграницею, но и въ русскихъ больницахъ, и второй періодъ, совпавшій съ введеніемъ въ больницѣ госпитальныхъ университетскихъ клиникъ. Старое бѣлье, употреблявшееся въ дѣло въ качествѣ перевязочнаго матеріала, было замѣнено теперь марлей и гигроскопической ватой; куплены приличные хирургическіе инструменты; улучшена вентиляція; открыто гинекологическое отдѣленіе; установлено микроскопическое изслѣдованіе выдѣленій больныхъ; введена консультативная система обсужденія вопросовъ, касающихся опредѣленія діагноза и метода леченія, а въ качествѣ консультантовъ приглашены профессора-медики; установлены періодическія собранія врачей для обсужденія научныхъ и практическихъ вопросовъ и т. д. Наконецъ, введенъ правильный ежедневный амбулаторный пріемъ съ безплатной выдачей лекарствъ.

Александровская больница долгое время была единственнымъ лечебнымъ заведеніемъ для низшихъ слоевъ городского населенія и всегда была набита биткомъ. Этому содѣйствовала, конечно, и ничтожная плата за право леченія: уплативъ 50 коп. въ годъ, чернорабочій получалъ право пользоваться безплатнымъ леченіемъ въ больницѣ. Нужно сказать, что и этотъ ничтожный сборъ платили далеко не всѣ. Многіе выбирали больничные билеты только наканунѣ поступленія въ больницу. Нерѣдки были случаи, когда на всю артель брался только одинъ билетъ на имя одного рабочаго, и по этому билету имѣлъ возможность лѣчиться каждый изъ участниковъ артели. Благодаря этому обстоятельству наблюдался постоянный недоборъ въ поступленіи больничнаго сбора. Впослѣдствіи плата за право леченія въ Александровской больницѣ была повышена до 1 р.; продажа больничныхъ билетовъ, сосредоточенная раньше въ больницѣ, распредѣлена по участкамъ, а полиціи вмѣнено въ обязанность не прописывать паспортовъ безъ больничныхъ билетовъ. Кромѣ горожанъ, въ больницѣ лечились и пріѣзжіе. Сюда, напр., направляли своихъ больныхъ мѣстныя желѣзныя дороги. Наконецъ, бывали случаи, когда больницѣ приходилось лечить и военно-служащихъ, для которыхъ въ городѣ существовалъ особый госпиталь. Такъ въ турецкую войну 1877—1878 гг. въ Александровской больницѣ находилось на излѣченіи 500 раненыхъ и больныхъ, доставленныхъ въ Харьковъ съ театра военныхъ дѣйствій [1]).

Александровская больница оказалась въ концѣ концовъ не въ состояніи удовлетворять потребности населенія въ медицинской помощи. 1 іюня 1895 г. городская дума постановила выстроить новую больницу на 100 кроватей. Въ 1900 г. постройка зданія была окончена, и больница открыта. Новая больница (Николаевская) построена на восточной окраинѣ города, по Корсиковской улицѣ. Кромѣ главнаго корпуса, устроенъ былъ отдѣльный инфекціонный баракъ на 40 кроватей, а впослѣдствіи особый баракъ для венерическихъ больныхъ на 64 кровати. Вмѣстимость больницы все же не соотвѣтствовала предъявляемому къ ней спросу. Такъ въ 1902 г. кроватей было 166, а среднее ежедневное число больныхъ 194. Съ 1903 г., когда произошло расширеніе больницы, недостатка въ мѣстѣ мы уже больше не видимъ: въ 1903 г. кроватей было 225, а больныхъ 175, въ 1904 г.—кроватей 329, а больныхъ 299. Въ 1902 г. всѣхъ больныхъ было 3658, въ 1903 г.—3647, а въ 1904 г.—4336. При больницѣ была устроена амбулаторія, посѣщавшаяся не такъ, какъ амбулаторія Александровской больницы, но все же очень усердно. Въ 1902 г. амбулаторныхъ больныхъ было 3176, въ 1903 г.—4502, въ 1904 г.—5342 чел.

Въ 1904 г. бокъ о бокъ съ Николаевской больницей открыта новая городская больница, предназначенная уже не для рабочаго класса, а для болѣе состоятельныхъ больныхъ. Основаніе ей положилъ М. Х. Гельферихъ, пожертвовавшій 100 т. р. на устройство платной больницы для женщинъ. Въ іюнѣ 1901 г. состоялась закладка зданія, а въ 1904 г. больница была освящена и открыта. Разсчитана она на 50 мѣстъ (20 для мужчинъ и 30 для женщинъ) [2]).

Въ старомъ Харьковѣ болѣзненность и смертность среди дѣтей достигали громаднаго процента. По вычисленію В. А. Франковскаго, въ семидесятыхъ годахъ въ Харьковѣ ежегодно вымирала половина рождавшихся дѣтей, а въ необезпеченныхъ классахъ—даже и больше. Болѣзненность, очевидно, должна была быть еще большей. Лечить дѣтей бѣдняку было негдѣ и не у кого. Потребность въ дѣтской больницѣ чувствовалась уже давно, но своего удовлетворенія дождалась она только въ 1878 г., когда по иниціативѣ д-ра В. А. Франковскаго открыта была наконецъ городская дѣтская больница, посвященная

[1]) Корженбоймъ. Историческій очеркъ Александровской город. больницы за 25-лѣтній періодъ 1869—1894 гг.
[2]) Краткій обзоръ дѣятельности Харьк. гор. общ. управленія за 1902—1905 гг., стр. 74—88.

памяти бывшаго харьковскаго губернатора кн. Кропоткина. Больница предназначена главнымъ образомъ для дѣтей бѣдныхъ слоевъ городского населенія въ случаяхъ острыхъ и инфекціонныхъ заболѣваній. Въ началѣ своего существованія дѣтская больница располагала всего 20 кроватями, потомъ число ихъ было доведено до 30, а затѣмъ и до 41. При больницѣ установленъ пріемъ амбулаторныхъ больныхъ. Амбулаторія имѣла едва ли не большее значеніе, чѣмъ сама больница, такъ какъ въ больницу дѣти поступаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а врачебный совѣтъ бываетъ нуженъ каждой матери. При больницѣ же былъ открытъ и оспопрививательный кабинетъ, услугами котораго населеніе широко пользовалось. По свѣдѣніямъ А. Н. Гусева, за 23 года существованія дѣтской больницы (съ 1878 по 1902 г.) въ ней лечилось стаціонарно болѣе 14 т. дѣтей, амбулаторно—70 т., оспенныхъ прививокъ сдѣлано (съ 1884 по 1891 г.)—10 т. [1]). Въ послѣдніе годы въ больницѣ лечилось уже больше 1000 дѣтей ежегодно, и попечительный совѣтъ больницы въ своемъ послѣднемъ отчетѣ высказывалъ опасеніе, что при дальнѣйшемъ ростѣ числа паціентовъ больница окажется не въ состояніи функціонировать безъ ущерба лечебному дѣлу, если ея помѣщенія не будутъ расширены [2]).

Городская дѣтская больница, одна на весь большой городъ, при томъ же разсчитанная на инфекціонныхъ только больныхъ, могла удовлетворять населеніе только отчасти: дѣтей, болѣющихъ не инфекціонными болѣзнями, по прежнему лечить было негдѣ, а полученіе совѣта и рецепта изъ амбулаторіи не всегда было возможно, ибо больница была не близко отъ бѣдныхъ кварталовъ города, особенно нуждавшихся въ ея услугахъ, и далеко не всякая мать рѣшалась рискнуть нести своего больного ребенка въ такую даль, часто по холоду или слякоти; къ тому же для того, чтобы получить совѣтъ врача, приходилось тратить добрую половину рабочаго дня. Ясно, что нужна была по крайней мѣрѣ еще одна больница, расположённая въ мѣстности съ бѣднымъ и многодѣтнымъ населеніемъ. Такая больница и была открыта съ 1891 г. на Москалевкѣ. Сперва это была только дѣтская амбулаторія. Сюда же былъ переведенъ и оспопрививательный кабинетъ. Въ концѣ 1894 г. при амбулаторіи было открыто и стаціонарное отдѣленіе на три койки для дѣтей, нуждающихся въ хирургическомъ леченіи, а съ 1895 г., въ виду того, что очень часто женщины, приносившія больныхъ дѣтей, обращались къ врачу за совѣтомъ и для себя самихъ, при лечебницѣ было открыто и гинекологическое отдѣленіе [3]). Москалевская лечебница стала очень полезнымъ учрежденіемъ, обслуживающимъ интересы Москалевки, Заиковки и Основы, какъ больница на Дворянской обслуживаетъ всю Захарьковскую часть города и прилегающіе къ ней хутора. Къ сожалѣнію, ничего и до сихъ поръ не сдѣлано для удобства въ этомъ отношеніи жителей Залопанской части города и Холодной горы, преизбыточествующихъ бѣдной дѣтворой, не меньше нуждающейся во врачебной помощи, чѣмъ дѣти съ Основы или со Свинячихъ хуторовъ.

Чтобы покончить съ дѣятельностью городского управленія по части врачебной, намъ остается еще упомянуть о городскихъ амбулаторіяхъ, возникшихъ въ 90-хъ годахъ. Въ 1891—1892 г.г. эпидемія сыпного тифа побудила городское управленіе учредить шесть должностей участковыхъ врачей на окраинахъ города. По миновавши эпидеміи было рѣшено оставить двухъ участковыхъ врачей на постоянной службѣ города съ тѣмъ, чтобы при каждомъ изъ двухъ участковъ были устроены амбулаторіи съ безплатнымъ пріемомъ больныхъ и отпускомъ лекарствъ. Въ помощь врачу при каждой амбулаторіи былъ назначенъ фельдшеръ, постоянно живущій при амбулаторіи. Въ 1892 г. были открыты двѣ амбулаторіи для окраинъ Захарьковской и Залопанской. Въ 1898 г. открыта третья амбулаторія на Москалевкѣ, а въ 1899 г.—четвертая, обслуживающая населеніе Большой и Малой Панасовки, Клочковской и Ивановской, Благовѣщенскаго базара и подгородныхъ слободъ Ивановки, Павловки и Даниловки. Изъ отчетовъ амбулаторій видно, что въ амбулаторіи перваго участка бываетъ ежегодно 7—8 тыс. больныхъ, во второй—свыше 4 тыс., въ третьей—около 7 тыс. и въ четвертой—около 6 тыс.

Съ устройствомъ городскихъ больницъ земская больница на Сабуровой дачѣ постепенно теряла для горожанъ свое прежнее значеніе. Лечились здѣсь по преимуществу ближайшіе сосѣди больницы, что же касается собственно города, то изъ него на Сабурову дачу направлялись главнымъ образомъ сумасшед-

---

[1]) Гусевъ. Харьковъ, стр. 186.
[2]) Краткій обзоръ и пр., стр. 88—93.
[3]) Тамъ же, стр. 96—100.

шіе и сифилитики, для которыхъ въ Александровской больницѣ не было мѣста. Сама земская больница успѣла въ это время значительно улучшиться. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ больницѣ имѣлось 190 кроватей для мужчинъ и 35 для женщинъ, сверхъ того для умалишенныхъ 40 кроватей для мужчинъ и 20 для женщинъ. Въ больницѣ были отдѣленія: терапевтическое, хирургическое, сифилитическое и психіатрическое. При больницѣ имѣлся садъ въ 10 десятинъ. Лѣтомъ здѣсь устраивались бараки на 70 больныхъ [1]). Съ теченіемъ времени земская больница еще больше расширилась. Въ особенности сильно расширилось психіатрическое отдѣленіе, въ концѣ концовъ вытѣснившее хирургическія и терапевтическія палаты въ особые деревянные бараки, устроенные отдѣльно отъ главнаго зданія. Въ 1887 г. въ земской больницѣ было уже 405 кроватей, изъ нихъ 225 приходилось на долю психиковъ [2]). Число послѣднихъ продолжало расти. Въ земскихъ собраніяхъ не разъ поднимался вопросъ о выводѣ хроническихъ больныхъ въ особыя психіатрическія колоніи, но такъ и не былъ рѣшенъ. Въ видахъ предоставленія большихъ удобствъ для больныхъ и нѣкотораго возмѣщенія расходовъ земства, при больницѣ былъ устроенъ особый пансіонатъ для болѣе состоятельныхъ психическихъ больныхъ. На леченіе психиковъ было обращено болѣе серьезное вниманіе. Кромѣ natri bromati да мушекъ и ваннъ, признано было необходимымъ занимать психиковъ и соотвѣтствующими работами, отвлекавшими больной мозгъ отъ болѣзненныхъ представленій и идей. Организованъ былъ рядъ занятій: женская швейная мастерская, башмачная и сапожная для мужчинъ, портняжная, плетеніе цыновокъ изъ камыша, работы на кирпичномъ заводѣ, гончарной мастерской, въ оранжереѣ, саду и огородѣ, въ переплетной мастерской, по шелковичному производству и т. п. Для больныхъ стали устраиваться спектакли и развлеченія. Словомъ, жизнь несчастныхъ помѣщанныхъ въ значительной степени скрасилась. Сама больница превратилась какъ бы въ обширную колонію для душевныхъ больныхъ. По свѣдѣніямъ 1904 г., изъ имѣвшихся въ ней 1000 кроватей 800 было отведено на долю психиковъ, и только 200—для всѣхъ прочихъ больныхъ [3]).

По прежнему были переполнены и университетскія клиники. Лашкевичъ, Грубе, Лазаревичъ, Гиршманъ—все это были крупныя свѣтила медицинской науки, привлекавшіе въ харьковскія университетскія клиники больныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Расширенію дѣятельности университетскихъ клиникъ мѣшалъ главнымъ образомъ недостатокъ помѣщенія. Въ университетскихъ зданіяхъ помѣщались только клиники хирургическая и терапевтическая, остальныя были въ наемныхъ домахъ. Кромѣ того, клиническія отдѣленія были при Александровской больницѣ и военномъ госпиталѣ. Психіатрической клиники совсѣмъ не имѣлось, и представителю этой каѳедры проф. П. И. Ковалевскому приходилось производить передъ своими слушателями демонстрацію больныхъ либо на Сабуровой дачѣ, гдѣ онъ одно время былъ старшимъ врачомъ, либо въ частной лечебницѣ д-ра Платонова. Въ концѣ 80-хъ годовъ при университетѣ были клиники: терапевтическая на 25 кроватей, хирургическая—также на 25 кроватей, акушерская—на тоже число кроватей и глазная—на 21 кровать [4]). Съ переносомъ университетскихъ клиникъ въ новыя, спеціально для нихъ выстроенныя зданія, оборудованныя по послѣднему слову современной науки, значеніе ихъ еще болѣе поднялось. Въ 1901 г., напр., въ терапевтической факультетской клиникѣ лѣчилось 209 стаціонарныхъ и 2828 амбулаторныхъ больныхъ; амбулаторію при хирургической факультетской клиникѣ (болѣзни хирургическія, мочеполовыя, зубныя, ушныя, горловыя и носовыя) посѣтилъ 2801 больной. Въ акушерско-гинекологическую клинику (40 кроватей) обращалось за совѣтомъ 2027 женщинъ, изъ этого числа въ гинекологическомъ отдѣленіи была 151 стаціонарная больная, а въ родильномъ отдѣленіи 470, приходящихъ больныхъ съ женскими болѣзнями было 1076, беременныхъ осмотрѣно 240, кормилицъ—90. Еще больше привлекала больныхъ офтальмологическая клиника (50 кроватей): въ томъ же 1901 г. здѣсь лѣчилось амбулаторныхъ больныхъ 10403 чел. Хирургическая госпитальная клиника функціонировала въ это же время при 30 кроватяхъ; больныхъ здѣсь пользовалось 438. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ было 40 кроватей (22 въ мужскомъ отдѣленіи, 18—въ женскомъ), а лечилось здѣсь 433 больныхъ. Кромѣ того, усердно посѣщались больными и такія университетскія учрежденія, какъ поликлиника нервныхъ болѣзней съ электротерапевтическимъ кабинетомъ имени Манько и дерматологическая кли-

[1]) Устиновъ. Путеводитель, стр. 304—305.
[2]) Харьковск. календ. 1888 г., стр. 382.
[3]) Харьк. Календ. 1895 г., стр. 326.
[4]) Харьковск. календ. 1888 г., стр. 381.

ника съ амбулаторнымъ пріемомъ для кожныхъ, сифилитическихъ и венерическихъ больныхъ. Клиника эта располагала шестью безплатными кроватями, находящимися въ военномъ госпиталѣ [1]).

Университетскія клиники имѣютъ крупное значеніе не только для Харькова, но и для всего юга Россіи. Къ сожалѣнію для больныхъ, онѣ все же не самостоятельныя лечебницы, а только учебно-вспомогательныя учрежденія при университетѣ, функціонирующія лишь въ учебный періодъ. Съ мая по сентябрь университетскія клиники бываютъ закрыты.

Значительно расширила свою дѣятельность и лечебница Харьковскаго медицинскаго общества. Раньше это была только амбулаторія, съ начала восьмидесятыхъ годовъ появилась и больница для стаціонарныхъ больныхъ со всякаго рода острыми заболѣваніями, кромѣ инфекціонныхъ, венерическихъ и психическихъ. Чаще всего сюда попадаютъ внезапно заболѣвшіе. Не рѣдко сюда же полиція направляетъ и пьяныхъ, подобранныхъ на улицѣ. Въ 1887 г. въ больницѣ было 6 кроватей, а потомъ ихъ стало 10.

Рядомъ съ больницей возникли и другія учрежденія Медицинскаго общества, имѣющія важное значеніе не только для Харькова, но и для прилегающаго къ нему края. Таковы химико-микроскопическій кабинетъ, учрежденный въ 1885 г. Сюда направляютъ обычно харьковскіе врачи своихъ больныхъ для изслѣдованія ихъ выдѣленій. Въ 1887 г. явилась бактеріологическая станція съ Пастеровскимъ институтомъ и пріютомъ для помѣщенія укушенныхъ бѣшеными животными; число больныхъ здѣсь доходитъ до 400 чел. въ годъ. Пастеровскій институтъ по количеству больныхъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Наконецъ, въ 1894 г. основанъ институтъ для приготовленія антидифтеритной сыворотки, которою снабжается не только Харьковъ, но и за тысячи верстъ лежащіе отъ него грады и веси Россійской имперіи. Среднимъ счетомъ институтъ отпускалъ въ концѣ 90-хъ годовъ ежегодно болѣе 37 т. флаконовъ сыворотки.

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ общественный починъ далъ жизнь и еще одному учрежденію, которому вскорѣ пришлось занять очень видное мѣсто среди лечебныхъ заведеній г. Харькова. Мы говоримъ о больницѣ Краснаго Креста. Община Краснаго Креста или, какъ тогда она называлась, отдѣлъ сестеръ милосердія Краснаго Креста возникъ по окончаніи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Вначалѣ дѣятельность отдѣла выражалась въ томъ, что сестры брали на себя обязанность дежурить у постели больныхъ, а въ 1886 г. (30 ноября), по иниціативѣ В. Ѳ. Грубе, община открыла амбулаторію для приходящихъ больныхъ съ безплатной выдачей лекарствъ. Новая амбулаторія сразу завоевала себѣ симпатіи, и уже въ первый годъ ея существованія къ ней обращалось 4255 больныхъ; въ 1888 г. больныхъ было 2690, а въ 1889 г., когда лечебница перешла въ новое помѣщеніе на Михайловской улицѣ,—4086. Къ участію въ работѣ лечебницы, пользовавшейся особеннымъ покровительствомъ высшаго мѣстнаго начальства (попечительницами общины послѣдовательно состояли: С. П. Радецкая, А. М. Петрова, О. І. Винбергъ) были привлечены профессора-клиницисты, ихъ ординаторы и другіе врачи. За все время существованія амбулаторіи здѣсь перебывалъ едва ли не весь харьковскій врачебный міръ. Недостатка въ денежныхъ пожертвованіяхъ также не было, и амбулаторія процвѣтала. До 1890 г. больные принимались здѣсь даромъ, а съ этого года была установлена плата по 20 к. въ годъ. При общинѣ были устроены курсы для подготовки сестеръ милосердія. Въ 1892 г. община пріобрѣла собственный домъ и приспособила его для надобностей амбулаторіи и помѣщенія сестеръ милосердія. Уже въ началѣ девяностыхъ годовъ община задалась цѣлью устроить и стаціонарную лечебницу для хирургическихъ больныхъ. Въ 1896 г. для этой цѣли былъ пріобрѣтенъ домъ Тиллена, а 14 ноября 1898 г. лечебница была уже открыта. Въ дѣлѣ устройства лечебницы много потрудился тотъ же В. Ѳ. Грубе, которому въ значительной степени обязана своимъ возникновеніемъ и амбулаторія Краснаго Креста. Изъ крупныхъ жертвователей на лечебницу назовемъ А. И. Тимченко, пожертвовавшаго 30 тыс. руб., и М. Х. Гельферихъ—10 тыс. руб. Больница сперва была открыта на 25 кроватей, а потомъ, послѣ перестройки зданія, явилась возможность помѣстить въ ней до 34 больныхъ. Больница эта дала возможность среднему классу населенія за недорогую плату, а бѣднымъ и даромъ, пользоваться всѣми удобствами при оперативномъ леченіи, невозможными при помѣ-

[1]) Записки И. Харьк. унив. за 1902 г., кн. 2, стр. 103—141.

щеніи больныхъ въ частныхъ домахъ. Она же явилась и хорошей практической школой для сестеръ милосердія [1]).

Къ числу лечебныхъ заведеній, обязанныхъ своимъ существованіемъ общественному почину, должна быть отнесена и больница харьковскаго мѣщанскаго общества, открытая въ 1892 г. въ память исполнившагося въ 1891 г. двадцатипятилѣтія бракосочетанія Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Больница имѣетъ сословный характеръ, такъ какъ предназначена исключительно для лицъ, принадлежащихъ къ харьковскому мѣщанству. Общественнымъ лечебнымъ заведеніемъ является и дѣтская хирургическая и терапевтическая больница, открытая въ 1900 г. Обществомъ попеченія о больныхъ дѣтяхъ г. Харькова и его окрестностей. Наконецъ, къ общественнымъ лечебнымъ заведеніямъ можетъ быть причислена и лечебница „Женская Помощь“ возникшая также въ первые годы XX в. Устроена она небольшимъ кружкомъ частныхъ лицъ, объединенныхъ идеей помощи женщинѣ во время ея болѣзни и материнства. Задачи новой лечебницы сводились къ доставленію беременнымъ, роженицамъ и женщинамъ, страдающимъ женскими болѣзнями, доступнаго по цѣнѣ помѣщенія и леченія, къ оказанію роженицамъ и больнымъ женщинамъ помощи и на дому и къ практической подготовкѣ при лечебницѣ женщинъ-врачей и повивальныхъ бабокъ. Во главѣ попечительнаго совѣта новой лечебницы сталъ извѣстный благотворитель М. Х. Гельферихъ, пожертвовавшій для лечебницы участокъ земли въ концѣ Старо-Московской улицы и 40 тыс. руб. наличными деньгами. Нашлись и другіе благотворители, далъ кое что и художественно-музыкальный вечеръ въ оперномъ театрѣ. На эти деньги и была сооружена и оборудована лечебница, пожизненнымъ директоромъ которой утверждена женщина-врачъ Е. С. Древтельнъ [2]).

Казенныхъ лечебныхъ заведеній предназначенныхъ для общаго пользованія, въ Харьковѣ не существуетъ. Правда, имѣется нѣсколько больницъ, содержимыхъ на средства казны, но эти больницы обслуживаютъ только нужды опредѣленныхъ казенныхъ учрежденій. Таковы: Харьковская губернская тюремная больница (на 50 кроватей), больницы при первой и второй мужскихъ гимназіяхъ, при институтѣ благородныхъ дѣвицъ, духовной семинаріи. Въ 1888 г. открыта желѣзнодорожная больница на 15 кроватей. До тѣхъ поръ больные желѣзнодорожные служащіе и лица, заболѣвшія во время слѣдованія по желѣзнымъ дорогамъ, доставлялись обыкновенно въ Александровскую больницу. Наконецъ, для нуждъ квартирующихъ въ городѣ войскъ имѣется военный госпиталь. Военный госпиталь—самое большое и самое благоустроенное изъ казенныхъ лечебныхъ заведеній. Уже въ семидесятыхъ годахъ для леченія чиновъ военнаго вѣдомства въ Харьковѣ существовалъ такъ называемый мѣстный лазаретъ на 250 больничныхъ мѣстъ. Съ 1 сентября 1878 г. лазаретъ былъ переименованъ временно въ госпиталь 1-го класса, а съ 1 января 1880 г. переформированъ въ постоянный госпиталь 1-го класса на 207 больничныхъ мѣстъ. Въ 1887 г. при госпиталѣ устроены клиническія отдѣленія для чтенія лекцій студентамъ университета съ кабинетами профессоровъ (накожно-венерическое, хирургическое и терапевтическое), съ ноября-же 1895 г., по ходатайству профессоровъ университета М. М. Ломиковскаго и Л. В. Орлова, открытъ при названныхъ отдѣленіяхъ пріемъ приходящихъ постороннихъ больныхъ (поликлиники). Въ этомъ видѣ госпиталь существовалъ и до послѣдняго времени, при личномъ составѣ: 3 профессоровъ съ 6 при нихъ ассистентами, 4 военныхъ врачей (главный врачъ, старшій ординаторъ, онъ-же въ качествѣ консультанта, и 2 палатныхъ ординатора), 2 фармацевтовъ (въ томъ числѣ управляющій аптекою), 3 служащихъ по хозяйственной части, 4 сестеръ милосердія, 8 фельдшеровъ, 6 писарей, 1 механика и 70 человѣкъ госпитальной прислуги. Первымъ начальникомъ госпиталя состоялъ полковникъ баронъ Штакельбергъ, главнымъ врачемъ—с. с. Вержбицкій, а смотрителемъ госпиталя капитанъ Зайцевъ. Госпиталь размѣщенъ частью въ каменныхъ одно-этажныхъ и двухъ-этажныхъ павильонахъ, частью-же въ деревянныхъ баракахъ. Госпиталь имѣетъ отдѣленія: главное совмѣстно съ отдѣленіемъ для испытуемыхъ, хирургическое (съ операціонной и массажной комнатами), накожно-венерическое, терапевтическое, заразное, особое офицерское, зубоврачебный кабинетъ и аптеку, кромѣ того, свою механическую прачешную съ дезинфекціонной камерой, которой пользуются и части войскъ мѣстнаго гарнизона, комнату для вскрытія мертвыхъ тѣлъ,

[1]) Д-ръ Дракинъ. Исторія возникновенія Харьковской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста и ея дѣятельность за 15 лѣтъ.

[2]) Гусевъ. Харьковъ, стр. 169—171.

покойницкую, казарму для помѣщенія 70 человѣкъ прислуги съ обучающимися при госпиталѣ фельдшерскому искусству 30 фельдшерскими учениками и другіе необходимые хозяйственные отдѣлы (кухня, пекарня, баня, канцелярія, квартиры для чиновъ администраціи, цейхгаузы, ледники, погреба и сараи). Составъ больныхъ исключительно военнаго вѣдомства, но въ клиническихъ отдѣленіяхъ имѣлось 18 мѣстъ для пріема на нихъ лицъ гражданскаго вѣдомства, по выбору завѣдывающихъ отдѣленіями профессоровъ; кромѣ того, при маломъ количествѣ больныхъ принимались и гражданскіе больные за плату [1]).

Кромѣ общественныхъ и казенныхъ лечебныхъ заведеній, въ Харьковѣ въ разсматриваемый нами періодъ существовало не мало и частныхъ лечебныхъ заведеній, содержимыхъ отдѣльными предпринимателями. Такія лечебныя заведенія стали появляться въ Харьковѣ съ восьмидесятыхъ годовъ. Въ половинѣ напр., восьмидесятыхъ годовъ въ Харьковѣ возникъ по частной иниціативѣ кабинетъ для подачи врачебной помощи въ ночное время, хирургическая лечебница д-ра Подреза, такая же лечебница проф. Субботина, лечебница для внутреннихъ и нервныхъ болѣзней д-ра Свѣтухина, лечебница для психическихъ больныхъ д-ра Платонова, лечебница для нервныхъ больныхъ д-ра Оршанскаго, женская лечебница д-ра Гринберга, ларингоскопическій кабинетъ д-ра Дынина. Въ восьмидесятыхъ же годахъ возникла и лечебница для проститутокъ на 30 кроватей, содержавшаяся на средства хозяевъ домовъ терпимости [2]). Въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія изъ перечисленныхъ частныхъ больницъ уцѣлѣли лечебницы Подреза, Платонова, Дынина (горловая и ушная) и больница для проститутокъ, а вмѣсто закрывшихся явились новыя. Таковы: санаторій и водолечебница д-ра Данилевскаго, женская лечебница д-ровъ Фукса и Данилевскаго, лечебница д-ра Давыдовича для хирургическихъ, внутреннихъ и нервныхъ больныхъ, зубная лечебница д-ра Липскаго и др. [3]). Въ 1895 г. кружкомъ изъ семи городскихъ врачей открыты были правильныя ночныя дежурства врачей въ видахъ оказанія быстрой помощи для лицъ, заболѣвшихъ въ ночное время, когда достать врача бываетъ не такъ то легко и въ изобилующемъ врачами Харьковѣ. Уставъ кружка былъ утвержденъ въ 1896 г. Учрежденіе оказалось несомнѣнно полезнымъ, особенно если принять во вниманіе, что бѣднѣйшимъ больнымъ помощь оказывается gratis. Въ послѣдующіе годы число частныхъ лечебныхъ заведеній постепенно расло. Въ началѣ XX в. (1901 г.) въ Харьковѣ находимъ лечебницу д-ра Дринкмана (съ водолечебницей), д-ра Свѣтухина (внутреннія и нервныя болѣзни), Хажинскаго (санаторія и водолечебница), Давыдовича (съ водолечебницей), Платонова (психіатрическая), Трутовскаго, Будзинскаго и Ряснянскаго (психіатрическая), хирургическія лечебницы д-ровъ Тринклера и Фабриканта, женскія лечебницы д-ровъ Амчиславскаго, Фукса и Данилевскаго, Гаврилко и Лиховосова, Рейнгардъ, Дрентельнъ и горловую и ушную д-ра Дынина [4]). Съ 1902 г., по примѣру общества ночныхъ дежурствъ врачей, открылось общество ночныхъ дежурствъ акушерокъ. Въ 1903 г., кромѣ перечисленныхъ нами частныхъ лечебницъ, видимъ рядъ новыхъ: институтъ физическихъ методовъ леченія д-ра Ряснянскаго, глазную лечебницу д-ра Браунштейна, женскую лечебницу С. Д. Клейфъ, ортопедическую лечебницу д-ра Финкъ, свѣтолечебный кабинетъ д-ра Петина, свѣтолечебный кабинетъ д-ра Судейкина, электролечебный и массажный кабинетъ д-ра Бреслава, клинику зубоврачебной школы Дубовскаго, такую же клинику Заговалова и Кривопускова. Постепенно возрастало и число практикующихъ въ городѣ врачей. Въ концѣ семидесятыхъ ихъ было уже 68 (между ними двѣ женщины: А. Г. Попова и С. В. Шахова), въ 1887 г. всѣхъ врачей въ Харьковѣ было уже 227, а въ 1903 г.—295. Дантистовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ было только 3, въ 1887 г.—8, а въ 1903 г.—43. Акушерокъ въ 1880 г. было 21, а въ 1903—53. Частныхъ аптекъ въ 1880 г. было 9, въ 1887 г.—13, въ 1895 г.—16, въ 1901 г.—23 (въ томъ числѣ двѣ гомеопатическихъ), въ 1903 г.—24. Пользовались, конечно, харьковцы и лекарствами изъ аптекарскихъ магазиновъ, число которыхъ въ послѣдніе годы размножилось паче мѣры. Въ 1880 г. всѣхъ аптекарскихъ магазиновъ было только три, въ 1894—16, а въ 1903 г.—31.

---

[1]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ начальникомъ госпиталя, генераломъ Авдѣевымъ.
[2]) Харьк. Календ. 1888 г. стр. 383—385.
[3]) Харьк. Календ. 1895 г., стр. 327—329.
[4]) Гусевъ. Харьковъ, стр. 229—230.

Благоустроенная жизнь отличается легкостью и удобствомъ сношеній даннаго населеннаго пункта съ остальнымъ міромъ. Старый Харьковъ Александровскихъ и Николаевскихъ временъ такою легкостью отнюдь не могъ похвалиться. Пути, соединявшіе его съ другими градами и весями Россійской имперіи, были часто непроѣзжими, а ѣзда по нимъ очень дорогою. Для служащаго и чиновнаго люда, какъ и „во дни Очакова", имѣлись почтовыя лошади, для людей „средняго рода", буде своими лошадями не обладали,—вольные ямщики и извозчики, при помощи которыхъ перевозились въ Харьковъ и изъ Харькова и товары, что обыкновенно бывало передъ ярмарками и послѣ нихъ. Только въ пятидесятыхъ годахъ было проложено Бѣлгородское шоссе, нѣсколько облегчившее сообщеніе Харькова съ сѣверомъ Россіи, а въ шестидесятыхъ между Харьковомъ и Курскомъ было уже установлено ежедневное движеніе на дилижансахъ, пользованіе которыми обходилось много дешевле, чѣмъ ѣзда въ извозчичьихъ экипажахъ. Конецъ шестидесятыхъ годовъ соединилъ Харьковъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ главными пунктами русской торговой и промышленной жизни. Въ семидесятыхъ годахъ прилегающая къ Харькову рельсовая сѣть обогатилась новыми развѣтвленіями, число приходящихъ и отходящихъ поѣздовъ сильно увеличилось. Въ девяностыхъ Харьковъ непосредственно соединился съ востокомъ Россіи при помощи Балашевской желѣзной дороги. Харькову, являющемуся теперь узломъ трехъ желѣзнодорожныхъ магистралей, жаловаться на трудность сообщенія съ остальнымъ міромъ во всякомъ случаѣ нельзя. Въ этомъ отношеніи онъ находится въ такомъ привилегированномъ положеніи, какимъ могутъ похвалиться только очень немногіе русскіе города.

Для денежной и простой корреспонденціи въ Харьковѣ еще съ XVIII ст. существовала почта, но нельзя сказать, чтобы она доставляла большія удобства населенію. Въ началѣ XIX ст. въ Харьковской почтовой конторѣ пріемъ не только частныхъ простыхъ и денежныхъ писемъ, но даже и казенныхъ пакетовъ происходилъ всего одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ [1]). Въ 1808 г. черезъ Харьковъ на Херсонъ и Одессу стала ходить изъ Москвы и обратно тяжелая почта [2]). Такъ продолжалось не только въ Александровское, но и въ Николаевское время. Еще въ 1828 г. харьковское купечество и гражданство просило начальство, „по теченію здѣсь коммерческихъ оборотовъ", имѣть ходъ корреспонденціи со столицами два раза въ недѣлю по примѣру сосѣдней Курской губерніи, которая сносилась со столицами легкой почтой [3]). До чего туго шли улучшенія въ этой области,—видно изъ того, что даже и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ почта отправлялась отнюдь не ежедневно. Въ 1868 г. напр. почта на Москву ходила только шесть разъ недѣлю. На весь Харьковъ была всего одна почтовая контора, куда приходилось ходить для сдачи не только денежныхъ, но и простыхъ писемъ. Это было сопряжено съ расходами, а иногда и съ серьезными недоразумѣніями. Въ 1830 г. полковникъ Генеральнаго Штаба Кокъ, проѣзжая черезъ Харьковъ, подалъ на почту для пересылки въ Умань 200 р., но расписки въ почтовой книгѣ не сдѣлалъ. Помощникъ почтмейстера, получивъ отъ Кока деньги, спряталъ ихъ въ боковой карманъ, обѣщавъ отправить съ первою же почтой по адресу. Деньги пропали, а почтовая контора ссылалась на то, что по ея книгамъ такихъ денегъ не значится [4]). Если такъ поступили съ Кокомъ, человѣкомъ, имѣвшимъ возможность поднять на ноги губернатора и всю губернскую администрацію, то съ людьми меньшаго ранга недоразумѣнія были возможны и подавну.

Шестидесятые годы принесли харьковцамъ громадныя удобства по части сношенія съ остальнымъ міромъ. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Харьковѣ учрежденъ правительственный телеграфъ. Устройство его не обошлось безъ помощи харьковскаго купечества, но за то же оно было и вознаграждено, такъ какъ больше всего телеграфъ оказался полезенъ именно торговому и промышленному классу. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ достигнуто крупное улучшеніе и въ почтовомъ дѣлѣ. Въ 1869 г. по городу устроены ящики для опусканія простыхъ писемъ, оплаченныхъ марками. Правда, ящиковъ было на весь городъ только четыре, но это было для горожанъ огромнымъ удобствомъ. Наконецъ, въ 1869 г. завелись сношенія и по городской почтѣ [5]).

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Подл. приг. 1805
[2]) Тамъ же. Подл. приг. 1808 г.
[3]) Тамъ же Журн. 1828 г.
[4]) Арх. Губ. Правл. 1831 г. № 2146.
[5]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 № 13.

Послѣдующіе годы принесли харьковцамъ рядъ существенно важныхъ улучшеній въ этой области.

До 1876 года въ Харьковѣ существовала одна лишь губернская почтовая контора и отдѣльно телеграфная станція. Съ 20 іюля 1876 г. открыто первое городское почтовое отдѣленіе съ пріемомъ частныхъ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ и заказной корреспонденціи и продажей знаковъ оплаты почтовой корреспонденціи, другихъ же почтовыхъ операцій въ этомъ почтовомъ отдѣленіи въ то время не производилось. 1 декабря 1878 г. открыто второе городское почтовое отдѣленіе, а затѣмъ въ 1882 г. третье отдѣленіе, при которомъ 1 января 1885 г. открытъ телеграфъ, а съ 1 января 1886 г. открытъ телеграфъ и при 1-мъ и 2-мъ городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ. 1 іюля 1887 г. послѣдовало соединеніе почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій съ преобразованіемъ ихъ въ почтово-телеграфныя конторы. Осенью 1888 г. въ Харьковѣ устроенъ правительственный телефонъ съ 112 абонентами; къ концу разсматриваемаго нами періода телефонныхъ абонентовъ числилось уже болѣе 1500. Въ 1901 г. образована почтовая контора на Харьковскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ, а въ 1902 г. при этой конторѣ открытъ телеграфъ, и контора преобразована въ почтово-телеграфную съ производствомъ въ ней всѣхъ почтово-телеграфныхъ операцій, причемъ пріемъ и выдача заказной корреспонденціи, для удобства публики, производится съ $5^1/_2$ час. утра до 12 час. ночи.

Вначалѣ въ городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ производились лишь пріемъ частныхъ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ и заказной корреспонденціи и продажа марокъ, а затѣмъ, послѣ преобразованія этихъ отдѣленій въ почтово-телеграфныя конторы, начиная съ 1891 г., въ конторахъ постепенно были устанавливаемы новыя почтовыя операціи: въ 1891 г. была установлена въ 1-ой городской почтово-телеграфной конторѣ, находившейся далеко отъ центральной конторы (Харьковская 1-ая городская контора помѣщалась въ то время на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ музыкальному училищу), выдача денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ и заказныхъ отправленій съ наложеннымъ платежомъ; установить же въ этой конторѣ производство полныхъ почтовыхъ операцій въ то время не представлялось возможнымъ за тѣснотою помѣщенія, занимаемаго конторою, и недостаткомъ служащихъ. 1 января 1897 г. въ 1-ой, 2-ой и 3-ей городскихъ конторахъ установленъ пріемъ переводовъ по почтѣ. 1 января 1900 г. установлена во 2-ой и 3-ей городскихъ конторахъ выдача частныхъ денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ и пріемъ частныхъ посылокъ и въ 1-ой городской конторѣ—пріемъ частныхъ посылокъ. 1 іюня 1900 г. въ 1-ой и 2-ой городскихъ конторахъ установлена выдача денегъ по переводамъ, а 15 іюля того-же года установлена выдача денегъ по переводамъ и въ 3-ей городской конторѣ. 15 сентября 1903 г. установлена выдача частныхъ посылокъ во всѣхъ городскихъ и въ вокзальной конторахъ.

Такимъ образомъ въ первые годы XX ст. во всѣхъ харьковскихъ городскихъ и вокзальной почтово-телеграфныхъ конторахъ производились уже всѣ почтово-телеграфныя операціи, причемъ всѣ новыя операціи въ этихъ конторахъ установлены начальникомъ Харьковскаго почтово-телеграфнаго округа Корженевскимъ. Значеніе этихъ нововведеній для жителей станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ, что центральная почтово-телеграфная контора, въ которой производились полныя почтово-телеграфныя операціи, расположена почти на окраинѣ города. Для того, чтобы получить денежный пакетъ или посылку, или же сдать на почту посылку, приходилось отправляться лицамъ, живущимъ на Холодной горѣ, на Екатеринославской улицѣ и вообще въ за-Лопанской части города, на Москалевкѣ и на Сумской улицѣ, въ центральную почтово-телеграфную контору, находящуюся на Вознесенской площади, что, конечно, представляло для мѣстныхъ жителей большія неудобства. Однако на первыхъ порахъ устранить эти неудобства не представлялось возможнымъ, такъ какъ квартиры, въ которыхъ помѣщались въ то время городскія конторы, были весьма тѣсны и штатъ чиновъ въ нихъ былъ очень ограниченный, а потому пришлось выжидать истеченія сроковъ контрактовъ, заключенныхъ казною съ домовладѣльцами на наемъ помѣщеній для городскихъ конторъ, которыя, даже при существовавшихъ въ то время операціяхъ, вслѣдствіе тѣсноты, не отвѣчали своему назначенію.

До 1891 года простая и заказная корреспонденція доставлялась въ Харьковѣ на домъ адресатамъ лишь одинъ разъ въ день. Съ этого года было сдѣлано распоряженіе о доставленіи корреспонденціи три раза въ день немедленно по прибытіи въ Харьковъ почтъ. Кромѣ того, установлена доставка на домъ, по желанію адресатовъ, денежныхъ и цѣнныхъ пакетовъ и денежныхъ переводовъ, полученныхъ по почтѣ на сумму до 200 руб. каждое отправленіе, цѣнныхъ и безъ цѣны посылокъ вѣсомъ до 5 фунт.

на сумму не свыше 10 руб. и обязательная доставка на домъ адресатамъ денежныхъ переводовъ, полученныхъ по телеграфу на всякую сумму, причемъ за доставку пакетовъ и переводовъ взимается по 10 коп. за каждый переводъ или пакетъ, а за доставку посылокъ по 15 коп. за каждую посылку.

Для удобства публики въ 1-ой и 3-ей городскихъ конторахъ устроены именные ящики для полученія изъ нихъ простой и заказной корреспонденціи съ тѣмъ, что всякій изъ адресатовъ можетъ, отперевъ свой именной ящикъ при посредствѣ имѣющагося у него ключа, вынуть изъ него свою корреспонденцію, причемъ доступъ къ этимъ ящикамъ открытъ съ 8 час. утра до 12 час. ночи.

Для достиженія болѣе быстрой пересылки какъ собственной, принятой въ Харьковѣ, такъ и переходящей, слѣдующей черезъ Харьковъ, почтовой корреспонденціи, въ Харьковской вокзальной почтово-телеграфной конторѣ установлена съ 1 сентября 1903 г. перезадѣлка переходящей и отправленіе собственной почтовой корреспонденціи, чѣмъ достигнуто какъ значительное сокращеніе расходовъ казны, такъ и удобство для публики, заключающееся въ болѣе быстромъ отправленіи поданной въ Харьковѣ корреспонденціи, часть которой, принятая въ вокзальной конторѣ, до 1 сентября 1903 г. предварительно доставлялась въ центральную почтово-телеграфную контору и уже этою конторою отправлялась по назначенію [1]).

Слабѣе другихъ отраслей почтово-телеграфной службы поставлена въ Харьковѣ городская почта. Если городскому письму для того, чтобы попасть съ Москалевки на Заиковку, нужно не менѣе сутокъ, а посылка по почтѣ и совсѣмъ дойти не можетъ, тогда ясно, что такая почта не удовлетворяетъ своему назначенію. Такъ какъ для улучшенія этой стороны почтоваго дѣла ничего сдѣлано не было, то къ услугамъ обывателей явилась частная предпріимчивость. Въ девяностыхъ годахъ возникла сперва одна, а потомъ и другая артели посыльныхъ, которыя и взяли на себя дѣло, по существу подлежащее обслуживанію почтоваго вѣдомства. Обывателямъ услуги посыльныхъ обходятся не дешево, но что же дѣлать, если нѣтъ лучшаго подъ руками?

Телефонъ и до сихъ поръ оставляетъ желать многаго, но харьковцы твердо помнятъ, что на всякое хотѣнье есть терпѣнье, и потому безропотно платятъ телефонный оброкъ и терпятъ.

---

[1]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ г. управляющимъ Харьковскимъ почтово-телеграфнымъ округомъ.

Глава 9-я.

Ярмарочная торговля.

Мы знаемъ, какова была ярмарочная торговля въ Харьковѣ въ XVIII в.

Въ ней мы отмѣтили двѣ основныя стихіи: западно-европейскую и великорусскую; послѣдняя постепенно расширяла свое значеніе на счетъ первой. Къ сожалѣнію, мы не имѣли свѣдѣній о размѣрахъ ярмарочныхъ торговыхъ оборотовъ въ Харьковѣ въ XVIII в. Но за XIX вѣкъ такія свѣдѣнія нами собраны въ изобиліи. Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что въ XVIII в. обороты ярмарокъ были менѣе значительны, чѣмъ въ началѣ XIX ст. Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи харьковской ярмарочной торговли характеризуется дальнѣйшимъ и рѣшительнымъ вытѣсненіемъ соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ товаровъ издѣліями московскаго промышленнаго раіона и постояннымъ ростомъ ярмарочныхъ оборотовъ; при этомъ, характеръ самихъ ярмарокъ и ярмарочной торговли радикально измѣнился во 2-й половинѣ столѣтія, подъ вліяніемъ такого первостепеннаго фактора, какъ измѣненіе способовъ перевозки товаровъ, постройки желѣзнодорожныхъ линій, оказали свое вліяніе и другія обстоятельства. Наше вниманіе будетъ сосредоточено, главнымъ образомъ, на ярмарочной торговлѣ въ 1-й половинѣ XIX вѣка по двумъ причинамъ: во-1-хъ, потому что условія, при которыхъ она въ то время происходила, въ настоящее время радикально измѣнились и, слѣдовательно, они должны быть подробно описаны на основаніи историческихъ документовъ, а, во-2-хъ, и потому, что для этого періода мы имѣемъ и самый богатый матеріалъ.

Состояніе Харьковскихъ ярмарокъ въ самомъ началѣ XIX ст. было таково. Главными были Крещенская и Успенская, потому что на нихъ въ значительномъ количествѣ съѣзжались купцы изъ великороссійскихъ городовъ, особенно Москвы, а также изъ Подольской и Волынской губ.; продажа товаровъ здѣсь была бо́льшею частью оптовая—товары шли отсюда въ Донскія станицы, Новороссійскую губернію, Крымъ и нѣкоторые малороссійскіе города. Кромѣ иностранныхъ товаровъ въ большомъ количествѣ продавались здѣсь также и россійскіе оптомъ и по мелочи, какъ, напримѣръ, мѣдь въ дѣлѣ и не дѣлѣ, желѣзо, чугунъ, хрустальная и стеклянная посуда, множество Волжской, Донской и Днѣпровской рыбы, икры, лошадей, рогатаго скота, сала, кожъ и овчинъ, овчинныхъ шубъ калмыцкаго и украинскаго шитья, сермяжныхъ, суконныхъ кафтановъ, шерстяныхъ ковровъ, овечьей шерсти, воску, меду, коноплянаго масла, дегтю, бичевы, сушеныхъ овощей и пр. Ярмарки эти продолжались отъ 15 до 20 дней. На Троицкую и Покровскую пріѣзжали купцы въ незначительномъ числѣ, больше являлось уѣздныхъ поселянъ съ домашними рукодѣліями. Во время Троицкой ярмарки пригонялось изъ разныхъ мѣстъ гораздо большее количество лошадей, нежели въ другія ярмарки [1]).

Какъ видимъ отсюда, въ это время харьковскія ярмарки были почти такія же, какъ и въ концѣ XVIII вѣка.

Такими же изображаетъ ихъ въ своемъ описаніи, изданномъ въ 1810 году, Зябловскій. Въ Харьковѣ, говоритъ онъ, было 4 ярмарки. Двѣ 1-й степени т. е. оптовыя, и двѣ среднія или 2-й степени. На Крещенской и Успенской, кромѣ иностранныхъ товаровъ, привозилось множество мѣди, желѣза и чугуна, хрустальной и стеклянной посуды, множество рыбы, икры, сала, кожъ, овчинъ, мягкой рухляди, сермяжнаго сукна, шерстяныхъ ковровъ, овечьей шерсти, воску, меду, деревянной утвари, холста, коноплянаго масла, дегтя, бичевы, сушеныхъ овощей, лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Начинались ярмарки дней за 6 до урочнаго времени и столько же продолжались послѣ него. На Троицкую и Покровскую привозились русскія издѣлія, часть иностранныхъ товаровъ, а также торговали скотомъ [2]).

---

[1]) Харьк. сборн., вып. 3-й, стр. 93.

[2]) Зябловскій. Землеопис. Рос. Имп., ч. V, стр. 281—283.

Въ описаніи харьковскихъ ярмарокъ 1815 года мы впервые находимъ цифры ихъ торговыхъ оборотовъ.

Суздальскихъ товаровъ (холстовъ, ситцевъ, выбоекъ, пестряди и китайки) привозилось на Крещенскую ярмарку на 2600000 р. ас., на Успенскую—на 2 милл., на Покровскую—на 1 милл., и на Троицкую на 10 тыс.; пушныхъ товаровъ на Успенскую ярмарку на 500 тыс., на Покровскую на 120 тыс., на Крещенскую на 100 тыс. и на Троицкую на 25 тыс.; Московскихъ фабрикъ: золотокружевныхъ товаровъ, шелковыхъ, парчевыхъ, ситцевыхъ и т. п., на Крещенскую на 1 милл., на Успенскую на 800 тыс., на Покровскую на 100 тыс. и на Троицкую на 10 тыс.; чаю, сахару и кофе на Крещенскую на 500 тыс., на Успенскую на 300 тыс., на Покровскую на 200 тыс., на Троицкую на 25 тыс.; желѣзнаго и мѣднаго товару на Крещенскую на 600 тыс., на Успенскую на 400 тыс., на Покровскую на 200 тыс., на Троицкую на 50 тыс. руб. Желѣзные и пушные товары привозились изъ Сибири, а остальные изъ Риги, Петербурга, Москвы, Калуги, Тулы, Суздаля и Архангельска, развозились же они изъ Харькова покупщиками преимущественно въ южные и польскіе города и Молдавію.

Винъ привозилось изъ Крыма, Таганрога и Дона (крымскихъ, черноморскихъ и одесскихъ) на Покровскую ярмарку на 60 тыс., на Крещенскую на 50 тыс., на Успенскую на 40 тыс., Изъ Кизляра, Дона, Одессы и Крыма привозились французскіе водки на Крещенскую ярмарку на 50 тыс., на Успенскую на 26 тыс., на Покровскую на 25 тыс. и на Троицкую на 10 тыс. Вина и водки продавались затѣмъ въ розничной продажѣ въ Харьковѣ и Харьковской губ.

Изъ Таганрога, Одессы и Крыма доставлялись бакалейные товары и деревянное масло на Успенскую ярмарку на 225 тыс., на Крещенскую на 200 тыс., на Покровскую на 100 тыс., и на Троицкую на 1½ тыс. Товары эти частью продавались въ Харьковѣ и Харьковской губ., а частью отправлялись отсюда въ Курскъ, Калугу, Орелъ, Москву, Ростовъ и другія мѣста.

Кромѣ того, на харьковскихъ ярмаркахъ велась еще торговля сукнами, книгами, серебряными издѣліями и т. п. Всѣхъ товаровъ бывало въ привозѣ на Крещенской ярмаркѣ на 30 милл., на Успенской на 25 милл., на Покровской на 15 милл. и на Троицкой на 2 милл.; всего привозилось товаровъ на 72 милл. руб. Въ томъ числѣ пригонялось лошадей изъ Донскихъ и Черноморскихъ станицъ и помѣщичьихъ конскихъ заводовъ обыкновенныхъ породъ на Троицкую ярмарку 3000 головъ, на Успенскую 2500, на Покровскую 1000, на Крещенскую 500; рогатаго скота изъ разныхъ селеній харьковской губ. пригонялось на Троицкую и Успенскую ярмарку по 2000, на Покровскую 1000, на Крещенскую 500. Скотъ этотъ покупали преимущественно барышники великорусскихъ городовъ, а лошади отчасти армейскіе ремонтеры [1]). Какъ собирались свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ ярмарокъ, мы не знаемъ и потому ничего не можемъ сказать и о степени достовѣрности самихъ цифръ. Нужно думать, что онѣ не отличались особенною точностью. Въ особенности невѣроятной представляется намъ цифра оборотовъ на второстепенной Покровской ярмаркѣ въ 7½ разъ превышающія цифру оборотовъ на Троицкой ярмаркѣ. Во всякомъ случаѣ впослѣд-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ. Изъ документовъ, пожертвованныхъ Н. А. Морозовой. „Опис. о бываемыхъ въ г. Харьковѣ ярмаркахъ и привозимыхъ на оныя товарахъ". Съ этими данными можно сопоставить еще нижеслѣдующія, заключающіяся въ стат. обозр. слоб. укр. губ. 1817 г. „Ярмарокъ здѣсь бываетъ четыре: Троицкая, Крещенская, Успенская и Покровская, вторая и третья изъ нихъ значительнѣе прочихъ двухъ. На крещенскую пріѣзжаютъ купцы изъ обоихъ столичныхъ и многихъ губернскихъ и другихъ торговыхъ городовъ, наипаче изъ полуденныхъ губерній. Торгъ наиболѣе производится товарами подъ названіемъ: суздальскихъ, какъ-то: холстомъ, ситцомъ, выбойкою, пестрядью, произведеніями московскихъ фабрикъ, золотокружевныхъ, шелковыхъ, парчевыхъ, ситцевыхъ и прочихъ, сахаромъ, кофіемъ, чаемъ, разнаго рода пушными товарами, желѣзными и мѣдными издѣліями, винами и виноградными водками, доставляемыми въ наибольшемъ количествѣ изъ Крыма, Кизляра, Донскихъ станицъ, Таганрога и Одессы. Изъ Таганрога же и Одессы доставляется бакалейный товаръ и деревянное масло. Сверхъ того бываютъ въ привозѣ издѣлія серебряныя и золотыя, книги, сукна, и такъ далѣе. Галантерейныя вещи привозятся частью Московскими, частью иностранными торговцами изъ Бердичева и другихъ пограничныхъ мѣстъ. По мнѣнію лучшихъ людей изъ купечества товару приходитъ въ Харьковъ по крайней мѣрѣ на тридцать милліоновъ рублей въ одну сію ярмарку. Она начинается съ 1-го и продолжается до 25 января. На Успенскую привозимы бываютъ тѣ же товары, но въ количествѣ нѣсколько меньшемъ, такъ что не болѣе 25 милліоновъ сумму оныхъ полагать можно. На сію послѣднюю пригоняютъ изъ разныхъ заводовъ лошадей до 2500. Оная начинается съ 10-го и продолжается до 28 авг. Троицкая ярмарка торгомъ своимъ малозначительна и количество товаровъ въ оной простирается не болѣе какъ на 2 милл. руб. На Покровскую въ привозѣ описанныхъ въ Крещенскую ярмарку товаровъ бываетъ на 15 милл. и больше. Обѣ онѣ продолжаются не болѣе какъ 12 дней. Стат. обозр. Сл. укр. губ. въ 1817 г. (Воен. ученый архив. гл. штаба).

ствіи времени эти цифровыя отношенія значительно измѣнились—размѣры ярмарочныхъ оборотовъ болѣе уравнялись. Впрочемъ, на Троицкой ярмаркѣ въ это время еще не было торговли тонкорунною шерстью; эта торговля началась здѣсь, повидимому, только съ 1817 года. Этимъ объясняется незначительность оборотовъ на Троицкой ярмаркѣ по сравненію съ Покровской, имѣвшей по счету товаровъ широкое мѣстное значеніе. Впрочемъ, при оцѣнкѣ приведенныхъ здѣсь цифръ нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что счетъ тогда велся на ассигнаціи, а впослѣдствіи на серебро, такъ что при переводѣ 72 милл. ассигнацій на серебро получилась бы въ $3^1/_2$ раза меньшая сумма, а именно $20^4/_7$ милл. сер. Таковы были харьковскія ярмарки въ I-й четверти XIX вѣка.

Во 2-й четверти XIX ст. уже, повидимому, устанавливается тѣсная связь Харьковскихъ ярмарокъ съ украинскими, образующими одну систему. Въ эту систему входило 11 ярмарокъ—Крещенская, Успенская, Покровская и отчасти Троицкая въ Харьковѣ, Ильинская въ Полтавѣ, Маслянская и Вознесенская въ Ромнахъ (Полт. губ.), Коренная въ Коренной пустынѣ (Курской губ.), Крестовоздвиженская въ Кролевцѣ (Черн. губ.), Введенская въ Сумахъ (Харьк. губ.) и Георгіевская въ Елисаветградѣ (Херсонской губ.). Онѣ посѣщались, за немногими исключеніями, одними и тѣми же торговцами. Главными дѣятелями на нихъ оказались великорусскіе фабриканты и купцы. Этому благопріятствовали различныя обстоятельства. Съ присоединеніемъ Польши, Бессарабіи, а особенно съ заселеніемъ и культурнымъ развитіемъ Новороссійскаго края, Слободская Украйна потеряла свое украинное положеніе и превратилась, главнымъ образомъ, въ посредницу между промышленно-торговымъ великорусскимъ центромъ и южной житницей Новороссіей. Значеніе иностранныхъ товаровъ еще болѣе упало. Усиленіе американской и англійской мануфактурной дѣятельности и распространившееся употребленіе бумажныхъ тканей ослабили значеніе германскихъ мануфактуръ. Петербургъ, Рига, Одесса и Таганрогъ перетянули къ себѣ всю внѣшнюю торговлю Россіи... Понятно, что въ виду такого богатаго рынка, какимъ явился Новороссійскій край, торговая ярмарочная дѣятельность должна была подвигаться ближе къ югу; *Харьковъ сталъ усиливаться*; Харьковскія ярмарки пересилили Сумскія. Таково было положеніе дѣлъ до изданія тарифа 1822 г. „Никакая правительственная мѣра въ Россіи, говоритъ И. С. Аксаковъ, не произвела такого переворота въ быту промышленномъ, какъ этотъ знаменитый тарифъ. Московская, Владимірская, Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактурный округъ; цѣлое народонаселеніе получило иное, фабричное направленіе; сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе, сотни фабрикъ выбрасывали ежедневно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украйна и Новороссійскій край представлялись готовымъ обширнымъ рынкомъ; на него устремились взоры промышленниковъ и вся прежняя система украинскихъ ярмарокъ замѣшалась; значеніе ярмарочныхъ пунктовъ перестановилось. Города и ярмарки, нѣкогда сильные торговлею иностранными товарами, значительно упали (Курскъ, Нѣжинъ, Коренная) и, напротивъ того, быстро усилились тѣ ярмарки, которыя и прежде были важны для сбыта русскихъ товаровъ, тѣ пункты, которые были ближе къ новому рынку и отдаленнѣе отъ соперничества иностранныхъ товаровъ и контрабанды. Главными господствующими товарами стали *красныя* или русскія мануфактурныя произведенія; они дали смыслъ, жизнь и направленіе всей ярмарочной торговлѣ и, по свойству товара, раздѣлили и ярмарки на зимнія и лѣтнія; ярмарки получили значеніе не по отпуску отсюда мѣстныхъ сырыхъ произведеній, а по привозу товаровъ съ сѣвера. Первостатейными ярмарками стали зимняя Крещенская (въ Харьковѣ) и лѣтняя Ильинская (первоначально въ Ромнахъ, а съ 1852 г. въ Полтавѣ [1])“. На украинскихъ ярмаркахъ сбывалось великорусской мануфактуры на 22 милл. руб. сер. т. е. $^1/_3$ всего производства и вдвое болѣе, чѣмъ на Нижегородской. Изъ 200 лавокъ, производившихъ на украинскихъ ярмаркахъ оптовую торговлю мануфактурными товарами, 150 приходилось на долю фабрикантовъ.

На цѣлый годъ растянулся циклъ украинской ярмарочной торговли. Введенская ярмарка въ Сумахъ продолжалась оффиціально отъ 21 ноября до 6 декабря (но въ дѣйствительности нѣсколько долѣе). Отсюда купцы съ товарами ѣхали на Крещенскую ярмарку въ Харьковъ (отъ Москвы до Сумъ 647 в., отъ Сумъ до Харькова 170 в.); это главная изъ ярмарокъ. „До 100000 подводъ, фуръ, возовъ и саней привозили (туда) разнообразные товары изъ разныхъ концовъ Россіи изъ Нижегородской губ., изъ Бес-

[1]) И. С. Аксакова. Изсл. о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, Спб., 1858, стр. 13—14. Данныя этого классическаго труда положены въ основу настоящей главы. Отсюда взяты и послѣдующія выписки.

сарабіи, съ Кавказа и изъ Риги. Сюда стянулся полный комплектъ ярмарочныхъ торговцевъ, продавцовъ и покупателей; здѣсь главный складъ товаровъ, назначаемыхъ для кочеванья по Украинскимъ ярмаркамъ. На Харьковскихъ ярмаркахъ и на Сумской евреи не имѣли права торговли, т. е. имъ позволялось являться для покупокъ, но безъ товаровъ и не для продажи. Крещенская кончилась. Опять укладываются товары, нагружаются подводы и длинная вереница обозовъ выступаетъ по направленію къ Ромнамъ (отъ Харькова 260 в.) на Маслянскую ярмарку. Прежде купцы ѣздили изъ Харькова сначала въ Нѣжинъ на Всеѣдную ярмарку и на Сборную—(на 1-й недѣлѣ поста) въ Сумы; но съ 1846 года они замѣнили ихъ новой ярмаркой въ Ромнахъ, которая убила двѣ вышеупомянутыя. По всей дорогѣ изъ Харькова въ Ромны тянулись въ весеннюю распутицу подводы, терявшіе нерѣдко товары... Послѣ этой ярмарки торговцы разъѣзжались по домамъ, оставляя часть товаровъ въ городѣ до слѣдующей Вознесенской ярмарки, а часть возвращалась въ Харьковъ; иные же заблаговременно отправляли товары для Георгіевской ярмарки 21 апрѣля въ Елисаветградъ, который отстоитъ въ 300 в. отъ Роменъ и въ 374 в. отъ Харькова. Съ Елисаветградской ярмарки остатки товаровъ везлись отчасти въ Харьковъ, а отчасти въ Ромны на Вознесенскую ярмарку. Изъ нея купцы торопились кто въ Курскъ на Коренную, кто въ Харьковъ на шерстяную Троицкую, а иные старались попасть на обѣ. Къ половинѣ іюля отправлялся полный комплектъ торговцевъ на Ильинскую ярмарку въ Полтаву. Едва успѣвала окончиться Ильинская ярмарка, какъ снова приходилось отправляться въ путь: 15-го августа начиналась Успенская ярмарка въ Харьковѣ; этой послѣдней сильно вредила Ильинская ярмарка въ Полтавѣ. Но ее поддерживало чумачество. Срокъ Успенской ярмарки совпадалъ съ осеннимъ движеніемъ чумаковъ въ Крымъ за солью. Чтобы не ѣхать порожнякомъ, они за дешевую плату брали тяжелый товаръ для доставки его въ Ростовъ, въ Одессу, Бессарабію и другія мѣста, близкія къ Перекопу или удобныя для зимовки, чтобы раннею весною, нагрузившись солью или рыбой отправиться обратно. Съ Успенской ярмарки двигались на Крестовоздвиженскую (4 сент.) въ Кролевецъ (отъ Полтавы 305 в., отъ Харькова 280 в.); значительная часть товаровъ отправлялась туда впрочемъ прямо съ Ильинской. Отсюда ѣхали на Покровскую ярмарку (1-го октября) въ Харьковъ. Какъ много труда затрачивалось на передвиженіе: нужно было 20 разъ разложить и снова сложить товары! Нужно было проѣхать 2405 в.! Неудивительно поэтому, что создалось стремленіе къ осѣдлости; этимъ объясняется устройство въ одномъ и томъ же городѣ нѣсколькихъ ярмарокъ. Особенно замѣтно это было въ Харьковѣ, гдѣ было 4 ярмарки. „Вездѣ, гдѣ было болѣе одной ярмарки, говоритъ И. С. Аксаковъ, образуются постоянные склады товаровъ". Ярмарочная торговля въ Харьковѣ создала въ немъ и постоянный контингентъ купцовъ. „Торгуя лѣтъ 30 на Харьковскихъ ярмаркахъ, имѣя въ Харьковѣ постоянные склады, обзаведясь знакомыми покупателями, обращающимися къ нимъ съ требованіемъ товаровъ и не въ ярмарочное время, весьма многіе купцы приписывались къ Харькову, сначала какъ иногородніе для того, чтобы пользоваться правомъ торговли и по окончаніи ярмарочныхъ сроковъ, потомъ поступали въ разрядъ постоянныхъ мѣстныхъ харьковскихъ торговцевъ. Такъ, лавки съ желѣзомъ, со скобянными издѣліями, съ пушными товарами, съ золотыми и серебряными вещами, съ красной рыбой, съ бакалеей, лавки, производившія оптовую торговлю сначала въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году,—теперь уже не запираются и въ прочіе мѣсяцы (писано въ 50-хъ годахъ). Вѣроятно, торговля избрала бы себѣ еще два, три центра, гдѣ бы наконецъ осѣла и стала бы производиться правильнымъ, нормальнымъ способомъ, если бы крайняя необходимость сбыта для производителей красныхъ товаровъ не заставляла ихъ искать постоянно новыхъ рынковъ и, такъ сказать, бѣгать съ товаромъ за лѣнивыми потребителями".

Нѣсколько фабрикантовъ посылали свои товары и своихъ приказчиковъ на ярмарки еще и до изданія тарифа 1822 г., но можно все-таки сказать, что мануфактурная торговля и до 1822 г. и въ первое время послѣ этого была въ рукахъ посредниковъ—купцовъ. Однако тарифъ 1822 г. сдѣлалъ свое дѣло: число фабрикъ сильно умножилось, явилась конкурренція и погоня за покупателемъ, котораго пришлось искать на ярмаркахъ. Пришлось этимъ покупателямъ—розничнымъ торговцамъ—открывать очень широкій, можно сказать, дерзкій кредитъ: кто уплачивалъ 3000 р. наличныхъ денегъ, тому смѣло открывали кредитъ на 30000. Мало того: фабриканты, чтобы не упустить покупателя, стали держать у себя въ лавкѣ не только товары собственнаго производства, но и чужіе покупные. „Но не довольствуясь своимъ личнымъ натискомъ на украинскіе рынки, великорусскіе фабриканты вели за собою цѣлое войско великорусскихъ дѣятельныхъ агентовъ, разнощиковъ, коробочниковъ, ходебщиковъ Ковровскаго и Вязниковскаго

уѣздовъ Владимірской губ. и старообрядческихъ слободъ Черниговской. Безъ ихъ содѣйствія нельзя было бы ожидать такого живого сбыта товара посредствомъ однихъ мѣстныхъ розничныхъ городовыхъ купцовъ. Но кромѣ офеней и слобожанъ, разбирающихъ товаръ во множествѣ и большею частью въ кредитъ, самымъ полезнымъ дѣятелемъ для мануфактурныхъ торговцевъ служило живое, торговое оборотливое еврейское племя. Этотъ классъ торговцевъ, т. е. ходебщики и евреи, собираясь къ урочному времени на ярмарки, мигомъ растаскивали товары и разбѣгались съ ними во всѣ стороны, разнося и развозя ихъ по деревнямъ, хуторамъ и селамъ, по лѣнивымъ панамъ, по козакамъ домосѣдамъ, по крестьянамъ щеголямъ, по крестьянкамъ щеголихамъ, жинкамъ и дивчатамъ, до границъ Австріи и до Кавказа, отъ Дона и до Дуная, разсовывали товаръ всюду, по мелочи, соблазняли покупателей удобствомъ кредита". Таковы были общія условія ярмарочной торговли въ 1-й половинѣ XIX столѣтія. Ознакомившись съ ними, мы теперь можемъ перейти къ спеціальному описанію четырехъ Харьковскихъ ярмарокъ.

Къ 30-мъ годамъ относится описаніе Успенской ярмарки. Всѣхъ товаровъ на ней въ 1834 г. въ привозѣ было на 19893500 р., а продано изъ нихъ на 5626200 р. Народа на эту ярмарку явилось 35000 чел. Выходитъ по сравненію съ 1815 годомъ, что привозъ товаровъ на Успенскую ярмарку уменьшился болѣе чѣмъ на 5 мил. Но вѣроятнѣе, что цифра за 1815 г. была преувеличена.

Свѣдѣнія эти сообщены были городскимъ головою Антономъ Мотузкомъ и полицмейстеромъ Евсеевымъ [1]). Конечно, едва ли можно допустить, чтобы приведенные здѣсь цифры отличались безусловною точностью, но въ общемъ мы можемъ, повидимому, относиться къ нимъ съ довѣріемъ и онѣ даютъ намъ полную картину торговыхъ оборотовъ одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ харьковскихъ ярмарокъ. Въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ особенно цѣнна обстоятельность цифровыхъ данныхъ о разнаго рода товарахъ [2]).

А вотъ обороты всѣхъ Харьковскихъ ярмарокъ въ 1836 году.

Крещенская. Всѣхъ товаровъ привезено было на 24238000 р., продано на 14299600. Шерстяныхъ издѣлій *привезено* на 922500 р., *продано* на 587500 р., бумажныхъ привезено и продано на 6450000 р. и 3950000 р., льняныхъ и пеньковыхъ—на 2550000 и 1880000 р., шелковыхъ и полушелковыхъ—на 1156000 и 806000 р., мягкой рухляди и издѣлій изъ нея на 212000 и 90000, кожъ и кожаныхъ

---

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Дѣло о ярмаркахъ 1834 г. № 4608.

[2]) Въ 1834 г. на *Успенскую* ярмарку привозились слѣдующіе товары: шерстяныхъ издѣлій, суконъ аглицкихъ и тонкихъ русскихъ фабрикъ на 750000 р., продавалось на 210000 р.; русскихъ суконъ средняго сорта и простыхъ на 350000 р., продавалось на 95000 р., крестьянскихъ издѣлій—чулокъ, перчатокъ и т. п. на 45000 руб., продавалось на 15000 р., мануфактурныхъ бумажныхъ товаровъ - ситцевъ, нанку, платковъ, холщеваго товара на 6194000 р., продавалось на 2100000 р., шелковыхъ и полушелковыхъ товаровъ на 1600000 р., продавалось на 400000 р., золотыхъ, серебряныхъ и бриліантовыхъ вещей на 600000 р., продавалось на 108000 р., пушнаго товара на 800000 р., продавалось на 120000 р., галантерейныхъ вещей на 150000 р., продавалось на 40000 р., мѣди листовой и колоколовъ на 220000 р., продавалось на 25000 р., скобянаго, мѣднаго и желѣзнаго товара на 600000 р., продавалось на 250000 р., желѣза листового, полосового и кубового на 470000 р., продавалось на 190000 р., чугунныхъ издѣлій на 57000 р., продавалось на 26000 р., замковъ и ножей на 235000 р., продавалось на 80000 р., игольнаго и мелочнаго товара на 250000 р., продавалось на 90000 р., разныхъ сортовъ сахару на 950000 р., продавалось на 640000 р., китайскаго чаю на 900000 р., продавалось на 500000 р., кофе на 80000 р., продавалось на 45000 р., конфектовъ и варенья на 130000 р., продавалось на 90000 р., саложнаго и шляпнаго товара на 250000 р., продавалось на 90000 р., кожевенныхъ издѣлій на 450000 р., продавалось на 150000 р., шорнаго ременнаго товара на 110000 р., продавалось на 50000 р., писчей бумаги разныхъ сортовъ на 720000 р., продавалось на 470000 р., бумаги бибулы на 14000 р., продавалось на 9000 р., пряденной бумаги на 240000 р., продавалось на 70000 р., канату и бичевы на 51000 р., продавалось на 30000 р., рогожъ, циновокъ и кулей на 50000 р., продавалось на 20000 р., фарфоровой, фаянсовой, хрустальной посуды и зеркалъ на 325000 р., продавалось на 150000 р., муки крупитчатой на 100000 р., продавалось на 85000 р., конопляного масла на 50000 р., продавалось на 40000 р., кизлярской водки на 130000 р., продавалось на 70000 р., вина разнаго на 155000 р., продано на 50000 р., рому и винъ французскихъ на 300000 р., продано на 120000 р., курительнаго американскаго табаку на 100000 р., продано на 60000 р., турецкаго табаку на 20000 р., продано на 4000 р., москательнаго товара на 950000 р., продано на 520000 р., масла деревяннаго на 120000 р., продано на 40000 р., изюма и фиников на 9000 р., продано на 4000 р., сорочинскаго пшена на 45000 р., продано на 10000 р., орѣховъ разныхъ сортовъ на 6000 р., продано на 2000 р, маслинъ на 12000 р., продано на 7000 р., миндалю на 50000 р., продано на 12000 р., рожковъ на 100000 р., продано на 15000 р., жадану на 20000 р., продано на 8000 р., сырыхъ кожъ на 15000 р., продано на 12000 р., сырыхъ овчинъ на 60000 р., продано на 50000 р., паюсной икры на 60000 р., продано на 40000 р., воску на 22500 р., продано на 15000 р., сыраго меду и патоки на 22000 р., продано на 12000 р., мыла на 50000 р., продано на 30000 р., сала на 55000 р., продано на 40000 р., сальныхъ свѣчей на 60000 р., продано на 12000 р., льну на 3000 р., продано на 700 р., пуху и перьевъ на 4000 р., продано на 3000 р., экипажей на 80000 р., продано на 20000 р., деревянной посуды на 4000 р., продано на 1500 р., лошадей на 700000 р., продано на 200000 р.

издѣлій на 723000 и 288600 р., металловъ и издѣлій изъ нихъ на 3113000 и 2222000, фарфоровой и фаянсовой посуды, хрусталя, стекла и зеркалъ на 435000 и 235000, хлѣба на 446500 и 217500, рыбы на 73000 (продана вся), напитковъ на 1039000 и 315000, сахару на 1198000 и 833000, москательныхъ и бакалейныхъ товаровъ, канатовъ, бичевы, кулей, рогожъ, бумаги, пуху, перьевъ, льна, меда, воска, сала, свѣчей, мыла, чаю, кофе, экипажей, лошадей на 5920000 и 2802000 р.

Троицкая. Всѣхъ товаровъ привезено на 8367000, продано на 2466000 р. Шерстяныхъ издѣлій привезено на 509000, продано на 194000, бумажныхъ привезено и продано на 2550000 и 86000 (860000 ?), льняныхъ и пеньковыхъ на 217000 и 18500, шелковыхъ и полушелковыхъ на 187000 и 20500, мягкой рухляди и издѣлій изъ нея на 151500 и 46000, кожъ и кожаныхъ издѣлій на 148000 и 51000, металловъ и металлическихъ издѣлій на 1815000 и 526000, фарфоровой и фаянсовой посуды на 130000 и 25000, напитковъ, москательныхъ, овощныхъ, бакалейныхъ товаровъ, бумаги, канатовъ, бичевы, масла, шерсти овечьей, экипажей, лошадей на 2660000 и 1599000 р. [1]).

Успенская. Привезено всего на 11044500 р., продано на 2627500 р. Шерстяныхъ издѣлій привезено на 407000, продано на 160000 р., бумажныхъ привезено и продано на 2447000 и 663000 р., льняныхъ и пеньковыхъ на 974000 и 38000, шелковыхъ и полушелковыхъ на 660000 и 26000, мягкой рухляди и издѣлій изъ нея на 117000 и 33000, кожъ и кожаныхъ издѣлій на 134000 и 67500, металловъ и металлическихъ издѣлій на 3596000 и 1131000, напитковъ на 64500 и 17000, хлѣба, москательныхъ, бакалейныхъ и овощныхъ товаровъ, шерсти овечьей, канатовъ, бичевы, посуды, бумаги, книгъ, табаку, лошадей, рогатаго скота на 2645000 и 492000.

Покровская. Привезено всего на 8482500, продано на 3604000. Шерстяныхъ издѣлій привезено на 398500, продано на 203000, бумажныхъ на 2450000, продано неизвѣстно на какую, сумму льняныхъ и пеньковыхъ привезено и продано на 650000 и 29000, шелковыхъ и полушелковыхъ на 250000 и 80000, мягкой рухляди на 240000 и 61000, кожъ и кожаныхъ издѣлій на 230000 и 100000, металловъ и металлическихъ издѣлій на 1255000 и 455000, посуды на 130000 и 61000, канатовъ на 72000 и 16000, сахару на 1290000 и 950000, москательныхъ, овощныхъ товаровъ, канатовъ, бичевы, бумаги, экипажей, лошадей и пр. на 1537000 и 799000 [2]).

---

[1]) Повидимому въ этотъ перечень не вошла Испанская шерсть, которой, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, привезено было 77747 п. на 3209966 р. (въ томъ числѣ перегонной на 2303320 р., обножекъ на 886217 р. и грязной на 20428 р.). Продавалась шерсть отъ 20 до 50 р. 80 к. за пудъ.

Извѣстный В. Пассекъ даетъ такое описаніе Троицкой ярмарки въ концѣ 30-хъ годовъ. Троицкая шерстяная ярмарка поддерживалась развитіемъ овцеводства въ Харьк., Полт., Таврич. губ., Новорос. краѣ и Бессарабіи, гдѣ оно составляло если не первую, то одну изъ самыхъ важныхъ отраслей хозяйства. Для развитія тонкорунаго овцеводства были правда въ каждой губ. свои неудобства (избытокъ солончаковъ, недостатокъ прѣсной воды, частыя засухи, эпид. бол.), но выгоды были все-таки настолько значительны, что перевѣшивали неудобства. Овцеводство доставляло зимнюю одежду, обувь, продовольствіе, шерсть для платья и продукты для отправки заграницу. Для торговли шерстью было 2 главныхъ центра—Харьковъ и Одесса.

Вотъ обороты Троицкой ярмарки: въ 1834 г.: 39018 п. шерсти на 1429303 р., въ 1835 г.—60038 на 2319612 р., въ 1836 г.—77748 п. на 3009966, въ 1838 г.—88000 п. на 3000000 (отъ 22 до 50 р. за пудъ). Привозимая шерсть продавалась почти вся безъ остатка и только небольшая часть шла на другія ярмарки или увозилась домой.

Въ то время какъ обороты шерстью росли, число продаваемыхъ лошадей, и безъ того незначительное, падало; 91665, 14000, 56000, 42000 р. Овцеводство развивалось вслѣдствіе нѣрности сбыта; конскіе заводы пали послѣ страшныхъ засухъ и неурожая 1833 г. и рѣшенія брать для конныхъ полковъ степныхъ лошадей. Но трудно было другимъ губерніямъ въ дѣлѣ овцеводства конкурировать съ Новороссіей: въ Харьк. губ. были уѣзды, гдѣ десятина отдавалась подъ посѣвъ за 5—25 р., а въ Новороссіи земля стояла въ продажѣ отъ 7 до 25 р. за десятину и даже при самомъ Днѣпрѣ дес. стоила отъ 20 до 35 р., притомъ, въ Новороссіи овцы лишнихъ 2 мѣсяца держались на подножномъ кормѣ. Въ Новор., Бес. и Таврич. губ. было тонкорунныхъ $1^1/_2$ мил. овецъ, а въ остальныхъ губерніяхъ 1 мил. Въ Одессу въ 1838 г. привезено было шерсти болѣе чѣмъ въ Харьковъ на 20000 пудовъ. Въ Харьковъ шерсть привозилась главнымъ образомъ изъ Изюмскаго уѣзда (45000 п.), изъ Новороссіи (20000 п.) и Полтавской, Курской и Воронежской губ. (20000 п.). (В. Пассекъ. Харьковская Троицкая ярмарка въ „Очеркахъ Россіи. М. 1840, кн. 2-я, стр. 20 – 23). По словамъ Тончіева, торговля шерстью сильно вліяла на помѣщичье хозяйство того времени: помѣщики держали такъ много Испанскихъ овецъ, что собирали мало сѣна на зиму. Особенно памятными были въ этомъ отношеніи 1833 и 1848 годы, когда нѣкоторые лишились всѣхъ своихъ стадъ, а другіе—половины.

[2]) Гр. Өед. Квитка въ ст. «Краткое истор. свѣдѣніе о Харьк. губ.» (Х. Г. В., 1838 г.) даетъ описаніе 4-хъ Харьковскихъ ярмарокъ, съ указаніемъ товаровъ и мѣстъ привоза и съ опредѣленіемъ торговыхъ оборотовъ ихъ въ н. 30-хъ годовъ. Свѣдѣнія о привозимыхъ товарахъ совпадаютъ съ тѣми, которыя помѣщены нами. Что же касается торговыхъ оборотовъ

Главные пункты, изъ которыхъ привозились эти товары на Харьковскія ярмарки, были слѣдующіе. Изъ *Петербурга* привозились—сахаръ, кофе, иностранныя сукна и бумажныя издѣлія, красильныя вещества и французскія вина. Изъ *Москвы*: шелковые, бумажные, льняные товары, сукна русскія и иностранныя, выдѣланныя кожи и кожаныя издѣлія, фарфоровыя и галантерейныя вещи, чай, разныхъ сортовъ варенья, конфекты, сыръ и тому подобные припасы. Изъ *Твери, Ярославля и Владимира*—разные бумажные и льняные товары. Изъ *Калуги* и ея уѣзда—писчая и оберточная всѣхъ сортовъ бумага, нѣкоторыя желѣзныя издѣлія и порядочное количество стекляной посуды. Изъ *Тулы:* всѣ вообще желѣзныя издѣлія, нужныя какъ для домашняго обихода, такъ и для нѣкоторыхъ рукодѣлій; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣдная домашняя посуда, самовары и т. п. Изъ *Орла:* выдѣланныя кожи. Изъ *Болхова:* значительное количество юфти и сапоговъ для малороссіянъ. Изъ *Курска:* кожевенные товары и часть выдѣланнаго сала. Изъ *Бѣлгорода:* небольшое количество кожевеннаго товара, мыло, воскъ и восковыя свѣчи. Изъ *Рыльска:* воскъ, медъ и иностранныя косы. Изъ *Воронежа:* небольшая часть невыдѣланныхъ кожъ и овчинъ. Изъ *Полтавы* и ея губерніи: часть рогатаго скота, шерсть испанская и простая, небольшое число звѣриныхъ шкуръ; изъ окрестностей *Константинограда:* бѣлая и красная шерстяная фланель, которая производится тамъ нѣмецкими колонистами въ домахъ. Изъ *Екатеринослава* и его губерніи: значительное количество хорошей доброты шерсти—Испанской и простой, сало, медъ, и воскъ. Изъ *Чернигова* и его губерніи: сало, медъ, воскъ, щетина, шерсть Испанская и простая, невыдѣланныя кожи, овчины, звѣриныя шкуры и значительное количество сушеныхъ грибовъ; сверхъ того изъ слободы *Клинцовъ*, гдѣ устроено нѣсколько небольшихъ суконныхъ фабрикъ,—сукна среднихъ сортовъ и шерстяные чулки хорошей доброты, на подобіе иностранныхъ. Изъ *Каменецъ Подольской* губ.—медъ, воскъ, овчины, небольшая часть простой шерсти, щетина и немного звѣриныхъ шкуръ. Изъ *Бессарабіи:* невысокая шерсть подъ названіемъ цыгайской, овчины, сушеныя сливы или черносливъ, орѣхи простые и волошскіе; виноградныя вина, бѣлыя и красныя, тамошняго произведенія, Аккерманская соль и часть горной или каменной соли подъ названіемъ *леденца* (это послѣдняя кажется доставляется изъ Буковины). Изъ *Таврической* губ.: тамошнія виноградныя вина (въ весьма большомъ количествѣ), крымскія вина привозятся преимущественно на Крещенскую ярмарку; на прочихъ по дороговизнѣ доставки почти не бываетъ ихъ; привозимыя вина не отличаются добротою и относятся къ худшему роду крымскихъ винъ, выдѣлываемому въ долинахъ на сѣверномъ скатѣ Таврическихъ горъ, орѣхи простые и волошскіе, свѣжій виноградъ, яблоки, овчины и шерсть (въ значительномъ количествѣ); соленая и свѣжая, т. е. мерзлая рыба и большое число сельдей. Изъ Земли *Войска Донского*: виноградныя бѣлыя и красныя вина не высокаго качества, шерсть, рыба свѣжая и соленая, рыбій клей и весьма малое количество икры. Изъ *Кавказской области*: красныя вина тамошняго производства, подъ названіемъ чихиря, виноградная водка, извѣстная подъ общимъ именемъ кизлярской, копченая рыба -шемая и сорочинское пшено въ довольно значительномъ количествѣ. Изъ *Таганрога:* большое количество бѣлыхъ и красныхъ винъ, деревянное масло, бакалейные товары всѣхъ сортовъ, миндаль, Анатольскіе и волошскіе орѣхи, соленыя оливки и турецкіе рожки, соленая и свѣжая рыба и малое количество икры. Изъ *Одессы*—тѣже самые товары за исключеніемъ икры и рыбы и въ количествѣ весьма незначительномъ. Самый городъ *Харьковъ* производитъ для своихъ ярмарокъ шерстяные ковры. *Уѣзды* Харьковской губ. снабжали невыдѣланными кожами, овчинами, саломъ, воскомъ, медомъ, звѣриными шкурами, гусиными перьями, пухомъ, значительнымъ количествомъ рогатаго скота, шерстью Испанскою и простою, сушеными грушами и солеными сливами [1]).

то на Крещенскую ярмарку, по его словамъ, привозилось товаровъ на 16 и болѣе мил., продавалось на 10; народа стекалось на эту ярмарку до 35 тыс. Шерсти на Троицкой ярмаркѣ было продано въ 1837 г. на 2861072 р., народа было 10 тыс. На Успенской ярмаркѣ продавалось товаровъ почти столько же, какъ и на Крещенской, народа стекалось до 70 тыс. На Покровскую привозилось товаровъ на 15 мил., а продавалось всего на 5 мил., народа собиралось до 15 тыс. (Х. Г. В., 1838, № 4).

[1]) Харьковская губернія доставляла въ 1852 г. на Харьковскія ярмарки слѣдующее количество товаровъ: сухой украинской груши до 500 000 п. на 130000 р., украинскихъ орѣховъ 5000 п. на 6000 р., воска 7000 п. на 95000 р., крупитчатой муки 20000 кулей на 90000 р., щетины 6000 п. на 90000 р., конопляного масла 50000 п. на 150000 р., гусинаго пуха 2500 п. на 30000 р., птичьяго пера 5000 п. на 16000 р., конской гривы 500 п. на 1300 р., сала 150000 п. на 360000 р., (Х. Г. В. 1852, № 17. Унгернъ Штернберъ. О харьк. губ.).

Обращаемся теперь къ обозрѣнію различныхъ видовъ товаровъ, привозившихся на харьковскія ярмарки въ 40-хъ—50-хъ годахъ XIX вѣка. Первое мѣсто среди нихъ занимали уже теперь безспорно русскія мануфактурныя издѣлія, т. е. бумажныя, шерстяныя, шелковыя, суконныя, льняныя и пеньковыя матеріи русскихъ фабрикъ. Иностранныя матеріи составляли только $^1/_{20}$ стоимости русскихъ. Бумажныя матеріи привозились изъ Моск., Владим., Костромской и Ряз. губ. Больше всего сбывалось этихъ товаровъ на Крещенской ярмаркѣ. Успенская ярмарка занимала 4-е и Покровская 6-е мѣсто. Покупателями были купцы, слобожане, изъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губ. и офени изъ Владим. губ., караимы и евреи. Изъ фабрикантовъ слѣдуетъ отмѣтить Прохоровыхъ, торговавшихъ ситцами; кромѣ ситцевъ бойко торговали платками, бязью (Коньшинъ). Русскія шелковыя матеріи изготовлялись на фабрикахъ г. Москвы и Богородскаго уѣзда, Моск. губ. и привозились фабрикантами—Кондрашовымъ, Соловьевыми, Залогинымъ, Мамотинымъ и др., купцами—Пащенко, Масловымъ и др. Шелковые товары легко выносили стоимость перевозки. Пудъ такого товара стоилъ не менѣе 500 р. а цѣна провоза съ пуда отъ Москвы до Харькова равнялась 1 р. с. Шелковыя ленты (калужскаго фабриканта Малютина) сбывались крестьянамъ. Иностранные шелковые товары (ихъ было довольно много) ввозились или чрезъ Петербургскій портъ или чрезъ западную сухопутную границу (евреями). Сукна на Харьковскія ярмарки привозились: изъ Петербурга, Риги, Царства Польскаго, Кіевской, Гродненской, Черниговской, Курской, Полтавской и Харьковской губ. Торговля сукнами находилась преимущественно въ рукахъ купцовъ и велась такимъ образомъ на лѣтнихъ ярмаркахъ. Наиболѣе извѣстны были купцы: Аристарховъ, Выходцевъ, Клеменовъ, Черкасскій, Пащенковъ, Гладковъ, Лавровъ и др. Рижскіе фабриканты имѣли своего коммиссіонера. Въ Польшѣ славилась фабрика Геоера, въ свв. зап. краѣ Моеса. Сукнами польскихъ фабрикантовъ Кіевской губ. (гр. Понятовскаго и кн. Радзивила) торговали купцы Гладковъ и Пащенковъ. Въ Харьковской губ. суконныя фабрики завели у себя Бахметьевъ, Кондратьевъ и Осиповъ и торговали ими на Харьковскихъ ярмаркахъ. Шерстяныя матеріи привозились изъ фабрикъ г. Москвы и Моск. губ. (Гучкова) изъ Риги, Варшавы и Гродненской губерніи.

Торговля шерстью приняла очень широкіе размѣры на Харьковскихъ ярмаркахъ и этотъ продуктъ, въ противоположность другимъ, шелъ не съ сѣвера, а съ юга. Еще Петръ Вел. сталъ заботиться о водвореніи въ Малороссіи породы Силезскихъ тонкорунныхъ овецъ. Но успѣхи овцеводства въ теченіе всего XVIII в. были незначительны. Только послѣ завоеванія Крыма и колонизаціи обширныхъ Новороссійскихъ степей, представлявшихъ необыкновенныя удобства для овцеводства, оно достигло здѣсь небывалаго развитія и составило одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ промышленности. За Новороссіей потянулась Слободская Украйна и Малороссія, южная часть которыхъ представляли изъ себя предстепье. Мѣстныхъ помѣщиковъ побудило къ занятію этимъ промысломъ, между прочимъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, вызванное въ свою очередь развитіемъ земледѣлія въ Новороссіи. Правительство въ XIX в. оказывало поддержку этой промышленности, въ особенности изданіемъ тарифовъ 1830 и 1831 гг. Благодаря имъ, отпускъ мериносовой шерсти за-границу сталъ быстро возрастать. Въ 1850 году въ Россіи, исключая Царства Польскаго было 7367775 штукъ мериносовыхъ овецъ, дававшихъ болѣе 552574 пудовъ шерсти (по 3 ф. съ овцы). На долю Новороссіи, Полтавской губ. и Бессарабіи приходилось болѣе $^1/_2$ всѣхъ русскихъ мериносовъ. Первое мѣсто занимала Екатеринославская губ., гдѣ было 1236553 овцы, затѣмъ Херсонская (882000), Бессарабія (758000), Полтавская губернія (655000); Таврическая губ. занимала пятое мѣсто, Харьковская—восьмое. Въ Россіи сбывалось тонкой шерсти до 300000 п., за-границу 252574 п. Важнѣйшими шерстяными рынками явились три ярмарки—Троицкая въ Харьковѣ, Петропавловская въ Екатеринославѣ и Ильинская въ Ромнахъ, а потомъ въ Полтавѣ. Продажа и перепродажа шерсти происходила также и на остальныхъ трехъ харьковскихъ ярмаркахъ, но не всегда и въ небольшомъ количествѣ, шерсть продавалась грязною, перегонною (это шерсть, снятая съ овецъ, вымытыхъ еще до стрижки) и мытою на мойкахъ; лучшія мойки—Московскія, потомъ Харьковскія, Екатеринославскія, Воронежскія и Бѣлгородскія; мойки Херсонскія и Ростовскія приготовляли шерсть для отправки за-границу.

Продавцы шерсти на Харьковскихъ ярмаркахъ раздѣлялись на 2 разряда: на производителей, предлагавшихъ товаръ изъ первыхъ рукъ, т. е. помѣщиковъ и хуторянъ—овцеводовъ, и на торговцовъ, скупавшихъ и перепродававшихъ шерсть, слѣдовательно, предлагавшихъ товаръ уже изъ вторыхъ, а иногда и изъ третьихъ рукъ. Шерстяная торговля именно замѣчательна тѣмъ, что участіе въ ней второго разряда про-

давцовъ было не весьма значительно въ сравненіи съ торговлею прочими товарами и что товаръ переходилъ большею частью прямо изъ рукъ производителей въ руки потребителей (шерстяныхъ и суконныхъ фабрикантовъ). Изъ привозимаго на Троицкую ярмарку и означаемаго въ вѣдомостяхъ количества, большая часть принадлежала помѣщикамъ и хуторянамъ, именно отъ 5/6 до 8/9 всего количества, а собираемое купцами составляла отъ 1/9 до 1/6 всей суммы пудовъ. Эта шерсть закупалась торговцами въ разныхъ мѣстахъ и означить съ достовѣрностью, откуда именно привозилась эта шерсть, довольно затруднительно. Главные вкладчики шерстянаго рынка въ Харьковѣ—овцеводы губерніи Харьковской и Екатеринославской. Общими чертами это участіе можно опредѣлить такъ, что нѣсколько болѣе 1/3 принадлежало помѣщикамъ Харьковской, 1/3 Екатеринославской, а остальное губерніямъ Полтавской, Воронежской, Курской и Таврической... Среднее количество шерсти, доставляемой на Троицкую ярмарку помѣщиками Харьковской губ. было 58906 п., Екатеринославской—56273 п. Перегонной шерсти доставлялось всегда изъ Екатеринославской губ. болѣе, чѣмъ изъ Харьковской, а грязной наоборотъ. Изъ Полтавской губерніи привозилось среднимъ числомъ не болѣе 10000 п. и перегонной больше, чѣмъ грязной; слѣдовательно, ея участіе было незначительно: это объясняется тѣмъ, что у нея была своя шерстяная ярмарка. Изъ уѣздовъ Харьковской губ. наибольшую дань шерстяной ярмаркѣ платили уѣзды Изюмскій, Старобѣльскій, Купянскій, Зміевской, Харьковскій; наименьшую—Сумской и Лебединскій. Изъ уѣздовъ Екатеринославской губ. всего болѣе доставляли уѣзды пограничные: Павлоградскій (болѣе всего), Бахмутскій, Славяносербскій, также Новомосковскій, Верхнеднѣпровскій и даже Екатеринославскій; изъ уѣздовъ Полтавской губ.—наибольшее Константиноградскій, какъ степной, и вообще сосѣдніе. Изъ уѣздовъ Воронежской губерніи доставляли шерсть—Валуйскій, Бирюченскій, Острогожскій и Богучарскій. Простая овечья шерсть привозилась прасолами мѣстечка Рашевки (Гадяцкаго уѣзда, Полтавской губ.), слобожанами (разнощиками), торговавшими на югѣ Россіи, старообрядцами слободъ Черниговской губ., а также привозилась съ Екатеринославской ярмарки.

Интересны данныя о пріѣзжающихъ на ярмарки. Изъ Петербурга, Москвы и губерній—Московской, Владимирской, Тульской, Курской, Орловской, Воронежской и Костромской было 3248 пріѣзжихъ, Новороссійскаго края (Екатеринославской, Херсонской и Таврической)—1652, Бѣлорусскихъ губерній—Минской, Могилевской и Витебской—228, Кіева, Бердичева, Бѣлой Церкви и Новомиргорода, Каменецъ-Подольской и Волынской губ.—200, Бессарабской области—Кишенева, Тирасполя и Измаила—100, Тифлиса, Моздока и Ставрополя—40, Земли Войска Донского, Новочеркасска, Старочеркасска и др.—40, Варшавы—12, Вильны—2, Грузіи 5, Австріи 5, Пруссіи 3. Наибольшія цифры выпадаютъ на долю Петербурга и центральныхъ великорусскихъ губерній, откуда пріѣзжали продавцы, и Новороссіи, откуда являлись покупатели. „Ярмарочное помѣщеніе въ Харьковѣ, говоритъ И. С. Аксаковъ, было довольно тѣсно и неудобно и разбросано во всѣхъ трехъ частяхъ города: въ Городской части, за Лопанью, за Харьковомъ и за Нетечью. Въ Городской части не было площадей: Николаевская скорѣе могла называться широкою улицею, чѣмъ площадью. Эта часть безъ сомнѣнія лучшая въ городѣ, вся каменная и тѣсно обстроенная каменными домами, съ лавками въ нижнихъ этажахъ и каменными рядами лавокъ, принадлежащими частнымъ лицамъ. Суздальскій рядъ за Лопанью выстроенъ былъ всего 3 года назадъ почетнымъ гражданиномъ Кузинымъ. На Крещенской ярмаркѣ онъ почти весь занимался торговцами съ красными товарами, бумажными и льняными. Шелковые и суконные товары помѣщались въ Московскомъ ряду, а въ Карповскомъ большею частью такъ называемые фабрикантики или кустарники, торговые крестьяне, съ пестрядью, бумажными товарами низшаго сорта. Они же занимали и Сергіевскій рядъ въ городской части по сю сторону Лопани. Балагановъ было весьма немного; въ нихъ производилась преимущественно розничная торговля овощными и съѣстными товарами, мочальнымъ товаромъ, игрушечнымъ, сапожнымъ, шляпнымъ, хрустальнымъ товаромъ, помѣщаясь большею частью внутри лавокъ, а не на площади и не въ какомъ либо особенномъ мѣстѣ. Крещенская вовсе не живописна и не видна, т. е. не смотритъ многолюдною и и оживленною. Другія ярмарки, напримѣръ, Коренная, Ростовская и проч. представляли несравненно болѣе жизни. Только безпрерывно тянущіяся линіи обозовъ, выгрузка товаровъ въ лавки и изъ лавокъ и толпы извозчиковъ, тѣсняющихся у вѣсовъ и на поворотѣ Николаевской улицы къ Лопани, напоминали объ ярмаркѣ. Такова и должна быть ярмарка по преимуществу оптовая. Шерсть продавалась съ возовъ, за Московской заставой, лѣтомъ на Конной площади. За Нетечью на площадяхъ складывались сырыя

кожи и вообще сырые крестьянскіе товары. Достойно замѣчанія, что вывѣсокъ почти вовсе не имѣлось, особенно для прасольскихъ, бакалейныхъ, кожевенныхъ и другихъ товаровъ; что плана размѣщенія ярмарокъ не существовало; но такъ сильно значеніе привычки въ торговлѣ, что покупатель, пріѣзжая въ Харьковъ, какъ въ свой городъ, зналъ всегда, гдѣ ему отыскать торговца, прямо шелъ въ ту улицу и ту лавку, въ которой лѣтъ тому 30 забиралъ товаръ. Поэтому вообще купецъ дорожилъ мѣстомъ и привычкою покупателей направляться къ извѣстному мѣсту. Цѣны за помѣщенія въ лавкахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ (до 350 номеровъ) простирались въ прежнее время для большихъ лавокъ съ красными товарами до 500 руб. сер.; но со времени постройки Суздальскаго ряда, 280 лавокъ отдавались отъ 150 до 400 р. сер. на весь годъ на всѣ ярмарки, а остальныя занимались мѣстными торговцами. Лавки же, принадлежавшія собственно городу, а не частнымъ лицамъ (всего 74 номера) отдавались съ торговъ отъ 300 до 850 р. сер. въ годъ за лавку. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ доходъ жителей со всѣхъ ярмарокъ поступало 15915 р., но это совершенно не вѣрно; по мнѣнію всѣхъ опытныхъ и свѣдущихъ лицъ доходъ, доставляемый жителямъ отъ наемной платы, составлялъ сумму не менѣе 150000 р. сер., ибо за однѣ лавки доходъ простирался свыше 60000 р. сер., если за 300 лавокъ положить среднюю цѣну по 200 р. сер. въ годъ. Въ городской доходъ со всѣхъ 4-хъ ярмарокъ поступало, кромѣ дохода съ лавокъ, 13483 р. 77 к. разнаго сбора по таксѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ, именно: а) за складку товаровъ на площадяхъ; б) за мѣста, отведенныя на площадяхъ подъ балаганы, в) штрафныхъ за складку товаровъ на постоялыхъ дворахъ. По положенію, утвержденному бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ, торговать въ лавкѣ могъ только одинъ хозяинъ; если же онъ впуститъ къ себѣ въ лавку другого, то съ послѣдняго взыскивается какъ за балаганъ, устраиваемый на городской площади; также по положенію воспрещено было устраивать лавки въ палаткахъ и воротахъ, равно складывать товары на владѣльческихъ и постоялыхъ дворахъ; д) съ разносчиковъ; е) съ факторовъ. Относительно наружнаго вида ярмарки остается прибавить, что тротуары передъ лавками, галлереями и домами ничѣмъ не загораживали и оставляли свободными, что выкладка товаровъ дѣлалась за тротуарами на однѣхъ площадяхъ на пространствѣ 2-хъ саженъ, что товары переносились съ дворовъ въ назначенныя мѣста, а опорожненные возы и сани отсылались на постоялые дворы. Вообще порядокъ на ярмаркѣ былъ замѣчательный и отличалъ Харьковскіе ярмарки отъ всѣхъ прочихъ украинскихъ ярмарокъ.

Крещенская ярмарка начиналась 6-го января и продолжалась до февраля; Троицкая начиналась позже своего оффиціальнаго срока—1-го іюня и оканчивалась въ половинѣ этого мѣсяца; Успенская продолжалась съ 15-го августа по 1-е сентября; Покровская тянулась весь октябрь. Каждой ярмаркѣ предшествовала конская, потомъ начиналась краснорядская; по окончаніи оптоваго торга, довольно долго тянулись еще разсчеты между покупателями и продавцами".

Изо всѣхъ четырехъ Харьковскихъ ярмарокъ первое мѣсто принадлежало Крещенской. Ея обороты составляли половину всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ Харькова. Если взять во вниманіе однѣ оффиціальныя вѣдомости, то обороты Крещенской ярмарки до 1852 года давали ей право на третье мѣсто въ ряду ярмарокъ Россійской Имперіи—послѣ Нижегородской и Ирбитской. И. С. Аксаковъ полагаетъ, что и послѣ 1852 г. обороты Крещенской ярмарки, въ противоположность оффиціальнымъ даннымъ, были выше Ильинской.

Вотъ оффиціальныя свѣдѣнія объ оборотахъ Крѣщенской ярмарки за десятилѣтіе.

	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854
Привезено . . .	11163315	12974625	12649618	13113736	13044111	12548080	12291900	12769516	11186679	10713285	13652411
Продано	5785520	7519205	7297967	7395690	7189988	6812475	7527684	7937785	7635935	6691315	8790563
Осталось	5379695	5455420	5351711	5718046	5854123	5735605	4763506	4831761	3550744	4021973	4861848

За 10 лѣтъ до 1854 года выходитъ привоза 122456248 руб. с. или по десятилѣтней сложности въ среднемъ на 1 годъ 2245624⁴/₅ р. Продажи за 10 лѣтъ—61793664 р.; по десятилѣтней сложности выйдетъ 6179366²/₅ р. Остатка за 10 лѣтъ 60662584 р. На годъ придется 6066258²/₅ р. Самый лучшій годъ по привозу былъ 1847. Самый лучшій по сбыту былъ 1851. Самый худшій по привозу 1853. Самый худшій по сбыту 1844 г. 1854 г. рѣзко выдѣляется отъ предыдущихъ увеличеніемъ цифръ и привоза, и

продажи; но И. С. Аксаковъ, не отрицая увеличенія оборотовъ Крещенской ярмарки полагалъ, что ростъ этотъ не могъ быть столь внезапенъ и значителенъ и объяснялъ слишкомъ рѣзкое повышеніе цифръ этого года тѣмъ, что онъ обратился къ полиціи и ярмарочному комитету о составленіи болѣе тщательныхъ вѣдомостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подвергъ собственной провѣркѣ сообщенныя ему оффиціальныя данныя о торговыхъ оборотахъ Крещенской ярмарки за 1854 годъ и пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствительные обороты ея были несравненно выше указанныхъ ему: по даннымъ полицейскимъ и ярмарочнаго комитета, какъ мы видѣли, привозъ не доходилъ и до 14 милл., продажа до 9 милл., по его же исчисленіямъ привозъ равнялся 40 милл., а продажа 25 милл. Такой выводъ получилъ И. С. Аксаковъ изъ провѣрки цифръ отдѣльныхъ видовъ товаровъ. Намъ въ настоящее время трудно сказать что-либо опредѣленное о такомъ разсчетѣ. Во всякомъ случаѣ, основываясь на собственныхъ словахъ И. С. Аксакова, что обороты ярмарки возрастали медленно и постепенно, слѣдуетъ установить то условное положеніе, что если обороты Крещенской ярмарки въ 1854 году были дѣйствительно столь значительны, то и въ предшествующее десятилѣтіе они были гораздо выше приведенныхъ цифръ [1]).

Обороты Успенской ярмарки за 10 лѣтъ были таковы.

Успенская ярмарка продолжалась съ 15 дек. по 6 янв., краснорядская по 1-е февр. Народа на ней перебывало около 23000 душъ. Городское управленіе получило дохода 9312 р. 51 к.

	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853
Привезено . . .	6039305	6372442	7488109	5194844	5251949	5299726	5370785	5191683	5209454	4048059
Продано	201600	4201940	2283322	1619343	1608809	1107384	1976313	1922318	1922205	1769517
Осталось. . . .	5830705	2070502	5251787	3275501	3643140	4192342	3394472	3269365	3287249	2278542

Въ 1854 г. привоза было на 5298770 р., продажи на 1986610, остатка на 3312160 р. По десятилѣтней сложности привоза въ годъ было на 5535935 р. За пятилѣтіе съ 1842 по 1847 годъ въ среднемъ привозъ равнялся 7488109 р. „Разница, говоритъ И. С. Аксаковъ, огромная, очевидно, что относительно привоза ярмарка сильно падаетъ.“ Вѣроятно, покупатели находили для себя существованіе двухъ большихъ, лѣтнихъ ярмарокъ, отдѣленныхъ ничтожнымъ промежуткомъ времени менѣе 2-хъ недѣль (Успенской въ Харьковѣ и Ильинской въ Полтавѣ) излишнимъ. Слѣдуетъ отмѣтить также ничтожный процентъ продажи товаровъ по сравненію съ привозомъ—продавалось по десятилѣтней сложности менѣе $^1/_3$. Сбытъ съ 1850 года сталъ замѣтно падать. Но исключительно неблагопріятнымъ годомъ былъ 1844. Поддерживали нѣсколько Успенскую ярмарку три обстоятельства: дешевизна чумацкаго извоза товаровъ, существованіе въ Харьковѣ удобныхъ складовъ для тяжелыхъ товаровъ въ связи съ отсутствіемъ таковыхъ въ Полтавѣ и прибытіе нѣкоторыхъ товаровъ, не поспѣвавшихъ къ Ильинской ярмаркѣ. Успенская

[1]) Чтобы дать понятіе о детальныхъ разсчетахъ И. С. Аксакова и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомить съ оффиціальнымъ отчетомъ о Крещенской ярмаркѣ за 1854 годъ, мы приведемъ рядъ выдержекъ, въ которыхъ заключается и то, и другое. „Россійскіе товары начинаются шерстяными. Въ эту категорію включены прежде всего сукна высшаго, средняго и низшаго сорта... Общій итогъ продажи для суконъ составляетъ сумму 369410 р. По нашему исчисленію, основанія котораго вызваны въ подробности въ статьѣ о суммахъ, суконъ 1854 г. было въ продажѣ на 400000 р. Далѣе идутъ шерстяныя матеріи съ подробнымъ исчисленіемъ видовъ и суммы привоза и продажи, а именно: трико, полумериносу, шалону, ластику, тамбурету, платковъ шале..., драдедаму и пр., всего продажи на 741640 р. По нашему исчисленію на 600000 р. Бумажныя: нанки и доминкатону, ситцу, китайки бумажнаго трико, коленкору, миткалю, кисеи и т. п. Итого бумажныхъ товаровъ на 1990615 р. (въ продажѣ)... По нашимъ свѣдѣніямъ, бумажной матеріи на Крещенской ярмаркѣ продается на 3150000 р. сер.... Льняныхъ и полульняныхъ издѣлій: холста, фламандскаго полотна, равендука, столоваго бѣлья, холстинки, на 201450 р. Неизвѣстно, какой холстъ надо здѣсь разумѣть—крестьянскій ли, продаваемый на площадяхъ крестьянами, или тонкій продаваемый краснорядцами изъ магазиновъ. По нашему исчисленію, льняныхъ товаровъ, кромѣ крестьянскаго холста и пестряди, продается на 300000 р. Далѣе идетъ отдѣлъ шелковыхъ, золотокружевныхъ и галантерейныхъ вещей. Вотъ перечень статей: шелковыя и полушелковыя матеріи, платки шелковые, бархатъ, полубархатъ, плисъ, парча золотая, парча аплике, золотокруженныя и военныя вещи, чулки и перчатки...“ Бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ по вѣдомости показано на 507000 р., а у И. С. Аксакова на 700000 р., хотя по вѣдомости на 269730 р., а по частнымъ изысканіямъ Аксакова на 1000000 р., далѣе идутъ такія цифры вѣдомостей и частныхъ свѣдѣній Аксакова: сырыхъ кожъ на 416000 р. и на 1000000 р., желѣза, чугуна и мѣди на 600000 и 800000 р., рыбы—на 48000 р. и 400000 р. галантерейныхъ и игольныхъ товаровъ на 142000 р и 470000 р., чаю на 154000 р. и 225000 р., табаку на 53960 р. и 108000 р., бумаги писчей на 51000 р. и 100000 р., щетины на 19000 р. и 112000 р., бичевы на 3700 и 100000 р., мыла на 7000 и 60000 р., сала на 76118 и 200000 р., воска и восковыхъ свѣчей на 30000 и 212000 р., и пр.

ярмарка продолжалась—конная съ 1 до 15 авг. и краснорядская съ 15 по 29. Пріѣзжихъ на ней было до 15 тыс. Дохода гор. управленіе получало 2472 р. [1]).

Покровская ярмарка продолжалась почти весь октябрь. На ней забирали много товара Владимірскіе офени; запасались здѣсь товарами преимущественно на зиму—съѣстными припасами, овощами, винами и т. п.

Обороты Покровской ярмарки въ теченіе десятилѣтія были таковы.

	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853
Привезено . .	2130312	3635554	3664639	3671763	3678493	3704529	3292289	3845620	3335169	3120213
Продано . . .	984984	1354100	1297883	1312124	2254468	1396376	1581028	158'820	1605270	1680975
Осталось . . .	1145328	2281454	2366756	2359639	2424025	2308153	1711261	1759800	1729899	1439238

Въ среднемъ привозъ за десятилѣтіе въ годъ равнялся 3357853 р. Средняя годовая продажа равнялась 1405302 р.; слѣдовательно она колебалась между $^1/_3$ и $^1/_2$ привоза; въ послѣдніе годы сбытъ подходилъ къ $^1/_2$, т. е. относительно привоза возрасталъ. Въ 1854 году по оффиціальной вѣдомости, привоза было на 4375338 р., а продажи на 1365744 р., т. е. продажа понизилась; но И. С. Аксаковъ отрицаетъ это пониженіе. По его исчисленіямъ привезено было товаровъ на эту ярмарку на 9 милл., а продано на

„Сравненіе по большей части товаровъ идетъ въ такой же пропорціи. Сверхъ того вовсе не показаны въ вѣдомостяхъ: подсолнечное масло, крестьянскій холстъ, украинская гр[illegible]ша, овощный товаръ, перо, пухъ, шерсть (на 325000 р.) и мн. др. тов.“.

Изъ другихъ товаровъ, называемыхъ оффиціальною вѣдомостью, отмѣтимъ мѣха, которыхъ привезено было на 633000 р. и продано на 374650 р., сахаръ рафинадъ (привезено на 793100 р., продано на 501000 р.), сахарный песокъ (привезено на 23000 р., продано на 18000 р.), вино донское (привезено и продано на 12000 р.), вино крымское и молдавское (привезено на 71250 р, продано на 51300 р.), икра (привезено на 41900 р., продано на 24190 р.), книги и картины (привезено на 15150 р., продано на 7978 р.), крестьянскія издѣлія (привезено на 16310 р., продано 14010 р.), ковры издѣлія Харьковской г. (привезено на 6970 р., продано на 3480 р.), лошади (привезено на 283230 р., продано на 269730 р., въ томъ числѣ ремонтныхъ привезено и продано на 191370 р.).

„Подводъ съ Крещенской ярмарки было отправлено не менѣе 60000 р., что кладя по 25 п. на подводу, составитъ 1500000 п. Мы можемъ смѣло принять оцѣнку пуда въ 15 р., ибо всѣ красные мануфактурные товары должны быть оцѣнены: бумажные не менѣе 30 р. за пудъ, а шелковые даже 500 р. с. пудъ“. Такимъ образомъ, получится сумма въ 22$^1/_2$% мил. р. Иностранные товары въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ выдѣлены въ особую группу, куда внесены—шелковыя и шерстяныя издѣлія (привезено на 296000 р., продано на 194100 р.), москательные и красильные (привезено на 550000 р., продано на 338640 р.), заграничныя вина (привезено на 176000 р. продано на 152100 р.), чай китайскій (привезено на 1930000 р., продано на 1540000 р.), кофе (привезено на 19300 р , продано на 14600 р.). Иностранцевъ на Харьковскихъ ярмаркахъ съ товарами не было: они только покупали сырыя произведенія, но не сами, а черезъ посредство коммиссіонеровъ.

[1]) Вотъ размѣры оборотовъ разныхъ категорій товаровъ по оффиціальнымъ даннымъ и параллельно, по изысканіямъ И. С. Аксакова:

Бумажныхъ товаровъ по вѣдомостямъ на	778200	р.,	а по изысканіямъ Аксакова на	1500000	р.
Шелковыхъ	132700	„	„	„	„	250000 „
Суконныхъ	115000	„	„	„	„	175000 „
Шерстяныхъ	194000	„	„	„	„	275000 „
Льняныхъ	72200	„	„	„	„	150000 „
Сахару	74000	„	„	„	„	206000 „
Чаю	41000	„	„	„	„	143000 „
Металлическихъ издѣлій	135500	„	„	„	„	500000 „
Меду	2350	„	„	„	„	127000 „
Бичевы	3300	„	„	„	„	100000 „
Хрусталя, стекла, посуды	44900	„	„	„	„	140000 „
Рыбы	4500	„	„	„	„	100000 „
Лошадей	26000	„	„	„	„	75000 „
Пушныхъ товаровъ	31000	„	„	„	„	100000 „
Табаку	13960	„	„	„	„	63200 „
Писчей бумаги	12500	„	„	„	„	96000 „
Золотыхъ и серебряныхъ вещей	5000	„	„	„	„	30000 „

Въ оффиціальной вѣдомости вовсе отсутствуютъ нѣкоторые товары, которыхъ по изслѣдованію И. С. Аксакова было продано на 431000 р., въ томъ числѣ одной шерсти на 322000 р. Всего привоза по разсчету И. С. Аксакова было въ 1854 г. на 12 мил.; а продажа на 8 мил. Значительно выше цифръ, представляемыхъ оффиціальными данными, были обороты этой ярмарки и въ предшествующее десятилѣтіе.

6 милл. [1]). Пріѣзжихъ на Покровскую ярмарку было до 10500 д., дохода городскому управленію она давала 1792 р. 51 к.

Троицкая ярмарка существовала издавна и служила, главнымъ образомъ, не для оптовой, а для розничной торговли. „По мѣрѣ введенія тонкорунnаго овцеводства въ Харьковской губ., стали вмѣстѣ съ простою шерстью появляться небольшія партіи шленской (силезская порода овецъ, которая потомъ почти вывелась) и испанской шерсти въ количествѣ не болѣе 1500 п. Начало этой торговли на Троицкой ярмаркѣ полагаютъ съ 1817 года (таково мнѣніе Харьковской акціонерной компаніи). До 1825 года она не обращала на себя особеннаго вниманія правительства... Но со времени измѣненія тарифныхъ постановленій о шерсти, при усиленіи требованія на нее за-границу и при распространеніи овцеводства почти по всей Харьковской, Полтавской и Новороссійской губ., значеніе Троицкаго торга быстро возросло. Троицкая ярмарка начиналась прежде въ Троицынъ день, но подвижность этого праздника представляла много неудобствъ для торговли, потому что онъ приходился иногда слишкомъ рано и шерсть не поспѣвала на ярмарку; кромѣ того начало ярмарки слишкомъ близко совпадало съ концомъ Вознесенской ярмарки въ Ромнѣ. Поэтому нѣсколько лѣтъ тому назадъ (писано въ 1858 г.), ярмаркѣ, съ сохраненіемъ названія Троицкой, назначенъ срокъ съ 1-го іюня до 15. Но этотъ срокъ оказывается слишкомъ раннимъ, ибо шерсть на вымытыхъ овцахъ не всегда успѣваетъ высохнуть, особенно при поздней и холодной веснѣ, а между тѣмъ её надо еще снять, разобрать, уложить и доставить на волахъ въ Харьковъ. Поэтому ярмарка никогда не начинается 1-го іюня, а всегда около 5-го или 6-го; въ полномъ же своемъ составѣ она бываетъ около 10-го или 12-го и въ нѣсколько дней кончается. Шерсть разбирается быстро, почти безъ остатка. Такъ какъ Троицкая ярмарка можетъ считаться исключительно шерстяною, почти безъ значенія для прочихъ предметовъ оптовой торговли и такъ какъ производители этого товара большею частью одни помѣщики, *паны*, какъ ихъ величаютъ въ Украйнѣ, то и Троицкая ярмарка называется *панскою*. Въ самомъ дѣлѣ, городъ въ это время представляетъ видъ очень оживленный; паны съѣзжаются отовсюду, чтобы продать свою шерсть (главный источникъ помѣщичьяго дохода въ южныхъ имѣніяхъ), получить за нее наличныя деньги и тутъ же истратить нѣкоторую, а иногда и большую часть денегъ на пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ, необходимыхъ въ хозяйскомъ и панскомъ быту. Поэтому для розничной распродажи и въ особенности для торговли магазиновъ съ галантерейными вещами ярмарка считается лучшимъ временемъ въ году. Торгъ шерстью происходилъ вдали отъ города за Московской заставой, на обширнѣйшей площади, часть которой, ближайшая къ городу, занимается конною ярмаркой. Въ сторонѣ отъ площади стоитъ зданіе акціонерной компаніи съ развѣвающимся флагомъ и красуются ея огромные каменные пакгаузы. Площадь не мощенная и въ дождливую погоду очень грязная. Сюда-то въ первыхъ дняхъ іюня со всѣхъ сторонъ приходятъ фуры, т. е. подводы, медленно влекомыя волами, нагруженныя большими мѣшками съ шерстью и сопровождаемыя лѣниво выступающими малороссійскими мужиками, съ пыльными и загорѣлыми лицами. Партія каждаго помѣщика становится отдѣльно; мѣшки съ шерстью или остаются тутъ же на фурахъ (въ такомъ случаѣ волы отпрягаются и пасутся въ нѣкоторомъ отдаленіи на лугу), или же

---

[1]) Вотъ сравнительныя цифры оффиціальныхъ вѣдомостей и И. С. Аксакова по разнымъ группамъ товаровъ:

Бумажныхъ по вѣдомостямъ на 544200 руб., по вычисленіямъ Аксакова на 1000000 руб.						
Шелковыхъ	„	154700	„	„	„	175000 „
Суконныхъ	„	77000	„	„	„	100000 „
Шерстяныхъ	„	199000	„	„	„	225000 „
Льняныхъ	„	60500	„	„	„	110000 „
Пушныхъ	„	15000	„	„	„	75000 „
Золотыхъ и серебр. вещей	„	15000	„	„	„	25000 „
Сахару	„	50000	„	„	„	90000 „
Стеклянной посуды	„	22750	„	„	„	100000 „
Воску	„	2000	„	„	„	56000 „
Меду	„	23086	„	„	„	48000 „
Сальныхъ свѣчей	„	2400	„	„	„	32620 „
Косметическихъ товаровъ .	„	10500	„	„	„	15000 „
Виноградныя вина	„	17500	„	„	„	53000 „

Кромѣ того вовсе не было показано: бакалейнаго товара на 150000 руб., шерсти на 55000 руб., сухихъ фруктовъ на 33750 р., крестьянскаго холста на 28000 р., мочалы на 11000 р.

складываются на землю, причемъ постилаются доски или бычачьи кожи. Большая часть мѣшковъ остается на фурахъ до самой продажи. Нельзя не упомянуть, что площадь представляетъ очень оригинальную картину съ горами бѣлыхъ большихъ мѣшковъ, покрывающихъ едва обозримое пространство площади, съ безчисленнымъ множествомъ фуръ, скученныхъ вмѣстѣ, съ цѣлымъ лѣсомъ поднятыхъ кверху оглобель, съ огромнымъ стадомъ воловъ, наконецъ, съ типическими группами малороссійскихъ возчиковъ, присланныхъ съ шерстью панскихъ людей въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ: всѣ они живутъ тутъ же на лугу подлѣ своихъ воловъ, тутъ же разводятъ огоньки, готовятъ себѣ пищу, курятъ свои коротенькія трубки, спятъ и ночуютъ какъ чумаки въ полѣ. Нерѣдко среди фуръ встрѣчаются старомодныя кареты, коляски и всякаго рода рыдваны: небогатые помѣщики, вмѣсто найма квартиръ, проводятъ ярмарочные дни на площади, благодаря лѣтней, теплой погодѣ. Хотя эта площадь, по пространству и по нѣкоторой отдаленности отъ города очень удобна для шерстяной торговли, но недостатокъ помостьевъ и навѣсовъ, которые бы предохраняли сложенную на землю шерсть отъ сырости и защищали бы отъ дождя, вредитъ торговлѣ и портитъ самое качество шерсти. Правда, хозяева партій обыкновенно спѣшатъ во время дождя прикрыть шерсть бычачьими невыдѣланными кожами, но онѣ не замѣняютъ сухихъ помѣщеній, да и не у всѣхъ имѣются. Многіе продавцы думаютъ даже, что сырость, увеличивая вѣсъ шерсти, даетъ возможность получить за нее бо́льшую сумму денегъ, но почти всегда ошибаются въ своихъ корыстныхъ разсчетахъ: покупатели очень осторожны, внимательно осматриваютъ шерсть и приняли за правило: въ случаѣ сырой погоды брать шерсть не по дѣйствительному ея вѣсу, а по фактурѣ, т. е. по накладной или по вѣсу, означенному краскою еще при набивкѣ шерсти дома на каждомъ мѣшкѣ. Впрочемъ, число пудовъ не всѣми выставляется на мѣшкахъ и въ такомъ случаѣ покупатель сбрасываетъ изъ вѣса шерсти нѣсколько процентовъ на сырость, часто въ убытокъ владѣльцу... Уже болѣе 15 лѣтъ количество привозимой шерсти превышаетъ 120000 пудовъ. Въ 1850 году было привезено 152056 п., въ 1851 г.—141903 п., въ 1852—141362, въ 1853—124559, въ 1854—149259, т. е. въ среднемъ за 5-лѣтіе по 141827⁴/₅ п. въ годъ. Оффиціальныя вѣдомости о шерстяныхъ ярмаркахъ довольно вѣрны и могутъ быть приняты за основаніе при сужденіи объ ярмарочной торговлѣ на площади, ибо всѣ партіи шерсти не записываются поименно. Но кромѣ означаемаго въ вѣдомостяхъ количества, продается много шерсти на мѣстахъ, въ имѣніяхъ, а нѣкоторые фабриканты и торговцы покупаютъ даже заранѣе у извѣстныхъ имъ помѣщиковъ овцеводовъ шерсть, еще не снятую съ овецъ и даютъ впередъ задатки, такъ что шерсть отвозится къ нимъ прямо съ мѣста. Харьковская Акціонерная компанія также принимаетъ на коммиссію отъ владѣльцевъ и прямо съ мѣста и съ Торговой площади значительное количество шерсти, которое за извѣстную плату хранится застрахованнымъ въ ея пакгаузахъ и распродается ею какъ въ теченіе всего года, въ Харьковѣ, въ Москвѣ, заграницею чрезъ коммиссіонеровъ, такъ и во время Троицкой ярмарки пріѣзжимъ покупателямъ. Это количество также не показывается въ вѣдомости... Также не показываются въ вѣдомостяхъ о Троицкой ярмаркѣ тѣ партіи мытой шерсти, которыя вымываются на частныхъ купеческихъ мойкахъ въ Харьковѣ и продаются во время же ярмарки, только не на площади, а въ моечныхъ заведеніяхъ или на дому въ сараяхъ у купцовъ. Нѣкоторые хозяева, которыхъ овчарни пользуются заслуженною извѣстностью, не присылая шерсти на площадь, доставляютъ только образцы, по которымъ заключаютъ торговыя сдѣлки съ ярмарочными покупателями: исчислить продающееся такимъ образомъ число пудовъ довольно затруднительно; между тѣмъ эти сдѣлки принадлежатъ къ кругу ярмарочной торговой дѣятельности. Впрочемъ, по общему предположенію, число пудовъ всей продаваемой на ярмаркѣ шерсти до 200 т. п. Изъ разныхъ видовъ шерсти постоянно наибольшее количество привозится перегонной; второе мѣсто за ней по числу пудовъ принадлежитъ грязной. На Троицкой ярмаркѣ перевѣсъ перегонной противъ грязной составляетъ обыкновенно количество отъ 20 до 30 тыс. пудовъ. Впрочемъ, привозъ перегона зависитъ отъ погоды: если весна ранняя и теплая, то перегону привозится больше; если холодная, то меньше, и тогда часть шерсти является не въ перегонномъ, а въ грязномъ видѣ... Всего менѣе бываетъ мытой... средній привозъ ея (въ началѣ 50-хъ годовъ)—2140 п.; средній привозъ обножекъ равнялся 3000 пуд. въ годъ... Мытая шерсть привозится на ярмарку преимущественно купцами; и это понятно: помѣщики, не имѣя собственныхъ моекъ и сортироваленъ, не всегда находятъ выгоднымъ отдавать шерсть въ мытье и продаютъ ее обыкновенно въ грязномъ или перегонномъ видѣ. Мытая шерсть поступала частью съ Харьковскихъ, а большею частью съ Бѣлгородскихъ моекъ (отъ бѣл-

городскихъ и обоянскихъ купцовъ)... Покупатели могутъ быть раздѣлены на 2 разряда; на фабрикантовъ и на торговцевъ, т. е. покупающихъ для перепродажи. Изъ послѣднихъ надобно отличать русскихъ и иностранныхъ. Впрочемъ, многіе русскіе, т. е. русскіе подданные или проживающіе въ Россіи покупаютъ шерсть по порученію иностранныхъ домовъ или же въ надеждѣ продать имъ шерсть съ выгодою для себя, такъ что трудно опредѣлить съ вѣрностью, какое количество именно куплено на ярмаркѣ за-границу. Изъ фабрикантовъ наибольшее количество шерсти закупали фабриканты Москвы или Московской губ.; послѣ нихъ—суконные фабриканты Черниговской губ. (извѣстно, что въ Черн. губ. и въ особенности въ старообрядческихъ поселеніяхъ Суражскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ находится много суконныхъ фабрикъ; въ посадѣ Клинцахъ ихъ вмѣстѣ съ чулочными болѣе 20), также Воронежской, Курской и нѣкоторыхъ Бѣлорусскихъ губерній. Кромѣ того многіе фабриканты Западнаго края пріобрѣтаютъ для себя на ярмаркахъ шерсть чрезъ посредство евреевъ. Вообще можно положить, что изъ доставленнаго на Троицкую ярмарку количества, половина покупается фабрикантами и половина торговцами, считая тутъ и иностранныхъ покупателей.

Троицкая ярмарка называлась панскою, потому что главные производители товара паны, помѣщики пріѣзжали въ Харьковъ, чтобы сбыть шерсть и, выручивъ деньги, закупить все нужное для хозяйства. Поэтому розничная мѣстная торговля въ особенности оживлялась въ это время. Оптовой торговли другими товарами и непроизводилось; но тѣ изъ ярмарочныхъ купцовъ, которые имѣли здѣсь постоянные склады или лавки, пользуясь льготнымъ временемъ, отпирали ихъ и производили торговлю по большей части въ раздробь. По оффиціальной вѣдомости, цѣнность привоза прочихъ товаровъ кромѣ шерсти не составляла и 50000 р. с. Троицкая ярмарка продолжалась съ 1-го по 20-е іюня; въ городской доходъ поступило 669 р. 75 к. Народу было около 7000 душъ".

Вотъ оффиціальныя свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ Троицкой ярмарки за 11 лѣтъ:

	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854
Привезено . . .	768986	808850	1335361	1449754	1122913	873356	1601364	1388360	1333510	1736168	1068170
Продано	754751	791580	1332701	1437394	1122913	864796	1594425	1377425	1326025	1708433	920470
Осталось	14835	14000	12660	12360	—	7560	6939	10936	7485	27735	147700

Въ среднемъ за десятилѣтіе (до 1854 года) стоимость ежегоднаго привоза равнялась 1241835 р. Обороты ярмарки въ это время усиливались. До 1853 года кромѣ шерсти на ярмаркѣ продавались только лошади, а съ этого года и другіе товары; но, какъ мы сказали, на ничтожную сумму. Въ 1854 году ихъ было привезено на 88000 р., а продано на 39860 р., а именно—модныхъ дамскихъ и мужскихъ готовыхъ вещей на 27600 р., фарфоровой посуды на 14000 р., желѣза и желѣзныхъ вещей на 23400 р., чаю на 23000 р.; лошадей было привезено на 56170 р. Основного товара—шпанской шерсти—было привезено на 924039 р., въ томъ числѣ перегонной 81630 пудовъ на 631419 р., грязной 62037 п. на 271266 р.; мытой 950 п. на 11400 р., обножковой 4542 п. на 8542 р., простой 686 п. на 1372 р.; продано перваго сорта на 556843 р., второго на 271266 р., третьяго на 11400, четвертаго на 6039 р., пятаго на 1372 р.

Среднія цѣны на шерсть были таковы:

Въ 1850 г.—	мытая—	18 р.	3 к.,	перегонная—	13 р.	35 к.,	грязная—	5 р.	83 к.
„ 1851 „	„	19 „	38 „	„	11 „	50 „	„	6 „	22 „
„ 1852 „	„	20 „	— „	„	11 „	9 „	„	6 „	80 „
„ 1853 „	„	14 „	— „	„	15 „	50 „	„	8 „	— „
„ 1854 „	„	12 „	— „	„	8 „	50 „	„	4 „	70 „

Паденіе цѣнъ въ 1854 г. объясняется отсутствіемъ требованія на шерсть изъ за-границы.

Нѣкоторыя свѣдѣнія бытоваго характера о харьковскихъ ярмаркахъ первой половины XIX в. находимъ мы въ воспоминаніяхъ старожиловъ Ф. О. Рейнгарда и В. Пашкова. Рейнгардъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что ярмарки оживляли экономически городъ и способствовали его росту и благосостоянію. „Четыре ярмарки.—Троицкая, Покровская, Успенская и Крещенская уже тогда значительныя—говоритъ онъ, оживляли городъ и кромѣ производимыхъ громадныхъ оборотовъ, особенно въ Крещенской и

Успенской, при стеченіи массы пріѣзжихъ продавцовъ и покупщиковъ, не мало способствовали благосостоянію жителей и разростанію города. Да и ярмарки тогда замѣтнѣе были, чѣмъ теперь. Движеніе и суета повсемѣстныя. Кромѣ Карповскаго и Горяиновскаго оптовыхъ рядовъ, а также и въ Гостинномъ дворѣ, выстраивались балаганы, начиная отъ Николаевской церкви до Торговой площади, по ней и по Павловской площади и по берегу Лопани до Благовѣщенскаго моста.

Къ особенностямъ ярмарочной торговли того времени, говоритъ Рейнгардтъ, относится табачная, особенно турецкаго табаку, которою въ то время безъ акциза на нее, занимались греки. Въ Успенскую и Покровскую ярмарки, они, въ балаганахъ своихъ, въ началѣ Торговой площади занимались крошкою привезеннаго ими изъ Турціи табаку. Разсортированный по крѣпости и другимъ достоинствамъ табакъ, по выбору покупателя, тутъ же крошили и укладывали въ деревянныя продолговато-круглыя коробки, которыя продавались отъ 30 до 50 к. ас. за фунтъ. При низкой цѣнѣ и несомнѣнно хорошихъ качествахъ этого табаку, торговля имъ далеко не достигала размѣровъ, которые должно бы ожидать. Публика имѣла привычку къ такъ называемому Вагштафу, фабрикату изъ разныхъ другихъ сортовъ табаку—большею частью нашей отечественной махорки. Для составленія Вагштафа табачные листы отъ вымочки въ водѣ лишались дурного своего вкуса и запаха, заправлялись потомъ разными соусами (у каждаго фабриканта свой секретъ), состоящими изъ коры каскасзели и другихъ пряностей—черносливу или меду, стираксы или Перувіанскаго бальзама, Тамариндоваго фрукта и селитры. Высушенные и окрашенные такимъ образомъ листы поступали въ крошку. И къ этому отвратительному куреву, перешедшему къ намъ отъ голландцевъ, мы привыкли до того, что предпочитали его превосходному по аромату и вкусу натуральному турецкому табаку... Фосфорныя спички появились въ продажѣ въ Харьковѣ въ 1840 году, привезенныя изъ Вѣны.

Конная ярмарка на Троицкой была въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и даже до 50-хъ несравненно значительнѣе теперешней и едвали уступала знаменитымъ: Роменской, Вознесенской и Лебединской. Приводили на продажу лошадей лучшихъ конныхъ заводовъ, которыми въ тѣ времена изобиловала Южная Россія и на улучшеніе которыхъ помѣщики прилагали особенное стараніе. Большая часть коннозаводчиковъ—кавалеристы украинскаго военнаго поселенія, съ молодыхъ лѣтъ присмотрѣвшіеся къ лошадямъ, знатоки, любители, влагавшіе всю душу свою, чтобы выхолить любимыхъ животныхъ. Изъ числа такихъ любителей заводчиковъ окрестностей Харькова, доставлявшихъ лучшихъ лошадей на ярмарку, заводы которыхъ я посѣщалъ, говоритъ Рейнгардтъ, назову: Курской губ., Грайворонскаго уѣзда, слободы Головчиной, предводителя дворянства Ивана Осиповича Хорватъ и Бѣлгородскаго уѣзда (той же губерніи), слободы Головиной, Алексѣя Андреевича Черноглазова, Роменскаго уѣзда (Полт. губ.) Василія Степановича Жуковскаго, предводителя дворянства Корочанскаго уѣзда Николая Егоровича Гангардта, кромѣ множества другихъ, съ которыми я лично не былъ знакомъ.

На Харьковскую конную ярмарку стекались отовсюду ремонтеры, не только русскіе, но и австрійскіе, прусскіе. Изъ числа тогдашнихъ ремонтеровъ особенно выдавался Григорьевъ, слывшій авторитетомъ по своей опытности и составившій себѣ хорошее состояніе лошадьми. Онъ былъ ремонтеромъ поселеннаго Украинскаго корпуса. Одновременно съ конною тогда процвѣтала и шерстяная ярмарка, на которую привозилось уже много шерсти недавно разведенныхъ Испанскихъ овецъ, но, конечно, далеко не до предѣловъ позднѣйшаго времени. Больше привозилось шерсти простыхъ овецъ и кожъ. Также и рогатаго скота и овецъ пригонялось не мало. Изъ всѣхъ четырехъ ярмарокъ Троицкая была самая оживленная. Помѣщики, продавши шерсть, особенно степные,—теперь при деньгахъ и малую толику ихъ оставляютъ въ Харьковѣ, дѣлая нужные для дома запасы. Покровская ярмарка, хотя выгодная для города, менѣе посѣщалась помѣщиками: она болѣе снабжала товарами ближайшихъ отъ Харькова торговцевъ. Особенностью ея являлась продажа привозимыхъ въ 40 ведерныхъ бочкахъ соленыхъ сливъ изъ Опошни, грибовъ и другихъ соленій и маринованій, какъ-то: вишенъ, нѣжинскихъ огурцовъ и т. п. Тутъ являлся и виноградъ, крымскія яблоки и груши, привозимыя татарами въ арбахъ, запряженныхъ верблюдами, балаганы съ фруктами Курской губ.: яблоки—антоновка, титовка, зеленка—зимники, груши, дули. Чумаки привозили соленую рыбу съ Дону: тарань, сельгу, чехонь, сельдей крупныхъ астраханскихъ, крымскихъ и мелкихъ, иногда осетровую икру, продавая на Рыбномъ базарѣ съ воза.

Успенская и особенно Крещенская ярмарки (были) болѣе интересны для купечества. Преобладающими пріѣзжими продавцами являлись Москвичи, а покупателями купцы изъ дальнихъ преимущественно южныхъ мѣстъ—съ Крыма, Кавказа и другихъ. Тутъ совершались тѣ громадные обороты, которыми онѣ уже въ 20-хъ годахъ славились и на нихъ же преимущественно дѣлались купцами разсчеты".

О Крещенской ярмаркѣ въ 1859 году сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія В. Иткинъ. Оказывается, что на ней шла бойкая продажа шерсти; испанской овчины было въ привозѣ до 300 тыс. пудовъ и она была почти вся продана Московскимъ заводчикамъ; русской было продано столько-же; другіе предметы торговли—кожи, воскъ, медъ, сало, щетина, пухъ, мѣха (заячьи, лисьи, хорьковые, куньи), сахарный песокъ (10 тыс. пуд.), сахаръ рафинадъ (изъ заводовъ Бобринскаго, Яхненка, Браницкаго, Потоцкаго, Сангушки, Ребиндера, Голицына, Грудина, гр. Шувалова, Бродскаго [1]). Конная ярмарка продолжалась съ 1-го дек. по 12-е янв.—лошадей было продано на 36640 р. *Красная* ярмарка продолжалась съ 6-го по 25-е янв. Суконъ и т. п. было продано на 641000 р., бумажныхъ товаровъ на 2165200 р., шелковыхъ на 614 тыс., парчи на 95 тыс., золотыхъ, сер. вещей на 294300 р. кожъ на 600 тыс., игольныхъ товаровъ, желѣза и т. п. на 534 тыс., игрушекъ, сундуковъ на 78 тыс., мѣховъ на 433100, стеклянной посуды, сахару, вина, табаку и пр.—на 1015500 р., бумажныхъ на 113 тыс., кофе, чаю, москательныхъ товаровъ и пр. на 790 тыс., воску, сальныхъ свѣчей, щетины, пуху на 182700 р., крестьянскихъ вещей на 13700 р., иностранныхъ товаровъ на 733 тыс., всего продано на 8339140 р. сер. (привезено на 15576470 р.) [2]).

Расширенію торговли способствовало, между прочимъ, увеличеніе кредита. Обстоятельствами, задерживающими развитіе торговли, были недостатокъ хорошихъ путей сообщенія, кредита, компаній, торговой биржи, банковъ, коммерческихъ знаній, раздѣлы купеческихъ семействъ, переходъ въ дворянство [3]).

Послѣ 1854 года точныхъ данныхъ о ярмарочныхъ оборотахъ г. Харькова опубликовано не было. „По Данилевскій высказываетъ положительное убѣжденіе, что къ концу 50-хъ годовъ оборотъ харьковскихъ ярмарокъ значительно увеличился, а съ начала 60-хъ годовъ сталъ падать. По свѣдѣніямъ члена Харьк. уѣздной земской управы г. Корнѣенка, добытымъ частью отъ ярмарочнаго комитета, частью отъ торговцевъ, оказывается, что въ 1865 году въ Троицкую ярмарку было привезено товаровъ на 2002630 р., продано на 14595505 р., въ Успенскую ярмарку привезено на 4373200 р. и продано на 3926300 р., въ Крещенскую привезено на 16335840 р. и продано на 9980924 р. На три ярмарки было привезено товаровъ на 22711670 р. и продано на 14475010 р. Свѣдѣній объ оборотахъ Покровской ярмарки не было добыто. Но если положить размѣръ ея привоза въ 3357000 р , а продажи въ 1405000 р. (это будетъ средняя цифра прежняго времени), то общій оборотъ всѣхъ четырехъ ярмарокъ выразится въ 26067670 р. по привозу и въ 15780010 р. по продажѣ. За 11 лѣтъ (съ 1854 года) привозъ б. м. увеличился на 1667670 р., продажа на 1670000 р., т. е. очень н. незначительно, особенно по сравненію съ періодомъ времени съ 1820 по 1837 годъ [4]).

О ярмарочной торговлѣ въ четвертой четверти XIX в. даютъ понятіе нижеслѣдующія статистическія данныя.

Обороты *Крещенской* ярмарки въ 1877 г. были таковы.

Всего привезено было товаровъ на 24854300 руб., продано 16726520 р., осталось на 8127780 руб. Въ 1879 г. привезено было на эту ярмарку товаровъ на 31859242 р., продано на 22991857 р., осталось на 8867385 р. Въ эту цифру входитъ приблизительный оборотъ такими предметами, которые не могли быть точно зарегистрированы, рогатый скотъ, деревянныя издѣлія, рыбный, фруктовый товаръ, котораго было привезено на 1800000 р., продано на 1 милл. и осталось на 800 тыс. р. [5]).

---

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1859, № 6.
[2]) Тоже. 1859 г., № 25.
[3]) Тоже. 1859 г., № 25.
[4]) Тамъ же. 1866, № 14.
[5]) Харьк. кал. на 1878 г., стр. 285—292 и на 1880 г, стр. 148—156.
Обороты *Крещенской* ярмарки въ 1877 году были таковы:
Шерсти мытой привезено около 40 тыс. пудовъ на 1 мил. продано (для Москвы и Австріи) на 252500 р., перегонной шерсти 9500 п. на 142500 р., продано на 39000 р., грязной шерсти привезено 22000 п. на 165 тыс., продано на 90 тыс.,

Обороты Покровской ярмарки въ 1878 г. были таковы: привезено товаровъ на 17736045 руб., продано на 13004295 р., осталось на 4734450 руб. [1]).

русака 125000 штукъ на 31875 р., продано на 19120 р., хоря 18 тыс. штукъ на 16500 р., проданъ весь, лисицы красной 5500 штукъ по 3 р. на 16500 и вся продана, куницы 1000 штукъ на 7750 р. и вся продана, мягкихъ мѣховъ изъ окрестностей 500 штукъ на 2875 р. и всѣ проданы, щетины изъ Рашевки и другихъ мѣстъ привезено на 184000 р. и вся продана (для Калуги, Москвы, Черниговской губ. и заграницы), конскаго волоса 800 пуд. на 6000 р. и продано на 1700 р., гусинаго пера 6600 пудовъ на 40800 р. и все продано (въ Москву, Петербургъ, и заграницу), пуха гусинаго 2500 пуд. на 48400 р. и продано все, майки (шпанской мухи) привезено 200 п. на 8000 р. и продано на 1200 р., овчинъ шпанскихъ рѣзныхъ привезено на 330000 р. проданы всѣ, овчинъ русскихъ до 200 тыс. штукъ на 180000 р. и проданы всѣ, овчинъ налыхъ вислыхъ и шпанскаго молодника на 92450 р. и проданы всѣ, кожъ сырыхъ 29 тыс. штукъ на 164250 р. проданы всѣ, выдѣланной кожи и сафьяна на 750 тыс. руб. и продано на 425 тыс., обуви (Московской, Кимрской Тверской губ.) на 460 тыс., продано на 260 тыс., резиновыхъ галошъ на 80 тыс., продано на 45 тыс., шорныхъ товаровъ и конскихъ уборовъ на 125 тыс., продано 225 тыс., воска 1500 п. на 29750 р. и проданъ весь, меда 5 тыс. пуд., на 25 тыс. продано 3 тыс. и на 15 тыс. восковыхъ свѣчей 2500 п на 66250 р. и проданы всѣ, сала баранаго и говяжьяго 15 тыс. пудовъ на 64500 п. и продано все, сала свинаго 5 тыс. п. на 25 тыс. р. и продано все, сальныхъ свѣчей 20 тыс. пуд. на 103 тыс. руб. и продано 12 тыс. пуд. на 61800 р., подсолнечнаго масла 10 тыс. пуд. на 60 тыс. руб и продано все, коноплянаго масла 20 тыс. пуд. на 80 тыс. р. и продано все, деревяннаго масла 5 тыс. пуд. на 48750 р. и продано все, простаго мыла 10 тыс. пуд. на 33500 р. и продано 7 тыс. пуд. на 23450 р., керосина 20 тыс. пуд. на 70 тыс. р. и продано 15 тыс. на 52500 р., мучныхъ товаровъ на 242800 р. и продано на 85500 р., чернослива и сушеныхъ вишень на 43125 р. и проданы всѣ, грябовъ 20 тыс. пуд. на 253200 р. и продано на 189900 р., чая кяхтинскаго и кантонскаго, въ цыбикахъ и развѣсного на 650 тыс. и продано на 400 тыс. руб., сахара рафинада 150 тыс. пуд. на 825 тыс., продано 75 тыс. на 412500 р., сахарнаго песку продано 5 тыс. пуд. на 22 т. р., кондитерскихъ и пряничныхъ товаровъ—Харьковскаго издѣлія на 375 тыс. руб. продано на 200 тыс., Московскаго на 200 тыс., продано на 120 тыс., косметическихъ товаровъ (помадъ, духовъ) на 60 тыс., продано на 45 тыс. руб., колоніальныхъ товаровъ (бакалейныхъ и москательныхъ изъ Москвы, Одессы и заграницы) на 1350000 р., продано на 800 тыс. руб., бумаги писчей и почтовой, оберточной, папиросной, картонной, конторскихъ и рисовальныхъ принадлежностей, обоевъ, клеенки, на 450 т. р., продано на 221 тыс. руб., книгъ печатныхъ на 22 тыс., продано на 16 тыс. руб., картинъ на 8 тыс., продано на 2200 руб., холщевыхъ товаровъ на 89600 руб., продано на 80600 руб., бичевнаго товара 16 тыс. пуд. на 49200 р., продано на 31900 р., мочальнаго товара на 50 тыс., продано на 30 тыс. р., посуды на 160 тыс. руб, продано на 70 тыс. руб., разныхъ винъ (заграничныхъ и русскихъ) на 175 тыс., продано на 85 тыс., русскихъ мануфактурныхъ издѣлій на 15500000 р., продано на 6500000 руб, заграничныхъ мануфактурныхъ издѣлій на 1200000 руб, продано на 700 тыс. руб., ковровъ, чулокъ, кушаковъ на 25 тыс., продано на 20 тыс., суконныхъ товаровъ на 3047500 р., продано на 1747500 р., готоваго платья, шляпъ и картузовъ на 70 тыс. руб., продано на 18 тыс. руб., пушнаго выдѣлаинаго товара продано на 175 тыс. руб.; золотыхъ, серебряныхъ издѣлій, офицерскихъ вещей на 350 тыс. руб., продано на 165 тыс. руб., галантерейныхъ и игольныхъ товаровъ русскаго издѣлія на 1½ мил., продано на 550 тыс. руб., ихъ же заграничнаго издѣлія въ еврейскомъ ряду на 350 тыс., продано на 105 тыс., бѣлилъ 3500 пуд. на 16625 р., продано 1000 пуд на 4750 р., политуры и лака 1200 пуд. на 19800 р., продано на 13200 р., спичекъ на 60 тыс. руб., продано на 35 тыс. руб., табаку (малороссійскаго, жилокъ и нюхательнаго, курительнаго крошеного, бессарабскаго и крымскаго въ листахъ) на 174300 руб., проданъ весь, желѣза и издѣлій изъ него на 1425000 руб., продано на 555 тыс. руб., чугунныхъ издѣлій на 30 тыс. руб., продано на 9 тыс. руб., мѣди и издѣлій изъ нея на 285 тыс. руб., продано на 130 тыс., заграничныхъ столярныхъ инструментовъ на 42 тыс. руб., продано на 15 тыс. руб., сундуковъ на 7 тыс. руб., продано на 5 тыс. руб.

[1]) Обороты *Покровской* ярмарки въ 1878 году были таковы: шерсти мытой привезено и продано 17300 пуд. на 559800 руб., овчины на 880 тыс. руб., кожъ привезено на 342 тыс. руб., продано на 317 тыс. руб., обуви привезено на 435 тыс. руб., продано на 285 тыс. руб., теплыхъ рукавицъ, валеныхъ сапоговъ привезено на 60 тыс. руб., продано на 40 тыс. руб., шорнаго товара привезено на 56 тыс. руб., продано на 25 тыс. руб., сала привезено на 144480 руб., продано на 140480 руб., мыла на 25300 руб., сальныхъ свѣчей на 10625 руб., воска и восковыхъ свѣчей привезено на 161200 руб., продано на 100700 руб., масла подсолнечнаго на 78 тыс. руб., масла коноплянаго на 36750 руб., поташа привезено на 13800 руб., продано на 10350 руб., аниса на 19500 руб., роговыхъ кончиковъ на 2400 руб., пушныхъ товаровъ и тулуповъ привезено на 573 тыс. руб., продано на 213500 руб., пера и пуху привезено и продано на 17500 руб., шпанской мухи на 7 тыс. руб., мучного товара на 400300 руб. холщевыхъ товаровъ, мѣшковъ, брезентовъ привезено на 248750 руб., продано на 218750 руб., меда на 50 тыс. руб., бичевы на 48 тыс. руб., парусной нити на 21 тыс. руб., мочальныхъ товаровъ привезено на 13 тыс. руб., продано на 7200 руб., ковровъ, кушаковъ и чулковъ привезено на 16800 руб., продано на 14 тыс. руб., табаку на 184 тыс. руб., спичекъ на 28 тыс. руб., керосина на 144 тыс. руб., бумаги привезено на 250400 руб., продано на 26 тыс. руб., обоевъ и гардинъ привезено на 13500 руб., продано на 11500 руб., косметическихъ и парфюмерныхъ товаровъ привезено на 70 тыс., продано на 55 тыс., бакалейныхъ, москательныхъ и колоніальныхъ привезено на 1 мил. 200 тыс. руб., продано на 985800 руб., сахару на 452340 руб., чая привезено на 45 тыс. руб., продано на 35 тыс. руб. конфектовъ и пряниковъ харьковскаго и московскаго издѣлія привезено на 695 тыс. руб., продано на 495 тыс. руб., металловъ и металическихъ издѣлій привезено на 373 тыс. руб., продано на 159500 руб., русскихъ мануфактурныхъ товаровъ (шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и т. п.) привезено на 3 мил. 700 тыс.

Обороты *Успенской ярмарки* въ 1878 году были таковы: привезено товаровъ на 8412450 р., продано на 5887250 р., осталось на 2525200 р. [1]).

Троицкая ярмарка въ 1879 году имѣла слѣдующіе обороты: привезено товаровъ на 8417120 руб., продано на 6235795 р., осталось на 2181325 руб. [2]).

руб., продано на 2 мил. 800 тыс. руб., заграничныхъ мануфактурныхъ издѣлій привезено на 3 мил. 400 тыс., продано на 2 мил. 300 тыс. руб., суконныхъ товаровъ изъ Москвы, Бѣлостока и Клинцовъ привезено на 1690500 р., продано на 1250000 руб., галантерейныхъ и игольныхъ товаровъ русскаго издѣлія привезено на 750 тыс. руб., продано на 325 тыс. руб., тѣхъ же товаровъ русскаго издѣлія привезено на 190500 руб., продано на 70 тыс. руб., золотыхъ, серебряныхъ и бриліантовыхъ вещей привезено на 120 тыс., продано на 55 тыс. руб., издѣлій изъ польскаго серебра привезено на 15 тыс., продано на 10 тыс. руб., посуды привезено на 150 тыс. руб., продано на 65 тыс. руб., готоваго платья привезено на 45 тыс. руб., продано на 22 тыс. руб. (Харьк. кал. на 1880 годъ, стр. 142—146).

[1]) Харьк. кал. на 1880 годъ, стр. 135—138.

Шерсти привезено было мытой 6200 п. на 217 тыс. и вся продана была польскимъ фабрикантамъ; грязной 15 т. пуд. на 150 тыс. р. и продано 5 тыс. пуд. на 50 тыс. р. на здѣшнія мойки; овчинъ палыхъ на 101200 р., а продано на 84500 р., овчинъ рѣзныхъ будущей рѣзки запродано на 360 тыс. р., кожъ на 145 тыс. р., продано на 125500 р.; сала привезено и продано на 53500 р., масла подсолнечнаго 6 тыс. пуд. на 35100 р., масла коноплянаго 5 тыс. п. на 23 тыс. р.; мыла простого привезено на 19200 р., продано на 17400 р., сальныхъ свѣчей на 12800; восковыхъ свѣчей на 10 тыс. р., пера и пуху на 14750 р. меда привезено на 24 тыс., продано на 20 тыс., холста, мѣшковъ, брезентовъ привезено на 127500 р., продано на 87500 р., мучныхъ товаровъ привезено на 268 тыс. р., продано на 253 тыс. р., сахару (рафинаду и песку) привезено на 216 тыс. р., продано на 202200 р., чаю привезено на 190 тыс. р., продано на 175500 р., бакалейныхъ, колоніальныхъ и москательныхъ товаровъ привезено на 800 тыс. р., продано на 785 тыс. р., металловъ и металлическихъ издѣлій привезено на 202 тыс. р., продано на 132900 р., шпанской мухи на 3900 р., пушныхъ товаровъ (въ сыромъ видѣ, мѣховъ и тулуповъ) привезено на 698 тыс. р., продано на 436800 р., обуви (въ томъ числѣ и резиновыхъ галошъ) привезено на 230 тыс. р., продано на 153 тыс. р., шорныхъ товаровъ привезено на 30 тыс. р., продано на 12900 р., бичевы на 30 тыс. р., мочалы привезено на 8500 р., продано на 5 тыс. р., нитокъ на 14 тыс. р., табаку (махорки, жилокъ, нюхательнаго и турецкаго) на 140 тыс. р., спичекъ на 17500 р., обоевъ и гардинъ на 8 тыс., ковровъ привезено на 10 тыс., продано на 8 тыс. р., бумаги привезено на 111 тыс. руб., продано на 51 тыс. руб., косметическихъ и парфюмерныхъ товаровъ привезено на 45 тыс. руб., продано на 26 тыс. р., галантерейныхъ, игольныхъ и золотокружевныхъ товаровъ, а также дѣтскихъ игрушекъ привезено на 550 тыс. р., продано на 200 тыс. р., золотыхъ, серебряныхъ и бриліантовыхъ вещей на 50 тыс. р., издѣлій изъ польскаго серебра на 9500 р., посуды (фарфоровой, фаянсовой и стеклянной) и стекла привезено на 75 тыс. р., продано на 49 тыс. р., мануфактурныхъ товаровъ (изъ Москвы, Бѣлостока, Клинцовъ и Лодзи) привезено на 85 тыс. р., продано на 65 тыс. р., шелковыхъ, льняныхъ и пеньковыхъ товаровъ русскаго издѣлія привезено на 2 мил. 900 тыс. р., продано на 1 мил. 800 тыс. р., заграничныхъ мануфактурныхъ товаровъ привезено на 400 тыс. р., продано на 130 тыс. р., готоваго платья привезено на 28 тыс. р., продано на 18 тыс. руб.

[2]) Была по прежнему преимущественно шерстяной. Шерсти привезено было на 3139000 р., продано на 2937225 р., овчинъ привезено на 460400 р., продано на 450950 р., кожи привезено на 92790 р., продано на 47790 р., щетины на 8900 р., пера и пуху на 5400 р., мыла привезено на 122 тыс. р., продано на 42800 р., сала свѣчного запродано на 47 тыс. р., масла деревяннаго привезено на 100 тыс. р., продано на 50 тыс. р., масла коноплянаго и подсолнечнаго привезено на 106 тыс. р., продано на 81 тыс. р., чаю привезено на 120 тыс., продано на 36 тыс. р., сахару на 268600 р., мучныхъ товаровъ привезено на 315 тыс. р., продано на 132870 р., меда на 2025 р., бакалейныхъ, москательныхъ и колоніальныхъ товаровъ привезено на 850 тыс. р., продано на 320 тыс. р., кондитерскихъ и пряничныхъ товаровъ привезено на 60 тыс. р., продано на 30 т. р., сальныхъ свѣчей на 12400 р., крахмала привезено на 47500 р., продано на 28500 р., бѣлилъ привезено на 8640 р., продано на 5400 р., синьки привезено на 19365 р., продано на 15500 р., лаку привезено на 13 тыс. р., продано на 5200 р., бумаги привезено на 174500 р., продано на 83 тыс. р., бичевы привезено на 93300 р., продано на 62200 р., парусной пяти привезено на 19500, продано на 10400 р., рогожъ, цыновокъ, кулей привезено на 46500 р., продано на 28810 р., соли Славянской доставлено изъ здѣшнихъ складовъ на 46200 р., продано на 6600 р., обуви привезено на 80 тыс. р., продано на 55 тыс. р., холста, полотна, рядовины, брезентовъ, мѣшковъ привезено на 218510 р., продано на 118525 р., мануфактурныхъ товаровъ русскаго издѣлія привезено на 600 тыс. р., продано на 400 тыс. р., заграничныхъ привезено на 200 тыс. р., продано на 100 тыс. р., галантерейныхъ русскихъ товаровъ привезено на 240 тыс. р., продано на 90 тыс. р., заграничныхъ привезено на 80 тыс. р., продано на 45 тыс. р., суконъ изъ Москвы, Петербурга, Бѣлостока, Клинцовъ, Лодзи и частью заграницы привезено на 280 т. р., продано на 150 тыс. р., обоевъ и гардинъ привезено на 8 тыс. р., продано на 5200 р., разныхъ земледѣльческихъ фабричныхъ и ручныхъ машинъ привезено и продано на 500 тыс. р., спирта на 32500 р.

На Троицкой преимущественно шерстяной ярмаркѣ, торговля другими товарами, въ особенности мануфактурными, играла второстепенную роль; оптовыхъ покупателей мануфактуры почти не бывало (Харьк. кал. на 1880 годъ, стр. 157—163).

Въ 1893 и 1894 г.г. обороты на Харьковскихъ ярмаркахъ, по даннымъ сообщеннымъ Биржевому Комитету торговыми фирмами и полученнымъ имъ путемъ опроса торговцевъ, опредѣлились суммою въ 50 милл.

Въ 1893 году *Крещенская* ярмарка оказалась неудовлетворительной и по сбыту, и въ денежномъ отношеніи. Главною причиною этого явился неудовлетворительный урожай 1892 года, отразившійся на уменьшеніи спроса на крестьянскіе сорта мануфактурныхъ товаровъ; оказало вліяніе и запрещеніе крестьянскихъ ярмарокъ вслѣдствіе эпизоотіи и т. п. Тонкими суконными и бумажными товарами торговали удовлетворительно, такъ какъ указанныя причины мало коснулись городовъ. Имѣлось товаровъ въ запасѣ на ярмаркѣ на 11495000 р., подвезено на 10170000 р., а продано на 7920500 р. [1]).

Въ 1894 году Крещенская ярмарка была удовлетворительнѣе прошлогодней. Особенно бойко торговали мануфактурныя фирмы ситцами и полотнами, значительная часть коихъ отправлена была на югъ для перепродажи, шерстяными товарами торговали удовлетворительно, а суконными и шелковыми—неважно (продавались главнымъ образомъ тонкія сукна). Срочныхъ платежей поступало отъ 60 до 95%. Запасовъ на ярмаркѣ было на 9194500 р., поступило на 8261856 р., продано на 13917000 р., т. е. гораздо больше, чѣмъ въ 1893 году [2]).

По сравненію съ 1893 годомъ мы видимъ три новыя группы товаровъ—спиртъ, водки, наливки и гастрономическіе товары. Вѣроятно, они фигурировали и въ 1893 году, но въ малыхъ цифрахъ.

Покровская ярмарка въ 1893 году прошла съ нѣкоторыми товарами неудовлетворительно вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. На ярмаркѣ было товаровъ на 9 милл., поступило на 7350000 и продано на 8 милл. [3]).

---

[1]) Фабричныхъ издѣлій и пр. товаровъ было на 11360000 р., поступило на 8680000 р., продано на 7070500 р., сырья было на 75000 р., поступило на 1320000 р., продано на 700000 р., кустарныхъ издѣлій было на 60000 р., поступило на 170000 р., продано на 150000 р. Продано было: мануфактурныхъ товаровъ (148 фирмами) на 4 мил., кожи и обуви (60 фирм.) на 900000 р., шерсти (14) на 350000 р., чернаго товара (18) на 300000 р., галантереи (15) на 260000 р., чаю (19) на 250000 р., желѣзныхъ издѣлій (10) на 240000 р., стекла и посуды (16) на 210000, бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ (10) на 200000 р., табаку (12) на 200000 р., пушнаго и шубнаго товара (16) на 180000 р., овчины (30) на 180000 р., кожъ сырыхъ (40) на 170000 р., сахару (5) на 15000 р., кустарныхъ издѣлій (6) на 150000 р., скобяныхъ издѣлій (14) на 140000 р., виноградныхъ винъ (10) на 40000 р. Шерсти (испанской руниой мытой) оставалось 2000 п., поступило 30200 п., продано 12200 п., грязной было 1700 п., поступило 20000 п., продано 3200 п. Почти вся грязная шерсть поступила на мойки. Цѣны на шерсть были таковы: мытая отъ 25 до 31 р. за пудъ, грязная по 7 р. 50 к. за пудъ. Слѣдовательно, шерсти было продано болѣе чѣмъ на 330000 р.

[2]) Фабричныхъ издѣлій и прочихъ товаровъ было на 7832500 р., поступило на 7509000 р., продано на 12607000 р., сырья имѣлось на 1280000 р., поступило на 642856 р., продано на 1135000 р., кустарныхъ издѣлій было на 82000 р., поступило на 130000 р., продано на 175000 р. Продано было: мануфактурнаго товара (148 фирмами) на 7500000 р., кожи и обуви (64) на 780000 р., шерсти (12) на 490000 р., стекла и посуды (6) на 475000 р., галантереи (15) на 470000 р., чернаго товара (20) на 430000 р., овчины (30) на 335000 р., кожъ сырыхъ (40) на 310000 р., чаю (19) на 300000 р., желѣзныхъ издѣлій (10) на 298000 р., скобянаго товара (14) на 279000 р., бакалейныхъ и москательныхъ (10) на 260000 р., спирта (4) на 250000 р., винъ виноградныхъ (10) на 200000 р., пушнаго и шубнаго товара (12) на 190000 р., сахару (5) на 180000 р., табаку (12) на 180000 р., кустарныхъ издѣлій (8) на 175000 р., водокъ и наливокъ и т. д. (10) на 125000 р., гастрономическихъ товаровъ (6) на 80000 р. Шерсти оставалось—испанской руниой мытой 39962 п., поступило 3852 п., продано 16000 п., обора паровой мойки оставалось 5368 п., продано 2668 п., грязной оставалось 12000 п. Цѣны на шерсть были ниже прошлогоднихъ на 2½ р. Слѣдовательно, шерсти было продано болѣе чѣмъ на 400000 р. Овчина и сырыя кожи были проданы всѣ и вслѣдствіе недостатка по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ въ предыдущемъ году.

[3]) Фабричныхъ издѣлій и проч. товаровъ имѣлось на 8130000 р., поступило на 5658000 р., продано на 6720000 р., сырья было на 800000 р., поступило на 1½ мил., продано на 1100000 р., кустарныхъ издѣлій было на 70000 р., поступило на 192000 р., продано на 180000 р. Продано было: мануфактурныхъ товаровъ (148 фирмами) на 4764500, кожи и обуви (64) на 680000 р., черныхъ товаровъ (20) на 280000 р., чаю (19) на 270000 р., кожъ сырыхъ (40) на 250000 р., овчинъ (30) на 240000 р., табаку (12) на 210000 р., бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ (10) на 190000 р., кустарныхъ издѣлій (8) на 180000 р., пушнаго и шубнаго товара (16) на 160000 р., желѣзныхъ издѣлій (10) на 150000 р., сахару (5) на 148000 р. шерсти (12) на 130500 р., стекла и посуды (6) на 120000 р., винъ виноградныхъ (10) на 112000 р., галантерейныхъ (15) на 110000 р., скобяныхъ (14) на 105000 р. Грязная шерсть поступила на Харьковскія и Бѣлгородскія мойки. Сала бараньяго было продано на 10000 р. мѣстнымъ заводчикамъ и въ Москву. Прасольнаго товара (щетины, гривы, пера, пуха) было продано на 21680 р. Товаръ этотъ поступилъ изъ разныхъ мѣстъ. Щетина пошла въ Бѣхостокъ, Броды и Еленку, волосъ въ Броды, а перо и пухъ въ Австрію. Кожами торговали хорошо, чаемъ тихо; торговля турецкимъ табакомъ сокращается и увеличивается продажа кавказскаго и крымскаго. Остались большіе запасы галантерейныхъ, бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ къ Крещенской ярмаркѣ. Торговля кустарными издѣліями начинаетъ играть видную роль Въ балаганахъ торговали иконами, игрушками, обувью и т. п.

Въ 1894 г. Покровская ярмарка прошла неудовлетворительно. Нѣкоторыхъ товаровъ продано было менѣе, чѣмъ въ прежнія ярмарки. Денежныя платежи поступали туго. Причина лежала въ сельскохозяйственномъ кризисѣ. Имѣлось запасовъ на ярмаркѣ на 10219000 р., поступило на 9025000 р., продано на 8318000 р. [1]).

Успенская ярмарка въ 1893 году по результатамъ оказалась похожей на прошлогоднія. Съѣздъ покупщиковъ былъ не великъ. На ярмарку поступило мануфактурныхъ товаровъ на 9 мил., изъ коихъ продано на 6 мил., въ томъ числѣ суконныхъ на 1800000 р., шерстяныхъ и бумажныхъ на 3700000 р., шелковыхъ на 150000 р. Шерсти продано—мытой 16000 п., грязной 20000 п., всего 36000 п.

Въ 1894 г. Успенская ярмарка также прошла вяло. Покупатели съѣзжались не дружно: причина—застой въ хлѣбной торговлѣ. Товаровъ на ярмарку поступило на 12620850 р., а продано было на 7073950 р. [2]).

На *Троицкой ярмаркѣ* въ 1893 году было основнаго товара ея испанской шерсти—245091 пуд. (преимущественно грязной), въ томъ числѣ въ складѣ Клеменова 115519 п., Харьковской Акціонерной Компаніи 65904 п., на мойкахъ 63668 п. Продано было шерсти 140081 п.; осталось 105010 п. вслѣдствіе поздней доставки ея на ярмарку. Оборотъ шерстью превысилъ 1200000 р. По сравненію съ предшествующимъ 1892 годомъ привезено шерсти менѣе на 57735 п. Шерсть была куплена въ Москву, Клинцы и Лодзь; а также мѣстными и Бѣлгородскими моечниками. Кромѣ шерсти на ярмарку поступила овчина, кожи. Спирту было продано частью на наличный, частью на будущій (1894 г.) разсчетъ $18^1/_2$ мил. градусовъ на сумму до 300000 р.

Въ 1894 году на Троицкой ярмаркѣ было 192691 п., изъ коихъ продано 156401 п.; т. е. привозъ уменьшился на 52400 п. Кромѣ шерсти на ярмаркѣ торговали овчиной, кожами. Мануфактурныхъ товаровъ поступило на 9 мил., а было продано на 4330000 р. Торговля на ярмаркѣ прошла неудовлетворительно главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія цѣнъ на хлѣбъ.

Не останавливаясь на оборотахъ ярмарокъ въ послѣдующіе годы, мы представимъ только данныя за 1904 г.—(послѣдній годъ изучаемой нами эпохи) и получимъ такимъ образомъ возможность судить о томъ, какія перемѣны произошли въ 10 лѣтній промежутокъ времени. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ Бир-

[1]) Фабричныхъ издѣлій и др. товаровъ оставалось на 9755000 р., поступило на 8335000 р., продано на 7747000 р., сырья оставалось на 414000 р., поступило на 550400 р., продано на 181600 р., кустарныхъ издѣлій было на 50000 р., поступило на 140000 р., продано на 90000 р. Въ ярмаркѣ участвовало до 439 фирмъ и продано было: мануфактурныхъ товаровъ (148 фирмами) на 5 мил., кожъ и обуви (64) на 480000 р., черныхъ товаровъ (20) на 450 т. р., шерсти (12) на 373600 р., сахара (5) на 219000 р., пушнаго и шубнаго товара (16) на 214000 р., табаку (12) на 190000 р., чаю (19) на 180000 р., желѣзныхъ издѣлій (10) на 150000 р., бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ (10) на 120000 р., скобянаго товара (14) на 116000 р., стекла и посуды (6) на 100000 р., вина (10) на 99000 р. кустарныхъ издѣлій (8) на 90000 р., галантерейныхъ (15) на 89000 р., овчины (30) на 76000 р., кожъ сырыхъ (40) на 42000 р. У 105 фабрикантовъ было товаровъ на 100 75000 р., а продано ими на 3500000 р., у 43 скупщиковъ имѣлось товаровъ на 1925000 р., а продано на 1500000 р. Скупщики получили товару изъ складовъ на 762000 р., изъ фабрикъ на 1163000 р. Суконныхъ товаровъ было продано на 10109950 р. (гл. обр. грубыхъ сортовъ); шерстяныхъ и бумажныхъ тканей на 3799050 р. и шелковыхъ на 190000 р. Выдѣланными кожами торговали хорошо, обувью плохо, иконами, прасольскимъ и кустарнымъ товаромъ не особенно бойко. Слабый ходъ торговли отразился и на числѣ балагановъ, ихъ было на площадяхъ только 7 (въ Крещенскую ярмарку 19, въ Троицкую 13 и въ Успенскую 9). Цѣны на вина страшно упали: въ Успенскую кавказскіе шли отъ 2 р. 50 к. до 8 р. за ведро, въ Покровскую отъ 2 р. до 2 р. 50 к., крымскія въ Успенскую отъ 2 р. 50 к. до 12 р., а въ Покровскую отъ 2 р. до 5 р. за ведро. Торговля черными товарами (маслами, медомъ, грибами, мыломъ) шла оживленно.

[2]) Въ томъ числѣ фабричныхъ издѣлій и пр. товаровъ поступило на 11323000 р., продано на 6306000 р., сырья поступило на 1183850 р., продано 729950 р., кустарныхъ издѣлій поступило на 118000 р., продано на 38000 р. Продано: мануфактурныхъ товаровъ на 4452000 р., шерсти на 443450 р., желѣзныхъ и скобяныхъ товаровъ на 32000 р., кожи и обуви на 299500 р., чаю на 214950 р., сахару на 1940000 р., бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ на 160000 р., черныхъ товаровъ на 120000 р., вина на 69000 р., овчины на 36000 р., 99 фабрикантами было продано товаровъ на 3500000 р., 43 скупщиками на 1042000 р. У скупщиковъ изъ складовъ было товаровъ на 1109000 р. изъ фабрикъ на 1400000. Суконныхъ товаровъ было продано на 1111000 р., причемъ продавались главнымъ образомъ грубые сорта, шерстяныхъ и бумажныхъ на 3112500 р., шелковыхъ на 288800 р. Шерсти продано было 21400 п. (почти исключительно испанской). Резиновыхъ галошъ было продано на 60000 руб.

жеваго комитета [1]) за послѣдніе годы не приводятся данныя о каждой ярмаркѣ въ отдѣльности, а имѣются только общіе итоги по всѣмъ четыремъ. Но мы въ дополненіе къ нимъ воспользуемся еще и свѣдѣніями Губ. стат. комитета и казенной палаты.

Главнѣйшими на ярмаркахъ товарами были мануфактурные, шерсть и сырье.

По группамъ товаровъ сдѣлки обозначились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Имѣлось	Продано
	Въ рубляхъ	
Мануфактурныхъ и другихъ товаровъ . .	42722750	27568300
Шерсти и сырья	8854393	5564478
Кустарныхъ издѣлій	166700	95730
	51793843	33228508

Обороты ярмарокъ выразились въ слѣдующемъ видѣ: (въ нисходящемъ порядкѣ проданныхъ товаровъ).

	Имѣлось:	Продано:
	Въ рубляхъ:	
1) Мануфактурныхъ	24738209	17652600
2) Шерсти	5808768	2492753
3) Чернаго	2011200	1430500
4) Выдѣланныхъ кожъ и обуви	2031300	1416000
5) Овчинъ	1212400	1212400
6) Кожъ сырыхъ	1201750	1201750
7) Бакалейнаго и москательнаго	1476650	955100
8) Сахара	1095400	880800
9) Желѣзнаго	1815800	784000
10) Чаю	980500	637700
11) Винъ	1138000	580600
12) Табаку	745000	505000
13) Пушнаго и шубнаго	1672500	491400
14) Стекляннаго и посуднаго	960700	332500
15) Галантерейныхъ	1047400	252200
16) Техническихъ принадлежностей . . .	730400	217700
17) Скобянаго	840900	237100
18) Щетины	154750	154750
19) Воска	149040	149040
20) Сала говяжьяго и бараньяго	120800	120800
21) Шкуръ звѣриныхъ	94360	94360
22) Пуха и пера	43000	43000
23) Конскаго волоса	30425	30425

Мануфактура. Относительно торговли мануфактурными товарами свѣдѣнія имѣлись отъ 152 фабрикантовъ и скупщиковъ.

[1]) Свѣдѣнія о ярмарочной торговлѣ собирались по безъименнымъ листкамъ, гарантировавшимъ отсутствіе фискальныхъ цѣлей и коммерческую тайну. Большинство показаній, по отзыву комитета, отличалось точностью; въ сомнительныхъ случаяхъ производилась провѣрка свѣдущими людьми.

Участіе каждой группы торговцевъ въ ярмарочныхъ оборотахъ опредѣлилось слѣдующими данными:

	Число фирмъ	Имѣлось	Продано
		Въ рубляхъ	
Фабрикантовъ	108	15585700	10844000
Скупщиковъ	44	9152500	6768600
		24738200	17652600

Торговцы-скупщики получали товары частью непосредственно изъ фабрикъ, а частью изъ мѣстныхъ оптовыхъ складовъ фабрикантовъ. Къ нимъ поступило:

	На сумму: Рублей:
Непосредственно изъ фабрикъ	5066000
Изъ мѣстныхъ складовъ	4086500
	9152500

Въ общемъ оборотѣ товары размѣщались по группамъ:

	Поступило	Продано
	Въ рубляхъ	
Шерстяныхъ и бумажныхъ	12926600	12521500
Суконныхъ	9235700	4065600
Шелковыхъ	2575900	1065500
	24738200	17652600

Преобладающее мѣсто въ торговлѣ занимали бумажные товары, обороты коихъ составляли $^2/_3$ ярмарочныхъ оборотовъ.

Участіе отдѣльныхъ рядовъ въ ярмаркахъ видно изъ слѣдующаго:

	Продано Въ рубляхъ:
Въ Суздальскомъ ряду	8010200
Въ Московскомъ, Сергіевскомъ и въ Тверской М-рѣ	5350100
Въ Соборно-Монастырскомъ	7292300
	17652600

Мануфактурныя издѣлія поступали въ Харьковъ изъ губерній: Петербургской, Владимірской, Калужской, Костромской, Рязанской, Московской, Тамбовской, Подольской и западнаго края. Сбывались въ Кіевскую, Каменецъ-Подольскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Донскую область, на Кавказъ, въ Харьковскую губернію и въ г. Харьковъ.

Шерсть. Сравнительно съ прежними годами привозъ шерсти на Харьковскія ярмарки уменьшился, но все же изъ сырыхъ товаровъ на ярмаркахъ шерсть занимала довольно видное мѣсто.

Состояніе шерстянаго рынка опредѣлилось:

Поступило:	Пудовъ:	На сумму рублей:
Мытой испанской рунной	112880	3885200
Обора	13140	149500
Подпара	9160	264690
Перегона	2500	32500
Грязной испанской рунной	123500	1476878
	260180	5808768

Продано:	Пудовъ:	На сумму рублей:
Мытой испанской рунной	31800	1002500
Обора	5620	107980
Подпара	4360	118790
Перегона	300	3000
Грязной испанской рунной	118500	1259583
	159860	2492753

Овчины въ теченіе ярмарокъ продано:

			На сумму рублей:
Испанской палой	410000	пуд.	262400
» рѣзной	25000	шт.	110000
Кавказской	550000	»	540000
Русской	200000	»	300000
			1212400

Овчина взята въ Москву и Клинцы.

Шкуръ звѣриныхъ:

	Штукъ
Заячьихъ	120000
Лисьихъ	10000
Хорьковыхъ бѣлыхъ	6000
» черныхъ	10000

Кожи сырыя. Въ привозѣ и у мѣстныхъ рѣзниковъ и скупщиковъ, было:

		Штукъ	На сумму рублей:
Бычьихъ	мѣстныхъ	14000	172000
	привозныхъ	10000	124000
Коровьихъ	мѣстныхъ	30000	260000
	привозныхъ	35000	280000
Опойка		40000	44000
Конскихъ		21000	96000
Мелкихъ		80000	225750
			1201750

Кожи покупали въ Уразово, Бѣлополье, Волчанскъ, Курскъ, западный край и заграницу.

Прасольскаго товара (конскаго волоса, щетины, пуха, пера) продано на 228175 руб.

Сала бараньяго и говяжьяго продано 28000 пудовъ.

Воска продано 5640 пудовъ.

Выдѣланными кожами и обувью обороты въ отдѣльности были слѣдующіе:

	Поступило:	Продано:
	На сумму рублей:	
Кожевеннаго товара	864500	560500
Обуви	1156800	955500

Въ томъ числѣ резиновыхъ галошъ поступило на 598100 руб., а было продано на 470700 рублей.

Кожи поступали: изъ Варшавы, Москвы, Болхова, Ельца и Курска; обувь изъ Петербурга, Риги, Варшавы, Кимвръ, Москвы, изъ-заграницы и мѣстныя. Продавали въ Полтавскую, Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую и Харьковскую губерніи.

Винъ продано: кавказскихъ на 199400 р.; крымскихъ на 228300 руб. и заграничныхъ на 152900 руб.

Разныхъ товаровъ какъ-то: иконъ, щепного товара, гармоній, игрушекъ, красокъ, бичевы, платья, ваты, чулочныхъ и другихъ товаровъ, имѣлось на 1606800 руб., а было продано 1148000 руб.

Общій оборотъ Крещенской 1904 года ярмарки оказался ниже оборота ярмарки 1903 года. Мануфактурными издѣліями торговали не оживленно. Сукна требовали всѣхъ сортовъ. Половину товара отпущено въ кредитъ. Сроковые платежи вносились отъ 30 до 75% на рубль. Троицкая и Успенская ярмарки также прошли тихо и обороты почти равнялись прошлогоднимъ. Платежи поступали въ размѣрѣ 25—65% на рубль. Въ Покровскую ярмарку оборотъ торговли мануфактурными товарами превысилъ оборотъ прошлогодней 1903 года ярмарки, отмѣчалось особенное требованіе издѣлій бумажныхъ среднихъ сортовъ. Сукна низшихъ грубыхъ сортовъ распродали почти всѣ. Въ теченіе всѣхъ ярмарокъ черными и крестьянскими товарами торговали очень оживленно.

Покупки шерсти прошли сдержанно. Объясняется это имѣвшимися запасами, а отчасти высокими цѣнами на шерсть. Въ остальныя ярмарки цѣны на шерсть постепенно понижались. Передъ Троицкой ярмаркой шерсть была куплена въ мѣстахъ стрижки, въ имѣніяхъ: графини Паниной, Левшина, Павловой, Струкова, Нарышкина, Кочубей и гофмейстера Алексѣева.

Конскій волосъ покупали въ Австрію. Щетины около 1000 пудовъ продано русскимъ фабрикантамъ, а остальное количество взято въ западный край.

Кожи и овчины распродавались быстро: опоекъ и мелкіе пошли заграницу, остальныя кожи взяты русскими фабрикантами. Овчина куплена въ Лодзь, Бѣлостокъ и мѣстными заводчиками, а часть высокаго качества отправлена заграницу.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ губ. стат. ком., обороты ярмарочной торговли г. Харькова въ 1904 г. были слѣдующіе.

Къ *Крещенской* ярмаркѣ имѣлось въ запасѣ разныхъ товаровъ на 7594400 руб., поступило на 10684648 руб., продано на 10291728 руб., всего было на 18279048 руб. [1]).

На *Успенскую* ярмарку поступило разныхъ товаровъ на 9604025 р., было продано на 6634587 р. 50 к., при этомъ:

Фабричныхъ издѣлій и другихъ продано на сумму 5975600 р., сырья на 354687 р. 50 к., кустарныхъ издѣлій на 14300 р.

---

[1]) Шерстяной рынокъ въ ярмарку имѣлъ слѣдующій видъ:

	Имѣлось.	Продано.
	Пудовъ.	
Испанской рунной мытой	17880	10080
Обора	1260	1260
Овчиннаго подпара	2500	2500
		Продано штукъ.
Испанской палой овчины		15000
„ рѣзной „		5000
Кавказской		400000
Русской		200000
Кожъ бычьихъ мѣстныхъ		10000
„ коровьихъ привозныхъ		10000
„ „ мѣстныхъ		20000
„ конскихъ		15000
„ мелкихъ разныхъ		40000
Шкуръ заячьихъ		120000
		Пудовъ.
Волоса: гривы		700
косицы		800
Щетины		3500
Пуха		1000
Пера		1500
Сала говяжьяго		7000
Воска		1040

На *Троицкой* ярмаркѣ было шерсти 120000 п. и продано 119300 п.

Шерсть куплена московскими, клинцовскими, петербургскими и ходынскими фабрикантами и частью спекулянтами.

Къ *Покровской* ярмаркѣ имѣлось въ запасѣ разныхъ товаровъ на 7459200 руб., поступило на 10914220 руб. и было продано на 11119692 р.[1]).

По свѣдѣніямъ казенной палаты, признаваемымъ ею самою неточными, обороты Крещенской ярмарки равнялись 12000000 р., Троицкой 3000000 р., Успенской 5500000 р., Покровской 7000000 р.

Торговля шерстью въ Харьковѣ за послѣднія 20 лѣтъ замѣтно падаетъ (съ 80-хъ годовъ).

Вотъ тому доказательства.

Въ	1884	году	было привезено	587173	п., а вывезено	510060 п.
„	1885	„	„ „	561383	„ „	440664 „
„	1886	„	„ „	560806	„ „	446039 „
„	1887	„	„ „	438567	„ „	342929 „
„	1888	„	„ „	450267	„ „	339913 „
„	1889	„	„ „	286602	„ „	327276 „
„	1890	„	„ „	399390	„ „	353218 „
„	1891	„	„ „	330555	„ „	286823 „
„	1892	„	„ „	271290	„ „	217717 „
„	1893	„	„ „	213555	„ „	196329 „
„	1894	„	„ „	260180	„ „	159860 „

Основною причиною упадка шерстяной торговли является уменьшеніе мериносовыхъ стадъ въ Южной Россіи вслѣдствіе невыгодности этого рода промышленности, а эта невыгода вызывается повышеніемъ земельной ренты и отчасти свирѣпствовавшими здѣсь эпизоотіями. Цѣны на шерсть не соотвѣтствуютъ издержкамъ производства. Овцеводство развилось на Кавказѣ и въ Терской области, гдѣ аренда земель гораздо ниже. Грязная шерсть съ Кавказа идетъ теперь въ Ростовъ и покупается фабрикантами Лодзинскаго и Московскаго раіоновъ. Промывается эта шерсть въ Ростовѣ, Харьковѣ и Бѣлгородѣ. Привозится ея въ Ростовъ до 1200000 пудовъ [2]).

Сравнивая Харьковскія ярмарки первой половины XIX в. съ таковыми же второй половины прошлаго столѣтія, мы замѣчаемъ между ними существенную разницу во многихъ отношеніяхъ: фабричныя издѣлія стоятъ теперь на первомъ планѣ; нѣкоторые товары, напримѣръ, мануфактура, шерсть сохранили на нихъ и теперь свое первенствующее значеніе, но мы видѣли, что подвозъ шерсти, достигшій къ началу 80-хъ годовъ колоссальныхъ размѣровъ, уменьшается, идетъ на убыль. Съ другой стороны, теперь

---

[1]) Шерстяной рынокъ въ ярмарку имѣлъ слѣдующій видъ.

	Имѣлось.	Продано.
	Пудовъ.	
Испанской рунной мытой	50000	10500
Овчиннаго подпара	660	660
Обора	1880	1880
	Штукъ.	
Испанской овчины палой	12000	12000
„ „ рѣзной	50000	50000
Кожъ сырыхъ: бычьихъ мѣстныхъ	4000	4000
„ „ „ привозныхъ	7000	7000
„ „ коровьихъ мѣстныхъ	10000	10000
„ „ „ привозныхъ	25000	25000
Конскихъ	10000	10000
Яловки	10000	10000
Опойковъ	30000	30000
		Пудовъ.
Конскаго волоса: косицъ		300
гривъ		590
Сала говяжьяго и бараньяго		18000
Воска		4600

Въ общемъ оборотъ ярмарки признается хорошимъ.

[2]) Обзоръ ярмарочной торговли въ г. Харьковѣ за 1894 годъ, стр. 12—13. Замѣтимъ, впрочемъ, что приведенныя здѣсь цифры не сходятся съ тѣми, кои помѣщены въ отчетѣ.

все болѣе и болѣе выдѣляются въ торговыхъ оборотахъ нѣкоторые изъ тѣхъ товаровъ, которые прежде играли сравнительно скромную роль; напримѣръ, сахаръ-рафинадъ и песокъ. Появились и сразу завоевали себѣ рынокъ нѣкоторые новые фабрикаты, напримѣръ, резиновые галоши, техническіе принадлежности. Главными двигателями ярмарокъ являются и теперь фабриканты, скупщики отодвинуты еще болѣе на второй планъ. Потеряли свое былое значеніе въ связи съ упадкомъ овцеводства и уменьшеніемъ площади дворянскаго землевладѣнія, и помѣщики. Огромное вліяніе на измѣненіе мѣстъ сбыта и полученія товаровъ оказали желѣзныя дороги, сдѣлавшіяся главными путями сообщенія: давно исчезло чумачество и сильно сократился извозный промыселъ вообще. Радикально измѣнился и внѣшній видъ ярмарокъ и ихъ вліяніе на городскую жизнь. По сравненію съ прежнимъ временемъ онѣ перестали бросаться въ глаза—ихъ можно не замѣтить теперь и во всякомъ случаѣ важнѣйшіе ярмарочные товары находятся теперь не на виду у всѣхъ, а въ складахъ, не бросающихся въ глаза и ярмарочные обороты также совершаются вдали отъ глазъ городской толпы; если же и приходится теперь замѣчать во время ярмарокъ новые балаганы, то ихъ товары и сдѣлки играютъ второстепенную и третьестепенную роль по сравненію съ тѣмъ товаромъ, который составляетъ главный предметъ нынѣшней ярмарочной торговли. Вообще харьковская ярмарочная торговля въ послѣднее время особенно тѣсно, органически слилась съ постоянною городскою торговлею и представляетъ изъ себя только какъ бы моменты особаго напряженія этой послѣдней. Неудивительно поэтому, что и основные предметы ярмарочной и постоянной торговли оказываются одинаковыми, да и дѣйствующія лица въ общемъ одни и тѣ же.

Но можно ли сказать, что въ настоящее время харьковскія ярмарки совсѣмъ потеряли, какъ думаютъ нѣкоторые, свое значеніе и даже свой raison d'etre. Приведенныя нами выше данныя объ ихъ торговыхъ оборотахъ опровергаютъ подобное предположеніе. Обороты харьковскихъ ярмарокъ возрастали до 70-хъ годовъ. Особенно замѣтенъ ростъ Покровской ярмарки, превратившейся изъ второстепенной въ первостепенную. Если принять во вниманіе, что до 1840 года счетъ велся на ассигнаціи, которыя оказались потомъ въ $3^1/_2$ раза дешевле серебряныхъ денегъ, то окажется, что обороты Крещенской ярмарки въ 1836 г. равнялись 14 мил. р. ас. или 4 мил. сер., въ 40—50 годахъ—6 мил. сер., въ 60-хъ годахъ—10 мил., въ 70-хъ—$16^2/_3$ мил., въ 90-хъ—14 мил., и въ 1904 году 10 мил.; обороты Успенской—въ 1836 г.—$2^1/_2$ мил. ас. или $^5/_7$ мил. сер., въ 40—50 годахъ—2 мил. сер., въ 60-хъ годахъ—3 мил., въ 70-хъ ок. 6 мил., въ 90-хъ—7 мил., въ 1904 г.—$6^1/_2$ мил.; обороты Покровской—въ 1836 г.—$3^1/_2$ мил. ас. или 1 мил. сер., въ 40—50 годахъ—$1^1/_2$ мил. сер., въ 70-хъ годахъ—13 мил., въ 90-хъ—8 мил., въ 1904 г.—11 мил.; обороты Троицкой—въ 1836 г.—$2^1/_2$ мил. ас. или $^5/_7$ мил. сер., въ 40—50 годахъ—1 мил. сер., въ 60-хъ годахъ $1^1/_2$ мил., въ 70-хъ годахъ—6 мил., въ 1904 г.—3 мил. Так. обр. въ 1904 году всѣхъ товаровъ было продано на $30^1/_2$ мил., въ 90-хъ годахъ приблизительно на 32 мил., въ 70-хъ годахъ на $41^1/_2$ мил., въ 40—50 годахъ—$10^1/_2$ мил. Съ 70-хъ до 90-хъ годовъ обороты ярмарочной торговли стали падать, но въ послѣднее десятилѣтіе (съ 1894 по 1904 годъ) это паденіе почти не замѣтно. Въ настоящее время обороты харьковскихъ ярмарокъ не только не ниже, чѣмъ они были въ первой половинѣ XIX в., но несравненно выше ихъ. Слѣдовательно, нужно признать, что и теперь ярмарки являются очень важнымъ, можно сказать, чрезвычайно важнымъ факторомъ экономической жизни города Харькова. И, конечно, этого нельзя объяснить случайностью. Очевидно, и теперь еще мы имѣемъ дѣло не съ одною формою, не съ пережиткомъ старины, лишеннымъ внутренняго содержанія, а съ органическимъ явленіемъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго и только сильно видоизмѣнившимъ свои формы, не соотвѣтствующія болѣе новымъ условіямъ и складу жизни. Это приспособленіе къ новымъ формамъ жизни въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ окажется, б. м., недостаточнымъ и явится необходимость въ замѣнѣ ярмарокъ другими болѣе совершенными формами торговаго обмѣна—тогда харьковскія ярмарки потеряютъ свое экономическое значеніе и, просуществовавъ нѣкоторое время въ видѣ пережитка, исчезнутъ изъ обихода городской жизни. Но когда это случится, невозможно предсказать. Во всякомъ случаѣ мы могли убѣдиться, что въ теченіе 250-лѣтняго существованія Харькова, онѣ являлись однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія нашего города, въ особенности во 2-й половинѣ XVII и въ XVIII в., т. е. до учрежденія университета. Да и въ первой половинѣ XIX ст. онѣ накладывали свою печать на всю городскую жизнь, придавая ей четыре раза въ годъ своеобразный ярмарочный колоритъ, ярко обрисованный наблюдательными современниками.

Глава 10-я.

Постоянная торговля.

Постоянная харьковская торговля, достигшая уже нѣкоторой степени развитія въ концѣ XVIII в., въ связи съ образованіемъ особой группы купечества, въ продолженіе всего XIX ст. постоянно расширялась и возрастала. Главнѣйшимъ источникомъ ея расширенія являлась, какъ это мы могли видѣть въ предыдущей главѣ, ярмарочная торговля, все болѣе и болѣе прикрѣплявшаяся къ городу и на время ярмарочныхъ перерывовъ. Въ связи съ усиленіемъ значенія Новороссійскаго края, какъ сельскохозяйственнаго района и расширеніемъ фабрично-заводской, особенно мануфактурной промышленности въ центральной Россіи, усиливалось значеніе Харькова не только какъ временнаго (во время ярмарокъ), но и какъ постояннаго посредника между югомъ и центромъ въ ихъ торговыхъ связяхъ и отношеніяхъ. Ростъ населенія въ самомъ Харьковѣ, въ связи съ расширеніемъ культурныхъ потребностей его жителей и окружающаго населенія Харьковской и сосѣднихъ губерній, умноженіе въ немъ учебныхъ заведеній и превращеніе его, съ открытіемъ университета, въ умственный центръ всей Южной Россіи, также являлись могучими факторами въ развитіи постоянной харьковской торговли. Наконецъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшихъ Харьковъ узломъ этого новаго быстраго способа передвиженія товаровъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ –во 2-й половинѣ XIX ст. и усилила харьковскую торговлю и произвела замѣтный переломъ въ характерѣ торговой дѣятельности г. Харькова.

Въ виду того, что мы очень подробно остановились на ярмарочной торговлѣ г. Харькова, отличающейся большимъ своеобразіемъ, о постоянной торговлѣ, не отличающейся оригинальными чертами, мы скажемъ сравнительно кратко, тѣмъ болѣе, что матеріалы о ней, несмотря на всѣ поиски, оказались скудными.

Въ первой половинѣ XIX ст. харьковская постоянная торговля находилась еще въ прямой зависимости отъ ярмарочной.

О постоянной торговлѣ въ Харьковѣ въ 1801 году современный документъ сообщаетъ слѣдующія данныя. Торговля велась галантерейными, шелковыми, шерстяными, бумажными, полотняными, фарфоровыми, мѣдными, желѣзными и другими товарами; харьковскій гостинный дворъ снабжалъ этими товарами и смежныя губерніи. Кромѣ этой торговли въ гостинномъ дворѣ происходила постоянная продажа съѣстныхъ припасовъ, всякихъ плодовъ и овощей, нитаго платья, обуви и другихъ домашнихъ рукодѣлій на площадяхъ. Ихъ въ опредѣленные дни по понедѣльникамъ и пятницамъ—привозили въ значительномъ количествѣ уѣздные жители. Кромѣ того ихъ производили и живущіе въ самомъ городѣ въ немаломъ числѣ ремесленники, составлявшіе цехи и имѣвшіе отъ этого заработка достаточное пропитаніе [1]). Зябловскій сообщаетъ слѣдующія данныя о торговлѣ Харькова въ первомъ десятилѣтіи XIX в. „Купечество здѣшнее торгуетъ галантерейными, шелковыми, шерстяными, полотняными, желѣзными, мѣдными и др. металлическими вещами, каменною посудою, виноградными напитками, чаемъ, сахаромъ и многими другими товарами. Еженедѣльные торги были по понедѣльникамъ и пятницамъ [2]). Участниками въ торговой дѣятельности г. Харькова являлось не одно гильдейское купечество, а и лица, принадлежавшія къ другимъ общественнымъ группамъ.

Слободско-украинская козацкая старшина, не чуждавшаяся и прежде промышленности и торговли, съ упраздненіемъ козацкаго уряда, стала заниматься ими особенно усердно. Типомъ подобныхъ промыш-

[1]) Харьк. Сбор., вып. 3-й, стр. 93—94.
[2]) Землеоп. Рос. Имп., V, 281 – 283.

ленниковъ можетъ служить, напримѣръ, Г. Г. Топчіевъ, о которомъ подробныя и любопытныя данныя сообщаетъ внукъ его Е. И. Топчіевъ [1]).

Въ ярмарочные и базарные дни, позавтракавъ раньше обыкновеннаго, дѣдъ мой, говоритъ Топчіевъ, обходилъ всю торговую площадь и на привозимые припасы для первой потребности назначалъ цѣну, выгодную для продавца и покупщика, объявляя притомъ, что если кто не продастъ дороже, то чтобъ везъ къ нему по этой цѣнѣ. Харьковъ былъ въ то время гораздо малолюднѣе, почему и жизненныхъ припасовъ для него привозилось гораздо меньше. Кто бывало не продастъ по назначенной цѣнѣ, тотъ везъ во дворъ дѣда моего, бывшій близъ базарной площади и получалъ деньги даже и за такой продуктъ, который былъ ему ненуженъ, но который онъ легко сбывалъ съ рукъ при первой грязи. Я помню эти припасы для первыхъ потребностей жизни, которые то прибывали, то убывали почти ежедневно.

Другимъ не менѣе оригинальнымъ типомъ торговца не изъ купцовъ является въ началѣ XIX ст. университетскій капельмейстеръ Витковскій, имѣвшій, по словамъ современника Цебрикова, у себя въ домѣ лавку для продажи разныхъ товаровъ особенно галантерейныхъ, которые онъ выписывалъ изъ Петербурга, Москвы, Вѣны; велъ онъ также торговлю дорогими напитками, музыкальными инструментами, нотами; для приготовленія фортепіанъ выписалъ изъ Москвы мастера нѣмца, который по контракту обязался одному ему ихъ дѣлать и никому другому безъ вѣдома его не продавать. Цебрикова онъ просилъ, чтобы тотъ, при случаѣ, въ Петербургѣ поручился за него передъ тѣми нѣмецкими купцами, у которыхъ онъ забиралъ въ кредитъ товары. Онъ самъ при этомъ сознавался, что теперь отъ торговли онъ имѣлъ несравненно болѣе прибыли, чѣмъ прежде отъ преподаванія музыки. На мой вопросъ—какъ можетъ онъ производить въ городѣ продажу товаровъ, не записавшись въ купечество, онъ отвѣтилъ: полицію я съ самаго начала ублажилъ, а купцамъ, когда они стали придираться ко мнѣ, устроилъ хорошій обѣдъ, притомъ я продаю вещи у себя дома, а не въ гостинномъ дворѣ, какъ свои собственныя и для меня излишнія; но все-таки, во избѣжаніе дальнѣйшихъ хлопотъ думаю записаться современемъ въ какую-нибудь гильдію. „Подлинно въ Харьковѣ, этомъ новомъ вертоградѣ наукъ, прибавляетъ Цебриковъ, многіе ученые болѣе помышляютъ о торговлѣ и скоромъ обогащеніи, нежели о вящшемъ преуспѣяніи въ наукахъ и знаніяхъ по своей спеціальности“ [2]).

---

[1]) «Дѣдъ мой, говоритъ Е. И. Топчіевъ, Григорій Григорьевичъ Топчіевъ, умеръ 60 лѣтъ, въ ноябрѣ 1809 года. По упраздненіи слободскихъ украинскихъ полковъ, онъ служилъ въ драгунахъ. Удовлетворивъ свое честолюбіе прапорщичьимъ чиномъ, оставилъ службу въ молодыхъ лѣтахъ и принялся хозяйничать. Получивъ въ наслѣдство 45 десятинъ земли въ урочищѣ Осничахъ, дѣдъ мой прикупилъ у смежныхъ владѣльцевъ почти столько же и при самой дорогѣ построилъ постоялый дворъ, съ продажею вина. Сверхъ этого онъ пріобрѣлъ: лѣсную дачу, въ двадцати верстахъ отъ г. Харькова, прилегающую къ Екатеринославской почтовой дорогѣ, 201 десятину, съ постоялымъ дворомъ и винокуреннымъ заводомъ; дворовое мѣсто въ селѣ Сиполиповкѣ, въ 12 верстахъ отъ Харькова съ винокуреннымъ заводомъ и постоялымъ дворомъ, а въ верстѣ отъ него восемь десятинъ лѣса: верстахъ въ пяти отъ Харькова, за Всесвятскимъ, лѣсную дачу, 80 десятинъ; въ городѣ Харьковѣ, за Лопанью, три дворовыя мѣста со строеніями на нихъ. На одномъ изъ этихъ дворовыхъ мѣстъ, противъ церкви Рождества Христова, выстроилъ каменный двухэтажный домъ, первый изъ частныхъ каменныхъ домовъ въ Харьковѣ; въ немъ самъ жилъ со своею семьей. Въ Харьковѣ же, на скатѣ Холодной горы, онъ купилъ 6 десятинъ и устроилъ здѣсь кирпичный заводъ. Въ гостинномъ ряду мой дѣдъ устроилъ три каменныхъ лавки и палатку, въ родѣ трактира, для виноторговли. Кромѣ оборотовъ по винокуренію, поставокъ вина своего производства и покупнаго въ Черноморію и въ Новороссійскій край, въ то время весьма выгодныхъ для продавца, дѣдъ мой занимался вывозомъ соли изъ Крыма, соленой и копченой рыбы изъ Дона, на своихъ и наемныхъ фурахъ, покупкою и оптовою продажей воска, меду... Въ двухъ винокуренныхъ заводахъ дѣда моего было суточнаго затору сдвали болѣе десяти четвертей; выходы вина изъ восьми пудовой четверти ржаной муки въ то время въ лучшихъ заводахъ не превышали трехъ ведеръ: за то цѣна ведру вина равнялась цѣнѣ четверти ржаной муки; дрова, бочки были ни почемъ, рабочіе—тоже. Очень помню, что четверть муки покупали для винокуренія по два, по два руб. пятидесяти коп. асс., и тоже по два руб. и по два руб. пятидесяти коп. асс. продавали ведро вина съ завода. Какъ было не богатѣть заводчикамъ? Рѣдкій изъ нихъ не разбогатѣлъ. По увѣренію многихъ почтенныхъ лицъ, хорошо знавшихъ моего дѣда, капиталъ его въ 1808 году доходилъ до пятисотъ тысячъ руб., когда ассигнаціонный рубль почти равнялся рублю серебра, когда такъ мало денегъ было въ Россіи, что за пятьсотъ тысячъ можно было купить населенное имѣніе съ тысячами тремя душъ. Доходъ съ недвижимыхъ имѣній въ то время, въ краѣ, неоживленномъ торговлею, при весьма дурныхъ путяхъ сообщеній, былъ весьма ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что капиталистъ могъ извлекать изъ своихъ наличныхъ денегъ, пуская ихъ въ оборотъ; поэтому дѣдъ мой, предпочитая извѣстное неизвѣстному, постоянно отказывался отъ предложеній купить имѣніе на свой капиталъ, даже отъ самыхъ выгодныхъ для него покупокъ, довольствуясь тѣмъ немногимъ, которое пріобрѣлъ вблизи Харькова. Изъ его капитала большая часть погибла въ долгахъ, послѣ смерти, а остальной растрачена... ничего не досталось прямому наслѣднику, отцу моему, ни его дѣтямъ».

[2]) Изъ неизданной рукописи Цебрикова. Въ 20-хъ годахъ существовала въ Харьковѣ казенная лавка, гдѣ продавались издѣлія фарфороваго и стекляннаго завода. Она была открыта, повидимому, въ 1822 году и закрылась въ 1832 году вслѣдствіе плохого

Несмотря на войну съ Наполеономъ торговля въ Харьковѣ во второмъ десятилѣтіи XIX в. процвѣтала и всѣ лучшіе каменные дома въ городѣ, по наблюденію Цебрикова, принадлежали лицамъ купеческаго сословія. Собесѣдникъ Цебрикова купецъ Вр-въ (Времевъ) объяснялъ это „раченіемъ, дѣятельной промышленностью и ловкими оборотами ихъ".

О постоянной Харьковской торговлѣ въ 1817 году оффиціальный документъ сообщаетъ слѣдующія данныя. „Кромѣ ярмарокъ, торговля въ Харьковѣ во всякое время происходитъ галантерейными, шелковыми, шерстяными, бумажными, полотняными, фарфоровыми, мѣдными, желѣзными и другими товарами, каковыми здѣшній гостинный дворъ довольствуетъ почти всѣ сосѣднія губерніи, или по крайней мѣрѣ всегда служитъ имъ вѣрнымъ прибѣжищемъ въ потребностяхъ этого рода. То же можно сказать и о винахъ, какъ чрезъ Балтійскіе, такъ и Черноморскіе порты получаемыхъ. Харьковскіе подземные погреба славятся сохраненіемъ и улучшеніемъ винъ издавна. Вообще счастливое географическое положеніе Харькова дѣлаетъ его средоточіемъ торговли полуденныхъ губерній имперіи, отличающихся тучностью почвы, мягкостью климата и сосѣдствомъ съ азіатскими народами. Не взирая на недостатокъ водяного сообщенія, нѣтъ мѣста болѣе удобнаго для размѣна продуктовъ этихъ губерній на произведенія промышленности внутреннихъ болѣе сѣверныхъ. Это доказываютъ уже годъ отъ году возрастающія ярмарки и число жителей, которое въ послѣдніе годы начало прибывать по вѣрному наблюденію *по крайней мѣрѣ* на $^1/_{30}$ ежегодно. Кромѣ торговли производимой въ городскихъ гостинныхъ рядахъ, на площадяхъ всегда бываетъ продажа съѣстныхъ припасовъ и домашнихъ рукодѣлій, которые въ опредѣленные торговые дни—понедѣльникъ и пятницу—привозятъ окрестные и другихъ уѣздовъ жители въ немаломъ количествѣ".

Въ 1837 году въ Харьковѣ было 23147 д. жителей, т. е. въ $8^3/_4$ разъ менѣе, чѣмъ нынѣ, но и тогда уже онъ былъ сравнительно огромнымъ потребителемъ продуктовъ.

Для потребленія городского населенія было привезено по приблизительнымъ исчисленіямъ въ 1835 году—муки ржаной 400—500 тысячъ кулей средней цѣной по 12 р. $38^1/_2$ к. (въ 1835 г.), 5 р. 45 к. (въ 1836 г.) и 5 р. 70 к. (въ 1837 г.), муки пшеничной 90—95 тыс. по 15 р. $74^1/_2$ к. (въ 1835 г.), 7 р. 87 к. (въ 1836 г.), 12 р. 10 к. (въ 1837 г.), овса 90—100 тыс. четвертей по 5 р. 63 к. (въ 1835 г.), 3 р. 32 к. (въ 1836 г.), 2 р. 70 к. (въ 1837 г.), разныхъ крупъ около 60 тыс. четв. по 10 р. 30 к. (въ 1836 г.) и 8 р. 10 к. (въ 1837 г.), ячменя—4—6 тыс. Изъ этого количества примѣрно половина потреблялась мѣстными жителями, другая раскупалась окрестными помѣщиками для винокуренія, а жителями для перепродажи.

Кромѣ того въ городѣ потреблялось—говядины около 200 тыс. пудовъ, баранины отъ 50 до 100 тыс. пуд., телятины около 25 т. пуд., свинины и солонины до 10 т. пуд., а всего около 300 тыс. пуд. Все это привозилось изъ окрестныхъ уѣздовъ. Потреблялось также не мало свѣжей рыбы; она ловилась преимущественно въ рѣкахъ Донцѣ и Удахъ, протекающихъ въ недалекомъ разстояніи отъ города. Вина привозилось ежегодно около 50 тыс. ведеръ. Дровъ по примѣрнымъ исчисленіямъ привозилось сухимъ путемъ до 80000 возовъ; полагая на сажень по 4 воловыхъ подводы, это составитъ 20000 саж. трехполѣнныхъ; однополѣнныхъ ни въ продажѣ, ни въ рубкѣ не бывало. Средняя цѣна сажени простиралась до 20 руб. Осиновыя и березовыя дрова наиболѣе потреблялись въ городѣ; они привозились изъ сѣверной и западной частей Харьковскаго уѣзда, гдѣ было еще довольно лѣсовъ, продаваемыхъ помѣщиками на срубъ. Всѣ, даже бѣднѣйшіе жители, топили свои жилища дровами, ибо солома была довольно дорога въ городѣ и весьма мало можно было найти бурьяна и кизяка, кои годны къ такому употребленію. Водою

сбыта. За товаръ ею было получено: въ 1822 г. 39932 руб., въ 1823 г. 6966 руб., въ 1824 г. 8289 руб. 50 коп., въ 1825 г. 11104 руб., въ 1827 г 540 руб., всего 66921 руб. 50 коп. Продано было—въ 1822 и 1823 годахъ на 28191 р. 26 к., въ 1824 г. на 6670 р. $43^1/_4$ к., въ 1825 году на 4250 р $7^3/_4$ к., въ 1826 г. на 3988 р. 4 к., въ 1827 году на 3462 р.; въ концѣ этого года цѣна всѣхъ вещей была понижена на 30%, но сбытъ все-таки былъ очень плохъ: въ 1828 году было продано на 2267 р. 32 к., въ 1829 году на 736 р. 70 к., въ 1830 году—на 383 р. 50 к., въ 1831 году—на 243 р. 50 коп. Въ виду этого рѣшено было ликвидировать торговлю и, кажется, всѣ оставшіяся вещи стоимостью въ 10500 р. 25 коп., были уступлены штабсъ капитану Шидловскому за 4100 рублей, т. е. менѣе чѣмъ за полъ цѣны. Коммиссіонеромъ казны былъ губернскій секретарь Буркольскій, получавшій за свой трудъ жалованья 500 р. въ годъ. Лавка нанималась также за 500 р. въ годъ у наслѣдниковъ Харьковскаго купца Мухина. (Харьк. истор. Архивъ Изъ дѣлъ Харьк. Губ. Правленія, книга о приходѣ и расходѣ по Харьк. каз. лавкѣ фарфоровыхъ и стеклянныхъ вещей).

жители довольствовались *частью изъ рѣкъ*, частью изъ ключевыхъ и вырытыхъ колодцевъ, конхъ полагалось до 116 [1]).

По свидѣтельству В. Пассека, сбытъ земледѣльческихъ произведеній на харьковскихъ базарахъ, открытыхъ по понедѣльникамъ и пятницамъ, былъ значителенъ. По этимъ днямъ (особенно во время Крещенской ярмарки) со всей губерніи стекались въ городъ крестьяне, съ господскими и собственными запасами — крупою и вообще разнаго рода хлѣбомъ. Иногда пріѣзжали даже Бѣлгородцы и жители другихъ уѣздовъ Курской губ. Хлѣбъ ихъ часто предпочитался здѣшнему, во-первыхъ, по добротѣ, во-вторыхъ, по дешевизнѣ своей. Доброта его, преимущественно цѣнимая на винокуренныхъ заводахъ, зависѣла отъ особеннаго рода сушенія на овинахъ и обкуриванія дымомъ сожигаемой соломы, а дешевизна происходила отъ хорошихъ и почти постоянныхъ урожаевъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губ., тогда какъ Харьковская подвержена была частымъ засухамъ и мокрымъ зимамъ, отъ которыхъ выпрѣваетъ хлѣбъ,—отъ болѣе удобной во всякое время года доставки хлѣба на лошадяхъ, тогда какъ многіе изъ харьковскихъ продавцевъ, перевозкою тяжестей на волахъ, затруднялись и по малоснѣжному пути, и въ гололедицу, и въ дождливую погоду, потому что въ первыхъ двухъ случаяхъ волы сбивали ноги, а въ послѣднемъ у нихъ пухла и прѣла шея. Кромѣ хлѣба привозили на базары, смотря по времени года, молоко, творогъ, живность, дичину, разную зелень, ягоды и прочіе жизненные припасы, которые отчасти пріобрѣтались жителями города для домашняго потребленія, но большею частью переходили въ руки перекупщиковъ, составлявшихъ какъ бы особый торгующій классъ. Эти послѣднія, скупивъ нѣкоторыя сельскія произведенія прежде, нежели остальные горожане успѣвали провѣдать о подвозѣ ихъ или, запасшись на ярмаркахъ винными ягодами, рожками, черносливомъ, стручковымъ перцемъ, сухими грибами и пр., перепродавали все это отъ базара до базара, отъ ярмарки до ярмарки, т. е. отъ одной выгодной покупки въ извѣстное время года, до другой. Женщины, для которыхъ устроенъ былъ особый рядъ близъ Лопанскаго моста, торговали серьгами, лентами, булавками, румянами, бѣлилами, калганомъ и пр. Тѣ, которые продавали крендели и бублики, назывались „бублейницами“, и вели какой-то особенный разсчетъ въ деньгахъ.

Тотъ же авторъ даетъ намъ и объясненіе торговаго значенія г. Харькова.

„Выгодное положеніе между Москвою, Одессою, землею В. Донского, Таганрогомъ и Кавказомъ, отовсюду пролегающіе черезъ городъ почтовые тракты и чумацкіе пути, наконецъ, ярмарки, многолюдныя, старинныя, славныя, предназначаютъ Харьковъ къ обширной торговлѣ, дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ выгодныхъ и необходимыхъ рынковъ для обмѣна произведеній Сѣвера и Юга; даютъ торгующему сословію довольно рѣдкія удобства къ быстрымъ оборотамъ и скорому обогащенію. Съ постепеннымъ развитіемъ промышленности увеличивается не только число купеческихъ капиталовъ, но и число замѣчательныхъ зданій. Теперь каменныхъ зданій полагаютъ до 253. Можно судить поэтому о нуждѣ въ рабочихъ людяхъ, которые большею частью приходятъ сюда изъ внутреннихъ губерній и преимущественно изъ Курской“ [2]).

„Въ гостинномъ дворѣ, по сообщенію Милютина, въ 1836 г. продавались всѣ предметы, не только необходимые для городскихъ обывателей, но и для всей почти Малороссіи. Несмотря на то, можно сказать утвердительно, прибавляетъ онъ, что торговый духъ мѣстныхъ обывателей далеко еще не достигъ полнаго развитія. Въ 1837 году по г. Харькову считалось купеческихъ капиталовъ: 1-й гильдіи 3, 2-й 9, 3-й 146, всего 158. Мѣстные торговцы занимались мелочною продажею, главнѣйшая коммерція, производимая въ Харьковѣ, не находилась въ рукахъ его обитателей, даже мало зависѣла отъ посредства ихъ. Харьковъ, находясь по счастливому географическому положенію своему, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Москвы и Одессы, представлялъ мѣсто, наиболѣе удобное для размѣна произведеній южной Россіи на произведенія промышленности внутреннихъ и сѣверныхъ губерній. Вся торговля Малороссіи, Новороссійскаго края и Крымскаго полуострова сосредоточивалась въ этомъ городѣ. Но двигателями этой торговли являлись, по его словамъ, до сихъ поръ купцы иногородніе, владѣвшіе значительнѣйшею частью обращавшихся тамъ капиталовъ. Харьковъ представлялъ точку соединенія Великороссійскихъ (и преиму-

[1]) Н. Милютина. Краткое обозрѣніе г. Харькова Ж. М. В. Д 1838, ч. 28, стр. 211—213.

[2]) Ст. В. Пассека о г. Харьковѣ въ Мат. для стат. Рос. Имп., отд. III.

щественно московскихъ) купцовъ съ новороссійскими; это биржа ихъ, мѣсто для взаимныхъ условій и сдѣлокъ; мѣсто, гдѣ начинались, но не производились важнѣйшія торговыя операціи. Самые же харьковскіе или по крайней мѣрѣ малороссійскіе торговцы до сихъ поръ мало участвовали въ этомъ движеніи, они большею частію давали полную волю дѣйствовать у себя другимъ и оставаясь покойными свидѣтелями ихъ, были довольны нѣсколькими лишь крохами, остававшимися отъ этого коммерческаго пиршества" [1]).

Это же подтверждаетъ и Г. Ѳ. Квитка, описывающій постоянную торговлю въ Харьковѣ въ концѣ 30-хъ годовъ въ такихъ выраженіяхъ.

„Торговля въ Харьковѣ производится во всякое время золотыми и серебряными издѣліями, галантерейными, шелковыми, бумажными, полотняными, фарфоровыми, хрустальными, мѣдными, желѣзными и другими товарами; книгами, картинами, сукномъ, мебелью, музыкальными инструментами, дамскими уборами и пр. Всѣмъ этимъ гостинный дворъ и магазины Харькова надѣляютъ всѣ сосѣднія губерніи. Тоже можно сказать и о винахъ какъ черезъ Балтійскіе, такъ и Черноморскіе порты получаемыхъ. Харьковскіе подземные погреба славятся сохраненіемъ и улучшеніемъ винъ издавна. Экипажи разнаго рода, послѣднихъ фасоновъ, красивые и довольно прочные продаются съ выгодою для занимающихся этимъ производствомъ. Вообще счастливое положеніе Харькова дѣлаетъ его средоточіемъ торговли полуденныхъ губерній Имперіи, отличающихся тучностью почвы, мягкостью климата и сосѣдствомъ съ азіатскими народами. Не взирая на недостатокъ водяного сообщенія, нѣтъ мѣста болѣе удобнаго для размѣна продуктовъ южныхъ губерній на произведенія внутреннихъ и сѣверныхъ... Кромѣ торговли, производимой въ гостинномъ дворѣ, всегда бываетъ на площадяхъ продажа съѣстныхъ припасовъ и по времени года разныхъ фруктовъ и овощей въ большомъ количествѣ, также домашнія рукодѣлія, какъ здѣшнія, такъ и привозимыя окрестными жителями выставляются на продажу въ немаломъ числѣ".

Но несмотря на развитіе торговой дѣятельности, населеніе г. Харькова, по словамъ современника, все-таки жаловалось и на дороговизну товаровъ, особенно во внѣярмарочное время. „Харьковское купечество, не довольствуясь удвоенною, но временною дѣятельностью въ продолженіе ярмарокъ, постоянно снабжало какъ свою, такъ и сосѣднія губерніи тканями шелковыми, шерстяными, бумажными, полотняными; издѣліями галантерейными, фарфоровымъ, металлическими, винами и мебелью какъ собственнаго издѣлія, такъ и привозною изъ Москвы. Номерныхъ лавокъ въ гостинномъ дворѣ было 103, отдѣльныхъ по разнымъ частямъ города болѣе 100. Мясные ряды устроены были на Нетечинской сторонѣ. Рыбныя лавки были малозначительны въ торговомъ отношеніи, потому что лучшая рыба, свѣжая, соленая, копченая (балыки, шамая, также икра) получалась съ Дона или изъ Крыма.

Но несмотря на значительность коммерческихъ оборотовъ, не взирая на рѣдкое изобиліе въ товарахъ южной и сѣверной Россіи и всѣ прочія, казалось бы, очевидныя удобства въ продовольствіи, харьковскіе жители, по минованіи ярмарокъ, не могли похвалиться дешевизною предметовъ, особенно удовлетворяющихъ нуждамъ не первой необходимости. Даже и въ ярмарочное время на всѣ эти предметы устанавливались самыя высокія цѣны: такъ мебель стоила вдвое дороже, нежели въ Москвѣ, между тѣмъ какъ здѣсь и содержаніе работниковъ, и грубый матеріалъ обходились несравненно дешевле; такъ, на сукно, на желѣзныя вещи, даже на сорочинское пшено и разные другіе предметы, доставляемые въ Москву черезъ Харьковъ, набавляли противъ столичныхъ цѣнъ 15% и 20%. За всѣмъ тѣмъ хорошихъ матерій, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго платья трудно было найти; вина большею частью были поддѣльныя; табаку, кромѣ Жуковскаго, Мусатовскаго или здѣшняго (который требовалъ еще большихъ усовершенствованій), достать было нельзя. Даже хорошая говядина попадалась рѣдко, потому что московскіе и бѣлгородскіе промышленники еще на сельскихъ ярмаркахъ скупали лучшій скотъ для прогона во внутреннія губерніи Имперіи. Вкусная телятина была еще рѣже и продавалась весьма дорого, въ сравненіи съ московскими цѣнами. Довольно трудно объяснить себѣ это странное явленіе. Однако, не въ томъ ли заключается главная причина его, что оптовые торговцы, не желая снизойти до продажи по мелочи и по розницѣ, къ тому же не слишкомъ уважая ограниченныя средства и изящный вкусъ провинціальныхъ покупщиковъ, мало хорошихъ товаровъ оставляли въ губерніи, а спѣшили отправить

[1]) Н. Милютина. Краткое обозрѣніе г. Харькова Ж. М. В Д. 1838. ч. 28, стр. 215—217.

ихъ скорѣе въ Москву, гдѣ предполагали найти потребителей, болѣе многочисленныхъ, образованныхъ и богатыхъ?

Общія причины развитія постоянной торговли въ Харьковѣ указываетъ И. С. Аксаковъ. „Что касается до торговли Харькова, то Харьковъ самъ по себѣ не есть торговый городъ, а складъ товаровъ, гостинный дворъ, передаточное мѣсто между сѣверомъ и югомъ. Онъ не стоитъ на какой-либо судоходной рѣкѣ, не владѣетъ особыми какими-либо выгодами мѣстности, дѣлающими удобнымъ развитіе той или другой отрасли торговли и промышленности... Такимъ образомъ, харьковскимъ купцамъ оставалось бы только быть посредниками въ торговлѣ между сѣверною и южною Русью. Однакожъ въ этомъ случаѣ развитію подобной торговли препятствуютъ прямыя сношенія торговцевъ и покупателей между собою на ярмаркахъ, на которыхъ Харьковъ играетъ роль складочнаго мѣста, на которомъ производятся непосредственныя сдѣлки между купцами разныхъ концовъ Россіи. Поэтому на долю харьковскихъ купцовъ приходится большею частью только мѣстная розничная торговля. По исчисленію проф. Рославскаго, участіе Харькова въ его собственной торговлѣ не превышаетъ $^1/_{50}$ общаго оборота ея, мѣстнаго и ярмарочнаго. Однакоже въ настоящее время это положеніе дѣла начинаетъ приводить къ инымъ результатамъ... Изъ 12 мѣсяцевъ въ году 4 мѣсяца живой, могучей торговли въ одномъ и томъ же городѣ должны были разумѣется натаскать торговой силы въ самый городъ. Большая часть пріѣзжихъ купцовъ имѣютъ тамъ постоянные склады и помѣщенія и многіе внесли капиталъ въ харьковскую думу, чтобы имѣть право держать отпертыми свои лавки въ теченіе года, какъ, напримѣръ, торговцы желѣзнымъ товаромъ, золотыми вещами, мѣхами, благовоннымъ товаромъ, галантерейнымъ и т. п., несмотря на то, что главный ихъ сбытъ все же въ ярмарочное время. Таковыхъ иногородныхъ купцовъ, торговавшихъ прежде только въ ярмарочные сроки, а теперь (50-е годы) въ теченіе цѣлаго года считается въ Харьковѣ болѣе 30 человѣкъ. Изъ харьковскихъ мѣстныхъ купцовъ въ настоящее время большая часть купцовъ подобнаго ярмарочнаго происхожденія. Дѣло дѣлается обыкновенно такимъ образомъ: великорусскій купецъ торгуетъ лѣтъ 20 или 30 сряду по украинскимъ ярмаркамъ, большую часть жизни проводитъ на Украйнѣ, устраиваетъ знакомство, пріучаетъ къ себѣ покупателей, обзаводится въ Харьковѣ постоянными складами для товара и квартирою для жительства, объявляетъ, наконецъ, капиталъ, какъ иногородній, чтобы имѣть право торговать и послѣ срока ярмарочнаго и кончаетъ тѣмъ, что записывается въ харьковскіе купцы. Почти всѣ харьковскіе купцы родомъ (если не сами, то по отцамъ) изъ великорусскихъ губерній; такъ, напримѣръ, Рыжовъ—изъ Калуги, Чуняяевъ—изъ Костромы, Сапожокъ—изъ Коломны, Богомоловъ—изъ Калуги, Шапошниковъ—изъ Москвы и т. д. Все это означаетъ, что ярмарочная торговля въ Харьковѣ стремится стать осѣдлою, что Харьковъ получаетъ смыслъ не временнаго депо, а постояннаго склада и что современемъ, особенно съ устройствомъ желѣзныхъ путей, та ярмарочная торговля, которая производится теперь пріѣзжими купцами, будетъ производиться мѣстными харьковскими или, вѣрнѣе сказать, тѣми же пріѣзжими купцами, ставшими купцами города Харькова.

Вотъ въ какой пропорціи возросло число гильдейскихъ капиталовъ въ Харьковѣ.

Въ	1830	году	1-й	гильдіи—3,	2-й—5,	3-й—152,	иногородныхъ—5,	всего	165
„	1849	„	„	„	5,	„ 18,	„ 210,	„ 19,	„	252
„	1850	„	„	„	7,	„ 20,	„ 240,	„ 48,	„	315
„	1851	„	„	„	7,	„ 20,	„ 214,	„ 20,	„	261
„	1852	„	„	„	6,	„ 24,	„ 263,	„ 50,	„	343
„	1853	„	„	„	7,	„ 21,	„ 270,	„ 43,	„	341

Такимъ образомъ, въ теченіе 25 лѣтъ число капиталовъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, а число иногородныхъ болѣе чѣмъ въ 8 разъ. Въ неярмарочное время въ Харьковѣ производилась торговля въ 256 лавкахъ—съ черными товарами 69, съ бакалейными 58, съ красными 32, желѣзными и мѣдными 18, рыбными 15, юфтовыми 11, мучными 9, пушными и мелочными по 8, щепными 6, хрустально-стекляными, серебряными, золотыми и писчебумажными по 4, книжными 3, табачными и ватошными 2. Независимо отъ иногородныхъ купцовъ, торгующихъ въ теченіе цѣлаго года, въ Харьковѣ проживало—50 чел. прикащиковъ отъ иногородныхъ ярмарочныхъ купцовъ. Такъ какъ харьковскія ярмарки важнѣе, вмѣстѣ взятыя, всѣхъ прочихъ украинскихъ ярмарокъ, то ярмарочные купцы, большею частью, имѣютъ здѣсь свои

главныя квартиры и главные склады, изъ которыхъ товаръ отправляется въ странствованіе по всему ярмарочному округу; таковыхъ складовъ считается 150.

Но почему же въ Харьковѣ ярмарки приводятъ къ такому результату (т. е. развитію постоянной торговли), тогда какъ въ Ромнѣ, несмотря на три его ярмарки и въ другихъ ярмарочныхъ пунктахъ онѣ не имѣли такихъ послѣдствій? Этому причины слѣдующія: 1) Преобладаніе въ Ромнѣ и другихъ пунктахъ Малороссіи элемента, вовсе неспособнаго къ торговой дѣятельности, тогда какъ Харьковъ, хотя и не можетъ назваться великорусскимъ городомъ, однако заключаетъ въ себѣ преобладаніе великорусской стихіи. 2) Благопріятныя условія для развитія розничной торговли въ Харьковѣ—именно значеніе его, какъ административнаго пункта, какъ центра просвѣщенія, какъ лучшаго города во всемъ Малороссійскомъ и Новороссійскомъ краѣ. 3) Большая близость Харькова къ Новороссійскому краю и къ южнымъ портамъ, чѣмъ Ромна. Въ Харьковѣ однихъ модныхъ магазиновъ, изъ которыхъ многіе выписываютъ товары не изъ Москвы или Петербурга, а прямо черезъ Одессу и Таганрогъ, изъ-заграницы, болѣе 20; 3 русскихъ, 2 французскихъ, 1 англійская книжная лавка, нѣсколько музыкальныхъ магазиновъ и проч. и проч.: все это свидѣтельствуетъ объ удобствѣ жизни въ Харьковѣ даже для богатаго образованнаго сословія, а также и о царствующей въ городѣ роскоши“ [1]).

Харьковская постоянная торговля сосредоточивалась въ первой половинѣ XIX ст. главнымъ образомъ на базарахъ и въ гостинномъ дворѣ.

Обращаемся теперь къ описанію постоянной харьковской торговли во 2-й половинѣ XIX ст. Благодаря пріобрѣтенной нами рукописи, содержащей статистическое описаніе г. Харькова за 1856 годъ, мы имѣемъ возможность представить довольно обстоятельное описаніе Харьковской постоянной торговли въ чрезвычайно важный моментъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ—дореформенной и реформенной, болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до нашего времени и по истеченіи первыхъ 55 лѣтъ XIX столѣтія. Тогдашняя постоянная Харьковская торговля была двухъ видовъ —базарная и лавочная или магазинная.

Базары г. Харькова, несмотря на отсутствіе въ немъ водяныхъ путей сообщенія, шоссейныхъ дорогъ и на затруднительность доставки товаровъ обыкновеннымъ сухимъ путемъ, привлекали къ себѣ сельскую промышленность не только всей Харьковской губерніи, но и сопредѣльныхъ уѣздовъ Курской, Воронежской, Екатеринославской и Полтавской губерній. Многолюдный и богатый Харьковъ безъ затрудненія оплачивалъ какъ цѣнность продуктовъ, такъ и издержки провоза, а если случалась осенью и весною слишкомъ тягостная доставка, то надбавкою цѣны вознаграждалъ крестьянина; но что самое важное—сколько бы ни было привезено товара, для него всегда былъ здѣсь открытъ сбытъ. Естественно при этомъ, что наканунѣ нѣкоторыхъ дней недѣли, особенно пятницы и воскресенья (базарныхъ дней) по всѣмъ дорогамъ къ Харькову тянулись тысячи возовъ съ разными предметами сельской промышленности. О размѣрахъ ея свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры.

Въ Харьковъ привозилось въ годъ и здѣсь же почти потреблялось: муки ржаной отъ 80 до 100 тысячъ четвертей (кромѣ того въ лавкахъ продавалось исключительно для городскаго потребленія до 250000 пудовъ пшеничной муки. Вычислено, что для однихъ такъ называемыхъ французскихъ хлѣбовъ, исключая баранокъ и прочаго базарнаго хлѣба, употреблялось въ день до 500 пудовъ этой муки). Овса привозилось 120—140 тыс. четв.; разныхъ крупъ отъ 15 до 20 тыс. четв.; ячменя—3—4 тыс. четв., быковъ и коровъ пригонялось 10000, барановъ 70000, телятъ 5000, свиней 15000 [1]). Разнаго рода хлѣбъ привозился кромѣ Харьковской губ. въ большомъ количествѣ изъ Бѣлгородскаго и Грайворонскаго уѣздовъ Курской, предпочитавшійся мѣстному. Скотъ пригонялся изъ здѣшней, Екатеринославской и Полтавской губ. Столь значительный привозъ и потребленіе хлѣба и мяса не покажутся преувеличенными, если представить, что кромѣ постояннаго и пріѣзжающаго на ярмарки населенія, здѣсь бывало также много проходящихъ войскъ и простаго народа, идущаго на заработки въ Екатеринославскую губ., Черноморье и область Войска Донского. Огромная масса извозчиковъ, какъ доставлявшихъ товары въ Харьковъ такъ и проѣзжавшихъ чрезъ него со всѣхъ сторонъ, особенно изъ Москвы въ Крымъ и Полтаву, на Ильин-

[1]) И. С. Аксакова. Изсл. о торговлѣ на Укр. ярмаркахъ, стр. 53—56.

[1]) Кромѣ того живущимъ здѣсь помѣщикамъ доставлялось изъ ихъ деревень большое количество хлѣба и домашней птицы для собственнаго ихъ потребленія.

скую ярмарку, и изъ Крыма въ Москву, независимо отъ продовольствія ихъ самихъ, объясняетъ большую цифру потребляемаго здѣсь овса.

Пропорціонально вышеисчисленнымъ велика была продажа и другихъ предметовъ продовольствія—овощей, фруктовъ, домашней птицы, дичины, свѣжей рыбы и пр. Рыбы въ рѣкахъ, протекающихъ въ Харьковѣ, не было; она привозилась большею частію изъ р. Удъ, Донца за 20 и 40 верстъ и хотя по недостатку вообще въ губерніи промышленниковъ этого рода, цѣна на нее бывала чрезвычайно высока (десятокъ хорошихъ карасей или окуней—иногда 1 р.—1 р. 50 к. с.), но все привозимое количество ея находило сбытъ. Недостатокъ въ губерніи промышленниковъ крайне ощутительно отзывался и на другихъ предметахъ продовольствія. Здѣсь не занимались откармливаніемъ птицы, отнимаемой телятъ и пр. и потому телятина была весьма посредственна и мало потреблялась, а изъ птицы пулярки, напримѣръ, привозились изъ Москвы. Украйна издавна славилась скотомъ, но продаваемая въ Харьковѣ говядина, при высокой цѣнѣ, была не особенно высокаго качества и это объясняется тѣмъ, что Московскіе и Бѣлгородскіе промышленники, скупая на Украйнѣ лучшій скотъ, отправляли его во внутреннія губерніи, преимущественно же въ Москву и Петербургъ.

Кромѣ предметовъ продовольствія на Харьковскихъ базарахъ продавалось множество приготовляемой въ городѣ и окрестностяхъ глиняной и деревянной посуды, разнаго рода крестьянской одежды и между прочимъ до 40000 куб. саженъ однополѣнныхъ дровъ, доставляемыхъ изъ Харьковскаго, Зміевскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ. Провозъ ихъ, обыкновенно на волахъ, стоилъ: за 20 верстъ 5 р., а за 30—6—7 р. с. отъ сажня.

Цѣны на базарные продукты были таковы: пудъ говядины 1-го сорта 2 руб., 2-го 1 руб. 80 коп. 3-го 1 р. 40 к.; теленокъ 3 р. 50 коп., барашекъ (молодой)—1 р., поросенокъ 40 коп., индѣйка—1 р., гусь—60 к., утка 40 к., курица 25 к., фунтъ бѣлаго французскаго хлѣба 5 к., ржаного $1^1/_4$ к., куль (5 п.) пшеничной муки 1-го сорта 8 р., 2-го 5 р. 50 коп., 3-го 4 р.; четверть ржаной муки 3 р., овса 2 р., пшена 7 р.; гречневыхъ крупъ 7 руб., пудъ сѣна 25 коп., пудъ сальныхъ свѣчей 4 руб., пудъ свинаго сала 4 р. 50 к., соли 75 к., коровьяго масла 7 р. 50 к., меду 8 р., сотня яицъ 70 к., сажень однополѣнныхъ дубовыхъ дровъ 1-го сорта 17 р., 2-го сорта 13 р., бревно 9 арш., 6 верниковъ въ діаметрѣ 4 р., накатникъ 9 арш. длины, 5 в. толщины 1 р. 10 к., доска 9 арш. длины, $1^1/_2$ в. въ діаметрѣ 1 р. 40 к.

Лавочная и магазинная торговля производилась въ обыкновенное время исключительно мѣстными купцами, а въ ярмарочное какъ здѣшними, такъ и прибывающими сюда отовсюду купцами. Лавокъ и магазиновъ было въ Харьковѣ: каменныхъ 1094, деревянныхъ 280, винныхъ погребовъ 36. Изъ лавокъ и магазиновъ 409 съ красными мануфактурными товарами, 180 съ бакалейными, 165 съ желѣзными, скобяными и мѣдными, 70 съ мучными, 66 съ рыбными, 45 съ модными и галантерейными, 27 съ хрустальными и стекляными, 25 съ юфтовыми, 22 съ табачными, 20 съ шорными, 20 съ мочальными и веревочными, 18 съ писчебумажными, 16 съ золотыми и серебряными, 11 съ книжными, 10 съ мебельными и 269 съ разными другими и мелочными товарами. Кромѣ того во время ярмарокъ устраивалось на площадяхъ множество балагановъ преимущественно для товаровъ скобяныхъ, бакалейныхъ, рыбныхъ, стекляныхъ и посуды. Изъ магазиновъ и лавокъ, принадлежавшихъ собственно здѣшнимъ торговцамъ, особенно важны: Павлова съ москательными и бакалейными товарами, Губкина, Расторгуевой и Невѣжина съ золотыми и серебряными, Гейнцельмана съ шелковыми и галантерейными, Урюпина, Ханайченка и Золотарева съ бумажными, парчевыми, шелковыми и суконными, Гейера съ ситцами и коврами, Апарина съ книгами, Берлинскій съ полотняными товарами, Геймана, Болотова, Вѣнскій, Расторгуева и Жантиля съ галантерейными, Новгородцева съ писчею бумагою, Рыжова и Добыгиной съ желѣзными, мѣдными и скобяными товарами, Северина со скобяными, Калашникова и Яковлева съ юфтовыми, Деревянкина и Сѣрикова съ рыбными, Сотникова съ пшеничною мукою, Лемера, Верховскаго, Костюрина, Грановскаго, Лещенкова и Дельбоса—погреба съ виномъ. Всѣ эти и кромѣ того множество другихъ магазиновъ и лавокъ могли бы занять почетное мѣсто въ ряду столичныхъ, какъ по выбору товаровъ, такъ и размѣрамъ оборотовъ. Лавка Павлова, торговавшая, кромѣ бакалейныхъ и москательныхъ товаровъ, игорными картами (одна въ губерніи) и безчисленнымъ множествомъ другихъ предметовъ, можетъ быть единственная въ Россіи. Снабжая своими товарами едва ли не половину Харькова, она имѣла годового оборота свыше 1 мил. руб. сер. Купецъ Рыжовъ продавалъ одного желѣза до 60000 пуд. въ годъ; кромѣ того онъ производилъ при этомъ

большую, преимущественно оптовую торговлю дробью, бѣлилами, чаемъ, мѣднымъ и скобянымъ товаромъ. Модные и галантерейные магазины, въ коихъ кромѣ наилучшихъ русскихъ товаровъ, можно было найти всевозможные предметы заграничной промышленности и притомъ новѣйшихъ издѣлій, были въ состояніи удовлетворить самому прихотливому вкусу. Лучшіе виноторговцы, получая сами товаръ изъ заграницы, продавали его по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ и пользовались доброю славою далеко за предѣлами Харькова. Вообще здѣсь было много торговцевъ, которые, продавая мѣстнымъ обывателямъ товары въ розницу, вели и оптовую торговлю, снабжая товарами купцовъ, являвшихся какъ въ ярмарочное, такъ и во всякое другое время изо всѣхъ окрестныхъ губерній, изъ земли Войска Донскаго, Крыма и Кавказа. Въ числѣ прочихъ 13 здѣшнихъ оптовыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ розничныхъ продавцовъ продавали до 120000 кулей или 600000 пудовъ одной пшеничной муки, снабжая ею кромѣ Харькова много другихъ и даже отдаленныхъ мѣстъ Крыма и Кавказа. Купцы—Сѣриковъ, Деревянкинъ, Рыжовъ постоянно отправляли огромныя по нѣсколько тысячъ пудовъ партіи Донской и Керченской, какъ первой въ Россіи, красной рыбы: осетра, севрюги, икры и балыковъ, въ Москву и Петербургъ. Однимъ словомъ, по всѣмъ безъ исключенія родамъ товаровъ въ Харьковѣ были значительные—розничные для города и въ то же время оптовые для другихъ мѣстъ—торговцы. Общій отличительный предъ другими нашими городами характеръ торговли, производимой здѣшними купцами, былъ тотъ, что весьма многіе изъ нихъ, пользуясь полнымъ кредитомъ въ Россіи, а нѣкоторые даже заграницею и получая товары прямо изъ фабрикъ или (колоніальные, рыбные) изъ первыхъ рукъ, предлагали покупателямъ свѣжіе товары, новѣйшей усовершенствованной работы, послѣднихъ фасоновъ, самые модные. Цѣны были возможно умѣренныя, чему способствовало, съ одной стороны, развившееся уже до надлежащихъ предѣловъ соперничество, а съ другой—то обстоятельство, что товары еще не проходили чрезъ много рукъ и на нихъ поэтому не наросли излишніе проценты.

Въ Харьковѣ въ 1856 году было купеческихъ капиталовъ: 1-й гильдіи 6 на сумму 90000 р., 2-й 18 на 108000 р., 3-й 294 на 705600 р.; всего 318 на 903600 руб. Впрочемъ, такъ какъ объявляемые купцами капиталы далеко ниже дѣйствительныхъ и притомъ одинъ и тотъ же капиталъ можетъ оборотиться въ годъ нѣсколько разъ, то цѣнности, приводимыя въ движеніе здѣшними купцами, по примѣрному исчисленію, могли простираться до 9 мил. р. сер. въ годъ. При всемъ томъ наравнѣ съ промышленностью и торговая дѣятельность (собственно здѣшняго купечества) далеко не достигли всей возможной полноты и совершенства. Вѣроятно, по молодости города (изъ купеческихъ домовъ, пользующихся извѣстностью, нѣтъ ни одного, который могъ бы похвалиться столѣтнимъ существованіемъ) въ немъ были только два купеческихъ дома—Павлова и Рыжова, обороты которыхъ превышали 500000 р. (каждаго въ отдѣльности) и не болѣе 5 такихъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ наличнаго капитала свыше 300000 р. Вообще же здѣсь еще былъ большой недостатокъ какъ капиталовъ, такъ и головъ и рукъ. Современемъ, въ особенности при улучшеніи путей сообщенія и затѣмъ при большей цивилизаціи въ здѣшнемъ краѣ,—можно смѣло надѣяться—торговыя силы Харькова возрастутъ высоко и притомъ еще быстрѣе, чѣмъ теперь, ибо даже при настоящихъ условіяхъ торговли Харькова, во всемъ отечествѣ нашемъ найдется весьма мало пунктовъ, гдѣ представлялся бы такой запасъ новыхъ до безконечности разнообразныхъ и легкихъ случаевъ нажить торговому человѣку деньги. Въ здѣшнемъ торговомъ мірѣ безпрестанно повторяются слѣдующія явленія. Мальчикъ лѣтъ 13 или 14, сынъ мѣщанина или обѣднѣвшаго купца поступаетъ въ какую-нибудь лавку; черезъ 5—6 лѣтъ пріучившись или, точнѣе говоря, привыкши къ торговлѣ, назначается приказчикомъ, съ жалованьемъ на первыхъ порахъ рублей въ 150; чрезъ нѣсколько лѣтъ жалованье его возрастаетъ до 400 и 500 р. на хозяйскомъ продовольствіи. Проживши еще нѣсколько лѣтъ и собравши 2—3 тысячи рублей, онъ разстается съ хозяиномъ съ цѣлью самому завести дѣло. На первыхъ порахъ обороты его состоятъ въ томъ, что дождавшись одной изъ здѣшнихъ или Полтавской Ильинской ярмарки, онъ высматриваетъ какую-нибудь небольшую партію товара—мануфактурнаго, галантерейнаго, шерсти, желѣза, сырыхъ кожъ и пр., покупаетъ ее и тутъ же сбываетъ. А если ему самому не удается подобная операція, онъ пристаетъ къ другому болѣе счастливому на тотъ разъ торговцу и дѣлается его временнымъ компаньономъ или же въ крайности факторомъ, получающимъ довольно выгодный процентъ и за этотъ послѣдній трудъ. Тѣмъ или другимъ способомъ, но онъ наживаетъ деньги и чрезъ нѣсколько лѣтъ открываетъ постоянную торговлю. Наглядными доказательствомъ подобныхъ явленій служатъ ны-

нѣшніе Харьковскіе купцы, которые всѣ почти, не исключая богачей, или сами, или отцы ихъ начали карьеру съ лавочныхъ мальчиковъ, послѣ были приказчиками, и потомъ кое съ чѣмъ завели торговыя дѣла. Всѣ они за весьма малымъ исключеніемъ принадлежали къ великорусской народности.

Высказывая свои мысли относительно ближайшаго будущаго авторъ настойчиво подчеркиваетъ мысль, что Харьковъ представлялъ изъ себя широкую арену для дѣятельности, далеко еще не использованную должнымъ образомъ. Промыслы и торговля находились въ немъ въ рукахъ людей, которые сами, а не предки ихъ, начали дѣла; это были люди энергичные, предпріимчивые, но часто безъ всякихъ спеціальныхъ знаній, дѣйствовавшіе безъ положительныхъ правилъ, по одному навыку, часто наудачу и съ рискомъ; поэтому банкротства здѣсь были не рѣдки, а могущественный двигатель торговли—кредитъ не вошелъ еще въ полную свою силу. Устройство Биржи въ Харьковѣ чрезвычайно много содѣйствовало бы, говоритъ Гапоновъ, и болѣе обширному, и болѣе нормальному развитію торговли и промышленности. А желѣзная дорога, если смотрѣть на нее даже съ одной только экономической точки зрѣнія, кромѣ благотворнаго вліянія на промышленныя и торговыя силы, облегчила бы и умножила бы и обмѣнъ знаній, вообще подвинула бы сильно впередъ цивилизацію народа.

Устройство Биржи, развитіе банковскаго кредита, а главное постройка желѣзныхъ дорогъ, понизившихъ стоимость перевозки товаровъ и ускорившихъ торговый обмѣнъ, оказала огромное и могучее вліяніе на дальнѣйшее развитіе харьковской торговли во второй половинѣ XIX в.

Одинъ изъ видныхъ пропагандистовъ идеи о постройкѣ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги Гр. Петр. Даниловскій такъ рисовалъ значеніе ея для жителей г. Харькова.

Милліоны пудовъ соли, писалъ онъ, пойдутъ черезъ Харьковъ изъ портовъ Азовскаго моря, Геническа и Славянска (въ 1865 г. ея было отправлено на сѣверъ 2364000 п.); въ Харьковѣ она будетъ продаваться вмѣсто 80 к., 40 к. съ акцизомъ за пудъ.

Рыбы отправлялось изъ Азовскихъ портовъ въ 1865 г. на 3 мил. р., тогда она въ Харьковѣ подешевѣетъ на 50% или 25%.

Въ 50-хъ годахъ въ Харьковѣ ежегодно строилось 20 новыхъ каменныхъ домовъ; въ 60-хъ годахъ—30; тогда число ихъ сильно увеличится, ибо придетъ Бахмутскій алебастръ, который будетъ втрое дешевле нынѣшняго.

Изъ слободы Савинецъ доставлялся булыжникъ для замощенія харьковскихъ улицъ (до 300 куб. саж. или до 270000 пуд.), тогда цѣна его учетверо уменьшится и въ нѣсколько лѣтъ замостятся въ Харьковѣ *всѣ* его улицы и площади.

Но главное топливо. Въ 1865 г. въ Харковѣ было частныхъ деревянныхъ домовъ 5044, казенныхъ 8, церквей 13=всего 5065 зданій, каменныхъ частныхъ 1121, каз. 41, общественныхъ 11, церквей 13=1186; итого 6251. Они сожигали въ среднемъ по 5 саж. дровъ, а всего съ фабриками истреблялось 35200 куб. саж. на 500000 р. При цѣнѣ угля въ Харьковѣ по 8 к. получится 250000 р. сбереженія. Эта дорога, наконецъ, говорилъ онъ, удешевитъ для Харькова поднозъ съѣстныхъ припасовъ. Вообще же она соединитъ въ Харьковѣ братскіе интересы плодороднаго сельскопромышленнаго русскаго юга и фабричноторговаго русскаго сѣвера" [1]).

Эти предсказанія оправдались не во всѣхъ статьяхъ (напримѣръ, и теперь большая часть Харькова не замощена), но во многихъ отношеніяхъ дѣйствительность далеко превзошла ожиданія.

Главными путями движенія товаровъ въ Харьковѣ и изъ Харькова сдѣлались съ 70-хъ годовъ желѣзныя дороги—Курско-Харьково-Севастопольская и Харьково-Николаевская. Онѣ являются артеріями, соединяющими Харьковъ со множествомъ торгово-промышленныхъ пунктовъ. Съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, радикально измѣнились не только торговые пути, но и самый характеръ и размѣръ торговли. Кромѣ желѣзнодорожныхъ путей ведутъ къ Харькову только грунтовыя дороги, водяныхъ же вовсе не имѣется. Но гужевая доставка товаровъ по сравненію съ желѣзнодорожной представляется незначительной и притомъ она касается главнымъ образомъ Харьковскаго уѣзда. Важнѣйшими продуктами, доставляемыми

---

[1]) Гр. П. Даниловскаго. Знач. Харьк. Аз. жел. дороги со стороны интересовъ жителей и торгующихъ г. Харькова. Зап. Чл. Харьк. Губ. Зем. Упр. Г. П. Д., прочитанная имъ въ собраніи Харьк. домовлад. 25 янв. 1866 г.– (Х. Г. В., 1866, № 14—15).

такимъ способомъ, является шерсть, хлѣбъ и разные съѣстные припасы, привозимые на наши базары. Стоимость желѣзнодорожной доставки несравненно дешевле гужевой: въ то время какъ первая обходится въ $^1/_{18}$ к. съ пуда и версты, а вторая—въ $^1/_5$ к.

Вотъ статистическія данныя о приливѣ и отливѣ грузовъ по указаннымъ желѣзнымъ дорогамъ за 1884 и 1885 годы, т. е. болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Всѣ грузы могутъ быть подведены подъ три категоріи: къ первой принадлежатъ тѣ естественныя произведенія, которыя предназначаются гл. обр. для ввоза и мѣстнаго потребленія въ Харьковѣ; ко второй—тѣ фабрикаты и сырые продукты, которые стекаются въ Харьковъ, какъ въ центральный торговый рынокъ, гдѣ они частью покупаются для потребленія на мѣстѣ, а частью для вывоза въ другія мѣста; къ третьей—товары, принадлежащіе гл. обр. къ обрабатывающей промышленности, производимые въ самомъ Харьковѣ и отсюда вывозимые.

Къ первой категоріи относятся: каменный уголь, лѣсной строительный матеріалъ, дрова, соль, камень, кирпичъ и иной земляной строительный матеріалъ.

Каменнаго угля Харьковъ получалъ въ годъ 3—4 мил. п. изъ Донецкаго бассейна Сенастопольскою желѣзною дорогою. Лѣсного матеріала доставлялось 900—1400 тыс. п. преимущественно Харьково-Ник. дорогою изъ лѣсного сѣверо-западнаго края или изъ Кременчуга, который однако получалъ его оттуда же по Днѣпру и перерабатывалъ на своихъ лѣсопильняхъ. Каменная соль шла изъ ст. Деконской и Бахмута, озерная—изъ Славянска; крымской соли доставлялось въ Харьковъ немного; соли привозилось 300—350 т. п. Дрова (до 500 т. п.) доставлялись изъ близкихъ станцій, лежащихъ въ предѣлахъ Харьковской и Полтавской губ. Камень для харьковскихъ мостовыхъ, плиты и т. п. получались въ количествѣ 700—900 т. п. изъ Кременчуга, Крюкова и ст. Никитовки.

Ко второй категоріи относятся—книги, бумага, обои, вино, галантерейный товаръ, желѣзо и сталь, кожененныя издѣлія, мануфактура, металлическія издѣлія, масло, рыба, смола и деготь, табакъ, посуда, фрукты и ягоды, чугунъ, шерсть и хлѣбъ. Книгъ, бумаги и обоевъ Харьковъ получалъ 150—170 т. п., а отправлялъ 98 т. п., слѣдовательно, оставлялъ себѣ излишекъ въ 52—72 т. п. Книгами вели торговлю въ Харьковѣ 16 книжныхъ магазиновъ и лавокъ; писчая бумага шла главнымъ образомъ для типографій, оберточная—для магазиновъ и лавокъ, обои для оклейки комнатъ. Вина оставалось въ Харьковѣ 53—60 тыс. пуд., въ томъ числѣ заграничнаго 10—15 тыс. пуд.; остальное получалось изъ Крыма, Кавказа и Дона. Галантерейныхъ товаровъ привозилось на 20—30 тыс. пуд. болѣе, чѣмъ вывозилось. Посуды и стекла оставалось въ Харьковѣ отъ 75 до 110 тыс. пуд. Желѣза, стали и чугуна оставалось 210—240 тыс. пуд. и этотъ товаръ доставлялся изъ Нижняго-Новгорода, Екатеринославской губ. и Привислянскаго края; все это шло главнымъ образомъ на мѣстные заводы, ремесленникамъ и кустарямъ; часть этихъ матеріаловъ вывозилась изъ Харькова въ видѣ уже металлическихъ издѣлій. Выдѣланныхъ кожъ и кожныхъ издѣлій (обуви, машинныхъ ремней, чемодановъ и т. п.) прибывало въ Харьковъ болѣе, чѣмъ отправлялось на 40—50 т. п. Обувь низшихъ сортовъ получалась отъ кустарей центральныхъ губерній, а высшихъ сортовъ изъ Варшавы, Петербурга и заграницы. Мануфактурнаго товара оставалось въ Харьковѣ 270 т. п. Это главный товаръ Харьковскихъ ярмарокъ. Шелъ онъ изъ Лодзи, Бѣлостока, Варшавы, Петербурга, Москвы, Риги, Нарвы, Твери, Богородска, Владиміра, Касимова, Зарайска, Вязниковъ, Клинцовъ Черн. губ. и Славуты Волынской губ. и изъ заграницы. Съ заграничными суконными товарами успѣшно конкуррировали, благодаря покровительственнымъ пошлинамъ, польскіе, за исключеніемъ высшихъ сортовъ. Съ сѣвера привозились ситцы, коленкоръ, полотно, парусина, миткаль, грубое сукно, дешевые бархатъ и сукно, а изъ Польши—сукно, трико, фланель, нанбукъ, платки, ситецъ и бумажные товары. Русскаго товара привозилось вдвое болѣе, чѣмъ польскаго, но стоимость этого послѣдняго была вдвое больше, чѣмъ русскаго. Всего мануфактурнаго товара привозилось на 18—20 мил. въ годъ, а изъ Харькова онъ уже расходился по ближайшимъ губерніямъ, по всему югу, и Кавказу. Металлическихъ издѣлій оставалось 60—100 т. п.; это были желѣзныя и чугунныя издѣлія, машинныя части, трубы, замки, гвозди и т. п. Рыбы оставалось 400 т. п. Доставлялась она съ побережья Азовскаго моря и со станцій Ростовъ, Морская, Синявская и Таганрогъ и станцій Волжская и Царицынъ на Волгѣ. Растительнаго масла на долю Харькова доставалось до 45—55 т. п. Древесное и сѣменное масло давали Сумы, Кременчугъ Николаевъ, Курскъ, Прохоровка, Таганрогъ, Донская область, Орловская, Витебская и Черниговская губ. Черезъ Таганрогъ Харьковъ получалъ растительное масло и

изъ заграницы. Смола, деготь и скипидаръ давали излишекъ ввоза до 100 т. п., расходились въ городѣ и уѣздѣ и получались изъ Орловской, Полтавской и Екатеринославской губ. Табаку привозилось болѣе, чѣмъ вывозилось, на 15—17 т. п. 90% ввоза составлялъ табакъ листовой, который перерабатывался на 10 Харьковскихъ табачныхъ фабрикахъ и вывозился во внутреннія губерніи Россіи. Готовый табакъ получался здѣсь изъ Ростова, Севастополя, Полтавы, Кременчуга и Одессы; листовой табакъ—изъ Полтавской, Бессарабской и Черниговской губ., изъ Турціи черезъ Николаевъ и Таганрогъ. Фруктовъ и ягодъ Харьковъ потреблялъ до 80 т. п., которыя привозились изъ Екатеринославской и Таврической губ., изъ Турціи и Греціи, чрезъ Николаевъ, Севастополь, Одессу и Таганрогъ. Шерсть привозилась изъ разныхъ губерній и Харьковъ являлся посредникомъ въ торговлѣ ею. Очень важное мѣсто занималъ также различный хлѣбъ.

Третья категорія товаровъ состояла изъ сахара рафинада, свѣчей, мыла и разныхъ бакалейныхъ товаровъ. Сахаръ производился на мѣстномъ рафинадномъ заводѣ на сумму до 3 мил. р.; часть его оставалась для мѣстнаго потребленія въ Харьковѣ, а другая отправлялась на Кавказъ, въ Крымъ, Ростовъ, Таганрогъ, Москву и Петербургъ. Кромѣ того на Харьковскій рынокъ доставлялось 225—250 т. п. сахара изъ другихъ заводовъ. Свѣчи и мыло производились 8 заводами, находившимися въ Харьковѣ и его окрестностяхъ: вывозилось этихъ фабрикатовъ 62—73 т. п. 13 мѣстныхъ фабрикъ производили пряники, макароны и т. п., которыхъ вывозилось на 55—90 т. п. болѣе, чѣмъ привозилось. Крупы и муки вывозилось болѣе, чѣмъ ввозилось, на 220—228 т. п. Количество прибытія значительно сократилось въ 1885 г. вслѣдствіе открытія новыхъ паровыхъ мельницъ. Наконецъ, Харьковъ отправлялъ значительную часть остатковъ продовольствія населенія. На пропитаніе жителей убивалось около 100 т. головъ крупнаго и мелкаго скота, отъ котораго оставалось много кожъ, сала и костей. Дубильныхъ и кожевенныхъ заводовъ было всего 5, костеобжигательныхъ заводовъ совсѣмъ не было, а мыловаренныхъ и салотопенныхъ было только 13. Вслѣдствіе всего этого часть сала отправлялась въ Привислянскій край и заграницу. Всѣ приведенныя цифры относятся только къ товарамъ, отправляемымъ малою скоростью. Товаровъ большою скоростью отправлялось на 66 т. п. болѣе, чѣмъ получалось. Это значитъ, что мелкіе покупатели изъ сравнительно близкихъ мѣстностей предпочитали отправлять часть купленнаго ими въ Харьковѣ товара болѣе ускореннымъ способомъ, чего не могли дѣлать оптовые торговцы, выписывавшіе товаръ изъ отдаленныхъ пунктовъ и не могшіе уплачивать высокаго тарифа.

Всего въ 1884 году было привезено въ Харьковъ по желѣзнымъ дорогамъ малою скоростью 13676367 пуд., отправлено изъ Харькова 5057336 пуд., въ 1885 году—привезено 14691482 пуд., вывезено 5196449 п. [1]).

Харьковъ является въ настоящее время узловою станціею трехъ желѣзнодорожныхъ линій: Курско-Харьково-Севастопольской и Харьково-Николаевской, слившихся въ одну сѣть южныхъ дорогъ и юго-восточныхъ дорогъ. Особенное развитіе получило на нихъ товарное движеніе. Чтобы дать о немъ нѣкоторое понятіе, мы представимъ нѣсколько фактическихъ данныхъ о размѣрахъ его на б. Харьково-Николаевской дорогѣ.

Изъ отчета этой дороги [2]) усматривается постепенный ростъ всѣхъ перевозокъ и если были колебанія въ сторону пониженія, то они обусловливались неурожаемъ хлѣбовъ и усиленнымъ движеніемъ воинскихъ (безплатныхъ) поѣздовъ. Перевозка ржи возрасла съ сотенъ тысячъ пудовъ первыхъ лѣтъ эксплоатаціи (съ 1870 г.) дороги до 7 мил. въ 1894 году, перевозка пшеницы съ 1 до $25^3/_4$ мил. пудовъ, овса съ десятковъ тысячъ до $3^1/_2$ мил., ячменя со 100 тыс. до 13 мил., муки пшеничной со 100 тыс. до 10 мил., лѣсныхъ матеріаловъ съ 1 до 11 мил. пуд., сахара рафинада и песку съ 900 тыс. до 7 мил., соли со 100 тыс. до 11 мил., каменнаго угля со 100 тыс. до 39 мил., шерсти съ 200 тыс. до $1^1/_4$ мил. пудовъ. Кромѣ того получили развитіе свыше 1 мил. пудовъ перевозки такихъ грузовъ, которые прежде не имѣли никакого серьезнаго значенія: сѣменные высѣвки, мякина и отруби—до 7 мил. пуд., масляничные сѣмена до 2 мил., желѣзо и сталь не въ дѣлѣ—3 мил., чугунъ 2 мил., камень известковый (пре-

---

[1]) Всѣ эти данныя позаимствованы изъ статьи Могилевскаго Приливъ и отливъ грузовъ въ Харьковѣ и изъ Харькова по жел. дорогамъ въ 1884 и 1885 гг. (Харьк. Сборн., вып. 2-й, стр. 218 -231).

[2]) Обзоръ дѣятельности и развитія Х.-Н. жел. дороги за 25 лѣтъ.

имущественно для сахарныхъ заводовъ)—2 мил., керосинъ—1 мил., руда желѣзная—6 мил. Слѣдуетъ однако замѣтить, что измѣнился и характеръ перевозокъ (при общемъ возрастаніи за 14 лѣтъ на 282%): перевозки мѣстнаго сообщенія уменьшились на 20% въ пользу транзита, вывоза и ввоза.

О размѣрахъ харьковской торговли въ девяностыхъ годахъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Въ 1893 году заграничныхъ товаровъ въ мѣстную таможню поступило на 2111690 руб.; выпущено на внутреннее употребленіе на 1958489 р. Таможенной пошлины взято было 532320 р. Изъ русскихъ товаровъ на первомъ мѣстѣ по ввозу стоитъ мануфактура, большая часть которой вывозится изъ Харькова покупателями, такъ что нашъ городъ является гл. обр. передаточнымъ торговымъ пунктомъ и только отчасти потребителемъ этого товара. Затѣмъ видное мѣсто ввоза составляетъ минеральное топливо, котораго поступило до 70 мил. Всѣхъ грузовъ привезено было въ Харьковъ 21510118 пуд., а вывезено изъ Харькова 6259769 пуд. [1]). Въ 1894 г. заграничныхъ товаровъ въ мѣстной таможнѣ было на 2118808 р., выпущено на внутреннее употребленіе на 2121770 р. Таможенной пошлины получено 511296 р. Ввезено всѣхъ грузовъ 21042197 п., вывезено 6818447 п. [2]). Въ 1902 году сдѣлокъ на хлѣбный спиртъ было на 250000 руб., на Харьковской скотобойнѣ убито для продажи скота: 20471 быковъ, 22952 коровы, 13997 бузовиковъ, 6184 теленка, 81127 овецъ, 38027 ягнятъ, 11415 свиней.

Между тѣмъ въ 1876 году было убито слѣдующее количество скота въ Харьковѣ: 42 мясника, торгующіе на Благовѣщенскомъ базарѣ—17750 штукъ крупнаго рогатаго скота, 2500 телятъ, 14500 овецъ, 22700 ягнятъ, 9 мясниковъ, торгующихъ на Нетечинскомъ базарѣ—3100 штукъ крупнаго рогатаго скота, 3500 овецъ, 10500 ягнятъ и неизвѣстное число лицъ, торгующихъ на Конномъ базарѣ и убивавшихъ 1000 штукъ крупнаго рогатаго скота. Всего убивалось 21850 штукъ крупнаго рогатаго скота, 2500 телятъ, 18000 овецъ, 32200 ягнятъ. Если считать въ одной штукѣ крупнаго рогатаго скота 12 пудовъ, въ теленкѣ $1^1/_2$ п., въ ягненкѣ $^1/_2$ п., то это составитъ 262200 пудовъ говядины, 3750 п. телятины, 13500 п. баранины и 16600 п. ягнятъ. Изъ селъ привозилось свѣжей говядины 1000 п. Солонины тремя промышленниками въ Харьковѣ приготовлялось 13500 п. Кромѣ того привезено было въ Харьковъ изъ разныхъ мѣстъ (Чугуевъ, Ахтырка) соленой баранины 11600 пудовъ. Свиней привезено было 2000 штукъ или ок. 9000 п. свинины. Всѣхъ же сортовъ мяса въ свѣжемъ и соленомъ видѣ получалось 331150 п. Населенія въ Харьковѣ тогда было 90000 душъ и такимъ образомъ на душу въ годъ приходилось по 3 п. 27 ф. или въ сутки ок. $^2/_5$ фунта [3]).

Такимъ образомъ, продажа мяса въ Харьковѣ за 26 лѣтъ увеличилась весьма значительно: крупнаго скота почти втрое, а мелкаго почти въ $2^1/_2$ раза, что объясняется главнымъ образомъ увеличеніемъ числа жителей (число жителей возросло съ 90 до 190000, т. е. болѣе чѣмъ вдвое), а отчасти, повидимому, и увеличеніемъ потребленія.

Минеральнаго топлива (антрацита, курнаго и пламеннаго, кокса) было доставлено въ 1902 г. 13418650 п. Заграничныхъ товаровъ изъ харьковской таможни выпущено на 2411409 р.; таможенныхъ пошлинъ поступило 623741 р. 43 к. Привезено было всѣхъ грузовъ 30018581 п., вывезено 7649240 п. [4]). Въ 1903 году на харьковской скотобойнѣ было убито для продажи: быковъ 22991, коровъ 23719, бузовиковъ 12702, телятъ 6359, овецъ 65347, ягнятъ 41712, свиней 14814. Минеральнаго топлива было доставлено 14156400 п. Заграничныхъ товаровъ въ харьковской таможнѣ было на 2681612 р.; таможенныхъ пошлинъ поступило 688467 р. Грузовъ прибыло 30231677 п., вывезено 8900935 п. [5]). Въ 1904 году въ Харьковъ прибыло 29062997 пудовъ, а изъ него выбыло 9303470 пуд. грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Заграничныхъ товаровъ изъ мѣстной таможни харьковской было выпущено на 2254211 р., вывезено было обратно заграницу на 6361 р. Таможенной пошлины получено 623245 р. [6])

---

[1]) Обзоръ ярм. торговли за 1893 годъ (изд. Бирж. Ком.).
[2]) Обзоръ за 1894 годъ.
[3]) Харьк. кал. на 1878 годъ, стр. 306—307.
[4]) Отчетъ Харьк. Бирж. Комит. за 1902 годъ.
[5]) Отчетъ Харьк. Бирж. Комит. за 1903 годъ.
[6]) Отъ секр. Харьк. губ. стат. ком.

О колоссальномъ развитіи внутренней постоянной городской торговли свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя о числѣ магазиновъ и лавокъ и объ ихъ торговыхъ оборотахъ, относящіяся къ 1904 году.

№№ по порядку	Названіе торговыхъ заведеній	МАГАЗИНЫ и ЛАВКИ содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на торговыя предпріятія				Содержались по пром. свид. на торг. пред. 4-го разр. въ 10 р.— шарм. рундуки и др. помѣщенія, не имѣющія вида лавокъ.
		1-го разр. въ 500 р.	2-го разр. въ 125 р.	3-го разр. въ 25 р.	ИТОГО	
1	Мануфактурныя	75	87	16	178	—
2	Галантерейныя	3	55	63	121	49
3	Бакалейно-винныя, черныя и мучныя	9	74	806	889	61
4	Рыбныя и гастрономическія	2	34	36	72	—
5	Готовымъ платьемъ, бѣльемъ, шляпами, шапками	1	60	91	152	48
6	Ренсковые погреба и продажа спирта	1	9	8	18	—
7	Обувью и дорожными вещами	2	30	24	56	9
8	Желѣзно-скобяныя и шорныя	2	37	67	106	34
9	Масляными красками	—	19	1	20	—
10	Табачныя	1	16	13	30	1
11	Буфеты, рестораны, трактиры, столовыя, пивныя лавки и склады	2	28	326	356	—
12	Золотыми, серебряными, мельхіоровыми вещами и часами	3	26	16	45	—
13	Булочныя и кондитерскія	1	13	127	141	91
14	Фруктами	—	—	49	49	3
15	Квасомъ, фруктовыми водами и съѣстными припасами	—	—	4	4	331
16	Кафлями и печными приборами	1	2	2	5	—
17	Кожевенныя	—	10	19	29	6
18	Брезентами и бичевными товарами	2	5	2	9	—
19	Гостинницы и меблированныя комнаты	11	27	15	53	—
20	Каменнымъ углемъ и дровами изъ складовъ	—	8	124	132	—
21	Лѣсными и строительными матеріалами	1	15	1	17	—
22	Цвѣтами и сѣменами	—	5	15	20	—
23	Посудой и хозяйственными принадлежностями	3	11	35	49	22
24	Аптеки	—	11	12	23	—
25	Аптекарскіе магазины	2	33	—	35	—
26	Мясныя	—	9	150	159	23
27	Гробами и памятниками	—	8	5	13	—
28	Швейными машинами и велосипедами	—	11	—	11	—
29	Земледѣльческими машинами и орудіями	2	6	1	9	—
30	Книгами и газетами	—	3	22	25	8
31	Картинами и художественными произведеніями	—	1	—	1	1
32	Музыкальными инструментами и нотами	—	12	2	14	1
33	Бумагой, канцелярскими принадлежностями и чернилами	2	13	6	21	—
34	Оптическими, техническими, электрическими, хирургическими и фотографическими принадл.	—	20	2	22	—
35	Оружіемъ	—	3	—	3	—
36	Мебелью и зеркалами	—	18	22	40	—
37	Игрушками	—	8	7	15	4
38	Обоями	—	5	—	5	—
39	Лошадьми	—	2	2	4	—
40	Фуражемъ	—	—	21	21	55
41	Чаемъ и сахаромъ	7	10	—	17	—
42	Резиновыми, гуттаперчевыми издѣліями	1	4	—	5	—
43	Мѣховыми и пушными товарами	2	9	4	15	—

№№ по порядку	Названіе торговыхъ заведеній	МАГАЗИНЫ и ЛАВКИ содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на торговыя предпріятія				Содержались по пром. свид. на торг. пред. 4-го разр. въ 10 р. — аварп., рундуки и др. помѣщеніи, по имѣющимъ вида лавокъ
		1-го разр. въ 500 р.	2-го разр. въ 125 р.	3-го разр. въ 25 р.	ИТОГО	
44	Ватой	—	4	—	4	—
45	Бани	—	5	1	6	—
46	Плоты и купальни	—	—	—	—	2
47	Керосиномъ	5	2	—	7	—
48	Смазочными и освѣтительными маслами	—	3	2	5	—
49	Мельничными принадлежностями и жерновами	—	1	2	3	—
50	Парчей и церковной утварью	—	4	—	4	—
51	Офицерскими вещами	—	3	—	3	—
52	Конторы по продажѣ каменнаго угля, кокса и соли	9	—	—	9	—
53	Конторы по продажѣ кирпича и цемента	2	—	—	2	—
54	Конторы по продажѣ желѣза, металловъ и ископаемыхъ	4	—	—	4	—
55	Кредитныя учрежденія	12	5	—	17	—
56	Экспедиторскія конторы	4	—	—	4	—
57	Конторы агентурныя, комиссіонныя и проч. торговаго посредничества	4	74	1	82	—
58	Подряды и поставки	—	3	3	6	9
59	Скупка для перепродажи разныхъ товаровъ	1	1	11	13	—
60	Экипажами	—	1	1	2	—
					3178	758

Оборотъ торговыхъ заведеній гор. Харькова, не обязанныхъ публиковать свои отчеты (всевозможные магазины и лавки частныхъ лицъ), въ 1904 году выразился по даннымъ раскладочныхъ присутствій въ общей суммѣ, въ 90282000 руб.

Сверхъ того, въ нижеслѣдующей таблицѣ указаны обороты разныхъ акціонерныхъ предпріятій и товариществъ, обязанныхъ публичною отчетностью и представляющихъ свои отчеты на повѣрку Харьковской казенной палатѣ, которыя производятъ свои операціи въ г. Харьковѣ или правленія коихъ находятся въ г. Харьковѣ. Обороты этихъ предпріятій указаны по отчетамъ.

1. Акц. О-во Брянскихъ каменноугольныхъ копей . . . . . 1242732 р.
2. Акц. О-во Русской горно-заводской промышленности . . . . . 651541 „
3. Южное горнопромышленное О-во . . . . . 297882 „
4. Ругченковское горнопромышленное О-во . . . . . 3796324 „
5. Южно-Русское солепромышленное О-во . . . . . 279280 „
6. Алексѣевское горнопромышленное О-во . . . . . 2633751 „
7. Бабаковское горнопромышленное О-во . . . . . 41913 „
8. Акц. О-во кирпичнаго и огнеупорнаго производства . . . . . 410194 „
9. Голубовское—Берестово-Богодуховское Т-во . . . . . 60503531 „
10. Т-во Харьковскаго сахаро-рафинаднаго завода . . . . . 10330630 „
11. Т-во Соколовъ и Жмудскій . . . . . 5485389 „
12. Т-во Пономаревъ и Рыжовъ . . . . . 3805645 „
13. Ирминское каменно-угольное О-во . . . . . 1242732 „
14. Южно-Русское Т-во пеньковой и канатной промышленности . . . . . 2159275 „
15. Артель Русскихъ инженеровъ . . . . . 176822 „
16. Харьковскій земельный банкъ . . . . . 122898702 „
17. Второе Харьковское О-во Взаимнаго кредита . . . . . 21993291 „
18. Городской купеческій банкъ . . . . . 48323965 „

19. О-во Взаимнаго кредита приказчиковъ	57692979 р.
20. О-во Взаимнаго кредита горнопромышленниковъ Юга-Россіи	2010911 „
21. Первое Харьковское О-во Взаимнаго кредита	13650804 „
22. Харьковское О-во Взаимнаго кредита мелкихъ промышленниковъ	9390311 „
23. Харьковскій городской ломбардъ	1242369 „
Итого	370260973 р.

Наконецъ, нѣкоторыя акціонерныя общества и товарищества, правленія которыхъ находятся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, имѣютъ въ Харьковѣ свои отдѣленія и магазины. По этимъ предпріятіямъ обороты неизвѣстны, такъ какъ эти общества отчитываются не передъ Харьковской палатой. Къ этой категоріи относятся слѣдующія предпріятія:

1) Т-во суконныхъ мануфактуръ „Іокишъ“. 2) Т-во Ново-Костромской льняной мануфактуры. 3) Т-во шерстяныхъ издѣлій „Торнтонъ“. 4) Т-во Центинговской суконной мануфактуры. 5) Акц. О-во суконной мануфактуры Леонгардъ, Велькеръ и Гирбардъ. 6) Акц. О-во Жирардовскихъ мануфактуръ Гилле и Дитрихъ. 7) Т-во суконной фабрики В. Барышникова С-вей. 8) Моэсъ, Карлъ Августовичъ и К°. 9) Т-во чайной торговли „Бр. К. и С. Поповы“. 10) Русское Т-во чайной торговли „Караванъ“. 11) Т-во чайной торговли „В. Высоцкій и К°“. 12) Т-во мануфактуръ Викула Морозова. 13) Т-во Прохоровской Трехгорной мануфактуры. 14) Т-во мануфактуръ „Коншина“. 15) Т-во мануфактуръ „Эмиль Циндель“. 16) Т-во М. С. Кузнецова. 17) Нефтепромышленное и торговое О-во „Мазутъ“. 18) Акц. О-во бумажныхъ мануфактуръ „Карла Шейблера“. 19) Т-во ситце-набивной мануфактуры „Альберта Гюбнера“. 20) Южно-Русское Днѣпровское металлургическое О-во. 21) Русское О-во торговли аптекарскими товарами. 22) С.-Петербургскій Международный Коммерческій Банкъ. 23) Акц. О-во Мальцовскихъ заводовъ. 24) Азовско-Донской Коммерческій Банкъ. 25) Сѣверный Банкъ. 26) Т-во Невской ниточной мануфактуры. 27) Торгово-промышленное Т-во „Губкинъ и Кузнецовъ“. 28) Волжско-Камскій Банкъ. 29) Т-во Нобель. 30) Русское Т-во торговли цементами. 31) Т-во Ф. Елагина С-вей. 32) Т-во А. Каретниковой. 33) Т-во Н. Ф. Зубкова. 34) Акц. О-во „Л. Громанъ“. 35) Т-во Т. Кацепова. 36) Т-во Сосипатра Сидорова. 37) Т-во Ивана Бутикова. 38) Т-во В. Демидова. 39) Т-во И. Коновалова. 40) Т-во Саввы Морозова С-вей. 41) Т-во Лабзина и Грязнова. 42) Т-во Красильниковой С-вей. 43) Акц. О-во „Юліусъ Гейнцель“. 44) Т-во Шлиссельбургской мануфактуры. 45) Т-во Миндовскій и Бакакинъ. 46) Т-во мануфактуръ С. Соколова. 47) К° Богородской мануфактуры. 48) Т-во Меленковской мануфактуры. 49) Т-во Бр. Барановыхъ. 50) Т-во Даниловской мануфактуры. 51) Т-во Тверской мануфактуры. 52) Т-во И. Демина.

Глава 11-я.

Промышленность и ремесла.

Мы знаемъ, что въ 1780 году основнымъ занятіемъ жителей гор. Харькова было земледѣліе: имъ занималось тогда 70% населенія. Въ самомъ началѣ XIX в. Харьковъ также являлся не только промышленно-торговымъ центромъ, но отчасти и земледѣльческимъ поселеніемъ.

Въ 1804 году въ немъ было три казенныхъ хлѣбныхъ магазина, куда доставляли хлѣбные запасы войсковые обыватели, проживавшіе въ Харьковѣ въ количествѣ 3304 душъ. Въ нихъ было 1001 четв. озимаго и 73 четв. яроваго хлѣба; въ недоборѣ за 1803-й годъ было 258 четв. озимаго и 51 четв. яроваго; заимообразно въ прежніе годы роздано было 364 четв. озимаго и 235 четв. яроваго. Кромѣ того вмѣсто 1457 р. 76 к. зачтенныхъ въ подати за хлѣбъ, проданный въ 1774 г. и отданный поселянамъ въ 1787 г. въ провіантское вѣдомство, нужно было доставить въ магазины 199 четв. озимаго и 377 четв. яроваго.

Отсюда видно, что обязанность содержать хлѣбные запасы въ магазинахъ являлась въ это время для Харькова уже своего рода пережиткомъ: то, что взято было нѣкогда заимообразно, не пополнялось, текущія обязательства не выполнялись. И это, конечно, потому, что Харьковъ представлялъ изъ себя слишкомъ крупный торговый центръ для того, чтобы въ немъ могла съ успѣхомъ дѣйствовать система, имѣвшая раціональныя основанія для примѣненія въ селахъ и деревняхъ. Другими словами, въ теченіе XIX вѣка земледѣльческая промышленность харьковцевъ постепенно сокращалась. Но все же въ 1801 году многіе жители г. Харькова занимались еще хлѣбопашествомъ и отчасти скотоводствомъ. Обмежеванаго при генеральномъ межеваніи выгона г. Харьковъ не имѣлъ, вслѣдствіе чего обыватели свой домашній скотъ должны были выгонять на пастбище въ общественные стада. Къ городу однако была обмежована особая дача, которая за исключеніемъ помѣщичьихъ чересполосныхъ участковъ обрабатывалась обывателями; многіе изъ нихъ имѣли частью заимочныя, частью купленные хутора и экономическія заведенія [1]).

Изъ статистическаго обозрѣнія г. Харькова 1817 года видно, что обмежованная къ нему дача состояла изъ 25000 десятинъ съ чересполосными помѣщичьими землями; проживавшіе въ городѣ казенные (войсковые) обыватели, владѣя покупными и старозаимочными землями, имѣли свои хутора и при нихъ разныя экономическія заведенія. Общественнаго выгона городъ не имѣлъ, отчего и жители, и являвшіеся на ярмарки подводчики—воловики, терпѣли большія неудобства [2]).

Многіе, распахавъ землю около города, засѣвали ее хлѣбомъ для собственнаго продовольствія. Нѣкоторые получали хорошій доходъ отъ продажи огурцовъ, арбузовъ и особенно дынь. Садоводствомъ, какъ особою отраслію промышленности, занимались немногіе: яблоки, сливы, дули и вишни разводились болѣе для домашняго обихода [3]).

Состояніе заводской промышленности и ремеслъ въ Харьковѣ въ началѣ XIX в. было таково. Въ Харьковѣ въ 1815 году было 40 заводовъ и одна фабрика, одно промышленное заведеніе приходилось на 309 душъ обоего пола (въ Харьковѣ было тогда 12662 душъ жителей). Два завода выдѣлывали мыло: купца Григорія Петрова съ производствомъ до 10000 пуд. и Медвѣдева съ производствомъ въ 3000 пуд. Мыло это продавалось частью въ самомъ городѣ, частью въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ Харьковской губ., частью отправляемо было въ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи. Кафельный заводъ, на которомъ выдѣлывали до 6000 калужскихъ кафель, принадлежалъ тульскимъ мѣщанамъ Алексѣю Власову и Алексѣю Добрынину; кафли продавались

---

[1]) Харьк. сбор., вып. 3-й, стр. 94.

[2]) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 5-е, шкафъ 37, № 475.

[3]) В. Пассека. Ист. стат. взглядъ на города Харьк. губ. Харьковъ (Мат. для стат. Рос. Имп., отд. III, стр. 94).

въ Харьковѣ, уѣздныхъ городахъ Харьк. губ., въ Полтавской и Екатеринославской губ. Полпивныхъ заводовъ было 5—купца Анд. Смирнова съ производствомъ въ 3000 ведеръ, купца Сем. Мухина съ производствомъ въ 10000 вед., посадскаго Ив. Смирнова—въ 3200 вед., обывателя Рѣшитька—въ 3000 вед., обывателя Искры—3000 вед. Пиво это продавалось бочками въ Харьковѣ, вывозилось въ уѣздные города Харьковской губ. и въ Курскую губ. Салотопенныхъ заводовъ было 18—купца Медвѣдева и другихъ лицъ съ производствомъ въ 30000 пудовъ. Продуктъ продавался въ Харьковѣ, а частью отправлялся въ Москву, Петербургъ и Одессу. Свѣчныхъ заводовъ было 6—купцовъ: Мишукова, Комлева, Медвѣдева, Ващенкова, Митина и цеховаго Піюка, первый выдѣлывалъ 2500 пуд., 2-й—1000, 3-й—500, 4-й—1500, 5-й—500, 6-й—1000 п. Свѣчи продавались въ Харьковѣ и Харьк. губ., а также или въ Кіевъ, Ригу, Бердичевъ, Черниговскую губ. Кирпичныхъ заводовъ было 7—поручика Строева съ производствомъ въ 200000 штукъ, помѣщика Квитки (200000), казенныхъ обывателей: Пилипенка (300000), Ковриги (300000), Тарасова (200000), Рѣшитька (200000), мѣщанина Безпалова (100000); общее производство доходило до 1500000 штукъ и весь этотъ кирпичъ продавался на мѣстѣ въ Харьковѣ. Кожевенный заводъ былъ одинъ, принадлежалъ нѣмцу Гринросу. Фабрика была одна—купца Федора Карпова, выдѣлывавшая байку, продававшуюся въ самомъ Харьковѣ. Но кромѣ этого крупнаго заводскаго производства было тогда въ Харьковѣ и мелкое ремесленно-кустарнаго типа. Многіе цеховые обыватели выдѣлывали для городскихъ жителей въ совокупности до 1000 кожъ, до 26000 овчинъ, которые употреблялись на шитье тулуповъ, продававшихся въ Харьковѣ и уѣздѣ и до 26000 „коцовъ“, т. е. ковровъ; послѣднимъ производствомъ занимались не только мужчины, но и женщины (коцарки) [1]) и продавали эти „коци“ частью въ Харьковѣ, а частью отправляли въ Москву. Изъ ремесленниковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова упоминаются сапожники, башмачники, портные, кузнецы, мѣдники, столяры, карстники, плотники, кожевники, золотари, слесари и часовыхъ дѣлъ мастера [2]).

По статистическому обозрѣнію г. Харькова 1817 г. оказывается, что одна часть городского населенія—казенные обыватели—занималась еще кромѣ земледѣлія и чумачествомъ, иначе прасольствомъ, т. е. извозомъ и продажею соли и соленой рыбы изъ Крыма и Дона, другая же—цеховые—ремеслами.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ, говорится въ этомъ документѣ, содержатъ салотопные, свѣчные, мыльные, также пивоваренные заводы. На первыхъ, число коихъ простиралось до 18-ти, выдѣлывалось въ годъ мыла до тринадцати тысячъ, сала до тридцати и свѣчей до десяти тысячъ пудовъ. Полпива вываривалось до 25 тыс. ведеръ. Кромѣ сала, которое отправлялось къ портамъ: С.-Петербургскому и частью Одесскому, всѣ упомянутыя произведенія расходились продажею въ здѣшней и въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Была небольшая байковая фабрика купца Карпова. Жителями въ домахъ, кромѣ другихъ рукодѣлій, вырабатывалось до 26 тысячъ простыхъ ковровъ, которые продавались въ донскія станицы, частью же во внутреннія губерніи, даже въ Москву и С.-Петербургъ, гдѣ ковры этого рода были извѣстны подъ именемъ Харьковскихъ.

По сообщенію В. Пассека, три свѣчныхъ завода купцовъ Павлова, Піука и Ващенкова выдѣлывали ежегодно болѣе 14000 пуд. свѣчей. Заводъ перваго былъ устроенъ въ 1826 г., а двухъ послѣднихъ въ 1815 году. Каждый работникъ получалъ ежегодно не менѣе 120 руб. На мыловарняхъ Павлова и Ващенкова ежегодно приготовлялось болѣе 6000 пуд. мыла (плата работникамъ та же, что и на свѣчныхъ заводахъ). На кирпичныхъ выдѣлывалось болѣе 8000000 штукъ кирпича. На пивоваренномъ заводѣ купца Искры вываривалось пива отъ 15 до 20 тыс. ведеръ; работники получали отъ 120 до 300 руб. и болѣе. Мѣдно-плавиленные и молотобойные заводы, принадлежавшіе купцамъ—Карталову (устроенъ былъ въ 1810 г.), Рыжову (открытъ въ 1820 г.) и Плетневу (дѣйствовалъ съ 1826 г.) обрабатывали не менѣе 7000 п. мѣди, по мѣстнымъ цѣнамъ на сумму до 350000 р. Здѣсь работникъ получалъ въ годъ отъ 120 и 200 до 1000 руб., смотря по занятіямъ и своему искусству. Заводы эти были особенно важны, потому что до открытія ихъ харьковскіе купцы, собравъ старую мѣдь съ винокурень, принуждены были отсылать ее для передѣлки въ Москву и платить, не говоря уже объ издержкахъ дальняго провоза, рублей по 8 съ пуда. Теперь же трубы, приготовляемыя въ Харьковѣ для винокурень, перестали уступать московскимъ.

---

[1]) Отсюда названіе Коцарской улицы.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ. Изъ докум., пожертвованныхъ Н. А. Морозовой.

На литейный чугунный заводъ, открытый въ 1835 году купцомъ Федотовымъ, поступало ежегодно болѣе 3000 п. чугуна. Плата работникамъ восходила отъ 120 до 800 р. Желѣзные заводы, устроенные купцами Рыжовымъ, Плетневымъ и Карталовымъ, преимущественно занимались приготовленіемъ котловъ для винокурень. Ежегодныя издѣлія ихъ вѣсили болѣе 8000 п., а работники получали то же жалованье, что и на мѣдно-плавильныхъ заводахъ. Изразцовые заводы помѣщика Рейнеке и нѣкоторыхъ изъ обывателей доставляли прекрасные образцы. Изъ кожевенныхъ заводовъ были замѣчательны—принадлежавшій купцу Животовскому (былъ открытъ въ 1836 г.) и устроенный иностранцемъ Рехнеромъ. На первомъ выдѣлывалось примѣрно до 50000, на второмъ не болѣе 6000 кожъ ежегодно. У чиновника Аксентьева было (съ 1832 г.) небольшое заведеніе для бѣленья воску и приготовленія восковыхъ свѣчей (до 500 п.). Обороты шляпной фабрики Соловьева и Зауера, по новости устройства ея (въ 1837 г.), еще не были извѣстны; работники получали отъ 400 до 500 р. Солоньеву же принадлежало открытое въ 1829 г. заведеніе, на которомъ по заказу приготовлялась разная мебель; плата работникамъ была отъ 200 до 300 р. Въ лѣтнее время до 2000 женщинъ и дѣвушекъ, бо́льшею частью крестьянокъ изъ уѣздовъ и окрестностей города, занимались мытьемъ шерсти на особо съ этою цѣлью устроенныхъ мойкахъ. Шерсти промывалось въ годъ слишкомъ на 7 мил. руб.

По крайней мѣрѣ въ 50 обывательскихъ домахъ дѣлали небольшіе ковры или *коци*. Въ каждомъ изъ этихъ домовъ можно было найти два или три станка, за каждымъ станкомъ двухъ или трехъ женщинъ, которымъ обыкновенно достаточно было двухъ дней для окончанія едва лишь начатой работы. Послѣ того не удивительно, что здѣсь ежегодно приготовлялось не менѣе 20000 ковровъ; нѣкоторые находили приличный сбытъ въ городѣ или губерніи, остальные шли на Донъ и въ сѣверныя губерніи. Обыкновенная цѣна имъ была отъ 4 до 12 р. Но были и совсѣмъ дешевые и очень дорогіе—рублей въ 50 и болѣе. Шерсть для нихъ покупали на ярмаркахъ; въ составленіи красокъ искусны были сами мастерицы [1]). Подобно *коцаркамъ* многіе изъ мужчинъ занимались у себя на дому выдѣлкою простыхъ кожъ для харьковскихъ базаровъ или шитьемъ *свитъ*, т. е. кафтановъ здѣшняго малороссійскаго покроя, которые шли и въ свою и въ сосѣднія губерніи. Довольно было также скорняковъ или *кушнярей*, выдѣлывавшихъ овчины; шерстобитовъ или шаповаловъ, приготовлявшихъ войлоки; бочкарей или бондарей, дѣлавшихъ бочки или кадки; кузнецовъ, поставлявшихъ лемехи и отрѣзы для плуговъ; горшечниковъ или гончаровъ (по ремеслу ихъ, цѣлый пригородъ получилъ названіе Гончаровки), заготовлявшихъ красивую глиняную посуду.

---

[1]) Свѣдѣнія о коцаркахъ находимъ мы и въ воспоминаніяхъ Топчіева.

„Кромѣ попеченія о своемъ семействѣ, бабка моя, говоритъ онъ, призрѣла и воспитала нѣсколько сторонннихъ дѣвочекъ круглыхъ сиротъ изъ простого званія. Продержавъ у себя приведенную къ ней или отысканную ею самою сиротку лѣтъ до двѣнадцати, она отдавала ее учить коцарству (производству простыхъ ковровъ); впослѣдствіи выдавала замужъ на свой счетъ и надѣляла приданымъ. Производство простыхъ ковровъ было въ то время весьма выгодно и развито въ Харьковѣ въ большей степени, нежели въ какой оно теперь находится. Испанскихъ овецъ едва только начали разводить для опыта въ нѣкоторыхъ (немногихъ) помѣщичьихъ имѣніяхъ; за то много было простыхъ овецъ, какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ Харьковской губерніи. По недостатку покупателей, большая часть шерсти потреблялась внутри губерніи, на выдѣлку крестьянской одежды и простыхъ ковровъ. Ковры покупались для вывоза во внутреннія губерніи, Новороссію и въ Крымъ большими партіями, во время Крещенской и Успенской ярмарокъ.—Бабка моя сперва только помогала своимъ воспитанницамъ закупкою нужной для ковровъ шерсти, но впослѣдствіи приняла участіе въ выдѣлкѣ и продажѣ ковровъ. Покупала шерсть въ Троицкую ярмарку, когда можно было купить большою партіей, изъ первыхъ рукъ, дешевле, нежели въ другое время; шерсть эту раздавала коцаркамъ, которыя сами пряли ее, красили въ разные цвѣта, ткали изъ нея ковры и сносили къ бабкѣ моей для продажи ихъ оптомъ въ Крещенскую или Успенскую ярмарку. Принимая ковры, она тутъ же выдавала деньги за работу; а по продажѣ ихъ, за вычетомъ стоимости матеріаловъ и заплаченныхъ денегъ за работу, чистымъ барышомъ дѣлилась пополамъ съ коцарками,—и онѣ получали бы гораздо меньше выгодъ, если бы, нуждаясь въ деньгахъ на покупку красокъ и шерсти, спѣшили, одна передъ другою, сбыть съ рукъ вытканные ими ковры и самые матеріалы покупали несвоевременно. Многія тысячи ковровъ перешли чрезъ руки бабки моей въ продолженіе ея жизни! Изъ барышей отъ производства ковровъ у нея составился значительный по тогдашнему капиталъ, такъ что впослѣдствіи на приданое своимъ тремъ дочерямъ она не прибѣгала къ помощи своего мужа. Потеря мужа и почти вслѣдъ за нимъ единственнаго сына убила въ ней прежнюю энергію; со смертью ихъ она перестала заниматься производствомъ ковровъ и даже собственнымъ хозяйствомъ.—И у дѣда моего были свои мужескаго пола „годованцы“ или воспитанники, которыхъ онъ или отдавалъ учиться ремесламъ или пріучалъ къ хозяйству, торговлѣ и потомъ помогалъ имъ дѣлаться самостоятельными хозяевами“.

О промышленныхъ занятіяхъ харьковскаго населенія въ 1837 г. Н. Милютинъ сообщаетъ слѣдующія данныя: „Низшая часть жителей, какъ-то: помѣщичьи и другіе крестьяне промышляютъ наемными работами. Казенные обыватели, живущіе въ городѣ и въ подгородныхъ слободахъ, занимаются хлѣбопашествомъ, владѣя *заимочными* или купленными землями и имѣя свои выселки или хутора, съ разными хозяйственными заведеніями. Тѣ, кои не имѣютъ сихъ хуторовъ, промышляютъ *прасольствомъ* или *чумачествомъ*, а другіе выдѣлкою ковровъ (коцъ) и другихъ издѣлій. Ковры эти извѣстны во всей Малороссіи, хотя ихъ выдѣлываютъ по большей части женщины руками безъ всякой механической помощи.

Лавокъ въ 1836 г. было 221, изъ нихъ съ красными товарами 103, хлѣбныхъ 50 и москательныхъ 68, въ 1837 г. число лавокъ увеличилось до 276.

Трактировъ и гостинницъ, отданныхъ отъ Думы въ откупное содержаніе, было въ 1836 г.—6, харчевень и гостинницъ—18, ренсковыхъ погребовъ—19, изъ коихъ одинъ съ продажею крымскихъ винъ изъ имѣнія покойной княгини А. С. Голицыной; питейныхъ домовъ—56 [1]).

Въ 1836 году ремесленниковъ, записанныхъ въ цехи, было слѣдующее число:

Портныхъ хозяевъ 60, работниковъ у нихъ 132, учениковъ 332, сапожниковъ 100 (хозяевъ), 148 (работниковъ) и 186 (учениковъ), кушнирей 25, 65 и 60, столяровъ 21, 35 и 81, каретниковъ 10, 108 и 142, кузнецовъ 31, 88 и 45, оловянщиковъ 10, 10 и 5, слесарей 7, 4 и 20, серебряниковъ 8, 5 и 9, картузниковъ 6, 11 и 12, часовыхъ мастеровъ 5, 3 и 12, итого всѣхъ мастеровъ 293, подмастерьевъ у нихъ 612, учениковъ 904, а всего 1809 душъ. Всего цеховыхъ съ семьями въ 1837 году было 2528 душъ обоего пола, что составитъ нѣсколько болѣе 10% общаго числа жителей [2]). Но несомнѣнно, что ремеслами занимались и представители другихъ сословій, напримѣръ, мѣщане.

Но мы имѣемъ кромѣ того неизданный богатый оффиціальный статистическій матеріалъ о фабрикахъ—заводахъ въ Харьковѣ въ 1837 году и онъ восполняетъ пробѣлы приведенныхъ выше извѣстій.

Два *кожевенные* завода принадлежали харьковскому купцу 3-й гильдіи Ивану Животовскому и цеховому иностранцу Давиду Шмидту. Первый былъ основанъ въ 1835 году; при немъ состояло 22 рабочихъ, выдѣлывалось въ немъ 10700 кожъ на 35000 р. и онѣ поставлялись въ уланскую дивизію и продавались въ Харьковскую губ.; второй былъ основанъ въ 1830 году и выдѣлывалъ неопредѣленное количество разныхъ кожъ на 6000 руб., товаръ продавался на мѣстѣ производства, рабочихъ въ немъ было 4 д.

Кафельная фабрика коллежскаго регистратора Ефима Лавровскаго, существовавшая съ 1807 года, вырабатывала 15000 штукъ кафель на сумму 10000 р., продавались въ Харьковѣ и Екатеринославѣ, рабочихъ въ ней было 11 д.

Одиннадцать салотопенныхъ заводовъ: харьковскаго войскового обывателя Михаила Ключки (съ 1827 г.), съ 4 чел. рабочихъ, съ производствомъ въ 2000 р. (800 пудовъ сала); харьковскаго 3-й гильдіи купца Леонтія (фамилія вырвана) съ 1825 года, съ 20—30 чел. рабочихъ, съ производствомъ въ 40 тыс. руб. (4 тыс. пудовъ сала); харьк. 3-й гильдіи купца Петра Келеберды, съ 1828 г., съ 8 раб., съ производствомъ въ 40 тыс. руб. (4 тыс. пуд.); харьк. 3-й гильдіи купца Николая Дорошенка съ 1825 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 3500 р. (350 пуд.); мѣщ. Андр. Ващенка, съ 1835 г., съ 5 раб., съ производствомъ въ 25 тыс. руб. (2500 пуд.); купца 3-й гильдіи Вас. Ключки, съ 1825 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 7 тыс. руб. (700 п.); войсковаго обывателя Петра (фам. не разобрана) съ 1835 г., съ 4 раб., съ производствомъ въ 3500 р. (350 п.); купеч. сына Ал. Лелюка съ 1835 г., съ 5 раб., съ производствомъ въ 15 тыс руб. (1500 п.); харьк. купца 3-й гильдіи Ив. Ващенкова, съ 1822 г., съ 5 раб., съ производствомъ въ 5 тыс. руб. (500 п., товаръ продавался на мѣстѣ); мѣщ. Сем. Федоренка. нанимавшаго у войск. обыв. Ос. Мовчета (начало основанія съ давнихъ временъ), съ 2 раб., съ производствомъ въ 3 тыс. руб. (300 пуд.); харьк. 3-й гильдіи купца Леон. Прука, съ 1833 г., съ 30 раб., съ производствомъ въ 30 тыс. руб. (3 тыс. пуд.).

4 сѣчные завода: кол. рег. Кон. Авсентьева съ 1828 г., нанималъ у купеч. сына Матв. Каргопольскаго, съ 4 раб., съ производствомъ въ 12 тыс. руб. (300 пуд. восковыхъ свѣчей, продаваемыхъ на мѣстѣ);

---

[1]) Н. Милютина Обозрѣніе г. Харькова (Ж. М. В. Д. 1838, ч. 28, стр. 213—215).

[2]) Тамъ же, стр. 214, 210.

харьк. 3-й гильдіи купца Ив. Ващенка, съ 1835 г., съ 4 раб., съ производствомъ въ 9 тыс. руб. (1200 пуд.); его же Ващенка, съ 1811 г., съ 2 раб., съ производствомъ въ 13 тыс. руб. (1200); харьк. 2-й гильдіи купца Ак. Павловскаго, съ 1827 г., съ 4 раб., съ производствомъ въ 48 тыс. руб. (4000 пуд.).

Два *мыловаренные* завода: харьк. 2-й гильдіи купца Ак. Павловскаго, съ 1836 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 42 тыс. руб., мыла вырабатывалось 7800 пуд. и оно поступало въ продажу въ Екатеринославъ, Елисаветградъ и Харьковъ; харьк. 3-й гильдіи купца Ив. Ващенка, съ 1830 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 15 тыс. руб., мыла вырабатывалось 4500 п. и оно продавалось въ Одессѣ, Херсонѣ и Николаевѣ.

Три *пивоваренные завода:* поч. гражданки, коммерціи совѣтницы Екатерины Кузиной, съ 1834 года, нанимавшей у содержателя харьковскаго питейнаго двора, вырабатывалось пива въ немъ 7 тыс. ведеръ, которое расходилось по откупу на неопредѣленную сумму; купца 1-й гильдіи Ник. Зикова, съ 15 раб. и харьк. купца 3-й гильдіи Прок. Искры, съ 1806 г., съ 12 раб., вырабатывалось въ нихъ 10 тыс. ведеръ пива, которое продавалось въ Харьк. губ.—въ питейныя коморы, помѣщикамъ и частью жителямъ гор. Харькова; производство ихъ равнялось 12 тыс. руб.

Одинъ *водочный* заводъ поч. гражданки, коммерціи совѣтницы Екат. Кузиной, съ 1834 г., нанимавшійся у тверского 1-й гильдіи купца Ник. Зикова, съ 5 и болѣе рабочихъ, на немъ перегонялось ординарной и трехъ-пробной водки 3000 ведеръ, которые расходились по откупу на неопредѣленную сумму.

Шесть *кирпичныхъ* заводовъ: первый той же Кузиной, устроенный съ давнихъ временъ, доставшійся по покупкѣ съ публичнаго торга въ 1836 г., съ 60 раб., съ производствомъ въ 12 тыс. руб., на немъ вырабатывалось до 800 тыс. кирпича, который предполагалось употребить на собственную постройку; харьковскаго 3-й гильдіи купца Прок. Искры, основанный въ 1832 г. по контракту на 6 лѣтъ на наемной землѣ, съ 26 раб., съ производствомъ въ 9600 р., вырабатывалось 800 тыс. кирпича, продававшагося на мѣстѣ; купца 3-й гильдіи Вас. Половинчикова, съ 1827 г., съ 16 раб., съ производствомъ въ 4800 руб., 400 тыс. кирпича, продававшагося на мѣстѣ; харьк. войсковаго обывателя Іова Рѣшетки, съ 30 раб., съ производствомъ въ 4800 р., 400 тыс. кирпича, продававшагося на мѣстѣ; харьк. войсковаго обывателя Петра Половинчикова, съ 1827 г., съ 13 раб., съ производствомъ въ 3600 р., 300 тыс. кирпича, продававшагося на мѣстѣ; харьковскаго 3-й гильдіи купца Ал. Тарасова, съ 1805 г, съ 20 раб., съ производствомъ въ 3600 р., 300 тыс. кирпича, продававшагося въ Харьковѣ.

Четыре завода *мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій:* Харьк. купца 3-й гильдіи Ив. Рыжова, съ 1818 г., съ 18 раб., съ производствомъ въ 140000 р., выдѣлывалось кубовъ, паровиковъ желѣзныхъ 5, вѣсомъ отъ 100 до 300 пул., кубовъ съ трубами мѣдныхъ 85, вѣсомъ отъ 25 до 50 п., поступали въ продажу на мѣстѣ; харьк. купца 3-й гильдіи Романа Плетнева, съ 1826 г., съ 12 раб., съ производствомъ въ 89 тыс. руб., выдѣлывалось кубовъ паровыхъ желѣзныхъ отъ 10 до 20 штукъ, вѣсомъ отъ 100 до 300 п., кубовъ съ трубами мѣдныхъ 50 штукъ, вѣсомъ отъ 20 до 50 п., все это продавалось на мѣстѣ; харьк. купца 3-й гильдіи Андр. Картакова, съ 1805 г., съ 5 раб., съ производствомъ въ 28 тыс. руб., выдѣлывалось кубовъ паровыхъ желѣзныхъ отъ 10 до 15 штукъ, вѣсомъ отъ 200 до 300 п., продавались на мѣстѣ; харьк. мѣщанина Мих. Винтиковскаго, съ 1822 г., съ 6 раб., съ производствомъ въ 6 тыс. руб., выдѣлывались и продавались на мѣстѣ самовары и другія мелкія издѣлія.

Одинъ заводъ *чугунныхъ издѣлій* харьк. купца 3-й гильдіи Григ. Федотова, съ 1835 г., съ 9 раб., съ производствомъ въ 40 тыс. руб., тамъ производилась отливка разнаго рода чугунныхъ машинъ (до 4 тыс. пудовъ), продававшихся на мѣстѣ.

Двѣ *красильныя* фабрики: иностранца Густ. Мейстера, съ 1823 г., съ 4 раб., съ производствомъ въ 1500 р., здѣсь красились сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи; иностранца Авг. Темпа, съ 1831 года, съ 2 раб., съ производствомъ въ 1000 р., здѣсь дѣлалось то же, что и на первой.

Двѣ *пряничныя фабрики:* харьк. 2-й гильдіи купца Ак. Павлова, съ 1825 г., съ 10 раб., съ производствомъ въ 9 тыс руб., здѣсь выдѣлывалось 1000 пуд. пряниковъ разныхъ сортовъ, продававшихся въ Харьк. губ.; 3-й гильдіи купца Сем. Павлова, съ 1826 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 10 тыс. руб., производила то же и въ такомъ же количествѣ, какъ и предыдущая.

Одинъ *маслобойный заводъ* харьк. 3-й гильдіи купца Ив. Якимова, съ 1837 г., съ 7 раб., съ производствомъ въ 15 тыс. пуд., выбивалось 2 тыс. пудовъ масла, продававшагося на мѣстѣ.

Шесть *экипажныхъ* фабрикъ: капитана Мих. Баршевскаго, ст 1831 г., съ 50 рабоч., съ производствомъ въ 130 тыс. руб., въ ней дѣлались кареты, коляски въ неопредѣленномъ количествѣ и продавались на мѣстѣ производства въ Харьковѣ; причисленнаго по г. Харькову къ купечеству иностранца Тим Дангела, съ 1833 г., съ 10 раб., съ производствомъ въ 10 тыс., дѣлались и починялись всякіе экипажи; харьк. 3-й гильдіи купца Ант. Водопьянова, съ 1820 г., съ 70 раб., съ производствомъ въ 100 тыс. руб., дѣлались и продавались въ Харьковѣ кареты, коляски, брички, дрожки, зимнія кареты, коляски и сани; иностранца Мартына Карпе, съ 1822 г., съ 41 раб., съ производствомъ въ 20 тыс. руб.; канцеляриста Евгр. Вилина, съ 1836 г., съ 14 раб., съ производствомъ въ 12 тыс. руб., харьк. 3-й гильдіи купца Андр. Руденкова, съ 1818 г., съ 35 раб., съ производствомъ въ 50 тыс. руб., производилось на нихъ то же, что и на предыдущихъ.

Пять *мебельныхъ* фабрикъ: харьк. 3-й гильдіи купца Ѳед. Соловьева, съ 1830 г., съ 28 раб., съ производствомъ въ 20 тыс. руб., здѣсь дѣлалась разнаго рода мебель, продававшаяся въ Харьковѣ; иностранца Георга Доберта, съ 1831 г., съ 13 раб., съ производствомъ въ 4 тыс., иностранца Карла Прейсъ, съ 1830 г., съ 12 раб., съ производствомъ въ 7 тыс. руб., дѣлалась разная мебель, продававшаяся въ Харьковѣ и губерніяхъ -Курской, Воронежской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской и Полтавской; иностранца Августа Бетхера, съ 1820 года, съ производствомъ въ 4500 р., дѣлалась разная мебель по заказу и особо и продавалась на мѣстѣ; иностранца Андр. (фамилія не разобрана), съ 1836 г., съ 9 раб., съ производствомъ въ 3 тыс. руб.

Одна *шляпная* фабрика Харьковскаго 3-й гильдіи купца Федора Соланева съ 1837 года.

Двѣнадцать *шерстяныхъ мовскъ*: Харьковскаго 2-й гильдіи купца Андрея Климова и купчихи 1-й гильдіи Екатерины Щелковой съ 1829 года, рабочихъ на ней было отъ 250 до 300 чел., стоимость производства доходила до 700 тыс. руб., шерсти вымывалось до 7 тыс. пуд. и отправлялось въ Москву; наслѣдниковъ купца Ивана Рыжова съ 1826 года, рабочихъ на ней было отъ 300 до 400 чел., стоимость производства доходила до 800 тыс. руб., шерсти вымывалось до 8 тыс., отправлялась въ Москву; харьковскаго 2-й гильдіи купца Василія Цыгарева съ 1830 года, рабочихъ отъ 200 до 300 чел., стоимость производства 650 тыс. руб., шерсти вымывалось 7 тыс. пуд., отправлялась въ Москву; харьковскаго 1-й гильдіи купца Мел. Андреева съ 1818 года, рабочихъ отъ 250—300 чел., стоимость производства 700 тыс. руб., шерсти вымывалось 7 тыс. пуд., отправлялась въ Москву; харьковскаго 3-й гильдіи купца Фед. Бакуменка съ 1805 года, рабочихъ отъ 220 до 300 чел., стоимость производства 650 т. р., шерсти вымывалось 7 тыс. пуд., отправлялась въ Москву; харьковскаго 2-й гильдіи купца Петра Грановскаго, рабочихъ отъ 200 до 300 чел., стоимость производства 600 тыс. руб., шерсти вымывалось 7 тыс. пуд., отправлялась въ Москву; харьковскаго 3-й гильдіи купца Никифора Познякова съ 1835 г., рабочихъ отъ 50 до 100 чел., стоимость производства—80 тыс. руб., вымывалось шерсти 1000 пуд., продававшейся въ Харьковѣ и частью отправляемой въ Москву; харьковскаго мѣщанина Вас. Половитки съ 1830 года, рабочихъ отъ 30 до 40 чел., стоимость производства—5 тыс. руб., вымывалось шерсти 100 пуд., которая продавалась въ Харьковѣ; Харьковскаго мѣщанина Якова Угольскаго съ 1828 года, рабочихъ отъ 30 до 40 чел., стоимость производства 6 тыс. руб., вымывалось шерсти 100 пуд.; Харьковскаго мѣщанина Мих. Орленскаго съ 1835 года, рабочихъ—отъ 50 до 100 чел., стоимость производства—100 тыс. руб., шерсти вымывалось 1500 пуд., которая отправлялась въ Москву; харьковскаго 3-й гильдіи купца Ив. Нефедова съ 1802 года, рабочихъ отъ 200 до 300 чел., стоимость производства—300 тыс. р., шерсти вымывалось 4 тыс. пуд.; харьковскаго мѣщанина Степана Гладкова съ 1836 года, рабочихъ отъ 25 до 50 чел., стоимость производства 4 тыс. руб., шерсти вымывалось 100 пуд., которая продавалась на мѣстѣ.

Одна *литографія* харьковскаго мѣщанина Констан. Грекова, открытая 10 дек. 1835 года, рабочихъ въ ней было 6, стоимость производства равнялась 5 тыс. руб., исполнялась рисовка и гравировка на камнѣ, мѣди по заказу жителей г. Харькова и другихъ губерній.

Четыре *аптеки*: провизора Григ. Фидлера съ 1820 г., при ней провизоръ, гезель, три ученика и три работника, оборотъ ея равнялся 19 тыс. руб.; провизора Карла Доранта (?) съ 1814 г., въ ней провизоръ, гезель, 4 ученика и 4 работника, оборотъ ея равнялся 30 тыс. руб.; провизора Генриха Сартиссона съ 1828 года. въ ней—провизоръ, 2 гезеля, 2 ученика и 2 работника; Сартисона, во главѣ кото-

рой стоялъ его управляющій Андрей Альденбергъ съ 1837 г., въ ней гезель, одинъ ученикъ, одинъ работникъ, обороты этихъ двухъ послѣднихъ аптекъ не опредѣлились.

Замѣчательный ботаническій и англійскій *садъ* Харьковскаго университета, устроенный въ 1805 г., въ немъ 6 постоянныхъ работниковъ и 15 поденныхъ. Онъ дѣлился на ботаническій и англійскій, въ 1-мъ была оранжерея, двѣ теплицы и 4 парника, на содержаніе его тратилось 1200 р., на открытомъ воздухѣ было 5500 видовъ растеній, на содержаніе его шло 200 руб. [1]).

Такимъ образомъ, всѣхъ фабрикъ и заводовъ или, точнѣе говоря, промышленныхъ заведеній было въ Харьковѣ въ 1837 году 70: за 25 лѣтъ число ихъ возросло съ 41 до 70, т. е. на 58%. Одно промышленное заведеніе теперь приходилось на 330 душъ обоего пола, иными словами число ихъ въ отношеніи населенія осталось безъ измѣненія; было больше всего шерстяныхъ моекъ, салотопенныхъ и кирпичныхъ заводовъ, экипажныхъ и мебельныхъ заведеній. Огромное (относительно) число рабочихъ было только на шерстяныхъ мойкахъ; эти же заведенія занимали исключительное мѣсто и по размѣрамъ и стоимости своего производства, хотя нельзя не указать, что приведенныя нами цифры этого производства возбуждаютъ большое сомнѣніе и представляются въ нѣкоторыхъ случаяхъ несообразными въ сторону преувеличенія. Впрочемъ, нужно помнить, что здѣсь идетъ счетъ денегъ на ассигнаціи, а не на серебро. Изъ другихъ заведеній сравнительно большее число рабочихъ имѣли экипажныя и мебельныя мастерскія и кирпичные заводы; заводы желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій имѣли не много рабочихъ, но зато выдѣлялись стоимостью своего производства. По стоимости производства выдѣлялись впрочемъ еще нѣкоторые изъ салотопенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ и одинъ кожевенный. Остальные представляли изъ себя мелкія заведенія съ небольшимъ оборотомъ и малымъ количествомъ рабочихъ.

Относительно нѣкоторыхъ заведеній мы не имѣемъ цифры рабочихъ, въ остальныхъ же ихъ было, не считая моекъ, 762 чел., да на мойкахъ 2167 чел., а всего занято было въ промышленныхъ заведеніяхъ г. Харькова 2929 душъ. На долю каждаго заведенія приходится въ среднемъ около 42 чел., если взять одинъ мойки, то на долю каждой придется въ среднемъ по 180 душъ, а въ остальныхъ заведеніяхъ, взятыхъ отдѣльно, въ среднемъ только по 13 душъ. Изъ 70 промышленныхъ заведеній возникло въ первое десятилѣтіе XIX в. 8, во второе 10, въ третье 24, въ 7 лѣтъ четвертаго 27; слѣдовательно, нужно констатировать сильный ростъ промышленныхъ заведеній въ 20-хъ—30 годахъ. Общая сумма оборотовъ всѣхъ этихъ промышленныхъ заведеній равнялась 1419900 руб. или въ среднемъ по 20284 р. на каждое или по 60823 р. на каждую группу.

По сословіямъ владѣльцы этихъ заведеній распредѣляются такъ: 22 купца III гильдіи, 4—II гильдіи, 2—I гильдіи, 6—цеховыхъ иностр., 3 мѣщанина, одинъ капитанъ, 2 купеческихъ сына, 1 войсковой обыватель, 1 почетная гражданка, коммерціи совѣтница, 1 коллежскій регистраторъ, 4 провизора. Интересно, наконецъ, отмѣтить то любопытное обстоятельство, что среди владѣльцевъ этихъ промышленныхъ заведеній мы встрѣчаемъ фамиліи харьковцевъ, и нынѣ хорошо извѣстныхъ въ Харьковѣ—таковы, напримѣръ, Ващенковы, Якимовы, Водопьяновы, Добергъ, Щелковы, Рыжовы, Гладковы.

Эти сухія статистическія данныя восполняются воспоминаніями харьковскаго старожила Рейнгарда, который рисуетъ намъ живую картину харьковской промышленности въ разныхъ ея видахъ въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

„Промышленность въ Харьковѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, говоритъ онъ, хотя и не была еще сильно развита, но по многимъ отраслямъ проявляла свою дѣятельность. Въ заводской—мойки шерсти на р. Лопани съ 30-хъ годовъ. Бойни на Москалевкѣ и на Зміевской улицѣ, но преимущественно въ жилыхъ дворахъ на малозаселенной мѣстности; рѣзали мелкій скотъ и въ самихъ мясныхъ лавкахъ, которыя содержались весьма неопрятно. Салотопни: мыловарня по берегу р. Харькова, противъ Искренскаго завода. Тогдашнее мыло славилось своею добротою; варили его изъ чистаго сала, не прибавляя, какъ теперь, для экономіи другихъ веществъ. Свѣчные заводы (сальные): Ващенко, Піюкъ, клеевареные: Головинъ, кожевенные: Герншмидтъ на Конторской. Медовыя бани доставляли превосходный медъ, бѣлый подсѣдъ, стекающій самъ собою изъ сотъ при малой теплотѣ, особенно хорошій, вкусный, ароматный липецъ и банный, красноватый или желтый, вытопленный при болѣе возвышенной температурѣ. Вощины обыкновенно поступали на соединенныя съ банею воскобойни, гдѣ перетопленныя съ водою выжимались

[1]) Статистическое свѣдѣніе, учиненное по губернскому гор. Харькову (Харьк. истор. архивъ).

сильными винтовыми прессами, или же изъ скупаемыхъ вощинъ. Жидкость, содержащая еще медъ послѣ выжимки вощинъ, употреблялась для приготовленія изъ нея хмѣльнаго напитка—("варенуха") или для уксуса. До удешевленія сахара замѣною тростниковаго свекловичнымъ, медъ вообще былъ въ большомъ употребленіи; съ 40-хъ же годовъ, не выдерживая конкурренціи, промышленность эта, т. е. спускъ меда, какъ и самое пчеловодство, стала сильно упадать и въ Харьковѣ, сколько мнѣ извѣстно, едва ли уже и существуетъ. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстны два завода, работавшіе въ огромныхъ размѣрахъ и въ 50-хъ годахъ закрытые.

Что сказано о медѣ, нужно отнести и къ воску. Заводовъ для восковыхъ свѣчей въ Харьковѣ съ давнихъ временъ существовало нѣсколько. Изъ нихъ мнѣ извѣстно два: И. И. Ващенка, а другой—на углу Коцарской и Ярославской.

Было въ Харьковѣ еще два завода стеариновыхъ свѣчей, изъ которыхъ первый открытъ въ 30-хъ годахъ портнымъ Винтерфельдомъ. Онъ просуществовалъ до начала 40-хъ годовъ, помѣщался на Воскресенской площади въ домѣ бывшемъ проф. Якимова и другой Клейменова на Журавлевкѣ въ 60-хъ годахъ закрытый вскорѣ послѣ своего основанія. Не могли они выдерживать конкурренцію съ Коллетовскими и Невскими, хотя оба работали съ гидравлическими прессами и на мѣстѣ добыванія сала.

Маслобойни процвѣтали уже въ 1826 году. Онѣ занимались только конопляннымъ масломъ и притомъ самымъ примитивнымъ способомъ—клиновымъ прессомъ. Этимъ дѣломъ занимались и тогда, какъ и теперь, олейницы, которыя продолжаютъ бить масло стариннымъ способомъ и сами на базарѣ торгуютъ своимъ произведеніемъ. Онѣ выбиваютъ масла лишь столько, сколько могутъ продать и благодаря этому выносятъ на продажу свѣжее масло, къ которому покупатели имѣютъ болѣе довѣрія, нежели къ привозному лавочному бочковому, которое часто оказывается прогорклымъ, хотя и дешевле. Подсолнухи въ то время около Харькова еще не сѣялись. Масло подсолнечное привозилось изъ Воронежа, а маковое изъ Бѣлгорода. Льняное малороссы не привыкли употреблять въ пищу. Крупорушки конныя снабжали городъ хорошими гречневыми крупами, но не для вывоза.

Мельницы вѣтряныя существовали, какъ и вездѣ въ Малороссіи, на окраинахъ города, также и водяныя: на Журавлевкѣ при Сомовской греблѣ, у Кузнецкаго моста и ниже на Лопани вблизи Дмитріевскаго моста, но, какъ и вѣтряныя, мололи только на потребность жителей города, изъ которыхъ не малая часть, особенно за Харьковомъ, занималась хлѣбопашествомъ.

Пивоваренный заводъ Искры за Харьковомъ, близъ заставы по Искринской улицѣ и вблизи его же вѣтряной мельницы, снабжалъ Харьковъ и окрестности превосходнымъ малороссійскимъ пивомъ, достоинствомъ чуть ли не выше Кочубеевскаго изъ Диканьки. Пиво его (было) густое, сладковатое и съ игрою. Такъ называемое Баварское, бѣлое, жидкое и горькое, тогда еще въ Харьковѣ не было извѣстно. Привозилось изъ Москвы въ 20-хъ годахъ пиво бѣлое Данильсона и Крона, которое чрезъ провозъ улучшалось и достоинствомъ превосходило тотъ же продуктъ, который мнѣ случалось пить въ самой Москвѣ и въ Петербургѣ; но дорого продавалось это пиво. Въ трактирѣ Шерыкина за бутылку брали чуть ли не по рублю ассигнаціи.

Водочный заводъ для очистки хлѣбнаго вина и выдѣлки разныхъ спеціальныхъ водокъ сладкихъ и настоекъ существовалъ только одинъ при конторѣ откупщика Козьмы Никитича Кузина на Конторской улицѣ. Малороссія (и Слободская Украйна) пользовалась тогда еще своею привиллегіею вольнаго винокуренія; въ однихъ городахъ только, отданныхъ на откупъ, водка продавалась по возвышенной цѣнѣ; со всѣхъ сторонъ, на окраинахъ города, по большимъ дорогамъ за заставою устроены были кордоны и ко всякому, входящему и проѣзжающему въ городъ, подходилъ кордонщикъ свидѣтельствовать, не несетъ ли или не везетъ ли (онъ) корчемное вино. Длинные, желѣзные, въ сажень и заостренные щупы вонзалъ онъ въ возы съ сѣномъ, соломою или другимъ товаромъ, строго осматривалъ и внутренность экипажей проѣзжающихъ, въ чемъ ему препятствовать не могли. Но при всей строгости нерѣдко производилось корчемство—и горе тогда уличенному! Съ поличнымъ провожали его кордонные прямо въ острогъ, гдѣ онъ высиживалъ впредь до рѣшенія уголовнаго суда. Рабочій людъ и вообще охотники до водочки и притомъ дешевой мало въ городѣ пивали, а въ свободное время, особенно въ воскресные и праздничные дни, массами тянулись за городъ на вольнину: въ Филиново село, на Основу, за Холодною горою до Каменнаго трактира, въ 2-хъ верстахъ отъ Харькова, на Даниловку или за городомъ до постоялаго (двора) на Зміевской дорогѣ. Тамъ при цѣнѣ въ 8 или 10 разъ дешевле городской, напивались они до положенія

ризъ и шатаясь съ пѣснями мимо косящихся на нихъ кордонщиковъ проходили обратно въ городъ. Но увы! Это удовольствіе не долго продолжалось: въ концѣ 30-хъ годовъ и на уѣздъ наложенъ откупъ и корчемство сильно поубавилось.

Уксусныхъ заводовъ въ смыслѣ теперешней скороспѣлой фабрикаціи въ то время еще не существовало, хотя въ 40-хъ уже годахъ таковые стали уже размножаться, каковы: Шмальценъ, Кохъ, Ринке и проч., гдѣ ведро продавалось отъ 1 до 2 руб. Уксусъ готовился больше по домамъ или въ винныхъ погребахъ или на пивномъ заводѣ, также и на воскобойняхъ.

Красильный заводъ Кемпе существовалъ за Нетечью въ собственномъ его домѣ и былъ тогда—въ 1826 году— единственный. Химическихъ заводовъ существовало 3, изъ которыхъ заводъ Богомолова, Ив. Никол. (человѣка интеллигентнаго, энергичнаго и склоннаго къ спекуляціи), возлѣ Основы, съ 30-хъ годовъ выдѣлывалъ свинцовыя бѣлила, краски, лаки спиртовые и масляные, политуру и пр. Тотъ же Богомоловъ въ 30-хъ годахъ имѣлъ табачную фабрику. Рудакова—купоросное масло въ свинцовой камерѣ, соляную, азотную кислоты и нѣкоторые другіе препараты, съ 40-хъ годовъ. Шмальценъ на хуторѣ своемъ за Сокольниками—эфиръ сѣрный и уксусный, уксусъ, перегонялъ минеральныя кислоты и разные препараты для аптекъ, въ 60-хъ годахъ.

Кирпичныхъ заводовъ въ 1826 г. въ Харьковѣ было не болѣе двухъ по небольшой потребности въ кирпичѣ, но съ 30-хъ годовъ стало ихъ открываться множество.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Карлъ Викласъ, часовой мастеръ, родомъ изъ Лемберга (Галиціи). возвратившись изъ Австріи, куда поѣхалъ по своимъ дѣламъ, въ Харьковъ, гдѣ проживалъ съ 20-хъ годовъ, завелъ на Конной улицѣ фабрику спичечную и сталъ продавать свое произведеніе несравненно дешевле заграничнаго: по 10 к. ас. за коробочку въ 100 спичекъ. Конкуррентомъ ему сталъ провизоръ Өед. Ив. Рупрехтъ, болѣе его практичный. Оставивъ фармацію, Рупрехтъ до кончины своей занимался разными химическими, техническими и сельско-хозяйственными производствами. Дѣлалъ онъ курушки, отличавшіяся особенно пріятнымъ запахомъ, горчицу, разные сорта санитарнаго кофе, какъ-то: желудевый, маисовый, ржаной, ячменный, шоколадъ и первый завелъ очистку поваренной соли, которую для торговли обратилъ въ маленькіе конусы, наподобіе сахарныхъ головокъ. Снявъ въ аренду дачу Тюрина, противъ Сабуровой дачи, извлекалъ хорошій доходъ изъ сада и парниковъ, табаку, огородныхъ и молочнаго хозяйства. Подъ конецъ, купивъ себѣ небольшую дачу въ Синолицовкѣ, устроилъ тамъ пивной заводъ. Его спички несравненно высшаго достоинства, чѣмъ Викласа, разнообразились въ сортахъ. Кромѣ простыхъ сѣрныхъ, являлись напитанныя стеариномъ, парафиномъ, подъ названіемъ спиртовыхъ безъ запаха и кабинетныя съ духами и съ разноцвѣтными головками. Спички его стали продаваться въ половину дешевле Викласовыхъ и имѣли сильный сбытъ, пока не появился Волковъ изъ Медыни со своими дешевыми въ раздробительной продажѣ по ½ коп. за коробку.

Прянично-конфектныя заведенія съ 40-хъ годовъ развили въ Харьковѣ свою промышленность до весьма солидныхъ размѣровъ. Кокинъ, Жуковъ, Полуехтовъ и въ послѣднее время Кромской производятъ каждый на сотни тысячъ этого товара, которымъ снабжаютъ всю южную Россію и Кавказъ. Съ 20-хъ годовъ до 40-хъ было одно только пряничное заведеніе Павлова, сначала въ его домѣ у столба, а потомъ уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ въ новомъ домѣ.

Въ фабричной промышленности (собственно металлическихъ издѣлій) дѣйствовали уже мѣдно-плавильные, молотобойные и желѣзные заводы —Карталова съ 1810 г., Рыжова съ 1820 г., Плетнева съ 1826 г. До 40-хъ годовъ, когда только паровики начали у насъ на югѣ Россіи приходить въ употребленіе, они больше занимались ковкою котловъ желѣзныхъ для мыловаренныхъ, селитренныхъ и подобныхъ заводовъ, кубовъ и трубъ мѣдныхъ для винокурень, отливкою крановъ и прочаго, а впослѣдствіи и паровиками (паровыми котлами) и отливкою разныхъ чугунныхъ и мѣдныхъ принадлежностей для механическихъ издѣлій. Чугунно-литейный заводъ Ѳедотова—съ 1835 года, Добычина—съ 40-хъ годовъ. Механическихъ и сельско-хозяйственныхъ орудій съ литейными заводами—Вестберга,—съ 50-хъ годовъ, на Конной площади, Пильстрема—съ 70-го года, на Конторской, колокольный заводъ Рыжова на станціи „Рыжовъ“, дроболитный, его же заводъ, съ высочайшею деревянною башнею при литейномъ его заводѣ за Харьковомъ существуетъ съ 20-хъ годовъ [1]).

[1]) Время основанія этихъ заводовъ было указано выше по документальнымъ даннымъ.

Не относя ни къ одному изъ видовъ промышленности, не могу пройти молчаніемъ о существовавшихъ уже въ 20-хъ годахъ торговыхъ баняхъ Сергѣева и Фокина на Конномъ переулкѣ и Кузнецова на р. Харьковѣ на Кузнечной улицѣ. Онѣ были хотя и безъ затѣй, но вполнѣ удовлетворяли тогдашнимъ неприхотливымъ требованіямъ.

„Извозчичьимъ промысломъ до начала 40-хъ годовъ, по словамъ Рейнгарда, почти исключительно занимались малороссіяне и былъ онъ въ весьма незавидномъ состояніи. Элегантныхъ экипажей, дышловыхъ, рессорныхъ пролетокъ, фаэтоновъ не было тогда и въ поминѣ, извозчики въ довольно ограниченномъ противъ теперешняго количества становились на Николаевской площади, отъ бульвара до колокольни [1]), впослѣдствіи и на Павловской площади; экипажи состояли изъ вышедшихъ теперь изъ употребленія дрожекъ на столбикахъ вмѣсто рессоръ. Ихъ можно сравнить съ бѣговыми, только со спинкою и козлами. На эти-то дрожки, запряженные парою, коренною въ оглобли подъ простою дугою и пристяжною, пассажиръ садился (конечно, мужчина) верхомъ, а дамы бокъ о бокъ, свѣсивъ ноги. За совершеннымъ отсутствіемъ въ Харьковѣ мостовыхъ, съ грѣхомъ по поламъ можно было добраться до мѣста. Назойливость и грубость тогдашнихъ извозчиковъ превосходили всякое сравненіе. При подзываніи извозчика, вы часто рисковали попасть подъ колеса со всѣхъ сторонъ окружившихъ васъ извозчичьихъ экипажей и только силою могли завладѣть выбраннымъ вами экипажемъ. Остальные извозчики начинали корить вашего, бранить его непечатными словами, сопровождая все это насмѣшками надъ пассажиромъ. Другое вамъ горе, когда предварительно не договоритесь съ извозчикомъ о цѣнѣ за проѣздъ; при расплатѣ надѣлаетъ онъ вамъ много непріятностей. Таксы въ то время еще не существовало. Полиція, конечно, входила въ разбирательство вашей жалобы, васъ удовлетворяя, при васъ же сажая виновнаго подъ арестъ, но черезъ 1/2 часа вы могли его встрѣтить снова на биржѣ поднимающаго васъ же на смѣхъ: „а что, молъ, взялъ ты, сякой, такой? Случалось, конечно, что, глядя по жалобщику, полиція задавала извозчику и лупку на всѣ бока. Съ 30-хъ уже годовъ мало-по-малу начали появляться на биржахъ русскіе извозчики, а въ 40-хъ годахъ овладѣли этимъ промысломъ. Стали появляться и лучшія лошади и упряжь, стоячіе рессоры и сами извозчики стали принимать приличный видъ.

Ломовые извозчики завелись въ Харьковѣ вмѣстѣ съ торговлею, но крупныхъ лошадей и возовъ по 50 пудовъ на одну лошадь, какъ теперь, кромѣ развѣ собственныхъ купеческихъ, не было. Большая тяжесть на одну лошадь не превышала 25 пудовъ. Какъ они, такъ и троешники, становились на постоялые дворы, которыхъ въ Харьковѣ имѣлось не мало, особенно на Рыбной улицѣ и за Харьковомъ—по Московской, Старо-Московской и по Конной.

Постоялые дворы никогда не пустовали и особенно во время ярмарокъ; на иныхъ дворахъ помѣщалось до сотни троекъ. Привозили и увозили товары; другіе въ накрытыхъ будкою повозкахъ перевозили пассажировъ до мѣста. Желѣзная дорога сильно ограничила эти промыслы. Владѣльцы дворовъ въ Харьковѣ до этого времени обогащались и многіе изъ нихъ вышли въ купцы или содержатели трактирныхъ заведеній. Ѣзда на почтовыхъ или съ троешниками на простыхъ телѣгахъ, съ сидѣньемъ на задней оси была страшно безпокойная: просто душу вытрясешь, пока доѣдешь до станціи, особенно если не затянешь животъ ремнемъ или особенно нарочно для этого продаваемымъ набрюшникомъ. Не даромъ же прежнимъ курьерамъ срокъ для выслуги полной пенсіи назначенъ былъ въ 10 лѣтъ.

Товары съ юга въ Харьковъ привозились на волахъ чумаками, нескончаемыми во время ярмарокъ обозами. Сократился теперь и этотъ промыселъ (а нынѣ, прибавимъ отъ себя, и совсѣмъ исчезъ). Не слышно уже стало про украинскихъ чумаковъ хозяевъ, изъ которыхъ одинъ снаряжалъ собственный обозъ, состоящій изъ 50—100 паръ рослыхъ черноморскихъ воловъ въ ременной упряжи, каждый возъ укрытый цѣльною кожею (юфтью), передняя пара съ вызолоченными рогами“.

Очень цѣнныя свѣдѣнія сообщаетъ Рейнгардъ о ремеслахъ и кустарныхъ промыслахъ, которые процвѣтали въ Харьковѣ, какъ мы видѣли, въ XVIII вѣкѣ.

---

[1]) Бульваръ состоялъ изъ широкой утрамбованной дороги, окаймленной старыми толстыми деревьями (липами) на томъ же мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи трудами полиціймейстера Прожанскаго въ 70-хъ годахъ устроенъ теперешній скверъ. Желая расширить площадь, деревья эти срубили и одновременно сломали колокольню Николаевской церкви, которая, выдвинутая особнякомъ далеко на площадь, закрывала и безобразила видъ.

По словамъ Ф. О. Рейнгарда, здѣсь выдѣлялись гончары, занимавшіеся выжиганіемъ горшковъ и простыхъ кафель, коцари, занимавшіеся тканьемъ мохнатыхъ ковровъ (коць), чеботари—шитьемъ на базаръ „чоботъ“ (сапоговъ) черевикъ и котовъ. „Свитами—шитьемъ ихъ“—особенно обогатился Скрынниковъ. Войлоки сбивались разныхъ качествъ и величины. Шапки мѣховыя и суконныя (дѣлали) Крохмаль и другіе. Скорняки (занимались) выдѣлкою мѣховъ (овчинъ) и шитьемъ тулуповъ и полушубковъ. Кожевники выдѣлывали (дубили) кожи для чеботарей. Бондарствомъ занимались для базара (ведра, кадушки или дижки); столярствомъ простой мебели тоже для базара (стульевъ, диванovъ, столовъ и кроватей, крашеныхъ и некрашеныхъ) кузнецы—выдѣлкою „лемешей“ для плуговъ, гвоздей, сѣкиръ и проч., а также ковкою лошадей. Этими промыслами, особенно первыми шестью, занимались цѣлыми семействами и преимущественно за Лопанью, гдѣ въ мѣстностяхъ производствъ и улицы сохранили названія—Гончаровки, Коцарской, Чеботарской, а также и Кузнечной, гдѣ по берегу р. Харькова и въ началѣ этой улицы съ давнихъ временъ стояли кузницы“.

Все это были, такъ сказать, демократическія ремесла, имѣвшія въ виду покупателя—простолюдина какъ городскаго, такъ и сельскаго. Что же касается ремесленниковъ, выдѣлывавшихъ свои произведенія для болѣе требовательныхъ покупателей, то ими были по преимуществу нѣмцы. „Ремесла всѣхъ видовъ, говоритъ Ф. О. Рейнгардъ, большею частію имѣли представителями нѣмцевъ; русскіе мастера являлись какъ исключеніе. Булочники долго были только нѣмцы. Изъ русскихъ—Кудрявцевъ, прозываемый „Красное солнышко“. Кто изъ старожиловъ Харькова не помнитъ этого разлюбезнаго старичка маленькаго роста, съ сѣдою бородкою и сизымъ носомъ, всегда веселаго и съ прибаутками? Въ 50-хъ годахъ переселились въ Харьковъ братья Муравьевы и Чекмаревъ, завладѣли всею торговлею (булочною) и выжили нѣмцевъ. Колбасники (были) тоже, конечно, нѣмцы. Въ 40-хъ годахъ основалъ свое заведеніе Легеръ. Кромѣ знанія всего дѣла, онъ умѣлъ привлечь публику до того небывалою обстановкою и разнообразіемъ своихъ произведеній. Онъ устроилъ при своемъ заведеніи ресторанъ, въ которомъ можно было позавтракать вкусными вѣнскими сосисками, котлетами и прочими произведеніями его искусства. Въ Крымскую всѣмъ памятную турецкую войну, онъ доставлялъ въ армію окорока и пр. Я имѣлъ съ нимъ дѣла и между прочимъ продалъ ему венгерской породы громадную некормленную свинью для развода. Съ перваго слова заочно заплатилъ онъ 60 руб. сер. Жалѣю, что продешевилъ; онъ самъ мнѣ сознавался, что и 120 р. съ удовольствіемъ далъ бы. Эта громадина послѣдняя изъ трехъ поросятъ, купленныхъ мною у Чонгради, вывезшаго породу эту изъ Венгріи. Теперь она перевелась“.

Въ заключеніе Ф. О. Рейнгардъ разсказываетъ о модисткахъ француженкахъ, основавшихся въ 20-хъ—30-хъ годахъ въ Харьковѣ. „Первая въ 20-хъ годахъ поселилась въ Харьковѣ бельгійская уроженка M-lle Rosalie. Въ 1829 году она вышла замужъ за ювелира Ив. Ив. Гельмъ. Вѣнчаніе производилось, чтобы избѣжать огласки, въ Чугуевѣ, гдѣ ксендзъ Гемина Чаплинскій передъ вѣнцомъ окрестилъ ее, еврейку, въ католическую вѣру. Она до конца была христіанкою въ полномъ смыслѣ слова. Ни одинъ бѣдный, обращавшійся къ ней за помощью, не оставался безъ удовлетворенія и сама она отыскивала нуждающихся въ поддержкѣ. Дѣлала это она по евангельски, чтобы правая не знала, что творитъ лѣвая. Одну бѣдную старушку, доставлявшую ей куръ, сломавшую себѣ ногу и чрезъ это принедшую въ нищенство, посѣщала она во время ея болѣзни ежедневно, возя ей на Журавлевку лекарства, чай, сахаръ, подкрѣпляющую пищу, одежду, деньги, ободряла ее утѣшала и умершую похоронила. Сколько бѣдныхъ дѣвушекъ, принявъ къ себѣ въ обученіе, вывела она въ люди, выдавъ замужъ или иначе обезпечивъ! Всякій новоприѣзжій иностранецъ, особенно изъ числа артистовъ, находилъ въ ней покровительство и поддержку. Кто изъ старожиловъ не зналъ Розаліи Петровны Гельмъ и особенно дамы! Всегда веселая, привѣтливая, она старалась всѣмъ угодить. Съ молоду она была очень красива, граціозна, ловка, быстра въ своихъ движеніяхъ и энергична. Правильно говорить по русски она такъ и не научилась. Строго держала она своихъ учениць и умѣла ихъ школить. Всѣ онѣ ея боялись, но и любили. На моемъ вѣку мнѣ встрѣчались только двѣ женщины съ такою энергіею. Другая—ея повесница по лѣтамъ и теперь еще живая акушерка мадамъ *Винтерфельдъ*. Вторая изъ знаменитыхъ харьковскихъ модистокъ, также изъ Парижа, съ сестрою своею въ 30-хъ годахъ въ Харьковъ переселившаяся—мадамъ *Саде*“.

Посмотримъ, какова была промышленность г. Харькова въ половинѣ XIX ст. на зарѣ новой эры, въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра II-го, когда число жителей въ Харьковѣ доходило уже

до 36½ тыс. душъ. Мы можемъ представить данныя объ этомъ, потому что въ нашемъ распоряженіи имѣется неизданное оффиціальное описаніе Харькова, относящееся къ 1856 году. Въ отношеніи промышленности, особенно фабрично-заводской, Харьковъ уступалъ въ это время Тулѣ, Ярославлю, Казани и нѣкоторымъ другимъ великорусскимъ городамъ, но далеко оставлялъ Екатеринославъ, Черниговъ и т. д.

Въ немъ было 350 извозчиковъ, 250 музыкантовъ, игравшихъ на домашнихъ вечерахъ и свадьбахъ, 176 сапожниковъ, 170 портныхъ, 72 башмачника, 64 столяра, 52 скорняка, 50 кузнецовъ, 45 мясниковъ, 45 хлѣбниковъ, 38 трубочистовъ, 28 хлѣбниковъ, 281 мѣдниковъ, 28 картузниковъ, 27 коноваловъ, 26 модистокъ, 20 бондарей, 18 цирюльниковъ, 18 часовщиковъ, 17 золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, 12 лудильщиковъ, 11 стекольщиковъ, 10 шорниковъ, 10 токарей, 9 переплетчиковъ, 8 слесарей, 6 подборщиковъ мѣховъ и кушнерей, 5 фортепьянныхъ мастеровъ, 3 перчаточника, 2 шляпныхъ мастера, всего такихъ ремесленниковъ было 1575 душъ. Къ числу ремесленниковъ документъ относитъ также лицъ, занимавшихся такъ сказать *рукодѣльною* промышленностью, т. е. зависѣвшею отъ ежедневной работы рукъ, безъ помощи особаго изученія и искусства [1]), плотниковъ, каменьщиковъ, штукатуровъ, маляровъ, кровельщиковъ, грабарей, водовозовъ, работавшихъ на мойкахъ шерсти и вообще поденщиковъ, которыхъ зимою бывало до 3000, а лѣтомъ до 6000 (изъ нихъ на шерстомойныхъ заведеніяхъ не менѣе 2000 чел.). Сюда же входили—приказчики, повара, лакеи, кучера, служанки, дворники (т. е. значитъ прислуга), которыхъ въ совокупности было примѣрно до 15000 душъ. Заработная плата ихъ была различная въ зависимости отъ рода занятій и временъ года. Рабочіе шерстомойныхъ заведеній (обыкновенно женщины) получали на своемъ продовольствіи въ день отъ 10 до 25 коп. Всѣ они были городскіе или изъ ближайшихъ селъ. Кучера, повара, лакеи—частью изъ Харьковской, частью Курской и Орловской губ. Они получали на хозяйскомъ продовольствіи въ годъ отъ 60 до 100 р. Дворники и служанки (изъ Харьковской и Курской губ.) получали—первые 40—50 руб., вторые 25—35 руб. на хозяйскомъ продовольствіи. Плотники, каменщики и прочіе мастеровые, приходившіе сюда на лѣто изъ великороссійскихъ губерній, получали въ сутки отъ 50 до 80 коп. Продовольствіе работника обходилось отъ 30 до 35 руб. въ годъ.

Въ числѣ промышленныхъ заведеній г. Харькова мы находимъ 4 фотографіи, 3 литографіи, 5 кондитерскихъ, 2 трактира, 25 гостинницъ, 10 ресторацій, 71 постоялый дворъ, 5 портерныхъ лавокъ, 47 питейныхъ домовъ, 1 штофную лавку, 1 ведерную, 2 водочныхъ магазина, 3 торговыхъ бани, 5 аптекъ.

О развитіи фабричной и заводской промышленности г. Харькова даютъ понятія нижеслѣдующія данныя.

Шерстомойныхъ заведеній было 7 съ 2000 рабочихъ съ оборотнымъ капиталомъ въ 600000 р. и съ производствомъ на 1000000 руб., мытая шерсть сбывалась въ Москву и заграницу (въ Австрію и Пруссію); каретныхъ 9 съ 180 рабочими, съ оборотнымъ капиталомъ въ 35000 руб. и съ производствомъ въ 61000 р., товаръ сбывался въ Полтаву; для производства сальныхъ свѣчей 4 съ 44 рабочими, оборотнымъ капиталомъ въ 72000 р. и производствомъ въ 122000 р., товаръ сбывался на мѣстѣ; мыловаренныхъ 3 съ 41 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 60000 р., съ производствомъ въ 81000 р.; ваточныхъ 3 съ 36 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 19500 р., съ производствомъ въ 34000 р., товаръ сбывался на мѣстѣ; мѣдно-плавильныхъ 2 съ 34 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 30000 р., съ производствомъ въ 54000 р., издѣлія сбывались въ Полтаву; табачныхъ 5 съ 28 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 14000 р., съ производствомъ въ 22000 р., товаръ сбывался въ Полтаву и Кіевъ; саловаренныхъ 3 съ 27 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 10000 р., съ производствомъ въ 16600 р., товаръ сбывался на мѣстѣ; кирпичныхъ 3 съ 22 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 7000 р., съ производствомъ въ 14000 р., товаръ потреблялся на мѣстѣ; воскобойныхъ 2 съ 14 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 3500 р. и производствомъ въ 6000 р., продуктъ сбывался на мѣстѣ; свинцовыхъ бѣлилъ 1 съ 14 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 6000 р. и производствомъ въ 9500 р., товаръ отправлялся въ Полтаву, Крымъ и на Кавказъ; чугунныхъ 2 съ 10 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 3000 р. и производствомъ въ 5000 р., товаръ сбывался туда же, куда и предыдущій; кафельныхъ 2 съ 10 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 2500 р.

[1]) Въ сущности здѣсь идетъ рѣчь о двухъ категоріяхъ—о поденщикахъ и о прихожихъ изъ Великороссіи мастерахъ (плотникахъ и т. д.); послѣдніе, конечно, имѣли спеціальную подготовку.

и производствомъ въ 4500 р., товаръ сбывался на мѣстѣ; пивоваренныхъ 1 съ 9 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 4500 р., съ производствомъ въ 8000 р.; продуктъ сбывался на мѣстѣ; для отливки дроби 1 съ 8 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 5000 р., съ производствомъ въ 10000 р.; товаръ сбывался въ Полтаву, Крымъ и на Кавказъ; кожененный 1 съ 8 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 5000 р., съ производствомъ въ 8500 р.; товаръ сбывался на мѣстѣ; лаковый 1 съ 7 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 9000 р., съ производствомъ въ 15000 р.; товаръ сбывался въ Полтаву, Кіевъ, Одессу, Николаевъ и Крымъ; для производства восковыхъ свѣчей 1 съ 4 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 2800 и производствомъ въ 4000 р.; продуктъ сбывался на мѣстѣ; маслобойный 1 съ 3 раб., съ оборотнымъ капиталомъ въ 1500 р., съ производствомъ въ 2500 р.; заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ проф. Е. С. Гордѣенка съ производствомъ 50000 бутылокъ на 6000 руб. въ годъ. Всего было 52 завода съ 2499 рабочими, съ оборотнымъ капиталомъ въ 890000 р., съ производствомъ въ 1477600 р. Если присоединить сюда 4 фотографіи, 3 литографіи и 5 кондитерскихъ, то всѣхъ промышленныхъ заведеній окажется 64, т. е. число ихъ по сравненію съ 1837 г. даже нѣсколько уменьшилось, а между тѣмъ число жителей въ Харьковѣ за это время возрасло съ 23 тыс. до 34, иными словами замѣчается не только относительный, но и абсолютный регрессъ. Въ домашней, а не заводской промышленности г. Харькова занимали, кромѣ того, еще видное мѣсто: 1) приготовленіе недорогихъ ковровъ, такъ называемыхъ *хохъ*, чѣмъ исключительно занимались женщины; 2) мужскихъ кафтановъ *(свитъ);* 3) овчинныхъ тулуповъ и смуховъ; 4) шапокъ и картузовъ. Ковровъ выдѣлывалось до 12000 штукъ на 25000 р., свитъ до 22000 на 45000 р., тулуповъ и смуховъ 3000 на 12000 р., картузовъ и шапокъ до 8000 на 5000 р. Все это сбывалось на мѣстныхъ базарахъ.

Плата рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ была различная: на свѣчныхъ, мыловаренныхъ, саловаренныхъ, кирпичныхъ 40—80 р. въ годъ, а на мѣдноплавильныхъ, чугунныхъ, дробяномъ, лаковомъ 50—130 р. сер.

Многія изъ ремесленныхъ и промышленныхъ заведеній могли быть признаны для губернскаго города очень хорошими, а нѣкоторыя изъ нихъ выдающимися; таковы мастерскія портныхъ Губина, Максимова, Кнепфера, модистокъ—Саде, Капѣль, Томассенъ, сапожника Вильгельма, столяровъ Доберта, Келера, Іоахима, Бетхера, часовщика Торесона; таковы гостинницы Смирнова (Петербургская), Буткова (Синопъ). Кондитерскія Море и Козлова по добротѣ и изяществу издѣлій могли бы занять почетное мѣсто и среди столичныхъ. Въ каждомъ изъ вышепоименованныхъ заведеній годовой валовой доходъ превышалъ 40000 р. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было болѣе 50 душъ рабочихъ. Заработная плата весьма различна: отъ 25 до 200 р. въ годъ. Кромѣ сбыта на мѣстѣ, издѣлія лучшихъ харьковскихъ ремесленниковъ требовались въ сосѣднія—Полтавскую, Екатеринославскую и Курскую губерніи.

Изъ фабрикъ и заводовъ главными являлись шерстяныя мойки, безспорно занимавшія первое мѣсто въ Россіи какъ по устройству, такъ и въ особенности по количеству промываемой шерсти. Всѣ онѣ находились на рѣкѣ Лопани, въ концѣ города, и составляли собственность здѣшнихъ купцовъ. На лучшихъ—Рыжова и Кувшинникова—работало иногда по 700 душъ на каждой и обороты каждой въ отдѣльности доходили до 300—400 тыс. руб. сер. въ лѣто. Шерстяныя мойки имѣли важное значеніе между прочимъ въ томъ отношеніи, что давали заработокъ 2000 женщинъ, изъ коихъ половина была несовершеннолѣтнихъ—въ возрастѣ 15, 14 и даже 13 лѣтъ. При весьма ограниченномъ развитіи въ Харьковской губ. фабричной и заводской промышленности эти 2000 душъ безъ моекъ или вовсе не имѣли бы работы, или должны были бы обратиться къ болѣе тяжелому, менѣе выгодному и не столь производительному для государства труду. Заводъ для отливки дроби и заводъ свинцовыхъ бѣлилъ—оба купца Рыжова—а также лаковый (спиртоваго и маслянаго лаку) купца Богомолова имѣли важное значеніе потому, что два послѣдніе были единственными во всей южной Россіи, а первый, какъ по отличному устройству, такъ и по качеству выдѣлываемаго товара считался въ числѣ лучшихъ трехъ въ Россіи. Работали на немъ посредствомъ каланчи. Оба мѣдноплавильные завода выдѣлялись какъ по оборотамъ, такъ и по добротѣ издѣлій, среди коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ котлы и винокуренные снаряды. На одномъ изъ нихъ (купчихи Добычиной) была небольшая паровая машина, а другой (купца Рыжова) въ скоромъ времени разсчитывалъ ее пріобрѣсти. На мыловаренныхъ и свѣчныхъ заводахъ, изъ которыхъ лучшіе принадлежали купцу Павлову, также выдѣлывалось много продукта и притомъ хорошаго качества. Производство экипажей достигало большой суммы, но они значительно уступали издѣліямъ петербургскихъ и

московскихъ мастеровъ; формы ихъ не были изящны; отдѣлка—грубовата; они были тяжелы, непрочны и вмѣстѣ съ тѣмъ по цѣнѣ мало разнились отъ столичныхъ.

Если теперь обратить вниманіе на ремесленныя и промышленныя заведенія г. Харькова въ общей ихъ совокупности и въ отношеніи значенія ихъ для всего юга, Крыма и Кавказа, то придется прійти къ заключенію, что они находились на первоначальной ступени своего развитія и могли совершенствоваться до безконечности.

За исключеніемъ шерстяныхъ мосекъ и указанныхъ заводовъ всѣ остальные и по свойству, и по количеству, и по качеству издѣлій принадлежали къ разряду такихъ, какіе можно было встрѣтить во многихъ нашихъ городахъ, не исключая и уѣздныхъ; мануфактурной же фабрикаціи вовсе не было. Кромѣ того спросъ богатой, отличающейся стремленіемъ къ роскоши и утонченности части городского населенія далеко превышалъ предложеніе такихъ издѣлій ремесла и промышленности, которыя производитъ самъ Харьковъ. Поэтому вслѣдствіе отсутствія конкурренціи цѣны здѣсь на многіе изъ такихъ предметовъ были не ниже, а часто выше московскихъ. При относительной по сравненію съ Москвою дешевизнѣ помѣщеній для ремесленника или заводчика и прокормленіи работниковъ, эта дороговизна объяснялась относительною трудностью пріобрѣтенія матеріаловъ производства, а главное недостаточнымъ умѣньемъ, отсутствіемъ сноровки и вообще цивилизаціи у здѣшнихъ рабочихъ, вслѣдствіе чего ремесленники и заводчики приходили къ необходимости выписывать хорошихъ мастеровъ не ближе чѣмъ изъ Москвы, за двойную и тройную плату, но при этомъ все-таки не имѣли увѣренности въ ихъ честности и трезвой жизни. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, многіе предметы, особенно же требующіе при производствѣ утонченнаго вкуса или особаго искусства и спеціальности, какъ, напримѣръ, дамскіе наряды, мебель, экипажи, музыкальные инструменты, мужское платье, во множествѣ выписывалось изъ Москвы, Одессы, Петербурга и даже прямо изъ за-границы, при чемъ часто бывало, что такая выписанная вещь оказывалась не только лучше, изящнѣе, но и дешевле мѣстной харьковской.

Трактиры и гостинницы кромѣ двухъ названныхъ выше также отличались крайнею дороговизною какъ въ отношеніи помѣщенія, такъ и стола. Номеръ, состоявшій изъ одной посредственно меблированной комнаты, стоилъ въ обыкновенное время 1 р.—1. 50 к., а въ ярмарочное, когда въ гостинницахъ было огромное требованіе на квартиры, 2 р.—2 р. 50 к. Независимо отъ ярмарокъ, на которыя стекались тысячи богатыхъ людей,—и помѣщиковъ и купцовъ—и въ обыкновенное время здѣсь бывало много пріѣзжихъ со средствами: одни являлись по торговымъ дѣламъ, другіе для лѣченія къ мѣстнымъ врачамъ, пользовавшимся громкою извѣстностью, третьи для пріятнаго время препровожденія и необходимыхъ закупокъ. Кромѣ того останавливалось не мало проѣздомъ со всѣхъ сторонъ, особенно съ сѣвера на югъ и обратно. Поэтому, если бы въ Харьковѣ было и втрое болѣе гостинницъ, чѣмъ было тогда, то всѣ онѣ нашли бы достаточный доходъ, но съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы устраивались хотя и не роскошно, но съ большими удобствами, содержались съ бо́льшимъ вкусомъ и опрятностью и отказались отъ того близорукаго расчета, по которому съ посѣтителей взимается тройная противъ настоящей цѣны. Впрочемъ, Харьковъ не можетъ похвалиться квартирами и въ частныхъ домахъ. У богатыхъ людей дома для собственнаго обитанія удобны и хороши, но тѣ, которые предлагаются въ наймы принадлежатъ по бо́льшей части людямъ, не обладающимъ капиталами, по расположенію комнатъ не приспособлены къ своей цѣли, содержатся неопрятно и при томъ ихъ недостаточное количество. Вслѣдствіе этого, цѣны на квартиры очень высоки: за квартиру въ 4 комнаты платится въ сутки 2—4 р. с., въ годъ 200—230 р., въ 6 комнатъ въ сутки 4—6 р., въ годъ 300—400 р. И эта дороговизна изнурительна особенно для чиновниковъ, получающихъ такое же жалованье, какъ и въ прочихъ городахъ, гдѣ трудно предположить такія высокія цѣны.

Земледѣльческой промышленности у горожанъ въ это время почти вовсе не было. На здѣшней пахатной землѣ, составлявшей не болѣе 2248 десят., разводились простыя огородныя овощи, что не составляло сколько-нибудь значительнаго промысла. Здѣшніе сады принадлежали богатымъ людямъ, мало заботившимся объ увеличеніи изъ нихъ дохода. Что касается скотоводства, то хотя въ городѣ находилось 2600 лошадей, 2800 штукъ рогатаго скота, 500 овецъ и пр., но все это служило для домашняго обихода; разведеніемъ же и откармливаніемъ скота здѣсь никто не занимался.

Что касается промышленнаго садоводства и огородничества, то оно въ концѣ 50-хъ годовъ было въ такомъ состояніи.

Главныхъ торговыхъ садовыхъ заведеній въ Харьковѣ съ оранжереями и парниками было въ 1859 году два: садовника Статса и почетной гражданки Бесходарной. Въ нихъ отъ ранней весны до поздней осени продавались грунтовыя и въ горшкахъ древесныя, травянистыя и цвѣточныя растенія, а также сѣмена разныхъ деревьевъ, цвѣтовъ, огородныхъ овощей и луковицы. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ садахъ устроены были оранжереи и парники, но продажа растеній производилась тамъ не регулярно и притомъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ [1]).

Огородничество у нѣкоторыхъ жителей г. Харькова было довольно развито и улучшалось съ каждымъ годомъ. Выписывали изъ Германіи, Голландіи сѣмена лучшихъ сортовъ растеній. Огородныхъ растеній отъ жителей Харькова и окрестностей получалось столько, что ихъ достаточно было для потребленія населенія, съ весны и до осени. Однако въ началѣ 40-хъ годовъ ранѣе апрѣля или мая нельзя было получить огородной зелени для стола, а кореньевъ ранѣе іюля. Въ концѣ же 50-хъ годовъ огурцы и редисъ (парниковые) можно было имѣть, правда, по дорогой цѣнѣ, съ февраля, а съ мая фасоль, горохъ, морковь, рѣпу, картофель и даже капусту. Въ виду заготовки въ прокъ на зиму бураконъ, капусты, картофеля, все это привозилось въ большомъ количествѣ изъ разныхъ отдаленныхъ селъ и деревень. Огородничество сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Залопанской части у садовника Статса и въ Захарьковской—у Бесходарной.

Торговля цвѣтами сосредоточивалась преимущественно на Благовѣщенскомъ базарѣ—тутъ можно было видѣть ряды, занятые растеніями въ горшкахъ; цѣлые возы были наполнены садовою сиренью, бульденежами, центифольными розами, тюльпанами, гіацинтами, нарцисами, ирисами, черемухой, калиной, липовымъ цвѣтомъ, глодомъ, ландышами и т. п. Все это въ базарные дни раскупалось безъ остатка и ставилось въ домахъ, въ лавкахъ купцовъ, на окнахъ и на столахъ, въ стекляныхъ и фарфоровыхъ вазахъ, стаканахъ и банкахъ, свидѣтельствуя о вкусѣ и любви къ цвѣтамъ всего городского населенія [2]).

„Въ саду П. Н. Рейпольскаго и другихъ былъ разведенъ воздушный виноградъ; въ 1849 г. представлено было на харьковскую выставку нѣсколько кистей его“ [3]).

А вотъ любопытное свидѣтельство о шелковицѣ. „Въ Харьковѣ близъ самаго тюремнаго замка на части огорода, воздѣлываемаго арестантами, росло до 1000 кустовъ шелковицы бѣлой и черной, какъ видно по толщинѣ стволовъ, посаженной тутъ лѣтъ 20 и болѣе (т. е. въ самомъ концѣ 20-хъ и нач. 30-хъ годовъ). Видно также, что эту шелковицу не берегла попечительная рука садовника: она индѣ порублена и пустила отъ корней вновь выросшіе стволы кустами, индѣ сломана скотиной... Сосѣдъ этой плантаціи садовникъ Статсъ сказывалъ, что ее первоначально засадилъ какой-то аптекарь Пискуновскій съ желаніемъ заняться шелководствомъ, столь драгоцѣннымъ для малороссійскаго края; но онъ умеръ и съ нимъ умерла мысль, оживлявшая и охранявшая эту плантацію, потоптанную потомъ скотиною, которая заходила на эту неогороженную землю. По счастью мы узнали, что жена садовника Статса занимается, по охотѣ своей, выкормкою шелковыхъ червей въ маломъ видѣ. Мы въ этомъ удостовѣрились собственными глазами“ [4]). Такъ разсказываетъ, по преданію, обыватель 50-хъ годовъ.

Значеніе важнаго пункта въ дѣлѣ коннозаводства придала Харькову земская конюшня.

Харьковская земская конюшня основана была въ 1844 году. Первоначально она была устроена въ наемномъ помѣщеніи купца Водопьянова на такъ называемой нынѣ Скобелевской площади, тамъ гдѣ теперь табачная фабрика г. Бураса. Простоявъ здѣсь года два, конюшня была переведена въ занимаемое ею до сихъ поръ помѣщеніе на Конюшенной улицѣ. Участокъ земли вмѣстѣ съ постройками былъ пріобрѣтенъ у помѣщика Корсикова, причемъ само зданіе конюшни было передѣлано изъ овчарни. Конюшня содержалась на средства земскихъ сборовъ и была подъ наблюденіемъ особаго Губернскаго Комитета. Первое время жеребцами пользовались безплатно, но вслѣдствіе плохихъ результатовъ для упорядоченія дѣла съ 1860 года опредѣлена была плата за пользованіе производителями. Вслѣдствіе нежеланія Губернскихъ Комитетовъ вѣдать дѣлами конюшни, она перешла въ 1864 году въ казну. Штатъ конюшни состоялъ изъ 60 жеребцовъ, которыми пользовались преимущественно помѣщики, крестьянское же населеніе мало обращалось къ казенной конюшнѣ въ виду высокой платы за жеребцовъ, а также въ

[1]) Ib.
[2]) Ib., № 31.
[3]) Х. Г. В. 1852, № 17.
[4]) Маслова. Письмо къ редактору Х. Г. В. (Х. Г. В. 1852, № 22).

силу того, что полевыя работы производились въ то время преимущественно на волахъ. Харьковская заводская конюшня начала свою дѣятельность при завѣдующемъ Главнымъ Управленіемъ Государственнаго коннозаводства баронѣ Меиндорфѣ и его помощникѣ графѣ Гендриковѣ. Въ 1859 году мѣсто главноуправляющаго занялъ генералъ Гринвальдъ, при которомъ, благодаря въ особенности его помощнику начальника округа генералу Гербелю, устроены были въ Харьковѣ въ 1860 году конскія скачки и бѣга и ежегодная конская выставка. Кромѣ того генералъ Гербель много способствовалъ частнымъ коннозаводчикамъ въ устройствѣ ихъ конскихъ заводовъ и въ пріобрѣтеніи цѣнныхъ производителей. Съ половины семидесятыхъ годовъ началось обратное теченіе.

Вслѣдствіе оскудѣнія помѣщичьихъ владѣній, конскіе заводы сильно упали. Скачки и бѣга закрылись. Кромѣ того на производство верховыхъ лошадей ремонтнаго сорта плохо повліяло разрѣшеніе генерала инспектора кавалеріи пріобрѣтать въ ремонтъ кавалеріи молодыхъ лошадей изъ донскихъ табуновъ, гдѣ цѣны были настолько низки (100—125 руб.), что харьковскіе коннозаводчики не могли конкуррировать и большинство заводовъ уничтожилось. Въ упомянутый періодъ времени семидесятыхъ годовъ Государственное Коннозаводство было причислено къ Министерству Государственныхъ Имуществъ (при министрахъ Валуевѣ и Ливенѣ).

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ назначеніемъ главноуправляющимъ графа Воронцова-Дашкова въ 1881 г., Государственное Коннозаводство стало обращать особенное вниманіе на поднятіе крестьянскаго коневодства. Съ этою цѣлью цѣны для пользованія жеребцами значительно удешевлены и количество наградъ на выставкахъ увеличено спеціально для мелкихъ коневодовъ. Штатъ конюшни расширенъ на десять производителей—съ 60-ти на 70. Съ назначеніемъ главноуправляющимъ Великаго Князя Дмитрія Константиновича въ 1897 году, коннозаводство принимаетъ усиленныя мѣры, чтобы придти на помощь населенію. Въ то же время и земство проявляетъ свое участіе.

Въ 1900 году Харьковское губернское земство пріобрѣтаетъ участокъ земли на Конюшенной улицѣ и строитъ зданіе для сдачи въ аренду Государственному Коннозаводству. Въ то же время штатъ конюшни расширенъ до 150 производителей. Потребность въ жеребцахъ ежегодно увеличивается, такъ что въ настоящее время спросъ на производителей далеко превышаетъ возможность удовлетворенія. Увеличивающійся спросъ на производителей объясняется нижеслѣдующимъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ лошадь начинаетъ вытѣснять вола. Причиною тому служитъ усиленная распашка земли и уменьшеніе выпасовъ, вслѣдствіе чего воспитаніе вола стало труднѣе и цѣнность его увеличилась почти до стоимости лошади. Съ вздорожаніемъ рабочихъ рукъ требуется болѣе скорая работа, исполняемая значительно успѣшнѣе лошадью. По мѣрѣ распространенія культуры расширяется потребность въ извозѣ, что лучше производится лошадьми, нежели волами, въ особенности въ зимнее время. Одновременно замѣчается оживленіе и въ производствѣ верховой лошади благодаря учрежденію военнымъ министерствомъ въ 1901 году постоянныхъ ремонтныхъ коммиссій вмѣсто прежнихъ ремонтеровъ, дѣйствовавшихъ на коммерческомъ основаніи. Коммиссіи эти, расцѣнивая пріобрѣтаемыхъ лошадей по ихъ достоинствамъ, платятъ коннозаводчикамъ соотвѣтствующія цѣны. Упавшіе заводы лошадей верховаго сорта возобновились и спросъ на верховыхъ производителей замѣтно поднялся.

Въ 1903 году въ случкѣ было 142 жеребца, которые покрыли 4639 кобылъ; изъ нихъ помѣщичьихъ 1077, крестьянскихъ 3562.

Благодаря иниціативѣ мѣстнаго коннозаводчика вице-президента скакового общества И. М. Ильенко въ 1896 году возобновились скачки, которыя вслѣдствіе умѣлаго веденія дѣла привлекаютъ въ настоящее время на состязаніе до 160 лошадей и разыгрывается призовъ на 70 тысячъ рублей. Ипподромъ устроенъ на Сумскомъ шоссе. Рядомъ съ нимъ въ 1899 году возникаетъ спеціальный ипподромъ рысистаго общества подъ предсѣдательствомъ вице-президента штальмейстера графа Гендрикова.

Для поощренія мѣстнаго коневодства по иниціативѣ и съ участіемъ земства устраиваются уѣздныя выставки. Первый починъ былъ со стороны Валковскаго земства, которое открыло у себя выставку 15 сентября 1896 года. Въ слѣдующемъ году Лебединское въ с. Тернахъ, затѣмъ Купянское и т. д.

Въ 1900 году губернское земское собраніе постановило ассигновать ежегодно сумму въ 1000 руб. въ распоряженіе Государственнаго Коннозаводства на конскую выставку въ городѣ Харьковѣ.

Въ настоящее время въ Харьковской губерніи на субсидіи отъ Государственнаго Коннозаводства, министерства земледѣлія и земства устраиваются ежегодно семь выставокъ. Выставки даютъ возможность слѣдить за прогрессомъ коневодства. Разсматривая ходъ ихъ развитія за послѣднія шесть лѣтъ, видимъ, что въ 1897 году для трехъ выставокъ, устраиваемыхъ въ Харьковѣ, Валкахъ и Тернахъ отпускалось только 300 руб., 6 серебряныхъ и 6 бронзовыхъ медалей. Въ 1903 году для 7 выставокъ въ Харьковѣ, Андреевкѣ (Зміевскаго уѣзда), Купянскѣ, Волчанскѣ, Лебединѣ, Тернахъ (Лебединскаго уѣзда) и Валкахъ Государственное Коннозаводство отпустило 1500 рублей, 2 золотыя, 7 серебряныхъ, 12 бронзовыхъ медалей и 10 похвальныхъ листовъ. Съ своей стороны земство даетъ 2500 рублей и министерство земледѣлія около 150 рублей.

Сопоставивъ приводъ лошадей на всѣ выставки въ 1897 году съ таковымъ въ 1903 году получаемъ слѣдующую разницу.

Таблица.

	Верховыхъ				Сельско-рабочихъ				Годовиковъ				ВСЕГО	
	Помѣщичьихъ		Крестьянск.		Помѣщичьихъ		Крестьянск.		Помѣщичьихъ		Крестьянск.			
	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ	Приведенныхъ	Премированныхъ
1897 г. . .	65	52	23	14	43	29	33	21	32	25	29	19	227	160
1903 г. . .	17	16	122	54	8	6	263	134	26	25	351	181	787	416

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что приводъ на выставки въ такой короткій промежутокъ времени для коневодства, какъ шесть лѣтъ, увеличился почти въ $3^1/_2$ раза. Приводъ крестьянскихъ лошадей сельско-рабочаго сорта увеличился почти въ 8 разъ. Верховаго сорта старшаго возраста въ 5 разъ. Сопоставляя же приводъ на всѣ выставки въ 1897 году со стороны помѣщиковъ съ таковыми крестьянъ получимъ слѣдующее отношеніе: въ 1897 г. 1:060, а въ 1903 г. 1:14,43.

Значительно возвысившійся приводъ на выставки годовиковъ, а также вышеупомянутыя данныя даютъ право судить о возрастающемъ развитіи коневодства въ Харьковской губерніи.

Крупнымъ явленіемъ въ коннозаводскомъ отношеніи было устройство пункта Гальти-Мора. Въ 1898 году Главнымъ Управленіемъ Государственнаго Коннозаводства былъ пріобрѣтенъ въ Англіи за 200 тысячъ рублей чистокровный жеребецъ Гальти-Моръ. По приводѣ въ Россію онъ былъ сперва поставленъ въ Яловскій Государственный заводъ (Сѣдлецкой губерніи), а затѣмъ въ Харьковъ съ причисленіемъ къ Харьковской заводской конюшнѣ. Выборъ палъ на Харьковъ, какъ на мѣстность съ относительно мягкимъ климатомъ, занимающую центральное положеніе на узлѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ томъ же году жеребецъ былъ уступленъ Императорскому Московскому скаковому Обществу, которое выстроило зданіе по Сумскому шоссе на арендуемой отъ города землѣ, какъ для жеребца, такъ и для приводимыхъ частныхъ кобылъ. Такимъ образомъ, Харьковъ, обладая расширенною заводскою конюшнею, оживленный скачками и бѣгами, а также пунктомъ Гальти-Мора, является крупнымъ коннозаводскимъ центромъ.

Со времени основанія конюшни управляющими были полковники Турскій, Маковскій, Литвиновъ, баронъ Раденъ, Кременецкій, Самсоновъ, Поповъ и теперь г. Гастферъ.

Между тѣмъ фабрично-заводская промышленность дѣлала медленные, но постоянные успѣхи въ Харьковѣ.

Вотъ фабрики и заводы, дѣйствовавшіе въ Харьковѣ въ 1876 году. *Алебастровые:* 1) генералъ-маіора барона Корфа (основанъ былъ въ 1867 году) съ 7 рабочими и съ суммой годичнаго производства въ 2800 р.; 2) купца Богомолова съ 6 рабочими и производствомъ въ 4500 р. *Водочные* 1) поручика Бекарюкова (бывшій Крижевича, подъ новою фирмою существовалъ съ 1876 г.) съ 7 рабочими и производствомъ въ 47750 р.; 2) дворянина Борткевича (съ 1875 г.) съ 14 рабочими и производствомъ въ 159776 р.; 3) коллежскаго секретаря Вольнера (бывшій Мезенкампфа, подъ новою фирмою съ 1876 г.) съ 2 рабочими и производствомъ въ 5754 р.; 4) купца Гильдебрандта (съ 1873 г.) съ 5 ра-

бочими и производствомъ въ 84550 р.; 5) купца Гонтарева (съ 1875 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 44650 р.; 6) губернской секретарши Ковалевской съ 8 рабочими и производствомъ въ 96650 р.; 7) губернскаго секретаря Максимова (съ 1868 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 85630 р.; 8) купца Медвѣдева (съ 1875 г.) съ 3 рабочими и производствомъ въ 29800 р.; 9) купца Осмакова (съ 1873 г.) съ 3 рабочими и производствомъ въ 23499 р.; 10) дворянина Фижана (бывшій Кмита) съ 1868 г. съ 3 рабочими и производствомъ въ 12790 р.; 11) купца Фролова (съ 1865 г.) съ 7 рабочими и производствомъ въ 24400 р.; 12) купца Чернышева съ 11 рабочими и производствомъ въ 156225 р.; 13) купца Юшкевича съ 2 рабочими и производствомъ въ 29600 р.; 14) Степанова и Хмѣлевскаго (бывшій потомственнаго почетнаго гражданина Чепелкина) съ 7 рабочими и производствомъ въ 80000 р.; 15) купца Сушкова съ 5 рабочими и производствомъ въ 80000 р.; 16) полковника Подольскаго съ 4 рабочими и производствомъ въ 30000 р.; 17) купца Мандрыкина съ 5 рабочими и производствомъ въ 40000 р. *Газовый*—Высочайше утвержденнаго общества водоснабженія и газоосвѣщенія съ 1871 года съ 34 рабочими и производствомъ въ 67103 р. *Дробомитейный*—Дробышевской (бывшій Рыжова) съ 1846 года съ 4 рабочими и производствомъ въ 13120 р. *Каретные* (экипажные): 1) мѣщанина Галицкаго (бывшій Судакова, съ 1855 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 1000 р.; 2) мѣщанина Крезе (съ 1857 г.) съ 10 рабочими и производствомъ въ 2410 р.; 3) купца Марченка (съ 1853 г.) съ 14 рабочими и производствомъ въ 5500 р.; 4) купца Полянскаго (съ 1848 г.) съ 7 рабочими и производствомъ въ 6300 р.; 5) купца Пузанова (съ 1859 г.) съ 14 рабочими и производствомъ въ 1900 р.; 6) иностранца Рикмана (съ 1871 г.) съ 16 рабочими и производствомъ въ 3500 р; 7) мѣщанина Цуканова (съ 1874 г) съ 5 рабочими и производствомъ въ 500 р. *Кафельные*: 1) Лавровской (съ 1857 г.) съ 9 рабочими и производствомъ въ 1265 р.; 2) мѣщанина Маточкина (съ 1863 г.) съ 10 рабочими и производствомъ въ 2610 р.; 3) Петровой (съ 1840 г.) съ 21 рабочими и производствомъ въ 5145 р.; 4) Шмидтмана (съ 1868 г.) съ 31 рабочими и производствомъ въ 8200 р. *Кондитерскія и пряничныя заведенія:* 1) купца Егорова (съ 1874 г.) съ 16 рабочими и производствомъ въ 40000 р.; 2) купца Д. Жукова (съ 1853 г.) съ 38 рабочими и производствомъ въ 35000 р.; 3) купца М. Жукова (съ 1858 г.) съ 25 рабочими и производствомъ въ 40000 р.; 4) купца Козлова (съ 1866 г.) съ 8 рабочими и производствомъ въ 6000 р.; 5) потомственнаго почетнаго гражданина Павлова, арендуемаго купцомъ Кромскимъ, съ 29 рабочими и производствомъ въ 70000 р.; 6) франц. под. Покъ (бывшій Марку) (съ 1873 г.) съ 11 рабочими и производствомъ въ 20000 р.; 7) купца Полуехтова (съ 1849 г.) съ 70 рабочими и производствомъ въ 325000 р.; 8) австрійскаго подданнаго Проппера (съ 1865 г) съ 8 рабочими и производствомъ въ 10000 р.; 9) купца Сухова (съ 1849 г.) съ 11 рабочими и производствомъ въ 16000 р. *Кирпичные*: 1) купца Курносова (бывшій Фисенка), (съ 1868 г.) съ 26 рабочими и производствомъ въ 1867 р.; 2) купца Мясоѣдова, арендуемый купцомъ Рыбасовымъ (съ 1874 г.), съ 40 рабочими и производствомъ въ 7200 р.; 3) купца Рыбасова (съ 1876 г.) съ 40 рабочими и производствомъ въ 7200 р.; 4) мѣщанина Чечерина (съ 1862 г.) съ 36 рабочими и производствомъ въ 9020 р. *Кожевенные*: 1) цехового Кононенка (съ 1864 г.) съ 3 рабочими и производствомъ въ 1450 р.; 2) купца Эмериха (бывшій Дамрофа (съ 1865 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 5000 р. *Крупорушные*:—1) Гринвальда (съ 1868 г.) съ 3 рабочими и производствомъ въ 7800 р.; 2) Коваленка (съ 1867 г.) съ 2 рабочими и производствомъ въ 6800 р. *Лаковые* (паровые): 1) купца Долженка (съ 1859 г.) съ 4 рабочими и производствомъ въ 12200 р.; 2) компаніи фирмы купца Богомолова (съ 1834 г.) съ 13 рабочими и производствомъ въ 19700 р. *Литографіи*: 1) мѣщанина Беверсдорфа (съ картографическимъ заведеніемъ) (съ 1866 г.) съ 9 рабочими; 2) Вейцеля (при типографіи); 3) Деденковой (съ 1868 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 1000 р.; 4) Зильберберга (при типографіи); 5) Иванченка (съ 1874 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 600 р.; 6) Калинина съ 6 рабочими и производствомъ въ 1624 р.; 7) Попова (при типографіи); 8) Счасни (при типографіи); 9) Штаба военнаго округа (при типографіи); 10) Эттенганта (съ 1870 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 950 р. *Макаронные*: 1) купца М. Жукова (съ 1858 г.) съ 9 рабочими и производствомъ въ 12000 р.; 2) Гребенщикова (бывшій Колупаева) (съ 1870 г.) съ 7 рабочими и производствомъ въ 12500 р. *Масляно-красочные:* 1) купца Бочарова (съ 1876 г.) съ 7 рабочими и производствомъ въ 8325 р.; 2) Кнапъ и К° (торгующую подъ фирмою Рашке) съ 9 рабочими и производствомъ въ 51500 р. *Механическіе*:—1) купца Трепке (съ 1860 г.) съ 35 рабочими и производствомъ въ 18970 р.; 2) почетнаго

гражданина Эдельберга (съ 1851 г.) съ 34 рабочими и производствомъ въ 35000 р. *Минеральныхъ водъ:* 1) Маг. фарм. Кохъ (съ 1860 г.) съ 4 рабочими и производствомъ въ 8824 р.; 2) вдовы кол. секр. Мѣдиной (бывшій Дамрофъ) съ 1869 г. съ 4 рабочими и производствомъ въ 4800 р.; 3) Мильфорта (съ 1873 г.) съ 4 рабочими и производствомъ въ 3100 р.; *Мраморныхъ издѣлій:* 1) Франціони (съ 1850 г.) съ 3 рабочими и производствомъ въ 8000 р. *Мукомольный* (паровой) заводъ Залѣсскаго и К° (бывш. Задонскаго) подъ настоящею фирмою съ 1872 г. съ 5 рабочими и производствомъ въ 1120 р. *Перчаточныя фабрики:* 1) французскаго подданнаго Массона (съ 1868 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 15900 р.; 2) купца Простова (съ 1868 г.) съ 22 рабочими и производствомъ въ 13200 р. *Пивоваренные:* 1) кол. секр. Вольнера (бывш. Мезенкампфа) съ 1866 г. съ 1 рабочимъ и производствомъ въ 1920 р.; 2) Кнапъ и К° (съ 1869 г.) съ 12 рабочими и производствомъ въ 20000 р.; 3) купца Корытина (съ 1860 г.) съ 16 рабочими и производствомъ въ 25780 р.; 4) дв. Фижанъ (бывш. Кмита) съ 1869 г. съ 13 рабочими и производствомъ въ 41300 р. 5) Чепелкина, арендуемый Ольховскимъ съ 1869 г. съ 16 рабочими и производствомъ въ 10300 р. *Полушубочные* (дубленые полушубки): 1) купца Александрова (съ 1866 г.) съ 16 рабочими и производствомъ въ 4850 р.; 2) купца Васильева (съ 1866 г.) съ 16 рабочими и производствомъ въ 5000 р.; 3) Мартьянова (съ 1860 г.) съ 28 рабочими и производствомъ въ 17000 р. *Свинцовобѣлильные:* 1) Дробышевской (бывш. Рыжова) съ 1846 г. съ 4 рабочими и производствомъ въ 19450 р.; 2) Богомолова (арендуемый мѣщ. Бондаревъ) съ 1864 г. съ 7 рабочими и производствомъ въ 10000 р. *Свѣчновосковые:* купца Геруса (съ 1864 г.) съ 1 рабочимъ и производствомъ въ 4400 р.; 2) куп. Кондриковой (съ 1871 г.) съ 2 рабочими и производствомъ въ 2800 р.; 3) мѣщ. Хохловой съ 1 рабочимъ и производствомъ въ 8250 р. *Свѣчносальные:* 1) пот. поч. гражд. Костеникова (съ 1875 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 21150 р.; купца Сѣрикова съ 9 рабочими и производствомъ въ 17850 р.; 3) купца Якимова (съ 1840 г.) съ 8 рабочими и производствомъ въ 28800 р.; 4) купца И. Якимова (съ 1840 г.) съ 6 рабочими и производствомъ въ 24000 р.; 5) купца Ф. Якимова съ 10 рабочими и производствомъ въ 10000 р. *Табачныя фабрики:* купца Айваза (турецкаго табаку) съ 13 рабочими и производствомъ въ 64054 р.; 2) Айваза (простого курительнаго и нюхательнаго) съ 1866 г. съ 14 рабочими и производствомъ въ 9828 р.; 3) Габая (турецкаго табаку) съ 1868 г. съ 6 рабочими и производствомъ въ 15528 р.; 4) куп. Дурунчу (турецкаго) съ 1872 г. съ 23 рабочими и производствомъ въ 52236 р.; 5) куп. Ильина (простого, курительнаго, нюхательнаго и турецкаго) съ 1867 г. съ 19 рабочими и производствомъ въ 18532 р.; 6) куп. Капонъ (бывш. Абр. Капонъ) съ 1858 года съ 14 рабочими и производствомъ въ 50124 р.; 7) куп. Саатчи тур., съ 1872 г. съ 14 рабочими и производствомъ въ 13424 р.; 8) куп. С. Туршу (тур. съ 1864 г.) съ 12 рабочими и производствомъ въ 26592 р.; 9) Д. Туршу и Илика (тур.) съ 19 рабочими и производствомъ въ 49422 р.; 10) куп. Фенерли (пр. кур. и нюх.) съ 1873 г. съ 13 рабочими и производствомъ въ 19451 р. *Типографіи:* 1) Губернскаго правленія съ 50 рабочими и производствомъ въ 45030 р.; 2) Университетская; 3) Штаба Военнаго округа; 4) Управленія полиціймейстера; 5) Вейцеля (съ 1860 г.) съ 11 рабочими и производствомъ въ 8015 р.; 6) мѣщ. Гордона (съ 1867 г.) съ 8 рабочими и производствомъ въ 9000 р.; 7) куп. М. Зильберберга (съ 1873 г.) съ 33 рабочими и производствомъ въ 8760 р.; 8) Немовецкаго (съ 1874 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 1500 р.; 9) купца Счасни (съ 1847 г.) съ 40 рабочими и производствомъ въ 23200 р.; 10) Яковлева (съ 1874 г.) съ 20 рабочими и производствомъ въ 20500 р.; 11) мѣщ. Попова съ 13 рабочими и производствомъ въ 3000 р. *Уксусный заводъ*—купца Леща (съ 1862 г.) съ 4 рабочими и производствомъ въ 7000 р. *Фортепіанныя заведенія:* 1) посел. Гролля (бывш. Викберга) съ 1870 г. съ 6 рабочими и производствомъ въ 1700 р.; 2) куп. Ольвейлера (фирма Фалькъ) съ 1850 г. съ 14 рабочими и производствомъ въ 7000 р.; 3) иностр. Роведдера (съ 1873 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 2100 р., 4) Шрадера (съ 1840 г.) съ 5 рабочими и производствомъ въ 1500 р. *Чугунолитейные:* двор. Вестберга (механ. чугунолит.) съ 1861 г. съ 81 рабочимъ и производствомъ въ 94362 р.; 2) фирмы Рыжовъ (механ. чуг. лит.) съ 1858 г. съ 155 чел. мастеровъ, рабочихъ и учениковъ; 3) купца Костина (съ 1876 г.) съ 27 рабочими и производствомъ въ 16500 р.; 4) шведскаго подданнаго Пильстрема (бывш. Павлова) съ 1870 года съ 42 рабочими и производствомъ въ 57500 р.; 5) пот. поч. гражд. Пономарева съ 1869 г. съ 98 рабочими и производствомъ въ 72071 р. *Шерстомойныя заведенія (мойки):* 1) Акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью (съ 1858 г.) съ 206 рабочими и производствомъ въ 171050 р.; 2) купца Бирюкова (съ 1868 г.) съ 211 рабочими и

производствомъ въ 171050 р.; 3) купца Гладкова (аренд. Моск. куп. Ашукинымъ)—начала дѣйствовать послѣ Троицкой ярмарки 1877 г.; 4) купца Нѣмченка-Куликовскаго (съ 1861 г.) съ 151 рабочими и производствомъ въ 50000 р.; 5) купца Петренка (бывш. Рыжова) съ 1872 г. со 190 рабочими и производствомъ въ 125000 р.; 6) Потапова (бывш. Кушинникова) съ 1850 г. съ 101 рабочимъ и производствомъ въ 41400 р.; 7) купца Чикина (бывш. Кушинникова) съ 1872 г. со 166 рабочими и производствомъ въ 115000 р. [1]).

Всѣхъ промышленныхъ заведеній—фабрикъ и заводовъ—было въ 1876 году 128 съ 2778 рабочихъ и съ производствомъ въ 3638596 рублей. По сравненію съ 1856 годомъ (за 20 лѣтъ) число фабрикъ и заводовъ возросло вдвое, число рабочихъ увеличилось незначительно, но размѣры производства также расширились болѣе, чѣмъ вдвое. Такимъ образомъ, начало царствованія Императора Александра II-го или эпоха великихъ реформъ привела къ весьма сильному подъему и промышленности въ городѣ Харьковѣ хотя и этотъ подъемъ все таки не былъ столь интенсивенъ, какъ родъ населенія: одно промышленное заведеніе приходилось тогда на 652 жителей.

Въ теченіе послѣдующихъ 28 лѣтъ фабрично-заводская промышленность г. Харькова сдѣлала очень крупные успѣхи, о которыхъ свидѣтельствуетъ слѣдующая таблица, относящаяся къ 1904 году, т. е. послѣднему моменту изучаемаго нами 250-лѣтняго періода въ исторіи г. Харькова.

№№ по порядку	Названіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ предпріятій	Содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на промышленныя предпріятія								ИТОГО
		1-го разр. въ 1500 р.	2-го разр. въ 1000 р.	3-го разр. въ 500 р.	4-го разр. въ 150 р.	5-го разр. въ 50 р.	6-го разр. въ 25 р.	7-го разр. въ 12 р.	8-го разр. въ 5 р.	
	Фабрики и заводы:									
1	Кондитерскія и конфектныя	—	1 / 400	2 / 420	7 / 229	1 / 14	—	—	—	11 / 1063
2	Кирпичные, кафельные, черепичные и алебастровые	—	—	3 / 220	4 / 236	—	1 / 12	—	—	8 / 468
3	Чугунно-литейные и машино-строительные	1 / 2226	1 / 350	3 / 432	6 / 459	1 / 23	1 / 12	—	—	13 / 3501
4	Ситце-набивныя	—	—	—	1 / 62	—	—	—	—	1 / 62
5	Шерстомоечныя	—	—	—	2 / 310	2 / 55	—	—	—	4 / 365
6	Картонажныя	—	—	1 / 100	—	—	—	—	—	1 / 100
7	Табачныя	1 / 235	—	2 / 255	2 / 134	—	—	—	—	5 / 624

ПРИМѢЧАНІЯ: цифры, стоящія надъ чертой—показываютъ число предпріятій.
„ „ подъ чертой –число рабочихъ.

[1]) Харьк. кал. на 1878 годъ, стр. 116—122.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1886 году, въ Харьковѣ были тогда слѣдующія типографіи и фотографія. Типографія Дарре (съ 1883 г.), Гордона (съ 1867 г.), Университета (съ 1805 года), Губернскаго Правленія (съ основанія этого учрежденія), Яковлева (съ 1873 г.), Іозефовича (съ 1882 г.), типо-литографія Зильберберга (съ 1873 г.), Штаба военнаго округа (съ основанія этого учрежденія), Варшавчика (съ 1879), Счасни (съ 1854 г.), Попова, Шмерковича (съ 1859 г.), Литографіи—Беверсдорфа, Деденко (съ 1879 г.), Иванченка (съ 1874 г.).

Фотографіи Сучкова (съ 1876 г.), Ясевича (съ1882 г.), Дурново (съ 1873 г.), Вильдтъ (съ 1873 г.), Досѣкина (съ 1858 г.), Иваницкаго (съ 1882 г.), Овчинникова (съ 1881 г.). (Харьк. кал. на 1887 годъ, стр. 251—252).

№ по порядку	Названіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ предпріятій	Содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на промышленныя предпріятія: 1-го разр. въ 1500 р.	2-го разр. въ 1000 р.	3-го разр. въ 500 р.	4-го разр. въ 150 р.	5-го разр. въ 50 р.	6-го разр. въ 25 р.	7-го разр. въ 12 р.	8-го разр. въ 5 р.	ИТОГО
8	Газовые	—	—	1 / 25	—	—	—	—	—	1 / 25
9	Пивоваренные и медоваренные	—	—	—	1 / 36	2 / 27	1 / 6	—	—	4 / 69
10	Паровыя мукомольныя мельницы	—	1 / 110	1 / 32	—	—	—	—	—	2 / 142
11	Мыловаренные и парфюмерные	—	—	—	—	1 / 11	—	4 / 28	7 / 16	12 / 55
12	Типографіи, литографіи и цинкографіи	—	—	—	9 / 745	4 / 99	3 / 41	8 / 54	2 / 8	26 / 947
13	Масляныхъ красокъ и лаковъ	—	—	—	1 / 70	2 / 23	3 / 13	1 / 8	2 / 5	9 / 119
14	Фотографіи	—	—	—	—	—	—	2 / 13	7 / 22	9 / 35
	Мастерскія:									
15	Кузнечныя, слесарныя, оружейныя, напильниковъ и металлическихъ издѣлій	—	—	—	2 / 137	9 / 290	12 / 148	51 / 384	81 / 298	155 / 1257
16	Прачечныя	—	—	—	—	1 / 17	2 / 26	13 / 90	28 / 107	44 / 240
17	Шляпъ мужскихъ, женскихъ, шапокъ и фуражекъ	—	—	—	—	—	1 / 14	10 / 80	23 / 85	34 / 179
18	Офицерскихъ вещей	—	—	—	—	—	—	—	2 / 6	2 / 6
19	Платья мужского и женскаго	—	—	—	—	4 / 99	26 / 353	59 / 473	151 / 581	240 / 1506
20	Бѣлошвейныя	—	—	—	—	—	—	5 / 31	13 / 40	18 / 71
21	Вязальныя	—	—	—	—	—	—	1 / 5	3 / 9	4 / 14
22	Корсетныя	—	—	—	—	—	—	—	6 / 18	6 / 18
23	Сапожныя и заготовокъ обуви	—	—	—	—	—	1 / 12	12 / 95	42 / 151	55 / 258
24	Шорныя	—	—	—	—	—	1 / 15	1 / 9	2 / 9	4 / 33
25	Войлочныя	—	—	—	—	—	—	—	1 / 4	1 / 4

№№ по порядку	Названіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ предпріятій	Содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на промышленныя предпріятія								ИТОГО
		1-го разр. въ 1500 р.	2-го разр. въ 1000 р.	3-го разр. въ 500 р.	4-го разр. въ 150 р.	5-го разр. въ 50 р.	6-го разр. въ 25 р.	7-го разр. въ 12 р.	8-го разр. въ 5 р.	
26	Щеточныя	—	—	—	—	—	—	1 8	1 4	2 12
27	Столярныя, бондарныя и колесныя	—	—	—	—	2 46	3 48	16 122	27 90	48 306
28	Коробочныя	—	—	—	—	1 29	1 14	2 17	1 4	5 64
29	Ситъ и рѣшетъ	—	—	—	—	—	—	1 6	2 7	3 13
30	Обойно-драпировочныя	—	—	—	—	—	—	5 37	3 11	8 48
31	Хлѣбопекарныя	—	—	—	10 251	29 382	4 36	16 132	17 50	76 851
32	Приготовленіе молотаго кофе	—	—	—	—	—	—	—	1 3	1 3
33	Молочныя фермы	—	—	—	—	—	—	—	1 2	1 2
34	Сыроварни	—	—	—	—	—	—	1 6	—	1 6
35	Граверныя	—	—	—	—	—	1 14	2 15	3 7	6 36
36	Переплетныя	—	—	—	—	1 24	3 44	6 55	12 43	22 166
37	Парикмахерскія	—	—	—	—	—	—	—	16 46	16 46
38	Колбасныя	—	—	—	—	1 31	1 10	5 38	10 34	17 113
39	Крупорушки	—	—	—	—	1 5	—	3 17	2 7	6 29
40	Салотопенныя	—	—	—	—	1 20	2 28	1 8	1 4	5 60
41	Уксусныя	—	—	—	—	—	—	1 6	2 6	3 12
42	Квасныя и минеральныхъ водъ	—	—	—	—	—	3 26	9 57	10 33	22 116
43	Мраморныя и скульптурныя	—	—	—	—	1 40	2 25	3 20	3 11	9 96
44	Бетонныя, асфальта и толя	—	—	—	—	—	—	3 19	—	3 19
45	Каретныя и экипажныя	—	—	—	—	1 45	2 31	5 34	3 10	11 120

№№ по порядку	Названіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ предпріятій	Содержались по промысловымъ свидѣтельствамъ на промышленныя предпріятія								итого
		1-го разр. въ 1500 р.	2-го разр. въ 1000 р.	3-го разр. въ 500 р.	4-го разр. въ 150 р.	5-го разр. въ 50 р.	6-го разр. въ 25 р.	7-го разр. въ 12 р.	8-го разр. въ 5 р.	
46	Скорняжныя	—	—		—		—	1	7	8
								8	21	29
47	Красильныя	—	—	—		—	—	—	9	9
									30	30
48	Никелировочныя	—	—	—		—	1	—	1	2
							10		4	14
49	Чернильныя		—	—	—	—	—	—	3	3
									8	8
50	Малярныя, альфрейныя и живописныя	—	—	—	—	—	1	3	1	5
							10	18	3	31
51	Бумажныхъ мѣшковъ и конвертовъ	—	—	—	—	1	—	1	1	9
						41		36	16	93
52	Папиросныхъ гильзъ	—	—	—	—	2		2	—	4
						57		19		76
53	Часовыя и ювелирныя	—	—	—	—	1	—	2	13	16
						26		12	35	73
54	Игристыхъ винъ	—	—	—	—	—		1	—	1
								5		5
55	Заведенія для развѣски чая	—	—	—	—	—	—	1	—	1
								11		11
56	Восковыхъ свѣчей	—	—	—	—	—	—		1	1
									3	3
57	Обработка пера и пуха и издѣлія изъ нихъ	—	—	—	—	1	—	—	2	3
						25			6	31
58	Извозный промыселъ	—	—	—	—	3	8	7	9	27
						73	103	57	35	268
59	Артели по производству всякаго рода работъ	—	—	1	1	23	39	87	44	195
				470	155	771	515	689	156	2756
60	Конно-желѣзныя дороги	—	—	1	—	—	—	—	—	1
				—						—

Такимъ образомъ оказывается теперь въ наличности 1218 промышленныхъ заведеній съ 16706 рабочихъ. Одно промышленное заведеніе приходится на 167 жителей; иными словами успѣхи промышленности превысили быстроту роста населенія. За 28 лѣтъ число заведеній увеличилось въ $9^1/_2$ разъ, а число рабочихъ въ 6 разъ; но особенно возрасли ихъ обороты.

Оборотъ промышленныхъ предпріятій города Харькова, не обязанныхъ публиковать свои отчеты (всевозможные заводы, фабрики и мастерскія частныхъ лицъ) въ 1904 году выразился по даннымъ раскладочныхъ присутствій въ общей суммѣ въ 10.108.000 рублей.

Сверхъ того, въ нижеслѣдующей таблицѣ указаны обороты предпріятій, обязанныхъ публичною отчетностью и представляющихъ свои отчеты на повѣрку Харьковской Казенной Палатѣ. Обороты этихъ предпріятій указаны по отчетамъ.

1) Т-во Гр. Бочарова	99.301	руб.
2) Т-во М. Гельферихъ-Саде	4.361.508	„
3) Бельгійское Акц. О-во конно-желѣзныхъ дорогъ	425.304	„
4) Т-во бар. Бергенгейма	406.551	„
5) Т-во бр. Коссичъ	211.708	„
Итого	5.504.372	руб.

Весь оборотъ выражается цифрою въ 15.612.372 р., т. е. превосходитъ оборотъ 1876 г. въ 4,29 разъ [1]).

Нѣкоторыя подотчетныя предпріятія, правленія коихъ находятся въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ, имѣютъ въ г. Харьковѣ свои промышленныя заведенія. По этимъ предпріятіямъ обороты не могутъ быть сообщены, такъ какъ онѣ отчитываются не передъ Харьковской Казенной Палатой. Къ этой категоріи относятся слѣдующія предпріятія:

1) Московское Торгово-промышленное Т-во.
2) Т-во Печатни Яковлева.
3) Харьковское Паровозостроительное О-во.
4) Т-во Жоржъ Бормант.
5) Акц. О-во Гуттенбергъ.

Что касается ремесленниковъ, то число ихъ въ 1904 году было таково.

Наименованіе ремесленниковъ	Мастеровъ	Рабочихъ	Учениковъ
Хлѣбниковъ	381	513	119
Калачниковъ	27	19	15
Булочниковъ	352	532	126
Мясниковъ и колбасниковъ	219	264	40
Кондитеровъ и пряничниковъ	441	996	290
Портныхъ	664	653	638
Сапожниковъ и башмачниковъ	1073	654	646
Модистокъ и бѣлошвеекъ	606	545	81
Шляпниковъ	61	49	57
Картузниковъ и шапошниковъ	137	122	98
Ткачей	—	—	—
Перчаточниковъ	15	16	3
Скорняковъ и кушнирей	17	6	33
Тулупниковъ	4	10	11
Плотниковъ	333	548	66
Каменщиковъ и печниковъ	443	522	118
Столяровъ	440	425	135
Позолотчиковъ	17	15	25
Мѣдниковъ и слесарей	777	877	514
Шорниковъ	39	56	21
Стекольщиковъ	87	46	13

[1]) Эти данныя получены отъ Харьк. Каз. Палаты. Къ этой цифрѣ близко подходитъ и цифра, сообщенная намъ Губ. Стат. Ком.—14598000 р. изъ коихъ на фабрики по обработкѣ дерева падаетъ 8199000 р., питательныхъ веществъ 4090000 р., смѣшанныхъ волокнистыхъ веществъ 658000 р., бумагодѣлательныхъ и типо-литографскихъ 605000 р., минераловъ 594000 р., животныхъ продуктовъ 215000 р., химическихъ 75000, металловъ 62000 р., но сюда не вошли данныя о самомъ крупномъ заводскомъ предпріятіи—паровозо-строительномъ заводѣ.

Наименованіе ремесленниковъ	Мастеровъ	Рабочихъ	Учениковъ
Бондарей	128	108	46
Извозчиковъ	1417	1428	—
Коноваловъ	5	—	2
Часовщиковъ	137	82	153
Кузнецовъ	305	301	147
Трубочистовъ	93	8	48
Цирульниковъ и парикмахеровъ	82	70	67
Фортепіанщиковъ	11	10	15
Гармон. и скрип. мастер.	101	22	24
Переплетчиковъ	71	61	89
Золотыхъ и серебрян. дѣлъ мастер.	37	41	37
Маляровъ и кровельщиковъ	213	289	141
Живописцевъ (вывѣсокъ)	23	19	29
Каретниковъ	20	64	31
Итого	8776	9366	4643

Всего 22785, что составитъ 11,3% общаго числа жителей города.

Глава 12-я.

Кредитныя учрежденія.

При неизмѣнномъ ростѣ въ Харьковѣ торговли, и притомъ не только ярмарочной, но и постоянной, при развитіи въ немъ промышленности и ремесленнаго производства, являлась необходимость и въ организаціи кредита, который могъ восполнять недостатокъ наличныхъ капиталовъ у предпринимателей. Естественно поэтому, что въ Харьковѣ возникло не мало кредитныхъ учрежденій различныхъ типовъ—акціонерныхъ, общественныхъ и взаимныхъ. Процвѣтаніе акціонерныхъ банковъ въ богатомъ, торговомъ Харьковѣ является совершенно понятнымъ. Но Харьковъ выдѣляется изъ другихъ городовъ въ отношеніи кредита тѣмъ, что въ немъ широко развили свои операціи кредитныя учрежденія второго и третьяго типа—общественныя и взаимныя. И здѣсь проявилась основная наиболѣе характерная черта въ исторіи г. Харькова—широкое развитіе въ немъ частной иниціативы въ предпріятіяхъ общественнаго и общеполезнаго характера. Нужно впрочемъ прибавить, что широкое развитіе кредитныхъ учрежденій относится ко второй половинѣ XIX ст., къ концу 60-хъ годовъ, т. е. къ эпохѣ великихъ реформъ, вызвавшей обновленіе всѣхъ сторонъ русской жизни, въ томъ числѣ и экономической. Да и могло ли быть иначе, когда самая крупная изъ этихъ реформъ создала свободный трудъ дотолѣ крѣпостнаго крестьянства въ деревнѣ, а другая предоставила значительную долю самоуправленія въ веденіи хозяйства многимъ русскимъ городамъ, въ томъ числѣ и Харькову.

Что касается первой половины XIX ст., то въ это время въ Харьковѣ дѣйствовалъ, съ одной стороны, частный кредитъ, отдѣльныхъ лицъ [1]), а съ другой—правительственный, доставлявшійся—приказомъ общественнаго призрѣнія и конторой государственнаго коммерческаго банка. Что же касается акціонернаго кредита, то онъ нашелъ себѣ проявленіе только въ учрежденіи Акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью, да еще пожалуй въ своеобразномъ филотехническомъ обществѣ, устроенномъ по мысли В. Н. Каразина.

Во второй половинѣ XIX в. возникъ цѣлый рядъ кредитныхъ учрежденій всевозможныхъ типовъ; акціонерныя—Харьковскій земельный банкъ (1871), Харьковское агентство Полтавскаго земельнаго банка (1872), Харьковскій Торговый банкъ (1872), Отдѣленіе Волжско-Камскаго банка, Сѣвернаго банка, Петербургскаго международнаго банка; взаимныя и общественныя: Харьковское взаимное страховое отъ огня общество (1864), Общество Взаимнаго Кредита Приказчиковъ (1865), Городской Купеческій банкъ (1866), 1-е Общество Взаимнаго Кредита (1866), Харьковское окружное отдѣленіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита (1870), 2-е Общество Взаимнаго Кредита (1871), Городской ломбардъ (1890), Ссудосберегательное Товарищество (1897). Изъ нихъ прекратили свое существованіе—1) Харьковскій Торговый банкъ, 2) Харьковское окружное отдѣленіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

Своеобразный, оригинальный типъ банкира начала XIX в. въ Харьковѣ являлъ изъ себя извѣстный уже намъ Толчіевъ, приходившій на помощь въ нуждѣ наиболѣе нуждающейся части населенія г. Харькова и его окрестностей [2]). А затѣмъ было, конечно, не мало ростовщиковъ, преслѣдовавшихъ исключительно цѣли наживы

[1]) Къ этому, впрочемъ, еще слѣдуетъ присоединить посредническую контору, открытую въ 1885 г. извѣстнымъ Вадимомъ Пассекомъ, для пріисканія должностей и займовыхъ сдѣлокъ.

[2]) „Хотя дѣдъ мой, говоритъ его внукъ, авторъ записокъ, никогда не упускалъ случая нажить копѣйку, но помочь въ нуждѣ человѣку честному, трудолюбивому онъ не отказывался. Простымъ людямъ, потерпѣвшимъ несчастье, но независимымъ отъ нихъ причинамъ, давалъ деньги безъ процентовъ. Если его предупреждали, что „тотъ-то“ никогда не будетъ въ состояніи расплатиться, то онъ отвѣчалъ обыкновенно: „винъ трудящый человикъ, чогожъ ёму не поправыться, колы буде на що? заробыть—и видасть“. Но человѣку, котораго зналъ съ невыгодной для него стороны, не давалъ денегъ ни подъ какой актъ, ни

Своеобразное смѣшеніе филантропическаго и коммерческаго началъ представляла изъ себя и финансовая организація, придуманная В. Н. Каразинымъ для учрежденнаго имъ Филотехническаго Общества. Въ коммерческомъ отношеніи это было предпріятіе несомнѣнно въ высшей степени невыгодное и только такой мечтатель, какимъ былъ Василій Назарьевичъ, могъ серьезно надѣяться, что дорого стоившіе технические и сельскохозяйственные опыты Филотехническаго Общества или точнѣе говоря, его самого не только смогутъ оправдать расходы, но и приносить доходъ акціонерамъ и ему самому. Филотехническое Общество было прототипомъ нынѣшнихъ сельскохозяйственнаго и техническаго, при чемъ центромъ его дѣятельности было имѣніе Каразина село Кручикъ, гдѣ производили въ широкихъ размѣрахъ сельскохозяйственные и технические опыты, гдѣ были опытные поля, разные заводы и т. п. Понятно, что такое общество, душою и въ сущности чуть ли не единственнымъ серьезнымъ работникомъ котораго былъ его правитель дѣлъ В. Н. Каразинъ, не могло давать дохода на акціи и В. Н. Каразинъ лишился того самаго Кручика, гдѣ производились эти опыты, и гдѣ вся жизнь поселянъ и отношенія ихъ къ помѣщику были устроены на новыхъ болѣе разумныхъ и свободныхъ началахъ [1]).

Приказъ общественнаго призрѣнія занимался разнаго рода кредитными операціями; туда, напримѣръ, дѣлали свои вклады лица и учрежденія для приращенія ихъ капиталовъ процентами; онъ выдавалъ ссуды помѣщикамъ подъ залогъ сельскохозяйственныхъ произведеній. Въ поощреніе бережливости преимущественно въ простомъ народѣ открыта была въ приказѣ общественнаго призрѣнія *сберегательная касса*, доступная всякому самому дешевому работнику, принимавшая въ одинъ разъ отъ 25 р. до 50 к. сер. для приращенія процентами" [2]).

О дѣятельности Харьковской конторы государственнаго банка мы скажемъ въ концѣ главы.

Харьковская акціонерная шерстяная компанія является однимъ изъ старѣйшихъ кредитныхъ товариществъ въ Харьковѣ. Уставъ компаніи былъ утвержденъ 8 марта 1838 г.; 22 мая избраны были члены для завѣдыванія дѣлами, приступившіе къ распространенію акцій, но разбирали ихъ туго, въ 1841 г. избраны были уже директора кн. Голицынъ, Римскій Корсаковъ и Кузинъ, но первый отказался; въ 1843 году избраны были—Ларіоновъ, Лачиновъ и Кузинъ, но и по избраніи директоровъ дѣла нѣкоторое время не могли установиться. Настоящая фактическая дѣятельность компаніи открылась въ 1844 году, когда получено было чистой прибыли 12352 руб. Трехлѣтній удачный ходъ дѣлъ произвелъ удачный поворотъ общественнаго мнѣнія въ ея пользу. Еще въ 1843 г. Правленіе компаніи просило правительство принимать акціи ея въ залоги по обязательствамъ съ казною, но это было разрѣшено только въ 1849 году. Въ 1848 году было разрѣшено продолжить срокъ существованія компаніи на 10 лѣтъ. Въ томъ же году было собрано первое общее собраніе акціонеровъ, выяснившее, что торговцы шерстью пытались установить произвольныя цѣны, но правленіе, дабы парализовать это, вступило въ непосредственныя сношенія съ

за какіе проценты, кто бы онъ ни былъ. Впослѣдствіи, спустя лѣтъ пять послѣ его смерти, по порученію моей бабки, я отыскивалъ записанныхъ должниковъ въ веденной имъ долговой книгѣ. Между записками рукою дѣда моего было много записокъ рукою самихъ должниковъ, съ подписью званія, имени и фамиліи. Но наибольшая часть заемщиковъ были войсковые обыватели, цеховые, люди неграмотные, которыхъ дѣдъ мой какъ-бы не счелъ нужнымъ обозначать фамиліями, а только, что „такого-то" числа, мѣсяца и года дано взаймы войсковому обывателю изъ Золочева, Деркачей, Ольшаной или цеховому изъ-за Харькова, за Лоцани, Панасовки, Ивану, Семену, Петру—„столько-то" „на столько-то" срокъ, съ означеніемъ однакожъ тѣхъ надобностей, на которыя занимались деньги: „на покупку воловъ, товару для торговли, вывоза соли изъ Крыму, рыбы, постройку дома, послѣ пожара, первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ...". Такихъ Ивановъ, Петровъ, съ разныхъ селъ и частей г. Харькова было въ запискѣ по книгѣ, какъ я сказалъ выше, въ общемъ итогѣ на весьма значительную сумму... Отыскать ихъ или получить розданныя имъ деньги послѣ смерти дѣда моего не было никакой возможности. Но многіе изъ нихъ оказались людьми честными: спустя годъ, два года, пять лѣтъ сами являлись къ бабкѣ моей, иные приносили должныя деньги, объясняя, гдѣ именно отыскать записку ихъ въ долговой книгѣ, прося при этомъ „перехерить" значащійся на нихъ долгъ, другіе съ сознаніемъ долга своего и вмѣстѣ съ извиненіемъ, что въ настоящее время заплатить не въ состояніи. Послѣднимъ бабка моя простила долгъ. въ память мужа своего, и по ихъ просьбѣ заставляла „перехерить" въ долговой книгѣ записки каждаго въ ихъ присутствіи, чтобы совершенно успокоить ихъ: честная простота была убѣждена, что пока долговая записка не перечеркнена на крестъ, душа должника не успокоится и въ будущей жизни".

[1]) См. подробности объ этомъ въ изданныхъ подъ моей редакціей „Сочин., бумагахъ и письмахъ В. Н. Каразина", а также въ книгѣ г. Тихаго. В. Н. Каразинъ.

[2]) Объ этомъ сообщаетъ Кованько.

заграничными фабрикантами чрезъ коммиссіонеровъ и съ Московскимъ депо. Въ 1849 году компанія ходатайствовала, передъ наслѣдникомъ Цесаревичемъ о принятіи ея подъ его покровительство, на что и послѣдовало соизволеніе. Отчеты за 1848 и 1849 годы свидѣтельствовали, какъ тяжело было при ограниченныхъ средствахъ бороться компаніи со всѣми затрудненіями, вызванными упадкомъ торговли въ Западной Европѣ вслѣдствіе бывшихъ тамъ смутъ, неурожаевъ и падежа скота въ Россіи. Но Харьковъ все таки оказывался наилучшимъ изъ трехъ центровъ для продажи шерсти, во 1-хъ, благодаря тому, что его Троицкая ярмарка совпадала со снятіемъ шерсти съ овецъ и была извѣстна всему европейскому торговому сословію, во 2-хъ, потому, что развитію шерстяной торговли въ немъ способствовали ярмарки въ Екатеринославѣ и Ромнахъ, и въ 3-хъ потому, что опоздавшіе на Троицкую ярмарку имѣли все таки возможность сбыть шерсть на Успенской, Покровской и даже Крещенской ярмаркахъ. Въ 1852 году были открыты злоупотребленія бывшаго раньше директоромъ компаніи Нахимова, который, завѣдуя кассой и выдачей денегъ, бралъ большія ссуды якобы для себя и передавалъ ихъ другому лицу. Нахимовъ требовалъ третейскаго суда, который былъ предоставленъ ему предводителемъ дворянства, но общее собраніе акціонеровъ требовало, чтобы разсмотрѣніе этого дѣла было предоставлено ему, какъ хозяину предпріятія, и обвинило Нахимова. Въ 1854 г. компаніи разрѣшено было устраивать ежегодно въ Харьковѣ выставку мериносовыхъ барановъ и выдавать медаль имени Кондратьева. Въ 1855 г. составленъ былъ проектъ новаго устава компаніи.

Такова была внѣшняя ея судьба [1]).

Что же касается дѣятельности шерстиной компаніи, то она состояла въ распространеніи правильной торговли тонкою шерстью внутри Россіи и заграницей и имѣла въ виду выгоды мѣстныхъ овцеводовъ съ одной стороны и фабрикантовъ съ другой. Если овцеводъ не находилъ выгоднымъ и удобнымъ продать свою шерсть съ ярмарочной площади, то складывалъ ее въ магазины компаніи или только на храненіе, или же для мытья, сортировки и продажи, по распоряженію компаніи. При сдачѣ шерсти, овцеводы обыкновенно брали у компаніи подъ залогъ шерсти деньги съ уплатою процентовъ и эти деньги или возвращались компаніи съ полученіемъ обратно бывшей на храненіи шерсти, или же оставались у овцевода, если шерсть продавалась, при чемъ владѣлецъ ея получалъ еще и дополнительную сумму, извлеченную за покрытіемъ расходовъ отъ продажи шерсти. Фабриканты или вообще покупатели шерсти въ случаѣ надобности брали у компаніи взаймы деньги подъ залогъ уже купленной ими шерсти, которая оставалась тогда на храненіи въ магазинѣ и по уплатѣ ссуды возвращалась владѣльцу. Обширная и полезная для торговли дѣятельность компаніи приносила и хорошій доходъ акціонерамъ. Въ теченіе 12 лѣтъ (съ 1844 по 1856 годъ) компаніей было принято шерсти на коммиссію до 491175 пудовъ, т. е. по 40931 п. въ среднемъ ежегодно. Вотъ цифры за нѣкоторые отдѣльные годы: 1849 г.—40397 пуд., въ 1850—65466, въ 1851—31277, въ 1852—28129, въ 1853—51463 п., въ 1854—77808 пуд. Такъ какъ основнаго капитала—300000 руб. было далеко не достаточно для операцій, то компанія подъ залогъ бывавшей у нея на коммиссіи шерсти брала въ займы деньги въ здѣшней конторѣ Государственнаго Коммерческаго банка. Такихъ займовъ, простиравшихся иногда въ годъ до 850000 руб. (1850) за 12 лѣтъ компанія сдѣлала на 4380859 руб. и однихъ процентовъ уплатила конторѣ до 172371 руб. 77 коп. Дивидендъ компаніи въ иные счастливые годы доходилъ до 17 руб. на акцію, первоначальная стоимость которой равнялась 114 руб. $28^4/_7$ коп., а въ среднемъ за 12 лѣтъ не менѣе 10% на рубль. За храненіе шерсти въ пакгаузахъ компанія взимала по 1 руб. съ пуда въ годъ, а за коммиссіонную продажу 4%; по ссудамъ получала 6%. Имѣя у себя мойки и сортировальни, компанія большую часть принимаемой ею грязной и перегонной шерсти превращала въ мытую. На мойкѣ компаніи ежегодно получалось до 20000 чистой шерсти (т. е. по крайней мѣрѣ 40—50 тыс. грязной). На коммиссію въ компанію шерсть отдавалась обыкновенно тогда, когда не было выгодныхъ покупщиковъ и цѣны бывали низкія. Изъятіе при такихъ условіяхъ, 40 тыс. и болѣе пудовъ шерсти подымало и регулировало цѣны, и представляло значительныя выгоды для производителей [2]).

---

[1]) Дѣло объ испрошеніи Высочайшаго разрѣшенія на продолженіе существованія компаніи для торговли шерстью въ г. Харьковѣ. Началось 25 іюня 1846 г., окончилось 25 февраля 1856 года.

[2]) Галонова. Харьковъ (рукопись 1856 г.); И. С. Аксакова. Изс. о торговлѣ на укр. ярмаркахъ. СПБ. 1858, стр. 217—218.

Изъ акціонерныхъ банковъ, возникшихъ во 2-й половинѣ XIX ст. на первомъ мѣстѣ нужно поставить *Харьковскій Земельный банкъ.*

Харьковскій Замельный Банкъ, первый по времени основанія изъ десяти русскихъ акціонерныхъ Земельныхъ банковъ, открылъ, на основаніи устава Высочайше утвержденнаго 4 мая 1871 г., свои дѣйствія 2 сентября 1871 г. Учредителями Банка, какъ значится въ примѣчаніи 1-мъ къ 1-му § устава, были: И. В. Вернадскій, Г. Д Колокольцовъ, землевладѣлецъ Харьковской губерніи, Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ, А. Ѳ. Бантышъ, землевладѣлецъ Харьковской и Екатеринославской губерній, потомственный почетный гражданинъ Бѣлгородскій 1-й гильдіи купецъ Ѳ. Н. Добрынинъ и Харьковскій 1-й гильдіи купецъ А. К. Алчевскій. Главными иниціаторами дѣла были А. К. Алчевскій и профессоръ И. В. Вернадскій, коими по образцу устава Земскаго Банка Херсонской губерніи (въ Одессѣ), былъ составленъ проектъ устава Харьковскаго Земельнаго Банка.

Цѣлью учрежденія банка служило предоставленіе дешеваго (сравнительно) кредита землевладѣльцамъ (въ уѣздахъ) и домовладѣльцамъ (въ городахъ). Цѣль эта выражена уставомъ такъ: Харьковскій Земельный Банкъ учреждается для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ ихъ владѣльцамъ на правѣ полной собственности, первоначально въ пяти губерніяхъ: Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской и Полтавской. Затѣмъ раіонъ этотъ постепенно увеличенъ губерніями и областями: въ 1872 г. присоединены Донская Область и Орловская губернія, въ 1888 г. городъ Севастополь, въ 1890 г. городъ Ялта, въ 1891 г. Ставропольская губернія, Кубанская и Терская области и городъ Симферополь, въ 1902 г. Черноморская губернія и Дагестанская область.

Для достиженія этой цѣли, дешеваго кредита, установлена была выдача ссудъ 6%-ными закладными листами. Такимъ образомъ заемщикъ долженъ былъ уплачивать въ годъ 6% роста, 1½% въ пользу Банка [1]) и кромѣ того извѣстный процентъ (отъ ½% до 3%) въ погашеніе, въ зависимости отъ продолжительности срока. Первоначально банковый кредитъ обходился заемщикамъ въ 7% годовыхъ, но такъ, что къ полугодовому платежу прибавлялось и погашеніе и такимъ образомъ долгъ постепенно въ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ (отъ 18 до 54½ лѣтъ), незамѣтно погашался платежами. Съ 1873 года Харьковскій Земельный Банкъ началъ выпускать 5%-ные металлическіе закладные листы, а съ 1879 г. кредитные 5%-ные же закладные листы. Съ этого времени для заемщиковъ открылась возможность пользоваться еще болѣе дешевымъ (на 1% въ годъ) кредитомъ. Въ 1891 и 1892 г.г. произведены три конверсіи 6%-ныхъ закладныхъ листовъ, которые постепенно всѣ обращены въ 5%-ные, вслѣдствіе чего платежи всѣхъ заемщиковъ уменьшились на 1% въ годъ. Съ 1 іюля 1894 г. Банкъ началъ выпускъ 4½%-ныхъ закладныхъ листовъ, а съ 1 іюля 1895 г. уже прекратилъ выпускъ 5%-ныхъ закладныхъ листовъ. Затѣмъ въ 1898 году произведена новая конверсія 5%-ныхъ закладныхъ листовъ въ 4½% (съ 1 января 1899 г.) и послѣдовало соотвѣтствующее уменьшеніе платежей всѣхъ заемщиковъ еще на ½% въ годъ.

Кромѣ того съ 1894 г. началось постепенное уменьшеніе для заемщиковъ—землевладѣльцевъ платежа въ пользу Банка, который къ 1 января 1899 г. былъ, вмѣсто прежняго 1% въ годъ, доведенъ до ½% въ годъ. Сверхъ того, во все время продолженія залога платежъ этотъ по мѣрѣ погашенія каждой одной десятой части долга уменьшается на 1/10 часть своего размѣра. Такимъ образомъ, къ 1905 году землевладѣльцы пользуются кредитомъ изъ Банка менѣе, чѣмъ изъ 5% годовыхъ, а домовладѣльцы—5½%. Сроки залога также установлены въ большемъ количествѣ: для землевладѣльцевъ отъ 10 лѣтъ до 66 лѣтъ 2 мѣс., а для домовладѣльцевъ отъ 10 до 38 лѣтъ 4 мѣс. Болѣе продолжительные сроки, уменьшая погашеніе, вліяютъ на общій размѣръ платежа, облегчая этимъ условія найма. Въ 1893 г., вмѣсто прежнихъ двухъ льготныхъ мѣсяцевъ, установлена при просрочкѣ платежей льгота для заемщиковъ въ шесть мѣсяцевъ, а при чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ и смерти владѣльца возможность чрезвычайной льготы—разсрочки двухъ полугодовыхъ платежей на 3 года.

Обороты Банка со времени учрежденія до 1905 г. въ основныхъ цифрахъ по годамъ выразились въ слѣдующемъ:

---

[1]) Фактически Банкъ взималъ въ свою пользу съ самаго начала только 1% въ годъ.

Операціи Харьковскаго Земельнаго Банка съ 1871 г. по 1904 г. (включительно).

	Складочный капиталъ	Запасный капиталъ	ССУДЫ ДОЛГОСРОЧНЫЯ. Выдано: Земельныхъ	Выдано: Городскихъ	Выдано: Всего	Погашено: Земельныхъ	Погашено: Городскихъ	Погашено: Всего
При открытіи Банка внесено	[illegible]00							
съ 187[illegible] годъ	280.600	15,745 75	13.877 200	1 276,700	15.153,900	164,300	54,300	2[illegible]8,600
„ 187[illegible] „	4[illegible]	[illegible]	[illegible]88,000	[illegible]	13.4[illegible]	1.499,300	217,100	716,1[illegible]
„ 187[illegible] „	385,000	[illegible]	[illegible]	4[illegible]00	8.095,100	1.889,425	274,100	2.163,625
„ 18[illegible] „		31 [illegible]	[illegible]	1[illegible]20,400	1.852 [illegible]	[illegible]	206,7[illegible]	[illegible]
„ 187[illegible] „	[illegible]	3[illegible]420	4.[illegible]300	1.86[illegible],800	[illegible]	[illegible]	593,900	[illegible]
„ 18[illegible]7 „		34.486 08	1.642,300	475,700	2.118,000	1.558,875	547,800	2.101,175
„ 1878 „	[illegible]500	[illegible]	2 845.000	8[illegible]	3.65[illegible]	[illegible]721,925	763,700	[illegible]484,925
„ 1879 „	7[illegible]	[illegible]	[illegible]895,700	867,200	2.762,900	867,975	790,200	1.658,175
„ 1880 „		[illegible]8,810	2.52[illegible].000	64 200	3.685,200	2.224.600	960,500	3.185,100
„ 1881 „		[illegible]	2 2[illegible]5,500	1 4[illegible]7 200	3 622.700	1[illegible]64,025	879,000	[illegible]443,625
„ 1882 „		2 7[illegible]	[illegible]	1,49[illegible],500	3.881,400	1.28[illegible]	89[illegible],100	2.15[illegible]
„ 1883 „		48[illegible]	[illegible]	1.642,800	4.764,800	1.251,350	942,600	2.193,950
„ 188[illegible] „		1 00[illegible]	[illegible]973.300	1[illegible]84,500	4 757.500	2,167,300	958.700	3.12[illegible],000
„ 188[illegible] „	—	[illegible]201 [illegible]	3.338.200	1.602,200	[illegible]940,400	2.452,025	1 146,900	3.598,925
„ 1886 „	[illegible]83 700	[illegible]20[illegible]	[illegible]	2 577 [illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]975
„ 188[illegible] „	36.55[illegible]	[illegible]	[illegible]	2 48[illegible]	[illegible]	6,58[illegible],125	1 2[illegible]	7 858[illegible]25
„ 1888 „	[illegible]	85,[illegible]11 67	[illegible]086.[illegible]00	1.898,300	[illegible]884,800	2.330,700	1,053,100	3.383,800
„ 188[illegible] „	15 [illegible]	103,630 13	3.[illegible]	3.[illegible]	[illegible]763.[illegible]	3.[illegible]06,675	1[illegible]	4 523,975
„ 1890 „	—	97,180 25	3.776,300	3.139,500	6.915,800	5.815,950	1 595,100	7.411,050
„ 189[illegible] „		[illegible]2[illegible]3 72	1[illegible]	5.[illegible]3,800	[illegible]	3.89[illegible]	[illegible]371,[illegible]00	[illegible]
„ 1892 „	5[illegible]	232,[illegible]	[illegible]	5.285.[illegible]00	11 [illegible]	3 [illegible]92,900	2 [illegible]1,300	[illegible]
„ 1893 „	598.800	802,584 50	10.036.600	5.850,600	15.887,200	3.081,325	2 699,500	5.780,825
„ 1894 „	[illegible]8,800	390 [illegible] 99	[illegible]133,800	[illegible]569 [illegible]	16.[illegible]3,500	3 565,575	2 75[illegible],200	6 3[illegible]2.775
„ 189[illegible] „	181,150	385,524 05	8.401,200	7 118,300	15.5[illegible]4,500	7.533,050	3.625,500	11 158,550
„ 1896 „	543.450	194,507 06	6.281.300	7 060.100	13.341 400	4 520,400	2.937.900	7 458,300
„ 1897 „		[illegible]4.314 08	5 1[illegible]	6.250 000	11 39[illegible]	5 636.500	[illegible]554[illegible]	9.[illegible]
„ 189[illegible] „			[illegible]817,800	7 7[illegible]8,300	11 536.100	3 4[illegible]525	4 69[illegible] 900	8.[illegible]725
„ 189[illegible] „	[illegible]08,[illegible]00	133,5[illegible]	4[illegible]100	6.[illegible]5.300	10.[illegible]	5 58[illegible]	3 [illegible]7,100	7 [illegible]56.650
„ 1900 „	—		3 122 300	7[illegible]4,200	[illegible]866.500	2 40[illegible] 200	2 364.300	[illegible]773,200
„ 1901 „	[illegible]	[illegible]	89[illegible].000	1 7[illegible],500	2.604 500	[illegible]418 19[illegible]	4 683,980	9 102,170
„ 1902 „	26[illegible] 12.105	155.518	7 264,000	[illegible]329.800	8.593,800	3 350 830	2 500.350	5 860.1[illegible]0
„ 1903 „	—	116,742.38	4 799,900	[illegible]178,200	5.976.100	3,063,210	2.661,370	5.724,580
„ 1904 „		28.[illegible]	3 5[illegible],900	834,300	4.383.600	2.825,6[illegible]	2.685,650	5.5[illegible],320
	[illegible]70,000	301,005 28	166.2[illegible]2,000	99 126.900	265.338,000	102.874,750	59.641,250	162.516,000

	ССУДЫ КРАТКОСРОЧНЫЯ. Выдано: Земельныхъ	Выдано: Городскихъ	Выдано: Всего	Погашено: Земельныхъ	Погашено: Городскихъ	Погашено: Всего	Пособ. разнымъ лицамъ и учрежден.	Расходы банка	Чистая прибыль	Дивидендъ акціонерамъ въ %
съ 187[illegible] годъ	—	—		—	—	—	—	112.382 27	314 915 [illegible]	21 [illegible]
„ 187[illegible] „					—	—		141 463 [illegible]	[illegible]65,668	[illegible]
„ 187[illegible] „	—	—	—	—	—	—	—	95.164 96	[illegible]	[illegible]
„ 18[illegible] „				—				[illegible]8 63	[illegible]	[illegible]
„ 187[illegible] „								[illegible]10,1[illegible] 26	[illegible]	[illegible]
„ 18[illegible]7 „	—	8,400	8,400	—	—	—	5,500	101,966 7[illegible]	[illegible]	[illegible]
„ 1878 „		1[illegible],000	1[illegible],000		8,[illegible]00	8,400	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
„ 1879 „	—	34,100	34,100		15,000	15,000		38,[illegible]55	506,1[illegible]	1[illegible]
„ 1880 „	675,000	34.000	709,000				2 000	[illegible]	[illegible]	1[illegible]
„ 1881 „	—	43,200	43,200	—	18.000	18,000	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1[illegible]
„ 1882 „	—	—		30,000	[illegible]8,900	48.900	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
„ 1883 „	—	10,000	10,000	—	10,500	10,[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
„ 188[illegible] „	45,000	16,000	61,000	45,000	1,500	46.500	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1[illegible]
„ 188[illegible] „	707,500	3[illegible],000	738,500		14,700	[illegible]	1 [illegible]	[illegible]	[illegible]	12
„ 1886 „	3[illegible]00	[illegible]600	[illegible]	[illegible]	[illegible],000	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
„ 188[illegible] „	[illegible],000	17 000	62.[illegible]	[illegible]	1.600	6.600	[illegible]00	1[illegible]245 15	[illegible]	
„ 1888 „	—	400	400	30,300	60.100	90.400	2.800	[illegible]45.609 10	[illegible]	1[illegible]
„ 188[illegible] „	200,000	15,000	21[illegible]	1[illegible]700	6 300	63 [illegible]	[illegible]800	[illegible]	[illegible]	[illegible]
„ 1890 „	346,150		346,100	317 600	1,000	318,600	6,400	157.502 43	948,500 07	15.[illegible]
„ 189[illegible] „	1 0[illegible]	86,800	1 7[illegible]	1[illegible]500	[illegible],800	1 115 300	[illegible]	175.123 65	68[illegible] 14	
„ 1892 „	[illegible]5.300	[illegible]900	[illegible]1,000	23[illegible] 000	[illegible]100	251 [illegible]00	[illegible]800	[illegible]05 18 [illegible]	[illegible]	[illegible]
„ 1893 „	60,000	366.200	426,200	2,100	60,600	62 700	[illegible]	22[illegible]846 22	1 [illegible]380 66	1[illegible]
„ 1894 „	92.900	[illegible]	1[illegible]9.400	3[illegible]	[illegible]	[illegible]5.400	9 400	2[illegible]92	[illegible]03	[illegible]
„ 189[illegible] „	546,[illegible]00	61.000	607,100	371,200	—	37[illegible],200	10 [illegible]50	[illegible]52.[illegible] 17	1 [illegible] 71	1[illegible]
„ 1896 „	136,700	128,000	264,700	1 737,000	35,000	1 772,000	9,100	219,832 17	1.44[illegible] 11	4 [illegible]
„ 1897 „	5 100	3.900	9 000	2,700	29 [illegible]	31 800	8 200	298 718 89	410.202 63	4 [illegible]
„ 189[illegible] „		321,500	321 500	5,000	12 700	[illegible]17 700	9 [illegible]	241 [illegible]58 6	1 [illegible]	4.[illegible]
„ 189[illegible] „		202,900	202.900	7.000	[illegible]7 500	[illegible] 500	[illegible]750	[illegible]	1 4[illegible]	11 [illegible]
„ 1900 „	1 979,900	36,500	1 [illegible]6.400	200.800	9.300	2[illegible]0.100	[illegible],000	[illegible]32.[illegible]	1 442,330 31	[illegible]
„ 1901 „	234,500		234,500	1 387,[illegible]	28,500	4[illegible]	1 [illegible]	[illegible]561 96	[illegible]	
„ 1902 „	—				29 [illegible]00	2[illegible]1 700	[illegible]	21[illegible]723,86	[illegible]07 [illegible] 83	—
„ 1903 „	75,000		75,000	20.600	15,500	36,100	5,100	225,804 84	[illegible]462 22	5.[illegible]
„ 1904 „	176,400	32,200	208,[illegible]00	12 000	1 [illegible]	43 900	1,[illegible]94	[illegible]48,272 [illegible]	50[illegible],229 82	[illegible]
	6.444,800	1 551 100	7 975,900	5.774,300	1 367,800	7 142,100	215,502	5,685,315 76	2[illegible]802.[illegible] 2[illegible]	

¹) Списано по неразобраннымъ акціямъ и на покрытіе убытковъ за исключеніемъ полученныхъ по акціямъ 1[illegible]5.62[illegible] руб. 5 коп.

²) Списано на покрытіе убытковъ.

Суммируя эти цифры, увидимъ, что съ основанія банка по 1904 годъ включительно:

Выдано ссудъ долгосрочныхъ закладными листами	265338900	руб. — коп.
„ „ краткосрочныхъ наличными деньгами	7975900	„ — „
Погашено „ долгосрочныхъ закладными листами	162516000	„ — „
„ „ краткосрочныхъ наличными деньгами.	7142100	„ — „
Израсходовано на управленіе и содержаніе	5685315	„ 76 „
Получено прибылей	26802099	„ 22 „
Пожертвованій съ благотворительной цѣлью разнымъ лицамъ и учрежденіямъ сдѣлано на	215502	„ — „
и кромѣ того изъ образовавшагося изъ ежегодныхъ отчисленій по 3000 руб. въ пользу вспомогательно-сберегательной кассы служащихъ при Харьковскомъ Земельномъ банкѣ образовался къ 31 декабря 1904 г. вспомогательный капиталъ	107490	„ 62 „

Убытокъ, причиненный банку дѣйствіями прежняго Правленія, предсѣдателемъ коего былъ А. К. Алчевскій, кончившій жизнь самоубійствомъ, послѣ чего весь составъ Правленія былъ преданъ въ 1901 году суду Особаго Присутствія Судебной Палаты [1]), выразился, какъ это установлено въ 1901 г. въ слѣдующемъ:

а) убытковъ за прежніе годы	2011391	руб. 14 коп.	
б) „ отъ Харьк. Торг. Банка	2715156	„ 10 „	
в) „ „ Екатер. Ком. Банка	56659	„ — „	4783206 „ 24 „

Кромѣ того въ послѣдующіе годы списано убытковъ по Харьковскому Торговому Банку . . . . . 775308 руб. 37 коп.

Означенные убытки покрыты:

а) всѣмъ имѣвшимся запаснымъ капиталомъ Банка въ 1901 г. въ суммѣ 2850347 руб.

б) частью складочнаго капитала въ 1230224 руб. 05 коп., каковой акціонерами былъ пополненъ путемъ приплаты на каждую акцію въ 200 рублей по 33 руб. 34 коп.

и в) остальной убытокъ покрытъ изъ бывшихъ прибылей Банка.

Состояніе Банка на 1 января 1905 года:

Складочный капиталъ	9970000	руб. — коп.
Запасный „	301005	„ 28 „
Ссудъ долгосрочныхъ	98291525	„ „
Закладныхъ листовъ въ обращеніи	98291525	„ — „
Ссудъ краткосрочныхъ	697000	„ — „
Прибыль за 1904 годъ	595764	„ 71 „

По суммѣ ссудъ на 1 января 1905 года Харьковскій Земельный Банкъ занимаетъ пятое мѣсто.

Нынѣшнее помѣщеніе Банка, начатое постройкою въ 1894 году и оконченное въ 1897 году, выстроено по проекту академика А. Н. Бекетова. Зданіе Банка, вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ помѣщался Торговый Банкъ, а потомъ Сѣверный Банкъ и Управленіе Южныхъ желѣзныхъ дорогъ, обошлось Земельному Банку болѣе 1200000 рублей. Роскошная внутренняя отдѣлка, для которой выписывались мастера изъ заграницы, совмѣщается съ весьма неудачнымъ устройствомъ перваго этажа, въ смыслѣ отсутствія достаточнаго количества свѣта. А такъ какъ здѣсь помѣщаются почти всѣ отдѣлы Банка, то служащіе очень страдаютъ отъ этого серьезнаго неудобства, особенно зимою. Въ подвальномъ этажѣ устроена стальная комната, въ которой безопасные ящики сдаются въ наемъ для храненія цѣнностей.

Харьковское агентство *Полтавскаго Земельнаго Банка*. Уставъ Банка былъ утвержденъ въ 1872 г., и агентство его было открыто въ Харьковѣ въ томъ же году. Кругъ дѣйствій его простирается и на Харьковскую губернію [2]).

---

[1]) О крахѣ Харьк. Земельнаго банка, см. 1) Процессъ Харьковскихъ банковъ (стенографическій отчетъ); 2) Дѣло Харьковскихъ банковъ (кассац. производство); 3) Харьковскій крахъ М. Я. Герценштейна; 4) А. К. Алчевскій В. Д. Бѣлова.

[2]) Харьк. кал. на 1878 годъ, стр. 350.

Харьковскій Торговый Банкъ былъ открытъ со складочнымъ капиталомъ въ 500000 руб. Въ 1872 г. выпущено было новыхъ акцій на 500000 руб., такъ что складочный капиталъ Банка достигъ 1 мил. Операціи этого Банка были обычныя для подобнаго рода кредитныхъ учрежденій. Общій итогъ принятыхъ Банкомъ обязательствъ не могъ превышать болѣе чѣмъ въ 10 разъ его собственные капиталы. Чистая прибыль Банка должна была распредѣляться такъ (если она не превышала 10% складочнаго капитала): за исключеніемъ 15% вознагражденія членамъ Правленія, 10% въ запасный капиталъ и 20% акціонерамъ. Въ 1872 году складочнаго капитала обращалось 604167 руб., запаснаго 24732 р., на текущемъ счету состояло на 14839593 р., на процентныхъ вкладахъ 5362740 р., учтенныхъ векселей на 9791500 р., выдано было ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ на 5393030 р.,—товаровъ 1064865 р. Доходовъ было 601615 р., въ томъ числѣ отъ учетной операціи 359275 р., ссудъ подъ цѣнныя бумаги 93097 р., отъ краткосрочныхъ ссудъ подъ векселя 43370 р., ссудъ подъ товары 27114 р., чистой прибыли 143652 р. [1]).

Дѣла Банка, казалось, шли вполнѣ удачно, пока надъ нимъ не разразился крахъ, вызванный банкротствомъ А. К. Алчевскаго. Вкладчики послѣ ликвидаціи потеряли однако немного.

Еще въ концѣ 60-хъ годовъ были открыты въ Харьковѣ отдѣленія акціонерныхъ банковъ—Волжско-Камскаго и Петербургскаго международнаго; впослѣдствіи къ нимъ присоединилось отдѣленіе Сѣвернаго банка.

Обращаемся теперь къ обзору дѣятельности взаимныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденій.

Харьковское взаимное страховое отъ огня общество [2]) открыто было по мысли и инициативѣ г. Богдановича, чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Задача его состояла въ пониженіи страховыхъ премій. Для этого долженъ былъ быть созданъ запасный капиталъ „который при благопріятныхъ обстоятельствахъ, наростая болѣе и болѣе, могъ бы одними процентами покрывать убытки отъ пожаровъ, съ накопленіемъ же капитала освободить домовладѣльцевъ отъ ежегодныхъ денежныхъ взносовъ или премій, сохранивъ за ними право на вознагражденіе пожарныхъ убытковъ и за тѣмъ часть капитала употребить на улучшеніе пожарной команды и выдачу страхователямъ ссудъ. Общество открыло свои дѣйствія 14 декабря *1864 года*. Поч. гражд. А. А. Скрынниковъ, бывшій въ то время харьковскій городской голова, принималъ особенное участіе въ осуществленіи этого учрежденія“. Въ первый годъ своего существованія общество получило за принятое имущество страховой преміи 16536 р. 98 к. Затѣмъ размѣры этой преміи постоянно возрастали, также точно, какъ и проценты съ капиталовъ общества.

Всего за первые 8 лѣтъ страховой преміи процентовъ было получено 320095 р. 84 к., пожарныхъ убытковъ за это время уплачено 105859 р. 53 к., въ среднемъ по 13232 р. 44 к. въ годъ. Особенно тяжелыми были 1869 и 1871 годы, когда пришлось уплатить 31235 р. за пожаръ на Заиковкѣ и за сгорѣвшій корпусъ лавокъ В. И. Пащенка-Тряпкина. Въ 1872 году общество имѣло, за всѣми понесенными расходами, собственнаго запаснаго капитала 183085 рублей. Въ послѣдующіе 32 года дѣла общества шли не менѣе блестяще.

Вотъ таблица, представляющая въ цифрахъ ростъ дѣятельности этого замѣчательнаго взаимнаго кредитнаго общества.

Года	Размѣръ страховой преміи съ 1865—1905 г.		Размѣръ %%% на капиталъ съ 1865—1905 г.		Ростъ запаснаго капитала до 1905 г.		Капиталъ имени Императора Александра II-го		Сумма пожарныхъ убытковъ съ 1865—1905 г		Другія выдачи, какъ-то: пособія и пожертвованія		Страховат. съ 1865 г. по 1905 г.	Сумма страхованія	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	число	руб.	к.
1865	16536	—	162	—	—	—	—	—	2090	—	—	—	639	3609392	—
1866	23549	—	521	—	—	—	—	—	9360	49	—	—		5040577	—
1867	29005	—	1200	—	—	—	—	—	3090	—	—	—	902	6144389	—
1868	33810	—	2755	—	—	—	—	—	7095	—	—	—		6253771	—
1869	39071	—	4096	—	—	—	—	—	31235	35	716	—	—	6891686	—
1870	43522	—	4554	—	—	—	—	—	5199	95	500	—	1418	7889061	—
1871	48449	—	6245	—	—	—	—	—	14118	28	610	—	1484	8791515	—
1872	52003	—	13608	—	183085	—	—	—	2715	—	687	30	1633	9762392	—
1873	58845	82	14852	6	245329	97	—	—	4023	—	762	—	1706	10974183	—

[1]) Харьк кал. на 1874 г., стр. 196—197.

[2]) Харьк. кал. на 1874 г.

Года	Размѣръ страховой преміи съ 1865—1905 г.		Размѣръ %%% на капиталъ съ 1865—1905 г.		Ростъ запаснаго капитала до 1905 г.		Капиталъ имени Императора Александра II-го		Сумма пожарныхъ убытковъ съ 1865—1905 г.		Другіе выдачи, какъ-то: пособія и пожертвованія		Страховат. съ 1865 г. по 1905 г.	Сумма страхованія	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	ЧИСЛО	РУБ.	К.
1874	64157	—	18886	20	311536	25	—	—	8394	52	862	—	1936	12005201	—
1875	66939	16	23014	37	357362	28	—	—	36794	—	933	19	2104	12630096	—
1876	67794	22	24330	52	428398	53	—	—	11766	8	1990	—	2137	13338647	—
1877	67826	83	26385	82	502440	21	—	—	11818	—	2120	—	2197	13658436	—
1878	68415	34	31424	74	585644	14	—	—	8046	—	2400	—	2235	14376130	—
1879	59144	21	32899	28	656808	57	—	—	12655	75	1503	90	2321	15031837	—
1880	58782	72	35832	48	718737	57	—	—	20667	50	4208	—	2399	15831238	—
1881	60820	60	38904	54	777128	26	20678	89	10695	—	1736	—	2459	17037436	—
1882	63220	89	43574	98	857822	10	21806	54	16254	—	628	50	2614	18297577	—
1883	65380	71	49719	56	887080	22	22711	10	75971	—	1515	—	2792	19132487	—
1884	68366	6	52202	79	975954	45	23790	32	21252	—	1005	—	2947	20512000	—
1885	72292	41	53819	75	1013618	8	24820	47	61451	—	17163	—	3049	21943333	—
1886	69592	13	55558	75	1091591	63	25835	6	26141	—	11165	—	3097	23771953	—
1887	71329	15	59016	65	1180078	44	26800	85	30047	—	1439	—	3203	24006743	—
1888	72446	88	63523	39	1279276	53	27769	27	21112	85	3341	—	3394	24495048	—
1889	73656	58	67810	67	1369704	27	28411	89	27206	60	7029	—	3526	25929436	—
1890	77457	22	99644	88	1449568	10	29353	80	78853	50	3379	—	3905	27120894	—
1891	78968	4	80932	2	1526346	50	30100	48	64878	60	2613	2	3945	28402845	—
1892	81576	85	73114	37	1571448	70	30565	91	59933	—	32872	2	3965	28548084	—
1893	82067	53	77720	16	1635555	39	31063	35	44604	10	3992	—	3990	29273627	—
1894	68858	59	79843	48	1723541	3	31257	33	39279	—	7155	32	4050	30496805	—
1895	68576	84	88285	56	1756511	14	31623	39	99026	88	5097	16	4132	31469234	—
1896	72387	78	85422	96	1836920	13	31801	24	50810	80	12103	15	4295	33405573	—
1897	79251	82	87429	75	1895481	34	31817	55	88225	—	6220	31	4694	35468043	—
1898	83651	12	90160	18	1994571	91	31871	55	55963	—	4389	46	4802	38192014	—
1899	88065	81	92790	94	2089234	98	31974	—	63224	—	4356	61	4946	39982811	—
1900	92780	75	96558	12	2210168	50	32049	5	44596	—	6134	83	4896	41829734	—
1901	96306	56	99996	41	2280454	25	32019	4	99201	70	5512	98	5024	43548688	—
1902	99899	88	105479	57	2380528	93	32100	50	75046	—	9901	48	5095	45196387	—
1903	101267	95	107388	16	2489039	60	32189	34	75794	10	5555	51	5165	47183605	—
1904	102725	55	109185	65	2555864	57	32301	15	110310	50	16238	81	5217	48692992	—
	2430839	28	2065709	6	—	—	—	—	1558945	55	—	—	—	—	—

Сумма льготнаго страхованія къ 1905 г.—всего 14714759 руб.

Общество взаимнаго кредита приказчиковъ г. Харькова. Первоначально оно возникло подъ именемъ „Вспомогательное общество купеческихъ приказчиковъ въ Харьковѣ“ и уставъ его подъ этимъ названіемъ былъ утвержденъ 11 февраля 1865 г. „Вспомогательное общество приказчиковъ“ стало клониться къ упадку, потому что не представляло изъ себя кредитнаго учрежденія. И это побудило членовъ его измѣнить уставъ, въ духѣ именно кредитнаго общества, и переименовать его въ „Общество взаимнаго кредита приказчиковъ“, которое могло производить слѣдующія операціи: ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ и драгоцѣнныхъ вещей, учетъ solo векселей, покупку и продажу % бумагъ, пріемъ вкладовъ. Въ 1871 и 1872 гг. снова послѣдовали дополненія и измѣненія устава, имѣвшія своею цѣлью развитіе его операцій. Составъ членовъ вслѣдствіе этого увеличился и операціи его расширялись. Такъ дѣло продолжалось до 1877 года: дивидендъ равнялся 12%—20%. Въ 1877 и 1878 гг. общество пережило тяжелый кризисъ, вслѣдствіе потерь по протестованнымъ векселямъ и убытковъ по ссудамъ, имъ выданнымъ. Число вкладчиковъ уменьшилось на 200 чел., вкладчикамъ и членамъ возвращено было 900 тыс. руб. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ въ 1879 году снова измѣненъ былъ уставъ общества въ отношеніи учета векселей: эту операцію можно было производить теперь только съ разрѣшенія совѣта общества.

Въ 1885 году обществу удалось окончательно освободиться отъ тяжелаго наслѣдія прошлаго—списать всѣ убытки. Въ теченіе послѣдующихъ 5 лѣтъ (съ 1885 по 1890 годъ) общество энергично двигалось впередъ по пути преуспѣянія: къ 1-му января 1890 года оно обладало уже собственнымъ капиталомъ въ 223 тыс. руб. (основнымъ и запаснымъ), не имѣя никакихъ долговъ и убытковъ. Кромѣ того оно теперь обратило серьезное вниманіе на ту сторону дѣятельности, которая являлась его первоначальною цѣлью—на попеченіе о насущныхъ нуждахъ своихъ сочленовъ. Съ этою цѣлью оно образовало капиталъ для вдовъ и сиротъ (7758 р.), капиталъ для коммерческаго училища (25 тыс.), капиталъ для богадѣльни имени Денисова (10454 р.). За 20 первыхъ лѣтъ существованія общества взаимнаго кредита приказчиковъ (съ 1870 по 1890 гг.), обороты его выразились въ цифрѣ 514 мил. руб., валовой прибыли было получено б. 3300000 руб., вкладчикамъ отчислено б. 1300000 руб., пособій выдано 120000 руб., въ томъ числѣ вдовамъ членовъ 57 тыс., членамъ, не имѣющимъ занятій, 23 тыс., на воспитаніе дѣтей 13 тыс., на похороны 3 тыс., на медицинскія пособія 1½ тыс., на благотворительныя учрежденія 18 тыс., чистой прибыли получено 784000 руб., изъ коихъ въ дивидендъ членамъ отчислено 546 тыс.

Въ послѣдующія 15 лѣтъ (съ 1890 по 1905 годъ) Общество работало и развивалось въ прежнемъ направленіи. Вотъ свѣдѣнія о его дѣятельности за 1904 годъ. Общій оборотъ его по всѣмъ операціямъ равнялся 57692979 р.; членовъ состояло 592; основной капиталъ его равняется 282075 р. (въ 1890 г.—145405 р., увеличился на 136670 р.); запасный—86560 р. (въ 1890 г.—77977 р. увеличился на 8583 р.). Пособій (членамъ, вдовамъ, сиротамъ и т. п.) въ теченіе года выдано было 28918 р.; школьнаго фонда было 11798 р., капитала богадѣльни 21282 р., особаго фонда вдовъ и сиротъ 46906 р. Чистой прибыли получено 91524 руб. Складочный капиталъ (обязательные взносы членовъ) равнялся 626860 руб. Видное мѣсто въ операціяхъ общества занимаютъ вклады постороннихъ лицъ, указывающіе на довѣріе къ Обществу и залогъ подъ драгоцѣнности [1]).

Городской купеческій банкъ былъ основанъ именемъ городского общественнаго управленія въ 1866 году. Благодѣтельныя реформы 60-хъ годовъ отразились на подъемѣ промышленности и торговли, вызвавшемъ общую потребность въ кредитѣ. Единственное оперировавшее тогда въ Харьковѣ кредитное учрежденіе—контора государственнаго банка не могла удовлетворить этой потребности. 6 февраля 1862 г. правительство издало нормальное положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ, а въ 1864 году въ Харьковѣ уже начались предварительныя дѣйствія по открытію такого банка.

Харьковъ выдѣлялся среди другихъ русскихъ городовъ размѣрами своихъ торговыхъ оборотовъ. Его ярмарки привлекали массу иногороднаго купечества. По своему географическому положенію, онъ игралъ роль передаточнаго пункта между промышленной Великороссіей и Новороссійскимъ краемъ.

Иниціатива принадлежала харьковскому городскому головѣ А. А. Скрынникову. 10-го іюля 1864 г. онъ собралъ городское общество въ составѣ 80 купцовъ, 5 мѣщанъ и 11 цеховыхъ и предложилъ ему возбудить ходатайство объ открытіи Банка. Добровольными пожертвованіями былъ собранъ основной капиталъ Банка въ размѣрѣ 15000 р., а 8 марта 1866 года произведены были выборы. Первымъ директоромъ его былъ избранъ И. И. Ващенко, товарищами его С. М. Акименко и И. Ѳ. Кравцовъ. Новость положенія избранныхъ членовъ правленія, не знакомый и чуждый до сего новый родъ ихъ финансовой дѣятельности развивали дѣло медленно, но фундаментъ былъ положенъ на твердый грунтъ и солидно. И. И. Ващенко въ первое трудное время усердно поддерживалъ кассу Банка своими вкладами и несъ свой трудъ, какъ и его товарищи, безвозмездно, почти вся получаемая прибыль шла на увеличеніе основнаго и запаснаго капитала. Преемниками И. И. Ващенко были—С. М. Акименко, Н. А. Жевержеевъ, И. Ѳ. Силинъ. Въ своей дѣятельности Банкъ долженъ былъ приспособляться къ нормальнымъ уставамъ общественныхъ банковъ—положенію о нихъ 1862, 1871 и 1883 гг. Это послѣднее вызвано было банковскими крахами и хищеніями (въ особенности Скопинскаго гор. общ. банка въ 1882 г.). Оно уничтожило выдачу ссудъ подъ негарантированныя процентныя бумаги и установило зависимость размѣра выдаваемыхъ ссудъ подъ гарантированныя правительствомъ бумаги отъ размѣра, установленнаго государственнымъ банкомъ что, конечно, должно было отразиться на дѣятельности Банка—сокращеніемъ ссудъ и прибылей, но вмѣстѣ съ тѣмъ давало ему большую устойчивость. До того времени Банкъ пользовался въ

[1]) Обзоръ 25-лѣтней дѣятельности общества взаимнаго кредита приказчиковъ и XXXV отчетъ общества за 1904 годъ.

своей дѣятельности большей свободой и мочь конкуррировать съ новыми кредитными учрежденіями, возникшими въ Харьковѣ въ первые 5 лѣтъ его существованія—отдѣленіями Волжско-Камскаго и Петербургскаго Международнаго. Въ 1869, 1870 и 1871 годахъ Банкъ расширилъ кругъ своихъ операцій введеніемъ переучета векселей въ Госуд. Банкѣ, переводныхъ сношеній съ частными кредитными учрежденіями. Въ 1870 г. былъ купленъ у А. А. Сергѣева и нынѣ занимаемый имъ домъ за 86000 руб. Въ 1871 г. Банкъ былъ переименованъ въ купеческій, хотя прежнее названіе его (общественный) болѣе соотвѣтствовало его идеѣ и задачамъ. Съ 1872 г. Банкъ сильно расширилъ свои операціи. 1874 годъ далъ наибольшую чистую прибыль—202 тыс. руб. За то слѣдующій—благодаря краху Моск. ссуднаго банка и другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, былъ сравнительно печальный. Въ слѣдующее 5-лѣтіе до 1880 года дѣла Банка шли обычнымъ образомъ. Передъ введеніемъ новаго нормальнаго положенія Банкъ широко дѣйствовалъ по старому уставу и въ 1883 году получилъ максимальную прибыль въ размѣрѣ 254 тыс. руб.

Обороты Банка за первые 20 лѣтъ его существованія поднялись съ 706702 руб. (въ 1866 г.) до 98040630 р. (въ 1885 г.), при чемъ съ 1873 по 1883 годъ (включительно) колебались между 106 и 130 мил. Основной капиталъ возросъ за 20 лѣтъ до 1300000 р. (300 тыс. было перечислено изъ запаснаго); запасный къ 1-му января 1886 г. равнялся (за отчисленіемъ 300 тыс.) 250000 р. Выдача ссудъ подъ процентныя бумаги, доходившая до 7116622 р. (въ 1874 г.) пала въ 1884 г. до 2784047 р. и 1783191 р. въ 1885 г. Ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній возросли съ 23450 (въ 1867 г.) до 599120 р. (въ 1885 г.), но въ промежутки повышались до 1 мил. и даже болѣе того. Ссуды подъ залогъ товаровъ превышали иногда 2 мил. Спеціальные счета подъ бумаги и векселя отличались значительными колебаніями.

Вклады въ первые 20 лѣтъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: на текущій счетъ приходится въ среднемъ на годъ по 6 мил. р., безсрочныхъ въ среднемъ на годъ ок. 2 мил., срочныхъ по 1600000 р., вѣчныхъ по 50000 р. Первое мѣсто по размѣрамъ своимъ занимала операція учета векселей, въ среднемъ ежегодно равнявшаяся 6 мил. (но доходившая и до 11 мил.). Процентовъ по учету векселей за 20 лѣтъ получено 5282738 р.; по протестованнымъ векселямъ списано за это время въ убытокъ 827742 р., что составитъ нѣсколько болѣе 15%, по залогу имѣній получено прибыли 2937637 р., по залогу процентныхъ бумагъ 1310430 р., по залогу товаровъ, просрочен. ссудъ и т. п. 1342050 р. Получено за 20 лѣтъ чистой прибыли 3579818 р.

За всѣ 39 лѣтъ своего существованія основной капиталъ Банка возросъ (съ отчисленіемъ $1/2$ мил. изъ запаснаго) до $1^1/_2$ мил., запасный до 543360 р. Въ распоряженіе городской думы за 27 лѣтъ (отчисленія начались съ 1878 года) было предоставлено Банкомъ 2571320 руб., т. е. въ среднемъ б. 95000 въ годъ. Учебнымъ заведеніямъ изъ прибылей Банка было отчислено за это время 329834 р., въ томъ числѣ ремесленному училищу 101614 руб., коммерческому училищу 75000 руб., технологическому институту 61043 руб., реальному училищу 45676 р., на образованіе фонда элементарныхъ народныхъ школъ 25000 р., безплатной школѣ дѣвочекъ 18500 р., въ фондъ коммерческаго училища 3000 р., на благотворительныя учрежденія и пособія было пожертвовано 405857 р., въ томъ числѣ Александровской городской больницѣ 181750 р., на постройку и содержаніе госпитальныхъ бараковъ 71000 р., купеческому обществу для пособія бѣднымъ 58000 р., благотворительному обществу 37000 р., обществу Краснаго Креста 25000 р., дѣтскому пріюту 18000 р., дѣтской больницѣ 5607 р., безплатной лѣчебницѣ медицинскаго общества, обществу призрѣнія безпріютныхъ сиротъ и самарцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая по 3000 руб. Всего чистой прибыли Банкъ принесъ за 39 лѣтъ 7433968 руб., т. е. въ среднемъ по 190613 р. въ годъ.

Въ 1904 году главный доходъ дали два основныя предпріятія Банка: съ залога недвижимыхъ имуществъ было получено 218051 р., по учету векселей 157360 р., т. е. вмѣстѣ 375411 р. изъ общей валовой прибыли 480721 р., такъ что на долю всѣхъ остальныхъ операцій приходится всего только 105310 р., въ томъ числѣ проценты на процентныя бумаги дали 33167 р., за просрочку ссудъ было взыскано 25864 р., по протестованнымъ векселямъ, списавнымъ съ прибылей прежнихъ лѣтъ 13486 р. Ссуды подъ залогъ товаровъ, доходившія до 2 мил., пали до 30000 р. и дали всего 787 р., т. е. въ сущности прекратились. Ссуды по залогу процентныхъ бумагъ дошли до 388882 р., изъ коихъ на 1905-й годъ перешло ихъ на 128927 р. и дали онѣ 8638 р. дохода. Все это были гл. обр., чтобы не сказать почти исключительно, бумаги, гарантированныя правительствомъ.

Дѣлая общее заключеніе, можно сказать, что эти двѣ основныя операціи городского Банка являются и наиболѣе устойчивыми (въ особенности ссуды подъ недвижимыя имущества), и наиболѣе полезными, нужными для городского населенія. Правда по операціи учета векселей ежегодно списывается въ убытокъ на погашеніе протестованныхъ векселей довольно значительныя суммы, въ общемъ за 39 лѣтъ составившій крупный итогъ въ 1884936 р., т. е. въ среднемъ по 48331 р. въ годъ, но это составило все-таки за первыя 20 лѣтъ только 15%; за послѣдующія 19 лѣтъ этотъ процентъ нѣсколько повысился, ибо списано было за это время 1057194 р., въ среднемъ почти по 55642 р. въ годъ, между тѣмъ, какъ вексельный портфель повидимому не увеличился. Въ первые 20 лѣтъ учтено было векселей на 128497926 р., т. е. въ среднемъ въ годъ по 6424896 р., а въ 1904 году принято было векселей къ учету на 4540211 р., да осталось отъ прошлаго года на 2107472 р., всего на 6647684 р. Операція же выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, кажется, совсѣмъ не давала убытка.

1-е общество взаимнаго кредита было основано въ 1866 году [1]). Первымъ въ Россіи обществомъ взаимнаго кредита было Петербургское, учрежденное въ 1864 году, послѣ пожара Щукина и Апраксина гостинныхъ дворовъ 1862 г. Къ 1-му января 1896 г. въ Россіи было уже 98 такихъ обществъ, въ томъ числѣ 2 дѣйствуютъ донынѣ въ Харьковѣ. 1-е Харьковское общество взаимнаго кредита имѣло своею цѣлью, посредствомъ учета срочныхъ обязательствъ, доставлять промышленнымъ людямъ необходимые имъ капиталы въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ степени благосостоянія каждаго лица. Для поступленія въ члены общества требовалось соблюденіе одного изъ условій кредитоспособности. Минимальный размѣръ кредита равнялся 100 р. Каждый членъ при вступленіи въ общество долженъ былъ сдѣлать взносъ въ 10% съ суммы открываемаго ему кредита. Эти взносы и составляли оборотный капиталъ общества. Эти 10% „считаются собственностью члена, который участвуетъ въ прибыляхъ и убыткахъ общества, а равно и отвѣчаетъ за деньги общества соразмѣрно суммѣ открытаго ему кредита. Сумма всѣхъ обязательствъ членовъ составляла капиталъ обезпечивающій его операціи". Все было построено здѣсь на идеѣ взаимности и, слѣдовательно, вся чистая прибыль должна была идти не въ пользу акціонеровъ, какъ въ частныхъ банкахъ, а въ пользу всѣхъ членовъ общества. При такихъ условіяхъ общество успѣшно развивало свою дѣятельность и принесло не малую пользу развитію кредита харьковскимъ жителямъ, а слѣдовательно, и харьковской торговлѣ и промышленности.

Начавъ свою дѣятельность при 50 учредителяхъ уже ко дню истеченія перваго полугодія (29 марта 1867 г.), оно насчитывало 216 участниковъ (членовъ) съ капиталомъ обезпеченія въ 170.000 руб. и общею суммою оборотовъ 678000 руб., а къ 1-му января 1868 года число членовъ равнялось 430, капиталъ обезпеченія—366660 рублямъ и оборотный капиталъ—40740 руб. Прогрессируя въ этомъ направленіи на протяженіи 12 лѣтъ, къ 1-му января 1879 г. Общество имѣло 1714 членовъ, при капиталѣ обезпеченія 2975130 руб., оборотномъ (10% членскіе взносы) 330570 руб. и резервномъ 94408 руб.

Указанное время было порой полнаго разцвѣта учрежденія, довѣріе къ нему во всѣхъ слояхъ не только харьковскаго общества, а и огромнаго, прилегающаго къ Харькову раіона, достигло своего апогея. Положеніе дѣла, дававшаго огромные барыши, въ видѣ чистыхъ прибылей, размѣръ которыхъ въ нѣкоторые изъ предшествовавшихъ годовъ достигалъ 33% на оборотный капиталъ членовъ, почиталось упроченнымъ.

Какъ разъ въ это самое время въ Харьковѣ возникли тревожные слухи, что въ Обществѣ что-то не благополучно. Было приступлено къ провѣркѣ слуховъ и оказалось, что членомъ Правленія и кассиромъ Общества А. И. Левченко, человѣкомъ очень состоятельнымъ, пользовавшимся неограниченнымъ довѣріемъ и кредитомъ, произведена довольно крупная растрата суммъ. Вся эта исторія разразилась внезапно, какъ громовой ударъ, и въ свое время стала достояніемъ общества. Левченко понесъ заслуженную кару. Дѣла учрежденія же пошли на упадокъ. Членамъ Общества пришлось пополнять не только потери отъ растраты, а и убытки отъ своеобразнаго хозяйничанья Левченко на протяженіи цѣлой серіи лѣтъ. Благодаря этому начался усиленный отливъ наиболѣе крупныхъ членовъ общества, пошли ежегодные убытки и разновременныя разверстки ихъ, а значитъ и доплаты со стороны членовъ. Такъ продолжалось до 1891 года, когда, изъ желанія разъ на всегда развязаться съ печальнымъ прошлымъ, наконецъ, была сдѣлана

[1]) Данныя сообщены правленіемъ общества.

хотя и тягостная, но за то послѣдняя общая разверстка (1891 г.). Послѣ этого дѣла учрежденія пошли опять на улучшеніе. Довѣріе общества мало-по-малу возвратилось. Число членовъ Общества, упавшее было до 1200 человѣкъ, снова постепенно начало возрастать, достигнувъ 1743 человѣкъ.

Капиталы Общества обезпеченія и оборотный правда сократились, первый до 1380000 р., а второй до 153000 руб., но это объясняется единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Общество предпочло систему мелкихъ кредитовъ, каковой придерживается и понынѣ.

Независимо отъ всего этого Общество, выдавая въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ дивиденды изъ прибылей Общества, достигавшихъ иногда 19% на оборотный капиталъ (1900 г.), за періодъ времени съ 1902 года составило еще и запасный капиталъ въ суммѣ 35500 руб.

Второе Харьковское Общество взаимнаго кредита было основано въ 1871 году [1]). Цѣли его были аналогичны съ цѣлями 1-го общества взаимнаго кредита. Членами его могли быть лица всѣхъ званій. Минимальный кредитъ 50 руб. Иниціаторами новаго учрежденія были А. К. Алчевскій и Н. И. Дракинъ, привлекшіе тогдашнихъ—мѣщанскаго старосту И. С. Иванова, ремесленнаго голову С. И. Кольченко, которые и возбудили соотвѣтственное ходатайство объ открытіи общества. Первымъ предсѣдателемъ правленія былъ Н. И. Дракинъ, занимавшій эту должность постоянно и впослѣдствіи, членами правленія все время были—Ивановъ, Сѣриковъ и смѣнившій его Кобозевъ, предсѣдателемъ совѣта А. К. Алчевскій. За 1-й годъ вступило въ члены 398 душъ и получено было 4,67% дивиденда. Скоро уставъ общества былъ дополненъ въ смыслѣ допущенія ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Члены общества имѣли кредитъ отъ 50 р. до 25000 р., въ среднемъ приходилось по 3476 р. на каждаго. Главными операціями общества были—учетъ векселей ссуды, и спец. счеты членовъ. Операція учета векселей возрасла съ 625272 р. до 3173481 р. (въ 1893 г.) и колебалась въ этихъ предѣлахъ. Въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ учтено было векселей на 40208985 р. и убытка по протестованнымъ векселямъ получено 131516 р. Всего чистой прибыли за первые 24 года было получено 677544 р., изъ коей 460010 р. выдано въ дивидендъ членамъ общества, въ среднемъ по $12^1/_2$% въ годъ. По истеченіи 25-лѣтія, дивидендъ былъ таковъ: въ 1897 г.—9%, въ 1898—12%, въ 1899—10%, въ 1900—10%, въ 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. его не было вслѣдствіе тяжкаго разстройства дѣлъ общества. Въ 1901 году былъ списанъ на пополненіе убытковъ весь запасный капиталъ—160897 р.; всего же на убытки было списано 570897 р. (отъ паденія цѣнъ процентныхъ бумагъ). Къ 1-му января 1904 года оборотный капиталъ Общества равнялся 213088 р. (въ 1896 г. онъ равнялся 260130 р.), запасный – 622 р (въ 1896 г. равнялся 106515 р.) [2]). Часть чистой прибыли была отчислена въ запасный капиталъ и въ теченіе 1-го двадцатипятилѣтія 42286 р. поступило на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Наибольшія цифры падаютъ на коммерческое училище (10678 р.), на постройку церквей (8893 р.), на раздачу бѣднымъ (3961 р.), на постройку часовни (2540 р.), сооруженіе иконы (2000 руб.), на сооруженіе памятника Императора Александра III-го (неосуществившееся – 2000 р.) и т. п.

Изъ многочисленныхъ новѣйшихъ кредитныхъ учрежденій отмѣтимъ *Харьковскій городской ломбардъ*. Онъ былъ открытъ въ 1890 году и въ 1905 году вступилъ въ 15-й годъ своего существованія. Финансовая сторона этого учрежденія поставлена очень хорошо. За 14 лѣтъ основный капиталъ ломбарда возросъ до 211243 р., при долгѣ (по первоначальной долгосрочной ссудѣ въ 160000 р.) городскому управленію въ 19800 р. Обороты его въ 1904 году были таковы: ссудъ подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей, носильнаго платья и т. п. 217297 р., обезпечиваемыхъ закладами въ суммѣ 384969 р. (на 181323 р. драгоцѣнныхъ вещей, на 203646 р. носильнаго платья и т. п.). Чистой прибыли въ этомъ году ломбардъ получилъ 22246 р., изъ коихъ половина была причислена къ основному капиталу, а другая отчислена на нужды городского общественнаго управленія. Въ настоящее время ломбардъ выстроилъ себѣ собственное помѣщеніе, приспособленное къ его нуждамъ и для огражденія отъ возможныхъ случайностей той массы залоговъ, которая должна храниться въ его кладовыхъ и стоимость которой далеко не обезпечивается страховой преміей. Остается только пожелать, однако, чтобы ссудный процентъ возможно скорѣе былъ уменьшенъ, ибо теперь онъ вмѣстѣ съ платой за храненіе и страхованіе непомѣрно великъ. Плата за

---

[1]) Харьк. кал. на 1874 г., стр. 194.

[2]) Обзоръ XXV-лѣтней дѣят. второго общ. взаимнаго кредита (1871 - 1896 г.) Н. С. Лысогоренка. Х. 1896 г. и отчеты.

храненіе слишкомъ высока; это видно изъ того, что въ 1904 году процентовъ по ссудамъ получено было 29365 р., а за страхованіе закладовъ 26532 р. Въ дѣйствительности же за страхованіе было уплочено 3205 р. и за наемъ помѣщенія для всего ломбарда и кладовыхъ, а также уплочено скорнякамъ за перечистку мѣховыхъ вещей 5685 руб., всего, слѣдовательно, 8890 руб. Выходитъ, что расходъ покрывается меньше суммы, взимаемой за храненіе и страховку [1]).

Харьковское ссудо-сберегательное товарищество. Харьковскія кредитныя учрежденія, за исключеніемъ ломбарда, совершенно почти игнорировали нужду въ кредитѣ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и разнаго служащаго люда, не говоря уже о пригороднемъ крестьянствѣ и кустаряхъ, а между тѣмъ среди 200-тысячнаго населенія города всегда была масса людей, нуждавшихся для своего оборота въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей и вынужденныхъ, за полнымъ отсутствіемъ мелкаго кредита въ существующихъ банкахъ, обращаться къ услугамъ тайнаго ростовщичества, и вотъ этотъ пробѣлъ въ учрежденіи мелкаго кредита въ 1897 году былъ заполненъ открытіемъ дѣйствій Харьковскаго ссудо-сберегательнаго Товарищества.

Возникло оно по личной иниціативѣ харьковскаго мѣщанина М. К. Степаненко и при ближайшемъ сотрудничествѣ А. А. Постнаго, В. Ф. Колодяжнаго, В. Н. Бѣляева, А. С. Наумова и П. П. Колосова.

Утвержденіе устава послѣдовало 23 января 1897 года, а 26 апрѣля того же года состоялось первое общее собраніе членовъ учредителей въ числѣ 43 человѣкъ. При утвержденіи устава пай былъ опредѣленъ въ 50 р. при пятикратномъ отношеніи къ кредиту. Къ этому первому общему собранію болѣе $^2/_3$ членовъ взнесли полный пай, почему тогда же было постановлено ходатайствовать предъ Г. Министромъ Финансовъ о дополненіи устава въ смыслѣ: 1) увеличенія пая до 100 руб., 2) допущенія въ число членовъ лицъ женскаго пола и 3) расширенія сферы дѣятельности Т-ва кромѣ г. Харькова и на его окрестности. Дѣйствія свои Т-во открыло 11 мая того же года, съ болѣе чѣмъ скромными средствами и при самой скромной обстановкѣ.

Къ открытію дѣйствій былъ собранъ паевой капиталъ всего въ суммѣ 1627 р. 50 к., да десятью членами учредителями было внесено сверхъ того 500 р. на одинъ годъ въ видѣ безпроцентнаго займа: помѣщеніе для Правленія въ двѣ комнаты, со дня открытія по 1 августа того года было представлено безвозмездно членомъ совѣта Н. Т. Шмычковымъ, Правленіе и Совѣтъ изъявили желаніе служить дѣлу развитія молодого учрежденія тоже безвозмездно, причемъ засѣданія свои для пріема вкладовъ, паевыхъ взносовъ, разрѣшенія и выдачи ссудъ назначили 1—2 раза въ недѣлю вечерами; ежедневное же присутствіе въ теченіе 3—4 часовъ въ день въ помѣщеніи Т-ва для пріема различнаго рода заявленій также безвозмездно принялъ на себя одинъ изъ членовъ Товарищества А. П. Аксельродъ.

Тяжелы были первые шаги въ жизни Т-ва: лишь только приливъ членовъ сталъ усиливаться, сразу почувствовалась острая нужда въ деньгахъ, а ихъ то и трудно было достать; всякій вновь вступившій членъ, внося пай или извѣстную долю его, вскорѣ требовалъ ссуду въ 4—5 разъ больше внесенной суммы, операція же вкладовъ, долженствовавшая служить главнымъ рессурсомъ для удовлетворенія упомянутыхъ требованій, еще не дѣйствовала, благодаря отсутствію громкихъ именъ въ составѣ администраціи Т-ва, вслѣдствіе чего въ первое время Правленію приходилось прибѣгать къ частнымъ займамъ у своихъ знакомыхъ или же убѣждать ихъ внести нѣсколько сотъ рублей на вкладъ, такъ какъ частные банки не могли открыть кредитъ Т-ву благодаря тому, что въ Т-вѣ не существуетъ портфеля векселей (по уставу Т-ва въ обезпеченіе ссудъ берутся простыя росписки). Просить же ссуду въ Государственномъ банкѣ Т-во могло, согласно Высочайше утвержденныхъ правилъ 25 февраля 1872 года лишь по представленіи отчета за первый операціонный годъ. При такихъ тяжелыхъ денежныхъ обстоятельствахъ неоцѣненную услугу Т-ву оказалъ одинъ изъ членовъ учредителей, П. П. Гавриловъ, который во всякое трудное время приходилъ на помощь нужными денежными средствами. Трудно было! но Правленіе и Совѣтъ работали съ неослабѣвающей энергіей и результаты первыхъ восьми мѣсяцевъ жизни Т-ва оказались настолько удовлетворительными, что вселили у руководителей дѣла твердую надежду на живучесть созданнаго ими предпріятія и на его дальнѣйшее развитіе. Первое общее собраніе имѣло большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе дѣлъ Т-ва вслѣдствіе того, что появились въ мѣстныхъ газетахъ статьи о задачахъ и дѣятельности новаго учрежденія, заинтересовали общество, что выразилось значительнымъ приливомъ новыхъ членовъ и увеличеніемъ вкладовъ. Съ своей стороны Правленіе съ представленіемъ Государственному Банку отчета за первый годъ вошло съ ходатайствомъ объ открытіи кредита Т-ву въ размѣрѣ десяти тысячъ

[1]) Отчетъ Харьк. гор. ломбарда за 1904 г. X. 1905 г.

рублей, но только чрезъ семь мѣсяцевъ Т-ву былъ открытъ кредитъ и то лишь въ суммѣ двухъ тысячъ рублей. Открытіе такого незначительнаго кредита все же имѣло для Т-ва большую моральную поддержку, такъ какъ многіе, узнавъ о немъ, стали съ большимъ довѣріемъ относиться къ Т-ву и операціи этого года противъ перваго почти утроились. Но администрація Т-ва по прежнему продолжала во всемъ соблюдать самую строгую экономію, какъ по найму квартиры, такъ и въ другихъ необходимыхъ расходахъ; не говоря уже о томъ, что члены Правленія продолжали служить безвозмездно, исполняя обязанности кассира, бухгалтера и юрисъ-консульта. Совѣтъ тоже не получалъ за свои труды никакого вознагражденія. На жалованьи былъ одинъ только разсыльный.

Дѣла Т-ва съ каждымъ годомъ постепенно развивались, число членовъ увеличивалось, операція вкладовъ и ссудъ значительно расширилась, прибыли увеличивались; явилась возможность помѣщеніе для Правленія занять болѣе обширное и обзавестись приличной обстановкой, труды членовъ Правленія и Совѣта хотя незначительно, стали оплачиваться, обязанности кассира и конторщиковъ стали исполнять наемныя лица. Такимъ образомъ, результатъ не полной семилѣтней дѣятельности Т-ва оказался слѣдующій: начавши свое существованіе при 43 членахъ съ паевымъ капиталомъ въ 1627 р. 50 к. оно на 1-е января 1904 года имѣло 1112 членовъ, паевый капиталъ достигъ 73527 р., кромѣ того образованы капиталы—запасный 2356 р., фондъ для пособія нуждающимся членамъ 724 р. 25 к., для подачи врачебной помощи 93 р., на устройство чтеній о пользѣ Ссудо-Сберегательнаго Т-ва 43 р. и на пріобрѣтеніе собственнаго дома для нуждъ Т-ва 581 р. Товарищество имѣетъ движимаго имущества на 887 р., вклады достигли до 115000 р., ссудъ выдано свыше 198000 р. Валовая прибыль за 1903 годъ выразилась въ суммѣ болѣе 20000 р., а за исключеніемъ расходовъ операціонныхъ и по управленію получилось чистой прибыли 5255 руб. Въ 1902 году въ строѣ его управленія произошло важное измѣненіе—замѣна общихъ собраній всѣхъ членовъ собраніемъ уполномоченныхъ.

Реформа эта имѣетъ за собою большое преимущество въ смыслѣ спокойнаго и болѣе обстоятельнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ и проведенія въ жизнь Т-ва новыхъ началъ, обезпечивающихъ ему твердое положеніе и большую продуктивность его дѣятельности.

Главная задача Т-ва состояла въ томъ, чтобы доставить небогатому трудящемуся классу возможность недорогого кредита.

Главный контингентъ Т-ва въ настоящее время состоитъ изъ мелкихъ ремесленниковъ, торговцевъ, землепашцевъ окрестныхъ селъ и промышленниковъ; есть также не богатый служащій людъ разныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій, громадное большинство изъ нихъ знало только кредитъ у частныхъ лицъ и, разумѣется, за высокій, часто ростовщическій процентъ; теперь же они всегда въ трудную минуту обезпечены кредитомъ, разумѣется, въ рамкахъ своей кредитоспособности, опредѣляемой Совѣтомъ Т-ва по наведеніи имъ возможно подробныхъ справокъ о каждомъ членѣ въ отдѣльности.

Нельзя сказать, чтобы кредитъ былъ очень дешевъ (Т-во беретъ по ссудамъ 10%), но если принять во вниманіе, что общая сумма ссудъ, находящихся на рукахъ членовъ, превышаетъ почти въ три раза собственный паевой капиталъ Т-ва и вытекающую отсюда необходимость для Т-ва дѣлать займы въ банкахъ, стоющіе 8% и давать высокій % по вкладамъ, а главное, если сравнить % платимый членами раньше при займахъ у частныхъ лицъ съ теперешнимъ %, а также принять во вниманіе отсутствіе расхода на вексельную бумагу и полученіе ежегодно на пай дивиденда не меньше 5%, тогда можно признать кредитъ въ Т-вѣ не дорогимъ, а, слѣдовательно, задача „дать дешевый кредитъ“ Товариществомъ также почти достигнута. Разумѣется, Правленіе и Совѣтъ всегда имѣютъ въ виду при первой же возможности (въ интересахъ членовъ и расширенія операцій) взимаемый % по ссудамъ понизить, что, вѣроятно, скоро и осуществится.

Если мы возьмемъ послѣдній отчетный 1903 годъ, то увидимъ, что изъ 1112 членовъ кредитомъ пользовалось 936 человѣкъ, причемъ распредѣленіе кредита было такое: 115 членовъ до 500 руб., 105 членовъ до 400 р., 169 членовъ до 300 р., 225 членовъ до 200 р., 225 членовъ до 100 р., 97 членовъ до 50 р.

А такъ какъ послѣдніе годы, когда уже не было стѣсненія въ средствахъ, размѣръ ссудъ зависѣлъ лишь только отъ размѣра пая кредитующагося члена и его кредитоспособности, то смѣло можно сказать, что задача снабженія членовъ безпрепятственнымъ кредитомъ Товариществомъ вполнѣ удовлетворяется.

Въ 1843 году была открыта контора государственнаго коммерческаго банка въ Харьковѣ, для успѣшнѣйшаго развитія промышленности, торговли и всякихъ другихъ выгодныхъ оборотовъ и предпріятій; ей позволено было кромѣ вексельной и трансфертной операцій преимущественно производить ссуды помѣщикамъ подъ залогъ сельскихъ произведеній и харьковской акціонерной компаніи подъ залогъ шерсти. Обѣ эти операціи возрастали съ каждымъ годомъ.

Ссуды подъ залогъ сельскихъ произведеній:

въ 1843 г. на 18518 р., въ 1844 г. г. 36079, далѣе 78002, 340692, 422028, 945560, 982668, 1439287, 1755259.

Ссуды подъ залогъ шерсти:

въ 1845 г.—41250, далѣе 69614, 32144, 385170, 451398, 795416, 442317 [1]).

Въ 1872 году обороты Харьковской конторы государственнаго банки были уже таковы: основной капиталъ равнялся 300 тыс., вкладовъ было на 3213902 р., на текущемъ счету 31486084 р., вкладовъ въ процентныхъ бумагахъ и вещахъ на 3480866 р. учтенныхъ и переучтенныхъ векселей на 14806434 р. Получено прибыли 340247 р., въ томъ числѣ по учету векселей 204293 р., ссудъ 28291 р. по переводу суммъ 13924 р. и разныхъ 3739 р. Основной операціей является, какъ видимъ, учетъ векселей. Въ сберегательную кассу при конторѣ было внесено по 1058 книжкамъ 46706 р. Наибольшій взносъ приходился на долю нижнихъ чиновъ обществъ и учежденій, и лицъ служащихъ и свободныхъ званій; на долю ремесленниковъ, работниковъ и прислуги приходилось очень немного (5861 р) [2]).

Въ послѣдующее время дѣятельность харьковской конторы значительно расширилась, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ помѣщаемой ниже таблицы.

Данныя о важнѣйшихъ операціяхъ Харьковской Конторы Государственнаго Банка по десятилѣтіямъ, за годы—1874, 1884, 1894 и 1904—таковы [3]).

Годы	Обороты конторы по всѣмъ операціямъ		Учтено векселей						Позаимствовано по спеціальнымъ текущимъ счетамъ обезпеченнымъ				Срочныя ссуды			
			Отъ частныхъ лицъ и фирмъ			Отъ частныхъ банковъ			Векселями		% бумагами		Выдано		Остается къ концу года	
	рубли	коп.	число	сумма рубли	к.	число	сумма рубли	к.	рубли	к.	рубли	к.	рубли	к.	рубли	
1874	166271636	20	3709	4787147	54	2948	3596760	85	2143408	25	—	—	1405561	50	543472	
1884	223041878	54	5597	6376681	61	1153	1723554	30	772000	—	2499899	06	1188820	—	577231	
1894	318419586	40	12101	8824260	08	2156	2489765	64	5861365	17	171945	51	1088247	—	453787	
1904	595002656	74 3/4	10501	5920950	41	2831	1392291	99	5643109	48	1930416	98	1173475	—	592005	

[1]) Тр. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. II. Спб., 1854, стр. 274.

[2]) Харьк. кол. на 1874-й годъ, стр. 194—195.

[3]) За сообщеніе этихъ данныхъ приношу глубокую благодарность г. управляющему Харьковской конторой Государ. Банка Н. Х. Ордѣ и директору конторы И. Ф. Рогожину.

Годы	Выдано по ссудамъ подъ товары		Поступило				Переводная операція				Чистая прибыль		Вклады на храненія			
			Денежныхъ вкладовъ		На текущіе счета		Принято для перевода		Оплачено переводовъ				Принято на храненіе		Остатокъ къ концу года	
	рубли	к.	рубли	к.	рубли	коп.	рубли	к.	рубли	к.	рубли	к.	рубли	к.	рубли	к.
1874	147925	44	561117	15	38764083	14	22168543	58	—	—	126710	21	1456060	—	3420975	—
1884	61440	52	2071610	—	54915436	24	27887946	28	12922021	25	26686	61	6009728	96	13189130	96
1894	491853	94	1781221		92173519	37	10141168	27	—	—	194610	56	11497595	—	22515191	27
1904	1244135	58	2592596	56	97675762	36½	55412703	41	21013467	38	348781	16	19916300	45	44714298	98

Глава 13-я.

Университетъ.

Уже въ XVIII в. Харьковъ благодаря коллегіуму пріобрѣлъ значеніе образовательнаго центра Слободской Украйны, въ XIX в. онъ сдѣлался умственнымъ и научно образовательнымъ центромъ всей юго-восточной Россіи и этимъ высокимъ положеніемъ среди другихъ русскихъ городовъ онъ обязанъ учрежденію въ немъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно же университету.

Изъ университета выросъ, какъ его вѣтвь, Ветеринарный институтъ, благодаря университету отчасти сдѣлалось возможнымъ и открытіе Технологическаго института. Въ настоящей главѣ я не буду излагать систематической исторіи Харьковскаго университета—это сдѣлано мною въ другомъ мѣстѣ и не соотвѣтствуетъ задачѣ настоящаго труда, посвященнаго исторіи г. Харькова—я постараюсь собрать и представить факты, указывающіе на взаимодѣйствіе университета и города, на то, что далъ университету Харьковъ и что получилъ отъ него, на огромную роль университета въ дѣлѣ роста и развитія нашего города, культуры и благосостоянія его гражданъ. Ни одинъ изъ русскихъ университетовъ не былъ такъ тѣсно связанъ съ тѣмъ городомъ, гдѣ онъ былъ основанъ и гдѣ ему приходилось дѣйствовать, какъ Харьковскій. Самимъ возникновеніемъ своимъ въ Харьковѣ онъ былъ обязанъ, какъ извѣстно, В. Н. Каразину, который любилъ свою родную Слободскую Украйну и ея центръ—Харьковъ и употребилъ огромныя усилія, чтобы осуществить свою завѣтную мечту объ учрежденіи въ Харьковѣ, какъ центрѣ „полуденнаго“ края Россіи, университета. Но самъ по себѣ В. Н. Каразинъ былъ бы безсиленъ, если бы не встрѣтилъ нравственнаго и матеріальнаго содѣйствія со стороны общества. Наиболѣе значительную поддержку своему начинанію онъ встрѣтилъ со стороны самаго вліятельнаго и образованнаго общественнаго слоя—дворянства, но и населеніе собственно Харькова въ лицѣ своихъ „сословій“ также оказало ему существенную помощь и содѣйствіе. Просвѣщеннымъ помощникомъ В. Н. Каразина—проводникомъ его идеи среди харьковскихъ горожанъ былъ извѣстный своею независимостью тогдашній городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ. Основываясь на документальныхъ данныхъ, мы постараемся подробно изложить участіе Харьковскаго городского общества и его представителя въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета и указать, какія надежды возлагались ими на этотъ послѣдній, чтобы впослѣдствіи поставить и рѣшить другой вопросъ: въ какой мѣрѣ эти надежды оправдались на дѣлѣ.

Н. В. Каразинъ въ своей знаменитой рѣчи, обращенной къ харьковскому дворянству, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и преувеличеніемъ предсказывалъ, что съ учрежденіемъ университета Украйна будетъ давать Россіи „златоустыхъ наставниковъ въ Словѣ Божіемъ и нравственности, просвѣщенныхъ изъяснителей воли Царской, мудрыхъ судей, врачей, естествоиспытателей и ученыхъ, образованныхъ комерсантовъ, ораторовъ, поэтовъ, воспитателей русскаго юношества. Онъ мечталъ, что „необыкновенное стеченіе народа украситъ и распространитъ этотъ городъ и зависящіе отъ него (уѣздные), наполнитъ ихъ всѣми утѣхами, свойственными просвѣщенному обществу, что богатства всѣхъ странъ Россіи станутъ литься къ намъ рѣкою, что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище [1])“. Результатомъ этой рѣчи было пожертвованіе дворянства въ размѣрѣ 400 тысячъ рублей. Къ пожертвованіямъ привлекалось и городское общество. Еще 26 августа губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій писалъ Е. Е. Урюпину, что дворянство 27, 28 и 29 г. съѣдется въ Харьковъ и будетъ обсуждать вопросъ о пожертвованіи на университетъ, и просилъ возбудить этотъ же вопросъ и въ Городскомъ Управленіи, такъ какъ „учрежденіе таковаго пространнаго училищнаго мѣста не только можетъ быть украшеніемъ города, но и послужитъ просвѣщеніемъ гражданъ науками и благородными художествами; притомъ отъ съѣзда и умноженія

[1]) Рѣчь В. Н. Каразина 1-го сентября 1802 года, тогдашній списокъ.

иногороднихъ ожидать можно распространенія и самой коммерціи“ [1]). 1-го сентября состоялось собраніе харьковскаго городскаго общества для разсмотрѣнія предложенія, сдѣланнаго Донцомъ-Захаржевскимъ. Сохранился протоколъ этого замѣчательнаго въ исторіи городского общественнаго управленія засѣданія. Въ немъ говорится слѣдующее. Мы, нижеподписавшіеся, харьковскіе купцы и граждане, бывъ въ Городской Думѣ въ собраніи, слушали полученное отъ здѣшняго губернскаго предводителя дворянства отношеніе, коимъ приглашаетъ онъ насъ участвовать въ составленіи суммы для предполагавшагося здѣсь университета, на основаніе котораго уже и Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко-то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностью соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической благодарности Всемилостивѣйшему Государю и единодушно по силамъ своимъ опредѣляетъ: 1) взносить въ пользу университета въ продолженіе 10 лѣтъ, начиная отъ сего числа, сумму, равную государственной подати, платимой съ капиталовъ, т. е. по $1^1/_4$% ежегодно; 2) этимъ не ограничиваетъ себя харьковское гражданство, но въ продолженіе времени по мѣрѣ какъ благосостояніе города умножаться будетъ, можетъ оно увеличить нынѣшнее положеніе или прибавить число лѣтъ, а сверхъ того достаточнѣйшіе изъ купцовъ конечно будутъ готовы на частные взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго; 3) такъ какъ откупная винная, пожалованная въ пользу горожанъ по указу 3 мая 1783 года сумма представляетъ за всѣми городскими потребностями нѣкоторое излишество, а вмѣстѣ съ торговлею имѣютъ умножаться и способы къ собиранію городскихъ доходовъ, то гражданство полагаетъ просить Его Императорское Величество о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на то, чтобы половина этой суммы на все послѣдующее отнынѣ время предоставлена была въ пользу же университета, для чего и уполномочиваетъ оно депутата, избраннаго дворянствомъ, кол. сов. Василія Назарьевича Каразина, всеподданнѣйше представить объ этомъ Августѣйшему Государю Императору; 4) равнымъ образомъ, ежели волѣ Его Императорскаго Величества угодно будетъ, и накопившаяся отъ 1781 года понынѣ таковая же сумма, состоящая отчасти въ наличности, отчасти розданная заимообразно, да предоставится въ пользу университета вся безъ исключенія, сколько ея послѣ законныхъ расходовъ отыскаться можетъ; 5) такъ какъ благодѣтельное движеніе въ промыслѣ и торговлѣ, ожидаемое отъ этого общеполезнаго заведенія, не умедлитъ возчувствоваться повсемѣстно въ губерніи, то полагается всепокорнѣйше просить Е. П. гражданскаго губернатора объ извѣщеніи уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ этой губерніи о настоящихъ положеніяхъ здѣшняго гражданства и о снисходительномъ приглашеніи со стороны Е. П. къ таковому вѣрноподданническому и патріотическому содѣйствію на пользу общую, въ которомъ, конечно, ни одинъ благонамѣренный гражданинъ отказать не можетъ тѣмъ болѣе, что предвидимыя и несомнительныя выгоды вознаградятъ сторицею это малое пожертвованіе.

При этомъ случаѣ здѣшнее гражданское общество полагаетъ всеподданнѣйше представить чрезъ кого слѣдуетъ Всемилостивѣйшему Государю, что по бѣдности большей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ ихъ, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постои для нихъ крайне отяготительны, особенно несовмѣстимы они будутъ тогда, когда прежде нежели умножатся дома, нужно будетъ помѣщать великое число студентовъ и ученыхъ чиновниковъ, которые, конечно, наполнятъ этотъ городъ, коль скоро откроется университетъ; по этой причинѣ не благоволитъ ли Всемилостивѣйшій Монархъ изъ особеннаго милосердія своего и во вниманіе къ сооружаемому по благодѣтельной волѣ его великому училищу, по скудости и малонаселенности города, уволить его отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно [2]).

Возникновеніемъ своимъ въ Харьковѣ университетъ обязанъ матеріальнымъ пожертвованіямъ общества, подвинутаго на это мѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Василіемъ Назарьевичемъ Каразинымъ, который вслѣдствіе этого справедливо считается лицомъ, положившимъ основаніе университету. Признательный

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. университета, т. I, стр. 58.

[2]) Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 253—256; Соч., письма и бумаги В. Н. Каразина, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Х. 1910, стр. 534 537.

университетъ, въ ознаменованіе этой огромной заслуги. при матеріальномъ содѣйствіи Харьковскаго губернскаго земства, Харьковской городской думы и разныхъ лицъ и учрежденій, поставилъ ему памятникъ въ Университетскомъ саду. Несмотря на то, что Харьковъ въ 1802 году, передъ открытіемъ университета, какъ мы знаемъ, былъ губернскимъ городомъ и выдвигался своими ярмарками и учебными заведеніями, онъ самъ по себѣ отнюдь не могъ претендовать на открытіе въ немъ университета ни по числу своихъ жителей, ни по городскому бюджету, ни по городскому благоустройству, ни, наконецъ, по живому сознанію государственной власти въ необходимости для него высшаго учебнаго заведенія, какого не имѣлъ тогда еще не только Кіевъ, но и Петербургъ.

Но нельзя не отмѣтить въ Харьковѣ проповѣди нравственныхъ идей со стороны Г. С. Сковороды, ибо она не осталась безъ вліянія на учрежденіе въ Харьковѣ университета: его ближайшіе друзья и почитатели были потомъ главными дѣятелями при рѣшеніи вопроса о матеріальномъ пожертвованіи на новое учебное заведеніе.—Самъ В. Н. Каразинъ высоко цѣнилъ старчика Г. С. Сковороду, а тогдашній городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ былъ его ближайшимъ другомъ и приверженцемъ проповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ началъ. Е. Е. Урюпинъ, какъ мы видѣли уже, представлялъ изъ себя типъ замѣчательнаго по гражданской честности и смѣлости общественнаго дѣятеля —и онъ то главнымъ образомъ подвинулъ городское общество къ пожертвованію на университетъ и былъ главнымъ двигателемъ этого дѣла среди харьковскихъ горожанъ.

Каковъ былъ размѣръ городского пожертвованія? По 1-му пункту—сумма, равная государственной подати или $1^1/_4$% съ капиталовъ составляла ежегодно 2312 р. 60 коп., а въ 10 лѣтъ должна была равняться 23126 р.; по 2-му—половина доходовъ съ виннаго откупа въ размѣрѣ 4314 р. $29^1/_4$ коп., а въ 10 лѣтъ 43142 р. $92^1/_2$ к.; по 3-му—остатокъ такой же суммы за прежніе годы —7832 р. 25 к. (впослѣдствіи открылось, что на самомъ дѣлѣ этого капитала было на 2 тыс. меньше). Въ совокупности общая сумма пожертвованій должна была въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ въ 72101 р. $17^1/_2$ коп. Впрочемъ, цифру эту нельзя признать соотвѣтствовавшей дѣйствительности: взыскать откупную недоимку за прежніе годы было невозможно; фактическія поступленія не вполнѣ соотвѣтствовали сдѣланному расчету. Во всякомъ случаѣ отъ харьковскаго купечества и гражданства поступило въ пользу университета отъ 50 до 70 тыс. рублей. Вотъ тѣ харьковскіе купцы, которые дѣлали $1^1/_4$% взносъ съ объявленныхъ имъ капиталовъ: Борисъ Каменевъ—201 р. 25 к.; сверхъ того лично онъ 200 р., К. Карповъ—100 р. $62^1/_2$ к., Ив. Павловъ—100 р. $12^1/_2$ коп., Андр. Аникѣевъ—100 р. $6^1/_4$ к.. Н. Ворожейкинъ и М. Кушинниковъ по 25 р. $62^1/_2$ к., Ег. Урюпинъ—25 р. $31^1/_4$ коп., Бор. Фаворовъ, П. Глуховъ и П. Бѣляевъ—по 25 р. 25 к. Курдюмовъ, Ив. Кушинниковъ, Сем. Мухинъ, Авр. Бакуменковъ, Мак. Жариковъ, Вас. Скибицкій, Ник. Проскуринъ, Тим. Давыденко, Вас. Ломакинъ, Мат. Ларіоновъ, Ив. Шиламовъ, Вас. Зыкѣевъ, Ив. Селивановъ, Ас. Антоновъ, Вас. Животовскій, Ан. Ивановъ, Дм. Барышовъ, Еф. Медвѣдевъ, Як. Комлевъ, Т. Спасскій, Ст. Онофріевъ, Ан. Золотаревъ, Як. Высоцкій, Козьма Горяиновъ, Я. Лемокъ, П. Фастовъ, К. Беркосъ, П. Масловъ, Ан. Лежебоковъ. П. Никулинъ, П. Гончаровъ, Мих. Бутенковъ, А. Панковъ, Д. Мытинъ, Пр. Неретинъ, П. Косолаповъ, А. Писаревъ, Ан. Бековцевъ, М. Кушинниковъ, М. Масляниковъ, Ан. Свѣшниковъ, Б. Гуевскій, М. Угольскій, Е. Горемыкинъ, П. Панченковъ, М. Литвиненко, О. Калашниковъ, И. Сотниковъ, М. Рындинъ, Ив. Ващенко, Гр. Соляниковъ, П. Московъ, А. Ханайченко, Е. Соловьевъ, А. Болгаръ, П. Лашеевъ, А. Картавовъ, И. Угрюмовъ, Ст. Смирновъ, Гр. Сѣриковъ, В. Клейменовъ, всѣ съ капитала въ 2010 руб. по 25 руб. $19^1/_2$ коп., Верейскій купецъ Дм. Щелковъ 25 р. 10 к., С. Ильяшенко и Ив. Ворожейкинъ, по 25 р. $6^1/_4$ коп., Харьковскій купецъ Ѳед. Карповъ съ капитала 16050 руб. по 50 рублей. А всего съ объявленнаго 75 лицами капитала въ 181008 руб. ежегодно по 2462 р. 60 коп. [1]).

Итакъ, городское общество сдѣлало пожертвованіе, но тогдашній харьковскій губернаторъ Артаковъ, тормозившій дѣло учрежденія въ Харьковѣ университета, опротестовалъ ту часть постановленія городского общества, которая заключала въ себѣ ходатайство объ уменьшеніи постойной повинности. „Разсматривая представленное мнѣ изъ Думы положеніе, сдѣланное харьковскимъ купечествомъ и гражданствомъ въ пользу предполагаемаго въ Харьковѣ университета, писалъ онъ Е. Е. Урюпину, нашелъ я

[1]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. Университета, т. I, стр. 77—78.

въ немъ между прочимъ, что она полагаетъ всеподданнѣйше представить Государю Императору, что постоянное пребываніе въ этомъ городѣ воинскихъ командъ и прочіе постои для здѣшнихъ городскихъ жителей крайне отяготительны, а потому не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству уволить городъ отъ постоя. Находя, что нынѣ въ Харьковѣ войскъ никакихъ квартирами не расположено, зная при томъ, что Высочайшій именной указъ 14-го іюля о воспрещеніи губернскимъ чиновникамъ требовать квартиры отъ городскихъ жителей и объ очищеніи тѣхъ, кои до того времени кѣмъ-либо занимались, разосланъ повсюду для непремѣннаго исполненія, не вижу, какимъ бы постоемъ городъ могъ отяготиться, а потому и предлагаю Думѣ увѣдомить меня: какой постой имѣетъ она у себя въ предметѣ и какіе бы дома именно и понынѣ имъ могли заниматься; о приглашеніи же всѣхъ гражданъ къ соучаствованію въ пособіяхъ на учрежденіе университета сдѣланы мною надлежащія предложенія [1])“. Вопросъ о военныхъ постояхъ былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и служилъ предметомъ настойчивыхъ ходатайствъ со стороны Городской Думы, которая рѣшила и теперь воспользоваться стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ для его рѣшенія. Городское общество дѣйствовало въ данномъ случаѣ такъ, какъ и дворянство, которое при посредствѣ В. Н. Каразина получило подтвержденіе своихъ льготъ. Мы не сомнѣваемся, что и городское общество возлагало свои надежды въ этомъ дѣлѣ также на В. Н. Каразина. Отправивъ депутатомъ на коронованіе Императора Александра I-го Е. Е. Урюпина, оно поручило ему ходатайствовать объ уничтоженіи постойной повинности, принявшей страшно отяготительные размѣры въ царствованіе Императора Павла. Какъ бы то ни было губернаторъ затормозилъ на нѣкоторое время дѣло пожертвованія городского общества, ибо утвердилъ протоколъ его только 4 октября. Эта задержка естественно вызвала безпокойство у иниціаторовъ дѣла—и 3-го сентября 1802 г. Донецъ-Захаржевскій, увѣдомляя Е. Е. Урюпина о дворянскомъ пожертвованіи, спрашивалъ его, какая судьба постигла его обращеніе въ Думу. 6-го октября 1802 года Е. Е. Урюпинъ сообщилъ Донцу-Захаржевскому протоколъ городского общества. Но и 11 октября 1802 года Артаковъ протестовалъ противъ внесенія въ протоколъ ходатайства объ освобожденіи отъ постойной повинности. Въ засѣданіи Губернскаго Правленія 17 сентября онъ даже позволилъ себѣ кричать на Е. Е. Урюпина и угрожать ему, такъ что этотъ послѣдній вынужденъ былъ внести протестъ объ этомъ въ Городскую Думу [2]). Что же касается постойной повинности, то Государь, хотя не счелъ возможнымъ вовсе ее отмѣнить, но все-таки „во уваженіе не обстроеннаго еще положенія сего города *и во вниманіе къ заводимому въ немъ Университету*“, повелѣлъ Военному Министру облегчить ее возможно болѣе [3]). 30 января 1803 года губернаторъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ между прочимъ изъявлялась признательность харьковскому купечеству за содѣйствіе отъ избытковъ его въ этомъ полезномъ дѣлѣ (учрежденіи университета). Въ знакъ благоволенія къ купечеству Государь пожаловалъ Городского Голову, именитаго гражданина Е. Е. Урюпина въ коллежскіе ассесоры (т. е. даровалъ дворянство—награда огромная для купца 3-й гильдіи), а именитому гражданину Аникѣеву пожаловалъ золотую медаль [4]). Прибавимъ къ этому, что представленіе объ этихъ, а равно и всѣхъ другихъ наградахъ, было сдѣлано Министру Внутреннихъ дѣлъ В. Н. Каразинымъ [5]). 26-го февраля 1803 года Донецъ-Захаржевскій, получивъ отъ В. Н. Каразина извѣщеніе объ утвержденіи „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“, писалъ Е. Е. Урюпину, что въ 14-й статьѣ ихъ установлено *на вѣчныя времена* существованіе Харьковскаго университета, во уваженіе патріотическаго приношенія дворянства и *гражданства*; желаніе дворянства и гражданства имѣть у себя университетъ и приношеніе на него принято съ Высочайшимъ благоволеніемъ и Харьковскому университету, одному изъ шести, будетъ принадлежать весь полуденный край [6]).

Е. Е. Урюпинъ приложилъ не мало заботъ о сборѣ пожертвованныхъ денегъ и самъ первый подавалъ въ этомъ случаѣ примѣръ. „Извѣстно мнѣ, писалъ онъ въ Думу, что 1-го сентября 1802 года Харьковскіе купцы и граждане, руководствуясь усердіемъ къ пользѣ общей и въ содѣйствіи къ Высокомонар-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878 г., № 23. (Харьковская старина).
[2]) Ibidem.
[3]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. Унив., I, стр. 80—81.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878 г. № 37.
[5]) Сочиненія, бумаги и письма В. Н. Каразина, собр. и ред. Д. И. Багалѣемъ, стр. 626—628.
[6]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878 г., № 38.

нимъ попеченіямъ объ учрежденіи заведеній, относящихся къ народному просвѣщенію, учинили единодушно приговоръ вносить въ пользу университета, предположеннаго въ Харьковѣ, извѣстную сумму, каковое положеніе доставлено В. Н. Каразину, а имъ Монарху, коимъ изъявлена признательность. Первый срокъ уплаты этой суммы миновалъ 1-го сентября, а взносовъ не дѣлали. Я свой взносъ прилагаю". Но примѣръ Е. Е. Урюпина не дѣйствовалъ на многихъ. Деньги собирались туго. Прошелъ мѣсяцъ со времени заявленія Е. Е. Урюпина, а ратманъ Зикѣевъ успѣлъ собрать только 500 р. Дума же выдала В. Н. Каразину въ счетъ будущихъ поступленій 24 марта 1803 года подъ росписку 2000 р. Изъ за этой выдачи разгорѣлась цѣлая исторія. Артаковъ поручилъ совѣтнику губернскаго правленія Цебрикову и губернскому прокурору Евецкому обревизовать городскія суммы. Е. Е. Урюпинъ обратился съ жалобою на дѣйствія губернатора Артакова къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубею, съ жалобой, въ которой были изложены неправильныя дѣйствія ревизоровъ. Оказывается, что прокуроръ Евецкій признавалъ незаконною выдачу 2000 р. В. Н. Каразину, хотя на это послѣдовало опредѣленіе Думы и была его росписка. Указомъ 3-го ноября 1803 года Артаковъ былъ удаленъ отъ должности [1]).

В. Н. Каразинъ постоянно разсчитывалъ на содѣйствіе Е. Е. Урюпина. Довѣренный В. Н. Каразина Шишкинъ 20 дек. 1803 г. просилъ Е. Е. Урюпина предоставить за нѣкоторую плату два дома, принадлежавшія городу,—одинъ, купленный у бывшаго прокурора Чайковскаго, и другой, находившійся за рѣкою Лопанью, гдѣ квартировалъ совѣтникъ Шурлинъ, если они были свободны, для помѣщенія приказа общественнаго призрѣнія и университетскихъ чиновниковъ; приказъ общественнаго призрѣнія помѣщался въ корпусѣ при вице-губернаторскомъ домѣ и его хотѣли освободить для университета. Въ Харьковъ, по увѣдомленію В. Н. Каразина, вскорѣ должны были пріѣхать—профессоръ Виллихъ, два адъюнкта и типографъ съ типографіей—для нихъ то и нужны были квартиры. Въ другомъ письмѣ Шишкинъ просилъ Е. Е. Урюпина отпустить 2000 р. изъ городскихъ пожертвованій для выдачи жалованья выписаннымъ В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга въ Харьковъ ремесленникамъ и привезшимъ ихъ и разныя вещи подводчикамъ [2]). Замѣтимъ, что выписывая въ Харьковъ искусныхъ ремесленниковъ,—В. Н. Каразинъ руководствовался какъ потребностями университета, такъ и нуждами города. И эти ремесленники сыграли видную роль въ культурной жизни Харькова. Харьковской Городской Думѣ впослѣдствіи представился случай проявить на дѣлѣ свои благодарныя чувства къ виновнику основанія Харьковскаго университета В. Н. Каразину. Когда В. Н. Каразину въ 1833 году угрожало вслѣдствіе дорого стоившихъ опытовъ по филотехническому обществу полное разореніе, то Харьковскій городской голова Антонъ Мотузокъ прислалъ на имя предсѣдателя гражданской палаты 1200 р. при слѣдующемъ письмѣ: „Увѣдомился я, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣетъ въ слободско-украинской гражданской палатѣ дѣло, къ окончанію коего потребна сумма въ 1200 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха Александра I-го объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли и чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности—оную сумму 1200 р.—покорнѣйше васъ, м. г., прошу принять и употребить по дѣлу выше прописанному" [3]). Другой разъ—уже въ наши дни—Харьковское городское общественное управленіе выразило свою благодарную память о покойномъ ассигнованіемъ 2000 р. на устройство памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ.

Отношеніе къ университету мѣстнаго городского управленія и городского общества было всегда доброжелательное и преисполненное уваженія. Въ предѣлахъ своихъ средствъ городъ Харьковъ оказывалъ помощь и содѣйствіе университету, напримѣръ, ассигнованіемъ постоянной субсидіи на содержаніе университетскаго сада, единовременной выдачей средствъ на пріемъ членовъ археологическаго съѣзда, устраивавшагося при ближайшемъ участіи Харьковскаго университета, разрѣшеніемъ устроить госпи-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878, № 40.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878, № 41.
[3]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873, февраль. стр. 310

тальной клиники въ Александровской больницѣ и т. п. Но, конечно, все это капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, что г. Харьковъ въ свою очередь получилъ отъ университета.

Чтобы составить себѣ объ этомъ хотя приблизительное понятіе, надлежитъ остановиться на тѣхъ сторонахъ университетской жизни, которыя ближайшимъ образомъ соприкасаются съ культурою города. Нѣкоторыя и при томъ важнѣйшія стороны этой жизни, можно сказать, всецѣло обязаны своимъ происхожденіемъ университету. Такова, напримѣръ, научная сфера дѣятельности, которой университетъ не только далъ первоначальный толчокъ, но и поддерживалъ и развивалъ ее въ теченіе всего столѣтняго своего существованія. Развитіе литературной дѣятельности въ Харьковѣ въ XIX в. также тѣсно связано съ университетомъ; то же самое нужно сказать и относительно журналистики. Даже область искусства въ широкомъ смыслѣ этого слова получила свое развитіе при значительномъ содѣйствіи того же университета. Мы дадимъ только краткую характеристику университетской жизни въ разные моменты его существованія и затѣмъ остановимся на данныхъ, рисующихъ его вліяніе на матеріальную и духовную жизнь города.

Исторія Харьковскаго университета дѣлится на *четыре* періода въ зависимости отъ четырехъ *уставовъ*, примѣненныхъ къ нему наравнѣ съ другими русскими университетами: первый періодъ обнималъ время дѣйствія 1-го устава (съ 1804 по 1835 годъ), второй—второго (съ 1835 по 1863 годъ), третій—третьяго (съ 1863 по 1884 годъ), четвертый—четвертаго нынѣ дѣйствующаго (съ 1884 года). 1-й и 3-й были построены на началахъ университетской автономіи, 2-й и 4-й на противоположныхъ ей бюрократическихъ основаніяхъ. Особенностью 1-го устава 1804 года, потомъ уже не повторявшеюся, является то, что онъ ставилъ университетъ во главѣ учебнаго дѣла во всемъ округѣ—всѣхъ среднихъ и низшихъ его школъ; Харьковскій учебный округъ былъ тогда очень обширенъ, гораздо обширнѣе нынѣшняго: въ составъ его входили между прочимъ Черн., Полт., Екатер., Херс., Таврич. губ. и область Черноморская, т. е. губерніи, входящія нынѣ въ составъ Кіевскаго, Одесскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ. Это ставило и городъ Харьковъ въ особое привиллегированное положеніе по сравненію со всѣми остальными городами, входившими въ составъ Харьковскаго округа; онъ являлся по отношенію къ нимъ въ роли окружнаго, центральнаго города, хотя самъ по себѣ и уступалъ многимъ изъ нихъ и по числу жителей, и по древности и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ. Но ни одинъ изъ нихъ, не исключая и матери южно-русскихъ городовъ Кіева, не имѣлъ университета и свѣтскія учебныя заведенія ихъ были въ іерархической зависимости отъ Харьковскаго университета, который контролировалъ ихъ жизнь посылкою профессоровъ-визитаторовъ, заботился объ улучшеніи и расширеніи существующихъ учебныхъ заведеній и объ открытіи новыхъ: весь педагогическій персоналъ этихъ училищъ былъ подчиненъ училищному комитету, состоявшему изъ профессоровъ, и, конечно, долженъ былъ издалека иногда навѣдываться въ свой окружный центръ. Уже въ началѣ XIX вѣка Харьковъ такимъ образомъ сдѣлался окружнымъ центромъ управленія всѣмъ учебнымъ дѣломъ, которое въ царствованіе Импер. Александра I-го, какъ извѣстно, получило широкое развитіе. Харьковскій университетъ имѣлъ надзоръ за преподаваніемъ и воспитаніемъ, административною и хозяйственною частью, принималъ мѣры къ открытію гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, опредѣлялъ и увольнялъ педагогическій персоналъ, имѣлъ право собственной юрисдикціи надъ нимъ. Штатныхъ суммъ для открытія новыхъ училищъ было недостаточно—и училищный комитетъ обратился къ содѣйствію общества—такъ установилась связь между Харьковскимъ университетомъ и населеніемъ другихъ губерній. Явились и крупныя пожертвованія отдѣльныхъ лицъ и обществъ: братья Безбородко пожертвовали капиталъ и землю на открытіе гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Судіенко—40 тыс. на училища Малороссіи.

Нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что въ интересахъ управляемыхъ имъ многочисленныхъ школъ, училищный комитетъ завелъ въ Харьковѣ спеціальный книжный магазинъ, снабжавшій учебными книгами всѣ училища своего округа—а это уже непосредственно отражалось на ростѣ г. Харькова, какъ просвѣтительнаго центра. Профессора-визитаторы кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей занимались иногда научнымъ изслѣдованіемъ посѣщаемыхъ ими мѣстностей. Дегуровъ розыскалъ рукописи и напечаталъ на основаніи своихъ наблюденій книгу о ногайскихъ татарахъ, Рижскій представилъ описаніе городища древней Ольвіи и собралъ нѣкоторое количество мѣстныхъ памятниковъ. До открытія университета въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было всего 46 училищъ, въ томъ

числѣ только 7 среднихъ; число учащихся въ 1805 году равнялось 3967 д. Въ 1834 г. школъ было уже 186, въ томъ числѣ среднихъ 8; учащихся въ нихъ 9190.

Проф. Роммель, уѣхавшій изъ Харькова за-границу, просилъ оттуда доставить ему статистическія данныя о числѣ училищъ, открытыхъ университетомъ. „Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого я только видѣлъ, писалъ онъ, приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. „Такое разностороннее и широкое воздѣйствіе Харьковскаго университета на педагогическую среду цѣлаго района не могло не возвышать и того города, гдѣ горѣлъ этотъ свѣтильникъ—его имя и заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія дѣлались извѣстны и Западной Европѣ. Западная Европа знакомилась съ г. Харьковомъ, при посредствѣ университета, въ лицѣ выдающихся преподавателей своей научной мысли, и непосредственно, благодаря тому, что главнымъ способомъ формированія профессорской коллегіи было приглашеніе иностранныхъ профессоровъ въ Харьковъ изъ за-границы. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить прежде всего попытки привлечь въ Харьковъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ профессоръ Іенскаго университета Гейнрихъ, Геттингенскаго—Сарторіусъ, знаменитый юристъ Цезарій, первый оріенталистъ Германіи Вилькенъ, математикъ Гауффъ. Знаменитый Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи Гомерическаго эпоса, рѣшился было переѣхать въ Харьковъ, но былъ удержанъ рескриптомъ короля; всѣ эти лица не переѣхали въ Харьковъ, но цѣлый рядъ другихъ принялъ приглашеніе, причемъ содѣйствіе свое въ дѣлѣ сношеній оказали, между прочимъ, проф. Мейнерсъ и геніальный Гете, рекомендовавшій поп. С. О. Потоцкому знаменитаго профессора-философа Шада. Кромѣ Шада изъ за-границы были вызваны въ Харьковъ: медикъ Дрейсигъ, ветеринаръ Пильгеръ, ботаникъ Делявинь, историкъ Дюгуръ, юристы—Якобъ, Швейкартъ, химикъ Гизе, астрономъ Гутъ, классики—Белепъ-де-Балю и Роммель, оставившій намъ записки о пребываніи своемъ въ Харьковскомъ университетѣ и мн. др. Все это были выдающіеся дѣятели. Изъ 47 преподавателей Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе иностранцевъ было 29; больше всего дала Германія (18 душъ), затѣмъ Славянскія земли (7) и Франція (4 д.). Несмотря на отдаленность, захолустность и неблагоустройство Харькова, ихъ привлекали финансовыя соображенія, гогдашнее тяжелое политическое состояніе Германіи, а отчасти и болѣе идеальныя побужденія. Такъ, проф. Марбургскаго университета Роммель желалъ поработать на пользу просвѣщенія страны „еще не затронутой образованіемъ, гдѣ я, пишетъ онъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный, какъ птица, полный здоровья и силъ, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки". И нужно сознаться, что профессора иностраннаго происхожденія оказали значительную пользу университету; они принесли съ собою хорошія академическія традиціи старинныхъ западныхъ университетовъ; они знакомили учащуюся молодежь и съ наукою, и практически съ новыми языками, на которыхъ читали лекціи. Учащаяся молодежь и отчасти харьковское общество, не выѣзжая изъ Харькова за-границу, получили возможность познакомиться въ лицѣ этихъ дѣятелей съ носителями западно-европейской культуры.

Профессора клиницисты—Дрейсигъ, Книгинъ, Брандейсъ, Рейпольскій, Шумлянскій, Еллинскій и Блюменталь—много поработали для устройства и веденія клиникъ при Харьковскомъ университетѣ, которыми пользовалось, конечно, прежде всего городское населеніе. Хирургическая клиника возникла въ 1814 году, терапевтическая въ 1815 году, акушерская въ 1829 году. Дѣятельность ихъ въ 1-й періодъ университетской жизни была весьма скромная: въ хирургической клиникѣ было сначала 6 кроватей съ 26 больными, а потомъ 8 съ 50—100 больными въ годъ; оперированныхъ бывало въ годъ отъ 25 до 35, амбулаторныхъ отъ 25 до 200; въ терапевтической число кроватей возрасло съ 6 до 15; въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличилось и число больныхъ; въ акушерской въ 1829 г. было только 4 кровати и она состояла всего изъ одной комнаты; въ годъ среднимъ числомъ бывало по 7 рожениць. Клиники первоначально помѣщались въ одномъ изъ университетскихъ флигелей, затѣмъ переведены были за р. Лопань, на мѣсто, купленное у генеральши Хорватъ (гдѣ впослѣдствіи былъ манежъ, рядомъ съ нынѣшней 2-й гимназіей), а оттуда выведены въ каменное угольное зданіе на сѣверъ отъ университетской церкви (противъ собора, гдѣ хирургическая клиника оставалась до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и гдѣ нынѣ помѣщаются учрежденія историко-фил. факультета). Если прибавить къ этому, что въ Харьковѣ въ то время почти не было больницъ, намъ сдѣлается понятнымъ важное значеніе университетскихъ клиникъ, руководимыхъ знатоками дѣла. Санитарно-гигіеническія условія г. Харькова были чрезвычайно неблагопріятныя и эту

важную сторону мѣстной городской жизни опять таки впервые выяснилъ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета.

Непосредственную практическую пользу харьковскіе обыватели ощущали прежде всего отъ медицинскаго факультета и его преподавателей, занимавшихся врачебною практикой. До открытія университета рѣдко кто могъ пользоваться врачебнымъ пособіемъ вслѣдствіе крайняго недостатка во врачахъ. Теперь, съ открытіемъ университета, не только увеличилось число врачей (профессоровъ медицинскаго факультета, занимавшихся практикой), но явилась возможность пользоваться даже ихъ услугами въ зависимости даже отъ ихъ спеціальностей.

Вотъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе этого положенія. Профессора иностранцы—Дрейсигъ и Пильгеръ—занимались весьма успѣшно врачебной практикой и стяжали себѣ, особенно послѣдній, широкую популярность и среди мѣстнаго харьковскаго населенія и даже далеко за предѣлами г. Харькова. Краснорѣчивымъ доказательствомъ необычайной популярности профессора ветеринаріи Пильгера, какъ врача у горожанъ, являются похвальные аттестаты, выданные ему за успѣшное леченіе представителями мѣстнаго харьковскаго общества по случаю постигшей его непріятности—запрещенія врачебной практики въ виду отсутствія у него соотвѣтственнаго диплома. Цебриковъ передаетъ любопытный фактъ объ удачной практикѣ проф. Пильгера въ средѣ городскихъ обывателей. „Онъ избавилъ его брата отъ жестокой горячки однимъ только виннымъ камнемъ“. Но хотя въ городѣ его признавали за самаго искуснаго врача, удачно пользовавшаго въ опасныхъ болѣзняхъ, хотя онъ лѣчилъ весь домъ губернатора, но другіе врачи его ненавидѣли, гнали и не допускали до лѣченія недугующихъ единственно потому, что онъ былъ профессоромъ скотоврачебнаго искусства, а не человѣческаго. Братъ Цебрикова, находясь въ жару, выгналъ своихъ врачей изъ горницы, на глазахъ у нихъ велѣлъ разбить всѣ склянки съ лѣкарствами—и пригласилъ къ себѣ Пильгера, который вылѣчилъ его однимъ виннымъ камнемъ и этимъ еще болѣе озлобилъ своихъ враговъ. Самъ Пильгеръ, при первой своей встрѣчѣ съ Цебриковымъ, сталъ разсказывать ему о недоброхотствѣ къ нему городскихъ врачей за то, что его почти всегда въ тяжелыхъ болѣзняхъ призываютъ больные, которыхъ ему и удавалось освобождать отъ смерти.

Конечно, трудно сказать въ настоящее время, на сколько опытнымъ и искуснымъ былъ врачемъ Пильгеръ. Репутацію искуснаго врача ему создало общество; но оно само едва ли могло критически отнестись къ разнымъ способамъ лѣченія и къ разнымъ врачамъ. Братъ Цебрикова былъ боленъ горячкою; врачи лѣчили его болѣе 5 недѣль—и безуспѣшно. Причина неуспѣха понятная. Горячка имѣетъ извѣстное теченіе, и ранѣе извѣстнаго срока ее нельзя вылѣчить. По всей вѣроятности, весь секретъ успѣха Пильгера коренился не въ его винномъ камнѣ, а въ томъ, что прошло 6 недѣль, наступилъ кризисъ—и больной выздоровѣлъ.

Пильгеръ жаловался Цебрикову на притѣсненія врачей, не допускавшихъ его до врачебной практики и высказывалъ намѣреніе вернуться снова въ Германію, гдѣ раньше былъ профессоромъ и издалъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ.

Огромное практическое значеніе имѣла для города Харькова, въ смыслѣ его благоустройства, строительная дѣятельность университетскаго преподавателя архитектуры Васильева: съ его именемъ связана постройка университетской церкви, библіотеки, соборной колокольни и мн. др. сооруженій.

Въ 1817 году онъ построилъ себѣ въ Харьковѣ домъ „безъ печей“ или, точнѣе говоря, съ центральнымъ отопленіемъ, имъ изобрѣтеннымъ и устроеннымъ такъ. Въ центрѣ дома въ нижнемъ этажѣ поставлена была большая печь, а надъ нею кирпичная каменка на подобіе банной. Печь топилась на четвертые сутки, причемъ отверстіе надъ каменкой предварительно замазывалось на 8 часовъ; по истеченіи этого времени открывался душникъ и нагрѣтый воздухъ поднимался въ подполье, а оттуда черезъ щели въ полу, покрытомъ толстой бумагой и клеенкой, равномѣрно проникалъ въ комнаты. Удобствами такого отопленія авторъ статьи признаетъ огромную экономію въ дровахъ и экономію въ помѣщеніи, равномѣрность температуры и т. п., недостаткомъ—слишкомъ обильное согрѣваніе ногъ. Въ заключеніе высказывалось пожеланіе, чтобы это новое открытіе обратило на себя вниманіе домостроителей [1]).

И другія учебновспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета имѣли важное образовательное значеніе не только для учащейся молодежи, но отчасти и для жителей г. Харькова. Такова,

[1]) Укр. Вѣсти. 1819 г., кн. 1, стр. 25—40.

напримѣръ, была университетская библіотека, выписывавшая кромѣ книгъ и много журналовъ и притомъ преимущественно на иностранныхъ языкахъ и состоявшая къ концу 1-го періода изъ 27000 томовъ книгъ и журналовъ; нумизматическій кабинетъ, по разнообразію и богатству—одинъ изъ первокласныхъ въ Россіи; въ 1835 г. въ немъ было 18 тыс. монетъ и медалей. Коллекція эстамповъ при классѣ рисованія; слѣдуетъ отмѣтить также цѣлый рядъ учебновспомогательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета—химическую и фармацевтическую лабораторію, въ которыхъ между прочимъ производились анализы мѣстныхъ минеральныхъ водъ, физическій кабинетъ, обсерваторію, технологическій кабинетъ съ кабинетомъ рѣдкостей, зоологическій и минералогическій кабинеты, надъ описаніемъ которыхъ особенно потрудился проф. Криницкій; начало ботаническому кабинету положилъ проф. Черняевъ: въ 1835 г. въ немъ было 11460 породъ и свыше 100 тыс. экземпляровъ, въ томъ числѣ богатѣйшее собраніе мѣстной украинской флоры. Но для широкой публики большее значеніе имѣлъ Университетскій садъ, та часть его, которая носила названіе англійскаго, на устройство которой было затрачено много денегъ и положено много заботъ попечителемъ Потоцкимъ. Но особенную важность для общества представляла типографія Харьковскаго университета; она въ это время широко развила свою дѣятельность и работала не только для университета, но и для города Харькова и для всего округа. Типографія эта была прекрасно оборудована и дѣло велось чрезвычайно широко. Въ первыя десять лѣтъ въ ней было напечатано 207 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ болѣе 20 названій въ годъ; въ послѣдующее двадцатилѣтіе—240, т. е. въ среднемъ по 12 названій въ годъ (здѣсь сказалось вліяніе реакціи); слѣдовательно, за періодъ времени съ 1805 по 1835 годъ было напечатано 447 книгъ и брошюръ, не считая разныхъ канцелярскихъ бланковъ, въ среднемъ почти по 15 названій въ годъ. Въ числѣ ихъ были и толстыя книги, и изданія съ рисунками, и сочиненія на иностранныхъ языкахъ, и ноты, и календари, и журналы, и газеты. Огромное значеніе имѣло то обстоятельство, что университету принадлежало право цензуры не только надъ сочиненіями своихъ преподавателей, но и надъ всѣми изданіями, выходившими въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа. И это право въ рукахъ университета отнюдь не являлось орудіемъ реакціи.

Однимъ изъ средствъ взаимодѣйствія университета и мѣстнаго харьковскаго общества являлись *акты*, на которые стекался тогда весь Харьковъ и которыхъ было по два и по три въ годъ. Они обставлялись очень торжественно и знакомили населеніе г. Харькова съ успѣхами преподавательской и научной дѣятельности въ университетѣ. На нихъ прочитано было огромное количество актовыхъ рѣчей, оказавшихъ важное просвѣтительное вліяніе на мѣстное общество. Общее направленіе этихъ актовыхъ рѣчей въ первое десятилѣтіе дышитъ благородствомъ. Ораторы сообщали своимъ слушателямъ не одни научныя свѣдѣнія въ популярной формѣ, но и проводили живыя мысли, пробуждали добрыя гуманныя чувства, вселяли уваженіе къ просвѣщенію и разсаднику его въ Харьковѣ—университету. Проф. Якобъ, напримѣръ, выступилъ съ мыслію, что образованіе должно распространяться на всѣ слои общества; теперь это общее мѣсто, а тогда, когда была такая масса крѣпостныхъ, это была смѣлая мысль; всякій знаетъ, говорилъ Якобъ, какъ рѣдко попадаются въ небольшомъ кругу богатыхъ и знатныхъ даровитые умы и какъ рѣдко стремятся они къ усовершенствованію. И другіе ораторы съ живѣйшею радостью отмѣчали первые успѣхи университета на поприщѣ просвѣщенія. Въ эпоху реакціи (1815—1835 г.г.) тонъ этихъ рѣчей измѣнился къ худшему и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только одну рѣчь проф. Т. Ѳ. Степанова, проникнутую прежнимъ прогрессивнымъ духомъ.

Вотъ какъ отзывается современникъ о благотворномъ вліяніи университета въ 20-хъ годахъ на г. Харьковъ: Харьковъ относительно Украйны сравниваютъ съ Аѳинами, каковы были они въ отношеніи къ другимъ городамъ Греціи. Конечно, это слишкомъ смѣло; надобно быть безпристрастнымъ; но чтобы справедливо судить о степени просвѣщенія въ Украйнѣ и о вліяніи на него университета надобно пожить въ Харьковѣ, особенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда бываютъ здѣсь публичныя испытанія въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ обычныхъ экзаменовъ въ университетѣ произведенъ былъ публичный актъ, на которомъ многіе студенты читали свои произведенія—прозаическія и стихотворныя—и игралъ студенческій оркестръ [1]).

---

[1]) Укр. Журналъ 1824 г., № 14, стр. 108—113.

Вообще можно сказать, что Харьковъ своимъ ростомъ и развитіемъ обязанъ въ первые 35 лѣтъ существованія университета столько же университету, сколько и торговлѣ, пожалуй даже больше университету, если признать, что образованіе есть само по себѣ цѣнный капиталъ. Но и помимо этого прямого непосредственнаго вліянія университетъ оказывалъ еще косвенное, но весьма благотворное, являясь живымъ культурнымъ центромъ въ городѣ и краѣ, вызывая подражаніе, наглядно собственнымъ примѣромъ поднимая уровень культурныхъ потребностей окружающаго общества.

О значеніи, какое имѣли учебныя заведенія и въ частности университетъ для города Харькова въ матеріальномъ отношеніи уже въ 20-хъ годахъ современникъ выражается такъ. „Городъ Харьковъ, по самымъ вѣроятнѣйшимъ вычисленіямъ, получаетъ ежегодно отъ учебныхъ заведеній доходъ около $1^1/_2$ м. р.; и этотъ доходъ можно назвать существеннымъ, важнѣйшимъ для города, ибо онъ распространяется на всѣхъ почти жителей его, особенно посредственнаго состоянія: на отдающихъ въ наемъ дома свои учащимъ и учащимся, на мастеровыхъ разнаго рода и т. п. Не споримъ, что во время здѣшнихъ ярмарокъ капиталу въ оборотѣ гораздо болѣе. Но это капиталъ временный: онъ нѣсколько дней, т. е. въ продолженіе ярмарокъ переходитъ изъ рукъ въ руки у купечества здѣшняго и пріѣзжаго и, наконецъ, въ городѣ остаются одни барыши да прибыль отъ кратковременнаго найма нѣсколькихъ лавокъ: и это составляетъ такъ сказать, частный доходъ, т. е. доходъ только нѣсколькихъ извѣстныхъ купеческихъ домовъ. Притомъ, исключая небольшое число торговцевъ изъ уѣздныхъ городовъ и селеній, кто большею частью покупщики? Здѣшніе и ближайшихъ губерній помѣщики и именно тѣ, которыхъ дѣти или родственники здѣсь воспитываются. Пріѣхали бы они сюда изъ отдаленныхъ мѣстъ для однихъ только покупокъ, которыя и въ своихъ губерніяхъ и даже уѣздахъ безъ труда найти могутъ, если бы не влекла ихъ другая потребность, гораздо болѣе сильная, нежели прихоти роскоши—потребность видѣть и обнять милыхъ сердцу. Здѣсь можно купить дешевле? Да, нѣсколькими гривнами или даже рублями. Но чего стоитъ поѣздка за 500 и 1000 в., особенно богатымъ и семейнымъ помѣщикамъ, которые почти и не ѣздятъ иначе, какъ съ полдесяткомъ по крайней мѣрѣ служителей и вдвое большимъ числомъ лошадей. Пріѣзжая они, сверхъ покупокъ для себя и дѣтей, издерживаются и на квартиры, платя по 5 и по 10 р. въ сутки за 2, за 3 комнаты; и этого рѣдкіе не дѣлаютъ по 3 раза въ годъ, т. е. отъ новаго года или крещенія, потомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда бываютъ публичные экзамены въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ половины августа до половины сентября, когда привозятъ дѣтей къ началу годичнаго ученія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда у насъ не бываетъ никакой ярмарки, сколько жизни и движенія въ городѣ, сколько новыхъ лицъ встрѣтите по улицамъ и въ Университетскомъ саду. Сколько экипажей новыхъ и такихъ съ которыхъ все истребляющее время не могло еще истребить вкуса и моды временъ Елизаветы и Екатерины! Это столица всей южной Европейской Россіи. Но проходитъ іюнь—и все измѣняется. Сонливая какая-то тишина царствуетъ во всемъ городѣ. Пройдите по улицамъ его—и васъ ничто не развлечетъ, ничто не обезпокоитъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ встрѣтите иногда нѣсколько экипажей, нѣсколько человѣкъ. Но эти экипажи принадлежатъ чиновникамъ города, ѣдущимъ въ присутственное мѣсто или возвращающимся изъ него. Въ самомъ университетскомъ саду, въ которомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ играетъ духовая музыка, и куда въ это время стекаются люди разнаго званія и разнаго состоянія, весьма ощутительно уменьшеніе числа прогуливающихся, несмотря ни на погоду, ни на пріятности самаго сада, нѣтъ надобности повторять, что уменьшеніе числа временныхъ жителей какого-либо города, единственно проживающихъ въ немъ свои деньги, уменьшаетъ и доходы его и это уменьшеніе въ особенности чувствуютъ недостаточные граждане, а таковыхъ здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо болѣе, нежели богатыхъ; вотъ почему помянутые $1^1/_2$ мил. руб. такъ значительны для Харькова.

Но скажутъ, что не отъ одного только университета городъ получаетъ таковую сумму, а, безъ сомнѣнія, большую половину отъ другихъ учебныхъ заведеній. Справедливо; но смѣло утверждать можно, что вліяніе университета на состояніе всѣхъ почти другихъ училищъ столь важно, что съ уничтоженіемъ его или съ перемѣщеніемъ въ другой городъ, бо́льшая часть послѣднихъ должна разстроиться“ [1]).

Второй періодъ въ исторіи университета (1835—1863 г.) является уже далеко не столь выдающимся по степени его вліянія на окружающую среду. Во-первыхъ—и это главное—отъ университета было взято

[1]) Укр. журн. 1824 г., № 13, стр. 52—56. (О состояніи просвѣщ. въ Харьковѣ).

принадлежавшее ему право управленія всѣми училищами въ округѣ. Да и вообще новый университетскій уставъ 1835 г. былъ проникнутъ началами оффиціальной государственности и бюрократизма и значительно ограничилъ университетскую автономію. Университеты липились между прочимъ права цензуры надъ посторонними изданіями. Университеты должны были осуществлять теперь общую правительственную программу, въ основу которой была положена извѣстная формула—православіе, самодержавіе и народность. Чтобы ограничить число студентовъ, былъ введенъ комплектъ; профессора должны были вести преподаваніе въ опредѣленномъ духѣ и направленіи. Нетерпимость дошла до того, что изгнаны были изъ преподаванія государственное право и философія и сожжена была диссертація Н. И. Костомарова объ уніи. Такъ дѣло шло въ царствованіе Импер. Николая Павловича, измѣненія къ лучшему наступили только съ восшествіемъ на престолъ Импер. Александра II-го. Въ заслугу творца устава 1835 г. Уварова нужно поставить только, что онъ поднялъ упавшее въ университетѣ преподаваніе,—и въ Харьковскомъ университетѣ въ смыслѣ преподаванія началось сильное оживленіе, нарушившее ту летаргію, въ какой находился университетъ въ концѣ перваго періода—въ реакціонную эпоху. Въ связи съ общерусскими общественными теченіями и въ Харьковскомъ университетѣ нашло себѣ яркое выраженіе *идеалистическое* и отчасти мѣстное направленіе, талантливыми выразителями котораго были проф. Лунинъ, А. И. Полюмбецкій, Т. С. Степановъ, Волоцкій, Ив. Ив. Срезневскій, отчасти Метлинскій. Оно оказывало огромное вліяніе на студентовъ и заставляло забывать ихъ о всѣхъ матеріальныхъ лишеніяхъ.

Извѣстный впослѣдствіи директоръ 1-й Харьковской гимназіи П. В. Тихоновичъ занималъ на ныи. Пушкинской улицѣ, противъ лѣчебницы медицинскаго общества, комнату со столомъ, самоваромъ и мытьемъ бѣлья за 5 руб. въ мѣсяцъ. Только при такой баснословной дешевизнѣ могъ существовать въ Харьковѣ человѣкъ съ такими скудными средствами. Устроивши себѣ гнѣздо, П. В. Т. сталъ пріискивать уроки, что въ старое время удавалось гораздо легче, чѣмъ теперь. Уроки нашлись скоро. разумѣется, за умѣренное вознагражденіе, 20—30 к. за урокъ, который иногда продолжался 2—3 часа. Но несмотря на уроки и на дешевизну жизни, бѣдность, почти граничившая съ нищетою, преслѣдовала по пятамъ П. В. Иногда онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ носилъ обувь безъ подошвъ, подстилая сахарную бумагу или куски картона отъ шляпныхъ коробокъ. Особенно интересны были эксперименты, производившіеся съ чаемъ. „Напьешься, бывало, чаю вечеромъ, разсказывалъ П. В., а чайникъ потомъ поставишь въ печурку на всю ночь—къ утру снова настоится и хотя и прокиснетъ, такъ ничего—и лимона не нужно“.

„Несмотря на тяжесть и непригляднность матеріальной обстановки, П. В. Т-чу жилось легко и весело: въ немъ съ особенною силою развивалось то высокое, идеальное направленіе, которому онъ остался вѣренъ во всю свою послѣдующую жизнь. Его любимымъ чтеніемъ въ это время были—Донъ Карлосъ и Валленштейнъ Шиллера, Конрадъ Валленродъ Мицкевича, Вальтеръ Скотъ и избранные классики въ подлинникахъ. Это чтеніе производило на него вліяніе болѣе сильное, чѣмъ обыкновенно производитъ чтеніе, потому что книги въ ту пору были очень дороги и чаще всего доставались у кого-нибудь на время, вслѣдствіе чего молодежь по ночамъ переписывала любимыхъ авторовъ и нерѣдко выучивала наизусть, что давало ей возможность глубже проникать въ сокровенные думы поэта и съ большимъ увлеченіемъ откликаться на нихъ“.

Говоря о научныхъ познаніяхъ, вынесенныхъ изъ университетскихъ лекцій, П. В. Тихоновичъ только улыбался: эти познанія были очень скудны, профессора небрежно относились къ своимъ лекціямъ и многіе плохо знали свой предметъ; но нѣчто особенное, неуловимое и необъяснимое, оживлявшее въ ту пору всѣ слои общества и особенно отразившееся на университетѣ, придавало смыслъ каждому незначительному слову, сближало людей, чужихъ другъ другу, придавало теплый, задушевный тонъ всѣмъ общественнымъ движеніямъ. Профессора плохо знали свои предметы, но это не мѣшало имъ благоговѣть передъ наукой; они держали у себя пансіонеровъ, причемъ пристрастіе являлось вещью естественною, но это не мѣшало имъ любить всю молодежь и не избѣгать сближенія съ нею. У многихъ изъ профессоровъ устраивались веселыя вечеринки, на которыхъ можно было встрѣтить многихъ студентовъ; профессора участвовали въ загородныхъ прогулкахъ молодежи и такая близость съ людьми, которые во всякомъ случаѣ обладали бо́льшими знаніями, чѣмъ молодежь, благотворно отражалась на ней. Критическій взглядъ на всѣхъ, недовѣріе ко всѣмъ и ко всему, были въ ту пору почти неизвѣстны; вѣра въ будущее, восторженное отношеніе къ своему дѣлу, страстное поклоненіе высокимъ идеаламъ прошлаго—вотъ общій тонъ картины.

Разумѣется, эта картина не обходилась безъ темныхъ пятенъ, но на нихъ какъ-то не обращалось вниманія и молодежь бодро глядѣла въ будущее. Близость профессоровъ со студентами приводила и къ сближенію тѣхъ и другихъ съ мѣстнымъ обществомъ на почвѣ высшихъ духовныхъ интересовъ—литературныхъ. Въ этой средѣ получилъ первоначальный толчокъ къ развитію и литературный талантъ изящнаго недавно только скончавшагося поэта переводчика Петра Исаевича Вейнберга.

Въ 1852 году открылись при историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета научно-литературныя чтенія студентовъ, въ присутствіи посторонней публики обоего пола. Первое такое академическое засѣданіе фак. состоялось 20 января 1852 г. Открывая его, деканъ факультета проф. Протопоповъ объяснилъ публикѣ цѣль его и указалъ „на *мѣстную* необходимость литературныхъ чтеній въ Харьковѣ, въ которомъ, при отдаленности его отъ главныхъ пунктовъ литературной дѣятельности (столицъ нашихъ), при отсутствіи *своихъ* періодическихъ изданій, литературное образованіе молодыхъ людей находитъ для себя *единственный* пріютъ въ университетѣ". Вслѣдъ за этимъ прочитано было 9 статей по общей и русской словесности и русской исторіи: 1) Молитва обо всѣхъ. стих. Вейнберга (П. И.), 2) Характеръ поэзіи Дельвига-Воронова, 3) Свинья и львица—басня Лебедева, 4) Генію—стих., его же, 5) О Византійскомъ писателѣ Лидѣ—истор. изсл. Парфенова, 6) Дуэль,—очеркъ Бѣляева, 7) Очеркъ трагедіи Кальдерона—пер. съ исп. Василевскаго, 8) Три оды Горація—пер. Вейнберга, 9) Изъ поэмы о Карлѣ Вел. Ангальберта—стих. пер. Лебедева. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: публика внимательно прослушала все; многіе изъ прослушанныхъ его статей могли бы украсить страницы любого изъ періодическихъ изданій. Такъ пишетъ профессоръ русской словесности Костырь объ этомъ первомъ опытѣ [1]).

Д. И. Каченовскій былъ уже предтечею новаго періода—эпохи великихъ реформъ—дѣятелемъ новой Россіи. Онъ превосходно выразилъ огромное общественное вліяніе университета, въ лицѣ лучшихъ передовыхъ его дѣятелей, на студенческую среду. „Помните, говорилъ Каченовскій, что новая Россія далеко передъ нами, что мы живемъ пока въ старой. А гдѣ въ ней укрыться? Куда ни посмотришь, на сѣверѣ и востокѣ—все лѣсъ да болота, а на югѣ—все степь да степь. Здоровая мысль, разумное слово, доброе дѣло глохнетъ въ этомъ безконечномъ пространствѣ. И вотъ мы стекаемся сюда изъ нашихъ полудикихъ краевъ, чтобы соединившись подъ кровомъ науки и окрѣпнувъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, возвратиться назадъ просвѣщенными людьми. Что было бы съ нами безъ университета?' И, дѣйствительно, университетъ являлся тогда чуть ли не единственнымъ свѣтлымъ оазисомъ среди общей пустыни нашей тогдашней общественности. Вотъ почему такъ могуче и продолжительно было тогда и вліяніе его лучшихъ профессоровъ на учащуюся молодежь. Изъ университета шли также, какъ увидимъ далѣе, нити и корни литературнаго воздѣйствія на окружающее общество. Сознаніе о благотворномъ вліяніи университета вообще и на харьковскій край и городъ Харьковъ въ частности нашло себѣ выраженіе въ отчетѣ о состояніи его въ 1842/3 году проф. Изм. Ив. Срезневскаго. Въ немъ доказывалось, что г. Харьковъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ именно университету. До открытія университета Харьковъ не только не могъ быть сравненъ съ Полтавой, Курскомъ, Орломъ, Воронежомъ, но даже съ Бѣлгородомъ, а теперь по количеству населенія превосходитъ ихъ, имѣя 40000 постоянныхъ жителей, между тѣмъ какъ въ 1805 году въ моментъ открытія университета было 8000 чел., т. е. въ 5 разъ менѣе. Не подняла его такъ торговля, потому что не подняла прежде и не подняла такъ ни Сумы, ни Курска; фабрикъ и заводовъ было мало; не подняли и другія учебныя заведенія, потому что они были во всѣхъ этихъ городахъ и не возвысили ихъ до такой степени; не имѣло значенія и географическое положеніе, которое не представляло жителямъ никакихъ особенныхъ выгодъ. Харьковъ обязанъ своимъ возвышеніемъ преимущественно университету, который привлекъ въ городъ просвѣщенное общество—и этого было достаточно, чтобы привлечь и промышленность, и богатство, и все, что возвышаетъ городъ. Конечно, дѣйствовали и другія причины; оказали вліяніе и другія учебныя заведенія, но наука возвысила Харьковъ, какъ промышленность Тулу и Ярославль, какъ торговля—Нижній-Новгородъ и Одессу. Онъ выдѣляется по любви къ просвѣщенію не только высшихъ, но и среднихъ слоевъ общества. За 28 лѣтъ (съ 1835 по 1863 годъ) должно было окончить университетъ б. 3 тыс. чел. Среди болѣе выдающихся питомцевъ этого періода можно отмѣтить профессоровъ—Тихоновичей, Петрова, Сокальскаго, Питру I-го и II-го, Леваковскаго, Павловича, Стоянова,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1852, № 5.

Щелкова, Потебню, Гарничъ-Гарницкаго, Морозова, Залѣсскаго, А. Данилевскаго, Кузнецова, Деларю, Ковальскаго, Степанова, Шимкова, Надлера, проф. Петерб. у-та. Градовскаго, писателей П. И. Вейнберга и Е. Маркова, Депуле, Матушинскаго, Баляснаго, Чарикова, Запару, кн. Цертелева, поэта Александрова, изслѣдователя Шиманова. Нѣкоторые профессора физ.-матем. факультета (Е. С. Гордѣенко) читали много лѣтъ публичные курсы по техническимъ предметамъ для всѣхъ желающихъ. Проф. Борисякъ составилъ проектъ розысканій строительнаго камня и устройства въ Харьковѣ мостовыхъ изъ искусственнаго щебня. Для распространенія въ Украйнѣ новыхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, изъ ботаническаго сада раздавалось значительное количество черенковъ яблонь, грушъ и сливъ. Въ ботаническомъ саду производились опыты акклиматизаціи растеній, имѣвшіе значеніе и для жителей г. Харькова; дабы показать образцы живой изгороди, сдѣланъ былъ разсадникъ колючихъ растеній. Большую пользу попрежнему приносили учебно-вспомогательныя учрежденія университета. Изъ общеуниверситетскихъ учрежденій сюда относятся—библіотека, въ которой къ концу періода число книгъ замѣтно увеличилось. Въ университетской типографіи печатались и сочиненія посторонніхъ лицъ, но теперь въ Харьковѣ было уже и нѣсколько частныхъ типографій, отвлекшихъ частныхъ заказчиковъ. Тѣмъ не менѣе и въ университетской типографіи за 15 лѣтъ отпечатано было 216 сочиненій на 1538516 листахъ, т. е. въ среднемъ по 14 сочиненій въ годъ! Къ концу этого періода цѣнныя пожертвованія картинъ И. Е. Бецкаго положили начало открытому вскорѣ музею изящныхъ искусствъ. Проф. техн. химіи и фармакологіи Е. С. Гордѣенко положилъ въ Харьковѣ начало производству искусственныхъ минеральныхъ водъ, надъ изученіемъ коихъ онъ много работалъ за-границей. Особенно же важное практическое значеніе имѣли для харьковскаго населенія университетскіе клиники и врачи—профессора. Терапевтической клиникой въ это время завѣдывалъ проф. Альбрехтъ, много сдѣлавшій для благоустройства клиники. Стаціонарныхъ больныхъ бывало въ ней ежегодно 130—150 чел. (въ томъ числѣ съ 60-го года до 40 тифозныхъ); число амбулаторныхъ больныхъ доходило до 1250 чел. въ годъ. Въ 1860 году, при клиникѣ, на средства, пожертвованныя Манько, былъ открытъ электромагнитный кабинетъ. Въ хирургической клиникѣ число кроватей дошло до 21. Во главѣ ея стоялъ также выдающійся проф. Ванцетти, число больныхъ возрасло до 200 чел. (въ теченіе 15 лѣтъ управленія Ванцетти 2000 чел.); оперированныхъ было отъ 135 до 150 въ годъ; амбулаторныхъ больныхъ бывало ежегодно отъ 200 до 1000 чел. Въ 1848 г. Ванцетти произвелъ первую въ Россіи операцію овріотоміи. При преемникѣ Ванцетти Нарановичѣ число стаціонарныхъ больныхъ равнялось 150 чел., оперированныхъ до 170, амбулаторныхъ до 1300 чел.; въ 1859 году въ завѣдываніе клиникой вступилъ проф. Грубе, стоявшій во главѣ ея почти 40 лѣтъ.

Акушерская клиника также нѣсколько расширилась—до 6 кроватей; но число стаціонарныхъ рожениць равнялось 35 въ годъ, амбулаторныхъ 20; процентъ смертности оперированныхъ равнялся 3,3. Во главѣ клиники стоялъ проф. Ганъ. Отдѣльной глазной клиники все еще не было и катаракты снимались въ хирургической клиникѣ. Медицинской практикой занимались не только перечисленные выше директора клиникъ, но и другіе профессора медицинскаго факультета. Нарановичъ получалъ благодарность за успѣшныя операціи; особенно удачно производилъ онъ глазныя операціи; кромѣ того онъ состоялъ безвозмездымъ врачемъ 2-й гимназіи и семинаріи, а во время войны и холеры также безвозмездно лѣчилъ больныхъ. Демонси въ 1848 и въ 1855 гг. былъ директоромъ холерной больницы, учрежденной при клиникѣ Харьковскаго Университета, а въ 1855—1856 гг. завѣдывалъ терапевтическимъ отдѣленіемъ временнаго военнаго госпиталя въ Харьковѣ.

Упомянемъ еще о Свиридовѣ, который лѣчилъ холерныхъ больныхъ въ 1847 году и завѣдывалъ безвозмездно временнымъ военнымъ госпитальнымъ отдѣленіемъ въ 1855—1856 гг., гдѣ пользовалъ раненыхъ больныхъ. Альб. Сам. Питра, уроженецъ г. Харькова, питомецъ Харьковскаго университета, написалъ диссертацію—Specimen topogrophiae medicae Charkowiensis—всецѣло посвященную изученію г. Харькова въ медико-санитарномъ отношеніи, заключающую богатый матеріалъ по этой части и представляющую и въ настоящее время значительный историческій интересъ. Онъ занималъ кафедру судебной медицины и медицинской полиціи. Въ 1855—1856 гг. онъ былъ помощникомъ завѣдующаго 7 отдѣленіемъ временнаго военнаго госпиталя въ Харьковѣ. Проф. хирургіи Струве въ 1847 г. боролся съ холерной эпидеміей, въ 1855—1856 г. завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ временнаго военнаго госпиталя въ Харьковѣ.

3-й періодъ продолжался отъ 1863 по 1884-й годъ; въ это время дѣйствовалъ уставъ 1863 года, возвратившій автономію университету и приведшій его къ возрожденію. Вся страна въ это время возродилась и это, конечно, не могло не отразиться благотворнымъ образомъ на подъемѣ жизнедѣятельности университета; университетъ сталъ получать больше средствъ на свое содержаніе; увеличилось число кафедръ, профессоровъ и студентовъ. Улучшилось положеніе его учебновспомогательныхъ учрежденій. Въ 1862—1863 году въ фундаментальной библіотекѣ было 32855 названій. Въ 1884 г.—50254; до 1863 г. въ среднемъ поступало по 566 названій, а послѣ 1863 года по 828; кабинетъ для чтенія получалъ 75 иностранныхъ и 36 русскихъ періодическихъ изданій. Въ типографіи въ 1862—1863 г. было напечатано 18 сочиненій. Особенное же развитіе получилъ музей изящныхъ искусствъ, имѣвшій важное образовательное значеніе для жителей г. Харькова. Въ 1863 г. въ немъ было 1200 предметовъ (не считая 900 рисовальныхъ пособій), а въ 1884 г.—12175 предметовъ на 32000 р. 25 к. Посѣтителей каждое воскресенье бывало въ среднемъ около 80 лицъ. Получилъ начало въ 1879 году и исторический архивъ, перевезенный изъ Чернигова. Возникъ и окрѣпъ въ это время также и геологическій кабинетъ; въ немъ въ 1884 году было уже 6043 экз. горныхъ породъ и окаменѣлостей. Но особенно важное значеніе для населенія г. Харькова имѣли клиники. Во главѣ терапевтической клиники стоялъ недолгое время Маровскій, а затѣмъ съ 1869 г. ученикъ Боткина В. Г. Лашкевичъ, при которомъ было 25 кроватей и который поставилъ дѣло клиническаго преподаванія на небывалую высоту. Помѣщеніе хирургической клиники, съ переводомъ сначала терапевтической, потомъ и акушерской новое помѣщеніе расширилось; число кроватей дошло до 25. Хирургическая наука сдѣлала въ это время колоссальные успѣхи въ методахъ оперированія и лѣченія ранъ. И въ нашей клиникѣ съ 1880 года чаще другихъ примѣнялся способъ Листера, съ 1882 года онъ примѣнялся исключительно. Больныхъ въ 1883 году было: стаціонарныхъ 120, изъ коихъ умерло 17 (13,5%—высокій процентъ, объясняемый недостатками помѣщенія), амбулаторныхъ 4746. Особенно возросъ, какъ видимъ, амбулансъ, падающій главнымъ образомъ на жителей города и его окрестностей. Во главѣ клиники стоялъ знаменитый хирургъ В. Ѳ. Грубе, сдѣлавшій массу операцій. Во время русско-турецкой войны онъ былъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, а затѣмъ завѣдовалъ 25 кроватями, учрежденными въ Харьковѣ для тяжело раненыхъ мѣстнымъ отдѣленіемъ Краснаго Креста. Онъ былъ главнымъ иниціаторомъ и долгое время предсѣдателемъ Харьковскаго Медицинскаго Общества, игравшаго столь видную и полезную роль въ жизни города Харькова, былъ старшимъ врачомъ общины Краснаго Креста. Много тысячъ жизней ему удалось спасти во время пребыванія въ Харьковѣ и не мало тысячъ народа посѣтило на болѣе или менѣе продолжительное время Харьковъ только потому, что въ немъ жилъ и врачевалъ В. Ѳ. Грубе. Имя его было извѣстно и во многихъ центрахъ Западной Европы. Съ 1872 г. учреждена была при Харьковскомъ университетѣ особая глазная клиника на 10 кроватей. Въ 1880 г. къ нимъ прибавилось 11 кроватей Харьковскаго и Курскаго земства.

О насущной потребности въ ней свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: за 2 мѣсяца 1872 года въ ней принято было 800 больныхъ и сдѣлано 56 операцій; въ 1873 году амбулаторныхъ больныхъ принято 1655, стаціонарныхъ 118, операцій стаціонарнымъ сдѣлано 100, амбулаторнымъ 124; въ 1880 году стаціонарныхъ больныхъ было 161, изъ коихъ операціи произведены 146; амбулаторныхъ 4078, коимъ произведено 234 большихъ операцій и 150 малыхъ. Помѣщеніе клиники расширилось. Директоромъ клиники и душею дѣла былъ все время проф. Л. Л. Гиршманъ, питомецъ Харьковскаго университета, работавшій у Гельмгольца, приглашенный еще въ 1864 году ассистентомъ въ глазной клиникѣ извѣстнаго офтальмолога Пагенштехера въ Висбаденѣ и начавшій преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ съ 1868 года. Л. Л. Гиршманъ представляетъ исключительное явленіе по своей дѣятельности въ качествѣ практическаго врача, особенно бѣднаго люда, который стекается къ нему тысячами отовсюду и получаетъ чаще всего даровую помощь. Какъ спеціалистъ проф. Гиршманъ является притягательной силой для населенія огромнаго района южной Россіи и несомнѣнно, что вмѣстѣ съ покойнымъ проф. Грубе и нѣкоторыми друг. онъ способствовалъ популярности Харьковскаго университета среди широкихъ слоевъ общества. Акушерская клиника обязана своимъ развитіемъ въ этотъ періодъ главнымъ образомъ проф. Лазаревичу; число кроватей въ ней возросло сначала до 10, а потомъ до 25; помѣщеніе ея значительно улучшилось. При клиникѣ былъ учрежденъ повивальный институтъ; число учениць въ немъ въ 1872 году дошло до 93; окончившія его пополнили недостатокъ акушерокъ не только въ городѣ Харьковѣ, но на

всемъ югѣ. Лазаревичъ потратилъ много трудовъ на расширеніе при клиникѣ амбуланса. Проф. Лазаревичъ пользовался извѣстностью и какъ операторъ и въ 60-хъ годахъ сталъ впервые дѣлать операціи овріотоміи. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ одновременно дѣйствовали клиницисты-врачи, пользовавшіеся особенною популярностью—Грубе, Лашкевичъ, Гиршманъ и Лазаревичъ—и ихъ выдающаяся дѣятельность на пользу страждущаго человѣчества несомнѣнно подняла на большую высоту научно-практическое значеніе университета какъ среди горожанъ, такъ и далеко за предѣлами Харькова. По прежнему университетъ являлся экспертомъ въ санитарныхъ вопросахъ: въ 1865 году совѣтъ утвердилъ выработанныя медицинскимъ факультетомъ мѣры противъ холеры: въ 1876 г. проф. Крыловъ и Станкевичъ спеціально изучали вопросъ о трихинозномъ мясѣ въ Харьковѣ.

При паталого-анатомическихъ вскрытіяхъ проф. Крыловымъ было обнаружено два случая трихиноза, что и подало поводъ проф. Крылову прочитать студентамъ 3-го курса нѣсколько лекцій объ этой болѣзни и ея возбудителяхъ-трихинахъ, равно познакомить студентовъ на практическихъ курсахъ съ методами изслѣдованія мяса на трихинъ. Это вызвало большой интересъ къ новой болѣзни, до тѣхъ поръ неизвѣстной на югѣ Россіи. Однимъ студентомъ-медикомъ была принесена въ патолого-анатомическій кабинетъ мертвая крыса, поднятая имъ на Воскресенской площади и оказавшаяся трихинозною. Скоро появилось сообщеніе прозектора ветеринарнаго института Ладина о находкѣ имъ трихинъ у крысъ анатомическаго театра этого института. Было сдѣлано предложеніе объ обязательномъ изслѣдованіи свиного мяса на трихинъ, но оно не было принято медицинскимъ факультетомъ. Ярымъ противникомъ этого предложенія выступилъ проф. Станкевичъ. Принялъ это предложеніе одинъ только колбасникъ Легеръ и устроилъ въ своемъ заведеніи изслѣдованіе всей поступающей къ нему свинины на трихинъ, для этого онъ обратился къ проф. Крылову съ просьбой указать ему студентовъ, которые могли бы выполнять эту задачу въ опредѣленные часы дня. Студ. Александровъ, Небыковъ и Фавръ въ теченіе года производили изслѣдованія у Легера и доказали существованіе трихиноза у свиней на югѣ Россіи. Такимъ образомъ, эта попытка является какъ бы началомъ того изслѣдованія мяса, которое ведетъ теперь на бойняхъ городское общественное управленіе.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ совѣтъ входилъ иногда въ обсужденіе и утвержденіе программъ публичныхъ лекцій. Между прочимъ читали публичныя лекціи въ 1865 году по физикѣ проф. Ю. И. Морозовъ и Н. А. Лавровскій о Ломоносовѣ, въ 1866 г. Д. И. Каченовскій—о судебныхъ учрежденіяхъ, въ 1881 году проф. Наллеръ прочелъ 12 публичныхъ лекцій по новой исторіи въ пользу общества грамотности. По прежнему продолжались публичныя лекціи по технологіи, химіи и практической механикѣ, начавшіяся въ 1838 году; въ 60-хъ годахъ эти лекціи читались Алексѣевымъ (по механикѣ), Яцуковичемъ (по технологіи) и Гарничъ Гарницкимъ (по химіи); на эти лекціи допускались и женщины. Не будемъ говорить о періодическихъ изданіяхъ, издававшихся профессорами Харьковскаго университета или выходившихъ подъ ихъ редакціей или съ ихъ участіемъ; замѣтимъ только, что профессора поддерживали всѣ эти изданія своимъ сотрудничествомъ. При устройствѣ водопровода запрашивались мнѣнія и заключенія профессоровъ. Первымъ городскимъ головою, при возрожденномъ городскомъ самоуправленіи въ 1870 г., былъ проф. Ег. Степ. Гордѣенко; виднымъ гласнымъ городской думы—проф. А. П. Шимковъ и др. Въ учрежденіи и развитіи Харьковскаго общества грамотности принимали живѣйшее участіе проф. Н. Н. Бекетовъ и др. Изъ университетской среды выходила вообще инициатива общественныхъ предпріятій въ интересахъ общаго блага. Много сдѣлали также для сближенія съ обществомъ ученыя общества при университетѣ. И мѣстное общество, въ свою очередь, приходило на помощь университету, поддерживая его научныя собранія, оказывая матеріальную помощь учащимся въ видѣ стипендій и существующему при университетѣ обществу пособія нуждающимся студентамъ.

4-й періодъ начинается введеніемъ въ дѣйствіе устава 1884 года и оканчивается введеніемъ временныхъ правилъ объ автономіи университетовъ Высочайшимъ указомъ 27-го августа 1905 года. Уставъ 1884 года снова вернулъ университетъ къ бюрократическому строю и управленію, уже испробованному ранѣе и оказавшемуся негоднымъ. Университетъ былъ связанъ въ своей внутренней дѣятельности и былъ въ мелочахъ подчиненъ министерству и попечителю. „Университетское воспитаніе, по выраженію оффиціальнаго документа, должно было быть на службѣ государственныхъ интересовъ и правительственной

власти, должно быть патріотическимъ". Несмотря однако на тѣ неудобныя внѣшнія условія, въ которыхъ приходилось теперь дѣйствовать университету, онъ по прежнему имѣлъ широкое благотворное вліяніе на общественную среду. Во многихъ отношеніяхъ его вліяніе, въ силу естественнаго роста университета и его жизненныхъ силъ, даже увеличилось. Расширились средства, отпускаемыя на университетъ изъ государственнаго казначейства, превысивъ въ послѣднее время ½ мил. руб., не считая спеціальныхъ средствъ и разныхъ благотворительныхъ сборовъ, не считая строительныхъ суммъ, которыя въ 1896 году были отпущены на Харьковскій университетъ въ количествѣ 400 тыс. руб. Увеличивалось число студентовъ и если принять норму ихъ въ 4000 чел. (теперь ихъ 5000 чел.) и положить, что каждый проживаетъ въ среднемъ 400 рублей, то получимъ 1600000 рублей. Затѣмъ слѣдовало бы учесть, сколько родителей живетъ въ Харьковѣ только потому, что дѣти ихъ учатся въ университетѣ; слѣдовало бы сосчитать, сколько своихъ собственныхъ средствъ проживаютъ профессора университета, помимо получаемаго ими казеннаго жалованья, сколько средствъ затрачиваютъ лица, пріѣзжающія въ Харьковъ за врачебною помощью къ профессорамъ-медикамъ или вообще ради университета; сколько налоговъ уплачиваютъ профессора домовладѣльцы и, наконецъ, сколько средствъ остается въ распоряженіи харьковскихъ гражданъ только благодаря тому, что имъ не приходится отправлять своихъ дѣтей ради слушанія университетскихъ лекцій въ другой отдаленный городъ. Если все это сосчитать, то получатся весьма крупныя суммы. Конечно, суммы эти окажутся незначительными по сравненію съ оборотами нынѣшнихъ харьковскихъ ярмарокъ; но не слѣдуетъ забывать той разницы, что на ярмаркахъ главнымъ образомъ сбываются товары, привозимые извнѣ, въ данномъ же случаѣ средства по большей части переходятъ къ постоянному харьковскому населенію и способствуютъ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія. А какую массу полезныхъ и денежныхъ цѣнностей даетъ университетъ городу Харькову въ дѣятельности его профессорской коллегіи и учащагося юношества. Вспомнимъ ученую экспертизу профессоровъ (химическую, судебно-медицинскую и т. д.) по разнымъ вопросамъ, вспомнимъ репетиторскій и другой трудъ студентовъ. А какъ оцѣнить вліяніе университета въ его цѣломъ на складъ, направленіе и характеръ общественной и культурной жизни? Не даромъ университетскіе города сильно отличаются въ культурномъ и общественномъ смыслѣ отъ не университетскихъ. И это особенно чувствуется у насъ въ Харьковѣ, гдѣ университетъ съ момента своего основанія и до нашихъ дней былъ въ самой тѣсной связи съ окружающимъ обществомъ. Да и можетъ ли быть иначе, если 4000 чел. студентовъ входятъ органически въ составъ городского общества въ видѣ членовъ семействъ или близкихъ ихъ, или ихъ добрыхъ знакомыхъ. Неудивительно, что событія университетской жизни затрагиваютъ существеннѣйшіе матеріальные и моральные интересы харьковскаго общества; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какія печальныя въ экономическомъ отношеніи для горожанъ послѣдствія имѣли студенческія забастовки послѣдняго времени.

Въ частности нужно отмѣтить и теперь значительную пользу, приносимую населенію г. Харькова учебно-вспомогательными учрежденіями университета. Въ университетской библіотекѣ къ началу 1904 года насчитывалось 85956 названій; библіотека увеличилась съ 1884 года на 35702 названія, т. е. больше чѣмъ на 41%; приростъ равнялся въ среднемъ уже 1700 названій и кромѣ того образовались еще спеціальныя библіотеки. Университетскою библіотекой пользуются и постороннія лица, точно также какъ и музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей, гдѣ занимаются копированіемъ картинъ и пользуются спеціальной музейной библіотекой. Въ историческомъ архивѣ также занимаются постороннія лица. Ежегодно университетъ даетъ отчетъ обществу о своей дѣятельности и этотъ отчетъ печатается съ 1893 г. въ „Запискахъ Университета". Но особенное значеніе для широкихъ слоевъ харьковскаго населенія имѣютъ университетскія клиники, значительно расширившія свою полезную дѣятельность. Въ 1896 году отстроены и открыты были 4 клиники на принадлежащей университету землѣ по Сумской улицѣ—терапевтическая, хирургическая, офтальмологическая и акушерская,—на средства въ размѣрѣ 400 тыс., отпущенныя государственнымъ казначействомъ. Число кроватей въ нихъ было увеличено до 155 (вмѣсто прежнихъ 96). Чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ дѣятельности четырехъ университетскихъ клиникъ приведемъ цифры ихъ стаціонарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ за время съ 1884 по 1905 годъ (за 21 годъ).

		1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Терапевт. факультет. клиника.	Стац.	104	139	112	124	109	122	100	119	80	102	135	125	201	231	205	214	—	209	228	160	156
	Амб.	784	682	891	783	648	1049	948	1411	1200	954	902	1147	1296	1746	2112	2733	—	2828	1197	3377	2955
Хирургич. факультет. клиника.	Стац.	136	152	172	204	179	177	128	118	109	128	111	160	213	162	?	143	—	152	177	238	139
	Амб.	3936	3298	3479	3992	2765	2688	2692	2389	2084	2171	2296	2368	2007	2289	?	2443	—	2801	3037	2932	3293
Операцій сдѣл.		1640	1753	1849	2248	1618	1488	1488	1465	1373	1180	1031	1036	899	897	?	104	—	552	428	324	—
Акуш. и гинеколог. клин. Стаціонары.	Рожен.	92	83	95	159	188	119	151	197	167	233	337	316	291	348	400	454	—	470	463	406	405
	Жен.бол.	100	75	102	109	77	82	107	108	111	123	121	168	163	187	164	153	—	151	146	154	136
	Амбулат.	533	500	518	554	482	598	594	735	801	661	925	857	741	1147	1225	1924	—	1406	1445	1285	1388
Глазная клиника.	Стаціонар.	324	363	515	478	480	462	488	564	563	548	561	663	686	1057	1138	1186	1138	1112	1086	1291	—
	Амбулатор.	4124	4277	3876	4650	4665	4258	5329	5378	6086	5437	5829	7337	7395	7874	8183	8957	9042	10403	10193	11097	—
	Сдѣл. опер.	273	391	606	475	475	608	757	574	820	729	693	1030	1017	1387	1580	1575	—	1578	1478	1855	—
По инымъ свѣдѣніямъ									760	820	701	663	1030	1017	1310	1415	1492	1422	1478	1433	1840	—

Во главѣ терапевтической клиники съ 1888 по 1903 годъ стоялъ проф. И. Н. Оболенскій, а потомъ Ѳ. М. Опенховскій.

Но врачебно-клиническая дѣятельность профессоровъ медицинскаго факультета расширилась и въ другомъ направленіи и притомъ непосредственно въ отношеніи къ городскому населенію. Въ 1879 году въ городской Александровской больницѣ были устроены новыя госпитальныя клиники Харьковскаго университета—терапевтическая и хирургическая для студентовъ 5-го курса.

Во главѣ хирургической госпитальной клиники стояли профессора Зарубинъ, Подрезъ, Соколовъ терапевтической—Оболенскій, Кузнецовъ и Опенховскій.

Въ 1887 году были учреждены 3 клиническія отдѣленія при Харьковскомъ военномъ госпиталѣ: 1) терапевтическое для преподаванія діагностики и лѣченія внутреннихъ болѣзней съ отдѣленіемъ для инфекціонныхъ болѣзней; въ немъ имѣется 2 палаты для стаціонарныхъ больныхъ на 50 кроватей и кромѣ того, въ виду слишкомъ однообразнаго матеріала—6 кроватей для гражданскихъ больныхъ на средства, отпускаемыя университетомъ. Профессоромъ, завѣдующимъ этой клиникой, состоялъ все время Ломиковскій; 2) хирургическое, во главѣ котораго стояли проф. Субботинъ, Подрезъ, Орловъ, Соколовъ, Мартыновъ и Тринклеръ; 3) кожныхъ и венерическихъ болѣзней, во главѣ котораго стояли проф. Бруевъ и Зеленевъ. Такимъ образомъ, дѣятельность профессоровъ медицинскаго факультета распространилась и на военное населеніе г. Харькова. Одинъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета Ясинскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ земскаго родовспомогательнаго учрежденія. Многіе изъ профессоровъ имѣли свои частныя лѣчебницы—Субботинъ, Тринклеръ, Оршанскій, Подрезъ. Серьезнымъ средствомъ общенія между университетскими дѣятелями и посторонними лицами, интересующимися наукой, служили по прежнему научныя общества; особенно замѣтно было участіе постороннихъ въ педагогическомъ отдѣлѣ истор.-филолог. общества и юридическомъ обществѣ; внѣ университета, но при близкомъ участіи и даже руководительствѣ его членовъ дѣйствовало и широко развило свою чрезвычайно полезную дѣятельность Медицинское Общество, во главѣ котораго стояли преподаватели университета (Грубе, Кузнецовъ, Свѣтухинъ). Историко-филологическое общество спасло для мѣстной исторіи важные документы б. Слободской Украйны, хранившіеся при губернскомъ правленіи.

Въ близкомъ соприкосновеніи съ мѣстною жизнью находилась также каѳедра гигіены. Мы видѣли, что уже старый представитель этой каѳедры (когда она еще не была отдѣлена отъ судебной медицины)—Питра занимался изслѣдованіемъ г. Харькова въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи. Съ приглашеніемъ на эту кафедру проф. А. И. Якобія, преподаваніе сразу вступило и на практическую почву: былъ организованъ кабинетъ съ лабораторіей; студенты занимались изслѣдованіемъ воздуха и воды, мѣстныхъ рѣкъ, сырости стѣнъ, дешевыхъ кухонь, ночлежныхъ пріютовъ, боенъ, различныхъ предметовъ торговли;

занимались тамъ и научными изслѣдованіями, имѣвшими мѣстный практическій интересъ— докторъ Орловъ занимался изслѣдованіемъ пола малороссійской хаты, докторъ Чугинъ—торговыхъ банъ г. Харькова въ санитарномъ отношеніи, печенаго хлѣба харьковскаго рынка, самъ проф. Якобій вопросомъ по эпидеміологіи, дифтеріи. Дѣло проф. Якобія продолжалъ проф. Скворцовъ. Каждый студентъ долженъ былъ представить изслѣдованіе о самомъ себѣ съ антропологической и бытовой стороны и своей квартирѣ и пищѣ.

Многіе преподаватели университета читали публичныя лекціи въ пользу просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій г. Харькова. Еженедѣльно по вечерамъ въ университетѣ читались публичныя безплатныя лекціи по химіи и технологіи; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существовали такъ называемые ферейны, во главѣ которыхъ стояли проф. Шимковъ и Лагермаркъ. Нѣсколько лѣтъ функціонировали организованные историко-фил. обществомъ и М. А. Шимковой высшіе курсы для женщинъ по естественнымъ, историческимъ и юридическимъ наукамъ. Педагогическій отдѣлъ ист.-фил. общ. устраивалъ нѣсколько лѣтъ общедоступныя чтенія по разнымъ предметамъ съ туманными картинами. Выступали въ качествѣ лекторовъ (безплатно) преподаватели университета и на курсахъ для рабочихъ. Читались также очень часто публичныя лекціи отдѣльными профессорами съ благотворительною цѣлью: Даневскимъ, Овсянико-Куликовскимъ, Красновымъ, Шепелевичемъ, Багалѣемъ, Сумцовымъ, Оршанскимъ, Даниловскимъ, Бузескуломъ, Лебедевымъ, Деревицкимъ, Никольскимъ, Арнольди.

Университетъ устраивалъ также торжественныя собранія по поводу чествованія различныхъ выдающихся дѣятелей, что имѣло важное моральное значеніе для окружающаго общества: чествовалась память славянскаго первоучителя Меѳодія, Сергія Радонежскаго, В. Н. Каразина, геометра Лобачевскаго, харьковскаго философа Г. С. Сковороды, А. С. Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Потебни, Каченовскаго, Гаттенбергера, Кириличникова; устраивались юбилейныя чествованія профессоровъ, причемъ съ особою, небывалою торжественностью былъ отпразднованъ юбилей проф. Гиршмана (съ факельцугомъ). Въ 1897 году Харьковскій университетъ принималъ членовъ международнаго геологическаго конгресса, а въ 1902 году въ стѣнахъ университета происходилъ первый въ Харьковѣ ученый всероссійскій археологическій съѣздъ. Въ организаціи его принималъ живѣйшее участіе предварительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя, при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ и при участіи многихъ другихъ профессоровъ преимущественно историко-филологическаго факультета (38 преподавателей университета). Комитетъ съумѣлъ привлечь массу пожертвованій (отъ Харьк. губернскаго и др. сосѣднихъ земствъ), организовать раскопки, цѣлый рядъ экскурсій и устроить выдающуюся археологическую и этнографическую выставку, пользовавшуюся колоссальнымъ успѣхомъ у мѣстнаго харьковскаго общества: ее посѣтило съ 16 по 24 авг. 55236 чел. безплатно, 602 учащихся и 921 платныхъ посѣтителей. Вещественнымъ результатомъ съѣзда для г. Харькова было созданіе особаго отдѣленія древностей при музеѣ изящныхъ искусствъ и мѣстнаго этнографическаго музея. Многіе профессора и преподаватели университета принимали живое и видное участіе въ дѣятельности общественныхъ учрежденій г. Харькова. Городскимъ головою состоитъ б. преподаватель университета А. К. Погорѣлко; предсѣдательствующими въ Думѣ гласными были проф. И. К. Зарубинъ и Д. И. Багалѣй; проф. Н. Ѳ. Сумцовъ состоитъ гласнымъ Думы, предсѣдателемъ училищной комиссіи и попечителемъ Пушкинскаго сложнаго училища; А. П. Шимковъ былъ предсѣдателемъ электрической комиссіи, Г. И. Лагермаркъ и Д. И. Багалѣй членами отъ Думы присутствія по городскимъ и земскимъ дѣламъ; проф. А. Ѳ. Брандтъ—членомъ городской управы. Предсѣдателями общества грамотности были—проф. А. П. Шимковъ, П. Т. Степановъ, В. Я. Даниловскій, М. П. Чубинскій, предсѣдателемъ правленія общественной библіотеки—проф. Д. И. Багалѣй, энергичными членами и дѣятелями его—проф. А. П. Грузинцевъ, М. А. Масловъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, Н. А. Гредескулъ, А. П. Кадлубовскій. Во главѣ курсовъ для рабочихъ стоитъ проф. А. Н. Красновъ. Предсѣдателемъ общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ состоялъ проф. Е. К. Рѣдинъ. Все это свидѣтельствуетъ о живой связи университетскихъ дѣятелей съ общественными и культурными интересами г. Харькова и всего края.

Благодарное общество съ своей стороны приносило университету и его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ пожертвованія въ видѣ стипендій, премій, коллекцій и т. п. Особенно выдаются по своимъ размѣрамъ пожертвованія И. Г. Харитоненка и Луговскаго; первый выстроилъ на свой счетъ корпусъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета, а второй завѣщалъ свое состояніе (до 100 тыс.) обществу пособія нуждающимся студентамъ.

Глава 14-я.

Ветеринарный и Технологическій Институтъ.

Харьковскій Ветеринарный Институтъ [1]). Мысль о необходимости ветеринарнаго отдѣленія при Харьковскомъ университетѣ была сознана еще въ 1807 г. и профессоръ ветеринарныхъ наукъ въ университетѣ Пильгеръ тогда же выступилъ съ широкимъ проектомъ по этому вопросу. Сущность его предложенія сводилась къ тому, чтобы создать учрежденія двоякаго рода: въ однихъ нужно было знакомить слушателей съ жизнью здоровыхъ животныхъ, въ другихъ—лѣчить больныхъ и приготовлять препараты изъ мертвыхъ. Учрежденія перваго рода должны были сосредоточиться въ особомъ хуторѣ или, такъ сказать, сельскохозяйственной фермѣ: здѣсь предполагалось практическое веденіе сельскаго хозяйства, въ особенности же посѣвъ кормовыхъ травъ, раціональное скотоводство и коневодство. Для учрежденій второго рода нужно было, по его проекту, выстроить зоотомическій театръ, клиники и т. п. Факультетъ и совѣтъ одобрили этотъ планъ; но ректоръ Стойковичъ доложилъ совѣту выдержку изъ письма къ нему попечителя округа, гдѣ графъ С. О. Потоцкій предлагалъ повременить съ этимъ дѣломъ въ виду того, что подобную школу скотолѣченія предполагалось устроить *недалеко* отъ Харькова въ гор. Лубнахъ Полтавской губерніи. Такъ этотъ проектъ и не вышелъ изъ области pium desiderium. Слѣдуетъ прибавить, что проф. Пильгеръ обладалъ всѣми данными, необходимыми для осуществленія этого важнаго дѣла: первоначально занималъ каѳедру ветеринаріи въ Гиссенскомъ университетѣ, много путешествовалъ для изученія этого предмета, издалъ обширное практическое руководство по скотолѣченію и обладалъ кипучею энергіей, которая за отсутствіемъ должнаго примѣненія направилась сначала на безплодную борьбу съ товарищами, а потомъ и совсѣмъ изсякла. Пильгеръ тогда нравственно опустился и превратился въ мертваго члена своей коллегіи, а его огромныя способности и знанія не принесли той пользы пріютившему его Харьковскому университету, которой отъ него можно было ожидать по его талантамъ.

Съ той поры прошло 24 года. Ветеринарія, какъ особый предметъ, читалась въ университетѣ, но исключительно теоретическое преподаваніе ея приносило не много пользы. Самъ министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на этотъ существенный недостатокъ и черезъ попечителя запросилъ совѣтъ университета о томъ, какія мѣры необходимы для улучшенія преподаванія этого предмета. Въ отвѣтъ на это совѣтъ представилъ составленный проф. Экебладомъ и исправленный проф. Венедиктовымъ проектъ учрежденія при университетѣ высшаго ветеринарнаго училища.

Вотъ въ общихъ чертахъ его содержаніе. Для предположеннаго правительствомъ усовершенствованія ветеринарной части вообще, для образованія отличныхъ ветеринарныхъ врачей и учителей при сибирскихъ училищахъ, должно быть учреждено при Харьковскомъ университетѣ особое высшее ветеринарное училище, потому что никакихъ учрежденій по ветеринарной части при немъ не имѣется и теорія ветеринарнаго искусства преподается студентамъ медицины, какъ придаточная вспомогательная часть этой послѣдней. Въ этомъ высшемъ ветеринарномъ училищѣ должны преподаваться всѣ предметы, относящіеся къ ветеринарной наукѣ и искусству въ широкомъ смыслѣ этого слова. Хотя ветеринарныя училища, въ которыхъ преподается одна только гиппіатрика (медицина лошадей) и не лишены своего значенія, но учрежденія, воспитанники коихъ будутъ способны къ врачеванію не только лошадей, но и рогатаго скота, овецъ и свиней, имѣютъ надъ ними преимущества на томъ основаніи, что такія лица въ силу своей научной подготовки могутъ успѣшнѣе заниматься лѣченіемъ животныхъ, каждый разрядъ ко-

[1]) Очеркъ этотъ основанъ на документахъ харьковскаго университетскаго архива (Дѣла канцел. попечит. № 3206/181 и 1298/98) и на рукописной исторической запискѣ о 50-тилѣтней дѣятельности Института быв. директора его С. А. Раевскаго.

торыхъ имѣетъ свои особенности. Для того, чтобы высшее ветеринарное училище принесло существенную пользу государству и достигло своей цѣли, необходимо построить спеціально приспособленное для него зданіе. Наиболѣе удобнымъ пунктомъ для этого медицинскій факультетъ считалъ мѣстность, находящуюся позади Университетскаго сада и извѣстную подъ именемъ „Песковъ“. потому что она достаточно удалена отъ города и находится въ близости отъ рѣки и, слѣдовательно, особенно пригодна для ветеринарной клиники и зоотомическаго театра. Для новаго училища необходимы слѣдующія учебновспомогательныя учрежденія: заводы—конскій, овечій и для крупнаго рогатаго скота, клиника, зоотомическій театръ, манежъ, 2 кузницы, аптека, садъ и библіотека. Заводъ дастъ возможность наблюдать болѣзни у животныхъ и съ избыткомъ вознаградитъ произведенныя на него затраты. Клиника должна быть разсчитана на 70—100 животныхъ съ наружными и внутренними болѣзнями; особое отдѣленіе въ ней желательно было бы имѣть для больныхъ копытными болѣзнями лошадей. Въ манежѣ берейторы зимою и въ дурную погоду будутъ выѣзжать лошадей. Въ саду слѣдовало бы разводить растенія для приготовленія лѣкарствъ, а равно кормовыя и вредныя (ядовитыя) травы. Сверхъ того необходимо назначить нѣкоторую сумму для разъѣздовъ профессору или его адъюнкту со студентами въ мѣста, гдѣ обнаружится эпизоотія, съ тѣмъ, чтобы мѣстныя начальства оказывали имъ въ этомъ дѣлѣ возможное содѣйствіе. Затѣмъ необходимо приготовить достаточное число профессоровъ для училища. Лица, готовящіяся къ занятію профессорскихъ каѳедръ, должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: знать новѣйшіе иностранные языки, въ особенности нѣмецкій, на которомъ написано и на который переведено большинство сочиненій по ветеринаріи; русскій и латинскій языки также безусловно необходимы; нужно знать физико-математическія науки по связи ихъ съ медициной;—ветеринарію со всѣми ея отраслями; имѣть скотоврачебную практику; быть знакомымъ и съ медициной человѣка по ея важности для профессора ветеринаріи. Всѣ эти условія, за исключеніемъ одного—скотоврачебной практики—достигаются у насъ тѣмъ, что въ профессора ветеринаріи поступаютъ лица, окончившія медицинскіе факультеты. Скотоврачебная же практика поставлена неудовлетворительно, во-1-хъ, потому, что молодые ученые, отправляемые для усовершенствованія своего за-границу, имѣютъ болѣе возможности изучать свой предметъ теоретически, а не практически, во-2-хъ, потому, что, путешествуя только за границей, они не могутъ научиться, какъ нужно и должно врачевать больныхъ животныхъ въ Россіи. Такимъ образомъ, создаются болѣе ученые, чѣмъ искусные ветеринары, а между тѣмъ приходится приготовлять не только ученыхъ, но и практическихъ ветеринарныхъ врачей для Россіи. При этомъ нерѣдко такіе профессора ради житейскихъ выгодъ не отказываются еще и отъ медицинской практики у больныхъ людей и тѣмъ отвлекаются отъ своего прямого дѣла. Для устраненія всего этого необходимо оканчивающихъ университетъ посылать для полученія ветеринарной подготовки въ медико-хирургическія академіи, гдѣ больше по этой части учебно-вспомогательныхъ учрежденій, а затѣмъ, отправляя заграницу, вносить въ инструкцію имъ обязательство заниматься практикою по извѣстнымъ болѣзнямъ непосредственно подъ руководствомъ иностранныхъ профессоровъ; когда же они возвратятся въ Россію, то должны будутъ поработать еще нѣсколько мѣсяцевъ на одномъ изъ заводовъ. Здѣсь они увидятъ обращеніе съ больными и здоровыми животными и—что важнѣе всего—узнаютъ употребленіе простонародныхъ лѣкарственныхъ средствъ (хлѣбнаго кваса, хлѣбной гущи, винной барды, кислой капусты, мыла, свѣчного, гусинаго, свиного сала, дегтя, табаку, скипидара, туземныхъ травъ и т. п.). Такую подготовку подъ руководствомъ командированнаго съ ними профессора должны пройти четыре кандидата медицины, а затѣмъ слѣдуетъ приготовить еще изъ второразрядныхъ питомцевъ медико-хирургической академіи ученаго кузнеца и прозектора зоотоміи. Въ школѣ должно быть четыре ординарныхъ профессора; первый будетъ читать зоотомію, зоофизіологію и обучать воспитанниковъ распознаванію лѣтъ, достоинствъ и недостатковъ лошади; второй—ученіе о заводахъ, зоофармакологію, зоохирургію, и лѣченіе наружныхъ болѣзней; третій—зоопатологію, зоотерапію, и лѣченіе внутреннихъ болѣзней; четвертый—зоогигіену, о надежахъ, судную ветеринарную медицину и медицинскую ветеринарную полицію. У каждаго изъ этихъ четырехъ профессоровъ долженъ быть помощникъ—адъюнктъ или лекторъ, который будетъ замѣнять профессора въ его отсутствіе и читать спеціальные дополнительные курсы (анатомію копыта, описаніе и видоизмѣненіе породъ и т. п.). Кромѣ того будутъ еще преподаватели ботаники, физики, химіи, зоологіи, минералогіи и россійскаго законодательства (о животныхъ); а ученый аптекарь будетъ читать фармацію; наконецъ, нужны прозекторъ съ двумя помощниками, два ординатора, учителя

латинскаго языка и рисованія, два кузнеца (высшей и низшей кузницы), искусный берейторъ (берейторами у насъ обыкновенно были иностранцы, не имѣвшіе настоящихъ знаній въ своемъ дѣлѣ), опытный конюхъ (Stallmeister) и при заводѣ штутмейстеръ, скотоводъ и овцеводъ.

Новое ветеринарное училище будетъ выпускать: 1) врачей, 2) унгулистовъ, 3) берейторовъ и 4) штутмейстеровъ. Врачи въ свою очередь дѣлятся на 2 категоріи—перворазрядныхъ и второразрядныхъ; первые должны кромѣ ветеринарныхъ предметовъ слушать еще физику, химію, низшую математику и ботанику; вторые только ветеринарію и кромѣ того русскую грамматику, Законъ Божій и ариѳметику; первые будутъ представлять изъ себя ученыхъ врачей, знающихъ не только искусство, но и науку ветеринаріи, вторые же—будутъ, такъ сказать, врачами практиками-ремесленниками. Для поступленія въ училище отъ будущихъ врачей 1-го разряда нужно требовать такой же подготовки, какъ и отъ лицъ, поступающихъ на медицинскій факультетъ, а въ особенности знанія русскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ; для поступленія во 2-й разрядъ нужно требовать знаніе Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики; латинскій же языкъ они могутъ усвоить во время прохожденія курса. При зачисленіи въ казеннокоштные воспитанники, необходимо обращать вниманіе на возрастъ ихъ и здоровье. Принимать можно людей всѣхъ состояній, не исключая и помѣщичьихъ крестьянъ, уволенныхъ изъ крѣпостной зависимости своими господами или на всегда, или на время ученія. На казенный счетъ нельзя принимать только на отдѣленіе штутмейстеровъ (вслѣдствіе малочисленности казенныхъ заводовъ). Общее число казеннокоштныхъ воспитанниковъ по всѣмъ отдѣленіямъ не должно превышать 250 чел. Врачей 1-го разряда можно было бы опредѣлять на должности учителей ветеринарныхъ училищъ, предполагаемыхъ при сибирскихъ гимназіяхъ, полковыхъ ветеринарныхъ врачей, губернскихъ ветеринарныхъ врачей по одному въ каждую губернію; врачей 2-го разряда—въ эскадронные ветеринарные врачи и въ уѣздные ветеринарные врачи, берейторовъ и унгулистовъ—въ эскадроны.

Для 1-го разряда врачей предметы преподаванія предполагались слѣдующіе: минералогія, зоологія и въ особенности естественная исторія домашнихъ животныхъ, ботаника, приспособленная къ ветеринарному искусству, химія, физика (въ примѣненіи къ медицинѣ), зоологія главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, зоогигіена и біотика, зоофизіологія, зоопатологія, ученіе о внѣшности (экстерьеръ), ученіе о заводахъ для главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ и родовспомогательное искусство, зоофармакологія и фармація, примѣненная къ ветеринарной медицинѣ, общая и частная зоотерапія, зоохирургія и наиподробнѣйшее изложеніе копытныхъ болѣзней, ученіе о повальныхъ болѣзняхъ главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, судная ветеринарная медицина, ветеринарная медицинская полиція. Будущіе врачи 2-го разряда обязаны были прослушать только часть этихъ предметовъ. Но практическія занятія у нихъ должны были быть тѣ же, что и въ 1-мъ разрядѣ, и состоять въ посѣщеніи терапевтической и хирургической клиникъ и высшей кузницы, въ верховой ѣздѣ и искусствѣ обращаться съ животными, въ практическомъ изученіи травъ и приготовленіи лѣкарствъ. Курсъ для врачей предполагался четырехлѣтній, а для остальныхъ разрядовъ трехлѣтній съ гораздо болѣе краткою программою. Наконецъ, проектъ предлагалъ дать и преподавателямъ будущаго училища, и оканчивающимъ въ немъ курсъ воспитанникамъ побольше матеріальныхъ выгодъ и гражданскихъ правъ, дабы привлечь въ него возможно большее количество тѣхъ и другихъ и изгладить предубѣжденіе, существующее въ обществѣ противъ этой профессіи.

Проектъ этотъ былъ представленъ совѣтомъ университета попечителю округа В. И. Филатьеву, который предполагалъ дать о немъ слѣдующее заключеніе: „я полагаю, что прежде нежели откроется вновь ветеринарное училище при университетѣ, надлежало бы привести въ лучшее устройство медицинскій факультетъ, а именно—наполнить его преподавателями, улучшить анатомическій театръ, увеличить клинику и умножить разныя учебныя пособія по части медицины и хирургіи, открыть при университетѣ аптеку и увеличить по этому отдѣлу библіотеку". Но не довольствуясь этимъ отрицательнымъ отзывомъ о проектѣ, попечитель вовсе не представилъ его министерству, во-1-хъ, потому, что уѣхалъ въ это время въ западныя губерніи и, во-2-хъ, потому, что, вернувшись оттуда и поговоривъ по этому вопросу частнымъ образомъ съ министромъ, не встрѣтилъ сочувствія со стороны этого послѣдняго. Проектъ совѣта харьковскаго университета объ открытіи въ Харьковѣ ветеринарнаго института, такимъ образомъ, былъ сданъ въ архивъ. Заслуживалъ ли онъ такой участи, объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ. Во всякомъ же случаѣ открытіе училища можно было и не связывать съ улучшеніемъ учебновспомогатель-

ныхъ учрежденій медицинскаго факультета, такъ какъ оно должно было получить самостоятельное значеніе и явиться въ сущности новымъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ.

Потребность въ ветеринарной школѣ, очевидно, все-таки назрѣла и въ 1839 году эта послѣдняя была открыта. Въ маѣ мѣсяцѣ 1838 г. чиновникъ особыхъ порученій министерства народнаго просвѣщенія Де-Роберти обратился къ профессору ветеринаріи въ харьковскомъ университетѣ Вишневскому съ предложеніемъ доставить ему проектъ устава и штатовъ такой школы. Уставъ и штатъ новаго учебнаго заведенія въ общихъ чертахъ были таковы. Цѣлью учрежденія практической ветеринарной школы при университетѣ было приготовленіе научно-образованныхъ коноваловъ. Директоромъ его долженъ былъ состоять профессоръ ветеринаріи при университетѣ; на его отвѣтственности было все заведеніе. Преподаваться здѣсь должны были слѣдующія науки: 1) методологія и энциклопедія, 2) анатомія домашнихъ животныхъ (зоотомія) и разсѣченіе труповъ, 3) зоофизіологія и патологическая зоотомія, 5) ветеринарное вещество-словіе (т. е. фармація, фармакологія и рецептура), 6) зоотерапія общая и частная со включеніемъ особаго курса объ эпизоотическихъ болѣзняхъ, 7) зоохирургія, теоретическая и оперативная со включеніемъ наставленія о ковкѣ лошадей, 8) курсъ скотоводства и ученія о заводахъ со включеніемъ родовспомогательной науки, 9) гигіена и діэтетика домашнихъ животныхъ, 10) ученіе о наружныхъ качествахъ лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ, 11) судебная ветеринарная медицина, 12) практическое лѣченіе домашнихъ животныхъ. Курсъ ученія предполагался трехлѣтній. Преподавателемъ въ школѣ долженъ былъ быть профессоръ ветеринарныхъ наукъ харьковскаго университета. Но, преподавая студентамъ-медикамъ ветеринарную медицину, онъ не могъ бы одинъ прочитать всѣхъ курсовъ и потому въ помощь ему предполагалось назначить прозектора и ординатора, которымъ онъ долженъ былъ поручить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ. Прозекторъ имѣлся въ виду и по штату университета 1835 г., а ординаторъ могъ бы получать содержаніе изъ клинической суммы. Воспитанники, поступавшіе въ школу, по проекту, дѣлились на двѣ группы: одни—1-го разряда—должны были имѣть такой же образовательный цензъ, какъ и лица, поступающія въ университетъ; другіе—2-го разряда—обязаны были представить доказательства того, что умѣли читать и писать по-русски и имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ предметахъ, преподаваемыхъ въ уѣздныхъ училищахъ. Воспитанники 1-го разряда, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, обязаны были вмѣстѣ со студентами медиками слушать физику, химію, зоологію и ботанику. Пріемъ слушателей долженъ былъ происходить разъ въ 3 года. Дѣлились они на своекоштныхъ, казеннокоштныхъ и стипендіатовъ, причемъ своекоштными могли быть слушатели обоихъ разрядовъ, а казеннокоштными—только перваго (а именно 5 человѣкъ изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ-медиковъ); стипендіаты могли получать пособіе, съ разрѣшенія правленія, изъ остатковъ штатной суммы отъ содержанія ветеринарнаго училища; ихъ могло быть по 5 человѣкъ 1-го и 2-го разряда и они обязаны были бы прослужить 2 или 3 года по назначенію начальства. Воспитанники 1-го разряда, по окончаніи курса, получали бы производство въ ветеринарные лѣкари, а 2-го разряда—въ помощники ветеринарныхъ врачей. Важнѣйшимъ учебновспомогательнымъ учрежденіемъ долженъ былъ быть зоотомическій театръ, въ которомъ прозекторъ со своими помощниками приготовлялъ бы сухіе зоотомическіе препараты для кабинетовъ и свѣжіе для лекцій; прозекторы будутъ показывать, подъ руководствомъ профессора, слушателямъ разсѣченіе труповъ животныхъ, околѣвшихъ въ ветеринарной клиникѣ. Ветеринарная клиника должна дать воспитанникамъ практическую подготовку для лѣченія домашнихъ животныхъ. Въ зданіи, назначенномъ для ветеринарной клиники, должно было помѣщаться 10 лошадей, 6 штукъ рогатаго скота, 6 штукъ овецъ и козъ и 4 собаки въ устроенныхъ для этого залахъ, стойлахъ и конурахъ. Профессоръ съ ординаторомъ обязанъ былъ ежедневно посѣщать клинику. Для каждаго больного животнаго назначался изъ воспитанниковъ кураторъ, ведущій журналъ и составляющій исторію болѣзни ввѣреннаго ему паціента. Кромѣ того профессоръ долженъ былъ осматривать и приводимыхъ къ нему больныхъ животныхъ и болѣе интересныхъ въ медицинскомъ отношеніи оставлять въ клиникѣ. Кормъ для больныхъ животныхъ должны доставлять ихъ хозяева (натурою или деньгами). Лѣкарства могли отпускаться изъ ветеринарной аптеки владѣльцамъ больныхъ животныхъ по аптекарской таксѣ, но иногда могли даваться и безплатно. За находящимися въ клиникѣ животными ближайшій надзоръ должны имѣть ординаторъ, дежурный воспитанникъ и конюхъ. Лѣкарства должны были приготовляться аптекарскимъ ученикомъ, подъ надзоромъ профессора и ординатора, а также для упражненія и самими воспитанниками.

Ветеринарная кузница имѣла своею цѣлью дать воспитанникамъ практическое наставленіе въ ковкѣ лошадей и рогатаго скота, какъ при здоровомъ, такъ и при болѣзненномъ состояніи копытъ. Послѣ теоретическаго изложенія вопроса, этому искусству долженъ обучать профессоръ при содѣйствіи помощника прозектора, исправляющаго обязанности ученаго кузнеца; простую же работу можетъ дѣлать работникъ. Всякій воспитанникъ, оканчивающій курсъ, обязанъ сдѣлать пару подковъ и подковать ими лошадь. Кромѣ того въ этой кузницѣ въ случаѣ надобности должны расковываться поступающія въ клинику лошади, а для больныхъ копытъ дѣлаются особыя подковы и снаряды. По Высочайше утвержденному въ 1885 году штату на ветеринарное училище полагалось 9,600 рублей въ годъ, въ томъ числѣ 8,000 руб. на содержаніе училища и 1,600 руб. на зоотомическій театръ и инструменты. Теперь эту сумму предполагалось распредѣлить такъ: на зоотомическій театръ 1,230 руб., на аптеку—2,500 руб., на клинику 900 руб., на прибавку жалованья разнымъ лицамъ 1,400 руб., на пособіе 5 стипендіатамъ (по 200 руб.) 1,000 руб., на содержаніе кузницы 300 руб.; остальное на мелкіе расходы.

Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ однако нашелъ преждевременнымъ учрежденіе такой школы при харьковскомъ университетѣ, хотя она и была предусмотрѣна университетскимъ уставомъ 1835 года, въ виду того, что оканчивавшіе курсъ въ медико-хирургическихъ академіяхъ ветеринарные врачи и ветеринарные помощники не находили себѣ службы. Но совѣтъ харьковскаго университета, основываясь на разъясненіяхъ, сдѣланныхъ профессоромъ ветеринаріи Вишневскимъ, повторилъ свое ходатайство и представилъ въ пользу его слѣдующія соображенія: 1) въ здѣшнемъ краѣ, являющемся центромъ обширнаго скотоводства, давно уже чувствуется необходимость въ распространеніи точныхъ свѣдѣній по скотоврачебной наукѣ, дабы имѣть на мѣстѣ образованныхъ ветеринаровъ; но для нихъ обученіе въ ветеринарныхъ школахъ обѣихъ столицъ весьма затруднительно и даже недоступно, а въ Виленской школѣ невозможно, потому что этотъ предметъ читаётся тамъ на польскомъ языкѣ; 2) въ распоряженіи совѣта имѣется помѣщеніе для ветеринарной школы—каменный двухъ-этажный домъ, выстроенный на университетской землѣ за городомъ въ Университетскомъ саду, непригодный для самого университета и очень удобный для помѣщенія ветеринарнаго училища, а по сосѣдству съ нимъ въ городѣ питомцы училища могутъ найти себѣ квартиры. Попечитель согласился съ этими доводами и съ своей стороны поддерживалъ ходатайство университета, такъ какъ скотоводство, по его словамъ, составляло главнѣйшій источникъ народнаго богатства южно-русскаго края. При этомъ представленъ былъ и списокъ инструментовъ, пріобрѣтенныхъ для будущаго училища на 3,061 руб.

Тогда и С. С. Уваровъ согласился на открытіе школы, въ видѣ опыта на 3 года и притомъ только для однихъ своекоштныхъ воспитанниковъ и подъ условіемъ исправленія нѣкоторыхъ пунктовъ устава, а именно: а) министръ указалъ, что въ клинику слѣдуетъ принимать и заразныхъ больныхъ животныхъ, но держать ихъ изолированно отъ остальныхъ, b) ученому кузнецу нужно положить жалованья 1000 р., а директору вовсе не давать добавочныхъ по его должности въ университетѣ, c) особой аптеки не устраивать, а лѣкарства приготовлять въ университетской; d) отъ хозяевъ больного скота брать за его содержаніе деньги по справочнымъ цѣнамъ, а не натурою. Въ такомъ смыслѣ и былъ измѣненъ уставъ, составленный прежде проф. Вишневскимъ. По ходатайству попечителя округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принимать въ ветеринарное училище на основаніи правилъ пріема медико-хирургическихъ академій, и тѣмъ, которые выдержатъ такой экзаменъ, перечислиться изъ 2-го разряда въ 1-й. Открыто было училище въ 1839 году. А черезъ 3 года, въ 1841 году, совѣтъ университета ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи сдѣлать новый пріемъ, такъ какъ изъ 56 воспитанниковъ, поступившихъ въ него при открытіи, осталось 40, намѣревавшихся держать окончательный экзаменъ; при этомъ указывалось также на значительную пользу, приносимую новою школою краю, на цвѣтущее ея состояніе, благодаря ревностнымъ трудамъ проф. Вишневскаго.

Министръ потребовалъ дополнительныхъ данныхъ о ветеринарномъ училищѣ—и они были доставлены совѣтомъ. Оказалось, что изъ 56 воспитанниковъ училища въ самомъ началѣ уволилось 11, перешло на юридическій факультетъ 2, исключено было 3, всего убыло 16 человѣкъ, изъ оставшихся сорока человѣкъ 10 числилось по 1-му разряду и 30 по второму. Клиника открыта была только начиная съ 4-го семестра и въ ней перебывало 187 больныхъ животныхъ и 125 амбулаторныхъ. Инструменты пріобрѣтались на счетъ штатной суммы. Въ южной Россіи скотоводство составляло главнѣйшую статью сельскаго

хозяйства. Управленіе же конскими заводами и овчарнями поручались за неимѣніемъ ветеринаровъ коноваламъ и простымъ овчарямъ, такъ какъ ветеринарные врачи, получившіе образованіе на казенномъ иждивеніи въ медико-хирургическихъ академіяхъ, назначались правительствомъ въ кавалерійскіе полки. Оканчивавшіе же въ харьковскомъ училищѣ ветеринарные врачи и ихъ помощники, такимъ образомъ, могли занять мѣста на конскихъ заводахъ и овчарняхъ почти за такую же плату, какую получали коновалы и овчари, остаться въ здѣшнемъ краѣ и своими познаніями и практикой быть полезными не только скотоводамъ, но и содѣйствовать своими трудами къ прекращенію опустошительныхъ и частыхъ падежей, слѣдовательно, приносить пользу всему государству. Попечитель съ своей стороны указывалъ на то, что на оборудованіе училища были затрачены значительныя средства, и если бы рѣшено было его закрыть, то казнѣ пришлось бы понести убытки. Мы отъ себя еще можемъ прибавить одинъ мотивъ, упущенный совѣтомъ—именно то, что открытіе ветеринарнаго училища при харьковскомъ университетѣ было предусмотрѣно университетскимъ уставомъ и штатами 1835 года.

Изъ представленныхъ нами документальныхъ данныхъ видно, что харьковскій ветеринарный институтъ выросъ, какъ изъ ячейки, изъ ветеринарной школы, учрежденной при харьковскомъ университетѣ въ 1839 году и составлявшей одно изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета—именно каѳедры ветеринаріи. Эта каѳедра существовала уже по университетскому уставу 1804 года—и первый представитель ея, талантливый и выдающійся проф. Пильгеръ еще въ 1807 году выступилъ съ грандіознымъ проектомъ объ учрежденіи въ Харьковѣ особаго высшаго ветеринарнаго училища, которое, по его мысли, должно было заключать въ себѣ сельскохозяйственный и ветеринарный институтъ. И зная Пильгера, можно сказать, что онъ былъ бы въ состояніи осуществить этотъ проектъ: у него были для этого достаточныя знанія и самъ онъ былъ преисполненъ кипучей энергіи, но... проектъ его былъ признанъ преждевременнымъ, а его талантъ и энергія размѣнялись на мелкую монету. Прошло еще 32 года—и только тогда, послѣ многихъ колебаній и затрудненій, въ интересахъ развитія народнаго хозяйства, рѣшено было открыть въ скромныхъ размѣрахъ ветеринарное училище при харьковскомъ университетѣ. Но вѣдь этотъ же мотивъ имѣлъ мѣсто и въ началѣ XIX вѣка—вѣдь и тогда же скотоводство въ южной Россіи составляло основу сельскаго хозяйства, вѣдь и тогда же эпизоотіи уносили массу жертвъ! Но наше поступательное движеніе въ области образованія и умственной культуры въ истекшемъ XIX вѣкѣ не находилось въ должномъ соотвѣтствіи съ запросами передовыхъ дѣятелей своего времени и съ мѣстными потребностями—и приведенные нами случаи неосуществившихся культурныхъ проектовъ Пильгера и Экеблада лишній разъ подтверждаютъ эту мысль.

Спустя 30 лѣтъ со времени основанія Харьковскаго Университета, была осуществлена впервые часть проекта проф. Пильгера, а именно: 1) въ 1835 году при ветеринарной каѳедрѣ была учреждена Практическая ветеринарная школа, которая помѣщалась отдѣльно отъ прочихъ университетскихъ зданій по лѣвой сторонѣ Сумской улицы въ каменномъ двухэтажномъ домѣ съ каменнымъ же флигелемъ, причемъ верхній этажъ дома былъ занятъ классами и необходимыми научными кабинетами, а въ нижнемъ этажѣ помѣщались клиники; во флигелѣ же находился анатомическій театръ.—Домъ этотъ существуетъ и нынѣ, вмѣщая въ себѣ квартиру директора Института. На ветеринарную каѳедру и упомянутую практическую школу отпускалось по штату университета, утвержденному въ томъ же 1835 году, 4887 р. 19 к.

Пятнадцать лѣтъ существовала эта школа, когда въ апрѣлѣ 1850 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе привести въ дѣйствіе въ теченіе четырехлѣтняго срока уставъ и штатъ ветеринарнаго училища въ Харьковѣ, составленные Министромъ Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ Мин. Госуд. Имущ., разсмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ и Высочайше утвержденные 12 апрѣля 1850 года. При введеніи названныхъ устава и штата Высочайше повелѣно было принять слѣдующія основанія: 1) предоставить Министерству Народнаго Просвѣщенія опредѣлить время преобразованія существующей при Харьковскомъ университетѣ практической ветеринарной школы въ отдѣльное училище, сообразуясь съ имѣющимися въ виду способами и успѣхами приготовительныхъ для того мѣръ; 2) въ составъ 24690 руб. 45 коп. серебромъ, назначаемыхъ по штату на содержаніе ветеринарнаго училища въ Харьковѣ, отчислять ежегодно 20690 руб. 45 коп. изъ суммы, отпускаемой Министерству Народнаго Просвѣщенія изъ Государственнаго Казначейства на учрежденіе ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, а остальную сумму изъ 4887 руб., отпускаемыхъ Университету на каѳедру и школу; 3) на устройство помѣщенія для

Ветеринарнаго училища въ Харьковѣ, а также на первое обзаведеніе его употребить, сколько окажется дѣйствительно нужнымъ, изъ капитала, составившагося спеціально для этой цѣли, и 4) по истеченіи 4-лѣтняго срока со дня дѣйствительнаго преобразованія нынѣ существующей при Харьковскомъ университетѣ Ветеринарной школы въ отдѣльное училище, вмѣнить въ обязанность представить уставъ и штатъ его въ установленномъ порядкѣ на окончательное Его Императорскимъ Величествомъ утвержденіе съ надлежащими по указаніямъ опыта дополненіями и измѣненіями, если въ томъ окажется надобность. Въ силу этого Высочайшаго повелѣнія Министръ Народнаго Просвѣщенія предписалъ въ 1851 году открыть училище и при этомъ считать днемъ его открытія 1-е августа По уставу Харьковскаго ветеринарнаго училища, причисленнаго къ учебнымъ заведеніямъ перваго разряда, т. е. къ высшимъ, воспитанники его получали двоякое образованіе: учено-практическое и чисто практическое и сообразно съ этимъ причислялись къ первому или второму разряду. Оканчивавшіе курсъ по первому разряду получали степень ветеринарнаго врача, а оканчивавшіе по второму разряду получали званіе ветеринарныхъ помощниковъ. Воспитанникъ перваго разряда проходилъ курсъ въ 4 года, а воспитанники второго разряда въ 3 года. На первое отдѣленіе принимались молодые люди, прошедшіе по крайней мѣрѣ 6 классовъ гимназіи (гимназіи были 7—классныя), или сдавшіе при поступленіи экзаменъ, соотвѣтствующій 6 гимназическимъ классамъ; на второе принимались прошедшіе 4 класса, или сдавшіе при поступленіи соотвѣтственный экзаменъ.

Воспитанники перваго разряда должны были проходить всѣ положенныя по штату науки, которыя раздѣлялись на вспомогательныя и существенныя. Къ вспомогательнымъ относились: химія, физика съ физич. географіей, зоологія, ботаника, минералогія и сельское хозяйство, а кромѣ того—русская литература и одинъ изъ новыхъ языковъ (французскій или нѣмецкій). Существенныя науки раздѣлялись на пять категорій, а именно: 1) *необходимыя для изученія животнаго организма въ его здоровомъ и больномъ состояніи.* Сюда относились—анатомія здороваго и больного организма, физіологія здороваго и больного организма, сравнительная анатомія—наружный осмотръ животныхъ—Экстерьеръ. 2) *Науки, излагающія правила воспитанія домашнихъ животныхъ и пособія для сохраненія и возстановленія здоровья.* Сюда относились: скотоводство, гигіена животныхъ, фармація и фармакогнозія, фармакологія съ рецептурой и ученіе о хирургическихъ и акушерскихъ операціяхъ. 3) *Науки, показывающія приспособленіе ветеринарныхъ пособій къ практикѣ.* Сюда относились: общая и частная терапія, хирургія, клиники внутреннихъ и наружныхъ болѣзней и практическія упражненія въ подковываніи здоровыхъ и больныхъ копытъ. 4) *Науки, прилагающія ветеринарныя свѣдѣнія къ достиженію правительственныхъ цѣлей касательно народнаго благосостоянія.* Сюда относились: ученіе о повальныхъ болѣзняхъ (эпизоотологія), ветеринарная полиція и судебная ветеринарія. 5) *Науки, представляющія объемъ ветеринарныхъ знаній и способы ихъ изученія, а также исторію и литературу ихъ.* Сюда относились: Энциклопедія и методологія ветеринарныхъ наукъ, исторія и литература ихъ. Воспитанники второго разряда получали чисто практическую подготовку: они не проходили естественно-историческихъ наукъ, спеціальные же предметы преподавались имъ отдѣльно по сокращеннымъ программамъ.

Кромѣ воспитанниковъ, въ училище допускались кавалерійскіе офицеры, приготовляющіеся въ ремонтеры и въ управляющіе конскими заводами, для слушанія лекцій по экстерьеру, по ученію о конскихъ заводахъ и по гигіенѣ животныхъ. Допускались также унтеръ-офицеры и грамотные нижніе чины для практическаго изученія подковыванія.

Какъ учебныя пособія при училищѣ должны были находиться: 1) анатомическій театръ съ собраніемъ анатомическихъ препаратовъ, съ помѣщеніемъ для убоя животныхъ и для приготовленія скелетовъ, 2) собраніе хирургическихъ инструментовъ, образцовыхъ подковъ и упряжи, 3) клиники съ особымъ отдѣленіемъ для заразныхъ болѣзней, 4) кузница, 5) манежъ, 6) спеціальная библіотека съ гербаріемъ кормовыхъ и вредныхъ растеній, 7) аптека съ лабораторіею, 8) помѣщенія для вскрытія труповъ павшихъ животныхъ.

Для преподаванія вспомогательныхъ предметовъ должны были приглашаться преподаватели изъ университета, а для преподаванія существенныхъ предметовъ положено было по штату имѣть трехъ профессоровъ (изъ нихъ одинъ директоръ) двухъ адъюнктовъ, прозектора съ помощникомъ, ученаго аптекаря съ аптекарскимъ помощникомъ, ученаго кузнеца съ техникомъ и ассистента при клиникахъ. Кромѣ того, полагался учитель рисованія и берейторъ.

Такимъ образомъ Харьковское ветеринарное училище съ момента его учрежденія было обезпечено надлежащей возможностью предоставлять своимъ питомцамъ въ равной мѣрѣ, какъ научную, такъ и практическую подготовку. Введеніе въ курсъ училища, по примѣру медицинскихъ факультетовъ, естественно-историческихъ наукъ обезпечивало именно научное направленіе, потому что эти науки служатъ основаніемъ наукъ спеціальныхъ.

Надлежащаго помѣщенія для училища не было, а потому рѣшено было на первое время ограничиться помѣщеніями Ветеринарной школы, которыя вмѣстѣ съ усадебною землею были пріобрѣтены покупкою отъ университета. Въ названномъ помѣщеніи однако шло преподаваніе воспитанникамъ второго разряда, воспитанникамъ же перваго разряда было предоставлено преподавать временно въ университетскихъ аудиторіяхъ.

Огромныя неудобства, сопряженныя съ отсутствіемъ надлежаще приспособленнаго собственнаго помѣщенія для училища побудило Харьковскаго и Черниговскаго генералъ-губернатора Кокошкина, бывшаго въ то же время и попечителемъ учебнаго округа, предписать въ началѣ 1851 года составленіе смѣты и плана на постройку новаго помѣщенія. Смѣта была составлена на 70749 руб. и была утверждена, а затѣмъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ бытность его въ Харьковѣ 14 апрѣля того же 1851 года, было одобрено и мѣсто для постройки. Вслѣдъ затѣмъ генералъ-губернаторомъ Кокошкинымъ былъ составленъ временный комитетъ для постройки училища подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя князя Цертелева. Постройка обошлась около 79½ тысячъ и была окончена въ 1854, а въ февралѣ 1855 года училище перешло въ новое собственное помѣщеніе. Оно состояло изъ главнаго зданія въ 2½ этажа. Въ верхнемъ его этажѣ помѣщался залъ для торжественныхъ собраній, физическій кабинетъ, анатомическій музей и библіотека. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались 4 аудиторіи, аптека, канцелярія, рисовальный классъ и двѣ маленькія квартиры (для клиническаго ассистента и аптекарскаго помощника). Въ подвальномъ этажѣ находилась химическая лабораторія, аптечный подвалъ съ лабораторіей и комнаты для служителей. Съ сѣверной стороны къ главному корпусу примыкалъ полутораэтажный флигель, въ верхнемъ этажѣ котораго была дежурная комната, двѣ квартиры (для надзирателя и экзекутора), анатомическая аудиторія, 4 комнаты для анатомическихъ занятій и отдѣленіе для заразительныхъ болѣзней. Съ южной стороны примыкалъ такой же величины флигель, въ которомъ помѣщались клиника для большихъ и малыхъ животныхъ. Особый небольшой флигель вмѣщалъ въ себѣ кузницу съ квартирой для кузнеца—техника. Въ другомъ такомъ же флигелѣ находились конюшни, чуланы и ледники. Помѣщеніе бывшей школы было утилизировано подъ квартиру директора и ученаго аптекаря. Первымъ директоромъ училища былъ назначенъ Галицкій, который до того времени завѣдывалъ въ качествѣ адъюнкта практической ветеринарной школой при университетѣ. Спеціальное образованіе онъ получилъ въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, откуда вышелъ ветеринаромъ первой степени и поступилъ сперва прозекторомъ при ветеринарной школѣ Харьковскаго университета, а затѣмъ, былъ назначенъ адъюнктомъ и преподавалъ всѣ ветеринарные предметы. Къ открытію ветеринарнаго училища, кромѣ директора (онъ же и профессоръ) Галицкаго, пріобрѣвшаго во время службы при университетѣ степень магистра ветеринарныхъ наукъ, а также и степень лѣкаря, назначенъ былъ одинъ только проф. Витовичъ, получившій образованіе въ Виленскомъ и Вѣнскомъ университетахъ и имѣвшій также степени лѣкаря и ветеринара. Уже по открытіи училища въ концѣ октября 1851 года былъ назначенъ адъюнктомъ Полюта, получившій образованіе въ бывшей Виленской медицинской академіи, при которой было и ветеринарное отдѣленіе, а затѣмъ—въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ имѣлъ степени лѣкаря, ветеринара и провизора. Кромѣ трехъ названныхъ профессоровъ были назначены прозекторъ, помощникъ прозектора, ассистентъ клиники, аптекарь и учитель подковыванія.

Такимъ образомъ при открытіи училища оказался недостатокъ въ преподавателяхъ: вмѣсто пяти—трое, которые и составляли совѣтъ училища и должны были нести на себѣ преподаваніе всѣхъ спеціальныхъ предметовъ.

Мы не имѣемъ данныхъ судить о степени полноты и научности преподаванія въ училищѣ въ то время, но какъ бы ни были талантливы названные профессора, чрезмѣрный трудъ преподаванія, выпавшій на ихъ долю, не оставлялъ имъ времени на собственныя научныя занятія. При этомъ проф. Витовичъ уже въ 1853 г. скончался.

Послѣ смерти проф. Витовича былъ назначенъ профессоромъ Островскій, получившій образованіе въ бывшей Виленской медицинской академіи и имѣвшій степень старшаго ветеринара, но и онъ въ 1859 году скончался. Въ 1854 году былъ назначенъ адъюнктомъ Пороховъ, получившій образованіе въ Спб. медико-хирургической академіи. Онъ профессорствовалъ до 1861 года. Въ 1855 году назначенъ адъюнктомъ Юневичъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ, получившій образованіе въ Спб. медико-хирургической академіи. Профессорствовалъ онъ 9 лѣтъ и въ 1864 году скончался, а затѣмъ адъюнктомъ же былъ назначенъ Степановъ, получившій образованіе въ Харьковскомъ же училищѣ, гдѣ и пріобрѣлъ степень магистра. Онъ перешелъ затѣмъ преподавателемъ въ Петровскую Разумовскую академію. Въ 1861 году были назначены два адъюнкта—Мельниченко, магистръ ветеринарныхъ наукъ, получившій образованіе въ Харьковскомъ же ветеринарномъ училищѣ, и Павловичъ, магистръ ботаники, получившій образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ онъ впослѣдствіи получилъ также степень магистра сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ хронической недостатокъ профессоровъ, какая-то роковая недолговѣчность появлявшихся ставили училище въ тяжелое положеніе и, разумѣется, не могли содѣйствовать его правильному развитію. Только уже въ первой половинѣ 60-хъ годовъ мы встрѣчаемъ полный комплектъ преподавателей, а именно въ 1860 году: дир. Галицкій, профессоръ Полюта и Пороховъ и адъюнкты Юневичъ и Степановъ.

Съ 1861 г. по 1865 г. преподавателями состояли: дир. Галицкій, профессоръ Полюта и Юневичъ и адъюнкты: Степановъ, Мельниченко и Павловичъ. Съ 1865 по 1868 г. дир. Галицкій, профессоръ Полюта и Мельниченко и адъюнктъ Павловичъ. Въ 1868 г. уходитъ Галицкій и остаются только Мельниченко, Полюта и адъюнктъ Павловичъ. Въ 1869 г. присоединяется ученый аптекарь Ганнотъ. Въ 1870—1872 г. дир. Мельниченко, проф. Полюта, адъюнкты Павловичъ и Поповъ и ученый аптекарь Ганнотъ. Въ 1873 г. дир. Мельниченко, проф. Полюта, доценты Павловичъ, Поповъ и Ганнотъ. Положеніе директора Галицкаго въ первое 10-лѣтіе и особенно въ первые годы были не изъ легкихъ; по счастью онъ обладалъ большимъ запасомъ знаній и огромной энергіей, благодаря чему успѣвалъ всюду, какъ опытный преподаватель и таковой же администраторъ. Несмотря на скромныя матеріальныя средства, которыми располагало училище, онъ неутомимо подготовлялъ его къ правильному функціонированію накопленіемъ научныхъ пособій. Пріобрѣтенныя имъ коллекціи хранятся до сего времени и не утратили еще своего значенія. Онъ же обратилъ надлежащее вниманіе на спеціальную библіотеку, основаніемъ которой послужили немногія сочиненія, переданныя училищу университетомъ, спѣша наполнить её лучшими сочиненіями по спеціальнымъ ветеринарнымъ наукамъ, а также и по всѣмъ отраслямъ знаній, которыя имѣютъ отношеніе къ ветеринаріи. Въ теченіе 17 лѣтъ директоръ Галицкій не только поддерживалъ училище, но, благодаря своему такту, сумѣлъ пріобрѣсти ему популярность какъ въ Россіи, такъ и заграницей, куда онъ неоднократно былъ командированъ. Обремененный работой въ училищѣ, онъ находилъ время для занятій такими серьезными вопросами, какимъ представлялся, напр., въ то время вопросъ о зарожденіи чумы рогатаго скота, причемъ одинъ изъ первыхъ подошелъ къ вѣрному его рѣшенію, на основаніи своихъ долговременныхъ наблюденій, въ пользу отсутствія на югѣ Россіи, такъ называемой, родины чумной заразы. По истинѣ можно сказать, что только благодаря директору Галицкому Ветеринарное училище было спасено отъ полнаго крушенія въ первые же годы своего существованія. Въ 1868 г. директоръ Галицкій, выслуживъ 30 лѣтъ, вышелъ въ отставку. Онъ поселился на родинѣ въ Виленскомъ уѣздѣ, въ своемъ имѣніи, гдѣ занимался врачеваніемъ окрестнаго населенія. Скончался въ 1882 году 64 лѣтъ. Галицкому наслѣдовалъ Мельниченко и оставался директоромъ до 1884 года.

Первыми слушателями ветеринарнаго училища явились частью слушатели бывшей практической Ветеринарной школы при университетѣ, а частью поступившіе вновь лица.

Въ теченіе *перваго десятилѣтія*—съ 1851 по 1861—состояло всего воспитанниковъ 763, изъ нихъ I разряда 494 и II разряда 269.

Окончило курсъ ветеринарными врачами 96. Наименьшее число окончившихъ, всего 1, было въ 1854, а наибольшее число окончило (31) въ 1855. Ветеринарными помощниками окончило 47. Первый выпускъ былъ въ 1852 году, когда окончило 7 ветеринарными врачами и 5 ветеринарными помощниками. Въ

1859 году было два магистерскихъ диспута (Пороховъ и Степановъ). Въ теченіе послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ, т. е. до преобразованія училища въ Институтъ, состояло всего воспитанниковъ 1766, изъ нихъ I разряда 1363, II разряда 403. Окончило курсъ ветеринарными врачами 104. Наименьшее число окончившихъ, всего 1, было въ 1872 году, а наибольшее число—15—окончило въ 1870 году. Ветеринарныхъ помощниковъ окончило 53. Въ 1869 и 1870 г. было по одному магистерскому диспуту.

Слѣдовательно, за все 22-лѣтнее существованіе училища было выпущено ветеринарныхъ врачей 200, т. е. приблизительно по 10 въ годъ. Такъ какъ на содержаніе училища отпускалось ежегодно почти 25 тысячъ, то образованіе каждаго ветеринарнаго врача обходилось въ $2^1/_2$ тысячи. Магистерской степени за этотъ періодъ удостоены только четверо.

Въ 1873 году послѣдовало преобразованіе училища въ Институтъ. По положенію, Высочайше утвержденному 8 мая 1873 года, Институтъ названъ высшимъ учено-практическимъ заведеніемъ для образованія ученыхъ ветеринаровъ. При Институтѣ состоитъ особая школа для приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ (вмѣсто бывшихъ ветеринарныхъ помощниковъ). Состоя въ главномъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, Институтъ подчиняется непосредственно попечителю учебнаго округа; ближайшее же управленіе принадлежитъ директору, назначаемому изъ профессоровъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и Совѣту.

Для преподаванія спеціальныхъ предметовъ по штату положено имѣть трехъ ординарныхъ профессоровъ (изъ нихъ одинъ директоръ), одного экстра-ординарнаго, четырехъ доцентовъ и прозектора. Всѣ эти преподаватели составляли совѣтъ подъ предсѣдательствомъ директора. Избраніе профессоровъ, доцентовъ, прозектора, его помощника и ассистентовъ, предоставлено было, какъ и въ университетахъ, совѣту, отъ него же зависѣло также представленіе къ увольненію отъ службы выслужившихъ сроки. Избранные совѣтомъ профессора утверждались министромъ нар. просв., а доценты и другіе—попечителемъ учебнаго округа. Имъ же утверждаются всѣ прочіе служащіе, избираемые директоромъ.

Въ служебныхъ правахъ профессора, доценты и прозекторъ сравнены съ профессорами и доцентами университетовъ. Введены были приватъ-доценты на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ университетахъ.

На совѣтъ возложена вся научная и учебная часть, ему предоставлено заботиться о надлежащей, сообразно съ временемъ, постановкѣ преподаванія. Совѣту же предоставлено попеченіе о хозяйственной части Института, причемъ онъ отвѣтствуетъ за правильное расходованіе какъ штатныхъ суммъ, такъ и спеціальныхъ средствъ. Ему предоставлено избраніе почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ. Ему предоставлено разбирательство дѣлъ о нарушеніяхъ студентами порядка въ Институтѣ и о столкновеніяхъ между студентами, съ одной стороны, и преподавателями и должностными лицами института—съ другой. Такимъ образомъ совѣту Института были представлены такіе почти права, какъ и совѣтамъ университетовъ по уставу 1863 года.

Въ студенты принимались молодые люди, имѣющіе не менѣе 16 лѣтъ отъ роду, и прошедшіе не менѣе первыхъ шести классовъ гимназій, или окончившіе курсъ духовныхъ семинарій и реальныхъ училищъ. Послѣдніе подвергались испытанію только въ латинскомъ языкѣ, причемъ требуется знаніе грамматическихъ началъ этого языка. Такъ какъ ветеринарія была мало популярна, то нельзя было ожидать достаточнаго числа изъ окончившихъ курсъ гимназій, желающихъ посвятить себя изученію ветеринарныхъ наукъ. Вслѣдствіе этого и была сдѣлана уступка въ видѣ допущенія въ институтъ и не окончившихъ курсъ.

Для поступленія въ число фельдшерскихъ учениковъ требуется, при возрастѣ не менѣе 15 лѣтъ, умѣнье свободно читать и писать по-русски и знаніе первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Учебный курсъ для студентовъ состоитъ изъ 4-хъ лѣтъ, а для фельдшерскихъ учениковъ оканчивается въ три года. Совѣтъ института, по испытаніи оканчивающихъ курсъ студентовъ, удостоиваетъ ихъ степени ветеринара или магистра ветеринарныхъ наукъ, соотвѣтствующихъ ученымъ степенямъ кандидата и магистра университета. Курсъ ветеринарныхъ наукъ составляли слѣдующіе предметы: 1) анатомія, 2) физіологія, 3) гистологія, 4) ученіе о наружности домашнихъ животныхъ, 5) скотоводство съ гигіеной, 6) общая патологія, 7) патологическая анатомія, 8) фармакогнозія и фармація, 9) фармакологія съ рецептурой, 10) общая терапія, 11) частная патологія и терапія, 12) ученіе о повальныхъ болѣзняхъ животныхъ и о ветери-

нарной полиціи, 13) теоретическая хирургія, 14) родовспомогательная наука, 15) оперативная хирургія, 16) теорія ковки лошадей, 17) клиники терапевтическая и хирургическая, 18) судебная ветеринарія, 19) энциклопедія ветеринаріи, 20) упражненія въ аптекѣ. Къ вспомогательнымъ предметамъ учебнаго курса принадлежали: богословіе, сельское хозяйство, химія чистая и медицинская, физика и физическая географія, зоологія и сравнительная анатомія, ботаника и минералогія. Всѣ вспомогательные предметы, кромѣ сельскаго хозяйства, предоставлялось студентамъ слушать въ университетѣ совмѣстно со студентами медицинскаго факультета, въ примѣненіи означенныхъ естественныхъ наукъ къ медицинѣ и ветеринаріи. Ученики фельдшерской школы упражнялись практически въ клиникахъ, въ аптекѣ и въ кузницѣ. Имъ преподавались въ краткомъ объемѣ нѣкоторые изъ спеціальныхъ предметовъ по усмотрѣнію совѣта. Кромѣ того имъ читались священная исторія и катехизисъ, русскій и латинскій языки и ариѳметика.

Преподаваніе фельдшерскимъ ученикамъ спеціальныхъ предметовъ возлагалось на ассистентовъ клиники, на помощника прозектора и лаборанта фармаціи; для преподаванія же Закона Божія, русскаго и латинскаго языковъ и ариѳметики полагался законоучитель и учитель.

На содержаніе института было назначено 35700 руб., въ томъ числѣ на содержаніе личнаго состава 23500 руб., на стипендіи студентамъ 3000 руб., на учебныя пособія 4200 р. и на хозяйственные расходы и пр. 5000 руб. Кромѣ того плата за слушаніе лекцій и остатки отъ платы за содержаніе и лѣченіе животныхъ въ клиникахъ обращались въ спеціальные средства института и употреблялись на развитіе его ученой дѣятельности. Учебно-вспомогательныя учрежденія хотя и оставались тѣ же, о которыхъ упоминалось въ уставѣ о ветеринарномъ училищѣ, но было предоставлено Совѣту увеличивать число ихъ по мѣрѣ надобности съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія. Реформа застала институтъ при половинномъ составѣ профессоровъ, а именно: директора Мельниченко, проф. Полюты и доцентовъ Павловича, Попова и Ганнота. Изъ нихъ доцентъ Павловичъ могъ преподавать только вспомогательный предметъ—сельское хозяйство, а Ганнотъ—только фармацію и фармакологію. Слѣдовательно, для преподаванія всѣхъ существенныхъ предметовъ было только три преподавателя.

Изъ этого тяжелаго положенія былъ весьма удобный выходъ. Располагая значительными остатками отъ штатныхъ суммъ вслѣдствіе неполнаго комплекта преподавателей имѣли возможность обратиться за содѣйствіемъ къ университету и пригласить его профессоровъ или доцентовъ для преподаванія доброй половины существенныхъ предметовъ, общихъ для медицины и ветеринаріи, какъ-то: физіологіи, фармакологіи, общей патологіи, патологической анатоміи, которые и составляютъ фундаментъ медицинскаго и ветеринарнаго образованія. Этого однако не было сдѣлано; наоборотъ, было стремленіе изолироваться отъ университета и обходиться какъ-нибудь собственными силами. Результатомъ этого, а также результатомъ отсутствія стремленія къ подготовкѣ надлежащимъ путемъ собственныхъ профессоровъ, была пріостановка въ дальнѣйшемъ развитіи института. Въ теченіе 6 лѣтъ, до 1879 года появляются, но и скоро исчезаютъ, доцентъ, а потомъ и. д. экстраординарнаго профессора Журавскій и и. д. экстраординарнаго проф. Сергѣевъ. Въ 1879 году преподавательскій персоналъ состоялъ изъ дир. Мельниченко, проф. Полюты, доцентовъ: Ганнота, Павловича и Остапенко.

Съ этого года институтъ вступаетъ въ новую жизнь: въ составъ его совѣта входятъ профессора университета. По всеподданнѣйшему докладу Министра Нар. Пр. Государь Императоръ въ 23 день января 1879 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) ввести съ 1 февраля преподаваніе по всѣмъ предметамъ въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ отдѣльно отъ студентовъ университета и 2) дозволить профессорамъ и преподавателямъ харьковскаго университета, которые изъявили уже, или изъявятъ согласіе читать лекціи въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ по вспомогательнымъ предметамъ, считаться полноправными членами совѣта, въ видахъ усиленія личнаго состава сего совѣта и обезпеченія интересовъ преподаванія сихъ предметовъ.

На преподаваніе вспомогательныхъ предметовъ профессорами университета было ассигновано 9230 руб., въ томъ числѣ на вознагражденіе профессоровъ, по разсчету по 300 руб. за годовой часъ, 6300, двумъ лаборантамъ при лабораторіяхъ химіи чистой и физіологической 1400, двумъ консерваторамъ физическаго и зоологическаго кабинетовъ 600 и на содержаніе, пополненіе кабинетовъ и лабораторій 1900 и на наемъ трехъ нижнихъ служителей 330 руб.

Въ составѣ совѣта института, состоявшаго изъ шести членовъ: директора Мельниченко, проф. Полюты, доцентовъ Ганнота, Павловича, Остапенко и прозектора Новопольскаго, вошли восемь профессоровъ университета, а именно: проф. Богословія *Добротворскій*, проф. физики *Шимковъ*, проф. неорган. химіи *Бекетовъ*, проф. органич. химіи *Лагермаркъ*, проф. зоологіи *Степановъ*, проф. минералогіи *Брю*, проф. физіологич. химіи и медиц. физики *Тихоновичъ* и приватъ-доцентъ ботаники *Рейнардъ*.

Внеся съ собой въ институтъ университетскія традиціи, профессора университета стали принимать самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ его, стремясь постепенно поднять Институтъ на должную высоту. Первымъ благотворнымъ дѣйствіемъ новаго совѣта было устраненіе устарѣвшихъ традицій, въ силу которыхъ преподавателями института являлись лица, неподготовленныя къ воспринятію профессорскаго званія. Считалось, что каждый магистръ ветеринарныхъ наукъ можетъ быть профессоромъ и при томъ любаго предмета. Такое, совершенно несоотвѣтствовавшее времени, воззрѣніе было устранено и отъ кандидатовъ на профессоры въ Ветеринарномъ институтѣ стали требовать прохожденія такого же подготовительнаго пути, какой принятъ въ университетахъ, т. е. стали требовать доказательствъ подлежащей научной подготовки по избранной спеціальности, доказательствъ способности къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ и къ научному преподаванію.

Съ 1884 года Мельниченко оставилъ должность директора и въ слѣдующемъ 1885 году вышелъ въ отставку за выслугою 25-лѣтія. Директоромъ назначается бывшій проф. военно-мед. акад. С. А. Раевскій. Между тѣмъ институтъ быстро обновляется. Совѣтъ находитъ средства въ самомъ институтѣ въ видѣ экономическихъ суммъ для устройства новыхъ помѣщеній для новыхъ научно-вспомогательныхъ учрежденій и улучшенія бывшихъ. Строится новое помѣщеніе для химической лабораторіи, здѣсь же помѣщеніе для физическаго кабинета и аудиторія для этихъ двухъ предметовъ. Перестраивается совершенно помѣщеніе анатомическаго театра, приспособляется достаточное помѣщеніе для физіологической лабораторіи, совершенно перестраиваются внутри клиники; строится новое помѣщеніе для клиники малыхъ животныхъ; устраиваются кабинеты для терапевтической и хирургической клиникъ; строится помѣщеніе для заразныхъ больныхъ животныхъ и для экспериментальныхъ изслѣдованій; строится новое помѣщеніе для патологической анатоміи; строится новое обширное помѣщеніе для бактеріологической лабораторіи на счетъ средствъ, отпущенныхъ на это М. З. и Г. И.; строятся новыя аудиторіи для анатоміи съ физіологіей и для химіи, физики, зоологіи, ботаники. Въ концѣ концовъ институтъ, не получая никакихъ ассигнованій, а обходясь исключительно собственными средствами, за исключеніемъ суммы, отпущенной М. З. и Г. И. на постройку бактеріологической станціи, производитъ новыхъ построекъ и перестроекъ почти на 70 тысячъ. Всѣ эти постройки и перестройки сдѣланы исключительно съ цѣлью расширенія и надлежащаго приспособленія научно-вспомогательныхъ учрежденій.

Съ той же поры въ институтѣ начинаетъ развиваться серьезная научная работа и съ 1888 г. институтъ издастъ „Сборники спеціальныхъ работъ“, произведенныхъ въ его лабораторіяхъ. Такихъ сборниковъ вышло пять томовъ. Эта научная дѣятельность поставила Харьковскій институтъ на первое мѣсто среди прочихъ ветеринарныхъ институтовъ и сдѣлала его популярнымъ среди западно-европейскихъ институтовъ.

Популярность института въ Россіи быстро упрочилась, благодаря его дѣятельности по осуществленіи на практикѣ открытыхъ знаменитымъ Пастеромъ предохранительныхъ прививокъ противъ повальныхъ болѣзней у животныхъ.

Еще въ 1882 году Императорское Вольно-Экономическое Общество командировало въ Парижъ на полгода профессора Харьковскаго университета Ценковскаго и профессора Петербургскаго Военно-медицинской академіи Раевскаго для изученія опубликованныхъ Пастеромъ способовъ предохранительныхъ прививокъ противъ сибирской язвы.

Послѣ этой командировки проф. Ценковскій, субсидируемый Министерствомъ Госуд. Имуществъ, приготовилъ по способу Пастера серію, такъ наз., сибиреязвенныхъ вакцинъ, съ которыми и произвелъ предварительные опыты въ Херсонской губ. въ имѣніи г. Скадовскаго. Послѣ смерти проф. Ценковскаго продолженіе начатаго имъ дѣла было передано Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ проф. Раевскому. На средства названнаго Министерства въ размѣрѣ 5 тысячъ въ годъ была устроена при Институтѣ спеціальная лабораторія съ надлежащимъ персоналомъ, дѣятельность которой по осуществленію на практикѣ названныхъ прививокъ, устраняющихъ совершенно сибирскую язву, была

вполнѣ удачна, и обратила на себя вниманіе земскихъ учрежденій. Спустя всего нѣсколько лѣтъ отъ начала функціонированія названной лабораторіи, земства различныхъ губерній, убѣдившись въ огромной пользѣ, приносимой предохранительными прививками, начали ассигновывать суммы на устройство собственныхъ бактеріологическихъ лабораторій въ видѣ филіальныхъ отдѣленій лабораторіи Харьковскаго Ветеринарнаго института и на болѣе совершенное устройство земской ветеринарной части. Развитіе земской ветеринаріи съ этой поры пошло гигантскими шагами, повсюду внушая убѣжденіе въ важной роли ветеринаріи въ экономической жизни населенія.

Такимъ образомъ изъ харьковскаго Ветеринарнаго института исходилъ одинъ изъ импульсовъ къ быстрому улучшенію ветеринарной части въ Имперіи и къ радикальному измѣненію отношенія общества къ ветеринарнымъ наукамъ и къ ветеринарнымъ врачамъ. Довѣріе правительственныхъ и земскихъ учрежденій къ Харьковскому институту выражается ежегоднымъ прикомандированіемъ къ нему около 30 правительственныхъ и земскихъ ветеринарныхъ врачей съ спеціальною цѣлью изученія бактеріологіи въ примѣненіи ея въ ветеринарно-санитарной практикѣ.

Всѣхъ профессоровъ и преподавателей въ институтѣ 20, изъ нихъ 10 институтскихъ. Членовъ Совѣта 13, изъ нихъ 5 профессоровъ университета.

Чтобы поставить преподаваніе въ Институтѣ сообразно требованіямъ времени, Совѣтъ долженъ былъ изыскивать средства не только на устройство лабораторныхъ помѣщеній, но также и на снабженіе ихъ научнымъ инвентаремъ. Рядомъ съ этимъ требовались средства на увеличеніе вознагражденія преподавателей. Съ этою цѣлью увеличена постепенно плата за слушаніе лекцій до 50 руб. въ годъ, каковая плата существуетъ почти во всѣхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчасти пришло на помощь Мин. Нар. Пр., ассигновавшее въ 1885 году къ штатнымъ суммамъ 5500 руб. сверхъ штата. Это дало возможность превратить всѣ четыре штатныя доцентуры въ сверхштатныя экстраординатуры и кромѣ того увеличить расходъ на пріобрѣтеніе научныхъ пособій. Кромѣ того почти всѣ профессора получаютъ добавочное вознагражденіе за преподаваніе лишнихъ предметовъ изъ спеціальныхъ средствъ, изъ которыхъ выдаются также добавочныя вознагражденія нѣкоторымъ ассистентамъ, а три ассистента получаютъ полное вознагражденіе изъ названныхъ средствъ. Изъ этихъ же средствъ вознаграждаются профессора, преподающіе фармакологію, фармацію и фармакогнозію и сельское хозяйство.

Чтобы дать возможность студентамъ вести правильныя практическія занятія, Совѣтъ въ 1885 году вынужденъ былъ уменьшить число студентовъ. Съ этою цѣлью въ названномъ году вслѣдствіе значительнаго числа студентовъ, оставшихся на первомъ курсѣ на второй годъ, былъ съ разрѣшенія Мин. Нар. Пр. пріостановленъ пріемъ, а затѣмъ установленъ комплектъ въ 200 человѣкъ во всемъ институтѣ. Но по мѣрѣ расширенія помѣщеній число это было постепенно увеличено до 350. Дальше этого нельзя было увеличивать вслѣдствіе тѣсноты аудиторій, а между тѣмъ увеличить число студентовъ было необходимо, потому что съ каждымъ годомъ возрастаетъ требованіе на ветеринарныхъ врачей какъ со стороны правительства, такъ и со стороны земства. Съ устройствомъ четырехъ большихъ аудиторій получилась возможность увеличить комплектъ студентовъ до 450, но съ тѣмъ, чтобы на I курсѣ было не болѣе 200.

Для поддержанія недостаточно обезпеченныхъ студентовъ существуетъ 12 стипендій М. В. Д. по 240 руб. въ годъ и 2 стипендіи В. М. по 300 руб. въ годъ. Кромѣ того существуютъ стипендіи области Войска Донского по 420 руб. въ годъ. Затѣмъ стипендіи назначаются Гатчинскимъ сиротскимъ институтомъ окончившимъ въ немъ курсъ. Такихъ стипендіатовъ было, напр., въ 1900 году семеро, а размѣръ стипендій равнялся отъ 60 до 325 руб. въ годъ. Назначаются стипендіи различными земствами въ размѣрѣ отъ 100 до 240 руб. въ годъ. Въ 1900 году такихъ стипендій было одиннадцать.

Кромѣ того институтъ освобождаетъ отъ платы за слушаніе лекцій 15% общаго числа студентовъ и ассигнуетъ на пособія наиболѣе нуждающимся изъ спеціальныхъ средствъ и изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ до 800 руб. въ годъ, а также выдаются пособія изъ сбора съ вечеровъ, устраиваемыхъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Въ 1900 году, напр., такого сбора поступило около 1700 руб. Въ томъ же году поступило отъ различныхъ учрежденій и лицъ на пособія студентамъ 1430 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Спеціальная библіотека, съ бюджетомъ въ 1300 руб. въ годъ, помѣщается въ трехъ залахъ, изъ которыхъ двѣ служатъ книгохранилищемъ, а третья читальней.

2) Анатомическій театръ съ годовымъ бюджетомъ въ 600 р., располагающій аудиторіей на 200 человѣкъ, большимъ заломъ для практическихъ занятій студентовъ, комнатой для прозектора, кабинетомъ для профессора и помѣщеніемъ для сборки скелетовъ Анатомическому театру принадлежитъ также анатомическій музей, помѣщенный отдѣльно въ обширной залѣ.

3) Физіологическая лабораторія съ бюджетомъ въ 600 р.. состоящая изъ пяти комнатъ, изъ которыхъ двѣ служатъ кабинетомъ для профессора, двѣ для занятій студентовъ и одна для животныхъ, требующихъ постояннаго наблюденія.

4) Патолого-анатомическій кабинетъ съ бюджетомъ въ 500 руб., помѣщающійся въ особомъ зданіи, въ которомъ двѣ залы для занятій студентовъ и вмѣстѣ для патолого-анатомическихъ коллекцій и одна служитъ кабинетомъ профессора. Кромѣ того обширный залъ съ освѣщеніемъ боковымъ и верхнимъ, съ амфитеатромъ на 70 мѣстъ служитъ для чтенія лекцій и для патолого анатомическихъ вскрытій.

5) Зоотехническій кабинетъ съ бюджетомъ въ 200 р. состоитъ изъ 4 комнатъ, изъ которыхъ двѣ въ подвальномъ этажѣ, соединенныя съ верхними внутренней лѣстницей.

6) Гигіеническая лабораторія съ бюджетомъ въ 500 р., состоящая изъ зала для практическихъ занятій студентовъ и двухъ комнатъ, служащихъ для спеціальныхъ работъ.

7) Кабинетъ оперативной хирургіи съ бюджетомъ въ 300 р.

8) Клиника для большихъ животныхъ на 40 мѣстъ. При нихъ два большихъ манежа для осмотра животныхъ и для производства операцій. На клиники отпускается 1000 р.

9) Клиника для малыхъ животныхъ помѣщается въ особомъ зданіи, въ которомъ находится комната для посѣтителей, два зала для больныхъ животныхъ, одна комната для накожныхъ болѣзней и комната съ ванной.

10) Кабинеты терапевтическій и хирургическій, состоящіе каждый изъ кабинета профессора и комнаты для занятій студентовъ.

11) Аптека съ бюджетомъ въ 600 р.

12) Химическая лабораторія съ бюджетомъ въ 700 р. имѣетъ 35 мѣстъ для студентовъ; при ней кабинетъ профессора, помѣщеніе для черныхъ работъ и для работъ съ сѣроводородомъ, а также помѣщеніе для храненія запасовъ. При химической лабораторіи аудиторія на 200 слушателей.

13) Физическій кабинетъ съ бюджетомъ въ 150 р.

14) Зоологическій кабинетъ съ бюджетомъ въ 200 р.

15) Ботаническій кабинетъ съ бюджетомъ въ 200 р.

16) Минералогическая коллекція.

17) Бактеріологическая лабораторія, получающая субсидію отъ Военнаго Вѣдомства въ 3000 р. и отъ М. З. и Г. И.—5000 р. При ней три ассистента. Она имѣетъ два большихъ зала, изъ которыхъ одинъ на 20 мѣстъ для студентовъ и другой на 16 мѣстъ для прикомандировываемыхъ ветеринарныхъ врачей. Залы соединены корридоромъ съ верхнимъ освѣщеніемъ, а по обѣ стороны корридора расположены 4 комнаты: для черныхъ работъ, для стерилизаціи, для приготовленія питательныхъ субстратовъ, и 4 лабораторныхъ кабинета, изъ которыхъ одинъ изъ двухъ комнатъ для профессора, два для ассистентовъ и одинъ—съ термостатами для массовыхъ приготовленій сибиреязвенныхъ вакцинъ.

При бактеріологической лабораторіи имѣются двѣ небольшія клиники для опытныхъ животныхъ и для доставляемыхъ больныхъ заразными болѣзнями.

Годовой бюджетъ института съ 35000 возросъ до 80000, а именно, штатныхъ суммъ отпускается 51864, спеціальныхъ средствъ до 17000, субсидіи Военнаго Вѣдомства и М. З. и Г. И.—8000 и доходъ отъ разсылаемаго бактеріологической станціей прививочнаго матеріала свыше 3000 р.

Со времени преобразованія ветеринарнаго училища въ институтъ, т. е. 1873 года по 1900 включительно, въ институтѣ было всего 7297 студентовъ, т. е. среднимъ числомъ около 260 студентовъ въ годъ.

Окончило курсъ 1004, т. е. среднимъ числомъ 36 въ годъ.

Въ степени магистра за этотъ періодъ утверждено 28.

На современномъ состояніи института мы останавливаться не можемъ. Замѣтимъ только, что онъ сдѣлалъ дальнѣйшій и крупный шагъ въ своемъ развитіи: сильно возросло число студентовъ, расширились учебно-вспомогательныя учрежденія (построены между прочимъ новыя клиники).

Инициатива въ дѣлѣ учрежденія *Технологическаго института* въ Харьковѣ принадлежитъ городскому управленію, которое постановленіями городского общества 30 января 1871 года и городской Думы 27 мая того же года, ассигновало б. 50000 р. изъ прибылей городского общественнаго банка на устройство въ Харьковѣ этого учебнаго заведенія, причемъ часть этой суммы предназначалась на покупку земли для постройки его зданій. По постановленію Думы отъ 17 марта 1872 года земля эта была пріобрѣтена покупкою. Покупку эту нужно признать чрезвычайно счастливой: участокъ находится на окраинѣ города, въ самой здоровой нагорной части его и заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятинъ. На немъ прекрасно размѣстился цѣлый, такъ сказать, учебный городокъ и несмотря на это въ распоряженіи института имѣется теперь кромѣ парка еще цѣлое обширное поле для сельско-хозяйственныхъ опытовъ [1]).

Въ воскресенье 15-го сентября 1885 года произошло освященіе зданій Технологическаго института и молебствіе передъ открытіемъ занятій. Тогдашній харьковскій архіепископъ Амвросій произнесъ слово, обращенное къ студентамъ на текстъ изъ Іисуса сына Сирахова: „*Высшихъ себѣ не ищи и крѣпчайшихъ себѣ не испытуй; яже ти повелѣна—сія разумѣвай*". Попечитель учебнаго округа Н. П. Вельяминовъ-Воронцовъ произнесъ рѣчь, въ которой, въ свою очередь, призвавъ благословеніе Божіе, высказалъ такія пожеланія: „Пожелаемъ для Харьковскаго технологическаго института осуществленія всѣхъ надеждъ, которыя возлагаетъ на него наша богатая естественными произведеніями страна для оживленія, подъема и развитія ея промышленныхъ силъ, съ тѣмъ чтобы мы сами, сыны нашей родины и земли нашей, а не люди, ей чужіе, могли воспользоваться ея дарами и ради этой цѣли, претворивъ космополитическую науку, этотъ огонь Прометея, въ нашу народную собственность, приложили бы эту добытую нашимъ устойчивымъ не утомимымъ и честнымъ трудомъ науку, къ водворенію благосостоянія и увеличенію богатства и распространенію истиннаго просвѣщенія въ нашей родинѣ". Городскимъ головою были посланы привѣтственные телеграммы б. министру финансовъ Рейтерну и тогдашнему министру финансовъ Бунге за содѣйствіе въ ассигнованіи средствъ [2]).

16 апрѣля 1885 года было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о положеніи и штатахъ Харьковскаго технологическаго института, гдѣ постановлено было въ 1885 г.—отпустить на первоначальное внутреннее устройство 129972 р., въ 1886 г. внести на его содержаніе 81023 р., въ 1887 г.—121370 р., въ 1888 г.—161168 р., въ 1889 г.—187939 р., а начиная съ 1890 г.—по 189605 р. ежегодно. Сверхъ того въ его пользу шла и сумма сбора за слушаніе лекцій. 4 іюня 1898 г. было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о назначеніи 150000 р. на расширеніе и оборудованіе помѣщеній института и 58850 р. на ежегодное дополненіе къ его штатнымъ суммамъ. 24 іюля 1885 г., на основаніи Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1885 г. положенія о Харьковскомъ технологическомъ институтѣ, былъ утвержденъ Мин. Нар. Просв. И. Деляновымъ его уставъ. Харьковскій технологическій *практическій* институтъ имѣетъ своею цѣлью давать высшее технологическое образованіе по механической и химической спеціальностямъ и сообразно съ этимъ дѣлится на 2 отдѣленія. Комплектъ учащихся въ 500 чел. (но могъ увеличиваться съ разрѣшенія министра). Институтъ состоитъ въ вѣдѣніи Мин. Нар. Просв., подчиняется попечителю харьковскаго учебнаго округа и управляется директоромъ, при участіи въ подлежащихъ случаяхъ учебнаго и хозяйственнаго комитета. Курсъ въ институтѣ пятилѣтній. Для практическихъ занятій при Институтѣ устроенъ рядъ лабораторій, кабинетовъ и механическія мастерскія. Молодые люди, окончившіе гимназіи и реальные училища, поступаютъ въ институтъ по конкурсному экзамену. Плата за ученіе 50 руб. въ годъ. При институтѣ учреждено правительствомъ 50 стипендій по 300 руб. каждая. Ежегодно учащіеся подвергаются испытаніямъ и контролю. Особыя экзаменаціонныя коммиссіи удостоиваютъ окончившихъ званія инженеръ-технолога или просто технолога; на это званіе выдаются дипломы и значки. Преподаваніе ведутъ профессора, адъюнкты-профессора и преподаватели. Но только отъ профессора физики требуется ученая степень доктора, а отъ профессора химіи—ученая степень магистра; профессора же прочихъ предметовъ могутъ и не имѣть ученыхъ степеней, а должны только имѣть высшее образованіе, соотвѣтствующее предметамъ ихъ преподаванія. Технологическій институтъ ни по уставу, ни по составу преподавателей не ставитъ себѣ такихъ научныхъ задачъ, какіе всегда преслѣдовалъ университетъ. Въ со-

[1]) Харьк. кал. на 1874 годъ, стр. 232.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1885, 16 сент., № 239.

ставъ учебнаго комитета входятъ только профессора и преподаватель Закона Божія. Хозяйственный комитетъ вѣдаетъ хозяйствомъ. Студенты нерѣдко совершаютъ подъ руководствомъ преподавателей экскурсіи на заводы и фабрики. Кромѣ того и отдѣльные студенты ѣздятъ на практику на желѣзныя дороги и фабрики. Число студентовъ превышаетъ первоначально намѣченную норму. Такъ, напримѣръ, въ 1903 году было 1025 чел., причемъ большинство ихъ числится на механическомъ отдѣленіи. Къ 1-му января 1905 года числилось 976 студентовъ. Въ 1904 году былъ XV-й выпускъ студентовъ, окончившихъ курсъ. Въ 1903 году подвергалось окончательнымъ испытаніямъ 131 студ. (101 механическаго и 30 химическаго) и получило званіе инженеръ-технолога 43 на механическомъ и 15 на химическомъ, технолога—40 механическаго и 15 химическаго. Въ 1904 году явилось на окончательные экзамены 113 студентовъ (78 механическаго и 35 химич. отд.), получило званіе инж. техн. 39 на мех. и 20 на хим. отд.—званіе технолога 39 механ. и 15 химическаго. При Институтѣ имѣются нынѣ слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: 1) механическія мастерскія со школой ремесленныхъ учениковъ; 2) механическая лабораторія, гдѣ производится испытанія матеріаловъ; 3) сельскохозяйственная станція; 4) физическій кабинетъ; 5) электротехническій кабинетъ; 6) химическая лабораторія; 7) лабораторія минеральныхъ веществъ; 8) лабораторія красильныхъ и органическихъ веществъ; 9) лабораторія питательныхъ веществъ; 10) математическій кабинетъ; 11) минералогическій кабинетъ; 12) музей; 13) библіотека. Всѣ эти учрежденія получаютъ довольно солидныя суммы на свое содержаніе; напр., въ 1903 году на механическія мастерскія было затрачено 37123 руб., въ 1904 году—28512 руб., на сельскохозяйственную станцію въ 1903 г.—1265 руб., въ 1904 г.—716 р., физическій кабинетъ въ 1903 г.—2940 р., въ 1904 г.—3873 р., электротехническій кабинетъ въ 1903 г. 1500 р., въ 1904 г.—898 руб., химическую лабораторію въ 1903 г. 6853 руб., въ 1904 г.—4793 р., лабораторію минеральныхъ веществъ 1903 г. 4100 р., въ 1904 г.—3613 р., лабораторію красильныхъ и органическихъ веществъ въ 1903 г. 4108 р., въ 1904 г.—3646 р. лабораторію питательныхъ веществъ въ 1903 г. 3708 руб., въ 1904 г.—4108 р., на библіотеку въ 1903 г 3590 р., въ 1904 г.—4099 р., на хозяйственныя нужды затрачено было въ 1903 г. 55401 р., въ 1904 г.—51954 р. Кромѣ 50 казенныхъ стипендій въ настоящее время имѣется еще 29 частныхъ разныхъ лицъ и учрежденій—Гельфериха, Гебенштрейта, Файдыша, Донского дворянства, Донского Войска, Русскаго общества пароходства и торговли, Кавказскаго края, Кубанской обл., Вятской, Екатеринославской и Тамбовской губ. упр., Астраханской и Бакинской гор. управл. Въ 1904 году поступило въ пользу недостаточныхъ студентовъ съ благотворительныхъ вечеровъ и лекцій 3209 р.

Платы съ учащихся поступаетъ теперь свыше 50000 руб. въ годъ. На содержаніе Института было отпущено изъ казны въ 1903 г. всего 331873 р., въ томъ числѣ на содержаніе личнаго состава 126545 р.; на хозяйственные расходы 178169 р., на стипендіи 15000 р., на приготовленіе профессоровъ и преподавателей 10208 р., на увеличеніе содержанія учебно-вспомогательнаго персонала 1950 р. [1]). Въ 1904 г.—344011 руб., изъ коихъ 135423 р. на содержаніе личнаго состава, 173686 р. на хозяйственные расходы, 15000 р. на стипендіи, 11433 р. на приготовленіе профессоровъ и преподавателей, 8468 р на увеличеніе содержанія учебно-вспомогательнаго персонала. Харьковскій практическій Технологическій Институтъ благодаря тому, что устраивался уже въ наше время, обставленъ въ смыслѣ помѣщеній несравненно лучше своихъ старшихъ товарищей—Университета и Ветеринарнаго Института. Во 2-мъ томѣ „Извѣстій Харьк. Техн Инст.“ помѣщены снимки его генеральнаго плана и каждаго изъ его зданій въ отдѣльности. Оказывается, что въ 1906 году на обширномъ усадебномъ мѣстѣ, о пріобрѣтеніи котораго за баснословно низкую цѣну говорилось выше, существуетъ 12 зданій: Главный корпусъ, физическій корпусъ съ механической лабораторіей, химическій корпусъ, новый учебный корпусъ, механическія мастерскія, техническія мастерскія, жилой корпусъ, сельскохозяйственная испытательная станція, студенческая столовая, газовый заводъ, инженерно-механическая лабораторія и службы [2]). Всѣ зданія вполнѣ приспособлены, по размѣрамъ и устройству, къ своимъ цѣлямъ и прекрасно оборудованы и на содержаніе ихъ, какъ мы видѣли, отпускаются достаточныя матеріальныя средства. Существованіе Технологическаго института въ Харьковѣ, конечно, имѣетъ для этого послѣдняго большое значеніе, расширяя его вліяніе, какъ культурнаго центра юго-восточной Россіи.

---

[1]) Всѣ эти данныя позаимствованы изъ соотвѣтственныхъ документовъ, напечатанныхъ въ 1 томѣ „Извѣстія Харьк. Техн. Инст.“.

[2]) Извѣстія, II, приложеніе.

Глава 15-я.

Наука.

Мы видѣли, что въ XVIII в., можно сказать, единственнымъ представителемъ научной дѣятельности въ Харьковѣ былъ украинскій философъ и богословъ Гр. Сав. Сковорода, бывшій какъ-бы странствующей Академіей и подготовившій до нѣкоторой степени почву для учрежденія въ Харьковѣ университета. Съ другой стороны, если не двигателемъ, то хранилищемъ научныхъ знаній являлся Харьковскій коллегіумъ, носившій нерѣдко даже названіе Академіи, хотя онъ представлялъ изъ себя только среднее учебное заведеніе. Дѣло приняло совсѣмъ иное направленіе, когда въ Харьковѣ возникъ университетъ: онъ сразу сдѣлался не только хранилищемъ и распространителемъ, но и двигателемъ науки, и не духовной, а свѣтской, и притомъ почерпнутой нерѣдко изъ ея западно-европейскаго первоисточника. Такимъ образомъ, благодаря университету Харьковъ превратился въ *видный научный центръ*, каковымъ онъ никогда бы не явился, если бы въ немъ не было этого разсадника наукъ. Было бы непосильной задачей для насъ дать всестороннюю оцѣнку научныхъ трудовъ, изданныхъ харьковскими профессорами за столѣтній періодъ дѣятельности университета—такой задачи не разрѣшили и юбилейныя университетскія изданія, исполненныя коллективными усиліями почти всѣхъ нынѣшнихъ университетскихъ преподавателей—но мы постараемся на основаніи этихъ чрезвычайно цѣнныхъ изданій [1]) и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ [2]) указать наиболѣе видныхъ научныхъ дѣятелей какъ изъ университетской, такъ и внѣ университетской среды и отмѣтить ихъ важнѣйшіе труды, не входя, конечно, при этомъ въ подробности, неумѣстныя въ настоящемъ трудѣ, другими словами, дать какъ-бы словарь харьковскихъ научныхъ дѣятелей.

Соотвѣтственно дѣленію университета на четыре факультета, мы также классифицируемъ всѣ научныя дисциплины въ четыре группы—1) историко-филологическую, 2) юридическую, 3) физико-математическую и 4) медицинскую, причемъ богословіе отнесемъ въ первую изъ нихъ.

Богословскія науки въ первыя десятилѣтія были представлены слабыми силами въ Харьковскомъ университетѣ. До 1819 года каѳедра богословія вовсе не имѣла представителя. Съ 1819 по 1837 годъ профессоромъ богословія состоялъ Могилевскій, напечатавшій нѣсколько журнальныхъ статей [3]) и рѣчей, не имѣвшихъ однако научнаго значенія и для своего времени. Преемникъ его Зиминъ (съ 1837 по 1850 годъ) не имѣлъ никакихъ печатныхъ трудовъ. Тоже самое въ сущности нужно сказать и о П. И. Лебедевѣ (1850—1857 г.), хотя въ дѣлѣ преподаванія онъ стоялъ на должной научной высотѣ. Виднымъ дѣятелемъ въ области научной богословской мысли является только *В. И. Добротворскій*, занимавшій каѳедру богословія 36 лѣтъ (съ 1858 по 1894 г.). „Искренно вѣрующій, онъ также любилъ и благоговѣйно чтилъ и науку...“ постоянно и неустанно слѣдя за движеніемъ богословской литературы—русской и иностранной—и самъ былъ усерднымъ дѣятелемъ ея. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей въ издававшемся имъ же въ Харьковѣ „Духовномъ Вѣстникѣ“ и въ „Православномъ Обозрѣніи“ [4]), а по смерти его, ученая редакція „Богосл. Вѣстника“ напечатала его курсы „Основнаго Богословія“ и „Догматическаго Бого-

---

[1]) Въ основу своего обзора мы положимъ слѣдующіе труды: 1—2) Д. И. Багалѣй. „Опытъ исторіи Харьковскаго университета по неизданнымъ матеріаламъ“, т. 1-й. X. 1893—1898 г., 1201 стр., т. 2-й. X. 1136 стр; 1-й томъ удостоенъ Уваровской премія отъ Академіи наукъ, 2-й – ея почетнаго отзыва; 3) Проф. Багалѣй, Сумцовъ и Бузескулъ. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго Университета, VII, 329, XIV стр. X. 1906; 4) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета съ исторіей факультетовъ: т. 1-й. Историко-филологическій факультетъ; т. 2-й. Физико-математическій факультетъ; т. 3-й. Юридическій факультетъ; т. 4-й. Медицинскій факультетъ.

[2]) Эти послѣднія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

[3]) 1) См. Біогр. Словарь, т. 1-й, стр. 3 (внизу).

[4]) Ib., стр. 8—9.

словія", дающіе ясное и отчетливое изложеніе основныхъ положеній христіанскаго вѣроученія, основанное на Священномъ Писаніи и критическомъ разборѣ новѣйшихъ философскихъ, натуралистическихъ и теологическихъ ученій, несогласныхъ съ христіанствомъ. Еще больше научныхъ работъ въ области богословія принадлежитъ преемнику о. Добротворскаго о. Т. Буткевичу [1]), но нѣкоторыя изъ нихъ проникнуты обличительнымъ характеромъ и пріемами, далекими отъ чисто научной критики. Ближайшее отношеніе къ исторіи г. Харькова имѣютъ его Истор. стат. описаніе Успенскаго собора и біографіи Иннокентія и Амвросія. Два послѣдніе труда относятся впрочемъ уже *къ исторіи церкви*, которая была введена въ университеты уставомъ 1863 года и нашла себѣ спеціальнаго представителя въ Харьковскомъ университетѣ въ лицѣ проф. Ам. Ст. Лебедева (съ 1869 г.), изслѣдованія [2]) котораго проникнуты вполнѣ научнымъ духомъ, ибо на предметъ свой онъ смотрѣлъ какъ на одну изъ чисто научныхъ дисциплинъ. Такой взглядъ на него онъ выработалъ еще въ Женевѣ, слушая тамъ лекціи реформатскаго богослова Навиля. Ему принадлежатъ многочисленныя сочиненія, статьи, среди коихъ особенно видное мѣсто занимаютъ его работы по церковной исторіи Бѣлгородской и Харьковской епархіи; среди же этихъ послѣднихъ выдѣляются своимъ значеніемъ двѣ—о *Харьковскомъ коллегіумѣ*, какъ просвѣтительномъ центрѣ Слободской Украйны и о *Бѣлгородскихъ архіереяхъ*. Въ два послѣдніе года появились въ Харьковѣ новые работники по церковной исторіи въ лицѣ проф. І. А. Бродовича и пр.-доц. О. І. Филевскаго [3]). Послѣдній напечаталъ въ Харьковѣ и свою маг. дис. „Ученіе прав. церкви о св. преданіи". Близкое отношеніе къ богословскимъ наукамъ имѣетъ кромѣ того обширный трудъ проф. церковнаго права М. А. Остроумова, занимавшаго въ университетѣ каѳедру *церковнаго права.—Введеніе въ православное церковное право*, т. 1-й. Х. 1893 годъ; за это изслѣдованіе Моск. Дух. Академія удостоила его степени доктора церковнаго права [4]).

Философскія науки нашли себѣ выдающагося представителя въ самые первые годы дѣятельности университета въ лицѣ иностранца знаменитаго проф. И. Е. Шада. Въ XVIII в. велъ одиноко, странствуя по Украйнѣ, проповѣдь своей оригинальной христіанской философіи, философъ изъ народа Г. С. Сковорода; теперь его смѣнилъ философъ на каѳедрѣ, строгій ученый, знатокъ всѣхъ философскихъ системъ, ученикъ Фихте Шадъ. Къ сожалѣнію, у него не было и намека на то полное соотвѣтствіе между жизнью и ученіемъ, какое отличало Г. С. Сковороду и являлось источникомъ нравственнаго вліянія его на современное общество. Г. С. Сковорода, не вступивъ въ монашество, имѣлъ право сказать о себѣ—міръ меня ловилъ, но не поймалъ; И. Е. Шадъ—сбѣжалъ отъ монаховъ, обличалъ ихъ, но самъ велъ жизнь, вызывавшую подъ часъ нареканія и благотворнаго нравственнаго вліянія на общество имѣть не могъ—онъ только вліялъ *идейно*, силою своего разума, критически перерабатывавшаго наиболѣе авторитетныя современныя философскія системы, силою своей несокрушимой логики и діалектики, и, наконецъ, горячей убѣжденности и чувства. Еще въ начальный періодъ своего философскаго развитія, онъ съ восторгомъ воспринялъ ученіе Канта о свободѣ въ его критикѣ практическаго разума, но отнесся отрицательно къ его „Критикѣ чистаго разума", ибо она доказывала невозможность познанія Бога и человѣка собственными силами разума. Время пребыванія Шада въ Харьковѣ было періодомъ расцвѣта его философскаго мышленія. Въ изданномъ имъ здѣсь сочиненіи (Естественное право на латинскомъ языкѣ) онъ ближе всего стоитъ къ Лейбницу; въ „логикѣ"—къ Фихте, въ лекціяхъ по метафизикѣ и въ одной изъ рѣчей къ Шеллингу. Но онъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ значительною самостоятельностью и имѣлъ нѣкоторое право сказать о себѣ въ своей „Логикѣ": „мнѣ нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственныя идеи." Говоримъ нѣкоторое, потому что новѣйшій изслѣдователь проф. Лейкфельдъ видитъ и здѣсь философію въ духѣ Фихте. И на каѳедрѣ и въ сочиненіяхъ онъ выступалъ борцомъ за свободу и разумъ. Изъ нихъ должна исходить въ своихъ построеніяхъ вся философія и въ силу этого онъ старается прежде всего въ логикѣ опровергнуть глубоко скептическій выводъ Канта о чистомъ разумѣ, доказывая, что этотъ выводъ долженъ относиться къ разсудку, а не разуму, а что разумъ можетъ быть и теоретическимъ, и практическимъ и подверженъ общему закону т. е. выражаться

[1]) Ib., стр. 9—11.
[2]) Перечень ихъ см. тамъ же, стр. 299—301.
[3]) Ib., стр. 302—303; 304—306.
[4]) Перечень его трудовъ см. въ Біогр. Сл. проф. юрид. фак., 269—270.

въ функціи мышленія или хотѣнія абсолютной гармоніи; нашъ духъ въ функціяхъ мышленія дѣлаетъ реальный міръ идеальнымъ; напротивъ, въ функціи хотѣнія обращаетъ идеальный міръ въ реальный. Идея представляетъ собою *возможность* реальнаго. Вся вселенная можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ типомъ и образомъ абсолютнаго разума. Въ логикѣ онъ подвергаетъ изслѣдованію разсудокъ; логика есть теорія разсудка; теорія же разума это метафизика. Авторъ вооружается противъ формальной логики. Онъ всюду старается отыскивать тезисъ, антитезисъ и синтезисъ и нерѣдко вноситъ оригинальныя сужденія въ старую традиціонную логику. Книга Шада пользовалась большимъ вниманіемъ у студентовъ. Цѣлью второй его книги о естественномъ правѣ было согласить науку о правѣ съ наукой о нравственности и христіанской религіей, гармонически слить вѣру съ разумомъ. Въ связи съ этимъ онъ рѣшительно выступилъ противъ механической, договорной теоріи государства. Человѣкъ, стремящійся выразить въ своей жизни божественную природу, самъ себѣ предписываетъ законъ и налагаетъ на себя обязанность свято соблюдать его. Здѣсь право гармонически сливается съ обязанностью. Слѣдовательно, положительное законодательство должно быть въ соотвѣтствіи съ законами разума. Естественное право есть какъ бы философія положительнаго. Другимъ закономъ является законъ эволюціи; человѣкъ переживаетъ три фазиса—животное состояніе, естественное (человѣческое) и высшее (божественное). Необходимо оградить тѣлесную природу человѣка и его имущества отъ всякаго насилія, а это лишь возможно въ гражданскомъ обществѣ—этой школѣ истинной человѣчности. Отсюда вытекаетъ также необходимость абсолютной свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, разума и мысли, университетскаго преподаванія, независимости и равноправія совершеннолѣтнихъ членовъ семействъ, отсутствіе деспотизма въ семьѣ, рабства, въ какомъ бы видѣ это не проявлялось, и т. п. Все сочиненіе Шада, основанное на принципѣ свободы (впрочемъ, не безусловной, а съ извѣстными разумными ограниченіями), есть неумолимый протестъ противъ всякаго насилія надъ нею [1]). Ясно при такихъ условіяхъ, что книга Шада, вышедшая въ разгаръ мистической реакціи (въ 1814 г.), осуждена была двигателемъ этой реакціи Министромъ Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицынымъ, а самъ Шадъ лишенъ профессуры и высланъ изъ Россіи [2]). Но идеи Шада получили распространеніе въ Харьковской Университетской средѣ и даже внѣ ея; у него были ученики и послѣдователи; его ученикъ былъ преемникомъ по каѳедрѣ; были и рѣшительные противники его идей, въ родѣ проф. Осиповскаго. Вообще, благодаря ему, философія была не только предметомъ факультетскаго преподаванія, но и объединяющимъ началомъ для многихъ наукъ, проникнутыхъ философскимъ элементомъ. Принесенная изъ Европы, философія скоро обжилась въ Харьковѣ—ее полюбило и юношество. Шадъ на актѣ въ 1807 г. передъ Харьковской публикой говорилъ рѣчь—о верховной цѣли человѣка—и доказывалъ, что таковою является не счастье, а болѣе широкая задача жизни—стремленіе къ *правдѣ въ знаніи и правдѣ въ жизни*. Во второй своей публичной рѣчи онъ отозвался на тогдашнюю политическую злобу дня—освѣтилъ съ философской точки зрѣнія вопросъ о возвращеніи Европѣ свободы отъ Наполеоновскаго завоеванія. Наполеоновскія завоеванія, стремившіяся создать изъ Европейскихъ государствъ одну самодержавную монархію, были чрезвычайно пагубны, ибо стояли въ противорѣчіи со всеобщимъ закономъ противоположности. Вліяніе Шада проникло и въ педагогическую, и въ общественную среду: нѣсколько его слушателей спеціально занялись философіей; учитель Есикорскій перевелъ и издалъ сочиненіе Фихте о сущности новой философіи; Курскій купецъ Хлопонинъ пріобрѣлъ тогда же степень доктора философіи; Шадъ велъ бесѣды и посѣщалъ тогдашняго Харьковскаго епископа Христофора Сулиму; для противодѣйствія вліянію метафизики Шада и философіи Канта въ студенческой средѣ долженъ былъ выступить во всеоружіи своего математическаго образованія и логики проф. Осиповскій,—двѣ его актовыя рѣчи спеціально посвящены опроверженію идей Канта [3]).

Ученикъ и преемникъ Шада *Дудровичъ* (1814—1830 г.) въ научномъ отношеніи представлялъ очень скромную величину, а свое философское міровоззрѣніе, въ противоположность Шаду, онъ старался приспособить къ духу времени; философія его была ancilla theologiae; отъ Шеллинга, не одобреннаго на-

---

[1]) Біогр. Словарь, т. I, стр. 12—31; Вопросы философіи и психологіи 1895 г. мартъ и ноябрь. Записки Харьк. Университета 1900 г.: Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. университета, т. 1-й, стр. 653—662.

[2]) См. объ этомъ Д. И. Багалѣя „Удаленіе проф. И. Е. Шада".

[3]) Д. И. Багалѣй. „Опытъ", т. I, стр. 696—702, 682—685.

чальствомъ, онъ перешелъ къ религіозному мистицизму и магнетизму [1]). *Протопоповъ* (1834—1850 г.) также ничего не сдѣлалъ въ сферѣ научнофилософскихъ изслѣдованій и подобно своимъ предшественникамъ желалъ создать философію въ духѣ времени—въ духѣ православія, самодержавія и оффиціальной народности [2]). Въ 1850 году гоненіе на философію въ русскихъ университетахъ закончилось формальнымъ изгнаніемъ ея оттуда и она получила ученаго спеціалиста въ Харьковѣ только уже въ лицѣ проф. *Зеленогорскаго* въ 1874 году. Такимъ образомъ, можно сказать, что философія разрабатывалась въ Харьковѣ только въ началѣ и въ послѣдней четверти XIX вѣка. Труды Ѳ. А. Зеленогорскаго относятся къ исторіи древней философіи, методологіи и характеристикѣ харьковскихъ представителей философской мысли (докт. дис. „О матем., метод., инд. и крит. мет. изсл.“). По воззрѣніямъ онъ симпатизировалъ самостоятельности и саморазвитію индивидуума и націй, въ противоположность пантеизму и космополитизму и стоялъ за идею прогресса и теорію развитія [3]). Его ученикомъ и сотрудникомъ является проф. Лейкфельдъ; труды его посвящены логикѣ [4]).

По исторіи русскаго языка и словесности было нѣсколько выдающихся представителей. Таковъ былъ первый дѣятель *И. С. Рижскій* (1804 -1811), избранный за свои ученые труды въ члены Россійской Академіи Наукъ. Впрочемъ, онъ пріобрѣлъ себѣ славу не самостоятельными изслѣдованіями, а изданіемъ превосходныхъ руководствъ по теоріи словесности, впрочемъ, на ложноклассической основѣ—Введенія въ курсъ словесности, Опыта риторики и науки стихотворства; равнаго имъ по своему значенію для своего времени русская литература не имѣетъ и нынѣ; въ особенности это нужно сказать о третьемъ сочиненіи. Сочиненія его пользовались большимъ уваженіемъ въ мѣстной сферѣ—ихъ несли за его гробомъ [5]). *Костыръ* (1850—1853 г.) за недолгое свое пребываніе въ Харьковѣ издалъ двѣ филологическія и одну историко-литературную работу (о Батюшковѣ), но двѣ изъ нихъ были очень слабы (полемика съ Буслаевымъ и о Батюшковѣ) и только третья (поѣздка съ ученою цѣлью въ Переяславъ) заслуживаетъ вниманія, какъ попытка мѣстнаго изслѣдованія. Значительно выше нужно поставить А. Л. *Метлинскаго* (1839—1850, 1854 –1858), впрочемъ, не за его научныя разсужденія общаго характера, очень слабыя, а за труды въ области южнорусской народной словесности. Издавая свои замѣчательныя для своего времени „Народныя южнорусскія пѣсни“, онъ писалъ: „я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, истиннаго его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залога святой братской любви между единовѣрными и единородными сынами и племенами“. Сборникъ Метлинскаго вызвалъ рядъ ученыхъ благосклонныхъ рецензій и долгое время былъ настольною книгой у изслѣдователей русской народной словесности, а основная мысль, приведенная выше, получила дальнѣйшее глубокое авторитетное утвержденіе въ трудахъ А. А. Потебни [6]). Упомянемъ о *Якимовѣ* [7]). Спеціальнымъ и строго научнымъ характеромъ отличаются сочиненія *Н. А. Лавровскаго* (1852—1875), не утратившія и доселѣ своего значенія—О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ, О древнерусскихъ училищахъ, О педагогическомъ значеніи соч. Екатерины II, Обозрѣніе вѣтхозав. апокрифовъ, О Ломоносовѣ; съ особою признательностью слѣдуетъ также вспомнить о его статьяхъ, посвященныхъ В. Н. Каразину въ связи съ первоначальной исторіей Харьковскаго университета; проф. Фойгтъ также издалъ цѣнное обозрѣніе учебновспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета. Но самою крупною ученою силою въ области филологическихъ знаній и вообще на историко-филологическомъ факультетѣ и въ университетѣ за все столѣтіе былъ *А. А. Потебня* (1860—1891)—глубокій изслѣдователь, проложивший новые пути въ наукѣ о русскомъ языкѣ. Самымъ капитальнымъ трудомъ его является соч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1-е изд. 1874 г., 2-е изд. 1889 г.); другіе крупные труды—Два изсл. о звукахъ русск. яз., Къ исторіи звуковъ русскаго языка (4 части); Зам. о малорус. нар., Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсенъ (2 тома) и мн. др. И началъ свою ученую дѣятельность А. А. выдающимся теоретическимъ трудомъ „Мысль и языкъ“. Подъ его редакціей изданы были въ Харьковѣ сочиненія Гр. Ѳед. Квитки и имъ же произнесена рѣчь о значеніи этого писателя.

---

[1]) Біогр. слов., I, 31—34. [2]) Ib., стр. 37—40. [3]) Ib., стр. 40—46. [4]) Ib., стр. 46—47. [5]) Біогр. слов. I, стр. 48—53; Д. И. Багалѣй. «Опытъ»» I, стр. 641—644. [6]) Біогр. слов. I, стр. 82—88. [7]) Ib., стр. 76.

А. А. Потебня оставилъ и послѣ смерти крупное ученое наслѣдство: третій томъ Записокъ по русской грамматикѣ и Записки по теоріи словесности, гдѣ сдѣлана замѣчательная попытка перестроить зданіе этого предмета на новыхъ (психологическихъ) основаніяхъ. Однимъ словомъ, А. А. явился глубокимъ реформаторомъ въ наукѣ о языкѣ вообще, грамматикѣ въ частности и русскомъ языкѣ. Русскій синтаксисъ даже въ учебникахъ теперь начинаетъ излагаться согласно съ его изученіемъ; въ указанномъ имъ направленіи будетъ реформирована и теорія словесности вообще [1]). А. А. Потебня въ харьковской научной сферѣ явленіе совершенно исключительное. Учениками и преемниками по каѳедрѣ А. А. Потебни были — *Н. Ѳ. Сумцовъ* (съ 1878 года) и *М. Г. Халанскій* (съ 1889 г.).— Первый работалъ преимущественно въ области русской великорусской и славянской народной поэзіи; Н. Ѳ. Сумцову принадлежитъ 337 печатныхъ работъ; болѣе крупныя изъ нихъ—О свадебныхъ обрядахъ, Лазарь Барановичъ, Культурныя переживанія, Современная малорусская этнографія, А. С. Пушкинъ. М. Г. Халанскому принадлежатъ двѣ крупныя работы: Великор. былины Кіевскаго цикла и Южносл. сказ. о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произв. рус. был. эпоса [2]). Отмѣтимъ и *А. П. Кадлубовскаго*, напечатавшаго „Очерки по истор. древнер. литер. жит. [3]). Славяновѣдѣніе сравнительно недавно было введено въ программу университетскаго преподаванія, но всѣ представители его въ Харьковскомъ университетѣ были крупными учеными. Здѣсь началъ свою ученую дѣятельность впослѣдствіи знаменитый академикъ Изм. Ив. *Срезневскій* (1842—1847 г.). Въ это время имъ написано было нѣсколько десятковъ статей, издана „Запорожская старина“ и цѣнное изслѣдованіе „О святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ славянъ“; слѣдуетъ отмѣтить также важное для исторіи мѣстнаго края изсл. его „Истор. обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны“ [4]). П. А. *Лавровскій* (1853—1869) выступилъ съ цѣлымъ рядомъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію русскаго языка и славянства, среди нихъ особенно цѣнны труды—О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, о малорусскомъ нарѣчіи, О Кириллѣ и Меѳодіи и сербско-русскій словарь [5]). М. С. *Дриновъ* (1873—1905 г.) былъ ученымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова—широко начитаннымъ, владѣвшимъ методомъ; для національнаго и культурнаго возрожденія Болгаріи онъ имѣетъ огромное значеніе. Наиболѣе крупные его труды—харьковскаго періода—Заселеніе Балканскаго полуострова славянами и Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ. (Маг. и докт. дис.). *П. А. Безсоновъ* (1879—1899) въ противоположность ему совершенно не владѣлъ научнымъ методомъ и потому его работы не имѣютъ научнаго значенія; но онъ пріобрѣлъ большую извѣстность изданіями памятниковъ народнаго творчества; впрочемъ, во время пребыванія въ Харьковѣ онъ не издалъ почти ничего, исключая курьезной статьи О мнимомъ туранизмѣ русскихъ. Строго научными и цѣнными работами по славянорусской филологіи заявилъ себя ученикъ Потебни и Дринова *Б. М. Ляпуновъ* (1892—1900) [6]). Главная изъ нихъ—Изсл. о яз. 1-й Новгор. лѣт. *Н. К. Грунскій* также началъ свою ученую дѣятельность въ Харьковѣ [7]).

По всеобщей исторіи первымъ талантливымъ работникомъ послѣ *Дегурова*, напечатавшаго интересную книжечку О цивилизаціи ногайскихъ татаръ, былъ харьковскій Грановскій—*М. М. Лунинъ* (1835—1844), который однако успѣлъ выпустить въ свѣтъ кромѣ диссертаціи только нѣсколько очерковъ [8]). *Рославскій-Петровскій* (1847—1870) [9]) издалъ „Обозрѣніе исторіи древняго міра“, встрѣченное радушно критикой, и „Введеніе“ и „Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока и ихъ цивилизаціи“. Это были его университетскіе курсы. М. Н. *Петровъ* (1851—1886) [10]) историкъ-художникъ, извѣстный не спеціальными изслѣдованіями (его докт. дис.—„Нов. нац. историографія“), а очерками и курсами; послѣдніе (Лекціи по всем. исторіи) были обработаны и изданы послѣ его смерти и стяжали ему популярность среди широкихъ круговъ общества. В. К. *Надлеръ* далъ наоборотъ нѣсколько спеціальныхъ работъ по исторіи среднихъ вѣковъ и 5-томный трудъ по новой русской исторіи—Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза; послѣдній не имѣетъ научнаго значенія, такъ какъ построенъ на идеѣ провиденціализма и вообще тенденціозенъ [11]). Въ лицѣ В. П. *Бузескула* мы имѣемъ серьезнаго и виднаго дѣятеля исторической науки, въ особенности въ области греческой исторіи (о Пе-

[1]) Ib., стр. 102—104. [2]) Ib., стр. 106—112, и 115—116. [3]) Ib., стр. 117—118. [4]) Ib., стр. 122—124. [5]) Ib., стр. 126—128. [6]) Ib., стр. 140—141. [7]) Ib., стр. 141—142. [8]) Ib., стр. 265—266. [9]) Ib., стр. 273—277. [10]) Ib., стр. 280—281. [11]) Ib., стр. 286—287.

риклѣ, О политіи Аристотеля, Введеніе въ исторію Греціи [1]). *А. С. Вязигинъ* работалъ по исторіи папства въ XI вѣкѣ [2]).

Первые представители науки *классической филологіи*—*Роммель* и *Белень де Баллю* [3]) выпустили въ свѣтъ только сочиненія нѣкоторыхъ классическихъ писателей съ комментаріями и хрестоматіи съ отрывками ихъ произведеній; *Куницкій* напечаталъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ съ греческаго языка. Первымъ настоящимъ виднымъ ученымъ въ этой области былъ *И. Я. Кронебергъ* (1819—1838). Кромѣ пособій (текстъ авторовъ, руководство по римскимъ древностямъ, латинская грамматика и словарь, выдержавшій шесть изданій) онъ издалъ учено-литературные сборники (Амалтея, Брошюрки, Минерва), въ которыхъ разрабатывалъ вопросы эстетики и исторіи литературы, представлявшія значительный интересъ, благодаря превосходному изложенію и для широкой публики [4]). *А. О. Валицкій* (1835—1858) издалъ не много; написалъ диссертацію о К. Непотѣ, перевелъ съ греческаго на польскій Эдипа царя Софокла [5]). *Юргевичъ* (1844—1858) напечаталъ двѣ работы по римскимъ древностямъ [6]). *П. В. Тихоновичъ* (1858—1865) напечаталъ рядъ журнальныхъ статей по римской словесности и древностямъ [7]). *О. И. Пѣховскій* и *А. К. Деллень* напечатали довольно много спеціальныхъ работъ [8]). Изъ современныхъ представителей классической науки выдѣляется обиліемъ и научнымъ значеніемъ своихъ трудовъ *И. В. Нетушилъ* (съ 1884); однѣ его работы относятся къ интерпретаціи латинскихъ текстовъ, другія—къ грамматикѣ, третьи—римскимъ древностямъ и исторіи Рима [9]). *А. Н. Деревицкій* (1887—1893)—пріобрѣлъ заслуженную извѣстность особенно въ исторіи литературы [10]). *Р. И. Шерилъ* имѣетъ почтенный спеціальный трудъ о римскомъ монетномъ дѣлѣ [11]), *Г. Ѳ. Шульцъ* напечаталъ нѣсколько работъ по грамматикѣ [12]), *Я. А. Денисовъ*—по метрикѣ [13]).

По *сравнительному языкознанію*—въ Харьковѣ выступилъ на ученое поприще извѣстный впослѣдствіи академикъ оріэнталистъ *Дорнъ* (1829—1835); онъ напечаталъ въ Харьковѣ на лат. языкѣ выдающееся ученое изслѣдованіе о сходствѣ славянскаго и санскритскаго языка; „работа эта предвѣщала въ будущемъ солиднаго первокласснаго ученаго“ [14]). *В. И. Шерцль* (1869—1884) обладалъ большою начитанностью въ языкахъ и напечаталъ рядъ общихъ трудовъ по сравнительной и санскритской грамматикѣ, не имѣвшихъ однако большого самостоятельнаго научнаго значенія [15]). *Э. М. Дилленъ* (1883—1886) напечаталъ и защитилъ въ Харьковѣ докторскую диссертацію—„Армянскіе этюды“. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*—(съ 1888)—напечаталъ въ бытность въ Харьковѣ нѣсколько спеціальныхъ, оригинальныхъ статей по языкознанію, а кромѣ того создалъ себѣ крупное имя работами въ области психологіи художественнаго творчества и литературной критики (о Тургеневѣ, Толстомъ, Гоголѣ и др.) [16]).

По исторіи *всеобщей литературы* работалъ въ Харьковѣ *А. И. Кирпичниковъ* (1873—1884), стяжавшій себѣ очень почетное имя въ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ по исторіи всеобщей литературы и искусства (Греч. романы въ рус. нов. литер., Св. Георгій „Егорій Храбрый“) [17]). *Л. Ю. Шепелевичъ* (съ 1890) напечаталъ двѣ работы о Сервантесѣ, Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры и рядъ журн. статей [18]), *С. В. Соловьевъ* напечаталъ диссертацію—Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ и нѣсколько статей по исторіи всеобщей литературы [19]).

По *исторіи искусствъ* писали—*Д. И. Каченовскій*, *А. Н. Деревицкій*, *Н. Ѳ. Сумцовъ* и *А. И. Кирпичниковъ*, но первымъ оффиціальнымъ представителемъ этой каѳедры является проф. *Е. К. Рѣдинъ* (съ 1893 г.), неутомимый работникъ и изслѣдователь по исторіи древне-христіанскаго, византійскаго и древне-русскаго искусства съ археологіей. Ему принадлежитъ множество цѣнныхъ работъ въ этой области [20]), создавшихъ ему славу выдающагося знатока по исторіи искусствъ. Слѣдуетъ также отмѣтить то важное обстоятельство, что на ряду съ общими трудами у него есть много работъ мѣстнаго характера по исторіи христіанскаго искусства въ Харьковской губ. и городѣ Харьковѣ.

По *русской исторіи* въ началѣ XIX в. Харьковъ имѣлъ виднаго дѣятеля въ лицѣ проф. *Г. П. Успенскаго* (1807—1820), который еще до выхода въ свѣтъ „Исторіи Рос. Гос.“ Карамзина издалъ замѣчательную книгу, посвященную русскимъ древностямъ: Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ. *А. П. Зер-*

---

[1]) Іb., стр. 289—291. [2]) Іb., 295—296. [3]) Іb., стр. 150, 156—157. [4]) Іb., 171. [5]) Іb., стр. 182—183. [6]) Іb., стр. 189—190. [7]) Іb., стр. 193. [8]) Іb., стр. 242. [9]) Іb., стр. 210—212. [10]) Іb., стр. 214—215. [11]) Іb., стр. 203. [12]) Іb., стр. 206. [13]) Іb., стр. 216—217. [14]) Іb., стр. 218—223. [15]) Іb., стр. 223—224. [16]) Іb., стр. 230—231. [17]) Іb., стр. 238. [18]) Іb., стр. 238. [19]) Іb., стр. 244. [20]) Іb., стр. 308—311.

нину (1847—1863) принадлежитъ рядъ статей по исторіи Московскаго Государства и Византіи [1]). *Г. Ѳ. Карповъ* (1867—1871) напечаталъ, состоя профессоромъ Харьковскаго университета, диссертацію объ источникахъ Малороссійской исторіи. *Д. И. Багалѣй* (съ 1883 г.) напечаталъ свыше 125 работъ, основанныхъ преимущественно на архивныхъ данныхъ и относящихся къ мѣстному краю, изъ коихъ болѣе обширныя—Очерки по исторіи колонизаціи южной степной окраины, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры, 2 тома „Опыта исторіи Харьковскаго университета", Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія, (совмѣстно съ Д. П. Миллеромъ). Укр. старина, Археологическая карта Харьковской губ. съ пояснительнымъ текстомъ, Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды [2]). Три изъ нихъ получили преміи, а четвертая почетный отзывъ. *П. Н. Бунинскій* (съ 1884 г.), кромѣ журнальныхъ статей, напечаталъ два изслѣдованія—о Богданѣ Хмѣльницкомъ и о колонизаціи Сибири; послѣдній трудъ—весьма цѣнный [3]). *В. И. Савва* кромѣ статей напечаталъ изслѣдованіе о московскихъ царяхъ и византійскихъ базилевсахъ [4]), а *Е. П. Трифильевъ* [5])—о крестьянскихъ движеніяхъ въ царствованіе имп. Павла, *В. Е. Даниловичъ* [6]), нѣсколько статей по рус. археологіи и нумизматикѣ.

Изъ лекторовъ, изслѣдователей въ области новыхъ языковъ, отмѣтимъ—*Метелеркампа*, помѣстившаго рядъ статей въ заграничныхъ изданіяхъ по исторіи нѣм. слов., *Ирмера*, работающаго по исторіи нѣмецкой литературы, *Лоренцони*, напечатавшаго работы объ итальянскомъ литературномъ языкѣ и Кардуччи [7]).

Таковы были дѣятели историко-филологическихъ наукъ. Представителями юридическихъ знаній въ Харьковѣ являются слѣдующія лица.

Преподаватели каѳедры римскаго права въ первыя десятилѣтія Харьковскаго университета не оставили печатныхъ трудовъ по этому предмету. Первымъ и заслуженнымъ представителемъ этой каѳедры является *Л. Н. Зацирскій* (съ 1874 г.), которому принадлежатъ монографіи по римскому праву (Принципы римскаго гражд. и угол. права, Ученіе о законорожденности и незаконнорожденности по римскому праву, Ученіе объ отцовской власти), обширный учебникъ (въ 8 выпускахъ), рѣчи и рецензіи. *В. Ф. Фонъ-Зелеръ* напечаталъ въ 1895 г. въ бытность свою въ Харьковѣ докторскую диссертацію „Ученіе о правѣ общей собственности по римскому праву".

Въ области гражданскаго права имѣли печатные труды—*А. В. Куницынъ* (съ 1835 по 1862 г.); написалъ о наслѣдственномъ правѣ по русскому законодательству и составилъ руководство къ изученію русскихъ гражданскихъ законовъ; *С. В. Пахманъ*—крупная ученая сила, но его капитальные труды относятся не къ харьковскому періоду дѣятельности; *И. П. Цитовичъ* наоборотъ, въ Харьковѣ составилъ три свои прекрасныя диссертаціи—О способахъ пріобрѣтенія собственности по русскому праву (pro venia legendi), „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія" и „Деньги въ области гражданскаго права". *А. И. Загоровскій* кромѣ спеціальныхъ статей напечаталъ изсл. „О разводѣ по русскому праву", удостоенное Уваровской преміи. *Н. А. Гредескулъ* напечаталъ изсл. „Къ ученію объ осуществленіи права" и нѣсколько статей. *А. А. Кассо* работалъ въ области общаго и мѣстнаго остзейскаго права. По финансовому праву, если не считать Клобуцкаго, первымъ ученымъ представителемъ этой каѳедры былъ *М. М. Алексѣенко* (съ 1870 до 1899 г.); ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области: Организація государственнаго хозяйничанья, Государственный кредитъ, Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. Преемникомъ его является *П. П. Мигулинъ*, пріобрѣвшій себѣ извѣстность многочисленными монографіями, основанными гл. обр. на неизданномъ архивномъ матеріалѣ—Русскій государственный кредитъ, т. I, II, III, Реформы денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ, Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика, Наша банковая политика (1703—1903 гг.), Выкупная операція и ея результаты. По *уголовному праву* и *судопроизводству* *Л. Е. Владимировъ* напечаталъ двѣ диссертаціи—О значеніи врачей экспертовъ въ уголовномъ процессѣ, Судъ присяжныхъ, Учебникъ русскаго уголовнаго права и пособіе—Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. *А. Д. Киселевъ* напечаталъ маг. дис.—Психологическое основаніе уголовной отвѣтственности. По исторіи русскаго права работали въ Харьковѣ: крупный ученый *И. И. Дитятинъ*, капитальныя изслѣдованія котораго о русскихъ городахъ напечатаны были еще до перехода его въ Харьковъ, а здѣсь изданы цѣнныя

[1]) Ib., стр. 329—338. [2]) Ib., стр. 337—341. [3]) Ib., стр. 343—344. [4]) Ib., стр. 344—345. [5]) Ib., стр. 345. [6]) Ib., стр. 348. [7]) Ib., стр. 357, 362, 368.

статьи и критическія замѣтки, а также монографія—Столѣтіе Петербургскаго городского общества. *И. М. Собестьянскій* напечаталъ въ Харьковѣ двѣ свои диссертаціи (маг. и докт.)—Круговая порука у славянъ и Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ; послѣдняя вызвала и положительныя, и рѣзко отрицательныя сужденія критики. *Н. А. Максимейко*, какъ одинъ изъ учениковъ пр. Владимирскаго-Буданова, работаетъ въ области литовско-русскаго права и особенно цѣннымъ его изслѣдованіемъ является диссертація о Сеймахъ литовско-русскаго гос. до Любл. уніи. По *государственному праву* слѣдуетъ отмѣтить *Н. О. Куплеваскаго*, которому принадлежатъ солидныя изслѣдованія.—Административная юстиція въ Западной Европѣ, Государственная служба въ теоріи и дѣйствующемъ правѣ, а также Курсъ русскаго государственнаго права и рядъ замѣтокъ. По международному праву работалъ—краса и гордость юридическаго факультета—*Д. И. Каченовскій*; кромѣ многочисленныхъ статей на англ., франц. и рус. яз. напечаталъ крупное изслѣдованіе О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ (докт. дис.) и Курсъ международнаго права. *В. П. Даневскій* также видный работникъ въ этой области; напечаталъ Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву, Историческій очеркъ нейтралитета, Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. *М. А. Таубе* издалъ въ Харьковѣ изслѣд. „Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ". *В. А. Ульяницкій*, будучи профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ, напечаталъ докт. дис. „Русскія консульства заграницею въ XVIII в.". Въ области полицейскаго права написалъ не много, но то, что было написано, было весьма цѣнно, *К. К. Гаттенбергеръ*; ему принадлежатъ работы—О вліяніи русскаго законодательства на производительность торговаго банковаго кредита, Законодательство и биржевая спекуляція, Вѣнскій кризисъ 1873 г. и рядъ статей о кооперацiяхъ и рабочемъ законодательствѣ". О самостоятельности его свидѣтельствуетъ сдѣланная имъ критическая оцѣнка взглядовъ Шмоллера. По *политической экономіи* работали старые представители этой каѳедры—иностранцы *Ланцъ* и *Якобъ*, издавшіе руководство по этому предмету; изъ русскихъ *Т. Ѳ. Степановъ*, издавшій Записки по политической экономіи (1844—1848 гг.)—единственное оригинальное руководство по этому предмету на рус. яз. въ 40 годахъ, *Из. Ив. Срезневскій* и *Рославскій Петровскій*; первый напечаталъ изсл.:Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи, второй—нѣсколько статей по статистикѣ харьк. края, О народонаселеніи Россіи и Европы и Руководство къ статистикѣ, *И. П. Сокальскій*, кромѣ общихъ изслѣдованій (объ англосаксонской общинѣ), издавшій массу статей и замѣтокъ по статистикѣ мѣстнаго края. Мало продуктивнымъ въ Харьковѣ оказался глубокій знатокъ политической экономіи проф. *Г. М. Цыганковецкій*. *В. Ф. Левитскій* (съ 1893 г.) напечаталъ въ Харьковѣ докт. дис. „Сельско-хоз. кризисъ во Франціи" и рядъ статей. По *энциклопедіи и исторіи философіи права* работали—*А. И. Палюмбецкій* и *А. Г. Станиславскій* (съ 1853), *К. Н. Ярошъ*, (съ 1877 г.), напечатавшій соч. Спиноза и его ученіе о правѣ, Исторія идеи естественнаго права I, II; Іеремія Бентамъ и его отношеніе къ естественному праву и др. *А. Н. Фатьевъ*, напечатавшій книгу: Индивидуалистическое направленіе въ исторіи философіи государства [1]).

Обращаемся теперь къ представителямъ физико математическихъ наукъ.

По *чистой математикѣ* первымъ выдающимся работникомъ былъ Т. Ѳ. *Осиповскій* (1804—1820), стяжавшій себѣ славу изданіемъ обширныхъ и выдающихся для своего времени руководствъ по математикѣ и критическихъ статей философскаго содержанія, въ коихъ выступилъ противъ Канта [1]). *Н. М. Архангельскій* (1813—1837) издалъ переводъ механики Франкера и нѣсколько статей по механикѣ [2]). *Н. А. Дьяченко* (1832—1839) и *Е. М. Бейеръ* (1845—1872) издали въ свѣтъ немного работъ по математикѣ [3]). *Д. М. Делярю* (1864—1885), кромѣ двухъ диссертацій и нѣсколькихъ статей, выпустилъ въ свѣтъ еще и руководство по математикѣ [4]). *М. Ѳ. Ковальскій* (1866—1900) напечаталъ двѣ диссертаціи и одну статью [5]). *К. А. Андреевъ* (1874—1898) опубликовалъ въ Харьковѣ нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій и курсъ аналитической геометріи и получилъ званіе члена корреспондента Академіи Наукъ [6]). *М. Л. Тихомандрицкій* (1883—1905) напечаталъ довольно много работъ и руководствъ по чистой математикѣ [7]). *В. П. Алексѣев-*

---

[1]) Всѣ эти данныя позаимствованы изъ книги „Юрид. фак. Харьк. унив. за первыя 100 лѣтъ его существованія 1908 г. Подъ ред. М. П. Чубинскаго и Д. И. Багалѣя (Біогр. сл., III).

[1]) Біогр. Сков., II, стр. 7—8. [2]) Ib., стр. 10—11. [3]) Ib., стр. 18—22. [4]) Ib., стр., 26—27. [5]) Ib., стр., 27—29. [6]) Ib., стр. 33. [7]) Ib. стр. 36—38.

скій (1893—1905) напечаталъ нѣсколько интересныхъ по выводамъ изслѣдованій по математикѣ [1]). *А. П. Пшеборскій* (съ 1899) издалъ нѣсколько работъ [2]).

По *механикѣ* въ Харьковѣ было трое выдающихся ученыхъ, составляющихъ украшеніе не только русской, но и европейской математической науки—*В. Г. Имшенецкій*, *А. М. Ляпуновъ* и *Д. А. Стекловъ*; предшественникомъ ихъ былъ *И. Д. Соколовъ* (1839—до конца 60 годовъ), издавшій между прочимъ одно изъ первыхъ руководствъ по аналитической механикѣ на русскомъ языкѣ. *В. Г. Имшенецкій* (1872—1881) [3]) вступилъ въ Харьковскій университетъ съ большою ученою славою и упрочилъ ее въ Харьковѣ на столько, что былъ избранъ прямо въ ординарные академики, пользуясь уже большою извѣстностью и заграницей. *А. М. Ляпуновъ* (1885—1902) кромѣ двухъ выдающихся диссертацій опубликовалъ много цѣнныхъ спеціальныхъ работъ въ изданіяхъ Харьковскаго Математическаго Общества, Матем. Сбор. „Journal des Sciences mathematiques, Bulletin de l'Academie des Sciences de St. Petersbourg, Comptes rendus des Sciences de l'Academie de Paris [4]). *В. А. Стекловъ* (1891—1905) является ученымъ такого же высокаго ранга, какъ и А. М. Ляпуновъ, но отличается еще при этомъ большею ученою продуктивностью. И онъ кромѣ двухъ выдающихся диссертацій напечаталъ массу ученыхъ изслѣдованій въ изданіяхъ русскихъ и главнымъ образомъ иностранныхъ Академій (Парижской, Петербургской, Краковской, Тулузской), по механикѣ, анализу, гидродинамикѣ, теоріи упругости и другимъ отдѣламъ математической физики [5]). По *астрономіи* отмѣтимъ *А. П. Шидловскаго*, (1843—1856), который опредѣлилъ географическую широту г. Харькова, производилъ астрономическія и геодезическія наблюденія на южной оконечности русскаго градуснаго измѣренія на Дунаѣ въ 1849 г. и совершилъ въ 1847 и 1848 гг. астрономическое путешествіе, результаты коего обработалъ въ 2-хъ выпускахъ, изданныхъ въ Харьковѣ въ 1853 и 1857 гг. [6]). *И. И. Федоренко* (1857—1879), находясь въ Харьковѣ, напечаталъ только диссертацію и двѣ работы по астрономіи [7]). *Г. В. Левицкій* (1879—1894) устроилъ въ Харьковѣ обсерваторію съ сейсмическимъ отдѣленіемъ и положилъ начало систематическимъ научнымъ наблюденіямъ въ ней, которыя и опубликовывалъ [8]). *Л. О. Струве* (съ 1894) продолжалъ научныя наблюденія въ обсерваторіи вмѣстѣ съ *Н. М. Евдокимовымъ* [9]).

По *физикѣ*—*А. И. Стойковичъ* (1803—1813) не былъ самостоятельнымъ ученымъ, но напечаталъ въ Харьковѣ цѣлый рядъ большихъ руководствъ и монографій (физику, физическую астрономію, физическую географію, о происхожденіи воздушныхъ камней, о предохраненіи отъ ударовъ молніи, о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія и о средствахъ противъ порчи его [10]). *В. И. Лапшинъ* (1835—1863) сталъ систематически вести метеорологическія наблюденія въ Харьковѣ и публиковать ихъ въ Х. Г. В. (съ 38 номера за 1840 годъ), занимался вопросомъ о климатѣ г. Харькова и Харьковской губ. и производствомъ гальваническихъ опытовъ [11]). *Ю. И. Морозовъ* (1862—1900 г.), кромѣ двухъ диссертацій, напечаталъ рядъ работъ по метеорологіи вообще и харьковскаго края въ частности; одинъ изъ первыхъ заинтересовался вопросами мѣстной археологіи [12]). *А. П. Шимковъ* (1865—1904), кромѣ двухъ диссертацій, напечаталъ курсъ физики и перевелъ нѣсколько работъ по физикѣ [13]). *Н. Д. Пильчиковъ* (1885—1894) открылъ обширный курскій районъ аномалій земного магнетизма и занимался разработкой вопроса о мѣстныхъ аномаліяхъ земного магнетизма; результаты своихъ лабораторныхъ работъ у Lippmann'а въ Парижѣ печаталъ въ изданіяхъ Парижской Академіи Наукъ. Работы въ основанной имъ метеорологической станціи при Харьковскомъ университетѣ привели его къ открытію спектральной поляризаціи атмосферы; состоялъ членомъ Тулузской Академіи Наукъ [14]). *А. К. Погорѣлко* и особенно *А. П. Грузинцевъ* работали въ области теоретической физики. Послѣдній имѣетъ много работъ [15]). По метеорологіи работали *М. И. Косачъ* и *К. А. Роговскій* [16]).

По *химіи* очень виднымъ ученымъ дѣятелемъ въ этой области былъ *Ф. Гизе* (1805—1814), издалъ еще до появленія въ свѣтъ труда Берцелліуса „Всеобщую химію“ въ 5 томахъ—образцовое для своего времени обширное руководство, переведенное проф. Комлишинскимъ съ нѣмецкой рукописи на русскій языкъ и напечатанное въ Харьковѣ; во время пребыванія своего въ Харьковѣ онъ издалъ также нѣ-

[1]) Ib. стр. 39—40. [2]) Ib.. стр., 41. [3]) Ib., стр., 49—51. [4]) Біогр. Словарь, II, стр. 52—53.
[5]) Ib., стр. 54—56. [6]) Ib., стр. 66—67. [7]) Ib., стр., 68. [8]) Ib., стр., 69—70. [9]) Ib., стр., 71—72.
[10]) Ib., стр. 75. [11]) Ib., стр. 77—78. [12]) Ib., стр. 80—81. [13]) Ib. стр. 81—83. [14]) Ib., стр. 85—88.
[15]) Ib., 84, 90—91. [16]) Ib., 92, 93—94.

сколько анализовъ мѣстныхъ минеральныхъ водъ и статью о наивыгоднѣйшемъ способѣ добывать селитру [1]). *П. И. Эйнбродтъ* (1843—1854) и *А. И. Ходневъ* (1846—1854) напечатали по нѣскольку спеціальныхъ работъ, а послѣдній кромѣ того издалъ курсъ физіологической химіи [2]). Но европейскою научною силою по химіи былъ *Н. Н. Бекетовъ*, посвятившій Харьковскому университету лучшіе годы своей ученой дѣятельности (1855—1887)—32 года! Уже въ 1859 году онъ опубликовалъ 4 изслѣдованія и съ тѣхъ поръ трудно указать годъ, когда не появились бы въ печати его лабораторное изслѣдованіе или теоретическая статья. Въ 1877 г. онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, а въ 1879 г. Академія присудила ему Ломоносовскую премію за выдающіяся изслѣдованія надъ окисями щелочныхъ металловъ. въ 1886 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики и переѣхалъ въ слѣдующемъ году въ Петербургъ; „Черезъ всю научную дѣятельность Н. Н. проходитъ яркою нитью одно направленіе—химика-философа. Стараясь всегда проникнуть въ существо тѣхъ темныхъ процессовъ, которые называются химическими, онъ никогда не добывалъ ни одного новаго факта ради самого факта; не увлекаясь модными теченіемъ, не соблазняясь жаждой открытія новыхъ фактовъ, онъ медленно шелъ по трудному пути теоретической химіи и стремился къ рѣшенію вопроса о томъ, гдѣ источникъ, гдѣ причина того, что̀ въ химіи опредѣляется терминомъ „химическое сродство“ [3]). *Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій* (1865—1870), *Г. И. Лагермаркъ* (1871—1904), *Н. А. Чернай* (1881—1884) напечатали немного работъ [4]). Талантливымъ работникомъ былъ *А. П. Эльтековъ*. Состоя преподавателемъ епархіальнаго училища, произвелъ рядъ выдающихся работъ по органической химіи. Не имѣя въ этой области учителя руководителя (Н. Н. Бекетовъ занимался въ то время физико-химическими и теоретическими изслѣдованіями), пользуясь только знаменитою книгою Бутлерова (Введеніе въ органическую химію), онъ выработалъ самостоятельно практику химическаго изслѣдованія отъ мелочныхъ пріемовъ до крупныхъ операцій и глубоко проникъ въ пониманіе процессовъ синтеза тѣлъ и изслѣдованія превращеній въ ряду органическихъ соединеній. За магистерскую диссертацію ему прямо была дана докторская степень; въ ней была отмѣчена эрудиція автора, строгая критика, талантливость въ постановкѣ вопросовъ и удачный выборъ методовъ изслѣдованія и доказательствъ [5]). И. П. *Осиповъ* (1886—1905) кромѣ двухъ диссертацій напечаталъ много работъ и статей [6]). *В. Ф. Тимофеевъ* (1887—1899) имѣетъ также рядъ лабораторныхъ работъ по химіи [7]). *П. Д. Хрущовъ*, много работалъ заграницей и въ своей собственной лабораторіи, въ послѣдней съ сотрудниками (въ имѣніи Харьк. губ.); опубликовалъ на русскомъ и французскомъ языкахъ курсъ своихъ лекцій въ Харьковскомъ университетѣ—О химическихъ равновѣсіяхъ [8]). По технической химіи и технологіи работали *И. К. Коссовъ*, *Н. К. Янчуковичъ*, *И. А. Красуцкій*, *К. В. Харичковъ*.

По *зоологіи*, а также по ботаникѣ и минералогіи первымъ работникомъ былъ *И. А. Кринницкій* (1825—1838), спеціальныя статьи котораго относятся гл. обр. къ описанію разныхъ видовъ [9]). *И. О. Калениченко* (1833—1864) [10]) также напечаталъ нѣсколько статей по зоологіи и ботаникѣ такого же описательнаго характера. *А. В. Чернай* (1845—1873) [11]) занимался гл. обр. описательной зоологіей и кромѣ диссертацій и отдѣльныхъ статей напечаталъ на основаніи личнаго изученія монографію—о фаунѣ Харьк. губ. и прилежащихъ къ ней мѣстъ (2 вып.). *А. Ф. Масловскій* (1855—1887) [12]) написалъ немного статей по сравнительной анатоміи животныхъ, но издалъ первый на русскомъ языкѣ курсъ эмбріологіи, о которомъ отецъ эмбріологіи акад. Беръ далъ весьма лестный отзывъ. *П. Т. Степановъ* (съ 1865 г.) [13]) напечаталъ рядъ трудовъ по зоологіи и „Основанія гистологіи животныхъ“. *Н. Ѳ. Бѣлецкій* (1877—1882) [14]) издалъ рядъ работъ по физіологіи животныхъ, представляющихъ цѣнный вкладъ въ русскую научную литературу. *А. Ѳ. Брандтъ* (съ 1886 г.) напечаталъ въ спеціальныхъ научныхъ изданіяхъ рядъ работъ по зоологіи и нѣсколько курсовъ (сравнительной анатоміи позвоночныхъ, медицинской зоологіи, зоологіи) [15]). В. В. *Рейнгардъ* (съ 1883 г.) [16]) напечаталъ рядъ работъ гл. обр. по эмбріологіи. Н. Ѳ. *Бѣлоусовъ* (съ 1893 г.) [17]) имѣетъ работы по гистологіи и физіологіи животныхъ. Нынѣ представителемъ этой каѳедры является А. М. Никольскій, имѣющій много работъ [18]). Энергичную научную дѣятельность проявлялъ къ сожалѣнію рано и трагически погибшій въ ученой экскурсіи на Сѣверъ *А. В. Шидловскій* [19]).

---

[1]) Ib., 97—98. [2]) Ib., 101, 103. [3]) Біогр. Слов., II, стр. 103—111. [4]) Ib., 112, 113, 114
[5]) Ib., стр. 114—120. [6]) Ib., стр. 123—125. [7]) Ib., 190—191. [8]) Ib., 126—127. [9]) Ib., 135.
[10]) Ib., 153—154. [11]) Ib., 156. [12]) Ib., 160. [13]) Ib., 162. [14]) Ib., 163—164. [15]) Ib., 167—169.
[16]) Ib., 170—171. [17]) Ib., 171—172. [18]) Ib., 173—175. [19]) Ib. 177—178.

По *ботаникѣ* всю жизнь работалъ надъ собираніемъ украинской флоры *В. М. Черняевъ*. Его мечтой было дать полное описаніе ея, но отпечаталъ онъ только конспектъ этой флоры,—списокъ собранныхъ имъ растеній безъ комментарій—„Конспектъ растеній дикорастущихъ и разводимыхъ въ окрестностяхъ Харькова и въ Украйнѣ". Х. 1859. Кромѣ этого труда онъ опубликовалъ списокъ украинскихъ тайнобрачныхъ растеній, грибовъ, среди которыхъ ему удалось описать рядъ новыхъ видовъ и родовъ, провѣренныхъ при содѣйствіи знаменитаго миколога, профессора Упсальскаго университета Фриса [1]). Напечатали работы по систематикѣ растеній и о ботаническихъ коллекціяхъ *Кириллова* и *Щеглеева*. *А. С. Пипра* издалъ два изслѣдованія по ботаникѣ и 7 статей. Начали въ Харьковѣ свою ученую дѣятельность по ботаникѣ *Н. Ѳ. Левашовскій*, *Е. М. Делярю* и *Г. Ѳ. Шперкъ*. Крупную европейскую извѣстность имѣютъ работы *Л. С. Ценковскаго*; число ихъ равняется 45, изъ нихъ двѣ относятся къ высшимъ растеніямъ, нѣкоторыя носятъ болѣе или менѣе популярный характеръ, а всѣ остальныя посвящены низшимъ растеніямъ и животнымъ. Его замѣчательная докторская диссертація „О низшихъ водорослях и инфузоріяхъ" (1856) также относится къ этой области, всѣ же эти труды въ своей совокупности, по общему признанію, сдѣлали эпоху въ этой отрасли; выработанный Ценковскимъ методъ прививокъ сибирской язвы имѣлъ огромныя благодѣтельныя послѣдствія для всей Россіи, особенно южной, гдѣ скотъ тысячами падалъ отъ этой ужасной болѣзни. Ценковскій былъ украшеніемъ Харьковскаго университета и признаніе его научныхъ заслугъ нашло себѣ яркое выраженіе въ избраніи его во время 35-лѣтняго юбилея въ 1886 г. почетнымъ членомъ большинства русскихъ университетовъ; а о высокой оцѣнкѣ его работъ западно-европейскими учеными свидѣтельствуетъ отзывъ проф. Брефельда, который писалъ: „въ моей лабораторіи сохранилась поговорка:—это на столько же достовѣрно, какъ наблюденіе Ценковскаго" [2]). *Л. В. Реймардъ*, *В. И. Палладинъ*, *В. А. Ротертъ* были представителями каѳедры ботаники и издали не мало спеціальныхъ работъ въ этой области (особенно два первые); *В. К. Зальѣский* и *В. М. Арнольди* теперь занимаютъ эту каѳедру и также работаютъ въ этой области, равно какъ и ихъ молодые сотрудники *В. А. Таліевъ* и *А. А. Потебня*. [3]).

По минералогіи и геологіи работалъ *И. А. Кричицкій* (1825—1838): писалъ о Днѣпровскихъ порогахъ съ минералогической точки зрѣнія [4]). *Н. Д. Борисякъ* (1847—1870) [5]) выдающійся мѣстный изслѣдователь, писалъ о геогностическомъ составѣ и минеральныхъ богатствахъ Харьковской губ. и издалъ „Сборникъ матеріаловъ, относящихся до геологіи южной Россіи"; его работы имѣли и важное практическое значеніе для развитія южно-русской горной промышленности. *И. Ѳ. Леваковскій* (1860—1889) [6]) продолжалъ геологическія изслѣдованія въ южной Россіи Борисяка,—и они также имѣли важное практическое значеніе (онъ установилъ окончательно на палеонтологическихъ данныхъ пермскій возрастъ соляныхъ пластовъ Бахмутской котловины—и тамъ дѣйствительно были открыты буреніемъ богатѣйшія залежи каменной соли, составляющія нынѣ предметъ обширной добывающей промышленности). Онъ первый написалъ курсъ (къ сожалѣнію, неоконченный) геологіи съ массою примѣровъ изъ русской геологіи. Всестороннему и систематическому описанію южной Россіи онъ посвятилъ цѣлый рядъ выдающихся работъ, основанныхъ какъ на чужихъ, такъ и гл. обр. на собственныхъ наблюденіяхъ и богатыхъ новыми выводами. Въ капитальномъ общемъ трудѣ „Воды Россіи по отношенію къ ея населенію" онъ всесторонне разобралъ какъ происхожденіе подземныхъ и наружныхъ водъ, такъ и вліяніе ихъ на орографію и населеніе Россіи; работа эта носитъ геологическій характеръ и имѣетъ важное практическое значеніе. *А. С. Брю* (1868—1905) [7]) напечаталъ нѣсколько изслѣдованій по минералогіи. *А. В. Гуровъ* (1883—1905). Его ученая дѣятельность состояла гл. обр. въ изученіи геологіи Юга Россіи, именно: Харьк., Екатерин., Полт., Кур. и Вор. губ. и области Войска Донского, ближайшимъ же образомъ въ детальномъ изслѣдованіи геологическаго строенія Донецкаго каменноугольнаго бассейна и Днѣпровской гранито-гнейсовой площади; при этомъ онъ вдался и въ сферу прикладной геологіи и принималъ участіе въ развѣдкахъ на каменный уголь, каменную соль, желѣзныя руды и т. п.; подъ его руководствомъ проведена была первая буровая скважина въ Бахмутѣ (доставившая соль), и въ Харьковѣ, доставившая г. Харькову артезіанскую подмѣловую воду; его изслѣдованіями были опредѣлены подземные водоносные горизонты Харьк., Полт. и Екатер. губ., въ Киргизскихъ степяхъ мѣсторожденія каменнаго угля, мѣдныхъ и серебросвинцовыхъ

---

[1]) Ib., стр. 211—212. [2]) Ib., стр. 219—220. [3]) Ib., стр. 220—235. [4]) Ib., 135. [5]) Ib., 137—138. [6]) Ib., 143—144. [7]) Ib., 147—148.

рудъ [1]). *П. П. Пятницкій* (съ 1892 г.) ведетъ цѣнныя геологическія изслѣдованія юга Россіи и центральнаго Кавказа [2]). По *агрономіи* слѣдуетъ отмѣтить только двухъ лицъ—*В. А. Кочетова* (1846—1872) и *А. Г. Зайкевича* (съ 1877 г.) [3]). Кочетовъ составилъ описаніе сельскохозяйственной промышленности Харьковской губ. и опубликовалъ историческій очеркъ шелководства въ Харьковской губ. Ученая дѣятельность А. Е. Зайкевича выразилась въ цѣломъ рядѣ его печатныхъ работъ по организаціи и веденію опытныхъ полей. По *географіи и этнографіи А. Н. Красновъ* (1889 г.) [4]) первый представитель этой каѳедры въ Харьковѣ, неутомимый путешественникъ; главные его ученые труды географическаго характера—1) Опытъ исторіи развитія флоры центральнаго Тяньшаня; 2) Травяныя степи сѣвернаго полушарія; 3) Чайные округа Азіи. Другіе труды посвящены частью ботаникѣ (Полтавской и Харьковской губ., Сванетіи, Китая и Японіи), частью путешествіямъ (по Дальнему Востоку), частью антропологіи и этнографіи мѣстнаго населенія. Въ области медицинскихъ наукъ работали.

П. А. Нарановичъ (1837—1853) напечаталъ нѣсколько статей по анатоміи и отчеты объ операціяхъ. *Т. С. Илличскій* (1853—1859) напечаталъ еще большее количество спеціальныхъ работъ по нормальной и патологической анатоміи. *И. О. Вилькомирскій; Д. Ѳ. Лямбль* (1860—1871)—самый видный представитель науки анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ; онъ пользовался широкою европейскою извѣстностью еще до назначенія своего профессоромъ въ Харьковѣ; но и здѣсь продолжалъ работать въ особенности въ области патологической анатоміи. *И. К. Вагнеръ; М. А. Поповъ* (1874—1905) кромѣ спеціальныхъ статей по анатоміи напечаталъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по исторіи анатоміи и другихъ медицинскихъ каѳедръ въ Харьковскомъ университетѣ и исторію этого факультета. *А. К. Бѣлоусовъ* напечаталъ дис. „Мат. для анатоміи сосудныхъ нервовъ“. *Г. М. Іосифовъ* напечаталъ 9 научныхъ сообщеній (одно въ зап. Ак. Наукъ). *В. П. Крыловъ* (1873—1903)—выдающійся патолого-анатомъ, ученикъ Руднева, непосреднаго ученика Вирхова. По *физіологіи* первымъ видвымъ дѣятелемъ послѣ *И. О. Каленичснко* былъ *И. П. Щелковъ* (1863—1889), еще во время заграничной командировки сдѣлавшій нѣсколько работъ, напечатанныхъ въ архивѣ Вирхова и Запискахъ Вѣнской Академіи Наукъ. Въ Харьковѣ, въ созданной имъ физіологической лабораторіи, былъ исполненъ цѣлый рядъ экспериментальныхъ работъ постороними учеными, его учениками и имъ самимъ; кромѣ того онъ издалъ учебникъ физіологіи. *В. Я. Данилевскій*, талантливый ученикъ Щелкова и Людвига и крупный ученый въ области физіологіи (съ 1883); ему принадлежитъ масса ученыхъ работъ (91), среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ изслѣдованія о паразитахъ крови и о вліяніи электричества на разстояніяхъ. Онъ состоялъ редакторомъ нѣкоторыхъ изданій и получилъ нѣсколько премій за свои работы въ томъ числѣ и Монтіоновскую; выдающимся прозекторомъ у него былъ *С. П. Алферовъ*. Работали въ Харьковѣ по физіологіи, *С. И. Костюринъ*, *А. М. Черевковъ* и *И. А. Чуевскій*.—По *медицинской химіи*—*Ѳ. В. Тихоновичъ* (1864—1885); кромѣ диссертаціи напечаталъ три доклада. *А. Я. Данилевскій* (1885—1893), въ кратковременное пребываніе свое въ Харьковѣ, напечаталъ рядъ статей преимущественно о питаніи и бѣлковыхъ веществахъ. *Н. И. Васильевъ, В. Я. Гулевичъ* (1899—1901); въ медицинской химической лабораторіи Харьковскаго университета Гулевичемъ было произведено 5 работъ; дѣятельнымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ былъ по этому предмету *Д. И. Кураевъ*. По *общей патологіи*—*Н. А. Хржонщевскій* (1865—1869), написавшій нѣсколько статей, *Н. С. Аванасьевъ* и *И. Н. Оболенскій* (1871—1886), написавшій за это время 7 статей различнаго содержанія. Работали въ этой области также *Т. И. Богомоловъ* и *С. Д. Костюринъ* (1886—1895), ученикъ Пашутина, написавшій за время пребыванія въ Харьковѣ 16 работъ, отличающихся точностью изложенія, образцовой постановкой экспериментовъ и часто цитируемыхъ не только въ русскихъ руководствахъ по общей патологіи, но и въ иностранной литературѣ. *В. К. Высоковичъ* (1886—1895)—крупный ученый; хотя и не былъ представителемъ каѳедры, но работалъ въ области бактеріологіи, завѣдуя Бактеріологическимъ Институтомъ Пастера въ Харьковѣ. *Н. А. Протопоповъ* умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, заразившись при работахъ въ Парижѣ ядомъ бѣшенства и оставивъ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ. *А. В. Репревъ* (съ 1895) напечаталъ 5 статей и учебникъ общей патологіи. По *фармакологіи*—*Е. С. Гордѣенко* (1838—1859) оставилъ немного работъ; тоже нужно сказать и о *И. Н. Станкевичѣ* и о *Н. Л. Залѣсскомъ* и *Д. К. Родзаевскомъ*—энергичномъ, но рано умершемъ

[1]) Ib., 149—150. [2]) Ib., 151. [3]) Ib., 199—202. [4]) Ib., 203—207.

работникѣ (1893—1894); за 1½ года онъ напечаталъ 5 статей. *С. А. Попову* принадлежатъ только 3 статьи, посвященныя Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. По *фармаціи* и *фармакогнозіи*—*Н. Ѳ. Ментинъ*, *А. Д. Чириковъ*; послѣдній кромѣ нѣсколькихъ работъ напечаталъ свои курсы, какъ руководство для студентовъ. *Л. Г. Спасскій* напечаталъ 25 статей.

По *оперативной хирургіи* напечатали кромѣ диссертаціи по нѣсколько статей—*А. И. Дудукаловъ*, *П. И. Морозовъ*, *В. Ѳ. Воскресенскій* и *Ю. Р. Пенскій*. По *частной патологіи* и *терапіи* напечаталъ болѣе 20 статей казуистическаго и популярнаго характера *И. Н. Рейнольскій*, 5 работъ *К. А. Дюмонси*, 29 работъ *Я. С. Кремянскій* (но часть ихъ касается общественно медицинскихъ вопросовъ), между прочимъ онъ писалъ о лѣченіи чахотки по изобрѣтенному имъ, но не привившемуся способу (вдыханіе анилина); много работалъ въ спеціальной области электротерапіи *И. С. Сытянко*; *А. М. Шилтовъ* самъ отмѣчаетъ 6 своихъ медицинскихъ работъ (въ томъ числѣ руководство къ діагностикѣ); *А. В. Богдановъ* и *К. Н. Георгіевскій*; послѣднему принадлежитъ 14 спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ частью въ Россіи, частью заграницей; слѣдуетъ отмѣтить также работы рано умершаго, талантливаго *А. Г. Глинскаго* (напечаталъ курсъ объ инфекц. болѣзняхъ) и *М. А. Трахтенберга* (напечаталъ курсъ болѣзней сердца). По *врачебной діагностикѣ*—*М. М. Ломиковскій* (писалъ по ларингоскопіи), *М. И. Свѣтухинъ*. По кафедрѣ фак.-терапевтической клиникѣ—*Ф. В. Альбрехтъ*, писалъ о пользѣ Славян. минер. водъ; блестящимъ представителемъ этой каѳедры былъ *В. Г. Лашкевичъ*, который писалъ не много, но вышедшее изъ подъ его пера отличалось широтою взгляда, точнымъ анализомъ и блестящимъ изложеніемъ; такими свойствами отличаются и его „Клиническія лекціи“ (вып. I); *И. Н. Оболенскому* принадлежитъ 28 работъ по разнымъ отдѣламъ медицины, изъ коихъ 11 относятся ко времени завѣдыванія имъ терапевтической факультетской клиникой; блестящія работы *Ѳ. М. Опенховскаго* относятся къ Дерптскому періоду его ученой дѣятельности. По *хирургической факультетской клиникѣ* изъ старыхъ дѣятелей отмѣтимъ *Н. И. Еллинскаго*, напечатавшаго 2 тома Десмургіи, *Т. Л. Ванцетти*, итальянца, напечатавшаго Annales scholae clinicae chirurgicae universitatis Charcoviensis; изъ новыхъ блестящаго хирурга виртуоза *В. Ѳ. Грубе*, напечатавшаго въ харьковскій періодъ 35 работъ, сдѣлавшаго 20 докладовъ въ Харьк. Медиц. Общ. и реферировавшаго для Centralbl. für chirurgie до 150 рефератовъ; *Л. В. Орловъ* въ харьковскій періодъ своей научной дѣятельности напечаталъ 13 (не считая мелкихъ) работъ на русск., франц. и нѣм. яз.; *М. М. Кузнецовъ* напечаталъ до перехода въ Варшаву 28 работъ по хирургіи. По госпитальной хирургической клиникѣ отмѣтимъ *И. К. Зарубина*, *А. Г. Подреза*, *Н. А. Соколова*; первый напечаталъ 19 работъ, второй—46 (въ томъ числѣ „Хирург. болѣзни мочеполовыхъ органовъ“), третій пробылъ въ Харьковѣ не долго (съ 1900 года), но издавалъ здѣсь журналъ „Вѣстникъ хирургіи“, въ которомъ ⅔ статей принадлежало самому редактору; *Н. И. Филипповъ* напечаталъ. кромѣ диссертаціи, 12 статей, имѣетъ печатные труды и *И. В. Кудинцевъ*.

По *акушерству*, *женскимъ* и *дѣтскимъ болѣзнямъ* энергичнымъ работникомъ былъ *И. П. Лазаревичъ*, напечатавшій до ухода изъ Харькова 77 работъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, въ томъ числѣ и пользующійся извѣстностью обширный, систематическій учебникъ по акушерству; участвовалъ въ нѣсколькихъ западно-европейскихъ ученыхъ конгрессахъ и былъ избранъ въ почетные члены общества Британскихъ гинекологовъ; получилъ награду на худож. выставкѣ за изобрѣтенные имъ акушерскіе инструменты. *Н. Ф. Толочиновъ* издалъ руководство по акушерству; *П. А. Ясинскій* также издалъ обширный учебникъ по акушерству; *Н. Д. Гаврончскій* имѣетъ 10 работъ; *П. В. Михинъ*—15; *Н. Д. Алексенко*—8; *М. М. Мироновъ*—20; *М. Д. Пономаревъ*—12; *И. В. Троицкій* имѣетъ много работъ до харьковскаго періода; *Л. І. Берцъ*—диссертацію и одну статью; *И. М. Колпакчи*—диссертацію и 3 статьи; *И. А. Баранниковъ*—33 работы.

По *нервнымъ* и *душевнымъ болѣзнямъ* чрезвычайнымъ обиліемъ работъ выдается *П. И. Ковалевскій*; кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, монографій и руководствъ, онъ редактировалъ множество переводныхъ работъ и состоялъ редакторомъ 5 повременныхъ изданій, въ томъ числѣ „Архива психіатріи, неврологіи и судебной психопатологіи“; многочисленные труды принадлежатъ также *И. Г. Оршанскому*, въ томъ числѣ „О наслѣдственности“ и „Механизмѣ нервныхъ процессовъ“, изданные Импер. Академіей Наукъ; первый трудъ переведенъ на итальянскій языкъ и вышелъ подъ редакц. Ломброзо. *М. И. Мухинъ* напе-

чаталъ 15 работъ. *К. Я. Данилевскій* напечаталъ диссертацію и нѣсколько статей о своихъ изобрѣтеніяхъ (въ томъ числѣ о воздухоплаваніи).

По *накожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ* работали проф. *А. Х. Кузнецовъ*, напечатавшій дис. и 5 статей; *В. И. Порай-Кошицъ* напечатавшій кромѣ дис. 28 статей; *В. И. Зарубинъ*, издававшій также много статей; *И. Ѳ. Зеленевъ*, напечатавшій во время пребыванія своего въ Харьковѣ (съ 1897 г). 51 работу, образовавшій первое провинціальное „Дерматологическое общество“ и издающій первый въ Россіи спеціальный журналъ „Русскій журналъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней“.

По *офтальмологіи—Л. Л. Гиршманъ* имѣетъ 13 работъ, его ученики—*П. Н. Барабашовъ* (18), *Е. А. Незнамовъ* (11), *Е. П. Брауншгейнъ* (11), *И. П. Прокопенко* (11). По *судебной медицинѣ* отмѣтимъ *Альб. С. Питру*, напечатавшаго весьма любопытный для своего времени трудъ „Specimen topographiae medicae Charcoviensis“ (1854 г); *В. К. Фонъ-Анрепа*, напечатавшаго во время пребыванія своего въ Харьковѣ нѣсколько спеціальныхъ работъ; *Ф. А. Патенко*, опубликовавшаго нѣсколько небольшихъ статей; *Н. А. Оболенскаго*, работавшаго въ Харьковѣ не долго, но энергично; *Э. Ѳ. Беллина*, издавшаго 79 трудовъ; *Н. С. Бокаріуса*, имѣющаго 5 работъ. По *гигіенѣ* работали *А. И. Якобій*, писавшій не только по вопросамъ гигіены, но и этнографіи русскихъ инородцевъ; *И. П. Скворцовъ*, напечатавшій въ бытность въ Харьковѣ 84 работы разнообразнаго содержанія; *П. Н. Лащенко*—45 работъ; *С. В. Коршунъ* (15 раб.); *В. В. Фаверъ* (28). По *гистологіи* ученымъ съ большимъ именемъ является *Н. К. Кульчицкій*, напечатавшій бол. 30 спеціальныхъ работъ; за препараты былъ удостоенъ золотой медали; издалъ „Основы практ. гист.“, удост. преміи им. Загорскаго; *Н. Ф. Кащенко*, до перехода въ Томскій университетъ опубликовалъ 17 работъ преимущественно по эмбріологіи; *В. А. Павловъ* имѣетъ 14 спец. работъ по гистологіи. По *патологической анатоміи—В. П. Крыловъ* напечаталъ кромѣ спеціальныхъ работъ „Исторію трахиноза въ Россіи“ и рядъ переводовъ; *Н. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ* послѣ перехода въ Харьковъ опубликовалъ обширную работу „Альвеолярный эхинококкъ у человѣка и животныхъ“, удост. пр. Загорскаго. По *хирургической патологіи* въ Харьковѣ научно работали, *М. М. Субботинъ*, издавшій лекціи; *Н. П. Тринклеръ*, напечатавшій 24 работы. По исторіи и методологіи медицины въ старые годы напечаталъ трудъ Калькау „Introductio ad studia medica“. По *ветеринаріи* писали въ Харьковѣ—*Пильгеръ* и *Н. Д. Галицкій* [1]).

Даже изъ представленныхъ здѣсь краткихъ данныхъ видно, что преподаватели Харьковскаго университета сдѣлали не малый вкладъ за XIX вѣкъ въ сокровищницу науки. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить А. А. Потебню, труды котораго сдѣлали эпоху въ области грамматики русскаго языка и теоріи словесности; къ рангу первоклассныхъ ученыхъ нужно отнести также бывшихъ профессоровъ Харьковскаго университета: по химіи акад. Н. Н. Бекетова, ботаники Ценковскаго, геолога Леваковскаго, математики Имшенецкаго, механики акад. А. М. Ляпунова и В. А. Стеклова, филологовъ Н. А. и П. А. Лавровскихъ, М. С. Дринова, физіолога—В. Я. Данилевскаго и др. Но большинство представляло изъ себя типъ ученыхъ средняго ранга, которые однако также необходимы для развитія и движенія науки, ибо они тихо и скромно дѣлаютъ свое полезное научное дѣло, связывая городъ Харьковъ съ тѣми центрами Россіи и Западной Европы, гдѣ происходила научная работа, давая ему значеніе научнаго центра еще въ самомъ началѣ XIX вѣка. Поэтому вполнѣ справедливо давно уже высказанное мнѣніе, что наука явилась однимъ изъ двухъ факторовъ, возвысившихъ Харьковъ. Научная дѣятельность сосредоточилась преимущественно, чтобы не сказать почти исключительно, въ университетѣ, потому что вообще въ Россіи наука (исключая Академіи Наукъ) является университетской. И на университеты возложено ихъ уставами не только преподаваніе, но и развитіе наукъ; на Технологическіе же и Ветеринарные институты такой обязанности ихъ уставами не возложено. Кромѣ того, Ветеринарный институтъ открытъ былъ 50 лѣтъ спустя послѣ учрежденія университета, а Технологическій возникъ еще позже. Наконецъ, Ветеринарный институтъ пользуется въ значительной мѣрѣ учено-преподавательскими силами университета и имѣетъ собственныхъ преподавателей по спеціальнымъ ветеринарнымъ предметамъ, носящимъ по большей части практическій характеръ. Среди профессоровъ Ветеринарнаго и Технологическаго института, конечно, былъ рядъ лицъ, печатавшихъ и печатающихъ ученые труды по предмету своей спеціальности;

---

[1]) Въ основу этого сжатаго очерка положенъ обширный трудъ „Медиц. факультетъ Харьк. у-та за первыя сто лѣтъ его существованія“, подъ ред. И. П. Сквордова и Д. И. Багалѣя. Х. 1905—1906 г.

но, къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой институтъ не печатаютъ, какъ это дѣлаетъ университетъ, во всеобщее свѣдѣніе ежегодныхъ отчетовъ о научной дѣятельности своихъ преподавателей и потому выяснить роль ихъ въ этомъ отношеніи затруднительно. Въ историческомъ очеркѣ Ветеринарнаго Института мы сообщали, что онъ издавалъ сборникъ спеціальныхъ работъ, произведенныхъ въ его лабораторіяхъ. Въ немъ начинали свою дѣятельность и такія лица, какъ А. Ѳ. Брандтъ и В. Я. Данилевскій, перешедшіе потомъ на профессорскія каѳедры въ университетъ. Занимались изслѣдованіями и такіе его спеціалисты, какъ директоръ *С. А. Раевскій*, *А. П. Остапенко*, *Н. В. Рязанцевъ* и мн. др. Энергично работали и работаютъ и молодые его изслѣдователи. Въ Технологическомъ Институтѣ учеными силами были его директора *В. Л. Кирпичевъ*, *Д. С. Зерновъ*, *Н. Н. Шиллеръ* и особенно проф. *Н. Д. Пилѣчиковъ*.

Изъ внѣ университетской среды въ научной области слѣдуетъ отмѣтить за истекшее столѣтіе цѣлый рядъ лицъ, работавшихъ въ научной области. Конечно, значеніе работъ большинства ихъ весьма скромное—это не столько научные, сколько научно-популярные и литературные труды.

Изъ старыхъ преподавателей средней школы отмѣтимъ А. А. Вербицкаго. Андрей Андреевичъ *Вербицкій* воспитывался въ Харьковскомъ Коллегіумѣ (1800—1805), потомъ въ Кіев. Дух. Ак.; съ 1809 по 1816 г. былъ преподавателемъ въ Коллегіумѣ; въ 1816 г. выдержалъ при у-тѣ экзаменъ на степень кандидата словесныхъ наукъ; съ 1820 по 1839 г. состоялъ учителемъ русской словесности въ Харьковской гимназіи. Имя покойнаго въ Харьковѣ составляло честь Дух. Кол. и губ. гимназіи, и славилось въ учебномъ округѣ, какъ одного изъ харьковскихъ *ученыхъ* и публицистовъ 1-й четверти XIX в. Съ 1811 по 1820 годъ онъ издавалъ „Харьковскій календарь“, сперва подъ этимъ названіемъ, а потомъ подъ названіемъ „Подарокъ на новый годъ сельскимъ и городскимъ жителямъ“. Съ начала 1817 до конца первой трети 1818 Вербицкій издавалъ „Харьковскія извѣстія“... Въ 1822 онъ издалъ „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“ собственно для учащихся, для этихъ послѣднихъ онъ издалъ около этого же времени и русскую грамматику. Умеръ 19 апр. 1859 г. [1]). Изъ преподавателей Коллегіума (Духовной Сем.) выдѣлялся въ первой четверти XIX в. *А. А. Прокоповичъ*—протоіерей Успенскаго собора, ректоръ харьковскаго коллегіума, преподаватель богословія въ немъ, знаменитый проповѣдникъ. Ему принадлежитъ нѣсколько руководствъ (Латинская хрестоматія, лексиконъ) и онъ же издавалъ календари, переведенные съ польскаго языка. Въ календарѣ на 1809 годъ есть и самостоятельная статья, заключающая описаніе Слоб. Украйн. губ., гор. Харькова и Харьковскаго коллегіума. Архіепископъ Курскій и Бѣлгородскій Ѳеоктистъ *Мочульскій* († 1818)—страстный ревнитель просвѣщенія, является авторомъ многихъ школьныхъ учебниковъ (Словенословіе и пѣснопѣніе, краткое объясненіе церковнаго устава, дѣтская энциклопедія). Въ 1806 г. онъ собралъ эти учебники въ одно руководство подъ заглавіемъ „Четверочастный даръ юнымъ Курской епархіи священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ“ и присоединилъ въ концѣ историческое прибавленіе о Бѣлгородѣ, Бѣлгородской епархіи, о тамошнихъ архіереяхъ и Бѣлгородской семинаріи.

Изъ Харьковскихъ архіереевъ на научномъ поприщѣ работали—преосв. *Иннокентій* (Борисовъ), арх. *Филаретъ* (Гумилевскій), арх. *Макарій* (впослѣдствіи митропол. Московскій), арх. *Савва* (Тихомировъ). Иннокентій не былъ въ сущности ученымъ по призванію—это былъ прежде всего духовный ораторъ. Но онъ не чуждался и научныхъ работъ. Одною изъ такихъ работъ являлось сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился и въ Харьковѣ,—это *Догматическій сборникъ*, заказанный ему Св. Синодомъ и туго подвигавшійся впередъ, между прочимъ благодаря отсутствію въ Харьковѣ необходимыхъ для него пособій, особенно рукописныхъ; необходимыхъ книгъ онъ не нашелъ для себя даже въ университетской библіотекѣ. Но главнымъ препятствіемъ являлись, конечно, административныя занятія пр. Иннокентія. Кромѣ того пр. Иннокентій работалъ въ Харьковѣ надъ составленіемъ исторіи польской церкви; начало этой статьи было напечатано въ Жур. Мин. Нар. Пр. за 1842 годъ [2]). Филаретъ, архіеп. Харьковскій (Гумилевскій) былъ видимъ представителемъ науки. Это былъ питомецъ Моск. Дух. Академіи. Любимымъ предметомъ его занятій въ Академіи были историческія науки—онъ былъ оставленъ по окончаніи курса баккалавромъ церковной исторіи. За капитальное изслѣдованіе „Ученіе отцовъ церкви“ онъ

[1]) Х. Г. В. 1859, № 32. Ему приписывается также вышедшее въ Харьковѣ въ 1843 г. соч. „Истор. обозрѣніе богослужебныхъ книгъ грекороссійской церкви“. 2-е изд.

[2]) Иннокентій Борисовъ. Св. Буткевича, СПБ. 1887, стр. 300—310.

получилъ степень доктора православнаго богословія. Его „Догматическое богословіе“ отличается огромной эрудиціей, научностью и философскимъ анализомъ. Его „Исторія русской церкви“ была *первымъ* опытомъ въ этомъ родѣ, доведеннымъ притомъ до конца. „Слова и бесѣды“ въ 4-хъ частяхъ, Историко-стат. опис. Харьк. еп., Обзоръ русской духовной литературы, въ 2-хъ отдѣл., Историческое ученіе объ отцахъ церкви, въ 3-хъ частяхъ—обширный полный эрудиціи трудъ и мн. др. Харьковской епархіей онъ управлялъ болѣе 10 лѣтъ (съ 1848 по 1859 годъ) и къ этому періоду времени относится составленіе имъ книги, за которую его по справедливости можно назвать Несторомъ Слободско-украинской исторіографіи. Я имѣю въ виду его „*Историко-стат. обозр. Харьк. еп.*“, въ 5 отдѣленіяхъ. Это трудъ огромной важности не только для исторіи мѣстной церкви, но и мѣстной исторіи и исторической географіи. Въ немъ заключается множество цѣнныхъ извлеченій изъ архивныхъ источниковъ, изъ которыхъ самый древній—Чугуевская воеводская переписка XVII в.—до насъ не дошелъ или, точнѣе говоря, изъ котораго только часть недавно случайно попала въ мои руки. Это въ сущности первый опытъ историко-географическаго словаря нашего края и біографическаго словаря Слободско-украинскихъ церковныхъ дѣятелей. Написана книга съ большой эрудиціей, критикой и любовью къ предмету. Она стоитъ выше другого аналогичнаго сочиненія того же автора, посвященнаго обозрѣнію Черниговской епархіи. Конечно, архіеп. Филаретъ помогали въ сообщеніи данныхъ многія лица, но это нисколько не умаляетъ его заслугъ—наоборотъ, это умѣнье привлечь сотрудниковъ должно быть поставлено ему въ особую похвалу. Наконецъ, не мѣшаетъ замѣтить, что при изданіи этого сочиненія Преосв. Филаретъ, какъ это доказано мною недавно, испытывалъ тяжкія затрудненія отъ цензуры [1]). Въ харьковскій періодъ своей дѣятельности Пр. Филаретъ выпустилъ 2-е изд. „Исторія русской церкви“ (1849—1853), Истор.-стат опис. Харьк. еп. (1857—1858) и Обзоръ русской духовной литературы (1859). Самымъ выдающимся ученымъ среди харьковскихъ іерарховъ былъ *Макарій* (Булгаковъ), знаменитый авторъ „Исторіи русской церкви“. Епископомъ харьковскимъ онъ былъ назначенъ въ 1859 г. и управлялъ этой епархіей до 1868 г. Въ Харьковъ онъ уже пріѣхалъ, какъ знаменитый ученый, докторъ богословія, получившій въ 1847 г. эту степень за сочиненіе „Введеніе въ православное богословіе“. Кромѣ чисто богословскихъ трудовъ особенно прославился своими сочиненіями по исторіи русской церкви: Исторіей русскаго раскола, Исторіей христіанства въ Россіи до Владимира Св. и Исторіей русской церкви. Впрочемъ, почти всѣ эти труды относятся не къ харьковскому, а къ другимъ періодамъ его дѣятельности. За ученую дѣятельность его избрали своимъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и почти всѣ высшія учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія, въ томъ числѣ Харьковскій университетъ. Арх. *Савва* работалъ гл. обр. въ области церковной рукописной библіографіи—трудился надъ описаніемъ рукописей. Ему принадлежитъ между прочимъ „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы и библіотеки“ [2]), удостоенный Демидовской преміи отъ Академіи Наукъ. Преподаватель Харьк. коллегіума *Орнатовскій* издалъ въ 1810 году „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики“. Префектъ коллегіума *Ольховскій* въ 1810 году напечаталъ „Философскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьк. коллегіумѣ“. Ректоръ Харьк. Дух. Сем. архим. *Израиль* издалъ въ 1849 г. „Обозрѣніе ложныхъ религій—языческой, новоіудейской и магометанской“, а въ 1850 году „Обозрѣніе русскихъ раскольничьихъ толковъ“. Изъ среды харьковскаго духовенства новѣйшаго времени выдѣлился своими серьезными изслѣдованіями въ области мѣстной церковной старины священникъ о. Николай *Лащенко*, напечатавшій на основаніи не изданныхъ матеріаловъ обстоятельную монографію о первомъ харьковскомъ епископѣ Хр. Сулимѣ, интересную статью о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ сел. Кручика и рядъ другихъ замѣтокъ [3]). Отмѣтимъ также прот. *Солнцева*.

Изъ преподавателей харьковскихъ гимназій укажемъ тѣхъ лицъ, которые хотя нѣсколько соприкасались съ наукой, издавая учебныя пособія и другіе научно-популярные труды. *Ст. Л. Есикорскій*, учитель исторіи въ Слоб. укр. гимназіи (ок. Харьковскій университетъ въ 1813 г.); перевелъ соч. Фихте „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи, издалъ соч. О единственной цѣли просвѣщенія (1818 г.), Начертаніе географіи (1819—1820), Всемірную исторію (1820—1826); перевелъ на рус. нар. соч. Ксенофонта и отрывокъ напечаталъ въ Укр. Журн. (1824 г.). *П. М. Любовскій*, учи-

[1]) См. предисловіе къ моимъ „Очеркамъ по исторіи кол.“ и мою замѣтку въ Сбор. ист. фил. общ.

[2]) Ист. стат. опис. Харьк. Усп. соб. X. 1894, стр. 111.

[3]) См. оцѣнку его научныхъ трудовъ въ моей замѣткѣ, помѣщ. въ Сборн. Харьк. ист. фил. общ.

тель той же гимназіи, напечаталъ „Краткое рук. къ опытному душесловію“ (1815), Опытъ логики (1818) и др. Учитель франц. яз. въ той же гимназіи *И. П. Одинецъ-Заставкій* перевелъ „Начальныя основанія французской грамматики“ Ломона. Учитель Инст. благор. дѣвицъ *П. Андреевскій* напечаталъ въ 1815 году „Географическіе уроки“. Преподаватель танцевъ *Мод. Петровскій* выпустилъ въ свѣтъ въ 1825 г. довольно обширное руководство—„Правила для благородныхъ общественныхъ танцевъ“. Въ концѣ 40-хъ годовъ выступилъ на учено-литературное поприще учитель *С. И. Ковалько*, напечатавшій цѣнныя для своего времени историко-стат. опис. Харьковской губ. и г. Харькова. а также странныя книги—„Старинная пословица во вѣкъ не сломится или опытныя основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрованія“, Х. 1847 г. и „Попытка не пытка, спросъ не бѣда или полное изложеніе основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія“. Вып. I. Х. 1850. Много поработалъ для мѣстной статистики учитель *Спасскій*. Въ новѣйшее время отмѣтимъ учителя 1-й гимназіи *М. М. Плохинскаго*, серьезно трудившагося надъ разработкой архивныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи и напечатавшаго обширную и цѣнную работу „Иностранцы въ Малороссіи“, преподавателя Коммерческаго училища *А. В. Вытугова*, выпустившаго нѣсколько цѣнныхъ работъ по фольклёру.—Конечно, только работы дѣятелей новѣйшаго періода имѣютъ научное значеніе.

Изъ ученыхъ, не принадлежавшихъ къ мѣстной педагогической средѣ приходится отмѣтить не многихъ. Въ началѣ XIX в. имѣли близкое отношеніе къ Харькову *В. Н. Каразинъ* и *Биберштейнъ*. Оба они не были профессіональными учеными; тѣмъ не менѣе работали и въ научной области и оставили въ ней замѣтный слѣдъ.

Въ настоящее время, когда изданы подъ моею редакціей сочиненія и бумаги В. Н. Каразина, всякій можетъ составить себѣ понятіе о широтѣ и разнообразіи его научныхъ интересовъ. Его статьи относятся къ политической экономіи и статистикѣ, технической химіи, географіи, метеорологіи, сельскому хозяйству и домоводству, исторіи и исторіи литературы и просвѣщенія. Конечно, огромное большинство этихъ статей не носитъ научнаго характера, а отличается публицистическимъ оттѣнкомъ; но все же среди нихъ попадаются и научныя, а, во 2-хъ, и остальныя, преслѣдуя публицистическія цѣли, основаны на научныхъ данныхъ. Изъ научныхъ работъ отмѣтимъ—*Статистическую таблицу роста народонаселенія въ Слободско-украинской губ. за 10 лѣтъ (съ 1808 по 1818 годъ), съ объясненіями къ ней*, Выписку изъ метеорологическихъ наблюденій въ селѣ Кручикѣ и ст. „Нѣчто относительное къ метеорологіи“, О древностяхъ Слободско-украинской губ.; пренсполнено эрудиціи, несмотря на свой публицистическій характеръ, и обширное изслѣдованіе *„Защищеніе противуиностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“*. Сел. Кручикъ, гдѣ проживалъ В. Н. Каразинъ, представляло изъ себя своего рода научный центръ: здѣсь производились многочисленные опыты по технической химіи, устраивались опытныя поля, на которыхъ дѣлались правильные опыты унаваживанія и т. п.; тамъ В. Н. Каразинъ дѣлалъ свои открытія. А въ Харьковѣ дѣйствовало созданное В. Н. Каразинымъ Филотехническое общество, о дѣятельности котораго мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. В. Н. Каразинъ не былъ ученымъ, но онъ былъ талантливымъ, образованнымъ и начитаннымъ автодидактомъ, живо воспринимавшимъ научныя свѣдѣнія изъ ихъ западноевропейскаго источника, энергично распространявшимъ ихъ въ русскомъ обществѣ и участвовавшимъ въ движеніи и развитіи тогдашней русской науки.

Фед. Кондр. Биберштейнъ—почетный членъ Харьковскаго университета, главный инспекторъ надъ шелководствомъ въ южной Россіи напечаталъ въ Харьковѣ въ 1808 году, 2 обширныхъ тома, заключающихъ перечень и описаніе Крымско-татарской флоры *„Flora Tauro-Caucasica“* и затѣмъ въ 1810 году другое сочиненіе подъ заглавіемъ „Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis“ съ 50 великолѣпно исполненными рисунками.

Къ дѣятелямъ начала XIX в. относится также Илья Ивановичъ *Квитка*, издавшій въ свѣтъ цѣнную работу по мѣстной исторіи—*Записки о Слободскихъ полкахъ*. Современнику его *Переверзеву* (директору училищъ Слоб.-укр. губ.) приписывалось другое цѣнное сочиненіе по мѣстной исторіи „Топографическое описаніе Харьк. нам.“. Питомецъ Харьк. университета *А. Левшинъ* напечаталъ въ Харьковѣ въ 1816 г. „Письма изъ Малороссіи“, другой питомецъ *В. Масловичъ* издалъ тогда же моногр. „О баснѣ и баснописцахъ разныхъ народовъ“ а *Гесъ-де-Кальве* составилъ на нѣм. яз. въ 2-хъ частяхъ обширную мо-

нографію „Теорія музыки“, пер. и изд. въ 1818 г. Гр. Өед. Квитка, извѣстный малороссійскій писатель, писавшій подъ псевдонимомъ Основьяненка, написалъ также нѣсколько статей этнографическаго и историческаго характера, гл. обр., впрочемъ, по своимъ наблюденіямъ и устнымъ повѣствованіямъ—о Харьковѣ и его началѣ, о слобожанахъ, о Головатомъ. *Смирницкій* въ 1834 г. издалъ собранные имъ „Малороссійскія пословицы и поговорки“. Въ Харьковѣ началъ свою научную работу и знаменитый впослѣдствіи дѣятель науки Н. И. Костомаровъ (издавшій диссертацію объ уніи и о народной поэзіи). *Гр. Петр. Данилевскій* выпустилъ въ 1866 году въ свѣтъ выдающуюся въ научномъ отношеніи книгу, увѣнчанную академическою премію и не утратившую своего интереса и до настоящаго времени—„*Украинскую старину*“, заключающую въ себѣ біографіи трехъ важнѣйшихъ дѣятелей Слободской украйны—*Гр. Сов. Сковороды, Гр. Өед. Квитки* и *В. Н. Каразина* и кромѣ того монографію о *школахъ въ Харьковщинѣ*. „Украинская старина“ Данилевскаго и „Ист. стат. опис. Харьк. еп.“ Филарета долго являлись основными пособіями, изъ которыхъ только и можно было черпать свѣдѣнія по мѣстной исторіи и литературѣ. Къ 60-мъ годамъ относится изданіе переводовъ выдающихся научнопопулярныхъ сочиненій по естествознанію; такъ, въ 1866 году былъ изданъ сборникъ статей Руд. Вирхова, Круговоротъ жизни Молешотта, Исторія свѣчки Фарадея, а также Смайльса „Самопомощь“. Въ 1875 г. началъ появляться въ Харьковѣ переводъ капитальнаго многотомнаго медицинскаго труда Цимсена „Руководство къ частной патологіи и терапіи“, въ 1876 г. вышла книга *Л. Павловича „О кормовыхъ травахъ, дико растущихъ и воздѣлываемыхъ въ Украйнѣ“*. Съ благодарностью слѣдуетъ отмѣтить изданныя, а гл. обр., неизданные работы и матеріалы пок. помощника библіотекаря университетской библіотеки *Гр. Серг. Чирикова*. Изъ печатныхъ его работъ отмѣтимъ: статью объ Осиповскомъ и о харьковскомъ баснописцѣ сатирикѣ Нахимовѣ, и Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 годъ. Но послѣ смерти его осталось богатое литературное рукописное наслѣдство въ видѣ неоконченныхъ работъ, заключающихъ матеріалы и замѣтки по исторіи г. Харькова, Харьковскаго края и литературы. Этимъ матеріаломъ пользовался и г. Тихій для своей монографіи о В. Н. Каразинѣ, пользовались и мы для 2-го тома своей „Исторіи г. Харькова“. Пок. библіотекарь *Я. О. Балясный* опубликовалъ переводъ важныхъ для первоначальной исторіи Харьковскаго университета Записокъ проф. Роммеля.

По мѣстной статистикѣ отмѣтимъ рядъ трудовъ; *Вик. Ив. Мочульскій* издалъ въ 1850 г. (СПБ.) Военно-стат. опис. Харьк. губ. Онъ былъ извѣстенъ въ наукѣ многими трудами по части общей зоологіи, археологіи и т. п. Послѣ его смерти черновыя замѣтки и рисунки каменныхъ бабъ поступили въ Общ. люб. естеств. и послужили матер. для ист. геогр. изысканій В. И. Мочульскаго о курганахъ и кам. бабахъ. *С. Турбинъ* (капитанъ генеральнаго штаба) издалъ „Стат. опис. Харьк. губ.“ (Харьк. губ. вѣд. 1860—62 г. Ист. введеніе въ № 44—47 1859 года). Полк. *Ширковъ*—харьковскій уроженецъ, составилъ Военно-Статист. обозрѣніе Харьк. губ. въ 1852 году, оставшееся въ рукописи. *Турбинъ* напечаталъ одну статью изъ него („дворянство“) въ своемъ Стат. опис. Харьк. губ. (1860, № 51—52), другіе отрывки изъ обозрѣнія Ширкова помѣщены Турбинымъ въ разныхъ мѣстахъ его книги. Въ 1870 году докторъ медиц. *Столяровъ* издалъ „Опытъ медицинской топографіи и статистики Харьковскаго военнаго округа“. Особую и важную группу составляютъ статистическія изслѣдованія Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, мѣстнаго земства и городскаго управленія, а также историческія монографіи, основанныя на матеріалахъ мѣстнаго Историческаго архива. О первыхъ и о послѣднихъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Отмѣтимъ здѣсь извѣстнаго статистика *А. А. Русова*, одно время работавшаго въ Харьк. гор. управѣ, *А. Л. Шиманова* и *В. В. Гурова*, издававшихъ матеріалы и изслѣдованія по исторіи старозаимочнаго землевладѣнія, *Хр. Д. Алчевскую*, *М. Н. Салтыкову*, *Д. П. Максименка*, *И. П. Бѣлокопскаго*, писавшихъ по народному образованію.

Глава 16-я.

Ученыя общества, лабораторіи, музеи и коллекціи.

Въ развитіи науки имѣютъ большое значеніе ученыя общества и научныя коллекціи. Иногда онѣ преслѣдуютъ при этомъ и общеобразовательныя цѣли, т. е. распространеніе научныхъ свѣдѣній въ обществѣ, тогда ихъ значеніе еще болѣе возрастаетъ. Оставаясь всегда въ городѣ и являясь притягательной силой и въ общеобразовательномъ, и въ спеціально научномъ отношеніи для населенія окружающаго района, онѣ придаютъ самому городу значеніе образовательнаго и научнаго центра. Недаромъ столицы міровыхъ государствъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточіемъ музеевъ, на которыя правительства затрачиваютъ колоссальныя средства. Такую серьезную роль играютъ ученыя общества и научныя коллекціи и въ жизни г. Харькова и болѣе или менѣе систематическія свѣдѣнія о нихъ должны служить естественнымъ дополненіемъ къ главѣ о научной дѣятельности въ Харьковѣ за истекшій XIX вѣкъ. Начнемъ свое обозрѣніе съ *ученыхъ обществъ*. Подобно тому какъ научная дѣятельность въ Харьковѣ связана гл. обр. съ университетомъ, такъ же точно съ университетомъ связаны и важнѣйшія ученыя общества и научныя коллекціи.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ Харьковѣ было всего только два ученыхъ общества—*общество наукъ при университетѣ* и *филотехническое общество*, учрежденное В. Н. Каразинымъ внѣ университета; послѣднее, впрочемъ, носило не столько научный, сколько научно практическій характеръ.

9-й § перваго университетскаго устава 1804 года требовалъ учрежденія при университетѣ ученаго общества. Но у первыхъ профессоровъ было такъ много дѣла по устройству университета, преподаванію и завѣдыванію всѣми училищами въ округѣ, что такое общество открыло свои дѣйствія при Харьковскомъ университетѣ только въ 1813 году. Иниціатива его учрежденія принадлежала проф. иностранцамъ—Стойковичу (физику) и Роммелю (латинисту). Цѣль общества состояла въ *распространеніи* наукъ и знаній. Дѣлилось оно на 2 отдѣленія—естественныхъ и словесныхъ наукъ. Въ первый годъ въ немъ было 10 членовъ, потомъ число ихъ увеличилось. Въ 1813 году было 3 засѣданія, въ 1814 г.—7 зас. Первымъ предсѣдателемъ его былъ Стойковичъ, вторымъ—Роммель. Во 2-й годъ членами его доставлено 10 рефератовъ и задумано устройство библіотеки. Въ 1817 году вышелъ первый (и единственный) томъ его трудовъ, въ которомъ были помѣщены статьи проф. Осиповскаго, Архангельскаго, Комлишинскаго, Громова, Сухомлинова, Книгина, Каменскаго, Борзенкова, Успенскаго, Могилевскаго и поп. Зах. Я. Карнѣева. Въ 1818 году было только одно засѣданіе, затѣмъ наступилъ 5-лѣтній перерывъ въ его дѣятельности, а въ 1823 году попечитель округа Е. В. Карнѣевъ предложилъ университету возобновить его дѣятельность; но „слабая искра дѣятельности общества, писалъ новый попечитель Перовскій, возгорѣвшаяся отъ напоминаній моего предмѣстника, въ текущемъ (1828 г.) опять готова была потухнуть“; ее снова силился было раздуть строгими предписаніями Перовскій, но науку нельзя создать предписаніями—и въ 1829 г. общество окончательно умерло отъ той ученой летаргіи, которую создало въ Харьковскомъ университетѣ гл. обр. реакціонное направленіе Министерства Нар. Просвѣщенія [1]).

Интересна судьба *Филотехническаго общества*, учрежденнаго В. Н. Каразинымъ. Онъ рѣшилъ разбудить окружавшее его сонное провинціальное общество, заставить его дѣйствовать на свою и общую пользу, подвинуть къ разработкѣ естественныхъ богатствъ края. Мысль о немъ связана была съ идеей объ учрежденіи университета: это предпріятіе послѣ открытія университета было вторымъ естественнымъ шагомъ въ дѣлѣ благополучія и преуспѣянія любимой имъ Украйны. Въ 1811 году В. Н. Каразинъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи Общества

[1]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. у-та, т. 1-й и 2-й.

подъ названіемъ Филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній". Затѣмъ изданъ былъ уставъ и правила Филотехническаго общества, получившія Высочайшее утвержденіе 10 марта 1811 года. Въ „Мысляхъ объ учрежденіи фил. общ." дается чрезвычайно яркая картина той сельскохозяйственной летаргіи, въ которую былъ погруженъ нашъ благодатный и богатый Югъ. Наши черноземные поля, говорилось тамъ, обработаны весьма посредственно и приносятъ почти столько, сколько суглинокъ центральныхъ губерній. Мы не сѣемъ никакихъ новыхъ растеній... Всѣ сооруженія отличаются первобытнымъ характеромъ. „Посмотрите—писалъ В. Н.—на плотины наши, безобразно наметанныя хворостомъ, на наши водяныя и вѣтряныя мельницы, на грубыя издѣлія нашего народа, на его одежду, которая мастерствомъ сотканья и покроя, вѣроятно, немногимъ отличается отъ бывшей у земляковъ нашихъ скифовъ за 20 вѣковъ до сего въ употребленіи. Подобно же грубы и земледѣльческія наши орудія. Безмѣрная ихъ тяжесть преодолѣвается припряжкою нѣсколькихъ паръ воловъ, какъ будто бы вся цѣль наша только въ томъ и состоитъ, чтобы занять праздный скотъ. Давно ли мы начали разводить хорошія породы овецъ и участвуютъ ли въ разведеніи ихъ наши поселяне? Пчеловодство въ лучшемъ ли у насъ состояніи, нежели какъ было оно у нашихъ предковъ въ самыя отдаленныя времена! Воспользовались ли мы просвѣщеніемъ и опытностью чужихъ земель въ прочихъ частяхъ? Усовершенствовано ли у насъ, напримѣръ, садоводство? Мы къ стыду нашему выписываемъ изъ сѣвера прививки и садовниковъ. Посляне наши отдаютъ свои *непроходимые*, можно сказать, сады съ милліонами плодовъ, ихъ обременяющихъ, пришельцамъ за безцѣнокъ. Такимъ же образомъ сбываютъ они и дебелыхъ своихъ быковъ, насыщающихъ столицы. Они безспорно предоставляютъ всю торговую оцѣнку людямъ, привлеченнымъ корыстію издали, которые часто у нихъ же самихъ, здѣсь въ краю, занимаютъ деньги. Не только выдѣланныя кожи нашихъ быковъ, но и копченые ихъ языки привозятъ намъ изъ Москвы, равно какъ и крупитчатую муку для столовъ нашихъ. Ленъ, въ который мы одѣваемся, доставляетъ намъ внутренняя Россія; и мы уже счастливыми себя почитаемъ, если руки домоводокъ нашихъ его иногда обрабатываютъ. Мы ограничили себя отпускомъ самосырѣйшихъ произведеній, каковыя Богъ намъ посылаетъ и то безъ дальней выгоды, поелику мы ожидаемъ къ себѣ покупщиковъ и радуемся, что они *удостоиваютъ посѣщать* насъ. Грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, подобныхъ же имъ селитроварень, суть единственныя наши фабрики, между тѣмъ какъ мы изобилуемъ веществами для всѣхъ почти фабрикъ и рукодѣлій, извѣстныхъ въ Европѣ. Сіи вещества могутъ родиться у насъ или по крайней мѣрѣ наидобнѣйшимъ образомъ къ намъ могутъ быть доставляемы въ обмѣнъ произведеній нашихъ. Руки у насъ не въ меньшемъ изобиліи. Напъ поселянинъ, когда онъ предоставленъ самому себѣ, не умѣетъ еще дѣлать изъ досуга своего должнаго употребленія. Не скажу, чтобы онъ былъ празденъ, но онъ всуе тратитъ время, не только въ продолженіе большей части зимы, но и лѣтомъ. Это доказывается крайнею медлительностью его работъ, ничтожными занятіями его семьи, гуляньемъ его въ Крымъ и на Донъ, а еще лучше свадьбами и другими пирами, въ самое золотое время отправляемыми". Къ такому печальному состоянію привели разнообразныя причины, а болѣе всего *отсутствіе нужды*—матери промышленности. „Но уже мы начинаемъ ее чувствовать. Пора нарушить сладкую нашу дремоту! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ предковъ нашихъ, недостаточны для удовлетворенія день ото-дня возрастающихъ нашихъ издержекъ". Кромѣ всего прочаго „вызываетъ насъ на умноженіе промышленности *оскудѣвающая природа*. Земли наши начинаютъ требовать болѣе труда. Пространство ихъ, стѣсняясь годъ отъ году, заставляетъ чаще возвращаться къ тѣмъ же полосамъ, такъ что онѣ не успѣваютъ уже пользоваться благотворнымъ вліяніемъ годовыхъ временъ, которое прежде наилучшимъ образомъ замѣняло унавоживаніе искусственное. Уже о сю пору есть селенія, имѣющія не болѣе 2-хъ десятинъ пахоти на каждую душу мужескаго пола. Обширныя степи, содѣйствовавшія къ безпечному умноженію скотоводства, мало-по-малу исчезаютъ, равно какъ и цвѣтущіе луга, обогащавшіе пчеловодцевъ безъ всякаго труда ихъ... Тѣни дремучихъ лѣсовъ, а вмѣстѣ съ ними и воды примѣтно уменьшились. Вотъ истинная причина и оскудѣнія дождей съ нѣкотораго времени; куда дѣвались многія величественныя дубравы, боры, дѣлавшіе непроходимыми берега Ворсклы, Псла, Донца, Сейма, Десны и множества другихъ рѣкъ, малыхъ и большихъ... Но теперь жалкій кустарникъ или сыпучій песокъ, занимая ихъ мѣста, обвиняютъ насъ въ нерадѣніи и дурномъ хозяйствѣ. Скоро уже на пни вѣковыхъ дубовъ станемъ мы смотрѣть, какъ на величайшую рѣдкость и внуки наши

почтутъ баснею то, что мы имъ будемъ говорить о поперечникѣ сихъ деревъ, доходившемъ даже до 4-хъ аршинъ въ нѣкоторыхъ... Нѣкоторыя вѣтви хозяйства, казавшіяся присвоенными только нашему краю, нечувствительно начинаютъ переходить въ другія губерніи (напр. селитровареніе)... Словомъ, духъ промышленности, усилія ума дѣлаются уже *необходимыми*, отчасти чтобы остановить истребленіе естественныхъ богатствъ нашихъ, отчасти же чтобы вознаградить ихъ и искусственно возвысить упадающую цѣну края. Многіе изъ согражданъ нашихъ принялись за новыя заведенія и удвоили попеченіе о прежнихъ. Должно отдать справедливость такому домоводству, которое доказываетъ сколько просвѣщеніе, столько и усердіе къ своей отчизнѣ... Но этого недостаточно, судя по времени, которое течетъ нынѣ *быстрѣе*, нежели *когда-либо*. Надлежитъ дѣйствовать соединенными силами и дѣйствовать поспѣшно.“ „Надлежитъ сдѣлать опредѣленный для сего планъ“, необходимо усовершенствовать селитровареніе и винокуреніе. И это возможно сдѣлать при помощи химіи и физики. Возможно и необходимо организовать и новые виды промышленности—сахароварение (изъ свекловицы) и обработку красильныхъ веществъ. Средствомъ для проведенія всего этого въ жизнь и явится Филотехническое общество, какъ это дѣлаютъ другія общества въ Россіи и заграницей, утверждаемыя и поощряемыя правительствами. Далѣе слѣдовалъ уставъ. Существенные пункты его таковы. Цѣлью общества должно быть распространеніе и усовершенствованіе всѣхъ видовъ промышленности, существующихъ или могущихъ быть введенными въ губ.—Слободской укр., Екатериносл., Херсон., Таврич., Полт., Черн. и Воронѣ. *Средоточіемъ и мѣстомъ собраній Общества будетъ Харьковъ*, который и безъ того уже является центромъ этого района въ отношеніи торговли и образованія. Собранія будутъ происходить во время Крещенской и Успенской ярмарокъ. Общество создаетъ *образцовыя* заведенія по всѣмъ частямъ своей программы, которыя будутъ служить для опытовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являться наглядными примѣромъ для всѣхъ хозяевъ. Во главѣ ихъ будетъ стоять правитель дѣлъ, который предоставитъ для этихъ опытовъ свое помѣстье. Отчеты о работахъ будутъ докладываться Обществу и печататься, также точно какъ разсылаться и описанія новыхъ, неизвѣстныхъ производствъ или орудій съ чертежами. Члены общества, при вступленіи въ него, дѣлаютъ взносъ не менѣе 100 руб. ас., въ полученіи коего правитель дѣлъ выдаетъ росписку въ видѣ *акціи*, приносящей въ годъ владѣльцу ея 6% Изъ остального чистаго дохода половина идетъ въ пользу правителя дѣлъ. Въ обезпеченіе доходности правитель дѣлъ представляетъ залогъ въ видѣ оффиціальной закладной на свое имѣніе. Новыя усовершенствованія должны устраиваться, по примѣру образцовыхъ заведеній Общества, въ имѣніяхъ его членовъ [1]). Насколько существенно важны и общественно полезны были задачи новаго общества, насколько блестяще доказана была его жизненная необходимость, настолько слаба была его финансовая организація. Только такой мечтатель, какъ В. Н. Каразинъ, могъ думать, что хозяйственные опыты образцовыхъ заведеній должны были давать доходъ, только онъ, увлекающійся теоретикъ идеи общественнаго блага, могъ представить закладную на свое имѣніе въ обезпеченіе доходности этого *коммерческаго* предпріятія, которое отнюдь не могло быть таковымъ по своему характеру, но которое вынужденъ былъ сдѣлать таковымъ В. Н Каразинъ, чтобы привлечь къ нему возможно бо́льшое число членовъ. Государь Императоръ, утверждая уставъ Филотехническаго общества, поручилъ объявить учредителямъ, что „старанія ихъ объ усовершенствованіи народной промышленности и хозяйства Ему всегда будутъ пріятны“. О дѣятельности Филотехническаго общества можно судить по обстоятельнымъ печатнымъ отчетамъ, издававшимся правителемъ дѣлъ его—В. Н. Каразинымъ [2]); общій же обзоръ его дѣятельности сдѣланъ Н. Тихимъ въ его монографіи о В. Н. Каразинѣ [3]).

Во 2-ю половину XIX в. образовался уже рядъ ученыхъ обществъ при университетѣ. Старѣйшимъ изъ нихъ было Общество испытателей природы.

Общество естествоиспытателей при университетѣ. Во время перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей, собравшагося въ 1867 г. въ Петербургѣ, проф. Кесслеръ внесъ предложеніе о необходимости учрежденія при всѣхъ русскихъ университетахъ Обществъ естествоиспытателей, которыя бы поставили своею цѣлью развивать и распространять различныя отрасли естествознанія въ своемъ районѣ, изслѣдовать этотъ районъ въ геологическомъ, зоологическомъ и ботаническомъ отношеніи, собирать кол-

[1]) Соч., письма и бумаги В. Н. Каразина, собр. и ред. проф. Д. И. Багалѣемъ, Х. 1910, стр. 174—178.

[2]) Іb., стр. 174—394.

[3]) В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общ. дѣятельность. Х. 1905, стр. 149—199.

лекціи. Ходатайство съѣзда было удовлетворено и каждому изъ имѣющихъ возникнуть Обществъ назначено было по 2500 р. субсидій. Уставъ Общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ былъ утвержденъ Министерствомъ въ 1869 году и тогда же Общество открыло свою дѣятельность. Предсѣдателемъ избранъ былъ проф. А. В. Чернай и уже осенью того же года совершены были первыя экскурсіи членами Общества—Шперкомъ, Л. В. Рейнгардомъ и Сорокинымъ для изученія криптогамической флоры, и А. В. Гуровымъ для геологическаго изслѣдованія Павлоградскаго уѣзда Екатеринославской губ. Въ засѣданіяхъ Общества сдѣланъ былъ цѣлый рядъ докладовъ и уже въ концѣ года вышелъ 1-й томъ „Трудовъ“ Общества. Общество впослѣдствіи принесло въ даръ Харьковскому университету многочисленныя коллекціи, стоимостью до 20000 руб.—въ Зоологическій и Зоотомическій кабинетъ 41 кол., въ Геологическій и Минералогическій каб. 35 кол., и въ Ботаническій 15; на покупку этихъ коллекцій было затрачено Обществомъ 4672 р., остальное добыто экскурсіями, на которыя Общество затрачивало ежегодно до 1000 р. Главнымъ образомъ путемъ обмѣна Общество создало довольно значительную Библіотеку. Университетъ отвелъ Обществу его помѣщеніе. Въ теченіе 37 лѣтъ своей дѣятельности Общество выпустило въ свѣтъ 38 томовъ своихъ „Трудовъ“ отъ 25 до 28 печ. листовъ каждый, въ которыхъ помѣщено свыше 450 изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ естествознанія; кромѣ того издано много отдѣльныхъ приложеній къ означеннымъ „Трудамъ“. Эти изслѣдованія значительно расширили наши свѣдѣнія о природѣ Харьковской и сосѣднихъ губерній. По геологіи работалъ И. Ф. Леваковскій, А. В. Гуровъ, достигшіе результатовъ, весьма важныхъ даже въ практическомъ отношеніи (для южнорусской горной промышленности): работы И. Ф. Леваковскаго продолжалъ ученикъ его П. П. Пятницкій; по минералогіи работалъ пр. Бріо; далѣе слѣдуютъ работы многочисленныхъ учениковъ Леваковскаго—Крендовскаго, Родина, Женжуриста и др. Сравнительно бѣденъ отдѣлъ работъ по физической географіи и метеорологіи, но здѣсь усердно работалъ Ю. И. Морозовъ. Очень богатъ отдѣлъ въ „Трудахъ“ по зоологіи; здѣсь помѣщены изслѣдованія П. Т. Степанова, П. В. Иванова, В. В. Рейнгарда, А. В. Шидловскаго, Н. Н. Сомова (его обширный трактатъ—„Птицы Харьковской губ.“), В. А. Ярошевскаго (помѣстившаго массу работъ о мѣстныхъ насѣкомыхъ). По физіологіи и гистологіи помѣщены работы Н. Ф. Бѣлецкаго, Н. Ф. Бѣлоусова, Н. К. Кульчицкаго. По ботаникѣ—работы Л. В. Рейнгарда, Г. Ф. Шперка, Л. С. Ценковскаго, В. Ф. Хмѣлевскаго, М. А. Алексенко, А. А. Потебни, П. Я. Акинфіева (по Екатерин. губ.) А. Н. Краснова, В. И. Таліева. Нѣкоторыя изъ работъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ самому городу Харькову и его окрестностямъ; такова работа П. Пустовойтова „Геологическое описаніе г. Харькова“ [1]).

Общество *физико-химическихъ наукъ* при университетѣ. Уставъ 1863 г. позволялъ „учреждать для усовершенствованія совокупными усиліями какой-либо опредѣленной части наукъ и для совѣщанія о способахъ къ возвышенію ихъ уровня въ университетахъ, ученыя общества“. Въ 1870 году профессора физико-математическаго и медицинскаго факультета возбудили совмѣстное ходатайство объ учрежденіи при у-тѣ общества опытныхъ наукъ. Но уставъ новаго общества былъ утвержденъ только въ 1872 году, причемъ въ составъ общества вошли двѣ самостоятельно работавшія секціи—1) физико-химическая (физика, химія и физіологія) и медицинская.

Секція физико-химическихъ наукъ на такомъ основаніи дѣйствовала до 1893 года, когда была преобразована въ общество физико-химическихъ наукъ, „которое получило бо́льшія права по сравненію съ прежнимъ временемъ, а секція медицины въ общество научной медицины и гигіены“.

Первымъ предсѣдателемъ *Общества физико-химическихъ наукъ* былъ проф. А. П. Шимковъ. „Вождемъ“ химиковъ былъ проф. Н. Н. Бекетовъ. Изъ другихъ видныхъ докладчиковъ отмѣтимъ Хрущева, Эльтекона, Осипова, Шимкова, Лагермарка, Чирикова, Флавицкаго, Пильчикова, Тимофеева и Черная. Наиболѣе энергичная дѣятельность секціи была въ началѣ 90-хъ годовъ. Этому способствовало между прочимъ открытіе въ Харьковѣ Технологическаго института, профессора и преподаватели котораго стали участвовать въ занятіяхъ секціи (Гемеліанъ, Джонсъ, Жуковъ, Зубашовъ, Кирпичевъ, Латышовъ, Клобуковъ, Лидовъ, Пашковъ, Погорѣлко, Пономаревъ, Рыбалкинъ, Ситниковъ, Циглеръ). Сначала секція издавала свои труды при „Протоколахъ“ университета, а съ 1890 г. стала печатать ихъ самостоятельно. Безсмѣннымъ

[1]) Всѣ эти данныя позаимствованы изъ рукописнаго истор. очерка Общ. испытателей природы, составленнаго М. А. Алексенко и предназначеннаго для юбил. унив. изд. „Ученыя Общ. и научно вспомог. учрежденія“.

предсѣдателемъ общества физ.-хим. наукъ состоитъ по выборамъ проф. М. П. Осиповъ. Всѣхъ докладовъ обществомъ за 10 лѣтъ было сдѣлано 161, засѣданій было 58. До 1905 года Обществомъ издано 13 выпусковъ „приложеній къ трудамъ“ съ 15 статьями на 79 печ. листахъ. Кромѣ того въ 1903 г. Общество издало юбилейную книгу, заключающую труды ак. Н. Н. Бекетова. Путемъ обмѣна изданіями Общество создало библіотеку. Оно же собирало пожертвованіе на постановку памятника въ Ялтѣ надъ могилою безвременно скончавшагося талантливаго Эльтекова.

Общество научной медицины и гигіены [1]). Въ концѣ 1872 года открыло свои дѣйствія при Харьковскомъ университетѣ Общество опытныхъ наукъ, состоявшее изъ 2 секцій: физико-химической и медицинской. Отъ медицинской секціи и ведетъ начало своего существованія Общество научной медицины и гигіены. Первый годъ медицинская секція точно руководствовалась уставомъ 1872 г., общимъ для нея и для секціи физико-химической; но уже въ засѣданіи 9 января 1874 года былъ возбужденъ и рѣшенъ утвердительно вопросъ о необходимости имѣть для секціи особаго казначея и особую кассу, а также окончательно баллотировать новыхъ членовъ голосами секціи. Къ такому же заключенію пришла въ скоромъ времени и физико-химическая секція, и на общемъ собраніи членовъ Общества рѣшено было хлопотать объ измѣненіи соотвѣтствующихъ §§ устава. Послѣ пріобрѣтенія секціями права самостоятельной баллотировки и раздѣленія кассы Общества, жизнь и дѣятельность ихъ стала болѣе и болѣе расчленяться и потекла наконецъ двумя руслами: общія собранія съ того времени происходили нерегулярно и дѣлались все рѣже и рѣже и въ концѣ концовъ совсѣмъ прекратились. Раздѣльная жизнь секцій, ихъ ростъ и новыя потребности естественно привели къ обособленію ихъ, къ выдѣленію въ самостоятельныя Общества. Въ засѣданіи медицинской секціи 25 января 1889 года проф. В. Я. Данилевскимъ былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ устава и тогда же съ этою цѣлью была избрана особая комиссія; 24 октября того же года обсуждался докладъ комиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ было принято предложеніе о выдѣленіи секціи въ особое Общество; 13 февраля 1891 года проектъ устава былъ окончательно редактированъ, а проектируемое Общество рѣшено было назвать „Обществомъ научной медицины и гигіены“. Дѣятельность медицинской секціи Общества опытныхъ наукъ открылась 17 декабря 1872 года, въ каковой день состоялось первое ея засѣданіе. Число членовъ ея въ это время было не велико: она насчитывала всего 21 члена. Съ теченіемъ времени число ихъ постепенно увеличивалось, и къ 1905 году Обществомъ насчитывало уже 117 дѣйствительныхъ членовъ [2]). Ученая дѣятельность Общества выразилась въ тѣхъ докладахъ, научныхъ сообщеніяхъ, которые дѣлались въ его засѣданіяхъ, и въ изданіи его трудовъ. Не имѣя возможности не только входить здѣсь въ оцѣнку научной дѣятельности Общества, но даже привести простой перечень научныхъ докладовъ (число ихъ очень велико), мы ограничимся средними цифровыми данными, добытыми изъ годичныхъ отчетовъ и протоколовъ Общества, о числѣ засѣданій и числѣ прочитанныхъ въ нихъ научныхъ сообщеній.

Число засѣданій колебалось между 5 и 10, а наиболѣе устойчивымъ числомъ было 7—8. Слѣдуетъ добавить, что въ каждомъ году одно засѣданіе носило чисто административный характеръ и предназначалось для выборовъ должностныхъ лицъ. Что касается докладовъ, то наибольшее число ихъ относится къ 1884 году (28), а наименьшее—къ 1893 и 1904 (6 и 9). Во 2-мъ и 3-мъ десятилѣтіяхъ приростъ членовъ не вызывалъ соотвѣтствующаго увеличенія числа докладовъ и % дѣятельныхъ членовъ Общества былъ гораздо больше въ 1-е десятилѣтіе, чѣмъ въ послѣдующія. Слѣдуетъ сказать, что еще въ 1882 году, когда исполнилось 1-е десятилѣтіе дѣятельности Общества, предсѣдатель его, проф. И. К. Зарубинъ, характеризуя дѣятельность секціи, отмѣтилъ „несоотвѣтствіе между числомъ членовъ и числомъ сообщеній“, а также то обстоятельство, что изъ всего числа членовъ только „извѣстная часть была постоянными посѣтителями засѣданій, и отношеніе ихъ къ числу сообщеній совершенно ясно указывало на дѣятельность Общества“. И если эти слова были справедливы тогда, то они съ еще большимъ основаніемъ могутъ быть сказаны относительно дѣятельности Общества въ послѣдующія десятилѣтія. И впослѣдствіи въ Обществѣ былъ опредѣленный кругъ членовъ, которыми главнымъ образомъ и поддерживалась дѣятельность Общества. Къ сожалѣнію, по недостатку матеріала мы не можемъ здѣсь перечислить наи-

[1]) Извлеченіе изъ статьи Е. М. Иванова, приготовленной для Юбилейнаго изданія «Ученыя Общества и учебновспомогательныя учрежденія».

[2]) Кромѣ того въ Обществѣ состояло 7 почетныхъ членовъ и 3 члена-корреспондента.

болѣе дѣятельныхъ членовъ и дать, какъ намъ хотѣлось бы, списокъ ихъ, съ указаніемъ числа сдѣланныхъ ими сообщеній. Что касается общаго числа докладовъ, то оно довольно внушительно: за первые 25 лѣтъ ихъ было сдѣлано 370 [1], а съ 1873 г. по 1904 г. включительно—464. Слѣдуетъ отмѣтить, засѣданія Общества были усердно посѣщаемы студентами-медиками старшихъ курсовъ и врачами, причемъ тѣ и другіе иногда выступали съ научными докладами.

Первоначально Медицинская секція не печатала своихъ трудовъ и ограничивалась печатаніемъ протоколовъ въ „Запискахъ Харьковскаго Университета“; въ нихъ помѣщались краткія извлеченія изъ докладовъ. Но уже въ 1875 году секція пришла къ заключенію, что печатаніе такихъ протоколовъ не имѣетъ почти никакого научнаго значенія, и рѣшила помѣщать цѣликомъ оригинальныя сообщенія въ Московской медицинской газетѣ подъ рубрикою: „Труды медицинской секціи Общества опытныхъ наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“. Съ конца 70-хъ г.г. нѣкоторыя сообщенія печатались въ „Запискахъ Харьковскаго Университета“ въ видѣ особыхъ приложеній къ протоколамъ. Но въ 1882 г. изданіе „Записокъ“ прекратилось, и тогда секція рѣшила издавать особо свои „Труды“ не менѣе 2 разъ въ годъ, и затрачивать на печатаніе ихъ всѣ средства, кромѣ основного фонда. Съ того времени секція непрерывно имѣла свой органъ, который ежегодно издавался въ количествѣ 1—2, а иногда и 3 выпусковъ. Въ 1894 году, когда секція была преобразована въ „Общество научной медицины и гигіены“, рѣшено было издавать періодическій журналъ „Медицина и Гигіена“ по 4 книжки въ годъ. Опытъ, однако, показалъ, что изданіе такого журнала не по средствамъ Обществу (въ первый годъ было затрачено на журналъ $1^1/_2$ тысячи рублей), и со слѣдующаго года оно возвратилось къ прежней формѣ изданія, которое существуетъ и понынѣ подъ именемъ „Трудовъ Общества научной медицины и гигіены“. Съ 1885 года Общество пользовалось субсидіей университета на изданіе своихъ трудовъ въ размѣрѣ 200—250 руб.; впослѣдствіи эта сумма была увеличена до 300 руб.

Съ 1875 года Общество стало обмѣниваться своими изданіями съ другими медицинскими обществами и учрежденіями какъ русскими, такъ и иностранными. Такимъ путемъ было положено основаніе библіотекѣ Общества, которая въ настоящее время имѣетъ много цѣнныхъ изданій. Нынѣ Общество обмѣнивается своими изданіями почти со 100 учеными учрежденіями.

Предсѣдателями Общества состояли: проф. И. К. Зарубинъ съ основанія Общества до 1894 года (до своей смерти); проф. П. И. Ковалевскій съ 1894 по 1895 г.; проф. И. Н. Оболенскій съ 1895 по 1903 г.; проф. Я. А. Анфимовъ съ 1903 г.

Математическое общество [2]) обязано было своимъ возникновеніемъ гл. обр. иниціативѣ проф. В. Г. Имшенецкаго: у него на квартирѣ собирались профессора и дѣлали доклады на математическія темы. Уставъ Общества былъ утвержденъ 28 апр. 1879 года. Цѣлью Математическаго Общества, по его уставу, было „содѣйствовать разработкѣ какъ чисто научныхъ, такъ и педагогическихъ вопросовъ изъ области математическихъ наукъ“. Членами его безъ избранія могли быть профессора математики въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова, а по избранію и другія лица. Общество въ дѣятельности своей, можно сказать, блестяще разрѣшило первую научную задачу и почти вовсе не затронуло второй—педагогической. Активными дѣятелями его были преподаватели университета; изъ профессоровъ технологическаго института работали въ немъ немногіе (директоръ В. Л. Кирпичевъ, А. В. Гречаниновъ, Х. С. Головинъ), быть можетъ, потому что доклады въ Обществѣ носили научно-теоретическій характеръ, а технологическій институтъ ставилъ себѣ задачи учено-практическія. Предсѣдателями Общества были—проф. Бейеръ, В. Г. Имшенецкій, К. А. Андреевъ, А. М. Ляпуновъ, В. А. Стекловъ. Общество съ перваго года стало твердо на ноги и его научная дѣятельность получила признаніе какъ въ Россіи, такъ и заграницей; извѣстные русскіе и иностранные ученые присылали ему свои сообщенія; русскія и иностранныя математическія общества охотно обмѣнивались съ нимъ своими спеціальными изданіями; здѣсь сыграли свою роль и авторитетные въ ученомъ мірѣ предсѣдатели общества (особенно Имшенецкій и А. М. Ляпуновъ). Общество издало 18 выпусковъ 1-й серіи своихъ „сообщеній“ (до 1906 года) и 9 томовъ 2-й серіи въ 54 выпускахъ, каждый въ объемѣ до 3-хъ печ. листовъ. Въ 1893 году оно устроило тор-

[1]) Двадцатипятилѣтіе Общ. науч. мед. и гиг., стр. 9.

[2]) Извлечено изъ статьи проф. Пшеборскаго, предназначенной для юбил. изд. „Учебно-вспомогательныя учрежденія и ученыя Общества при Импер. Харьк. универс.“

жественное засѣданіе для чествованія памяти знаменитаго русскаго геометра Лобачевскаго. Тормазомъ для изданій Общества является скудость матеріальныхъ средствъ, которыя сводятся къ скромной субсидіи, выдаваемой университетомъ (отъ 250 до 450 руб.). Объ ученой энергіи членовъ Общества даютъ понятіе слѣдующія цифры: В. А. Стекловъ сдѣлалъ 38, А. П. Грузинцевъ 38 сообщеній, К. А. Андреевъ 32, А. М. Ляпуновъ 27, М. А. Тихомандрицкій 24, В. П. Алексѣевскій 20, М. Ѳ. Ковальскій 19, В. Г. Имшенецкій 13, Г. В. Левицкій 12, А. А. Марковъ (акад.) 11, и т. п.

Историко-филологическое Общество при университетѣ [1]) явилось какъ бы продолженіемъ словеснаго отдѣленія Общества наукъ, но возникло только въ 1876 году. „Возникновеніе историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ совпало съ оживленіемъ провинціальной исторіографіи, съ тѣмъ стремленіемъ къ изученію русской старины и народности, которое обнаружилось какъ продуктъ происходившаго въ самомъ обществѣ стремленія къ развитію національнаго самосознанія на почвѣ изученія отечественной исторіи. Интересъ къ историческимъ изученіямъ въ разныхъ городахъ проявился различно въ зависимости отъ мѣстныхъ условій". „Харьковское историко-филологическое общество основалось при университетѣ; его создалъ историко-филологическій факультетъ... Онъ поддерживалъ его въ ростѣ трудами своихъ членовъ; онъ же привлекъ въ составъ его членовъ какъ воспитанниковъ университета, такъ и вообще интеллигентныхъ дѣятелей края". Уставъ Общества былъ утвержденъ 24 дек. 1876 г., а открытіе его послѣдовало 28 февр. 1877 г. Цѣлью Общества по уставу было способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Для достиженія указанной цѣли Общество должно было устраивать засѣданія, заботиться о пріобрѣтеніи коллекцій и спеціальныхъ изданій, снаряжать экскурсіи для собиранія памятниковъ и издавать изслѣдованія, памятники, пособія и т. п.

И общество все время работало въ направленіи, указанномъ ему уставомъ. Первая задача развитія и распространенія историко-филологическихъ знаній достигалась разработкою вопросовъ, относившихся къ философіи, русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы—русской и всеобщей и народной поэзіи, классической филологіи, археологіи и исторіи искусствъ. Сюда относились доклады Ѳ. А. Зеленогорскаго, П. Э. Лейкфельда, Лесевича, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и др. (философіи); В. И. Саввы, И. Н. Миклашевскаго, Н. А. Максимейка, В. П. Бузескула, А. С. Лебедева, А. С. Вязигина и др. (исторіи); А. А. Потебни, А. И. Кирпичникова, М. С. Дринова, М. Г. Халанскаго, Н. Ѳ. Сумцова, Б. М. Ляпунова, В. И. Харціева, А. П. Кадлубовскаго, А. В. Ветухова, Н. И. Алякритскаго и др. (по исторіи литературы); В. П. Бузескула, М. А. Маслова, Ѳ. Е. Корша, В. В. Латышова, Я. Д. Денисова (клас. филологіи); А. Н. Деревицкаго, Н. Ѳ. Сумцова и особенно Е. К. Рѣдина (по исторіи искусствъ).

Наряду съ изслѣдованіями общаго характера Общество особенно работало въ области вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ мѣстнаго края и южной Россіи въ различныхъ отношеніяхъ. По южно-русской исторіи были сдѣланы многочисленныя сообщенія М. С. Дриновымъ, П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, Д. И. Эварницкимъ, Ю. И. Морозовымъ и А. С. Лебедевымъ. Рядъ многочисленныхъ докладовъ по культурной исторіи мѣстнаго края былъ сдѣланъ Д. И. Багалѣемъ... Къ докладамъ Д. И. Багалѣя тѣсно примыкаютъ труды другихъ членовъ общества: М. М. Плохинскаго, В. И. Саввы, Д. П. Миллера, А. А. Русова, В. П. Короленка, П. В. Иванова, Г. В. Левицкаго, Е. П. Трефильева, Ѳ. А. Зеленогорскаго и др. Не менѣе обширный отдѣлъ по своимъ докладамъ заключаетъ область литературы, народной поэзіи и этнографіи мѣстнаго края. Сюда относятся многочисленные доклады незабвеннаго предсѣдателя общества А. А. Потебни. Къ трудамъ Потебни примыкаетъ рядъ рефератовъ и статей М. Г. Халанскаго, Н. Ѳ. Сумцова, М. П. Савинова, В. И. Харціева, М. С. Дринова. Кромѣ того въ засѣданіяхъ было прочитано множество некрологовъ и Общество принимало участіе въ чествованіяхъ памяти и дѣятельности цѣлаго ряда ученыхъ дѣятелей. Съ 1886 года Общество стало издавать свои ученые труды въ *„Сборникѣ"*, котораго до 1905 года вышло *13 томовъ*. Здѣсь первенствующее мѣсто занимаютъ статьи и матеріалы, относящіеся къ мѣстному району (не только къ Харьковской, но и сосѣднимъ губерніямъ), но есть не мало работъ и общаго характера. Это обширный и цѣнный источникъ для нашего народо-

[1]) Данныя извлечены изъ рукописной статьи Е. К. Рѣдина, предназначенной для юбил. изд. Харьк. у-та „Ученыя общ. и учебно-вспомог. учрежденія у-та".

вѣдѣнія, состоящій частію изъ археологическихъ матеріаловъ, историческихъ документовъ, частію изъ памятниковъ книжной и народной словесности, частію изъ работъ, освѣщающихъ народный бытъ. Отдѣльный томъ „Сборника“ (7) былъ посвященъ между прочимъ не изданнымъ философскимъ и литературнымъ сочиненіямъ украинскаго философа Г. С. Сковороды.

Обществу удалось также создать такое въ высшей степени важное и полезное въ научномъ отношеніи учрежденіе, какъ южнорусскій *Историческій Архивъ*, съ отдѣломъ писемъ и бумагъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, а также составить главнымъ образомъ благодаря обмѣну на свой „Сборникъ“ *библіотеку*, преимущественно документальнаго и справочнаго характера. Общество организовывало лекціи для женщинъ (зерно будущихъ Высшихъ женскихъ курсовъ) собрало средства и учредило премію имени А. А. Потебни. Предсѣдателями общества состояли: А. А. Потебня (1878 по 1890 г.), затѣмъ М. С. Дриновъ съ 1890 по 1895 г. и Н. Ѳ. Сумцовъ съ 1895 г. и донынѣ; энергичными секретарями были Н. Ф. Сумцовъ и Е. К. Рѣдинъ.

При историко-филологическомъ обществѣ былъ учрежденъ въ 1892 году его *Педагогическій отдѣлъ* [1]), долженствовавшій заполнить пробѣлъ у насъ въ Харьковѣ по части занятія педагогіей. Правда, въ 1811 году, при университетѣ открытъ былъ согласно требованію устава 1804 года *Педагогическій институтъ*, имѣвшій своею цѣлью подготовку учителей для гимназій изъ студентовъ и окончившихъ курсъ; но онъ просуществовалъ съ перерывами только до 1860 года, а затѣмъ былъ превращенъ въ „Практическо педагогическіе курсы“ [2]). Предсѣдателемъ „Педагогическаго отдѣла“ состоялъ все время Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ сначала В. И. Харціевъ, потомъ А. В. Ветуховъ. За 10 лѣтъ (съ 1892 по 1902 г.) всѣхъ засѣданій отдѣла было 57, а рефератовъ на нихъ прочитано около 100. Отдѣлъ разрабатывалъ научно педагогическіе вопросы, организовалъ спеціальную библіотеку, издалъ 7 выпусковъ своихъ „Трудовъ“, организовалъ пользовавшіяся большимъ успѣхомъ популярныя публичныя лекціи для учащихся съ волшебнымъ фонаремъ и издалъ „Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній“, собиралъ анкетныя данныя для устройства ученическихъ экскурсій, издалъ ученическія тетради для записи прочитаннаго.

При юридическомъ факультетѣ образовалось въ 1900 году „*Юридическое общество*“. Возникло оно по иниціативѣ проф. *И. Н. Миклашевскаго* и ближайшимъ поводомъ къ его возникновенію послужило обращеніе въ 1898 году въ юридическій факультетъ члена Харьковскаго окружнаго суда Н. С. Иларіонова съ просьбою объ организаціи практическихъ занятій по обычному праву. Проф. Миклашевскій предложилъ ходатайствовать объ учрежденіи Юридическаго общества и при немъ отдѣла обычнаго права для собиранія нормъ этого послѣдняго и разработки добытаго матеріала. Уставъ былъ утвержденъ въ 1900 году.

Изъ обществъ, не состоящихъ при университетѣ, видное мѣсто заняло *медицинское* [3]).

Харьковское Медицинское Общество было учреждено въ 1861 году. Иниціатива учрежденія Общества принадлежала профессору В. Ф. Грубе, который въ сентябрѣ 1860 года, пригласивъ къ себѣ всѣхъ живущихъ въ г. Харьковѣ врачей, сдѣлалъ имъ предложеніе объ основаніи въ г. Харьковѣ Медицинскаго Общества. Предложеніе профессора В. Ф. Грубе было встрѣчено очень сочувственно, и изъ среды собравшихся были избраны проф. В. Ф. Грубе, Г. С. Рындовскій и В. А. Франковскій, которымъ было поручено выработать проектъ устава. Проектъ устава подписали 28 лицъ, которые и считаются учредителями Общества, эти лица слѣдующіе: проф. Ф. К. Альбрехтъ, прозекторъ И. О. Вилькомирскій, Ю. А. Гакенъ, проф. В. Ф. Ганъ, Я. М. Горбановъ, проф. В. Ф. Грубе, Л. А. Гутобъ, Гюббенетъ, проф. К. А. Демонси, А. И. Добровольскій, проф. Н. Л. Залѣсскій, проф. И. К. Зарубинъ, проф. И. О. Калиниченко, Кончаловскій, доц. Д. И. Киселевъ, Клечковскій, А. И. Ковальчуковъ, Д. А. Котелевскій, Ф. И. Лангъ, проф. А. С. Питра, Прохоровъ, доц. Г. С. Рындовскій, доц. И. А. Свиридовъ, М. М. Севастьяновичъ, проф. А. К. Струве,

---

[1]) Данныя позаимствованы изъ рукописной статьи А. В. Ветухова, предназначенной для юбил. изд. Харьк. университета „Ученыя Общ. и учебно-вспом. учрежд. университета“.

[2]) Извлечено изъ рукоп. статьи М. Г. Халанскаго о Педаг. Инст., предназначенной для юбил. изд. Харьк. унив. „Ученыя общ. и учебно-вспомог. учрежд. университета“.

[3]) Очеркъ составленъ по нашей просьбѣ секретаремъ Медиц. Общ. докторомъ П. А. Сергіевскимъ. Онъ по размѣрамъ своимъ превышаетъ принятую для другихъ Обществъ норму, но я не нашелъ возможнымъ сократить его въ виду важнаго практическаго значенія дѣятельности Общества для г. Харькова.

М. В. Томашевскій, В. А. Франковскій и В. А. Щелкуновъ. 23 марта 1861 года уставъ Медицинскаго Общества былъ утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ съ тѣмъ, чтобы Харьковское Медицинское Общество, по примѣру другихъ учено-врачебныхъ обществъ, находилось подъ вѣдѣніемъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 27 мая 1861 года состоялось первое засѣданіе Медицинскаго Общества, на которомъ были избраны предусмотрѣнные уставомъ должностныя лица: секретаремъ Общества Г. С. Рындовскій и кассиромомъ И. К. Зарубинъ (должность предсѣдателя первоначальнымъ уставомъ установлена не была). Съ осени 1861 года Медицинское Общество стало засѣдать регулярно и до конца года имѣло 5 засѣданій. *Цѣль Общества.* Въ первомъ, утвержденномъ въ 1861 году, Уставѣ цѣль Общества опредѣлялась такъ: „способствовать коллегіальнымъ отношеніямъ врачей касательно изученія, усовершенствованія и полезнаго примѣненія всѣхъ отраслей медицины". При дальнѣйшихъ измѣненіяхъ устава цѣль Общества была расширена и начиная съ восьмидесятыхъ годовъ формулировалась такъ: „Харьковское Медицинское Общество имѣетъ цѣлью: а) Способствовать научному совершенствованію врачей, вступившихъ въ число членовъ Общества, и помогать ихъ спеціальнымъ трудамъ по всѣмъ отраслямъ медицины, зависящими отъ него средствами; б) Содѣйствовать возможно обширному распространенію и примѣненію медицинскихъ знаній и разработкѣ врачебныхъ вопросовъ въ связи съ мѣстными условіями жизни; в) Оказывать медицинскую помощь обращающимся за таковой въ учрежденія Общества; г) Заботиться объ искорененіи шарлатанства и знахарства путемъ распространенія въ средѣ населенія разумныхъ понятій о пользѣ раціональной медицины; д) Способствовать установленію добрыхъ товарищескихъ отношеній между членами Общества и врачами вообще; е) Заботиться объ установленіи правильныхъ отношеній врачей къ публикѣ и обратно".

Составъ и управленіе дѣлами Общества. По первоначальному уставу Общества членами его могли быть: а) служащіе и постоянно живущіе въ гор. Харьковѣ врачи, б) преподаватели Медицинскаго факультета Харьковскаго университета и не врачи, в) профессоры и адъюнкты Харьковскаго ветеринарнаго училища, г) магистры фармаціи и провизоры, постоянно живущіе въ г. Харьковѣ. При дальнѣйшихъ измѣненіяхъ устава эта формулировка была измѣнена лишь незначительно, по дѣйствовавшему къ концу 1904 года уставу. Медицинское Общество состояло изъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ, и членовъ—корреспондентовъ. Членами Общества могли быть врачи обоего пола, провизоры и магистры фармаціи, химики и ветеринары. Число членовъ въ первомъ году существованія Общества было невелико, оно доходило лишь до 38. Въ 1863 году впервые были избраны четыре почетныхъ члена изъ среды членовъ самаго Общества: профессора—Ф. В. Ганъ, Ф. К. Альбрехтъ, Е. С. Гордѣенко и К. А. Демонси. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ число дѣйствительныхъ членовъ стало превышать 50 и членовъ корреспондентовъ достигло цифры около 40. Въ 80-хъ годахъ число дѣйствительныхъ членовъ начинаетъ приближаться къ 150. По случаю 25-лѣтія Общества въ 1886 году цѣлый рядъ лицъ былъ избранъ въ почетные члены, такъ что число послѣднихъ достигло 20. Въ серединѣ 90-хъ годовъ весь личный составъ членовъ опредѣляется уже цифрой около 350 человѣкъ, въ томъ числѣ дѣйствительныхъ свыше 250. Наконецъ къ 1 января 1905 года составъ членовъ Общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: почетныхъ членовъ было—17, дѣйствительныхъ—267 и членовъ корреспондентовъ—53. За все время существованія Общества до 1 января 1905 года въ дѣйствительные члены Общества было принято 663 чел. Почетными членами за то же время состояло 42 челов. Въ числѣ ихъ помимо мѣстныхъ работниковъ Медицинскаго Общества и русскихъ ученыхъ мы встрѣчаемъ много славныхъ именъ европейскихъ ученыхъ и дѣятелей, а именно: Рудольфъ Вирховъ, Іосифъ Листеръ, Луи Пастеръ, Робертъ Кохъ, Германъ Гельмгольцъ, И. И. Мечниковъ, Эрнстъ Лейденъ, Павелъ Эрлихъ, Карлъ Флюгге, Анри Дюнанъ. Первымъ президентомъ Общества 7 января 1867 года былъ избранъ профессоръ Д. Ф. Лямбль и вице-президентомъ д-ръ В. А. Франковскій. Послѣ профессора Д. Ф. Лямбля въ 1869 году предсѣдателемъ (президентомъ) былъ избранъ профессоръ В. Ф. Грубе, который и оставался въ этой должности до 1891 года, когда Общество избрало его своимъ почетнымъ предсѣдателемъ; почетнымъ предсѣдателемъ проф. В. Ф. Грубе былъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1898 году. Въ 1891 году предсѣдателемъ Общества былъ избранъ проф. А. Х. Кузнецовъ, котораго 1-е января 1905 г. застаетъ на предсѣдательскомъ креслѣ. Къ концу 1904 года по дѣйствовавшему уставу Правленіе Медицинскаго Общества состояло изъ четырехъ членовъ: предсѣдателя, вице-предсѣдателя, казначея и секретаря, избираемыхъ на 4 года.

Научная и практическая дѣятельность Медицинскаго Общества. Научная дѣятельность Общества проявлялась въ научныхъ докладахъ, въ обмѣнѣ мыслей по ихъ поводу, въ общихъ собраніяхъ членовъ Медицинскаго Общества и въ изданіяхъ Общества. Съ самаго начала существованія Общества довольно регулярно происходили засѣданія, на которыхъ выслушивались различные доклады членовъ общества, а иногда и гостей; предметами докладовъ обычно были вопросы теоретической и практической медицины, часто доклады сопровождались демонстраціей различныхъ препаратовъ и интересныхъ больныхъ, послѣ докладовъ происходили пренія, благодаря которымъ дебатируемый вопросъ получалъ всестороннее освѣщеніе. Обычно въ теченіе года бывало отъ 10 до 22 засѣданій съ перерывомъ лѣтнихъ каникулярныхъ мѣсяцевъ. Съ самаго основанія Общества печатаются протоколы засѣданій и ежегодные отчеты о дѣятельности его. Что касается докладовъ, то вначалѣ сущность ихъ вкратцѣ излагалась въ самыхъ протоколахъ Общества, затѣмъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ изложеніе ихъ является довольно подробнымъ и носитъ характеръ рефератовъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ рефераты выносятся изъ текста протокола и печатаются въ приложеніи къ протоколу, въ семидесятыхъ же годахъ эти приложенія начинаютъ издаваться отдѣльно отъ протоколовъ и наконецъ, съ 1886 года Общество начинаетъ издавать сдѣланные на его засѣданіяхъ доклады въ видѣ „Трудовъ Общества“ которые выходили регулярно. Въ 1904 году, однако, Общество постановляетъ замѣнить „Труды“ изданіемъ періодическаго органа Общества подъ названіемъ „Харьковскій Медицинскій Журналъ“. Этимъ постановленіемъ Общество наконецъ осуществило свое давнишнее намѣреніе объ изданіи періодическаго органа: еще въ 1872 г. Общество проектировало изданіе „Харьковской Медицинской Газеты“, которое, однако, не осуществилось благодаря недостатку средствъ. Научно-педагогическая дѣятельность Общества проявлялась и въ разработкѣ научныхъ вопросовъ, и устройствѣ курсовъ и лекцій въ одномъ изъ учрежденій его—Бактеріологической станціи. Научная дѣятельность Общества и отдѣльныхъ членовъ его въ значительной степени облегчилась благодаря существованію при Обществѣ библіотеки, которая къ концу 1904 года насчитывала 9818 томовъ. Особеннымъ богатствомъ отличается журнальный отдѣлъ, такъ какъ библіотека получаетъ всѣ русскіе медицинскіе журналы и нѣкоторые изъ иностранныхъ.

Чтобы исчерпать вопросъ о научной дѣятельности Медицинскаго Общества слѣдуетъ упомянуть, что оно неоднократно принимало участіе въ различныхъ научныхъ съѣздахъ, въ подпискахъ на различныя преміи за ученые труды, отправляло своихъ членовъ, въ особенности врачей бактеріологической станціи, въ командировку заграницу для изученія спеціальныхъ научныхъ вопросовъ, а въ 1901 году само учредило премію имени Р. Вирхова, ежегодно выдаваемую въ размѣрѣ 200 руб. за лучшее научное сочиненіе на извѣстную тему, наконецъ при бактеріологической станціи своей учредило стипендію для обученія молодыхъ врачей бактеріологіи. Спеціальнаго упоминанія заслуживаетъ занятіе Общества вопросами санитаріи и епидеміологіи,—относящимися какъ къ научной, такъ и къ практической общественной дѣятельности. Этими вопросами Общество занималось, можно сказать, съ самаго момента своего возникновенія. Такъ, напримѣръ, уже въ 1861 году Медицинское Общество занялось изученіемъ оспенной вакцины, приняло на себя издержки по производству опытовъ надъ вакциной, въ 1871 году обсуждало вопросъ объ обязательномъ оспопрививаніи. Въ 1863 и 1864 г.г. вниманіе Медицинскаго Общества было обращено на заболѣваніе сифилисомъ въ городѣ и на мѣры борьбы съ этой болѣзнью. Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ рядъ засѣданій былъ посвященъ изученію возникшей тогда холерной эпидеміи и мѣръ борьбы съ нею.—Борьбой съ той же азіатской гостьей было занято вниманіе Медицинскаго Общества и въ послѣдующія эпидеміи ея: въ 1885 г., 1892—1893 г.г.; значительное участіе въ борьбѣ съ эпидеміей въ 1892 и 1893 г.г. принимала и бактеріологическая станція, гдѣ производились изслѣдованія на холерные вибріоны.—Въ 1898—1899 г.г. обсужденію были подвергнуты вопросы о борьбѣ съ чумной эпидеміей въ связи съ противочумными прививками. При возникновеніи другихъ эпидемій, такъ часто посѣщавшихъ гор. Харьковъ особенно тифозныхъ—Медицинское Общество всегда принимало дѣятельное участіе въ обсужденіи мѣръ борьбы съ ними и всегда указывало городскому самоуправленію на тѣ, которыя было необходимо провести въ интересахъ народнаго здравія. Независимо отъ эпохъ какихъ либо грозныхъ эпидемій, Медицинское Общество регулярнымъ образомъ ставило въ программу своихъ засѣданій сужденіе о господствующихъ заболѣваніяхъ въ городѣ, а также подробно дебатировало вопросъ о постоянной санитарной организаціи въ городѣ. Еще въ 1864 году по предложенію д-ра В. А. Франков-

скаго, Медицинское Общество выработало программу для медико-топографическаго описанія г. Харькова и его окрестностей, а въ семидесятыхъ годахъ оно по обсужденіи вопроса объ устройствѣ санитарной части въ Харьковѣ рекомендовало городскому Управленію учрежденіе особой санитарной Коммиссіи. Если просмотрѣть протоколы Общества за все время его существованія, можно убѣдиться, что оно не обошло своимъ вниманіемъ ни одного болѣе или менѣе важнаго вопроса изъ области народнаго здравія; въ лицѣ Медицинскаго Общества городское самоуправленіе всегда находило то опытнаго совѣтчика по этимъ вопросамъ, то активнаго сотрудника, а порою и суроваго критика городского санитарнаго неблагоустройства. Отзываясь на нужды родного города, Медицинское Общество не было глухо и ко всенароднымъ бѣдствіямъ. Въ эпоху русско-турецкой войны въ 1877 году Общество озаботилось о доставленіи раненымъ и больнымъ воинамъ современнаго и раціональнаго ухода и леченія: немедленно по объявленіи войны, при лечебницѣ Общества были открыты курсы для образованія сестеръ милосердія и 44 сестры милосердія получили свидѣтельство объ окончаніи курсовъ. По предложенію мѣстнаго Общества Краснаго Креста, въ засѣданіяхъ Общества былъ избранъ весь медицинскій персоналъ для больницы Краснаго Креста, наконецъ, въ Обществѣ обсуждался вопросъ о размѣщеніи раненыхъ и больныхъ воиновъ и производился сборъ пожертвованій въ пользу раненыхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Было предложеніе о посылкѣ санитарнаго отряда на театръ военныхъ дѣйствій, но оно осталось неосуществленнымъ за недостаткомъ средствъ. Когда вспыхнула русско-японская война въ 1904 году, Общество съорганизовало бактеріолого-гигіеническій отрядъ, который и былъ отправленъ на театръ военныхъ дѣйствій, отъ себя Общество ассигновало на этотъ отрядъ—1000 руб., а остальная сумма частью была собрана въ видѣ пожертвованій (809 р.), а частью была предоставлена Медицинскому Обществу Харьковскимъ Губернскимъ Земствомъ (30000 р. на самый отрядъ и около 7000 р. на изготовленіе лечебныхъ сыворотокъ для нуждъ арміи). Не осталось глухо Медицинское Общество и къ другому народному бѣдствію—къ голодовкамъ: въ 1891—1892, 1898—1899 г.г. Общество организовало въ пользу голодающихъ сборъ пожертвованій и дѣлало посильныя ассигнованія.

Учрежденія Медицинскаго Общества. Уже на второмъ году своего существованія у Медицинскаго Общества явилась потребность и въ чисто практической и филантропической дѣятельности. Въ 1862 году И. К. Зарубинъ прочиталъ замѣтку объ учрежденной въ Иркутскѣ лечебницы для приходящихъ больныхъ; перейдя затѣмъ къ лечебнымъ учрежденіямъ г. Харькова—клиникѣ и городской больницѣ—И. К. Зарубинъ выяснилъ, что въ г. Харьковѣ „почти нѣтъ заведеній для пользованія бѣдныхъ“ и предложилъ Медицинскому Обществу устроить *безплатную лечебницу*. Предложеніе это было встрѣчено очень сочувственно и Общество рѣшило учредить таковую. Уставъ ея былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 7 іюня 1862 года, а съ 12 января 1863 года она стала функціонировать. Лечебница сразу завоевала большія симпатіи со стороны населенія, такъ что уже въ концѣ перваго года ея существованія въ секретарскомъ отчетѣ констатируется, что „бѣдные больные толпами приходили въ лѣчебницу, гдѣ находили безплатно медицинскій совѣтъ и лѣкарство“. Въ первые же годы своего существованія лечебница стала привлекать къ себѣ различныя пожертвованія и пособія. Въ началѣ ея, болѣе чѣмъ скромный, бюджетъ пополнялся мелкими пожертвованіями отдѣльныхъ лицъ и сборомъ съ благотворительныхъ спектаклей и вечеровъ. Въ 1863 году однако на помощь лечебницѣ пришла Городская Дума, постановившая ежегодно ассигновать лечебницѣ Медицинскаго Общества по 1000 руб., эта ассигновка ежегодно дѣлается Думой и по настоящее время. Въ томъ же году было сдѣлано пожертвованіе г. Шабельской неприкосновеннаго капитала въ 1115 руб. (процентными бумагами). Въ 1864 году на помощь лечебницѣ пришелъ Д. А. Донецъ-Захаржевскій, изъявившій желаніе вносить на расходы лечебницы по 100 руб. ежегодно, а послѣ своей смерти завѣщалъ капиталъ въ 50000 руб. между прочимъ и для учрежденія больницы на 10 коекъ. Д. А. Донецъ-Захаржевскому поднесено было званіе почетнаго попечителя лечебницы и больницы. Въ 1872 году по смерти Д. А. Донецъ-Захаржевскаго Общество и получило завѣщанную сумму. На часть этого капитала было пріобрѣтено дворовое мѣсто и домъ по Нѣмецкой улицѣ, гдѣ лечебница и больница находятся по сіе время (теперь Пушкинская). Въ 1878 году Городская Дума ассигновала Обществу единовременно 6000 руб. на перестройку пріобрѣтеннаго флигеля и гарантировала Обществу 7% годовыхъ на капиталъ 34000 руб. (изъ пожертвованнаго Д. А. Донецъ-Захаржевскимъ), положенный на вѣчное время въ Городской Банкъ. Въ 1867 году по предложенію д-ра Н. А. Сочавы при лечебницѣ были устроены 2 кровати для ста-

ціонарныхъ больныхъ. Самая же *больница, которой было присвоено имя жертвователя Д. А. Донецъ-Захаржевскаго*, была открыта 22 сентября 1885 года (пока на 6 кроватей) и лишь въ 1899 году число кроватей было доведено до 10. Благодаря пожертвованію Д. А. Донецъ-Захаржевскаго лечебница и больница стали на твердую почву, въ дальнѣйшемъ были сдѣланы еще нѣкоторыя пожертвованія и между прочимъ Харьковскимъ Уѣзднымъ Земствомъ (ежегодныя ассигнованія по 200 руб.). Дѣятельность лечебницы и больницы непрерывно развивалась, за все время ея существованія, около 300000 больныхъ получили въ нихъ помощь со стороны спеціалистовъ по разнымъ болѣзнямъ. Въ 1904 году приходящихъ больныхъ было 9330 чел., которыми было сдѣлано 38749 посѣщеній. Въ больницѣ съ 1885 по 1904 г. пользовалось леченіемъ 2856 чел., которыми было проведено 37000 дней. Изъ своихъ средствъ Медицинское Общество за девятилѣтіе (съ 1896 по 1904 годъ) затратило 76831 р. 62 к.

Вторымъ по времени своего возникновенія учрежденіемъ явился „*Пастеровскій прививной Институтъ и бактеріологическая станція Харьковскаго Медицинскаго Общества*“. Возникли они вскорѣ послѣ опубликованія безсмертнаго открытія Пастера о предохранительныхъ прививкахъ противъ бѣшенства. Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію вопроса объ открытіи этого учрежденія послужилъ несчастный случай, имѣвшій мѣсто въ городѣ въ маѣ 1886 года: въ одной семьѣ два мальчика были укушены бѣшеной собакой, одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ, а въ судьбѣ второго приняли участіе д-ръ Э. Ф. Беллинъ и бывшій профессоръ Я. С. Кремянскій. На собранныя пожертвованія этотъ мальчикъ былъ отправленъ для леченія въ Парижъ къ Пастеру, а вмѣстѣ съ нимъ для ближайшаго изученія метода Пастеровскихъ прививокъ поѣхали д-ра Ю. Ю. Моттэ и Н А. Протопоповъ; одновременно съ этимъ возникла мысль объ устройствѣ Пастеровской прививочной станціи въ г. Харьковѣ. Первый камень въ фундаментъ этого учрежденія былъ заложенъ Городскимъ Управленіемъ, которое въ ознаменованіе 25-лѣтія Медицинскаго Общества ассигновало единовременно 300 руб. на устройство бактеріологической станціи при медицинскомъ Обществѣ. Задачи станціи были опредѣлены, какъ „лабораторіи для теоретическаго изученія и практическаго примѣненія Пастеровскаго метода лѣченія бѣшенства, равно какъ и для изученія впослѣдствіи другихъ инфекціонныхъ заболѣваній какъ у человѣка, такъ и у животныхъ“. 20 апрѣля 1887 года на станцію прибыли первые укушенные бѣшенными животными—трое крестьянъ изъ Корочанскаго уѣзда, Курской губ., съ этого числа собственно и начались функціи бактеріологической станціи, получившей по постановленію Общества 2 мая 1887 г. наименованіе „Пастеровскаго Прививного Института и Бактеріологической станціи Харьковскаго Медицинскаго Общества“. Количество пріѣзжающихъ въ г. Харьковъ укушенныхъ бѣшенными животными оказалось вскорѣ такъ велико, что помѣщеніе ихъ въ больницу Общества представило существенныя неудобства, почему въ ноябрѣ 1887 года было принято постановленіе о содержаніи за опредѣленную плату пріѣхавшихъ въ отдѣльномъ отъ больницы помѣщеніи, чѣмъ было положено основаніе новому учрежденію Общества, находящемуся однако въ тѣсной связи съ бактеріологической станціей—*пріюту для укушенныхъ бѣшенными животными*. Въ первый годъ прививками противъ водобоязни лѣчилось 98 человѣкъ, въ слѣдующемъ 1888 г.—175 чел., въ началѣ 90 годовъ отъ 300 до 500, въ 1895 году цифра лѣчившихся сразу повышается до 829, а въ 1899 г. уже достигаетъ 1244 ч., въ началѣ девятисотыхъ годовъ она уже свыше 1500 чел. Въ 1904 лѣчилось 2161 чел. Въ послѣднемъ году лѣчившіеся были изъ слѣдующихъ губерній: Екатеринославской, Харьковской, Курской, Орловской, Полтавской, Воронежской, Ставропольской, Таврической, Херсонской, Области Войска Донского, Кубанской Области. единичные больные попадались изъ Тульской, Саратовской, Могилевской, Астраханской, Тамбовской, Черноморской, Эриванской, Черниговской губ. и Терской Области. Наряду съ бактеріологическими изслѣдованіями съ практической цѣлью стала крѣпнуть и чисто научная дѣятельность станціи по изученію бактеріологіи и другихъ теоретическихъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ инфекціонныхъ болѣзней, станція быстро развилась до степени Научнаго Института, изъ стѣнъ котораго стали выходить многочисленныя ученыя работы изъ области бактеріологіи. Со времени обнародованія открытія Bering'a и Roux объ антидифтерійной сывороткѣ бактеріологическая станція по постановленію Общества 20 октября 1894 года стала изготовлять эту сыворотку, затѣмъ по мѣрѣ развитія ученія о серотерапіи и иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ эта сторона дѣятельности непрерывно расширялась и мало-по-малу образовалось особое отдѣленіе бактеріологической станціи—Институтъ по изготовленію лечебныхъ сыворотокъ и вакцинъ. Въ началѣ изготовлялась одна противодифтерійная сыворотка, а

затѣмъ къ концу 1904 года вырабатывались сыворотки противострептококковыя, противодизентерійная, производились опыты съ противоскарлатинной сывороткой Moser'a и начата была иммунизація лошадей къ холерному вибріону для цѣлей изготовленія холерной вакцины. Къ началу 1905 года развитіе производства разнообразныхъ сыворотокъ и вакцинъ, можно сказать, еще только начиналось, но отпускъ антидифтерійной сыворотки достигъ значительныхъ размѣровъ, въ 1903 и 1904 годахъ она была отпущена въ количествѣ свыше 90000 флаконовъ въ годъ. Степень распространенія антидифтерійной сыворотки, изготовляемой Харьковскимъ Медицинскимъ Обществомъ видна изъ того факта, что въ 1904 году она высылалась въ слѣдующія губерніи и области: Харьковская, Тамбовская, Екатеринославская, Пензенская, Воронежская, Симбирская. Тульская, Саратовская, Рязанская, Таврическая, Ставропольская, Курская, Нижегородская, Орловская, Иркутская, Минская, Калужская, Эриванская, Подольская, Полтавская, Елизаветпольская, Херсонская, области: Кубанская, Войска Донского, Терская, Дагестанская, Семирѣчинская, Самаркандская, губерніи: Могилевская, Архангельская, Астраханская и Костромская. Въ бактеріологической станціи непрерывно работали многіе врачи, зачастую пріѣзжавшіе издалека для изученія бактеріологіи. Кромѣ того почти ежегодно устраивались спеціальные курсы по бактеріологіи для врачей съ систематическимъ курсомъ теоретическихъ лекцій и практическихъ занятій. Съ самаго своего возникновенія Пастеровскій институтъ и бактеріологическая станція получили взносы на содержаніе ихъ отъ многихъ земствъ и городовъ, которые присылали для леченія Пастеровскими прививками укушенныхъ бѣшенными животными и выписывали лечебныя сыворотки. Такимъ образомъ Пастеровскій Институтъ въ 1904 году получилъ взносы отъ 6 губернскихъ управъ, 15 уѣздныхъ и 31 городского управленія, всего— 4399 р. 10 к. Бактеріологическій Институтъ на изготовленіе антидифтерійной сыворотки и антистрептококковой получилъ взносы отъ 9 губернскихъ, 3 уѣздныхъ управъ, 5 городскихъ управленій и одного управленія желѣзной дороги, всего 9030 р. 85 к. Главный же доходъ Бактеріологическая станція получила отъ продажи сыворотки, который въ 1904 году достигъ 55668 руб. 56 коп Общій доходъ по всѣмъ отдѣленіямъ Пастеровскаго института и Бактеріологической станціи въ 1904 году былъ равенъ 87496 р. 20 к., расходъ 61456 р. 32 к., чистый доходъ выражался въ суммѣ 26039 р. 88 к.

Слѣдующимъ учрежденіемъ послѣ Пастеровскаго института и бактеріологической станціи былъ открытъ *химико-микроскопическій кабинетъ*. Иниціатива его открытія принадлежитъ д-ру Ѳ. Алексѣеву, по его предложенію 24 октября 1887 года Медицинское Общество постановило учредить „Кабинетъ химической и микроскопической діагностики для цѣлей практической медицины", который и былъ открытъ 1 іюня 1888 года. Учрежденіемъ такого кабинета Общество пошло на встрѣчу дѣйствительной потребности публики и практическихъ врачей, въ немъ изслѣдовались кровь, мокрота, желудочный сокъ, моча, кусочки различныхъ опухолей и пр. За 1889 годъ было сдѣлано 929 анализовъ, въ 1895 году ихъ было уже 7789, въ 1903 г.—14070, въ 1904 г.—13114. Для несостоятельныхъ больныхъ по запискамъ врачей такъ же, какъ и на бактеріологической станціи, изслѣдованія производились или безплатно, или за пониженную плату, съ прочихъ же взималась опредѣленная Медицинскимъ Обществомъ плата, половина которой по постановленію Общества шла изслѣдователю, а половина—въ кассу Общества. Въ 1889 году чистый доходъ въ пользу Общества равнялся 446 руб., въ 1895 г.—4536 р. 72 к. и съ 1900 по 1904 г.г. ежегодный чистый доходъ колебался между 5000 р. и 7000 р. съ лишнимъ. Въ 1895 году по случаю кончины одного изъ учредителей Общества, почетнаго члена его д-ра В. А. Франковскаго, пріобрѣвшаго громадную извѣстность и симпатіи населенія, явилась мысль объ устройствѣ его имени *„пріюта для неизлѣчимыхъ больныхъ*, безъ различія званія, вѣроисповѣданія и состоянія". Впослѣдствіи однако при сборѣ пожертвованій было установлено, что въ пріютъ могутъ быть принимаемы какъ съ неизлѣчимыми, такъ и съ трудно лѣчимыми болѣзнями. Харьковское населеніе очень сочувственно отнеслось къ призыву Медицинскаго Общества. Въ первый 1895 годъ было собрано 847 р. 90 к., къ концу 1896 года было собрано уже 13259 р. 51 к. и кромѣ того Городской Думой было отведено для пріюта 700 кв. саж. земли. Въ числѣ обозначенной выше суммы включены 3000 руб. отъ Харьковскаго Уѣзднаго Земства и 5000 руб. отъ М. Х. Гельферихъ. Въ нѣкоторые большіе праздники съ разрѣшенія мѣстнаго архіерея производился кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ города. Ассигнованія были сдѣланы также и уѣздными земствами. Затѣмъ М. Х. Гельферихъ было предоставлено для пріюта усадьба земли въ 1200 кв. саж. Къ концу 1897 года было собрано уже около 21000 руб., а къ 1 января 1904 года капиталъ на учреж-

деніе пріюта достигъ 36126 руб. 77 коп., не считая нѣкоторыхъ суммъ, обезпечивающихъ содержаніе нѣсколькихъ коекъ въ пріютѣ.

Имущество, капиталы и бюджетъ Медицинскаго Общества. Медицинское Общество начало свою дѣятельность съ самымъ незначительнымъ бюджетомъ, когда единственнымъ источникомъ его дохода были членскіе взносы. оно не владѣло никакимъ недвижимымъ имуществомъ до 1872 года. Въ августѣ 1872 года на часть завѣщанныхъ Д. А. Донецъ-Захаржевскимъ денегъ былъ купленъ домъ на Нѣмецкой улицѣ (нынѣ Пушкинская, 14) стоимостью въ 20000 р. спеціально для помѣщенія лечебницы и больницы. Изъ капитала Д. А. Донецъ-Захаржевскаго на эту покупку было затрачено 15000 руб. Съ этого времени и засѣданія Общества стали происходить въ этомъ домѣ, первое засѣданіе въ этомъ собственномъ домѣ Общество имѣло 4 сентября 1872 года, которое и было обставлено нѣкоторою торжественностью. Въ 1879 году надъ этимъ домомъ былъ построенъ второй этажъ, что обошлось Обществу около 12000 руб., причемъ 6000 руб. на эту перестройку было ассигновано Городской Думой. Въ 1895 году было пріобрѣтено у Общества Грамотности смежное дворовое мѣсто въ 230 кв. саж съ домомъ по Скрыпницкому пер. за 20000 руб. Главнымъ основаніемъ для этого пріобрѣтенія послужила необходимость расширенія помѣщеній для Бактеріологической станціи. На приспособленіе купленнаго дома было израсходовано приблизительно 2000 руб., для совершенія этой покупки было заложено въ Земельномъ Банкѣ ранѣе пріобрѣтенное имущество (Пушкинская, 14) въ суммѣ 25000 руб. Почти одновременно было куплено за 2000 руб. прилегающее къ усадьбѣ купленной у Общества Грамотности, пустопорожнее мѣсто Шкаффа, также по Скрыпницкому пер.

Настоятельная необходимость расширенія дѣятельности бактеріологической станціи по изготовленію антидифтерійной сыворотки заставило Общество и дальше расширять свои владѣнія. Спеціально для этой цѣли въ 1898 году была куплена усадьба съ постройками П. И. Тарабариной, находящаяся на седьмой верстѣ отъ города по Сумскому шоссе, заключавшая въ себѣ около 15 дес. земли съ лѣсомъ, занимающимъ почти всю площадь (около 14 дес.), покупная стоимость усадьбы—20000 руб. На территоріи этой дачи Медицинскаго Общества были сооружены необходимыя постройки и въ томъ числѣ конюшни для содержанія лошадей. служащихъ для изготовленія сыворотокъ, а имѣющіяся зданія приспособлены для необходимыхъ квартиръ. Въ 1901 году Общество пріобрѣло въ городѣ четвертое дворовое мѣсто съ постройками, находившееся по сосѣдству съ имуществомъ Общества, а именно мѣсто въ 480 кв. саж. по Пушкинской. Имущество это куплено у г-жи Шретеръ за 50000 руб., причемъ на 25500 руб. были совершены закладныя, на 13000 р. было сдѣлано позаимствованіе изъ спеціальныхъ капиталовъ Общества, а остальные были выплачены изъ наличныхъ средствъ Общества. Такимъ образомъ къ 1 января 1905 года Общество имѣло недвижимаго имущества по его покупной стоимости на сумму въ 112000 руб., что, конечно, далеко не выражаетъ его дѣйствительной стоимости, такъ какъ помимо вздорожанія недвижимой собственности, происшедшей за время владѣнія ею Обществомъ, послѣднимъ на купленныхъ усадьбахъ были возведены значительныя постройки. О размѣрахъ послѣднихъ можетъ дать нѣкоторое представленіе ихъ страховая сумма: всѣ постройки Общества, какъ въ городѣ, такъ и на дачѣ были въ 1904 году застрахованы въ суммѣ 123130 руб. Дѣйствительная задолженность Общества (залоги и внутренніе займы) къ 1 января 1905 года была равна 36406 р. 91 к. При сравненіи бюджета Общества за разное время существованія его получимъ слѣдующія цифры. Въ 1861 году, когда единственнымъ источникомъ прихода Общества были членскіе взносы, въ кассу общества поступило 280 руб., было израсходовано 232 р. 41 к., въ 1862 г. приходъ равнялся 382 р. 89 к., расходъ—84 р. 48 к. въ этомъ же году появились спеціальныя средства лечебницы въ видѣ пожертвованій и сбора съ благотворительнаго спектакля, всего 486 руб. Съ учрежденіемъ лечебницы и больницы бюджетъ Общества главнымъ образомъ въ части его, относящейся къ лечебнымъ учрежденіямъ Общества, сталъ быстро возрастать, благодаря притоку пожертвованій и пособій послѣднимъ. Въ 1870 году въ кассѣ Общества имѣлось на 1452 р. 42 к. процентныхъ бумагъ, въ теченіи года поступило 992 р. 46 к., израсходовано 817 р. 74 к., спеціальный приходъ по лечебницѣ въ этотъ годъ равнялся 2290 р. 15 к., расходъ 2102 р. 74 к. Затѣмъ у Общества появились различные, по большей части пожертвованные капиталы со спеціальнымъ назначеніемъ, изъ нихъ былъ самымъ крупнымъ въ 50000 руб., пожертвованный Д. А. Донецъ-Захаржевскимъ, 34000 руб. изъ этого капитала были внесены въ Городской банкъ въ видѣ вклада на вѣчное время. На 1881 годъ у Обще-

ства было капиталовъ 36944 р. 86 к. въ томъ числѣ и спеціальныхъ неприкосновенныхъ суммъ, въ теченіе года поступило 7597 р. 62 к., израсходовано 8105 р. 18 к. Къ началу 1890 года количество капиталовъ Общества не увеличилось, но возросли оборотныя суммы, что видно изъ слѣдующихъ цифръ: къ 1 января 1904 года состояло—103282 р. 33 к., поступило въ теченіи 1904 года 189246 р. 88 к. и израсходовано 161004 р. 68 к.

Сельскохозяйственное общество [1]). Семидесятые годы прошлаго столѣтія въ исторіи нашей сельскохозяйственной жизни ознаменовались рядомъ съѣздовъ сельскихъ хозяевъ, происходившихъ въ Харьковѣ (два раза), Кіевѣ, Одессѣ. Это была пора, когда русское сельское хозяйство послѣ реформъ 60-хъ годовъ оказалось на распутьи. Завершался процессъ ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній къ рабочимъ силамъ хозяйства. Угасалъ натуральный строй хозяйствъ и наступала капиталистическая эра. Новый порядокъ требовалъ наличности капитала и знаній, которыхъ въ странѣ не было. Положеніе осложнялось тѣмъ, что по естественному ходу вещей эти тяжелые годы совпали съ эпохой перелома въ земледѣліи: гуртовое скотоводство и овцеводство всюду тѣснилось распашкой земель, пастбищныя и сѣнокосныя угодія уступали шагъ за шагомъ мѣсто передъ натискомъ зерновыхъ полей. Вывозъ хлѣбовъ изъ Россіи съ каждымъ годомъ все увеличивался, а цѣны на хлѣбъ понижались, колеблясь въ чрезвычайныхъ предѣлахъ, чему способствовали, помимо обычныхъ условій хлѣбной торговли, спекуляціи съ нашимъ бумажнымъ рублемъ.

Съѣзды хозяевъ были призваны освѣтить эти вопросы и намѣтить пути, по которымъ должно было пойти наше сельское хозяйство. Среди участниковъ съѣздовъ выяснилась необходимость въ организаціи постоянныхъ учрежденій, которыя могли бы представлять собою интересы сельскихъ хозяевъ.

На IV-мъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, происходившемъ въ Харьковѣ въ 1874 году, возникла мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ сельскохозяйственнаго общества. На Общество возлагалась задача: содѣйствовать развитію всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности въ Харьковской, Полтавской, Курской, Воронежской и Екатеринославской, а также и другихъ смежныхъ съ ними губерніяхъ. Прошло шесть лѣтъ подготовительныхъ работъ и ожиданій по утвержденію новаго общества. 27 января 1880 г. Общество открыло свою дѣятельность. Первая роль въ организаціи Общества принадлежала Владиміру Акимовичу Кочетову. Къ 1-му января 1881 г. въ Обществѣ состояло 199 дѣйствительныхъ членовъ и 9 членовъ сотрудниковъ. Въ день открытія былъ избранъ составъ Совѣта Общества. Первымъ предсѣдателемъ Общества состоялъ В. А. Кочетовъ, товарищемъ предсѣдателя Д. М. Делярю, членами перваго Совѣта: Л. И. Бекарюковъ, В. Е. Краинскій, Д. С. Лесевицкій, казначеемъ: К. К. Детловъ и первымъ секретаремъ А. Е. Зайкевичъ.

Съ первыхъ же шаговъ Общество выступило на дѣятельный путь по осуществленію своихъ задачъ. Въ годъ открытія Обществомъ была устроена общерусская сельскохозяйственная выставка (5—15 октября 1880 г.) съ конкурснымъ испытаніемъ пахатныхъ орудій и молотилокъ. Тогда же былъ созванъ въ Харьковѣ первый областной сельскохозяйственный съѣздъ. Предпринято было экспедиціонное изслѣдованіе Харьковской губерніи въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Тогда же положено было начало ежегоднымъ выставкамъ сельскохозяйственныхъ сѣмянъ. Въ томъ же году были заложены Обществомъ первыя въ Харьковской губ. опытныя поля (Тростянецкое, им. Кенига, Ахтырскаго у. и Гавриловское, им. Борисовскаго, Бахмутскаго у.). Въ 1882 г. былъ конкурсъ сѣнокосильныхъ машинъ; въ слѣдующемъ 1883 году Общество приняло дѣятельное участіе въ устройствѣ международной выставки овецъ въ Харьковѣ. Въ теченіе перваго десятилѣтія Общество основныя задачи своей дѣятельности видѣло: 1) въ обслуживаніи непосредственныхъ запросовъ хозяевъ; 2) въ широкомъ общественномъ освѣщеніи основныхъ нуждъ сельскаго хозяйства южной Россіи; 3) въ правильной организаціи сельскохозяйственнаго опытнаго дѣла въ краѣ. Общество въ 1883 г. открыло торговое и консультативное бюро. По утвержденіи 14 ноября 1883 г. программы его дѣятельности, на бюро возлагались задачи: 1) знакомить сельскихъ хозяевъ со всѣми примѣняемыми на практикѣ усовершенствованіями въ области земледѣлія; 2) освѣдомленіе хозяевъ о торговыхъ фирмахъ и заводахъ, собираніе разнаго рода справокъ, адресовъ, устройство выставокъ; 3) посредническія операціи по продажѣ и покупкѣ продуктовъ и матеріаловъ сельскаго хозяйства; 4) производство

[1]) Извлеченіе изъ «Краткаго историческаго очерка дѣятельности Харьковск. Общ. с. х. за тридцать лѣтъ».

анализовъ, испытанія сѣмянъ, составленіе организаціонныхъ плановъ, отчетности и пр. Это было первое въ Россіи учрежденіе подобнаго рода. Развиваясь изъ года въ годъ, бюро заняло по значительности своихъ операцій выдающееся мѣсто среди не только общественныхъ, но и другихъ складовъ сельскохозяйственныхъ сѣмянъ.

Въ видахъ общественной разработки нуждъ сельскаго хозяйства, Общество созвало съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ 1886 г. (10—19 января), а въ слѣдующемъ 1887 г. Обществомъ была устроена Всероссійская сельскохозяйственная выставка (23 сентября—12 октября), первая въ Россіи. Выставка имѣла выдающійся успѣхъ. Во время этой выставки почти ежедневно происходили засѣданія Общества, на которыхъ былъ прочитанъ рядъ интересныхъ докладовъ (числомъ 22). Въ качествѣ докладчиковъ выступали лучшія силы того времени: проф. В. В. Докучаевъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, А. А. Армфельдтъ, проф. Чирвинскій, проф. Линдеманъ, В. И. Касперовъ и многіе другіе. Въ 1889 году Общество дѣятельно занялось изученіемъ вопросовъ мѣстнаго животноводства, разрабатывало мѣропріятія и произвело обслѣдованіе свиноводства въ частныхъ хозяйствахъ Харьковской, Курской, Полтавской губерній. Среди многихъ другихъ проявленій дѣятельности Общества за этотъ періодъ нельзя не отмѣтить, что въ средѣ Харьковскаго Общества былъ поднятъ вопросъ проф. Л. С. Ценковскимъ о предохранительныхъ прививкахъ сибирской язвы. Общество содѣйствовало учрежденію бактеріологической лабораторіи въ Харьковѣ по изученію инфекціонныхъ болѣзней. Въ теченіе этого времени дѣятельность Общества находила свое печатное выраженіе въ изданіи „Журналовъ“ Общества (издававшихся съ 1882 г. по 1892 г.), въ которыхъ помѣщались доклады и журналы засѣданій общихъ собраній, въ отчетахъ по Обществу и въ періодическомъ изданіи „Справочный Листокъ“ Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ послѣднемъ помѣщались многочисленныя статьи по сельскому хозяйству. Кромѣ того, отдѣльными изданіями выходили описанія выставокъ, отчеты опытныхъ полей и нѣкоторыя брошюры.

Кромѣ лицъ, указанныхъ выше въ составѣ перваго Совѣта, дѣятельное участіе въ начинаніяхъ Общества принимали члены его: И. К. Гришенко, М. Е. Гордѣенко, И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, Л. В. Ильяшевичъ, А. К. Алчевскій, В. Е. Ласковскій, А. А. Колесовъ, И. М. Кабештовъ, Л. В. Ценковскій, Н. Н. Харинъ, М. Х. Гельферихъ и др. Во второмъ десятилѣтіи Общество продолжало трудиться по организаціи опытныхъ полей въ краѣ. Стоя на почвѣ общественныхъ интересовъ, Общество обратило вниманіе на безпомощность въ сельскохозяйственномъ отношеніи сельскаго населенія. Разработавъ этотъ вопросъ, Общество въ 1890 г. препроводило Харьковскому Губернскому Земству записку о томъ, какими способами земство можетъ оказать помощь земледѣлію. Общество выработало интересную программу. Насколько она вполнѣ соотвѣтствовала истиннымъ потребностямъ жизни и историческому ходу вещей можно видѣть изъ того, что земство съ 1890 г. и до послѣднихъ лѣтъ развивало свою помощь сельскому хозяйству губерніи, неуклонно придерживаясь тѣхъ путей, которые были разработаны и признаны желательными Обществомъ именно въ этой программѣ. Много труда и усилій вложило Общество въ теченіе этого десятилѣтія на разработку вопроса объ учрежденіи въ Харьковѣ высшаго агрономическаго учебнаго заведенія. Зародившись въ 1892 году во время пріѣзда въ Харьковъ министра земледѣлія А. С. Ермолова, среди рѣчей и бесѣдъ на агрономическомъ обѣдѣ, устроенномъ Обществомъ, эта мысль стала излюбленной мыслью Общества. Разработавъ вопросъ этотъ, Общество въ 1894 г. внесло въ Министерство Земледѣлія ходатайство объ открытіи высшаго агрономическаго учебнаго заведенія въ Харьковѣ. Въ то же время Общество продолжало работать среди общественныхъ учрежденій Харькова, склоняя ихъ въ поддержкѣ своего ходатайства. Старанія Общества привели къ благимъ результатамъ. Городское управленіе Харькова, Харьковскій Земельный банкъ рѣшили оказать матеріальное содѣйствіе, сдѣлавъ крупныя пожертвованія для будущаго института. Вооружившись сочувствіемъ общественныхъ учрежденій, общество въ 1898 г. вторично возобновило свое ходатайство передъ Министерствомъ Земледѣлія. Въ то же время общество, признавая недостатокъ въ спеціалистахъ по животноводству, представило въ 1897 г., по докладу проф. С. А. Иванова, проектъ объ учрежденіи отдѣленія животноводства при Харьковскомъ Ветеринарномъ институтѣ.

На протяженіи этого десятилѣтія Общество организовало въ г. Сумахъ въ 1894 г. ярмарочную выставку, въ 1899 г. устроило въ Лебединѣ сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку. Въ 1897 г. при Обществѣ состоялось конкурсное испытаніе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. На Па-

рижской всемірной выставкѣ 1900 г. Обществомъ былъ устроенъ свой отдѣлъ. Общество было премировано золотой медалью. Съ 1895 г. Общество, наконецъ, осуществило свое давнишнее желаніе и начало издавать еженедѣльный періодическій органъ „Южно-Русская Сельскохозяйственная Газета", которая, пріостановившись въ 1898 г., вновь была возобновлена съ 1901 г. и издается до нынѣшняго времени. Это изданіе завоевало положеніе органа общественной агрономіи южной Россіи. Въ 1897 г. былъ открытъ Комитетъ по винокуренной промышленности, предсѣдателемъ котораго избранъ Н. Н. Ковалевскій. Комитетъ впослѣдствіи въ 1902 г. былъ преобразованъ въ Винокуренное Отдѣленіе Общества. Въ 1899 г. было открыто по иниціативѣ А. Е. Зайкевича при Обществѣ Отдѣленіе Садоводства и Огородничества. Нѣсколько замедленный во второмъ десятилѣтіи темпъ жизни Общества постепенно съ начала третьяго десятилѣтія сталъ оживляться. Переживъ критическіе годы, когда являлась даже мысль о сокращеніи дѣятельности нѣкоторыхъ учрежденій, Общество, тѣмъ не менѣе, не вступило на этотъ пагубный путь и, оберегая все переданное ему прошлой дѣятельностью, шагъ за шагомъ продолжало исподволь, борясь съ неблагопріятными обстоятельствами, развивать свои предпріятія и организаціи, а также углублять и расширять внутреннюю организацію Общества. Въ 1901 г. открыто Общество взаимопомощи служащихъ по сельскому хозяйству. Тогда же Общество организовало Харьковское Отдѣленіе Общества содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. Въ томъ же 1901 г. Общество совмѣстно съ уѣзднымъ Изюмскимъ земствомъ устроило въ г. Славянскѣ сельскохозяйственную и кустарнопромышленную выставку. Въ 1902 г. учреждена коммиссія по изслѣдованію скотоводства въ Харьковской губ. Работы коммиссіи привели къ мысли о необходимости созыва областнаго съѣзда по животноводству, и Общество дѣятельно стало готовиться къ организаціи съѣзда, и таковой былъ созванъ 14—23 сентября 1903 г. въ Харьковѣ. Это былъ первый въ Россіи съѣздъ по животноводству. Съѣздъ широко понялъ свои задачи и, освѣщая вопросы съ общественной точки зрѣнія, обратилъ вниманіе на свои работы общественное вниманіе страны. Въ 1902 г. Общество учредило комитетъ по организаціи народныхъ чтеній и организовало рядъ испытаній сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (въ 1902 г.—конкурсное испытаніе плуговъ). Общество съ первыхъ дней своей жизни стало на путь служенія общественнымъ задачамъ. Оно не замкнулось въ тѣсномъ кругу частныхъ нуждъ мѣстныхъ хозяевъ, правильно оцѣнивъ, что работа по созданію и упроченію общественныхъ устоевъ сельскаго хозяйства должна была составлять основную задачу Общества. Съ первыхъ шаговъ Общество было занято сплоченіемъ общественныхъ силъ вокругъ этой задачи. Стремленіе это выразилось въ устройствѣ областныхъ сельскохозяйственныхъ съѣздовъ, всероссійской и областныхъ выставкахъ, въ привлеченіи къ трудамъ Общества выдающихся научныхъ дѣятелей и работниковъ на общественномъ поприщѣ, въ постоянномъ представительствѣ интересовъ земледѣлія и его отраслей передъ правительственными и общественными учрежденіями.

24-го апрѣля 1880 года послѣдовало открытіе у насъ *Харьковскаго отдѣленія Имп. Русскаго Технического общества* съ промышленнымъ Техническимъ музеемъ. Исторія его возникновенія такова. Къ открытію его побудило развитіе на югѣ фабричной, заводской, въ особенности каменноугольной промышленности, вызывавшее необходимость разрѣшенія важныхъ практическихъ техническихъ вопросовъ, въ связи съ условіями мѣстныхъ производствъ. Необходимо было изслѣдовать наши мѣстныя естественныя богатства. Н. С. Авдаковъ и В. В. Дымманъ составили инструкцію для мѣстнаго отдѣла, которая и была утверждена. Первымъ предсѣдателемъ отдѣла былъ избранъ проф. химіи Н. Н. Бекетовъ, товарищемъ его проф. физики А. П. Шимковъ, секретаремъ И. О. Фесенко. Въ числѣ другихъ вопросовъ отдѣленіе въ первое время занято было выработкою программъ высшаго Техническаго училища въ Харьковѣ и средняго ремесленнаго для дѣтей низшаго класса населенія. Въ 1882 г. былъ открытъ и промышленно Технический музей [3]).

Южно-русское общество технологовъ было основано 15 сент. 1895 года. Открытіе общества было пріурочено ко дню десятилѣтней годовщины открытія Технологическаго института. Особые труды по осуществленію устава общества были понесены директоромъ харьковскаго технологическаго института В. Л. Кирпичевымъ, избраннымъ въ 1-мъ же засѣданіи почетнымъ членомъ. Затѣмъ въ роли руководителей его

[3]) Харьк. кал. на 1883 годъ, стр. 228—231.

выступали проф. Е. Л. Зубашовъ, Д. С. Зерновъ. Задача общества состоитъ въ объединеніи членовъ его на почвѣ научной и практической дѣятельности. Въ обществѣ дѣлаются доклады и оно издаетъ свои труды. Число членовъ его достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ (до 500) [1]).

Харьковскій Губернскій статистическій Комитетъ не представляетъ изъ себя ученаго общества—онъ является оффиціальнымъ учрежденіемъ, во главѣ котораго стоитъ губернаторъ—но въ прежніе годы онъ не мало сдѣлалъ для научнаго изслѣдованія Харьковской губ. въ различныхъ отношеніяхъ, т. е. иными словами, энергично исполнялъ возложенную на него закономъ обязанность. По положенію о Губернскихъ статистическихъ комитетахъ научныя работы выпадаютъ на долю товарищей предсѣдателя комитетовъ и секретарей. И въ Харьковскомъ Губернскомъ Статистическомъ комитетѣ научною дѣятельностью его руководили товарищи предсѣдателя и особенно секретари. Харьк. Губ. Стат. Комитетъ преобразованъ по новому положенію въ 1861 году. Съ 1862 по 1869-й и съ 1876 по 1886 годъ, товарищемъ предсѣдателя былъ проф. статистики *И. П. Сокальскій*, а въ промежуткѣ этихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя былъ проф. *И. В. Вернадскій* (съ 1869 по 1876 годъ); преемникомъ *И. П. Сокальскаго* былъ проф. *Г. М. Цыхановецкій*. Проф. *И. В. Вернадскій* (Кіевскаго, потомъ Московскаго, потомъ Петербургскаго университетовъ), по выходѣ въ отставку, занялъ въ Харьковѣ должность директора Харьковской конторы государственнаго банка и затѣмъ избранъ былъ товарищемъ предсѣдателя губ. ст. ком. Въ этомъ званіи онъ руководилъ ходомъ научныхъ работъ комитета какъ непосредственно, такъ и при посредствѣ открытыхъ при немъ (съ 1871 г.) двухъ постоянныхъ коммиссій для собиранія матеріаловъ и приготовленія трудовъ комитета. И. П. Сокальскій въ качествѣ товарища предсѣдателя руководилъ бывшими въ Харьковѣ однодневными переписями 1866, 1873 и 1879 годовъ. О переписи 1879 г. имъ составленъ рядъ статей въ мѣстныхъ изданіяхъ. Подъ его наблюденіемъ находились работы губ. стат. ком. по составленію списковъ населенныхъ мѣстъ и землевладѣнія въ Харьк. губ., производившіяся въ 1877—1878 г.г. по иниціативѣ центр. стат. комитета. Съ 1879 г. онъ является предсѣдателемъ коммиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ Харьк. губ. Подъ его редакціей напечатано три тома трудовъ этой коммиссіи (нѣкоторыя изъ статей, здѣсь напечатанныхъ, принадлежатъ лично ему). Такимъ образомъ, съ именемъ И. П. Сокальскаго связаны такія крупныя научныя изслѣдованія комитета, какъ 3 однодневныя переписи городского населенія и изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Харьк. губ.

Секретарями комитета состояли—*Я. Я. Голяховскій* (1862—1871); подъ его редакціей вышло 7 „Памятныхъ книжекъ Харьк. губ. (съ 1862 по 1869 годъ), въ которыхъ нѣкоторыя статьи написаны имъ лично; принималъ участіе онъ и въ однодневной переписи 1866 г. и въ обработкѣ ея данныхъ; *И. И. Бесядовскій* (съ 1872 по 1879 годъ); подъ его редакціей началъ выходить съ 1873 года Харьковскій календарь, продолжающійся и до нынѣ; есть его статьи и въ Трудахъ стат. комитета; *И. И. Китневичъ* (съ 1879 по 1883 годъ); *П. С. Ефименко* (съ 1883 года)—извѣстный этнографъ, знатокъ малорусской библіографіи и древностей, членъ многихъ ученыхъ обществъ. При немъ съ 1887 года стало выходить „*Литературно научное* приложеніе“ къ Харьк. кал. подъ заглавіемъ „Харьковскій сборникъ“, заключающее массу научныхъ матеріаловъ, изслѣдованій, библіографическихъ замѣтокъ по исторіи, этнографіи, ститистикѣ и экономическому быту Харьк. губ. Чтобы составить нѣкоторое понятіе объ интересѣ и разнообразіи „Сборника“ достаточно указать, что въ 1-мъ выпускѣ его были помѣщены—воспоминанія о Харьковѣ въ 20-хъ—30-хъ годахъ Рейнгардта, воспоминанія о Харьковѣ и Харьк. губ. Ярославскаго, ст. Лащенка о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ сел. Кручика, переселеніе крестьянъ Харьк. губ. за 20 лѣтъ Теличенковой, Замѣчательные уроженцы и дѣятели Харьк. губ.—П. С. Ефименка, кое что о древностяхъ Харьк. губ., Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ А. Я. Ефименко, страница изъ исторіи благоустройства г. Харькова, рядъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій. Къ сотрудничеству въ сборникѣ П. С. съумѣлъ привлечь благодаря своей любви къ дѣлу и знаніямъ почти всѣ мѣстныя силы. Однимъ словомъ, съ именемъ П. С. Ефименко связанъ расцвѣтъ научной дѣятельности Харьк. Губ. Стат. Ком. Составъ членовъ его пополнился рядомъ ученыхъ; происходили засѣданія комитета, въ послѣднее время совершенно прекратившіяся.

---

[1]) Отчетъ пятилѣтней дѣятельности южно-русскаго общества технологовъ. Х. 1901 г.

Въ томъ же научномъ направленіи продолжалась дѣятельность комитета и при новыхъ секретаряхъ его—*В. И. Касперовѣ* и *В. В. Ивановѣ*; при нихъ продолжалось изданіе „Сборника"; В. В. Ивановъ обратилъ особенное вниманіе на этнографическое изслѣдованіе Харьк. губ.—результатомъ его неутомимаго усердія явились обширныя собранія матеріаловъ по обычному праву и этнографіи, напечатанныя въ Сборникахъ и отдѣльно; слѣдуетъ также отмѣтить изд. къ Харьк. Археологическому Съѣзду въ краскахъ Атласъ Харьковскаго Намѣстничества съ планами городовъ Харьк. губ. (1902 г.). Съ уходомъ В. В. Иванова, научная работа въ Комитетѣ заглохла. Комитетъ пересталъ издавать научно-литературный сборникъ, а ограничивается только выпускомъ въ свѣтъ Харьк. Календаря.

Харьковское Губернское Земство, не преслѣдуя чисто научныхъ цѣлей, но имѣя въ виду практическія задачи статистико-экономическаго изученія Харьковской губ., вызываемыя цѣлями справедливаго обложенія населенія, организовало систематическое подворное статистическое изслѣдованіе уѣздовъ Харьк. губ. и издало результаты работъ земскихъ статистиковъ въ цѣломъ рядѣ своихъ изданій, представляющихъ несомнѣнно большой интересъ и для ученыхъ. И теперь оно продолжаетъ свои работы для полученія новѣйшихъ данныхъ и уясненія другихъ сторонъ народной жизни (напр., школьнаго дѣла, народнаго здравія).

Харьковское городское общественное управленіе—также печатаетъ матеріалы и изслѣдованія, имѣющія значеніе и для науки. Имъ же осуществляется и настоящій трудъ (Исторія г. Харькова), преслѣдующій исключительно научную задачу—дать всестороннее описаніе жизни города за 250 лѣтъ его существованія, съ точки зрѣнія его матеріальной, умственной и нравственной культуры. Харьковское гор. управленіе послѣдовало примѣру Московскаго, Петербургскаго и Одесскаго, но только поставило авторамъ настоящаго труда гораздо болѣе широкую программу, чѣмъ та, которую осуществили авторы Исторіи г. Москвы и Одессы. Обращаемся теперь къ обзору научныхъ коллекцій.

Фундаментальная университетская Библіотека является одной изъ достопримѣчательностей г. Харькова. Отъ правильнаго роста и функціонированія Библіотеки въ значительной степени зависѣла успѣшность не только преподавательской, но и научной дѣятельности университета. Основаніе Библіотеки было положено В. Н. Каразинымъ, купившимъ за годъ до открытія университета на его средства 3219 книгъ. Затѣмъ купилъ много книгъ (свыше 1500) поп. Потоцкій. Для помѣщенія Библіотеки отведено было 5 комнатъ, гдѣ теперь помѣщаются канцеляріи правленія и совѣта Библіотекарями были въ первое время профессора и первымъ библіотекаремъ былъ Беленъ де-Баллю. Скудость Библіотеки останавливала переѣздъ въ Харьковъ иностранныхъ профессоровъ. Библіотека стала возрастать частію покупкою книгъ и журналовъ, частію путемъ пожертвованій. Изъ покупокъ отдѣльныхъ коллекцій отмѣтимъ—акад. Палласа (584), проф. Якоби (300), Разумовскаго (1000), Станевича (500), часть библіотеки Ганки, пріобрѣтенная П. А. Лавровскимъ, Имшенецкаго (1290), Потебни (1411), Ярошевскаго (1570).

Изъ жертвователей заслуживаютъ съ благодарностью быть отмѣченными: Имп. Александръ и Имп. Елисавета Алексѣевна, В. Н. Каразинъ, еп. Христоформъ Сулима и Платонъ, курскій купецъ (докторъ философіи) Хлапонинъ (700 т.), проф. Каменскій (100), упраздненный Виленскій университетъ (3000), Харичковъ, пожертвовавшій 60000 руб., на которые было пріобрѣтено 1467 т. дорогихъ изданій, за покупку которыхъ упрекалъ университетъ акад. Коль, доктора Гефтъ (2000 т.), Лонгиновъ (747 тетрадей—записокъ изъ дѣлъ Сената), Ганъ (167), Гордѣенко (114), Кеппенъ (120), Лямбль (175), Калениченко (1265), Алферовъ (1036), Кочубей (5000), Сомова (4814), Лазаревичъ (353), Матушинскій (2921), Голузовскій (1061), Колмачевскій (672), Вагнеръ (153), Добротворскій (514), Гаттенбергеръ (1679), Сокольскій (4170), Джунковскій (1783), Почтенова (466), Принтцъ (600), Кучинъ (6151), Дахнѣвскій (677), И. А. Лавровскій (1779), Скворцовъ (731), Ковальскій (344), Бейеръ (1000), Малиновскій (1486), Сухомлиновъ (1307).

Въ 1805 г. въ библіотекѣ было 4338 т., а вмѣстѣ съ гравюрами (Аделунга) 7000 т., въ 1812 г.—14271, въ 1815 г.—15216, въ 1825 г.—16780 т., въ 1841/2 г.—39805, въ 1850/1 г.—51252 (съ 1835 г. за 15 лѣтъ библіотека удвоилась и ежегодно возрастала въ среднемъ на 1628 книгъ), въ 1855 г.—56705, въ 1864 г.—70285, въ 1874 г.—83616 т., въ 1884 г.—109611 т., въ 1894 г.—129668 т., *въ 1904 г.—177572 т.* (за послѣднее десятилѣтіе она возрасла на 47904 т., ежегодно на 4790, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ). Къ 1 янв. 1905 г. въ библіотекѣ было 149669 т. книгъ на 366584 руб., 28208 т. пер.

изд. на 154364 р., 3951 т. картъ, чертежей на 71290 р., всего на 529030 р. (не считая 449 т. рукописей, имѣющихъ большое научное значеніе). Въ 1835 г. библіотека получила помѣщеніе подлѣ церкви; въ 1903 году она перешла въ новое спеціальное для нея оборудованное помѣщеніе съ желѣзными шкафами. Библіотекарями (не изъ профессоровъ) были Я. О. Балясный и К. И. Рубинскій.

Число выданныхъ книгъ постепенно возрастало: въ 1836 г.—равнялось 892 назв., въ 1840 г.—2398 назв., въ 1855 г.—3723 назв., въ 1864 г.—6520 (въ томъ числѣ студентамъ 2850). Въ 1904 году преподавателямъ было выдано 6965 т., студентамъ 6434, въ читальнѣ преподавателямъ 1553, студентамъ 1063.

Студенческая библіотека была учреждена въ концѣ 1828 года по иниціативѣ ректора Кронеберга и просуществовала до 1862 года. Въ 1834 г. въ ней было только 1241 т. книгъ и 611 т. журналовъ, въ 1850 г.—4791 т., въ 1860 г.—5423 т. Выдавалось изъ нея ежегодно отъ 700 до 800 книгъ казенно-коштнымъ студентамъ. Въ 1860 г. она была передана въ вѣдѣніе самихъ студентовъ, но въ 1862 г. закрыта и послѣ ревизіи, обнаружившей недочетъ книгъ, передана въ фундаментальную. Возобновился студенческій отдѣлъ библіотеки только въ 1879 г. по иниціативѣ университетскаго совѣта; при открытіи въ немъ было 2109 томовъ; въ 1880 г. онъ получилъ пожертвованіе отъ вдовы проф. Афанасьева, въ 1884 г. въ немъ было 3085 т.; къ 1 янв. 1905 г.—12904 т. на 24831 руб.

Музей изящныхъ искусствъ и древностей. Учебновспомогательное заведеніе съ такимъ названіемъ возникаетъ только въ 1837 году въ связи съ университетскимъ уставомъ 1835 года, назначавшимъ 2000 р. ас. на содержаніе такого именно учрежденія. По уставу 1863 г. учреждена была каѳедра теоріи и исторіи искусствъ и при ней музей съ содержаніемъ по 1000 руб. сер. въ годъ. Но нѣкоторыя коллекціи, вошедшія въ музей, существовали и ранѣе и только хранились при другихъ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, а именно въ кабинетѣ рѣдкостей, въ Мюнцъ кабинетѣ, въ кабинетѣ рисованія и живописи, архитектурномъ кабинетѣ и университетской библіотекѣ. Въ послѣдней долгое время хранилась знаменитая коллекція эстамповъ Аделунга, переданная потомъ въ музей. Въ 1859 г. былъ упраздненъ классъ рисованія и живописи, а его пособія поступили въ музей. Нѣкоторыя коллекціи были переданы и изъ другихъ указанныхъ выше учебновспомогательныхъ учрежденій. Долгое время музей бѣдствовалъ вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, которое было даже у него одно время отнято. Но наконецъ, во время управленія Мин. Нар. Просв. гр. И. И. Толстого (бывшаго ранѣе вице-президентомъ Акад. худ.), ректоромъ универ. Л. В. Рейнгардомъ была подана составленная мною записка объ отводѣ для музея университетскаго помѣщенія, долгое время почему то занятаго подъ квартиры попечителей округа,—и музей получилъ хотя и недостаточное для него, но все же приличное помѣщеніе, гдѣ могли размѣститься главныя (но далеко не всѣ) его коллекціи. Исторія происхожденія музейныхъ богатствъ такова.

Начало художественнымъ его коллекціямъ было положено В. Н. Каразинымъ, пріобрѣвшимъ въ 1803—1804 г. у акад. Аделунга его коллекцію эстамповъ въ числѣ 2477 экз. за 5000 руб. ас.; въ ней было 1297 номеровъ собственно гравюръ и 59 акварельныхъ рисунковъ. Она заключала оригиналы гравировальныхъ работъ—итальянскихъ мастеровъ XVI в., нѣм. XVI в., гол. и флам. XVI и франц. и англ. XVI—XVIII вв. Есть собраніе гравюръ съ картинъ великихъ мастеровъ. Затѣмъ музей обогатился цѣнными пожертвованіями И. Е. Бецкаго, принесшаго въ даръ 543 картины, и А. Н. Алферова, пожертвовавшаго 50 картинъ масляными красками (есть Ахенбахъ, Айвазовскій) и 421 акв. и рисунковъ (есть Ванъ-Дейкъ, Брюлловъ, Шишкинъ). Покупкою были пріобрѣтены картины Клодта, Прянишникова, Мясоѣдова (Засуха), Шишкина и др.

Отдѣлъ древностей былъ созданъ благодаря Археологическому съѣзду 1902 г. и раскопкамъ, произведеннымъ гр. П. С. Уваровой, А. М. Покровскимъ, Е. П. Трифильевымъ, Д. И. Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ, В. А. Бабенкомъ, В. А. Городцовымъ, Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ. Благодаря тому же съѣзду и трудамъ Е. К. Рѣдина получилъ начало церковный отдѣлъ, занимающій нынѣ двѣ большія залы, а также въ связи со съѣздомъ созданъ историческій и мѣстный отдѣлъ. При Е. К. Рѣдинѣ создана цѣнная библіотека. Стоимость коллекцій, пріобрѣтенныхъ музеемъ за деньги, равняется 51517 руб., но цѣна пожертвованныхъ предметовъ несравненно выше. Музей охотно посѣщается публикой: въ воскресные дни бываетъ отъ 442 до 1300 чел. въ годъ. Нѣкоторыя лица копируютъ картины; студенты работаютъ и поль-

зуются библіотекой. Завѣдующими музеями состояли Н. А. Лавровскій, В. К. Надлеръ, А. А. Потебня, А. И. Кирпичниковъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Г. Ѳ. Шульцъ, Е. К. Рѣдинъ [1]).

Нумизматическій кабинетъ образовался гл. обр. благодаря пожертвованіямъ. Первый попечитель С. О. Потоцкій пожертвовалъ 800 монетъ. Адм. П. В. Чичаговъ, взявъ замокъ Несвижъ-Радзивиловъ, прислалъ въ даръ нумизматическую коллекцію въ 13271 экз. медалей и монетъ (золотыя вѣсили 8 фун. и 72 зол.) и тѣмъ положилъ основаніе кабинету. Монеты эти отличались притомъ прекрасною сохранностью, и послѣ того кабинетъ пополнялся частію пожертвованіями, а частію покупками. Отъ Шпревитца была пріобрѣтена коллекція восточныхъ монетъ (1171 экз.) въ 1825 г. за 10000 руб. ас. Въ 1857 г. поступилъ кладъ сер. татарскихъ золотоордынскихъ монетъ въ 230 штукъ, найденныхъ при копаніи фундамента дома Пащенкова въ Харьковѣ. Первый систематическій каталогъ монетъ и медалей былъ составленъ проф. Даниловичемъ въ 1826—29 гг., дополненіе къ нему—проф. Валицкимъ въ концѣ 30-хъ годовъ. Проф. Зерниновъ на основаніи ихъ составилъ въ 1852—55 гг. новый систематическій каталогъ. Коллекція Шпревитца была описана акад. Френомъ. Наконецъ, послѣднее систематическое описаніе коллекціи принадлежитъ проф. Р. И. Шерцлю. Это—работа, потребовавшая многихъ лѣтъ кропотливаго труда, массы справокъ и знаній, и за нее авторъ заслуживаетъ полной признательности. Стоимость нумизматическаго кабинета равняется нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ рублей, и научная цѣнность его также огромна. Такихъ собраній немного не только въ Россіи, но и Европѣ [2]). *Харьковскій историческій архивъ* [3]) является однимъ изъ самыхъ выдающихся областныхъ собраній историческихъ документовъ: въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в. обширной территоріи нын. Харьк., Полт., Черн. и отчасти Курской, Воронеж. и Екат. губ., бывшихъ территорій Слободской украйны и Лѣвобережной Малороссіи. Въ настоящее время въ немъ 4 отдѣленія: малороссійское (Черн. и Полт. губ.), слободскоукраинское (Харьк. и сос. губ.), бумаги мѣстныхъ дѣятелей и Сенатскія дѣла. Архивъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ Историко-Фил. общ., состоящему при у-тѣ, и самому университету, предоставившему помѣщеніе для него и дающему средства на жалованье его ученому архиваріусу. Основаніе Архиву было положено въ 1880 году, а иниціаторомъ явился знатокъ мѣстной старины и этнографіи П. С. Ефименко. Онъ обратилъ вниманіе на драгоцѣнные матеріалы по исторіи лѣвобережной Малороссіи, хранившіеся въ Черниговѣ въ архивѣ губ. правленія, указалъ на печальныя условія его храненія и предложилъ возбудить ходатайство о перевозкѣ его въ Харьковъ, какъ научный центръ. Въ 1880 г. Архивъ тѣмъ же П. С. Ефименко былъ перевезенъ въ Харьковъ—главную часть его составляли дѣла такъ наз. Малороссійской коллегіи. Въ 1887 г. Архивъ пополнился нѣкоторыми документами Новгородъ-Сѣверскаго полицейскаго управленія. Въ 1890 году было присоединено цѣлое большое *Полтавское* отдѣленіе Архива Малорос. кол., открытое Д. И. Багалѣемъ; въ немъ оказалась между прочимъ и часть знаменитой Румянцевской описи Малороссіи. Число дѣлъ и книгъ въ харьковскомъ истор. архивѣ превысило теперь 50 тыс. номеровъ. По содержанію малороссійскія дѣла Архива распадаются на нѣсколько группъ: уголовныя и гражданскія дѣла, дѣла военнаго и финансоваго управленія, административныя, сословныя, церковныя. Еще болѣе основаній для г. Харькова было спасти отъ гибели и сохранить для науки документы своей территоріи—б. Слободской украйны, положеніе которыхъ было также плачевное. Въ 1886 г. были переданы въ историческій архивъ дѣла XVIII в. изъ архива губ. правленія, составившія основу Слободскоукраинскаго отдѣленія и по содержанію аналогичныя съ малороссійскими. Въ 1899 году сюда стали поступать и другія дѣла губерн. правленія и губернаторской канцеляріи, обслѣдованныя Д. И. Багалѣемъ, Д. П. Миллеромъ и Е. М. Ивановымъ; ихъ оказалось огромное количество и притомъ весьма цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи. Въ 1890 г. учреждено было, по предложенію Д. И. Багалѣя, третье отдѣленіе Архива, куда поступили бумаги проф. М. Н. Петрова, И. В. Платонова, Т. Ѳ. Степанова, Вл. И. Цыха и особенно цѣнныя для мѣстной исторіи помощника библіотекаря Г. С. Чирикова. Весь Архивъ составился путемъ передачи

---

[1]) Изъ статьи В. Е. Даниловича, помѣщенной въ ненапеч. юбил. изд. „Ученыя общ. и учебновспомогат. учрежденія“.

[2]) Изъ статьи Р. И. Шерцля о нумизмат. каб., помѣщенной въ ненапеч. юбил. изданіи „Ученыя общества и учебно-вспомогат. учрежденія“.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ. Е. М. Иванова (Сборн. Харьк. Истор.-Фил. Общ., т. XIV).

дѣлъ изъ Правит. хранилищъ. Покупкою пріобрѣтены были только—знаменитая Чугуевская переписка XVII в. и экстрактъ о слободскихъ полкахъ, считавшіяся утерянными. До 1883 г. Архивъ не имѣлъ помѣщенія, съ 1883 по 1899 годъ онъ ютился въ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи, съ этого же года для него отведено было удовлетворительное помѣщеніе б. хирургической клиники. Надъ разборкою Архива работалъ—слушатель Петерб. археол. инст. г. Рагозинъ, командированный на средства, отпущенныя въ размѣрѣ 2000 руб. И. Г. Харитоненкомъ, но пользоваться его описью невозможно, ибо нумерація ея была составлена примѣнительно къ тюкамъ, впослѣдствіи разобраннымъ; опись же, нынѣ существующую, составили ветер. врачъ С. П. Дубровъ (работалъ gratis), архиваріусы А. Д. Твердохлѣбовъ Н. Н. Бакай, М. М. Плохинскій и Е. М. Ивановъ. Завѣдующимъ архивомъ, по выбору ист.-фил. общества и утвержденію совѣта, былъ съ 1884 г. и по-нынѣ проф. Д. И. Багалѣй. Со времени учрежденія Архива, началась и научная разработка его матеріаловъ, работали и мѣстные изслѣдователи (Д. И. Багалѣй, П. С. и А. Я. Ефименки, И. В. Теличенко, Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. А. Русовъ, Д. И. Эварницкій, О. Н. Лащенко, М. М. Плохинскій, Д. П. Миллеръ, Е. П. Радакова, А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай, В. И. Савва, В. В. Ивановъ, Е. П. Трифильевъ) и пріѣзжіе (В. А. Мякотинъ, Н. П. Василенко, П. П. Короленко, проф. Лилеевъ, Е. Н. Альбовскій, С. И. Одинцовъ, П. П. Головинскій). Не будемъ перечислять всѣхъ работъ этихъ изслѣдователей; замѣтимъ только, что нѣкоторыя изъ нихъ представляли изъ себя болѣе или менѣе обширныя ученыя монографіи: О копныхъ судахъ и Турбаевской катастрофѣ—А. Я. Ефименко, Командировкѣ казаковъ къ Ладожскому каналу—Радаковой, Очеркъ кодификаціи малорос. права Теличенка, Иностранцы въ Малороссіи—Плохинскаго, О гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ и О превращеніи козацкой старшины въ дворянство—Миллера, О посполитыхъ—Мякотина, О Магдебургскомъ правѣ—Д. И. Багалѣя. Отсюда видно, что харьк. истор. архивъ явился центромъ ученыхъ работъ по исторіи Малороссіи и Слоб. украйны и школою для молодыхъ историковъ. Самымъ юнымъ научнымъ учрежденіемъ историко-филологическаго факультета является *Этнографическій музей*. Его происхожденіе тѣсно и непосредственно связано съ устройствомъ въ Харьковѣ въ связи съ Археологическимъ съѣздомъ въ 1902 году этнографической выставки, цѣнныя коллекціи которой, собранныя Харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ по устройству Съѣзда, и составили этотъ музей. Мысль объ этой выставкѣ высказана была и получила санкцію еще въ Москвѣ на засѣданіи тамошняго предварительнаго Комитета, но осуществлена была Харьковскимъ Комитетомъ. Главными организаторами и дѣятелями этой выставки были проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, А. Н. Красновъ, народный учитель В. А. Бабенко, Е. П. Радакова, А. М. Покровскій и М. Г. Халанскій. Матеріальныя же средства для пріобрѣтенія предметовъ пожертвовало главнымъ образомъ Харьковское Губернское и сосѣднія земства (Харьковское ассигновало 2500 руб.). Этнографическая выставка имѣла колоссальный успѣхъ среди харьковскаго населенія, которое перебывало на ней почти все, привлеченное интересами собранныхъ коллекцій и объясненіями ихъ значенія. По окончаніи Съѣзда и Выставки этнографическая коллекція, собранная Харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ, была пожертвована Университету, который и образовалъ изъ нея новое учебно-вспомогательное учрежденіе—*мѣстный этнографическій музей*, отведя для него особое помѣщеніе, назначивъ завѣдующаго имъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, которому музей обязанъ своимъ нынѣшнимъ видомъ. Коллекціи музея состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) жилище и вообще постройки, 2) домашняя утварь, 3) манекены, одежда. земледѣліе, пчеловодство, рыболовныя снасти, бондарство, гончарныя издѣлія, выбойныя издѣлія, ткачество, ковальство, чеботарство и др. ремесла, народное искусство, ритуальный отдѣлъ (свадьбы и т. п.), народная медицина, дѣтскія игрушки, фотографіи, планы и карты. Особенно богаты и цѣнны въ научномъ отношеніи ритуальный отдѣлъ, народная медицина, дѣтскія игрушки, одежда и манекены. Въ послѣднее время положено начало Этнографической Библіотекѣ. Такимъ образомъ, безъ матеріальныхъ затратъ съ своей стороны университетъ обогатился новымъ музеемъ, имѣющимъ и научное, и образовательное значеніе [1]).

При *юридическомъ факультетѣ* до 1905 года существовало только одно учебно-вспомогательное учрежденіе—*юридическій кабинетъ*. Онъ былъ организованъ по мысли декана *А. Н. Стоянова*: въ немъ

[1]) Данныя позаимствованы изъ статьи В. Е. Даниленича объ Этнографическомъ музѣ, предназначенной для юбил. изд. Харьк. Университета—„Ученыя общ. и учебно-вспомог. учрежденія“.

ранятся законодательные памятники, справочныя изданія и пособія для практическихъ занятій со студентами. Въ бытность деканомъ М. М. Алексѣенка, для него отведено было особое помѣщеніе и составлены правила пользованія имъ. Быв. министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ пожертвовалъ для кабинета въ 1888 году дорогое изданіе—полное собраніе законовъ [1]). Теперь возникло нѣсколько *семинаровъ*.

Богатствомъ кабинетовъ съ научными коллекціями отличается *физико-математическій факультетъ* [2]). *Математическій кабинетъ* существовалъ уже въ 20-хъ годахъ XIX ст. и содержалъ въ себѣ разныя модели. Въ 30-хъ годахъ его коллекціи были переданы въ Астрономическій кабинетъ; попытка возродить этотъ кабинетъ въ самомъ концѣ XIX и началѣ XX ст. окончилась неудачей. *Кабинетъ практической механики* существуетъ съ 1872 года: онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ проф. Ковальскому; въ основу его были положены коллекціи Технологическаго кабинета; затѣмъ въ составъ его вошли модели приборовъ, имѣющихъ значеніе для преподаванія теоретической и прикладной механики, и геометрическія модели; при немъ имѣется и библіотека. Стоимость приборовъ равняется 4756 руб. *Астрономическій кабинетъ* основанъ былъ въ 1808 г.; причемъ въ составъ его вошли приборы, пріобрѣтенные отъ проф. Гута. Въ 1811 году устроена была при томъ же Гутѣ первая *обсерваторія*. *Вторая* обсерваторія устроена была при Затеплинскомъ въ 1826 году (надъ входомъ въ Университетскую церковь); она почти не функціонировала. *Третья* временная обсерваторія устроена была въ университетскомъ саду проф. Шидловскимъ: она разрушилась къ концу 50-хъ годовъ. Шидловскій былъ участникомъ, а, м. б., и иниціаторомъ экспедиціи, предпринятой профессорами Харьковскаго университета въ 1847—1849 г.г. для изслѣдованія Харьковской и сосѣднихъ губ. между прочимъ и въ астрономо-географическомъ отношеніи, для чего воспользовался и своей временной обсерваторіей. При Федоренкѣ устроена была 4-я обсерваторія—временная астрономическая башня; она помѣщалась въ университетскомъ дворѣ и на ней все-таки производились научныя наблюденія. Настоящая, пятая, существующая нынѣ обсерваторія была устроена только въ 1884 году проф. Г. В. Левицкимъ въ университетскомъ саду. Благодаря ассигнованію спеціальныхъ средствъ университета и частному пожертвованію Эдельберга пріобрѣтенъ былъ меридіанный кругъ. На молодой обсерваторіи произведены были многія ученыя наблюденія, продолжавшіяся и при проф. Л. О. Струве, при содѣйствіи учениковъ Г. В. Н. Н. Евдокимова и І. І. Сикоры. Часть наблюденій напечатана въ 1 томѣ „Annales de l'observatoire astronomique de l'Université de Kharkow, вышедшемъ въ 1904 г. другая—въ Astr. Nachr., Изв. Рус. Астрон. общ., Зап. Харьк. унив., причемъ большая часть собрана въ 5 вып. „Publication der Charkower Universitätssternwarte". *Физическій кабинетъ*. Начало ему было положено В. Н. Каразинымъ еще до открытія Харьковскаго университета; В. Н. пріобрѣлъ приборовъ б. чѣмъ на $4^1/_2$ тыс. руб. ас., затѣмъ пріобрѣтенія дѣлались систематически; въ среднемъ поступало по 21 предмету на 686 руб. въ годъ. Изъ лабораторіи физическаго кабинета благодаря тому, что вслѣдствіе тѣсноты онъ могъ служить только для цѣлей преподаванія, вышло всего 4 экспериментальныя изслѣдованія (Морозова, Шимкова, Пильчикова и Грузинцева). Стараніями проф. *Пильчикова* было основано въ 1892 году *магнитометеорологическое отдѣленіе* физическаго кабинета и устроена *метеорологическая станція* при университетѣ, дѣйствующая и донынѣ и имѣющая приборовъ и книгъ на 7367 р. На ней производятся постоянныя наблюденія, результаты коихъ печатаются въ Зап. Харьк. университета. Энергичнымъ работникомъ былъ Косачъ, со своими помощниками—Поповымъ и Педаевымъ. *Химическая лабораторія*—возникла въ 1804 году, одновременно съ основаніемъ университета. Помѣщеніе химической лабораторіи расширялось, но и теперь оно крайне недостаточно. Практическія изслѣдованія въ лабораторіи начались еще во времена перваго профессора химіи Гизе (съ 1805 года), анализировавшаго образцы каменнаго угля (изъ Изюмскаго уѣзда), желѣзную руду, торфъ, известковые камни, сѣрные колчеданы, соду, минеральныя воды Полтавской и Харьковской губ. Научная дѣятельность лабораторіи началась только со времени *Н. Н. Бекетова* (съ 1859 г.). Кромѣ его собственныхъ блестящихъ работъ явились и изслѣдованія его учениковъ, сотрудниковъ и студентовъ. Изъ лаборантовъ,

[1]) Юрид. фак. Харьк. у-та за сто лѣтъ его существованія. Подъ ред. М. П. Чубинскаго и Д. И. Багалѣя, стр. 156—157.

[2]) Всѣ нижеприведенныя данныя позаимствованы изъ юбил. изд. „Физ.-Мат. фак. Харьк. Унив., за первыя 100 лѣтъ его существованія". Подъ ред. И. В. Осипова и Д. И. Багалѣя.

производившихъ научныя работы въ химической лабораторіи, отмѣтимъ *Э. К. Кроянскаго*, *П. Н. Лащенка*, *С. С. Аксенова*, *Г. В. Коршуна*, *С. Ѳ. Попова*. Со времени проф. Н. Н. Бекетова и до 1905 года вышло изъ лабораторіи 45 студенческихъ и другихъ работъ, а съ 1804 по 1904 годъ (за 100 лѣтъ) 20 диссертацій (кромѣ профессорскихъ 5—двѣ Шумана, Детловскаго, Шиперовича и Турбабы). *Минералогическій кабинетъ* былъ основанъ въ 1807 году, когда попечителемъ Потоцкимъ были пріобрѣтены двѣ большія минералогическія коллекціи, послужившія для него основаніемъ (Андре и Четти). Криницкій систематизировалъ предметы кабинета, коихъ оказалось 6125 отдѣльныхъ штуфовъ. Послѣ этого коллекціи частію пріобрѣтались, частію получались путемъ пожертвованій. Въ началѣ 1905 года въ Минералогическомъ кабинетѣ было 19395 номеровъ стоимостью въ 32694 руб. *Геологическій кабинетъ*. Результатомъ его дѣятельности явился рядъ научныхъ работъ, исполненныхъ подъ непосредственнымъ руководствомъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ учрежденія. Большая часть этихъ работъ напечатана въ Трудахъ Общества испытателей природы. Подъ руководствомъ проф. Леваковскаго напечатано 4 работы (Гурова, Крендовскаго, Ефремова и Женжуриста); подъ руководствомъ проф. Гурова 6 (Пустовитова, Эдельштейна, Пашкова, Шошина, Гольдринга, и Фавра),—проф. Пятницкаго 1 (Новацца). Кромѣ этихъ напечатанныхъ трудовъ студентами спеціалистами въ кабинетѣ описаны были разныя коллекціи; изъ посторонніхъ университету лицъ работалъ въ кабинетѣ г. *Клеммъ*, напечатавшій 3 работы. Имѣли печатные труды ассистенты кабинета *П. П. Пятницкій* (нынѣ профессоръ), *М. А. Якобій*. Геологическій кабинетъ возникъ въ 1866 г., когда университетъ отвелъ для него особое помѣщеніе (очень убогое); въ 1900 году для него благодаря стараніямъ проф. Леваковскаго было выстроено 2-хъ-этажное зданіе. Коллекціи кабинета составились частію изъ предметовъ, переданныхъ изъ Минералогическаго кабинета, частію изъ купленныхъ, а частію изъ добытыхъ во время экскурсій (палеонтологическія и петрографическія коллекціи проф. Борисяка, Леваковскаго, Гурова, Пятницкаго). Много способствовало притоку коллекцій развитіе мѣстной горной промышленности (благодаря развѣдкамъ на полезныя ископаемыя, производившимся подъ руководствомъ проф. Гурова). Всего къ 1 января 1905 г. состояло 13950 экземпляровъ горныхъ породъ и окаменѣлостей (изъ нихъ при проф. Леваковскомъ поступило 4315 экземпляровъ, при проф. Гуровѣ 7582 экз.). При кабинетѣ устроена была лабораторія для производства химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій. Составлена была и спеціальная библіотека. Среди моделей заслуживаетъ особеннаго вниманія модель первой Харьковской глубокой скважины, (305 саж.) открывшей впервые самоистекающую артезіанскую подмѣловую воду. Модель изготовлена проф. Гуровымъ изъ естественныхъ породъ, уложенныхъ по масштабу: она наглядно показываетъ геологическое строеніе г. Харькова. Стоимость коллекцій геологическаго кабинета, не считая пожертвованныхъ предметовъ, изъ коихъ многіе уники, равна 23992 руб. *Зоологическій кабинетъ* и *музей*. Зоологическій кабинетъ, подъ именемъ натуральнаго, возникъ въ 1807 году. Основаніемъ ему послужила зоологическая коллекція Четти; въ 1809 г. была куплена у Андре коллекція птицъ, насѣкомыхъ и окаменѣлостей, въ 1810 г. поступило въ даръ отъ Фириха 630 насѣкомыхъ и 126 чучелъ Харьковской губ. Въ 1826 г. въ музеѣ было 1987 предметовъ, а послѣ 12-лѣтней дѣятельности пр. Криницкаго въ 1838 г.—7924 (слѣдуетъ отмѣтить 2125 экз. европейскихъ чешуекрылыхъ). Въ 1841 г. послѣ пр. Калениченко въ музеѣ было уже 14970 экз. (отмѣтимъ коллекцію 1297 насѣкомыхъ Шперка). При пр. Чернаѣ въ музей пожертвована была богатѣйшая коллекція мѣстныхъ и экзотическихъ жесткокрылыхъ Д. А. Донца-Захаржевскаго (19217 видовъ, 2310 родовъ). Въ 1863 г. изъ зоологическаго музея былъ выдѣленъ *зоотомическій* (скелеты и зоологическіе препараты). При проф. Степановѣ музей пополненъ новыми 4760 экз. (въ томъ числѣ пожертвована была Эдельбергомъ коллекція въ 3500 раковинъ); особенное вниманіе было обращено на безпозвоночныя. Съ 1887 по 1903 годъ завѣдывалъ зоологическимъ музеемъ пр. Брандтъ, увеличившій число позвоночныхъ. Его преемникъ (и нынѣ завѣдующій музеемъ) пр. Никольскій особенно заботится о пополненіи коллекцій русскихъ позвоночныхъ. Къ 1 янв. 1905 г. въ зоол. каб. было 47914 экз. на 39961 руб. Нынѣ зоологическій музей переведенъ въ зданіе бывшаго 2-го студенческаго общежитія. *Зоотомическій музей* пополнялся благодаря усиліямъ проф. Масловскаго и его лаборантовъ—*М. Е. Ганина* и особенно *В. А. Ярошевскаго*; первому принадлежитъ нѣсколько ученыхъ работъ за это время, а Ярошевскій представляетъ по истинѣ замѣчательный примѣръ преданности наукѣ въ скромной роли лаборанта—въ этомъ званіи онъ пробылъ 35 лѣтъ! Почти изъ ничего онъ за это время создалъ кабинетъ съ 2143 препаратами, изъ коихъ 547 приготовлено

было имъ самимъ; ему принадлежитъ 31 печатная работа. Въ зоотомическомъ музеѣ было въ 1904 г. 3436 ном. въ 24555 экз. Изъ зоологіи выдѣлился ея отдѣлъ физіологія, для котораго создана была отдѣльная каѳедра и особая лабораторія; начало этой послѣдней положено было при доц. *Бѣлецкомъ*, а прочное устройство дано пр. *Н. Ѳ. Бѣлоусовымъ*; при этой лабораторіи исполнено было 7 работъ, въ томъ числѣ изсл. В. Я. Даниловскаго *совмѣстно* съ *А. П. Шалашниковымъ*, о паразитахъ крови у животныхъ.

Важное значеніе имѣетъ также *Ботанический Институтъ*, съ ботанической коллекціей Турчанинова и *Ботанический садъ*. *Технологическій кабинетъ* былъ связанъ съ преподаваніемъ въ прежніе годы технологіи, основаніе его относится къ 1806 г., а процвѣтаніе ко времени профессуры *Коссова*; въ 1868 г. въ немъ было 242 модели и 900 образцовъ техническихъ продуктовъ. Съ упраздненіемъ технологіи, кабинетъ перешелъ въ вѣдѣніе каѳедры технической химіи и къ 1-му янв. 1903 г. въ немъ насчитывалось 1844 предмета на 21962 руб. *Агрономическій кабинетъ* былъ нѣкогда соединенъ съ технологическимъ и выдѣлился изъ него въ 1848 году, при пр. *Кочетовѣ*, при немъ создалась лабораторія, спеціальная библіотека и отведенъ былъ небольшой участокъ земли въ университетскомъ саду, съ характеромъ опытнаго поля; пр. *Зайкевичу* удалось организовать независимо отъ того цѣлую сѣть опытныхъ полей.

Наиболѣе обиленъ учеными кабинетами медицинскій факультетъ. *Анатомическій театръ съ анатомическимъ музеемъ* существуетъ въ Харьковѣ съ 1807 года. Первоначально онъ занималъ жалкое помѣщеніе въ 2 комнаты, находившіяся въ университетскомъ саду; туда доставлялись трупы скоропостижно умершихъ людей и въ томъ же 1807 году было проф. Ванноти приготовлено 44 анатомическихъ препарата и такимъ образомъ положено начало Анатомическому музею. Тотъ же Ванноти выписалъ для музея превосходные восковые доселѣ сохранившіеся препараты. При проф. Книгинѣ стали производиться и судебно-медицинскія вскрытія и Анатомическій театръ перенесенъ на Лопанскую набережную, а потомъ въ корпусъ аудиторій. Въ 1837 г. въ Анатомическомъ музеѣ числилось 240 нумеровъ препаратовъ; въ 1848 г., благодаря энергіи проф. Нарановича, уже 1113 нум. При проф. Лямблѣ значительно обогатился Анатомическій музей, въ особенности его патолого-анатомическое отдѣленіе и положено начало библіотекѣ. Въ 1867 г. прежде единое Анатомическое хозяйство раздѣлилось на 3 части—нормальной анатоміи, патологической анатоміи и судебной медицины; для музея первой каѳедры было выдѣлено 497 препаратовъ, число коихъ значительно возросло при проф. Вагнерѣ; при немъ же для анатомическаго театра было выстроено большое спеціальное зданіе на Сумской ул., гдѣ онъ помѣщается и нынѣ. При преемникѣ проф. Вагнера проф. М. А. Поповѣ съ 1891 по 1898 г. въ музей поступило 1261 грубыхъ и 2130 микроскопическихъ препаратовъ. Почти всѣ они или были собраны въ Анатомическомъ театрѣ или пожертвованы разными лицами. Сильно возрасла при ней и музейная библіотека. Въ 1898 г. музей заключалъ въ себѣ 5419 препаратовъ—3056 грубо анатомическихъ и 2363 микроскопическихъ. При проф. Бѣлоусовѣ музейные препараты возрасли незначительно, но изъ Анатомическаго театра вышло нѣсколько спеціальныхъ работъ, въ изобиліи снабженныхъ рисунками, сдѣланными съ натуры проф. Бѣлоусовымъ (Іосифова, А. Попова, В. Воробьева, М. М. Кузнецова). *Физіологическая лабораторія* возникла только со введеніемъ университетскаго устава 1863 г. при проф. И. П. Щелковѣ –до тѣхъ поръ преподаваніе по этой каѳедрѣ носило теоретическій характеръ. Въ 1874 г. въ физіол. лаборат. было уже 287 нум. и въ ней научно работали студенты, натуралисты и врачи; между прочимъ въ 60-хъ годахъ тамъ въ бытность студентомъ занимался знаменитый нынѣ Илья Ильичъ Мечниковъ, а также нынѣшній акад. Заленскій, Гиршманъ, Даниловскій, Гинсбургъ, Бѣлецкій, Алферовъ. Преемникомъ И. П. Щелкова былъ проф. В. Я. Даниловскій (съ 1886 г.). Изъ лабораторіи кромѣ его собственныхъ выдающихся экспериментальныхъ изслѣдованій вышло много работъ прикосновенныхъ къ ней лицъ—Алферова (капит. трудъ „О методѣ счисленія кровяныхъ тѣлецъ"), Чуевскаго, Брауншгейна, Зеленскаго, Полякова, Трутовскаго. Въ физ. лабораторіи къ 1 янв. 1904 г. было 1359 нумеровъ вещей въ 2299 экз. на сумму 21958 руб. Вообще при В. Я. Даниловскомъ физіол. лабор. была серьезною научною экспериментальною школою. *Лабораторія и кабинетъ медицинской химіи* начали свое существованіе въ 1866 г. въ качествѣ маленькаго отдѣленія при химической лабораторіи при проф. Тихоновичѣ, который самъ занимался экспериментальными изслѣдованіями; работали и другіе. Кабинетъ и лабораторія при немъ имѣли 438 предметовъ на 3377 руб. При его преемникѣ А. Я. Даниловскомъ (нынѣ директоръ Военно-Медицин. Акад.),

научная жизнь лабораторіи выразилась въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ изслѣдованій его учениковъ (составили 2-хъ-томный „Физіологическій сборникъ“). При немъ стоимость предметовъ возрасла до 6169 руб. При проф. Богомоловѣ, Гулевичѣ и Кураевѣ продолжалась научная дѣятельность лабораторіи, увеличилось до 612 число предметовъ и стоимость ихъ возрасла до 7596 руб. *Лабораторія общей патологіи* была учреждена только въ 1872 году стараніями проф. И. Н. Оболенскаго. Изъ этой лабораторіи вышло 12 научныхъ работъ (Каспарьянца, П. Ковалевскаго, Протопопова, К. Данилевскаго и др.). При его преемникѣ, ученикѣ Пашутина проф. Костюринѣ, лабораторія и библіотека значительно пополнились (на 5341 р.). Подъ его руководствомъ произведено было въ лабораторіи 13 научныхъ работъ (Мотэ, Протопопова, Трейберга, Свѣтухина, Краинскаго и др.). При нын. представителѣ каѳедры проф. Репревѣ цѣнность предметовъ въ лабораторіи возрасла въ $1^1/_2$ раза; пріобрѣтено было то, что нужно для научныхъ занятій, и лабораторія сдѣлалась одною изъ дѣятельнѣйшихъ на медицинскомъ факультетѣ (отмѣтимъ работы Сильванскаго, Голяховскаго, Краснова, Долгова, Мангуби, Постоева, Кудинцева, Дробнаго, М. М. Кузнецова). *Фармацевтическая лабораторія* основана была въ 1812 г. совмѣстно съ химической, но въ 1847—1850 гг. она отдѣлилась отъ этой послѣдней, причемъ на долю фармацевтической досталось 547 предметовъ; въ 1859 г. въ ней было 709 предметовъ. Въ 1885 г. фармацевтическая лабораторія была перенесена въ зданіе медицинскаго корпуса на Сумской ул. Въ 1903 году въ лабораторіи числилось уже 877 нум., 4100 предметовъ на сумму 8698 руб., не считая библіотеки въ 1000 экз. Научныя работы начали производиться только съ 1885 г.; сдѣлана была 21 работа, изъ коихъ часть была напечатана (Ласмана, Н. Валяшка). *Фармакологическій кабинетъ* возникъ еще въ 60-хъ годахъ, но въ очень скромныхъ размѣрахъ; устройство лабораторіи связывается съ дѣятельностью проф. Родзаевскаго и относится къ 1893 году, а закончено это ея переустройство при нынѣшнемъ проф. С. А. Поповѣ. За его время вышло изъ лабораторіи 12 диссертацій и 31 отдѣльная печатная статья. *Кабинетъ судебной медицины* выдѣлился въ особое учрежденіе въ 1868 г., но тогда онъ не имѣлъ еще особаго помѣщенія, а получилъ его въ 1884 году, съ назначеніемъ на эту каѳедру проф. Н. К. фонъ-Анрепа. При немъ произведенъ былъ въ кабинетѣ цѣлый рядъ научныхъ работъ, составившихъ 2 тома „Сборника работъ, произведенныхъ судебно-медицинской лабораторіей проф. Анрепа“. При проф. Ф. А. Патенко кабинетъ получилъ новое помѣщеніе въ Анатомическомъ театрѣ. *Гигіеническій кабинетъ* получилъ начало въ 1876 году при проф. А. И. Якобіѣ—піонерѣ новаго петенкоферовскаго направленія въ гигіенѣ. При немъ начались въ кабинетѣ и научныя занятія; кромѣ самого профессора (работы по маляріи и дифтеріи) ихъ велъ цѣлый рядъ лицъ; въ томъ числѣ докторъ Чугинъ изслѣдовалъ торговыя бани г. Харькова въ санитарномъ отношеніи, качество печенаго хлѣба харьковскаго рынка. При преемникѣ его проф. И. П. Скворцовѣ продолжались научныя работы въ гигіеническомъ кабинетѣ, превратившемся въ лабораторію, для которой теперь отведено было новое помѣщеніе въ медицинскомъ корпусѣ. Былъ произведенъ цѣлый рядъ экспериментальныхъ работъ—врачами, студентами на медали. Инвентарь (приборы) оцѣнивается въ 8632 р., библіотека въ 5273 руб. *Гистологическій кабинетъ* былъ учрежденъ въ 1866 году, причемъ первоначальное устройство его было поручено пр.-доц. *Хржонщевскому*, при которомъ въ немъ произведено много научныхъ работъ. При проф. *Кучинѣ* кабинетъ обогатился громаднымъ числомъ приборовъ и изъ него вышелъ цѣлый рядъ диссертацій—Прокопенка, Богданова, Кульчицкаго, Барабашова, Глинскаго и др. Съ переходомъ кабинета въ вѣдѣніе проф. Н. К. Кульчицкаго дѣятельность его еще болѣе расширилась и пріобрѣла благодаря авторитету ея руководителя, важное научное значеніе. Кромѣ трудовъ самого проф. Кульчицкаго и его прозектора В. Павлова, здѣсь произведены были изслѣдованія гг. Ножникова, Левковскаго, Чугаева, Маслова, Типцева, Петина, Пржевальскаго, Зарубина и др. *Патолого-анатомическій кабинетъ и музей* получилъ начало въ 1868 г., при проф. Лямблѣ, будучи выдѣленъ изъ общаго анатомическаго. Но выдающееся значеніе въ научномъ отношеніи получила каѳедра патологической анатоміи и ея кабинетъ при проф. В. П. Крыловѣ (1873—1902), когда изъ него вышло и было напечатано огромное количество ученыхъ изслѣдованій (болѣе 50) и сверхъ того 6 томовъ „Школьной хроники“, въ которыхъ помѣщено 504 обязательныхъ для студентовъ медиковъ изслѣдованій по патологической анатоміи. Слѣдуетъ прибавить, что прозекторомъ въ это время былъ столь извѣстный въ настоящее время проф. *В. К. Высоковичъ*, произведшій также цѣлый рядъ работъ. Однимъ словомъ, патолого-анатомическая лабораторія являлась гордостью харьковскаго университета. При проф. Мельниковѣ-Разведенковѣ дѣятель-

ность учрежденія продолжалась съ прежнимъ широкимъ размахомъ; съ 1902 по 1905 годъ изъ лабораторіи вышло 84 научныхъ сообщенія (часть напечатана отдѣльно и въ сборникѣ „Патолого-анатомическая казуистика“, (это патолого-анатомическій матеріалъ кабинета, который разрабатывается врачами и затѣмъ подвергается обсужденію на научныхъ конференціяхъ кабинета). *Терапевтическая факультетская клиника*—ея врачебная дѣятельность открылась съ начала XIX в., что же касается научной, то расцвѣтъ ея нужно отнести только ко времени проф. В. Г. Лашкевича (1869—1888 г.), ибо не проходило года, чтобы изъ нея не вышло по нѣскольку сообщеній (самого профессора, ординаторовъ и студентовъ). Преемникомъ его былъ И. Н. Оболенскій (1888—1903 г.), подъ руководствомъ котораго было произведено 42 работы, въ томъ числѣ написалъ рядъ докторскихъ диссертацій (проф. Оболенскому былъ посвященъ Сборникъ, составленный его учениками). Преемникомъ его является Ѳ. М. Опенховскій. *Хирургическая факультетская клиника* открыта была также въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія. Преслѣдуя учебныя цѣли, дѣятели ея стояли вмѣстѣ съ тѣмъ на научной почвѣ, вводили всѣ научныя усовершенствованія. Въ 1838 г. директоръ клиники Ванцетти совершилъ съ 4 студентами ученое путешествіе по военнымъ поселеніямъ Екатер. и Херсон. губ., во время котораго сдѣлалъ 83 операціи. Въ 1846 г. онъ издалъ соч. подъ заглавіемъ „Annales scholae clinicae chirurgicae cesareae universitatis Charcowiensis“, рисующее научно-врачебную дѣятельность клиники. Въ 1890 г., при проф. Грубе, былъ установленъ въ клиникѣ стерилизаторъ Ritchel'я Henneberg'a, давшій возможность употреблять обезпложенный перевязочный матеріалъ и перейти отъ антисептическаго способа къ асептическому. Въ 1896 г. хирургическая клиника перешла въ новое обширное помѣщеніе (гдѣ и нынѣ находится) и гдѣ условія для научныхъ работъ несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ прежнихъ помѣщеніяхъ. При обѣихъ клиникахъ существуютъ кабинеты. *Акушерская факультетская клиника*—одна изъ древнѣйшихъ—получила научное значеніе уже при проф. Лазаревичѣ, при проф. Толочиновѣ особенно развилось ея гинекологическое отдѣленіе. Съ 1882 по 1902 г. изъ нея вышла 31 работа (кромѣ работъ директоровъ). *Офтальмологическая клиника* была открыта въ 1872 году. Изъ нея вышло съ 1885 года 16 работъ, не считая трудовъ директора клиники и приватъ-доцентовъ. *Госпитальная терапевтическая и хирургическая клиники* при Александровской больницѣ до послѣдняго времени (до 1904 года) обставлены были, какъ это видно изъ обстоятельнаго историческаго очерка пок. проф. Соколова, неудовлетворительно; но проф. Подрезъ все-таки лично сдѣлалъ здѣсь рядъ работъ; работали и его ученики; тоже нужно сказать и о проф. Опенховскомъ, который съумѣлъ привлечь пожертвованія, благодаря которымъ устроена была аудиторія и расширенъ матеріалъ лабораторіи. Кромѣ того три клиническія отдѣленія у-та находятся при военномъ госпиталѣ (съ 1887 г.): 1) терапевтическая пропедевтическая клиника съ кабинетомъ и лабораторіей; 2) венерическое и кожныхъ болѣзней, создавшее музей муляжей—восковыхъ слѣпковъ и 3) хирургическое, при коемъ музей хирургической патологіи. По *каѳедрѣ оперативной хирургіи* устроенъ былъ въ университетскомъ помѣщеніи *кабинетъ съ музеемъ*, служившіе и для научныхъ работъ.

Глава 17-я.

Статистика училищъ и среднія мужскія школы.

Между высшимъ, среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ всегда существуетъ тѣсная связь. Для нормальнаго развитія и процвѣтанія высшихъ школъ нужны многочисленныя среднія училища, а къ нимъ подготовляютъ низшія. Въ Харьковѣ, въ самомъ началѣ XIX в. благодаря общественной иниціативѣ былъ учрежденъ университетъ—и открытіе его вызвало необходимость открытія и губернской гимназіи, преобразованной изъ главнаго народнаго училища, а въ тѣсной связи съ гимназіей стояли пансіоны и уѣздное училище, служившіе для нея какъ бы подготовительной школой. Духъ широкой общественной иниціативы въ дѣлѣ образованія, приведшій къ созданію университета, нашелъ себѣ яркое выраженіе и въ примѣненіи къ женскому образованію: мѣстное общество, принявшее живѣйшее участіе, во главѣ съ В. Н. Каразинымъ, въ дѣлѣ учрежденія университета, выдвинуло Гр. Өед. Квитку-Основьяненка, съ именемъ котораго самымъ тѣснымъ образомъ связано открытіе при обществѣ благотворенія училища для женщинъ, преобразованнаго вскорѣ въ женскій институтъ. Исключительно общественной иниціативѣ обязана своимъ возникновеніемъ и другая школа для дѣвочекъ, открытая въ царствованіе Импер. Александра I. Благодаря той же общественной иниціативѣ и согласію мѣстнаго дворянства принести значительныя матеріальныя жертвы должно было возникнуть въ Харьковѣ въ концѣ царствованія Имп. Александра I и среднее военное училище—кадетскій корпусъ.

Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ 8 іюля 1823 года [1]) исполнена была просьба Слоб. укр. дворянства объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса для образованія на ихъ счетъ 40 дѣтей бѣдныхъ дворянъ, для чего оно обязалось вносить вѣчно по 10 к. ас. съ одной крѣпостной души или по 2 р. единовременно. Изъявило желаніе дѣлать эти взносы 915 душъ, не изъявило 69, изъ коихъ 14 безпомѣстныхъ. Главнымъ иниціаторомъ и душею дѣла былъ губ. предводитель дворянства А. Ѳ. Квитка (братъ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка), изъявившій согласіе самолично и за своихъ наслѣдниковъ жертвовать недостающую благодаря несогласнымъ сумму въ 770 руб. изъ своего имѣнія на Основѣ. Гр. Аракчеевъ представилъ Комитету Министровъ благопріятное заключеніе объ этомъ ходатайствѣ и оно было Высочайше утверждено, а Квиткѣ данъ Высочайшій рескриптъ.

Идея объ устройствѣ кадетскаго корпуса въ Харьковѣ вызвана была льготою, Высочайше дарованною харьковскому дворянству—предоставленіемъ ему права избрать изъ своей среды предсѣдателей Палаты гражданскаго и уголовнаго суда. Для корпуса уже былъ построенъ домъ (заложенъ въ 1825 г., выстроенъ лѣтъ въ 10 вчернѣ) Совѣтомъ Харьк. кад. корпуса, но по случаю открытія кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, зданіе это было передано для Института благородныхъ дѣвицъ, который раньше помѣщался на Старо-Институтской улицѣ (гдѣ казармы) въ домѣ, купленномъ на сумму, пожертвованную Демидовымъ и харьковскимъ дворянствомъ (Кованько).

Вотъ характерный отзывъ современника о любви къ образованію харьковцевъ 20-хъ годовъ XIX в. „Городъ Харьковъ, разумѣется, послѣ нашихъ столицъ, можетъ и долженъ почитаться первымъ въ отечествѣ нашемъ, относительно всеобщаго *стремленія* къ образованію юношества, городомъ. Въ немъ отъ 12 до 15 тыс. жителей; а учебныхъ заведеній, примѣчательнѣйшихъ по своему устройству и основательному изученію необходимыхъ въ жизни наукъ и знаній, 12, въ числѣ которыхъ 5 казенныхъ и 7 частныхъ. Казенныя,—университетъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, губернская гимназія, уѣздное училище, духовный коллегіумъ; частныя—училище дѣвицъ, мужскіе пансіоны—Рейпольскаго, Коваленкова, Роберти,

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29535.

Робуша и 2 женскихъ—Делявинь и Шубертъ. Кромѣ того находится военно-сиротское отдѣленіе". Въ Москвѣ отъ 300 до 500 тыс. жителей, т. е. въ 33 раза болѣе, нежели въ Харьковѣ, а учебныхъ заведеній далеко не въ 33 болѣе. Харьковскій университетъ и институтъ обязаны своимъ происхожденіемъ любви къ просвѣщенію мѣстнаго дворянства, чего мы не видимъ въ другихъ губерніяхъ."

Въ концѣ первой четверти XIX вѣка въ университетѣ было 300 студентовъ, въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ до 100, въ гимназіи 631, въ уѣздномъ училищѣ 43, въ коллегіумѣ 255, въ духовномъ уѣздномъ училищѣ 410, въ 2-хъ мужскихъ пансіонахъ 220, въ 3 хъ женскихъ 180; всѣхъ учащихся было 2130 чел., что на 15000 населенія тогдашняго Харькова составитъ 14%, т. е. дѣйствительно огромный процентъ; одна школа приходилась на 1250 душъ. Кромѣ того было сиротское отдѣленіе для обученія салдатскихъ дѣтей (Кованько).

Царствованіе Имп. Николая Павловича не было благопріятно для общественной дѣятельности и иниціативы. Въ это время возникаютъ въ Харьковѣ только казенныя учебныя заведенія: Ветеринарный институтъ, 2-я гимназія и др.

Въ началѣ царствованія Имп. Александра II, въ 1856 г. въ Харьковѣ, при населеніи въ 50—60 т., было 2719 учащихся (1967 муж. и 752 женскаго пола). По учебнымъ заведеніямъ учащіеся распредѣлялись такъ: въ университетѣ 453 д. муж. п., въ Ветеринарномъ училищѣ 76 муж., въ Духовной семинаріи 208 муж.. въ двухъ гимназіяхъ 561 муж., въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ 200 жен., въ двухъ уѣздныхъ училищахъ (изъ коихъ одно было духовное)—307 муж., въ двухъ приходскихъ 97 муж., въ школѣ для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія—66 жен.,въ школѣ при евангелическо-лютеранской церкви 15 муж., и 48 жен., въ Дѣтскомъ пріютѣ—18 муж и 73 жен., въ школѣ при домѣ Благотворительнаго общества—45 жен., въ фельдшерской школѣ при городской больницѣ—66 м., въ двухъ частныхъ мужскихъ пансіонахъ 126 муж., въ шести женскихъ частныхъ пансіонахъ 226 жен., въ шести частныхъ школахъ для первоначальнаго обученія—40 муж. и 94 жен. Всѣхъ школъ было 29, въ томъ числѣ 2 высшихъ (если считать высшею Ветеринарное училище), 4 среднихъ (3 мужскихъ и одна женская), 23 низшихъ. На долю первыхъ приходится 529, вторыхъ 969, третьихъ 1221. Учащіеся составляли 4,94% къ общему числу жителей, если принять его въ 55000 чел. Одна школа приходилась на 1900 душъ жителей одна низшая школа—на 2391 чел.; учащіеся въ низшихъ школахъ составляли 2,2% всего населенія [1]). Женщины составляли 38% всѣхъ учащихся; въ высшихъ 0%, въ среднихъ школахъ нѣсколько болѣе 10% въ низшихъ нѣсколько болѣе 45%.

Въ 1859 году въ Харьковѣ были Инст., учил. вѣд. М. Н. П. и Дух., дѣтскій пріютъ для первоначальнаго обученія дѣтей низшаго сословія, школа при Лютер. церкви, пріютъ для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, училище для дѣвицъ при Благ. общ. [2]).

Въ 1869 г. были приведены въ извѣстность Училищнымъ Совѣтомъ частныя школы въ Харьковѣ и ихъ оказалось 33. Содержателей ихъ подвергли испытанію—таковыхъ лицъ къ 1-му янв. 1873 г. было 21 [3]).

Въ 1872 году въ Харьковѣ были слѣдующія учебныя заведенія: Университетъ съ 448 студентами и 76 посторонними слушателями, Ветеринарный Институтъ съ 280 студентами, Институтъ благородныхъ дѣвицъ съ 214 воспитанницами, 1-я мужская гимназія съ пансіономъ и съ 246 учениками (въ томъ числѣ 66 пансіонеровъ), 2-я гимназія съ пансіономъ и съ 320 учениками (59 пансіонеровъ), 3-я гимназія съ 356 учениками, Мар. женская гимназія съ 530 ученицами, Реальное училище (4 класса) съ 153 учен., Духовная семинарія съ 248 учениками, женское епархіальное училище съ 270 воспитанницами, мужская прогимназія съ 152 учениками, училище при евангелическо-лютеранской церкви 2-го разряда съ 3 мужскими, не считая приготовительнаго, и 3 женскими классами, не считая приготовительнаго (мужскіе классы раздѣлены были на 2 отдѣленія—классическое и реальное); учениковъ 148, ученицъ 115 (въ 1873 г.), 3-хъ классное желѣзнодорожное техническое училище Курско-Харьково-Азовской жел. дороги (открыто 1 декабря 1870 г.) со 100 учениками, Александровская безплатная школа для дѣвочекъ съ 162 ученицами, 4-хъ классная школа при домѣ призрѣнія Харьк. Благотв. Общ. съ 63 воспитанницами, женская школа при Дѣтскомъ пріютѣ со 104 ученицами, уѣздное училище съ 70 учениками, Духовное училище съ 185 учениками, изъ

[1]) Гапоновъ (рукопись).
[2]) Х. Г. В. 1859 г., № 36.
[3]) Х. К. на 1874 г., 235—236.

коихъ 150 жили въ заведеніи, Повивальное училище при Унив. акуш. клиникѣ съ 92 ученицами, Повивальное училище при земскомъ родовспомогательномъ заведеніи съ 47 ученицами, Фельдшерская школа при Богоугодныхъ заведеніяхъ съ 47 учениками, 1-е приходское училище съ 135 учениками, 2-е приходское училище съ 76 учениками, 3-е приходское училище (содержалось на счетъ ремесленнаго общества), съ 56 мальчиками и 40 дѣвочками, начальное народное училище приходского попечительства Воскресенской церкви съ 56 мальчиками и 40 дѣвочками,—при Троицкой церкви съ 54 учениками, при Святодуховской церкви съ 35 мальчиками и 30 дѣвочками, Москалевская школа общ. грамотности при Преображенскомъ приходскомъ попечительствѣ съ 54 мальчиками, Унтеръ-офицерская школа грамотности при губернскомъ батальонѣ, Воскресная (женская) школа при 1-мъ приходскомъ училищѣ (съ 1870 года) харьк. дамъ и дѣвицъ, женская воскресная школа при Дух. училищѣ (обѣ содержало Общество грамотности), Воскресная школа при Дух. семинаріи (съ 1863 г.), элементарная школа для еврейскихъ дѣтей Общества грамотности съ 56 учениками, женское училище на степени гимназіи Д. Д. Пономаревой-Оболенской (съ 1868 г.) со 106 ученицами, женское училище на степени гимназіи Л. Н. Ковальской (съ 1859 года до 1870 г. было 3-хъ класснымъ и носило фирму Неклюдовой), женское училище на степени гимназіи К. Л. Филипсъ (съ 1855 г.) съ 62 учащихся, женское училище Е. Т. Михайловской (4-хъ классное), на степени уѣзднаго училища съ 25 ученицами, женское училище Л. М. Черняковской 3-хъ классное (каждый классъ изъ 2-хъ отдѣленій) съ 1853 года съ 60 ученицами, женское училище Н. Я. Грегорцевичъ, 3-хъ классное (съ 1859 г., преобразовано въ 1872 г.) съ 60 ученицами, мужское 3-хъ классное училище 2-го разряда Шаталова (съ 1873 г.) съ 12 учениками, мужское 3-хъ классное училище г-жи Венцель (съ 1873 г.)съ 6 учениками, элементарная 3-хъ классная школа 3-го разряда г-жи Архангельской для дѣтей обоего пола съ 26 мальчиками и 6 дѣвочками.

Сверхъ того въ Харьковѣ было еще 19 частныхъ народныхъ школъ, 4 воскресныхъ съ 400 муж. и 200 жен. пола [1]); безплатная школа стенографіи, музыкальные классы при Харьк. отдѣл. Имп. Рус. муз. общ (съ 1871 г.) и школа рисованія М. Д. Раевской. Всѣхъ школъ было 67.

Имѣется свѣдѣній о 6021 учащихся обоего пола (но въ дѣйствительности ихъ было значительно больше). По сравненію съ 1856 годомъ число учащихся за 16 лѣтъ увеличилось на 3302 чел., т. е. на 121% въ то время какъ населеніе возросло только на 27 тыс., т. е. менѣе чѣмъ на 50%. Учащіеся составляли къ общему числу жителей 7,3%.

На долю двухъ высшихъ учебныхъ заведеній приходилось 804 чел., среднихъ школъ—2525 чел., низшихъ—2712. Женщины составляли: 0% въ высшихъ школахъ, около 47% въ среднихъ и 36% въ низшихъ: число ихъ въ среднихъ школахъ сильно повысилось по сравненію съ 1856 г., въ низшихъ нѣсколько понизилось. Одна школа приходилась на 1219 душъ жителей; одна низшая—на 1440 жителей. Учащіеся въ низшихъ школахъ составляли 3,3% населенія.

Въ 1881 году въ Харьковѣ были слѣдующія учебныя заведенія: Университетъ съ 667 студ. и 77 пост. слуш., Ветеринарный институтъ съ 332 студ., реальное училище съ 555 уч., 1-я Харьковская гимназія съ 345 уч., 2-я Харьковская гимназія съ 329 уч., Харьковская 3-я гимназія съ 532 уч., прогимназія съ 168 уч., 1-я Маріинская женская гимназія съ 694 уч., 2-я женская гимназія съ 219 уч., Институтъ благородныхъ дѣвицъ съ 208 дѣв., частная женская гимназія Грегорцевичъ съ 80 уч., частная женская гимназія Оболенской съ 128 уч., частная женская гимназія Филипсъ съ 52 уч., частная женская гимназія Ковальской съ 60 уч., Евангелическо-лютеранское училище съ 116 уч., частный женскій пансіонъ Драшковской съ 80 уч. (35 живущихъ и 45 приходящихъ), женскій пансіонъ на степени гимназіи Мевіусъ съ 12 уч., духовная семинарія съ 217 уч., Харьковское епархіальное училище съ 317 уч., акушерская клиника съ 241 уч. фельдшерская школа при губернской земской больницѣ съ 118 уч. (87 м. и 31 ж. пола), земское повивальное училище съ 12 уч., уѣздное училище съ 100 уч., школа рисованія и живописи Раевской съ 24 уч. (20 м. и 4 ж. пола), пансіонъ для дѣвицъ гимназистокъ и готовящихся въ гимназію съ 27 уч., Харьковскій дѣтскій пріютъ съ 150 уч., школа Харьковскаго Благотворительнаго общества съ 72 уч., пансіонъ на степени прогимназіи Черняковской съ 52 уч., Харьковское духовное училище съ 179 уч., Харьковская женская прогимназія Козловой съ 145 уч., пан-

[1]) Харьк. Кал. на 1874 годъ, стр. 241—242.

сіонъ при 1-й женской гимназіи Остроумовой, 1-е приход. училище съ 118 уч.. 2-е съ 127 уч., 3-е приходское ремесленное училище съ 135 уч. (78 м. и 57 ж. пола), 4-е прих. училище съ 95 уч. (70 м. и 25 ж. п.), 5-е прих. училище съ 45 уч. (35 м. и 10 ж. п.), народная школа Харьк. общ. съ 83 уч. (55 м. и 28 ж. п.), приходское училище Святолуховской церкви съ 41 уч. (34 м. и 7 ж. п.), народная школа Рыбалкиной съ 10 дѣв., частное училище Курдюмовой съ 19 уч. (7 м. и 12 ж. п.), частная школа Линевичъ съ 8 уч. (5 м. и 3 ж. п.), частная школа Панковой съ 38 уч. (18 м. и 20 ж. п.), домашняя школа Валентининой съ 27 уч. (14 м. и 13 ж. п.), училище Воскресенской церкви съ 65 уч., домашняя школа Квашниной съ 42 уч. (24 м. и 18 ж. п.), народное училище Невядовской съ 40 уч. (16 м. и 24 ж. п.), частное народное училище Спиридовичъ съ 17 уч. (11 м. и 6 ж. п.), женская воскресная школа общества грамотности съ 94 дѣв., школа общества грамотности съ 98 дѣв., 2-я элементарная школа общества грамотности съ 88 уч. (48 м. и 40 ж. п.), Преображенская школа общества грамотности съ 90 уч. (33 м. и 57 ж. п.), элементарная школа Бубновой съ 12 уч. (7 м. и 5 ж. п.), пансіонъ для гимназистокъ Трофимовой, первоначальная дѣтская школа Дружковой съ 8 уч. (6 м. и 2 ж. п.), женскій пансіонъ Можіевской съ 7 дѣв., Александровская безплатная школа Антушевичъ съ 150 дѣв., начальная народная школа Тертешниковой съ 11 уч. (8 м. и 3 ж. п.), начальное училище Веселовской съ 10 уч. (4 м. и 6 ж. п.), частная народная школа Смирницкой съ 25 уч. (14 м. и 11 ж. п.), частная народная школа Лелюковыхъ съ 88 уч. (48 м. и 40 ж. п.), частная народная школа Петровой съ 19 уч. (9 м. и 10 ж. п.), частная народная школа Свѣдовой съ 6 уч. (4 м. и 2 ж. п.) частная народная школа Ермаковой съ 24 уч. (14 м. и 10 ж. п.), частная школа Ященковой съ 50 уч. (26 м. и 24 ж. п.), народная школа Колесникова съ 50 уч. (42 м. и 8 ж. п.), начальное училище Пенго съ 12 уч. (6 м. и 6 ж. п.), дѣтская школа Ильяшевой съ 28 уч. (11 м. и 17 ж п.), элементарная школа Дмитріевой съ 20 уч. (10 м. и 10 ж. п. [1]).

Всего учащихся оказалось 8011 душъ, что на 102049 душъ населенія составитъ 7,8%. За 9 лѣтъ число учащихся увеличилось почти на 2000 чел. т. е. на 33%, въ то время какъ населеніе увеличилось на 19%. На долю высшихъ школъ приходится 1076 душъ, среднихъ—3736, низшихъ 3199. Женщинъ, учившихся въ среднихъ школахъ было 1770 (47% общаго числа), въ низшихъ (52,9%). Всѣхъ школъ было 68, въ томъ числѣ высшихъ 2, среднихъ 15. низшихъ 51. Одна школа приходилась на 1500 человѣкъ жителей; одна низшая школа—на 2000 жителей. Число обучающихся въ низшихъ школахъ составляетъ 3,1% населенія.

Нѣсколько разнятся отъ вышеприведенныхъ цифры учащихся въ Харьковскихъ школахъ въ 1879—1881 г. по даннымъ переписи 1879 года и болѣе позднимъ свѣдѣніямъ Итоги не сходятся впрочемъ еще и потому, что къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ здѣсь отнесено не 15 (какъ у меня) школъ, а 18. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетѣ и ветеринарномъ институтѣ) 1213 душъ. въ 18 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 4588 (2287 м. и 2301 ж.) [2]); а въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ 716 (524 м. и 192 ж.), въ 36 начальныхъ народныхъ училищахъ 2185 (1218 м. и 967 ж.) [3]) въ 7 школахъ, не вошедшихъ въ разряды 944 (418 м. и 526 ж.). А всего въ 77 учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова было въ 1879 г.—7373, а въ 89 учебныхъ заведеніяхъ въ 1881 г.—9646 (5660 м. и 3986 ж.) [4]).

Распредѣленіе учащихся по учебнымъ заведеніямъ было таково: въ Духовной семинаріи было 227 учениковъ, 1-й мужской гимназіи 362 уч., 2-й гимназіи 401 уч., 3-й гимназіи 532 уч., реальномъ училищѣ 589 уч., мужской прогимназіи 176, Институтѣ благородныхъ дѣвицъ 215 восп., Маріинской женской гимназіи 670 уч., 2-й женской гимназіи 250 уч., женской гимназіи Оболенской 140 уч., Ковальской 39 уч., Филипсъ 49 уч., Григорцевичъ 101 уч., въ Епархіальномъ училищѣ 314 уч., въ частномъ училищѣ Венцель 19 уч., въ пансіонѣ Драшковской 90 уч., Мевіусъ 24 уч., женскомъ отдѣленіи евангелическо-лютер. общ. 135 уч., Черняковской 54 уч., Михайловской 7 уч., Мержіевской 6 уч., мужское духовное училище имѣло 172 чел., уѣздное училище 97 уч., училища 3-го разряда Валентинова 8 уч., фонъ-Ульрихъ 35 уч., Дружковой 15 уч., Мержіевской 6 уч., техническое желѣзнодорожное 82 уч., фельдшерская школа при Ветеринарномъ институтѣ 13 уч., земская фельдшерская

---

[1]) Харьк. кал. на 1882 г., стр. 165—171.

[2]) Харьк. Кал. на 1883 годъ, стр. 188—207.

[3]) Общій процентъ къ 40710 грамотныхъ, по переписи 1879 г.,—18,1%.

[4]) Общій процентъ ко всему населенію Харькова (102049 душъ)=7,2%.

школа 114 уч. (82 м. и 32 ж.), земское повивальное училище 62 уч., женская школа Харьк. Благотвор. общества 72 уч., мужское отдѣленіе евангелическо-лютеранскаго общества 40 уч., начальныя училища: 1-е приходское 133 уч., 2-е приходское 127 уч., 3-е приходское 93 уч., 4-е приходское училище 75 уч. (56 м. и 19 ж.), 5-е приходское училище 50 уч. (40 м. и 10 ж.), 1-е женское приходское училище 63 уч., Воскресенское народное училище 83 уч., Святодуховское попечительское училище 40 уч. (35 м. и 5 ж.), Клеменовское народное училище 104 уч. (59 м. и 45 ж.), Москалевское народное училище 109 уч. (71 м. и 38 ж.), Александровская безплатная школа для дѣвочекъ 146 уч., женское училище общества грамотности 116 уч., русское-еврейская школа того же общества 101 уч. (50 м. и 51 ж.), частная начальная школа Лелюковой 95 уч. (56 м. и 39 ж.), частная начальная школа Квашниной 75 уч. (40 м. и 35 ж.), Харьковскій дѣтскій пріютъ 120 уч., сиротскій домъ евангелическо-лютеранскаго общества 15 уч., частныя начальныя школы: Бубновой 10 уч. (6 м. и 4 ж.), Іосиновой 28 уч. (21 м. и 7 ж.), Панковой 50 уч. (25 м. и 25 ж.), Ященковой 42 уч. (22 м. и 20 ж.), Загораева 32 уч. (26 м. и 6 ж.), Константинова 29 уч., Колесникова 24 уч., Ермаковой 28 уч. (13 м. и 15 ж.), Переградской 29 уч. (15 м. и 14 ж.), Смирницкой 26 уч. (14 м. и 12 ж.), Веселовской 16 уч. (6 м. и 10 ж.), Димитріевой 15 уч. (10 м. и 5 ж.), Щербцовой 26 уч. (17 м. и 9 ж.), Ильяшовой 32 уч. (18 м. и 14 ж.), Калиновской 10 уч. (6 м. и 4 ж.), Крестлингъ 28 уч. (15 м. и 13 ж.), частная начальная школа Алчевской 12 уч. (7 м. и 5 ж.), такая же Спиридовичъ 21 уч. (12 м. и 9 ж.), Пенго 18 уч. (10 м. и 8 ж.), Бурыниной-Невядовской 48 уч. (20 м. и 28 ж.), Курдюмовой 21 уч. (16 м. и 5 ж.), Черноглазовой 17 уч. (5 м. и 12 ж.), Голубничевковой 15 уч. (6 м. и 9 ж.), Петровой 33 уч. (20 м. и 13 ж.), Чебановой 16 уч. (10 м. и 6 ж.), внѣразрядныя учебныя заведенія: школа рисованія и живописи М. Д. Раевской 39 уч. (29 м. и 10 ж.), повивальное училище при акушер. кл. 166 уч., воскресная школа Алчевской 300 уч., воскресная школа при Харьк. дух. сем. 66 уч. Воскресная школа общества грамотности 50. Военныя школы: учебная команда 61 пѣх. рез. батал. 30, Харьковскій писарскій классъ при 61 пѣх. рез. бат. 82, учебная команда 62 пѣх. рез. бат. 26, учебная команда 121 пѣх. Пенз. полка 73, учебная команда 122 пѣх. Тамб. полка 72, учебная команда Донского каз. полка 40. Сюда не вошло еще 154 д. обоего пола (151 мальчикъ и 4 дѣвочки), обучавшихся въ 18 еврейскихъ школахъ, гдѣ преподавали учителя-меламеды (Гелодькеръ, Хесинъ, Мирскій, Говшей, Лихтштейнъ, Новогрудскій, Зеликманъ, Граль, Монашкинъ, Гродзинскій, Стрѣльцовъ, Златонъ, Рубинштейнъ)—мѣщане, отставные солдаты, купцы.

Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія школьное образованіе въ г. Харьковѣ достигло еще болѣе значительныхъ успѣховъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія статистическія данныя, относящіяся къ 1902 году. Въ 1902 году въ Харьковѣ было 205289 душъ населенія и 127 школъ, въ томъ числѣ 3 высшихъ (университетъ, технологическій и ветеринарный институтъ), 13 среднихъ и 111 низшихъ; одна школа приходится на 1616 душъ населенія, одна низшая школа на 1759 душъ. Населеніе города за 23 года возросло болѣе чѣмъ на 100%, а число школъ увеличилось только на 86%, но низшихъ на 117%: въ отношеніи общаго числа школъ ростъ населенія опередилъ ростъ школъ, а въ отношеніи низшихъ школъ произошло обратное явленіе. Тоже самое наблюдается и въ отношеніи числа учащихся въ низшихъ школахъ. Въ Харьковскомъ двухклассномъ приходскомъ училищѣ ремесленнаго общества по уставу 1828 г. было 171 чел. (100 мальч. и 71 дѣв.), Александровскомъ женскомъ двухклассномъ приходскомъ съ классомъ кройки и шитья 160 дѣв., въ двухклассномъ при станціи „Харьковъ“, организованномъ по типу сельскихъ училищъ 117 мальчиковъ, въ городскомъ ремесленномъ училищѣ съ общеобразовательными классами и мастерскими—слесарной, столярной и модельной—133 муж., въ шести частныхъ двуклассныхъ училищахъ (Салтыковой, Дружковой, Ильяшевой, О. Родіоновой, С. Родіоновой, Соловьевой) и восьми одноклассныхъ (Бубновой, Залѣсской, Куницыной, Мартыновой, Макаровой, Чайковской, Штерманъ, Щекинъ-Кротовой)—1018 (384 муж. и 634 жен.), въ 13 городскихъ приходскихъ (1-мъ муж., 2-мъ Журавлевскомъ смѣшаномъ, въ 3-мъ Клеменовскомъ смѣш., въ 4-мъ Пушкинскомъ, въ 5-мъ имени Жуковскаго смѣш., въ 6-мъ Скобелевскомъ смѣш., въ 7-мъ женскомъ Ильина, въ 8-мъ муж. Тургеневскомъ, въ 9-мъ смѣш., въ 10-мъ Гоголевскомъ смѣш., въ 11-мъ женскомъ, въ 12-мъ смѣш., въ 14-мъ Москалевскомъ смѣш.—2665 (1481 м. и 1084 ж.), въ двухъ городскихъ начальныхъ (Заиковскомъ и Кирилло-Меѳодіевскомъ)—277 (151 м. и 126 ж.), въ 3-хъ начальныхъ Общества грамотности (Ремесленной школѣ, 1-й москалевской и 2-й на Ветеринарной улицѣ)—409 (148 м. и 261 ж.), въ начальномъ при харьк. паровозостроительномъ заводѣ (смѣш.), женскомъ Дмитровскаго попечи-

тельства о бѣдныхъ и женскомъ призрѣніи безпріютныхъ сиротъ, въ муж. 2-хъ-классномъ при лютер. церкви, одноклассномъ при богадѣльнѣ. Лютер. общества, одноклассномъ для дѣтей римскокатолическаго вѣроисповѣданія—549, въ 46 частныхъ (для глухонѣмыхъ свящ. Ветухова, Васильевой, Власовскаго Т., Власовскаго И., Врангель, Галкиной, Голубиченко, Дыбской, Дѣвицкой, Жуковой, Земборской, Калиновской, Каракулиной, Коробкиной, Крестлингъ, Кузиной, Лашиной, Лемоковой, Лободы, Лапушанской, Майбороды, Минченковой, Меркурьевой, Мильча, Никитиной, Никифоровой, Никольской, Панкратовой, Пятовой, Рыбалко, Самойловой М., Самойловой Н., Свѣдовой, Студенцовой, Суходольской, Турбиной, Фонъ-Витте, Хайбетовой, Хохловой, Черняковской, Чефрановой, Чумачковой, Шацкой, Шемаева, Шиловой)—901, въ воскресныхъ школахъ (женской Х. Д. Алчевской, муж. и женской Харьк. Общ. Грам.)—1127; въ церковно приходскихъ школахъ 1207, въ школѣ для мастеровъ и рабочихъ Харьк. отд. Имп. Руск. Техн. Общ. 112, на курсахъ для рабочихъ 377, на курсахъ иностранныхъ языковъ г-жи Сѣмашко 25, въ Декоративно-рисовальной школѣ имени Бородаевскаго 27, въ субботней школѣ для евреевъ М. Салтыковой 160, въ 7 еврейскихъ хедерахъ (Брайкина, Глобуса, Доненберга, Закошанскаго, Менделева, Сапора, Шмулевича)—182, сверхъ того существуютъ еще слѣдующія начальныя училища, но свѣдѣній о числѣ учащихся въ нихъ въ отчетѣ инспектора не имѣется: городское 4-хъ классное, прогимназія Домбровской, женское 4-хъ классное г-жи Менчицъ, женское начальное училище вѣдомства Имп. Маріи при Харьк. дѣтскомъ пріютѣ, Харьковскій Александровскій пріютъ для мальчиковъ и женская школа Харьковскаго Благотворительнаго Общества, училище слѣпыхъ Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ. Если взять только тѣ цифры, которые приведены выше, то окажется, что въ Харьковѣ къ 1-му января 1903 года было 9517 обучавшихся въ низшихъ школахъ, что составитъ 4,6% къ общему числу жителей города (въ дѣйствительности нѣсколько болѣе). Женщины составляютъ въ этой цифрѣ 43%, т. е. процентъ ихъ даже нѣсколько понизился. Если къ этому числу учившихся въ низшихъ школахъ прибавить число обучавшихся въ среднихъ и высшихъ, взявъ цифру ихъ за 1881 годъ—4812 чел. (теперь, эта цифра конечно выше); по нашему приблизительному подсчету она равняется 7½ тыс.), то получится цѣлая армія учащихся, превышающая во всякомъ случаѣ 15000 чел. и доходящая до 17000, т. е. составляющая 7½% до 8% всего населенія, т. е. не менѣе чѣмъ въ 1881 году. Итакъ, въ концѣ 1-й четверти XIX ст. число школъ и учащихся въ отношеніи къ числу жителей было очень высоко; къ 1856 г. оно понизилось; въ 1872 году значительно повысилось; въ 1881 году число школъ нѣсколько понизилось, а число учащихся повысилось; въ 1902 г. за 23 года—населеніе удвоилось, общее число школъ нѣсколько уменьшилось, низшихъ возросло, число учащихся въ низшихъ школахъ значительно возросло.

Представивъ въ цифрахъ развитіе школьнаго дѣла въ Харьковѣ, переходимъ теперь къ детальному обозрѣнію среднихъ мужскихъ школъ. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ въ наслѣдіе девятнадцатому въ Харьковѣ слѣдующія школы: Главное и малое народныя училища и коллегіумъ. Первое и второе просуществовали въ прежнемъ видѣ до 1805 года, т. е. до основанія въ Харьковѣ университета. Главное казенное училище явилось выразителемъ всеобщаго радостнаго исполненнаго надеждъ настроенія при воцареніи Императора Александра I-го и отправило ему при особомъ адресѣ стихотворное привѣтствіе [1])

[1]) Вотъ болѣе характерныя выдержки изъ этой оды.

„Се Александръ сидитъ на тронѣ
„Въ Екатерининой коронѣ,
„Се въ немъ духъ ея живетъ
Вы узрите—и всѣ потомки;
Дѣла его—велики громки;
Онъ щастье ваше вознесетъ.
Какъ ангелъ кротостью вѣнчанный,
Богобоязненъ, милосердъ,
И небомъ Россамъ дарованный,
Да Россъ пребудетъ въ вѣрѣ твердъ,
Да добродѣтель воцарится,
Невинность, правда защитится,
Обрящетъ каждый міръ, покой,
Науки плодъ дадутъ священный,
Умы познаньемъ озаренны,
Благословятъ въ немъ жребій свой.

Премудрость, благость Соломона
Царей вела его узрѣть,
Твой скиптръ, Монархъ, твоя корона
Любовію объиметъ свѣтъ,
Законъ изъ устъ твоихъ священныхъ,
Щедротою одушевленныхъ
Всѣмъ жизнь и щастіе даритъ.
Рѣчетъ—народы отдаленны
Не громомъ, милостью сраженны
Твой образъ вѣчно будутъ чтить.
Ты вѣчныхъ олтарей достойный,
Нашъ малъ передъ тобою гласъ,
Но о Монархъ Богоподобный!
Услыши и воззри на насъ.
Законъ безсмертныя Паллады
Какъ мать свои любившей чады

за подписью директора училища Ѳ. Кудрицкаго. Посланія были приняты благосклонно и Государь велѣлъ отпустить изъ кабинета въ пользу училища 2000 р. Въ 1801 году въ Главномъ казенномъ училищѣ было 309 учащихся (105 дворянъ и 204 разночинца), въ 1802 году—380 (108 дворянъ и 272 разночинца), въ 1803 году—357 (130 дворянъ и 227 разночинцевъ). По сословіямъ учащіеся въ этомъ послѣднемъ году дѣлились такъ: дворянъ 127, оберъ-офицерскихъ дѣтей 109, купцовъ 45, приказныхъ 17, мѣщанъ 13, солдатъ 11, казенныхъ поселянъ 10, крѣпостныхъ 9 и 6 дѣвочекъ (3 дворянокъ и 3 изъ купеческаго сословія).

На осуществленіе программы Главнаго училища назначено было слѣдующее число часовъ: на объясненіе евангелія—2, богословіе—2, на россійское краснорѣчіе и логики—6 (все это преподавалъ прот. Фотіевъ), на русскую грамматику и ученіе о должностяхъ человѣка и гражданина—8, правописаніе—14, пространный катехизисъ, чистописаніе—4 (учитель Вакуловскій), грамматическій и первоначальный классъ нѣмецкаго языка—16 (Ольденборгеръ), синтаксическій классъ нѣмецкаго языка—16 (Ходовскій), грамматическій и первоначальный классъ французскаго языка—16, синтаксическій классъ французскаго языка—16, первоначальный классъ латинскаго языка—6 (Курдюмовъ), русскую исторію, географію и естественную исторію—10 (Ордынскій), россійскій букварь, русское чтеніе и письмо, счисленіе и сокращенный катехизисъ—40 (Сѣверскій), вокальную музыку—18 (Снисаревскій), искусство полевого инженерства, фортификацію и артиллерію—12 (Николаевъ), тригонометрію, практику и геодезію—8 (Назаровъ), геометрію—6, гражданскую архитектуру—4, физику и механику—4, алгебру—2 (Турянскій), 1-ю и 2-ю часть ариѳметики—16 (Золотаревъ), рисованіе—20 (Андріевскій).

Кромѣ обыкновенныхъ были еще и публичные экзамены. Вотъ, напримѣръ, описаніе публичнаго испытанія, происходившаго въ Главномъ училищѣ 1-го іюля 1803 года. Генералитетъ и прочихъ посѣтителей приняли директоръ съ учителями при входѣ въ большую аудиторію; пѣвчіе стали пѣть кантъ; ученики начали говорить привѣтствія; учителя вышли изъ своихъ классовъ съ учениками въ аудиторію; учитель русскаго первоначальнаго класса началъ спрашивать учениковъ изъ сокращеннаго катехизиса и священной исторіи; учитель русской грамматики разобралъ по правиламъ періодъ; ученики сдѣлали задачи изъ ариѳметики; пѣвчіе спѣли кантъ; ученикъ изъ дворянъ Татарчуковъ прочелъ свое сочиненіе на русскомъ языкѣ; ученикъ первоначальнаго нѣмецкаго класса отвѣчалъ изъ этимологіи и высшаго изъ синтаксиса и переводилъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ; пѣвчіе спѣли кантъ; ученикъ Лобойковъ прочелъ свой переводъ съ нѣмецкаго языка; ученики французскаго класса (низшаго и высшаго) дѣлали то же, что и нѣмецкаго, съ тою только разницею, что представили небольшую драму въ 3-хъ явленіяхъ; пѣвчіе спѣли продолженіе канта; ученикъ изъ дворянъ Добровольскій прочиталъ свой переводъ съ французскаго языка; ученики логики и риторики прочитали стихи и письма своего сочиненія; заданы были вопросы изъ всеобщей и естественной исторіи, всеобщей и русской географіи; рѣшено было нѣсколько задачъ изъ геометріи, тригонометріи и практики; пѣвчіе спѣли кантъ; ученикъ изъ дворянъ Г. Вольховскій прочелъ рѣчь на русскомъ языкѣ; рѣшались задачи изъ фортификаціи и артиллеріи, архитектуры, механики и физики съ опытами; разсматривались архитектурные, геодезическіе, фортификаціонные и артиллерійскіе чертежи, а также рисунки и прописи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; учитель первоначальнаго русскаго класса сказалъ рѣчь о воспитаніи дѣтей; пѣвчіе спѣли кантъ; отличнымъ ученикамъ розданы были книги и похвальные листы въ награду и поощреніе къ дальнѣйшему прохожденію наукъ; пѣвчіе закончили экзамены кантомъ.

Подобнаго рода публичные экзамены, конечно, должны были служить и средствомъ сближенія школы съ обществомъ и давать толчекъ къ болѣе успѣшному прохожденію курса, и пріучать питомцевъ къ публичности.

Въ Украйнѣ воздвигнулъ храмъ
Наукамъ, кои насъ питаютъ,
Для общей пользы посвящаютъ,
Ты свѣтъ сей усугуби намъ.
Мы гласы къ небу возсылаемъ
Благоговѣніе сердецъ;
И падъ—колѣна преклоняемъ:
Да будетъ миренъ твой вѣнецъ
Да вышній сильною рукою
Для блага Россовъ и покою
Блюдетъ твой Августѣйшій домъ
Да родъ Петровъ благословенный
Пребудетъ въ роды вознесенный
Маріи въ племени златомъ.

(Арх. Мин. Нар. Просв. Д. № 38574/1290).

Ученики Главнаго училища въ 1803 году распредѣлялись по классамъ такъ: въ первоначальномъ русскомъ классѣ ихъ было 130 (въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ), въ русскомъ грамматическомъ 155, въ классѣ логики, риторики и богословія 25, въ латинскомъ первоначальномъ 52, въ нѣмецкомъ первоначальномъ 58, въ нѣмецкомъ грамматическомъ 27, въ нѣмецкомъ синтаксическомъ 26, во французскомъ первоначальномъ 36, французскомъ синтаксическомъ 53, первомъ ариѳметическомъ 38, второмъ ариѳметическомъ 101, геометрическомъ 56, архитектурномъ, физическомъ и механическомъ 41, геодезическомъ 36, тригонометрическомъ 19, въ классѣ полеваго инженерства 7, фортификаціи 9, артиллеріи 5, историческомъ и географическомъ 77 и рисовальномъ 77.

Въ числѣ воспитанниковъ были и великовозрастные—18, 19 и даже 23 и 24 лѣтъ. Часть ихъ жила на квартирахъ у своихъ учителей. У извѣстнаго прот. В. Фотіева жило 22 воспитанника, у Ольденборгера—18, у Туранскаго—16, у Николаева 8, у Назарова—3, у Ходовскаго 5, у Сѣверскаго—6, у Дмитріева—11; всего 89.

Среди нихъ встрѣчается не мало дѣтей извѣстныхъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій—Розальонъ-Сошальскихъ, Ковалевскихъ, Куликовскихъ, Марковичей, Курчениновыхъ, Куколь-Яснопольскихъ, Ильяшенко, Будянскихъ, Родзянко.

Училище имѣло библіотеку и физическій кабинетъ. О сравнительномъ богатствѣ этого послѣдняго свидѣтельствуетъ его составъ. Въ немъ были—воздушный насосъ, Геролдовъ фонтанъ, барометръ съ термометромъ и гигрометромъ, лампа для расплавливанія стекла, хрустальная призма, четыре оптическихъ стекла, зажигательное стекло, два сферическихъ зеркала, цилиндрическое зеркало съ 6 картинами для него, двѣ камеры—обскуры, два мраморныхъ цилиндра въ мѣдной оправѣ для опыта сцѣпленія, зрительная трубка съ ахроматическимъ стекломъ, Григоріанскій телескопъ, солнечный микроскопъ, простой микроскопъ, электрическая машина новѣйшей конструкціи со всѣми принадлежностями.

Училище снабжено было также и учебными пособіями; оно имѣло 19 географическихъ картъ, 2 большихъ глобуса (земной и небесный) иностранной работы, 4 небольшихъ глобуса, двѣ астролябіи, менсулу, модель храма дорическаго стиля, модель хлѣбнаго магазина, три мраморныхъ обелиска, нѣсколько эстамповъ для рисованія. Залъ публичныхъ испытаній былъ украшенъ бюстами Имп. Екатерины, Павла и Александра, портретами Имп. Павла и Александра и перваго Слободско-Украинскаго губернатора Щербинина.

Съ учрежденіемъ университета было связано открытіе въ Харьковѣ гимназіи. Возникшій при университетѣ училищный комитетъ принялъ самыя энергическія мѣры къ скорѣйшему преобразованію существовавшаго дотолѣ Главнаго училища въ гимназію съ уѣзднымъ училищемъ. На первыхъ порахъ постановлено было открыть только два первые класса гимназіи—всѣхъ классовъ въ тогдашнихъ гимназіяхъ было 4—а роль подготовительной школы къ гимназіи—ея первыхъ трехъ классовъ должно было играть уѣздное училище. Учителями въ гимназію были назначены бывшіе преподаватели Главнаго училища: Туранскій, Крахмалевъ, прот. Фотіевъ, Николаевъ, Курдюмовъ и Ольденборгеръ; для прочихъ же предметовъ предполагалось пріискать учителей, причемъ для языковъ по два преподавателя, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ нихъ получалъ содержаніе изъ сверхштатныхъ суммъ; Николаевъ оставленъ былъ для преподаванія военныхъ наукъ, чего желало Слободско-украинское дворянство. Въ уѣздномъ училищѣ должны были занять мѣста также бывшіе преподаватели Главнаго училища—Вакуловскій, Золотаревъ и Ходовскій (послѣдній штатнымъ смотрителемъ) и въ приготовительномъ классѣ Барзинъ. Другіе преподаватели главнаго училища получили назначеніе внѣ Харькова. Жалованье учителей гимназіи колебалось между 450 и 550 р., уѣзднаго училища отъ 190 до 325 р.

Въ гимназіи были приняты въ качествѣ руководствъ слѣдующія книги: курсы математики Осиповскаго и Кестера, физика Гиляровскаго, математическая и всеобщая географія, изданная для народныхъ училищъ, краткая всемірная исторія Шрека, храмъ всеобщаго баснословія, о римскихъ древностяхъ, логика, Баумейстерова метафизика, нравственная философія Фергюссона, россійская грамматика Соколовскаго, опытъ риторики Рижскаго, латинская грамматика Лебедева, тексты Корнелія Непота, Цезаря и Цицерона, нѣмецкая грамматика Гольтергофа, французская Соколовскаго.

Въ уѣздномъ училищѣ вышеназванныя сочиненія Соколовскаго, Шрека, а для прочихъ предметовъ—учебники, изданные для народныхъ училищъ.

Харьковская гимназія была торжественно открыта 3-го сентября 1805 года. Почетнѣйшія лица города были приглашены на торжество особыми билетами. Въ 8 часовъ утра ученики, учителя и директоръ, а также студенты собрались уже въ училищный домъ; затѣмъ явился ректоръ университета съ профессорами и были прочитаны соотвѣтственные пункты изъ устава учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университету. Послѣ этого всѣ двинулись въ соборъ для выслушанія литургіи въ такомъ порядкѣ: учителя уѣзднаго училища, ученики его со значками, смотритель, пѣвчіе, ученики гимназіи со значками, учителя гимназіи, директоръ училищъ Слободско-украинской губ., экзекуторъ университета, студенты, учителя, адъюнкты, профессора, ректоръ съ казначеемъ, секретаремъ правленія, секретаремъ училищнаго комитета и педелемъ. Въ соборѣ въ это время уже находились губернаторъ съ губернскими чинами и губернскій предводитель съ дворянствомъ; послѣ литургіи, совершенной харьковскимъ епископомъ Христофоромъ Сулимой всѣ направились обратно въ гимназію въ такомъ порядкѣ: вышеописанная процессія, преосвященный съ духовенствомъ и крестомъ, губернаторъ съ губернскими чинами, предводитель дворянства съ дворянами, городской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ, цеховые со значками. Въ гимназическомъ залѣ совершено было водоосвященіе; прот. В. Фотіевъ произнесъ приличное случаю слово; хоръ училищныхъ пѣвчихъ пѣлъ канты. Ректоръ университета объявилъ объ открытіи гимназіи и уѣзднаго училища и указалъ на цѣль ихъ учрежденія и на ихъ учебный персоналъ. Директоръ училищъ произнесъ рѣчь; провозглашены были фамиліи лицъ, принятыхъ въ ученики гимназіи; учителя латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ сказали рѣчи; хоръ исполнилъ кантъ. Преосвященный отправился въ столовую казеннокоштныхъ питомцевъ и благословилъ ихъ пищу. Почетнѣйшимъ посѣтителямъ былъ предложенъ завтракъ. Вечеромъ училищные дома были иллюминованы. На слѣдующій день (4 сент.) въ гимназіи и уѣздномъ училищѣ открылись обычныя занятія въ присутствіи членовъ училищнаго комитета [1]).

Первымъ директоромъ былъ Ѳ. И. Кудрицкій, о которомъ Топчіевъ сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе. „Изъ временъ Бахтинскихъ Федоръ Ивановичъ Кудрицкій, своякъ моего дѣда Топчіева, былъ первымъ директоромъ харьковской гимназіи, по преобразованіи ея изъ народнаго училища. Я едва помню его, но знаю отъ родныхъ, что онъ былъ человѣкъ замѣчательный, въ большомъ почетѣ у харьковской аристократіи, знакомствомъ котораго дорожили за его честность, прямоту, острый умъ, находчивость; въ затруднительныхъ случаяхъ всѣ знакомые и родные прибѣгали къ его совѣтамъ". При гимназіи былъ и пансіонъ для своекоштныхъ и казеннокоштныхъ учениковъ. По Высочайшему указу 19 мая 1806 года отпускалось изъ государственнаго казначейства на содержаніе 40 казенныхъ воспитанниковъ слоб.-укр. гимназіи по 4000 р. въ годъ. Съ 1820 года прибавлено было по 5285 р. 70 к. Константиноградскій помѣщикъ Алымовъ внесъ въ Харьковскій университетъ 20000 р. на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ содержались питомцы недостаточнаго состоянія. Въ началѣ учебнаго $18^{35}/_{36}$ г. въ харьк. губ. гимназіи было 287, въ томъ числѣ казеннокоштныхъ 40, пансіонеровъ со взносомъ 350 р. въ годъ 34, полупансіонеровъ 8, на Алымовскомъ содержаніи 1, своекоштныхъ 193 [2]).

Первый уставъ гимназій былъ изданъ 5 ноября 1804 года. Онъ объединилъ высшія, среднія и низшія училища. Во главѣ всего учебнаго дѣла поставлены были университеты. Харьковскій университетъ вѣдалъ всѣми училищами въ округѣ, въ томъ числѣ и средними и низшими школами г. Харькова. Гимназическій курсъ являлся продолженіемъ курса уѣздныхъ училищъ. Въ гимназіяхъ было поэтому только 4 класса съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Программа ученія была очень широкая; входили языки (латинскій, французскій, нѣмецкій), географія, исторія, статистика, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, политической экономіи, торговли, технологіи, математика—чистая и прикладная, опытная физика, естественная исторія, рисованіе. На каждую гимназію полагалось по 8 учителей [3]).

Существеннымъ измѣненіямъ подверглась система школьнаго образованія въ Министерство С. С. Уварова (1833—1850 г.). Въ основу его онъ положилъ—сословное разграниченіе образованія, утвержденіе

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1805 г. № 19.
[2]) Харьк. губ. вѣд. 1866, № 26.
[3]) Сб. пост. по М. Н. П., I, 331—352.

классицизма, какъ фундамента средней школы, развитіе спеціальнаго образованія для промышленныхъ классовъ. Доступъ въ гимназіи лицамъ непривиллегированныхъ классовъ былъ весьма затрудненъ. Для дворянскихъ дѣтей устроено много пансіоновъ. Въ 1852 году при Ширинскомъ-Шахматовѣ гимназіи раздѣлены на три разряда: 1) гимназіи съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, 2) съ однимъ законовѣдѣніемъ, 3) гимназіи съ греческимъ языкомъ. Въ основу образованія была положена религія. Между прочимъ читались творенія отцовъ церкви на латинскомъ и греческомъ языкѣ.

Въ 1864 году въ министерство либеральнаго Головнина изданъ былъ новый гимназическій уставъ, въ созданіи котораго принимали участіе общественные элементы. Онъ установилъ 2 равноправныхъ типа средней школы: гимназіи съ классическими предметами преподаванія и гимназіи съ реальными предметами и тѣмъ удовлетворилъ защитниковъ и классическаго и реальнаго образованія. Кромѣ гимназій введены были классическія или реальныя прогимназіи съ курсомъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій. Въ классическихъ гимназіяхъ преподаваніе латинскаго языка вводилось немедленно, а греческаго постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого предмета. Благодаря этому, къ двумъ типамъ гимназій присоединялся еще третій съ однимъ латинскимъ языкомъ. Реальныя гимназіи поставлены были въ одинаковое положеніе съ классическими съ тою только разницею, что свидѣтельства, выдаваемыя первыми только принимались во вниманіе при поступленіи ихъ питомцевъ въ высшія спеціальныя училища, а вторыя выдавали аттестаты, открывавшіе прямой доступъ въ университетъ. Новый уставъ былъ совершенно свободенъ отъ сословныхъ тенденцій [1]).

Въ министерство гр. Д. А. Толстого былъ введенъ составленный чисто-бюрократическимъ способомъ уставъ классическихъ гимназій и прогимназій—въ 1871 году и реальныхъ училищъ въ 1872 году. Онъ былъ введенъ вопреки общественному мнѣнію и даже вопреки рѣшенію большинства членовъ государственнаго совѣта.

Общеобразовательный характеръ былъ признанъ исключительно только за классическими гимназіями, а реальнымъ училищамъ въ немъ принципіально отказано: имъ приданъ практическій характеръ, они были приспособлены къ потребностямъ промышленности и торговли. Въ основу гимназическаго преподаванія положены оба древніе языка; на латинскій языкъ положено 49 час., на греческій 36 час., а на математику съ физикой, математической географіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ 37 час. Курсъ гимназіи былъ удлиненъ на 1 годъ прибавленіемъ 8-го класса. Остальнымъ предметамъ отведено было очень скромное мѣсто. Изученіе классическихъ языковъ должно было имѣть гл. обр. грамматическій характеръ [2]). Печальные плоды этой системы общеизвѣстны. Министръ Деляновъ держался завѣтовъ гр. Д. А. Толстого, хотя въ 1890 году и онъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, выразившіяся въ измѣненіи учебнаго плана и его упрощеніи. Что касается духа и характера, то онъ остался прежній, а въ 1887 г. послѣдовалъ приснопамятный циркуляръ о недопущеніи въ гимназіи дѣтей прислуги; Деляновъ же подалъ мысль о сокращеніи гимназій. Въ 1888 году нѣсколько измѣнена программа реальныхъ училищъ [3]). Въ наше время вопросъ о реформѣ средней школы поставленъ на очередь, но не получилъ окончательнаго рѣшенія и школа находится въ тяжеломъ состояніи.

Главное Слободско-Украинское казенное училище было преобразовано, какъ мы видимъ, въ гимназію въ которой однако было сохранено преподаваніе военныхъ наукъ, живописи и музыки и на содержаніе этихъ классовъ попрежнему отпускалась особая сумма въ 4000 р. До 1836 года гимназія эта подобно всѣмъ остальнымъ находилась въ вѣдѣніи Харьковскаго университета, въ 1836 году была наименована губернской, а съ 1841 года, выдѣливъ свои параллельные классы для образованія 2-й гимназіи, стала именоваться 1-й Харьковской гимназіей. Въ 1864 году она снова выдѣлила свои параллельные классы для образованія 3-й гимназіи. До 1873 года въ вѣдѣніи ея директоровъ находились всѣ уѣздныя и приходскія училища, частныя школы и пансіоны Харьковской губерніи. Въ теченіе столѣтняго ея существованія въ ней получили среднее образованіе многія лица, пріобрѣвшія почетную извѣстность въ государственной, общественной или ученой педагогической дѣятельности, въ томъ числѣ свыше 50 профессоровъ Харьковскаго и другихъ университетовъ.

---

[1]) Рождественскій, стр. 430—444.
[2]) Ib., стр. 514 – 536. [3]) Ib., стр. 631—646.

Число учениковъ въ 1-й Харьковской гимназіи, въ первые годы доходившее только въ среднемъ до 150 чел.. въ послѣднее десятилѣтіе превысило четыре сотни. Всѣхъ учащихся въ теченіе 99 лѣтъ было 30,652, въ среднемъ по 306 въ годъ [1]).

Изъ нихъ окончило курсъ: въ 1808 году—13 (въ 1805 году открыты были первые два класса, а потому въ 1805—1807 гг. выпусковъ не было), въ 1809 г.—17, въ 1810 г.—20, въ 1811 г.—16, въ 1812 г.—28, въ 1813 г.—16, въ 1814 г.—21, въ 1815 г.—14, въ 1816 г.—26, въ 1817 г.—24, въ 1818 г.—32, въ

---

[1]) По годамъ они распредѣляются такъ:

Съ 1 сент.	1805 г.	110	учащ.	«	1855 г.	341	учащ.
«	1806 «	134	«	«	1856 «	362	«
«	1807 «	143	«	«	1857 «	367	«
«	1808 «	147	«	«	1858 «	391	«
«	1809 «	151	«	«	1859 «	393	«
«	1810 «	162	«	«	1860 «	409	«
«	1811 «	168	«	«	1861 «	439	«
«	1812 «	167	«	«	1862 «	458	«
«	1813 «	164	«	«	1863 «	494	« отд. въ 3 гимн.
«	1814 «	181	«	«	1864 «	218	«
«	1815 «	182	«	«	1865 «	232	«
«	1816 «	178	«	«	1866 «	228	«
«	1817 «	190	«	«	1867 «	236	«
«	1818 «	193	«	«	1868 «	231	«
«	1819 «	187	«	«	1869 «	248	«
«	1820 «	191	«	«	1870 «	253	«
«	1821 «	201	«	«	1871 «	257	«
«	1822 «	220	«	«	1872 «	261	«
«	1823 «	243	«	«	1873 «	267	«
«	1824 «	252	«	«	1874 «	289	«
«	1825 «	322	«	«	1875 «	291	«
«	1826 «	307	«	«	1876 «	300	«
«	1827 «	329	«	«	1877 «	329	«
«	1828 «	337	«	«	1878 «	311	«
«	1829 «	320	«	«	1879 «	341	«
«	1830 «	345	«	«	1880 «	337	«
«	1831 «	370	«	«	1881 «	338	«
«	1832 «	363	«	«	1882 «	346	«
«	1833 «	362	«	«	1883 «	355	«
«	1834 «	387	«	«	1884 «	363	«
«	1835 «	392	«	«	1885 «	363	«
«	1836 «	408	«	«	1886 «	344	»
«	1837 «	410	«	«	1887 «	375	»
«	1838 «	442	«	«	1888 «	332	»
«	1839 «	452	«	«	1889 «	327	»
«	1840 «	489	«	«	1890 «	341	«
«	1841 «	507	« отд. во 2 гимн.	«	1891 «	356	«
«	1842 «	237	«	«	1892 «	364	«
«	1843 «	241	«	«	1893 «	339	«
«	1844 «	247	«	«	1894 «	349	«
«	1845 «	260	«	«	1895 «	358	«
«	1846 «	271	«	«	1896 «	361	«
«	1847 «	296	«	«	1897 «	381	«
«	1848 «	293	«	«	1898 «	416	«
«	1849 «	308	«	«	1899 «	431	«
«	1850 «	302	«	«	1900 «	408	«
«	1851 «	293	«	«	1901 «	420	«
«	1852 «	304	«	«	1902 «	428	«
«	1853 «	331	«	«	1903 «	456	«
«	1854 «	336	«				

1819 г.—41, въ 1820 г.—33, въ 1821 г.—28, въ 1822 г.—21, въ 1823 г.—30, въ 1824 г.—26, въ 1825 г.—7, въ 1826 г.—6, въ 1827 г.—23, въ 1828 г.—26, въ 1829 г.—45, въ 1830 г.—65, въ 1831 г.—73, въ 1832 г.—32, въ 1833 г.—117 (въ 1834, 1835 и 1836 гг. по случаю преобразованія гимназіи согласно уставу 1828 г. выпуска воспитанниковъ не было), въ 1837 г.—5, въ 1838 г.—9, въ 1839 г.—10, въ 1840 г.—18, въ 1841 г.—20, въ 1842 г.—7, въ 1843 г.—8, въ 1844 г.—13, въ 1845 г.—7, въ 1846 г.—15, въ 1847 г.—12, въ 1848 г.—13, въ 1849 г.—20, въ 1850 г.—22, въ 1851 г.—9, въ 1852 г.—17, въ 1853 г.—19, въ 1854 г.—23, въ 1855 г.—29, въ 1856 г.—17, въ 1857 г.—19, въ 1858 г.—17, въ 1859 г.—29, въ 1860 г.—31, въ 1861 г.—31, въ 1862 г.—21, въ 1863 г.—13, въ 1864 г.—16, въ 1865 г.—10, въ 1866 г.—9, въ 1867 г.—16, въ 1868 г.—13, въ 1869 г.—13, въ 1870 г.—19, въ 1871 г.—13, въ 1872 г.—7, въ 1873 г.—5, въ 1874 г.—10, въ 1875 г.—10, въ 1876 г.—9, въ 1877 г.—14, въ 1878 г.—12, въ 1879 г.—11, въ 1880 г.—10 въ 1881 г.—11, въ 1882 г.—21, въ 1883 г.—18, въ 1884 г.—16, въ 1885 г.—14, въ 1886 г.—8, въ 1887 г.—13, въ 1888 г.—14, въ 1889 г.—16, въ 1890 г.—21, въ 1891 г.—20, въ 1892 г.—21, въ 1893 г.—24, въ 1894 г.—32, въ 1895 г.—33, въ 1896 г.—44, въ 1897 г.—25, въ 1898 г.—27 (и 6 посторонніхъ), въ 1899 г.—23 (и 2), въ 1900 г.—29, въ 1901 г.—36 (и 1), въ 1902 г.—31 (и 1), въ 1903 г.—27 (и 7). Всего за 93 года 1391 душъ, въ среднемъ почти по 15 душъ въ годъ. Больше всего было окончившихъ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ, въ 90 и 900-хъ годахъ, меньше всего въ концѣ 30-хъ, въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ.

Директорами 1-й Харьковской гимназіи состояли:

Ѳ. И. Кудрицкій	съ 1805 по 1808 г.	О. В. Корженевскій . .	съ 1838 по 1846 г.
А. Й. Шредеръ	„ 1809 „ 1814 „	Т. П. Дымчевичъ . . .	„ 1847 „ 1850 „
А. Х. Эйбенъ	„ 1814 „ 1819 „	Е. С. Шопинъ	„ 1850 „ 1857 „
Т. И. Селивановъ . . .	„ 1820 „ 1822 „	И. А. Верниковскій . .	„ 1857 „ 1860 „
Н. В. Лосевъ	„ 1822 „ 1828 „	М. А. Малиновскій . . .	„ 1860 „ 1861 „
В. П. Шешинъ	„ 1828 „ 1830 „	Е. В. Крупковъ	„ 1861 „ 1868 „
Ѳ. Ѳ. Чановъ	„ 1830 „ 1833 „	П. В. Тихоновичъ . . .	„ 1868 „ 1887 „
В. Д. Метелеркампъ . .	„ 1833 „ 1837 „	М. П. Знаменскій . . .	„ 1888 „ 1905 „

На содержаніе свое гимназія получала штатную сумму [1]), а кромѣ того имѣла въ своемъ распоряженіи и спеціальныя средства.

[1]) Вотъ размѣры ея по годамъ.

1805 г.	15225 р. 66 к.	1880 г.	44981 р. 93 к.	1855 г.	56397 р. 27 к.	1880 г.	62327 р. 37 к.
1806 »	17237 » 63 »	1881 »	47202 » 38 »	1856 »	55911 » 95 »	1881 »	59414 » 55 »
1807 »	16585 » 30 »	1882 »	46477 » 45 »	1857 »	59417 » 22 »	1882 »	59375 » 46 »
1808 »	18911 » 42 »	1883 »	47438 » 39 »	1858 »	60314 » 95 »	1883 »	60716 » 73 »
1809 »	26382 » 64 »	1884 »	46516 » 16 »	1859 »	59505 » 87 »	1884 »	63576 » 27 »
1810 »	24608 » 51 »	1885 »	49317 » 27 »	1860 »	58650 » 31 »	1885 »	64311 » 21 »
1811 »	27114 » 38 »	1886 »	47522 » 30 »	1861 »	59222 » 94 »	1886 »	59846 » 05 »
1812 »	26304 » 11 »	1887 »	47427 » 55 »	1862 »	59137 » 24 »	1887 »	62312 » 57 »
1813 »	26311 » 56 »	1888 »	44126 » 44 »	1863 »	59069 » 67 »	1888 »	60489 » 90 »
1814 »	29327 » 72 »	1889 »	59746 » 30 »	1864 »	58416 » 19 »	1889 »	61421 » 57 »
1815 »	32319 » 11 »	1840 »	72311 » 56 »	1865 »	61038 » 97 »	1890 »	57283 » 75 »
1816 »	36415 » 53 »	1841 »	68427 » 78 »	1866 »	56391 » 08 »	1891 »	59388 » 55 »
1817 »	38027 » 39 »	1842 »	54328 » 55 »	1867 »	55877 » 77 »	1892 »	61487 » 31 »
1818 »	42222 » 37 »	1843 »	53273 » 14 »	1868 »	56371 » 58 »	1893 »	62981 » — »
1819 »	46567 » 77 »	1844 »	55917 » 29 »	1869 »	52318 » 11 »	1894 »	61480 » — »
1820 »	49500 » 30 »	1845 »	52345 » 58 »	1870 »	53316 » 24 »	1895 »	56725 » — »
1821 »	55904 » 66 »	1846 »	54101 » 02 »	1871 »	54327 » 81 »	1896 »	60311 » — »
1822 »	49321 » 99 »	1847 »	56555 » 32 »	1872 »	58891 » 50 »	1897 »	64761 » — »
1823 »	48326 » 39 »	1848 »	56817 » 56 »	1873 »	52490 » 30 »	1898 »	63976 » — »
1824 »	46827 » 72 »	1849 »	56366 » 19 »	1874 »	53899 » 72 »	1899 »	62928 » 01 »
1825 »	46573 » 17 »	1850 »	58082 » 62 »	1875 »	56969 » 19 »	1900 »	64593 » 03 »
1826 »	50000 » 62 »	1851 »	52667 » 25 »	1876 »	56312 » 20 »	1901 »	65327 » 28 »
1827 »	42774 » 45 »	1852 »	56911 » 35 »	1877 »	57710 » 50 »	1902 »	67444 » 09 »
1828 »	46119 » 17 »	1853 »	59396 » 89 »	1878 »	58848 » 50 »	1903 »	69464 » 36 »
1829 »	45489 » 31 »	1854 »	57688 » 80 »	1879 »	61112 » 80 »		

Многіе питомцы гимназіи заняли впослѣдствіи болѣе или менѣе выдающееся положеніе въ обществѣ. Вотъ эти лица: Гевличъ Авксентій Ивановичъ, сенаторъ (выпуска 1808 г.). Цертелевъ Николай Андреевичъ, первый малорусскій этнографъ, помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа (1810 г.). Масловичъ Василій—писатель, баснописецъ (1810 г.). Сухомлиновъ Иванъ Ивановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1811 г.). Гриневичъ Илья Ѳедоровичъ, профессоръ Кіевскаго университета (1811 г.). Затеплинскій Павелъ Александровичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1812 г.). Бахтинъ Николай Ивановичъ, извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ, Членъ Государственнаго Совѣта (1812 г.). Еллинскій Николай Ивановичъ, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета (1813 г.). Зиновьевъ Николай Васильевичъ, директоръ Пажескаго корпуса, воспитатель великихъ князей Николая, Александра и Владимира Александровичей (1816 г.). Иноземцевъ Ѳедоръ Ивановичъ, профессоръ Московскаго университета (1819 г.). Правицкій Ѳедоръ Михаиловичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1821 г.). Иноземцевъ Павелъ Ивановичъ, адъюнктъ Харьковскаго университета (1823 г.). Сливицкій Иванъ Алексѣевичъ, адъюнктъ Харьковскаго университета (1824 г.). Калениченко Иванъ Осиповичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1824 г.). Леоновъ Иванъ Ѳедоровичъ, адъюнктъ Харьковскаго университета (1825 г.). Гордѣенко Егоръ Степановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1828 г.). Вартинскій Іосифъ Васильевичъ, профессоръ Московскаго университета (1829 г.). Метлинскій Амвросій Лукіановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1830 г.). Гордѣенко Гавріилъ Степановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1833 г.). Кирилловъ Петръ Александровичъ, адъюнктъ Харьковскаго университета (1840 г.). Каченовскій Дмитрій Ивановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1843 г.) Федоренко Иванъ Ивановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1844 г.). Левашовскій Иванъ Ѳедоровичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1848 г.). Масловскій Алексѣй Францовичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1848 г.). Стельмаховичъ Михаилъ, доцентъ Харьковскаго университета (1848 г.). Тихоновичъ Ѳеофанъ Васильевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1848 г.). Ненарочкинъ Владиміръ Васильевичъ, предсѣдатель Харьковскаго окружнаго суда (1851 г.). Левашовскій Николай Ѳедоровичъ, доцентъ Харьковскаго университета (1852 г.). Севастьяновичъ Михаилъ Михаиловичъ, врачебный инспекторъ (1854 г.). Залѣсскій Николай Лаврентіевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1855 г.). Гиршманъ Леонардъ Леопольдовичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1855 г.). Кузнецовъ Александръ Харитоновичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1855 г.). Павловскій Ѳедоръ Андреевичъ, Харьковскій общественный дѣятель (1856 г.). Ясинскій Павелъ Африкановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1857 г.). Дудукаловъ Алексѣй Ивановичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1857 г.). Лукьяновъ Петръ Борисовичъ, Харьковскій окружной инспекторъ (1859 г.). Поповъ Алексѣй Алексѣевичъ, лаборантъ Харьковскаго университета (1859 г.). Бергъ Леонидъ Іеронимовичъ, пр.-доцентъ Харьковскаго университета (1860 г.). Пономаревъ Михаилъ Діевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1863 г.), Поповъ Митрофанъ Алексѣевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1861 г.). Павловъ Владиміръ Алексѣевичъ, прозекторъ Харьковскаго университета (1862 г.), Раевскій Сергій Александровичъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа (1863 г.). Эльтековъ Александръ Павловичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1864 г.). Флавицкій Флавіанъ Михаиловичъ, профессоръ Казанскаго университета (1865 г.). Бѣлецкій Николай Федоровичъ, доцентъ Харьковскаго университета (1867 г.). Чириковъ Андрей Дмитріевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1869 г.). Евецкій Ѳедоръ Орестовичъ, профессоръ Юрьевскаго университета (1869 г.). Шульцъ Георгій Ѳедоровичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1870 г.). Барабашовъ Павелъ Николаевичъ, профессоръ Харьковскаго университета (1873 г.). Карышевъ Николай Александровичъ, профессоръ Московскаго университета (1874 г.). Филипповъ Николай Николаевичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (1878 г.). Высоковичъ Владиміръ Константиновичъ, профессоръ Кіевскаго университета (1878 г.). Дворниченко Сергѣй Павловичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (1882 г.). Мухинъ Николай Ивановичъ, профессоръ Варшавскаго университета (1882 г.), Миллеръ Дмитрій Петровичъ, южно-русскій историкъ (1882 г.), Радаковъ В. П., земскій дѣятель (1883 г.), Плохинскій М. М., южно-русскій историкъ (1883 г.), Масловъ Михаилъ Алексѣевичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (1884 г.), Костинъ Сергѣй Ивановичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (1888 г.), Любимовъ Алексѣй Алексѣевичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (1888 г.).

Остановимся теперь подробно на внутреннемъ состояніи гимназіи, воспользовавшись для этого записками современниковъ.

Попечитель З. Я. Карнѣевъ въ оффиціальномъ своемъ отчетѣ Министру заявлялъ, что Харьк. Губ. гимназія „доведена была директоромъ Эйбеномъ до чрезвычайнаго во всѣхъ частяхъ разстройства". Попечитель вынужденъ былъ удалить его отъ должности, пока онъ не дастъ требуемыхъ отъ него за 3 года отчетовъ. „Учителя, видя безпорядочную жизнь директора и крайнее его небреженіе о должности, были и сами невнимательны къ своимъ должностямъ". Будучи же отданы подъ особый надзоръ проф. Успенскому и исп. должность директора учителю Любовскому, они совершенно исправились. Ученики (225 д.) начали изрядно успѣвать [1]).

О внутреннемъ состояніи гимназіи въ директорство Эйбена сообщаетъ чрезвычайно характерныя обстоятельныя данныя питомецъ этой гимназіи извѣстный намъ своею правдивостью Е. Топчіевъ. Онъ рисуетъ чрезвычайно яркую картину тогдашней гимназической жизни и мы приведемъ поэтому его воспоминанія цѣликомъ.

„Въ 1812 году, пишетъ онъ, я и братъ Александръ, оставивъ коллегіумъ, перешли учиться въ гимназію, которая тогда состояла изъ четырехъ классовъ и была одна въ Харьковѣ. Каждый учитель преподавалъ свой предметъ почти во всѣхъ четырехъ классахъ. Богословіе преподавалъ протоіерей Петръ Рогальскій, логику и психологію П. М. Любовскій, географію, исторію, миѳологію Крохмалевъ, математику и физику С. А. Туранскій, латинскій языкъ В. С. Курдюмовъ, французскій языкъ Г. Н. Коваленко, нѣмецкій—въ двухъ высшихъ классахъ—Лобойковъ, а въ двухъ низшихъ Ф. Д. Ольдерборгенъ, артиллерію. фортификацію—отставной капитанъ артиллеріи И. А. Ивановъ, наконецъ, рисованье—Андреевскій. На мѣсто Туранскаго, умершаго въ то время, когда я былъ гимназистомъ, поступилъ Заставскій, а на мѣсто Крохмалева, выслужившаго пенсіонъ и вышедшаго въ отставку—Исикорскій. Директора Шрейдера я почти не засталъ и потому о немъ ничего не могу сказать ни хорошаго, ни дурнаго. Поступившій на его мѣсто Эйбенъ былъ безтолковый нѣмецъ; учителя его не уважали, ученики не слушали и дурачили на каждомъ шагу. Эйбенъ не умѣлъ говорить по-русски и гимназисты объяснялись съ нимъ черезъ переводчика. Свою службу въ Харьковѣ онъ закончилъ тѣмъ, что былъ удаленъ отъ должности за растрату казенныхъ денегъ. При этомъ невинно пострадалъ старшій учитель, П. М. Любовскій, за то, что не удержалъ своего директора отъ растраты. Но можетъ ли удержать подчиненный своего начальника сдѣлать глупость или преступленіе? Изъ учителей гимназіи были на своемъ мѣстѣ только Любовскій, Туранскій, Лобойковъ и Ивановъ. Гимназисты уважали ихъ и учились у нихъ гораздо прилежнѣе, нежели у остальныхъ.

Заставскій зналъ свой предметъ лучше Туранскаго, онъ не уронилъ бы себя и на профессорской каѳедрѣ. Кромѣ своей спеціальности зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и былъ хорошій словесникъ. Заставскій обладалъ даромъ слова, былъ скоръ и остроуменъ на отвѣты, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался вспыльчивостью, нетерпѣливостью и читалъ лекціи, которыя были не вразумительны для воспитанниковъ и годились бы только для хорошо подготовленной аудиторіи. Разрѣшая задачу, Заставскій увлекался до того, что забывалъ все, сильно стучалъ мѣломъ по доскѣ, отчего она шаталась, нерѣдко падала, мѣлъ крошился въ рукѣ и часто замѣнялся новымъ кускомъ.. Оканчивая выкладку и вымачканный въ мѣлу съ головы до ногъ включительно, Заставскій обращался къ ученикамъ съ вопросомъ: „поняли, разбѣсовы дѣти?" Всѣ спѣшили отвѣчать, что поняли, хотя понять быстро разрѣшаемую задачу ни одинъ ученикъ не былъ въ состояніи. Ученикъ, признавшійся, что не понялъ, платился ушами; такого простака Заставскій обыкновенно выводилъ изъ за скамейки къ доскѣ за ухо, и не выпуская уха изъ лѣвой руки, правою повторялъ задачу невразумительнѣе прежняго, часто спрашивая, и при каждомъ вопросѣ дергая за ухо молодца, попавшаго въ просакъ: „что? понялъ, разбѣсовъ сынъ?" Бѣднякъ пищалъ, что понялъ, лишь бы скорѣе отдѣлаться, и въ другой разъ уже не попадался. Заставскій не спрашивалъ задаваемаго урока: ему какъ будто не было нужды, хорошо или дурно у него учатся. Но когда Заставскій приходилъ въ классъ въ хорошемъ расположеніи духа, то предъ началомъ новой лекціи, повторялъ предшествовавшую, нѣсколько медленнѣе и вразумителнѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, это случалось съ нимъ очень рѣдко, потому что его могла разбѣсить самая малость:—напр., попавшійся подъ ноги каму-

[1]) Д. И. Багалѣй. „Опытъ Ист. Харьк. У-та.", т. 2-й, стр. 1069—1070.

шекъ, на который онъ споткнулся, или могъ бы споткнуться. На годовые экзамены выставляли только немногихъ учениковъ, у которыхъ были репетиторы, да пансіонеровъ Заставскаго, съ которыми онъ занимался дома настолько добросовѣстно, что они учились лучше всѣхъ. Обыкновенно эти немногіе не только выручали учителя, но вмѣстѣ перетягивали за собою въ высшій классъ своихъ товарищей. Впослѣдствіи Заставскій получилъ мѣсто директора, кажется, херсонской гимназіи, очень выгодно женился, но кончилъ тѣмъ, что разошелся съ женой, спился и былъ удаленъ отъ должности. По своимъ познаніямъ онъ могъ бы далеко уйти на служебномъ поприщѣ, но не могъ или не захотѣлъ переломить своего характера и потому такъ дурно кончилъ свою карьеру.

У Коваленко учились только тѣ гимназисты, которые сами хотѣли учиться, человѣкъ десять изо всего класса. Они сидѣли на особой скамьѣ, около самой доски, на которой Коваленко обыкновенно писалъ мѣломъ свои лекціи; ученики списывали ихъ въ тетради. Съ этими десятью онъ занимался усердно, а отъ остальныхъ требовалъ только, чтобы они не шалили и не зѣвали; заставлять ихъ учиться Коваленко считалъ напрасною тратою времени. Шалить на лекціяхъ Коваленко гимназисты совѣстились, потому что со всѣми онъ обращался очень вѣжливо и деликатно. Но какъ не зѣвнуть въ теченіе двухъ-часовой лекціи двумъ-тремъ лѣнтяямъ, сидящимъ безъ дѣла и слушающимъ ни мало не интересныя объясненія или чтенія на непонятномъ языкѣ. Не проходило почти ни одной лекціи безъ невольнаго зѣвка и каждый разъ Коваленко, какъ-бы невольно, въ испугѣ ронялъ мѣлокъ, который обыкновенно онъ держалъ въ рукѣ во все продолженіе лекціи; Коваленко выучился дѣлать этотъ фарсъ такъ ловко, что мѣлъ, падая на полъ, разбивался въ мелкіе куски. Затѣмъ, начинались оханья, сыпались остроты и сарказмы насчетъ зѣвнувшаго, которому тутъ же внушалось, что его зѣвокъ вырвалъ изъ рукъ мѣлъ и остановилъ лекцію до тѣхъ поръ, пока отыщутъ сторожа и сторожъ принесетъ мѣлъ... Всѣ лѣнтяи радовались остановкѣ скучной для нихъ лекціи, хохотали отъ души и это продолжалось иногда съ полчаса. Бывали примѣры, что ученики перваго и даже втораго класса, сидѣвшіе въ началѣ учебнаго года между не учащимися, чрезъ два-три мѣсяца переходили на скамьи учащихся, такъ какъ имъ было скучно торчать безъ дѣла, тѣмъ болѣе, что шалить у Коваленко не полагалось. Коваленко радовался прибавленію учащихся и занимался преимущественно съ исправившимися, пока ровнялъ ихъ въ познаніяхъ съ тѣми, которые раньше начали учиться. На публичныхъ экзаменахъ Герасимъ Николаевичъ отдѣлывался немногими охотно учившимися, а частныхъ экзаменовъ у насъ не было, если не считать экзаменами вопросы, которые задавалъ каждый учитель по своему предмету безъ участія даже директора гимназіи. Въ послѣдствіе Коваленко, оставивъ гимназію, завелъ мужской пансіонъ и женился на классной дамѣ Харьковскаго института.—Основанный на началахъ: не надо налегать на ученье и принуждать учащихся,—пансіонъ Коваленка существовалъ не долго.

Крохмалевъ отлично зналъ свои предметы, но былъ до того слабаго характера, что гимназисты останавливали его своими шалостями, нерѣдко выходившими изъ ряда дѣтскихъ, почти на каждомъ словѣ, не давали распространяться и объяснить задаваемый урокъ; лекціи Крохмалева проходили, большею частью, въ томъ, что онъ вытаскивалъ изъ-за скамей—то одного, то другого шалуна, чтобы поставить на колѣни, отправить въ карцеръ,—а такихъ шалуновъ было у него большая половина класса. Въ мое время было много взрослыхъ гимназистовъ, даже изъ числа казенно-коштныхъ, просиживавшихъ, благодаря лѣни и шалостямъ, въ одномъ и томъ же классѣ по нѣскольку лѣтъ. Гимназическому начальству запрещалось сѣчь розгами своекоштныхъ, но родители нѣкоторыхъ шалуновъ, чтобы избавить ихъ отъ исключенія изъ гимназіи, сами не жалѣли розогъ, или давали полномочія учителямъ сѣчь за каждую шалость; за лѣность не выключали,—хоть сиди десять лѣтъ въ одномъ классѣ. Крохмалевъ былъ и очень добръ и очень слабъ для крутыхъ мѣръ: допуская дѣлать себѣ непріятности, онъ самъ, я увѣренъ, не сдѣлалъ никому ни малѣйшей непріятности во всю свою жизнь. Бывало, не успѣетъ ученикъ попросить прощенія, какъ слѣдуетъ, а у Крохмалева уже готовъ отвѣтъ: „смотри же, впередъ не шали“, хотя бы это случилось въ сотый разъ. Послѣобѣденныя лекціи сопровождались еще большими шалостями, нежели утреннія, по отсутствію даже и такой власти, какъ директоръ Эйбенъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ четырехъ классахъ тогда преподавали такіе же плохенькіе характеромъ учителя, какъ и Крохмалевъ. Приходя на лекцію, Крохмалевъ заставалъ неоднократно, что столы и скамьи сложены пирамидой посреди классной комнаты, а самъ онъ былъ встрѣченъ хоромъ: „и Васинькѣ много лѣтъ и Катенькѣ много

лѣтъ“ и такъ далѣе (Катенька его старшая дочь). Пока Крохмалевъ заставитъ замолчать и размѣстить столы и скамьи, убудетъ не меньше часу изъ положенныхъ двухъ часовъ для лекціи; виноватыхъ не отыскивали, или не могли отыскать. Случалось, что весь классъ посадятъ въ карцеръ (въ темную, безъ оконъ, комнату), оставивъ безъ обѣда. Шалуны настращаютъ или подкупятъ гимназическаго служителя инвалида—и явятся сбитеньщикъ, торговки съ съѣстнымъ, лакомствами, и все это покупается на счетъ достаточныхъ гимназистовъ, а на послѣобѣденной лекціи тѣ же шалости на лекціяхъ Крохмалева, Курдюмова, Исикорскаго, Ольденборгена. Шалили даже и тѣ, которые хорошо учились и скромно вели себя у Любовскаго, Туранскаго и Коваленко. Въ числѣ не послѣднихъ шалуновъ былъ– винюсь –и я. Записные шалуны завлекали въ шалости и самыхъ скромныхъ. При мнѣ Крохмалеву только одинъ разъ досталось прочесть свою лекцію безъ обыкновенной остановки почти на каждой фразѣ шалостями учениковъ. Это было въ первомъ классѣ, когда неожиданно, при самомъ началѣ лекціи, вошелъ недавно пріѣхавшій въ Харьковъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, Северинъ-Потоцкій. Крохмалевъ не только не потерялся, но одушевился посѣщеніемъ такого значительнаго лица; началъ и кончилъ свою лекцію превосходно, увлекъ ею попечителя и бывшаго съ нимъ ректора до того, что они просидѣли около двухъ часовъ, не замѣтивъ (по отзыву самого Потоцкаго), какъ прошло время... Наговоривъ Крохмалеву много лестнаго, попечитель пригласилъ его къ себѣ обѣдать. По выходѣ изъ класса ректоръ и директоръ обратили вниманіе Потоцкаго на костюмъ Крохмалева, облеченнаго въ рыжую фризовую шинель, и объяснили, что другого костюма у него нѣтъ, единственно по бѣдности и невозможности содержать себя семейному учителю изъ четырехсотъ пятидесяти руб. асс. годового жалованья. Крохмалевъ обѣдалъ у Потоцкаго, не въ тотъ день, а спустя три дня, и прямо отъ обѣда явился на свою послѣобѣденную лекцію, въ синей, почти новой фрачной парѣ, пуховой шляпѣ—словомъ, щегольски одѣтый, на фракѣ были замѣтны мѣста двухъ снятыхъ звѣздъ. Сверхъ этого подарка, Потоцкій выдалъ ему денежное пособіе изъ остатковъ отъ тѣхъ суммъ, которыми попечитель могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Но все это мало возвысило Крохмалева во мнѣніи шалуновъ; лекціи его продолжались прежнимъ порядкомъ, до увольненія изъ гимназіи. Для образца, съ какимъ успѣхомъ они шли, изображаю здѣсь послѣобѣденную лекцію по миѳологіи. По приходѣ учителя въ классъ обыкновенно читается молитва; потомъ учитель и ученики садятся на свои мѣста. Крохмалевъ начинаетъ: „Солнцевы дѣти“... На этой фразѣ его останавливаетъ хоръ почти всего класса учениковъ: „Знаемъ, Васенька, знаемъ: Иванъ, Захаръ и Борисъ“. Солнцевъ—помѣщикъ Харьковскаго уѣзда, котораго три сына тогда учились въ гимназіи и изъ нихъ два младшіе—Захаръ и Борисъ—со мною въ одномъ классѣ. Закричавъ: „типе же!“, Крохмалевъ встаетъ со своего стула и идетъ розыскивать виновныхъ. Виновныхъ, конечно, не отыскивается или виновные—почти весь классъ. Послѣ этого розыска Крохмалевъ садится на свое мѣсто и начинаетъ свою лекцію тою же фразою,—Солнцевыми дѣтьми, которая прерывается тѣмъ же возгласомъ хора. Новый розыскъ и съ такимъ же успѣхомъ. Лекція не идетъ дальше Солнцевыхъ дѣтей; Крохмалевъ теряется до нельзя, устаетъ... и вотъ сторожъ уже прозвонилъ на роспускъ учениковъ по домамъ. Остановка происходила у Крохмалева разнообразными шалостями, которыя выдумывали записные шалуны, увлекавшіе въ нихъ, какъ я сказалъ выше, и благонравныхъ учениковъ. Крохмалевъ нерѣдко приходилъ къ моей матери на чашку чаю. Въ дружеской бесѣдѣ, выпивъ чашку, другую пуншу, онъ умѣлъ завести разговоръ про житье-бытье предковъ нашихъ и древнихъ народовъ, эпизоды изъ исторіи и миѳологіи—понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Его слушали не только съ удовольствіемъ, но старались вызвать, навести на эту тему. Одна слабость характера препятствовала ему быть весьма полезнымъ для учениковъ... Миръ праху твоему, добрая душа, много потерпѣвшая въ этомъ мірѣ!

Гимназисты ничего не выиграли отъ поступленія Исикорскаго на мѣсто Крохмалева. Читая свои лекціи монотонно, тихо, какъ-бы убаюкивая засыпающаго ребенка или опасаясь разбудить спящаго, читая не вразумительно, едва слышно сидящимъ на первой скамьѣ, Исикорскій не обращалъ вниманіе—слушаютъ ли его и что дѣлаютъ слушатели. Исикорскій былъ маленькій человѣкъ, едва видный изъ-за учительскаго стола. Ученики, едва только окончится перекличка класса и начнется лекція,—уходятъ постепенно—одинъ за другимъ,—два, три ученика съ позволенія, для извѣстной надобности, а большая часть безъ позволенія, тихонько пробравшись къ двери, нѣкоторые же, перейдя на заднія скамейки, засыпали отъ скуки. Отъ происшедшей пустоты въ классной комнатѣ, сопѣнье спящихъ доходило до слуха Иси-

корскаго, въ ней громче раздавался отголосокъ читаемой лекціи; это иной разъ удивляло его, заставляло остановиться. И вотъ Исикорскій сперва толчками разбудитъ спящихъ и потомъ бѣжитъ изъ классной отыскать надзирателя надъ казеннокоштными гимназистами; начнутся розыски по всѣмъ закоулкамъ обширнаго гимназическаго двора, наткнутся на преуморительныя сцены, описывать большую часть которыхъ запрещаетъ благопристойность.

У Курдюмова плохо учились и много шалили на его лекціяхъ; онъ былъ плохой преподаватель, а къ тому еще любилъ выпить. На послѣобѣденную лекцію онъ приходилъ рѣдко трезвый,—тогда какихъ шалостей не позволяли себѣ гимназисты! То доска повалится на полъ (стоявшая обыкновенно на возвышеніи, около учительскаго стола), то самъ Курдюмовъ, въ полудремотѣ, а часто заснувшій, упадетъ со стуломъ и стоявшимъ предъ нимъ столомъ. Бывало вызовутъ его шалостями къ заднимъ скамьямъ и пока онъ чинитъ тамъ судъ и расправу, шалуны съ переднихъ скамей успѣютъ подложить подъ ножку стула по грецкому орѣху или по хлопушкѣ. Курдюмовъ или упадетъ со стуломъ, или вскочитъ въ испугѣ отъ раздавшагося треска, поваливъ столъ и доску.—Одного спрашиваетъ урокъ, а другой, сидящій позади его, отвѣчаетъ подъ его голосъ, разумѣется, изъ книги или тетради, спрашиваемый же ученикъ, поднявшись съ своего мѣста, шевелитъ губами—будто отвѣчаетъ онъ. Курдюмовъ нерѣдко дрался въ нетрезвомъ видѣ; выведенный изъ терпѣнія, онъ, бывало, такъ хватитъ шалуна книгою по головѣ, что тотъ свалится съ ногъ. Но ему это рѣдко удавалось и никогда не проходило даромъ. Учителямъ было строго запрещено драться или бить учениковъ; и нерѣдко случалось, что ученикъ нарочно разбѣситъ его, выведетъ изъ терпѣнія, чтобы вызвать на ударъ, отъ котораго ловко уклонится, а книга, вмѣсто головы шалуна, упадетъ на полъ, и Курдюмовъ подыметъ ее разорванною, разбитою. Посмѣяться, остановить на время скучную лекцію, побѣсить учителя-оригинала, похвастать предъ товарищами изобрѣтательностью, ловкостью, умѣньемъ вывернуться и отдѣлаться отъ наказанія—было главною цѣлью этихъ продѣлокъ.

Ольденборгенъ напоминалъ Курдюмова по познаніямъ и успѣхамъ у него гимназистовъ, а по шалостямъ на его лекціяхъ—Исикорскаго. Когда я поступилъ въ гимназію, то было предоставлено на волю каждаго учиться французскому или нѣмецкому языку; лекціи обоихъ языковъ преподавались въ одно и то же время, такъ что, если бы кто и желалъ учиться тому и другому, то не могъ—по распредѣленію часовъ. Почти подъ конецъ учебнаго года, когда я былъ во второмъ классѣ гимназіи, было велѣно учиться всѣмъ гимназистамъ и французскому, и нѣмецкому языкамъ. Значитъ, второклассникъ, которые до того учились французскому языку, слѣдовало начинать съ нѣмецкой азбуки: но мудрый Ольденборгенъ и для нихъ началъ тѣмъ,—на чемъ застало его новое положеніе: переводами съ нѣмецкаго на русскій и обратно. Я учился у Нагелей преимущественно по нѣмецки; но такъ какъ послѣ того долго не заглядывалъ въ нѣмецкую книгу, то забылъ почти всѣ правила языка и слова, кромѣ наиболѣе употребляемыхъ фразъ въ разговорѣ. Этими фразами я кое-какъ отдѣлывался отъ Ольденборгена, высказываясь, что заимствую ихъ изъ его лекцій; но моимъ соученикамъ по французскому классу часто плохо приходилось: ктобы ни напалилъ, Ольденборгенъ, не находя виновнаго, привязывался къ нимъ, спрашивая урокъ или заставляя переводить не учившихся даже читать и писать по нѣмецки, бранился и дралъ за волосы или, какъ онъ выражался: за фишки (за виски). Дралъ онъ, конечно, малюковъ, а отъ взрослыхъ, знавшихъ и пользовавшихся тѣмъ, что учителямъ строго запрещено драться, получалъ отпоръ.

Любовскій, Туранскій, Лобойковъ, Рогальскій и Ивановъ были такіе учителя, которые бы стали въ число первыхъ учителей гимназіи настоящаго времени, когда просвѣщеніе Россіи такъ далеко ушло впередъ. У этихъ учителей не лѣнились учиться даже многіе изъ учениковъ, считавшихся отчаянными шалунами на лекціяхъ Курдюмова, Исикорскаго, Крохмалева и Ольденборгена. Если многіе ученики гимназіи сидѣли по нѣскольку лѣтъ въ одномъ классѣ, преимущественно въ первомъ, безъ перевода въ высшій, то это были первостепенные шалуны и лѣнтяи изъ тѣхъ предметовъ, которые преподавались другими учителями.

Куратовъ выслужился изъ нижнихъ чиновъ, былъ такой оригиналъ, какого рѣдко можно встрѣтить въ настоящее время, но вмѣстѣ честный, прямодушный старикъ. На вопросъ: „Въ какомъ полку вы служили, Евсей Абрамовичъ?“ онъ отвѣчалъ обыкновенно: „Въ фанагорическомъ гренадерскомъ, храбромъ, непобѣдимомъ, неугасимомъ, неукротимомъ къ бою:—сама царица (Екатерина II-я) назвала“. Сколько бы разъ кто его ни спрашивалъ, такъ отвѣчалъ онъ каждому и всегда снисходительно,—даже гимназисту.

Онъ былъ единственнымъ надзирателемъ пансіонеровъ и казеннокоштныхъ гимназистовъ и училъ ихъ фронтовой службѣ: выправкѣ, маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ,—деревянными ружьями по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда, весной, лѣтомъ и осенью. Что онъ перенесъ за время своей гимназической службы—того другой на его мѣстѣ едва ли былъ бы въ состояніи перенести! Какъ-то жена его Федосья Ивановна (завѣдывавшая кухней воспитанниковъ) спрятала нѣсколько тарелокъ, съ цѣлью сохранить ихъ на будущее время, какъ излишнія въ употребленіи. Шалуны узнали и на первый день Св. Хр. Воскресенія, садясь разговляться, послѣ молитвы пропѣли: „капралъ, казенныя тарелки покралъ". На эту пошлую и вмѣстѣ дерзкую выходку Евсей Абрамовичъ отвѣчалъ благодушно шутя: „лжете, дѣти, лжете! Я не капралъ, а подпоручикъ государя моего, заслужилъ чинъ моею кровью! казенныхъ тарелокъ не кралъ, а если смахнула ихъ Ивановна—ее, пожалуй, и пой! Сегодня такой радостный праздникъ, что грѣхъ на васъ, дѣти, сердиться мнѣ старику. У меня нѣтъ дѣтей, а у васъ нѣтъ здѣсь родителей: будемъ же одной семьей хоть на этотъ день!"... Почти всѣ шалуны бросились къ нему и Федосьѣ Ивановнѣ къ извиненіемъ, что пропѣли не съ цѣлью обидѣть ихъ, а только пошутить... и со стороны стариковъ все забыто, которыхъ воспитанники и съ своей стороны успокоили—дня на три: вели себя какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ дѣтямъ. Старикъ имѣлъ право наказывать воспитанниковъ за важные проступки даже розгами; но, по своему благодушію, очень рѣдко прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ. Бывало посердится, прочитаетъ наставленіе провинившемуся, какъ слѣдуетъ вести себя сыну дворянина или чиновника и затѣмъ проститъ. Онъ любилъ слушать чтеніе священнаго писанія въ свободное отъ своихъ дѣлъ время; самъ же не умѣлъ читать и выучился уже въ полку подписывать свой чинъ, имя и фамилію—собственно для полученія офицерскаго чина. Въ постоянные для себя чтецы онъ выбиралъ одного изъ воспитанниковъ и поселялъ съ собой въ одной комнатѣ, занимаемой въ томъ же корпусѣ гимназическихъ строеній, въ которомъ жили воспитанники. Многіе шалуны отдѣлывались отъ наказанія (за свои непростительныя продѣлки, за которыя слѣдовало высѣчь ихъ для примѣра другимъ), тѣмъ—что когда, бывало, къ нимъ придетъ Евсей Абрамовичъ, съ ликторами и пучками розогъ, они садились за чтеніе Евангелія или Апостольскихъ Дѣяній во всеуслышаніе, что старика останавливало, до забывчивости—зачѣмъ пришелъ. Сперва онъ слушалъ стоя, а потомъ садился на стулъ или кровать поближе къ чтецу, слушалъ со вниманіемъ, благоговѣйно, безпрестанно вздыхая и произнося протяжно: „Боже мой, Боже мой!" Проходило иногда болѣе часу въ слушаніи божественныхъ истинъ. Ликторы (гимназическіе сторожа, изъ отставныхъ солдатъ), соскучась ожидать и притомъ неся на себѣ другія, болѣе важныя обязанности, уходили незамѣтно для своего начальника, унося розги для будущихъ надобностей; наслушавшись вдоволь, Евсей Абрамовичъ уходилъ въ задумчивости, потрепавъ дружески шалуна чтеца по плечу и похваливъ его за чтеніе. Проведши день въ непрерывныхъ хлопотахъ, вознѣ съ шалунами-воспитанниками, Куратовъ спалъ ночью крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ. Въ лѣтнюю безлунную ночь, подговоривъ спавшаго въ одной комнатѣ со старикомъ чтеца, казеннаго воспитанника Н. Н. Р., отщипнуть окно, шалуны подвезли пожарную гимназическую трубу и въ отворенное окно принялись окачивать водой бѣднаго соннаго старика. Онъ испугался, растерялся до того, что, соскочивъ съ своей кровати, принялся будить Р., крича: „вставай скорѣй,—видишь потопъ! Боже мой, а знаменіе то твое—радуга, что не будетъ больше потопа!..." Одинъ изъ величайшихъ шалуновъ, своекоштный воспитанникъ Никаноръ Ф., поступилъ въ военную службу за годъ или за два до кампаніи 1809 года. Ему по службѣ повезло счастіе и онъ въ 1816 году пріѣхалъ въ Харьковъ маіоромъ и кавалеромъ двухъ орденовъ. Новый маіоръ счелъ обязанностью посѣтить мѣсто своего воспитанія. Прійдя въ комнату Евсея Абрамовича и поздоровавшись почтительно съ старикомъ, онъ спросилъ: „узнали ли вы меня"? Выпрямившись въ струнку, Евсей Абрамовичъ отвѣчалъ: „не могу узнать, ваше высокоблагородіе". На этотъ отвѣтъ Ф. сказалъ ему: „Вамъ ли не узнать меня, извѣстная часть тѣла котораго нѣкогда нерѣдко обнажалась по вашему приказанію и вытерпѣла малую толику"! Послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, Ф. назвалъ себя по имени и фамиліи. Только тогда Евсей Абрамовичъ осмѣлился взглянуть на стоявшаго предъ нимъ штабъ-офицера, какъ слѣдовало, и припомнивъ себѣ лицо и всѣ пріемы или манеры воспитанника Н. Ф., перешелъ, незамѣтно для себя, въ свободную позу, выставивъ правую ногу впередъ и, заложивъ одну руку за другую на своей груди, сказалъ, какъ-бы задавая вопросъ самому себѣ: „Никаноръ Ф.? поди ты! А какое-жъ было ледаще"! Послѣднюю фразу произнесъ онъ протяжно, покачивая головой; послѣ чего принялъ прежнюю

почтительную позу, сталъ серьезнѣе прежняго, какъ-бы самъ себѣ не довѣряя, что въ лицѣ заслуженнаго штабъ-офицера стоитъ тотъ воспитанникъ гимназіи, шалунъ, неисправимый лѣнтяй, котораго онъ наказывалъ много разъ и отъ котораго не ожидалъ ничего хорошаго въ будущемъ... Миръ праху труженика, добродушнаго, честнаго старика, Евсея Абрамовича, и царство небесное его душѣ!

О состояніи гимназіи въ половинѣ 20-хъ годовъ другой современникъ отзывается съ большою похвалою (въ директорство Лосева). „Устройство небольшой, но красивой и благолѣпной церкви въ залѣ гимназіи, пристойная отдѣлка и украшеніе самой залы и учебныхъ классовъ, по сторонамъ церкви помѣщенныхъ, переводъ казенныхъ питомцевъ и пансіонеровъ изъ стараго неудобнаго и для здоровья вреднаго флигеля въ главный корпусъ новаго гимназическаго зданія и помѣщеніе ихъ въ комнатахъ чистыхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ, простойное содержаніе ихъ (пища, одежда и пр.) за самую умѣренную сумму (300 р. въ годъ) и хорошій присмотръ за ихъ поведеніемъ и учебными занятіями, словомъ все, что только успѣхамъ образованія, физическаго и нравственнаго, молодыхъ людей способствовать можетъ, употреблено съ разсудкомъ, обдуманностью и хозяйственною расчетливостью (иначе было 4, 5 лѣтъ тому назадъ) [1]).

Яркую картину состоянія гимназіи въ началѣ 30-хъ годовъ, въ директорство Чанова, даютъ воспоминанія ея питомца, педагога и литератора П. В. Малыхина [2]). „Харьковская гимназія, пишетъ онъ, въ то время состояла изъ 4-хъ классовъ (директоромъ въ ней былъ Чановъ) и можно положительно сказать, находилась въ весьма жалкомъ видѣ относительно преподаванія наукъ. Учителя были большею частью народъ старый, лѣнивый и нѣкоторые даже имѣли привычку попивать. Особенно жалкую роль играли: учитель нѣмецкаго языка Ѳ. И. Юнкеръ, учитель артиллеріи и фортификаціи И. А. Ивановъ и учитель математики Снѣгиревъ. Въ классѣ другихъ учителей ученики, если получали немного свѣдѣній, по крайней мѣрѣ сидѣли тихо, а у этихъ господъ всегда былъ страшный безпорядокъ во время лекціи. Юнкеръ безпрестанно дѣлалъ возгласы, крича на учениковъ: „молчать, собаки!“ а ученики хохочутъ и просятъ у него табачку понюхать. Онъ плохо говорилъ по-русски, какъ почти всѣ нѣмецкіе учителя и намъ, мальчишкамъ, казалось это очень забавно. На лекціи Иванова, бывшей всегда послѣ обѣда на вторыхъ часахъ, ученики, пользуясь производимыми имъ опытами надъ составомъ пороха, курили трубки, или преспокойно ложились спать подъ скамью. Ивановъ былъ подагрикъ, съ трудомъ передвигавшій ноги, онъ не могъ усмотрѣть за порядкомъ въ классѣ. Снѣгиревъ плохо зналъ свой предметъ и ученики сбивали его съ толку своими насмѣшками. Впрочемъ, всѣ трое скоро оставили гимназію. Изъ остальныхъ учителей болѣе прочихъ замѣчательны—П. М. Занчевскій, учитель латинскаго языка, А. А. Вербицкій, учитель словесности и О. Ѳ. Редеръ, учитель нѣмецкаго языка. У этихъ господъ дѣло шло лучше, чѣмъ у другихъ. Занчевскій прекрасно зналъ латинскій языкъ и объяснялъ классиковъ хорошо, но былъ лѣнивъ до чрезвычайности: впрочемъ, кто хотѣлъ заниматься латинскимъ языкомъ, тотъ могъ отъ него заимствоваться многимъ; ученики всѣ его уважали и дали ему прозваніе Гомера. За то Вербицкій былъ совершенно бездарный человѣкъ, который требовалъ отъ учениковъ отчетливаго зубренія учебника или записокъ и никогда не позволялъ разсказывать урокъ своими словами. Онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ. Вербицкій для преподаванія грамматики еще годился, но для словесности онъ былъ рѣшительно не годенъ. Реторика Кошанскаго и піитика Греча имѣли непреложную силу и Вербицкій требовалъ отъ учениковъ буквальнаго изученія этихъ учебниковъ, не объясняя теоріи на чтеніи авторовъ. Знакомство съ произведеніями словесности не только вообще, но даже съ произведеніями отечественныхъ писателей было самое скудное и безжизненное. Ученики почти что ничего не читали, потому что и достать книгъ было трудно, да намъ и не позволялось читать ничего, кромѣ хрестоматіи „избранныя мѣста“, собранной Вербицкимъ и впослѣдствіи хрестоматіи Пенинскаго“. „Редеръ, по словамъ автора, былъ дѣльный учитель—преемникъ его Вальтеръ стоялъ ниже его. Учитель латинскаго языка, когда спрашивалъ вокабулы и фразы“, то держалъ учениковъ за ухо и всякая ошибка сопровождалась драніемъ то праваго, то лѣваго уха поперемѣнно. Общее заключеніе Малыхина безотрадное“. Научныя свѣдѣнія пріобрѣтались только изъ плохихъ учебниковъ, далѣе которыхъ ни одинъ преподаватель не простиралъ своихъ объясненій. Не было ни одного учителя, который бы заинтересовалъ воспитанниковъ своими уроками и пробудилъ въ нихъ любовь къ знанію: всѣ онѣ были ру-

[1]) Укр. журн. 1824, № 16, стр. 204—206.

[2]) Они были напечатаны въ Ворон. Телеграфѣ за 1881 годъ. Мы пользовались отдѣльнымъ оттискомъ.

тинеры въ наукѣ и дослуживали свои года на пенсію. Правда, въ послѣдніе два года моего пребыванія въ гимназіи, говоритъ Малыхинъ, къ намъ поступили молодые учителя математики, латинскаго и греческаго языковъ. Исторія преподавалась у насъ очень плохо по руководству Найденова. Войтенковъ—учитель исторіи—былъ большой лѣнтяй и преподавалъ весьма дурно, хотя и могъ бы читать весьма хорошо, потому что имѣлъ способность краснорѣчиво разсказывать историческія событія. Даже фактическое изложеніе исторіи было самое скудное, потому что разсказывались только войны, а внутренняя жизнь народа была вовсе забыта или по крайней мѣрѣ о ней говорилось очень мало, такъ что нельзя было составить себѣ опредѣленнаго понятія объ отличительныхъ свойствахъ народовъ древняго и новаго міра. Русская исторія проходилась самымъ безжизненнымъ способомъ. Тогда только что вышла исторія Устрялова и по ней мы зубрили слово въ слово, принимая за несомнѣнную истину всѣ его историческія характеристики. Преподаватель отъ себя не прибавлялъ никакой замѣтки относительно событій нашего отечества и никогда не упоминалъ о томъ, что такіе-то факты еще не очищены критикою или что лѣтописцы различно передаютъ свѣдѣнія о какомъ-нибудь происшествіи. Географіи насъ учили совершенно плохо: черченіемъ картъ никогда не занимались, даже въ первые два года у насъ не было никакихъ географическихъ пособій и мы изучали одну номенклатуру городовъ, рѣкъ, морей, горъ и т. п. безъ указанія на картѣ. Безжизненно шло преподаваніе греческаго языка. Мы твердили склоненія и спряженія, аттракцію и дательный самостоятельный падежъ, переводили глупенькіе анекдотцы изъ хрестоматіи, нѣкоторыя пьески изъ Анакреона и отрывки изъ Иліады, но духа языка и его поэтическихъ красокъ намъ не могъ передать учитель Авдіевъ. Вербицкій былъ строгій приверженецъ псевдоклассицизма и на писателей романтической школы смотрѣлъ непріязненно. Съ теоріей поэзіи и исторіей литературы мы почти что не были знакомы. По понятіямъ Вербицкаго, Пушкинъ хотя и обладалъ поэтическимъ даромъ, но во зло употреблялъ его. Мы могли только украдкою читать Евгенія Онѣгина и Полтаву, а о Борисѣ Годуновѣ нашъ преподаватель отзывался съ невыгодной стороны на томъ основаніи, что въ этой трагедіи нарушены всѣ правила теоріи классицизма, и отдавалъ полное предпочтеніе трагедіямъ Озерова. Только что вышедшія тогда повѣсти Бѣлкина (Пушкина) не заключали въ себѣ, по мнѣнію нашего учителя, никакого интереса, а въ нравственномъ отношеніи признавались опасными для молодыхъ людей и Бѣдная Лиза Карамзина, Марьина роща Жуковскаго считались несравненно выше Капитанской дочки и Пиковой дамы. Такимъ образомъ, преподаватель словесности велъ насъ по ложному пути въ развитіи нашего литературнаго образованія. Я долженъ съ благодарностью упомянуть имя П. И. Лебедева, который въ это время былъ къ намъ опредѣленъ законоучителемъ (впослѣдствіи профессоръ богословія въ университетѣ). Онъ былъ магистръ Кіевской академіи, человѣкъ очень образованный и хорошо знакомый со свѣтскою литературою. Ему обязанъ я знакомствомъ съ Гоголемъ. Литературному моему образованію много способствовали также стоявшіе на квартирѣ у моей тетки кандидаты Тихоновичъ и Метлинскій (впослѣдствіи профессора Харьковскаго Университета). Бывая въ отпуску у тетки, я заходилъ къ нимъ—и они знакомили меня съ произведеніями литературы какъ оригинальной, такъ и переводной".

Малыхинъ былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ питомцевъ гимназіи и рисуетъ свое пребываніе въ пансіонѣ въ крайне непригляднихъ чертахъ. „Тогдашнее состояніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, пишетъ онъ, было самое жалкое во всѣхъ отношеніяхъ, грубость, буйство и своеволіе отличали ихъ отъ другихъ гимназистовъ называемыхъ волонтерами. Казеннокоштные или, какъ ихъ обыкновенно называли, *питомцы* заправляли классомъ, а кто не подчинялся ихъ волѣ, тѣхъ колотили. Насъ жило вмѣстѣ сто человѣкъ. Рекреаціонныхъ залъ у насъ не было, а поставлены были посреди спальни столы, гдѣ мы и занимались. Ученики валялись по кроватямъ, чему способствовало придуманное инспекторомъ Рождественскимъ особаго рода наказаніе для лѣнивцевъ: онъ приказывалъ имъ снять сапоги и ложиться на цѣлыя сутки въ постель спать. Одѣвали воспитанниковъ очень дурно, а кормили еще хуже. Въ годъ моего поступленія въ казеннокоштные воспитанники послѣдовало преобразованіе гимназіи изъ 4-хъ классной въ 7 классную. Въ то время ректоромъ Харьковскаго Университета былъ знаменитый П. Я. Кронебергъ, котораго гимназія трепетала. Онъ вмѣстѣ съ профессорами пожаловалъ въ гимназію и приступилъ къ экзаменамъ, сказавъ заранѣе, что просѣетъ учениковъ сквозь рѣшето. Дѣйствительно, послѣ экзамена разсортировали учениковъ такъ, что нѣкоторые, бывшіе выше меня классомъ, очутились ниже, а я переведенъ былъ изъ 2-го класса въ 4-й. Послѣ этой реформы директоръ Чановъ былъ смѣ-

ненъ и на его мѣсто, по протекціи помощника попечителя гр. А. Н. Панина, опредѣленъ былъ изъ отставныхъ улановъ нѣмецъ маіоръ Метелеркампфъ, личность весьма темнаго свойства. Воспитателемъ его нельзя назвать, а истязателемъ можно; привыкнувъ въ полку къ грубому обращенію съ солдатами и къ палочной системѣ, онъ ввелъ строгую дисциплину въ гимназіи; поролъ учениковъ безъ милосердія и обкрадывалъ воспитанниковъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Насъ держалъ и въ холодѣ, и въ голодѣ; одѣвалъ въ толстое фабричное сукно синяго цвѣта, которое пачкалось страшно; воспитанники ходили такіе чумазые, какъ кочегары отъ этого проклятаго вонючаго сукна. Пищу намъ давали преотвратительную: особенно памятна мнѣ гречневая каша съ какою-то сквернѣйшею подливкою, замѣнявшею масло; отъ этой подливки позывало на рвоту и многіе воспитанники вовсе не могли ѣсть этой противной каши; я же, имѣя крѣпкую натуру, долго крѣпился и ѣлъ ее, но наконецъ не выдержалъ и меня стошнило. Между учениками возникъ ропотъ; на экономa стали сыпаться ругательства и куски хлѣба. М—фъ для успокоенія недовольныхъ сказалъ ученикамъ, чтобы въ случаѣ дурного стола приходили къ нему жаловаться. Не далѣе какъ дня черезъ два мы отправили депутацію къ директору и понесли ему кашу съ червями. М-фъ раскричался на депутатовъ и велѣлъ посадить ихъ въ карцеръ. Тутъ мы увидѣли, что защиты отъ директора намъ не ожидать и, скрѣпя сердце, терпѣли свое горе. М-фъ накупилъ коровъ, чтобъ давать воспитанникамъ на завтракъ молоко вмѣсто жиденькаго кулешу, который подавался въ неопрятныхъ жестяныхъ мискахъ, приносимыхъ съ кухни грязными служителями, мывшими въ нихъ свои нечистые пальцы. Но хитрый нѣмецъ завелъ коровъ болѣе для своей выгоды, чѣмъ для улучшенія жизни воспитанникамъ. Его супруга заказала горшешникамъ особеннаго рода широкія миски, куда разливала молоко послѣ удоя и потомъ, когда молоко устоится, она снимала весь верхній жирный слой, оставляя воспитанникамъ жидкое синее и безвкусное молоко, которое въ первое время самъ директоръ разливалъ по стаканчикамъ. Всѣ мы голодали страшно... До какой степени насъ дурно кормили, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Борщъ у насъ всегда былъ, какъ говорится, брандахлыстъ; найти кусочекъ мяса въ немъ считалось рѣдкостью. Однажды за ужиномъ старшій на нашей чашѣ, И. Т. Кущевъ, разливая борщъ товарищамъ, вытащилъ кусокъ мяса; мы всѣ обрадовались и опредѣлили разрѣзать эту диковинку на части всѣмъ поровну. Каково же было наше удивленіе, когда Кущевъ разрѣзалъ этотъ кусокъ по поламъ, то глазамъ нашимъ представился клокъ сѣна, торчавшій изъ мяса. Оказалось, что это была коровья глотка, а въ ней жвачка. Такой сюрпризъ насъ озадачилъ, но говорить объ этомъ мы не посмѣли. Нѣмецкая изобрѣтательность М-фа придумала создать какой-то необыкновенный супъ изъ зеленыхъ грушъ съ печенкою. Несмотря на голодъ, воспитанники нестали ѣсть этой спартанской похлебки и это блюдо скоро перестали подавать. И все это дѣлалось на глазахъ университета. М-фъ набивалъ оба кармана и никто ему въ томъ не перечилъ, пока не сдѣлали инспекторомъ казенныхъ училищъ Ѳ. Л. Тюрина, который вошелъ въ наше положеніе. Инспекторомъ гимназіи былъ къ намъ опредѣленъ Бѣляевъ. Онъ тотчасъ улучшилъ нашъ столъ... Въ непродолжительномъ времени мы избавились отъ ненавистнаго намъ М-фа и до назначенія новаго директора Осипа Викентьевича Корженевскаго, извѣстнаго польскаго драматическаго писателя, директоріею управлялъ Тюринъ".

При М-фѣ въ гимназіи свирѣпствовали тѣлесныя наказанія учениковъ. Авторъ разсказываетъ объ одномъ возмутительномъ случаѣ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ образованный, просвѣщенный вельможа, помощникъ попечителя гр. Панинъ. Такъ позорная система жестокости захватывала даже хорошихъ людей. „У М-фа, пишетъ Малыхинъ, были украдены изъ шкатулки деньги—5000 р. Правду сказать, мы этому порадовались. Не знаю почему, подозрѣніе въ покражѣ пало на ученика Крылова (сына канцелярскаго служителя, бывшаго воспитанника Орловскаго училища). Онъ уже былъ мальчикъ лѣтъ 17 или 18, очень развитой физически и умственно. Инспекторъ Бѣляевъ обратился къ нему съ распросами очень неделикатно. Крыловъ, оскорбленный его словами, отвѣтилъ ему грубо, за что Бѣляевъ ударилъ Крылова въ щеку, а Крыловъ оттолкнулъ его отъ себя. Вслѣдствіе этого Крылова засадили въ темный карцеръ и держали въ немъ болѣе мѣсяца, пока судили да рядили его поступокъ и, наконецъ, рѣшили выключить его изъ гимназіи, подвергнувъ тѣлесному наказанію. Вотъ это-то тѣлесное наказаніе и исполнено было съ какимъ-то инквизиторскимъ торжествомъ. Насъ собрали всѣхъ въ залъ, построили въ двѣ шеренги и передъ нами поставили скамью и положили пуки розогъ. Весь педагогическій совѣтъ гимназіи былъ тутъ же. Ожидали прибытія гр. Панина, который самъ хотѣлъ присутствовать при наказаніи Кры-

лова. Наконецъ, онъ явился и приказалъ привести виновнаго. Въ сопровожденіи двухъ солдатъ вошелъ Крыловъ, блѣдный, изнуренный. Панинъ обратился къ нему съ грозными словами: „какъ ты смѣлъ, мерзавецъ, толкнуть инспектора? Я на тебѣ покажу примѣръ, какъ будетъ наказанъ каждый, кто не повинуется начальству". „Я неповиновенія не оказывалъ", сказалъ Крыловъ, а бить себя въ лицо никому не позволю". Эти слова еще болѣе взорвали Панина, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ гіена и сказалъ: „положите его!". Несчастнаго Крылова растянули на скамейку и начали пороть немилосердно; нѣсколько пуковъ розогъ было избито, кровь лилась изъ бѣднаго Крылова, а его все продолжали сѣчь. Меня сильно терзало это варварство, и я едва стоялъ на ногахъ, слыша удары розогъ и крики наказываемаго. Говорятъ, болѣе двухъ сотъ ударовъ дано было беззащитному мальчику и потомъ еще Панинъ, какъ бы издѣваясь надъ несчастнымъ страдальцемъ, сказалъ: „ну, теперь жалуйся на меня". Послѣ жестокосердной операціи Крылову срѣзали съ сюртука гимназическій красный воротникъ и пуговицы и потомъ его увели, такъ что ужъ больше мы его не видали".

Воспоминанія Малыхина писаны имъ въ 1861 году много лѣтъ спустя послѣ только что описаннаго случая, но въ нихъ ярко отразилось чувство глубокаго возмущенія этой экзекуціей. Онъ какъ бы вновь пережилъ то, что тогда, по его словамъ, „потрясло до глубины его чувства". Такое же впечатлѣніе, очевидно, это „педагогическое" воздѣйствіе должно было произвести и на прочихъ товарищей несчастнаго Крылова; его же самого, конечно, только озлобило на всю жизнь и выбросило за бортъ школы.

Система устрашенія и запрещенія оказывалась несостоятельной. Казеннокоштнымъ гимназистамъ строжайше запрещалось посѣщать театръ. Чѣмъ вызванъ былъ запретъ этого невиннаго и даже полезнаго развлеченія, неизвѣстно. И что же? Питомцы входили въ сдѣлку съ служителями, ихъ сторожившими, и тайно уходили изъ пансіона въ театръ. Такъ дѣлалъ между прочимъ и Малыхинъ, почувствовавшій страстное желаніе побывать въ театрѣ, послѣ прочтенія Бориса Годунова и Орлеанской Дѣвы. Любителей театра среди казеннокоштныхъ оказалось такъ много, что они рѣшились устроить домашній спектакль на масляницѣ. „Средствъ для этого гимназія не имѣла, а потому съ разрѣшенія директора дѣлалась подписка не только между членами гимназіи, но и по городу. Съ подписнымъ листомъ гимназисты ходили въ извѣстные дома въ городѣ и собирали пожертвованія на театръ. Я самъ ходилъ къ богатому откупщику К. Н. Кузину, который подписалъ 25 р. ас. Приготовленія къ театру было самое хлопотливое для насъ время и потому участвующіе въ представленіи пользовались большою свободою какъ въ отношеніи слушанія лекцій, такъ и въ отношеніи выхода изъ гимназіи въ городъ. Мы изъ себя избрали кассира, который записывалъ деньги на приходъ и выдавалъ для расхода. Декораціи писались тоже гимназистами; гимъ заправлялъ Кущевъ, который умѣлъ хорошо рисовать. Оркестръ музыки у насъ былъ свой, т. е. состоящій изъ гимназистовъ, потому что у насъ желающихъ обучали музыкѣ и оркестръ составлялся довольно сносный; мы играли увертюры изъ оперъ: Бѣлая Дама, Два Слѣпца, Фенелла. Изъ участвующихъ въ представленіи особенно отличались: Беккеръ, исполнявшій роль городничаго въ Ревизорѣ, Кущевъ въ роли Стецька въ Сватаньѣ на Гончаривкѣ и Шуховъ въ женскихъ роляхъ. Это былъ прехорошенькій мальчикъ, за которымъ всѣ ухаживали; онъ имѣлъ прекрасный дискантъ и пѣлъ въ театрѣ очень мило. Я тоже игралъ двѣ роли—Абдулина въ Ревизорѣ и солдата въ Сватаньѣ. Словомъ, театръ нашъ сошелъ очень успѣшно. Это удовольствіе насъ очень развило".

Не измѣнилось къ лучшему положеніе гимназіи и въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, въ директорство извѣстнаго польскаго писателя Корженевскаго.

„Ученіе въ гимназіи (1-й) шло довольно плохо, взяточничество было развито до крайней степени; тѣлесное наказаніе было вещью обыкновенною и иногда переходило всякія границы: учениковъ пороли не только въ гимназіи, но даже при полиціи и не за плохіе успѣхи, а за порванный мундиръ, за оторванную пуговицу. Директоръ 1-й гимназіи, извѣстный польскій писатель Корженевскій былъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ къ своему дѣлу, былъ до нельзя пристрастенъ, особенно къ пансіонерамъ и подъ видомъ гуманности и снисходительности смотрѣлъ сквозь пальцы на разгулъ и пьянство молодежи. Старые учителя пили пуншъ, не отказывались отъ добровольныхъ приношеній, плохо преподавали свои предметы и косились на молодыхъ учителей. Но молодые не смущались косыми взглядами; они настойчиво работали въ избранномъ ими направленіи съ горячимъ протестомъ противъ всего своекорыстнаго и безчестнаго съ вѣрою въ будущее". Положеніе учителя въ то время не пользовалось ни почетомъ, ни уваженіемъ, ни

даже матеріальною обезпеченностью. П. И. Тихоновичъ, имѣя утренніе и послѣобѣденные уроки, получалъ 375 р. сер. или 1000 р. ас.

Краткіе отзывы объ учителяхъ 1-й гимназіи конца 30-хъ годовъ даетъ ея питомецъ Конфъ. Законоучителемъ, разсказываетъ онъ, былъ П. И. Лебедевъ, магистръ богословія, впослѣдствіи профессоръ богословія въ университетѣ былъ очень любимъ; больше объяснялъ, чѣмъ спрашивалъ, говорилъ о Пушкинѣ. Общею любовью у гимназистовъ пользовался учитель исторіи, кандидатъ Харьковскаго университета Н. С. Рындовскій; болѣе часа онъ объяснялъ урокъ и всего минутъ пять спрашивалъ (до него былъ лѣнивый преподаватель этого предмета Гусаковъ). Учителемъ русскаго языка былъ А. А. Вербицкій, имѣвшій за Лопанью собственный домъ; личность недаровитая; дослуживалъ пенсію; преемникомъ его (съ 1839—40 года) былъ магистръ Харьковскаго университета П. И. Иноземцевъ; его объясненія учащіеся слушали съ большимъ вниманіемъ. Учителемъ латинскаго языка былъ П. В. Тихоновичъ, магистръ, превосходный знатокъ римской литературы и древностей; его также уважали ученики. Греческій языкъ для тѣхъ, кто желалъ поступить на историко-филологическій, юридическій и медицинскій факультетъ, читалъ В. П. Авдіевъ, кандидатъ Харьковскаго университета, имѣвшій свой домъ за Харьковомъ; его и любили, и уважали за гуманный и кроткій характеръ. Математику преподавалъ Карпинскій и его тоже любили ученики за его прекрасный, тихій характеръ. Другимъ преподавателемъ математики былъ Лопушанскій, а учителемъ физики и космографіи В. Я. Стояновъ; обоихъ ихъ любили и уважали воспитанники гимназіи. Географію преподавалъ С. И. Кованько. Онъ былъ большой чудакъ. Ходилъ діагонально по классу—и ничего не слушалъ, будучи углубленъ до самозабвенія въ самого себя. Надъ нимъ смѣялись, но онъ ничего не замѣчалъ, вмѣсто заданнаго урока говорили ему молитвы, басни. Онъ собралъ русскія пословицы и напечаталъ подъ заглавіемъ: „Русская пословица въ вѣкъ не сломится“. Эту книгу онъ поднесъ Императору Николаю (вмѣстѣ съ картою путешествія по Россіи, нарисованною 2 учениками) и получилъ въ награду бриліантовый перстень, а ученики—золотые часы. Нѣмецкій языкъ преподавалъ Беншъ, внимательный, свѣдущій и строгій учитель. Французскій языкъ читалъ добрякъ и весельчакъ Месонье; съ учениками обращался вѣжливо; шутилъ съ ними; его любили. Директоромъ былъ Осипъ Викентьевичъ Корженевскій родомъ изъ Галиціи, питомецъ Львовскаго университета, польскій поэтъ, добрѣйшей души человѣкъ, личность весьма симпатичная, незабвенная. Остапенко былъ инспекторомъ только одинъ годъ; ученики его любили, по національности полякъ.

Гимназія тогда помѣщалась въ томъ домѣ, который теперь принадлежитъ университету (на углу Московской улицы и Петровскаго переулка) и въ которомъ помѣщается кондитерская Дирберга. Парадный подъѣздъ гимназіи выходилъ на Московскую улицу; въ верхнемъ этажѣ его была церковь и торжественная зала съ колоннами и росписными потолками (рисунки изображали 12 мѣсяцевъ года съ латинскими надписями нравственнаго содержанія). Въ верхнемъ этажѣ, выходившемъ на Петровскій пер., помѣщались классы, а въ нижнемъ—дортуары казеннокоштныхъ воспитанниковъ [1]).

О Кованькѣ мы можемъ сообщить еще слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія. „Чудаковатая фигура небольшого роста, говоритъ о немъ Г. С. Чириковъ, незврачный съ бѣльмомъ старикашка. Гимназисты про него сложили стихи:

Природа подшутила,—
Кованьку создала,
Бѣльмо ему влѣпила
Собачій видъ дала.

Эти стишки всѣмъ въ городѣ были извѣстны. Въ гимназіи онъ совсѣмъ не занимался съ учениками. Ходилъ по классу, не обращая никакого вниманія, что гимназистъ, отвѣчая урокъ, городитъ; углубляется въ свои думы, сочиняя стихи, придумываетъ рифмы. Придумавъ стихъ или рифму, быстро подходитъ къ столу и записываетъ на клочкѣ бумажки придуманное. А гимназистъ въ это время болтаетъ и болтаетъ, не переставая только, чтобы не обратить на себя вниманіе учителя: можно было перечислять несуществующіе города, рѣки, даже вставить въ рѣчь молитву —Отче нашъ. Кованько не замѣчалъ. Если же Ко-

[1]) Изъ неизданной рукописи.

ванько останавливался иногда передъ отвѣчавшимъ урокъ гимназистомъ и прислушивался, что онъ говоритъ, или предлагалъ самъ ему вопросы, тогда видѣлъ полное незнаніе и ставилъ единицы, дѣлая при этомъ замѣчанія въ рифму. Спрашиваетъ, напримѣръ; а какая большая рѣка впадаетъ въ Черное море? Гимназистъ: Волга! Кованько ставитъ ему единицу: вотъ тебѣ единица долга! А какая рѣка впадаетъ въ Балтійское море? Ока! Кованько даетъ ему щелчка по уху; вотъ тебѣ дурака. Какая рѣка течетъ въ Бѣлое море? Донъ! Пошелъ вонъ! Кованько подобралъ даже города подъ рифму, напримѣръ, вычисляя города въ Голландіи, онъ говорилъ скороговоркою:

Амстердамъ, Гаарлемъ, Саардамъ,
Гага, Лейденъ, Роттердамъ,
Утрехтъ, Бреда, Миддельбургъ
Бергенъ, отъ Вамъ, Люксембургъ.

Харьковская Губернская гимназія въ 1835 году была такъ переполнена учащимися (въ 1 классѣ было 110, во 2-мъ 100 учениковъ), что уже тогда явилась мысль о необходимости въ Харьковѣ 2-ой гимназіи, о чемъ и началъ хлопотать почетный попечитель губ. гимназіи Гр. Ал Гендриковъ. Въ виду многолюдства учениковъ въ двухъ низшихъ классахъ, эти послѣдніе были раздѣлены на отдѣленія, которыя и составили зародышъ возникшей въ началѣ 1841—1842 учебнаго года 2-ой гимназіи. Въ 1837 году раздѣленъ былъ на 2 отдѣленія и 3 классъ. Въ томъ же 1837 году въ засѣданіи Попечительскаго Совѣта поднятъ былъ вопросъ объ открытіи 2-й гимназіи, ибо въ Губернской въ 7 классахъ было 415 учащихся, и рѣшено было сдѣлать объ этомъ представленіе Министру. Министръ (Уваровъ) отвѣтилъ на это, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ устройствѣ помѣщенія для существующей гимназіи, учрежденіе же новой отложить „до дальнѣйшаго усмотрѣнія въ томъ надобности“.

Въ исполненіе Высочайшей воли, 2-я гимназія была открыта въ Харьковѣ съ начала 1841—1842 учебнаго года; и хотя можно было сразу открыть 5 классовъ, но въ виду недостатка помѣщенія рѣшили открыть на 1-й разъ три низшіе и два послѣдніе въ 1843—1844 учебномъ году. Первоначальное устройство 2-й гимназіи возложено было на почетнаго попечителя обѣихъ гимназій. Учителей предполагалось избрать изъ самыхъ достойныхъ кандидатовъ, дабы съ самаго начала поставить новое учебное заведеніе на должную высоту. Первымъ директоромъ 2-й гимназіи былъ Осинскій, бывшій инспекторъ 1-й гимназіи. Инспекторомъ—бывшій учитель Н. Н. Войтенковъ. Законоучителемъ назначенъ свящ. Акимовъ, бывшій законоучитель уѣзднаго училища, учителемъ математики Стояновъ, латинскаго языка Ильинскій, русскаго языка и географіи Геевскій, нѣмецкаго языка Поганко, рисованія Дьяковъ. Въ началѣ 1840 года состоялась покупка дома, въ которомъ находился женскій пансіонъ Нагель, для помѣщенія проектируемой гимназіи; въ слѣдующемъ 1841 году произошло закрытіе параллельныхъ классовъ при губернской гимназіи и перемѣщеніе изъ нея учителей и учениковъ во вновь открываемую гимназію. Такимъ образомъ, съ 1 августа 1841 года начала свое существованіе Вторая Харьковская гимназія. Торжественное открытіе ея произошло въ концѣ того же мѣсяца, а именно—30-го августа. Открытая въ составѣ трехъ низшихъ классовъ, къ которымъ, согласно предписанію Попечителя Учебнаго Округа, въ каждый слѣдующій годъ прибавлялось по одному классу, Вторая гимназія достигла полнаго своего развитія только въ 1845 году. 6-го октября 1845 года во Второй гимназіи праздновался въ первый разъ торжественный актъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе благороднаго пансіона. Въ первый годъ открытія пансіона была установлена плата за содержаніе воспитанниковъ его въ 210 руб.; впослѣдствіи она была разновременно повышаема и къ 1904 году достигла 350 руб. Воспитанниковъ въ пансіонѣ, въ годъ открытія его, имѣлось 43; въ слѣдующіе года число пансіонеровъ то увеличивалось, то уменьшалось, приблизительно колеблясь между 50—65. Знаменательнымъ событіемъ для гимназіи было устройство при ней домовой церкви. Вскорѣ послѣ того, какъ изъ гимназіи, достигшей полнаго своего развитія, послѣдовалъ 1-й выпускъ воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ наукъ, директоръ Е. Е. Бенишъ, находя необходимымъ имѣть въ гимназіи домовую церковь, вошелъ съ ходатайствомъ объ устройствѣ при Второй гимназіи домовой церкви, и, къ началу 1851 года церковь была устроена, а 6 января во имя Св. Сергія Радонежскаго освящена Преосвященнымъ Филаретомъ, Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ. Всего на устройство церкви и иконостаса издержано 7700 рублей, изъ которыхъ около одной тысячи пожертвовано разными лицами, а

остальная сумма въ 6700 рублей—почетнымъ попечителемъ гимназіи, княземъ Ф. А. Голицынымъ. Наплывъ учащихся въ восьмидесятыхъ годахъ вызвалъ необходимость открытія параллельныхъ классовъ при директорѣ Скворцовѣ въ 1882 г.; вмѣстѣ съ существовавшимъ тогда приготовительнымъ, они были закрыты при директорѣ Одарченко въ 1895 году. Изъ особыхъ событій въ жизни Второй гимназіи слѣдуетъ отмѣтить посѣщеніе ея Высочайшими особами и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Къ числу особыхъ событій гимназіи слѣдуетъ также отнести торжественное празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея ея существованія въ 1892 г., на которомъ была прочитана по этому поводу историческая записка [1]). Въ 1867 г. въ память спасенія жизни Государя Александра II собранъ по подпискѣ служащими гимназіи капиталъ въ 410 руб., на %% съ котораго ежегодно выдается пособіе бѣднымъ ученикамъ. Желая почтить память объ избавленіи отъ опасности (17 октября 1888 г.). Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшею Семьею, учащіе и учащіеся составили добровольную подписку, и на собранныя пожертвованія сооружена и поставлена въ актовомъ залѣ гимназіи икона Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя. Въ концѣ 1876 г. при гимназіи учреждено Общество попеченія о нуждающихся ученикахъ. *Цѣль Общества:* а) взносъ за нуждающихся учениковъ платы за ученіе; b) выдача имъ учебныхъ книгъ и разныхъ учебныхъ пособій; c) доставленіе имъ одежды, квартиры, стола и друг. Благодаря сочувствію членовъ Общества и лицъ, содѣйствующихъ имъ, на эти нужды Общество расходуетъ ежегодно до 1000 рублей. Помимо заботъ о матеріальной поддержкѣ учащихся, Общество въ 1903 г. занялось устройствомъ на уступленныхъ для этой цѣли двухъ десятинахъ казенной земли въ Новомъ Кочеткѣ, Зміевскаго уѣзда, колоніи—дачи для слабыхъ здоровьемъ воспитанниковъ. Къ началу лѣта 1904 г. устройство дачи совершенно закончено, и учащимся (за незначительную плату, а бѣднѣйшимъ безплатно) представляется возможность провести лѣто при благопріятныхъ условіяхъ для ихъ здоровья. Кромѣ колоніи, на устройство которой израсходовано до 3000 руб., Общество имѣетъ 1700 руб. неприкосновеннаго капитала и до 200 руб. оборотныхъ суммъ. При Харьковской Второй гимназіи состоятъ слѣдующіе пожертвованные капиталы: 1) Зернистова—225 руб. на учрежденіе стипендіи для выдачи ежегодно съ этой суммы %% бѣднѣйшимъ ученикамъ гимназіи, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій. 2) Вернадскаго—4600 руб. на тотъ же предметъ и тѣхъ же условіяхъ изъ уроженцевъ Черниговской или Тамбовской губерній. 3) Григорьева—10.000 руб. на тотъ же предметъ одному изъ учениковъ гимназіи благородныхъ родителей, бѣднѣйшаго состоянія, преимущественно изъ военнаго званія. 4) Костевской—6800 р.—для постояннаго содержанія на %% съ этого капитала въ пансіонѣ гимназіи одного воспитанника изъ сиротъ бѣднѣйшихъ дворянъ Харьковской губерніи. 5) Демченко—8400 руб. для выдачи %% съ этого капитала одному изъ бѣдныхъ учениковъ, уроженцу Харьковской губерніи. 6) Сологубовской—3200 руб. %% съ этого капитала подлежатъ уплатѣ за правоученіе бѣднаго ученика изъ дворянъ гор. Харькова. 7) Катрухина—28374 руб. для учрежденія 3-хъ стипендій на уплату за содержаніе въ пансіонѣ бѣдныхъ учениковъ изъ потомственныхъ дворянъ Харьковской и Екатеринославской губерній. 8) Иванова—2000 руб. на употребленіе %% съ этого капитала на уплату за ученіе бѣдныхъ учениковъ изъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, христіанскаго исповѣданія. 9) Чичковскаго—2000 руб. на учрежденіе стипендіи для одного изъ наиболѣе нуждающихся учениковъ гимназіи. 10) Хрущовой—5000 руб. на учрежденіе стипендіи для одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи христіанскаго исповѣданія, безъ различія званія. Во главѣ Второй Харьковской Гимназіи директорами состояли съ 1841 по 1904 г. слѣдующія лица: 1) П. И. Осинскій, оконч. курсъ С.-Петерб. гимназіи (1841—1845 г.), 2) Е. Е. Бенимъ, выдерж. при Харьк. универс. экзаменъ на званіе учителя нѣмецк. яз. (1845—1846 г.), 3) Н. П. Красовскій, кандидатъ Московск. универс. (1846—1855 г.), 4) Г. С. Шведовъ, кандидатъ Харьк. универс. (1855—1868 г.), 5) А. Ф. Сцепура, канд. Харьк. универс. (1868—1872 г.), 6) Н. Е. Скворцовъ, докторъ философіи Московск. универс. (1872—1882 г.), 7) Н. Ф. Одарченко, канд. Харьк. универс. (1883—1895 г.), 8) І. Ѳ. Тихій, окончилъ курсъ Пражскаго универс. (1896—1897 г.), 9) В. П. Тихоновичъ, кандидатъ Харьк. универс. (1897—1900 г.), 10) заслуж. проф. П. Т. Степановъ (съ 1900 г.).

---

[1]) См. Харьк. Вѣд. 1891 г. дек.

Свѣдѣнія о числѣ учившихся во Второй Гимназіи съ 1841 по 1904 г.

ГОДЫ	Сколько состояло учениковъ	Число окончившихъ курсъ	ГОДЫ	Сколько состояло учениковъ	Число окончившихъ курсъ	ГОДЫ	Сколько состояло учениковъ	Число окончившихъ курсъ
1841	97	—	1863	339	14	1885	432	19
1842	111	—	1864	345	16	1886	382	26
1843	134	—	1865	359	15	1887	366	12
1844	147	—	1866	311	22	1888	388	19
1845	186	—	1867	363	18	1889	411	10
1846	182	6	1868	361	18	1890	424	16
1847	195	8	1869	369	14	1891	424	26
1848	172	7	1870	374	16	1892	424	26
1849	164	8	1871	401	26	1893	411	24
1850	158	7	1872	397	11	1894	368	25
1851	164	8	1873	361	5	1895	358	30
1852	182	11	1874	320	13	1896	352	28
1853	187	10	1875	302	15	1897	382	28
1854	193	12	1876	303	8	1898	365	29
1855	213	13	1877	322	12	1899	346	27
1856	220	11	1878	327	16	1900	365	23
1857	226	6	1879	340	22	1901	368	33
1858	238	11	1880	332	23	1902	370	34
1859	270	11	1881	331	15	1903	372	36
1860	276	17	1882	404	17			
1861	247	17	1883	414	20			
1862	270	16	1884	402	11	Всего	19325	997

Увеличеніе и уменьшеніе общаго числа учениковъ (1882—1903) находилось въ зависимости отъ открытія и закрытія параллельныхъ и приготовительнаго классовъ. Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что изъ общаго числа учениковъ окончило курсъ гимназіи 5,15%. Изъ числа окончившихъ курсъ ученія во Второй Мужской Харьковской Гимназіи можно отмѣтить слѣдующихъ лицъ: I. Занявшія каѳедры или мѣста преподавателей въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: П. Н. Барабашевъ, В. П. Бузескулъ, А. Д. Градовскій, Н. Д. Гавронскій, В. Я. Данилевскій, А. Н. Деревицкій, В. В. Зеленскій, М. М. Ломиковскій, П. Н. Лейкфельдъ, И. И. Мечниковъ, П. П. Мигулинъ, А. Н. Оболенскій, А. Г. Подрезъ, П. Т. Степановъ, А. Н. Стояновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, К. Я. Данилевскій, С. И. Лукьянченко, А. А. Потебня, Л. Я. Тауберъ, Я. Я. Трутовскій. В. Я. Ястржембскій, Н. А. Чернай. II. Занимавшія мѣста преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: И. А. Андріяновъ, И. Д. Вахнинъ, Л. Н. Горкевичъ, К. Л. Залѣсскій, П. Д. Линицкій, А. В. Маевскій, Муравьевъ, Н. А. Рудневъ, И. И. Скиндеръ, С. А. Столбцовъ, М. Ф. Ульрихъ, Н. И. Черновъ, В. И. Шостенко. III. Заявившія себя на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности: А. А. Питра (ректъ. унив.), Н. О. Куплеваскій (ректъ. унив.), Е. Л. Зубашовъ (дир. технол. инст.), Н. Г. Жаворонковъ (дир. нар. учил.), А. Г. Левандовскій (дир. гимназіи), В. П. Тихоновичъ (дир. гимназіи), Н. В. Стояновъ (дир. гимназіи), Е. Ф. Де-Росси (предс. суд. палаты), Б. П. Куликовъ (предс. окр. суда), Ф. Ф. Шмидтъ (тов предс. окр. суда), А. К. Погорѣлко (гор. голова), А. В. Заленскій (предс. губ. земск. упр.), Беклемишевъ (ректоръ академіи художествъ), Г. И. Семирадскій (знаменитый художникъ), С. И. Васильковскій (извѣстный художникъ), А. И. Данилевскій (художникъ), Н. М. Уваровъ (художникъ), Н. В. Лысенко (малорусскій композиторъ) [1].

[1]) Сообщено.

Харьковская 3-я гимназія [1]). Изъ печатныхъ и рукописныхъ данныхъ видно, что Харьковская 3-я гимназія основана 26 октября 1864 г. Должно, однако, сказать, что ещё до этого времени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она существовала въ видѣ параллельныхъ классовъ Харьковской 1-й гимназіи, помѣщавшихся въ отдѣльномъ частномъ зданіи на Рыбной улицѣ, управлявшихся инспекторомъ той же гимназіи и подчиненныхъ директору ея. Потомъ Харьковская 3-я гимназія преобразовывается въ самостоятельную семиклассную гимназію, послѣдовательно получаетъ первоначально своего отдѣльнаго инспектора, а затѣмъ такого же директора и переходитъ на бывшую Малую Сумскую, теперь же Кокошкинскую улицу, въ зданія, гдѣ находится и въ настоящее время. Эти зданія, въ количествѣ 3-хъ каменныхъ корпусовъ, при садикѣ и дворовомъ мѣстѣ, прежде принадлежали г-жѣ Хариной, у которой они арендовали, въ настоящее же время за 116,000 руб. М. Н. Пр. пріобрѣтены въ собственность, причемъ въ главномъ корпусѣ устроена домовая церковь во имя трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, 3 пристройки для шинельной, канцеляріи и физическаго кабинета да отдѣльный корпусъ для рекреаціоннаго зала, гдѣ въ учебное время происходятъ гимнастическія занятія воспитанниковъ, ихъ игры, занятія музыкой и пѣніемъ, а также производятся письменныя и устныя испытанія абитуріентовъ гимназіи.

Въ первый годъ своего самостоятельнаго существованія Харьковская 3-я гимназія состояла изъ 7 классовъ, потомъ же, именно съ 70-хъ годовъ, она преобразовывается въ восьмиклассную, хотя нѣсколько лѣтъ ученики 7 и 8 классовъ, проходя по каждому предмету свои отдѣльные курсы, по причинѣ недостатка въ денежныхъ средствахъ, отпускаемыхъ изъ государственныхъ суммъ и получаемыхъ отъ взиманія платы за ученіе воспитанниковъ, помѣщались въ одной классной комнатѣ. Со времени перехода гимназіи въ ея настоящее помѣщеніе, при ней существовалъ и приготовительный классъ; но въ концѣ 80-хъ годовъ, по распоряженію г. министра, онъ былъ закрытъ. Зато въ послѣдніе годы въ ней открыты параллельные классы при томъ или другомъ изъ основныхъ классовъ. Такъ какъ на каждый классъ Харьковской 3-й гимназіи приходится среднимъ числомъ по 45 учениковъ. то общее среднее число всѣхъ учащихся въ гимназіи было около 315, потомъ, съ открытіемъ приготовительнаго класса, но безъ отдѣльнаго 8-го, 360, съ отдѣльнымъ 8-мъ 405, съ закрытіемъ приготовительнаго вновь 360, съ прибавленіемъ же какого-либо параллельнаго, вновь 405.

При Харьковской 3-й гимназіи существуютъ церковь, аптечка, складочный шкафъ, фундаментальная и ученическая библіотеки, физическій кабинетъ, столовая, ученическій хоръ и такой же оркестръ. Благодаря энергіи и щедрости церковныхъ старостъ. Д. В. Кочана и особенно М. А. Жмудскаго, а также и пожертвованіямъ учащихъ въ гимназіи и родителей учениковъ, прекрасной архитектуры гимназическая церковь украшена и снабжена всею необходимою утварью, въ томъ числѣ нѣсколькими иконами, пожертвованными собственно служащими въ гимназіи по поводу спасенія жизни Государей Императоровъ: Александра II, Александра III, Николая II, а также и лампадками, пріобрѣтенными на средства учащихся. Въ аптечкѣ постоянно хранятся медикаменты и другія принадлежности первой помощи заболѣвающимъ, и въ складочномъ шкафу находятся учебники и учебныя пособія, отчасти купленные гимназіей, отчасти же подаренные учащимися и безвозмездно выдаваемые бѣднымъ воспитанникамъ. Фундаментальная и ученическая библіотеки состоятъ изъ достаточнаго количества журналовъ и книгъ, причемъ особенно цѣнны изданія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Физическій кабинетъ располагаетъ достаточ-

[1]) Изъ напечатанныхъ трудовъ о Харьковской 3-й гимназіи отмѣтимъ: 1) годичные отчеты о ея дѣятельности, отъ времени до времени составлявшіеся секретарями ея педагогическаго совѣта и печатавшіеся въ отдѣльныхъ брошюрахъ; 2) ежегодные отчеты о дѣятельности состоящихъ при ней общества попеченія о ея бѣдныхъ воспитанникахъ, составлявшіеся дѣлопроизводителями его и печатавшіеся также въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ; 3) краткіе очерки дѣятельности ея за 25, 30 и 35 лѣтъ существованія, составлявшіеся ея учителемъ Гутниковымъ и напечатанные въ газетѣ «Южный Край» отъ 26 октября 1889, 1894 и 1899 г.г.; 4) краткій отчетъ о дѣятельности ученическаго оркестра гимназіи за первое десятилѣтіе его существованія, составленный тѣмъ же учителемъ и напечатанный въ той же газетѣ; наконецъ, 5) воспоминанія о ней бывшихъ воспитанниковъ ея: а) г. Селиванова, напечатанныя отдѣльной брошюрой, б) проф. М. М. Ковалевскаго, помѣщенныя въ журналѣ «Русская Мысль», и б) В. В. Уманова-Каплуновскаго, находящіяся въ собраніи сочиненій Г. А. Головкова, напечатанныхъ отдѣльной книгой. Что касается рукописныхъ трудовъ о Харьковской 3-й гимназіи, то, по порученію ея педагогическаго совѣта, учителемъ Гутниковымъ къ 26 октября 1904 года приготовлена краткая историческая записка о ея дѣятельности за 40 лѣтъ существованія. Настоящая записка также составлена г. Гутниковымъ.

нымъ числомъ физическихъ машинъ и приборовъ, въ послѣднее время приведенныхъ въ образцовое состояніе. Для столовой, устроенной на спеціальныя средства гимназіи и суммы Мин. Нар. Пр., гимназія на свой счетъ пріобрѣла въ необходимомъ числѣ столы, скамьи, тарелки, ножи, вилки, стаканы и самовары. Гимназическій хоръ имѣетъ хорошій выборъ нотъ и скрипку, а оркестръ—такой же ассортиментъ нотъ, совершенно новыхъ духовыхъ инструментовъ и рояль. При классныхъ ученическихъ библіотекахъ младшихъ 4-хъ классовъ гимназіи существуютъ маленькія коллекціи монетъ, камней, минераловъ, насѣкомыхъ и т. п. предметовъ, пожертвованныхъ учащимися этихъ классовъ, а также и галлерейка изъ картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ рекреаціоннаго зала и исполненныхъ при помощи пера и карандаша учащимися.

Годовая плата за ученіе въ нормальныхъ классахъ Харьковской 3-ей гимназіи сперва не превышала 30, а въ приготовительномъ—15 рублей, въ настоящее же время, именно послѣ пріобрѣтенія для гимназіи собственныхъ зданій, она возросла до 55 рублей. Съ цѣлью оказанія пособія бѣднымъ ученикамъ во взносѣ платы за ученіе, а также и въ другихъ неотложныхъ нуждахъ, какъ, напр., въ одеждѣ, бѣльѣ, обуви, книгахъ и лѣкарствахъ, при Харьковской 3-ей гимназіи существуетъ общество попеченія о бѣдныхъ воспитанникахъ изъ учащихъ. родителей и посторонникъ добрыхъ людей съ пятирублевымъ членскимъ взносомъ. Кромѣ того, гимназія располагаетъ болѣе, чѣмъ 30 стипендіями, выдаваемыми учащимся, причемъ, какъ болѣе щедрыя, должны быть упомянуты 25 стипендій имени гг. Выковскихъ, каждая приблизительно въ 300 рублей, одна стипендія имени доктора Бѣлокопытова, болѣе чѣмъ въ 300 рублей, одна—учащихъ въ гимназіи также въ 300 рублей. Затѣмъ въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ неоднократно читались публичныя лекціи профессорами Харьковскаго университета: В. К. Надлеромъ, А. Н. Красновымъ и преподавателями гимназіи: Н. Д. Андреевскимъ и В. П. Карповымъ. Въ ихъ же пользу устраивались и устраиваются по одному и по два раза спектакли въ драматическомъ и оперномъ харьковскихъ театрахъ. Наконецъ, М. Н. Головкова, мать поэта Г. А. Головкова, бывшаго воспитанника Харьковской 3-ей гимназіи, подарила въ пользу ея 450 экземпляровъ собранія сочиненій своего сына. Директорами гимназіи были: А. С. Рубенко, А. Г. Левандовскій, В. Ю. Хорошевскій, Я. К. Бѣлицкій, Н. М. Стефани, І. Ѳ. Тихій и П. И. Косыхъ. Изъ нихъ А. С. Рубенко, по высшему образованію юристъ, по учительскимъ же занятіямъ словесникъ, былъ первымъ инспекторомъ и директоромъ Харьковской 3-ей гимназіи, положившимъ начало ея административной и учебно-воспитательной организаціи, А. Г. Левандовскій, магистрантъ римской словесности, поэтъ, авторъ нѣсколькихъ статей по латинской метрикѣ и критикѣ, учредилъ общество попеченія о бѣдныхъ ученикахъ своей гимназіи; В. Ю. Хорошевскій пріобрѣлъ нѣсколько шкафовъ какъ для библіотекъ и физическаго кабинета, такъ и для нуждъ учителей; Я. К. Бѣлицкій, докторъ филологіи Роштокскаго университета, авторъ руководствъ и пособій по нѣмецкому и древнимъ языкамъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ ученымъ комитетомъ М. Н. Пр., учредилъ ссудо-сберегательную кассу для служащихъ въ Харьковской 3-ей мужской гимназіи; Н. М. Стефани, кандидатъ юридическаго и филологическаго факультетовъ, послѣ директорства въ различныхъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ учрежденіяхъ, товарищъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, устроилъ при гимназіи домовую церковь и корпусъ для рекреаціоннаго зала; І. Ѳ. Тихій, чехъ по происхожденію, окончившій курсъ наукъ юридическаго факультета въ Пражскомъ университетѣ, съ нѣкоторыми промежутками времени учитель древнихъ языковъ, инспекторъ и директоръ Харьковской 3-ей гимназіи, особенное вниманіе обращалъ на дисциплину учащихся, а также на религіозно-нравственное и художественное воспитаніе ихъ, почему при немъ въ гимназіи процвѣтали литературно-вокально-музыкальные вечера и утра, а стѣны рекреаціоннаго зала покрылись картинами работы учениковъ; наконецъ, П. И. Косыхъ изыскалъ средства устроить при гимназіи столовую для доставленія учащимся за недорогую цѣну горячихъ завтраковъ. Изъ инспекторовъ гимназіи должно упомянуть, по крайней мѣрѣ, о М. В. Алексѣевѣ, который вмѣстѣ съ директоромъ Я. К. Бѣлицкимъ, заботился объ образованіи гимназическаго оркестра. Болѣе другихъ законоучителей былъ полезенъ гимназіи протоіерей о. Т. С. Павловъ, кандидатъ кіевской духовной академіи, краснорѣчивый проповѣдникъ, истинно мудрый и добрый пастырь, чрезъ руки котораго прошли многія сотни и даже тысячи рублей на пользу больныхъ, бѣдныхъ, погорѣльцевъ, голодающихъ и подвизающихся на войнѣ, а также и учащихся, онъ предъ смертью завѣщалъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ своей любимой Харьковской 3-ей гимназіи 3000 рублей. На ученомъ и учебномъ поприщѣ изъ препода-

вателей Харьковской 3-ей гимназіи выдвинулись слѣдующія лица: А. Ѳ. фонъ-Видертъ, преподаватель и лекторъ нѣмецкаго языка, переводчикъ „Записокъ охотника“ Тургенева, „Ревизора“ Гоголя, пѣсенъ Кольцова, сотрудникъ многихъ русскихъ журналовъ и газетъ; М. О. Алексѣевъ, авторъ нѣсколькихъ рѣчей и статей по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, напечатанныхъ въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Южномъ Краѣ“; П. З. Тимошенко, по высшему образованію юристъ, по преподавательскимъ же занятіямъ краснорѣчивый словесникъ и составитель нѣсколькихъ печатныхъ и литографированныхъ учебниковъ по педагогикѣ, теоріи словесности и исторіи русской словесности; Б. И. Снарскій, составитель нѣсколькихъ печатныхъ и литографированныхъ учебниковъ по математикѣ и физикѣ; В. Л. Спасскій—статистикъ; Н. А. Андреевскій, магистрантъ римской словесности и приватъ-доцентъ Харьковскаго университета, всего за нѣсколько дней до смерти напечатавшій магистерскую диссертацію „Валерій Марціалъ“; И. В. Нетушилъ, чехъ по происхожденію, окончившій курсъ наукъ по филологическому факультету университета „золотой“ Праги, докторъ римской словесности и профессоръ Харьковскаго университета, напечатавшій много научныхъ выдающихся сочиненій по римской литературѣ, латинскому языку и древностямъ съ критикой; Г. Ю. Ирмеръ, преподаватель и лекторъ нѣмецкаго языка, написавшій нѣсколько очерковъ изъ исторіи нѣмецкой литературы; А. П. Кадлубовскій, магистръ русской словесности и приватъ-доцентъ Харьковскаго университета, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по теоріи словесности и исторіи русской словесности. Изъ преподавателей искусствъ оставили по себѣ особенно добрую память А. Е. Литинскій и В. П. Карповъ, первый, какъ знатокъ духовнаго и свѣтскаго пѣнія, а также какъ исполнитель не только русскихъ, но также чешскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и польскихъ пѣсенъ, наконецъ, энергичный и опытный руководитель гимназическаго хора; второй же, какъ художникъ-преподаватель черченія и рисованія, въ послѣднее время пріобрѣвшій литературное имя своими „Воспоминаніями харьковскаго старожила“, печатающимися въ газетѣ „Южный Край“.

За 39 лѣтъ своего существованія Харьковская 3-я гимназія выпустила болѣе 1,500 молодыхъ людей, окончившихъ въ ней полный курсъ наукъ, въ томъ числѣ до 300, удостоенныхъ золотыхъ и серебряныхъ медалей и, кромѣ того, до 200, выдержавшихъ при ней свои окончательные экзамены въ качествѣ посторонниихъ лицъ. Изъ тѣхъ и другихъ И. О. Фесенко былъ харьковскимъ городскимъ головой: А. К. Погорѣлко и теперь занимаетъ эту должность; В. Н. Павловъ состоитъ главноуправляющимъ юго-восточными желѣзными дорогами и проч. Это на административномъ поприщѣ. Писали стихи: Г. А. Головковъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Н. В. Соловьевъ, В. И. Ивановъ, П. Г. Поповъ и друг., какъ композиторъ же и музыкальный критикъ пріобрѣлъ извѣстность П. И. Сокальскій. На ученомъ поприщѣ выдвинулись М. М. Ковалевскій, извѣстный профессоръ—юристъ, Г. В. Левицкій, профессоръ—астрономъ и ректоръ юрьевскаго университета, братья Л. В. и В. В. Рейнгардъ, профессора—натуралисты (первый былъ ректоромъ Харьковскаго университета), А. К. Погорѣлко, профессоръ—физики, и др., болѣе молодые профессора, приватъ-доценты, лекторы и преподаватели различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній всей Россіи, особенно же родного Харьковскаго университета, всего до 30 ученыхъ докторовъ, магистровъ и магистрантовъ. О состояніи преподаванія въ 3-й гимназіи въ первые годы ея существованія, во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ, даетъ отзывъ бывшій питомецъ ея нынѣ извѣстный ученый Мак. Макс. Ковалевскій, поступившій послѣ домашней подготовки прямо въ 5 классъ. „Въ гимназіи, говоритъ онъ, я постепенно сталъ забывать новые языки и исторію, плохо обучался латыни и по цѣлымъ годамъ слушалъ изложеніе былинъ о богатыряхъ, Слова о полку Игоревѣ и поученія Даніила Заточника. Все это, сопровождаемое комментаріями, отражавшими на себѣ вліяніе взглядовъ Ореста Миллера и ходячей въ то время солярной теоріи... Исторія литературы считалась еще наиболѣе развивающимъ предметомъ. Что касается латыни, то занятые всецѣло переводами назидательныхъ повѣствшекъ съ русскаго языка, мы едва успѣвали прочитывать 20 страницъ изъ Цезаря или Саллюстія и вытверживали наизусть двѣ три оды Горація или отрывокъ изъ Метаморфозъ Овидія. Въ алгебрѣ, геометріи, физикѣ учителя придерживались своихъ собственныхъ руководствъ, въ которыхъ все было представлено такъ просто, такъ необыкновенно просто, что въ концѣ года у насъ не оказывалось на самомъ дѣлѣ никакихъ положительныхъ знаній, кромѣ немногихъ выученныхъ наизусть формулъ и теоремъ. Преподавали намъ нескончаемое число предметовъ: тригонометрію и космографію, зоологію, ботанику, минералогію, геологію, анатомію, физіологію и для всего этого полагалось два, три урока въ недѣлю; по

исторіи учебникъ Иловайскаго считался настолько обстоятельнымъ, что учитель признавалъ нужнымъ допускать въ немъ сокращенія. Отмѣтками карандашомъ и ограничивались всѣ его педагогическіе пріемы. По природѣ своей лѣнивый и бездарный, онъ не прочь былъ вызывать меня къ доскѣ. „А ну-те, Ковалевскій, разскажите-ка про Руссо и Вольтера, васъ этому, вѣрно, обучилъ гувернеръ“. Ковалевскій разсказывалъ и классъ не безъ изумленія слышалъ объ общественномъ договорѣ, какъ источникѣ всякаго правительства и о необходимости écraser l'infâme. Вспоминаю объ этомъ между прочимъ въ доказательство того, что особой политической цензуры, по крайней мѣрѣ, въ началѣ моего поступленія въ гимназію еще не чувствовалось, но съ каждымъ годомъ въ этомъ отношеніи становилось все хуже и хуже, такъ что дѣло дошло до того, что учителю словесности сдѣланъ былъ выговоръ за неодобрительный отзывъ М. М. Ковалевскаго о Сумароковѣ, какъ баснописцѣ“... Замѣчаніе въ мягкой формѣ было сдѣлано М. М. Ковалевскому директоромъ. „Позднѣе отношенія съ директоромъ обострились и онъ уже кричалъ на меня: „ваше поведеніе доведетъ васъ до выведенія изъ заведенія“... Къ чести директора и совѣта я долженъ сказать, что всѣ эти окрики не помѣшали выдачѣ мнѣ первой золотой медали вслѣдъ за выпускнымъ экзаменомъ“ [1]). При оцѣнкѣ этихъ воспоминаній не слѣдуетъ упускать изъ виду повышеннаго уровня требованій, предъявляемыхъ къ гимназіи М. М. Ковалевскимъ.

Должно сказать, что у тѣхъ лицъ, которыя сравнительно долго состояли преподавателями Харьковской 3-ей гимназіи, имѣется довольно большое собраніе фотографическихъ группъ учащихъ и учащихся со снимками главнаго зданія гимназіи, причемъ лучшія изъ нихъ принадлежатъ художникамъ-фотографамъ: гг. Федецкому, Иваницкому, а также фотографу-любителю, преподавателю гимназіи И. М. Межлауку.

Вотъ завѣтная пѣснь Харьковской 3-ей гимназіи, составленная преподавателемъ ея г. Гутниковымъ и положенная на ноты для пѣнія и музыки бывшимъ воспитанникомъ гимназіи, г. студентомъ Ярошенко и исполнявшаяся на литературно-вокально-музыкальныхъ утрахъ и вечерахъ гимназіи.

— Другъ милый, быть-можетъ, ты хочешь узнать,
И кто мы такіе, и кто наша мать?
Изъ Третьей гимназіи всѣ мы, изъ Третьей
И вскормлены ею, какъ матерью дѣти!
Зато и куда ни закинуло бъ насъ,
Пусть кликнетъ,—сбѣжимся тотчасъ,—
Сбѣжимся, слетимся и станемъ стѣною,
За честь же ея постоимъ головою!
Такъ пусть же она вѣковѣчно живетъ,—
Не только живетъ, но растетъ и цвѣтетъ,
Какъ южныя русскія степи цвѣтами,
Своими талантливыми сыновьями!

4-я Харьковская гимназія только недавно преобразована изъ прогимназіи; вотъ ея краткій историческій очеркъ [2]).

Между тѣмъ какъ населеніе г. Харькова во 2-й половинѣ XIX столѣтія безпрерывно росло, между тѣмъ какъ потребность получить общее среднее образованіе многими чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе и настоятельно требовала удовлетворенія, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ г. Харьковѣ существовало всего только 3 гимназіи, которыя къ концу этого десятилѣтія быстро стали переполняться учащимися, особенно въ низшихъ классахъ. Поэтому, для удовлетворенія одной изъ важнѣйшихъ нуждъ крупнаго и богатаго города, приходилось или расширять помѣщенія уже существовавшихъ въ немъ гимназій и открывать при нихъ параллельные классы, что должно было вызвать большія неудобства въ техническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, или же открыть новое учебное заведеніе съ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ. Правительство остановилось на второй мѣрѣ. Но открыть полную гимназію Министерство Народнаго Просвѣщенія воздержалось или въ виду недостатка средствъ, или же по-

[1]) Мое научное и литературное скитальчество. М. М. Ковалевскаго (Рус. мысль, 1895, январь, стр. 62—63).

[2]) Сообщенъ директоромъ гимназіи Ф. К. Максимовичемъ, за что приносимъ ему сердечную благодарность.

тому, что въ скоромъ времени предполагалось открыть въ г. Харьковѣ полное учебное заведеніе съ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ, но безъ древнихъ языковъ, а именно: реальное училище (откр. въ 1873 г.). Въ силу вышеуказанныхъ или иныхъ соображеній, правительство рѣшило открыть въ г. Харьковѣ въ началѣ 70-хъ годовъ учебное заведеніе подъ именемъ прогимназіи, заключающее въ себѣ только 4 низшихъ класса гимназіи.

Самый фактъ открытія новаго средняго учебнаго заведенія въ г. Харьковѣ послѣдовалъ 3-го сентября 1871 года, причемъ прогимназія была открыта сразу въ составѣ всѣхъ 4-хъ классовъ (I—IV). Съ начала 1872—1873 учебнаго года былъ открытъ и приготовительный классъ.

На содержаніе учебнаго заведенія, состоявшаго изъ 4-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго, начиная съ 1872 г., ежегодно отпускалось изъ средствъ государственнаго казначейства по 14801 р. Спустя 25 лѣтъ послѣ открытія прогимназіи, а именно въ 1895 г., казна увеличила средства на содержаніе учебнаго заведенія, по случаю преобразованія его изъ 4-хъ класснаго состава въ шестиклассный. Тѣмъ не менѣе, сумма, отпускавшаяся изъ государственнаго казначейства въ разсматриваемый нами періодъ времени (1871—1905 г.), никогда не достигала цифры 21 тысячи руб. въ годъ, даже послѣ преобразованія прогимназіи въ полную гимназію (1901 г.). Между тѣмъ, на удовлетвореніе нуждъ 4-хъ классной прогимназіи ежегодно требовались средства въ размѣрѣ отъ 18 до 20 тысячъ руб.; содержаніе 6-ти классной прогимназіи обходилось не дешевле 26 т. руб. въ годъ; на покрытіе же расходовъ по содержанію полной гимназіи ежегодно требовалось не менѣе 35 тысячъ руб. Такимъ образомъ, суммъ, отпускавшихся казною на содержаніе учебнаго заведенія, оказывалось недостаточно, и пополнять эти суммы приходилось изъ другихъ источниковъ. Источниками этими сначала служили суммы сбора за ученіе; съ 1 же іюля 1901 г. на содержаніе учебнаго заведенія, кромѣ этихъ суммъ, шли также суммы, которыя ассигновывались харьковскимъ городскимъ управленіемъ. Что касается перваго источника, то въ первые 8 лѣтъ (1871—1878 гг.), когда плата за право ученія взималась съ каждаго ученика по 21 руб. въ годъ, онъ давалъ сравнительно небольшія средства, не достигавшія 3000 руб. Затѣмъ, плата за право ученія была увеличена до 30 руб. въ годъ, а съ 1888 г. съ каждаго ученика прогимназіи взималось по 40 руб. въ годъ. Благодаря этому обстоятельству, а также увеличенію числа учащихся сумма сбора за ученіе стала увеличиваться и достигла въ 1894 году 8225 руб. Преобразованіе 4-хъ классной прогимназіи въ 6-ти классный составъ вызвало новое возвышеніе платы за право ученія, которая стала взиматься въ размѣрѣ 46 руб. съ каждаго учащагося во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ приготовительнаго, гдѣ оставлена прежняя плата, т. е. 40 руб.; съ преобразованіемъ же прогимназіи въ полную гимназію, въ 1901 г., плата за право ученія съ каждаго воспитанника I—VII классовъ была назначена по 50 руб. въ годъ. Возвышеніе платы за право ученія въ вышеуказанномъ размѣрѣ во всѣхъ нормальныхъ классахъ, съ одной стороны, и увеличеніе числа учащихся, съ другой—въ значительной степени подняли сумму сбора за право ученія, которая въ 1905 г. достигла цифры 20820 руб. Кромѣ того, начиная съ 1901 г., г. Харьковъ сталъ отпускать суммы на содержаніе учебнаго заведенія, которыя съ 1903 г. ассигнуются въ опредѣленномъ количествѣ, а именно по 2560 руб. въ годъ.

Въ устройствѣ учебно-воспитательнаго дѣла какъ бывшая прогимназія, такъ и преобразованная изъ прогимназіи Харьковская 4-я гимназія должны были руководствоваться требованіями устава 1871 г. и позднѣйшими распоряженіями правительства. Коренномъ измѣненіямъ подвергся учебный строй гимназіи въ 1901 году. Начиная съ этого года (со второй его половины), въ I и II классахъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, прекращается преподаваніе латинскаго языка; взамѣнъ его въ I классѣ вводится преподаваніе нѣмецкаго языка, исторіи и естествовѣдѣнія, а во II классѣ преподаваніе исторіи и естествовѣдѣнія, которое дѣлается предметомъ изученія и для учениковъ III класса. Далѣе, греческій языкъ, какъ обязательный предметъ, оставленъ лишь въ немногихъ гимназіяхъ; въ остальныхъ же гимназіяхъ, къ числу которыхъ отнесена и Харьковская 4-я гимназія, изученіе этого предмета сдѣлано необязательнымъ. Наконецъ, въ 1904 и 1905 г.г. введено въ 7 и 8 классахъ преподаваніе философской пропедевтики и законовѣдѣнія. Что же касается педагогическаго совѣта, то участіе его въ дѣлѣ обученія выражались въ слѣдующемъ: въ пріемѣ учениковъ и переводѣ ихъ изъ

класса въ классъ, въ выдачѣ аттестатовъ ученикамъ, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ ученія, и свидѣтельствъ выбывшимъ изъ гимназіи до окончанія курса, въ опредѣленіи наградъ ученикамъ, отличнымъ по поведенію, прилежанію и успѣхамъ, въ выборѣ предметовъ для пополненія кабинетовъ и книгъ для библіотеки, въ распредѣленіи преподаванія учебныхъ предметовъ по днямъ и часамъ, въ выборѣ учебныхъ руководствъ и пособій и проч.

Учебное заведеніе, открытое въ 1871 году въ составѣ 4-хъ классовъ, вскорѣ послѣ открытія стало переполняться учениками и требовало дальнѣйшаго развитія. Однако, рѣшеніе вопроса о преобразованіи училища въ высшій составъ пришлось отложить, по недостатку средствъ. Только въ 1892 г. инспекторомъ ея была представлена въ Харьковскую Городскую Управу записка для исходатайствованія у Думы пособія на содержаніе V и VI классовъ. „Ходатайство это, по независѣвшимъ отъ города причинамъ, не было удовлетворено. Но такъ какъ необходимость удовлетворить потребность учебнаго заведенія была настоятельна, то отчасти на средства казны, отчасти же на спеціальныя средства учебнаго заведенія послѣднее было преобразовано въ 6-ти классный составъ, въ 1895 году. Преобразованіе это не дало, однако, вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Достигнуть такихъ результатовъ можно было не иначе, какъ преобразовавъ прогимназію въ полную гимназію. И такъ какъ ни Министерство, ни учебное заведеніе не находили необходимыхъ для этого средствъ, то въ 1900 г. начальству прогимназіи опять пришлось обратиться къ Харьковскому городскому управленію съ просьбою взять на себя часть расходовъ, сопряженныхъ съ преобразованіемъ учебнаго заведенія въ полную гимназію. О необходимости этого преобразованія въ запискѣ, представленной Городскому Управленію, говорится, между прочимъ, слѣдующее: „не говоря уже объ усилившейся въ населеніи потребности въ образованіи, одно уже то обстоятельство, что населеніе г. Харькова, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ удвоилось въ послѣдніе 25 лѣтъ, между тѣмъ какъ число мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ общеобразовательнымъ курсомъ, остается въ немъ тоже самое, какое существовало въ 1873 году, когда состоялось открытіе Харьковскаго реальнаго училища, должно было вызвать потребность въ увеличеніи для г. Харькова числа среднихъ учебныхъ заведеній, съ законченнымъ гимназическимъ курсомъ. Потребность эта ясно выразилась въ переполненіи учениками мѣстныхъ гимназій. Замѣченное прежде въ низшихъ и среднихъ классахъ, переполненіе это коснулось въ послѣднее время и высшихъ классовъ гимназіи, почему для многихъ изъ окончившихъ курсъ прогимназіи не отыскивается болѣе мѣстъ въ Харьковскихъ гимназіяхъ, которыя вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія часто встрѣчаютъ затрудненія при размѣщеніи даже своихъ учениковъ, перешедшихъ въ VII классъ. А между тѣмъ въ прогимназіи какъ общее число учащихся, такъ и число оканчивающихъ курсъ стало постоянно возрастать... Такимъ образомъ, Харьковская прогимназія потеряла свое назначеніе подготовлять учениковъ для высшихъ классовъ гимназій. Сдѣлать ее учрежденіемъ, которое не только исполняло бы свое прямое назначеніе, но и оказывало бы существенную услугу другимъ учрежденіямъ того же рода, можно не иначе, какъ преобразовавъ ее въ учебное заведеніе съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, т. е. въ полную гимназію". Харьковская Городская Дума нашла возможнымъ удовлетворить настоятельную потребность учебнаго заведенія, и въ засѣданіяхъ своихъ 30 ноября и 19 декабря 1900 года постановила ассигновать въ 1901 г. 1000 руб. на содержаніе VII класса, на 1902 г.— 2200 руб. на содержаніе VII и VIII кл., а съ 1903 г. вносить ежегодно въ смѣту на содержаніе этихъ двухъ классовъ по 2560 руб. Столь существенная поддержка оказалась достаточною для вышеозначенной цѣли, и Харьковская 6-ти классная прогимназія, согласно распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 12 апрѣля 1901 года, была преобразована, съ 1-го іюля того же года, въ полную гимназію и названа Харьковскою 4-й гимназіей, съ отнесеніемъ расхода по содержанію 7 и 8 классовъ всецѣло на средства г. Харькова и спеціальныя средства учебнаго заведенія.

Начиная съ 1871 г. и оканчивая 1905 г., въ дѣлѣ обученія воспитанниковъ училища, принимали участіе 67 лицъ. Во главѣ прогимназіи стояли: П. В. Лукьяновъ, первый инспекторъ прогимназіи (1871—1872 г.), на котораго былъ возложенъ трудъ организовать учебную, воспитательную и хозяйственную часть вновь открытаго училища. Начатое Лукьяновымъ дѣло продолжали его преемники А. Г. Левандовскій (1872—1873 г.) и Н. Ф. Одарченко (1873—1874 г.). Съ 1874 г. и по 1895 г. должность инспектора прогимназіи занималъ Ф. К. Максимовичъ, который, послѣ преобразованія прогимназіи въ

6-ти классный составъ и преобразованія послѣдней въ полную гимназію, былъ директоромъ прогимназіи и первымъ директоромъ Харьковской 4-й гимназіи.

Въ 4-хъ классной прогимназіи

въ 1871 г. обучалось	90 уч.,	окончило курсъ	—			въ 1883 г. обучалось	191 уч.,	окончило курсъ	15		
» 1872 »	»	153 »	»	»	4	» 1884 »	»	186 »	»	»	17
» 1873 »	»	144 »	»	»	10	» 1885 »	»	196 »	»	»	14
» 1874 »	»	151 »	»	»	5	» 1886 »	»	198 »	»	»	19
» 1875 »	»	160 »	»	»	10	» 1887 »	»	172 »	»	»	11
» 1876 »	»	161 »	»	»	8	» 1888 »	»	172 »	»	»	10
» 1877 »	»	172 »	»	»	9	» 1889 »	»	166 »	»	»	13
» 1878 »	»	180 »	»	»	14	» 1890 »	»	160 »	»	»	22
» 1879 »	»	176 »	»	»	14	» 1891 »	»	165 »	»	»	12
» 1880 »	»	166 »	»	»	15	» 1892 »	»	183 »	»	»	17
» 1881 »	»	174 »	»	»	15	» 1893 »	»	203 »	»	»	19
» 1882 »	»	195 »	»	»	17	» 1894 »	»	211 »	»	»	7

Въ прогимназіи, преобразованной изъ 4-хъ класснаго состава въ 6-ти классный составъ

въ 1895 г. обучалось	247 уч.,	окончило курсъ	—			въ 1898 г. обучалось	285 уч.,	окончило курсъ	14		
» 1896 »	»	269 »	»	»	—	» 1899 »	»	301 »	»	»	14
» 1897 »	»	276 »	»	»	9	» 1900 »	»	319 »	»	»	19

Въ преобразованной изъ 6-ти классной прогимназіи Харьковской 4-й гимназіи

въ 1901 г. обучалось	373 уч.,	окончило курсъ	—			въ 1903 г. обучалось	469 уч.,	окончило курсъ	29		
» 1902 »	»	435 »	»	»	—	» 1904 »	»	475 »	»	»	30

Такимъ образомъ, оказывается, что въ теченіе 23 лѣтъ, а именно съ 1872 г. по 1894 г., окончило курсъ 4-хъ классной прогимназіи 295 воспитанниковъ, въ теченіе другихъ 4 лѣтъ, а именно съ 1897 г. по 1900 г., окончило курсъ 6-й классной прогимназіи 56 воспитанниковъ и въ теченіе 2 послѣднихъ лѣтъ (1903—1904 гг.) окончило курсъ полной гимназіи 59 учениковъ, а всего окончило курсъ учебнаго заведенія въ періодъ времени отъ 1872 г. по 1905 г. 410 учениковъ.

Данныя, касающіяся распредѣленія учащихся по сословіямъ, показываютъ, что число учениковъ принадлежащихъ къ городскимъ и сельскимъ сословіямъ (сыновей купцовъ, почетныхъ гражданъ, мѣщанъ, цеховыхъ, казаковъ, крестьянъ) за вышеуказанный періодъ времени всегда было очень значительно, а именно: въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ этого періода (1890—1901 гг.) оно превышало половину общаго числа учащихся, въ послѣдніе же 4 г. (1902—1905 г.) число это достигаетъ цифры, которая больше $^2/_3$ общаго числа обучавшихся въ гимназіи. Особенно въ послѣднее время стало увеличиваться число учениковъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Такъ, въ первые три года періода времени, о которомъ идетъ рѣчь (1890—1905 г.), число крестьянъ, обучавшихся въ учебномъ заведеніи, равнялось цифрѣ 28, что составляло всего 5,51% общаго числа учащихся (508 уч.); въ послѣдніе же три года этого періода число учениковъ-крестьянъ достигало цифры 180, что составляетъ по отношенію къ общему числу обучавшихся въ учебномъ заведеніи въ это время (1443 уч.) 12,47%. Явленіе это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Москалевка, гдѣ расположена 4-я гимназія, а также примыкающія къ Москалевкѣ Заиковка и Основа въ послѣдніе 10—12 лѣтъ стали быстро заселяться преимущественно крестьянами, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ 4-ю гимназію потому, что она, сравнительно съ другими учебными заведеніями г. Харькова, находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ мѣста ихъ жительства.

Какъ въ другихъ училищахъ, такъ и въ томъ учебномъ заведеніи, о которомъ идетъ рѣчь, не всѣ тѣ, которые въ разное время были приняты въ число его учениковъ, окончили курсъ въ немъ. Часть принятыхъ не окончила курса и поступила въ другія соотвѣтственныя учебныя заведенія; другая часть выбыла до окончанія курса и по разнымъ причинамъ должна была прекратить дальнѣйшее образованіе въ среднемъ учебномъ заведеніи и, наконецъ, третьи окончили гимназическій курсъ, причемъ большая часть этихъ послѣднихъ поступила для дальнѣйшаго образованія въ высшія учебныя заведенія. Мы укажемъ

здѣсь только на тѣхъ изъ бывшихъ питомцевъ училища, которые, по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, или посвятили себя изученію той или другой науки, или, служа на поприщѣ практической дѣятельности, заняли въ немъ, по прошествіи того или другого промежутка времени, болѣе или менѣе видные и отвѣтственные посты. На основаніи имѣющихся свѣдѣній, считаемъ возможнымъ отнести къ вышеуказаннымъ двумъ категоріямъ слѣдующихъ лицъ: П. Н. Лащенка (проф. Томскаго университ.), Проф. Н. Лащенка (проф. Новочер. политехн. инст.), Влад. Ал. Павлова (проз. Харьк. унив.), Ю. Р. Пенскаго (проф. Харьк. унив.), Але-дра А. Потебню (проф. Томскаго унив.), Анд. А. Потебню (пр.-доц. Харьк. унив.), Н. Н. Салтыкова (проф. Харьк. унив.), Тим. Евф. Тимоѳеева (б. прив.-доц. Харьк. унив.), Г. Евф. Тимоѳеева (пр.-доц. въ Харьк. унив.), М. И. Селихова (глав. врача Харьк. Общины Краснаго Креста); и многіе другіе изъ бывшихъ воспитанниковъ училища трудятся на поприщѣ практической дѣятельности, исполняя обязанности врачей или занимая разныя должности въ судѣ, администраціи, въ учебныхъ заведеніяхъ, войскѣ и проч.

Приведенныя статистическія данныя о числѣ учащихся и окончившихъ курсъ, особенно же о числѣ тѣхъ и другихъ за послѣдніе 5—6 лѣтъ, когда учебное заведеніе было преобразовано въ полную гимназію, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что 4-я гимназія служитъ для удовлетворенія одной изъ существенныхъ нуждъ населенія г. Харькова. И дѣйствительно, не простая случайность, а насущная потребность высказывается въ томъ, что изъ года въ годъ число учениковъ гимназіи росло, что изъ года въ годъ число окончившихъ полный гимназическій курсъ увеличивалось. Число желающихъ поступить въ гимназію, особенно въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, было очень значительно, причемъ встрѣчались годы, когда число это превышало цифру 400. Число учениковъ гимназіи, родители которыхъ проживали внѣ города Харькова, всегда было очень незначительно. Такъ, если мы возьмемъ періодъ времени, начинающійся 1891 г. и оканчивающійся 1905 г., то увидимъ, что число учениковъ, жившихъ не у родителей или близкихъ родственниковъ, а у посторонніхъ лицъ, за весь этотъ періодъ равнялось цифрѣ 256, что составляетъ 5,43% общаго числа обучавшихся въ учебномъ заведеніи въ это время (4710 уч.), причемъ % отношеніе иногородніхъ къ общему числу обучавшихся, равнявшееся въ первые 9 лѣтъ означеннаго періода 6,35, въ послѣдніе 6 лѣтъ упало до 4,66, т. е. понизилось болѣе чѣмъ на $1^2/_3$. Отсюда мы въ правѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: 4-я гимназія существуетъ для удовлетворенія потребности въ образованіи почти исключительно коренного населенія г. Харькова.

Краткій историческій очеркъ 4-й гимназіи мы считаемъ не лишнимъ дополнить указаніемъ на одну частность, которая въ жизни учебнаго заведенія имѣла, однако, весьма большое значеніе. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ способъ, къ которому гимназія прибѣгла для пріобрѣтенія дома, въ которомъ она теперь помѣщается (Москалевка, Маріинская). Согласно Высочайше утвержденному въ 12 день ноября 1890 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, учебному заведенію были выданы въ 1891 г. въ видѣ ссуды 11 другими учебными заведеніями Харьковскаго учебнаго округа 40 тысячъ руб. для покупки дома, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 25 лѣтъ оно ежегодно уплачивало этимъ послѣднимъ % съ погашеніемъ по 2500 руб., а въ послѣдній, 26-й годъ, оно должно уплатить имъ 1992 р. 81 к. Такой способъ пріобрѣтенія дома оказался не обременительнымъ для гимназіи. Правда, потомъ домъ былъ признанъ довольно тѣснымъ и не вполнѣ удобнымъ для размѣщенія классовъ, и на расширеніе его въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пришлось употребить изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи (изъ суммы сбора за ученіе) болѣе 60-ти тысячъ руб. Но пріобрѣтеніе дома дало дѣлу преобразованія училища въ полное среднее учебное заведеніе болѣе ускоренный ходъ, такъ какъ одна изъ главныхъ причинъ, препятствовавшая осуществить это дѣло и заключавшаяся въ неимѣніи собственнаго помѣщенія, съ 1891 г. перестала существовать. Уже въ 1892 году было возбуждено ходатайство о преобразованіи 4-хъ класснаго училища въ 6-ти классный составъ, а черезъ 10 лѣтъ послѣ покупки дома 6-ти классная прогимназія, благодаря оказанной г. Харьковомъ матеріальной поддержкѣ, была преобразована въ Харьковскую 4-ю гимназію.

Старѣйшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Харьковѣ является извѣстный намъ коллегіумъ. Въ самомъ началѣ XIX вѣка число учениковъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ изъ дворянъ и разночинцевъ по сравненію съ XVIII-мъ вѣкомъ уменьшилось: больше всего было дѣтей священнослужителей Слободско-украинской епархіи—575 душъ, затѣмъ дѣтей священнослужителей другихъ епархій—68 душъ, дѣтей дворянъ и разночинцевъ 71; всего 714 душъ. Изъ этихъ 71 человѣкъ въ богословскомъ классѣ былъ

1 сынъ мѣщанина слободы Тарановки Вас. Руденковъ; въ 1800 году выбылъ въ штатскую службу. Въ философскомъ классѣ было 6: отставной поручикъ г. Харькова П. Прокоповичъ, сынъ кол. ас. г. Харькова С. Андрузскій, сынъ тит. сов. г. Ахтырки Г. Гежелинскій, сынъ маіора г. Нѣжина А. Володковскій, крестьянскій сынъ Д. Матвѣевъ („ушелъ въ медицину"), сынъ дворянина г. Павлограда П. Горленскій (выбылъ въ военную службу). Далѣе идутъ лица, обучавшіяся въ риторическомъ и другихъ низшихъ классахъ. Огромная часть воспитывалась на собственномъ иждивеніи, очень немногіе на казенномъ; среди послѣднихъ отмѣтимъ сироту выкрещеннаго изъ татаръ Николая Крымскаго. Изъ харьковцевъ отмѣтимъ еще Пр. Рабоконова, Т. Стурдзу (сына доктора), Е. Андренкова, И. Фесенкова, Е. Млодзинскаго, И. Рудинскаго (сына доктора) [1]). Но общее число учащихся въ коллегіумѣ въ началѣ XIX в. было очень значительно, въ 1803 году—718, въ 1804 г.—645, въ 1805 г.—634, въ 1806 г.—700, въ 1807 г.—648, въ 1817 г.—677. Въ библіотекѣ коллегіума было въ 1805 году болѣе 2000 книгъ на разныхъ языкахъ [2]).

Князья Голицыны принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ коллегіума до 1805 года. Въ 1801 году кн. А. М. Голицынъ увѣдомилъ о пожертвованіи имъ 5000 руб. (взамѣнъ отпускавшихся 250 руб.) въ пользу коллегіума и неизвѣстнымъ (М. П. Шереметьевой) 10000 руб. На этотъ разъ онъ согласился прислать и свой портретъ (о которомъ просили раньше), и родословную князей Голицыныхъ, „яко памятники, служащіе учащимъ и учащимся доказательствомъ о нашей любви, усердіи и доброжелательствѣ къ коллегіуму". Въ 1802 г. въ письмѣ къ Христофору Сулимѣ кн. А. М. Голицынъ между прочимъ писалъ: „я долгомъ поставляю ваше превосходительство извѣстить, что какъ наиѣреніе моихъ предковъ, а особливо покойнаго брата моего князя Дмитрія Михайловича и неизвѣстной благотворительной для коллегіума персоны, такъ и мое, всегда было, чтобъ въ оной Харьковской коллегіумъ не однихъ только духовнаго званія учениковъ принимать, но также изъ бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ, ибо въ пользу духовнаго званія дѣтей довольно есть учрежденныхъ семинаріевъ; для дворянъ же и разночинцевъ, которыхъ числомъ гораздо больше, нежели духовныхъ, подобныхъ училищъ недостаточно, чего для въ таковомъ смыслѣ Харьковская школа и называется коллегіумомъ, а не семинаріею. Я осмѣливаюсь просить васъ, преосвященнѣйшій владыко, дабы въ коллегіумъ принимались наравнѣ какъ духовнаго чина, школьники, такъ дворяне и разночинцы, ибо въ противномъ случаѣ не обинуясь чистосердечно сказать могу, что я уже откажусь участіе въ пользу онаго больше принимать, потому что тогда довольно будетъ и одного вашего о его благѣ старательства" (29 апр. 1802 г.).

Въ 1804 году кн. А. М. Голицынъ отправилъ въ коллегіумъ 2 бронзовыхъ бюста кн. Мих. Мих. и Дм. Мих. Голицыныхъ, изваянные усердіемъ гр. Н. П. Румянцева, и просилъ помѣстить ихъ „въ залѣ коллегіума въ приличномъ по достоянію сихъ изображеніевъ мѣстѣ". Препровождая ихъ кн. А. М. Голицыну, гр. Н. П. Румянцевъ писалъ: „услаждаясь тою мыслію, что дѣдъ мой Мих. Мих. на пользу Харьковскаго училища, воспитавшаго столько полезныхъ отечеству людей, сдѣлалъ въ свое время не малыя пожертвованія, и по сравненію тогдашней эпохи конечно необыкновенныя, я изваялъ бронзовое изображеніе его, равно и сына его кн. Д. М., также участвовавшаго въ пособіи училищу. Принадлежа по матери къ роду князей Голицыныхъ, не по одному темному движенію крови, я тронулся частію сберечь образъ сихъ мужей, но привлеченъ къ тому былъ и тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго съ благомыслящими сотчичами нельзя не раздѣлять къ нимъ. Я судилъ справедливѣйшимъ препроводить сіи бюсты къ Вашему Сіятельству въ лестномъ чаяніи, что Вы исходатайствуете имъ пристойное мѣсто въ извѣстной залѣ Харьковскаго училища. Самъ по себѣ не смѣлъ я сего сдѣлать, а обратился къ Вашему Сіятельству въ томъ разумѣ, что вручаю ихъ старшему въ родъ князей Голицыныхъ, какъ такой особѣ, которая снискала по государству общее почтеніе и добродѣтелями и достоинствами извѣстными. Примите, мил. гос. мой, приносимую отъ меня дань свидѣтельства какъ моей приверженности къ столь знаменитому роду, такъ и особливой преданности къ вашему лицу" (27 янв. 1804 г.). 9 янв. 1806 г. кн. А. М. Голицынъ сообщилъ преосв. Христофору Сулимѣ о новомъ пожертвованіи отъ неизвѣстной 5000 р. въ пользу коллегіума [3]).

Послѣ Голицыныхъ заботы о коллегіумѣ перешли исключительно къ мѣстнымъ архіереямъ. Ихъ стараніями училище совершенствовалось въ экономическомъ и учебномъ отношеніи. Въ 1817 году колле-

[1]) Рук. сборникъ Харьк. Дух. Сем. № 3848.

[2]) Очеркъ исторіи Харьк. кол. составилъ П. С—въ, Х. 1881, стр. 29—31.

[3]) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ рукописнаго сборника Харьк. Духовн. Семин. за № 3848.

гіумъ былъ преобразованъ коммиссіей духовныхъ училищъ въ семинарію 3-го разряда (Гапоновъ). Преобразованіе состояло въ томъ, что при немъ открыты были духовныя, уѣздныя и приходскія училища, которыя до того времени заключались въ самомъ коллегіумѣ. Профессорами въ коллегіумѣ были назначены—Прокоповичъ, Могилевскій, Снѣгиревъ, С. Антоновскій, Борисовъ, Прожанскій, Куницкій; учителями уѣзднаго училища въ высшее отдѣленіе—Поповъ и Обтовцовъ, въ низшее—Покровскій и Линицкій; учителями приходскаго училища, въ высшее—діаконъ Г. Гнѣдичъ, въ низшее—Н. Прокоповичъ [1]). Въ устройствѣ вновь открытыхъ училищъ живѣйшее участіе принималъ епископъ Слободско-украинскій Аполлосъ, который еще въ 1815 г. собралъ для этого пожертвованіями 8000 р. и отправилъ въ опекунскій совѣтъ, чтобы проценты съ нихъ шли на эти училища. Въ 1821 году преосв. Павелъ (Саббатовскій) исходатайствовалъ у коммиссіи духовныхъ училищъ 124131 р. ас. на постройку отдѣльнаго зданія, въ которомъ должны были помѣститься эти училища, квартиры преподавателей коллегіума и училищъ и домовая церковь. Бывшій питомецъ коллегіума, а потомъ наставникъ его въ продолженіи 25 лѣтъ, послѣдній префектъ его Павелъ Николаевичъ Рейнольскій въ 1829 г. пожертвовалъ въ пользу харьковскихъ духовныхъ уѣздныхъ училищъ 2000 р. ас. на вѣчныя времена. Измайловъ пожертвовалъ въ 1852 году 2000 р. сер. въ Харьковскую семинарію съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы въ ней содержался круглый сирота или бѣднѣйшій ученикъ изъ духовнаго званія, преимущественно изъ фамиліи Федоровыхъ, Старобѣльскаго уѣзда, Харьк. губ. Изъ уваженія къ памяти князей Голицыныхъ, Харьковская семинарія и по преобразованіи своемъ называлась Духовнымъ коллегіумомъ. Уѣздное духовное училище, по этому преобразованію, раздѣлено было на 2 разряда—*приходское* и *уѣздное*; въ каждомъ изъ нихъ было по 2 класса: 1-й и 2-й составляли приходское, 3-й и 4-й составляли низшее и высшее отдѣленія уѣздныхъ училищъ. Курсъ ученія въ нихъ продолжался 6 лѣтъ: въ 1-мъ и 2-мъ приходскомъ по одному году, въ 3-мъ и 4-мъ по 2 года. Окончившіе курсъ духовныхъ уѣздныхъ училищъ могли поступать въ коллегіумъ. Курсъ ученія въ этомъ послѣднемъ былъ также 6-лѣтній, въ каждомъ изъ 3-хъ классовъ ученіе продолжалось по 2 года—низшемъ отдѣленіи или риторикѣ, среднемъ отдѣленіи или философіи и высшемъ отдѣленіи или богословіи. Въ каждомъ классѣ ученики дѣлились на 3 разряда: первый (лучшіе ученики), второй (средніе), третій (плохіе). Окончившіе курсъ наукъ по 1-му разряду именовались студентами и имѣли право на чинъ 14-го класса, а остальные выпускались воспитанниками. Окончившіе по первому разряду могли поступить для дальнѣйшаго образованія въ Академію. Программа преподаванія въ коллегіумѣ-семинаріи была такова. Въ низшемъ отдѣленіи читались: риторика, поэзія, церковное краснорѣчіе, гражданская всеобщая и русская исторія, латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій языки. Въ среднемъ отдѣленіи: логика, психологія, церковно-библейская исторія и исторія ново-завѣтной церкви, физика, математика, латинскіе и греческіе писатели, французскій и нѣмецкій языки. Въ высшемъ отдѣленіи: богословіе догматическое, нравственное, практическое и обличительное, церковно-библейская исторія и церковная исторія, всеобщая и русская исторія, Толкованіе священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, Чтеніе отцовъ церкви на латинскомъ и греческомъ языкахъ, еврейскій языкъ. Программа преподаванія въ уѣздномъ духовномъ училищѣ была такова. Въ 1-мъ *приходскомъ* классѣ: начатки Закона Божія (краткій катехизисъ), начало русской грамматики, латинскаго и греческаго языковъ и ариѳметики, чистописаніе и нотное пѣніе. Во 2-мъ *приходскомъ* классѣ: продолженіе тѣхъ же предметовъ. Въ низшемъ *уѣздномъ* (3-мъ классѣ): болѣе пространное продолженіе тѣхъ же предметовъ, начало синтаксиса на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, славянская грамматика, понятіе о церковномъ уставѣ. Въ высшемъ *уѣздномъ* классѣ: окончаніе тѣхъ же предметовъ, пространный катехизисъ и краткая священная исторія, географія, переводы съ разборомъ съ латинскаго и греческаго языковъ на русскій и обратно и окончательное изученіе синтаксиса. Главные предметы (богословіе, философія, словесность) по обычаю того времени читались на латинскомъ языкѣ. Благодаря этому учащіеся хорошо усваивали себѣ этотъ языкъ и объяснялись на немъ. Впослѣдствіи это измѣнилось. Появились руководства и учебники на русскомъ языкѣ. Изученіе предметовъ вслѣдствіе этого для учащихся сильно облегчилось, ибо до того времени должны были употреблять массу времени на списываніе лекцій и тѣмъ подрывать свое здоровье.

[1]) Харьк. изв., 1817, № 43.

Многіе изъ окончившихъ курсъ въ коллегіумѣ заняли мѣста приходскихъ священниковъ. Нѣкоторые уволились изъ духовнаго званія (хотя и не безъ труда по тогдашнему времени) и поступили на гражданскую службу. Иные, поступивъ въ Академію и окончивъ въ ней курсъ, заняли мѣста преподавателей въ семинаріяхъ. Изъ питомцевъ Харьковскаго коллегіума заняли такимъ образомъ въ немъ учительскія должности: Я. Г. Прожанскій, прот. В. Т. Поповъ, П. Д. Вышемірскій, Н. В. и А. В. Павловы, іеромонахъ Амфилохій (Андріевскій). Большою популярностью пользовался проф. и ректоръ коллегіума А. Прокоповичъ, которому принадлежитъ и нѣсколько печатныхъ трудовъ: поучительныя слова, латинская хрестоматія, лексиконъ латинскій, календарь на 1809 годъ (пер. съ польскаго), мысли при чтеніи посланія св. апостола (Павла) къ Солунянамъ, Галатамъ, Колосаямъ и Ефесеямъ—4 книги [1]).

Ректорами Харьковскаго коллегіума были въ XIX столѣтіи: А. С. Прокоповичъ (съ 1801 по 1825), архим. Тимофей (1825—1827), архим. Аѳанасій (1827—1830), архим. Іоаннъ (Оболенскій) (1830—1842); при немъ коллегіумъ переименованъ въ семинарію. Изъ выдающихся наставниковъ коллегіума слѣдуетъ отмѣтить: Аѳанасія Могилевскаго (потомъ проф. Харьк. у-та), прот. Стеф. Антоновскаго, М. А. Борисова, прот. Вас. Тер. Попова, прот. И. А. Зимина (впослѣдствіи проф. Харьк. у-та), прот. И. А. Лебедева (впослѣдствіи проф. Харьк. у-та), Я. Г. Прожанскаго, С. Д. Снегирева [2]).

Выдающимися питомцами Харьк. коллегіума были: Димитрій Сулима—архіепископъ кашиневскій (съ 1808 по 1843), Антоній Шокотовъ—епископъ оренбургскій, Іоакинѳъ Карпинскій—архим. Новоспасскаго мон., Сильвестръ Лебединскій—архіеп. астраханскій, Ѳеофилъ Горанскій—архіеп. екатеринославскій, Иванъ Башинскій—ректоръ екатеринославской сем., Иванъ Савченко—ректоръ бѣлгородской семинаріи; изъ свѣтскихъ лицъ: Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, Ефремъ Осиповичъ Мухинъ и Михаилъ Трофимовичъ Коченовскій—извѣстные профессора Московскаго университета и ученые; мѣстные харьковскіе дѣятели—Мак. Мак. Ковалевскій, Вл. П. Ковалевскій, Ефимъ Ивановичъ Топчіевъ [3]).

Любопытныя свѣдѣнія о внутренней жизни коллегіума въ 1-й четверти XIX в. сообщаетъ питомецъ его Е. Топчіевъ.

„Меня и брата, говоритъ онъ, опредѣлили въ Харьковскій коллегіумъ, который впослѣдствіи переименованъ въ семинарію. Во время моего тамъ ученья, въ первыхъ трехъ классахъ господствовалъ латинскій языкъ, до того, что переводили изъ класса въ классъ единственно по успѣхамъ въ немъ; въ прочихъ же предметахъ экзаменовали такъ снисходительно, что не отвѣчай ни изъ одного,—незнаніе не было ученику препятствіемъ къ переводу въ высшій классъ. Кто могъ отвѣчать учителю латинской фразой и притомъ велъ себя добропорядочно, тотъ сидѣлъ на передней скамьѣ, какъ прилежный ученикъ,—а этой чести добивались многіе и оттого у учениковъ коллегіума вошло въ обычай говорить по латыни и между собою, сперва съ примѣсью русскихъ словъ, смотря по тому, какого класса былъ говорившій; но дойдя до реторическаго, уже каждый объяснялся свободно, безъ примѣси русскихъ словъ. Въ моей памяти осталась жалоба одного ученика инфимы (т. е. перваго класса) на другого „Ego ставъ на каменючку; iIle пхнувъ; ego покотывся, caput розбився, а sanguis въ дирочку дзюръ—дзюръ“.

Я засталъ ректоромъ коллегіума и вмѣстѣ преподавателемъ богословія протоіерея Андрея Прокоповича, префектомъ (инспекторомъ) и преподавателемъ философіи Павла Николаевича Рейнольскаго. Въ реторическомъ (пятомъ) классѣ преподавалъ Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, въ піитическомъ (четвертомъ)—Стефанъ Антоновскій, только что пріѣхавшій изъ кіевской академіи, впослѣдствіи протоіерей Успенскаго собора, въ синтаксисѣ (третьемъ классѣ) протоіерей Александръ Башинскій, въ грамматическомъ (второмъ) классѣ Андрей Андреевичъ Вербицкій,—впослѣдствіи перешедшій учителемъ въ Харьковскую гимназію, а въ инфимѣ (первомъ классѣ) Игнатій Щекинъ,—впослѣдствіи протоіерей. Чрезъ годъ послѣ моего поступленія въ коллегіумъ, Толмачевъ вызванъ въ С.-Петербургъ, кажется профессоромъ въ педагогическій институтъ. На его мѣсто въ реторическій классъ поступилъ Антоновскій, а за нимъ: Башинскій—въ піитическій, Вербицкій—въ синтаксическій, Щекинъ—въ грамматическій. Учившіеся въ богословскомъ и философскомъ классахъ назывались студентами, а въ остальныхъ—учениками. Кромѣ ректорства, Прокоповичъ несъ на себѣ обязанность первоприсутствовавшаго члена консисторіи, настоятеля Успенскаго

[1]) О Харьк. кол. Ѳедоровскаго.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

собора и цензора проповѣдей, говоренныхъ въ Харьковской губ., въ свое время былъ первый проповѣдникъ, а въ общежитіи—ловкій, находчивый, пріятный собесѣдникъ, большой анекдотистъ, умѣвшій кстати вкинуть въ разговоръ латинскую пословицу, привесть въ доказательство текстъ изъ священнаго писанія, и при этомъ большой хлѣбосолъ. Рейпольскій былъ ученѣе Прокоповича, въ познаніи латинскаго языка не уступалъ профессорамъ Харьковскаго университета, которые читали свои лекціи на латинскомъ языкѣ и самому Шаду, написавшему Jus naturae, но по своей скромности, неумѣнью высказываться, гдѣ слѣдовало бы, мало кѣмъ былъ замѣченъ. Впослѣдствіи онъ завелъ у себя небольшой мужской пансіонъ и былъ инспекторомъ классовъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Во время моего ученья въ коллегіумѣ, съ 1808 по 1812 годъ, для каждаго класса былъ особый учитель, который читалъ положенные въ немъ предметы преподаванія; самъ же онъ и экзаменовалъ своихъ учениковъ при концѣ года, такъ что по его однимъ отмѣткамъ переводили насъ въ высшій классъ. За шалость и лѣность учителя не жалѣли розогъ для своихъ учениковъ—даже изъ дворянъ. Главные предметы ученья преподавались до обѣда, съ семи до одиннадцати часовъ. Въ зимніе мѣсяцы приходилось сидѣть въ темнотѣ, въ ожиданіи разсвѣта. Послѣ обѣда—ариѳметика, два раза въ недѣлю: первая часть—для первыхъ трехъ классовъ вмѣстѣ, а вторая—для четвертаго и пятаго. По программѣ было предположено преподаваніе алгебры и геометріи для философскаго и богословскаго классовъ; но по недостатку преподавателей между учителяли коллегіума для этой, въ то время казавшейся ненужной науки, программа, какъ припоминаю, оставалась безъ выполненія. Послѣ обѣда преподавались также естественная исторія, греческій, французскій и нѣмецкій языки—для желающихъ учиться имъ, безъ принужденія. Я не ходилъ на лекціи греческаго языка. Естественная исторія читалась безъ объясненій. Бывало преподаватель спроситъ урокъ одного, другого, третьяго ученика и потомъ прочитаетъ по книгѣ, что назначается выучить къ слѣдующей лекціи; это была напрасная трата времени для ученика, которому было выгоднѣе задать урокъ самому себѣ по той же книгѣ и выучить его въ назначенное время для лекціи. Языки, которые преподавались подъ именемъ французскаго и нѣмецкаго, ни французъ, ни нѣмецъ не призналъ бы своимъ, по выговору и самымъ фразамъ.

Въ 1841 году въ ректорство архим. Іоанна (Оболенскаго) Харьковскій коллегіумъ былъ переименованъ въ Харьковскую семинарію, что произвело грустное впечатлѣніе на его питомцевъ. Тогда же произведено было измѣненіе въ программахъ преподаванія. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи велѣно было читать: риторику, поэзію, всеобщую гражданскую исторію, катехизическое ученіе, чтеніе священнаго писанія (историческія книги), объясненіе богослужебныхъ книгъ, алгебру, геометрію, геодезію, пасхалію, латинскій, греческій языки, французскій, нѣмецкій и еврейскій (для желающихъ), иконописаніе. Въ среднемъ отдѣленіи: россійскую гражданскую исторію, естественную исторію, библейскую исторію, физику, логику, психологію, патристику, чтеніе священнаго писанія (учительныя книги), герменевтику, сельское хозяйство, латинскихъ и греческихъ писателей, французскій, нѣмецкій и еврейскій языки (для желающихъ), иконописаніе. Въ высшемъ отдѣленіи: богословіе догматическое, нравственное, гомилетику, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, ученіе о должностяхъ приходскаго священника, толкованіе священнаго писанія Новаго завѣта, церковную исторію, церковныя древности и обряды, церковные законы и каноническое право, исторію русской церкви, сельское хозяйство, медицину, чтеніе латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви и новые языки (для желающихъ). Всѣ семинарскіе предметы нужно было пройти въ теченіе 6 лѣтъ, по 2 года въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій. И прежняя, и въ особенности данная программа отличалась чрезмѣрнымъ обиліемъ входившихъ въ преподаваніе предметовъ. Обширный курсъ требовалъ для усвоенія его многихъ лѣтъ. Ученіе въ семинаріи при нормальныхъ условіяхъ продолжалось 6 лѣтъ, но до поступленія въ семинарію нужно было окончить еще приходское и уѣздное училище съ такимъ же 6-тилѣтнимъ курсомъ, т. е. посвятить низшей и средней школѣ 12 лѣтъ, и высшую школу—Академію—окончить въ 30 лѣтъ отъ роду. Академикъ Коль, лично посѣтившій Харьковъ, отзывается очень сочувственно о Харьковской семинаріи; она, говоритъ онъ, пользуется хорошей славой; самъ Коль съ интересомъ наблюдалъ молодыхъ харьковскихъ семинаристовъ, ревностно изучавшихъ свои учебники и его трогало, какъ они это дѣлали часто подъ открытымъ небомъ около двора бѣдной хижины своего отца.

Въ 1844 году при Иннокентіи (Борисовѣ) было положено основаніе зданіямъ собственно семинаріи на новомъ мѣстѣ, на Холодной Горѣ. „Мѣстность, избранная для этого, говоритъ свящ. Ѳедоровскій

превосходна, совершенно удовлетворяющая потребностямъ учащихся. Вдали отъ городского шума, тѣсноты и пыли, гдѣ постоянно можно наслаждаться чистымъ здоровымъ воздухомъ, лучшею водою (вблизи находится Карповская криница), прекраснымъ видомъ окрестностей и въ особенности г. Харькова". Усадебное мѣсто находилось при большой проѣзжей дорогѣ въ г. Екатеринославъ. Всей земли въ немъ было 10 дес. и 2352 кв. саж. Фасадъ главнаго корпуса былъ исполненъ по образцу фасада петербургской семинаріи. Во флигеляхъ были устроены квартиры для преподавателей. Здѣсь были устроены 2 сада—для учениковъ и учителей, огородъ, ботаническій садъ. Переходъ семинаріи въ новое помѣщеніе совершился 8 мая 1851 г. при архіеп. Филаретѣ. Прежнее зданіе коллегіума было занято консисторіей. Но въ 1855 году зданіе семинаріи на Холодной Горѣ было превращено въ госпиталь для раненыхъ защитниковъ Севастополя, а семинарія вынуждена была временно пріютиться частію въ старомъ семинарскомъ жиломъ корпусѣ (въ зданіи харьковскихъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ), частію въ домѣ помѣщицы Лаптевой и на вольныхъ квартирахъ [1]).

Наставниковъ въ семинаріи было кромѣ ректора и инспектора девять, всѣ съ академическими степенями магистра или кандидата богословія. Воспитанниковъ въ семинаріи было въ сороковыхъ годахъ отъ 350 до 300, и такъ какъ въ среднемъ отдѣленіи было свыше 100, а въ низшемъ до 150 человѣкъ, то каждое изъ нихъ дѣлилось на два класса. Въ пятидесятыхъ годахъ число учениковъ было меньше, во всей семинаріи числилось около 250 душъ, а въ среднемъ отдѣленіи около 80, вслѣдствіе чего въ 1854 году въ этомъ отдѣленіи одинъ классъ былъ закрытъ, и осталось два класса только въ низшемъ отдѣленіи. Затѣмъ число учениковъ опять стало возрастать и ко времени преобразованія семинаріи, т. е. въ 1867 году ихъ числилось 369. Изъ нихъ могло помѣститься въ корпусѣ около 200 воспитанниковъ. 130—казеннокоштныхъ и 70—своекоштныхъ, а остальные жили на частныхъ квартирахъ. Въ 1867 году послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго устава духовныхъ семинарій, который въ Харьковской семинаріи былъ введенъ въ 1869 году. Этимъ уставомъ 1) было отмѣнено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, именно: патристики, библейской исторіи, сравнительнаго богословія, сельскаго хозяйства, естественной исторіи и медицины, 2) введено преподаваніе новыхъ предметовъ: именно основного богословія, космографіи, тригонометріи и обзора философскихъ ученій и 3) измѣнены программы почти всѣхъ другихъ предметовъ. Далѣе, вмѣсто трехъ отдѣленій съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ, было учреждено въ семинаріи шесть классовъ съ одногодичнымъ курсомъ, причемъ въ Харьковской семинаріи первый и второй классы были раздѣлены каждый на два отдѣленія: нормальное и параллельное. Преподавателей обязательныхъ предметовъ стало 12 съ жалованьемъ каждому по 900 руб. въ годъ вмѣсто прежнихъ 257 руб. Введены были должности двухъ помощниковъ инспектора. Источникомъ для покрытія увеличившихся расходовъ по содержанію семинаріи послужили главнымъ образомъ суммы, которыя положено было отчислять въ извѣстномъ процентѣ отъ доходовъ церквей епархіи—свѣчнаго, кошельковаго и кружечнаго, съ дополненіемъ къ нимъ пособій отъ государственнаго казначейства. Въ 1884 году былъ изданъ новый уставъ духовныхъ семинарій, по которому были сокращены число уроковъ и программъ по физико-математическимъ наукамъ, а также по латинскому и греческому языкамъ, число же уроковъ по богословскимъ наукамъ было увеличено и ихъ изученіе распредѣлено было на большее число классовъ, чѣмъ прежде. Въ 1886 году учреждена была при семинаріи отдѣльная каѳедра по обличительному богословію и исторіи и обличенію раскола. Въ томъ же 1886 году было открыто въ 3 классѣ семинаріи параллельное отдѣленіе на средства епархіальнаго свѣчнаго завода. Въ 1887 году при семинаріи была открыта образцовая церковно-приходская школа для практическаго ознакомленія воспитанниковъ 5 и 6 класса семинаріи съ пріемами первоначальнаго обученія дѣтей и вообще съ веденіемъ школьнаго дѣла. На постройку зданія для этой школы было пожертвовано 15000 руб. извѣстнымъ благотворителемъ Иваномъ Герасимовичемъ Харитоненко по ходатайству покойнаго высокопреосвященнаго Амвросія, бывшаго архіепископа харьковскаго. Въ 1892—1893 году къ главному семинарскому корпусу былъ пристроенъ новый трехъэтажный корпусъ для общежитія воспитанниковъ семинаріи, и съ 1893 года дозволяется жить внѣ корпуса только тѣмъ воспитанникамъ, которые имѣютъ родителей въ г. Харьковѣ. Средства на постройку новаго корпуса были пожертвованы при содѣйствіи высокопреосвященнаго Амвросія церквами и духо-

[1]) Ѳедоровскаго. О харьковскомъ коллегіумѣ.

венствомъ Харьковской епархіи. Въ 1903 году при Харьковской семинаріи были открыты двѣ новыя должности помощниковъ инспектора.

Въ настоящее время въ шести нормальныхъ и трехъ параллельныхъ классахъ семинаріи обучается 320 воспитанниковъ, изъ нихъ 266—дѣти духовенства по преимуществу Харьковской епархіи, 58—дѣти лицъ свѣтскаго званія и 4—иностранныхъ подданныхъ (болгаринъ, сербъ, черногорецъ и сиро-халдей). Изъ всѣхъ воспитанниковъ семинаріи 12 живутъ на квартирахъ у родителей и 308—въ двухъ большихъ корпусахъ, соединенныхъ между собою, изъ нихъ 150—на своемъ содержаніи, а прочіе на казенномъ, или состоятъ стипендіатами разныхъ лицъ и учрежденій, или получаютъ пособіе изъ епархіальныхъ суммъ. Ежегодно оканчиваютъ курсъ изъ нихъ около 40 человѣкъ. Преподавателей въ семинаріи кромѣ ректора и инспектора, числится четырнадцать, помощниковъ инспектора—четыре. Всѣ служащіе въ семинаріи имѣютъ казенныя квартиры, размѣщенныя въ главномъ корпусѣ и четырехъ отдѣльныхъ флигеляхъ. При семинаріи имѣются отдѣльныя зданія для больницы, бани и водокачки, гдѣ добывается вода изъ устроенной въ 1892 году буровой скважины. Въ состоящей при семинаріи образцовой школѣ съ четырехгодичнымъ курсомъ обучается свыше 120 мальчиковъ. Обученіе ведутъ въ ней два учителя и законоучитель священникъ, онъ же духовникъ семинаріи. Въ семинаріи имѣется фундаментальная библіотека, состоящая изъ 8963 названій сочиненій, изъ нихъ 1723 названія книгъ—на латинскомъ и греческомъ языкахъ, 6329—на русскомъ и славянскомъ, 274—на французскомъ, 337—на нѣмецкомъ, 143—на польскомъ, 47—на другихъ малоизвѣстныхъ языкахъ, 50—старопечатныхъ и раскольническихъ книгъ и 55 рукописей. Кромѣ того имѣется въ семинаріи библіотека изъ 935 названій книгъ, завѣщенная покойнымъ архіепископомъ харьковскимъ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, и ученическая библіотека, содержимая на епархіальныя средства и состоящая изъ 4764 книгъ. Должности ректоровъ Харьковской семинаріи занимали слѣдующія лица: архим. Іоаннъ (Оболенскій), 1830—1842; архим. Филоѳей (Успенскій), (въ послѣдствіи митрополитъ кіевскій), съ 1 іюля по 14 октября 1842 года; архим. Агафангелъ (Соловьевъ), 1842—1845; архим. Израиль (Лукинъ), 1845—1851; архим. Венедиктъ (Курковскій), 1851—1854; архим. Герасимъ (Добросердовъ), 1855—1859; архим. Агапитъ (Лопатинъ), 1860—1864; архим. Веніаминъ (Плагоновъ), 1864—1872; прот. Василій Ѳедоровичъ Эвеидовъ, 1872—1878; прот. Михаилъ Ивановичъ Разногорскій, 1878—1883; прот. Іоаннъ Александровичъ Кратировъ, 1883—1893; прот. Александръ Васильевичъ Мартыновъ, 1893—1894; прот. Іоаннъ Павлиновичъ Знаменскій, съ 1894 года.

Реальное училище [1]). Высочайше утвержденнымъ уставомъ (15 мая 1872 года) назначеніе реальныхъ заведеній опредѣлялось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „реальныя училища имѣютъ цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію практическихъ познаній". Въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1873 годъ, особенною статьею, было внесено 360,000 р., причемъ Министру было предоставлено право расходовать эту сумму по ближайшему его усмотрѣнію исключительно на реальныя училища. По предложенію Министерства начальство учебнаго округа обратилось къ Харьковскому городскому управленію съ запросомъ, желательно ли открытіе реальнаго училища въ Харьковѣ и въ какомъ составѣ, а также и въ какой мѣрѣ Общество можетъ оказать этому содѣйствіе. Городская дума встрѣтила запросъ Министерства весьма сочувственно, отвѣтила, что въ городѣ уже давно чувствуется настоятельная потребность въ заведеніи типа реальныхъ училищъ и опредѣлила ассигновать 10,000 руб. единовременно на нужды заведенія, а также и пріобрѣсти мѣсто для постройки зданія. Г-нъ Министръ призналъ цѣлесообразнымъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, открыть въ Харьковѣ училище въ шестикласномъ составѣ, съ коммерческимъ отдѣленіемъ при 5-мъ и 6-мъ классахъ и съ механико-техническимъ отдѣленіемъ при высшемъ дополнительномъ классѣ. По полученіи распоряженія Министерства въ Харьковѣ (8 февраля 1873 года), Попечителемъ Округа было немедленно предложено бывшему директору третьей гимназіи Рубенко озаботиться пріисканіемъ наемнаго помѣщенія для проектированнаго заведенія и первоначальнымъ его оборудованіемъ. Осмотрѣны были при участіи городского головы и членовъ Управы всѣ свободныя и сколько-нибудь подходящія квартиры и выборъ палъ на домъ наслѣдниковъ Костюриныхъ на Конной улицѣ. Квартира была нанята на 4 года съ платою по

[1]) Сообщено В. В. Шиховымъ.

1300 руб. ежегодно. Съ 1-го іюля того же года начальникомъ училища былъ назначенъ директоръ третьей гимназіи А. С. Рубенко, прослужившій уже по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія болѣе 30 лѣтъ. Затѣмъ въ непродолжительномъ времени составился и учительскій персоналъ.

Всего было принято 153 ученика; пришлось отказать за недостаткомъ мѣстъ только четыремъ, остальные подавшіе прошеніе или не выдержали испытаній, или совсѣмъ не явились. Съ 25-го августа въ училищѣ начались занятія, а 13-го ноября въ помѣщеніи заведенія было отпраздновано торжественнымъ актомъ его открытіе. Съ каждымъ годомъ число желающихъ поступить въ училище возрастало, такъ что уже съ первыхъ лѣтъ существованія заведенія представилась надобность въ открытіи параллельныхъ отдѣленій при низшихъ классахъ, а такое развитіе заведенія потребовало и расширенія помѣщенія. Въ 1876 году Попечительный Совѣтъ училища нашелъ необходимымъ нанять особое помѣщеніе для низшихъ классовъ заведенія, съ какою цѣлью и былъ арендованъ цѣлый этажъ въ домѣ Чайковскаго. Еще въ началѣ 1875 года возникла мысль о постройкѣ дома, приспособленнаго къ потребностямъ училища. Купленное съ этою цѣлью мѣсто, по которому уже былъ составленъ и планъ зданія земскимъ архитекторомъ Толкуновымъ, было признано неудобнымъ, поэтому Городскою Думою была отведена подъ постройку часть Вознесенской площади, выходящая на Старо-Московскую улицу. Соотвѣтственно фигурѣ мѣста былъ измѣненъ первоначальный планъ и составлена смѣта на 110,000 руб. Для покрытія расходовъ по постройкѣ губернскимъ и уѣзднымъ земствами было ассигновано по 40.000 р., а городомъ 30.000 руб. Строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ перваго почетнаго попечителя Д. Н. Вразоля, извѣстнаго тогда общественнаго дѣятеля въ городѣ, при участіи директора Рубенко, энергично принялась за дѣло. Въ маѣ 1875 года была начата постройка, а въ концѣ осени огромное трехъэтажное зданіе училища было уже подведено подъ крышу. 14-го августа 1877 года состоялось освященіе зданія, а 16-го числа того же мѣсяца начались учебныя занятія въ новомъ помѣщеніи, которое удовлетворяло всѣмъ потребностямъ заведенія—было свѣтло и просторно. Въ тогдашнее время это было самое лучшее школьное зданіе города. Въ новомъ обширномъ помѣщеніи училище имѣло возможность расширить свою дѣятельность; вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ открытіемъ высшихъ классовъ открывались и параллельныя отдѣленія, а именно въ 1876 году—при первомъ классѣ, 1877 г.—при второмъ, въ 1878 г.—при третьемъ и четвертомъ, въ 1879 г.—при пятомъ и въ 1880 г.—при шестомъ. Въ 1879 году было учреждено при седьмомъ классѣ химико-техническое отдѣленіе. Въ 1880 году училище развилось до двойного состава. Такимъ образомъ, возникла и организовалась въ Харьковѣ реальная школа въ формѣ реальнаго училища смѣшаннаго типа. Общество встрѣтило новое заведеніе съ большой симпатіей; на училище возлагались большія надежды. Въ учебномъ планѣ его предметы были расположены не для преслѣдованія опредѣленной педагогической цѣли послѣдовательнаго развитія умственныхъ способностей учащихся; курсъ училища долженъ былъ приспособляться къ различнымъ требованіямъ практической жизни. Такъ, первые четыре класса, дававшіе права вольноопредѣляющихся 2-го разряда, должны были считаться съ экзаменами для поступленія въ юнкерскія училища; пятый классъ, приготовлявшій въ среднія техническія училища, которыхъ было весьма мало, долженъ былъ давать законченный общеобразовательный курсъ; 6 классъ также заканчивать общее образованіе для лицъ, получающихъ гражданскія права и вступающихъ непосредственно въ практическую жизнь, наконецъ, 7 классъ долженъ былъ завершить образованіе тѣхъ выдающихся способностями питомцевъ училища, которымъ было предоставлено право добиваться по конкурсу поступленія въ высшую техническую школу. Къ 5-му и 6-му классамъ присоединялись коммерческія отдѣленія, въ которыя шли ученики, не могшіе справиться съ трудностями математическихъ наукъ и въ которыхъ думали приготовить бухгалтеровъ, конторщиковъ и вообще служащихъ по торговой части. Для достиженія такихъ разнообразныхъ цѣлей и былъ составленъ учебный планъ, который нужно было выполнить въ 7 лѣтъ. Въ это время полагалось пройти особо приспособленный общеобразовательный курсъ и сообщить ученикамъ опредѣленный запасъ знаній и умѣній примѣнительно къ техническимъ цѣлямъ. Посмотримъ, какія же средства были даны для выполненія такого сложнаго дѣла. Профессіональная сторона учебнаго плана выражалась въ слѣдующей формѣ. Въ первыхъ четырехъ классахъ было широко поставлено преподаваніе рисованія, такъ что въ 1-мъ классѣ назначалось на этотъ предметъ 6 полуторачасовыхъ уроковъ въ недѣлю. Оканчивалось рисованіе въ четвертомъ классѣ; съ третьяго класса начиналось техническое черченіе, которое продолжалось въ 4-омъ и 5-мъ классахъ въ

видѣ геометрическаго, въ 6-омъ ученики занимались вычерчиваніемъ кривыхъ, а въ 7 на механическомъ отдѣленіи составленіемъ исполнительныхъ чертежей машинъ. Въ 6 классѣ проходился курсъ начертательной геометріи. Общая механика изучалась въ 6 классѣ, а прикладная—въ 7, на механическомъ отдѣленіи. На этомъ же отдѣленіи 7-го класса изучались слѣдующія спеціальныя науки, конечно, въ краткомъ изложеніи: технологія, строительное искусство и низшая геодезія. Общая химія преподавалась въ 6 классѣ, а аналитическая, при большемъ числѣ часовъ лабораторныхъ работъ, проходилась въ химико-техническомъ отдѣленіи 7 класса. Въ обоихъ техническихъ отдѣленіяхъ изучалось фабричное счетоводство. Реальные предметы общеобразовательнаго характера были поставлены слѣдующимъ образомъ. Въ третьемъ классѣ начинались естественныя науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и продолжались черезъ весь курсъ съ перерывомъ въ шестомъ классѣ. Къ нимъ присоединялась съ 5-го класса физика. Черезъ всѣ классы проходилъ усиленный курсъ математики. Сложный комплексъ перечисленныхъ предметовъ долженъ былъ естественно значительно сократить время, отдѣленное на занятія такими общеобразовательными предметами какъ родной языкъ и литература, исторія и географія. Русская литература была замѣнена разборомъ нѣсколькихъ выдающихся литературныхъ произведеній въ шестомъ классѣ. Курсъ исторіи былъ доведенъ до минимальныхъ размѣровъ. Въ третьемъ классѣ проходилась эпизодически русская исторія, въ 4-омъ и 5-омъ древняя, средняя и новая. Во всѣхъ этихъ классахъ полагалось на этотъ предметъ только по 2 недѣльныхъ урока. Въ 6-мъ классѣ возобновлялась русская исторія въ видѣ болѣе подробнаго курса. Географія, послѣ прохожденія обыкновеннаго гимназическаго курса въ первыхъ четырехъ классахъ, возобновлялась въ 6-омъ въ видѣ сравнительной географіи. Новымъ языкамъ былъ данъ достаточный просторъ. Они должны были имѣть и общеобразовательное, и практическое значеніе. Предполагалось, что реалисты научатся свободно передавать свои мысли не только устно и письменно, но и пополнять пробѣлы своего филологическаго и литературнаго образованія знакомствомъ съ иностранными классическими писателями. Такимъ образомъ, техническіе предметы при такомъ обиліи должны были стѣснить преподаваніе общеобразовательныхъ и сами въ свою очередь не могли быть поставлены съ такою полнотою, при которой могли бы имѣть какія-либо практическія примѣненія. При такихъ условіяхъ не достигалось ни достаточнаго общаго, ни примѣнимаго на практикѣ профессіональнаго образованія. Что же могло дать реальное училище при такой постановкѣ дѣла? Окончившіе курсъ совершенно не были приготовлены, чтобы занять какое-либо опредѣленное мѣсто на заводѣ; тѣ незначительныя свѣдѣнія элементарнаго характера, которыя они пріобрѣтали въ седьмомъ классѣ далеко были недостаточны, чтобы дать практическое приложеніе. По этой причинѣ окончившіе курсъ реалисты почти всѣ безъ исключенія стремились къ продолженію своего образованія. Но высшихъ техническихъ школъ было очень мало; и поступить въ нихъ было весьма трудно: нужно было ѣхать въ Петербургъ, а стеченіе въ столицу окончившихъ курсъ со всей Россіи создавало страшную конкуренцію; удавалось поступить только небольшому числу счастливцевъ. Нужно было открывать другіе пути. Поступали въ различныя высшія школы заграницу. Устроиться такимъ образомъ, конечно, могли весьма немногіе, имѣющіе для того денежныя средства. Громадное большинство окончившихъ курсъ оставались неудовлетворенными, должны были пристраиваться къ какому-либо дѣлу, не имѣвшему ничего общаго съ школьной техникой. Громадное большинство оставалось въ 7-мъ дополнительномъ классѣ. Точно также не переходили изъ 5-го класса въ среднія техническія училища, которыхъ было весьма мало и которыя рекрутировались изъ другого источника. Коммерческія отдѣленія были пусты, въ нихъ переходили такіе ученики, которые предполагали заняться своими собственными торговыми дѣлами, и такихъ было не много, такъ что оканчивали курсъ maximum человѣка 4. Надежда на образовательную силу и практическую пользу новыхъ языковъ не оправдалась. Ученики видѣли безплодность ученія и относились къ этимъ предметамъ такъ же, какъ относятся къ нимъ въ большинствѣ гимназій. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ существованія училища для людей близко стоявшихъ къ дѣлу выяснилось, что новое заведеніе далеко не соотвѣтствовало ни цѣлямъ, указаннымъ ему уставомъ, ни ожиданіямъ общества. Чтобы исправить недостатки учебнаго плана, приходилось сосредоточить главныя средства и энергію педагогическаго персонала на тѣхъ частяхъ его, которыя могли бы имѣть наибольшее учебно-воспитательное значеніе и на которыхъ можно было бы наиболѣе использовать приспособленные къ средней школѣ научные пріемы, давшіе такіе блестящіе результаты въ примѣненіи къ наукѣ и къ жизни. Въ этихъ видахъ для болѣе

обстоятельной подготовки дѣтей, поступающихъ въ заведеніе, былъ открытъ приготовительный классъ, въ которомъ и въ первыхъ двухъ было обращено особое вниманіе на наглядность при преподаваніи. Съ третьяго класса начиналось преподаваніе естественныхъ наукъ. Онѣ должны были пріучить къ внимательному наблюденію, ясному и точному воспріятію признаковъ, къ сравненію ихъ, къ обобщенію, къ соединенію однородныхъ предметовъ въ группы, въ системы. Всѣ эти работы должны были производиться при помощи соотвѣтствующихъ пособій: рисунковъ, таблицъ, гербаріевъ, коллекцій, моделей, скелетовъ, спиртовыхъ и микроскопическихъ препаратовъ, чучелъ, живыхъ растеній. Если не было возможности оживить представленіе однимъ изъ указанныхъ способовъ, пользовались діапозитивами для туманныхъ картинъ. Съ 5-го класса является другой весьма важный предметъ изъ группы опытныхъ наукъ—физика. Это наука неисчерпаемаго разнообразія методовъ изслѣдованія. Своими громадными экспериментальными средствами она имѣетъ возможность довести вниманіе учащихся до величайшей степени напряженія. Серьёзная постановка математики, на которую было отведено учебнымъ планомъ достаточно времени, поддержанная геометрическимъ черченіемъ и начертательной геометріей, дала возможность довести учащихся до сознательнаго представленія законовъ механики, еще болѣе выяснявшихся при знакомствѣ съ прикладной механикой. Изученіе общей химіи и работы по аналитической химіи въ лабораторіи давали нѣкоторый навыкъ въ опытномъ изслѣдованіи. При помощи навыка въ математическомъ мышленіи, при достаточной подготовкѣ въ механикѣ и химіи, физика могла быть поставлена на надлежащую высоту, при которой могли пользоваться и раціональными, и экспериментальными пріемами изслѣдованія въ примѣненіи къ средней школѣ. Въ опытномъ отношеніи училище было поставлено вполнѣ удовлетворительно. При немъ находился снабженный всѣмъ необходимымъ физическій кабинетъ, въ которомъ были проведены вода, газъ и электричество. Кабинетъ былъ снабженъ затемнѣніемъ, фотографической камерой; при немъ была особая аудиторія для преподаванія. Для химическихъ работъ была устроена обширная лабораторія, съ хорошею тягою и отдѣльными мѣстами на 36 человѣкъ. Эта группа сродныхъ между собою, взаимно одна другую пополняющихъ и разъясняющихъ наукъ составила, съ одной стороны, полную и стройную систему знаній, весьма цѣнныхъ для пониманія окружающей природы и жизни, а съ другой—дала богатый матеріалъ для многоразличнаго вида и трудности умственнаго труда примѣнительно къ различной степени развитія учащихся. Этотъ комплексъ учебныхъ предметовъ, умѣло поставленный, придалъ Харьковскому реальному училищу солидное общеобразовательное значеніе, хотя и нѣсколько односторонее, а счастливое соединеніе въ училищѣ способныхъ преподавателей дало возможность при практическомъ осуществленіи придать этой блѣдно выраженной части учебнаго плана надлежащую яркость, детальность и выдвинуть ее впередъ. Кромѣ того, нужно было сколь возможно улучшить положеніе роднаго языка. Съ этою цѣлью пришлось прибѣгнуть къ слѣдующему способу. Всѣ преподаватели, хорошо владѣвшіе русскимъ языкомъ, должны были принять дѣятельное участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ. При устныхъ отвѣтахъ рекомендовалось тщательно слѣдить за чистотой языка, правильностью выраженія и послѣдовательностью описаній, изложенія и разсужденіи, а особенно точностью формулировки въ выводахъ, правилахъ и законахъ. По всѣмъ предметамъ, не исключая и Закона Божія, полагались письменные отвѣты и сочиненія. При такихъ условіяхъ учащимся приходилось много упражняться въ письменномъ изложеніи своихъ мыслей по различнымъ областямъ знанія и пріучаться къ краткимъ и точнымъ способамъ выраженія. Съ этими же цѣлями старались развить между учащимися потребность въ чтеніи книгъ, которыя могли бы развить ихъ художественный вкусъ. Была устроена ученическая библіотека съ хорошимъ подборомъ книгъ. Были заведены даже классныя библіотеки, которыя устраивались самими учениками подъ руководствомъ учителя русскаго языка и словесности или класснаго наставника. Для учениковъ старшихъ классовъ устраивались литературныя бесѣды подъ руководствомъ учителя словесности. Религіозное образованіе въ реальныхъ училищахъ было поставлено въ такія же условія, какъ и въ гимназіяхъ. Въ каждомъ классѣ полагалось по два недѣльныхъ урока. Изъ законоучителей, имѣвшихъ большое вліяніе на учениковъ, оставили послѣ себя прекрасное воспоминаніе два выдающіеся дѣятеля на этомъ поприщѣ: отецъ Тимофей Павловъ, впослѣдствіи перешедшій на мѣсто кафедральнаго протоіерея, и отецъ Алексѣй Юшковъ. Отецъ Алексѣй Юшковъ былъ и первымъ настоятелемъ училищной церкви, которая была устроена при училищѣ, отчасти благодаря щедрому пожертвованію бывшаго почетнаго попечителя покойнаго князя Дмитрія Ѳедоровича Голицына. (Князь внесъ 4000 руб. на сооруженіе стѣнъ

церкви), а отчасти приношеніямъ родителей учениковъ. Реальное учебновоспитательное заведеніе должно было несомнѣнно позаботиться и о сохраненіи здоровья и физическомъ развитіи учащихся. Для улучшенія питанія въ училищѣ были устроены за незначительную плату горячіе завтраки. За нѣкоторыхъ недостаточныхъ учениковъ платило общество попеченія, которое существовало при училищѣ съ 1879 года и не мало помогало бѣднымъ воспитанникамъ одеждою, обувью и покупкою учебныхъ пособій. Въ видахъ физическаго развитія съ самого основанія заведенія широко практиковались гимнастическія упражненія различнаго рода. Для этого къ зданію училища была сдѣлана пристройка, въ нижнемъ этажѣ который и былъ устроенъ спеціально для гимнастики залъ въ 30 аршинъ длины, въ 16—ширины и 9—высоты. Сверхъ того, въ заведеніи имѣлся во второмъ этажѣ малый гимнастическій залъ для упражненія на приборахъ, большой актовый залъ и, наконецъ, была устроена достаточно большая площадка на училищномъ дворѣ и снабжена гимнастическимъ городкомъ. Учитель гимнастики Вильгальмъ, хорошо извѣстный Харькову, былъ въ то же время и помощникомъ классныхъ наставниковъ училища. При такихъ средствахъ можно было производить гимнастику одновременно въ двухъ и даже трехъ мѣстахъ. Чтобы выиграть время для гимнастики въ заведеніи было введено особое распредѣленіе уроковъ. Практиковались всевозможные виды гимнастическихъ упражненій: различныя игры, построенія, передвиженія, бѣгъ, вольныя движенія, различнаго рода упражненія на снарядахъ, бой на рапирахъ, на эспадронахъ, борьба и проч. Устраивались военныя прогулки за городъ, экскурсіи съ гимнастическими и ботаническими цѣлями, поѣздки ученическій хоръ. Впослѣдствіи изъ этого хора образовался церковный училищный, который подъ управленіемъ искусныхъ регентовъ съ большимъ успѣхомъ участвовалъ въ церковномъ богослуженіи. Съ другой стороны, преподаваніе музыки дало весьма удовлетворительные результаты для общеобразовательнаго учебнаго заведенія. Рядомъ съ этимъ шло преподаваніе и на струнныхъ инструментахъ. Кромѣ военной и гимнастической выправки ученики въ первыхъ трехъ классахъ должны были пройти курсъ танцевъ у опытнаго учителя этого искусства. Чтобы доставить учащимся и нѣкоторыя образовательныя развлеченія, въ училищѣ устраивались время отъ времени спектакли, для чего даже была сдѣлана подвижная эстрада, нарисованы занавѣсъ и декораціи и проведено для освѣщенія сцены электричество. Разъ въ году традиціонно въ пятницу на масляницѣ устраивался ученическій вечеръ, на который приглашались воспитанницы Харьковскихъ женскихъ гимназій, по большей части родственницы учениковъ. Такъ сложилась жизнь Харьковскаго реальнаго училища, но несомнѣнно, что тѣ учебные и педагогическіе пріемы, которые употреблялись въ заведеніи для сообщенія его дѣятельности надлежащей полноты и желательной производительности, не могли вполнѣ уничтожить тѣхъ недостатковъ, которые вытекали непосредственно изъ коренной ошибки—соединенія профессіональнаго и общаго образованія въ семилѣтній курсъ съ преобладаніемъ перваго. На практикѣ пострадало и то и другое. Жизнь же показала, что отъ этихъ училищъ требуется фундаментальная подготовка для высшей школы, для которой необходимо широкое общее образованіе и которая не дорожитъ обрывками техническихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ реальныхъ училищахъ. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ учебный планъ реальныхъ училищъ мало-по-малу принялъ совершенно другой видъ; онъ освободился отъ своихъ техническихъ особенностей, расширилъ и ввелъ надлежащую систему и послѣдовательность въ свою общеобразовательную программу. Въ заведеніи прекратились занятія моделированіемъ; закрылись коммерческія отдѣленія при 5-омъ и 6-омъ классахъ. Отдѣльные курсы механики и химіи съ техническимъ оттѣнкомъ слились съ общеобразовательными курсами—физикой и естественной исторіей; исключенъ изъ программы курсъ начертательной геометріи въ шестомъ классѣ и сокращено преподаваніе черченія; рисованію придано общеобразовательное значеніе. Закрыты механико и химико техническія отдѣленія при 7-омъ классѣ, а вмѣсто этого открытъ общеобразовательный общій классъ. При такомъ расширеніи общеобразовательнаго курса значительно улучшилось положеніе преподаванія роднаго языка и отведено достаточное время для изученія исторіи литературы. Въ основаніе усиленнаго, систематическаго курса исторіи положено весьма важное для правильной его постановки введеніе въ видѣ историческихъ разсказовъ въ первыхъ двухъ классахъ. Въ такое же положеніе поставленъ и расширенный систематическій курсъ естественныхъ наукъ, начинающихся съ третьяго класса и продол-

жающихся безъ перерыва до 7-го включительно. Этому курсу предшествуютъ пропедевтическія занятія природовѣдѣніемъ. Усиленъ курсъ математики, которая завершается и пополняется выясненіемъ началъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и основаній аналитической геометріи. Такое добавленіе математическаго образованія учениковъ реальнаго училища было необходимо для основательнаго пониманія нѣкоторыхъ частей элементарной математики и выясненія важнѣйшихъ понятій механики. Наконецъ, оживилось и преподаваніе иностранныхъ языковъ. Были допущены къ обученію этимъ языкамъ учительницы, которыя, по своему образованію и по знакомству съ новыми пріемами преподаванія, могутъ дать какъ практическія знанія, такъ и поставить эти предметы на надлежащую высоту въ общеобразовательномъ отношеніи. Такимъ образомъ, въ теченіе указаннаго періода жизни реальныхъ училищъ совершенно измѣнился ихъ первоначальный характеръ и значеніе.

Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ открытія новыхъ классовъ, число учащихся постепенно возрастало.

Въ 1876 году заведеніе окончательно организовалось и сдѣлало первый выпускъ. Въ 1888 году училище имѣло 600 учениковъ. Съ этого года ростъ заведенія пріостановился. Девятилѣтній періодъ существованія заведенія ясно показалъ, что оно далеко не можетъ оправдать тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали. Окончившіе курсъ ученики въ большинствѣ не могли ѣхать въ Петербургъ и рисковать неудовлетворить весьма высокимъ требованіямъ конкурса. Они ожидали открытія въ Харьковѣ Технологическаго института, зданіе котораго долго строилось, а по окончаніи постройки не мало времени стояло незанятымъ. Наконецъ, въ 1885 году институтъ былъ открытъ. Это высшее учебное заведеніе было естественнымъ исходомъ для громаднаго скопленія учениковъ, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ юга Россіи и не знавшихъ, куда пристроиться. Хотя громадный наплывъ желающихъ поступить въ новое заведеніе и создалъ страшную конкурренцію, такъ какъ число студентовъ было ограничено опредѣленнымъ комплектомъ, но во всякомъ случаѣ окончившимъ курсъ въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ предстояла возможность работать, бороться и пробовать проложить себѣ дальнѣйшій путь. Съ этого времени улучшается и составъ учащихся, прекращается притокъ неудачниковъ изъ гимназій, а поступаютъ дѣти, которыя знаютъ, что имъ предстоитъ не легкій путь, что они должны не бояться труда и много работать, что они должны конкурировать, чтобы получить доступъ къ высшему образованію. При улучшеніи условій существованія заведеніе зажило новою болѣе полною жизнью и съ 1888 года число учащихся стало непрерывно возрастать, пока къ 1905 году не дошло до 894 человѣкъ. Въ этотъ періодъ заведенію предстояла трудная задача одолѣть тѣ трудности, которыя сопряжены съ преподаваніемъ въ многолюдныхъ классахъ. Было очевидно, что одного реальнаго училища при существованіи 4-хъ гимназій, далеко недостаточно для Харькова. Вопросъ объ открытіи другого учебнаго заведенія такого же рода не разъ подымался, но мѣстныя учрежденія, хотя и отзывались сочувственно, но не принимали денежнаго участія, такъ какъ другія неотложныя нужды города и земствъ отвлекало ихъ вниманіе въ другую сторону. Такимъ образомъ приходилось ожидать учрежденія новаго заведенія; но жизнь не ждала. Ежегодные пріемные экзамены въ училищѣ обращались въ пытку для родителей, воспитателей, самихъ дѣтей и для начальства заведенія. За недостаткомъ вакансій отказывали въ пріемѣ прекрасно подготовленнымъ дѣтямъ. Многіе изъ года въ годъ приводили своихъ дѣтей держать экзаменъ экстернами, приготовляя ихъ дома при помощи репетиторовъ, что представляло большія затрудненія. Нѣкоторымъ родителямъ приходилось искусственно задерживать развитіе дѣтей, приводя ихъ для экзамена въ одинъ и тотъ же классъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, чтобы они добились на экзаменахъ пятерокъ, необходимыхъ для пріема. Многіе городскіе жители были въ безысходномъ положеніи относительно воспитанія дѣтей. Мѣстные жители не хотѣли везти своихъ дѣтей въ другіе города и такимъ образомъ лишать ихъ домашняго очага и ввѣрять ихъ воспитаніе постороннимъ, неизвѣстнымъ имъ лицамъ, что было не безопасно при тогдашнемъ тревожномъ состояніи общества. Служащіе на государственной, общественной и частной службѣ, живя жалованьемъ, при дороговизнѣ городской жизни, не имѣли средствъ воспитывать своихъ дѣтей въ чужомъ городѣ, еслибъ и рѣшились на такую мѣру. Еще болѣе затруднительно было положеніе переводимыхъ по службѣ и начавшихъ уже образованіе дѣтей въ реальномъ училищѣ другого города. Единственнымъ выходомъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія былъ пріемъ въ училище учащихся сверхъ комплекта, что и дѣлалось постоянно. Многолюдны были и основные и параллельные классы двойного Харьковскаго реальнаго училища.

Харьковское реальное училище въ теченіе своего тридцатилѣтняго существованія выпустило свыше 1200 учениковъ, окончившихъ полный курсъ семи классовъ. Эти питомцы заведенія въ подавляющемъ большинствѣ поступили въ различныя высшія техническія школы Петербурга, Москвы и другихъ городовъ русскихъ и отчасти иностранныхъ, а главнымъ образомъ въ Харьковскій Технологическій Институтъ. Нѣкоторые изъ нихъ посвятили себя учебной дѣятельности въ высшихъ техническихъ школахъ, какъ напр., гг. Бураковъ, Бекетовъ, Бурнашевъ, Козьминъ, Клобуковъ, Михаловскій, Скворцовъ, Тиръ и другіе. Главная масса пошла на службу по различнымъ желѣзнымъ дорогамъ, на заводы, въ различныя промышленныя предпріятія, городскія и земскія учрежденія. Многіе занимаютъ весьма отвѣтственныя и видныя мѣста технически-административнаго, промышленнаго и общественнаго характера.

Прилагаемая таблица даетъ понятіе о послѣдовательномъ измѣненіи числа учащихся и о числѣ окончившихъ курсъ 7-го класса и коммерческаго отдѣленія.

Годы	Состояло учениковъ къ 1 Января	Окончило курсъ VII-го класса	Оконч. курсъ Коммерч. отдѣл.	Годы	Состояло учениковъ къ 1 Января	Окончило курсъ VII-го класса	Оконч. курсъ Коммерч. отдѣл.
1873	153	—	—	1889	584	32	2
1874	158	—	—	1890	598	37	2
1875	211	—	—	1891	608	41	2
1876	242	19	—	1892	611	42	3
1877	321	26	—	1893	620	64	2
1878	390	23	—	1894	641	23	1
1879	465	29	—	1895	696	17	—
1880	500	16	—	1896	696	28	3
1881	559	34	—	1897	714	34	2
1882	589	47	—	1898	714	41	2
1883	600	34	—	1899	752	51	—
1884	524	28	4	1900	756	59	—
1885	523	40	—	1901	768	64	—
1886	552	40	3	1902	802	65	—
1887	552	30	6	1903	830	56	—
1888	520	43	1	1904	879	69	—

Директоры училищъ: *А. С. Рубенко* (1873—1878 г.). *В. В. Шиховъ* (1878—1906 г.).

Мысль и предложеніе объ открытіи въ г. Харьковѣ *Коммерческаго училища* была высказана въ 1868 году въ собраніи городского общества при представленіи отчета городского купеческаго банка; она была сочувственно принята собраніемъ и изъ прибылей банка для осуществленія ея было отчислено 3000 руб. Въ 1869 году городское общество рѣшило отчислять для этой цѣли изъ прибылей банка отъ 3—4 тысячъ ежегодно; но съ переходомъ городского управленія въ общесословное, это постановленіе не было выполнено. Въ 1888 году по предложенію мѣстнаго общественнаго дѣятеля и коммерсанта Ник. Вас. Орлова купеческое общество пришло къ рѣшительному заключенію о необходимости коммерческаго образованія для дѣтей купеческаго сословія. По проекту училища и рѣчи, произнесенной Н. В. Орловымъ при открытіи училища, мы можемъ судить о причинахъ, руководившихъ обществомъ. Съ одной стороны, оно стремится ограничить выходъ членовъ своего сословія, такъ какъ сыновья купцовъ избирали другія поприща для своей дѣятельности послѣ окончанія гимназіи и университета. „Открытіе въ Харьковѣ коммерческаго училища ограничитъ выходъ изъ этого сословія какъ болѣе способныхъ его членовъ, что несомнѣнно благопріятно отразится на правильномъ развитіи торговли г. Харькова“. (Краткій очеркъ возникновенія въ г. Харьковѣ коммерческаго училища, стр. 5). Съ другой стороны, въ г. Харьковѣ, какъ центрѣ обмѣна производствъ юга и сѣвера, запада и востока при усложненіи какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ торговыхъ оборотовъ давно чувствовалась потребность въ спеціальномъ коммерческомъ училищѣ.

26-го октября 1888 года было окончательно рѣшено открытіе. Средства училища по своему происхожденію распадаются на двѣ группы: 1) поступленія опредѣленнаго свойства, сюда относится сумма обложенія харьк. гильдейскихъ купцовъ налогомъ въ пользу училища, достигшая къ 1-му августа 1895 г.— 106822 р. 50 коп., стипендіи на 56 тыс. и др., плата за право ученія. 2) Пожертвованія, которыя достигли суммы 106207 р. 23 к., главнымъ образомъ мѣстными коммерсантами и благотворителями (Гельферихъ 12 тыс., Рыжовъ 4 тыс., Сѣриковъ—3 тысячи), а также и мѣстными обществами (Общество Взаимнаго Кредита Прикащиковъ, Харьковскіе Земельный и Торговый Банки и друг.). Харьковское городское управленіе во главѣ съ И. О. Фесенко предложило купеческому Обществу пользоваться городскимъ мѣстомъ по Сумскому шоссе на время существованія учреждаемаго училища. Но по нѣкоторымъ причинамъ было рѣшено отказаться отъ этого предложенія и было пріобрѣтено мѣсто Ширинскаго-Шахматова за 30 т. руб. Весною 1900 г. было приступлено къ работамъ по проекту и плану А. Н. Бекетова и въ 1893 г. зданіе было готово. Были открыты приготовительный, первый и второй классы. Постройка училища, включая интернатъ, обошлась въ 478651 р. 94 к. Что касается до устава, то коммиссія нашла возможнымъ принять уставъ Московскаго Александровскаго училища. Купеческое общество ввело ограниченіе о принятіи въ училище только лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія—дѣтей купеческаго сословія и дѣтей мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ. Въ первый годъ открытія было 68 человѣкъ поступившихъ, потомъ количество ихъ все увеличивалось:

Года	Количество учащихся	% православныхъ	Старообряд.	% католиковъ	% интеграновъ	Армяно-грегоріанцевъ	Караимовъ	Англичанъ	Магометанъ	Купец.	Мѣщанъ	Ремеслен.	Крестьянъ	Иностран. подданныхъ	Разночинц.	Потомствен. почетныхъ гражданъ	Дворянъ
$189^3/_4$	68	93	—	3	4	—	—	—	—	49	36	9	6		—	—	—
$189^4/_5$	144	89	2	5	3	1	—	—	—	47	29	3	7	7	7	—	—
$189^5/_6$	197	88,9	2	2,5	5,1	1,5	—	—	—	46,2	27	2,5	8,1	6	10,2	—	—
$189^6/_7$	228	84,7	2,2	3,5	6,6	2,6	—	0,4	—	42,8	27,1	2,2	10	7,4	7	3,5	—
$189^7/_8$	242	81,3	2,9	4,6	6,2	0,8	0,4	0,8	—	41,7	24,8	1,6	11,6	6,2	2,9	2,9	8,3
$189^8/_9$	272	82,7	3,3	4,8	6,2	1,5	1,1	0,4	—	39,7	27,9	1,5	12,5	4,8	2,9	3,3	7,4
$189^9/_{00}$	290	82,7	—	4,5	8,6	1,4	—	—	2,8	39,7	27,6	1,5	12,7	4,5	2,9	3,5	7,6

Окончившіе. Выпускъ 1899 года: 16 чел. изъ нихъ 2 серебр. и 2 золот. медали.
Выпускъ 1900 года: 25 чел. изъ нихъ 4 серебр. и 4 золот. медали.

Глава 18-я.

Среднее женское образованіе.

Женское среднее образованіе въ Харьковѣ развивалось далеко не столь успѣшно, какъ мужское, хотя и въ этомъ отношеніи Харьковъ опередилъ многіе губернскіе города. Прежде всего потребность въ женскомъ образованіи нашла себѣ выраженіе въ устройствѣ пансіоновъ, затѣмъ мѣстное благотворительное общество устроило институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Симпатичною особенностью и здѣсь является частная иниціатива самого общества, которой обязаны были своимъ возникновеніемъ двѣ самыя древнія женскія школы въ Харьковѣ—Институтъ благородныхъ дѣвицъ и училище для дѣвицъ. Въ частности, происхожденіе Института связано съ дѣятельностью общества благотворенія и личностью выдающагося харьковскаго общественнаго дѣятеля, и столь популярнаго автора повѣстей изъ малороссійской жизни Григорія Ѳедоровича Квитки. Виднымъ дѣятелемъ въ институтѣ былъ также другой славный малороссійскій поэтъ профессоръ П. П. Гулакъ-Артемовскій. П. П. Гулакъ-Артемовскій, стоявшій долгое время во главѣ института благородныхъ дѣвицъ, представилъ о немъ статсъ-секретарю по вѣдомству Императрицы Маріи записку, заключающую очеркъ его исторіи до 1844 года. Изъ этой оффиціальной записки, а также изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ мы и извлечемъ самыя существенныя данныя.

Харьковскій институтъ былъ основанъ въ 1812 году, въ моментъ подъема патріотизма и пробужденія общественныхъ силъ. Дворянство, подъ вліяніемъ одного изъ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ своихъ сочленовъ—Григорія Ѳедоровича Квитки (извѣстнаго Основьяненка), составило въ началѣ 1812 года въ Харьковѣ Общество благотворенія для учрежденія въ этомъ городѣ института, въ которомъ воспитывалось бы 20 дочерей бѣднѣйшихъ дворянъ Харьковской губерніи,—по двѣ отъ каждаго уѣзда. Собранная первоначально на этотъ предметъ сумма простиралась до 7000 р. ас. Для сбора и расходованія благотворительныхъ суммъ, по ходатайству Харьковскаго дворянства, назначенъ былъ съ Высочайшаго соизволенія совѣтъ, который и постановилъ открыть въ Харьковѣ институтъ. Актъ объ открытіи его подписанъ 27 іюля 1812 года. Открытіе института назначено было на 10-е сентября того же года. Всѣ распоряженія на этотъ счетъ возложены были на иниціатора дѣла—Г. Ѳ. Квитку, какъ члена новоучрежденнаго совѣта. Г. Ѳ. Квиткѣ предстояли огромныя трудности, вслѣдствіе скудости средствъ, но пламенная ревность его къ дѣлу, неутомимая дѣятельность побѣдили всѣ препоны. Вѣсть о занятіи французами Москвы едва было не разрушила задуманнаго предпріятія. Новому учебному заведенію приходилось ютиться на первыхъ порахъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Средства содержанія были очень скудны, но этотъ недостатокъ восполненъ былъ отзывчивостью нѣкоторыхъ профессоровъ университета и учителей гимназіи, предложившихъ безвозмездно свой трудъ для преподаванія въ немъ въ 1813—1817 г.г. Вел. Князь Николай Павловичъ, осмотрѣвъ Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ 1815 году, выразился о немъ такъ: „я подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ предѣлахъ пространной Россіи не находилъ еще“. Въ статьѣ современника говорилось: „Правительство издерживаетъ огромныя суммы для воспитанія въ столицахъ дворянскихъ дѣвицъ. Кому же какъ не первому, просвѣщеннѣйшему классу людей въ государствѣ, кому же какъ не дворянству должно подражать благодѣтельнымъ намѣреніямъ монарха своего—жертвовать имуществомъ на заведенія, подобныя госуд. заведеніямъ. Дворянство наше не упустило обратить вниманіе на столь существенное благотвореніе и основало училище по цѣли и намѣренію своему единственное въ губерніяхъ Россіи“ [1]). Обо всѣхъ нуждахъ его самоотверженно заботился

[1]) Укр. В. 1816, 10-я кн., стр. 111- -112.

Г. Ѳ. Квитка [1]). Взносы подписныхъ денегъ поступали не вполнѣ исправно, къ 1817 году накопилась недоимка въ 9000 р., трудно было найти подходящее помѣщеніе, учительницъ, надзирательницъ и т. п. Въ 1816 г. израсходовано на институтъ б. 10000 р. Приходъ былъ таковъ: отъ членовъ общества благотворенія 2550 р., недоимки за прежніе годы 1625 р., за 40 пансіонерокъ 4145 р. (вмѣсто 10 тыс.), дефицитъ въ размѣрѣ 1500 р. былъ пополненъ изъ капитала, составленнаго изъ взносовъ именитыхъ членовъ [2]). Приходилось обращаться къ экстраординарнымъ средствамъ. Въ 1816 г. послѣ акта въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ начался аукціонъ ихъ рукодѣлій, причемъ за вещь, цѣна которой была назначена въ 5 р., давали по 100 и 200 р., всего выручено было 1720 р.; главными покупателями были военные. Послѣ аукціона начался балъ, продолжавшійся до полуночи [3]). Совѣтъ Харьковскаго благотворительнаго общества, въ надеждѣ на благотворительность, рѣшилъ приступить къ постройкѣ каменнаго дома для своего института благородныхъ дѣвицъ. До января 1817 г. уже поступило для этой цѣли пожертвованій 223 р. и нѣкоторое количество кирпича. О пожертвованіяхъ совѣтъ рѣшилъ извѣщать публику при посредствѣ „Харьк. Изв.“ [4]). Въ 1817 г. было высказано желаніе, чтобы „дворяне всѣхъ малороссійскихъ губерній, присоединивъ свои пожертвованія ко взносамъ Харьковскаго общества благотворенія, соединясь воедино и начертавъ планъ, какъ въ порядкѣ, такъ и въ управленіи, составили *малороссійскій* институтъ благородныхъ дѣвицъ“. Но эта прекрасная мысль не была осуществлена. Тогда зародилась мысль отдать институтъ подъ покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны—этому способствовали благопріятныя обстоятельства:—принятіе Высочайшими особами на свое иждивеніе нѣсколькихъ воспитанницъ института, посѣщеніе его въ 1816 г. Николаемъ Павловичемъ и въ 1817 г. Императоромъ Александромъ, милостивые рескрипты—и въ 1818 г. институтъ отдѣлился отъ общества благотворенія, во главѣ его поставленъ особый совѣтъ; 10 мая 1818 года состоялось торжественное открытіе преобразованнаго училища, исправленъ и дополненъ прежній уставъ и подписанъ Императрицей, принявшей харьковскій институтъ подъ свое покровительство. Было куплено для помѣщенія института два дома, съ дворовыми мѣстами и садомъ и на Высочайше отпущенныя средства сдѣланы поправки и пристройки къ фасаду и внутри самого дома сооруженъ храмъ во имя Маріи Магдалины, принято было около 100 воспитанницъ. Въ составъ совѣта вошли первоначально слѣдующія лица: предсѣдатель, губ. предв. дворянства А. Ѳ. Квитка, начальница института, жена полковника, А. Г. Литинская, члены—вице-губернаторъ камеръ-юнкеръ Д. А. Донецъ-Захаржевскій, предсѣдатель гражд. пал. полк. Времевъ, предсѣдатель угол. палаты Б. Е. Герсевановъ и почетный смотритель училищъ Лебединскаго и Ахтырскаго уѣзда А. А. Иваненко (жертвовавшій въ пользу института ежегодно по 1000 руб.). Совѣтъ вѣдалъ не только хозяйственно-административною, но и учебною частью и свои рѣшенія представлялъ на утвержденіе Императрицы. Имп. Марія Ѳеодоровна утвердила уставъ и назначила ежегодную сумму на содержаніе института въ размѣрѣ 3000 р. ас. Примѣнительно къ первоначальной, основной задачѣ, цѣль институтскаго образованія была выражена такъ: „чтобы воспитываемымъ въ немъ бѣднымъ дѣвицамъ дать образованіе и нужныя познанія въ наукахъ и рукодѣліяхъ, посредствомъ которыхъ онѣ по выпускѣ могли бы снискивать себѣ пропитаніе обученіемъ дѣтей или трудами рукъ своихъ, умѣя при томъ добрымъ порядкомъ избѣгать недостатка даже въ самомъ ограниченномъ состояніи. „Уже въ 1816 г. посѣщавшіе институтъ въ простой учебный день, безъ предъувѣдомленія отъ себя и безъ приглашенія отъ начальства не могли налюбоваться семейною картиною института. 45 пансіоне-

---

[1]) Великовъ оставилъ намъ восторженное описаніе публичнаго экзамена... выпуска въ Харьк. Инст. благородныхъ дѣвицъ въ 1840 г. Въ концѣ его помѣщена историческая справка объ институтѣ, причемъ отмѣчены были огромныя заслуги Г. Ѳ. Квитки безъ упоминанія его имени; въ заключеніе авторъ писалъ: „Тотъ почтенный мужъ, который такъ ревностно заботился о первоначальномъ существованіи въ Харьковѣ института, еще съ нами. Онъ былъ съ нами и на испытаніяхъ, и при выпускѣ воспитанницъ института. Какъ трогательно было смотрѣть, когда онъ съ чистымъ восторгомъ души своей, взиралъ на ту славную жатву, для которой бросилъ первыя сѣмена при столь важномъ боренін обстоятельствъ, на ту жатву, для которой онъ принесъ послѣднюю лепту свою. Теперь онъ занялъ для себя другое достойное его поприще: онъ описываетъ на народномъ своемъ языкѣ событія и обычаи его родины. Кто не читалъ его сочиненій и вполнѣ не восхищался его прекрасною душою, отъ источника которой такъ много произошло добраго сѣмени для блага его родной страны, для блага отечества». (Объ испытаніи воспитанницъ Харьк. инст., Х. Г. В. 1840, № 26).

[2]) Кованько.

[3]) Укр. В., 1816, сентябрь, стр. 353—355.

[4]) Харьк. Изв. 1817 г., № 2.

рокъ и 20 воспитанницъ, одѣтыя чисто, прилично, занимались по комнатамъ науками, искусствами, рукодѣліями. Онѣ могли сказать о родѣ всякаго шитья, его удобствахъ и назначеніи; знали, сколько чего нужно аршинъ на платье, какъ хорошо испечь хлѣбъ и вкусно приготовить кушанье; также когда что сѣется въ огородѣ; отвѣчали и на всѣ вопросы по пройденнымъ предметамъ ученія. Архивъ института свидѣтельствуетъ, что все это были дѣти бѣднѣйшихъ родителей, взятыя года за три. Спальни ихъ были опрятны, бѣлье чисто, все въ порядкѣ; у каждой свой комодецъ. Столъ простой, безъ соусовъ и пирожныхъ, но вкусный, чисто приготовленный изъ самыхъ свѣжихъ припасовъ. Послѣ обѣда всѣ въ саду бѣгаютъ, осматриваютъ свои гряды, разсказываютъ надзирательницѣ о каждомъ вновь развившемся листочкѣ. Послѣ прогулки, по колокольчику, возвращаются въ комнаты къ занятіямъ и ученію съ тѣмъ же веселіемъ, съ какимъ гуляли. Въ больницѣ чистота, порядокъ, тишина, надзоръ, попечительность. Все это изъ 25 р. ас., ежегодно вносимыхъ отъ благотворителей. Кромѣ постоянныхъ взносовъ жертвовались и сотни, и тысячи. Главною начальницею института въ то время была Екат. Петр. Щербинина[1]. Но скоро сюда стали отдавать и дѣвицъ достаточнаго состоянія—пансіонерокъ, получавшихъ полное содержаніе въ институтѣ съ уплатою за нихъ по 650 р. ас. въ годъ и полупансіонерокъ, жившихъ дома и только обучавшихся въ институтѣ, съ уплатою за нихъ 325 р. ас. Штатъ института по уставу 1818 года опредѣленъ всего въ 17268 р. 75 к. ас., но онъ разсчитанъ былъ только на 20 воспитанницъ, получавшихъ безплатное содержаніе; сумма же, поступавшая отъ пансіонерокъ, была не только достаточна для ихъ содержанія, но еще окупала и часть содержанія ихъ недостаточныхъ товарокъ. На содержаніе института въ 1818 году было истрачено 18089 р. 53 к. Сумма эта была израсходована на жалованье преподавателямъ, на столъ, одежду, обувь, бѣлье, наемъ помѣщенія, на учебныя пособія, на лекарства, на канцелярію и т. п. Статей прихода было 2: отъ совѣта Харьковскаго общества благотворенія поступило 8377 р. съ коп. и за пансіонерокъ было взято 12023 р. съ коп.[2]). Нѣкоторые изъ преподавателей жертвовали въ пользу института причитавшееся имъ жалованье. Пожертвованная же Павл. Гр. Демидовымъ единовременно сумма въ 20000 р. ас. и ежегодная выдача по 1000 р. ас. дали возможность совѣту института купить домъ для помѣщенія института. Всѣхъ воспитанницъ въ Харьковскомъ институтѣ было въ началѣ 20-хъ годовъ около 100, изъ коихъ 20 было штатныхъ, а остальныя пансіонерки. Большаго числа нельзя было имѣть, потому что не всѣ постройки были еще закончены. Каждая пансіонерка платила по 850 р. и за эту сумму получала не только образованіе въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣліяхъ, но также столъ, одежду, бѣлье, обувь, книги и т. п., что было значительно дешевле, чѣмъ въ пансіонахъ. Сумма, назначенная по штату на содержаніе института обществомъ благотворенія (17000 р.) въ послѣднее время уменьшилась, но за то возросли пожертвованія Высочайшихъ особъ и частныхъ лицъ и учителей. Но особенно важное значеніе въ дѣлѣ развитія института и достиженія того блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія, въ которомъ онъ находился, современникъ придавалъ царственной заботѣ о немъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая по его словамъ, еженедѣльно получала отчеты о его состояніи, перечитывала ихъ, отвѣчала на нихъ, дѣлала на нихъ свои замѣчанія, наставленія объ улучшеніи дѣла, знала по имени воспитанницъ, особенно отличныхъ, радовалась ихъ успѣхамъ, любовью и наградами поддерживала ихъ дѣятельность и любовь къ занятіямъ и скромной христіанской жизни. Совѣтъ заботился о воспитанницахъ института и по окончаніи ими курса ученія предоставлялъ имъ занятія, выдавалъ пособія при вступленіи въ бракъ, собиралъ справки о женихахъ и т. п.[3]). Способствовала благосостоянію института и новая начальница института Литинская, занимавшая эту должность 18 лѣтъ. Первоначальный окладъ содержанія начальницы института до 1821 года равнялся 1000 р. ас., въ 1821 году сдѣлана была прибавка въ 200 р., въ 1828 году прибавлено было 1000 р. жалованья и 3000 р. ас. столовыхъ. Въ 1821 году былъ утвержденъ новый штатъ института; на основаніи его число частныхъ пансіонерокъ увеличено до 62 и при нихъ 20 штатныхъ воспитанницъ института, кромѣ пансіонерокъ Высочайшихъ особъ. Штатная сумма равнялась 61324 р. ас., сюда входили: за 62 пансіонерки по 850 р. каждая—52700 р., изъ кабинета Имп. Маріи Ѳеодоровны 3000 р., отъ Харьковскаго общества благотворенія до 5000 р., отъ Демидова по 1000 р. ежегодно, отъ поручика Лесевицкаго по 350 р. Въ виду увеличенія

[1]) Коваленко.

[2]) Укр. Вѣст., 1819, янв., стр. 104—107; отчетъ Г. Ѳ. Квитки.

[3]) О Харьк. институтѣ благородныхъ дѣвицъ (Укр. журн. 1824, № 21, стр. 141—150).

числа пансіонерокъ, явилась необходимость въ пристройкѣ новыхъ помѣщеній (тамъ, гдѣ нынѣ Александровская больница)—залы съ церковью института, дортуаровъ, классовъ, службъ. Число воспитанницъ, благодаря этому, возрасло и иногда превышало даже штатную норму. Благотворительные взносы подвергались частымъ колебаніямъ: ежегодный взносъ отъ Демидова прекратился въ 1822 году; поручикъ Лесевицкій отъ своего взноса отказался; харьковское общество благотворенія въ 1828 году совершенно почти прекратило свои взносы, да и само существовало только по имени, такъ что 22 штатныя воспитанницы съ того времени содержались главнымъ образомъ на остатки отъ содержанія пансіонерокъ и частью на пособія изъ кабинета Имп. Маріи Ѳеодоровны. Статсъ-дама графиня Чернышова одно время воспитывала на своемъ иждивеніи до 27 воспитанницъ, но со смертью ея этотъ рессурсъ совершенно изсякъ, причемъ осталось до 6000 р. ас. непогашеннаго долга. Помѣщикъ Лебед. у. Иваненко взнесъ разновременно за право быть членомъ совѣта института 7000 р. ас. Въ 1828 году Имп. Николай Павловичъ повелѣлъ ежегодно отпускать харьковскому институту 4000 р. ас. изъ Харьк., Курскаго, Орловскаго, Воронежскаго и Екатеринославскаго приказовъ общественнаго призрѣнія, съ предоставленіемъ права четыремъ послѣднимъ воспитывать въ институтѣ по 3 воспитанницы (всего 12). Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, стало поступать по 6000 р. ас. отъ городовъ Харьковской губ., получавшихъ право опредѣлить 6 воспитанницъ изъ купеческаго сословія. Въ 1833 году постановлено было опредѣлять въ институтъ по 10 воспитанницъ изъ дочерей штабъ и офицеровъ военнаго поселенія Харьковской губ., со взносомъ за каждую по 850 р. ас. Далѣе два приказа общественнаго призрѣнія (Кавказа и Войска Донского) приняли обязательство взносить по 2550 р. каждый (5100 р.), съ правомъ воспитывать за это по 3 воспитанницы. Такимъ образомъ, въ 1838 году средства института складывались изъ слѣдующихъ суммъ: 1) 25100 р. ас. отъ 7 приказовъ общественнаго призрѣнія, 2) 6000 р. отъ городовъ Харьковской губ., 3) 8500 р. отъ военнаго поселенія Харьковской губ., 4) 3000 р.—пособіе, завѣщенное Импер. Маріей Ѳеодоровной, 5) 1715 р. ежегодно поступавшихъ за двухъ пансіонерокъ Высочайшаго имени; всего 44375 р. На эти средства нужно было содержать 18 воспитанницъ приказа общественнаго призрѣнія, 6 пансіонерокъ купеческаго сословія, 10 военнаго поселенія, 2 опекунскаго совѣта и кромѣ того 22 штатныхъ воспитанницы недостаточнаго состоянія. Впрочемъ, пособіемъ для содержанія этихъ послѣднихъ служила также часть процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній Харьковской губерніи, превращеннаго въ земскую повинность на 37 лѣтъ и предназначеннаго, гл. обр., на погашеніе суммъ, отпущенныхъ первоначально на постройку зданія кадетскаго корпуса, а потомъ переданныхъ въ 1830 году на постройку института. Доходъ отъ своекоштныхъ пансіонерокъ колебался отъ 29750 до 34000 р. ас. Новое зданіе института, гдѣ онъ находится и нынѣ, было отстроено и отдѣлано въ 1839 г. Земля для сада отведена въ 1838 г. институту благородныхъ дѣвицъ харьковскимъ университетомъ. Въ 1824 г. часть университетскаго сада предполагалось отвести для проектированнаго тогда въ Харьковѣ кадетскаго корпуса [1]). Переходу института въ новое зданіе В. Н. Каразинъ посвятилъ особую статью. Въ 1838 году Высочайше повелѣно было отпускать ежегодно по 24000 р. процентовъ изъ отчисленной на институтъ суммы въ 600000 р. Сумма, вырученная отъ продажи стараго институтскаго дома, была обращена въ неприкосновенный капиталъ института и проценты съ него стали выдаваться въ видѣ пенсіи служащимъ при институтѣ. Въ 1838 году избранный губернскимъ предводителемъ дворянства Рахмановъ сталъ вносить по 9350 руб. ежегодно на содержаніе 11 бѣднѣйшихъ воспитанницъ (изъ каждаго уѣзда по одной). Въ 1841 году, въ память бракосочетанія Цес. Александра Николаевича, постановлено было воспитывать на общеинститутскія средства еще 10 бѣдныхъ воспитанницъ. Въ институтскихъ зданіяхъ произведенъ былъ цѣлый рядъ перестроекъ.

На институтъ были издержаны слѣдующія суммы: въ 1818 г.—18089 р. ас. [2]), въ 1819 г.—24896 р., въ 1820 г.—52791 р., въ 1821 г.—71960 р., въ 1822 г.—69388 р., въ 1823 г.—78827 р., въ 1824 г.—72023 р., въ 1825 г.—67713 р., въ 1826 г.—52469 р., въ 1827 г.—60375 р., въ 1828 г.—65348 р., въ 1829 г.—79166 р., въ 1830 г—80948 р., въ 1831 г.—97321 р., въ 1832 г.—90370 р., въ 1833 г.—83136 р., въ 1834 г.—80561 р., въ 1835 г.—86240 р., въ 1836 г.—247456 р. (въ томъ числѣ 137940 р., за постройку зданія), въ 1837 г.—141816 р., въ 1838 г.—126566 р., въ 1839 г.—162446 р. (все это ассигнаціями), въ 1840 г.—37514 р. *серебромъ*, въ 1841 г.—58015 р., въ 1842 г.—56656 р.

[1]) Харьк. ун. арх. Д. пои. № 3224 (161).

[2]) Копѣйки отбрасываемъ.

Такова была хозяйственно экономическая сторона въ жизни института. Что же касается управленія, то оно въ общихъ чертахъ было таково.

Во главѣ Института стоялъ Совѣтъ, учрежденный еще въ 1812 году. Предсѣдателемъ его долгое время былъ губернскій предводитель дворянства. Изъ среды дворянства избирались и члены его: одинъ для управленія экономической частью, другой учебной, третій для совѣщаній. Всѣ члены совѣта утверждались въ должности государыней. Начальница Института съ 1818 года назначалась также государыней. Съ 1826 года званіе предсѣдателя совѣта соединено съ должностью харьковскихъ гражданскихъ губернаторовъ; члены Совѣта по прежнему избирались дворянствомъ. Но въ 1831 году членомъ Совѣта по хозяйственной части былъ назначенъ Высочайшею властью одинъ изъ преподавателей Харьковскаго университета. Въ 1838 году предсѣдателемъ совѣта повелѣно быть Харьк. ген. губ. Строганову, а членами совѣта—гражданскому губернатору, предводителю дворянства и двумъ членамъ по выбору дворянства. Назначеніе члена по учебной и члена по хозяйственной части зависѣло отъ государыни. Начальница института получила также право быть членомъ совѣта. И по учебнымъ, и по экономическимъ дѣламъ Совѣтъ входилъ съ докладами черезъ статсъ-секретаря къ Императору и Императрицѣ. Организація учебной части въ институтѣ не представляла затрудненій въ виду существованія въ Харьковѣ многихъ учебныхъ заведеній съ опредѣленнымъ преподавательскимъ штатомъ. Въ первое время программа преподаванія въ институтѣ была шире, чѣмъ въ послѣдующее: читались начала геометріи, съ приложеніемъ къ хозяйственной архитектурѣ, главныя основанія физики и краткое начертаніе естественной исторіи. Преподаваніе геометріи было прекращено съ 1830 года, физики и естественной исторіи съ 1842 года. Взамѣнъ этихъ предметовъ усилены были занятія музыкою, итальянскимъ пѣніемъ и рукодѣліями. Съ начала 40-хъ годовъ преподаваніе было распредѣлено по 3-мъ классамъ—младшему, среднему и высшему, слѣдующимъ образомъ. *Младшій* классъ: законъ Божій (начало катехизиса и священная исторія ветхаго завѣта), русскій языкъ (начало этимологіи), французскій и нѣмецкій яз. (начало этимологіи), ариѳметика (первыя 4 дѣйствія), географія (краткій обзоръ частей свѣта), искусства и рукодѣлія (чистописаніе, рисованіе, музыка, пѣніе, танцы). *Средній* классъ: законъ Божій (конецъ катехизиса, священная исторія новаго завѣта), русскій языкъ (окончаніе грамматики и практическія упражненія въ языкѣ), французскій и нѣмецкій яз. (то же, что и по-русски), ариѳметика (дроби и именованныя числа), всеобщая исторія (Востокъ и Греція), русская (до Іоанна III-го), всеобщая и русская географія, искусства и рукодѣлія. *Старшій* классъ: законъ Божій (евангеліе, литургія, христіанскія обязанности), русская словесность (риторика, піитика, исторія русской литературы, упражненія въ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненіяхъ, декламація), ариѳметика (тройныя правила), исторія (Рима, среднихъ и новыхъ вѣковъ, русская до конца), всеобщая географія, искусства и рукодѣлія. Въ каждомъ классѣ курсъ ученія былъ двухлѣтній. Преподаваніе велось по руководствамъ, одобреннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а русская словесность, французскій и нѣмецкій яз. излагались по записямъ преподавателей. Выпуски происходили черезъ каждые два года и дали слѣдующіе результаты. Въ 1818 году выпущено было 13 дѣвицъ (только штатныхъ), въ 1820 г.—16 (11 штатныхъ и 5 своекоштныхъ), въ 1822 г.—10 (6 штатныхъ, 3 своекоштныхъ и 1 имени Императрицы Маріи), въ 1824 г.—15 (2 штатныхъ, 12 своекоштныхъ и 1 въ память Имп. Александра I-го), въ 1826 г.—19 (5 штатныхъ, 11 своекоштныхъ, 3 имени Имп. Маріи), въ 1828 г.—16 (7 штатныхъ, 8 своекоштныхъ, 1 комитета), въ 1830 г.—17 (6 штатныхъ, 9 своекоштныхъ, 1 комитета и 1 имени Николая I-го), въ 1832 г.—27 (5 штатныхъ, 19 своекоштныхъ, 2 имени Александры Ѳеодоровны, 1 городовъ Харьк. губ.), въ 1834 г.—32 (7 штатныхъ, 19 своекоштныхъ, 2 Николая I-го, 2 Александры Ѳеодоровны и 2 приказовъ общественнаго призрѣнія), въ 1836 г.—23 (5 штатныхъ, 14 своекоштныхъ, 1 имени Имп. Маріи, 1 имени Александры Ѳеодоровны и 2 приказовъ), въ 1838 г.—23 (4 штатныхъ, 8 своекоштныхъ, 2 имени Имп. Маріи, 2 имени Николая I-го, 1 имени Александры Ѳеодоровны, 4 городовъ, 2 приказовъ), въ 1840 г.—24 (16 своекоштныхъ, 1 имени Николая I-го, 3 приказовъ, 4 военныхъ поселеній), въ 1842 г.—31 (13 штатныхъ, 12 своекоштныхъ, 1 имени Имп. Маріи, 1 имени Николая I-го, 2 имени Имп. Александры Ѳеодоровны, 2 военныхъ поселеній). Всего выпущено было 266 душъ, въ томъ числѣ 136 своекоштныхъ, 84 штатныхъ, остальныя 46, содержимыя на особыя благотворительныя суммы. Четверо изъ лучшихъ казеннокоштныхъ дѣвицъ могли быть оставляемы въ качествѣ пепиньерокъ, т. е. помощницъ классныхъ дамъ, на полномъ содержаніи института, но безъ жалованья. Съ 1820—1824

гг. увеличено число наградъ за успѣхи преуспѣвшимъ; между прочимъ двумъ наиболѣе преуспѣвшимъ выдавались золотые шифры съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени; кромѣ того было 4 серебряныхъ медали. Окончившія Институтъ получали право съ 1834 г. на званіе домашнихъ наставницъ. По уставу Института, Совѣтъ его долженъ былъ принимать участіе и въ дальнѣйшей судьбѣ бѣдныхъ воспитанницъ—заботиться о пріисканіи имъ выгодныхъ мѣръ въ частныхъ домахъ, о выдачѣ имъ гардероба и денежной помощи при выходѣ замужъ и т. п. [1]).

Въ послѣдующее время число выпускныхъ дѣвицъ увеличилось; такъ, напримѣръ, въ 1856 году окончило курсъ 41 восп. [2]).

Не имѣя возможности останавливаться на исторіи Института за послѣдующія десятилѣтія, мы приведемъ только нѣкоторыя данныя изъ отчета о немъ за 1904 годъ. Къ началу года было 220 воспитанницъ и 4 пепиньерки. Поступило 43. Окончило курсъ 28; изъ коихъ одна была награждена шифромъ, 1 золотой медалью, 2 серебряной и 10 книгами; выбыло среди года 17, осталось 218, которыя распредѣлены въ 7 классахъ. Православнаго вѣроисповѣданія было 208. По сословіямъ онѣ распредѣлялись такъ: дочерей дворянъ 42, военныхъ чиновъ 62, гражданскихъ 61, почетныхъ гражданъ 15, купцовъ 30, священниковъ 4, иностранныхъ подданныхъ 3, провизора 1.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе значительный процентъ дочерей купцовъ и почетныхъ гражданъ, а также преобладаніе дочерей военныхъ и гражданскихъ чиновъ надъ дочерями потомственныхъ дворянъ. По мѣстожительству родителей на первомъ планѣ стоитъ Харьковская губ. (103), Екатеринославская (25), Полтавская (19), Курская (16), Кубанская область (9), Таврическая губ. (9). По источникамъ содержанія воспитанницы дѣлились на слѣдующія категоріи: своекоштныхъ 158, стипендіатокъ (Особъ Императорской фамиліи, учрежденій, обществъ и частныхъ лицъ)—28, безплатныхъ казенныхъ 22, пансіонерокъ Государя Императора 4, приходящихъ безплатныхъ 4, приходящихъ платныхъ и экономическихъ по 1. Въ фундаментальной библіотекѣ института имѣется 3528 томовъ книгъ, въ ученической 1420. Во главѣ института стоитъ начальница и инспекторъ; по учебной части—24 преподавателя наукъ и искусствъ, 8 преподавателей музыки; по воспитательной части 14 классныхъ дамъ. Въ основу всего положено религіозно-нравственное воспитаніе; средствами для поддержанія его являются—аккуратное посѣщеніе воспитанницами богослуженія, участіе въ чтеніи молитвъ при богослуженіи и въ классахъ, участіе въ церковномъ пѣніи; наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней не разрѣшались никакія увеселенія. Направленіе всего воспитанія состояло во внушеніи воспитанницамъ чувства христіанскаго долга и примѣненіе его къ ихъ повседневной жизни. На физическое развитіе также обращалось серьезное вниманіе, но здѣсь было два отрицательныхъ явленія—болѣзненность дѣтей, вступавшихъ въ Институтъ, и недочеты помѣщенія въ самомъ Институтѣ. Изъ 45 душъ, поступившихъ въ Институтъ, оказалось 35% золотушныхъ, 13% рахитиковъ, 44% съ предрасположеніемъ къ наслѣдственному туберкулезу, малокровныхъ 11%, слабаго тѣлосложенія 13%, съ испорченными зубами 80%, признаки общаго разстройства питанія явили 46%! Въ виду этого было обращено особенное вниманіе на санитарную и гигіеническую часть въ заведеніи и на физическое укрѣпленіе воспитанницъ (вентиляція, пребываніе на чистомъ воздухѣ, баня, гимнастика, танцы). Классныя помѣщенія не оставляютъ желать ничего лучшаго, но дортуары (наверху) низки, душны, состояніе пудеръ-клозетовъ—въ высшей степени антисанитарное; вентиляція въ классахъ неудовлетворительная, освѣщеніе керосиновое, повышающее температуру. Пища сытная, достаточная, но нѣсколько однообразная.

Въ 1820 году частная иниціатива создала *женскую школу для дочерей дворянъ и купцовъ*. Цѣлью этой школы было доставить приличное воспитаніе и при томъ за самую недорогую плату дочерямъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, купцовъ и духовенства, а бѣднымъ и вовсе безплатно [3]).

[1]) Харьковъ. Ист. стат. опытъ К. П. Щелкова. Х. 1880, стр. 47—62.

[2]) Х. Г. Вѣд., 1856, № 35.

[3]) Въ печатной литературѣ о ней имѣлось только сообщеніе Кованька. По его словамъ училище для дѣвицъ было открыто въ 1820 г., благодаря отзывчивости къ дѣлу просвѣщенія цѣлаго ряда педагоговъ, предложившихъ для него свой даровой трудъ на разные сроки (прот. Башинскій, препод. Кол. Борисовъ, Снегиревъ, преп. гимназій—Есикорскій, Селивановъ, Заставскій, Вербицкій, б. уч. Ольденборгеръ; учителя уѣзднаго училища Фесенко, Зимницкій; для искусствъ—уч. гимн. Андріевскій, Беккеръ, Барщицкій; сдѣлали пожертвованія- гр. Булгари (200 р., Шарапова (30 р.), уч. Коваленко (40 р.), Сарычевъ (полуимперіалъ), еп. Павелъ (50 р.), Губ. Муратовъ (50), Лосевъ (ежегодно по 50 р.), проф. Дудровичъ (200 р.), Кузнецъ (50 р.), Ка-

Мы представимъ исторію этого оригинальнаго учебнаго заведенія по архивнымъ даннымъ. Главнымъ иниціаторомъ въ созданіи его былъ учитель Харьковской гимназіи Степанъ Неикорскій, къ которому примкнули—преподаватель Закона Божія въ той же гимназіи протоіерей А. Башинскій, б. учитель Ѳ. Ольденборгеръ, учителя той же гимназіи—И. Заставскій, А. Вербицкій и Ѳ. Андреевскій, профессоръ Харьковскаго коллегіума Матв. Борисовъ, учителя Харьковскаго уѣзднаго училища—П. Фесенковъ и Е. Зимницкій, учитель танцевъ Беккеръ, жена майора Ф. Войлеховская и штабсъ-капитана М. Бутовская. Всѣ вмѣстѣ они образовали кружокъ или „общество лицъ, жертвующихъ трудами для основанія въ Харьковѣ училища благородныхъ дѣвицъ“ и возбудили ходатайство передъ училищнымъ комитетомъ Харьковскаго университета объ открытіи этого училища. Университетъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ этому дѣлу, а попечитель округа З. Я. Карнѣевъ также не нашелъ препятствій къ его осуществленію, подъ условіемъ измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ его устава. Такъ какъ въ училищѣ должны были обучаться и дочери купцовъ, то попечитель предлагалъ назвать его Народнымъ училищемъ. Александровскимъ оно не могло быть наименовано потому, что не имѣло опредѣленныхъ средствъ для своего содержанія. Непосредственно зависѣть оно должно было отъ директора училищъ, а не отъ университета, какъ того желали учредители. Во главѣ его нужно было поставить двухъ попечителей—одного отъ дворянъ, другого—отъ купцовъ. Организація училища, за этими незначительными измѣненіями, вылилась въ такую форму. Находясь въ вѣдѣніи директора училищъ и университета, школа эта управлялась своимъ собственнымъ Комитетомъ и Совѣтомъ. Въ Совѣтѣ участвовали всѣ жертвовавшіе свой трудъ на пользу училища, не исключая и надзирательницъ. Совѣтъ изъ своей среды избралъ на годъ для завѣдыванія дѣлами комитетъ. Для рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ Комитетъ созывалъ Совѣтъ. Недовольный рѣшеніемъ большинства могъ подать особое мнѣніе въ училищный Комитетъ университета. Этотъ послѣдній кромѣ того разрѣшалъ всѣ дѣла, которыя не могли рѣшить Комитетъ и Совѣтъ и утверждалъ въ званіяхъ ихъ должностныхъ лицъ. Средства училища складывались изъ суммъ, получаемыхъ съ учащихся, и изъ пожертвованій деньгами и личнымъ трудомъ. Съ учащихся взималось по 200 р. въ годъ. Общество усиленно заботилось о возрастаніи своихъ капиталовъ для того, чтобы имѣть возможность на проценты изъ нихъ мало-по-малу замѣнять безплатныхъ преподавателей платными, а впослѣдствіи построить для училища домъ. Сообщая денежные отчеты учебному начальству, Комитетъ въ то же время давалъ такіе же отчеты по полугодіямъ и публикѣ. Въ началѣ открыты были 2 класса, въ которыхъ преподавались слѣдующіе предметы—Законъ Божій, русская грамматика, географія, древняя исторія, ариѳметика, начала физики, французскій и нѣмецкій языки, начала русской словесности (чтеніе избранныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ), правописаніе, чистописаніе, рисованіе, рукодѣлія и танцы, для желающихъ за особую плату (100 р.) музыка. Сироты и дѣти неимущихъ принимались Комитетомъ безплатно въ неопредѣленномъ числѣ, въ зависимости отъ средствъ. Принимались въ училище по экзамену. Курсъ ученія въ классѣ былъ годичный. Ученицы занимались утромъ отъ 8 до 12 и по-полудни отъ 2 до 4 (а лѣтомъ до 6 час.). Каникулы продолжались только мѣсяцъ (съ 1-го іюля по 1-е августа). Обученіе иностраннымъ языкамъ не было обязательно. Для воздѣйствія на учащихся примѣнялись мѣры кротости, а не суровыя наказанія“: учителя и надзирательницы должны были дѣйствовать на сердца ученицъ поощреніемъ и наградами и только въ крайнемъ случаѣ прибѣгать къ выговорамъ, которые однако не должны были заключать въ себѣ ничего ѣдкаго, насмѣшливаго, а, наоборотъ, растворены снисхожденіемъ къ дѣтямъ и заботою объ ихъ пользахъ; въ случаѣ ссоръ между воспитанницами, надзирательницы обязаны были не столько взыскивать съ виновныхъ, сколько доводить ихъ до сознанія ихъ вины и до возстановленія пріятельскихъ отношеній между поссорившимися. Надзирательницы учили дѣвочекъ хорошему обращенію въ обществѣ, какъ имъ сидѣть, ходить, спрашивать, отвѣчать, отдавать и получать приказанія, вообще умѣнью обращаться со старшими, равными и подчиненными, а также изящному вкусу, чистотѣ и опрятности.

меневъ (10 р.). Съ августа 1822 г. училище отдано подъ непосредственный надзоръ проф. прот. Могилевскому; въ попеченіе со стороны дворянства отдано директору училищъ Лосеву и купечества Тараканову. При немъ былъ открытъ пансіонъ съ платою по 500 р. ас. Г-жа Барахъ приняла пансіонъ, а Кеппенъ училище. Послѣдняя, избранная для представительства, открыла классы въ своемъ домѣ (противъ церкви Рождества). Но училище разстроилось частію благодаря безвозмездности преподаванія, частію благодаря расколу между руководительницами. (Кованько).

Преподаватели, не обременяя памяти учениць, должны были особенно заботиться о развитіи ихъ умственныхъ способностей и направленіи ихъ на путь христіанской нравственности. Низшее отдѣленіе было отдѣлено отъ высшаго и преподаваніе въ немъ поручено особому лицу съ вознагражденіемъ за трудъ: онъ преподавалъ начало русской грамматики, географіи, ариѳметики и одного изъ новыхъ языковъ, а также чистописаніе.

14-го ноября 1820 года училище послѣ молебствія было открыто въ присутствіи проректора университета проф. Джунковскаго, причемъ прот. Башинскій сказалъ краткую рѣчь, въ которой указалъ на пользу и необходимость его для образованія женскаго пола и заключилъ ее „молитвою ко Всевышнему, да призритъ съ небесе и посѣтитъ виноградъ сей". Послѣ концерта проректору были представлены учащіеся и ихъ родители и тотъ ободрилъ и однихъ, и другихъ. 16-го числа преподаватели вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, причемъ каждый изъ нихъ „считалъ своимъ священнымъ долгомъ оправдать довѣріе родителей, благотворителей училища и учебной власти, которая, принимая въ свое вѣдѣніе и покровительство училище, благоволила нѣкоторымъ образомъ быть порукою въ дѣйствительности ихъ пожертвованій". Уже на первыхъ порахъ были сдѣланы и денежныя пожертвованія въ пользу училища: графъ Булгари пожертвовалъ 200 р., подполковница Шарапова 30 р., учитель гимназіи Коваленко 40 р., купецъ Сарычевъ полуимперіалъ, затѣмъ разновременно пожертвовали слѣдующія лица: харьковскій городской голова Вас. Мих. Ломакинъ 50 р., Д. Ѳ. Сердюковъ 25 р., учитель Х. уѣзднаго училища Е. А. Зимницкій стѣнные часы стоимостью въ 40 р., двор. Корниловичъ 15 р., П. И. Мишуковъ 50 р., Есикорскій—400 экз. изданнаго имъ „Новаго легчайшаго способа учить дѣтей", цѣною въ 320 р., Н. Н. Надаржинская—100 р., графъ Д. Б. Девіеръ 100 р., капитанъ И. Е. Ермолаевъ—10 р., учитель уѣзднаго духовнаго училища Толмачевъ 25 р., неизвѣстный—100 р., проф. московскаго университета Мих. Троф. Каченовскій и Шабановъ нѣсколько книгъ для основанія при училищѣ библіотеки и Пав. Гр. Демидовъ—1000 р. Предсѣдателемъ Комитета былъ избранъ преподаватель харьковскаго коллегіума М. Борисовъ, членами его—преподаватель коллегіума Снегиревъ, б. учитель гимназіи Ольденборгеръ, учителя гимназіи—Заставскій, Есикорскій и Вербицкій; секретаремъ комитета—Есикорскій. Попечителями училища были избраны - отъ дворянъ Лосевъ, а отъ купечества купецъ Тараканов. Первый, благодаря за избраніе, писалъ, „что со всею душевною готовностію желаетъ быть полезнымъ этому столь необходимому, въ особенности для недостаточныхъ лицъ учебному заведенію и употребитъ всѣ зависящія отъ него средства, дабы оправдать столь лестное для него довѣріе комитета". Тараканов также обѣщалъ оказывать всяческое содѣйствіе такому общеполезному заведенію. Вскорѣ Вербицкій отказался отъ преподаванія поэзіи и этотъ предметъ взялъ на себя Борисовъ. Одинцовъ отказался отъ преподаванія французскаго языка (но оставилъ за собою математику) и его уроки взялъ на себя Есикорскій, для преподаванія же исторіи рѣшено было пригласить профессора церковной исторіи въ коллегіумѣ—Зимина. Преподавать русскую исторію и географію согласился безвозмездно учитель коллегіума Кустовъ, французскій и нѣмецкій языкъ—надзирательница Бутовская (также безплатно), а преподавателемъ русской грамматики, ариѳметики, географіи и исторіи въ низшемъ отдѣленіи былъ приглашенъ за плату студентъ университета А. Долгой; впослѣдствіи въ составъ преподавателей вошелъ еще кандидатъ университета Пав. Андріевскій.

Съ открытія училища (14-го ноября 1820 г.) по 29 апр. 1821 г. (т. е. за 5½ мѣсяцевъ) его доходы и расходы выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: пожертвованій деньгами 877 р., книгами на 360 р., въ недоимкѣ 320 р., всего 1557 р.; платы отъ учащихся 700 р., всего 2257 р. Израсходовано было 1039 р. Учителя, дававшіе свой безвозмездный трудъ, вели дѣло преподаванія весьма успѣшно. „Ревность этихъ лицъ къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей, постоянство въ ихъ благородномъ намѣреніи своими трудами устроить столь полезное и необходимое учрежденіе, обратили на себя вниманіе родителей учениць, пріобрѣли довѣріе и благодарность со стороны ихъ: число учащихся быстро возрасло до 40 душъ, изъ коихъ 18 уплачивало по 200 р., 6 по 100, а 16 обучалось безплатно. Такимъ образомъ, училище получало съ учениць по 4200 р. и имѣло отъ благотворителей 400 р. Правильный ходъ преподаванія выразился въ ежегодныхъ экзаменахъ, въ особенности на послѣднемъ въ 1823 году, на которомъ присутствовалъ попечитель округа Е. В. Карнѣевъ, предложившій директору сдѣлать представленіе учителей къ наградамъ. Исполняя его желаніе, директоръ указалъ на восемь лицъ, заслуживавшихъ награды. На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ учителя Есикорскаго, который подалъ мысль объ учрежденіи этого учи-

лища и пригласилъ 11 другихъ вышеназванныхъ лицъ, собиралъ пожертвованія, принялъ на себя завѣдываніе письменными дѣлами, требовавшими по новости и необычайности дѣла особеннаго напряженія, и вообще имѣлъ попеченіе объ устройствѣ учебной и экономической части, постоянно преподавая въ немъ при томъ географію и французскій языкъ. Прот. Башинскій помогалъ ему въ сборѣ пожертвованій, а также ревностно преподавалъ Законъ Божій. Борисовъ до опредѣленія попечителей былъ 2 года предсѣдателемъ Комитета. Зиминъ ревностно преподавалъ сначала всеобщую исторію, а потомъ русскую словесность. Кустовъ усердно преподавалъ русскую исторію, Фесенковъ— ариѳметику и Ѳ. Андріевскій—рисованіе. Наконецъ, и Таракановъ также заслуживалъ поощреніе за то, что дешево уступилъ свой домъ подъ училище. Тогдашній архіерей (Аполлосъ) впрочемъ не согласился ходатайствовать о награжденіи Башинскаго, ибо тотъ безъ позволенія своего начальства занимался преподаваніемъ Закона Божія, а по службѣ епархіальной никакихъ заслугъ за нимъ не было". Начальство коллегіума отклонило награжденіе чинами своихъ преподавателей. Противъ награжденія Тараканова губернаторъ не высказался. Но получилъ ли кто изъ этихъ лицъ награды, мы не знаемъ.

Помѣстилось училище въ домѣ попечителя своего купца Тараканова, который уступилъ половину дома своего для него за 1500 руб., въ то время какъ могъ взять за нее 2500 руб. Комитетъ, конечно, не безъ вліянія самого Тараканова, ходатайствовалъ объ освобожденіи за это пожертвованіе всего дома его отъ военнаго постоя. Вообще Таракановъ былъ, повидимому, заинтересованъ въ отдачѣ своего дома подъ училище и на этой почвѣ возникло вскорѣ у него столкновеніе съ другимъ попечителемъ Лосевымъ. Послѣдній подалъ заявленіе, въ которомъ отмѣчалъ медленный ростъ училища и его капитала, который долженъ послужить прочнымъ фундаментомъ для его развитія. Важнѣйшею же причиною, препятствующей его росту, Лосевъ выставлялъ неудобство помѣщенія. Домъ Тараканова былъ неудобенъ для приходящихъ вслѣдствіе отдаленности его отъ центра; для пансіонеровъ же въ немъ совсѣмъ не было помѣщенія; мезонинъ, занятый низшимъ отдѣленіемъ, представлялъ опасности, вслѣдствіе крутой лѣстницы. Другимъ недостаткомъ онъ признавалъ недостаточное число надзирательницъ и недостаточную практику французскаго языка, благодаря чему въ училище не поступаютъ въ качествѣ пансіонерокъ дочери помѣщиковъ, а это давало бы ему значительный доходъ (они вносили бы по 500 р.). Для поправленія дѣла Лосевъ предлагалъ—перевести училище въ домъ Кар. Ив. Кеппенъ, которая всѣмъ была извѣстна своею добродѣтелью, знаніями и способностями по части образованія и соглашалась отдать его за 1600 р. и за эту же сумму принимала на себя должность начальницы училища, а двухъ своихъ дочерей опредѣляла надзирательницами. Что же касается прежней завѣдующей, то она могла бы остаться при прежнемъ окладѣ въ роли помощницы К. И. Кеппенъ и учительницы рукодѣлія. Домъ г-жи Кеппенъ находился за Лопанью, близъ Рожденственской церкви и заключалъ въ себѣ 11 комнатъ—и въ немъ свободно можно было помѣстить до 30 пансіонерокъ и имѣть еще три комнаты для классовъ. Кромѣ обязанности по завѣдыванію училищемъ К. И. Кеппенъ соглашалась ежедневно давать дѣвицамъ по 2 урока на французскомъ языкѣ, а дочери ея также должны были заниматься съ ними практикою этого языка, независимо отъ третьей надзирательницы—иностранки, которую предполагалось пригласить за 300 р. въ годъ. Г-жа Кеппенъ выговаривала себѣ право держать въ свою пользу отъ 1 до 3-хъ пансіонерокъ. Комитетъ всецѣло присоединился къ этому предложенію Лосева, за исключеніемъ Тараканова, который, по его Лосева словамъ, преслѣдовалъ въ этомъ дѣлѣ личные интересы. Все это происходило въ концѣ 1824 года. Попечитель Тараканов подалъ отъ себя въ Училищный Комитетъ особое мнѣніе, въ которомъ указывалъ, что всѣ эти перемѣны произведены Лосевымъ безъ его согласія и принесутъ вмѣсто ожидаемой пользы одинъ вредъ. Домъ его не представляетъ неудобствъ, а если бы они оказались, то онъ отдастъ за умѣренную цѣну другой. Г-жа Кеппенъ—особа преклоннаго возраста, никогда не занималась воспитаніемъ дѣвицъ и потому не сможетъ выполнить принимаемыхъ на себя обязательствъ. Предлагаемыя ею условія невыгодны: домъ ея тѣсенъ; французскій языкъ она знаетъ плохо, уроковъ давать не можетъ; дочери ея получили домашнее образованіе и надзирательницами быть не могутъ. Прежняя надзирательница г-жа Бирихъ за свои прежніе труды заслуживаетъ не пониженія, а повышенія. Практика же французскаго языка могла быть введена сама собою. Въ заключеніе Тараканов представилъ письма родителей ученицъ и просилъ, чтобы все было оставлено по-прежнему. Въ письмахъ этихъ, частію личныхъ, частію коллективныхъ, родители ученицъ высказывали желаніе, чтобы училище осталось въ домѣ Тараканова и при прежней смотритель-

ницѣ. Городской голова Криворотовъ также выступилъ противъ перевода училища въ домъ г-жи Кеппенъ и представилъ противъ этого слѣдующія соображенія. Нынѣшняя надзирательница Бирихъ снискала всеобщее довѣріе у родителей учащихся, а у дѣтей—любовь и привязанность, у публики—уваженіе. Нынѣшнее помѣщеніе училища удобно въ томъ отношеніи, что владѣлецъ его, обучающій въ немъ и своихъ 4-хъ дѣтей, постоянно заботится о немъ и даже наблюдаетъ за учащимися. „Я опасаюсь, прибавлялъ городской голова, чтобы черезъ этотъ переводъ противъ воли родителей училище не потерпѣло ущерба, родители огорченія, а дѣтямъ ихъ не пришлось по-прежнему довольствоваться однимъ обученіемъ азбуки въ частныхъ домахъ. Благодарить Бога надобно за то, что родители и дѣти привязались къ этому училищу. Планъ директора Лосева очень хорошъ, но его можно будетъ выполнить черезъ нѣсколько лѣтъ, ибо училище это не казенное и существованіе его тогда только можетъ быть прочнымъ, когда родители и дѣти будутъ привязаны къ нему, а не чуждаться его“. Въ заключеніе городской голова заявлялъ, что если училище, согласно желанію родителей купеческаго и мѣщанскаго сословія, останется на прежнемъ положеніи, то онъ постарается исходатайствовать у губернатора ассигновку на него нѣкоторой суммы изъ городскихъ средствъ (предполагалась выдача 2000 р. въ годъ). Въ заявленіи, представленномъ городскому головѣ 22 лицами [1]) купеческаго сословія, говорилось, что „благотвореніе даетъ имъ право ходатайствовать объ этомъ и заставляетъ удерживать училище въ ближайшемъ отношеніи къ ихъ сословію“.

Даже и между членами комитета произошелъ расколъ: нѣкоторые изъ нихъ, боясь лишиться субсидіи въ 2000 р. со стороны Городского Управленія, соглашались оставить училище въ домѣ Тараканова, другіе дали уклончивые отвѣты; такъ, напримѣръ, канд. Матв. Протопоповъ (будущій профессоръ), дѣятель Библейскаго общества, заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на перемѣщеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, готовъ подтвердить собственнымъ голосомъ все, что высшее начальство найдетъ полезнымъ для училища; Башинскій также представлялъ все волѣ начальства. Есикорскій соглашался на переводъ, но съ тѣмъ, чтобы перемѣна эта не подала никому повода жаловаться „а служила бы единственно къ исправленію существенныхъ недостатковъ училища, способствуя лицамъ, жертвующимъ для него своими трудами, достиженію цѣли трудовъ ихъ, чтобы это богоугодное зданіе утверждено было на прочномъ основаніи“.

Мы не знаемъ въ точности, но есть основаніе думать, что училище было переведено въ новое помѣщеніе и это привело къ его закрытію. Въ училищѣ были пансіонерки и приходящія. Первыхъ въ 1824 г. было 5 душъ (трое дворянокъ и двое купеческаго званія) [2]), вносившихъ 2500 р. Прихожанокъ было 19 душъ, изъ коихъ трое принадлежали къ дворянскому сословію, а 16 къ купеческому [3]). Онѣ всѣ вмѣстѣ уплачивали 3200 р. (13 по 200 и 6 по 100 р. [4]). Безплатно обучавшихся было 17 (изъ разночинцевъ). Всего 41. Выпущено изъ училища при публичномъ экзаменѣ пятеро (двѣ изъ дворянъ и трое изъ купцовъ). Выбыло двое дворянокъ. Училище въ это время состояло уже изъ 3-хъ отдѣленій.

Въ 1827 году училище закрылось послѣ шестилѣтняго существованія. Директоръ училищъ Т. Селивановъ писалъ Училищному Комитету Харьковскаго университета: „по причинѣ малаго количества ученицъ въ Харьковскомъ училищѣ дѣвицъ, ученіе тамъ съ 20 апрѣля 1827 года прекращено и такъ какъ въ началѣ нынѣшняго учебнаго года нѣтъ возможности продолжать въ немъ ученіе, то члены его были вынуждены закрыть его до благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Третьимъ по времени возникновенія женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Харьковѣ является *Епархіальное училище*. Мысль объ учрежденіи въ *Харьковѣ* епархіальнаго училища для дѣвицъ духовнаго званія всецѣло принадлежитъ Архіепископу Харьковскому Филарету. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что еще предшественникъ его преосв. Иннокентій (Борисовъ) принималъ мѣры къ учрежденію училища для дѣвицъ, во исполненіе Синодальнаго указа 7 сентября 1843 года о заведеніи таковыхъ училищъ [5]). Въ 1852 г. преосв. Филаретъ учредилъ особый комитетъ изъ членовъ Епархіальнаго попечительства—Стеф. Антоновскаго, І. Голяховскаго, І. Поморцева и А. Малиновскаго и открылъ добровольную подписку

---

[1]) Здѣсь мы встрѣчаемъ подписи извѣстныхъ въ то время лицъ—С. Карнова, Мухина, Ковалева, Клейменова, Спасскаго, Медвѣдева, Соляникова, Ворожейнина, Бисерова, Бѣлянова, Емельянова и др.

[2]) Дворянки—двѣ Горинченковы и Глушкова, изъ купеческаго званія: двѣ Кустовыхъ.

[3]) 4 дочери Тараканова, двѣ Матузкова, двѣ Клейменова, Верховская, Колунаева, Соколова.

[4]) 2 дочери Тараканова платили по 200 р. а двѣ по 100 р.

[5]) Харьк. Епарх. женское училище. Истор. записка проф. Т. И. Буткевича.

для сбора пожертвованій во всей епархіи на устройство новаго училища. Въ пользу пріюта бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія Филаретъ пожертвовалъ весь доходъ отъ составленнаго имъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи". Къ 1852 году собрано было уже 21500 р.: главными жертвователями были самъ преосв. Филаретъ, пожертвовавшій 10000 р., Харьковскій купецъ С. К. Костюринъ, пожертвовавшій на 900 р. кирпича и принявшій на себя достройку вчернѣ 3-хъэтажнаго корпуса зданія, директоръ Харьковской земледѣльческой фермы М. Л. Ильинскій, пожертвовавшій 3500 р. и А. П. Ковалевскій—2000 р. Многіе священники жертвовали отъ 50 до 650 р. и располагали къ тому же своихъ прихожанъ. Всего пожертвованій въ пол. 50-хъ годовъ было сдѣлано на 30 тыс.—Филаретъ до 5500 р., городской голова С. К. Костюринъ и ст. сов. М. Л. Ильинскій выстроили на свой счетъ домъ для училища стоимостью въ 5000 р., Бухарина и Ольшевская 2000 р., пом. Берестецкій 875 р., прот. І. Василевичъ 650 р., прот. Пав. Мигулинъ 600 р. прот. П. Даниловъ 300 р., свящ. І. Туранскій 200 р., прот. П. Воробьевъ 200 р., куп. Колотузовъ 200 р., св. І. Поповъ 142 р., помѣщики Иваненковъ и Заславскій по 150 р., баронъ Копенгаузенъ и штабсъ-кап. Романовъ по 100 р., свящ. Кузнецовъ 60 р., свящ. Доброславскій 50 р., пом. Яковлева 50 р., гос. кр. Проценко и Шевченко по 50 р., пом. Веселовская 50 р., пом. Плещеевъ 50 р. [1]). Въ 1853 г. приступили къ постройкѣ зданія, состоявшаго всего первоначально изъ 18 комнатъ, а 6-го іюня 1854 года уже были открыты занятія въ училищѣ послѣ скромнаго торжества въ присутствіи архіеп. Филарета, который, по словамъ одной изъ воспитанницъ, съ большимъ вниманіемъ всегда относился къ училищу и съ теплою истинно отеческою любовію обращался съ его питомицами. Уставъ училища-пріюта былъ составленъ самимъ преосв. Филаретомъ, но вызвалъ возраженіе Святѣйшаго Синода. Предметы преподаванія въ училищѣ были назначены слѣдующіе: 1) Законъ Божій въ качествѣ главнаго предмета, 2) русскій и славянскій языкъ съ русскою грамматикой и словесностью, 3) ариѳметика (и счисленіе на счетахъ), 4) русская исторія и географія въ краткомъ видѣ: 5) нотное церковное пѣніе, 6) чистописаніе, 7) рукодѣліе въ возможно обширномъ объемѣ. Кромѣ того воспитанницъ пріучали къ опытному домашнему хозяйству во всѣхъ его видахъ: печенію хлѣба и просфоръ, приготовленію продуктовъ и запасовъ на зиму, огородничеству и садоводству. Полный курсъ училища былъ 6-тилѣтній; классовъ было 3, въ каждомъ курсъ ученія двухълѣтній. Комплектъ былъ опредѣленъ въ 90 душъ (по 30 въ каждомъ классѣ). Въ дѣлѣ воспитанія главнѣйшая забота училищнаго начальства должна была состоять въ томъ, чтобы укоренить въ учащихся чистое православное ученіе, христіанское благонравіе, духъ кротости, подчиненности, благотворительности, любви къ порядку и подготовкѣ къ будущему простому сельскому быту. Цѣль Харьковскаго епархіальнаго училища была та же, что и въ другихъ аналогичныхъ учебныхъ заведеніяхъ—подготовлять будущихъ женъ и матерей духовенства. Воспитанницы дѣлились на 2 категоріи—казеннокоштныхъ (по 12 въ каждомъ классѣ), получавшихъ полное содержаніе изъ училищныхъ суммъ, и пансіонерокъ, на содержаніе коихъ вносилось по 50 р. на каждую. Училище находилось въ управленіи Харьковскаго архіерея, а ближайшее завѣдываніе его дѣлами было до 1869 года въ рукахъ Училищнаго Комитета изъ духовенства города Харькова. Въ половинѣ 1869 года согласно уставу 1868 года училище это преобразовано въ Епархіальное женское училище и дѣлами его сталъ завѣдывать „Совѣтъ училища". Первою начальницею училища была назначена А. Н. Лукьяновичъ. Попечительницами училища, заботившимися о его развитіи, были—М. М. Сомова, кн. Н. М. Трубецкая, а съ 1855 года А. Н. Бутальчева, почетнымъ попечителемъ—Харьковскій купецъ И. П. Золотаревъ. При арх. Филаретѣ произошло и дальнѣйшее расширеніе училищнаго корпуса и устройство болѣе удобныхъ службъ. Въ 1858 г. была построена и освящена церковь при училищѣ въ честь великом. Варвары. Преосв. Филаретъ былъ и главнымъ жертвователемъ на училище: до 1858 года онъ пожертвовалъ 8880 р., въ томъ числѣ 3000 р. отъ архіерейскаго дома. Оклады преподавателей были очень скромны: законоучитель О. Н. Ланевскій получалъ 228 р. и 3 сажня дровъ, учитель русской словесности священникъ П. Ивановъ—216 р. и 3 сажня дровъ, учитель ариѳметики діаконъ І. Насѣдкинъ 150 р. и 2 сажня дровъ, учитель нотнаго пѣнія 80 р. въ годъ; помощницы начальницы и преподавательница рукодѣлія по 80 р., пепиньерки по 50 р., врачъ А. Х. Кузнецовъ (впослѣдствіи профессоръ)—75 р. въ годъ. Преосв. Макарій, по иниціативѣ свящ. І. Чижевскаго, внесъ предложеніе объ основаніи особаго капитала для выдачи пособій круглымъ сиротамъ, при

[1]) Х. Г. В. 1856, № 36.

выходѣ ихъ замужъ. Въ 1862 году поступило 630 р. пожертвованій, въ 1863 году—1176 р., въ 1864 г.—637 р., въ 1865 г.—826 р., въ 1866 г.—102 р., всего 3372 р. Къ сожалѣнію, капиталъ этотъ былъ взятъ взаймы строительнымъ комитетомъ на пристройку къ училищному зданію и, повидимому, возвращенъ для своей первоначальной цѣли не былъ. При Макаріи въ 1863 г. куплено было прилегающее къ училищу пустопорожнее мѣсто въ 2½ десятины за 680 р., такъ что теперь усадьба равняется 3½ дес. Купленная земля первоначально была обнесена плетнемъ, а потомъ заботами прот. А. А. Ѳедоровскаго высокою каменною оградою. Средства на устройство училищныхъ зданій, покупку земли и содержаніе служащихъ и воспитанницъ добывались исключительно путемъ пожертвованій, причемъ въ числѣ видныхъ жертвователей былъ и самъ преосв. Макарій (2684 р.). Видя, что училище далеко не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ, преосв. Макарій сдѣлалъ предложеніе о расширеніи училищнаго зданія; снова собраны были на это доброхотныя пожертвованія и благодаря пристройкѣ явилась возможность помѣстить въ училищѣ вмѣсто 90—140 воспитанницъ. Лично отъ себя преосв. Макарій пожертвовалъ въ 1867 году 3570 р. Всего имъ пожертвовано было до 14000 р. Онъ же въ 1867 г. издалъ распоряженіе, чтобы въ попечительный комитетъ объ училищѣ само духовенство избирало изъ Харьковскихъ священниковъ по 5 членовъ, такъ какъ оно же и содержало его гл. обр. на свои средства. На этомъ основаніи избраны и утверждены были членами Комитета І. Чижевскій, А. Ѳедоровскій, Вертеловскій, Голяховскій и Гапоновъ. Тогда же преосв. Макаріемъ издано было положеніе о совѣтѣ училища, который долженъ былъ вѣдать преимущественно учебною частью. Преосв. Макарію Епархіальное училище обязано также учрежденіемъ при немъ въ 1866 г. практической школы для подготовки будущихъ преподавательницъ въ церковно приходскихъ училищахъ. Предварительно программа преподаванія была пополнена введеніемъ въ курсъ педагогики. Въ школѣ должны были заниматься воспитанницы старшаго класса подъ руководствомъ классной дамы. Выпускныхъ ученицъ преосв. Макарій напутствовалъ своими рѣчами: такихъ рѣчей было сказано шесть. Успѣхи учащихся провѣрялись на экзаменахъ и объ удовлетворительности ихъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что сочиненія многихъ воспитанницъ были напечатаны въ приложеніи къ Харьк. Журналу „Духовный Вѣстникъ. Это рядъ безпритязательныхъ дѣтскихъ попытокъ религіозно-нравственнаго, описательнаго и повѣствовательнаго характера.

Въ 1869 г., при преосв. Нектаріѣ, харьковское училище дѣвицъ духовнаго званія было преобразовано въ женское епархіальное училище и получило штатныя суммы на свое содержаніе—по 16765 р. въ годъ. Изъ другихъ дѣятелей училища слѣдуетъ отмѣтить попечительницу А. Н. Безпальчеву и Московскаго купца И. М. Коробкова, учредившаго при училищѣ библіотеку, І. Чижевскаго и Н. Лащенка. При епископѣ Іустинѣ было построено особое зданіе для больницы и открытъ параллельный классъ. При архіеп. Амвросіѣ помѣщеніе училища было значительно расширено, выстроенъ цѣлый классный корпусъ стоимостью въ 123000 руб.; построенъ домъ для помѣщенія образцовой церковно-приходской школы; выстроенъ такъ называемый церковный корпусъ стоимостью въ 110000 р. При всѣхъ классахъ при немъ были устроены параллельныя отдѣленія, причемъ изъ дочерей свѣтскихъ лицъ принимали болѣе 10% общаго числа. Заботился высокопр. Амвросій и о религіозно-нравственномъ образованіи ученицъ. Училищу онъ завѣщалъ и право на изданіе своихъ сочиненій. Прилагали заботы объ училищѣ и преемники Высокопр. Амвросія. За 50 лѣтъ своего существованія училище воспитало 2850 воспитанницъ, изъ коихъ одна часть посвятила себя семейной жизни, а другая просвѣщенію простого народа въ элементарныхъ школахъ. 6-го іюня 1904 года отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей училища. Описаніе юбилея издано въ особой книжкѣ. Предсѣдателями совѣта состояли оо. Чижевскій, Лащенко, Ѳедоровскій, Румянцевъ, Буткевичъ; начальницами—г-жи Лукьяновская, Колосовская, Ковалевская, Кушенъ, Гейцыгъ [1]).

Къ началу 60-хъ годовъ въ Харьковѣ не оказалось другихъ разсадниковъ женскаго просвѣщенія, кромѣ института благородныхъ дѣвицъ, духовнаго училища и частныхъ пансіоновъ, которые, конечно, не могли удовлетворять потребностямъ мѣстнаго населенія. Въ 1860 году положено было основаніе нынѣшней Харьковской Маріинской (1-й) гимназіи. 23 апрѣля 1856 года раздался первый призывъ къ

[1]) Харьк. епарх. женское училище (1854—1904 гг.). Историческая записка. Харьк. епарх. женское училище въ 50-й годъ его существованія (6-го іюня 1854—1904). Воспоминанія съ 1854 по 1872 г. прот. І. Чижевскаго. Х. 1904.

дѣятельности на пользу просвѣщенія русской женщины всѣхъ слоевъ общества. Впервые забота объ открытіи женскихъ училищъ въ провинціи возродилась въ заботливомъ сердцѣ незабвеннаго Монарха Преобразователя и Освободителя. Въ то время было Высочайше повелѣно приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ, на первый разъ въ губернскихъ городахъ, женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія приговоромъ 14 ноября 1858 года Харьковское городское общество назначило для этой цѣли ежегодный отъ себя взносъ на три года и уступило для помѣщенія училища городской домъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудобства въ какихъ-либо отношеніяхъ, этотъ домъ отдавался въ наемъ съ обращеніемъ наемной платы въ пользу училища. Домъ переданъ въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта 22 августа 1860 г. Когда по волѣ Государя Императора городскія общества и другія сословія были приглашены къ участію въ устройствѣ женскихъ училищъ, то въ Харьковѣ горячимъ поборникомъ благой мысли Нашего Монарха явился В. В. Римскій-Корсаковъ. Онъ какъ предводитель дворянства, 19 февраля 1859 г. на балѣ, даннomъ дворянствомъ въ годовщину восшествія на престолъ Государя Императора, открылъ на учрежденіе въ Харьковѣ женскаго училища подписку, по которой дворянами пожертвовано около 1000 р. Въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію къ училищному капиталу причислены 4500 р., пожертвованные Харьковскимъ купечествомъ на устройство арки въ память посѣщенія Харькова Государемъ Императоромъ 16 сентября 1859 г. и сверхъ того пожертвовано разными лицами 1525 г. Ко времени открытія женскаго училища изъ всѣхъ пожертвованій образовался капиталъ въ 10000 р., и начальникъ губерніи И. Д. Лужинъ вошелъ въ сношеніе съ начальствомъ Учебнаго Округа объ открытіи въ Харьковѣ женскаго училища 1-го разряда. Но 10 мая 1860 г. состоялось утвержденіе новаго положенія о женскихъ училищахъ, на основаніи котораго попечительный совѣтъ составился изъ непремѣнныхъ членовъ: предводителя дворянства В. В. Римскаго-Корсакова, директора 2 Харьковской гимназіи Г. С. Шведова, городского головы А. М. Северина и выборныхъ членовъ— отъ дворянства гвардіи штабсъ-капитана Ѳ. А. Дерберга и отъ купечества—М. Ѳ. Лещенко. Прежде всего попечительный совѣтъ обратилъ вниманіе на помѣщеніе для женскаго училища. Осмотрѣвъ пожертвованный городомъ домъ, Совѣтъ нашелъ его неудобнымъ для учебнаго заведенія; поэтому съ разрѣшенія начальника губерніи, въ виду скорѣйшаго открытія училища, было нанято частное помѣщеніе. Домъ же, уступленный городомъ, положено отдавать въ наемъ. Затѣмъ попечительный Совѣтъ избралъ почетной попечительницей Н. А. Лужину, начальницей училища Т. А. Зиберъ. Въ этомъ же засѣданіи Совѣтомъ обсуждены и рѣшены главнѣйшіе вопросы, относящіеся къ установленію въ училищѣ надлежащаго порядка и благоустройства; избраны были также преподаватели и преподавательницы. По представленію попечительнаго Совѣта попечитель Харьк. Учебн. Округа разрѣшилъ открыть въ Харьковѣ училище въ составѣ первыхъ трехъ классовъ, а 16 августа 1860 г. началось въ немъ ученіе.

По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія Его Величеству Государю Императору благоугодно было 10 ноября 1860 г. изъявить Высочайшее соизволеніе на дарованіе Харьковскому женскому училищу наименованія „Маріинскаго“, въ честь Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. Съ начала 1862 уч. г. явилась необходимость открыть приготовительный классъ, чтобы устранить многія неудобства, происходящія отъ недостаточной подготовки дѣтей, при поступленіи въ 1 классъ. Къ 1864 г. училище состояло изъ шести нормальныхъ классовъ и приготовительнаго. Въ 1866 г. Попечительный Совѣтъ, убѣдившись въ неудобствахъ занимаемаго до сихъ поръ помѣщенія въ домѣ Павлова, пришелъ къ заключенію о необходимости построить новое зданіе. По обсужденіи этого вопроса Попеч. Совѣтъ нашелъ, что пустопорожнее городское мѣсто, за театромъ, извѣстное подъ названіемъ „Бахтинскаго двора“, было бы наиболѣе удобно для этой цѣли. Приговоромъ 5 сентября 1866 г. городское общество уступило Маріинскому училищу „Бахтинскій дворъ“ съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи постройки новаго дома, Попечит. Совѣтъ возвратилъ городу домъ, пожертвованный ранѣе. Городское общество содѣйствовало также и пріобрѣтенію капитала для этой постройки, для чего оно склонило Золочевское городское общество ссудить Маріинскому училищу изъ запаснаго капитала 25000 руб. и обязалось уплачивать занятый капиталъ и проценты, употребляя для этого 3000 р., назначенные городскимъ обществомъ въ пособіе училищу. Когда планъ и фасадъ дома были разсмотрѣны и одобрены г. попечителемъ Учебнаго Округа, Попечит. Совѣтъ и избранная коммиссія приступили къ закладкѣ зданія. Зданіе было окончено въ первыхъ числахъ сентября, и съ 6 сентября 1869 г. началось

ученіе въ собственномъ просторномъ свѣтломъ помѣщеніи. Постройка его обошлась только въ 59 тыс. рублей. Десятый учебный годъ со времени открытія Маріинскаго училища замѣчателенъ для заведенія введеніемъ педагогическаго курса. Попечительный Совѣтъ составилъ проектъ положенія о педагогическомъ курсѣ при Маріинскомъ училищѣ. Этотъ проектъ, исправленный Министромъ Народнаго просвѣщенія, былъ утвержденъ г. попечителемъ Округа 21 октября 1869 г. 1870/71 учебный годъ ознаменованъ введеніемъ Высочайше утвержденнаго 24 мая 1870 г. „Новаго положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", на основаніи котораго Харьковское Маріинское училище 1 разряда *преобразовано въ гимназію въ составѣ 7 классовъ*. 25 іюня 1871 г., послѣ тяжкой болѣзни, скончалась первая начальница Харьковской Маріинской женской гимназіи Т. Л. Зиберъ. Въ засѣданіи 8 августа 1871 г. начальницею гимназіи избрана Попечительнымъ Совѣтомъ и утверждена Министромъ Народнаго Просвѣщенія вдова генералъ-маіора Ю. П. Медишъ, за многолѣтнюю усердную дѣятельность удостоенная Монаршей Милости. Открытіемъ семиклассной гимназіи еще не достигалась конечная цѣль воспитывающихся въ ней. Большинство ученицъ въ будущемъ должно было пробить дорогу къ труду, обезпечивающему средства къ жизни, къ труду въ званіи домашнихъ наставницъ или учительницъ, къ труду, хотя тяжелому, тѣмъ не менѣе высокому и благородному. Гимназіи недоставало VIII (спеціальнаго) класса, необходимость открытія котораго обусловливалась потребностями общества. Желаніе общества было удовлетворено открытіемъ VIII класса въ началѣ 1875/76 учебнаго года, и въ него поступило въ 1-й же годъ 30 ученицъ. Образовательное вліяніе учебнаго заведенія опредѣляется числомъ его учащихся. Число поступавшихъ въ Маріинское женское училище и гимназію было, начиная съ 1860 года и кончая 1903 годомъ, таково: 175, 56, 88, 56, 88, 120, 77, 70, 90, 99, 119, 160, 128, 160, 128, 144, 168, 152, 160, 152, 112, 96, 120, 188, 170, 153, 160, 180, 171, 168, 191, 204, 195, 176, 171, 171, 153, 206, 203, 187, 103, 202, 218, 224. Отсюда видно, что съ постройкою собственнаго дома, число ученицъ сразу увеличилось и возрастало потомъ безостановочно, если не считать такого очевидно случайнаго года, какъ 1900-й годъ, когда поступило только 103 ученицы. Во всякомъ случаѣ число поступающихъ въ настоящее время чуть ли не втрое больше числа поступившихъ въ первые годы. Всего за 44 года поступило 5314 душъ. 6-й выпускной классъ въ училищѣ открылся въ 1863 году и за 8 лѣтъ (съ 1864 по 1872 годъ) его окончило 256 ученицъ, т. е. въ среднемъ выпускъ равнялся 32 д. въ годъ. Изъ седьмого класса, начиная съ 1873 и кончая 1903-мъ годомъ, т. е. за 31 годъ, было выпущено 1685 душъ, т. е. въ среднемъ по 54 ученицы въ годъ; число окончившихъ въ немъ колебалось отъ 20 до 96 душъ. Восьмой классъ въ теченіе 29 лѣтъ окончило 1526 душъ, т. е. въ среднемъ почти 52 ученицы въ годъ; число оканчивавшихъ въ немъ колебалось отъ 14 до 94; послѣдняя цифра относится къ 1903-му году. Изъ числа окончившихъ курсъ многія заняли мѣста начальницъ, преподавательницъ и классныхъ надзирательницъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова, Харьковской и другихъ губерній. Многія изъ бывшихъ ученицъ окончили медицинскіе курсы со званіемъ врача—Костомарова, Гонтарева, Ступина и др.

Нѣкоторыя лица завѣщали въ пользу гимназіи капиталы на учрежденіе при ней стипендій. Такихъ стипендіальныхъ капиталовъ теперь при гимназіи имѣется 21 на общую сумму до 30000 рублей, приносящихъ въ общемъ до 1800 р. въ годъ процентовъ на стипендіи. Кромѣ того, съ 1894 года при гимназіи открыто Общество для пособія нуждающимся ученицамъ, которое оказываетъ имъ посильную матеріальную поддержку [1]).

О 2-й женской гимназіи мы къ сожалѣнію свѣдѣній не имѣемъ.

При евангелическо-лютеранской общинѣ возникла женская гимназія особаго типа, именуемая *Вознесенскою*. Происхожденіе и исторія ея такова: оффиціальное переименованіе ея въ гимназію съ правами казенныхъ гимназій относится къ 18 дек. 1885 года, когда въ ней открытъ былъ и 7-й классъ. Первою начальницей гимназіи была Кар. Мецнеръ, ея преемницей—г-жа Фриче. Предсѣдателями совѣта—Шеерманъ и пр. Шульцъ. Матеріальное положеніе гимназіи было затруднительное, потому что она не получала отъ правительства штатныхъ суммъ, а содержалась главнымъ образомъ на плату за правоученіе и на пожертвованія. Несмотря на то, что число учащихся по сравненію съ прежнимъ временемъ значительно увеличилось (159 дѣвочекъ), только благодаря складчинѣ гимназія и могла закончить 1-й годъ

[1]) Составлено на основаніи записки, полученной отъ гимназіи.

безъ дефицита, а во 2-мъ (1886) году образовался все-таки дефицитъ въ размѣрѣ 1642 р. Въ слѣдующемъ 1887 году оказался уже небольшой остатокъ (прихода было 9783 р., расхода 8931 р., остатка 852 р.), въ 1888 году—остатка 39 р., въ 1889 г.—остатокъ 43 р., въ 1890 г.—дефицита 979 р., въ 1891 г.—дефицита 55 р., въ 1892 г.—остатка 92 р., въ 1893 г.—остатка 461 р., въ 1894 г.—остатка 340 р., въ 1895 г.—остатка 1113 р., въ 1896 г.—остатка 1310 р., въ 1897 г.—остатка 515 р., въ 1898 г.—остатка 1835 р., въ 1899 г.—остатка 3995 р., въ 1900 г.—остатка 3684 р., въ 1901 г.—остатка 4467 р. Появленіе вмѣсто обычныхъ въ первые годы дефицитовъ остатковъ объясняется главнымъ образомъ возрастаніемъ числа учащихся,—а это въ свою очередь сдѣлалось возможнымъ вслѣдствіе расширенія школьнаго помѣщенія—а равно вслѣдствіе пожертвованій отдѣльныхъ благотворителей, складчины прихожанъ и увеличенія платы за ученіе (съ 1891 г.). По духовному завѣщанію Ал. Демера гимназіи отказанъ былъ капиталъ около 20 тыс. руб., съ тѣмъ чтобы на проценты съ него воспитывать 20 бѣдныхъ дѣвочекъ. Но помѣщеніе гимназіи было столь тѣсно, что число ученицъ въ ней начало уменьшаться и потому Совѣтъ Евангелическо-лютеранскаго общества рѣшилъ произвести пристройку, употребивъ на это капиталъ, пожертвованный Демеромъ для этой цѣли. Извѣстный благотворитель Макс. Гельферихъ пожертвовалъ школѣ капиталъ въ 1200 р., а потомъ съ 1891 года сталъ ежегодно жертвовать по 1200 р., пожертвовалъ капиталъ въ 10000 р., а по духовному завѣщанію послѣ его смерти было получено еще 18 тыс. руб. Щедрые пожертвованія дѣлалъ предсѣдатель попечительнаго совѣта г. Шеерманъ. Въ 1896 г. сдѣлано было новое расширеніе помѣщенія гимназіи, для котораго М. Гельферихъ пожертвовалъ свыше 1500 р. Въ связи съ ростомъ школы и расширеніемъ ея помѣщенія, увеличивалось и число ученицъ: въ 1885 г. было 159 ученицъ, въ 1886 г.—182, въ 1887 г.—182, въ 1888 г.—значительно уменьшилось, въ 1889 г.—182, въ 1890 г.—178, въ 1891 г.—167, въ 1892 г.—174, въ 1893 г.—195, въ 1894 г.—220, въ 1895—257, въ 1896 г.—288, въ 1897 г.—328, въ 1898 г.—356, въ 1899 г.—363, въ 1900 г.—362, въ 1901 г.—376. Неизмѣнный приростъ числа учащихся начинается съ 1892 года, продолжается и нынѣ. Но характерно, что въ настоящее время Вознесенская женская гимназія перестала быть нѣмецкою (каковою она была раньше) какъ по составу учащихся, такъ и по языку преподаванія. Въ 1900 году, напримѣръ, изъ 362 ученицъ лютеранокъ было всего 69; слѣдовательно, огромное большинство принадлежитъ къ православному и іудейскому вѣроисповѣданіямъ. Прежде по-нѣмецки преподавались нѣкоторые предметы (напримѣръ, всеобщая исторія, географія), теперь же всѣ они читаются по-русски. Реформа проводилась нѣсколько круто и вызывала, повидимому, раздраженіе въ мѣстномъ нѣмецкомъ обществѣ, съ грустью замѣчавшемъ превращеніе его нѣмецкой школы въ общерусскую гимназію. Оно видѣло, что въ матеріальномъ отношеніи гимназія отъ прилива учащихся выигрывала, но нѣмецкій элементъ въ ней отодвинутъ на третій планъ ученицами русской и еврейской національности, и всѣ прежнія особенности этой школы, съ которыми сроднилась нѣмецкая община въ Харьковѣ, мало-по-малу стираются и учебный строй ея пріобрѣлъ тотъ формальный оффиціальный характеръ, который господствуетъ и въ другихъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ противоположность школамъ Министерства Финансовъ (коммерческимъ училищамъ). Общество должно давать деньги на содержаніе школы и не имѣть никакого вліянія на учебную и нравственно-воспитательную сторону дѣла. Между тѣмъ въ нѣмецкой общинѣ, тѣсно связанной съ ея церковнымъ приходомъ, живутъ еще старые устои и традиціи, которые раньше проявлялись и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ жизни этой школы до превращенія ея въ чисто русскую гимназію и даже въ первые годы послѣ этой реформы. Они поддерживались и воспитанными въ ихъ духѣ преподавателями нѣмецкаго происхожденія, но ослабѣвали и стирались подъ вліяніемъ педагоговъ русскаго происхожденія. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ послѣднихъ попечительный совѣтъ и вообще мѣстное нѣмецкое общество относились съ полною симпатіей, но, къ сожалѣнію, преподавательскій составъ школы не отличался устойчивостью, такъ какъ она вынуждена была пользоваться услугами главнымъ образомъ преподавателей другихъ гимназій. Изъ учителей нѣмецкаго происхожденія ветераномъ является г. Гильдебрандтъ, бывшій преподавателемъ и тогда, когда Вознесенская гимназія представляла изъ себя только еще школу и праздновавшій 15 ноября 1899 года 50-тилѣтіе самоотверженнаго неустаннаго служенія школѣ. За этотъ длинный промежутокъ времени онъ сумѣлъ снискать такую любовь и уваженіе, что ко дню его юбилея съѣхались въ Харьковъ со всѣхъ концовъ его благодарные ученики и ученицы, старые и малые, чтобы выразить уважаемому и любимому учителю свои искреннія чувства. Многіе прислали телеграммы

и подарки. Оказало свое вліяніе и то обстоятельство, что отецъ юбиляра былъ въ сущности основателемъ школы въ 1827 году.

Изъ пансіоновъ выросли и частныя женскія гимназіи—Е. Н. Драшковской, Оболенской, Григорцевичъ, бывшая Филипсъ. Вотъ исторія двухъ изъ нихъ—старѣйшихъ—Е. Н. Драшковской [1]) и Д. Д. Оболенской.

Основательница его Е. Н. Драшковская (род. 5 октября 1836 г., сконч. 22 мая 1898 г.)—дочь заслуженнаго дворянина, съ выдающимся успѣхомъ окончила курсъ Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, завершила свое образованіе двукратнымъ путешествіемъ за-границу для спеціальнаго изученія иностранныхъ языковъ, и, избравъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, въ теченіе почти двадцати лѣтъ потомъ занимала должность учительницы, надзирательницы и классной дамы сначала въ Полтавскомъ, а затѣмъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Съ такой подготовкой и такой массой опыта въ области учебно-воспитательнаго дѣла, отказавшись отъ занимаемыхъ должностей, Екатерина Николаевна рѣшилась открыть въ Харьковѣ свое частное женское учебное заведеніе, ясно сознавая при томъ всѣ трудности и неблагопріятныя условія этого дѣла. Не мало заботъ слѣдовало приложить къ организаціи новаго учебнаго заведенія, не мало самыхъ энергическихъ усилій приложить для привлеченія симпатій и довѣрія общества къ частному учрежденію, не мало и умѣнья требовалось и въ изысканіи матеріальныхъ средствъ для начала дѣла. Но все это не остановило энергическую основательницу и, не страшась неудачъ и препятствій, въ августѣ 1873 года, въ отдаленной части города, она открываетъ пансіонъ, съ цѣлью подготовленія желающихъ къ поступленію въ различные классы Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Скромныя задачи пансіона, отдаленность его отъ центра города и малая извѣстность личностей его учредительницы на первыхъ порахъ не предвѣщали особаго успѣха вновь открытому учебному заведенію, но выдающаяся опытность и добросовѣстность основательницы скоро сдѣлали имя ея извѣстнымъ городскому обществу, и уже въ первомъ году въ пансіонѣ состояло 20, а во второмъ 26 воспитанницъ. Этому успѣху способствовала также возможно лучшая обстановка пансіона и прекрасный составъ преподавателей, въ число которыхъ входили преподаватели семинаріи и учителя гимназіи и института. Преподаваніе въ пансіонѣ въ виду самой цѣли приготовленія учащихся къ конкурсному экзамену въ различные классы Института не могло, конечно, производиться по какимъ-либо особымъ программамъ и, естественно, приспособлялось къ курсу Института. Въ такомъ видѣ пансіонъ просуществовалъ полтора года. Въ декабрѣ 1874 года, стоившій много заботъ, но вполнѣ удачный опытъ Екатерины Николаевны, указалъ ей возможность расширить задачи основаннаго ею пансіона и преобразовать его, согласно положенію 10 мая 1860 года, въ женское училище перваго разряда. Съ этой цѣлью учредительницей составленъ былъ подробный планъ преобразованія и 23 декабря 1874 года представленъ на утвержденіе попечителя Харьковскаго учебнаго округа *Л. Воскресенскаго*, а 10 января слѣдующаго года преобразованіе пансіона было разрѣшено и планъ училища утвержденъ учебнымъ начальствомъ. Согласно этому плану и программамъ ученіе въ училищѣ началось въ январѣ 1875 г. и на первый годъ были открыты лишь приготовительный, первый и второй классы, на Холодногорской улицѣ, противъ Духовной Семинаріи. Число учащихся въ училищѣ достигло до 60. Но скоро учредительницѣ пришлось заботиться о пріисканіи новаго помѣщенія и, въ цѣляхъ удобства родителей, по возможности въ центральной части города. Такое помѣщеніе и было найдено на Николаевской площади. Здѣсь въ августѣ 1876 года открытъ былъ новый третій классъ училища. Между тѣмъ число учащихся все увеличивалось, такъ что подъ конецъ года уже и это помѣщеніе оказалось тѣснымъ и пришлось нанять болѣе просторную квартиру для училища въ домѣ Счасни на Сумской улицѣ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ послѣдовательно были открыты остальные четыре класса училища. Въ 1882 году училище было преобразовано въ женскую гимназію Е. Н. Драшковской. Иниціатива преобразованія училища въ гимназію принадлежала директору народныхъ училищъ *Н. Г. Жаворонкову*. Съ ходатайствомъ о преобразованіи выступилъ самъ Н. Г. Жаворонковъ, указывая на извѣстную ему педагогическую опытность Е. Н. Драшковской и на желательность преобразованія училища въ виду необходимости и пользы, которую можетъ принести новая гимназія не только городу, но и всему Харьковскому округу. Ходатайство директора народныхъ училищъ было уважено и 12 февраля 1882 года попечитель Учебнаго Округа разрѣшилъ преобразовать частное женское Учебное заведеніе перваго разряда Е. Н. Драшковской въ женскую гимназію съ приготовительнымъ

[1]) Историческій очеркъ ея составленъ г. Чоканомъ.

классомъ и пансіономъ при ней, съ предоставленіемъ какъ служащимъ, такъ и учащимся въ заведеніи всѣхъ соотвѣтственныхъ правъ и преимуществъ. Предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣннымъ членомъ попечительнаго совѣта гимназіи въ то же время былъ назначенъ директоръ народныхъ училищъ Н. Г. Жаворонковъ, членами попечительнаго совѣта А. Г. Харина, А. Н. Бурнашовъ, Ф. Ф. Лезель и В. П. Щелковъ. Начальницей гимназіи—Е. Н. Драшковская, законоучителями были утверждены священники Крушедольскій и Любицкій, преподавателями—учителя бывшаго училища—г-жа Позднякова, Головина, Соколовъ, Ирмеръ, Озле, Линицкій, Знаменскій, Лапинъ; секретаремъ совѣта утвержденъ былъ преподаватель Ѳеоктистовъ, а библіотекаремъ—надзирательница гимназіи И. Гладышева. Между тѣмъ уже черезъ годъ по преобразованіи количество учащихся настолько возросло, что учредительницѣ снова нужно было озаботиться о пріисканіи новаго и болѣе обширнаго зданія для помѣщенія гимназіи и пансіона. Заботы Д. увѣнчались успѣхомъ, и Харьковскій домовладѣлецъ Е. Д. Школяренко по просьбѣ попечительнаго совѣта согласился приспособить для помѣщенія гимназіи свой домъ въ лучшей и здоровой части города. Въ августѣ мѣсяцѣ передѣлки въ домѣ были окончены и гимназія была переведена сюда. Здѣсь она остается и до сихъ поръ, считая это помѣщеніе удобнымъ для себя по вмѣстительности, достаточности содержанія воздуха и обилію свѣта.

Хотя приходилось переживать матеріальныя затрудненія, но количество учащихся въ ней постепенно увеличивалось, какъ показываетъ слѣдующая таблица.

Въ	1882	г.	состояло въ	гимназіи	84	восп.	Въ	1891	г. состояло въ гимназіи	132 восп.
„	1883	„	„	„	89	„	„	1892	„ „ „	151 „
„	1884	„	„	„	91	„	„	1893	„ „ „	168 „
„	1885	„	„	„	107	„	„	1894	„ „ „	169 „
„	1886	„	„	„	114	„	„	1895	„ „ „	176 „
„	1887	„	„	„	128	„	„	1896	„ „ „	178 „
„	1888	„	„	„	132	„	„	1897	„ „ „	180 „
„	1889	„	„	„	133	„	„	1898	(годъ кончины основ. г.)	182 „
„	1890	„	„	„	135	„				

Гимназія все время жила мирной и тихой жизнью, всѣми силами служа дѣлу воспитанія дѣвицъ, посильно принося пользу обществу и всѣми мѣрами заботясь о возможно цѣлесообразной и наилучшей постановкѣ учебнаго дѣла. Сознавая, какую пользу дѣлу могутъ принести опытные преподаватели и воспитательницы, начальница, не останавливаясь ни передъ какими матеріальными затратами, всегда старалась привлечь въ гимназію такой персоналъ учащихъ, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ высокимъ задачамъ женскаго образованія.

О числѣ окончившихъ курсъ и награжденныхъ медалями даетъ понятіе нижеслѣдующая таблица.

Годы	Оконч. курсъ 7 класса	Награждены: Золотыми мед.	Серебряными мед.	Оконч. курсъ 8 класса
1884	7	2	2	—
1885	9	1	1	5
1886	9	4	1	5
1887	6	—	1	6
1888	13	3	1	4
1889	10	1	2	—
1890	10	3	3	—
1891	13	3	2	—
1892	14	2	2	—
1893	16	5	3	7
1894	15	4	3	9
1895	16	1	2	4
1896	24	2	2	5
1897	17	4	3	14
	175	35	28	59

12 Февраля 1898 года, когда основательница гимназіи тяжкою болѣзнью уже прикована была къ постели, съ которой не суждено было ей встать, скромно, но необыкновенно сердечно отпраздновала гимназія двадцатипятилѣтіе педагогической дѣятельности Екатерины Николаевны и основаннаго ею учебнаго заведенія. Свою дѣятельность въ слѣдующемъ 1898—1899 учебномъ году гимназія начала подъ новымъ руководствомъ сестры основательницы Евгеніи Николаевны Богомоловой (нынѣ Ладиной), при помощи и въ домѣ которой четверть вѣка назадъ основанъ былъ впервые пансіонъ для приготовленія дѣвицъ, желающихъ поступить въ Харьковскій Институтъ. Въ начальствованіе Евгеніи Николаевны, ввѣренная ея руководительству гимназія продолжала развиваться. Прежде всего это сказалось въ увеличеніи числа учащихся, а именно:

въ 1899 году состояло воспитанницъ	172	въ 1901 году состояло воспитанницъ	189
„ 1900 „ „ „	186	„ 1902 „ „ „	207

—наибольшее число, допускаемое размѣрами помѣщенія гимназіи.

Совершенствовалась также и внутренняя организація заведенія и успѣхи учащихся ясно обнаруживаются въ количествѣ окончившихъ курсъ и награжденныхъ медалями и выражаются слѣдующими числами:

Годы	Оконч. курсъ 7 класса	Награждены: Серебряными мед.	Золотыми мед.	Оконч. курсъ 8 класса
1898	29	3	2	10
1899	16	1	5	24
1900	27	4	5	8
1901	18	2	6	15
1902	16	2	8	9

Харьковская женская гимназія *Д. Д. Оболенской* [1]) (съ правами женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія). Возникновеніе этого учебнаго заведенія относится къ 1868 году. 13 апрѣля этого года г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа, согласно постановленію Попечительскаго Совѣта разрѣшилъ Д. Д. Оболенской открыть въ г. Харьковѣ частный женскій пансіонъ на степени гимназіи. Пансіонъ тогда же былъ открытъ и, какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ, быстро развивался. Уже къ началу 1870 года въ немъ было 6 нормальныхъ и 7-й приготовительный классъ, въ которыхъ преподаваніе велось по программамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для женскихъ гимназій. Такая постановка учебнаго дѣла въ значительной степени облегчила ученицамъ, окончившимъ курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи, подготовку къ экзамену на званіе домашней учительницы въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнымъ округомъ. И большая часть учениць, окончившихъ курсъ, подвергалась этому экзамену и успѣшно его выдерживала. (Окончило курсъ 6 классовъ 58 учениць). Въ виду расширенія и возвышенія учебно-воспитательной дѣятельности пансіона, учебное начальство нашло справедливымъ предоставить ему права и преимущества женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, каковыми до тѣхъ поръ пользовались въ Харьковѣ одни только правительственныя такого рода учрежденія. Г. управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ на имя попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 6-го августа 1880 года разрѣшилъ преобразовать содержимый Д. Д. Оболенскою въ г. Харьковѣ женскій пансіонъ въ женскую гимназію имени учредительницы: Харьковская Женская Гимназія Д. Д. Оболенской. Къ сему статсъ-секретарь Сабуровъ изволилъ присовокупить: 1) что согласно ст. 18 правилъ 31 августа 1874 года въ учрежденную Д. Д. Оболенскою гимназію могутъ быть принимаемы, наравнѣ съ приходящими ученицами и пансіонерки и полупансіонерки и 2) что онъ утверждаетъ Д. Д. Оболенскую, какъ учредительницу сего учебнаго заведенія, въ должности начальницы и предсѣдательницы попечительнаго совѣта (нынѣ почетной попечительницы). Окончило курсъ гимназіи, съ 1880—1908 г., семь классовъ: 490 учениць, изъ нихъ 276 проходили 8 классовъ. Гимназія состоитъ изъ приготовительнаго класса, семи нормальныхъ и VIII-го дополнительнаго—для приготовленія учащихся къ педагогической дѣятельности въ званіи домашнихъ наставницъ и учительницъ. Учащіяся раздѣляются на двѣ группы: пансіонерокъ (82) и полупансіонерокъ (160), съ платой за пан-

[1]) Сообщено.

сіонерку 400 р. въ годъ и за полупансіонерку 200 р., съ ученицъ же приготовительнаго класса—плата за пансіонерку 300 р. и за полупансіонерку 100 руб. Учащіяся пользуются горячими завтраками въ промежутокъ времени между 3-мъ и 4-мъ уроками, что существуетъ съ перваго дня дѣятельности учебнаго заведенія, причемъ всѣ приходящія могутъ пользоваться обѣдомъ и приготовленіемъ уроковъ въ гимназіи безъ особой за то приплаты. Для управленія гимназіей при ней состоятъ два совѣта: попечительный и педагогическій, а непосредственное завѣдываніе и руководство учебно-воспитательною частью принадлежитъ предсѣдателю совѣта, почетной попечительницѣ и начальницѣ гимназіи. Въ каждомъ классѣ есть классная надзирательница. Кромѣ воспитательнаго руководства и надзора при внѣклассныхъ занятіяхъ ученицъ, въ кругъ непремѣнныхъ обязанностей классныхъ надзирательницъ входитъ практика иностранныхъ языковъ; воспитательницы иностранки: француженки, нѣмки. Воспитаніе религіозно-нравственное совершается въ гимназіи подъ руководствомъ законоучителей. Разъясняя воспитанницамъ вмѣстѣ съ догматами вѣры правила христіанской жизни и добраго поведенія, законоучители вмѣстѣ съ тѣмъ учатъ дѣтей, какъ молиться и читать слово Божіе. Молитвою и чтеніемъ Евангелія начинается каждый урокъ по Закону Божію, молитвою и оканчивается онъ. Кромѣ того воспитанницы участвуютъ въ ежедневныхъ молитвахъ утренней и вечерней и по очереди читаютъ молитвы сами; въ дни воскресные и праздники пансіонерки присутствуютъ въ Храмѣ Божіемъ при богослуженіи. Сохраненіе здоровья и физическое воспитаніе учащихся всегда было предметомъ особенныхъ заботъ учредительницы гимназіи. Нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни заведенія подтверждаютъ, что здѣсь сдѣлается все, чтобы физическое воспитаніе шло правильно. Извѣстно также, что Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало участіе въ гигіенической выставкѣ Общества охраненія народнаго здравія, устроенной въ Петербургѣ весною 1893 г. Уполномоченный отъ Министерства докторъ медицины Вирениусъ, осматривая учебныя заведенія, съ цѣлью опредѣленія экспонатовъ, которые могли бы быть представлены на выставку, обозрѣвалъ между другими учебными заведеніями города Харькова и гимназію Д. Д. Оболенской и въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ высказалъ самое лестное мнѣніе о гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ находится здѣсь физическое воспитаніе учащихся. А экспонаты и свѣдѣнія, планы всѣхъ помѣщеній гимназіи и пансіона, измѣренія объема воздуха и свѣтовой площади въ нихъ и т. п., доставленныя отъ гимназіи на выставку, доказываютъ, что учащимся предоставлено здѣсь свѣта и воздуха въ 3 слишкомъ раза болѣе противъ принятой нормы. На выставкѣ гимназія была удостоена серебряной медалью.

При пансіонѣ находится садъ, который представляетъ большія удобства для прогулокъ и подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ. Наблюдаетъ за ходомъ физическаго воспитанія ученицъ и за подачей помощи заболѣвающимъ профессоръ университета и постоянный врачъ. Для заболѣвающихъ устроенъ отдѣльный домъ для больницы. Организація эстетическаго воспитанія въ гимназіи всегда составляетъ особую заботу учебно-воспитательнаго персонала. Главнѣйшими средствами эстетическаго образованія ученицъ является: рисованіе, пѣніе и музыка. Преподаваніе этихъ искусствъ ведется всегда лицами извѣстными своею педагогическою дѣятельностью. Почти всѣ воспитанницы обучаются рисованію и въ старшихъ классахъ многія воспитанницы занимаются живописью. Для обученія музыки приглашены преподаватели съ высшимъ музыкальнымъ образованіемъ. Для упражненія въ пансіонѣ 14 роялей. Для поощренія прилежанія, для ознакомленія учащихся съ болѣе крупными музыкальными сочиненіями и также для оцѣнки успѣховъ ученицъ по музыкѣ устраиваются въ гимназіи музыкальные вечера. Въ этихъ же цѣляхъ эстетическаго развитія воспитанницъ обращается большое вниманіе на правильное обученіе ихъ танцамъ. Согласно принятой въ гимназіи программѣ по рукодѣліямъ, всѣ ученицы обязательно занимаются вязаніемъ, штопаніемъ, шитьемъ бѣлья и платья, вышиваніемъ, кройкой и изящными рукодѣліями. Чтобы ознакомить ученицъ съ лучшими образцами изящныхъ рукодѣлій и ихъ исполненіемъ въ тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя въ этомъ отношеніи могутъ признаваться образцовыми, такія работы выписываются г. почетной попечительницей изъ заграницы и воспроизводятся затѣмъ подъ руководствомъ учительницы. Для ознакомленія же учащихся съ лучшими произведеніями русской и иностранной литературы и для упражненія въ выразительномъ чтеніи устраиваются литературные вечера съ живыми картинами, сюжетами для которыхъ служатъ выдающіяся произведенія литературы. При участіи преподавателей чествовалась память извѣстныхъ писателей, причемъ ученицами читались отрывки изъ про-

изведеній и цѣлыя произведенія писателей, исполнялись музыкальныя пьесы на слова нѣкоторыхъ ихъ произведеній; преподавателями было сообщено учащимся о различныхъ событіяхъ изъ жизни и дѣятельности писателей, пояснялись произведенія, съ указаніемъ значенія ихъ; нѣкоторыя же воспитанницы старшихъ классовъ читали свои сочиненія, касающіяся этихъ писателей. Гимназическая библіотека, физическій кабинетъ и кабинетъ естественныхъ наукъ пополняются ежегодно многими цѣнными изданіями и приборами. Кромѣ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса еще обучаются англійскому языку, бухгалтеріи, гигіенѣ и законовѣдѣнію.

Глава 19-я.

Низшее образованіе.

Что касается низшаго народнаго образованія, то общій ходъ его былъ въ Россіи таковъ. Уставъ 1804 г. создалъ уѣздныя и приходскія училища. Первыя представляли изъ себя какъ-бы низшіе классы гимназій и доступъ въ эти послѣднія изъ нихъ былъ совершенно открытъ. Въ уѣздныхъ училищахъ, состоявшихъ изъ 2-хъ классовъ, преподавались слѣдующіе предметы: Законъ Божій и Священная исторія, о должностяхъ человѣка и гражданина, русская грамматика, географія, исторія, ариѳметика, начальное основаніе геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, имѣющей отношеніе къ мѣстной промышленности, чистописаніе и рисованіе [1]).

Приходскія училища по этому уставу давали элементарное образованіе дѣтямъ низшихъ классовъ, и подготовляли нѣкоторыхъ изъ нихъ къ поступленію въ уѣздныя училища. Въ приходскихъ училищахъ былъ одинъ только классъ. Обучались въ нихъ чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія и нравоученія; читали съ объясненіями книгу „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья [2]).

Въ 1828 г. изданъ былъ новый уставъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, оказавшійся впрочемъ довольно похожимъ на прежній. Онъ сохранилъ три старыя степени общеобразовательной школы—приходское училище, уѣздное училище и гимназію. Порядокъ управленія былъ мало отмѣненъ по существу, но только былъ болѣе регламентированъ. Директоръ гимназіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ губерніи. Но въ противоположность прежнему уставу, уставъ 1828 года нарушилъ тѣсную связь между учащими и почти уничтожилъ возможность перехода изъ приходскаго въ уѣздное, изъ уѣзднаго въ гимназію; только послѣдняя по прежнему преслѣдовала двоякую цѣль: и давать законченное образованіе и быть подготовительною ступенью къ университетамъ. Приходское училище должно было давать законченное образованіе самому низшему сословію, уѣздное—купечеству и мѣщанству, гимназіи—дворянству и чиновничеству. Программа приходскихъ училищъ осталась почти безъ измѣненія—перестали только читать указанную выше книгу. Допущенъ былъ также Ланкастерскій способъ обученія, т. е. способъ взаимнаго обученія (въ многолюдныхъ селеніяхъ). Въ уѣздныхъ училищахъ прибавленъ былъ третій классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ программы исключены—о должностяхъ человѣка и гражданина, физика, естественная исторія, технологія; другіе предметы подверглись сокращенію. Впрочемъ, можно было открывать и дополнительные курсы, имѣющіе отношеніе къ торговлѣ и промышленности.

При Уваровѣ ничего почти не было сдѣлано для распространенія уѣздныхъ и приходскихъ школъ. Министерство „не принимало на себя обязанности учреждать на свой счетъ учебныя заведенія для мѣщанъ и поселянъ тамъ, гдѣ въ самихъ жителяхъ еще не пробудилось стремленіе къ образованію". Учебные планы уѣздныхъ училищъ остались почти безъ измѣненій. Осторожную сдержанность проявило это министерство относительно приходскихъ школъ [3]).

---

[1]) Сб. постан. по М. Н. Пр., I. 352.

[2]) Сб. пост. по М. Н. П. I 359.

[3]) Рождественскій, стр. 282—284.

Въ 1864 году, при Головнинѣ было издано „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ". „Оно поставило дѣло начальнаго образованія на широкое и прочное основаніе, поддержанное совокупностью другихъ реформъ, призвавшихъ къ плодотворному попеченію о народномъ образованіи земства и городскія общества". И тѣ, и другія должны были давать для него матеріальныя средства. Уѣздныя училища оказались въ печальномъ состояніи—и ихъ рѣшено было превращать постепенно въ прогимназіи или двухклассныя училища [1]). При гр. Д. А. Толстомъ издано было новое положеніе о народныхъ училищахъ, передавшее управленіе училищнымъ дѣломъ изъ училищныхъ совѣтовъ собственно въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и органовъ его власти. Въ 1872 году уѣздныя училища рѣшено было постепенно преобразовать въ городскія училища,—одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя—и учредить учительскіе институты для подготовки учителей. На прохожденіе полнаго курса въ городскихъ училищахъ назначался 6-лѣтній срокъ. Въ нихъ преподавались слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и письмо, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, ариѳметика, практическая геометрія, географія и отечественная исторія съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, черченіе, и рисованіе, пѣніе и гимнастика. Принимались въ нихъ дѣти отъ 7 лѣтъ безъ всякихъ пріемныхъ испытаній. „Законодательныя мѣры 80-хъ и 90-хъ годовъ о начальныхъ школахъ лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ примѣнили и дополнили основные законы 1869 и 1874 г.г. [2]). Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ обзору низшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова.

Свѣдѣнія о домашнемъ образованіи въ Харьковѣ въ началѣ XIX в. мы находимъ у Топчіева. „Почти въ то время, какъ братъ Александръ началъ учиться вмѣстѣ съ двоюродными братьями Бѣляевыми, говоритъ Топчіевъ, и я былъ посаженъ за азбуку, лѣтъ пяти отъ роду,—къ чему былъ и благопріятный случай. Пріѣхалъ въ Харьковъ надворный совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Нагель,—назначенный отъ правительства для надзора за прогономъ рогатаго скота, покупаемаго промышленниками въ Малороссіи и Новороссіи, для продовольствія обѣихъ столицъ,—и нанялъ квартиру для себя у моего дѣда, въ деревянномъ флигелѣ. У Нагеля было семейство: жена, Анна Ивановна, дочь, Наталья—лѣтъ шестнадцати, и два сына. Анна Ивановна была хороша собой, образованная, привѣтливая, добродушная женщина, которую бабка и мать мои скоро полюбили, какъ самую близкую себѣ родную. Наталья Ивановна была живая, получившая прекрасное образованіе, но некрасивая дѣвушка. Борисъ и Федоръ Нагели были больше скромные, нежели шаловливые мальчики. Ивана Ивановича Нагеля я меньше помню, потому что онъ мало жилъ дома, находясь въ частыхъ разъѣздахъ по своей должности, а еще и того меньше занимался дѣтьми своими. Въ это семейство меня отдали учиться, вмѣсто слѣдовавшаго платежа за квартиру. Наталья Ивановна занималась съ своими братьями и со мною подъ руководствомъ Анны Ивановны. Добрая моя бабка просила не очень налегать на меня ученьемъ, по моему раннему возрасту, и даже задобряла подарками моихъ наставницъ, тайно отъ моей матери. Конечно, я умѣлъ пользоваться этимъ благопріятнымъ для себя положеніемъ: часто увиливалъ отъ уроковъ и потому въ ученьи у Нагелей ушелъ недалеко, да оно и недолго продолжалось, по несчастному для нашего семейства событію: мой отецъ, самовольно отдѣлился на свое хозяйство, доходовъ съ котораго едва доставало ему на одно пропитаніе; за всѣмъ тѣмъ для меня и брата былъ нанятъ учитель. Первый учитель недолго прожилъ у насъ, былъ удаленъ за пьянство; второй, за нимъ вслѣдъ договоренный, Василій Емельяновичъ Толмачевъ, сперва студентъ Харьковскаго коллегіума, а впослѣдствіи Харьковскаго университета, проживши въ нашемъ домѣ до моего выѣзда изъ Харькова въ С.-Петербургъ, былъ человѣкъ очень достойный, который, получивъ кандидата, поѣхалъ въ г. Екатеринодаръ открыть гимназію, гдѣ, оставшись учителемъ, нося и обязанности директора училищъ черноморскаго войска, по случаю, что назначенный директоромъ, по просьбѣ казаковъ, протоіерей Россинскій, былъ только номинальнымъ директоромъ: управляя духовенствомъ Черноморья, не имѣлъ возможности исполнять директорскія обязанности. Василій Емельяновичъ кончилъ свою карьеру въ Черноморьѣ очень несчастливо. Лѣтъ черезъ двѣнадцать онъ ослѣпъ, лишился своего мѣста и въ бѣдности, нуждаясь въ пропитаніи, провелъ свою остальную, впрочемъ, недолгую жизнь".

Видное мѣсто среди Харьковскихъ учебныхъ заведеній долгое время занимали пансіоны. Въ мужскомъ пансіонѣ П. Рейпольскаго, открытомъ 10 ноября 1817 г., должны были преподавать слѣдующіе

[1]) Рождественскій, стр. 446—456.

[2]) Рождественскій, стр. 644—656.

учителя: протоіерей Башинскій, самъ содержатель, Куницкій, Гонорскій, Ивановъ, Вербицкій, Канатовъ, Прожанскій, Алгенштетъ (рисованіе), Лозинскій. За столъ и ученіе полагалось 1000 р. [1]).

Въ 1840 году большою извѣстностью пользовался пансіонъ—Зимницкаго, гдѣ учился, между прочимъ, Сухомлиновъ, прочитавшій на экзаменѣ Бородинскую годовщину Жуковскаго; въ этомъ году закрылся женскій пансіонъ Нагель, существовавшій 28 лѣтъ и выпустившій около 400 дѣвицъ; новый пансіонъ открыли г-жи Прелатъ и Торопова [2]), а также г-жа Мартелли [3]). Мѣсто пансіона Нагель занялъ пансіонъ, жены проф. Черняевой [4]).

Однимъ изъ старѣйшихъ низшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова является уѣздное училище, преобразованное въ 1805 г. изъ низшихъ классовъ извѣстнаго намъ Главнаго Народнаго училища (высшіе классы этого послѣдняго были преобразованы въ гимназію). Открыто оно было 13 сент. 1805 г. въ составѣ 3-хъ классовъ, причемъ въ 1-мъ было 45, во 2-мъ 63, въ 3-мъ 70, всего 178, въ концѣ года число ихъ возросло до 220. Училище не имѣло на первыхъ порахъ необходимыхъ пособій [5]). Между вновь возникшимъ уѣзднымъ училищемъ и гимназіей существовало долгое время тѣсная связь: первое служило подготовительной школой для второй; къ этой роли была приспособлена и его программа; уѣздное училище какъ-бы заключало въ себѣ первые три класса гимназіи, которая поэтому имѣла тогда только четыре класса—4-й, 5-й, 6-й и 7-й. Въ самое первое время харьковское уѣздное училище помѣщалось даже въ одномъ зданіи съ губернской гимназіей; потомъ въ виду ветхости дома на нѣкоторое время было закрыто, а вслѣдъ за тѣмъ переведено въ старыя зданія Харьковскаго университета, гдѣ нашло безплатный пріютъ, въ 1837 г. перемѣщено на частную квартиру, потомъ пріобрѣло деревянный домъ отъ Харьковскаго университета, а въ 1845 году снова переведено въ старое помѣщеніе гимназіи въ Петровскомъ переулкѣ и только въ 1866 году нашло себѣ удовлетворительное помѣщеніе въ домѣ, пожертвованномъ купцомъ С. К. Костюринымъ для 1-го приходскаго училища на Сумской улицѣ, гдѣ и нынѣ находится, занявъ верхній этажъ этого зданія. Въ настоящее время, впрочемъ, и это помѣщеніе оказывается крайне тѣснымъ и неудобнымъ. Такимъ образомъ, и уѣздное училище, подобно всѣмъ другимъ Харьковскимъ учебнымъ заведеніямъ, долгое время страдало отъ недостаточности помѣщенія.

Историческая жизнь Харьковскаго уѣзднаго училища, сообразно внутреннимъ измѣненіямъ ея, распадается на 4 эпохи: 1) съ 1805 по 1819 годъ; 2) съ 1819 г. по 1834 годъ, 3) съ 1834 г. по 1874 годъ и 4) съ 1874 по 1902 годъ.

I. Программа Харьковскаго уѣзднаго училища въ 1-ю эпоху его существованія была слишкомъ обширна; сюда входили—священная исторія и катехизисъ, русская грамматика, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметика, геометрія, физика, естественная исторія, латинскій и нѣмецкій яз., чистописаніе и рисованіе. И всѣ эти многочисленные предметы преподавались, не считая штатнаго смотрителя, тремя учителями. Первымъ штатнымъ смотрителемъ его былъ Е. Т. Ходовскій, первыми учителями И. Н. Вакуловскій, И. Золотаревъ, И. И. Барзинъ. Первые трое были питомцами Кіевской духовной Академіи и Петербургской учительской семинаріи, слѣдовательно, имѣли прекрасный образовательный цензъ. Раньше всѣ четверо состояли преподавателями Главнаго Народнаго училища. На содержаніе училища отпускалось по 750 р. въ годъ изъ уѣзднаго казначейства и приказа общественнаго призрѣнія. Штатный смотритель получалъ 420 р. въ годъ содержанія, учителя по 385 р. Обученіе до 1823 г. было безплатное. Уже въ первый годъ число учащихся въ немъ равнялось 78 душъ, а вскорѣ достигло цифры 150—170 чел. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были дѣти дворянъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; къ прочимъ сословіямъ принадлежало не болѣе 10%. Со второго учебнаго года къ 2-хъ-классному харьковскому уѣздному училищу было прибавлено низшее отдѣленіе 1-го класса, т. е. какъ бы приготовительный классъ, гдѣ велось первоначальное обученіе. Первымъ учителемъ этого отдѣленія былъ И. Барзинъ, окончившій извѣстное намъ казенное училище. Оканчивало курсъ въ среднемъ отъ 20

[1]) Харьк. изв. 1817 г. № 45.
[2]) Х. Г. В., 1840 г. № 25.
[3]) Ib. № 26.
[4]) Ib., № 37.
[5]) Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. № $\frac{38574}{1290}$.

до 30 душъ, которые безъ экзамена, потомъ поступали въ 1-й классъ Губернской гимназіи. Высшей степени процвѣтанія уѣздное училище достигло при штатномъ смотрителѣ П. П. Небольсинѣ (1811—1814 г.), бывшемъ поручикѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Замѣтимъ кстати, что съ этого года, по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, въ училищѣ строго были запрещены тѣлесныя наказанія.

II. Въ 1819 г. программа училища была значительно измѣнена: изъ нея исключены естественная исторія, физика и ученіе о должностяхъ человѣка и гражданина и взамѣнъ ихъ усиленъ Законъ Божій и русскій языкъ. Законъ Божій являлся теперь главнымъ предметомъ; ежедневно происходило чтеніе Евангелія; читались также выдержки изъ книгъ Ветхаго Завѣта, Апостола и житій святыхъ. Первымъ преподавателемъ Закона Божія было, впрочемъ, свѣтское лицо—питомецъ харьковскаго коллегіума П. Фесенковъ; но съ 1832 г. законоучителями были исключительно духовныя лица—первымъ изъ нихъ былъ священникъ Димитріевской церкви о. П. Акимовъ (1832—1841 г.). Съ 1826 г. былъ введенъ въ программу училища и церковно-славянскій языкъ. Съ 1829 г. была учреждена должность почетнаго смотрителя: первый занялъ ее И. И. Рейнике, обязавшійся ежегодно жертвовать въ пользу училища 300 р. Онъ служилъ до 1841 г., но преемники его часто мѣнялись и бывали длинные промежутки, когда эта должность была вакантна. Преподавателями училища начинаютъ быть лица, окончвшія университетъ или гимназію. Сословный составъ учащихся оставался прежній. Съ 1823 г. стали взимать плату за ученіе, но число учащихся, какъ и прежде, достигало 160—170 чел.

III. Только въ 1834 г. къ Харьковскому уѣздному училищу былъ примѣненъ уставъ 1828 г., окончательно разрушившій тѣсную органическую связь, существовавшую дотолѣ между нимъ и гимназіей, получавшей полные 7 классовъ и не нуждавшейся теперь въ ученикахъ, оканчивавшихъ курсъ уѣзднаго училища.

Изъ 2-хъ-класснаго уѣздное училище обращено въ 3-хъ классное, при чемъ каждый предметъ получилъ отдѣльнаго преподавателя. Программа его была сильно измѣнена. Въ 1838 г. были приглашены особые преподаватели латинскаго и французскаго яз. и алгебры. Низшее отдѣленіе было преобразовано въ Ланкастерскую школу, въ которой примѣнялся методъ взаимнаго обученія. На содержаніе уѣзднаго училища отпускалось 4920 р. 50 к. ас., въ томъ числѣ 500 р. отъ городского управленія и, кромѣ того, 1910 р. отъ городского же управленія на Ланкастерскую школу, по предписанію губернатора кн. Трубецкого. Ученіе продолжалось и до обѣда и послѣ обѣда; уроки тянулись по $1^1/_2$ часа. Продолжительностью своей службы въ это время отличились—штатный смотритель Г. С. Левандовскій (1836—1862), получившій образованіе въ Духовной Семинаріи, законоучитель о. Я. Голяховскій (1839—1873 г.), училищный врачъ И. Рейпольскій (1837—1860). Классы были довольно многолюдны (30—50 уч.), но число оканчивающихъ курсъ сильно упало и равнялось 5—6 ученикамъ. Въ сороковыхъ годахъ училище переживало періодъ упадка. Матеріальныя средства его были очень скудны: прежнія суммы въ переводѣ съ ассигнацій на серебро оказались мизерными (всего 1406 р.); у преподавателей латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ жалованье было отнято и въ 1847 г. преподаваніе этихъ предметовъ совсѣмъ прекратилось, выпуски оканчивающихъ сократились до 3—5 учениковъ. Средняя продолжительность службы учителей пала до 5—6 лѣтъ; всѣ стремились уйти изъ училища на другія мѣста. Въ 50-хъ годахъ рѣшили бороться противъ незначительныхъ выпусковъ оканчивавшихъ курсъ и повысили ихъ до 13—16 чел. Отраднымъ фактомъ въ жизни училища за этотъ періодъ нужно признать только переходъ его въ новый домъ, пожертвованный Костюринымъ.

IV. Съ 1874 года Харьковское уѣздное училище вступило въ новый, нынѣшній фазисъ своего развитія. Его дѣятельность стала продуктивнѣе; среди преподавателей его явился рядъ энергичныхъ и способныхъ учителей. Въ послѣдніе же 15—20 лѣтъ контингентъ его преподавателей началъ пополняться лицами, получившими спеціальную педагогическую подготовку въ Бѣлгородскомъ Учительскомъ Институтѣ, лицами, знакомыми съ раціональными методами преподаванія и избравшими педагогическую дѣятельность по внутреннему призванію. Обращено было вниманіе и на физическое, и на эстетическое развитіе, для чего введено преподаваніе гимнастики, пѣнія, музыки, устраивались игры; стали отпускаться горячіе завтраки. Серьезно была поставлена и воспитательная сторона дѣла: принятъ рядъ систематическихъ мѣръ для развитія религіозно-нравственнаго чувства—введена была общая молитва, посѣщеніе храма, пѣніе въ церкви, объясненіе Евангелія, и т. п. Не менѣе того заботились и о развитіи патріотическихъ чувствъ. Продолжительностью службы выдѣлялись въ это время—штатный смотритель М. В. Кузинъ (18 лѣтъ), почетный смотритель Ѳ. Ф. Лезель (17 лѣтъ), учитель чистописанія и рисованія Д. О. Ланевскій. Изъ благотворителей училища слѣдуетъ отмѣтить городского голову Вас. Ламакина, пожертвовавшаго училищу 3500 р., и

особенно извѣстнаго намъ С. К. Костюрина, въ домѣ котораго училище помѣщается и нынѣ. Въ послѣднемъ передъ преобразованіемъ 1901—1902 учебномъ году въ училищѣ было 134 уч., въ томъ числѣ сыновей дворянъ и чиновниковъ 17, городскихъ сословій 63, сельскихъ 53 и духовнаго званія 1; православныхъ 132 и католиковъ 2. Такимъ образомъ, сословный составъ учащихся рѣзко измѣнился: на первомъ планѣ въ настоящее время стоятъ дѣти городскихъ сословій, а не дворянъ, какъ то было раньше. Въ 1-мъ классѣ было 55 душъ, во 2-мъ 45 и 3-мъ 34.

Въ 1902 году Харьковское уѣздное училище преобразовано въ 4-хъ-классное городское (по положенію 1872 г.). Содержится на счетъ казны и получаетъ субсидію отъ городского управленія въ размѣрѣ 1000 р. Настоятельно необходимымъ представляется открытіе 2-го городского училища, потому что первое совершенно не удовлетворяетъ существующимъ потребностямъ среди населенія, желающаго дать дѣтямъ своимъ, окончившимъ элементарную школу, дальнѣйшее образованіе: для нихъ городское училище является тѣмъ, чѣмъ университетъ для окончившихъ курсъ въ гимназіи. Теперь же изъ той массы дѣтей, которые оканчиваютъ курсъ въ 20 Харьковскихъ начальныхъ училищахъ, принимается едва ли только 10 и ежегодно до 100 прошеній учениковъ остаются безъ удовлетворенія". Для того чтобы хотя отчасти восполнить неудовлетворяемую въ обществѣ потребность, при училищѣ открытъ въ 1903 году 1-й параллельный классъ, но такъ какъ для него нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія, то пришлось установить въ немъ дневныя занятія—съ 1 часа дня, что, конечно, представляетъ огромныя неудобства для учащихся. Тѣмъ не менѣе и этотъ классъ оказался переполненнымъ. Харьковское городское общественное управленіе оказало матеріальную поддержку училищу при открытіи этого класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ вошло съ предложеніемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія о продажѣ нынѣшняго дома училища, съ тѣмъ чтобы на вырученныя деньги выстроить или 2 училища такого типа, или одно съ двойнымъ составомъ классныхъ помѣщеній. И можно только пожелать, чтобы дѣло это получило скорѣйшее разрѣшеніе. Изъ доставленнаго мнѣ отчета училища за 1903 годъ, оказывается, что при училищѣ имѣется обширная библіотека, заключающая въ себѣ почти 4000 томовъ книгъ и журналовъ, въ томъ числѣ на долю ученической библіотеки приходится 719 т. Она состоитъ изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, образцовыхъ русскихъ писателей и пособій по географіи, естествознанію и русской словесности. Книгами у нея однако пользуются главнымъ образомъ только успѣвающіе. При выдачѣ книгъ обращается вниманіе на развитіе. „Сомнительные" (по развитію) ученики должны давать отчетъ въ прочитанныхъ книгахъ. Въ среднемъ каждымъ учащимся прочитывается въ годъ до 20 книгъ. Нѣкоторыя книги рекомендовались ученикамъ для обязательнаго прочтенія. Въ распоряженіи школы имѣется и коллекція учебныхъ пособій, состоящая изъ 640 предметовъ. Матеріальныя средства училища составляются: 1) изъ штатной правительственной суммы, 2) субсидіи городского общественнаго управленія и 3) платы съ учащихся (10 р. въ годъ); къ 1 января 1904 г. въ училищѣ было 228 учениковъ, изъ коихъ 217 православнаго, 8 іудейскаго и 3 католическаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ $1/_2$% духовнаго сословія, 9% дѣтей дворянъ и чиновниковъ, $42\,1/_2$% городскихъ сословій и 48% сельскихъ. Отчетъ указываетъ на рядъ мѣръ, которыя принимались училищемъ и его педагогическимъ совѣтомъ для подъема физическаго и религіозно-нравственнаго развитія учащихся [1]).

Въ столѣтней исторіи Харьковскаго уѣзднаго училища обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ весьма слабый приростъ числа учащихся. Но это объясняется не внутренними органическими, а внѣшними причинами—фактическимъ комплектомъ учащихся въ связи съ денежными средствами и помѣщеніемъ. Во всякомъ случаѣ училище сыграло крупную роль въ дѣлѣ низшаго народнаго образованія. Если принять, что въ среднемъ въ него ежегодно поступало 40 учениковъ, то въ теченіе 100-лѣтняго его существованія въ немъ получило образованіе до 4000 чел.

Въ 1806 году къ уѣздному училищу было добавлено „Низшее отдѣленіе 1-го класса [2]), гдѣ ученики получали первоначальное образованіе: учились читать, писать и считать. Съ 12 апрѣля 1834 года низшее отдѣленіе уѣзднаго училища было преобразовано въ отдѣльное учебное заведеніе подъ именемъ *Харьковской Школы взаимнаго обученія*, которая затѣмъ была долгое время единственнымъ учрежде-

[1]) Рукописный отчетъ училища за 1903 годъ, составленный инспекторомъ его г. Попудренкомъ.

Всѣ нижеприведенныя данныя позаимствованы нами изъ статьи штатнаго смотрителя б. Харьковскаго уѣзднаго училища И. И. Попудренка „Харьковское уѣздное училище" (1805—1902 г.г.), помѣщенной въ 167, 168 и 172 номерахъ, Х. Г. В. 1903 года.

[2]) Обозр. Слоб. Укр. Губ. 1817 (Военно-ученый арх. Гл. Штаба).

ніемъ (не частнымъ), гдѣ мальчики городскихъ обывателей получали элементарную грамоту. Организація школы представляетъ большой интересъ, заключающійся, главнымъ образомъ, въ методѣ преподаванія, извѣстномъ подъ именемъ метода Ланкастера. Единовременно на школу было отпущено городскою думою 2726 руб. 76 коп. На содержаніе школы городъ отпускалъ ежегодно по 1910 руб. 16 коп. 1-го апрѣля 1834 г. на должность завѣдующаго Ланкастерской школой былъ назначенъ Ленскій, состоявшій до того учителемъ низшаго отдѣленія Харьковскаго уѣзднаго училища. Жалованье Ленскому было опредѣлено въ 600 руб. ассигнаціями въ годъ, при казенной квартирѣ, такое содержаніе по тому времени нужно признать довольно удовлетворительнымъ. Въ помощники завѣдующему былъ опредѣленъ съ 4 апрѣля 1834 г. Пановъ, 19 лѣтъ, по однимъ документамъ—получившій домашнее образованіе, а по другимъ—окончившій Бабаевскую школу взаимнаго обученія. Офиціальное открытіе школы послѣдовало 12 апрѣля 1834 года. Школа помѣщалась первоначально въ библіотечномъ залѣ университета, но уже 27 сентября того же года директоръ училищъ Слободско-Украинской губерніи предписалъ исправляющему должность штатнаго смотрителя перевести Ланкастерскую школу въ домъ Фотіева (на нынѣш. Вознес. площ.). Съ 1837 по 1846 годъ школа помѣщалась въ домѣ уѣзднаго училища, пріобрѣтенномъ отъ Харьковскаго университета. Съ 1846 г. школа взаимнаго обученія помѣщалась въ старомъ домѣ 1-й Харьковской гимназіи. Помѣщенія, которыми пользовалась школа взаимнаго обученія, не отличались надлежащими удобствами. Въ первый же годъ существованія школы взаимнаго обученія въ ней было 90 учащихся; въ слѣдующемъ 1835 году ихъ было 95. Всѣ они, согласно даннымъ 1835 года, распредѣлились по сословіямъ слѣдующимъ образомъ:

Дѣтей дворянъ	5 или 5%	Дѣтей мѣщанъ	49 или 52%
„ оберъ-офицеровъ . .	14 „ 15%	„ разночинцевъ	1 „ 1%
„ купцовъ	21 „ 22%	„ помѣщичьихъ крестьянъ.	5 „ 5%

Приблизительно такое же % распредѣленіе наблюдается и въ послѣдующіе годы, вплоть до 1850 г. Изъ данныхъ, имѣющихся по этому поводу, не видно, чтобы въ продолженіе 15 лѣтъ школа сдѣлала болѣе или менѣе значительный шагъ въ смыслѣ демократизаціи, въ этомъ отношеніи она представляетъ рѣзкую разницу со своимъ преемникомъ 1-мъ городскимъ приходскимъ училищемъ. Возрастъ учащихся колебался между 5—15 годами, тогда какъ въ современной начальной школѣ это колебаніе ограничивается предѣлами 8—14 лѣтъ. Всѣ учащіеся школы распредѣлялись въ 1835 году на 10 классовъ; что же касается другихъ годовъ, то число классовъ колеблется отъ 8 до 10. Въ старшихъ классахъ число учащихся больше, чѣмъ въ младшихъ, а не наоборотъ, какъ это замѣчается въ нынѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію числа учащихся за весь разсматриваемый нами періодъ дѣятельности школы, мы видимъ, что это число подвержено было значительнымъ колебаніямъ, подобныя же колебанія наблюдаются также и въ числѣ вновь поступившихъ, а также и выбывшихъ изъ школы учениковъ, причемъ въ числѣ выбывшихъ значатся и окончившіе курсъ, за нѣкоторые же годы окончившихъ курсъ не показано: очевидно, ихъ не было.

Всѣ упомянутыя данныя могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ.

Годы	Число учащихся	Число вновь поступ.	Число выбывш. до окончѣ. курса	Или окончившихъ курсъ
1834	90	—	—	—
1835	83	—	—	—
1836	—	—	—	—
1837	81	11	7	—
1838	80	32	33	—
1839	88	34	26	16
1840	80	20	38	18
1841	75	27	32	26
1842	84	41	32	—
1843	77	41	48	—
1844	65	55	67	32
1845	—	—	—	—
1846	103	56	43	15

Годы	Число учащихся	Число вновь поступ.	Число выбывш. до оконч. курса	Или окончившихъ курсъ
1847	80	10	39	16
1848	—	—	—	—
1849	69	38	19	—
1850	66	37	40	—

Учащіеся по занятіямъ распредѣлялись на два разряда—словесный и ариѳметическій, при чемъ по каждому изъ этихъ разрядовъ были первые (лучшіе) ученики: въ огромномъ большинствѣ случаевъ первенство по словесному и ариѳметическому разряду совпадало. Для веденія занятій въ каждомъ классѣ назначались старшіе ученики, которые по прохожденіи курса числились обыкновенно однимъ, а большею частью нѣсколькими классами выше тѣхъ, съ которыми вели занятія, напр., старшій 6-го класса назначался изъ 7 или 8 кл., старшій 2-го кл.—изъ 5 или 6; но есть записи, свидѣтельствующія, что учащіе и учащіеся были въ одномъ и томъ же классѣ. Вотъ описаніе самаго порядка преподаванія ариѳметики. Надзиратель порядка, по приказанію учителя, командуетъ: *верхніе классы, къ ариѳметикѣ! бери доски и грифели, вставай, на право, въ линію, маршъ!* Ученики, взявъ съ собою доски, выходятъ изъ-за скамей и становятся по стѣнѣ въ линію. *Во фронтъ!* Они становятся спиною къ стѣнѣ. *По ариѳметическому* разряду стройся! Ученики становятся въ линію по успѣхамъ своимъ въ ариѳметикѣ. *Старшіе въ письмѣ по мѣстамъ! Надзиратель и старшіе въ ариѳметикѣ, маршъ!* Старшіе становятся напротивъ своихъ полукружій. Надзиратель въ ариѳметикѣ становится подлѣ надзирателя порядка. *По полукружіямъ, маршъ!* Движенія въ каждомъ классѣ происходятъ по командѣ старшаго, а общія движенія и перемѣны по словамъ надзирателя ариѳметики. Продиктовавъ и заставивъ рѣшить задачу, старшій говоритъ: *кажите доски!* Ученики оборачиваютъ доски къ старшему, приложивъ ихъ къ груди своей. *Оборотите доски; чистите доски!* и т. д.“ Въ подобномъ же родѣ регламентированъ былъ порядокъ занятій ариѳметикой за столами. Прекращеніе занятій также, какъ и начало ихъ, сопровождалось цѣлымъ рядомъ командныхъ возгласовъ. Приведенныя выше записи пройденнаго въ Харьковской школѣ взаимнаго обученія показываютъ, что матеріалъ, который предлагался учащимся, отличался скудостью, сухостью и односторонностью; этотъ матеріалъ, какъ мы видимъ, усваивался учениками при помощи цѣлаго ряда пріемовъ, проникнутыхъ формализмомъ и лишенныхъ какой-либо жизненности. Само собою понятно, что обученіе врядъ ли могло удовлетворять хоть сколько-нибудь потребностямъ любознательности учащихся и вызывать съ ихъ стороны необходимый для успѣшности интересъ. Изъ 96 учащихся значилось 22 или 24% лѣнивыхъ, затѣмъ 12 учащихся посредственныхъ и 18 средственныхъ, которые, нужно думать, представляли разрядъ не вполнѣ удовлетворительныхъ. Такимъ образомъ, число учащихся, оказывавшихъ вполнѣ достаточные успѣхи, не превышало 34%. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе скудость учебнаго матеріала. Организація Харьковской школы взаимнаго обученія представляла, какъ мы видѣли, ту главную особенность, что преподаваніе въ ней производилось по методѣ, извѣстной подъ именемъ методы Белля-Ланкастера. Въ 1816 году Россійское Министерство Народнаго Просвѣщенія приняло мѣры къ введенію метода въ народныхъ училищахъ Россіи. Главною причиною быстраго и довольно повсемѣстнаго распространенія системы обученія Белля и Ланкастера былъ недостатокъ учителей вмѣстѣ съ созрѣвшимъ въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтій сознаніемъ обществъ различныхъ странъ въ необходимости распространенія грамотности среди низшаго класса населенія. Въ отношеніи издержекъ школы взаимнаго обученія также представляли значительныя выгоды, и это, въ свою очередь, содѣйствовало ихъ распространенію. Къ числу положительныхъ сторонъ нужно отнести еще и то, что они давали возможность посредствомъ раздѣленія учениковъ на группы, сообразно ихъ познаніямъ, принаравливать ихъ обученіе къ степени ихъ подготовки. Указанныя положительныя стороны школы взаимнаго обученія далеко, однако, не окупали ея отрицательныхъ сторонъ. Въ школѣ взаимнаго обученія все было искусственно и безжизненно: не только внѣшній порядокъ, но и формы преподаванія, вопросы и отвѣты регламентированы до послѣдней степени; ученики не только ходить, сидѣть, но и отвѣчать должны были по извѣстному, заранѣе установленному образцу; преподаваніе было безжизненнымъ и безъинтереснымъ, не дающимъ никакой пищи для самодѣятельности учащихся.

Упомянутая выше регламентація, царившая въ школѣ, вытекала непосредственно изъ принципа взаимнаго обученія: преподаваніе велось учениками той же школы, которые мало чѣмъ отличались по

своему развитію и познаніямъ отъ тѣхъ, кого они учили. Роль учителя сводилась къ тому, чтобы руководить лучшими учениками, огромное же большинство учащихся было лишено непосредственнаго вліянія учителя, который долженъ быть душею школы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ свое время принципъ взаимнаго обученія вызвалъ не мало поклонниковъ и панегиристовъ, но были и порицатели, въ числѣ которыхъ знаменитый Адольфъ Дистервегъ. Наиболѣе же серьезнымъ критикомъ въ данномъ случаѣ, какъ это и всегда бываетъ, явилось время, не оставившее отъ метода взаимнаго обученія почти ничего. И у насъ въ Россіи поддерживавшіяся довольно долгое время Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Ланкастерскія школы должны были, съ наступленіемъ шестидесятыхъ годовъ, уступить свое мѣсто новой народной школѣ, стремившейся вошлотить въ себѣ идеи наиболѣе видныхъ представителей педагогіи [1]).

Школа (дѣвочекъ и мальчиковъ) *евангелическо-лютеранскаго общества* является также одною изъ старѣйшихъ въ Харьковѣ. Въ 1826 году церковный староста Гильдебрандтъ внесъ предложеніе въ церковный совѣтъ объ открытіи при здѣшнемъ приходѣ школы для сиротъ, такъ какъ въ Харьковѣ было много бѣдныхъ иностранцевъ, дѣти которыхъ не получали необходимыхъ свѣдѣній въ Законѣ Божіемъ, конфирмаціи и нѣмецкомъ языкѣ. Но такъ какъ приходъ въ это время былъ занятъ постройкою церкви, то Гильдебрандтъ взялъ это дѣло въ свои руки—открылъ школу въ своемъ домѣ. Но она прекратила бы свое существованіе по отсутствію матеріальныхъ средствъ, если бы на помощь ей не пришелъ пасторъ Розенштраухъ, предоставившій Гильдебрандту за преподавательскій трудъ свое жалованье въ размѣрѣ 400 р. и часть своихъ доходовъ на учебныя пособія; состоятельные родители вносили плату за своихъ дѣтей. Число учащихся возрастало—и. преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ безвозмездно приняли на себя прихожане—студентъ медикъ Ф. Шперкъ и Д. Шмерфельдъ. Между тѣмъ и родители дѣтей православнаго вѣроисповѣданія просили о пріемѣ этихъ послѣднихъ въ школу—и это было разрѣшено въ 1831 г. съ условіемъ преподаванія для нихъ Закона Божія православнымъ священникомъ. Для организаціи школы на правильныхъ основаніяхъ была избрана коммиссія въ составѣ проф. Блюменталя, проф. Экеблята и Родеса. Окончивъ постройку церкви, церковный приходъ приступилъ въ 1832 году къ закладкѣ зданія для школы, но дѣло это затянулось. Между тѣмъ Гильдебрандтъ умеръ и положеніе созданной имъ школы сдѣлалось затруднительнымъ: учителя мѣнялись; нѣкоторое время она совсѣмъ не функціонировала. Въ 1837 г. постройка, благодаря правительственной ссудѣ въ 20000 р., была окончена и ученіе открылось въ новомъ помѣщеніи для мальчиковъ, а на квартирѣ новаго пастора Ландезена и для дѣвочекъ; преподавался и русскій языкъ. Число учащихся въ 1-й годъ было невелико: 10 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ. Денежною и хозяйственною стороною вѣдалъ пасторъ, а учебною—инспекторъ (братъ пастора, кандидатъ теологіи). За ученіе вносилась плата. 7 дек. 1837 года было впервые устроено школьное празднество въ память пастора Розенштрауха съ раздачею наградъ учащимся на счетъ особой пожертвованной суммы. Происходили и публичные экзамены. Каникулы продолжались 5 недѣль. Въ 1838 г. въ школѣ было 27 мальчиковъ и 22 дѣвочки; въ 1839 г.—число мальчиковъ уменьшилось—часть ихъ перешла въ гимназію, а другая принялась за изученіе ремеслъ (изъ 12 мальчиковъ выбыло 8, изъ 16 дѣвочекъ 2); въ 1840 году мальчиковъ и дѣвочекъ было по 17; въ 1841 г.—15 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ; въ 1842 году 23 мальчика и 26 дѣвочекъ; въ 1861 г.—100 (мальчиковъ и дѣвочекъ); въ 1872 году—140 мальчиковъ и 120 дѣвочекъ. Въ 1885 г. въ мужской школѣ было 50 мальчиковъ, въ 1886 г.—65, въ 1887—57, въ 1888—48, въ 1889—42, въ 1890—42, въ 1891—40, въ 1892—39, въ 1893—40, въ 1894—42, въ 1895—52, 1896—48, въ 1897—60, въ 1898—65, въ 1899—58, въ 1900—51, въ 1901—53 (въ томъ числѣ лютеранскаго вѣроисповѣданія 16, другихъ 37).

Съ 11-го апрѣля 1840 года школа перешла подъ вѣдѣніе директора гимназіи (Корженевскаго). Преподавались—Законъ Божій (лютеранскій и православный), нѣмецкій и русскій языки, ариѳметика, географія, естествовѣдѣніе, чистописаніе, для желающихъ французскій языкъ и рисованіе. Въ 1841 г. былъ открытъ приготовительный классъ и дѣтская библіотека. Въ виду возрастанія числа учащихся русскаго происхожденія для нихъ прибавлено количество практическихъ уроковъ и нѣмецкаго языка, а затѣмъ для желающихъ и французскаго языка. Въ 1844 году школа была раздѣлена на 3 класса—приготовительный, гдѣ преподавался Законъ Божій, нѣмецкое и русское чтеніе, письмо на трехъ языкахъ, 4 дѣйствія ариѳметики, практическія упражненія и для дѣвочекъ рукодѣліе; первый, въ которомъ преподавались—Законъ

[1]) Изъ рук. статьи Д. П. Максименка, основанной на архивныхъ данныхъ.

Божій, нѣмецкій, русскій яз., грамматическое письмо на трехъ языкахъ, упражненія, ариѳметика (именованныя числа), географія, переводы нѣмецкаго на русскій и обратно; второй классъ, программа котораго была тождественна съ программою предыдущаго, разница была только въ болѣе подробномъ изученіи этихъ предметовъ; для дѣвочекъ и здѣсь было рукодѣліе; французскій и латинскій языки читались для желающихъ. Особенное вниманіе обращалось на дѣтей, желавшихъ поступить въ гимназію. Въ 1846 г., въ виду требованія учебнаго начальства объ отдѣленіи мальчиковъ отъ дѣвочекъ въ возрастѣ послѣ 10 лѣтъ, школа вынуждена была раздѣлиться на 2: въ одну вошелъ старшій приготовительный и первый классъ для мальчиковъ, въ другую—великовозрастныя дѣвочки. Въ 1847 г. произошло окончательное раздѣленіе школы мальчиковъ и дѣвочекъ: для дѣвочекъ устроенъ былъ 1-й и 2-й классъ, а въ иные годы и 3-й; для мальчиковъ—приготовительный и такъ называемый 1-й классъ для мальчиковъ. Такимъ способомъ расчитывали, между прочимъ, оградить дѣвочекъ отъ русскаго вліянія. Въ 1849 г. въ виду наплыва учащихся на собранныя путемъ пожертвованія деньги (Шретеровъ, Сартисонъ, Фрейндлингъ, Карпова, фонъ-Майера) расширено было помѣщеніе школы съ отдѣльными помѣщеніями для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ школа переживала кризисъ: съ одной стороны, во главѣ церковнаго совѣта сталъ проф. Эйнбродтъ, отличавшійся свободомысліемъ и въ силу этого боровшійся со старыми церковными традиціями, а съ другой—въ 1854 г. послѣдовало запрещеніе со стороны Министра Народнаго Просвѣщенія принимать дѣтей православнаго вѣроисповѣданія; послѣднее отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на матеріальномъ положеніи училища; пришлось устроить одинъ только классъ для мальчиковъ и только два класса для дѣвочекъ. Только въ 1861 году было снова разрѣшено принимать и православныхъ. Устраивались въ пользу училища концерты и лотереи: пожертвовано было недвижимое имущество. Въ 1872 школа превратилась въ трехклассную. Послѣ введенія общей воинской повинности, положеніе школы мальчиковъ ухудшилось, потому что она не давала льготъ по отбыванію этой службы—число учащихся уменьшилось. Въ 1876 году 3-й классъ мальчиковъ былъ уничтоженъ, а открытъ 4-й классъ для дѣвочекъ. 1878 году былъ закрытъ и 2 й классъ мальчиковъ и мужская школа съ этихъ поръ сдѣлалась только подготовительнымъ училищемъ. Зато все вниманіе сосредоточилось теперь на школѣ дѣвочекъ—открытъ былъ въ 1880 году 5-й классъ, потомъ 6-й 2-го ноября 1881 г. отпразднованъ былъ 50 тилѣтній юбилей школы, при чемъ сдѣланы были на нее нѣкоторыя пожертвованія. Въ 1885 г. женская школа была переименована въ женскую гимназію съ правами казенныхъ [1]).

Дѣтскій пріютъ со школой былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ графу В. В. Орлову-Денисову, пожертвовавшему капиталъ въ 3000 р. сер. Онъ былъ учрежденъ въ 1842 году на 30 душъ, а въ 1856 г. въ немъ было уже 91 д. обоего пола. Для него было построено весьма удобное зданіе. Но несмотря на произведенный для этого расходъ и довольно значительныя ежегодныя издержки на его содержаніе, онъ имѣлъ достаточныя средства, благодаря дѣятельному участію въ изысканіи ихъ начальникомъ губерніи, какъ предсѣдателя его, и частныхъ лицъ—гр. Н. Орлова-Денисова, княгини Софьи Голицыной, купцовъ Серг. и Вас. Костюриныхъ, жены купца Ал. Иконниковой. Школа благотворительнаго общества помѣщалась въ его домѣ, существовавшемъ съ 1843 г. Средства доставляли—Харьковское купеческое общество, начавшее вносить ежегодную небольшую сумму еще съ 1830 года, затѣмъ предсѣдательницы Благотворительнаго общества (губернаторши), кн. Н. А. Цертелевъ, Ковалевскій, Бахметьевъ, Фокинъ, Звѣрева, Велихова, Урюпина, Павловъ и др. (Гапоновъ).

Школа глухонѣмыхъ. Вотъ разсказъ о ней свящ. Вѣтухова. Въ іюнѣ 1868 года на Вознесенскомъ пер., двумя скромными молодыми людьми, глухонѣмыми, окончившими курсъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ глухонѣмыхъ—Адреемъ Ѳедоровичемъ Бахметьевымъ и Александромъ Григорьевичемъ Прозоровымъ—была открыта, съ разрѣшенія попечителя Харьк. Уч. Округа Воскресенскаго, частная школа для глухонѣмыхъ.

Г. Прозоровъ—сынъ полицейскаго надзирателя г. Тулы, по окончаніи С.-П. училища глухонѣмыхъ въ 1860 г., служилъ счетоводомъ въ государственномъ контролѣ до 1866 года. Оставивъ службу по болѣзни, П. поселился въ Москвѣ, гдѣ и встрѣтился съ нимъ г. Бахметьевъ, занимавшійся въ то время обученіемъ дѣтей въ Московскомъ училищѣ глухонѣмыхъ. А. Ѳ. Бахметьевъ и въ настоящее время,—бу-

[1]) За сообщеніе подробныхъ обстоятельныхъ свѣдѣній, которыми я могъ воспользоваться только въ краткомъ извлеченіи, приношу искреннюю благодарность Совѣту Гимназіи.

дучи 70-лѣтнимъ старикомъ,—проявляетъ рѣдкую энергію и предпріимчивость. Будучи уроженцемъ Харьковской губерніи, живо интересуясь ея жизнью, узнавъ о проведеніи черезъ Харьковъ желѣзной дороги и открытіи судебныхъ установленій, рѣшается перебраться въ Харьковъ и открыть свою школу для глухонѣмыхъ. Увлекаетъ за собою и товарища—Прозорова въ компаніоны для этого дѣла. У Бахметьева въ то время были родные въ Харьк. губерніи (онъ родился въ 1840 г. въ помѣщичьей семьѣ, близъ г. Чугуева) и имѣніе родовое не было продано. Прозоровъ, безъ средствъ и въ то время безъ дѣла, повидимому, охотно принялъ предложеніе. Въ Харьковѣ компаньоны держатъ экзаменъ на званіе народнаго учителя и получаютъ эти права.

Для школы нанимаютъ большое помѣщеніе въ 8 комнатъ за 1100 р. въ годъ на 3 года. 29 октября 1868 года помѣщаютъ въ Харьк. Губ. Вѣд. подробное объявленіе о своей школѣ, гдѣ указаны условія пріискъ (для приходящихъ и. пансіонеровъ, послѣднее съ платой по 300 р. въ годъ и 40 р. на обзаведеніе), а также программа, разсчитанная на 3 класса и 1 приготовительный.—Дѣло было задумано широко, а учащихся оказалось мало, средствъ—тоже, въ сентябрѣ 1869 г. уже нечѣмъ было уплатить за квартиру, и основатели школы обращаются за помощью къ благотворительности черезъ тѣ же Хар. Вѣд.—Контрактъ съ Ширковой разрывается судомъ, нанимается скромное помѣщеніе по Старо-Московской, а затѣмъ съ 1871 г. на Михайловской (нынѣ Скобелевской) площади, рядомъ съ пожарной частью.—Первымъ піонерамъ просвѣщенія глухонѣмыхъ въ Харьковѣ приходилось тяжело. Личныя средства А. Ѳ. Бахметьева, которыя онъ вкладывалъ въ это дѣло, изсякли.—Обращеніе къ земствамъ, къ губернатору (Крапоткину), къ принцу Ольденбургскому, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (Тимашеву), ни къ чему не привело.—Въ 1875 г. имѣніе Бахметьевыхъ было продано за долги, и школа закрылась въ этомъ же году.—Кратенькая замѣтка объ этомъ была помѣщена въ „Хар. Губ. Вѣд.“, 24 апрѣля 1875 года. Компаньоны съ этого времени разстались; о дальнѣйшей судьбѣ Прозорова А. Ѳ. Бахметьевъ (со словъ котораго я узналъ объ этой интересной попыткѣ создать разсадникъ просвѣщенія для глухонѣмыхъ) свѣдѣній не имѣетъ. Что касается А. Ѳ. Бахметьева, онъ, какъ я упоминалъ выше, живъ по-нынѣ и продолжаетъ беззавѣтно служить своему любимому дѣлу.—По закрытіи школы, онъ существовалъ частными уроками для глухонѣмыхъ дѣтей г. Харькова, вплоть до открытія харьковскаго училища для глухо-нѣмыхъ (въ ноябрѣ 1896 года).—Исторія возникновенія этого учрежденія и дѣятельность въ немъ А. Ѳ. Бахметьева подробно изложены въ „Отчетѣ Харьк. учил. глухонѣмыхъ за 1906 г.“ (10-лѣтіе), гл. образомъ на *с. 10—22*.—Въ добавленіе къ характеристикѣ г. Бахметьева могу лишь сказать, что онъ образованный человѣкъ, съ широкими культурными интересами, начитанный; владѣетъ французскимъ языкомъ; проявляетъ по-нынѣ юношескую бодрость и живость, когда вопросъ заходитъ о нуждахъ любимаго дѣла воспитанія и обученія глухонѣмыхъ, которому онъ, можно сказать, безкорыстно отдалъ свою жизнь.

„Искусство стенографіи въ Харьковѣ преподавалось съ 1868 года г. Устиновымъ, безплатно, по системѣ Габельсберга, по руководству, составленному и изданному Устиновымъ въ Харьковѣ въ 1869 г. *Учрежденіе школы Устинова* имѣло важное значеніе для распространенія стенографіи вообще въ Россіи. Въ 5 лѣтъ Устиновымъ было образовано въ Харьковѣ болѣе 30 практическихъ стенографовъ. Эти лица состояли правительственными стенографами при судебныхъ палатахъ—Харьковской, Одесской, Московской, Казанской и Саратовской. Бывшіе ученики Устинова во многихъ мѣстахъ нашли себѣ занятіе стенографированія въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ. Обезпеченіемъ безплатнаго преподаванія Устиновымъ стенографіи общество обязано просвѣщенному вниманію Харьковскаго губернскаго земства, которое своимъ матеріальнымъ пособіемъ преподавателю создало пока единственную въ Россіи школу стенографіи (Харьк. кал. на 1874 г., стр. 244—245).

Прогимназія г-жи Черняковской была преобразована въ 1882 году изъ частнаго женскаго 2-разряднаго (бывшаго раньше 3-разряднымъ) училища, существовавшаго *съ 1858 года*. Прогимназія состоитъ изъ приготовительнаго, четырехъ основныхъ и двухъ параллельныхъ классовъ (при II и III кл.). Послѣдніе открыты въ 1902 г. вслѣдствіе переполненія основныхъ классовъ ученицами и стремленія Педагогическаго Совѣта прогимназіи дать возможность получить образованіе всѣмъ желающимъ, но не поступившимъ въ другія Харьковскія гимназіи вслѣдствіе недостатка въ нихъ вакансій и дороговизны платы за ученіе въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ. Плата за ученіе въ прогимназіи 60 руб. въ годъ безъ обученія новымъ языкамъ и музыкѣ и 70 руб.—съ обученіемъ языкамъ. При прогимназіи существуетъ пансіонъ для воспи-

танницъ, родители которыхъ желаютъ помѣстить ихъ въ оный. Отъ поступающихъ въ каждый изъ основныхъ классовъ прогимназіи требуются познанія, опредѣленныя правилами испытаній и программами, утвержденными 31 августа 1874 года. Окончившія полный курсъ прогимназіи воспитанницы, по достиженіи 16-лѣтняго возраста и по удовлетворительномъ исполненіи обязанностей помощницы учительницы какого-либо начальнаго училища въ теченіе 6-ти мѣсячнаго срока, получаютъ свидѣтельство на званіе начальной учительницы. Желающія, по окончаніи курса прогимназіи, могутъ поступить въ V классъ любой женской гимназіи безъ экзамена. Руководителями частнаго 3-разряднаго училища съ 15 августа 1858 года были: Директора Харьковской 2-й мужской гимназіи, а именно: Г. С. Шведовъ и Н. Е. Скворцовъ; 2-разряднаго училища съ 20 января 1873 года—директоръ 3-й Харьковской гимназіи Рубенко и директоръ народныхъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа Н. Г. Жаворонковъ, при которомъ 2-разрядное училище 23 августа 1882 года было преобразовано въ 4-хъ классную прогимназію. Предсѣдателями Педагогическаго Совѣта послѣдней состояли: директоръ Харьковской гимназіи А. Г. Левандовскій, преподаватель 1-й Харьковской гимназіи И. К. Шейдтъ, Харьковской 3-й гимназіи инспекторъ Л. И. Успенскій, учитель Харьковскаго Реальнаго училища Н. Е. Шевченко и преподаватель Харьковской 2-й мужской гимназіи В. А. Лезинъ (съ 28 декабря 1898 года). Начальницей со времени преобразованія прогимназіи состояла и нынѣ состоитъ Л. М. Черняковская. За все время своего существованія прогимназіи было выдано въ 1885 году, 2 августа, г. попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа 400 руб. на покрытіе дефицитовъ. Со времени преобразованія прогимназіи учениць было: въ 1882 г. 47,—1883 г. 58,—1884 г. 100,—1885 г. 121,—1886 г. 127,—1887 г. 127—1888 г. 116,—1889 г. 126,—1890 г. 126,—1891 г. 135,—1892 г. 138,—1893 г. 114,—1894 г. 120, 1895 г. 168,—1896 г. 140,—1897 г. 197,—1898 г. 224,—1899 г. 246,—1900 г. 279,—1901 г. 296,—1902 г. 334,—1903 г. 335 и—1904 г. 336, всего 4010 учениць. Лицъ преподавательскаго персонала въ настоящее время состоитъ при прогимназіи 21. Въ послѣднее время возбуждается вопросъ о преобразованіи прогимназіи въ полную гимназію.

Въ вѣдѣніи попечительнаго совѣта Маріинскаго училища была городская *школа грамотности* для дѣвочекъ въ $186^4/_5$ и $186^5/_6$ уч. годахъ. Въ ней преподавали безвозмездно многія лица, напр., С. А. Раевскій преподавалъ русскую географію, Е. Я. Безкровный русскую исторію и т. д. Въ нее поступило 222 дѣвочки (за $1^1/_2$ года). Содержалась на 1000 р. отъ Гор. Управл. и пожертвованія (Приб. к. Х. Г. В. 1865 г., №№ 111 и 112). Повидимому, къ ней относится и слѣдующее извѣстіе. Въ 1872 году существовала Александровская школа для дѣвочекъ, въ ней преподавались: Законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія и географія, ариѳметика, чистописаніе и рукодѣлія. Въ ней было 4 класса (изъ коихъ одинъ приготовительный). Учащіяся преимущественно мѣщанскаго и ремесленнаго общества. На содержаніе шло 2500 р. въ годъ, изъ коихъ 1000 р. давала Городская Дума [1]).

1 Декабря 1870 г. въ г. Харьковѣ при желѣзнодорожной станціи, по иниціативѣ коммерціи совѣтника потомственнаго почетнаго гражданина Самуила Соломоновича Полякова, на средства К.-Х.-Азовской жел. дор. была открыта *желѣзнодорожная школа* для подготовки второстепенныхъ техниковъ желѣзнодорожной службы. Въ 1872 г. она имѣла 104 ученика и въ 1874 г. при 3-хъ приготовительныхъ классахъ открытъ былъ 1-й спеціальный классъ. Смотрителемъ школы до преобразованія ея былъ имѣющій званіе домашняго учителя Туникъ. Въ 1875 году школа была преобразована въ *техническое желѣзнодорожное училище* и былъ утвержденъ уставъ его. Въ 1877 г. былъ открытъ 3 спеціальный классъ и оставленъ одинъ приготовительный, который въ 1880 г. былъ закрытъ. Съ 1881 г. занятія въ классахъ и мастерскихъ стали происходить въ собственныхъ каменныхъ зданіяхъ.

Училище имѣетъ 3 класса, учащихся около 90 человѣкъ, штатныхъ служащихъ 8, вольнонаемныхъ 5. Училище выпускаетъ ежегодно на службу по желѣзной дорогѣ въ среднемъ 25 воспитанниковъ, которые распредѣляются въ службахъ тяги и ремонта пути приблизительно поровну.

22-го октября 1896 года была открыта въ Харьковѣ *Торговая школа* Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ, помѣщавшаяся первоначально въ наемной квартирѣ, а нынѣ—въ собственномъ превосходномъ зданіи. „Быстрый прогрессъ въ области торговли и промышленности Россіи за послѣднія 10—15 лѣтъ, все возрастающая конкурренція съ иностранными государствами за обладаніе рынками

[1]) Харьк. Кал. на 1874 годъ, стр. 234.

сбыта, измѣнившіяся условія торговли, необходимость строгой отчетности и порядка въ дѣлахъ—все это въ совокупности требовало отъ купца и его служащихъ солидной коммерческой подготовки. Потребность въ лицахъ, спеціально подготовленныхъ къ коммерческой дѣятельности, сознавалась всѣми безъ исключенія лицами принадлежащими къ коммерческому міру". Сильный толчекъ для развитія коммерческаго образованія далъ законъ 15 апр. 1896 г., сосредоточившій въ вѣдѣніи Мин. Фин. четыре типа коммерческихъ школъ—торговыя школы, торговые классы, курсы коммерческихъ знаній и коммерческія училища. Особенное развитіе получили торговыя школы. Первая въ Россіи торговая школа была открыта въ Харьковѣ (3 класса и приготовительный). Особенно много потрудился для ея открытія пок. предсѣдатель общества взаимнаго кредита прикащиковъ въ Харьковѣ І. А. Кобозевъ. Основана она была въ память бракосочетанія нынѣ царствующаго Государя Императора. Благодаря энергіи попечительнаго совѣта школы удалось построить для нея спеціальное зданіе стоимостью до 100000 р. на обширномъ земельномъ участкѣ, занимающемъ 4500 кв. саж.—и обезпечивающемъ дальнѣйшее развитіе школы. Министерство Финансовъ дало субсидію на постройку зданія въ 20000 руб. и на содержаніе школы ежегодно по 5000 руб. Особенныя заслуги въ дѣлѣ постройки оказалъ предсѣд. поп. сов. Н. С. Богатыревъ. Необходимость постройки собственнаго зданія вызвана была, помимо всего прочаго, и быстрымъ ростомъ числа учащихся: въ $189^{6}/_{7}$ уч. году было 64 уч., въ $189^{7}/_{8}$—94, въ $189^{8}/_{9}$—117, въ $189^{9}/_{0}$—152, въ $190^{0}/_{1}$—182, въ $190^{1}/_{2}$—198, въ $190^{2}/_{3}$—261. Въ школѣ обучаются дѣти всѣхъ сословій, но преобладаютъ мѣщане и крестьяне. Окончило курсъ: въ $189^{9}/_{0}$ уч. году—14, въ $190^{0}/_{1}$—17, въ $190^{1}/_{2}$—19, въ $190^{2}/_{3}$—24 [1]). Такой успѣхъ школы у общества объясняется тѣмъ, что школа удовлетворяетъ назрѣвшей потребности и даетъ именно то, на что существуетъ спросъ. Съ перваго же года преподаваніе получило практическій, прикладной характеръ, который тѣсно связанъ съ будущею дѣятельностью учащихся. Благодаря этому спросъ на лицъ, окончившихъ курсъ въ школѣ, превышаетъ предложеніе. Поддержка школѣ со стороны общества обезпечиваются также уставомъ школы, предоставляющимъ общественному элементу почетное мѣсто въ ея дѣятельности. Этимъ, какъ извѣстно, вообще уставы школъ Мин. Финансовъ выгодно отличаются отъ школьныхъ уставовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Попечительному Совѣту, состоящему изъ избранныхъ Обществомъ лицъ, предоставлена не только завѣдываніе хозяйственной частью, но въ значительной степени и наблюденіе за учебною стороною дѣла, избраніе всего педагогическаго персонала и т. п. [2]) Неудивительно при такихъ условіяхъ, что и общество относится съ полнымъ сочувствіемъ къ школѣ и это сочувствіе выражается между прочимъ въ притокѣ постоянныхъ пожертвованій какъ на текущія нужды школы, такъ и на постройку ея зданія. Имѣются уже и неприкосновенные капиталы (имени В. М. Тарабрина, В. И. Пащенкова-Тряпкина, В. К. Демидова). Ежегодные отчеты школы печатаются и въ нихъ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе списокъ лицъ, получившихъ, по окончаніи школы приглашеніе на службу.

Среди элементарныхъ народныхъ училищъ первенствующее положеніе занимаютъ городскія приходскія училища. Въ дѣлѣ насажденія низшаго народнаго образованія—устройства приходскихъ училищъ первое мѣсто принадлежитъ Харьковскому городскому общественному управленію. Въ 1871 году было введено въ Харьковѣ Городовое положеніе 1870 года, заставшее 3 городскихъ начальныхъ училища—1-е, основанное въ 1834 году 2-е, организованныя по положенію объ училищахъ 1828 года, а также безплатную школу для дѣвочекъ (теперь Александровское женское училище). Въ нихъ въ 1873 году было 375 учащихся (211 мальчиковъ и 164 дѣвочки). На содержаніе ихъ городъ выдавалъ изъ своихъ средствъ въ 1874 г. 3400 руб., что составляло 0,8% городского бюджета. Въ послѣдующіе годы (послѣ 1874 г.) суммы на начальное образованіе постоянно возрастали: въ 1875 г.—4418 р. (0,9%), въ 1876 г.—8981 р. (1,5%), въ 1877 г.—6522 р. (1,4%), въ 1878 г. 7073 р. (1,2%), въ 1879 г.—11020 р. (2%), въ 1880 г.—11737 р. (2,1%), въ 1881 г.—12524 р. (2,1%) въ 1882 г. 14086 р. (2,1%), въ 1883 г.—13836 р. (2,3%), 1884 г.—17793 р. (2,5%), въ 1885 г.—17774 (2,3%), въ 1886 г.—18416 р. (2,3%), въ 1887 г.—19544 р. (2,7%), въ 1888 г.—18615 р. (2,4%), въ 1889 г.—21572 (2,7%), въ 1890 г. 20824 р. (2%), въ 1891 г.—21491 (2,4%), въ 1892 г.—21426 р. (2,4%), въ 1893 г.—22526 (2,6%), въ 1894 г.—22126 р. (2,1%), въ

[1]) Взято изъ рукописнаго доклада попеч. совѣта школы, прочитаннаго въ день освященія собственнаго зданія 24 ноября 1902 года и печатныхъ отчетовъ.

[2]) Уставъ Торговой школы Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ г. Харькова. Х. 1896 г.

1895 г.—23728 р. (2,3%), въ 1896 г.—31573 р. (2,5%), въ 1897 г.—34999 (2,7%), въ 1898 г.—49796 р. (3,5%), въ 1899 г.—81489 (5,2%), въ 1900 г.—101234 р. (5,9%), въ 1901 г.—120012 (6,4%). По годовымъ затратамъ на начальное образованіе, Харьковское городское общественное управленіе, расходовавшее въ 1901 г. по 42 к. на жителя, стоитъ позади Петербурга, который расходовалъ по 88 к. на каждаго жителя, Москвы, расходовавшей 80 к., Нижняго Новгорода, Одессы, Самары, расходовавшихъ по 76 к., Кіева, расходовавшаго по 60 к. По числу учащихся въ городскихъ элементарныхъ училищахъ на 1 тысячу жителей приходилось въ 1901 году въ Харьковѣ 15 человѣкъ, въ то время какъ въ Кіевѣ 17½, въ Петербургѣ и Одессѣ 20, въ Москвѣ 22, въ Самарѣ 34, въ Нижнемъ Новгородѣ 44. Иными словами Харьковъ въ этомъ отношеніи уступалъ этимъ городамъ. Замѣтимъ кстати, что въ Берлинѣ въ 1899 г. приходилось на 1000 жителей 100 учащихся въ низшихъ школахъ. Ростъ числа учащихся въ городскихъ училищахъ съ 1873 по 1902 г. выражается слѣдующими цифрами: въ 1873 г.—375, въ 1876 г.—508, въ 1877 г.—485, въ 1879 г.—666, въ 1881 г.—634, въ 1885 г.—840, въ 1886 г.—852, въ 1887 г.—905, въ 1888 г.—912, въ 1889—905, въ 1890 г.—1015, въ 1891 г.—1061, въ 1894 г.—1148, въ 1895 г.—1209, въ 1896 г.—1414, въ 1897 г.—1648, въ 1898 г.—1908, 1899 г.—2007, въ 1900 г.—2230, въ 1901 г.—2608, въ 1902 г.—2960. Въ 1899 году рѣшено было создать училище сложнаго типа и назвать его Пушкинскимъ. Въ него должно было перейти нѣсколько городскихъ начальныхъ училищъ. Для него выстроено было обширное прекрасно оборудованное зданіе, въ которомъ въ 1902 г. было 16 классовъ и 894 учащихся. Попечителемъ его состоитъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Слабою стороною въ дѣятельности городского управленія по народному образованію нужно признать то, что это дѣло не развивалось планомѣрно, что были періоды застоя, на это указано было мною въ засѣданіи Думы 9 дек. 1902 г. и предложено отъ имени школьной коммиссіи открывать, принимая во вниманіе естественный приростъ населенія, ежегодно по 2 школы. Тогда же составленъ былъ планъ постройки школьныхъ зданій. Стоимость обученія учащихся возрасла съ 12,8 р. съ 1 человѣка въ 1876 г. до 24,1 р. Въ 1902 г. мы видимъ слѣдующія городскія училища: 1-е прих. съ 1834 г. (на Сумской въ собственномъ помѣщеніи), 2-е вошло въ составъ Пушкинскаго, 3-е съ 1874 г. (Клеменовское) на Конной площади въ своемъ помѣщеніи, 4-е съ 1879 г. вошло въ составъ Пушкинскаго, 5-е съ 1879 г. на Журавлевкѣ въ собственномъ помѣщеніи, 6-е (Скобелевское) съ 1883 г. на Грековской улицѣ въ наемномъ помѣщеніи, 7-е (Ильинское) съ 1885 г. на Романовскомъ пер., въ собственномъ помѣщеніи, 8-е (Тургеневское) съ 1883 г. на Тургеневскомъ пер. въ собственномъ помѣщеніи, 9-е съ 1896 г. на Сумской въ наемномъ помѣщеніи, 10-е въ 1896 г. вошло въ составъ Пушкинскаго, 11-е въ 1896 г. на Мироносицкой пл. въ наемномъ помѣщеніи, 12-е съ 1896 г. на Михайловской ул. въ наемномъ помѣщеніи, 13-е съ 1896 г. вошло въ составъ Пушкинскаго, 14-е съ 1898 г. на Москалевкѣ въ наемномъ помѣщеніи, 15-е съ 1898 г. вошло въ составъ Пушкинскаго, 16-е съ 1899 г. на Заиковкѣ въ наемномъ помѣщеніи, 17-е съ 1899 г. присоединено къ 16-му, 18-е съ 1899 г. на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ, въ собственномъ помѣщеніи, 19-е Александровское съ 1863 г., но перешло въ вѣдѣніе города въ 1900 г. на Зміевской ул. въ наемномъ помѣщеніи, 20-е (Жуковскаго) съ 1902 г. на Карповскомъ пер., въ наемномъ помѣщеніи, 21-е (Гоголевское) съ 1902 г. на Знаменской ул. въ наемномъ помѣщеніи [1]). Вотъ исторія возникновенія нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ.

Харьковское 3-е городское приходское училище возникло въ 1874 г. Въ августѣ этого года въ харьковскую городскую думу поступило заявленіе харьковскаго купца Клеменова о желаніи его передать въ даръ городу выстроенное имъ зданіе съ дворовымъ мѣстомъ около 250 квадр. саженей. При этомъ жертвователь просилъ городскую думу ходатайствовать объ открытіи въ этомъ зданіи школы, и чтобы таковая была принята въ хозяйственное распоряженіе городской управы. Кромѣ того, Клеменовъ просилъ, чтобы школа носила названіе „учрежденной въ 1874 году въ память его умершей дочери, Н. С. Клеменовой", горячо сочувствовавшей дѣлу народнаго образованія. Пожертвованіе это было принято городской думой, и въ октябрѣ того же 1874 года въ зданіи этомъ было открыто 3-е городское начальное училище. Жертвователю присвоено званіе почетнаго попечителя школы. Первые годы училище это существовало при двухъ преподавателяхъ и небольшомъ числѣ учащихся. Такъ, изъ отчета члена Училищнаго Совѣта за 187⁵/₆ учеб-

[1]) Всѣ эти данныя взяты изъ очерка дѣятельности Харьк. Гор. Общ. Управл. по нач. обр. 1871—1901 г. Д. П. Максименка.

ный годъ извѣстно, что въ 3-мъ городскомъ начальномъ училищѣ состояло: въ I отдѣленіи 27, во II—20, въ III—9 учащихся, а всего 56. Число это съ каждымъ годомъ увеличивалось, и уже въ 1878 году по заявленію попечителя училища постановлено было опредѣлить въ эту школу третью учительницу, вслѣдствіе значительно возросшаго количества учащихся, какое по отчету И. О. Фесенко достигало цифры 108. Количество это постепенно росло и въ среднемъ дошло до 130 учащихся. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ отказовъ за неимѣніемъ мѣстъ въ помѣщеніяхъ классовъ. Въ 1899 году 3-е городское начальное училище было преобразовано въ приходское. Въ этомъ же году г. попечитель училища ходатайствовалъ передъ городскою управой объ ассигнованіи квартирныхъ денегъ двумъ учительницамъ, чтобы использовать ихъ квартиры для расширенія классныхъ комнатъ. Удовлетвореніе этого ходатайства дало возможность увеличить число учащихся. Съ этихъ поръ число ихъ было таково. Въ 1899 году учащихся состояло 150, въ 1900 г.—152 уч., въ 1901 г.—154 уч., въ 1902 г.—158 уч., въ 1903 г.—167 уч. Къ январю 1904 года количество ихъ таково: I отд.—75 уч., II отд.—68 уч., III отд. 29 уч., а всего 172 души. Почетный попечитель школы С. А. Клеменовъ оставилъ по завѣщанію три тысячи рублей для пріобрѣтенія на проценты съ этого капитала обуви и платья нуждающимся дѣтямъ къ праздникамъ Рождества Христова и Св. Пасхи. Попечителями училища были В. С. Клочковъ и И. К. Гришенко, который и несъ обязанности попечителя въ продолженіе двадцати лѣтъ. Все это время И. К. Гришенко неустанно заботился о нуждахъ ввѣреннаго его попеченіямъ училища и много содѣйствовалъ его процвѣтанію своими трудами и матеріальными пожертвованіями. Послѣ И. К. Гришенка нѣсколько лѣтъ попечителемъ былъ И. А. Сергѣевъ. Съ 1899 года попечителемъ училища состоялъ сынъ жертвователя М. С. Клеменовъ. Когда въ 1900 году чествовали двадцатипятилѣтнюю дѣятельность учительницы г-жи Дашкіевой, М. С. подарилъ 120 кв. саж. земли, прилегающей къ школьному двору. На этой землѣ теперь разведенъ садикъ. Ежегодно передъ праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи дѣти получали лакомства и книги, купленныя для нихъ г. попечителемъ. Законоучитель отъ. Андрей Рудинскій прослужилъ въ этой школѣ со дня ея открытія до своей смерти около 20 лѣтъ. Учительница П. М. Бѣлокопытова служила въ школѣ со дня ея основанія и прослужила здѣсь до своей смерти почти 25 лѣтъ. Но такъ какъ свою педагогическую дѣятельность она начала еще до поступленія въ эту школу, то въ 1897 году въ училищѣ товарищи и сослуживцы чествовали ея двадцатипятилѣтнюю, скромную, но плодотворную дѣятельность. Г-жа Бѣлокопытова успѣла обучить два поколѣнія.

Ильинское приходское училище. Харьковскій купецъ Н. И. Ильинъ оставилъ по духовному завѣщанію 25000 рублей Харьковскому городскому управленію съ тѣмъ, чтобы оно открыло, на Москалевкѣ начальное женское училище его, Ильина, имени. Городская дума въ засѣданіи 10 мая 1885 года постановила пожертвованіе г. Ильина принять и утвердить предложеніе городской управы о постройкѣ зданія для училища, стоимостью въ 10000 руб., проектъ упомянутаго зданія былъ утвержденъ думою 3-го іюня 1888 года; на постройку его, на городской землѣ, было израсходовано изъ завѣщаннаго капитала 12000 рублей, остальныя 13000 были вложены неприкосновеннымъ капиталомъ, проценты съ котораго предназначались на содержаніе училища. Ко времени открытія училища этотъ капиталъ возросъ до 15000 руб. Самое открытіе произошло 9-го сентября 1890 года. Въ первый годъ училище имѣло два отдѣленія (класса) при двухъ учительницахъ, съ 90 учащихся (дѣвочекъ); попечителемъ училища состоялъ въ началѣ П. И. Ильинъ, братъ завѣщателя. На средства г. Ильина была пріобрѣтена значительная часть классной мебели, а также обстроенъ училищный дворъ. Въ 1893 году попечителемъ былъ избранъ Т. С. Кульшинъ. Въ августѣ 1891 года училище имѣло 3 класса при 105 учащихся. Съ января 1891 года въ училищѣ началось преподаваніе рукодѣлія особо приглашенной для этого учительницей.

Съ перваго же года существованія проценты съ оставшагося капитала Н. И. Ильина въ 15000 руб. далеко не могли покрывать всѣхъ расходовъ, въ виду чего потребовалась дополнительная ассигновка изъ городскихъ средствъ. Въ первые два года училище имѣло бюджетъ въ 1600 рублей (ежегодно), бюджетъ же 1903 года составлялъ уже 3730 р., изъ которыхъ только 700 руб. падаютъ на проценты съ капитала Ильина, остальные же ассигновываются изъ общихъ городскихъ средствъ. Училище, по примѣру другихъ городскихъ училищъ въ Харьковѣ, взимаетъ плату за ученіе въ размѣрѣ 50 к. въ мѣсяцъ, причемъ бѣднѣйшія дѣти отъ платы освобождаются; въ общемъ въ годъ взимается 700 рублей, такимъ образомъ, число освобожденныхъ отъ платы ученицъ простирается до 20%.

Въ продолженіе 14-лѣтняго существованія училища въ него поступило 782 дѣвочки, изъ которыхъ 160 составляютъ наличный составъ училища; въ среднемъ ежегодно поступало 55 учащихся. Окончило за все время существованія училища полный курсъ ученія 311 дѣвочекъ, или въ среднемъ по 26 ученицъ ежегодно (12 выпусковъ). Въ первые годы число оканчивающихъ курсъ не превышало 20, въ настоящее же время число ихъ доходитъ обыкновенно до 46, а въ 1903 году было 42. Выбыло за все время существованія училища не окончившихъ полнаго курса ученія 300 учащихся, что въ среднемъ составитъ по 23 ученицы на каждый годъ. Отказовъ въ пріемѣ было 560 или въ среднемъ по 40 ежегодно. Большая часть ученицъ, оканчивающихъ курсъ, не продолжаетъ дальнѣйшаго образованія въ учебныхъ заведеніяхъ, а поступаетъ въ ремесленныя, торговыя заведенія. Незначительная же часть, приблизительно 10%, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоятельнымъ семьямъ, поступаетъ въ женскія гимназіи. Съ каждымъ годомъ стремленіе къ полученію дальнѣйшаго образованія возрастаетъ, но, къ сожалѣнію, для многихъ оно является неосуществимымъ, съ одной стороны, въ виду матеріальнаго недостатка большей части ученицъ, а съ другой—въ виду недостатка свободныхъ мѣстъ въ женскихъ гимназіяхъ. Въ настоящее время было бы въ высшей степени своевременнымъ увеличить курсъ училища на два, на три года. Это дало бы возможность многимъ дѣвочкамъ, которыя не могутъ по тѣмъ или инымъ причинамъ идти въ гимназію, получать болѣе солидную общеобразовательную подготовку, чѣмъ та, которая дается обыкновенной трехгодичной школой. Осуществленіе проекта расширенія курса училища составляетъ въ настоящее время одну изъ самыхъ завѣтныхъ его мыслей. Учительница, завѣдующая училищемъ, Е. А. Максименко и законоучитель прот. Румянцевъ служатъ со времени его учрежденія.

Въ 1896 году 27 іюня Харьковской Городской думой было постановлено открыть четыре училища, каждое съ однимъ отдѣленіемъ (классомъ). Вновь открываемыя училища постановлено было назвать „параллельными отдѣленіями“ при тѣхъ изъ существовавшихъ уже приходскихъ училищъ, въ раіонѣ которыхъ отыщется квартира.

Въ числѣ этихъ 4-хъ училищъ было открыто и нынѣшнее *12-е городское приходское училище*, которое первоначально было наименовано „параллельнымъ отдѣленіемъ при 6-мъ городскомъ приходскомъ училищѣ. Съ 1-го по 8 сентября 1896 года былъ произведенъ пріемъ учащихся во вновь открытое училище. Оффиціальное открытіе училища состоялось 9 сентября 1896 года. Параллельныя отдѣленія открывались Думой съ тѣмъ расчетомъ, чтобы учащіеся въ нихъ на 2-й годъ ученія переходили въ существовавшія съ 3-мя отдѣленіями (классами) городскія приходскія училища. Имѣлось въ виду, что въ теченіе и къ концу 1-го учебнаго года многіе учащіеся выбываютъ, а потому предполагалось изъ учащихся первыхъ отдѣленій 2-хъ училищъ составить одно *сводное* отдѣленіе (классъ) при существовавшихъ уже приходскихъ училищахъ, а въ „параллельное“ училище вновь набирать одно 1-е отдѣленіе. На практикѣ такой расчетъ не оправдался. Въ параллельномъ отдѣленіи при 6-мъ городскомъ приходскомъ училищѣ (нынѣ 12-е) на второй годъ ученія оказалось число учащихся вполнѣ достаточное для самостоятельнаго класса. 1897 года въ августѣ мѣсяцѣ по письменному ходатайству попечителя училища и учительницы было открыто при „6-мъ параллельномъ отдѣленіи“ и 2-е отдѣленіе (классъ), а 1-го сентября того же года назначена вторая учительница. 1898 года въ августѣ мѣсяцѣ такимъ же порядкомъ было открыто и 3-е отдѣленіе (классъ) при „6-мъ параллельномъ отдѣленіи“, а 10 сентября того же года назначена 3-я учительница. Такимъ образомъ, съ августа мѣсяца 1898 года „параллельное отдѣленіе при 6-мъ городскомъ приходскомъ училищѣ“ организовалось со всѣми тремя отдѣленіями въ самостоятельное училище съ 121 учащимся и тремя преподавателями общеобразовательныхъ предметовъ, какъ и въ основномъ 6-мъ городскомъ приходскомъ училищѣ. Съ этого же времени училище наименовано 12-мъ городскимъ начальнымъ училищемъ. 5 сентября 1899 года 12-е городское начальное училище было преобразовано въ 12-е городское приходское училище по Положенію 1828 года. Преобразованіе состоялось по ходатайству Думы передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Не имѣя собственнаго зданія, училище испытывало большія неудобства отъ частныхъ квартиръ и должно было перекочевывать изъ одного мѣста на другое. Завѣдующей училищемъ была учительница В. А. Дашевская, много сдѣлалъ для училища попечитель его А. С. Илларіоновъ. Изъ наблюденій въ теченіе 8 лѣтъ замѣчено, что большее прилежаніе, болѣе аккуратное отношеніе къ письменнымъ работамъ и другимъ ученическимъ обязанностямъ проявляютъ

дѣвочки; дѣвочкамъ гораздо легче и скорѣе прививается вліяніе воспитанія и внѣшней выдержки. При этомъ надо замѣтить, что весьма трудно вести борьбу съ дурными наклонностями дѣтей городскихъ народныхъ школъ, которымъ суждено въ жизни видѣть много дурныхъ примѣровъ и въ своей семьѣ и на улицѣ. Большинство дѣтей, оканчивающихъ курсъ ученія и выбывающихъ изъ училища до окончанія курса, поступаютъ въ различныя ремесленныя мастерскія и торговыя заведенія, и только весьма небольшой процентъ продолжаетъ свое образованіе въ другихъ училищахъ. Дѣти, продолжающія свое образованіе, размѣщаются въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова. Главнымъ образомъ продолжаютъ ученіе въ школахъ болѣе доступнымъ по средствамъ и дающимъ практическую подготовку къ жизни. Этимъ объясняется, почему большинство продолжаетъ ученіе въ городскомъ ремесленномъ училищѣ, въ женской ремесленной школѣ Общества Грамотности, въ профессіональной школѣ Ильяшевой-Менчицъ, въ торговой школѣ, въ 4-классномъ городскомъ училищѣ и затѣмъ въ желѣзнодорожномъ техническомъ училищѣ, въ декоративно-рисовальномъ училищѣ Общества Грамотности. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ желающіе попадаютъ въ перечисленныя школы, по недостатку мѣстъ. Училищу извѣстны, за время его существованія, три случая продолженія образованія въ реальномъ училищѣ, девять случаевъ—въ (казенныхъ) министерскихъ гимназіяхъ (3 мальчика и 6 дѣвочекъ), одна дѣвочка—въ частной гимназіи Грегорцевичъ, одна дѣвочка—въ частной прогимназіи Черняковской. Само собой не всѣ случаи дальнѣйшей судьбы учащихся извѣстны училищу.

Въ 1899 г. учительницей Е. Е. Ткаченко, на Кирилло-Меѳодіевскомъ кладбищѣ, въ помѣщеніи ея отца, смотрителя кладбища, было открыто частное училище, въ которомъ число учащихся достигло 50 душъ. Тѣснота и неподходящія условія обратили на себя вниманіе попечителя кладбища Харьковскаго купца И. А. Сергѣева. Посѣщая училище и видя большое число желающихъ учиться, онъ на свои средства выстроилъ зданіе съ двумя большими классными комнатами, корридоромъ и квартирой для учительницы, доставивъ необходимую училищную обстановку. Затѣмъ Иванъ Алексѣевичъ Сергѣевъ принесъ это зданіе въ даръ городу и просилъ городское управленіе перевести въ него частное училище Е. Е. Ткаченко. Принятое городомъ оно было наименовано 6-мъ начальнымъ училищемъ. Въ первый годъ открытія именно въ 1900 г. число учащихся въ немъ было 88 человѣкъ. Учительницей состояла Е. Е. Ткаченко. Въ 1901 г. было открыто второе отдѣленіе и назначенъ учитель Михаилъ Сергѣевичъ Александровъ, число учащихся равнялось 107 чел. Въ этомъ же году былъ сдѣланъ первый выпускъ 6 человѣкъ. Въ 1902 г. было открыто 3-е отдѣленіе и приглашена учительницей О. Е. Ткаченко. Число учащихся равнялось 135 чел. Въ 1903 г. Городское Управленіе сдѣлало пристройку для 3-го отдѣленія и по ходатайству попечителя училища И. А. Сергѣева училище изъ 6-го начальнаго было переименовано въ 16-е приходское. Въ настоящее время всѣхъ учащихся въ училищѣ 160 человѣкъ.

Первая ежедневная школа Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности имени Ф. С. Карпова.

Въ первый годъ своего существованія (1869 г.) Харьковское Общество Грамотности постановило открыть ежедневную смѣшанную школу на Москалевкѣ. Школа была скоро открыта, причемъ Общество вошло въ соглашеніе съ попечительствомъ Преображенской церкви, которое обязалось нанять и содержать помѣщеніе для школы и снабдить ее школьною мебелью. Остальные расходы на содержаніе школы, превышавшіе 600 рублей, брало на себя Общество. Черезъ три года попечительство отказалось субсидировать школу и Общество съ тѣхъ поръ стало содержать ее на свои средства. Трудность найти подходящее помѣщеніе для школы побудило Общество озаботиться постройкой спеціальнаго школьнаго зданія. Въ 1872 году зданіе было выстроено, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ перваго попечителя школы Ф. С. Карпова, до конца жизни своей субсидировавшаго школу и пожертвовавшаго въ 1872 году самое мѣсто для школы и въ 1891 году капиталъ въ 10000 руб., проценты съ котораго идутъ на содержаніе школы. Первая школа Общества Грамотности была третьей общедоступной начальной школой въ Харьковѣ. Эта школа была поставлена образцово: зданіе было приспособлено для школьныхъ цѣлей, ученическія скамьи были заказаны по модели Кунце, привезенной съ Вѣнской всемірной выставки, наглядныя пособія и библіотека обильно снабжены всѣмъ необходимымъ. Ни въ одной изъ начальныхъ школъ г. Харькова не было подобнаго собранія учебныхъ пособій. Выборъ преподавательскаго персонала производился Правленіемъ Общества съ величайшимъ тщаніемъ и съ затратой большихъ средствъ. Въ 70 г. 1-ая школа

Общества Грамотности была образцовой во всѣхъ отношеніяхъ и весьма большое число лицъ, пріѣзжавшихъ въ Харьковъ и осматривавшихъ эту школу, знакомилось здѣсь съ правильной постановкой преподаванія, съ лучшими учебными пособіями, съ раціональной школьной мебелью и т. д. Школа первоначально была открыта на 50 учениковъ; уже въ 1871 году число учащихся возросло до 80, а въ 1904—1905 году число учащихся достигло 140 человѣкъ. Расходы Правленія Общества на содержаніе школы достигли въ 1904 году 2836 рублей, не считая помѣщенія. Изъ этихъ суммъ 1000 рублей покрывается субсидіей Харьковской Городской Управы.

2-я школа Харьковскаго общества грамотности основана была въ 1872 г. на средства мѣстнаго еврейскаго купеческаго общества, общество грамотности открыло начальную одноклассную школу для еврейскихъ мальчиковъ, въ которой преподаваніе велось на русскомъ языкѣ и русскими преподавателями. Называлась она „Элементарная еврейская школа общества грамотности", а черезъ два года переименована въ „Русско-еврейскую". Съ 1874—1875 г.г. школа принимаетъ мальчиковъ и дѣвочекъ и дѣлается смѣшанною. Въ 1875 г. 31 августа происходитъ закладка собственнаго зданія для школы на Скрыпницкомъ пер. Въ 1878 г. русско-еврейская школа переименована во „2-ю школу общества грамотности". Отъ еврейскаго общества очень мало стало поступать средствъ для содержанія школы, такъ что обществу грамотности пришлось содержать ее почти исключительно на свои средства. Попечителемъ школы состоялъ Н. О. Рубинштейнъ, жертвовавшій ежегодно 200 руб. Распорядителемъ школы былъ Лещинскій, много поработавшій для школы въ пріобрѣтеніи для нея зданія и собираніи средствъ. Въ школѣ имѣлись тогда учебныя пособія, напр., картины, географическія карты, счеты, кубическій ящикъ.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ въ числѣ лицъ, безкорыстно отдававшихъ школѣ свой трудъ и время, часто встрѣчаются имена С. А. Раевскаго и М. Д. Раевской. Они устраивали всякаго рода благотворительные вечера, въ особенности славившіеся въ то время художественные съ постановкою живыхъ картинъ и музыкальныхъ номеровъ.

Въ 1889 году поданъ былъ учительницею Е. В. Ивановой въ Правленіе Общества докладъ о пользѣ введенія въ число школьныхъ занятій ручного труда. Правленіе съ нею согласилось и командировало докладчицу въ Петербургъ для изученія этого дѣла. Учительница Иванова была на съѣздѣ по техническому и профессіональному образованію, слушала секцію по ручному труду, осматривала Петербургскія школы, гдѣ уже введенъ былъ этотъ предметъ и брала уроки. Возвратившись изъ Петербурга, учительница Иванова немедленно ввела занятія ручнымъ трудомъ въ видѣ издѣлій изъ веревокъ, мочалы, папиросной бумаги и стружекъ. Въ 1894 году введено новое развлеченіе для дѣтей—спектакли. Признавая ученическіе спектакли однимъ изъ развивающихъ средствъ, учительницы устроили спектакли. На праздникахъ Свѣтлаго Христова Воскресенія было поставлено 6 маленькихъ пьесъ. Учительницы Иванова и Гутникова получили серебряныя медали за труды по народному образованію. Въ 1895 г. Общество грамотности продало зданіе 2-й школы, находящееся на Скрыпницкомъ переулкѣ, Медицинскому Обществу, рѣшивъ построить новое, болѣе цѣлесообразное. Въ 1900 г. введены образовательныя прогулки за городъ пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ. По этому вопросу много работала М. Д. Раевская; подъ ея предсѣдательствомъ была образована особая коммиссія, которая выработала программу образовательныхъ прогулокъ. Въ 1902 г. основана коммиссія Общества попеченія о бѣднѣйшихъ учащихся школы подъ предсѣдательствомъ г-жи Е. М. Мигулиной. Учительница А. В. Ястремская получила серебряную медаль за труды по народному образованію. Много энергіи и силъ посвятили школѣ безплатнымъ своимъ трудомъ г.г. врачи, которые съ конца восьмидесятыхъ годовъ и всѣ девяностые, одинъ другого смѣняя, оказывали безпрерывную медицинскую помощь школѣ, во-первыхъ, женщины врачи: г-жи Клейфъ и Одарченко, потомъ г.г. врачи: докторъ медицины Н. Д. Алексенко, В. П. Вицинскій, М. Я. Бомашъ, Н. Б. Теръ-Микаэльянцъ. Слѣдуетъ съ благодарностью помянуть Издательскій комитетъ Общества грамотности, который, съ основанія своего, именно съ 1891 года и до настоящаго времени ни одного дѣтскаго праздника не пропустилъ, чтобы не одарить всѣхъ учащихся дѣтей школы книжечками своего изданія. Нѣкоторые изъ учившихся во 2-й школѣ сумѣли пробить себѣ дорогу къ высшему образованію. Таковы: Платчикъ окончилъ курсъ въ академіи художествъ, Яковлевъ въ Технологическомъ Институтѣ, Горнштейнъ, Крысенко, Николаевскій, Магазинеръ въ Университетѣ, Рабинова Серафима учится въ Вѣнской консерваторіи. Многіе учатся въ гимназіи. Многіе окончили гимназію.

Женская ремесленная школа Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Женская ремесленная школа была открыта Обществомъ Грамотности по иниціативѣ Ф. П. Максимовичъ 1-го сентября 1877 года и содержится на взносы членовъ комитета и спеціальныя пожертвованія. Такимъ образомъ, въ то время, какъ изысканіе средствъ для содержанія первыхъ двухъ школъ лежитъ на правленіи, отвлекаемомъ черезъ это отъ другихъ, не менѣе существенныхъ дѣлъ, заботы о средствахъ 3-ей школы Общества принялъ на себя особый комитетъ. Комитетъ сумѣлъ за 25 лѣтъ своего существованія привлечь къ участію въ дѣлахъ школы весьма большое число лицъ, приносившихъ пожертвованія и деньгами и своимъ личнымъ трудомъ. Изъ денежныхъ пожертвованій обращаютъ на себя вниманіе пожертвованіе 300 кв. саж. земли, сдѣланное отъ лица наслѣдниковъ Касперовыхъ, В. И. Касперовымъ, что дало возможность комитету построить вполнѣ удобный для школы домъ.

Въ первый годъ существованія школы поступило 60 ученицъ и, сверхъ того, 5 дѣвочекъ уже грамотныхъ, спеціально для обученія шитью. Въ слѣдующемъ году въ школѣ уже было 95 ученицъ, изъ которыхъ 10 обучалось въ мастерской. Затѣмъ число учащихся, возрастая изъ года въ годъ, достигло въ 1904—1905 г. 132 въ школѣ и 99 въ мастерской. Изъ ремеслъ въ настоящее время въ школѣ обучаются только шитью. Въ мастерскую поступаютъ окончившія курсъ школы, гдѣ онѣ также проходятъ подготовительный курсъ ремесла. Когда ученица настолько подготовилась въ ремеслѣ, что можетъ принимать участіе въ исполненіи заказовъ, то начинаетъ получать жалованье отъ 3 до 20 руб. въ мѣсяцъ. Это обыкновенно наступаетъ черезъ 2—3 года обученія. Учащіяся въ мастерской пользуются книгами школьной библіотеки, беря ихъ на домъ, а иногда устраиваютъ чтеніе въ слухъ въ мастерской. Изъ окончившихъ курсъ обученія въ мастерской тѣ, которыя не остаются въ ней на жалованьи, или открываютъ свои мастерскія, или нанимаются въ частные дома швеями. Спросъ на швей, окончившихъ курсъ въ ремесленной школѣ, не прекращается въ теченіе года и едва можетъ быть удовлетворенъ.

На долю Комитета выпадаетъ нелегкая задача изысканія средствъ для содержанія школы, которая въ 1904 году обошлась въ 5802 руб. 41 коп. Харьковская Городская Дума выдаетъ школѣ субсидію въ 1000 рублей.

Церковно-приходскія школы г. Харькова (1866—1904 г.г.). Школъ церковно-приходскихъ въ городѣ 22, изъ нихъ 19 одноклассныхъ и 3 двухкл.

Одноклассныя школы.

1. *Архангело-Михайловская* церковно-приходская школа была открыта 17 сентября 1894 г. и помѣщалась вначалѣ въ подвальномъ этажѣ церковнаго дома; учащихся въ ней было 30 чел. Школа терпѣла крайнюю нужду какъ въ средствахъ содержанія, такъ и въ удобномъ помѣщеніи. Единственными источниками содержанія школы были скудныя пожертвованія прихожанъ и плата бѣдняковъ—учащихся. Въ 1896 г. школа переведена была изъ подвала въ наемное болѣе удобное помѣщеніе. Учащихся въ школѣ въ настоящее время 40 чел. Средствами содержанія школы служатъ: 300 р. ежегодно отчисляется изъ доходовъ причта, 120 руб. вносятъ учащіеся и свыше 400 р. изыскиваются завѣдующимъ школою.

2. *Благовѣщенская* церковно-приходская школа открыта 21 сентября 1903 года; помѣщалась она въ первомъ этажѣ каменнаго двухэтажнаго зданія, принадлежащаго церкви, въ двухъ свѣтлыхъ классныхъ комнатахъ; при школѣ имѣется пріемная комната и квартира для одного учителя; въ первый годъ своего существованія школа состояла изъ одного перваго отдѣленія при 52 учащихся.

3. *Первая Всѣхсвятская* церковно-приходская школа существуетъ съ 1885 г.; открыта по типу школъ грамоты мѣстнымъ псаломщикомъ В. Враиловскимъ; учащихся въ ней было не болѣе 10 чел., которые помѣщались въ комнатѣ церковнаго флигеля, занятаго подъ квартиру одного изъ членовъ причта. Съ 1888 г. эта школа грамоты была преобразована въ одноклассную церковно-приходскую школу съ тремя отдѣленіями. На содержаніе школы, за неимѣніемъ другихъ средствъ, была установлена плата по 50 к. съ учащагося за каждый учебный мѣсяцъ. Число учащихся постепенно возрастало и дошло до 50-60 чел. обоего пола, такъ что съ 1890 г. школѣ пришлось занять весь флигель о 3-хъ комнатахъ. Въ виду большого прилива учащихся, а также неудобствъ школьнаго помѣщенія, завѣдующій школою, свящ. А. Луценковъ въ 1902 г. началъ постройку на церковной усадьбѣ новаго 2-хъ этажнаго школьнаго зданія, которое и окончилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1903 г. Зданіе съ центральнымъ отопленіемъ и вентиляціей

обошлось въ 18000 руб., причемъ казенной субсидіи получено 8000 р. церковныхъ суммъ употреблено 2000 р., а остальная сумма изыскана завѣдующимъ. Въ настоящемъ видѣ зданіе можетъ вмѣстить до 300 учащихся, при наилучшихъ гигіеническихъ условіяхъ. Въ настоящее время учащихся въ школѣ мальчиковъ 82, а дѣвочекъ 35. Школа имѣетъ три отдѣленія, при одномъ законоучителѣ и трехъ учительницахъ. Съ 1887 по 1908 г. въ этой школѣ окончили полный курсъ 250 мальчиковъ и 120 дѣвочекъ. На содержаніе школы поступаетъ плата за ученіе, взимаемая съ учащагося въ размѣрѣ 8 руб. въ годъ. Въ счетъ этой платы каждому учащемуся выдаются школой всѣ учебныя и письменныя принадлежности.

4. *Воскресенская* церковно-приходская школа открыта церковно-приходскимъ Попечительствомъ 16 сентября 1866 г. и съ того времени существуетъ непрерывно 44 года, помѣщаясь въ наемной квартирѣ. Открытіе этой школы признавалось дѣломъ первостепенной важности, такъ какъ въ то время въ приходѣ не было ни одной городской школы, равно какъ и въ ближайшихъ сосѣднихъ городскихъ приходахъ; обучали же грамотѣ въ приходахъ нѣсколько частныхъ мелкихъ школъ. Въ первый годъ открытія школы было принято 113 чел. и почти такому количеству желающихъ учиться было отказано за тѣсностью школьнаго помѣщенія. Наставниками училища, впредь до изысканія средствъ, изъявили согласіе быть безвозмездно священники и діаконы приходской церкви, а дьячокъ взялъ на себя обязанность обучать способныхъ учениковъ церковному пѣнію и править церковнымъ хоромъ. Для постояннаго же наблюденія за учениками и занятій съ ними во время отсутствія наставниковъ, по исправленію требъ, приглашенъ былъ по найму Г. Соболевъ, имѣвшій свидѣтельство на званіе учителя. Главное же наблюденіе за школой поручено было настоятелю церкви, по хозяйственной же части—Предсѣдателю Попечительства церковному старостѣ К. И. Величченко. Въ первый годъ открытія школы церковно-приходскимъ попечительствомъ было собрано пожертвованій на содержаніе ея 1476 р. 35 к. и за то же время израсходовано 1036 р. 33 к. Черезъ три года послѣ открытія школы, когда она была переведена въ другое болѣе обширное помѣщеніе, число учащихся въ школѣ возросло до 140; здѣсь уже были приглашены Попечительствомъ правоспособные учителя на жалованье—старшему—25 руб. а младшему—15 руб., законоучителемъ же въ школѣ былъ приходской священникъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ виду большого количества учениковъ, при школѣ состояло даже по три учителя. Число выпускныхъ, окончившихъ курсъ въ школѣ, доходило до 25 учениковъ и не было меньше 15. Такая жизнедѣятельность школы и ея полезность для населенія города обратили на себя вниманіе городского управленія, которое начало выдавать на содержаніе школы ежегодную субсидію въ 300 руб.

5. *Дмитріевская* церковно-приходская школа открыта въ 1893 году въ спеціально для нея устроенномъ зданіи въ церковной оградѣ. Ежегодно обучается въ ней не болѣе 50 чел. дѣвочекъ и мальчиковъ. Дѣвочкамъ преподается рукодѣліе учительницей изъ окончившихъ профессіональную школу. Ежегодный бюджетъ школы равняется 600 руб. Учебники и письменныя принадлежности учащіеся получаютъ отъ школы.

6. *Крестовоздвиженская* церковно-приходская женская школа открыта въ 1903 г. и помѣщается въ нижнемъ этажѣ церковно-причтоваго дома; помѣщеніе состоитъ изъ одной большой комнаты съ передней.

7. *Озерянская 1-я* церковно-приходская школа учреждена въ 1893 г. А. Ковалевскимъ, выбывшимъ изъ 3-го класса Харьковской Духовной Семинаріи, который по настоящее время состоитъ въ ней учителемъ и завѣдующимъ. Школа помѣщается въ наемномъ зданіи; средства къ содержанію ея изыскиваются преимущественно самимъ учредителемъ школы.

8. *Озерянская 2-я* церковно-приходская школа открыта въ 1902 г. 15 сентября священникомъ В. Пономаревымъ; зданіе школы собственное, построенное на землѣ, пожертвованной крестьянами г. Харькова; при открытіи школы принято дѣтей обоего пола 50 чел. съ платою по 5 р. въ годъ. Содержится школа на пожертвованія, субсидію Уѣзднаго Отд Уч. Совѣта въ 180 р. и плату учащихся.

9. *Пантелеймоновская* женская церковно-приходская школа открыта въ 1898 г. Первоначально она не имѣла собственнаго зданія и занятія велись въ церковной сторожкѣ. Но въ 1900 г. было выстроено спеціально приспособленное для школы зданіе о двухъ классныхъ комнатахъ съ раздѣвальной и учительской. Вскорѣ это помѣщеніе не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ поступить въ школу и въ 1902 г. зданіе было расширено. Въ 1902 г. завѣдующій школой, заботясь о томъ, чтобы ученицы, кромѣ обученія грамотѣ, имѣли возможность еще обучиться кройкѣ и шитью бѣлья и платья, открылъ при школѣ реме-

сленное отдѣленіе. Въ началѣ своего существованія школа содержалась исключительно на деньги, получаемыя за право обученія дѣтей въ школѣ, но потомъ Городская Управа пошла навстрѣчу нуждамъ школы и стала ежегодно давать ей субсидію въ размѣрѣ 600 руб.

10. *Преображенская* церковно-приходская женская школа существуетъ съ 1895 г.; открыта на средства приходской церкви, отъ которой и пользуется помѣщеніемъ, отопленіемъ и прислугой. Въ первый годъ открытія школы учащихся было 35 чѣл. Со дня открытія по 1899 г., школа имѣла тѣсное и неудобное помѣщеніе, а съ указаннаго года переведена въ надстроенный верхній этажъ надъ причтовымъ домомъ; помѣщеніе это, вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ школьной гигіены, обошлось церкви до 4000 руб.

11. *Свято-Духовская* церковно-приходская школа существуетъ съ 1876 г. и до 1880 г. помѣщалась въ наемномъ домѣ, а въ 1880 г. для нея устроено было на средства церковнаго попечительства небольшое зданіе рядомъ съ церковью, на землѣ, отведенной Харьковскою Городскою Думою. Средняя цифра учащихся въ этотъ періодъ времени было—50, оканчивающихъ курсъ на льготу по отбыванію воинской повинности—5. Съ 1896 г. число учащихся стало постепенно увеличиваться и въ 1897 г. дошло до 120 чел. об. пола. Такой наплывъ учащихся побудилъ завѣдующаго школою—Прот. П. Тимоѳеева приступить къ расширенію школьнаго зданія. Въ 1898 г. школьное зданіе было расширено и получилось очень обширное и вполнѣ приспособленное для занятій; тогда же устроенъ былъ деревянный, обложенный кирпичемъ, флигель для учащихъ о 5 небольшихъ комнатахъ съ переднею и комнатой для сторожа. Съ расширеніемъ зданія явилась возможность принимать большее число учащихся и таковыхъ въ 1898 г. было 200 при трехъ учащихъ. Свято-Духовская школа долгое время обслуживала очень громадный раіонъ г. Харькова, почему и учащихся въ ней было очень много, но съ постепеннымъ открытіемъ городскихъ училищъ число учащихся въ церковной школѣ нѣсколько уменьшилось. Средствами содержанія школы служатъ: 240 р. изъ казенныхъ суммъ, 200 р. изъ Харьк. Город. Управы и плата съ учащихся.

12. *Петро-Павловская* церковно-приходская школа открыта въ 1902 г., помѣщалась въ церковномъ зданіи, мало приспособленномъ для школьныхъ занятій.

13. *Вторая Всѣхсвятская* церковно-приходская школа открыта въ 1897 г. и помѣщается въ наемномъ зданіи, вполнѣ приспособленномъ для учебныхъ занятій. Средства на содержаніе школы изыскиваются самой учредительницей.

14. *Вознесенская* церковно-приходская школа открыта въ 1903 г. и помѣщается въ собственномъ весьма удобномъ зданіи, устроенномъ на мѣстныя средства при пособіи отъ казны и попечителя школы Л. Яковлева. Средства на содержаніе школы изыскиваются причтомъ и попечителемъ школы.

15. *Троицкая* церковно-приходская школа открыта въ 1904 г. и помѣщается въ собственномъ каменномъ зданіи, находящемся въ церковной оградѣ Троицкой церкви. На постройку этого зданія употреблено 2800 р., изъ которыхъ 1200 р. отпущено изъ казеннаго кредита, 500 р. пожертвовано бывшимъ попечителемъ школы, 1-й гильдіи куп. Г. І. Гольбергомъ, 500 р. пожертвовано завѣдующимъ школой, прот. Н. Гутниковымъ и 600 р. испрошено имъ же отъ прихожанъ и доброхотныхъ жертвователей. Средства содержанія школы и учащихъ въ ней поступали: отъ мѣстной церкви, родителей учащихся (600 р.), Св. Синода (25 р.), Правленіе Общ. Вз. Кредита (120 р.), завѣдующаго прот. Гутникова и разныхъ благотворителей.

16. *Скорбященская* церковно-приходская школа при Харьковской Мѣщ. Богадѣльнѣ открыта Харьковскимъ мѣщ. обществомъ въ 1893 г. для дѣтей существующаго при немъ „Убѣжища“ и бѣднѣйшаго населенія Харьковской Холодногорской окраины. Жизнь школы протекала при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: мѣщанское общество, хотѣло закрыть ее; но благодаря благоразумному большинству мѣщанскаго общества, школа продолжаетъ существовать по настоящее время. Школа помѣщается въ каменномъ зданіи при Мѣщ. Богадѣльнѣ, вполнѣ удобномъ и здоровомъ въ гигіеническомъ отношеніи. Въ первый годъ существованія школы учащихся было: 27 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ Оканчивающихъ курсъ съ правомъ на полученіе установленныхъ свидѣтельствъ ежегодно было отъ 7 до 12 чел. Школа и учащіеся въ общежитіи содержались на средства мѣщ. общества, которое снабжало ее въ достаточномъ количествѣ классною мебелью, учебными пособіями и книгами для внѣкласснаго чтенія. Съ $189^{9}/_{10}$ г.г. школа для увеличенія средствъ должна была прибѣгнуть къ платѣ за ученіе съ приходящихъ

учениковъ и къ отчисленію изъ церковныхъ суммъ на свое содержаніе. При школѣ по воскреснымъ днямъ ведутъ религіозно-нравственныя чтенія при волшебномъ фонарѣ.

17. *Антоніевская* при Университетской церкви школа существуетъ съ 1903 г. Школа учреждена И. М. Туровѣровымъ съ цѣлью обученія грамотѣ дѣтей—пѣвчихъ университетскихъ и другихъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи, церковныхъ хоровъ; первоначально она помѣщалась въ одномъ изъ Университетскихъ зданій. Средства на жалованіе учащихъ и на содержаніе школы изыскиваются самимъ учредителемъ.

18. *Педагогическая* школа при Епархіальномъ женскомъ училищѣ открыта по предложенію Преосвященнаго Макарія, Епископа Харьковскаго, который 15 іюля 1866 г. предложилъ училищу устроить безплатную 2-хъ классную школу при училищѣ,—для дѣтей окружающей бѣдноты, съ цѣлью практическихъ занятій воспитанницъ. Въ 1886 г. школа преобразована въ одноклассную церковно-приходскую. Первоначально школа помѣщалась въ одномъ изъ зданій на училищномъ дворѣ. Въ первый годъ существованія школы было 20 учениковъ. Въ 1896 г. для школы устроено особое зданіе на усадьбѣ по Каразинской ул. Новая школа—большое деревянное одноэтажное зданіе, свѣтлое, сухое, теплое и просторное, съ 3 классными комнатами, помѣщеніемъ для практикантокъ—воспитанницъ и комнатами для учительницы и сторожа. Постройка зданія обошлась въ 11,551 р 57 к., изъ которыхъ 2000, по ходатайству Его Высокопреосвященства, ассигнованы Хозяйственнымъ Упр. при Св. Синодѣ, остальныя поступили изъ общихъ средствъ Епарх. женскаго училища. На содержаніе школы поступаетъ ежегодно 500 руб. изъ средствъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. Съ 26 іюля 1900 г. завѣдующимъ образцовою при училищѣ школою и руководителемъ практическими занятіями въ ней воспитанницъ былъ Харьковскій Епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ В. Давиденко. Подъ его руководствомъ воспитанницы 5 и 6 классовъ пріучались, въ присутствіи учительницы, каждая по очереди, къ самостоятельнымъ занятіямъ съ учащимися, а воспитанницы 6 класса одинъ разъ въ недѣлю слушали руководственныя педагогическія бесѣды завѣдующаго школой.

Двухклассныя школы.

Образцовая школа при Духовной Семинаріи открыта 5 сентября 1887 г. и до 1889 г. она была одноклассной; затѣмъ съ 1-го сентября 1889 г. преобразована въ двухклассную, съ двумя отдѣленіями въ каждомъ классѣ. Помѣщается школа въ спеціально для нея построенномъ каменномъ зданіи; средства на постройку зданія въ размѣрѣ 15,000 р., были пожертвованы И. Г. Харитоненко. Обученіе въ школѣ платное, при чемъ ежегодно не менѣе 1/4 всѣхъ учениковъ освобождается отъ платы за обученіе. Годичный взносъ 5 р. Книги и всѣ учебныя пособія ученики получаютъ отъ школы. Общій надзоръ за школой принадлежитъ Ректору Семинаріи. Ближайшимъ руководителемъ школы является преподаватель дидактики въ Духовной Семинаріи.

Харьковская Александро-Невская мужская церковная школа открыта была въ 1884 году, въ годъ опубликованія Высочайше утвержденнаго положенія о церковно-приходскихъ школахъ. Названная школа своимъ открытіемъ и дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ, въ теченіе почти 25 лѣтъ, немало обязана бывшему завѣдующему школою, протоіерею отцу Николаю Сокольскому. Какъ ревностный пастырь, онъ поставилъ первою своею задачею религіозно-нравственное просвѣщеніе бѣдной окраины г. Харькова—Заиковки, съ этой цѣлью позаботился прежде всего объ открытіи въ приходѣ церковной школы. Нужно сказать, въ то время въ г. Харьковѣ было мало начальныхъ школъ, да и тѣ находились главнымъ образомъ въ центрѣ города. На его прошеніе объ открытіи школы на Заиковкѣ послѣдовала слѣдующая резолюція Преосвященнаго Іустина: „Богъ благословитъ священника Сокольскаго на собираніе пожертвованій для устройства училища. Грамотность и нѣкоторое образованіе, особенно ремесленное, для дѣтей заиковскихъ прихожанъ необходимо по ихъ небогатому состоянію и отдаленности другихъ училищъ отъ ихъ мѣстности. На Заиковское училище жертвую 25 руб. при семъ прилагаемыхъ". Эта первая архипастырская жертва и еще четыре тысячи кирпича, оставшагося отъ постройки приходского храма, и составили тѣ первоначальные рессурсы, съ которыми Сокольскій приступилъ къ выполненію задуманной цѣли. Вскорѣ предпринимаемому Сокольскимъ дѣлу обнаружили сочувствіе мѣстныя общественныя учрежденія и частныя лица. Городская Дума постановила отвести въ пользованіе Александро-Невской церкви прилегающее къ ней пустопорожнее мѣсто, мѣрою 1637 кв. саж. для устройства двухъ школъ—мужской и женской, а по иниціативѣ городского головы И Т. Голенищева-Кутузова ассигнована была въ ежегодное субсидированіе школы сумма 500 рублей. (Въ настоящее время Городская Дума выдаетъ субсидію въ размѣрѣ 1400 р).

Какъ на щедрыхъ благотворителей школы, можно указать на нижеслѣдующихъ лицъ: жену купца Супкину, купца Ащукина и бывшихъ попечителей школы: Бѣляева, Сѣрикова, Простова, Рудакова и Нестель. Благодаря ихъ жертвамъ, значительной субсидіи Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и собраннымъ Сокольскимъ суммамъ отъ прихожанъ и другихъ лицъ, живущихъ внѣ г. Харькова, зданіе школы расширялось и благоустраивалось, при чемъ устроены были и квартиры для учащихъ. Первоначально школа была открыта съ курсомъ одноклассной церковно-приходской школы, при одномъ законоучителѣ и одномъ учителѣ, съ 60-ю учащимися. Въ 1885 году преобразована была она въ двухклассную школу. Помѣщается школа въ настоящее время въ двухъэтажномъ зданіи, стоющемъ до 40 тысячъ. Въ 1902 году открыта была женская двухклассная церковно-приходская школа во вновь устроенномъ вблизи церкви трехъэтажномъ каменномъ зданіи, стоющемъ до 60 тысячъ рублей. При названной школѣ имѣется учительскій классъ, содержимый на средства, выдаваемыя Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ размѣрѣ 600 рублей. Сверхъ положенныхъ по программѣ предметовъ, дѣти обучаются: черченію, практическому счетоводству, стенографіи, нѣмецкому языку, въ широкихъ размѣрахъ рукодѣлію (съ отдѣлами шитья и кройки) и письму на пишущихъ машинахъ. Въ настоящее время въ школахъ обучается мальчиковъ и дѣвочекъ болѣе тысячи человѣкъ, при 33 учащихъ. На содержаніе школы расходуется въ годъ до 14000 рублей. Завѣдующіе школами священники о. Алексѣй Жадановскій и о. Александръ Сокольскій: при нихъ программа школъ особенно расширилась, а именно—мужская школа представляетъ изъ себя типъ 4-хъкласснаго городского училища, а женская—министерской прогимназіи.

При всѣхъ 22 школахъ имѣются библіотеки для внѣкласснаго чтенія съ отдѣлами—религіозно-нравственнымъ, беллетристич., историч. и естественнымъ; въ 8 школахъ имѣются волшебные фонари и ведутся религіозно-нравственныя чтенія съ туманными картинами; при всѣхъ школахъ существуютъ школьные пѣвческіе хоры; ежегодно устраиваются школьныя развлеченія, какъ-то: елки, литературныя утра, экскурсіи съ религіозно-нравственной цѣлью на поклоненіе святынямъ, праздники древонасажденія и проч. Общимъ праздникомъ всѣхъ церковныхъ школъ является день (11 мая) памяти первоучителей славянскихъ св. Кирилла и Меѳодія, подъ знаменемъ которыхъ протекаетъ религіозно-нравственное воспитаніе въ церковныхъ школахъ Россіи. Отмѣчаемъ слѣдующія общешкольныя торжества послѣдняго времени: 1500-лѣтіе со дня смерти вселенскаго отца и великаго учителя Іоанна Златоустаго, 50-лѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя и 25-лѣтіе существованія церковныхъ школъ. Въ память послѣдняго событія всѣмъ дѣтямъ церковныхъ школъ города были розданы „жетоны иконки“ съ изображеніемъ на одной сторонѣ мѣстно-чтимой иконы Озерянской Б. Матери, а на другой—св. Кирилла и Меѳодія. съ соотвѣтствующей надписью. Принимая во вниманіе, что городскія церковныя школы, по опред. Св. Синода, не должны пользоваться субсидіей отъ казны на свое содержаніе, надо отдать честь Харьковскому городскому духовенству, создавшему исключительно на средства, изысканныя его трудами, 22 школы, въ которыхъ то же духовенство является въ большинствѣ случаевъ и безмоздымъ работникомъ, обучая болѣе $2^1/_2$ тысячъ дѣтей бѣднѣйшаго населенія города.

Школа при винномъ складѣ Акцизнаго вѣдомства. Школа для рабочихъ Харьковскаго казеннаго виннаго склада была открыта при посредствѣ Харьковскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по уставу, утвержденному г. Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа 3 февраля 1903 г. Школа имѣетъ слѣдующее устройство: во главѣ школы стоитъ совѣтъ, который состоитъ изъ предсѣдателя постоянной коммиссіи по техническому образованію, почетнаго попечителя школы (управляющій акцизными сборами), трехъ членовъ, избираемыхъ коммиссіей по техническому образованію, преподавателей и инспектора школы. Предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ или предсѣдатель постоянной коммиссіи, или почетный попечитель школы. Занятія въ школѣ происходятъ ежедневно, отъ 5 до 7 часовъ вечера, послѣ окончанія работъ въ складѣ, съ перерывомъ въ лѣтніе мѣсяцы (съ 15 мая по 1 сентября). Школа имѣетъ четырехгодичный курсъ. Окончившіе школу рабочіе пользуются льготой по отбываню воинской повинности 3-го разряда. Школа открыла свои дѣйствія 11 февраля 1903 г. Она помѣщалась въ столовой для рабочихъ и функціонировала отъ 5 до 7 часовъ вечера. Преподаваніе велось групповое. Записалось и посѣщало школу 58 человѣкъ: 28 мужчинъ и 30 женщинъ. Изъ нихъ образовалось три группы: неграмотные, малограмотные и грамотные. Въ группахъ проходились слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и географія. Занятія въ школѣ велись 5 дней въ недѣлю: 4 дня по 2 часа и 1 день по

1 часу, такъ что каждая группа имѣла въ недѣлю 3 часа русскаго языка, 3 часа арифметики и 1 часъ Закона Божія.

Харьковское городское ремесленное училище. Предметы преподаванія: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, физика, механика, технологія, черченіе, рисованіе и фабричная гигіена. Преподавателей 10, мастеровъ 4, подмастерьевъ 4. Кузнецъ и молотобоецъ. Основано училище 12 января 1886 г. Съ основанія училища до настоящаго времени поступило 3990 учен., окончило курсъ, всего 478 учен.

Воскресныя школы. Въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ всю Россію охватило могучее поступательное общественное движеніе главнымъ образомъ въ пользу народнаго образованія. Одной изъ формъ этого послѣдняго были воскресныя школы. Умственный центръ Юго-Востока, университетскій городъ Харьковъ также откликнулся на это движеніе и въ 1859 году въ немъ образовался кружокъ лицъ, поднявшихъ вопросъ объ учрежденіи здѣсь Воскресной школы и сдѣлавшихъ въ этомъ смыслѣ заявленіе помощнику попечителя К. К. Фойгту, который поддержалъ ихъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскимъ. „Нѣсколько учителей 1-й Харьковской гимназіи, кандидатовъ, студентовъ и вольнослушателей университета, писалъ попечитель Министру, сочувствуя потребности простого народа въ знаніи грамоты и первоначальныхъ основаній общаго образованія, вошли ко мнѣ съ проектомъ, въ коемъ выражаютъ свое желаніе безплатно соединеннымъ трудомъ удовлетворить этой потребности и тѣмъ принести свой посильный вкладъ на общую пользу“. Въ программу будущей Воскресной школы должны были войти слѣдующіе предметы: 1) первоначальная грамота; преподаваніе ея принимали на себя студенты 1-го курса Петръ Завадскій, 2-го курса Мих. Залѣсскій и дѣйствительный студентъ Ганченко; 2) Законъ Божій—законоучитель 1-й гимназіи Т. Павловъ; 3) ариѳметика—учитель 1-й гимназіи Ладовскій и студентъ 1-го курса М. Н. Соковичъ; 4) географія—вольнослушатель П. Спасскій и студентъ 1-го курса Соковичъ; 5) исторія и законовѣдѣніе—дѣйств. студентъ Галченко и кандидатъ Хлоповъ; естественная исторія—студентъ 4-го курса М. О. Бѣликовъ и 1-го курса Е. Н. Завадскій; 7) сельское хозяйство—учитель Ладовскій; 8) гигіена—студентъ 3-го курса Марковъ и 5 курса Костенко. По Закону Божію преподаватель желалъ ограничиться объясненіемъ важнѣйшихъ событій священной исторіи, а также символа вѣры, молитвы Господней и 10 заповѣдей. По другимъ предметамъ предполагалось сообщить въ популярной формѣ только тѣ основныя свѣдѣнія, которыя преимущественно касаются быта и занятій простого народа или должны служить объясненіемъ явленій, совершающихся вокругъ него и остающихся неясными безъ правильнаго и доступнаго для его пониманія объясненія. Руководствомъ для этого выбиралось сочиненіе Разина „Міръ Божій“. Сообщеніе этихъ свѣдѣній должно было идти параллельно съ обученіемъ грамотѣ. Наиболѣе удобнымъ временемъ для занятій признавались воскресные и праздничные дни: 2 часа утромъ послѣ обѣдни и 2 часа послѣ обѣда. Въ это время предполагаемый контингентъ посѣтителей—ремесленный людъ—былъ свободенъ отъ работъ и нужно было надѣяться, что публичные уроки, приноровленные къ его пониманію, могли замѣнить для него грубыя удовольствія, которымъ онъ предавался преимущественно въ это время за отсутствіемъ другихъ болѣе благородныхъ занятій. Что касается средствъ, необходимыхъ для первоначальнаго обзаведенія этой школы, которой приличнѣе всего присвоить названіе Воскресной (на покупку книгъ и учебныхъ пособій), то учредители ея на первый разъ предлагаютъ свои посильныя пожертвованія въ надеждѣ, что къ нимъ присоединятся многіе, сочувствующіе этому благому предпріятію. Помѣстить школу предполагается въ домѣ старой гимназіи въ классахъ, занимаемыхъ уѣзднымъ училищемъ.“

Таковъ былъ первоначальный проектъ учредителей. Помощникъ попечителя, представляя его министру, съ своей стороны писалъ: „Не могу не признать пользы учрежденія Воскресной школы для простого народа по примѣру подобныхъ учрежденій за-границею и въ Кіевѣ, гдѣ она недавно учреждена студентами университета Св. Владиміра. Не встрѣчаю никакого сомнѣнія относительно лицъ, принимающихъ на себя учрежденіе ея въ Харьковѣ, какъ въ отношеніи ихъ благонамѣренности, такъ и необходимыхъ для этого познаній. Одобряю также съ своей стороны и выборъ предметовъ для преподаванія, и самый объемъ ихъ, и руководство, матеріальныя средства, время и мѣсто преподаванія. Но принимая во вниманіе, что между учредителями имѣются молодые люди, быть можетъ, недостаточно опытные въ дѣлѣ преподаванія, особенно популярнаго, требующаго особеннаго педагогическаго навыка и такта, я считалъ бы небезполезнымъ учредить за этимъ дѣломъ общее наблюденіе и поручить его инспектору казенныхъ училищъ, извѣстному по своей педагогической опытности и менѣе обремененному службою, чѣмъ директора

гимназій, и безъ того имѣющіе въ своемъ вѣдѣніи много общественныхъ и частныхъ училищъ. Наблюденіе это не должно быть строго формально и оффиціально, а должно состоять главнымъ образомъ въ сообщеніи преподавателямъ педагогическихъ взглядовъ и пріемовъ". Министръ народнаго просвѣщенія далъ на это слѣдующій отвѣтъ: „Не могу не выразить лицамъ, изъявившимъ готовность принять дѣятельное участіе въ столь полезномъ дѣлѣ полнаго моего удовольствія и благодарности за ихъ благородныя стремленія и сочувствіе къ общественному благу; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю обязанностью обратить ваше и ихъ вниманіе на неудобства дать этому предпріятію, особенно въ началѣ, размѣры, переходящіе, кажется, за предѣлы дѣйствительной потребности и даже возможности успѣшнаго выполненія его. По числу и роду предметовъ, которые предполагается преподавать въ Воскресной школѣ, она сразу ставится выше даже уѣздныхъ училищъ, гдѣ не преподаются ни естественная исторія и сельское хозяйство, ни законовѣдѣніе и гигіена. Конечно, весьма полезно, чтобы и простой народъ знакомился съ этими важными въ обыкновенной жизни предметами, но изученіе ихъ, даже въ самой популярной формѣ, требуетъ нѣкотораго предварительнаго образованія, по крайней мѣрѣ твердаго знанія грамоты и умѣнья бѣгло писать и считать— условій, коимъ не можетъ еще удовлетворить неграмотный или полуграмотный народъ. Воскресныя школы могутъ принести дѣйствительную пользу тогда только, когда предметы, преподаваемые въ нихъ, будутъ доступны понятіямъ людей, чуждыхъ еще всякаго умственнаго развитія. Онѣ не должны даже имѣть притязанія на непосредственное развитіе умственныхъ способностей учащихся до уровня, котораго могутъ достигать лишь ученики гимназій. Цѣль ихъ, какъ элементарныхъ приходскихъ школъ,—научать грамотѣ, письму, счисленію и тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя сообщаются законоученіемъ, къ чему могутъ быть присовокуплены и нѣкоторыя свѣдѣнія о реальныхъ предметахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ простому народному быту. Потому я бы полагалъ на первый разъ ограничить этимъ преподаваніе въ Харьковской Воскресной школѣ, подчинивъ ее, по примѣру Кіевской, непосредственному надзору штатнаго смотрителя или кого-либо изъ учителей уѣзднаго училища, съ допущеніемъ сверхъ того, согласно Вашему предположенію, главнаго наблюдателя за школою со стороны инспектора казенныхъ училищъ. На этихъ основаніяхъ разрѣшаю открыть Харьковскую Воскресную школу". И однако, эта послѣдняя еще нѣкоторое время не была открыта по обстоятельствамъ политическимъ. Въ это самое время началось въ Харьковскомъ университетѣ дѣло о студентѣ П. Завадскомъ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, причемъ прикосновенными къ нему оказались и многія изъ тѣхъ вышеназванныхъ лицъ, которыя хотѣли преподавать въ Воскресной школѣ. Въ виду этого помощникъ попечителя временно пріостановилъ открытіе школы. Но пользу и необходимость Воскресныхъ школъ для ремесленниковъ сознавало и министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ это видно изъ циркуляра его къ губернаторамъ [1]). Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ, харьковскій военный губернаторъ ген.-лейт. Лужинъ, признавая пользу такихъ школъ и желательность открытія ихъ въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ и Харьковѣ, рекомендовалъ однако преподаваніе въ нихъ поручить учителямъ и притомъ за плату. Въ концѣ 1860 года Воскресныя школы, согласно ходатайству директоровъ училищъ, были открыты не только въ Харьковѣ, но и въ Лебединѣ, Ельцѣ, Курскѣ, Орлѣ и Воронежѣ. Преподавателями въ нихъ состояли учителя мѣстныхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ и учащіеся въ нихъ, обучавшіе подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, а въ Харьковѣ студенты университета. Кромѣ того въ Харьковѣ, по ходатайству нѣкоторыхъ учителей и другихъ лицъ, окончившихъ университетъ, были разрѣшены, въ видѣ опыта на одинъ годъ безвозмездные гимназическіе курсы для лицъ, желавшихъ поступить въ университетъ [1]). Эти документальныя данныя пополняютъ свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ въ Россіи, сообщаемыя Я. В. Абрамовымъ въ его книгѣ „Наши воскресныя школы", СПБ. 1900 г. У него о харьковскихъ воскресныхъ школахъ перваго періода ихъ существованія, т. е. 1859—1861 гг. почти нѣтъ никакихъ данныхъ [2]). Приводится только слѣдующее свѣдѣніе. „18 сентября (1860 г.) происходило открытіе мужской воскресной школы въ г. Харьковѣ. Помѣщалась она въ зданіи уѣзднаго училища. Всѣхъ учащихся въ школѣ было въ первые же учебные дни

[1]) Арх. мин. нар. просв. Дѣло 1859 г. № 135802/878.

[2]) Въ статьѣ, написанной въ 1861 году и касающейся южнорусскихъ школъ вообще, говорится: „Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковѣ, но развитію ихъ, кажется, сначало что-то мѣшало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тѣмъ отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, можно, повидимому, ожидать многаго". (Училища, образовавшіяся на югѣ въ послѣднее время—Основа, 1861 г., іюнь, стр. 92).

болѣе 50 человѣкъ. Въ перепискѣ по поводу открытія этой школы мѣстный губернаторъ высказалъ между прочимъ любопытное мнѣніе о программѣ школы. Въ отвѣтѣ своемъ попечителю губернаторъ писалъ: „Долгомъ считаю присовокупить, чтобы къ числу полезныхъ свѣдѣній по части естествовѣдѣнія, физики, географіи, медицины и пр. прибавлены были бы объясненія объ отношеніяхъ народа къ властямъ (Харьк. Губ. Вѣд. 1860, № 92). Такъ широко смотрѣли въ данное время на задачи Воскресной школы [1]). О послѣднихъ моментахъ существованія Харьковскихъ воскресныхъ школъ современникъ сообщаетъ слѣдующія данныя. „О воскресныхъ школахъ Харькова ничего не слышно; вѣроятно, на лѣто онѣ закроются, по недосугу преподавателей, кои, будучи большею частію изъ воспитанниковъ гимназіи, студентовъ и учителей, заняты экзаменами, по окончаніи которыхъ уѣдутъ на вакаціи; ученики же школъ предпочтутъ проводить свободное время на рѣкѣ въ купаньѣ и играхъ. Одинъ ревнитель просвѣщенія предложилъ мысль объ открытіи воскресныхъ школъ въ удаленныхъ отъ средины города предмѣстьяхъ Харькова, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ частныхъ школъ для простого народа. При этомъ поднятъ вопросъ о томъ, существуетъ ли въ дѣйствительности первая мужская воскресная школа, о которой со времени ея открытія въ 1860 г. ни разу не упомянуто въ мѣстной нашей газетѣ, между тѣмъ какъ о 2-й воскресной и женской школахъ являются по временамъ отчеты“ [2]). Отсюда видно, что въ Харьковѣ, повидимому, было 2 мужскихъ и одна женская воскресная школа. Харьковская воскресная школа просуществовала однако не долго, но не по причинамъ внутренняго, а внѣшняго свойства и она повидимому была закрыта на основаніи общаго циркуляра 1862 г. о временномъ закрытіи воскресныхъ школъ въ Россіи. Первою репрессивною мѣрою по отношенію къ воскреснымъ школамъ Я. В. Абрамовъ признаетъ циркуляръ мин. нар. просв. 1860 г., регламентировавшій и связавшій это живое общественное дѣло; въ началѣ 1861 года изданы были новыя правила, требовавшія, чтобы они не выступали изъ опредѣленныхъ имъ границъ. Общественное рвеніе подъ ихъ вліяніемъ стало падать, а 10 іюня 1862 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи всѣхъ существующихъ воскресныхъ школъ (а ихъ было свыше 300) впредь до преобразованія ихъ на новыхъ основаніяхъ. Закрытіе школъ было одинаково тяжкимъ ударомъ и для учащихъ, и для учащихся. „Помню я живо, говоритъ въ своемъ дневникѣ Х. Д. Алчевская, то горе, то смущеніе, съ какимъ мы были принуждены объявить дѣтямъ о закрытіи школы; помню отчаяніе и плачъ дѣтей. Въ ту минуту, казалось, я готова была отдать полжизни своей за жизнь школы, но дѣлать было нечего“. Вспоминая теперь объ этомъ прискорбномъ событіи, Х. Д. Алчевская пишетъ. „Картина этого закрытія была поистинѣ драматична: молодыя дѣвушки-ученицы рыдая бросались на шею своимъ любимымъ учительницамъ и восклицали съ отчаяньемъ: „Куда жъ мы теперь пойдемъ учиться?!“ Слезы учительницъ смѣшивались со слезами ученицъ и пораженныя, сконфуженныя, безсильныя помочь горю, онѣ не знали, что отвѣчать имъ на эти вопли“.

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ была основана Воскресная школа при мѣстной Духовной семинаріи. При утвержденіи новаго устава, при семинаріи устроена была воскресная школа, гдѣ преподавали питомцы семинаріи. Число учащихся въ ней сильно колебалось въ зависимости отъ погоды и домашнихъ занятій учащихся (отъ 50 до 130 мальчиковъ) [3]). О ней также оставилъ свои замѣчанія извѣстный педагогъ баронъ Корфъ и Х. Д. Алчевская. „Въ 1866 году были учреждены, говоритъ Я. В. Абрамовъ, 33 воскресныя школы для взрослыхъ и дѣтей при духовныхъ семинаріяхъ. Школы эти, открытыя по распоряженію центральной духовной власти, на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ существовали лишь самый краткій срокъ, какъ это и должно было ожидать отъ учрежденій, созданныхъ не по ини-

[1]) Абрамовъ, 49. Въ циркулярѣ министра Ланскаго отъ 22 марта 1860 г. говорилось: „Въ нѣкоторыхъ городахъ для распространенія грамотности и развитія нравственности въ ремесленномъ классѣ признано полезнымъ учредить воскресныя школы для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ... Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ, можетъ быть сдѣлано весьма незначительными издержками, я, по соглашенію съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, прошу Ваше Превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городѣ, то соображенія ваши по сему предмету не оставьте сообщить въ министерство для дальнѣйшихъ распоряженій.

[2]) Основа, 1862, май, стр. 30 (изъ Харькова).

[3]) Х. Кал. 1874 г., 235 стр.

піативѣ самихъ работающихъ въ нихъ". Инымъ характеромъ отличалась Воскресная школа при Харьковской Духовной семинаріи, руководимая первоначально извѣстнымъ педагогомъ Миропольскимъ. Вотъ какое впечатлѣніе вынесла отъ этой школы Х. Д. Алчевская. „30—40 молодыхъ людей размѣстились въ нѣсколькихъ свѣтлыхъ и обширныхъ комнатахъ съ немноголюдными группами учениковъ, на которыхъ было сосредоточено все ихъ вниманіе. Тамъ мы видѣли классную доску, на планкахъ которой были симметрично расположены печатные буквы разрѣзной азбуки, а юноша, стоявшій у доски, прислушивался правильно ли произносятъ звуки его веселые и оживленные ученики. Недалеко отъ него другой молодой учитель держалъ въ рукахъ картину по исторіи и воодушевленный желаніемъ заинтересовать свою аудиторію, горячо разсказывалъ ей о дѣяніяхъ Петра Великаго. Далѣе ученики окружили глобусъ и юный преподаватель толково объяснялъ имъ о вращеніи земли. Еще далѣе задумчивый и сосредоточенный юноша терпѣливо бился надъ сліяніемъ звуковъ съ блѣднымъ и замученнымъ мальчикомъ, которому не давалось это сліяніе. Въ сосѣднемъ классѣ ученики работали надъ разборомъ какой-то сложной ариеметической задачи; тутъ же производилось толковое объяснительное чтеніе—и всюду царили согласіе, радость и любовь. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтила эту школу, но живая картина глубоко врѣзалась въ моей памяти" [1]).

Но наибольшею извѣстностью пользуется Воскресная школа Х. Д. Алчевской. Х. Д. Алчевская, тогда совсѣмъ молодая еще женщина, пріѣхала въ Харьковъ, полная жажды общественной дѣятельности и примкнула къ одной изъ существовавшихъ тогда воскресныхъ школъ. Въ школѣ этой принимали дѣятельное участіе и профессора, и студенты, и интеллигентныя женщины, и образованныя дѣвушки. Доступъ въ нее былъ вполнѣ свободенъ. Не требовалось ни документовъ, ни оффиціальныхъ бумагъ, ни удостовѣренія въ благонадежности. Каждый училъ чему хотѣлъ и какъ хотѣлъ, не связанный никакими программами и регламентаціями. Подъемъ духа, страстное желаніе просвѣтить народъ и поднять его до собственнаго уровня развитія и пониманія окружающей жизни были такъ велики, что эта вдохновенная и воодушевленная школа творила чудеса. Она не только баснословно быстро выучивала толковой грамотѣ по звуковому методу, она влекла къ себѣ чарующей силой—и огромные классы гимназіи были переполнены жаждущими свѣта.

Уроженка Черниговской губ. Х. Д. Алчевская принесла въ школу „Грамáтку", Куліша, и учила своихъ землячекъ по-малорусски. Между ними были даровитыя дѣвушки, удивительно декламирующія Шевченка, были замѣчательные голоса, прекрасно исполнявшіе поэтическія малорусскія пѣсни, и это приносило большое нравственное удовлетвореніе идейной учительницѣ.

То же воодушевленіе царило и въ другихъ школахъ города Харькова. Но политической пропагандой, насколько извѣстно намъ, ни одна изъ нихъ не занималась, и зловѣщая гроза, разразившаяся надъ столичными воскресными школами отдалась рикошетомъ въ Харьковѣ и школы были закрыты.

Подъ тѣми же впечатлѣніями находилась и Х. Д. Алчевская. Но она не упала духомъ. Она пригласила къ себѣ на домъ своихъ 50 учениць, и несмотря на тѣсную квартирку, занималась съ ними по прежнему каждое воскресенье. У нея нашлись товарищи-единомышленники въ лицѣ Е. Д. Чириковой (нынѣ Гордѣевой) и еще нѣсколькихъ учительницъ, не побоявшихся вести это доброе дѣло тайкомъ. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени благоразумные люди предостерегали Х. Д. Алчевскую, что у нея готовится обыскъ, и школа временно прекращалась. Но, какъ только эти угрожающіе слухи затихали, ревностныя учительницы снова собирали своихъ учениць и начинали съ ними занятія. Такъ было до тѣхъ поръ, пока не вышло правительственное распоряженіе, которое закрѣпляло въ законодательномъ порядкѣ существованіе воскресныхъ школъ и тѣмъ самымъ кара, висѣвшая надъ ними, была отчасти снята. Но это было только отчасти, и подозрѣнія по прежнему тяготѣли надъ ними. Много стоило борьбы и страданій добиться оффиціальнаго разрѣшенія на открытіе Харьковской частной женской воскресной школы. Главные участники ея считались недостаточно благонадежными, чтобы стать во главѣ дѣла и потребовалось лицо, причастное къ администраціи. Какъ на такое лицо указано было на жену правителя канцеляріи губернатора Е. И. Цвѣткову, которая, къ счастью, для школы оказалась просвѣщенной женщиной

[1]) Абрамовъ, стр. 87.

принявшей на себя не только оффиціальную кличку распорядительницы школы, но и мѣсто равноправной учительницы, горячо относящейся къ дѣлу. Школа оффиціально была открыта въ 1870 году.

Харьковскія дамы и дѣвицы въ 1872 г. содержали на свой счетъ воскресную школу при первомъ приходскомъ училищѣ. Въ школѣ было 3 разряда и до 200 учениць отъ 8 до 40-лѣтняго возраста, школа имѣла хорошія учебныя пособія. Школа быстро наполнилась ученицами. Въ нее вошли не только тѣ 50 дѣвушекъ, которыя занимались на дому у Х. Д. Алчевской и составляли такъ сказать ядро будущихъ воскресныхъ школъ, но и еще столько же. Занятія пошли дружно, живо, съ увлеченіемъ и школа мало-по-малу пріобрѣтала симпатіи и въ народѣ, и въ обществѣ, и даже довѣріе администраціи. Когда нѣсколько лѣтъ спустя мужъ Е. И. Цвѣтковой переведенъ былъ въ Москву на то же самое мѣсто, она должна была вмѣстѣ съ нимъ перехать туда. Тамъ по ея иниціативѣ открыта была первая женская воскресная школа, а мѣстное начальство, удостовѣрившись въ добрыхъ намѣреніяхъ Х. Д. Алчевской, назначило ее на должность распорядительницы, которой она состоитъ и до сихъ поръ.

Школа постоянно росла и прогрессировала и въ настоящее время мы застаемъ въ ней до пятисотъ учениць и до шестидесяти учащихъ. Школа помѣщается въ выстроенномъ для нея большомъ и свѣтломъ зданіи, обладаетъ музеемъ наглядныхъ пособій, насчитывающимъ до пятисотъ атласовъ, моделей и приборовъ, ученической библіотекой, раціональной школьной мебелью, руководствами и учебниками по всѣмъ предметамъ обученія. За 43 года своего существованія школа дала городу Харькову около 20000 грамотныхъ женщинъ. Трудами ея учительницъ былъ изданъ весьма обширный сборникъ въ двухъ частяхъ „Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія“, озаглавленный „Что читать народу“, классная „Книга взрослыхъ“, расчитанная на три года пребыванія учащихся въ школѣ, составлены были „программы по всѣмъ предметамъ обученія“, велась въ журналѣ „Русская школа“—„Хроника воскресныхъ школъ“, составлено было „Руководство къ книгѣ взрослыхъ“, составлялись каталоги книгъ, дневники и проч. Школу обозрѣвали выдающіеся педагоги, каковы баронъ Корфъ, Миропольскій, Евтушевскій, Семеновъ и др. и дѣлились отрадными впечатлѣніями, вынесенными изъ нея въ печати съ обществомъ. Школа служила образцомъ для вновь возникающихъ воскресныхъ школъ въ различныхъ концахъ Россіи и вела съ ними постоянно дѣятельную переписку. Въ цѣляхъ пропаганды своего дѣла Харьковская частная женская воскресная школа принимала дѣятельное участіе на двухъ парижскихъ и одной чикагской всемірной выставкѣ, а также на Московской и Нижегородской Всероссійской и вызвала къ себѣ большой интересъ и среди публики, и среди просвѣщенныхъ дѣятелей по народному образованію.

За-границей и въ Россіи школа и изданная кружкомъ ея учительницъ книга: „Что читать народу“, удостоилась нѣсколькихъ первостепенныхъ наградъ на выставкахъ въ Парижѣ, Антверпенѣ, Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Школу оцѣнило и само общество и она по справедливости является однимъ изъ тѣхъ общественныхъ учрежденій, которыми гордится Харьковъ, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ имя культурнаго центра всего юго-восточнаго края Россіи. Х. Д. Алчевская въ 1890 году, по предложенію сенатора Масэ, была избрана во Франціи вице-президентомъ международной лиги образованія.

Воскресныя школы Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Первое общее собраніе членовъ Общества Грамотности постановило открыть наряду съ ежедневной школой и воскресныя мужскую и женскую.

Мужская воскресная школа была открыта въ 1870 году и уже въ слѣдующемъ году число учениковъ достигло до 130. Благодаря сочувствію къ народному просвѣщенію высокопреосвященнаго Нектарія, школа помѣщалась въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ и оставалась до самой смерти этого Архипастыря. Въ 1877 году школѣ было отказано въ помѣщеніи вслѣдствіе чего школа прекратила свое существованіе. Въ 1880 году членами Общества сдѣлана была попытка возобновить воскресную школу въ зданіи 2-й школы Общества. Но эта школа не просуществовала и полгода и закрылась вслѣдствіе недостатка преподавателей. Третій разъ мужская воскресная школа была открыта въ 1889 году и эта школа существуетъ и до сихъ поръ. Число учениковъ въ 1904 году достигло 483 человѣкъ. Школа эта существуетъ при субсидіи Харьковской Городской Думы въ 200 рублей.

Одновременно съ мужской воскресной школой была учреждена и женская въ помѣщеніи Александровской женской городской школы. Эта школа просуществовала до 1884 года, когда закрылась по недостатку преподавателей. Въ 1893 году при женской ремесленной школѣ Общества Грамотности вновь была открыта женская воскресная школа съ цѣлью дать возможность учащимся въ ремесленной мастерской расширить знанія, полученныя въ ежедневной школѣ или получить ихъ, если онѣ не прошли курса начальной школы. Но наплывъ желающихъ былъ такъ великъ, что пришлось принимать въ школу и посторонних и къ 1905 г. въ женской воскресной школѣ обучалось 199 учениць. Городская Дума субсидируетъ эту школу 100 рублями.

Глава 20-я.

Просвѣтительныя учрежденія—внѣшкольное образованіе; статистика грамотности.

Харьковъ, сдѣлавшійся уже въ началѣ XIX в. университетскимъ городомъ, съ массою учебныхъ заведеній, долженъ былъ создать и рядъ такихъ просвѣтительныхъ учрежденій, которыя бы, съ одной стороны, содѣйствовали школамъ въ ихъ образовательныхъ цѣляхъ, а съ другой—пополняли бы пробѣлы и даже полное отсутствіе школьнаго образованія путемъ самообразованія. Такія учрежденія, возникшія путемъ правительственной, общественной или личной инициативы, дѣйствительно имѣли мѣсто въ Харьковѣ—и мы отмѣтимъ ихъ—но широкая постановка дѣла внѣшкольнаго образованія и при томъ общественными учрежденіями относится только къ концу XIX стол. и нашла себѣ яркое и полное выраженіе гл обр. въ дѣятельности Харьковской *общественной* Библіотеки и цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій Харьковскаго *общества распространенія въ народѣ грамотности.*

Первоначально общественный характеръ носилъ только одинъ кружокъ, дѣятельность котораго относится къ первой четверти XIX в.—это Харьковское отдѣленіе извѣстнаго Библейскаго общества, но и на возникновеніе и на самый характеръ его оказали могущественное вліяніе тѣ реакціонно-политическія теченія, которыя господствовали у насъ въ Россіи во вторую половину царствованія Имп. Александра I-го и нашли себѣ ярыхъ адептовъ и среди мѣстной Харьковской учебной администраціи. Впрочемъ, прямая цѣль общества—распространеніе Библіи въ народѣ—должна быть признана чрезвычайно важной и полезной.

Отдѣленіе Библейскаго общества явилось въ Харьковѣ года черезъ 3 послѣ открытія Рос. Библ. общества. Въ 1812 г. былъ утвержденъ докладъ объ образованіи этого общества въ Россіи. Цѣль его состояла въ распространеніи Библіи безъ всякихъ примѣчаній и поясненій: доставлять обывателямъ Русскаго гос. Библію на разныхъ языкахъ за самыя умѣренныя цѣны, бѣднымъ же безплатно. Рос. библ. общество имѣло около 200 отдѣленій, подъ названіемъ обществъ и сотовариществъ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ.

Въ 1816 году въ Харьковѣ было открыто отдѣленіе Библейскаго общества. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала извѣстному мистику вице-президенту Библейскаго общества, вскорѣ назначенному попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣеву. Онъ написалъ письмо харьковскому губернатору В. Г. Муратову и въ этомъ письмѣ побуждалъ его открыть отдѣленіе Библейскаго общества въ Харьковѣ, который былъ ему близокъ по мѣсту рожденія и воспитанія въ христіанскомъ духѣ. Губернаторъ, получивъ это письмо, пригласилъ къ себѣ представителей всѣхъ сословій на совѣщаніе, на которомъ рѣшено было открыть отдѣленіе Библ. общ. въ Харьковѣ; здѣсь же внесены были и пожертвованія. Въ сентябрѣ 1815 года были присланы уже правила отдѣла, а 12 января 1816 г. состоялись выборы. Членами его могли быть не только православные, но и представители другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стояло распространеніе Библіи на разныхъ языкахъ, даже на инородческихъ; Вице-президентами отдѣла были избраны—губ. Муратовъ и губ. предводитель дворянства А. Ѳ. Квитка. директорами прот. Прокоповичъ и 7 другихъ лицъ. 21 января состоялось первое засѣданіе и на немъ избраны члены корреспонденты по уѣздамъ (помѣстные дворяне). 2800 р. пожертвованій и членскихъ взносовъ рѣшено было отправить въ главный комитетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ выслалъ Харьковскому отдѣленію 20 экз. Библіи на нѣм., 10 на франц., 50 на лат. и на остальную сумму на русскомъ языкѣ. Записалось въ члены 79 душъ, обязавшихся взносить ежегодно 1258 р.; всего же поступило свыше 3000 р. [1]).

[1]) Укр. Вѣстн. 1816, ч. 2-я, стр. 92—108.

Въ 1817 году число членовъ увеличилось на 126 и равнялось вмѣстѣ съ 89, поступившими въ 1816 г., 215 д. Единовременныхъ взносовъ поступило въ 1817 г. 1771 р., ежегодныхъ 2241, итого 4012 р. Кромѣ того, поступило отъ продажи экземпляровъ Библіи и Новаго Завѣта 1399 р. Осталось отъ 1816 г. 1870 р. Къ 2800 р. отправленнымъ въ Петербургъ въ 1816 г. присоединено было въ 1817 г. 6196 р. Книгъ отъ комитета Библейскаго общества получено было: славянскихъ библій 200, новаго завѣта 108; продано славянскихъ библій 156, новаго завѣта 159. Имѣлись Библіи и на другихъ языкахъ. Отправлялись книги и въ уѣздныя отдѣленія (Ахтырское, Лебединское). В. Н. Каразинъ пожертвовалъ Библію изданія 1754 г. на голландскомъ языкѣ. Попечитель З. Я. Карнѣевъ пожертвовалъ нѣкоторое число экземпляровъ „Мыслей на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры“, „О пользѣ чтенія священнаго писанія“, „Мыслей при чтеніи молитвы Господней [1]). Въ пользу Библейскаго общества въ г. Харьковѣ въ 1817 году обязались дѣлать ежегодные взносы: проф. Куницкій (15 р.), Рейтъ, Робушъ, Осиповскій, Каменскій, Лангъ, Дудровичъ, Успенскій, Нельдехенъ, Васильевъ (по 10 р.), Книгинъ, Ваноти, Дрейсигъ, Срезневскій, Паки-де-Совиньи, Архангельскій, Комлишинскій, Пауловичъ, Борзенковъ, Сухомлиновъ (по 5 р.), Ледюкъ, Анадольскій, Фирсовъ, Репнинъ (по 5 р.); единовременно—Шумлянскій и Делявинъ (по 5 р.) [2]). Осиповскій и Успенскій были избраны въ директоры, еп. Павелъ—вице-президентомъ. Въ 1821 году было открыто студенческое отдѣленіе Библейскаго общества, а также и гимназическое. Но всѣ эти отдѣленія оказались недолговѣчными—не имѣли прочной почвы подъ собою [3]).

Книжные магазины появились въ Харьковѣ только въ началѣ XIX ст., въ связи съ учрежденіемъ въ Харьковѣ университета. Въ вѣдѣніи университета находились тогда и всѣ среднія и низшія учебныя заведенія Харьковскаго учебнаго округа, нуждавшіяся въ учебникахъ; понятно, слѣдовательно, почему, съ учрежденіемъ университета, сразу въ Харьковѣ явился сильный спросъ какъ на русскія, такъ и на иностранныя книги, въ особенности учебныя руководства. Въ 1805 году коммиссіонеръ университета по доставкѣ книгъ въ его библіотеку петербургскій книгопродавецъ Цимсенъ, согласно поставленному ему обязательству, завелъ въ Харьковѣ книжную лавку, которая была подвергнута дѣйствію льготной въ то время университетской цензуры и въ которой онъ долженъ былъ продавать по заранѣе опредѣленной цѣнѣ иностранныя книги; довѣреннымъ лицомъ отъ него былъ шведъ Фр. Ластъ. Русскія книги продавались въ другой книжной лавкѣ Московскаго купца М. Глазунова, который сдѣлалъ въ ней своимъ довѣреннымъ лицомъ Московскаго купца А. Ѳ. Бѣлоусова. Бѣлоусовъ считался коммиссіонеромъ университета по выпискѣ русскихъ книгъ для него и подвѣдомственныхъ ему училищъ и обязанъ былъ продавать также и университетскія изданія [4]). Въ 1807 году открывшій книжную торговлю въ Харьковѣ вышеназванный Фр. Ластъ, сдѣлался самостоятельнымъ коммиссіонеромъ университета [5]). Любопытно, что университетъ, заключая договоры со своими коммиссіонерами, постоянно заботился о томъ, чтобы они не взимали высокихъ цѣнъ за книги; особенныя оговорки въ этомъ отношеніи были сдѣланы по отношенію къ иностраннымъ сочиненіямъ, выписываемымъ изъ заграницы, ибо пересылка ихъ и безъ того обходилась очень дорого [6]). Въ 80-хъ годахъ въ Харьковѣ было 14 книжныхъ магазиновъ: врача Хавкина, перешедшій къ Полуектову (съ 1884 г.), Гольманъ-Новицкой, перешедшій къ Ползиковой (съ 1879 г.), Бирюковыхъ (съ 1884 г.), Прѣснова (съ 1873 г.), Коссова (съ 1878 г.), Куколевскаго (съ 1874 г.), Бестужева (съ 1886 г., Глазунова (съ 1878 г.), Абрамова (съ 1875 г.), Кладько (съ 1875 г.). Ходотова (съ 1882 г.), Толкачева (съ 1882 г.), Библейскаго общества (съ 1876 г.), книжный шкафъ Мерецкаго (съ 1876 г.).

Въ началѣ XIX ст. въ Харьковѣ было три цѣнныхъ библіотеки – университетская, гимназическая 1-й гимназіи (въ 1836 г. въ ней было 4600 т.) [7]) и извѣстная уже въ XVIII в. коллегіумская. Были небольшія библіотеки и у частныхъ лицъ, но судьба ихъ была обыкновенно печальна. Цебриковъ сообщаетъ любо-

[1]) Укр. В. 1818, февраль, стр. 210—219.

[2]) Харьк. изв. 1817, № 29.

[3]) См. подробности о нихъ въ моемъ „Опытѣ исторіи Харьк. у-та“, т. 2-й.

[4]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. унив., I, стр. 418—419.

[5]) Ibidem, стр. 421.

[6]) Доказательствомъ этого можетъ служить договоръ комитета правленія университета съ Цимсеномъ, заключенный въ 1805 году; Цимсенъ долженъ былъ ставить наименьшія цѣны по сравненію со всѣми другими конкуррентами; цѣны эти могли не болѣе какъ на 11½ и 21½% превосходить заграничныя (Дѣло Харьк. губ. правл., 1805 г., № 117).

[7]) Ст. Д. В. Пассека въ матер. для стат. Рос. Имп., отд. III.

пытныя свѣдѣнія о судьбѣ своей частной библіотеки, присланной имъ въ Харьковъ еще въ к. XVIII в. изъ Лейпцига въ тѣ блаженныя юныя лѣта его, когда онъ тамъ въ мирѣ, тишинѣ и безмятежномъ спокойствіи, безъ всякихъ заботъ и суетъ посвящалъ дни свои наукамъ. Но въ теченіе этого долгаго времени пропало много книгъ, было растеряно много частей, вырвано дѣтьми много картинокъ. Можно было выбрать едва только 50 годныхъ къ употребленію книгъ, прочія же (до 300 экз.) особенно же латинскія были большею частію розданы для чтенія тамошнимъ ученымъ; но кому именно—этого не могъ припомнить и братъ Цебрикова, у котораго осталась эта библіотека. Одинъ только честный игуменъ С., бывшій прежде учителемъ въ тамошней духовной семинаріи, а потомъ проживавшій за старостію лѣтъ на покоѣ въ Покровскомъ монастырѣ, сказалъ Цебрикову, при свиданіи съ нимъ, что имѣетъ нѣсколько его латинскихъ книгъ, но тотъ самъ по разсѣянности забылъ послать за ними; остальные же должники, при напоминаніи, отзывались, будто бы давно ихъ уже возвратили или же заявляли, что совсѣмъ ихъ не брали. Чувствительнѣе всего была для Цебрикова потеря его нѣсколькихъ рукописей, заключавшихъ записанныя имъ лекціи профессоровъ Лейпцигскаго университета по философіи, естественному праву, эстетикѣ, физикѣ, ботаникѣ, изящнымъ наукамъ и т. п. Цебриковъ не только самъ записывалъ профессорскія лекціи, но много позаимствовалъ изъ тетрадокъ своихъ товарищей, которые записывали ихъ лучше другихъ. Можно сказать, прибавляетъ Цебриковъ, всуе трудится человѣкъ и не знаетъ, кому собираетъ. Можетъ быть, рукописи эти послужили бы въ пользу моимъ дѣтямъ; можетъ быть, и мнѣ самому пригодились бы [1]).

Въ 1830 г. была основана въ Харьковѣ „Публичная городская библіотека". Любопытныя свѣдѣнія о ея печальной судьбѣ разсказываетъ, основываясь на документальныхъ данныхъ и устныхъ сообщеніяхъ Г. П. Данилевскій. Возникла она, вмѣстѣ съ подобными же библіотеками въ другихъ губернскихъ городахъ, по мысли президента Имп. Вольнаго Экономическаго Общества адмирала Мордвинова, на основаніи предложенія или, какъ выразился тогдашній харьковскій губернаторъ Каховскій, *предписанія* министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго 1830 года. На новыя просвѣтительныя учрежденія возлагались большія надежды: независимо отъ ихъ прямого назначенія—дать возможность читать книги на русскомъ языкѣ—они должны были возродить духъ общественности, открыть большой сбытъ для хорошихъ сочиненій и составить эру народныхъ улучшеній во всѣхъ отношеніяхъ. Согласно предложенію министра, понятому какъ предписаніе „составилось собраніе изъ губернскаго предводителя А. Ѳ. Квитки (брата писателя Основьяненка), губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя палаты уголовнаго суда, совѣстнаго судьи, губернскаго прокурора, уѣздныхъ предводителей, ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ университета, директора гимназіи, городского головы и почетнѣйшихъ купцовъ". Собраніе постановило собрать библіотеку на доброхотныя пожертвованія, отвести для нея временное помѣщеніе въ Дворянскомъ собраніи и предоставить въ непосредственное завѣдываніе проф. Матв. Байкова и городского головы (Ант. Мотузкова). Къ 30-му іюня 1832 года подписано было добровольныхъ пожертвованій 1465 р., но денегъ никто изъ подписавшихся еще не взнесъ. Началась длинная переписка о взысканіи этихъ денегъ. Комитетъ попечителей Библіотеки, состоявшій изъ А. Ѳ. Квитки, проф. Байкова и городского головы, указывалъ на то, что всѣ пожертвованія вносятся въ заведенную для того книгу на память потомству объ именахъ благородныхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія—но долги поступали туго. Для взысканія долговъ и вообще пожертвованій комитетомъ избраны были по уѣздамъ особые корреспонденты. Сами попечители стали устраивать еженедѣльныя засѣданія и писать просьбы къ разнымъ лицамъ о пожертвованіяхъ. „Всякій просвѣщенный россіянинъ, писали они, почувствуетъ пользу такового заведенія. Здѣсь чиновникъ, въ свободные отъ службы часы, гражданинъ въ досужее время отъ занятій своихъ, найдутъ пріятное развлеченіе и, имѣя предъ глазами все, что вѣковыми опытами и усиліями ума найдено полезнѣйшаго для общественности, получатъ возможность извлекать изъ нихъ для себя пользу. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ достиженіе высокой государственной цѣли, благосостоянію всѣхъ и каждаго". Такихъ циркулярныхъ обращеній разослано было къ представителямъ высшаго сословія въ губерніи 470. Всѣ эти энергичныя дѣйствія достигли цѣли: къ началу 1833 года собрано было до 400 книгъ и 7000 р. денегъ. Среди жертвователей слѣдуетъ отмѣтить—Зміевскаго жителя Горохова, внесшаго 1130 р., харьковскаго землевладѣльца гр. Д. Н. Шереметева, пожертвовавшаго 1000 р., П. Н. Демидова—500 р., помѣщика

[1]) Неизданная рукопись.

М. С. Веселовскаго—200 р.; многіе внесли по 100, 75 и 50 р. Книги для нея между прочимъ пріобрѣтались въ мѣстной книжной лавкѣ Глазунова. 6-го декабря 1833 года Библіотека открыта. Первоначально она находилась въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а съ конца 1834 г. перешла въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Доступъ въ Библіотеку, по ея правиламъ, былъ открытъ для каждаго безъ затрудненія и безъ билетовъ, исключая только лицъ „въ неприличномъ видѣ и одѣяніи“. Первымъ библіотекаремъ ея былъ секретарь дворянскаго депутатскаго собранія Тихоцкій. Жалованье ему въ размѣрѣ 300 р. въ годъ уплачивало купечество. Преемникомъ его былъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета, академикъ и знаменитый славистъ), которому дали также помощника. Библіотека была открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 12 час. утра и зимою отъ 3 до 5, а лѣтомъ и отъ 3 до 8 час. веч. Книги помѣщались въ 6-ти прекрасныхъ шкафахъ изъ краснаго дерева, сдѣланныхъ столяромъ Бетлеромъ и стоившихъ по 200 р. каждый. Для клейменія книгъ заведенъ былъ штемпель. Вас. Наз. Каразинъ подарилъ вновь возникшей Библіотекѣ много книгъ, картъ и рукописей. Библіотека, сколько можно судить по составу ея въ болѣе позднее время, состояла „изъ весьма хорошихъ книгъ по части географіи, исторіи, статистики, этнографіи, путешествій, журналовъ XVIII и XIX в. Остальное—переводные романы, позднѣйшіе журналы (съ 20-хъ годовъ) и учебники по разнымъ частямъ элементарныхъ знаній“.

Все, казалось, предвѣщало Библіотекѣ хорошій успѣхъ у публики, и однако этого успѣха она не имѣла. Только 3 года она находилась въ помѣщеніи Дворянскаго собранія и весьма рѣдко посѣщаема была ограниченнымъ числомъ читателей. Спрашивается, въ чемъ же заключалась причина неудачи? Отвѣта на этотъ вопросъ документы не даютъ и потому приходится высказывать только предположенія. По нашему мнѣнію, здѣсь существенное вліяніе должно было оказать то обстоятельство, что библіотека эта представляла нѣчто среднее между казеннымъ заведеніемъ и общественнымъ учрежденіемъ. Возникла она не по общественной иниціативѣ, а по предложенію правительства, понятому какъ предписаніе. Между тѣмъ средствъ на ея открытіе, содержаніе и дальнѣйшее расширеніе казна не ассигновала. Комитетъ, управлявшій ею, былъ составленъ почти исключительно изъ оффиціальныхъ лицъ, которыя должны были войти въ него вслѣдствіе своего оффиціальнаго положенія, а не по внутреннему интересу къ дѣлу. При томъ эти лица, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, были обременены своими служебными обязанностями и не могли удѣлять достаточно времени на новое трудное и хлопотливое дѣло. Съ помѣщеніемъ дѣло еще кое-какъ уладилось, но только временно: Дворянское собраніе, пріютившее Библіотеку, очевидно, стѣснялось новымъ учрежденіемъ и при первой возможности рѣшилось отдѣлаться отъ него. Еще труднѣе было содержать Библіотеку на доброхотныя пожертвованія: опредѣленныхъ же средствъ на содержаніе она, повидимому, не имѣла; платы отъ читателей также не получала. Съ другой стороны—и это главное—читатель для этой библіотеки не былъ подготовленъ. Потребность въ чтеніи книгъ у отдѣльныхъ личностей существовала: но не было еще сознанной потребности въ удовлетвореніи ея посредствомъ публичной библіотеки. „Первые мѣсяцы, какъ городская новинка, она кое-кого изрѣдка къ себѣ заманивала; заходили въ нее иногда студенты. Писатель Квитка-Основьяненко заглядывалъ въ нее по временамъ да библіотекарь съ помощникомъ“. Тридцатые годы являлись неблагопріятнымъ моментомъ для основанія общественныхъ учрежденій: тогда всецѣло царила оффиціальность. Мыслящій наблюдательный современникъ академикъ и цензоръ Никитенко характеризуетъ эту эпоху, какъ время глубокаго нравственно-политическаго упадка. „Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда исполненное свѣжей юношеской силы оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни учебной администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются... Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ: его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки... Новый Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Уваровъ взялъ дѣло цензуры въ свои руки, и пользуясь своимъ широкимъ образованіемъ, знаніемъ современной ему литературы и журналистики, завязалъ надъ ними крѣпкій

узелъ своей оффиціальной власти. При немъ въ 1834 году состоялось запрещеніе печатать дешевыя книги для народа, ибо „проводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать ихъ какъ бы въ состояніи напряженія не только безполезно, но и вредно“ [1]). Конечно, все это должно было отразиться и въ Харьковѣ—и мы дѣйствительно знаемъ, что первая половина тридцатыхъ годовъ является печальною эпохою упадка и въ жизни свѣточа мѣстнаго просвѣщенія—Харьковскаго университета, въ особенности при попечителѣ В. И. Филатьевѣ [2]). Правда, среди первыхъ попечителей Библіотеки были такіе почтенные общественные дѣятели, какъ Гр. Ѳед. и Ал. Фед. Квитки, но они могли считать свою миссію исполненной, когда ихъ трудами и энергіей собрана была необходимая сумма на открытіе Библіотеки. Университетъ видвинулъ въ качествѣ своего представителя такое лицо (проф. и инспектора студентовъ Байкова), которое пріобрѣло печальную славу невозможно грубымъ отношеніемъ къ учащейся молодежи и его участіе въ комитетѣ не могло привлечь къ новому учрежденію симпатій студентовъ. Избранный въ библіотекари И. И. Срезневскій, конечно, могъ бы прекрасно исполнять свою должность, но едва ли онъ могъ всецѣло отдаться ей [3]). Г. П. Данилевскій приводитъ выписку изъ архивнаго документа, изъ которой видно, что въ дѣлахъ Дворянскаго депутатскаго собранія не оказалось слѣдовъ того каталога, по которому книги Библіотеки были переданы справочной конторѣ. Новѣйшій біографъ Изм. Ив. сынъ его Всев. Изм. Срезневскій не касается вопроса о сдаточномъ каталогѣ Библіотеки, и говоритъ только, что Измаилу Ивановичу принадлежитъ печатный каталогъ этой Библіотеки, явившійся плодомъ его библіотечныхъ занятій, но вышедшій въ свѣтъ безъ фамиліи составителя. Въ библіографическомъ указателѣ Чирикова и каталогѣ Ольхина (откуда и позаимствовалъ свое свѣдѣніе Чириковъ) мы дѣйствительно находимъ указаніе на этотъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ Харьковской публичной библіотекѣ“, № 1. Харьковъ, 1834, 27 стр.; но на чемъ основывается принадлежность его Измаилу Ивановичу, Вс. Изм. Срезневскій, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

Какъ бы то ни было Дворянское Собраніе рѣшило въ 1836 г. передать Библіотеку учреждавшейся тогда справочной городской конторѣ. „Расходы по пополненію Библіотеки контора, во главѣ которой стояли Колокольцевъ, Пассекъ, Кузинъ и Ковалевъ, приняла на свой счетъ, съ тѣмъ чтобы чистый доходъ отъ билетовъ за чтеніе книгъ дѣлился пополамъ между конторою и Комитетомъ попечителей Библіотеки. Въ слѣдующемъ году контора перешла къ директору училищъ Фонъ-Метлеркамфу, а вмѣстѣ съ нею и Библіотека. Второй владѣлецъ конторы передалъ ее съ библіотекой третьему—Быковскому. „Послѣдній въ началѣ 1841 г. опомнился, что Библіотека у него находится безъ каталога и не приноситъ ни ему, ни Харьковскому обществу никакой пользы. Жители заходили въ справочную контору по необходимости, по своимъ дѣламъ, видѣли въ ней хорошіе шкафы, въ шкафахъ книги, но никто не помышлялъ узнать, что это за книги и взять на ихъ чтеніе билетъ. Быковскій явился въ канцелярію Депутатскаго собранія и рѣшился сдать Библіотеку обратно“. Но тамъ ее соглашались принять обратно только по каталогу... Не прошло недѣли какъ во дворъ Дворянскаго Собранія, рано утромъ, чуть не до свѣта „въ осенній свѣтлый денекъ въѣхало паръ двѣнадцать воловъ, везя тяжело нагруженные книгами возы.

Сваливай, братцы, среди двора! крикнулъ Быковскій.

Мужики стали брать каждый возъ за колеса, приподнимать и сваливать съ него книги въ общую кучу, какъ сваливаютъ глину или песокъ; не успѣли сойтись на службу чиновники, какъ возы и Быковскій исчезли. Засуетились чиновники. Что тутъ дѣлать? Собрались вокругъ громадной кучи книгъ, потолковали и пошли въ канцелярію. А тутъ налетѣли тучи. Въ полдень пошелъ сильный дождь. Думали было

---

[1]) Дневникъ Никитина.

[2]) См. Мой „Опытъ Исторіи Харьковскаго Университета“, т. 2-й.

[3]) По окончаніи университета, И. И. Срезневскій въ 1829 г. „поступилъ на службу въ Дворянское Депутатское собраніе, черезъ три года (въ 1832 г.) онъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни, затѣмъ черезъ годъ (въ 1833 г.) поступилъ въ Харьковскій совѣстный судъ, а въ слѣдующемъ 1834 г. вновь поступилъ въ Депутатское Дворянское собраніе, гдѣ оставался до 1837 года; во вторую часть своей службы въ этомъ мѣстѣ онъ былъ библіотекаремъ Харьковской публичной библіотеки. Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи Измаилъ Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи русской и всеобщей въ частныхъ училищахъ и семействахъ“. Кромѣ того, состоя библіотекаремъ, онъ готовился къ магистерскому экзамену и диссертаціи, собиралъ этнографическіе матеріалы, подготовлялъ и издавалъ цѣнныя научныя работы и сборники (Запорожскую старину), создавалъ многочисленныя литературно-научныя отношенія и знакомства. (См. В. И. Срезневскаго. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго, стр. 10, 19—21).

сперва чиновники писать протестъ, жаловаться на Быковскаго, а книгъ все-таки не принимать. Но когда дождь къ вечеру усилился, они изъ сожалѣнія, не дожидаясь разрѣшенія начальства, созвали сторожей и кинулись въ полахъ сюртуковъ и охабками носить мокрыя книги въ конюшню, а потомъ разстилать ихъ здѣсь и на чердакѣ для просушки. Съ 1841 г. библіотекаремъ этой библіотеки состоялъ Антоновъ, сообщившій вышеприведенныя свѣдѣнія о Быковскомъ. Только въ 1859 г. бывшій тогда Харьковскій губернскій предводитель дворянства А. Н. Бахметевъ обратилъ на это собраніе книгъ серьезное вниманіе. Для Библіотеки назначена особая, просторная комната въ помѣщеніи депутатскаго собранія. Туда внесли шесть прежнихъ и два впослѣдствіи купленные шкафа... Библіотекарю положено 60 р. жалованья". Въ 1864 г. Антоновъ окончилъ ея рукописный каталогъ. „Секретарь дворянства Яворскій много способствовалъ тому, что эта Библіотека извлечена изъ забвенія и получила хоть какой-нибудь видъ". Въ 1859 году въ ней было 3144 тома книгъ; рукописей совсѣмъ не оказалось; къ 1-му января 1862 года—3197 томовъ книгъ и брошюръ. „Харьковской Публичной Библіотеки, писалъ Г. П. Данилевскій въ 1865 г., попрежнему никто не посѣщаетъ, никто не знаетъ и изъ 75000 городского населенія врядъ ли видѣли ее 5 человѣкъ" [1]).

Столь печальна была судьба первой Харьковской Публичной Библіотеки. Но изъ этого нельзя сдѣлать заключенія о полномъ отсутствіи у Харьковскаго общества потребности въ чтеніи книгъ. „Люди богатые и цивилизованные, говоритъ Ѳ. А. Павловскій, имѣли свои (собственныя) порядочныя библіотеки; университетскій кружокъ и близкіе къ нему люди имѣли возможность располагать болѣе цѣннымъ книгохранилищемъ, а можетъ быть и болѣе общедоступнымъ, чѣмъ „Публичная Библіотека". При ней былъ и студенческій отдѣлъ. Студенческая библіотека въ Харьковскомъ Университетѣ существовала до уничтоженія института казенно-коштныхъ студентовъ, получая пожертвованія (напр., Е. С. Гордѣенко пожертвовалъ юридическія сочиненія своего брата Г. С.). И вотъ, по просьбѣ студентовъ, она была предоставлена имъ въ общее пользованіе. Комитетъ изъ профессоровъ провѣрилъ ея наличность—оказалось 2892 т. по юридическому и историко-филологическому факультетамъ и 1455 т. по медицинской, естественной и математической наукамъ. Проф. Свиридовъ избранъ былъ распорядителемъ и обратился съ просьбою о пожертвованіяхъ [2]). Были библіотеки и при другихъ учебныхъ заведеніяхъ: напримѣръ, при Духовной семинаріи, основанная еще, какъ мы видѣли, въ XVIII в. при Харьковскомъ Коллегіумѣ; при губернской гимназіи (нынѣ 1-й) и т. п. Что потребность въ публичныхъ библіотекахъ въ 40-хъ—60-хъ годахъ существовала, это доказывается фактомъ возникновенія нѣсколькихъ библіотекъ, основанныхъ частными лицами на коммерческихъ основаніяхъ. „Сперва, говоритъ по личнымъ воспоминаніямъ Ѳ. А. Павловскій, была открыта Библіотека преимущественно изъ французскихъ книгъ при модномъ магазинѣ Томассена въ верхнемъ этажѣ дома на углу Московской ул. и Слесарнаго пер. Купившій эту библіотеку Сакмейеръ значительно пополнилъ ее русскими и иностранными сочиненіями и нанялъ особое помѣщеніе также на Московской улицѣ, въ домѣ старой гимназіи, которое теперь занимается кондитерской Дирберга. Библіотека эта существовала нѣсколько лѣтъ, существовала безъ средствъ и въ тяжелое для литературы время. Пополнялась она больше случайно, хозяйственнымъ образомъ. (Бывши гимназистомъ, я абонировался у Сакмейра и обыкновенно расплачивался дуплетами изъ нашей семейной Библіотеки. Бывало за иную книгу запросишь три мѣсяца абонемента—кажется по 75 к. въ мѣсяцъ; Сакмейеръ даетъ одинъ мѣсяцъ и рѣдко случалось, что дойдетъ до полутора, если ужъ очень ему книга приглянется). Позже открылись библіотеки—Шейдта на нѣмецкой улицѣ, г-жи Корнъ на Дворянской и Баллина на Екатеринославской.

Кромѣ того, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ существовало нѣсколько кружковыхъ библіотекъ, которыми пользовались только члены кружковъ (преимущественно студенты), вносившіе на покупку книгъ и выписку журналовъ около 5 руб. въ годъ. Нѣкоторыя изъ этихъ кружковыхъ библіотекъ носили спеціальный характеръ и благотворно вліяли на направленіе дальнѣйшихъ научныхъ работъ членовъ кружка. Къ сожалѣнію, всѣ эти библіотеки такъ и пропали безъ слѣда. Члены кружка разбредались; книги оставались на храненіи лица, мало заинтересованнаго, и постепенно растрачивались [3]).

---

[1]) Г. П. Данилевскаго. Укр. старина, стр. 236—245.

[2]) Основа, 1861 г., мартъ, стр. 99 -100.

[3]) Ф. А. Павловскій. Первый годъ Харьковской Общественной Библіотеки. Х., 1888 г., стр. 2—3.

Другой современникъ писалъ въ 1859 году: Въ Харьковѣ, гдѣ университетъ, 2 гимназіи, ветеринарное училище, нѣсколько мужскихъ и женскихъ пансіоновъ, гдѣ просвѣщеніе проникло во всѣ слои общества, гдѣ много читателей, чувствовалась потребность въ хорошей библіотекѣ. Брали книги изъ книжныхъ лавокъ и магазиновъ, но съ ограниченнымъ выборомъ книгъ. Библіотека была одна—Ю. Томассенъ (на Московской ул., въ домѣ Витковскаго), но вся она состояла изъ иностранныхъ книгъ. Теперь на Московской ул., въ домѣ старой гимназіи открылась прекрасная библіотека, образовавшаяся такъ. Въ 1855 г. открытъ былъ тамъ первоначально музыкальный магазинъ, а вскорѣ при немъ явилась библіотека, въ 7000 томовъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, со множествомъ журналовъ и газетъ (Рус. В., Совр., От. Зап., Библіотека для Чт. Худ. лит. собр. ром., Сѣв. пчела, Пет. Вѣд., Моск. Вѣд., Journal de Débat, Revue Britannique, Algemeine Zeitung и мн. др.). Она видимо растетъ и совершенствуется. Плата за годъ—книгъ и журналовъ 10 р., 1/2—6 р., единовременное посѣщеніе—25 к., за польз. нотами и муз. журн. 10 р., 1/2—6 р., въ мѣсяцъ 1 р., залогъ 3 р., за чтеніе однѣхъ книгъ—1 р. въ мѣсяцъ, съ журн. 2 р. [1]).

На Московской улицѣ въ нижнемъ этажѣ дома купца Губина съ мая 1859 г. должна была открыться большая книжная лавка (книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ). При магазинѣ предположено было открыть—кабинетъ для чтенія книгъ и журналовъ и абонементъ на нихъ на домъ. Н. А. Зарудный выражалъ удивленіе, что въ Харьковѣ до тѣхъ поръ не было Публичной Библіотеки, хотя потребность въ ней была столь велика, какъ въ хлѣбѣ насущномъ. Учрежденіе въ Харьковѣ Публичной Библіотеки, доступной для всѣхъ вообще, безъ различія сословій и состояній, было бы дѣломъ въ высшей степени благодѣтельнымъ и далеко не лишнимъ. Библіотека при Дворянскомъ Собраніи была упразднена, остались малодоступныя, Университетская библіотека, Семинарская, Гимназическая, Дворянскаго и Коммерческаго клубовъ (въ послѣднихъ только получались газеты и журналы, а книгъ вовсе не было). Частныя библіотеки профессоровъ были доступны только знакомымъ. Въ 3-хъ—4-хъ книжныхъ лавкахъ продавались книги, но по дорогой цѣнѣ [2]).

Сознаніе о необходимости открытія Общественной Библіотеки существовало уже въ 70-хъ годахъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ Харькова, говорится въ статьѣ тогда Х. Губ. Вѣд., является отсутствіе Библіотеки, которая бы удовлетворяла потребность въ чтеніи его населенія. Правда, въ Харьковѣ много библіотекъ, но библіотеки, существующія при учебныхъ заведеніяхъ (университетъ, гимназіи, семинарія, женская гимназія, уѣздное училище, народныя школы—женская Воскресная, при Москалевской школѣ Общества грамотности) страдаютъ, какъ унив., неполнотой и недоступностью для публики; Библіотеки при общественныхъ учежденіяхъ: клубныя библіотеки, библіотека телегр. вѣд., мироваго съѣзда, совѣта прис. пов. и др. страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Частныя библіотеки не вполнѣ общедоступны по цѣнѣ (отъ 60 к. и 3 р. залога) и также неполны (особенно научный и справочный отдѣлы). Необходимо, чтобы мы сами удовлетворили свою назрѣвшую потребность; осуществить библіотеку по образцу библіотекъ служащихъ въ Министерствѣ Финансовъ. Основана она была въ 1865 г. съ 200 чл. съ капиталомъ въ 516 р., а черезъ 5 лѣтъ членовъ было 738, книгъ вмѣсто 703—2385. Вѣдаетъ ею совѣтъ и общее собраніе. Члены вносятъ ежемѣсячно по 25 к. безъ залога. [3])

Харьковская Общественная Библіотека. Мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ общественной библіотеки возникла въ 1883 г. въ небольшомъ кружкѣ лицъ, сочувствовавшихъ этому дѣлу. Проектъ устава съ обширной мотивировкой былъ посланъ въ Петербургъ и 16 іюня 1884 года былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Получивъ разрѣшеніе на открытіе библіотеки, кружокъ учредителей сталъ распространять эту идею: въ мѣстныхъ газетахъ былъ напечатанъ рядъ статей о распространеніи и организаціи библіотекъ на западѣ, о возможной и желательной постановкѣ этого дѣла въ Россіи. Общество заинтересовалось идеей учрежденія библіотеки, а тогдашній начальникъ губерніи баронъ Икскуль принималъ самое живое участіе въ возникновеніи этого учрежденія. 16 сентября 1885 г. состоялось первое собраніе членовъ учредителей, а первое общее собраніе состоялось уже 28 сентября того же года. Съ этого времени начинается историческая жизнь Харьковской общественной библіотеки. Въ рукахъ учредителей находилось 500 рублей деньгами и пожертвованія книгами. Предсѣдатель этого собранія предложилъ на обсужденіе вопросъ о

[1]) Х. Г. В. 1856 г., № 2, стр. 5—7.
[2]) Х. Г. В. 1859 г., № 27.
[3]) Х. Губ. Вѣд. 1876 г., № 11.

томъ, не слѣдуетъ ли на первое время ограничиться только открытіемъ кабинета для чтенія, безъ выдачи книгъ на домъ. Избрано было первое правленіе, въ составъ котораго вошли: Н. Н. Бекетовъ, В. И. Каперовъ, Ф. А. Павловскій, Б. Г. Филоновъ, И. О. Фесенко, І. Є. Сыцянко, М. Ф. Леваковскій, Н. Ф. Сумковъ, А. А. Гурскій, г. Линтваревъ. Этому правленію поручено было принять пожертвованныя суммы отъ учредителей, позаботиться о ихъ увеличеніи и подготовить докладъ о направленіи дѣятельности библіотеки. Ко дню общаго собранія выяснилось, что имѣлось денежныхъ пожертвованій на сумму 1303 р. 38 к. и книжныхъ въ количествѣ 1350 томовъ. Съ этими скромными средствами правленіе предлагало открыть не только безплатный кабинетъ для чтенія, но и выдачу книгъ по абонементу. Плату предполагалось установить 25—30 коп. въ мѣсяцъ или 3 руб. въ годъ за одну книгу и 1—2 руб. залога; за чтеніе журналовъ 75—80 коп. въ мѣсяцъ. Выдачу книгъ предлагалось производить два раза въ день отъ 9—11 час. утра и отъ 6—8 час. вечера; кабинетъ для чтенія предполагалось открывать въ свободный промежутокъ. Смѣта была составлена на 3003 руб. 38 коп. Лѣто 1886 г. было посвящено подготовительнымъ работамъ. Были куплены самыя необходимыя книги, выписаны журналы; отпечатанъ каталогъ. Городъ отвелъ небольшое помѣщеніе во дворѣ городского дома. Пять лицъ предложили свои услуги на первое время безплатно и 26 сентября 1886 года былъ открытъ и кабинетъ для чтенія, и выдача книгъ на домъ. Въ Харьковѣ ко времени открытія библіотеки существовали 4 частныя библіотеки и при нихъ кабинеты для чтенія. Но, во-1-хъ, входъ въ нихъ былъ платный, а во-2-хъ, научные отдѣлы были въ нихъ обставлены весьма скудно. И тому, и другому требованію удовлетворялъ кабинетъ для чтенія Харьк. общ. библіотеки. Онъ былъ безплатнымъ и въ немъ съ самаго начала было обращено вниманіе на пополненіе его не только журналами и произведеніями изящной литературы, но и научными книгами по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ 1-й годъ число посѣщеній равнялось 70000, 2-й—60110, 3-й—65370, 4-й—76770, 5-й—95743, 6-й—89009, 7-й—84936, 8-й—64234, 9-й—60738, 10—63014. Итого за 10 лѣтъ число посѣщеній равнялось 729894. Въ % отношеніи требованія на новые и старые журналы составляли 31,3—34%, произведенія изящной литературы 20—22%, и по всѣмъ научнымъ отдѣламъ 44—49%. Большой % на книги научнаго содержанія объясняется тѣмъ, обстоятельствомъ, что 55% посѣтителей составляютъ учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній. Въ первый мѣсяцъ существованія въ абонементѣ было всего 220 подписчиковъ, большая часть которыхъ являлись ея членами. Къ концу года число подписчиковъ достигло 650 человѣкъ. Сочувствіе общества къ библіотекѣ выражалось: 1) въ пожертвованіяхъ деньгами, 2) книгами и 3) въ личномъ трудѣ его членовъ. Денежныя пожертвованія поступали или путемъ взноса въ кассу денегъ, или посредствомъ устройства лекцій и спектаклей. Изъ пожертвованій деньгами можно отмѣтить пожертвованія: Б. Г. Филонова на сумму 2726 р., Х. Д. Алчевской 500 р., Ф. А. Павловскаго 200 р. и мн. др. Публичныя лекціи были прочитаны цѣлымъ рядомъ лицъ: Деревицкимъ, Осиповымъ, Овсянико-Куликовскимъ, Сумцовымъ, Багалѣемъ, Андреевскимъ, Даневскимъ, Русовымъ, Вейнбергомъ. Всего за 10 лѣтъ путемъ лекцій и спектаклей было получено 9524 р. 85 к.

Пожертвованія книгами стекались со всѣхъ концовъ Россіи; пожертвованія поступали какъ отъ ученыхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ. Среди этихъ пожертвованій надо отмѣтить поступившій въ библіотеку съ Высочайшаго соизволенія сводъ законовъ и полное собраніе законовъ. Цѣлый рядъ учрежденій и обществъ также присылали безплатно свои изданія. Частныя лица также радушно отзывались на призывъ жертвовать книги: жертвовались какъ отдѣльныя изданія, такъ и цѣлыя библіотеки. Въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ отъ 2000 лицъ и учрежденій поступило 39806 том.; среди нихъ есть рѣдкія изданія. Среднимъ числомъ поступало 4000 том. въ годъ.

Интересъ общества къ библіотекѣ выражался и выражается не только въ пожертвованіи книгъ. Общество черезъ отдѣльныхъ членовъ принимаетъ непосредственное участіе въ жизни библіотеки. Городское самоуправленіе съ самаго начала оказывало библіотекѣ матеріальную помощь. При открытіи библіотеки городъ отвелъ ей безплатно небольшое помѣщеніе. Когда выяснилось, что библіотека функціонируетъ довольно успѣшно, правленіе обратилось съ просьбой назначить ей ежегодное пособіе въ размѣрѣ 2400 р. и предоставить помѣщеніе въ зданіи городского банка. Дума постановила отвести библіотекѣ помѣщеніе, но субсидія была назначена на 3 года по 1000 р. въ годъ. Всего за первыя 10 лѣтъ было получено отъ города 19300 р. Вопросъ о помѣщеніи былъ разрѣшенъ на первыхъ порахъ довольно удовлетворительно: но число подписчиковъ росло и второе помѣщеніе (въ зданіи банка) оказалось очень тѣснымъ. Въ безплатной читальнѣ приходилось сидѣть вдвоемъ на одномъ стулѣ и даже стоять, книги лежали на полу и на окнахъ.

Библіотека въ началѣ 1889 г. перешла въ новое помѣщеніе на углу Московской улицы и Петровскаго переулка. Для подписчиковъ оказался необходимымъ систематическій каталогъ, который и былъ отпечатанъ въ 1887 г. Для провѣрки книгъ производилась время отъ времени ревизія книжнаго имущества. Первая ревизія была произведена въ 1889 г. За 10 лѣтъ общая сумма оборота равнялась 217 тысячамъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ расходъ на книги и журналы. Расходъ на квартиру колебался между 13,5% и 7,1%, расходъ на переплетъ книгъ и журналовъ отъ 17,1% до 9,7%. Къ 1 сентября 1888 г. число подписчиковъ было 839, а къ 1890 г. достигло 1327. Черезъ 10 лѣтъ въ ней числилось 62966 томовъ книгъ и журналовъ. Она выдѣлялась не только количествомъ, но и качествомъ книгъ. Научные отдѣлы занимали первое мѣсто, научныхъ сочиненій было больше, чѣмъ беллетристическихъ, причемъ подборъ книгъ отличался сравнительно полнотою и систематичностью. Къ 1-му октября 1905 г. число книгъ и журналовъ достигло 108729 томовъ. При библіотекѣ созданъ былъ цѣлый рядъ отдѣловъ. 11-го марта 1890 года былъ открытъ въ абонементѣ библіотеки такъ называемый третій разрядъ библіотеки. За пользованіе книгами въ немъ постановлено было взимать плату 5 копѣекъ въ мѣсяцъ за 1—2 книги, при 20 коп. залога за одну и 30 коп. за 2 книги. Черезъ полгода число подписчиковъ въ немъ достигло 378. Этотъ разрядъ давалъ возможность пользоваться библіотекой бѣднѣйшимъ слоямъ городского населенія. Правленіе, управлявшее всею библіотекою, вѣдало дѣла 3-го разряда черезъ одного изъ своихъ членовъ. Въ вопросахъ внутренняго распорядка сотрудницы пользовались большой самостоятельностью. Выборъ книгъ былъ подчиненъ строгому контролю, какъ со стороны правленія, такъ и сотрудницъ. Громадное большинство подписчиковъ составляли окончившіе курсъ въ низшихъ школахъ (74%) учащіеся и учившіеся въ средней школѣ—22%. Наибольшій % изъ нихъ взрослые 42%, подростки 33,5% и малолѣтніе 24,5%. Болѣе всего требовались книги по беллетристикѣ и дѣтскія. По этому отдѣлу библіотека несла вполнѣ сознательно дефицитъ, такъ какъ плата за чтеніе не покрывала расходовъ на содержаніе 3-го разряда. Почти всѣ сотрудницы 3-го разряда несли совершенно безвозмездно свой трудъ. Независимо отъ этого 3-го разряда, предназначеннаго для недостаточныхъ классовъ городского населенія, при Харьковской общественной библіотекѣ возникли два ея филіальныя отдѣленія на городскихъ окраинахъ. Къ 1-му октября 1905 г. въ 1-мъ изъ нихъ было уже 4967 томовъ книгъ и журналовъ на 3940 руб., во 2-мъ 1760 томовъ на 1222 руб. И въ томъ, и въ другомъ отдѣленіи были безплатные кабинеты для чтенія и абонементы, главный контингентъ подписчиковъ составляли рабочіе и ремесленники. При Общественной библіотекѣ существуетъ съ 1903 г. музыкальный отдѣлъ. Къ 1-му октября 1905 г. въ немъ было 2091 названій нотъ. Въ теченіе 1904 г. было обмѣнено 1697 томовъ нотъ. Отдѣлъ по библіотековѣдѣнію къ началу 1905 г. имѣлъ 2200 томовъ, относящихся къ библіотечному дѣлу, сюда входятъ: 1) Общія сочиненія, исторія библіотекъ, монографіи, законы о библіотекахъ, статистика; 2) Уставы, правила, отчеты; 3) Каталоги; 4) Спеціальныя періодическія изданія; 5) Библіографія; 6) Наглядныя пособія: карты и діаграммы, планы и виды библіотечныхъ зданій, системы классификаціи, нумераціи и т. д. Отдѣлъ „Hebraica и Judaica“ началъ функціонировать съ 24 сентября 1904 года когда въ немъ началась выдача книгъ и журналовъ на еврейскомъ, жаргонномъ, русскомъ и другихъ языкахъ. Количество посѣтителей, число посѣщеній и число требованій къ 1905 (т. е.) 19-му году существованія кабинета для чтенія равнялось 5539. Наибольшій % посѣтителей составляютъ студенты (28,7%) и учащіеся (24,9%). Наибольшее число посѣщеній падаетъ на зимніе мѣсяцы: октябрь и ноябрь. Наибольшее количество въ требованіяхъ составляютъ журналы, затѣмъ идетъ беллетристика, соціологія, правовѣдѣніе и т. д. Въ 3-мъ разрядѣ число подписчиковъ равнялось къ 1-му октября 1905 г. *644*. По возрасту и полу они раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: взрослыхъ мужчинъ 131, подростковъ 432, дѣтей 138, женщинъ взрослыхъ 176, подростковъ 360, дѣтей 221. По занятіямъ: учащихся 1477, безъ опредѣл. зан. 38, частная служба 85, рабочихъ 85, торговцевъ 12, модистокъ 18, приказчиковъ 12, ремесленниковъ 40, наборщиковъ 3, швей 2, домашнихъ прислугъ 8, нижнихъ чиновъ 2, учителей 4, прачекъ 2, военныхъ 1, мясниковъ 1, часовыхъ мастеровъ 1, художниковъ 2, нѣтъ свѣдѣній о 213. Читались главнымъ образомъ книги по беллетристикѣ, дѣтскія и періодическія изданія. Къ 1-му октября 1905 г. число томовъ въ немъ равнялось 4991. Быстрый ростъ Библіотеки, увеличеніе ея книжныхъ сокровищъ, числа подписчиковъ и посѣтителей безплатнаго кабинета въ острой формѣ ставилъ передъ нею вопросъ о помѣщеніи. Библіотека перемѣнила 3 квартиры (третья была значительно больше второй). Но въ перспективѣ у нея все же оставалась необходимость новыхъ переѣздовъ и связанныхъ съ ними неудобствъ и потерь; и затѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе было по-

дыскивать приспособленное къ ея нуждамъ помѣщеніе. Необходимо было считаться и съ опасностью наемныхъ помѣщеній въ пожарномъ отношеніи. И вотъ возникаетъ мысль, представлявшаяся въ первое время въ видѣ какой-то отдаленной мечты, о постройкѣ собственнаго зданія. Я говорю—мечты, потому что не было ни участка земли, который долженъ былъ находиться при томъ въ центральной части города, ни средствъ для постройки, которыхъ нужно было не менѣе 100 тыс. рублей. Финансовое положеніе Библіотеки было вообще настолько необезпечено, что она испытывала постоянныя затрудненія въ этомъ отношеніи. Городская субсидія была нѣсколько увеличена, но все-таки она составляла сравнительно незначительную часть бюджета Библіотеки и эта послѣдняя существовала на абонементную плату и пожертвованія книгами и деньгами; конечно, эта послѣдняя статья не могла отличаться устойчивостью. Но глубокая вѣра въ живыя общественныя силы и планомѣрная, настойчивая, безпрерывная энергія дѣятелей Библіотеки преодолѣли всѣ трудности. Давно уже стали собирать пожертвованія на постройку зданія Библіотеки, но замѣтно стало двигаться это дѣло только съ 1893 г.: въ этомъ году предсѣдатель правленія (Д. И. Багалѣй) отпечаталъ брошюру о необходимости постройки дома, предложилъ правленію рядъ систематическихъ мѣръ для ея осуществленія и проводилъ ихъ въ теченіе 8 лѣтъ, пока не было построено зданіе. За 8 лѣтъ было собрано около 100 тыс. руб. Изъ нихъ 45 тыс. было отпущено съ Высочайшаго соизволенія изъ средствъ казны, по ходатайствамъ предсѣдателя передъ тогдашнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте. Харьковское городское общественное управленіе пожертвовало 5 тыс. на постройку, 16 тыс. на покупку дворового мѣста у университета и приняло на себя уплату процентовъ и погашенія по ссудѣ въ 70 тыс., полученной на постройку. Университетъ, въ виду пользы, приносимой Библіотекой студентамъ, за очень умѣренную цѣну уступилъ часть своего дворового мѣста, на которомъ и построено нынѣшнее зданіе Библіотеки. Харьковское губернское земство выдало Библіотекѣ ссуду въ 70 тыс. подъ гарантіей городского управленія. Харьковскій губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости, благодаря сочувствію своего предсѣдателя, губернатора Г. А. Тобизена, далъ субсидію въ 3 тыс., 21400 р. собрано было путемъ частныхъ пожертвованій, сборовъ съ публичныхъ лекцій и т. п. Множество лицъ отдало свой безвозмездный трудъ на дѣло постройки: акад. архитекторъ А. Н. Бекетовъ, по проекту котораго выстроено было зданіе, проф. технол. институ. Е. Л. Зубашовъ и А. П. Комаровъ, проф. И А. Красускій, С. К. Подгурскій, О. М. Габель и др. Новое зданіе заключаетъ въ себѣ оборудованное по новѣйшей системѣ желѣзное книгохранилище, расчитанное на 250 тыс. томовъ, огромный красивый залъ для чтенія, спеціальные кабинеты, обширный абонементъ и т. п. Дворовое мѣсто заключаетъ въ себѣ запасъ незастроеннаго пространства еще на 100 лѣтъ. Книгохранилище можетъ быть расширено пристройкою на Николаевской улицѣ. Энергія, обнаруженная членами Библіотеки, въ постройкѣ ея дома, не мѣшала и развитію ея дѣятельности вообще: попрежнему систематически собирались книжныя пожертвованія, поступали цѣлыя библіотеки, издавались каталоги и т. д. Масса лицъ отдавали ей свой трудъ, работая въ ней безпрерывно многіе, многіе годы; достаточно напомнить о такихъ лицахъ, какъ иниціаторъ открытія библіотеки Гурскій, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, проф. А. П. Грузинцевъ, А. П. Яковлева, М. И. Антоконенко, О. М. Габель, М. М. Пинто, С. Н. Самойловъ, М. А. Масловъ. Предсѣдателемъ правленія въ первые 7 лѣтъ былъ Д. Г. Филоновъ, много сдѣлавшій для Библіотеки и выводившій ее изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія личными пожертвованіями, а затѣмъ послѣ кратковременнаго періода, когда исправлялъ обязанности предсѣдателя М. М. Серебряковъ, съ 1893 года избранъ былъ въ эту должность проф. Д. И. Багалѣй, который занималъ ее, при ежегодныхъ переизбраніяхъ, во весь изучаемый нами періодъ времени (т. е. до 1905 года). Въ помѣщеніяхъ Библіотеки, согласно постановленіямъ общихъ собраній, выставлены портреты ея дѣятелей—Б. Г. Филоновой, А. П. Яковлевой и Д. И. Багалѣя. Но сила и прочность этого учрежденія кроется однако не только въ дѣятельности отдѣльныхъ ея членовъ, но главнымъ образомъ въ томъ, что она не по имени, а на дѣлѣ всегда была школою общественности, живымъ общественнымъ учрежденіемъ, которымъ по справедливости гордится г. Харьковъ, ибо Харьковская Общественная Библіотека занимаетъ первое мѣсто среди подобныхъ учрежденій Имперіи, а ея ростъ и развитіе напоминаютъ не наши, а американскія библіотеки. Достаточно сказать, что всего за 19 лѣтъ она пріобрѣла книжнаго имущества на 109087 руб., каталоговъ на 3484 р., мебели и обстановки на 4408 р., недвижимаго имущества въ землѣ и постройкахъ на 170000 р., всего на 286979 руб., а за исключеніемъ долга по ссудѣ губ. земству (ежегодно погашаемаго городскою субсидіей) въ 65835 р., стоимость ея имущества къ 1-му октября 1905 г. опредѣлялась въ 221144 руб., т. е. въ среднемъ ежегодно возрастала почти на 12 тыс. руб. А какъ опредѣлить просвѣтительное вліяніе

Харьковской общественной Библіотеки на всѣ слои городского населенія! Въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія и дополненія къ школьному она играетъ первенствующую роль въ г. Харьковѣ [1]).

Общество Грамотности. Тотчасъ же по утвержденіи 24 марта 1869 года устава Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности начало проявлять свою дѣятельность, движимое иниціаторами дѣла; въ числѣ ихъ были такіе незабвенные общественные дѣятели, какъ тогдашній предсѣдатель Харьковской Уѣздной Земской Управы Е. С. Гордѣенко и многіе профессора Университета, во главѣ съ Н. Н. Бекетовымъ, первымъ предсѣдателемъ Правленія Общества. На созванномъ вскорѣ Общемъ Собраніи, въ запискѣ В. Н. Спасскаго, было обрисовано печальное состояніе начальнаго народнаго образованія въ Харьковской губерніи, гдѣ, по вычисленію докладчика, изъ 189 тыс. дѣтей школьнаго возраста училось грамотѣ лишь 13.500, что составляло 7,14% общаго числа. На слѣдующемъ общемъ собраніи былъ намѣченъ общій планъ будущей дѣятельности и между прочимъ Н. Н. Бекетовымъ проведена мысль объ образованіи постоянныхъ комитетовъ для разработки и исполненія отдѣльныхъ мѣръ къ осуществленію цѣлей общества. Уже въ то отдаленное отъ насъ время была высказана (Э. К. Кроянскимъ) мысль, которой было суждено осуществиться черезъ 33 года, объ организаціи театральныхъ представленій для народа. По избраніи Правленія, Общество начало свою дѣятельность съ основанія въ томъ же году школы на Москалевкѣ, помѣщавшейся сначала въ наемномъ помѣщеніи, а съ 1873 года перешедшей въ домъ, выстроенный стараніями жертвователей, изъ которыхъ самымъ щедрымъ былъ Ф. С. Карповъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ половинѣ 70-хъ годовъ, когда въ Харьковѣ не было еще вовсе городскихъ школъ, на основанную Обществомъ смотрѣли, какъ на образцовую, каковою она тогда и была, какъ по помѣщенію, такъ и по составу учителей. Заботы первыхъ дѣятелей въ 70-хъ годахъ были сосредоточены исключительно на расширеніи и на надлежащей постановкѣ школьнаго образованія. Послѣ попытки основать при Правленіи книжный складъ, въ томъ же 1870 г. былъ созванъ съѣздъ учителей Харьковской губерніи. Кромѣ открытія въ 1871 г. библіотекъ при двухъ земскихъ школахъ, въ 1872 г. возникла вторая ежедневная смѣшанная школа, называвшаяся въ то время русско-еврейской. Нынѣ она носитъ названіе просто второй школы. Долгое время она помѣщалась въ выстроенномъ для нея домѣ въ Скрипницкомъ пер., въ 1898 г. она заняла помѣщеніе во вновь выстроенномъ зданіи Общества на Ветеринарной улицѣ. Въ 1877 г. основана женская ремесленная школа. Возникшая по иниціативѣ Ф. П. Максимовичъ, эта школа съ 1878 г. поступила въ завѣдываніе особаго Комитета, стараніями котораго былъ выстроенъ домъ, въ которомъ съ 1890 г. она заняла помѣщеніе. Такъ же какъ первая, что на Москалевкѣ, двѣ послѣдующія вторая и ремесленная школы возникли, благодаря матеріальнымъ жертвамъ однихъ, стараніямъ и трудамъ другихъ преданныхъ дѣлу просвѣщенія лицъ. Кромѣ ежедневныхъ школъ, дѣятели Общества, съ самаго его возникновенія, стали заботиться объ учрежденіи воскресныхъ школъ, судьба которыхъ была очень перемѣнчива. Основанная въ 1869 г. женская воскресная школа просуществовала до 1884 г. Она возродилась въ 1893 г. и существуетъ по настоящее время. Мужская воскресная школа, основанная въ 1870 г., работала до 1877 г. Послѣ неудавшейся въ 1880 г. попытки воскресить ее, школа вновь возникла въ 1889 г. и работаетъ и понынѣ въ помѣщеніи Второй школы. Все десятилѣтіе 80-хъ годовъ слѣдуетъ считать періодомъ временнаго упадка; дѣятельность Общества замерла и за все десятилѣтіе проявилась лишь устройствомъ народныхъ чтеній въ 1882 году. Они ведутся особою Комиссіей. Выше было указано на высказанную еще на первыхъ организаціонныхъ собраніяхъ мысль объ образованіи самостоятельныхъ Комитетовъ для завѣдыванія отдѣльными учрежденіями Общества. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія она нашла себѣ широкое примѣненіе. Кромѣ женской ремесленной школы и народныхъ чтеній, Комитеты которыхъ образовались ранѣе, возникли: а) безплатныя народныя библіотеки-читальни г. Харькова, основанныя—первая въ 1891 г., вторая—въ 1894 г., филіальное отдѣленіе первой—въ 1895 г., преобразовавшееся въ 1899 г. въ третью, четвертая читальня возникла въ 1896 г. и, наконецъ, пятая въ 1903 г. б) дѣятельность Общества по изданію книгъ для народа началась въ 1891 г.; в) устройство библіотекъ-читаленъ въ селахъ Харьковской губер. въ 1894 г., г) въ 1897 г. кружекъ врачей образовалъ Санитарный Комитетъ, превратившійся въ 1903 г. въ Комитетъ лѣтнихъ колоній для болѣзненныхъ и слабыхъ дѣтей, обучающихся въ школахъ Общества; д) въ 1900 г. организовался при Обществѣ Справочно-Педагогическій Комитетъ и при немъ съ 1902 г. подвижной музей школьныхъ пособій; е) Школьно-Педагогическій Комитетъ

[1]) Составлено по отчетамъ Б-ки. Н. Д. Баг—ѣй.

основанъ въ 1901 г.; ж) Народный Домъ Общества открытъ въ 1903 г. Кромѣ всѣхъ этихъ учрежденій, находящихся въ вѣдѣніи отдѣльныхъ Комитетовъ, за тотъ же періодъ времени, народились школы, а именно: въ Харьковскомъ уѣздѣ на Безруковскихъ хуторахъ близъ с. Дергачей, сельская школа (въ 1896 г.), переданная въ 1904 г. Харьковскому Уѣздному Земству; Декоративно-малярная, имени Бородаевскаго, была устроена въ 1898 г.; впослѣдствіи она переименована въ Декоративно-рисовальную. Наконецъ, въ 1900 г. была выстроена и открыта школа имени Гаршина въ пригородной слободѣ Ново-Павловкѣ. Изъ этихъ трехъ школъ только послѣдняя, вмѣстѣ съ остальными въ 70-хъ годахъ, находится въ завѣдываніи Правленія. Остальныя двѣ—Безруковская, во время принадлежности ея Обществу и Декоративно-рисовальная являются предметомъ попеченія особыхъ филіальныхъ отдѣленій. Независимо отъ основанныхъ уже Обществомъ школъ ему предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ заняться постройкой новой, на капиталъ завѣщанный М. Х. Гельферихъ, имени Ж. Ф. Гельферихъ, въ 20.000 р., поступившій въ распоряженіе Общества въ 1902 году. Дѣятельность Общества распространялась и на уѣзды губерніи: съ 1880 г. по 1894 г. образованы отдѣленія въ г. Сумахъ, Славянскѣ, Богодуховѣ, Волчанскѣ, и Старобѣльскѣ: они вѣдаютъ разныя просвѣтительныя учрежденія, какъ школы и библіотеки-читальни. Вышеизложеннымъ выясняется организація Общества.—Распадаясь на отдѣленія (Комитеты) вполнѣ самостоятельно выполняющія опредѣленныя задачи въ области просвѣтительной для народа дѣятельности, Общество въ общемъ собраніи членовъ выбираетъ исполнительный органъ—Правленіе: оно пополняется представителями всѣхъ городскихъ учрежденій Общества, по избранію послѣднихъ. Въ центральномъ органѣ Общества устанавливается такимъ образомъ связь между всѣми его отдѣленіями. Отдѣленій Общества къ 1 января 1905 г. насчитывалось 14. Въ вѣдѣніи самого Правленія находятся три ежедневныя школы, а именно: первая имени Ф. С. Карпова, вторая и Ново-Павловская, имени Гаршина. Воскресныя школы ввѣрены особымъ распорядителямъ. Съ самаго своего основанія Общество не оставалось чуждымъ къ потребностямъ другихъ учрежденій. Такъ, въ 1870 г. имъ были устроены библіотеки при двухъ больницахъ. Занимаясь позднѣе разработкой педагогическихъ вопросовъ на школьныхъ собраніяхъ учительницъ, возникшихъ съ 1897 г., а позднѣе съ 1902 г. въ средѣ членовъ школьно-педагогическаго Комитета Общество въ этой области отзывалось на обращенія многихъ земствъ. Экскурсантамъ разныхъ иногородныхъ школъ, при посѣщеніи ими г. Харькова оказывалось гостепріимство въ пустующихъ лѣтомъ школахъ: въ 1902 и 1903 г.г. имъ воспользовались воспитанники школъ Суджанскаго уѣзда Курской губ. и Александровскаго уѣзда, Херсонской губ. При осмотрѣ г. Харькова ими руководили члены Общества. Учрежденія Общества участвовали на выставкахъ и получали награды. Въ 1896 г. оно имѣло своихъ представителей съ экспонатами въ Москвѣ; назовемъ далѣе Харьковскую уѣздную с.-хоз. и кустарно-промышленную въ 1902 г., бывшую въ томъ же году выставку въ Курскѣ и въ 1903 г. Областную Сѣвернаго Края въ г. Ярославлѣ. О числѣ членовъ Общества за первые годы его существованія, къ сожалѣнію, свѣдѣній не осталось. Но къ 1878 г. членовъ Общества было 127. Къ 1892 г. число членовъ равнялось 145. Къ половинѣ 90-хъ годовъ оно возросло до 440, а къ 1905 году ихъ состояло 613: изъ нихъ 19 почетныхъ, 136 пожизненныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ почетныхъ членовъ Общее Собраніе за особыя заслуги избираетъ нѣкоторыхъ лицъ въ пожизненные. Изъ числа почетныхъ членовъ нельзя не отмѣтить гр. Л. Н. Толстого, имя котораго красуется въ спискахъ Общества съ 1874 г. Н. Н. Бекетовъ состоитъ также почетнымъ членомъ Общества. Въ 1869 г. Правленіе состояло изъ 7 членовъ, къ 1905 г. въ составѣ его значится 26 лицъ, изъ которыхъ 12 лицъ по избранію общаго собранія, а остальныя являются представителями городскихъ Комитетовъ. Постепенному росту учрежденій Общества соотвѣтствуетъ и возрастаніе имущества его. Въ теченіе перваго десятилѣтія оно равнялось 15000 рублямъ, заключаясь въ домахъ двухъ школъ и имѣлся небольшой капиталъ въ 406 руб., имени А. И. Малиновскаго, какъ фондъ для награжденія окончившихъ ученіе учениковъ. За десятилѣтіе 80-хъ годовъ Общество обогатилось домомъ Женской Ремесленной школы, стоимостью въ 10500 руб., капиталомъ пожертвованнымъ Л. Ф. Лошкиной въ 2325 руб. и въ капиталъ Гаршина, собираемый его друзьями и почитателями, поступило 5300 руб. Въ общемъ итогѣ капиталъ Общества со включеніемъ домовъ, не превышалъ суммы въ 33500 руб. Въ теченіе третьяго десятилѣтія его существованія съ 1890 г. по 1900 г. въ Общество поступили многочисленныя пожертвованія, а именно: на постройку школы имени Гаршина, домъ для первой читальни отъ г-жи Харьковой, домъ завѣщанный полковникомъ Бородаевскимъ для учрежденія ремесленной школы, денежные капиталы И. И. Иванова (1000 р.) и зна-

чительный вкладъ, сдѣланный Ф. Е. Карповымъ въ 197000 руб., изъ коихъ 10000 руб. съ спеціальнымъ назначеніемъ для школы его имени. Независимо отъ сего поступили отъ г-жи Т. В. Гредескулъ 1500 р. на сооруженіе Народнаго дома въ с. Колодезномъ, Купянскаго уѣзда, и тамъ же усадебное мѣсто отъ А. Н. Савенкова. Вмѣстѣ съ переоцѣненными прежними недвижимыми имуществами весь капиталъ Общества къ 1900 г. равнялся: въ недвижимости 204.500 руб., а за исключеніемъ лежащаго на немъ ипотечнаго долга 121800 р., и въ %%% бумагахъ 215.750 руб., а всего капиталъ Общества равнялся 337550 руб. Къ 1905 г. имущественное положеніе Общества значительно возросло, благодаря воздвигнутому Народному Дому, пожертвованіямъ М. Х. Гельферихъ и Е. П. Абрамовой. Недвижимое имущество, къ указанному сроку, оцѣнивается въ 353.000 руб., а за исключеніемъ лежащаго на немъ долга въ 244.800 р., а %%% бумагъ числится на 238.000 руб. Общая же сумма капитала Общества равнялась 479.550 руб. Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если бы въ немъ не были приведены хотя бы главные дѣятели, которымъ Общество обязано своимъ существованіемъ въ теченіе свыше 35 лѣтъ. Кромѣ упомянутыхъ Е. С. Гордѣенко и Н. Н. Бекетова, въ числѣ лицъ, трудившихся въ дѣлѣ просвѣщенія мѣстнаго населенія, мы встрѣчаемся съ именами г.г. Н. П. Балашина, П. Б. Лукьянова, профессоровъ А. Н. Стоянова, А. С. Лебедева, А. С. Біо, М. Ф. Ковальскаго, Деларю, дѣятелей земства Ф. А. Павловскаго, З. Н. Бекарюкова, бывшаго вторымъ предсѣдателемъ Правленія—нынѣ здравствующихъ С. А. Раевскаго, М. Д. Раевской, М. Д. Линды и А. П. Шимкова, состоявшаго третьимъ предсѣдателемъ Правленія. Все это дѣятели 70-хъ и 80-хъ годовъ, причемъ разумѣется списокъ ихъ далеко не полонъ.—Изъ названныхъ лицъ Обществу многимъ обязано С. А. Раевскому, устроителю народныхъ чтеній, трудившемуся кромѣ того при разныхъ постройкахъ Общества и нынѣ работающему по управленію Народнымъ Домомъ. М. Д. Линда неизмѣнный секретарь Правленія не мало поработалъ на пользу школъ Общества. Позднѣе, при созданіи библіотекъ-читаленъ, организаціи издательства книгъ для народа, сельскихъ библіотекъ, устройства Народнаго Дома, выступили, какъ иниціаторы этихъ учрежденій: Л. Е. Ефимовичъ, профессора Н. А. Гредескулъ, И. П. Осиповъ, г-жи Е. Ф. Брандтъ, А. Н. Можарова, проф. П. Т. Степановъ (предсѣдатель Правленія съ 1895 г. по 1902 г.), В. М. Козловъ (предсѣдатель правленія), В. Я. Данилевскій, также предсѣдатель Правленія до 1905 г., Д. И. Багалѣй, А. П. Ситниковъ, С. Ф. Русова, Е. В. Пономарева. Этими именами также далеко не исчерпывается списокъ дѣятелей, жертвующихъ своимъ временемъ и трудомъ для дѣла народнаго просвѣщенія въ г. Харьковѣ: оно создано и двинуто коллективными усиліями сотенъ лицъ, воодушевленныхъ идеей служенія народу въ области особенно для него важной [1]).

Параллельно съ Общественной библіотекой, въ дѣлѣ учрежденія читаленъ-библіотекъ дѣйствовало и Харьковское Общество Грамотности. Мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ безплатной народной библіотеки возникала въ разное время. Такъ, напр., въ началѣ 1890 г. ее предложилъ осуществить при Харьковской Общественной Библіотекѣ членъ ея Правленія В. Данилевскій; но Правленіе Общественной Библіотеки не нашло это предложеніе своевременнымъ. Вмѣсто этого по иниціативѣ Н. А. Гредескула было организовано при этой Библіотекѣ особое дешевое отдѣленіе для бѣднѣйшихъ классовъ населенія; устройство его было поручено кружку лицъ, въ составъ котораго между прочимъ вошли кромѣ иниціатора, еще Л. Е. Ефимовичъ, В. Данилевскій, Н. Н. Ходолей и др. Но вскорѣ, когда обострились отношенія между дѣятелями Дешеваго Отдѣленія Общественной Библіотеки и большинствомъ членовъ ея Правленія, этотъ кружокъ ушелъ изъ Общественной Библіотеки и перенесъ свою дѣятельность въ Харьковское Общество Грамотности. 31 Марта 1891 г. Л. Е. Ефимовичъ прочитала докладъ въ Общемъ Собраніи его членовъ о необходимости учрежденія Безплатной Народной Читальни въ Харьковѣ при Обществѣ Грамотности. Докладъ былъ одобренъ и Собраніе поручило Правленію Общества, совмѣстно съ кружкомъ иниціаторовъ, осуществить это дѣло. Первое пожертвованіе (100 р.) было сдѣлано Х. Д. Алчевскою уже на другой день. 7-го Апрѣля того же 1891 г. былъ избранъ Комитетъ (Л. Е. Ефимовичъ, Н. А. Гредескулъ и В. Я. Данилевскій), который и организовалъ Читальню, какъ только былъ законченъ ремонтъ помѣщенія (въ домѣ Общества Грамотности по Васильевскому переулку, на Москалевкѣ). Это учрежденіе, какъ и другіе Читальни Общества Грамотности, подчинялось правиламъ о надзорѣ за народными безплатными Читальнями („Правила 15-го Мая 1890 г.“). Отвѣтственно-завѣдующимъ лицомъ была избрана Л. Е. Ефимовичъ, которая въ теченіе многихъ лѣтъ состояла въ этомъ званіи, Предсѣдателемъ же

[1]) Сообщено В. М. Козловымъ, нынѣ скончавшимся.

Комитета—проф. В. Я. Данилевскій, въ составѣ Комитета находились, между прочимъ, В. П. Даневская, проф. А. С. Лебедевъ, проф. А. Н. Стояновъ, проф. В. Ф Тимофеевъ и др.

1-го Декабря 1891 г. Читальня была открыта для пользованія книгами въ помѣщеніи ея; а съ 9 Февраля 1892 г. была организована выдача книгъ на домъ (библіотека); съ 13 Декабря того же года въ помѣщеніи Читальни была открыта продажа дешевыхъ книгъ отъ издательскаго Комитета Общества Грамотности. Что касается до средствъ Читальни, то за первый годъ ея существованія было собрано 2312 р. 58 к. (пожертвованія отъ Х. Д. Алчевской 100 р., отъ студентовъ Харьковскаго Университета 25 р., отъ Харьковскаго Земельнаго Банка 300 р., отъ Харьковскаго Городского Управленія за 1891 и 1892 г.г. 900 р. и т. д.). Дѣятельность Читальни съ самаго начала развивалась быстро и широко; за первый годъ число подписавшихся на чтеніе на мѣстѣ было 2682; выдано книгъ, газетъ и журналовъ 55992.— Въ библіотекѣ потребность въ чтеніи книгъ на дому обнаружилась не менѣе рѣзко: за первый годъ число абонентовъ дошло до 1247; къ Январю 1893 г. состояло на лицо 614; всѣхъ книгъ было выдано 16330. Почти 80% подписчиковъ составляли мѣщане и крестьяне (тоже и во всѣхъ Читальняхъ). Черезъ 5 лѣтъ, въ 1897 г., число посѣтителей *Читальни*—1681, имъ было выдано книгъ, журналовъ и газетъ— почти 13000. Въ теченіе года въ библіотекѣ было всѣхъ 3119 абонентовъ, получившихъ почти 43000 книгъ и періодическихъ изданій. Къ Январю 1898 г. *наличныхъ* подписчиковъ было 1753! Средства Читальни за 1897 г. выразились суммою въ 1970 р., смѣта по содержанію ея на 1898 г. составлена въ 1637 р. Въ 1904 г. дѣятельность Читальни по чтенію въ ея помѣщеніи упала, а именно число посѣтителей ея—всего 710 (изъ нихъ взрослыхъ только 9%); имъ было выдано всего около 4300 книгъ и періодическихъ изданій. Это явленіе, т. е. уменьшеніе посѣщаемости Читальни для чтенія въ ея помѣщеніи, есть явленіе общее для всѣхъ нашихъ Читаленъ. Оно становится понятнымъ, если принять во вниманіе тѣсноту и неприспособленность нашихъ Читаленъ для такого ихъ пользованія, а также постепенно развивающуюся привычку къ *домашнему* чтенію. Что касается до подписчиковъ библіотеки, то на 1 Января 1905 г. ихъ числилось всѣхъ 1296; всѣхъ же ихъ перебывало въ теченіе 1904 г.—2294; имъ было выдано почти 38500 книгъ и періодическихъ изданій. Что касается до стоимости содержанія Читальни, то смѣта на 1905 г. была составлена въ 1252 р. Завѣдующими 1-ою Читальнею сначала была Л. Е. Ефимовичъ, а затѣмъ А. Ф. Быкова, Е. А. Анцыферова, М. И. Диденко. Предсѣдателями Комитета: В. Я. Данилевскій, И. П. Осиповъ, В. А. Фаусекъ, Г. И. Лагермаркъ, И. П. Харинскій. Среди сотрудниковъ и сотрудницъ, число которыхъ всегда было значительно (а въ 1897 г. въ 1-й и 3-й Читальнѣ вмѣстѣ ихъ было 114), нельзя не отмѣтить М. Н. Харькову и П. И. Марки, которыя своею энергіей и знаніемъ дѣла много содѣйствовали прогрессу 1-ой Читальни. Кромѣ того, М. Н. Харькова въ 1897 г. купила у Общества Грамотности домъ, гдѣ помѣщается это учрежденіе, и подарила его 1-ой Читальнѣ. Благодаря этому значительному пожертвованію—домъ оцѣнивается въ 6400 р.—все имущество этой Читальни со всѣмъ инвентаремъ считается въ 10700 р. Первая Читальня послужила разсадникомъ для нѣкоторыхъ другихъ учрежденій. Такъ, съ Августа 1899 г. она открыла по иниціативѣ В. А. Фаусека свое отдѣленіе для рабочихъ Казеннаго виннаго склада, а еще раньше, въ 1894, въ ночлежномъ пріютѣ; въ томъ же году по иниціативѣ В. Я. Данилевскаго при ней была учреждена особая Комиссія по устройству сельскихъ безплатныхъ библіотекъ, которая вскорѣ затѣмъ обособилась въ самостоятельный Комитетъ; въ 1896 г. при Читальнѣ возродился Харьковскій музыкальный кружокъ, который участвовалъ въ праздничныхъ развлеченіяхъ для ея подписчиковъ. Далѣе съ Мая 1897 г. была открыта въ домѣ 1-й Читальни чайная Харьковскаго Попечительства о народныхъ чайныхъ. Въ собраніяхъ дѣятелей 1-ой Читальни обсуждались вопросы объ открытіи аналогичныхъ учрежденій въ Харьковѣ и въ другихъ городахъ.

Большой и быстрый ростъ 1-й Читальни (на Москалевкѣ) по числу подписчиковъ указалъ еще въ 1893 г. на необходимость учрежденія другой такой же Читальни въ иной части города, около другой его окраины. Кружокъ лицъ, получивъ разрѣшеніе отъ Общаго Собранія членовъ Общества Грамотности на устройство 2-ой Читальни, организовалъ это дѣло въ началѣ 1894 г. Отвѣтственно-завѣдывающей Читальнею была избрана Е. Ф. Брандтъ; составился для управленія дѣлами Читальни особый Комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ проф. П. Т. Степановъ, а членами состояли, между прочимъ, учредители Читальни В. Д. Алексѣева, А. Н. Можарова, Н. А. Николаева и др.

Матеріальныя средства добывались какъ и въ другихъ Читальняхъ преимущественно путемъ пожертвованій, концертовъ, а также членскими взносами; въ началѣ дѣла было собрано всего около 1000 р. Читальня помѣщалась на Большой Панасовкѣ въ домѣ Езерскаго; открытіе ея состоялось 26-го Мая 1894 г. По особой Инструкціи отъ Общества Грамотности,[1]) всѣми дѣлами Читальни управляетъ особая Комиссія, членами которой состоятъ: 1) лица, платящія въ кассу ея не менѣе 3 рублей въ годъ и 2) сотрудники; ближайшее же завѣдываніе Читальнею поручено Распорядительному Комитету, состоящему не менѣе чѣмъ изъ 6 членовъ, избираемыхъ Общимъ Собраніемъ всѣхъ членовъ Комиссіи.

Кромѣ упомянутой Инструкціи Читальня имѣетъ—подобно другимъ Читальнямъ—еще особыя свои „Правила", утвержденныя Харьковскимъ Губернаторомъ 16 Марта 1894 года.

Какъ и въ другихъ Читальняхъ Общества Грамотности главный трудъ по веденію дѣла выпалъ на долю сотрудниковъ, среди которыхъ значительное большинство состояло изъ лицъ женскаго пола. Благодаря ихъ энергіи и преданности своему дѣлу, оно съ самаго начала пошло весьма успѣшно. Къ 1895 г. въ Читальнѣ числилось уже 2100 томовъ; общее число ея абонентовъ дошло до 838 при 11400 посѣщеній; наибольшее число изъ послѣднихъ принадлежало ученикамъ низшихъ училищъ, а затѣмъ мастеровымъ, торговцамъ и приказчикамъ и др. По приходу за 1894 г. въ отчетѣ значится 1838 р. 38 к.; интересно, что наиболѣе крупное пожертвованіе не превышало 67 р.; примѣрная смѣта на содержаніе учрежденія въ годъ была составлена въ 1300 р.—Читальня также выдавала книги и на домъ; число таковыхъ подписчиковъ къ Январю 1905 г. было наличныхъ 308.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ открытія Читальни, а именно въ 1899 г. дѣятельность ея иллюстрируется слѣдующими цифрами: въ библіотекѣ (выдача книгъ на домъ) къ Январю 1900 г. состояло наличныхъ подписчиковъ 843 (изъ нихъ малолѣтнихъ только 23%); книгъ и періодическихъ изданій за весь 1899 г. было выдано почти 30000; посѣтителей Читальни (по чтенію въ ея помѣщеніи) за годъ числилось 966 (изъ нихъ 19% взрослыхъ); книгъ и періодическихъ изданій имъ было выдано 7176.

Къ Январю 1905 г. наличныхъ подписчиковъ въ библіотекѣ было 615 человѣкъ (изъ нихъ малолѣтнихъ только 20%); въ теченіе же всего 1904 года ихъ перебывало 1418; число выданныхъ за весь 1904 г. книгъ и періодическихъ изданій около 19200. Посѣтителей Читальни въ 1904 г. было всего 513 (изъ нихъ взрослыхъ 16%); всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій было имъ выдано для чтенія въ Читальнѣ около 5800. Сравненіе этихъ чиселъ съ предыдущими указываетъ на упадокъ дѣятельности учрежденія, что отчасти объясняется перемѣною квартиры его а также переходомъ части абонентовъ въ желѣзнодорожную библіотеку.

Завѣдующими Читальнею лицами состояли: Е. Ф. Брантъ, А. Е. Иванова, С. А. Красуская, М. В. Лесевицкая, А. П. Гринфельдъ. Предсѣдателями Комитета: П. Т. Степановъ, Н. Н. Миклашевскій, Н. Ф. Королевъ.

3-я Безплатная народная читальня. Въ виду большого наплыва посѣтителей 1-ой Читальни (на Москалевкѣ) также изъ за-Харьковскаго района, Комитетъ этой Читальни рѣшилъ въ 1894 г. учредить Отдѣленіе ея въ означенной мѣстности подъ названіемъ 3-й Читальни и выдѣлилъ особый кружекъ лицъ, которому и было поручено ея организація и управленіе. Главной дѣятельницей и первою завѣдывающею явилась Е. И. Поволоцкая, благодаря энергіи которой Читальня уже 8 января 1895 г. была открыта въ домѣ Харьк. Волостнаго Правленія на Михайловской площади. Въ началѣ обѣ Читальни управлялись однимъ и тѣмъ же Комитетомъ; собранія сотрудниковъ происходили также совмѣстно, но впослѣдствіи именно въ 1899 г. 3-я Читальня выдѣлилась въ видѣ отдѣльнаго автономнаго учрежденія, подобно 1-й и 2-й читальнѣ, съ особымъ Комитетомъ. Автономное Управленіе дѣлами было организовано такъ же, какъ и въ 1-й Читальнѣ, по аналогичной инструкціи отъ Общества Грамотности, съ отдѣльной кассой.

Дѣятельность 3-й Читальни быстро и успѣшно развивалась съ 1-го же года ея открытія. Въ виду крайней тѣсноты помѣщенія книги выдавались только на домъ, ибо читать на мѣстѣ, въ самой Читальнѣ было положительно невозможно. За первый годъ подписчиковъ перебывало 926; къ январю 1896 г. на лицо состояло 536; болѣе 80% приходилось на долю крестьянъ и мѣщанъ; взрослыхъ подписчиковъ было 27%, подростковъ 42% и малолѣтнихъ 31%.

[1]) Таковыя Инструкціи съ нѣкоторыми варіаціями имѣютъ всѣ Комитеты Читаленъ.

Что касается до средствъ Читальни, то уже за 1-й годъ существованія ея дѣятели собрали 1666 р. 55 коп. въ числѣ которыхъ выдаются пожертвованія Альмы Фостремъ (200 р.), отъ г.г. Дудукаловыхъ 112 р. и др. Изъ кассы 1-й Читальни было выдано на устройство 3-ей 400 р.

Въ 1896 г. было рѣшено допустить чтеніе и въ помѣщеніи Читальни, хотя бы и не каждый день. Несмотря на это ограниченіе въ этомъ году въ теченіе 126 дней перебывало 579 посѣтителей, которымъ было выдано свыше 5000 книгъ и журналовъ. Вообще дѣятельность 3-й Читальни значительно развилась, когда она была переведена въ новое помѣщеніе (въ домѣ Харьковскаго Ремесленнаго Общества, Старо-Московская ул., противъ 1-й Мужской Гимназіи); но, къ сожалѣнію, и здѣсь не нашлось отдѣльной комнаты для чтенія на мѣстѣ, такъ что производилась только выдача книгъ на домъ (библіотека).

Черезъ 5 лѣтъ послѣ открытія 3-й Читальни, а именно въ 1900 г. дѣятельность ея по выдачѣ книгъ для чтенія на дому характеризуется слѣдующими цифрами: къ январю 1901 г. наличныхъ абонентовъ 1070 (крестьянъ и мѣщанъ—86%); (малолѣтнихъ 25%); въ теченіе всего 1900 г. было выдано книгъ и періодическихъ изданій около 30000.

Въ 1904 г. дѣятельность учрежденія нѣсколько понизилась, сравнительно съ вышеприведенными данными, что объясняется какъ переходомъ ея на новую квартиру въ болѣе глухомъ мѣстѣ (съ 1903 г.), такъ и открытіемъ 4-ой Читальни въ Народномъ домѣ. Къ январю 1905 г. наличныхъ абонентовъ библіотеки состояло 734 [1]), а въ теченіе всего 1904 г. ихъ перебывало 1791 (изъ нихъ взрослыхъ—20%); (а въ 1902 г.—2384); всего книгъ и періодическихъ изданій имъ было выдано почти 24700. Чтеніе же въ помѣщеніи Читальни не происходило, какъ и прежде, по недостатку помѣщенія.

Завѣдующими Читальнею лицами была Н. И. Державина. Предсѣдателями Комитета: Д. И. Дармолатовъ, Г. С. Левенсонъ. Своимъ преуспѣяніемъ 3-я Читальня во многомъ обязана энергіи и трудамъ, между прочимъ, М. Н. Затворницкой и Н. А. Гладыша.

4-я безплатная Народная Читальня. Въ 1896 г. кружокъ членовъ Общества Грамотности, съ Н. П. Баллинымъ во главѣ, явился иниціаторомъ и учредителемъ новой 4-й Читальни на Журавлевкѣ, жители которой за отдаленностью были лишены удобства пользованія другими безплатными Читальнями нашего Общества Грамотности. Благодаря энергичному участію такихъ дѣятелей, какъ Н. П. Баллинъ, А. Е. Гордѣенко, М. В. Лесевицкая, А. Н. Можарова, вскорѣ были собраны достаточныя средства, избрана организаціонная Комиссія, Общество Грамотности учредило (14 апрѣля 1896 г.) инструкцію для 4-й Читальни и 24 августа того же года она была открыта въ домѣ Трепке по Журавлевской улицѣ. Организація этого учрежденія была такая же какъ и 2-й Читальни. Отвѣтственно—завѣдывающею была избрана М. В. Лесевицкая; предсѣдателемъ Комитета—проф. П. Т. Степановъ. Затѣмъ тѣ же должности занимали В. Х. Маслова, Е. Д. Верейская, Е. И. Житачевъ, Я. М. Затворницкій, Н. Ф. Королевъ и И. Е. Булгаковъ. Въ теченіе 1896 г. было собрано пожертвованіемъ и покупкою 1561 книга; они выдавались для чтенія на мѣстѣ, а также и на домъ. За 4 мѣсяца этого года число подписчиковъ библіотеки (по чтенію на дому) возросло до 221; изъ нихъ малолѣтнихъ было только 26%, мѣщане, цеховые и крестьяне составляли почти 96%. Чтеніе книгъ въ помѣщеніи Читальни было открыто съ 1 декабря 1896 г. Что касается до средствъ Читальни, то на 1 января 1907 г. они дошли до 974 р., составившихся изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій и благотворительнаго спектакля. Смѣта по содержанію Читальни, включая и квартирную плату, была составлена на 1897 годъ въ суммѣ 1000 р.

Черезъ 5 лѣтъ, а именно въ 1902 г. число подписчиковъ въ библіотекѣ (по выдачѣ книгъ на домъ) оказалось даже меньше, чѣмъ было раньше: къ январю 1899 г. ихъ было 265, а къ январю 1903 г.—только 199; число выданныхъ за годъ книгъ также уменьшилось. Это отсутствіе развитія Читальни Комитетъ ея объяснялъ „малозаселенностью глухаго мѣста“ (на Журавлевкѣ), гдѣ она помѣщалась. Въ виду этого большинство членовъ Комитета рѣшило перевести Читальню въ Народный домъ Общества Грамотности на Конной площади. Это и совершилось въ 1903 г. Благопріятныя условія какъ по новому мѣсту Читальни, такъ и по ея помѣщенію сразу расширили ея дѣятельность, что видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1904 г. въ теченіе года перебывало 2146 подписчиковъ по чтенію на дому, стало быть, лишь немногимъ меньше, чѣмъ въ старѣйшей 1-й Читальнѣ; имъ было выдано почти

[1]) Между тѣмъ въ старомъ помѣщеніи къ январю 1902 г. ихъ было 1146; а число выдачъ доходило до 30000.

21800 книгъ и журналовъ. Такимъ образомъ, надежда Комитета вполнѣ оправдалась: благопріятное расположеніе Народнаго Дома и постепенно нараставшая посѣщаемость его вызвали быстрый ростъ дѣятельности и Читальни, несмотря на сравнительную бѣдность ея средствъ.

Вслѣдствіе своего помѣщенія именно въ Народномъ домѣ 4-я Читальня получила названіе „Пушкинской“ и 1000 р. отъ Городского Управленія, согласно постановленія Думы за нѣсколько лѣтъ до того по иниціативѣ гласнаго С. А. Раевскаго, бывшаго тогда и предсѣдателемъ строительной комиссіи Народнаго Дома.

Послѣ перехода 4-ой Читальни въ 1903 г. въ новое помѣщеніе, именно въ Народный Домъ Общества Грамотности на Конной площади, на Журавлевкѣ было оставлено отдѣленіе ея, которое въ 1904 г. съорганизовалось въ видѣ самостоятельной 5-ой Читальни. Она имѣла свой собственный Комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ И. Е. Булгаковъ, и отвѣтственно-завѣдывающую, именно М. В. Лесевицкую.

Въ 1904 г. производилась выдача книгъ только на домъ. Къ Январю 1905 г. число наличныхъ абонентовъ равнялось 219, а всѣхъ перебывавшихъ въ теченіе года—501 (изъ нихъ взрослыхъ—почти 33%); всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій было выдано въ 1904 г.—8220. По смѣтѣ на 1905 г. содержаніе Читальни обходилось въ 660 р. включая и квартирную плату.

Быстрое развитіе дѣятельности Читаленъ, особенно въ первой половинѣ 90-тыхъ годовъ, когда ихъ въ Харьковѣ было всего только двѣ, ясно показывало, что потребность въ книжномъ чтеніи давно уже назрѣла среди неимущихъ классовъ населенія. На то же указывала и дѣятельность дешеваго отдѣленія Общественной Библіотеки (съ 1890 г.). Къ сожалѣнію, несмотря на рѣдкую энергію и преданность дѣлу сотрудницъ и сотрудниковъ, отдававшихъ безкорыстно массу труда и времени на преуспѣяніе всѣхъ такихъ учрежденій въ Харьковѣ, результаты не всегда были успѣшны въ томъ смыслѣ, что нерѣдко развитіе этой просвѣтительной дѣятельности замедлялось и даже пріостанавливалось. Одной изъ существенныхъ причинъ этого было то, что въ виду матеріальной необезпеченности Читаленъ (Городская субсидія въ послѣднее время для каждой Читальни равнялась только 500 р. въ годъ, при расходномъ годовомъ бюджетѣ въ 1200—1500 р.) дѣятелямъ ихъ приходилось не мало силъ и времени затрачивать на добываніе недостающихъ средствъ. Впрочемъ, если прослѣдить за дѣятельностью всѣхъ Читаленъ вмѣстѣ, суммарно, то получится явственная картина постепеннаго прогресса въ этой области внѣшкольнаго образованія. Къ 1905 г. она характеризуется весьма крупными цифрами, которыя въ указанномъ отношеніи ставятъ Харьковъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи.

Въ 1904 г. существовало 5 безплатныхъ Народныхъ Читаленъ Харьковскаго Общества Грамотности [1]); всѣхъ подписчиковъ въ нихъ числилось 8150 (взрослыхъ около 30%, а малолѣтнихъ около 40%); изъ нихъ лицъ низшаго образованія 81% и домашняго 7%; по сословіямъ—крестьянъ 47% и мѣщанъ 37%. Эти цифры вполнѣ подтверждаютъ демократическій „народный“ характеръ учрежденій. Всѣхъ посѣщеній (или тоже—выданныхъ книгъ и періодическихъ изданій) во всѣхъ Читальняхъ было сдѣлано почти 112000, главнымъ образомъ въ зимнее время (64%), всего меньше—лѣтомъ (36%); преимущественно выдавались книги дѣтскія (41%) и по изящной словесности (47%); по географіи и исторіи только почти 8%, по другимъ отдѣламъ еще меньше. Что касается до содержанія Читаленъ, то всѣ онѣ въ теченіе 1904 г. израсходовали почти 5800 р., т. е. среднее на каждую по 1160 р. На каждаго подписчика приходится въ среднемъ, какъ и за другіе годы коп. 60—70.

Выше уже было замѣчено, что *чтеніе въ помѣщеніи читаленъ* развивалось туго, а сравнительно съ библіотеками даже уменьшалось. Въ 1904 г. въ 1-й, 2-й и 4-й Читальняхъ посѣщеній было всего 17214; книгъ и періодическихъ изданій было выдано 29050. 3-я и 5-я Читальни выдавали книги только на домъ.

Относительно Управленія Читальнями необходимо отмѣтить общее явленіе, что въ концѣ концовъ не только дѣятельность Читальни, какъ таковой, но и все хозяйственное завѣдываніе переходило постепенно въ руки Общаго Собранія сотрудниковъ совмѣстно съ членами Комитета. Это особенно ярко обнаружилось въ исторіи 1-ой, 3-й и 4-ой Читаленъ. Такая эволюція становится понятною, если вспомнить, что вся огромная дѣятельность Читаленъ, сосредоточиваемая ежедневно на протяженіи немногихъ лишь

[1]) Кромѣ того подобную же просвѣтительную функцію исполняли Филіальное отдѣленіе, Общественная Библіотека и „3-й разрядъ“ въ ней самой.

часовъ, почти всецѣло базируется на трудѣ сотрудниковъ; въ нѣкоторыхъ читальняхъ имѣется всего лишь одна платная библіотекарша.

Что касается до будущности Читаленъ, то несомнѣнно значеніе и дѣятельность ихъ будетъ расти, не смотря на то, что книжный рынокъ за послѣдніе годы быстро пополнялся массою народныхъ и вообще дешевыхъ изданій. Потребность въ книжномъ чтеніи растетъ съ изумительною быстротой. Нужно только пожелать, чтобы Народныя Читальни были бы въ матеріальномъ отношеніи освобождены отъ всякой благотворительности и сопряженной съ ней неустойчивости. Необходимо дать имъ прочную основу, денежное обезпеченіе и приспособленное помѣщеніе. Наконецъ, дальнѣйшею стадіей должно служить расширеніе Читаленъ и превращеніе ихъ въ Народные Дома, которые совмѣщали бы въ себѣ библіотеку, читальню, публичныя чтенія, продажу книгъ, чайную и т. д.

Безкорыстныя интеллигентныя силы найдутся въ Харьковѣ для этой работы въ достаточномъ количествѣ; нужно лишь создать благопріятными и цѣлесообразными внѣшнія условія дѣятельности. Въ этомъ отношеніи необходимо дружное совмѣстное участіе Городского Управленія и Общества Грамотности.

Въ концѣ нельзя не прибавить, что Харьковскія Безплатныя Народныя Читальни Общества Грамотности послужили образцами для устройства такихъ же учрежденій во многихъ городахъ; уже съ 1892 г. начали съ разныхъ сторонъ поступать запросы объ организаціи нашихъ Читаленъ и требованія присылки отчетовъ, инструкцій, бланковъ, образцовъ статистической отчетности и т. п. Многіе изъ дѣятелей нашихъ Читаленъ съ переѣздомъ изъ Харькова въ другіе города перенесли туда иниціативу и устраивали тамъ Безплатныя Читальни по образцу Харьковскихъ, о которыхъ „большая“ публика знала по статьямъ въ газетахъ и журналахъ и по участію ихъ въ разныхъ выставкахъ и съѣздахъ [1]).

Исторія Харьковской коммиссіи народныхъ чтеній. Мысль объ устройствѣ народныхъ чтеній съ картинами уже давно находила сочувствіе въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности: еще въ 1882 г. докладъ С. А. Раевскаго повлекъ за собою образованіе особой коммиссіи для ея осуществленія, а въ слѣдующемъ 1883 г. была сдѣлана и первая попытка создать народную аудиторію. Но стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ затормозило дѣло, и только съ 9 ноября 1886 г. начинается непрерывное существованіе народныхъ чтеній въ Харьковѣ. Мѣстомъ ихъ рожденія была непригляднаяя, тѣсная комната въ глухомъ, грязномъ Скрипницкомъ переулкѣ, что отпугивало посѣтителей. Вообще, на первыхъ порахъ жизнь чтеній висѣла на волоскѣ: у коммиссіи не было ни денегъ, ни собственнаго фонаря, ни картинъ, ни запаса книжекъ, подлежащихъ прочтенію. Были только глубокая вѣра въ успѣхъ задуманнаго предпріятія, ясное сознаніе его необходимости и пользы, да полнѣйшая готовность посвятить ему немногіе часы своего досуга. И вотъ мало-по-малу препятствія сглаживаются, и народныя чтенія выбиваются на торный путь, благодаря неутомимой энергіи своего предсѣдателя, С. А. Раевскаго, и всеобщей поддержкѣ: г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа разрѣшаетъ перенести аудиторію въ зданіе реальнаго училища и такимъ образомъ доставляетъ вполнѣ удобное помѣщеніе; директоръ реальнаго училища, В. В. Шиховъ, предоставляетъ волшебный фонарь; Х. Д. Алчевская отдаетъ въ распоряженіе коммиссіи свое собраніе туманныхъ картинъ; доброхотныя пожертвованія частныхъ лицъ открываютъ возможность абонемента на картины въ Московской коммиссіи народныхъ чтеній и покупки необходимыхъ книжекъ. Такъ миновалъ первый самый трудный годъ. Съ теченіемъ времени народныя чтенія все болѣе и болѣе крѣпли, привлекая свѣжія силы; къ нимъ протянули руку помощи цѣлыя учрежденія—городская дума, торговый и земельный банки, общество приказчиковъ, первое и второе общества взаимнаго кредита назначили ежегодныя пособія; частныя пожертвованія тоже не прекращались. М. Д. Раевская ставила нѣсколько разъ живыя картины, давшія коммиссіи около 1000 р.; публичныя лекціи въ пользу народныхъ чтеній и устраиваемыя коммиссіей литературныя утра также пополняли ея кассу. Благодаря этому притоку денежныхъ средствъ, у коммиссіи завелись свои фонари (6),—одинъ изъ нихъ стоитъ около 600 руб.; появились свои прекрасныя картины (свыше 7000, цѣнностью 1500 р.), своя библіотека и необходимая обстановка, а главное открылась полная возможность постоянныхъ улучшеній и неуклоннаго расширенія круга дѣятельности, постановки близкаго и дорогого дѣла на соотвѣтствующую высоту. Въ свою очередь, коммиссія зорко слѣдила за открывавшимися неудобствами и своевременно принимала надлежащія мѣры къ ихъ устраненію,

[1]) Сообщено проф. В. Я. Даниловскимъ.

обращая главное вниманіе на то, чтобы привлечь въ свою аудиторію возможно большее число взрослыхъ посѣтителей. Такъ, первоначально за входъ на народныя чтенія взималось по 5 к.; неимущимъ же постоянно выдавались даровые билеты, разсылаемые по фабрикамъ и мастерскимъ. Но опытъ показалъ, что плата являлась помѣхой къ частымъ посѣщеніямъ чтеній одними и тѣми же лицами и закрывала двери аудиторіи цѣлымъ семьямъ, для которыхъ самъ по себѣ незначительный расходъ въ совокупности оказывался крупнымъ и превышалъ ихъ скудныя средства. Да и взрослые, по наблюденіямъ членовъ коммиссіи, стѣснялись постоянно обращаться съ просьбою о выдачѣ безплатныхъ билетовъ. Для устраненія такого нежелательнаго явленія плата за входъ была понижена до 3 коп. (1888 г.) и, наконецъ, отмѣнена совершенно (1892 г.), такъ что народныя чтенія сдѣлались въ полномъ смыслѣ общедоступными.

Поощренная успѣхомъ, коммиссія прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать чтенія интересными и удовлетворяющими запросамъ публики. Для наглядности, а, слѣдовательно, и наилучшаго усвоенія прочитаннаго, коммиссія показывала подобранныя къ чтеніямъ картины, устраивала соотвѣтствующіе опыты и давала при этомъ необходимыя поясненія; чтецами обыкновенно выступали лишь люди, обладающіе искусснымъ выразительнаго чтенія въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, что производило на послѣднихъ глубокое впечатлѣніе. Зная любовь простого народа къ музыкѣ, коммиссія устраивала, послѣ окончанія чтеній, музыкальныя отдѣленія: оркестры воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Харькова, по преимуществу реальнаго училища, исполняли пьесы, доступныя народному пониманію, что постоянно привлекало значительное количество посѣтителей, доставляло имъ неподдѣльное удовольствіе и вызывало особый интересъ. Иногда въ аудиторіи выступали любители и услаждали неприхотливую публику своимъ пѣніемъ и игрою на различныхъ инструментахъ. Замѣтивъ несомнѣнный успѣхъ музыкальныхъ отдѣленій, коммиссія задумала при помощи музыкальныхъ кружковъ г. Харькова устраивать постоянно музыкально-вокальныя прибавленія къ чтеніямъ, вносящія такое оживленіе и разнообразіе. Съ цѣлью же освѣжить утомленную непривычнымъ и напряженнымъ вниманіемъ юную публику, коммиссія выписала подвижныя юмористическія картины, вызывающія положительно восторгъ въ зрителяхъ. Но коммиссія не теряла изъ виду своей главной цѣли за частичными улучшеніями и на первый планъ выдвигала удовлетвореніе серьезныхъ умственныхъ потребностей народа и ихъ пробужденіе. Не довольствуясь еженедѣльными (въ учебное время) очередными чтеніями, коммиссія, откликаясь на вопросы текущей жизни, устраивала торжественныя юбилейныя чтенія о Пушкинѣ, Кольцовѣ, Лермонтовѣ, Крыловѣ, Гоголѣ, въ память 900-лѣтія Крещенія Руси, 200-лѣтія Полтавской битвы и 500-лѣтія со дня кончины св. Сергія Радонежскаго. Наиболѣе выдающейся отличительной чертой дѣятельности коммиссіи является постепенное приближеніе ея именно къ тѣмъ народнымъ слоямъ, гдѣ сильнѣе всего замѣчается потребность въ здоровомъ и облагораживающемъ праздничномъ развлеченіи. По началу чтенія происходили только въ аудиторіи реальнаго училища; но наблюденія гг. членовъ показали, что чернорабочіе и, вообще, наименѣе состоятельная часть населенія г. Харькова избѣгаетъ ея, какъ слишкомъ парадной для ихъ одежды. Тогда коммиссія сама пошла къ сѣрому люду и открыла чтенія на харьковскихъ окраинахъ, гдѣ ютится бѣднота. Три года члены коммиссіи трудились (съ 1889 г.) надъ просвѣщеніемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, открывъ чтенія въ лысогорской школѣ, вблизи вокзала. Но море невылазной грязи, отрѣзывавшее эту окраину отъ города въ распутицу, тѣснота помѣщенія побудили коммиссію закрыть лысогорскую аудиторію (1892 г.) и перенести мѣсто дѣятельности въ Москалевскія казармы, гдѣ, съ разрѣшенія высшаго военнаго начальства, сотни солдатъ, собранныхъ съ различныхъ концовъ Россіи, зачастую совершенно чуждыхъ даже зачаткамъ просвѣщенія, еженедѣльно расширяли свой круговоръ, унося въ свою родную глушь зародыши стремленій къ свѣту и знанію, зароненные чтеніями. Не довольствуясь чтеніями въ аудиторіи реальнаго училища, которую посѣщаютъ по преимуществу мелкіе торговцы, ихъ приказчики, ремесленники и въ особенности учащіеся въ начальныхъ народныхъ училищахъ, коммиссія приложила особыя старанія съ цѣлью отвлечь многочисленныхъ фабричныхъ и чернорабочихъ, живущихъ на Москалевкѣ, отъ ихъ обычнаго времяпрепровожденія въ праздничные дни. Въ противовѣсъ развращающему вліянію кабака и трактира, выступили и тутъ народныя чтенія (1890 г.). Успѣшная и многообразная дѣятельность коммиссіи повела къ ея выдѣленію изъ общества грамотности въ самостоятельно организованную его часть. На основаніи особой „Инструкціи“, предсѣдателемъ былъ избранъ безсмѣнный руководитель всей предшествующей дѣятельности коммиссіи, С. А. Раевскій, секретаремъ В. А. Лезинъ, равно какъ образованъ распорядительный комитетъ,

назначенъ изъ добровольцевъ рядъ завѣдывающихъ аудиторіями и распредѣленъ кругъ занятій и обязанностей всѣхъ членовъ коммиссіи (1892). Самостоятельное существованіе какъ нельзя болѣе ускорило ростъ дѣятельности коммиссіи, которая попала въ самое гнѣздо отверженныхъ и обездоленныхъ, открывъ чтенія въ ночлежномъ пріютѣ (1895), куда являются и многочисленные крестьяне, пріѣзжающіе на харьковскій базаръ. Видимый ихъ интересъ возбудилъ живѣйшее желаніе удовлетворить замѣчаемую потребность деревенскихъ жителей въ здоровой умственной пищѣ и полезномъ развлеченіи, и вотъ коммиссія въ томъ же году открыла, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Амвросія, при дѣятельномъ содѣйствіи о. Дмитрія Регишевскаго, чтенія въ дергачевской церковно-приходской школѣ, въ 13 верстахъ отъ Харькова: въ этой аудиторіи, обыкновенно такъ переполненной посѣтителями, что чтенія въ ней приходилось устраивать два раза въ день, появились и крестьянскія женщины, какъ извѣстно, наиболѣе лишенныя благъ просвѣщенія. Затѣмъ коммиссія проложила пути къ еще болѣе успѣшному распространенію просвѣщенія въ народной средѣ: она проникла за стѣны тюрьмы, гдѣ „несчастненькіе“ коротаютъ томительно-однообразные дни, гдѣ борьба съ суевѣріемъ, невѣжествомъ и пороками путемъ просвѣщенія обѣщала такую обильную жатву, уничтожая почву, на которой вырастаютъ преступленія: въ 1896 г. были организованы чтенія въ губернской тюрьмѣ, а въ 1897 г. въ пересыльной. Далѣе, въ 1898 г. возникли чтенія въ Домѣ Трудолюбія, на Конной площади, и въ Журавлевской библіотекѣ-читальнѣ, въ 1903 г. въ Пушкинской школѣ и Народномъ Домѣ. Частыя обращенія за помощью побудили коммиссію подѣлиться своимъ многолѣтнимъ опытомъ и составить краткое руководство для народныхъ чтеній, которое является, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, весьма полезнымъ пособіемъ и выдержало 2 изданія, а желаніе ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго поэта, Пушкина, въ 1899 году чѣмъ-либо инымъ, кромѣ спеціально устроеннаго чтенія, привело къ изданію брошюры объ этомъ писателѣ, составленной членомъ коммиссіи, В. И. Харціевымъ, и редактированной бывшимъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа, И. П. Хрущовымъ. Имѣя въ виду громадное значеніе чтеній съ туманными картинами въ селахъ и деревняхъ, гдѣ эти чтенія, помимо того, что даютъ сельскому населенію въ праздничные дни здоровое облагораживающее развлеченіе, отвлекаютъ его отъ разныхъ порочныхъ удовольствій и пробуждаютъ интересъ къ книгѣ, но еще сообщаютъ народу доступныя свѣдѣнія изъ различныхъ областей науки, содѣйствуютъ религіозно-нравственному воспитанію его,—коммиссія, обсудивъ вопросъ о наилучшемъ способѣ содѣйствія при устройствѣ чтеній съ свѣтовыми картинами въ уѣздныхъ городахъ и селахъ Харьковской губерніи, рѣшила въ 1896 году ходатайствовать предъ Губернскимъ Земствомъ объ ассигнованіи коммиссіи ежегоднаго пособія въ 1100 р. (по 100 р. на уѣздъ) на пріобрѣтенія картинъ къ чтеніямъ для селъ Харьковской губерніи. При этомъ въ Харьковѣ проектировалось устройство центральнаго склада картинъ, пріобрѣтенныхъ на деньги, ассигнуемыя земствомъ, и изъ этого склада картины должны были разсылаться въ тѣ пункты губерніи, гдѣ возникли чтенія. Ходатайство коммиссіи встрѣтило сочувственное отношеніе въ средѣ гласныхъ губернскаго земства, коммиссіи было ассигновано 1100 руб., и въ началѣ 1897 года она приступила къ организаціи этого сложнаго дѣла, имѣвшаго такое важное образовательное значеніе для населенія Харьковской губерніи, выработавъ предварительно правила безплатнаго пользованія картинами. Что касается необходимыхъ при устройствѣ чтеній волшебныхъ фонарей, то коммиссія, желая удешевить ихъ стоимость, стала изготовлять ихъ сама, пріобрѣтая стекла изъ-заграницы, или выписывала оттуда же фонари, преимущественно керосиновые. Такимъ образомъ, организаторы чтеній получили возможность имѣть фонари хорошаго качества и по значительно болѣе дешевымъ цѣнамъ сравнительно съ магазинными цѣнами. Стремленія коммиссіи покрыть Харьковскую губернію сѣтью народныхъ аудиторій въ значительной степени увѣнчались успѣхомъ: въ 1896 году коммиссія имѣла только 6 аудиторій внѣ Харькова, въ 1898 г. такихъ аудиторій было уже 43, а въ 1905 году 85. Такое увеличеніе числа аудиторій, изъ которыхъ многія по недостатку средствъ не могли оплатить расходовъ по пересылкѣ картинъ въ Харьковъ и обратно, побудило коммиссію ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ объ увеличеніи ей субсидіи на 300 р., предназначавшихся спеціально на пересылку картинъ. Въ 1900 году это ходатайство было удовлетворено. Нельзя не отмѣтить и той услуги, которую оказывала коммиссія многимъ благотворительнымъ учрежденіямъ и учебнымъ заведеніямъ, предоставляя имъ въ безплатное пользованіе свои коллекціи картинъ. Число такихъ учрежденій и учебныхъ заведеній, прогрессивно возрастало, нѣкоторымъ же учебнымъ заведеніямъ и частнымъ лицамъ коммиссія давала свои картины для устройства чтеній и лекцій съ платой

по 5 коп. за картину. Согласно Высочайше утвержденнымъ 24 декабря 1876 г. правиламъ для устройства чтеній требовалось разрѣшеніе попечителя учебнаго округа (для губернскихъ городовъ) и даже Министра Народнаго Просвѣщенія, если чтенія устраивались въ уѣздныхъ городахъ и селахъ; далѣе, къ публичному прочтенію для народа допускались только сочиненія, одобренныя для этой цѣли ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и книги, одобренныя М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, причемъ назначенныя для публичнаго чтенія сочиненія не произносились, а читались по тексту безъ всякихъ дополненій и измѣненій; къ публичному чтенію для народа допускались, кромѣ духовныхъ лицъ и преподавателей училищъ, и другія благонадежныя лица, но только по соглашенію директора народныхъ училищъ съ губернскимъ начальствомъ. При соблюденіи этихъ правилъ выборъ чтеній былъ крайне ограниченъ и неудовлетворялъ болѣе или менѣе развитыхъ слушателей, а кругъ лекторовъ былъ очень узокъ [1]).

Народный Домъ въ Харьковѣ—одно изъ симпатичнѣйшихъ учрежденій нашего Общества Грамотности. Ему пришлось выдержать упорную борьбу за свое существованіе и даже за самое право на существованіе.—Можетъ быть, благодаря именно этой борьбѣ онъ и сталъ такъ популяренъ, и такъ любимъ; часто любимое дитя именно то, изъ-за котораго наиболѣе пришлось выстрадать.—Мысль объ устройствѣ въ Харьковѣ Народнаго Дома зародилась въ коммиссіи народныхъ чтеній Общества Грамотности. Въ 1896 г., во время отчета за 10-тилѣтній періодъ дѣятельности коммиссіи, Предсѣдатель ея С. А. Раевскій, указалъ, какъ на путь къ дальнѣйшему развитію дѣятельности коммиссіи, на устройство собственнаго помѣщенія съ заломъ, приспособленнымъ для народныхъ спектаклей.—Правда, мысль эта еще раньше приходила въ голову передовымъ дѣятелямъ Общества Грамотности; такъ, Э. К. Кроянскій, почетный членъ Общества, еще въ началѣ 70-хъ годовъ высказывалъ пожеланіе объ открытіи народнаго театра; Н. П. Баллинъ, пожизненный членъ Общества, тоже мечталъ объ устройствѣ универсальнаго зданія, которое соединило бы въ себѣ и народный театръ, и народный университетъ; но въ то время мысли эти еще не встрѣтили готовой почвы для своего осуществленія, онѣ такъ и остались въ области идеальныхъ пожеланій; послѣ чтенія же 10-тилѣтняго отчета коммиссіи народныхъ чтеній мысль эта вошла въ сознаніе Общества и начала мало-по-малу осуществляться, хотя и тутъ еще было довольно скептиковъ, даже между лицами, стоящими въ первыхъ рядахъ Общества Грамотности.—Думали, что еще слишкомъ рано затѣвать такое крупное дѣло, что Общество можетъ оказаться въ положеніи синицы, желавшей зажечь море. И, дѣйствительно, надо было имѣть много вѣры и очень много энергіи, чтобы не потеряться передъ дѣломъ, требовавшимъ массы средствъ, не имѣя ничего, кромѣ сильнаго желанія.—Но такова вся дѣятельность нашего Общества Грамотности, что оно, имѣя сильную вѣру въ свое дѣло, привлекаетъ людей, полныхъ самоотверженной любви и готовности отдать свой трудъ и время на осуществленіе идеи,—и дѣло создается и растетъ.—Призывъ предсѣдателя коммиссіи былъ какъ-бы зерномъ, брошеннымъ въ готовую почву; назначеніе Харьковскаго народнаго дома было выяснено. Онъ долженъ былъ служить мѣстомъ отдохновенія для рабочаго человѣка, куда могли бы собираться люди самыхъ различныхъ возрастовъ, характеровъ и профессій, находя отдыхъ за чашкой чая, въ бесѣдѣ или за книгой, слушая музыку, общественную лекцію, или чтеніе съ туманными картинами, смотря на театральное представленіе или, наконецъ, принимая участіе въ спектакляхъ, въ хоровомъ пѣніи, оркестрѣ и т. п.—Такое назначеніе Народнаго Дома встрѣчало постоянно все большее и большее сочувствіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества.—Мало-по малу цѣль стала осуществляться; профессоръ В. Я. Данилевскій написалъ въ Общество Грамотности докладъ о народныхъ домахъ; докладъ былъ напечатанъ и деньги, вырученныя отъ продажи его, должны были поступить на постройку Народнаго дома, Г. Э. Гинце прочелъ публичную лекцію о памятникахъ древняго Египта, выручка съ которой дала первыя деньги для постройки, затѣмъ отозвался А. Ф. Бенцъ, давшій концертъ.—Образовались двѣ коммиссіи: одна для собиранія свѣдѣній, касающихся вообще народныхъ домовъ, а другая для сбора денегъ и организаціи и постройки самаго харьковскаго Народнаго дома. Эта послѣдняя коммиссія начала агитировать въ пользу народнаго дома: писать воззванія къ жертвователямъ въ мѣстныхъ газетахъ, указывая на пользу и значеніе народнаго дома для Харькова, пропагандируя такимъ образомъ его идею.—Когда С. А. Раевскій ѣздилъ къ бывшему въ то время Харьковскому губернатору Г. А. Тобизену, обращаясь по поводу лекціи Г. Э. Гинце,

[1]) Сообщено.

и объяснилъ цѣль, для которой читается лекція, то Г. А. Тобизенъ сказалъ ему:—„У васъ есть люди, а у насъ деньги, давайте работать сообща, при благотворительномъ обществѣ организованъ комитетъ чайныхъ для противодѣйствія пьянству, устраивайте чайную въ Народномъ Домѣ, и мы придемъ къ вамъ на помощь".—Встрѣтя такую поддержку, Комитетъ еще съ большей энергіей принялся за дѣло; стали поступать пожертвованія; каждая лепта принималась съ благодарностью, начиная съ крупныхъ пожертвованій и кончая копѣйкой. Эти послѣднія пожертвованья были особенно дороги, т. к. показывали, что польза затѣваемаго дѣла уже сознается тѣмъ самымъ бѣднымъ людомъ, для котораго оно предназначается; такъ, артель посыльныхъ прислала 5 руб.; кто-то прислалъ одинъ кирпичъ, который и послужилъ началомъ пожертвованій матеріаломъ.—Были и крупныя пожертвованія: Н. И. Харитоненко пожертвовалъ двѣ тысячи рублей, Е. В. Пономарева разновременно около двухъ тысячъ рублей, бывшій тогда попечитель округа М. М. Алексѣенко пятьсотъ рублей, Розенблюмъ отъ водопроводнаго Общества 500 руб.; всего пожертвовано частными лицами и собрано съ вечеровъ, концертовъ и т. п. 38670 руб. 39 коп. Но, несмотря на такое удачное начало, многіе находили еще преждевременнымъ приступать къ постройкѣ, боясь, что Общество грамотности обанкротится, такъ какъ на постройку требовалось болѣе ста тысячъ.—Вопросъ этотъ возбудилъ горячія пренія въ общемъ собраніи Общества Грамотности, даже такой приверженецъ идеи Народнаго дома, какъ профессоръ Данилевскій, горячо ратовалъ противъ его постройки при настоящихъ обстоятельствахъ.—Общество раздѣлилось на партіи: одни находили желательной постройку вообще, но пока преждевременной; другіе—что даже еще не достаточно ясна идея Народнаго дома.—С. А. Раевскій, Н. Б. Генелесъ и нѣкоторые другіе отстаивали ту мысль, что начавшееся дѣло привлечетъ и новыя пожертвованія, и что при наличныхъ средствахъ приступить къ дѣлу уже можно и должно. Послѣ долгихъ преній вопросъ былъ пущенъ на баллотировку. Въ пользу немедленной постройки встало незначительное большинство.—Тутъ кто-то заявилъ, что это вопросъ слишкомъ острый, что его слѣдуетъ рѣшать закрытой баллотировкой.—Каково же было удивленіе, когда оказалось за немедленную постройку 54 голоса, противъ—17.—Нужно отдать справедливость, что всѣ партіи стояли исключительно на принципіальной точкѣ зрѣнія, никто не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ интересовъ, и какъ только вопросъ о постройкѣ былъ собраніемъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, многіе изъ прежнихъ скептиковъ стали въ ряды ревностныхъ сотрудниковъ.

Пожертвованія продолжались, много дѣлалось скидокъ на продажѣ матеріаловъ, много работъ производилось безплатно или со значительной скидкой; г. фонъ-Дитмаръ сдѣлалъ на пр. колодезъ для постройки.—Когда собранныя пожертвованія уже дали возможность надѣяться на болѣе или менѣе близкое осуществленіе Народнаго дома, были выработаны заданія и посланы въ С.-Петербургское общество архитекторовъ.—Коммиссія обратилась къ городу съ петиціей, гдѣ высказывалась вся польза, какую можетъ принести населенію Народный домъ, и просила дать безвозмездно мѣсто для постройки.—Городъ далъ подъ постройку сначала 800 саж., а потомъ еще 400, съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ ликвидаціи Общества Грамотности, Народный домъ долженъ поступить въ собственность города, для тѣхъ-же просвѣтительныхъ цѣлей, для которыхъ работаетъ Общество Грамотности. Харьковскій Комитетъ попечительства о народной трезвости оказалъ нашему Народному дому значительную поддержку, давъ ему разновременно 31200 р.—Еще до постройки Народнаго дома по Высочайшему повеленію было отпущено 30,000 р.; позже министерствомъ финансовъ дано было 21264 р.—Городъ далъ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ ежегодную субсидію въ 2000 р. и 1000 единовременно на библіотеку имени Пушкина въ Народномъ домѣ.—Земство Харьковской губ. также пришло на помощь суммой въ 5000.—Изъ представленныхъ въ С.-Петербургское Общество архитекторовъ проектовъ первымъ оказался проектъ А. А. Венсана, который получилъ первую премію въ 800 руб., и по которому произведена была постройка; этотъ проектъ представлялъ еще то преимущество, что домъ можно было воздвигнуть не весь сразу, что при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ было очень важно.

4-го Іюня 1900 г. произошло торжество закладки Харьковскаго Народнаго Дома. Строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ С. А. Раевскаго усердно работала. Завѣдывалъ постройкой безплатно архитекторъ И. И. Загоскинъ. Рабочіе такъ-же усердно и старательно трудились, какъ и лица, стоящіе во главѣ дѣла.—Къ концу строительнаго сезона зданіе было уже подведено подъ крышу. Это дало возможность заложить его въ Харьковскомъ купеческомъ банкѣ за 30,000 р., какъ и предполагалось

ранѣе, благодаря этому постройка могла продолжаться на слѣдующій годъ.—Но тутъ по пути къ успѣшному окончанію и функціонированію Народнаго дома встало крупное препятствіе въ лицѣ назначеннаго тогда губернаторомъ князя И. М. Оболенскаго. Во-первыхъ, онъ сталъ оспаривать право собственности на Народный Домъ у Общества Грамотности. Ассигновки изъ министерства финансовъ, встрѣчая противодѣйствіе со стороны губернатора, замедлились.—Правленіе Общества Грамотности образовало юридическую коммиссію, цѣль которой была выяснить право Общества Грамотности на владѣніе Народнымъ Домомъ; въ этомъ коммиссіи особенно помогъ членъ правленія Общества Грамотности Н. Б. Генелесъ, который, совмѣстно съ другими спеціалистами, доказалъ неоспоримое право Общества Грамотности на воздвигаемое зданіе. Не имѣя достаточно средствъ для возведенія полнаго зданія, строили его по сокращенному проекту.—Для каждаго отдѣла его работъ, какъ-то: для освѣщенія, отопленія и проч. обращались къ различнымъ фирмамъ; предлагаемыя условія разсматривались спеціалистами и выбиралась та фирма, которая представляла наилучшіе проекты въ смыслѣ техническаго производства и болѣе выгодныя условія.—Всегда обращалось особенное вниманіе на добросовѣстное исполненіе. Когда постройка подходила къ концу, пора было подумать объ оборудованіи зданія, о декораціяхъ, костюмахъ и проч. Театральную занавѣсь, изображающую памятникъ Царю-Освободителю, написалъ безвозмездно по собственному эскизу классный художникъ 1-ой степени М. Р. Пестриковъ.—Декораторами явились И. А. Суворовъ и А. И. Нестеренко. Каждый изъ нихъ стремился сдѣлать свою работу наилучшимъ образомъ.—Были также приглашены на совѣщаніе спеціалисты: механикъ нашего Городского театра О. Г. Михайловъ и другъ. Наконецъ, зданіе и всѣ главныя приспособленія были окончены.—Общество любителей сценическаго искусства предложило свои услуги, чтобы играть на сценѣ Народнаго Дома. 2-го Февраля 1903 г. Народный Домъ былъ торжественно открытъ. Сначалу было совершено освященіе, потомъ говорили рѣчи, въ которыхъ указывалось на значеніе Народнаго Дома и на ту пользу, какую онъ можетъ принесть. Предсѣдатель строительной коммиссіи прочелъ краткій отчетъ о постройкѣ дома и о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ, было прочитано много телеграммъ. Кромѣ рѣчей предсѣдателя Общества Грамотности и др. его представителей, а также представителей различныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, на этомъ торжественномъ открытіи говорили также представители отъ рабочихъ.—Кажется, это было въ первый разъ, что лица рабочихъ классовъ выступили съ рѣчами въ общественномъ собраніи.—Такое выступленіе было особенно радостно для устроителей Народнаго Дома, т. к. оно еще разъ показало, какъ своевременно и необходимо даже было устройство Народнаго Дома. Очертивъ въ краткихъ словахъ возникновеніе Харьковскаго Народнаго Дома, мы приступимъ теперь къ описанію его дѣятельности въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ его существованія.

Харьковскій Народный Домъ, имѣя главной цѣлью нравственное и физическое отдохновеніе мало состоятельнаго люда, заключаетъ въ себѣ слѣдующія учрежденія: 1) Коммиссію народныхъ чтеній. 2) Народный хоръ и оркестръ. 3) Художественный музей, который помѣщается въ читальнѣ. Картинъ не много, около 20, но между ними есть очень хорошія. Большинство принадлежитъ кисти художниковъ, уроженцевъ города Харькова: Бекетова, Браиловскаго, Выѣзжева, Вязьмитинова, Первухина, Нестерова, Шмидта, Алисова, Бенуа, Васильева, Зарудной-Кавосъ, Раевской, Ивановой, Суворова, Фельдмана. Всѣ эти картины пожертвованы. 5) Школа кройки и шитья, помѣщающаяся въ фойе въ дневные часы. Здѣсь за небольшую плату, одинъ рубль въ мѣсяцъ, желающія учатся шить бѣлье и платье. Школа находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ одной изъ дамъ членовъ Комитета, которая приглашаетъ учительницъ и слѣдитъ за веденіемъ дѣла. Неграмотныя ученицы обучаются здѣсь же грамотѣ у взявшей на себя этотъ трудъ безвозмездно учительницы. Школа имѣетъ уже нѣсколько швейныхъ машинъ и содержится на деньги, получаемыя за право ученья и на пожертвованія члена Комитета Е. В. Пономаровой. 6) Читальня-библіотека, которая управляется своимъ отдѣльнымъ Комитетомъ. Читатели пользуются книгами безплатно. 7) Продажа книгъ производится издательскимъ Комитетомъ. Всѣ эти учрежденія принадлежатъ Обществу Грамотности. 8) Чайную и столовую Попечительства о народной трезвости, которыя посѣщаются очень охотно рабочимъ людомъ. Въ столовой ежедневно обѣдаютъ около 2-хъ сотъ человѣкъ. Сверхъ того, Народный Домъ отдаетъ квартиру правленію Общества взаимопомощи занимающихся ремесленнымъ трудомъ, которое устраиваетъ въ зрительномъ залѣ Народнаго Дома свои многолюдныя общія собранія, въ помѣщеніи вполнѣ удобномъ, какъ въ акустическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Управляется Народный домъ спеціальной коммиссіей, выбранной на основаніи инструкціи, утвержденной общимъ собраніемъ Общества Грамотности еще до открытія Народнаго дома. Въ составъ коммиссіи входятъ, какъ лица, избранныя правленіемъ Общества Грамотности, такъ и представители тѣхъ комитетовъ, учрежденія которыхъ въ немъ помѣщаются, также представители отъ города и отъ Попечительства о Народной Трезвости.—Кромѣ того, комитетъ имѣетъ право самопополненія.—Предсѣдателемъ комитета состоитъ бывшій предсѣдатель строительной коммиссіи С. А. Раевскій.

Коммиссія Народныхъ чтеній устраиваетъ въ немъ безплатныя чтенія съ туманными картинами днемъ по воскресеньямъ. На лѣто чтенія прекращаются, такъ какъ замѣчено, что лѣтомъ публика не охотно идетъ въ закрытыя помѣщенія, тѣмъ болѣе такія, гдѣ самыя техническія условія требуютъ полной темноты, а слѣдовательно закрытія оконъ. Въ продолженіе года бываетъ около 20-ти чтеній, на которыхъ бываетъ до 7000 посѣтителей за годъ, а на каждомъ чтеніи отъ 200 до 400 чел.—Иногда бываютъ юбилейныя чтенія съ музыкой, напр., чтеніе о Петрѣ Великомъ по случаю 200—лѣтія со дня основанія Петербурга. Кромѣ такихъ безплатныхъ чтеній еще нѣсколько разъ Великимъ постомъ бываютъ публичныя лекціи за недорогую плату отъ 5 коп. до 50 коп. Лекціи посѣщаются довольно слабо: темы по естественной исторіи, медицинскія, художественныя не привлекаютъ теперь нашей публики. Устройство лекцій встрѣчаетъ еще то затрудненіе, что администрація требуетъ для ихъ разрѣшенія полнаго текста лекцій, а это настолько затрудняетъ лекторовъ, что почти невозможно найти кого-нибудь, готоваго затратить столько времени, сколько требуется для письменнаго изложенія лекціи.—Для чтеній и лекцій пріобрѣтенъ Коммиссіей Народныхъ чтеній электрическій фонарь съ разными приспособленіями, выписанный изъ Лондона отъ Старда на деньги 1000 руб., пожертвованныя съ этой цѣлью нѣсколькими профессорами. Въ томъ же зрительномъ залѣ устраиваются концерты, частью народные, частью артистами и любителями.—Концерты вообще посѣщаются охотнѣе, нежели лекціи, хотя плата на нихъ значительно выше, т. е. такая же какъ на театральныя представленія.—Народные концерты устраиваются или Обществомъ любителей хороваго пѣнія, или хорами, организованными въ самомъ Народномъ домѣ, подъ руководствомъ г.г. Вѣташинскаго и Чуфистова.—Иногда принимаетъ участіе и оркестръ рабочихъ, которымъ въ началѣ дирижировалъ тоже рабочій г. Чуфистовъ.—Изъ артистовъ выразилъ свое сочувствіе нашему Народному дому г. Шаляпинъ.—Первый концертъ Ѳ. И. Шаляпина былъ данъ съ благотворительной цѣлью, но очень высокимъ цѣнамъ. Шаляпинъ отнесся чрезвычайно сочувственно къ Харьковскому Народному дому и пожертвовалъ со сбора тысячу рублей въ его пользу. Второй концертъ Шаляпинъ далъ въ Народномъ домѣ въ другой свой пріѣздъ, въ пользу семей рабочихъ, пострадавшихъ на войнѣ. Этотъ концертъ былъ устроенъ самими рабочими. Еще далъ концертъ въ Народномъ домѣ Славянскій со своимъ хоромъ. Этотъ концертъ былъ допущенъ въ Народномъ домѣ, хотя не имѣлъ благотворительнаго характера, и въ пользу Народнаго дома было отъ него получено всего 50 руб., но комитетъ допустилъ его, желая дать публикѣ возможность послушать по нашимъ дешевымъ цѣнамъ хорошій русскій хоръ. Обыкновенно же антрепренеры не получаютъ согласія устраивать что-либо въ свою пользу въ Народномъ домѣ. Какъ любители, такъ и артисты принимаютъ участіе безвозмездно. Помимо концертовъ устраивались еще нѣсколько музыкально-литературныхъ вечеровъ, которые посѣщаются охотнѣе чисто музыкальныхъ любительскихъ. Нѣсколько вечеровъ было съ живыми картинами, на одномъ изъ которыхъ, картины, имѣвшія большой успѣхъ, ставилъ художникъ Выѣзженъ, но такъ какъ постановка картинъ требуетъ большихъ сравнительно затратъ, въ послѣдній годъ ихъ не ставили. Самая главная функція Народнаго дома, доставляющая наибольшее удовлетвореніе его посѣтителямъ, это театръ. Театральныя представленія бываютъ осенью и зимой по два раза въ недѣлю, великимъ постомъ спектакли прекращаются; лѣтомъ бываютъ иногда разъ въ недѣлю, а иногда совсѣмъ прекращаются, какъ для необходимыхъ ремонтныхъ работъ, такъ и для отдыха служащихъ въ Народномъ домѣ. Одну изъ главныхъ заботъ комитета по управленію Народнымъ домомъ составляетъ выборъ подходящаго репертуара. При небольшомъ числѣ даваемыхъ спектаклей приходится особенно заботиться о хорошемъ выборѣ пьесъ. Обыкновенно Комитетъ предоставляетъ играющимъ труппамъ составить репертуаръ, потомъ этотъ репертуаръ разсматривается въ комитетѣ; если какая пьеса незнакома комитету, то нѣсколько его членовъ прочитываютъ ее, и кто-нибудь представляетъ рецензію, послѣ прочтенія которой комитетъ уже признаетъ пьесу желательной къ постановкѣ или отвергаетъ ее. При этомъ комитетъ окончательно не признаетъ

такихъ пьесъ, которыя будятъ дурные инстинкты въ слушателяхъ, и находитъ желательными произведенія художественныя, пробуждающія въ зрителяхъ хорошія чувства. Для постановки историческихъ и бытовыхъ пьесъ съ особенной заботливостью изучается весь историческій матеріалъ, какъ исторія костюма, такъ и всей обстановки. Матеріалъ обыкновенно находится въ университетской библіотекѣ. Также имѣется Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, съ изображеніемъ различныхъ костюмовъ, декорацій и проч. обстановки. Въ писаніи декорацій особенное вниманіе обращается на соотвѣтствіе съ пьесой. Для изготовленія костюмовъ членами разыскиваются подходящіе матеріалы вездѣ, гдѣ только возможно, при чемъ не малое затрудненіе составляетъ ограниченность средствъ. Приступая къ шитью, осматриваютъ костюмерныя городскихъ театровъ, выписываютъ образцы изъ заграничныхъ театральныхъ мастерскихъ и столичныхъ русскихъ; многое шьется въ школѣ кройки и шитья въ Народномъ домѣ, которая дѣлаетъ эти вещи безплатно; вышивки на русскихъ костюмахъ дѣлаютъ нѣкоторые члены комитета и другія дамы тоже, конечно, безплатно. Изъ бутафорныхъ предметовъ русскую посуду стильную дѣлала Е. И. Фаусекъ, нѣкоторыя другія вещи, требовавшія художественности, дѣлала г-жа Шебалина; древнюю русскую мебель дѣлалъ столяръ народнаго дома по стильнымъ рисункамъ, и расписывали её тоже безплатно къ декоративно-рисовальной школѣ О-ва грамотности. Но, несмотря на всю заботливость о тщательной постановкѣ пьесъ, бываютъ досадные промахи, которыхъ при всемъ желаніи нельзя избѣжать, принимая во вниманіе недостаточность наличныхъ силъ для веденія такого сложнаго дѣла. Первой труппой, игравшей въ Народномъ домѣ, было О-во любителей сценическаго искусства. Это О-во получало отъ Народнаго дома на расходы по 50 руб. отъ спектакля, что ложилось тяжелымъ бременемъ на скудную кассу Народнаго дома, т. к. сверхъ этого требовались еще обыкновенные театральные, вечеровые расходы. Общество не согласилось отказаться отъ этихъ денегъ, пришлось прiискивать другихъ лицъ, которыя согласились бы не брать денегъ на расходы. Составилось двѣ труппы: одна малороссійская, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, подъ режиссерствомъ Глата-Галайды (г. Хоткевича), другая—русская подъ управленіемъ П. Г. Назимова (г. Рукерта). Труппа подъ режиссерствомъ Глата-Галайды играла болѣе года по два спектакля въ мѣсяцъ, такъ же и въ лѣтнее время. Далѣе играла труппа г. Науменко до конца сезона. Къ слѣдующему сезону составилась новая малороссійская труппа, главнымъ образомъ изъ рабочихъ, раздѣлившаяся впослѣдствіи на двѣ труппы: одна подъ режиссерствомъ г. Метрусенко, г. Хвороста и г. Зинченко. Труппы эти постепенно совершенствуются, равно какъ и постоянная русская труппа подъ управленіемъ г. Назимова, такъ что мысль создать свои постоянныя труппы оказалась очень удачной. Русская труппа играла послѣдовательно подъ режиссерствомъ г. Селиванова, Алексѣевскаго, Григорьева, Ларскаго и Нагорнаго. Украшеніемъ русской труппы служитъ г-жа Нератова, превосходная драматическая артистка, которая играетъ съ успѣхомъ и другія роли; еще выдѣлялась Яблочкина—старуха, бывшая на императорскомъ театрѣ. Кромѣ этихъ постоянныхъ труппъ въ Народномъ домѣ было еще поставлено нѣсколько спектаклей г. Юрьевскимъ (Алексѣевымъ), спектакли эти были обстановочные, обставлялись они очень заботливо на манеръ Художественнаго театра г. Станиславскаго; постановку своихъ спектаклей г. Юрьевскій бралъ обыкновенно на свой счетъ, онъ далъ возможность видѣть въ Народномъ домѣ прекрасно обставленныя пьесы: Мірская вдова, Юдифь, Юрій Милославскій, который сверхъ того былъ поставленъ два раза для учениковъ народныхъ училищъ безплатно. Въ Народномъ домѣ играли ученики художественно театральныхъ курсовъ гг. Соколова и Богданова. Помимо этихъ спектаклей комитетъ, уступая просьбамъ различныхъ кружковъ любителей, разрѣшалъ имъ пробные спектакли; но такія пробы оказались нежелательными: обыкновенно игра этихъ кружковъ бывала ниже постоянныхъ; теперь комитетъ на подобныя предложенія обыкновенно совѣтуетъ лицамъ, обращающимся къ нему, вступить въ одинъ изъ имѣющихся кружковъ и играть тамъ тѣ роли, которыя имъ дадутъ режиссеры, исключеніе составляютъ рабочіе виннаго склада, давшіе въ Народномъ домѣ нѣсколько благотворительныхъ спектаклей. Помимо драматическихъ спектаклей еще ставились въ Народномъ домѣ оперные, музыкальными курсами Тихонова. Эти представленія чрезвычайно нравились публикѣ, такъ что комитетъ согласился ихъ принять, не смотря на то, что они обходились значительно дороже драматическихъ спектаклей.

Русская труппа, обладая болѣе богатымъ и разнообразнымъ репертуаромъ, знакомитъ публику съ лучшими драматическими произведеніями какъ русскихъ писателей, такъ отчасти и иностранныхъ: Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій, Шпажинскій, Карповъ, Найденовъ и др. ставятся на сценѣ народнаго театра.

Для увеличенія репертуара, дозволеннаго для постановки въ Народныхъ домахъ, комитетъ обращается въ главное управленіе по дѣламъ печати, и уже получилъ разрѣшеніе на постановку болѣе сорока пьесъ. Но такія разрѣшенія обходятся дорого, т. к. требуется посылать каждый разъ пьесы въ двухъ экземплярахъ, гербовыя марки, а иногда, если изданіе уже разошлось, то приходится платить за переписку пьесы или ради одной вещи покупать полное собраніе сочиненій автора. Давно бы пора уничтожить эти стѣсненія для народныхъ представленій тѣмъ болѣе, что въ разныхъ дешевыхъ загородныхъ театрахъ, которые посѣщаются тою же публикой, что и народные дома, такихъ стѣсненій не существуетъ и тамъ, конечно, частные антрепренеры не такъ строги къ выбору пьесъ, какъ комитеты, которые руководствуются въ своей дѣятельности не матеріальными разсчетами, а идейными принципами.

Посѣщаемость воскресныхъ спектаклей бываетъ обыкновенно отъ 600 до 900 человѣкъ, будничныхъ до 400; плата за входъ отъ 5 к. до 1 р. 50 к.; максимумъ валоного сбора со спектакля 300 р., сборъ понижается иногда (въ будни) до 50 р.—не покрывая даже вечерового расхода. Валовой доходъ отъ спектаклей за годъ отъ 11 до 14 тысячъ, вечеровой расходъ до 8 тысячъ, помимо этого еще требуется на отопленіе, освѣщеніе, страховку, взносъ процентовъ по дому, содержаніе служащихъ, декораціи, бутафоріи; такъ что несмотря на безплатную работу комитета, артистовъ, кассира, билетеровъ и мн. друг. все-же Народный домъ обходится очень дорого и безъ субсидіи отъ попечительства о народной трезвости едва ли могъ бы обойтись.

Оканчивая исторію первыхъ годовъ существованія Харьковскаго Народнаго Дома, нельзя не упомянуть о тѣхъ желаніяхъ, исполненіе которыхъ составляетъ завѣтную мечту работниковъ Народнаго дома. Одно изъ этихъ желаній матеріальнаго характера, другое—нравственнаго. Первое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы Народный домъ былъ достроенъ по полному, несокращенному проекту Вепсана. Такая достройка народнаго дома имѣетъ существенное значеніе, главнымъ образомъ потому, что дастъ возможность помѣстить библіотеку-читальню въ отдѣльномъ отъ театра помѣщеніи. Въ настоящее время совмѣстное помѣщеніе библіотеки съ музеемъ и предоставленіе ея для хоровыхъ спѣвокъ представляетъ громадное неудобство: одно учрежденіе мѣшаетъ другому, часто бываетъ затруднительно предоставить помѣщеніе для того или другого; музей не можетъ быть открытъ во время занятій въ читальнѣ. Но еще бо́льшее неудобство представляетъ общій ходъ въ читальню съ театральнымъ помѣщеніемъ. Въ библіотекѣ набирается масса публики, которая при первой возможности входитъ безплатно въ театральное помѣщеніе. Борьба противъ такого напыва безбилетныхъ составляетъ большой трудъ какъ для билетеровъ, такъ и для другихъ лицъ, наблюдающихъ за порядкомъ въ Народномъ домѣ. Безбилетный посѣтитель садится на хорошее мѣсто, а взявшему билетъ приходится стоять или съ трудомъ добиваться своего мѣста. Достроить вполнѣ зданіе можно будетъ въ случаѣ какого-нибудь пожертвованія въ пользу Народнаго дома, или, болѣе медленнымъ путемъ сбереженій, устройства вечеровъ, лекцій и т. п., наконецъ, возможностью дѣлать больше сборовъ въ театрѣ. При помощи экономіи комитетъ погасилъ за истекшій годъ частные долги Народнаго дома въ размѣрѣ болѣе 3-хъ тысячъ. Другое пожеланіе нравственнаго характера состоитъ въ томъ, чтобы недовѣріе, питаемое рабочимъ людомъ къ интеллигенціи, вполнѣ сгладилось, и чтобы въ сферѣ труда на пользу Народнаго дома безъ различія общественнаго положенія всѣ равно энергично и съ любовью работали. И въ этомъ отношеніи уже замѣчаются отрадныя явленія: часто рабочіе, относившіеся сначала къ комитету скептически, при болѣе близкомъ соприкосновеніи съ нимъ мѣняютъ свой скептицизмъ на полное довѣріе. Горячая любовь къ дѣлу, подобно широкому потоку, сглаживаетъ на своемъ пути всѣ неровности и ведетъ одушевляемое ею дѣло къ общему благу [1]).

Школьно-педагогическій комитетъ съ 1902 по 1905 годъ [2]). 25 октября 1901 года предсѣдатель правленія Х. О. Г.—В. Я. Данилевскій предложилъ организовать при Харьковскомъ Обществѣ Грамотности „Комитетъ для разработки различныхъ педагогическихъ вопросовъ“. 13 декабря 1902 года Правленіе постановило признать необходимымъ учрежденіе комитета для теоретической разработки вопросовъ учебно-вспомогательнаго характера, а 3-го марта того же года была утверждена общимъ собраніемъ инструкція для названнаго комитета. Первое засѣданіе комитета состоялось 1 марта 1902 г. въ составѣ 26 членовъ. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ М. Г. Халанскій, товарищемъ предсѣдателя В. И.

1) Сообщено.

2) Составили по порученію школьно-педагогическаго комитета М. К. Вельма и Н. П. Дашевскій.

Харціевъ, секретаремъ В. Н. Бѣлоконская. Въ означенномъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ комиссіи по выработкѣ программы ученическихъ экскурсій; впослѣдствіи программа была издана отдѣльной брошюрой. Въ 1902 г. по просьбѣ Харьковской губернской земской управы составлена „программа народной школы высшаго типа“ для села Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, Харьковской губерніи, согласно приговору крестьянъ общества названнаго села. Приговоръ этотъ является характернымъ образчикомъ того, какія требованія къ школѣ предъявляются уже въ самой крестьянской средѣ. „Сознавая необходимость обученія нашихъ дѣтей“, говорится въ приговорѣ, „мы хотимъ, чтобы дѣти наши, для цѣлей просвѣщенія, могли бы получить достаточно свѣдѣній объ исторіи, обрядахъ и догматахъ православной вѣры, по исторіи нашего отечества, его народовъ и государей, достаточныя знанія о законахъ, которыми управляется наше государство, чтобы дѣти наши были просвѣщены знаніями о важнѣйшихъ явленіяхъ природы, земли, неба и окружающихъ ихъ воздуха и планетъ, мы хотѣли бы болѣе крѣпкихъ знаній по математикѣ, счетоводству, по коммерціи“. Школьно-педагогическій комитетъ образовалъ для выполненія возложенной задачи особую комиссію изъ: А. Ф. Быковой, В. Н. Бѣлоконской, Л. О. Габель, Н. П. Дашевскаго, Н. К. Кничеръ, В. О. Крегеръ, Д. П. Максименко, А. М. Обухова, Р. Д. Пономарева, М. Д. Раевской, М. А. Романики и В. И. Харціева. Комиссія поставила цѣлью разработать типъ народнаго училища, программа котораго обнимала бы наиболѣе важныя отрасли знанія и удовлетворяла въ достаточной мѣрѣ тѣмъ сложнымъ требованіямъ, какія предъявляетъ современная жизнь не только въ городѣ, но и въ селѣ, выраженіемъ которыхъ отчасти является приговоръ Ново-Водолажскаго общества. Комиссія включила въ программу проектированнаго училища слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметику (съ коммерческой ариѳметикой и бухгалтеріей), геометрію (съ землемѣріемъ), русскую и всеобщую исторію, географію русскую и всеобщую въ связи съ коммерческой географіей, природовѣдѣніе, физіологію съ гигіеной, законовѣдѣніе, черченіе, рисованіе и чистописаніе. Курсъ училища намѣченъ 4-хлѣтній, при чемъ въ I-й классъ должны поступать ученики, прошедшіе начальную школу или выдержавшіе соотвѣтственный экзаменъ. Въ составленіи программы по отдѣльнымъ предметамъ принимали участіе слѣдующія лица: В. И. Харціевъ—программа по русскому языку, А. Ф. Быкова—по всеобщей исторіи, Н. К. Кничеръ и А. М. Обуховъ—по природовѣдѣнію, Р. Д. Пономаренъ—по физикѣ, М. Д. Раевская—по черченію и рисованію. Объяснительная записка къ программамъ была составлена Д. П. Максименко. Составленная программа 4-хъкласснаго сельскаго училища въ 1903 г. была представлена на выставкѣ сѣвернаго края въ г. Ярославлѣ и вызвала живой интересъ. Въ 1903 г. обсуждались вопросы „объ отмѣткахъ“ (баллахъ), „о школьно-сберегательныхъ кассахъ“ и др. вопросы. Въ 1904 г. разработанъ вопросъ о 4-хлѣтней начальной школѣ, разсмотрѣнъ докладъ В. П. Кардашева „о введеніи преподаванія рисованія въ начальной школѣ по методу Пранга“; разработанъ вопросъ „о внѣклассномъ чтеніи“ по просьбѣ группы учащихъ земскихъ школъ Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, для чего представили доклады: Н. П. Дашевскій—„что читать дѣтямъ: полезныя или только интересныя книги“ и общую „объяснительную записку ко всѣмъ работамъ“; В. О. Крегеръ—„о чтеніи съ дѣтьми младшаго возраста“; М. Д. Линда—„о сказкахъ“; Д. П. Максименко—„о значеніи смѣха въ педагогикѣ“ и „о выборѣ книгъ для внѣкласснаго чтенія“; Л. А. Попова—„о занятіяхъ вообще и объ объяснительномъ чтеніи въ частности“. По просьбѣ совѣта учителей александровскаго земства, Екатеринославской губерніи, указаны лучшіе, (современные) учебники, руководства и пособія по міровѣдѣнію.

Справочно-педагогическій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности и подвижной музей наглядныхъ пособій. Въ Правленіе Общества Грамотности, а также въ отдѣльные Комитеты Общества всегда поступало значительное число запросовъ по различнымъ вопросамъ народнаго просвѣщенія. Эти запросы часто требовали большого труда для правильнаго отвѣта, въ виду чего въ 1899 году И. П. Бѣлоконскій предложилъ учредить справочно-педагогическій Комитетъ. Въ 1900 году этотъ Комитетъ приступилъ къ работѣ, причемъ его первою заботой было созданіе справочной и педагогической библіотеки. Уже въ 1900 году въ библіотекѣ числилось 1900 томовъ, а къ 1905 году число томовъ возросло до 5225. Число запросовъ самаго разнообразнаго характера въ 1901 году было 85, а въ слѣдующіе годы превысило 150. Отвѣты на запросы давались безплатно и въ Справочно-Педагогическій Комитетъ обращались частныя лица, просвѣтительныя Общества, губернскія и уѣздныя земства со всѣхъ концовъ Россіи. Въ числѣ обращавшихся съ запросами были Вольно-Экономическое Общество, Московское, Педагогическое, Кіевское Общество

Грамотности, Курское, Орловское Губернскія Земства и мн. др. Польза Справочно-Педагогическаго Комитета вызвала рядъ субсидій отъ Земствъ, напримѣръ, Харьковское Губернское Земство выдавало Комитету субсидію въ 300 р., а рядъ уѣздныхъ отъ 25 до 50 руб. Комитетъ принималъ участіе въ рядѣ выставокъ, какъ, напр., Курскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Ярославѣ, удостаиваясь наградъ. По иниціативѣ П. Т. Степанова, которымъ въ общемъ собраніи членовъ Общества Грамотности былъ представленъ докладъ „О педагогическомъ музеѣ", Комитетъ въ 1901 году взялся за организацію музея. Къ 1903 году удалось собрать коллекцію изъ 1510 предметовъ, изъ которыхъ было куплено лишь 369. Скросъ на наглядныя пособія былъ очень великъ: въ 1903 году было выдано 761 наглядное пособіе, а въ 1905 году—2970. Общественныя начальныя школы получаютъ предметы безплатно; среднія учебныя заведенія платятъ 10 руб. въ годъ, частныя начальныя школы и частныя лица—по 3 руб. въ годъ. Въ 1904 году музей устроилъ чтенія по зоологіи. Проф. Никольскій прочиталъ 10 двухчасовыхъ лекцій, имѣвшихъ громадный успѣхъ. Многимъ желавшимъ записаться приходилось отказывать по недостатку мѣста. Музей получалъ въ 1905 г. субсидіи отъ Губернскаго Земства 200 рублей, отъ Уѣзднаго—50 руб. и отъ Харьковской Городской Думы—50 рублей [1]).

Издательскій Комитетъ. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія жила въ Обществѣ грамотности давно. Но на почву практическаго осуществленія дѣло стало лишь послѣ того, какъ въ общемъ собраніи членовъ Общества грамотности, происходившемъ 31 марта 1891 г., былъ сдѣланъ докладъ по этому вопросу членомъ Общества С. Ф. Русовой. Въ своемъ докладѣ С. Ф. Русова указывала на то, что въ виду распространяющейся въ народѣ грамотности, Обществу грамотности слѣдовало бы подумать о томъ, что дать читать нарождающемуся народному читателю. Существовавшая тогда народная литература давала мало знанія и даже не развивала настоящаго нравственнаго чувства, такъ какъ почти не давала истинно художественныхъ произведеній. Особенно подчеркивала С. Ф. Русова отсутствіе книгъ по исторіи, географіи, по западно-европейской литературѣ. Этотъ недостатокъ и предлагала она пополнить Обществу грамотности путемъ основанія собственнаго издательскаго дѣла. Докладъ этотъ былъ встрѣченъ въ общемъ собраніи съ полнымъ сочувствіемъ, и въ томъ же засѣданіи былъ учрежденъ Издательскій Комитетъ. Первые два учредительскія собранія Комитета были весьма немноголюдны. Въ виду явнаго недостатка литературныхъ силъ на мѣстѣ и, особенно, денежныхъ средствъ, нѣкоторые изъ членовъ Общества грамотности относились къ новому начинанію Общества очень скептически, ссылаясь, между прочимъ, на неудавшуюся попытку Общества заняться книжной торговлей. Прійти на помощь новому учрежденію деньгами Общество грамотности не могло, и средствъ въ моментъ возникновенія у Комитета не было ни копѣйки. Но Комитетъ не унывалъ. Первые его дѣятели энергично взялись за работу и принялись за выработку программы дѣятельности Комитета. Первыя книжки, изданныя Комитетомъ, вышли въ свѣтъ въ маѣ 1892 года. Это были сочиненія, принятыя еще въ 1891 году: „Среди французовъ" А. Доде, „Жанна Д'Аркъ" С. Ф. Русовой и „Несчастная". Книжки эти были отпечатаны по 10000 экземпляровъ каждая. Возникновеніе Издательскаго Комитета въ г. Харьковѣ и выходъ въ свѣтъ первыхъ его книжекъ было встрѣчено печатью весьма сочувственно. Предсѣдателемъ Комитета безсмѣнно по избранію состоялъ все время до 1905 г. Д. И. Багалѣй. Матеріальныя средства его возростали; особенно послѣ того, какъ Харьковское губернское земство начало выдавать комитету съ 1897 года субсидію, сначала въ размѣрѣ 800 р., а затѣмъ 1800 р. ежегодно. За все время отъ начала дѣятельности Комитета и вплоть до 1905 г. комитетомъ издано 114 брошюръ на русскомъ и малороссійскомъ языкѣ въ количествѣ 1961541 экземпляра.

Особенно интенсивна была дѣятельность комитета въ 1899 г. Въ этомъ году комитетъ предпринялъ юбилейное изданіе сборника стихотвореній А. С. Пушкина въ количествѣ 158730 экземпляровъ и сказокъ его въ количествѣ 65200 экземпляр. Еще большую дѣятельность комитетъ проявилъ въ 1902 г., въ годъ празднованія 50-лѣтняго юбилея со дня смерти Н. В. Гоголя. Въ этомъ году Комитетъ издалъ 400000 экземпляровъ сборника и отдѣльныхъ разсказовъ Гоголя; а всего за этотъ годъ было издано 30 брошюръ въ количествѣ около 600000 экземпляровъ [2]).

---

[1]) Сообщено.
[2]) Тоже.

Народно-просвѣтительныя учрежденія при винномъ складѣ акцизнаго вѣдомства.

Хозяйственный комитетъ Харьковскаго губернскаго акцизнаго управленія въ засѣданіи 12 ноября 1902 года, заслушавъ и принявъ докладъ В. А. Фаусека о мѣропріятіяхъ, предположенныхъ, въ исполненіе предписанія главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей отъ 28 октября 1902 года въ цѣляхъ улучшенія быта рабочихъ, призналъ желательнымъ устроить во всѣхъ складахъ безплатныя библіотеки-читальни для рабочихъ, организовать чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, продажу книгъ и картинъ, а также ассигновать средства на устройство въ складахъ развлеченій въ видѣ танцевъ и театральныхъ представленій (въ Харьковскомъ и Сумскомъ складахъ). Въ частности въ Харьковскомъ складѣ признано желательнымъ организовать, кромѣ всего сказаннаго, центральные склады книгъ и картинъ для продажи рабочимъ и свѣтовыхъ картинъ для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, школу для рабочихъ, хоръ, оркестръ и столовую для продовольствованія рабочихъ. Организацію названныхъ учрежденій и завѣдываніе таковыми въ Харьковскомъ складѣ, подъ контролемъ Хозяйственнаго Комитета, постановлено было возложить на В. А. Фаусека, при чемъ въ помощь ему былъ назначенъ помощникъ завѣдующаго Харьковскимъ складомъ І. С. Трофимовъ. Въ теченіе перваго же года были достигнуты существенные результаты. Важное значеніе имѣло то обстоятельство, что во главѣ было поставлено лицо, хорошо знакомое съ народно-просвѣтительнымъ дѣломъ по своей дѣятельности въ мѣстномъ Обществѣ грамотности и нашедшее въ этомъ послѣднемъ себѣ поддержку.

Не останавливаясь на томъ, что было сдѣлано для всего округа вообще, мы только остановимся вкратцѣ на томъ, что было сдѣлано для города Харькова.

1. Открыта была *библіотека-читальня*. Безплатная библіотека-читальня для рабочихъ Харьковскаго склада существовала уже нѣсколько лѣтъ. Она была открыта 3 августа 1899 г. какъ отдѣленіе 1-й безплатной народной библіотеки-читальни Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. Создалась она на частныя денежныя пожертвованія, и въ теченіе трехъ лѣтъ получала субсидію отъ комитета 1-й читальни въ размѣрѣ 100 руб. въ годъ. Въ январѣ 1903 г., согласно постановленію Хозяйственнаго Комитета отъ 14 января 1903 года, пожертвованная Харьковскимъ Обществомъ грамотности библіотека была принята въ казну, при чемъ въ ней оказалось 1049 томовъ, на сумму 822 руб. 70 коп. Подписчиковъ въ ней было 141, въ томъ числѣ продавцовъ казенныхъ винныхъ лавокъ 29. Выдано было въ теченіе года 3072 книги. Отпечатанъ и розданъ былъ подписчикамъ каталогъ книгъ. Что касается читальни, то таковая, вслѣдствіе разобщенія съ библіотекой по условіямъ помѣщенія (она находилась въ столовой для рабочихъ), функціонировала независимо отъ библіотеки. Для пользованія рабочихъ, въ читальнѣ, во время обѣденнаго перерыва работъ, обращались нѣкоторыя газеты.

2. *Центральный складъ книгъ и картинъ для продажи рабочимъ.* Устроить при казенныхъ винныхъ складахъ продажу книгъ и картинъ и, такимъ образомъ, удовлетворить, по возможности, научнымъ и художественнымъ запросамъ рабочаго люда, представлялось весьма желательнымъ. Для этого нужно было прежде всего организовать при Харьковскомъ винномъ складѣ центральный складъ книгъ и картинъ, откуда можно было бы снабжать этими предметами уѣздные склады. Онъ могъ быть устроенъ, главн. обр. благодаря тому, что разныя издательскія фирмы согласились присылать свои изданія на комиссію.

3. *Центральный складъ свѣтовыхъ картинъ.* Не считая Харьковской аудиторіи, было въ губерніи 103 чтенія и 1321 картина.

4. *Аудиторія для чтеній въ Харьковскомъ складѣ.* Чтенія велись или въ столовой для рабочихъ, или въ отдѣленіи для комиссіонныхъ напитковъ близъ лабораторіи, и сопровождались исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ на имѣющемся въ складѣ граммофонѣ „Монархъ“, или пѣніемъ хора рабочихъ. На чтенія допускались, кромѣ самихъ рабочихъ, также члены ихъ семействъ.

5. *Хоръ рабочихъ.* Хоръ изъ рабочихъ былъ организованъ въ Харьковскомъ складѣ въ апрѣлѣ 1901 года стараніями старшаго рабочаго Крамарева, бывшаго раньше народнымъ учителемъ. Уже съ 1902 г. хоръ складскихъ рабочихъ обучился пѣнію настолько хорошо, что былъ приглашенъ пѣть по праздникамъ въ Кладбищенской приходской церкви за плату 50 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, хоръ пѣлъ на семейныхъ вечерахъ, устраивавшихся для развлеченія рабочихъ въ складѣ, и выступалъ публично, въ Народномъ домѣ Общества грамотности, во время театральныхъ представленій на сценѣ Народнаго дома, устроенныхъ рабочими виннаго склада въ пользу Общества грамотности.

6. *Оркестръ.* Попытка организовать оркестръ изъ рабочихъ и служащихъ въ Харьковскомъ складѣ такъ же была сдѣлана раньше ассигнованія Главнымъ Управленіемъ денегъ на устройство просвѣтительныхъ развлеченій для рабочихъ. Однако, по недостатку средствъ и при отсутствіи опытнаго руководителя дѣло это едва ли могло разсчитывать на серьезный успѣхъ. Иной оборотъ получился, когда были даны деньги на пріобрѣтеніе инструментовъ и на приглашеніе капельмейстера. Дѣло пошло настолько успѣшно, что уже 15 февраля 1903 г., т. е. черезъ три мѣсяца послѣ начала занятій, оркестръ выступилъ на вечерѣ, устроенномъ въ складѣ для рабочихъ. Затѣмъ, 12 апрѣля въ сопровожденіи оркестра была, разыгранная рабочими на сценѣ складскаго театра, малороссійская опера Квитки-Основьяненка „Сватання на Гончаривци“. Въ антрактахъ также игралъ оркестръ нѣсколько разученныхъ къ этому времени танцевъ. 18 мая того же года оркестръ выступилъ въ публичномъ спектаклѣ складскихъ рабочихъ въ Народномъ домѣ. Въ сопровожденіи оркестра, подъ управленіемъ г. Четыркина, была розыграна „Наталка Полтавка“. Успѣхи, сдѣланные оркестромъ казеннаго виннаго склада—первымъ народнымъ оркестромъ въ Харьковѣ—обратили на себя вниманіе. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Комитетъ по управленію „Народнымъ Домомъ“ пригласилъ оркестръ складскихъ рабочихъ играть въ антрактахъ, во время спектаклей, въ „Народномъ Домѣ“, за плату.

7. *Театръ.* Въ виду того, что перестройка столовой предположена была въ лѣтній сезонъ, въ складѣ была сооружена временная сцена въ отдѣленіи для разборки посуды, и въ первое же полугодіе 1903 г. были даны два спектакля. 15 февраля была поставлена малороссійская оперетка Котляревскаго „Наталка Полтавка“ и 13 апрѣля малороссійская же опера Квитки-Основьяненко „Сватання на Гончаривци“. Исполнителями пьесъ въ обоихъ случаяхъ были рабочіе склада, при участіи хора рабочихъ. На первомъ представленіи было 420 человѣкъ посѣтителей, на второмъ 450. Наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ была закончена перестройка зданія столовой для рабочихъ, и 6 декабря на сценѣ собственнаго театра въ складѣ состоялся послѣдній спектакль рабочихъ въ отчетномъ году. Рабочими, при участіи хора и оркестра, была поставлена пьеса Старицкаго „Ой, не ходы, Грицю, та на вечерныци“.

Послѣ болѣе чѣмъ годичной работы надъ улучшеніемъ быта рабочихъ естественно задать себѣ вопросъ, какъ было принято рабочими все сдѣланное для нихъ казною, въ какой мѣрѣ отвѣчали предпринятыя мѣропріятія потребностямъ рабочей массы и какъ на ней отразились.

Съ полнымъ убѣжденіемъ можно засвидѣтельствовать, говоритъ отчетъ, что все, что было заведено въ Харьковскомъ складѣ съ цѣлью улучшенія какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго быта рабочихъ, было принято этими послѣдними съ полнымъ сочувствіемъ и съ сознательной оцѣнкой. Казна своими просвѣтительными мѣропріятіями попала навстрѣчу самой насущной, вполнѣ назрѣвшей, вполнѣ сознанной потребности простого городского населенія. Сухой отчетъ о дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій едва ли можетъ дать понятіе о томъ, какую важную роль играли въ жизни склада эти учрежденія во всей своей совокупности. Чтобы оцѣнить это, нужно было быть около рабочихъ, видѣть и переживать вмѣстѣ съ ними ихъ настроенія. Со времени возникновенія въ складѣ занятій просвѣтительнаго характера, трудовой день рабочихъ не кончался съ прекращеніемъ работъ въ складѣ. Тотчасъ послѣ свистка, одни шли въ школу учиться, другіе пѣть въ хорѣ, третьи играть въ оркестрѣ, считывать роли или репетировать пьесу для спектакля, шить костюмы для театра или дѣлать украшенія для убранства залы во время вечера и т. п. Все это добровольно, безъ всякаго принужденія, зачастую съ искреннимъ увлеченіемъ, несмотря на утомленіе, столь естественное послѣ цѣлаго дня тяжелаго физическаго труда. А между тѣмъ достаточно побыть на урокахъ въ школѣ и увидѣть, какого неимовѣрнаго труда стоитъ взрослому человѣку научиться грамотѣ, чтобы убѣдиться, какъ горьки корни всякаго ученья для мало образованнаго человѣка, будь то пѣніе, или музыка, или запоминаніе роли, и какъ, слѣдовательно, должно быть велико желаніе возвыситься надъ неприглядной, сѣрой дѣйствительностью жизни рабочаго человѣка, если никакія трудности не останавливаютъ людей передъ достиженіемъ намѣченной цѣли. Чтобы научиться грамотѣ и получить возможность читать книгу, выучить ноты, чтобы пѣть или играть на музыкальномъ инструментѣ, выучить на память роль, чтобы играть на сценѣ—словомъ, чтобы получить возможность не только работать, но и жить по человѣчески—рабочіе не щадятъ никакихъ усилій. А терпѣніе и трудъ всегда даютъ плодотворные результаты. Что рабочими Харьковскаго склада достигнуты нѣкоторые результаты въ ихъ начинаніяхъ, видно изъ настоящаго отчета. Нельзя не отмѣтить также моральнаго значенія развлеченій, устраи-

вавшихся для рабочихъ Харьковскаго склада. Было бы ошибкою смотрѣть на дѣло увеселенія рабочихъ, какъ на простую забаву, какъ на средство простого душевнаго и физическаго отдохновенія. Несомнѣнно, учрежденія этого рода служатъ образовательно воспитательнымъ цѣлямъ, такъ какъ развиваютъ въ мало культурной массѣ эстетическія чувства. Подразумѣвая подъ „развлеченіями", главнымъ образомъ, театральныя представленія и концерты, устраивавшіяся для рабочихъ, нужно отмѣтить, что вечера этого рода пользовались въ складѣ особымъ успѣхомъ. Рабочіе готовились къ нимъ задолго и всегда ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. Въ основу постановки этого дѣла съ самаго начала было положено начало самодѣятельности рабочихъ. Все было сдѣлано самими рабочими, и всякое активное вмѣшательство интеллигентныхъ силъ въ дѣло устройства спектаклей, исполненія музыкальныхъ и вокальныхъ программъ было всегда отклоняемо. Завѣдующіе оставили за собою лишь руководительство и направленіе дѣятельности рабочихъ, и успѣхъ складскихъ вечеровъ зависѣлъ, главн. образ., отъ такой постановки дѣла. Рабочіе всегда цѣнили, что театральная сцена отдана имъ для пробы своихъ силъ въ постановкѣ доступныхъ имъ драматическихъ произведеній, что эстрада предоставлена ихъ пѣвцамъ и музыкантамъ, что танцуютъ они подъ звуки собственнаго оркестра. Чрезвычайно интересно было видѣть танцы рабочихъ. Не стѣсняемые присутствіемъ посторонникъ, рабочіе, предоставленные самимъ себѣ, всегда соблюдали строгую дисциплину и имитировали на своихъ вечерахъ балы высшаго общества. Танцевали модные пластическіе танцы, безусловно подчинялись распоряженіямъ дирижера, въ отношеніяхъ между собою соблюдали изысканную вѣжливость, обращались другъ съ другомъ на „вы"; здѣсь не было рабочихъ, здѣсь были кавалеры и дамы. Вечера всегда были многолюдны, на нихъ бывало отъ 400 до 500 человѣкъ, сколько могла вмѣстить зала, и тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе полиціи, не было никогда нарушенія порядка. Рабочіе сами хорошо слѣдили за этимъ. Такимъ образомъ, воспитательное значеніе вечеровъ для рабочихъ, какъ показалъ опытъ, несомнѣнно. Что касается удовольствія, то нечего и говорить, что вечера эти доставляли его рабочимъ въ полной мѣрѣ. Всѣ, а въ особенности рабочія женщины, очень дорожили устраиваемыми въ складѣ вечерами и не разъ выражали устроителямъ свою благодарность за нихъ.

Заботливость казны объ устройствѣ быта своихъ рабочихъ въ казенномъ винномъ складѣ имѣла еще и другое значеніе. Возникновеніе въ складѣ цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій и устройство вечеровъ, на которыхъ присутствовали посторонніе рабочіе, содѣйствовало популяризаціи склада въ средѣ рабочаго населенія города. Служба въ складѣ многимъ казалась заманчивой, и рабочіе съ другихъ заводовъ стали домогаться поступить на службу въ казенный складъ, который сталъ какъ бы выше другихъ промышленныхъ учрежденій въ глазахъ трудящихся классовъ. Наряду съ этимъ, самодѣятельность рабочихъ Харьковскаго склада въ дѣлѣ организаціи учрежденій, могущихъ способствовать эстетическому образованію рабочей массы, вызвала себѣ подражаніе. Такъ на Харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ, по примѣру Харьковскаго склада, составился струнный оркестръ рабочихъ, который, на одинаковыхъ условіяхъ вознагражденія съ складскимъ оркестромъ, сталъ играть въ театрѣ Народнаго дома.

Такимъ образомъ, устройство казною въ Харьковскомъ казенномъ винномъ складѣ просвѣтительныхъ учрежденій для рабочихъ должно быть признано весьма отраднымъ явленіемъ. Мѣропріятія казны, содѣйствуя съ одной стороны установленію благожелательныхъ взаимныхъ отношеній между администраціей склада и служащими въ немъ рабочими, принявшими заботу о нихъ съ искренней благодарностью, въ короткое время послужили примѣромъ для другихъ заводскихъ учрежденій и дали толчекъ къ подражанію себѣ въ дѣлѣ устроенія жизни рабочихъ. Въ этомъ уже нельзя не видѣть роли, имѣющей, можетъ быть, важное общественное значеніе. Въ Харьковѣ казна первая сдѣлала починъ въ добромъ дѣлѣ улучшенія быта своихъ многочисленныхъ служащихъ и, можетъ быть, открыла вѣрный путь къ разрѣшенію „рабочаго вопроса".

Обращаемся теперь къ статистикѣ грамотныхъ въ г. Харьковѣ въ разные моменты его исторической жизни.

По однодневной переписи 1 мая 1866 года въ Харьковѣ на 60798 д. обоего пола *грамотныхъ* подсчитано было 14772 м. и 7384 ж. (22156) и *неграмотныхъ*—17664 м. и 20178 ж. (38642) [1]. Такимъ образомъ, грамотныхъ оказалось всего 36%, изъ коихъ 24% выпадаетъ на долю мужского населенія и

[1]) Х. Г. В. 1866, № 80.

только 12% на долю женскаго. По изслѣдованіямъ автора, располагавшаго и данными переписи, и нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями, оказывается, что грамотность простого народа была развита сильнѣе во 2-й части города, въ 1-й слабѣе, а въ 3-й еще слабѣе. Всѣхъ дѣтей низшаго класса, обучающихся грамотѣ, было 947, что составитъ 1,5%. Въ городѣ тогда не было ни одной частной школы, предназначенной собственно для дѣвочекъ простого класса. Развитіе школьнаго образованія въ 1-й части города объясняется исключительно распространеніемъ частныхъ школъ: здѣсь была школа Кваппиной, вмѣщавшая болѣе 70 мальчиковъ, и 9 другихъ школъ (дьячковъ—Ковалевскаго, Ракитянскаго, Шишкина, Пономарева; писаря Ѳедорова на Заиковкѣ, мѣщ. Константинова и Шленскаго на Петинской ул., дворянки Родзинской на Заиковкѣ, унт.-офиц. Загорьева, около городскихъ столбовъ). На каждаго изъ этихъ лицъ приходилось въ среднемъ по 20 учениковъ. Благодаря этому около 14% мальчиковъ этой мѣстности познакомились съ русской грамотой. Открытіе же училища при Воскресенской церкви мѣстнымъ приходскимъ попечительствомъ въ продолженіе короткаго времени подняло этотъ процентъ до 19. Въ 3-й части города была школа гос. крестьянки Лелюковой (23 мальчика), дьячка Бѣликова (на Гончаровкѣ), поп. Коваленскаго, мѣщ. Подусова на Холодной горѣ, поч. гражд. Ковалева на Лысой горѣ, двор. Высочинова около Благовѣщенской церкви, писаря Цыленка за Арестантскими ротами, мѣш. Усова на Холодной горѣ. На каждаго въ среднемъ приходилось по 11 учащихся. Во 2-й части (центральной) было менѣе учащихся, несмотря на существованіе двухъ училищъ (1-го приходскаго со 102 уч. и приходскаго при ремесленной управѣ съ 47 м. и 22 дѣв.). Въ предмѣстьяхъ Журавлевкѣ, Дурноляповкѣ, Пескахъ, населенныхъ почти исключительно простымъ народомъ, не было ни одной даже частной школы. Только на Пескахъ мѣстный дьячекъ обучалъ 10 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ [1]).

По даннымъ переписи 1879 года грамотность Харьковскаго населенія представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ жителей оказалось 102049 душъ (55463 м. и 46586 ж. пола). Изъ нихъ неграмотныхъ 61083 души (29170 м. и 31913 ж.), неизвѣстныхъ 256, грамотныхъ *40710*, изъ коихъ 3309 только читающихъ (1995 м. и 1314 ж.) и 37401 читающихъ и пишущихъ (24173 м. и 13228 ж.). Число грамотныхъ составитъ къ общему числу жителей 40,02% [2]).

Посмотримъ теперь, каково было состояніе грамотности въ самомъ почти концѣ XIX в., по даннымъ всеобщей переписи 1897 года.

На 173989 душъ населенія (92182 м. и 81807 ж. п.) грамотныхъ было 91329 (57017 м. и 34312 ж.), что составитъ 61,74% м. и 41,94% ж. 52,5% общаго числа, въ то время какъ по всей Харьковской губ. общій процентъ грамотныхъ равнялся только 16,85%. Въ Харьковѣ процентъ грамотныхъ втрое выше, чѣмъ въ губерніи. Ближе другихъ городовъ подходятъ къ Харькову Чугуевъ и Сумы (бол. 40%), далѣе всѣхъ отстоитъ Недригайловъ (12,9%).

По возрастамъ грамотные распредѣляются такъ: отъ 1 до 9 лѣтъ было 26197 обоего пола (12812 и 13385), въ томъ числѣ грамотныхъ 3588 (1827 м. и 1761 ж.); отъ 10 до 19 лѣтъ—34807 (16529 м. и 18278 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 25506 (13592 м. и 11914 ж.); отъ 20 до 29 лѣтъ—44202 (27330 м. и 16872 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 28926 (19757 м. и 9169 ж.); отъ 30 до 39 лѣтъ—26223 (14573 м. и 11650 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 15695 (10397 м. и 5298 ж.); отъ 40 до 49—17208 (9133 м. и 8075 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 8897 (5964 м. и 2933 ж.); отъ 50 до 59—11107 (5257 м. и 5850 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 5037 (3223 м. и 1814); отъ 60 до 69—6614 (3026 м. и 3588 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 2571 (1620 м. и 951 ж.); отъ 70 до 79—2646 (1090 м. и 1556 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 877 (518 м. и 359 ж.); отъ 80 до 89—582 (216 м. и 366 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 144 (65 м. и 79 ж.); отъ 90 до 99—105 (35 м. и 70 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 17 (8 м. и 9 ж.); отъ 100 и свыше лѣтъ—10 (8 м. и 2 ж.), въ томъ числѣ грамотныхъ 4 (4 муж.). Неграмотные и грамотные распредѣлялись по сословіямъ и по мѣсту образованія слѣдующимъ образомъ. Изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ, чиновниковъ не изъ дворянъ и ихъ семействъ неграмотныхъ было 892 муж. и 1143 ж. (это были дѣти въ возрастѣ до 10 лѣтъ), грамотныхъ 14655 (7028 м. и 7627 ж.), въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было 1641 м. и 46 ж., въ спеціаль-

[1]) Х. Г. В. 1866, № 92.

[2]) Харьк. кал. на 1883 годъ, стр. 164—169.

ныхъ или техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 624 м. и 7 ж., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 217 м. и 60 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 2232 м. и 4101 ж., въ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 26 м., среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 567. Изъ лицъ духовнаго званія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и ихъ семей неграмотныхъ было 62 м. и 105 ж., грамотныхъ 852 м. и 895 ж., въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 62 м. и 2 ж., въ спеціальныхъ и техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 18 м., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 10 м. и 6 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 627 м. и 667 ж., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ—6. Изъ почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и другихъ городскихъ сословій неграмотныхъ 27226 (10385 м. и 16841 ж.), грамотныхъ 38611 (22876 м. и 15735 ж.), въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 791 м. и 20 ж., въ спеціальныхъ и техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 402 м. и 5 ж., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 431 м. и 68 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 2832 м. и 3415 ж., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 29. Изъ лицъ сельскаго состоянія (крестьянъ, казаковъ, иностранныхъ поселенцевъ и т. п.) неграмотныхъ 52033 (23295 м. и 28738 ж.), грамотныхъ 34027 (25066 м. и 8961 ж.), въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 68 м. и 1 ж., въ спеціальныхъ и техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 106 м. и 2 ж., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 164 м. и 32 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 363 м. и 510 ж., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 6 м. Изъ лицъ, непринадлежавшихъ къ сказаннымъ сословіямъ, неграмотныхъ было 281 м. и 510 ж., грамотныхъ 437 м. и 385 ж., въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 36 м. и 2 ж., въ спеціальныхъ и техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 16 м., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 14 м. и 1 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 54 м. и 89 ж., въ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 1 м., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 4 м. Изъ иностранныхъ подданныхъ неграмотныхъ было 250 м. и 158 ж., грамотныхъ 755 м. и 702 ж., въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 26 м., въ спеціальныхъ или техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 38 м. и 1 ж., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 25 м. и 1 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 219 м. и 284 ж., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 2 м.

Если взять всѣ сословія, то неграмотныхъ окажется 82660 (35165 м. и 47495 ж.), грамотныхъ 91329 (57017 м. и 34312 ж.), въ томъ числѣ учившихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было 2624 м. и 71 ж., въ спеціальныхъ или техническихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 1205 м. и 15 ж., въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 861 м. и 168 ж., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 6328 м. и 9067 ж., въ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 27 м., въ среднихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ 614 м.

Интересно распредѣленіе грамотныхъ и неграмотныхъ по вѣроисповѣданіямъ. На 154118 православныхъ и единовѣрцевъ грамотныхъ было 77234 (48265 м. и 28969 ж.), на 391 душу старообрядцевъ 233 (162 м. и 71 ж.) грамотныхъ, на 4710 католиковъ 3529 (2357 м. и 1172 ж.), на 2683 протестантовъ 2394 (1171 м. и 1223 ж.) грамотныхъ, на 428 душъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій 282 грамотныхъ, на 207 караимовъ 161 грамотныхъ, на 10806 іудеевъ 7268 (4542 м. и 2726 ж.) грамотныхъ, на 641 магометанъ 225 грамотныхъ, на 5 душъ остальныхъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій 3 грамотныхъ [1]).

---

[1]) Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Харьковская губернія. 1904.

Глава 21-я.

Исторія Харьковской журналистики.

Журналистика обыкновенно является только тогда, когда общая литература достигаетъ извѣстнаго уровня своего развитія. Въ XVIII в. Харьковская литература не достигла еще такого уровня—и первые органы періодической печати являются въ Харьковѣ только въ 10-хъ годахъ XIX в., благодаря учрежденію въ немъ университета. Въ 10-хъ и 20-хъ годахъ XIX вѣка журналистика достигла въ Харьковѣ своего расцвѣта. Такое явленіе можетъ показаться страннымъ, если обратить вниманіе на то, что внѣшнія и общія условія для развитія ея были крайне неблагопріятны: въ это время царила сильнѣйшая реакція. Намъ кажется, что развитіе періодической печати въ Харьковѣ въ 10-хъ и 20-хъ годахъ является въ сущности культурнымъ наслѣдіемъ свѣтлой либеральной эпохи первыхъ годовъ XIX вѣка, подготовившей главнымъ образомъ въ университетѣ, а также и въ обществѣ ея дѣятелей. Филомафитскій, Гонорскій, Масловичъ, Гулакъ-Артемовскій, Склабовскій были иниціаторами и руководителями харьковской журналистики и всѣ они были духовными чадами словесниковъ Рижскаго, Срезневскаго и другихъ тогдашнихъ профессоровъ; всѣ они получили вкусъ къ литературнымъ занятіямъ въ научно-литературной атмосферѣ Харьковскаго университета. Университетъ, жившій въ то время полной свободной жизнью, имѣлъ значительное вліяніе на общество. Уровень культурныхъ потребностей этого послѣдняго сразу замѣтно расширился, съ водвореніемъ въ Харьковѣ новаго разсадника высшаго образованія. Душею „Еженедѣльника“ былъ профессоръ иностраннаго происхожденія К. Нельдехенъ. Теперь все дѣло перешло въ руки дѣятелей русскаго происхожденія, которые могли придать ему болѣе жизненности и устойчивости. Когда университетскому цензурному комитету была представлена рукопись перваго номера „Еженедѣльника“, то онъ нашелъ въ ней множество погрѣшностей противъ русской рѣчи и грамматическихъ ошибокъ; теперь же во главѣ стали мастера русскаго и малорусскаго слова—литераторы и поэты. Среди университетскихъ дѣятелей и бывшихъ его питомцевъ и учителей нашлось достаточное число сотрудниковъ для этихъ новыхъ повременныхъ изданій. Печатались они въ университетской типографіи, прекрасно оборудованной во всѣхъ отношеніяхъ. Университетскому центральному комитету принадлежала цензура надъ ними, справедливая, благожелательная, непридирчивая, и это послѣднее обстоятельство имѣло огромное значеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій университетъ велъ даже непосредственно самъ. Наконецъ, университету эти изданія были въ значительной степени обязаны и основнымъ контингентомъ своихъ читателей. Всѣ училища огромнаго въ то время Харьковскаго учебнаго округа—среднія и низшія—находились въ вѣдѣніи университета и составляли съ нимъ какъ бы единую педагогическую семью. Учебно-административный и преподавательскій персоналъ этихъ заведеній и отчасти учащіеся въ нихъ составили основное ядро подписчиковъ на эти журналы, тѣмъ болѣе, что иногда они прямо рекомендовались мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ для выписки въ училища.

Въ 1812 году возникла въ Харьковѣ первая газета—„Еженедѣльникъ“, издателемъ которой былъ университетскій книгопродавецъ *Ланнеръ*. Вышло, впрочемъ, ея только 12 номеровъ. Печаталось ея 600 экземпляровъ. Выходила она каждую субботу въ размѣрѣ $^1/_2$—1 печ. листа. Подписная цѣна для Харьковскихъ подписчиковъ равнялась 10 р., для иногородныхъ 12 р. Любопытно, что газета вызвана была главн. образ. желаніемъ удовлетворить запросамъ промышленности и торговли. „Предметомъ сихъ листовъ, писала редакція, являются общеполезныя знанія экономіи и технологіи, основанныя на опытахъ славныхъ мужей, также важныя коммерческія извѣстія и напослѣдокъ въ пріятной бесѣдѣ служащіе предметы, какъ-то: небольшіе стихи, анекдоты и пр. И дѣйствительно, въ основномъ отдѣлѣ и помѣщались именно такія статьи—о способѣ очищенія прогорклаго масла, о новомъ способѣ полированія стали и др. Заслу-

живаетъ вниманія статья профессора сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ К. Нельдехена „О причинахъ, почему во многихъ отъ природы очень плодоносныхъ странахъ хозяинъ не получаетъ отъ своего домоводства тѣхъ выгодъ, какія онъ могъ бы получать". Газета, такимъ образомъ, хотѣла преслѣдовать такую цѣль, какую поставило себѣ Филотехническое Общество, основанное В. Н. Каразинымъ. Но руководителю дѣла и наиболѣе авторитетному изъ его сотрудниковъ проф. Нельдехену не доставало знакомства съ русскою жизнью и дѣйствительностью. Они поставили его слишкомъ теоретично. К. Нельдехенъ, по сообщенію современника, возбудилъ смѣхъ у своихъ слушателей—студентовъ совѣтами объ удобреніи тучнаго украинскаго чернозема. Для того чтобы придать болѣе жизненнаго интереса газетѣ, Лангнеръ скоро измѣнилъ ея программу и ввелъ въ нее статьи по исторіи и эстетикѣ, вмѣсто торговыхъ бюллетеней сталъ печатать отчеты о дѣйствіяхъ Харьковскаго благотворительнаго общества, въ отдѣлѣ мелкихъ замѣтокъ началъ помѣщать стихотворенія, эпиграммы мѣстнаго поэта Масловича. Но едва ли не наиболѣе интереснымъ матеріаломъ является для насъ въ настоящее время отдѣлъ объявленій. Здѣсь впервые стали печататься метеорологическія наблюденія магистра Комлишинскаго по термометру, гигрометру и барометру. Объявленія частныхъ лицъ являются любопытными матеріалами для характеристики тогдашняго быта. Но время для изданія торгово-промышленной газеты было выбрано неудачное: въ 1812 году вся Россія переживала тяжкій военный и финансовый кризисъ—не представлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и Харьковъ. Вотъ гдѣ была истинная причина неуспѣха газеты. Затѣмъ ускорило прекращеніе газеты и отношеніе къ этому дѣлу Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ послѣднемъ тогда уже начиналось реакціонное теченіе и оно прежде всего выразилось въ цензурныхъ стѣсненіяхъ. Цензурному университетскому комитету было поставлено на видъ, что онъ не долженъ былъ безъ утвержденія высшаго начальства разрѣшать этой газеты и рекомендовалось взять это изданіе въ вѣдѣніе университета, а получать отъ Лангнера деньги за право изданія. Университетъ объяснилъ, что Лангнеръ не только не получалъ прибыли отъ изданія, а, наоборотъ, несъ убытки, ибо оно имѣло на первыхъ порахъ только 25 подписчиковъ, такъ что проф. Нельдехенъ долженъ былъ поручиться передъ правленіемъ за Лангнера въ уплатѣ денегъ.

Въ 1813 году гр. А. К. Разумовскій не разрѣшилъ рижскому обывателю надворному совѣтнику Нагелю издавать русскій переводъ его журнала „Zuschauer", ибо „кромѣ собственныхъ политическихъ разсужденій и нѣкоторыхъ извѣстій, почерпнутыхъ непосредственно изъ иностранныхъ журналовъ, газета эта заимствуетъ почти всѣ статьи изъ Петербургскихъ Вѣдомостей и Сѣверной Почты, и перепечатываніе ихъ на русскомъ языкѣ могло бы сдѣлать подрывъ этимъ газетамъ" [1]).

Несравненно выше стояла вторая Харьковская газета „Харьковскія Извѣстія", начавшая выходить съ 1817 года подъ редакціей кандидата Вербицкаго одинъ разъ въ недѣлю въ форматѣ нынѣшняго писчаго листа въ 4 страницы. Въ ней было 4 отдѣла: 1) внутреннія и мѣстныя извѣстія, 2) заграничныя извѣстія, 3) анекдоты и 4) объявленія. Газета эта носила не спеціальный торгово-промышленный, а общелитературный характеръ и обращала серьезное вниманіе на мѣстную хронику, полагая, что „вниманіе людей любящихъ свою родную сторону, даетъ прочное бытіе сему изданію". Среди мѣстныхъ извѣстій мы встрѣчаемъ статьи, касающіяся университетскихъ актовъ и преподаванія, Библейскаго, Благотворительнаго и Научнаго Обществъ, некрологи мѣстныхъ дѣятелей, женскаго института, пансіоновъ и духовныхъ училищъ, харьковской торговли и промышленности. Есть цѣлый рядъ сообщеній изъ разныхъ городовъ Харьковскаго учебнаго округа о школьномъ дѣлѣ. Въ отдѣлѣ смѣси печатались метеорологическія наблюденія В. Н. Каразина въ сел. Кручикѣ. Интереснъ теперь для насъ и отдѣлъ объявленій. За строчку объявленій взималось 20 к. Подписная цѣна на газету равнялась безъ пересылки 10 р., а съ пересылкою 12 р. Общество слабо поддерживало газету и она просуществовала въ качествѣ частнаго предпріятія Вербицкаго всего 2 года (1817 и 1818). Но съ 1820 года эта газета возродилась въ качествѣ университетскаго изданія, редакторами котораго совѣтъ назначилъ адъюнктовъ Филомафитскаго и Куницкаго, лектора польскаго языка Гулака-Артемовскаго и кандидата Склабовскаго. Въ 1820 году печатаніе газеты съ почтовыми расходами обошлось въ 1½ тыс. рублей, а получено было отъ подписчиковъ и за

[1]) Я пользовался экземпляромъ „Еженедѣльника" въ Император. Публичной Библіотекѣ; въ Харьковскихъ книгохранилищахъ его нѣтъ. Данныя о немъ напечатаны въ моемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета", т. 1-й, стр. 750—753.

объявленія 1840 р. Наиболѣе дѣятельное участіе въ редакціи принималъ въ это время Куницкій, которому и выдано было за труды 100 р. Повидимому, газета выходила 4 года, но мы видѣли только отдѣльные номера ея за эти годы. Переходъ газеты въ непосредственное вѣдѣніе университета, нужно думать, привлекъ къ ней и бо́льшее число подписчиковъ [1]).

Въ 1816 году сталъ выходить въ Харьковѣ первый журналъ „Харьковскій Демокритъ“, издававшійся харьковскимъ писателемъ-баснописцемъ, бывшимъ питомцемъ Харьковскаго университета В. Г. Масловичемъ. Журналъ носилъ юмористическій характеръ и состоялъ изъ 3-хъ отдѣловъ—поэзіи, прозы и смѣси. Въ 1-й должны были войти комическія поэмы, забавныя посланія, веселыя оды, замысловатыя басни, надписи, эпиграммы, эпитафіи и пр.; во 2-й—повѣсти и сказки, анекдоты, разсужденія, мысли европейскихъ и восточныхъ писателей, путешествія, харьковскія записки; въ 3-й отдѣлъ—пѣсни русскія и малороссійскія, приношенія, мадригалы, балеты, шарады, загадки, акростихи, стихи на заданныя риемы, словомъ, всѣ извѣстныя, такъ сказать, игрушки стихотворческія, для „увеселенія дамъ служащія“. Издатель хотѣлъ удовлетворить потребности въ журналѣ, которыя назрѣли въ университетскомъ городѣ Харьковѣ. „Многіе жалуются, писалъ онъ, зачѣмъ Харьковъ до сихъ поръ не имѣетъ ни одного періодическаго сочиненія. Уже нѣсколько лѣтъ какъ воздвигнутъ храмъ наукъ въ мѣстахъ нашихъ, а мы до сихъ поръ почти ничего своего не имѣемъ“. „За долгъ особенный полагаю упомянуть здѣсь о томъ, писалъ издатель въ 1-й книжкѣ, что этотъ журналъ будетъ наполняться произведеніями своего края“. Почти всѣ статьи „Харьковскаго Демокрита“ писаны по-русски; статей на малороссійскомъ языкѣ въ первыхъ шести книжкахъ было только двѣ (самого Масловича) и, кромѣ того, малорусскіе разговоры внесены были въ балладу Масловича „Основаніе Харькова“. Обѣщанныхъ программою малороссійскихъ пѣсенъ не оказалось. Мѣстному элементу отведено было видное мѣсто, но не столь значительное, какъ слѣдовало бы ожидать по программѣ. Сотрудники журнала были по преимуществу харьковцы—прежде всего самъ Масловичъ; кромѣ того, здѣсь мы находимъ посмертныя изданія Нахимова, стих. А. А. Палицына, Гр. Өед. Квитки, Срезневскаго, Райдаровскаго, переводы Гонорскаго. Гр. Өед. Квитка напечаталъ здѣсь шуточныя стихотворенія—Воззваніе къ женщинамъ, Не хочу, двойные акростихи (имѣетъ автобіографическое значеніе) Журналъ просуществовалъ только полгода.

Въ 1817 году профессоръ ветеринаріи въ Харьковскомъ университетѣ Пильгеръ издавалъ журналъ „*Украинскій Домоводъ*“, два номера котораго сохранились въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Статьи журнала относились къ сельскому хозяйству, главнымъ образомъ, скотоводству. Успѣха журналъ, повидимому, не имѣлъ.

На первомъ мѣстѣ среди всѣхъ періодическихъ изданій этого времени нужно поставить однако „*Украинскій Вѣстникъ*“, выходившій 4 года—въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ. Первыми издателями его были—кандидатъ Е. Филомафитскій, извѣстный Григорій Квитка (Основьяненко) и учитель гимназіи Р. Гонорскій. Журналъ по программѣ долженъ былъ заключать въ себѣ 5 отдѣловъ: науки, изящную словесность, стихотворенія, харьковскія записки и смѣсь. Такимъ образомъ, отъ столичныхъ журналовъ „Укр. В.“ отличался своимъ областнымъ характеромъ—онъ отводилъ видное мѣсто Украйнѣ и ея умственнымъ интересамъ. И въ этомъ заключалась коренная причина его успѣховъ: если бы онъ игнорировалъ

---

[1]) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2-й, стр. 764—767.

А вотъ оглавленіе важнѣйшихъ статей газеты за 1820 годъ. Въ смѣси сообщалось о подкладывателяхъ въ Парижѣ и о появленіи волка въ Петербургѣ на Невскомъ и на другихъ улицахъ зимою; онъ искусалъ много народа. Въ отдѣлѣ—разныя мысли—мы находимъ такое опредѣленіе хвастуна: „хвастунъ есть храбрѣйшій воинъ прежде и послѣ сраженія“. Находимъ статьи о двухъ примѣрныхъ помѣщикахъ Слоб. и Ворон. губ., перепечатанную статью В. Н. Каразина—Отрывокъ изъ дневной записки украинца (о засѣданіи Акад. наукъ), извѣстіе объ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, о собраніи библейскаго общества, подробное описаніе похоронъ англ. короля Георга III, разореніе дома инквизиціи въ Барцелонѣ въ Испаніи, со справкою, что съ 1481 года испанской инквизиціей сожжено было живыхъ 32282, заочно въ изображеніяхъ 17690; число заключенныхъ въ тюрьмы и наказанныхъ конфискаціей было 2911450 чел. Статьи: изверженіе Везувія, церемоніалъ открытія черноморской гимназіи въ Екатеринодарѣ. Отъ Сл. укр. губ. канцеляріи было объявлено, что въ вѣдомство университета перешли зданія, занятыя градскою полиціею, магистратомъ, Думой и Врачебною управой и за нихъ изъ университетскихъ суммъ отпущено 70312 р. для постройки новыхъ. Въ отдѣлѣ объявленій читаемъ: „отдается въ услуженіе на весьма выгодныхъ условіяхъ дѣвка 18 лѣтъ хорошаго поведенія, умѣющая ходить за туалетомъ, уборкою комнатъ и знающая женскія рукодѣлія. Желающіе оную имѣть могутъ адресоваться Сл. укр. губ. Зміев. у. въ село Лебяжье командиру Арх. город. пѣх. полка 2-го батал. маіору фонъ Бергу“.

мѣстную исторію, литературу и жизнь, то онъ терялъ бы свой raison d'etre, потому что общія научно-литературныя статьи всякій могъ бы найти въ столичныхъ изданіяхъ, которыя были обставлены несравненно лучше относительно сотрудниковъ и матеріальныхъ средствъ. Г. Ѳ. Квитка скоро вышелъ изъ состава сотрудниковъ, умеръ и Гонорскій и въ послѣдній годъ велъ дѣло одинъ Филомафитскій, бывшій душею дѣла и ведшій его чрезвычайно энергично и успѣшно. Серьезное содѣйствіе журналу оказывалъ проф. И. Е. Срезневскій, доставлявшій редакціи труды студентовъ. Журналъ добросовѣстно, полно и удачно выполнялъ свою программу. Въ 1-мъ отдѣлѣ его было напечатано между прочимъ нѣсколько статей по исторіи Малороссіи—о Богданѣ Хмельницкомъ и о послѣдующей судьбѣ Малороссіи (Ильи Квитки, Маркова и друг.), рядъ статей по теоріи и исторіи словесности, рядъ статей, относящихся къ географіи и путешествіямъ. Во 2-мъ отдѣлѣ отмѣтимъ переводные отрывки изъ Бюффона, Гердера, Сенъ-Піэра, Шатобріана, изъ оригинальныхъ—цѣлый рядъ статей Харьковскаго французско-русскаго литератора Вернета, письма изъ Малороссіи—Левшина, рѣчь В. Н. Каразина „О истинной и ложной любви къ отечеству“. Здѣсь же останавливаютъ на себѣ наше вниманіе легкіе разсказы для дѣтей. Въ 3-мъ отдѣлѣ находимъ стихотворенія Склабовскаго, Срезневскаго, Куницкаго, Филомафитскаго, Гулака-Артемовскаго, Кричевской, Гонорскаго и мн. др. 4-й отдѣлъ—Харьковскихъ записокъ—представлялъ, очевидно, наибольшій интересъ: здѣсь мы находимъ данныя о дѣятельности слѣдующихъ Харьковскихъ учрежденій: университета, Библейскаго Общества, Благотворительнаго Общества, Филотехническаго Общества, Общества Наукъ; здѣсь сообщаются свѣдѣнія о харьковскихъ ярмаркахъ, о харьковскомъ театрѣ, о хроникѣ мѣстной городской жизни и важнѣйшихъ событіяхъ ея, дается даже характеристика общественной жизни въ Харьковѣ и т. п. Харьковская публика не только пользовалась въ 1819 г. театромъ, пріѣхавшимъ изъ Полтавы на Крещенскую ярмарку, но благодаря „Украинскому Вѣстнику“ могла читать и дѣльныя рецензіи какъ о пьесахъ тогдашняго репертуара, такъ и объ игрѣ актеровъ. „Много сыграно, писалъ театральный рецензентъ, пьесъ новыхъ и сыграно очень удачно. Изъ числа актеровъ *Щепкинъ*, Барсовъ и Угаровъ лучшіе; особенно первый имѣетъ талантъ рѣдкаго комическаго актера“. Играли даже „*Яведу*“, но характеры этой превосходнѣйшей русской комедіи были поняты и истолкованы не совсѣмъ удачно. Опера „*Приключеніе въ жидовской корчмѣ*“ была сыграна какъ нельзя лучше, хотя сама по себѣ пьеса не обладала художественными достоинствами. Играли и „*Водовоза*“ съ музыкою Херубини; особенно хороша была здѣсь *Пряженковская*, доводившая зрителей до слезъ своею игрою. Въ заключеніе рецензентъ выражалъ желаніе, чтобы актеръ, выходившій объявлять о слѣдующемъ представленіи, не дѣлалъ фарсовъ (не чихалъ и т. п.), а зрители не кричали *форо*, когда актеры падали на сценѣ, изображая пьяныхъ, ибо *форо*, по театральнымъ законамъ, назначается только для повторенія наилучшихъ арій или вообще отдѣльныхъ мѣстъ пьесы (соотвѣтствовало нашему bis). „Иначе при всякой глупости актеры будутъ ожидать форо и станутъ повторять ее къ оскорбленію изящнаго вкуса. Актеры должны быть учениками публики; слѣдовательно, учителямъ распространять дурной вкусъ не извинительно“ [1]).

Въ Укр. В. за 1819 годъ была помѣщена прекрасная по содержанію и изложенію статья Ник. Ив. Гнѣдича „О вкусѣ и его вліяніи на словесность“.

Учрежденіе каѳедры польскаго языка при Харьковскомъ университетѣ и назначеніе на нее Гулака-Артемовскаго отразилось выгодно и на содержаніи „Украинскаго Вѣстника“. Такъ, Н. Левицкимъ была помѣщена въ „Укр. В.“ интересная статья „Окрестности Рейна“, переведенная съ оригинала, помѣщеннаго въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Polski“. Издатель въ примѣчаніи поясняетъ, что въ Харьковскомъ университетѣ около 80 чел. подъ руководствомъ наставника, прекрасно знающаго ученымъ и практическимъ образомъ польскій языкъ, принялись за изученіе его.

Чрезвычайно цѣнными для читателей нужно признать отчеты о дѣятельности Филотехническаго Общества, доставляемые правителемъ дѣлъ его и учредителемъ В. Н. Каразинымъ. Таковъ, напримѣръ, въ высшей степени обстоятельный и интересный отчетъ за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 года, помѣщенный въ 4-й кн. Укр. В. за 1819 годъ [2]). Чтобы дать понятіе о Харьковскомъ журналистѣ первой четверти XIX вѣка, мы представимъ здѣсь біографическій очеркъ журналиста и педагога, иностранца И. Ф. Вернета.

---

[1]) Укр. В., 1819, янв., стр. 112—115.

[2]) Изложенныя здѣсь данныя извлечены гл. обр. изъ моего „Опыта Исторіи Харьковскаго Университета“, т. 1-й и 2-й.

Онъ окончилъ курсъ въ Тюбингенскомъ коллегіумѣ, гдѣ готовилъ себя къ пасторской должности, но остался вѣчнымъ кандидатомъ, хотя не переставалъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться сельскимъ священникомъ въ прекрасной деревнѣ, обладателемъ чистаго и свѣтлаго домика на скатѣ пригорка, близь рощи, мужемъ образованной, кроткой и благочестивой супруги. „Если бы къ сему можно было, писалъ онъ, присоединить еще пару коровъ, терпѣливаго осла. сильнаго коня и десятокъ овецъ, то домъ мой былъ бы изображеніемъ маленькаго эдема". Но судьба сдѣлала изъ него вѣчнаго бездомнаго странника и забросила его въ далекую Россію, гдѣ онъ и умеръ послѣ 40-лѣтняго почти въ ней пребыванія. Онъ пріѣхалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Россію, чтобы сдѣлаться чтецомъ знаменитаго Суворова, который немедленно сталъ называть его Филиппомъ Ивановичемъ (а не Иваномъ Филипповичемъ), но получилъ отъ Вернета слѣдующую остроумную отповѣдь: „этому статься нельзя, возразилъ Вернетъ; имя мое для меня тѣмъ пріятнѣе, что оно дано было мнѣ родителями... При томъ же Іоаннъ значитъ Божья благодать, отъ которой я всего ожидаю; Филиппъ означаетъ конелюба, что совсѣмъ нейдетъ къ моему положенію, ибо у меня нѣтъ ничего на земномъ шарѣ, ниже кошки". Суворовъ, говоритъ Вернетъ, отъ всего сердца разсмѣялся, поцѣловалъ меня въ лобъ и прибавилъ: „Ну, Филиппъ Ивановичъ, ты не дуракъ.. — У меня ты будешь богатъ".

Послѣ того Вернетъ былъ гувернеромъ во многихъ домахъ и учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Онъ прекрасно зналъ 4 языка—французскій, нѣмецкій, латинскій и *русскій*—и могъ импровизировать переводы съ одного изъ нихъ на другой; онъ, напримѣръ, читалъ прямо по-русски иностранныя газеты и вообще былъ образованнымъ человѣкомъ, особенно начитаннымъ въ области литературной. О знаніи имъ русскаго языка свидѣтельствуютъ его журнальныя статьи, по поводу которыхъ издатели Украинскаго Вѣстника говорятъ: рѣдкіе, въ первый разъ видя, считаютъ Вернета иностранцемъ; даже языкъ русскій, чтобы ни писалъ онъ на немъ, не портится, а еще украшается подъ его перомъ. При такой подготовкѣ, онъ былъ превосходнымъ педагогомъ, тѣмъ болѣе, что у него было къ этому дѣлу прямое призваніе. „Заброшенный посреди снѣговъ русской провинціальной жизни, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ благодарный ученикъ, онъ теплотой души своей превращалъ вокругъ себя ледяную кору въ зеленѣющую ниву и взращалъ на этомъ оазисѣ благородные сѣмена чести, правоты, безкорыстія. Вотъ почему въ началѣ онъ принималъ званіе гувернера съ большимъ выборомъ—только тамъ, гдѣ расчитывалъ найти благопріятную почву для своего педагогическаго и нравственнаго воздѣйствія; подъ конецъ же жизни вынужденъ былъ не быть столь строгимъ и разборчивымъ. Онъ любилъ природу, путешествія, гдѣ оставался со своими размышленіями, и общество ненатянутыхъ искреннихъ людей, въ особенности оптимистовъ; не имѣя почти ничего, онъ былъ всегда веселѣе тѣхъ богачей, у коихъ проживалъ, онъ радовался болѣе тому, что у него было, нежели огорчался тѣмъ, чего у него не было. Увлекаясь Ж. Ж. Руссо, онъ взоры свои съ любовью обращалъ не на чертоги, а на хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ... „Да окостенѣетъ мой языкъ, писалъ онъ, если я когда-либо назову подлою трудолюбивую и благодѣтельную руку поселянина, раздирающаго за меня нѣдра земли! „Такъ думать и чувствовать, говоритъ Л., можетъ только благородная натура". Онъ очень полюбилъ свою вторую родину—Малороссію и особенно Слободскую Украину. „Какъ бы изумились мои соотечественники, говорилъ Вернетъ, если бы увидѣли меня случайно между чумаками, среди коихъ я нашелъ гостепріимство, честность и умъ! Нѣтъ у меня словъ, чтобы достойно возблагодарить тѣхъ, кои въ Украинѣ и Малороссіи, бывъ чужими, предлагали мнѣ ихъ домы и услуги и прямо родственнымъ сердцемъ, призирали меня бездомнаго". И онъ побывалъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Малороссіи, Украйны и Новороссіи. Харьковъ онъ любилъ какъ свой домъ, гдѣ провелъ молодость и старость. „Я могу, говорилъ онъ, называть въ силу давности себя харьковскимъ жителемъ, послику Харьковъ есть средоточіе, куда съ 1787 года, когда я былъ въ немъ первый разъ, стремятся мои желанія по окончаніи всякаго путешествія".

Любя Харьковъ, онъ позволялъ себѣ иногда надъ нимъ и добродушную иронію. „Харьковъ лучше вдали, чѣмъ вблизи, особенно въ дождливое время... Онъ не обилуетъ водою! Это ощутительно всегда и особенно на Лопанскомъ мосту, который сравненъ быть можетъ съ великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ въ Мадритѣ на Мансанаресѣ, въ томъ, что лѣтнею порою въ обѣихъ рѣкахъ едва ли достанетъ воды для гусей". Это былъ истинный космополитъ—ко всѣмъ народамъ и вѣроисповѣданіямъ онъ относился одинаково. Онъ любилъ бесѣдовать съ людьми всякаго званія; интересуясь замѣчательными въ какомъ-либо

отношеніи дѣятелями, онъ въ то же время вступалъ въ бесѣды и съ самыми заурядными людьми изъ простого народа. Чаще всего свои путешествія, подобно Г. С. Сковородѣ, онъ совершалъ пѣшкомъ, нося на плечахъ свой чемоданчикъ, въ которомъ помѣщалось все его имущество, такъ что онъ былъ почти правъ, когда говорилъ—omnia mea mecum porto.—Тамъ была его библіотека (Виргилій, Горацій, нѣсколько томовъ Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Стернъ, Геснеръ, Юнгъ, Галлеръ), бѣлье и платье. Мы говоримъ „почти правъ", потому что у него была еще волчья шуба, не помѣщавшаяся въ чемоданѣ. Впрочемъ, ему удалось за долгіе годы скопить маленькій капиталъ, на проценты съ котораго онъ и могъ скромно существовать, не занимаясь уже преподаваніемъ. А когда ему пришлось дѣлать новый гардеробъ—фракъ и сюртукъ, которые онъ носилъ 17 лѣтъ и 6 разъ выворачивалъ, мылъ и перешивалъ—то онъ поступилъ на полгода въ качествѣ учителя къ одному изъ харьковскихъ помѣщиковъ готовить сына его въ университетъ—этотъ ученикъ его и оставилъ намъ свои воспоминанія о немъ и мы пользуемся ими для его біографіи.

Вернетъ подражалъ странической жизни Г. С. Сковороды—перезжалъ отъ одной знакомой семьи къ другой, но его жизнь не лишена была нѣкотораго комфорта и главное онъ все-таки стыдился своей бѣдности и старался жить у богатыхъ.

Помѣщикъ Богдановичъ письмомъ въ редакцію Укр. Вѣстн. вызывалъ его къ себѣ посмотрѣть его „жизнь и обстановку" и у подобныхъ помѣщиковъ онъ бывалъ своимъ человѣкомъ.

Самъ Вернетъ въ статьѣ „Послѣднее мое пребываніе въ Харьковѣ" говоритъ: Ну, завтра мнѣ въ путь! Куда же? Самъ еще не знаю; куда глаза глядятъ. Спасибо гостепріимной Россіи и многочисленнымъ знакомствамъ въ городѣ: мнѣ не о чемъ заботиться, нѣсколько минутъ—и мой чемоданъ уложенъ, у меня не много вещей... Я выѣзжалъ изъ великолѣпнаго Мерчика не весьма пышно. Колесница моя везома была двумя кобылицами съ фамиліею. Возница былъ уменъ и говорливъ; но подобно всѣмъ Адамовымъ дѣтямъ, судилъ о своемъ собратѣ по наружности... Но торжество ожидало меня у градскихъ воротъ; встрѣчается со мной вице-губернаторъ. Ласковая его встрѣча со мною заставляетъ моего возницу перемѣнить обо мнѣ мысли и его удивленіе выражается слѣдующимъ (восклицаніемъ): „Пане, да не прогнѣваетесь ваша милость; я думалъ, что вы человѣкъ „божевильный", а теперь, глядя на происходящее, бачу, что вы человѣкъ путный"... Кромѣ вышеупомянутаго ласковаго и любезнаго моего ученика Дм. А. З(ахаржев)скаго никто изъ знакомыхъ со мною не встрѣтился и я не имѣлъ причины стыдиться бѣднаго своего экипажа, если бы и щекотливое самолюбіе тогда овладѣло мною. Я скоро пріѣхалъ въ квартиру къ І. Ник. Позн(анскому). Онъ улыбнувшись и окинувъ глазами коней, возницу, будущаго постояльца и пожитки его, принялъ меня ласково и назначилъ мнѣ пространную и пышную квартиру, которую я, вопреки пословицѣ „что два кота или два литератора не помѣщаются въ одномъ мѣшкѣ" и раздѣлилъ съ добрымъ и любезнымъ баснописцемъ Г. М. [1]).

Въ образѣ жизни Вернета было много странностей и причудъ. Онъ очень любилъ купаться и, купаясь въ р. Харьковѣ, воображалъ, что купается въ греческой рѣкѣ Пеней въ Темпейской долинѣ. Выбравъ возлѣ берега неглубокое мѣсто, влазилъ въ воду одѣтымъ и уже, посидѣвъ въ водѣ, раздѣвался и развѣшивалъ свое мокрое платье на сучьяхъ, деревьяхъ, оставался въ водѣ, пока оно не высыхало. Иногда онъ бралъ съ собою книгу и читалъ ее или сидя въ водѣ, или обсыхая на берегу. Когда его захотѣлъ увидѣть П. И. Рикордъ, освободившій изъ плѣна Головина, онъ принялъ его въ темной комнаткѣ, не зажигая свѣчей, дабы его видъ не нарушалъ иллюзіи его прекрасной остроумной бесѣды. Выступить на журнальное поприще его уговорилъ редакторъ Укр. Вѣстн. Гонорскій. Его произведенія представляли изъ себя легкія литературныя статьи, гдѣ видную роль играютъ размышленія и воспоминанія о разныхъ извѣстныхъ ему лицахъ и мѣстахъ и цитаты изъ его любимыхъ писателей. По литературному направленію своему эти статьи примыкаютъ къ той швейцарской философско-литературной школѣ, представителями которой были: Руссо, Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ и другъ.

Чтобы дать понятіе о взглядахъ, которые развивалъ Вернетъ передъ читателями „Украинскаго Вѣстника", о его міросозерцаніи, остановимся нѣсколько на содержаніи его статьи, озаглавленной „Мысли одного изъ моихъ дней въ Харьковѣ". „Всѣ имѣютъ нужду въ снисходительности и помилованіи"—такъ начинаетъ Вернетъ свою статью... „Долгъ каждаго желать, чтобы поступки современниковъ не стоили

[1]) Укр. Журн. 1825, № 21—22, стр. 228—257.

раскаянія и слезъ потомкамъ, непритворное со мною обращеніе, иногда обѣдъ—вотъ чего требуютъ отъ богатыхъ сосѣдей, а моя за то плата—веселый нравъ, доброжелательство и усердіе. Что не говори, а роль хозяина пріятнѣе роли гостя. Удовольствіе дѣлать добро есть безъ сомнѣнія лучшая награда... Но оставимъ кухню и деньги! У меня одинъ конекъ съ покойнымъ Сковородою. Надобно, чтобы любилъ тѣхъ, у коихъ обѣдаю... Я люблю быть въ гостяхъ тамъ, гдѣ веселыя шутки, необидные разсказы и острыя разсужденія разсѣиваютъ задумчивость и грусть—не насмѣшки и пересуды. Общежитіе есть обмѣнъ чувствъ, мыслей, совѣтовъ и услугъ. Терпѣніе, снисходительность, прощеніе, любовь—вотъ удѣлъ слабыхъ смертныхъ. Я люблю откровенную бесѣду и не довѣряю усердію тѣхъ, кои въ комплиментахъ и въ обѣщаніяхъ великіе мастера. Улицы становятся училищемъ, изъ коего я почерпаю полезные уроки. У меня нѣтъ экипажа; но ходить пѣшкомъ выгодно для здоровья и наблюденія. Конечно, великая разница между богатыми экипажами и бѣдными телѣжками поселянъ, кои со здоровыми лицами часто попадаются мнѣ навстрѣчу. Если же хорошенько разобрать основанія прямого счастія, то разстояніе между людьми не такъ велико, какъ оно съ перваго взгляда покажется. Одежда моя не пышна, но прилична моему состоянію и при томъ моя. Также подъ толстымъ сукномъ согрѣешься, какъ подъ бархатомъ. Правъ Сковорода: Богъ сдѣлалъ нужное и полезное нетруднымъ. Умѣренность многое замѣняетъ, но ничто не замѣнитъ потери честности. Имя, платье и экипажъ не дѣлаютъ человѣка; не нужно быть всегда эпикурейцемъ... Два или три блюда и нѣсколько аттической соли и не будетъ неваренія въ желудкѣ. Часто пресыщенный сибаритъ завидуетъ жемчужнымъ зубамъ и аппетиту бѣдняка, жадно пожирающаго кусокъ черстваго хлѣба, у него же вымоленнаго. О бѣднякѣ не заботятся, но Богъ о немъ печется, какъ и о богачѣ. Видъ богатства и роскоши не долго плѣняютъ глаза и воображеніе; напротивъ, картины домашняго порядка и семейнаго благополучія наполняютъ сердце сладостнымъ и продолжительнымъ удовольствіемъ. Я это всегда ощущаю въ домѣ Кар. Ив. Кеппенъ... Оставляя другимъ шумныя забавы, я съ прогулокъ или посѣщенія пріятелей спѣшу въ уединенную свою комнату, чтобы въ тишинѣ разсуждать о видѣнномъ и слышанномъ въ продолженіе дня, изслѣдовать, осуждать, бранить себя, раскаиваться и мириться съ собою, отдыхать и теряться въ лабиринтѣ пріятныхъ мечтаній. Безмятежный покой, пріятный досугъ—сладостное успокоеніе сердца, неволнуемаго страстями. Вы ничто передъ блаженствомъ, вкушаемымъ душею, когда человѣкъ доволенъ собою! Вотъ истинный камень философическій". (Укр. Вѣсти. 1819 г., апрѣль, стр. 66—75).

Въ статьѣ о Харьковскомъ кладбищѣ Вернетъ вспоминаетъ о погребенныхъ здѣсь—прот. Шванскомъ, директорѣ Буксгевденѣ, докторѣ Ив. Ив. Кеппенѣ, шведахъ—баронѣ Гастферѣ и кап. Эльминѣ, Неклюдовой, юношѣ Бахтинѣ, М. Д. Драгомирѣ, Горемыкиной. „Умъ, ученость, скромность и отмѣнная нравственность, говоритъ Вернетъ, отличали особу сановитаго и благочестиваго Шванскаго. Я зналъ мало покойниковъ, о коихъ вообще столько сожалѣли, какъ о Ш. Если бы вѣрили призракамъ, то надлежало бы искать его тѣни въ Харьковскомъ соборѣ, гдѣ часто гремѣло его краснорѣчіе, или въ коллегіумѣ, гдѣ подъ его руководствомъ образованы были многіе, нынѣ дѣлающіе честь ихъ почтенному сану и коимъ принадлежитъ преимущество достойно хвалить образователя ихъ наставника". Буксгевденъ „давалъ правила и примѣры своимъ питомцамъ. Благонравіе и благочестіе обитали въ его домѣ; одна болѣзнь могла удерживать сего достопочтеннаго директора отъ ежедневнаго посѣщеніяввѣреннаго ему Харьковскаго университета. Не забуду никогда и моего друга Ив. Ив. Кеппена—честнаго, искуснаго и примѣрнаго врача". Горемыкина имѣла счастіе подчивать блинами Петра I-го въ Харьковѣ [1]).

Вернетъ оставилъ намъ характеристику Г. С. Сковороды, котораго послѣдній разъ онъ видѣлъ у общаго пріятеля ихъ П. Ѳ. Пискуновскаго. Онъ его сравниваетъ съ необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ, которому не доставало шлифовки, и не понимаетъ, въ чемъ заключалась тайна его вліянія на учениковъ. Сковорода, по его словамъ, любилъ преимущественно малороссіянъ и нѣмцевъ. Эта исключительная любовь была причиною спора, возникшаго между Сковородою и Вернетомъ при первомъ ихъ свиданіи. Вернету не нравились сочиненія Сковороды—какъ прозаическія, такъ и стихотворныя; „онъ не любилъ, по его словамъ, ходить по мрачному лабиринту метафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сенъ-Пьера и къ простому, удобопонятному умствованію Локка и Кондильяка. При всемъ

[1]) Укр. В. 1817, ч. 6, стр. 323—328.

томъ Вернетъ чтилъ Сковороду и чувствовалъ въ себѣ склонность *подражать* ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, что Сковорода назвалъ его *мужичиной съ бабьимъ умомъ* и дамскимъ секретаремъ, онъ былъ ему весьма обязанъ за эти титулы, ибо это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любимому". Такъ говоритъ самъ Вернетъ; но едва ли можно допустить, чтобы ему понравился столь рѣзкій эпитетъ Сковороды.

Цѣлая пропасть была между глубокимъ, оригинальнымъ, самобытнымъ умомъ Сковороды и легкимъ, избѣгавшимъ всякихъ трудностей, умомъ швейцарца Вернета, который могъ быть только подражателемъ великаго „старчика Варсавы" и при томъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ пріемахъ его проповѣднической жизни, напримѣръ, странствованіяхъ. Сковорода, проживая и у помѣщиковъ, оставался самимъ собою по образу жизни, разъ на всегда на себя имъ принятому и всегда безъ стѣсненія говорилъ имъ истину.

Проповѣдь Сковороды ставила себѣ коренную задачу умственнаго и нравственнаго перерожденія общества; Вернетъ же въ своихъ бесѣдахъ и писаніяхъ старался быть пріятнымъ собесѣдникомъ, ведшимъ какъ бы непринужденную causerie со своими читателями, въ которой было много интереснаго, новаго, поучительнаго, не глубокаго. Какого бы опредѣленнаго сюжета онъ ни касался, онъ всегда дѣлалъ отступленія въ сторону легкихъ философскихъ размышленій, литературныхъ бесѣдъ, проникнутыхъ риторикой и отчасти сентиментальностью. Понятно, что вліяніе подобныхъ статей не могло быть особенно значительно. Это былъ, такъ сказать, *фельетонистъ* своего времени, писавшій легкимъ стилемъ, обладавшій чисто французскимъ литературнымъ образованіемъ; его читали; онъ былъ извѣстенъ и даже популяренъ; его охотно приглашали къ себѣ, тѣмъ болѣе, что онъ потомъ печатно благодарилъ своихъ радушныхъ хозяевъ. Но этимъ дѣло и ограничивалось—особенно глубоко его вліяніе не шло. И, конечно, онъ самъ сознавалъ все величіе глубоко уважаемаго, хотя и непонятаго имъ и столь отличнаго отъ него по внутреннимъ особенностямъ Г. С. Сковороды. „Я нарочно, говоритъ онъ, ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодух. у.) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные остатки незабвеннаго Сковороды" [1]. Но все-таки, стоя несравненно ниже Г. С. Сковороды по уму и по вліянію на современное украинское и въ частности Харьковское общество, И. Ф. Вернетъ представляетъ изъ себя оригинальнаго и симпатичнаго дѣятеля, оставившаго по себѣ добрую память у современниковъ. Вернетъ, пишетъ его ученикъ Л. въ 1847 году, умеръ бездомнымъ, безсемейнымъ, на далекой чужбинѣ, заброшенный туда причудливой судьбою, но не пропала о немъ память; еще помнятъ его въ Малороссіи, помнятъ всѣ тѣ, въ чью душу бросилъ онъ неистребимое сѣмя прямоты и духовной свободы". [2].

Въ концѣ 30-хъ годовъ—въ 1838 году—возникла оффиціальная газета—Харьковскія Губернскія Вѣдомости, которыя долго оставались единственною газетою въ Харьковѣ, а затѣмъ и съ появленіемъ частныхъ періодическихъ изданій въ 80-хъ, 90-хъ и началѣ 900 годовъ не безъ успѣха продолжали свое дѣло. Редакторами газеты были—бар. Н. В. Корфъ (до 1852 г.), Варымовъ (до 1853 г.), Толмачевъ, А. Д. Градовскій (въ 1863—1864 гг.), Н. Л. Нельговскій (съ 1864 по 1866 г.), И. И. Боровиковскій (съ 1869 по 1879 г.), Н. Н. Войтенко (съ 1872 по 1873 г.), И. А. Устиновъ (съ 1873 по 1881 г.), А. М. Андреевъ, А. Я. Ефимовичъ. Указатель литературы о Харьковской губ. Устинова является въ значительной степени и указателемъ къ Харьк. Губ. Вѣд. и свидѣтельствуетъ о той массѣ цѣннаго матеріала, которая была помѣщена въ нихъ за изучаемый нами 66-лѣтній періодъ ихъ существованія (до 1905 г.). Газета издавалась при Губернскомъ Правленіи и съ перваго же года своего существованія имѣла два отдѣла—оффиціальный и неоффиціальный. Въ этотъ послѣдній по программѣ входили слѣдующія рубрики—чрезвычайныя происшествія въ губерніи, рыночныя цѣны на разныя потребности, курсъ на золото и серебро, статьи по сельскому хозяйству, по природѣ мѣстнаго края, историческія свѣдѣнія о губерніи, некрологи извѣстныхъ въ губерніи лицъ, заслужившихъ общее вниманіе и т. п. Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ начали появляться краткія, подчасъ анекдотическаго характера, извѣстія изъ иностранной политической жизни и некрологи монарховъ. Въ 1847—1848 гг. и они однако исчезли, очевидно, въ связи съ опасеніями, вызванными революціоннымъ движеніемъ этихъ годовъ въ Западной Европѣ. Цензуровалась газета

[1]) Укр. Вѣстн. 1817 г., ч. 6-я стр. 121—125.

[2]) Современникъ 1847 г., февраль, стр. 167, 195.

въ первое время гражданскимъ губернаторомъ; впослѣдствіи газету сталъ подписывать старшій совѣтникъ губернскаго правленія, но также отъ руки. Только съ 22-го номера фамиліи вице-губернатора и старшаго совѣтника стали изображаться печатнымъ способомъ. Печаталось газеты въ первое время не болѣе 300 экземпляровъ: въ такомъ по крайней мѣрѣ количествѣ разсылались при газетѣ объявленія и афиши. Выходили тогда Харьк. Губ. Вѣд. одинъ разъ въ недѣлю (по субботамъ) тетрадками въ 8—12 страницъ. „Эпоха великихъ реформъ“ оказала свое благотворное вліяніе и на тогдашнюю прессу. Х. Г. В. сдѣлались гораздо интереснѣе и содержательнѣе и стали заботиться объ отраженіи и освѣщеніи мѣстной жизни. Они приняли явное прогрессивное направленіе и привлекли рядъ выдающихся сотрудниковъ, хорошо знакомыхъ съ жизнью, нуждами и потребностями края. За 3 года до отмѣны крѣпостного права онѣ стали помѣщать статьи, доказывавшія необходимость отмѣны этого института. „Статьи Гаршина и Данилевскаго, горячо осуждавшія крѣпостное право, оказали извѣстное вліяніе на настроеніе и работы членовъ Харьковскаго Губернскаго Комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, засѣдавшаго въ 1858—1859 году. Въ 1861 г. газета помѣстила теплый и искренне написанный некрологъ Т. Г. Шевченка“. Въ 60-хъ годахъ тамъ помѣщались статьи, касающіяся воскресныхъ школъ и устройства крестьянской жизни на новыхъ началахъ свободнаго труда. Неоффиціальная часть газеты стала печататься вслѣдъ за оффиціальной на одномъ и томъ же листѣ. Газета стала выходить 2 раза въ недѣлю, по цѣнѣ 4 рубля *серебромъ* въ годъ. Съ 1868 года Х. Г. В. начали выходить 3 раза въ недѣлю въ большемъ форматѣ и помѣщать телеграммы изъ Петербурга и заграничныя. Съ 1874 г. форматъ газеты увеличился до размѣра in folio и она начала выходить по 6 разъ въ недѣлю, съ 1875 г. ежедневно. Вообще И. И. Боровиковскій былъ ея выдающимся редакторомъ. Въ 80—90-хъ годахъ редакторомъ газеты былъ Андреевъ, сумѣвшій привлечь къ ней поддержку мѣстныхъ литературныхъ прогрессивныхъ силъ. Еще большимъ успѣхомъ и сочувствіемъ общества пользовались Х. Г. В., когда редакторомъ ихъ сдѣлался А. Я. Ефимовичъ. Съ его вынужденнымъ уходомъ, направленіе газеты въ началѣ текущаго столѣтія рѣзко измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и прежній успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, Х. Г. В. занимали въ свое время если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ губ. вѣд. по своему значенію для мѣстнаго населенія и по обилію помѣщенныхъ въ нихъ матеріаловъ для изученія края.

Въ 1877 г. появилась новая газета „Харьковъ“, просуществовавшая впрочемъ только 3 года (съ 1 ноября 1877 г. по 7 ноября 1880 г.). Въ качествѣ частнаго, независимаго органа, газета привлекла было къ себѣ симпатіи общества и выдающихся по своему образованію сотрудниковъ, но редакторъ ея Сталинскій велъ дѣло неряшливо и неумѣло и тѣмъ погубилъ его. Цѣнная статья знаменитаго профессора Д. И. Каченовскаго по искусству была напечатана такъ безобразно, съ такими грубыми опечатками, что пользоваться ею очень затруднительно.

Въ 1880 году возникъ „Южный край“. Это была пора надеждъ и ожиданій, навѣянныхъ „диктатурой сердца“. Казалось своевременнымъ и Харькову обзавестись своимъ органомъ печати, не связаннымъ необходимостью отражать взгляды губернскаго начальства. Потребность эта особенно сказывалась въ интеллигентныхъ кружкахъ, прикосновенныхъ къ университету. Думалось, что университетъ дастъ газетѣ образованныхъ и дѣятельныхъ журналистовъ, а открывающіяся политическія перспективы заставятъ и широкіе круги мѣстнаго общества, до сихъ поръ равнодушнаго къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, заинтересоваться изданіемъ, посвящающимъ себя разработкѣ и выясненію этихъ вопросовъ. Предпринимателемъ, взявшимъ на себя изданіе газеты, явился владѣлецъ лучшей въ то время въ Харьковѣ публичной библіотеки А. А. Іозефовичъ. Редакторомъ былъ избранъ проф. А. Н. Стояновъ, одинъ изъ выдающихся профессоровъ тогдашняго юридическаго факультета, а въ качествѣ сотрудниковъ вошла чуть ли не вся профессорская коллегія. Встрѣчена газета была очень хорошо, но пошла она плохо: виновато въ этомъ было отчасти неумѣнье самихъ руководителей дѣла, отчасти отсутствіе у мѣстнаго общества привычки и интереса къ печатному слову. Обманули иниціаторовъ дѣла и политическія перспективы. Іозефовичу скоро пришлось продать библіотеку, чтобы пополнить дефицитъ по газетѣ. Гонорары сотрудникамъ сталъ выдаваться неаккуратно. А главное среди руководителей обнаружилась столь существенная разница взглядовъ, что издателю пришлось выбирать между представителями прогрессивнаго и реакціоннаго направленія и онъ рѣшилъ опереться на послѣднихъ.

А. Н. Стояновъ не только сложилъ съ себя редакторство, но и совсѣмъ выписался изъ состава сотрудниковъ, а за нимъ ушли и нѣкоторые профессора. Дольше другихъ работали проф. В. П. Даневскій и Л. Е. Владиміровъ. Послѣ ухода А. Н. Стоянова редакторомъ сталъ А. А. Іозефовичъ.

Эпоха реакціи отразилась и на тонѣ, и на направленіи „Южнаго Края“, въ которомъ теперь первую скрипку играли Н. И. Черняевъ и Говоруха-Отрокъ. Несмотря на всю энергію редактора-издателя, дѣла газеты шли плохо, и жила она подъ непрестаннымъ опасеніемъ матеріальнаго краха. Только къ концу перваго десятилѣтія положеніе газеты нѣсколько упрочилось. Съ девяностыхъ годовъ начинается постепенное улучшеніе газеты: расширяется информаціонный отдѣлъ, улучшается техническая постановка дѣла, постепенно увеличивается форматъ газеты, привлекаются къ сотрудничеству талантливыя лица журнальнаго міра. Усилія редактора-издателя увѣнчиваются успѣхомъ. Несмотря на конкурренцію „Губ. Вѣд.“, во главѣ которыхъ въ то время стоялъ А. Я. Ефимовичъ, кругъ подписчиковъ съ каждымъ годомъ растетъ, увеличивается и розничная продажа, а по мѣрѣ расширенія формата газеты увеличивается и количество объявленій, дающихъ всякой газетѣ главный источникъ доходовъ. Въ началѣ текущаго столѣтія „Южный Край“ былъ освобожденъ отъ предварительной цензуры, а послѣдняя война, вызвавшая небывалый дотолѣ спросъ на газеты, могла только способствовать его матеріальному преуспѣянію.

„Южный Край“ оказалъ крупное вліяніе на развитіе мѣстной журналистики. Онъ, можно сказать, создалъ ее. До его появленія мѣстныя „Губ. Вѣд.“, обезпеченныя обязательной подпиской и объявленіями, пополнялись главнымъ образомъ статьями писателей добровольцевъ, ничего или почти ничего не получавшихъ за свое сотрудничество. Долгое время въ Харьковѣ былъ всего на всего одинъ журналистъ-профессіоналъ, И. И. Боровиковскій, когда-то редакторъ, а потомъ сотрудникъ „Харьковск. Вѣд.“, перешедшій потомъ въ „Южный Край“. Съ возникновеніемъ частной газеты, заинтересованной въ своемъ распространеніи, сотрудники добровольцы были уже не пригодны къ дѣлу, и ихъ пришлось замѣнить профессіоналами. Въ тогдашнемъ Харьковѣ ихъ не было: пришлось или выписывать, или вновь создавать. И то, и другое дѣлалось, и въ результатѣ явились постоянные, специализировавшіеся по отдѣламъ, платные сотрудники, журналисты, живущіе только журнальнымъ трудомъ, и ему одному себя посвятившіе. Конкурренція заставила прибѣгнуть къ тому же средству и мѣстную оффиціальную газету, и такимъ образомъ въ Харьковѣ создался, такъ сказать, новый цехъ, ранѣе не существовавшій. Объединенія среди цеховыхъ повременной печати пока еще нѣтъ, но всѣ зародыши его ужъ налицо.

„Южный Край“ явился конкурентомъ „Губ. Вѣдом.“, а конкурренція всегда ведетъ къ улучшенію дѣла соперниками. Такъ случилось и съ обѣими мѣстными газетами, значительно выигравшими отъ соперничества и въ своемъ размѣрѣ, и въ содержаніи. Конкурренція же служитъ залогомъ, что и всякая новая газета, для того, чтобы имѣть успѣхъ въ Харьковѣ, должна быть по крайней мѣрѣ не хуже существующихъ. Въ этомъ твердая гарантія для будущаго Харьковской повременной печати.

Въ концѣ прошлаго столѣтія сталъ выходить „Харьковскій справочный листокъ“, преобразованный г. Стопинскимъ въ „Харьковскій листокъ“.

Журналовъ общелитературнаго характера въ Харьковѣ не издавалось. Единственнымъ исключеніемъ является ежемѣсячный журналъ „Міръ“, издававшійся книгопродавцемъ Сыхрою подъ ред. проф. А. П. Шимкова. Онъ сталъ выходить съ октября 1881 года по слѣдующей программѣ: доступныя по изложенію статьи по различнымъ отраслямъ знанія; внутреннее и иностранное обозрѣніе, экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи, изящная словесность, критика и библіографія, корреспонденціи касательно текущей жизни. Профессора Харьковскаго университета поддержали новый журналъ своими статьями; кромѣ статей самого редактора въ немъ были помѣщены работы проф. Гаттенбергера, Зеленогорскаго, Кирпичникова, Лебедева, Сумцова, Павловича и др. Были напечатаны здѣсь статьи и другихъ извѣстныхъ авторовъ, напр., Неручева. Но журналъ въ началѣ 1882 года прекратилъ свое существованіе.

Сравнительно богатой оказывается Харьковская спеціальная журналистика. Духовная періодическая пресса представлена была не только оффиціальными „Епархіальными Вѣдомостями“, которыя издавались съ 1867 по 1884 годъ, (выходило ихъ 52 номера въ годъ) но и частнымъ журналомъ „Духовнымъ Вѣстникомъ“, издававшемся подъ редакціей профессора богословія при Харьковскомъ университетѣ прот. В. И. Добротворскаго. Журналъ выходилъ съ 1862 по май мѣсяцъ 1867 года ежемѣсячно; всего вышло 64

книжки въ 16 томахъ. Журналъ этотъ признается спеціалистомъ пок. проф. А. С. Лебедевымъ весьма цѣннымъ по обилію серьезныхъ научныхъ статей, помѣщавшихся въ немъ, въ томъ числѣ и статей самого издателя, а также и другихъ профессоровъ университета, сотрудниковъ журнала. Къ послѣдней книжкѣ журнала приложенъ былъ указатель его статей, въ алфавитномъ порядкѣ писателей, которыхъ труды вошли въ составъ каждаго отдѣла (43 стр.); онъ вполнѣ подтверждаетъ приведенное выше заключеніе А. С. Лебедева. При архіепископѣ Амвросіи по его иниціативѣ при духовной семинаріи сталъ издаваться богословскофилософскій журналъ „Вѣра и Разумъ“, продолжающій выходить до настоящаго времени; въ его составъ вошли и прежніе „Епархіальныя Вѣдомости“ подъ именемъ Листка для Харьковской епархіи. Журналъ несомнѣнно является цѣннымъ вкладомъ въ нашу богословскую научную литературу, но въ началѣ онъ занялъ слишкомъ боевую позицію, что неблагопріятно отражалось на объективности нѣкоторыхъ его статей. Университетъ издавалъ съ 1863 по 1876 годъ „Протоколы засѣданій совѣта“ отдѣльными выпусками, коихъ печаталось съ 1864 по 1866 годъ по 10 въ годъ, а съ 1866 по 1876 годъ по 9 въ годъ. Кромѣ протоколовъ здѣсь были впрочемъ и статьи. Съ 1876 по 1884 годъ (включительно) университетомъ издавались „Записки“ по 4 книжки въ годъ. Это было вполнѣ научное, серьезное изданіе. Затѣмъ послѣдовалъ перерывъ, послѣ котораго возобновились „Записки“ по новой программѣ, имѣющія выбираемаго совѣтомъ редактора и редакціонный комитетъ. Онѣ издаются и нынѣ. Особенностью ихъ программы является предложенный мною отдѣлъ университетской лѣтописи, въ которомъ помѣщено было очень большое число статей по исторіи университета, въ томъ числѣ 2 обширныхъ тома моего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“. Въ текстѣ и приложеніяхъ печатались изслѣдованія, монографіи, статьи и курсы профессоровъ. Редакторами этого изданія состояли—проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, а съ его отъѣздомъ проф. Е. К. Рѣдинъ. Не останавливаемся на изданіяхъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ, такъ какъ объ этомъ приходилось говорить въ главѣ о научной дѣятельности въ Харьковѣ. Отмѣтимъ еще весьма цѣнное изданіе проф. И. П. Сокальскаго—Статистическій Листокъ, выходившее 12 тетрадями въ годъ, циркуляры по Харьковскому учебному округу, начавшіе выходить съ 1861 года сперва по 24, а потомъ по 12 тетрадокъ въ годъ. Съ 1870 по май 1872 года выходилъ „Стенографическій Листокъ“ подъ редакціей И. А. Устинова ежемѣсячными книжками въ двухъ текстахъ—обыкновенномъ и стенографическомъ. Съ 1 іюля 1880 г. сталъ выходить „Южнорусскій Горный листокъ“, посвященный вопросамъ южнорусской горной промышленности. Отмѣтимъ, наконецъ, Архивъ психопатологіи проф. П. И. Ковалевскаго, Ветеринарный Вѣстникъ, Благовѣстъ и др.

Говоря о развитіи журнальнаго и газетнаго дѣла въ Харьковѣ, нельзя не отмѣтить двухъ факторовъ, оказавшихъ вліяніе на него типографій и мѣстной цензуры. Въ настоящее время каждая изъ газетъ имѣетъ свою собственную типографію. Въ началѣ же XIX вѣка печатаніе почти всѣхъ научныхъ и литературныхъ изданій сосредоточивалось въ университетской типографіи, которая сыграла весьма крупную роль въ этомъ отношеніи. О чрезвычайно важной роли ея въ научно-литературныхъ Харьковскихъ изданіяхъ я говорилъ, и привелъ статистику ихъ въ своемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета“ и потому здѣсь не буду приводить этихъ внушительныхъ цифръ. Замѣчу только, что и почти всѣ періодическія изданія первой половины XIX в., о которыхъ мы говорили выше, печатались также въ ней. Не менѣе важную *положительную* роль игралъ и тотъ цензурный комитетъ, который существовалъ при Харьковскомъ университетѣ по уставу 1804 года, предоставившему университету право цензуры надо всѣми сочиненіями, выходившими въ обширномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Необходимо однако сдѣлать оговорку, что въ 20-хъ годахъ XIX ст., когда наступила эпоха реакціи во 2-ю половину царствованія Имп. Александра I-го, наступили и для мѣстной Харьковской прессы болѣе тяжелыя времена, какъ это видно изъ данныхъ, представленныхъ мною въ томъ же „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета“. Преслѣдованіе на журнальномъ поприщѣ коснулось и тогдашняго ректора, знаменитаго математика Т. Ѳ. Осиповскаго за помѣщенную имъ въ „Укр. Вѣст.“ шуточную замѣтку. Другою типографіей, сыгравшей видную культурную роль въ Харьковѣ, нужно признать типографію Губернскаго правленія, въ которой съ 1838 года печатались Харьковскія Губернскія Вѣдомости. Отдѣльнаго же цензора Харьковъ получилъ сравнительно недавно—въ самомъ концѣ XIX вѣка. Отсутствіе же на мѣстѣ цензора затрудняло и открытіе новыхъ органовъ періодической печати и веденіе существующихъ. Таковы данныя о Харьковской журналистикѣ. Харьковъ и въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя центръ, ибо издаваемыя въ немъ газеты имѣли распространеніе не только въ предѣлахъ губерніи но и за ея предѣлами.

Но г. Харьковъ пользовался, конечно, постоянно періодическими изданіями, выходившими и внѣ его, потому мы позволимъ себѣ привести статистику этихъ изданій по крайней мѣрѣ за одинъ годъ.

Вотъ данныя по этому вопросу, относящіяся къ 1886 году. Всего получалось въ Харьковѣ, исключая мѣстныхъ, *6832 экз.* газетъ и журналовъ.

Петербургскія изданія: 1011 экз. Нивы, 247—Лучъ, 215—Сенатскія вѣдомости, 212—Живописное обозрѣніе, 207—Новь, 139—Новое время, 136—Военный сборникъ, 116 —Русская медицина, 97—Шутъ, 91—Стрекоза, Гражданинъ, Вѣстникъ Европы, 90—Свѣтъ 89—Всемірная иллюстрація, Модный свѣтъ (II изданіе), 69—Осколки, Новости, 67—Всеобщая газета и Правительственный Вѣстникъ, 61 —Недѣля, Модный свѣтъ (III изданіе), 57—Сельскій вѣстникъ, 56—Историческій вѣстникъ, 51—Объявленія по судебн. дѣламъ, 49—Задушевное слово старш. возраста, Иллюстрированный міръ, Вѣдом. справокъ о судимости, 48—Русская старина, 46—Церковный вѣстникъ, St. Petersburg. Herold, 45—Русскій инвалидъ, 43—Недѣля съ прилож., 42—Приложеніе къ журналу Свѣтъ, 41—Церковно-общест. вѣстникъ, 39—Задушевное слово для младш. возр., 37—Техническій обзоръ, 36—Русскій паломникъ, Земледѣльческая газета, Прогрессивное сельское хозяйство, 34 —Медицинская газета, Фармацевтическій журналъ, 31 —Гражданинъ, 30—Ребусъ, 28—Вѣстникъ краснаго креста, 27—Зодчій, 26—St. Petersburg. Zeitung, Новый русскій базаръ (II изданіе) 25—Сельскій хозяинъ, 23—Указатель по мин. финансовъ, Новый русскій базаръ (III изданіе), 22—Модный свѣтъ (I изданіе), 21—Хроника Восхода, Сынъ отечества, 19—Новый русскій базаръ (I изданіе), Фотографъ, Новости (II изданіе), Вѣдомости Петерб. градоначальника, 18—Приказы (по военному вѣдомству), 17—Электричество, Игрушечка, 16—Педагогическая хроника, Указатель по мин. путей сообщенія, Высочайшіе приказы о военныхъ чинахъ, 14—Клиническая газета 13—Здоровье, 11—Желѣзно-дорожн. листокъ, Суфлеръ, Биржевыя вѣдомости, Journal de Petersbourg, 10—Рѣшенія главн. военнаго суда, 9—Русскій Еврей, 8—Петербургская газета, Петербургскій листокъ, 7—Малютка, Петербургскія вѣдомости съ прибавленіемъ, 6—Еврейскій народный листокъ, Художественныя новости, 5—Минута, Га-Юм., 4—Край (польская газета), 3—Гамелицъ, Восточное обозрѣніе, Петерб. вѣдомости безъ прибавл. *Московскія* изданія: 123—Радуга, 121 экз.—Русская мысль, 102—Вокругъ свѣта, 101—Русскій вѣстникъ, 91 —Будильникъ, 70—Московскія вѣдомости, 69—Газета Гатцука, 66—Развлеченіе, 54—Московскій листокъ, Природа и охота, 49—Дѣтскій отдыхъ, 42—Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія, 41—Сверчокъ, Душеполезныя размышленія, 37—Русскія вѣдомости, 29—Медицинское обозрѣніе, 23—Русскій курьеръ. 26—Докторъ, 17—Московская газета, Православное обозрѣніе, 12—Русское дѣло, 16—Русскій архивъ, 11—Техникъ, 9—Новости дня, Современныя извѣстія, 7—Театральный мірокъ, Желѣзно-дорожн. листокъ, Жизнь, 5—Извѣстія Московской городской думы, 4—Русскій спортъ, 3—Московская нѣмецкая газета, Церковныя вѣдомости, 1—Полицейскія вѣдомости. *Одесскія* изданія: 27 экз.—Пчелка, 8—Новороссійскій телеграфъ, 7—Записки Императ. общества сельскаго хозяйства, 5—Одесскій вѣстникъ, Одесскій листокъ, 2—Вѣстникъ Одесскаго градоначальника, Город. обществ. управленія, Odessaer Zeitung, 1—Одесскія Новости, Торговый листокъ. *Кіевскія:* 16—Кіевская старина, 14—Заря, 13—Руководство для сельск. пастыря, 9—Воскресное чтеніе, 7—Инженеръ, Труды Кіевской духовной академіи, 4—Кіевлянинъ, 2—Университетскія извѣстія. *Тифлисскія:* 4—Кавказъ, 2—Новое обозрѣніе, Иверія, Мшакъ, 1—Нов.-Дар., Тифлисскій листокъ, Арагацкъ, Пчела Арменіи. *Варшавскія:* Pravda —11, Варшавскій дневникъ —3 и др. *Рижскія:* 4—Rigaische Zeitung, 2—Stadt und Land и другія. *Воронежскія:* 7—Пастырскій собесѣдникъ, 4—Донъ. *Виленскія:* 2—Судебная газета, 1—Новости. *Казанскія:* 11 экз.—Православный собесѣдникъ, 3—Волжскій вѣстникъ, 2—Биржевой листокъ, 1—листокъ объявленій. *Николаевскія:* 4—Южанинъ, Ник. листокъ объявленій, 2—Николаевскій вѣстникъ. *Нижегородскія:* 4—нижегородскій биржевой листокъ, 2—Нижегородская почта. *Самарскія:* 1—Самарскій листокъ,—Вѣстникъ,—газета. *Лодзинскія:* 3 изданія. Губернскихъ вѣдомостей разныхъ губерній 59, 49—Епархіальныхъ вѣдомостей, 14—Курскій листокъ, 12 —Екатеринославскій листокъ, 11 —Земскій сборникъ (Полтава), 9 —Творенія св. отцовъ, изд. въ Сергіевск. посадѣ Московск. губерніи, 6—Донская пчела, 3—Волынь (въ Житомірѣ), 2—Вѣстникъ Псковск. губерн. земства, Земскій сборникъ (Черниговъ), Орловскій Вѣстникъ (Орелъ), Воскресенскій листокъ (Петергофъ), 1—Смоленскій листокъ, Севастопольскій спр. листокъ, Елизаветградскій вѣстникъ (Елизаветградъ), Mitausche Zeitung (Митава), *Саратовскія:* 4—Саратовскій дневникъ, 3—Саратовскій листокъ.

Глава 22-я.

Изящная словесность и ея представители.

Ознакомившись съ періодическими изданіями, выходившими въ Харьковѣ, мы теперь можемъ отмѣтить и важнѣйшихъ представителей мѣстнаго литературнаго движенія. Это послѣднее первоначально вышло изъ двухъ главнѣйшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Харьковѣ—коллегіума и университета. Сама программа преподаванія въ коллегіумѣ, гдѣ важную роль играла піитика, вызвала появленіе „піитическихъ“ опытовъ его питомцевъ и эти опыты состояли исключительно изъ одъ и диѳирамбовъ. Само собою разумѣется, что эти упражненія въ стихотворствѣ не имѣютъ никакого художественнаго значенія, но ихъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ матеріалъ для характеристики школьныхъ настроеній, вкусовъ и нравовъ. По этимъ грудамъ похвальныхъ словъ и одъ, дошедшихъ до насъ въ рукописныхъ сборникахъ, можно судить о томъ, какъ глубоко диѳирамбъ проникъ въ среду учащихъ и учащихся и нависъ надъ нею въ видѣ тяжелой эпидеміи, вызвавъ потомъ въ видѣ естественной реакціи здоровое сатирическое теченіе.

Вотъ нѣсколько образчиковъ этихъ одъ и диѳирамбовъ.

Въ 1801 году студентъ государственной медицинской коллегіи Иванъ Свѣчинскій отправилъ стихотворное поздравленіе ректору Харьковскаго коллегіума Андрею Прокоповичу (печатное) съ такимъ эпиграфомъ:

Столѣтія текутъ и въ вѣчность ниспадаютъ,
Гніютъ въ развалинахъ твердѣйшія тѣла.
Коль скоро смерть дохнетъ—и грады исчезаютъ,
Сіяютъ и не мрутъ лишь добрыя дѣла.

Привѣтствіе заканчивается пожеланіями.

Будь счастливъ—я того желаю!
Чего-жъ могу еще желать?
Пусть геній ангелъ шестокрылый
Твой будетъ вождь, хранитель, другъ,
Пусть онъ прогонитъ мракъ унылый,
Лья нову жизнь всякъ часъ въ твой духъ:
Пусть мирнымъ кровомъ осѣняетъ,
Твое блаженство возвышаетъ.
Чего-жъ могу еще желать?
Твоихъ дней мирныхъ продолженья,
Спокойства, щастья, утѣшенья;
Вотъ все, что я хотѣлъ сказать [1]).

Сохранился цѣлый рукописный сборникъ [2]) стиховъ и прозы на разныхъ языкахъ (рус., лат., греч., франц., нѣм., еврейскомъ), посвященный Московскому митрополиту Платону, посѣтившему въ 1804 году Харьковъ. На обложкѣ сборника помѣщенъ портретъ этого іерарха и виньетка. Болѣе удачнымъ представляется намъ слѣдующее стихотвореніе.

Кого искали мы очами,
Чей образъ въ нашихъ жилъ сердцахъ,
Кого заочно почитали;
Тотъ нынѣ въ украинскихъ странахъ.
Теперь мы только созерцаемъ
Священный видъ твой іерархъ!
И радость сердца изъявляемъ
Передъ тобой въ твоихъ очахъ.
Ты истинный наукъ любитель
Ученья свѣтъ на всѣхъ лiешь,
Святой религіи блюститель,
Примѣрну жизнь собой даешь.
Благослови благословенный
Судьбами Вышняго Творца
Питомцевъ Харьковской Минервы
Принесшихъ въ даръ тебѣ сердца.
Мы гласъ приносимъ сей нелестный,
Живи подъ сѣнью мирныхъ дней,
Живи какъ ангелъ безъ болѣзни,
Какъ небо въ свѣтлости лучей.

---

[1]) Библіотека Харьк. Дух. Семинаріи, № 1759—1761.
[2]) Тамъ же, № 3850.

Первый самостоятельный Харьковскій епископъ Христофоръ Сулима пользовался, очевидно, большимъ уваженіемъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Доказательствомъ его огромной популярности является цѣлый сборникъ (рукописный) привѣтствій ему, сохранившійся въ библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи. Многія изъ нихъ украшены рисунками, любовно и старательно исполненными, по всей вѣроятности, искусными въ этомъ дѣлѣ питомцами Коллегіума. На одномъ рисункѣ, напримѣръ, изображенъ Ноевъ ковчегъ и голубь съ масличною вѣткою, а вокругъ надпись: небо посылаетъ меня, да благовѣствую миръ міру. И подобныхъ рисунковъ на библейскіе сюжеты множество, нѣкоторые изъ нихъ въ краскахъ. При вступленіи епископа Христофора на каѳедру ему сказано было 7 привѣтствій и пропѣтъ слѣдующій кантъ:

Только солнца лучъ багровый
Въ горизонтѣ возблеститъ
Всепріятнѣйшій все новый,
На себе пріемлетъ видъ.

Мужъ отъ Бога предъизбранный
Щастье строитъ въ сихъ странахъ;
Шествуй пастырь всежеланный,
Шествуй спѣшно іерархъ!

Ровно градъ сей веселится
Изъ сердецъ составивъ хоръ;
Се грядетъ здѣсь водвориться
Мужъ священный Христофоръ.

Мы тебѣ отъ душъ смиренныхъ
Всѣ осана вопіемъ;
И усердіемъ возженны
Въ срѣтенье сердца несемъ.

Когда епископъ Христофоръ посѣтилъ классы коллегіума, то тамъ ученики привѣтствовали его особо. Интересно одно привѣтствіе въ формѣ діалога.

Одинъ изъ бесѣдующихъ говоритъ, что въ лицѣ Христофора онъ видитъ новаго Епифанія (Тихорскаго основателя коллегіума).

„Тотъ пастырь—садъ наукъ въ семъ градѣ насадилъ,
Чтобы отечеству онъ пользу приносилъ;
При семъ снятителѣ, какъ древо утвержденно
При токѣ чистыхъ водъ есть живо и зелено;
Такъ садъ Украинскихъ наукъ вновь процвѣтетъ;
Плоды отечеству обильны принесетъ.
Какъ садъ наукъ растетъ, едва не вѣкъ прошелъ;

Когда же собственно онъ пастыря здѣсь зрѣлъ?
О если на него и чужды призирали,
Блюли и милости дождили, изливали,
То сколько онъ теперь щастливъ и преблаженъ
Коль собственному нынѣ се пастырю врученъ!
....Се въ мудры Павловы златыя времена
Узрѣла пастыря Украинска страна.

Цѣлый дифирамбъ „кроткому“ царствованію Имп. Павла „нѣжнѣйшаго отца подданныхъ“ воспѣвается въ одѣ сен. кн. К. А. Багратіону, посланному Императоромъ въ Харьковъ. Ода эта служитъ только доказательствомъ того, какъ свободно въ такого рода произведеніяхъ обращались съ матеріаломъ и дѣйствительностью.

Дѣятельность еп. Христофора за первый годъ его управленія паствою и Коллегіумомъ характеризуется слѣдующими словами.

„Пришелъ, возрѣлъ, началъ, пришелъ, возрѣлъ, началъ,
Началъ, въ годъ сонершилъ, чего вѣкъ ждалъ,
Свершилъ все въ годъ единъ, упадшее возставилъ
Возставилъ, утвердилъ и слабое поставилъ.
Разсадники наукъ растущихъ расширилъ
И знаній цвѣтники къ нимъ новыхъ насадилъ,
Да будутъ полные и плодъ дадутъ въ сто мѣръ,
Прибавилъ живопись, языки, тѣлъ размѣръ.
Чтожъ малое сіе дитя единолѣтно?
Что будетъ нѣкогда! Уже растетъ примѣтно,
Не вѣкъ, но мало лѣтъ—и будетъ исполинъ.

Въ другомъ кантѣ объ этомъ говорится такъ:

И какъ въ немноги дни здѣсь своего правленья
Ты столько сдѣлалъ благъ, достойныхъ удивленья.

Нато, видно тебѣ природа жизнь дала,
Чтобъ паства та, гдѣ ты, во счастіи цвѣла.

Въ 1800 году и Харьковское казенное училище преподнесло Христофору Сулимѣ поздравленіе, въ которомъ говорилось:

О пастырь! Сихъ въ тебѣ, въ тебѣ зримъ ликъ добротъ,
Полна душа твоя величіемъ красотъ.
На стражѣ Божія Закона предпоставленъ,
Свѣтильникъ зришься Ты, хвалою всѣхъ прославленъ,
Христовой вѣры огнь въ душѣ Твоей горитъ [1]).

Въ 1806 году по случаю тезоименитства Преосв. Христофора Харьковскій коллегіумъ поднесъ ему поздравительные стихи (потомъ напечатанные), среди коихъ мы находимъ слѣдующую „эпиграмму".

Въ дни майскіе цвѣты не для себя цвѣтутъ;
Но чтобъ ихъ прелестьми всѣхъ взоры веселились!
Такъ, пастырь, дни твои не для тебя текутъ;
Но чтобы паствы всей и музъ сердца живились [2]).

Въ 1806 году напечатанъ былъ въ Харьковѣ, въ типографіи Приказа общ. пр., сборникъ стихотвореній, въ честь кн. А. М. Голицына. Любопытно стихотвореніе воспитанниковъ низшихъ классовъ, эпиграфомъ котораго взятъ стихъ изъ Державина о томъ, что лучше быть тихимъ ручейкомъ, чѣмъ быстрымъ потокомъ.

Кто подобясь ручейкамъ,
Скромно по лугамъ текущимъ
Зелени всей жизнь льющимъ,
Дѣлаетъ добро людямъ;
Кто щедроты изливаетъ
И сокрыть себя желаетъ;
Тотъ есть истинный нашъ другъ;
Пронесется всюду слухъ
О дѣлахъ его полезныхъ
И о качествахъ небесныхъ
Всѣмъ потомство возвѣститъ;
Будешь ты, Голицынъ, жить
Безкорыстными дѣлами
Межъ великими мужами
Въ храмѣ вѣчности и славы [3]).

Въ 1813 году напечатана была въ Харьковѣ, въ университетской типографіи, ода еписк. Аполлосу на прибытіе его въ новую епархію, гдѣ между прочимъ говорилось:

Се небо возсіяло снова
Для всѣхъ насъ лѣпотой своей
И тучи сиротства сурова
Розгнало свѣтлостью лучей.
Ты, Аполлосъ, свѣтило наше!
Ты солнца самаго намъ краше!
То свѣтитъ только веществу:
Но добрый пастырь свѣтомъ вѣры
Чрезъ благочестія примѣры
Возводитъ души къ Божеству [4]).

По случаю прибытія въ Харьковъ Императора Александра I-го преподаватели и питомцы Харьковскаго коллегіума сочинили рядъ привѣтствій, которыя тогда же были отпечатаны въ университетской типографіи. Фамиліи авторовъ не напечатаны, но онѣ обозначены въ экземплярѣ изданія, принадлежащемъ библіотекѣ Харьковской духовной семинаріи. Профессору (т. е. преподавателю) коллегіума Якову Прожанскому принадлежитъ ода, написанная въ высокопарномъ стилѣ.

„Кто въ блескѣ новомъ громкой славы,
Въ отраду Россіи державы,
Какое Божество грядетъ?

Спрашиваетъ себя авторъ—и отвѣчаетъ:

„Отъ народа, вижу, свѣтъ блистаетъ,
Разливъ лучи по всѣмъ странамъ.
О радость! Свѣтлый эракъ сіяетъ
Грядущаго монарха къ намъ". И далѣе въ такомъ же родѣ.

---

[1]) Библіотека Харьк. Дух. Сем. № 1759—1761.
[2]) Тамъ же, № 1759—1761. [3]) Тамъ же, № 1772. [4]) Тамъ же, № 1759—1761.

Ректоръ коллегіума профессоръ богословія протопресвитеръ Андрей Прокоповичъ выступилъ съ стихотворнымъ привѣтствіемъ на латинскомъ языкѣ и закончилъ его такъ:

„Dicunt et Musae: qui dat tot commoda nobis,
Vivat in aeternum, cordaque nostra regat"...

Прокоповичъ напечаталъ еще и русскую рѣчь. Профессоръ протопресвитеръ Стефанъ Антоновскій напечаталъ прозаическое привѣтствіе по-латыни, а профессоръ Я. Прожанскій—стихотворное по-французски [1]).

Ода „къ солнцу", поднесенная преосв. Павлу студентомъ Харьковскаго коллегіума Ст. Писаревскимъ и сообщенная самимъ преосвященнымъ редакціи Х. Изв.

Привѣтствую, небесный странникъ,
Тебя съ пришествіемъ въ нашъ міръ!
Ты—кроткій божества посланникъ,
Принесъ природѣ жизнь и миръ,
Да оживленное тобою
Цвѣтетъ обильною красою!
Сколь безъ тебя она мрачна
Столь при тебѣ свѣтла, красна!
Счастливецъ забываетъ нѣгу,
Когда взираетъ на тебя;
Несчастный вѣрную утѣху
Въ тебѣ находитъ для себя;
Тому примѣръ къ добру являешь,
Сему ты слезы осушаешь;
Тотъ учится полезнымъ быть,
А сей свой жребій улучшить.
О, архипастырь! душъ свѣтило!
Въ тебѣ мы образъ солнца зримъ;
Блаженство съ нами водворилось
Съ пришествіемъ въ нашъ міръ твоимъ;
Ты край нашъ просвѣтилъ, прославилъ,
И истинѣ алтарь поставилъ;
Таланты, честность и труды
Сбираютъ при тебѣ плоды [2]).

Какимъ-то страннымъ пережиткомъ является вышедшая въ 60-хъ годахъ книга, заключающая литературные опыты ученицъ епарх. училища.

Въ 1866 году, вышли въ свѣтъ „Опыты въ сочиненіяхъ воспитанницъ Харьковскаго училища дѣвицъ духовнаго званія". Х. 76 стр. [3]). Тамъ помѣщены прозаическія статьи Н. Сѣдиковой, М. Рудинской, Л. Ѳедюшиной, Е. Погорѣловой, В. Стефановой, В. Рудинской, Д. Мухиной, Е. Дмитріевой, М. Здравой, Н. Раевской, М. Мигулиной, М. Кувичинской. О содержаніи ихъ можно судить по заглавіямъ: Утренняя молитва, Ночь свѣтлаго Христова Воскресенія, Поѣздка домой на каникулы, Мысли при взглядѣ на умершаго мальчика, Утреннее размышленіе о Божіемъ величіи, Осень, Лѣсъ осенью, Разлука, Письмо къ подругѣ, Письмо къ отцу, Дорожи временемъ, Послѣ экзамена, Возвращеніе съ каникулъ, Изъ воспоминаній каникулярнаго времени, Воспоминаніе дѣтства, Пожаръ, Майское утро, Прогулка въ лѣсъ, Харьковъ.

Вотъ текстъ „Утренняго размышленія о Божіемъ величіи". Вотъ начинается утро. Величественное солнце спокойно подымается на горизонтѣ и освѣщаетъ всю природу. Прекрасная картина представляется глазамъ нашимъ: на холмахъ и поляхъ, покрытыхъ зеленью, какъ брилліантъ, блеститъ утренняя роса. Разноцвѣтные цвѣты своимъ ароматомъ наполняютъ свѣжій, утренній воздухъ. Солнечные, яркіе лучи играютъ въ озерѣ. Птички поютъ веселыя пѣсенки.

Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ зиждитель нашъ Господь!

Если все это такъ прекрасно, то каковъ же Тотъ, Который сотворилъ это!? Тотъ, предъ которымъ эта свѣтлая, величественная картина—какъ ночь передъ днемъ.

Всѣ эти сочиненія—дѣтскій, наивный лепетъ, лишенный какихъ бы то ни было поэтическихъ достоинствъ, но проникнутый религіозно-нравственнымъ настроеніемъ всецѣло царившимъ въ школѣ. Получается впечатлѣніе, какъ будто это не воспитанницы школы (хотя бы и духовной), а монастыря: такъ далеки ихъ интересы отъ жизни.

---

[1]) Е. И. В. благов. Гос. Имп. Александру Павловичу, самодержцу всерос. на всерадостнѣйшее прибытіе Е. В. въ Харьковъ 1817 г. 18 сент. всеподдан. приношеніе отъ Харьковскаго Духовнаго Коллегіума. Х., въ унив. тип. 1817 г.

[2]) Харьк. Изв. 1817, № 28.

[3]) Библіотека Харьковской Духовной Семинаріи № 1794.

Другимъ „вертоградомъ“ изящной словесности оказался университетъ какъ въ лицѣ своихъ преподавателей, такъ и студентовъ.

Самымъ выдающимся *харьковскимъ* писателемъ въ началѣ XIX в. былъ Акимъ Николаевичъ *Нахимовъ* – первоначально воспитанникъ, а потомъ преподаватель Харьковскаго университета. Онъ родился въ 1782 г. въ семьѣ помѣщика, Богодух. у., Харьк. губ. Первоначальное образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Моск. у-тѣ, затѣмъ служилъ, вышелъ въ отставку и поступилъ уже 24-лѣтнимъ юношей во вновь открытый тогда Харьковскій университетъ—и этимъ удивилъ весь городъ. По окончаніи курса въ 1808 году по словесному факультету онъ былъ удостоенъ степени кандидата—и тогда же излилъ свою радость въ стихотвореніи, которое дышетъ неподдѣльнымъ юморомъ.

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За риемой риема вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощнаго, ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ,
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!

Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! А ты, Дедаловъ правнукъ, Блюмъ
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный
И—что всего важнѣй—толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потокъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ при университетѣ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника) Нахимовъ написалъ свою элегію—сатиру, которая сдѣлала извѣстнымъ его имя во всей Россіи. Ее знали наизустъ и чиновники, въ ней осмѣянные, и школьники, и все общество. Авторъ пародировалъ въ ней высоколирическій тонъ. Начиналась она такъ.

Восплачь, канцелярістъ, повытчикъ, секретарь,
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите. И далѣе.

Какія времена! Должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы!
...Бѣда коллежскому теперь секретарю,
О чинъ ассесорскій, толико вожделѣнный!

Вслѣдствіе указа 6 августа 1809 года, и въ Харьковскомъ университетѣ были учреждены курсы для чиновниковъ—и Нахимовъ былъ приглашенъ читать на нихъ русскій языкъ и грамматику. Открылъ онъ свой курсъ сатирическимъ предисловіемъ къ россійской грамматикѣ, которое начиналось такъ:

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся;

Чей умъ во чтеніи довольно подвизался
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ...

Онъ заставлялъ своихъ чиновныхъ учениковъ писать на доскѣ свои стихотворенія—«*похвала гусиному перу*», которое заканчивалось такъ:

Подъячіе главу предъ гусемъ преклоните!

Или басню—*дьякъ* и *нищій*:

Придрался къ нищему старинный, пьяный дьякъ
„Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ,
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,

По „Уложенью“ ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку“,
Отдай котомку мнѣ, лохмотья и клюку.

Заставлялъ онъ также своихъ учениковъ склонять имена существительныя—*сучекъ* и *крючекъ* или спрягать глаголы *братъ* и *драть*.

Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ 1811 году и затѣмъ жилъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ. Будучи богатъ, жилъ весьма просто и умѣренно, по философски, презиралъ роскошь, не любилъ денегъ. Одѣвался въ особый костюмъ, носилъ толстую суковатую палку; былъ преданъ просвѣщенію; зналъ четыре языка; латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій и на послѣднихъ трехъ свободно объяснялся. Кабинетъ его былъ переполненъ книгами, разбросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ. Когда являлось у него поэтическое вдохновеніе, онъ велѣлъ запирать ставни (хотя бы это было днемъ), зажигалъ свѣчи—и

писалъ. Вообще это былъ большой оригиналъ. Къ сожалѣнію, онъ запивалъ. Умеръ на 32 году жизни отъ гнилой горячки. Натура у него была экспансивная, впечатлительная. Мысли и чувства свои онъ выражалъ въ рѣзкой формѣ; о несправедливостяхъ говорилъ съ жаромъ и негодованіемъ; особенно вооружался за взяточничество противъ чиновниковъ—приказныхъ. Злоупотребленія ихъ доводили его до изступленія. Это былъ сатирикъ по натурѣ: отличительными его чертами были негодованіе, смѣлость, увѣренность въ себѣ. Обличеніе чиновниковъ и борьба съ невѣжествомъ были главными мотивами его поэзіи. „Нахимовъ смотрѣлъ на ябеду, какъ на исчадіе ада... И вотъ онъ не хуже Сумарокова пользуется случаемъ задѣть „крапивное сѣмя“: въ стих. „Звѣринецъ“ судья—медвѣдь носитъ имя Ворворворъ, риемующее слову живодеръ; въ эпиграммѣ „Чортъ и смертъ“ курносая дивится, какъ можно искать души въ секретарѣ; сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ повѣствуетъ, что чувствительное сердце Юпитеровскаго (на планетѣ Юпитеръ) дьяка, какъ натуральная рѣдкость или игра природы, было отослано Ѳемидой въ кунтскамеру“. Жестоко осмѣивалъ Н. также французскихъ гувернеровъ и ихъ русскихъ питомцевъ. „Сатира во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слишкомъ откровенна и переходитъ въ брань. Какъ видно, авторъ хотѣлъ лучше быть грубымъ, нежели скрывать свою антипатію, которая объясняется господствовавшею въ то время галломаніей, а потомъ пробужденіемъ народнаго чувства въ войнахъ съ Наполеономъ. Возставая противъ отрицательныхъ явленій тогдашней жизни, онъ въ то же время выдвигалъ и положительные идеалы—честность и просвѣщеніе. Одно изъ его прозаическихъ сочиненій спеціально посвящено страстной защитѣ просвѣщенія отъ невѣжественныхъ нападковъ хулителей. О томъ же говоритъ и его басня „Юпитеръ и Нетопыри“. Глубоко уважая просвѣщеніе и разсадникъ его—Харьковскій университетъ Нахимовъ осмѣиваетъ однако тѣхъ профессоровъ, которые блистали только своими мундирами и посвящаетъ такимъ „просвѣтителямъ“ слѣдующую эпиграмму.

Чтобъ мрачную страну наукой озарить,
Ученыхъ множество въ Украйну валитъ.
Сіяютъ здѣсь они, какъ въ темнотѣ зарницы,
Но что блеститъ у нихъ? Мундирныя петлицы!

Очень удачно его стихотвореніе о рѣдкостяхъ, которыя онъ видѣлъ во снѣ; приводимыя ниже строки его, повидимому, навѣяны раздорами, происходившими среди Харьковской профессуры:

Я видѣлъ дивное сословіе ученыхъ,
Которы въ подвигахъ, ихъ званію достойныхъ,
Хранили здравый смыслъ, честь, нравы и покой:
Отъ зависти они не грызлись межъ собой...
Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ;
Я видѣлъ все сіе и видѣлъ все.... во снѣ.

Современная литературная критика не обратила должнаго вниманія на эти сочиненія, хотя объ успѣхѣ свидѣтельствовалъ рядъ изданій ихъ (въ 1815, 1816, 1822, 1841, 1849 и 1852 гг.)—въ опытѣ исторіи русской литературы Греча нѣтъ даже имени Нахимова; и это потому гл. обр., что онъ обрабатывалъ низменные сюжеты. „За то сочиненія его пріобрѣли популярность въ обширной средѣ людей, образованіе которыхъ не отличалось высокимъ уровнемъ. Это доказывается, во-1-хъ, частыми ихъ изданіями (семь изданій съ 1815 по 1852 г.); во-2-хъ, тѣмъ, что сатиры и эпиграммы Нахимова быстро огласились не только на его родинѣ въ Малороссіи, но и между великоруссовъ“. „Талантъ Нахимова имѣетъ много родственнаго съ музой Е. А. Измайлова, но съ тою разницею, что роль, которую игралъ Нахимовъ въ Харьковѣ, безъ сомнѣнія, была блистательнѣе и важнѣе, чѣмъ роль издателя „Благонамѣреннаго“ въ столицѣ. Нѣкоторые побаивались эпиграммы Нахимова, если не всегда язвящной, зато рѣзкой и безцеремонной почти до цинизма. Въ самомъ дѣлѣ: кому было пріятно попасть подъ его эпиграммы, писавшіяся экспромтомъ и ходившія на другой день по всему городу (извѣстно, какъ въ провинціи важно малѣйшее происшествіе, а тѣмъ болѣе насмѣшливые стишки...). О прозаическихъ произведеніяхъ Нахимова сказать почти нечего: они очень немногочисленны и не язвящны—юмору, какимъ онъ обладалъ, необходимы стихотворныя риемы... Нахимовъ не принадлежитъ къ украшеніямъ Россійскаго Парнаса, но онъ заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности. Его талантъ развился не вслѣдствіе подражанія какой-либо извѣстной школѣ, а просто самъ собой; онъ ходилъ на бѣломъ свѣтѣ въ кафтанѣ если не щегольскомъ, зато своемъ собственномъ [1]). Нахимовъ былъ ловкій, умный литературный острякъ своего

[1]) Рук. замѣтки Чирикова.

времени. Онъ жалилъ безпощадно приказныхъ, льстецовъ, глупцовъ. Кто изъ чернильныхъ душъ не восплакалъ и не озлобился на него. Колкія эпиграммы Н. употреблялись вмѣсто пословицъ, ѣдкія басни вмѣсто притчей. Стихъ его не отдѣланъ, но мысль всегда выражена рѣзко.

Несравненно ниже былъ другой харьковскій баснописецъ и сатирикъ Вас. *Масловичъ*, издававшій первый сатирическій журналъ въ Харьковѣ—Харьковскій Демокритъ и написавшій цѣлую серію басенъ. Вотъ одна изъ нихъ болѣе удачная „*Рожденіе смѣха*“.

Читатели! Кто хочетъ знать,
Какъ появился смѣхъ на свѣтѣ?
Прошу покорно прочитать—
Вотъ басенка о семъ предметѣ.
Прошло не помню сколько лѣтъ
По сотвореньи человѣка,
Положимъ, что прошло полвѣка,
Отъ этого убытку нѣтъ;
Одной дѣвицы зубы
Разгнѣвались на губы,
Иль, такъ сказать, на скромность губъ.
Одни послали къ Зевсу зубъ
Изъ зубья своего сената
Въ одеждѣ депутата.
Явился зубъ предъ Зевса тронъ,
На губы жалуется онъ,
На притѣсненье ихъ доноситъ
И такъ Юпитера онъ проситъ:
Вели, о Зевсъ, губамъ отверстье отворять
Почаще вверхъ и внизъ вели имъ шевелиться
На нашу бѣлизну чтобъ всѣ могли взирать
И ею чтобъ могли плѣниться.
Внялъ просьбѣ ихъ Зевесъ
И приказанье далъ съ небесъ,
Чтобъ кинули всю скромность губы.
Съ тѣхъ поръ дѣвицы скалятъ зубы
И смертныхъ родъ смѣется весь.

Сочиненія В. Г. *Масловича*: 1) Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь. Пастушеская опера въ 1 д. Х. 1811; 2) Баснь на прибытіе въ міръ Асмодея. Х. 1813 г.; 3) Драматическій кантатъ Харьковскому благотворительному обществу. Х. 1814; 4) Басни въ стихахъ. Х. 1814; 5) О баснѣ и баснописцахъ разныхъ народовъ—извѣстіе объ ихъ жизни, съ нѣкоторыми замѣчаніями на ихъ басни и самыя басни оныхъ. Х. 1816; 6) Харьковскій Демокритъ, журналъ, изд. Масловичемъ. Ч. 1—4, Харьковъ, 1816 г.; 7) Память о Харьковскомъ стихотворцѣ Ан. Ник. Нахимовѣ. СПБ. 1818; 8) Замѣчанія и чувствованія или путешествія, какихъ мало или какихъ очень много, изъ Харькова до Санктпетербурга. СПБ. 1818; 9) Басни въ стихахъ, изданіе 2-е, исправленное и умноженное. Х. 1825 г.

Довольно близкое отношеніе къ Харькову имѣлъ извѣстный поэтъ Ник. Өед. *Щербина*. По отцу онъ былъ родомъ изъ дворянъ Харьковской губ. Родился въ 1821 году. Учился въ Харьковскомъ университетѣ, но вынужденъ былъ его оставить по недостатку средствъ и выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. „Насколько помнится, говоритъ Г. С. Чириковъ, Щербина студентъ былъ мечтательный юноша, философъ школы Платона, бредившій тогда Греціей и своими греческими стихотвореніями. Лѣтомъ онъ ходилъ весь въ бѣломъ костюмѣ и неразъ былъ останавливаемъ на улицѣ тогдашнимъ сатрапомъ Харькова, ген.-губ. Кокошкинымъ который принялъ Щербину за бѣжавшаго изъ больницы больнаго и Щербина едва его успѣлъ убѣдить, что онъ не больной“. По временамъ онъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ. Въ это время онъ также печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ. Въ „Молодыкѣ“ И. Е. Бецкаго помѣщено довольно много стихотвореній Щербины; одни за его подписью, другія подписаны его псевдонимомъ. Въ 1849 г. Щербина переѣхалъ изъ Харькова въ Одессу, гдѣ издалъ доставившій ему извѣстность сборникъ подъ названіемъ „Греческія стихотворенія“. Въ собраніи сочиненій Щербины есть особый сатирическій отдѣлъ подъ названіемъ: *альбомъ ипохондрика*. Въ этомъ альбомѣ есть и пьесы, писанныя еще во время пребыванія въ Харьковѣ, а именно: два аттестата студіозусамъ семинаріи: Апполинарію Троицкаревскому, прошедшему чрезъ непроходимую дебрь философіи и скитавшемуся по классамъ бурсы сорокъ лѣтъ, аки Израиль по пустынямъ Аравійскимъ и пр., и Викентію Курильскому. Харьковъ. 1841 г. Эти аттестаты извѣстны были въ свое время многимъ въ Харьковѣ, также какъ и слѣдующія двѣ эпиграммы въ томъ же альбомѣ ипохондрика: Выдержки изъ книги подъ названіемъ Мечты и звуки, стихотворенія стат. сов. Степ. Харитонова (намекъ на Платонова), профессора Законовъ Государственнаго благоустройства и благочинія, доктора правъ и кавалера. Харьковъ. Въ университет-

ской типографіи; Мадригалы къ кухаркѣ сосѣда моего и сослуживца профессора Куницына (въ которую я былъ овдовѣвши послѣ второй жены страстно влюбленъ). Нельзя не отмѣтить, что приведенныя ниже стихотворенія не блещутъ остроуміемъ и непріятно поражаютъ намеками на живыхъ лицъ.

Вотъ юмористическое стихотвореніе Щербины, написанное въ Харьковѣ въ 1845 году *Пѣснь семинариста*, исключеннаго за.....франтовство и за страсть къ сценическимъ представленіямъ.

Курсъ кончивъ элоквенціи
Я въ ней зѣло успѣлъ;
Затожъ аудіенціи
Съ инспекторомъ имѣлъ.
На оныхъ авдіенціяхъ
Я оле восклицалъ
При палочныхъ каденціяхъ
Мой корпусъ трепеталъ...
Но казусной піитики
Учиться не вовмогъ;
Скажу вамъ безъ политики
Отъ ней я занемогъ.

Хотъ хріи и орацiи
Пудами я писалъ
И страшно въ декламаціи
Руками я махалъ.
Но риемы не единыя
Никакъ не подобралъ
И лишь перо гусиное
Отъ злобы изгрызалъ.
За страсть къ лицедѣяніямъ
За краткій сертучекъ
Я изгнанъ съ посмѣяніемъ
Такой мой лютый рокъ.

Въ Харьковѣ на студенческой скамьѣ началъ свою литературную дѣятельность и извѣстный талантливый поэтъ-переводчикъ Петръ Исаевичъ *Вейнбергъ*.

Сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ *Палицынъ*, хотя и не былъ харьковскимъ жителемъ, но имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ г. Харькову по своей близости къ Харьковскому университету, избравшему его въ почетные члены за его литературную дѣятельность. Это былъ настоящій провинціальный литераторъ, скромный обитатель дер. Поповки, которую онъ сумѣлъ сдѣлать центромъ и очагомъ художественныхъ и просвѣтительныхъ интересовъ весьма значительной территоріи. Въ типографіи Харьковскаго Университета напечатаны слѣдующія его литературныя произведенія: 1) Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени (1807 г.), 2) Игорь (стих. пер. Слова о полку Игоревѣ) (1807); 3) Сады Делиля (пер. съ франц.) (1814); 4) Времена года—поэма Сен-Ламберта (пер. съ франц.) (1814). Еще ранѣе имъ были изданы: 1) переводъ новой Элоизы Ж. Ж. Руссо и нѣк. др. переводы.

Таковы были наиболѣе видные харьковскіе поэты, но было много и такихъ, которые писали стихи между дѣломъ. Увлекались стихотворствомъ, нерѣдко превращавшимся въ простое рифмоплетство очень многіе. Почти всѣ они имѣли отношеніе къ университету. Преподаваніе словесности на историко-филологическомъ факультетѣ состояло главнымъ образомъ въ изложеніи піитики и реторики, а изложеніе піитики сопровождалось представленіемъ самостоятельныхъ опытовъ въ поэзіи. И сами преподаватели словесности подавали въ этомъ отношеніи примѣръ своимъ слушателямъ. Проф. словесности Ив. Ев. Срезневскій сочинилъ нѣсколько патріотическихъ одъ, переложилъ стихами нѣсколько псалмовъ и Гораціевыхъ одъ. Такова его „Побѣдная пѣснь Россовъ“, написанная по поводу освобожденія Россіи отъ французовъ въ 1812 году. Онъ перевелъ также Tristia (плачъ) Овидія и этотъ переводъ былъ единственнымъ полнымъ русскимъ переводомъ до появленія въ 1893 г. перевода Фета. Есть у него и легкія стихотворенія въ псевдонародномъ стилѣ. Кромѣ печатныхъ стихотвореній послѣ Ив. Ев. Срезневскаго осталось 46 неизданныхъ, изъ коихъ 8 опубликованы Вс. Имм. Срезневскимъ въ его статьѣ о своемъ дѣдѣ [1]).

Настоящимъ поэтомъ изъ харьковскихъ профессоровъ былъ адъюнктъ русской словесности Александръ Васильевичъ Склабовскій [1]). Поэтическія дарованія онъ обнаружилъ еще на студенческой скамьѣ, но, къ сожалѣнію, приспособлялъ свой талантъ къ господствовавшему тогда реакціонно мистическому настроенію. Въ 1819 году вышелъ въ Харьковѣ сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ „Опыты въ стихахъ“; здѣсь содержится 30 стихотвореній, изъ коихъ половина представляетъ переводы и подражанія, гл. обр. польскимъ поэтамъ. Изъ русскихъ писателей онъ особенно увлекался Жуковскимъ, изъ котораго

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1898 г.

взялъ и эпиграфъ для своего сборника: пою для музъ, для наслажденья, для сердца вѣрнаго друзей. Особенно удалась С. пѣсня, текстъ которой прямо просится для переложенія на музыку. Вотъ ея текстъ.

Могу ли я забыть, когда томимъ тоскою
Какъ блага отъ небесъ я ждалъ небытія,
Ты свѣтлымъ геніемъ явилась предо мною—
И жизнь я полюбилъ—могу-ль забыть тебя?
Могу ли я забыть, когда ты взоръ прелестный
Съ стыдливой робостью склонила на меня
И трепетъ сладостный и пламень, мнѣ безвѣстный,
Въ грудь томную влила—могу-ль забыть тебя?
Могу-ль? О милый другъ, душа моя томилась
Въ разлукѣ горестной злой рокъ тѣснилъ меня;
Но сердце, гдѣ любовь моя таилась,
Все тожъ—въ немъ таже страсть—я не забылъ тебя.

Одно стихотвореніе по складу своему подражаетъ былинамъ.

Закатилося солнце красное,
За ту гору за Холодную!
Пусть туманы тучей темною
Надо мною разстилаются...

Писали стихотворенія (переводныя) и адъюнкты—Е. М. Филомафитскій, Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій, поклонникъ Карамзина, Жуковскаго и всей новой тогдашней литературы (въ Укр. Вѣстникѣ) и И. Я. Золотаревъ [2]). Проф. В. А. Якимовъ занимался переводами (довольно неуклюжими) на русскій языкъ Шекспира—и кн. Одоевскій приглашалъ въ 1832 г. къ себѣ вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ Пушкина послушать его переводы [3]). Въ качествѣ переводчика поэтическихъ произведеній Софокла, Гете и Шекспира (на польскомъ языкѣ) выступалъ и проф. А. О. Валицкій [4]).

Увлекался стихотворствомъ, какъ теперь оказывается изъ его неизданныхъ бумагъ, найденныхъ мною въ Имп. публ. библіотекѣ, и извѣстный мистикъ—попечитель Харьк. учебнаго округа Е. В. Карнѣевъ. Онъ перевелъ вольными стихами псалтырь.

Въ предисловіи авторъ говоритъ.

„Псалтирь по возвышенности своего слога и по содержащимся въ ней истиннамъ и разительнымъ пророчествамъ о Спасителѣ міра, во всѣ времена обращала на себя всеобщее вниманіе, и почиталась образцемъ боговдохновенной поэзіи. Набожные наши предки благоговѣли къ ней, и многократно избирали ее предметомъ для духовныхъ своихъ пѣснопѣній. Еще въ семнадцатомъ столѣтіи извѣстный іеромонахъ Симеонъ Полоцкій написалъ въ стихахъ Псалтирь по тогдашнему нарѣчію. Сумароковъ также перевелъ почти всю ее въ стихахъ. Между тѣмъ и другіе писатели: Тредіаковскій, Ломоносовъ, Державинъ, Николевъ, Вышеславцевъ, Лопухинъ, Аврамъ Крыловъ, Рѣпетниковъ и пр. пытались прелагать въ стихи частно нѣкоторые псалмы; а въ 1818 году издалъ въ стихахъ всю псалтирь священникъ слѣпецъ Пакатскій. Всѣ эти преложенія, исключая весьма немногихъ, нынѣ устарѣли, нѣкоторыя изъ нихъ неясны, неполны, а иныя мало сходствуютъ съ текстомъ.

Въ 1821 году вышла въ свѣтъ псалтирь, переведенная прозою на русскій языкъ по благословенію первѣйшихъ нашихъ архипастырей. Желая испытать, нельзя ли сдѣлать ее столько же удобопонятной и занимательною въ стихахъ, какъ и въ прозѣ, я принялъ переводъ этотъ себѣ въ руководство и старался держаться его не только въ смыслѣ, но иногда по возможности и въ самыхъ выраженіяхъ, справляясь впрочемъ и съ славянскою псалтирью.

Окончивши трудъ свой, я удостовѣрился, что далеко не достигъ совершенства оригинала, а потому и не посмѣлъ присвоить ему названія псалтири, но наименовалъ просто богохвалебными пѣснями, дабы каждый могъ видѣть, что это дѣйствительно есть только слабое подражаніе Давидовымъ псалмамъ,—не зрѣлый опытъ переложенія ихъ въ стихи.

Само собой разумѣется, что для соблюденія мѣры стиховъ, я долженъ былъ въ иныхъ мѣстахъ распространять, а въ другихъ сокращать, и вообще нерѣдко другими словами излагать содержаніе псалмовъ, стараясь однакожъ вездѣ сколько возможно болѣе сближаться съ смысломъ текста. Надѣюсь, что подобныя неразлучныя съ стихосложеніемъ отступленія оцѣнены будутъ не иначе, какъ по тому усердію, съ какимъ я желалъ вѣрнѣе достигнуть предположенной мною цѣли. Недостатки и самыя ошибки легко могутъ встрѣтиться; но долгъ мой будетъ исправить ихъ при второмъ изданіи.

---

[1]) См. о немъ статью проф. Н. Ѳ. Сумцова въ Біогр. Слов. проф. Харьк. у-та, т. I, стр. 59—71
[2]) Іb., стр. 256, 72, 73. [3]) Іb., стр. 76. [4]) Іb., стр. 182—183.

Не ищу чести прослыть поэтомъ; но искренно желаю, чтобы кто другой искуснѣйшимъ перомъ изобразилъ въ лирическихъ стихахъ дивныя красоты и неуловимыя прелести этой божественной книги".

Чтобы дать понятіе о характерѣ самыхъ стиховъ Е. В. Корнѣева, приведемъ нѣсколько его переложеній.

I.

Псаломъ Давидовъ.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.

Блаженъ, кто на совѣтъ не ходитъ нечестивыхъ,
Кто на пути грѣха преступнымъ не стоитъ,
Кто въ обществѣ людей кощунствующихъ, лживыхъ,
Среди поборниковъ разврата не сидитъ;
Но волю къ Божію закону устремляетъ,
И поучается въ законѣ день и ночь.

Онъ, при потокахъ водъ какъ древо насажденно:
Не вянетъ листъ его, не сохнетъ, не падетъ,
И плодъ приноситъ свой во время уреченно:
Такъ успѣваетъ онъ во всемъ, что ни начнетъ.
Не такъ съ злодѣями, не такъ бываетъ съ ними:
Они, какъ вѣтромъ прахъ, развѣянъ по землѣ.

Кто устоитъ изъ нихъ, когда на судъ предстанетъ?
Они въ сонмъ праведныхъ не вступятъ никогда.
Путь праведныхъ Господь слѣдитъ и вѣдать станетъ,
А нечестивыхъ путь погибнетъ навсегда.

II.

Псаломъ Давидовъ.

Вскую шатошася языцы и людіе поучитися тщетнымъ.

Почто встревожились народы, возмутились,
И люди тщетную затѣяли мечту?
Князья, цари земли совмѣстно ополчились,
Чтобъ Богу и Его противостать Христу,
Вѣщая: „разорвемъ ихъ узы, сворнемъ иго".
Имъ посмѣется Богъ, живый на небесахъ.

Разгнѣванный Господь къ нимъ возглаголетъ грозно,
Возстанетъ и смятетъ во гнѣвѣ ихъ Своемъ.
Я надъ святой горой Сіономъ непреложно
Поставленъ отъ него владыкою, царемъ.
Открою, возвѣщу Господне повелѣнье.
Онъ рекъ мнѣ: „Ты мой сынъ, Я днесь родилъ Тебя.—

Проси, и дамъ Тебѣ въ наслѣдіе народы,
Земли концы предамъ. Ты ихъ поработишь,
Жезломъ ихъ упасешь желѣзнымъ въ родъ и роды,
И ихъ какъ бы сосудъ скудельный сокрушишь.
Внемлите же цари и нынѣ вразумитесь,
Вы, судіи земли, исправьте жизнь свою.

Со страхомъ Господу, работая, служите,
И радуйтесь предъ нимъ со трепетомъ души
Страшась въ немъ гнѣвъ возжечь, колѣна преклоните,
Чтобъ не погибнуть вамъ внѣ праваго пути.
Гнѣвъ въ скорости Его повсюду возгорится
Блаженъ, кто на Него надежду возложилъ.

III.

Псаломъ Давида, когда онъ бѣжалъ отъ сына своего Авессалома.

Господи, что ся умножиша стужающіи ми.

Сколь много, Боже, мнѣ стужающихъ возстало?
Сколь многіе, напавъ, мнѣ говорятъ въ упрекъ:
Спасенье Божіе хранить его престало,
Отъ Бога помощи ему не будетъ въ вѣкъ,
Но, Боже, Ты мой щитъ, заступникъ, покровитель.
Возносишь лишь главу, и слава ты моя.

Взываю къ Богу я:—съ Сіона мнѣ онъ внемлетъ.
Ложуся, сплю, встаю:—Онъ Самъ меня хранитъ.
Народовъ тьма свой мечь противъ меня подъемлетъ;
Но ихъ толпа меня нисколько не страшитъ.
Возстани, Господи, спаси меня, мой Боже,
И всуе на меня враждующихъ смири.

Ты, Боже, грѣшниковъ въ ланиту поражаешь,
Ты зубы злымъ крушишь, когда вредить хотятъ,
Спасенье отъ Тебя: ты насъ благословляешь.
Твоимъ людямъ твоя пребудетъ благодать.

IV.

Начальнику хора. На струнныхъ музыкальныхъ орудіяхъ. Псаломъ Давидовъ.

Внегда призвати ми, услыша мя Богъ правды моея.

Когда взываю я къ Тебѣ, внемли мнѣ, Боже.
Ты правды Богъ моей, просторъ мнѣ далъ въ бѣдѣ.
Мнѣ милосердіе Твое всего дороже.
Помилуй и простри Свой слухъ къ моей мольбѣ.
Доколѣ вамъ, сыны земли, быть тяжкосердымъ,
Доколѣ вамъ любить тщету и лжи искать?

Познайте, что Господь чудесными путями
Осыплетъ милостью святого Своего.
Услышитъ онъ меня какъ сердцемъ и устами
На помощь искренно я призову Его.
Во гнѣвѣ находясь, грѣшить остерегайтесь,
Чтобъ въ сердцѣ миръ души на ложахъ вамъ обрѣсть.

Надѣйтесь на Него, пожрите жертву праву.
Пусть говорятъ: кто дастъ благая намъ вкусить?

Мы Богу одному честь воздадимъ и славу.
Онъ свѣтомъ насъ своимъ сподобилъ озарить.
Ты, Боже, усладилъ мое весельемъ сердце,
Ты хлѣбъ, вино, елей умножилъ для людей.

Спокойно я ложусь, и съ миромъ засыпаю.
На Бога одного я твердо уповаю.

V.

Начальнику хора. На духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ. Псаломъ Давидовъ.

Глаголы моя внуши Господи, разумѣй званіе мое.

Уразумѣй мои глаголы, помышленья,
Вонми, мой царь, мой Богъ, гласъ вопля моего.
Къ Тебѣ, Господь, мои стремятся всѣ моленья.
Заутра слышишь гласъ раба ты своего,
Заутра предстою я рано предъ Тобою
И жду, чтобъ съ благостью воззрѣлъ Ты на меня.

Ты Богъ, не любящій въ насъ жизни беззаконной:
Не водворится злый въ святой Твоей землѣ,
Бѣжитъ отъ глазъ Твоихъ преступникъ непреклонный,
Ты ненавидишь всѣхъ, кто закоснѣлъ во злѣ;
Ты говорящихъ ложь въ погибель низвергаешь,
Гнушаешься коварствъ и кровожадныхъ дѣлъ.

А я по милости Твоей великой, вѣчной,
Вхожу въ Твой домъ, дабы хвалу Тебѣ воздать,
Благоговѣніе излить мое сердечно,
И съ поклоненіемъ въ святый Твой храмъ предстать.
Руководи меня въ Твоей, мой Боже, правдѣ,
И вопреки врагамъ, Самъ путь мой уровняй.

Въ устахъ враговъ моихъ нѣтъ истинны, ни свѣта:
Умъ суетенъ, гортань открытый гробъ у нихъ;
Не дай успѣховъ имъ и добраго совѣта;
Языкъ ихъ льстивъ: суди, разруши умыслъ ихъ;
Изринь ихъ вонъ за тьму нечестія, злодѣйства,
За то, что вздумали преогорчить Тебя.

Кто на Тебя вполнѣ надежду полагаетъ,
Въ того вселишься Ты, тотъ будетъ ликовать,
И кто въ душѣ своей любовь къ Тебѣ питаетъ,
Тотъ станетъ пѣснь Тебѣ хвалебну воспѣвать.
Ты, Боже, праведныхъ людей благословляешь,
И благостыней, какъ щитомъ, вѣнчаешь ихъ.

Мистическое направленіе Е. В. Карнѣева и его дядюшки З. Я. Карнѣева (который также былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа), нашло себѣ выраженіе не только въ устройствѣ отдѣленій Библейскаго общества, среди гражданъ г. Харькова и студентовъ, но и повело къ изданію литературныхъ сборниковъ піитическаго характера.

Въ первой половинѣ XIX в. пріобрѣла себѣ извѣстность въ Харьковѣ поэтесса Любовь Кричевская. Въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ Л. Кричевская сама говоритъ о себѣ такъ: „не науки и познанія настраивали мою лиру, даже и это самое обыкновенное выраженіе—я училась на мѣдныя деньги—не идетъ ко мнѣ, потому что я ни на какія не училась. Сокращенный катехизисъ, преподанный мнѣ нѣжною, доброю матерью, составлялъ всѣ мои науки. Я чувствую, что этого довольно для истинно христіанской жизни; но какъ мало для того, кто захотѣлъ бы присвоить себѣ громкое названіе писателя (Укр. В. 1817, ч. 6-я, стр. 136). Вотъ нѣкоторыя изъ ея стихотвореній, помѣщенныхъ въ Укр. Вѣст.: 1) Раскаяніе, стихот. (Украинскій вѣстникъ, 1816 г., ч. 3, с. 97). 2) Сердечный вздохъ (ibid, ч. 2, с. 211). 3) Въ кучку незабудокъ, посланныхъ моимъ друзьямъ, четырехстишіе (ibid, 1816 г., ч. 2, с. 215). 4) Вздохъ моего сердца (ibid, 1816 г., ч. 2, с. 211—213). 5) Пріятнымъ днямъ въ моей жизни, стихи. (Ibid. 1817 г., ч. 1, с. 338—339). 6) Вѣра, Надежда и Любовь, статья въ Украинскомъ вѣстникѣ, 1816. 7) Днѣпръ, отрывокъ изъ моего журнала, посвящается друзьямъ. (ibid, 1817, ч. 1, с. 197—199). 8) Пѣсня, подражаніе французскому переводу (ibid., с. 200). 9) Пѣсня, подражаніе (ibid, 1817, ч. I). Затѣмъ отдѣльными изданіями вышли: 1) Мои свободныя минуты или собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, Харьковъ, 1817 г. 16⁰, 2 ч. 2) Историческіе анекдоты и избранныя изреченія извѣстныхъ людей. Харьк., 1826, 8⁰. 3) Нѣтъ добра безъ награды, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Харьк. 1826 г. 12⁰; на оберткѣ извѣстіе о ея литерат. трудахъ. 4) Двѣ повѣсти: Коринка и Эмма. 1827 г. больше 12⁰. 5) Графъ Горскій, Харьковъ, 2 ч., 1837 г., 16⁰, посвящены княгинѣ Эмиліи Петровнѣ Трубецкой (преисполненная истинной благодарности за благотвореніе, оказанное въ дни скорби, посвящаетъ признательная Л. К.).

Въ 1835 г. вышли сочиненія и переводы въ стихахъ С. Г. (учителя Ст. Л. *Геевскаго*); въ 1836 г.—Надежда. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Изд. А. Кульчицкій; въ 1842 г.—комедія С. Г. Геевскаго „Бурсакъ“; въ 1845 году—Замѣтки. Стихотворенія М. *Дараганa*. Стихотворенія *Леонова* были напечатаны въ 1839 г.; *П. Иноземцевъ* издалъ въ Харьковѣ въ 1833 г. русскую повѣсть „Ссыльный“; крестьянинъ *Лихачевъ* издалъ сборникъ своихъ стихотвореній; напечатанъ былъ въ Харьковѣ въ 1844 г. переводъ Гамлета А. Кронеберга; въ 1846 г. изданъ истор. романъ Корженевскаго „Гетманъ Ст. Остраница“; въ 1863 г. изданъ переводъ въ стихахъ трагедіи „Ратклифъ“ (Лавренко); въ 1867 г.—стихотворенія 50-ти лѣтняго поэта *Ольблина*; въ 1875 г.—драма „Судьба, какъ смерть неотразима“ (передѣлка Базарова); въ 1878 г.—Два стихотворенія В. Пашкова.

Профессорамъ стали подражать и студенты, издавшіе цѣлый рядъ своихъ литературныхъ опытовъ. Въ 1811 г. вышелъ въ свѣтъ сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донского“. Въ 1818 г. напечатаны сочиненія и переводы студентовъ Импер. Харьк. У-та со стихотвореніями студ. Склабовскаго, Шпяревича, Дыздерева, Петрова, Бѣлозерскаго. Въ 1819 году вышли „Труды студентовъ любителей отеч. слов. въ Харьк. у-тѣ“, во второмъ отдѣлѣ этой книги помѣщены стихи Склабовскаго, Золотарева, Петровскаго и др. Въ 1820 г. вышли сочиненія и переводы студентовъ Имп. Хар. У-та, читанные 1819 г. іюня 30 по окончаніи экзаменовъ; стихотворенія помѣщены здѣсь на 59—90 стр. (Карасева, Склабовскаго, Золотарева). „Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 г. 30 іюня по окончаніи экзаменовъ“. Здѣсь стихотворенія Петровскаго, Попова, Карасева, Золотарева, Сендецкаго. Въ 1821 г. вышли въ свѣтъ „Сочиненія и переводы студентовъ И. Х. У., гдѣ были помѣщены ода Карасева „Миръ“, Севастьянова переводъ изъ Мессіады Клопштока, отрывокъ изъ Иліады (вольный переводъ) и др. „Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1822 г. 30 іюня по окончаніи экзаменовъ; здѣсь стихотворенія Сендецкаго, Попова, Склабовскаго. Въ 1823 г. напечатаны были подъ ред. Склабовскаго „Опыты въ словесности воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова въ Харьковѣ“; они проникнуты религіознымъ мистицизмомъ и явились результатомъ проповѣди идей Библейскаго общества. Въ новѣйшее время слѣдуетъ отмѣтить стихотворенія талантливаго студента Головкова. Вышедшіе въ свѣтъ литературные сборники харьковскихъ студентовъ также стоятъ неизмѣримо выше старыхъ.

Малорусское литературное движеніе началось еще въ концѣ XVIII в. при Котляревскомъ въ Полтавѣ, развилось затѣмъ въ Харьковѣ (Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Метлинскій, Костомаровъ) и затѣмъ уже въ 40-хъ годахъ XIX ст. перешло въ Кіевъ, гдѣ видными дѣятелями его были отчасти тѣ же харьковцы, перешедшіе въ Кіевъ (Костомаровъ, Метлинскій). Оно выросло не въ силу какого-нибудь внѣшняго вліянія (напримѣръ, польскаго, какъ полагали нѣкоторые), а какъ естественное желаніе выра-

жать украинскую народную жизнь на украинскомъ же народномъ языкѣ; желаніе это совпало со стремленіемъ изучать свою народность, характеризующимъ не только малую, но и великую Русь. Центромъ литературнаго движенія въ Харьковѣ въ первыя десятилѣтія XIX в. былъ университетъ. Рядомъ съ русской литературной стихіей въ мѣстномъ обществѣ росла и развивалась малорусская стихія, удовлетворявшая живой, внутренней духовной потребности интеллигентныхъ малороссіянъ, усвоившихъ уже себѣ русское образованіе, но не порвавшихъ связи съ малорусскимъ народомъ въ области языка и его быта и словесности. И вотъ, вслѣдъ за полтавскимъ малорусскимъ движеніемъ, въ качествѣ его продолженія, является харьковское, выросшее такъ же естественно, какъ и первое. Талантливѣйшіе представители его—Артемовскій-Гулакъ въ стихотворной формѣ и Квитка въ прозаической—творили только въ силу глубокой внутренней потребности, владѣя въ совершенствѣ формою, т. е. языкомъ, и обладая (особенно 2-й) большимъ запасомъ народнохудожественнаго матеріала. Оба они первоначально пробовали писать по-русски, но должны были убѣдиться въ томъ, что все это было слабо и блѣдно, а сильно и художественно выходило только то, что было написано ими на родномъ языкѣ.

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій, сынъ бѣднаго священника, родился 16 января 1790 г., по однимъ сообщеніямъ въ м. Городищѣ, а по другимъ въ м. Смѣлой, Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда. Образованіе онъ получилъ въ семинаріи, откуда перешелъ въ Кіевскую духовную академію, но курса въ ней не окончилъ. Въ періодъ своего студенчества Г.-А. терпѣлъ большую нужду. Бывали случаи, когда голодъ принуждалъ его искать на базарѣ арбузныя корки и ими питаться. Покинувъ духовную академію, Г.-А. поселился въ Бердичевѣ, гдѣ занялся педагогической дѣятельностью, преподавая преимущественно въ богатыхъ домахъ польскихъ пановъ, гдѣ пріобрѣлъ свѣтскій лоскъ и большія связи, чѣмъ въ послѣдующей своей педагогической и административной дѣятельности сумѣлъ искусно воспользоваться. Въ 1816—17 академическомъ году Г.-А. вступилъ въ число вольнослушателей Харьковскаго университета. Владѣя прекрасно польскимъ и французскимъ языками и пользуясь покровительствомъ графа Потоцкаго, Г.-А. въ 1818 г. по представленію совѣта былъ утвержденъ въ университетѣ лекторомъ польскаго языка и въ томъ же году приглашенъ преподавателемъ французскаго языка въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Съ этого времени начинается блестящая карьера Г.-А. какъ педагога, но главнымъ образомъ какъ администратора. Чины, ордена и награды слѣдовали другъ за другомъ. Съ 1820 г. въ продолженіе 26 лѣтъ Г.-А. занимаетъ каѳедру русской исторіи, а съ 1841—1849 г. состоялъ ректоромъ Харьковскаго университета и, какъ таковой, представлялъ собою яркій образецъ администратора—бюрократа того времени.

Карьеристъ и чиновникъ, казалось бы, до дна своей души, Г.-А. внѣ оффиціальной дѣятельности проявилъ себя поэтомъ и при томъ съ крупнымъ художественнымъ природнымъ дарованіемъ. Проведенное дѣтство въ деревнѣ познакомило Г.-А. съ малорусскимъ народомъ, его жизнью, преданіями, особенностями его національнаго духа. Какъ художникъ, Г.-А. безсознательно воспринималъ красоту народнаго малорусскаго языка и владѣлъ имъ въ совершенствѣ, но, къ сожалѣнію, не придавалъ значенія своему поэтическому таланту и творилъ только въ силу глубоко заложенной въ душѣ его потребности въ художественномъ творчествѣ. Многія изъ его произведеній ходили по рукамъ знакомыхъ въ рукописномъ видѣ и только послѣ его смерти были напечатаны.

Первые свои литературные труды преимущественно переводныя статьи съ польскаго на русскій яз. Г.-А. помѣщалъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ, издаваемомъ при университетѣ. Но не имъ онъ обязанъ своей литературной славой: русскій языкъ не былъ его роднымъ языкомъ и художественные образы его творчества вылились со всею яркостью, силой и оригинальностью его таланта на родномъ ему малорусскомъ языкѣ. Какъ современники Г.-А., такъ и позднѣйшіе украинскіе критики отводили ему почетное мѣсто среди южно-русскихъ писателей. Современникъ Г.-А. Неслуховскій такъ отзывается о его произведеніяхъ: „они пробуждали въ обществѣ интересъ и любовь къ южно-русской народности. Написано имъ немного, но такія стихотворенія, какъ „Панъ Твардовскій“ и нѣсколько басенъ, хотя и съ заимствованнымъ съ польскаго содержаніемъ, весьма замѣчательны, ибо и форма изложенія и самое содержаніе ихъ насквозь проникнуто народными мыслью, духомъ и образами, вся грамотная Малороссія знала ихъ наизустъ наравнѣ съ Энеидой Котляревскаго“.

Іеремія Галка (извѣстный историкъ Н. И. Костомаровъ) пишетъ: „необыкновенная мягкость и правильность языка, свобода въ выраженіяхъ и непринужденный комизмъ обличаютъ въ сочинителѣ высокій талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ... Лучшее изъ его твореній—это „Панъ та Собака [1]); сказка, которая въ ряду аналогическихъ твореній русской литературы занимаетъ почетное мѣсто“. Далѣе тотъ же Н. И. Костомаровъ отмѣчаетъ, что Г.-А. „остался безсмертенъ, какъ народный малорусскій поэтъ; никто не превзошелъ его въ знаніи всѣхъ изгибовъ малорусской народности и въ неподражаемомъ искусствѣ передавать ихъ поэтическими образами и превосходнымъ народнымъ языкомъ. А между тѣмъ во всю свою жизнь онъ и не подозрѣвалъ, въ чемъ дѣйствительно могъ быть онъ выше всѣхъ и пріобрѣсти знаменитость какъ литераторъ“.

Большинство украинскихъ критиковъ признаетъ близкое литературное родство Г.-А. съ Котляревскимъ, но перваго ставитъ выше по силѣ таланта, красотѣ и гибкости народнаго языка, а также и по внутреннему содержанію его произведеній.

П. А. Кулишъ называетъ Г.-А. „преемникомъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ“ и пишетъ: „мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ Артемовскаго-Гулака, что явись онъ въ наше время со своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористическій разсказъ его „Панъ и Собака“, онъ оставилъ бы въ Украинской словесности прочный памятникъ своего существованія, но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству“. Причина послѣдняго, по мнѣнію Кулиша, кроется въ томъ, что въ обществѣ еще царили старые авторитеты, которые не придавали серьезнаго значенія такимъ произведеніямъ, какъ „Панъ та Собака“. Русскіе писатели до 30-хъ годовъ не признавали права на самостоятельное существованіе украинской литературы и ея языка. Совокупность этихъ причинъ создала ту атмосферу, которая не способствовала, а задержала дальнѣйшее развитіе литературной дѣятельности Г.-А. Останавливая вниманіе на лучшемъ его произведеніи „Панъ та Собака“, въ которомъ Г.-А. впервые затронулъ острый вопросъ того времени вопросъ о крѣпостномъ правѣ, Кулишъ отмѣчаетъ богатство языка этого произведенія, при чемъ указываетъ, что и само содержаніе „Панъ та Собака“ отличается такими достоинствами, которыя впервыя являются въ малорусской литературѣ: это не „каррикатура дѣйствительности“ подобно Энеидѣ Котляревскаго, а благородная сатира, гдѣ „каждая черта въ юмористической живописи Г.-А. имѣетъ внутренній смыслъ“. Считаясь съ индивидуальными особенностями Г.-А., тяготѣвшаго исключительно къ блестящей служебной карьерѣ, трудно допустить, чтобы идея протеста крѣпостного права была сознательно выношена Г.-А. и вложена въ это произведеніе. „Художественный инстинктъ, пишетъ Кулишъ, такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей“. Рядъ послѣдующихъ произведеній какъ „Солопій та Хивря“, Тюхтій та Чванько“, слабыя въ художественномъ отношеніи, бѣдныя внутреннимъ содержаніемъ, сохранили одно неизмѣнное достоинство: прежнее разнообразіе, гибкость и художественность языка.

Историкъ малорусской литературы въ XIX ст. проф. Кіев. Дух. Ак. Н. И. Петровъ видитъ въ произведеніяхъ Г.-А. вліяніе Энеиды Котляревскаго, а также въ значительной степени и вліяніе польской литературы. Онъ справедливо отмѣчаетъ, что „большая часть произведеній Г.-А. писаны на извѣстные случаи и явленія между дѣломъ“. Басня „Солопій та Хивря“ имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ филотехническому обществу домоводства, учрежденному въ Харьковѣ въ 1811 г. Въ заключеніи Н. И. Петровъ отводитъ мѣсто Г.-А. какъ одному изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма въ малорусской литературѣ, въ доказательство чего приводитъ рядъ произведеній Г.-А. какъ переводъ баллады Мицкевича „Панъ Твардовскій“, думы Лермонтова, „Печально я гляжу на наше поколѣнье“ [2]) и др. Къ чистѣйшимъ звукамъ романтизма въ поэзіи Г.-А. Н. И. Петровъ относитъ переводъ баллады Гете „Рыбакъ“, которая останавливаетъ вниманіе свободною гибкостью стиха, побѣдившаго всѣ трудности нѣмецкаго перевода. Ближе другихъ къ этой балладѣ по духу стоятъ „Дві пташкі в клітці“, Пліточка“

---

[1]) Въ Телеграфѣ Полеваго появилась эпиграмма на Гулака-Артемовскаго, въ которой фигурируетъ «Рябко»: «Пускай въ зонѣ сердце носитъ; онъ Артемовскому вреда не принесетъ—Рябко хвостомъ его прикроетъ и въ храмъ безсмертья унесетъ».

[2]) Интересна передѣлка этой послѣдней въ духѣ перелицованной Энеиды Котляревскаго, гдѣ современное ему поколѣніе характеризуется такъ: «З похмилля нудиться, йдятъ ва горобця, объ Семени дрижать, объ Петри зранку мліютъ, а схопить трясця... Гвалть! Покычьте панотця! Хай сповіда! Притьмомъ канаютъ і дубіютъ. И марно як жили, такъ марно помруть».

„До Любки", „Текла річка не величка" и др. Изъ нихъ стихот. „До Любки" переведено Фетомъ на русскій языкъ, а профес. Станиславскимъ переложено на музыку „Текла річка не величка", что говоритъ за ихъ популярность.

Другой критикъ профес. Н. П. Дашкевичъ признаетъ только отдаленное литературное родство Г.-А. съ Котляревскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сближаетъ его съ Квиткой, который могъ вліять на молодого поэта, будучи съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Коснувшись вліянія польской романтики на развитіе украинской литературы вообще и въ частности вліянія Мицкевича, сказавшагося въ произведеніяхъ Г.-А., Н. П. Дашкевичъ объясняетъ послѣднее все тою же характерною особенностью творчества Г. А.: Мицкевичъ черпалъ сюжеты для своихъ романсовъ и балладъ изъ народныхъ пѣсенъ и преданій, вводя въ нихъ легкій и живой юморъ, что дѣлало его близкимъ украинскому поэту. Баллада „Панъ Твардовскій" отразила въ себѣ элементы баллады Мицкевича, ожививъ ее украинскимъ колоритомъ и малорусскимъ юморомъ, какъ замѣчаетъ Г. Франко.

Гулакъ-Артемовскій умеръ въ 1865 г. въ г. Харьковѣ на 76-мъ году своей жизни, сохранивъ до конца дней своихъ бодрость духа, свѣтлую память и еще за два дня до своей смерти интересовался судьбою своихъ произведеній, оставшихся у нѣкоторыхъ изъ его почитателей и между другими у А. П. и Я. А. Стороженковъ. Надъ его могилой воздвигнутъ былъ памятникъ—мавзолей, который теперь пришелъ въ ветхость и нуждается въ реставраціи или со стороны родственниковъ, если они пожелаютъ воспользоваться своимъ правомъ, или со стороны Харьковскаго университета, городского общественнаго управленія и земляковъ почитателей поэта [1]).

Другимъ замѣчательнымъ представителемъ, но уже украинской прозы, былъ Григорій Ѳедоровичъ *Квитка* (1778—1843). Онъ родился на Основѣ подъ Харьковомъ, откуда и его псевдонимъ Основьяненко. Родъ его—одинъ изъ старинѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ въ Слободской Украйнѣ вообще и въ Харьковѣ въ частности. Въ родѣ этомъ были замѣтны, съ одной стороны, религіозные, съ другой—научно-литературные интересы. Изъ среды его представителей вышли дѣятели монашества, дядя его настоятель Куряжскаго монастыря Наркизъ; по женской линіи къ этому роду былъ близокъ извѣстный Бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Горленко, житіе котораго впослѣдствіи написалъ Г. Ѳ. Квитка. Въ родѣ Квитокъ велась фамильная лѣтопись; Илья Квитка составилъ историческую записку о Слободскихъ полкахъ (изд. въ 1812 году). На 23 году жизни (въ 1801 г.) Гр. Ѳед. вступилъ въ Куряжскій мон., гдѣ и оставался съ промежутками около 4-хъ лѣтъ, въ роли послушника. Въ 1804—1806 гг., покинувъ монастырь, онъ жилъ дома и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, а затѣмъ до 1812 г. былъ уже директоромъ Харьковскаго общественнаго театра. Въ 1812 г. возникаетъ Благотворительное общество, въ которомъ онъ игралъ главную роль. Это общество открыло институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ. Г. Ѳ. Квитка былъ душею этого новаго учебнаго заведенія и отдалъ ему не только свою дѣятельность, но и средства. Институтъ его сблизилъ съ Гулакомъ-Артемовскимъ, который былъ тамъ преподавателемъ, и съ классной дамой А. Г. Вульфъ, которая вышла за него замужъ и имѣла на него сильное и благотворное вліяніе. Съ 1817 по 1829 г. Г. Ѳ. занималъ должность Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства и жилъ въ городѣ; но съ 1831 года поселился на Основѣ и только навѣдывался въ Харьковъ по дѣламъ службы (совѣстнаго судьи съ 1832 до 1840 г., а потомъ предсѣдателя уголовной палаты). Онъ же былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ и дѣятелей въ открытіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса (осуществившагося, впрочемъ, въ Полтавѣ) и публичной библіотеки. Превратности личной жизни Г. Ѳ. Квитки вызвали противъ него двѣ эпиграммы:

1) Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
2) Не надивлюся я, Создатель,
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Г. Ѳ. Квитка былъ мѣстнымъ дѣятелемъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не желалъ никуда выѣзжать изъ Харькова и хотя въ юности числился вахмистромъ гвардейскаго коннаго полка, а потомъ при Департаментѣ Герольдіи, но въ Петербургѣ никогда не бывалъ. Жена часто про-

[1]) Малорусскія произведенія П. П. Гулака-Артемовскаго собраны въ «Кобзарѣ», напечатанномъ въ Кіевѣ; дополненіе къ нимъ издано мною въ К. Стар.; полное собраніе стихотвореній поэта напечатано въ Галиціи, во Львовѣ.

сила его о переѣздѣ въ Петербургъ; но „онъ, по ея словамъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался". Жизнь его и въ городѣ, и особенно на Основѣ отличалась большою простотою. Трудясь для института, онъ жилъ у матери своей, на Екатеринославской улицѣ, противъ Дмитріевской церкви. „Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку Институтскаго сада. Помѣщеніе нашего автора заключалось въ двухъ комнатахъ: большой въ 3 окна во дворъ и маленькой спальни въ одно окно, выходившее въ садъ". Основьяненко обѣдалъ у матери, шутилъ, разсказывалъ объ институтѣ и шалуньяхъ—институткахъ, ходилъ онъ въ темномъ сюртукѣ, съ многочисленными мелкими складками на тальи, въ чунаркѣ, какъ ее называли. Участвовалъ онъ и въ литературныхъ вечерахъ, бывшихъ у жены губернскаго прокурора и у Гонорскаго: тамъ онъ разсказывалъ малороссійскіе анекдоты, игралъ на флейтѣ, бесѣдовалъ о литературѣ, и былъ, наконецъ, однимъ изъ соредакторовъ издававшагося съ 1816 года въ Харьковѣ, Украинскаго Вѣстника, въ которомъ и сталъ помѣщать свои публицистическія статьи, подъ псевдонимомъ Ѳалалея Повинухина; въ другомъ харьковскомъ журналѣ „Украинскій Демокритъ" онъ помѣщалъ стихотворенія на русскомъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ поддерживалъ своимъ сотрудничествомъ издателей Харьковскихъ альманаховъ—Утренней Звѣзды (1833 г.), Молодыка Вецкаго; изъ столичныхъ изданій онъ участвовалъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Телескопѣ", въ этомъ послѣднемъ была помѣщена въ переводѣ и сокращеніи Погодина его первая повѣсть Ганнуся (1832 г.). Интересно слѣдующее сообщеніе Г. П. Данилевскаго, относящееся къ 60-мъ годамъ: „замѣчательно, что мѣщанка бублейница *Піночиха*, выведенная въ Ганнусѣ, жива донынѣ. Она обитаетъ близъ Воскресенской церкви въ Харьковѣ, уже въ званіи купчихи, въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ, съ деревяннымъ верхомъ и обижается при одномъ имени Основьяненка". Въ это время Г. Ѳ. Квитка выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько своихъ комедій (въ томъ числѣ и Шельменко деньщикъ).

Но настоящее литературное имя дали ему два томика его „Малороссійскихъ повѣстей", вышедшихъ въ 1834 году и имѣвшихъ рѣдкій успѣхъ.

Неудивительно, что сочиненія его находили наиболѣе живой откликъ въ г. Харьковѣ. Малороссійскія его повѣсти являлись здѣсь любимымъ чтеніемъ. Обличительныя повѣсти и комедіи на русскомъ языкѣ вызывали озлобленіе, которое сильно разстраивало писателя. Особенно трогала всѣхъ „Маруся", вызывавшая слезы. Здѣсь же въ Харьковѣ проявлялось его непосредственное вліяніе на мѣстное общество благодаря его устнымъ разсказамъ. 60-лѣтній старецъ Гр. Ѳед. былъ наблюдателенъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ, безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на свѣтъ очень зорко и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь" (объ этомъ онъ разсказалъ фамильное преданіе, съ коимъ связано было основаніе города Харькова). Полное круглое лицо оживлялось среди разсказовъ и особаго рода улыбка, свойственная только кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные въ городѣ подъ именемъ *квитчинскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основьяненко... И въ частной жизни своей онъ былъ настоящимъ малороссомъ; это не было украйнофильство, это было живое непосредственное чувство и сознаніе своей малорусской народности. Онъ не только любилъ малорусскій языкъ—болѣе того: на этомъ языкѣ онъ *думалъ* и творилъ свои лучшія произведенія. Въ письмѣ къ Плетневу онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что „живя въ Украйнѣ и пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ (украинскихъ жителей) своими словами пересказать ихъ публикѣ". Вотъ гдѣ причина такой удивительной близости чтобы не сказать тождественности его языка съ народнымъ. Самъ Гр. Ѳед. разсказываетъ намъ, какъ онъ началъ писать по-украински. „По случаю, пишетъ онъ Плетневу, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что-либо серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Въ „Супликѣ до пана издателя" (альманахъ „Украинская Звѣзда") еще въ 1833 году Гр. Ѳед. Квитка писалъ: „ще ж я чув, буцим то хочеш ты тут же притулыты де що і по *нашому* пысаного. За сю выгадку аж тричи тоби дякую! Нехай же знаютъ и нашых. Бо е таки люде на свити, що з нас кепкуютъ и говорютъ тай пышуть, бу-

цим то з нашых нихто не втне, щоб було якъ воны кажуть и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне и що стало быть по нашому, опричь лайкы да глузованя над дурнем, бильш ничого не можно и напысаты. О бодай же их з такою думкою". Далѣе слѣдуютъ ссылки на Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и Гребенку. Но еще лучшее опроверженіе этихъ мнѣній представилъ самъ Квитка своими малорусскими произведеніями.

Послѣ этого онъ дѣлается сотрудникомъ „Современника" (издававшагося Плетневымъ), „Отечественныхъ Записокъ", „Маяка", „Литературной Газеты", „Москвитянина" и очень многихъ выходившихъ тогда альманаховъ. Литературныя отношенія его расширились. Ангеломъ хранителемъ и литературнымъ совѣтникомъ его была жена. Онъ велъ обширную переписку съ Плетневымъ, Далемъ, Гребенкой. Его навѣстилъ проѣздомъ черезъ Харьковъ на Основѣ знаменитый Жуковскій, принявшій живѣйшее участіе въ его литературной дѣятельности. Въ послѣдніе годы онъ жилъ уединенно и спокойно на Основѣ, оживляясь только въ кругу знакомыхъ посѣтителей. Его лучшія произведенія были любимымъ чтеніемъ въ домахъ харьковскихъ обывателей. „Болѣе всего любилъ онъ Основу... Три рѣки города, соединившись здѣсь, протекаютъ возлѣ и отдѣляютъ усадьбу Основы отъ городского, оконечнаго поселенія. Усадьбу же составляла сосновая роща, рѣдкая въ этомъ краю, и замѣчательный ботаническій садъ съ оранжереями". Здѣсь былъ огромный деревянный барскій домъ его брата губернскаго предводителя — Андрея Ѳеодоровича Квитки, а почти противъ него помѣщался, по словамъ современника Н. И. Костомарова, низенькій домикъ Григорія Ѳеодоровича, съ каменною оградою и съ пустымъ, почти необозримымъ, дворомъ. „Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго: мебель очень простая; тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ"... Слѣдуетъ прибавить, что при раздѣлѣ отцовскаго имущества онъ все предоставилъ старшему брату Андрею, а себѣ взялъ только маленькій капиталъ, на который скромно и жилъ; на литературный же гонораръ—скудный и случайный—онъ могъ только выписывать журналы для себя и жены... Н. И. Костомаровъ отмѣчаетъ у него религіозность, смѣсь простодушія и остроумія, искренности и скрытности, столь свойственныя украинцамъ, любовь къ литературѣ и къ чтенію, скромность въ сужденіяхъ, отсутствіе злорѣчія; къ этому нужно присоединить рѣдкую честность, безкорыстіе и доброту. Малорусскіе писатели смотрѣли на него, какъ на „батька" въ украинской литературѣ. Онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ. Артемовскій посвятилъ ему посланіе „Справжня добристь". И. И. Срезневскій, проф. А. Л. Метлинскій и вся молодежь, которая въ послѣднее время издавала въ Харьковѣ литературные сборники до Корсуна—окружала Основьяненка, бывала въ его домѣ и, уѣзжая изъ Харькова, вела съ нимъ переписку". Вотъ разсказъ современника о посѣщеніи его малорусскимъ писателемъ Е. П. Гребенкой. Онъ завернулъ на Основу и „подъ окномъ домика, грѣ жилъ Основьяненко, спросилъ у старика, читавшаго книгу: а чи дома пан Основьяненко? и вслѣдъ затѣмъ вскрикнулъ, вглядѣвшись въ него: „Здоровъ, батьку, Грыцьку!". Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: „а чи не Гребіночка?". Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепріимнаго своего учителя по литературѣ и прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ"... Почти такъ же произошло личное знакомство Т. Ѳ. съ Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ. „Не успѣлъ я, пишетъ онъ, войти въ комнату, какъ старикъ приподнялся съ креселъ и сказалъ мнѣ: „Се Чужбиньскій? обнялъ меня дружески и мы разговорились, какъ люди, которые Богъ знаетъ сколько времени знакомы. Говорили мы и писали другъ другу всегда по-малорусски; развѣ уже бывали посторонніе, не понимавшіе этого нарѣчія".

Условія жизни — на половину сельской, на половину городской — опредѣлили и содержаніе литературныхъ произведеній Г. Ѳ. Квитки, и ихъ языкъ. Сюжетомъ одной группы его сочиненій является простонародная украинская сельская жизнь—и они написаны по-малороссійски; въ другой, наоборотъ, изображается жизнь высшаго уже обрусѣвшаго дворянства и они написаны по-русски.

На этомъ непосредственномъ малорусскомъ самосознаніи у Квитки сложилась любовь ко всему малороссійскому -къ малороссійскимъ національнымъ кушаньямъ, одеждѣ и т. п. Малорусскимъ живымъ словомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и говорилъ по-малорусски съ тѣми, кто зналъ и любилъ этотъ языкъ и писалъ письма къ малорусскимъ писателямъ также по-малорусски. Въ библіотекѣ Харьковскаго университета сохранилось интересное письмо его на этомъ языкѣ къ Т. Г. Шевченку 1841 г. (напеч. въ Рус.

Стар. 1879, январь, 176—178). Постоянное проживаніе такого крупнаго писателя, какъ Гр. Ѳед. Квитка, въ Харьковѣ дало этому послѣднему литературную извѣстность среди тогдашнихъ литераторовъ не только малорусскихъ, но и русскихъ, а, слѣдовательно, способствовало извѣстности и г. Харькова, какъ нѣкотораго литературнаго центра. Малорусскіе писатели заѣзжали въ Харьковъ только для того, чтобы свидѣться съ Гр. Ѳед. Квиткой.

Вѣрно оцѣнилъ тяжкую утрату, понесенную Харьковомъ и всѣмъ краемъ въ лицѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей нашего города, истаго харьковца, малороссійскаго писателя Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка уже современникъ—молодой тогда профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ, а впослѣдствіи знаменитый ученый Изм. Ив. Срезневскій. Вскорѣ послѣ кончины писателя онъ писалъ М. П. Погодину. „Давно ли Вы извѣщали о смерти Каразина, а вотъ и новая потеря, которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойнаго, его искреннюю любовь къ отечеству, его примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги въ пользу нашего края, его заслуги въ литературѣ. Отмѣтивъ важнѣйшіе факты его общественной дѣятельности на разныхъ поприщахъ (въ особенности на пользу Института благородныхъ дѣвицъ), Срезневскій говоритъ далѣе о его литературныхъ трудахъ: „Вспоминать ли о литературныхъ трудахъ Квитки-Основьяненка. Кто ихъ не знаетъ! Не всякому, впрочемъ, быть можетъ, извѣстно, что онъ началъ заниматься литературой еще въ 1816 году, какъ одинъ изъ создателей Украинскаго Вѣстника, бывшаго когда-то однимъ изъ лучшихъ русскихъ повременныхъ изданій. Еще скажу, что худо-бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто-бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него; не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ, простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовью къ книгѣ—душевное сознаніе.

Все, что написано Квиткою-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читаемъ эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано и которому, однако, нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ Вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и на долго останется *первымъ народнымъ писателемъ* въ Украйнѣ.

Далѣе онъ описываетъ его погребеніе. „9 августа былъ выносъ тѣла покойнаго въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого потерялъ онъ, что онъ зналъ покойнаго, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избраннѣйшихъ людей края: всѣ сословія, отъ высшаго до самаго простого, тысячами сопились поклониться праху своего любимца; площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойный, до воротъ храма была полна народомъ, и слезы видны были на глазахъ многихъ. Предсѣдатели и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ; чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его.

Сегодня, 10 августа, литургію совершалъ преосвященный Иннокентій, въ присутствіи генералъ-губернатора князя Долгорукаго, гражданскаго губернатора Муханова и пр. Несравненный пастырь нашъ, передъ отпѣваніемъ, произнесъ слово, краснорѣчиво поучившее слушателей въ истинахъ вѣры о смерти и жизни посмертной, и напомнившее имъ о примѣрной жизни покойнаго. Въ половинѣ второго по полудни началось погребальное шествіе по Екатеринославской улицѣ на Холодногорское кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. Многочисленное духовенство, дворянство, купечество и другіе граждане провожали тѣло къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія. На эту печальную процессію стеклись не только горожане со всѣхъ концовъ города, но и селяне изъ ближайшихъ селеній.

Миръ праху благороднаго ревнителя пользъ Отечества, долгою добродѣтельною жизнью своей показавшаго примѣръ жизни всѣмъ, сколько знавшимъ его лично, столько же и тѣмъ, которые и чтили его по голосу народа“ [1]).

[1]) Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, стр. 138—141.

Въ печати появилось два портрета Григорія Ѳедоровича: одинъ воспроизведенъ былъ Башиловымъ въ „Молодыкѣ“ И. Е. Бецкаго и перепечатанъ въ „Иллюстраціи“ при статьѣ Сементовскаго, другой помѣщенъ Г. П. Даниловскимъ въ Пантеонѣ (1852 г.), а затѣмъ при отдѣльномъ изданіи біографіи Основьяненка; онъ представляетъ фотографію съ маслянаго портрета Г. Ѳ. Квитки; здѣсь Г. Ѳ. изображенъ съ уставомъ Харьковскаго Института Благородныхъ дѣвицъ въ рукѣ, въ легкихъ бакенбардахъ и съ густыми волосами [1]).

Другими менѣе видными представителями малорусскаго литературнаго движенія въ Харьковѣ въ 30-хъ—40-хъ годахъ были—Н. И. Костомаровъ, А. Л. Метлинскій, Корсунъ и др. Оно выросло на почвѣ увлеченія малорусскою народной поэзіей, главными собирателями и издателями которой были Изм. И. Срезневскій, А. Л. Метлинскій, самъ Н. И. Костомаровъ и др. „Добылъ я, говоритъ въ своей автобіографіи Н. И., малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 г. и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ“. Сильное вліяніе на Н. И. Костомарова оказала „Запорожская Старина“ проф. Изм. Ив. Срезневскаго, гдѣ были помѣщены историческія пѣсни малорусскаго народа, и самъ издатель этихъ памятниковъ, не чуждавшійся изящной литературы и поэзіи, особенно славянской. „Въ это время, говоритъ Н. И., и я перешелъ отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ въ то время было очень мало“. Особенно понравились ему малороссійскія повѣсти Грицька Основьяненка. Сначала Н. И. плохо зналъ малорусскій языкъ, но потомъ такъ изучилъ его книжнымъ путемъ, и изустными бесѣдами, въ своихъ этнографическихъ странствованіяхъ по краю, что уже въ 1838 году принялся писать драматическое произведеніе „Савва Чалый“ по-малорусски и въ томъ же году выпустилъ его въ свѣтъ въ Харьковѣ. Въ слѣдующемъ 1839 г. онъ тамъ же въ Харьковѣ напечаталъ Украинскія баллады, въ 1840 г. выпустилъ тамъ же въ свѣтъ Сборникъ малорусскихъ стихотвореній (30) подъ заглавіемъ „Вѣтка“, въ 1841 г. помѣстилъ въ Харьковскомъ сборникѣ Корсуна „Сніп“ на томъ же языкѣ, трагедію „Переяславска ніч“ и переводы еврейскихъ мелодій Байрона, а въ 1841 г. снова напечаталъ въ харьковскомъ же сборникѣ Бецкаго „Молодыкъ“ 17 стихотвореній. „Когда я пробовалъ читать мои произведенія знакомымъ малороссамъ, бывшимъ моимъ товарищамъ, разсказываетъ Н. И., то встрѣтилъ очень неодобрительные отзывы; одни смѣялись надъ моимъ малознаніемъ и указывали мнѣ промахи, другіе поднимали на смѣхъ самую идею писать на малорусскомъ языкѣ. Я не поддавался ничему и, напротивъ, увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мною. Въ основу своего „Саввы Чалаго“ Н. И. положилъ народную пѣсню, но „сдѣлалъ большую историческую ошибку“, отнесши событіе къ XVII в., тогда какъ оно имѣло мѣсто въ XVIII в. И. И. Срезневскій похвалилъ это произведеніе, другіе находили разные промахи. Въ 1841 г., говоритъ Н. И., я сблизился съ дѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, такъ же какъ я преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были Корсунъ, Петренко, Щоголевъ, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ [2])“.

Виднымъ малорусскимъ писателемъ былъ профессоръ Амвросій Лукьяновичъ *Метлинскій* (псевдонимъ Амвросій Могила). Уроженецъ Полтавщины онъ первоначальное образованіе получилъ въ Гадяцкомъ уѣздномъ училищѣ подъ руководствомъ украинскаго писателя Макаровскаго, а затѣмъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ потомъ занялъ и каѳедру. Профессоръ онъ былъ невидный, но пріобрѣлъ почетную извѣстность въ качествѣ собирателя и издателя малорусскихъ народныхъ пѣсенъ: въ 1848 г.

---

[1]) Укр. старина, стр. 196, 41-е примѣчаніе.

[2]) Современною русскою критикою малорусскія произведенія Н. И. Костомарова встрѣчены были очень сочувственно, какъ это видно изъ слѣдующаго отзыва лит. приб. „Эти двѣ книжки (Савва Чалый и укр. Баллады) г. Іеремія Галки для любителей малороссійской поэзіи прекрасный подарокъ. Мы будемъ говорить о нихъ подробно въ от. зап., а теперь скажемъ только, что прочитавъ эти книжки, а особенно первую, мы позавидовали малороссіянамъ, у которыхъ книгъ вообще не много, а хорошихъ много; онѣ не осуждены, подобно намъ грѣшнымъ, читать груды печатныхъ изданій, плоды торговыхъ спекуляцій, бездарной книжной производительности или глупой страсти марать бумагу... Счастливцы! У нихъ даже нѣтъ журналовъ, нѣтъ критикъ, нѣтъ... Ну однимъ словомъ нѣтъ ничего, что такъ часто наводитъ на грусть человѣка, занимающагося сѣверно-русскою литературою и любящаго ее. Изданія обѣихъ книжекъ очень опрятны: харьковская университетская типографія не походитъ въ этомъ отношеніи на Казанскую. „Украинскіе баллады“ продаются въ пользу бѣдныхъ малороссіянъ жителей г. Харькова. (Лит. приб. къ „Рус. Инв.“ на 1839-й годъ, стр. 258—259).

онъ издалъ въ Харьковѣ „Южно-русскій Сборникъ“, а въ 1854 г. въ Кіевѣ, гдѣ также былъ нѣкоторое время профессоромъ, „Народныя южно-русскія пѣсни“. Онъ былъ душею того малорусскаго этнографическаго кружка въ Харьковѣ, участниками котораго были Н. Н. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій. И въ поэтическихъ малорусскихъ произведеніяхъ своихъ, изданныхъ въ Харьковѣ въ 1839 г. „Думы и пѣсни“, Метлинскій является преимущественно поэтомъ-этнографомъ. Его стихотворенія дѣлятся на переводныя и оригинальныя. О томъ, какъ высоко цѣнили современники его стихотворенія, свидѣтельствуетъ отзывъ І. Галки (Н. Н. Костомарова): они запечатлѣны, по его словамъ, дарованіемъ и художественностью; но его чувство идетъ объ руку съ мыслью и источникомъ его вдохновенія является изученная имъ сокровищница поэтической Малороссіи; отсюда у него вѣрное изображеніе древняго быта: онъ прекрасно понялъ и выразилъ поэзію степной казацкой жизни. Настроеніе преимущественно грустное; языкъ правильный; стихосложеніе чаще всего силлабическое. Прибавимъ, что въ основу многихъ его стихотвореній положены народныя украинскія преданія и пѣсни. Новѣйшій критикъ (Н. Ѳ. Сумцовъ) находитъ, что М. хорошо владѣлъ малорусскимъ языкомъ, но поэтическаго таланта у него не было и потому всѣ его стихотворенія и переводы тяжелы и не выдержаны. Отношеніе къ Великой Россіи у М. было любовно доброжелательное, согласованное съ козацко-патріотическими его настроеніями.

Степанъ *Писаревскій*, извѣстный подъ псевдонимомъ Стецька Шереперы, былъ харьковскимъ протопопомъ; писалъ въ 10-хъ—30-хъ годахъ XIX в. Ему принадлежитъ популярная пѣсня „За Нѣманъ иду“, вызванная движеніемъ русскихъ войскъ въ 1813 г. за границу для освобожденія Европы отъ Наполеона, оперетка „Купала на Ивана“, напечатанная въ Харьковѣ въ 1840 году и „Пысулька до мого братухи Яцька Міряньского“—послѣдняя сатирическаго содержанія. Петръ *Писаревскій*—тоже, вѣроятно, воспитанникъ Харьковскаго коллегіума, подражая Гулаку-Артемовскому и Квиткѣ, написалъ нѣсколько басенъ и повѣсть „Стецько Можебылыця“. Порфирій *Кореницкій*, извѣстный своею поэмою „Вечерныця“. Харьковскимъ малорусскимъ поэтомъ является и Александръ Алексѣевичъ *Корсунъ*, стихотворенія котораго помѣщены въ изданномъ имъ сборникѣ „Світ“. Началъ свою литературную дѣятельность въ Харьковѣ, въ бытность студентомъ Харьк. ун—та, и Левъ *Боровиковскій* [1]).

Изъ новѣйшихъ малорусскихъ писателей слѣдуетъ отмѣтить Якова Ивановича *Щоголева*, которому проф. Н. И. Петровъ отводитъ видное мѣсто въ своей исторіи малорусской литературы XIX ст. Я. И. родомъ изъ Ахтырки, воспитывался въ 1-й Харьковской гимназіи, окончилъ Харьковскій университетъ, началъ писать стихи, первоначально на русскомъ языкѣ, еще на гимназической скамьѣ, а въ „Молодыкѣ“ Бецкаго (1843 г.) были напечатаны уже и первыя малорусскія его стихотворенія. Бѣлинскій зло осмѣялъ первые опыты Щоголева, который тогда замолкъ и только въ „Хатѣ“ Кулиша (1860 г.) появилось нѣсколько его прежнихъ малорусскихъ стихотвореній, предназначавшихся для „Южнорусскаго Сборника“ Метлинскаго. Только по истеченіи 7 лѣтъ, Я. И. Щоголевъ возобновилъ свою художественную литературную дѣятельность, услышавъ положеннымъ на музыку свое стихотвореніе („Гей у мене був коняка“). Съ этого времени онъ сталъ отдавать свои стихотворенія въ малорусскіе литературные сборники—Луну, Раду. Затѣмъ въ 1883 году онъ выпустилъ въ Харьковѣ цѣлый сборникъ своихъ малорусскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Ворскло“, въ который вошло 75 его произведеній, изъ коихъ 65 появились впервые. Раннія юношескія произведенія Щоголева изображаютъ прошлую козацкую жизнь и берутъ въ основаніе голосъ народной пѣсни. Кулишъ увидѣлъ въ нихъ истинную родную поэзію: народную пѣсню онъ не бралъ цѣликомъ, а придавалъ ей художественную отдѣлку; Щоголевъ—это не подражатель Шевченка, а оригинальный поэтъ. Еще большее значеніе имѣютъ стихотворенія Щоголева, впервые появившіяся въ Ворсклѣ. Въ нихъ тотъ-же удивительный языкъ, представляющій литературную обработку народнаго украинскаго (т. е. харьковскаго, полтавскаго), говора таже близость къ народной стихіи, но содержаніе стихотвореній проникается теперь не только семейными, но и соціально общественными мотивами. Настоящая сфера Щоголева, впрочемъ, изображеніе семейнаго, а не соціальнаго быта. Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній Я. И. Щоголевъ изображалъ подъ вліяніемъ непосредственнаго лирическаго чувства; самъ лично онъ далеко стоялъ отъ соціально общественныхъ теченій и даже подчасъ выступалъ противъ нихъ, являясь по своимъ убѣжденіямъ консерваторомъ. Но онъ не могъ не сочувствовать всѣмъ

[1]) Онъ напечаталъ въ „Вѣсти. Евр.“ за 1829 годъ свою балладу „Маруся“.

несчастнымъ и обездоленнымъ и проявляя свое сочувствіе къ нимъ въ узкой сферѣ семьи, переносилъ его и въ болѣе широкую сферу крестьянскаго сельскаго быта. Такимъ характеромъ искренняго сочувствія къ народному горю проникнуты лучшія его стихотворенія—Завирюха, Пожежа, Горилка, Шынокъ, Хвороба, Ткачъ. Лучшее его стихотвореніе, посвященное семейному быту—это „Вівчарыкъ", т. е. пастухъ, наблюдавшій, какъ мать лебедка, завидѣвъ ястреба, бросилась защищать отъ него своихъ дѣтей—„прыкрыла и прыгрила ихъ крылом". И вивчарыкъ слізьмы облывсь! Мабуть знае непрывитане хлопья, що его не грила рідная сімья, що хыляючись під тыннямы одно, не тулылося до матери воно". Въ одномъ стих.—„Верцадло" (Зеркалѣ) онъ видитъ 3 эпохи своего родного края и народа—первую свободное заселеніе и благосостояніе, вторую—крѣпостное право и третью—освобожденіе, не давшую однако счастья и благополучія. Тяжела жизнь освобожденнаго крестьянина, но и жизнь города не удовлетворяетъ автора:

„В городахъ я бачыв
Куряву та каминь,
Грюкотню от ранку
Нічью бисив гомин.

Гроши як полова
Сыплютця без лику,
В кого ж іх немае,
Горе чоловику.

Бенкеты, безпуття,
Небагато виры;
Всіб одын другого
Шарпалы як звири.

Подъ конецъ жизни поощренный пріемомъ своего „Ворскло", Я. И. Щоголевъ выпустилъ другой сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Слобожанщына". Въ немъ также не мало художественно поэтическаго матеріала, но онъ по свѣжести уступаетъ первому. Отмѣчу въ числѣ другихъ прелестную „Бабусыну казку" которую авторъ посвятилъ мнѣ, какъ историку Украйны. Въ настоящее время въ университетскомъ музеѣ древностей и искусствъ Я. И. Щоголеву отведена особая витрина, гдѣ собрано все, что относится къ его памяти.

Близкое отношеніе къ Харькову имѣлъ и „Батько" украинской сцены, а также видный малорусскій драматическій писатель Маркъ Лукичъ *Кропивницкій*. Извѣстно, что онъ и погребенъ въ Харьковѣ на городскомъ кладбищѣ. Въ Харьковѣ издавались его сочиненія. Здѣсь же, повидимому, будетъ воздвигнутъ ему и памятникъ. Его вьесы подняли на значительную высоту малорусскій репертуаръ и значительно обновили и освѣжили этотъ послѣдній. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: Дай серцю волю—заведе у неволю, Глытай або ж павукъ, Невольныкъ, Олеся, Дви семьи, Зайды голова, Доки сонце зійде—роса очи выисть, По ревизіи (чрезвычайно талантливый водевиль), Пошылысь у дурни и др. Въ нихъ видно большое знаніе народной жизни, наблюдательность, юморъ. Вездѣ превосходный красиво обработанный языкъ съ его поговорками, пословицами, меткими сравненіями; въ основу его положенъ народный говоръ херсонщины. Изъ новѣйшихъ отмѣтимъ—Зерно и полова, Разгордыш, Скрутна доба, Отелло (переводъ).

Тѣсно связанъ былъ съ г. Харьковымъ и докторъ Владиміръ Степановичъ *Александровъ*—извѣстный и малорусскими переводами (священнаго писанія), и передѣлками (онъ напечаталъ въ 1873 году двѣ малорусскія оперетки „Не ходы, Грыцю, на вечерныцы" и „За Немань иду"), и оригинальными и переводными стихотвореніями (послѣднія въ изданномъ имъ сборникѣ „Складка"). Отмѣтимъ еще изъ малорусскихъ писателей проживающихъ въ Харьковѣ—переводчика Тараса Бульбы Гоголя *М. Ѳ. Лободовскаго*, Христину Алексѣевну *Алчевскую* и поэтессу изъ народа Марью Степановну *Вольвачеву*. Хотя она начала писать въ преклонномъ возрастѣ и не имѣя даже элементарныхъ свѣдѣній о стихосложеніи, но живая поэтическая струя тѣмъ не менѣе постоянно пробивалась въ ея стихотвореніяхъ. Вынужденная зарабатывать свой хлѣбъ иголкою, разбитая тяжкими болѣзнями, она находила себѣ единственное утѣшеніе въ литературномъ творчествѣ. Написала она много, но изъ написаннаго увидѣло свѣтъ очень немногое—сборничекъ ея пѣсенъ и стиховъ; многія рукописи она передала при жизни въ Харьковское историко-филологическое общество.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ харьковскихъ писателей, сумѣвшихъ завоевать себѣ извѣстное положеніе въ исторіи новой малорусской литературы, былъ еще цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, писавшихъ въ харьковскихъ литературныхъ альманахахъ. Къ краткому обозрѣнію этихъ альманаховъ и ихъ литературнаго содержанія, относящагося какъ къ русской, такъ и къ малорусской изящной словесности, мы теперь и переходимъ.

„*Украинскій Альманахъ*" вышелъ въ Харьковѣ въ 1831 году (малаго формата 136 стр.); содержитъ въ себѣ и прозу, и стихотворенія, послѣднія на русскомъ и малорусскомъ языкѣ. Прозаическая

часть содержитъ въ себѣ статьи о Нѣжинскихъ грекахъ, объ извѣстномъ украинскомъ разбойникѣ Гаркушѣ, объ изящномъ въ природѣ, о критикѣ; И. Г. Кульжинскій помѣстилъ здѣсь свою статью подъ заглавіемъ „Исторія моего авторства“. Русскія стихотворенія принадлежатъ Евг. Гребенкину (sic), Ф. Моравскому, Иноземцеву; Шпигоцкій помѣстилъ отрывокъ изъ Конрада Валенрода. Малорусскія—Ае. Шпигоцкому (малороссійская баллада и отрывокъ изъ Полтавы Пушкина, переведенный имъ на малорусскій языкъ), Льву Боровиковскому (Козакъ—подражаніе народной пѣснѣ). Здѣсь же напечатано 9 народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, полученныхъ издателемъ изъ Кіевской губ., изъ г. Обухова, а также отъ Кульжинскаго и двѣ малорусскія Думы—о бурѣ на Черномъ морѣ и о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ подъ Азова (доставлены были Из. Ив. Срезневскимъ).

Въ 1833 году вышелъ альманахъ въ 2-хъ книжкахъ „*Утренняя Звѣзда*“ стоящій уже неизмѣримо выше перваго, особенно въ отношеніи малорусскихъ произведеній; онъ былъ изданъ студентомъ Харьковскаго Университета И. Петровымъ; 1-я книга его была напечатана въ Москвѣ, 2-я въ Харьковѣ. На обложкѣ его была интересная виньетка, изображающая Лопанскій мостъ, мелочныя лавки, университетскую горку, зданіе университета, присутственныхъ мѣстъ и недостроенную соборную колокольню. Въ прозаическомъ отдѣлѣ находимъ малороссійское преданіе „Недобрый глазъ“ Байскаго, отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ Из. Ив. Срезневскаго съ примѣчаніями Г. Ѳ. Квитки (эта статья очень интересна и не утратила своего значенія до настоящаго времени). Во 2-мъ отдѣлѣ – литературномъ помѣщены стихотворенія Иноземцева (выдаются 2 главы его пов. Зальмара), Петрова. Въ 2-й части помѣщены исключительно малорусскія произведенія—Квитки Основьяненка „Суплика до пана издателя“ и „Салдацкій Патретъ“, Гулака Артемовскаго нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ знаменитый переводъ Гетевскаго стих. Рыбакъ, Е. Гребенки—отрывки изъ Полтавы Пушкина, переведенной имъ на малорусскій языкъ и двѣ басни; отрывокъ изъ Энеиды Котляревскаго, съ приложеніемъ картинки, изображающей Наталку Полтавку въ видѣ малороссійской дивчины, три запорожскія пѣсни съ переводомъ и объясненіями ихъ Изм. Ив. Срезневскаго.

„Сніп, украинскій новорочникъ“ былъ изданъ и напечатанъ въ 1841 г. Александромъ Корсуномъ въ университетской типографіи съ разрѣшенія цензора Никитенка (230 стр.). Въ него вошли исключительно литературныя произведенія и при томъ написанныя только по малорусски. На первомъ мѣстѣ стоитъ трагедія Іереміи Галки (Н. И. Костомарова)—Переяславська ничъ и его же переводы изъ Байрона (еврейскія мелодіи) и переводъ отрывка изъ Краледворской рукописи. Тогдашняя критика въ лицѣ Сементовскаго одобрительно отнеслась и къ содержанію трагедіи, и къ ея языку, и къ стихамъ, которыми она написана. Теперь же она представляется намъ и недостаточно художественной, и далеко не безупречной по языку и стиху. На сценѣ она никогда не шла и я лично помню только попытку постановки ея любителями изъ украинской молодежи въ Кіевѣ. Переводы изъ Байрона также совершенно неудовлетворяютъ насъ въ настоящее время. За произведеніями І. Галки слѣдуетъ сатирическая поэма Порф. Коревицкаго „Вечерыцы“. Начинается поэма предисловіемъ, навѣяннымъ стих. Пушкина—Хмара хмару швыдко гоне, Грімъ по небу торохтыть; Вітеръ плаче, вітеръ стогне; Дощ по вікнамъ порощыть..., а за тѣмъ слѣдуетъ описаніе вечерницъ въ духѣ подражанія перелицованой Энеиды Котляревскаго, при чемъ общій тонъ описанія довольно грубый, вульгарный и не лишенный анахронизмовъ; нѣтъ глубокаго пониманія изображаемаго явленія, есть только поверхностное каррикатурное его изображеніе, приправленное сальностями, въ духѣ нѣкоторыхъ неприличныхъ сценъ „Энеиды“. Несравненно выше стоитъ тоже сатирическая „пысулька“ Ст. Писаревскаго къ его брату священнику; общій тонъ ея тоже сатирическій, но искренній и задушевный, хотя и здѣсь попадаются иногда тривіальныя, рѣжущія ухо выраженія. Чы ты ще жывъ, обращается младшій братъ къ старшему,

Тоди ще якъ ты з палюгою
З закудланною головою,
По Харькову собак лякав
Тоди ще я тебе выдав!
Ты мабудь повни закопелькы
Уже накоив дитворы,
. . . . . .
И цвиркуны буцим суремкы,
Цвирчять до тебе из норы.
Теперь, братко, тоби ни гадкы.
Засив як вовк биля паньматкы;
Грызеш шкорынку від кныша,
Та дмеш сывуху из кивша.

. . . . . .

Имѣетъ, повидимому, историческое для Слободской Украйны обоснованіе байка—анекдотъ того же автора, озаглавленный *„Крутыть, Панько, головою“*. Здѣсь разсказывается о нападеніи татаръ, отъ которыхъ *Харько* спрятался съ семьею на чердакъ своего дома, въ эту же хату прибѣжали и спрятались кумъ и сватъ его. И вотъ когда татаринъ сталъ пить воду, то кумъ Панько не выдержалъ и крикнулъ обычное въ такихъ случаяхъ—Здоровъ пыв, и въ результатѣ очутился на арканѣ у татарина. Сватъ, видя въ какую бѣду попалъ Панько, тоже не выдержалъ и подалъ ему совѣтъ, какъ избавиться отъ аркана—крутить головою; послѣдствія и для него оказались тѣ же. Видя все это, и самъ Харько наконецъ тоже не выдержалъ и крикнулъ—о сучи вы сыны, „ну шоб було мовчаты“—и также попалъ на арканъ. Варіантъ этого разсказа мы находимъ въ „Татарскихъ набѣгахъ“ Г. Ѳ. Квитки, а затѣмъ по-малорусски же онъ былъ обработанъ и изданъ нѣкимъ г. Очеретянымъ. Петру Писаревскому въ Сборникѣ принадлежатъ хорошо написанная въ духѣ Г. Ѳ. Квитки стих. повѣсть „Можебылыця“ и двѣ басни. Недурно написаны, хотя имѣютъ подражательный характеръ, думки—пѣсни Петренка. Наконецъ, въ заключеніи сборника помѣщены украинскія повѣрья, переводы и стихотворенія самаго издателя А. Корсуна. Украинскія повѣрья изложены стихами, очевидно, въ очень вольномъ изложеніи автора и со вставками этого послѣдняго; здѣсь фигурируетъ между прочимъ сочиненный, б. м., въ виду цензурныхъ соображеній Бильбогъ (въ разсказахъ, почему евреи не ѣдятъ свинины и откуда взялись медвѣди и о происхожденіи табаку). Самъ авторъ, впрочемъ, заявляетъ, что онъ передаетъ эти разсказы въ такомъ видѣ, въ какомъ слышалъ ихъ въ дѣтствѣ отъ наймычки Явлохи. Особеннымъ сочинительствомъ отзывается сказка о томъ, „що зробылося з Оленкою и завищо“, хотя авторъ прибавляетъ, что эту побрехеньку онъ слышалъ въ Харьковѣ же на *Москалевкѣ*. „Билбогъ съ Юркомъ зашли до нас, у Харькив та на Москалёвку, прыйшлы уже въ неранній час... Отъ панъ Юрко изголодухи *Піючыху* стару згадавъ, та шоб лызнуты варенухы, Билбогу зараз розсказав, шо у Піючыхы старенькой е буханци и хлибъ биленькій“. Они отправились къ ней, розыскали ея хату и попросили хлѣба у дочери ея Оленки—эта послѣдняя заявила странникамъ, что мать ея и она перекупки и хлѣбъ даютъ только за деньги; мать услышала просьбу и велѣла дочери вынести большую паляницу и отрѣзать большой ломоть. Но дочь по скупости перерѣзала его на нѣсколько частей и за это была превращена въ пугача. Здѣсь Піючиха взята изъ дѣйствительной жизни. Она же фигурировала и у Г. Ѳ. Квитки.

Въ началѣ 40-хъ годовъ появился новый Альманахъ, издававшійся Иваномъ Егорьевичемъ Бецкимъ,—*Молодыкъ*. Его вышло четыре тома [1]) (къ сожалѣнію, я могъ разыскать только три). Съ именемъ И. Е. Бецкаго связывается не только изданіе этихъ альманаховъ—что само по себѣ представляетъ уже крупную заслугу—но пожертвованіе университетскому музею цѣлой картинной галлереи, пріобрѣтенной въ долгіе годы пребыванія Бецкаго заграницей во Флоренціи. Въ моемъ распоряженіи имѣются новые матеріалы для характеристики условій, при которыхъ происходило изданіе „Молодыка“, но я считаю неудобнымъ вводить эти подробности, тѣмъ болѣе, что трудъ нашъ и безъ того уже сильно разросся—и потому ограничусь немногими фактическими данными о содержаніи книжекъ „Молодыка“. 1-я часть „Молодыка“ заключаетъ въ себѣ прозу и стихотворенія—и то, и другое почти исключительно на русскомъ языкѣ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ помѣщены путевые очерки М. П. Погодина (Брюссель и Амстердамъ), письмо о Петрѣ Вел. Кн. А. А. Шаховскаго, мысли и замѣчанія Васильковичевой; далѣе слѣдуютъ чисто литературныя статьи—фамильная легенда Г. Ѳ. Квитки объ основаніи Харькова, сцены О. В. Корженевскаго изъ драматическаго произведенія „Горецъ“, мусульманское преданіе, сообщенное В. Луганскимъ, о происхожденіи звѣзды Венеры, переводы изъ Жанъ Поля. Стихотворенія свои здѣсь помѣстили В. Венедиктовъ, Ѳ. Глинка, баронъ А. Дельвигъ, А. Фетъ, кн. А. Шаховской, А. Чужбинскій, изъ мѣстныхъ—Н. Щербина и Я. Щоголевъ. Какъ видно уже изъ этого перечня, издателю удалось привлечь въ свой сборникъ очень видныя литературныя имена и участіе мѣстныхъ литературныхъ силъ было весьма незначительно; единственное произведеніе на малорусскомъ языкѣ—это „Лисъ“ Е. Гребенки. Къ этому выпуску приложенъ портретъ Г. Ѳ. Квитки, рисованный М. С. Вашиловымъ. 2-й выпускъ „Молодыка“ отличается инымъ характеромъ. Онъ весь состоитъ изъ статей научнаго содержанія и при томъ относящихся главнымъ образомъ къ южной Руси. Здѣсь помѣщены статьи—Объ основаніи Харьковскаго Кол-

[1]) По крайней мѣрѣ послѣдній выпускъ „Молодыка“ издатель называетъ четвертымъ.

легіума, Взглядъ на украинскую старину И. Н. Каразина, О первыхъ войнахъ малороссійскихъ козаковъ съ поляками и Русскопольскіе вельможи Н. И. Костомарова, его же, обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ, очеркъ малороссійскихъ повѣрій и обычаевъ К. Сементовскаго, цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи и Слободской Украйны, въ томъ числѣ выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды. Изъ произведеній изящной словесности здѣсь только помѣщено стихотвореніе привѣтствіе Палицына Державину. Къ этому выпуску приложены—портретъ основателя Коллегіума кн. М. М. Голицына и планъ г. Харькова, составленный Петровскимъ. Въ 4-мъ выпускѣ въ отдѣлѣ наукъ помѣщено нѣсколько главъ изъ Исторіи Малороссіи Макс. Берлинскаго, Матеріалы для исторіи Малороссіи; въ прозаическомъ отдѣлѣ—три повѣсти. Отдѣлъ стихотвореній занимаетъ 106 страницъ. Здѣсь мы находимъ стихотворенія А. Пушкина, М. Лермонтова, кн. П. Вяземскаго, В. Венедиктова, Растопчиной, Ѳ. Глинки, кн. А. Шаховскаго, греческія мелодіи Н. Щербины, Я. Щоголева (по-русски); есть и другіе мѣстные поэты. Малорусскихъ стихотвореній только два—Е. Гребенки (надпись изъ рис. Г-ной и Маруся).

Въ послѣсловіи къ 4-му тому издатель далъ перечень статей, приготовленныхъ для слѣдующаго выпуска „Молодыка", изъ коего видно, что онѣ относились почти исключительно къ мѣстному краю и это вполнѣ соотвѣтствовало желанію издателя, чтобы „Молодыкъ" принялъ совершенно мѣстный характеръ".

Въ 1887 году въ Харьковѣ вышелъ малорусскій литературный сборникъ „*Складка*" подъ редакціей Вл. Ст. Александрова съ эпиграфомъ—призывомъ, обращеннымъ къ тогдашнимъ малорусскимъ писателямъ:

Гей, сюды ввесь люд хрещеный! И безграмотный, и вченый,
И велыкій, и малый, Ы выдючый, и слипый.

В. С. Александрову удалось привлечь въ свой альманахъ цѣлый рядъ талантливыхъ молодыхъ авторовъ, давшихъ очень цѣнныя въ художественномъ отношеніи произведенія; среди нихъ отмѣтимъ стихотворенія и переводы Самойленка (великолѣпное юмористическое стихотвореніе „Горе шіты", положенное на музыку, переводъ Иліады Гомера). У Билиловскаго прекрасный переводъ Шиллеровскаго колокола, стихотворенія: „З Альпив", „Дайте бо жыть", „Десять даровъ" и др., повѣсти Чайченка (Гринченка) и Ганны Барвинокъ (Кулишъ); очень хороши передѣлки Вл. Ст. Александрова народныхъ произведеній—„Жыве озеро", Чыжыкове весилля". Вообще произведенія, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, свидѣтельствуютъ о крупномъ ростѣ и успѣхахъ, сдѣланныхъ малорусскою литературою въ послѣднія десятилѣтія [1]).

---

[1]) Въ заключеніе позволимъ себѣ привести любопытную библіографическую справку: въ „Матеріалахъ для исторіи русск. лит.", изд. Ефремовымъ въ 1867 г., помѣщенъ составленный братомъ ак. П. И. Коппена списокъ слободско-украинскихъ писателей (140 душъ).

Глава 23-я.

Исторія театра.

О состояніи театра въ Харьковѣ въ началѣ XIX в. любопытныя данныя сообщаетъ современникъ, близко стоявшій къ нему и даже принимавшій непосредственное участіе въ немъ, Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Мы широко воспользовались его статьей о Харьковскомъ театрѣ въ XVIII в., въ 1-мъ томѣ настоящаго труда; теперь приведемъ въ подлинникѣ и вторую часть этой статьи, взявъ кое-какіе комментаріи къ ней у неутомимаго изслѣдователя харьковской театральной старины Н. И. Черняева [1]). Прибавимъ къ этому, что и часть исторіи Харьковскаго театра, посвященная эпохѣ Импер. Александра I-го отличается достовѣрностью, потому что Г. Ѳ. Квитка съ 1813 по 1817 годъ былъ директоромъ театра, наблюдавшимъ надъ антрепренеромъ Штейномъ и способомъ веденія имъ дѣла [2]).

Въ царствованіе Имп. Павла театръ въ Харьковѣ прекратилъ свое существованіе: въ ту мрачную эпоху было не до театра; Константиновъ и его труппа разъѣхались, театральное имущество продано было съ аукціона.

„Нескоро, а именно въ 1808 году, говоритъ Г. Ѳ. Квитка, проѣзжающіе или вѣрнѣе проходящіе чрезъ нашъ городъ два актера съ актрисою, ищущіе гдѣ-нибудь пріютить свои необыкновенные таланты и тѣмъ избавиться отъ голодной смерти, предложили свои услуги харьковской публикѣ, единственно для пользы общей. Одинъ изъ служившихъ тогда у насъ чиновниковъ, зная общее желаніе и соглашаясь на пользу общества, взялъ на себя заботы дать возможность странствующимъ артистамъ показать сценическія свои дарованія. Прінскана зала; за невозможностью устроить вскорѣ сцену, поставлены столы; на нихъ укрѣпили ширмы въ видѣ кулисъ, прицѣпили занавѣсъ. Къ актерамъ ex officio прикомандировали любителей изъ приказныхъ служителей. Въ назначенный день съѣхался ареопагъ; занимающій мѣсто суфлера подлѣзъ подъ столъ и усѣдся, или правильнѣе, улегся тамъ; зажгли сальныя свѣчи, три скрипки проиграли Моцартовъ квартетъ, суфлеръ подъ главнымъ столомъ застучалъ ногою и занавѣсъ взвился!... Стихи въ комедіи „Братомъ преданная сестра“ полились быстро, бурно, бойко, громко, шумно... Четыре раза падающій занавѣсъ скрывалъ актеровъ отъ внимательныхъ слушателей и давалъ средство великимъ дѣйствователямъ послѣ сильныхъ напряженій отдыхать и запасаться новыми порывами на слѣдующее дѣйствіе... Когда же и пятое дѣйствіе „отодрали лихо“, занавѣсъ тихо опустился въ послѣдній разъ ареопагъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, произнесъ свое рѣшеніе: „быть театру въ Харьковѣ“! И въ самомъ дѣлѣ, вся публика вообще приступила съ убѣжденіями къ тому же чиновнику и умолила его позаботиться устроить для нихъ театръ. Чиновникъ этотъ, по словамъ мѣстнаго историка и сторожила Коваленка, былъ Н. И. Шредеръ [3]). „По всей справедливости должно сказать, что этому чиновнику мы обязаны за новое основаніе у насъ театра, послужившее къ продолженію его и до настоящаго времени. Тогда на первый случай смастерили балаганъ, устроили подмостки, повѣсили декораціи и поспѣшили начать представленіе. А между тѣмъ на площади, противъ Дворянскаго дома, выстроенъ театръ, да какой! Правда, изъ досокъ, но кромѣ того, что сцена была обширная, глубокая, въ залѣ было 17 ложъ въ верхнемъ лучшемъ ярусѣ и 15 внизу; нѣсколько рядовъ креселъ партеръ, амфитеатръ и галлерея. Для большаго удобства были входы для каждаго отдѣленія зрителей“. Одна ложа, по словамъ Роммеля, принадлежала про-

[1]) Н. И. Черняевъ перепечаталъ статью Г. Ѳ. Квитки и снабдилъ ее примѣчаніями въ своей книгѣ „Харьковскій иллюстрированный альманахъ. Матеріалы для исторіи Харьковской сцены“. Х. 1900, 106 стр. (1 – 16).

[2]) Х. Г. В. 1859, № 46.

[3]) Х. Г. В. 1850, № 42.

фессорамъ университета. Изъ словъ Г. Ѳ. Квитки можно заключить, что театральныя представленія сначала шли во временномъ балаганѣ, а оттуда вскорѣ были перенесены въ спеціальный театръ, который, впрочемъ, былъ сколоченъ изъ досокъ и былъ въ сущности также балаганомъ: Щепкинъ называетъ его бревенчатымъ балаганомъ, а Роммель жалкимъ. Такое же названіе усвояетъ ему и Устиновъ, основывавшій свои свѣдѣнія на документахъ Архива гор. Думы. По его словамъ, зданіе театра-балагана, гдѣ впослѣдствіи былъ театръ Шредера, было построено шт.-кап. Черкесовымъ на городской (нынѣ Николаевской, площади, противъ его собственнаго дома, за Николаевскою колокольней (въ полицейскомъ скверѣ противъ Дворянскаго Собранія) „для театра и народныхъ увеселеній“. Впрочемъ Устиновъ прибавляетъ, что на той же площади иностранецъ Германъ выстроилъ балаганъ для комедій; быть можетъ, здѣсь шли во время праздниковъ представленія для простаго народа. „Декорація по тогдашнему времени и способамъ явилась приличная, выгодная и благовидная“. Всѣ ложи и много креселъ были немедленно абонированы и уже счетъ шелъ не на время, но на число представленій. Цѣны были немного дороже прежняго. „Севильскій цирюльникъ“, большая комедія Коцебу и другія маленькія комедіи, всѣ русскія оперы тогдашняго времени безпрестанно смѣнялись на нашей сценѣ. Чада Таліи, скитающіяся по Россіи, услышавъ о новомъ для нихъ пристанищѣ, явились изумлять насъ своими дарованіями. Довольно было и того, что было мѣсто, гдѣ собиралось все и всѣ съ удовольствіемъ проводили время. Видя готовность публики поддерживать театръ, одинъ изъ актеровъ пустился на спекуляцію: взялъ все содержаніе театра на себя. Прекрасно. Кромѣ директора, по препорученію правительства, имѣвшаго обязанность наблюдать за пристойностію въ представленіяхъ, не нужно было заниматься никакими экономическими расчетами вообще по театру и частно съ актерами. Дѣло шло хорошо. Публика продолжала усердно посѣщать каждое представленіе; доходы театра множились... Но вотъ содержатель, не заплативъ актерамъ за нѣсколько мѣсяцевъ слѣдуемаго имъ жалованья и другихъ своихъ значительныхъ долговъ, скрылся изъ города, не объявивъ прежде о томъ, но не забывъ взять театральной кассы и начавшаго составляться гардероба. Сиротствующіе любимцы музъ готовы были разсѣяться, но Аполлонъ сжалился надъ ними и пожелалъ продлить удовольствіе наше. Явилась новая труппа и съ остатками нашей составилось цѣлое. Публика взяла снова все на свое попеченіе. Начались представленія... Но что же? Главныя лица были не русскія, худо говорившія по-русски, съ чуднымъ (страннымъ) акцентомъ, съ нестерпимымъ чванствомъ и самоувѣренностью. Графа, по нуждѣ барона еще возьмутся сыграть; но простого дворянина—ни за что. „Гоноръ мой не позволяетъ играть то же лицо, кеды я самъ... бо я шляхтичъ есмь“. Такъ говорили они. Роли для нихъ должны были писать латинскими буквами. Жалованье потребовали и по теперешнему времени значительное. Примадонна и первый актеръ получали по 1200 р. въ годъ и по бенефису для каждаго, въ лучшее время. Прочіе (а глядя на нихъ, и наши двухсотные потянулись за 1000)—800 и бенефисы на каждое лицо. И вотъ на бенефисъ дается „Гамлетъ“ перевода самого актера!.. Чудесныя пьесы того же переводчика являлись часто: „Испытаніе огнемъ и также черезъ воду“, „Междоусобная война у французовъ съ итальянцами“, „Оба Фигаро“, „Страшная черная маска“, „Аріадна одна оставленная на островѣ Наксосѣ“, „Месть за злодѣяніе“; названія прочихъ ужасовъ не помню. Мало переводилось съ польскаго, а по объявленію переводчика переводы были съ англійскаго, испанскаго и, наконецъ, съ американскаго, потому что дѣйствіе было въ Соединенныхъ Штатахъ. Явилась страшная пьеса и его сочиненія... да, не прогнѣвайтесь: такъ объявлено было. И это была трагедія „Віанка Каппелла“ изъ Мейснеровой повѣсти русскаго перевода, разбитая на дѣйствія. Страшно было смотрѣть, какъ эти короли, герцоги тиранствовали! На сцену выводилось десятка по два солдатъ, а предводители этихъ армій въ шляпахъ съ перьями, съ нашитыми въ разныхъ мѣстахъ какого-то платья буфами.. И вотъ герой, героинѣйшій предъ соперникомъ, закричитъ, зареветъ, взмахнетъ мечемъ, раздается сиповатый голосъ суфлера: „падайте, падайте!—и противная армія чебурахъ вся наповалъ. Публика, заплатившая мѣдныя деньги, рукоплещетъ изо всѣхъ силъ, громче актера кричитъ: „фора, фора“! Мертвые встаютъ и герой, изумившій своею храбростію, снова размахиваетъ мечемъ и враги его падаютъ снова, якобы вторично побитые! „Сдѣлайте милость, батюшка, прикажите комедіантамъ представить Гамлета. Мы его рѣдко видаемъ“. Такъ, разглаживая свою пушистую бороду, молилъ одинъ изъ первостатейныхъ управлявшаго тогда театромъ. „Помилуйте, отвѣчалъ тотъ, піеса искажена въ переложеніи и какъ ужасно сыграли они еще въ добавокъ!“ „Слова нѣтъ, батюшка, гадко, изъ рукъ вонъ. Сюжета мы не поняли. Но изволите

видѣть: все пріятнѣе видѣть на сценѣ королей, герцоговъ и другихъ героевъ, чѣмъ простыхъ дворянъ, которыхъ мы ежедневно встрѣчаемъ". Нерусскіе актеры сдѣлались нестерпимы. Примадонна не явится раньше въ театръ, какъ въ 8 час., когда начало объявлено въ 7. За всѣми позывами ея на сцену, даже посланному за нею квартальному, преравнодушно отвѣчаетъ: „нехъ почекаютъ" (пускай подождутъ); я еще чай бенде пиць (я еще чай буду пить). Актеры пренебрегали всякою негероическою ролью и выходили на сцену въ домашнемъ сюртукѣ. Ихъ отпустили. Начали пробиваться кое-какими пьесами Коцебу и другими тогдашними. Однимъ изъ кандидатовъ университета сочинена была музыка на оперу „Чортовъ замокъ" и эта опера дана была во всей полности, къ изумленію зрителей, впервые увидѣвшихъ быстрыя перемѣны декорацій и все тому подобное. Но далѣе и далѣе—это было въ 1811 году—театръ ослабѣвалъ. Наступало время думать не о театрѣ; въ началѣ 1812 года онъ прекратился совсѣмъ. Князь Долгоруковъ, проѣзжавшій черезъ Харьковъ въ 1810 г., хотѣлъ отправиться на спектакль, но онъ несостоялся за тѣмъ, что труппа какъ-то разстроилась. Конкуррентомъ Харькова являлась Полтава, „сманивавшая къ себѣ актеровъ и актрисъ; Харьковъ не можетъ напастись талантовъ, а скоморошества простаго стыдится". „Въ 1813 году, говоритъ Г. Ѳ. Квитка, давались представленія, но только во время ярмарокъ, пріѣзжавшею на время труппою *Калиновскаго*, плохаго актера, содержателя себѣ на умѣ. Часто продъ началомъ представленій актеры одѣвшись не хотѣли выходить безъ полученія слѣдующаго за мѣсяцъ жалованья. Часа два публика ожидала, пока они между собою сторгуются. Начальство вмѣшивалось и выходили забавныя сцены. Приготовлена была опера „Земира и Азоръ". Азоръ въ полномъ костюмѣ, обшитый мѣхомъ, перьями, съ чудовищною головою, требуетъ отъ содержателя жалованья; содержатель обѣщаетъ выдать послѣ спектакля, когда приметъ сборъ. Азоръ не соглашается; сверхъ своего уродливаго костюма накидываетъ шинель и идетъ на квартиру, ожидая, что деньги будутъ непремѣнно присланы ему. Приказываютъ силою привести Азора. Его ведутъ по неволѣ. Народъ толпою преслѣдуетъ его, крича, что дикаго человѣка поймали и проч. и проч. За сборомъ наблюдаетъ полицейскій чиновникъ. По окончаніи театра онъ раздѣляетъ кассу между актерами, но не можетъ удовлетворить всѣхъ претензій. Содержатель въ отчаяніи, ему не на что купить румянъ для актрисъ. Наѣзды этой труппы съ героическими піесами причиняли начальству одни безпокойства, а публика кромѣ сценъ, подобныхъ описанныхъ выше, вовсе не заботилась о поддержаніи временныхъ бѣдныхъ героевъ, бѣдныхъ во всемъ и даже въ гардеробѣ". На театръ смотрѣли какъ на забаву. О такомъ отношеніи къ театру свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ. Въ 1811 году Харьковскимъ Благотворительнымъ обществомъ была поставлена съ благотворительною цѣлью драма Харьковскаго губернатора И. И. Бахтина „Ревнивый". Объ этомъ была помѣщена корреспонденція въ „Вѣстникѣ Европы, при чемъ пьеса была названа новой и выходило, слѣдовательно, такъ; что ее написалъ И. И. Бахтинъ въ бытность свою губернаторомъ. Бахтинъ послалъ въ редакцію опроверженіе, въ которомъ объяснилъ, что пьеса дѣйствительно принадлежитъ ему, но написана имъ была 18 лѣтъ тому назадъ, когда онъ не былъ еще губернаторомъ. „Желая меня похвалить, писалъ Бахтинъ, вы сдѣлали мнѣ большую непріятность. Ежели человѣка называютъ миролюбивымъ, безъ сомнѣнія, это большая ему похвала. Но А. В. Суворовъ, сказываютъ, про одного генерала говорилъ: хорошій генералъ. Миролюбивый генералъ! Слова „миролюбивый" и „генералъ", соединенныя вмѣстѣ, были не похвалою, а критикою тому. Губернаторъ и авторъ драмы, соединенные, едвали, по мнѣнію моему, не равносильны. Мнѣ могутъ возразить, что Фридрихъ Великій издалъ цѣлые томы сочиненій своихъ, однако же правилъ не только губерніей, но и цѣлымъ государствомъ и предводительствовалъ арміями, но кто увѣритъ меня, что онъ не правилъ бы еще лучше, ежели бы не сочинялъ? Кто поручится мнѣ, что какое-нибудь хорошее мѣсто въ поэмѣ его *Искусство военное* не стоитъ ему неудачи хотя одного сраженія? Въ объявленіи о сей драмѣ (афишѣ) напечатано было, что я ее сочинилъ, но въ томъ же объявленіи было помѣщено, что драма сія была сочинена мною назадъ тому 18 лѣтъ, слѣдовательно, объявленіе дѣлало меня авторомъ и губернаторомъ въ одно время. „Издатель В. Е.", напечаталъ письмо И. И. Бахтина, исправилъ свою ошибку и возстановилъ честь И. И. Бахтина, какъ губернатора [1]). А между тѣмъ И. И. Бахтинъ, былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ Харьковскихъ губернаторовъ.

Жалкое прозябаніе Харьковскаго театра прекратилось только тогда, когда во главѣ его сталъ новый антрепенеръ, учитель танцовальнаго искусства, *И. Ѳ. Штейнъ*, т. е. приблизительно съ 1814 года. Впро-

[1]) Н. И. Чернаева. Старинный Харьк. Театръ (Ю. К. 1894, № 4478); ср. Вѣст. Евр. 1811, № 1 стр. 142 и № V, стр. 135—136.

чемъ, въ первое время онъ велъ театральное дѣло въ компаніи съ прежнимъ антрепренеромъ Калиновскимъ (еще и въ 1816 году [1]) и началъ вести его самостоятельно, послѣ постройки собственнаго театра, т. е. послѣ 1816 года. О времени въ высшей степени добросовѣстной антрепризы Штейна Г. Ѳ. Квитка сообщаетъ, къ сожалѣнію, краткія свѣдѣнія. „Вотъ является Штейнъ, учитель танцованія. Изъ всѣхъ вольныхъ театровъ онъ приглашаетъ лучшихъ актеровъ, изъ Москвы, труппы Позднякова, актрисъ и даетъ представленія отличныя. Выборъ пьесъ изъ новѣйшихъ, постановка съ большимъ стараніемъ, издержками, даже роскошью для провинціальнаго театра предсказывали ему успѣхъ. А вскорѣ онъ выпрашиваетъ мальчиковъ и дѣвочекъ прямо изъ деревни и чрезъ мѣсяцъ, въ заключеніе спектакля, даетъ балеты своего сочиненія—„Принцесса Каррарская“. „Пигмаліонъ“, „Волшебная флейта“. Былъ балетъ „Выстрѣленный вертопрахъ или цыгане въ своихъ шатрахъ“ и еще нѣсколько по сюжету такихъ же; но танцы шли превосходно. Актеровъ и актрисъ съ ролями, кромѣ тѣхъ, что выходятъ на нѣсколько словъ, было болѣе сорока, балетъ состоялъ изъ 20 человѣкъ; оркестръ отличный, первый во всѣхъ здѣшнихъ губерніяхъ. Штейнъ не думалъ о своихъ выгодахъ, не заботился о составленіи капитала, но всѣ доходы отъ представленій и еще занимая къ тому, употреблялъ на улучшеніе труппы своей и на приличную постановку пьесъ. Штейнъ снова заохотилъ публику къ театру и тогда-то въ 1816 году выстроилъ онъ теперешній театръ“. Этотъ театръ находился противъ нынѣшняго Драматическаго театра, на томъ концѣ Театральнаго сквера, который выходитъ на Пушкинскую улицу, гдѣ теперь помѣщается дѣтскій пріютъ. Онъ былъ весьма обширенъ; въ немъ было съ галлереей, три яруса; полный сборъ превышалъ 1000 р. [2]). „Этотъ театръ, по удобствамъ для публики, немногимъ отличался отъ стараго. „Зябнешь бывало или угораешь въ скучной, темной залѣ; здѣсь дуетъ, тамъ каплетъ саломъ. Печей въ немъ не было, такъ что зимой, по разсказамъ старожиловъ, зрители сидѣли въ шубахъ, шапкахъ и галошахъ. Зрительный залъ и сцена по прежнему освѣщались сальными свѣчами. Внутри театръ представлялся такимъ же убогимъ и аляповатымъ, какъ и снаружи. Колонны были окрашены бѣлой глиной; передняя часть каждой ложи имѣла овальную форму, такъ что первый и второй ярусъ представляли волнообразныя линіи. Полъ зрительной залы былъ покатый съ крутымъ подъемомъ отъ сцены къ выходу. О боковыхъ дверяхъ не было и помину. Къ счастью, за все время существованія этого незатѣйливаго театра не было помину и о пожарныхъ случаяхъ“ [3]). На долю Штейна выпала крупная заслуга привлеченія въ труппу арт. Щепкина, который пробылъ въ Харьковѣ около 5 лѣтъ (съ 1816 г.). „Со временемъ въ труппѣ Штейна, говоритъ Г. Ѳ. Квитка, явился у насъ въ первый разъ прибывшій изъ Курска М. С. Щепкинъ. Не во гнѣвъ нѣкоторымъ сказать, его никто не наставлялъ и неучилъ: талантъ, подобнаго Щепкину, нельзя произвести; онъ самъ родится и часто бываетъ неизвѣстенъ своему хозяину до времени. Мы всѣ, не видѣвшіе далѣе провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ... такъ намъ ли было учить его!. „Самъ Щепкинъ впрочемъ сознается, что на него сильное впечатлѣніе произвела безыскусственная, естественная игра кн. П. В. Мещерскаго—и онъ самъ сталъ стремиться къ такой безыскусственности, хотя вездѣ царила тогда искусственность, приподнятость тона. „Никто, говоритъ М. С. Щепкинъ, не говорилъ своимъ голосомъ, игра состояла въ какой-то изуродованной декламаціи, слова произносились какъ можно громче и почти каждое слово сопровождалось жестами... Когда актеръ оканчивалъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ котораго должно было уходить, то принято было въ то время за правило поднимать правую руку вверхъ и такимъ образомъ удаляться со сцены. Однажды одинъ актеръ, окончивши тираду и удаляясь за кулисы, забылъ поднять руку. Чтоже? На полпути онъ рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднялъ залѣтную руку... Актеръ, говоря на сценѣ съ другимъ лицомъ и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансъ сцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой, а публика съ своей стороны за этотъ сюрпризъ апплодировала неистово“.

Самое важное мѣсто въ труппѣ Штейна до пріѣзда Щепкина занималъ Угаровъ, о которомъ самъ Щепкинъ даетъ слѣдующій восторженный отзывъ: „Угаровъ былъ существо замѣчательное, талантъ огром-

[1]) Щепкинъ говоритъ, что еще въ концѣ 1816 г. антрепренерами были Калиновскій и Штейнъ.
[2]) Н. И. Черняева. Харьк. Ин. театр. альманахъ. X. 1900, стр. 15.
[3]) Н. И. Черняева. Стр. Харьк. Театр. (Ю. К. № 4480). Ср. Х. Г. В. 1859, № 46; Харьк. Сборн., в. I, стр. 3.

ный, выше его таланта я и теперь (писано въ 1856 г.) никого не вижу. Естественность, живость и веселость его поражали васъ, но, къ сожалѣнію, все это было направлено Богъ знаетъ куда, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попасть вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастію, это было весьма рѣдко. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ хаосѣ стояли рядомъ добродушіе и плутоватость, и театръ, и карты и охота покутить". Вотъ какъ Щепкинъ описываетъ свое впечатлѣніе отъ перваго спектакля, по пріѣздѣ его въ Харьковъ.

Въ 1817 году труппа Штейна переѣхала въ Полтаву, гдѣ ее взялъ на иждивеніе тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Н. В. Репнинъ; но сборы въ Полтавѣ были неважные и труппа изъ Полтавы наѣзжала въ ярмарочное время въ Харьковъ. Объ этомъ времени Г. Ѳ. Квитка говоритъ слѣдующее. „Доходы въ Полтавѣ и добавляемая сумма собственно отъ кн. Репнина не могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть театръ постоянно при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались десятки тысячъ, гардеробъ былъ истинно богатый: гдѣ нужно было, тамъ точно являлось золото, бархатъ, шелкъ; музыка по достоинству своему требовала нѣсколько тысячъ. Для умноженія способовъ, театръ переѣзжалъ въ Харьковъ на Крещенскую и Успенскую ярмарки. Щепкинъ, репертуаръ изъ первыхъ отличныхъ комедій и оперъ, едва только появлявшихся на сценѣ въ столицѣ, порядокъ, устройство—все это привлекало въ театръ и въ 15 спектаклей получалось 15 и болѣе тысячъ. Но и за всѣмъ тѣмъ не было возможности удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Штейнъ снова принялъ всю эту огромную массу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ съ труппою къ Успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, онъ оставался до Великаго поста. Кажется Штейнъ театромъ не устроилъ своего состоянія и едва ли за свою ревность угождать публикѣ всѣхъ вдѣшнихъ губерній не оставилъ по смерти долговъ". О репертуарѣ труппы даютъ понятія объявленія, печатавшіяся въ тогдашней газетѣ—„Харьковскихъ Извѣстіяхъ"; вотъ заглавія нѣкоторыхъ пьесъ: ком.—Женихъ трехъ невѣстъ", „Урокъ мужьямъ", „Ссора двухъ сосѣдей за козла и собаку", „Проученная жена или вѣтеръ перемѣнился", „Адольфъ и Клара", Мнимая невинность"; оперы—„Несчастіе отъ кареты", „Добрые солдаты", „Только десять дней женитьбы", „Два охотника", „Говорящая картина", „Козакъ—стихотворецъ"; послѣднее произведеніе принадлежало кн. Шаховскому (здѣсь выставленъ былъ извѣстный намъ Харьковскій козакъ-стихотворецъ Климовскій). Рецензентъ „Укр. Вѣст." далъ объ этой пьесѣ отрицательный отзывъ: это, по его словамъ, „выдумка очень обидная для малороссіянъ (въ лицѣ Прудіуса выведенъ былъ Мазепа); оскорбились и зрители, особенно полтавцы, говорившіе: „Чого йты въ театръ? Хиба слухать, якъ за наши гроши да насъ же будуть лаять?" [1]). Лучшими артистами были по отзывамъ тогдашнихъ рецензентовъ—Щепкинъ, Угаровъ, Пряженковская. Играли даже „Ябеду" Капниста; одну изъ пьесъ „Волшебный кубокъ" рецензентъ называетъ прямо безсмысленной; къ публикѣ рецензентъ обращается съ упрекомъ за то, что она слишкомъ часто кричитъ—*фоpо* т. е. наше bis. Въ каждый спектакль давалась обыкновенно и комедія, и опера, т. е. по нашему оперетка; бывали и балеты. Опера, слѣдовательно, не дифференцировалась тогда еще отъ драмы. Репертуаръ въ общемъ былъ не важный и напоминалъ тотъ, какой существовалъ въ Харьковѣ въ концѣ XVIII в. Время антрепризы Штейна выдавалось главнымъ образомъ артистическими талантами. Въ матеріальномъ отношеніи театральное дѣло стояло не прочно; г. Харьковъ не могъ выдержать труппы Штейна круглый сезонъ и она вынуждена была странствовать по всей южной Россіи.

Украшеніемъ труппы былъ Щепкинъ, къ слову сказать, бывшій еще въ то время крѣпостнымъ и выкупленный окончательно только въ 1821 году; далѣе слѣдовалъ Угаровъ, Барсовъ, Пряженковская и Медвѣдева! Щепкинъ получалъ 1500 р., Барсовъ и Угаровъ по 1000 р. Необыкновенный талантъ Щепкина привлекалъ публику. „Щепкинъ игралъ и въ операхъ довольно трудныхъ, не зная совершенно музыки, игралъ въ драмахъ и комедіяхъ и всегда превосходно. Не только твердо зналъ онъ роли свои, но онъ, такъ сказать, перерождался въ представляемое имъ лицо до того, что передъ поднятіемъ занавѣса за полчаса онъ ходилъ по сценѣ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ окружавшихъ его, такъ что если бы кто приставилъ къ груди его пистолетъ, онъ бы этого не замѣтилъ. Удивительную способность имѣлъ

[1]) Ю. Кр. № 4488.

М. С. представлять на сценѣ извѣстное публикѣ какое-либо лицо. Тутъ онъ доходилъ до такого совершенства, что сами лица эти узнавали себя и подтверждали сходство“ [1]).

Щепкинъ игралъ въ Харьковѣ съ перерывами во время перекочевки труппы въ другіе города 5 лѣтъ,—съ весны 1816-го до конца 1821 года; но дольше при этомъ онъ оставался въ Полтавѣ, чѣмъ въ Харьковѣ [2]). Въ это время онъ былъ уже довольно извѣстнымъ провинціальнымъ актеромъ, а не дебютантомъ. Между прочимъ Щепкинъ поставилъ въ свой бенефисъ въ Харьковѣ малороссійскую „Наталку Полтавку“ Котляревскаго; она впервые тогда шла въ Харьковѣ; авторъ пьесы, Котляревскій, былъ директоромъ-распорядителемъ полтавской труппы актеровъ. По случаю кончины Императора Александра I, въ 1825 г., театральныя представленія въ Харьковѣ временно должны были прекратиться, но Штейнъ и въ это время выдавалъ артистамъ и музыкантамъ столовыя деньги, безъ коихъ имъ было бы трудно существовать. Въ 1826 году пріѣзжала въ Харьковъ труппа Жураховского, вошедшая вскорѣ цѣликомъ въ труппу Штейна; въ ней былъ между прочимъ извѣстный впослѣдствіи басъ русской оперы въ Петербургѣ О. А. Петровъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ у Штейна въ Харьковѣ были слѣдующіе болѣе извѣстные актеры и актрисы: трагики—Млотковскій, Бабанинъ, Зелинскій; комики—Жураховскій, Тарасовъ. На выходныхъ роляхъ впослѣдствіи знаменитый Соляникъ; актрисы—Острянова, Бабанина, Петрова (пѣвица); первое мѣсто должно быть отведено трагической актрисѣ Остряновой, вышедшей замужъ за Млотковкаго; самъ Млотковскій также пользовался успѣхомъ у неприхотливой публики, но достигалъ его дешевыми эффектами [3]). Штейнъ любилъ ставить обстановочныя пьесы—Ивангоэ, Паденіе Мессалонги, Смольяни; волшебныя пьесы и оперы—Сандрильона, Князь Невидимка, Чертовъ камень, 12 спящихъ дѣвъ, Русалка, Твардовскій, Волшебный финнъ; и движущіяся картины—табло [4]). Дѣятельность Штейна и его труппы въ Харьковѣ прекратилась, по изслѣдованіямъ Н. И. Черняева, въ 1833 году [5]). Его преемникомъ по театральной антрепризѣ сдѣлался Л. Ю. Млотковскій, стоявшій во главѣ дѣла 10 лѣтъ (съ 1833—1843 г.).

Католикъ и полякъ, онъ пріѣхалъ вѣроятно изъ Западнаго края, былъ въ труппѣ Штейна, у котораго занималъ амплуа трагика и драматическаго любовника и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвца (у него былъ хорошій баритонъ). Трагическій актеръ онъ былъ не важный, но на неприхотливую публику производилъ потрясающее впечатлѣніе—бралъ паѳосомъ, жестикуляціей и мимикой; выговоръ былъ полу-русскій, полу-малороссійскій и полу-польскій. Ставши антрепренеромъ, онъ только изрѣдка появлялся въ качествѣ актера. Антрепренеромъ Млотковскій былъ энергичнымъ, причемъ ареной его дѣятельности являлся не только Харьковъ, но и многіе другіе города.

Репертуаръ въ это время состоялъ главнымъ образомъ изъ легкихъ пьесъ—одноактныхъ и двухактныхъ водевилей (бывали однако 3-хъ и 5-ти актныя—Левъ Гуричъ Синичкинъ), но ставились также драмы, мелодрамы и трагедіи (русскія и переводныя) серьезнаго и даже классическаго репертуара; наконецъ, былъ въ ходу и малороссійскій репертуаръ и дивертисментъ съ танцами; изрѣдка ставились и оперы; зато совсѣмъ почти отсутствовали комедіи, также рѣдко ставились и балеты. Въ общемъ репертуаръ театра Млотковскаго ничѣмъ почти не отличался отъ репертуара тогдашнихъ столичныхъ театровъ. Изъ водевилей назовемъ: „Въ тихомъ омутѣ черти водятся“, „Бабушка и внучка“, „Стряпчій подъ столомъ“; изъ трагедій и драмъ:—Уголино, „Скопинъ Шуйскій“—Кукольника, „Параша Сибирячка“, „Дѣдушка русскаго флота“—Полеваго, „Венеціанская актриса“—Виктора Гюго, „Велизарій“—Шейна, „Карла Смѣлаго“—Дюма; изъ малороссійскихъ:—„Наталка Полтавка“ и „Москаль-Чаривникъ“—Котляревскаго; „Сватанье на Гончаривцы“, „Шельменко-деньщикъ“ и „Щыра любовь“—Квитки (впервые данъ въ 1840 году); изъ классическихъ:—„Ревизоръ“—Гоголя, „Король Лиръ“, „Гамлетъ“ (ставился съ конца 30-хъ годовъ), „Ромео и Юлія“, „Коріоланъ“, „Ричардъ III“, „Коварство и любовь“—Шиллера; изъ оперъ: —„Панъ Твардовскій“—Верстовскаго, „Фра-Дьяволо“—Обера, „Леста—Днѣпровская русалка“—Кауэра и Давыдова. Костомаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ такой отзывъ о репертуарѣ Харьковскаго театра: „Надобно отдать честь режиссерамъ Харьковской сцены, что пьесы, назначенныя къ пред-

[1]) Ю. К. 4494.
[2]) Ю. Кр., № 4898.
[3]) Ю. К. № 4901.
[4]) Ibidem.
[5]) Ib.; ср. также Ю. К. 1893, № 4245.

ставленію, брались большею частью сообразно мѣстнымъ условіямъ театра[1])—и прибавимъ отъ себя—и вкусамъ публики, любившей въ массѣ по преимуществу легкій жанръ, господствовавшій и въ прежнее время.

Что касается матеріальной стороны предпріятія Млотковскаго, то оно представляется по *доставленнымъ имъ* даннымъ за 1840 и 1841-й годы въ такомъ видѣ. Расходы на 1840-й годъ были опредѣлены Млотковскимъ въ 80310 руб. ас., не считая содержанія собственнаго дома и главной артистки—жены Млотковскаго. Наибольшее жалованье получалъ актеръ Соленикъ (2400 руб. ас. и 2 бенефиса), Бабанинъ и Рыбаковъ по 1800 р. и по 2 бенефиса, далѣе слѣдуютъ артисты и артистки съ низшими окладами; капельмейстеръ получалъ 1500 р. и бенефисъ, декораторъ 1500 р., двѣ балетмейстерши по 1200 р. и по бенефису; нѣкоторыя лица жили на всемъ содержаніи антрепренера, получая при этомъ дополнительное содержаніе; 12 дѣвочекъ—танцорокъ получали отъ него только содержаніе, но не имѣли жалованья; содержаніе оркестра обходилось Млотковскому въ 10300 руб.; музыканты имѣли отъ него готовую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. На иждивеніи Млотковскаго находились и низшіе служащіе, театральный портной, столяръ, афишеры; всего было въ труппѣ до 80 чел., изъ нихъ до 50-ти жило на его счетъ круглый годъ. На освѣщеніе театра затрачивалось 3440 р., на декораціи 2615, на костюмы 2125 р., на жандармовъ 1325 р., на содержаніе собственнаго дома и семейства 31000 руб. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь приведенъ счетъ на ассигнаціи, а на серебро это выйдетъ въ $3^1/_2$ раза менѣе; т. е. оклады жалованья на серебро колебались между 700 и 80 руб. въ годъ. Въ 1841 году расходъ возросъ до 91910 р., а съ содержаніемъ дома и семьи антрепренера до 122910 р. Что касается средняго прихода, то относительно его имѣются только общія указанія современника; полный сборъ въ театрѣ давалъ 1000 р. ас., но такіе сборы бывали обыкновенно только во время ярмарокъ, т. е. не болѣе 35 разъ въ году; въ остальное время сборы равнялись въ среднемъ 400 руб. и такихъ дней бывало 160. По такому расчету (нужно думать пріуменьшенному) всего собиралось 99000 руб. Слѣдовательно, расходы по содержанію театра окупались и оставалось еще на содержаніе дома и семьи Млотковскихъ 7000 руб.; остальная сумма выручалась еще отъ путешествій труппы по разнымъ городамъ. Труппа ѣздила въ Кременчугъ, Екатеринославъ, Курскъ, Ростовъ, Лубны, доѣзжала иногда даже до Кіева, Одессы, Николаева и Житоміра. Поднимали сборы и такіе гастролеры, какъ Мочаловъ или Щепкинъ. Въ Харьковѣ спектакли открывались 15-го августа (т. е. начала Успенской ярмарки) и шли до Великаго поста, затѣмъ съ 4-го дня Пасхи до конца Троицкой ярмарки. Иногда послѣ Пасхи одна часть труппы (меньшая и худшая) оставалась въ Харьковѣ, другая же отправлялась въ странствованіе.

Важнѣйшимъ событіемъ антрепризы Млотковскаго является постройка новаго каменнаго театра, воздвигнутаго на городской землѣ, безвозмездно отведенной Млотковскому на Театральной площади; это и есть нынѣшній Драматическій театръ, перешедшій по наслѣдству отъ Млотковскаго къ Дюкову, а отъ Дюковой—къ городу. Приговоромъ отъ 18 авг. 1839 г. Харьковское купеческое общество, въ собраніи городской думы, изъявило согласіе на отводъ Млотковскому городской земли для постройки на его счетъ театра, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ уплачивалъ ежегодно по 200 р. ас. поземельнаго налога въ пользу города. 11 окт. губернаторъ Устимовичъ (въ бытность ген.-губернаторомъ кн. Долгорукова) *предписалъ* городскому головѣ (Андрею Климову) выдать Млотковскому на извѣстныхъ условіяхъ *данную* на городской участокъ земли для возведенія на немъ зданія театра по Высочайше утвержденному фасаду. Исполняя волю г. генералъ-губернатора, и подтверждая прежній приговоръ 1839 г., общество постановило отвести Млотковскому и его наслѣдникамъ землю въ полную собственность, но съ тѣмъ, чтобы онъ уплачивалъ по 200 р. ас. ежегодно въ пользу города и чтобы мѣсто это служило исключительно только для постояннаго существованія театра, съ преимущественнымъ правомъ пріобрѣтенія городомъ и самого зданія, буде Млотковскій и наслѣдники пожелали бы его продать. По условіямъ городского управленія съ Млотковскимъ, этотъ послѣдній долженъ былъ принять на себя еще нѣкоторыя дополнительныя и весьма существенныя обязательства. Во главѣ театральнаго дѣла труппы Млотковскаго, въ качествѣ „начальника и содержателя заведенія“ ставился Директоръ, избираемый губернаторомъ и утверждаемый генералъ-губернаторомъ; онъ только не долженъ былъ вмѣшиваться въ хозяйственную сторону дѣла, по его совѣтамъ и указаніямъ Млотковскій долженъ былъ выбирать актеровъ, актрисъ, танцоровъ, танцовщицъ и музыкантовъ, онъ могъ

[1]) Литер. наслѣдіе, стр. 43.

пригласить къ себѣ въ помощники кого-либо изъ мѣстныхъ дворянъ; списокъ пьесъ утверждался губернаторомъ; цѣны мѣстамъ назначались также губернаторомъ; труппа безъ раздѣленія должна была играть въ Харьковѣ съ начала Успенской ярмарки до окончанія Троицкой и давать не менѣе 3-хъ представленій въ недѣлю. Афиши обязательно было печатать въ типографіи губернскаго правленія. Но въ свою очередь и Млотковскій получилъ важную гарантію въ томъ смыслѣ, что не будетъ допущена въ Харьковъ никакая другая конкуррирующая съ нимъ труппа. Постройка театра, производившаяся подъ наблюденіемъ архитектора А. А. Тона, закончена была лѣтомъ 1841 года. 15-го августа 1841 года послѣдовало открытіе представленій во вновь выстроенномъ театрѣ. Старый театръ былъ сломанъ. Новый, отличаемый, былъ снаружи гораздо лучше стараго холоднаго, хотя и не столь обширенъ. „Это было каменное 2-хъ-этажное зданіе съ мезониномъ и зрительною залой, вмѣщавшей до 800 чел. и имѣвшей (считая и галлерею) 4 яруса. Особенныхъ удобствъ для публики оно, впрочемъ, не представляло. Плохой резонансъ, узкіе корридоры съ низенькими потолками, отсутствіе фойе, деревянныя лѣстницы, небольшая сцена, маленькая и неуютная уборная для артистовъ и артистокъ и т. д.—всѣ эти недостатки были весьма замѣтны для людей, бывавшихъ дальше Харькова“. Первымъ Директоромъ харьковскаго театра былъ избранъ и утвержденъ шталмейстеръ графъ Гендриковъ, а помощникомъ его полк. Шретеръ.

Въ труппѣ было не мало выдающихся актеровъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Соленика.

Дранже пробылъ на Харьковской сценѣ около 4-хъ лѣтъ (1845—1849 г.) и, несмотря на свою молодость, завоевалъ себѣ такое положеніе въ высокой степени даровитаго артиста, что его сравнивали съ Соленикомъ, хотя этотъ послѣдній былъ выше и оригинальнѣе. Онъ воспитывался въ Петербургской театральной школѣ и многое позаимствовалъ отъ геніальнаго комика Мартынова. Репертуаръ у него былъ почти исключительно водевильный. Получалъ онъ 1800 р. ас. въ годъ съ бенефисомъ; умеръ отъ чахотки въ возрастѣ 20 съ небольшимъ лѣтъ. Болѣзнь истощила его рессурсы и его похоронила на свой счетъ актриса Кравченкова, устроивъ желѣзную ограду на его могилѣ; въ этой оградѣ потомъ похоронили и Соленика [1]).

М. И. *Ладина* играла на Харьковской сценѣ около 15 лѣтъ (1843—1859 г.) и занимала глав. обр. амплуа комическихъ старухъ, пользуясь не меньшею любовью публики, какъ и Млотковская; ее признавали даровитой и рѣдкой на роли старухъ актрисой. Пашковъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о ней такъ: „Ладина играла въ роляхъ свахъ, нянюшекъ и пожилыхъ русскихъ женщинъ да такъ натурально, будто она весь вѣкъ свой прожила въ той самой роли, какую играла на сценѣ. Самъ Щепкинъ былъ въ восторгѣ отъ игры Ладиной и однажды, когда его вызывали, онъ вывелъ вмѣстѣ съ собою Ладину на сцену и отрекомендовалъ ее публикѣ самымъ лестнымъ образомъ. Умерла она въ 1859 г., простудившись въ театрѣ“ [2]).

Артистъ на комическія роли Пав. Вас. Васильевъ съ большимъ успѣхомъ игралъ и въ Харьковѣ, гдѣ былъ любимцемъ публики и жилъ много лѣтъ до перехода на Петербургскую сцену (въ 1861 г.). Оставивъ Петербургскую сцену, гастролировалъ иногда въ провинціи, заглядывая и въ Харьковъ (Рук. зам. Чирикова).

Вотъ отзывъ о Харьковскомъ театрѣ современника В. Пашкова. „Театръ не только во время ярмарокъ, но и безъ ярмарокъ бывалъ почти всегда полонъ и по любви публики къ сценическому искусству, и еще болѣе потому, что въ сороковыхъ годахъ были четыре замѣчательные таланта на сценѣ Харьковскаго театра: Млатковская, Соленикъ, Рыбаковъ и Ладина. Много писали о нихъ въ свое время, а старожилы и сами помнятъ, и потому, не вдаваясь въ критическую оцѣнку игры этихъ артистовъ и артистокъ, скажемъ кратко, что Млатковская была превосходная драматическая актриса и исполняла самыя трудныя первыя роли безукоризненно; чудесной игрой она постоянно увлекала публику и доставляла ей высокое эстетическое удовольствіе, и тѣмъ болѣе еще, что она и пѣла хорошо. Репертуаръ Млатковской былъ чрезвычайно обширенъ, потому что кромѣ драматическихъ ролей, она и комическія исполняла прекрасно. Въ роляхъ „Офеліи“, „Вероники“ и „Параши Сибирячки“ она глубоко трогала чувства зрителей. Млатковская была вполнѣ образованная и просвѣщенная женщина; истинные любители и знатоки

[1]) Н. И. Черняева. Изъ. Харьк. театр. старины (Ю. Кр. 1894, № 4795).
[2]) Н. И. Черняева. Изъ. Харьк. театр. стар. 1894, № 4791.
[3]) Ю. Кр. 1881, № 276.

сценическаго искусства называли ее—„Шекспировская актриса“, и она вполнѣ этого заслуживала. Соленикъ былъ неподражаемый комикъ. О немъ можно сказать, что онъ и на свѣтъ то родился для того, чтобы быть комическимъ актеромъ. Самые серіозные люди хохотали до слезъ, когда онъ выкинетъ бывало на сценѣ какую нибудь штуку позой, жестомъ, гримасой, голосомъ, или отхватитъ, по вдохновенію, что-нибудь такое, чего и въ пьесѣ нѣтъ... Ну просто—животики держи... Не думайте, чтобы это были какіе-нибудь грубые, балаганные фарсы—нѣтъ,—Соленикъ былъ отлично образованъ, и потому игра его была глубокоосмысленная, натуральная, прямо изъ жизни. И вся фигура-то его была чисто комическая: небольшого роста, плотный, голова большая съ черными курчавыми волосами, огромный ротъ и съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ, какъ-то особенно сложившихся губъ, а глаза насмѣшливые. Одинъ взглядъ на Соленика уже вызывалъ невольный смѣхъ. Игралъ онъ превосходно во всѣхъ роляхъ и до того натурально, что глядя на него, забываешь актера, а видишь живой типъ изъ бытовой жизни, особенно въ роляхъ тогдашнихъ приказныхъ крючковъ, удалыхъ русскихъ парней и гулякъ купеческихъ сынковъ. Пока Соленикъ на сценѣ, во всемъ театрѣ почти непрерывный хохотъ—и не хотѣлъ-бы, да по неволѣ захохочешь. Соленика приглашали на сцену и въ Москву, и въ Петербургъ, но онъ не поѣхалъ, съ Харьковомъ онъ, такъ сказать, срослся и своимъ талантомъ служилъ ему до кончины. Когда будете гулять на городскомъ кладбищѣ—прочтите трогательную надпись надъ могилой Соленика [1])! Былъ еще молодой и очень даровитый комикъ Дранше; онъ такъ хорошо началъ и много обѣщалъ для сцены, но смерть скосила его въ цвѣтѣ лѣтъ... Рыбаковъ былъ высокоталантливый артистъ-художникъ и отличный трагическій актеръ, природа щедро одарила его всѣмъ, что нужно для трагика: высокій ростъ, хорошее сложеніе, красивая наружность и сильный пріятный голосъ. Даже знаменитый Московскій трагикъ Мочаловъ уступалъ и былъ слабѣе Рыбакова въ такихъ серіозныхъ роляхъ какъ „Гамлетъ“, „Уголино“ и „Игрокъ“,—въ „Жизни игрока“. Въ этихъ роляхъ Рыбаковъ игрою своею глубоко трогалъ и потрясалъ публику; да и во всѣхъ роляхъ сильный талантъ этого артиста, при счастливой наружности, приковывалъ къ себѣ вниманіе всей публики и доставлялъ ей полное эстетическое наслажденіе. Женившись на красавицѣ актрисѣ Зеленской, Рыбаковъ составилъ свою труппу и въ концѣ сороковыхъ годовъ уѣхалъ съ нею въ Ростовъ, а потомъ въ Николаевъ, гдѣ и игралъ очень долго. Сколько я помню, то Млатковскую, Соленика, Рыбакова и Ладину, послѣ каждаго спектакля, вызывали по нѣсколько разъ и дѣлали имъ шумныя и восторженныя оваціи. Играли они нѣсколько лѣтъ и играли прекрасно, развили у Харьковской публики любовь къ сценическому искусству и имѣли на нее хорошее вліяніе. Хороши были и такъ называемые „благородные спектакли“, привлекавшіе къ себѣ огромную публику, да не тѣмъ, что были „благородные“, а тѣмъ, что играли на нихъ артистически І. А. Беккеръ и дѣвица З. Бердяева—впослѣдствіи жена губернатора Траскина. Беккеръ, бывши еще студентомъ, заявилъ несомнѣнный сценическій талантъ на университетскихъ спектакляхъ. Въ роляхъ „Фамусова“ и „Городничаго“ онъ такъ былъ натураленъ и хорошъ, что вся образованная публика восхищалась его игрой и высоко цѣнила сценическій талантъ Беккера. Тогда же студентъ Зацѣпинъ сыгралъ превосходно роль „Чацкаго“; и такихъ „Чацкихъ“ я потомъ не встрѣчалъ, хотя видѣлъ ихъ много на разныхъ сценахъ. Въ пьесѣ „Два брата Стрѣльскихъ“ студентъ Старовъ такъ сыгралъ роль одного изъ Стрѣльскихъ, что лучше нельзя. Даже и теперь чрезъ 37 лѣтъ, мнѣ живо представляется лихой хватъ—повѣса Стрѣльскій съ хлыстомъ въ рукахъ. Выборъ пьесъ для „Благородныхъ спектаклей“ изъ русскаго и французскаго репертуара былъ очень хорошъ, а исполненіе главныхъ ролей (г. Беккеромъ и дѣвицею Бердяевою) по истинѣ художественно и восторгало публику, потому что Беккеръ былъ вообще удивительно даровитъ, и дарованія его разнообразныя; особенно же сильно проявлялось у него капитальное остроуміе, тонкій юморъ и непобѣдимая авторитетность,—что онъ сказалъ, то опровергать очень трудно или совсѣмъ невозможно. Какъ комикъ, онъ превосходилъ даже Соленика своею полновѣсною, художественною игрою, которою восхищались и такіе артисты, какъ Щепкинъ и Живокини, которые, какъ было слышно, приглашали его въ Москву на сцену. И устраивалъ и заправлялъ „благородными спектаклями“ тотъ же Беккеръ. Дѣвица Бердяева, воспитывавшаяся въ Парижѣ и въ Римѣ, владѣвшая въ совершенствѣ четырьмя новыми языками (на италіанскомъ она даже стихи писала) и хорошо рисовавшая масляными красками,—была высокоталантливая особа и на сценѣ играла превосходно.

[1]) Вотъ ея начало: Дывыся з неба Соленыче, яка то правда чоловича.

Въ 1848 г. Харьковское городское общество стало отпускать Драматическому театру субсидію въ 300 р., что продолжалось до 1867 года. Между тѣмъ по смерти Млотковскаго, зданіе театра заарендовалъ у наслѣдниковъ его итальянецъ Сарматеи, который разорился. Тогда одна изъ наслѣдницъ Млотковскаго, замужняя дочь его В. Л. Дюкова, выкупила у сонаслѣдниковъ права на зданіе театра и взяла на себя содержаніе труппы. Управленіе театромъ она по довѣренности передала своему мужу Николаю Николаевичу Дюкову. Послѣднему пришлось реставрировать и театръ, и труппу, доведенную Сарматеи до полнаго неряшества и безобразія. Съ именемъ Н. Н. Дюкова связано, такимъ образомъ, возрожденіе харьковскаго драматическаго театра. Эпоха нашего возрожденія—шестидесятые годы—благотворно отразилась и на театрѣ. Еще въ царствованіе Имп. Николая Павловича развились самые крупные таланты русской сцены—Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ, Максимовъ, Садовскій, Петровъ и др. Развился и великій критикъ Бѣлинскій, предъявившій и къ сценическому искусству болѣе повышенныя требованія. Все это подготовило почву для подъема театра въ эпоху „возрожденія". Стали заботиться о постановкѣ на сценѣ шедевровъ нашей драматической литературы—въ это время были поставлены и обставлены въ Петербургѣ съ небывалою роскошью „Борисъ Годуновъ"—Пушкина и „Смерть Іоанна Грознаго"—гр. Толстого. Оживился и репертуаръ: французскую переводную мелодрамму и водевиль смѣнила серьезная комедія и драма Островскаго, Потѣхина, Писемскаго, Боборыкина, Стебницкаго и др. Для воспроизведенія типовъ дѣйствительной жизни потребовалось и отъ актеровъ изученіе ея.

Положеніе харьковскаго драматическаго театра до Дюкова было, какъ сказано, очень неприглядное. „Тогдашній театральный залъ", выбѣленный мѣломъ безъ всякихъ фоновъ и украшеній, до боли утомлялъ глаза. Мебель была ветха и истрепана до того, что цѣплялась за платье. Громадная масляная люстра тускло освѣщала залъ. Оркестръ былъ жидокъ и нестроенъ. Героиня исполнительница съ напускною интонаціею выводила тирады польскимъ акцентомъ. Акцентомъ на малороссійскій ладъ грѣшили и всѣ второстепенные исполнители, а между тѣмъ шла бытовая русская драма. Ансамбля никакого. Прибавьте ко всему этому безконечные антракты съ неистовыми выкрикиваніями „райской публики"... Такъ говоритъ очевидецъ. Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ труппѣ послѣдній годъ игралъ знаменитый трагикъ Ник. Хрис. Рыбаковъ; выдавались также Лавровъ и Самсоновъ. Вся труппа состояла изъ 16 исполнителей. Теперь, въ первый же годъ антрепризы Дюкова, составъ труппы увеличился вдвое. Изъ прежнихъ остались выдающійся артистъ В. А. Никитинъ и Лавровъ. Артистъ-чтецъ Павелъ Александровичъ *Никитинъ* пользовался, какъ чтецъ, огромною популярностью въ Харьковѣ. Въ 1854—1855 г.г., когда ему было 19 лѣтъ, онъ впервые выступилъ въ Харьковской труппѣ. Вторично Никитинъ выступалъ въ Харьковѣ въ 1866—1869 г.г. Теперь онъ уже читалъ съ громаднымъ успѣхомъ и стихотворенія; пользовался успѣхомъ и какъ актеръ на амплуа jeune premier'а; особенно же хорошъ онъ былъ въ легкихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Изъ чтеній особеннымъ успѣхомъ у публики пользовались стихотворенія Некрасова, Майкова, Минаева, П. Вейнберга, Беранже и нѣкоторыя произведенія „обличительной" литературы 60-хъ годовъ. Онъ также пѣлъ куплеты (напр., „Фонарики"). До Никитина чтеніе со сцены стихотвореній было явленіемъ исключительнымъ: въ 1-ой половинѣ 40-хъ годовъ Ѳедорова читала „Людмилу"—Жуковскаго; въ 50-хъ годахъ трагикъ Львовъ читалъ одно стихотвореніе Лермонтова, Пронскій—патріотическое стихотвореніе студента П. И. Вейнберга; Лавровъ декламировалъ подъ музыку и при живыхъ картинахъ—„Пиръ Петра Великаго". Въ 1871 году Никитинъ гастролировалъ въ Харьковѣ; пріѣзжалъ и потомъ преимущественно для литературныхъ чтеній [1]). Изъ новыхъ выдѣлялись:—В. И. Виноградовъ, являвшійся украшеніемъ сцены, Н. А. Потѣхинъ; позже въ составъ труппы вошли—драматическій актеръ Любскій, Федорова (впослѣдствіи Аграмова), А. Я. Дрееръ, М. В. Леонтовскій, М. К. Шмитгофъ, В. Л. Людвиговъ (Форкатти), жемчужина Харьковской сцены—Фанни Федоровна Козловская, Стружкинъ, Николинъ, Большаковъ, Л. А. Александрова (Дубровина), М. М. Глѣбова. Въ постановкѣ преобладалъ первое время серьезный образовательный репертуаръ—драмы и комедіи, оригинальныя и переводныя; затѣмъ, конечно, ставились всегда и водевили. Но приглашалась на сезонъ и опера—русская подъ управленіемъ Бергера, давшая 34 спектакля, и итальянская, давшая 78 спектаклей. Затѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ репертуаръ начинаетъ вторгаться и оперетка, получившая было даже преобладающее значеніе, какъ запоздалая мода изъ столицъ.

---

[1]) Н. И. Чернѣева. «Изъ Харьк. театр. старины» („Ю. Кр.", 1896, № 5173).

Главное вниманіе Дирекція тогда должна была обратить на опереточныхъ примадоннъ и артистовъ, а во главѣ этого жанра стоялъ Лентовскій. Ставились и исполнялись оперетки однако чрезвычайно плохо. 14-го ноября 1877 года исполнилось десятилѣтіе антрепренерской дѣятельности Н. Н. Дюкова въ Харьковскомъ Драматическомъ театрѣ—и оно было отпраздновано очень торжественно [1]).

Послѣ сезона П. М. Медвѣдева, державшаго Харьковскій Драматическій театръ по конецъ сезона 1881 г., вдова Н. Н. Дюкова Вѣра Людвиговна, дочь Млотковскаго, вынуждена была обстоятельствами взять на себя антрепризу въ принадлежащемъ ей драматическомъ театрѣ, и держала ее съ 1884 по 1885-й годъ. Въ 1885 г. театръ сняло товарищество драматическихъ артистовъ, организованное тогда М. М. Бородаемъ, въ составъ котораго вошли артисты провинціальныхъ труппъ, подвизавшихся, главнымъ образомъ, въ поволжскихъ городахъ. Товарищество это было однимъ изъ первыхъ по времени и просуществовало въ Харьковѣ, Саратовѣ и Казани семь лѣтъ. Среди дѣятелей этого товарищества выдавались: г-жи Александрова-Дубровина, Соловьева, Романовская, Глѣбова и Свободина-Барышева, г.г. Песоцкій, Соловцовъ, Новиковъ Никиф., Соловьевъ М., Ильинскій, Чужбиновъ.

Въ 1892 году старый театръ Млотковскаго-Дюкова былъ сломанъ и перестроенъ архитекторомъ Михайловскимъ за счетъ наслѣдниковъ Дюкова, затратившихъ на это свыше 75000 руб. Театръ на сезонъ 1893—94 г.г. взялъ артистъ Форкатти, а съ сезона 1894—95 г.г. антрепризу взяла сама владѣлица его Алек. Ник. Дюкова, продержавшая его десять лѣтъ. Это былъ расцвѣтъ Харьковскаго драматическаго театра, въ которомъ играла труппа, нѣсколько лѣтъ не мѣнявшаяся въ своемъ составѣ. Изъ артистокъ и артистовъ этого періода выдѣлялись своими талантами и успѣхомъ въ публикѣ: Днѣпрова и Строева-Сокольская, Глюске-Добровольскій, Лепковскій, Петипа М. М., Самойловъ, Шуваловъ. Драматическій театръ представлялъ, какъ зданіе, частную собственность, земля подъ нимъ была городская. Городское управленіе, чтобы освободить Дюкову отъ лежащихъ на зданіи послѣ перестройки долговъ, пріобрѣло театръ въ 1890 году въ свою собственность [2]).

Въ заключеніе же слѣдуетъ отмѣтить, что Харьковская публика всегда обнаруживала интересъ къ драматическому театру, что театръ въ Харьковѣ привился въ гораздо большей степени, чѣмъ въ другихъ провинціальныхъ городахъ. Это объясняется, конечно, и тѣмъ, что Харьковъ представлялъ изъ себя значительный культурный центръ и съ самаго начала XIX в. былъ университетскимъ городомъ. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, и публика была строже къ репертуару и артистамъ, нежели въ другихъ городахъ, чему способствовали также пріѣзды на гастроли въ Харьковъ почти всѣхъ выдающихся артистовъ, не исключая и міровыхъ: Харьковъ видѣлъ и Ольриджа, и Росси, и Сарру Бернаръ, и Элеонору Дузэ, не говоря уже о Щепкинѣ, Самойловѣ, Савиной и всѣхъ новѣйшихъ.

Гастроли Щепкина въ Харьковѣ имѣли большое воспитательное значеніе не только для публики, но и для артистовъ, значительная часть которыхъ не была ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ. Въ 1845 г. Щепкинъ посѣтилъ Харьковъ въ сопровожденіи Бѣлинскаго и сыгралъ здѣсь нѣсколько спектаклей. Современникъ—Даниловъ—въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что Харьковская публика отнеслась сдержанно къ нему за его игру въ роли серьезно-комической и восторженно за исполненіе роли Чупруна въ „Москалѣ Чаровникѣ“; между тѣмъ, по наблюденію Бѣлинскаго, въ этой роли у него былъ шаржъ, какого онъ не дозволялъ себѣ на столичной сценѣ [3]). Щепкинъ выступалъ въ „Ревизорѣ“, „Женитьбѣ“ „Тяжбѣ“ Гоголя, Скупомъ Мольера, Басняхъ Эзопа и др.; читалъ повѣсть капит. Копѣйкинъ. Въ послѣдній разъ Щепкинъ былъ въ Харьковѣ въ 1850 году [4]).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о малороссійскомъ театрѣ въ Харьковѣ. Малорусскіе спектакли ставились въ Харьковѣ въ теченіе всего XIX столѣтія—со времени появленія безсмертной „Наталки Полтавки“. Да и могло ли быть иначе, когда Харьковъ сдѣлался центромъ украинскаго литературнаго движенія, когда онъ былъ родиною и мѣстомъ литературной дѣятельности Григ. Өед. Квитки-

---

[1]) Свѣдѣнія эти позаимствованы изъ ст. (Устинова)—«Харьковскій драматическій театръ за послѣднія 10 лѣтъ». (Харьк. Губ. Вѣд. 1877, №№ 286-288, 290, 292 и 293; описаніе юбилейнаго спектакля—ib., № 296.

[2]) За сообщеніе данныхъ о судьбѣ Драматическаго театра съ 1880-хъ до 1905-го года приношу благодарность Е. М. Бабецкому.

[3]) Н. И. Черняева. М. С. Щепкинъ. (Ю. Кр. 1895, № 4967).

[4]) Ibidem.

Основьяненка, которому принадлежало нѣсколько малорусскихъ пьесъ! Въ малорусскихъ пьесахъ выступалъ съ огромнымъ успѣхомъ на харьковской сценѣ геніальный Щепкинъ. Имъ же главн. обр. создалъ себѣ славу и знаменитый Соленикъ. Общая реакція, наступившая послѣ эпохи возрожденія 60-хъ годовъ, особенно тяжело отразилась на положеніи малорусской литературы и театра. Тогда съ трудомъ разрѣшались даже любительскіе спектакли и концерты. Въ Елисаветградѣ ихъ ставили М. Л. Кропивницкій и И. К. Карпенко-Карый. Ставились они и въ началѣ 70-хъ годовъ. Но извѣстный указъ 1876 года прекратилъ и ихъ. Въ 1880—1881 гг. повѣяло нѣсколько инымъ духомъ. По иниціативѣ М. Л. Кропивницкаго, бывшаго въ труппѣ г. Ашкаренка въ г. Кременчугѣ, послано было ходатайство о разрѣшеніи украинскихъ спектаклей—и оно было уважено. Послѣ этого, говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ М. Л. Кропивницкій, пригласилъ насъ на 6 спектаклей въ Харьковъ антрепренеръ П. М. Медвѣдевъ, гдѣ мы сдѣлали также полные сборы“. Въ Харьковѣ М. Л. Кропивницкій съ нѣсколькими товарищами отдѣлился отъ труппы Ашкаренка и образовалъ свою спеціальную украинскую труппу. Съ этого времени начинается расцвѣтъ блестящей артистической дѣятельности Марка Лукича, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и *исторія новаго украинскаго театра*. Игралъ М. Л. въ Кіевѣ и Харьковѣ. Въ 1883 г. составилась замѣчательная малорусская труппа М. П. Старицкаго и въ ней М. Л Кропивницкій состоялъ режиссеромъ. Это былъ расцвѣтъ, апогей малорусскаго театра. Въ труппѣ были три брата Тобилевича—Н. К. Садовскій, А. К. Саксаганскій, И. К. Карпенко-Карый, М. К. Заньковецкая, А. П. Затыркевичъ и другіе. Труппа эта играла и въ Харьковѣ. Въ 1885 году она распалась на труппу Старицкаго и Кропивницкаго; и та, и другая играли въ Харьковѣ. Въ 90-хъ годахъ въ Харьковѣ почти всегда бывали малорусскія труппы, нѣкоторыя изъ нихъ играли лѣтомъ, другія зимою. Нерѣдко выступалъ въ нихъ „Батько“ украинскаго театра М. Л. Кропивницкій, а также и другіе корифеи украинской сцены. Малорусскій репертуаръ обогатился цѣлымъ рядомъ произведеній талантливыхъ драматурговъ—И. К. Карпенка-Караго, М. Л. Кропивницкаго, М. П. Старицкаго и др. Но за эпохою расцвѣта наступило затишье, будни. Малорусскій театръ, возбуждавшій прежде энтузіазмъ во всѣхъ уроженцахъ юга, завоевавшій холодный Петербургъ, сохранилъ за собою прочную симпатію только у народной массы и у низшихъ слоевъ городской интеллигенціи, потерявъ ея верхи. Но образовательное значеніе его все же очень велико.

Ознакомившись съ исторіей драматическаго театра, перейдемъ теперь къ оперному и начнемъ съ русской оперы.

Въ первой половинѣ 19 ст. въ Харьковѣ, какъ мы видѣли, драматическая труппа изрѣдка собственными силами ставила и оперы. Нельзя сказать, чтобы всѣ участвующіе обладали голосами и музыкальнымъ образованіемъ; это не мѣшало однако дѣлу; трагики, комики, резонеры „по нуждѣ“ обращались въ басовъ, баритоновъ и теноровъ и послѣ нѣсколькихъ репетицій распѣвали цѣлыя оперы; публика относилась снисходительно къ тому, если вмѣсто пѣнія ей приходилось слышать ревъ, крикъ и визгъ. Во II-ой половинѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ оперы ставились подъ руководствомъ Млотковскаго, который самъ выступалъ въ качествѣ баритона. Выступалъ также и „злодѣй“ Микульскій.—„Его злодѣйство выражалось рыжимъ парикомъ, а теноръ фистулой“, какъ писалъ о немъ „Кіевлянинъ“. Изъ отчета о спектакляхъ 40-года мы видимъ, что въ теченіе года было поставлено всего 8 оперъ; любопытны ихъ заглавія: „Каменщикъ или великодушный освободитель“, „Нѣмой въ горахъ Сіерры Морены, или таинственный нищій“ „Леста, Днѣпровская Русалка“ и т. д. Въ августѣ 1841 г. было дано первое дѣйствіе изъ „Жизнь за царя“: Въ театральныхъ замѣткахъ того времени говорится, что публика благоволитъ особенно къ кровавымъ операмъ и необычайнымъ постановкамъ. Изъ пѣвцовъ и пѣвицъ по профессіи извѣстны тогда только двое Бебинъ и Львова, которая пѣла русскія пѣсни „съ воодушевленіемъ и чувствомъ народности“ по выраженію рецензентовъ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ оперы почти не давались. Это видно изъ того, что когда была поставлена „Аскольдова могила“ „наскоро выписанной труппой“ харьковскіе театралы восклицали: „читаемъ афишу и не вѣримъ своимъ глазамъ: въ X. опера! Не сонъ ли это?... Опера у насъ такая рѣдкость. „Аскольдова могила прошла при полномъ сборѣ, причемъ одна изъ исполнительницъ „очаровала публику“ своимъ „нѣжнымъ и милымъ“ голосомъ, теноръ же поминутно вызывалъ взрывы апплодисментовъ своей „живой и естественной игрой“ и голосомъ, въ которомъ было много „доходящихъ до глубины души звуковъ“.

Въ 40-хъ годахъ оперы ставились довольно часто; очень большое вниманіе обращалось при этомъ на постановку, такъ какъ публика требовала всего чудеснаго, необыкновеннаго, всѣ съ трепетомъ слѣдили за тѣмъ, какъ „озеро затопитъ всю сцену“ или какъ „чудовище обхватитъ гигантскими лапами лицъ, наполняющихъ сцену“. Въ соотвѣтствующемъ стилѣ и выпускались афиши; писали напримѣръ: будетъ поставлена большая волшебная опера въ 4 дѣйствіяхъ „Илья Богатырь и Соловей разбойникъ Муромскихъ лѣсовъ“, съ хорами, полетами, машинами, чудовищами, превращеніями, сраженіями и декораціями, изображающими утесы, которые превращаются въ пропасти, подземную галлерею въ восточномъ вкусѣ, лѣсъ, гнѣздо Соловья Разбойника на 12-ти дубахъ!!! и т. д.

Съ 1845 г. на Харьковскую сцену поступилъ юный теноръ *Леоновъ*; онъ сдѣлался любимцемъ публики и исполнялъ романсы въ антрактахъ. Оперы стали ставиться чаще. Но какъ? Онѣ не могли удовлетворить и рецензентовъ того времени; одинъ изъ нихъ пишетъ: „О мода“! у насъ нѣтъ итальянской оперы, мы не можемъ по столичному восхищаться италіанскими руладами, но слѣдуя рабски той же модѣ, мы слушаемъ жалкую провинціальную оперу и даже готовы восхищаться ею... О снисходительная публика, о рѣшительная бенефиціантка, такъ смѣло схватившая за волосы Цампу! Разбойникъ Цампа не существуетъ! Да и что долго толковать съ такимъ мошенникомъ! „Та же участь постигла и несчастнаго Стрѣлка“ (подразумѣвается опера „Фрейшюцъ“).

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ продолжали „ломаться“ (по выраженію театрала того времени) оперы, „съ измѣненными партіями голосовъ“.

Но однажды провалилась опера „Чертова мельница“; ей не помогли нарисованные на афишѣ 33 черта, очевидно требованія немного повысились. Но все же бенефиціанты прибѣгали къ операмъ, чтобы получить полный сборъ. Съ 1864 г. по 1871 г. въ Харьковѣ ежегодно появлялись итальянскія оперныя труппы; съ тѣхъ поръ Харьковскіе актеры не такъ рѣшительно принимались за пѣніе, но все же при случаѣ ставили и оперу. Въ публикѣ чувствовалась потребность въ русской оперѣ и ее принимали радушно. Весной 1868 г. антрепренеръ Харьковского театра Дюковъ выписалъ изъ Кіева русскую оперную труппу Бергера, которая и дала 39 представленій.

Это была первая русская оперная труппа въ Харьковѣ, она поставила „Жизнь за царя“ Глинки которая имѣла сильный успѣхъ и выдержала 9 представленій. „Волшебный стрѣлокъ“ Вебера также имѣлъ большой успѣхъ. Дирижеромъ у Бергера былъ популярный авторъ оперы „Параша“ и множества русскихъ романсовъ—Вильбоа; примадонной—сопрано Фабіана Біанки, бывшая примадонна Императорской оперы, контральто Михайловская, окончившая Петербургскую консерваторію, теноръ, баритонъ и басъ. Вотъ и вся труппа. Одинъ рецензентъ справедливо боялся, что въ случаѣ болѣзни какого-либо изъ 5-ти артистовъ можетъ совсѣмъ разстроиться спектакль. Хоры онъ очень хвалилъ. Первые спектакли этой труппы привлекли массу публики, но можно думать, что въ концѣ концовъ дирекція театра крупной прибыли не получила, такъ какъ вплоть до 1874 г. до Бергера, который выстроилъ оперный театръ и организовалъ русскую оперу подобныхъ попытокъ совсѣмъ не было. Въ 1868—9 и 1871 гг. снова пріѣзжала итальянская опера; русскіе же оперные спектакли устраивались чрезвычайно рѣдко, въ теченіе 6-ти лѣтъ ихъ было всего лишь 3. Публика сдѣлалась болѣе взыскательной; однажды она даже освистала Вильбоа, который при помощи мѣстныхъ силъ пытался поставить 4-й актъ „Жизнь за царя“. Онъ хрипѣлъ, кричалъ, и вдобавокъ ваикался.

Въ 1873 г., послѣ того, какъ публика въ теченіе 2-хъ лѣтъ не слышала ни одной оперы, у одного изъ актеровъ явилась мысль „сорвать полный сборъ“ при помощи „Аскольдовой могилы“; его надежды оправдались и несмотря на то, что ее „не пѣли, а напѣвали“, еще и безголосые артисты и артистки, она дала 4 полныхъ сбора.

Такимъ образомъ, только съ 1874 г. въ Харьковѣ появляется и окончательно утверждается *русская опера*.

Обращаемся теперь къ судьбѣ итальянской оперы. Съ августа 1844 г. до начала 1845 г. въ Харьковѣ давала представленія польская труппа Вильгельма фонъ Шмидтгофа. У него сначала была нѣмецкая труппа, а затѣмъ онъ во время скитаній по Западному краю онъ подобралъ себѣ польскую труппу. Самъ Шмидтгофъ былъ хорошъ въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ, и въ операхъ. Дочь же его Евва имѣла всегда бурный успѣхъ: ее встрѣчали и провожали апплодисментами, забрасывали букетами, и она объѣздила съ труппой своего отца всю Россію. Въ Харьковѣ труппа Шмидтгофа давала только оперы. Польскій языкъ

не помѣшалъ ея успѣхамъ, т. е. въ Харьковѣ въ сороковыхъ годахъ польскій элементъ игралъ видную роль; въ университетѣ училось много поляковъ-студентовъ, были и литераторы поляки и польское общество. Харьковскій корреспондентъ хвалилъ Шмидтгофа за „живую игру", и за „прекрасную манеру пѣнія", но замѣчаетъ, что онъ уже утратилъ свой голосъ. Дочь же его привела корреспондента въ восхищеніе. Литераторъ Гребенка разсказываетъ о томъ, съ какимъ трудомъ онъ досталъ себѣ билетъ; насталъ вечеръ, пишетъ онъ, театръ наполнился елико возможно зрителями, освѣтился стеариновыми свѣчами, а музыка заиграла увертюру безъ грома, стука, треска и прочихъ ужасовъ,—но ровно, чисто и пріятно... Оперу труппа исполнила также очень порядочно. Хоровъ, повидимому, не было, оркестръ же Шмидтгофъ возилъ свой собственный. Благодаря Шмидтгофу произошло въ Х. также „возрожденіе ораторіи". Передъ своимъ отъѣздомъ Ш. со своей труппой и многими Харьк. артистами и пѣвцами исполнилъ седьмую симфонію и ораторію „Христосъ на Масличной горѣ" Бетховена. Дочь Шмидтгофа 6 лѣтъ спустя выступала съ успѣхомъ уже въ качествѣ драматич. артистки, а затѣмъ попала на Московскую сцену. Весной 1847 г. Харьковъ посѣтила странствующая итальянская труппа Виллы и Барбіери. Несмотря на похвалы рецензента и удовлетворительную постановку, театръ бывалъ почти пустъ „2—3 ложи въ каждомъ ярусѣ, 20—30 человѣкъ въ театрѣ—вотъ и все". Тотъ же рецензентъ, ища причинъ столь „обиднаго равнодушія", пишетъ: „особенный, принадлежащій партеру, классъ публики ищетъ занимательности въ содержаніи пьесы, чаще въ фарсахъ актеровъ; слѣдовательно итальянскаго текста оперы достаточно, чтобы уничтожить для этой публики всякій интересъ спектакля". Кромѣ того сильно затрудняло незнакомство съ итальянскимъ языкомъ: „печатаютъ по-русски, что будетъ данъ „Севильскій цирюльникъ", а между тѣмъ прійдешь въ театръ и слышишь пѣніе на такомъ языкѣ, изъ котораго не поймешь ни слова". Кромѣ того, можно думать, что вліяніе столицы Петербурга также сыграло извѣстную роль; въ 1847 г. послѣ отъѣзда Віардо и Рубини итальянская опера не пользовалась популярностью въ Петербургѣ, а настроеніе столицы отзывалось и въ Харьковѣ. Въ Тифлисѣ объ этомъ составѣ труппы были хорошіе отзывы. Хотя, вѣроятно, оркестра своего у него не было, хоры же фигурировали на харьковской сценѣ вѣроятно, такъ же, какъ и на тифлисской „болѣе для зрѣнія, чѣмъ для слуха". Въ августѣ того же года труппа покинула Харьковъ. Такимъ образомъ, первый пріѣздъ итальянской оперы оказался неудачнымъ.

Слѣдующій пріѣздъ итальянцевъ 3 года спустя оказался значительно болѣе удачнымъ. Лѣтомъ 1850 г. пріѣхала труппа Неватовича, состоявшая изъ нѣсколькихъ артистовъ, артистокъ С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, она дала 10 представленій, причемъ цѣны даже абонементныя были повышены". Вмѣсто 2-хъ рублей, какъ обыкновенно, кресло I-го ряда стоило 3 рубля и т. д. Итальянская опера въ это время вошла снова въ моду въ Петербургѣ; итальянская труппа, путешествующая по Россіи, всюду имѣла успѣхъ: особенно сильное впечатлѣніе производила примадонна *Корбари*, которая, по выраженію рецензента, „съ ума сводила" нашихъ добрыхъ провинціаловъ. Губернскіе львы устраивали въ ея честь овація, искали случаи свести съ ней знакомство и получить отъ нея какой-нибудь сувенирикъ. Можно думать, что въ Харьковѣ труппа пользовалась такимъ же успѣхомъ, прямыхъ указаній—на это нѣтъ. Черезъ 7 лѣтъ, осенью 1857 г., въ Харьковѣ снова появилась итальянская оперная труппа, изъ бывшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ одесской италіанской оперы. Ея составъ былъ очень не великъ, такъ что они ставили лишь отрывки изъ оперъ. Въ концѣ 1858 г. та же труппа, но въ данномъ составѣ снова посѣтила Харьковъ, подъ дирекціей *Бергера*. Она встрѣтила радушный пріемъ: „Въ первое же представленіе театръ былъ биткомъ набитъ": сначала „не успѣвшіе всмотрѣться и вслушаться въ исполненіе пьесы, другіе изъ-за того только, чтобы показать всѣмъ, что и мы дескать, умѣемъ понимать вещи, иные же наперекоръ большинству позволяли себѣ нѣсколько разъ шикать среди общихъ рукоплесканій, но, потомъ, увлекшись общимъ сочувствіемъ, въ числѣ прочихъ и они рукоплескали артистамъ. Вся пьеса прошла съ успѣхомъ, какого только можно ожидать отъ странствующей труппы". Итальянскій текстъ больше не служилъ препятствіемъ, такъ какъ въ кассѣ продавались либретто оперъ. Одинъ изъ крупныхъ артистовъ этой труппы Бергера теноръ *Финокки* не уѣхалъ изъ Харькова, а остался здѣсь и сталъ давать уроки. Остальная же труппа продолжала свои артистическія странствованія и послѣ Харькова. Такимъ образомъ, съ 1847 года по 1864 годъ итальянская опера появляется въ Харьковѣ лишь изрѣдка черезъ 3—4 года. Въ 1864 г. она утверждается въ Харьковѣ окончательно и вплоть до 1871 г., т. е. въ продолженіе 5-ти лѣтъ даетъ здѣсь представленія ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (за исключеніемъ

1870 года). Дирекція театра платила оперной труппѣ всего лишь 225 р. за каждый спектакль, „всего же уплатила 11 тысячъ рублей, изъ чего видно, что всего было 44 спектакля, причемъ опера ставилась 3—4 раза въ недѣлю. Въ остальные дни играла драматическая труппа. „Вѣсть о пріѣздѣ италіанцевъ“ писалъ корреспондентъ Любинъ, „быстро разнеслась по Харькову и, если не пробудила умовъ, то развязала языки въ вѣчно сонномъ городѣ... Вездѣ и всѣ заговорили объ итальянской оперѣ.. Городъ ожилъ, принялъ праздничный видъ: кареты, коляски и дрожки безпрестанно останавливались у театральнаго подъѣзда. Наконецъ, афиши возвѣстили оперу Верди „Эрнани“. Билетовъ на ложи нельзя было достать уже за 2 дня до представленія. Въ первый спектакль итальянской оперы театръ былъ набитъ сверху до низу. Мѣстная quasi—аристократическая публика для отличія отъ плебеевъ и изъ подражанія высшему петербургскому кругу, явилась въ театръ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ первомъ ряду креслъ сидѣли сильные міра сего—диллетанты. Въ числѣ послѣднихъ мы замѣтили довольно престарѣлаго господина вѣроятно не маленькаго чина; усѣлся показать свое знаніе музыки, и закидывалъ голову назадъ и билъ тактъ рукой, а въ мѣстахъ, которыя задѣвали за живое его старческое сердце, онъ, подобно коту, у котораго чешутъ за ухомъ, закрывалъ глаза и, протянувъ ноги, замиралъ отъ упоенія“... Репертуаръ итальянской труппы состоялъ изъ 12-ти оперъ. На первыхъ представленіяхъ каждой изъ оперъ, несмотря на удвоенныя цѣны, театръ былъ половъ, но затѣмъ сборы сильно уменьшились, посчастливилось только оперѣ „Трубадуръ“: она шла 6 разъ и постоянно съ полными сборами. „Большая часть бель-этажа и бенуара была абонирована. Въ 3-ій ярусъ ѣздили по складчинѣ семейства небогатыхъ чиновниковъ. Купечество почти не посѣщало оперы. Большинство ѣздило не слушать, а *смотрѣть* оперу“... У антрепренера Серматеи не было своего оркестра, поэтому Харьковскій театръ, далеко не полный, долженъ былъ въ короткій срокъ разучить почти дюжину оперъ, на каждую пришлось лишь шесть—семь дней. „Зато не разъ случалось, что труба во время общей паузы, ни съ того, ни съ сего хватитъ вдругъ на весь театръ, и въ ту же минуту замолчитъ, какъ-бы испугавшись своей собственной храбрости“. Вдобавокъ Серматтеи привезъ своего дирижера, который, не зная ни слова по-русски, не могъ совладать съ мѣстными музыкантами и во время спектакля неистово стучалъ своей палочкой по пюпитру, выходилъ изъ себя, показывался между кулисами, подскакивалъ и дѣлалъ преуморительныя гримасы“. Хоры по отзывамъ были также очень и очень слабы; „мужской хоръ состоялъ изъ 7—8-ми хористовъ, изъ которыхъ одинъ, къ удовольствію райка, немилосердно хромалъ, что возбуждало въ публикѣ смѣхъ, особенно когда хромоногій пѣвецъ облекался въ костюмъ рыцаря. Въ женскомъ хорѣ являлось обыкновенно 5 италіанокъ, сумма ихъ лѣтъ превышала 200. По этому можно составить понятіе о свѣжести голосовъ женскаго хора“.—Особеннымъ успѣхомъ у публики пользовалась mezzo-soprano *Ноэль-Гвида* и *Наталини* нѣчто среднее между soprano и контральто. Въ 1865 г. итальянская опера пробыла въ Харьковѣ часть весны и часть лѣта съ 9-го апрѣля по 20 іюня, причемъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ былъ данъ 41 спектакль. За это время было поставлено 13 оперъ (одна—Беллини, 3 оперы Доницетти, семь оперъ Верди, и т. д.). Въ 1866 г. за 2½ мѣсяца итальянцы дали 57 спектаклей, играя по большей части ежедневно, чего не было въ прошлые года. Оперъ было поставлено значительно больше—21. Были поставлены изъ нешедшихъ въ предыдущіе годы—„Отелло“ Россини, „Сомнамбула“ и „Пуритане“—Беллини, Линда де-Шамуни и Донъ Пасквале—Доницетти и другіе; всего 10 оперъ. Въ осенній и зимній сезонъ 1866—7 г. (съ 1-го сентября 1866 г. по 26 февраля 67 г.), было поставлено 74 спектакля: изъ новыхъ оперъ шли Робертъ-Дьяволъ—Мейербера, Еврейка—Галеви и Аральдо. Весной 1867 г. спектакли снова возобновились и давались почти ежедневно съ 19 апрѣля по 26 и съ 5-го іюня по 5-ое іюля (всего 33 спектакля). Всего было поставлено за это время 15 оперъ, но изъ нихъ ни одной новой. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались сопрано *Зангери* и *Беллати*, кромѣ нихъ сопрано *Корана* и *Моро*. Осенью 1868—9 года итальянская опера послѣ полуторагодового промежутка появилась въ Харьковѣ. Было дано за 5 мѣсяцевъ 75 спектаклей, но большей частью черезъ день, чередуясь съ драмой. Было поставлено 5 новыхъ оперъ. Украшеніемъ оперы считалась сопрано *Бозма*, басъ *Кроти*, теноръ *Франкини* и басъ *Розони*. Эту труппу содержалъ не Серматтеи, а нѣсколько импрессаріо. Весной 1869 г. спектакли продолжались лишь нѣсколько дней, но и эти 10 спектаклей не имѣли никакого успѣха: два изъ нихъ было отмѣнено за отсутствіемъ публики. Слѣдующій пріѣздъ оперы былъ въ 1871 году, на Святой. Было поставлено лишь 7 оперъ, среди нихъ совсѣмъ новая для Харькова „Послѣдніе дни Помпеи“. Въ томъ же

году пріѣзжали итальянцы и въ концѣ года, но тоже неудачно. Публика все болѣе и болѣе охладѣвала къ италіанской оперѣ, и 5 лѣтъ италіанцы не посѣщали Харьковъ. Только въ 1876 г. прибыла въ Харьковъ таганрогская труппа съ сопрано Вератти, имѣвшей хорошій голосъ. Опера „Гета", написанная концертмейстеромъ оркестра была принята очень радушно, но спектакли проходили при пустомъ залѣ. Итальянцы уѣхали и не появлялись вплоть до половины 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ, золотымъ вѣкомъ итальянской оперы въ Харьковѣ можно назвать время съ 1864—1871 г.г., когда опера почти не покидала Харьковъ.

Балетъ, существовавшій въ Харьковѣ въ 18 вѣкѣ, въ началѣ 19 ст. проявляется такъ: между 1811—14 г. цыгане и цыганки составляли «главное украшеніе» театра: «съ гитарой въ рукахъ, они то плавно изгибались подъ дикіе напѣвы, то какъ буря, носились по сценѣ». Кромѣ того, въ 1816 г. студенты составили балетъ и «танцовали прекрасно на своемъ домовомъ театрѣ». На сценѣ балеты появились въ томъ же году благодаря содержателю театра нѣмцу *Штейну*. Онъ набралъ крѣпостныхъ подростковъ, обучалъ ихъ въ теченіе мѣсяца «граціозностямъ и позамъ» и сталъ ставить спектакли-балеты своего сочиненія. Но вскорѣ помѣщикъ, которому принадлежали мальчики и дѣвочки балетной труппы, продалъ ее одному орловскому помѣщику. Но Штейнъ не унывалъ и продолжалъ ставить балеты. Въ одномъ изъ этихъ балетовъ Штейнъ убѣдилъ участвовать извѣстнаго артиста Щепкина; но тутъ произошелъ комическій эпизодъ: Щепкинъ до такой степени вошелъ въ роль защитника крѣпости, что его съ громадными усиліями заставили ее покинуть. Харьковская публика, повидимому любила балетъ, находила его балетную труппу «недурно сформированной».

Танцовщицъ Штейнъ держалъ строго почти въ полномъ затворничествѣ. Кромѣ Штейна иногда давала балеты труппа помѣщика Хорвата. Во время антрепренерства Млотковскаго (отъ II-й половины 30-хъ г. и начала 40-хъ) нѣчто вродѣ балета существовало при театрѣ. Было двѣ балетмейстерши, которымъ было дано по 12-ти (отъ 7—12 лѣтъ) танцорокъ. Послѣднія не получали никакого жалованья. Ихъ учили танцамъ, пѣнію и декламаціи. Иногда они ставили дѣтскіе спектакли, иногда же участвовали въ небольшихъ балетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи остались на Харьковской сценѣ и послѣ ухода Млотковскаго. Въ 1841—42 г. пріѣзжали 2 испанскихъ танцовщицы; онѣ имѣли большой успѣхъ. Послѣ Млотковскаго, заведенная имъ школа была распущена. Танцы бывали только въ антрактахъ. Иногда выступали въ нихъ и артистки, впрочемъ, не очень удачно: «На это ремесло», замѣчаетъ корреспондентъ о русской пляскѣ одной изъ артистокъ, «находятся у насъ танцорки, хотя и незавидныя, но на нихъ все же пріятнѣе смотрѣть, чѣмъ на драматическую артистку съ сердитымъ взглядомъ, крѣпостной физіономіей, не подъ тактъ вырабатывающей ногами разные вычуры». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ замѣчаетъ: «г-жа Ленская была въ кучерскомъ кафтанѣ и въ прочемъ, должно быть, тоже кучерскомъ. Трудно себѣ представить что-либо неприличнѣе манеры, съ какой гарцуетъ г-жа Л., этой припляски. Хохочетъ, ломается, и вмѣстѣ съ тѣмъ конфузится». Въ 1845 году съ громаднымъ успѣхомъ выступала пріѣзжая танцовщица Адель. Зрители и критикъ были отъ нея въ восторгѣ. Легкость танца и гибкость стана очаровываютъ зрителя. Старикъ забываетъ сѣдины и дѣлается юношей, юноша даетъ свободу своему разгоряченному воображенію, чувства всѣхъ сливаются въ общій восторгъ. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ въ Харьковѣ былъ цѣлый рядъ гастролей и балетныхъ артистовъ и цѣлыхъ труппъ. Въ зимній сезонъ 1848—9 года въ Харьковѣ танцовало артистическое семейство Богдановыхъ; они ставили цѣлый рядъ спектаклей. Украшеніемъ труппы была «Надежда Константиновна» или «Надина», какъ ее называли мѣстные театралы. Она дѣйствительно была выдающейся артисткой, съ большимъ успѣхомъ выступала заграницей. Въ ея лицѣ Харьковъ впервые увидѣлъ выдающуюся танцовщицу. Во время гастролей Богдановыхъ многимъ Харьковскимъ артистамъ и даже хору приходилось учавствовать въ балетахъ.

Въ осенній и зимній сезоны 1851—2 года въ Харьковъ прибыла труппа балета балетмейстера Варшавскаго театра Мориса Піона. Въ ней было 12 человѣкъ и при помощи 5—6 танцовщицъ Харьковскаго театра она могла ставить безъ пропусковъ незатѣйливые балеты. Всего чаще шелъ балетъ «Крестьянская Свадьба». Тутъ были и польскія пляски, и напѣвы, и одежда, и нравы. Этотъ балетъ казался харьковцамъ «увлекательнымъ»; но интересъ къ польскому балету длился недолго и потомъ труппѣ приходилось даже отмѣнять спектакли по недостатку сбора. На ярмаркѣ 1852 г. гастролировала въ Харьковѣ петербургская танцовщица *Смирнова*. Въ 1854 г. гастролировала извѣстная тогда петербургская балерина *Андреянова*

Она славилась хорошимъ исполненіемъ характерныхъ танцевъ и большимъ мимическимъ талантомъ. Мѣстныя Губернскія Вѣдомости не находили словъ для восхваленія Андреяновой. Первую недѣлю своего пребыванія она привлекала множество зрителей, но какъ пошло дальше остается неизвѣстнымъ. Съ 1851 до 1858 года въ Харьковѣ такимъ образомъ не было постоянной балетной труппы, въ 1858 году появляется постоянная балетная труппа, въ которой отличалась *Царева*; она давала балеты въ теченіе 3-хъ лѣтъ до 1861 г. Во II половинѣ 1860 г. упоминается о танцахъ московскихъ цыганъ, но они были столь «отвратительны», по выраженію рецензента, что разогнали всю публику. Съ 1861 г. на харьковской сценѣ начало понемногу водворяться канканное направленіе, расцвѣтъ котораго наступилъ въ концѣ 60-хъ и I-й половины 70-хъ годовъ. Въ 1865—6 году при харьковскомъ театрѣ была балетная труппа подъ управленіемъ вѣнскаго балетмейстера Онфермана. Въ заключеніе балетовъ ставился обыкновенно канканъ. Балетмейстеръ пользовался популярностью, онъ обучалъ не только балеринъ, но и давалъ «уроки высшаго танцованія и правилъ граціозныхъ тѣлодвиженій» всѣмъ желающимъ. Въ послѣдующіе года, когда не бывало ни балета, ни отдѣльныхъ танцовщицъ, канканировали сами артистки и не безъ успѣха.

Въ концѣ 70-хъ годовъ балеты начали ставиться, за рѣдкими исключеніями, при лѣтнихъ садахъ— Ливадіи и Шато-де-Флорѣ, причемъ тамъ принимали участіе и харьковскіе артистки и артисты. Лишь изрѣдка въ заключеніе акта ставились одноактные балеты; но рецензенты стали относиться къ нимъ значительно строже. Послѣ 1886 г. слѣдуетъ отмѣтить только гастроли варшавской балетной труппы Луковича въ оперномъ театрѣ. Балеты начали отходить все болѣе и болѣе на послѣдній планъ, вскорѣ и перешли отчасти въ оперетку.

Обращаемся теперь къ исторіи русской оперы съ 70 года до нашихъ дней. Зданіе для оперная театра было сооружено на углу Екатеринославской улицы и Лопанской набережной, на пустопорожнемъ мѣстѣ наслѣдниковъ Замятина военнымъ врачемъ Пащенко, увлекавшимся оперным искусствомъ еще студентомъ. Пащенко получилъ крупное наслѣдство и въ 1873 году приступилъ къ сооруженію деревяннаго четырехъ-яруснаго театра, разрѣшеннаго на пять лѣтъ въ виду непрочности. Какъ Бергеръ, такъ и Пащенко не выдержали долго равнодушія массъ и послѣ большихъ потерь оставили антрепризу. Бергеръ умеръ вскорѣ, совершенно разоренный, а Пащенко, объявленный несостоятельнымъ должникомъ, уѣхалъ служить куда-то врачемъ, передавъ конкурсу театральное свое имущество и эксплоатацію театра. Послѣ Пащенко былъ перерывъ въ дѣятельности Харьковской оперы и въ театрѣ, посившемъ названіе „оперная“, подвизалась драматическая труппа Н. И. Новикова. Въ Харьковѣ было тогда два драматическихъ театра. Въ труппахъ Бергера и Пащенко выдвинулись пѣвицы Меньшикова и Велинская, пѣвцы Орловъ и Фюреръ, также Палечекъ, перешедшіе послѣ того на сцену Императорской оперы въ Москву и Петербургъ. Болѣе устойчивый характеръ нашла опера получила со времени антрепризы артиста Раппорта, снявшаго театръ на три года. Этотъ періодъ былъ расцвѣтомъ Харьковской русской оперы и по общему ансамблю, и по выдающимся отдѣльнымъ силамъ, изъ коихъ нѣкоторыя впослѣдствіи сдѣлали даже карьеру на европейскихъ сценахъ. Вотъ имена артистокъ и артистовъ тѣхъ сезоновъ: Павловская, Крутикова, Пускова, Абрасси-Борисова, Ляровъ, Борисовъ, Васильевъ, самъ Раппортъ, капельмейстеръ Геккель. Славился тогда оркестръ Харьковской оперы, состоявшій главнымъ образомъ изъ крѣпостныхъ нѣкогда музыкантовъ мѣстныхъ помѣщиковъ и итальянцевъ привезеннаго Дюковымъ оркестра Гаэтано Гарсіа изъ Константинополя. Послѣ блестящаго сезона (третьяго), давшаго Раппорту заработокъ въ 30 тыс. р., Раппортъ отказался дальше вести дѣло. Оперу взялъ Казанскій антрепренеръ П. М. Медвѣдевъ, извѣстный драматическій артистъ и антрепренеръ, снявшій также и драму въ Дюковскомъ театрѣ. Въ операхъ выдѣлялись тогда: Кадмина, трагически погибшая въ 1881 г., Святловская, Фредерричи и теноръ Богатыревъ, служилъ также Борисовъ. Послѣ П. Медвѣдева оперу держалъ прис. пов. А. Б. Пальчинскій, музыкантъ-диллетантъ и критикъ, передавшій антрепризу на слѣдующій сезонъ очень талантливому артисту своей труппы тенору М. Е. Медвѣдеву, создавшему тогда одну изъ лучшихъ въ провинціи оперъ. Кромѣ самого Медвѣдева, выдѣлялись тогда пѣвцы: Богатыревъ, Борисоглѣбскій, Ляровъ, пѣвицы: Рафаэль-Махвицъ, Силина, капельмейстеръ Эммануэль. Три года дѣятельности Медвѣдева кончились тоже матеріальнымъ крахомъ и вотъ въ 1884 г. оперу и драму взяли въ свои руки вступившіе въ компанію между собою Богатыревъ и Андреевъ Бурлакъ. Дѣло не было доведено до конца, такъ какъ въ первый же мѣсяцъ начался развалъ изъ-за денежныхъ разсчетовъ. Это былъ послѣдній моментъ существованія русской

оперы въ зданіи Пащенко. Закончила сезонъ итальянская опера. Съ 1886 по 1891 г. постоянной оперы въ Харьковѣ не было. Пащенковскій театръ былъ, наконецъ, сломанъ, какъ признанный опаснымъ въ отношеніи своей прочности. Въ этотъ промежутокъ въ Харьковъ пріѣзжала три раза весной русская опера изъ Кіева и Тифлиса подъ управленіемъ Прянишникова. Въ 1891 году антрепренеръ Виленскаго казеннаго театра Картановъ снялъ перестроенный подъ оперный театръ залъ Коммерческаго клуба и, такимъ образомъ, реставрировалъ Харьковскую русскую оперу. Дѣло было поставлено образцово. Выдѣлялись тогда главнымъ образомъ хоры и оркестръ, во главѣ которыхъ стояли Коваллини и Сукъ, а также обстановка. Изъ артистовъ выдѣлялись: Тамарова, Брыкинъ, Ершовъ. Въ 1895 г. лѣтомъ Картановъ скончался скоропостижно и антреприза перешла въ руки кн. Церетелли и Эспозито. Въ 1886 г. Ком. клубъ построилъ въ своемъ саду деревянный театръ и въ немъ открылъ сезонъ русско-итальянской оперы извѣстный меценатъ Савва Ивановичъ Мамонтовъ. Тогда впервые была поставлена здѣсь „Снѣгурочка“ Римскаго-Корсакова.

Глава 24-я.

Искусство.

Г. Харьковъ въ области искусства сравнительно съ другими проявленіями своей культурной жизни въ теченіе второй половины XIX вѣка мало подвинулся впередъ. Мы знаемъ уже, что въ XVIII вѣкѣ въ немъ было училище, гдѣ довольно высоко стояло преподаваніе искусствъ, а въ началѣ XX вѣка онъ не имѣлъ у себя даже правильно поставленной художественной школы рисованія, живописи. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ музыкой; но и здѣсь Харьковъ пока не далъ первостепенныхъ музыкантовъ—композиторовъ, исполнителей и даже пѣвцовъ. Объ архитектурѣ и ваяніи нечего и говорить. Однимъ словомъ, это та сторона мѣстной жизни, которая далеко уступаетъ научной, образовательной, общественно-просвѣтительной, газетной, театральной; она столь же слаба, какъ и художественно-литературная струя въ настоящее время. И это тѣмъ болѣе странно, что малорусской народности, составлявшей всегда основную стихію въ мѣстномъ харьковскомъ и особенно сельскомъ населеніи, съ полнымъ основаніемъ приписывались и стремленіе къ художественности, и художественные таланты. Объ этомъ громко говорятъ и историческія свидѣтельства и самые памятники этого художества, нашедшіе выраженіе и въ области музыки, особенно пѣсенной народной и церковной, и въ живописи, и въ архитектурѣ. Да и какъ говорить объ отсутствіи выдающихся талантовъ у той народности, которая спеціально доставляла основной контингентъ пѣвцовъ въ придворную пѣвческую капеллу, создала народныхъ рапсодовъ—слѣпыхъ кобзарей и лириковъ и выдвинула въ послѣднее время изъ нѣдръ народа вождя новаго русскаго искусства И. Е. Рѣпина?

В. Пассекъ, характеризуя населеніе Харьковской губ. въ началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка, говоритъ: „художественныхъ способностей въ простомъ народѣ столько, голоса такъ чисты и звонки, ухо и глазъ такъ вѣрны, что многіе самоучкою поютъ прекрасно, играютъ на разныхъ инструментахъ и безъ всякихъ пособій искусства отлично рисуютъ“. Припомнимъ кстати и того знаменитаго Квиткинскаго маляра изъ народа (Солдатскій портретъ), который нарисовалъ такъ живо кобылу, а потомъ солдата, что всѣ принимали ихъ за живыхъ. Интересно, что и въ области искусствъ многое связано въ Харьковѣ съ университетомъ, а незабвенный В. Н. Каразинъ въ своемъ „Предначертаніи о Харьковскомъ университетѣ“ проектировалъ устройство при немъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно должно быть посвящено художествамъ—„пріятнымъ искусствамъ“. Здѣсь должны были преподаваться *рисованіе, музыка, танцы*, фехтованье и верховая ѣзда, а другое—*гражданскихъ искусствъ*—должно было готовить гражданскихъ архитекторовъ и инженеровъ [1]). Къ сожалѣнію, мечта В. Н. Каразина о высшемъ художественномъ училищѣ въ Харьковѣ не осуществилась доселѣ, но по уставу 1804 года въ Харьковскомъ университетѣ все же введено было преподаваніе пріятныхъ искусствъ (рисованія, гравированія, музыки и танцевъ). „При отсутствіи въ Харьковѣ весьма долгое время спеціальныхъ школъ по этимъ предметамъ,—говоритъ Е. К. Рѣдинъ,—преподаваніе ихъ въ университетѣ сыграло большую высокополезную роль не только для обучающагося юношества, но и *для мѣстнаго общества*, мѣстнаго края; учителя университета преподавали тѣ же искусства въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ домахъ; они же, какъ, напримѣръ, учителя музыки, пропагандировали классическую музыку въ Харьковѣ—устройствомъ концертовъ; вообще благотворная роль ихъ въ развитіи эстетическаго вкуса учащихся и отчасти мѣстнаго общества несомнѣнна [2])“.

Первымъ преподавателемъ рисованія въ университетѣ былъ нѣмецъ изъ Гамбурга Яковъ Николаевичъ *Матесъ*. Онъ былъ прекрасный рисовальщикъ и исполнилъ рядъ работъ и для самого университета:

---

[1]) Соч., письма и бум. В. Н. Каразина, собр. и ред. Д. И. Багалѣемъ. Х. 1810, стр. 524—525.

[2]) Ист. физ. фак. Харьк. унив., стр. 370.

онъ нарисовалъ картины для Атласа Биберштейна, онъ нарисовалъ аллегорическую картину для торжества открытія университета въ 1804 году, изобразивъ въ ней Императора Александра I-го и Аполлона; онъ изобразилъ и другую аллегорическую картину по поводу окончанія войны съ Наполеономъ. Авг. Өед. *Шепфлинъ* преподавалъ студентамъ спеціально ландшафтную живопись Образчикомъ его собственныхъ работъ могутъ служить двѣ сепіи, изображающія виды г. Харькова въ самомъ началѣ XIX ст. и помѣщающіяся нынѣ въ университетскомъ музеѣ. Ф. Ф. *Рышинъ*—ученикъ Академіи Художествъ (спеціально занимался тамъ исторической живописью); его кисти принадлежали въ университетской церкви икона прен. Антонія Вел. и затѣмъ имъ же написана картина сепіей—Ермакъ. А. И. *Лотузъ* имѣлъ званіе художника отъ Виленскаго университета за мозаичныя и скульптурныя работы. Б. Ф. *Клембовскій* былъ для усовершенствованія въ заграничной командировкѣ, преподавалъ въ Харьковскомъ университетѣ съ 1839 по 1847 годъ. С. П. *Чирковъ* —воспитанникъ Академіи Художествъ—имѣлъ званіе свободнаго художника, преподавалъ въ Харьковскомъ университетѣ съ съ 1844 по 1859 годъ, т. е. до закрытія классовъ.

Потребность въ спеціальной школѣ рисованія и живописи ощущалась давно: она не могла получать полнаго удовлетворенія ни въ университетскихъ классахъ, которые были доступны только для студентовъ, ни въ гимназіяхъ, гдѣ преподаваніе рисованія, приспособляясь къ массѣ учащихся, носило слишкомъ элементарный характеръ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что истинные таланты кое-что могли получить и отъ своихъ гимназическихъ учителей рисованія. Извѣстно, напримѣръ, что ветеранъ среди гимназическихъ преподавателей рисованія Д. И. Безперчій имѣлъ утѣшеніе видѣть среди своихъ учениковъ знаменитаго Семирадскаго; былъ въ числѣ его учениковъ и извѣстный русскій художникъ, проживающій въ Парижѣ, г. Ткаченко; первые элементы рисованія, вѣроятно, въ гимназіи усвоилъ и наиболѣе извѣстный изъ харьковскихъ художниковъ С. И. Васильковскій. Но все же, повторяю, потребность въ спеціальной школѣ существовала, не находя удовлетворенія до открытія въ 1869 году частной рисовальной школы М. Д. Раевской. 21-го февраля 1869-го года въ Харьковѣ была открыта М. Д. Ивановой, нынѣ Раевской, первая въ Россіи частная школа рисованія. Цѣль школы не была узко спеціальной,—однихъ она подготовляла въ Академію или иныя высшія художественныя школы, другихъ къ художественно-профессіональной дѣятельности (иконописцевъ, декораторовъ. литографовъ, ретушеровъ и проч.) или давала познанія по рисованію, необходимыя для занятій естественными и техническими науками или нѣкоторыми ремеслами, даже дилетантъ находилъ себѣ мѣсто, т. к. для процвѣтанія искусствъ необходимъ и ихъ любитель. Количество учениковъ, увеличиваясь исподволь, въ послѣдніе годы было около 80. Вначалѣ число дилетантовъ преобладало. но постепенно это отношеніе измѣнилось. За все время перебывало въ школѣ около тысячи учениковъ; изъ нихъ около 4-хъ проц. перешло въ Академію и другія высшія школы. Главными предметами, преподаваемыми въ школѣ во все время ея существованія, были рисованіе и живопись. Рисованіе начиналось съ геометрическихъ фигуръ и тѣлъ (для болѣе развитыхъ учениковъ) и съ плоскихъ орнаментовъ (для дѣтей), кончалось рисованіемъ человѣческой фигуры съ гипса. Съ самыхъ первыхъ ступеней, параллельно съ рисованіемъ съ гипсовыхъ и другихъ моделей, шло рисованіе съ натуры предметовъ однородныхъ съ моделями. Такое занятіе шло въ продолженіе всего курса до головы включительно. Цѣлая живая фигура обнаженной не рисовалась, по неимѣнью отдѣльнаго помѣщенія, одѣтыя же фигуры рисовались и писались. Рисовали преимущественно карандашемъ, но употреблялся также уголь, соусъ сухой и мокрый, сепія, тушь и перо. Все рисованное съ моделей и натуры повторялось на память, въ уменьшенномъ масштабѣ. Живопись начиналась съ теоретическаго ознакомленія съ основными, составными и дополнительными цвѣтами. Потомъ расцвѣчивались акварелью плоскіе орнаменты и заканчивался этотъ отдѣлъ рисункомъ въ краскахъ, въ большомъ масштабѣ какого-нибудь стильнаго орнамента. Эти орнаменты вывѣшивались на стѣнахъ школы въ исторической послѣдовательности стилей и служили для наглядnаго ознакомленія со стилями. Этотъ начальный курсъ живописи былъ особенно полезенъ тѣмъ изъ учениковъ, которые примѣняли свои познанія къ профессіональному труду. Потомъ переходили къ настоящей живописи—сначала съ мертвой натуры, потомъ съ живой. Обыкновенно писали масляными красками, но, по желанію, иные писали акварелью. Съ наступленіемъ теплой погоды школа переходила въ садъ, гдѣ ученики писали и рисовали съ натуры – каждый по мѣрѣ своихъ силъ, кто листъ или цвѣтокъ, кто пейзажный мотивъ. Съ 1870-хъ гг. было введено преподаваніе черченія, начиная съ геометрическаго и техническаго, потомъ проекціоннаго и кончая архитектурнымъ. Нѣкоторые изъ учениковъ становились

чертежниками и помощниками архитекторовъ, а потомъ, пріобрѣтя практическія знанія, даже сами принимались за постройки. Съ 1886 г. была введена лѣпка изъ глины, какъ вспомогательный предметъ для рисованія; впрочемъ, иные ученики избрали себѣ профессію скульпторовъ-ремесленниковъ. Лѣпили сначала съ гипсовыхъ орнаментовъ и бюстовъ, потомъ съ фотографій и съ натуры. Съ 1889 г. было введено преподаваніе пластической анатоміи и теоріи перспективы. Между 1889 и 1892 гг. читалась исторія искусствъ. Помимо этихъ, входящихъ въ курсъ школы предметовъ, преподавались иногда и другіе: такъ, во время устройства художественныхъ вечеровъ, которые устраивались 1—2 раза въ годъ М. Д. Раевской (въ пользу различныхъ благотворительныхъ учрежденій) ученики подъ руководствомъ Раевской писали театральныя декораціи, что знакомило ихъ съ техникой и этого дѣла, давая возможность нѣкоторымъ сдѣлаться театральными декораторами. Съ 1870-хъ гг. и до введенія новаго устава Академіи были организованы занятія общеобразовательными предметами для лицъ, желавшихъ поступить въ Академію и не получившихъ образованія. Послѣдніе годы для желавшихъ преподавались еще: живопись по фарфору, выжиганіе по дереву и тисненіе по кожѣ. Программа строго выполнялась и ученики воспринимали то серіозное отношеніе къ дѣлу, которымъ были проникнуты преподаватели. Небольшое число учениковъ давало возможность знать каждаго изъ нихъ, не только со стороны способностей, но его цѣлей, матеріальныхъ средствъ и потребностей. Такое знаніе позволяло видоизмѣнять отчасти ходъ дѣла, не измѣняя общей программы, сообразжаться въ ея выполненіи съ индивидуальными свойствами и потребностями каждаго ученика.

Руководительницей школы была все время М. Д. Раевская-Иванова, она же преподавала рисованіе и живопись, сначала одна, а съ 1889 г. рисованіе въ младшихъ классахъ велъ П. К. Крюковъ. Послѣдніе два года, когда М. Д. Раевская лишилась зрѣнія, рисованіе и живопись въ старшихъ классахъ преподавалъ М. Р. Пестриковъ, живопись въ младшемъ отдѣленіи А. П. Романенко. Черченіе преподавали послѣдовательно: С. А. Раевскій, С. А. Мартыновъ, К. К. Маковскій, Г. М. Шторхъ и В. Н. Джонсъ, лѣпку—С. Р. Бабскій, І. И. Якобсъ и Ф. О. Натали. Въ случаѣ болѣзни кого-нибудь изъ преподавателей, его замѣнялъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ художниковъ. Иногда помогали преподавателямъ лучшіе ученики школы. Лекціи по анатоміи читали послѣдовательно доктора Павловъ и Знаменскій, по теоріи перспективы—преподаватели рисованія или черченія, по исторіи искусствъ—А. Н. Бекетовъ, А. Н. Деревицкій и А. А. Стояновъ. Со времени приглашенія второго преподавателя рисованія, каждые 4—6 недѣль бывали педагогическіе совѣты, на которыхъ разсматривались всѣ работы, сдѣланныя за этотъ срокъ въ школѣ. Ученикамъ позволялось присутствовать на совѣтахъ, такъ что они могли слушать мнѣніе каждаго преподавателя о своихъ успѣхахъ. Школа принимала участіе въ Академическихъ конкурсахъ, въ выставкахъ при съѣздахъ по техническому и профессіональному образованію, во Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ, во всѣхъ мѣстныхъ художественныхъ и художественно-ремесленныхъ выставкахъ, а въ послѣднее время сама устраивала ежегодно выставки-экзамены всего сдѣланнаго за годъ. Эти выставки знакомили со школой общество. Но и во всякое другое время школа была открыта для всѣхъ желавшихъ ее видѣть. Посѣтителями школы бывали: прежніе ея ученики, преподаватели рисованія въ мѣстныхъ и иногородныхъ учебныхъ заведеніяхъ, другіе художники и вообще лица, заинтересованныя школой. Такіе посѣтители не мѣшали дѣлу, напротивъ, они давали сильнѣе чувствовать жизненный пульсъ школы. Праздныхъ посѣтителей въ учебное время не бывало. Школа пользовалась сочувствіемъ многихъ компетентныхъ лицъ и учрежденій: писатель Д. В. Григоровичъ направилъ первые шаги учредительницы школы, познакомивъ ее съ современными требованіями, предъявляемыми рисовальной школѣ и съ лучшими рисовальными школами Европы; тому же содѣйствовалъ директоръ Нюренбергской школы Крелингъ. Значительныя пожертвованія художественными произведеніями, изданіями и учебными пособіями сдѣлали школѣ профессоръ И. И. Шишкинъ, В. В. Стасовъ, Императорская Академія Художествъ, Строгоновское Центральное училище Техническаго Рисованія и СПБ. Общество Поощренія Художествъ; многія частныя лица также дѣлали для школы пожертвованія различными полезными предметами какъ для класса мертвой натуры, такъ и для ея библіотеки. Но, несмотря на сочувствіе многихъ лицъ, школа не нашла своего мецената подобно Кіевской, Саратовской и Пензенской, только нѣсколько частныхъ лицъ оказали ей пособія на сумму 1110 руб.

Школа существовала, главнымъ образомъ, на плату вносимую за ученье, которая, ввиду желанія сдѣлать школу общедоступной, была доведена до минимума—15 руб. съ ученика въ годъ и 5 руб. едино-

временно; но и эта плата часто не вносилась учениками. Помимо денегъ получаемыхъ съ учениковъ, съ 1880 г. школа пользовалась субсидіей отъ города въ 200 руб. въ годъ, еще получила на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1000 руб. (въ награду). Иногда средствъ не хватало, несмотря на значительную долю вкладываемаго въ нее безплатнаго труда; раза три пришлось прибѣгнуть къ устройству въ пользу школы художественнаго вечера съ живыми картинами. Бюджетъ школы, начиная съ нѣсколькихъ сотъ руб. въ первые годы доходилъ всего до 2000 р. въ годъ; понятно поэтому, что школа была стѣснена помѣщеніемъ, не имѣла въ достаточной мѣрѣ учебныхъ пособій и должна была мириться со многими неудобствами. Трудъ преподавателей могъ оплачиваться только 1 руб. 50 коп. за двухчасовой урокъ, и если при всѣхъ матеріальныхъ недостаткахъ, школа успѣвала, то она была обязана этимъ беззавѣтной любви, съ какой относились къ дѣлу всѣ преподаватели. Вслѣдствіе такого идеальнаго и, если можно такъ выразиться, идейнаго отношенія, школа, несмотря на всѣ матеріальные недочеты, развивалась и процвѣтала; доказательствомъ этого служатъ похвальные отзывы и другія награды, полученныя школой на конкурсахъ и выставкахъ, гдѣ школа экспонировала. Учредительница же школы М. Д. Раевская-Иванова была удостоена званія Почетнаго Вольнаго Общника Императорской Академіи Художествъ и Высочайшей награды. Въ школѣ образовалась художественная библіотека, состоящая почти изъ 400 книгъ и уваженій и болѣе 3000 эстампонъ. Этой библіотекой широко пользовались, какъ ученики школы, такъ и бывшіе ея воспитанники. Значительную ея часть составляли коллекціи изображеній художественныхъ предметовъ различныхъ стилей. Такія коллекціи, систематично составленныя, были очень полезны для наглядного ознакомленія со стилями и особенно помогали при случавшихся художественныхъ заказахъ. Школа ежегодно подавала свои отчеты губернатору, Академіи Художествъ, а со времени полученія городской субсидіи и городу. Съ начала 1896—7 учебнаго года школа была преобразована въ Городскую школу рисованія и живописи. Библіотека, какъ и всѣ учебныя пособія и другія принадлежности были пожертвованы этой школѣ М. Д. Раевской-Ивановой, которую городъ избралъ Почетной Попечительницей школы.

Вопросъ о необходимости художественной школы въ Харьковѣ давно назрѣлъ: съ 1869 г. существовала въ городѣ частная школа М. Д. Раевской, а съ 1886 г. учрежденъ при содѣйствіи Акад. Худ. городской художественно-промышленный музей, гдѣ помѣщались и отдѣльныя студіи нѣкоторыхъ художниковъ. Въ 1894 г., по предложенію вице-презид. Академ. Худож. гр. И. И. Толстого, городское управленіе образовало коммиссію изъ живущихъ въ Харьковѣ художниковъ, которая выработала уставъ „Харьковской школы изящныхъ искусствъ“ съ 6 общеобразовательными классами. Уставъ этотъ, одобренный городскою думою, былъ посланъ на утвержденіе Акад. Худож.—Но по причинѣ его обширности и недостатка средствъ, возвращенъ обратно для переработки и сокращенія.

Приглашенная попечительнымъ совѣтомъ музея коммиссія: акад. А. Н. Бекетовъ, худож. Д. И. Безперчій, В. И. Великановъ, А. И. Данилевскій, М. Р. Пестриковъ и Н. М. Уваровъ подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Е. П. Любарскаго-Письменнаго занялась его переработкой. Въ концѣ 1895—6 учебн. года школа рисованія М. Д. Раевской, за ея болѣзнью, закрылась, благодаря чему учащіеся въ этой школѣ лишились возможности продолжать свое художественное образованіе. На помощь этому дѣлу пришла городская дума и, по ходатайству предсѣдателя попечительнаго совѣта городского музея, ассигновала 1000 руб. ежегодно и единовременно 300 руб. на школу Рисованія и Живописи и предоставила помѣщеніе при городскомъ музеѣ. М. Д. Раевская предложила въ собственность школы весь наличный инвентарь ея школы. Приглашенные попечительнымъ совѣтомъ архитекторъ акад. А. Н. Бекетовъ, клас. худ. I ст. М. Р. Пестриковъ, клас. худ. II ст. А. Н. Данилевскій, худ. В. И. Великановъ, архит. Г. М. Шторхъ и врачъ Г. М. Іосифовъ, отнесясь сочувственно къ школѣ, приняли на себя преподаваніе, несмотря на самое скромное вознагражденіе.

12 сент. 1896 г. начались занятія въ школѣ.

Открыты классы: а) начальнаго рисов. утромъ. б) в) „ „ вечеромъ съ 15 янв. г) гипсов. голов. д) „ фигуръ

Открыты классы:
- е) живописи мертвой натуры
- ж) „ живой натуры
- з) к. начальнаго черченія
- и) к. перспективы
- к) архитектурн. черченіе
- л) классъ акварели
- м) „ пластической анатоміи.

Учащихся въ школѣ въ отчетномъ году было:

1 полугодіе—63
2 полугодіе—73
} учениковъ 52, учениць 21.

Плата за правоученіе назначена 25 р. въ годъ. Въ 1897/8 учебномъ году программа преподаванія была расширена открытіемъ двухъ высшихъ классовъ съ живой натуры: натурнаго (по рисованію) и этюднаго (по живописи). Была устроена въ залахъ музея отчетная выставка ученическихъ работъ за первый годъ существованія Школы Рисованія и Живописи. Выставку посѣтило болѣе 600 чел. Въ этомъ же году были посланы работы учениковъ въ Академію Художествъ на конкурсъ школьныхъ работъ, гдѣ было признано, что „рисованіе въ школѣ поставлено удовлетворительно“ и 4 ученика были удостоены похвалы отъ Академіи. Императорской Академіей Художествъ были присланы въ даръ школѣ учебныя пособія въ количествѣ 48 гипсовыхъ моделей. Городская Дума увеличила субсидію до 1750 руб.; 3 учен. были удостоены Акад. Худ. званія учителя рисованія.

Учащихся было:
- 1-е полугодіе 82 (58 учен.—24 ученицы).
- 2-е полугодіе 90 (61 учен.—29 учениць).

Въ слѣдующіе два учебные года занятія въ школѣ продолжались по выработанной программѣ. Число учащихся дошло до 103. Была приглашена въ школу надзирательница и устроено электрическое освѣщеніе Академіею Художествъ удостоены званія учителя рисованія 5 учен.

Въ 1902 году были просмотрѣны и фиксированы программы классныхъ занятій, которыя производились днемъ и вечеромъ.

Учащихся 80 чел.
- учениковъ—53.
- учениць—27.

Въ этомъ же году Вице-Президентъ Академіи Художествъ гр. Толстой увѣдомилъ, что художественное училище въ Харьковѣ едва ли будетъ открыто въ будущемъ академическомъ году и рекомендовалъ принять преподавателей въ школу рисованія художниковъ М. С. Федорова и Г. М. Бобровскаго, которымъ Академія Художествъ будетъ платить жалованье по 1200 руб. въ годъ. Коммиссія по завѣдыванію Городской Школой Рисованія по всестороннемъ обсужденіи согласилась на это предложеніе и, принимая во вниманіе, что для преподаванія живописи и рисованія достаточно 4 преподавателей, пригласила изъ прежняго состава преподавателей школы художниковъ М. Р. Пестрикова и К. П. Пынѣева. Считая же прежнюю плату за веденія преподаванія крайне недостаточной, увеличила жалованье преподавателямъ соразмѣрно ихъ труду. Въ слѣдующемъ году школа продолжала свою дѣятельность при новомъ составѣ преподавателей; программа преподаванія расширилась. Съ разрѣшенія попечительнаго совѣта стали выписывать новѣйшіе художественные журналы и книги для пополненія библіотеки.

Учащихся—79
- учениковъ—53.
- учениць—26.

Въ 1904 году Педагогическій Совѣтъ поручилъ своимъ членамъ архитекторамъ А. Н. Бекетову и М. Ф. Пискунову выработать проектъ задавія для будущаго помѣщенія Школы въ реорганизованномъ по новому уставу видѣ; расширеніе Школы являлось необходимымъ. Затѣмъ была составлена Педагогическимъ Совѣтомъ Школы записка. Въ этой запискѣ намѣченъ былъ рядъ улучшеній какъ въ учебной, такъ и матеріальной обстановкѣ Школы. На мѣсто выбывшаго Бобровскаго преподавателемъ въ Школу былъ назначенъ М. А. Беркосъ. По просьбамъ Педагогическаго Совѣта расширено школьное помѣщеніе, разрѣшено пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ художественныхъ изданій и художественныхъ вещей для классовъ мертвой натуры; сдѣлано пополненіе школы учебными пособіями и инвентаремъ. Въ начальныхъ классахъ

рисованія введено рисованіе кисти рукъ и ступни ногъ съ живой натуры, а также живыхъ цвѣтовъ и растеній. Учащихся было 85 чел. обоего пола. Въ этомъ году также работы учащихся были посланы на отчетную выставку школъ въ Академію Художествъ. Въ залахъ музея была устроена отчетная выставка учащихся въ школѣ.

Одновременно съ городской школой рисованія существовало и нѣсколько частныхъ школъ или студій отдѣльныхъ художниковъ; напримѣръ—Е. Е. Шрейдера, Н. М. Уварова; это также свидѣтельствуетъ о назрѣвшей потребности въ устройствѣ настоящаго художественнаго училища, по типу подобныхъ училищъ существующихъ въ Казани, Пензѣ, Одессѣ и находящихся въ вѣдѣніи Мин. Императорскаго Двора и въ ближайшемъ завѣдываніи Академіи Художествъ.

Художественными учебно-вспомогательными учрежденіями для преподаванія рисованія и живописи въ Харьковѣ являются и два его художественные музея—болѣе старый *университетскій* и болѣе новый *городской*.

Основаніе университетскому музею изящныхъ искусствъ въ сущности было положено В. Н. Каразинымъ, пріобрѣвшимъ въ 1804 г. коллекцію эстамповъ *Аделунга* въ числѣ 2477 штукъ за 5000 руб. ас. Коммиссія экспертовъ (археол. Келеръ, хранитель Имп. кабинета эстамповъ, проф. скульптуры Акад. худ. Прокофьевъ и любитель искусствъ Цимсенъ) дала заключеніе въ пользу этого пріобрѣтенія для Харькова: университу, а особливо въ такомъ городѣ, какъ Харьковъ, гдѣ нѣтъ сторонніхъ картинныхъ галлерей, надобенъ хорошій и систематическій запасъ лучшихъ эстамповъ, а особливо копій превосходнѣйшихъ картинъ знаменитыхъ школъ живописи не только для истолкованій и образцовъ въ рисованіи, но и для историческихъ и эстетическихъ свѣдѣній о сихъ искусствахъ, для сообщенія студентамъ впечатлѣній и идей, въ самую словесность входящихъ и ее оживляющихъ и вообще для распространенія изящнаго искусства. И это дѣйствительно была превосходная, хорошо подобранная коллекція гравюръ (1297 номеровъ) и отчасти акварельныхъ рисунковъ (59). Здѣсь подобраны произведенія итальянскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, фламандскихъ граверовъ XVI в., французскихъ и англійскихъ XVI—XVIII вв. Но гравюры Аделунга вошли въ составъ музея изящныхъ искусствъ только въ 1877 году. Самый же музей возникъ, согласно требованію устава 1835 года, причемъ на содержаніе его ассигновывалось по 2000 руб. въ годъ. Въ него прежде всего поступили слѣпки съ изящныхъ произведеній древности, выписанныхъ отъ Академій Художествъ (впрочемъ, доходили они до Харькова по тогдашнимъ дорогамъ очень плохо). Настоящее же основаніе музею было положено пожертвованіями извѣстнаго намъ уже И. Е. Бецкаго: этотъ питомецъ Харьковскаго университета, проживая во Флоренціи съ немалыми трудами и затратами, собралъ для рисовальнаго класса университета коллекцію картинъ старыхъ мастеровъ, среди коихъ первая его посылка заключала 170 картинъ масляными красками. По отзыву Григоровича, было болѣе половины хорошихъ и очень хорошихъ; все это были оригиналы, правда, второ- и третьестепенныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI—XVII ст. По поводу своей посылки И. Е. Бецкій писалъ, что отправляетъ ее для класса рисованія, а если его нѣтъ, то онъ долженъ быть учрежденъ „на томъ основаніи, что малороссіянину суждено быть великимъ на почвѣ искусства“, ибо природа такъ указываетъ; далѣе въ томъ же письмѣ онъ бросаетъ мимоходомъ замѣчаніе, почему южный Харьковъ въ области искусства, онъ предпочитаетъ сѣверному Петербургу: „имѣя въ виду, что соляце въ С.-Петербургѣ—чудодѣй живописнаго искусства—столь же часто является жителямъ сѣверной столицы, сколько Монбланъ жителямъ Женевы“. Если завести въ Харьковѣ, на подобіе Москвы, классъ для первоначальнаго художественнаго образованія, то нѣтъ сомнѣнія, что природныя наклонности, свойственныя самому климату и натурѣ южнаго человѣка, и обнаружатся, и разовьются“. „Мысль о необходимости учрежденія въ Харьковѣ художественнаго класса для первоначальнаго художественнаго образованія, говоритъ по этому поводу покойный, столь безвременно сошедшій въ могилу проф. Е. К. Рѣдинъ, проведена такимъ образомъ въ этомъ письмѣ блестяще и съ мотивомъ выбора для этого класса мѣстомъ Харькова, конечно, нельзя не согласиться—такъ онъ вѣренъ и въ то же время совпадаетъ съ другимъ мотивомъ—именно положенія нашего города, какъ центра просвѣщенія Украины“ [1]). Полученныя картины образовали маленькую картинную галлерею, которая была установлена въ 1857 г. въ рисовальномъ классѣ, тогда еще существовавшемъ. Въ 1858 г. былъ изданъ

[1]) Е. Рѣдинъ. Харьковъ, какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи. Х. 1894, стр. 26—27.

уже и каталогъ этихъ картинъ. Въ этомъ же 1858 г. И. Е. Бецкій снова прислалъ университету 373 картины; въ послѣдующіе годы отъ него снова поступали пожертвованія картинами, гравюрами, книгами. Въ 1868 г. за эти цѣнныя пожертвованія онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ университета. Съ упраздненіемъ рисовальнаго класса при университетѣ, коллекціи Бецкаго заняли видное мѣсто въ картинной галлереѣ музея изящныхъ искусствъ, положили ей основаніе. Примѣръ И. Е. Бецкаго нашелъ подражателя въ лицѣ другого питомца университета Аркадія Николаевича Алферова (окончившаго университетъ въ 1836 г.). Въ 1873 году, послѣ его смерти, по его духовному завѣщанію, поступила въ университетскій музей его коллекція картинъ, акварелей, гравюръ, художественныхъ изданій и книгъ по исторіи искусствъ. А. М. Алферовъ родился въ Поповкѣ, Сумского уѣзда, Харьковской губ.; онъ былъ сынъ извѣстнаго архитектора Николая Ѳедоровича, ученика знаменитаго Камерона, строителя многихъ зданій Харьковской губ., воспитанника извѣстнаго уже намъ „Поповскаго“ отшельника литератора А. А. Палицына. Отъ А. А. Палицына Алферовъ-отецъ унаслѣдовалъ и Поповку. Любя искусство, онъ очень рано сталъ собирать книги и памятники, много картинъ онъ пріобрѣлъ отъ Айвазовскаго, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1857 году А. Н. Алферовъ уѣхалъ заграницу для лѣченія болѣзни, изученія искусства и составленія коллекціи памятниковъ искусства. Уже тогда онъ мечталъ объ устройствѣ музея. Въ письмѣ 1859 г. онъ уже говоритъ о томъ, что хотѣлъ бы пополнить пробѣлъ въ харьковскомъ университетѣ по части искусствъ. Пожертвованная университетскому музею коллекція состоитъ изъ 50 картинъ масляными красками, 421 акварелей и рисунковъ, 64 художественныхъ изданій, 100 книгъ и до 3000 гравюръ и офортовъ и рѣдкихъ литографій. Она была оцѣнена заграницей въ 14000 талеровъ. Среди картинъ нѣтъ первоклассныхъ, но есть не мало второклассныхъ художниковъ фламандской и голландской школъ XVII в. Изъ новѣйшихъ художниковъ слѣдуетъ отмѣтить знаменитыхъ А. и О. Ахенбаховъ, Висселинга и Фергаса и 4 марины Айвазовскаго 1854—1855 годовъ. Но особенно замѣчателенъ отдѣлъ акварелей и рисунковъ старыхъ и новыхъ временъ (начиная съ XVI вѣка) съ подписями мастеровъ или старинными помѣтками коллекторовъ. Пожертвованные Бецкимъ и Алферовымъ, а также пріобрѣтенные покупкой памятники искусствъ (здѣсь слѣдуетъ отмѣтить „Засуху“ Мясоѣдова) каталогизированы въ особомъ печатномъ указателѣ, составленномъ Г. С. Чириковымъ („Указатель произведеній, хранящихся въ музеѣ изящныхъ искусствъ при Имп. Харьк. у-тѣ“). Изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ музея и способствовавшихъ увеличенію его коллекцій, отмѣтимъ проф. А. А. Потебню, Д. И. Каченовскаго, Г. С. Чирикова, Н. Ѳ. Сумцова и особенно въ послѣднее время проф. Е. К. Рѣдина.

Обращаемся теперь къ исторіи Городского музея. Главный редакторъ „Правит. Вѣстн.“, извѣстный писатель, уроженецъ нашей мѣстности, Г. П. Данилевскій просилъ Министра Двора, г. Воронцова-Дашкова возбудить вопросъ, не можетъ ли быть сдѣлано Харькову для пополненія его университетскаго музея такое же пожертвованіе картинъ и вообще художественныхъ коллекцій изъ сокровищъ Эрмитажа, какое сдѣлано городу Саратову для учрежденія въ немъ музея. Министръ отвѣтилъ, что если Харьковское Городское Управленіе и университетъ войдутъ съ представленіемъ объ этомъ и предоставятъ необходимое помѣщеніе, то подобное ходатайство будетъ уважено. Въ такомъ смыслѣ Г. П. Данилевскій сдѣлалъ запросъ Харьковскому Университету, который отвѣтилъ, что въ его распоряженіи не имѣется подходящаго помѣщенія и просилъ внести этотъ вопросъ на обсужденіе Городской Думы. Городская Дума въ засѣданіи 2 ноября 1882 года постановила: назначить для помѣщенія будущаго музея изящныхъ искусствъ верхній этажъ Новосергіевскаго ряда и ходатайствовать о сформированіи музея изъ публичныхъ памятниковъ Императорскаго Эрмитажа и Императорскихъ дворцовъ, для разработки же вопроса о Городскомъ Публичномъ музеѣ была избрана коммиссія въ составѣ гласныхъ Думы и 4 профессоровъ университета. При совмѣстномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Потебни представители города и университета пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Существующій нынѣ при Харьковскомъ Университетѣ музей изящныхъ искусствъ и древностей состоитъ по преимуществу изъ предметовъ, пожертвованныхъ университету и отчасти только пріобрѣтенныхъ на спеціальныя средства университета, а потому право собственности на означенныя коллекціи не можетъ быть никому передано и должно остаться за университетомъ, но со стороны университета, по мнѣнію коммиссіи, не представится препятствій къ тому, чтобы коллекція университетскаго музея была на извѣстныхъ условіяхъ помѣщена въ городскомъ музеѣ, съ тѣмъ чтобы отводъ помѣщенія для музея и содержаніе его были приняты на себя

Думой. Совѣтъ университета согласился съ этимъ мнѣніемъ коммиссіи (15 сентября 1883 г.). Осмотрѣвъ 29 декабря имѣстѣ съ инженеромъ Б. Г. Михайловскимъ верхній этажъ Ново-Сергіевскаго ряда, коммиссія признала помѣщеніе это вполнѣ соотвѣтствующимъ своему назначенію. Для музея оно могло быть приспособлено безъ капитальной перестройки. Слѣдовало только открыть заложенные окна, выломать деревянныя перегородки въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ и произвести обыкновенный ремонтъ. Вслѣдствіе возбужденнаго городскимъ управленіемъ ходатайства, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, соизволилъ выразить желаніе прійти на помощь городамъ по устройству художественныхъ музеевъ. Для всесторонняго обсужденія вопроса объ устройствѣ музеевъ по городамъ и въ частности о музеѣ въ г. Харьковѣ, президенту Императорской Академіи Художествъ, Вел. Кн. Владимиру Александровичу угодно было учредить особую коммиссію. Рескриптомъ Вел. Кн. Владимира Александровича Харьковскій Городской Голова былъ поставленъ въ извѣстность, что Правительство и Академія Художествъ почтутъ священною обязанностью споспѣшествовать всѣми средствами устройству перваго городского музея въ Россіи, дабы и всѣ прочіе города, по примѣру Харькова, приложили старанія и средства завести у себя учрежденія, столь необходимыя для развитія художественнаго вкуса въ русскомъ обществѣ и поднятія нашей промышленности въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя безъ искусства не могутъ преуспѣвать.

Образованная при Академіи Художествъ коммиссія 30-го апрѣля 1883 года попросила отъ Харьковскаго городского управленія дополнительныхъ свѣдѣній: 1) о помѣщеніи для будущаго музея, 2) о предположенныхъ для него со стороны городского управленія расходахъ и 3) о главныхъ видахъ промышленности Харьковской губ., особенно кустарной; послѣднія данныя были необходимы для составленія проекта промышленнаго отдѣленія будущаго музея. Получивъ эти свѣдѣнія, сообщала Коммиссія, Великій Князь войдетъ съ представленіемъ къ Государю Императору объ открытіи музея въ Харьковѣ и о денежномъ пособіи отъ правительства для составленія его коллекцій.

Городской Думѣ предлагалось разрѣшить вопросы, поставленные коммиссіей Академіи Художествъ, при чемъ указывалось, что верхній этажъ Сергіевскаго ряда и въ пожарномъ отношеніи представляется достаточно безопаснымъ, ибо онъ отдѣленъ отъ лавокъ, находящихся въ нижнемъ этажѣ и не отапливаемыхъ, сводами и имѣетъ два непосредственныхъ выхода на университетскую горку. Благодаря этимъ двумъ входамъ, этотъ 2-й этажъ не представляетъ также неудобства для помѣщенія въ немъ скульптурныхъ произведеній. Ремонтъ зданія былъ исчисленъ приблизительно въ 2000 руб., на ежегодное содержаніе музея требовалась сумма въ 1500 руб. и предлагалось возбудить ходатайство передъ Велик. Кн. Владимиромъ Александровичемъ о назначеніи отъ правительства городскому музею 10000 руб. единовременно и 2000 руб. ежегодно. 4-го іюня 1885 г. Дума подтвердила свое постановленіе отъ 2-го ноября 1882 г. о предоставленіи для музея верхняго этажа Сергіевскаго ряда и постановила ежегодно отпускать на его содержаніе по 2000 руб. Но открытіе городского музея послѣдовало только 14-го декабря 1886 года, т. е. черезъ 4 года послѣ первоначальнаго предложенія, сдѣланнаго Г. П. Данилевскимъ.

Къ означенному времени Императорскою Академіею Художествъ были присланы—12 античныхъ бюстовъ, 10 статуй, 36 различныхъ картинъ и полная коллекція орнаментовъ. Вотъ названія картинъ, предоставленныхъ музею Академіей: 1) Ополченецъ—Плѣшанова, 2) Рыбацкая деревня у Чудскаго озера—проф. Клевера, 3) Іоаннъ Грозный и его мамка—проф. К. Б. Венига, 4) Погребеніе мученицы (въ Катакомбахъ Рима)—Попова, 5) Двѣ аллегорическія фигуры—проф. В. П. Верещагина, 6) Графъ Блюхеръ и казаки въ 1813 г.—проф. Б. П. Виллевальда, 7) Via Condotte (въ Римѣ)—Свѣдомскаго, 8) Будущій милліонеръ—Шаховскаго, 9) Палачъ съ головою Іоанна Крестителя—Аскназія, 10) Осенью—Гофмана, 11) Зимняя ночь—Проскурнина, 12) Гора Ай-Петри—проф. Л. Ф. Лагоріо, 13) Прибрежье—проф. М. К. Клодта, 14) Осень—Писемскаго, 15) Балъ въ деревнѣ—К. Л. Трутовскаго, 16) Жертвоприношеніе Авраама (копія Рембрандта)—Глобы, 17) Этюдъ съ натуры—акад. М. П. Боткина, 18) Полѣсовщикъ—Загорскаго, 19) У овецъ—Пелевина, 20) Заглохшая мельница—Голимскаго, 21) Сѣренькій день—Ткаченко, 22) Привалъ пѣхотнаго полка въ Болгаріи—проф. П. О. Ковалевскаго, 23) Въ воскресный день—Корзухина, 24) Пейзажъ—Суходольскаго, 25) Подъ горой—Федерса, 26) Римлянка у восточнаго колдуна—Бакаловича, 27) Утро на рѣкѣ—Казанцева, 28) Эффектъ облаковъ надъ моремъ—Орловскаго, 29) Вампиръ, умирающій на рукахъ Аполлона—Киселева, 30) Послѣднія минуты Князя Михаила Чер-

ниговскаго (у Батыя)—Ланскаго, 31) На псарномъ дворѣ—Кившенко, 32) Степь въ Малороссіи—Васильковскаго, 33) Головка мавританки—проф. В. П. Якобія, 34) Смерть Клеопатры—Вахтера, 35) Вечеръ—акад. Крачковскаго, 36) картина ливень—Крыжицкаго—была возвращена Академіи Художествъ, по ея требованію въ 1888 году. Одновременно съ открытіемъ музея, въ него стали поступать и пожертвованія отъ частныхъ лицъ—отъ А. Д. Озерскаго два барельефа его работы (Голова Спасителя съ картины Гвидо Рени и Скорбящая Божія Матерь), отъ художника Бородаевскаго: а) картина масляными красками „Внутренній видъ университетскаго музея“ его работы, б) академическій этюдъ натурщика работы Лемоха; отъ проф. живописи Н. А. Кошелева—портретъ Аверкіева; отъ художника Сахарова—2 этюда масляными красками, отъ г. Боткина—этюды (сепіей и перомъ) художника Боголюбова; отъ И. П. Щелкова—фотографіи съ различныхъ художественныхъ произведеній лучшихъ мастеровъ. На собственныя средства музеемъ пріобрѣтены: 1) Пейзажъ И. И. Шишкина „Осень“ (за 750 руб.), 2) Картина художника Сахарова „Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной“ (за 550 руб.), и его же 16 различныхъ этюдовъ; 3) Акварель—Трутовскаго (за 75 рублей); 4) Бронзовая группа В. В. Позенъ „Запорожецъ“; 5) Восходъ луны—Дубовскаго (400 руб.); 6) Усердіе—Шанксъ (300 руб.); 7) Осиротѣвшіе—Мясоѣдова (500 руб.); 8) Прохладный уголокъ—Киселева (250 руб.). Таковы были важнѣйшія поступленія съ 1886 по 1891 годъ. Картины и скульптура, предоставленныя музею Академіей Художествъ, и въ настоящее время являются основою художественнаго отдѣленія музея.

За 15 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, картинъ поступило въ музей не много: 1) Буря на морѣ—копія Айвазовскаго Волошина, 2) Арбузы—Волошина, 3) Воскресеніе Христово—по эскизу Е. Н. Воронца, 4) Мальчикъ и гуси А. А. Писемскаго, 5) Берегъ Кавказа—Алисова, 6) Берегъ Массандры—Алисова, 7) Милостыня—Пынѣва (подарена), 8) Солнце садится—В. И. Зарубина (подарена), 9) Пріѣздъ женихи, 10) Русская свадьба, 11) Дѣвочка—Волкова, 12) Ночь въ Оріандѣ—Алисова (подарена), 13) Выброшенный баркасъ—Алисова (подарена), 14) Дѣвочка—Лемоха (200 руб.), 15) Туапсе—Киселева (300 руб), 16) Хризантемы—Мясоѣдова (300 р.), 17) Море—Алисова (подарена), 18) Кипарисы—Алисова (подарена). Всего пріобрѣтено за 20 лѣтъ покупкою 11 картинъ (считая этюды Сахарова за одну картину) на 3725 руб.

Изъ приведеннаго выше перечня видно, что въ нашемъ музеѣ вовсе не было образцовъ акварельной живописи и гравировальнаго искусства, между тѣмъ знакомство съ ними одинаково желательно, какъ для широкой публики, такъ и для учащихся въ нашей школѣ рисованія и живописи. Это обстоятельство побудило меня, какъ предсѣдателя музейной коммиссіи, обратиться съ ходатайствомъ о присылкѣ тѣхъ и другихъ памятниковъ къ Императорской Академіи Художествъ. И это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ.

Другою богатою составною частью музея являются его этнографическія коллекціи. Происхожденіе ихъ таково. Поводомъ къ устройству этого отдѣла послужила выставка предметовъ Дальняго Востока, привезенная проф. Харьковскаго университета А. Н. Красновымъ изъ его путешествія по азіатскимъ странамъ и возбудившая значительный интересъ въ Харьковскомъ обществѣ. Музейная коммиссія рѣшила предложить Городскому управленію ассигновать сумму въ 3000 руб. для того, чтобы положить начало этнографическому отдѣленію, которое, знакомя населеніе съ бытомъ различныхъ народовъ, содѣйствовало бы развитію учащейся молодежи и давало бы возможность всему мѣстному населенію видѣть интересные и поучительные для него предметы культуры разныхъ народовъ. Планъ составленія и организаціи отдѣла принадлежитъ проф. А. Н. Краснову. Исходя изъ соображенія, что при незначительности средствъ и трудности сношеній съ отдаленными странами, невозможно въ близкомъ будущемъ собрать бытовыя принадлежности всѣхъ народовъ, проф. А. Н. Красновъ предложилъ музейной коммиссіи остановиться на нѣсколькихъ типичныхъ этнографическихъ группахъ, съ тѣмъ чтобы показать, какъ условія природы наиболѣе рѣзко отличающихся другъ отъ друга областей отразились на одеждѣ, жилищѣ, бытѣ и внѣшней культурѣ народовъ. Собранныя коллекціи относятся къ слѣдующимъ группамъ: 1) Австраліи, Меланезіи и Полинезіи, 2) Неграмъ Африки, 3) Пустынямъ и степямъ Азіи и Африки, 4) Индіи, 5) Дальнему Востоку (Китаю, Японіи и сос. государствамъ), 6) Сѣверной и Южной Америкѣ, 7) Сибири, 8) Кавказу. Въ 1-й группѣ имѣется 133 предмета, во 2-й—55, въ 3-й—82, въ 4-й—51, въ въ 5-й—201, въ 6-й—75, въ 7-й—81, въ 8-й—71; всего около 750 номеровъ. Одни предметы относятся къ вооруженію, другіе къ украшеніямъ, третьи къ домашней утвари и орудіямъ, напримѣръ, земледѣльческимъ и др., четвертые

къ посудѣ, пятые къ жилищу. Большая часть коллекцій состоитъ изъ предметовъ, другая изъ моделей, третья изъ фотографій. Имѣется также семь стереоскоповъ для разсматриванія фотографій. Сюда же нужно присоединить еще образцы гончарныхъ издѣлій, присланные Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ (здѣсь статуэтки, гипсовые барельефы Спасителя, гипсовые орнаменты). Есть цѣлая витрина съ гипсовыми бюстами. Заслуживаютъ вниманія малороссійскія кустарныя издѣлія, полученныя отъ покойнаго проф. И. П. Сокальскаго и проф. Н. Ѳ. Сумцова—плахты, килимы, рушники и головные уборы; издѣлія кустарей г. Харькова и Харьковскаго уѣзда; шапочка отъ головной боли, небольшая коллекція писанокъ; особнякомъ стоятъ нѣсколько предметовъ, сдѣланныхъ изъ каменной соли.

3-й отдѣлъ—историко-художественный настолько незначителенъ, что и не можетъ быть названъ отдѣломъ. Всѣ вещи его случайнаго происхожденія и ихъ очень мало. Сюда относятся: деревянныя статуи Божіей Матери и Іоанна Крестителя изъ Куряжскаго монастыря; икона Спасителя на камнѣ XVII в. изъ Купянскаго уѣзда, пожертвованная М. Д. Раевскою; старинный полсъ, старинная ваза, бронзовыя стрѣлы изъ Ахтырскаго уѣзда, кости и зубъ мамонта, старинная икона изъ Зміевскаго уѣзда, кусокъ кольчуги и шлема, пріобрѣтенный по моему указанію альбомъ со старинными рисунками 1800 года, изображающими сцены мѣстной жизни; портретъ стольника Челищева. Имѣется также небольшая нумизматическая коллекція съ ольвійскими, западно-европейскими и русскими монетами, описанными приватъ-доцентомъ В. Е. Даниловичемъ. Есть нѣсколько витринъ съ фотографіями Падеревскаго, Щелкова, Иваницкаго и друг. При музеѣ имѣется, наконецъ, небольшое количество книгъ по исторіи искусствъ (здѣсь есть портретная галлерея, изд. Мюнстеромъ, картины Лондонской Національной Галлереи, Дрезденской Картинной Галлереи, Третьяковской Галлереи, Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ и др.). Таковъ составъ Харьковскаго Городского Промышленно-Художественнаго музея въ настоящее время.

Спрашивается теперь, какъ понимали цѣли музея его первые организаторы. Еще въ бытность городскимъ головою И. О. Фесенка [1]) въ 1883 г. членъ коммиссіи, завѣдывавшей музеемъ Н. Н. Сабо, составилъ, по порученію городской думы, проектъ его устава. Въ этомъ послѣднемъ цѣль музея выражена въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) служить пособіемъ школѣ живописи, рисованія и лѣпки коллекціями художественныхъ и художественно-промышленныхъ произведеній; 2) доставить лицамъ, желающимъ пользоваться художественными и художественно-промышленными образцами наивозможно полныя коллекціи образцовъ и удобное помѣщеніе для такого пользованія (мастерскія), доставить также матеріалы и пособія для копирующихъ, неимѣющихъ средствъ пріобрѣсти таковыя на свой счетъ; 3) доставить преподавателямъ изящныхъ искусствъ мѣсто и образцы, которыми бы они, каждый въ указанные для того часы и дни, могли заниматься со своими учениками; 4) предоставить помѣщеніе для выставокъ художественныхъ и художественно-промышленныхъ предметовъ съ цѣлью ознакомить съ ними публику или сбыть ихъ. Размѣщеніе же въ музеѣ обширныхъ выставокъ, требующихъ перемѣщенія принадлежащихъ музею вещей, не должно быть допускаемо; 5) доставить возможность желающимъ изучать исторію, теорію искусствъ и слѣдить за процвѣтаніемъ искусствъ въ другихъ городахъ и государствахъ, для чего имѣть при музеѣ библіотеку, снабженную соотвѣтственными руководствами и періодическими изданіями; 6) содѣйствовать сближенію художниковъ, любителей искусствъ и лицъ, интересующихся обмѣномъ знаній и мыслей по разнымъ отраслямъ пластическихъ искусствъ и художественной промышленности, для чего предоставить таковымъ удобное помѣщеніе. Въ музеѣ должны быть слѣдующія отдѣленія: 1) Художественное (живопись и скульптура), 2) Кустарное, 3) Архитектурное, 4) Фотографическое, 5) Издѣлія мастерскихъ, имѣющія на себѣ рисунокъ или болѣе или менѣе изящную форму, 6) Этнографическое, 7) Библіотека.

Проектъ г. Сабо вызвалъ суровую критику со стороны другого члена Музейной Коммиссіи С. А. Раевскаго, не согласившагося съ этимъ проектомъ ни по содержанію, ни по изложенію его. Самую цѣль музея—служить пособіемъ школы живописи—г. Сабо, по мнѣнію С. А. Раевскаго, опредѣляетъ невѣрно. „Конечно, для школы, говоритъ онъ, весьма важно имѣть возможность пользоваться коллекціями музея для своихъ учебныхъ цѣлей, но едва-ли задача музея можетъ быть ограничена только этимъ, такъ какъ она значительно шире. Масса населенія, неимѣющая никакого отношенія къ школѣ, можетъ посѣщать музей и, разсматривая его коллекціи, развивать свой эстетическій вкусъ. Ремесленники найдутъ въ музеѣ художественные образцы для своихъ произведеній, черезъ что эти произведенія должны получаться болѣе

[1]) И. О. Фесенко напечаталъ въ мѣстной прессѣ обширную статью о значеніи музея.

высокаго достоинства. Развивая изящный вкусъ въ массѣ, музей тѣмъ самымъ вызываетъ потребность въ предметахъ съ элементомъ изящнаго. Онъ оказываетъ одновременно свое вліяніе и на производителей, и на потребителей. Въ этомъ и заключается громадное значеніе художественно-промышленныхъ музеевъ... Вотъ это-то художественное образованіе массы путемъ разсматриванія картинъ, скульптуры и другихъ художественныхъ предметовъ и должно составлять главную цѣль музея. Между тѣмъ проектъ г. Сабо именно это и упустилъ изъ виду... Естественно, что школа въ коллекціяхъ музея найдетъ богатый матеріалъ для художественнаго развитія своихъ учениковъ... Что же касается до проектированнаго г. Сабо устройства мастерскихъ для копирующихъ, доставленія нѣкоторымъ изъ нихъ матеріаловъ и пособій, доставленія преподавателямъ изящныхъ искусствъ мѣста для занятій съ художниками и удобнаго помѣщенія для любителей искусствъ, то все это, быть можетъ, весьма полезное само по себѣ, не можетъ входить въ кругъ дѣятельности художественно-промышленнаго музея. Далѣе С. А. Раевскій, переходя къ отдѣламъ рекомендуемымъ г. Сабо, говоритъ, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ желаніемъ расширить рамки музея и сдѣлать его не художественно-промышленнымъ, а скорѣе универсальнымъ.

Музей долженъ быть только художественно-промышленнымъ, т. е. заключать въ себѣ: 1) собраніе картинъ, акварелей, гравюръ, скульптурныхъ произведеній и пр., 2) собраніе художественныхъ образцовъ въ приложеніи художества къ ремесламъ и промышленности, имѣющимъ наибольшее значеніе для нашего края; 3) спеціальную библіотеку, составленную преимущественно изъ коллекцій рисунковъ, по части орнамента, мебели, гончарнаго дѣла и пр.; сюда же войдутъ разныя изданія и рисунки, могущія служить пособіемъ при преподаваніи рисованія. Исходя изъ этого основнаго положенія, С. А. Раевскій высказывался противъ спеціальнаго кустарнаго отдѣла, полагая, что относящіеся сюда матеріалы, имѣющіе художественно-промышленное значеніе, могли бы войти въ его второй отдѣлъ; возражаетъ онъ и противъ особаго фотографическаго отдѣла, заявляя, что фотографіи памятниковъ и мѣстностей могутъ войти въ библіотеку. Возстаетъ С. А. Раевскій и противъ спеціальнаго этнографическаго отдѣла, замѣчая, что такіе предметы, не имѣющіе художественнаго значенія, непосредственнаго отношенія къ художественно-промышленному музею не имѣютъ. Съ основательностью этихъ замѣчаній нельзя не согласиться. Но С. А. Раевскій не ограничился только критикою проекта г. Сабо, а съ своей стороны предложилъ собственный проектъ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Харьковскій Городской Музей, по его проекту, имѣетъ цѣлью содѣйствовать художественному развитію мѣстнаго населенія посредствомъ наглядная изученія изящнаго. Онъ заключаетъ въ себѣ: а) собраніе картинъ, акварелей, гравюръ, скульптурныхъ произведеній и пр.; б) систематически расположенныя коллекціи лучшихъ произведеній художественно-промышленныхъ производствъ (коллекціи эти подраздѣляются на слѣдующія главныя группы: 1) исторію всѣхъ стилей ваянія и орнамента, 2) гончарное производство, 3) мебель, 4) рѣзное дѣло, 5) литейное дѣло, 6) переплетное дѣло, 7) декоративное искусство и пр.); в) библіотеку, составленную изъ художественныхъ и художественно-промышленныхъ изданій, рисунковъ, эстамповъ, разнаго рода снимковъ съ художественныхъ и художественно-промышленныхъ предметовъ.

Изъ предыдущаго видно, что пополненіе коллекцій нашего музея шло не по заранѣе опредѣленному плану, а болѣе или менѣе случайно. Картины пріобрѣтались за деньги случайно. Главное богатство музея составляетъ коллекція картинъ, не пріобрѣтенная музеемъ, а предоставленная въ его пользованіе Академіей Художествъ. Въ проектѣ указывалось на необходимость имѣть акварели и гравюры—а ихъ, какъ мы видѣли, до самаго послѣдняго момента вовсе не было. Художественно-промышленнаго отдѣла въ такомъ видѣ, въ какомъ его проектировалъ С. А. Раевскій, въ настоящее время не оказывается и вмѣсто него пріобрѣтенъ именно такой спеціальный этнографическій отдѣлъ, противъ котораго возражалъ С. А. Раевскій. Коллекція книгъ, которой также придавалось большое значеніе, столь незначительна, что не можетъ быть названа библіотекой. Настоящая библіотека теперь организована не при музеѣ, а при школѣ. Можно было бы сказать, что для осуществленія намѣченнаго при основаніи музея проекта не было достаточно денежныхъ средствъ. Средствъ дѣйствительно было мало, но, во-1-хъ, ихъ оказалось же достаточно для пріобрѣтенія спеціальной этнографической коллекціи, когда явилось лицо (проф. А. Н. Красновъ), предложившее свои услуги для ея составленія, во-2-хъ, часть этихъ средствъ расходовалась не на музей, а на школу, и въ-3-хъ, наконецъ, несмотря на скромную ассигновку, оказались въ настоящее время значительные остатки, которымъ теперь нужно дать цѣлесообразное назначеніе.

Для рѣшенія этого вопроса, а равно и для планомѣрной дѣятельности музея въ будущемъ, необходимо твердо и опредѣленно указать, въ какомъ направленіи должно идти дальнѣйшее пополненіе музея.

Художественно-промышленный музей, конечно, долженъ состоять изъ двухъ отдѣленій—художественнаго и художественно-промышленнаго. Первый, состоящій изъ скульптуры, масляныхъ картинъ, акварелей и гравюръ, несомнѣнно представляетъ наибольшій интересъ и для широкой публики, и для школы и потому заслуживаетъ особаго вниманія. Г. Харьковъ бѣденъ художественными коллекціями: на 200 тысячное населеніе его имѣется только 2 музея съ картинными галлереями и скульптурою: университетскій и городской. Въ университетскомъ музеѣ очень богать отдѣлъ старой Европейской живописи разныхъ школъ, отдѣлъ гравюръ, богатая спеціальная библіотека и въ послѣднее время положено серьезное основаніе отдѣлу русскихъ археологическихъ памятниковъ въ видѣ отдѣла мѣстныхъ курганныхъ древностей Харьковской губ.; имѣется небольшой отдѣлъ скульптуры и историческихъ памятниковъ искусства. Картинъ русской новѣйшей школы живописи не имѣется; есть „Засуха“ Мясоѣдова, нѣсколько маринъ Айвазовскаго изъ первыхъ его работъ и нѣк. др. Нашъ городской музей наоборотъ богатъ, главнымъ образомъ, картинами новѣйшей русской школы, желательно и дальнѣйшее пополненіе его въ этомъ направленіи. Мы не сомнѣваемся, что Имп. Академія Художествъ и впредь, какъ и раньше, какъ и нынѣ, особенно съ расширеніемъ музейнаго помѣщенія, будетъ приходить на помощь музейной коммиссіи въ этомъ отношеніи и присылать время отъ времени новыя произведенія для нашего музея. Съ другой стороны и коммиссія одну часть своихъ скудныхъ средствъ будетъ затрачивать на пріобрѣтеніе хотя изрѣдка картинъ извѣстныхъ художниковъ, а другую согласно своему постановленію, сдѣланному еще въ 1902 году, но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не приведенному въ исполненіе, на пріобрѣтеніе картинъ, относящихся къ Малороссіи и Харьковскому краю [1]). Необходимо нашему музею придать областной характеръ: въ этомъ и только въ этомъ можетъ заключаться источникъ его жизненности и прочнаго успѣха. Между тѣмъ до сихъ поръ на эту сторону почти не обращалось вниманія. Всѣ мѣстные музеи въ Россіи имѣютъ областной характеръ—и только одни столичные—общій. Да и можемъ ли мы создать музей по общей широкой программѣ, при нашихъ скудныхъ средствахъ?

Что касается художественно-промышленнаго отдѣла, то таковымъ до нѣкоторой степени можетъ быть признанъ нашъ этнографическій отдѣлъ, хотя онъ, строго говоря, относится не къ искусству, а къ быту. Но среди предметовъ этой коллекціи имѣется все-таки извѣстное количество и такихъ, которые носятъ на себѣ печать своеобразнаго первобытнаго искусства. Въ дальнѣйшемъ пополненіи этой коллекціи необходимо однако 1) обратить вниманіе на наиболѣе близкіе для насъ русскіе памятники и во-2-хъ) именно на тѣ, которые носятъ на себѣ какіе-либо слѣды искусства. Въ такомъ именно смыслѣ и состоялось постановленіе музейной коммиссіи въ 1902 году, но и оно также не приведено въ исполненіе.

Исходя изъ этого положенія, я предлагаю позаботиться о пріобрѣтеніи предметовъ и художественно-промышленнаго характера, относящихся къ русскому искусству какъ великорусскому, такъ и малорусскому въ его прошломъ и отчасти настоящемъ, насколько это настоящее является наслѣдіемъ старины. Древнерусское искусство можетъ быть представлено отчасти памятниками археологическими. Образцомъ для насъ по части предметовъ великорусской—художественной промышленности можетъ служить музей Строгоновскаго училища рисованія въ Москвѣ. Сюда войдутъ: 1) Старый и новый русскій фаянсъ и фарфоръ (русское производство разнаго времени и издѣлія Имп. фарфороваго завода), 2) Гончарныя издѣлія и майолика; 3) Рѣзное дѣло по дереву, по металлу, камню, кости, 4) Мебель, 5) Утварь, 6) Стеклянное и хрустальное производство, 7) Шитье и ткани, 8) Литье, 9) Копіи съ памятниковъ древнерусскаго искусства, 10) Копіи миніатюръ и орнаментныхъ украшеній съ рукописей. По такому же плану необходимо собирать

---

[1]) Въ отчетѣ музейной комиссіи за 1902 годъ мы читаемъ: „проф. Багалѣй высказалъ, что, по его мнѣнію, для Харьковскаго художественно-промышленнаго музея необходимо собирать, помимо шедевровъ живописи, также картины, иллюстрирующія природу и людей какъ Харьковскаго района, такъ и всего вообще Юга Россіи, преслѣдуя однако при этомъ художественное исполненіе. Исключеніемъ могутъ служить картины, имѣющія историческое и этнографическое значеніе, художественныя требованія къ которымъ могутъ быть слабѣе. Съ этимъ мнѣніемъ проф. Багалѣя согласилось большинство членовъ собранія. Въ заключеніе всѣхъ разсужденій постановлено: въ виду недостатка средствъ, пополнять музей, хотя изрѣдка, художественными произведеніями извѣстнѣйшихъ художниковъ, а также работами мѣстныхъ художниковъ, особенно изображающихъ мѣстные элементы не только Харьковской губ., но и Юга Россіи“.

и промышленно-художественные памятники малорусскаго типа и на нихъ, какъ на мѣстные, должно быть обращено преимущественное вниманіе; затѣмъ необходимо пополнять спеціальную художественную библіотеку. Тогда нашъ музей будетъ имѣть значеніе не только для школы, но и для общества. Изъ частныхъ собраній слѣдуетъ отмѣтить картинную галлерею г. Квитки, въ настоящее время уже не существующую. О ней говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя мы приведемъ ниже, М. Д. Раевская. Другая коллекція принадлежитъ вдовѣ недавно скончавшагося любителя искусствъ Бориса Григорьевича Филонова [1]). Коллекція картинъ итальянской и испанской школы была у преподавателя 2-й Харьковской гимназіи Ал. Ос. Михайлова. Богатая коллекція картинъ имѣется также у К. К. Кирстена. Небольшія собранія картинъ имѣются еще у нѣкоторыхъ харьковскихъ жителей (А. Г. Хариной, г. Гладкаго, у меня).

Изъ Харьковскихъ художниковъ слѣдуетъ отмѣтить профессора архитектуры *Васильева*, художника архитектора Н. Ѳ. Алферова, письма котораго, напечатанныя въ „Молодыкѣ“, свидѣтельствуютъ о его глубокихъ познаніяхъ въ архитектурѣ, профессора архитектуры *Тона*. Изъ харьковскихъ художниковъ 60-хъ—70-хъ годовъ выдѣлялся любитель каррикатурнаго жанра—докторъ Вл. Ег. Шрейдеръ; имъ была исполнена цѣлая большая коллекція каррикатуръ на мѣстныхъ Харьковскихъ обывателей (Губ. Сиверса, попеч. Воскресенскаго, предс. округ. суда Бурнашева и др.); у него же была и коллекція картинъ Айвазовскаго, Боголюбова и своей работы. Альбомъ, кажется, былъ переданъ кн. Голицыну. Родной братъ его художникъ Ег. Ег. Шрейдеръ въ это же время имѣлъ уже въ Харьковѣ свою студію, гдѣ успѣшно велось преподаваніе и было много учащихся. Онъ написалъ множество картинъ и этюдовъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ не законченныхъ и не находившихъ сбыта. Нѣкоторыя изъ нихъ были на выставкахъ Академій Художествъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и даже заграницей. Это былъ разносторонній человѣкъ. Ник. Митр. *Уваровъ*—питомецъ Акад. Худ.; портретистъ (лучшій портретъ—бар. проф. живописи Клодта); экспонировалъ на выставкахъ, работаетъ гл. обр. въ области иконописи. В. И. *Великановъ*—питомецъ Академіи Худ., преподаватель рисованія въ разныхъ школахъ; писалъ пейзажи и портреты; занимается иконописью. Изъ современныхъ художниковъ отмѣтимъ преподавателей гор. школы рисованія—К. П. Пынѣева, М. И. Пестрикова, М. С. Ѳедорова, написавшихъ не мало картинъ.

Но самымъ выдающимся Харьковскимъ художникомъ является Сергѣй Ивановичъ *Васильковскій*.

Васильковскій, Сергѣй Ивановичъ, изъ харьковскихъ дворянъ, родился въ гор. Изюмѣ Харьковской губерніи 7 октября 1854 года. Въ 1881 году отецъ Сергѣя Ивановича со всею своею семьей переселился въ г. Харьковъ, и здѣсь сынъ его получилъ сначала первоначальное образованіе, потомъ съ августа 1864 г. по 14 августа 1870 года состоялъ воспитанникомъ Первой Харьковской гимназіи, отсюда перешелъ во Вторую, а изъ нея въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ. Уволившись затѣмъ изъ Института, до окончанія въ немъ курса, Сергѣй Ивановичъ три года служилъ въ Кіевѣ по Министерству Удѣловъ; получивъ чинъ, собравъ немного средствъ и выйдя въ отставку, рѣшилъ исполнить завѣтную мечту о полученіи высшаго художественнаго образованія. Съ этою цѣлью въ 1876 году поступилъ онъ въ число учениковъ Императорской Академіи художествъ. Нелегкое время наступило для него здѣсь; ему приходилось работать, не покладая рукъ, бороться со всякими невзгодами и препятствіями; но страстное желаніе достигнуть намѣченной цѣли, поддерживаемое горячею любовью къ искусству и прирожденнымъ выдающимся талантомъ, и тутъ побѣдило всѣ препятствія. Въ 1885 году Сергѣй Ивановичъ окончилъ курсъ Академіи съ отличіемъ, при чемъ на конкурсѣ пейзажей за картину „Берега Донца“ (въ окрестностяхъ гор. Зміева) ему присуждена была золотая медаль, и опредѣлено было отпра-

---

[1]) Вотъ ея составъ: Айвазовскаго. Возлѣ Ялты, ночью. Закатъ солнца въ Малороссіи. Куріаръ. Уголокъ. Васнецова. Ресторація. Шевченко. Спаситель. Ге. Пушкинъ и Пущинъ. Кившенко. Птицеловъ. Шишкина. Лѣсъ вечеромъ. Бар. Клодтъ. Сосновый лѣсъ зимой. Ауэра. Дѣти въ лѣсу—на деревѣ. Закатъ солнца. Васильковскій. Сѣверный Донецъ. Казакъ и татаринъ (акварель). Послѣдніе лучи солнца надъ моремъ (акварель). Волошина. Яблоки оппортъ. Сахарова. Днѣпръ ночью. Коровы на водопоѣ. Маковскія Влад. Узникъ. Кисилева А. А. 1. Аутка верхняя. 2. Дача въ Ауткѣ. Раббе. 1. Швейцарскій пейзажъ (на деревѣ). 2. Швейцарскій пейзажъ (на деревѣ). Уварова. Три пейзажа тушью. Князя Шаховскаго. Снимокъ лѣса Шишкина перомъ. Брюллова. Портретъ (неоконченный). Бабаева (академика) Сухарная экспедиція гр. Воронцова. Пряшниковъ. Бобыль. Волкова. Лѣсъ. Голландской школы. Возвращеніе съ уборки хлѣба. Итальянской школы. Ваза съ клубникой 1464 года. Сверчкова. Почтовая пара. Портретъ изъ картинной галлереи Донецъ-Захаржевскаго. Свитенко. Уголокъ въ домѣ Кучерова. *Изъ терракоты.* 1) Коро. Бюстъ Вольтера. Котята съ кошкой. Еще есть много разныхъ картинъ и гравюръ неизвѣстныхъ авторовъ.

вить его для усовершенствованія на казенный счетъ за границу. Слѣдуетъ замѣтить, что до этого, въ теченіе пяти лѣтъ Академія ни одного изъ своихъ учениковъ не удостаивала такой награды,—Васильковскій былъ первымъ послѣ того, „разбившимъ ледъ“ предубѣжденій академическихъ авгуровъ. Въ 1885 году Сергѣй Ивановичъ отправился за границу и въ теченіе трехъ лѣтъ занимался здѣсь любимымъ искусствомъ, побывалъ за это время въ Испаніи, Италіи, во Франціи, въ Англіи и въ Алжирѣ. Вернувшись на родину, онъ поселился въ Харьковѣ и здѣсь живетъ до настоящаго времени, рисуя свои мастерскія произведенія и принимая участіе въ выставкахъ. Учителями Сергѣя Ивановича Васильковскаго были:—по отдѣлу пейзажей извѣстные В. Д. Орловскій и М. К. Клодтъ, а по отдѣлу батальной живописи—Б. К. Вилевальде. Рисуетъ онъ вообще все; но излюбленнымъ родомъ его произведеній является жанровый и историческій пейзажи. О томъ, насколько была производительна дѣятельность этого художника, легко судить изъ того, что количество проданныхъ имъ картинъ достигало огромнаго числа 236; нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣтены въ собственность знаменитою Третьяковскою галлереею въ Москвѣ, другія пріобрѣли члены Императорской Фамиліи, Императорская Академія Художествъ и частныя лица. Вотъ списокъ нѣкоторыхъ изъ произведеній С. И. Васильковскаго: 1) Устье Днѣпра; 2) Утро на Днѣпровскихъ порогахъ; 3) Донецъ; 4) Раннею весною; 5) Квиткинская гребля; 6) Днѣпровскіе пороги: 7) Сорочинская ярмарка; 8) Подторжье; 9) Пріятныя рѣчи; 10) Волы; 11) Украинская идиллія; 12) Домъ Богдана Хмѣльницкаго въ Субботовѣ; 13) Чертомлыцкая сѣчь; 14) Могила князя Святослава; 15) Святыя горы; 16) Бой казаковъ съ татарами; 17) Въ Запорожской степи; 18) Запорожецъ на часахъ; 19) Казачья левада; 20) Посты задунайскихъ казаковъ и др. Для дома Полтавскаго губ. земства, который сооруженъ въ украинскомъ стилѣ, имъ написано три картины-панно. Въ сотрудничествѣ съ худ. Самокишемъ имъ изданъ „Альбомъ украинскихъ древностей“, гдѣ ему принадлежатъ портреты дѣятелей.

О другихъ харьковскихъ художникахъ и о харьковскихъ выставкахъ говоритъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ—ветеранъ художница Марья Димитріевна *Раевская* [1]). „Первая художественная выставка въ Харьковѣ, какую я помню, говоритъ, Марья Дмитріевна, была въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; это была, насколько мнѣ помнится, выставка картинъ иностранныхъ художниковъ, старыхъ. Были пейзажи, вродѣ голландцевъ семнадцатаго вѣка. Выставка эта была привезена въ Харьковъ какимъ-то иностранцемъ, показывалась и днемъ, и вечеромъ, причемъ въ одной картинѣ была прожженная лампой дыра. Были ли выставки въ шестидесятомъ и шестьдесятъ первомъ годахъ, я не знаю, такъ какъ эти два года не была въ Харьковѣ. Весной 1862 года пріѣхалъ въ Харьковъ со своею выставкой художникъ Рокачевскій. На этой выставкѣ были, насколько мнѣ помнится, портреты. Особенно интересенъ былъ портретъ молоденькой дочери Косинскаго, тогдашняго синдика университета. Онъ особенно остался у меня въ памяти, такъ какъ мой дядя М. А. Антоновъ, бывшій потомъ много лѣтъ Ивюмскимъ предводителемъ дворянства, увидѣвъ портретъ Косинской, влюбился въ него, познакомился съ оригиналомъ и женился. Портретъ этотъ находится въ семьѣ Антоновыхъ. Съ 63-го до конца 68-го года меня въ Харьковѣ не было. Въ 1869 году я открыла свою школу рисованія, и весной того же года устроила выставку своихъ картинъ и этюдовъ. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ была мною устроена выставка картинъ разныхъ художниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и другихъ картинъ, собранныхъ у разныхъ лицъ, имѣвшихъ картины. Изъ мѣстныхъ художниковъ были картины Семирадскаго, уроженца Харькова (картина Семирадскаго „Распятіе“ находится въ здѣшней католической церкви), который тогда пріѣзжалъ сюда съ цѣлью продать здѣсь свой домъ и окончательно распрощаться съ Харьковомъ. На выставкѣ были тогда его академическія работы: „Діогенъ“, за котораго онъ въ Академіи получилъ серебряную медаль и „Лавка гробовщика“, которая теперь находится у меня. Въ то же время я видѣла у Семирадскаго рисунокъ „Римскій пиръ“, но не помню, былъ ли этотъ рисунокъ на выставкѣ, или я видѣла его только въ мастерской художника. Были кажется на той же выставкѣ картины Киселева, который тогда жилъ въ Харьковѣ, Грюнфельда, Шрейдера и мои. Между прочими принесенными на выставку картинами была одна, приписываемая Айвазовскому,—ее принесъ неизвѣстный мнѣ господинъ. Послѣ выставки онъ картины не взялъ. Не зная его имени, я не могла сама отослать ее. Но разъ встрѣтивъ его на университетской горкѣ,

[1]) Они составлены, по моей просьбѣ Марьей Дмитріевной спеціально для исторіи г. Харькова, а за это я приношу ей величайшую признательность.

спросила, куда отослать его картину, на что онъ отвѣтилъ: „этой картинѣ хорошо у васъ, пусть тамъ и остается“. Такъ картина осталась въ моей школѣ, а потомъ была мною передана въ городскую школу. Но такъ какъ на ней не было подписи Айвазовскаго, то въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Харьковъ, я показала ему картину и спросила, его ли это произведеніе; онъ сказалъ, что нѣтъ, но, что это хорошая копія его лучшаго ученика Фесслера. Нѣсколько позже, но тоже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, была устроена выставка картинъ учениковъ Академіи Художествъ. Выставку эту устроилъ художникъ Данилевскій, бывшій тогда ученикомъ Академіи. Эта выставка, такъ и обѣ предыдущія, помѣщались въ моей школѣ. Потомъ начались въ Харьковѣ ежегодные пріѣзды передвижныхъ выставокъ, которыя сильно развили въ публикѣ и знакомство съ художественными произведеніями и любовь къ нимъ. Первую выставку привезъ сюда художникъ Мясоѣдовъ, который вскорѣ затѣмъ поселился въ Харьковѣ, гдѣ онъ купилъ себѣ дачу вблизи Хлѣбниковской платформы, построилъ мастерскую и жилъ лѣтъ десять. Насколько мнѣ помнится, онъ здѣсь писалъ „Молебенъ во время засухи“, „Изъ Севастопольскаго погрома“ (объ картины находятся въ университетскомъ музеѣ), „Горѣлки“, потомъ парочку на морскомъ берегу, названія картины не помню, портреты Е. С. Гордѣенко, проф. Бекетова и др. Мясоѣдовъ въ ту эпоху часто заходилъ въ мою школу и давалъ совѣты ученикамъ. Помимо передвижныхъ выставокъ еще одинъ разъ пріѣзжала сюда академическая выставка, да два раза еще устраивались выставки разныхъ художниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и картинъ, находящихся у разныхъ лицъ. Первая была устроена въ дворянскомъ собраніи въ пользу Основьянской школы, вторая тоже въ дворянскомъ собраніи и такого же типа. Въ послѣдніе годы стали устраиваться ежегодно выставки мѣстныхъ художниковъ и весеннія выставки въ пользу лѣтнихъ колоній Общества грамотности. Изъ мѣстныхъ художниковъ, помнятся мнѣ, 1) какой-то Колтуновскій онъ писалъ иконы, и помню, что наша гувернантка заказывала ему свой портретъ, (тогда въ Харьковѣ еще фотографій не было). 2) Ветеранъ изъ преподавателей Д. И. Безперчій, преподававшій рисованіе Семирадскому, вспоминавшему его съ благодарностью и въ день его пятидесятилѣтняго юбилея написавшему ему сочувственное письмо. Безперчій такъ былъ поглощенъ преподавательской дѣятельностью, что кажется картинъ совсѣмъ не писалъ. 3) В. П. Карповъ, который тоже живъ. 4) Волошиновъ, написавшій многое множества арбузовъ и другихъ фруктовъ, изъ которыхъ многіе замѣчательно живы и хороши. 5) Грюнфельдъ, съ которымъ я познакомилась, вернувшись изъ за границы и открывъ школу. Онъ былъ хорошій пейзажистъ, добросовѣстно изучавшій природу. Его картины находятся у многихъ въ Харьковѣ. Ему было лѣтъ за сорокъ, умеръ онъ вскорѣ послѣ того, какъ я съ нимъ познакомилась; онъ писалъ этюдъ подъ Чугуевомъ, съ поля, гдѣ производились маневры, чтобы потомъ написать картину маневровъ; у него сдѣлался солнечный ударъ, отъ котораго онъ и умеръ. Разсказывалъ мнѣ Грюнфельдъ, какъ онъ разъ встрѣтилъ на аукціонѣ свою собственную копію съ Магдалины Корреджіо, какъ эта Магдалина шла за оригиналъ и была продана дорого, а ему не удалось убѣдить ни продавцовъ, ни покупателей, что это его собственная копія, проданная, конечно, гораздо дешевле, нежели какъ она пошла за Корреджіевскую. 6) Еще нѣкоторое время жилъ въ Харьковѣ художникъ Бородаевскій (въ университетскомъ музеѣ есть его картинка,—этотъ же музей, внутренній видъ). Остальные Харьковскіе художники могутъ сами дать о себѣ болѣе точныя свѣдѣнія, нежели то могла бы сдѣлать я. Изъ хорошихъ художественныхъ коллекцій, увы, не сохранившихся, могу назвать коллекцію В. А. Квитки, отца теперешнихъ владѣльцевъ Основы. Тамъ были очень хорошія картины, по преимуществу иностранныхъ художниковъ начала девятнадцатаго вѣка. Квитка очень любилъ свою коллекцію и съ удовольствіемъ показывалъ ее. У него я познакомилась съ профессоромъ Каченовскимъ, тоже большимъ любителемъ и знатокомъ картинъ. Коллекція эта была продана наслѣдниками Квитка г. Гладкому, часть же картинъ оставалась тогда у наслѣдниковъ, не знаю, гдѣ она теперь находится. Къ сожалѣнію, картины продавались какъ-то негласно, такъ что при всѣмъ моемъ желаніи постараться, чтобы картины и другія коллекціи были пріобрѣтены для университетскаго музея, этого мнѣ сдѣлать неудалось, большинство картинъ по крайней мѣрѣ пошли въ однѣ руки, слѣдовательно, къ любителю, но другія художественныя вещи, напримѣръ, превосходный англійскій фарфоръ, бѣлые барельефы на голубомъ фонѣ, пошли неизвѣстно куда и за какую цѣну. Я посылала узнать, что и по какой цѣнѣ продается, мнѣ сказали, что неизвѣстно; я просила извѣстить меня, когда это опредѣлится; не получая нѣсколько дней свѣдѣній, я послала узнать, оказалось, что все уже продано. Еще болѣе печальная участь постигла коллекцію картинъ Донецъ-

Захаржевскаго, находившуюся въ его имѣніи Бугаевкѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ. Эта коллекція распродавалась въ деревнѣ. Ни университетъ, никакіе любители не были извѣщены объ этой продажѣ. Тамъ были картины и Теньера, и Остада, кому и за какую цѣну онѣ достались, я не знаю. Кажется, Теньера пріобрѣлъ Бѣлинскій, бывшій тогда здѣсь адвокатомъ. Одна картина изъ этой коллекціи, не лучшая, досталась мнѣ изъ вторыхъ рукъ, это—Нефа—портретъ сестры или дочери Донецъ-Захаржевскаго. Коллекціи различныхъ художественныхъ предметовъ постигла ужасная участь, напримѣръ, великолѣпную кружку слоновой кости, рѣзную, купили какіе-то евреи въ ломъ, ради золота, которымъ эта кружка была отдѣлана. Всѣ подобныя вещи пошли просто въ ломъ. Печальна судьба и самого Донецъ-Захаржевскаго, убитаго изъ-за денегъ, и его превосходныхъ коллекцій такъ безбожно, можно сказать, варварски уничтоженныхъ. Еще въ Харьковѣ давно были и есть и теперь небольшія художественныя коллекціи у А. Г. Хариной и у Б. Г. Филонова. Еще было нѣсколько хорошихъ голландскихъ картинъ у Гельфериха, доставшихся ему за долги отъ какого-то Крымскаго помѣщика, предки котораго были изъ царства польскаго, откуда у него вѣроятно были и картины. Еще коллекція была и у К. К. Киртена". Прибавлю, что есть маленькая коллекція картинъ и у меня.

Что касается музыкальнаго и вокальнаго искусства, то въ эволюціи его въ Харьковѣ, какъ и во всей Россіи, нужно различать два момента, гранью между которыми является уничтоженіе крѣпостнаго права. Это послѣднее отражалось на составѣ оперныхъ оркестровъ и балета, набиравшихся изъ крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ; и среди артистовъ были крѣпостные. Помѣщики же, владѣвшіе крѣпостными, и вообще представители высшаго образованнаго общества, покровительствовали развитію музыки, и сами нерѣдко увлекались ею, являясь исполнителями на концертахъ и вечерахъ. Особое мѣсто занимали церковные хоры въ Харьковѣ, нерѣдко выдвигавшіеся качествомъ голосовъ хористовъ и особенно солистовъ. Съ давнихъ поръ въ Харьковъ стали наѣзжать и пріѣзжіе знаменитые артисты, концерты которыхъ поднимали уровень музыкальныхъ требованій у мѣстнаго общества. Харьковъ, такимъ образомъ, стремился пріобрѣсти репутацію не только театрально-драматическаго, но и музыкальнаго центра, и это стремленіе, главнымъ образомъ, поддерживалось существованіемъ въ немъ оперы. Но такъ какъ эта послѣдняя только по временамъ сюда наѣзжала, тогда какъ драматическая труппа имѣла въ Харьковѣ осѣдлость, то естественно, что въ музыкальномъ отношеніи Харьковъ былъ болѣе отсталымъ городомъ, нежели въ отношеніи Драматическаго театра. Мы представимъ нѣсколько характерныхъ фактовъ, рисующихъ различныя стороны музыкальной жизни г. Харькова въ дореформенную эпоху. И въ дѣлѣ насажденія въ Харьковѣ музыкальнаго образованія инициатива и руководящая роль принадлежала университету. По уставу 1804 г. въ университетѣ полагались преподаватели музыки. Первымъ такимъ преподавателемъ былъ ученикъ славнаго Гайдна Иванъ Матвѣевичъ Витковскій, приглашенный на эту должность въ 1804 г. Попечителемъ гр. С. О. Потоцкимъ съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ; онъ обязался обучать студентовъ въ опредѣленные часы игрѣ на фортепіано и скрипкѣ. Въ свободное время онъ могъ заниматься и частными уроками, а кромѣ того ежегодно получалъ 2-хъмѣсячный отпускъ, чтобы давать концерты въ свою пользу въ другихъ губерніяхъ. Онъ сочинилъ по случаю открытія университета ораторію, которая была разыграна подъ его руководствомъ 200 музыкантовъ, за это получилъ отъ университета благодарность и награду въ 200 руб. Въ 1807 году за поднесенныя Императрицѣ 6 фантазій своего сочиненія получилъ въ награду бриллiантовый перстень. Имъ кромѣ того были составлены разныя музыкальныя сочиненія, напечатанныя въ Вѣнѣ, Лейпцигѣ и Петербургѣ. Преподавалъ онъ 2 раза въ недѣлю, давалъ частные уроки и концерты. Въ 1812 г. онъ открылъ первый музыкальный магазинъ въ Харьковѣ, увлекся торговою дѣятельностью и сталъ манкировать уроками. Объ этомъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія Цебриковъ. Справедливо, хотя и слишкомъ рѣзко осудилъ его за это профессоръ Нельдехенъ, съ точки зрѣнія интересовъ достоинства университета, но для Харькова его музыкальный магазинъ былъ очень полезенъ, давая возможность мѣстному населенію пріобрѣтать здѣсь музыкальные инструменты вообще и особенно начинавшіяся тогда входить въ моду фортепіано. Въ заслугу Витковскаго нужно поставить и то, что онъ знакомилъ харьковцевъ съ классическою музыкою и между прочимъ съ „Сотвореніемъ міра" своего учителя Гайдна[1]). Преемникомъ Витковскаго былъ И. А.

[1]) Ист. Фил. Фак. Харьк. у-та, X., 1908, стр. 375—376, отмѣчу кстати напечатанный мною памфлетъ Витковскаго по адресу ред. Укр. Журн. Склабовскаго, вызванный рѣзкимъ отзывомъ послѣдняго о Витковскомъ.

Лозинскій, принятый на основаніи свѣдѣній о его музыкальныхъ сочиненіяхъ и концертахъ, и по конкурсу; онъ игралъ на флейтѣ, кларнетѣ, скрипкѣ, фаготѣ. Онъ былъ первоначально частнымъ преподавателемъ музыки въ Юго-Западномъ краѣ. Въ виду значительнаго числа учащихся студентовъ (60 чел.), Лозинскій съ 1821 года сталъ раздѣлять преподаваніе съ Витковскимъ. Имъ были написаны симфонія, увертюра, квартетъ, варіаціи на флейтѣ, дивертисментъ на квартетъ для флейты. Помощникомъ Лозинскаго былъ Я. Д. Зенькевичъ. Преемниками же его были В. В. Андреевъ и Ѳ. И. Шульцъ, преподававшій музыку въ университетѣ съ 1842 г. до закрытія музыкальныхъ классовъ въ 1859 году. Ему принадлежитъ выдающаяся роль въ развитіи музыкальнаго образованія въ Харьковѣ. Самъ онъ игралъ на роялѣ и скрипкѣ, въ качествѣ скрипача онъ участвовалъ въ оркестрѣ подъ управленіемъ Мендельсона—Бартольди. Получилъ спеціальное музыкальное образованіе въ Саксоніи и въ 1837 г. уже съ извѣстностью артиста и композитора переѣхалъ въ Россію. Въ 1851 г. подъ его дирижерствомъ были исполнены Ораторія Гайтда „Семь словъ Спасителя“, ораторія Шпора „Паденіе Вавилона“, ораторія Мендельсона „св. пророкъ Илія“ и „Аталія“, Колоколъ „Шиллера—муз. Ромберга, 42 псаломъ Мендельсона и др. Всѣ ораторіи разыграны были съ большимъ успѣхомъ. Напечатаны нѣкоторыя мелкія салонныя пьесы его для фортепіано, но остался ненапечатаннымъ цѣлый рядъ трудовъ. „Неутомимая дѣятельность Ѳ. И. Шульца, по справедливому выраженію Е. К. Рѣдина, составляетъ естественный переходъ къ дальнѣйшему времени, когда въ Харьковѣ организовалось музыкальное общество“.

Дѣлу популяризаціи музыки въ Харьковѣ способствовали и концерты, устраивавшіеся подъ руководствомъ университетскихъ преподавателей музыки во время еженедѣльныхъ актовъ 30 августа, въ нихъ участвовали большіе хоры и оркестры, при чемъ крѣпостные музыканты выписывались отъ богатыхъ помѣщиковъ [1]).

Отмѣтимъ также тотъ любопытный фактъ, что уже въ самомъ началѣ XIX ст., не безъ вліянія учрежденнаго тогда университета, появилось большое и цѣнное для своего времени теоретическое сочиненіе по музыкѣ, а именно книга Густава *Гессъ де-Кальве* „Теорія музыки или разсужденіе о семъ искусствѣ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генералъ басъ, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности“. Перевелъ съ нѣмецкой рукописи Раз. Гонорскій. Ч. 1-я, 304 стр., 2-я 369 стр. Харьковъ. 1818 г., унив. тип. Книга посвящена была Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ краткомъ обращеніи къ читателямъ авторъ говоритъ, что его книга—плодъ многолѣтняго труда и размышленія и пусть она предстанетъ предъ публикой безъ рекламы, какъ бѣдная сиротка. Ее онъ первоначально хотѣлъ издать въ Петербургѣ, но по отдаленности отказался отъ этой мысли и напечаталъ въ Харьковѣ и такъ какъ здѣсь нельзя было напечатать нотъ, то долженъ былъ замѣнить ихъ большими буквами и особыми знаками. Цѣль моихъ трудовъ, говоритъ далѣе авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать любителямъ музыки въ Россіи средства къ лучшему пониманію этого искусства. Мнѣ кажется, что мы, россіяне, еще не имѣемъ ни одного систематическаго сочиненія, приноровленнаго къ нынѣшней музыкѣ и что нѣтъ ни одной націи во вселенной, которая бы столько же имѣла природнаго расположенія къ этому искусству, какъ наша. Далѣе авторъ приводитъ образцы русской и малорусской народной пѣсни, дѣлаетъ характеристику музыкальности русскаго народа и приводитъ историческія данныя въ пользу давняго существованія у него военной музыки. Въ заключеніе онъ перечисляетъ свои пособія, указывая на сочиненія Кирнбергера, Марбурга, Фоглера, Альбрехтбергера, доктора Хладни, Форкеля, Руссо, Криница, Сулцера и др. Содержаніе сочиненія Гессъ де Кальве таково: здѣсь говорится о музыкѣ вообще, о цѣли музыки, о дѣйствіи музыки, о дѣйствіи музыки на разныя болѣзни, о средствахъ музыки, о тонахъ и лѣстницахъ, о Dur и Mol или твердомъ и мягкомъ голосѣ, объ интервалѣ, о гармоніи и мелодіи, о мелодическомъ напѣвѣ, о ключахъ и нотахъ, о ритмѣ, о гармоническомъ ходѣ, о дисонаціяхъ, о темпо и акцентѣ, объ инструментахъ вообще, о струнныхъ инструментахъ, о духовыхъ инструментахъ, о родахъ музыки, о церковной музыкѣ, объ ораторіи, объ оперѣ, о кантатѣ, о балладѣ, о романсѣ, о ноттурно, о дивертименто, о попури, о пасторели, о маршѣ, о пѣснѣ, о родахъ инструментальной музыки, о симфоніи, о концертѣ, о квартетѣ, о квинтетѣ, секстетѣ, о сонатѣ, о рондо, о варіаціи, о фугѣ, о фантазіи, о пля-

[1]) Ист. Фил. Фак. X., 1908, стр. 377—380.

совой музыкѣ, о балетѣ, о пантоминѣ, объ исторіи музыки съ древнѣйшихъ временъ, о музыкѣ у грековъ въ ихъ героическомъ вѣкѣ, о музыкѣ у грековъ отъ начала Олимпіадъ до завоеванія Греціи римлянами, о музыкѣ грековъ и римлянъ вообще, о качествѣ музыки древнихъ, о музыкѣ израильтянъ, о турецкой музыкѣ. Заслуживаютъ вниманія указанія автора на помѣщичьи оркестры въ его время и на современныхъ ему музыкантовъ въ Россіи. Въ общемъ трудъ этотъ хотя, быть можетъ, и не особенно самостоятельный, но содержательный и для своего времени очень полезный.

Гессъ де Кальве получилъ отъ Харьковскаго университета степень доктора послѣ экзамена и защиты диссертаціи на латинскомъ языкѣ на общую философскую тему (у извѣстнаго проф. Шада), напечатанную въ 1812 году. Въ концѣ диссертаціи мы находимъ curriculum vitae автора. Оказывается, что Гессъ де Кальве былъ иностранный выходецъ изъ Венгріи, учился въ Пражскомъ университетѣ, а потомъ въ Павіанскомъ въ Италіи, участвовалъ въ тогдашнихъ войнахъ, объѣхалъ почти всю Италію, чтобы видѣть собственными глазами памятники ея искусства и образовать умъ живыми образами и изученіемъ ея прекрасныхъ памятниковъ; преимущественно же жилъ въ Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ, Мальтѣ и Миланѣ, такъ что тамъ не оставилъ безъ осмотра ничего мало мальски заслуживающаго вниманія. Ѣздилъ въ качествѣ музыканта по Венгріи, Моравіи, Саксоніи и Польшѣ и давалъ концерты въ Пештѣ, Львовѣ, Краковѣ, Варшавѣ и т. п. Пріѣхалъ въ Россію, женился на дворянкѣ помѣщицѣ Харьковской губ. Серафимѣ Мечниковой, вошелъ въ составъ мѣстнаго дворянскаго общества, пріѣзжалъ въ Харьковъ и устраивалъ здѣсь концерты [1]).

Хорошимъ музыкантомъ и даже композиторомъ былъ и магистръ химіи Харьковскаго университета Шуманъ. Онъ сочинилъ музыку къ ораторіи проф. И. Е. Срезневскаго по случаю изгнанія французовъ; она исполнялась въ 1814 году. Архіерей отказалъ въ присылкѣ своего хора и рѣшено было пригласить для этой цѣли частный хоръ помѣщицы Ахтырскаго уѣзда Корсаковой. Въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“ (1833 г.) были напечатаны ноты къ опереттѣ Котляревскаго „Наталка Полтавка“, сочиненія А. И. Барцицкаго—это тогдашній харьковскій композиторъ. Въ „Молодыкѣ“ Бецкаго были помѣщены ноты романса „Отрокъ у ручья“ музыка А. Дрейшока. Въ 30-хъ годахъ славился въ качествѣ истиннаго музыканта учитель музыки въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ А. А. Штадлеръ, воспитанникъ консерваторіи гр. Эстергази, первый віолончелистъ Вѣнскаго театральнаго оркестра [2]). Среди учителей музыки въ 50-хъ годахъ выдѣлялись—Вильчикъ, Ястремскій, Краузъ, Ставьковскій, Фейстъ и Кроль [3]). О томъ, какъ формировались крѣпостные хоры и оркестры, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Учитель музыки И. И. Конъ напечаталъ въ газ. „Харьк. Изв.“ въ 1817 году объявленіе, въ которомъ предлагалъ обучить своему искусству 6 мальчиковъ, кои должны были составить потомъ у помѣщика крѣпостной оркестръ; за содержаніе и обученіе онъ хотѣлъ взимать по 1800 р. въ годъ; ученіе должно было продолжаться 4 года, причемъ Конъ обязывался научить мальчиковъ также читать и писать. За обученіе на фортепіано требовалась прибавка въ 200 руб. [4]).

Любопытныя бытовыя черты изъ жизни архіерейскаго хора въ Харьковѣ въ началѣ XIX вѣка сообщаетъ въ своихъ запискахъ бывшій пѣвчій Пѣхотинскій.

Онъ былъ опредѣленъ сначала въ Бурсу, а оттуда попалъ въ хоръ, потому что немного пѣлъ еще у родителей, игравшихъ на *гуслях*.

„Пробылъ я, пишетъ онъ, въ пѣвческомъ хорѣ 3 года и пріобрѣлъ маленькую извѣстность. Въ городѣ меня знали многія лица изъ купеческаго званія, и лишняя гривна мѣди частенько стала водиться въ моемъ карманѣ. Но это не улучшало нисколько моего положенія. Я отвыкалъ отъ классныхъ занятій; по прежнему Л. С. (регентъ) колотилъ меня. Особенно же огорчало меня то, что преосвященный, котораго я душевно любилъ за его милостивое съ нами обращеніе, разумѣлъ меня отчаяннымъ шалуномъ. Я безпрестанно попадался ему лично въ какомъ-нибудь проступкѣ, котораго основаніе не всегда ему было извѣстно“. Далѣе Пѣхотинскій разсказываетъ, какъ онъ нарядился въ ленту губернатора, когда архіерей-

[1]) Мой „Опытъ ист. Харьк. у-та“, I, 613—616; II, 728—729
[2]) Х. Г. В. 1859, № 20.
[3]) Х. Г. Вѣд. 1959 г., № 18.
[4]) Харьк. Изв. 1817, № 35.

скій хоръ пѣлъ въ его домѣ во время одного торжественнаго обѣда, какъ онъ попался съ уворованными яблоками въ Куряжѣ и т. п.

Регентъ позволялъ себѣ наносить побои пѣвчимъ. „Въ городѣ, разсказываетъ Пѣхотинскій, умеръ одинъ изъ богатыхъ почетныхъ гражданъ и хоръ нашъ приглашенъ былъ пѣть погребеніе. Концерты— „Услыши Господи“ и „Плачу и рыдаю“ были пропѣты хорошо. Эти концерты всегда принимались слушателями съ умиленіемъ и грустнымъ впечатлѣніемъ. Да и кто равнодушно можетъ слушать эти превосходныя и трогающія душу творенія духовной музыки, особенно когда душа, подъ вліяніемъ всей печальной обстановки и надгробныхъ пѣсней, естественно предается унылому чувству? Но въ концертѣ „Плачу и рыдаю“ есть solo soprano: „О чудесе, что сіе есть, еже о насъ быти таинство“, пропѣтое мною, можетъ быть, въ 50-й разъ, оно не могло быть испорчено, а вырвавшійся мгновенный вопль жены покойника заглушилъ самое окончаніе моего соло. Но когда я завернулъ нотную книгу, вдругъ почувствовалъ въ ребрѣ своемъ присутствіе камертона, очень безжалостно запущеннаго туда Л. С. Я вскрикнулъ и побѣднѣлъ, какъ мертвецъ; но вопли у гроба скрыли мой возгласъ и дозволили Л. С. произнести десятки фразъ, исполненныхъ угрозъ за мое соло“. Затѣмъ регентъ еще разъ сильно избилъ Пѣхотинскаго, который отъ горя, ища уединенія, спрятался въ архіерейскую карету, которую подали владыкѣ. Владыка подтвердилъ свое распоряженіе, чтобы наказывалъ пѣвчихъ одинъ только протодіаконъ.

Въ музыкальной части университетскихъ актовъ (30 авг. и 17 янв.) принималъ участіе и архіерейскій хоръ; „къ этимъ обоимъ днямъ дѣлались особенныя приготовленія и всегда давались ораторіи и концерты въ собраніи многочисленной публики. Университетскій учитель (Витковскій), считавшійся тогда однимъ изъ извѣстныхъ артистовъ—композиторовъ съ особенною заботою и умѣньемъ распоряжался составленіемъ оркестра, какъ инструментальнаго, такъ и вокальнаго. Нашъ пѣвческій хоръ заблаговременно приглашался и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы держали репетиціи. При этихъ репетиціяхъ бывали профессоры и студенты. Тутъ мнѣ было большое приволье видѣть все ученое сословіе, которое я зналъ и иногда удостоивался отъ членовъ его ласки и вниманія. Студенты же многіе меня полюбили и водили въ свои комнаты, подчивали яблоками, кренделями, заставляли пѣть малороссійскія пѣсни подъ акомпаниментъ гитары, которая начинала тогда входить въ употребленіе; иногда пѣлъ я подъ віолончель, но чаще съ пособіемъ одного прелюбезнаго студента, владѣвшаго голосомъ баритона. Онъ пѣлъ безъ особенной манеры, но чрезвычайно бойко дѣлалъ гримасы малороссійскаго парубка, прибавляя въ родѣ речитатива, прибаутки и прищелкивая каблуками. Но возвращаюсь къ ораторіи. Это твореніе Гайдна „Сотвореніе міра“. Успѣхъ ея, сколько помню, былъ блестящъ. Хоръ нашъ заслужилъ полное одобреніе и меня, не знаю, впрочемъ, за что, многіе хвалили и подзывали къ себѣ. Я даже стыдился этихъ похвалъ, какъ стыдился послѣ того, что долго не зналъ знаменитаго имени Гайдна. Я не понималъ достоинства ораторіи и пѣлъ и слушалъ потому, что велѣли пѣть и надобно было слушать, а собственной никакой музыкальной мысли не существовало для меня“. Ораторія была послѣднимъ тріумфомъ Пѣхотинскаго. Вскорѣ онъ потерялъ голосъ и вышелъ изъ хора [1]).

Среди дилетантовъ-музыкантовъ попадались подчасъ настоящіе виртуозы. О нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и кн. Голицынѣ, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ своихъ воспоминаніяхъ объ одномъ концертѣ В. Пашковъ.

„Публика наслаждалась чудесною игрою жившаго тогда въ Харьковѣ знаменитаго віолончелиста князя Николая Борисовича Голицына, артистическою игрою котораго восхищались парижане и король Филиппъ—Людовикъ. Если величайшій изъ всѣхъ музыкальныхъ геніевъ—Бетховенъ—посвятилъ князю Голицыну, какъ собрату по искусству, три изъ самыхъ лучшихъ и самыхъ трудныхъ своихъ семнадцати квартетовъ,—то можно судить, какъ игралъ Голицынъ на віолончели. Игра его уподоблялась пѣнію отличнаго контръ-альто и баритона, была глубоко-задушевная и вполнѣ артистическая. Віолончель по тону принадлежалъ къ числу инструментовъ работы великаго художника Страдиварія;—князь Голицынъ заплатилъ за віолончель нѣсколько тысячъ рублей. Князь оставилъ послѣ себя много собственныхъ музыкальныхъ сочиненій, которыя, вѣроятно, погибли со смертью композитора, оцѣненнаго и почтеннаго великимъ Бетховеномъ! Студентъ Н. Д. Щелковъ игралъ въ этомъ концертѣ соло на скрипкѣ. И прежде этого онъ не

[1]) Мое дѣтство. Изъ жизни маленькаго пѣвчаго Т. Пѣхотинскаго (Дух. Вѣсти. 1865, т. XI, стр. 405—449).

разъ доставлялъ удовольствіе Харьковской публикѣ своею прекрасною игрою. Во время крымской войны Щелковъ поступилъ въ Изюмское ополченіе офицеромъ. Когда пошли въ походъ и потомъ возвращались, то Щелковъ, выйдя съ товарищами—офицерами изъ экипажей, шли пѣшкомъ, и Щелковъ игралъ великолѣпно на скрипкѣ русскія пѣсни, а товарищи пѣли. Потомъ я слышалъ, что онъ поселился гдѣ-то въ окрестности Харькова, въ лѣсу, и умеръ тамъ въ бѣдности... Такъ погибъ безслѣдно замѣчательный музыкальный талантъ и отличный виртуозъ! Студентъ А. Ѳ. Тюринъ (впослѣдствіи сенаторъ) былъ славный піанистъ и тогдаже блестяще исполнилъ Ave Maria—Шуберта. Студентъ Башиловъ старшій хорошо пропѣлъ двѣ аріи. Можно сказать, что Харьковъ того времени былъ богатъ музыкальными артистическими талантами. Впослѣдствіи давалъ въ театрѣ концерты на скрипкѣ и очаровалъ всѣхъ превосходною игрою молодой артистъ—Гизъ. Игралъ онъ Паганиніевскій концертъ и свою фантазію съ варіаціями, написанную въ Харьковѣ. Покойный И. О. Калиниченко говаривалъ такъ: „многихъ артистовъ переслушалъ я въ моей жизни, и въ Россіи, и за-границей, но лучше игры Гиза ничего не слыхалъ и не услышу“. Дѣйствительно игра Гиза была очаровательна; такой скрипки харьковцы до того не слыхали; особенность же его игры, кромѣ всѣхъ другихъ качествъ первокласснаго артиста, заключалась въ силѣ звуковъ, звуковъ не рѣзкихъ, а полныхъ, густыхъ, бархатныхъ, что, разумѣется, зависѣло и отъ превосходнаго инструмента, которымъ владѣлъ Гизъ. Недолго услаждалъ публику славный артистъ—скрипачъ: въ молодыхъ лѣтахъ онъ умеръ въ Парижѣ. Третій замѣчательный концертъ былъ знаменитаго артиста—віолончелиста Серве. Кто слышалъ дивную его „Романеску“, тотъ никогда ее не забудетъ: волшебные звуки проникали до глубины души и потрясали ее. Статный и красивый блондинъ, Серве былъ очень силенъ физически и чрезвычайно ловокъ. Онъ владѣлъ вполнѣ могучимъ инструментомъ и своею игрою на віолончели восхищалъ всю Европу. Наконецъ, припомнимъ піаниста Александра Дрейшока. Когда онъ исполнялъ нашъ народный гимнъ, съ варіаціями, то у многихъ вырывался крикъ восторга, и это мѣшало игрѣ... Въ этой чудной пьесѣ у него слышался не рояль, а цѣлый оркестръ: казалось всѣ клавиши играютъ разомъ... Изъ всѣхъ извѣстныхъ піанистовъ едва-ли кто игралъ такъ блистательно, какъ Дрейшокъ. Тогда же пріѣзжалъ въ Харьковъ, въ первый разъ, молодой артистъ—скрипачъ Аполинарій Контскій и также доставилъ публикѣ высокое наслажденіе“.

Посѣщали Харьковъ и другіе всемірно извѣстные виртуозы. Вотъ, напримѣръ, отзывъ объ одномъ изъ нихъ-скрипачѣ Вѣнявскомъ, дававшемъ концерты въ 1852 году. „Братья Вѣнявскіе дали у насъ до сихъ поръ четыре концерта. О двухъ первыхъ мы уже отдали отчетъ нашимъ читателямъ; успѣхъ двухъ послѣднихъ нисколько не уступалъ первымъ. Мало того: въ третьемъ публика не ограничилась рукоплесканіями, криками и подниманіями артистовъ въ воздухъ: она еще увѣнчала ихъ лавровыми вѣнками.— Изъ пьесъ, сыгранныхъ у насъ Вѣнявскими, особенно понравились публикѣ и заслужили одобреніе: дуэтъ для скрипки и фортепьяно на тему русскаго народнаго гимна „Боже, царя храни“; варіаціи для скрипки на мотивы пѣсенъ „Красный сарафанъ“ и „Осѣдлаю коня“; варіаціи для фортепьяно вродѣ польскаго; варіаціи для скрипки „Hommage à Verstowsky“ на мотивы изъ Аскольдовой могилы и пр.— собственныя сочиненія г.г. Вѣнявскихъ. Особенно хороши варіаціи изъ Аскольдовой могилы: прекрасные, чисто-русскіе, полные то грусти, то разгульнаго веселья звуки этой оперы пересыпаны въ сочиненіи Генриха Вѣнявскаго, будто алмазами, самыми ловкими варіаціями; здѣсь мотивы Верстовскаго, сохраняя свои внутреннія, такъ сказать, чисто духовныя достоинства, какими отличаются они въ своей первобытной чистотѣ, являются во всемъ блескѣ внѣшнихъ, механическихъ качествъ игры на скрипкѣ [1]).

Суммируя вкратцѣ неизмѣнимое различіе русской музыкальной жизни теперь и полвѣка тому назадъ, можно было бы формулировать его такъ: дореформенная крѣпостная Россія знала съ одной стороны диллетантовъ, часто очень талантливыхъ и болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, принадлежавшихъ къ высшимъ по положенію или богатству барскимъ слоямъ, получившимъ свое музыкальное образованіе заграницей или даже отъ иностранцевъ, а съ другой стороны имѣла музыкантовъ-работниковъ, стоявшихъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, будь то крѣпостной помѣщичій оркестръ, хоръ придворной капеллы, скромный учитель музыки изъ иностранцевъ, попавшихъ въ Россію (въ родѣ старика Лемма въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“), или даже артисты казенной оперы, которымъ начальство всѣмъ безъ разбора говорило „ты“ и въ видѣ наказанія предписывало арестъ въ карцеръ.

[1]) Х. Губ. Вѣд. 1852. № 5. (Статья редактора Барымова).

Вторая половина XIX вѣка въ исторіи музыкальной жизни гор. Харькова характеризуется, главнымъ образомъ, дѣятельностью открытаго въ немъ отдѣленія русскаго музыкальнаго общества. Необходимость широкаго музыкальнаго образованія, какъ для будущихъ артистовъ, такъ и для рядового профессіональнаго труженика, вмѣсто диллетантской забавы музыкой „отъ нечего дѣлать", такова была основная идея, которую отстаивалъ геніальный артистъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, добиваясь въ 50-хъ годахъ въ Петербургѣ основанія общества, которое „имѣетъ цѣлью содѣйствовать распространенію музыкальнаго образованія въ Россіи и способствовать развитію всѣхъ отраслей музыкальнаго искусства", какъ гласитъ 1-й пунктъ устава Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

Въ октябрѣ 1859 г. открылось по иниціативѣ А. Г. Рубинштейна, благодаря покровительству Великой Княгини Елены Павловны, „Русское Музыкальное Общество" въ Петербургѣ, въ 1860 г. въ Москвѣ по иниціативѣ его брата Н. Г. Рубинштейна, въ 1863 г. въ Кіевѣ по иниціативѣ В. А. Кологривова, уже сыгравшаго большую роль при основаніи общества въ Петербургѣ благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ къ А. Г. Рубинштейну, а въ 1871 г. было основано отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества (титулъ Императорскаго былъ пожалованъ Р. М. О. только 6 апрѣля 1883 г., когда званіе президента принялъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ) въ *Харьковѣ* по иниціативѣ Ильи Ильича Слатина, который стоитъ въ теченіе 40 лѣтъ во главѣ его, какъ директоръ училища, завѣдующій музыкальной частью и постоянный дирижеръ симфоническихъ собраній, а также, какъ предсѣдатель фортепіаннаго класса [1]).

И. И. Слатинъ род. въ Бѣлгородѣ 8 іюля 1845 г. Съ 9-тилѣтняго возраста началъ учиться на фортепіано у единственной тамошней учительницы музыки, бывшей крѣпостной. Общее образованіе получилъ въ пансіонѣ Сливицкаго въ Харьковѣ, продолжая заниматься музыкой, къ которой чувствовалъ большое влеченіе, но въ тѣ времена въ городѣ не было еще хорошихъ учителей. Пріѣздъ въ Харьковъ знаменитаго піаниста-виртуоза Александра Дрейшока, давшаго нѣсколько концертовъ, окончательно побудилъ молодого И. И. посвятить себя музыкальной карьерѣ и въ 1863 г. онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ за годъ передъ тѣмъ открывшуюся консерваторію въ классъ Дрейшока и пробылъ тамъ 6 лѣтъ. Незадолго до выпускного экзамена И. И. скончался Дрейшокъ и молодой піанистъ, выбывъ изъ консерваторіи, отправился за-границу. Въ Берлинѣ онъ бралъ уроки у піаниста у Теодора Куллака, а по теоріи у Вюрста, затѣмъ посѣтилъ Вѣну, Лейпцигъ, Прагу и Дрезденъ и окончательно рѣшилъ пожертвовать карьерой піаниста ради дирижерской дѣятельности, все болѣе увлекавшей его. Первое выступленіе И. И. въ качествѣ дирижера, состоялось 9 марта 1871 г. въ Дрезденѣ въ собственномъ симфоническомъ концертѣ, программа котораго состояла исключительно изъ произведеній русскихъ композиторовъ: Глинки, Даргомыжскаго и А. Рубинштейна. Дебютъ этотъ очень удался и извѣстный дрезденскій критикъ Людвигъ Гартманъ отозвался объ И. И. какъ о „несомнѣнно одаренномъ дирижерѣ". Изъ Дрездена И. И. вернулся въ Россію, сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Харьковъ.

Въ апрѣлѣ 1871 г. Петербургская Дирекція Р. Муз. Общ., узнавъ о намѣреніи И. И. Слатина, возвратившаго изъ Германіи послѣ 2-лѣтняго пребыванія, основать отдѣленіе въ Харьковѣ, уполномочила его „собрать въ Харьковѣ свѣдѣнія, въ какой степени можетъ быть примѣнена въ немъ дѣятельность Р. М. Общ. и по собраніи этихъ свѣдѣній сообщить ихъ Дирекціи". Прибывъ въ Харьковъ въ началѣ мая И. И. встрѣтилъ горячее сочувствіе этому дѣлу въ лицѣ Княгини Ольги Александровны Крапоткиной и уже 31-го мая 1871 г. состоялось общее собраніе лицъ, интересовавшихся развитіемъ музыкальнаго дѣла въ Россіи, и на этомъ собраніи было рѣшено основать въ Харьковѣ отдѣленіе Р. М. Общ. Въ составъ мѣстной дирекціи были избраны: предсѣдательница О. А. Крапоткина (занимавшая этотъ постъ до своего отъѣзда изъ Харькова въ 1879 г.), вице-предсѣдатель И. В. Вернадскій; директоры И. И. Слатинъ (онъ же завѣдующій музыкальной частью и директоръ классовъ), Я. Д. Петровскій, У. Е. Вильчекъ, Л. О. Павловичъ; кандидаты-директоры: В. А. Кочетовъ, В. О. Вальнеръ, В. Н. Пановскій, Е. Г. Воробьевъ и Л. Р. Рубинштейнъ. Дѣйствительныхъ членовъ (по 100 руб. въ годъ) записалось

---

[1]) О немъ см. 1) Русская Муз. Газ. 1896. мартъ, Харьковск. Губ. Вѣд. (статья Л. Б. Хавкиной, 1 октября 1896 г.), „Утро" (13 марта 1911 г., статья Риголетто).

20, членовъ-посѣтителей (по 10 руб. въ годъ)—137. Съ первыхъ же шаговъ отдѣленія было обращено вниманіе на правильную организацію музыкальнаго образованія и съ 1-го октября 1871 г. послѣдовало открытіе „музыкальныхъ классовъ“ (помѣщавшихся сначала въ квартирѣ, нанятой въ домѣ б. Дурново на Вознесенскомъ пер., а черезъ 2 года перешедшихъ на Рымарскую улицу въ верхній этажъ, б. домъ Волжско-Камскаго Банка). Были открыты классы по всѣмъ спеціальностямъ, причемъ въ составъ преподавателей были привлечены мѣстныя педагогическія силы, а для класса пѣнія-соло была приглашена по рекомендаціи Н. Г. Рубинштейна Петербургская артистка К. А. Прохорова-Маурелли, занимавшая эту должность до 1888 г. Число учащихся за 1871—2 г. въ общемъ дошло до 254 чел., изъ коихъ 121 записалось лишь въ классъ элементарной теоріи и хорового пѣнія. Концертная дѣятельность отдѣленія открылась первымъ концертомъ (8 ноября въ залѣ коммерческагоклуба) камерной музыки съ участіемъ струннаго квартета и солистовъ-гастролеровъ (піанистъ Блюммеръ, скрипачъ Фриманъ, віолончелистъ Фитценхагенъ) и первымъ симфоническимъ (4 декабря въ драматическомъ театрѣ Дюкова) подъ управленіемъ И. И. Слатина при участіи пѣвицы К. А. Прохоровой-Маурелли и оркестра, состоявшаго изъ оркестровъ театральнаго и коммерческаго клуба. Всего въ 1871 г. состоялось 5 симфон. собраній.

Важнымъ моментомъ въ жизни Харьковскаго Отдѣленія слѣдуетъ признать—1883 г., когда 8 сентября классы были преобразованы въ Музыкальное училище и, такимъ образомъ, возбужденный дирекціей еще въ 1873 году вопросъ о спеціальной музыкальной школѣ, наконецъ, осуществился, и несмотря на скромныя средства были открыты, кромѣ музыкально-художественныхъ классовъ, еще и общеобразовательные съ 4-лѣтнимъ прогимназическимъ курсомъ. Затѣмъ, съ пріобрѣтеніемъ собственнаго дома, на Екатеринославской улицѣ въ 1892 году, оцѣнивавшагося около 80 тысячъ рублей, Отдѣленіе прочно обезпечило дальнѣйшее существованіе училища; покупка эта (съ переводомъ банковскаго долга) оказалась возможной благодаря имѣвшимся пожертвованіямъ г.г. Харитоненко и Кирѣева и безпроцентнымъ ссудамъ тогдашнихъ членовъ-директоровъ Отдѣленія М. Х. Гельфериха, В. Е. Краинскаго и А. Р. Рубинштейна. Въ высшей степени тяжелое время пришлось пережить отдѣленію въ 1877—1878 г. въ силу общихъ политическихъ событій и дальнѣйшее существованіе Отдѣленія оказалось возможнымъ лишь благодаря сочувственному отношенію Харьковской Городской Думы, назначившей въ засѣданіи своемъ 12 мая 1878 г. ежегодное пособіе Отдѣленію въ размѣрѣ 1000 руб. въ годъ. Затѣмъ въ 1896 году размѣръ этого пособія былъ повышенъ до 3000 рублей. Пособіе изъ средствъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ размѣрѣ 5000 р. въ годъ Отдѣленіе получаетъ со времени преобразованія „классовъ“ въ „училище“.

Относительно постепеннаго развитія училища и результатовъ его дѣятельности можетъ дать слѣдующая таблица числа учащихся и окончившихъ курсъ (первый выпускъ могъ состояться лишь послѣ преобразованія „классовъ“ въ „училище“).

1871—1872 г.	254 [1])	учащ.	—	оконч.	курсъ
1872—1873 „	117	„	—	„	„
1873—1874 „	108	„	—	„	„
1874—1875 „	85	„	—	„	„
1875—1876 „	76	„	—	„	„
1876—1877 „	99	„	—	„	„
1877—1878 „	112	„	—	„	„
1878—1879 „	133	„	—	„	„
1879—1880 „	203	„	—	„	„
1880—1881 „	183	„	—	„	„
1881—1882 „	199	„	—	„	„
1882—1883 „	163	„	—	„	„
1883—1884 „	140	„	1	„	„
1884—1885 „	170	„	3	„	„
1885—1886 „	194	„	4	„	„
1886—1887 „	215	„	7	„	„
1887—1888 „	213	„	7	„	„
1888—1889 г.	223	учащ.	7	оконч.	курсъ
1889—1890 „	221	„	8	„	„
1890—1891 „	242	„	5	„	„
1891—1892 „	238	„	6	„	„
1892—1893 „	255	„	12	„	„
1893—1894 „	249	„	5	„	„
1894—1895 „	260	„	10	„	„
1895—1896 „	265	„	14	„	„
1896—1897 „	261	„	8	„	„
1897—1898 „	296	„	16	„	„
1898—1899 „	286	„	14	„	„
1899—1900 „	264	„	9	„	„
1900—1901 „	270	„	12	„	„
1901—1902 „	268	„	6	„	„
1902—1903 „	282	„	14	„	„
1903—1904 „	287	„	10	„	„
1904—1905 „	311	„	11	„	„

[1]) Въ 1871—2 гг. пріемъ учащихся и плата были распредѣлены помѣсячно въ теченіе всего года, такъ что цифра 254 обозначаетъ число всѣхъ поступавшихъ и выбывавшихъ въ теченіе года, съ 1872—3 гг. пріемъ былъ раздѣленъ по полугодіямъ, въ Сентябрѣ и въ Январѣ.

Всего окончило по 1904 годъ включительно 189 душъ. По музыкальнымъ спеціальностямъ окончившіе курсъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: больше всего по фортепіано, затѣмъ идетъ пѣніе, скрипка, віолончель и другіе инструменты. Всѣ младшіе преподаватели по фортепіано являются бывшими питомцами Харьковскаго Музыкальнаго Училища. Изъ піанистовъ, бывшихъ питомцевъ училища, подвизающихся не въ Харьковѣ, можно упомянуть профессора Петербургской консерваторіи г. Винклера (уч. кл. И. И. Слатина) и профессоровъ Берлинскихъ консерваторій г. Луценко и г. Гинзбурга учениковъ покойнаго А. В. Шульцъ-Эвлера. За-границей подвизались также віолончелисты г. Дубинскій (кл. г. фонъ-Глена) и г. Колниболоцкій (кл. г. Глазера). Изъ спеціалистовъ теоретиковъ можно указать на Харьковскаго военнаго капельмейстера В. І. Катанскаго и Московскаго музыкальнаго критика Ю. Энгеля, а также регента Харьковскихъ церквей М. М. Новикова. Одно изъ преимуществъ Харьковскаго училища составляютъ прекрасно обставленные классы деревянныхъ духовыхъ инструментовъ—Г. А. Гека (кларнетъ и гобой) и Ф. В. Кучера (фаготъ и флейта), давшіе цѣлый рядъ спеціалистовъ по этимъ инструментамъ въ Россіи, между тѣмъ какъ прежде приходилось приглашать въ столичные и провинціальные оркестры для этихъ инструментовъ исключительно заграничныхъ музыкантовъ, преимущественно чеховъ. Изъ окончившихъ по классу пѣнія г-жи Рейдеръ и Левковская (по кл. г-жи Мотте) состоятъ преподавательницами пѣнія, первая въ Одесскомъ музыкальномъ училищѣ, а вторая—въ Петербургѣ на курсахъ Рапгофа. Изъ сдѣлавшихъ оперную карьеру можно указать на тенора Императорской Московской оперы г. Боначича (послѣ училища окончилъ еще и Петербургскую консерваторію) и г-жу Монтвидъ-Воронецъ (кл. г. Бугамелля), артистку Кіевской оперы. Концертно-просвѣтительная дѣятельность Отдѣленія выражалась въ устройствѣ ученическихъ музыкальныхъ вечеровъ, камерныхъ и симфоническихъ собраній; всего за 40 лѣтъ состоялось 214 камерныхъ и 167 симфоническихъ собраній. Главнымъ затрудненіемъ для симфоническихъ собраній являлось, кромѣ отсутствія въ городѣ постояннаго оркестра, недостатокъ и въ спеціальномъ концертномъ залѣ, которымъ можно было бы обезпечить себя заранѣе [1]).

На преподаваніе танцевальнаго искусства издавна было обращено особенное вниманіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университета. Въ этомъ послѣднемъ со времени его открытія и до 1859 года существовали танцевальные классы, преподавателями въ которыхъ были А. М. Балашовъ, И. Л. Еропкинъ, танцевавшій до того въ придворномъ театрѣ и балетѣ, И. Ѳ. Штейнъ, Р. Т. Беккеръ, бывшій ранѣе танцоромъ въ Императорскомъ Петербургскомъ театрѣ, П. В. Строцкій, А. И. Сенъ-Мартелъ, Ѳ. А. Кржисевичъ, А. Киленикъ, артистъ Харьковскаго театра, А. М. Резголь [2]). Замѣтимъ кстати, что въ Харьковѣ вышло и объемистое печатное руководство къ танцевальному искусству.

Что касается остальныхъ отраслей искусства—архитектуры и ваянія, то онѣ, особенно послѣднее очень слабо культивировались въ Харьковѣ. Слѣдуетъ отмѣтить только то существенное обстоятельство, что архитектура преподавалась въ Харьковскомъ университетѣ и преподаватели этого предмета сыграли очень видную роль въ Харьковскомъ градостроительствѣ. Первымъ представителемъ ея былъ В. А. Васильевъ, воспитанникъ Горнаго корпуса, ученикъ Гверена и Воронихина. Кромѣ университетскихъ построекъ, онъ составилъ проекты зданій Харьковской гимназіи. „Все, что въ Харьковѣ до 1832 г., говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Селивановъ, построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго собранія, университетскихъ зданій и Соборной колокольни до купеческихъ порядочныхъ домовъ, есть его, Васильева, произведеніе". Исторія постройки Соборной колокольни и отзывъ Стасова о проектахъ Васильева напечатаны въ „Историко-статистическое описаніе Харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго Собора" и въ Воспоминаніяхъ Ярославскаго (Кіевская Старина, 1887, Октябрь, 326—327 [3])) Ярославскому Васильевъ показывалъ свой проектъ зданія университетской Библіотеки. Недочеты въ постройки ея послужили причиною устраненія его отъ должности Императоромъ Николаемъ Павловичемъ [4]). Преемникъ его А. А. Тонъ окончилъ Академію Художествъ со званіемъ класснаго художника архитектуры, а потомъ въ 1842 г. получилъ званіе академика. Читая въ университетѣ, онъ безвозмездно исполнялъ должность архитектора

[1]) За сообщеніе приведенныхъ здѣсь свѣдѣній о дѣятельности Харьк. Отдѣл. Муз. Общ. приношу благодарность П. Г. Риттеру.

[2]) Ист.-фил.-фак., отр. 381—384.

[3]) Физ. мат. фак. 1908, 236—237.

[4]) См. подробности объ этомъ въ моемъ „Опытъ Ист. Харьк. унив.", т. II, стр. 215—228.

въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, былъ городскимъ архитекторомъ до 1845 г. Энергично работалъ по возведенію и ремонту университетскихъ зданій. Теоретическое преподаваніе его похоже было на академическое и факультетъ признанъ только желательнымъ, чтобы онъ упражнялъ студентовъ въ составленіи проэктовъ со смѣтами и показывалъ имъ практически постройки. Третій преподаватель М. П. Львовъ также окончилъ курсъ въ Академіи художествъ и также въ 1845 г. получилъ званіе академика. Онъ перестраивалъ то зданіе университета, гдѣ теперь церковь, а также актовый и библіотечный залъ, построилъ то зданіе (противъ Собора), гдѣ ранѣе помѣщалась хирургическая клиника; построилъ Ветеринарный Институтъ, перестроилъ Дворянское Собраніе и Женскій Институтъ [1]). Съ открытіемъ Технологическаго Института туда перешло преподаваніе нѣкоторыхъ отдѣловъ архитектуры.

Что касается ваянія, то оно не преподавалось въ Харьковѣ и это преподаваніе можетъ осуществиться только съ открытіемъ отдѣленія по этому предмету въ Харьковскомъ художественномъ училищѣ. Были и существуютъ въ Харьковѣ только скульптурныя мастерскія для практическихъ цѣлей (напр. г. Якобса). Для преподаванія прикладнаго малярно-декоративнаго искусства была учреждена въ Харьковѣ Обществомъ Грамотности „Малярно-декоративная школа“.

Отсюда видно, что въ области искусства Харьковъ значительно отсталъ отъ другихъ городовъ и уступаетъ Кіеву и Одессѣ. Очевидно, нужно направить заботы и усилія правительства и Общества въ эту сторону.

---

[1]) Физ. мат. фак., стр. 237—239.

Глава 25-я.

Церковь и духовенство.

XIX вѣкъ засталъ въ Харьковѣ, кромѣ монастыря, 9 церквей: Успенскую, Николаевскую, Благовѣщенскую, Дмитріевскую, Рождественскую, Воскресенскую, Михайловскую, Вознесенскую и Мироносицкую, бывшую, впрочемъ, въ то время не приходской, а кладбищенской. Для тогдашняго десятитысячнаго населенія Харькова этого было довольно.

Число церквей росло по мѣрѣ роста населенія и расширенія города. Уже въ 1803 г. потребовался новый храмъ для жителей сѣверной части города, и кладбищенскую Мироносицкую церковь пришлось обратить въ приходскую. Для кладбища было отведено новое мѣсто, а вскорѣ за этимъ здѣсь устроена была и церковь—Каплуновская (1810 г.). Была она въ то время совсѣмъ далеко отъ города. Но прошло 35 лѣтъ. Бывшая въ 1810 г. только въ зародышѣ, Нѣмецкая улица заселилась и облюднѣла, тоже случилось и съ прилегающими къ ней улицами, и Каплуновская кладбищенская церковь, какъ и Мироносицкая, обратилась въ приходскую (1845 г.). Еще раньше этого, въ 1828 г., для кладбища было отведено новое мѣсто, еще сѣвернѣе, и здѣсь въ 1845 г. выстроена Усѣкновенская церковь, обѣщающая въ очень недалекомъ будущемъ обратиться въ приходскую, какъ обратились Мироносицкая и Каплуновская церкви. Одновременно съ Усѣкновенской возникла церковь и на Холодногорскомъ кладбищѣ—Всѣхсвятская.

Восточная часть города росла не столь быстро, и довольно долго ея религіозныя потребности удовлетворялись двумя, издавна существовавшими здѣсь церквами—Михайловской и Вознесенской. Въ 40-хъ годахъ почувствовалась и здѣсь необходимость въ новой церкви, и вотъ въ 1846 г. закладывается, а въ 1854 г. освящается на Конной площади Свято-Духовская церковь. Южная часть города росла по сравненію съ прочими довольно туго, а потому и населеніе ея долгое время составляло только одинъ приходъ—Воскресенскій. Но когда постепенно выросла Москалевка и превратилась въ самостоятельную, такъ сказать, часть города съ многочисленнымъ населеніемъ, сталъ на очередь и вопросъ объ особомъ для нея храмѣ. Въ 1868 г. на Москалевкѣ выстроена Преображенская церковь, а въ наше время между москалевцами начинаетъ пріобрѣтать сторонниковъ уже мысль объ устройствѣ новой приходской церкви, такъ какъ теперешняя оказывается уже очень отдаленною отъ оконечностей Москалевки и тѣсною для ея многотысячнаго населенія. Позже москалевцевъ почувствовали потребность въ особомъ храмѣ заиковцы. Въ 1878 г. здѣсь заложена, а 1881 г. освящена церковь въ честь св. Александра Невскаго. Заиковка, входившая до тѣхъ поръ, главнымъ образомъ, въ составъ Михайловскаго прихода, стала отдѣльнымъ приходомъ. На Холодной горѣ церковь явилась въ 1874 г., когда былъ устроенъ престолъ въ существовавшей еще съ 1850 г. часовнѣ. Въ приходскую она обратилась только въ 1890 г. На Журавлевкѣ нужда въ особомъ храмѣ сказалась уже въ шестидесятыхъ годахъ, а въ 1875 г. здѣсь уже была своя особая церковь—Петропавловская. Наконецъ, въ 1885 г. была устроена Пантелеймоновская церковь на Пескахъ.

Въ теченіе первыхъ 45-ти лѣтъ XIX в. среди харьковскихъ церквей главное мѣсто занималъ храмъ Покровскаго монастыря, превращенный послѣ учрежденія архіерейской каѳедры въ Харьковѣ въ каѳедральный соборъ. Храмъ этотъ—двухъ-этажный: въ верхнемъ этажѣ Покровская церковь (она и была каѳедральнымъ соборомъ), въ нижнемъ—церковь трехъ святителей (Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго), считавшаяся до 1815 г. училищной или коллегіумской церковью. При преосвященномъ Павлѣ для коллегіума былъ выстроенъ новый каменный корпусъ и при немъ особая церковь, благодаря чему Трехъ-Святительская церковь потеряла уже къ коллегіуму всякое касательство. Въ старину, служа религіознымъ потребностямъ питомцевъ коллегіума, она въ то же время служила и усыпальницей для знатныхъ харьковцевъ. Въ XIX в. здѣсь уже не хоронили или хоронили только въ исключительныхъ

случаяхъ. Такъ, здѣсь въ 1843 году похороненъ извѣстный герой Александровскаго времени—гр. В. В. Орловъ-Денисовъ. Подъ сводами этой церкви была устроена особая усыпальница, въ которой обычно и погребали харьковскихъ владыкъ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія епископы: Христофоръ Сулима, Павелъ Горешковичъ, Мелетій Леонтовичъ, Ѳеофилъ Татарскій, бывшій епископъ Екатеринославскій, послѣдніе дни жизни прожившій на покоѣ въ Куряжскомъ монастырѣ [1]). Рядомъ съ церковью въ началѣ XIX в. стоялъ небольшой деревянный домъ, бывшія настоятельскія келліи, въ которыхъ и жили харьковскіе владыки. Но при преосвященномъ Павлѣ вмѣсто этого скромнаго домика выросъ обширный каменный корпусъ въ одной связи съ церковью. Въ верхнемъ этажѣ новаго архіерейскаго дома, въ непосредственной связи съ покоями владыки, устроена небольшая домовая церковь—такъ называемая Крестовая. Изъ трехъ церквей Покровскаго монастыря (Покровская, Трехъ-Святительской и Крестовой) главной считалась Покровская—каѳедральный соборъ. Нельзя сказать, чтобы соборъ отличался благолѣпіемъ. Это была одна изъ бѣдныхъ церквей Харькова. При соборѣ прихода не было, значитъ не было и притока обычныхъ приношеній. Правда, Покровскому монастырю принадлежало много лавокъ, но доходы съ нихъ шли на содержаніе архіерейскаго дома, а не на церковь. При соборѣ содержался обширный штатъ духовенства, на который также шла значительная часть церковныхъ доходовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ думать объ улучшеніи и украшеніи собора не приходилось. Обыкновенно ограничивались только мелочнымъ ремонтомъ. Болѣе крупныя перестройки и улучшенія въ каѳедральномъ соборѣ послѣдовали только при архіепископѣ Иннокентіи,въ сороковыхъ годахъ. Для перестройки деньги рѣшено было добыть путемъ позаимствованія изъ свободныхъ капиталовъ другихъ церквей епархіи. Пришли на помощь и жертвователи. Такъ, братья Степановы, извѣстные строители Николаевскаго Стрѣлечьяго монастыря, пожертвовали на ремонтъ собора 2000 руб., крестьянинъ Купянскаго уѣзда Дм. Шевченко—500 руб. и др. Для поднятія доходности собора къ нему были причислены въ качествѣ прихожанъ чиновники и всѣ вообще горожане, не имѣвшіе собственныхъ домовъ. На собранныя деньги въ соборѣ былъ перемощенъ полъ, внутреннія стѣны отдѣланы подъ мраморъ, устроенъ новый иконостасъ. Большую помощь собору оказалъ въ этомъ случаѣ купецъ Адр. Лукинъ, принявшій на себя крупную часть расходовъ по ремонту—29,511 руб. Лукинъ былъ сдѣланъ за это старостой собора. Нижняя церковь также подверглась обновленію. Чѣмъ былъ для Покровскаго собора Лукинъ, тѣмъ сдѣлался для нижней Трехъ-Святительской церкви В. Лелекинъ, также купецъ первогильдеецъ. Здѣсь также послѣдовали капитальныя обновленія: вынуты четыре арки, раздвинуты входы и окна, устроены новыя двери, перемощенъ полъ, оштукатурены и расписаны живописью стѣны, возобновленъ весь иконостасъ, устроено пневматическое отопленіе, обогрѣвающее какъ нижнюю, такъ и верхнюю церкви. Передъ царскими вратами нижней церкви, по желанію Иннокентія, поставлено большое Распятіе Спасителя съ предстоящими Богоматерью, апостоломъ Іоанномъ и двумя женами. Когда поновленіе храма было окончено, Иннокентій освятилъ его въ честь Страстей Христовыхъ. Съ этихъ поръ здѣсь установлено по средамъ еженедѣльно чтеніе акаѳиста Страстямъ Христовымъ. Ко времени освященія храма митрополитомъ Филаретомъ прислана изъ Кіева въ даръ драгоцѣнная святыня—напрестольный крестъ съ мощами угодниковъ печерскихъ Иларіона, Ефрема Ѳеофана и Лаврентія. По предположенію преосв. Филарета, крестъ этотъ устроенъ не позже 1630 года. Во время чтенія акаѳистовъ крестъ выносится на средину церкви и полагается на аналоѣ. Въ верхней Покровской церкви также было установлено по пятницамъ чтеніе акаѳиста Покрову Пресвятыя Богородицы [2]).

Главной святыней Покровскаго собора съ 1844 г. стала Озерянская икона Божіей Матери, которая на зимніе мѣсяцы переносится изъ Куряжа въ Покровскій монастырь. Въ 1844 г. преосвященный Иннокентій выхлопоталъ у Св. Синода разрѣшеніе переносить ежегодно икону на зимніе мѣсяцы изъ Куряжа въ Харьковъ. Въ виду этого установлены два крестныхъ хода одинъ 30 сентября, когда икона переносится изъ Куряжа въ Харьковъ, а другой 22 апрѣля, когда происходитъ переносъ иконы изъ Харькова въ Куряжъ. Въ 1862 г. утверждены, кромѣ того, крестные ходы съ иконой 15 іюня изъ Куряжа въ Озерянку, мѣсто перваго обрѣтенія иконы, и 28 іюня—изъ Озерянки въ Куряжъ. Обыкновенно въ

[1]) Филаретъ, Отд. 1., стр. 48—52.

[2]) Буткевичъ. Иннокентій Борисовъ, стр. 269-274.

лѣтніе мѣсяцы икона пребываетъ въ Куряжѣ, но бывали случаи, когда и въ эту пору года она привозилась въ Харьковъ. Такъ бывало напр. въ 1853 г. и въ 1866 г. во время холеры, когда по просьбѣ жителей икона привозилась въ городъ. Пребываніе иконы въ Покровскомъ соборѣ, конечно, сильно отразилось на его матеріальномъ благосостояніи.

Каѳедральнымъ соборомъ была Покровская церковь до 1846 г., когда по ходатайству преосвященнаго Иннокентія каѳедра была перенесена въ Успенскій соборъ, бывшій до того градскимъ. Все бѣлое духовенство, бывшее при каѳедральномъ соборѣ, было причислено къ Успенскому собору и въ иныя церкви, а Покровскій монастырь остался только монастыремъ и архіерейскимъ подворьемъ.

Изъ фактовъ жизни Покровскаго монастыря за шесть послѣднихъ десятилѣтій отмѣчаемъ только важнѣйшіе. При преосвященномъ Филаретѣ усыпальница подъ нижнимъ храмомъ монастыря, представлявшая до тѣхъ поръ просто подвалъ, была расширена и превращена въ церковь, названную такъ, какъ прежде называлась нижняя церковь,—Трехъ-Святительской. Къ архіерейскимъ могиламъ здѣсь прибавилась еще одна новая—преосвященнаго Нектарія, умершаго въ 1874 г. Постепенно устанавливался культъ преосвященному Мелетію. Уже при жизни владыки харьковцы смотрѣли на него, какъ на святого, а послѣ смерти установилось мнѣніе о нетлѣніи его праха. Началось паломничество благочестивыхъ людей къ гробницѣ преосвященнаго, поставленной къ тому же открыто въ то время, какъ гробы остальныхъ ахіереевъ замурованы въ стѣнахъ. Усердіемъ приходящихъ при гробѣ сдѣлана сѣнь, покровы, устроены лампады, надъ гробницей развѣшаны образа, нѣкогда принадлежавшіе преосвященному. Самый гробъ металлическій, покрытый парчей, такъ что одна уже внѣшняя обстановка указывала, что не передъ простой архіерейской гробницей стоитъ здѣсь посѣтитель. И посѣтителей было много. Служились обыкновенно панихиды, а иногда заказывались и заупокойныя обѣдни. Большое впечатлѣніе произвело на благочестивыхъ харьковцевъ и одно событіе, стоящее въ связи съ почитаніемъ преосвященнаго Мелетія. Въ 1875 г. въ Трехъ-Святительской церкви случился пожаръ. Церковь была объята пламенемъ. Ступеньки къ возвышенію, балдахинъ, образа, жестяный гробъ распаялись, а внутренній, парчевый, въ которомъ покоился прахъ преосвященнаго, оказался цѣлымъ. Конечно, это только усугубило ревность вѣрующихъ. Вмѣсто испорченнаго жестяного гроба г-жей Ильиной была пожертвована металлическая рака; вновь устроенъ балдахинъ, а по стѣнѣ развѣшены образа, уцѣлѣвшіе отъ пожара [1]). Трехъ-Святительская церковь просуществовала до самаго конца XIX в., когда она была закрыта, при чемъ прахъ преосвященнаго Мелетія перенесенъ въ подвальную церковь, устроенную подъ зданіемъ новой Озерянской церкви. О постройкѣ Озерянской церкви мы уже имѣли случай говорить. Теперь только прибавимъ, что несмотря на свою, такъ сказать, молодость и недостатокъ благолѣпія, церковь эта стала главнымъ храмомъ Покровскаго монастыря. Здѣсь преимущественно совершается богослуженіе, здѣсь обыкновенно находится и главная святыня монастыря—Озерянскій образъ Божіей Матери во время пребыванія его въ Харьковѣ. XIX вѣкъ засталъ въ монастырѣ всего два храма, теперь ихъ здѣсь пять.

Въ то время, когда въ монастырѣ помѣщался каѳедральный соборъ, число монашествующей братіи здѣсь было не велико. По свѣдѣніямъ 1846 г., во всемъ Харьковѣ было всего 8 монаховъ, и вѣроятно, всѣ они принадлежали къ составу братіи Покровскаго монастыря. Съ переходомъ изъ монастыря бѣлаго духовенства, пришлось умножить число іеромонаховъ и іеродіаконовъ для совершенія седмичныхъ службъ. Крупная роль среди монашествующаго духовенства всегда принадлежала эконому архіерейскаго дома. Среди монашествующихъ Покровскаго монастыря бывали и архимандриты. До учрежденія викаріатства архимандритомъ обыкновенно былъ и ректоръ семинаріи, назначавшійся въ то время изъ монашествующихъ. Ректоръ былъ настоятелемъ Куряжскаго монастыря, но жилъ онъ обыкновенно въ Харьковѣ, въ торжественныхъ случаяхъ являлся сослужащимъ епархіальному преосвященному. Гораздо больше, чѣмъ монаховъ въ священномъ санѣ, было всегда число низшей монастырской братіи—послушниковъ, рабочихъ и пр. Если вѣрить мѣстной статистикѣ, число монашествующихъ въ Харьковѣ доходило въ шестидесятыхъ годахъ даже до 52 (1866 г.), въ семидесятыхъ ихъ было отъ 40 до 55, въ восьмидесятыхъ болѣе 60, а въ девяностыхъ—45—46. Можно ли вѣрить мѣстной статистикѣ,—не знаемъ, но думаемъ,

---

[1]) Кулжинскій. Святитель Мелетій, стр. 180—182.

что если эти цифры и вѣрны, то во всякомъ случаѣ ими выражается, полагать нужно, общая цифра монашествующихъ, пребывавшихъ почему либо въ Харьковѣ въ день переписи, а не цифра братіи Покровскаго монастыря, которая во всякомъ случаѣ должна быть гораздо меньшей.

Въ XVII и XVIII главною церковью въ Харьковѣ, соборомъ, была Успенская церковь. Съ учрежденіемъ въ Харьковѣ архіерейской каѳедры и превращеніемъ Покровскаго монастыря въ каѳедральный соборъ значеніе Успенской церкви нѣсколько умалилось, за нею осталось только имя „градскаго собора". Въ такомъ положеніи былъ соборъ до 1846 г., когда по синодскому указу велѣно было архіерейскую каѳедру перенести изъ Покровскаго въ Успенскій соборъ. „Градскимъ соборомъ" была названа Благовѣщенская церковь, затѣмъ въ 1863 г., при Макаріи, титулъ градскаго собора достался Воскресенской церкви. Титулъ этотъ, впрочемъ, фигурировалъ только въ консисторскихъ дѣлахъ, такъ что даже далеко не всѣмъ харьковцамъ было извѣстно, какая именно церковь носитъ имя „градскаго собора". Въ 1865 г. титулъ градскаго собора у Воскресенской церкви былъ отнятъ, такъ какъ въ учрежденіи такого собора Синодъ не усмотрѣлъ никакой надобности. Градскій соборъ въ Харьковѣ былъ признанъ излишнимъ. Право на имя собора осталось за однимъ Успенскимъ [1]). XIX вѣкъ засталъ Успенскій соборъ храмомъ о пяти престолахъ: главный—въ честь Успенія, сѣверный—во имя св. Екатерины и южный—Крещенскій; кромѣ того, на хорахъ, въ южной ихъ части, былъ престолъ во имя апостоловъ Петра и Павла, а въ сѣверной—Казанской Божіей Матери. На хоры вели двѣ лѣстницы, одна съ сѣверной, другая—съ южной стороны церкви. Церковь была холодная. Съ постройкой колокольни во второмъ этажѣ ея былъ устроенъ теплый храмъ съ главнымъ престоломъ въ честь Крещенія Господня. По первоначальному плану предполагалось освятить этотъ престолъ во имя св. Александра Невскаго, но когда церковь была устроена, причтъ и прихожане, въ виду того, что праздникъ Крещенія бываетъ среди зимы и въ самое холодное время года, по неудобству совершать зимою богослуженіе въ холодной церкви, рѣшили устроить главный престолъ въ честь праздника Крещенія. Другой престолъ въ теплой церкви былъ устроенъ въ честь св. Параскевы-Пятницы, по имени купчихи Прасковьи Тамбовцевой, щедрой жертвовательницы, которою былъ сооруженъ и иконостасъ для этого престола. Бывшій Крещенскій престолъ въ нижней церкви переименованъ въ Александро-Невскій. Въ 1834 г. прихожане устроили серебро-позлащенную ризу на икону Казанской Божіей Матери и просили у преосвящ. Иннокентія разрѣшенія переименовать престолы: бывшій Крещенскій, а потомъ Александро-Невскій престолъ переименовать въ Казанско-Богородичный, а бывшій престолъ въ честь этой иконы на хорахъ—во имя св. Александра-Невскаго. Въ 1887 г. при внутренней перестройкѣ собора хоры были совсѣмъ уничтожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены и находившіеся на нихъ придѣлы Александро-Невскій и Петропавловскій. Соборъ остался при пяти престолахъ, трехъ въ нижней церкви и двухъ—въ верхней.

Внѣшній видъ собора значительно измѣнился съ устройствомъ колокольни: благодаря ей красивая церковь превратилась въ величественный храмъ. По обѣимъ сторонамъ колокольни въ видѣ контрфорсовъ были устроены лавки. Лавки, числомъ 18, тянулись также и съ сѣверной, и съ южной стороны храма, представляя собою какъ бы ограду его. Изъ-за этихъ лавокъ едва ли не тридцать лѣтъ тянулись пререканія между епархіальною властью и „гражданскимъ начальствомъ", находившимъ, что лавки существуютъ вопреки закону, безобразятъ соборъ и оскорбляютъ религіозное чувство. Въ 1856 г. генералъ-губернаторъ Кокошкинъ, не любившій стѣсняться въ осуществленіи своихъ плановъ, снесъ двѣ лавки, остальныя продолжали существовать до 1869 г., когда губернатору Дурново удалось наконецъ добиться разрѣшенія на ихъ ломку. Колокольня собора за время своего существованія измѣненій не потерпѣла, если не считать пристройки къ ней совершенно неподходящей по архитектурѣ часовенки, въ которой былъ повѣшенъ такъ наз. Царскій колоколъ. Колокола на колокольнѣ долгое время были небольшіе: самый крупный изъ нихъ вѣсилъ 201 п. 32 ф. Въ 1863 г. этотъ колоколъ былъ замѣненъ громадиной въ 1000 съ лишнимъ пудовъ, отлитой на заводѣ братьевъ Рыжовыхъ и ими пожертвованный собору. Крыша и куполы собора были обычно окрашены зеленой краскою, а главы—желтой подъ лакъ. Только въ послѣдніе годы, при старостѣ Уткинѣ, главы позолочены, позолоченъ и куполъ колокольни, что, конечно, еще усилило то импонирующее впечатлѣніе, какое производитъ соборъ своею величественною внѣшностью.

[1]) Горанинъ. Харьк. Воскресенская церковь, стр. 16—17.

Внутренній видъ собора за сто лѣтъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія. Съ устройствомъ колокольни и замѣной западной стѣны церкви арками церковь значительно расширилась, но западная часть ея не отличалась обиліемъ свѣта и высотою, такъ какъ надъ нею нависали хоры и часть теплой церкви, устроенной въ колокольнѣ. Кромѣ того, своды, на которыхъ была устроена верхняя церковь, значительно портили внутренній видъ храма. Въ 1887 г., по иниціативѣ преосвященнаго Амвросія теплая церковь была помѣщена въ зданіи колокольни, своды съ хоръ сняты. Церковь получила красивый видъ: внутри ея два свода, съ открытымъ иконостасомъ и увеличеннымъ количествомъ воздуха. Въ соборѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ харьковскихъ церквахъ, въ старые годы солея не отдѣлялась отъ остальной части храма. Въ 1805 г. солея была отгорожена рѣшеткой согласно синодскому указу въ виду замѣченныхъ въ церквахъ стѣсненій во время богослуженія [1]). До пятидесятыхъ годовъ въ соборѣ было такъ назыв. „царское мѣсто", вѣроятно то, на которомъ когда-то помѣщалась Екатерина при посѣщеніи ею собора; была, кромѣ того, по примѣру большихъ малорусскихъ церквей стараго времени, и проповѣдническая каѳедра. Къ половинѣ XIX в. и царское мѣсто, и каѳедра обветшали и своимъ наружнымъ видомъ безобразили церковь. Въ 1855 г. ихъ убрали совсѣмъ. Въ томъ же году старый чугунный полъ былъ замѣненъ деревяннымъ, а этотъ послѣдній при старостѣ К. П. Уткинѣ превратился въ паркетный. Въ 1856 году Харьковскому собору были отданы знамена дружинъ Харьковскаго подвижного ополченія. Помѣщены они возлѣ клиросовъ, гдѣ находятся и теперь.

Мы не будемъ говорить объ устройствѣ серебряныхъ ризъ для иконостаса, кстати сказать, сохранившаго свою старую живопись, о сооруженіи новыхъ иконъ, о разрисовкѣ стѣнъ церкви, остановимся только на ея наиболѣе почитаемыхъ святыняхъ. Такихъ двѣ: иконы Елецкой Божіей Матери и Николая Чудотворца. О первой изъ нихъ мы уже говорили въ первой части этого труда, что же касается второй, то ея происхожденіе относится къ 1841 г. Устроена она была въ память поднятія креста на соборную колокольню и помѣщена въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находится и теперь. Икона писана на деревянной стачной доскѣ длиною 1 арш. 8 вершк., шириною въ 12 вершк. Чудотворецъ изображенъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи—въ митрѣ, саккосѣ и съ палицею. Почитаніе иконы, какъ чудотворной, началось съ конца семидесятыхъ годовъ, когда среди населенія города стали циркулировать слухи о чудесныхъ спасеніяхъ во время послѣдней турецкой войны, приписываемыхъ спасенными молитвамъ Николая Чудотворца. Съ тѣхъ поръ росла слава образа, передъ которымъ стали совершаться постоянныя молебствія. Къ образу стали стекаться приношенія, шедшія на украшеніе его и той часовни, въ которой онъ помѣщается. Теперь передъ образомъ болѣе 200 серебряныхъ вызолоченныхъ лампадъ, множество привѣсокъ и другихъ цѣнныхъ украшеній.

По богатству утвари и ризницы соборъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди церквей Южной Россіи. По описанію прот. Т. Бутковича, составленному въ 1894 г., собору принадлежало 10 чашъ, столько же дискосовъ и звѣздицъ, 11 лжицъ, стоимость которыхъ превышаетъ 2 т. руб., 18 напрестольныхъ крестовъ, стоющихъ болѣе 1000 руб., четыре дарохранительницы (2014 руб.), двѣнадцать евангелій въ сребропозлащенныхъ окладахъ (1439 р.), 48 серебряныхъ позолоченныхъ ризъ на иконостасѣ, кіотахъ и на жертвенникахъ стоимостью въ 31343 р., 77 малыхъ выносныхъ иконъ въ такихъ же ризахъ (5723 р.), 98 серебряныхъ позолоченныхъ лампадъ, 15 полныхъ архіерейскихъ облаченій, 73 священническихъ и 56 діаконскихъ облаченій стоимостью въ 11675 р. и т. д. [2]).

Благовѣщенская церковь, „градскій соборъ" съ 1846 по 1863 г., какъ и всѣ приходскія церкви Харькова, долго была однопрестольной. Необходимость ея расширенія почувствовалась только въ тридцатыхъ годахъ, когда подверглись перестройкамъ и остальныя старыя харьковскія церкви. Въ 1836 г. началась, а въ 1839 г. окончилась постройка придѣльныхъ алтарей, одного въ честь св. Іоанна Воина, и другого—св. великомученицы Варвары. Душою дѣла былъ купецъ А. Скрынниковъ, прослужившій старостою при церкви въ теченіе 15 лѣтъ. Благовѣщенская церковь вышла изъ рукъ своихъ строителей въ очень благолѣпномъ видѣ. Стараніемъ подполковника М. И. Батезатула главы на церкви, иконостасъ, горнее мѣсто, жертвенникъ и сѣнь надъ предстоломъ были вызолочены „лучшимъ червоннымъ золотомъ".

[1]) Арх. Губ. Пр. Дѣла Канц. губ. 1805 г.

[2]) Бутковичъ. Историко-статистич. описаніе Харьковскаго Успенскаго каѳедральнаго собора. Х. 1894 г.

На украшеніе церкви жертвовали много и усердно. Такъ, въ 1831 г. помѣщица Н. П. Дунина, мѣстная прихожанка, которой въ то время принадлежалъ весь нынѣшній Благовѣщенскій базаръ, устроила серебряныя „шаты“ намѣстныя иконы въ 3000 руб. ассигн., староста купецъ Нехаевъ устроилъ серебряныя вызолоченныя ризы на иконы Благовѣщенія и Николая Чудотворца. Въ сороковыхъ годахъ устроенъ новый иконостасъ, обошедшійся въ 3000 р. Староста Скрынниковъ пожертвовалъ при этомъ ризы на обѣ намѣстныя иконы новаго иконостаса. Купчиха П. Тамбовцева, щедро жертвовавшая почти на всѣ харьковскіе храмы, пожертвовала и на Благовѣщенскую церковь для обезпеченія ея духовенства [1]). Въ виду все болѣе увеличивавшагося роста прихода, въ 1858 г. былъ возбужденъ вопросъ о реставраціи церкви, но остался открытымъ, и церковь была только нѣсколько расширена. Въ такомъ видѣ она просуществовала до начала текущаго столѣтія, когда была замѣнена обширнымъ каменнымъ храмомъ.

Въ сравненіи съ другими церквами старая Благовѣщенская церковь особенно отличалась своимъ благоустройствомъ, украшеніемъ, богатствомъ и вмѣстимостью. Новая церковь поражаетъ громадностью размѣровъ. Иконостасъ въ ней изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, стѣны расписаны изображеніями святыхъ. Изъ старой церкви въ новую перенесены наиболѣе чтимые образа Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца, Іоанна Воина, великомученицы Варвары. Изъ иконъ стараго письма укажемъ на иконы Нерукотвореннаго Образа и Иверской Божіей Матери,—даръ И. Г. Безчетвертнова, бывшаго старосты Благовѣщенской церкви [2]).

Воскресенская церковь, также именовавшаяся въ 1863—1865 гг. градскимъ соборомъ, въ теченіе первыхъ четырехъ десятилѣтій XIX в. оставалась почти въ томъ же видѣ, въ какомъ вышла изъ рукъ своихъ строителей въ концѣ XVIII в. Разница во внѣшности состояла лишь въ томъ, что деревянный частоколъ, окружавшій церковь, былъ въ 1828 г. замѣненъ каменной оградой. Въ концѣ концовъ, однако, ростъ населенія прихода, увеличившагося сравнительно съ концомъ XVIII в. въ три раза, привелъ-таки къ необходимости расширенія церкви. Послѣ разныхъ мытарствъ по харьковскимъ и петербургскимъ канцеляріямъ планъ на перестройку церкви, сочиненный мѣстнымъ архитекторомъ Подьяковымъ, былъ наконецъ утвержденъ, и работы начались. Въ 1846 г. и 1849 гг. окончилась перестройка западной части церкви и здѣсь устроены придѣльные алтари: одинъ въ честь Донской иконы Божіей Матери (по желанію ярмарочныхъ купцовъ-москвичей, жертвовавшихъ на устройство придѣла), другой—во имя Іоанна Крестителя. Съ устройствомъ придѣльныхъ алтарей эта часть храма на зиму отдѣлялась отъ восточной или главнаго алтаря деревянною перегородкою и отапливалась, представляя, такимъ образомъ, какъ бы отдѣльный теплый храмъ. Отдѣлка главнаго алтаря и двухъ рядомъ съ нимъ расположенныхъ придѣльныхъ (Николая Чудотворца и Петра и Павла) окончилась только въ 1857 г. Такимъ образомъ изъ однопрестольной, какой засталъ ее XIX в., церковь превратилась въ пятипрестольную. Восточные придѣлы просуществовали, впрочемъ, не долго: въ 1860 г. они были уничтожены. Въ это же время вся церковь внутри была расписана альфреско, а панель сдѣлана изъ краснаго сукна. Устройствомъ своимъ и украшеніемъ церковь много обязана была заботамъ тогдашняго своего настоятеля о. Іоанна Чижевскаго, старосты П. Л. Гребенщикова и помощника его, ставшаго потомъ старостой, К. И. Велитченка. Благодаря имъ были поднятъ куполъ церкви, а внутри ея устроенъ великолѣпный трехъярусный иконостасъ, покрытый хрусталемъ. Иконы написаны для него мѣстнымъ иконописцемъ М. А. Баско, а четыре иконы въ первомъ ярусѣ и Тайная Вечеря надъ царскими вратами (копія съ Леонардо да-Винчи)—академикомъ Лавровымъ. Въ алтарѣ устроены горнее мѣсто съ „сѣнью“ и жертвенникъ. Въ 1872 г. надстроенъ третій ярусъ на колокольнѣ, а въ 1881 г. въ церкви устроено амосовское отопленіе. Въ 1885 г. старостою И. К. Велитченкомъ возобновленъ иконостасъ главнаго алтаря, передѣлана хрустальная облицовка его и облицованы хрусталемъ смежные съ главнымъ алтаремъ кіоты Донской иконы Божіей Матери и Николая Чудотворца; въ 1893 г. облицованъ хрусталемъ и иконостасъ горняго мѣста.

Воскресенская церковь—одна изъ богатыхъ въ Харьковѣ. Въ ней много иконъ въ дорогихъ оправахъ. Ризы на намѣстныхъ иконахъ стоятъ больше 3 т. руб., риза на храмовой иконѣ—1856 р., на иконѣ св. Троицы—2200 р., на образѣ Николая Чудотворца—до 2 т. р. и много другихъ. Изъ древнѣйшихъ иконъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ, подаренныя церкви въ 1803 г. купцомъ Аникѣевымъ: икону св. Троицы

[1]) Филаретъ. Отд. II, ст. 34.

[2]) І. Филевскій. Благовѣщенская церковь г. Харькова.

и икону воскресенія Христова и сошествіи Его въ адъ; обѣ сдѣланы въ 1801 г., обѣ въ дорогихъ серебровызолоченныхъ ризахъ. Церковная утварь также не бѣдна: одна чаша стоитъ 275 р., другая—160 р., напрестольный крестъ—285 р., другой—125 р., третій—100 р. Двѣ дарохранительницы оцѣниваются въ 400 р. каждая, а третья въ 186 р., евангеліе, купленное въ 1825 г., стоитъ 700 р., паникадило—800 р., плащаница—333 р., брачные вѣнцы—200 р.; двѣ ризы и два стихаря, пожертвованные старостой И. К. Велитченкомъ въ 1886 г., оцѣниваются въ 2 т. р.; риза и стихарь, пожертвованные въ 1872 г. братьями Гребенщиковыми, стоютъ 800 р.; риза и стихарь, подаренные Моисеенками и Губенко,—550 руб.

Воскресенскій приходъ—одинъ изъ многолюднѣйшихъ въ Харьковѣ, къ тому же и приходъ это купеческій. Притокъ пожертвованій на церковь былъ поэтому всегда великъ. Изъ крупныхъ жертвователей на церковь отмѣчаемъ купцовъ Аникѣева, Піюка, Ковалева, Гребенщикова, К. И. и И. К. Велитченко, Евлокимова, крест. Пономаренко.

Въ началѣ XIX столѣтія церковный причтъ въ Воскресенской церкви состоялъ изъ священника, дьякона, дьячка и пономаря, причемъ дьяконскую вакансію занимали обыкновенно священники. Въ 1820 г. по просьбѣ прихожанъ штатъ былъ увеличенъ: полагалось уже 2 священника, дьяконъ, два дьячка и 2 пономаря. Съ 1852 г. по волѣ епархіальнаго начальства назначенъ былъ въ церковь и третій священникъ, а съ 1859 г. третье священническое мѣсто вошло въ „штатъ". Съ 1869 г., когда на Москалевкѣ, входившей до сихъ поръ въ составъ Воскресенскаго прихода, устроилась своя церковь, священниковъ осталось только два [1]).

Троицкая церковь, выстроенная въ 1764 г., въ началѣ XIX ст. не отличалась богатствомъ, не смотря на то, что въ ея приходѣ населеніе торговое. По описи 1817 г., бывшей въ распоряженіи преосв. Филарета, храмъ былъ бѣденъ утварью и ризницею, такъ что было только двѣ иконы въ серебряныхъ ризахъ, серебряная гробница съ крестомъ, 2 чаши, дарохранительница, блюдо для благословенія хлѣбовъ да три евангеліи въ серебряной оправѣ. Въ этомъ и заключалось все богатство церкви. Украшать ее золотомъ и серебромъ стали только съ двадцатыхъ годовъ. Въ 1826—1827 г. устроенъ рѣзный вызолоченный иконостасъ съ 4 колоннами коринѳскаго стиля. Въ тридцатыхъ годахъ купецъ Вас. Цыгаревъ устроилъ двѣ драгоцѣнныхъ ризы на иконы Спасителя и храмовую, а купецъ Андреевъ—на иконы Божіей Матери и Іоанна Богослова. Оба жертвователи переселились въ Харьковъ изъ Обояни, можно сказать, ни съ чѣмъ, занялись мелочною торговлею и разбогатѣли. Пожертвованія были сдѣланы ими, какъ выраженіе благодарности Господу, „нищія богатящему". Купецъ П. Тисенко устроилъ богатую ризу на икону Бога-Отца надъ царскими вратами, купецъ А. Ханайченко соорудилъ ризу на икону Рождества Пресв. Богородицы, нѣсколько малыхъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ и лампадокъ. Тотъ же Ханайченко въ сообществѣ другихъ жертвователей устроилъ драгоцѣнную ризу къ иконѣ Смоленской Божіей Матери и пріобрѣлъ для церкви колоколъ, обошедшійся ему въ 5000 р. Церковная утварь и ризница пополнялись постепенно драгоцѣнными вещами, такъ что Троицкая церковь по богатству скоро сдѣлалась первой послѣ собора [2]). Особенно много было сдѣлано для церкви А. Я. Ханайченко, бывшимъ старостой съ 1828 по 1849 г. Ханайченко пріобрѣлъ для церкви смежныя съ нею усадьбы и, расширивъ такимъ образомъ церковный дворъ, далъ этимъ возможность устроить со временемъ и болѣе обширную церковь. Ханайченкомъ же были устроены помѣщенія для причта и церковныя лавки, устроена каменная ограда вокругъ церкви, пріобрѣтено большое количество драгоцѣнныхъ украшеній на иконы, изъ которыхъ 9 большого размѣра одѣты въ серебряныя вызолоченныя ризы, куплены всѣ лучшіе церковныя сосуды, кресты, гробницы и евангелія [3]).

Церковь для своего времени была довольно обширна, но съ умноженіемъ населенія стала невмѣстительной для многолюднаго центральнаго прихода. 7 іюля 1857 г. начата была постройка новой церкви. Въ основу ея легли два камня изъ фундамента старой церкви съ выдолбленными на нихъ прежними храмоздателями четырехконечными крестами. Постройка шла очень быстро, и черезъ два года кладка церкви и колокольни была совсѣмъ закончена. За правильнымъ производствомъ работъ наблюденіе имѣлъ архитекторъ А. И. Подъяковъ, каменная кладка отдана была подрядчику Пономареву, попечителями по по-

[1]) Свящ. І. Горанъ. Харьковская Воскресенская церковь, стр. 11—34.

[2]) Филаретъ, отд. II, стр.

[3]) Шероцкій. Церковный староста, какъ улучшитель быта приходскаго духовенства. Х. 1864, стр. 5—6.

стройкѣ были сперва І. А. Бисеровъ, а потомъ Н. Е. Сѣриковъ. Старостою въ то время былъ Н. А Ханайченко. Въ 1860 и 1861 гг. заканчивалась внутренняя отдѣлка церкви. Иконостасъ былъ сдѣланъ небезызвѣстнымъ у насъ на югѣ В. Гетьманомъ, иконы писаны художникомъ Е. И. Ковтуновскимъ. Вся постройка обошлась въ 55000 р. Наиболѣе крупныя пожертвованія деньгами и матеріалами сдѣланы при этомъ были мѣщанкой Козловой, купчихами Добычной, Рыжовой, Ханайченковой, купцами Пѣшковымъ, Деревянкинымъ, Криворотовымъ, Чувиляевымъ, Ив. Ващенко, Н. Сѣриковымъ, Н. Ханайченкомъ, полковникомъ Соляниковымъ, генераломъ Мальцевымъ и др. 24 сентября 1861 г. состоялось освященіе главнаго престола, 1 октября освященъ придѣлъ въ честь Рождества Пр. Богородицы, а 3 іюня 1862 г.—придѣлъ во имя препод. Алексія, для котораго необходимую утварь и всѣ принадлежности пожертвовалъ А. М. Рудаковъ [1]).

Рождественская церковь, построенная въ 1781—1783 гг., просуществовала въ неприкосновенномъ видѣ вплоть до конца 50-хъ годовъ XIX в. Перестроена была только колокольня, стоявшая отдѣльно отъ церкви. Прежде она была деревянная, но въ 1800 г. ее замѣнили каменной, такъ же построенной отдѣльно отъ церкви. Въ колокольнѣ былъ устроенъ придѣлъ въ честь праздника Срѣтенія. Это была первая теплая церковь въ Харьковѣ. Нельзя сказать, чтобы эта церковь была выстроена прочно. Уже въ 1809 г. въ ней оказались трещены во всѣхъ четырехъ стѣнахъ. Богослуженія пришлось пріостановить, а церковь подвергнуть ремонту [2]).

Главный храмъ оставался безъ измѣненія, но внутренность его обновлялась и украшалась. Въ первыя десятилѣтія XIX в. Рождественская церковь по благолѣпію и удобствамъ сильно отличалась отъ остальныхъ залопанскихъ приходскихъ церквей. Прихожане проявляли усердіе къ церкви, на которую въ это время поступали значительныя пожертвованія. Промежутокъ времени съ 1815 по 1840 г. былъ самымъ счастливымъ періодомъ для церкви. Усердными благотворителями храма были Кузины, Базилевскій, Топчіевъ, Тамбовцевъ, Панченко, Цебриковъ, Пономаренко и др. Такъ староста Базилевскій устроилъ (въ 1819 г.) цѣнный чугунный полъ въ холодной церкви, староста Пономаренко соорудилъ въ 1824 г. новый иконостасъ; Кузьма Никитичъ Кузинъ и его семейство устроили дорогія сребро-вызолоченныя ризы на семь мѣстныхъ иконъ, отъ Кузиныхъ же поступили въ церковь и всѣ лучшія облаченія, сосуды и другія церковныя принадлежности, на всѣ церковныя нужды они откликались первыми и всегда давали щедро. Съ сороковыхъ годовъ начинается упадокъ благосостоянія церкви. Приходъ сильно уменьшился. Москалевка еще раньше отошла въ Воскресенскій приходъ. Большая и Малая Гончаровки, составлявшія нѣкогда улицу Безсалую, тоже отошли въ другой приходъ. Въ другіе приходы—Благовѣщенскій и Дмитріевскій переселились и нѣкоторые «лучшіе» прихожане. Старые благотворители перемерли, а ихъ потомки къ храмозиждительству наклонности не чувствовали. Какъ уменьшилось число прихожанъ, можно судить по тому, что въ 1810 г. ихъ считалось 872 души, а въ 1862 г.—всего только 348. Правда, населеніе прихода было многолюдно, но пользы отъ этого для церкви было мало, потому что это были не постоянные жители, а временные квартиранты, съ приходской церковью мало связанные. Къ 1856 г. Рождественскій храмъ «пришелъ окончательно въ жалкое состояніе», а въ 1859 г. «дошелъ почти до крайности». Въ 1860 г. нашелся, наконецъ, благодѣтель, откликнувшійся на нужды Рождественской церкви. Это былъ потомственный почетный гражданинъ Александръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, предложившій устроить вмѣсто теплой Срѣтенской церкви, тѣсной и неудобной, теплый же, но болѣе обширный каменный храмъ въ два придѣла къ главному и новую колокольню. Послѣ смерти Сергѣева дѣло его закончилъ его сынъ Александръ Александровичъ, употребившій на постройку «весьма значительный капиталъ», болѣе 37000 р Кромѣ Сергѣева, дѣятельное участіе въ дѣлѣ постройки принимали почетный гражданинъ И. И. Семикинъ, вдова покойнаго К. Н. Кузина, И. А. Болховитиновъ, купцы Пузановъ, Сурнинъ, Лещенко, Дорошенко, и др. Новый теплый храмъ былъ законченъ и освященъ въ октябрѣ 1861 г. Не забыта была Сергѣевымъ и холодная церковь. Для нея онъ устроилъ новый иконостасъ, исправилъ церковь внутри и снаружи, выстроилъ ограду, пріобрѣлъ недостающія вещи и пр. [3]).

---

[1]) Харьковъ. 1863 г. № 27, 28, 32.
[2]) Арх. Губ. Пр. Дѣло Канц. Губ. 1809 г.
[3]) Харьковъ. 1863 г. № 124 126.

Съ 1866 г. заботу о церкви взяло на себя приходское попечительство. Оно и поддерживало благолѣпіе храма: пріобрѣло рядъ цѣнныхъ иконъ съ кіотами изящной работы, цѣнную утварь, хорошую ризницу, новый колоколъ и многое другое. Изъ видныхъ благотворителей храма на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ А. А. Сергѣевъ, общая сумма пожертвованій котораго превышаетъ 50 т. р.; затѣмъ крупной жертвовательницей была Е. И. Кузина (около 4 т. р.), не мало дали такіе прихожане, какъ И. Н. Семикинъ, У. Г. Попова, Л. П. Ковалевъ, Болховитиновы, Костевская, Пузанова, Вихревъ, П. Уткинъ, Пуголовко, П. Кузинъ, Н. П. Кузинъ, Новохатская и др.

Изъ особо чтимыхъ святынь храма отмѣчаемъ икону св. Пантелеймона, передъ которую съ 1863 г. по вторникамъ служатся молебны и читаются акаѳисты, икону Покрова Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости, свят. Николая—древняго греческаго письма [1]).

Николаевская церковь въ первыя три десятилѣтія XIX в. была храмомъ однопрестольнымъ. Только въ 1833 году къ главному храму пристроенъ придѣлъ во имя пророка Иліи, освященный въ 1835 г. Устроены также теплые придѣлы и въ верхней части церкви—одинъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, другой—во имя Святителя Митрофана, оба освящены въ 1834 г. Расширеніемъ своимъ и устройствомъ новыхъ престоловъ церковь много обязана стараніямъ и усердію настоятеля храма, протоіерея Георгія Маевскаго, прослужившаго при Николаевской церкви 44 года (съ 1798 по 1843 г.). Изъ крупныхъ подѣлокъ внутри церкви нужно отмѣтить обновленіе иконостаса (въ 1811 г.), на которое бѣлгородскими купцами Ив. Токаревымъ и Вас. Кисилевымъ пожертвовано было 2500 р. с. Пожертвованія въ Николаевскую церковь, конечно, не могли притекать столь обильно, какъ въ соборъ, тѣмъ не менѣе были весьма значительны. Крупными жертвователями, какъ и въ соборѣ, были большею частью купцы. Таковы купцы Ив. Глуховъ, пожертвовавшій для иконы у горняго мѣста серебряную чеканную ризу въ 16 фунтовъ 61 золотн.; Павелъ Верховскій, принесшій въ даръ церкви образъ св. Троицы въ серебряной оправѣ вѣсомъ въ 10 фунтовъ 61 золотникъ; Михаилъ Калашниковъ, пожертвовавшій для причты 274 р. 28 к., купчихи Тамбовцева, Куликова, Мотузкова и другіе [2]). Въ половинѣ XIX в., благодаря уничтоженію отдѣльно стоявшей колокольни, внѣшній видъ храма нѣсколько измѣнился, тѣмъ не менѣе церковь оставалась оргинальнымъ сооруженіемъ, однимъ изъ немногихъ памятниковъ харьковской старины, имѣвшимъ право ни бережное къ себѣ отношеніе. Къ сожалѣнію, такого отношенія къ себѣ Николаевская церковь не встрѣтила, и во второй половинѣ 80-хъ годовъ старинный храмъ былъ разрушенъ. Вмѣсто него черезъ нѣсколько лѣтъ воздвигнута новая просторная церковь въ томъ архитектурномъ стилѣ, какой у насъ принято называть византійскимъ. Теперь это одна изъ большихъ и богатыхъ церквей Харькова.

Михайловская церковь въ первую половину XIX ст. была однопрестольной, много меньше настоящей, но достаточно благолѣпной. Изъ крупныхъ передѣлокъ въ ней упомянемъ реставрацію иконостаса въ 1819 г., устройство хоръ въ 1822 г. Особенно много было сдѣлано для церкви старостой Прокофіемъ Искрой въ періодъ 1825—1844 г. Онъ позолотилъ кресты и главы на церкви и колокольнѣ, исправилъ ангела на верхушкѣ колокольни, который отъ вѣтру поворачивался, издавая какъ бы трубный звукъ, усилилъ освѣщеніе церкви, пробивъ въ стѣнахъ новыя окна, устроилъ серебро-позлащенный кончегъ для престола и новое горнее мѣсто, дорогое и изящное. Кромѣ того, Искрой пріобрѣтено было для церкви нѣсколько новыхъ образовъ въ золоченыхъ рамахъ, большое паникадило и множество золотой и серебряной утвари—лампадъ, крестовъ и т. п. При слѣдующемъ старостѣ—купцѣ Федорченкѣ церковь продолжала украшаться и обогащаться разными цѣнными пріобрѣтеніями. Уже въ 1841 г. возникла мысль о расширеніи храма, и начался сборъ пожертвованій, а съ 1853 г. начинается обстройка храма придѣлами, церковь значительно измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и внутренній, и внѣшній ея видъ: устраивается новый иконостасъ, пишутся новые образа, золотятся купола и т. п. Изъ старыхъ иконъ горняго мѣста, помнящихъ еще старосту Искру, и до сихъ поръ въ Георгіевскомъ придѣлѣ церкви сохранились: Моленіе о чашѣ, Христосъ на крестѣ и жертвоприношеніе Исаака [3]).

---

[1]) Лѣтопись Христорождественской церкви г. Харькова. Харьковъ, 1882 г.

[2]) Филаретъ, Отд. II, 30—31.

[3]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ настоятелемъ Михайловской церкви.

Вознесенская церковь въ первую половину XIX в. была едва ли не самой бѣдной изъ приходскихъ церквей Харькова. Приходъ это былъ преимущественно крестьянскій, купцы здѣсь тогда не жили, крупныхъ пожертвованій не притекало. Благодаря стараніямъ и вкусу своего настоятеля, извѣстнаго о. В. Фотіева, церковь выглядѣла довольно красиво. Долгое время это была единственная деревянная церковь въ Харьковѣ, и только въ началѣ 70-хъ годовъ былъ окончательно достроенъ новый каменный храмъ, оставшійся и до сихъ поръ безъ внѣшнихъ перемѣнъ.

Дмитріевская церковь, выстроенная въ первыя годы XIX в., была небольшихъ размѣровъ, такъ какъ тянувшій въ ней приходъ населенностью въ то время не отличался. Расширенія церковь потребовала только въ сороковыхъ годахъ. Въ 1841—1842 гг. къ церкви пристроены два придѣла: въ честь Смоленской иконы Божіей Матери (Одигитріи) и препод. Сергія Радонежскаго. Въ это же время была построена и колокольня. Пристройки дали возможность помѣститься въ церкви 800 человѣкъ. Но съ теченіемъ времени населеніе прихода увеличивалось. Построилась желѣзная дорога, заселилась прилегавшая къ ней, до того пустынная мѣстность, и Дмитріевская церковь стала тѣсной. Иниціатива ея расширенія и украшенія принадлежитъ тому же протоіерею Чижевскому, заботами котораго такъ много обязана своимъ благолѣпіемъ Воскресенская церковь. На его приглашеніе отозвались прихожане, и въ 1888 г. начались работы, оконченныя вполнѣ только въ 1896 г. Планъ и наблюденіе надъ его выполненіемъ принадлежали архитектору М. И. Ловцову, изъ рукъ котораго Дмитріевская церковь вышла, можно сказать, неузнаваемой. Вмѣсто 800 она могла вмѣстить въ себѣ свыше 2100 молящихся, а по внѣшнему виду стала лучшимъ украшеніемъ города. По отзыву В. П. Карпова, „этотъ храмъ можно назвать лучшимъ храмомъ въ Харьковѣ: своей красотой и граціозными линіями, подборомъ орнаментики, куполами яйцевидной формы и шпилеобразными башеньками по бокамъ онъ же можетъ не привлекать къ себѣ глазъ наблюдателя, на немъ отдыхаетъ душа, и за него заочно благодаришь зодчаго“. Внутренность церкви тоже измѣнилась. Куполъ и всѣ стѣны расписаны альфреско, иконостасы и кіоты иконъ вызолочены, живопись частью обновлена, частью написана вновь.

Изъ святынь храма заслуживаютъ быть отмѣченными: небольшой образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи и въ сѣверномъ придѣлѣ икона св. Сергія Радонежскаго. Первый образъ—самый древній въ церкви. Былъ онъ, по описанію, составленному о. І. Чижевскимъ, еще въ 1689 г. Въ 1804 г. во время пожара, истребившаго церковь, икона была найдена въ пепелищѣ совершенно невредимой. Впослѣдствіи икона богато украшена, риза на ней стоитъ больше 1100 р. Икона Сергія Радонежскаго на мѣдной доскѣ неизвѣстно когда поступила въ церковь. Изъ надписи на ней видно, что она „изобразися 1717 лѣта мѣсяца апрѣля дня 12, трудами Ивана Зубова“ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ [1]).

Мироносицкая церковь въ началѣ XIX в. была кладбищенской. Послѣ обращенія ея въ 1803 г. въ приходскую она подверглась расширенію. Стараніями церковнаго старосты купца Тараканова устроены въ ней придѣлы во имя женъ Мироносицъ и св. Николая, а главный престолъ освященъ во имя Креста Господня, почему и самая церковь стала именоваться Крестовоздвиженской. Въ населеніи, впрочемъ, ея старое названіе удержалось и до сихъ поръ. Въ 1837 г. весь храмъ былъ перестроенъ и освященъ въ 1841 г. Крупными жертвователями въ этомъ случаѣ явились: купчиха Прасковья Тамбовцева, извѣстная благотворительница харьковскихъ церквей, давшая на перестройку 5140 р. с., купецъ Ив. Киткевичъ (1375 р.), помѣщица Безпальчева, надв. сов. Крамаренко, церковный староста Чекаловъ и др. [2]). Не упоминая о позднѣйшихъ передѣлкахъ въ церкви, отмѣтимъ только, что въ настоящее время это одна изъ самыхъ благоустроенныхъ церквей Харькова. Заслуживаетъ вниманія и еще одна особенность церкви: она дольше другихъ удержала старую малорусскую „дзіницю“ въ видѣ простого навѣса для колоколовъ. Къ сожалѣнію, и этому остатку старины осталось не долго жить: строится новая каменная колокольня въ одной связи съ церковью.

Рождество Богородичная (Каплуновская) церковь, какъ мы уже говорили, построена въ 1810 году. Главными ея строителями считаются генералъ Сабуровъ и купецъ Добрынинъ. Освящена она 26 августа 1810 г. преосвященнымъ Христофоромъ Сулимою, что видно изъ сохранившейся въ церковномъ архивѣ грамоты о ея освященіи отъ 10 октября 1810 г. Изъ этой же грамоты видно, что церковь была освящена

[1]) Церковь св. великомуч. Димитрія въ Харьковѣ, стр. 5 6, 15—25.

[2]) Филаретъ, отд. II, стр. 32.

во имя Каплуновской иконы Божіей Матери, называлась Каплуновскою. Когда и по какому случаю она переименована въ Рождество-Богородичную,—свѣдѣній объ этомъ въ церковномъ архивѣ не имѣется; но несомнѣнно, что это сдѣлано до 1845 г., такъ какъ въ метрическихъ книгахъ, которыя ведутся въ церкви съ этого года, она называется уже Рождество-Богородичною. Церковь Каплуновская съ 1810 до 1845 г. была безприходною, кладбищенскою. Въ 1822 году кладбище было предназначено уже къ закрытію, которое послѣдовало въ 1828 г. Впрочемъ случаи погребенія покойниковъ на Каплуновскомъ кладбищѣ были и послѣ его закрытія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшіе надгробные памятники. На старомъ Каплуновскомъ кладбищѣ, между прочимъ, покоится прахъ Рижскаго, перваго ректора Харьковскаго университета (умеръ 14 марта 1811 г., какъ это значится на его памятникѣ). На этомъ же кладбищѣ въ 1899 г. погребено тѣло купца В. Г. Пономарева, который извѣстенъ какъ щедрый благотворитель Каплуновской церкви, служившій при ней церковнымъ старостою съ 1880 г. до своей смерти.

Каплуновская церковь имѣетъ форму креста и по своимъ размѣрамъ очень небольшая: въ ней, несчитая алтаря, приблизительно 220 квадр. аршинъ, такъ что она можетъ вмѣщать не болѣе 300 человѣкъ. Престолъ въ ней одинъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Съ 1 января 1845 г. Каплуновская церковь сдѣлана приходскою. Къ приходу ея принадлежали и жители Журавлевки до построенія тамъ своей церкви. Послѣ образованія на Журавлевкѣ самостоятельнаго прихода число прихожанъ Рождество-Богородичной церкви значительно уменьшилось, такъ что съ 1875 г. ея приходъ, по его малочисленности, былъ закрытъ. Съ этого времени въ теченіе безъ малаго шести лѣтъ самостоятельнаго причта въ ней не было, и она была приписана къ Мироносицкой церкви. Открытіе при ней самостоятельнаго прихода послѣдовало 20 ноября 1880 года.

Въ Каплуновской церкви причтъ все время состоялъ изъ одного священника и одного псаломщика. Такъ какъ существующая церковь очень мала, то въ 1896 г. начата постройка новой церкви, въ которой будетъ три престола. Въ настоящее время она вчернѣ окончена. Новая Рождество-Богородичная церковь имѣетъ около 900 кв. аршинъ, не считая алтаря, такъ что она будетъ помѣстительнѣе старой въ четыре раза. Наиболѣе крупными жертвователями ея сооруженіе были: церковный староста купецъ А. Г. Енуровскій, П. П. Рыковскій, М. М. Алексѣенко, Е. В. Пономарева, М. В. Устинова, С. Я. Толкачевъ, Ѳ. Фр. Лезель, Д. А. Алчевскій, Е. А. Губенкова и другіе [1]).

Не останавливаясь надъ исторіей новыхъ храмовъ, возникшихъ въ Харьковѣ во второй половинѣ XIX в., отмѣчаемъ устройство ряда домовыхъ церквей. Всѣ онѣ возникли въ XIX ст. и предназначены обслуживать тѣ учрежденія, при которыхъ состоятъ: таковы церкви при духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, при университетѣ, институтѣ благородныхъ дѣвицъ, при трехъ мужскихъ гимназіяхъ, дѣтскомъ пріютѣ, благотворительномъ обществѣ, мѣщанской богадѣльнѣ, при тюрьмахъ. Обыкновенно кругъ посѣтителей домовыхъ церквей ограниченъ лицами, принадлежащими къ составу учрежденія, при которомъ состоитъ церковь. Исключеніемъ изъ этого общаго правила является университетская Антоніевская церковь, привлекающая къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей изъ разныхъ слоевъ харьковскаго общества, такъ что, не будучи приходской, университетская церковь всегда играла въ религіозной жизни Харькова не меньшую, а можетъ быть, и большую роль, нежели иные приходскіе храмы.

Мысль объ устройствѣ въ университетѣ церкви принадлежитъ попечителю учебнаго округа Е. В. Карнѣеву. По недостатку средствъ церковь строилась долго—цѣлыхъ 8 лѣтъ. Въ устройствѣ ея принимали участіе архитекторы Татищевъ, Васильевъ, Тонъ и Калашниковъ. Мѣстныя иконы для иконостаса писаны академиками Боровиковскимъ и Венеціановымъ, остальныя—Рѣпинымъ и Куликовскимъ, тогдашними преподавателями рисованья въ университетѣ и гимназіи. Освящена университетская церковь 25 апрѣля 1831 г.

Какъ и большинство домовыхъ церквей, университетская церковь не отличается богатствомъ утвари и ризницы. Изъ болѣе крупныхъ жертвователей на украшеніе храма упомянемъ имена попечителя округа графа Панина, купца Карпова, проф. Протопопова, преосв. Филарета, губернаторши Лужиной, супруги попечителя М. П. Зиновьевой, г-жи Фойгтъ, прот. Добротворскаго, М. М. Алексѣенко, проф. Кульчицкаго и церковныхъ старостъ П. Уткина, И. Ф. Силина, Я. К. Трофименко. Въ 1867 г. профессорами универ-

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ протоіер. В. Добровольскимъ.

ситета, въ память спасенія Императора Александра II 4 апрѣля 1866 г., пожертвованъ образъ Александра Невскаго, а студентами, въ память 25 мая 1867 г.—образъ Спасителя.

При открытіи церкви первымъ ея настоятелемъ былъ назначенъ соборный протоіерей Тимофей Печерскій, а затѣмъ настоятельство перешло къ профессорамъ богословія. Со временемъ въ помощь настоятелю стали назначаться особые священники.

Старосты въ первыя десятилѣтія существованія храма избирались изъ среды профессоровъ, а съ 1875 г. избираются обыкновенно изъ лицъ постороннихъ университету, главнымъ образомъ изъ среды богатаго харьковскаго купечества. Таковы купцы Петръ Уткинъ, И. Силинъ, Н. Н. Сѣриковъ, А. Н. Денисовъ, Я. К. Трофименко.

Университетская церковь всегда привлекала многочисленныхъ посѣтителей, главнымъ образомъ, благодаря прекрасному пѣнію. До 1853 г. здѣсь пѣлъ архіерейскій хоръ, затѣмъ образовался хоръ изъ студентовъ. Съ 1873 г. здѣсь пѣлъ лучшій въ городѣ хоръ Литинскаго, а съ 1885 г.—хоръ Туровѣрова [1]).

Конечно, въ старомъ Харьковѣ были кое-какія мѣстныя особенности въ богослуженіи и требоисправленіи, кое-какая разница въ ихъ совершеніи по сравненію съ великорусскою церковью. Нужно думать, что изъ своей родины первые поселенцы Харькова принесли съ собой и особенности, которыми отличалась въ то время юго-западная русская церковь отъ сѣверной.—Особенности эти были и тогда не велики, а впослѣдствіи ихъ окончательно стерло все нивеллирующее время. Дольше другихъ удержалось крещеніе не черезъ погруженіе, а черезъ обливанье. И до сихъ поръ удержались особыя вечернія богослуженія, совершаемыя по пятницамъ въ первыя четыре недѣли Великаго поста, извѣстныя подъ именемъ „пассій“. При совершеніи бракосочетанія священники сразу вѣнчали нѣсколько паръ. Исповѣдь происходила „огуломъ“, по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Широко примѣнялась эпитемія—„покута“. Въ церковномъ чтеніи и пѣніи также довольно долго сохранялись кіевскіе обычаи. Одной изъ особенностей архіерейскаго облаченія, уничтоженной только въ наши дни, былъ крестъ на митрѣ,—отличіе, которымъ великорусскіе архіереи не пользовались. Траурныя облаченія духовенства употреблялись не только при великопостномъ богослуженіи, но и при похоронахъ и панихидахъ. Звонки во время совершенія преждеосвященныхъ литургій, раскрытыя царскія двери во время сугубой эктеніи послѣ чтенія евангелія, звонъ „на сходъ души“ и т. п. мелкія особенности уничтожались постепенно, сами собою, часто даже безъ распоряженія изъ Петербурга.

Въ отношеніи отправленія церковнаго богослуженія въ Харьковѣ даже въ XIX в. долго господствовали порядки, выработанные условіями деревенской жизни. Въ будни богослуженіе совершалось только въ соборѣ, въ приходскихъ церквахъ служить было, можно сказать, не для кого. Начиналось оно „у досвіта“, по словамъ о. Буткевича, въ 2—3 часа ночи, а по словамъ о. Н. Лащенка—въ 4. Заутреня во всякомъ случаѣ отправлялась дѣйствительно „за утра“. Всенощныя подъ большіе праздники и воскресные дни въ лѣтнюю пору (съ Ѳоминой недѣли и по 15 сентября) стали служиться въ соборѣ только съ 1802 г. Это были, какъ тогда выражались, богослуженія „для панівъ“ или для лѣнтяевъ; утрени, впрочемъ, служились по прежнему и по прежнему же начинались „у досвіта“. Замѣна заутрени всенощной совершалось медленно, и только въ 1866 г. заутрени окончательно вывелись, и всенощныя стали отправляться въ теченіе круглаго года. Обѣдня въ соборѣ большею частью служилась одна. Только съ 1846 г., послѣ превращенія собора изъ градскаго въ каѳедральный и увеличенія его причта, начали ежедневно совершать двѣ литургіи—раннюю и позднюю. Время звона къ богослуженію зависѣло отъ воли служащаго священника. Существовали, впрочемъ, по этой части и особыя правила, но только для праздничныхъ дней. По ордеру преосвященнаго Ѳеоктиста обѣдня въ такіе дни должна начинаться въ 9 часовъ утра. Благовѣстъ начинался въ Успенскомъ соборѣ, а за нимъ и въ другихъ церквахъ. Благовѣстили съ полъ-часа, а потомъ перезванивали. Ордеръ этотъ, однакоже, не всегда исполнялся. По крайней мѣрѣ при преосвященномъ Христофорѣ потребовался новый ордеръ о томъ, что по праздникамъ звонить къ обѣднѣ надо въ 9 часовъ [2]). Но, повидимому, и по этому ордеру надлежащаго исполненія чинено не было. Только съ 1848 г. стали примѣняться выработанныя консисторіей правила, подвергавшіяся съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ. Пасхальное богослуженіе, какъ и теперь, отправлялось ночью, обѣдня слѣдовала

[1]) Буткевичъ. Антоніевская университетская церковь.

[2]) Харьк. Сборн. 1893 г., стр. 237—238.

непосредственно за заутреней, но бывало иногда и такъ, что, кромѣ раннихъ, служились и позднія обѣдни. Впослѣдствіи это вывелось въ виду неудобствъ поздней обѣдни для духовенства [1]).

Церковное чтеніе и пѣніе въ приходскихъ церквахъ города въ Александровское и Николаевское время было въ рукахъ дьячковъ и любителей изъ прихожанъ. Пѣніе было „обычное",—напѣва, сходнаго съ напѣвомъ Кіево-Печерской лавры. Нѣкоторое разнообразіе вносили въ него дьячки, придававшіе ему иногда характеръ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторые изъ прихожанъ становились на клиросѣ и помогали причетникамъ въ пѣніи, но такъ какъ рѣдкіе изъ такихъ любителей имѣли достаточныя свѣдѣнія въ церковномъ пѣніи, то участіе ихъ дѣлало пѣніе шумливымъ, многогласнымъ, иногда слышенъ былъ рѣзкій крикъ, непріятно дѣйствующій. „Въ то время—говоритъ Е. В. Топчіевъ—въ Харьковѣ пѣли на два клироса, и было много охотниковъ до церковнаго пѣнія изъ разнаго званія людей". Изъ среды охотниковъ до церковнаго пѣнія, знавшихъ это искусство и имѣвшихъ голосъ, извѣстны въ то время въ Рождественскомъ приходѣ М. Топчій, въ Благовѣщенскомъ—А. Срынникъ, въ Троицкомъ—И. Т. Ващенко, въ Михайловскомъ—И. Г. Рѣшитько. „Пѣли громко, какъ бы стараясь перекричать пѣвецъ пѣвца, одинъ клиросъ—другой". Дѣлались попытки и партеснаго пѣнія, но это была скорѣе пародія на него.

Такъ было въ приходскихъ церквахъ, а въ соборѣ и монастырѣ еще въ XVIII ст. пѣніе было поставлено очень не дурно. Не могло же пройти безслѣдно пребываніе въ Харьковѣ коллегіума, питомцы котораго пѣли въ нижней церкви Покровскаго монастыря. Въ такъ называемыхъ добавочныхъ классахъ на пѣніе также обращалось большое вниманіе. Вспомнимъ, что здѣсь учителемъ музыки и пѣнія былъ М. П. Канцевичъ. Знаменитый въ свое время Ведель былъ здѣсь начальниковъ пѣвческаго хора казенныхъ классовъ, а П. И. Турчаниновъ, тоже впослѣдствіи знаменитость, былъ въ это время учителемъ маленькихъ пѣвчихъ. Турчаниновъ, вспоминая пѣніе Веделя въ Харьковѣ, говоритъ, что онъ „съ такимъ вкусомъ и чувствомъ пѣлъ, что всѣ мы, а паче я, поражались и восхищались его пѣніемъ. Когда Ведель пѣлъ, то самъ онъ и вся церковь обливались слезами". Не могло не отражаться на церковномъ пѣніи и расположеніе къ нему высшаго мѣстнаго начальства—намѣстника Леванидова и губернатора Теплова, имѣвшихъ при своихъ домахъ прекрасные хоры пѣвчихъ.

О. Бутковичъ утверждаетъ, что въ первый разъ церковный хоръ пѣвчихъ появился въ Харьковѣ съ основаніемъ Харьковской славяно-греко-латинской школы, но питомцы этой школы пѣли только въ своей церкви Покровскаго училищнаго монастыря. Въ Успенскомъ соборѣ, по словамъ о. Буткевича, хоръ пѣвчихъ сталъ пѣть по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ только съ 1780 г., со времени учрежденія въ Харьковѣ намѣстничества и освященія каменнаго собора. Но и это былъ хоръ собственно не соборный, а намѣстническій или губернаторскій, содержавшійся на средства харьковскихъ намѣстниковъ и губернаторовъ и отъ нихъ исключительно зависѣвшій. Хоръ этотъ пѣлъ въ Успенскомъ соборѣ въ теченіе 25 лѣтъ. Былъ ли это намѣстническій хоръ или только зависѣвшій отъ намѣстника хоръ учениковъ „добавочныхъ классовъ", рѣшать не беремся. Склонны думать, что послѣднее вѣрнѣе, и что именно къ Успенскому собору нужно пріурочить то впечатлѣніе отъ пѣнія Веделя, о которомъ вспоминалъ Турчаниновъ. Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью утверждать, что и въ соборѣ, и въ монастырѣ нотное хоровое пѣніе было въ ходу уже въ концѣ XVIII в.

Съ учрежденіемъ въ Харьковѣ архіерейской каѳедры возникъ и архіерейскій хоръ. Въ пѣвческомъ классѣ при архіерейскомъ хорѣ регенты учили пѣвцовъ такъ назыв. нотной музыкѣ и въ особенности концертамъ. Пѣвцы были знакомы съ правилами гармоніи и изучали скрипичную игру. При первомъ же преосвященномъ Христоформъ Сулимѣ заведенъ былъ полный инструментальный оркестръ, и архіерейская пѣвческая въ оффиціальныхъ документахъ того времени именовалась каѳедральною вокальною музыкою, а завѣдывавшей хоромъ протодьяконъ назывался директоромъ пѣвчихъ. Пѣвчіе набирались изъ питомцевъ коллегіума и причетниковъ [2]).—Изъ регентовъ архіерейскаго хора первыхъ годовъ его существованія упомянемъ Луку Чижевскаго, отца извѣстнаго впослѣдствіи харьковскаго протоіерея Іоанна Чижевскаго.

Архіерейскій и коллегіумскій хоры и были въ теченіе долгаго времени единственными церковными хорами въ Харьковѣ. Даже при „градскомъ" соборѣ самостоятельный хоръ устроился только въ 1813 г., но и то не на долго. Въ 1821 г. его уже не стало. Въ 1829 г. въ соборѣ пѣлъ архіерейскій хоръ, но

[1]) Бутковичъ. Ист. стат. описаніе, 57—59.

[2]) Харьковск. Сборн. 1893 г., стр. 241—262.

только раннія обѣдни; съ 1829 по 1846 г. пѣвчихъ въ соборѣ опять не было; въ 1846 г. хоръ опять возникъ, а съ 1846 по 1859 г. соборъ вновь обходился безъ собственнаго хора [1]). Въ приходскихъ церквахъ хоры появились совсѣмъ ужъ недавно. Такъ, напр., въ богатой Воскресенской церкви постоянный хоръ образовался не ранѣе 1860 г. [2]), а въ Рождественской—1866 г. Обыкновенно въ приходскихъ церквахъ пѣли причетники, а въ праздничные дни иногда бывало и любительское хоровое пѣніе. Такъ напр. въ Рождественской церкви, по словамъ старожиловъ, участвовали въ пѣніи такіе знатоки изъ прихожанъ, какъ Ѳ. С. Вареникъ, А. С. Вареникъ, С. А. Вареникъ, Зах. Дорошенко, И. П. Леусъ, И. П. Клещовъ, И. Я. Гелаловъ и многіе другіе. Все это были почетные прихожане. Но съ теченіемъ времени знатоки, обучавшіеся этому искусству у старыхъ „дяківъ“, перемерли, а ихъ потомки считали, что прихожанамъ, тѣмъ болѣе почетнымъ, пѣть на клиросѣ зазорно: имъ де приличествуетъ только жертвовать на содержаніе хора, а хоръ вербовался ужъ изъ меньшей братіи, тоже любителей, но уже пролетаріевъ, которые смотрѣли на свое участіе въ церковномъ пѣніи не только съ эстетической, но и съ меркантильной точки зрѣнія. Таковъ напр. хоръ любителей изъ семинаристовъ при Рождественской церкви [3]). Хоры эти обыкновенно бывали не прочны; постоянныхъ средствъ на ихъ содержаніе не было, а приходскіе благотворители жертвовали, когда приходила охота. Любительскіе хоры обыкновенно заимствовали у архіерейскаго, что имъ было по силамъ. Они ограничивались, конечно, самыми легкими и доступными пьесами и удовлетворяли незатѣйливымъ запросамъ прихожанъ. Организація при приходскихъ церквахъ правильныхъ и постоянныхъ пѣвческихъ хоровъ относится уже къ послѣднимъ четыремъ десятилѣтіямъ XIX в.

Изъ харьковскихъ церковныхъ хоровъ въ шестидесятыхъ годахъ особенно славился хоръ Литинскаго. Это былъ архіерейскій хоръ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Литинскій ушелъ изъ хора и, хоръ тогда распался. Литинскаго пригласили въ Рождественскую, а потомъ въ Троицкую церковь, и скоро хоръ этой церкви сдѣлался лучшимъ въ городѣ. Въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ харьковцы толпами собирались въ Троицкую церковь „послушать Литинскаго“. Нѣкоторымъ увлекающимся обывателямъ троицкіе пѣвчіе казались куда лучше итальянской оперы. Басъ Дьяконовъ, теноръ Школьницкій приводили иныхъ меломановъ положительно въ восторгъ. „Если бы возможно было,—писалъ въ тогдашнихъ, „Губерн. Вѣдомостяхъ“ нѣкій меломанъ—въ церкви выразить принятымъ образомъ удовольствіе и одобреніе, то безъ сомнѣнія, всѣ промежутки отъ одной пьесы до другой были бы переполнены самыми восторженными апплодисментами“ [4]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Харьковѣ большою извѣстностью пользовался хоръ Градовскаго, пѣвшій въ двухъ церквахъ [5]). Затѣмъ извѣстностью пользовались хоры Ведринскаго и Городецкаго, а съ конца восьмидесятыхъ годовъ—хоръ Туровѣрова.

Особыхъ религіозныхъ торжествъ, какими богаты древніе русскіе города, изобилующіе святынями, въ старомъ Харьковѣ не было. Ни мощей, ни крестныхъ ходовъ, служились только акаѳисты передъ особо чтимыми иконами. Такъ напр. въ Успенскомъ соборѣ съ давнихъ временъ заведенъ былъ обычай читать по субботамъ торжественный акаѳистъ передъ иконой Божіей Матери. Въ монастырѣ чтеніе акаѳистовъ по средамъ и пятницамъ заведено было только съ сороковыхъ годовъ. Затѣмъ постепенно устанавливалось чтеніе акаѳистовъ и въ приходскихъ церквахъ передъ особо чтимыми иконами. Особенно много богомольцевъ привлекали акаѳисты въ соборѣ и монастырѣ, совершавшіеся торжественно, съ хоромъ пѣвчихъ, а иногда архіерейскимъ служеніемъ.

Въ 1844 г. установлены были два ежегодныхъ крестныхъ хода съ Озерянской иконой Божьей Матери: одинъ 30 сентября—съ перенесеніемъ иконы изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій, другой—22 апрѣля,—изъ Харькова въ Куряжъ. До 1844 г. Озерянская икона находилась постоянно въ Куряжѣ, привлекая сюда массу богомольцевъ изъ Харькова и окрестностей. Паломничества въ Куряжъ совершались преимущественно въ лѣтнее время, зимою они дѣлались неудобными для большинства горожанъ. Въ виду этого по иниціативѣ преосвященнаго Иннокентія возникла мысль, нельзя ли на зиму перено-

---

[1]) Буткевичъ. Историко-статист. описаніе, стр. 54—55.
[2]) Св. Гиранъ. Opus cit., стр. 34.
[3]) Лѣтопись Христорождественской церкви, стр. 19—20.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1862. № 45.
[5]) Тамъ же. 1886 г. № 411.

сить чтимую икону въ Харьковъ. Въ этомъ смыслѣ и было подано прошеніе епархіальному начальству. Ходатайство горожанъ было встрѣчено сочувственно. Ихъ желаніе было признано „благочестивымъ и достойнымъ уваженія“, а ежегодное перенесеніе иконы Богоматери съ подобающею торжественностью—„дѣйствіемъ весьма благотворнымъ не только для города, но и для всего края, скуднаго древнею святынею“. Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ также находилъ установленіе духовной процессіи—„мѣрою весьма полезною для вящшаго утвержденія жителей всего края въ благоговѣйномъ почитаніи церковной святыни“. Не встрѣтилось серьезныхъ препятствій даже со стороны Куряжскаго монастыря.

Дѣло перешло въ Синодъ, а 16 октября 1843 г., по докладу Синода, послѣдовала и Высочайшая резолюція объ учрежденіи крестныхъ ходовъ 30 сентября и 22 апрѣля. 30 сентября было выбрано потому, что перваго октября Покровскій монастырь празднуетъ свой храмовой праздникъ, а 22 апрѣля—потому, что 23 апрѣля—храмовой праздникъ въ Куряжѣ.

Первый крестный ходъ съ чудотворной иконой изъ Куряжа въ Харьковъ состоялся 30 сентября 1844 г. Не за долго до этого въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ опубликованъ былъ церемоніалъ крестнаго хода [1]). 30 сентября торжество началось въ 11 часовъ утра. Вотъ какъ описано оно очевидцемъ на страницахъ тѣхъ же „Губернскихъ Вѣдомостей“:

„Съ утра храмы и стѣны монастыря не могли уже вмѣщать притекшихъ богомольцевъ, и они въ необозримыхъ массахъ расположились за стѣнами святой обители. По окончаніи литургіи и молебствія, совершенныхъ въ 9 часовъ утра, чудотворная икона вынесена была изъ монастырскаго храма, при звонѣ колоколовъ и хвалебномъ пѣніи, настоятелемъ монастыря въ сопровожденіи иноковъ и священнослужителей окрестныхъ селеній. Поставленную въ особо устроенномъ великолѣпномъ балдахинѣ икону Богоматери богомольцы подняли на плечахъ своихъ. Всѣ сопровождавшіе шествіе изъ христіанской ревности старались, хотя самое короткое время, понести этотъ кивотъ, вмѣщавшій въ себѣ драгоцѣнную святыню. Въ началѣ процессіи, съ хоругвями храмовъ Божіихъ шли служители ихъ, а пастыри церкви несли святыя иконы; одинъ изъ іеромонаховъ куряжскихъ въ мантіи несъ животворящій крестъ; потомъ слѣдовалъ настоятель монастыря и, наконецъ, шествовала чудотворная икона, сопровождаемая множествомъ богомольцевъ. Во время шествія непрестанно раздавалось пѣніе: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“, и народъ съ благоговѣніемъ молился Пресвятой Дѣвѣ. Въ четырехъ верстахъ отъ города вся дорога покрыта была богомольцами, которые спѣшили соединиться съ процессіею. Наконецъ это священное шествіе достигло Холодной горы, гдѣ многія тысячи народа ожидали встрѣтить чудотворную икону. Когда шествовавшій съ иконою и ожидавшій ее народъ соединились вмѣстѣ, и когда съ Холодной горы представилось взорамъ, что вся ведущая къ собору Екатеринославская, столь длинная, улица покрыта густыми толпами жителей, пришедшихъ насладиться духовнымъ торжествомъ, никогда небывалымъ въ нашемъ городѣ, то ясно было, что почти все населеніе Харькова и окрестныхъ селеній притекло на это духовное празднество. Дѣйствительно, въ этотъ день всѣ оставляли дома свои, оставляли судилища и торжища, чтобы идти на срѣтеніе иконѣ и для поклоненія ей. На Холодной горѣ устроено было возвышеніе, гдѣ пресвященный съ духовенствомъ, встрѣтивъ святую икону, послѣ обычнаго поклоненія и кажденія, привѣтствовалъ ее краткимъ молитвеннымъ словомъ. „Съ радостію и страхомъ,—сказалъ онъ—исходимъ предъ тебя, Владычице. Исходимъ съ радостію—ибо вѣруемъ, что въ дивномъ ликѣ твоемъ грядетъ къ намъ вся благодать Сына и Бога твоего; исходимъ со страхомъ—ибо знаемъ, что ты не терпишь грѣховной нечистоты, а мы всѣ покрыты ею“. Засимъ онъ молилъ ее быть нашею наставницею и подательницею всѣхъ благъ; наконецъ, воззрѣвъ на городъ, съ высоты горы совершенно открытый, и видя безчисленное множество народа, пришедшаго въ срѣтеніе ея, въ порывѣ пастырскаго восторга воскликнулъ: „Гряди убо, Преблагословенная, и осѣни дивнымъ ликомъ твоимъ градъ нашъ! Гряди и прими его навсегда подъ всемогущій покровъ твой! Се онъ у ногъ твоихъ вмѣстѣ съ душами и сердцами нашими!“

Величественное, неизобразимое представилось зрѣлище, когда просвященный, бывъ въ полномъ и драгоцѣнномъ архіерейскомъ облаченіи, принявъ икону отъ настоятеля монастыря въ свои руки и находясь на возвышеніи, окруженномъ духовенствомъ и народомъ, началъ осѣнять ею Харьковъ и его окрестности—и тысячи съ благоговѣніемъ преклонили передъ нею головы свои и вознесли теплыя моленія о

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1844 г. Прибавленіе № 38.

спасеніи душъ своихъ. Потомъ святая икона принята отъ преосвященнаго начальникомъ губерніи съ исправляющимъ должность губернскаго предводителя дворянства и снесена съ Холодной горы до городской заставы. Въ это самое время, при звонѣ колоколовъ, начался торжественный крестный ходъ.

Все, что церковь православная имѣетъ великолѣпнаго въ храмахъ своихъ и что можетъ быть износимо изъ нихъ, все то изнесено было въ срѣтніе чудотворнаго лика Богоматери. Передъ нею несли животворящій съ мощами крестъ, находящійся въ здѣшней Крестовой церкви, крестъ и хоругви, на этотъ случай вновь устроенные и отдѣланные съ особеннымъ искусствомъ, рипиды, дикиріи и трикиріи, употребляемые при служеніи архіерейскомъ, а служители алтарей Божіихъ имѣли въ рукахъ своихъ храмовыя свои иконы. Изъ позлащенныхъ кадильницъ непрерывно курился обильный ѳиміамъ, а на устроенныхъ для этого случая огромныхъ свѣщникахъ, несомыхъ нарочито избранными для того людьми, пылали благоукрашенныя праздничныя свѣчи. Два хора пѣвчихъ, одѣтыхъ въ новый, но по формѣ своей древній греческій костюмъ, и ученики духовныхъ училищъ съ зелеными въ рукахъ вѣтвями, оглашали воздухъ молитвеннымъ пѣніемъ: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“. Городское знамя съ цеховыми значками предшествовало процессіи. Прекрасный осенній день съ яснымъ солнцемъ и безоблачнымъ небомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ общему торжеству. Казалось, небо и земля ликовали вкупѣ въ честь Владычицы неба и земли. Въ стройномъ неизмѣнномъ порядкѣ продолжалось торжественное шествіе иконы, попеременно несомой почетнѣйшими чиновниками и гражданами. Противъ Дмитріевской и Рождественской церквей и Успенскаго собора читается краткая ектенія, и преосвященный снова осѣнялъ городъ чудотворною иконою. Не прежде какъ въ три часа пополудни окончилось священное шествіе, и святая икона поставлена на установленномъ для нея мѣстѣ въ каѳедральномъ Покровскомъ соборѣ, незадолго передъ тѣмъ попеченіемъ нашего архипастыря великолѣпно украшенномъ и освященномъ“ [1]).

Установленіе крестныхъ ходовъ съ Озерянской иконой вызвало необходимость устройства на Холодной горѣ часовни, превратившейся со временемъ въ приходскую церковь. Здѣсь бываетъ встрѣча иконы при ея прибытіи въ городъ, сюда же провожаетъ икону и городское духовенство въ день выноса ея изъ города.

Наконецъ, уже въ недавнее время, при преосвященномъ Амвросіи, былъ установленъ крестный ходъ изъ собора въ Александровскую часовню у Лопанскаго моста, совершаемый ежегодно 8 іюля, на Казанскую. Впрочемъ, это религіозная церемонія, такъ сказать, чисто домашняя. Богомольцевъ извнѣ она не привлекаетъ, и сами даже харьковцы въ этомъ крестномъ ходѣ участвуютъ гораздо въ меньшемъ числѣ, нежели при обычныхъ крестныхъ ходахъ на Крещеніе и въ день Преполовенія.

Церковная проповѣдь въ Харьковѣ была поставлена, въ особенности по сравненію съ другими городами, не дурно. При первомъ харьковскомъ епископѣ Христофорѣ было установлено, какъ непремѣнное правило, что каждый учительный, т. е. окончившій курсъ коллегіума, священникъ обязанъ былъ разъ въ годъ явиться въ Харьковъ для произнесенія проповѣди, что, конечно, было очень неудобно для многихъ священниковъ, жившихъ часто за 400 и за 500 верстъ отъ губернскаго города. Говорили проповѣди и мѣстные священники, особенно въ соборахъ градскомъ и каѳедральномъ. Въ каждый воскресный и праздничный день—говоритъ о. Н. Лащенко—произносилось двѣ проповѣди: въ градскомъ соборѣ говорилъ священникъ, въ каѳедральномъ—студентъ богословія. Въ царскіе дни и большіе праздники говорилъ слово ректоръ или префектъ коллегіума, или же ключарь собора, въ дни Великаго поста на такъ назыв. „пассіяхъ“—учителя коллегіума. Изъ отчета за 1805 г. мы видимъ, что въ теченіе этого года въ каѳедральномъ соборѣ было произнесено болѣе 150 проповѣдей, именно: сельскими священниками 35, священниками уѣздныхъ городовъ 13, священниками г. Харькова 17, учителями коллегіума 13 и студентами богословія 46. Проповѣди произносились не съ солеи, какъ теперь, а съ особой каѳедры. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ происходили публичныя чтенія, вродѣ нынѣшнихъ внѣбогослужебныхъ чтеній. Такъ, въ каѳедральномъ и градскомъ соборѣ, послѣ литургіи, изъясняли народу катихизисъ одинъ изъ учителей коллегіума, а прот. Могилевскій и Прокоповичъ—„въ коллегіумской богословской аудиторіи, въ публичномъ собраніи учащихся и разнаго званія слушателей“. Прот. Могилевскій предлагалъ народу чтеніе объ истинахъ христіанскаго ученія, Прокоповичъ—толкованіе на посланія апостола Павла. Прот. Прокоповичъ

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1844 г. Прибавл. № 48.

особенно славился, какъ искусный проповѣдникъ. Читались проповѣди и въ приходскихъ церквахъ. Въ послѣднихъ, впрочемъ, дѣло велось не всегда удачно. Настоятель Рождественской церкви прот. Зимовскій, по отзыву благочиннаго, „печатныя поученія читалъ съ нарушеніемъ удареній на словахъ и не соблюдая ни запятыхъ, ни точекъ, почему чтеніе проповѣдей было вовсе непонятно для народа“ [1]). Зато преемникъ Зимовскаго по настоятельству Григорій Калиновичъ, если вѣрить автору „Лѣтописи Христорождественской церкви“, былъ въ свое время замѣчательнымъ проповѣдникомъ [2]).

Успѣхамъ проповѣдничества въ Харьковѣ содѣйствовало и пребываніе на Харьковской архіерейской каѳедрѣ такихъ извѣстныхъ проповѣдниковъ, какъ преосвященный Иннокентій Борисовъ, а потомъ Макарій Булгаковъ и Амвросій Ключаревъ. Иннокентій дѣйствовалъ на чувства своихъ слушателей, Макарій вліялъ главнымъ образомъ на ихъ разумъ, а Амвросій захватывалъ ихъ современностью своихъ темъ. Онъ первый придалъ церковнымъ проповѣднмъ публистическій характеръ и заговорилъ съ церковной каѳедры на такія темы, которыхъ до тѣхъ поръ духовные ораторы обыкновенно не касались.

Духовенство при харьковскихъ церквахъ въ первые годы XIX ст. было немногочисленно. Въ большихъ приходахъ было по два священника, въ малыхъ—по одному. Одинъ священникъ былъ даже въ такомъ многолюдномъ приходѣ какъ Воскресенскій. Еще меньше было дьяконовъ. Въ 1799 г., по свѣдѣніямъ о. Н. Лащенко, кромѣ „градскаго собора“, дьякона имѣлись только при трехъ приходскихъ церквахъ: священники находили дьяконовъ, безъ которыхъ при богослуженіи можно обходиться, ненужными, тѣмъ паче что съ ними вѣдь приходилось дѣлиться и доходами. Причтъ состоялъ изъ дьячка—чтеца и пѣвца на клиросѣ и пономаря, прислуживавшаго священнику во время богослуженія и помогавшаго дьячку на клиросѣ [3]).

Въ старое время прихожане сами выбирали себѣ „батюшокъ“, часто изъ одной и той же семьи, такъ что отцу священнику наслѣдовалъ его сынъ, а иногда священническое мѣсто послѣдовательно переходило и ко внуку. Въ XIX ст. о выборахъ духовенства говорить уже не приходилось: ихъ замѣнило архіерейское назначеніе. Повидимому, нѣкоторое право за прихожанами признавалось еще при выборѣ дьячковъ, по крайней мѣрѣ требовалось ихъ согласіе. При назначеніи на священническія мѣста воля владыки играла рѣшающую роль, при чемъ большое значеніе имѣло образованіе претендентовъ на священство. Въ харьковскія церкви епархіальное начальство старалось назначать священниковъ „учительныхъ“, вкусившихъ богословской премудрости въ мѣстномъ коллегіумѣ. Принимались въ разсчетъ и наслѣдственныя, такъ сказать, права претендентовъ. Въ прекрасномъ изслѣдованіи о. Н. Лащенко о первомъ харьковскомъ епископѣ, преосвященномъ Христоформъ Сулимѣ, разсказаны два случая, относящіеся къ Харькову. Въ 1807 г. умеръ 86-лѣтній священникъ, служившій при Харьковской Николаевской церкви 64 года, Николай Назарьевъ. По смерти его осталась бездѣтная вдова, старуха 70 лѣтъ. Она жила въ своемъ домѣ въ Харьковѣ и была „достатка довольнаго“. Зять ея, протоіерей Харьковскаго Успенскаго собора, онъ же и благочинный, Руфиновъ-Курдюмовъ пишетъ преосв. Христофору, что по случаю дороговизны въ Харьковѣ онъ, имѣя пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, затрудняется содержать свою престарѣлую тещу и потому „для лучшаго ея содержанія“ проситъ зачислить мѣсто умершаго его тестя при Николаевской церкви за своею 13-лѣтнею дочерью. Преосв. Христоформъ, предоставивъ мѣсто Назарьева свящ. Маевскому, бывшему при сей церкви на дьяконскомъ мѣстѣ, зачислилъ сіе послѣднее за дочерью Руфинова „во уваженіе отличныхъ его заслугъ“. Теща Руфинова пользовалась дьяконскими доходами около трехъ лѣтъ, пока не поступилъ къ Николаевской церкви вторымъ священникомъ учитель рисовальнаго класса при коллегіумѣ Андрей Михайловскій, женившійся на ея внучкѣ. Въ 1810 г. священникъ Михайловской церкви Іаковъ Прокоповичъ обратился къ преосвященному Христофору съ просьбой—зачислить за его сыномъ праздное при сей церкви діаконское мѣсто съ правомъ полученія діаконскихъ доходовъ на содержаніе его трехъ сыновей и дочери, которыхъ, по бѣдности прихода, онъ затрудняется содержать. По справкѣ оказалось, что сыну его Іакову въ томъ году исполнилось всего только шесть лѣтъ отъ роду [4]). Въ Воскресенской церкви во второй половинѣ XVIII в. священствовалъ Григорій

[1]) Харьк. Сборн. 1894 г., стр. 132—135.
[2]) Лѣтопись, стр. 27.
[3]) Харьк. Сборн. 1894 г., стр. 107—108.
[4]) Харьк. Сборникъ 1894 г., стр. 109.

Малиновскій. Сынъ его, тоже Григорій, наслѣдовалъ мѣсто отца, потомъ при той же церкви священниками состояли внуки Григорія Малиновскаго и, наконецъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX ст.— правнукъ протоіерей Іоаннъ Малиновскій, умершій въ 1863 г. Послѣ увольненія Іоанна Малиновскаго въ 1857 г. за штатъ, наслѣдственныя права Малиновскихъ перешли къ женской линіи, и священникомъ въ Воскресенскую церковь былъ назначенъ Кіяницынъ, зять протоіерея Іоанна Малиновскаго. Такимъ образомъ, родъ Малиновскихъ держался при Воскресенской церкви въ теченіе цѣлаго столѣтія. Обычай зачисленія духовныхъ мѣстъ за дочерями священниковъ держался въ Харьковѣ очень долго. Въ 1859 г. заштатный священникъ Пономаревъ ходатайствовалъ передъ Св. Синодомъ о возвращеніи ему мѣста для пріисканія къ дочери жениха, и Св. Синодъ опредѣлилъ Пономарева въ Воскресенскую церковь съ дозволеніемъ ему „искать на оное (мѣсто) зятя къ дочери изъ достойныхъ сего мѣста воспитанниковъ семинаріи". Въ семидесятыхъ годахъ священникомъ при той же Воскресенской церкви былъ Никитскій, а въ 1878 г. мѣсто это занялъ свящ. Николай Соколовскій, женатый на дочери Никитскаго [1]). Въ Михайловской церкви настоятелемъ очень долго былъ протоіерей Іаковъ Прокоповичъ, а когда его въ 1834 г. перевели къ церкви при богоугодныхъ заведеніяхъ, его мѣсто досталось его сыну, также Іакову.

Харьковскіе „батюшки" стараго времени крестовъ и орденовъ, за рѣдкими исключеніями, можно сказать, совсѣмъ не получали, а въ протоіерейскій санъ возводились только весьма немногіе. Такъ, въ 1810 г. въ Харьковѣ было всего три протоіерея; одинъ при каѳедральномъ, другой при градскомъ соборѣ, а изъ 19 прйходскихъ священниковъ протоіереемъ былъ только одинъ Зимовскій, почти столѣтній старикъ, служившій въ Рождественской церкви уже въ 1769 г. Впослѣдствіи, по мѣрѣ проникновенія въ харьковскую духовную среду академистовъ и усиленія бюрократизаціи церкви, число протоіереевъ и кавалеровъ стало замѣтно расти. Постепенно улучшилось и матеріальное положеніе городского духовенства, и въ наши дни его обезпеченіе во много разъ превышаетъ обезпеченіе прочей, не духовной бюрократіи.

Среди харьковскаго духовенства первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в. на первомъ планѣ вырисовывается крупная фигура протоіерея Андрея Семеновича Прокоповича. Прокоповичъ—не поповичъ, а старшинскій сынъ изъ Полтавщины. Его происхожденіемъ объясняются, можетъ быть, и кое-какіе черты его характера, властнаго и не склоннаго къ уступкамъ передъ начальствомъ. Прокоповичъ учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ самъ сдѣлался въ немъ учителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ Николаевской церкви. Потомъ мы видимъ его въ роли префекта коллегіума, а затѣмъ и ректора. Соборнымъ протоіереемъ Прокоповичъ назначенъ былъ въ 1796 г. Профессоръ богословіи и въ тоже время ректоръ, настоятель собора и каѳедральный протоіерей, членъ консисторіи, духовный цензоръ, благочинный, ораторъ и образцовый по тому времени проповѣдникъ, Прокоповичъ, при всѣхъ своихъ разнообразныхъ занятіяхъ, находилъ время и для трудовъ научныхъ и литературныхъ, изъ которыхъ иные были напечатаны. Изъ его сочиненій извѣстны: Слова и рѣчи на праздники и высокоторжественные дни, Харьковскій календарь 1809 г. [2]), Латинская хрестоматія, Lexicon scriptorum ecclesiasticorum и четыре части „Изъясненій на посланія св. апостола Павла". Однимъ изъ первыхъ въ Россіи, Прокоповичъ получилъ въ 1798 г. рѣдкую по тому времени награду—золотой наперсный крестъ, въ 1803 г.—орденъ Анны 2-й степени, а въ 1811—алмазные знаки Аннинскаго ордена 2-го класса. Такихъ наградъ не было ни у кого изъ харьковскаго духовенства того времени. Даровитый, образованный, энергичный, Прокоповичъ высоко цѣнилъ свои достоинства и отнюдь не отличался смиреніемъ. Когда къ нему явился по порученію думы нѣкій гласный съ просьбою о деньгахъ за торговыя мѣста возлѣ собора, на которыя претендовала дума, Прокоповичъ спросилъ его, кто онъ такой. Тотъ отвѣтилъ, что гласный, „А не безгласный?" сыронизировалъ Прокоповичъ и заключилъ: „Поди вонъ и больше ко мнѣ не ходи". Не склонный къ мягкости по отношенію къ „какому-то мужику" (такъ называлъ гласнаго Прокоповичъ, когда отъ него потребовали объясненія по поводу описанной сцены), Прокоповичъ не отличался мягкостью и въ обращеніи съ людьми, стоявшими выше думскихъ гласныхъ, такъ что уже преосвященному Сулимѣ приходилось „смирять"

---

[1]) Іоаннъ Горавинъ. Харьк. Воскрес. церковь, стр. 36—41, 48.

[2]) Библіографическая рѣдкость, о которой мы знаемъ только со словъ Устинова, Чирикова и Буткевича, причемъ послѣдній говоритъ, что въ календарѣ было помѣщено описаніе Слободско-Украинской губерніи, города Харькова и его коллегіума.

самолюбиваго и самоуправнаго протоіерея. А когда на харьковскую каѳедру былъ назначенъ преосвященный Павелъ, неуступчивому протоіерею пришлось сильно поплатиться за отсутствіе смиренія. Придравшись къ пустому случаю—обвѣнчанію Прокоповичемъ дочери купца Карпова въ восьмомъ часу вечера, что будто бы противорѣчило Кормчей, архіерей отдалъ Прокоповича подъ судъ консисторіи. Прокоповичъ представилъ объясненіе, въ которомъ ссылался на обычаи Украины, допускающіе вѣнчаніе вечеромъ, и на рядъ подтверждающихъ это фактовъ, между которыми заслуживаетъ быть отмѣченной ссылка на повѣнчаніе въ восьмомъ часу вечера племянника самого преосвященнаго Павла. При всемъ стараніи услужливаго духовнаго судилища, обвинить Прокоповича было нельзя, но затянуть дѣло можно. Этимъ воспользовался преосвященный и отрѣшилъ Прокоповича, какъ находящагося подъ судомъ, отъ должности ректора и профессора коллегіума и аттестовалъ его передъ Синодомъ мало способнымъ по старости лѣтъ къ прохожденію іерейской должности. Прокоповичъ представилъ удостовѣреніе отъ прихожанъ, что іерейскую должность онъ проходитъ неопустительно Тогда консисторія выдвинула противъ Прокоповича обвиненіе въ томъ, что якобы повѣнчанная имъ дочь Карпова—раскольница, потому что и отецъ ея—явный раскольникъ. Прокоповичъ отвѣтилъ ссылкою на посѣщеніе дочерью Карпова церкви и ея бываньe у исповѣди и причащенія, что же касается отца ея, то между фактами, доказывающими его правовѣріе, Прокоповичъ отмѣтилъ, что по кончинѣ его „надъ тѣломъ его самъ преосвященный епископъ Павелъ совершалъ въ соборномъ храмѣ литургію, отправлялъ съ харьковскимъ духовенствомъ погребеніе соборнѣ, а потомъ проводилъ тѣло его изъ собора для погребенія, къ чему онъ, преосвященный, если бы не былъ достовѣрно свѣдущъ, что Карповъ отсталъ отъ заблужденія своего, отнюдь приступить не рѣшился бы“.

Дѣло Прокоповича тянулось цѣлыхъ четыре года. Въ концѣ концовъ духовный судъ призналъ его виновнымъ: 1) въ томъ, что онъ перенѣнчалъ явную раскольницу; 2) въ томъ, что возставая противъ аттестаціи, сдѣланной преосв. Павломъ, о его малоспособности по старости, онъ тѣмъ самымъ возстаетъ противъ царя Давида, ясно опредѣлившаго въ 89 псалмѣ возрастъ человѣческій, между тѣмъ седмичнаго служенія никогда не отправляетъ, а только такихъ требъ не упущаетъ, гдѣ предвидитъ, судя по знатности и богатству приглашающихъ его къ тому, интересъ свой, отъ каковыхъ лицъ, а не отъ бѣдныхъ людей и свидѣтельство имъ представлено; 3) въ томъ, что онъ вольнодумно и для другихъ соблазнительно толкуетъ правила кормчей книги, ставя выше ихъ обычаи Украины. Консисторія находила Прокоповича заслуживающимъ, по крайней мѣрѣ, запрещенія въ священнослуженіи, но снисходя къ долговременной его службѣ, рѣшила оштрафовать его 25 руб. въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія и обязать держать седмицу и отправлять всѣ службы на ряду съ прочими соборянами. Приговоръ былъ утвержденъ преосвященнымъ Павломъ, причемъ владыка прибавилъ къ нему назиданіе, смыслъ котораго заключался въ пожеланіи, чтобы Прокоповичъ „восчувствовалъ свою немаловажную винность“ и „противъ власти и начальства не возставалъ укоризнами и строптивыми защищеніями своей мнимой непогрѣшительности“.

Прокоповичъ, однако, не „восчувствовалъ“, а „возсталъ“. Строптивый протоіерей перенесъ свое дѣло въ Синодъ. И выигралъ. Синодъ постановилъ дѣло Прокоповича, яко произведенное противозаконно, уничтожить, а протоіерея освободить отъ всякаго взысканія. „Восчувствовать“ пришлось теперь уже не Прокоповичу, а самому преосвященному, который получилъ отъ Синода совѣтъ „по духу пастырскому всемѣрно уклоняться и уклонять подчиненныхъ отъ подобныхъ дѣйствій подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неминуемаго взысканія“.

Послѣ этой побѣды надъ владыкою и его консисторскими приспѣшниками, строптивый протоіерей прожилъ не долго: онъ умеръ въ 1826 г. Въ томъ же году и преосвященный Павелъ оставилъ Харьковъ по случаю перевода въ Астрахань [1]).

Рядомъ съ импонирующей фигурой Прокоповича нужно поставить невзрачнаго, „весьма малорослаго“ старичка-священника. Это—о. Василій Фотіевъ, настоятель Вознесенской церкви. Ни крупнаго въ духовномъ мірѣ ранга, ни большой учености, ни величавости въ немъ не было, и тѣмъ не менѣе Фотіевъ былъ видной культурной силой, человѣкомъ, голосъ котораго имѣлъ большое значеніе въ мѣстномъ обществѣ. О. Василій—сынъ священника изъ Григоровки, учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Изъ записокъ Цебрикова видно, что въ періодъ ученія въ коллегіумѣ Фотіевъ посѣщалъ и „добавочные классы“ и

[1]) Харьк. Сборн. Вып. 9, стр. 130—136 и Историко-статистич. описаніе Харьк. Успенск. собора.

здѣсь учился по-французски, математикѣ, архитектурѣ и живописи. Ставъ священникомъ, Фотіевъ былъ назначенъ учителемъ въ главное народное училище, гдѣ преподавалъ логику, Законъ Божій и риторику. Фотіевъ имѣлъ репутацію блестящаго педагога. Состоя преподавателемъ въ главномъ народномъ училищѣ, онъ основалъ и собственный пансіонъ для обученія дворянскихъ дѣтей. По отзыву ревизовавшаго училище въ 1803 г. проф. И. Ѳ. Тимковскаго, Фотіевъ „не учился иностраннымъ языкамъ, кои большимъ были бы ему пособіемъ въ преподаваніи стиля и основаніи философіи, а латинскій языкъ давно оставилъ. Харьковская семинарія не могла снабдить его философскимъ искусствомъ, но онъ остеръ въ понятіяхъ, любитъ свою должность, охотно упражняется для нея, и педагогическія способности его изъ того видны, что его ученики, которыхъ часть и живетъ у него, судятъ порядочно, сочиняютъ съ успѣхомъ и въ поведеніи образцовы. Пансіонъ его лучшій и самый дорогой: съ иныхъ онъ беретъ по 300 и 350 р, а съ нѣкоторыхъ и гораздо меньше. Онъ имѣетъ для пансіонеровъ смотрителя иностранца и платитъ танцмейстеру за уроки имъ въ декламаціи на французскомъ языкѣ и танцеванье“. Кромѣ танцмейстера, въ пансіонѣ Фотіева, какъ видно изъ его письма къ Каразину, преподавалъ одно время проф. Шмерфельдъ и какой-то „пасторъ“. Насколько дѣло шло у Фотіева успѣшно, видно изъ того, что при открытіи университета 5 воспитанниковъ его пансіона были приняты въ число студентовъ. Пансіонъ Фотіева представлялся чѣмъ-то рѣдкостнымъ не только харьковцамъ, но и пріѣзжимъ изъ столицъ. Авторъ „Досуговъ крымскаго судьи“ П. Сумароковъ, посѣтившій Харьковъ въ началѣ XIX в., отмѣчаетъ въ своей книгѣ: „Великимъ для меня удивленіемъ было узнать, что у здѣшняго протопресвитера воспитываются 12 благородныхъ отроковъ, которымъ онъ, преподавая самъ ученіе, нанимаетъ притомъ и другихъ для нихъ учителей. Предпріятіе необыкновенное въ нашемъ государствѣ, новизна достойная одобренія“ [1]). Послѣ преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію, Фотіевъ былъ преподавателемъ и въ гимназіи, хотя, впрочемъ, и не долго. Репутація его, какъ педагога, была такъ велика среди мѣстнаго дворянства, что ученики у него не переводились до старости. „О Василіи Фотіевѣ—разсказываетъ о немъ его племянникъ—пользовался при жизни своей уваженіемъ въ кругу аристократовъ Харьковской губерніи и, уже бывши глубокимъ старикомъ, ѣздилъ каждую недѣлю въ село Салтово, Волчанскаго уѣзда, гдѣ давалъ уроки сыну владѣльца этого села Хорвата“. Писалъ или, по крайней мѣрѣ, печаталъ о. Василій мало. Изъ его печатныхъ сочиненій извѣстно только „Слово на заложеніе храма Вознесенія Христова въ Харьковѣ“, напечатанное въ 1801 г. въ Москвѣ.

О. Василій много способствовалъ устройству и украшенію Вознесенской церкви, въ которой онъ настоятельствовалъ. Цебриковъ, посѣтившій церковь въ 1813 г., писалъ, что въ ней „все ново, привлекательно, благолѣпно“. На вопросъ его, какой архитекторъ строилъ эту церковь, о. Василій отвѣчалъ, что храмъ воздвигнутъ по собственному его плану и старанію; потомъ—продолжаетъ авторъ—повелъ насъ въ алтарь, я не могъ не удивиться, увидя внутреннее расположеніе онаго точно такое, каково здѣсь (въ Петербургѣ) въ артиллерійской церкви св. Сергія: тотъ же престолъ, такія же вокругъ его колонны, одинаковое убранство и велелѣпіе. „Вы, конечно, сказалъ я ему (Фотіеву), имѣли планъ съ нашей С.-Петербургской Сергіевской церкви“.—„Совсѣмъ нѣтъ и ничего о ней не слыхалъ, а все, что видите въ семъ Божіемъ домѣ, есть дѣло собственнаго моего изобрѣтенія и распоряженія“. „Правда, добавляетъ Цебриковъ, онъ учился самъ очень хорошо и прилежно и имѣлъ особое дарованіе къ рисованію, живописи и архитектурѣ“.

Цебриковъ, бывшій въ Харьковѣ въ 1813 г., нашелъ о. Василія „весьма ловкимъ, развязнымъ, обходительнымъ и въ прямомъ смыслѣ слова человѣкомъ свѣтскимъ“. Эта-то „свѣтскость“, столь рѣдкая въ нашемъ духовенствѣ, въ связи съ педагогическими способностями и общей талантливостью, и дѣлала Фотіева своимъ человѣкомъ въ кругу лучшаго харьковскаго общества, въ которомъ онъ являлся однимъ изъ вліятельныхъ и уважаемыхъ членовъ. Вліяніе Фотіева замѣтно сказалось въ дѣлѣ открытія въ Харьковѣ университета. „Онъ былъ—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—правою рукою и помощникомъ В. Н. Каразина, особенно въ первый моментъ, когда нужно было пропагандировать мысль о пользѣ университета среди дворянства и подвинуть это послѣднее на крупное денежное пожертвованіе. В. Н. Каразинъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, избралъ о. Василія своимъ повѣреннымъ по этому дѣлу, какъ

[1]) Досуги крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду Павла Сумарокова. Т. I. Спб. 1808, стр. 50—51.

это можно видѣть изъ одного письма къ этому послѣднему". Изъ письма этого, содержаніе котораго мы здѣсь приводить не будемъ, а также и изъ другого, болѣе поздняго письма Фотіева къ Каразину явствуетъ, что о. Василія связывали съ Каразинымъ самыя искреннія симпатіи; что о. Василій находился въ близкихъ отношеніяхъ съ наиболѣе культурными представителями харьковскаго высшаго общества, въ которомъ и проводилъ идею объ учрежденіи университета въ Харьковѣ; что Каразинъ—искренно или любезности ради—признавалъ его достойнымъ быть „первымъ богословомъ" въ предположенномъ имъ богословскомъ факультетѣ Харьковскаго университета; что мысли о. Василія (полагать нужно, о положеніи духовенства), благодаря Каразину, стали извѣстны государю, который хотѣлъ было даже вызвать о. Василія въ Петербургъ. Допустимъ, что и амплуа „перваго богослова", и докладъ мыслей о. Василія государю, и вызовъ въ Петербургъ—были только простымъ миражемъ, которымъ Каразинъ хотѣлъ плѣнить честолюбивое воображеніе провинціальнаго батюшки и склонить его къ содѣйствію, но все же несомнѣненъ фактъ, что о. Василій помогалъ Каразину, и что помощь эта была нужна послѣднему, чего не могло бы быть, если бы о. Василій не былъ лицомъ вліятельнымъ въ мѣстномъ обществѣ. Что помощь эта была очень серьезной,—объ этомъ можно судить уже потому, что Каразинъ, въ числѣ другихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ дѣлу основанія университета въ Харьковѣ, выхлопоталъ о. Василію рѣдкую по тому времени награду для лицъ духовныхъ—орденъ св. Анны 2 ст. съ бриллiантовыми камнями. Изъ позднѣйшаго письма о. Василія къ Каразину видно, что о. Василій, симпатіи котораго къ Каразину нисколько не ослабѣли, несмотря на то, что послѣдній впалъ въ это время въ немилость, и по учрежденіи университета принималъ живое участіе въ его дѣлахъ, былъ знакомъ съ его профессорами и бывалъ у нихъ, извѣстенъ былъ попечителю Потоцкому, который высоко цѣнилъ его просвѣтительную дѣятельность.

Стать „первымъ богословомъ" въ Харьковскомъ университетѣ о. Василію не пришлось, но это не доказываетъ еще, что Каразинъ, называя его достойнымъ этой каѳедры, льстилъ ему. Будь въ Харьковѣ устроенъ богословскій факультетъ, какъ предполагалъ Каразинъ, или по крайней мѣрѣ учреждена каѳедра богословія,—амплуа „перваго богослова", можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ стало бы реальнымъ фактомъ. Но каѳедра богословія открылась только въ 1819 г., когда Фотіевъ былъ уже глубокимъ старикомъ. О. Василій остался только священникомъ Вознесенской церкви. Племянникъ его, П. Н. Фотіевъ, разсказываетъ, что о. Василію пришлось много терпѣть отъ епархіальнаго архіерея, гнавшаго Вознесенскаго батюшку будто бы за то, что у него былъ такой орденъ, какого не было у самого владыки; что въ концѣ концовъ о. Василію пришлось таки уйти за штатъ. Насколько въ этомъ правды,—рѣшить трудно. Думается, что П. Н. Фотіевъ ошибся, смѣшавъ о. Василія съ другимъ духовнымъ кавалеромъ св. Анны—съ протоіереемъ Прокоповичемъ, которому точно пришлось испытать гоненіе отъ преосвященнаго Павла. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что въ 1813 г. о. Василій былъ еще священникомъ Вознесенской церкви. Умеръ онъ въ 1829 г. [1]).

Младшимъ современникомъ Прокоповича и Фотіева, на много, впрочемъ, лѣтъ пережившимъ ихъ, былъ каѳедральный протоіерей Аѳанасій Могилевскій. Среди харьковскаго духовенства Могилевскій выдавался особенной даровитостью, образованіемъ и служебнымъ положеніемъ. Учился онъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, а потомъ въ Черниговской семинаріи, въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII в. принялъ священство, а уже въ 1800 г., спустя два года по выходѣ изъ семинаріи, сдѣлался ключаремъ въ Харьковскомъ соборѣ. Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Покровскій соборъ, теперешній монастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ консисторіи, гдѣ прослужилъ при восьми архіереяхъ около 50 лѣтъ. Съ 1811 г. къ этимъ должностямъ прибавилось еще учительство, а потомъ и инспекторство въ коллегіумѣ. Въ 1817 г. по рекомендаціи преосвященнаго Павла Могилевскій приглашенъ изъяснять слово Божіе студентамъ Харьковскаго университета, а въ 1819 г. назначенъ профессоромъ богопознанія и христіанскаго ученія въ томъ же университетѣ. Такимъ образомъ ему, а не Фотіеву выпала роль „перваго богослова", о которой мечталъ Каразинъ еще въ 1803 г. „Первый богословъ", несмотря на второстепенное значеніе своей каѳедры въ циклѣ университетскихъ наукъ, съумѣлъ и здѣсь занять видное положеніе, былъ предсѣдателемъ общества наукъ, а одно время даже деканомъ факультета политическихъ наукъ. Могилевскій извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій и какъ недюжинный по своему вре-

[1]) Д. И. Багалѣй. Украинская старина, стр. 209—254.

мени церковный проповѣдникъ. Въ его формулярномъ спискѣ съ особеннымъ удареніемъ два раза упомянуто о „тщательномъ упражненіи въ проповѣдываніи слова Божія съ особенною пользою для слушателей, къ чему онъ имѣетъ отличное дарованіе и способность“. Памятникомъ проповѣднической дѣятельности Могилевскаго остались „Слова и рѣчи“ и „Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христіанскаго ученія, въ систематическомъ порядкѣ изложенныхъ, сказанныя въ Харьковскомъ соборѣ“. Изъ другихъ печатныхъ трудовъ Могилевскаго извѣстна его „Россійская риторика“ и рѣчь, произнесенная въ собраніи университета въ 1820 г. Къ сожалѣнію, какъ нравственная личность, это былъ человѣкъ небезупречный: въ числѣ другихъ и его подпись красуется на знаменитомъ постановленіи консисторіи, осуждавшемъ Прокоповича за возстаніе противъ царя Давида. Профессорствовалъ Могилевскій до 1837 г., когда долженъ былъ уйти, какъ неимѣющій магистерской степени [1]. Умеръ онъ въ 1850 г.

Изъ приходскихъ священниковъ большимъ уваженіемъ пользовался протоіерей Іаковъ Прокоповичъ, начавшій свою службу въ Михайловской церкви съ 1799 г., долго бывшій благочиннымъ харьковскихъ церквей, а потомъ членомъ консисторіи. Въ Николаевской церкви протоіерей Георгій Маевскій священствовалъ цѣлыхъ 44 года. Церковь много обязана ему своимъ расширеніемъ и благоустройствомъ [2]. Въ Троицкой церкви около 30 лѣтъ (1810—1839) священникомъ былъ протоіерей З. Ковалевскій.

Среди представителей слѣдующаго поколѣнія духовенства, расцвѣтъ дѣятельности которыхъ относится уже къ Николаевскому времени, слѣдуетъ отмѣтить преемника Прокоповича по настоятельству въ соборѣ, протоіерея Степана Ивановича Антоновскаго. Антоновскій, по происхожденію сынъ дьячка изъ Купянскаго уѣзда, учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ въ Кіевской академіи въ тотъ періодъ ея жизни, когда она была, по выраженію одного ревизора, „сатирой надъ человѣческимъ разумомъ“; изъ Кіева возвратился въ коллегіумъ уже учителемъ. „Весьма способенъ, отмѣнно трудолюбивъ и примѣрно честенъ“—такъ аттестовалъ преосвященный Сулима учителя Антоновскаго въ 1811 г. Понятно, что когда Антоновскій пожелалъ постриться во священники, рясу на него возложили съ радостью, какъ на человѣка „похвальнаго поведенія, соединеннаго съ кротостью примѣрныхъ нравовъ, совершенно приличныхъ духовнаго состоянія человѣку“. Брачный пиръ юнаго учителя, женившагося на дочери протодіакона Александрова, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ самъ преосвященный владыка. Въ день посвященія его въ духовный санъ, онъ, не въ примѣръ прочимъ, получилъ изъ архіерейскихъ рукъ и набедренникъ. Антоновскому дали мѣсто священника въ соборѣ, оставивъ его въ то же время преподавателемъ коллегіума. Антоновскій заявилъ себя „ученостью и отличными трудами, несомыми какъ въ учительскомъ званіи съ примѣрнымъ тщаніемъ и ощутительною для юношества пользою, такъ и въ должности присутствующаго въ правленіи коллегіума и библіотекаря коллегіумской библіотеки, приведенной попечительностію его въ наилучшій порядокъ и хранимой въ совершенномъ устройствѣ“. Въ воздаяніе этихъ достоинствъ, двадцатисемилѣтній іерей возведенъ былъ въ протоіереи. Въ 1821 г. Антоновскій былъ уже членомъ консисторіи, а въ 1826 г., послѣ смерти Прокоповича, былъ назначенъ настоятелемъ собора.

Антоновскій на мѣстѣ настоятеля собора оказался очень полезнымъ и для церкви, и для причта, онъ много содѣйствовалъ увеличенію церковныхъ доходовъ, особенно черезъ устройство вокругъ собора торговыхъ лавокъ. При содѣйствіи церковныхъ старостъ и попечителей онъ пріобрѣлъ для собора деньгами отъ пожертвованій до 50 тыс. руб. с. и докончилъ постройку соборной колокольни. Ему же обязанъ соборный причтъ устройствомъ доходнаго четырехъ-этажнаго церковнаго дома на углу Николаевской площади и Московской улицы.

Антоновскій умѣлъ сочетать въ себѣ рѣдко находящіеся въ сочетаніи таланты администратора-практика и ученаго педагога. Нужно при этомъ замѣтить, что педагогическія обязанности отрывали у него не мало времени. Съ 1817 г. Антоновскій состоялъ смотрителемъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, съ 1827 по 1843 г. онъ былъ законоучителемъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, съ 1821 по 1826 г.— учителемъ греческаго языка и законоучителемъ въ 1-й гимназіи, съ 1843 по 1849 г.— законоучителемъ 2-й гимназіи. Членомъ консисторіи Антоновскій прослужилъ 34 года, неся при этомъ разныя должности по епархіальному управленію. Три раза Антоновскому приходилось исправлять обязанности ректора се-

[1]) А. С. Лебедевъ. Каѳедра богословія въ Харьковскомъ университетѣ, стр. 4—12.

[2]) Филаретъ. II, 43 и 31.

минаріи. Трудолюбіе Антоновскаго видно уже изъ того, что при всѣхъ своихъ разнообразныхъ пастырскихъ, административныхъ и педагогическихъ обязанностяхъ онъ находилъ время и для научныхъ трудовъ, преимущественно въ знакомой ему области педагогики. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: 1) Ариѳметика, 2) Вопросы и отвѣты изъ риторики г. Рижскаго, 3) Дополненіе примѣровъ къ риторикѣ Бургія на латинскомъ языкѣ; изъ его печатныхъ проповѣдей извѣстны два „слова“: одно на смерть перваго ректора университета Рижскаго, другое—на смерть преосвященнаго Аполлоса. Ему же, по словамъ прот. Буткевича, принадлежитъ, будто бы, все то, что сказано о Харьковскомъ Успенскомъ соборѣ во II отдѣленіи „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“ архіепископа Филарета.

Умеръ Антоновскій въ 1855 г. и похороненъ въ подвальномъ этажѣ имъ законченной соборной колокольни [1]).

Видную роль среди харьковскаго духовенства первой половины XIX в. игралъ протоіерей Григорій Гнѣдичъ. При преосвященномъ Сулимѣ Гнѣдичъ былъ пѣвчимъ архіерейскаго хора. Постепенно повышаясь по іерархической лѣстницѣ, Гнѣдичъ достигъ протоіерейства и ключарскаго мѣста, неся въ то же время и обязанности экзаменатора ставленниковъ. Испытанія эти, какъ говорятъ, вводили въ искушеніе не только ставленниковъ, но и оо. экзаменаторовъ. Про того же Гнѣдича разсказываютъ, что „особенность его экзаменовъ состояла въ томъ, что они обязательно должны были сопровождаться приношеніями со стороны экзаменующихся въ видѣ рому, вина, чаю, сахару и т. п. Денегъ, говорятъ, онъ не бралъ, тѣмъ не менѣе отъ этихъ приношеній зависѣлъ успѣхъ дѣла. Петръ Сѣкирскій, впослѣдствіи извѣстный протоіерей и настоятель Мироносицкой церкви, въ то время всего только окончившій курсъ семинаристъ, пріискалъ себѣ невѣсту и мѣсто, и остановка была только за рукоположеніемъ. Идетъ онъ, по обычаю, къ Гнѣдичу, но въ даръ ему не несетъ ничего... Ходитъ день, другой, третій, но толку нѣтъ... Бѣднякъ въ горѣ. Наконецъ уже кто-то растолковываетъ ему, въ чемъ суть дѣла. Тогда Сѣкирскій, ни мало не медля, идетъ къ Гнѣдичу съ кулькомъ, въ который сложено было: бутылка рому, бутылка мадеры, штофъ кизлярки и сколько-то чаю и сахару. Гнѣдичъ приказалъ ему явиться на утро, а самъ, какъ человѣкъ аккуратный, пересмотрѣлъ приношеніе, нашелъ его удовлетворительнымъ и на осьмушкѣ бумаги записалъ: „отъ П. Сѣкирскаго 1 бут. рому, 1 бут. мадеры“ и т. д. Все это бы ничего, но какъ-то этотъ клочекъ бумажки попалъ въ средину прошенія Сѣкирскаго къ владыкѣ,—прошенія, на которомъ Гнѣдичъ сдѣлалъ уже самый благопріятный отзывъ. На утро Сѣкирскій съ прошеніемъ этимъ спѣшитъ къ преосвященному. Послѣдній принимаетъ его и едва развертываетъ листъ, какъ злополучная записка Гнѣдича выпадаетъ изъ него и, понятно, какъ приложеніе къ прошенію, попадаетъ въ руки владыки. Молодой семинаристъ не постѣснялся объяснить смыслъ и значеніе ея, и тогда, удостовѣрившись въ справедливости всего, владыка немедленно освободилъ Гнѣдича отъ обязанностей экзаменатора, и самую должность эту уничтожилъ, какъ излишнюю“ [2]).

Анекдотъ это или правда, не знаемъ, но знаемъ, что Гнѣдича очень цѣнили. Когда, при преосвященномъ Иннокентіи, Гнѣдичъ задумалъ перейти изъ каѳедральнаго собора въ Николаевскую церковь, ссылаясь на недостатокъ получаемаго имъ изъ собора содержанія, преосвященный написалъ на его прошеніи: „служеніе о. протоіерея Григорія Гнѣдича весьма нужно для собора; посему предложить ему остаться при соборѣ, а объ улучшеніи способа къ содержанію его имѣетъ быть приложено надлежащее попеченіе“ [3]). Умеръ Гнѣдичъ около 1844 г. Такъ можно думать потому, что въ этомъ году мѣсто ключаря занялъ о. Александръ Малиновскій.

Преемникомъ Антоновскаго по настоятельству въ Успенскомъ соборѣ былъ протоіерей Александръ Георгіевичъ Кустовъ. Родомъ изъ Тверской губ., Кустовъ получилъ образованіе въ Петербургской духовной академіи и пріѣхалъ въ Харьковъ на должность учителя коллегіума. Изъ Харькова онъ перешелъ въ Купянскъ, а потомъ въ Ахтырку, посвященъ въ священники, а въ 1843 г. переведенъ въ Харьковъ на должность каѳедральнаго протоіерея при Покровскомъ соборѣ. Въ 1846 г. при переносѣ каѳедры перешелъ на службу въ Успенскій соборъ. Въ соборѣ такимъ образомъ явились два независимыхъ другъ отъ друга начальника: каѳедральный протоіерей Кустовъ и настоятель собора Антоновскій. Это отзывалось на дѣлахъ собора очень не

[1]) Историко-статистич. описаніе Успенск. собора, 175—179.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г., № 190.

[3]) Буткевичъ. Иннокентій Борисовъ, стр. 172—178.

выгодно. Послѣ смерти Антоновскаго стало, впрочемъ, еще хуже. „Неблагообразіе соборнаго храма—разсказываетъ о. Т. Буткевичъ—нечистота, скудость въ самомъ необходимомъ возмущали преосвященнаго Макарія. Соборныя стѣны были крайне запылены; священники служили въ порванныхъ и неблагообразныхъ, обветшавшихъ священническихъ одеждахъ; для престоловъ не было перемѣнныхъ облаченій; для всего храма—ни одного ковра. На замѣчанія преосвященнаго никто не обращалъ вниманія. Каѳедральный соборъ сталъ неприглядѣе и скуднѣе каждой приходской церкви въ Харьковѣ. На вопросъ преосвященнаго о причинѣ такого безпорядка и скудости въ соборѣ церковный староста отвѣчалъ, что главный виновникъ запущенности собора и оскудѣнія соборной кассы есть никто иной, какъ самъ настоятель собора, который не только не заботится объ интересахъ церкви, а еще самъ первый расхищаетъ ея суммы, беретъ себѣ ежегодно какого-то добавочнаго жалованья по 700 руб., а остальнымъ тремъ священникамъ изъ тѣхъ же суммъ выдаетъ ежегодно по 300 р., беретъ церковныя деньги, сколько хочетъ и когда хочетъ, на какую-то библіотеку, на наемъ пѣвчихъ и т. д.“ Слѣдствіе, назначенное консисторіей, подтвердило—говоритъ о. Буткевичъ—вѣрность всѣхъ этихъ фактовъ. Несмотря на это, Кустовъ остался настоятелемъ собора до самой смерти. Положеніе его среди епархіальнаго духовенства было почетнымъ. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по собору, Кустовъ несъ обязанности преподавателя въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, былъ членомъ консисторіи, цензоромъ проповѣдей, блюстителемъ на преподаваніемъ богословія въ университетѣ и Закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова и директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. И архіереи, и духовенство, и горожане цѣнили и уважали Кустова. Начальство наградило его всѣми наградами, какія только можно дать священнику. Самою высшею наградой была митра, отличіе для бѣлаго духовенства крайне рѣдкое, а въ Харьковѣ—единственное за все время существованія города. Въ 1881 г. Кустовъ торжественно отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своего священства. Это былъ послѣдній годъ его жизни. 29 ноября 1881 г. онъ участвовалъ въ освященіи церкви на Заиковкѣ. Когда пришло время кропить св. водой стѣны церкви, онъ подошелъ къ горнему мѣсту, моментально упалъ на него и былъ поднятъ уже мертвымъ. 1 декабря въ торжественной процессіи съ преосвященнымъ Іустиномъ во главѣ пѣхъ каѳедральнаго протоіерея былъ перенесенъ въ соборъ, а 3 декабря его похоронили въ подвальномъ помѣщеніи соборной колокольни.

Кустовъ оставилъ послѣ себя маленькій домикъ и большіе долги. Все имущество его пошло съ аукціона, не исключая и книгъ изъ его домашней библіотеки [1]).

Современникомъ и сослуживцемъ Кустова, моложе его по возрасту, но ранѣе его умершимъ, былъ ключарь собора, извѣстный не только Харькову, но и всей епархіи, протоіерей о. Александръ Малиновскій, иначе „люби, Боже, правду“, какъ называли его обычно по любимой его поговоркѣ. Ученостью о. Александръ не отличался. Харьковецъ родомъ, Малиновскій по окончаніи курса въ коллегіумѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ священства въ деревнѣ, устроился въ Харьковѣ вторымъ священникомъ при Николаевской церкви, расширенію и украшенію которой много содѣйствовалъ. Вообще это былъ хозяйственный батюшка, а потому, вскорѣ послѣ его появленія въ Харьковѣ, мы видимъ его членомъ всякихъ хозяйственныхъ коммиссій: онъ и о бѣдныхъ духовнаго званія печется, и архіерейскую ризницу обновляетъ, и деньги на колоколъ въ монастырь собираетъ, и семинарію строитъ, и архіерейскую дачу, и кладбищенскую церковь, часто не жалѣя своихъ собственныхъ средствъ. Въ 1844 г. о. Александръ назначенъ ключаремъ и въ этой должности пробылъ до самой смерти, съ головой погруженный въ хозяйственныя хлопоты: онъ участвуетъ въ комитетѣ по устройству пріюта для дѣвицъ духовнаго званія и въ комитетѣ по размежеванію земель архіерейскаго дома, и въ комитетѣ по постройкѣ семинаріи, зданій въ Хорошевскомъ монастырѣ, церкви въ Большой Даниловкѣ, каменнаго корпуса при архіерейскомъ домѣ, епархіальнаго училища, онъ же наблюдаетъ за распорядительною частью въ этомъ училищѣ и состоитъ казначеемъ по епархіальной эмеритальной кассѣ. Два раза о. Александру приходилось нести благочинническую должность. Хлопотъ всякаго рода выпало вообще на его долю больше, чѣмъ на чью иную. Хозяинъ-ключарь это былъ незамѣнимый, и епархіальные владыки при немъ могли спать спокойно, увѣренные, что по хозяйственной части у нихъ все обстоитъ благополучно. Къ тому же Малиновскій и берегъ ихъ и даже, можно сказать, баловалъ въ случаѣ капризовъ. Знала его буквально вся губернія—и духовные, и свѣтскіе.

---

[1]) Буткевичъ. Истор. стат. опис. Харьк. Успен. собора, стр. 39—41 и 179—181.

Простой, добродушный, общительный, о. Александръ пользовался громадной популярностью: его всѣ любили. Умеръ Малиновскій въ 1873 г. и похороненъ на томъ самомъ Усѣкновенскомъ кладбищѣ, церковь котораго ему когда-то довелось строить [1]).

Среди видныхъ представителей харьковскаго духовенства Николаевскаго времени нельзя не отмѣтить двухъ ученыхъ протоіереевъ—Зимина и Лебедева, послѣдовательно занимавшихъ каѳедру богословія въ Харьковскомъ университетѣ. О. Іоаннъ Зиминъ—магистръ Московской духовной академіи, профессоръ коллегіума, потомъ священникъ при Успенскомъ соборѣ, законоучитель въ гимназіи и институтѣ, ректоръ духовнаго училища и, наконецъ, съ 1837 г.—профессоръ богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія въ университетѣ и настоятель университетской церкви. Университетскія лекціи Зимина, по отзыву одного изъ его слушателей, „отличались простымъ, яснымъ изложеніемъ, выражали полную сердечную вѣру лектора въ то, что имъ излагалось, но для высшаго учебнаго заведенія были нѣсколько элементарны, недостаточно обоснованы, а потому слушателей не вполнѣ удовлетворяли; взамѣнъ того убѣжденный преподаватель христіанскаго закона привлекалъ къ себѣ всѣхъ самою личностью своею, полною кротости и добросердечія“ [2]). Послѣ оставленія профессуры Зиминъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Воскресенской церкви съ освобожденіемъ его отъ обязательнаго очереднаго служенія по храму и приходу. Умеръ онъ въ 1858 г. [3]).

Преемникомъ Зимина на университетской каѳедрѣ былъ Павелъ Исаевичъ Лебедевъ. Это былъ уже не только профессоръ, а и настоящій ученый, отличный знатокъ древнихъ языковъ, на которыхъ онъ, по разсказамъ современниковъ, не только писалъ, но и говорилъ свободно. Магистръ Кіевской академіи, Лебедевъ по окончаніи курса назначенъ былъ профессоромъ философскихъ наукъ въ Харьковскій коллегіумъ, потомъ перешелъ законоучителемъ въ 1-ю гимназію. Когда преосвященный Иннокентій, тогда архіепископъ харьковскій, задумалъ свой „Памятникъ православной вѣры“, онъ нашелъ себѣ лучшаго помощника въ лицѣ о. Павла. Лебедевъ усердно занялся переводомъ церковныхъ актовъ, особенно съ греческаго, показавъ при этомъ много знанія и ученой проницательности при разборѣ древнихъ памятниковъ, нерѣдко въ испортившихся отъ времени хартіяхъ, и разъясненіи темныхъ въ нихъ мѣстъ и выраженій. Другой ученый владыка—Филаретъ также высоко цѣнилъ эрудицію Лебедева и, когда въ университетѣ открылась каѳедра богословія, никого не нашелъ столько достойнымъ ея, какъ Лебедева. Профессоромъ Лебедевъ пробылъ до 1858 г. И послѣ профессуры онъ не прекращалъ ученыхъ занятій и умеръ, окруженный „рядами и грудами книгъ всякаго рода“ [4]).

Уже въ сороковыхъ годахъ среди харьковскихъ „батюшекъ“ видную роль начинаютъ играть академисты. Принимались они съ великою радостью, получали лучшіе приходы, дѣлали карьеру. Рядомъ съ ними шли и семинаристы изъ тѣхъ, что поспособнѣе. И вотъ мы видимъ батюшекъ новаго типа, не склонныхъ ограничивать сферу своей дѣятельности священнослуженіемъ и требоисправленіемъ. Благопріятная по мѣстнымъ условіямъ пора для духовенства этого типа настала уже при Иннокентіи. Уже тогда видную роль среди духовенства стали играть академисты—о. Іоаннъ Шероцкій, настоятель Троицкой церкви и благочинный, и о. Гапоновъ, перешедшій въ Харьковъ изъ Путивля священникомъ въ соборъ. Впослѣдствіи Гапоновъ былъ преподавателемъ богословія въ ветеринарномъ институтѣ. Еще больше понадобились образованные священники при ученомъ Филаретѣ; наконецъ, при Макаріи, когда на очередь были выдвинуты вопросы церковныхъ преобразованій, образованное священство, способное къ общественной дѣятельности, стало и совсѣмъ необходимымъ. Это была „эпоха великихъ реформъ“, задѣвшая отчасти и церковь. Духовенство призвано было къ участію въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ улучшеніе матеріальнаго и нравственнаго быта своего сословія, народное образованіе, устройство церковно-приходской жизни, и даже къ участію въ общественномъ самоуправленіи—земскомъ и городскомъ. Для разработки вопросовъ богословскихъ и церковно-общественной жизни въ Харьковѣ основывается журналъ „Духовный Вѣстникъ“, въ которомъ приняли участіе всѣ лучшія силы изъ харьковскаго духовенства. Во главѣ дѣла стоялъ Василій Ивановичъ Добротворскій, профессоръ богословія въ университетѣ и настоятель универ-

[1]) Историко-статистич. описаніе Харьк. Успен. собора, 183—186.
[2]) Лебедевъ. Каѳедра богословія въ Харьк. универ., 12—14.
[3]) І. Горанинъ. Харьк. Воскресенск. церковь, 49.
[4]) Лебедевъ. Opus citatum., стр. 14—19.

ситетской церкви. По образованію и душевнымъ качествамъ это былъ выдающійся человѣкъ среди мѣстнаго духовенства. Уроженецъ Смоленской губерніи и воспитанникъ Кіевской академіи, а потомъ преподаватель ея, Добротворскій въ 1858 г. былъ назначенъ профессоромъ богословія, логики и психологіи въ Харьковскій университетъ. Цѣлыхъ 36 лѣтъ прослужилъ о. Василій въ университетѣ, пользуясь въ немъ общею любовью и уваженіемъ какъ товарищей, такъ и учащихся за его свѣтлый умъ, солидныя знанія, честную душу, любвеобильное сердце. Искренне вѣрующій, онъ также любовно и благоговѣйно чтилъ и науку; вѣра и знаніе сливались въ немъ въ одно просвѣтительное начало, въ силу котораго и былъ онъ такъ дорогъ университету. Чуждый узкой односторонности, онъ живо интересовался движеніями научной мысли въ разныхъ областяхъ знанія. „Духовный Вѣстникъ“ издавался имъ съ 1862 г. по 1867 г. Это былъ, по отзыву проф. А. С. Лебедева, журналъ весьма цѣнный по обилію серьезныхъ научныхъ статей, въ томъ числѣ и статей самого издателя, а также и другихъ сотрудниковъ журнала. Остальную часть своей жизни В. И. отдалъ научной и преподавательской дѣятельности. Въ епархіальныя дѣла онъ не вмѣшивался и никакихъ должностей по управленію не занималъ. Умеръ Добротворскій въ 1894 г. [1]).

Не меньшимъ уваженіемъ пользовался и современникъ Добротворскаго, извѣстный всему Харькову протоіерей Тимофей Семеновичъ Павловъ. Воспитанникъ Харьковскаго коллегіума и Кіевской академіи, Павловъ, по окончаніи курса, нѣкоторое время учительствовалъ, потомъ былъ рукоположенъ въ священники и назначенъ законоучителемъ 1-й гимназіи, потомъ перешелъ въ институтъ, долго преподавалъ въ 3-ей гимназіи и пользовался искреннимъ расположеніемъ своихъ питомцевъ. Въ тоже время Павловъ несъ и разныя епархіальныя должности. Въ 1881 г., послѣ смерти Кустова, Павловъ былъ назначенъ настоятелемъ собора и въ этой должности пробылъ болѣе двадцати лѣтъ.

Современниками о. Павлова являются и два другихъ протоіерея-законоучителя: въ первой гимназіи около полусотни лѣтъ законоучительствуетъ и нынѣ здравствующій о. Павелъ Солнцевъ, авторъ „Очерка исторіи Харьковскаго коллегіума“, извѣстный не только по педагогической дѣятельности, но и по участію въ епархіальномъ управленіи въ качествѣ члена консисторіи; во второй гимназіи довольно продолжительное время обязанности законоучителя несъ протоіерей Ив. Вертеловскій, также академистъ, осужденный на преждевременный покой преосв. Амвросіемъ.

Выдающимся по образованію священникомъ былъ и о. Николай Лащенко, протоіерей, членъ духовной консисторіи, настоятель Троицкой церкви. Родился онъ въ 1830, умеръ въ 1896 г. Уроженецъ Харьковской губерніи, о. Николай получилъ воспитаніе въ Харьковской семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской духовной академіи. „Вся жизнь его—писалъ въ 1897 г. проф. Д. И. Багалѣй—представляла изъ себя подвигъ безпрерывнаго труда. Онъ не щадилъ своихъ силъ, своего здоровья и всецѣло отдавался исполненію долга и общественному служенію. Это былъ идеальный приходской священникъ—всецѣло преданный своей нелегкой обязанности, весьма образованный и даже ученый—и въ то же время необычайно простой, обходительный, въ высшей степени скромный и деликатный, непоколебимо твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, независимый и настойчивый въ требованіяхъ нравственнаго долга—и въ то же время въ высшей степени гуманный, терпимый, совершенно лишенный того духа религіозной исключительности, который несовмѣстимъ съ истинно-христіанскимъ чувствомъ и настроеніемъ, не уходившій въ себя, близко стоявшій къ жизни со всѣми ея подчасъ мелкими житейско-практическими требованіями—и въ то же время сумѣвшій сохранить въ полной неприкосновенности свою нравственную чистоту, благодаря удивительному безкорыстію и полному равнодушію къ житейскимъ выгодамъ“. Церковь, приходъ, консисторія, законоучительство оставляли о. Николаю очень мало времени для отдыха, но и не многіе часы своего досуга онъ не терялъ даромъ. На основаніи главнымъ образомъ архивныхъ данныхъ имъ написана прекрасная монографія о первомъ епископѣ харьковскомъ, преосвященномъ Христофорѣ Сулимѣ. Другая крупная работа о. Николая посвящена преосвященному Филарету. Кромѣ того, ему принадлежитъ нѣсколько мелкихъ статей и замѣтокъ, главнымъ образомъ по мѣстной церковной исторіи [2]).

О. Аполлонъ Ильяшевъ много потрудился надъ созданіемъ новой Благовѣщенской церкви. Некрологъ его приписываетъ ему иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Ильяшевъ, кандидатъ Кіевской академіи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сталъ преподавателемъ Харьковской семинаріи, извѣстенъ своею педагогическою

[1]) Лебедевъ. Каѳедра богословія въ Харьк. ун-тѣ. стр. 19—22.

[2]) Д. И. Багалѣй. О. Николай Лащенко. Х. 1897 г.

дѣятельностью и по семинаріи, и по 2-й мужской гимназіи, гдѣ онъ состоялъ законоучителемъ, и по школѣ Ю. Н. Ильяшевой. По составленной имъ Пасхаліи и до сихъ поръ учатся семинаристы въ большинствѣ русскихъ духовныхъ семинарій. Въ 1872 г. Ильяшевъ былъ посвященъ въ священники къ Благовѣщенской церкви. Умеръ онъ въ 1894 г. [1]).

Рядомъ со священниками-академистами иногда очень крупную роль играли и люди безъ большого образованія, но выдающіеся по своимъ способностямъ. Таковъ былъ, напр, недавно умершій настоятель Дмитріевской церкви о. Іоаннъ Чижевскій. Простой сельскій батюшка, онъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе начальства. Попавъ въ Харьковъ, въ настоятели Воскресенской церкви, онъ первый открылъ въ Харьковѣ церковное попечительство, много писалъ и печаталъ статей и замѣтокъ о церковно-приходскихъ распорядкахъ, а по переводѣ въ Дмитріевскую церковь сумѣлъ склонить прихожанъ на крупныя пожертвованія, результатомъ коихъ явилось полное обновленіе этой церкви, ставшей однимъ изъ красивѣйшихъ храмовъ Харькова. Умеръ о. Іоаннъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ, осыпанный всяческими наградами до Аннинской звѣзды включительно.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ видное положеніе среди мѣстнаго духовенства занималъ Семенъ Алексѣевичъ Иларіоновъ. Безъ высшаго образованія, въ отдаленномъ Старобѣльскомъ уѣздѣ о. Иларіоновъ быстро сдѣлалъ себѣ карьеру и въ 1873 г. прямо изъ заштатнаго Бѣловодска перешелъ въ Харьковъ ключаремъ къ каѳедральному собору, на мѣсто, опроставшееся со смертью о. А. Малиновскаго. Здѣсь онъ назначенъ благочиннымъ городскихъ церквей, а потомъ членомъ консисторіи. Власть и вліяніе у него были большія, и его голосъ въ епархіальныхъ дѣлахъ очень часто имѣлъ рѣшающее значеніе. Умеръ Иларіоновъ въ 1891 г. [2]).

Изъ другихъ видныхъ представителей духовенства пореформеннаго времени отмѣчаемъ такихъ, какъ о. Іоаннъ Ѳедоровъ, настоятельствовавшій въ Михайловской церкви съ 1848 по 1900 г.; о. Вас. Лихницкій, выстроившій Москалевскую церковь и служившій въ ней до своей смерти; о. Александръ Ѳедоровскій, настоятель Николаевской церкви, о. Дмитрій Ѳедоровскій (Рождественская церковь), о. Г. Тимошевскій (Святодуховская церковь).

При преосвященномъ Амвросіи особенно видную роль въ епархіальныхъ дѣлахъ игралъ нынѣ здравствующій членъ Государственнаго Совѣта, митроносный протоіерей Тимофей Ивановичъ Буткевичъ. Магистръ духовной академіи, а впослѣдствіи даже и докторъ богословія, о. Буткевичъ получилъ по смерти о. Иларіонова должность соборнаго ключаря, а затѣмъ, по рекомендаціи владыки—профессора богословія въ Харьковскомъ университетѣ. Изъ другихъ столповъ епархіальнаго управленія этого времени упомянемъ о благочинномъ о. П. Полтавцевѣ и Гр. Виноградовѣ, занявшемъ ключарскую должность послѣ перехода Буткевича въ университетъ.

Съ 1800 г. Харьковъ сдѣлался важнымъ административнымъ центромъ для духовенства всей Слободско-Украинской губерніи. До сихъ поръ онъ въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Бѣлгорода. Административное значеніе Харькова для духовенства заключалось только въ томъ, что въ Харьковѣ находилось такъ назыв. духовное правленіе, но такихъ духовныхъ правленій въ то время на территоріи Слободско-Украинской губерніи было 13. Въ церковно-административномъ отношеніи Харьковъ стоялъ такимъ образомъ нисколько не выше какого-нибудь Бѣлополья. Теперь, въ силу указа 16 октября 1799 г., въ Харьковѣ учреждена самостоятельная архіерейская каѳедра. Харьковскому архіерею была подчинена вся Слободско-Украинская губернія, почему онъ и именовался епископомъ Слободско-Украинскимъ и Харьковскимъ (Харьковскимъ и Ахтырскимъ харьковскіе архіереи стали именоваться только съ 1836 г.). Мѣстожительствомъ архіерею былъ назначенъ Покровскій училищный монастырь. Для помощи въ управленіи епархіей при архіерѣ, какъ и вездѣ, образована была духовная консисторія, въ составъ которой вошли наиболѣе видные представители городского духовенства.

Первымъ Слободско-Украинскимъ епископомъ былъ Христоформъ Сулима. Сулима былъ не изъ духовныхъ. Отецъ его—переяславскій полковникъ, братъ—генеральный судья. Самъ будущій епископъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ служилъ въ гвардіи. Въ 1765 г. маіоръ Сулима сбросилъ военный мундиръ и принялъ монашество. Уже монахомъ слушалъ онъ лекціи по нѣкоторымъ предметамъ въ

[1]) Некрологъ А. З. Ильяшева. Х. 1894.

[2]) Буткевичъ. Историко-статистич. описаніе, стр. 186—187.

Кіевской академіи. Въ послѣдующіе годы мы находимъ Сулиму монахомъ знаменитаго Матронинскаго монастыря (бывшаго въ то время уже за-границей, въ польскихъ владѣніяхъ), а потомъ архидіакономъ и іеромонахомъ при переяславскомъ архіереѣ Иларіонѣ. Здѣсь, по разсказамъ современниковъ, Сулима, будучи уже очень виднымъ человѣкомъ въ епархіи, доучивался въ Переяславской семинаріи. Въ 1785 г. Сулима вмѣстѣ съ епископомъ Иларіономъ перешелъ въ Новгородъ Сѣверскъ. Въ 1789 г. Сулима уже игуменъ Моденскаго Николаевскаго монастыря, возлѣ Новгорода, а въ концѣ того же года—архимандритъ Гамалѣевскаго Харламіева монастыря. Отсюда Христофоръ былъ переведенъ въ Черниговъ на должность ректора семинаріи и настоятеля Елецкаго монастыря. Въ 1798 г. Христофоръ былъ посвященъ въ епископы и назначенъ викаріемъ Екатеринославской епархіи, а 16 октября 1799 г. назначенъ на новооткрытую каѳедру въ Харьковѣ.

Ликвидація дѣлъ въ Старомъ Крыму, гдѣ жилъ екатеринославскій викарій, задержала Сулиму довольно долго, такъ что въ Харьковъ онъ прибылъ только 1 апрѣля 1800 г. Вступленіе на каѳедру было очень торжественнымъ. Архіерей облачился въ Николаевской церкви и отсюда, сопровождаемый духовенствомъ, пѣвчими, учителями и питомцами коллегіума и огромной толпой горожанъ, отправился въ торжественной процессіи въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершилъ литургію.

Христофоръ правилъ епархіей 12 лѣтъ. Преосвященному пришлось положить много труда на устройство епархіальнаго управленія—заводить консисторію, реформировать духовныя правленія, число которыхъ, благодаря отчисленію отъ Слободской губерніи уѣздовъ Богучарскаго, Острогожскаго и Старобѣльскаго и уничтоженію духовнаго правленія въ Харьковѣ, сократилось съ 13 до 9. Христофору приходилось обстраивать и Покровскій монастырь, оказавшійся неподходящимъ для помѣщенія въ немъ архіерейскаго дома. Приходилось пріобрѣтать необходимыя вещи и для монастырской церкви, обращенной теперь въ каѳедральный соборъ. Для этой церкви Христофоръ пожертвовалъ нѣсколько саккосовъ, омофоровъ, митръ, крестовъ и священническихъ облаченій. По его просьбамъ въ распоряженіе монастыря были переданы два деревянныхъ зданія упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, которыя и перенесены на монастырскій дворъ. При коллегіумѣ Христофоръ устроилъ такъ назыв. словесные классы для неуспѣвающихъ учениковъ, попадавшихъ впослѣдствіи изъ классовъ на причетническія мѣста. Были, кромѣ того, устроены для тѣхъ же причетниковъ такъ назыв. нотныя школы. Христофоръ много заботился и о коллегіумѣ и самъ просматривалъ проповѣдническія работы студентовъ. При немъ студенты богословія и философіи слушали въ университетѣ лекціи по ботаникѣ, физикѣ и энциклопедіи медицинскихъ наукъ. Медицинскія познанія студенты примѣняли потомъ во время своего священства, подавая посильную помощь прихожанамъ. Христофоръ придавалъ этому большое значеніе и потому разсылалъ по епархіи такъ назыв. домашніе лечебники, бывшіе въ это время въ большомъ ходу. 1803 г. Христофоръ выстроилъ при бурсѣ каменный флигель для помѣщенія въ немъ питомцевъ „сиротопитательнаго дома“, такъ какъ прежнее зданіе бурсы не могло вмѣстить всѣхъ, кто нуждался въ квартирѣ. Онъ добился увеличенія казенныхъ средствъ, отпускавшихся на коллегіумъ, заботился о коллегіумской библіотекѣ и самъ жертвовалъ для нея книги.

При Христофорѣ былъ открытъ Харьковскій университетъ. И несмотря на то, что новый храмъ свѣтской науки отнялъ первенство у стараго коллегіума, владыка отнесся къ университету въ высшей степени благорасположенно. Онъ и подвѣдомственное ему духовенство принимали участіе въ торжествѣ открытія университета. Христофоръ, до сихъ поръ не произносившій рѣчей, на этотъ разъ сказалъ длинную рѣчь о значеніи высшаго образованія. Отношеніе епископа и духовенства къ храму свѣтской науки было таково, что бывшіе на торжествѣ „имѣли, по выраженію проф. А. С. Лебедева, великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворяющуюся науку“. Симпатіи Христофора къ университету простирались до того, что онъ даже уступилъ университету, нуждавшемуся въ то время въ студентахъ, 20 воспитанниковъ высшихъ классовъ коллегіума, т. е. лишилъ на время коллегіумъ и духовенство *лучшихъ его силъ*. Просвѣщенное содѣйствіе университету было оцѣнено не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ: епископъ Христофоръ получилъ рѣдкую въ то время для духовенства награду—Аннинскую звѣзду.

Въ февралѣ 1813 г. Христофоръ, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ на покой. Св. Синодъ дозволилъ ему жить въ Куряжскомъ монастырѣ и назначилъ пенсію въ 1200 р. Пенсіей Христо-

форъ пользовался, впрочемъ, не долго. 17 мая 1813 г. онъ скончался. Погребенъ первый харьковскій епископъ въ усыпальницѣ Покровскаго монастыря [1]).

Преемникомъ Сулимы былъ Аполлосъ Терешкевичъ, тоже малороссъ, казачій сынъ изъ с. Голтвы. Родился въ 1747 г., учился въ Переяславской семинаріи, а потомъ въ Кіевской академіи. Учительствовалъ затѣмъ въ Новгородской семинаріи, гдѣ принялъ монашество. Затѣмъ Аполлосъ попалъ во флотскіе священники и былъ съ русской эскадрой на Средиземномъ морѣ. Четыре года спустя Аполлосъ сдѣланъ игуменомъ одного изъ новгородскихъ монастырей, а затѣмъ переведенъ въ Архангельскъ съ назначеніемъ архимандритомъ Сійскаго монастыря и ректоромъ Архангельской семинаріи. На родной югъ Аполлосъ возвратился только въ 1813 г. настоятелемъ въ богатый Курскій Знаменскій монастырь, а въ августѣ былъ назначенъ епископомъ Слободско-Украинскимъ. Назначеніе застало его въ такомъ положеніи, что у него не съ чѣмъ было выѣхать въ Кіевъ для посвященія, и только благодаря содѣйствію курскаго архіерея, изъ Харькова были посланы нареченному владыкѣ карета и деньги на поѣздку [2]).

Новый харьковскій архіерей правилъ своей епархіей только 3 года и 2 мѣсяца, но его заботами и стараніемъ возобновлены училищный и сиротопитательный домъ Харьковскаго коллегіума [3]). Преосвященный Аполлосъ—говоритъ о. П. Солицевъ—былъ архипастырь столько же строгій, какъ и справедливый, покровитель сирыхъ и убогихъ. Правилъ Харьковской епархіей онъ очень не долго. Умеръ онъ 19 января 1817 г. и похороненъ рядомъ съ Христофоромъ въ усыпальницѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря [4]). Во время отпѣванія произнесена была рѣчь прот. Антоновскимъ, а учениками коллегіума говорены рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ.

Преемникомъ Аполлоса былъ преосвященный Павелъ Саббатовскій. Въ епископа харьковскаго онъ былъ посвященъ послѣ архимандритства въ Смоленскѣ, гдѣ онъ былъ и ректоромъ семинаріи. Павелъ былъ архіерей пышный. По его требованію харьковскимъ духовенствомъ для него была устроена необычайно торжественная встрѣча. Когда онъ сталъ приближаться къ предмѣстью, зазвонили во всѣ колокола. Въ Николаевской церкви онъ былъ встрѣченъ питомцами Харьковскаго коллегіума, державшими въ рукахъ древесныя вѣтви, градскимъ духовенствомъ и публикой; каѳедральный прот. Ѳ. Могилевскій привѣтствовалъ его рѣчью. Затѣмъ началось шествіе въ Успенскій соборъ въ сопровожденіи массы народа и цеховъ съ ихъ значками: впереди шли пѣвчіе, пѣвшіе молебный каноиъ, питомцы Харьковскаго коллегіума съ древесными вѣтвями, первостатейные протоіереи несли пожалованное архіерею облаченіе на серебряномъ блюдѣ; передъ священствомъ шелъ посошникъ съ посохомъ, діаконъ съ архіерейскою митрою, на омофоръ возложенною, лампадчикъ съ лампадою, иподіаконы же шли предъ облаченіемъ съ дикиріемъ и трикиріемъ; ключарь на блюдѣ несъ животворящій крестъ, а діаконъ при немъ святую воду съ кропиломъ для окропленія города. Во все продолженіе шествія до собора былъ колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ. На паперти собора владыку привѣтствовалъ соборный протоіерей Андрей Прокоповичъ; по окончаніи литургіи владыка произнесъ приличное случаю слово. Затѣмъ было благодарственное молебствіе, а на другой день студенты и ученики коллегіума говорили привѣтственныя слова и рѣчи на разныхъ языкахъ [5]).

Павелъ любилъ комфортъ и даже роскошь. Само собою понятно, что обстановка, въ которой жили его предмѣстники по Харьковской каѳедрѣ, не могла ему понравиться. Вскорѣ послѣ своего назначенія онъ сталъ хлопотать объ отпускѣ средствъ на постройку и украшеніе архіерейскаго дома. Къ чести Павла нужно замѣтить, что онъ думалъ не о себѣ одномъ: онъ просилъ также отпустить деньги и на расширеніе коллегіумскаго зданія, такъ что всего на перестройки, по его подсчету, нужно было около 300 т. р. Несмотря на неудачу первой просьбы, Павелъ продолжалъ хлопоты и добился своего. Въ 1820 г. ему выдано было 203872 р. На эти средства былъ почти заново выстроенъ каменный архіерейскій домъ, настолько обширный, что въ немъ нашлось мѣсто не только для владыки, но и для консисторіи. Домъ этотъ, видоизмѣненный внутри, существуетъ и до настоящаго времени. Для коллегіума Павелъ выстроилъ

---

[1]) Матеріалы къ столѣтію Харьковской каѳедры, прот. Н. Лащенка, въ Харьк. Сборн., Вып. 7 (1893 г.), стр. 121—262. Вып. 8, стр. 99—170. Вып. 9, стр. 129—200.

[2]) Историко-статист. опис. Харьк. Успенск. собора. 84—85.

[3]) Харьковскія Извѣстія. 1817 г., № 5.

[4]) Харьк. Епарх. Вѣдом. 1869 г.

[5]) Харьковскія Извѣстія. 1817 г., № 20.

новый большой корпусъ по Бурсацкому спуску и устроилъ здѣсь домовую церковь въ честь св. Іоанна Богослова.

Павелъ былъ владыка энергичный, покровительствовавшій просвѣщенію. Отрицательныя черты его характера—вспыльчивость, излишняя строгость и расположеніе къ роскоши. Прекрасныя лошади, экипажи, богатый гардеробъ, роскошная мебель, картины—все это стоило не дешево. Неудивительно поэтому, что послѣ Павла на Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ осталось не мало долговъ, за которые пришлось расплачиваться его преемнику. Послѣ девятилѣтняго управленія Харьковской епархіей Павелъ былъ въ 1826 г. переведенъ въ Астрахань.

Преемникомъ Павла былъ преосвященный Виталій, до посвященія архимандритъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря и ректоръ Полтавской семинаріи. Это былъ настоящій монахъ, чуждый барскихъ замашекъ своего предмѣстника и строго корректный въ отношеніи епархіальныхъ средствъ. Вопреки установившемуся обычаю, онъ принялъ на себя даже расходы по переѣзду изъ Лубенъ въ Харьковъ. Свой „выѣздъ на паству“ преосвященный Виталій началъ съ богомолья въ Ахтыркѣ, а затѣмъ въ Каплуновкѣ, у чудотворныхъ иконъ Божіей Матери. Во время этого богомольнаго путешествія Виталій просилъ, чтобы о немъ „никто и ничѣмъ ни малѣйше не безпокоился, и его никакими визитами не обременяли“. Изъ Каплуновки новый архіерей черезъ Богодуховъ прибылъ въ Куряжскій монастырь и только 11 апрѣля явился въ Харьковъ.

Виталій правилъ Харьковской епархіей 6 лѣтъ. Это былъ архіерей-монахъ: смиренномудренный, терпѣливый, строгій, но справедливый, любившій простоту и очень бережливый. Изъ роскошной обстановки Павла—мебели, ковровъ, картинъ и пр. Виталій не счелъ нужнымъ пріобрѣсть ни одной вещи для архіерейскаго дома. Въ теченіе 5 лѣтъ Виталій отказывался въ пользу архіерейскаго дома отъ крупныхъ суммъ, полагавшихся ему, какъ настоятелю монастыря. Въ пользу архіерейскаго дома отдавалъ онъ и пожертвованія, сдѣланныя ему разными лицами. Въ расходахъ наблюдалъ крайнюю экономію. Благодаря бережливости Виталія архіерейское домоправленіе успѣло не только расквитаться съ долгами, надѣланными Павломъ, но и увеличить свои средства. Въ дѣлѣ управленія епархіей Виталій мало довѣрялъ консисторіи: пересматривалъ внимательно каждое слѣдственное, ставленническое или бракоразводное дѣло, нерѣдко самъ перерѣшалъ ихъ или возвращалъ въ консисторію для пересмотра. Самое простое дѣло не было утверждаемо имъ, говоритъ о. Буткевичъ, ранѣе трехдневнаго срока. Въ результатѣ—много нерѣшенныхъ дѣлъ и враждебное отношеніе консисторіи къ архіерею, сказавшееся особенно рѣзко, когда Виталій пересталъ быть Слободско-Украинскимъ епископомъ. Консисторія, придравшись къ тому, что имъ не былъ представленъ подробный отчетъ въ израсходованіи 1000 р., Высочайше пожалованныхъ ему на обзаведеніе при посвященіи, не хотѣла выдать ему пріемной квитанціи, безъ которой Виталій не могъ оставить Харькова. Только прибывшій въ Харьковъ новый епископъ сломилъ упорство консисторіи и заставилъ ее выпустить наконецъ Виталія къ мѣсту его новаго назначенія. Мѣстомъ этимъ была таже Астрахань, куда былъ переведенъ изъ Харькова и предмѣстникъ Виталія, преосвященный Павелъ.

Мѣсто Виталія занялъ преосвященный Иннокентій Александровъ. Сынъ астраханскаго протоіерея, Иннокентій въ свои академическіе годы пользовался покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ. „Хорошему обществу“ онъ обязанъ знаніемъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, чѣмъ онъ выгодно отличался отъ остальныхъ прочихъ „кутейниковъ“. Послѣ академіи—монашество, профессура въ Новгородской семинаріи, затѣмъ инспекторство, ректура и архимандричій санъ. Изъ Новгорода Иннокентій переходитъ въ Тверь, а оттуда въ Смоленскъ. 38 лѣтъ, въ 1832 г., Иннокентій хиротонисанъ былъ въ епископа Харьковскаго. 24 іюня 1832 г. Иннокентій прибылъ въ предмѣстье Харькова Даниловку, а 25 онъ торжественно вступилъ въ Харьковъ по церемоніалу, принятому его предмѣстниками.

Въ Харьковѣ Иннокентій пробылъ 3 года. Архіерей онъ былъ безобидный, ученый. Харьковскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, какъ, впрочемъ, и губернатора Трубецкого. Въ 1835 г. Иннокентій былъ переведенъ въ Иркутскъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Послѣдніе годы жизни ему пришлось провести все-таки если не въ Харьковѣ, то близъ него. Въ 1854 г. онъ былъ уволенъ на покой и поселился въ Куряжскомъ монастырѣ, гдѣ и провелъ послѣдніе годы жизни. Умеръ Иннокентій 31 марта 1869 г. и погребенъ въ Харьковѣ въ усыпальницѣ Покровскаго монастыря [1]).

[1]) Некрологъ въ Харьк. Епарх. Вѣд. за 1869. Тоже отдѣльной брошюрой. Некрологъ въ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г., № 39.

Въ 1835 г. на мѣсто Иннокентія, переведеннаго въ Иркутскъ, былъ назначенъ бывшій Иркутскій архіепископъ Мелетій Леонтовичъ. Мелетій—родомъ полтавецъ. По окончаніи курса въ Петербургской академіи со степенью магистра, Мелетій былъ оставленъ при академіи, а затѣмъ переведенъ въ Кіевъ сперва инспекторомъ семинаріи, а потомъ профессоромъ въ тамошнюю академію. Изъ Кіева онъ перешелъ въ Могилевъ ректоромъ семинаріи и здѣсь получилъ санъ архимандрита, изъ Могилева переведенъ въ Псковъ, а затѣмъ снова вернулся въ Кіевъ уже ректоромъ академіи. Затѣмъ мы видимъ Мелетія викаріемъ знаменитаго митрополита Евгенія, а затѣмъ самостоятельнымъ архіепископомъ въ Перми и въ Иркутскѣ. Сибирь разстроила его здоровье, и по его просьбѣ въ 1835 г. его перевели въ Харьковъ съ предоставленіемъ того старшинства и оклада, какими онъ пользовался въ Иркутскѣ. Харьковской епархіей Мелетій управлялъ не долго—всего 4 года и 5 мѣсяцевъ, но память о себѣ оставилъ самую добрую. Народный голосъ давно канонизовалъ Мелетія, и его гробница въ подвальной церкви Покровскаго монастыря усердно посѣщается богомольцами. Это былъ не владыка-администраторъ, а любящій отецъ, человѣколюбивый, справедливый, безсребренникъ. Въ домашней, келлейной жизни Мелетій—строгій аскетъ-подвижникъ, молитвенникъ, постникъ. Въ книгѣ прот. Буткевича, посвященной описанію Харьковскаго Успенскаго собора, читаемъ: „Обозрѣвая Зміевской уѣздъ, онъ (Мелетій) остановился на ночлегъ въ с. Преображенскомъ, въ домѣ мѣстнаго священника. Отслушавъ всенощное бдѣніе, онъ вскорѣ отправился какъ бы на покой въ свою комнату, въ которой была приготовлена для него мягкая и удобная постель. Но оказалось, что онъ не воспользовался этимъ покоемъ. Черезъ небольшое отверстіе въ двери долго не спавшій священникъ видѣлъ, что, архипастырь почти всю ночь провелъ въ молитвенномъ подвигѣ, на колѣняхъ, съ воздѣтыми горѣ руками, тускло освѣщаемый мерцаніемъ лампады. Только передъ разсвѣтомъ, смявъ слегка приготовленную постель, онъ на короткое время прилегъ на полъ, положивши въ изголовье подрясникъ. Но съ зарей архипастырь уже снова творилъ свой молитвенный подвигъ". Воспоминанія И. А. Фищукова, записанныя о. Н. Лащенко, рисуютъ личность Мелетія съ другой стороны. Фищуковъ, бывшій въ 1838 и 1839 гг. старшимъ фельдшеромъ въ университетской клиникѣ, разсказывалъ, какъ Мелетій, съ узелкомъ и палкою въ рукахъ, въ простой монашеской рясѣ, навѣщалъ больныхъ, лечившихся въ клиникѣ. „Приходилъ онъ всегда пѣшкомъ и всегда угадывалъ въ такое время, когда изъ врачей и служащихъ въ клиникѣ, кромѣ меня и прислуги, никого не было, а именно часа въ 3 послѣ обѣда. Обходилъ онъ всѣхъ недужныхъ, а около трудно больныхъ садился и весьма тихимъ голосомъ разспрашивалъ о болѣзни, о семейномъ положеніи больного, совѣтовалъ точно исполнять приказанія врачей и при этомъ училъ молиться умною молитвою и внушалъ имъ всѣмъ христіанское терпѣніе и предавать себя въ волю Божію. Больнымъ, которые имѣли достатокъ, онъ вынималъ изъ платка книжечки духовнаго содержанія и давалъ имъ, а больнымъ бѣднаго состоянія давалъ книжечки и деньги,—книжечки прямо въ руки, а деньги клалъ подъ головную подушку больного" [1]).

Протоіерей Буткевичъ отмѣчаетъ, что Мелетій былъ человѣколюбивъ и гуманенъ „даже по отношенію къ противящимся православной церкви раскольникамъ, которыхъ онъ пріобрѣталъ для церкви своею любовію и отеческимъ обращеніемъ", — черта, заслуживающая быть отмѣченной для архіерея не только Николаевскаго времени.

6 декабря 1839 г. Мелетій, по случаю царскихъ именинъ и храмового праздника, служилъ обѣдню въ Николаевской церкви. Это было его послѣднее служеніе. Болѣзненный и слабый архіерей простудился и слегъ въ постель, а 29 февраля 1840 г. его не стало. Харьковцы единодушно были огорчены кончиной „праведника", какъ назвалъ покойнаго въ своемъ коротенькомъ некрологѣ В. Н. Каразинъ. „Праведника" похоронили по подпискѣ, потому что, получая крупный казенный окладъ и большіе доходы съ епархіи, онъ оставилъ послѣ себя всего-на-всего 350 р. ассигнаціями, двѣ подзорныхъ трубы, два куска бархата, книги да необходимое носильное платье. Похоронили Мелетія 5 марта 1840 г. въ усыпальницѣ Покровскаго монастыря [2]).

Полною противоположностью Мелетію былъ его преемникъ, преосвященный Смарагдъ Крыжановскій. Магистръ Петербургской академіи, Смарагдъ прошелъ въ ней всѣ должности до инспектора включительно.

---

[1]) Харьк. Сборн. Вып. 3, стр. 209.

[2]) Гр. Ив. Кулжинскій. Святитель Мелетій Леонтовичъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Х. 1881 г.

Здѣсь онъ принялъ монашество, здѣсь же дослужился и до архимандритства. Изъ Петербурга Смарагдъ былъ переведенъ на должность ректора Кіевской академіи, а черезъ два года вновь возвратился въ Петербургъ ректоромъ тамошней духовной академіи. Въ 1831 г. Смарагдъ посвященъ въ епископа ревельскаго, викарія Петербургской епархіи. Изъ Ревеля Смарагдъ переходитъ въ Полоцкъ и получаетъ санъ архіепископа, оттуда въ Могилевъ, а изъ Могилева въ Харьковъ. Отъ торжественной встрѣчи Смарагдъ отказался. Въ Харьковѣ онъ пробылъ не долго. Это былъ, по выраженію прот. Буткевича, архипастырь „особенный“. Смарагдъ—полная противоположность Мелетію. Мелетій—воплощенная кротость, Смарагдъ чрезвычайно вспыльчивъ. У Мелетія—смиреніе, у Смарагда—преувеличенное сознаніе высоты своего сана и своихъ достоинствъ. Это былъ архіерей строптивый, жившій въ постоянной враждѣ съ губернаторомъ и вообще гражданскимъ начальствомъ. Въ „Мелочахъ архіерейской жизни“ покойнаго Лѣскова Смарагдъ изображается, какъ энергичный борецъ за интересы духовенства и церкви. Самъ онъ, впрочемъ, съ духовенствомъ не церемонился. Покойный академикъ Сухомлиновъ разсказываетъ, что „архіепископъ дѣлалъ духовенству выговоры при богослуженіи во всеуслышаніе; одному священнику онъ громко сказалъ во время молебна: „зачѣмъ ты сталъ на право, а не на лѣво? Ишь д..... какой, а еще учитель“ [1]). Авторъ статьи „Харьковская старина“, помѣщенной въ № 190 „Мѣстныхъ Вѣдомостей“ за 1879 г., разсказываетъ случай, происшедшій во время служенія Смарагда въ Воскресенской церкви, когда онъ, обнаруживъ коноть на церковныхъ стѣнахъ, будто бы, обмазалъ его лицо церковнаго старосты. Слѣдуетъ однако замѣтить, что разсказъ этотъ вызвалъ опроверженіе со стороны одного изъ представителей мѣстнаго духовенства. Консисторскому суду Смарагдъ нерѣдко предпочиталъ „незамѣнимую саморасправу“, въ особенности въ отношеніи причетниковъ. Преувеличенное понятіе о высотѣ святительскаго сана и, можетъ быть, еще въ Петербургѣ накопленная обида за угнетенное положеніе высшей церковной іерархіи, находившейся въ полномъ подчиненіи у свѣтскаго начальства въ лицѣ такихъ оберъ-прокуроровъ, какъ Нечаевъ или Протасьевъ, и приниженное положеніе низшаго духовенства, побуждали его „жерать“ вездѣ свѣтской администраціи. Тотъ же Сухомлиновъ разсказываетъ, какъ Смарагдъ во время крестнаго хода публично замѣтилъ губернатору, что „такой грязи, какъ въ нашемъ городѣ, не найдешь нигдѣ, а начальство нисколько не заботится объ улучшеніи города“ [2]). Само собою понятно, что при такомъ характерѣ Смарагдъ могъ имѣть гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей, а потому и пребываніе его на каѳедрѣ не могло быть продолжительнымъ. Уже въ декабрѣ 1841 г. состоялся указъ о переводѣ Смарагда въ Астрахань, черезъ три года онъ уже въ Орлѣ. Умеръ Смарагдъ въ Казани въ 1863 г.

Мѣсто Смарагда занялъ знаменитый церковный проповѣдникъ Иннокентій Борисовъ. Сынъ священника Орловской епархіи, Иннокентій окончилъ курсъ въ Кіевской академіи со степенью магистра, назначенъ затѣмъ инспекторомъ въ Петербургскую семинарію, здѣсь принялъ монашество и перешелъ профессоромъ въ академію. 26 лѣтъ онъ уже архимандритъ, а 30—ректоръ Кіевской академіи. Въ 1836 г. Иннокентій посвященъ въ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи, въ 1840 г. назначенъ на самостоятельную епархію въ Волоцдѣ, а 31 декабря 1841 г. переведенъ въ Харьковъ. Харьковской епархіей Иннокентій правилъ 7 лѣтъ. 24 февраля 1848 г. онъ былъ переведенъ въ Одессу, гдѣ и святительствовалъ до смерти (1857 г.).

Иннокентій Борисовъ—одинъ изъ выдающихся русскихъ архіереевъ. Необыкновенно краснорѣчивый, можно сказать, художникъ слова, крупный ученый, не застывшій въ рамкахъ богословской схоластики, но способный на высокій, согрѣтый истинно христіанскимъ чувствомъ, полетъ мысли, Иннокентій былъ къ тому же и дѣятельнымъ администраторомъ. Его проповѣди то трогали слушателей до слезъ, то потрясали ихъ до глубины души. Его ученые труды дали ему степень доктора богословія, почетное членство во всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ, въ университетахъ Харьковскомъ, Московскомъ и Петербургскомъ, въ ученыхъ обществахъ—археологическомъ и географическомъ. Епархіей управлялъ Иннокентій былъ къ тому же и дѣятельнымъ администраторомъ. Его проповѣди то трогали слушателей до слезъ, то потрясали ихъ до глубины души. Его ученые труды дали ему степень доктора богословія, почетное членство во всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ, въ университетахъ Харьковскомъ, Московскомъ и Петербургскомъ, въ ученыхъ обществахъ—археологическомъ и географическомъ. Епархіей управлялъ Иннокентій дѣятельно и къ управленію относился серьезно. Онъ старался поднять религіозное чувство въ своей паствѣ не только проповѣдями, но и внѣшней красотой религіи. Онъ установилъ крестные ходы съ иконой Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжъ и обратно и изъ Ахтырки въ Троицкій монастырь.

---

[1]) Древняя и новая Россія. 1876 г. Т. 2, стр. 61.

[2]) Тамъ же.

При немъ возобновлены закрытые при Екатеринѣ монастыри—Святогорскій и Ахтырскій, при немъ же устроенъ и женскій монастырь—Николаевскій Стрѣлечій. Въ тѣхъ же дѣляхъ поднятія религіознаго чувства Иннокентій старался привлечь народъ въ церковь, но здѣсь на пути преосвященному стояли гражданскіе распорядки; домѣщики оставляли своимъ крестьянамъ для работъ по собственному хозяйству только праздничные дни; что касается казенныхъ крестьянъ, то о понужденіи ихъ къ посѣщенію церкви архіерей писалъ представленіе въ палату государственныхъ имуществъ, но проку выходило мало. Иннокентій признавалъ образованіе необходимымъ не только для духовныхъ, но и для ихъ женъ. Ему обязана своимъ зарожденіемъ мысль о женскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, для котораго онъ успѣлъ собрать и кое какія средства. При Иннокентіи, для семинаріи, ютившейся до тѣхъ поръ въ старыхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ бывшаго коллегіума, выстроено новое обширное зданіе на Холодной горѣ. При немъ же обновленъ и архіерейскій домъ, выстроенный при преосвященномъ Павлѣ. Къ духовенству, особенно къ причетникамъ, довольно-таки до него распущеннымъ, Иннокентій относился безъ послабленій. Онъ требовалъ отъ нихъ знанія катехизиса, устава, во время объѣздовъ епархіи производилъ экзамены священникамъ и діаконамъ, а причетниковъ экзаменовали члены архіерейской свиты. „Преданіе знаетъ—передаетъ о. Буткевичъ—и комичную сторону этихъ экзаменовъ, знаетъ, напр., камилавку протоіерея-экзаменатора, наполнявшуюся при этихъ испытаніяхъ серебряными рублевиками; знаетъ и самого экзаменатора-камилавочника, всегда сердившагося на причетниковъ, „этихъ мерзавцевъ“, что къ экзаменамъ они „не могли запастись ассигнаціями“ и т. п. Впрочемъ, лично Иннокентій не только не потворствовалъ этимъ поборамъ, но иногда, узнавъ о нихъ, подвергалъ виновныхъ строгому наказанію. „Одинъ протоіерей-экзаменаторъ, говорятъ, лишился своего экзаменаторскаго званія: онъ былъ настолько неостороженъ, что, подавъ Иннокентію какую-то свою книгу, забылъ, говорятъ, вынуть оттуда запись денегъ, полученныхъ имъ при испытаніи ставленниковъ и причетниковъ“. Результатомъ строгости Иннокентія явилось повальное бѣгство низшихъ чиновъ клира изъ Харьковской епархіи въ другія. Самъ владыка невѣждами не дорожилъ и частенько совсѣмъ увольнялъ причетниковъ „въ свѣтское званіе“, а священниковъ—за штатъ: желающихъ занять опустѣвшія мѣста всегда было много между окончившими курсъ семинаристами [1]). Часто онъ рѣзкій въ своихъ резолюціяхъ, владыка иной разъ былъ рѣзокъ и въ послушкахъ. Академикъ Сухомлиновъ вспоминаетъ, какъ однажды, осматривая алтарь монастырской церкви и узнавши, что одинъ изъ монаховъ не исполнилъ даннаго наканунѣ приказанія, Иннокентій сбилъ съ виновнаго клобукъ, но черезъ нѣсколько мгновеній бросился къ ногамъ оскорбленнаго монаха и просилъ его простить увлеченіе гнѣвомъ [2]).

Послѣ Иннокентія Харьковскую епископскую каѳедру на короткій срокъ занялъ преосвященный Елпидифоръ Бенедиктовъ. Правилъ онъ Харьковской епархіей всего 8 мѣсяцевъ, такъ что сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ послѣ себя оставить не могъ. Елпидифоръ—сынъ пошехонскаго сельскаго священника. Учился въ Петербургской академіи, потомъ былъ учителемъ въ Архангельской семинаріи, инспекторомъ въ Новгородской и ректоромъ въ Курской и Воронежской. Въ 1842 г. Елпидифоръ былъ посвященъ въ епископа Острогожскаго, викарія Воронежской епархіи. 10-го марта 1848 г. ему велѣно быть епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, а 6 ноября того же года, не успѣвъ даже обжиться въ Харьковѣ, онъ перешелъ въ Каменецъ-Подольскъ. Послѣ Подольска Елпидифоръ епископствовалъ еще въ Вяткѣ, а затѣмъ въ ново-открытой Таврической епархіи. Умеръ онъ въ санѣ Таврическаго архіепископа въ Петербургѣ въ 1860 г. отъ чахотки, которой страдалъ уже давно.

Послѣ Елпидифора Харьковская архіерейская каѳедра была занята однимъ изъ выдающихся по учености русскихъ іерарховъ—преосвященнымъ Филаретомъ Гумилевскимъ. Сынъ сельскаго священника Тамбовской губерніи, Филаретъ учился сперва въ Тамбовской семинаріи, потомъ въ Московской духовной академіи и еще студентомъ принялъ монашество. Курсъ въ академіи Филаретъ окончилъ со степенью магистра, а затѣмъ остался при академіи въ качествѣ баккалавра по каѳедрѣ церковной исторіи. Въ 1835 г. тридцатилѣтній Филаретъ былъ уже архимандритомъ и ректоромъ Московской академіи, въ 1837 онъ—настоятель Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ, а въ 1841—епископъ Рижскій, викарій

[1]) Буткевичъ. Иннокентій Борисовъ.
Объ Иннокентіи см. „Русская Старина“. 1878 г. Т. XXI, стр. 193—204, 547—572. Т. XXIII, стр. 368—398.
[2]) „Древняя и новая Россія“. 1876 г. Т. 2, стр. 61.

Псковской епархіи. 6 ноября 1848 г. Филаретъ сталъ епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ. Въ Харьковѣ Филаретъ пробылъ 10 лѣтъ съ половиною. Это былъ архіерей глубоко ученый, серьезный изслѣдователь, отдававшій изученію прошлаго всѣ свои досуги. Филаретъ писалъ по разнымъ предметамъ богословскаго вѣдѣнія, но особенно много работалъ онъ по изслѣдованію церковной старины. По порученію Синода имъ была написана капитальная „Исторія русской церкви". Ему принадлежатъ: „Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви", „Русскіе святые", „Святые южныхъ славянъ", „Обзоръ русской духовной литературы". Крупнымъ трудомъ, не потерявшимъ значенія и до сихъ поръ, остается написанное имъ въ Харьковѣ „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи", основанное почти цѣликомъ на неизданномъ архивномъ матеріалѣ, который самому же автору приходилось разыскивать по церквамъ, въ казенныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. На эту работу Филарету пришлось потратить массу времени и труда. Мѣстная старина интересовала его не только съ точки зрѣнія церковно-исторической, но и обще-исторической: онъ описывалъ прошлое не одного приходскаго храма и духовенства, но и прихожанъ, а потому въ его книгу вошло все, что имѣетъ касательство къ исторіи гражданственности края. Трудъ Филарета по исторіи нашей мѣстности—трудъ крупный и цѣнный. Но этотъ трудъ не утомилъ труженника. Перейдя изъ Харькова въ Черниговъ, Филаретъ начинаетъ и здѣсь тоже, чѣмъ былъ занятъ въ Харьковѣ. Вновь начинаются поиски архивныхъ матеріаловъ, и вновь преосвященный авторъ садится за любимую работу, плодомъ которой является „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи",—трудъ, составленный по тому же плану и съ тою же добросовѣстностью, какъ и „Описаніе" Харьковской епархіи. Работы Филарета по описанію Харьковской и Черниговской епархій имѣли не только научное, но и воспитательное значеніе. Благодаря Филарету, привлекшему духовенство къ собиранію необходимыхъ для него историческихъ матеріаловъ, впервые пробудился интересъ къ мѣстной исторіи и церковной археологіи и у духовенства нашего края. Не всѣхъ, конечно, заинтересовали древніе документы, но всѣ поняли, что эти документы—не соръ, залежавшійся только благодаря небрежности причетниковъ, а нѣчто представляющее своего рода цѣнность. Кромѣ указанныхъ церковно-историческихъ трудовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, Филаретомъ было написано много цѣнныхъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ. Таковы его изслѣдованія о Максимѣ Грекѣ, о епископѣ Серапіонѣ, о Стоглавѣ, о Кириллѣ и Меѳодіи, о началѣ христіанства въ Лифляндіи и много другихъ. Съ меньшею охотою занимался онъ богословскими вопросами, но и въ этой области онъ оставилъ послѣ себя такіе цѣнные труды, какъ „Догматическое Богословіе", „Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа", „Опытъ объясненія на посланіе къ Галатамъ" и др. Ученые труды преосвященнаго Филарета дали ему степень доктора богословія; Кіевская, Петербургская и Московская духовныя академіи избрали его своимъ почетнымъ членомъ; почетнымъ членомъ избрала его Императорская академія наукъ и университеты Московскій и Харьковскій. Въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей и въ Географическомъ Обществѣ Филаретъ былъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ Русскомъ Археологическомъ—сперва членомъ-корреспондентомъ, а потомъ—почетнымъ членомъ.

Какъ администратору, Филарету принадлежитъ честь открытія училища для дѣвицъ духовнаго званія, на которое онъ много жертвовалъ. Близко стоявшій къ Филарету, протоіерей Шероцкій утверждаетъ, что вся честь учрежденія училища и весь благородный и благодѣтельный подвигъ въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ единственно и исключительно преосвященному Филарету. Мысль объ учрежденіи училища, приписываемая обыкновенно преосвященному Иннокентію, по словамъ о. Шероцкаго, „подана сверху". Иннокентій распорядился только принять ее къ „свѣдѣнію и руководству". Сумма, собранная на устройство пріюта въ теченіе 6-лѣтняго управленія Иннокентія и потомъ Елпидифора, простиралась до 621 р. Филаретъ сдѣлалъ воззваніе къ духовенству. Къ концу 1852 г. было собрано до 21500 р., а черезъ 1½ года училище было открыто. Протоіерей Шероцкій разсказываетъ, что постройка училищнаго дома причинила было преосвященному не мало тревоги. „Когда домъ былъ уже построенъ вчернѣ и покрытъ, получено было отношеніе бывшаго генералъ-губернатора съ запросомъ: что за зданіе и съ чьего разрѣшенія построено на кладбищѣ? Преосвященный очень былъ встревоженъ, такъ какъ проектъ на постройку не былъ въ разсмотрѣніи бывшей губернской строительной коммиссіи. Но по совѣту губернскаго архитектора Д., составлявшаго проектъ, данъ генералъ-губернатору отвѣтъ такого содержанія, что какъ земля, на которой училищный домъ выстроенъ, находится внѣ городской черты, то онъ, преосвященный, и не считалъ необходимымъ представ-

лять въ губернскую строительную коммиссію проектъ, составленный губернскимъ архитекторомъ. Гроза миновала" [1]). При Филаретѣ закончены постройки въ новомъ зданіи семинаріи; его заботамъ обязанъ своимъ благоустройствомъ Хорошевскій монастырь, а въ Харьковскомъ монастырѣ Филаретъ устроилъ церковь въ усыпальницѣ, расширилъ Покровскую церковь, переустроилъ внутри архіерейскій домъ и домовую церковь, выстроилъ два большихъ каменныхъ дома со службами и богадѣльню. На архіерейской дачѣ во Всѣхсвятскомъ Филаретъ устроилъ епархіальный свѣчной заводъ, явившійся крупнымъ источникомъ дохода для содержанія духовныхъ учебныхъ заведеній. Филаретъ много заботился о церковномъ строительствѣ. Онъ настаивалъ, хотя и безплодно, на необходимости внутренней перестройки собора; подъ вліяніемъ его настоящій построена каменная церковь на городскомъ кладбищѣ, разрушившаяся послѣ неудачной постройки ея профессоромъ архитектуры Тономъ; онъ всемѣрно побуждалъ троицкихъ прихожанъ къ постройкѣ новой церкви, которая при немъ и начата; для изысканія средствъ для постройки Свято-Духовской церкви Филаретъ разрѣшилъ архіерейскому хору давать духовные концерты въ залѣ дворянскаго собранія [2]).

Въ 1857 г. Филаретъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа и вскорѣ затѣмъ приглашенъ къ участію въ засѣданіяхъ Синода, а въ 1859 г. переведенъ въ Черниговъ. Современники ставили этотъ переводъ въ связь съ одной непріятной исторіей, случившейся въ Хорошевскомъ монастырѣ, хотя виновникомъ ея самого архіерея не считали. Протоіерей Шероцкій, на воспоминанія котораго мы уже ссылались, разсказываетъ, что Филаретомъ былъ введенъ въ Хорошевскомъ монастырѣ общежительный уставъ, встрѣченный монахинями непріязненно. „Нѣкія изъ сестеръ, именно двѣ родныя сестры, коихъ фамиліи не желаю означать даже начальною буквою, пользуясь авторитетомъ брата, отставного чиновника, не хотѣли подчиняться правиламъ общежитія, позволяли себѣ дѣйствія, соблазняющія и другихъ сестеръ. Преосвященный велѣлъ ихъ выслать изъ монастыря, исполняя апостольскій совѣтъ: изымите злаго изъ среды своей. Защитникомъ взбалмошныхъ сестръ явился братъ. Къ большому огорченію преосвященнаго, возникло, какъ куколь среди засѣяннаго пшеницею поля, въ монастырѣ новое непріятное дѣло. Одинъ изъ обѣдавшихъ графовъ, жившихъ въ верстѣ отъ монастыря, сманулъ одну изъ послушницъ, мѣщанскую дочь, и женился на ней. Какъ дѣло поведено имъ тайно, то оно очень оскорбило вообще сестеръ монастыря. Женившись на бѣглянкѣ, недавней послушницѣ, графъ сталъ являться въ монастырѣ со своею молодою женою на богослуженіяхъ. Какая-то изъ прислужницъ монастырскихъ, при выходѣ изъ церкви, въ монастырскихъ воротахъ нанесла оскорбленіе графинѣ. За оскорбленіе чести взялся быть ходатаемъ вышеупомянутый отставной чиновникъ, подъ руководствомъ котораго графъ неоднократно подавалъ просьбы начальнику губерніи, начальнику жандармской команды и шефу жандармовъ, впутывая въ это дѣло не только начальницу монастыря, но и самого преосвященнаго". Этимъ дѣломъ и объясняли харьковцы переводъ Филарета въ Черниговъ. Чѣмъ кончилось дѣло, не знаемъ, но знаемъ, что поплатиться за него пришлось не одному Филарету: по Высочайшему повелѣнію чиновникъ-ходатай былъ высланъ изъ Харьковской губерніи съ запрещеніемъ ему въѣзда въ нее [3]). Почти такъ же передаетъ исторію перевода Филарета и о. Н. Лащенко, основываясь на документальномъ матеріалѣ.

Нельзя сказать, чтобы Филаретъ пользовался расположеніемъ духовенства. Относился онъ къ своимъ подначальнымъ сурово и строго, требовалъ отъ нихъ земныхъ поклоновъ. За это его, конечно, осуждали и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ кругахъ. Владыка хорошо зналъ объ этомъ, но манеры обращенія не измѣнялъ, считая, что онъ долженъ такъ себя вести [4]). Насколько правды было въ жалобахъ духовенства, сказать трудно, но нельзя не отмѣтить одинъ случай, показывающій, что владыка умѣлъ быть и снисходительнымъ, даже больше, чѣмъ нужно. Разумѣемъ громкій скандалъ, учиненный протодіакономъ Никитскимъ.

При Иннокентіи и Елпидифорѣ, а затѣмъ и при Филаретѣ протодіакономъ былъ знаменитый Никитскій, любимецъ харьковцевъ, восторгавшихся его великолѣпнымъ басомъ. Съ Никитскимъ произошла въ 1852 г. „исторія", о которой долго потомъ говорили въ Харьковѣ. По преданію, и до сихъ поръ держащемуся въ средѣ харьковскаго духовенства, Никитскій ни больше, ни меньше, какъ отлучилъ отъ церкви самого архіепископа Филарета, самъ же Никитскій передаетъ случившуюся съ нимъ „исторію"

[1]) Духовн. Вѣсти. 1866 г., № 78.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Харьковскій сборникъ. Вып. 5, стр. 93—172.

нѣсколько иначе. Въ воскресенье на первой недѣлѣ поста былъ назначенъ „чинъ православія". Наканунѣ вечеромъ къ Никитскому, какъ онъ самъ разсказываетъ, зашелъ его давній задушевный другъ, архіерейскій келейникъ. „Просидѣвъ съ нимъ за пріятельской бесѣдой до 4 часовъ утра, я отправился прямо въ соборъ къ заутрени. Во время служенія литургіи я былъ бодръ и только подъ конецъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ и сильную жажду. Во время пріобщенія владыки обязанность мою у престола исполнялъ седмичный соборный діаконъ, а я пошелъ въ пономарку и здѣсь для утоленія жажды выпилъ цѣлую бутылку церковнаго вина... Въ обычное время при началѣ чина православія я взялъ благословеніе у владыки и сталъ на уготовленномъ мѣстѣ—на лѣвомъ клиросѣ. Служеніе происходило въ верхней соборной церкви, она была переполнена народомъ и сильно натоплена—духота была страшная. Пѣснь „Кто Богъ велій" я пропѣлъ безукоризненно, читалъ Символъ вѣры отчетливо, но къ концу чтенія сталъ чувствовать приливы крови къ головѣ. Когда же сталъ возглашать „анаѳема", то и теперь не могу дать себѣ отчета, почему каждый разъ при произнесеніи этого слова правой рукой я указывалъ на генерала П—на, стоявшаго у праваго клироса прямо противъ меня. Мнѣ послѣ разсказывали, что смущенный генералъ метался то въ ту, то въ другую сторону и, наконецъ, вынужденъ былъ выйти изъ церкви. Слышу глухой шумъ въ церкви. Это меня нѣсколько смутило, я замѣтилъ, что у меня рябитъ въ глазахъ и двоятся буквы. При возглашеніи вѣчной памяти почившимъ царямъ, Петру I я произнесъ два раза и началъ въ третій разъ. Подбѣгаетъ ко мнѣ ключарь протоіер. Малиновскій и говоритъ: „опомнись, что ты дѣлаешь: Петру I въ третій разъ произносишь вѣчную память".—„А развѣ, отвѣчалъ я ему, такой великій монархъ не заслужилъ этого?" Отвѣтъ этотъ, сказанный громко, тономъ человѣка обиженнаго, произвелъ въ народѣ сильный шумъ и говоръ, меня внезапно облилъ какой-то страхъ, я моментально очнулся, въ головѣ сразу просвѣтлѣло, и я окончилъ дѣло, какъ слѣдуетъ". Послѣ описаннаго случая Никитскій два мѣсяца пролежалъ въ горячкѣ, а когда выздоровѣлъ, ему дали мѣсто священника при Воскресенской церкви [1]). Этимъ и исчерпывалось все наказаніе. Какъ бы то ни было, людей нерасположенныхъ къ владыкѣ у Филарета было не мало. Нашлись они и въ самой духовной консисторіи. Случай сосчитаться съ преосвященнымъ представился для нихъ только тогда, когда Филаретъ пересталъ быть Харьковскимъ архіереемъ. Дѣло въ томъ, что по счету Филарета при отъѣздѣ его изъ Харькова ему приходилось получить съ архіерейскаго домоправленія около 18 тыс. руб., израсходованныхъ имъ на устройство гостинницъ и на свѣчной заводъ. Часть этого долга Филаретъ уступилъ добровольно въ пользу архіерейскаго дома и женскаго епархіальнаго училища. Остальную сумму нужно было возвратить. И вотъ консисторія, руководимая соборнымъ протоіереемъ Кустовымъ, возбудила сомнѣніе въ правильности указываемой Филаретомъ суммы и потребовала отъ него формальныхъ доказательствъ. Деньги Филаретъ, повидимому, получилъ, но послѣ длинной переписки и послѣ новаго отказа отъ части должной ему суммы.

Умеръ Филаретъ во время объѣзда Черниговской епархіи въ Конотопѣ 9 августа 1866 г.[2]).

Преемникомъ Филарета былъ Макарій Булгаковъ. Сынъ сельскаго священника Коронадскаго уѣзда, Курской губерніи, Макарій (до посвященія Михаилъ) учился сперва въ Курской семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской академіи. Еще студентомъ Макарій постригся въ монахи, курсъ окончилъ со степенью магистра и остался при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи. Затѣмъ перешелъ въ Петербургскую академію, здѣсь же сдѣлался инспекторомъ. Въ 1847 г. за сочиненіе „Введеніе въ православное богословіе" Макарій получилъ степень доктора богословія, а въ 1850 г. назначенъ ректоромъ академіи. Въ 1851 г. Макарій посвященъ въ епископа Винницкаго, викарія Подольской епархіи, въ 1857 г. переведенъ въ Тамбовъ, а въ 1859 г.—въ Харьковъ.

Въ Харьковъ Макарій явился уже съ твердо установленной репутаціей крупнаго ученаго и выдающагося проповѣдника. Филаретъ былъ больше историкомъ, чѣмъ богословомъ, Макарій былъ и богословомъ и историкомъ. Изъ крупныхъ трудовъ Макарія нельзя не отмѣтить такихъ, какъ „Введеніе въ православное богословіе", „Православное догматическое богословіе", „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества", „Исторія христіанства въ Россіи до князя Владиміра", „Исторія русской церкви" въ 12 т. (послѣдній томъ вышелъ уже послѣ смерти автора). Какъ духовный ораторъ, Макарій не владѣлъ тѣмъ даромъ властвованія надъ сердцами, какимъ отличался Иннокентій, но все же онъ былъ

[1]) Харьк. Сборн. 1891 г., стр. 129—131.

[2]) О Филаретѣ см. Русская Старина. 1881 г. № 4, стр. 781—798.

крупнѣйшимъ изъ проповѣдниковъ своего времени. Его слова и рѣчи имѣли большой успѣхъ, и проповѣдь Макарія, всегда умная, изящная и красивая, привлекала въ церковь культурные слои общества. „Здѣсь — говоритъ проф. Барсовъ о Харьковѣ—въ рядѣ словъ, сказанныхъ къ интеллигентному населенію города, иногда въ самой университетской церкви, проповѣдникъ чувствовалъ себя въ своей давнишней родной стихіи, въ сферѣ научной концепціи всякаго предмета сужденія, и въ цѣломъ рядѣ проповѣдей развивалъ настоящую христіанскую соціологію. Стоя на вполнѣ современномъ уровнѣ науки о государствѣ и обществѣ, онъ старается выяснить отношеніе религіи къ наукѣ, жизни благодатной, религіозной—къ жизни естественной, внѣцерковной, значеніе религіи и церкви съ ея нравственными началами для государственнаго и общественнаго преуспѣянія родной страны. Таковы проповѣди, сказанныя имъ по поводу нарочитыхъ событій общественной жизни: открытія судебной палаты, губернскаго земскаго собранія, дворянскихъ выборовъ, открытія губернскаго комитета по крестьянскому вопросу, по прочтеніи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Таковы проповѣди о прогрессѣ въ отношеніи къ христіанству, объ искорененіи неправды въ судахъ, о взаимномъ уваженіи и любви между общественными сословіями, о христіанскомъ значеніи гражданскихъ обязанностей, о содѣйствіи счастью ближнихъ, о величіи человѣческомъ, о значеніи науки въ христіанствѣ, объ изученіи природы; таковы вообще всѣ проповѣди въ Харьковской университетской церкви“ [1]). Ученые труды Макарія доставили ему званіе почетнаго члена не только во всѣхъ духовныхъ академіяхъ, но и въ академіи наукъ, въ университетахъ и разныхъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ. За ученые труды Петербургскій университетъ удостоилъ его степени доктора исторіи. Какъ человѣкъ, Макарій привлекалъ къ себѣ симпатіи своимъ тонкимъ умомъ, деликатностью, умѣніемъ держать себя въ обществѣ, чѣмъ далеко не всегда отличалось тогдашнее духовенство, особенно монашествующее. Въ Харьковѣ Макарій пользовался большою популярностью не только среди духовенства, но и въ свѣтскомъ обществѣ. Дѣятельность Макарія въ Харьковѣ направлена была, главнымъ образомъ, въ сторону духовно-нравственную. Культурныя начинанія духовенства находили въ немъ всегда самую энергичную поддержку, а зачастую и самъ Макарій являлся иниціаторомъ такихъ начинаній. Макарій содѣйствовалъ возникновенію въ Харьковѣ духовныхъ періодическихъ изданій. По его ходатайству здѣсь возникъ въ 1861 г. журналъ „Духовный Вѣстникъ“, въ 1863 г. „Духовный Дневникъ“, а съ 1867 г.—„Епархіальныя Вѣдомости“. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ владыка былъ талантливымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ. Вообще можно сказать, что время управленія Макарія Харьковской епархіей было періодомъ наибольшей умственной производительности харьковскаго духовенства. И не потому только, что это были шестидесятые годы, но и потому, что во главѣ духовенства стоялъ такой образованный, талантливый и готовый на помощь всякому культурному почину архіерей, какъ Макарій. Въ его управленіе Харьковской епархіей и при его ближайшемъ участіи открыты въ Харьковѣ первое попечительство и первая церковно-приходская школа при Воскресенской церкви, возникла педагогическая школа при женскомъ епархіальномъ училищѣ, преобразованы духовныя учебныя заведенія по новому уставу, по его иниціативѣ учреждена библіотека для духовенства, подъ его предсѣдательствомъ состоялся первый съѣздъ епархіальнаго духовенства. Преданность Макарія интересамъ просвѣщенія наглядно выразилась въ пожертвованіи имъ крупнаго капитала въ 120 тыс. руб. на учрежденіе премій за сочиненія по предметамъ богословскимъ и духовно-образовательнымъ.

Занятый наукой, преданный просвѣтительной дѣятельности, Макарій находилъ время и для той дѣятельности, которая является обычнымъ удѣломъ рядовыхъ архіереевъ. И ему не чужды были заботы о созиданіи и благолѣпіи домовъ Божіихъ. Макарій обращалъ особенное вниманіе на состояніе харьковскаго Успенскаго собора, бывшее въ то время отнюдь не блестящимъ, и вообще стремился къ поддержанію церковнаго благолѣпія. Во время его управленія епархіей и по его ходатайству въ Старобѣльскѣ учреждена женская община „Всѣхъ скорбящихъ Радости“ (въ 1862 г.), а въ Рясномъ, въ имѣніи богатаго помѣщика Хрущова, открытъ новый мужской монастырь—Димитріевскій съ богадѣльнею при немъ и училищемъ (1867 г.); установлены крестные ходы: изъ Куряжа въ Озерянку съ Озерянской иконой Божіей Матери (въ 1862 г.) и изъ с. Каплуновки въ Богодуховъ (въ 1867 г.). Нельзя упрекнуть Макарія и въ отсутствіи заботъ о матеріальномъ положеніи церквей и духовенства: изъ-за соборныхъ лавокъ Макарій даже поссорился съ губернаторомъ.

[1]) Русская Старина. 1883 г. Т. XXXVIII, стр. 677.

При Макаріи харьковская архіерейская каѳедра пріобрѣла большее значеніе, чѣмъ какое имѣла до сихъ поръ. По ходатайству Макарія въ харьковской епархіи учреждено было въ 1866 г. викаріатство.

Макарій правилъ харьковской епархіей по 1868 г. Здѣсь онъ получилъ санъ архіепископа и сдѣланъ присутствующимъ въ Синодѣ. Въ 1868 г. Макарій былъ переведенъ изъ Харькова въ Вильно на выдающійся въ русской церкви, почти митрополичій, постъ архіепископа Виленскаго и Литовскаго, священноархимандрита Виленскаго Свято-Духова монастыря. Изъ Вильны въ 1877 г. Макарій былъ переведенъ въ Москву. Санъ митрополита Московскаго Макарій носилъ не долго. Скончался онъ въ ночь съ 9 на 10 іюня 1882 г. [1]).

Преемникомъ Макарія на Харьковской каѳедрѣ былъ преосвященный Нектарій Надежинъ. Сынъ дьякона Тамбовской епархіи, Нектарій высшее образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ и принялъ монашество, служилъ затѣмъ по духовно-учебному вѣдомству въ Кіевѣ. Тридцати одного года Нектарій былъ уже архимандритомъ и настоятелемъ Кіевскаго пустыннаго Николаевскаго монастыря. Изъ Кіева онъ переходитъ въ Новгородъ на должность ректора семинаріи, а отсюда—въ Петербургъ на такую же должность. Кромѣ ректорства на Нектаріи лежалъ еще и рядъ другихъ обязанностей; онъ былъ, между прочимъ, и редакторомъ журнала „Духовная Бесѣда“. Изъ ректоровъ семинаріи Нектарій сдѣланъ былъ ректоромъ Петербургской академіи и вслѣдъ затѣмъ хиротонисанъ во епископа Выборгскаго, викарія Петербургской епархіи. Въ 1860 г. Нектарій занялъ самостоятельную каѳедру въ Нижнемъ-Новгородѣ, здѣсь въ 1867 г. возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1869 г. переведенъ въ Харьковъ.

На мѣсто новаго своего служенія Нектарій явился уже съ зачатками болѣзни, сведшей его въ концѣ концовъ въ могилу. Но несмотря на болѣзнь, новый архіерей энергично взялся за дѣло управленія епархіей. Особенно вниманіе обратилъ онъ на училище дѣвицъ духовнаго званія. Ко дню своего пріѣзда въ Харьковъ онъ велѣлъ консисторіи назначить съѣздъ духовенства для обсужденія вопроса о преобразованіи этого училища въ шестиклассное епархіальное училище по уставу 1868 г. И послѣ преобразованія владыка не оставлялъ училища своимъ вниманіемъ и заботами. Съѣздъ духовенства далъ Нектарію возможность познакомиться съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ епархіи и ея нуждами. Знакомство это Нектарій дополнилъ затѣмъ личнымъ обозрѣніемъ епархіи во время своихъ поѣздокъ.

Харьковской епархіей преосвященному Нектарію не пришлось править долго. Тяжкая болѣзнь, зачатки которой Нектарій получилъ еще въ Петербургѣ, свела его въ преждевременную могилу. Уже на Пасху 1874 г. Нектарій почувствовалъ себя очень дурно. Все лѣто онъ проболѣлъ, а къ концу августа вопросъ объ исходѣ болѣзни сталъ совершенно ясенъ. Полумертвый владыка нашелъ въ себѣ, однако, силы, чтобы встрѣтить въ соборѣ Государя, проѣзжавшаго черезъ Харьковъ 24 августа. На упрекъ Государя за недостатокъ заботъ о своемъ здоровьѣ Нектарій отвѣтилъ: „Служу цареви моему, дондеже есмь“. Это былъ его послѣдній выходъ. 7 сентября Нектарія не стало. Похороненъ онъ въ усыпальницѣ Покровскаго монастыря.

Указомъ 7 декабря 1874 г. на Харьковскую архіерейскую каѳедру былъ назначенъ преосвященный Савва Тихоміровъ. Для мѣстнаго епархіальнаго духовенства Савва былъ первымъ архіереемъ новаго, такъ сказать, типа. До сихъ поръ бѣлое духовенство не рѣдко жаловалось, что имъ управляютъ архіереи-монахи, ровно ничего не понимающіе въ условіяхъ жизни приходскаго священника, совсѣмъ не похожихъ на условія монастырской жизни. Теперь духовенству дали архіерея, хорошо знакомаго съ положеніемъ приходскаго священства по личному опыту. Сынъ сельскаго пономаря, прошедшій тяжелую жизненную школу, Иванъ Тихоміровъ окончилъ курсъ Владимірской семинаріи, женился и получилъ священническое мѣсто при Муромскомъ соборѣ. 26 лѣтъ о. Иванъ остался вдовцомъ, бросилъ приходъ и поступилъ въ Московскую духовную академію, здѣсь принялъ монашество съ именемъ Саввы. По окончаніи академіи Савва по избранію митрополита Филарета былъ назначенъ синодальнымъ ризничимъ. Завѣдывалъ ризницею Савва болѣе 10 лѣтъ. Въ это время имъ составленъ превосходный „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы и библіотеки“; другимъ трудомъ Саввы, матеріалъ для котораго собранъ именно въ это время, были „Палеографическіе снимки съ грѣческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки VI—VIII вв.“ Въ 1861 г. архимандритъ Савва опредѣленъ ректоромъ Московской

[1]) Барсовъ. Макарій, митрополитъ Московскій, въ Русск. Стар. 1883 г. Т. XXXVIII, стр. 169. Харьковъ. 1869 г. № 21.

академіи, а въ 1862 г. посвященъ во епископа Можайскаго, викарія Московской митрополіи. Въ 1866 г. онъ переведенъ на самостоятельную каѳедру въ Полоцкъ, а 7 декабря 1874 г. назначенъ въ Харьковъ.

Савва былъ архіерей филаретовской школы. Память Филарета, подъ вліяніемъ котораго сложились его взгляды на свои обязанности, свято имъ чтилась. Филарету посвящены два труда Саввы: „Письма митрополита Филарета“ и „Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета“. Въ Харьковѣ Савва пробылъ около 5-лѣтъ. Для мѣстнаго общества, послѣ Макарія и Нектарія, Савва казался грубоватъ, къ тому же сближенію владыки съ его паствою мѣшала „истовость“ Саввы, строго смотрѣвшаго на такія на свѣтскій взглядъ маленькія слабости, какъ скоромная пища въ постный день, благотворительные танцевальные вечера, спектакли подъ праздникъ и т. п. Къ духовенству Савва относился съ чувствомъ мѣры, не переходящимъ ни въ слабость, ни въ суровость, но и здѣсь, опять-таки, сильно настаивалъ на точномъ исполненіи церковнаго устава. Одному изъ мѣстныхъ священниковъ пришлось очень серьезно поплатиться за такой съ его точки зрѣнія невинный поступокъ, какъ добавка вина въ потиръ во время пріобщенія говѣльщиковъ. Случай этотъ интересенъ и въ смыслѣ характеристики преосвященнаго, не смотря на природную сдержанность и привычку въ дисциплинѣ, довольно-таки самолюбиваго. Когда нѣкій духовный журналъ выступилъ въ защиту наказаннаго священника, Савва былъ уязвленъ до глубины души и серьезно негодовалъ, какъ можетъ начальство индифферентно относиться къ подобнымъ выступленіямъ. Къ ближайшей помощницѣ своей консисторіи Савва большого довѣрія не питалъ, а одного изъ консисторскихъ дѣльцовъ, пользовавшагося большимъ вѣсомъ при Нектаріи, Савва и совсѣмъ отстранилъ отъ епархіальныхъ дѣлъ. Все свободное время владыка посвящалъ церковно-археологическимъ интересамъ и перепискѣ съ друзьями и знакомыми. При Саввѣ въ Харьковѣ былъ открытъ мѣстный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества, освящена Вознесенская церковь, заложена на Заиковкѣ Александро-Невская, а на Ивановкѣ Іоанно-Богословская церковь, устроена ограда вокругъ Успенскаго собора и выстроена часовня.

25 апрѣля 1879 г. Савва противъ воли былъ переведенъ въ Тверь, гдѣ и скончался въ 1896 г. на 78 году жизни [1]).

Преемникомъ Саввы былъ преосвященный Іустинъ Охотинъ. Сынъ священника Нижегородской епархіи, Іустинъ высшее духовное образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи, здѣсь принялъ монашество, потомъ былъ учителемъ въ Костромской и въ Ярославской семинаріяхъ, а потомъ и ректоромъ въ этой послѣдней. Въ 1871 г. Іустинъ былъ посвященъ въ епископы и назначенъ викаріемъ Волынской епархіи, а въ 1879 г. переведенъ въ Харьковъ. Въ Харьковѣ Іустинъ пользовался уваженіемъ и любовью. Особенное вниманіе обратилъ онъ на учебно-воспитательную часть духовныхъ училищъ и, судя по отзывамъ, достигъ въ этомъ отношеніи замѣтныхъ улучшеній. При немъ начался капитальный ремонтъ и расширеніе стараго зданія духовнаго училища. Средства для содержанія епархіальнаго женскаго училища при Іустинѣ значительно увеличились благодаря его стараніямъ объ обезпеченіи училища съ матеріальной стороны. Преосвященный отдавалъ въ пользу училища всѣ деньги, какія онъ получалъ отъ частныхъ лицъ за совершеніе молебновъ и пр. 15 сентября 1882 г. преосвященный Іустинъ былъ переведенъ въ Каменецъ-Подольскъ, оттуда въ Курскъ, а затѣмъ въ Одессу.

На архіерейскую каѳедру въ Харьковѣ былъ назначенъ преосвященный Амвросій Ключаревъ. Сынъ протоіерея Владимірской епархіи, Алексѣй (мірское имя Амвросія) Ключаревъ въ 1844 г. окончилъ Московскую академію со степенью магистра, былъ затѣмъ учителемъ въ Виѳанской семинаріи, а потомъ священствовалъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ основалъ и въ теченіе 6 лѣтъ редактировалъ духовный журналъ—„Душеполезное Чтеніе“. Въ 1878 г. протоіерей Ключаревъ постриженъ въ монашество и посвященъ въ епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи, а по переводѣ изъ Харькова преосвященнаго Іустина назначенъ на его мѣсто.

Въ Харьковѣ Амвросій епископствовалъ 19 лѣтъ, до самой смерти. Это былъ не просто архіерей, а архіерей воинствующій,—архіерей, являвшійся усерднымъ поборникомъ тѣхъ политическихъ теченій, какія возобладали въ высшихъ сферахъ съ начала 80-хъ годовъ. Явился онъ изъ Москвы со славой знаменитаго проповѣдника и эту репутацію старался поддерживать и въ Харьковѣ. Почти каждое воскресенье въ кафедральномъ соборѣ говорились имъ проповѣди на современныя темы. Владыка

[1]) Савва, архіеп. Хроника моей жизни. Т. 5.

высказывался противъ свободы слова, противъ свободы совѣсти, противъ прогрессивныхъ стремленій въ области политики, воспитанія, порицалъ народные дома и народные театры, ратовалъ противъ праздниковъ древонасажденія, усматривая въ нихъ нѣчто языческое и пр. и пр. Лучшимъ средствомъ для поднятія авторитета Церкви и возстановленія порядка въ государствѣ преосвященный признавалъ строгую церковность. Самъ еженедѣльно служа въ соборѣ и проповѣдуя въ духѣ церковности, онъ требовалъ и отъ духовенства наивозможно частаго совершенія богослуженій и проповѣди. Въ цѣляхъ поднятія въ паствѣ духа церковности, владыка усердно хлопоталъ объ открытіи заштатныхъ церквей, оставшихся безъ духовенства согласно указу 16 апрѣля 1869 г. Изъ 62 заштатныхъ церквей въ Харьковской епархіи преосвященному, благодаря его умѣнью добывать средства отъ благотворителей, удалось возстановить 52 церкви, при немъ же вновь открыты Высочиновскій мужской и Богодуховскій женскій монастыри, выстроенъ Спасовъ скитъ, великолѣпная каменная церковь возлѣ станціи Борки, гдѣ 17 октября 1888 г. произошло крушеніе царскаго поѣзда, установлены крестные ходы изъ с. Бобрика въ Рясненскій монастырь, изъ Высочиновскаго монастыря въ Зміевъ, а въ Харьковѣ—изъ собора въ Александровскую часовню на Сергіевской площади. При немъ и по его иниціативѣ въ Харьковской епархіи выстроено было много новыхъ церквей и перестроено старыхъ. Въ Харьковѣ при немъ на мѣсто старинной Николаевской церкви выстроена большая новая, старая Благовѣщенская церковь замѣнена новой, въ монастырѣ выстроена новая церковь въ честь Озерянской иконы Божіей Матери; соборъ расширенъ и украшенъ; на Холодной горѣ устроена новая церковь; Дмитріевская церковь реставрирована; появились часовни у Лопанскаго моста и у привокзальнаго сквера; къ соборной колокольнѣ прибавлена пристройка, на которой повѣшенъ такъ наз. царскій колоколъ, устроенный въ память спасенія Царской семьи 17 октября 1888 г. Москвичъ архіерей очень любилъ все московское, и эта любовь обнаружилась и на тѣхъ сооруженіяхъ, устройство которыхъ вполнѣ отъ него зависѣло. Московская архитектура отразилась и на Озерянской церкви, выстроенной въ монастырѣ, и на пристройкѣ, въ которой повѣшенъ царскій колоколъ, и на двухъ часовняхъ, возникшихъ при немъ въ Харьковѣ. Любовь къ Москвѣ, а можетъ быть, и стремленіе къ нивелировкѣ мѣстныхъ особенностей отразились и на введеніи въ церквахъ епархіи пѣнія на московскій ладъ, что было достигнуто послѣ ряда принудительныхъ мѣръ по отношенію къ псаломщикамъ, особенно старымъ, не обнаруживавшимъ способности переучиваться. Для новыхъ псаломщиковъ при архіерейскомъ домѣ учреждена была школа пѣнія и особая коммиссія для испытанія въ знаніи московскихъ напѣвовъ всѣхъ, кто хотѣлъ заполучить псаломщичье мѣсто.

Оружіемъ равносильнымъ проповѣдямъ и церковности, признавалъ владыка и литературу. Изъ безцвѣтныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ онъ создалъ философско-богословскій журналъ „Вѣра и Разумъ“, предназначенный служить цѣлямъ борьбы противъ „князя вѣка сего, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія“. Не забылъ владыка и школу. Церковно-приходская школа, въ то время только что пущенная въ ходъ, нашла въ немъ горячаго приверженца: всѣми мѣрами побуждалъ онъ духовенство къ устройству церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и въ этомъ отношеніи достигъ замѣтныхъ результатовъ. Въ самомъ Харьковѣ по распоряженію Амвросія открыты образцовыя школы при духовной семинаріи, при епархіальномъ училищѣ и при Александро-Невской церкви. Явились школы и при другихъ приходскихъ церквахъ. Къ пожертвованіямъ на школы Амвросій умѣлъ привлекать щедрыхъ благотворителей: такъ, благодаря ему извѣстный сумской заводчикъ И. Г. Харитоненко пожертвовалъ 15 тыс. руб. на устройство образцовой школы при духовной семинаріи. Для усиленія средствъ на содержаніе церковныхъ школъ по распоряженію Амвросія открыта при соборѣ лавка для продажи книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Большое вниманіе обращалъ преосвященный и на духовно-учебныя заведенія. Внутреннія преобразованія здѣсь были, конечно, не въ его власти, но зато онъ усердно старался о ихъ внѣшнемъ благоустройствѣ. При немъ обновлена духовная семинарія, при которой выстроенъ новый трехъ-этажный корпусъ для общежитія учениковъ; отремонтировано и значительно расширено епархіальное училище, обновлено духовное училище; въ Купянскѣ и въ Сумахъ выстроены новыя зданія для духовныхъ училищъ. При Амвросіи же, благодаря его стараніямъ, было выстроено новое зданіе для духовной консисторіи и выведенъ рядъ построекъ въ монастырѣ.

Боролся Амвросій не только противъ равнодушія православныхъ, но и противъ отступниковъ отъ православія—сектантовъ, число которыхъ въ послѣднія десятилѣтія XIX в. въ епархіи замѣтно возросло:

появились штунда, баптизмъ, толстовщина. Кромѣ внѣшнихъ мѣръ, испробованы были и средства нравственнаго воздѣйствія. По просьбѣ преосвященнаго Амвросія въ Харьковъ былъ присланъ изъ Синода особый миссіонеръ и учрежденъ миссіонерскій совѣтъ, начались собесѣдованія съ сектантами и старообрядцами. Заботился Амвросій и о подначальномъ ему духовенствѣ и старался не давать его въ обиду. Для призрѣнія престарѣлыхъ духовныхъ при немъ былъ выстроенъ особый пріютъ въ Дергачахъ.

Преосвященный Амвросій обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать блестящую карьеру. И однако же дальше Харькова онъ не пошелъ. Одно время онъ былъ вызванъ „на чреду“ въ Петербургъ. Съ этимъ связывалась надежда на высшее назначеніе. Но изъ Петербурга Амвросій возвратился въ Харьковъ, не пробывъ въ Синодѣ даже обычнаго срока. Наградами его, впрочемъ, не забывали: онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа, награжденъ высшими орденами и получилъ, наконецъ, алмазный крестъ на клобукъ—отличіе, выпадающее на долю очень немногимъ. Умеръ Амвросій 3 сентября 1901 г. на архіерейской дачѣ во Всѣхсвятскомъ и похороненъ въ склепѣ имъ же устроенной въ монастырѣ Озерянской церкви.

Преемникомъ Амвросія былъ назначенъ экзархъ Грузіи, преосвященный Флавіанъ. Это былъ не совсѣмъ обыкновенный у насъ архіерей. Не духовный по происхожденію, а дворянинъ, притомъ изъ хорошей фамиліи, не семинаристъ, а университетскій студентъ по образованію, Флавіанъ молодымъ человѣкомъ принялъ монашество, послѣдовательно возвышаясь въ церковной іерархіи, дошелъ до архіерейскаго сана, занималъ видныя каѳедры (напр., Холмско-Варшавскую) и, наконецъ, назначенъ былъ экзархомъ Грузіи. Съ этого виднаго іерархическаго поста Флавіанъ и перешелъ въ Харьковъ. Конечно, это было крупное пониженіе, но въ Харьковъ онъ самъ просился, и его перевели.

Деликатно, безъ свойственной инымъ владыкамъ грубости, но тѣмъ не менѣе настойчиво, Флавіанъ требовалъ отъ духовенства непремѣннаго исполненія того, что оно исполнять обязано: уставной службы, добросовѣстнаго отношенія къ прихожанамъ. Для управленія епархіей Флавіанъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ лицѣ викарнаго епископа Стефана, посвященнаго по его просьбѣ изъ ректоровъ Тифлисской семинаріи. Свѣтское общество относилось къ Флавіану съ самой искренней пріязнью, и когда послѣ недолгаго управленія Харьковской епархіей онъ былъ назначенъ митрополитомъ въ Кіевъ, проводы его были теплые и искренніе.

Преемникомъ Флавіана назначенъ высокопреосвященный Арсеній, бывшій до тѣхъ поръ архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ. Дѣятельность его выходитъ уже за хронологическія рамки настоящаго труда, и потому въ оцѣнку ея мы входить не будемъ, а отошлемъ интересующихся ею къ обширной литературѣ подробно и всесторонне ее изображающей. Таковы напр. книги: „Первый годъ служенія высокопр. Арсенія въ Харьковѣ“, „Второй годъ“ и др.

Съ 1866 г. въ Харьковѣ, какъ мы сказали, учреждено было по представленію преосвященнаго Макарія викаріатство. Викарію харьковскаго преосвященнаго присвоенъ былъ титулъ епископа Сумского. Ему принадлежало настоятельство въ Куряжскомъ монастырѣ, въ которомъ настоятелями бывали до тѣхъ поръ ректоры духовной семинаріи. Въ управленіе харьковскихъ викаріевъ не было поручено никакой отдѣльной части, значеніе каждаго изъ нихъ зависѣло отъ личныхъ отношеній къ епархіальному архіерею, и власть ихъ обычно не выходила за предѣлы Куряжскаго монастыря, тѣмъ не менѣе учрежденіе викаріатства придало Харьковской каѳедрѣ значеніе, какого она до тѣхъ поръ не имѣла.

Первымъ викаріемъ въ Харьковъ былъ назначенъ преосвященный Германъ. Магистръ Петербургской академіи, Германъ, еще студентомъ принявшій монашество, большую часть своей жизни провелъ на духовно-учебной службѣ, сперва въ качествѣ семинарскаго преподавателя, а потомъ ректора семинаріи. Передъ назначеніемъ въ Харьковъ Германъ былъ настоятелемъ знаменитаго въ свое время Юрьева монастыря, въ Новгородской епархіи. Въ Харьковѣ онъ пробылъ 6 лѣтъ и въ 1872 г. былъ назначенъ на самостоятельную каѳедру—епископомъ Кавказскимъ и Екатеринодарскимъ. Умеръ Германъ въ 1896 г. глубокимъ старикомъ.

Преемникомъ Германа былъ преосвященный Веніаминъ Платоновъ. Мѣстомъ родины Платонова была Курская губернія, въ Курскѣ онъ учился, въ Курской семинаріи былъ преподавателемъ по окончаніи академическаго курса, здѣсь же онъ принялъ и монашество. Изъ Курска Веніаминъ перешелъ на должность инспектора семинаріи въ Вильну, а оттуда въ Казань. Въ 1869 г. архимандритъ Веніаминъ на-

значенъ ректоромъ семинаріи въ Харьковъ. Въ 1872 г. Веніаминъ былъ посвященъ въ епископа Сумского, викарія Харьковской епархіи. Викаріемъ Веніаминъ пробылъ 11 лѣтъ, сумѣвъ удержаться при трехъ архіереяхъ—Нектаріи, Саввѣ и Іустинѣ. При Амвросіи, въ 1883 г., онъ былъ переведенъ въ Кострому, но тоже викарнымъ. Умеръ Веніаминъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ глубокимъ старикомъ (родился въ 1817 г.).

На мѣсто Веніамина назначенъ былъ Геннадій Левицкій. Геннадій былъ священникомъ греческой церкви въ Елисаветградѣ и только послѣ смерти жены поступилъ въ духовную академію и принялъ монашество. По окончаніи курса началась обычная для ученыхъ монаховъ служба по духовно-учебному вѣдомству: въ Одессѣ, Самарѣ, Тамбовѣ. Въ 1868 г. послѣ непродолжительной службы въ Петербургѣ, Геннадій посвященъ былъ въ епископа Сарапульскаго, викарія Вятской епархіи; изъ Вятки перешелъ въ Кострому тоже викарнымъ, а оттуда въ Харьковъ. Пробылъ онъ здѣсь три года, понравиться епархіальному архіерею не сумѣлъ, а потому вмѣсто самостоятельной каѳедры получилъ только настоятельство въ одномъ изъ тверскихъ монастырей. Умеръ Геннадій въ 1893 г.

Послѣ Геннадія викаріемъ въ Харьковѣ назначенъ преосвященный Петръ (Лосевъ). По окончаніи курса въ Рязанской семинаріи преосвященный Петръ лѣтъ 8 служилъ въ Рязани священникомъ, потомъ поступилъ въ Московскую академію и по окончаніи въ ней курса вновь вернулся въ родную Рязань, гдѣ пробылъ до 1875 г., когда былъ назначенъ ректоромъ семинаріи въ Вологду. Въ 1887 г. преосвященный Петръ принялъ монашество и назначенъ викаріемъ въ Харьковъ. Въ 1889 г. онъ былъ переведенъ на самостоятельную каѳедру во Владикавказъ.

Послѣ него викаріемъ былъ назначенъ преосвященный Владиміръ (Шимкевичъ). Это тоже вдовый священникъ, долго служившій въ своемъ родномъ Могилевѣ сперва какъ преподаватель семинаріи, а потомъ, послѣ принятія монашества, какъ настоятель Могилевскаго братскаго монастыря. Въ 1887 г. преосвященный Владиміръ посвященъ въ епископа Нарвскаго, викарія Петербургской епархіи, а въ 1890 г. назначенъ викаріемъ въ Харьковъ. Пребываніе его здѣсь также не было продолжительно: 5 декабря 1892 г. онъ былъ уже епископомъ Екатеринославскимъ.

Преемникомъ ему былъ ректоръ Харьковской семинаріи Іоаннъ Кратировъ. Вологжанинъ родомъ, воспитанникъ Московской академіи, Кратировъ служилъ по духовно-учебному вѣдомству въ Вологдѣ, Ярославлѣ и Москвѣ. Только послѣ назначенія ректоромъ семинаріи въ Харьковъ, коллежскій совѣтникъ Кратировъ преобразился въ протоіерея. Съ 1883 по 1893 г. Кратировъ былъ ректоромъ Харьковской семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и Разумъ“, а когда ему предложено было архіерейство, принялъ монашество. 6 марта состоялось его постриженіе, 7 марта—возведеніе въ санъ архимандрита, а 23 апрѣля—нареченіе въ епископа Сумского. Изъ Харькова преосвященный Іоаннъ ушелъ по непріятностямъ съ преосвященнымъ Амвросіемъ. Замѣстителемъ его, впрочемъ тоже не на долгое время, былъ назначенъ преосвященный Петръ (Друговъ), послѣ него викаріемъ былъ преосвященный Иннокентій (нынѣ экзархъ Грузіи), а съ переходомъ въ Харьковъ преосвященнаго Флавіана его викаріемъ былъ назначенъ бывшій ректоръ Тифлисской семинаріи, преосвященный Стефанъ, принимавшій, не въ примѣръ прочимъ, весьма дѣятельное участіе въ епархіальныхъ дѣлахъ. Послѣдними викаріями, уже при преосвященномъ Арсеніи, были епископы Алексій и Евгеній (Бережковъ).

Глава 26-я.

Общественная благотворительность.

Зачатки общественной благотворительности и нѣкоторый навыкъ къ ней харьковцы, очевидно, принесли изъ своей заднѣпровской родины. Думать такъ можно потому, что въ Харьковѣ общественная благотворительность вылилась въ тѣ же формы, въ какихъ проявлялась она и въ той „Литвѣ“, изъ которой первые насельники Харькова принесли „листы литовскаго письма“, смущавшіе Московскаго воеводу. Благотворительныя учрежденія въ Харьковѣ XVII и XVIII вѣковъ, какъ и во всей остальной Малороссіи, сосредоточивались около церкви. Приходъ былъ не церковно-административной единицей, пріуроченной къ данному храму и завѣдывающему имъ духовенству въ отношеніи исправленія обрядовъ и требъ, а дѣйствительно обществомъ вѣрующихъ, объединенныхъ общими религіозно-духовными интересами. Прихожанъ связывала не только забота о благолѣпіи дома Божія, но и общность стремленій проявить свою вѣру въ дѣлахъ христіанскаго милосердія и любви. Забота о храмѣ вызвала къ жизни церковное братство, забота о христіанскомъ воспитаніи дѣтей заставила выстроить при этомъ храмѣ школу, стремленіе проявить свою вѣру въ дѣлахъ милосердія выразилось въ устройствѣ приходскаго шпиталя-богадѣльни, въ которой жили принадлежащіе къ приходу нищіе и сироты. Шпиталь и есть та форма, въ которую вылилась общественная благотворительность въ старомъ Харьковѣ. Въ переписи 1732 года такихъ шпиталей въ Харьковѣ показано два—при Соборной и при Рождественской церквахъ, но можно думать, что въ дѣйствительности ихъ было и больше. Что давалъ шпиталь лицамъ, въ немъ призрѣваемымъ? Точныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ для Харькова мы не имѣемъ, но судя по тому, что мы знаемъ о шпиталяхъ старой Малороссіи, можно думать, что призрѣваемые находили здѣсь кровъ и тепло, а иногда и пищу, или, точнѣе, припасы для нея—„борошно“, соль, сало и т. п.

Само собою понятно, что эта форма благотворительности, непосредственно связанная съ приходомъ, могла существовать только до тѣхъ поръ, пока приходъ оставался жизнедѣятельнымъ и жизнеспособнымъ, пока сами прихожане являлись распорядителями своихъ приходскихъ дѣлъ. Съ половины XVIII вѣка приходъ начинаетъ терять значеніе религіозной общины и постепенно превращается въ простой церковно-административный округъ. Непоправимый и крупный ударъ приходу нанесла замѣна священниковъ по выбору священниками по назначенію архіерейскому. Выборный священникъ былъ только primceps inter pares, назначенный сталъ прямымъ начальникомъ, зависѣвшимъ только отъ своей „команды“ и не имѣвшимъ никакой надобности да, конечно, и желанія подчинять приходскія дѣла волѣ прихожанъ. Власть прихожанъ замѣнилась властью приходскаго священника, міряне стали не членами церковной общины, а „подкомандными“ своего пастыря въ духовныхъ дѣлахъ. И шпитали, и братства, и школы зависѣли теперь отъ усмотрѣнія одного священника, за прихожанами осталось только право давать или не давать. Поворотъ совершался постепенно, старыя традиціи долго боролись съ новыми вѣяніями, но въ концѣ концовъ новыя вѣянія одержали верхъ. Приходъ умеръ, какъ религіозная община, а вмѣстѣ съ нимъ умерли и приходскія учрежденія. Прекратили свое существованіе и приходскіе шпитали..

На смѣну приходской благотворительности явилась благотворительность казенная. Съ введеніемъ въ Слободчинѣ Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ возникъ здѣсь и приказъ общественнаго призрѣнія, вѣдавшій народное просвѣщеніе, медицину и призрѣніе. Уже въ 1781 г. приказъ, приглашая общество къ доброхотнымъ подаяніямъ, заявлялъ, что „первѣйшая бѣднымъ, лишеннымъ къ пропитанію помощь“—пища, покровъ и одѣяніе, имъ уже доставлена въ Харьковѣ тѣмъ, кому она нужна. Въ какія формы вылилась „первѣйшая помощь“ приказа въ Харьковѣ, мы не знаемъ, но, судя по тѣмъ распоряженіямъ, какія дѣлались для уѣздовъ, можно думать, что приказъ воспользовался уже существовавшими

приходскими богадѣльнями. Размѣщенію нуждающихся по богадѣльнямъ предшествовалъ разборъ ихъ. Полиціи велѣно было наблюдать, чтобы въ числѣ нищихъ не было тунеядцевъ, которые, будучи въ состояніи что-нибудь работать, по лѣности пристаютъ въ богадѣльни. Такихъ велѣно было высылать изъ богадѣленъ и отдавать въ работу людямъ, кои ихъ кормить и одѣть за то могутъ. Запрещено было также держать въ богадѣльняхъ тѣхъ, у кого есть родственники: ихъ велѣно было отдать родственникамъ, съ подтвержденіемъ, чтобы, не дозволяя имъ шататься по міру, доставляли имъ все нужное. Впрочемъ, шататься по міру не дозволялось и самимъ богадѣльцамъ; полиція предписывалось учредить для каждой богадѣльни особые ящики для сбора подаяній и поручить ихъ богадѣленнымъ старостамъ или сторонним людямъ, чтобы каждый священникъ въ церкви, а въ удобное время и по домамъ ходилъ, испрашивая подаяніе для богадѣльцевъ, которое и употреблять подъ смотрѣніемъ городскихъ головъ, а въ селеніяхъ—старостъ и выборныхъ [1]). Повидимому, прекратить шатаніе по міру нищихъ было не такъ-то легко. Въ 1788 г. харьковскій городничій Звѣревъ, въ силу предписанія намѣстническаго правленія, предложилъ думѣ выбрать для одиннадцати приходовъ Харькова лицъ для сбора по церквамъ денегъ для нищихъ и калѣкъ, дабы они не шатались по міру. Намѣстническое правленіе вмѣняло городничему въ обязанность стараться, чтобы каждый приходъ прокармливалъ своихъ нищихъ [2]). Такимъ образомъ, при помощи полиціи приходилось настаивать на томъ, что въ лучшую пору приходской жизни приходъ дѣлалъ добровольно, безъ принужденій и указокъ извнѣ. Полагать нужно, умирающій приходъ, несмотря на искусственное возбужденіе къ жизнедѣятельности путемъ административныхъ настояній, оказался не въ силахъ выполнить своихъ стародавнихъ функцій. Думать такъ можно потому, что уже скоро послѣ этого приказъ призналъ необходимымъ обзавестись собственнымъ учрежденіемъ для призрѣнія бѣдныхъ. Въ 1793 году при приказѣ возникла богадѣльня, имѣвшая въ виду не одинъ г. Харьковъ, а и всю губернію [3]). Такая богадѣльня не могла, конечно, удовлетворить всему предъявляемому къ такимъ учрежденіямъ спросу. Принимались въ нее только немногіе, а остальные по прежнему должны были добывать себѣ если не кровъ, то пропитаніе прошеніемъ милостыни.

До чего было не велико значеніе этой богадѣльни, можно судить потому, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1811 г. въ ней было всего 17 человѣкъ [4]), а въ 1838 г. 25 лицъ—15 мужчинъ и 10 женщинъ [5])—цифра для цѣлой губерніи прямо-таки ничтожная.

Давать пропитаніе своимъ бѣднымъ, какъ на этомъ настаивало начальство въ 1788 г., приходъ оказался не въ состояніи. Нищіе, явно нарушая предписанія полицейскаго устава, продолжали шататься по міру и просить подаяніе. И вотъ, начальство вновь обращаетъ вниманіе на неисполненіе приходами возложенной на нихъ обязанности. На сей разъ къ думѣ обращаются уже съ предложеніемъ изобрѣсти какія-нибудь мѣры къ призрѣнію нищихъ. И дума совѣщается по этому вопросу съ полиціей. Что было придумано на этомъ совѣщаніи,—мы не знаемъ, но, повидимому, въ это именно время выдвинута была мысль объ измѣненіи самой системы призрѣнія нищихъ. Возникла мысль совсѣмъ отказаться отъ призрѣнія нищихъ по приходамъ, а пріурочить это дѣло къ болѣе крупной и болѣе въ то время жизнедѣятельной общественной единицѣ—къ городу. По крайней мѣрѣ въ 1808 году мы встрѣчаемся съ проектомъ думы объ устройствѣ богадѣльни для призрѣнія 50 нищихъ [6]),—цифра близко подходящая, какъ можно думать, къ тогдашнему спросу харьковцевъ на учрежденія этого рода. Проектъ, однако, не вышелъ изъ области благихъ пожеланій. Въ слѣдующемъ 1809 году мы встрѣчаемся уже съ принудительными мѣрами, имѣвшими въ виду заставить городъ призрѣвать своихъ нищихъ. По произведенному въ этомъ году разбору оказалось, что въ числѣ нищихъ, принадлежавшихъ къ харьковскому городскому обществу, было 17 отставныхъ солдатъ и 12 солдатокъ. Не ожидая времени, когда дума выстроитъ для нищихъ богадѣльню, губернаторъ Бахтинъ собственной властью нанялъ домъ для помѣщенія нищихъ солдатъ и солдатокъ, а думѣ отдалъ приказъ уплачивать за него ежегодно по 300 руб. [7]). Это и была первая городская богадѣльня. Заботы

[1]) Д. П. Миллеръ. Архивы Харьковской губ., стр. 146—147.
[2]) Архивъ Харьковской Городской Думы. Вход. 1788 г.
[3]) Харьк. Календ. на 1880 г., стр.
[4]) Ар. Губ. Пр. Дѣло Канц. Губ. 1811 г.
[5]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. Ч. 29 (1838 г.), стр. 335.
[6]) Арх. Гор. Думы, Подл. приг. 1808 г.
[7]) Тамъ же. Вход. 1809 г.

города о нищихъ ограничивались, впрочемъ, тѣмъ, что городъ нанималъ для богадѣльни помѣщеніе и давалъ для нея дрова. Богадѣльня, такимъ образомъ, стояла не выше, а, можетъ быть, даже и ниже прежнихъ приходскихъ шпиталей. Помѣщалась она въ домѣ коллежскаго регистратора Покозіева въ Залопанской части. Въ 1827 г. городу пришло на помощь частное пожертвованіе. Нѣкій губернскій секретарь Иванъ Токаренко (или Токаревъ) пожертвовалъ городу незастроенную усадьбу по Зміевской улицѣ съ тѣмъ, чтобы здѣсь была устроена богадѣльня. Городъ исполнилъ его волю. Къ пожертвованной Токаренкомъ усадьбѣ онъ прикупилъ еще у того же Токаренка смежное пустопорожнее мѣсто и помѣстилъ въ богадѣльню 11 нищихъ. Въ концѣ 1827 г. въ Токаренковской богадѣльнѣ призрѣвалось 9 человѣкъ неимущихъ и престарѣлыхъ [1]). Въ 1828 г. эта скромная богадѣльня едва не была закрыта. Губернаторъ Грибовскій нашелъ, что нищіе должны призрѣваться не городомъ, а приказомъ общественнаго призрѣнія, а потому предложилъ думѣ уплатить въ приказъ стоимость пожертвованнаго Токаренкомъ дома и передать въ богадѣльню приказа призрѣваемыхъ въ этомъ домѣ нищихъ, а самую богадѣльню отдать подъ помѣщеніе второй полицейской съѣзжей. Съ представленіемъ объ этомъ Грибовскій вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Грибовскій вскорѣ былъ смѣщенъ, а министерство почему-то не дало никакого отвѣта на его представленіе. Токаренковская богадѣльня, такимъ образомъ, уцѣлѣла, хотя пользы нищимъ она приносила очень мало. Въ 1831 г. она пришла уже въ ветхость. Въ это время здѣсь жило только трое нищихъ, да при нихъ приставленный отъ думы сторожъ [2]). Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, богадѣльня дожила до 1845 г., когда была передана городомъ новоучрежденному благотворительному Обществу.

Такимъ образомъ и казенная, и городская благотворительность въ Харьковѣ далеко не пошли. Да иначе оно и быть не могло. Съ церковнымъ шпиталемъ стараго харьковца связывала забота о спасеніи души, единственный серьезный стимулъ, заставлявшій благотворить. Когда шпиталь исчезъ изъ прихода, забота о спасеніи могла выражаться только въ частичныхъ подачкахъ. Общественная благотворительность, пріуроченная не къ церкви, а къ городу, единицѣ хозяйственной и казенной, не вызывала въ душѣ горожанъ тѣхъ идей, какія вызывала она, когда сосредоточивалась возлѣ церкви. Идея городского управленія ассоціировалась въ умѣ горожанъ съ общегородскими хозяйственными дѣлами, съ платежами и недоимками, но никакъ не съ мыслью о спасеніи души. Вотъ почему и городскую благотворительность приходилось вводить и поддерживать принудительными мѣрами. У громаднаго большинства населенія города стимулъ къ благотворительности былъ только религіозный, а когда благотворительность порвала связь съ церковью, къ благотворительности пришлось уже принуждать.

Идея благотворительности не за мзду въ будущей и настоящей жизни, а ради удовлетворенія чувства, стремящагося вкусить „добра пріятство“ и сознающаго, что это „пріятство“—„такое есть души богатство, котораго самъ Крезъ не собиралъ“, могла возникнуть только въ болѣе культурныхъ классахъ общества, чѣмъ тѣ „люди средняго рода“, изъ которыхъ составлялось городское общество. Такимъ классомъ было слободско-украинское дворянство. Оно охотно откликалось на общественныя нужды и въ случаяхъ несчастій приходило со своею помощью. Въ 1809 г., напр., огромный пожаръ 7 мая оставилъ значительную часть жителей Харькова безъ крова и имущества. Дворянство устроило спектакль во временномъ театрѣ, давшій болѣе 800 руб. въ пользу погорѣльцевъ. Бывало такъ и въ другихъ случаяхъ. Дворянство и явилось иниціаторомъ и организаторомъ перваго въ Харьковѣ вольнаго, если можно такъ выразиться, благотворительнаго общества, не пріуроченнаго ни къ церкви, ни къ казенному учрежденію.

Пробужденное къ общественной самодѣятельности лучами свѣта, озарившаго „дней Александровыхъ прекрасное начало“, дворянство натолкнулось на идею общественной благотворительности, можно думать, подъ вліяніемъ гуманнаго манифеста 16 мая 1802 г., сопровождавшаго возникновеніе въ Петербургѣ Человѣколюбиваго Общества. Уже въ томъ же 1802 г. въ средѣ дворянства возникаетъ мысль объ устройствѣ больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей на 40 человѣкъ и о составленіи капитала на ихъ содержаніе и леченіе. Мысль эта въ то время не осуществилась—вниманіе дворянства поглотили заботы объ устройствѣ сперва кадетскаго корпуса, а потомъ университета—но и не заглохла. Въ 1811 г. она возродилась вновь, но въ иной формѣ: возникла мысль не о больницѣ, а о благотвори-

[1]) Арх. Город. Думы. Протоколы 1827 г.
[2]) Тамъ же. Журн. 1831 г. 30 іюля.

тельномъ обществѣ, преслѣдующемъ цѣль подачи нуждающимся помощи не только врачебной, но и всякой, какая окажется нужною. Обществу предположено было дать имя Харьковскаго Общества благотворенія.

„Предметъ Харьковскаго Общества благотворенія—гласило объявленіе его иниціаторовъ—достаточно опредѣляется его именемъ. Оно будетъ имѣть обязанностью, по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ, дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представляется или Обществомъ откроется человѣкъ, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства. И потому на вспоможеніе Общества благотворенія имѣютъ право: 1) лишившіеся имѣнія или претерпѣвшіе ущербъ въ ономъ отъ случаевъ несчастныхъ, 2) вдовы, имѣющія нужду въ призрѣніи и пропитаніи, 3) сироты, требующіе воспитанія, опредѣленія на службу или наученія какому-либо ремеслу, 4) несчастныя дѣвицы, безъ путеводителей и въ бѣдности остающіяся и черезъ то могущія подвергнуться обольщенію и разврату, 5) страждущіе продолжительными болѣзнями и имѣющіе нужду въ присмотрѣ, пропитаніи и леченіи—и, однимъ словомъ, всѣ несчастные, которые не отъ зазорнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи. Вспомоществованія такого рода преимущественно доставляются жителямъ Слободско-Украинской губерніи“.

Учредители новаго Общества поняли идею благотворенія широко и полно. Задача благотворенія сводилась ими не только къ содержанію богадѣльни для тѣхъ, кто не способенъ собственными силами добывать себѣ пропитаніе, но и къ содѣйствію нуждающемуся человѣку стать самому на ноги и сдѣлаться производительнымъ и полезнымъ членомъ общества, могущимъ жить вполнѣ самостоятельно, не нуждаясь въ общественныхъ подачкахъ. Съ сожалѣніемъ нужно сказать, что до такого широкаго пониманія задачъ благотворительности мы не дошли и до днесь. Второй отличительной и, можно сказать, неожиданной чертою въ дѣятельности общества былъ тотъ фактъ, что возникшее въ дворянской средѣ и составленное почти исключительно изъ дворянства, общество не ограничило свою дѣятельность предѣлами одного дворянскаго сословія: объектомъ его вниманія становился всякій, *какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ*, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства. Такой истинно просвѣщенный и глубоко человѣчный взглядъ долженъ быть засчитанъ въ крупную заслугу иниціаторамъ дѣла.

А иниціаторомъ явился гуманнѣйшій и лучшій изъ харьковцевъ по нравственнымъ качествамъ человѣкъ—знаменитый впослѣдствіи малорусскій писатель Г. Ѳ. Квитка. Скромно стушевываясь за величавой фигурой своего брата—губернскаго предводителя дворянства, Гр. Ѳ. былъ настоящей душой всего дѣла и главнымъ въ немъ работникомъ. Ни одинъ проектъ, ни одна бумажка не выходила изъ Общества не составленной и не переписанной собственноручно самимъ Квиткой.

Въ составъ Общества вошли почти всѣ выдающіеся представители харьковскаго дворянства. Здѣсь мы находимъ Шидловскихъ, Стремоуховыхъ, Розаліонъ-Сошальскихъ, Зарудныхъ, Квитокъ, Хорватовъ, Абаза, Лосевыхъ, гр. Девіеръ, гр. Гендрикову, Куликовскую, Бердяевыхъ, Подгоричани, Ковалевскаго, Харьковскаго уѣзднаго предводителя Познанскаго и многихъ другихъ. Въ члены Общества записались также профессора и крупные губернскіе чиновники. Здѣсь мы видимъ ректора Стойковича, профессоровъ Осиповскаго, Каменскаго, Книгина, Делявйнъ, Васильева, Павловича, Шумлянскаго, Нельдехена, губернскаго прокурора Любовникова, директора училищъ Шредера, совѣтниковъ Цербикова и Мокринецъ, губернскаго казначея Романова, предсѣдателя палаты фонъ-Минстера, предсѣдателя врачебной управы Грумбаха. Наряду со сливками мѣстнаго общества вошли и люди совсѣмъ неважные: книгопродавецъ Бѣлоусовъ, секретарь Сердюковъ, аптекарь Венцель, священникъ сл. Заводь (Изюмск. у.) Погорѣленковъ и даже войсковой обыватель Святка (изъ с. Барвенкова, Купянскаго уѣзда). Наряду съ мѣстными людьми оказались желающіе „почувствовать добра пріятство“ и изъ другихъ губерній: изъ Орловской, Воронежской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Таврической, Витебской, Московской, Костромской, Петербургской, Владимірской и даже Томской. „Сочувствующимъ высоко-гуманнымъ цѣлямъ Общества“ оказался и глава мѣстнаго правительства—просвѣщенный губернаторъ И. И. Бахтинъ. Послѣ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ существованія Общества въ немъ, по подсчету В. Лапина, былъ уже 201 членъ, въ томъ числѣ три „именитыхъ“—д. с. с. П. Г. Демидовъ, генералъ-провіантмейстеръ лейтенантъ М. С. Кондратьевъ, вносившій по 1000 руб. ежегодно и подполковникъ П. П. Веселицкій—по 300 руб.

Уставъ Общества былъ утвержденъ, и 28 апрѣля состоялось первое общее собраніе для выбора предсѣдателя и членовъ совѣта. Въ предсѣдатели былъ избранъ губерн. предводитель А. Ѳ. Квитка, въ дѣло-

производители Г. Ѳ. Квитка. Въ члены совѣта попали—ректоръ Стойковичъ, совѣстный судья Ковалевскій, Безруковъ, Познанскій, Шредеръ, Романовъ, Каменскій, Прожина, Книгинъ, Любовниковъ.

Члены Общества дѣлились на именитыхъ, дѣлавшихъ крупныя пожертвованія, какъ М. С. Кондратьевъ, постоянныхъ, взносившихъ въ кассу Общества по 25 рублей ежегодно, и дѣйствительныхъ членовъ, чьи единовременные взносы были таковы, что ежегодный процентъ съ нихъ равнялся 25 рублямъ, т. е. взносу постояннаго члена.

Во второй половинѣ 1812 г. въ составѣ общества числился 201 членъ, въ 1813 г.—215, въ 1814 г.—233, въ 1815 г.—261. Средства Общества составлялись, главнымъ образомъ, изъ членскихъ взносовъ, иногда очень значительныхъ. Такъ, въ 1818 г. отъ неизвѣстнаго изъ Сумского уѣзда было прислано 1000 р., отъ гр. С. М. Каменскаго—5000 р., отъ П. Г. Демидова—2000 р. кромѣ тѣхъ 2000 р., которые Демидовъ жертвовалъ ежегодно [1]). Обществомъ устраивались иногда спектакли и концерты. Такъ, въ 1816 г. былъ очень удачный для Общества концертъ при участіи ученика Гайдна—скрипача Витковскаго, віолончелиста Шумана, піанистки Каменской и оркестра студентовъ [2]).

Члены Общества собирались ежегодно въ августѣ для слушанія отчета и черезъ три года—для выборовъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя и совѣта. Предсѣдатель, совѣтъ и дѣлопроизводитель были постоянными органами Общества, вевшими всѣ его дѣла. На обязанности предсѣдателя, совѣта и дѣлопроизводителя лежало осуществленіе поставленныхъ Обществомъ задачъ. Совѣтъ собирался еженедѣльно.

Дѣятельность Общества не ограничивалась однимъ Харьковомъ или одною Харьковскою губерніей. Напротивъ, по первымъ же шагамъ дѣятельности Общества видно, что оно стремилось стать организаціей не только мѣстною, но и всероссійской. На помощь себѣ совѣтъ выбиралъ изъ почетныхъ дворянъ корреспондентовъ не только въ уѣздахъ Слободско-Украинской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ. У Общества были, напр., корреспонденты даже въ такихъ отдаленныхъ губерніяхъ, какъ Тамбовская (Шредеръ) и даже Тобольская (фонъ-Кремеръ, по отзыву г. Лапина, дѣятель ревностный и усердный). Корреспонденты должны были: 1) изыскивать для Общества средства и пріобрѣтать, по мѣрѣ возможности, новыхъ членовъ, 2) отыскивать дѣйствительно бѣдныхъ людей, нуждающихся въ помощи, и оказывать имъ пособіе изъ суммъ, которыя имѣются у нихъ подъ руками, или просить присылки денегъ отъ совѣта; находить сиротъ-дѣтей (преимущественно дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ) и просить совѣтъ объ опредѣленіи ихъ въ гимназію или институтъ или о выдачѣ уже учащимся временныхъ или постоянныхъ пособій для окончанія курса.

Въ чемъ выразилась дѣятельность Общества—это видно изъ протокола перваго же его засѣданія. Совѣтъ постановилъ употреблять часть имѣвшейся у него суммы, сохранившейся отъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, на уплату за обученіе въ губернской гимназіи и содержаніе въ гимназическомъ пансіонѣ восьми бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Часть суммы была предназначена на устройство заведенія для воспитанія и обученія восьми дѣтей женскаго пола и, наконецъ, третья часть на раздачу пенсій нуждающимся. Изъ перваго отчета о дѣятельности Общества, прочитаннаго въ собраніи 18 августа 1812 г., видно, что „питомцевъ Общества благотворенія“ содержалось въ гимназическомъ пансіонѣ не восемь, а пять, а заведеніе для воспитанія дѣвочекъ не было еще открыто, но зато для него предполагалась уже гораздо большая сумма, нѣмъ та, какую имѣлъ въ виду совѣтъ при первомъ своемъ засѣданіи: тогда на заведеніе предполагалось тратить только 2000 р., теперь—6000 р. Заведеніе, для котораго дано было по примѣру столичныхъ названіе института, предназначалось уже не для восьми, а для двадцати бѣдныхъ дѣвицъ изъ дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей. Уставъ для института былъ составленъ ректоромъ Стойковичемъ. 15 сентября 1812 года институтъ былъ наконецъ открытъ. Институтъ и явился любимымъ дѣтищемъ Общества благотворенія. На него главнымъ образомъ оно и тратило бывшія въ его распоряженіи средства. Общество поддерживало институтъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вошелъ въ число учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Общество усердно заботилось не только о воспитаніи своихъ питомицъ, но и о ихъ судьбѣ по окончаніи институтскаго курса. Достаточно прочесть такъ называемыя „Правила, на коихъ отпущаются воспитанницы Харьковскаго института

[1]) Украинск. Вѣсти. 1818 г. 7 кн., стр. 167.
[2]) Тамъ же. 1816 г. Ч. 2, стр. 108—115.

въ благородные домы", чтобы составить себѣ самое лестное понятіе о заботливости, проявленной Обществомъ къ своимъ воспитанницамъ. Общество старалось путемъ печати рекомендовать институтокъ вниманію кѣстнаго дворянства. Составители „Правилъ" убѣждаютъ помѣщиковъ брать институтокъ не только въ качествѣ учительницъ, но и въ качествѣ пріемныхъ дочерей, разъясняютъ, какое доброе дѣло принять въ семью на правахъ члена бѣдную, но благородную и хорошо воспитанную дѣвушку. По бѣдности средствъ Общества содержимый институтъ могъ давать воспитаніе только немногимъ, но въ отношеніи этихъ немногихъ видна самая нѣжная заботливость о ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Менѣе успѣшно вело Общество, сосредоточившее все свое вниманіе на институтѣ, дѣло воспитанія мальчиковъ-сиротъ.

Изъ отчетовъ Общества за 1812—1818 гг. видно, что за этотъ періодъ времени изъ воспитанниковъ Общества при гимназіи 16 было уже опредѣлено въ военную службу, при чемъ для семи изъ нихъ экипировка была сдѣлана на счетъ Общества. Одинъ изъ питомцевъ Общества успѣлъ уже попасть въ студенты, а пятеро учились еще въ гимназіи. Судя по возрастанію долга Общества гимназіи, можно думать, что содержаніе въ ней питомцевъ для Общества становилось съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе. Уже въ 1820 г. совѣтъ вовсе не находилъ средствъ для уплаты гимназіи за своихъ питомцевъ Цебриковыхъ и Богуславскаго. Въ концѣ концовъ дѣло окончилось тѣмъ, что содержаніе „питомцевъ", по распоряженію правительства, приняли на себя приказы общественнаго призрѣнія тѣхъ губерній, откуда были родомъ питомцы. Въ дѣятельности Общества въ этомъ направленіи пришлось поставить точку.

Дѣтей Общество воспитывало, а взрослыхъ поддерживало пособіями, постоянными или временными. Какъ и въ какомъ размѣрѣ это дѣлалось,—узнаемъ изъ отчетовъ Общества. Въ первый годъ своего существованія Общество выдавало пособія по пяти рублей въ мѣсяцъ тремъ приходящимъ ученикамъ гимназіи, одной вдовѣ было дано единовременное, а, затѣмъ, постоянное пособіе, а ея сынъ помѣщенъ въ гимназическій пансіонъ; двумъ вдовамъ выдано по 20 руб.; нѣкоему отставному улану выдается ежемѣсячное пособіе на излеченіе глазъ съ тѣмъ, чтобы онъ не просилъ милостыни; городской секретарь Буковскій помѣщается въ больницу, а его дочери выдается пособіе. Кромѣ того, оказывались и единовременныя пособія, иногда очень крупныя. Такъ, по просьбѣ тобольскаго корреспондента фонъ-Креммера, было выдано пособіе въ 200 руб двумъ княжнамъ Ратіевымъ, оставшимся въ безпомощномъ состояніи послѣ смерти ихъ отца, предсѣдателя Тобольской гражданской палаты. По подсчету г. Лапина, всѣхъ единовременныхъ пособій за время отъ 29 января по 18 августа 1812 года Обществомъ было выдано 410 р. да, кромѣ того, выдано уѣзднымъ корреспондентамъ для раздачи нуждающимся 300 р. Въ 1813 г. единовременныя пособія были оказаны 15 просителямъ, изъ нихъ четыре получили помощь отъ тобольскаго корреспондента фонъ-Креммера, остальные—отъ совѣта. Изъ лицъ, получавшихъ отъ Общества постоянныя пособія, кромѣ тѣхъ, которыя получали его въ 1812 г., отмѣтимъ въ Харьковѣ многосемейнаго капитана Мурлыгу, получавшаго за сорокалѣтнюю службу 43 руб. пенсіи въ годъ. Ему Общество назначило сжегодное пособіе въ 60 руб. Улану Ряснянскому Общество выдавало 30 руб. ежегоднаго пособія. Поручицѣ Прозоровичевой съ двумя дочерями по 90 руб. Кромѣ того, были пенсіонеры Общества и въ уѣздныхъ городахъ: въ Богодуховѣ, Ахтыркѣ, Сумахъ. Само собою понятно, что для дѣятельности Общества въ этомъ направленіи поприще открывалось широкое, но силы Общества не усиливались съ теченіемъ времени, а слабѣли отъ недостатка сочувствія и средствъ. Уже на четвертый годъ существованія Общества ему пришлось отказаться отъ содержанія постоянныхъ пенсіонеровъ и даже до времени прекратить выдачу единовременныхъ пособій: всего на пособія въ этомъ году было издержано 300 р., при чемъ на единовременныя пособія только 60 р. Въ послѣдующіе годы выдача пособій еще больше сократилась. Такъ, въ 1816 г. было выдано пенсій въ Харьковѣ на сумму только 120 р., а въ 1817 и въ 1818 гг. пенсіи уже совсѣмъ не выдавались. Единовременныхъ пособій въ 1816 г. было выдано 90 р., въ 1817 г.—26 р., а въ 1818—ничего. Благотворительная дѣятельность Общества, такимъ образомъ, мало-по-малу прекращалась. „Если и производились иногда, говоритъ г. Лапинъ, выдачи пособій по прошеніямъ, то это только по волѣ жертвователей, которые категорически заявляли Обществу объ этомъ свое желаніе". Зато благотворительная дѣятельность иногородныхъ корреспондентовъ Общества еще долго не прекращалась, и если производились еще вспомоществованія бѣднымъ людямъ, то преимущественно корреспондентами по другимъ губерніямъ. Изъ отчета о дѣятельности Общества съ 1812 по

1818 г., мы узнаемъ, что за этотъ періодъ времени Обществомъ было оказано пособія въ Харьковской губерніи 28 семействамъ, въ Черниговской—43, въ Тобольской—74, въ Тамбовской—2, въ Екатеринославской—1, въ Томскѣ—1 и въ Георгіевскѣ—1. Кромѣ того, въ Харьковѣ вылѣченъ на средства Общества одинъ паралитикъ. Благодаря поддержкѣ Общества возвращено зрѣніе рядовому, получившему контузію въ сраженіи. Наконецъ, на средства Общества снаряжены въ военную службу семь человѣкъ бѣдныхъ дворянъ.

Кромѣ раздачи пособій на руки, Общество брало на себя заботу и о призрѣніи нуждающихся въ особомъ убѣжищѣ. Обществомъ былъ устроенъ „пріемный покой для лицъ, подверженныхъ разнымъ несчастнымъ случаямъ", но свѣдѣній о немъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

Изъ другихъ человѣколюбивыхъ предпріятій Общества благотворенія слѣдуетъ упомянуть еще о неосуществившемся „домѣ для возвращенія жизни омертвѣвшимъ". Этотъ домъ Общество рѣшило учредить въ 1818 г. по предложенію предсѣдателя человѣколюбиваго Общества. Сдѣланы были добровольныя пожертвованія членами, объявлены подписки жителямъ города, высланы человѣколюбивому Обществу деньги на всѣ снаряды, требуемые для возвращенія жизни омертвѣвшимъ, а профессоръ Дрейсигъ взялъ на себя обязанности медика въ этомъ заведеніи. Но дальше этого дѣло не пошло. Предпріятіе такъ и осталось неосуществленнымъ [1]).

Забота о развитіи благотворительной дѣятельности побудила Общество заняться операціями и чисто финансоваго характера. У Общества былъ капиталъ, и вотъ для того, чтобы этотъ капиталъ не лежалъ праздно, а приносилъ доходъ, совѣтъ Общества въ первомъ же засѣданіи своемъ постановилъ раздавать этотъ капиталъ взаймы за проценты, преимущественно помѣщикамъ Слободско-Украинской губерніи подъ залогъ ихъ имѣній, за поручительствомъ двухъ состоятельныхъ помѣщиковъ той же губерніи, срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ. Проценты брались не малые: кромѣ 6% указныхъ, бралось еще 4% въ пользу благотворительныхъ учрежденій Общества, такъ что всего должникамъ приходилось уплачивать 10% на занятый капиталъ. Впослѣдствіи процентъ этотъ былъ повышенъ до 12. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что по тогдашнимъ временамъ, когда кредитъ былъ дорогъ, 12% не казались чрезмѣрными: и изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій ссуды выдавались въ то время изъ 10—12%. Не чрезмѣрными считало ихъ и дворянство, весьма часто и охотно обращавшееся къ Обществу съ просьбами о ссудѣ,—до того охотно, что у Общества не хватало средствъ на удовлетвореніе просителей. Въ 1815 г. совѣтъ Общества, „входя въ разсужденіе, что многіе изъ живущихъ въ г. Харьковѣ и временно бывающіе въ ономъ разнаго званія люди весьма часто, по встрѣчающимся обстоятельствамъ своимъ, имѣютъ нужду въ займѣ денегъ для своихъ оборотовъ на короткое время, но при всемъ желаніи не могутъ достать ихъ, черезъ что терпятъ убытки и разстройство въ своихъ дѣлахъ торговыхъ или другихъ подобныхъ", постановило выдѣлить изъ своего капитала 5000 р. для раздачи въ заемъ разнаго званія людямъ подъ залогъ вещей, не менѣе 10 и не болѣе 1000 р. въ однѣ руки, срокомъ отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ. Не считая достаточнымъ собственный капиталъ, Общество предлагало желающимъ вносить въ его кассу деньги для приращенія процентами или для храненія. Общество, такимъ образомъ, взяло на себя тѣ функціи, какія въ наши дни несутъ ломбарды и кассы ссудъ, и благодаря этому кредитъ сталъ доступенъ не только помѣщикамъ, могшимъ гарантировать его своими имѣніями, но и низшимъ слоямъ городского общества—купечеству и мѣщанству.

Несмотря на охоту, съ какою раздавались деньги изъ кассы Общества, ссудныя операціи производились имъ недолго. Послѣ 1815 г. онѣ почти прекратились. Неаккуратность должниковъ Общества и частыя позаимствованія изъ капитальной суммы на разные расходы по институту повели къ невозможности дальнѣйшихъ кредитныхъ операцій. Неаккуратными должниками оказались даже такіе люди, какъ Каразинъ, занявшій въ 1812 г. 2000 р. и уплатившій ихъ только въ 1817 г. Самъ предсѣдатель Общества А. Ѳ. Квитка свой долгъ, сдѣланный въ 1812 г., уплатилъ только въ 1816 г. Бедряга не платилъ ни долга, ни процентовъ и только въ 1818 году вмѣсто денегъ предложилъ Обществу три десятины лѣса. Бывали и такіе должники, съ которыхъ Обществу и совсѣмъ не пришлось ничего получить. Ссуды подъ залогъ вещей шли успѣшнѣе, но все же въ концѣ концовъ положеніе дѣла оказалось таково, что Общество съ 1816 г. принуждено было окончательно отказаться отъ финансовыхъ операцій [2]).

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859. № 76.

[2]) Лапинъ. Харьковское Общество Благотворенія.

Институтъ былъ любимымъ дѣтищемъ Общества благотворенія. Его оно всячески поддерживало, а когда институтъ былъ наконецъ переданъ въ вѣдѣніе учрежденій Императрицы Маріи и, такимъ образомъ, отдѣлился отъ Общества, Общество оказалось какъ-бы безъ дѣла. Энергія его членовъ, не ощущавшихъ уже такъ наглядно того значенія благотворительности, какое было у нихъ въ лицѣ питомицъ института, слабѣетъ. Еще года два, а можетъ быть и болѣе, видимъ въ мѣстныхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ письма благотворителей, но это просто увѣдомленія о нуждающихся въ пособіи или предложеніе пособія. Дѣятельность Общества постепенно замираетъ и, наконецъ, совсѣмъ прекращается какъ-то сама собою, незамѣтно [1]).

Прекращеніе созданнаго дворянами Общества благотворенія отнюдь не было отказомъ дворянства отъ участія въ благотворительной дѣятельности. Дворянство благотворило часто и много, но это была благотворительность не организованная, случайная. Обращалъ кто-нибудь изъ членовъ высшаго мѣстнаго общества вниманіе на бѣдственное положеніе тѣхъ или другихъ лицъ,—и въ пользу бѣдствующихъ устраивалась подписка, иногда давались спектакли, концерты, танцовальные вечера и т. п. Пожертвованія на бѣдныхъ дѣлались и во время дворянскихъ съѣздовъ на выборы. Подписывались много и усердно, по нѣсколько даже десятковъ рублей. И сумма изъ такихъ пожертвованій составлялась немалая. Въ 1824 г., напр., общая сумма дворянскихъ пожертвованій на благотворительность равнялась 20.257 р. [2]). Были благородные порывы, но постоянной организаціи не существовало.

Первый починъ въ дѣлѣ общественной благотворительности сдѣланъ былъ въ Харьковѣ дворянствомъ, изъ котораго вышли члены Общества благотворенія. За дворянствомъ послѣдовало, какъ наиболѣе послѣ него культурное сословіе,—духовенство. Въ ноябрѣ 1823 г. въ Харьковѣ было открыто попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. Попечительство было открыто епископомъ Павломъ, произнесшимъ при этомъ приличную случаю рѣчь и обратившимся къ своей паствѣ съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ. Въ члены попечительства были избраны протоіереи: З. Ковалевскій, А. Башинскій, Г. Маевскій и протодіаконъ Г. Александровъ. По подпискѣ было собрано 443 р. единовременныхъ взносовъ и 157 р. ежегодныхъ [3]). Новое учрежденіе было строго сословнымъ. При заботѣ о немъ со стороны епархіальнаго начальства, оно могло бы получить прочное существованіе, такъ какъ, въ силу условій служебнаго положенія духовенства, здѣсь больше всего было шансовъ на превращеніе добровольнаго сбора въ обязательный. Но, повидимому, поддерживать усердіе духовенства начальническими мѣрами харьковскіе преосвященные не находили нужнымъ. Въ результатѣ—естественная смерть учрежденія, какъ только миновалъ первый порывъ, вызвавшій его къ жизни.

Гораздо успѣшнѣе повели свою благотворительную дѣятельность жившіе въ Харьковѣ нѣмцы. Начало этой дѣятельности также относится къ двадцатымъ годамъ. Въ 1823 г. харьковскіе нѣмцы, соединившіеся около этого времени въ лютеранскую церковную общину, основали комитетъ для оказанія помощи нуждающимся членамъ общины, а также бѣднымъ нѣмцамъ, попавшимъ въ Харьковъ проѣздомъ. Благоразумно, безъ порывовъ и охлажденій, повелъ комитетъ свое дѣло, оказалъ много услугъ компатріотамъ и просуществовалъ до 1884 г., когда былъ замѣненъ германскимъ благотворительнымъ Обществомъ [4]).

Въ тридцатыхъ годахъ Харьковское общество испытало два сильныхъ толчка, заставившихъ его на опытѣ удостовѣриться въ настоятельной необходимости общественной благотворительности. Такими толчками были холера 1830 г. и голодъ 1833 г. На сей разъ „подвиги“ благотворительности привлекли къ себѣ не одни высшіе классы, но и людей „средняго рода“. До сихъ поръ участіе послѣднихъ въ общественной благотворительности было не добровольнымъ. Обыкновенно бывало такъ, что въ случаѣ общественныхъ бѣдствій въ Харьковѣ или внѣ его губернаторъ обращался въ думу съ предложеніемъ оказать нуждающимся помощь, а дума съ своей стороны предлагала купцамъ пожертвовать по силѣ возможности. Теперь купечество, по крайней мѣрѣ видные его представители, начинаютъ благотворить уже propriо motu. Правда, не малую роль въ данномъ случаѣ играло тщеславіе—стремленіе поразить согражданъ своею щедростью и заслужить вмѣстѣ съ тѣмъ какой-нибудь знакъ вниманія и поощренія со стороны начальства:

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдомости. 1859. № 76.

[2]) Харьк. Журн. 1824. № 9.

[3]) Украинск. Журналъ. 1823 г. № 2, стр. 99—101.

[4]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ Э. И. Мельгозе.

о „подвигахъ“ благотворителей доводилось до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, и благотворители не оставались безъ награды. Какъ бы то ни было, уже въ холеру 1830 г. харьковское купечество приняло очень замѣтное участіе въ „подвигахъ“ благотворительности. Видные представители купечества берутъ на себя содержаніе учрежденныхъ городомъ холерныхъ больницъ.

Первый починъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ богатымъ купеческимъ сыномъ Михаиломъ Мишуковымъ, заявившимъ желаніе принять на свои средства содержаніе холерной больницы за Лопанью. Мишуковъ предложилъ снабдить больницу на свой счетъ всѣмъ необходимымъ кромѣ медикаментовъ, давать посуду, мебель, отопленіе, освѣщеніе и прислугу, пожелавъ вмѣстѣ съ тѣмъ взять на себя и обязанности помощника смотрителя больницы. Содержаніе больницы обошлось Мишукову въ 3537 р. 24 к. Другой купецъ, Дмитрій Ковалевъ, предложилъ покрыть изъ своихъ средствъ всѣ издержки, сдѣланныя городомъ на больницу отъ времени ея основанія до 15 октября, когда больница была передана на иждивеніе Мишукова (2867 р. 95 к.). Купецъ 3-й гильдіи Самцовъ, сдѣлавшій пожертвованіе на холерную больницу 2-й части, собралъ отъ разныхъ лицъ еще 1000 р. на ея содержаніе. Благодаря его попеченіямъ больница не нуждалась ни въ чемъ необходимомъ. Купеческій 1-й гильдіи сынъ Петръ Щелковъ пожелалъ, по примѣру Мишукова, содержать на свой счетъ холерную больницу, помѣщавшуюся въ домѣ помѣщика Куликовскаго, съ тѣмъ, чтобы вся экономическая часть больницы находилась въ его завѣдываніи. Это стоило ему 2449 р. Мишуковъ и Щелковъ, во вниманіе къ ихъ „благотворительному подвигу“, были сдѣланы попечителями содержимыхъ ими больницъ. Когда объ этомъ было объявлено купеческому обществу, сынъ коммерціи совѣтника П. К. Кузинъ взялъ на себя всѣ издержки по содержанію холерной больницы въ 3-й части съ 15 октября до ея закрытія, а городской голова Мотузковъ и купцы 3-й гильдіи Павелъ Верховскій и Андрей Климовъ покрыли всѣ издержки (3205 р.) по содержанію больницы до передачи ея на иждивеніе Кузина. Кузинъ тоже получилъ званіе попечителя содержимой имъ больницы. Изъ другихъ жертвователей отмѣтимъ Карпова и Безходарнаго, давшихъ 1100 руб. на нужды больницы 2-й части [1]). Въ 1831 г. купецъ 3-й гильдіи Климовъ взялъ на себя все содержаніе холерной больницы и за это былъ сдѣланъ ея попечителемъ [2]).

Къ купцамъ присоединились и аптекари Фидлеръ и Нельдехенъ, отказавшіеся отъ уплаты части слѣдуемаго имъ вознагражденія за медикаменты для холерныхъ больницъ. Само собою понятно, что и дворянство не осталось равнодушнымъ къ бѣдствіямъ холернаго года. Благодаря холерѣ потребовалась помощь не только больнымъ, но и здоровымъ, лишеннымъ по случаю холеры возможности заработка. Помѣщикъ Харьковскаго уѣзда, полковникъ Веселовскій пожертвовалъ въ пользу бѣднѣйшихъ жителей Харькова 60 четвертей ржаной муки и 10 четвертей пшена; помѣщикъ Степановъ 10 четвертей ржаной муки и 50 четвертей пшена и проч.

Не прошло и полныхъ трехъ лѣтъ отъ холеры 1830 г., какъ потребность въ благотворительности вновь чрезвычайно сильно сказалась благодаря неурожаю 1833 г. и послѣдовавшей за нимъ страшной дороговизнѣ. Нуждающихся было много. Въ Харьковъ потянулся голодный людъ изъ уѣздовъ, въ чаяніи найти здѣсь заработокъ и помощь. Удовлетворить голодающихъ частными подачками было уже нельзя. Правда, нуждающіеся находили поддержку въ правительственной продовольственной комиссіи, но помощью комиссіи могли пользоваться далеко не всѣ. Въ началѣ 1834 г., по иниціативѣ губернатора князя Трубецкого, въ Харьковѣ было открыто частное благотворительное учрежденіе, такъ называемый комитетъ для помощи бѣднымъ отставнымъ оберъ-офицерамъ, вдовамъ ихъ и сиротамъ. Предсѣдателемъ комитета былъ тайный совѣтникъ Бухаринъ, а членами—губернскій предводитель дворянства д. с. с. Квитка, гвардіи полковникъ Щербининъ, полковникъ Хрущевъ, полковникъ Бахметевъ, гвардіи ротмистръ графъ Гендриковъ и коммерціи совѣтники Кузинъ и Ѳ. Кожевниковъ. Въ апрѣлѣ Бухаринъ уѣхалъ на „теплыя воды“, и предсѣдателемъ комитета сталъ Квитка. Дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ былъ коллежскій ассесоръ Прожанскій. Задача для комитета предстояла узкая: имѣлась въ виду помощь даже не сословію, а только части его. Но въ Харьковѣ еще не успѣли заглохнуть традиціи, оставшіяся ему въ наслѣдство послѣ Общества благотворенія, въ дѣлахъ христіанской любви не признававшаго сословныхъ рамокъ. Къ тому же среди членовъ комитета находились лица, нѣкогда выступавшія въ качествѣ

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1830 г.

[2]) Тамъ же. Журн. 1831 г.

главныхъ дѣятелей Общества благотворенія: одинъ изъ главныхъ членовъ комитета былъ А. Ѳ. Квитка, иниціаторъ и безсмѣнный предсѣдатель Общества благотворенія за все время его существованія. Неудивительно поэтому, что среди членовъ комитета, сейчасъ же по его учрежденіи, начались рѣчи о необходимости безсословной благотворительности. Уже въ первомъ своемъ засѣданіи комитетъ пришелъ къ заключенію, что „если бы онъ не былъ ограниченъ вспомоществованіемъ однимъ оберъ-офицерскимъ семействамъ, а получилъ кругъ дѣйствій болѣе обширный съ обязанностью пещись о всѣхъ вообще бѣдныхъ, то сіе было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ соединить всѣ гражданскія сословія къ единодушному пожертвованію и соревнованію въ дѣлѣ столь благотворительномъ“. Комитетъ просилъ, чтобы сумма, уже собранная и имѣющая поступить впредь отъ сословія купеческаго, распредѣлялась между всѣми бѣдными безъ различія сословій. Временный военный губернаторъ Никитинъ, которому была представлена просьба комитета, согласился на это, но требовалъ, чтобы всѣ поступающія въ комитетъ пожертвованія передавались въ губернскую продовольственную комиссію, такъ какъ въ ней сосредоточены всѣ необходимыя свѣдѣнія о нуждающихся. Комитету предоставлена болѣе чѣмъ скромная роль собирателя подаяній, распоряжаться которыми онъ не имѣлъ права. Комитетъ отвѣтилъ генералъ-губернатору, что его члены „добровольно приняли на себя обязанность изыскивать средства къ пособіямъ, лаская себя, что имъ представится и удовольствіе оказывать пособія, но при узнаніи, что всѣ поступающія въ комитетъ пожертвованія передаваемы будутъ въ комиссію народнаго продовольствія, комитетъ, судя по отзывамъ гг. членовъ отъ купечества, можетъ лишиться главныхъ пособій со стороны сего сословія и тогда будетъ поставленъ въ совершенную невозможность оказывать благотворенія“. Никитинъ отвѣтилъ, что такъ ужъ донесено Государю и измѣнить это безъ Высочайшей воли нельзя. Комитетъ продолжалъ, однако, добиваться желаемаго. Черезъ графа Гендрикова онъ довелъ до свѣдѣнія Никитина, что требованіе о передачѣ собранныхъ суммъ въ продовольственную комиссію лишило комитетъ весьма важнаго пособія со стороны членовъ Кузина и Кожевникова, которые брали на себя обязанность, въ случаѣ недостатка у комитета средствъ, продовольствовать на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ безъ исключенія въ продолженіе 6 мѣсяцевъ до новаго урожая. Комитетъ просилъ разрѣшить ему дѣйствовать согласно правиламъ бывшаго въ Харьковѣ Общества благотворенія или по какимъ инымъ. Никитинъ остался при прежнемъ мнѣніи и просилъ его больше не безпокоить. Несмотря на это, Кузинъ и Кожевниковъ вновь подали въ комитетъ свои отзывы о неудобствѣ предложенныхъ начальствомъ правилъ. Въ концѣ концовъ комитету пришлось смириться и приняться за благотворительность въ предѣлахъ, ему дозволенныхъ. Кожевниковъ и Кузинъ, повидимому, совсѣмъ забыли о своемъ протестѣ, получивъ за свои пожертвованія благодарность отъ Никитина. Главныя пожертвованія поступили въ комитетъ отъ его членовъ, давшихъ 2567 р. 50 к. Кожевниковъ изъявилъ было желаніе пожертвовать комитету сумму, равную пожертвованіямъ всѣхъ остальныхъ членовъ, но обидѣлся, что Кузинъ былъ поставленъ Никитинымъ выше его, Кожевникова, и просилъ увольненія изъ состава комитета. Тогда Трубецкой далъ „Ѳедору Ивановичу“ званіе почетнаго члена комитета, и „Ѳедоръ Ивановичъ“ остался. Взносъ его въ комитетъ выразился суммой въ 1200 р. Изъ другихъ крупныхъ жертвователей упомянемъ кн. Голицына, пожертвовавшаго комитету 1000 р., и полковника Веселовскаго, пожертвованіе котораго выразилось въ 500 р. деньгами и въ 100 четвертяхъ ржаной муки.

Наряду съ полуоффиціальнымъ комитетомъ для помощи оберъ-офицерскимъ семьямъ, существовали въ Харьковѣ и частные, повидимому, даже не разрѣшенные начальствомъ кружки для помощи нуждающимся. Было, напр., благотворительное общество, составленное нѣкоторыми гражданами, преимущественно купеческаго сословія, и помогавшее нуждающимся мѣщанамъ и цеховымъ. Общество это содержало на свой счетъ 487 чел. до новаго урожая. Въ купеческой средѣ „благотворительный подвигъ“ совершали: Кузинъ, Кожевниковъ, Мишуковъ, Безходарный, Климовъ, Щелковъ, Верховскій, Мотузковъ, Базилевскій, Скрынникъ, Д. Ковалевъ, Панченко и П. Рыжовъ, которые предположили на собственныя деньги „искупить хлѣба на сумму до 100 тыс. рублей съ обращеніемъ онаго въ продажу бѣднымъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ въ покупкѣ обошелся“. Проектъ этотъ, предложенный купеческому обществу, былъ встрѣченъ сочувственно, но такъ какъ у иниціаторовъ не хватало наличныхъ денегъ, то они обратились въ думу съ просьбой занять имъ 38982 р. 55 к. подъ залогъ билета Московской сохранной казны на ту же сумму. Дума согласилась на это, но не имѣя права разрѣшить заемъ безъ дозволенія начальства, обратилась

за позволеніемъ къ губернатору. Какая участь постигла это ходатайство,—изъ дѣлъ думы не видно. Извѣстно также и другое постановленіе купеческаго общества,—постановленіе объ учрежденіи въ Харьковѣ богадѣльни для „бѣдствующихъ, безродныхъ и безпріютныхъ мѣщанъ и цеховыхъ г. Харькова, кои по слабости здоровья не въ состояніи испрашивать пособіе". Харьковскимъ купечествомъ съ участіемъ иногородныхъ ярмарковыхъ собрано было 3551 р. Изъ этой суммы и имѣющихъ впредь поступить пожертвованій было предположено оказывать помощь бѣдствующимъ семействамъ, выдавая ежемѣсячно на каждую душу 30 ф. муки и по гарнцу крупъ [1]).

Не отстали отъ другихъ и члены Харьковской евангелической общины. Профессора Блюменталь и Экеблатъ, учитель гимназіи Редеръ и др. пожертвовали 2000 р. на покупку хлѣба для бѣдныхъ, за что удостоились Высочайшей благодарности [2]).

„Благотворительные подвиги" купцовъ окончились съ окончаніемъ голода. Это былъ только временный подъемъ, не давшій въ концѣ концовъ никакой прочной организаціи въ области общественной благотворительности. Даже богадѣльня, которую постановило открыть купеческое Общество, не была открыта, или, можетъ быть, закрылась, какъ только окончился голодъ. Такъ можно судить потому, что въ концѣ 30-хъ годовъ никакой богадѣльни у города не было. Въ 1838 г. генералъ-губернаторъ Строгановъ словесно приказалъ думѣ учредить богадѣльню для призрѣнія бѣдныхъ и неимущихъ, на устройство и содержаніе которой купечество обложило себя особымъ сборомъ (съ купцовъ первой гильдіи по 25 р., второй—15, а съ 3-й по 5 р. [3]). Дума вошла было въ сношеніе съ приказомъ общественнаго призрѣнія по вопросу о размѣрахъ богадѣльни и числѣ призрѣваемыхъ и пр., но ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ не пришла. Богадѣльня не была открыта, а когда въ Харьковѣ въ сороковыхъ годахъ было учреждено Благотворительное Общество, ему былъ переданъ капиталъ, собранный купечествомъ на богадѣльню.

Не вылились въ форму постоянной, правильно организованной помощи и благотворительные подвиги мѣстнаго beau monde'а. А между тѣмъ beau monde помогалъ много и часто. Въ особенную моду въ то время вошли благотворительные вечера. Иниціатива принадлежала дамамъ высшаго мѣстнаго общества, руководимымъ губернаторшею Эмиліей Петровной Трубецкой. Въ 1837 г. „по желанію Харьковскаго общества благородныхъ дамъ, имѣвшихъ намѣреніе соединить съ удовольствіемъ публики и благотвореніе ближнимъ, даны были въ дворянскомъ залѣ въ пользу бѣдныхъ спектакль и маскарадъ". Успѣхъ спектакля и маскарада побудилъ дамъ продолжать дѣло. 17 января 1838 г. любителями музыки и пѣнія устроенъ былъ музыкально-вокальный концертъ, а послѣ него лотерея, съ розыгрышемъ разныхъ вещей и дамскихъ рукодѣлій. Отъ спектакля и маскарада, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, выручено было 5665 р. 60 к., а отъ концерта и лотереи—2485 р. Для распредѣленія этихъ денегъ между нуждающимися обществомъ дамъ были выбраны непременные члены: Эмилія Петровна Трубецкая (губернаторша), М. Б. Крылова (вице-губернаторша), С. И. Бахметьева, графиня П. А. Гендрикова, Е. А. Звѣрева и Е. И. Кузина. Собранная сумма распредѣлена между 85 семействами. Раздача производилась не грошами, а довольно крупными по тому времени суммами, способными дѣйствительно поддержать нуждающихся. Такъ, тремъ семействамъ было выдано по 300 р., одному назначено было годовое пособіе въ 270 р., выдававшееся помѣсячно, два семейства получили по 250 р., одиннадцать по 150 р., восемнадцать по 100 и т. д. Были, впрочемъ, и два такихъ, что получили по 10 р. [4]).

Въ сороковыхъ годахъ въ Харьковѣ появляются благотворительныя учрежденія, обязанныя своимъ возникновеніемъ уже не частной, а правительственной иниціативѣ. Благотворительность возникаетъ не proprio motu, а во исполненіе предначертаній сверху. Во главѣ благотворительныхъ учрежденій становится губернское начальство, къ дѣлу привлекаются видные представители мѣстнаго чиновнаго и дворянскаго общества и богатое купечество. Участіе въ дѣлѣ вознаграждается не однимъ платоническимъ сознаніемъ приносимой пользы, но и болѣе реальными способами: почетными званіями, медалями, орденами, правомъ ношенія шитаго золотомъ мундира, возможностью сидѣть за однимъ столомъ съ высшими представителями мѣстной власти предержащей и т. п.

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1834 г. № 4628.
[2]) Арх. Гор. Думы. Протоколы 1834 г. № 4628, и стр. 48, 49, 55.
[3]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1839 г.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 9.

Первымъ такимъ учрежденіемъ былъ дѣтскій пріютъ, возникшій въ Харьковѣ въ 1842 г. Возникъ онъ потому, что въ концѣ 1839 г. издано было Высочайше утвержденное общее положеніе о дѣтскихъ пріютахъ. Заведеніе пріютовъ предполагалось не только въ губернскихъ городахъ, но и въ уѣздныхъ. Цѣль пріютовъ, по положенію 1839 г., состояла въ призрѣніи и первоначальномъ образованіи тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя „во время работъ ихъ родственниковъ остаются безъ всякаго призора и попеченія и по сей причинѣ сдѣлаютъ привычку къ дурнымъ наклонностямъ, часто вовлекающимъ въ нищенство и развратъ, подвергаются несчастнымъ послѣдствіямъ“. Въ пріютъ принимались бѣдныя дѣти не только свободныхъ сословій, но и дворовыхъ людей, христіанскихъ вѣроисповѣданій, отъ 3 до 10 лѣтъ. Подобно тому, какъ это дѣлается теперь въ ясляхъ, дѣти принимались въ пріютъ утромъ и забирались оттуда вечеромъ, кромѣ воскресныхъ дней и праздниковъ, когда пріютъ былъ закрытъ. Въ пріютѣ дѣти получали обѣдъ и полдникъ. Ихъ одѣвали въ пріютское платье, учили молитвамъ, чтенію, письму, счету. Рекомендовалось хоровое пѣніе, гимнастика и рукодѣльныя работы. Дѣти находились подъ постояннымъ надзоромъ смотрительницы, для которой составителями Положенія 1839 года былъ выработанъ особый наказъ, дѣлающій честь ихъ гуманности и просвѣщеннымъ взглядамъ. Пріютъ поставленъ былъ подъ начальство попечительницы, выбиравшей себѣ помощниковъ—директора, преимущественно изъ врачей, и почетнаго старшину изъ купечества, при чемъ званіе почетнаго старшины избавляло его носителя отъ выборовъ въ городскія должности. Въ почетные старшины могли попадать только лица, сдѣлавшія крупныя пожертвованія въ пользу пріюта. На старшинѣ, главнымъ образомъ, и лежала забота о матеріальномъ обезпеченіи пріюта. Пріюты въ губерніи состояли подъ смотрѣніемъ губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, въ составъ котораго входили почетные и дѣйствительные члены: епархіальный преосвященный и „особы, значительными пожертвованіями или трудами своими содѣйствующія устройству и улучшенію дѣтскихъ пріютовъ въ губерніи“, были почетными членами, а губернаторъ, губернскій предводитель, вице-губернаторъ, предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ, городской голова, попечительницы и директоры пріютовъ—дѣйствительными. Въ Петербургѣ во главѣ дѣла сталъ такъ называемый комитетъ главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, состоявшій въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи [1]). Губернскому начальству послѣ опубликованія Положенія оставалось, конечно, позаботиться о томъ, чтобы пріютъ былъ открытъ и въ Харьковѣ. Начался сборъ пожертвованій. Самымъ крупнымъ жертвователемъ для будущаго Харьковскаго пріюта явился графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, давшій 2857 руб. 14²/₇ коп. сер., затѣмъ губернскій предводитель князь Голицынъ (285 р. 71³/₇ к. сер.) и генеральша Корсакова (142 р. 85³/₇ к.). Изъ списка жертвователей видно, что на пріютъ давали исключительно дворяне и мѣстные чиновники (полковникъ Коналевскій, камеръ-юнкеръ Д. Кондратьевъ, с. с. Иваненко, поручикъ В. И. Фесенко, полковникъ Розаліонъ-Сошальскій, Колокольцевъ, Мартосъ, Костырь, Осиповъ. Бутурлинъ, Савичъ и др.). Изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ дворянству, мы видимъ въ спискѣ только Кузина да учителя пѣнія Мори, полагать нужно, также не дворянина. Для пополненія средствъ 20 января 1842 г. въ Харьковѣ былъ устроенъ маскарадъ, сборъ съ котораго за вычетомъ расходовъ далъ 305 р. 71 к. Пожертвованія и сборъ съ маскарада дали возможность приступить къ открытію пріюта [2]).

Открытіе состоялось 1 іюля 1842 г Первой попечительницей пріюта была жена губернскаго предводителя дворянства княгиня С. А. Голицына. Началъ пріютъ съ 30 воспитанниками обоего пола, но въ слѣдующемъ 1843 году содержалъ уже на свои средства 32 мальчика и 36 дѣвочекъ. Расширить дѣятельность пріюта помогъ притокъ пожертвованій: одно дворянство, въ память посѣщенія Харькова Императоромъ Николаемъ (14 и 15 сентября 1842 г.) пожертвовало 3000 р. ассигн., а кромѣ него были и другіе жертвователи. Пріютъ помѣщался сперва въ нанятомъ домѣ, но уже въ 1847 г. возникла мысль о постройкѣ собственнаго дома. Городское общество рѣшило пожертвовать для пріюта дворовое мѣсто, но въ виду отсутствія въ законѣ указаній на право города безвозмездно уступать кому-либо городскую землю, приговоръ этотъ не былъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ. Поэтому, земля, на которой и теперь помѣщается пріютъ, была пріобрѣтена за деньги: соблюдая законъ, запрещающій даровую уступку, городъ продалъ 592 саж. за 20 р. 72 к. сер. 7 октября 1851 г. состоялось уже освященіе новопостроеннаго зданія, въ которое и перешелъ пріютъ. При пріютѣ была церковь, въ которой вся внутренняя отдѣлка была

[1]) 2 Полное Собр. законовъ. Т. XIV, отд. 1, № 13031.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1842 г. Прибавл. № 19.

устроена на счетъ почетнаго старшины Сергѣя Костюрина. Съ переходомъ въ новое зданіе явилась возможность увеличить число питомцевъ пріюта и даже открыть такъ называемое ночлежное отдѣленіе для 20 дѣвочекъ. Въ ночлежное отдѣленіе принимались дѣвочки уже не приходящими, а постоянными пансіонерками, содержимыми на средства членовъ попечительства. Принимались въ это отдѣленіе дѣвочки въ возрастѣ семи лѣтъ, преимущественно круглыя сироты или дочери бѣдныхъ людей, воспитывались здѣсь до 12-тилѣтняго возраста, а затѣмъ возвращались родителямъ или помѣщались въ мастерскія. Впослѣдствіи пансіонерки пріюта стали переводиться для продолженія образованія въ школу благотворительнаго Общества. Съ устройствомъ ночлежнаго отдѣленія пріютъ нѣсколько уклонился отъ своей первоначальной цѣли: изъ „яслей“ онъ сталъ превращаться въ закрытое учебно-воспитательное заведеніе. Тѣмъ не менѣе и первоначальная цѣль не забывалась: къ 25-тилѣтнему юбилею своего существованія пріютъ имѣлъ уже возможность давать въ своихъ стѣнахъ мѣсто для 80 приходящихъ дѣтей. Съ устройствомъ ночлежнаго отдѣленія для дѣвочекъ число приходящихъ въ пріютъ мальчиковъ постепенно уменьшалось, а въ 1870 г. пріемъ ихъ и совсѣмъ былъ прекращенъ.

Пріютъ существовалъ, какъ и до сихъ поръ существуетъ, главнымъ образомъ, на членскіе взносы почетныхъ членовъ попечительства, директоровъ и старшинъ пріюта и на пожертвованія частныхъ лицъ. Послѣднія иногда очень значительны. Въ 1874 г. купецъ Галицкій пожертвовалъ 6000 р., въ 1876 г. купецъ Надеждинъ—1000 р., въ 1892 г. кол. асс. Егорьевъ—2000 р. и т. п. Кромѣ того, постепенно пріютъ обзавелся и нѣкоторыми постоянными источниками дохода: отъ городского самоуправленія онъ получаетъ сумму до 1000 р., отчисляемую при объявленіи купеческихъ капиталовъ. Съ 1869 г. въ пользу пріюта отчисляется ежегодно 500 р. изъ прибылей городского банка; въ его же пользу идетъ треть арендной платы съ лавокъ, завѣщанныхъ городу колл. сов. Борисовымъ. Съ 1888 г. попечительство дѣтскихъ пріютовъ взяло на себя посредничество по продажѣ игральныхъ картъ, изъ чего тоже извлекаетъ нѣкоторый доходъ, идущій на нужды пріюта [1]).

Годъ спустя послѣ открытія дѣтскаго пріюта въ Харьковѣ возникло новое благотворительное учрежденіе—Харьковское Благотворительное Общество. Обязано оно своимъ возникновеніемъ опять-таки не столько общественной, сколько начальственной иниціативѣ. Иниціаторомъ его былъ Харьковскій губернаторъ С. Н. Мухановъ, а поводами, натолкнувшими его на мысль о необходимости такого учрежденія, были голодовки тридцатыхъ годовъ, нагонявшіе въ Харьковъ массу людей, нуждающихся въ общественной благотворительности. Общественная благотворительность, какъ мы видѣли, въ то время уже проявлялась въ Харьковѣ, необходимость ея была сознана, навыкъ къ ней сдѣланъ. Оставалось только временную благотворительность превратить въ постоянную, создать постоянно дѣйствующее благотворительное учрежденіе. Образцы такихъ учрежденій были уже даны Петербургомъ, Москвою и нѣкоторыми другими губернскими городами. Оставалось, значитъ, только подражать.

Мысль объ образованіи благотворительнаго общества въ Харьковѣ встрѣтила горячее сочувствіе со стороны тогдашняго Харьковскаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова и его супруги, Люціи Осиповны, отличавшейся, по отзывамъ современниковъ, отзывчивостью на всякое доброе дѣло. Былъ намѣченъ въ общихъ чертахъ планъ дѣятельности будущаго общества, и въ началѣ 1841 г. губернаторъ уже обратился къ представителямъ харьковскаго дворянства и купечества съ предложеніемъ принять участіе въ учрежденіи общества.

Недостатка сочувствія въ Харьковѣ не оказалось; къ тому же проектъ Муханова встрѣтилъ поддержку и въ высшихъ сферахъ. Общество было принято подъ попечительство Великой Княгини Маріи Александровны, его уставъ утвержденъ 27 сентября 1843 г. Уставъ знакомитъ насъ очень подробно съ задачами Общества и его организаціей. Общество ставило своею цѣлью оказывать вспоможеніе людямъ бѣднаго состоянія, которые по старости или сиротству и безпріютному положенію имѣютъ нужду въ призрѣніи. По уставу Общество брало на себя попеченіе о малолѣтнихъ безпріютныхъ сиротахъ обоего пола, всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго: помѣщало ихъ въ особо устроенномъ для нихъ домѣ, воспитывало и давало первоначальное обученіе, послѣ чего дѣти поступали въ учебныя заведенія, на фабрики, заводы

[1]) Савицкій и Евстратовъ. Краткій очеркъ возникновенія и дѣятельности благотворительныхъ учрежденій Харьковской губерніи. Стр. 20—27. Также Харьк. Губ. Вѣд. 1851 г. № 41.

и въ ремесленныя мастерскія или на воспитаніе людямъ, извѣстнымъ своею благотворительностью. Общество брало на себя обязанность заботиться и о дальнѣйшей участи своихъ питомцевъ: оно помѣщало ихъ на службу или приписывало въ податныя званія, дѣвицъ пристраивало на должности и выдавало замужъ. Всѣмъ вообще питомцамъ своимъ Общество выдавало пособіе на первоначальное ихъ обзаведеніе при переходѣ въ самостоятельную жизнь. Общество брало на себя заботу и о дряхлыхъ и увѣчныхъ: оно помѣщало ихъ въ богоугодныя заведенія приказа общественнаго призрѣнія, а до открытія вакантныхъ мѣстъ въ отихъ заведеніяхъ выдавало имъ необходимое пособіе на пропитаніе. Людямъ здоровымъ и трудоспособнымъ Общество давало работу въ своемъ домѣ, или помѣщало ихъ для услугъ къ частнымъ лицамъ за условленную плату. Людей, знающихъ какое-либо ремесло, Общество снабжало нужнымъ обзаведеніемъ или пріискивало для нихъ должности въ соотвѣтствующихъ мастерскихъ. Людей, по какимъ-либо несчастнымъ случаямъ лишившихся пропитанія, Общество принимало подъ свое покровительство и назначало имъ денежное пособіе; брало на себя трудъ выхлопатывать отсрочку паспортовъ для тѣхъ, кому срокъ паспорта уже истекъ; выдавало пособія тѣмъ, кому не съ чѣмъ было возвратиться на родину. Общество имѣло по уставу право устроить свою лечебницу для приходящихъ бѣдныхъ, нуждающихся въ медицинской помощи. По рецептамъ избраннаго Обществомъ врача изъ аптекъ отпускались на счетъ Общества безплатно лекарства для бѣдныхъ больныхъ. Общество могло брать на себя и издержки при погребеніи бѣдныхъ, родственники которыхъ не въ состояніи исполнять этой обязанности. Обществу было предоставлено право учреждать разныя благотворительныя заведенія: школы, больницы, богадѣльни и пр. Могло оно учреждать свои отдѣленія и въ уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи. Вообще въ дѣлѣ призрѣнія задача Общества заключалась не столько въ выдачѣ денежныхъ пособій нуждающимся, сколько въ прочномъ устроеніи ихъ положенія. Общество было не простымъ союзомъ благотворителей-добровольцевъ, а учрежденіемъ въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальнымъ. Его члены, вступающіе въ Общество путемъ выбора, состоятъ какъ бы на государственной службѣ, утверждаются въ своихъ званіяхъ губернаторомъ и увольняются въ отпускъ не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Переписка Общества пересылается по почтѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и казенная корреспонденція. Оно имѣло право отсылать въ полицію „для надлежащаго распоряженія“ безпаспортныхъ людей, впавшихъ въ бѣдность вслѣдствіе лѣности или дурного поведенія.

Члены Общества дѣлились на почетныхъ, дѣйствительныхъ, благотворителей и сотрудниковъ. Почетные — вто тѣ, кто по званію своему или крупнымъ пожертвованіямъ могъ содѣйствовать цѣлямъ Общества. Генералъ-губернаторъ, губернаторъ, архіерей, губернскій предводитель и Харьковскій городской голова признавались непремѣнными почетными членами. Отъ дѣйствительнаго члена требовали не только взноса, но и непосредственнаго участія въ дѣлахъ Общества. Для учрежденія порядка въ призрѣніи бѣдныхъ дѣйствительные члены раздѣляютъ между собою городъ на участки и каждый изъ нихъ, собирая свѣдѣнія о бѣдныхъ, живущихъ въ подвѣдомственномъ ему участкѣ, представляетъ отдѣленію совѣта, въ которомъ присутствуетъ, о назначеніи имъ пособія соотвѣтственно ихъ нуждамъ. Члены-сотрудники помогали дѣйствительнымъ членамъ при ихъ занятіяхъ дѣлами Общества, а благотворителями считались тѣ, кто дѣлалъ ежегодно какія-либо пожертвованія въ пользу бѣдныхъ. Управленіе дѣлами Общества лежало на совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ отдѣленій—мужскаго и женскаго. Въ случаѣ разногласія между членами совѣта, спорные вопросы рѣшались генералъ-губернаторомъ. При совѣтѣ полагалась канцелярія съ правителемъ, секретаремъ и бухгалтеромъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ и писцами. Казначей избирался изъ харьковскихъ купцовъ, съ поручительствомъ за него всего купеческаго общества. Надзоръ надъ бѣдными, призрѣваемыми въ домѣ Общества, поручался особому смотрителю. Для покупокъ, построекъ и т. п. Общество могло имѣть своихъ повѣренныхъ изъ купечества и мѣщанства [1]).

Въ составъ Общества вошли наиболѣе видные представители мѣстнаго дворянства и купечества. Первымъ предсѣдателемъ совѣта Общества былъ губернаторъ Мухановъ, а предсѣдательницею второго отдѣленія—жена генералъ-губернатора, княгиня Л. О. Долгорукова. Почетными членами были: оберъ-камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ (попечитель учебнаго округа) и епископъ Иннокентій, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ находимъ жену губернатора

[1]) Втор. Полн. Собр. законовъ. Т. XVIII. отд. I, № 17184.

Муханова, богатую помѣщицу Веселовскую, баронессу Розенъ, Щербинину, Хрущову, Хорватъ, а изъ мужчинъ—князя Цертелева (помощникъ попечителя округа), Нахимова (богатый богодуховскій помѣщикъ, совѣстный судья), вице-губернатора Данзаса, Римскаго-Корсакова, полковника Кокушкина. Въ качествѣ сотрудниковъ въ дѣлахъ Общества приняли участіе г-жа Абаза, Алфераки, Данейковичъ, Климовъ, Якимовъ, Прожанскій, Кузинъ, Ольденборгеръ. Въ разрядъ благотворителей, пришедшихъ на помощь Обществу своими пожертвованіями, составители перваго отчета внесли болѣе 80 лицъ. Пожертвованія поступали не только деньгами, но и всякими припасами: аптекаря давали лекарства, купецъ Скрынниковъ—все нужное для больницы, купецъ Кучеренко—дрова, почетный гражданинъ Котляровъ—мебель для больницы. Жертвовались скатерти, салфетки, мука, капуста, печеный хлѣбъ, крупа и т. п. Привлекались къ пожертвованіямъ и пріѣзжавшіе въ Харьковъ на ярмарки купцы. Они жертвовали натурой—товарами: тикомъ, сукномъ, полотномъ, шелковыми платками, ситцемъ, холстинкой и т. п. Значительныя суммы поступали въ пользу Общества отъ устраиваемыхъ его руководителями спектаклей, маскарадовъ, лотерей, сбора съ картъ. Затѣмъ, по распоряженію губернскаго начальства собирались пожертвованія городскими головами и полиціей не только въ Харьковѣ, но и въ уѣздныхъ городахъ. Въ первомъ отчетѣ, опубликованномъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1 января 1844 г., кромѣ пожертвованій натурой, показано въ качествѣ „единовременныхъ приношеній“ 5716 р. 95 к., а въ качествѣ ежегодныхъ—1763 р. 66 к. Съ 1 января по 1 іюня 1844 года ежегодныхъ приношеній поступило 702 р. 91 к., а единовременныхъ 3537 р. 40½ к. с. Въ серединѣ 1844 г. число благотворителей было уже болѣе 200.

Въ первые мѣсяцы существованія Общество ограничивало свою дѣятельность помощью нуждающимся деньгами или пріисканіемъ подходящихъ работъ и безплатною врачебною помощью. Въ то же время Общество дѣятельно собирало средства для открытія постоянныхъ учрежденій. Къ половинѣ 1844 г. деньги были наконецъ собраны, и Общество могло начать дѣло по той программѣ, какая была намѣчена его уставомъ [1]).

На первыхъ порахъ учрежденія Благотворительнаго Общества помѣщались въ наемномъ домѣ, но скоро, въ 1846 г., Общество пріобрѣло для себя домъ и дворовое мѣсто отъ помѣщика Зарудnаго. При домѣ была устроена домовая церковь. Затѣмъ, Обществу досталось дворовое мѣсто купчихи И. П. Павловой, такъ что въ настоящее время дворовое мѣсто Благотворительнаго Общества обнимаетъ пространство мѣрою болѣе 7 десятинъ. Первымъ, по времени возникновенія, учрежденіемъ Благотворительнаго Общества былъ домъ призрѣнія, въ которомъ помѣщались женская школа и богадѣльня. Женская школа начала свою дѣятельность съ 16 воспитанницами (въ 1844 г.), съ переходомъ въ собственный домъ число воспитанницъ возросло до 26, впослѣдствіи оно постоянно увеличивалось, достигнувъ къ половинѣ девяностыхъ годовъ 90. Программа школы съ годами расширялась; въ послѣднее время воспитанницы, оканчивающія полный курсъ, обладаютъ подготовкой, достаточной для экзамена на званіе народной учительницы.

Въ одно время со школой возникла и богадѣльня для престарѣлыхъ. Въ 1845 г. городъ передалъ Благотворительному Обществу капиталъ до 5000 р., собранный для устройства городской богадѣльни, и домъ, пожертвованный городу для устройства богадѣльни губ. секр. Токаренковымъ [2]). Токаренковскій домъ былъ Обществомъ проданъ, а вырученныя деньги пошли на уплату за усадьбу, пріобрѣтенную у Зарудnаго. Въ началѣ въ богадѣльнѣ Благотворительнаго Общества призрѣвались старики обоего пола, съ половины 80-хъ годовъ въ богадѣльню стали приниматься только женщины.

Въ 1872 г. Общество устроило новую, такъ называемую особую богадѣльню. Устроена она была по иниціативѣ предсѣдательницы 2-го отдѣленія Е. Н. Карцевой, обратившей вниманіе Общества на то обстоятельство, что ежемѣсячныя пособія, выдаваемыя Обществомъ бѣднымъ старухамъ въ микроскопическомъ размѣрѣ 1½—2 р., не достигаютъ цѣли, между тѣмъ какъ расходуемыя на это средства были бы достаточны для безбѣднаго существованія тѣхъ же старухъ въ богадѣльнѣ. Предложеніе было принято, и въ томъ же 1872 г. былъ выстроенъ для богадѣльни новый деревянный домъ, а въ январѣ 1873 г. открытъ пріемъ богадѣлокъ. На первыхъ порахъ было принято 10 старухъ, впослѣдствіи число ихъ перевалило за 30. Условія жизни въ особой богадѣльнѣ почти тѣ же, что и въ домѣ призрѣнія; разница въ томъ, что богадѣлки этого учрежденія не пользуются одеждой и обувью отъ Общества.

[1]) Харьковск. Губ. Вѣдом. 1844 г. №№ 1, 7 и 28.

[2]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1845 и 1847 г.г.

Въ 1881 г. Обществомъ было открыто новое благотворительное учрежденіе—Александровскій пріютъ для бѣдныхъ дѣтей мальчиковъ. Устройство его диктовалось, такъ сказать, самою логикою вещей: разъ Общество давало пріютъ и воспитаніе бѣднымъ дѣвочкамъ, оно должно было обратить вниманіе и на мальчиковъ, не меньше нуждавшихся и въ пріютѣ, и въ воспитаніи. Мысль о пріютѣ для нищенствующихъ дѣтей возникла у Общества еще въ 1866 г. Тогда рѣшено было установить для устройства пріюта особый сборъ съ новогоднихъ и пасхальныхъ визитеровъ: визиты замѣнялись общей встрѣчей въ дворянскомъ собраніи, причемъ въ пользу будущаго пріюта уплачивался извѣстный сборъ.

Къ началу 1881 г. сборъ съ визитеровъ достигъ 13 тыс. р. Для начала дѣла денегъ этихъ оказывалось все же недостаточно, но тутъ на помощь Обществу пришло крупное пожертвованіе. Богатый харьковскій домовладѣлецъ штабсъ-ротмистръ П. Ѳ. Матушинскій подалъ заявленіе о своемъ желаніи пожертвовать Благотворительному Обществу два дома по Кузнечной улицѣ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ былъ помѣщенъ пріютъ для нищенствующихъ дѣтей. Помощь Матушинскаго оказалась какъ нельзя болѣе кстати. 22 октября 1881 г. пріютъ былъ уже открытъ. На первый разъ въ пріютъ было принято 15 мальчиковъ, затѣмъ число ихъ возросло и къ концу 80-хъ годовъ перевалило за 30. Расширить дальнѣйшій пріемъ оказалось невозможнымъ по тѣсноте помѣщенія, а между тѣмъ скромное число вакансій въ пріютѣ далеко не удовлетворяло нуждамъ населенія. Неизбѣжно приходилось думать о расширеніи дѣла и постановкѣ его на новыхъ началахъ, болѣе отвѣчающихъ запросамъ дѣйствительности.

Въ концѣ 80-хъ годовъ Общество, по предложенію своего предсѣдателя, тогдашняго харьковскаго губернатора А. И. Петрова, признало необходимымъ направить свою дѣятельность на возможно болѣе широкую борьбу съ нищенствомъ дѣтей. На помощь Обществу предположено было привлечь полицію, такъ чтобы всѣ дѣти, задержанныя полиціей за нищенство, препровождались въ пріютъ, который принималъ на себя задачу розысканія ихъ родственниковъ или постороннихъ лицъ, согласныхъ принять дѣтей на свое попеченіе или воспитаніе подъ надзоромъ Общества. Дѣти, не имѣвшія родителей или родственниковъ, если они по происхожденію принадлежатъ къ мѣщанскимъ или крестьянскимъ обществамъ, обязаннымъ по закону призрѣвать своихъ членовъ, передаются на попеченіе этихъ обществъ; а остальныя оставляются въ пріютѣ. Постоянный комплектъ пріютскихъ воспитанниковъ былъ опредѣленъ во 100 человѣкъ.

Для осуществленія этой мысли требовалось прежде всего гораздо большее помѣщеніе для пріюта, нежели то, какимъ онъ располагалъ. Но расширеніе было возможно только съ переносомъ пріюта на болѣе обширный дворовый участокъ. Такой участокъ могло отвести пріюту Благотворительное Общество на принадлежавшей ему землѣ, но для постройки зданія нужны были крупныя затраты, а средствъ для этого не было. Но тутъ на помощь Обществу подошла казенная субсидія. Благодаря участливому отношенію къ нуждамъ Общества его покровительницы, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Обществу было назначено ежегодное казенное пособіе въ суммѣ 8 тыс. рублей. Это обстоятельство сразу дало дѣлу благопріятный оборотъ. Дома по Кузнечной улицѣ были проданы, а вмѣсто нихъ на принадлежащей Обществу землѣ было выстроено новое обширное трехэтажное зданіе, въ которомъ пріютъ помѣщается и теперь. Открытіе пріюта состоялось 28 октября 1891 г. и было отпраздновано съ особенной торжественностью. На новоселье г. Харьковъ поднесъ пріюту крупный подарокъ, ассигновавъ по 3000 руб. ежегодно на содержаніе въ пріютѣ 25 воспитанниковъ.

Въ новый пріютъ изъ стараго перешло 34 воспитанника. Черезъ годъ число ихъ дошло до 80, а затѣмъ перевалило положенный сотенный комплектъ. Пріютъ съ самаго своего основанія ставилъ себѣ цѣлью не только воспитывать и давать начальное образованіе своимъ питомцамъ, но и сообщать имъ ремесленныя знанія. Въ пріютѣ учили сначала сапожному и переплетному мастерству, потомъ вмѣсто переплетнаго введено было токарное и временно преподавалось портняжное. Съ 1895 г. введено преподаваніе огородничества и садоводства. За время 1892—1895 гг. пріютомъ выпущено 26 мастеровъ разныхъ спеціальностей. Ежегодный заработокъ пріютскихъ мастерскихъ въ 90-хъ годахъ достигалъ 600 р. Изъ этихъ денегъ образовался капиталъ, изъ котораго выдаютъ пособія воспитанникамъ пріюта, выходящимъ на самостоятельную жизнь.

Въ одинъ годъ съ пріютомъ возникло и еще одно учрежденіе, имѣвшее въ виду интересы недостаточныхъ слоевъ городского населенія. Это была столовая дешевыхъ обѣдовъ. Иниціатива ея учрежденія принадлежала не Благотворительному Обществу, а частному почину. Учреждена она была женою Харь-

ковскаго генералъ-губернатора княгиней Н. А. Дундуковой-Корсаковой и открыта 2 января 1881 г., но уже черезъ нѣсколько дней по открытіи учредительница, въ виду своего выѣзда изъ Харькова, передала столовую и собранный на нее капиталъ (болѣе 7 тысячъ рублей) Благотворительному Обществу. Денежная столовая имѣла своею цѣлью давать своимъ клієнтамъ простую и дешевую, но въ то же время вполнѣ доброкачественную пищу. Плата за кушанья была установлена минимальная; обѣдъ изъ одного блюда стоилъ 7 коп., изъ двухъ—14, чашка кофе—5 коп. И это въ то время, когда въ частныхъ, самыхъ дешевыхъ кухмистерскихъ обѣда изъ двухъ блюдъ нельзя было достать дешевле двугривеннаго. Понятно, что въ Дундуковскую столовую потянулись цѣлыя толпы людей, для которыхъ шестикопѣечная экономія на обѣдѣ составляла замѣтный разсчетъ. Въ первые мѣсяцы существованія столовой число ея посѣтителей ни въ одинъ день не опускалось ниже 500, а бывали случаи, когда оно превышало и эту цифру. Въ 1882 г. столовою было отпущено 173,737 обѣдовъ. Но симпатіи къ столовой ея клієнтовъ скоро стали падать, можетъ быть, потому, что столовая, преслѣдуя задачу дешевизны, въ то же время нерѣдко забывала о другой своей задачѣ—доброкачественности пищи. Какъ бы то ни было, число посѣтителей съ каждымъ годомъ уменьшалось: въ 1888 г. ихъ набралось уже только немного болѣе ста тысячъ, въ 1890 г.—62,454, а въ 1891 г.—59 тыс. человѣкъ. Въ первые годы столовая существовала на собранныя средства и даже нѣсколько пріумножила свой основной капиталъ, но уже въ 1892 г. потребовалась субсидія отъ Благотворительнаго Общества. Учрежденіе катилось, очевидно, подъ гору. Рѣшили помочь дѣлу пониженіемъ таксы на кушанья—вмѣсто 7 к. за блюдо стали брать по 6 к., въ слѣдующемъ 1893 г. еще понизили таксу для тѣхъ, кто не былъ въ состояніи требовать больше одного блюда, но эти мѣры не спасли полезнаго учрежденія. Столовая стала дѣлать хроническіе дефициты, учащался молодежь и „трудящіеся классы", на которыхъ, главнымъ образомъ, и расчитывали учредители столовой, откликались отъ дешевыхъ обѣдовъ, ихъ замѣнили какіе-то „случайные посѣтители". Дѣло окончилось тѣмъ, что по постановленію совѣта Общества 1 сентября 1893 г. столовая была закрыта до лучшихъ временъ. Лучшія времена не настали и по днесь.

Благотворительное Общество проявляло дѣятельность и внѣ стѣнъ своихъ учрежденій. Особенно замѣтною бывала эта дѣятельность въ минуты общественныхъ бѣдствій. Въ 1843 г. послѣ пожаровъ, жертвою которыхъ сдѣлались Пески и мѣстность около Холодной горы, населенныя преимущественно городской бѣднотой, Общество роздало погорѣльцамъ 1881 р. Въ другой разъ, въ 1846 г. Общество истратило на помощь погорѣльцамъ болѣе 600 р. Съ конца 80-хъ годовъ дороговизна топлива заставила Общество установить даровую раздачу каменнаго угля и дровъ лицамъ, представившимъ удостовѣреніе о своей бѣдности. Былъ пожертвованъ особый капиталъ въ 3000 р., проценты съ котораго предназначались на покупку угля: большая часть запасовъ на складахъ Общества образовалась благодаря пожертвованіямъ шахтовладѣльцевъ и углепромышленниковъ. Во время холеры лѣтомъ 1892 г. Общество устраивало на вокзалѣ безплатную раздачу горячей пищи возвращавшимся изъ холерныхъ мѣстностей рабочимъ, а при дешевой столовой—безплатную чайную. Бѣдные холерные больные при выходѣ изъ больницъ получали отъ Общества одежду, обувь и денежное пособіе, а родственники умершихъ—плату за сожженныя вещи и платье, принадлежавшее покойникамъ. Во время наводненія 1893 г. Общество также пришло на помощь потерпѣвшему населенію. Денежныя пособія получили въ это время отъ Общества болѣе 1200 человѣкъ. Благотворительная дѣятельность Общества внѣ стѣнъ его учрежденій выразилась также выдачею нуждающимся пособій. Пособія давались единовременныя и постоянныя, въ видѣ ежемѣсячныхъ пенсій Бывали, въ видѣ исключенія, случаи единовременныхъ пособій въ размѣрѣ 50—100 р., но обыкновенно пособія колебались между 1 и 25 р. За 50 лѣтъ дѣятельности Общества имъ было истрачено на единовременныя пособія 54,800 р. Ежемѣсячныя пенсіи тоже были не высоки: 1 р. 50 к.—5 р. и только въ исключительныхъ случаяхъ—10 р.

Приходило Общество на помощь нуждающимся и другими доступными ему способами. Такъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности оно организовало безплатную подачу бѣднымъ больнымъ врачебной помощи и лекарствъ. Въ 1844 г. врачи Ганъ, Альбрехтъ, Нарановичъ, Лейгони, Рындовскій, Гордѣенко, Струве, Максимовичъ, Бржезинскій, Веселовскій и Рындинъ согласились подавать безплатно врачебную помощь бѣднымъ больнымъ. Въ опредѣленное время врачи по очереди дежурили въ домѣ Общества, куда и могъ являться къ нимъ за совѣтомъ всякій бѣдный больной. По рецепту, выданному однимъ изъ этихъ врачей, больные

получали безплатно лекарства изъ любой городской аптеки. Больные, требовавшіе серьезнаго больничнаго леченія, помѣщались въ принадлежащую Обществу богадѣльню, а къ тѣмъ, кому по болѣзни нельзя было оставить квартиру, врачи являлись на домъ.

Общество стремилось подавать бѣднымъ и то, что теперь называется трудовою помощью. Въ первыхъ отчетахъ Общества мы видимъ указанія, что члены его старались доставлять занятія тѣмъ, кто нуждался не столько въ деньгахъ, сколько въ работѣ. Иногда такая помощь давала возможность нуждающемуся человѣку выбиться изъ бѣдственнаго положенія. Такъ, въ 1844 г. Общество наняло въ лучшей части города квартиру одной искусной швеѣ, жившей до тѣхъ поръ въ отдаленномъ предмѣстьи и потому почти не имѣвшей заказовъ [1]).

Для собиранія свѣдѣній о положеніи лицъ, обращавшихся къ Обществу за помощью, Харьковъ, согласно уставу 1843 г., былъ раздѣленъ на 6 участковъ, каждый изъ которыхъ поручался одному изъ дѣйствительныхъ членовъ: на ихъ обязанности лежало собираніе свѣдѣній объ имущественномъ и семейномъ положеніи просителей. Свѣдѣнія эти сообщались дѣйствительными членами совѣту, отъ котораго и зависѣло назначеніе пособій. По мѣрѣ роста населенія города росло и число участковъ. Въ 1843 г. ихъ было 6, въ 1866 г.—7, въ 1870 г.—8, а въ 1885 г.—12.

Увеличеніе числа участковъ и попечителей не могло, однако, устранить коренного недостатка въ организаціи Общества: оно, состоящее изъ людей богатыхъ, изъ „благодѣтелей“, было очень далеко отъ жизни той бѣдноты, къ которой оно шло на помощь своими единовременными и постоянными пособіями. Собираніе свѣдѣній о бѣдныхъ черезъ посредство дѣйствительныхъ членовъ, для которыхъ во всякомъ случаѣ было легче платить деньги, чѣмъ посѣщать подвалы бѣдняковъ, не могло идти успѣшно. Да и какія справки о просителѣ могъ дать членъ, видѣвшій этого просителя первый разъ въ жизни? Вредила дѣлу и установленная уставомъ излишняя централизація: трудно было расчитывать на скорую помощь тамъ, гдѣ для рѣшенія дѣла о выдачѣ рубленаго пособія требовалось собирать засѣданіе совѣта. Организація Общества, кромѣ того, носила въ себѣ и еще одинъ существенный недостатокъ: въ Общество, состоявшее изъ людей богатыхъ, стѣснялись идти мелкіе благотворители со своими маленькими взносами, и отъ этого дѣло благотворительности несомнѣнно проигрывало. Для болѣе плодотворной постановки дѣла требовалось, очевидно, во-первыхъ, приближеніе благотворителей къ нуждающимся, а затѣмъ привлеченіе къ благотворительности мелкихъ жертвователей. Болѣе или менѣе удовлетворительно вопросъ этотъ и былъ рѣшенъ въ 1896 г. учрежденіемъ, по мысли предсѣдателя Общества Г. А. Тобизена, участковыхъ приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Къ попечительствамъ и перешло дѣло собиранія свѣдѣній о бѣдныхъ и помощи имъ, за совѣтомъ Общества осталось только общее наблюденіе, ревизія и отчетность. Съ совѣтомъ Благотворительнаго Общества приходскія попечительства связаны, кромѣ того, и тѣмъ, что всѣ предсѣдатели приходскихъ попечительствъ состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членами совѣта Общества. Въ составъ попечительствъ, въ виду незначительности требующагося отъ членовъ взноса, вошли почти всѣ болѣе или менѣе состоятельные прихожане. Собираніе свѣдѣній о приходскихъ бѣдныхъ значительно облегчилось, особенно въ приходахъ попроще, гдѣ прихожане имѣютъ больше возможности знать другъ друга [2]).

Какъ ни незначителенъ періодъ дѣятельности приходскихъ попечительствъ, но и въ этой дѣятельности можно отмѣтить нѣкоторые признаки дифференціаціи. Въ то время какъ одни не пошли дальше выдачъ пособій отдѣльнымъ просителямъ, другія успѣли организовать, кромѣ того, особыя благотворительныя учрежденія. При Михайловскомъ, напр., попечительствѣ устроился дѣтскій пріютъ. Такіе же пріюты открылись въ Дмитріевскомъ, Вознесенскомъ и Благовѣщенскомъ приходахъ. Въ Преображенскомъ приходѣ на Москалевкѣ въ вѣдѣніи попечительства состоятъ „ясли“ и т. п.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ благотворительная дѣятельность харьковцевъ сосредоточивалась въ Благотворительномъ Обществѣ и дальше этого не шла. Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ, направленное на освобожденіе личности и на выработку лучшихъ общественныхъ формъ, было слишкомъ молодымъ и бурнымъ, чтобы интересоваться калѣчными стариками и старухами и призрѣвавшими ихъ казенными и полуказенными учрежденіями. Предоставивъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, общество того времени все свое вниманіе сосредоточило на живыхъ и жизнеспособныхъ, увѣренное, что при уси-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1844. № 7.

[2]) Н. П. Савицкій. Харьк. Благотв. Общество.

ліяхъ съ его стороны жизнеспособные обыватели скоро превратятся въ гражданъ. Идея служенія народу, написанная на знамени шестидесятниковъ, поставила себѣ цѣлью широкое безплатное обученіе и дешевую, а если возможно, то и совсѣмъ даровую медицинскую помощь. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Харьковѣ возникаютъ безплатныя воскресныя школы, привлекшія съ себѣ цвѣтъ тогдашней образованной молодежи. Просвѣтительныя по своимъ задачамъ, начинанія эти являются въ сущности тѣми же „благотворительными подвигами“ только въ иной формѣ. Возникаетъ Харьковское Медицинское Общество, открывшее двери своей лечебницы для бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія. Само городское общество, увлеченное общимъ теченіемъ, учреждаетъ Александровскую больницу для чернорабочихъ. Въ 1869 г. открывается Общество грамотности, спѣшащее на помощь темному простонародью со своими школами. И о больницахъ, и о школахъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, здѣсь только еще разъ отмѣчаемъ, что по существу своему всѣ эти учрежденія были учрежденіями благотворительными. Это—видъ общественной помощи нуждающимся, и о немъ несомнѣнно слѣдуетъ вспомнить въ главѣ, посвященной общественной благотворительности.

Конецъ шестидесятыхъ годовъ принесъ Харькову судебную реформу. Учрежденіе новыхъ судовъ имѣло своимъ результатомъ и новое теченіе въ сферѣ благотворительности. Въ 1869 году, вслѣдъ за открытіемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, возникла въ Харьковѣ мысль объ учрежденіи Общества исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Иниціаторами дѣла явились представители реформированнаго суда, профессора-юристы и нѣкоторые общественные дѣятели. 9 декабря 1871 года состоялось первое собраніе новаго Общества, въ составъ котораго вошли, можно сказать, всѣ выдающіеся представители тогдашней харьковской интеллигенціи. Судебный міръ былъ представленъ Э. Я. Фуксомъ, А. Ѳ. Кони, А. Н. Бурнашевымъ, профессура—А. Н. Стояновымъ, Л. Е. Владиміровымъ, В. А. Кочетовымъ, Д. И. Дѣлярю, А. С. Питра, Н. Н. Бекетовымъ, изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей находимъ Чепелкина, Похвистнева, Гордѣенко. Можно сказать, что не было въ тогдашнемъ Харьковѣ человѣка культурнаго и сколько-нибудь обезпеченнаго, который не пошелъ бы въ новое Общество. Благородная цѣль—отнять у порока и тюрьмы ихъ вѣрную добычу—объединила всѣ лучшія силы города. Въ первый годъ существованія Общества въ его спискахъ числились 3 почетныхъ и 168 дѣйствительныхъ членовъ. Первоначальная дѣятельность Общества заключалась въ накопленіи средствъ для устройства пріюта для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ была пріобрѣтена земля возлѣ Дергачей, а въ 1881 году 24 мая состоялось открытіе пріюта. Сюда поступали дѣти по приговорамъ судебныхъ учрежденій и распоряженіямъ мѣстной администраціи. Въ пріютѣ дѣти учились грамотѣ, Закону Божію, ариѳметикѣ, рисованію и черченію, занимались сельскохозяйственными работами и ремеслами. Въ 1890 году при пріютѣ открыта школа садоводства и огородничества. Въ годъ открытія пріюта въ немъ было всего пять питомцевъ, въ 1901 году—74, при чемъ принимались уже дѣти исключительно по судебнымъ приговорамъ. Пріютъ отказывался принимать даже подслѣдственныхъ по недостатку мѣста. Кромѣ членскихъ взносовъ, средства на содержаніе пріюта составлялись изъ постоянныхъ субсидій уѣздныхъ земствъ и Харьковского городского управленія, пособія отъ тюремнаго управленія, пожертвованій отъ присяжныхъ засѣдателей, вечеровъ, спектаклей, лотерей-аллегри и т. п. [1]).

Шестидесятые годы рѣзко измѣнили сословный составъ учащихся и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ среднихъ школахъ. Въ Николаевское время главный контингентъ слушателей давало университету помѣстное дворянство, болѣе или менѣе обезпеченное. Съ шестидесятыхъ годовъ университетъ наполняется разночинцами, большинство которыхъ ровно ничѣмъ не обезпечено. Начинаетъ чувствоваться острая нужда въ общественной помощи недостаточнымъ студентамъ. Уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ профессорской средѣ стала назрѣвать мысль о необходимости придти на помощь своимъ слушателямъ, но только въ 1871 г. мысль эта получила осуществленіе. Образовалось Общество для пособія нуждающимся студентамъ Харьковскаго университета. Иниціаторами дѣла были: извѣстный ученый, впослѣдствіи академикъ, профессоръ Н. Н. Бекетовъ и инспекторъ студентовъ Ф. Ф. Рогожинъ, добрѣйшая душа, другъ молодежи и общій любимецъ университета. Общество выдавало студентамъ небольшія ссуды, краткосрочныя и долгосрочныя, обыкновенно не выше 25 р. Только въ исключительныхъ случаяхъ размѣръ ссуды доходилъ до 100 и даже до 150 р. За время своего существованія Общество оказало громадную услугу

[1]) Отчеты за 1872—1901 г.г.

студенчеству, главнымъ образомъ, внесеніемъ платы за ученіе наиболѣе нуждающихся студентовъ. Съ увѣренностью можно сказать, что если бы не было Общества, Харьковскій университетъ далъ бы Россіи гораздо меньше образованныхъ людей, чѣмъ далъ въ дѣйствительности. Долгосрочныя ссуды даются съ обязательствомъ возврата послѣ поступленія на службу или достиженія болѣе или менѣе обезпеченнаго положенія. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ должники Общества, достигши матеріальнаго обезпеченія, вспоминали о своихъ студенческихъ долгахъ. Какъ значительны результаты такой забывчивости, видно хотя бы изъ отчета Общества за 1904 годъ, когда въ портфелѣ Общества числилось долговыхъ обязательствъ за бывшими студентами на 80.284 р. Для Общества, наличный капиталъ котораго не превышаетъ 40000 руб., это очень много. Въ послѣдніе годы къ подобнымъ забывчивымъ должникамъ Общество принуждено было предъявлять уже настоящіе судебные иски. Большое значеніе въ студенческой жизни имѣли краткосрочныя ссуды, выдаваемыя подъ залогъ стипендій. Онѣ избавили до нѣкоторой степени студенчество отъ услугъ ростовщиковъ, вродѣ пресловутыхъ m-me Шедель и m-r Лакуръ, бравшихъ отъ 10 до 30 процентовъ. Недостатокъ средствъ далеко не всегда давалъ возможность Обществу приходить на помощь всѣмъ, кто стучался въ его двери. Такъ, въ 1904 г. прошеній было подано 488, а удовлетворено 412 [1]). Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, публичныхъ лекцій и вечеровъ, изъ которыхъ наибольшій доходъ давалъ традиціонный студенческій вечеръ 17 января. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, студенческіе вечера прекратили свое существованіе.

Общество пособія нуждающимся студентамъ было первымъ благотворительнымъ учрежденіемъ этого типа. Гораздо позже по данному имъ образцу стали открываться Общества попеченія о недостаточныхъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Общество попеченія о бѣдныхъ воспитанникахъ 2-ой гимназіи возникло только въ 1876—1877 г., 3-я гимназія обзавелась такимъ Обществомъ въ 1881 г., музыкальное училище въ 1885 г., 1-я женская гимназія въ 1893 г., а Общество попеченія о нуждающихся учащихся низшихъ учебныхъ заведеній возникло и совсѣмъ уже недавно.

60-е годы, на ряду съ прочими, ранѣе незнакомыми нашей дореформенной общественности видами общественной помощи, выдвинули и взаимопомощь.

Принципъ взаимопомощи, какъ извѣстно, наиболѣе примѣнимъ для однородныхъ общественныхъ группъ, объединенныхъ самой профессіей. Въ Харьковѣ первымъ попыталось воспользоваться благами взаимопомощи мѣстное чиновничество. Учредителями Общества были Ф. Ф. Рогожинъ, Кожедубовъ, Тихоновичъ и др. лица, болѣе или менѣе близкія къ университету. Въ 1861 г. возникло Общество для вспомоществованія чиновникамъ г. Харькова. Имѣлось въ виду привлечь въ составъ Общества всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, къ какимъ бы учрежденіямъ они ни принадлежали, такъ чтобы всякій чиновникъ былъ eo ipso и членомъ Общества. Всѣ участники были обложены въ пользу Общества 1% сборомъ съ получаемаго жалованья. Кромѣ членовъ дѣйствительныхъ, были члены почетные и члены вспомогатели. Дѣлами Общества управляли его уполномоченные, а общія собранія составлялись изъ выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Общество выдавало своимъ членамъ ссуды, а въ случаѣ необходимости и пособія. Пособія давались не только деньгами, но и вещами, необходимыми въ жизни чиновника. Кромѣ того, Общество ставило себѣ задачей содѣйствіе молодымъ чиновникамъ въ полученіи образованія и помощь учащимся дѣтямъ чиновниковъ. Общество благоразумно отказалось отъ системы грошевыхъ подачекъ. Принципъ, имъ принятый,—non multa, sed multum: давать меньшему числу просителей, но давать столько, чтобы человѣкъ могъ дѣйствительно оправиться. Установленъ былъ, впрочемъ, и максимальный размѣръ пособія, которое не должно было превышать 300 руб. [2]).

Несмотря на добрыя намѣренія учредителей, Общество продержалось недолго. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней чиновники, какъ общественная группа, въ дѣлѣ взаимопомощи оказались совершенно инертны: далѣе ссудо-сберегательныхъ кассъ при отдѣльныхъ учрежденіяхъ они такъ и не пошли. Счастливѣе чиновниковъ оказалась другая общественная группа—врачи. Въ 1868 г. харьковскіе врачи примкнули къ всероссійской медицинской вспомогательной кассѣ, составивъ мѣстное ея отдѣленіе. Цѣль кассы—вспомо-

[1]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ казначеемъ Общества.

[2]) Уставъ Общ., утвержд. 1861 г.

ществованіе нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ врачей, а также и самимъ врачамъ, почему-либо впавшимъ въ нужду. Первымъ предсѣдателемъ кассы былъ врачебный инспекторъ Я. Н. Горбаневъ. Выдачи единовременныхъ пособій и пожизненныхъ пенсій стали производиться съ 1872 года.

Въ тѣсной связи съ реформами шестидесятыхъ годовъ стоитъ и еще одинъ видъ филантропической дѣятельности—призрѣніе малолѣтнихъ безпріютныхъ сиротъ, главнымъ образомъ, подкидышей. Общественная забота о подкидышахъ вызвана послѣдовавшей въ шестидесятыхъ годахъ передачей дѣла общественнаго призрѣнія изъ рукъ чиновничьяго „приказа“ въ руки самого общества въ лицѣ его земскихъ учрежденій.

Въ концѣ XVIII в., со времени Учрежденія о губерніяхъ, забота о подкидышахъ лежала на приказѣ общественнаго призрѣнія, устраивавшаго для этого воспитательные дома. Въ 1828 г. дѣло учрежденіе новыхъ воспитательныхъ домовъ было признано ненужнымъ, а въ существующіе предписано принимать только дѣтей, поднятыхъ полиціей. Дѣти эти раздавались на вскормленіе частнымъ лицамъ, преимущественно поселянамъ; достигшіе совершеннолѣтія облагались подушнымъ окладомъ и пристраивались къ разнымъ мастерствамъ или опредѣлялись на службу. Въ 1839 г. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ гр. Строганова, Харьковскій воспитательный домъ былъ и совсѣмъ закрытъ, а дѣти розданы частнымъ лицамъ. Съ этихъ поръ подкидыши направлялись въ женское отдѣленіе богадѣльни приказа общественнаго призрѣнія, отдавались тамъ „благонадежнымъ нянькамъ“ изъ калѣкъ или идіотокъ, а затѣмъ... умирали. Такъ было и въ первые годы послѣ перехода Харьковскихъ богоугодныхъ заведеній въ вѣдѣніе земства. Въ 1868 г. при богадѣльнѣ содержалось 2 младенца, умерло 2, въ 1869 г. содержалось 4, умерло 4, въ 1870 г. содержалось 13, умерло 13, въ 1871 г. содержалось 10, умерло 10. Болѣе живучими оказывались только тѣ, которыя отдавались на вскормленіе въ деревню, хотя и среди нихъ процентъ смертности былъ немалый. Отчего мерли дѣти въ богадѣльнѣ,—это объясняется въ отчетѣ старшаго врача богоугодныхъ заведеній за 1872 г. „Ребенка, говоритъ онъ, подбрасываютъ гдѣ-нибудь въ 10 участкѣ г. Харькова. Ребенокъ въ ветхихъ пеленкахъ, снаружи драное одѣяло. Даютъ знать въ участокъ, приставъ пишетъ отношеніе въ богоугодныя заведенія и съ нимъ вручаетъ младенца солдату для доставленія по принадлежности. Солдатъ идетъ пѣшкомъ съ своею ношею и, совершивши пять верстъ, вручаетъ отношеніе и—былъ случай—замерзшаго младенца. Допустимъ, что младенецъ не замерзъ, но онъ сильно простудился: опять бѣда непоправимая! Съ рукъ няньки-солдата и съ холодной атмосферы пятиверстнаго пути ребенокъ попадаетъ въ руки няньки-калѣки или идіотки и въ далеко несоотвѣтствующую его возрасту атмосферу женской богадѣльни. Контрастъ поразительный, но благотворной средины нѣтъ“. Если выживалъ, то только тотъ подкидышъ, которому посчастливилось скоро попасть на воспитаніе въ деревню, но вѣрная смерть ждала того, за кѣмъ не ранѣе десяти дней послѣ подкинутія являлись лица, желающія взять его на воспитаніе. Лишенный материнскаго молока, правильнаго ухода и чистаго воздуха, онъ погибалъ, можно сказать, насильственной смертью. Въ 1872 году земство обратило, наконецъ, вниманіе на необходимость лучшаго призрѣнія подкидышей. Изъ богадѣльни пріютъ подкидышей былъ переведенъ въ родильный домъ на Старо-Московскую улицу. Съ этихъ поръ въ судьбѣ подкидышей стали принимать участіе нѣкоторыя изъ городскихъ дамъ: ежедневно пріѣзжали онѣ въ заведеніе, наблюдали за уходомъ за дѣтьми, на свой счетъ нанимали пять кормилицъ и надзирательницу, отправлялись въ окрестныя деревни для осмотра дѣтей, отданныхъ на вскормленіе. Число лицъ, принимавшихъ участіе въ судьбѣ подкидышей, увеличилось до 60, а собранная ими сумма возросла до 4 тыс. рублей съ лишнимъ. Тогда рѣшено было образовать Общество призрѣнія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ, уставъ котораго былъ утвержденъ 2 января 1874 г. Во главѣ Общества стала супруга тогдашняго губернатора, княгиня Ольга Александровна Крапоткина, а главными сотрудниками явились: А. П. Вернадская, проф. П. А. Ясинскій, К. М. Аненкова, Н. И. Смирнитская, А. Н. Гутобъ, М. А. Оболенская, Д. Д. Оболенская, В. М. Зарудная, В. Г. Лашкевичъ, З. И. Пономарева, Н. К. Бекарюкова и др.

Харьковское земство передало Обществу находившихся на его попеченіи подкидышей вмѣстѣ съ причитавшимися на ихъ содержаніе суммами. Кромѣ этихъ денегъ, приходный бюджетъ Общества составлялся изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, выручалось кое-что и отъ устраиваемыхъ Обществомъ спектаклей, лотерей и маскарадовъ. Уже на третій годъ дѣятельности Общества, когда земству пришлось увеличить свою субсидію до 10 тыс. руб., среди земскихъ гласныхъ раздавались голоса за необходимость полицейскихъ мѣръ противъ подкидыванія младенцевъ. Жалобы вызывались увеличеніемъ расхо-

довъ, зависѣвшихъ отъ увеличенія числа подкидышей. Пока о нихъ заботились богадѣлки, ихъ было очень немного; при передачѣ подкидышей Обществу ихъ было всего 20, а послѣ перваго же года дѣятельности Общества уже 275, а затѣмъ 620, въ 1885 г. ихъ было 1193, въ 1890 г.—1089, въ 1895 г.—1055, въ 1900 г.—1819, въ 1902 г.—1875. Росла вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма земскихъ расходовъ. Въ 1902 г. отъ земства поступило уже 24473 р. 64 к. Кромѣ того, Общество получало нѣкоторую субсидію отъ города (3 тыс. р.) и отъ министерства государственныхъ имуществъ (875 р.).

Бывали годы, когда Обществу приходилось переживать тяжелые денежные кризисы. Такъ, въ концѣ 1885 г. „оскудѣніе матеріальныхъ средствъ Общества приняло такіе размѣры, что въ попечительномъ совѣтѣ возникла даже мысль о совершенной ликвидаціи учрежденія“. Но бывали годы, когда средства Общества сильно увеличивались, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ. Такъ, въ 1901 г. пожертвованій поступило болѣе 30 тыс. руб., причемъ одного только А. И. Тимченко—28300 р. по духовному завѣщанію.

Дѣти, поступавшія на попеченіе Общества, либо оставлялись въ пріютѣ, либо отдавались на вскормленіе по деревнямъ. Послѣднихъ было огромное большинство. Съ первыхъ же лѣтъ своей дѣятельности Общество установило нѣкоторый надзоръ за отдаваемыми въ деревню дѣтьми. Сперва надзирали члены и случайные сотрудники Общества, потомъ установился правильный врачебный надзоръ. Тѣмъ не менѣе процентъ смертности дѣтей продолжалъ оставаться очень большимъ. Отчетъ за 1901 г. констатируетъ, что процентъ смертности въ деревняхъ въ возрастѣ до одного года равнялся 46,46, до 5 лѣтъ 19,13, старше 5 лѣтъ 0,82. Счастливѣе были грудныя дѣти, призрѣвавшіяся въ самомъ пріютѣ: изъ сотни ихъ умирало только 25 [1]). Съ теченіемъ времени Общество обзавелось собственнымъ домомъ для пріюта, а въ 1902 г. оно устроило для своихъ питомцевъ новый интернатъ съ сельскохозяйственной школой. Бюджетъ Общества съ теченіемъ времени сильно возросъ: въ 1874—75 г.г. доходы немногимъ превышали 14 тыс. руб., а расходъ не доходилъ и до 6½ т. р.; въ 1901 г. поступило съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ 509594 р., а расходный бюджетъ выражался цифрою 250000 р. Общество не располагаетъ собственными средствами. Главный источникъ его существованія—земская субсидія. Постоянное ворчаніе иныхъ бережливыхъ членовъ земскихъ собраній на непомѣрность расходовъ Общества и на малую ихъ продуктивность; высказываемые иной разъ взгляды, что въ умноженіи подкидышей не земство виновато („Кто виноватъ, а мы плати“), несмотря на многолѣтнее существованіе Общества, не даютъ увѣренности въ его прочности. При отсутствіи солидныхъ собственныхъ средствъ довольно извѣстнаго подбора земскаго собранія для того, чтобы все дѣло Общества пошло прахомъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ общаго движенія шестидесятыхъ годовъ стоитъ только одно изъ возникшихъ въ то время въ Харьковѣ благотворительныхъ учрежденій, но и то основано не русскими, а иностранцами. Въ 1864 году дамами Харьковской нѣмецкой общины былъ учрежденъ кружокъ, имѣвшій цѣлью, посредствомъ добровольныхъ пожертвованій своихъ членовъ, оказывать поддержку старымъ и больнымъ женщинамъ прихода лютеранской церкви и воспитывать приходскихъ сиротъ. Средства кружка такъ быстро возросли, что уже въ 1869 году у него оказалась возможность купить домъ съ большимъ садомъ на Нѣмецкой улицѣ и устроить въ немъ пріютъ для бѣдныхъ женщинъ и сиротъ. Дѣятельноотъ кружка въ послѣдующіе годы продолжала развиваться. Пріютъ расширился устройствомъ двухъ новыхъ зданій. Въ немъ призрѣвается отъ 15 до 20 старухъ и воспитывается 30—40 сиротъ [2]).

Въ первую половину 70-хъ годовъ харьковцы еще допѣвали пѣсни, сложенныя въ „эпоху великихъ реформъ“. Съ половины 70-хъ годовъ наступилъ штиль. Общественная благотворительность этого времени не дала ничего, кромѣ полуказеннаго Краснаго Креста да маленькаго Общества пособія недостаточнымъ учащимся 2-й гимназіи. Только на иностранцевъ и инородцевъ Харькова русскій штиль не оказалъ почему-то своего вліянія, и именно въ эти годы они усердно занялись устройствомъ своихъ особыхъ, чисто земляческихъ благотворительныхъ учрежденій: во вторую половину семидесятыхъ годовъ возникаютъ швейцарское и французское благотворительныя Общества, богадѣльня при костелѣ и, наконецъ, еврейская дешевая столовая (1880 г.). Несомнѣнно, самымъ крупнымъ изъ возникшихъ въ это время учрежденій является Харьковское отдѣленіе Краснаго Креста. Справедливость требуетъ отмѣтить, что идея, легшая въ основаніе

[1]) Отчеты за разные годы по 1902 включительно.

[2]) По свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ Э. И. Мельгозе.

дѣятельности Краснаго Креста, для Харькова не была совсѣмъ новой. Высказывалась она у насъ уже во время Крымской войны и Севастопольскаго „сидѣнія“.

Въ 1856 г., повидимому, по иниціативѣ преосвященнаго Филарета, нѣкоторые харьковцы вошли къ правительству съ ходатайствомъ объ учрежденіи Общества для попеченія о раненыхъ и больныхъ, пользующихся въ Харьковскомъ временномъ военномъ госпиталѣ. Ходатайство это, въ виду заключенія мира, не удостоилось Высочайшаго утвержденія. Просителямъ была объявлена Высочайшая благодарность за усердіе, съ указаніемъ, что „въ учрежденіи благотворительнаго Общества не представляется необходимости“ [1]). Возрожденіемъ своимъ въ семидесятыхъ годахъ идея эта обязана послѣдней русско-турецкой войнѣ. Еще въ 1873 году въ Петербургѣ учреждено было Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, имѣвшее право открывать свои отдѣленія и въ провинціальныхъ городахъ. И вотъ въ 1876 г., наканунѣ войны, по предложенію губернатора Крапоткина, открыто было такое отдѣленіе и въ Харьковѣ. Харьковское отдѣленіе усердно собирало во время войны пожертвованія, содержало бараки для больныхъ и раненыхъ, медицинскій персоналъ и аптеки, снабжало выписывающихся платьемъ, бѣльемъ и деньгами. Всего въ это время было израсходовано свыше 200 тыс. руб. По окончаніи войны дѣятельность отдѣленія сократилась, тѣмъ не менѣе въ экстренныхъ случаяхъ, во время эпидемій и неурожаевъ, оно приходило на помощь нуждающимся отставнымъ увѣчнымъ ветеранамъ. Въ 1883 г. по его ходатайству былъ открытъ Харьковскій отдѣлъ сестеръ милосердія Краснаго Креста. Открылась вслѣдъ затѣмъ больница Краснаго Креста, успѣвшая оказать за время своего существованія крупныя услуги страждущимъ харьковцамъ. Община сестеръ милосердія также оказалась чрезвычайно полезнымъ учрежденіемъ, дающимъ превосходныхъ сидѣлокъ и для больницъ, и для домашняго леченія. Для подготовки сестеръ при общинѣ устроены спеціальные курсы [2]).

Общество попеченія о нуждающихся учащихся 2-й гимназіи возникло 1876 г. по иниціативѣ тогдашняго директора гимназіи Н. Е. Скворцова. Въ томъ же году возникло и швейцарское благотворительное Общество, основанное по мысли учителя Ф. Шено, Л. Жерарда и Ш. Шохъ. Общество на первыхъ же порахъ встрѣтило сочувствіе и поддержку у земляковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ Харьковской, Полтавской и Курской губерній. Оказало ему нѣкоторую поддержку и швейцарское правительство. Общество ставило себѣ цѣлью пособіе швейцарцамъ, живущимъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи, лишеннымъ по уважительнымъ причинамъ возможности добывать себѣ средства къ жизни. Ежегодный членскій взносъ былъ опредѣленъ въ три рубля. Дѣлами Общества, по уставу, правитъ комитетъ изъ 9 членовъ, изъ нихъ—3 дамы. На послѣднихъ возложена особая миссія—попеченіе о бѣдныхъ больныхъ, для леченія которыхъ Общество имѣло своего врача. Размѣръ пособій, выдаваемыхъ Обществомъ, не великъ: по уставу, комитетъ не вправѣ былъ безъ согласія общаго собранія выдавать одному лицу болѣе 50 р. въ годъ [3]).

Французское благотворительное Общество открылось въ 1877 г. по иниціативѣ г. Мало, лектора французскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ. Средства Общества, очень скромныя въ началѣ, и теперь не велики, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ силъ, Общество оказалось учрежденіемъ полезнымъ.

Въ 1879 году открылась богадѣльня при костелѣ. Основнымъ фондомъ для нея послужилъ капиталъ, завѣщанный г. Борелемъ. Богадѣльня предназначена для стариковъ и старухъ не моложе 60-лѣтняго возраста. Богадѣльцы пользуются помѣщеніемъ, отопленіемъ и водой, пропитаніе же каждый добываетъ себѣ самъ. Иногда только особенно бѣдствующимъ выдается незначительное пособіе изъ суммъ, на этотъ предметъ жертвуемыхъ частными лицами. Богадѣльцы находятся подъ наблюденіемъ совѣта костела.

Наконецъ, въ 1880 году, съ разрѣшенія генералъ-губернатора устроена еврейская дешевая столовая. Устройство столовой вызвано существовавшей тогда дороговизной на продукты первой необходимости. Столовая оказала бѣднѣйшимъ слоямъ еврейскаго населенія Харькова большія услуги. Въ голодные годы она давала ему дешевую пищу. Въ холерную эпидемію давала даромъ чай всѣмъ своимъ посѣтителямъ. Иногда обѣды давались и прямо даромъ. Въ дни еврейскихъ праздниковъ здѣсь получаютъ обѣдъ всѣ

---

[1]) Арх. Гор. Думы. Журн. 1856 г. апрѣля 25.

[2]) Савицкій и Евстратовъ. Краткій очеркъ возникновенія и дѣятельности благотворительныхъ учрежденій въ Харьковской губерніи. Стр. 120—126.

[3]) Уставъ 1877 г.

солдаты-евреи мѣстнаго гарнизона. Учредительницей и долгое время главной распорядительницей столовой была Р. И. Рубинштейнъ [1]).

Шестидесятые и семидесятые годы въ Харьковѣ были неблагопріятны для безпріютныхъ стариковъ и калѣкъ. Но зато о нихъ вспомнили въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Въ это именно время возникаютъ городскія богадѣльни. Первою по времени открыта была богадѣльня, устроенная на средства, пожертвованныя городу купцомъ С. А. Клеменовымъ. Клеменовская богадѣльня, уставъ которой былъ утвержденъ въ 1882 г., предназначалась для бѣдныхъ дряхлыхъ и увѣчныхъ стариковъ и старухъ безъ различія званія, но преимущественно изъ харьковскаго купечества. Для богадѣльни Клеменовымъ была пожертвована пригородная дача „Отрадное“ и капиталъ на устройство. Богадѣльня разсчитана на 20 кроватей. Управленіе ею возложено на совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ купеческаго старосты [2]). Такимъ образомъ, Клеменовская богадѣльня носила до извѣстной степени сословный характеръ. Богадѣльня начала функціонировать съ 1888 года.

Въ 1890 г. устроена вторая городская богадѣльня на средства, пожертвованныя купчихой У. Г. Поповой, а въ 1896 г. купецъ И. Г. Вихревъ пожертвовалъ городу дворовое мѣсто съ постройками и капиталъ въ 10 тысячъ руб. для устройства дома призрѣнія бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ лицъ обоего пола всѣхъ сословій, но преимущественно изъ харьковцевъ православнаго вѣроисповѣданія. На содержаніе дома Вихревымъ пожертвовано 32 тысячи. Число призрѣваемыхъ поставлено въ зависимость отъ средствъ [3]). По свѣдѣніямъ за 1902—1905 гг., общее число призрѣваемыхъ въ этихъ трехъ богадѣльняхъ доходитъ до 160 обоего пола, причемъ три четверти этого числа приходится на долю женщинъ [4]).

Не были забыты и „странные люди“, о которыхъ до тѣхъ поръ въ Харьковѣ никто еще не заботился. Въ 1888 г. былъ утвержденъ уставъ странноприимнаго дома, устроеннаго вдовою въ свое время извѣстнаго врача А. Н. Гутобъ и ея матерью—М. Т. Выходцевою. Странноприимный домъ предназначенъ для мужчинъ и женщинъ, идущихъ на богомолье въ мѣста, гдѣ находятся святыни. Каждый „странный человѣкъ“ имѣетъ право на гостепріимство пріюта въ теченіе трехъ дней. Богомольцевъ, сверхъ ожиданія, оказалось очень много: по крайней мѣрѣ ежегодно въ домѣ г-жи Гутобъ находятъ пріютъ до 1500 странниковъ [5]).

Харьковская благотворительность эпохи реакціи восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ приняла, такъ сказать, богадѣленный характеръ. Интересно при этомъ, что она обнаруживаетъ въ то же время тенденцію стать и сословной. Очень возможно, что и здѣсь безсознательно, но вѣрно отразился духъ времени.

Идея сословной благотворительности должна была прежде всего найти себѣ мѣсто въ томъ классѣ городского населенія, у котораго не имѣлось никакихъ опредѣленныхъ источниковъ обезпеченія: ни имѣній, какъ у дворянъ, ни торговли, какъ у купцовъ, ни ремеслъ, какъ у цеховыхъ. Такимъ классомъ въ Харьковѣ было и остается мѣщанство. Составленное изъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ, оно всегда заключало въ себѣ достаточный кадръ лицъ совершенно необезпеченныхъ. Неудивительно поэтому, что еще задолго до возникновенія какихъ-нибудь сословныхъ благотворительныхъ учрежденій, мѣщанскому обществу приходилось расходовать часть общественныхъ суммъ на выдачу пособій нуждающимся сочленамъ. Въ 80-хъ годахъ явились и учрежденія.

Въ 1883 г. мѣщанское общество, руководимое тогдашнимъ старостой В. И. Семененко, пріобрѣло на Холодной горѣ каменный двухэтажный домъ, въ которомъ и постановило открыть богадѣльню для престарѣлыхъ и увѣчныхъ мѣщанъ обоего пола, неспособныхъ къ труду. Была избрана особая комиссія, которая и выработала для богадѣльни временную инструкцію, утвержденную мѣщанскимъ обществомъ въ собраніи 6 ноября 1886 года. Средства для содержанія богадѣльни предположено было брать изъ обязательнаго 20-ти копѣечнаго сбора (1000 р.), съ аренды мѣщанскаго дома (2500 р.) и изъ частныхъ пожертвованій. Первоначальное число призрѣваемыхъ было опредѣлено въ 30 человѣкъ. Управленіе богадѣльней поручено было пяти попечителямъ и распорядительному старостѣ.

---

[1]) Савицкій и Евстратовъ. Стр. 65—66, 63—64, 80—81.
[2]) Уставъ 1882 г.
[3]) Уставъ 1896 г.
[4]) Краткій обзоръ дѣятельности Харьк. город. управы. за 1902—1905 гг., стр. 125.
[5]) Савицкій и Евстратовъ. Стр. 49—50.

Въ послѣдующіе годы учрежденіе продолжало развиваться. Выстроенъ былъ новый каменный двухэтажный домъ съ домовою церковью (Скорбященской), затѣмъ расширенъ, расширена и церковь, къ которой прибавлены два придѣла; прикупленъ участокъ земли къ дворовому мѣсту; выстроена больница для призрѣваемыхъ. Увеличились средства учрежденія, увеличилось и число призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. Въ 1883 г. ихъ принято 33, къ началу 1902 г. ихъ было уже 136 (90 женщинъ и 46 мужчинъ).

Если старики и калѣки требовали къ себѣ общественнаго вниманія, то не менѣе имѣли права на это вниманіе мѣщанскія сироты и дѣти бѣдняковъ. Въ 1888 г. дошла очередь и до нихъ. Спасеніе Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда около Борокъ дало къ этому подходящій поводъ. Желая увѣковѣчить память объ этомъ событіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идя на встрѣчу своимъ сословнымъ нуждамъ, мѣщанское общество постановило открыть при богадѣльнѣ убѣжище для дѣтей сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ мѣщанъ. Для этой цѣли было отчислено 10 тыс. рублей изъ принадлежавшаго обществу капитала, а затѣмъ установленъ былъ спеціальный сборъ съ мѣщанъ по 25 коп. съ человѣка. Убѣжище предназначено было для дѣтей обоего пола отъ 7 до 12 лѣтъ и первоначально расчитано на 20 человѣкъ. Управленіе имъ поручено особому совѣту. При убѣжищѣ устроена начальная школа. Дѣти призрѣвались до 12-тилѣтняго возраста, послѣ чего или отдавались родителямъ, или пристраивались на службу и въ ремесленныя заведенія. Кромѣ того, въ самомъ убѣжищѣ мальчики обучались столярному, токарному, сапожному и др. мастерствамъ, а дѣвочки—шитью и вязанью. Къ 1902 году въ убѣжищѣ находило пріютъ 40 дѣтей (29 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ) [1]).

Позже мѣщанъ, уже въ 90-хъ годахъ, на путь сословной благотворительности вступило дворянство. Если въ восьмидесятые годы сказалась необходимость поддерживать падающихъ, то въ девяностые настала пора подумать о пріютѣ для павшихъ. Поддержку падающихъ взяло на себя правительство, заботу объ упавшихъ—само дворянство. Въ 1893 г. въ Харьковѣ открылось губернское дворянское Общество вспомоществованія. Во главѣ его стала графиня В В. Капнистъ, жена тогдашняго губернскаго предводителя дворянства. Къ участію были привлечены какъ видные столбовые дворяне губерніи, такъ и выслужившіеся „дѣйствительные статскіе", которымъ имущественное или служебное положеніе давало право принадлежать къ мѣстному „порядочному обществу".

На первыхъ же шагахъ дѣятельности Общества къ нему на помощь пришелъ Н. О. Ольденборгеръ. пожертвовавшій Обществу свой домъ на Черноглазовской улицѣ. Здѣсь 4 октября 1893 г. и былъ открытъ домъ призрѣнія для престарѣлыхъ дворянъ и дворянокъ. Первоначально принято было сюда 10 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году подаренный Ольденборгеромъ домъ былъ перестроенъ и расширенъ. Въ немъ призрѣвалось уже 17 человѣкъ. Въ 1897 году ихъ было уже 30, въ 1899 г.—40, въ 1900 г.—34, въ 1902 г.—31. Кромѣ пріюта въ домѣ призрѣнія, Общество съ перваго же года своей дѣятельности стало давать и пособія нуждающимся. Пособія, впрочемъ, были не крупныя (5—10 р. въ мѣсяцъ), да и выдавались-то они на первыхъ порахъ всего двумъ лицамъ. Въ первый годъ дѣятельности Общества пособій выдано было всего только на 18 р., въ слѣдующемъ году уже 604 р., въ 1897 г.—1983 р. (111 лицамъ), въ 1899 г.—1306 р. (102 лицамъ) и т. д. На третій годъ существованія Общества при немъ былъ открытъ домъ трудолюбія и рабочая комната для приходящихъ. Здѣсь нуждающіеся дворяне получали работу, по преимуществу переписку и въ швейной мастерской. Введены были, впрочемъ, и другія работы: ткацкая, прядильная, плетеніе сѣтей. Работавшимъ давался столъ и плата за работу. Въ 1899 г. при Обществѣ открылось дѣтское убѣжище, въ которое было принято 12 дѣтей. Здѣсь ихъ учили, а потомъ опредѣляли въ корпуса или институты, а нѣкоторые воспитывались въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Общество своимъ развитіемъ въ значительной степени обязано графинѣ Капнистъ. Она привлекала къ нему людей и средства, заботилась о расширеніи его дѣятельности, входила въ мелочи хозяйства, составляла рисунки для работъ въ домѣ трудолюбія и т. п. По окончаніи третьяго года дѣятельности Общества Харьковское дворянство, въ знакъ признательности къ гр. Капнистъ, постановило поставить въ залѣ собранія мраморную доску съ ея именемъ, а въ пріютѣ—портретъ графини. Послѣ оставленія обязанностей дѣйствительной предсѣдательницы графиня была избрана почетной предсѣдательницей Общества.

---

[1]) Временная инструкція Харьковской мѣщанской богадѣльни. Уставъ убѣжища для бѣдныхъ дѣтей при богадѣльнѣ Харьк. мѣщ. общ. Отчеты Харьк. мѣщ. общ. 1902 и 1903 гг. (Свѣдѣнія доставлены мѣщанскимъ управленіемъ).

Средства Общества составлялись путемъ пожертвованій, взносовъ членовъ и соревнователей и ежегодныхъ ассигнованій дворянства. Сперва дворянство выдавало Обществу 2500 р. въ годъ, потомъ 5500 р. Не малую роль въ пополненіи кассы Общества играли, конечно, балы, концерты, благотворительные спектакли и т. п. [1]).

Новымъ типомъ благотворительнаго учрежденія, явившимся въ восьмидесятыхъ годахъ, были для Харькова такъ называемыя „Ясли", дававшія дѣтямъ пріютъ и пищу въ теченіе дня, когда матери-работницы лишены возможности имѣть надъ ними надлежащій надзоръ. Первыя „Ясли" были открыты на Москалевкѣ въ 1889 году женою тогдашняго городского головы И. О. Фесенко и содержались на ея средства. Дѣти принимались въ „Ясли" съ утра и оставались въ нихъ въ теченіе цѣлаго дня, получая все необходимое для ихъ содержанія, а въ случаѣ надобности—и лекарства. Ихъ здѣсь мыли, одѣвали въ чистое платье, старшихъ пріучали къ работѣ, а младшихъ (дѣти принимались въ возрастѣ отъ одного года до десяти лѣтъ) оставляли играть. Само собою понятно, что „Ясли" оказались очень полезны, въ особенности для матерей-поденщицъ или тѣхъ, которыя проводили трудовой день внѣ дома. Неудивительно, что „Ясли" пользовались большимъ успѣхомъ. Въ первый годъ ихъ существованія „Ясли" призрѣли до 8000 дѣтей, въ послѣдующее время цифра эта нѣсколько сократилась, но все же не падала ниже 6000. Изъ крупныхъ пожертвованій въ пользу москалевскихъ „Яслей" упомянемъ о 3000 руб., завѣщанныхъ „Яслямъ" г. Бѣлокопытовымъ.

Съ отъѣздомъ г-жи Фесенко изъ Харькова „Ясли" были переданы въ другія руки, но дѣятельность ихъ не ослабѣвала. Теперь „Ясли" находятся въ завѣдываніи Преображенскаго участковаго попечительства.

Идея „Яслей"—не новая: мы уже видѣли, что она осуществлялась еще въ 40-хъ годахъ дѣтскимъ пріютомъ, но затѣмъ была забыта. Въ 80-хъ годахъ „Ясли" оказались вполнѣ благовременными, ибо отвѣчали одной изъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго населенія города.

Отдѣленіе попечительства о слѣпыхъ, возникшее въ Харьковѣ въ 80-хъ годахъ, было учрежденіемъ полуказеннымъ. Сперва въ Харьковѣ имѣлся только уполномоченный попечительства, собиравшій пожертвованія и оказывавшій иногда посильную помощь слѣпымъ. Развилось дѣло только послѣ принятія званія уполномоченнаго А. Д. Надыровымъ. Въ 1885 г. устроили двѣ кровати въ глазной клиникѣ профессора Л. Л. Гиршмана для подачи помощи лицамъ еще не вполнѣ утратившимъ зрѣніе, а въ 1886 г. въ Харьковѣ открыто отдѣленіе попечительства, предсѣдателемъ котораго сталъ бывшій въ то время губернаторомъ А. И. Петровъ. Наконецъ, 18 мая 1886 г. открыто училище для слѣпыхъ, въ 1893 г. уже обзавевшееся собственнымъ домомъ. Кромѣ воспитанія слѣпыхъ, благотворительная дѣятельность отдѣленія выражалась въ выдачѣ пособій слѣпцамъ въ размѣрѣ 5—10 руб. [2]).

На ряду съ пріютско-богадѣленной благотворительностью, возобладавшей въ то время въ Харьковѣ, возникло и нѣсколько учрежденій, въ основѣ которыхъ лежали идеи шестидесятниковъ.

Такова напр. дешевая столовая для недостаточныхъ студентовъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Харькова, основанная въ 1891 г. Е. Г. Тихомандрицкою на средства, собранныя ею въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ. Опытъ первыхъ лѣтъ показалъ, что такое учрежденіе въ высшей степени необходимо для громаднаго большинства студентовъ. Въ 1893 г. образовалось уже Общество столовыхъ для недостаточныхъ студентовъ. Нормальная мѣсячная плата за обѣдъ—6 р., болѣе нуждающимся она понижалась до 4 р. и даже до 1 р., а были такіе, что и совсѣмъ освобождались отъ платы. Какъ велика нужда въ столовой, видно уже изъ того, что многимъ пришлось отказывать по недостатку средствъ и мѣста.

Не была забыта въ Харьковѣ и идея взаимопомощи, впервые занесенная къ намъ въ тѣ же шестидесятые годы. Въ 1881 г. по иниціативѣ редактора-издателя „Южнаго Края" А. А. Іозефовича, владѣльца типографіи М. Ф. Зильберберга, д-ра Б. В. Хавкина, И. О. Фесенко и др. образовалось Общество взаимнаго вспоможенія наборщиковъ г. Харькова. Въ 1883 г., по мысли гг. Ксензова, Бондарева, Жегулина, Алексѣева и Гусева, возникло Общество взаимнаго вспоможенія приказчиковъ, поставившее себѣ цѣлью матеріальную поддержку своимъ больнымъ и престарѣлымъ членамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ 1890 г., по иниціативѣ учителя реальнаго училища Власовскаго, образовалось Общество взаимнаго вспоможенія

[1]) Отчеты Харьк. губ. дворянскаго Общества вспомоществованія за 1893/4—1902 гг. Уставы Общества и его дома призрѣнія 1894 и 1899 гг.

[2]) Савицкій и Евстратовъ. Стр. 66—70.

учительницъ и воспитательницъ, поставившее своею цѣлью не только денежную помощь своимъ нуждающимся членамъ, но и вспомоществованіе имъ въ пріисканіи занятій и предоставленіи дешевыхъ квартиръ въ помѣщеніи Общества. Общество привлекло сочувствіе дамъ изъ обезпеченныхъ классовъ, выразившееся не только въ денежныхъ взносахъ, но и въ непосредственномъ участіи въ дѣлахъ Общества. Въ составѣ правленія первыхъ годовъ видимъ такихъ вполнѣ обезпеченныхъ лицъ, какъ М. А. Шимкова, А. М. Верховская, Н. Я. Новова, гр. В. В. Капнистъ, Д. Д. Оболенская, А. Ф. Рейнгардтъ, Е. Н. Сомова и др. Въ 1893 г. возникло Общество взаимнаго вспоможенія на случай смерти, первымъ предсѣдателемъ котораго избранъ его иниціаторъ І. А. Кобозевъ. Въ 1894 г. открыло свои дѣйствія Общество взаимнаго вспоможенія занимающихся письменнымъ трудомъ.

Развивалась благотворительная дѣятельность и среди нерусскаго населенія Харькова.

Еще въ 1823 г., какъ мы упоминали, образовался комитетъ для помощи нуждающимся членамъ Харьковской лютеранской церковной общины, а также бѣднымъ нѣмцамъ, понавшимъ въ Харьковъ проѣздомъ. Комитетъ этотъ просуществовалъ до 1884 года, когда былъ замѣненъ Обществомъ для оказанія помощи и пріисканія труда нуждающимся нѣмцамъ. Общество было основано 29 лицами въ началѣ 1884 года. 20 февраля 1885 г. состоялось первое общее собраніе, на которомъ были выбраны первые члены совѣта. Во главѣ Общества стали: первый иниціаторъ его, много потрудившійся для Общества, Вильгельмъ Статсъ, затѣмъ извѣстный своею широкою благотворительностью Максимиліанъ Гельферихъ, Генрихъ Бюрау, Августъ Грундлеръ и Фридрихъ Кохъ. Основной капиталъ Общества равнялся въ это время всего 500 р. Черезъ 10 лѣтъ капиталъ этотъ возросъ до 6 тыс. руб. Въ этомъ году харьковскіе нѣмцы праздновали 80-ю годовщину рожденія Бисмарка, по сему случаю собрали капиталъ въ 1400 р., который и передали Обществу. Въ послѣдующіе годы средства Общества возросли благодаря щедрымъ пожертвованіямъ. Такъ, въ 1900 г. по завѣщанію А. Пильстремъ въ кассу Общества поступило 1000 р. и столько же по завѣщанію А. Гельферихъ. Въ 1901 г. по завѣщанію М. Гельферихъ 5000 р., а потомъ еще 600 р. Въ 1902 г. отъ семейства Кохъ 500 р. для образованія капитала имени Юліи Кохъ. Въ 1903 г. отъ К. Нестель 1000 р. и отъ А. Грундлеръ 5000 р. Въ 1904 г. капиталъ Общества достигалъ уже солидной цифры 28346 руб. [1]).

Попечительство о бѣдныхъ римско-католическаго вѣроисповѣданія открылось 25 февраля 1896 г. Уставъ его утвержденъ въ декабрѣ 1895 г. Въ первомъ же засѣданіи попечительства для завѣдыванія текущими дѣлами былъ избранъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ профессора Ѳ. М. Опенховскаго. Дѣятельность комитета сводилась къ выдачѣ нуждающимся ежемѣсячныхъ пособій, единовременныхъ, заимообразныхъ и безвозвратныхъ, доставленію работы нуждающимся, хлопотамъ о помѣщеніи ихъ въ богадѣльню и хлопотамъ объ открытіи школы для бѣдныхъ дѣтей. Къ концу перваго года школа была уже открыта. Устраивало попечительство и разговѣнья для бѣдныхъ, и елки для дѣтей неимущаго класса, заботилось и объ обученіи дѣтей ремесламъ, уплачивая за уроки кройки и шитья для бѣднѣйшихъ дѣвочекъ. Средства попечительства составлялись изъ членскихъ взносовъ, сборовъ въ костелѣ, пожертвованій и доходовъ отъ увеселеній. Въ составъ попечительства вошли всѣ болѣе или менѣе состоятельные католики Харькова. Въ первый же годъ членовъ было 214 [2]). Дабы заручиться поддержкой въ мѣстныхъ административныхъ кругахъ, попечительство на первыхъ же порахъ своей дѣятельности избрало своимъ почетнымъ предсѣдателемъ Харьковскаго губернатора Тобизена. Къ концу седьмого года существованія попечительства въ составъ его, кромѣ почетнаго предсѣдателя, входило пять почетныхъ и 249 дѣйствительныхъ членовъ. Въ первый годъ существованія попечительства его доходъ не достигалъ и четырехъ съ половиною тысячъ руб., а въ 1903 г. оно имѣло дохода больше 10 тыс. руб.; расходъ перваго года равнялся 3857 р., а въ 1903 г.—9592 р. Въ 1896 г. въ школѣ было 20 учащихся, а въ 1903 г.—34 [3]).

Послѣднее десятилѣтіе разсматриваемаго нами періода дало Харькову рядъ новыхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ эти годы, какъ нами уже отмѣчено, развилась приходская благотворительность и возникли такія учрежденія, какъ домъ трудолюбія, Ольгинскій пріютъ, училище глухо-нѣмыхъ, благотворительное Общество судебнаго вѣдомства, попечительство о народной трезвости, сельскій пріютъ, Общество попеченія о больныхъ дѣтяхъ и др. Перечислимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, по времени возникновенія.

[1]) Свѣдѣнія любезно доставлены Э. И. Мельгозе.

[2]) Отчетъ попечительства за 1896/7 г.

[3]) Тоже за 1905 г.

Идея трудовой помощи, нашедшая себѣ выраженіе въ домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, была подана сверху. Въ 1895 г. Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ угодно было принять подъ свое покровительство новую, мало до тѣхъ поръ извѣстную въ Россіи отрасль благотворительности, задачей которой является оказаніе трудовой помощи трудоспособнымъ работникамъ, по какимъ-либо причинамъ не находящимъ работы. Въ Петербургѣ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ учреждено было попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, а затѣмъ стали возникать и самые дома. Въ Харьковѣ иниціаторомъ учрежденія дома трудолюбія былъ полковникъ Шпицбергъ, командиръ Оренбургскаго казачьяго полка. Домъ трудолюбія имѣлъ въ виду давать трудовую помощь безработнымъ предоставленіемъ имъ пріюта и маленькаго трудового заработка впредь до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы. Уставъ Общества былъ утвержденъ въ 1896 г. Общество дома трудолюбія, по уставу, составляется изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Почетными считаются лица, внесшія не менѣе 1000 р., кромѣ того, губернаторъ, архіерей, городской голова и предводитель дворянства. Дѣйствительные члены—всѣ, кто уплачиваетъ въ пользу Общества годовой взносъ въ размѣрѣ не менѣе трехъ рублей. Общество получило право устроить столовую, ночлежный пріютъ, ясли, лечебницу, библіотеку, мастерскія и т. п. [1]).

Новое учрежденіе было встрѣчено сочувственно. Городъ отдалъ въ его распоряженіе новоотстроенный домъ на Конной площади, предназначавшійся для ночлежнаго пріюта. Общество было принято подъ высокое покровительство, получило нѣкоторое пособіе изъ средствъ центральнаго петербургскаго попечительства. Дѣла въ немъ, однако же, шли не важно. Въ 1900 г. домъ трудолюбія посѣтилъ членъ центральнаго попечительства Е. Д. Максимовъ. Оказалось, что домъ былъ расчитанъ на 150 трудолюбцевъ, а призрѣвалось въ немъ всего 23, и только по зимамъ число призрѣваемыхъ доходило до 100 человѣкъ. Должность смотрителя правилъ околоточный надзиратель. Ни члены правленія, ни члены Общества дежурствъ въ домѣ не несли. При домѣ были мастерскія, но и здѣсь дѣло шло плоховато. Въ столярной мастерской мастера получали издѣльно, но немного, а мальчики и совсѣмъ ничего, кромѣ харчей, не получали. Заказовъ было не мало, но мастерская выполнить ихъ была не въ состояніи. Въ швейной мастерской работницы въ большинствѣ случаевъ ничего не получали за свой трудъ, кромѣ помѣщенія и харчей. Въ переплетной мастерской рабочихъ было всего три, а портняжная дѣйствовала слабо. То же отмѣчено ревизоромъ и относительно конторы для найма прислуги. „Призрѣваемые—писалъ Е. Д. Максимовъ—въ 1898 г., провели въ домѣ трудолюбія 10175 сутокъ, но при этомъ чернорабочими и мастеровыми, которыхъ нельзя было занять подходящей для нихъ работой, было проведено 5833 дня. Слѣдовательно, Харьковскій домъ трудолюбія не осуществлялъ своей задачи больше, чѣмъ наполовину“ [2]). Нельзя сказать, чтобы въ удовлетворительномъ видѣ нашелъ домъ трудолюбія и А. Ѳ. Кони, посѣтившій его въ 1902 г. Ревизоръ не нашелъ „признаковъ необходимой заботы о чистотѣ помѣщенія“. Дѣятельность дома представлялась ему „довольно ограниченною сравнительно съ другими подобными же учрежденіями“. Еще въ 1900 г. при домѣ дѣйствовали мастерскія—столярная, швейная, портняжная, сапожная, переплетная и такъ называемая „мастерская разныхъ цеховъ и чернорабочихъ“. Въ 1902 г. осталась только столярная, а вмѣсто всѣхъ прочихъ организована одна пакетная. За упраздненіемъ швейной мастерской, женщинамъ, кромѣ одной прачки, дѣлать въ домѣ было нечего, и потому ихъ тамъ совсѣмъ не было. Трудолюбцевъ по прежнему было немного. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Кони насчиталъ ихъ 47, въ другое 32. Члены правленія въ домѣ по прежнему не дежурили, наказанія на трудолюбцевъ налагались по произволу смотрителя, врачъ дома не посѣщалъ и т. п. Изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій Кони вынесъ заключеніе, что Харьковскій домъ трудолюбія „не представляетъ собою необходимыхъ условій для цѣлесообразно дѣйствующаго учрежденія трудовой помощи“ [3]).

Въ 1905 г. въ домѣ перебывало 187 трудолюбцевъ, изъ нихъ 36 мальчиковъ, помѣщенныхъ сюда по случаю ихъ безпріютности. „Изъ числа этихъ дѣтей 5 человѣкъ были пристроены къ мѣстамъ, 10 удалось пріучить къ работѣ въ столярной и пакетной мастерскихъ, остальные провели въ домѣ трудолюбія только зиму, съ наступленіемъ же весны разбѣжались, унеся съ собою выданную имъ одежду“. Впрочемъ,

[1]) Уставъ Общества 1896 г.

[2]) Сборникъ свѣдѣній по попечительству о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Вып. 3, стр. 81—83.

[3]) Сборникъ свѣдѣній и пр. Вып. 7, стр. 40—44.

„почти аналогичное явленіе наблюдалось и по отношенію къ взрослымъ рабочимъ, которые на лѣтніе мѣсяцы обыкновенно оставляютъ домъ трудолюбія и идутъ себѣ пріискивать болѣе выгодную работу“ [1]).

Въ 1896 г. въ Харьковѣ открылось первое учрежденіе по призрѣнію глухо-нѣмыхъ. Иниціаторомъ явился священникъ В. Ветуховъ, открывшій въ 1896 г. частную школу для глухо-нѣмыхъ. Въ началѣ дѣло велось устроителемъ на его личный страхъ и рискъ, впослѣдствіи училище было принято подъ покровительство попечительства Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ, и въ Харьковѣ образовано было отдѣленіе этого попечительства, взявшее на себя заботу о школѣ. Училище пріобрѣло свой собственный домъ. Въ 1904 г. въ училищѣ было 57 глухонѣмыхъ дѣтей. Дѣло поставлено такъ, что выпускаемые изъ училища воспитанники имѣютъ возможность зарабатывать себѣ пропитаніе, не прибѣгая къ общественной благотворительности. Изъ 65 глухонѣмыхъ, выпущенныхъ училищемъ по 1905 г., огромное большинство нашло себѣ трудовой заработокъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Училище обучаетъ своихъ питомцевъ, кромѣ грамоты, ремесламъ—столярному, токарному, ткацкому, шитью и кройкѣ, черченію и рисованію [2]).

Въ томъ же 1896 г. было организовано и дѣло призрѣнія вдовъ и сиротъ духовенства. По иниціативѣ преосвященнаго Амвросія, въ 18 верстахъ отъ Харькова былъ основанъ епархіальный сиротскій пріютъ. Основатель сумѣлъ доставить своему дѣтищу прочное матеріальное обезпеченіе. Пріютъ является обладателемъ цѣлаго имѣнія. Огромный прудъ, трехдесятинный садъ, огородъ въ 5 десятинъ, 14 десятинъ пахатной земли, 8 десятинъ луга и 27 десятинъ лѣса—все это принадлежитъ епархіальному пріюту. Къ этому нужно прибавить обязательныя поступленія отъ монастырей (220 р.), епархіальнаго свѣчного завода (1500 р.), епархіальнаго попечительства (1500 р.), архіерейскаго домоправленія и пожертвованія духовенства и свѣтскихъ лицъ. Пріютъ предназначенъ для священническихъ, діаконскихъ и причетническихъ вдовъ, оставшихся съ малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ ихъ воспитанію. Дѣти остаются въ пріютѣ до десятилѣтняго возраста, а затѣмъ поступаютъ въ духовноучебныя заведенія. Въ 1898 г. въ пріютѣ уже призрѣвалось 8 вдовъ съ 10 дѣтьми [3]).

Къ тому же 1896 г. относится и начало дѣятельности Харьковскаго отдѣленія благотворительнаго Общества судебнаго вѣдомства. Задача новаго учрежденія сводилась къ помощи чиновникамъ судебнаго вѣдомства выдачей ссудъ и единовременныхъ безвозвратныхъ пособій нуждающимся. Въ составъ отдѣленія вошли всѣ чиновники Харьковскаго судебнаго округа. Въ 1899 г. членовъ было около 500, а въ 1904 г. 569. На выдачу безвозвратныхъ пособій тратилось болѣе 3300 руб. въ годъ [4]).

Въ 1897 г. въ Харьковѣ возникли вторыя „Ясли“, на Пескахъ, учрежденныя М. И. Шипиловой, какъ отдѣленіе „Яслей“ москалевскихъ. Въ 1900 г. послѣ передачи „Яслей“ въ завѣдываніе Е. Ф. Брандтъ, для нихъ былъ отведенъ участокъ городской земли, на которой и былъ выстроенъ домъ для „Яслей“. Въ 1902 г. единоличное дѣло стало коллегіальнымъ: учреждено Общество „Яслей“, во главѣ котораго, въ качествѣ предсѣдательницы стала Е. Ф. Брандтъ. Новыя „Ясли“ оказались учрежденіемъ нужнымъ и полезнымъ. Изъ отчета за время съ 1 марта 1902 по 1 января 1903 г. видно, что въ теченіе 169 дней функціонированія „Яслей“ ихъ посѣтило 5486 дѣтей [5]).

Съ 1 января 1898 г., съ введеніемъ въ Харьковской губерніи казенной винной монополіи, открылось въ Харьковѣ попечительство о народной трезвости. Бюрократическое по существу, попечительство не отвергало, однако, и общественную помощь въ лицѣ такъ называемыхъ членовъ-соревнователей. Наибольшее значеніе для Харькова имѣлъ городской комитетъ попечительства, учрежденный въ томъ же 1898 г. Важнѣйшей заслугой попечительства является крупная субсидія на устройство и содержаніе Народнаго дома, учрежденнаго Обществомъ грамотности. Кромѣ того, комитетъ содержалъ на свои средства въ разныхъ частяхъ города народныя чайныя. Въ 1902 г. такихъ чайныхъ было у комитета четыре [6]).

Рожденіе Великой Княгини Ольги Александровны ознаменовалось учрежденіемъ ряда такъ называемыхъ Ольгинскихъ пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей. Въ 1899 г. возникъ такой пріютъ и въ Харьковѣ.

[1]) Сборникъ свѣдѣній и пр. Вып. 13, стр. 391—394.
[2]) Отчетъ Харьковской городской управы за 1904 г., стр. 147—150.
[3]) Харьковскій Календарь 1899 г., стр. 221.
[4]) Харьковскій календарь 1901 г., стр. 247 и 1905 г. стр. 246.
[5]) Отчетъ Харьк. город. управы за 1903 г., стр. 44—48.
[6]) Отчетъ Харьковскаго попечительства о народной трезвости 1898 г. Харьков. Календарь на 1906 г., стр. 209.

Возникъ онъ при Обществѣ дома трудолюбія и въ началѣ въ этомъ домѣ и помѣщался. Положеніе его въ это время было не блестящее. Въ 1900 г., по отчету Е. Д. Максимова, въ пріютѣ было 11 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Раньше было больше, но дѣтей взяли родители. Никакимъ ремесламъ дѣти не обучались: они мыли полы и убирали комнаты сами. Дѣтей обучали грамотѣ, закону Божію и счету. Учительницей была монашенка [1]). А. Ѳ. Кони, посѣтившій пріютъ въ 1902 г., нашелъ, что несмотря на недостатки помѣщенія, онъ содержится въ «образцовомъ порядкѣ». Въ пріютѣ было въ то время 33 ребенка. За недостаткомъ мѣста приходилось класть по двое на одну кровать, а нѣкоторымъ ложе устраивалось прямо на полу. Денежныя дѣла пріюта были въ плачевномъ состояніи: получалъ онъ 1700 р., а тратилъ 3 тысячи. Кони рѣшительно высказывался за отдѣленіе пріюта отъ дома трудолюбія [2]).

Отдѣленіе вскорѣ и совершилось. Мѣщанинъ Некрасовъ оставилъ по духовному завѣщанію въ пользу г. Харькова свой домъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ былъ учрежденъ пріютъ для дѣтей женскаго пола. Этотъ домъ и былъ переданъ Ольгинскому пріюту. Въ 1905 г. городъ вмѣсто прежнихъ 200 руб. выдавалъ пріюту ежегодное пособіе уже въ 800 р. Приходный бюджетъ пріюта въ этомъ году достигалъ 4078 р., а расходный 3855 р. [3]).

Общество попеченія о больныхъ дѣтяхъ Харькова и его окрестностей возникло въ 1899 г. Иниціаторомъ его былъ докторъ Н. Н. Филипповъ. Крупную поддержку Обществу оказалъ извѣстный благотворитель М. Х. Гельферихъ, внесшій въ кассу Общества 6000 р. Откликнулись и другіе благотворители. Помощь Обществу оказали уѣздное земство и городъ. Съ первыхъ же дней Общество устроило больницу, сразу привлекшую массу больныхъ дѣтей [4]).

Въ 1901 г. возникло Общество физическаго воспитанія дѣтей и попеченія о нихъ. Дѣятельность свою Общество начало при 300 членахъ. На первыхъ порахъ дѣятельность Общества ограничилась организаціей подвижныхъ игръ для дѣтей въ Университетскомъ саду и въ третьей гимназіи.

Въ томъ же 1901 г. устроилось и Общество попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова. Проектъ учрежденія, преслѣдующаго аналогичныя цѣли, еще въ 1890 г. былъ предложенъ тогдашнимъ городскимъ головой И. О. Фесенко. Въ 1893 г. выработанъ былъ другой проектъ кружкомъ лицъ во главѣ съ проф. В. Я. Данилевскимъ. Но ни тотъ, ни другой проектъ не былъ утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Пришлось выработать третій, который и удостоился, наконецъ, апробаціи. 4 ноября 1901 г. состоялось первое собраніе новаго Общества. Изъ видныхъ дѣятелей его упомянемъ В. Я. Данилевскаго, Е. К. Рѣдина, А. М. Северина.

Въ 1902 г. возникло Харьковское сельское попечительство дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства Императрицы Маріи, а въ 12 мая того же года при попечительствѣ, стараніями земскаго начальника П. Р. Богуславскаго, открытъ пріютъ для 10 дѣтей обоего пола, круглыхъ сиротъ. Съ теченіемъ времени число пріютскихъ питомцевъ умножилось почти вдвое. Пріютъ обзавелся собственнымъ домомъ. Средства пріюта составлялись главнымъ образомъ изъ взносовъ почетныхъ членовъ и изъ пособій Харьковскаго крестьянскаго общества и уѣзднаго земства.

Говоря о харьковскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, мы упоминали и имена лицъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и успѣхахъ этихъ учрежденій. Но было бы несправедливо въ главѣ, посвященной благотворительности, не вспомнить и о тѣхъ, чья дѣятельность въ сущности была «благотворительнымъ подвигомъ», хотя и не всегда имѣла прямое отношеніе къ общественному призрѣнію. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, какъ не «благотворительнымъ подвигомъ», было пожертвованіе С. А. Клеменова на устройство приходскаго училища, носящаго его имя? Развѣ не благотворителемъ былъ Ильинъ, на пожертвованіе котораго возникла школа, на Москалевкѣ, названная его именемъ? Несомнѣнно „благотворительный подвигъ“ совершилъ и Ф. С. Карповъ, пожертвовавшій крупный капиталъ въ 75 тысячъ руб. на разныя городскія учрежденія. Къ числу незабвенныхъ благодѣтелей города принадлежитъ и В. И. Пащенко-Трякинъ, отдавшій Харькову свое крупное состояніе, заключавшееся въ домахъ, оцѣнивавшихся по тому

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній по попечит. о домахъ трудолюбія. Вып. 3, стр. 84.

[2]) Сборникъ свѣдѣній и пр. Вып. 7, стр. 44—50.

[3]) Сборникъ свѣдѣній и пр. Вып. 13, стр. 394—395 и Обзоръ дѣятельности Харьк. город. управ. за 1902—1905 г. г. стр. 13—17.

[4]) Отчетъ за 1901 г.

времени въ 600 тыс. руб. Конечно, въ бывшихъ домахъ Пащенко-Тряпкина нѣтъ ни богадѣленъ, ни пріютовъ, тѣмъ не менѣе его имя не можетъ быть забыто въ исторіи харьковской общественной благотворительности. Еще болѣе близкое отношеніе къ дѣлу общественнаго призрѣнія имѣлъ Тихоновъ, на пожертвованіе котораго возникъ первый и, къ сожалѣнію, единственный городской ночлежный пріютъ. Имя Е. С. Гордѣенка имѣетъ уже и совсѣмъ близкое касательство къ сферѣ общественной благотворительности: на пожертвованный имъ капиталъ и до сихъ поръ выдаются преміи прислугѣ за долговременную службу на одномъ мѣстѣ, а сдѣланное было имъ пожертвованіе на устройство рабочаго дома, къ сожалѣнію, не использованное, обѣщало благовременно положить въ Харьковѣ начало той трудовой помощи, о которой у насъ заговорили только во второй половинѣ девяностыхъ годовъ. Къ сферѣ благотворительности нужно отнести, конечно, крупныя пожертвованія, сдѣланныя разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ покойнымъ М. Х. Гельферихъ, но несомнѣнно «благотворительнымъ подвигомъ» нужно назвать и пожертвованіе имъ 100 тыс. руб. на устройство городской женской больницы. Благотворительный характеръ носитъ и пожертвованіе А. А. Іозефовича, давшаго средства на устройство первыхъ домовъ дешевыхъ квартиръ въ Харьковѣ.

Право на имя благотворителей имѣютъ у насъ въ Харьковѣ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя учрежденія. Таково прежде всего само городское управленіе, своими субсидіями поддерживающее рядъ благотворительныхъ, лечебныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Таковы и многіе харьковскіе банки, начиная съ городского купеческаго, удѣляющіе иногда довольно крупныя суммы изъ своихъ прибылей на нужды благотворительности: упомянемъ о ежегодной субсидіи городского банка Александровской больницѣ и благотворительному Обществу, о «капиталѣ невѣстъ» Общества взаимнаго кредита приказчиковъ.

Подводя итоги тому, что сдѣлано въ области харьковской общественной благотворительности, слѣдуетъ придти къ выводу, что у насъ обращено наибольшее вниманіе на призрѣніе дѣтей, начиная съ грудныхъ и кончая слѣпыми, глухими и нравственно испорченными (малолѣтніе преступники). Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ нищенство дѣтей на улицахъ города—явленіе далеко не рѣдкое. Кое что сдѣлано и по части призрѣнія стариковъ и старухъ, хотя и далеко не въ той степени, въ какой это требуется условіями жизни. Почти ничего, можно сказать не сдѣлало въ дѣлѣ трудовой помощи нуждающемуся въ работѣ населенію, ибо домъ трудолюбія далеко не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, а другихъ учрежденій въ этомъ родѣ у насъ совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ, въ дѣлѣ облегченія жилищной нужды бѣднѣйшихъ слоевъ населенія сдѣланъ только одинъ маленькій шагъ, къ сожалѣнію, оставшійся безъ продолженія за отсутствіемъ охотниковъ идти этой дорогой. Трудно, конечно утолить жажду въ общественной благотворительности въ такихъ городахъ, какъ Харьковъ, отовсюду привлекающій къ себѣ не только сильныхъ и работоспособныхъ, но и слабыхъ, нуждающихся въ общественной поддержкѣ, тѣмъ не менѣе на эту сторону городской жизни слѣдуетъ обратить гораздо больше вниманія, чѣмъ обращалось до сихъ поръ. Дѣло тутъ идетъ не о «жалкихъ словахъ», а о шкурныхъ интересахъ самихъ же сильныхъ.

Крупнымъ недостаткомъ существующихъ благотворительныхъ организацій является ихъ разобщенность, отсутствіе связи другъ съ другомъ. Связаны между собою только учрежденія благотворительнаго Общества. Между тѣмъ только при объединеніи, при наличности общаго направляющаго центра, дѣятельность благотворительныхъ организацій могла бы получить и большій размахъ, и большую стройность. Необходима затѣмъ и большая демократизація благотворительныхъ учрежденій, которымъ участіе среднихъ и низшихъ слоевъ городского населенія могло бы дать и большую освѣдомленность, и большую работоспособность, не говоря уже о нѣкоторой прибавкѣ къ бюджету. Наконецъ, слабымъ мѣстомъ всѣхъ безъ исключенія благотворительныхъ харьковскихъ организацій является случайность поступленія денежныхъ средствъ и шаблонность способовъ ихъ добыванія. Состоятельные люди охладѣваютъ къ благотворительности и жалуются на слишкомъ уже большое обиліе предложенія билетовъ на разные благотворительные спектакли, иллюзіоны и т. п., пріуроченные по большей части къ «зимнему сезону». Помочь горю могло бы въ данномъ случаѣ только одно средство—налогъ для бѣдныхъ, но установленіе его—вопросъ уже общегосударственный, а не мѣстный.

Глава 27-я.

Бытъ и нравы харьковскаго общества.

Основы стараго патріархальнаго малорусскаго быта Харькова стали расшатываться еще во 2-й половинѣ XVIII вѣка, когда онъ изъ полковаго Слободско-Украинскаго центра превратился въ губернскій городъ, съ губернскими учрежденіями и съ тѣми классами населенія, которые существовали во всякомъ русскомъ губернскомъ городѣ. Но Харьковъ въ XIX в. былъ не просто губернскимъ городомъ, а и крупнымъ торговымъ центромъ, привлекавшимъ на свои ярмарки массы великорусскаго купечества, часть котораго осаживалась въ немъ и на постоянное жительство; онъ сдѣлался, наконецъ, и университетскимъ городомъ ранѣе Кіева, Одессы. Во второй половинѣ XIX в., съ уничтоженіемъ крѣпостного права, начался особенно замѣтный подъемъ всѣхъ сторонъ его жизни, въ связи съ интенсивной крестьянской колонизаціей, которая шла изъ окружающихъ его сосѣднихъ губерній. Развитіе промышленности, народнаго образованія, прессы, театра и вообще культуры характеризуетъ эту эпоху въ жизни Харькова, но всѣ эти явленія дѣйствовали нивеллирующимъ образомъ на формы и складъ жизни мѣстнаго общества, сглаживали ея старыя особенности и сдѣлали Харьковъ мало чѣмъ непохожимъ на другіе большіе русскіе города. Эта нивеллировка, конечно, коснулась въ бо́льшей степени высшихъ слоевъ общества, но она замѣтно отразилась и на низшихъ, ибо и на нихъ сильно дѣйствовали новыя условія городской жизни, съ ея фабриками и заводами, съ общей воинской повинностью, русской грамотой, литературой, искусствомъ. Но и мѣстная малорусская стихія не окончательно исчезла и явилась у нѣкоторыхъ основою для возрожденія на этой благопріятной почвѣ сознательной любви къ языку, быту и прошлому своего края. Этимъ, напримѣръ, объясняется зарожденіе и развитіе въ Харьковѣ малорусской литературы, успѣхъ малорусскаго театра, непрерывная нить историческихъ и этнографическихъ изученій края. Въ силу сказаннаго мы обратимъ исключительно свое вниманіе на бытъ и нравы харьковскаго общества въ первую половину XIX в., когда они были еще своеобразны и типичны и характеризовались особенностями, нынѣ почти совершенно исчезнувшими.

Основною чертою старой харьковской общественной жизни является господство сословнаго начала—рѣзкая обособленность и замкнутость сословій. Каждое изъ нихъ жило своею особенною жизнью, не похожею на жизнь другого сословія—имѣло свои развлеченія и удовольствія. Современникъ (В. Пашковъ) отмѣчаетъ эту черту для 40-хъ годовъ XIX в. „Городъ наполнялся, развивался, говоритъ онъ; развивалась въ немъ мало-по-малу и общественная жизнь, хотя не мало было и преградъ для ея развитія. Главная же и рѣзко выдававшаяся общественная черта обозначалась въ тогдашнихъ сословныхъ отношеніяхъ, между которыми стояли еще вѣковыя, историческія и другія грани. Напримѣръ, дворянинъ не ломалъ первый шапки передъ купцомъ, хотя бы тотъ былъ гораздо интеллигентнѣе и въ десять разъ богаче; купецъ 1-й гильдіи также не ломалъ первый шапки предъ купцомъ 2-й гильдіи и т. д.; а было это наоборотъ и соблюдалось строго. Такъ и военные относились къ штатскимъ, штатскіе къ купечеству и духовенству, горожане къ сельскому жителю. Словомъ,—каждый классъ преферанствовалъ, пользовался своими правами на счетъ другого класса и въ обществѣ нашемъ было еще много китайщины.... Исключенія сюда не идутъ и были они весьма рѣдки. Мы говоримъ объ обще-господствовавшихъ тогда кастовыхъ чертахъ въ средѣ нашихъ сословій. Образовались они во мракѣ прошедшихъ столѣтій, глубоко пустили корни и переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока не были потрясены общими реформами, пошатнулись и теперь почти невозвратно исчезли.

Дворянство наше, опираясь на крѣпостное и вотчинное права, имѣло тогда громадное значеніе и вліяніе на всѣ прочія сословія. Будучи, сравнительно, гораздо образованнѣе и богаче, оно, какъ

сословіе привиллегированное, занимало всѣ важныя общественныя должности въ ущербъ другимъ сословіямъ, которыя, и прямо и косвенно, были въ зависимости отъ дворянъ и оставались въ пассивномъ состояніи... На зиму богатое дворянство пріѣзжало въ Харьковъ, нѣкоторыя перебирались на зиму въ столицы, а иные и за-границу прокатывались. Молодежь обоего пола, какъ и теперь, училась и воспитывалась въ Харьковѣ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; половина юношей поступала потомъ въ военную службу—въ кавалерію Чугуевскаго военнаго поселенія, часть въ университетъ, а остальные въ штатскую службу". Тоже подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и Рейнгардтъ. „Классы, говоритъ онъ, не смѣшивались и каждый придерживался своего круга. Дворяне не имѣли своего клуба въ Дворянскомъ домѣ, но устраивали вечера и обѣды на дому, гдѣ садились за бостонъ или въ азартныя игры, особенно въ Троицкую ярмарку. Балы, маскарады, концерты привлекали дворянъ обоего пола въ Дворянское собраніе, особенно во время выборовъ. Аристократія блистала даваемыми то у одного, то у другого пирами. Мелкіе дворяне и чиновничество скромнѣе предавались тѣмъ же удовольствіямъ въ своихъ домахъ и къ нимъ примыкало бо́льшее число ученыхъ. Удовольствія эти имѣли болѣе характеръ семейный. По праздникамъ или особымъ случаямъ именины, крестины, свадьбы и по другимъ радостнымъ днямъ собирались къ гостепріимному хозяину молодые люди потанцовать, старики садились за зеленый столъ, за стаканъ пунша. Сначала бостонъ былъ въ общемъ употребленіи, потомъ вистъ. Въ пикетъ, марьяжъ, соло игрывали, когда не составлялась партія въ бостонъ. Гранъ-пасіянъ выкладывали старики и старухи отъ скуки, а молодежь упражнялась въ дурачка, фофана, мельника, короля, въ перемежку съ фантами, въ которыхъ практиковались поцѣлуи. Въ лѣтнее время—горѣлки, жмурки. Дѣвицы были не жеманны, молодые люди—не нахальны. Нравственность—на первомъ планѣ. Уваженіе къ дамамъ и дѣвицамъ, при свойственной образованному классу деликатности, строго соблюдалось. При входѣ, здороваясь съ хозяйкою, также какъ и при прощаніи, мужчина подходилъ къ ручкѣ и по очереди ко всѣмъ присутствующимъ дамамъ и взрослымъ дѣвицамъ. Отступленіе отъ принятаго обычая почиталось за невѣжество. Взамѣнъ этого дама цѣловала васъ въ лобъ. Танцы—подъ звукъ „унылый фортепьяно", впрочемъ тогда еще клавикорда, часто до-нельзя разбитаго, но это ничего, все-таки отбарабанятъ тактъ. Тогдашніе танцы—экосезъ, вальсъ, мазурка, полонезъ, котильонъ, менуэтъ, гросфатеръ, русскій кадриль. Контрдансъ, полька, полька-мазурка тогда еще не были извѣстны. Къ концу, когда очень уже расшалится молодежь, является и казачекъ, и присядки. Ну, право, превесело: шумъ, хохотъ; фанты обыкновенно заключаютъ удовольствіе. Между танцами подается чай съ сухарями или домашнимъ печеніемъ; старикамъ, какъ сказано, пуншъ. Лакомства: орѣхи каленые, волошскіе, сладкіе струки, пряники медовые и варенье. Въ заключеніе холодная закуска а la fourchette, соленая закуска, бутылка сантуринскаго, травничекъ и наливка, для молодыхъ—медъ и пирожное, конечно, домашнее. Водка молодымъ людямъ не полагалась и лѣтъ до 20—25, по крайней мѣрѣ въ обществѣ, никогда до нея не подходили—стыдно".

Центральное мѣсто въ дворянскомъ кругу занимали предводители дворянства, особенно губернскіе. Среди харьковскихъ предводителей дворянства выдавался родной братъ малороссійскаго писателя Гр. Θед. Квитки—Андрей Θедоровичъ Квитка.

„Андрей Θедоровичъ Квитка, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Топчіевъ, началъ службу губернскимъ предводителемъ дворянства еще въ бытность губернаторомъ И. И. Бахтина. Въ этой должности изъ маіоровъ Квитка дослужился до тайнаго совѣтника. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника онъ былъ назначенъ псковскимъ губернаторомъ; но прослуживъ года три въ этой должности, вышелъ въ отставку и снова былъ избранъ предводителемъ дворянства Харьковской губ. Чтобы удалить его отъ предводительства и отъ вліянія на дворянъ Харьковской губерніи, его произвели въ тайные совѣтники и назначили сенаторомъ. Послѣдніе дни своей жизни Квитка провелъ въ своемъ имѣніи, подгороднемъ селѣ Основѣ, гдѣ и умеръ, кажется, въ 1840 году. Онъ былъ человѣкъ умный и находчивый; своею внимательностью, одинаково постоянною къ богатому и бѣдному, умѣлъ угодить дворянамъ безъ особаго искательства. Предъ выборами магнаты бывало прокричатъ, что Квиткѣ не быть больше предводителемъ, а на дѣлѣ выходило, что его снова выбирали бѣлыми шарами. Если нѣкоторые богатые дворяне и не благоволили къ нему, то единственно по зависти; зато всѣ дворяне средняго состоянія, всѣ бѣдняки и тѣ изъ числа богатыхъ дворянъ, которые не искали чести предводительствовать—стояли за него горой и клали ему бѣлые шары. Въ числѣ богачей были достойные, заслуженные дворяне; нѣкоторые изъ нихъ предво-

дительствовали дворянствомъ Харьковской губерніи, но стояли далеко ниже А. Ѳ. Квитки, о которомъ весьма мѣтко выразился М. М. Куликовскій (хотя и антагонистъ его), „что Богъ зробывъ форму губернскаго предводителя дворянства, вылыв Квітку—тай розбыв ii“.

Къ дворянству принадлежало и чиновничество, во главѣ котораго стояли мѣстные губернаторы.

„Чиновничество, говоритъ Пашковъ, состоявшее изъ смѣси почти всѣхъ сословій, служило „вѣрой и правдой“ въ низшихъ и высшихъ инстанціяхъ разныхъ вѣдомствъ. Держалось оно какъ-то особнякомъ и очень туго... Это была мрачная и грозная каста жрецовъ Ѳемиды... осторожная, скрытная, недовѣрчивая и малодоступная. Каста эта имѣла свои кружки, свое общество и даже свои термины для выраженія разныхъ случаевъ изъ служебной практики. Въ обществѣ этихъ людей любъ былъ тотъ, кто приходилъ съ приличными дарами на поклоненіе Ѳемидѣ, безъ различія сословій; но горе было приходившимъ со скудными дарами или и совсѣмъ безъ даровъ, особенно въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ, но, по числу приносимыхъ жертвъ, самый важный изъ храмовъ богини правосудія, гдѣ искони гнѣздились такіе артисты-ѳемидисты, что упаси Боже!... О, да и запускали же они лапки свои во глубину щедротъ!... Были и хорошіе люди, и честные дѣльцы, но они составляли рѣдкое исключеніе. При этомъ невольно вспоминается такъ мѣтко сказанное нашимъ знаменитымъ поэтомъ, патріотомъ и горячимъ славянофиломъ Хомяковымъ о Руси сороковыхъ годовъ:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!“

Одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ тогдашняго харьковскаго чиновничьяго общества было необыкновенное уваженіе къ столичной службѣ, чинамъ и орденамъ. Цебриковъ, пріѣхавшій въ Харьковъ въ нач. XIX в., былъ статскимъ совѣтникомъ—а къ нему относились, какъ чрезвычайно важной персонѣ, да и самъ онъ, повидимому, ставилъ себя очень высоко, какъ это видно изъ его отношеній къ губернатору. „На другой день послѣ моего пріѣзда, разсказываетъ онъ, приходили и пріѣзжали для свиданія со мною многіе мнѣ незнакомые и нѣсколько знакомыхъ, съ коими я въ юности своей вмѣстѣ обучался и которые теперь служили въ губерніи то секретарями, то засѣдателями въ палатахъ и такъ какъ знакомые мои были или коллежскими ассессорами, или надворными совѣтниками, то и не преминули позавидовать какъ моему чину, такъ и двумъ моимъ орденамъ. Я имъ напротивъ сказалъ, что у насъ въ Петербургѣ и то, и другое совсѣмъ не въ диковинку“. Что касается меня самого, прибавилъ Цебриковъ, то ордена мнѣ пріятны, а чинъ, по недостаточному состоянію, въ тягость“. Особы генеральскаго чина считали своимъ долгомъ ѣздить по городу въ каретѣ шестерикомъ. Вице-губернаторъ пріѣхалъ съ визитомъ къ Цебрикову въ каретѣ, запряженной шестерикомъ и племянница ему пояснила, что такъ всегда ѣздятъ генералы (вице-губернаторъ былъ статскій совѣтникъ). Чиновники, состоявшіе въ 6 мъ классѣ по должности, пріѣхали къ Цебрикову съ визитомъ въ экипажахъ, запряженныхъ четверикомъ, а предсѣдатель уголовной палаты Мюнстеръ, хотя имѣлъ чинъ 6-го класса, но ѣздилъ цугомъ шестерикомъ, ибо былъ президентомъ и состоялъ заурядъ съ лицами, состоящими въ пятомъ классѣ. Онъ спросилъ Цебрикова: на чемъ онъ намѣренъ ѣхать къ губернатору, и когда узналъ, что на парѣ, предложилъ ему свой экипажъ. Предсѣдатель уголовной палаты Мюнстеръ, правда, въ шуточной формѣ, но выговаривалъ Цебрикову, что тотъ ѣздилъ съ визитомъ и на обѣды къ менѣе чиновнымъ людямъ, доселѣ не заѣхалъ къ нему, президенту.

Интересны отзывы, которые пришлось услышать въ Харьковѣ Цебрикову объ одномъ изъ просвѣщеннѣйшихъ харьковскихъ губернаторовъ Ив. Ив. Бахтинѣ.

Иванъ Ивановичъ Бахтинъ не пользовался, очевидно, расположеніемъ мѣстнаго чиновничества, которое старалось представить его Цебрикову въ самомъ отрицательномъ видѣ и подъ-часъ, нужно думать, передавало въ видѣ фактовъ мѣстные о немъ пересуды и легенды. Одинъ изъ обывателей указывалъ Цебрикову на крутой и грубый нравъ губернатора, на его неправые суды. „Но какъ примирить ваши слова, замѣтилъ на это Цебриковъ, съ расположеніемъ къ нему вашихъ обоихъ сословій—дворянскаго и купеческаго, кои поднесли ему добровольно въ даръ 60000 рублей?“ „Это дѣло немногихъ особъ, преданныхъ ему по извѣстнымъ намъ причинамъ; прочіе же хотя нѣчто и внесли на этотъ неумѣстный и противозаконный поборъ, но дѣлали это весьма неохотно и даже съ негодова-

ніемъ". „Но онъ принялъ даръ сей, возразилъ снова Цебриковъ, съ дозволенія Государя?" „Знаемъ, какъ исходатайствовали у царя это позволеніе его петербургскіе покровители и милостивцы, а особенно старинные благопріятели его супруги; знаемъ и то, что безъ сильнаго содѣйствія ея не бывать бы ему никогда здѣсь губернаторомъ. Я самъ въ Петербургѣ много лѣтъ жилъ и хорошо зналъ о тамошнихъ ея связяхъ и похожденіяхъ, кои одни могли проложить ему дорогу къ здѣшнему губернаторскому мѣсту". „О несчастный вашъ губернаторъ, замѣтилъ Цебриковъ: онъ, какъ я вижу, немногими здѣсь любимъ". „Скажите лучше—никѣмъ, не исключая и его приверженцевъ корыстолюбцевъ, которые только на глазахъ его заявляютъ о своей преданности ради гнусныхъ интересовъ, а за глазами разсказываютъ о немъ много невыгоднаго для его репутаціи". Жена губернатора была не очень молода, но, по словамъ Цебрикова, сохранила еще свѣжесть лица и была весьма кокетлива: умѣла, по его словамъ, дѣлать „приманчивыя" улыбки и пріятные женскія уловки. Онъ слышалъ уже много о ея любовныхъ похожденіяхъ, между прочимъ и то, что она доставила своему мужу мѣсто благодаря своему другу В., который былъ дядей тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ гр. К. Впрочемъ, по его же словамъ, это была умная женщина, умѣвшая управлять крутымъ, суровымъ нравомъ своего мужа, но хитрая, искусная притворщица, могшая играть разныя роли, смотря по обстоятельствамъ, въ чемъ я самъ убѣдился, прибавляетъ Цебриковъ, когда она пріѣзжала въ Петербургъ хлопотать о 8 или 10-ти тысячномъ пенсіонѣ для своего мужа.

Явившись къ губернатору, Цебриковъ засталъ тамъ много гостей, нѣкоторые изъ нихъ играли за тремя столиками въ бостонъ; играла и жена губернатора—страстная любительница бостона, просиживавшая за нимъ дни и ночи.

На новый годъ губернаторъ и вице-губернаторъ весь день дѣлали визиты, развозя билеты по лучшимъ домамъ въ городѣ и едва поспѣвали въ соборную церковь къ концу молебствія. Въ его отсутствіе жена принимала визитеровъ.

Топчіевъ даетъ И. И. Бахтину такую характеристику. „Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, весьма дѣятельный и умный начальникъ, какого уже не было послѣ него въ Харьковской губерніи. Онъ не бралъ взятокъ, но ихъ брала его жена, Дарья Ивановна, бойкая женщина. У кого было интересное дѣло,—тотъ старался попасть къ ней на бостонъ... Проигравъ предположенныя деньги въ подарокъ, онъ былъ увѣренъ, что выиграетъ дѣло, если оно было справедливо; за несправедливыя дѣла Дарья Ивановна не бралась ходатайствовать у Ивана Ивановича. Такъ тогда говорили многіе; но правду ли говорили и завѣдомо ли для Ивана Ивановича велась бостонная игра Дарьей Ивановной постоянно счастливо—не ручаюсь. Кто не умѣлъ играть и не могъ выучиться, тотъ поручалъ сыграть за себя короткому пріятелю или пріятельницѣ Дарьи Ивановны, подъ видомъ, будто играетъ пополамъ. Благодаря сидячей жизни и склонности къ обильной ѣдѣ Бахтинъ растолстѣлъ подъ конецъ своего губернаторства. Въ 1815 году Бахгинъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ".

Цебриковъ и Топчіевъ представляютъ намъ цѣлую галлерею харьковскаго высшаго общества первыхъ годовъ XIX вѣка.

„Вотъ отставной артиллерійскій генералъ—необыкновенный говорунъ, съ перваго же знакомства заморившій Цебрикова разсказами о своихъ походахъ въ Екатерининское царствованіе. Впрочемъ, онъ былъ добръ, справедливъ и пользовался общимъ уваженіемъ. Хотя самъ онъ не ѣздилъ ни въ гости, ни въ какія собранія, однако къ нему въ домъ собиралось много первостепенныхъ господъ. Большимъ краснобаемъ, хвастуномъ и низкопоклонникомъ былъ тогдашній вице-губернаторъ Муратовъ (впослѣдствіи губернаторъ). Онъ служилъ раньше въ Петербургѣ при иностранной коллегіи и постоянно хвастался этой своей службой въ канцеляріяхъ именитыхъ вельможъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ онъ немедленно сталъ разсказывать о своихъ петербургскихъ подвигахъ, ссылаясь на присутствовавшаго здѣсь Цебрикова, который не зналъ, что ему дѣлать—подтверждать ли эти разсказы, опровергать, или молчать. Онъ, впрочемъ, былъ не лишенъ дарованій и исправлялъ свою должность хорошо.

Вотъ отставной генералъ Хорватъ—едва ли не первый богачъ въ губерніи. Онъ поставлялъ въ казну горячее вино и заводилъ тогда суконную фабрику, на что ему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отпущено было изъ казны будто бы 300—400 тысячъ рублей. Только жаль, прибавляетъ Цебриковъ, что несмотря на частые выдачи денегъ нѣтъ въ нашемъ государствѣ собственнаго порядочнаго сукна. Онъ имѣлъ болѣе 4000 душъ крестьянъ въ той изобильной сторонѣ. Но молва также гласила и о томъ, что

на немъ было чрезвычайно много долговъ и что по разрывѣ съ Англіею, взявъ по представительству министерства внутреннихъ дѣлъ 400000 руб. на заведеніе суконныхъ фабрикъ, года черезъ два послѣ того не завелъ ни единаго станка. Такъ говорили въ городѣ, но за достовѣрность этого не ручаюсь. Обѣдъ у Хорвата былъ великолѣпный: во всемъ изобиліе; на столѣ блистало золото и серебро. Въ городѣ говорятъ, что хозяинъ во время особыхъ пиршествъ любилъ ими тщеславиться—угощать по придворному. Послѣ обѣда хозяинъ, охотникъ до карточной игры, сталъ тотчасъ играть въ банкъ съ другими гостями, повидимому, также любителями азартныхъ игръ; между ними отличался винный откупщикъ К—ій и нѣкто по прозвищу Кривошеинъ. Хозяинъ, яко поставщикъ въ казну вина, составилъ банкъ вмѣсто денегъ изъ нѣсколькихъ ведеръ вина, высиживаемаго въ его деревняхъ, и ставки были очень значительны. По моему наблюденію, откупщикъ былъ въ большомъ выигрышѣ, а поставщикъ промоталъ нѣсколько сотъ ведеръ вина".

Большою роскошью отличалось также угощеніе и другого знакомаго Цебрикова". Дорогія вина были у него въ изобиліи—мадера, малага, отмѣннаго вкуса бишофъ, старое венгерское, которымъ преимущественно снабжалъ харьковскихъ жителей вышедшій въ отставку профессоръ Стойковичъ, выписывая его въ большомъ количествѣ прямо изъ Венгріи, прекрасное цымлянское, несравненно болѣе вкусное, чѣмъ поддѣлываемое нынѣ шампанское; за бутылку его въ столицѣ платили отъ 15 до 25 р., рѣдкія наливки, налитыя на разныя ягоды также виноградными винами, а не пѣнникомъ, какъ въ старину. Боже мой! Что за роскошь, при установившейся уже и въ Харьковѣ дороговизнѣ, при отдаленности его отъ Петербурга, Риги или Ревеля! Въ немъ для услажденія гортани можно было найти все, что и въ этихъ торговыхъ приморскихъ городахъ. Прежде во всей Малороссіи рѣдко кто употреблялъ виноградныя вина. Болѣе всего извѣстно было только волошское вино, а венгерское было доступно однимъ только богачамъ. Со времени постройки Херсона начали однако привозить Архипелажскія вина и самымъ лучшимъ и дорогимъ считалось Кипрское. А теперь нельзя не удивляться, видя на столѣ множество разныхъ винъ, привозимыхъ въ Харьковъ сухимъ путемъ изъ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ мѣстъ, въ кои въ свою очередь изъ-за моря они привозились. Кто только немного жилъ въ Петербургѣ, уже старается имѣть у себя на столѣ и вина, туда иностранными купцами изъ чужихъ краевъ доставляемыя. Такъ я видѣлъ у всѣхъ тѣхъ, говоритъ Цебриковъ, у коихъ мнѣ случалось обѣдать и которые желали жить „по просвѣщенному" или, лучше сказать, по модѣ. Послѣ обѣда до самаго вечера разговаривали о старинѣ, о своихъ предкахъ—козакахъ, о заселеніи пустыхъ украинскихъ степей для прекращенія татарскихъ набѣговъ на первобытные русскіе предѣлы въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, о томъ, что на этомъ нѣкогда пустынномъ мѣстѣ стоитъ теперь многолюдный городъ, украшенный великолѣпными Божіими храмами, огромными публичными зданіями и частными постройками новой архитектуры, городъ, въ которомъ находятся духовныя и свѣтскія школы во главѣ съ университетомъ, объемлющимъ всѣ высшія познанія—физическія и нравственныя, живутъ дворянство и богатое купечество, всякаго рода зажиточные ремесленники въ покойныхъ и чистыхъ домахъ, вспоминали, что всему этому положили основаніе козаки, принужденные удалиться сюда изъ-за Днѣпра отъ угнетенія поляковъ, причемъ многіе изъ нихъ, бывшіе первоначально совсѣмъ свободными, записаны были въ подушный окладъ—это по новымъ учрежденіямъ хотя и законно, но несовсѣмъ справедливо, ибо ихъ предки, проливая кровь, ограждали границы и безопасность жителей Великороссіи—а нѣкоторые даже въ крѣпостные.

Предсѣдатель уголовной палаты Мюнстеръ былъ большой балагуръ и несмотря на свои 60 лѣтъ любилъ поухаживать за дамами. Дочь его прекрасно играла на фортепіано, какъ настоящая музыкантша, съ чрезвычайною быстротою игры она соединяла пріятность тона и гдѣ нужно плѣнительное выраженіе пассажей, напоминая игру извѣстнаго въ то время виртуоза и сочинителя Прача; бѣглость и легкость пальцевъ у нея была такова, что, казалось, она ими не дотрогивалась до клавишей, а струны сами издавали звукъ".

Чиновники съ болѣе скудными средствами, вслѣдствіе господствовавшей тогда дороговизны, принимая гостей, не дѣлали роскошныхъ ужиновъ (за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ), а подавали закуску, водку и вино. Во время одного такого вечера у Цебриковыхъ рѣчь зашла о винѣ и хозяинъ пояснилъ, что купилъ его при посредствѣ магистра Комлишинскаго у проф. Нельдехена, выписавшаго нѣсколько бочекъ его изъ Таганрога и продававшаго ведрами. Присутствовавшіе при этомъ профессора русскаго происхожденія заявили, что съ легкой руки проф. Стойковича профессора иностраннаго происхожденія пустились для увеличенія доходовъ въ спекуляціи. И Нельдехенъ, продававшій свое вино въ цѣльномъ

видѣ по 10—12 руб. за ведро, сталъ разводить его водой и продавать по 15 руб., нарушая этимъ 8-ю заповѣдь.

Въ 30-хъ годахъ отличалась роскошью своихъ пріемовъ семья губернатора кн. Трубецкого. Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ современникъ Топчіевъ.

„Жена губернатора кн. Трубецкого Эмилія Петровна, урожденная Витгенштейнъ (дочь фельдмаршала) была женщина такого-же ограниченнаго ума, какъ и мужъ ея; но въ ней удивляло меня то, что она не гордилась своимъ положеніемъ и знатностью, была ласкова въ обращеніи, была прекрасная жена, попечительная мать и превосходная хозяйка... Высшее харьковское общество веселилось во время губернаторства князя Трубецкого: при немъ часто бывали многолюдныя собранія въ дворянскомъ домѣ, маскарады—какихъ теперь не бываетъ въ Харьковѣ, вечера, балы и главной виновницей ихъ была княгиня Трубецкая. Изъ маскарадовъ самый замѣчательный былъ, какъ припомню, въ четвергъ, на масляной 1835 года, въ домѣ дворянскаго собранія, въ которомъ участвовало до трехъ сотъ масокъ, въ изящныхъ богатыхъ костюмахъ. Такіе маскарады—рѣдкость и въ столицахъ, по отзывамъ многихъ. Изъ баловъ самый замѣчательный былъ данъ тамъ же харьковскимъ дворянствомъ, въ 1837 году, покойной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая и баломъ, и вообще пріемомъ въ Харьковской губерніи осталась такъ довольна, что писала объ этомъ государю. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, изъ Петербурга въ Харьковѣ многіе получили письма съ вопросами: чѣмъ харьковцы такъ очаровали императрицу? Хозяйкой этого бала была княгиня Трубецкая, а хозяиномъ—Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, исправлявшій должность губернскаго предводителя дворянства. Балы, данные дворянствомъ наслѣднику престола и фельдмаршалу, князю Витгенштейну, едва-ли чѣмъ уступали (особливо первый), балу, данному императрицѣ. На балъ, данный фельдмаршалу, съѣхалось до двѣнадцати генераловъ и много находившихся на службѣ и отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, нѣкогда служившихъ подъ его командою и участвовавшихъ въ знаменитую французскую компанію. Фельдмаршалъ пріѣзжалъ въ Харьковъ два раза, въ гости къ дочери и зятю, въ первый разъ одинъ, а во второй—съ женою и сыномъ. Трубецкіе были большіе хлѣбосолы: давали вечера, балы и обѣды для губернскихъ чиновниковъ—во всѣ высокоторжественные дни; рѣдкій день проходилъ, чтобы кто сторонній не обѣдалъ у нихъ. Князь любилъ вистъ, преимущественно у себя дома, для препровожденія времени, по небольшому кушу, чаще проигрывалъ, нежели выигрывалъ, но никогда не сердился въ игрѣ, тѣмъ болѣе за проигрышъ и потому всѣ охотно садились играть съ нимъ. Я замѣтилъ, что при проигрышѣ онъ бывалъ веселѣе; быть можетъ потому, что когда выигрывалъ, то подозрѣвалъ, что ему, какъ губернатору, проигрываютъ нарочно, съ какою-нибудь цѣлью. Я, Кролау—другой чиновникъ особыхъ порученій и адъютантъ были обязаны обѣдать у губернатора ежедневно, что иногда было и тяжело для меня, хотя я во всю мою службу при немъ жилъ въ Харьковѣ безъ семейства, на холостую ногу. Бывало поутру, часовъ въ девять, явишься къ губернатору за приказаніемъ и обыкновенно застанешь все семейство въ столовой, за чаемъ. Часовъ въ десять приходилъ правитель канцеляріи съ докладомъ, князь отправлялся въ свой кабинетъ, гдѣ садился за дѣла часовъ до двѣнадцати, а потомъ ѣхалъ въ губернское правленіе или въ другое мѣсто. Если не давалось никакого порученія, то съ десяти часовъ до обѣда я былъ совершенно свободенъ. Столъ у Трубецкихъ былъ всегда одинаково хорошъ, пять блюдъ ежедневно. Послѣ обѣда отправлялись пить кофе, зимою въ княгининъ кабинетъ, а лѣтомъ въ садъ, потомъ кататься на лодкѣ по р. Харькову. Князь правилъ рулемъ, а дѣти ихъ или кто-нибудь изъ насъ садились за весла. Княгиня не участвовала въ нашихъ катаньяхъ. Въ пять часовъ князь снова садился за бумаги, а въ восемь выходилъ къ гостямъ или ѣхалъ въ гости“.

Интересныя данныя сообщаетъ Топчіевъ и о вице-губернаторѣ Пестелѣ, и о военномъ губернаторѣ Никитинѣ, и о прокурорѣ Гриневичѣ, и объ управляющемъ палатой государственныхъ имуществъ А. И. Можаевскомъ, но мы на этихъ личностяхъ уже останавливаться не будемъ. А скажемъ теперь объ *общественныхъ* развлеченіяхъ дворянскаго круга въ началѣ XIX в. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своей хроникѣ Кованько.

„Въ то время уже многія семейства изъ нашей и другихъ губерній пріѣзжали въ Харьковъ для воспитанія дѣтей, для лѣченія и съ цѣлью пожить въ нашемъ городѣ. Учрежденъ былъ „Дворянскій клубъ“ въ домѣ Черкесова, содержатель его, бывшій фехтовальный учитель при университетѣ, Ледюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ, бился изо всѣхъ силъ, чтобы поддержать веселость общества; танцовали

до упаду, главную роль въ экоссесахъ, полонезахъ играли студенты; скоро потомъ это собраніе назвали „танцовальнымъ клубомъ“ и директоромъ его былъ Г. Ѳ. Квитка. Къ тому же здѣсь квартировали конные полки, а потомъ (именно съ 1817 года) близость военнаго поселенія снабжала харьковское общество военными кавалерами, необходимыми для баловъ и собраній. Чиновники ученые были тогда на расхватъ приглашаемы въ лучшіе дома для просвѣщенныхъ бесѣдъ. Чиновники гражданскіе и просвѣщенное духовенство также еще были членами общества, но уже не всядѣ, а изрѣдка, по приличію дней. Такимъ образомъ время шло недурно. Завтраки, обѣды, чаи, вечера, дѣтскіе праздники, бесѣды—ученыя, литературныя, семейныя, дѣловыя и другія удовольствія не позволяли скукѣ вкорениться въ Харьковѣ. Съ началомъ осени открывались вечера въ благородномъ собраніи. Крещенская ярмарка увеличивала съѣздъ помѣщиковъ съ семействами, которыя оставались иногда до поста и увеличивали благородныя собранія. Образованное харьковское купечество также участвовало въ этихъ собраніяхъ, и на вечерахъ здѣсь бывало иногда около 500 особъ. Нѣкоторые изъ такихъ вечеровъ, также маскарады, концерты, иногда спектакли давались въ пользу бѣдныхъ.“

Другой авторъ—современникъ (Костырь) разсказываетъ, какъ изъ этихъ временныхъ собраній образовалось постоянное благородное собраніе.

„Общественныя и при томъ исключительно увеселительныя собранія дворянъ, бывающія по большей части зимою (а не постоянное собраніе въ родѣ Англійскаго клуба) существовали въ Харьковѣ, какъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, и при томъ издавна, сколько могу еще припомнить 1829-й годъ, когда меня привезли въ гимназію. Эти увеселительные съѣзды дворянъ, красуясь подъ именемъ собраній и дворянскихъ собраній, раздѣляли въ Харьковѣ какъ и вездѣ, общую участь всѣхъ добрыхъ провинціальныхъ *заведеній* (не учрежденій!) подобнаго рода, т. е. они не существовали, но бывали, держались, только держались до тѣхъ поръ, пока были поддерживаемы то немногими подвижниками общественности, то случайными счастливыми обстоятельствами, напримѣръ, хорошею ярмаркою и слѣдовательно большимъ съѣздомъ дворянъ или временемъ дворянскихъ выборовъ, приходомъ на квартиры войскъ и т. п.“. 24 октября 1851 года открыто было постоянное благородное собраніе для сообщества, разговоровъ, чтенія игръ, оно давало балы и маскарады, устраивало обѣды для своихъ членовъ и гостей. Плата была 50 руб. въ 1-й и 25 руб. въ послѣдующіе годы. Главнымъ иниціаторомъ былъ вице-губернаторъ Данзасъ, затѣмъ М. М. Ковалевскій, Маевскій (высшіе чиновники), проф. Г. С. Рындовскій [1]). Вотъ еще нѣкоторыя подробности о харьковскомъ благородномъ собраніи.

Благородное собраніе было учреждено „для сообщенія и пріятнаго препровожденія времени въ разговорахъ, позволенныхъ играхъ, чтенія книгъ „періодическихъ сочиненій“. Бывало оно открыто ежедневно отъ 12 ч. утра до 12 ночи; два раза въ недѣлю устраивались въ нихъ, „обѣденные столы“ для членовъ, а въ экстренныхъ случаяхъ „столы“ бывали и чаще. Въ избранные дни давались балы, а иногда публичные маскарады. Первыми старшинами собранія были вице-губернаторъ К. К. Данзасъ, „подвижникъ общественности“, которому „принадлежитъ главное участіе въ ходѣ предпріятія“, харьковскій предводитель М. М. Ковалевскій, правитель канцеляріи генералъ-губернатора С. Ѳ. Танскій, управляющій палатой государственныхъ умуществъ И. Ѳ. Маевскій, предсѣдатель гражданской палаты П. И. Нахимовъ, предсѣдатель уголовной палаты В. П. Ковалевскій, членовъ учредителей записалось, 26; къ участію въ собраніи привлечено было все дворянство, жившее въ Харьковѣ. Для танцовальныхъ вечеровъ былъ выписанъ отъ изюмскаго помѣщика превосходный оркестръ Фидлера, „могущій поспорить съ лучшими оркестрами въ Петербургѣ“. Харьковъ завеселился. „Каждое воскресенье залъ дворянскаго собранія, ослѣпительно освѣщенный огнями люстръ и канделябръ, вмѣщалъ въ себѣ лучшій цвѣтъ харьковскаго общества. Въ folle journée, устроенный въ послѣдній день Масляной 1852 г., въ собраніи обѣденный столъ былъ покрытъ на 156 кувертовъ, а вечеромъ въ кадриляхъ и мазуркѣ участвовало 80 паръ разомъ [2]).

Такимъ образомъ, характерною чертою быта дворянскаго круга является увлеченіе всяческими развлеченіями и увеселеніями, къ которымъ, какъ мы знаемъ, было такъ склонно харьковское высшее

[1]) Костыря Учрежденіе и открытіе Харьк. Благ. Собранія (Х. Г. В. 1852, № 8, перепечатка изъ «Моск. Вѣд.»).

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8.

общество въ XVIII в.—въ Екатерининскую эпоху. Послѣ мрачнаго, но кратковременнаго царствованія Императора Павла Петровича, съ воцареніемъ Императора Александра I, для дворянства опять наступили хорошія времена.

Къ дворянскому и чиновничьему кругу нужно причислить еще военныхъ и педагоговъ. Офицеры проживали и въ самомъ Харьковѣ, но еще больше наѣзжало ихъ изъ Чугуева, центра тогдашняго военнаго поселенія. По свидѣтельству В. Пашкова, „военныхъ кавалеристовъ бывало въ Харьковѣ всегда достаточно, особенно зимою, въ Крещенскую ярмарку. Богатая и нарядная военная молодежь того времени хорошо шевелила Харьковъ, присутствуя на балахъ, маскарадахъ, частныхъ вечерахъ, театрахъ, на гуляньяхъ и катаньяхъ и сама задавая лихія пирушки. Вихремъ налетали на Харьковъ то уланы, то гусары, кирасиры, драгуны, артиллеристы—лихо погуляютъ и умчатся. Потомъ являются другіе—и таже исторія. Коноводомъ у военной молодежи много лѣтъ былъ лихой гусаръ и знаменитый мазуристъ И. М. Станкевичъ“.

„Ученая университетская корпорація и учителя гимназіи, разсказываетъ тотъ же В. Пашковъ, составляли также своеобразную особь въ большой семьѣ харьковскихъ жителей, которую они мало-по-малу просвѣщали и подготовляли на болѣе широкій и лучшій житейскій путь, 500 человѣкъ студентовъ, при тогдашней красивой формѣ, имѣли всегда свое важное значеніе для Харькова, много способствуя его обогащенію и цивилизаціи, внося свѣтъ университетской науки во всѣ сословія и въ городѣ и въ провинціи, поучаясь отъ другихъ практической житейской мудрости“. Въ 1-мъ и 2-мъ томѣ „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ мною собраны обстоятельныя данныя о бытѣ профессоровъ и студентовъ въ періодъ времени съ 1805 по 1835 годъ и о взаимодѣйствіи мѣстной и университетской среды. Говорится объ этомъ взаимодѣйствіи и въ послѣдующую эпоху вплоть до нашихъ дней въ Краткомъ очеркѣ исторіи Харьковскаго университета, составленномъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ, В. П. Бузескуломъ и мною—и потому я отсылаю желающихъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ къ этимъ сочиненіямъ [1]) и здѣсь на немъ останавливаться не буду; замѣчу только, что просвѣтительное и нравственное вліяніе профессоровъ было плодотворно и что положеніе ихъ въ мѣстномъ обществѣ въ первый періодъ существованія университета въ началѣ царствованія Имп. Александра I-го было почетное и высокое; къ сожалѣнію, оно измѣнилось къ худшему въ эпоху реакціи, а въ царствованіе Имп. Николая профессоровъ пытались превратить въ обыкновенныхъ чиновниковъ. Но даже и тогда, особенно же въ 40-е годы профессорская среда представляла изъ себя культурные очаги, благотворно вліявшіе на мѣстную среду. При основаніи Харьковскаго университета большинство его преподавателей было вызвано изъ за-границы и такимъ образомъ въ захолустный Харьковъ широко проникла *западноевропейская* культурная струя. Но еще большимъ вліяніемъ пользовались лучшіе представители профессуры русскаго происхожденія и благодаря этому въ Харьковѣ твердо упрочилось *русское* культурное теченіе. Наконецъ, въ той же профессорской средѣ и среди учащихся съ давнихъ поръ пробивалось отнюдь не исключавшее его, а дополнявшее его *малорусское* культурное теченіе, особенно усилившееся въ 30—40-хъ годахъ, благодаря такимъ выдающимся представителямъ его въ университетской средѣ, какъ Гулакъ-Артемовскій, Метлинскій, Костомаровъ, Срезневскій и такому видному малорусскому писателю, выдвинутому мѣстнымъ дворянствомъ, какъ Гр. Ѳед. Квитка.

Мы знаемъ уже, что малорусская стихія среди высшаго слоя харьковскаго общества къ началу XIX-го вѣка совсѣмъ почти исчезла. Но попадались все-таки отдѣльныя личности, которыя по складу своихъ привычекъ и образа жизни оставались малороссіянами, любящими свой край, народъ, его языкъ, образъ его жизни и бытъ. Таковъ былъ между прочимъ К(омлишинскій), о которомъ Цебриковъ говоритъ, что это былъ человѣкъ, «придерживавшійся малороссійскихъ обычаевъ и нарѣчія, остроумный и замысловатый». Онъ угостилъ Цебрикова совершенно малороссійскимъ весьма обильнымъ обѣдомъ. „Потчивая насъ, говоритъ Цебриковъ, доставляемыми изъ Таганрога Алонскими и Сантуринскими винами, которыя были весьма вкусны, а первое почти столь же крѣпко, какъ и мадера, онъ сказалъ намъ: не прогнѣвайтесь, что у меня нѣтъ вашихъ дорогихъ петербургскихъ винъ; вмѣсто ихъ прошу отвѣдать на-

[1]) См. Опытъ, т. I, глава 7-я, стр. 836—1073 (бытъ и нравы университетской среды), т. II, стр. 787—849. (конецъ 3-й главы—бытъ, нравы и нравственное вліяніе профессорской коллегіи; воздѣйствіе на мѣстную среду); Краткій очеркъ (стр. 165—171, 316—329).

шихъ домашнихъ наливокъ и эти послѣднія у него были прекрасно приготовлены". Самъ Цебриковъ вспоминаетъ, что въ дѣтствѣ любимою его пѣснею была малороссійская. Но еще большее удовольствіе доставила Цебрикову непринужденная веселость и чистосердечная откровенность хозяина, хозяйки и ихъ дѣтей, „изъ коихъ старшій сынъ былъ тогда университетскимъ магистромъ по части физическихъ наукъ, средній—секретаремъ въ университетскомъ Совѣтѣ, меньшой обучался еще въ гимназіи, и была еще одна дочь, пригожая дѣвушка 16 лѣтъ; всѣ они были также замысловаты, какъ и отецъ, особенно средній сынъ, и, повидимому, въ угодность ему употребляли малороссійское нарѣчіе, которое меня, прибавляетъ Цебриковъ, но отвычкѣ моей отъ него почти при каждомъ ихъ словѣ приводило въ смѣхъ, также точно какъ сперва смѣшило меня и нарѣчіе въ Великой Польшѣ, пока къ нему не привыкъ мой слухъ. Послѣ обѣда, увидѣвъ въ другой комнатѣ фортепіано, я сказалъ хозяину: „этотъ инструментъ не малороссійской работы!" „Да, это новая прихоть нашихъ временъ; однако нельзя уже безъ нея обойтись, *коли у всѣхъ завелась*; въ старину дѣвицы наши не знали ни на какихъ инструментахъ играть, а больше чистенькимъ, тоненькимъ, пріятнымъ голоскомъ пѣвали" (въ концѣ XVIII в. здѣсь появились клавесины). И тогда же велѣлъ дочери своей играть и пѣть украинскія пѣсни, кои мнѣ очень понравились; она имѣла голосъ, хотя не громкій, но чистый, нѣжный, ровный и согласный. Потомъ и меня заставили играть на фортепіано, а наконецъ и всѣхъ трехъ моихъ племянницъ, изъ коихъ средняя играла очень хорошо и быстро, а другія тоже недурно. Послѣобѣденное время провелъ я найпріятнѣйшимъ образомъ среди этого любезнаго веселаго семейства". Слѣдуетъ отмѣтить въ университетской средѣ типы оригиналовъ и чудаковъ. Таковъ былъ изъ иностранцевъ Пакиде Совиньи и изъ русскихъ профессоръ докторъ Рейпольскій. Ив. Ник. Рейпольскій „лѣтомъ и зимой, въ нестерпимую жару и трескучіе морозы до конца дней своихъ носилъ неизмѣнный фракъ-вицмундиръ. Докторъ закалилъ свою натуру; говорятъ, онъ купался въ прорубяхъ, какъ это дѣлаетъ простонародье и теперь послѣ водосвятія въ Крещенье. Говорятъ, онъ раскрывалъ всѣ окна въ своей квартирѣ, когда у другихъ отъ стужи зубъ на зубъ не попадалъ. Про лѣто и говорить нечего. Каждый день, рано утромъ, онъ въ туфляхъ на босу ногу, съ непокрытой головой, но съ зеленымъ абажуромъ на лбу, отправлялся съ Нѣмецкой улицы черезъ Театральную площадь и Классическій переулокъ къ рѣчкѣ, чтобы „омыть свое грѣшное тѣло". Въ рукахъ И. Н. несъ бережно кувшинъ, въ которомъ была губка и мыло, прикрытыя полотенцемъ. Р. любилъ чистоту не только тѣлесную, но и душевную. Между прочимъ разсказываютъ, что онъ, иногда бывая въ театрѣ, предупреждалъ дочь свою Лизу каждый разъ, когда на сценѣ пламенный любовникъ позволялъ себѣ объятіе, поцѣлуй или произносилъ страстныя слова. Лиза, оборотись, ибо сіе непристойно! говорилъ И. Н. Это невозможно, докторъ, замѣчали иногда чудаку знакомые: ваша дочь можетъ себѣ свернуть шею или скосить глаза. О пусть Лиза будетъ кривошейная или косенькая, но зато сердце ея останется чистымъ. Сіе приличествуетъ дѣвицѣ... Пуризмъ въ языкѣ доводилъ И. Н. до смѣшныхъ крайностей. Онъ сильнѣе, чѣмъ знаменитый Шишковъ, ненавидѣлъ иностранныя слова. Вотъ небольшой, но достовѣрный лексиконъ переводныхъ выраженій Рейпольскаго: туфли—шлёпанцы, философія—любомудріе, зонтикъ—дождевикъ или солнцевикъ, смотря по сезону, калоши—мокроступы, губернаторъ—кормчій, губернаторша—кормчая, студентъ-филологъ 3-го курса харьковскаго университета—занималъ-словесникъ 3-го бѣга харьковской всеобщницы, онъ игралъ на биллiардѣ и кіемъ ударилъ маркера—онъ игралъ на шарокатицѣ и шаропёхомъ ударилъ шаросчетчика; за словомъ въ карманъ Р. не лазилъ и его находчивые отвѣты часто ставили въ тупикъ тѣхъ, кто хотѣлъ посмѣяться надъ чудакомъ. Когда по приказанію Николая Павловича посадили И. Н. на гауптвахту за рѣшетчатыя окна, то одинъ изъ проходящихъ сказалъ: „Эге! что это съ Вами случилось, докторъ? „Да нынѣ времена такія, что львы за рѣшетками сидятъ, а ослы на свободѣ гуляютъ! отвѣтилъ съ достоинствомъ И. Н. [1]).

Интересна характеристика умственнаго состоянія харьковскаго общества.

„Вообще о тогдашнемъ обществѣ можно сказать, что одни облачались въ мистицизмъ, другіе дышали сентиментальностью, ученые же вооружались латинскими поговорками; но всѣ были усердными посѣтителями театра и каждый—своего круга знакомыхъ, преимущественно по родству и сосѣдству. Между

---

[1]) И. Н. Рейпольскій, М. Савинова (Харьк. Сборникъ, вып. 4-й, стр. 100—103).

прочимъ вошли въ употребленіе карты: пошли марьяжи, тентере, бостоны, свои козыри или навалки, мельники, дурачки, а между записными игроками—банкъ и штосъ, доставившіе нѣкоторымъ огромное состояніе, которое большею частью исчезало такъ же легко, какъ и приходило".

На какой же степени развитія находилась харьковская публика въ это время?—(въ нач. XIX в.).

„Въ обществѣ здѣшнемъ ученость была рѣдкостью; начитанность, бывалость, натертость и здравомысліе напротивъ являлись почти общею принадлежностью высшаго слоя. Екатерининскій періодъ большею частію переводной литературы оставилъ въ здѣшнихъ старинныхъ библіотекахъ свои памятники наряду съ патріотическою поэзіею и стихоманіею. Къ нимъ присоединилась потомъ германская мистика и романическая сентиментальность. Такимъ образомъ Эйлеръ, Лейбницъ, Вольфъ просвѣтляли умъ, Вольтеръ смущалъ его, Эккартсгаузенъ и Штиллингъ вносили мечтательность въ религію, Паскаль и Юнгъ успокаивали умъ и настраивали чистою религіозностью сердце, которое въ свою очередь опять разстраивали романисты (въ переводахъ); отечественные же стихописатели отдѣляли общество отъ общенія съ Европою и погружали въ самозаключенность, опиравшуюся на патріотизмъ. Охотничьи книги и домашніе лечебники были также принадлежностью библіотекъ, равно какъ хиромантія, гадательныя книги, пѣсенники и Курганова письмовникъ. Кромѣ того не только въ губернскомъ, но даже въ уѣздныхъ обществахъ встрѣчались люди, получавшіе полное или неполное воспитаніе въ Московскомъ университетѣ и въ другихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ или домашнихъ отъ выписныхъ иностранцевъ. Главною же школою было общество, не чуждавшееся ни духовенства, ни гарнизонныхъ офицеровъ, ни людей безъ состоянія и съ участіемъ принимавшее и ободрявшее молодыхъ людей безъ воспитанія, которые и натирались въ обществѣ. Вообще Харьковъ представлялъ тогда общество патріархальное, раздѣленное на родственные круги, въ которыхъ знатнѣйшій—богатѣйшій былъ покровителемъ своихъ родныхъ и близкихъ друзей... Еще болѣе тогдашняя харьковская публика характеризуется ея дѣятельнымъ участіемъ въ устройствѣ разныхъ учебныхъ заведеній и открытіемъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ (въ началѣ слѣдующаго періода), хотя и недолго существовавшихъ. Такъ было до 1815 года. Послѣдующую эпоху (1815—1835 годы) тотъ же авторъ-наблюдатель характеризуетъ такъ. „Общество въ первую половину этого времени и далѣе платило еще дань мистицизму и сентиментальности и затмевало уже латинскія поговорки ученыхъ французскими фразами. Азартныя игры еще свирѣпствовали, но только украдкой. Моды, театръ, литература, журналистика, массонскія ложи, хозяйство, любовь, дружба, отечественная война, политика, Карамзинъ, Каразинъ, Сковорода, Московскій и Харьковскій университеты, Сіонскій Вѣстникъ, магнетизмъ, Жуковскій и Пушкинъ были обыкновенными предметами бесѣды. На французскомъ языкѣ читались мужчинами—болѣе Библія, а дамами романы—разумѣется и то, и другое въ высшемъ обществѣ. Въ послѣднія десять лѣтъ этого времени (1825—1835 гг.), какъ и двадцать новѣйшаго періода, всякая бесѣда болѣе и болѣе замѣнялась у молодыхъ танцами, у стариковъ картами и, наконецъ, карты надъ всѣмъ и надъ всѣми одержали рѣшительную побѣду. Впрочемъ, Вѣстникъ Европы, а потомъ Московской Телеграфъ, Сѣверная Пчела, наконецъ, Библіотека для чтенія и Гоголь прерывали иногда безмолвіе. Французскія книги пошли въ ходъ. Моды въ этотъ періодъ и обращеніе различали еще разные возрасты въ обществѣ. Праздникъ отличался еще отъ будня убранствомъ, пищей, провожденіемъ времени. Театръ шелъ въ параллель и въ союзѣ съ картами, занимая попеременно съ ними общество серьезныхъ и съ танцами—общество молодыхъ людей. Вкусъ къ изящнымъ искусствамъ былъ уже на значительной степени развитія: живопись, музыка, сценическое искусство находили въ обществѣ не только диллетантовъ, но и артистовъ; здѣсь были писатели и писательницы". Что касается чиновничества, то оно распадалось на берущихъ и не берущихъ взятки, при чемъ первыхъ было больше, чѣмъ вторыхъ, что объяснялось, главнымъ образомъ, скудостью содержанія".

„О служащихъ отъ короны чиновникахъ Бахтинскихъ и Муратовскихъ временъ я могу сказать, говоритъ Топчіевъ, не называя никого по фамиліямъ, что они всѣ брали взятки, не имѣя своего состоянія и получая весьма скудное содержаніе отъ правительства. Конечно, съѣстное, квартиры и дрова тогда были въ Харьковѣ гораздо дешевле, а главное роскошь еще не имѣла такого гибельнаго вліянія на нравы и обычаи служащихъ, какъ теперь; карету считали приличною только архіерею, губернатору, губернскому предводителю дворянства, заслуженному генералитету, богачу аристократу; прочіе же служащіе не стыдились ѣздить на дрожкахъ, даже безрессорныхъ и ходить пѣшкомъ, если были не въ состояніи держать лошадей. Жены

служащихъ мало думали о нарядахъ, не бѣгали по магазинамъ и съ визитами, ежедневно ходили на базаръ, для покупки провизіи и не разъ въ день навѣдывались на кухню. Зато, и жалованье было ничтожное, въ сравненіи съ теперешнимъ. Бывъ исправникомъ съ 1829 по 1832 г., я получалъ жалованія по 250 р. ассигнаціями въ годъ. Засѣдатели и секретарь земскаго суда получали по 200 р. ассигн.; на жалованье канцеляріи суда отпускалось 360 р. ассигн., на канцелярскіе припасы, отопленіе, освѣщеніе и наемъ сторожа 75 р. 50 к. ассигн. И это тогда, когда серебряный рубль цѣнился казною въ три руб. шестьдесятъ коп. Живя въ Харьковѣ безъ семейства, я платилъ за двѣ небольшія комнаты, съ отопленіемъ и столомъ (обѣдомъ и ужиномъ) пятьсотъ руб. въ годъ и то потому, что находясь больше въ разъѣздахъ по должности, нежели присутствуя въ судѣ, я мало пользовался хозяйскимъ столомъ. Но этотъ платежъ не составляетъ и половины тѣхъ издержекъ, безъ которыхъ семейный чиновникъ не можетъ обойтись, какъ-бы онъ ни былъ разсчетливъ и экономенъ. Въ старину люди благонамѣренные и истинночестные понимали положеніе недостаточнаго чиновника, не острили надъ нимъ; презирали только тѣхъ, немногихъ, которые наживались взятками и смотрѣли съ уваженіемъ на чиновника, ходившаго пѣшкомъ, давали ему дорогу, уступали охотно почетное мѣсто въ пріятельской компаніи. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ былъ Артюховъ, секретарь губернскаго правленія. По разсказамъ многихъ, онъ хотя и любилъ посидѣть въ пріятельской компаніи,—побесѣдовать за чашкой пунша, иногда до полуночи, но въ семь часовъ утра уже сидѣлъ на своемъ секретарскомъ стулѣ, не допускалъ, чтобы дѣла задерживались въ губернскомъ правленіи, откладывались въ даль. Къ этой же категоріи чиновниковъ можно причислить и совѣтника Андрея Ивановича Киріятова, служившаго при Муратовѣ. Киріятовъ не могъ не брать взятокъ потому, что получалъ жалованья шестьсотъ руб. ассигн. въ годъ; онъ оставилъ послѣ своей смерти одинъ небольшой деревянный домъ, между тѣмъ какъ могъ нажить порядочное состояніе при такомъ не дѣльномъ губернаторѣ, какимъ былъ Муратовъ. Не изъ хвастовства говорю, а сущую правду, что въ трехлѣтіе съ 1829 г. по 1832 годъ не было проволочекъ въ дѣлахъ, производившихся въ Харьковскомъ земскомъ судѣ, не пострадалъ ни одинъ правый и не сокрыто ни одно преступленіе, требовавшее наказанія. Съ того времени прошло до тридцати лѣтъ, но осталось еще много помѣщиковъ и крестьянъ, которые помнятъ то трехлѣтіе и, надѣюсь, подтвердятъ, что говорю истину, а не прославляю себя. Изъ моихъ сослуживцевъ въ живыхъ только одинъ Ф. А. Ковалевскій. Упокой Господи души умершихъ! Въ первой части моихъ воспоминаній я объяснилъ, какое содержаніе получалъ земскій судъ въ бытность мою исправникомъ. Изъ двухсотъ руб. асс. въ годъ не было возможности прожить секретарю, и тогда въ Харьковѣ на эти деньги нельзя было нанять одной комнаты съ отопленіемъ и столомъ холостому человѣку. Секретаремъ харьковскаго земскаго суда я засталъ Степана Дмитріевича, недавно вступившаго въ эту должность, трезваго, дѣльнаго, трудолюбиваго чиновника, и трехъ канцелярскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ двое были горькія пьяницы. Я и дворянскіе засѣдатели дѣлали, что могли по своему состоянію; но ни у кого изъ насъ не было его на столько, чтобы дать отъ себя достаточное содержаніе секретарю канцеляріи и увеличить послѣднюю на свой счетъ. Находясь въ такомъ, можно сказать, безвыходномъ положеніи, мы были вынуждены представить имъ „благовидные доходы“: благодарность за вводъ во владѣніе, за ускореніе дѣлъ и т. п.“

Были чиновники справедливые, добросовѣстные, честные, были и жестокіе, несправедливые, корыстолюбивые.

Братъ Цебрикова былъ совѣтникомъ губернскаго правленія и отличался своею честностью, трудолюбіемъ и безкорыстіемъ. Одинъ отставной артиллерійскій генералъ говорилъ о немъ: если-бы всѣ чиновники соблюдали справедливость такъ какъ онъ, тогда бы въ нашихъ архивахъ было писаной на $^3/_4$ меньше чѣмъ теперь и тяжбы уменьшились бы въ тойже пропорціи. Вице-губернаторъ также высоко цѣнилъ его долговременную усердную ревностную, честную и безпорочную службу и заявлялъ, что онъ одинъ только трудился въ губернскомъ правленіи, ибо другой совѣтникъ былъ прежде врачемъ и былъ неопытенъ въ дѣлопроизводствѣ, получилъ же свою должность по благорасположенію къ нему губернатора; во время прохода черезъ здѣшній край полковъ онъ одинъ занимался продовольствіемъ; ихъ черезъ его руки перешли сотни тысячъ рублей и благодаря его усердію и радѣнію покупка для казны была самая выгодная и дешевая, что на все онъ представилъ самые вѣрные и исправные отчеты и что

наконецъ не разъ его командировали въ уѣзды для самыхъ трудныхъ слѣдствій по разнымъ запутаннымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя онъ или разрѣшалъ самъ на мѣстѣ, или представлялъ въ такомъ ясномъ видѣ начальству, что этому послѣднему уже не трудно было разрѣшать его правильнымъ образомъ. Очевидно, что подобныя свойства представляли въ то время далеко не обычное явленіе, ибо и самъ вице-губернаторъ, сообщившій эти факты, прибавилъ при этомъ: видя это, *всѣ мы удивлялись* и хвалили безкорыстіе и совершенную честность его. Да и самъ авторъ этихъ записокъ, выслушавъ похвалы безкорыстію своего брата, не безъ нѣкоторой грусти замѣтилъ: „подлинно отзывъ хорошъ, но зато, любезный братъ, ты былъ и будешь всегда бѣденъ благами земными, и конечно не выстроишь себѣ каменнаго дома какъ выстроили прочіе судьи".

Совсѣмъ иной былъ другой совѣтникъ губернскаго правленія бывшій врачъ Мкрц.; хотя онъ и не былъ военнымъ, но отличался, очевидно, чрезмѣрнымъ воинскимъ пыломъ и примѣнилъ его къ беззащитнымъ турецкимъ плѣнымъ, проживавшимъ тогда въ Валкахъ. Вотъ какъ разсказывалъ Цебрикову объ этомъ возмутительномъ и безобразномъ поступкѣ его чиновникъ, производившій по порученію губернатора разслѣдованіе этого дѣла. „Въ уѣздномъ городѣ Валкахъ и въ лежащихъ около него селеніяхъ жили плѣнные турки, между коими находился и одинъ ихъ паша. Черезъ этотъ городъ проѣзжала г-жа Х., имѣвшая при себѣ двухъ попавшихся въ нашъ плѣнъ турчанокъ. Увидѣвъ ихъ, плѣнные турки обступили ея карету и требовали, чтобы эти двѣ турчанки были отданы имъ, какъ единоземцамъ. Госпожа Х. не захотѣла ихъ выдать; тогда турки схватили ихъ и отвели къ своему пашѣ, который на требованіе городничаго о выдачѣ ихъ отозвался, что не хочетъ допустить, чтобы эти единоземки его были рабынями у этой помѣщицы, а беретъ ихъ подъ свое покровительство и по освобожденіи своемъ изъ плѣна доставитъ сихъ несчастныхъ ихъ родителямъ. Тогда бывшій въ этомъ городѣ для слѣдствія упомянутый совѣтникъ губернскаго правленія, видя такую наглость плѣнныхъ турокъ и происшедшую отъ того жестокую драку, приказалъ городничему собрать изъ окрестныхъ мѣстъ множество мужиковъ съ дубинами, отнять тѣхъ турчанокъ и сразиться съ плѣнными мусульманами, коихъ и *положено было на мѣстѣ до четырехъ сотъ человѣкъ*. Достовѣрность этого невѣроятнаго случая подтверждается и другимъ источникомъ—воспоминаніемъ Пашкова. Цебриковъ разсказываетъ о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ, происходившихъ въ отечественную войну 12 г. въ Харьковѣ. Жители добровольно жертвовали для нуждъ арміи своихъ лошадей, а штабъ офицеръ В., назначенный для пріема ихъ, браковалъ ихъ и признавалъ пригодными только тѣхъ, которыя представляемы были его маклеромъ, бравшимъ взятки съ обывателей и дѣлившимся ими съ В. Тотъ-же маклеръ черезъ подставныхъ лицъ продавалъ своихъ лошадей за тройную цѣну. Полковникъ З. въ теченіе 5—6 лѣтъ безвыѣздно проживалъ въ Харьковѣ, завѣдуя пріемомъ рекрутъ. Пріѣхалъ онъ въ непокрытой, какъ говорятъ, бѣдности, а потомъ пріобрѣлъ изрядный домъ, прекрасный экипажъ; жена и дѣти его стали прекрасно одѣваться; въ домѣ полная чаша: картины, статуи, эстампы, фарфоръ и другіе предметы роскоши. Всему городу также извѣстно, что откомандированный отъ казенной палаты въ рекрутскую коммиссію столоначальникъ Борга нажилъ до 30000 р. и началъ жить по-барски.

Отмѣчаетъ Цебриковъ и злоупотребленія и въ мирное время. Недалеко отъ дома его брата была проведена кирпичная труба для стока воды въ рѣку, обошедшаяся въ 15000 р., не приносившая никакой пользы и только требовавшая постояннаго ремонта. Другой случай „подрядческой экономіи" былъ таковъ. Одинъ богатый подрядчикъ построилъ на р. Харьковѣ деревянный мостъ, за который казна заплатила ему 30000 р., и кромѣ того тотъ же строитель взялъ на себя за условленную плату починку этого моста на нѣсколько лѣтъ впередъ. И что же? Для сбереженія досокъ отъ фуръ, каретъ и кибитокъ къ мосту строитель прибилъ поперекъ брусья на близкомъ разстояніи другъ отъ другъ, которые причиняли столь сильную тряску, что хилые и старые люди, не говоря уже о беременныхъ женщинахъ, должны были вставать на мосту и идти пѣшкомъ; колеса отъ этого также сильно портились. Городничій бралъ взятки и всѣ жаловались на него за его пристрастные розыски, присужденія; но онъ не смущался, пользуясь покровительствомъ губернатора И. И. Бахтина, и въ теченіе 10 лѣтъ своей службы нажилъ деревню съ 200 душъ муж. пола и каменный домъ въ городѣ. Президентъ уголовной палаты также, по словамъ Цебрикова, бралъ взятки. Разсказывали, что онъ взялъ 1000 руб. съ одного дворянина, который обвинялся въ убійствѣ и поджогѣ, взявшись избавить его отъ наказанія и посовѣтовавши ему притвориться сумасшед-

шимъ. Проѣзжая въ низменной Захарьковской части города подлѣ моста, Цебриковъ увидѣлъ домики, комнаты въ которыхъ были освѣщены множествомъ свѣчей. Оказалось, что въ нихъ пребывали „потѣшныя нимфы", нанявшія въ Харьковѣ во время ярмарокъ изъ польскихъ губерній и даже изъ Варшавы и Кракова торговать своими прелестями. На вопросъ, предложенный Цебриковымъ брату— „неужели у васъ терпимъ подобный развратъ?, онъ получилъ такой отвѣтъ: нечего дѣлать, когда его терпятъ и охраняютъ президентъ уголовной палаты и городничій, собирающіе съ этихъ красавицъ подать и охраняющіе ихъ отъ обидъ. О взяткахъ говоритъ и другой современникъ—проф. Роммель. „Предсѣдатель уголовной палаты, лифляндецъ, былъ мастеръ пожить. Нерѣдко случалось, что когда онъ ѣздилъ по городу съ приглашеніями, купцы бросали ему на дрожки разные подарки.. Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 руб. ассигн. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе ежегодно поставляемыхъ помѣщиками рекрутъ; великодушно недосматривалъ онъ ихъ тѣлесныхъ недостатковъ по мѣрѣ подарковъ. Relata refero, прибавляетъ Роммель, но въ случаѣ съ полиціймейстеромъ Эккомъ онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. „Въ одну зимнюю ночь, разсказываетъ онъ, пропали обѣ мои курляндскія лошади. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ, сколько жертвую я на это дѣло? Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ".

И язвами болѣе поздняго времени (2-й четверти XIX в.) были также полицейскій произволъ и взяточничество, которымъ много содѣйствовало смѣшеніе функцій судебныхъ и административныхъ.

„Во времена оны, говоритъ Ф. О. Рейнгардъ, полиція уполномочена была большими правами, выражавшимися часто въ произволѣ. Она представляла изъ себя не только исполнительную, но и административную и отчасти, помимо существовавшихъ судебныхъ инстанцій, судебную власть. Разбору ея подлежали всѣ жалобы хозяевъ на прислугу, всякаго рода обиды, нарушенія устава благочинія, несоблюденія предписанныхъ порядковъ по сохраненію чистоты дворовъ, улицъ, площадей, базаровъ, лавокъ, особенно со съѣстными припасами и прочихъ санитарныхъ мѣръ, при участіи уѣзднаго врача. Какой обширный кругъ дѣйствія, подумаешь, и какая власть! Но, къ сожалѣнію, слишкомъ идеальные порядки приводили бы въ безпорядокъ карманы полицейскихъ чиновъ, начиная съ полиціймейстера, 3-хъ частныхъ приставовъ, квартальныхъ, до послѣдняго будочника. Строго слѣдили они, даже строже, нежели теперь, за всѣми малѣйшими безпорядками, и виновный никогда не оставался безъ должнаго взысканія въ карманъ полицейскій, а онъ широкъ и глубокъ—а не то арестъ или тѣлесное наказаніе. Слово полиція всякаго ужасало; каждый при напоминаніи о ней, трепеталъ и умолялъ: „только не въ полицію!" Какъ легко было въ то время человѣку вліятельному подвергнуть оштрафованію полиціею всякаго не вліятельнаго человѣка, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Одной русской модисткѣ изъ мѣщанокъ, вошедшей тогда (въ 30-хъ годахъ) въ славу, супруга одного высокостоящаго лица хотѣла заказать бальный нарядъ на предстоящій на слѣдующій день балъ. Модистка отказала ей по причинѣ имѣвшагося уже большого числа заказовъ. Эту обиду дама, считавшая себя выше многихъ заказчицъ, не могла равнодушно снести: передала объ этомъ необычайномъ казусѣ услужливому полиціймейстеру съ требованіемъ взыскать за такую дерзость примѣрно. И послѣдовало примѣрное взысканіе. Заставили модистку мести мостовую. Она покорилась, и въ этомъ занятіи, съ метлою въ рукахъ, видѣли ее проходящіе и проѣзжающіе, хорошо ее знавшіе, въ шелковомъ платьѣ, модной шляпкѣ. Съ удивленіемъ спрашивали ее, называя по имени и отчеству, о причинѣ. Она ничуть не огорченная со смѣхомъ разсказывала; разсказала тоже и одному человѣку, весьма вліятельному, который и поспѣшилъ убѣдить даму, ради могущаго быть скандала, отмѣнить это наказаніе, на что она съ трудомъ согласилась. Купечество и всѣ торгующіе на базарахъ были данниками полиціи. Къ праздникамъ и ко дню ангела его благородія или высокоблагородія, кладовая ихъ наполняется головами сахара, фунтами чая, винами, ромомъ и всякимъ инымъ прочимъ добромъ. О провизіи и говорить нечего; тамъ на базарѣ непрерывный текущій счетъ. Ремесленники не осмѣливались брать деньги за заказанную его благородіемъ работу. Все это дѣлалось изъ чести и съ благодарностію за принятый гостинецъ. Отъ откупа, въ число текущихъ расходовъ, выводилось въ книгу и количество

водки, назначенной полиціи, по степени занимаемой должности. Домохозяева также не забывали къ большимъ праздникамъ дать гостинецъ полицейскимъ. И все было хорошо, гладко и исправно. Никто не обижался и не жаловался. Многихъ служившихъ тогда по полиціи и разбогатѣвшихъ всѣми правдами и неправдами я зналъ, но называть ихъ—никому не принесетъ пользы и при томъ по латинской поговоркѣ—de mortuis aut bene, aut nihil. Притомъ взятки въ тѣ блаженныя времена брала не одна полиція. Брали административныя власти, брали служители Ѳемиды и какими кушами, чтобы черное обѣлить, а бѣлое очернить! Богъ имъ прости! А приказные то—что о нихъ и говорить! Они, при скудномъ жалованьи своемъ, едва достававшемъ на соль къ хлѣбу, прямо были направлены на вымогательства и за всякое дѣло безъ застѣнчивости торговались, не скрывая при томъ, что даваемымъ имъ приходится подѣлиться со столоначальникомъ, съ секретаремъ. Высшее стремленіе канцелярскаго (чиновника) гражданской палаты было сдѣлаться изъ столоначальниковъ приходо-расходчикомъ, на которомъ лежитъ обязанность умудриться при выдаваемыхъ ему изъ казны 300 рублей на канцелярскіе расходы удовольствовать гражданскую палату бумагою, чернилами, перьями гусиными, сургучемъ и прочими принадлежностями. А на это нужно не менѣе 3000 руб. Свыше штатной суммы расходовать не моги! Умудряйся, какъ знаешь! И умудряется. Счастливцу благодѣтели-купцы со всею готовностію открываютъ кредитъ до будущаго года, потому что они вполнѣ гарантированы его положеніемъ и увѣренностью, что на будущій годъ онъ, непремѣнно онъ, а никто другой изъ столоначальниковъ, будетъ назначенъ надсмотрищикомъ, а это должность—не нужно и губернаторской! Этотъ одинъ годъ вознаградитъ его за всѣ страданія и лишенія, понесенныя имъ въ теченіе 15, 20-лѣтней службы, начиная отъ писца. Зато ужъ въ этотъ одинъ годъ за выдѣломъ кому слѣдуетъ, только плохой надсмотрщикъ не составитъ себѣ обезпеченіе на всю жизнь—капитальцемъ тысячъ въ 30, а не то и цѣлыхъ 50. Всѣ они, сколько я ихъ знаю, обзавелись домами, помѣстьями и припѣваючи доживаютъ свой вѣкъ; обыкновенно, по окончаніи годичнаго срока, выходятъ въ отставку, чтобы уступить тепленькое мѣстечко другому счастливцу. За совершеніе купчей и другихъ подобныхъ актовъ, со счетовъ слѣдуемыя въ казну пошлины за гербовую бумагу, за производство, за 4% по суммѣ совершаемаго акта, добавляетъ еще за труды, также глядя по суммѣ, въ актѣ означенной, съ большей—процента 4, а съ меньшей 6—10%, такъ что за актъ въ 1000 р. вы платите ему кромѣ казенныхъ еще 100 р. Иногда поторговавшись, вы добьетесь и уступочки. Жаловаться на нихъ некому. А въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ развѣ не брали? Особенно покойное рекрутское присутствіе: и доктора, и военные пріемщики, и другіе члены, за одинъ наборъ составляли себѣ капиталы. Секретари просиживали по десятку лѣтъ на мѣстѣ и не одно дѣло не миновало ихъ рукъ. И служба въ консисторіи хороша. Не говоря уже о дани духовныхъ лицъ, и свѣтскіе просители безъ взятки могли цѣлые мѣсяцы бѣгать за выдачею имъ метрическихъ справокъ и пр. Да кто въ тѣ блаженныя времена не бралъ? Развѣ тотъ, кто не хотѣлъ, или кому совѣсть не дозволяла, а такихъ людей въ то время было мало и надъ ними издѣвались и преслѣдовали ихъ, какъ людей вредныхъ".

Прибавимъ отъ себя, что взяточничества въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ формахъ не была чужда даже профессорская коллегія и серьезныя обвиненія и улики выдвинуты были противъ такихъ лицъ, какъ знаменитый философъ Шадъ, не говоря уже о Паки де Совиньи, который выставляетъ хорошую отмѣтку по своему предмету студентамъ за ранѣе получаемое вознагражденіе, о чемъ свидѣтельствуетъ экзаменовавшійся у него Ник. Ив. Костомаровъ.

Отрицательныя стороны въ бытѣ и нравахъ высшаго харьковскаго общества вызвали появленіе цѣлаго ряда сатирическихъ произведеній, которыя получили широкое распространеніе въ публикѣ—ихъ усердно переписывали и распространяли. И такъ какъ они не предназначались для печати и являлись анонимами, то у авторовъ ихъ отсутствовало чувство мѣры, благопристойности и нравственной отвѣтственности за свои писанія—отсюда грубость, утрировка тогдашней сатиры, переходящей нерѣдко въ пасквиль.

Въ 20-хъ годахъ XIX ст. появилась въ Харьковѣ рукописная сатира на мѣстное общество подъ заглавіемъ «Харьковскій бульваръ». Одинъ списокъ ея былъ въ свое время конфискованъ инспекторомъ и профессоромъ Венедиктовымъ у студента Маркова (впослѣдствіи извѣстнаго писателя). Онъ долго хранился въ бумагахъ Венедиктова и вмѣстѣ съ послѣдними былъ переданъ мнѣ г. Залѣсскимъ. Конечно, изображеніе общества здѣсь каррикатурное; въ основѣ его лежали не столько факты, сколько молва, раз-

дунавшая. а под-часъ и изобрѣтавшая многія пикантныя подробности; отнюдь не придавая ей значенія достовѣрнаго историко-литературнаго документа, мы все-таки можемъ воспользоваться ею, какъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ нѣкоторыя черты той эпохи и ея настроенія. Сатира эта напоминаетъ Воейкова «Домъ сумашедшихъ», въ нѣкоторыхъ случаяхъ она груба и смахиваетъ на пасквиль. Сочиненіе ея приписывали В. Н. Каразину и Г. Ѳ. Квиткѣ (явная несообразность, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго); Кованько приписываетъ ее обществу свѣтскихъ молодыхъ людей съ уланомъ Ю. во главѣ.

Тогдашній губернаторъ М... характеризуется слѣдующими строками:

Вотъ М... губернаторъ — Ненавидитъ онъ придворныхъ
Съ парой звѣздъ сюда идетъ, — Чести, правды, другъ большой;
Онъ въ собраніяхъ ораторъ, — Но, слугой бывъ всепокорныхъ,
Хоть глупцомъ въ дѣлахъ слыветъ. — Изгибается дугой.

О супругѣ его говорится:

Вотъ за нимъ супруга плавно — Видъ пріемля важный, гордый
Генеральски вслѣдъ идетъ. — Какъ глядитъ по сторонамъ.
Посмотрите, какъ исправно — Не изъ знатной ли породы?
Ото всѣхъ поклоновъ ждетъ. — Изъ Воронежскихъ мѣщанъ.

Для дочери губернатора красавицы Наденьки авторъ не находитъ слова осужденія:

«Красоту для наслажденья — Не страшися жъ оскорбленья
Получила въ жребій ты, — Злорѣчивой клеветы».

У сестеръ З... были «добрые» мужья.

У одной дуракъ набитый, — Одному обѣдъ бы сытый;
У другой къ тому жъ игрокъ; — Тому—карты да мѣлокъ.

О первомъ богачѣ того времени графѣ Д. говорится такъ:

Вотъ сіятельство мишурно — Съ помощью обѣдовъ жирныхъ
Д... у всѣхъ въ глазахъ — Здѣсь почтенный человѣкъ.

Греческому семейству Г..., переселившемуся въ Россію, посвящаются такія строки:

Г... о видъ плачевный — Ополченія свободы
Васъ ли вижу тоже я — О, отечества сыны!
Здѣсь съ прискорбіемъ душеннымъ — Десять тысячъ ежегодно
О гонимая семья! — Царь нашъ далъ имъ изъ казны.

Назвавъ М... развалинами безпутства, авторъ говоритъ о его женѣ и дочери такъ:

У нихъ въ домѣ не услышишь (ничего) — Никто сплетней не уволенъ
Кромѣ вѣстей городскихъ: — Все злословятъ, все бранятъ.
Все злословіемъ въ немъ дышетъ — Кто безсонницею боленъ
Вдвоемъ съ дочкою у нихъ. — Можетъ ѣхать къ нимъ дремать.

Въ грубо каррикатурномъ видѣ изображаетъ авторъ и извѣстнаго писателя Гр. Ѳед. Квитку:

Сказавъ о семьѣ полиціймейстера, авторъ о немъ самомъ выражается такъ.

Самъ же, но его здѣсь знаютъ — На лицѣ его читаютъ:
Хорошо довольно всякъ, — Плутъ, ... и дуракъ.

Въ заключеніе говорится:

Кажется, изъ знати здѣшней — А по первымъ ужъ послѣднимъ
Я успѣлъ вамъ всѣхъ назвать, — Вамъ не трудно цѣну дать.

Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ въ университетѣ былъ студентъ Старо́въ—острякъ, стихотворецъ и беззаботная голова; онъ чуть ли не 7 лѣтъ пробылъ на одномъ курсѣ. Онъ о себѣ сказалъ:

Старо́въ, извѣстный весельчакъ, — Провелъ всю жизнь, свистя въ кулакъ,
Родившійся въ Одессѣ,— — Какъ слѣдуетъ повѣсѣ.

Ему принадлежитъ нѣкогда въ Харьковѣ популярное сатирически пасквильное стихотвореніе „Полька“, гдѣ онъ изобразилъ страсть къ вошедшему тогда въ моду танцу—полькѣ и осмѣялъ всѣхъ выдающихся лицъ въ городѣ. Стихи эти пѣлись тогда всѣмъ городомъ, даже мальчиками гимназистами на мотивъ танца—польки.

„Польку, польку заиграли!
Харьковъ взбеленился.
Всѣ харьковцы заскакали,
Кто какъ спохватился.
Очутившись на Московской,
Пляшутъ до—умору:
Кто по-русски, по-еврейски,
А кто безъ разбору.
Полицейскій, пристава,
Сотскій и базарный
Отдуваютъ трепака
На трубахъ пожарныхъ.
Предводитель К...
Мятелицу мететъ;
Всей душою М...
Ему сбоку вторитъ.
Мететъ, чешетъ вмѣстѣ съ ними
Старый К...
Жмется, пляшетъ межъ портными
Князь Ю... Г...
Развернулся и М...
Д...—туша;
Вслѣдъ за нимъ m-me Д...
Тащитъ за носъ мужа.
А за ними со всѣхъ силъ
Скачетъ Г...,
И мыслете выводилъ
Генералъ М...
Длинноногій господинъ
Въ образѣ ослиномъ
Разносился К...
Съ дочерьми и сыномъ.
Подметалъ плащомъ дорожку
Р... А...,
И К... пожка въ ножку
Плелъ штуки съ А...
Закружилъ на длинныхъ лапкахъ
О...—воряга,
И форсятъ въ дурацкихъ шапкахъ
В... и Б...
Лихо П... К... впередъ
Бочкой прокатился
Сквозь народъ,—и весь народъ
Предъ нимъ повалился...
Полька пуще загремѣла:
К... расходился...
Всѣ лежали и смотрѣли,
Какъ онъ веселился...

Несравненно выше по своему содержанію и изложенію стоитъ сатира (настоящая сатира) на ген.-губ. Кокошкина, вызванная его отъѣздомъ изъ Харькова: въ ней уже ясно слышится голосъ гражданина-обличителя реформаторской эпохи Имп. Александра II противъ произвола управленія, усвоеннаго Кокошкинымъ въ связи со всей тогдашней системой, приведшей къ Севастополю.

Добрый путь Кокошкину.

Въ нашемъ Харьковѣ тревога
Всѣ въ восторгѣ отъ молвы:
Не желѣзная ль дорога
Скоро будетъ отъ Москвы?
Или мы своей молитвой
Угодили небесамъ
И въ степяхъ Тавриды битвой
Отомстили мы врагамъ?...
Или русскимъ, непостыдный
Миръ въ Парижѣ заключенъ,
И для запада завидный
Крымъ Россіи возвращенъ?
Намъ не скоро инженеры
И шоссе намъ проведутъ,
Вѣстей радостныхъ курьеры
Намъ изъ Крыма не везутъ;
Дипломаты разсуждаютъ,
Какъ бы Англію надуть,
Пальмерстона убѣждаютъ
На Америку взглянуть.
Чтожъ такъ Харьковъ занимаетъ?
Случай видно не пустой!
Всякъ другъ друга поздравляетъ
Какъ съ диковинкой какой.
Вотъ диковинка какая –
Слухъ у насъ тутъ распущенъ,
Что Кокошкина вся стая,
Да и самъ онъ *упраздненъ*.
Намъ повѣдать радость эту
Зять Кокошкина желалъ
И на свой счетъ эстафету
Изъ столицы онъ прислалъ.

Такъ прощайте же властитель
Трехъ губерній навсегда,
Меценатъ и покровитель
Низкой лести... Вы труда
Никогда не задавали
Своей умной головѣ,
На бумагахъ всѣхъ писали
Резолюціи строчки въ двѣ:
„*На законномъ основаніи*
Предлагаю поступить“,
Или просто безъ сознанья
„Губернатора спросить“,
Рапорты и отношенья
Вы читали по складамъ,
Вопрошая по прочтеньи,
„Кто де пишетъ? *Мы, гиль къ намъ?*“
Деревянныя кадушки
Вы на крышахъ завели [1]),
Чтобы бѣдныя избушки
Прежде времени сгнили;
Тополей вы насадили
Благо, деньги въ Думѣ есть,
Мостовую помостили—
Это дѣлаетъ вамъ честь...
Но зачѣмъ же мостовая
На Панасовку идетъ!
Не зазнобушка-ль какая
Тамъ Кокошкина живетъ!
Берега рѣченокъ нашихъ
Укрѣпляли каждый годъ,
Отъ фантазій бурныхъ вашихъ
Лопнулъ города доходъ!
Вы пруды тамъ сочиняли,
Гдѣ помину нѣтъ воды! [2])

Арестанты ихъ копали,
Мы платили за труды.
Портомойни—ваше дѣло,
Чтобы городъ обобрать
Вы съ воды рѣшились смѣло
Городу акцизъ сбирать.
Собственность не уважая,
Отнимали вы мѣста,
Видно совѣсть въ васъ чужая
Или такъ какъ грязь чиста.
Восхищались вы пожаромъ,
Всѣхъ мерзавцевъ берегли:
Кокошкéномъ васъ не даромъ
Въ Петербургѣ прозвали.
Но довольно... всѣ затѣи
Ваши, трудно перечесть.
Уѣзжайте поскорѣе:
Вамъ пора въ Сенатѣ сѣсть!
Тамъ за правду не сошлете
Вы въ Уфу ужъ никого [3]),
Харьковъ съ грустью вспомянете
Какъ оставили его.
Мы же скажемъ: Слава Богу,
Нѣтъ Кокошкина у насъ
И полезнымъ на дорогу
Подаримъ совѣтомъ васъ,
Вамъ добра за зло желая,
Просимъ не забыть одно,
Что эпоха Н...
Миновала ужъ давно.
Если Вамъ опять случится
Править краемъ гдѣ нибудь,
Такъ совѣтъ нашъ пригодится;
Ну, прощайте, добрый путь.

Ознакомившись съ бытомъ и нравами дворянства и чиновничества, переходимъ теперь къ быту купечества.

„Въ сороковыхъ годахъ, въ Харьковѣ, по словамъ современника-мемуариста, было много богатыхъ купеческихъ домовъ, славившихся своею обширною торговлею. Но купечество жило еще болѣе замкнутою, кастовою жизнью, чѣмъ дворянство, держась твердо своихъ преданій, стародавнихъ обычаевъ и занимаясь исключительно преслѣдованіемъ интересовъ отъ торговли, а все остальное, къ чему оно относилось недовѣрчиво, было для него трынь-трава... Старые тузы изъ купцовъ держали себя солидно и степенно; они рѣдко показывались въ люди; носили бороды, длиннополые сюртуки и какія-то своеобразныя шубы и шубейки на лисьемъ мѣху. Молебны на дому служили у нихъ преосвященные съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ; потомъ слѣдовало приличное и богатое угощеніе и щедрая раздача милостыни нищимъ. Сами они жили въ городѣ, занимаясь торговыми счетами и разсчетами, а „молодцовъ“ своихъ посылали съ товарами на разныя украинскія и другія ярмарки. Богатѣли, щеголяли внѣшностью; строили

[1]) Противъ пожаровъ.
[2]) Въ Университетскомъ саду.
[3]) Намекъ на ссылку въ Уфу ни въ чемъ неповиннаго харьковскаго городскаго головы Рудакова.

дома, лавки, заводили фабрики и жили по своему—хорошо... Жены богатыхъ купцовъ, набѣленныя и нарумяненныя, богато, но безъ вкуса разводѣтыя, прокатывались по городу на великолѣпныхъ кровныхъ рысакахъ, посѣщали модные магазины Саде и Гельмъ, роскошно ѣли, пили и покоили свои тучныя тѣла, зарываясь въ громадныя, чуть не до потолка, пуховики и подушки, какъ черепахи въ морскомъ пескѣ...

Дочери ихъ еще превосходили своихъ маменекъ въ нарядахъ: наряды были главнымъ и существеннымъ занятіемъ купеческихъ женъ и дочекъ. Кромѣ нарядовъ дочери занимались еще коверканьемъ французскихъ фразъ, бренчаніемъ на фортепьяно и гаданіемъ у разныхъ пройдохъ на бобахъ, на кофе, на картахъ и на „Премудромъ Соломонѣ“... А молодые богатые купеческіе сынки любили знатно проводить время, показывать свою удаль, выкидывать разныя штучки и учинять скандальчики, приплачиваясь за все это дѣло дорого „и карманомъ“, и здоровьемъ. Но несостоятельность такого быта въ купеческой средѣ сознавалась уже и тогда и потому купечество начало отдавать своихъ сыновей въ коммерческій пансіонъ проф. Якимова, въ Московское коммерческое училище, гимназію, пансіоны и подготовляло въ университетъ, а дочерей въ пансіоны и помышляло объ институтѣ“.

Купечество и вообще среднее сословіе было простой, чуждый какой бы то ни было роскоши образъ жизни. „Роскошь въ то время, говоритъ Ф. О. Рейнгардъ, не была развита въ среднемъ классѣ и въ кругу купечества. Требованія, при простотѣ жизни, были умѣренны—довольствовались малымъ. Образъ жизни жителей Харькова отличался строгою нравственностью, религіозностью, трудолюбіемъ, сознаніемъ долга, почитаніемъ старшихъ и безусловнымъ повиновеніемъ имъ, какъ по службѣ, такъ и въ семьѣ. Гостепріимство—общая черта того времени... Для примѣра простоты жизни, дѣятельности, честности и прочихъ упомянутыхъ качествъ развитыхъ въ особенности въ купечествѣ тогдашняго времени, выставлю именитаго тогда краснорядца Алексѣя Ханайченка, лавка котораго находилась въ Гостиномъ дворѣ противъ присутственныхъ мѣстъ. Два взрослыхъ уже въ то время (въ 1827 г.), лѣтъ за 20, сына его помогали отцу въ торговлѣ: Иванъ и Николай Алексѣевичи. Старикъ въ синемъ суконномъ долгополомъ сюртукѣ, сыновья въ таковыхъ же нанковыхъ, молодцы (приказчики) въ полосатыхъ пестрядевыхъ халатахъ. Отецъ мой, остановившійся на Московской улицѣ въ домѣ Тарасова, сдѣлалъ въ лавкѣ Ханайченко для казны значительную въ нѣсколько тысячъ рублей покупку, которую изъ лавки перевезли къ намъ на квартиру. Иванъ и Николай Алексѣевичи, какъ простые работники, вмѣстѣ съ молодцами, втаскивали тяжелые тюки на 2-й этажъ, гдѣ отецъ мой уже, провѣривъ и принявъ товаръ, съ ними разсчитался. Одну нехорошую черту, общую у всѣхъ торговцевъ того времени и долго еще сохранявшуюся, нужно однако отмѣтить, это—запрашиваніе часто двойной цѣны стоимости за товаръ; но это не мѣшало дѣлать уступки до возможности. Таковъ былъ обычай и никто этимъ не обижался. А также (слѣдуетъ отмѣтить) и назойливость, съ какою молодцы каждаго проходящаго зазывали, даже затягивали въ лавку, перечисляя разные свои товары и ихъ достоинства и преимущества. Сколько помню, Павловы впервые въ Харьковѣ показали хорошій примѣръ, устранивъ запросъ и зазываніе... Вообще замѣчу, что простою и дѣятельною жизнью вмѣстѣ съ незапятнанною честностью и бережливостью, безъ великаго мудрствованія, харьковскіе купцы подняли обороты свои, не вдаваясь въ невѣрные риски, до возможной высоты и положили основаніе своему благосостоянію. Сыновья, имѣя хорошій примѣръ въ своихъ отцахъ, удержали еще и даже умножили свои состоянія, но увы! Не то уже вижу на ихъ потомкахъ при полученномъ ими полуобразованіи—они погнушались столь благотворными качествами предковъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось разореніе и исчезновеніе древнихъ фирмъ столбоваго купечества. О несостоятельности купцовъ, о банкротствахъ, особенно же злостныхъ, я до 40-хъ годовъ не слыхивалъ и если кого изъ нихъ, безъ особой съ его стороны вины, и постигалъ упадокъ дѣлъ, то честный купецъ всегда находилъ сочувствіе и поддержку въ кругу своихъ собратовъ. Грамотность купечества того времени была недальняя. Каракулками писались счеты, но все записывалось, хотя и не по правиламъ бухгалтеріи простой и двойной итальянской, зато дѣла шли удовлетворительно „.

Не трудно замѣтить, что Ф. О. Рейнгардъ нѣсколько идеализировалъ здѣсь бытъ купечества; очевидно, онъ представлялся ему подъ дымкою „добраго стараго времени“. Едва ли честность представляла такую выдающуюся черту въ немъ, какъ говоритъ Ф. О. Рейнгардъ. Онъ относился очень благодушно къ запрашиванію, говоритъ даже, что этимъ не обижались. Но что же въ сущности представляло изъ себя это запрашиваніе двойной цѣны, какъ не обманъ? Здѣсь, очевидно, было въ силѣ старинное правило

московскаго купечества „не обманешь—не продашь“. И все это существовало вмѣстѣ съ религіозностью, простотою жизнью, повиновеніемъ къ старшимъ, вообще патріархальнымъ складомъ жизни, остававшимся безъ всякихъ измѣненій, потому что образованіе въ этой средѣ не дѣлало никакихъ успѣховъ, несмотря на ростъ матеріальнаго благосостоянія.

Купеческій кругъ, говоритъ тотъ же авторъ, стоялъ особнякомъ. И онъ составлялъ вечеринки, но они представляли совершенный контрастъ среднему классу. Вопервыхъ, находите вы раздѣленіе половъ: дамы чинно и жеманно расположились на диванѣ за круглымъ столомъ, установленнымъ разными сластями, ведутъ между собою въ полголоса робкій разговоръ о разныхъ новостяхъ, о дрязгахъ домашнихъ и сосѣдскихъ, о костюмахъ и негодныхъ кухаркахъ, которые всѣмъ насолили, о матушкѣ Мелетіи и вновь открываемомъ въ Стрѣлечьемъ монастырѣ, о Куряжѣ и Хорошевѣ, или сидятъ смирно, вертя между руками сложенный носовой платокъ. Наряженныя въ шелкъ и бархатъ, унизанныя брилліантами, цѣлый вечеръ не трогаются онѣ съ мѣста. Барышни разсѣлись на стульяхъ вдоль стѣны солидно, съ опущенными глазками, молчатъ, перемигиваются, хихикаютъ и по временамъ лакомятся пряниками, орѣхами или другими сластями. По временамъ онѣ и встаютъ, собираются группами, заглядываютъ въ растворенныя двери зала, между собою пощебечутъ и опять захихикаютъ. Онѣ не отваживаются оставить мамашъ; съ мужчинами же поговорить —неприлично, непринято. Въ залѣ также чинно: купцы разсѣлись по группамъ, разсуждая о коммерціи, о плохой ярмаркѣ, о запоздаломъ товарѣ, о распоряженіяхъ Думы или, чего добраго, о политикѣ, которую почерпнули изъ послѣднихъ газетъ и всякій по своему толкуетъ. „А про Паскевича изволили читать? Въ Персіи то—каковъ молодчина? Вѣдь въ графы пожаловали“. Отъ времени до времени подходятъ къ столу съ закусками, выпьютъ, покряхтывая травничку, полакомятся мадерцею и закусятъ балычкомъ, икоркою или чѣмъ инымъ. Чай постоянно подносятъ въ чашкахъ какъ въ залъ, такъ и въ гостинную, на этотъ разъ даже „прикащицкій“ для дорогихъ гостей и пьютъ его до третьяго поту, утирая клѣтчатымъ платкомъ и лобъ, и бороду. Затѣмъ настаетъ время пуншамъ и бесѣда оживляется. А плутоватые сынишки вмѣстѣ съ приказчиками стоятъ вблизи рая—открытыхъ дверей гостинной, порогъ которой перешагнуть не моги! Ведутъ они между собою иную бесѣду—о гостинницѣ Шерыкина, о срѣзаніи желтаго шара въ среднюю лузу и корамболѣ по красному и бѣлому—какой удачный ударъ: 17 очковъ-съ! „Да шампанскаго намедни, какъ мы съ тобой, Федя, гуляли, какое подлое подавали—а небось денежки слупилъ! Да ну его къ праху! А что, можетъ, мы съ тобой хватимъ по стаканчику? Что-же? Да кабы тятенька не узрѣли! Ничегось: они къ намъ спиной“. И хватили. И скучаютъ бѣдняжки. Давно бы удрали да неловко, а сказали, что будутъ танцы. И дѣйствительно, въ передней уже раздается звукъ настраиваемыхъ инструментовъ... Выходитъ хозяйка и приглашаетъ кавалеровъ и дамъ къ работѣ. „Ну, штожъ, начинайте, приглашаетъ ласковая хозяйка—барышни, выходите“. И барышни стыдливо, съ опущенными глазками, становятся вблизи дверей, а кавалеры подходятъ съ приглашеніемъ пройтись, если не противно, съ нимъ въ лакосейзъ (экоссезъ); становятся пары, дѣлятся на двѣ шеренги, съ одной стороны дамы, съ другой— кавалеры, лицомъ другъ противъ друга, гуськомъ по всей залѣ, въ двѣ линіи, между которыми, начиная съ первой пары до послѣдней, проходятъ, какъ сквозь строй. Затѣмъ вальсъ и прочіе танцы, по усмотрѣнію. За танцами—ни слова, или же много, много, какъ разсужденіе о погодѣ. Кончились танцы. Накрываютъ столъ съ обиліемъ яствъ, на этотъ разъ приготовленныхъ поваромъ изъ гостинницы Матузкова или губернаторскимъ. Блюда, дѣйствительно, вкусныя и послѣ многоразличныхъ холодныхъ соусовъ и жаркихъ съ превосходными соленіями, на которыя особенно искусны русскія купчихи, преимущественно бѣлгородскія, слѣдуетъ бламанже, желе и горящій, непремѣнно горящій, пуддингъ, пирожное и хлопаютъ бутылками съ донскимъ. За ужиномъ обильное возліяніе за каждымъ блюдомъ съ припрашиваніемъ хозяина и хозяйки: „пожалуйте-съ“. Вставъ изъ-за стола, перекрестившись, всѣ подходятъ къ ручкѣ хозяйки, благодарятъ за угощеніе, тоже кланяются хозяину и всѣ, также по своему довольные, отправляются по домамъ; только плуты сынишки съ приказчиками—въ намѣченное впередъ тепленькое мѣстечко, гдѣ находятъ реваншъ за вынесенную скуку. Тятенька съ матушкой еще спятъ, когда Феденька съ приказчикомъ Федуломъ Прокофьевичемъ на зарѣ довольно грузно возвращаются съ оргіи, недешево обошедшейся для батенькиной кассы.

Такова была частная жизнь купеческаго круга съ ея домашними интересами и развлеченіями. Но рядомъ съ ними существовали и общественныя развлеченія и удовольствія.

Въ 1816 году въ Харьковѣ была напечатана брошюра „Правила харьковскаго коммерческаго собранія“. По выраженію современнаго рецензента, она свидѣтельствовала о томъ, „что нашъ Харьковъ не отстаетъ въ способахъ жить хорошо отъ древнѣйшихъ, многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ“ [1]).

Въ концѣ осени 1837 г. между дворянствомъ и купечествомъ произошелъ расколъ. Купечество почему-то отдалилось отъ дворянства и устроило свое собраніе, помѣщавшееся въ домѣ Сойкина на Николаевской площади. Какъ долго оно существовало,—точныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Оно держалось однако еще и въ сороковыхъ годахъ. Веселились здѣсь на славу, танцующихъ бывало паръ по 100 и болѣе. Посѣщали коммерческое собраніе купцы, иностранцы, небогатые дворяне и чиновники. Сюда, впрочемъ, пріѣзжали иногда и семейства изъ мѣстнаго beau monde'а, но не для того, чтобы участвовать въ удовольствіяхъ, а только изъ любопытства, изъ желанія взглянуть, какъ веселятся купцы и купеческія дочки. Наведенные на нихъ великосвѣтскіе бинокли и лорнеты смущали танцующихъ... Въ концѣ концовъ купеческіе танцы прекратились, и коммерческое собраніе было закрыто. Мѣстомъ общественныхъ увеселеній по прежнему осталось одно дворянское собраніе, но теперь уже купечество сюда не показывалось, да и увеселенія, за отсутствіемъ необходимой организаціи, устраивались только въ экстренныхъ случаяхъ, во время выборовъ, ярмарокъ и т. п. Въ остальное время года и дворяне, и купцы сидѣли по домамъ, и увеселенія носили чисто семейный характеръ. Слѣдуя примѣру дворянъ, купцы открыли въ 1858 г. свой Коммерческій клубъ въ помѣщеніи, гдѣ до того времени былъ вокзалъ Зарудnаго. Клубъ составлялся преимущественно изъ купцовъ и иностранцевъ торговаго сословія. Число членовъ по клубнымъ правиламъ обозначено въ 400 чел., старшинъ было четыре почетныхъ и пять дѣйствительныхъ. Членскій взносъ установленъ въ размѣрѣ 15 р. въ годъ. Въ качествѣ гостей допускались съ платою въ 50 к. всѣ жители Харькова и пріѣзжіе по рекомендаціи членовъ. По четвергамъ въ клубѣ бывали обѣды и ужины. Билеты на клубные балы получались только черезъ членовъ клуба за опредѣленную плату, маскарады, тоже платные, были доступны для всѣхъ. При клубѣ былъ кабинетъ для чтенія, билліарды, играли въ карты Открытіе клуба состоялось 19 ноября 1858 г. На первый же зимній сезонъ назначено было 6 баловъ и 14 маскарадовъ, а по вторникамъ и пятницамъ устраивались музыкальные вечера. Игралъ фидлеровскій оркестръ. Пріѣзжали и купцы, и дворяне [2]).

Духовенство, по словамъ современника, не чуждалось общенія со свѣтскимъ обществомъ и оказывало на него смягчающее вліяніе.

Пріѣхавшій въ Харьковъ Цебриковъ побывалъ съ визитомъ у тогдашняго харьковскаго архіерея Христофора Сулимы и вотъ что разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи. „Его засталъ я сидящимъ за закускою послѣ выпитія рюмки водки, купно со стоявшими вокругъ него монахами, іереями и другими священно и церковнослужителями. Этотъ кругъ различныхъ лицъ, собравшихся вмѣстѣ—тутъ были черноризцы и бѣльцы, дьяки и пономари—раздался и пропустилъ насъ къ его преосвященству для принятія отъ него архипастырскаго благословенія. Послѣ обыкновенной рекомендаціи говорили мы о Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, чрезъ которые я проѣзжалъ; о Курскѣ разспрашивалъ онъ довольно подробно, такъ какъ прежде былъ тамъ епархіальнымъ архіереемъ и весьма жаловался на всѣ неудобства, какія терпитъ въ Харьковѣ относительно своего жилища и пр. Онъ при всей своей старости показался мнѣ мужемъ весьма умнымъ и многосвѣдущимъ. По выходѣ отъ него спросилъ я у брата, почему онъ жалуется на неуваженіе. Онъ не въ ладахъ съ губернаторомъ или, лучше сказать они между собою суще враги. Впрочемъ архіерей нами всѣми здѣсь уважаемъ и почитаемъ“. Посѣтивъ архіерея 1-го января, Цебриковъ засталъ у него профессора Шада, который разговоривалъ съ архіереемъ весьма быстро, чисто и плавно полатыни. Цебриковъ расчитывалъ видѣть его усебя, но оказалось, что жена его не отпускала его изъ дому, особенно послѣ обѣда, ибо „онъ любилъ по ученому веселиться, а иногда даже до излишества“. Получивъ въ даръ отъ Шада его сочиненія, Цебриковъ нашелъ, что они написаны языкомъ, напоминающимъ стиль славнаго латиниста Лейпцигскаго профессора Эрнести, котораго считали вторымъ Цицерономъ.

А вотъ что сообщаетъ Цебриковъ о представителяхъ бѣлаго духовенства.

„Къ самому обѣду подоспѣлъ ветхій деньми протопопъ нашей приходской Рождественской церкви, человѣкъ 80 лѣтъ, извѣдавшій въ жизни своей разныя перемѣны счастія и несчастія, бывшій нѣсколько

[1]) Укр. В. 1816, 10-я кн., стр. 188.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1858 г., №№ 47 и 49.

лѣтъ отрѣшеннымъ отъ священнослужительской должности по причинѣ обвѣнчанія имъ четы, находившейся въ критическихъ обстоятельствахъ, *приходившій пѣшкомъ* изъ Харькова въ Петербургъ по призыву святѣйшаго синода для оправданія себя и оправдывавшійся въ теченіе цѣлаго года, выстроившій своимъ стараніемъ и раченіемъ двѣ каменныя церкви—зимнюю и лѣтнюю—одну подлѣ другой въ своемъ приходѣ, имѣвшій при томъ случай и для себя воздвигнуть два каменыхъ очень изрядныхъ дома". Увидѣвъ Цебрикова, онъ сталъ выражать ему свою радость въ довольно льстивыхъ выраженіяхъ. Онъ сѣлъ за обѣдъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ—молодымъ священникомъ и хотя отъ старости еле ходилъ, но ѣлъ съ бо́льшимъ аппетитомъ, нежели всѣ присутствовавшіе.

Въ Благовѣщенской церкви Цебриковъ встрѣтилъ своего прежняго учителя—дьячка, которому было около девяносто лѣтъ. Несмотря на этотъ возрастъ, несмотря на свою дряхлость, онъ не пропускалъ ни одной вечерни, ни одной заутрени, ни одной обѣдни. „По окончаніи молебна сей маститый учитель сошелъ съ клироса, держась обѣими руками за толстую и длинную палку и дѣлая самые малые и тихіе шаги, подобно больному, только что вставшему съ постели. Мнѣ его не трудно было узнать, ибо онъ въ чертахъ лица почти вовсе не перемѣнился: красенъ какъ и прежде, волосы на головѣ все еще уцѣлѣли, онъ отпустилъ только бороду, которую прежде брилъ".

Своею особою жизнью жила иностранная колонія.

Свѣдѣнія о французскихъ эмигрантахъ въ Харьковѣ мы находимъ въ воспоминаніяхъ Л. „Мнѣ памятенъ, говоритъ онъ, одинъ эмигрантъ, съ ногъ до головы homme de l'ancien regime, ходившій всегда съ напудренной головой, во французскомъ кафтанѣ, въ штанахъ и башмакахъ. Его звали графъ Буассеро; онъ женился въ Россіи на француженкѣ же и имѣлъ двухъ дочерей, которыя, родившись въ Харьковѣ, были, по недостатку въ католическомъ священникѣ, крещены въ грекороссійской вѣрѣ. Это былъ добрый старикъ, который мало толковалъ о политикѣ и честно добывалъ себѣ насущный хлѣбъ, то живя гувернеромъ, то содержа съ женою дѣвичій пансіонъ. Онъ привыкъ къ Россіи и неохотно возвращался во Францію. Мнѣ памятно, что уѣзжая изъ Харькова, Бауссере взялъ съ собою нѣсколько такъ называемыхъ сладкихъ хлѣбовъ, которые любилъ и которые везъ въ подарокъ роднымъ, какъ русское лакомство. Наши люди называли его по своему—графомъ Баслетомъ, также какъ одного стараго бельгійца Вуатле, который къ намъ хаживалъ, Валетомъ. Этотъ Валетъ былъ особенно тѣмъ замѣчателенъ, что, проживъ около 70 лѣтъ внутри Россіи (ему было гораздо за 80) онъ не умѣлъ еще настолько выучиться по-русски, чтобъ его понималъ простой русскій человѣкъ; едва успѣлъ онъ спросить у нашихъ людей: дома-ли господа? А человѣкъ онъ былъ, казалось, не глупый и мастеръ готовить отличный французскій табакъ. Его русскій языкъ напомнилъ мнѣ тогдашняго харьковскаго профессора римскаго права, котораго я еще недавно навѣстилъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ занимаетъ туже каѳедру. Г. Швейкардтъ очень любилъ нашъ домъ; это былъ свѣтскій образованный человѣкъ и чрезвычайно пріятный собесѣдникъ. Онъ разсказывалъ, что вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ познакомился съ одной дамой и разъ пришелъ къ ней съ визитомъ. Дома, прежде чѣмъ идти, протвердилъ онъ на всякій случай нѣсколько русскихъ словъ и реченій и съ ихъ помощью смѣло вошелъ въ переднюю. Онъ зналъ хоть и нетвердо, все различіе между барыней и бараниной, но дорогой по разсѣянности позабылъ урокъ, перепуталъ слова и, войдя въ переднюю, торжественно спросилъ: *баранина дома?* Лакеи выпучили глаза и покатились со смѣху [1]).

Общество нѣмцевъ, по сообщенію Рейнгарда, вечеринками своими немногимъ отличалось отъ средняго класса русскихъ. Тотъ же семейный характеръ, только немного болѣе gemüthlich. Дамы занимаютъ мѣсто въ гостинной вокругъ чайнаго стола съ работою, которую всякая обязательно съ собою приноситъ, обыкновенно вязанье. Болтаютъ о новостяхъ, просматриваютъ модные журналы, разсуждаютъ о прочитанныхъ новыхъ романахъ, интересуются дѣлами благотворительности и проч. Хозяйка, принимая дѣятельное участіе въ бесѣдѣ, между тѣмъ не забываетъ о милыхъ гостяхъ—разливаетъ кофе, шеколадъ или чай. Мужчины сидятъ за бостономъ, курятъ и пьютъ пуншъ съ ромомъ. Молодые люди прохаживаются съ дѣвицами по залѣ, бесѣдуя о впечатлѣніяхъ, какія вынесли они изъ театра, послѣдняго бала, маскарада, разгадываютъ шарады, говорятъ о литературныхъ произведеніяхъ, садятся цѣлымъ обществомъ и играютъ въ разныя игры: домино, мушку, мельника, фанты—любимыя игры нѣмцевъ, въ кольца, въ кошку и мышку и т. п. При разыгриваніи фантовъ часто неизбѣжны поцѣлуи. Промежутки между играми выполняются игрою на фортепіано

[1]) Современникъ 1847, т. I, ч. II, стр. 178—179.

(клавикордахъ) и пѣніемъ любимыхъ нѣмецкихъ арій, романсовъ, часто цѣлымъ хоромъ. Начинаются танцы и преимущественно танцуютъ вальсъ (Augustin), котильонъ и между прочимъ гросфатеръ. Танцующіе попарно подъ руку держа даму, медленно прохаживаются вокругъ одна за другою, при окончаніи куплета останавливаются; становясь другъ противъ друга, кавалеръ отвѣшиваетъ поклонъ своей дамѣ, она ему съ низкимъ книксомъ присѣдаетъ, затѣмъ и при второмъ куплетѣ тоже, потомъ при повтореніи—только нѣсколько ускореннѣе, а потомъ при самомъ ускоренномъ темпѣ (бѣшенномъ) взявшись рука объ руку попеременно мужчина и дама вокругъ дѣлаютъ tour de mains. Очень веселый танецъ и много при томъ смѣху. Также танцовали и попурри, галопъ и пр. По окончаніи танцевъ, приглашаются гости къ столу, установленному бутылками пива и разнородными буттербродами: съ колбасою, телятиною, ветчиною, сыромъ голландскимъ, зеленымъ, икрою, всякому по желанію. Обыкновенно бываетъ и тортъ или другое домашнее пирожное. Становилась и бутылочка или двѣ краснаго вина (медокъ), а для старичковъ шнапсъ, съ маленькими рюмочками. Угощеніе, какъ видите, не „коштовитое“ (не дорогое) и все приготовлено руками заботливой хозяйки, имѣющей свой попечительный глазъ вездѣ и привѣтъ для каждаго. Въ помощь ей одна служанка, опрятно одѣтая. Освѣщеніе—сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ и на каждомъ щипцы. Былъ у нѣмцевъ и общественный клубъ“.

Въ сороковыхъ годахъ, говоритъ современникъ, нѣмецкій клубъ гремѣлъ въ Харьковѣ славными своими собраніями и сильно конкурировалъ съ дворянскими собраніями, потому что въ нѣмецкомъ клубѣ не было такой оффиціальности и этикета, какъ тамъ; здѣсь, напротивъ, при всемъ свѣтскомъ приличіи и деликатности была изящная простота, задушевность и полное наслажденіе тѣми свѣтскими удовольствіями, какихъ ищетъ молодежь въ собраніяхъ. Въ дворянскихъ собраніяхъ было гораздо болѣе богатства, блеска и красоты внѣшней, а въ нѣмецкомъ клубѣ болѣе теплоты, симпатіи и красоты внутренней. Здѣсь всѣ веселились отъ души и нерѣдко сюда залетали гордые аристократы.

Нѣмецкій клубъ помѣщался на Московской улицѣ, въ домѣ бывшемъ купца Чистякова, а потомъ Воиновой. Залъ былъ для танцевъ въ бель-этажѣ и прочія комнаты были хороши и для тогдашняго общества вполнѣ удовлетворительны. Клубомъ долго завѣдывалъ Турне, а потомъ Альбиносъ. Оба эти француза, особенно Альбиносъ, оставили по себѣ хорошую память у всѣхъ посѣщавшихъ клубъ. Большой оркестръ былъ постоянно хорошъ, особенно когда подъѣхали богемцы и играли въ нѣмецкомъ клубѣ двѣ или три зимы. Плата за входъ—съ кавалеровъ 1 р. 50 к.; дамы безплатно. Фруктами и питіями угощали только дамъ.

Основную группу городскаго населенія составляли мѣщане, цеховые, крестьяне.

По словамъ Рейнгарда, „мѣщане, больше малороссы, строго придерживались старинныхъ обычаевъ страны. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно торгующіе, привыкли уже къ чайку и пуншику съ кизлярскою, тѣ, что попроще, довольствовались горячимъ кулишомъ по утрамъ или галушками съ саломъ (непремѣнно старымъ, т. е. прогорклымъ, которое предпочитаютъ свѣжему для приправы борща и другихъ снѣдей). Собираясь на пирушку, угощались „горилочкою“, оселедцами, таранью, холодцемъ и саломъ съ паляницею. „Жинки“ въ своемъ кругу подчивались горилочкою или наливкою—вишневкою изъ маленькихъ рюмочекъ, постоянно доливаемыхъ усердною хозяйкою—„пониматкою“, съ приглашеніемъ, сопровождаемымъ поклонами,—дануте-бо, кумушка, еще по одной“! Кумушка отговаривается: да нибо, спасыби, буде вже“. Хозяйка не отстаетъ, просить кумушку. Не сочтите этого впрочемъ за пьянство. На компанію, состоящую изъ 8—10 женщинъ, въ теченіе 2—3-часовой бесѣды, при усердномъ потчиваніи, израсходована всего только чвертка горилки изъ графинчика, въ которомъ непремѣнно плаваетъ давно вымокшій стручекъ краснаго перца. Но конечно, есть охотницы выпить и не въ мѣру—и тогда, подгулявши, обнимаются, цѣлуются съ миленькой сестричкой, кумушкой голубочкой, плачутъ, поссорятся, мирятся за новою чарочкою, „заспиваютъ“ соло или укупи“. Пѣсни ихъ жалобныя. Дивчата расположились на призьбѣ (завалинкѣ), а зимою—въ другой хатѣ—грызутъ сѣмечки или щелкаютъ орѣхи, закидавъ все пространство около себя скорлупою, затянутъ пѣсню веселенькую. Подъ „повиткою къ сволоку“ прикрѣплены качели—доска на веревкахъ, подбрасываемая хлопцами. Придутъ хлопцы, начнутся жартованья, бѣганье, смѣхъ потомъ пѣсни хоромъ“.

На низшей ступени соціальной лѣстницы стояла прислуга, преимущественно состоявшая изъ крѣпостныхъ.

Вотъ что говоритъ о положеніи ея въ 20-хъ—30-хъ годахъ Рейнгардъ.

„До эмансипаціи крестьянъ у дворянъ, разумѣется, была своя прислуга изъ крѣпостныхъ и въ количествѣ бо́льшемъ, чѣмъ теперь наемная, и даже больше (вообще), чѣмъ нужно. Имѣлись дворецкіе, повара съ поваренками, кучеръ съ форрейторами и конюхи, лакей и выѣздные лакеи и козачки, камердинеры, кухарки для людей, прачки, швеи, горничныя, фрейлины, поломойки, полотеры, швейцары и разсыльные. Въ аристократическихъ домахъ весь штатъ находился на-лицо, иногда еще метр'дотель, буфетчикъ и парикмахеръ. Такихъ семействъ въ Харьковѣ было не много. Но за пріѣзжающими на время, особенно на зиму, поразвлечься, слѣдовалъ цѣлый караванъ въ коляскахъ съ гувернерами, гувернантками, боннами, въ бричкахъ и другихъ рыдванахъ, съ прислугою и цѣлый обозъ съ провизіею подъ наблюденіемъ повара. Помѣщики съ меньшими средствами тоже не слишкомъ ограничивали число прислуги. Теперь какъ-то все измѣнилось; при томъ и экипажи стали дѣлаться легче, исчезли прежнія громадныя кареты, на высочайшихъ рессорахъ, съ высокими козлами и запятками для двухъ лакеевъ, а на мѣсто ихъ явились маленькія двумѣстныя или четырехмѣстныя кареты: дошли по опыту, что и аристократы не тяжелѣе нашего брата бѣднаго дворянина и потому можно замѣнить шестерики и четверки въ простежъ съ форрейторами. *Наемная* прислуга въ то время, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, была для хозяевъ не разорительна. Большинство ея были крѣпостные, за излишествомъ отпущенные на оброкъ; нанимались позже и изъ государственныхъ крестьянъ ближайшихъ селеній и мѣщане. Цѣны были тогда за мужскую прислугу на хозяйской одеждѣ и обуви 5—10—15 руб. въ годъ, а женской, также на хозяйской одеждѣ и обуви—50 коп.—4—6 руб. въ годъ, по возрасту, а на своей одеждѣ взрослымъ платилось вдвое".

„Нищіе (были) только слѣпцы и истинные калѣки, возимые на телѣжкахъ. Они располагались возлѣ церквей, у мостовъ, на базарѣ, гдѣ распѣвали подъ акомпаниментъ зурны (лиры) или бандуры Лазаря. Проходящіе не отказывали имъ. „Дайте бо, дайте—не мынайте, бидному неимущому и невыдющому каликови Хрыста рады". Да и кромѣ того жители города не скупились помогать и на дому въ назначенные дни, особенно купечество. Многіе изъ нихъ нарочно устраивали на своихъ дворахъ странноприимный пріютъ, гдѣ за общею трапезою питались богомольцы, странствующіе по монастырямъ и святымъ мѣстамъ. Я зналъ таковой на Троицкой улицѣ въ домѣ мѣщанина торговца Мих. Вас. Морозова и другихъ. Подаянія по богадѣльнямъ и острогамъ, преимущественно по большимъ праздникамъ. были значительны, особенно провизіею. Особенною щедростью отличались жители Харькова и опять таки купечество на приношенія, при жизни или по завѣщанію, на церкви и монастыри.

Мастеровые, простолюдины и чернорабочіе, преимущественно изъ великороссіянъ, говоритъ Рейнгардъ, тогда проводили праздное время въ грубыхъ удовольствіяхъ, соотвѣтствующихъ ихъ неразвитости. Пьянство, развратъ, удальство и буйства характеризуютъ ихъ разгулъ. Кулачный бой тогда еще строго преслѣдовался и собирались для него въ разныхъ мѣстахъ города, но особенно на площади по Мѣщанской и Бѣлгородской улицамъ, ниже синагоги. Тутъ составлялись двѣ партіи, на одной мастеровые, на другой мѣщане, къ которымъ присоединялись бурсаки, а нерѣдко и гимназисты. Начинался бой съ обѣихъ сторонъ мальчишками, затѣмъ по ихъ устраненіи сходились взрослые. Матодоры съ обѣихъ сторонъ отыскиваютъ другъ друга. Бой становится ожесточеннымъ и побѣда клонится то на сторону городскихъ, то на сторону ремеслённиковъ, нерѣдко кончаясь трагически. Трофеями съ обѣихъ сторонъ, какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ—выносятся: подбитый глазъ, свороченная скула, нерѣдко вывихъ или переломъ руки или ребра. И этому ожесточенному бою не въ силахъ воспрепятствовать тутъ же присутствующая полиція! Живя по близости этого поля брани, я неоднократно видѣлъ эти кулачные бои".

Другой современникъ (Кованько) описываетъ ихъ такъ.

„Кулачные бои.—Чтобы это ни было, по отношенію къ древности классической, Олимпійскія ли игры, гимнастическія упражненія или гладіаторскія схватки—все равно, для насъ ближе всего усматриваются въ кулачкахъ *пробрызги* козацкой крови и проблески козацкой удали. Многіе помнятъ, какъ бывало выходятъ другъ на друга Основа съ подгородними селеніями на городъ. Цвѣтъ юности и силы тутъ какъ тутъ до одного. Кровь кипитъ нетерпѣніемъ. Между ремесленною челядью увидите и гимназиста, и семинариста, иногда студента, чиновника, даже церковника въ полушубкахъ по зимнему вре-

мени запросто. Основа одолѣваетъ, но вотъ сквозь толпу харьковцевъ пробивается чиновникъ Чук.. впередъ; наши отступаютъ и изъ актеровъ дѣлаются зрителями, какъ „панъ“ одинъ разгоняетъ Основянскую ватагу. Маіоръ Солян... лучшихъ бойцовъ угощаетъ здѣсь же и для гостинницы Аѳанасьева не надобно и ярмарки. Сверхъ того эта удаль чуть ли не до 1820 г. и даже позже сильно одушевляла учебныя заведенія. Классъ на классъ, заведеніе на заведеніе выходятъ почти во все продолженіе зимы. Здѣсь былъ свой святой законъ, выраженный техническою формою: „по мордамъ не биться“ изъ предосторожности передъ начальствомъ. Школьныя оскорбленія рѣшались поединками, впрочемъ: кулачные поединки бывали и между закадычными друзьями просто изъ удали и для рѣшенія вопроса: кто кого побьетъ? Съ приговоркой по мордамъ не биться! Послѣ хотя и случались кулачки но уже въ другомъ духѣ, такъ что между „малюками“ иногда доходило и до жалобъ изъ оскорбленнаго самолюбія побѣжденныхъ. Очевидцы многихъ кулачныхъ сценъ помнятъ и перехожденіе потомъ классной удали училищъ на другіе предметы, какъ то—на нѣкоторый задоръ, протесты, предпріятіе побѣга въ Швейцарію (Як. Баб...), разныя другія продѣлки и выходъ въ видѣ цыгана съ медвѣдемъ предъ самую каѳедру учителя нѣмецкаго языка“ [1]).

Третій очевидецъ В. Пашковъ даетъ еще болѣе подробное описаніе кулачекъ.

Разсказавъ, что театромъ военныхъ дѣйствій были Пески (противъ Университетскаго сада) на сушѣ и на р. Лопани, а также на Москалевкѣ, на р. Харьковѣ, за Михайловскою церковью и въ другихъ мѣстахъ, продолжаетъ: „какъ городская, такъ и подгородняя сторона имѣла своего главнаго бойца, которымъ гордилась, уважала, повиновалась и берегла его какъ зеницу ока... У подгородней стороны былъ въ сороковыхъ годахъ знаменитый боецъ, государственный крестьянинъ Рубанъ. Рубанъ былъ выше средняго роста, широкоплечій и красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати пяти. Необыкновенною силою и замѣчательною ловкостью на кулачныхъ бояхъ онъ такъ прославился, что не только въ Харьковѣ, но и въ провинціяхъ извѣстно было имя Рубана, какъ могучаго и страшнаго бойца! Одѣвался онъ щегольски, когда выходилъ на бой: короткій жупанъ изъ тонкаго синяго сукна, опоясанный широкимъ краснымъ кушакомъ, смушковая сивая шапка, черные плисовые штаны, саноги, кожанныя наручни и маленькая въ серебряной оправѣ трубочка въ зубахъ. Характера онъ былъ кроткаго, сосредоточенъ, малоговорливъ. Бывало какъ выйдетъ на бой—картина! Густые черные волосы въ скобку, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ, зубы какъ перлы и великолѣпные лоснящіеся усы! Таковъ былъ красавецъ силачъ Рубанъ! Со стороны горожанъ былъ не менѣе знаменитый боецъ—студентъ медицинскаго факультета Ковалевъ; силачъ извѣстный, лѣтъ тридцати; сухощавый широкоплечій, высокаго росту, съ сильно развитыми мускулами, съ длинными руками; кулаки у него были громадные. Выходя на бой Ковалевъ надѣвалъ кучерскую плисовую поддевку, плисовый черный картузъ и лосиныя перчатки. Ковалевъ съ Рубаномъ были большіе пріятели и много разъ угощались и пировали вмѣстѣ въ разныхъ гостинницахъ на счетъ богатыхъ харьковскихъ купцовъ, купеческихъ сынковъ, чиновниковъ и студентовъ, которые питали къ нимъ глубокое уваженіе за силу, удаль и молодечество на кулачныхъ бояхъ... Здѣсь кстати замѣчу, что студентовъ подъ тридцать и въ тридцать лѣтъ тогда было не мало и не чета они были теперешней слабой, измельчавшей молодежи. Зимою по воскресеньямъ, послѣ обѣда, я съ товарищами почти всегда отправлялся смотрѣть на кулачный бой, и много было интересовавшихся зрителей. Морозъ въ градусовъ двадцать или двадцать пять: даже круги образуются около солнца и на Лопани трескается или по мѣстному выраженію: лопается ледъ. Вотъ сходятся и сошлись обѣ стороны—человѣкъ по триста, четыреста, по пяти сотъ и болѣе съ каждой стороны. Въ центрѣ у каждой стороны стоятъ Рубанъ и Ковалевъ, имѣя при себѣ справа и слѣва человѣкъ по шести сильныхъ подручныхъ. Стояли они спокойно, но гордо, величаво, и какъ полководцы, орлинымъ взоромъ обозрѣвали свои фланги и противную сторону. Общее желаніе показать свою силу и ловкость, побывать нѣсколько часовъ въ сильно возбужденномъ состояніи и жестокій холодъ были главными причинами въ потребности боя. Бой начинали или подростки, или охотники—одинъ на одинъ; съ фланговъ подхватывали, падали, поднимались и вновь бросались; тогда бой разгорался по всей линіи обѣихъ сторонъ, а безпрерывный трескъ отъ ударовъ кулаками усиливался все болѣе и болѣе и сливался съ оглушительнымъ крикомъ „разжартовавшейся тысячной массы бойцовъ! Вотъ двинулись центры; главные бойцы ринулись въ бой и образовали около себя массы сбитаго съ ногъ народа! Тутъ уже прихо-

[1]) Ср. Харьк. Губ. Вѣд. 1859 № 47.

дилось уленетывать во всю прыть, куда зря или вскочить гдѣ-нибудь на заборъ и съ какою-то непонятною жадностью смотрѣть на ужасную свалку: пока одна сторона не сломитъ другую, и та уже уходитъ во всѣ запуски... Вокругъ убѣгавшихъ вновь образовался центръ; они поправляются, снова завязываютъ драку, напираютъ сильнѣе и сильнѣе, останавливаютъ противную сторону, разбиваютъ ее и гонятъ съ боемъ въ свою очередь. Да такъ повторяется нѣсколько разъ, пока уже какая-нибудь изъ сторонъ такъ дойметъ другую, что та, разбитая и жестоко побитая, разбѣжится окончательно, и кулачки прекращаются до слѣдующаго праздника. Главные бойцы—Рубанъ и Ковалевъ съ подручными—когда разбивалась ихъ сторона, никогда не убѣгали, но благородно отступали шагъ за шагомъ и отбивались, какъ лютые тигры, пока, наконецъ, и ихъ не сбивали, что случалось очень рѣдко, а чаще случалось такъ, что пока главные бойцы отступаютъ, какой нибудь изъ фланговъ поправится, во время поддержитъ центръ и пошли ломать противную сторону. Нерѣдко выходило и такъ: половина одной стороны гонитъ другую, а эта гонитъ половину противной стороны и, наконецъ, общая свалка. Десятки разбитыхъ и окровавленныхъ лицъ, разные на нихъ фонари и „синяки“, растрепанные волосы, изорванная одежда—вотъ послѣдствія кулачнаго боя! Два раза я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ: семинаристы-богословы, бившіеся за горожанъ, давно озлились на Рубана за то, что онъ ставитъ имъ фонари и весьма неделикатно считаетъ ребра будущимъ проповѣдникамъ... И вотъ, однажды, схватили Рубана человѣкъ двадцать дюжихъ семинаристовъ, да такъ жестоко избили, что того отнесли домой замертво... Но потомъ онъ снова дрался и трепалъ бурсаковъ немилосердно... Въ другой разъ, подгородніе крѣпко уже озлились на Ковалева, бросились на него въ разгарѣ боя, прижали къ забору университетскаго сада и старались сбить съ ногъ: били жестоко, но съ ногъ не сбили; Ковалевъ-же сбилъ ихъ болѣе десятка, иныхъ окалѣчилъ и едва отбился. На левадѣ, за Михайловскою церковью, великолѣпно дрался на кулачкахъ гвардейскій унтеръ-офицеръ, приходившій однажды зимою въ отпускъ къ роднымъ. Не разъ онъ одинъ разбивалъ и разгонялъ цѣлую стѣну! Приводилъ въ восторгъ любителей купцовъ и чиновниковъ и получалъ отъ нихъ хорошіе подарки. Гигантскаго роста и силачъ страшный,—въ красивомъ гвардейскомъ мундирѣ, фуражка набекрень—какъ пойдетъ бывало маршевымъ шагомъ, да свалитъ нѣсколько дюжихъ человѣкъ: въ центрѣ, такъ всѣ уже бѣгутъ отъ него, что есть духу, а онъ остановится, смотритъ на бѣгущихъ и смѣется... Упомянулъ бы еще о двухъ трехъ славныхъ бойцахъ того времени, да боюсь, чтобы старики не посѣтовали!.. Бывало и полиція пріѣдетъ... И самъ памятный харьковскимъ сторожиламъ Григорій Яковлевичъ Гладкій, исправлявшій нѣсколько разъ должность полиціймейстера прибудетъ на кулачный бой... такъ для соблюденія формальности... поговоритъ съ главными бойцами, съ ихъ патронами, скажетъ нѣсколько назиданій и уѣдетъ, а бой закипитъ еще пуще прежняго... „Нѣтъ худа безъ добра“. Примѣняя къ этой поговоркѣ кулачный бой, можно сказать, что онъ и вреденъ и полезенъ: вреденъ потому, что многіе изъ бившихся оставались на всегда безъ нѣсколькихъ зубовъ, со шрамами на лицѣ, а иные преждевременно и въ вѣчность переселялись... Полезенъ же тѣмъ, что поддерживалъ въ народѣ воинственное настроеніе, изъ робкаго дѣлалъ болѣе смѣлымъ и изловчалъ при быстрыхъ нападеніяхъ и ретирадахъ. Сначала полиція смотрѣла на кулачный бой снисходительно, а потомъ все строже и строже, пока совсѣмъ его не прекратили; развѣ схватятся гдѣ подгородніе мальчики, подерутся, какъ пѣтушки, и разойдутся. Сбитенщики, которыхъ тогда множество было въ Харьковѣ, всегда толпились на кулачныхъ бояхъ и угощали бойцовъ сбитнемъ и „гречанниками“. Кулачки еще держались и въ 1863 г. На Рождественскихъ праздникахъ бои эти принимали громадные размѣры. Обыкновенно для этого собирались ратоборцы гдѣ-нибудь на площади, удаленной отъ центра города и вниманія полиціи. Въ нихъ участвовали ремесленники, лавочные сидѣльцы, разные подмастерья, мѣщане; бывали любители и изъ болѣе цивилизованныхъ слоевъ, служащихъ и не служащихъ. Потѣха иногда оканчивались и несчастнымъ случаемъ [1]).

Ознакомившись съ бытомъ всѣхъ тогдашнихъ группъ харьковскаго населенія, мы остановимся теперь на нѣкоторыхъ общихъ условіяхъ тогдашней жизни.

Современникъ 20-хъ—30-хъ годовъ (Рейнгардъ) отмѣчаетъ дешевизну тогдашней жизни. „Жизнь въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, говоритъ онъ, вообще была недорога. За квартиру со столомъ съ товарищемъ вдвоемъ въ одной комнатѣ съ хозяйскою тонкою у Рѣшетниковой, въ переулкѣ съ Нѣ-

[1]) Харьковъ, 1863 г. № 4.

мецкой на Мѣщанскую, теперь домъ Полюты, платили мы по 10 руб. ассигн. въ мѣсяцъ, за сытный обѣдъ, утромъ и вечеромъ по большой кружкѣ цѣльнаго молока съ порядочнымъ ломтемъ базарной булки. Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра города мѣстностяхъ можно было имѣть квартиру и дешевле. У Авдотьи Фроловны Черняевой, въ началѣ Чеботарской, платилъ я тоже 10 руб. за комнату со столомъ. Въ гостинницахъ, какъ у Мотузка, лучшей въ городѣ (на Николаевской площади—теперь городской домъ) въ сутки за номеръ съ деревянною простою мебелью (мягкая тогда еще не была въ модѣ; много если на стульяхъ или диванахъ были твердыя мочаломъ набитыя подушки, обитыя кожей или клеенкой) платили по 50 коп. ассигн., а въ ярмарочное время по 1 руб. ассигн.; на постоялыхъ (дворахъ), какъ у Павлова у столба (нынѣшняя Павловская площадь), Тарасова на Московской, Мясоѣдова и Савельева на Рыбной—отъ 30 до 60 коп. ассигн. съ 2 самоварами въ день". Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта дешевизна была относительная, по сравненію съ болѣе позднимъ временемъ; авторъ, писавшій свои воспоминанія уже въ 80-хъ годахъ XIX вѣка, находилъ эти цѣны невысокими по сравненію съ цѣнами конца XIX столѣтія. Въ дѣйствительности однако цѣны на квартиры и съѣстные припасы въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка сильно поднялись по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ XIX вѣка. Видную роль въ этомъ случаѣ сыграла континентальная система и Наполеоновское нашествіе. Въ моемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета" (т. 1-й и 2-й) приведено много данныхъ, свидѣтельствующихъ о сильномъ поднятіи цѣнъ на всѣ припасы во 2-мъ десятилѣтіи XIX вѣка и о страшномъ паденіи курса тогдашнихъ ассигнацій. Уже въ 1810 г. Харьковскіе профессора подали на имя Государя прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на усилившуюся дороговизну, ходатайствовали о прибавкѣ жалованья. Въ 1816 г. это ходатайство было повторено, ибо дороговизна еще болѣе усилилась: курсъ на ассигнаціи палъ съ 67½% въ 1807 г. до 25⅕% въ 1816 году. Въ 1822 г. было возбуждено ходатайство объ увеличеніи штатовъ содержанія, въ виду поднятія цѣнъ на товары вдвое и даже втрое противъ ихъ прежней цѣны; но опять безполезно.

О пищѣ и напиткахъ того времени у насъ имѣются слѣдующія данныя.

„Пиво, по словамъ современника, было тогда въ большомъ употребленіи, наливки домашнія, превосходно изготовляемыя хозяйками, вполнѣ замѣняли дорогія французскія вина, а изъ винъ наиболѣе распространено было сантуринское. Французскую водку и ромъ замѣняла кизлярка. Эта превосходная по крѣпости, вкусу, и аромату виноградная водка, совершенно вывелась изъ употребленія, а въ 30-хъ годахъ она была въ большомъ ходу, особенно для пуншевъ, которые такъ полюбили въ Малороссіи. На пирушкахъ старики выпивали ½ дюжины стакановъ, а нѣкоторые и дюжину. И дешево, и сердито. Изъ французскихъ винъ (были въ ходу) особенно бѣлыя: сотернъ и госотернъ, также изъ испанскихъ—мадера, дреймадера. Красныя вина были въ маломъ употребленіи. Шампанское (нефабрикованное) и англійскій портеръ—больше въ высшемъ кругу. Обѣды званные отличались множествомъ блюдъ: до 10 и болѣе. Домашній столъ (былъ) простъ, но сытенъ: борщъ изъ жирной баранины, пшенная каша, вареники со сметаною, левашники и тому подобныя *малороссійскія блюда*, также жаркое. Въ заключеніе обѣда въ лѣтнее время—всегда арбузъ. Соленіями разнообразными отличались хозяйки".

Харьковскія постройки по свидѣтельству В. Пашкова не отличались архитектурнымъ вкусомъ и были простыя коробки или мѣшки даже на главныхъ улицахъ. За исключеніемъ главныхъ улицъ, опредѣленныхъ по плану, говоритъ онъ, второстепенныя и другія улицы и переулки, образовывались какъ-то сами собою, какъ придется, и по желанію строющихся... Задумалъ человѣкъ строиться, сказалъ объ этомъ, кому вѣдать слѣдуетъ, взялъ да и построился, какъ ему пожелалось и вкривь и вкось и сторонкой небось... Вотъ поэтому-то и безобразія такъ много въ нашемъ городѣ. Мы помнимъ еще и лабиринты въ Харьковѣ—это была цѣлая группа деревянныхъ домиковъ, превычурно расположенныхъ, ниже театра, на полугорѣ; другая же такая группа домиковъ была не подалеку отъ первой. Теперь отъ нихъ и слѣда не осталось. Оба эти лабиринта были любимыми квартирами студентовъ, которые дали имъ и названія своеобразныя—„Булдыгоны" и „Козьи рога"... „Ты гдѣ квартируешь"? спрашиваетъ одинъ студентъ у другого. „На Булдыгонахъ" „А ты гдѣ"? „Да вчера поселился на Козьихъ рогахъ"... Некрасивы и тѣсноваты были эти мѣщанскіе домики, но зато кормили въ нихъ студентовъ и гимназистовъ сытнымъ, хорошимъ обѣдомъ, ужиномъ и молочнымъ (вѣрнѣе сливочнымъ) или фруктовымъ завтракомъ по желанію каждаго. Да такъ и во всемъ почти городѣ кормили тогда студентовъ и

гимназистовъ за двадцать и за двадцать пять рублей ассигнаціями (шесть или семь рублей по теперешнему) съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и мытьемъ бѣлья!. Когда-нибудь разскажу о незабвенной кормилицѣ студентовъ и гимназистовъ—старушкѣ мѣщанкѣ Рѣшетниковой, у которой не одинъ десятокъ молодежи прожили безвыходно, начиная съ перваго класса гимназіи и до окончанія университетскаго курса". Банковъ, которые бы выдавали ссуды на строительство, не было и ихъ замѣняли такія личности, какъ Топчіевъ и Кузинъ. „Къ устроенію Харькова, говоритъ Пашковъ, много способствовалъ извѣстный живши еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, богачъ—почетный потомственный гражданинъ Козьма Никитичъ Кузинъ. Жилъ онъ въ Харьковѣ долго, богатѣлъ самъ (откупами), обогащалъ другихъ и много способствовалъ къ устройству Харькова. Выстроивъ много хорошихъ своихъ домовъ въ разныхъ частяхъ города для себя и многочисленныхъ своихъ родныхъ, онъ давалъ и другимъ возможность легко и скоро строиться, и вообще принималъ въ интересахъ города самое живое и многолѣтнее участіе, оставивъ на память по себѣ, Суздальскій рядъ (хотя и безобразнѣйшей архитектуры), цѣлый корпусъ на Конной площади, гдѣ помѣщается акціонерная компанія по торговлѣ шерстью и прекрасный храмъ на Холодной горѣ, вблизи котораго и похороненъ Кузинъ въ семейной гробницѣ. Тамъ, войдя внизъ по ступенямъ, можно увидить превосходный, художественно изваянный, изъ каррарскаго мрамора, бюстъ покойнаго. Бюстъ сдѣланъ во весь ростъ, очень похожъ и представляетъ старика въ полулежачей позѣ на кушеткѣ съ книгою въ рукѣ... Слышали мы отъ многихъ харьковскихъ старожиловъ, какъ Кузинъ давалъ возможность людямъ устраиваться. Приходитъ къ нему, напримѣръ, какой-нибудь купецъ, чиновникъ, мѣщанинъ и даже подгородній крестьянинъ; приходитъ, смиренно кланяется и объясняетъ, что онъ желаетъ построиться тамъ-то и такъ-то, и проситъ деньжонокъ для постройки съ тѣмъ, что когда построится, то доходомъ съ дома или лавки будетъ уплачивать мало-по-малу заемъ въ теченіе нѣсколько лѣтъ. Выслушаетъ благосклонно Козьма Никитичъ просителя, справится о его благонадежности и даетъ денегъ бѣднымъ безъ процентовъ, подъ простую расписку. Вотъ на эти то деньги многіе и строились, а потомъ съ благодарностью уплачивали мало по малу заемъ своему благодѣтелю. Да такимъ образомъ устроился не одинъ десятокъ и не два харьковскихъ домовладѣльцевъ, а десятки десятковъ... Слышали мы также, что когда Кузинъ умеръ, то въ одномъ изъ ящиковъ бюро, гдѣ хранились долговыя расписки наслѣдники нашли только массу изорванныхъ въ мелкіе клочки расписокъ... К. Н. Кузинъ держалъ на откупѣ нѣсколько губерній, имѣлъ откупа и въ Сибири, гдѣ пріобрѣлъ собственные золотые пріиски. Козьма Никитичъ былъ такъ популяренъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ окрестностяхъ его знали даже дѣти. Бывало ѣдетъ онъ на дрожкахъ на парѣ долгогривыхъ саврасыхъ вятокъ, и всѣ, знакомые и вовсе незнакомые снимаютъ передъ нимъ шапки... потому, что Кузинъ своею благотворительностью заслужилъ общее уваженіе. Въ годовые праздники онъ даритъ простому народу сотни шубъ, свитъ, шапокъ, сапогъ и проч. Кромѣ Кузина хорошо устраивались и другіе купцы—богачи: Павловы, Рыжовы, Ширикины, постройки которыхъ и теперь служатъ украшеніемъ города. Можно назвать еще изъ купеческихъ семействъ: Верховскихъ, Собкиныхъ, Щелковыхъ (двѣ вѣтви). Все это были тузы Харькова; старики—народъ дѣловой, копили деньгу и нажили огромныя богатства; сыновья ихъ, большею частью отчаянные и безумные кутилы, въ короткое время все разстратили".

„Чистотою городскія улицы не отличались. Весною и осенью, особенно въ дождливое время, почти во всемъ Харьковѣ была страшная, невылазная грязь, такъ что во многихъ мѣстахъ приходилось дѣлать большіе обходы, чтобы добраться до желаннаго мѣста. Мостовыя очень плохія, тротуары были только на главныхъ улицахъ; прочія же улицы и переулки сохраняли въ чистотѣ своей первобытный родимый грунтъ; и мѣсили на нихъ глубокую грязь и конные и пѣшіе, или пѣшіе съ трудомъ пробирались по тротуару къ одну дощечку, съ опасностію свалиться въ канаву... Нерѣдко пѣшеходы, выйдя изъ дому въ галошахъ, возвращались только въ сапогахъ, а галоши ихъ погружались безслѣдно въ невылазной грязи. И такая грязь стояла по недѣлямъ, а въ иныхъ мѣстахъ и по мѣсяцамъ! За Нетечью, на Благовѣщенскомъ базарѣ и на площадяхъ, въ грязную осень и весну, вязли съ дрожками и сѣдоками даже добрыя извозчичьи лошади. Мостовыя, какъ теперь, такъ и тогда, были для думы камнемъ претковенія... Въ сухое время, при вѣтрѣ, поднималась такая пыль отъ высохшей и растертой грязи, что трудно было дышать, и различать ближайшіе предметы! И такая пыль носилась цѣлыми облаками и тучами надъ цѣлымъ городомъ по недѣлямъ и по мѣсяцамъ, пока благодатный дождикъ не превращалъ ее снова въ грязь... Съ благодарностью можно вспомнить генералъ-губернатора Кокошкина: онъ многое исправилъ и

улучшилъ въ Харьковѣ. „Фонарики-сударики“ торчали кое гдѣ... Съ резервуарчиками, наполненными конопляным и другими растительными маслами, они тускло и еле-еле мерцали, стоя одинъ отъ другого въ весьма почтительномъ отдаленіи и, почти ничего не освѣщая, издавали только отвратительный запахъ и копоть... Ходить въ темные осенніе вечера не было возможности, а кому надо было идти, тотъ или освѣщалъ себѣ путь ручнымъ фонаремъ, съ сальною свѣчою, или пробирался въ непроглядной тьмѣ ощупью, не разъ спотыкался и падалъ на плохихъ тротуарахъ и на рытвинахъ. Зато пѣшеходъ не боялся ночныхъ грабителей и воришекъ, которыхъ тогда почти не водилось въ Харьковѣ. Обѣ рѣчки Харьковъ и Лопань были тогда гораздо лучше: полноводнѣе, быстрѣе и чище. Въ Лопани на „Клочкахъ“ было хорошее купанье съ чистыми песчанными берегами, поросшими лозою. На рѣчкѣ Харьковѣ было хорошее купанье въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ чертѣ города: у водяной мельницы, работавшей очень исправно и стоявшей тамъ, гдѣ теперь устроенъ переходъ съ Михайловской площади на Кузнечную улицу. Улучшить эти рѣки можно только посредствомъ *канализаціи*; это единственный вѣрный способъ помочь мелководью; при этомъ, по набережнымъ надо сдѣлать бульвары съ посадкою на нихъ густолиственныхъ деревьевъ: липъ, тополей, бѣлыхъ акацій. Тогда городъ значительно украсится и много выиграетъ въ гигиеническомъ отношеніи. Пожары случались, въ особенности на Конной площади, гдѣ почти всѣ постройки были деревянныя и подъ соломенной крышей. Часто горѣли тамъ и кирпичные заводы. Пожарная команда всегда дѣйствовала отлично—быстро, энергично и съ самоотверженіемъ боролась и побѣждала страшнаго врага. Въ центрѣ города былъ сильный пожаръ зимою 1839 г., истребившій лабазы и лавки съ чернымъ товаромъ, гдѣ теперь Сергіевскій рядъ. Огонь съ страшною силою пожиралъ горючій матеріалъ: бочки въ дегтемъ, соль, сѣру, канаты, пеньку, ленъ и многое другое. Раскаленные листы желѣза срывались пламенемъ съ крыши и уносились по ту сторону Лопани. Пожаръ угрожалъ присутственнымъ мѣстамъ и университету; но генералъ-губернаторъ, графъ Строгановъ, лихо распоряжался на пожарѣ и дальнѣйшаго хода ему не дали“.

Совершенно преображался Харьковъ во время ярмарокъ. „Торговля въ Харьковѣ шла тогда отлично и мануфактурными товарами и колоніальными, и разными другими, сырыми и фабричными продуктами. Привозъ товаровъ на Крещенскую ярмарку бывалъ такой, что еще за недѣлю до ярмарки и потомъ въ продолженіе всей ярмарки извозчичьи обозы буквально запруживали всю Рыбную улицу, Университетскую и Торговую площади, смежныя улицы и переулки и почти весь городъ. Снѣгъ исчезалъ и подвозили его изъ-за города, а иначе и ходу не было. Оборотъ на этой ярмаркѣ бывалъ отъ сорока до пятидесяти милліоновъ! Торговали тогда всѣ хорошо, но особенно домъ Павловыхъ велъ чрезвычайно обширную торговлю и торговалъ на славу въ своемъ обширномъ бакалейномъ магазинѣ, изъ котораго не только харьковцы и вся Харьковская губернія, но и смежныя губерніи забирали на расхватъ всѣ бакалейные продукты и вина, а многіе—годовую пропорцію. Во время Крещенской ярмарки болѣе сотни подводъ, помѣщицьихъ и купеческихъ, изъ уѣздовъ стояли на площади противъ этого магазина, подъѣзжали и отъѣзжали, нагружаясь разными разностями. Забирали на сотни и на тысячи рублей ежедневно во время ярмарокъ, да и по прошествіи ихъ—тамъ всегда была ярмарка. Заказы дѣлались за сутки; человѣкъ двадцать приказчиковъ суетились и бѣгали съ ранняго утра до полуночи и едва успѣвали отпускать, укладывать и сдавать покупки. Продукты отпускались самые лучшіе и всегда съ излишкомъ въ вѣсѣ и мѣрѣ, да еще и съ подаркомъ покупателямъ отъ $^1/_4$ фунта и до пуда, судя по забору, конфектъ и пряниковъ своей фабрики. Цѣлыя толпы различныхъ покупателей стояли по часамъ и ожидали очереди. Продажа была и на гроши, и на сотни рублей въ одно и то же время. Вотъ стоитъ какая-нибудь бѣдная подгородняя старушка: „тебѣ что нужно матушка?“—спрашиваетъ быстро проходящій „Молодецъ“.—„Хунтъ свичокъ“. Молодецъ захватитъ въ руку, сколько придется, свѣчей, отдастъ ихъ старушкѣ и скажетъ: „Иди себѣ съ Богомъ, а самъ бѣжитъ справляться по другимъ дѣламъ. Старушка низко кланяется и уходитъ со свѣчами и грошами, предназначенными для уплаты. И такъ постоянно: то то, то другое давалось бѣднымъ даромъ. Нищимъ раздавались мѣдныя деньги безъ счету и только прибавлялась просьба уходить и не мѣшать дѣлу. Знаменитый магазинъ Павловыхъ имѣлъ милліонный оборотъ и такъ торговалъ лѣтъ тридцать или около того!“

Другой современникъ—Вит. Пашковъ—сообщаетъ о харьковской Троицкой ярмаркѣ еще болѣе обстоятельныя и интересныя свѣдѣнія бытового характера. „Съѣздъ помѣщиковъ въ Троицкую ярмарку,

говоритъ онъ, бывалъ огромный. У одного Соленикова въ его номерахъ или вѣрнѣе въ келейкахъ съ навѣсомъ помѣщалось всегда семействъ десять помѣщичьихъ. Свиданья, новыя знакомства и визиты, гулянья въ университетскомъ саду, покупки въ гостинномъ ряду и магазинахъ цѣлыми толпами, театръ и концерты,— все это для многихъ, особенно для пріѣзжихъ и взятыхъ изъ пансіоновъ молодыхъ дѣвицъ и пансіонеровъ Зимницкаго и Сливицкаго, для гимназистовъ и первокурсныхъ студентовъ было такъ ново и полно жизни, что не только молодежь, но и старость радовалась и веселилась вмѣстѣ съ нею и сама молодѣла хотя на это время. Иные степные помѣщики, лѣтъ двадцать не бывшіе въ Харьковѣ, а теперь привезшіе испанскую шерсть на ярмарку, многому дивились и сами были дивомъ для многихъ своими медвѣжьими ухватками и допотопными костюмами... То было чудное время и для пріѣзжихъ и для харьковцевъ! И драгоцѣнное время двухъ-недѣльной Троицкой ярмарки, на которой первое мѣсто занимала продажа испанской шерсти, подходившей потомъ лѣтъ двадцать въ громадныхъ размѣрахъ—до милліона пудовъ и болѣе,—(цифра, какъ мы видимъ, явно преувеличенная) останется незабвеннымъ для уцѣлѣвшихъ современниковъ. Всѣ тогда имѣвшіе овечьи и конные заводы (а кто и не имѣлъ ихъ?) съѣзжались на харьковскую Троицкую ярмарку, т. е. съѣзжались почти вся Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая (колонисты пригоняли отличный темно-красный скотъ), Полтавская, и даже Черниговская и Воронежская губерніи. Изъ Воронежской губерніи приводили великолѣпныхъ лошадей съ Битюга. Всѣ гостинницы и постоялые дворы бывали битком набиты пріѣзжими. И не разъ, учившись въ то время въ Харьковѣ, приходилось мнѣ и ѣздить, и бѣгать по разнымъ улицамъ для отысканія сколько-нибудь сносной квартиры пріѣзжавшимъ на ярмарку съ семействомъ отцу и матери. Однажды случилось такъ, что, не найдя нигдѣ квартиры за Харьковомъ, на Рыбной улицѣ и за Нетечью, родные должны были ѣхать за Лопань и остановиться у столярнаго мастера Прейса, въ домѣ Масловичевой,—и то потому, что у Прейса были въ ученіи два нашихъ мальчика. А какое огромное значеніе для Харькова имѣлъ пріѣздъ московскихъ тузовъ—милліонеровъ фабрикантовъ, таковъ былъ напримѣръ,—Кузьма Никитичъ Бакановъ, закупавшій въ однѣ руки болѣе ста тысячъ пудовъ шерсти грязной и перегону, Алексѣевъ и Александровъ, бравшіе немногимъ меньшія пропорціи, бѣлгородскіе Слатинъ и Чумичовъ, харьковскіе Рыжовъ и многіе другіе. Бакановъ и Алексѣевъ нѣсколько лѣтъ были главными двигателями всей шерстяной торговли на харьковской Троицкой ярмаркѣ. При огромномъ съѣздѣ на Троицкую ярмарку Харьковъ отъ Конной площади до Лопани совершенно измѣнялъ свой обычный характеръ. Сильное движеніе и поспѣшная дѣятельность начиналась съ Конной площади, когда опредѣлялась и оглашалась общая цѣна на шерсть. Разумѣется, что покупатели милліонеры и съ сотнями тысячъ не очень-то торопились, въ полной увѣренности, что большія и лучшія партіи шерсти купятся только ими; но покупатели съ двумя или однимъ десяткомъ тысячъ въ карманѣ, разные кулаки и шибаи, особенно бестіи бѣлгородскія, сбившія какія-нибудь двѣ—три тысяченки, а иные и съ одною, словомъ, весь мелкій торговый людъ, едва только оглашалась общая цѣна,—бросался взапуски на загодя высмотрѣнныя партейки шерсти, спорилъ между собою, ругался, да случалось видѣть, какъ торговый людъ этотъ угощался чуботрясомъ и потасовками, таща купленныя партейки шерсти во всѣ стороны по дворамъ подъ темные сараи и навѣсы съ приготовленными уже тамъ фальшивыми вѣсами, гдѣ и обвѣшивали и обсчитывали не бывалыхъ еще въ рукахъ продавцовъ шерсти. А если залавливали уже очень оплошныхъ и зѣвакъ, тогда и многіе руны шерсти улетали изъ кулей, какъ по телеграфу, въ отдаленные и темные тайники сараевъ, чердаковъ, погребовъ и проч.

Продавши шерсть на Конной площади, помѣщики съ московскими денежками пріѣзжали въ городъ, и, не теряя дорогого времени, спѣшили съ своими семействами за разными необходимыми покупками и въ гостинный дворъ, и во всѣ магазины, въ разныя лавки, погреба и мастерскія,—словомъ—всюду, раскупая все модное и немодное на расхватъ. Помѣщика, продавшаго шерсть, сейчасъ-же узнавали по новой фуражкѣ и насмѣшливые горожане всегда подтрунивали надъ этимъ не безъ основанія: иные степные помѣщики пріѣзжали въ такихъ смѣшныхъ картузахъ, что просто потѣха. Такъ какъ въ деревняхъ почти ничѣмъ не стѣсняются, то многіе, особенно пожилые помѣщики, носили въ жаркое время разные самодѣлковые картузы изъ бѣлаго, чернаго и сѣраго каленкора и миткаля или изъ какого-нибудь остатка отъ женскаго платья, съ полуаршинными квадратными козырьками, укрывавшими ихъ отъ солнца. Не менѣе оригинально было на многихъ и верхнее одѣяніе—мѣшки или блузы изъ парусины, каленкору,

нанки и шерстяныхъ матерій бѣлаго, пестраго, кирпичнаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ, и такіе же шаровары, широкіе и съ сотнею складокъ. Если-же кто считалъ такой костюмъ для города не совсѣмъ приличнымъ, то бралъ съ собою допотопный сюртукъ, у котораго засаленный воротникъ не уступалъ по объему и конскому хомуту, а полы висѣли до пятъ. Костюмы у дамъ и дѣвицъ хотя и были гораздо приличнѣе, чѣмъ у мужей и у папенекъ, но все же не модные, и потому, по продажѣ шерсти, всѣ стремились къ одной главной цѣли—накупить обновокъ и одѣться поскорѣе по существующей модѣ. Въ гостинномъ ряду, за множествомъ покупателей, бывало и не добьешься иной разъ, чтобы купить что-нибудь желаемое; въ магазинахъ и лавкахъ то же самое. Въ театрѣ изъ пріѣзжихъ едва-ли вмѣщалась и половина, а хотѣлось бы каждому побывать тамъ, посмотрѣть и послушать артистическую игру Щепкина и Живокини, или Мочалова, Соленика и незабвенную артистку Млатковскую, и вмѣстѣ взглянуть на роскошный цвѣтникъ городской и провинціальной молодежи. То было золотое время для харьковскихъ гостинодворцевъ, магазинщицъ и лавочниковъ! Оставшіеся теперь въ живыхъ, вспоминая то чудное время, вздохнутъ каждый разъ, и вздохнутъ со скрежетомъ зубовнымъ... Отъ пріятнаго разнообразія, наслажденія и довольства собою и другими, словомъ, отъ полноты жизни—всѣ были какъ бы въ опьяненіи, точно какъ послѣ трехъ четырехъ бокаловъ шампанскаго въ пріятельскомъ кружкѣ... А сколько красавицъ-то было изъ пріѣзжихъ! Везъ преувеличенія скажу что въ каждомъ почти семействѣ была красавица дочь или жена, взлелѣянныя и расцвѣтшія въ привольныхъ и роскошныхъ украинскихъ степяхъ. Кончилась ярмарка, и всѣ, точно сговорились, въ одинъ или въ два дня, кто какъ успѣлъ справиться, разъѣзжались въ разныя стороны. Разумѣется, что большая часть ѣхала на югъ, поспѣшая на сѣнокосы. На постоялыхъ дворахъ къ югу случались такіе съѣзды помѣщиковъ, возвращавшихся изъ Троицкой ярмарки, что только дамы и дѣвицы помѣщались кое-какъ на ночлегъ въ зданіи, мужчины-же помѣщались для ночлега въ своихъ экипажахъ и сѣновалахъ. Съ разсвѣтомъ все это пробуждалось и суетилось; кучера и форрейторы спѣшно запрягали и шестерки, и четверки, и тройки великолѣпныхъ доморощенныхъ заводскихъ коней разныхъ мастей въ модныя петербургскія кареты на лежачихъ рессорахъ, и въ щегольскія вѣнскія коляски, купленныя на Конной площади, и въ новые тарантасы харьковскаго и тамбовскаго издѣлія.

Благовѣщенскій базаръ, хотя и не былъ тогда такого объема, какъ теперь, зато всѣ продукты качествомъ были гораздо лучше и несравненно дешевле. То, что было тогда въ изобиліи, теперь уже стало рѣдкостью, напримѣръ: было много разной дичи: утокъ, зайцевъ, куропатокъ, вальдшнеповъ, и проч., и все это было въ четверо дешевле. Молочные продукты, фрукты и зелень—тоже. По праздникамъ, въ хорошую погоду, на базаръ приходили цѣлыя группы молодыхъ подгороднихъ малороссіянокъ въ своихъ національныхъ костюмахъ и приносили разные сельскіе продукты, которые и продавали прямо изъ корзинокъ. Теперь этого не видно; теперь все въ рукахъ матерыхъ торговокъ. Невидно уже на базарѣ и старинныхъ запорожскихъ гвинтовокъ, которыя составляли предметъ поисковъ и покупки для нѣкоторыхъ студентовъ, записныхъ охотниковъ".

Характернымъ является обиліе кабаковъ.

Мѣстный бытописатель отмѣчаетъ чрезмѣрное увеличеніе кабаковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увеличеніе пьянства въ низшемъ классѣ. „Теперь рѣдко найдется улица, гдѣ бы не было кабачка; чаще что ихъ до десятка на одной и той же улицѣ, встрѣчаются по 2 и по 3 рядомъ. Замѣчательно, что они другъ другу нисколько не мѣшаютъ въ существованіи, и что каждый изъ нихъ въ продолженіе почти цѣлаго дня не безъ посѣтителей. Что грустнѣе всего, такъ это то, что большая часть этихъ посѣтителей—прекрасный полъ. Когда бы ни проходилъ мимо кабачка, вѣчно замѣтишь въ немъ двѣ или три собесѣдницы съ раскраснѣвшимися лицами, ведущихъ между собою рѣчь довольно не тихимъ и не ровнымъ голосомъ, за завѣтною бутылкою. Бываютъ тутъ и собесѣдники. Тѣ и другіе чаще всего принадлежатъ къ классу мѣщанскаго населенія, занимающагося какимъ-нибудь ремесломъ или промысломъ (сапожничествомъ, портняжествомъ, торгашествомъ мелкимъ). Проходя утромъ съ базару, торговыя кумушки рѣдко когда минуютъ кабачекъ... Пьяные теперь, въ буденное время,—ежедневное явленіе и почти на каждой улицѣ" [1]).

[1]) Харьковъ. 1863 г. № 121.

Интересны свѣдѣнія о тогдашнихъ гуляньяхъ.

„Хороши были тогда въ Харьковѣ катанья зимой... Бывало, на Рождественскихъ праздникахъ и на масленной недѣлѣ катались въ два ряда въ сотняхъ саней, ѣхавшихъ гуськомъ и шагомъ одни за другими, въ длину всей Екатеринославской улицы. Жандармская команда и полицейскіе едва могли держать порядокъ и сдерживать многія конныя пары, рвавшіяся на просторъ. А кони-то какіе были—половина кровныхъ, тысячныхъ рысаковъ! Многія пары превосходныхъ рысистыхъ лошадей и назывались въ городѣ по фамиліямъ своихъ богатыхъ владѣльцевъ: Рыжовскія, Кузинскія, Кушинниковскія, Водопьяновскія, Ширикинскія, Гендриковскія, Хорватовскія, Мартыновскія, Верховскія, Куликовскія, Тихановскія, Алферовскія, Максимовскія и многія другія. Дамы въ великолѣпныхъ салопахъ съ лисьими черно-бурыми воротниками, мужчины въ бобрахъ, роскошные орѣховые двухмѣстные и четырехмѣстные сани на двухъ и на четырехъ полозьяхъ, дорогая наборная упряжъ и одежда кучеровъ, разноцвѣтныя гарусныя и шелковыя сѣтки на лошадяхъ, фартухи, отороченные чернымъ медвѣдемъ—все это казало богатство, роскошь и довольство харьковцевъ! Вотъ ужъ гдѣ было-то раздолье для многихъ, особенно для купечества, и себя показать и людей увидать... Не менѣе было и отличныхъ рысаковъ—одиночекъ у многихъ богатыхъ охотниковъ и коннозаводчиковъ. Но лучшія изъ лучшихъ рысистыхъ лошадей—это были превосходные кони харьковскаго льва—богача сороковыхъ годовъ, Д. Н. Алфераки. Бывало, онъ мчится четверней, впростяжь, на своихъ тысячныхъ сѣрыхъ или вороныхъ рысакахъ, то и на другой улицѣ слышно, что ѣдетъ Алфераки... и по всему пути сыпались огненныя искры отъ стальныхъ подковъ у его лошадей. Многіе офицеры Чугуевскаго военнаго поселенія пріѣзжали на своихъ лихихъ тройкахъ покататься въ Харьковѣ зимою и бывали у нихъ такія оригинальныя тройки лошадей, которыя невольно обращали на себя вниманіе: тигровидныя, полосатыя, крапчатыя, мышастыя и сѣдыя; а лихой гусаръ И. М. Станкевичъ составилъ однажды тройку изъ ословъ или лошаковъ, убралъ ихъ десятками бубенчиковъ, колокольчиковъ, разными бляхами, лентами и перьями и, не мало не стѣсняясь, катался на нихъ во всю ѣрыть въ росписныхъ саняхъ по всему Харькову. Причина такой роскоши на отличныхъ лошадей заключалась въ томъ, что тогда почти каждый богатый помѣщикъ (а богатыхъ было много) имѣлъ свой конный заводъ, откуда и продавались рысистыя лошади".

Большія общественныя гулянья бывали прежде въ Университетскомъ саду, особенно 1-го мая и по праздникамъ. Вся харьковская публика съѣзжалась и сходилась на гулянье въ этотъ садъ, съ весны и до осени. Три главныя аллеи, осѣненныя тогда большими липами, бывали сплошь наполнены гуляющими; часто также и другія боковыя аллеи были заняты публикою. Хорошій оркестръ инструментальный, а другой военныхъ трубачей, играли съ трехъ часовъ по полудни, а вечеромъ бывали танцы въ бесѣдкѣ". Другой современникъ (Кованько) говоритъ: „Университетскій садъ былъ издавна мѣстомъ общихъ прогулокъ. Въ то время онъ красовался чудною липовою аллеею, которая мало-по-малу опустошена неровностями здѣшнихъ временъ года. Китайская бесѣдка, бывшая въ отличномъ видѣ, служила мѣстомъ отдохновенія высшаго круга. Какъ въ бесѣдкѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ сада многія семейства вмѣстѣ пивали чай и лакомились дессертомъ. Садъ Куликовскихъ (послѣ—Зарудныхъ, а теперь Благотворительнаго Общества) служилъ для уединенныхъ прогулокъ; многіе ѣздили на Основу въ сосновую рощу и въ Куряжъ. Бульваръ оставался еще въ то время и здѣсь любили прогуливаться по цѣлымъ днямъ, въ особенности старики и дѣти, вѣроятно потому что другія гульбища были для нихъ очень далеки. Старики вспоминали былыя времена, дѣти безпечно играли, а прохожіе студенты мечтали о будущемъ; въ послѣдніе же годы этого періода проф. Цыхъ (послѣ ректоръ Кіевскаго университета), добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, поражалъ словеснымъ и громогласнымъ судомъ съ каждымъ собесѣдникомъ пороки жителей, извѣстныхъ ему на перечетъ. На западной сторонѣ университетскихъ зданій на Горкѣ, гдѣ вы теперь видите стѣну, закрывающую зданія, были красивые арки съ колоннами. Подъ этими арками студенты играли иногда въ кегли и живущіе въ корпусѣ университета прогуливались во время дождя, а на Горкѣ обыкновенно всѣ студенты проводили антракты или между чтеніе лекцій. Тутъ-то, на этой Горкѣ, можно было наслушаться плановъ, проэктовъ"....

По свидѣтельству Пассека, кромѣ университетскаго сада гулянья происходили еще и на бульварѣ, а также при выѣздѣ изъ Московской заставы на Сабуровой дачѣ [1]). „Лѣтомъ харьковцы 50-хъ годовъ развлекались на лонѣ природы. На Пасху, въ теченіе всей недѣли и воскресенья Ѳоминой,

[1]) Мат. для стат. Рос. Имп., отд. III, стр. 87—94.

устраивались развлеченія на плацъ-народной (потомъ Михайловской, теперь Скобелевской) площади—качели, палатки и балаганы съ артистами прыгательной и кувыркательной профессіи, съ кукольными комедіями усердно посѣщались простонародной публикой. Тутъ же предлагались и всевозможныя лакомства: квасъ, пирожки, пряники и всякія сладости. Публика почище, ютившаяся у барьеровъ, играла роль зрителей. Вдоль барьеровъ тянулись извозчичьи экипажи, переполненные нарядными дамами и кавалерами, выѣзжавшими посмотрѣть, какъ веселится народъ. Въ день Мироносицъ гулянье переносилось на Мироносицкую площадь, въ то время уже очищенную отъ остатковъ существовавшаго здѣсь когда то кладбища. Были, кромѣ того, и другіе сады, открытые для публики: садъ почетной гражданки Безходарной—въ немъ нѣсколько хорошихъ цвѣтниковъ и недурныя оранжереи, Витковской, купцовъ Цыгарева и Карпова. Послѣдніе два открывались впрочемъ рѣдко. На Журавлевкѣ былъ такъ наз. нѣмецкій клубъ—маленькій садикъ съ двумя—тремя скромными бесѣдками, купальнею и кеглями и гостинница, не отличавшаяся роскошью помѣщенія. Число посѣтителей этого клуба было не велико, преимущественно здѣсь бывали нѣмцы, проводившіе вечера за биліардомъ и пивомъ. Иногда устраивались здѣсь и фейерверки. Любимымъ мѣстомъ лѣтняго отдыха горожанъ была Основа. Сюда харьковцы пріѣзжали цѣлыми семействами—погулять въ бору, напиться чаю, полюбоваться прекраснымъ садомъ Квитки. Въ самомъ бору были столики, скамейки, двѣ закрытыя бесѣдки, гостинница или, какъ ее иногда называли, вокзалъ, гдѣ по временамъ устраивались и танцы. Изъ гостинницы открывался картинный видъ Харькова. По воскресеньямъ здѣсь играла музыка, устраивалась иллюминація, пускались бураки, ракеты, сжигались фейерверочныя колеса и т. п.".

Какъ и теперь мѣстомъ гулянья, а и религіознаго паломничества были Куряжъ и Хорошевъ [1]). Первый публичный садъ въ современномъ вкусѣ открылся въ Харьковѣ въ 1858 г. Это былъ такъ называемый „Вокзалъ" Зарудnаго. Зарудный нанялъ у И. А. Сливицкаго, бывшаго профессора, содержавшаго лучшій въ городѣ пансіонъ для приготовленія молодыхъ людей въ университетъ, домъ его (гдѣ теперь Коммерческій Клубъ) съ обширнымъ садомъ и здѣсь устроилъ „Вокзалъ". Въ распоряженіе посѣтителей былъ отданъ обширный домъ съ цѣлой амфиладой комнатъ, одна лучше другой, убранныя хорошими обоями, прекрасными картинами и покойной мебелью. Здѣсь былъ кабинетъ для чтенія, выписывались всѣ лучшіе русскіе журналы и газеты, даже нѣкоторые французскіе и нѣмецкіе. Въ другой комнатѣ любителей музыки приводилъ въ восторгъ еврей Моисей, артистъ самоучка. Дальше была биліардная, а къ услугамъ любителей покушать—отличная гостинница, въ которой можно было достать „что душѣ угодно". На эстрадѣ—музыкальный оркестръ и танцы. Въ саду непритязательныхъ харьковцевъ поражалъ „фонтанъ въ тѣни густыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ, дальше—обвалъ скалы, что виситъ надъ пропастью, который, кажется, вотъ, вотъ обвалится, а подойдешь поближе—ни больше, ни меньше какъ оптическій обманъ: древесная кора". Восхищали харьковцевъ и бесѣдки, гроты, мостики, статуи. Въ саду показывали свое искусство акробаты, тутъ же раза два въ недѣлю игралъ и оркестръ военныхъ трубачей. По вечерамъ садъ иллюминовался разноцвѣтными плошками, стаканчиками, люстрами, канделябрами, пускались фейерверки. И за все это приходилось платить только по 25 коп. съ персоны [2]).

Дачная жизнь была и въ 50-хъ годахъ не развита. Хотя окрестности Харькова и изобиловали красивыми мѣстами, особенно по р. Лопани, но устройству дачъ препятствовали непривычка жителей къ дачной жизни и гористыя или песчаныя дороги, ведущія къ этимъ загороднымъ мѣстамъ [3]).

Чрезвычайными событіями, которыя могли всколыхнуть все мѣстное населеніе, были проѣзды черезъ Харьковъ Высочайшихъ особъ и даваемыя по случаю ихъ празднества. Современникъ такъ описываетъ посѣщеніе Имп. Александромъ I-мъ Харькова въ 1817 г. „17 сентября Государь изволилъ прибыть въ соборную церковь, прослушалъ тамъ краткое молебствіе и отбылъ въ домъ купца Ломакина, гдѣ изволилъ остановиться. На другой день, въ 8 час. утра Императоръ прибылъ въ университетъ, гдѣ ему были представлены профессора и всѣ студенты; ихъ вызывали по фамиліи, они кланялись и уходили. Осмотрѣны были библіотека и кабинеты. Въ поданной Ему книгѣ Государь написалъ: *18 сентября 1817 года. Александръ.* Изъ университета Государь отправился въ острогъ, гим-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1851 г. № 18 и 28.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 21.
[3]) Гапоновъ, Харьковъ.

назію, институтъ благотворительнаго общества, тамъ воспитанницы поднесли ему вышитую картину, которую онъ попросилъ отправить своей «Матушкѣ». Затѣмъ у себя онъ принималъ дворянство, духовенство и купечество. Дамы, сидя въ каретахъ, ждали появленія его на балконѣ. Въ 1-мъ часу былъ обѣдъ у Государя. Уѣзжая, Государь подарилъ хозяину дома перстень, благословилъ образомъ и сказалъ: въ другое посѣщеніе Харькова я у тебя же остановлюсь». Толпы народа наполняли весь городъ, гдѣ только ни проѣзжалъ Государь. Пріятное впечатлѣніе отъ Харькова завершилось въ богоугодномъ заведеніи. Государь сказалъ, что такого заведенія онъ нигдѣ не видалъ и обнялъ губернатора. И дѣйствительно, оно находилось въ 2-хъ верстахъ отъ города, было окружено прекраснѣйшимъ садомъ и находилось на попеченіи заботившагося о ней совѣстнаго судьи Лосева. Разсказывали потомъ 2 анекдота. Не доѣзжая Харькова, Государь будто бы увидѣлъ крестьянина съ возомъ. Что ты везешь, спросилъ Онъ его. Виноградъ, Ваше Величество! Государь пожелалъ винограду—и крестьянинъ представилъ его. Государь далъ ему 25 руб., но крестьянинъ просилъ вмѣсто денегъ дать ему записочку, что Государь покупалъ у него виноградъ—и его желаніе было выполнено. Выѣзжая изъ Харькова, Государь будто бы вошелъ переодѣться въ хату, гдѣ оказалась только старуха-хозяйка, не узнавшая его и пожаловавшаяся, что ихъ обокрали на 100 руб. Государь велѣлъ ей выдать 200 руб. (Укр. Вѣст. 1817, ч. 7-я, стр. 350—360). Въ 1816 году посѣтилъ Харьковъ Вел. Князь Николай Павловичъ, осмотрѣвшій разныя учрежденія, въ томъ числѣ университетъ, институтъ и Основу Квитки. «Освѣщеніе рощи, сада, дома было великолѣпно». Противъ оконъ зала большая прозрачная картина представляла Имп. Александра въ побѣдоносной торжественной колесницѣ.... 24 окт. 1817 г. Харьковъ посѣтилъ Вел. Князь Михаилъ Павловичъ и былъ на балу, данномъ ему на Основѣ дворянствомъ, въ домѣ губернскаго предводителя А. Ѳ. Квитки. Въ 1820 г. снова посѣтилъ Харьковъ Имп. Александръ I и былъ на балу, устроенномъ дворянствомъ въ новоотстроенной тогда залѣ. Въ 1826 году провозили черезъ Харьковъ прахъ Имп. Александра I-го, остававшійся 3 дня въ Успенскомъ соборѣ. 26 апрѣля 1826 г. проѣзжала черезъ Харьковъ (изъ Таганрога) Имп. Елизавета Алексѣевна. Въ 1832 году 11 сентября прибылъ въ Харьковъ изъ Полтавы Имп. Николай Павловичъ и остановился въ домѣ Безходарнаго (бывшемъ Ломакина). Государь осматривалъ университетъ, институтъ, гимназію и тюремный замокъ. Въ 1835 году Николай Павловичъ снова посѣтилъ Харьковъ проѣздомъ въ Вознесенскъ (Кованько).

Большія торжества происходили въ Харьковѣ по случаю коронаціи Гос. Александра II-го и Маріи Александровны 26 августа 1856 г. въ Москвѣ. Извѣстіе объ этомъ получилъ Преосв. Филаретъ отъ Синода 3 сентября и въ тотъ же день совершено торжественное вечернее богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ. 4-го сентября совершена была торжественная литургія съ молебнемъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и вездѣ были толпы гуляющихъ. 5-го сентября въ залѣ Дворянскаго собранія данъ былъ великолѣпный общественный обѣдъ, вечеромъ городъ былъ снова иллюминованъ, а театральной дирекціей данъ безплатный спектакль, на который билеты были разосланы по особому распоряженію (почетныя семьи, учащіеся, народъ). „6-го сентября на Михайловской площади городскимъ обществомъ данъ былъ народный праздникъ. При входѣ на площадь со стороны города, нѣсколько вправо, устроена прекрасная палатка, внутри обитая богатыми коврами, гдѣ на роскошно убранныхъ столахъ приготовленъ былъ завтракъ для высшихъ духовныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и почетныхъ лицъ изъ сословія купечества. Передъ палаткой развѣвалось великолѣпное городское знамя; нѣсколько правѣе приготовленъ аналой для совершенія молебствія. На серединѣ площади поставленъ, на значительномъ возвышеніи, зажареный волъ съ золоченными рогами, покрытый разноцвѣтными матеріями; предъ возвышеніемъ воздвигнутъ Харьковскій гербъ, а по бокамъ поставлены два высокіе до 30 аршинъ столба, на верхушкахъ которыхъ развѣвались четырехцвѣтные флаги, а подъ ними по кошельку съ серебряною монетой. Далѣе во всю длину площади тянулись столы, на которыхъ въ изобиліи разставлены сосуды съ виномъ и пивомъ и разложены мясныя порціи, бѣлый хлѣбъ, пироги, пряники; по концамъ площади поставлены качели. Съ самаго ранняго утра народъ со всѣхъ концовъ города и изъ сосѣднихъ деревень стекался на площадь и занялъ собою все пространство ея и внѣ оной. Въ домахъ, окружающихъ площадь, всѣ окна, заборы, даже крыши домовъ были заняты любопытными. Послѣ окропленія святой водой

---

[1]) См. подробности о посѣщеніи университета въ моемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета“, т. 2, стр. 215—228.

трапезы и по возвращеніи преосвященнаго въ палатку, по данному сигналу къ началію празднества, народъ ринулся на златорогаго вола и въ то же мгновеніе разобралъ приготовленныя на столахъ яства, вино и пиво. Въ разныхъ мѣстахъ площади составились группы ликующаго народа за здоровье своего царя. Между тѣмъ начался завтракъ въ палаткѣ и ура, сопровождавшее заздравные тосты, передавалось народу, какъ перекаты грома, раздавалось со всѣхъ концовъ площади. Передъ палаткой игралъ хоръ военныхъ трубачей, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея пѣли пѣсенники. Съ 11 час. утра и до поздняго вечера народъ гулялъ по площади, веселился на качеляхъ, а другихъ занимало любопытное зрѣлище— пріобрѣтеніе висящихъ на столбахъ кошельковъ". Вечеромъ было гулянье въ университетскомъ саду съ фейерверкомъ и блестящій балъ въ Дворянскомъ клубѣ съ ужиномъ [1]).

Торжественно провожали тогда сановныхъ чиновниковъ. Отъѣздъ изъ Харькова министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова (въ 1856 г.) былъ описанъ однимъ изъ членовъ Харьковскаго университета въ очень панегирическомъ тонѣ. Вотъ нѣсколько выдержекъ. „Болѣзненно сжалось сердце каждаго изъ насъ при извѣстіи о назначенномъ часѣ разлуки съ А. С. Карета двинулась. Прошла минута молчанія—и мгновенно, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, все, что было въ университетѣ, все, что имѣло или могло достать какой-нибудь экипажъ, поспѣшило вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ на Холодной горѣ, по дорогѣ въ Полтаву, уже ожидали А. С. студенты университета, воспитанники ветеринарнаго училища и обѣихъ гимназій, уѣзднаго и приходскаго училища и пансіонеры нашего почтеннаго ветерана И. А. Сливицкаго. Благодушный сановникъ, тронутый до слезъ проявленіемъ общей къ нему привязанности, вышелъ изъ экипажа при восторженныхъ восклицаніяхъ, А. С. въ послѣдній разъ съ глубокимъ чувствомъ обнялъ управляющаго округомъ кн. Цертелева за весь округъ, ректора университета Фойгта за преподавателей и чиновниковъ у-та, инспектора Строева за всѣхъ студентовъ и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ юношей и дѣтей, медленно возвращался къ экипажу... Уже экипажъ тронулся, уже добрыя почтовыя лошади неслись въ предстоящій путь, а университетская молодежь еще бѣжала за нимъ толпою, соревнуя другъ другу въ желаніи уловить взоръ, улыбку или отеческое благословеніе глубокочтимаго, обожаемаго начальника" [2]).

---

[1]) Х. Г. В. 1856 г. № 37.
[2]) Х. Г. В. 1856 г., № 42.

Глава 28-я.

Отзывы о Харьковѣ современниковъ.

Извѣстія кн. Долгорукаго, Сумарокова, Мельгунова, Дельвига, Геевскаго, Сбитнева, Милютина, Баранта, акад. Коля, бар. Гакстгаузена, Вит. Пашкова.

Мы обозрѣли всѣ стороны жизни Харькова въ ихъ эволюціонномъ развитіи съ точки зрѣнія матеріальной, умственной и нравственной его культуры и теперь мы можемъ закончить свой обзоръ указаніемъ на отзывы о немъ современниковъ первой половины XIX в.—русскихъ и иностранцевъ. Интересно будетъ узнать, какое впечатлѣніе производилъ Харьковъ на лицъ, его посѣщавшихъ или въ немъ проживавшихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые подымали вопросъ и объ его будущемъ, ставили прогнозъ его дальнѣйшаго роста и развитія.

Первыми путешественниками, оставившими свѣдѣнія о Харьковѣ, были—князь Долгоруковъ и Сумароковъ. Въ 1810 году Харьковъ посѣтилъ кн. И. М. Долгорукій и оставилъ о немъ любопытныя замѣчанія [1]). Съ трудомъ кн. Д. отыскалъ въ Харьковѣ квартиру, хотя пріѣхалъ еще до захожденія солнца: всѣ постоялые дворы, говоритъ онъ, дороги и безпокойны; трактиръ совсѣмъ не хорошъ; квартиру отвелъ князю, по приказанію губернатора, полиціймейстеръ у одного купца. „Если судить о городахъ по наружному ихъ виду, замѣчаетъ кн. Долгорукій, то Харьковъ не утѣшитъ: онъ расположенъ худо и видъ представляетъ самый пустынный, но въ немъ живутъ весело и любятъ угощеніе. Насъ всѣ очень обласкали". Д. остался очень доволенъ ласковостію губернатора, человѣка не молодого, опытнаго въ своемъ дѣлѣ, словоохотливаго и гостепріимнаго. Онъ далъ кн. Д. прекрасный ужинъ. На слѣдующій день кн. Д. началъ осмотръ Харькова и счастливо попалъ на публичный экзаменъ въ харьковскій коллегіумъ. При немъ были богословскіе и философскіе диспуты, происходившіе на русскомъ языкѣ съ примѣсью латыни. „Нигдѣ я не слыхалъ, говоритъ кн. Д., такого сладкаго латинскаго произношенія, какъ въ устахъ малороссіянъ; выговоръ ихъ имѣетъ что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго". Ректоръ очень умный былъ изъ бѣлаго духовенства. Студенты у-та приходили на диспуты въ коллегіумъ къ его ученикамъ къ обоюдной пользѣ тѣхъ и другихъ. Коллегіумъ укоренился, университетъ процвѣтаетъ въ Харьковѣ. Ректоръ у-та И. С. Рижскій произвелъ на кн. Д. внушительное впечатлѣніе. У-тъ помѣщенъ временно въ б. ген.-губ. домѣ, который для него недостаточно обширенъ. Изъ профессоровъ вниманіе кн. Д. обратилъ на себя библіотекарь—французъ. Д. хвалитъ кабинеты астрономическій, минералогическій, особенно-же типографію, совѣтскій залъ съ портретомъ Государя, гр. Завадовскаго и Потоцкаго. Но у-тъ еще очень молодъ. Кн. Д. не понравились, что студенты сами держали свой столъ. Университетскій садъ—новое заведеніе, но для публики онъ очень полезенъ; въ концѣ аллеи бесѣдка съ куполомъ съ видомъ на весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ садъ будетъ хорошъ. Рѣка не хороша и бѣдна водою. Заведеніе приказа общ. призрѣнія очень тѣсны (мазанки), но вездѣ чисто и опрятно. Общество многолюдное, проводитъ время безъ скуки, среди высшаго слоя—роскошь и наряды, но квартиры тѣсны; прививалась игра на фортепіано.

Описаніе Харькова у П. Сумарокова таково. „Мѣстоположеніе Харькова на лощинѣ, окруженной горами, подобно Бѣлгороду, и двѣ рѣки Харьковъ и Лопань, протекали параллельно по среди его, потомъ соединяются. Улицы въ немъ неправильныя, немощеныя, грязныя; хорошихъ домовъ, исключая 2—3, не находится, а построенія сдѣланы или изъ мазанокъ, или изъ брусьевъ, и оный ни мало на великороссійскій городъ городъ не походитъ. Городскія мельницы съ навозными плотинами производятъ не малую въ водахъ порчу, къ чему еще болѣе способствуетъ растущая при берегахъ высокая трава аеръ, который выпускаетъ острыя свои соки въ рѣчныя струи и зловоннымъ потомъ сгніеніемъ заражаетъ воздухъ.

[1]) Славны бубны за горами или путеш. мое кое-куда. М. 1870, стр. 46—55.

Соображая сіе, кажется, надлежитъ полагать оное главнѣйшею причиною часто случающимся здѣсь скотскимъ падежамъ... Въ коллегіумѣ обучается нынѣ болѣе 700 студентовъ, изъ которыхъ многіе содержатся на счетъ правительства, другіе на собственный счетъ, нѣсколько же человѣкъ получаютъ одежду и пропитаніе отъ благодѣтельныхъ потомковъ кн. Голицына. Народное училище, соединенное съ прежнею казенною школою, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 600 дворянскихъ и разночинческихъ дѣтей, которыхъ научаютъ иностраннымъ языкамъ, разнымъ познаніямъ, равно какъ и содержатъ на казенный счетъ. Великимъ для меня удивленіемъ было узнать, что у здѣшняго протопресвитера (Фотіева) воспитывается 12 благородныхъ отроковъ, которымъ онъ, преподавалъ самъ ученіе, нанимаетъ при томъ и другихъ для нихъ учителей. Предпріятіе необыкновенное въ нашемъ государствѣ! Новизна достойнаго ободренія!“ [1]).

Въ 1827 году былъ проѣздомъ въ Харьковѣ Н. А. Мельгуновъ, служившій въ Москвѣ въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ и оставившій въ письмѣ къ М. П. Погодину нѣсколько строчекъ о нашемъ городѣ. Онъ провелъ въ немъ 3 года въ юности и у него остались живыя воспоминанія о старыхъ товарищахъ по университету. Проф. Кронебергъ произвелъ на него нѣсколько непріятное впечатлѣніе своимъ обхожденіемъ, но зато ему очень понравились проф. Черняевъ, желавшій по его словамъ, установить литературныя связи съ М. А. Максимовичемъ, Криницкій и Гулакъ-Артемовскій „совершенный знатокъ Малороссіи и ея языка“ [2]).

Въ 1828 г. проѣзжалъ черезъ Харьковъ Дельвигъ и написалъ слѣдующее письмо Пушкину о харьковскихъ профессорахъ: „Ваше поэтическое превосходительство! Честь имѣю донести Вамъ, что я уже 10 дней нахожусь въ Харьковѣ, гдѣ не перестаю говорить о Васъ съ гг. профессорами, судящими о Васъ по рекомендаціи Ѳаддея Венедиктовича (Булгарина). Напримѣръ, я слышалъ отъ нихъ, что вышеупомянутая персона ставитъ цыгановъ выше всѣхъ произведеній европейскихъ музъ. Горько было мнѣ молчать; но подумавъ, что великія тѣни Гомера, Данте и Шекспира сами могутъ за себя говорить, оставилъ я намѣреніе возражать противу сего афоризма, при томъ же помыслилъ: да будетъ Булгаринъ пророкомъ хотя во градѣ Харьковѣ и да скажетъ онъ услыша, какъ здѣсь вѣрятъ въ слова его: „вѣры такой и въ Израилѣ не обрѣтохъ“ [3]).

Вотъ каково было впечатлѣніе, произведенное Харьковомъ на юношу С. Л. Геевскаго, поступившаго въ университетъ въ 1830 году. „Къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харькова. Въ самомъ дѣлѣ— видѣть Харьковъ въ 1-й разъ для человѣка, который кромѣ Полтавы другихъ городовъ не видѣлъ, задача не послѣдняя. Для меня же съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта—въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца, гдѣ же университетъ“. Въ лекціяхъ Геевскій нашелъ, какъ и другія товарищи его, жизнь для себя. „Я готовъ былъ разрѣзать руку и кровію своею написать клятву, что если я буду полководцемъ, судьею, правителемъ, господиномъ, то на благо общее, слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими“ [4]).

Къ 1830 году относится замѣтка о г. Харьковѣ учителя Сбитнева. „Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ, говоритъ Сбитневъ, вотъ что намъ тотъ часъ бросилось въ глаза, когда мы ѣхали по длинной Екатеринославской улицѣ, обстроенной прекрасными зданіями. Отъ ѣзды множества экипажей надъ Харьковомъ висѣла густая пыль, для насъ невыносимая, она и спирала наше дыханіе и ослѣпляла наши глаза. Мы остановились на квартирѣ на постояломъ дворѣ, дрянномъ неопрятномъ домикѣ, который стоялъ надъ самою р. Лопанью, противъ круглаго трактира въ близкомъ разстояніи отъ университета“. А вотъ каково было впечатлѣніе при отъѣздѣ. „Неравнодушно взглянули мы съ Дергачевскихъ горъ, м. б., въ послѣдній разъ на высокую харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности воспріимчивой, цвѣтущей беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбы и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни“ [5]).

---

[1]) Досуги крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду. Павла Сумарокова. Т. I. Спб. 1805 г., стр. 45, 48—49, 50—51.
[2]) Мой «Опытъ ист. Харьк. у-та», т. 2, стр. 1105.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже, стр. 1115, 1117.
[5]) Кіев. стар. 1887, февр., 294, 301.

Милютинъ, составившій сборникъ замѣчаній о Харьковѣ, основанный на его путевыхъ наблюденіяхъ, дѣлаетъ такую его общую характеристику (въ 1837 г.).

„Съ того времени, какъ г. Харьковъ сдѣлался губернскимъ, благосостояніе его стало быстро развиваться. Сосредоточеніе въ немъ правительственныхъ мѣстъ привлекло многочисленное населеніе; успѣхи промышленности и торговли, столь ощутительные въ послѣднее тридцатилѣтіе въ южной части Россіи, упрочили вещественное благосостояніе харьковскихъ обывателей. Постоянныя попеченія правительства болѣе всего способствовали сему благодѣтельному развитію и теперь городъ этотъ обѣщаетъ сдѣлаться средоточіемъ Малороссіи и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи.... Стеченіе жителей въ Харьковѣ происходитъ отъ 2-хъ причинъ: университетъ дѣлаетъ сей городъ средоточіемъ высшаго сословія Малороссіи, чему способствуютъ также всѣ прочія сословія и даютъ жизнь всему городу".

„При въѣздѣ въ городъ замѣтно уже во всемъ то движеніе, которое ясно показываетъ, что мѣсто это имѣетъ значеніе въ бытіи всего края. Такое впечатлѣніе несравненно сильнѣе, когда вы въѣзжаете туда изъ Новой Россіи, гдѣ почти всѣ города, едва только возникшіе, представляютъ во всемъ какое-то усиліе, стремленіе къ улучшеніямъ, жизнь искусственную, требующую много поддержки, но еще не самобытную и далекую отъ полнаго развитія. Харьковъ представляетъ несравненно болѣе. Тутъ будущность города можетъ быть ясна для каждаго мыслящаго, значеніе его уже опредѣлено не въ мечтахъ политиковъ, но на самомъ дѣлѣ, въ жизни народа. Харьковъ въ этомъ отношеніи не сходствуетъ и съ сосѣдними великороссійскими городами, гдѣ безпрерывно видятъ слѣды древности, старины; города эти вошли уже въ составъ общественной жизни края и могутъ совершенствоваться только наравнѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея. При объѣздѣ улицъ Харькова въ нынѣшнее время, вамъ представляется, будто по одной общей идеѣ городъ начинаетъ улучшаться, устраиваться, обзаводиться. Цифры подтверждаютъ это наблюденіе [1]).

Французскій посланникъ въ Петербургѣ баронъ Барантъ въ своей депешѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Comte Molé далъ такую любопытную характеристику Харькова въ 1838 году. (Барантъ составилъ свое описаніе послѣ путешествія за границу, на востокъ, откуда возвращался черезъ Малороссію). Kharkof est le siège d'une Université. Il m'a paru, que les études y etaient suivies avec assez d'emulation et qu'un certain mouvement des esprits, la reunion d'hommes éclairés, le séjour de quelques familles riches et appartenant à la classe aristocratique de Saint-Petersbourg, donnaient à cette ville un degrés d'importance superieur à ce, que j'ai remarqué dans les autres villes de province. Cést, en quelque façon, un centre d'activité pour cette portion de la Russie interieure" (т. е. Малороссіи) [2]).

Очень интересны и обстоятельны свѣдѣнія о Харьковѣ академика Коля [3]). Онъ его называетъ столицей Украйны, городомъ занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди важнѣйшихъ русскихъ провинціальныхъ городовъ по числу жителей; торговлю Харькова онъ ставитъ выше Кіева. Харьковскій университетъ, по его словамъ, соперничаетъ съ Виленскимъ и Казанскимъ, харьковскія ярмарки приближаются къ Нижегородской. Разсказавъ преданіе о началѣ Харькова, Коль характеризуетъ топографическое положеніе Харькова и его главнѣйшихъ зданій—университета, монастыря, семинаріи, губернскихъ установленій, института, гостиннаго двора, церквей; онъ говоритъ, что главными улицами были Московская и Полтавская, обстроенныя множествомъ новыхъ и въ большинствѣ случаевъ красивыхъ зданій; но зато дома предмѣстій представляли изъ себя жалкія хижины—казачьи глиняныя мазанки. Всѣ городскія улицы, за исключеніемъ Московской, не были замощены; но и Московская была замощена такимъ мягкимъ камнемъ, который долженъ былъ скоро разсыпаться. Тротуары большей частью деревянные. Можно себѣ представить, говоритъ онъ, что дѣлается въ Харьковѣ во время грязи. Навозъ при отсутствіи камня и дороговизнѣ дерева оказывается очень полезнымъ, при чемъ иногда приходится перепрыгивать съ одной навозной кучи на другую. Вамъ будетъ удобно добраться ко мнѣ, говорилъ Колю одинъ его харьковскій пріятель, такъ какъ я велѣлъ сегодня посыпать свѣжимъ навозомъ всѣ дорожки, ведущія къ моему дому. Обиліемъ грязи объясняется, говоритъ Коль, и множество экипажей въ Харьковѣ—ихъ тамъ болѣе, чѣмъ въ нѣмецкихъ столицахъ

[1]) Краткое обозрѣніе г. Харькова. Н. Милютина. (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1838 г., ч. 28, стр. 202—203, 213).

[2]) Этотъ документъ сообщилъ мнѣ нынѣ покойный профессоръ Варшавскаго университета по международному праву В. Александренко.

[3]) Reisen im Innern von Russland und Polen von Kohl, 2 Theil. 1841.

вмѣстѣ взятыхъ. Совершенно обыкновенное явленіе въ этой украинской столицѣ—дѣлать визиты къ сосѣду въ шестеркѣ лошадей, и часто грязь настолько глубока, что всѣ шесть вороныхъ должны честно трудиться. Для неимѣющихъ экипажей существуютъ извозчики. На улицахъ Харькова бываетъ около ста открытыхъ наемныхъ дрожекъ, и каждый изъ этихъ экипажей выручаетъ среднимъ числомъ отъ 5—6 рублей, вмѣстѣ же отъ 500—600 рублей. Такимъ образомъ ежегодно здѣсь тратятъ на извозчиковъ больше чѣмъ 200.000 рублей, расходъ, который граждане западно-европейскаго города не могутъ себѣ позволить. Книжныхъ лавокъ въ городѣ четыре; три русскія, которыя помѣщаются между магазинами съ суконными, бакалейными и серебряными, и одна французская. Однако надо замѣтить также здѣсь отрадный прогрессъ, потому что 15 лѣтъ тому назадъ Харьковъ имѣлъ только одинъ единственный книжный магазинъ.

Коль хвалитъ харьковскій университетскій садъ и прибавляетъ, что въ немъ есть кофейная (молочная) для лѣта и китайскій храмикъ на высокомъ южномъ концѣ сада, откуда наслаждаются прекраснымъ видомъ на Лопанскую долину и на большую часть богатыхъ деревьями и садами кварталовъ города. Возлѣ него находится настоящій ботаническій садъ для пользованія университета.

Я сначала остановился, говоритъ Коль, въ одной гостинницѣ на Николаевской площади въ верхней части города, въ сѣромъ домѣ съ чрезвычайно большимъ заломъ и съ массой маленькихъ спаленъ. Въ этомъ салонѣ можно было пить хорошій чай и даже пиво, привезенное изъ Петербурга, и ѣсть разныя вкусныя блюда. Много жаворонковъ и соловьевъ, которыхъ клѣтки были повѣшены въ залѣ около большого верхняго подсвѣчника, щебетали къ завтраку, и кромѣ того еще русскій офицеръ бренчалъ на фортепіано пѣсню: „Вотъ ѣдетъ тройка удалая“. Но кровати были безъ постелей, умывальные столы—безъ мыла и туалетные столы—безъ зеркалъ. Когда я потребовалъ полотенце, старый слуга, отставной казакъ, сказалъ мнѣ: „Ахъ, сударь, полотенца встрѣчаются еще въ Москвѣ, но здѣсь не бываетъ никакихъ—въ гостинницахъ“. Привыкли они, чтобы проѣзжіе привозили съ собою половину своихъ домашнихъ вещей. Портреты греческихъ предводителей, съ русскими стихами внизу, украшали стѣны, и у двери была прибита гвоздями большая, печатанная и съ приложенной печатью афиша, на которой зубной врачъ рекомендовалъ себя публикѣ, и утверждалъ, что онъ экзаменованъ всѣми вмѣстѣ нѣмецкими и русскими университетами, и былъ снабженъ не менѣе чѣмъ 1200 аттестатами королей, принцевъ и знаменитыхъ людей.

Любопытныя и подробныя свѣдѣнія сообщаетъ Коль о знаменитомъ откупщикѣ—милліонерѣ, проживавшемъ тогда въ Харьковѣ и пригласившемъ поселиться въ его домѣ. Спустившись нѣсколько ниже по соціальной лѣстницѣ, Коль описываетъ домъ богатаго купца. Его домъ, говоритъ онъ, былъ однимъ изъ тѣхъ обширныхъ и пустыхъ дворцовъ, которые казались выкроенными по одному образцу въ великомъ исполинскомъ государствѣ; потому что онъ имѣлъ дворы и площади, какъ будто я очутился не у городского гражданина, а у владѣльца государственныхъ имуществъ, крытыя галлереи и порталы, какъ будто я приблизился къ языческому храму. Внутри мы нашли длинные ряды высокихъ, просторныхъ и пестро раскрашенныхъ комнатъ, изъ которыхъ большинство, казалось, не имѣли никакой другой цѣли, какъ только увеличить рядъ комнатъ; въ одной изъ нихъ показывалась дюжина стульевъ и столъ, въ другой—диванъ, въ третьей—не было ничего, въ четвертой—шкафъ съ старинымъ серебромъ, которое хозяинъ выставлялъ на показъ какъ рѣдкіе, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца предметы—но въ каждой изъ нихъ висѣли иконы, оправленныя въ большія широкія золотыя рамы. Хозяинъ принялъ насъ очень ласково, съ сотней поклоновъ и тысячью благодарностей за нашъ приходъ и представилъ меня нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, которымъ я долженъ былъ сказать, что меня зовутъ Григоріемъ Ѳедоровичемъ. Дамы не присутствовали. Однако хозяинъ повелъ меня въ свою и своей супруги спальню, гдѣ опять не было видно никакой мебели, кромѣ большой, съ великолѣпною занавѣсью раззолоченной кровати. У одного конца его стояла его жена, съ которой онъ меня познакомилъ. На ней былъ сарафанъ съ большими разводами и кокошникъ, сіявшій золотомъ и жемчугомъ, и она теребила углы постельнаго занавѣса, когда мы вошли. Я извинился передъ дамой въ моемъ плохомъ знаніи русскаго языка, и она сказала мнѣ, что она, къ сожалѣнію, тоже не знала ни одного слова ни по-нѣмецки, ни по-французски. Но она имѣла нѣмецкаго учителя для своихъ дѣтей, который однако оказался плохо говорящимъ и по-нѣмецки. За обѣдомъ было много слугъ, и тяжелыя кушанья слѣдовали въ длинномъ, безконечномъ порядкѣ одно за другимъ. Обѣденный разговоръ къ тому не клеился. Послѣ обѣда насъ, говоритъ Коль, ввели въ ближайшую комнату, гдѣ по старинному русскому обычаю подали дессертъ. Много тарелокъ съ различнымъ вареньемъ и засахаренными изъ Кіева

фруктами покрывали круглый столъ. Слуги разносили эти тарелки на большомъ подносѣ. Для всѣхъ одна была золотая ложка, переходившая отъ сосѣда къ сосѣду. Послѣ обѣда Коля повезли кататься. И такихъ купцовъ было много въ Харьковѣ. Купцы удивительнымъ образомъ отстали отъ прогресса дворянъ, и далеко не усвоили себѣ плодовъ западноевропейской цивилизаціи. Далѣе Коль переходитъ къ характеристикѣ дворянства и описываетъ залъ Дворянскаго Собранія и происходившіе во время его пребыванія въ Харьковѣ выборы, которые онъ наблюдалъ. Залъ дворянскаго собранія служилъ для съѣзда депутатовъ дворянства, для баловъ, обѣдовъ, которые давались по случаю выборовъ. Онъ имѣлъ галлереи для зрителей и по срединѣ—трибуну для предсѣдательскаго стола. По длиннымъ сторонамъ зала стояло одиннадцать столовъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, со стульями для депутатовъ 11-ти уѣздовъ Украйны. По стѣнѣ помѣщены были гербы 11 уѣздовъ губерніи. У каждаго стола предсѣдательствовалъ уѣздный предводитель дворянства, во всемъ собраніи предсѣдательствовалъ губернскій предводитель дворянства. Въ съѣздѣ участвовало нѣсколько сотъ дворянъ, и когда они засѣдали, то на площади передъ домомъ было больше экипажей, чѣмъ на площади какого-нибудь западноевропейскаго парламента, и видъ собранія былъ не менѣе блестящій, чѣмъ видъ французской палаты депутатовъ. Всѣ депутаты были въ изящныхъ зеленыхъ мундирахъ съ вышитыми золотомъ воротниками и шпагами. Было не мало и хорошихъ ораторовъ. Слышались то тамъ, то здѣсь громкіе аплодисменты ораторамъ и общій шумъ. Особенно громки были аплодисменты при прощальной рѣчи всѣми уважаемаго губернскаго предводителя Ковалевскаго, который послѣ трехлѣтней службы сложилъ съ себя свое званіе и со слезами благодарилъ своихъ сотоварищей за ихъ участіе. Всѣ стѣснились посрединѣ залы и окружили оратора густой толпой. Старый предсѣдатель былъ многократно осажденъ просьбами опять баллотироваться на должность предводителя. Послѣ этого приступили къ баллотировкѣ.

Я все это привожу здѣсь, говоритъ Коль, только для того, чтобы показать, что депутаты на этомъ дворянскомъ собраніи вовсе не были такъ безучастны и равнодушны къ выборамъ, какъ у насъ объ этомъ думаютъ. Къ украинскому дворянству принадлежали такія уважаемыя фамиліи, какъ Бахметьевъ, Шидловскій. Щербининъ, Гендриковъ, Кондратьевъ. Общество въ Харьковѣ—между всѣми русскими провинціальными обществами—одно изъ лучшихъ, ибо для образованія и для хорошаго воспитанія оно дѣлаетъ больше, чѣмъ общество въ другихъ русскихъ провинціальныхъ городахъ. Городъ полонъ учебными заведеніями различнаго рода. Городская гимназія за послѣднія десять лѣтъ четыре раза перемѣняла своихъ директоровъ. Харьковъ богатъ частными учебными заведеніями; здѣсь находится также семинарія для русскаго духовенства, которая пользуется хорошей славой. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Харьковѣ, безъ сомнѣнія, университетъ занимаетъ самое высокое мѣсто; онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы принести пользу, но не оправдываетъ возлагавшихся на него надеждъ, ибо блестящимъ періодомъ въ его жизни былъ тотъ, когда въ немъ преподавали профессора иностранцы. Теперь въ немъ снова появились нѣмецкіе ученые изъ Дерпта.

Зданія университета велики и довольно приличны; и еще сейчасъ многіе маленькіе нѣмецкіе университеты довольствуются худшими. Всѣ они расположены по обѣимъ сторонамъ улицы, которая поэтому носитъ названіе „университетской“. Но содержащіяся въ нихъ коллекціи—крайне незначительны. Библіотека недавно получила отъ одного русскаго купца въ даръ 60,000 рублей для покупки новѣйшихъ книгъ. Библіотека имѣетъ также отдѣльные шкафы для старыхъ рукописей. Между этими рукописями находятся даже нѣкоторыя индійскія, монгольскія, одна халдейская и одна сирійская—всего понемногу. Библіотекарь бросилъ ихъ вмѣстѣ намъ на столъ и сказалъ: „Развѣ вы умѣете это читать?“ Я не знаю, что это такое, потому что ничего не понимаю въ древностяхъ, я знаю исключительно математику. Но мы знали такъ же мало, какъ онъ, надо ли начинать ихъ читать съ правой или съ лѣвой стороны. Въ остальномъ вся библіотека была въ безпорядкѣ; но говорили, что она будетъ вновь приведена въ порядокъ въ слѣдующемъ году. Все въ Россіи нуждается въ преобразованіи и передѣлкѣ и потому рѣдко можно найти что-нибудь въ порядкѣ. На столѣ читальни библіотеки лежали „Journal des Débats“, „Revue des deux Mondes“ и много русскихъ журналовъ. Студентовъ здѣсь не было. Заботливость о томъ, чтобы всѣ книги держать вмѣстѣ и боязнь попасть въ отвѣтственность изъ-за недостающей книги, была у библіотекаря настолько велика, что онъ не довѣрялъ студентамъ много сочиненій. Естественно-историческій кабинетъ содержалъ минералогическое и зоологическое собранія. Многіе изъ

дикихъ звѣрей даже нѣкоторымъ образомъ живописно расположены, какъ будто хотѣли броситься на свою добычу. Въ физическомъ кабинетѣ было какъ разъ получено много новыхъ инструментовъ изъ Петербурга, распаковкой которыхъ были заняты, и по этой причинѣ все здѣсь было въ большомъ безпорядкѣ. Насколько мы могли замѣтить, эта часть коллекціи казалась снабженной изобильнѣе всѣхъ другихъ. Одну незначительную часть университетскихъ зданій занимаетъ также институтъ для 60-ти молодыхъ людей, которые учатся на счетъ казны. У нихъ позади дома у края высокаго Лопанскаго берега есть садъ съ прекраснымъ видомъ, въ которомъ мы нашли много учащихся.

Два самыя большія Харьковскія кладбища ничего особеннаго изъ себя не представляютъ. Странно поражаетъ, что у русскихъ, у которыхъ почти все нѣкогда было священно, могилы представляютъ такъ мало святого. На разстояніи полутора версты отъ черты города похоронены на неогороженной площади итальянцы, французы, поляки и нѣмцы. Русскіе называютъ это кладбище нѣмецкимъ. „Здѣсь покоится рабъ Божій, въ Богѣ почившій пасторъ Н.“, гласила одна изъ надписей на кладбищѣ, и это, говоритъ Коль, повело меня къ посѣщенію нѣмецкой лютеранской церкви въ городѣ.

Эта церковь была построена послѣднимъ умершимъ проповѣдникомъ, который пользовался очень большимъ уваженіемъ между всѣми знатными и простыми нѣмцами своимъ краснорѣчіемъ, собиралъ у всѣхъ малые и большіе взносы для постройки церкви и такимъ образомъ собралъ 80 тысячъ рублей. Зданіе поэтому выстроено было очень изящнымъ и красивымъ и было окружено тополями и садиками. Нѣмецкій приходъ въ Харьковѣ состоитъ изъ 400 до 500 прихожанъ въ самомъ городѣ и живущихъ въ окрестности. Между католиками, которые здѣсь также имѣли маленькую церковь, есть только немногіе нѣмцы. Къ этимъ мѣстнымъ нѣмцамъ пріѣзжали еще всегда многіе временно остающіеся и проѣзжающіе, въ особенности военные, молодые ремесленники, приказчики. Большинство нѣмцевъ живетъ на Московской улицѣ, которая относительно этого соотвѣтствуетъ „желѣзному мосту“ въ Москвѣ и „Невскому Проспекту“ въ Петербургѣ.

Мы привели только наиболѣе характерныя, на нашъ взглядъ, выдержки изъ обширнаго и содержательнаго мемуара акад. Коля о Харьковѣ. Коль основательно знакомился съ нашимъ городомъ, его достопримѣчательностями и населеніемъ и въ общемъ даетъ ему довольно лестную характеристику.

Въ 1842 году въ Харьковѣ останавливался направлявшійся въ свое заграничное путешествіе знаменитый М. П. Погодинъ. Въ Харьковъ П. пріѣхалъ поздно вечеромъ и тотъ часъ отправился къ преосв. Иннокентію. „Вхожу, пишетъ Погодинъ, въ темнотѣ на высокую лѣстницу въ архіерейскомъ домѣ. Мѣсяцъ блестѣлъ въ окна сквозь вѣтви тополей. Вышедшій служка сказалъ мнѣ, что преосвященный живетъ на дачѣ, верстахъ въ 5 отъ города. Беру провожатаго и на парномъ извозчикѣ отправляюсь туда. Было уже часовъ 11. Въ это время преосвященный прогуливался по своему уединенному саду. Домикъ у него вдали отъ всякаго строенія, въ 2 комнаты, вверху и внизу, за то широкое крыльцо надъ навѣсомъ“. Они сѣли на дубовую лавку. „Мѣсяцъ катился передъ ними по синему небу, сверкающему звѣздами!“ П. былъ голоденъ, но въ хозяйствѣ преосвященнаго не нашлось ничего кромѣ огурцовъ и нѣсколькихъ яицъ. На другой день П. всталъ рано и обошелъ садъ. „Точно Эрмитажъ Руссо въ Монморанси“, замѣтилъ онъ. Вмѣстѣ съ преосв. Иннокентіемъ П. былъ на экзаменѣ въ Харьковской семинаріи, возникшей изъ харьковскаго коллегіума, познакомился лично съ Г. Ѳ. Квиткою, видѣлся со старымъ своимъ знакомымъ П. П. Артемовскимъ-Гулакомъ и услышалъ отъ него на вечерѣ у Иннокентія множество новыхъ малороссійскихъ анекдотовъ, которые онъ разсказывалъ мастерски. „Три дня, пишетъ Пог. Шевыреву, пробылъ я съ глазу на глазъ въ Х. съ Иннокентіемъ, бесѣдовалъ въ сладость о небѣ, землѣ и святой Руси“. Преосв. Иннокентій благословилъ П. крестомъ въ крестовой своей церкви“ [1]).

Въ 1846 г. Харьковъ вторично посѣтилъ М. П. Погодинъ и направился прямо къ пр. Иннокентію, который, по его словамъ, „служитъ безпрестанно, проповѣдуетъ, дѣйствуетъ“. Перечисливъ приготовленныя преосв. Иннокентіемъ къ печати сочиненія, Погодинъ замѣчаетъ: „дай Богъ ему здоровья, силъ, досуга, чтобы совершить всѣ сіи труды на славу русской церкви, на славу бѣдной русской наукѣ“. Въ бытность въ Харьковѣ П. присутствовалъ при служеніи молебна, какой бываетъ еженедѣльно по пятницамъ Покрову Пресв. Богородицы. Акаѳистъ читаетъ самъ преосвященный, производившій сильнѣйшее впечатлѣніе на паству, ибо служба была приспособлена къ житейскимъ человѣческимъ нуждамъ. Въ университетѣ П. прежде всего

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 7-я, стр. 4—5.

посѣтилъ лекціи слависта И. И. Срезневскаго и очень остался доволенъ его простымъ, яснымъ и поучительнымъ изложеніемъ своего предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. передалъ Срезневскому множество поклоновъ съ береговъ Дуная, гдѣ онъ оставилъ по себѣ пріятныя и живыя воспоминанія не только между учеными, но и простолюдинами. Особенный успѣхъ у студентовъ имѣлъ тогда проф. химіи Ходневъ, и любознательный П. побывалъ у него на лекціи, но попалъ на такую, предметъ которой былъ очень спеціаленъ, но все же замѣтилъ, что Х. говоритъ легко, свободно, ясно и пріятно. На вечерѣ у преосв. Иннокентія П. дополнилъ свое *давнее* знакомство съ харьковскими профессорами и при этомъ замѣтилъ: сколько людей почтенныхъ, даровитыхъ, знающихъ; но отчего же нѣтъ у насъ ученой жизни, нѣтъ ученой литературы! Право, это задача, которую было бы не грѣхъ задать Академіямъ. Здѣсь же встрѣтился П. съ знаменитымъ сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ, который возвращался въ Сербію изъ Москвы и Петербурга. Милутиновичъ сообщилъ П. о разговорѣ Гете съ Келлеромъ относительно сербскихъ путешественникахъ въ Калабрію. Съ преосв. П. ѣздилъ на его дачу во Всесвитское. „Она уже совершенно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ ее въ 1842 году. Тысячи деревъ, насаженныхъ собственными его (Иннокентія) руками, покрыли ея улицы. Дорожки растянуты на нѣсколько верстъ. Подъ горою выкопалъ прудъ, на которомъ оставлены три острова въ память трехъ основанныхъ или возобновленныхъ монастырей въ Харьковской епархіи. Въ горѣ выкопаны длинныя пещеры. Вездѣ мысль, вездѣ религія, вездѣ поэзія“ [1]).

Въ 1846 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ въ Одессу, посѣтилъ г. Харьковъ В. Г. Бѣлинскій. Немедленно по пріѣздѣ Б. отправился къ Кронебергамъ, которые приняли его съ большою радостію, даже Андрей Ивановичъ, замѣчаетъ Б., былъ видимо разогрѣтъ. „Былъ въ театрѣ, говоритъ Б., посидѣлъ 1/4 часа и поѣхалъ къ Кронебергамъ, гдѣ и пробылъ почти до 12 час. Весна въ Х. оказалась не лучше Петербургской. Изъ плодовъ нашелъ только земляніку, но и ее подавали только въ гостинницахъ. 13-го іюня пошелъ теплый дождь и стало тепло; 14-го былъ чудный теплый вечеръ—такъ и парило; появились мухи и комары. Это обрадовало Б., который страдалъ при своей болѣзни отъ холода; „я, говоритъ онъ, отъ радости тутъ же его и раздавилъ“. „Что за пыль въ Харьковѣ, ужасъ!“ прибавляетъ Б. Знакомые Кронеберга затѣяли пикникъ, на которомъ хотѣли видѣть и Бѣлинскаго. „Замѣтивъ, что тутъ будетъ много незнакомыхъ мнѣ рожъ, замѣчаетъ желчно Б., я отказался, хотя меня сильно и упрашивали. Пикникъ ихъ былъ скученъ и я поздравилъ себя, что не поѣхалъ на него. Изъ Харькова выѣхали мы, пишетъ Б., какъ водится, съ дождемъ и довольно холодною погодою. Во время спектакля шелъ сильный дождь, обратившій страшную пыль въ порядочную грязь“ [2]).

Въ Харьковѣ въ 1853 году проживалъ и И. С. Аксаковъ, работавшій тамъ надъ классическимъ своимъ трудомъ о ярмаркахъ [3]). Въ Харьковѣ въ 1854 г. И. С. Аксаковъ видѣлъ двухъ плѣнныхъ англичанъ, съ которыми тамъ очень няньчились [4]). И. С. Аксаковъ пишетъ отцу изъ Х., что тамъ *вновь* университета, никто русской литературой не занимается и не интересуется и никто почти кромѣ профессоровъ о книгахъ вашихъ не слыхалъ, равно ни о Моск. Сбор., ни о московскомъ направленіи. Уни-тъ же здѣсь въ обществѣ не принятъ и живетъ совсѣмъ отдѣльно [5]).

Краткія данныя о Харьковѣ сообщаетъ извѣстный путешественникъ по Россіи, баронъ Гакстгаузенъ: Харьковъ онъ называетъ новымъ городомъ и считаетъ его однимъ изъ красивѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ Южной Россіи; быть можетъ, прибавляетъ онъ, онъ современемъ отниметъ первенство у Одессы (чего однако не случилось). Въ городѣ 30000 жителей; онъ отстроенъ очень изящно и мнѣ говорили, что въ новой части города нѣтъ ни одного дома старше 30 лѣтъ; тѣмъ отвратительнѣе самыя улицы. Почва здѣсь черноземъ въ аршинъ глубиною, довольно долгое время стояла сухая погода и потому пыль на улицахъ такая, что съ одной стороны улицы нельзя было видѣть домовъ на другой ея сторонѣ. Но въ дождливое время положеніе жителей должно быть еще ужаснѣе. Почва совершенно размокаетъ, ноги лошадей, людей и колеса вязнутъ въ глубокой и густой грязи, такъ что невозможно пройти пѣшкомъ черезъ улицу. Въ самые легкіе экипажи впрягаютъ отъ 6 до 8 лошадей. Нѣмцы жаловались

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8-я, стр. 448—451.
[2]) Памяти Бѣлинскаго. М. 1899, стр. 124—134. (Письма Б. къ женѣ).
[3]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 12-я стр. 176.
[4]) Ib., кн. 13-я, стр. 51.
[5]) Ib., кн. 13-я, стр. 249—250.

путешественнику на умственную пустоту здѣшняго высшаго общества. Съ перваго взгляда можно принять это общество за образованное—внѣшній лоскъ, свобода обращенія, французскій языкъ, но подъ всѣмъ этимъ ясно сквозитъ грубое невѣжество и неразвитость мысли, такъ что карточная игра и танцы—лучшее препровожденіе времени въ этомъ обществѣ". Такой приговоръ Гакстгаузенъ считаетъ справедливымъ, но прибавляетъ: а развѣ лучше большая часть такъ называемыхъ цивилизованныхъ обществъ въ остальной Европѣ. Общество въ германскихъ провинціальныхъ городахъ довольно пусто и мелочно. Гакстгаузенъ посѣтилъ палату государственныхъ имуществъ и бесѣдовалъ съ ея управляющимъ Маевскимъ о кадастрѣ, побывалъ въ университетѣ и познакомился съ нѣсколькими «отличными» какъ онъ говоритъ, профессорами—Луниным, Срезневскимъ, Эйнбродтомъ, Струве; всѣ они, прибавляетъ онъ, получили образованіе въ германскихъ университетахъ. Жалованье профессоровъ онъ находитъ недостаточнымъ и удивляется, почему въ русскихъ университетахъ не введена система гонорара; отмѣчаетъ, что почти всѣ профессора держатъ пансіонеровъ; о студентахъ говоритъ, что они находятся подъ строгимъ надзоромъ, но среди нихъ распространены политическія идеи большею частью самаго разрушительнаго характера, несмотря на существованіе строгой цензуры для литературы и на то, что отъ своихъ профессоровъ они никогда не слышатъ даже малѣйшихъ намековъ на такія доктрины и воззрѣнія. Ихъ принесли въ Россію гувернеры и гувернантки и развили политическіе заговоры при Александрѣ I. Срезневскаго Гакстгаузенъ называетъ дѣльнымъ славистомъ и знатокомъ славянскихъ древностей; съ нимъ онъ бесѣдовалъ о древнихъ деревняхъ и старинныхъ судахъ. Побывалъ любознательный нѣмецкій путешественникъ у архіеп. Иннокентія, котораго называетъ однимъ изъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ русскихъ іерарховъ и знаменитѣйшимъ проповѣдникомъ. Онъ, по словамъ Гакстгаузена, основательно зналъ нѣмецкую теологію и былъ прежде въ литературныхъ сношеніяхъ съ Шлейермахеромъ и Неандеромъ. Сочиненія его любимы публикой. Проповѣди его привлекли въ православіе большое число раскольниковъ. Затѣмъ Гакстгаузенъ посѣтилъ гимназію, преподаваніе въ которой напомнило ему почему-то программу старыхъ іезуитскихъ школъ [1]).

Закончимъ выдержкою изъ воспоминаній В. Пашкова, которыя онъ писалъ въ 70-хъ годахъ, хотя они относятся къ 40-мъ годамъ. Вотъ какъ онъ рисовалъ будущее Харькова.

«Намъ остается сказать нѣсколько словъ о будущемъ Харькова. По своему географическому и центральному положенію, Харьковъ искони былъ и будетъ городомъ коммерческимъ, торговымъ. Это звено, связывающее нашъ сѣверъ съ югомъ, торговый посредникъ мануфактурной Москвы и другихъ городовъ съ Украйной, Новороссіей, Малороссіей, Донской областью, южными приморскими городами и Кавказомъ. Онъ издавна ведетъ разныя коммерческія сдѣлки и внутреннія и заграничныя, въ огромныхъ размѣрахъ. Да и самъ по себѣ Харьковъ является значительнымъ фабричнымъ и заводскимъ производителемъ. Поэтому купеческое сословіе составляетъ главную капитальную силу и основу Харькова. Хотя есть въ немъ еще другая могучая сила—сила образовательныхъ заведеній; но она уступаетъ коммерческой силѣ города. Купечество и вообще торговый классъ почти во всѣхъ городахъ—главные хозяева, а въ Харьковѣ по преимуществу. Много было богатыхъ и вліятельныхъ купеческихъ домовъ въ Харьковѣ сороковыхъ годовъ; но изъ этого множества уцѣлѣло теперь весьма небольшое число. Остальные измельчали или совсѣмъ исчезли въ массѣ другихъ новыхъ дѣятелей... Та же исторія повторилась и въ дворянскомъ сословіи... Зато теперь развелось много банковъ, акціонерныхъ обществъ, компаній; ну, словомъ, развелось много разныхъ ловушекъ...

Что теперь крайне необходимо для Харькова? Кромѣ водопроводовъ, которые уже окончены, необходимо *привесть рѣчки въ хорошее состояніе* и настойчиво слѣдить за обязательной посадкой густолиственныхъ деревьевъ по всему городу, ѣдѣ только позволитъ мѣстность. Не говоримъ о лучшихъ мостовыхъ, лучшемъ и повсемѣстномъ освѣщеніи, объ улучшеніи тротуаровъ, мостовъ, базарныхъ площадей и другихъ потребностяхъ всякаго благоустроеннаго города. Это второстепенныя улучшенія, которыя, надѣемся, придутъ сами собою, когда городская дума проникнется вполнѣ сознаніемъ своей обязанности содѣйствовать всѣми силами и средствами процвѣтанію и украшенію родного города. При такомъ условіи, Харькову предстоитъ, несомнѣнно, блестящая будущность».

---

[1]) Врем. внутр. отнош. нар. жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій въ Россіи. М. 1869 г., стр. 427—435.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИЯ